КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ЯНВАРЬ
1898 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Открыта подписка на 1898 г.

(СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА",

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ,

посвященный разработкѣ и возможно болѣе всестороннему возстановленію и выясненію мѣстной исторіи, характеристическихъ особенностей народнаго міровоззрѣнія и вѣками выработавшихся бытовыхъ отношеній въ южной Руси. Выполненію этихъ задачъ будутъ посвящены всѣ три главные отдѣла журнала: I) **оригинальныя статьи**; II) **документы, извѣстія и замѣтки**; III) **критика и библіографія**. Сверхъ того, редакція постарается расширить отдѣлъ библіографическихъ справокъ и отдѣлъ приложеній, въ который войдутъ: а) **рисунки**, исполненные фототипіей, и б) **научные матеріалы**, около 10 печатныхъ листовъ въ годъ.

Объемъ каждой книжки журнала не менѣе 12 листовъ.

Предполагая въ текущемъ 1898 году посвятить № 2 журнала памяти *Т. Г. Шевченка и П. А. Кулиша*, № 3 – памяти *Ѳ. Г. Лебединцева* (по поводу 10-лѣтія со дня его смерти), № 8—памяти *И. П. Котляревскаго* (по поводу столѣтія со времени появленія въ печати его «Энеиды»), № 9—памяти *Г. П. Галагана* (по поводу 10-лѣтія со дня его смерти), № 11 – памяти *М. А. Максимовича* (по поводу 25-лѣтія со дня его смерти), № 12—памяти *Е П. Гребенки* (по поводу 50-лѣтія со дня его смерти), — редакція обращается съ покорнѣйшей просьбой ко всѣмъ лицамъ, имѣющимъ какіе-нибудь матеріалы, касающіеся названныхъ лицъ, доставить ихъ ей для опубликованія и для обработки.

Въ 1898 году журналъ будетъ издаваться при участіи слѣдующихъ лицъ:

Проф. *В. Б. Антоновича*, проф. *П. Я. Армашевскаго*, *А. А. Андріевскаго*, проф. *Д. И. Багалѣя*, *А. Е. Броецкаго*, *Н. Ѳ. Бѣляшевскаго*, *Н. П. Василенка*, *В. И. Василенка*, *В. П. Горленка*, проф. *П. В. Голубовскаго*, проф. *С. Т. Голубева*, проф. *Н. П. Дашкевича*, *П. С. Ефименка*, *А. Я. Ефименко*, *П. И. Житецкаго*, *И. П. Житецкаго*, проф. *В. С. Иконникова*, *И. М. Каманина*, *Е. А. Кивлицкаго*, *Ѳ. А. Кудринскаго*, *О. И. Левицкаго*, *А. М. Лазаревскаго*, проф. *И. В. Лучицкаго*, *Л. С. Личкова*, *В. Г. Ляскоронскаго*, проф. *Ѳ. Г. Мищенка*, *Д. П. Мил-*

лера, Н. В. Молчановскаго, К. П. Михальчука, В. А. Мякотина, А. И. Малинки, Ѳ. Д. Николайчика, прот. *П. Орловскаго,* проф. *Н. И. Петрова, В. К. Пискорскаго, Б. С. Познанскаго, Л. В. Падалки, А. К. Полнѣцкаго, А. А. Русова,* проф. *Н. Ѳ. Сумцова,* проф. *Н. И. Стороженка, А. В. Стороженка, Н. В. Стороженка, А. I. Стевовича, М. П. Старицкаго, А. А. Титова, М. К. Чалаго, Я. Н. Шульгина, Н. В. Шугурова, В. И. Щербины, Х. П. Ящуржинскаго* и др.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ: **на годъ.**

Съ пересылкой и доставкой . .	**10** р.	—
Безъ доставки и пересылки . .	**8** —	**50** к.
За границу	**12** —	—

Разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей.

Въ редакціи продаются полные экземпляры «Кіевской Старины» за всѣ прежніе годы, кромѣ 1882 и 1886, по **8 руб.** годъ, а отдѣльныя книжки журнала по **1 руб.**

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: (Кузнечная ул., 14), въ книжной торговлѣ журнала „Кіевская Старина“ (Безаковская, 12), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

При редакціи имѣется *Книжная торговля* (Безаковская, 12), значительно расширенная сравнительно съ прошлымъ годомъ. Подробный каталогъ будетъ приложенъ къ № 2 или 3-му журнала.

Издатель *К. М. Гамалѣй.* Редакторъ *В. П. Науменко.*

Дозволено цензурою Кіевъ, 23 января 1898 г. Тип. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LX.

1898 г.

Кіевъ, типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мих. ул., д. № 4-й.
1898.

Дозволено цензурою Кіевъ, 27 января 1898 года.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПРОДЛЕНІИ КОНКУРСА,

НАЗНАЧЕННАГО РЕДАКЦІЕЙ «КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ».

Въ январѣ 1896 года редакціей нашего журнала былъ объявленъ конкурсъ для представленія ей въ теченіе двухъ лѣтъ (по 1-е января 1898 года) обработаннаго курса Исторіи Малороссіи, объемомъ приблизительно около 25 листовъ печати. Подробныя условія конкурса и программа „Очерковъ Исторіи Малороссіи" напечатаны были въ № 2-мъ журнала за 1896 годъ.

Ввиду того, что до 1-го января 1898 года въ редакцію не было представлено ни одного труда на означенный конкурсъ, считаемъ долгомъ заявить, что срокъ представленія сочиненій на тѣхъ-же условіяхъ продленъ теперь редакціей еще *на одинъ годъ*, т. е. *по 1-е января 1899 года.*

Западно-русская церковь при митр. Петрѣ Могилѣ.

(1633 — 1646 гг.).

Извѣстно, что польскіе патріоты, содѣйствуя введенію въ западно-русскихъ областяхъ уніи, ожидали отъ нея благопріятныхъ для своего отечества послѣдствій: они думали, что объединеніе южноруссовъ съ поляками въ религіозномъ отношеніи тѣснѣе скрѣпитъ между ними союзъ политическій и тѣмъ упрочитъ за Польшею ея территоріальныя пріобрѣтенія. Но на дѣлѣ вышло иначе. Унія, вмѣсто ожидаемаго отъ нея государственнаго благоустройства, неуклонно вела къ послѣдствіямъ совершенно противоположнымъ. Будучи дѣломъ далеко не всего южно-русскаго народонаселенія, она вносила новую рознь въ государственный организмъ Рѣчи Посполитой, раздѣливши значительную часть ея подданныхъ на два враждебныхъ лагеря и служа для нихъ источникомъ нескончаемыхъ пререканій, обоюдныхъ оскорбленій, возмущеній и т. п.; покровительствуемая правительствомъ, имѣвшимъ во главѣ короля-фанатика, и вводимая насиліемъ, выражавшимся въ разнообразныхъ ограниченіяхъ правъ и привилегій греко-восточной церкви, она давала православнымъ многочисленные поводы къ протестамъ противъ правительственныхъ мѣропріятій и наводила нѣкоторыхъ ревнителей православія на мысли о политическомъ союзѣ съ Польшею, далеко не соотвѣтствовавшія указаннымъ желаніямъ и ожиданіямъ польскихъ патріотовъ. Львовскіе православные мѣщане въ инструкціи, данной своему уполномоченному, отправляемому на Варшавскій сеймъ 1609 г., заявляли, что если ихъ положеніе, какъ людей угнетенныхъ „ярмомъ надъ египъскую неволю“, не будетъ королемъ облегчено, то имъ остается одно—просить „*волного листу о перестя до Волохъ*“. Правда, православные мѣщане отозвались объ этомъ намѣреніи, какъ о *шуткѣ* (жартѣ); но сами назвали ее *злою шуткою*. Дѣйствительно, для этой шутки унія, съ ея „опрессіями, обухами и тюрьмами“, представляла очень благопріятную почву—и послѣ пріѣзда іерусалимскаго патріарха Өео-

фана въ Кіевъ, когда польское правительство воздвигло гоненіе на возстановленную патріархомъ южно-русскую православную іерархію, нѣкоторые изъ видныхъ представителей послѣдней, *не шутя*, стали обращать свои взоры на сосѣднее, единовѣрное и единоплеменное Московское государство.

Такія неблагопріятныя для Польской короны послѣдствія отъ введенія уніи не могли ускользать отъ вниманія лучшихъ государственныхъ людей того времени и изъ среды поляковъ. Литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга въ письмѣ своемъ къ одному изъ наиболѣе фанатичныхъ представителей уніатской церкви, Іосафату Кунцевичу, порицая его жестокіе поступки съ православными, прямо называетъ унію „сварливою и безпокойною подругою, причиняющею многочисленные раздоры и поношенія, неугомонною союзницею, подъ благовидными предлогами приносящею для государства множество несчастій“.

Фанатизмъ Сигизмунда III, окруженнаго ультра-католическою партіею, не дозволялъ ему здравыми глазами смотрѣть на подобное, гибельное для Польши, положеніе дѣлъ, и онъ властною рукою хотѣлъ сокрушить протесты православныхъ, питая тщетную надежду, что въ концѣ концевъ унія восторжествуетъ и будетъ принята большинствомъ южно-русскаго народонаселенія. Его сынъ Владиславъ IV былъ и вѣротерпимѣе, и дальновиднѣе своего отца. Онъ хорошо сознавалъ, что пресловутая унія, до крайности обостривъ отношенія между многочисленными подданными Рѣчи Посполитой, грозитъ ей гибельными послѣдствіями. Поэтому, когда смерть Сигизмунда III вызвала во всѣхъ слояхъ южно-русскаго народа необычайное религіозное движеніе для защиты своей праотцевской вѣры,—движеніе, ясно показавшее, какъ много скопилось горечи и недовольства въ средѣ православныхъ отъ мѣропріятій предшествовавшаго царствованія и до какой степени истощено ихъ долготерпѣніе,—Владиславъ IV, въ то время еще только кандидатъ на польскій престолъ, рѣшительно отступаетъ отъ взглядовъ своего отца по вопросамъ, касающимся уніи, и принимаетъ православныхъ подъ свое покровительство. Лишенный возможности уничтожить язву, глубоко внѣдрившуюся въ организмъ Польши, благодаря близорукой политикѣ Сигизмунда III,—онъ старается, по возможности, облегчить ея болѣзненныя проявленія: стремится смягчить враждебныя отношенія между православными и латино-уніатами и умалить поводы къ нескончаемымъ пререканіямъ между ними. На конвокаціонномъ и избирательномъ сеймахъ онъ принимаетъ самое горячее участіе въ рѣшеніи спорныхъ вопросовъ между представителями православія и уніи, предсѣдательствуетъ въ коммисіяхъ по этому дѣлу и не мало пользуется личнымъ своимъ вліяніемъ съ цѣлью удовлетворенія справедливыхъ требованій со стороны пра-

вославныхъ. Проектированные означенными коммиссіями статьи—Puncta uspokoienia religiey Greckiey—возстановляя нарушенныя въ предшествовавшее царствованіе права православной церкви, имѣли въ виду установить такія отношенія между религіозно-разъединенными южно-руссами, которыя бы наименѣе вредно отражались на теченіи государственныхъ дѣлъ.

Сколько усилій употреблено было православными южно-руссами, а также и Владиславомъ IV, чтобы провести на избирательномъ сеймѣ означенный проектъ, имѣвшій въ виду успокоить греческую религію,—объ этомъ подробно говорено было нами въ одномъ изъ предшествующихъ трудовъ. Въ настоящемъ изслѣдованіи мы имѣемъ въ виду изобразить *борьбу православныхъ южно-руссовъ за правовое положеніе въ государствѣ православной церкви* со времени воцаренія Владислава до кончины кіевскаго митрополита Петра Могилы (1633—1646 г.), коснувшись при этомъ и тѣхъ попытокъ къ примиренію съ латино-уніатами, которыя проектировались на почвѣ религіозной, но въ основѣ своей преслѣдовали цѣли преимущественно практическія.

I.

Пренія на коронаціонномъ сеймѣ 1633 г. между православными и латино-уніатами по поводу статей успокоенія; участіе въ примиреніи враждующихъ сторонъ короля Владислава IV.—Дипломъ, выданный съ согласія сейма православнымъ и частныя грамоты, полученныя ими въ это время.—Расшатанность правовыхъ устоевъ въ Польскомъ государствѣ, какъ одна изъ причинъ затрудненій, встрѣченныхъ правительственными комисарами при передачѣ церквей православнымъ на основаніи распоряженій короля, и фактическія данныя, подтверждающія сказанное.—Обостренныя отношенія между латино-уніатами и православными.—Нападенія католиковъ на православныхъ въ Луцкѣ.-Распоряженіе отъ имени короля о закрытіи Кіевскихъ и Винницкихъ школъ П. Могилы.—Молитвенное пѣснопѣніе, составленное П. Могилою „объ умиреніи" православной церкви.

Когда составлены были на избирательномъ сеймѣ извѣстныя статьи успокоенія между православными и уніатами, новоизбранный король далъ, занесенную въ *Pacta conventa*, клятву исполнить ихъ безъ промедленія [1]), т. е., какъ разумѣлось, на сеймѣ коронаціи, гдѣ

---

[1]) A co się tycze — читаемъ въ Пактахъ конвентахъ—ludzi religiy Greckiey rozrożnionych, te uspokoić, według podanych na elekcyi teraźnieyszey, na affektacyą Rzeczy Pospolitey przez nas, przy deputatach ex utroque ordine, punktow, będziemy powinni *nieodwlocznie* (Prawa, konstytucye y przywileie krolestwa Polskiego y Wiel. Xiest. Litewskiego... Warszawa, 1735 r., str. 763).

должны были получить окончательную санкцію постановленія сейма избирательнаго. Но успѣхъ, достигнутый православными при избраніи короля, возбудилъ сильнѣйшее волненіе въ латино-уніатскомъ лагерѣ, и приверженцами папизма, поощряемыми къ тому римскимъ престоломъ [1]), употреблены были всевозможныя старанія и подготовленія, чтобы затормозить дѣло своихъ религіозныхъ противниковъ, не допустить предположеннаго утвержденія правъ ихъ церкви на предстоящемъ сеймѣ. Разумѣется, православные южно-руссы обо всемъ этомъ хорошо были освѣдомлены и съ своей стороны тоже дѣлали соотвѣтствующія приготовленія къ предстоящей борьбѣ [2]). Всѣ предвидѣли, что коронаціонный сеймъ будетъ бурный, и именно изъ-за споровъ по вопросамъ религіознымъ. Такъ на самомъ дѣлѣ и случилось.

Первое столкновеніе между латино-уніатами и православными (и вообще диссидентами) произошло передъ коронаціею короля. Послѣдніе настаивали на томъ, чтобы въ королевской присягѣ не было употреблено выраженіе: ‚salvis iuribus ecclesiae Romanae catholicae, находившееся въ присяжномъ коронаціонномъ актѣ Сигизмунда III, а принята была форма присяги, произнесенной при вступленіи на престолъ Генрихомъ IV (въ 1573 г.). Католическая партія воспротивилась этому, и посредствомъ разныхъ уловокъ означенныя слова, безъ общаго согласія на то сеймовыхъ депутатовъ, въ королевскую присягу были занесены [3]). И хотя православнымъ депутатамъ было заявлено, что означенное выраженіе не наноситъ ихъ вѣроисповѣданію ущерба, потому что ниже, въ той же присягѣ помѣщены слова: dissidentibus pacem in religione subscribo [4]), тѣмъ не менѣе они, сознавая, какое широкое, въ духѣ папизма, примѣненіе способны дѣлать латино-уніаты изъ невинныхъ, повидимому, выра-

---

[1]) Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae, ed. ab *Theiner*. Romae. 1863 an t. III, №№ CCCXXXIX, CCCXL.

[2]) Въ это время (кромѣ обычныхъ инструкцій посламъ, избираемымъ на сеймъ), Виленскимъ православнымъ братствомъ, обнаружившимъ въ 1632 г. особенную заботливость о возстановленіи правъ православной церкви (см. наше изслѣдованіе: Кіевскій митроп. Петръ Могила, т. I, глава VI) составлено было небольшое по объему *новое сочиненіе*, *отпечатанное* въ значительномъ количествѣ экземпляровъ и предназначенное для раздачи сеймовымъ депутатамъ. Это *неизвѣстное библіографамъ* сочиненіе носитъ слѣдующее заглавіе: „Rzym albo Stolica Rzymska ieśli co ma do praw Korony Polskiey y W. X. Litewskiego krotkie uważenie, roku 1633 stanom koronnym na seym koronaciey podane“ (Находится въ Москов. Типографской Синодальной Библіотекѣ).

[3]) Pamiętniki Albrechta Stanisława X. *Radziwiłła*, kanclerza W. Litewskego. Wydane z rękopismu przez Edwarda Raczyńskiego. Poznań, 1839 r. t. I, str. 138.

[4]) Кіев. митрополит. Петръ Могила т. I, *прилож.* стран. 510.

женій, занесли по сему поводу протестацію, на которую католики въ свою очередь отвѣтили репротестаціей [1]).

Но этотъ обмѣнъ протестаціями былъ только первымъ выстрѣломъ начинающейся между православными и латино-уніатами борьбы. Сильнѣйшее волненіе началось на сеймѣ, когда приступлено было къ чтенію *пактовъ конвентовъ* и рѣчь зашла объ успокоеніи православной религіи согласно съ заключающимися въ нихъ статьями. Противъ утвержденія сеймомъ этихъ статей со стороны приверженцевъ папизма высказаны были горячіе протесты. Католическіе и уніатскіе депутаты заявили, что Pacta conventa не составляютъ еще обязательнаго закона; что противъ составленныхъ на конвокаціонномъ сеймѣ статей успокоенія греческой религіи занесены были многія протестаціи; что этими статьями нарушаются привилегіи, данныя уніатамъ, и вообще онѣ затрогиваютъ интересы религіозные, относительно чего допускать какія-либо перемѣны ни сеймъ, ни король безъ соизволенія на то св. отца, т. е. папы, не могутъ, а такъ какъ король ходатайствуетъ объ означенномъ соизволеніи, то православные и должны отложить дѣло о своей религіи до полученія отвѣта изъ Рима; что выраженіе въ Пактахъ конвентахъ — *обѣщаюсь безъ промедленія* (*nie odwloсznie*) *успокоить людей греческой религіи* — не должно быть понимаемо въ смыслѣ обѣщанія исполнить это именно на сеймѣ коронаціи, ибо въ такомъ скоромъ времени не могло придти необходимое для того соизволеніе отъ Римскаго престола.

Со стороны православныхъ ревностными защитниками правъ своей церкви выступили: Адамъ Кисель, князь Четвертинскій и брацлавскій подсудокъ Михаилъ Кропивницкій. Они заявили, что Pacta conventa — lex publica, такъ какъ обязательства, данныя новоизбраннымъ королемъ подъ присягою, должны быть исполнены; что занесенныя противъ статей успокоенія протестаціи не имѣютъ существеннаго значенія (ибо для протестацій поле широкое: можно протестовать противъ всего); что обѣщаніе о возстановленіи правъ грековосточной религіи королемъ дано категорическое, безъ всякихъ оговорокъ и ссылокъ на авторитетъ папы, притомъ это прикрытіе авторитетомъ папы есть не что иное, какъ преднамѣренное желаніе лишить православныхъ ихъ законныхъ правъ, потому что отношеніе римскаго престола къ статьямъ успокоенія извѣстно — онъ уже опредѣленно высказался по этому вопросу, и ждать иного рѣшенія изъ Рима нѣтъ основаній: его заранѣе можно предвидѣть; притомъ же авторитетъ папы, имѣющій значеніе для латино-уніатовъ, для нихъ, православныхъ, не обязателенъ: они находятся подъ верховнымъ руко-

---

[1]) Ibid. прилож. № LXXXIV, стр. 525—526.

водствомъ своего пастыря, константинопольскаго патріарха, и въ дѣлахъ вѣры обязаны послушаніемъ ему; что, наконецъ, окончательное успокоеніе православной церкви обѣщано было именно на коронаціонномъ сеймѣ и откладывать его на предбудущее время, до слѣдующихъ сеймовъ, значитъ намѣренно волочить дѣло, чтобы впослѣдствіи окончательно затормозить его... Разумѣется, православные депутаты въ своихъ заявленіяхъ были совершенно правы: они стояли на почвѣ строго юридической (не говоримъ уже о сторонѣ нравственной). Это сознавали даже наиболѣе фанатичные католики, что, во время сеймовыхъ преній, наивно и высказано было литовскимъ ловчимъ: wolę ia—говорилъ онъ—troche na prawo nastąpić, a niz w piekle być [1]).

Преосвященный Макарій въ своей „Исторіи Русской Церкви", упомянувъ объ означенныхъ препирательствахъ сеймовыхъ депутатовъ, замѣчаетъ: „споры были жаркіе и продолжительные, но ни къ чему не привели: утвержденіе статей на сеймѣ не состоялось. Несмотря на то, король остался вѣренъ своему слову и немедленно приступилъ къ выполненію данныхъ обѣщаній" [2]). Такимъ образомъ, старанія православныхъ депутатовъ, столь энергично ратовавшихъ во время сейма за интересы своей церкви, представляются уважаемымъ историкомъ какъ бы безрезультатными, и полученныя православными на коронаціонномъ сеймѣ права и привилегіи (о которыхъ рѣчь ниже) являются какъ бы *личнымъ дѣломъ короля*.

Это не совсѣмъ вѣрно. Достаточно указать на то, что въ дипломѣ, обезпечивающемъ для православныхъ свободу вѣроисповѣданія и выданномъ королемъ при заключеніи коронаціоннаго сейма, прямо заявляется, что *означенный дипломъ есть сеймовое постановленіе, аппробованное авторитетомъ всего собранія.* Мы не хотимъ этимъ сказать, что король мало участвовалъ въ дѣлѣ успокоенія православныхъ; напротивъ—участіе его въ данномъ случаѣ было самое живое, дѣятельное и православнымъ сочувственное. Но королевская власть въ Польской Коронѣ, какъ извѣстно, была весьма ограничена, и безъ опоры въ тѣхъ или иныхъ сеймовыхъ постановленіяхъ (а тѣмъ паче вопреки имъ) король не могъ одѣлять извѣстную часть своихъ подданныхъ привилегіями по своему усмотрѣнію. Онъ могъ, до извѣстной степени, расширять или съуживать

---

[1]) Діаріушъ коронаціоннаго сейма (рукоп. Импер. Публ. Библіотеки, значущаяся по каталогу *Разнояз.* Q. IV. № 38); извлеченіе изъ него въ *прилож.* къ I т. сочиненія: Кіев. митрополитъ Петръ Могила, № LXXXIII, стр. 506—524.—Pamiętniki Radziwiłła I. 148—152. Supplementum ad Hist. Russ. Monumenta. № 68, p. 163 et seq.

[2]) Исторія Русской Церкви. XI. 449.

примѣненіе на практикѣ основныхъ законоположеній, но не могъ игнорировать ихъ. Такимъ образомъ для Владислава IV, какъ увидимъ, искренно желавшаго успокоить православныхъ, было весьма важно имѣть точку опоры для этого въ сеймовомъ постановленіи, къ чему, дѣйствительно, и направлены были его усилія, окончившіяся значительнымъ успѣхомъ.

Въ общихъ чертахъ ходъ дѣла, во время коронаціоннаго сейма, по вопросу объ успокоеніи православныхъ, по нашему мнѣнію, былъ слѣдующій.

Многодневныя препирательства сеймовыхъ депутатовъ относительно извѣстныхъ „статей успокоенія", при той стойкости, которую обнаружили обѣ враждующія стороны, мало давали надежды на благополучное окончаніе сейма: являлось опасеніе, что онъ тою или другою стороною будетъ, по тогдашнему выраженію, *сорванъ*. Это не могло не озабочивать „благоразумныхъ патріотовъ", которыхъ въ числѣ сеймовыхъ депутатовъ находилось не малое количество, а въ особенности самого короля, наиболѣе другихъ желавшаго благополучнаго окончанія сейма. Поэтому, въ виду безплодности сеймовыхъ препирательствъ относительно „статей успокоенія", изъ среды депутатовъ послышались голоса: предоставить спорное дѣло на рѣшеніе (na decyzią) самого короля. Послѣ преній сеймъ на этотъ компромиссъ согласился. Такимъ образомъ Владиславъ IV опять (подобно тому, какъ на конвокаціонномъ сеймѣ) оказался въ роли примирителя (посредника) между уніатами и православными [1]).

Уступка, сдѣланная въ данномъ случаѣ православными депутатами (мысль объ означенномъ компромиссѣ исходила отъ католиковъ), можетъ быть объясняема тѣмъ довѣріемъ къ королю, которое онъ успѣлъ внушить православнымъ своею расположенностью къ нимъ и искреннимъ (хотя бы то и изъ политическихъ разсчетовъ) желаніемъ удовлетворить ихъ требованія. Православные видѣли въ новомъ королѣ твердую опору для себя,—и въ этомъ не ошиблись.

Еще въ самомъ концѣ октября 1632 года, когда только что составлены были статьи примиренія православныхъ съ уніатами, папскій нунцій дѣлалъ энергичную попытку отклонить Владислава IV отъ утвержденія этихъ статей, но получилъ отъ послѣдняго сильный отпоръ. Новоизбранный король заявилъ, что унія въ литовско-русскихъ областяхъ съ самаго начала не имѣла достаточной силы, такъ какъ введена была здѣсь безъ согласія большинства, и что удовлетворить требованія православныхъ, какъ членовъ Рѣчи По-

---

[1]) Діаріушъ коронаціоннаго сейма.

сполитой, наравнѣ съ другими несущихъ государственныя повинности, есть дѣло неотложной необходимости. Король передъ нунціемъ выразилъ надежду, что св. отецъ обратитъ вниманіе на условія настоящаго времени и признаетъ сдѣланное постановленіе относительно успокоенія православныхъ цѣлесообразнымъ, если только не желаетъ видѣть руинъ королевства (Польши), а, можетъ быть, и христіанской (католической) религіи [1]. Ни авторитетъ гнѣзненскаго архіепископа, ни просьбы другихъ ревнителей католицизма, ни даже внушенія изъ Рима не могли поколебать рѣшимости короля, основанной на ясно и здраво понимаемомъ положеніи вещей [2]. Владиславъ IV помнилъ обязанности, возложенныя на него христіанскою (католическою) религіей, но не забывалъ и объ обязанностяхъ своихъ какъ государя, подъ властью котораго находились не одни католики. Печальныя послѣдствія ультра-католической политики предшествовавшаго царствованія были у него передъ глазами. Притомъ и въ личномъ характерѣ короля было не мало благородныхъ чертъ, предохранявшихъ его отъ того іезуитизма въ отношеніяхъ къ иновѣрцамъ, какого держался печальной памяти его отецъ. Когда, во время присяги (на избирательномъ сеймѣ) Владиславъ долженъ былъ произнести занесенныя въ нее выраженія относительно успокоенія „диссидентовъ", и въ это время литовскій канцлеръ Станиславъ Радзивиллъ шепнулъ королю на ухо: „nie miey W. K. M. tey intencyi" (т. е. думай про себя, что этого не исполнишь), онъ отвѣтилъ: „komu przysięgam usty, temu przysięgam y intencyą", (кому присягаю устами, тому присягаю и мыслью) [3].

---

[1]) *Theiner.* Vetera monum. Poloniae et Lithuaniae, t. III. № CCCXXXV, pag. 398—399.

[2]) Pamiętniki Radziwiłła. T. I. стр. 151. Перемышльскій епископъ Павелъ Пясецкій въ своей хроникѣ пишетъ, „quod archiepiscopus stantem iam ad altare regem (передъ коронаціею) initiaturus monuerat, *solam* catholicam Romanam fidem in Polonia scepta tenere; eaque regibus dare, et propterea reges ad altare catholicum sacro oleo perungi, ut memores accepti ibi muneris et honoris fidem catholicam defendere et propagare debeant: insuper obtestabatur, *quod ea, quae sub interregno et circa electionem regiam haereticis pro bono pacis concessa fuisset, vim legis perpetuae habere non possint.* (Chronica gest rum in Evropa singularium, a *Pavlo Piasecio*, episcopo Praemisliensi. Cracovia, 1648 an., pag. 147).

[3]) Объ этомъ заявилъ самъ Владиславъ IV депутаціи диссидентовъ, представлявшейся ему въ 1644 году. См. Dzieje narodu Polskiego za panowania Władisława IV. *Kaietana Kwiatkowskiego.* Warszawa, 1823 г. str. 422—424, гдѣ сдѣлано обширное извлеченіе изъ необнародованной реляціи пана Рея, состоявшаго въ означенной депутаціи.

Поэтому и на коронаціонномъ сеймѣ король прилагалъ всевозможныя старанія къ тому, чтобы удовлетворить требованія православныхъ, встрѣтившія, какъ мы видѣли, столь сильное сопротивленіе со стороны латино-уніатовъ. Свидѣтельство объ этомъ сомнѣнію не подлежитъ. Канцлеръ Великаго княжества Литовскаго Станиславъ Радзивиллъ, бывшій на сеймѣ и близко знакомый съ ходомъ дѣлъ на немъ, пишетъ въ своемъ дневникѣ, что король „явно покровительствовалъ схизматикамъ“, т. е. православнымъ. Послѣдніе часто приглашались Владиславомъ IV не только для обычныхъ аудіенцій, но и для *секретныхъ переговоровъ* (sekretnych namòw), что, по заявленію Радзивилла, сильно огорчало добрыхъ католиковъ [1]). На этихъ тайныхъ совѣщаніяхъ присутствовали не одни депутаты, но и другія вліятельныя лица изъ среды православныхъ, въ числѣ которыхъ одно изъ первыхъ мѣстъ безспорно принадлежало и нашему митрополиту, какъ избранному на первосвятительскій постъ въ южно-русской церкви. Въ панегирикѣ, поднесенномъ П. Могилѣ по пріѣздѣ его (послѣ посвященія на митрополію) въ Кіевъ, между прочимъ, говорится: „пресвѣтлѣйшему, вождѣлѣнному и *мира желающему* монарху царства Польскаго Владиславу и высокому его сенату ты (Петръ Могила)—на избирательномъ и *коронаціонномъ* сеймахъ—доказалъ яснѣе солнца права наши, по силѣ твердыя, какъ алмазъ, золотыя по своей драгоцѣнности. Доказавши неправду, которая тяготѣла надъ нами столько лѣтъ, ты уничтожилъ въ прахъ ее передъ помазанникомъ Божіимъ“ [2]). Это панегирическое воззваніе находитъ подтвержденіе и въ другихъ источникахъ [3]).

Совѣщанія короля съ православными начались еще ранѣе, чѣмъ онъ избранъ былъ сеймомъ посредникомъ между ними и уніатами. Безъ сомнѣнія, они продолжались и послѣ этого, до самаго окончанія сейма. Можно съ увѣренностью предполагать, что происходило на этихъ совѣщаніяхъ.

Положеніе короля въ роли посредника между враждующими сторонами было весьма затруднительное. Желаніе его удовлетворить требованія православныхъ во всемъ ихъ объемѣ было, безъ сомнѣнія, искреннее. Къ этому онъ побуждался и политическими сообра-

---

[1]) Pamiętniki, T. I. 148—149.

[2]) Mnemozyne sławy, prac y trudow Przeswiętnego w Bogu Imść oyca Piotra Mohiły... et caet; изд. въ Кіевѣ, 1633 г.

[3]) Самъ Петръ Могила неоднократно указывалъ на свои хлопоты передъ королемъ и сеймами о возстановленіи и упроченіи правъ православной церкви (*Собраніе древнихъ грамотъ городовъ минской губ.* Минскъ, 1848 г.; № 112, стр. 224.—Срав. мнѣніе объ этомъ латино-уніатовъ (Dzieje y prawa kościoła Polskiego. X. *Teodora Ostrowskiego.* Warszawa, 1793 г. Т. III. str 466).

женіями, и даннымъ имъ торжественнымъ (подъ присягою) обѣщаніемъ, и настойчивыми напоминаніями самихъ православныхъ. Но, несмотря на предоставленное сеймомъ право посредничества, право произнести свое рѣшающее слово по спорному вопросу, Владиславъ IV ясно предвидѣлъ, что при настоящемъ положеніи дѣлъ провести на сеймѣ статьи успокоенія въ полномъ ихъ видѣ *не было возможности.* Ожидались рѣшительные протесты; предвидѣлось „сорваніе" сейма. Въ виду этого король, желавшій—какъ мы сказали—мирнаго окончанія коронаціоннаго сейма, на совѣщаніяхъ убѣждалъ православныхъ не обострять своихъ отношеній къ латино-уніатамъ и, подчиняясь обстоятельствамъ времени, сдѣлать нѣкоторыя уступки противной партіи, при чемъ, разумѣется, съ своей стороны давалъ рѣшительныя обѣщанія начатое дѣло успокоенія православныхъ довести до конца въ самое непродолжительное время. Очевидно, подобныя совѣщанія, хотя, можетъ быть, и не секретныя, происходили у короля и съ представителями латино-уніатской церкви. Сдѣлать уступки предлагалось и имъ. Какъ можно думать, главнымъ предметомъ при этихъ совѣщаніяхъ съ тою и другою стороною былъ вопросъ *о церковныхъ бенефиціяхъ*, о томъ или другомъ распредѣленіи между православными и уніатами, по тогдашнему выраженію, „духовныхъ добръ", „духовныхъ хлѣбовъ". О такомъ характерѣ совѣщаній можно заключить изъ нижеслѣдующихъ данныхъ: 1) Канцлеръ Радзивиллъ въ своемъ дневникѣ пишетъ, что 8 марта король обратился къ нему съ просьбою *склонить луцкаго уніатскаго епископа Почаповскаго къ пріятельскому соглашенію съ Пузиною,* избраннымъ православными на луцкую епископію: убѣдить его уступить нѣкоторыя церковныя бенефиціи Пузинѣ [1]). 2) Нѣкоторыя изъ грамотъ, выданныхъ королемъ при заключеніи коронаціоннаго сейма о распредѣленіи церковныхъ имуществъ между православными и уніатами, могутъ быть объясняемы (какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ) не иначе, какъ предварительнымъ соглашеніемъ, достигнутымъ королемъ при упомянутыхъ совѣщаніяхъ съ представителями церквей православной и уніатской.

Безъ сомнѣнія, одновременно съ этими совѣщаніями съ представителями враждующихъ сторонъ Владиславъ IV велъ переговоры и съ наиболѣе вліятельными государственными чинами, сообщая имъ о результатахъ своего посредничества между православными и уніатами и выставляя на видъ неотложную (по политическимъ соображеніямъ) необходимость удовлетворить, по крайней мѣрѣ, наиболѣе существенныя требованія православныхъ депутатовъ. При

---

[1]) Pamiętniki. I. 148.

извѣстныхъ намъ воззрѣніяхъ „добрыхъ католиковъ" на религіозные вопросы и авторитетъ папы,—это тоже было дѣломъ весьма не легкимъ, и Владиславу IV, надо полагать, не разъ приходилось повторять произнесенныя имъ во время коронаціи слова о тяжести королевской короны въ Польшѣ [1]). Тѣмъ не менѣе старанія короля, какъ мы замѣтили, увѣнчались значительнымъ успѣхомъ. Сеймомъ былъ утвержденъ составленный отъ имени короля *дипломъ*, обезпечивающій свободу вѣроисповѣданія православныхъ и предоставлявшій имъ извѣстныя права и привилегіи, притомъ съ категорически выраженнымъ обѣщаніемъ расширить оныя, согласно со статьями успокоенія, на слѣдующемъ сеймѣ.

Приводимъ этотъ дипломъ въ полномъ его видѣ (за исключеніемъ обычнаго вступленія).

„Когда мы, на прошлой счастливой нашей елекціи, начиная наше благополучное царствованіе уврачеваніемъ ранъ Рѣчи Посполитой и примиреніемъ государственныхъ сословій, приняли на себя, по ихъ просьбѣ и согласію, заботу разсмотрѣть нарушеніе правъ народа русскаго и успокоить греческую религію и, вмѣстѣ съ депутатами той и другой стороны, къ намъ сеймомъ назначенными, совершили это надежными средствами (какъ о томъ достаточно свидѣтельствуютъ статьи, за подписомъ руки нашей внесенныя въ актовыя книги Варшавы и потомъ утвержденныя нашею присягою въ пактахъ конвентахъ), то оставалось только, чтобы на настоящемъ сеймѣ нашей счастливой коронаціи мы неотложно исполнили все, изложенное въ тѣхъ статьяхъ и въ цѣломъ и въ частяхъ. Но такъ какъ теперь мы всего этого выполнить не могли, а между тѣмъ земскіе послы отъ Короны и Великаго Княжества Литовскаго изъ многихъ воеводствъ и повѣтовъ, основываясь на данныхъ имъ братьями, неунитами, инструкціяхъ, не захотѣли приступить къ заключенію (ствержденію) сейма, доколѣ не будетъ имъ предоставлено все обѣщанное помянутыми статьями, то мы, со всею Рѣчью Посполитою, удостовѣряемъ настоящимъ нашимъ дипломомъ и обязуемся (примѣнительно къ тѣмъ же статьямъ, ствержденнымъ нашею присягою), что на будущемъ, дай Боже, самомъ первомъ сеймѣ мы тотчасъ, на другой же день по окончаніи сенаторскихъ рѣчей (wot), все, изложенное въ статьяхъ, прежде всего ствердимъ и въ точности означенныя статьи, ни въ чемъ имъ не противорѣча, будемъ приводить въ исполненіе. А теперь утверждаемъ для ненаходящихся въ уніи свободное отправленіе богослуженія по всѣмъ городамъ, мѣстечкамъ и монастырямъ въ Коронѣ и Вел. княжествѣ Литов-

---

[1]) Ibid. I, 139.

скомъ, также всѣ братства, школы, семинаріи, типографіи и госпитали, какими они владѣютъ, одобряемъ всѣ привилегіи, какія только они имѣютъ отъ нашихъ благочестивыхъ предмѣстниковъ и блаженной памяти наияснѣйшаго короля его милости, милостиваго пана отца нашего. Что же касается до велебнаго отца Петра Могилы, архимандрита печерскаго, избраннаго неунитами въ митрополита Кіевскаго, имѣющаго сакру отъ константинопольскаго патріарха, равно что касается до благороднаго Александра Пузины, избраннаго на владычество Луцкое, отца Іосифа Бобриковича, избраннаго на владычество Мстиславское, и того, кто будетъ избранъ мѣстными неунитами на владычество Перемышльское—то всѣмъ имъ мы позволяемъ безпрепятственно пользоваться юрисдикціею и исполнять свои обязанности въ средѣ всѣхъ ненаходящихся въ уніи, и обращаться къ этимъ владыкамъ предоставляется свобода каждому, не желающему оставаться въ уніи, безъ малѣйшаго препятствія со стороны уніатовъ. А такъ какъ о. архимандритъ печерскій не имѣетъ теперь на своей митрополіи никакой бенефиціи, то онъ долженъ владѣть до живота своего, кромѣ св. Софіи, и печерскою архимандріею съ Пустыннымъ Николаевскимъ монастыремъ. Перемышльскому же и мстиславскому владыкамъ, по силѣ статей, будетъ ежегодно выдаваемо нами жалованье по двѣ тысячи злотыхъ польскихъ. Что касается благороднаго Александра Пузины, номината на владычество Луцкое и Острожское, то онъ имѣетъ пребывать по особому нашему письменному акту. Наконецъ все, что только изъ варшавскихъ статей не приведено нами теперь въ исполненіе, мы непремѣнно исполнимъ, да поможетъ Богъ, на слѣдующемъ сеймѣ: въ этомъ мы удостовѣряемъ ихъ, неунитовъ, настоящимъ нашимъ дипломомъ, который есть сеймовое постановленіе, аппробованное авторитетомъ всего собранія, и для этого мы дали настоящій нашъ дипломъ за подписью нашею и депутатовъ, какъ отъ сената, такъ и отъ кола посольскаго, и за печатями коронною и вел. княжества Литовскаго [1]).

Очевидно, что несмотря на значительные урѣзки сравнительно со статьями успокоенія, дипломъ былъ благопріятенъ для православныхъ: ими достигнуто было самое главное и существенное—полная свобода вѣроисповѣданія и оффиціальное возстановленіе іерархіи, словомъ, упрочено было правовое положеніе въ государствѣ православной церкви съ присущими ей учрежденіями. Такъ смотрѣли

[1]) Supplem. ad Histor. Russ. Monumenta. № LXIX. Рус. переводъ у преосв. Макарія (Исторія Рус. Церкви. XI. 450—452), но не безъ значительныхъ отступленій отъ подлинника.

на дипломъ и сами православные, такъ смотрѣли на него и католики [1]). Въ виду послѣдняго королю не малыхъ усилій и волненій стоило даже самое стверждені̂е диплома извѣстными печатями, т. е. исполненіе простой уже формальности, хотя и чрезвычайно важной [2]).

Дипломъ для православныхъ, как одобренный сеймомъ (слѣдовательно, какъ lex publica), предоставилъ королю возможность издавать частныя, исключительно отъ своего имени, грамоты, испрашиваемыя у него разными православными лицами и учрежденіями. Такихъ грамотъ Владиславомъ IV выдано было, большею частью при заключеніи коронаціоннаго сейма, значительное количество. Такъ получили грамоты всѣ новоизбранные іерархи: *Петръ Могила* на

---

[1]) См. панегирики П. Могилѣ, изданные въ 1633 г. (*Мнетозуне...* и *Евфонія веселобрмячая*). Rozmowa albo relatia rozmowy dwóch Rusinow - schizmatika z unitem, przez Kaspara Thom. Skupińskiego. Warszawa, 1634 г. (въ полномъ видѣ напечатана нами въ Архивѣ Юго-Зап. Россіи, ч. I, т. VII, стр. 650—733).

[2]) А. С. Радзивиллъ въ своемъ дневникѣ пишетъ, что для скрѣпы печатью диплома, даннаго схизматикамъ (т. е. православнымъ), „не смѣли" просить канцлера короннаго, какъ особу духовную (въ то время коронымъ канцлеромъ былъ бискупъ Іаковъ Задзикъ): поэтому съ означенною просьбою обратились къ коронному подканцлеру (Ѳомѣ Замойскому) и къ нему, Радзивиллу, какъ канцлеру Вел. Княж. Литовскаго. До мозга костей проникнутый ультра-католическими воззрѣніями, Радзивиллъ обратился къ своему духовнику и къ другимъ римскимъ „капланамъ" за разъясненіями, можетъ ли онъ сдѣлать это безъ отягощенія своей совѣсти. Понятное дѣло, латинскіе капланы позаботились еще болѣе настроить сего „добраго католика" противъ православныхъ, и онъ заявилъ королю, что духовникъ не совѣтуетъ ему прикладывать печати къ помянутому диплому: *skrupuł w tem zadał*. Королю извѣстно было, что Радзивилловъ духовникъ умѣетъ и любитъ починять часы. Поэтому, вынувъ свои часы и показывая Радзивиллу, Владиславъ сказалъ: *„пусть твой духовникъ занимается починкою часовъ, а не вмѣшивается въ дѣла, которыя могутъ производить волненія въ Рѣчи Посполитой"*. Радзивиллъ упорствовалъ, заявляя, что во всемъ онъ готовъ подчиниться приказаніямъ своего государя, кромѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ дѣло касается совѣсти и святой католической религіи. Разгнѣванный король сказалъ, что и онъ будетъ имѣть *угрызенія совѣсти* (skrupuły), когда къ нему Радзивиллъ и другія, подобныя ему лица станутъ обращаться съ своими просьбами. Радзивиллъ, хотя и съ маскою смиренія на лицѣ, продолжалъ стоять на своемъ. Тогда еще болѣе разгнѣванный король воскликнулъ: *„какъ только освободится печать коронная или Вел. Княж. Литовскаго, отдамъ ее еретику!"* Такія слова произвели большое смущеніе среди католиковъ. — И послѣ этого не мало было хлопотъ и упрашиваній, чтобы Радзивиллъ скрѣпилъ дипломъ (нѣкоторые изъ высшаго католическаго духовенства брали грѣхъ на свою душу). Да и приложивъ, къ диплому печать, Радзивиллъ занесъ манифестацію, гдѣ заявлялъ, что сдѣлалъ это вопреки своей волѣ и желанію, *исключительно какъ министръ и чиновникъ*. (Pamiętniki I. 151—152).

митрополію кіевскую (12 марта)[1], *Іосифъ Бобриковичъ*—на епископію мстиславскую, оршанскую, могилевскую (14 марта)[2], *Александръ Пузина*—на епископію луцкую (18 марта)[3] и *Иванъ Романовичъ Попель*—на епископію перемышльскую (18 марта)[4].

Этими грамотами православнымъ іерархамъ, между прочимъ, предоставлялось полное право имѣть подъ своею властью и „послушенствомъ" весь народъ русскій не въ уніи съ костеломъ римскимъ будучій и „*быти не хотячій*", подобно тому какъ это предоставлено было уніатскимъ епископамъ относительно своей паствы и всѣхъ желающихъ находиться въ уніи; и также обезпечивалось свободное, *безъ малѣйшаго препятствія*, отправленіе архипастырскихъ обязанностей при посѣщеніи разныхъ городовъ и мѣстечекъ, имѣющихъ хотя бы часть православнаго населенія.

Даны были Владиславомъ IV въ означенное время грамоты и православнымъ братствамъ: *Виленскому Свято-Духовскому* (18 марта)[5], *Минскому Петропавловскому* (18 марта)[6], *Люблинскому Преображенскому* (15 марта)[7], *Львовскому Успенскому* (15 марта)[8], *Перемышльскому*[9], *Бѣль-*

---

[1]) Археографическій сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи сѣверо-зап. Руси. т II. № 36, стр. 48—49.

[2]) А. Ю. и З. Р. IV. № 5.

[3]) Архивъ юго-зап. Россіи. ч. I, т. VI. № CCLXIX, стр. 662—664.

[4]) Подлинникъ находится въ библіотекѣ греко-уніат. собора въ Перемышлѣ; занесенъ въ Inducta Relationum castr. Premisl; въ Львовскомъ Бернандинскомъ Архивѣ № кн. 352, стр. 1742.

[5]) Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ: Вильны, Ковна и проч. Вильно. 1843. ч. II. № 42, стр. 118—125.

[6]) Собраніе древнихъ грамотъ городовъ минской губ. № 123, стр. 255—258.

[7]) Кіев. Централ. Архивъ; № кн. 2834, л. 1406.

[8]) Архивъ Львов. Ставропиг. Института (копія полуистлѣвшая).

[9]) Архивъ уніат. Перемышльскаго собора. (Оригиналъ). Въ этой грамотѣ, между прочимъ, говорится: „Bractwo przy cerkwi Świętey Troycy Religiey Greckiey, pod posłuszeństwem Patriarchi Konstantinopolskiego będące, na grunte od wielebnego w Bogu oyca *Bazyla Kopystenskiego,* ihumena cerkwi pomienioney, darowanym, także na placu przykupionym od corki Chominei Mariny Warowi na wieczność, do iego gruntu przyległym, ktory iuż w ieden plac przywrocił, *na przedmieście* Przemyskim, rzeczonym Lwowskim"... и проч. Братству предоставляется имѣть „порядки", заведенные въ другихъ православныхъ братствахъ—луцкомъ, виленскомъ и проч., „y szkoły (позволяется) fundować y uczyć w nich bez contradictiy."—Спустя нѣсколько дней (23 марта) дана была королемъ особая грамота перемышльскимъ православнымъ мѣщанамъ и предмѣщанамъ (хранится въ томъ же архивѣ), уравнивающая ихъ въ правахъ съ католиками. Здѣсь, между прочимъ, говорится, что такъ какъ православные перемышляне „wolności y swobod, za niedopuszczaniem

скому [1]), *Могилевскому* [2]), новоучрежденному *Кременецкому* [3]) и, безъ сомнѣнія, другимъ, просившимъ о томъ короля. Въ этихъ грамотахъ подтверждались пріобрѣтенныя братствами въ прежнее время права, ограждались притязанія на нихъ латино-уніатовъ, признавалось дозволеннымъ существованіе при нихъ разныхъ учебныхъ и благотворительныхъ учрежденій, разрѣшалась, съ вѣдома короля, постройка новыхъ церквей,—вообще, признавалось за ними правовое положеніе въ государствѣ, о чемъ такъ много хлопотали православные въ предшествующее царствованіе. Труднѣе было королю удовлетворить просьбы православныхъ о передачѣ имъ нѣкоторыхъ церквей, захваченныхъ уніатами въ разныхъ городахъ и дотолѣ находившихся въ ихъ фактическомъ владѣніи. Относительно этого на конвокаціонномъ сеймѣ высказаны были предположенія весьма благопріятныя для православныхъ. Имъ обѣщано было возвращеніе отъ уніатовъ, по крайней мѣрѣ, по одной церкви болѣе чѣмъ въ 43 городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ довольно прочно укоренилась унія и гдѣ, слѣдовательно, въ предшествующее время православные наиболѣе были обижены своими религіозными противниками [4]). Но на коронаціонномъ сеймѣ исполненіе означеннаго обѣщанія, какъ затрогивавшаго имущественные религіозные интересы, возбуждало наибольшіе протесты, и вопросъ объ этомъ (объ отчужденіи отъ уніатовъ церквей съ пріуроченными къ нимъ бенефиціями) считался неподлежащимъ рѣшенію безъ предварительнаго сношенія съ папою. Вопросъ этотъ совершенно обойденъ былъ въ дипломѣ, выданномъ православнымъ. Тѣмъ не менѣе Владиславъ IV, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе усилен-

mieszczan religiey katholickiey, tak w obieraniu do urzędow, rad, rzemiosł, cechow y inszych przerogatiw, wszystkim iednostaynie służących, zażywać y z nich cieszyć się nie mogli... przeto my, zważywszy słuszną prozbę, a chcąc wszytkie prawa sacrosancte et intaminate zachować, ponieważ na tem szczęśliwym początku panowania naszego do uspokoienia pewnego te roznicy przypuszczeni są.. pomienionich mieszczan Przemyskich religiey Graeckiey, nie w unii będących, s przedmieszzancami, zarowno z ludźmi catholickimi do wszelakich urzędow y godności, swobod y wolności miastu temu służących, tym listem naszym przypuszczamy".. et caet.

[1]) Рукоп. сборн. Кіево-печ. Лавры по кат. № 20. А. З. Р. т. V. № 9.

[2]) Археогр. сборн докум. сѣверо-зап. Руси. II. №—34.

[3]) Луцк. гродск. книга, хранящ. въ *Кіев. Центр. Архивѣ*, подъ № 2167, л. 909, и рукоп. сбор. Кіев. Дух. Академіи (изъ коллекціи преосв. Макарія) № 209, стр. 9-10. Послѣдній сборникъ, очевидно, находился нѣкоторое время во владѣніи уніатовъ: всюду въ грамотѣ уничтожено *не* предъ словомъ *унія*, вслѣдствіе чего мѣста, гдѣ говорится, что грамота дана *не въ уніи будучимъ* читаются: *въ уніи будучимъ*. Въ грамотѣ, между прочимъ, говорится, что король даетъ ее wygadzaiąc intentiey ich według punctow uspokoienia religiey Greckiey.

[4]) Архивъ Юго-зап. Рос. ч. I, т. VI. № CCLXVI, стр. 656—658.

ныхъ просьбъ православныхъ и даннаго имъ во время упомянутыхъ переговоровъ съ ними обѣщанія, издалъ грамоты, коими предоставлялось православнымъ по одной и по двѣ церкви въ нѣкоторыхъ городахъ, находившіяся передъ тѣмъ во владѣніяхъ уніатовъ. Можно думать, что сдѣлано было это королемъ не безъ согласія на то „государственныхъ чиновъ". По крайней мѣрѣ, въ означенныхъ грамотахъ говорилось, что на прошлой коронаціи, при умиротвореніи людей греческой религіи неунитовъ съ уніатами, *съ согласія на то всѣхъ чиновъ (stanow) коронныхъ и Вел. княжества Литовскаго,* прежде окончательнаго, предположеннаго на будущемъ сеймѣ успокоенія православныхъ (т. е. согласно со статьями успокоенія), королемъ назначено теперь же имъ передать нѣкоторыя церкви въ своихъ владѣніяхъ (dobrach). Извѣстны подобныя распоряженія короля о передачѣ православныхъ церквей въ городахъ: Вильнѣ (двѣ церкви), Минскѣ, Пинскѣ, Могилевѣ, Брестѣ, Кобринѣ, Гроднѣ, Слонимѣ, Новогрудкѣ, Бѣльскѣ, Красноставѣ и Клещеляхъ [1]), кромѣ церквей, предоставленныхъ православнымъ по диплому и грамотамъ нѣкоторымъ іерархамъ (Петру Могилѣ и А. Пузинѣ). Передача церквей православнымъ возложена была на коммиссаровъ, назначенныхъ для сего королемъ.

Такимъ образомъ, если на коронаціонномъ сеймѣ православнымъ не удалось провести „статьи успокоенія" въ полномъ ихъ объемѣ, то, при добромъ содѣйствіи короля, главнѣйшія и существенныя ихъ желанія были удовлетворены.

Но въ Польской Коронѣ, при расшатанности правового порядка и авторитета верховной власти, иногда легче было исхлопотать то или иное постановленіе, исходящее отъ королевскаго имени и даже сейма, нежели воспользоваться имъ фактически. Это въ особенности должно сказать о постановленіяхъ, касавшихся спорныхъ вопросовъ по дѣламъ имущественнымъ, когда юридически оформленныя права нерѣдко приходилось получать или отстаивать вооруженною силою. Подобныхъ примѣровъ исторія Рѣчи Посполитой представляетъ безчисленное множество [2]).

---

[1]) Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Вильны... и проч. ч. II, №№ 92—94. Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ минской губ. №№ 94—95. Археогр. сборн. документовъ сѣверо-зап. Руси. т. II, №№ 101—103. Ibid. Записки игумена Ореста, стр. X. Ibid. т. VI № 82. Древніе акты холмс. епархіи, книги т. I (въ холмскомъ церковно-археолог. музеѣ).

[2]) Характерно выразился о расшатанности юридическихъ устоевъ въ Рѣчи Посполитой Николай Лигенза на сеймѣ 1635 года. „*U nas*—заявилъ онъ—*prawem*

Съ такимъ анормальнымъ явленіемъ въ Польской Коронѣ приходилось имѣть дѣло и православнымъ.

Что касается пріобрѣтенныхъ православными на сеймахъ правъ, не затрогивавшихъ имущественныхъ интересовъ уніатовъ (свобода вѣроисповѣданія, оффиціальное возстановленіе іерархіи, правовое положеніе въ государствѣ и т. п.), то съ ними volens-nolens латиноуніаты, по крайней мѣрѣ большинство ихъ, должны были, какъ съ фактомъ совершившимся, мириться; но заранѣе можно было предвидѣть, что большія затрудненія встрѣтятъ православные, когда будутъ приводиться въ исполненіе распоряженія короля, касающіяся отобранія отъ уніатовъ предназначенныхъ къ тому церквей, и что дѣло въ данномъ случаѣ не обойдется безъ сопротивленія и открытыхъ столкновеній; можно было заранѣе предвидѣть, что въ большинствѣ случаевъ тотъ или иной исходъ по вопросу объ отобраніи церквей будетъ зависѣть отъ перевѣса въ извѣстной мѣстности матеріальной силы на той или другой сторонѣ. Такъ (за малыми исключеніями, обусловливаемыми особыми обстоятельствами) и было на самомъ дѣлѣ.

Петру Могилѣ предоставлена была кіевская митрополія, „при церкви святой Софіи лежачая". Кіево-Софійскій соборъ находился до того времени во власти уніатскаго митрополита Вельямина-Рутскаго, не жившаго въ Кіевѣ, но имѣвшаго здѣсь своего намѣстника Станислава Корсака.

Петръ Могила, послѣ своего посвященія на митрополію, возвращаясь въ Кіевъ, съ дороги разослалъ вліятельнымъ православнымъ лицамъ письма, въ которыхъ усиленно просилъ ихъ прибыть въ означенный городъ *для сопровожденія его при занятіи митрополіи* и присутствованія при торжествѣ ея освященія,—чѣмъ, по словамъ Могилы, и ему доставлена будетъ „выгода", и „тому святобливому акту" придана соотвѣтствующая случаю обстановка. Очевидно, Петръ Могила опасался сопротивленій при отобраніи митрополіи со стороны латино-уніатской партіи, какое опасеніе могло увеличиваться предположеніемъ, что не всѣ кіевляне (разумѣемъ сторонниковъ Исаіи Копинскаго) сочувствуютъ его избранію на первосвятительскую каѳедру. Опасенія эти были преувеличены. Хотя отобраніе кіевской митрополіи отъ уніатовъ совершилось путемъ и немирнымъ, но состоялось еще до пріѣзда Петра Могилы въ Кіевъ, и онъ съ торжествомъ могъ вступить во св. Со-

---

dochodzić, iakoby w wodzie głubokey zguby szukać (Votum na seym wolny Warszawski, pro ultima die ianuarii w roku 1635 przychodzący, jasnie wielmożnego Mikołaia Spytka Ligezy, z Bobriku na Brzezowie, kasztelana Sendomirskiego, Bielskiego et caet starosty. W. Krakowie, 1635 г.).

фію безъ всякихъ сопротивленій [1]). Возбужденные противъ П. Могилы процессы отъ имени уніатскаго митрополита и его клевретовъ, по поводу „насильственнаго“ отобранія отъ нихъ Кіево-Софійскаго собора съ приписанными къ нему церквами и угодьями, не были опасны для нашего митрополита [2]). Унія не имѣла прочныхъ корней въ Кіевѣ и едва влачила здѣсь свое существованіе. И нравственный, и матеріальный перевѣсъ въ этомъ городѣ всецѣло былъ на сторонѣ православныхъ. Притомъ означенные процессы не имѣли прочной юридической подкладки. Кіево-Софійскій соборъ переданъ былъ Петру Могилѣ не только грамотою короля, но и дипломомъ, одобреннымъ всѣмъ сеймомъ. Правда, кромѣ св. Софіи отобраны были у уніатовъ еще три кіевскія нагорныя церкви, не упомянутыя ни въ означенномъ дипломѣ, ни въ королевской грамотѣ Могилѣ на митрополію, именно: св. Николая Десятиннаго, св. Симеона и св. Василія,—но всѣ эти церкви принадлежали къ митрополіи кіевской (находились подъ патронатствомъ митрополитовъ) и съ переходомъ послѣдней къ православнымъ, естественно, должны были перейти къ нимъ. Затѣмъ, хотя упомянутыми документами не представлялось П. Могилѣ „добръ“, пріуроченныхъ къ кіевской митрополіи, и они должны были оставаться во владѣніи уніатскаго митрополита (взамѣнъ чего за Могилою оставалась архимандрія Кіево-Печерская и отдавались доходы Никольскаго монастыря), а между тѣмъ при занятіи митрополіи отобраны были и Софійскіе пляцы въ Кіевѣ съ находившимися на нихъ крестьянами,—но эти пляцы и не входили въ число упомянутыхъ дóбръ. Это ясно видно изъ статей успокоенія, гдѣ говорится, что *вотчины митрополіи* должны оставаться за уніатскими митрополитами, самая же св. Софія Кіевская *съ крестьянами, живущими на пляцахъ вокругъ нея, отдается во владѣніе православнаго митрополита*. Поэтому, хотя жалобы уніатовъ на П. Могилу и были сильно поддерживаемы ихъ покровителемъ, кіевскимъ воеводою, но, по указаннымъ выше обстоятельствамъ, практическаго значенія не имѣли.

Новоизбранному луцкому православному епископу Аѳанасію Пузинѣ королемъ предоставлены были особымъ актомъ, глухо упомянутымъ въ дипломѣ, Жидичинскій монастырь, села Теренки и Теремное, а для резиденціи церковь Пресв. Богородицы въ предмѣстьѣ г. Луцка. Всѣ эти „духовныя бенефиціи и добра“ находились до того времени во владѣніи уніатовъ. Въ Жидичинскомъ монастырѣ настоятельствовалъ Оранскій, а луцкая церковь и упо-

[1]) Кіевск. митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники т. I, стр. 550—551.

[2]) Ibid. *Прилож.* №№ XC—XCI, стр. 540—548.

мянутыя помѣстья принадлежали луцкой уніатской епископіи. Передача Пузинѣ этихъ бенефицій совершилась мирно, и никакихъ протестовъ со стороны представителей уніатской церкви не послѣдовало. Это случилось потому, что заботы короля во время коронаціи—склонить луцкаго уніатскаго епископа Почаповскаго къ мирному соглашенію съ Пузиною и уступить послѣднему нѣкоторыя бенефиціи уніатской епископіи—увѣнчались успѣхомъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ король въ грамотѣ, данной А. Пузинѣ. Здѣсь говорится, что добра Теренки „съ принадлежностями" и Теремное, а также Пречистенская церковь на предмѣстьѣ въ Луцкѣ переданы Пузинѣ „za pozwoleniem y ustąpieniem xiędza Poczapowskiego [1]). Не безъ согласія Оранскаго переданъ былъ Пузинѣ и Жидичинскій монастырь. Разумѣется, сказанное сомнѣнію не подлежитъ. Но представляется весьма странною и потому требующею разъясненія такая уступчивость со стороны Почаповскаго и Оранскаго, не менѣе другихъ уніатскихъ духовныхъ лицъ, дорожившихъ своими церковными бенефиціями. *Чѣмъ* была вызвана подобная уступчивость?—По нашему мнѣнію, уступчивость эта есть результатъ небезвыгоднаго для означенныхъ лицъ добровольнаго соглашенія съ православными, учиненнаго при посредствѣ Владислава IV. Мы думаемъ, дѣло происходило такимъ образомъ. Вслѣдствіе возстановленія правъ православной церкви въ томъ объемѣ, какъ оно проектировалось статьями успокоенія, положеніе, въ какое былъ поставляемъ Почаповскій, было для него весьма нежелательнымъ. Въ означенныхъ статьяхъ говорилось: „Луцкое епископство, съ каѳедрою и со всѣми имѣніями, *должно быть передано теперешнимъ луцкимъ владыкою Пачаповскимъ владыкѣ неуниту*, избранному обывателями волынскими, неунитами, и *передано тотчасъ*, какъ только послѣдній получитъ привилегію отъ короля на коронаціонномъ сеймѣ. Послѣ того Почаповскій, сохраняя титулъ епископа луцкаго, переселится въ Жидичинскій монастырь и будетъ владѣть имъ до своего перемѣщенія или смерти; преемникъ же его уніатскій епископъ уже не будетъ называться луцкимъ". Правда, на коронаціонномъ сеймѣ статьи успокоенія не были утверждены въ полномъ ихъ видѣ, и въ томъ числѣ осталось безъ исполненія и предположеніе о перемѣщеніи въ Жидичинскій монастырь Почаповскаго. Но послѣдній, ознакомленный съ воззрѣніями короля и вообще съ положеніемъ дѣлъ, не могъ не сознавать, что это только вопросъ времени и притомъ недалекаго. Поэтому, когда Владиславъ IV предложилъ ему пойти на добровольныя уступки

---

[1]) Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. I, т. VI, № CCLXVIII.

новоизбранному православными луцкому епископу, Почаповскій воспользовался этимъ и въ свою очередь заявилъ извѣстныя требованія отъ своего имени. Словомъ, онъ пожелалъ войти съ Владиславомъ IV и православными въ сдѣлку. Имѣемъ основаніе думать, что сдѣлка эта состояла въ слѣдующемъ: Почаповскій соглашался поступиться нѣкоторыми принадлежавшими ему бенефиціями Пузинѣ, но съ условіемъ, чтобы остальныя „добра" луцкой уніатской епископіи оставались за нимъ и онъ до своей смерти оставался епископомъ statu quo,—словомъ, требовалъ новой редакціи статей успокоенія *по отношенію къ себѣ.* Повторяемъ, что такая сдѣлка для Почаповскаго была небезвыгодна. Но могли считать ее таковою и православные, и въ частности Пузина. Во 1-хъ, они получали довольно богатую Жидичинскую обитель и часть имѣній, принадлежавшихъ уніатамъ, и притомъ, что особенно важно, получали путемъ мирнымъ; во 2-хъ, преклонныя лѣта Почаповскаго давали основаніе думать, что переходъ остальныхъ бенефицій луцкой епископіи въ ихъ владѣніе есть вопросъ недалекаго будущаго (въ чемъ и не ошиблись). Въ подобное же соглашеніе православные, при посредничествѣ Владислава IV, вошли и съ Оранскимъ, которому королемъ обѣщано было соотвѣтствующее занимаемому имъ дотолѣ положенію мѣсто,—каковое обѣщаніе королемъ тогда же на сеймѣ и было исполнено [1]. Надо полагать, что всѣ указанныя нами сдѣлки между заинтересованными лицами были оформлены посредствомъ соотвѣтствующихъ актовъ... Наше предположеніе, что изложенное дѣло происходило такимъ именно образомъ находитъ для себя подкрѣпленіе въ королевской привилегіи, которою на сеймѣ 1635 года подтверждены были статьи успокоенія. Въ этой привилегіи королемъ сдѣланы были нѣкоторыя отступленія отъ означенныхъ статей, и существеннѣйшія изъ нихъ касаются луцкой епископіи: именно, она со всѣми принадлежащами ей бенефиціями (кромѣ упомянутыхъ, уступленныхъ А. Пузинѣ въ 1633 году) оста-

---

[1]) „Подъ часъ вспокоення порозненного народу русского, за счасливое елекціи (и) коронаціи Его Королевской милости, *взглядомъ затриманое архимандрии Жидичинское конферованый есть монастырь Святаго Спаса въ Володимеру его милости отцу Пахомему Войне Оранскому и поданый есть правне* (изъ протестаціи отъ имени Оранскаго противъ владимірскаго уніатскаго епископа, вслѣдствія „заѣхавшаго" означенный монастырь и „отнявшаго" его у Оранскаго вопреки королевскому привилею. См. *гродскую Володимірскую книгу за 1631 г.*, хранящуюся въ Кіевс. Центральномъ Арх. подъ № 1001, л. л. 1091—1092.—„Наѣздъ" на монастырь въ количествѣ 50 вооруженныхъ людей и отнятіе его *случилось 1633 года, ноября 19-го.* (Той же книги см. л. л. 34, 35 и 36).

валась за Почаповскимъ пожизненно и только по смерти его имѣла быть передана православнымъ (въ статьяхъ успокоенія—какъ мы видѣли—сказано, что она послѣднему должна быть передана немедленно). При этомъ король, допустивъ столь существенное отступленіе отъ прежняго, ствержденнаго его присягою постановленія, не дѣлаетъ относительно сего *никакихъ объясненій* (каковыя объясненія были бы необходимы, если предположить, что измѣненіе относительно луцкой епископіи вызывалось особыми, неизвѣстными православнымъ обстоятельствами); мало того, король находитъ возможнымъ заявлять, что *онъ пребываетъ вѣрнымъ статьямъ успокоенія.* И сами православные, ревностно защищавшіе постановленія относительно своей церкви, состоявшіяся на конвокаціонномъ сеймѣ, не заявили протестовъ по поводу означеннаго королевскаго распоряженія. Все это, безъ предварительныхъ предполагаемыхъ нами соглашеній между заинтересованными въ дѣлѣ сторонами, было бы явленіемъ въ высшей степени страннымъ и положительно необъяснимымъ.

Для приведенія въ исполненіе королевскаго распоряженія объ отобраніи отъ уніатовъ извѣстнаго количества церквей въ другихъ городахъ и передачѣ ихъ православному населенію назначены были особые коммиссары, снабженные соотвѣтствующими полномочіями. Православные, и во главѣ ихъ нашъ митрополитъ, прилагали всѣ возможныя старанія къ тому, чтобы дѣло это увѣнчалось желаемымъ для нихъ успѣхомъ.

Заботливость Петра Могилы въ данномъ случаѣ выразилась въ слѣдующемъ:

1) Онъ разсылалъ грамоты православнымъ, въ коихъ, восхваляя ихъ стойкость въ праотцевской вѣрѣ и ободряя ихъ на дальнѣйшіе подвиги при борьбѣ съ противниками, *позволялъ и благословлялъ* отправлять богослуженіе въ тѣхъ церквахъ, которыя, по распоряженію короля, будутъ отобраны отъ „апостатовъ" и возвращены имъ—православнымъ [1]). Этими грамотами имѣлось въ виду устранить могущее возникнуть въ средѣ православныхъ сомнѣніе,—возможно ли пользоваться церквами, „оскверненными" въ предшествующее время уніатами.

2) Уполномочилъ назначенныхъ королемъ коммиссаровъ для передачи православнымъ церквей—князя Григорія Четвертинскаго и пана Семена Гулевича — занести въ гродскія луцкія книги списокъ тѣхъ городовъ и мѣстечекъ, въ коихъ согласно постановле-

---

¹) Рукоп. сборн., хранящійся въ Москов. Синод. типограф. Библ. № 1097—442; л. 19.

нію, состоявшемуся во время избирательнаго сейма, должно быть предоставлено православнымъ извѣстное количество церквей [1]). Занесеніе въ судебныя книги означеннаго списка, *не утвержденнаго на коронаціонномъ сеймѣ*, имѣло цѣлью показать, что православные отнюдь не желаютъ отказываться отъ своихъ правъ на предназначенныя имъ церкви, и что предстоящая передача, согласно распоряженію короля, нѣкоторыхъ, сравнительно со спискомъ, немногихъ церквей, составляетъ только частичное удовлетвореніе данныхъ имъ (православнымъ) на конвокаціонномъ сеймѣ по сему предмету обѣщаній.

3) Назначалъ изъ среды духовенства наиболѣе способныхъ лицъ, въ качествѣ своихъ представителей, присутствовать при передачѣ православныхъ церквей и вообще содѣйствовать успѣху въ этомъ дѣлѣ, давалъ имъ соотвѣтствующія инструкціи и полномочія [2]), одобрялъ и поощрялъ православныхъ къ ревностной защитѣ пріобрѣтенныхъ ими правъ [3]), посылалъ вліятельнымъ людямъ и изъ противнаго лагеря письма, гдѣ, выставляя на видъ, сколько вреда принесли раздоры изъ-за религіозныхъ вопросовъ въ средѣ одного и того же народа, одной и той же братіи, просилъ ихъ содѣйствовать, согласно волѣ короля, успокоенію православныхъ и не дѣлать имъ затрудненій при предстоящей передачѣ церквей [4]),—словомъ, какъ верховный представитель западно-русской церкви, принималъ самое живое и дѣятельное участіе по означенному дѣлу въ интересахъ православія.

Къ сожалѣнію, эти заботы П. Могилы и вообще всѣхъ православныхъ далеко не всегда сопровождались желаемымъ успѣхомъ. Сколько извѣстно, только въ Могилевѣ всѣ предназначенныя православныя церкви были безпрепятственно переданы имъ, не возбуждая протестовъ противной стороны [5]). Послѣднее, безъ сомнѣнія, зависѣло отъ того, что унія въ Могилевѣ не имѣла прочной опоры, и упомянутыя церкви не находились въ фактическомъ владѣніи уніатовъ (онѣ были запечатаны). Но въ другихъ городахъ, гдѣ уніаты чувствовали подъ собою болѣе прочную почву, грамоты короля объ отобраніи у нихъ церквей вызвали въ средѣ ихъ сильное волненіе, и мы видимъ, что нѣкоторые коммиссары, въ виду протестовъ со-

---

[1]) Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. I, т. VI. № CCLXVI.

[2]) Рукоп. сборн., *въ библ.* Кіево-печ. лавры, № *20, л. 30.*

[3]) Idid. л. 10.

[4]) Ibid. л. 27.

[5]) Археогр. сборникъ докум. Сѣверс-Зап. Руси. т. II Записки игумена Ореста, стр. X).

стороны униатовъ, не рѣшаются приводить въ исполненіе королевскаго распоряженія (во избѣжаніе—какъ иногда заявляли—кровопролитія), и церкви по прежнему остаются во владѣніи уніатскаго духовенства или же отбираются православными иными способами, уже послѣ отъѣзда слабосильныхъ (а иногда своей обязанности и не сочувствовавшихъ) исполнителей королевской воли; а въ иныхъ случаяхъ, когда коммиссарами являются люди энергичные и притомъ отличавшіеся ревностью къ православію, хотя предназначенныя королемъ церкви и передаются православнымъ, но вскорѣ послѣ отъѣзда коммиссаровъ вновь захватываются уніатами.

Отмѣтимъ факты, подтверждающіе сказанное.

Въ Вильнѣ грамотою короля предназначены были къ передачѣ православнымъ двѣ церкви: св. Параскевы (Пятницкая) и св. Іоанна Предтечи, или, точнѣе, пляцы этихъ церквей „съ принадлежностями“, такъ какъ самыя церкви представляли въ то время развалины. Но когда королевскій коммиссаръ (Константинъ Евстафій Залѣсскій), побуждаемый къ тому Виленскимъ Свято-Духовскимъ братствомъ, выѣхалъ на означенные пляцы для передачи ихъ православнымъ, то встрѣтилъ на пляцѣ Предтеченскомъ о. Николая Рубинскаго, уніатскаго пресвитера церкви св. Пречистой, а на Пятницкомъ—о. Сильвестра Котлубая, которые отъ своего имени и отъ имени митрополита (уніатскаго) воспротивились означенной передачѣ и въ этомъ смыслѣ вручили коммиссару письменное заявленіе. Послѣдній не пожелалъ воспользоваться предоставленною ему властью и (nie czyniąc żadney decyzii) ограничился тѣмъ, что о происшедшемъ донесъ королю; къ нему же обратиться за рѣшеніемъ дѣла предоставилъ и обѣимъ сторонамъ, назначивъ для сего опредѣленное время [1]).

Въ Минскѣ подлежала передачѣ православнымъ Свято-Троицкая церковь. Назначенный для сего королевскою грамотою коммиссаръ—земскій писарь воеводства минскаго Христофоръ Володкевичъ—отнесся къ своей обязанности съ бо̀льшимъ вниманіемъ, нежели упомянутый Залѣсскій, но встрѣтилъ энергичное сопротивленіе со стороны уніатовъ. Сначала представители уніатскаго духовенства въ Минскѣ заявили коммиссару, что имъ якобы не выполнена судебная формальность: они поздно извѣщены объ отобраніи у нихъ церкви. Володкевичъ не вступилъ въ препирательство по этому поводу и вручилъ уніатамъ вторичное извѣщеніе о возложенномъ на него порученіи, назначивъ для выполненія его новый срокъ

¹) Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ: Вильны и проч. ч. II №№ 94—95.

(26 іюля). Но когда къ назначенному времени онъ прибылъ въ Минскъ и вмѣстѣ съ судебными властями и православными—духовенствомъ и шляхтою—отправился къ Троицкой церкви, то встрѣтилъ здѣсь огромную толпу уніатовъ и во главѣ ея—митрополичьяго намѣстника Игнатія Шоповича, прокуратора минскихъ монастырей Іосифа Бокія, а также троицкаго священника. Многіе изъ уніатовъ заняли преддверіе церкви (бабинецъ) и были вооружены. Когда коммиссаръ прочелъ королевскую грамоту и на основаніи ея хотѣлъ передать церковь православнымъ, уніаты не допустили его до этого („учинили явное сопротивленіе") и вручили Володкевичу протестацію, предварительно громко прочитавши ее. Здѣсь они заявляли, что на коронаціонномъ сеймѣ статьи успокоенія не были утверждены, и сужденіе о нихъ отложено до будущаго сейма, а потому, хотя по этимъ статьямъ и предназначено передать неуніатамъ церковь въ Минскѣ, но исполненіе сего въ данный моментъ преждевременно. Православные (Петро-Павловскій игуменъ Ѳеофилактъ Заяцъ) возражали, что статьями успокоенія предназначено распредѣлить церкви въ городахъ между „неунитами и унитами" соотвѣтственно численности тѣхъ и другихъ (według proporcyi), но такъ какъ депутаты на коронаціонномъ сеймѣ не согласились на это, и окончательное рѣшеніе по данному вопросу отложено до будущаго сейма, то милостивый король, желая хотя отчасти удовлетворить просьбы православныхъ, приказалъ передать имъ, по крайней мѣрѣ, по одной церкви въ нѣкоторыхъ городахъ, каковое королевское распоряженіе и должно быть приведено въ исполненіе коммиссаромъ.—Уніатскій игуменъ отвѣтилъ на это, что королевскія грамоты имѣютъ частный характеръ и, какъ выпрошенные *ad male narrata, не обязательны для уніатовъ*, причемъ присовокупилъ, что и предназначенная къ отобранію отъ нихъ Свято-Троицкая церковь сооружена ими, уніатами, и, слѣдовательно, уже по одному этому не можетъ быть передана православнымъ.— Это заявленіе вызвало оживленныя возраженія со стороны православныхъ, особенно по вопросу о томъ, кѣмъ сооружена была Свято-Троицкая церковь. „Не десять лѣтъ тому назадъ, а еще въ то время, когда объ уніи не было и слышно",—говорилъ Петро-Павловскій игуменъ,—„означенная церковь построена была нами—православными, и живы еще нѣкоторыя лица, которыя ее строили; затѣмъ она сгорѣла и въ 1603 году возобновлена нами же". Справедливость этихъ словъ удостовѣряли находившіеся въ толпѣ прихожане Свято-Троицкой церкви. Затѣмъ православные заявили. что о лживости завѣреній уніатовъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ самый „звонъ", находящійся на Свято-Троицкой колокольнѣ. На

этомъ „звонѣ“ находится надпись, гласящая, что онъ въ 1612 г. отлитъ въ Гданскѣ иждивеніемъ (nakładem) минскаго мѣщанина Михаила Савича при содѣйствіи прочихъ прихожанъ Свято-Троицкой церкви и отданъ на хвалу Божію *по обряду православному* (względem posłuszenstwa patriarchi Konstantinopolskiego). Православные просили коммиссара удостовѣриться въ справедливости сказаннаго ими: разсмотрѣть означенную надпись. Но когда тотъ поручилъ „возному генералу“ отправиться на колокольню съ означенною цѣлью, уніаты оказали ему сопротивленіе и „замкнули дзвоницу“. Православные, опасаясь, чтобы противная сторона не уничтожила надписи на колоколѣ, просили коммиссара „арестовать звонъ“: приставить стражу изъ прихожанъ, живущихъ около церкви, дабы они не допускали уніатовъ дѣлать какія-либо поврежденія на звонѣ. Коммиссаръ вновь приступилъ было къ передачѣ церкви православнымъ, но вновь встрѣтилъ со стороны уніатовъ сильное сопротивленіе (stawszy z tumultem bronili y nie dopuszczali), а посему, опасаясь возмущенія и пролитія крови, ограничился составленіемъ соотвѣтствующаго происшествію акта и, выдавъ съ него копію, отослалъ его на благоусмотрѣніе короля [1].

Въ Пинскѣ, согласно королевской грамотѣ, православнымъ имѣла быть переданною церковь св. Ѳедора Тирона. Коммиссаромъ для этого назначенъ былъ Ѳедоръ Корсакъ (уніатъ). Здѣсь королевское распоряженіе встрѣтило тоже протесты со стороны уніатскаго духовенства и опять подъ прикрытіемъ того предлога, что о передачѣ православнымъ означенной церкви не упомянуто въ дипломѣ, одобренномъ сеймомъ. Коммиссаръ удалился, оставивъ церковь во владѣніи уніатовъ. Но, очевидно, перевѣсъ матеріальной силы въ Пинскѣ былъ на сторонѣ православныхъ. Еще въ предшествовавшее царствованіе имъ удавалось, и не разъ, возвращать отъ уніатовъ свою древнюю Ѳеодоровскую церковь, хотя и не надолго. Теперь же сдѣлать это (воспользовавшись своею численностью) православные могли съ бóльшимъ правомъ. Такъ они и поступили: когда на третій день послѣ отъѣзда коммиссара уніатскій священникъ, по обычаю, въ третьемъ часу утра отправился въ Ѳеодоровскую церковь для совершенія богослуженія, онъ нашелъ ее отпертою и наполненною молящимися православными. На этотъ разъ уже уніатамъ приходилось вчинять судебные иски противъ православныхъ [2].

---

[1]) Собраніе древн. грамотъ и актовъ минской губ. № 95.

[2]) Археогр. сборникъ документовъ Сѣверо-Запад. Руси. VI. № 82.

Повидимому, еще удачнѣе пошли было дѣла православныхъ *въ Бѣльскѣ*, гдѣ королевскою грамотою имъ предназначена была къ передачѣ церковь Богоявленія, и *въ Клещеляхъ*, гдѣ они должны были получить церковь св. Николая. Коммиссаромъ для передачи означенныхъ церквей назначенъ былъ земскій луцкій писарь Семенъ Гулевичъ Воютинскій, извѣстный своею ревностью къ православію и избранный уже православными однимъ изъ кандидатовъ на перемышльскую епископію. Послѣ предварительныхъ сношеній и переговоровъ съ Бѣльскими братчиками, Гулевичъ 24 іюля (по старому стилю) прибылъ въ Бѣльскъ и въ этотъ же день въ присутствіи митрополичьяго намѣстника о. Θеофила (нарочито командированнаго сюда П. Могилою „для отысканія отъ уніатовъ церкви"), многочисленнаго собранія дворянъ воеводства подляшскаго и мѣстныхъ обывателей, безпрепятственно отомкнулъ Богоявленскую церковь и передалъ ее „упривилегированному Бѣльскому православному братству со всею утварью и всѣми принадлежностями: школою, госпиталомъ, поповскимъ домомъ и церковными грунтами. Разумѣется, безъ протестовъ со стороны уніатовъ дѣло не обошлось, но эти протесты, хотя „барзо злые и фальшивые", на первыхъ порахъ были только письменные, и православные безпрепятственно стали отправлять богослуженіе въ возвращенной имъ церкви. Но радость ихъ была непродолжительна: въ ихъ владѣніи церковь находилась только пять недѣль. Владимірскій уніатскій епископъ лично посѣтилъ Бѣльскъ, безъ сомнѣнія, съ цѣлью подготовить почву для противодѣйствія православнымъ, и затѣмъ прислалъ сюда своего намѣстника Симоновича, который, сговорившись съ мѣстнымъ уніатскимъ протопопомъ, священниками и нѣкоторыми членами магистрата, отправился въ костелъ и здѣсь произнесъ зажигательную рѣчь противъ православныхъ. Нафанатизированная толпа, запасшись оружіемъ, съ крикомъ и шумомъ подступила къ церкви Богоявленія, отбила церковные замки и передала ее во власть уніатскаго духовенства [1]). Въ это время, надо полагать, произведено было сильное давленіе и на тѣхъ бѣльскихъ гражданъ, которые отреклись было отъ уніи (принадлежа къ ней прежде наружно, страха ради іудейска) и присоединились къ православію. Изъ письма бѣльскихъ братчиковъ къ Петру Могилѣ, писанному по означенному случаю, видно, что въ это время настали времена Сигизмундовскія: „новонарожденныхъ отрочатъ крестити (читаемъ здѣсь), хорихъ и хотячихъ се сповѣдати, мертвыхъ погребати, сильне намъ, правовѣрнымъ, (уніаты) не допу-

---

[1]) Ibid. т. II. № 102—103. Рукописный Сбор. Кіево-печ. Лавры № 20, л. 31.

скаютъ, але до себе презъ мусъ гвалтовне з'пострахами приневоляютъ и притягаютъ зъ неутоленными слезами нашими"[1]).

Тоже было и въ Клещеляхъ. Благополучно возвращенная православнымъ чрезъ Гулевича Николаевская церковь, благодаря усиліямъ того же Симоновича, вновь была отнята у нихъ (запечатана)[2]).

Сопротивленіе оказано было коммиссарамъ при исполненіи ими королевскаго распоряженія о передачѣ православнымъ церквей и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ, напр., Гроднѣ, Слонимѣ, Новогрудкѣ, Сокалѣ, Красноставѣ и др.[3]).

Всѣ эти протесты, независимо отъ упомянутой нами слабости королевской власти въ Польшѣ, были слѣдствіемъ усилившагося фанатизма ультра-католической партіи, которая, враждебно относясь къ политикѣ новаго царствованія по вопросу о религіозной вѣротерпимости, напрягала всѣ усилія къ тому, чтобы воспрепятствовать осуществленію добрыхъ начинаній короля. Какъ на образчикъ подобныхъ усилій, разсчитанныхъ возжечь пламя религіозной нетерпимости въ сердцахъ „добрыхъ" уніатовъ и католиковъ, укажемъ на „казанья" придворнаго проповѣдника Фабіана Бирковскаго, произнесенныя имъ на конвокаціонномъ сеймѣ 1632 года и тогда же напечатанныя, а затѣмъ два раза изданіемъ повторенныя и въ 1633 году, причемъ на этотъ разъ съ особымъ посвященіемъ уніатскому митрополиту Вельямину-Рутскому. Въ означенныхъ казаньяхъ Бирковскій, принадлежавшій къ ордену Доминиканскому, но котораго іезуиты, по всей справедливости, могли считать *своимъ присныхъ*[4]),—не обинуясь говорилъ, что права, дарованныя пра-

---

[1]) Рукоп. Сбор. Кіево-печер. Лавры, № 20; л. 31.

[2]) Древніе акты Холмской епархіи (въ Холмскомъ церковно-арх. музеѣ) кн. I.

[3]) Ibid. О Красноставѣ см. Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. I. т. VI. № CCLXXI.

[4]) Іезуитъ Адамъ Маковскій въ своемъ казаньи, произнесенномъ 10 декабря 1636 г. при погребеніи Фабіана Бирковскаго (*Obraz Wielebnego oyca Fabiana Birkowskiego z zakonu Dominika swiętego doktora, wystawiony na kazaniu pogrebnym*, et caet. Krakow 1637 г.), указавъ на тѣсныя связи почившаго съ орденомъ іезуитовъ, — восклицаетъ: „Własnie noster iest... w Athenach snadź, aboli w Rzymie, parę pachołąt na podziw wystawiono było, oba rożnych rodzicow y z miasta inszego, a iednak tak sobie wzrostem, mową, chodem, obyczayami y urodą podobnych, że kto imion i nazwisk ich nie wiedział, rzecz była nie podobna, aby iednego od drugiego rozeznał... *Amicus*, powiedział ieden, *alter ego*, co się między nami y oycami nalazło, a *w osobie oyca Fabiana prawie dobrze wykonteferowało*" (Казанье Маковскаго перепечатано въ изд. *Biblioteka Polska*, ser. na rok 1859, zeszyt 36, 37, 38, 39, но съ нѣкоторыми, весьма незначительными, впрочемъ, уклоненіями отъ подлинника и съ измѣненіемъ орѳографіи. По первому изданію приведенное нами мѣсто находится на стр. 7 и 8.

вославнымъ, не имѣютъ юридическаго значенія, коль скоро на дарованіе ихъ согласились *не всѣ католики*. Поэтому православные (и диссиденты) напрасно торжествуютъ. „Nicešcie — говорилъ онъ, обращаясь къ нимъ — nie wygrali, marnie są triumfy waszi". Дерзость и фанатизмъ проповѣдника не знаютъ предѣловъ: они простираются до того, что онъ въ безумномъ ослѣпленіи отваживается сравнивать религіи диссидентскія, а въ томъ числѣ и *православную*, съ *непотребными учрежденіями*, терпимыми только по причинѣ человѣческой распущенности! (Jako miasta niektóre próżnych domów dla swawolnych ludzi dopuszczają, non tam libenter, quam reverenter, tak waszych religiy luterskich i kalwinskich i arianskich i *nalewajkowskich*) [1]).

Разумѣется, казанья Бирковскаго не единственный примѣръ подобныхъ отношеній къ православной церкви. Предшествовавшее царствованіе — царствованіе іезуитовъ въ дѣлахъ по вопросамъ религіознымъ—воспитало не мало изувѣровъ, считавшихъ православіе „проклятою схизмою", искорененіе которой представлялось однимъ изъ самыхъ достопочтенныхъ и богоугодныхъ дѣлъ.

Неудивительно поэтому, что несмотря на королевскія грамоты, ограждающія православныхъ отъ притѣсненій, вспышки латино-уніатскаго фанатизма противъ „схизматиковъ" были возможны даже и тогда, когда, повидимому, не затрогивались матеріальные интересы латино-уніатовъ, какъ при отобраніи церквей; одна изъ такихъ вспышекъ, напоминающая собою времена Сигизмундовскія, из-

---

[1]) O exorbitancyach, kazania dwoje przeciwko niewiernym, heretikom, odszczepencom y nowim politikom, wierze s. katolickiej Rzymskiej y duchowenstwu nieprzyiaciołom.. Первое изданіе (безъ посвященія Рутскому) перепечатано въ изданіи: *Biblioteka Polska*. Serya na r. 1859, zeszyt 36—39. Изданія 1633 г. носятъ слѣдующее заглавіе: Exorbitancye Ruskie z Grekow odszczepencow, heretyckie z konfederatow. Kazania dwoie. (Krakow. 1633). Въ посвященіи Рутскому Бирковскій говоритъ, что бывшія на сеймахъ пренія приводятъ ему на мысль судъ передъ Соломономъ между двумя матерями, жившими въ одномъ дому, но „не въ одниxъ обычаяхъ". Дурная мать, задушивши собственнаго ребенка, замѣнила его живымъ другой матери и усиливалась доказывать на судѣ, что онъ ея собственный; а когда премудрый Соломонъ, съ цѣлію узнать дѣйствительную мать живого ребенка, предложилъ судившимся разсѣчь его на двое, ложная мать кричала: *не тебѣ, не мнѣ; сѣките его на двое*. Разумѣется, по Бирковскому, дурною матерью оказывается православная церковь, которая обѣими ужъ ногами стоитъ въ пеклѣ и рождаетъ только мертвыхъ дѣтей, а между тѣмъ стремится отнять у св. уніи ея достояніе, требуетъ, чтобы отъ уніатовъ отобраны были церкви, епископіи, митрополія, архимандріи... Для чего это дѣлается? спрашиваетъ Бирковскій,—и даетъ слѣдующій отвѣтъ: *Solus ut in vacua regnet basiliscus arena*.

вѣстна.—24 мая 1634 года въ Луцкѣ католики совершали церковную процессію по случаю праздника Тѣла Господня. Подъ тѣмъ предлогомъ, что въ православномъ монастырѣ, принадлежавшемъ луцкому братству, не производилось церковнаго звона, отцы іезуиты луцкой коллегіи со множествомъ своихъ слугъ и другихъ участвовавшихъ въ процессіи лицъ (всего человѣкъ до ста), съ саблями, ружьями, кольями, камнями, ворвались въ монастырскій дворъ и, раздѣлившись на партіи, производили здѣсь буйства и опустошенія. Одни, взобравшись на колокольню, забили въ колокола (чрезъ что толпа папистовъ еще болѣе увеличилась), другіе ворвались въ церковь, опрокидывая здѣсь подсвѣчники, срывая завѣсы и т. п., третьи вторглись въ училище, богадѣльню, братскія кельи, били и увѣчили всѣхъ попадавшихся подъ руку — учениковъ, богадѣльныхъ старцевъ и старицъ и поповъ,—причемъ избитъ былъ самъ игуменъ, у многихъ выбиты были зубы, подбиты глаза, а у учителя Босынскаго отрубленъ палецъ на правой рукѣ. Во время этого буйства разбиты два сундука съ деньгами, которыя и были похищены. Значительно пострадали и самыя монастырскія зданія. Буйства въ Луцкѣ продолжались и въ слѣдующіе дни: сдѣлано было нападеніе на домъ одного православнаго, православныхъ, показывавшихся на улицахъ, схватывали, били и сѣкли, причемъ одинъ дворянинъ, служившій при дворѣ Пузины (православнаго луцкаго епископа), былъ замученъ до смерти [1]).

Случалось, что и сеймовое постановленіе (дипломъ), коимъ предоставлялось православнымъ епископамъ „пользоваться всѣми своими правами и обязанностями надъ всѣми ненаходящимися въ увіи“,—встрѣчало сопротивленіе со стороны рьяныхъ приверженцевъ папизма. Извѣстна жалоба луцкаго епископа Аѳанасія Пузины на жену виленскаго воеводы Анну Ходкевичъ, урожденную княжну Острожскую, характеризующая положеніе православныхъ, находившихся подъ властью *владѣльцевъ папистовъ* (по отношенію къ церквамъ, находившимся въ ихъ владѣніяхъ, такъ называемыхъ *патроновъ*). Пузина заявляетъ, что онъ позванъ былъ княземъ Чарторыйскимъ въ г. Корецъ для погребенія княжны Серафимы, игуменьи Корецкой, каковое и совершилъ. Узнавъ, что въ то время прибыла въ Корецъ и Анна Ходкевичъ, епископъ сдѣлалъ ей визитъ („врожоной людскости звычайный поклонъ“) и, пользуясь случаемъ, просилъ „воеводину“ дозволить ему произвести ревизію церквей, находившихся въ ея владѣніяхъ, о чемъ ходатайствуютъ его пасомые, долго не имѣвшіе своихъ архипастырей, и на что онъ, согласно со-

[1]) Архивъ Юго-Зап. Россіи. ч I. VI. №№ CCLXXVIII, CCLXXVI.

изволенію короля и Рѣчи Посполитой, имѣетъ полное право. Но Ходкевичъ, въ присутствіи многочисленныхъ бывшихъ у нея въ то время именитыхъ гостей, не дала епископу просимаго позволенія: „визитовать и ревидовать заборонила“ и сдѣлала распоряженіе— „мѣсто свое и церкви замыкать и печатовать“, а также: „особамъ духовнымъ и светскимъ послушенство отдавать (Пузинѣ) заказала, за епископа и пастыра имъ (православнымъ подданнымъ) належнаго вызнавать заборонила, до церквей, такъ въ местахъ, яко селахъ своихъ будучихъ, не пускать и моцно боронить казала“. Дѣйствительно, когда А. Пузина, прибывъ въ Острогъ, хотѣлъ произвести ревизію въ мѣстной каѳедральной церкви, оказалось, что церковныя принадлежности изъ нея были, по приказанію Ходкевичъ, забраны, самая церковь запечатана шестью печатями и къ ней приставлена денная и ночная стражи. Не допущенъ былъ Пузина до ревизіи и другихъ церквей, находившихся въ г. Острогѣ [1]).

Въ это время самъ П. Могила получилъ огорченіе, и оттуда, откуда, повидимому, его ожидать было нельзя. Состоялось королевское распоряженіе о закрытіи Винницкой школы, основанной митрополитомъ, по всей вѣроятности, въ половинѣ 1634 года, и объ низведеніи коллегіи Кіевской на уровень низшаго учебнаго заведенія. До насъ дошли три письма отъ имени короля по означенному предмету: одно къ самому П. Могилѣ (отъ 29 октября 1634 г.), другое къ винницкому старостѣ (отъ того же числа) и третье къ воеводѣ кіевскому (27 ноября 1634 г.).

„Напоминали твоей велебности—писалъ король нашему митрополиту—и напоминали строго, чтобы болѣе не позволялъ себѣ превышенія правъ и дарованными пользовался скромно. Таково однако велебности твоей послушаніе, что доселѣ воли и приказанія нашего, къ великому прискорбію нашему, не выполнилъ. Посему приказываемъ велебности твоей, чтобы, не дожидаясь другого письма и не обращаясь къ намъ ни съ какимъ разъясненіемъ, тотчасъ же и латинскую типографію и школы латинскія уничтожилъ (zniosl) такъ, чтобы ихъ ни въ Кіевѣ, ни въ Винницѣ и ни въ какомъ иномъ мѣстѣ не было. И если это безъ всякаго промедленія, тотчасъ же на самомъ дѣлѣ не будетъ исполнено, и школы съ типографіею не будутъ уничтожены, знай о томъ, велебность твоя, что мы прикажемъ инстигатору нашему выдать мандаты, и непослушаніе велебности твоей,—вслѣдствіе котораго, по наущеніямъ чернцевъ, бунты и своеволія въ Винницѣ происходятъ,—строго будемъ карать. Сверхъ того приказываемъ велебности твоей, чтобы чернцевъ

---

[1]) Ibid. ч. I. т. VI. № CCLXII.

Аѳанасія Ивашкевича, игумена Варлаама Литопольскаго и Христофора Кальнофойскаго непремѣнно отозвалъ и тотчасъ оттуда, какъ бунтовщикамъ, приказалъ выѣхать" [1]).

Въ письмѣ къ Винницкому старостѣ король пишетъ: „Мы удивляемся, что вельможность твоя, имѣя отъ насъ ясное и опредѣленное предписаніе, не выполнилъ нашей воли, вслѣдствіе чего своеволіе въ Винницѣ чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе увеличивается. Поэтому желаемъ и напоминаемъ вельможности твоей опредѣленно, дабы по полученіи нашего письма безъ всякаго уже промедленія и отсрочекъ латинскія школы, открытыя схизматиками безъ нашего вѣдома и воли, а напротивъ, вопреки приказанію,—тотчасъ закрылъ и ни подъ какимъ видомъ не допускалъ ихъ существованія въ Винницѣ. При этомъ желаемъ, дабы вельможность твоя поукротилъ и уничтожилъ своеволіе ихъ учениковъ: ибо мы не хотимъ, чтобы студенты отцевъ іезуитовъ и сами отцы претерпѣвали отъ нихъ угнетеніе и неудобства (angarie y niewczas) о чемъ и самъ, в. твоя, позаботишься и чинамъ своимъ (urzędowi swemu) строго накажешь" [2]).

---

[1]) Władysława IV, krola polskiego... listy i inne pisma urzędowe, ktore do znakomitych w kraiu mężow z kancelaryi krolewskiej wychodziły. Z rękopismow zebrał *Ambr. Grabowski.* Krakow. 1845 г. Грабовскій не указываетъ источниковъ, откуда извлечены имъ издаваемые документы. Восполнимъ этотъ пробѣлъ: они цѣликомъ и въ томъ же порядкѣ перепечатаны имъ съ рукописи, хранящейся въ Краковскомъ Университетѣ подъ № 94, гдѣ означенная грамота помѣщена на стр. 28—29. Въ рукописи она помѣчена данною *изъ Томашева*, а у Грабовскаго—изо *Львова*. Разумѣется, въ данномъ случаѣ отступленіе Грабовскаго отъ подлинника обусловливалось тѣмъ, что 29 октября 1634 года Владиславъ IV былъ во Львовѣ (онъ прибылъ сюда 26 октября и пробылъ здѣсь цѣлый мѣсяцъ,—см. *Pamiętniki Radziwilla*, I. str. 223 и 225); но дѣлать такія отступленія отъ источниковъ отнюдь не слѣдуетъ, тѣмъ болѣе безъ оговорокъ. Въ данномъ случаѣ указаніе на составленіе грамоты въ Томашевѣ, гдѣ король въ означенное время не находился, можетъ быть объясняемо не ошибкою со стороны составителя письма, что, очевидно, предполагалъ Грабовскій, а иначе, - именно, что письмо составлено по проискамъ латино-уніатской партіи *канцеляріею королевскою*, даже—можетъ быть—безъ вѣдома короля. Въ означенныхъ письмахъ обращаетъ вниманіе также то, что П. Могила не называется (не титулуется) *митрополитомъ*, а только *архимандритомъ*: пріемъ (относительно умаленія титуловъ православныхъ іерарховъ, т. е. какъ бы непризнанія за ними ихъ сана), нерѣдко практиковавшійся латино-уніатскою партіею и вызывавшій энергичные протесты со стороны православныхъ. (См. относительно сего гродс. Владим. книгу, хранящуюся въ Кіев. Центр. Архивѣ, № 1004, л. 1140).

[2]) Ibid. По рукоп. стр. 28—29. Письмо тоже помѣчено данными изъ Томашева, а Грабовскимъ опять поправлено, какъ и прежде (см. предшествующее примѣчаніе).

Въ письмѣ къ Кіевскому воеводѣ говорится: „Получивъ извѣстіе, что *архимандритъ* въ кіевскомъ, волынскомъ, также брацлавскомъ воеводствахъ школы латинскія открылъ, напоминали ему, чтобы онъ непремѣнно закрылъ ихъ. Но онъ воли и приказанія нашего не исполнилъ, напротивъ, еще болѣе подобныхъ же школъ устрояетъ (więcey tychże szkoł stanowi). Не мало такой его поступокъ огорчаетъ насъ, ибо не имѣетъ относительно сего никакого позволенія отъ насъ, но долженъ довольствоваться русскими школами. Поэтому требуется отъ вельможности твоей предварительно его извѣстить, напоминая, дабы оставилъ свои намѣренія и школы латинскія непремѣнно закрылъ. Если же окажется упорнымъ, тогда желаемъ, чтобы в. твоя возбранялъ имъ шириться, а о тѣхъ, которыя постановлены имъ, помимо нашего приказанія и воли, извѣстилъ бы его, что имѣешь отъ насъ приказаніе уничтожить ихъ" [1]).

Подобныя распоряженія отъ имени короля, повидимому идущія въ разрѣзъ съ его благосклонностью къ православнымъ, могутъ быть объясняемы, съ одной стороны, неопредѣленностью сеймоваго постановленія относительно православныхъ школъ, а съ другой—усиленною агитаціею латино-уніатской партіи противъ могилянскихъ коллегій. въ коихъ она, не безъ основанія, видѣла сильнѣйшее противъ себя оружіе. Въ дипломѣ о дозволеніи православнымъ имѣть школы упоминалось глухо, безъ обозначенія учебной программы ихъ, а особой грамоты относительно своей коллегіи Могилою получено не было. Между тѣмъ заботы митрополита сравнять кіевскую коллегію въ учебномъ отношеніи съ коллегіями католическими и устройство новой школы въ Винницѣ, тоже съ расширеннымъ кругомъ преподаванія, вызвали усиленную тревогу среди латино-уніатовъ и сочтены были за *своеволіе*, въ чемъ, по мнѣнію „добрыхъ" католиковъ, небезвиненъ былъ самъ король, „явно покровительствовавшій схизматикамъ". О Могилѣ паписты стали распространять слухъ, что онъ вступилъ иъ связь съ еретиками-лютеранами и кальвинистами, открываетъ новыя латинскія школы въ трехъ воеводствахъ, вопреки диплому (гдѣ предоставляется право православнымъ имѣть школы, которыя были уже у нихъ in posessione, и притомъ русскія, ибо не сказано explicite: szkoły łacinskie [2]), что наставники и ученики могилянскихъ школъ производятъ буйства, угнетаютъ студентовъ коллегій іезуитскихъ (въ Винницѣ) и т. п. Словомъ, ультра-католическая партія усиливалась выставить просвѣтительную дѣятельность П. Могилы, направленную къ благоустройству устроенныхъ имъ коллегій,

---

[1]) Ibid. по рукоп. стр. 55.

[2]) Exegesis... С. Коссова. 1635 г., стр. 28.

какъ дѣло и *противозаконное* (съ юридической точки зрѣнія), и для католическаго государства крайне опасное. Подъ давленіемъ этого шума король и вынужденъ былъ подписать, очевидно, изготовленныя въ его канцеляріи упомянутыя письма.

Но какъ королевскія распоряженія, благопріятствовавшія православнымъ, не исполнялись—если была къ тому какая-либо возможность,—точно такъ не было исполнено митрополитомъ приказаніе короля, испрошенное латино-уніатами, относительно закрытія Кіевскихъ и Винницкихъ школъ, въ защиту которыхъ по означенному дѣлу, по приказанію Могилы, издано было цѣлое сочиненіе, вышедшее изъ-подъ пера префекта кіево-могилянской коллегіи С. Коссова (Exegesis.. изд. 1635 г. въ Кіевѣ).

Въ это время—время разгара религіозныхъ страстей—нашимъ митрополитомъ составлено, въ утѣшеніе и ободреніе православныхъ, замѣчательное молитвословіе *объ умиреніи православной церкви*, которое вскорѣ (въ 1634 году) въ распространенномъ видѣ напечатано было въ типографіи Кіево-Печерской Лавры, подъ заглавіемъ: *Паравимія*. Молитвословіе это—какъ плодъ религіознаго воодушевленія П. Могилы, вызваннаго борьбою съ иновѣріемъ, характеризуетъ переходное (еще не вполнѣ опредѣленное) положеніе западно русской церкви и свидѣтельствуетъ о надеждахъ, питаемыхъ православными на заступничество новаго короля.

Представляемъ нѣсколько выдержекъ изъ означеннаго молитвословія:

„Боже, Боже нашъ, призри съ высоты святаго жилища твоего и *виждь озлобленіе, еже отъ сопротивныхъ церкви твоей належащее, умилосердись на нищету ея и изми ю воскорѣ отъ рукъ ихъ и съвръшеннѣ умири ю*, молимъ ти, услыши и помилуй.

Царю праведный и Господи господствующихъ, волныхъ ти ради страстей и живоносныя смерти и погребенія, и животворнаго въскресенія твоего, *совѣтъ благъ о вѣрѣ православнѣй и о святѣй твоей соборнѣй церкви въ сердце цареви и всѣхъ предстоящихъ ему въ полатѣ всади и мирная и благая о ней всегда глаголати устрой, и еже воскорѣ съвръшеннѣ ю умири и совѣтуй*,—прилѣжно молимътись, услыши и помилуй.

Боже и Творче и Содѣтелю нашъ, не помяни нашихъ беззаконій первыхъ, аще бо и согрѣшихомъ, но не отступихомъ отъ тебе, Бога нашего, не воздѣхомъ руки наша ко Богу чюждему, тебе молимъ и тебе мился дѣемъ, *призри на рабъ твоихъ, труждующихся о умиреніи церкви твоея святыя*, и простивъ имъ и намъ всякое согрѣшеніе волное и неволное, ниспосли на нихъ

благодать и даръ пресвятаго ти Духа, *въ еже подати имъ силу и крѣпость и слово во устѣхъ, еже мощи сопротивитись всѣмъ сопротивящимся церкви его святѣй, и благополучнѣ побѣдити ихъ,*—рцемъ вси: Господи услыши и воскорѣ помилуй.

Еще молимся о благочестивыхъ рабѣхъ Божіихъ (имя рекъ) о еже Господу нашему *укрѣпити и утвердити ихъ во службѣ своей и подати имъ силу и крѣпость Духа своего Пресвятаго во побѣду на вся противящіясь церкви его святѣй и во потребленіе злочестія ихъ.*

Господи Боже, Спаситель нашъ, упованіе всѣхъ концевъ земли и сущимъ на морѣ далече, молимтись: утверди, помилуй и благослови новоизбраннаго царя нашего Владислава, *и въ сердцѣ его мирная и благая о церкви твоей и всѣхъ людяхъ твоихъ всегда глаголати и съвершеннѣ ю умирити и во пръвое благолѣпіе и благочиніе украсити сътвори,* во дняхъ его всему царству благочиніе, миръ и благоденствіе подаждь, людемъ твоимъ здравіе, воздуховъ благораствореніе, плодовъ земныхъ умноженіе и времена мирная даруй.

Обручивый себѣ невѣсту церковъ, *возмущенную нынѣ отъ враговъ отступныхъ,* причистыхъ ти ради страстей, яже того ради человѣколюбнѣ претерпѣлъ еси, *отъ озлобленія ихъ избави и вскорѣ умири,*— молимтись, услыши и помилуй.

Раны, зашуніа, оплеваніа и поносная уничижения церкви ради своей волею претерпѣвый, *отъ волъковъ хищныхъ нынѣ возмущенную и отъ безбожныхъ отступныхъ гонимую, тую нынѣ отъ сихъ злодѣйства избави и воскорѣ умири,*— молимтись, Владыко святый, услыши и помилуй" [1]).

С. Голубевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Собственноручныя записки П. Могилы, вполнѣ напечатанныя нами въ I ч. т. VII *Архива Юго-Зап. Россіи* (приведенныя нами мѣста см. на стр. 167—170).

ФИЛОСОФЪ БЕЗЪ СИСТЕМЫ.

(Опытъ характеристики Григорія Саввича Сковороды).

„Я доло разсуждалъ и по многомъ испытаніи себя увидѣлъ, что не могу представить на театрѣ свѣта никакого лица удачно, кромѣ простого, беспечнаго и уединеннаго; я сію роль выбралъ, взялъ и доволенъ“.

Гр. Сав. Сковорода.

I.

Предварительныя замѣчанія.

„Пусть судитъ всякій, какъ хочетъ, а по моему такъ *философъ Хома стоитъ философа Сковороды*“ [1]). Эти заключительныя слова, брошенныя какъ-бы мелькомъ Бѣлинскимъ при разборѣ повѣсти Гоголя „Вій“, невольно вспоминаются теперь, когда недавнее юбилейное торжество Г. С. Сковороды въ 1894 г., (по случаю исполнившагося столѣтія со времени его смерти) нѣсколько воскресило доброе и забытое имя украинскаго философа.

Украинскій философъ!... Можно было подумать, что столь рѣдкое явленіе издавна привлекало вниманіе нашихъ изслѣдователей и читающаго общества. Ничуть не бывало. Философъ Хома далеко популярнѣе философа Сковороды. Перваго у насъ

---

[1]) Сочин. Бѣлинскаго, изд. Солдатенк. и Щепк. т. 1 стр. 345.

знаетъ всякій школьникъ, а о второмъ—въ литературѣ заговорили лишь въ 1894 году и заговорили какъ-то торопливо, неувѣренно.

Въ свое время Сковорода очень интересовалъ собою общество. Послѣ смерти его (1794 г.) возникла цѣлая литература какъ о личности философа, такъ и о его философіи. Многіе изъ писателей старались выяснить личность Григорія Саввича и разсматривали философа подъ тѣмъ или другимъ угломъ зрѣнія. Не перечисляя работъ о Сковородѣ, скажемъ только, что въ первой половинѣ XIX в. писали о немъ очень многіе: Гасъ-де-Кальве, Вернетъ, Коваленскій, И. Снегиревъ, Хиждеу, Срезневскій, Баталинъ, Вс. Крестовскій, арх. Гавріилъ, Данилевскій, Аскоченскій. Личностью Сковороды интересовались Костомаровъ, пр. Иннокентій и др. Съ начала XIX в. и до 61 года можно насчитать до 30 печатныхъ произведеній разныхъ авторовъ, касающихся Сковороды. Такое количество работъ по тому времени говоритъ само за себя. Критико-библіографическій обзоръ этихъ работъ можно найти въ первой части вступительной статьи проф. Багалѣя о Сковородѣ, приложенной къ сочиненіямъ философа („Сочин. Сковороды" стр. I—LXIII. Харьковъ 1894 г.). Отмѣтимъ лишь общую особенность всѣхъ этихъ трудовъ—страстность тона въ сужденіяхъ о философѣ. Кажется, эта особенность была обусловлена свѣжестью живыхъ воспоминаній о немъ. На работахъ авторовъ, писавшихъ о Сковородѣ въ первой половинѣ XIX в., слишкомъ явно отражается впечатлѣніе, произведенное философомъ.

Съ 1861 г. и до 90-хъ годовъ о Сковородѣ ничего почти не говорятъ въ печати. Правда, Н. Ѳ. Сумцовъ напечаталъ въ „Кіев. Стар. (за 1886 г.) „Житіе Сковороды, составленное другомъ его М. И. Коваленскимъ"; но появленіе этого замѣчательнаго въ своемъ родѣ литературнаго памятника не вызвало въ обществѣ интереса къ забытой личности философа.

Похороненный, такимъ образомъ, въ архивныхъ складахъ 60-хъ годовъ, Сковорода почивалъ съ своей философіей въ покойной области историческаго забвенія до 90-хъ годовъ. Лишь

случайные каталоги антикварной книжной торговли сохраняли его имя для памяти потомству.

Совершенно независимое отъ людскихъ побужденій обстоятельство воскресило память забытаго философа—столѣтній юбилей со дня его смерти. Историческій календарь сохранилъ подъ 29-мъ октября 1894 г. ремарку—смерть Гр. Савв. Сковороды. Новымъ открытіемъ забытаго философа русское общество обязано Харьковскому историко-филологическому обществу и, въ частности, члену этого общества, профессору Багалѣю, который въ своемъ сочиненіи „Опытъ исторіи Харьковскаго университета" указалъ на нѣкоторое значеніе Сковороды для харьковскаго края и на приближеніе столѣтія со времени его смерти. Тотъ-же профессоръ вошелъ въ ученое общество съ предложеніемъ о собраніи и юбилейномъ изданіи трудовъ философа. Предложеніе это было единогласно принято историко-филологическимъ обществомъ, „среди членовъ котораго, по словамъ проф. Багалѣя, *снова* пробуждается интересъ къ личности и сочиненіямъ Сковороды" (Сочин. Сковор., L.). Кто-же послѣ этого можетъ винить публику, если она не помнитъ стараго философа? Кстати сказать, забывать нашихъ лучшихъ людей прошлаго—наша особенность, почти національная привычка, которую не могутъ исправить никакіе уроки минувшаго. Припомнимъ, напр., Лобачевскаго, русскаго оригинальнаго математика, котораго разыскали въ томъ-же 1894 году и открытіе котораго было тоже для общества сюрпризомъ.

Какъ-бы тамъ ни было, но припомнилось, что дѣйствительно былъ на свѣтѣ такой философъ и оставилъ послѣ себя нѣкоторое „духовное наслѣдіе"... Принялись за открытіе и изслѣдованіе этого наслѣдія, раскопали рукописи, сняли копіи. Харьковское историко-филологическое общество приняло на себя изданіе сочиненій Сковороды, поручивъ редакцію ихъ г. Багалѣю, который имѣлъ полное право сказать: «*только теперь мы открыли Сковороду*». Со времени юбилея появился цѣлый томъ сочиненій Гр. Савв. Сковороды, изданныхъ Харьковскимъ историко-филологическимъ обществомъ: „Сочиненія Григорія Саввича Сковороды, собранныя и редактированныя проф. Д. И. Багалѣ-

емъ". Юбилейное изданіе (1794—1894 гг.). Съ портретомъ его, видомъ могилы и снимками почерка. (Харьковъ. Типогр. губернск. правл. CXXXI+132+352).

Г-жѣ Ефименко едва-ли не первой принадлежитъ честь открытія философа для нашей публики. Въ своихъ двухъ статьяхъ: „Личность Гр. Сав. Сковороды какъ мыслителя" („Вопр. фил. и псих." кн. 25) и „Философъ изъ народа" („Недѣля" 1894 г. 1 кн.) она сдѣлала попытку выяснить личность Сковороды и общій смыслъ его міросозерцанія. Статьи г-жи Ефименко не претендовали, впрочемъ, на всестороннее изъясненіе украинскаго философа. Давая общую посильную характеристику философа, авторъ возлагалъ надежду на юбилей. Г-жа Ефименко думала, что „юбилей освѣтитъ болѣе или менѣе полно эту туманную, но несомнѣнно даровитую и чрезвычайно интересную фигуру".

Г. Зеленогорскій въ своей статьѣ: „Философія Григ. Савв. Сковороды, украинскаго философа XVIII в."(„Вопр. фил. и псих". 1894 г. кн. 23) представилъ попытку систематическаго изложенія философемы Сковороды. Далѣе, г. Лебедевъ пытался генетически выяснить богословскую сторону философскихъ идей Сковороды въ статьѣ: „Сковорода—какъ богословъ". (Вопр. фил. и псих." 1895 г., мартъ).

Указанныя статьи представляютъ собою рефераты, читанные въ разныхъ обществахъ. На основаніи ихъ были составлены легкіе біографическіе очерки философа въ другихъ журналахъ: въ „Мірѣ Божіемъ" статья С. Р., въ „Трудахъ Кіевск. Духов. Акад.", въ „Нивѣ" и др.

Совершенно особнякомъ стоитъ замѣтка г. Нетушила въ „Филос. Обозр." т. VII о Сковородѣ, какъ лингвистѣ.

Явившіяся вслѣдъ затѣмъ частныя статьи о Сковородѣ въ „Кіевлянинѣ", „Кіевск. Словѣ", „Южномъ Краѣ", „Одесск. Нов." и, вообще, въ южныхъ газетахъ, представляютъ собою резюме и перифразъ указанныхъ выше статей съ болѣе или менѣе субъективно-авторскимъ освѣщеніемъ стараго матеріала.

Лучшія работы о философѣ далъ проф. Багалѣй, спеціально занявшійся изученіемъ рукописей, оставшихся послѣ философа. Его перу принадлежитъ обширный историко-критическій

очеркъ, предпосланный изданію сочиненій Сковороды (стр. I—CXXXI). Продолженіемъ этого очерка служитъ статья того-же профессора: „Украин. филос. Григорій Савв. Сковорода" (въ „Кіевск. Стар." 1895 г. I и II).

Вотъ, кажется, и все, что было написано о философѣ въ юбилейный годъ. Юбилей не пролилъ желаннаго свѣта на эту „туманную фигуру". Если же пролилъ, то слишкомъ недостаточно для окончательнаго сужденія о философѣ.

Два обстоятельства препятствуютъ объективному изученію философа.

Первое изъ нихъ—недостатокъ біографическаго матеріала въ собственномъ значеніи этого слова. Дѣло въ томъ, что сохранившимся о Сковородѣ свѣдѣніямъ нельзя довѣрять безусловно. Нѣкоторыя изъ нихъ требуютъ тщательной критической провѣрки. Біографическій матеріалъ о Сковородѣ прошелъ сквозь призму или личныхъ впечатлѣній (какъ записка Коваленскаго въ „Кіев. Стар." 1886 г. кн. IX), или сантиментальныхъ воспоминаній о Сковородѣ (какъ біографія, составленная Г. П. Данилевскимъ. „Основа" 1861 г.). По этимъ свѣдѣніямъ справедливѣе можно заключать о томъ, какъ общество относилось къ Сковородѣ, какое впечатлѣніе производилъ на украинскихъ образованныхъ людей этотъ философъ, чѣмъ о томъ, какъ дѣйствительно жилъ и мыслилъ философъ.

Второе обстоятельство—недостатки метода въ изслѣдованіи о *Сковородѣ*. Намъ представляется, что писавшіе о Сковородѣ слишкомъ увлекались тенденціей объяснить философему Сковороды вліяніемъ на него то писателей древности, то новѣйшихъ раціоналистовъ. Къ длинному перечню авторитетовъ, вліявшихъ на Сковороду (въ числѣ этихъ авторитетовъ есть и Сократъ, и Платонъ, и Діогенъ, и Пиѳагоръ, Оригенъ Александрійскій, Лейбницъ и др.) обыкновенно дѣлается приписка, что мысли этихъ умовъ были усвоены Сковородой вполнѣ самостоятельно и примѣнены къ жизни соотвѣтственно съ духомъ времени, въ которое жилъ Сковорода. Методъ историческихъ параллелей—методъ мало благодарный по отношенію къ философу, который оцѣни-

вается и долженъ цѣниться, главнымъ образомъ, крѣпостью самобытнаго мышленія.

Изученіе нашего философа сложилось какъ то странно. До юбилея—обстоятельства его жизни были извѣстны болѣе, чѣмъ его философскія воззрѣнія. Послѣ юбилея—его ученіе взяло явный и рѣшительный верхъ надъ его біографіей.

Такимъ образомъ, нашему философу, случайно выплывшему для своего юбилея изъ тьмы историческаго забвенія, опять грозитъ отставка, забвеніе, быть можетъ, до слѣдующаго юбилея. Пусть такъ! Противъ факта не пойдешь. Но всякое дѣло требуетъ подсчета. Юбилей Гр. Сав. Сковороды, оживившій на время интересъ къ этой личности и вызвавшій рядъ разрозненныхъ статей, нуждается въ подсчетѣ, въ нѣкоторомъ итогѣ. Попробуемъ подвести эти итоги въ видѣ посильной характеристики этого чудака—философа.

II.

Біографія Сковороды. Его дѣтство, воспитаніе. Путешествіе заграницу.

Воспитаніе Григорія Саввича было начато природой. И неудивительно. Онъ родился въ живописномъ уголкѣ Малороссіи (1722 года), въ с. Чернухахъ, Лубенскаго округа. Его первыми учителями были „вишневый садокъ", кленовыя рощи и заливы, которыми была богата его родная рѣчка Многа, живописно извивавшаяся около родныхъ селъ Сковороды—Хорсики и Чернухи. Кажется, это былъ вначалѣ некрасивый, худощавый и болѣзненный мальчикъ. Съ годами онъ выровнялся и поправился, физически окрѣпнувъ на лонѣ природы. Еще ребенкомъ онъ привыкъ быть съ однимъ собой и всецѣло довѣрился впечатлѣніямъ. Съ тѣхъ поръ какъ Грыць сталъ на ноги, онъ пропадалъ по цѣлымъ днямъ. Любимымъ его занятіемъ было засѣсть гдѣ либо въ уединенномъ мѣстѣ и играть на дудкѣ. Этотъ непритязательный музыкальный инструментъ, который въ полъ-часа могъ сдѣлать изъ сырой лозы всякій парень на селѣ,

открылъ маленькому Грыцю міръ звуковъ; а пѣніе птицъ, тихій ропотъ потока и еле слышное дыханіе вѣтра ввели систему въ изученіе этого сложнаго міра, развили его музыкальный слухъ и открыли ему такія тайны, которымъ едва ли научили-бы его простые родители козацкаго рода. Мальчикъ рано началъ жить сердцемъ. Непригладная трудовая жизнь родныхъ, дрязги и разныя нестроенія, которыми такъ богата хозяйственная жизнь всякаго простолюдина, рано пробудили въ немъ сердечныя эмоціи... А природа обострила эти эмоціи и придала имъ грустный, элегическій оттѣнокъ. На „хлопця“, по обыкновенію, не обращали никакого вниманія. Крестьяне обращаютъ вниманіе на дѣтей лишь тогда, когда послѣднія могутъ составить въ семьѣ рабочую силу. Мальчикъ былъ предоставленъ самому себѣ. И онъ сталъ быстръ и подвиженъ, какъ козакъ, разсказы о которомъ онъ слышалъ въ дѣтствѣ, элегиченъ и задумчивъ, какъ тихая заводь его родной рѣчки. Дѣтскія путешествія по окрестностямъ родного села воспитали въ Сковородѣ ту страсть къ передвиженію, которая впослѣдствіи составила отличительную черту его жизни. Мальчика все интересовало, но не все было ему понятно. И онъ часто обращался за распросами къ взрослымъ по тому или другому вопросу. Чего не могли объяснить старшіе, то подсказывала ему природа, чего не могла объяснить природа, до того доходилъ постепенно его умъ, обнаруживавшій замѣчательную быстроту соображенія; а чего и умъ не могъ понять, о томъ онъ задумывался съ истинно-малороссійскимъ упорствомъ. Впослѣдствіи онъ искалъ отвѣтъ на свои недоумѣнные вопросы въ книгахъ и посвятилъ имъ всю свою жизнь. „Изъ самыхъ младенческихъ лѣтъ, вспоминаетъ о себѣ Сковорода, тайная сила и маніе влекли меня къ нравоучительнымъ книгамъ“.

Въ мальчикѣ ясно обозначился меланхолическій темпераментъ,—основной темпераментъ малоросса, привыкшаго жить за одно съ природой. Казалось, рощи, поля, луга, по которымъ бѣгалъ маленькій Грыць, протестовали противъ дальнѣйшаго искуственно-школьнаго воспитанія своего питомца и говорили: „оставьте намъ это дитя!“ Но вышло не такъ. Родители были

глухи къ этому голосу и предназначили своего сына къ духовному званію. По словамъ его біографа Коваленскаго, Григорій Саввичъ „на седьмомъ году отъ рожденія примѣтенъ былъ склонностью къ богочтенію"... „Въ церковь ходилъ онъ самоохотно и пѣвалъ отмѣнно пріятно". „Козацкій хлопець на крилоси и спивае разомъ за дьякомъ"—лучшей аттестаціи для деревенскаго мальчика въ то время не могло существовать. Это создавало лучшую репутацію въ деревнѣ, и на мальчика, должно быть, указывали какъ на отмѣченнаго самою природою. „Зъ Грыця выйде розумный чоловикъ", безъ сомнѣнія говорили въ Чернухахъ. Грыць слушалъ эти лестные отзывы о себѣ и, быть можетъ, раньше, чѣмъ слѣдовало, считалъ себя уже необыкновеннымъ человѣкомъ, предназначеннымъ для особенной жизни.

Время шло. Дьячекъ, учившій любознательнаго Грыця разнымъ начальнымъ премудростямъ по примитивнѣйшему методу, посовѣтовалъ родителямъ отдать его въ кіевскую бурсу, одно названіе которой въ то время звучало очень назидательно. Козацкія дѣти въ то время часто поступали въ кіевскую бурсу. Да и въ самомъ дѣлѣ, какому „батьку"—козаку не хотѣлось, чтобы его сынъ вышелъ въ старшины или попы? А для этого необходимо было образованіе. И мальчика, опьяненнаго природой, воздухомъ, свѣтомъ, ароматомъ полей и луговъ, мальчика, для котораго свобода буквально стала закономъ существованія, посадили въ темную, мрачную комнату съ черными, какъ длинные гробы, скамьями, на которыхъ бурсаки вырѣзывали старымъ гвоздемъ всевозможныя глупости изъ своего нецензурнаго лексикона, передававшагося по преданію отъ поколѣнія къ поколѣнію. Посадили, сообщили ему правила казенной инструкціи для обузданія свободы и заставили изучать разные „квестіоны и дефиниціи". Мы не знаемъ, какъ учился въ бурсѣ Сковорода, но извѣстно, что наука, которой его учили бакалавры кіевскіе, была сложной наукой и особенно такою она должна была казаться черноховскому Грыцьку послѣ полей, луговъ и дудки. До сихъ поръ на него все и всѣ дѣйствовали прямо и непосредственно. Теперь все нужно было разграничить по пунктамъ, по разрядамъ, статьямъ, тезисамъ, делинеаціямъ.

Самая простая мысль представлялась не просто, а разбивалась на punctum primum, secundum, tertium и т. д., argumentum primum, secundum и т. д., conclusio prima, secunda и т. д. Чернуховскій Грыцько познакомился съ такими понятіями, какъ entitas, quidditas (чточество) и быть можетъ философствовалъ на любимую въ то время бурсаками тему: quo anni tempore mundus sit creatus, id est, quae pars anni tunc fuerit, verne an aestas, an autumnus, an hiems,—т. е. въ какое время года сотворенъ міръ:—лѣтомъ или осенью или зимой? и т. п. Такіе квестіоны были тогда въ модѣ, на нихъ воспитывались умы въ XVIII в. Одинъ изъ польскихъ визитаторовъ школъ западнаго края, быть можетъ, былъ не совсѣмъ неправъ, когда назвалъ кіевскую академію того времени сатирой „rozumu ludskiego“ [1]). Впрочемъ, не одними „квестіонами“ занимался Григорій Саввичъ.

Онъ основательно изучилъ древніе и новые языки. Первые открыли ему доступъ въ сокровищницу древней классической мысли; вторые впослѣдствіи дали ему возможность разумно путешествовать по Европѣ.

Впечатлѣнія дѣтства остались неизгладимыми. Сковорода и въ кіевской академіи не оставилъ музыки. Вопросы у него превратились въ „квестіоны“, а дудка—въ флейту. При томъ же Грыць недурно пѣлъ. Въ бурсѣ онъ еще болѣе усовершенствовалъ свой голосъ.

Въ 1745 году довелось кіевскому бурсаку, которому оставалось учиться еще два года, побывать въ Петербургѣ въ качествѣ придворнаго пѣвчаго императрицы Елизаветы, любительницы малороссовъ и пѣвчихъ. Это было время славы Разумовскихъ. Придворнымъ пѣвчимъ малороссамъ жилось тогда недурно.

Знатные малороссійскіе паны за честь почитали имѣть своихъ сыновей въ придворной капеллѣ. Притомъ же придворные пѣвчіе могли всегда имѣть движеніе впередъ, по протекціи.

Сковорода однако не долго пробылъ въ шумномъ столичномъ городѣ. Издавна замѣчено, что бурсакъ, а пѣвчій въ осо-

---

[1]) М. Владимірскій-Будановъ. Исторія Кіевск. универ. стр. 11.

бенности, относится пренебрежительно, свысока ко всему, что носитъ иной, не бурсацкій оттѣнокъ.

Около трехъ лѣтъ пробылъ Сковорода въ качествѣ придворнаго пѣвчаго и вернулся изъ столицы разочарованный пустотой столичной жизни. Онъ прибылъ въ Кіевъ продолжать свой академическій курсъ. Есть извѣстіе, что въ академіи Сковорода ревностно занимался еврейскимъ, греческимъ, латинскимъ языками, упражнялся въ краснорѣчіи, философіи, метафизикѣ, математикѣ, естественной исторіи и богословіи.

Въ Кіевѣ архіерей соблазнялъ его духовнымъ званіемъ. Сковорода, чуждый карьеризма, отказался отъ предложенія. Но преосвященный должно быть слишкомъ настойчиво предлагалъ ему священный санъ,—Сковородѣ ничего не оставалось, какъ прикинуться чудакомъ. Если вѣрить одному изъ его біографовъ, онъ началъ заикаться, дѣлать разныя чудачества. По всей вѣроятности, онъ не дурно сыгралъ свою роль, потому что его оставили въ покоѣ. Скоро онъ совсѣмъ оставилъ академію, убѣдившись, что высшее въ то время духовно-учебное заведеніе распространяло кругомъ себя гнилое знаніе схоластики. Ему открылась возможность жить гдѣ угодно. Для его свободолюбивой натуры это было дороже всего.

И Сковорода—за границей. Его давно тянуло туда. Черниховская обстановка не нравилась ему. Она не могла удовлетворить его широкихъ запросовъ мысли. Юношѣ страстно хотѣлось посмотрѣть, какъ живутъ и мыслятъ другіе народы. А разсказы о западѣ были такъ заманчивы, увлекательны. Замѣчено, что „малороссовъ никогда не пугала Европа" (Ефименко), но не у многихъ малороссовъ хватило бы смѣлости путешествовать по чужимъ краямъ съ одною палкою въ рукахъ да съ котомкой за плечами, какъ это дѣлалъ Сковорода.

Путешествующій украинецъ—это, безспорно, прямое уклоненіе отъ національнаго типа малоросса, извѣстнаго своею неподвижностью и домосѣдствомъ и издавна считающаго, „що за селомъ бабы кладутъ прачи на небо". Но Сковорода былъ исключительная натура. На ряду съ строго-національными чертами

малоросса, онъ умѣлъ соединить самобытную предпріимчивость, проявить личныя оригинальныя черты.

Обстоятельства благопріятствовали планамъ Сковороды. Русскій генералъ-маіоръ Вишневскій отправлялся, по порученію двора, къ токайскимъ садамъ въ Венгрію и пожелалъ взять съ собой для находившейся въ Венгріи православной церкви пѣвца, способнаго къ церковной службѣ. Ему былъ рекомендованъ Сковорода. Григорій Саввичъ съ восторгомъ отправился за границу, хотя и съ условіемъ надѣть дьяческій стихарь въ грекороссійской церкви въ Офенѣ. Впрочемъ, онъ не долго былъ дьячкомъ. Дьяческій подрясникъ, быть можетъ, послужилъ для него лишь удобнымъ костюмомъ для болѣе безопаснаго путешествія по Западной Европѣ.

По нѣкоторымъ извѣстіямъ, онъ путешествовалъ по Венгріи, Польшѣ съ большимъ запасомъ любознательности и очень тощимъ кошелькомъ. Такого рода путешествія съ цѣлью самообразованія не представляли тогда въ Западной Европѣ чего либо особенно оригинальнаго. Двѣ страны, по сообщенію Гасъ-де-Кальве, особенно привлекали вниманіе Сковороды—Италія и Германія. Страна Цицерона, Сенеки и Катона тянула его къ себѣ своей музыкальностью, роскошью природы. Италія—гробница древней славы—нравилась ему еще и своими знаменитыми руинами, памятниками прежняго величія. Во второй—ему были по душѣ теоретическій анализъ и критицизмъ нѣмцевъ. На лонѣ восхитительной, романтической, горной природы Италіи онъ искалъ пищи своему чувству. Холодный, разсчетливый нѣмецъ съ своей въ то время абстрактной философіей удивлялъ его глубиной и широкимъ захватомъ мысли. Онъ говорилъ, что любилъ Германію почти какъ родину. Впрочемъ, болѣе точный въ своихъ извѣстіяхъ біографъ Сковороды (Коваленскій) говоритъ только объ Австріи и Венгріи, какъ мѣстахъ путешествія философа.

Какъ и слѣдовало ожидать, онъ не удовлетворилъ своихъ запросовъ и за границей. Эти запросы были по существу своему такого характера, что въ сущности ихъ не могла удовле-

творить никакая страна. Сковорода вынесъ лишь убѣжденіе, что вездѣ люди какъ люди: есть добрые, есть и злые.

Онъ не искалъ, подобно Діогену, людей со свѣчею; „его добрая душа находила, что міръ сей и въ великомъ своемъ развратѣ питаетъ еще много добрыхъ смертныхъ" (Гасъ-де Кальве). Въ общемъ, онъ пришелъ къ выводу, что вездѣ „богатому поклоняются, а бѣднаго презираютъ, глупость предпочитаютъ разуму и шутовъ награждаютъ, вездѣ развратъ нѣжится въ мягкихъ пуховикахъ, а невинность томится въ мрачныхъ темницахъ". Чтобы всесторонне и опытно убѣдиться въ этой простой истинѣ, для этого стоило, конечно, побывать за границей. Священное недовольство росло въ немъ больше и больше. Неизвѣстно, какъ долго продолжилось-бы его путешествіе, если бы онъ не затосковалъ на далекой чужбинѣ по родинѣ. Это обстоятельство круто измѣнило марштрутъ его европейскаго путешествія, и Сковорода, не задумываясь, повернулъ назадъ— въ Чернухи. Дорога была не близкая. Но путешественникъ былъ нетребователенъ и твердо положился на крѣпость своихъ ногъ. Врожденная страсть къ мыслительному анализу и меланхолическое настроеніе были его надежными спутниками, облегчавшими тяжесть пути.

III.

Возвращеніе изъ за-границы на родину. Путешествіе Сковороды по разнымъ мѣстамъ. Педагогическіе опыты Сковороды. Его неуживчивость. Сковорода и Коваленскій.

Конечно, въ Италіи, въ Римѣ не мало новинокъ удалось видѣть Сковородѣ. Будетъ о чемъ поразсказать. Но что онъ увидитъ новаго на родинѣ, въ Чернухахъ?

Послѣ длиннаго пути изъ-за холмовъ ему весело замахали крылья родныхъ „вѣтряковъ". Еще усиліе, еще холмъ—и панорама роднаго села открылась ему въ знакомомъ, все томъ же неизмѣнномъ видѣ. Вотъ—„церква", и куда до нея базиликѣ рим-

скаго Петра? Развѣ тамъ такіе сады? А рѣка Многа съ затонами, „де три вербы схилылыся“ надъ привязанными къ нимъ „човнами“!.. Развѣ могутъ Тибръ и Дунай идти въ сравненье? Развалины родныхъ сѣноваловъ и амбаровъ, накренившихся отъ времени, были симпатичнѣе для него развалинъ знаменитыхъ каракальскихъ бань и историческаго амфитеатра... Въ восторгѣ, навѣянномъ привязанностью къ родинѣ, Сковорода готовъ былъ цѣловать родную землю. Онъ не пошелъ сразу въ село, а посѣтилъ прежде родное кладбище, гдѣ увидѣлъ много могильныхъ кургановъ и съ грустью узналъ среди новыхъ небожителей нѣкоторыхъ своихъ близкихъ и дорогихъ лицъ.

Пожилъ Сковорода на родинѣ, но не долго... Онъ скоро соскучился. Что ему дѣлать въ Чернухахъ? Сфера узко-практическихъ интересовъ, въ которые были погружены его земляки, была такъ чужда Сковородѣ. А силъ у него—много; является потребность такого или иного ихъ приложенія... Съ другой стороны, привычка къ мысли, къ аналитическимъ наблюденіямъ, воспитанная путешествіями, такъ сильно сказывается въ Сковородѣ, что ему ничего не остается, какъ опять взять въ руки свой „журавель“-палку и отправиться по свѣту искать занятій и пищи своему уму.

Онъ оставилъ Чернухи и пошелъ путешествовать изъ села—въ село, изъ уѣзда—въ уѣздъ, изъ губерніи—въ губернію... Послѣ пѣшаго путешествія по заграничнымъ, чужимъ государствамъ, хожденіе по родной землѣ не представляло для него особенныхъ препятствій и затрудненій. Въ своей свиткѣ съ откладнымъ мѣшкомъ („видлогою“), пришитымъ къ вороту для защиты отъ дождя и вѣтра, съ узелкомъ за плечами, въ которомъ хранилась его флейта и двѣ-три книжки, съ неизмѣнной палкой въ рукахъ, бодро пошелъ онъ—веселый и здоровый—по лицу родной земли съ свѣтлымъ убѣжденіемъ, что всѣ люди братья и что они не дадутъ человѣку—кто бы онъ ни былъ—умереть съ голода. „Добрый человѣкъ, говаривалъ онъ, вездѣ найдетъ насущный хлѣбъ у людей, а воду дастъ ему земля безъ платы, а лишнее не нужно“. Къ кому онъ шелъ? Кому онъ нуженъ былъ? Всѣмъ. Нуженъ онъ былъ священнику, потонувшему въ тинѣ механи-

чески исполняемыхъ требъ, чтобы встряхнуть его заплѣснѣвѣлый умъ трезвымъ богословскимъ вопросомъ и напомнить ему о его призваніи. Нуженъ онъ былъ писарю, чтобы напомнить ему, что не одинъ онъ „письменный" человѣкъ въ деревнѣ; пахарю-мужику, чтобы ободрить его въ тяжеломъ трудѣ; молодежи, чтобы поиграть ей на флейтѣ или спѣть какую нибудь пѣсню; строптивому самодуру-помѣщику, чтобы во-время остановить его расходившуюся руку, отъ которой трепетала жена, семейство и прислуга; и всѣмъ вообще, чтобы разсказать о своемъ путешествіи, подѣлиться впечатлѣніями заграничной жизни и доказать на опытѣ полуграмотному обществу, что „философъ не есть родъ орангутанговъ, которыхъ показываютъ за деньги", надъ которыми лишь „чудятся", а человѣкъ, побуждающій людей „къ свѣтлости мыслей, яко главѣ всего", и „въ любомудріи опытномъ раздирающій ризу высокоумствующихъ". Съ каждымъ Сковорода умѣлъ поговорить. Въ каждомъ умѣлъ вселить „возбужденную борьбу мыслей".

Онъ направился собственно въ Харьковъ, но попалъ въ Переяславль. Съ нимъ это случалось и ему было въ сущности совершенно безразлично, быть ли въ Переяславлѣ, или въ Харьковѣ. Ему нужны были только новыя мѣста и слушатели. Новизна мѣста удовлетворяла его страсти къ любознательности, собиранію свѣдѣній. Слушатели удовлетворяли его потребности учительства—тратѣ свѣдѣній. Сковорода не могъ довольствоваться однимъ лишь внутреннимъ сознаніемъ идей. Ему нужно было проявлять ихъ, обнаруживать предъ кѣмъ-бы то ни было.

Сковорода—учитель семинаріи. Это случилось неожиданно, какъ и многое въ жизни этого замѣчательнаго человѣка. Въ Переяславлѣ, „городѣ изрядномъ и довольно многолюдномъ", гдѣ была въ то время многолюдная семинарія (до 700 учащихся), Сковородѣ предложили мѣсто семинарскаго учителя поэзіи. Онъ принялъ предложеніе и уже написалъ спеціально для учениковъ „Руководство о поэзіи", теоретическія положенія котораго подтверждалъ составленіемъ собственныхъ пѣснопѣній. Но скоро переяславльскому профессору поэзіи пришлось убѣдиться, что умственныя дарованія и интеллектуальное преимущество надъ

окружающими не даютъ еще права на оффиціальное обладаніе этимъ преимуществомъ. „Руководство“ Сковороды показалось либеральнымъ семинарскому начальству, и архіерей Никодимъ Сребницкій предложилъ автору измѣнить сочиненіе. Особенно либеральнымъ казалось предпочтенье, оказанное Сковородой ямбамъ Ломоносова предъ силлабическими стихами Симеона Полоцкаго. Предложено было автору исправить „Руководство“ и слѣдовать старинѣ. Сковорода не согласился. Отъ него потребовали „письменнаго отвѣта образомъ судебнымъ чрезъ Консисторію“. Это вмѣшательство мѣстнаго епископа въ его педагогическія занятія вызвало раздоры. Запальчивое изреченіе Сковороды: „alia res spectrum, alia res plectrum“, высказанное имъ по адресу епископа, стоило ему мѣста. „Не живяше посредѣ дому моего, творяй гордыню“, отвѣтилъ епископъ тоже изреченіемъ, и Сковорода изгнанъ былъ изъ переяславльскаго училища.

Сковорода—частный репетиторъ. Его рекомендовали одному просвѣщенному и гуманному, но тщеславному и кичливому помѣщику Томарѣ для занятій съ его сыномъ. Съ точки зрѣнія современнаго „пана“ это былъ довольно таки странный учитель—въ камлотовомъ кафтанѣ, не подчинявшійся этикету, не заискивающій и не унижающійся. Все еще шло сносно до поры до времени, пока учитель не обозвалъ своего ученика за какой то неудачный отвѣтъ мыслителемъ съ свиной головой. Прислуга донесла родителямъ о непочтительномъ обращеніи репетитора съ „родовитымъ шляхетскимъ сыномъ“—и Сковородѣ отказали отъ мѣста. Томара, не говорившій все время со Сковородой, лишь при прощаніи удостоилъ его словами: „Прости, государь мой! Мнѣ жаль тебя!“ Подобными неудачами „нужда обрабатывала въ немъ сердце полезнѣйшее и насѣяла въ немъ сѣмена терпѣнія“.

Оставшись безъ мѣста, „безъ пропитанія, безъ одежды, но не безъ надежды“, Сковорода зашелъ къ одному своему пріятелю, переяславльскому сотнику, должно быть „на пустынножительство“. Но по случаю, игравшему такую видную роль въ жизни Сковороды, попалъ неожиданно въ Москву вмѣстѣ съ

какимъ-то Калиграфомъ, получившимъ мѣсто проповѣдника въ Московской академіи.

Въ Троице-Сергіевой Лаврѣ ему предлагали сдѣлать переводъ Ливія и предоставляли мѣсто преподавателя при лаврскомъ училищѣ. Но Сковорода, разозливши монаховъ своими саркастическими замѣчаніями на счетъ ихъ благоутробія, предпочелъ удалиться обратно въ Малороссію, куда его влекла тоска по родинѣ. Для дальнѣйшаго насажденія „сѣмянъ терпѣнія" судьба вторично опредѣлила его домашнимъ учителемъ у Томары, который, распростившись со Сковородой, скоро пожалѣлъ о немъ и просилъ своихъ знакомыхъ во что-бы то ни стало разыскать Григорія Саввича, когда онъ появится опять въ Малороссіи. Разсказываютъ, будто одинъ знакомый привезъ къ Томарѣ Сковороду въ сонномъ состояніи, ночью.

Быть можетъ философъ былъ въ это время и подъ хмѣлемъ. Извѣстно, что онъ „не дурень бувъ и выпыты". Иногда это не противорѣчило его философскимъ убѣжденіямъ. Вино развязываетъ языкъ, а Сковорода любилъ одушевленно поговорить. Съ другой стороны, нельзя было не выпивать, живя въ странѣ, гдѣ повсюду на ряду съ вѣтряками стояли примитивной конструкціи винокурни. Сковорода остался вѣренъ особенностямъ своего времени и среды. Пьяницей онъ, впрочемъ, никогда не былъ. Такое утвержденіе шло-бы совершенно въ разрѣзъ съ біографическими свѣдѣніями о Сковородѣ. Никто не могъ, конечно, поставить ему въ упрекъ его по временамъ проявлявшуюся слабость къ выпивкѣ. А если бы кто и поставилъ, онъ могъ-бы отвѣтить словами Пушкина, сказанными относительно Байрона: „толпа въ подлости своей радуется униженію высокаго, слабостямъ—могучаго. При открытіи всякой мерзости она въ восхищеніи. Онъ малъ, какъ и мы, онъ мерзокъ—какъ и мы! Врете, подлецы: онъ и малъ и мерзокъ, но не такъ какъ вы, иначе".

Жизнь Сковороды въ это время пріобрѣтаетъ болѣе или менѣе ровное и спокойное теченіе. Сковорода погрузился въ природу, вошелъ во „вкусъ къ свободѣ... въ уединеніи, но безъ разстройки съ самимъ собою". Послѣ нѣсколькихъ часовъ сна

онъ вставалъ обыкновенно до зари, чтобы привѣтствовать во всякое время года восходъ солнца, въ честь котораго онъ составилъ мистико-пантеистическій, восторженный гимнъ. Пѣть онъ всегда любилъ. Его любимой церковной пѣснью былъ ирмосъ Іоанна Дамаскина: „Образу златому на полѣ Деирѣ служиму". Эту пѣснь онъ пѣлъ всегда, „по нѣкоему махинальному побужденію". Пищу онъ предпочиталъ больше растительную, и то послѣ захода солнца; мяса и рыбы не любилъ. Гулялъ всегда пѣшкомъ. Для прогулокъ выбиралъ уединенныя мѣста. По замѣчанію біографа, онъ былъ въ это время „веселъ, бодръ, подвиженъ, выдержанъ, благодушествующій, словоохотенъ, изъ всего выводящій нравоученье и почтителенъ". Оказывается, еще Сковорода былъ на той „первой ступени", которую, съ легкаго слова Л. Н. Толстого, съ такимъ энтузіазмомъ проповѣдуютъ вегетаріанцы. Разница между Сковородой и современными вегетаріанцами въ томъ, что первый не кичился своимъ безмяснымъ столомъ и не проповѣдывалъ о безъубойномъ питаніи, какъ объ основномъ моральномъ законѣ.

Заведеннаго порядка своей жизни Сковорода не измѣнилъ и тогда, когда получилъ, благодаря ходатайству своихъ знакомыхъ, должность учителя поэзіи въ Харьковскомъ коллегіумѣ въ 1759 году. Это была своеобразно-аскетическая жизнь. Она такъ напоминала монашескую, что представитель духовенства, имѣвшій ближайшее отношеніе къ коллегіуму, настойчиво предлагалъ ему монашество. „Ѣшьте жирно, пейте сладко, одѣвайтесь мягко и монашествуйте", отвѣтилъ ему Сковорода и изложилъ ему свой взглядъ на монашество, послѣ чего ему оставалось принять напутственное благословеніе и удалиться изъ коллегіума, не проживши въ немъ и года.

Съ неразлучнымъ „журавлемъ" въ рукахъ, узелкомъ и болтавшимися „чоботами" за спиной, въ своей сѣрой свиткѣ вышелъ бѣдный, ничего неимѣющій учитель Харьковскаго коллегіума изъ шумнаго города, не ощущая въ душѣ своей ни грусти, ни упрековъ совѣсти. Ему было легко и весело. Сознаніе свободы, независимости отъ людскихъ дрязгъ и пересудъ доставляло ему царственныя минуты покоя и удовлетворенія. Предъ

нимъ были открыты всѣ дороги. Ему улыбался весь міръ. Онъ понялъ, что „ходя по землѣ, слѣдуетъ обращаться въ небесахъ", и сталъ насвистывать на своей флейтѣ импровизацію на эту тему, смущая встрѣчныхъ своимъ видомъ и настроеніемъ и наблюдая „различныя охоты житія человѣческаго по разнымъ мѣстамъ".

Но окончательно успокоился Сковорода только у одного своего пріятеля въ глухой живописной деревнѣ Старицѣ (близъ Бѣлгорода), въ которой уединенно принялся за свой любимый самоанализъ.

Свои идеи, какъ результатъ философскаго настроенія, онъ излагалъ въ формѣ діалоговъ-размышленій и иногда записывалъ ихъ въ формѣ писемъ для памяти и для свѣдѣнія отсутствующимъ друзьямъ.

Но ему не долго пришлось оставаться въ покоѣ. Онъ несъ уже за собой слишкомъ извѣстный всѣмъ слухъ, славу. О немъ вездѣ говорили. Его стали навѣщать ближніе и отдаленные помѣщики и искать знакомства.

Скоро онъ снова очутился въ Харьковѣ въ качествѣ домашняго учителя юноши Коваленскаго, котораго сталъ учить добродѣтельной жизни, истинѣ и музыкѣ и ради котораго рѣшился снова принять въ училищѣ должность учителя синтаксиса и греческаго языка. Сковорода полюбилъ Коваленскаго и такъ привязался къ нему, что дѣлалъ его даже участникомъ своихъ странностей.

Порою, позднимъ вечеромъ уходили они вдвоемъ на загородное кладбище и тамъ, при возбуждающей обстановкѣ могильной картины, среди безмолвныхъ надгробныхъ памятниковъ и разрытыхъ въ пескѣ отъ вѣтра могилъ, разговаривали о естественномъ исходѣ всякаго существованія на землѣ и о „безумномъ страхѣ" людей при видѣ мертвыхъ. Эти неурочные разговоры иногда прерывались пѣніемъ Сковороды или игрой на сопилкѣ, которую онъ усовершенствовалъ такъ, что могъ передавать на ней переливы голоса пѣвчихъ птицъ, и которую неизмѣнно носилъ съ собой.

Въ августѣ 1764 года для продолженія наблюденія надъ „различными охотами житія человѣческаго" онъ прибылъ съ

своимъ ученикомъ Коваленскимъ въ Кіевъ. Здѣсь учитель старался развить своего ученика объясненіемъ ему различныхъ церковныхъ древностей. Здѣсь ему опять предлагали монашество, „уловляли святыней“ и предсказывали ему, что онъ будетъ „столбомъ церкви“. Но Сковорода отказался. „Я столботворенія умножать не хочу“, отвѣчалъ онъ инокамъ. „Довольно и васъ столбовъ неотесанныхъ въ храмѣ Божіемъ!“ Вообще, кореннымъ непониманіемъ духа Сковороды звучали совѣты тѣхъ друзей, которые рекомендовали ему священство. Ничего не могло быть противоположнѣе между раціоналистическими взглядами Сковороды на религіозные вопросы и складомъ убѣжденій, какихъ держалось духовенство.

Сковорода любилъ мистико-поэтическое созерцаніе природы и провелъ на берегу Днѣпра лучшія минуты своей жизни. Погруженный въ пантеистическое созерцаніе „сущаго“, онъ подолгу сидѣлъ на нагорной сторонѣ Днѣпра, размышлялъ о суетѣ человѣческой жизни, о безсмертіи, о вѣчной красотѣ природы, о самосознаніи и молился. На живописномъ берегу Днѣпра чудакъ-философъ сочинялъ оригинальныя, мистико-философскія молитвы, которыя въ устахъ его дышали искренностью горячо преданнаго своему дѣлу человѣка, вѣрующаго въ свое призваніе. Нерѣдко, потрясенный до глубины души своими идеями, онъ впадалъ какъ-бы въ экстазъ, погружался въ сущее и сливался съ міроязданіемъ. Въ одну изъ такихъ минутъ къ нему пришелъ одинъ кіевопечерскій монахъ, слышавшій споръ Сковороды съ кіевскими иноками объ аскетизмѣ, съ признаніемъ, что слова философа правдивы и что онъ точно такъ же думаетъ, но что у него не хватало силъ слѣдовать собственнымъ мыслямъ.

IV.

Сковорода-учитель Харьковскаго училища.—Встрѣча съ губернат. Щербининымъ. Сковорода и Елена Майоръ.

Изъ Кіева Сковорода вернулся въ Харьковщину въ рубищѣ, но съ новымъ запасомъ идей, добытыхъ собственнымъ анали-

зомъ. Онъ задумалъ еще разъ попытать свои силы на поприщѣ оффиціальной педагогической дѣятельности и еще разъ убѣдиться, что казенная служба съ ея требованіями не его удѣлъ. При харьковскомъ училищѣ, въ которомъ прежде училъ Сковорода, въ 1766 году открылись добавочные классы для дворянъ.

Сковороду пригласили преподавать дворянамъ „правила благонравія“. Ему предлагали жалованье, но Сковорода отказался отъ денегъ, говоря, что преподаваніе доставляетъ ему и безъ того одно удовольствіе. Ему было въ это время 44 года. Послѣ преподаванія поэзіи, синтаксиса, греческаго языка,—правила благонравія представляли новую область мысли; но Сковородѣ по существу было все равно, что ни преподавать. Каѳедра правилъ благонравія была тѣмъ хороша, что открывала свободу его мыслямъ, просторъ его рѣчамъ безъ оффиціальной программы. Онъ вышелъ на каѳедру и началъ:

— „Весь міръ спитъ, спитъ глубоко протянувшись, будто ушибленъ! А наставники не только не пробуживаютъ, но еще поглаживаютъ, глаголюще: спи, не бойся, мѣсто хорошее, чего опасаться!“

Сковорода не объяснилъ, кто усыпилъ міръ, но должно быть харьковское дворянское юношество не слышало еще съ каѳедры такихъ рѣчей. Сковорода не удовлетворился рѣчами и написалъ свой учебникъ по этому предмету: „Начальная дверь къ христіанскому добронравію для молодаго шляхетства харьковской губерніи“. Новизна и оригинальность взглядовъ, изложенныхъ въ этой „двери“, не понравились начальству и духовенству и своимъ раціоналистическимъ духомъ, съ какимъ Сковорода выражался о разныхъ религіозныхъ вопросахъ, произвели цѣлую бурю.

Для характеристики приведемъ наиболѣе характерное положеніе, которое Сковорода предлагалъ харьковскому дворянскому юношеству. „Божественный духъ, училъ Сковорода, весь міръ, какъ машинистова хитрость часовую на башнѣ машину, въ движеніи содержитъ и самъ бытіемъ есть всякому созданію. Самъ одушевляетъ, кормитъ, распоряжаетъ, починяетъ, защищаетъ и по своей же волѣ, которая всеобщимъ закономъ

зовется, опять въ грубую матерію обращается. По сей причинѣ разумная древность сравнивала его съ математикомъ, или геометромъ; потому что непрестанно въ пропорціяхъ или размѣрахъ упражняется, вылѣпливая по разнымъ фигурамъ, напримѣръ, травы, дерева, звѣрей и все проч.“—„Время, жизнь и все прочее въ Богѣ содержится“. Опредѣляя ту же міровую субстанцію въ ея метафизически-нравственномъ смыслѣ, Сковорода называлъ Бога евангельски — любовью: „Богъ любы есть“. Даже такіе взгляды казались соблазнительными для тогдашнихъ педагоговъ, опекавшихъ мыслительную цѣломудренность юношества. Сочиненіе Сковороды въ рукахъ обскурантовъ превратилось въ грозную улику неблагонамѣренности. Сковорода долженъ былъ оставить педагогическую службу въ Харьковѣ съ горькимъ убѣжденіемъ, что сила обскуратизма и лести сильнѣе здраваго смысла и прямодушія.

Въ Харьковѣ многіе изъ лицъ высшаго положенія искали знакомства съ Сковородой. Любопытна встрѣча Сковороды съ харьковскимъ губернаторомъ Е. А. Щербининымъ. Щербининъ любилъ музыку и хотѣлъ познакомиться со Сковородой. Однажды губернаторъ ѣхалъ въ своемъ пышномъ рыдванѣ съ гайдуками по улицѣ. Сковорода въ это время сидѣлъ на тротуарѣ у гостиннаго двора. Быть можетъ, онъ размышлялъ о суетѣ властоначалія, или пѣлъ что нибудь „приличное благодушеству“. Рыдванъ поравнялся съ гостиннымъ дворомъ. Къ Сковородѣ подбѣжалъ адъютантъ.

— Васъ требуетъ къ себѣ его превосходительство, сказалъ онъ.

— Какое превосходительство? недоумѣвалъ философъ.

— Г. губернаторъ!

— Мы незнакомы. Передайте ему...

Адъютантъ, заикаясь, передалъ отвѣтъ Сковороды. Черезъ минуту адъютантъ опять подбѣжалъ къ Сковородѣ.

— Васъ проситъ къ себѣ Евдокимъ Алексѣевичъ Щербининъ.

— А, отвѣтилъ Сковорода, подымаясь съ мѣста, объ этомъ слышалъ. Говорятъ—добрый человѣкъ и музыкантъ.

Снявши шапку, онъ подошелъ къ рыдвану; завязался разговоръ.

— Почему не возьмешь себѣ какого нибудь занятія? спросилъ между прочимъ губернаторъ.

— Свѣтъ подобенъ театру, отвѣтилъ Сковорода, въ немъ берутъ роли по способностямъ. Я увидѣлъ, что не могу представить на театрѣ свѣта никакого лица удачно, кромѣ простого, безпечнаго и уединеннаго; я сію роль выбралъ, взялъ и доволенъ.

— Но, другъ мой, возразилъ губернаторъ. Можетъ быть, имѣешь способности къ другимъ занятіямъ, но тебѣ мѣшаютъ многія предубѣжденія...

— Если бы я почувствовалъ, отвѣтилъ Сковорода, что могу рубить турокъ, то привязалъ бы гусарскую саблю, и, надѣвъ киверъ, пошелъ бы служить въ войско. А ни конь, ни свинья не сдѣлаютъ этого, потому что не имѣютъ природы къ тому".

Разсчитавшись съ харьковскимъ коллегіумомъ, Сковорода окончательно рѣшилъ больше не служить и удалился въ село Гурвинское къ помѣщикамъ Земборскимъ, которые радушно встрѣтили чудака-философа. Тамъ, среди густого лѣса, въ уютной пасѣкѣ онъ написалъ свои первыя философскія сочиненія о самопознаніи подъ названіями: „Наркизъ, или познай себя" и „Книгу Асхань, о познаніи себя".

А между тѣмъ о Сковородѣ шли разные слухи. На ряду съ хорошими слухами распускалось много и небылицъ. Его упрекали въ нелюбви къ ближнему, называли его мизантропомъ, манихейцемъ и т. под. Появилось много завистниковъ, „оглагольниковъ", выдумывавшихъ различныя басни о жизни Сковороды. Григорій Саввичъ, въ общемъ довольно равнодушный ко всякимъ сплетнямъ, порою не выдерживалъ, являлся въ городѣ, діалектически громилъ своихъ враговъ и послѣ этого удалялся еще въ большее одиночество.

Серьезныя сердечныя волненія, кажется, вовсе не играли роли въ его жизни. По замѣчанію біографовъ, онъ былъ „вовсе не склоненъ къ женскому полу". Впрочемъ, есть смутное преданіе, что чудакъ чуть-чуть не былъ увлеченъ цѣпями гименея.

Разсказъ относится къ довольно пожилому возрасту Сковороды. Ему уже было за сорокъ. Свернувъ въ сторону во время одного своего путешествія съ какой-то дороги въ проселокъ, гдѣ были расположены Валковскіе хутора, а изъ поселка—въ огороды, Сковорода видитъ „садокъ“ близъ пасѣки, а въ пасѣкѣ красивую дѣвушку, распѣвавшую пѣсни. Сковорода самъ былъ музыкантъ и мотивы пѣсни не проходили мимо его уха незамѣченными. Дѣвушка привлекла его вниманіе и онъ познакомился съ ея отцомъ, оригинальнымъ хуторяниномъ, носившимъ прозвище „Майоръ“. Можетъ быть, впрочемъ, это было и его званіе. Дальнѣйшее знакомство повело къ тому, что Сковорода убѣдилъ отца въ необходимости для его дочери грамоты и началъ учить дѣвушку. Какъ часто бываетъ, учитель постепенно влюбился въ ученицу. Когда Елена Майоръ заболѣла, учитель превращается въ лѣкаря и лѣчитъ ее. Она, кажется, отвѣчала ему взаимностью. Все видимо шло хорошо. Сковорода былъ объявленъ женихомъ. Его ставятъ подъ вѣнецъ. Но въ самую рѣшительную минуту природа чудака беретъ верхъ надъ сердечнымъ влеченіемъ и онъ убѣгаетъ изъ церкви, изъ-подъ вѣнца. .

Это преданіе, легшее въ основу повѣсти Срезневскаго „Майоръ-майоръ“ (въ „Моск. Наблюд.“ 1836 г. VI), пока еще не провѣрено біографами и на достовѣрность его полагаться нельзя, хотя разсказъ не стоитъ въ противорѣчіи со всѣмъ, что намъ извѣстно о Сковородѣ.

V.

Послѣднія скитанія Сковороды. Его смерть.

Въ характерѣ Сковороды въ послѣдній періодъ его жизни замѣчается перемѣна, вполнѣ естественная, впрочемъ, въ положеніи человѣка его возраста, человѣка, прожившаго притомъ такъ оригинально свою жизнь. Его живое, впечатлительное сердце постепенно грубѣетъ, и меланхолія сильнѣе овладѣваетъ его настроеніемъ. Добрый и веселый отъ природы, онъ черствѣетъ и дѣлается своенравнѣе. Его присутствіе, всегда желательное

для общества, теперь иногда становилось тяжелымъ, вслѣдствіе капризовъ и чудачества старика. Чувство уединенія, которымъ онъ жилъ въ молодые годы, постепенно стало переходить въ немъ въ чувство отчужденія отъ людей и свѣта. Нѣкогда живой и свѣтлый умъ теперь подавляется болѣе и болѣе мистицизмомъ.

Ироническое отношеніе къ людямъ часто переходитъ у него въ ѣдкую сатиру. Чуждый опредѣленныхъ привязанностей, не знавшій никогда радостей семейной жизни, Сковорода подъ старость какъ будто озлобляется и не можетъ покойно ужиться на одномъ мѣстѣ. Ко второму періоду жизни Сковороды особенно должно быть отнесено свидѣтельство Вернета: „Своенравіе, излишнее самолюбіе, нетерпящее никакого противорѣчія, слѣпое повиновеніе, котораго онъ (Сковорода) требовалъ отъ слушавшихъ его (magister dixit), затмевали сіяніе дарованій его и уменьшали пользу, которой общество могло-бы ожидать отъ его способностей“.

Вторая половина жизни украинскаго философа представляетъ рядъ скитальческихъ похожденій, не выясненныхъ еще окончательно его біографами. У Сковороды была жгучая страсть къ передвиженію, которой не могли охладить въ немъ усталость и преклонный возрастъ. Ему въ это время было уже около пятидесяти лѣтъ. Не спѣша, съ сознаніемъ правоты и необходимости своего передвиженія, путешествовалъ онъ то въ воронежскую губернію, то опять въ любимую пасѣку въ с. Гурвинскомъ, то въ Бабаи, харьковской губерніи, то въ Гусинскую пустошь къ Сошальскимъ, „гдѣ пасъ стада и читалъ Виргиліевы эклоги“, то въ Кіевъ „для любопытства“,—и наставительно всѣхъ поучалъ при всякомъ удобномъ случаѣ, не разбирая, какого званія и положенія были его слушатели. Изъ Кіева онъ однажды во-время уѣхалъ, предчувствуя приближеніе чумы. Объ этомъ такъ, между прочимъ, разсказываютъ его біографы. Проживъ въ Кіевѣ три мѣсяца у родственника своего Іустина, въ Китаевской пустынѣ, Сковорода почувствовалъ вдругъ въ себѣ „движеніе духа“, побуждавшаго его скорѣй уйти изъ Кіева. Онъ просилъ родственника своего отправить его на Украйну, но тотъ отговаривалъ, прося погостить подольше. Самъ Сковорода колебался,

„уходить или остаться“? Однажды, онъ задумчиво спускался съ верхней части Кіева на Подолъ и вдругъ остановился. Онъ почувствовалъ сильный запахъ трупный... и на другой день поспѣшно выѣхалъ изъ Кіева. Черезъ двѣ недѣли, когда онъ былъ уже въ Ахтыркѣ, до него дошло извѣстіе, что въ Кіевѣ чума и что городъ уже окруженъ кордономъ.

Иногда его просили погостить подольше. Тогда Сковорода располагался скромно въ какомъ нибудь уголкѣ и, самъ услуживая себѣ и никого не утруждая никакими просьбами, проживалъ нѣсколько дней, обучая дѣтей, если они были въ домѣ, или, если ихъ не было, помогая хозяевамъ въ ихъ хозяйственныхъ работахъ. Потребности его были очень несложны. Онъ довольствовался лишь необходимымъ. Ему пробовали давать какіе-нибудь подарки. Онъ отказывался, говоря: „дайте неимущему“. Его любимымъ изреченіемъ всегда было: „благодареніе Богу, что Онъ трудное сдѣлалъ ненужнымъ, а нужное—нетруднымъ“.

„Не стяжалъ онъ ни золота, ни серебра,—воспоминаетъ о Сковородѣ Лубяновскій,—но народъ не затѣмъ принималъ его подъ свои кровли. Хозяинъ дома, въ который онъ входилъ, прежде всего всматривался, не нужно-ли было чего-либо поправить, почистить, перемѣнить въ его одѣяніи, въ его обуви; все это и дѣлалось немедленно. Жители тѣхъ особенно слободъ и хуторовъ, гдѣ онъ чаще бывалъ и долѣе оставался, любили его какъ родного. Онъ отдавалъ имъ все, что имѣлъ: не золото и серебро, а добрые совѣты, увѣщанія, наставленія, дружескіе попреки за несогласія, неправду, нетрезвость, недобросовѣстность“.

Всю жизнь свою онъ провелъ свободно, чуждый карьеры и славолюбія. Во всякомъ оффиціально-общественномъ положеніи онъ видѣлъ „мышеловку для души“ и боялся попасть въ нее. „Чины, богатство онъ вмѣнялъ во хвостъ“. Его любимыя поговорки носятъ характеръ игривой сатиры, въ которой мысль беретъ перевѣсъ надъ формой. Вотъ нѣкоторыя изъ его любимыхъ изреченій: „старайся манить собаку, но палки изъ рукъ не выпускай“; „курица кудакчетъ на одномъ мѣстѣ, а яйца кладетъ на другомъ“; „рыба начинаетъ отъ головы портиться“.

Незадолго предъ своей смертью, удрученный, изможденный 73-лѣтній старикъ, по просьбѣ стараго друга Коваленскаго, съ которымъ не видѣлся около 20 лѣтъ, путешествовалъ къ нему пѣшкомъ въ Орловскую губернію, въ с. Хотетево, чтобы еще разъ увидѣть и обнять своего любимаго ученика и „раздѣлить съ нимъ ничтожество его". Путешествіе было предпринято въ самую ненастную погоду. Сковорода принесъ съ собой свои сочиненія, изъ которыхъ многія посвятилъ Коваленскому. Старые друзья ежедневно занимались чтеніемъ книгъ и разсужденіями. Знакомства съ философомъ искали многія въ то время важныя „персоны": губернскій прокуроръ, директоръ экономіи и др.; но Сковорода, по обыкновенію, уклонялся отъ такихъ знакомствъ. Нигдѣ такъ предупредительно не ухаживали за Сковородой, какъ въ домѣ Коваленскаго, который былъ въ значительной степени обязанъ своимъ умственнымъ развитіемъ Григорію Саввичу. Но ухаживанія были напрасны.—Ими нельзя было удержать старика. Ему взгрустнулось по родинѣ, по Украйнѣ, и никакія просьбы Коваленскаго не могли остановить рѣшенія Сковороды вернуться обратно на родину. Онъ захандрилъ, почувствовалъ приближеніе смерти, и любимою темою для разговоровъ въ послѣдніе дни его жизни былъ вопросъ о смерти. „Страхъ смерти, говорилъ Сковорода, нападаетъ на человѣка всего сильнѣе въ старости его. Потребно заблаговременно заготовить себя вооруженіемъ противу врага сего не умствованіемъ, но мирнымъ расположеніемъ воли своей". Коваленскій упрашивалъ его остаться на зиму и со временемъ скончать свою жизнь въ его домѣ.

— Ничего не жалѣю для тебя... живи сколько хочешь,— упрашивалъ бывшій ученикъ своего учителя.

— Духъ мой велитъ ѣхать,—отвѣтилъ Сковорода и сталъ немедленно собираться въ путь.

Коваленскій, зная характеръ философа, не стѣснялъ его, далъ ему полную свободу—какъ, куда, съ чѣмъ и въ чемъ онъ хочетъ ѣхать... Въ послѣднюю минуту, при прощаніи, онъ предложилъ философу необходимый запасъ на дорогу и денегъ.

— Это что? зачѣмъ? спросилъ Сковорода.

— Возьмите на дорогу,—быть можетъ, въ пути болѣзнь усилится и заставитъ гдѣ-нибудь остановиться, то нужно будетъ заплатить.

Но Сковорода остановилъ его.

— Другъ мой, сказалъ онъ, промыслъ Божій, вѣроятно, заботится о насъ и дастъ все потребное за благовременность.

Проживъ три недѣли въ Хотетевѣ, Сковорода 26 августа 1794 года, не обращая вниманія на холодное осеннее время, съ большими трудностями совершилъ свое послѣднее путешествіе изъ Орловской губерніи черезъ Курскъ, гдѣ нѣкоторое время пробылъ у архимандрита Амвросія, на родину, въ Харьковскую губернію.

Умеръ Сковорода такъ же характерно и типично, какъ и жилъ. Послѣдніе дни своей жизни онъ провелъ въ слободѣ Канъ-Ивановкѣ, Харьковской губерніи, въ имѣніи помѣщика Коваленскаго. Здѣсь ему была отведена небольшая, но уютная комнатка, окнами въ садъ. Но въ комнатѣ онъ оставался, впрочемъ, очень рѣдко. Старикъ оставался вѣренъ своей старой привычкѣ къ движенію и цѣлыми днями бродилъ по саду и полямъ.

Былъ веселый, теплый день. У помѣщика собралось много гостей. Григорій Саввичъ былъ въ ударѣ. Остроумная, веселая рѣчь такъ и лилась у него потокомъ, къ великому удовольствію общества, которое всегда любило послушать страннаго философа. Онъ разсказывалъ свою біографію, свои приключенія, которыхъ на его долю выпало не мало. Онъ давно уже жилъ воспоминаніями. Настоящее представляло для него мало радости и интереса. Изреченіе философа-пессимиста, что человѣкъ сорокъ лѣтъ живетъ, а другіе сорокъ лѣтъ вспоминаетъ пережитое (Шопенгауеръ), въ большой степени должно отнести къ нашему философу...

Наблюдательный человѣкъ подмѣтилъ-бы странную возбужденность философа въ этотъ день, неестественность его веселія, судорожность его смѣха. И неудивительно, — это былъ предсмертный приливъ радости жизни, болѣзненно-веселый подсчетъ пережитаго, предчувствіе необходимости окончательной

расплаты. Сковорода предчувствовалъ смерть и хотѣлъ наговориться, и въ его рѣчахъ звучала конвульсивно-нервная нота.

Сковорода послѣ обѣда скрылся и цѣлый день одиноко бродилъ по саду, срывалъ плоды, раздавалъ ихъ работавшимъ въ саду мальчикамъ. Приближался вечеръ. Философа не было. Коваленскій сталъ безпокоиться и пошелъ отыскивать его. Солнце шло къ закату и его косые лучи грустнымъ осеннимъ блескомъ освѣщали пожелтѣвшіе листья. Подъ развѣсистой липой Сковорода задумчиво былъ погруженъ въ странное занятіе. Огороднымъ заступомъ старикъ рылъ подъ деревомъ узкую, продолговатую могилу.

— „Что это?“ спросилъ Коваленскій.—„Пора успокоиться!“ отвѣтилъ Сковорода.—„Полно шутить! Пойдемъ!“—„Иду, но я буду просить тебя, пусть здѣсь будетъ моя послѣдняя храмина!“

Вошли въ домъ. Сковорода былъ задумчивъ. Веселость не возвращалась къ нему. Онъ удалился въ свой кабинетъ. Его ждали къ ужину, но онъ не вышелъ. Его оставили въ покоѣ. И раньше на него находили такія минуты, но никто не предполагалъ, что уже наступили послѣдніе часы для Григорія Саввича. Въ кабинетѣ онъ умылся, надѣлъ чистое бѣлье, помолился Богу, подложилъ подъ голову сѣрую свитку и узелокъ своихъ сочиненій—и заснулъ.

На другой день его ждали къ чаю. Сковороды не было. Наступило время обѣда. Онъ не являлся.

Встревоженный Коваленскій вошелъ въ его комнату. Онъ спалъ. Коваленскій сталъ будить его; но сонъ былъ вѣчный... Сковорода лежалъ съ сложенными на груди накрестъ руками, холодный, окостенѣлый. Онъ умеръ въ полномъ сознаніи, покойно, безъ агоніи. Смерть нашла его готовымъ. Онъ самъ приготовилъ свое тѣло къ погребенію, не желая и этимъ быть обязаннымъ людямъ. На своей могилѣ онъ завѣщалъ написать эпитафію, такую-же оригинальную, какъ и онъ самъ и вся его жизнь: *„міръ ловилъ меня, но не поймалъ“*. Такъ умеръ этотъ человѣкъ, который, говоря словами Снегирева, „жилъ больше для другихъ, чѣмъ для себя, говорилъ правду людямъ не обинуясь и умеръ, не сожалѣя о своей страннической жизни“.

Тѣло Сковороды похоронили на возвышенномъ берегу пруда, близъ рощи, на любимомъ его мѣстѣ, гдѣ часто по зарямъ игрывалъ онъ на своемъ завѣтномъ флейттраверсѣ псалмы и пѣсни. Впослѣдствіи тѣло его было перенесено оттуда и похоронено въ саду священника, близъ памятника владѣльца, стараніемъ одного изъ его учениковъ, который прибылъ послѣ смерти его изъ Петербурга и издалъ впослѣдствіи его портретъ („весьма цѣнимый нашими молоканами, замѣчаетъ Ливановъ, авторъ сочин. „Раскольники и острожники“).

Впослѣдствіи имя Сковороды въ Ивановкѣ было совершенно забыто и къ могилѣ его не имѣли никакого уваженія. Быть можетъ, это происходило отчасти и оттого, что Ивановка въ это время часто переходила изъ рукъ въ руки. Лишь среди близкихъ къ могилѣ Сковороды жителей сохранилась молва о немъ, поддерживаемая разными суевѣрными разсказами о странныхъ явленіяхъ, происходившихъ около его забытой могилы. Разсказываютъ, что владѣльцы усадьбы, въ которой похороненъ Сковорода, умирали или лишались своихъ женъ. Еще чаще бывало, что новые владѣльцы усадьбы въ продолженіе пяти лѣтъ окончательно спивались... Ходили разсказы о видѣніяхъ и привидѣніяхъ, объ опустошительныхъ вихряхъ, налетавшихъ на мѣсто упокоенія Сковороды. Народная фантазія, вообще, любитъ разработывать такіе сюжеты. Но когда одинъ изъ владѣльцевъ Ивановки обложилъ могилу философа дерномъ и устроилъ около нея пасѣку, столь любимую философомъ и притомъ считающуюся въ Малороссіи мѣстомъ священнымъ, видѣній на могилѣ чудака-философа стало меньше.

Ѳ. Кудринскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БЮДЖЕТЫ Г. КІЕВА ВЪ СРЕДИНѢ XVIII В.

14 іюля 1754 г. послѣдовалъ именной указъ объ уничтоженіи въ Малой Россіи т. наз. индукты и эвекты, а сенатскимъ указомъ 2 апрѣля 1755 г. (П. С. З. Р. И., 10386) повелѣно „во облегченіе малороссійскаго народа" впредь ни съ кого не взимать покуховного и скатнаго съ продажнаго вина и дегтю, ярмарковаго и торговаго, поколеснаго съ мельницъ, показанщины отъ винокуренныхъ котловъ и прочихъ тому подобныхъ разнаго званія сборовъ, какіе бы они ни были.

Эти распоряженія, вытекавшія изъ видовъ современной фискальной политики, неизбѣжно должны были отразиться на магистратскихъ доходахъ г. Кіева. Являлось опасеніе, что кіевскій магистратъ не въ состояніи будетъ нести нѣкоторыя государственныя повинности, возложенныя на него въ прежнее время (почтовая, подворная, квартирная и т. п.) и постоянно возраставшія. Дѣйствительно, уже 7 февраля сдѣлано распоряженіе объ отпускѣ кіевскому магистрату на содержаніе нижняго города Кіево-Подола и на прочія надобности по 479 р. 66 к. изъ таможеннаго сбора (П. С., 10509), а 9 марта того-же года сенатомъ затребованы изъ магистрата вѣдомости о доходахъ и расходахъ за 1744, 1748 и 1754 годы. Вѣдомости были составлены и переданы въ кіевскую губернскую канцелярію для сличенія съ магистратскими приходо-расходными книгами.

Въ 1758 г. состоявшая при сенатѣ коммиссія о пошлинахъ вновь требуетъ отъ кіевскаго магистрата вѣдомости о доходахъ

и расходахъ уже за 1752, 1753 и 1754 годы. Требованіе было исполнено (посланы вѣдомости о расходахъ), но послѣдствій не имѣло.

Въ 1760 г. магистратъ, ссылаясь на эти вѣдомости, ходатайствовалъ передъ сенатомъ объ увеличеніи казеннаго пособія до 1214 р. 66 коп. въ годъ, въ возмѣщеніе отмѣненныхъ въ 1754 и 1755 гг. магистратскихъ доходовъ. При этомъ магистратъ ссылался на послѣдовавшее „отъ устремленія быстрины рѣки Днѣпра Кіеву нижнему городу Подолу разореніе" и на необходимость поправленія берега.

Въ началѣ 1765 г. сенатъ поручилъ разсмотрѣніе этого вопроса кіевскому генералъ-губернатору Глѣбову. Завязалась переписка съ магистратомъ. Въ концѣ концовъ Глѣбовъ исходатайствовалъ увеличеніе казеннаго пособія до 1209 р. 12 к. въ годъ, съ соотвѣтственною доплатою съ 1756 года (всего, по 1766 г., 7294 р. 60 к.), но за то магистрату вмѣнено въ обязанность выстроить хлѣбо-запасный магазинъ, стоимостью по смѣтѣ въ 3507 р. 70 к. Къ постройкѣ магазина приступлено уже въ 1767 г. Не лишенъ интереса мотивъ Глѣбова, требовавшаго устройства магазина: еще въ 1754 г. кіевская губернская канцелярія представила сенату пункты по такимъ матеріямъ, которыя по состоянію Кіевской губерніи къ пользѣ народной быть могутъ, и въ 6-мъ пунктѣ написано, что „народъ малороссійскій къ земледѣлію неприлеженъ и запаснаго хлѣба не имѣетъ; когда у нихъ одинъ годъ хлѣба не родится, терпятъ голодъ, какъ то въ 1748 году, когда саранча на полѣ хлѣбъ пожрала, то на другой годъ всеобщимъ голодомъ назвать было можно, ибо здѣсь въ Кіевѣ, какъ въ великомъ городѣ, въ торговые дни 50 четвертей ни за какую дорогую цѣну купить невозможно было"; но магистратъ уклонился тогда отъ постройки магазина, ссылаясь на недостатокъ средствъ [1]).

Такова исторія происхожденія кіевскихъ „бюджетовъ" средины прошлаго вѣка, случайно уцѣлѣвшихъ въ старыхъ дѣлахъ бывшей кіевской губернской канцеляріи.

---

[1]) Ср. А. Андріевскій, объ учр. въ Кіевѣ зап. хлѣб. магазина—„Кіев. Стар." 1891 г. № 6, стр. 475—479.

Изъ тѣхъ же дѣлъ и другихъ источниковъ видно, что кіевскій магистратъ ревниво оберегалъ свое право безконтрольнаго распоряженія городскими доходами и всѣми силами отклонялъ вмѣшательство въ это дѣло посторонних властей. Правильнаго денежнаго хозяйства магистратъ не велъ, никакихъ смѣтъ не составлялось. Впервые были заведены шнуровыя книги для записи нѣкоторыхъ расходовъ не ранѣе 1757 года, но тогда же эта реформа встрѣтила рѣзкое противодѣйствіе со стороны нѣкоторыхъ членовъ магистрата. Попытки контроля со стороны преемника Глѣбова, Воейкова вызвали также отпоръ и осуществились не ранѣе 80-хъ годовъ прошлаго вѣка, но безъ особой пользы для города. Въ средѣ самого магистрата не было также контролирующаго органа: очередные члены отчитывались другъ передъ другомъ, разоблаченія были возможны лишь на почвѣ личныхъ интересовъ и самолюбій, а вмѣшательство войтовъ, въ-родѣ Сычевскаго и Пивоварова, было далеко не безкорыстнымъ. Въ общемъ финансовое хозяйство того времени носило патріархальный характеръ. Не даромъ сенаторъ Костюринъ (бывшій кіевскимъ вице-губернаторомъ съ 1753 по 1758 г.) многозначительно замѣтилъ въ 1762 г. магистратскимъ депутатамъ: „А вы, бурмистры и райцы, о расходахъ магистратскихъ, о коихъ я знаю довольно, не можете ничѣмъ оправдаться, только возьмите сумку на плечи и, положа каменья, въ Кіевѣ съ мосту въ Днѣпръ бросайтесь“ [1]).

При такихъ условіяхъ, возстановить истинную финансовую исторію „матери городовъ русскихъ“ въ прошломъ столѣтіи чрезвычайно затруднительно. Добытыя до настоящаго времени цифровыя данныя, если-бы даже считать ихъ достовѣрными, безусловно недостаточны, совершенно случайны и, въ сущности, поясняютъ очень мало. Исторія финансоваго городского хозяйства предполагаетъ наличность точныхъ данныхъ по крайней мѣрѣ о числѣ и группировкѣ населенія по занятіямъ, но для Кіева прошлаго вѣка достовѣрныхъ данныхъ по этому вопросу

---

[1]) А. Андріевскій, Войтовство Ив. Сычевскаго въ Кіевѣ—„Кіев. Стар.“ 1891 г. № 4, стр. 26.

нѣтъ [1]) и едва-ли удастся ихъ установить на сколько-нибудь прочныхъ основаніяхъ.

Такимъ образомъ, на предлагаемыя сводки кіевскихъ бюджетовъ слѣдуетъ смотрѣть лишь какъ на матеріалъ для будущей финансовой исторіи города, подлежащій дальнѣйшей провѣркѣ и разработкѣ. Пригодный для общей характеристики современнаго хозяйства, онъ едва-ли можетъ имѣть цѣну точнаго статистическаго показателя: данная эпоха еще не чувствовала особой нужды въ подобной точности.

I. ДОХОДЫ.

По даннымъ магистратскихъ вѣдомостей, доходы Кіева (т. е. собственно Подола, подвѣдомственнаго магистрату) въ 1744, 1748 и 1754 гг. выражаются такими цифрами: 9411 р. 59 к., 6207 р. 35 к. и 7571 р. 5 к.

За 1752, 1753 и 1754 гг. доходы показаны въ общей суммѣ 20673 р. 6 к. или, по среднему разсчету, въ годъ по 6891 р. 2 к.

1) Какъ и слѣдовало ожидать, главный доходъ, на которомъ опиралось магистратское хозяйство, извлекался изъ торговли виномъ и водкой въ своихъ шинкахъ: „зъ магистратскихъ шинковъ за вышинкованное хлѣбное простое и двойное вино и за водку" получено прибыли: въ 1744 г. 6617 р. 53 к., въ 1748 г.—4529 р. 43 к., въ 1754 г.—4789 р. 27 $^{1}/_{2}$ к., въ 1752—54 гг.—12663 р. 24 $^{1}/_{2}$ к., а за вышинкованные тамъ же медъ и пиво: въ 1744 г.—139 р., въ 1748 г.—20 р. 2 к., въ 1754 г.—112 р. 46 к., въ 1752—54 гг.—561 р. 94 к.

Такимъ образомъ, доходъ отъ монопольной продажи напитковъ мѣстнаго производства составлялъ за указанные годы въ общемъ 67,5 % магистратскихъ бюджетовъ. Ничего мудре-

---

[1]) Ср. Ив. Пантюховъ, Статистич. и санитар. очерки Кіева (К., 1875), стр. 3.—М. В.—Б., Населеніе Кіева въ 1742 г. „Кіев. Стар." 1888 г. № 4 (мѣщанъ въ ниж. городѣ 2575 чел. Населеніе всѣхъ частей города, съ духовенствомъ, козаками и военными, не свыше 25.000 чел.).—И. Лучицкій, Кіевъ въ 1766 г. „Кіев. Стар." 1888 г. № 1—3.—Также въ „Кіев. Стар.": 1882 г. № 5; 84 г. № 2.

наго, если магистратъ велъ въ прошломъ вѣкѣ такую ожесточенную и даже кровавую борьбу противъ корчемства, отстаивая жизненный нервъ своего хозяйства [1]).

Кромѣ того, скатнаго и шинковаго „за продаваемое въ нижнемъ городѣ Кіевѣ на Подолѣ волоское и другія виноградныя вина" взыскано въ 1752—54 гг. 691 р. 50 к. [2]).

2) Слѣдующій по величинѣ сборъ—помѣрный и вѣсовой—получался съ мѣръ и вѣсовъ хлѣбныхъ, кои магистратъ своимъ коштомъ строитъ и содержитъ: въ 1744 г.—524 р. 48 к., въ 1748 г.—315 р. 86 к., въ 1754 г.—373 р. 7 к., въ 1752—4 гг. 1166 р. 94 к.; вѣсовой сборъ съ вѣсовъ, коими купецкіе товары вѣсятся, былъ значительно ниже: въ 1744 г.—153 р. 84 к., въ 1748 г.—83 р. 58 к., въ 1754 г.—123 р. 8 к., въ 1752—4 гг.— 273 р. 22 к.

3) Съ дегтю и соли ступочной: въ 1744 г. 308 р. 85 к., въ 1748 г.—25 р. 90 к., въ 1754 г.—176 р. 46 к., въ 1752—54 гг.—717 р. 81 к.

4) Съ „рѣзни" магистратской и повозоваго, т. е. съ продаваемаго на Подолѣ рогатаго и прочаго скота: въ 1744 г.—93 р. 10 к., въ 1748 г.—64 р. 81 к., въ 1754 г.—79 р. 36 к., въ 1752—4 гг.—231 р. 91 к.

5) Съ паромовъ магистратскихъ, что на Днѣпрѣ бывали: въ 1744 г. 286 р. 40 к., въ 1748 г.—186 р. 19 к., въ 1752—4 гг.,—403 р. 50 к.

6) Береговаго „съ плотовъ дровяныхъ и селидебныхъ, изъ заграницы и изъ за Днѣпра рѣками Днѣпромъ и Десною въ Кіевъ на продажу пригоняемыхъ и къ магистратскимъ берегамъ приставаемыхъ": въ 1744 г.—117 р. 65 к., въ 1748 г.—38 р. 50 к., въ 1754 г.—159 р. 35 к., въ 1752—4 гг. 430 р. 43 к.

7) Отъ продажи брагъ хмельныхъ и нехмельныхъ, квасу ячнаго и съѣстныхъ припасовъ: въ 1744 г.—155 р. 97 к., въ 1748 г.—31 р. 86 к., въ 1754 г.—197 р. 36 к., въ 1752—4 гг.,—476 р. 45½ к.

---

[1]) О цѣнахъ на магистратскія водки, медъ и пиво въ 1776 г. см. А. Андріевскій, Матеріалы, вып. 8, стр. 216.

[2]) О цѣнахъ на волоское красное и бѣлое вино въ 1751 г.—см. тамъ-же, вып. 3, стр. 164.

8) Съ млиновъ лодейныхъ или байдаковъ, по р. Днѣпру при магистратскихъ берегахъ стоящихъ: въ 1744 г. — 15 р. 57 к., въ 1748 г.—12 р., въ 1754 г.—11 р. 59 к., въ 1752—1754 гг. 51 р. 94 к.

9) Посидѣлаго съ лавокъ торговыхъ магистратскихъ, въ коихъ рѣзники мясо продаютъ, и для найма сторожей: въ 1752—54 гг.—287 р. 16 к.

10) Посидѣлаго съ лавокъ торговыхъ, въ коихъ продаются разные товары, съ полковъ, гдѣ продаются мелочныя вещи, построенныхъ на магистратскихъ и прочихъ земляхъ: въ 1744 г.—414 р. 38 к., въ 1748 г.—465 р., въ 1754 г.—454 р. 68 к., въ 1752—54 гг.—1070 р. 24½ к.

11) „Съ земли магистратской, якую промышленники засѣваютъ огородными сѣменами": въ 1748 г. 9 р. 20 к., въ 1752—54 гг.—27 р.

12) Торговаго за мосты и мѣста по квитамъ съ огородныхъ и другихъ съѣстныхъ овощей: въ 1752—54 гг.—98 р. 48 коп.

13) За корыта рыбальскія, построенныя магистратскимъ коштомъ, въ коихъ рыбалки продаютъ свѣжую рыбу: въ 1752—54 гг. 27 р.

14) Съ подгородья кіевскаго Преорки и ея принадлежностей Куреневщины и Сырца съ дворовъ обывательскихъ куницы, также съ котловъ винокуренныхъ показанщины и съ мельницъ при р. Сырцѣ на магистратской землѣ поколеснаго: въ 1752—54 гг.—236 р. 74 к. (въ томъ числѣ собственно куницы или поземельнаго сбора 16 р. 60 к.).

15) Съ обывательскихъ дворовъ на Преоркѣ, Куреневщинѣ и Сырцѣ на наемъ сторожей: въ 1752—54 гг.—122 р.

16) Съ дворовъ мѣщанскихъ и другого званія людей, построенныхъ на магистратской землѣ, куницы и поворотнаго: въ 1752—54 гг. 860 р. 14½ к.

17) Отъ сотниковъ посполитыхъ собираемыхъ ими съ людей посполитыхъ же на наемъ сторожей для рядовъ и для магистратскихъ тюремъ: въ 1752—54 гг.—268 р. 15 к.

18) Случайныя поступленія показаны только въ вѣдомости за 1754 г.: получено отъ кіевск. губ. канц. 4 р. 94½ к. за продовольствіе прибывшаго съ письмами отъ турецкаго посла гонца Ибрагимъ Тегая со слугою; получено отъ турецкаго посла за продовольствіе его и свиты 14 р.; отъ лейбъ-гвардіи капитана Тютчева за 120 подводъ до Броваровъ для того же посланника и свиты получено прогонныхъ денегъ 10 р.

Послѣ указовъ 1754 и 1755 гг. отъ магистрата были „отрѣшены" сборы: помѣрный и вѣсовой съ хлѣбныхъ мѣръ и вѣсовъ, вѣсовой съ купецкихъ вѣсовъ, съ дегтю и соли ступочной, съ „рѣзни" и поводовый, торговый за мосты и мѣста съ огородныхъ и другихъ овощей, съ плотовъ дровяныхъ и строевыхъ, съ паромовъ, съ байдаковъ, съ рыбальскихъ корытъ, показанщина и поколесное, всего на сумму за 1752—54 гг. 3627 р. 37 к.; что касается скатнаго и шинковаго отъ продажи волоскаго вина, то осталось только шинковое, но вдвое уменьшилось (съ 6 до 3 р. отъ буты), такъ какъ сильно поднята была таможенная пошлина.

Приведенныя выше данныя о городскихъ доходахъ за время 1744—54 гг. допускаютъ нѣкоторыя случайныя сравненія. Изъ того-же дѣла случайно узнаемъ, напр., что въ 1720 г. кіевская ратуша показала городской доходъ въ суммѣ 4.183 р. 94 к. Съ другой стороны, въ 1761 г. магистратъ показываетъ въ приходѣ 6464 р. 13½ к., въ 1758 г.—6354 р. 16¼ к., въ 1759 г.—3972 р. 93½ к. [1]); по записямъ шестигласной думы доходъ въ 1786 г. опредѣляется въ суммѣ 27.464 р. 25¼ [2]); въ 1800 г.—46830 р. (при расходѣ въ 110.000 р. [3]); въ 1806 г.—74.584 р. (вмѣстѣ съ остатками прежнихъ лѣтъ) [4]); въ 1842 г.—79.657 р., въ 1845 г.—113.841 р., въ 1846 г. 82.016 р. [5]); въ 1866 г.—225.639 р., при долгѣ въ 160.000 р. [6]); наконецъ, въ

---

[1]) См. Андріевскій, Матеріалы, вып. 8, стр. 168 сл.

[2]) См. мою статью „Кіев. гор. управленіе въ 1786 г." Кіев. Стар. 1889 г. № 5 и 6.

[3]) Андріевскій, Матеріалы, вып. 10, стр. 110.

[4]) Андріевскій, Матеріалы, вып. 3. стр. 165.

[5]) И. Фундуклей, Стат. опис. кіевской губерніи, I, 402.

[6]) Н. Закревскій. Описаніе Кіева (Москва, 1868), I, 147.

1897 г. 1.682.531 р 97 к.[1]), при долгѣ, который фатально стремится превзойти годовой доходъ. Но конечно, всѣ эти сравненія сами по себѣ не могутъ имѣть никакого значенія. Что касается собственно долговъ, съ которыми Кіевъ познакомился особенно при войтѣ Сычевскомъ[2]) то въ 1765 г. кіевскій магистратъ такъ пояснялъ это дѣло: „за расходами на другой годъ иногда деньги и напитки небольшимъ числомъ остаются, а иногда тѣхъ приходныхъ въ году денегъ на бываемые, а паче экстраординарные расходы и не достаетъ, почему магистратъ кіевскій принужденъ на кредитъ въ людей для таковыхъ же расходовъ тѣ деньги занимать". И занимали, конечно, но на первыхъ порахъ довольно осторожно: наши предки боялись кредита.

II. РАСХОДЫ.

Представленныя кіевскимъ магистратомъ въ 1758 г. три расходныя вѣдомости за 1744, 1748 и 1754 годы имѣютъ, такъ сказать, пробный характеръ. „Того году правящіе" бурмистры и райцы не считали необходимымъ входить въ подробности и отчитываться въ каждой копѣйкѣ. Поэтому отчетныя вѣдомости составлены широкими штрихами, удобны для сводки, но не имѣютъ истинно мѣстнаго колорита.

Статьи расходовъ сводятся магистратомъ къ такимъ рубрикамъ:

1) Окладныхъ въ казну по 600 р. ежегодно.

2) На содержаніе почты: въ 1744 г. 417 р. 50 к., въ 1748 г.—333 р. 60 к. и въ 1754 г.—869 р. 92 к.

3) Подрядчикамъ за свозку съ мостовъ и другихъ мѣстъ навоза: въ 1744 г. — 160 р., въ 1748 г. — 101 р. 20 к., въ 1754 г. 80 р.

4) Ремонтные матеріалы, дрова, пильщикамъ, плотникамъ и рубальщикамъ: въ 1744 г.—551 р. 99 к., въ 1748 г.—285 р. 24 к., въ 1754 г. 353 р. 78 к.

---

[1]) Смѣта доходовъ г. Кіева на 1897 годъ. Кіевъ, 1897. Стр. 47.

[2]) Ср. Андріевскій, Войтовство Сычевскаго—цит. выше.

5) Заготовка сѣна для почты, косарямъ, гребцамъ, кидальщикамъ и на харчи имъ: въ 1744 г.—145 р. 16 к., въ 1748 г. 57 р. 40 к., въ 1754 г.—136 р. 73 к.

6) Въ катедру Кіево-Софійскую по крѣпостямъ за помѣрное по 80 р. ежегодно.

7) Въ бытность ея имп. величества въ Кіевѣ на тріумфальныя ворота на Подолѣ издержано въ 1744 г.—428 р. 17 к.

8) Въ то же время ежеденно подводы по приказамъ кіев. губ. канцеляріи и разнымъ отъ знатныхъ дворцовыхъ господъ письменнымъ приказамъ и словеснымъ требованіямъ и другія „исправности", на что, за вычетомъ 481 р. 50 к. полученныхъ изъ кабинета, издержано въ 1744 г. 706 р. 21 к.

9) На пріемъ турецкаго посла Тефтердаря и подводы въ 1754 г. 154 р. 80 к.

10) Магистратскимъ членамъ, урядникамъ, канцеляристамъ и служителямъ годового юргельту, т. е. оклада: въ 1744 г. 958 р. 20 к., въ 1748 г.—946 р. 60 к., въ 1754 г.—950 р. 15 коп.

11) На разные расходы большіе и мелочные, т. е. на случающіяся при магистратѣ разныя строенія, на заготовленіе къ тому разныхъ припасовъ и матеріаловъ, въ заплату мастерамъ, на постройку новыхъ и починку старыхъ паромовъ, на презенты пріѣзжающимъ въ Кіевъ за государственными и другими дѣлами знатнымъ персонамъ и прочимъ чинамъ, на заплату заемныхъ прежнихъ годовъ на магистратскія нужды денегъ, на извощиковъ и разные другіе расходы: въ 1744 г.—4808 р. 37 к., въ 1748 г.—2995 р. 23 к., въ 1754 г.—2776 р. 54 к.

12) Въ Кіево-Пустынно-Николаевскій монастырь за пристань магистратскихъ паромовъ за $1^1/_2$ пуда воску: въ 1744 г.—12 р. и въ 1748 г.—12 р.

13) 30 паромщикамъ на 5 паромовъ, по 30 к. въ недѣлю на ихъ харчахъ: въ 1744 г.—298 р. 50 к.; въ 1748 г. на починку и постройку паромовъ и паромщикамъ—182 р. 60 к.

14) На сторожей при лавкахъ, тюрьмахъ, сѣнокосахъ: въ 1744 г. (23 постоянныхъ сторожа—по 10 р. въ годъ на своихъ

харчахъ и сѣнокосные по 20 к. въ недѣлю)—237 р. 40 к.; въ 1754 г. (2-мъ по 10 р., 22-мъ по 8 р. 50 к.)—218 р. 95 к.

15) Репарація ратуши—въ 1748 г. 424 р.

16) Мурзамъ и турчину на харчи по приказу кіев. губ. канцеляріи въ 1748 г. 40 р.

17) „На бывшихъ въ Кіевѣ по ордеру генеральной войсковой канцеляріи и по данной оттуда отъ суда войскового генеральнаго инструкціи, по жалобамъ магистрата кіевскаго на сотника и козаковъ кіевскихъ къ шинкованію ими, на подступъ магистрату кіевскаго, неуказнымъ и запрещеннымъ напиткомъ горѣлкою, въ отбитіи магистратскихъ тюремъ, въ бою оными козаками мѣщанъ кіевскихъ и о протчемъ,—комисіантовъ, а именно: малороссійскихъ полковъ нѣжинскаго полкового судію Василія Кулаковскаго и полковаго переяславскаго писаря Даніила Каневскаго, сотника басанскаго Ивана Нестелѣя да войсковаго канцеляриста Іакова Давидовскаго, писцовъ и прочихъ служителей и козаковъ, т. е. на харчи, напитки, въ заплату за ихъ труда и на кормъ лошадей; также по тѣмъ магистратскимъ дѣламъ посылая нарочныхъ въ Глуховъ въ генеральную войсковую канцелярію и въ генеральный судъ повѣренныхъ, нанимая имъ подводы, на разные презенты, въ заплату за труда и на другіе экспенса здержано" въ 1754 г.—1127 р. $37^1/_2$ к.

Такимъ образомъ, общіе итоги расходовъ были: въ 1744 г.—9403 р. 50 к., въ 1748 г.—6057 р. 87 к., въ 1754 г.—7248 р. $24^1/_2$ к.

„Того года правящіе" бурмистръ Тихоновичъ и райца Василій Гудимъ снабдили вѣдомость за 1744 г. такимъ поучительнымъ примѣчаніемъ: „И тѣ вышеписанные расходы показаны толикимъ числомъ, когда не случается переѣздовъ чрезъ Кіевъ государственныхъ россійскихъ и иностранныхъ полномощныхъ чрезвычайныхъ пословъ и посланниковъ. А когда таковые переѣзды чрезъ Кіевъ бываютъ, то и расходы многимъ числомъ больше бываютъ, чрезъ что и въ долги магистратъ войшолъ, какъ то и прошлаго 1755 и сего 1756 годовъ на переѣзжающихъ чрезъ Кіевъ посланниковъ—россійскаго князя Долгорукова, турецкаго Тефтердаря здержано отъ магистрата кіевскаго на

подводы, на телеги, саны и другія дорожныя исправности до полтори тысячи рублевъ".

Какъ уже было упомянуто выше, за 1752, 1753 и 1754 гг. магистратомъ доставлены были первоначально лишь вѣдомости о доходахъ. Губернская канцелярія не удовлетворилась этимъ и въ 1765 г. потребовала подробныхъ свѣдѣній о расходахъ за тѣ же годы и „по какимъ регуламъ" расходы производились. Подлинныя магистратскія книги были возвращены для составленія расходныхъ вѣдомостей. Въ интересахъ магистрата было отвѣтить поскорѣе на это требованіе, и дѣйствительно отвѣтъ получился въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ. Благодаря такому стеченію обстоятельствъ, вѣдомости о расходахъ за 1752—54 гг. представляютъ, какъ кажется, простую выписку изъ книгъ, безъ всякихъ попытокъ систематизаціи расходовъ по статьямъ. Такимъ образомъ для насъ сохранилась цифровая хроника кіевской жизни за три года, весьма обильная характерными и такъ сказать колоритными данными. Впослѣдствіи губернская канцелярія задумала свести показанія этой хроники въ систему и составила общую вѣдомость, но попытка вышла неудачною: трудъ оказался непосильнымъ и сводная вѣдомость тоже вышла замѣчательно пестрая и безпорядочная. По счастью, подлинная хроника въ видѣ трехъ магистратскихъ вѣдомостей о расходахъ сохранилась цѣликомъ.

Воспроизводить здѣсь въ полномъ видѣ показанія драгоцѣнной хроники, конечно, излишне. Ограничусь выборкой наиболѣе характерныхъ данныхъ. Въ общемъ, расходы показаны: за 1752 г. въ суммѣ 7814 р. 52$^3/_4$ к., за 1753 г.—5704 р. 51$^1/_4$ к., въ 1754 г. 7010 р. 6$^3/_4$ к., всего 20529 р. 10$^3/_4$ к., и въ остаткѣ 143 р. 95$^1/_4$ к. Должно замѣтить еще, что вѣдомости эти были провѣрены въ губ. канцеляріи по подлиннымъ книгамъ магистрата и слѣдовательно онѣ имѣютъ наивысшую для современнаго хозяйственнаго распорядка достовѣрность.

Если главную статью магистратскихъ доходовъ составляли поступленія отъ шинковъ, то и въ расходахъ замѣчаемъ такой же „гвоздь": это всевозможные виды подарковъ, уплатъ и услугъ разнаго рода нужнымъ, полезнымъ или властнымъ чиновникамъ

того времени, начиная отъ генералъ-фельдмаршала и генералъ-губернатора и кончая какимъ-нибудь канцеляристомъ госуд. коллегіи иностр. дѣлъ Потапомъ, неизвѣстнымъ по прозванію, которому магистратъ высылаетъ въ презентъ „книжицу молитовникъ“ цѣною 1 р. 5 к. „за его труда по магистратскимъ дѣламъ“. Замѣтить должно, что въ то доброе старое время всѣ такого рода „презенты“, хотя и ложились чувствительнымъ бременемъ на магистратскій бюджетъ, не считались чѣмъ-то предосудительнымъ: при тогдашнихъ денежныхъ окладахъ чиновниковъ, послѣдніе очевидно не могли существовать безъ презентовъ деньгами или натурою; каждое крупное дѣло являлось, такъ сказать, легальнымъ поводомъ для улучшенія чиновническаго бюджета, и потому кіевскій магистратъ нисколько не стѣсняясь заноситъ въ свои вѣдомости и представляетъ въ губернскую канцелярію такія, напр., статьи расхода: „бывшему здѣсь генералу губернатору Леонтьеву корову за 6 рублей“ (1752 г.); „оберъ коменданту Костюрину барана за 1 р.“ (1752 г.); „надворному совѣтнику Михайлу Новоторжцову послано въ Спб. въ презентъ грезети за 63 р.“ (1752 г.)[1]; „покойному господину генералу губернатору Леонтьеву, какъ прошено о увольненіи дачи работниковъ къ починкѣ дороги, лежащей между кіевопечерской и старокіевкою крѣпостьми, куплено въ презентъ погребецъ шленской зъ водкою въ 18 р.“ (1752 г.); „въ день патрона его жъ господина генералъ-губернатора купленъ другой погребецъ шленской зъ водкою и поднесенъ ему, въ 16 р.“ (1752); „за купленные въ презентъ господину генералу маіору и вице-губернатору Костюрину и разнымъ персонамъ свѣжіе лимоны дано 2 р. 50 к.“ (1754 г.); „оному жъ генералъ маіору Костюрину и преосвященному въ презентъ осетровъ свѣжихъ два за 4 р. 80 к.“ (1754 г.); „бывшему кіевской губернской канцеляріи секретарю Фотѣеву за его въ магистратскихъ дѣлахъ труда“ дано деньгами и въ презентъ разныхъ вещей: въ 1752 г.—10 р., въ 1753 г.—27 р. 40 к., въ 1754 г.—6 р. 18 к., да канцеляри-

---

[1]) Новоторжцову въ слѣдующемъ году послано швабскаго полотна цѣною въ 45 р., да пошлины уплачено 5 р.

стамъ и повытчикамъ той же канцеляріи всего за 3 года 21 р. 34 к.; „въ обсылку къ праздникамъ Воскресенья и Рождества Христова господамъ генералитету и другимъ персонамъ, тожъ и въ Софейской монастырь и на Подолѣ магистратскимъ чиновникамъ, на покупку мяса, живности, разнаго коренья, сахару и на протчее, тожъ и деньгами сошло въ разныхъ мѣстахъ и въ губернской канцеляріи въ ралецъ" (а кому именно, не показано): въ 1752 г.—на 97 р. 23 к., въ 1753 г.—62 р. 51½ к., въ 1754 г.—75 р. 74 к., всего на 235 р. 48½ к.; „бывшему въ Кіевѣ господину тайному совѣтнику и кавалеру Костюрину, какъ прошено въ магистратскихъ нуждахъ, куплено въ презентъ въ два раза (въ 1753 г.) по погребцу съ шленскою водкою" за 26 руб.; въ 1754 г. ему же въ презентъ парчи за 55 р., да осетра свѣжаго за 1 р. 73 к., да „рымару за выдѣлку на дворъ ево двухъ кожъ" дано 40 к.; бывшему въ Кіевѣ преосвященному митрополиту Тимоѳею въ день именинъ и по пріѣздѣ изъ Москвы куплено осетра свѣжаго и сахару всего на 5 р. 40 к. (въ 1752 и 1753 гг.); „пріѣздившему въ Кіевъ для нѣкоторого дѣла господину генералу и кавалеру Брылкину въ презентъ сахару за 1 р. 90 к." (1754 г.); „въ бытность въ Кіевѣ покойной графини Мавры Егоровны Шуваловой издержано на подводы, на презенты, тожъ на покупку выбраннымъ ею ко двору государеву пѣвчимъ возовъ и на разные ко онымъ потребности употреблено въ 1754 г. 231 р. 8 к.[1]); покойной графинѣ Разумовской въ презентъ къ именинамъ дѣтей ея и особливо на поклонъ ей на покупку осетровъ, сахару и на проѣздъ посыланнымъ къ ней съ тѣми презентами чиновникамъ: въ 1752 г. 22 р. 9 к., въ 1754 г. 25 р. 80 к., всего 47 р. 89 к.; бывшему въ Кіевѣ въ 1754 г. для коммисіи о нововыходящихъ изъ заграницы въ службу сербахъ полковнику Бибикову въ презентъ сахару за 1 р. 60 к.; бывшимъ въ Кіевѣ въ томъ же году преосвященному сарскому и подонскому, генеральному бунчужному

[1]) Въ томъ числѣ, между прочимъ, на поднесеніе ей въ презентъ трехъ скатертей, 36 салфетокъ шленскихъ и погребца шленскаго же съ водкой—41 р., рубокъ или полотна квѣтчастаго нѣмецкой работы—6 р. 50 к. Для отвоза пѣвчихъ куплено 10 возовъ.

Оболонскому и зятю его Кочубею въ презентъ на сахаръ издержано 5 р. 20 к.,—и т. д., до безконечности.

Во всѣхъ трехъ вѣдомостяхъ показанъ такъ наз. „кварталъ" или мелочной расходъ на покупку мяса и рыбы для обсылки въ праздники, гдѣ храмъ есть, священникамъ и въ монастыри и проѣзжающимъ черезъ Кіевъ разнымъ знатнымъ персонамъ и въ обсылку хлѣбомъ находящагося здѣсь генералитета и другихъ знатныхъ персонъ, на покупку харчевыхъ припасовъ командированнымъ изъ генер. войсковой канцеляріи слѣдователямъ по спору магистрата съ кирилловскимъ монастыремъ о грунтахъ, и т. п. Издержано „на кварталъ": въ 1752 г.—182 р. 97¼ к.; въ 1753 г.—209 р. 26 к., въ 1754 г.—595 р. 5½ к., всего 987 р. 28¾ к.

Если принять во вниманіе высокую покупательную силу денегъ въ разсматриваемое время [1]), то уже приведенные отчасти, выше установленные обычаемъ расходы магистрата должны быть признаны весьма значительными. Но всѣ эти расходы блѣднѣютъ предъ издержками магистрата, которыя вызваны были обязательными отношеніями г. Кіева къ гетману Разумовскому и засѣдавшей въ Глуховѣ генеральной войсковой канцеляріи.

Извѣстна пышность, съ которою совершалъ Разумовскій свое путешествіе по Малороссіи въ качествѣ гетмана [2]). Въ вѣдомости магистратскихъ расходовъ за 1752 г. находимъ та-

---

[1]) Вотъ, напр., нѣкоторыя данныя изъ того-же архивнаго дѣла: яловица въ подарокъ вице-губернатору—4 р. 50 к; 4 вола для магистрата—17 р. 10 к.; возъ кованый—7 р.; 10 возовъ подъ пѣвчихъ для придворной капеллы, съ принадлежностями—10 р. 81 к; 1100 яблокъ хорошихъ для презента гетману—11 р.; двѣ избы на Куреневщинѣ подъ магистратскіе шинки—14 р.; постройка кухни для сербовъ—60 к.; устройство и снятіе два раза каплицы на Днѣпрѣ „для публичныхъ освященій воды"—6 р. Знаменитые грибы, которые раздавалъ Сычевскій въ Москвѣ (Андріевскій, *Войтовство Ив. Сычевскаго въ Кіевѣ*. „Кіев. Стар.". 1891, № 4, стр. 29), обошлись магистрату въ 1 р. 25 к.—*Замѣтка для ихтіологовъ*: въ 1754 г. магистратъ выслалъ Сычевскому въ Москву, рыбы каракатицы" на 90 к. О цѣнѣ денегъ ср. И. Лучицкій, Кіевъ въ 1766 г. „Кіев. Стар." 1888 г. № 1 и 3. О цѣнахъ на хлѣбъ въ 1749—58 гг. см. „Кіев. Стар." 1884 г. № 4, стр. 689.

[2]) См. о путешествіи Разумовскаго замѣтку г. А. Л. въ „Кіев. Стар." 1890 г. № 1, стр. 117. Для подъема гетмана со свитой требовалось 140 лошадей.

кое краснорѣчивое показаніе: „Въ бытность въ Кіевѣ его сіятельства графа Кирилла Григоріевича Разумовскаго на презентъ ему самому и бывшимъ съ нимъ разнымъ персонамъ, на харчи и на протчіе издержки (кромѣ напитковъ) употреблено денегъ 899 р. 33¾ к.". Между тѣмъ даже пріѣздъ имп. Елисаветы Петровны въ 1744 г. обошелся магистрату всего въ 706 р. 21 к. да на постройку тріумфальныхъ воротъ употреблено 428 р. 17 к.

Трудно судить, въ какой мѣрѣ посѣщеніе гетмана въ 1752 г. имѣло вліяніе на прочіе магистратскіе расходы по содержанію почты, на покупку винограднаго вина „на магистратскія потребности" и т. п. Но основываясь на показаніяхъ расходныхъ вѣдомостей, можно утверждать, что генеральная войсковая канцелярія была для магистратскихъ финансовъ еще разорительнѣе гетманскаго вояжа.

Въ 1752 г., по спору о грунтахъ съ Кирилловскимъ монастыремъ, командированы въ Кіевъ полковой кіевскій асаулъ Матвѣй Шумъ, мринскій сотникъ Сидоръ Журавскій и войсковой канцеляристъ Данилевскій. Разумѣется, имъ необходимъ презентъ: куплено „тирнаку" на 1 р. 80 к., матеріигрезеты на кафтаны—51 р. 70 к., харчи—2 р. 10 к. Въ томъ же году новое дѣло: „При взятіи магистратскихъ чиновниковъ въ Глуховѣ за явившіеся по дѣлу умершаго бурмистра Холявки жены его съ наслѣдниками письма съ неуказными титулами издержано на подводы и на харчи 149 р. 60 к.," да протоколисту войсковой канцеляріи „за труда его" купленъ поясъ шерстяной шленской за 2 р., да старшему войсковому канцеляристу Сергію Дергуну сдѣлана сабля съ оправкою серебряною за 69 р. 51 к.—Всего въ 1752 г. пошло на Глуховъ 345 р., не считая конечно расходовъ „изъ квартала". Между прочимъ, генеральному войсковому писарю Безбородку оправлена въ серебро сабля за 45 р. 80 к. [1]).

Въ 1753 г. магистратъ вѣдался съ войсковой канцеляріей въ Глуховѣ уже по четыремъ дѣламъ: о разбитіи тюремъ ко-

[1]) Ср. замѣтку г. А. Л. „Генер. писарь Андрей Безбородко" въ „Кіев. Стар." 890 г. № 1, стр. 135—140.

заками, о неправильной припискѣ въ козаки, о неуказныхъ титулахъ и по спору о грунтахъ съ Кирилловскимъ монастыремъ. Безпрерывныя сношенія съ Глуховымъ, высылка туда провинившихся реента Величковскаго и канцеляриста Лукьяновича, презенты самые разнообразные нужнымъ чинамъ—обошлись магистрату въ 690 р. 35 ³/₄ к. Большая часть этой суммы пошла на крупные и мелкіе презенты чинамъ войсковой канцеляріи: посылались матеріи разныя, венгерское вино, сахаръ, осетры, польскіе календари (по 10 к. за штуку, всего послано 20 экз.), наличныя деньги, волоскіе орѣхи „приливаные", а войсковому канцеляристу Прокоповичу даже куплено два волка! Генеральной войсковой канцеляріи члену Петру Горленку „за труда его здѣлано въ Кіевѣ съ его золота ланцужокъ и протчіе вещи", за что уплачено мастеру 11 р. 74 к. Генеральному войсковому есаулу Волкевичу куплено люстрины на кафтанъ за 24 р. 5 к., ему же послано венгерскаго вина анталъ въ 80 р. да за отвозъ вина уплачено 7 р. Послано еще венгерскаго вина на братію „два антала" за 70 р. Полковому переяславскому писарю Якиму Каневскому съ товарищи сахару на 7 р. 40 к., грезеты и сукна на 34 р. 20 к., и т. д. и т. д.

Въ слѣдующемъ году новыя дѣла явились еще: процессъ съ козаками за „подступное" шинкованіе и бой магистратскихъ урядниковъ—въ Кіевъ явилась цѣлая коммисія изъ Глухова. Нѣкій войсковой канцеляристъ Романъ Ковачъ за стрѣляніе изъ пистолетовъ препровождался магистратскимъ коштомъ въ Глуховъ и обратно. Новые расходы, прямые и косвенные. Итогъ ихъ за 1754 г. составляетъ 615 р. ³/₄ к. Въ эту сумму не входятъ издержки на посылку Разумовскому въ Глуховъ яблокъ хорошихъ, на посылку ему мастеровыхъ людей, на пересылку ему же въ Нѣжинъ купленной въ Царьградѣ резидентомъ Обресковымъ палатки, на поздравленіе его жены съ „патронами" сыновей и т. п.

Въ числѣ подарковъ глуховскимъ воротиламъ можно отмѣтить для примѣра: Горленку шапка польская съ сѣрымъ татарскимъ околышемъ (4 р.), да войсковому канцеляристу Константиновичу шапка же (3 р. 50 к.), да ему же починка часовъ

(1 р. 50 к.), да басанскому сотнику Нестелѣю шапка (3 р.); судьѣ и сотнику Лукомскому сукно на кирею (12 р. 60 к.), да лисій мѣхъ подъ кирею (20 р.), войсковому канцеляристу Туманскому сафьяну на 2 р. 50 к.; войсковому канцеляристу Якову Корнѣевичу 12 чарокъ серебряныхъ (11 р. 3 к.); войсковому канцеляристу Якову Давидовскому „за труда“ 20 р., да на кафтанъ штофу (21 р. 60 к.), да грезеты на кунтушъ (17 р. 50 к.), да для кунтуша оберы (6 р. 40 к.), да на петлицы (5 р.). Саеты и сафьяны, грезеты и штофы, платки шелковые и табакерки, сукна и пояса, деньги и орѣхи волоскіе приливаные, люстрины и календари польскіе—словомъ, все что нужно для тѣла и души, только венгерскаго вина на сей разъ не посылано.

Любопытное обстоятельство: въ первой вѣдомости показано въ расходѣ по разнымъ глуховскимъ дѣламъ за 1754 г. 1127 р. 37 $^{1}/_{2}$ к., по выборкамъ же изъ второй вѣдомости получается всего 615 р. $^{3}/_{4}$ к.

Чему вѣрить? Тайну эту нельзя разъяснить по моимъ документамъ. Но если даже взять наименьшую цифру, то расходы за 3 года на Глуховъ все таки достигаютъ почтенной суммы 1650 р. 36 $^{1}/_{2}$ коп.

По нынѣшнимъ временамъ это такой пустякъ, о которомъ и говорить не стоитъ. Но не то было полтораста лѣтъ назадъ. Въ самомъ дѣлѣ, содержаніе, напр., всего городского управленія въ 1752 г. обходилось въ 1062 р. 48 к., а въ 1754 г.—на сто рублей больше. Въ 1752 г. всѣхъ служащихъ лицъ было 81, въ томъ числѣ 2 бурмистра, райца, писарь (по 60 р. въ годъ каждому содержанія), канцелярскій реентъ и лавникъ (по 40 р.), 9 канцеляристовъ (отъ 16 до 10 р. въ годъ), 15 урядниковъ (16—12 р. въ годъ), часовой мастеръ (15 р.), 3 потижника (по 10 р.), 3 магистратскихъ слуги для главнаго шинка (по 8 р.), 15 разсыльныхъ (по 7 р.), 1 слуга для досмотра и починки „фантальныхъ“ водоточныхъ трубъ (9 р.), 25 сторожей, исполнявшихъ такія важныя функціи, какъ тюремный смотритель, боецъ при бойнѣ, базарный смотритель (8 р. 50 к.—10 р.) и 3 воловика (16 р.—16 р. 50 к.). Денежное содержаніе управленія составляло въ 1752 г. слишкомъ 14% годового расхода (въ

1897 г.—болѣе 10%). Къ этому слѣдуетъ прибавить разныя натуральныя подспорья, не поддающіяся вычисленію. На прямыя городскія нужды—платежи въ казну, почта, ремонтъ зданій, завѣдываніе имуществами, постой—уходило не болѣе 35% дохода. Такимъ образомъ, никакъ не менѣе половины городскихъ средствъ шло буквально прахомъ: на презенты, угощенія и поздравленія, шло, можно сказать, „на ралець" во всевозможныхъ его видахъ и формахъ [1]). Легко понять, почему свѣжій, жадный насосъ въ видѣ генеральной войсковой канцеляріи давалъ себя чувствовать такъ сильно кіевскимъ мѣщанамъ той эпохи, почему магистратъ такъ энергично стремился освободиться отъ команды малороссійскаго гетмана, не смотря на сопротивленіе войта Сычевскаго.

О благоустроенномъ городскомъ хозяйствѣ въ эту эпоху нельзя говорить серьезно [2]). Оно носитъ на себѣ печать застарѣлой рутины. Войты, бурмистры, райцы—представляли собою довольно замкнутую олигархію, пожалуй похуже современной намъ олигархіи домовладѣльцевъ. Всѣ интересы мѣщанской кіевской олигархіи той эпохи въ финансовомъ смыслѣ тяготѣли главнымъ образомъ къ винной монополіи: борьба за ея неприкосновенность—главная черта въ исторіи магистрата разсматривае-

---

[1]) Относительно обычая обсылки „въ ралець" ср. „Кіев. Стар." 1885 г. № 10, стр. 361.

[2]) Ср. статью „Кіевское представительство прежняго времени" въ „Кіев. Стар." 1882 г. № 5.—Достойно замѣчанія, что въ нашихъ „бюджетахъ" за 1744, 48, 52 53 и 54 годы, если не считать расходовъ на „ралець" и „обсылокъ" монастырей и церквей, встрѣчаемъ лишь два раза указаніе на благотворительность магистрата: Въ 1752 г. дано въ милостыню для бѣдности по прошеніямъ иностранному человѣку сербской націи графу Владиславу Эрдели 2 р. и въ слѣдующемъ году дано 25 к. „нѣкоторой переяславской жителькѣ, бывшей въ люторскомъ законѣ и обратившейся въ христіанскую вѣру". Между тѣмъ одного виноградного вина куплено въ тѣ годы „на магистратскія потребности" на 1035 р. 75 к., не говоря уже объ осетринѣ, свѣжей икрѣ и сахарѣ для магистратскихъ чиновниковъ. Если судить только по „бюджетамъ", то прямые расходы магистрата на просвѣщеніе выражались только разсылкою въ презентъ столичнымъ и глуховскимъ канцеляристамъ молитвенниковъ, новаго завѣта и польскихъ календарей. Еще 40 лѣтъ спустя Ф. Вигель остроумно замѣтилъ о Кіевѣ: „Городъ сей тѣмъ болѣе былъ примѣчателенъ, что вездѣ являлъ контрасты—нищету и великолѣпіе". Сборникъ матеріаловъ для истор. топографіи Кіева (К., 1874), отд. II, стр. 170.

маго періода. Конечно, не забывались и обычаи добраго стараго времени, съ его сложной и благочестивой обрядностью: обсылка „на ралець", пальба изъ пушекъ въ дни торжествъ, игра въ трубы и битье въ литавры, панихиды по умершимъ урядникамъ,— все какъ слѣдуетъ. Но вся эта внѣшность не можетъ прикрыть ограниченности и узости интересовъ: магистратъ дорогой цѣной откупается отъ разныхъ мѣстныхъ властей для сохраненія своихъ прерогативъ, пробуетъ хлопотать и повыше, но дальше этого не идетъ, да и нѣтъ для него побужденій идти дальше.

На запросъ кіевской губернской канцеляріи о „регулахъ", которыми руководствуется магистратъ въ своихъ расходахъ, магистратскіе юристы, послѣ обычной ссылки на королевскія и высокомонаршія жалованныя грамоты, приводятъ такую тираду: „Да во утвержденныхъ магистрату кіевскому майдсбурскихъ правахъ, а именно въ книгѣ Спекулумъ Саксонъ подъ словомъ „звычай" на страницѣ 530 напечатано: застарѣлый обычай совершенно за право имѣетъ быть держанъ и то правомъ называемъ зъ обычаевъ постановленнымъ, ибо и самихъ правъ ни съ какой иной притчины не содержимъ, только кои суть зданіемъ общенароднымъ принятые; справедливо жъ и то, что ни есть, хотя и безъ письма народъ общій принялъ, кождый имѣетъ содержать". При томъ-же и сенатъ съ 1720 г. знаетъ и разсматривалъ вѣдомость о расходахъ магистрата, расходы эти „апробованы сенатомъ и ничѣмъ не отставлены".

Не лишена интереса еще одна особенность разсматриваемыхъ „бюджетовъ": это постепенный ростъ долговъ. Понадобятся войту въ Москвѣ или въ Петербургѣ деньги, не хватитъ посланному въ Глуховъ уряднику наличныхъ на презенты, случится въ Кіевѣ чрезвычайное торжество, проѣздъ иноземнаго или русскаго посланника и оттого единовременный крупный расходъ—и готовы долговыя обязательства, по которымъ магистратъ выплачиваетъ по возможности проценты и погашеніе. Такъ, напр., за 1752—4 гг. встрѣчаются слѣдующія лаконическія замѣтки въ вѣдомостяхъ о расходѣ (и только въ нихъ): „За занятые въ магистратъ кіевскій за недостаткомъ во ономъ денегъ на всякія случающіяся магистратскія необходимости деньги заплачено про-

центу 27 р. 66 к.“ „Сѣвскому купцу Роману Смородину заплачено по данному прежде отъ сего магистрата векселю магистратского долгу съ процентомъ, о чемъ и тотъ вексель при книгѣ имѣется, 1450 р.“ (1752 г.). „За занятые въ магистратъ кіевскій по недостатку во ономъ денегъ двѣсти рублевъ заплачено на полгода проценту 12 р.“ „Заплачено магистратского долгу протопопу Кіево-Подольскому Роману, да прапорщику отставному Агею Осипову 260 р., да великоновгородскому архимандриту Іоасафу Митковичу 97 р. 62 к., итого 357 р. 62 к.“ (1753 г.). „На уплату за занятые въ магистратъ кіевскій по недостатку во ономъ магистратѣ деньги проценту 120 р. 50 к.“ „Кіевскому мѣщанину Николаю Андреевскому заплачено за войта Сычевскаго заемныхъ имъ войтомъ у брата оного Андреевскаго пѣвчего Стефана Андреевскаго денегъ 50 р.“ „Заплачено магистратского долгу разнымъ людямъ, занимаемаго кіевскимъ войтомъ Сычевскимъ съ магистратскими чиновниками 256 р. 45 к.“ (1754 г.).

Изъ дѣла и изданныхъ до сей поры матеріаловъ не видно, когда именно сдѣланы долги, по которымъ уплачивались въ 1752—4 гг. проценты, и на что они употреблены. Общее же впечатлѣніе, получаемое при разсмотрѣніи бюджетовъ за десятилѣтіе съ 1744 по 1754 г.—это подозрительность современной магистратской бухгалтеріи или, лучше сказать, полная патріархальность ея. Нужно отдать ей однако справедливость: для ознакомленія съ различными сторонами городской жизни той эпохи бухгалтерія эта представляетъ цѣнный матеріалъ, содержаніе котораго лишь въ слабой степени исчерпано настоящей замѣткой.

Н. Молчановскій.

ПИСЬМА КУЛИША КЪ И. Ф. ХИЛЬЧЕВСКОМУ.

1858—1875.

Намъ доставлена нашимъ уважаемымъ сотрудникомъ М. К. Чалымъ помѣщаемая ниже переписка П. А. Кулиша съ И. Ф. Хильчевскимъ, другомъ его съ самыхъ юныхъ лѣтъ. Переписка эта, сравнительно съ печатавшеюся въ прошломъ году перепиской съ О. М. Бодянскимъ, отличается совсѣмъ инымъ и тономъ и характеромъ, и содержаніемъ. Объясненіе этому сразу находимъ, припомнивъ тѣ чисто научные интересы, которые связывали П. Кулиша съ О. Бодянскимъ, и тѣ интимныя, дружескія отношенія, какія существовали у него издавна съ И. Хильчевскимъ. Не давая пока никакихъ иныхъ комментаріевъ къ этимъ письмамъ П. Кулиша, мы ограничиваемся опубликованіемъ ихъ, думая, что со временемъ весь опубликованный матеріалъ его писемъ дастъ возможность сдѣлать наилучшую характеристику и оцѣнку этой слишкомъ знаменательной личности. (Объ отношеніяхъ П. Кулиша къ И. Хильчевскому см. „Кіевск. Стар.“ 1897 г. № 5, стат. М. Чалаго „Юные годы П. А. Кулиша“).

Ред.

1.

Безцѣнный другъ Иванъ Филиппович!

Напрасно ты терялся въ догадкахъ, отъ чего я такъ скоро вернулся и почему я ѣду въ Полтавскую губернію. Муза моя, почувствовавъ себя беременною, поѣхала заграницу рожать, въ чаяніи спокойствія, котораго нѣтъ въ Петербургѣ, ибо всякое общественное и

литературное волненіе въ ней, какъ въ особѣ нервной, отражалось очень сильно. Но, къ удивленію моему, я увидѣлъ, что заграницей спокойствія гораздо меньше и что процессъ рожденія духовныхъ чадъ совершиться благополучно не можетъ... Поэтому бросились мы втроемъ, т. е. я, муза и Александра Михайловна, осматривать Европу. Быстро, быстро, заглянули ей въ лицо съ нѣсколькихъ сторонъ, высмотрѣли притертыя румянами морщины, плюнули и воротились домой. Де вже мы не булы, такъ я й самъ не знаю! Булы, братику, на такихъ гóрахъ, що середь лита прытьмомъ треба кожуха, булы здаетьця й на тому свити, да якось выхопылысь,—чи не твоими лышъ молытвами, куме? Якъ вернулысь до дому, то ажъ самимъ стало страшно, якъ почулы, що про насъ пошло по селу Оленовци. Кажуть, що йиздылы мы по морському дну, а зъ моря цмоками вытяглы воду на горы,—такъ мы йидемо, а вгори надъ нами филя филю такъ и гоныть. Да цуръ ёму страшне розсказуваты.

Отъ же вернулысь мы, отъ тутъ прыспилы й родыны. Муза моя, що та добра поросна коропська свыня, якъ почала весты, то й не переличишъ, чого вона понаводыла тутъ: и перистыи, и перепелоси, й мури, и всяки! Думавъ бувъ перейихать у той хутиръ, до которого, спасыби тоби, хотивъ завитаты бовкунцемъ,—такъ куды! не можна! Отсе жъ сыжу да все хрыщу, то що. Побачишъ, якого я понаплоджувавъ добра, якъ выжену свою череду за царину! Тилько въ васъ тутъ чортъ знае яка мода настала: не всяке добро можна выгонять на поле,—инше прійдетця подержать у господи, поки батько сберетця на розумъ да опереже того-сёго царинною кіякою. Загаявсь таки я довгенько на тій Украини, а треба бъ и туда позирнуты окомъ, да ще нывидатьця й до старои панійматки Гоголыхи, бо мы зъ нею карбуемъ на одну паличку до якогось часу. Отъ чого я йиду, а не того, що ты думавъ. Зрадивъ я, якъ почувъ, що Кіевське начальство взяло Граматку до куны: якъ то Господь уміе й дурный розумъ на добро повернуты! Може бъ инши й не зналы, що проявылась на свити спасенна кныжка, а теперъ усяке довидаетця и доберетця до неи мановцями. Возвеселылось таки жъ мое серце, прочувши, що одынъ панъ—перевертень пиднисъ и Вовчка мордатому начальству до пары зъ Граматкою: одно, що ту мудру кныжку всяке посли сёго прочита, а друге, що выявылось ледащо само собою и не треба вже его теперъ никому выявляты и зъ-мижъ честного мыру выкидаты.

Отсе жъ я съ тобою забалакавсь, а мини далеби николы: де що допысую да лагожусь у полтавщину. Пыши до мене такъ: Маріи Ив. Гоголь для передачи въ Полтаву. 1858 авг. 3. Матроновка. Твій П. Кулишъ.

2.

23 іюля 1866 г. Варшава.

На прекрасное письмо твое отвѣчаю нѣсколькими словами. Время мое принадлежитъ кн. Черкасскому, а кн. Чаркасскій есть ничто иное, какъ буря дѣятельности, которая и меня увлекла въ свой кругъ. Съ восторгомъ повинуюсь этому необыкновенному человѣку. Очень трудно, тяжело, мучительно, но это—моя сфера! Або пропаду, або зроблюсь лыцаремъ невмиракою.

Семьѣ твоей усерднѣйше кланяюсь. Пиши ко мнѣ часто и широко. Очень, очень буду благодаренъ. Адрессъ: Его П—ву. Директору Отдѣленія духовныхъ дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ въ Варшавѣ. Твой П. Кулишъ.

3.

28 августа (9 сент.) 1866. Варшава.

Не могу понять, отчего мое письмо такъ нескоро тобою получено. Увѣдоми, когда получишь это. Работа наша по службѣ идетъ хорошо и дѣлается для меня съ каждой недѣлей интереснѣе. Хоть и совѣстно хвалить себя, но скажу, что кн. Черкасскій совершилъ премудрое дѣло, пригласивъ меня къ себѣ въ сотрудники. Я предвижу результаты весьма важные. Но это тебѣ покажетъ время, сообщать же основанія моего предвидѣнія—не въ моихъ правилахъ, что, я увѣренъ, и ты одобришь, яко умудренный жизнію до зѣла. А вотъ лучше о чемъ поведемъ рѣчь. Помнишь ли, какъ ты отлично распорядился моими финансами во время пребыванія моего въ Луцкѣ? Ты мнѣ оказалъ тогда услугу незабвенную. Прибѣгаю паки къ твоей помощи. Зарабатывать деньги я мастеръ, но пристроить не умѣю; только илачу долги, которые теперь уменьшились уже до 4700 р.

Въ уплату этой суммы пойдутъ деньги, которыя я долженъ въ маѣ 1867 г. получить по заемному письму отъ покупщика моей типографіи, именно тысячъ до 3-хъ рублей. Останется 1800 руб.

Между тѣмъ я получаю 5062 руб. 50 коп. за директорство, да 1500 р. за редакторство Сборника административныхъ постановленій и того 6562 р. 50 к. Изъ этой суммы ежегодно я могу откладывать 3000, а можетъ быть и 3500 р. Желалъ бы я употребить этотъ излишекъ на покупку домика съ садомъ въ Кіевѣ, въ самомъ живописномъ мѣстѣ,—напримѣръ возлѣ Лавры. Тамъ есть швейцарскія ущелія. Можно отыскать и ключевую воду, которая бы текла изъ-подъ горы. Если же не въ Кіевѣ, то близко подъ Кіевомъ, надъ Днѣпромъ. Пріищи мнѣ мѣсто, а домъ мы построимъ сами изъ превосходнаго кіевскаго кирпича. Если же будетъ строеніе готовое, то и это не дурно. Ты—я думаю—знаешь теперь Кіевъ и его окрестности, какъ свой собственный домъ; бродить же ты любишь; займись этимъ и устрой мнѣ пристанище на старость. Можетъ быть я заслужу себѣ награду и сверхъ жалованья. Тогда поживемъ близкими сосѣдями съ аппетитомъ. Лучшаго города на свѣтѣ нѣтъ, какъ Кіевъ, особенно для меня.

Досадно, что Ляхи все еще гнѣздятся подъ покровомъ слѣпотствующей мѣстной администраціи; но это еще больше заставляетъ меня домогаться водворенія въ Кіевѣ. Будемъ отстаивать русское право по мѣрѣ силъ. Время между тѣмъ перемѣнится, перемѣнятся и нелѣпые дѣятели, непонимающіе, чѣмъ сильна кіевская почва. Но какъ бы то ни было, хорошо или худо будетъ въ Кіевѣ, а я хочу быть его обитателемъ въ старости, которая—увы!—не за горами.

Твій Кулишъ.

4.

11|23 октября 1866. Варшава.

Письмо начинается стихотвореніемъ Пушкина: Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день и т. д. Такая неправильная душа, какъ у меня, не можетъ быть спокойна. Я надѣлалъ много промаховъ въ жизни, много глупостей, много пошлостей. Все это меня мучитъ,—вотъ тебѣ и вся исторія. Одно для меня спасеніе—сильная дѣятельность. Безъ службы такая дѣятельность въ Россіи—по крайней мѣрѣ для меня—невозможна. Вотъ почему я служу, да еще потому, что хочу расплатиться съ долгами. Достигнувъ этой послѣдней цѣли, я, можетъ быть, выбьюсь изъ силъ и заберусь въ хуторскую свою конуру, чтобъ умереть по-запорожски, т. е. вдали отъ шума. Козаки,

если не умирали на войнѣ, то удалялись въ какую нибудь глушь, даже вдаль отъ семьи. Я понимаю это чувство и безъ сомнѣнія самъ такъ сдѣлаю. Но покамѣсть поработаемъ во славу русскаго имени, которое я люблю, не смотря на то, что его позорятъ каждый день мои соотечественники.

Благодарю тебя за деньги, которыми ты снабдилъ Александру Михайловну. Мои финансы немного спутались, но я такъ немного издерживаю собственно на себя, что легко ихъ поправлю. Знаешь ли, что стоитъ мой обѣдъ? $21^1/_2$ коп. Положимъ, что кофе утромъ и чай вечеромъ стоятъ столько же. Вотъ тебѣ 50 к. Съ извощикомъ etc. круглымъ счетомъ день обойдется мнѣ въ 1 р. Я не курю, вина пью одну рюмку и то не всегда. Но обѣдаю каждую субботу ex officio въ клубѣ. Это мнѣ стоитъ въ мѣсяцъ рублей 20. И того 50 р. Такимъ образомъ трачу на себя въ годъ рублей 600, да на одежду etc. 400= 1000. Все таки много! но остатокъ значителенъ, однакожъ. Отдѣливъ изъ него 1000 руб. на Александру Мих. и 500 руб. на квартиру, у меня останется 4000 р. Это хорошія деньги въ умѣлыхъ рукахъ, а мои руки дѣваютъ ихъ куда-то. Отчасти знаю куда, отчасти не могу сообразить. Всего хуже, что ни въ чемъ себѣ не отказываю, кромѣ пищи и питія, которыя для меня составляютъ послѣднюю статью. Сегодня я обѣдаю въ клубѣ за 5 р. (съ виномъ) а завтра за $21^1/_2$ к. съ рюмкою водки и не нахожу большой разницы. Аппетитъ у меня всегда отличный. Небеса съ этой стороны ко мнѣ милосердны. Только и бѣда, что безотрадно какъ-то бываетъ на свѣтѣ, очень безотрадно,—и тутъ то иной разъ, подъ видомъ премудрѣйшихъ вещей, дѣлаются величайшія глупости. Жизнь моя испорчена давно. Напиши о себѣ и своей семьѣ etc., etc.

5.

Довгенько жъ ты мовчавъ, друже Иване! Та въ мене не було охоты до лыстування. Колы не лаяты все навкруги, то ничого й пысаты, а лайкою що поможешъ? Отъ тоби й отповидь на твои пытання. Скажешъ: якого жъ гаспида сыдышъ у той Варшави? А дежъ мени дитысь? На столыци насъ не треба, а на Вкраини дурень на дурневи сыдыть та дурнемъ и поганяе. А що вже Кіевъ, то выбачай—наврядъ чи й е на свити дурнищій городъ! Отъ хочъ бы ваши газеты, та цуръ имъ! Про таку погань и вспоминаты не стоить. Университетски панычи, ти мовлявъ профессоры, думають, що обо-

роняють Русь одъ Ляхвы, стелють же дорогу до панування на Вкраини—и именно тымъ, що побывають у цвити народню сылу, разлучаючи молодижъ изъ народомъ. Нияка сыла не обипретьця противъ лядьскои на Вкраини, опричъ тои, що заганяла колысь Ляхивъ за Вислу. Разумный знае се добре, а дурному нихто въ голову не вложить. То й ничого довго про се пысаты. А що читавъ ты, брате, въ «Слови», то се до тебе витромъ занесло шматочекъ паперу и ты зъ того шматочка небагацько второпавъ. Будутъ колысь знаты, що може бъ треба було бъ зробыты для Галичинны, та колыжъ, мовлявъ, ...оглухлы, не чують... Якъ доведетця бачитысь, тоди тоби багацько поросказую, а пысаты исторію лыстами—шкода.

Твій П. Кулишъ.

1867 липця 12 зъ Варшави.

6.

1867 г. Іюня 22 Варшава.

Увѣдоми меня, друже Иване, какіе наибольшіе проценты получаешь ты за свои капиталы. Такіе проценты приложу я къ сотнѣ рублей, которую тебѣ долженъ. Изъ дружбы ты не долженъ лишиться ни одного рубля своихъ доходовъ; дружба должна заботиться о благосостояніи нашемъ. И такъ не моги возражать мнѣ противъ этого, потому что понятія мои о подобныхъ предметахъ отъ твоихъ хохлацкихъ (одни хохлы способны въ такихъ случаяхъ пятиться) возраженій не измѣнятся, а увѣдоми меня безъ утайки о maximum процентовъ, какіе ты извлекаешь изъ своей трудовой копѣйки. Такимъ образомъ мой заемъ не произведетъ въ твоихъ дѣлахъ ни малѣйшаго дефицита, а мнѣ это необходимо для моего спокойствія. Я и безъ того дѣлаю много глупостей, за которыя приходится внутренно себя бранить, какъ пошлѣйшаго человѣка.

Положеніе мое таково: получаю я обыкновеннаго жалованья 4500 р. въ годъ да чрезвычайнаго 1500 и того 6000 р. Долговъ остается у меня уже весьма мало или собственно говоря: никакихъ, потому что я считаю себя должнымъ 1000 р. а мнѣ должны 25000 р. По окончаніи дѣйствій Учредительнаго комитета, при которомъ я состою, есть надежда получить на два года по 4500 р. Не имѣя долговъ, я надѣюсь къ тому времени сберечь тысячи три. Итого у меня будетъ въ рукахъ тысячъ 12 р. да хуторъ, на который затрачено тысячи двѣ, да книгъ тысячъ на пять (это равняется почти нулю среди

нашего варварскаго общества). Такимъ образомъ результатъ всей моей дѣятельности выразится какими нибудь 14-ю тысяч. движимаго и недвижимаго имущества. Не за что уважать себя человѣку, чрезъ руки котораго прошло заработанныхъ денегъ не менѣе ста тысячъ и который способенъ столько работать, сколько я! Ты мнѣ—живой упрекъ. Ты изъ малаго составилъ несравненно больше и за то тебѣ подобаетъ отъ меня честь и поклоненіе. Аминь.

7.

Славни бубни за горами, а прійдешъ ближче—собача шкура; то такъ и ся холера. Ты здалеку жахаесся, а мы въ Варшави байдуже про неи. Тутъ инша бида: Катковъ нидъябеджуе, а дурныки лякаютця мене, мовъ ти Римляне Югурты, що мовлявъ, absens an praesens, pacem an bellum gerens perniciosior esset in incerto habetur. Що воны тутъ мени за хлопитъ роблять, то цилу кныжку напысавъ бы, колыбъ схотивъ усе пропысуваты. Ось прочитай 107 № «Московьскихъ Видомостей», то побачишъ, якъ на мене дыка сыла гукае. Видпысавъ я таке Каткову, що мовъ чемерици понюхае; а якъ не схоче напечатати (бо чести чортъ-ма въ его й за шелягъ), то пославъ я те жъ саме Аксакову; колыжъ и Аксаковъ почавъ уже собачими стежками бигаты, то тежъ саме пославъ у Петербургъ. Посатанилы вси, чи чорты ихъ нехай батька знае,—совсимъ дурни—мовъ довбешки. Ты ему образы, а винъ тоби лубья! Ну, та дарма. Нехай басують: сами себе осоромлять, бо мовлявъ: брехнею свитъ пройдешъ, тилько назадъ не вернесся. Пани моя гуляе за границею.

Выбачай же, друже Иване, що такъ до тебе прыхваткомъ пышу. Далеби що николе: то видъ собакъ видмахуюсь, то дило роблю

Твій Кулишъ.

1867 авг. 22 Зъ Варшавы.

8.

1868 ноября 29. Варшава.

Не писалъ я къ тебѣ потому, что мы молчалъ. Мое слово было послѣднее. Вопрошаешь, какъ меня Богъ милуетъ? По велицей милости своей и по множеству щедротъ своихъ. Здравствую, какъ всегда, и работаю какъ никогда. Учусь по еврейски и перевелъ съ лучшихъ

переводовъ четвертую часть всей библіи, да почти всю псалтирь стихами (107 псалмовъ уже). Псаломъ 1-й напечатанъ въ «Правдѣ», а 50 первыхъ выйдетъ отъ ея имени, яко *перва третина* книги, имѣющей заглавіе: *Украинській псалтирь або книга хвалы Божои*, безъ имени автора. Нехай нашимъ ворогамъ буде тяжко! Перевелъ я также Пѣснь пѣсней *(Письню надъ письнями)* и объяснилъ оную, держась Гердера, котораго читаю со тщаніемъ, равно какъ и многое другое, относящееся къ Библіи. Сіе толкованіе такъ же появится съ новаго года въ Галицкой Правдѣ, и въ настоящее время печатаются тамъ двѣ пѣсни Моvсеевы: на переходъ черезъ Чермное море и предсмертная. Хочу взять въ свои руки тамошнее духовенство, или лучшую часть онаго, какъ это ты узришь изъ дальнѣйшихъ моихъ дѣйствій по литературной части. У васъ въ Кіевѣ не понимаютъ, что теперь тамъ вся суть *русскаго* вопроса, т. е. коренного русскаго. Кіевъ, какъ былъ, такъ и остается безпутнымъ городомъ. *До дому я не собираюсь*, да у меня его нѣтъ, хотя есть хуторъ, снабженный всѣмъ необходимымъ для обыкновенной и даже литературной жизни; а *собираюсь я за границу* для библіотечныхъ работъ. Поживши тамъ мѣсяца два, я увижу, надобно ли мнѣ пребывать тамъ долго, или же можно возвратиться въ хуторъ и погрузиться въ кой какія писанія, кромѣ перевода Библіи, который пойдетъ быстро по окончаніи Псалтыря.

Въ Варшавѣ сидѣлъ я такъ долго для окончанія Сборниковъ административныхъ постановленій, за которые мнѣ назначено награды 4500 рублей, и сія награда уже утверждена, но я еще не получилъ формальнаго увѣдомленія и, должно быть, не получу денегъ раньше новаго года, къ которому обыкновенно пріурочиваются подобныя событія. Очень ошибаешься, друже Иване, воображая, что живи я на на родинѣ, я могъ бы имѣть благотворное вліяніе на моихъ земляковъ: перебравши въ жизни много людей, я пришелъ къ заключенію, что моихъ земляковъ, т. е. представителей интеллигенціи, надобно предоставить ихъ ничтожной судьбѣ. Пускай ими займется еще кто нибудь другой, а я намѣренъ заниматься только своею особой. «Предметъ достойный»! какъ говоритъ бѣдняга Пушкинъ, который—...Людей, конечно зналъ

И вообще ихъ презиралъ,
Но правилъ нѣтъ безъ исключеній“—

сказано далѣе. Существуютъ исключенія и для меня, но для нихъ нѣтъ надобности жить на родинѣ. Землю покупать мнѣ никакъ не

приходится, по нынѣшнимъ моимъ и дальнѣйшимъ работамъ, при которыхъ съ меня довольно хутора, чтобы наблюдать растительную и животную жизнь. Эта мысль занимала меня нѣкоторое время, а теперь я рѣшился жить процентами съ небольшого моего капитала,—это дастъ свободу и досугъ.

Благодарю за обстоятельное увѣдомленіе о твоей семьѣ. Сохраненіе столькихъ дѣтей живыми и здоровыми лучше всего свидѣтельствуетъ о твоей мудрости, а если изъ нихъ выйдутъ работницы и работники мысли, то я причислю тебя къ величайшимъ изъ людей. Жаль, что ты недовольно проникнулъ въ сущность украинскаго вопроса, который жизненнѣе всѣхъ другихъ на нашей родной почвѣ. Кто стоитъ въ сторонѣ отъ него, о томъ можно сказать, что онъ не напишется въ книгѣ живыхъ. Память всѣхъ этихъ высоко или широкоглядовъ потребится отъ земли нашей. Восхвалятся и благословятся грядущими родами только тѣ, которые хлопочутъ, чтобы землю нашу наслѣдовали потомки проливавшихъ за нее кровь свою. О прочихъ будетъ столько памяти, сколько о строителяхъ желѣзныхъ дорогъ и тому подобныхъ полезныхъ вещей. Они получаютъ свою мзду, какъ поденщики, и остаются чужими на обработываемомъ или огораживаемомъ ими кускѣ земли. Мы же—прямые господа и владыки этой земли: на ней отпечатается нашъ нравственный образъ, и будетъ она извѣстна народамъ чертами этого образа, ничѣмъ неизгладимыми чертами. Такъ вотъ и жаль мнѣ, что ты воображаешь себя болѣе мудрымъ человѣкомъ, нежели еси на дѣлѣ. Но спасибо и за то, что въ тебѣ есть. Моя Александра Михайловна вмѣстѣ со мною всѣмъ вамъ кланяется. Будь счастливъ по своему, какъ я—по своему.

Въ Варшавѣ проживемъ, по всей вѣроятности, до половины января, а потомъ за границу. Пиши на мое имя, въ Хмѣльной ул. № 1260, а по моемъ выѣздѣ туда же на имя Вас. Мих. Бѣлозерскаго. Щербакъ не отвѣчалъ мнѣ на письмо мое о книгахъ, писанное еще лѣтомъ. Недавно я послалъ ему письмо о Словарѣ. Теперь онъ писалъ къ Бѣлозерскому, но все-таки не ко мнѣ. Твой Кулишъ.

9.

Оце уже й йиду! Сей лыстъ укинетця въ скрыньку де небудь на дорози. Чи надовго, чи ни—не знаю: тамъ побачу. Адресу мого заграничняго не посылаю, бо не знаю й самъ, де скильки перебуду

часу; а потимъ, якъ уже знатыму, напышу до тебе, мій добрый и шановный друже. Колыжъ бы трапылось до мене що напысаты, не дожидаючись мого сповисту, то пыши въ Варшаву на имъя Вас. Михайловича (Бѣлозерскаго) Хмѣльна ул. 1260, а винъ вже знатыме, куды переслать. Бувайже здоровъ и щастлывый изъ любою твоею жинкою и съ кохаными твоими диточками.

Твій Кулишъ.

1868 г. дек. 30. Варшава.

10.

1 февр. ст. ст. 1869. Хлоренція.

Выйихавши зъ Варшавы, я все не здужавъ, та ще, вповаючи на теплу погоду, не взявъ зъ собою теплои одежи, то простудывсь дорогою, а ще бильшъ у Видни въ поганому отели, куды мене завезено оманою. Звелено йихаты въ добрый отель, а пидкуплена ледарь мовчки прывезла (середъ ночи) куды схотила. Хата—якъ ледовня, у викна дме, натопыты и обогриты було не можна. Черезъ се я тяжко простудывсь, такъ що мусылы клыкаты до мене виденьского Ипократа Опольцера. Поправившись скилько було треба для дороги, я перейихавъ у Венецію. Тамъ на биду страшенный морскій туманъ, а пидъ проклятy карновальну годыну—насылу знайшлы хатыну съ такою печчю, якъ бжолыный улыкъ, та ще й то дымуе; и беруть за сю радисть у сутки карбованьцивъ зо два. А биснуватый чортячими голосами верещыть зо всихъ бокивъ! Вырвавшись зъ сего пекла, насылу я добравсь до Хлоренціи,—и тутъ холодно, сыро, дощъ, хата пидъ небомъ, да й туды зъ земли долитае карнавальске верещанье. Ничого въ свити нема такого ненавыднаго, якъ сей галасъ и свыстання у сто свыстkивъ разомъ. И ни на одну пивгодыну изъ 24 годынъ не замовкне пекельна тривога скаженого народу! Думавъ, що вмру. Выйты не можна, бо улыця захрясна народомъ та божевильными возами, и куды не пійдешъ, усюды народъ скаженіе. Дывувавсь я, що Италія не знае ничого кращого надъ московськи балаганы зъ ихъ мекекеканнями, пыскомъ, верещаннями, свыстомъ, дыкимъ гикомъ, реготомъ, погаными завыванями и всякою огидою для уха и ока. Теперъ, бачу що москали перейнялы свій ледачій гармидеръ балаганный, свое безумне галасування и передражнювання чортякъ на масныци у сіеи ледачои черни, зопсованои Римлянами, Гуннами, Оварами и т. д. и т. д.

Оцежъ, хвалыты Бога, зныкъ карнавалъ, и я трохи очунявъ, то й пышу до тебе, друже Иване, оливцемъ, не маючи въ сему дыкому краи ни папера, ни чернила путнего. Не здужаю! Небо въ хмарахъ, отели погани, всюды дають йижу и пыття погане, та яке жидивство, яке ошуканство! Хочешъ воловыны, а винъ тоби зжарыть свынины зъ дымомъ. та й бреше въ вичи, що се воловына. У всій Хлоренціи я не знайшовъ ни кохве, ни шоколаду по смаку. Найнявъ гарный номеръ гостынныци, съ каминомъ и давъ задатокъ. Перейпхавъ зъ другого отеля, ажъ мою куплену и заплачену хату оддано другому, а мене втереблено въ таку, що нема камина, ни печи. Усе вильготне, а папиръ мокроватый. Вернувсь кашель. Ни власти, ни права, ни чести, ни совисти, ни порядку, ни самои арыхметыки тутъ нема. Се хранцузы вызволылы Италію съ пидъ нимця, а сама вона не згидна ни на що, и завтра іи Наполеонъ, колы схоче, оддасть изновъ нимцеви. Та и добре зробыть: тогда хочъ якій небудь буде тутъ ладъ. Багацько росказавъ бы та цуръ ему!

11.

14 апрѣля 1869 года Венеція.

Спасибо тебѣ, друже Иване, за готовность выручить меня, но деньги у меня уже есть. Получилъ я наконецъ Высочайшую награду за Сборникъ административныхъ постановленій, хоть и обманули меня, давши только 2000, вмѣсто 4500 р. Но лучше что нибудь, нежели ничего... Дѣла мои обстоятъ благополучно. На задни колеса я постоянно озираюсь. Этого не опасайся. Здоровье мое поправилось, но буду еще купаться въ морѣ, слѣд. пробуду въ Венеціи по крайней мѣрѣ до половины іюня. Пожалуйста не сѣтуй за небрежность и краткость моихъ писемъ, иначе и быть не можетъ. Твій Кулишъ.

12.

13/25 мая 1869 г. Прага.

Спасибо за извѣстіе о своемъ финансовомъ положеніи (тѣмъ болѣе, что оно сносно) и о семейныхъ твоихъ обстоятельствахъ. Хорошо твоей дочкѣ Сонѣ побывать между чужими людьми, но между какими—вотъ вопросъ! Пословица про бычка подвернулась тебѣ подъ перо безъ особаго выбора. Она сюда не идетъ. Теперь и бычковъ

не такъ обучаютъ, какъ въ старину. Кажется, однакожъ, что ты именно для того желаешь дочку помѣстить на время среди людей чужихъ, чтобъ она узнала, *почимъ кившъ лыха*. Друже Иване! Не хлопочи объ этомъ: узнаетъ она, хоть бы ты и не хотѣлъ, цѣну этого товара. Надобно заботиться о томъ, чтобы человѣкъ—пока молодъ и воспріимчивъ—видѣлъ и слышалъ, а также испыталъ, какъ можно больше хорошаго и радостнаго. Поэтому, если Херсонцы твои славные люди, то случаемъ этимъ нужно дорожить; если же они ни то, ни се, какъ обыкновенно бываетъ большинство, то гораздо лучше твоей Сонѣ пребывать въ Кіевѣ и что-нибудь пригодное для себя на будущее изучать, особенно же хлопотать о самодѣятельности. Нынѣшнее воспитаніе и положеніе мужчинъ вообще приводитъ къ безхарактерности. Женщины, случайно, находятся, внѣ вредныхъ вліяній, уничижающихъ человѣка въ мужской формѣ. Такъ надобно стараться, чтобъ онѣ сами были въ состояніи заботиться о своемъ семействѣ, не разсчитывая на руководство такъ называемаго болѣе сильнаго (вовсе не съ нравственной стороны) существа. Ну, да что тебѣ совѣтовать? Поговоримъ о другомъ...

Изъ Италіи я выѣхалъ потому, что докторъ, которому я вѣрю, написалъ ко мнѣ, что бы я *не* купался въ морѣ. Самъ онъ скоро пріѣдетъ за границу и мы вмѣстѣ попутешествуемъ. Я и избралъ своимъ временнымъ пребываніемъ Прагу, какъ ближайшій пунктъ къ его шляху. Тутъ очень хорошо со стороны цивилизаціи и простоты жизни и природы. Теперь адресуй ко мнѣ на мое имя: Ulice Lipova № 474.

13.

16/30 іюня 1869. Вѣна.

Я страдалъ отъ простуды и отъ холоду; не безъ того, что и усталость отозвалась во мнѣ. Были и еще кой-какія обстоятельства, въ родѣ тѣхъ, о которыхъ ты знаешь. Разочарованіе въ человѣкѣ—тяжкое дѣло! Онъ—знаменатель многихъ, ему подобныхъ. Да вотъ пріѣзжаетъ Деньковскій, осматриваетъ меня весьма тщательно и объявляетъ, что мнѣ можно преспокойно работать еще 25 лѣтъ. Лѣкарствъ никакихъ, разрѣшеніе вина и елея, полное купанье такъ же. Съ того дня силы мои удвоились, и я теперь здоровъ, какъ рыба въ водѣ. Работаю я постоянно—это нормальное мое существованіе.

Иначе—я бы пропалъ отъ скуки. Нѣтъ Бога кромѣ Аллаха, а Магометъ пророкъ его. Нѣтъ жизни внѣ труда, а я—любитель труда.

Черезъ часъ праздной бесѣды (напр. за обѣдомъ) я уже скучаю, кто бы ни былъ мой собесѣдникъ,—развѣ разговоръ самъ по себѣ будетъ—работа, и притомъ близкая къ моей сферѣ. Ал. Мих. безпокоится обо мнѣ подъ вліяніемъ обыкновенныхъ страховъ за жизнь дорогого человѣка. Это—ароматъ ея сердца, но я не желалъ бы, чтобъ онъ такъ дорого ей стоилъ. Ты же, друже Иване, долженъ успокоиться совершенно и даже измѣнить свое воззрѣніе на мои лѣта. Я перестану работать въ день моей смерти, хотя бы она случилась въ самомъ дѣлѣ черезъ 25 лѣтъ. Жатва многа, дѣлателей же мало! Мои занятія поддерживаютъ, а не истощаютъ меня: вѣрь этому!

Нѣкоторыя обстоятельства представляютъ для меня возможность пріѣхать, черезъ мѣсяцъ, или около того, къ себѣ въ Пиддубень. Можетъ быть на зиму опять выѣду, а можетъ быть буду зимовать въ хуторѣ. Тогда повидаемся и поговоримъ подробно обо всемъ, что тебя интересуетъ въ моихъ занятіяхъ. Настоящее время самое для меня скучное: надобно ждать, чтобы въ одномъ мѣстѣ сдѣлалось то, а въ другомъ другое, а безъ того нельзя никакъ устроить своего быта опредѣлительно. Комбинаціи тутъ чисто денежныя. Если у меня не будетъ довольно денегъ, то мнѣ лучше зимовать дома. Тамъ я исполню такую часть моихъ работъ, для которыхъ здѣсь не имѣю матеріалу и пособій, напр. по Словарю, по своду народныхъ думъ и пѣсенъ, по грамматикѣ. Даже для изученія еврейскаго языка у меня тамъ очличныя есть изданія, принадлежавшія нѣкоему оріенталисту и находящіяся у меня много уже лѣтъ на храненіи. Вотъ когда понадобились наконецъ.—Къ Чехамъ Соню везти не для чего, а въ Швайцарію—превосходно! Я попрошу Деньковскаго озаботиться пріисканіемъ пансіона и сообщеніемъ тебѣ всѣхъ условій. На нихъ положиться можно. Теперь они ѣдутъ въ Берлинъ, а въ Швейцаріи будутъ черезъ мѣсяцъ. Благодарю тебя за любовь ко мнѣ, который такъ мало имѣетъ возможности доказать тебѣ, какъ онъ ее цѣнитъ. Будь счастливъ! П. Кулишъ.

14.

Безцѣнный друже Иване! Бувъ я въ тебе неспавши ничъ, то бачивъ и чувъ усе кругомъ наче кризь сонъ. Оце жъ пріихавши трохи згодомъ побачу и почую все наново. У Бровари выклыкавъ я

до себе зъ села за 17 верстъ Митрофана (Александровича) и беси-довавъ изъ нымъ, уже выспавшись дуже смачно. До дому добравсь передъ пивниччю, ще не спалы. Гарно дуже въ сему куточку Азіи, бо людямъ про неи байдуже. Ну, та про се описля; а теперъ прошу тебе си 105 рубливъ нислати ось по якому адресу: Oesterreich, Wien, Herrn Pantelemon Kulisch. Vorstadt Wieden, Untere Allee-Gasse № 9... Тамъ е довиренность у одного земляка. Винъ знатыме, що з сими гришми чиныти. Тильки благаю посылать негайно. Якъ прышлють тоби зъ Видня аглицьку кныгу, то вызволь іи швыденько съ цензу-ры, та заразъ и посылай до мене, а втрату запыши. Пры сій нагоди скажешъ мени, кому ты здавъ мои «Записки Южной Руси», що було въ тебе ихъ доволи прымирныкивъ. Твій Кулишъ.

15.

1869, серпня 24. Пиддубень.

Думка моя йихаты въ Кіевъ розбылась объ усяки дибни на по-глядъ, а справди велыки перепынки. Я сподивавсь мебель свою знай-ты вже въ Пиддубни, а вона лежала у Курському та гныла соби пидъ голымъ небомъ на дощахъ. Уси мои кныги, папиры, одежа, да й сами ключи булы тамъ позаховуваны. Не знавъ я, чи йихаты туда на выручку, чи ждаты, що мени поможе выслаты одинъ добродій, що пиддобрывсь изъ послугою на зализныци; та вже насылу, та на превелыку сылу, выкрутывъ я свое добро съ поганыхъ рукъ, що дер-жать у Рассѣи зализныци та не хочуть складуваты пересылокъ пидъ покрыттями, а гноять та каличать по вподоби поганои души своеи. Се тоби одна перепынка, друже Иване. Ще жъ то знаешь, що я по-кинувъ хутиръ, не добудовавши хаты. Теперь заходывсь кукобыты— чортъ-ма робитныкивъ! Обіцяють прыйты та й зводать: такій тутъ народъ выроблено! Зимоваты жъ не можна безъ захисту. Се друга перепынка. А третя ось яка: Васыль Билозерській просывъ роспро-даты его землю, та зъ сіеи роспродажи взяты й соби частыну гро-шей, що винъ мени вынenъ. Якъ же почалы мене водыты одъ ты-жня всяки homunculi, то вилыла давно й Пречиста, а дило а-ниже не посунулось. Теперь же мени треба йихаты въ Черныговъ, а тамъ те, а тамъ инше, то глядь—ще мисяць уплыве, мовъ та днына. Оттакъ у сему мертвому краи зныкае за ни за що викъ людській! Все, що я зробивъ за цей мисяць тутъ, можна бъ—ей же ты Богу—

зробыты въ Нимещини за два дни, та ще й безъ досады, безъ тривоги, безъ нудьги. А воны хочуть Европу попереджуваты дурни! Бралысь бы вже въ Монгольщину, та й булобъ зъ ныхъ. Ни! Тымъ варваръ и варварствуе, що не знае свого варварства. Сповисты жъ, друже мій Иване, добрыхъ сусидъ своихъ, що не абы-чого, а таки справди черезъ велыкій скрутъ не прыйихавъ я, такъ якъ думавъ, у Кіивъ, та й уклонысь имъ любенько видъ мене.

Найпотребнища мени кныга, що прыйде на твое имъя зъ нимещины; вона мусыть пійты въ цензуру,—то выкруты іи зъ сего мытарства та й прысылай до мене заразъ. Хвалыты Бога, я соби здужаю и любе мени вельми життя на хутори: найкраще воно въ свити! Тилько треба добре окукобытысь и все впорядкуваты. Кланяюсь щиримъ серцемъ твоій семьи! Твій Кулишъ.

16.

15 сентября 1869 г. Поддубень.

Съѣздилъ бы ты, друже Иване, въ село Печи, находящееся въ 20 верстахъ по сію сторону отъ Нѣжина. На станціи ж. д. остановки 3 минуты. Отъ станціи въ 2 верстахъ—село Печи. Возлѣ самой церкви живетъ нашъ прикащикъ Лавринъ, управляющій 41 десятиною продающейся земли, который тебѣ ее покажетъ и разскажетъ. Поставивъ ногу на этой землѣ, обладая деньгами наличными, можно купить по случаю весьма хорошее имѣніе, а это яко удобное по позиціи продать.

Если хочешь, поѣзжай далѣе по ж. д. въ село Плиску. Тамъ прикащикъ Григорій Король покажетъ тебѣ 30 десятинъ поля (безъ лѣсу); за эти 30 десятинъ можно взять 2000 р. Только знай, что то и другое имѣніе предоставлено доктору Дыньковскому, отъ котораго я ожидаю и денегъ. Только въ случаѣ его выбора или отказа, я могу имѣть сдѣлку съ тобою. Это рѣшится скоро. И въ первомъ и во второмъ имѣніи ты будешь часто видѣться со мной; а со временемъ можемъ и очень присунуться одинъ къ другому своими оселями, да къ тому заведемъ еще какую нибудь совмѣстную покупку и перепродажу. Твой П. Кулишъ.

17.

$^{15}|_{27}$ декабря 1869. Вѣна.

Безцѣнный друже Иване! Въ Варшавѣ пробылъ я только сутки, и на 8-й день по отъѣздѣ изъ Кіева насилу добрался до Вѣны. Желѣзныя дороги въ Россіи исполнены невообразимыхъ безпорядковъ и задержекъ. Надобно считать за счастье, что я остался живъ. Лучше было бы ѣхать на Брестъ—но не въ дилижансѣ, который своего рода каторга. Здоровье мое пострадало въ дорогѣ мало. Нѣсколькими днями сидѣнья въ комнатѣ возстановлю его. Радость земляковъ о моемъ пріѣздѣ была велія,—и есть чему радоваться! Очень доволенъ я, что рѣшился ѣхать, при самыхъ неблагопріятныхъ денежныхъ обстоятельствахъ.

Теперь о другомъ. О продажѣ тебѣ земель въ Печахъ я говорилъ съ Вас. Мих.; онъ совершенно согласенъ отдать ихъ за 1200 р. кромѣ грунта, заключающаго въ себѣ 1 десятину. Этотъ грунтъ обѣщано продать Лаврину, который всего больше дорожитъ сосѣдствомъ «Дому Божого». Помни, что печинская станція по ж. д. (20 верстъ по ту сторону Нѣжина), называется не Печи, а *Круты*, по имени другого сосѣдняго села. Содержаніе твоего Юліана въ Вѣнѣ maximum будетъ стоить 320 р. въ годъ. Устроить его положеніе готовы, какъ близкіе родные для близкаго родного. О Сонѣ еще ничего не скажу относительно того, что я ей лично обѣщалъ, но всячески буду стараться.

Посылаю нефранкировавши ради вѣрнѣйшаго полученія, и ты не франкируй ко мнѣ. Всегда пиши: Oesterreich—Wien poste restante. Herrn P. Kulisch.

18.

28 январа 1870 Пиядубень.

Получивши, друже Иване, твое письмо, я написалъ было тебѣ очень чувствительный отвѣтъ, но медлилъ отослать въ ожиданіи кое какихъ событій. Между тѣмъ чувствительность письма, въ виду твоихъ тяжелыхъ обстоятельствъ, показалась несоотвѣтственною. Кого можно утѣшить словами? А никакого дѣла, способнаго тебя возвеселить, нельзя предпринять. И такъ, я уничтожилъ письмо мое и ограничиваюсь простымъ увѣдомленіемъ, что я сдѣлаю все, тебѣ угодное.

Земли и лѣса я продаю по уменьшенной цѣнѣ и деньги тебѣ доставлю во-время. Дѣлай, что признаешь за меньшее изъ золъ или за лучшее изъ благъ, чтобы ни на кого въ душѣ не сѣтовать. Ко мнѣ раньше весны не пріѣзжай: у меня холодно. Домъ не былъ выпробованъ зимою: ни разу въ немъ не зимовали со времени постройки. Увѣдоми меня, лучше ли стало вокругъ тебя? Я каждый день о тебѣ думаю. Знай, что я по мѣрѣ всего отъ меня зависящаго приму участіе въ твоихъ семейныхъ дѣлахъ во всякое время и вездѣ.

Твой Кулишъ.

19.

10 февраля 1870. Пиддубеиь.

Я послалъ тебѣ, друже Иване, 300 р. и еще пришлю въ скоромъ времени 200. Продавать земли я долженъ и помимо твоей надобности, а о дорогой продажѣ напрасно мечтать, потому что денегъ въ нашемъ краѣ нѣтъ—или мало.

Пріѣзжай ко мнѣ не раньше весны, когда можно будетъ гулять на дворѣ. Не привози зъ собой ни Шевченка, никого другого. Кто имѣетъ ко мнѣ надобность, пусть пишетъ. Я постоянно занятъ и мнѣ каждый, кромѣ тебя одного, только мѣшаетъ. Твой П. Кулашъ.

N. Въ Плискѣ умеръ мой пріятель, козакъ, на котораго я во всемъ полагался. Это заставило меня продать початую постройку лавки и уступить мѣсто подъ гостинницу своему товарищу. Ограничиваюсь однимъ хуторомъ и въ немъ сосредоточиваю всю свою дѣятельность; да и то все хозяйство предоставилъ я Алекс. Михайловнѣ, а самъ знаю одни книги. Такою рѣшимостію я себя удосужилъ для дѣла литературнаго и очень успокоенъ.

20.

1870 серпня 27 Венеція.

Коханый друже Иване! Такій у мене бувъ тяжкій нежитъ у Кіеви, що не можно було й на свитъ Божій дывытысь, не то вже любе слово промовыты. У дорози жъ те лыхо якось мынулось. До Радзивилова мусылы мы йихаты киньми, а вже тилько зъ жидивскихъ Бродъ полетилы огнянымъ возомъ, мовъ той святый Илля. Якъ я казавъ, такъ и сталось, що не знаю де опынюсь. У Виднии тилько поба-

чивъ що мушу йихаты въ Италію. Не згирша й се краина: трохи краща видъ багнюковатои Борзенщины. А що вже небо, такъ и Господы! Умочивъ Господь здоровеннаго квача въ самый чистый блакитъ да за однымъ махомъ и вымазавъ его все, не покинувши й малесенькои плямынки.

Литературную працю свою я добре злагодывъ, знайшовши охочихъ помишныкивъ до чорнои роботы. Теперъ трохи погуляемо зъ Иваномъ, якъ ти бжолы, що давно пасишныкъ не выпускавъ на прійгру: бодай чи не махнемо ажъ туды, де колысь у ночи загегекалы на ввесь свитъ гуси. А поки що, то й Венеція, втишае насъ мовъ доброго чоловика пысанка на Велыкдень. Забуваешъ усю гидоту, на яку надывывсь сидачи дома мовчки. Душа здаетьця крылатою, а въ серци—ни крихотки туги. Оттаке воно, брате, дыво!

Подякуй пану Михайлови и іого любій жинци, що пустылы переночуваты, та пысны иногди до мене про свое житте и здоровья. Вельми я втишався, що ты помолодшавъ; а зимою прыстарывся бувъ дуже! Не турбуйся дуже про долю дитворы твоеи. Якось мы зъ тобою прожилы мижъ добрыми й лыхими людьми; то чомъ же имъ не прожиты? Жинци твоій вклоныся видъ мене любенько. Адресъ Italia—Venezia al sign-r Panteleone Kulisch. Hotel Bauer.

21.

5 окт. 1870. Венеція.

Друже мій Иване! Якъ живешъ на свити? Я добре. Тутъ мы не знаемо ни витру, ни холоднечи. Любо якъ у насъ на провесни. Газеты не дають ничого робыты: знай читаю. Та й е що читаты! Тилько французы и вси ихъ пріятели разъ у разъ брешуть. Оце жъ думаю, що й до васъ доходыть бильшъ брехни, нижъ правды. Пани моя ще въ хутори. Е чутка, що зализныця до Волочиска незабаромъ буде готова. Колы такъ справди, то попросы любого нашого Михайла (Щербака) нехай спровидуе та й сповистыть мою пани заздалегидь, щобъ вона не былась по далекихъ дорогахъ. Пыльно про се благаю.

Про себе ничого пысаты опричъ того, що добре здужаю, та у сему жъ и вся ричъ. Бувай здоровъ зъ усіею семьею, та напыши про себе. Спизнався тутъ изъ вашимъ Кіяныномъ Цихановецькимъ Се добра людына. Твій Кулишъ.

Якъ йихатыме моя пани через Кивъ, то нехай Мыхайло наготуе ій нове выданне Богдана Хмельницького. Я й до неи про се пысавъ, колыбъ не забула.

22.

6|18 Февр. 1871. Вѣна.

Дорогій друже Иване! Обицявъ еси телеграммою выслаты гроши тай не выславъ. Може, прочитавши мій лыстъ, та побачивши, що я прошу грошей не для себе, ты мрукнувъ соби тай байдуже. Колы такъ воно есть, то помылывся ты здорово. Тымъ часомъ прыйшлы до мене инши гроши, такъ и не бида, а колыбъ и си гроши загаялысь, то бувъ бы велыкій скрутъ. Оце колы пославъ ты гроши, то добре, колыжъ не пославъ, то й не посылай, ажъ поки не сповищу, а може ихъ и зовсимъ буде не треба. Тилько зробы мени ласку, напыши заразъ про всю прычину, щобъ я знавъ, бо мушу сповистыты негайно Ив. Билозерскаго у Венеціи.

Мы зъ жинкою тильки вчора въ ночи прыбулы до Видня. Загаемось тутъ довгенько, хиба сама пани схоче вернутысь швыдче въ хуторъ догледиты господарства на провесни. Прошу тебе, друже, сповистыты мене, чи йиздять уже зализныцею зъ Киева до самого Радзивилова, чи й доси ни, и колы ни, то чи хутко йиздытымуть.

Твій Кулишъ.

23.

5 іюня 1871 года. Пиддубень.

Безцѣнный другъ Иванъ Филипповичъ! Я уже дома. Печатанье будетъ продолжаться заочно. Я все для этого устроилъ, и нѣтъ надобности мнѣ издерживаться на содержаніе моей особы заграницею.

Отдохнувши, пріѣду въ Кіевъ. Кланяйся Мих. Григор. и его домашнимъ, а куми моій поцилуй ручку.

Твій Кулишъ.

24.

8 іюня.

Посылаю тебѣ 1000 р. Строилъ я себѣ планъ поѣздки въ Кіевъ, но вышло иначе. Пани моя боится за меня холеры. Досадно! но дол-

жно покориться. Раннюю часть косовицы я окончилъ съ большимъ успѣхомъ, такъ что пожалѣлъ о сѣнокосахъ, отданныхъ косить съ половины: слѣдовало косить самому. При всѣхъ издержкахъ, было бы выгоды на 25%. Въ слѣдующемъ году буду косить все самъ. Произведеннымъ опытомъ добылъ я много практическихъ свѣдѣній, какъ быть съ рабочими. Я начинаю слыть хозяиномъ, котораго дѣламъ удивляются; я всегда удивлялся неумѣнью моихъ сосѣдей хозяйничать. Что сдѣлало изъ меня лучшаго между чиновниками въ Варшавѣ, то самое сдѣлаетъ и лучшимъ между хозяевами. Моя заповѣдь: est modus in rebus. Ни теоретика, ни практика меня не увлекають. Каждая мѣстность имѣетъ свои законы для дѣйствій. Покамѣсть я не ошибаюсь. Лѣсъ, купленный мною за 2000 р., цѣнятъ уже въ 5000 р; а за проданный Тарновскому давали мнѣ два года назадъ только 1300 р., но я не уступилъ даже и въ крайности, до которой довелъ меня Иванъ Бѣлозерскій. Этимъ предъ тобою хвастаю! Пріобрѣтеніе Матроновки дастъ мнѣ новые законы дѣйствій. Побачишъ! Жаль, что мнѣ не удалось повидаться съ тобой и развить передъ тобой мои гарантіи успѣховъ. Ничего я не предприму, не гарантируя напередъ. Да вжежъ колысь побачымось не только въ Кіевѣ, но и въ сихъ злачныхъ мѣстахъ! Бувай здоровъ! и да пронесется надъ твоей семьей безвредно бѣда холерная!

Старайся продать мѣсто на Рейтарской улицѣ по прежнему и по прежнему не спѣши высылкою денегъ заграницу Ивану Б. Этому человѣку я ни въ чемъ не вѣрю.

Твой Кулишъ.

25.

27 сент. 1871 года.

Комендантъ спрашивалъ своего субалтерна: почему не стрѣляли? Тотъ отвѣчалъ: «во 1-хъ не было пороху, во 2-хъ....—Довольно! сказалъ комендантъ. Этой одной причины совершенно достаточно, чтобъ стрѣльбы не было.

Такъ и я расписалъ тебѣ всю исторію и не сказалъ, что я состою очереднымъ почетнымъ мировымъ судьею 1-го участка, и что участковый судья Рындовскій уѣхалъ въ отпускъ, сдавши мнѣ дѣла и деньги. Поэтому мнѣ никакъ нельзя ѣхать въ Кіевъ. Не разрѣшитъ мнѣ этого и Мировой Съѣздъ.

Для дѣлъ я не отлучаюсь изъ дому, а сужу народъ среди своего лѣса. Добудь денегъ хоть у чорта и пришли 700 р., а 1300 храни у себя. Твой Кулишъ.

26.

27 сент. 1871. (Матроновка).

У меня работаетъ 20 человѣкъ солдатъ. Въ мое отсутствіе, они работать не могутъ, потому что дѣятельность ихъ была бы для меня равна непріятельскому нашествію. Я не пріѣду и не понимаю, какимъ образомъ я, неизвѣстное банку лицо, могу дѣлать подпись на векселѣ! Кликни съ улицы перваго прохожаго, пусть онъ подпишется; это будетъ равносильнó для банка моей подписи. Однимъ словомъ: я не поѣду до отпуска солдатъ не только въ Кіевъ, но и за пять верстъ. Даже по воскресеньямъ они работаютъ (за особую плату), но работать въ отсутствіе хозяина никоимъ образомъ не могутъ, все равно какъ слѣпой не можетъ работать въ благоустроенномъ домѣ, совершенно ему чужомъ. И такъ, или достань денегъ, не требуя меня самого въ Кіевъ, или оставь меня на произволъ судьбы. Я заранѣе писалъ къ тебѣ о солдатахъ, но ты неясно представлялъ ихъ работу. Она есть пересозданіе самой мѣстности изъ хаотическаго состоянія въ благоустройство, о которомъ сіи бобры не имѣютъ никакой идеи. Оставить ихъ безъ присмотра на одинъ часъ—значитъ рисковать предметами незамѣнимыми—именно деревьями, а по предмету рытья земли произойдетъ безсмыслица. Ты, можетъ быть, скажешь: почему же пани твоя не замѣнитъ тебя во время отсутствія въ Кіевъ? отвѣчаю: потому самому, почему жена Мольтке ни одинъ разъ не замѣнила его во время французской кампаніи. Я нахожусь въ экспедиціи, отъ которой зависитъ существованіе новаго міра, моей Америки, а ты велишь мнѣ ѣхать въ Кіевъ для какой-то подписи! Жаль, что ты не могъ быть у меня и осмотрѣть мою территорію въ томъ видѣ, какъ она мною пріобрѣтена. Посѣтивъ меня въ другой разъ, ты бы видѣлъ, что здѣсь произошло, какое превращеніе!

Твой П. Кулишъ.

27.

1 ноября 1871 года.

Знай, друже Иване, что я съ 25 сентября по вчерашній день находился въ лѣсу при работахъ съ разсвѣта до ночи, приходя обѣдать на полчаса. Часто я долженъ былъ навѣдаться и въ хуторъ, гдѣ часть солдатъ работала разныя разности. Рабочихъ у меня было сперва 20, а потомъ 30 человѣкъ. Вчера только я отпустилъ ихъ, «такъ какъ ихъ потребовано въ полкъ». Ротный командиръ выпросилъ для меня у полковника только пятерыхъ солдатушекъ, которые придутъ завтра и которыхъ работа, безъ моего постояннаго присутствія, была бы для меня вредна, а не полезна. Не знаю еще, на сколько времени отпущены сіи христолюбивые воины, но во всякомъ случаѣ прибуду за нѣсколько дней до двадцатаго декабря, да еще, пожалуй, и кису денегъ тебѣ привезу, потому что источники моихъ пріобрѣтеній разверзаются. Чего добраго, мы и въ банкѣ денегъ не будемъ имѣть надобности брать. Посмотримъ, что можно сдѣлать, но будь увѣренъ, что я не посажу тебя на леду къ 20 декабря. Писать больше некогда, спѣшу къ Имшенецкому. П. Кулишъ.

28.

17 декабря 1871. Матроновка.

Слѣдуетъ увѣдомить тебя, единый друже Иване, что я живъ и здоровъ, хотя могъ бы быть уничтоженъ и сломанъ многажды съ того времени, какъ оставилъ твою гостепріимную обитель. Недавно произведено нападеніе на двухъ купцовъ, ѣхавшихъ въ 4-мъ часу, т. е. утра, на станцію, пятью рыцарями таинственнаго ордена, а въ самое утро моего отъѣзда въ пассажирскую залу вбѣжалъ полунагой человѣкъ, ограбленный на платформѣ. Мнѣ слѣдовало имѣть револьверъ въ рукѣ, а не въ саку. И такъ вѣдай, что живъ и здоровъ человѣкъ, который былъ наилучшимъ относительно самого себя въ тѣ времена, когда казался другимъ «ледащомъ» относительно кого бы то ни было. Sąd nad nami nie dany nikomu:

Chcąc mnie sądzić, trzeba być we mnie, nie ze mną.

Я тебя уважаю между прочимъ за твою терпимость, выражающую въ моихъ глазахъ недовѣріе къ собственному суду; но и ты не всегда стоишь на одинаковой высотѣ пониманія дѣлъ человѣческихъ.

«Какъ трудно быть справедливымъ къ человѣку!» сказалъ однажды Ив. Ив. въ Венеціи, и эти слова дали мнѣ почувствовать, что онъ, не смотря на недодѣланныя и заскоренныя части своей будивли, очень умный человѣкъ. Продолжаю прежнюю мысль. Ты видишь, что мнимое нѣкіими во время оно ледаще, чрезъ много послѣ того лѣтъ и превратностей жизни, отвергаетъ сіе мнѣніе совершенно такъ, какъ отвергалъ бы и въ самый моментъ мнимаго ледарства да еще, нотабена, отвергаетъ посреди тяжкихъ заботъ объ обезпеченіи кой-кого на случай прежде ожидаемой своей смерти, хотя сей кой-кто и не необезпеченъ въ настоящее время, т. е. не совсѣмъ остался бы голоднымъ и холоднымъ, если бы force et matière прекратили мое видимое существованіе. Это прологъ. Далѣе скажу, что я освѣдомлялся въ Плискѣ, нельзя ли такъ устроить, чтобы снабжать тебя египетскими мясàми, ихъ же алчетъ душа твоя на пути къ землѣ обѣтованной. Цѣны въ Плискѣ стоятъ вдвое выше Борзенскихъ, а воровство багажа такъ вошло въ обычай, что нельзя ручаться ни за одну посылку; застраховки на Плисецкой станціи не принимаютъ. Поэтому отложи попеченіе, а если хочешь, то сдѣлай два дѣла разомъ. Именно: пріѣзжай къ намъ на сколько тебѣ можно дней съ Юліаномъ-отступникомъ, такъ чтобы быть здѣсь на самую кутью (читай *кутю*). Сынъ твой увидитъ, что люди живутъ еще и вотъ какъ, а ты накупишь египетскихъ мясъ столько, что дорога, по крайней мѣрѣ одному изъ васъ, окупится. Для этого запасись двумя большими порожними саками, а перемѣны платья не бери, развѣ одну сорочку. Напаковавши столько, сколько возможно взять съ собой въ вагонъ (въ другой рукѣ будетъ тюкъ съ египетскими мясами), ты обезпечишь себя отъ похищенія: добыча будетъ вѣрная и явишься ты домой, аки оный исполинъ—ловецъ передъ Господомъ, у котораго, я увѣренъ, никто не похищалъ ловитвы. Въ Плиску ты пріѣдешь на кутью между 9 и 10 часами утра. На почтовой станціи будутъ ждать тебя мои кони, если будетъ санная дорога; если же груда, то позволь мнѣ расплатиться за тебя, т. е. выкупить собственныхъ коней, которые и меня не возили въ Плиску. (Писано бо: блаженъ человѣкъ милуяй и скоты). Непремѣнно я долженъ покрыть эту часть твоихъ дорожнихъ издержекъ. Только вотъ вопросъ: какъ вамъ защититься отъ холода во время переѣзда изъ Плиски до Пиддубня? Я не напрасно былъ въ двухъ шубахъ, да на ноги бралъ тулупъ. Это статья первостепенной важности. Если твоей шубы (подъ шубою теплое пальто) достаточно для тебя, то для Юліана-отступника по-

зычъ у кого нибудь мѣховой одежды, подъ которую онъ одѣнетъ свое нынѣшнее пальто съ мѣховымъ воротникомъ. А о ногахъ тоже позаботься, и, въ случаѣ недостаточнаго ихъ обезпеченія, имѣй благоразуміе вставать съ повозки и проходить пѣшкомъ до тѣхъ поръ, пока ноги согрѣются; въ случаѣ же надобности, заходи въ хаты, которыя встрѣчаются довольно часто. Моему сердцу было бы пріятнѣе видѣть у себя, на первый разъ, Соню: ибо та—моя дщерь во Христѣ Іисусѣ; но во первыхъ, сіи скудельничіи сосуды мудрено возить безъ повреждепія въ такую пору года; а во вторыхъ, она, при всѣхъ возможныхъ достоинствахъ, все-таки женщина, а женщинѣ такъ-же хочется видѣть молодость и быть видимой оною, какъ цвѣтку смотрѣть на солнце и быть освѣщаемымъ онымъ. Для Сони въ романѣ хорошаго писателя можетъ нравиться зимняя поѣздка въ забвенный свѣтомъ и не желающій вниманія свѣта хуторъ, по дрянной дорогѣ; но въ жизни собственной гораздо пріятнѣе провести хоть одинъ часъ передъ перекрестнымъ огнемъ молодыхъ глазъ (NB, часто весьма подло глядящихъ, но не для ея проницательности). Для Сони можно будетъ устроить поѣздку въ пору соловьевъ, которые предательски учатъ молодое сердце любить, съ тѣмъ чтобы жестоко за это поплатиться. Этотъ ядъ, распространенный весною въ нашихъ лѣсахъ, по крайней мѣрѣ сладокъ, и почему же его не хлебнуть, пока force et matière находятся въ наилучшемъ для глазъ соединеніи? Тутъ она найдетъ и Вальтера Скотта на французскомъ языкѣ. Воображая себя на мѣстѣ какой нибудь Діаны Вернонъ, она прочтетъ хоть одну книгу подъ очаровательный шумъ нашихъ березъ и дубовъ, и вкуситъ на время сладкаго обмана. Теперь же и обмануть ей себя здѣсь нечѣмъ. Живутъ себѣ дидъ зъ бабою въ маленькой хаткѣ да годуютъ скотину, чи курей, чи свиней.

Фи, прозаическія бредни!
Фламандской школы пестрый вздоръ.

Юліанъ-же отступникъ будетъ вознагражденъ за холодную дорогу видомъ цѣлыхъ грудъ книгъ классическаго и реальнаго содержанія. Ему, какъ бойцу жизни, надобно видѣть жесткую наготу ея. Надобно ему прикосновеніемъ къ жесткой наготѣ жизни намозолить свою периферію, чтобы тѣмъ безопаснѣе хранить внутри все нѣжное, не всѣмъ показываемое, священное. И такъ, вотъ тебѣ проектъ поѣздки въ хуторскую глушь. Если на нее отважишься, или лучше сказать: если сообразишь, что въ ней больше пользы и удовольствія

чѣмъ потери и тягости, то увѣдоми меня для мѣропріятій съ моей стороны, а покамѣсть буди здравъ съ твоими дѣтьми: Вѣрою, Сашею, Манею, Зиною, Лидіею, Сонею, буйтуромъ Зиновіемъ и Юліаномъ-отступникомъ. Твой П. Кулишъ.

29.

23 декабря 1871 г. Пиддубень.

Едыный друже Иване! Пріѣхавши до дому написалъ было я къ тебѣ письмо (оно хранится съ наклеенною маркою), приглашающее тебя съ Юліаномъ на святки въ Пиддубень. Но какъ вообразилъ я васъ, горожанъ, между Плискою и Поддубнемъ, на холодѣ, то и не послалъ письма, которое, однакожъ, ты, когда нибудь получишь, потому что оно заключаетъ въ себѣ кое что для твоего назиданія относительно меня. Теперь же вотъ о чемъ слово мое. Думалъ я думалъ про Соню, и пришелъ къ заключенію не въ пользу поѣздки заграницу. Мало ли дѣвицъ, обладающихъ французскимъ языкомъ въ совершенствѣ, остаются безъ мѣстъ? Къ тому же французскій языкъ можно усвоить не выѣзжая изъ Кіева. Полезныя для ея будущности рукодѣлья также можно усвоить въ Кіевѣ. Все дѣло въ томъ, что̀ не пріобрѣтается въ какомъ либо опредѣленномъ положеніи или въ какой либо опредѣленной странѣ: все дѣло въ характерѣ. *Есть* онъ—то и кусокъ хлѣба вѣренъ въ будущемъ; а *нѣтъ*—ничѣмъ не обезпечишь будущности. Вотъ для Юліана-отступника такъ очень—очень пригодилось бы пребываніе заграницей. Но теперь еще нельзя везти его туда, хотя бы ты и опредѣлилъ для него 300 р., назначенныхъ тобою для Сони. Покамѣсть пусть онъ занимается своими *тетюфами* [1]). Заграницу поѣду не раньше начала марта.

Кулишъ.

30.

Февраля 4 1872 Пиддубень.

Приклони ухо твое ко глаголу устъ моихъ! Нѣсколько лѣтъ уже волочусь я за хуторомъ Матроновкой, который состоитъ изъ усадьбы съ большимъ, удобнымъ для житья домомъ и 130 десятинъ, распо-

---

[1]) Конечно, имѣются въ виду греческія спряженія.

ложенныхъ вокругъ нея въ одномъ кускѣ. Владѣлецъ его рѣшился наконецъ на продажу. Цѣна дорогая, если смотрѣть безотносительно,— 9000 р., но въ сложности съ Оленовкою (150 десят.) съ Пиддубномъ (30 десятинъ), съ 30 десятинъ Оленовской земли, находящейся въ нашемъ владѣніи, съ 10 дес. его же усадебно-лѣсной земли въ межу съ Матроновкою, также de facto намъ принадлежащей, и съ 20 десят. объявленными тобой въ Кіевлянинѣ (и того 370 дес.), стоитъ это имѣніе покупки, тѣмъ болѣе, что на первый разъ нужно имѣть въ карманѣ не болѣе 3000 р., остальные будутъ разсрочены на 5 лѣтъ. Не говоря о доброжелательствѣ твоемъ ко мнѣ, въ твоихъ интересахъ слѣдуетъ помогать мнѣ достигнуть обезпеченнаго землею положенія; ибо по закону вѣроятности, я проживу больше твоего, и никто, кромѣ меня, не способенъ озаботиться судьбою дѣтей твоихъ. Если же мы оба созданы Маѳусаилами, то лучше имѣть имущаго, нежели неимущаго друга. Но, какъ человѣческіе разсчеты часто оказываются ошибочными, то въ ту сдѣлку, которую тебѣ сейчасъ предложу, и введу документальное обезпеченіе твоего добра. А именно: ты отложишь на нѣсколько времени постройку свою, а 3400 р. займешь для меня. Я же заложу тебѣ за эту сумму Оленовку, которая во всякомъ случаѣ стоитъ больше. Владѣя 370 десят., я могу доставлять тебѣ деньги на твою постройку, если ты распредѣлишь сроки: ибо лѣсовъ щадить я не буду, кромѣ ближайшихъ и лучшихъ. Даже въ ближайшихъ лѣсахъ предположено мною оставить только самое лучшее дерево «для славы и красы», какъ говоритъ Егова Мойсею. Судьею мнѣ сдѣлаться легко, а живя дома, изъ судейскаго жалованья можно съэкономить 1000 р., т. е. въ трехлѣтіе 3000 р. Такимъ образомъ мы выйдемъ оба на путь достаточной жизни. Покупку Матроновки мы держимъ въ секретѣ, по соглашенію съ продавцемъ. Иванъ (Бѣлозерскій) узнаетъ объ этомъ только по полученіи отъ него обѣщанной имъ купчей на Оленовку весною.

31.

15 февр. 1872. Поддубеиь.

Ты правъ съ твоей точки зрѣнія: ты размышляешь умно и великодушно. Но часто бываетъ въ жизни, что другой, поступая наперекоръ нашимъ воззрѣніямъ, достигаетъ наилучшихъ результатовъ. Матроновка будетъ куплена, хотя вовсе не по финансовымъ разсче-

тамъ. Для этого я готовъ, на худой конецъ, запрятать себя въ одну изъ петербургскихъ канцелярій, гдѣ, при всей враждебности къ моему renommée, дадутъ мнѣ хорошее жалованье. Къ этому жалованью я въ тотъ же годъ прибавлю другое такое же своимъ перомъ, пошившись въ переводчики, компиляторы, публицисты и т. п., на что теперь, изъ-за своей Библіи, смотрю съ пренебреженіемъ, равно какъ и на канцелярскую работу. Но это будетъ, повторяю, на худой конецъ. Покамѣсть я имѣю свои ресурсы въ виду. И такъ, знай, что Матроновка куплена будетъ; но ни полъ слова объ этомъ пану Ивану. Хоть онъ тебѣ и нравится, а въ немъ сидитъ бѣсъ, угрожающій мнѣ постоянно какою нибудь пакостью. Я осклабился, подобно какому нибудь митрополиту, читая твои слова о моихъ чортъ знаетъ какихъ наслѣдникахъ. Ихъ существованіе причиною тому, что я неимѣю никакой собственности (de jure). Все, что я имѣю, принадлежитъ Александрѣ Мих., которая отъ своихъ братьевъ, на всякій случай, ограждаетъ меня духовнымъ завѣщаніемъ на каждое мое благопріобрѣтеніе. Но я отнюдь не желаю, чтобы послѣ нея мое благопріобрѣтеніе досталось ея неуважаемымъ мною братьямъ, и для этого придумана мною схема, о которой скажу при свиданіи, повѣсть о чемъ довольно обширна и для тебя небезъинтересна.

У насъ 15⁰ тепла въ комнатѣ, потому что дрова запасаются съ весны и лежатъ на солнцѣ перепиленные и переколотые: дубъ, береза, груша, ольха, осина, верба, преимущественно же дубъ и береза. Въ этомъ отношеніи мы аристократы.

32.

16 марта 1872

Zapatrywanie sie twoie на оплату Оленовки и Матроновки jest mylnym: если бы я долженъ былъ, впредь отъ вышеписаннаго числа, уплатить 20 тыс. государств. ассигнаціями, то и тогда для этого нужно бы было не 20, а только 5 лѣтъ. Мнѣ на первый разъ могутъ дать жалованья minimum 1500 р. въ годъ. Эти деньги я проживу. Но находясь въ столицѣ, я заработаю перомъ непремѣнно 2000 р. На другой годъ жалованье мое увеличится по меньшей мѣрѣ 500 рублей, а жизнь на столько же удешевится: ибо мнѣ не нужно будетъ устраивать квартиры и приличнаго высшей фешенебельности (я долженъ въ ней вращаться, conditio sine qua non) гардероба. Въ кассѣ у меня

останется 3000 р., что съ 2000 р. за первый годъ составитъ 5000. Если я въ остальные три года не заработаю по 5000 р., то не зови меня Кулишемъ, а квашею. Два первые года будутъ употреблены мною на составленіе знакомствъ и пріобрѣтеніе чрезъ оныя способовъ къ добыванію денегъ; въ два года я съумѣю faire valoir всѣ тѣ качества, въ которыхъ со мной способны равняться весьма немногіе изъ смертныхъ. Неужели ты думаешь, что моя Варшавская служба есть только игра случайностей? Я изучилъ людей и обстоятельства и воспользовался тѣми и другими. Моральная смерть Милютина [1]) испортила мою карьеру; но если бы мнѣ не опротивѣли чиновники до блевоты, то я могъ бы оставаться при 4500 (а съ наградами 5000) сколько мнѣ угодно, впредь до лучшаго времени. Нѣтъ, я долженъ былъ разорвать съ ними и по состоянію моего духа, и ради спасенія моей репутаціи, которую они хотѣли опоганить. Въ Петербургѣ я изберу иныхъ людей и иную сферу дѣятельности, а пять лѣтъ невольничества слѣдуетъ принести на жертву для возвращенія Матроновки изъ рукъ нелѣпыхъ въ руки достойныя владѣть ею. Тутъ особая исторія, а не разсчетъ. Матроновка стоитъ только 5000 р; четыре же тысячи я даю за искупленіе ее изъ позорнаго положенія, въ которомъ она находится, Словомъ, тутъ цѣлая исторія, имѣющая свои требованія. Но мнѣ нѣтъ надобности платить 20000 р. а только 9000 и эти деньги заплатятся легче, чѣмъ ты думаешь.

И такъ, Carthado delenda est!

Для посѣщенія ты выбралъ плохое время. Отложи до вакацій. Утонешь на нашихъ дорогахъ, а мокрота и дожди не дадутъ тебѣ ничего видѣть въ моемъ хозяйствѣ. Притомъ же, еще не разрѣшился фактически вопросъ объ Оленовкѣ. Иванъ пріѣдетъ весною. Тогда, т. е. по совершеніи купчей, намъ будетъ о чемъ съ тобою потолковать относительно земель и угодій.

33.

15 іюня.

Паки реку: да пронесется надъ тобой и твоими буря эпидеміи!

У насъ, покамѣсть, кругомъ здоровые люди. Да и трудно вообразить санитарность болѣе надежную. Въ самые жары здѣсь можно гулять въ тѣни древесъ. Кругомъ злаки и злаки, переходящіе въ зо-

---

[1]) Ник. Алекс. Милютинъ, статсъ-секретарь по дѣламъ Польши, въ 1866 г. пораженъ былъ нервнымъ ударомъ и долженъ былъ отказаться отъ государственной дѣятельности.—*Ред.*

лото полей. Теперь у насъ за воротами жита, идущія до горизонта на подобіе палеваго моря. За ними—лѣса и село Оленовка, утонувшее въ деревьяхъ. Шумъ листьевъ постоянно вторитъ голосамъ птицъ, скотовъ и людей. Словомъ—идиллія въ натурѣ! Лѣсъ мой принесъ уже полный годовой процентъ: продано дровъ, вырубленныхъ для расчистки на 150 р., да сѣна будетъ minimum на 50 р. Голье, сложенное въ купы, по распродажѣ зимою, окупитъ употребленныя на распилку и уборку рабочія силы. Такая пропорція будетъ вырубливаться ежегодно, а между тѣмъ насаженныя щепы станутъ приносить доходъ, равный проценту съ 2000 р. Излишняя противъ опредѣленнаго или *должнаго* количества рубка будетъ уже правильная эксплуатація строевого дерева, которой цѣль—окупить лѣсъ и сдѣлать его какъ бы полученнымъ gratis. Тогда вступятъ въ свои права мѣста, пущенныя подъ заросль, неприкосновенную для скотовъ и людей. Она вмѣстѣ съ сѣнокосами составитъ нормальную стоимость лѣса, даже и въ такомъ случаѣ, когда бы строевое дерево было бы вырублено до послѣдняго. Но оно тщательно оставляется для того, чтобы изъ этой хаотической пустыни образовался природный паркъ. Останется только провести дороги для прогулки, и мы съ тобой будемъ гулять, аки души праведниковъ въ Элизіумѣ. Между тѣмъ жизнь приноситъ на своихъ волнахъ печальное и досадное вмѣстѣ съ утѣшительнымъ. Не обращая вниманія на непріятности, я воспринимаю прежнія занятія и недѣли черезъ двѣ ѣду въ Лейпцигъ печатать библію, на которую деньги имѣются изъ другого источника. Останусь тамъ до половины сентября. Чрезъ Кіевъ только перелечу, ибо такъ заповѣдано мнѣ Алекс. Михайловной. Перемѣнить родъ жизни на время мнѣ надобно и безъ Библіи.

34.

Наумбургъ на Салѣ 1872. авг. 1 н. ст.

Есть наконецъ искомое, друже Иване! Былъ я въ Берлинѣ, гдѣ много выходитъ русскихъ книгъ; за то не былъ въ Лейпцигѣ. Дѣло, видишь ли, вотъ въ чемъ: дешевле всего обходится печатаніе книгъ въ Наумбургѣ, по сю сторону Лейпцига, яко въ маленькомъ городкѣ; издатели же и комиссіонеры выставляютъ на первомъ листкѣ *Берлинъ* или *Лейпцигъ* для своихъ интересовъ. Развѣдавши объ этомъ, пріѣхалъ я сюда и нашелъ городокъ въ моемъ вкусѣ. Кругомъ поля, или сады, а между полями и городомъ прекрасныя аллеи по надъ до

рогою, т. е. поузъ дорогу, по которой ѣздятъ. Для прогулокъ пѣшкомъ ничего лучшаго и желать нельзя. Видишь разомъ и городскую, и сельскую жизнь и древнія сооруженія (городъ былъ серьезно укрѣпленъ стѣнами, рвами и башнями въ Вобановскія времена), и новыя изящныя постройки. Жизнь дешевле Лейпцигской много. Въ городѣ чисто и тихо, сравнительно съ большимъ городомъ. Мѣста для прогулокъ остаются почти безлюдными въ рабочее время. Невидать праздной щеголеватой толпы, которая для меня ненавистна. Аллеи и сады почти настолько же мнѣ принадлежатъ, какъ и въ Пиддубнѣ. И такъ я рѣшился печатать библію, но съ тѣмъ, чтобы пріостановить, еслибы мнѣ понадобилось вернуться на время домой для веденія моихъ земельныхъ дѣлъ. Хоть медленно, а книга будетъ напечатана. Ты же мой единственный, никѣмъ незамѣнимый, усугуби бдительность о выручкѣ денегъ за грунтъ, что бы было чѣмъ расплатиться. У меня деньги только для жизни, а на Библію слѣдуетъ взять 1000 р. изъ тѣхъ, хотя могу получить 600 р. отъ Имшенецкаго, который намѣренъ расплатиться съ долгами, заложивъ имѣніе, или продавъ часть онаго

Теперь о тебѣ. Бѣда тоби, брате, съ Сонею. Она скучаетъ и худѣетъ. А что будешь дѣлать? Мнѣ было оч. жаль на нее смотрѣть въ вокзалѣ, гдѣ мы простились. Если твоя сократовская голова до сихъ поръ ничего не выдумала для uprzyjemnienia ij życia, что можетъ выдумать моя, захлопотанная всякой всячиной? Но какъ, однакожъ, ты думаешь? Ты и выражалъ свою заботу о ней, но въ общихъ словахъ. Напиши, что съ нею будетъ, если такъ пойдутъ годы за годами. Бѣдна наша жизнь радостями и много обильна, зѣло преизобилуетъ печалями! Отрада въ одной любви къ нѣсколькимъ подобнымъ намъ существамъ: безъ нея ничто не мило. Нашелъ я здѣсь пріятеля себѣ въ т. н. Dienstmann'ѣ, по случаю приглашенія его выпить со мною по кружкѣ пива. Теперь онъ ревностно помогаетъ мнѣ искать Wohnung. Вонунги здѣсь недороги. Засяду да примусь работать и надъ Библіею и—если будутъ промежутки—надъ историческими этюдами, о которыхъ я тебѣ говорилъ. Если дѣла мои не отзовутъ меня въ Россію, то Ал. Мих. должна пріѣхать сюда. Безъ этой особы не могу теперь нигдѣ жить, хоть бы и въ раю. Цѣну людямъ узнаемъ мы только въ старости. Блаженъ, кто можетъ еще дружескимъ вниманіемъ отплатить любящему и благородному сердцу за его заслуги передъ нами, которыхъ иногда мы и цѣнить не были способны. Припоминаю твои слова въ Chateau des fleurs. Понимаю

(иносказательно) идею покаянія грѣшниковъ при концѣ жизни: она выработалась въ сердцахъ, не до остатку засоренныхъ житейской дрянью. Между прочимъ впервые нахожу здѣсь въ отелѣ двери вовсе безъ замковъ и ключей. Можно запереться только извнутри,—видно честные люди Наумбургскіе нѣмцы. Посторонній можетъ войти въ чужой нумеръ, какъ въ свой. К.

35.

10 августа.

Я дома черезъ Варшаву. Этого потребовали мои дѣла съ Вас. Бѣлозерскимъ. Отливается шрифтъ и печатаніе будетъ произведено заочно. Извѣстіе о нездоровьи Алекс. Мих. ускорило мое возвращеніе. Если ты писалъ ко мнѣ, то прочту черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда лишь надобно будетъ навѣдаться въ Наумбургъ. Отъ Ив. Бѣлозерскаго я получилъ въ Наумбургѣ еще скареднѣйшее письмо, что у него теперь трое дѣтей, что съ вола двухъ шкуръ не дерутъ и что я долженъ принять Оленовку (обрѣзанную уродливымъ маперомъ) въ видѣ замѣны денежнаго обязательства. Я отвѣчалъ ему въ послѣдній разъ, что денежное обязательство возвращаю ему, а Оленовку могъ бы только купить, но безъ такихъ вырѣзокъ, какія проэктированы его агентомъ. Теперь спасай только мои 1702 р. Алекс. Мих. засталъ совсѣмъ больною. Не хватаетъ у ней духу, одной, быть такою хозяйкой, какъ при мнѣ. Тоска одолѣваетъ и тѣло, не только душу.

36.

20 августа 1872

...Сонаслѣдники Алекс. Мих—вны вдругъ раздумали продавать Матроновку. Дѣлать здѣсь значитъ больше нечего, т. е. такого, что насъ обезпечивало бы въ старости. А какъ у меня силъ и энергіи еще много, то мы и рѣшились, пристроивши имѣніе въ аренду, ѣхать въ Петербургъ для жизни, болѣе намъ соотвѣтственной Распродажа скота и проч. и проч. займетъ насъ до половины сентября. Положимъ, что въ наше отсутствіе испортится и расхитится здѣсь рублей на 200. Это мелочь, которую я скоро вознагражу въ столицѣ. Распродажа уже началась: 2 лошади проданы; остается еще три, да скотъ и свинота...

37.

Сентября 4 1872 г.

Какъ я тебѣ писалъ, мы рѣшились немедленно ѣхать въ Петербургъ. Но, не имѣя въ виду ничего вѣрнаго, не рѣшаюсь рисковать потерями—съ одной стороны въ хозяйствѣ, а съ другой въ деньгахъ, а придумалъ слѣдующее: Ильницкій покупаетъ мою библіотеку, и то не всю, за 1000 р. Другая тысяча составится изъ суженія хозяйства, котораго не должно держать въ широкомъ видѣ при неохотѣ здѣшняго народа къ найму. Третья тысяча возьмется изъ лѣсу (а можетъ быть и двѣ) посредствомъ эксплуатаціи; до 2000 р. составится изъ долгу Бѣлозерскаго Ив. Эти 5000 р. я попрошу тебя помѣстить въ Кіевѣ на проценты такимъ образомъ, чтобы ихъ можно было получить во всякое время. В. Б—ій недолго будетъ въ состояніи удерживать за собою Матроновку, а можетъ быть и Оленовка будетъ таки мнѣ продана... До тѣхъ поръ мы будемъ сидѣть въ Пиддубнѣ на суженномъ хозяйствѣ. Между тѣмъ въ Варшавѣ будутъ устроены мировые суды. Однимъ изъ мировыхъ судей могутъ назначить меня. Жалованье будетъ значительное. Тогда я вновь поставлю ногу въ стремя, ибо на этотъ постъ я смотрю, какъ на переходъ къ высшему. Если же куплю или Оленовку только, или Матроновку только, то не захочу вовсе служить, а сосредоточу свою дѣятельность на литературныхъ трудахъ, печатаемыхъ заграницей. Итакъ, все еще стоитъ попрежнему, и мы съ тобой должны считать себя молодыми людьми, т. е. подобными текучей, а не стоячей водѣ. Courage, mon cher ami, courage! Твой П. Кулишъ.

Примѣчаніе: Слѣдующія за этимъ 8 писемъ (отъ 11 окт, 72 г. по 11 авг. 73 г.) заключаютъ въ себѣ денежныя и земельныя дѣла, возникшія послѣ смерти одного изъ братьевъ Бѣлозерскихъ, Виктора: оказалось, раздѣлъ имѣнія (1000 десят. между 4 братьями и 3-мя сестрами) сдѣланъ неправильно; слѣдовало подѣлить имѣніе вновь. Препирательства между наслѣдниками окончились весьма некрасиво, о чемъ свидѣтельствуетъ ниже слѣд. письмо.

38.

11 августа 1873 Станція Плиски, за полчаса до отъѣзда.

Условились братья Бѣлозерскіе подать разомъ прошенія о признаніи ихъ въ правахъ наслѣдства и, для руководства, какъ писать и какія метрики прилагать, все это отдали черезъ меня Николаю, а

онъ бумаги наши оставилъ у себя да побѣжалъ въ Черниговъ и выхлопоталъ вводъ одного себя во владѣніе всѣмъ имѣніемъ, на основаніи ст. 1241. Теперь сестру гонитъ изъ дому чрезъ полицію, и я ѣду въ Петербургъ, чб. посредствомъ высшихъ вліяній затормозить его звѣрства, пока мы исковымъ порядкомъ, имѣя уже улиточную запись отъ двухъ братьевъ и ожидая пріѣзда Василія Мих. изъ Варшавы, исторгнемъ у него похищенное право владѣнія $^{5}/_{6}$ всего имѣнія. Буди здравъ и духомъ бодръ. П. Кулишъ.

39.

Спб. 1873. августа 16. Ночью.

Похожденія мои здѣсь только лишь начинаются, и уже исписаны ими цѣлые листки къ Алекс. Мих—нѣ. Ты же, братъ, не требуй отъ меня подробностей, какъ отъ человѣка, который, выйдя изъ гостинницы въ 8 часовъ утра, едва могъ возвратиться въ 11 часовъ ночи. Когда нибудь увидитесь съ нею и она дастъ тебѣ перечитать мои мемуары. Если добьюсь чего нибудь, немедленно увѣдомлю тебя одновременно съ нею, да возвеселится и твое сердце, взирающее недовѣрчиво на домогательства твоего друга. Теперь все только насиживается, но еще и не наклевывается.

Твой П. Кулишъ.

40.

Августъ 18, 1873 т. Петербургъ.

Може ты, друже Иване, сыдышъ соби сумуючи, та й думаешъ: «Отъ же пропаде козакъ у тій столыци, якъ Сирко въ базари»!. А мени тутъ якъ рыби въ води. Прыйихавши сюды, я й самъ думавъ, що не хутко выбьюсь изъ темноты, а пріятели мои, розважаючи мене, кажуть: «Ни, васъ бо таки знають, зъ вамы не багацько людей зривняютьця. Ось удайтесь лышень оттуда й туда». Ну, що жъ? утикъ не втикъ, а побигты можна. Напысавъ я коротеньку докладну запыску тай пишовъ до такого пана, що зроду про іого й не чувъ. Ажъ справди винъ мене знае, и мовъ тилько й дожидався мого прыходу: ухопывся за мене обиручъ и на починъ обицявъ службу въ 3000 карбованцивъ. А що мени любищъ грошей, такъ се его прыхильность до чоловика, що десь тамъ у якомусь хутори загубывся промижъ

на-зна якимы людьмы! Такъ зо мною розмовлявъ гарно, що мени наче вви сни прыснылось. Що се таке? Чы справди жъ бо я такій чоловикъ, щобъ оттакій панъ, передъ которого генералы ходять сгорбывшись, озывавсь до мене, мовъ до побратыма? Таже жъ недавно ще ледаче ледащо Каинъ Михайловичь поневярило мною середъ дурного натовку! А тутъ высоки пороги передо мною зныжуютця, и широченны двери рощиняютьця. Ну вже жъ, колы мени, писля хуторянського побывання за копійкою, дають 3000 карбованцивъ, такъ я не зарикаюсь зробыть зъ ныхъ того жъ року 6000. Я жъ бо таки трохи знаю, якъ воно робытьця и не пытавсь ни въ кого якъ ёго робыты. Оце жъ найнявъ соби хатыну за 18 р. у мисяць тай роспочинаю нове житте на заробленіе грошей, а якъ зароблю багацько, тогда знову таки вернусь у хуторъ тай зроблюсь паномъ на всю губу,— нехай нашимъ ворогамъ буде тяжко. Бувай же брате здоровый и веселый. Твій П. Кулішъ.

И про мою пани де хто напыше у Черныговъ, щобъ іи не займала полиція въ Матроновци. Тутъ зо всимъ иншій свитъ, не такій, якъ у нашихъ сторонахъ.

41.

1873. *сент.* 30. Спб.

Ну, брате Иване, вотъ тебѣ краткій отчетъ о моихъ похожденіяхъ. Понюхавши воздухъ, какъ дѣлаетъ Сирко въ базари, я обратился безъ всякой протекціи къ товарищу министра путей сообщенія Николаю Ник. Селифонтову, котораго не зналъ и имени не слышалъ. Онъ же меня по слуху или по печати зналъ, а потому принялъ меня дружески и выразилъ всяческую готовность мнѣ содѣйствовать. Но министръ, уѣзжая, не сказалъ ему ничего о пріемѣ новыхъ чиновниковъ, имѣя въ виду формировать фалангу порядочныхъ людей лично. Посему Селифонтовъ посовѣтовалъ мнѣ познакомиться съ начальникомъ статистическаго отдѣла Головачевымъ, которому гр. Бобринскій ввѣрилъ сформировать личный составъ этого отдѣла. Я нашелъ въ Головачевѣ милѣйшаго человѣка, который принялъ меня съ распростертыми объятіями, но сказалъ, что новые штаты возъимѣютъ силу только съ новаго года, а по нынѣшнимъ нельзя мнѣ дать болѣе 1500 р въ годъ (съ новаго же года 3000). Я сказалъ, что предпочитаю не брать до новаго года вовсе жалованья. Тѣмъ не менѣе надобно было

дожидаться графа, чтобы причислить меня къ министерству. Вотъ мы и ждали. Наконецъ графъ пріѣзжаетъ и благодаритъ Головачева, что, вслѣдъ за нимъ, въ министерство идутъ просвѣщенные люди, какъ Кулишъ, что онъ очень радъ и проч. Потомъ поручилъ своему товарищу причислить меня къ министерству (съ 1 окт. я уже на службѣ) и опять улетѣлъ порядковать по желѣзнымъ дорогамъ. Я его и не видѣлъ. Независимо отъ этой службы Костомаровъ старается сдѣлатъ меня членомъ археографической коммиссіи, который получаетъ въ годъ 1500 р. въ видѣ награды за редакціонные труды. Такъ какъ напринимали прежде Богъ знаетъ какихъ членовъ, которые ничего не способны дѣлать, то устроена на будущее время баллотировка, по которой рѣшаютъ выборъ не меньше $^2/_3$ бѣлыхъ шаровъ. Чрезъ это мытарство нужно и мнѣ пройти. Не знаю, удастся ли? Отъ и все.

Кулишъ.

42.

1873 г. октября 24. Спб.

Рѣдко случается мнѣ откладывать отвѣтъ на письмо, но теперь не отвѣчалъ тебѣ дня четыре. Занятъ; озабоченъ. Мнѣ поручено изданіе Журнала Путей Сообщенія съ новаго года. Надобно оріентироваться въ этой новой для меня области и нѣкоторыя статьи заготовлять самому, а для этого и Публичная Библіотека оказалась недостаточной. Пришлось обращаться въ ученый комитетъ министерства финансовъ. Очень кстати пришлось мнѣ языкознаніе: безъ него ничтоже сотворилъ бы. То и дѣло надобно обращаться къ англійскимъ и нѣмецкимъ книгамъ. Министръ возвратился только вчера. Я еще не видѣлъ его. Служу покамѣсть безъ жалованья. Съ новаго года 3000 р., но можетъ случиться, что и до новаго года дадутъ. Ale mniejsza o to. Все дѣло въ томъ, какъ бы себя заявить на первыхъ порахъ. Потопъ страшенъ былъ для жителей подваловъ и подвальныхъ лавокъ. Мнѣ онъ не помѣшалъ ни въ одномъ выходѣ и выѣздѣ да мало я объ немъ и думалъ. Онъ проявился только мѣстами на низшихъ мѣстахъ, о чемъ писано въ газетахъ, изъ которыхъ и я большею частію зналъ о потопѣ. Вообще—не такой чортъ страшный, якъ его малюють.

2500 рубл. получили уже назначеніе, а будутъ у меня другія деньги между 1 и послѣднимъ ноября. По полученіи ихъ немедленно

тебя увѣдомлю. Изъ этихъ денегъ отдѣлю для тебя сколько нужно и не буду ни на что опредѣлять, доколѣ ты не скажешь *гопъ!* Вообще прими къ свѣдѣнію, что если бы ты постройкою дома запутался, то я считалъ бы своимъ долгомъ выпутывать тебя доставленіемъ тебѣ періодически извѣстныхъ суммъ,—въ случаѣ, если бы ожидаемые мною деньги почему либо не получились. Жалованье мое 3000 р. можно считать съ новаго года вѣрнымъ. По всей вѣроятности, 1000 р. дадутъ ежегодно наградныхъ, такъ какъ я принадлежу къ числу немногихъ лицъ, стоящихъ на виду у министра. Если не будетъ ни добавочной службы ни увеличенія жалованья до 5000 р., о чемъ я стараюсь косвенно, то я могу откладывать для тебя ежемѣсячно изъ 3000 р. по 100; значитъ, черезъ годъ ты будешь имѣть, при всѣхъ моихъ неудачахъ, 1200 р. Съ этими рессурсами тебѣ нечего бояться безденежья при окончаніи дома.

Твой П. Кулишъ.

43.

14 ноября 1873 г. Спб.

Ты, братъ, не унывай. Вотъ мои рессурсы: въ ноябрѣ, по словесному и письменному обѣщанію Ивана, я долженъ получить отъ Лазаревскаго 3500 р. Въ Вѣстн. Европы принята моя статья съ очередью въ февралѣ или мартѣ 1000 р. Итого 4500 р. Часть этихъ денегъ надобно послать домой, гдѣ Василій Мих. разыгралъ роль миротворца, но 2500 р. къ твоимъ услугамъ. Риску я не боюсь такъ, какъ прежде, понеже состою на службѣ, которая выручитъ меня изъ всякихъ денежныхъ бѣдствій. А писалъ я тебѣ о сбереженіяхъ въ твою пользу на тотъ случай, еслибъ Лазаревскій не прислалъ 3500 р., чего я не думаю. Да тогда еще и статья моя не была въ редакціи. Зная сіе, изволь сперва помочь мнѣ въ успокоеніи Алекс. Мих. немедленною высылкою въ Борзну на ея имя 500 р., которыхъ въ моей кассѣ для нея не достаетъ и которыя будутъ возвращены тебѣ при первомъ полученіи откуда бы то ни было денегъ. И такъ, вышли немедленно, ничто же сумняшеся. Ты долженъ больше меня бояться риску, такъ какъ у тебя нѣтъ моей перспективы, но тутъ, кажется, сомнѣваться нечего. П. Кулишъ.

44.

24 ноября 1873 Спб.

Вас. Мих. устроилъ дѣла такъ, что я совершенно доволенъ хозяйственнымъ положеніемъ Алекс. Мих. Теперь она обезпечена кускомъ хлѣба, хотя бы я тотчасъ низошелъ въ страну вѣчнаго молчанія. Но мнѣ не до страны молчанія: ужасно занятъ. Даже и къ тебѣ пишу предъ самымъ обѣдомъ, когда бы слѣдовало погулять по Невскому проспекту. Деньги въ Матроновкѣ были нужны на сплату сестрѣ ея части, на удовлетвореніе гадкихъ претензій Николая и на уплату долговъ Виктора. Алекс. Михайл. не привыкла имѣть на шеѣ какое нибудь обязательство и потому я употребилъ всѣ усилія, чтобы поставить ее въ возможно безпечальное положеніе. Довольно съ нея и того, что заботы, лежавшія на насъ двоихъ, теперь лежатъ на ней одной. Спасибо, братъ! Ты лучше всѣхъ, и право не ошибаешься на счетъ достоинства моего постоянства относительно твоихъ чувствъ и дѣлъ. Въ Петербургѣ я не то, что въ хуторѣ: здѣсь за себя могу больше ручаться въ матеріальномъ къ твоимъ интересамъ отношеніи. Ты прекрасно дѣлаешь, успокоивая меня на счетъ цѣлости моихъ, имѣющихъ тебѣ вручиться денегъ, а я повторяю, что еслибы ты ошибся въ своемъ разсчетѣ, то я считалъ бы, что это я самъ ошибся, и что пенять не на кого, да еще постарался бы и выпутать тебя изъ твоихъ затрудненій. Бьютъ часы; не застану за обѣдомъ господина, съ которымъ надо видѣться. Двухъ домовъ не строй. Я объясню тебѣ послѣ, почему наличность для меня лучше самаго выгоднаго дома. До другого письма, когда не такъ будетъ некогда.

45.

9 декабря 1873 г. Спб.

Если я и помѣшалъ тебѣ 500 рублями покупать кирпичъ, то совѣсть моя можетъ отчасти успокоиться сомнительностію, по моему воззрѣнію, предположеннаго тобой результата. Подведеніе этажа твоимъ подрядчикомъ указываетъ на присутствіе подлости во всѣхъ исполнителяхъ построекъ и поставщиковъ, къ которымъ бы ты ни обратился. Но, судя по твоимъ словамъ о невозможности приступать къ покупкѣ до полученія извѣстнаго капитала, я никакой помѣхи не сдѣлалъ. Иванъ не присылаетъ денегъ. Письмо послано въ Ита-

лію 1 декабря. Скоро подобало получить и отвѣтъ, о которомъ во всякомъ случаѣ тебя увѣдомлю. Служба моя идетъ обычнымъ ходомъ. Съ начальникомъ статистическаго отдѣла, который одинъ только и стоитъ между министромъ и мною, я состою въ пріятельскихъ отношеніяхъ, такъ что, не бывая, за недостаткомъ времени нигдѣ, регулярно бываю по воскресеньямъ у него, и, противъ своего обыкновенія, засиживаюсь до часу и 2-хъ часовъ. Непремѣнно надо ужинать. Онъ любезнѣйшій по природѣ господинъ, и семья у него самая симпатичная, такъ что между ними чувствуешь себя, какъ дома. Это напоминаетъ мнѣ времена Плетневскія. Годъ и мѣсяцъ холостой моей жизни передъ 1847 годомъ я прожилъ семьяниномъ между семьею Плетнева. Потомъ онъ женился во время моего пребыванія въ Тулѣ и ужъ никакъ нельзя было возстановить прежнихъ отношеній. Исчезла простота, которая теперь у насъ царствуетъ и которая царствовала въ домѣ Плетнева, даже въ изящнѣйшемъ видѣ. Такъ вотъ мы себѣ и служимъ, работая за десятерыхъ, безъ малѣйшаго принужденія, и изъ желанія двигать дѣло сколько оно отъ *насъ* зависитъ (тутъ вѣдь есть и оппозиція не однимъ намъ, но и министру). Мнѣ то хорошо, вотъ какъ бы тебѣ стало получше.

46.

1 янв. 1874 г. Спб. (по секрету).

Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ! Чтобъ ты сказалъ, брате Иване, когда бы получилъ извѣстіе, что я, ѣдучи по льду зъ Кронштадтъ, провалился на дно морское? Ты бы сказалъ: «О морское дно! возврати мнѣ добычу свою. Я за то готовъ не строить дома еще два года!» А пожалуй, сказалъ бы что нибудь и посильнѣе этого.

Знай же, что я не одинъ разъ, а нѣсколько разъ провалился, и теперь въ нѣкоторомъ смыслѣ лежу на днѣ морскомъ. *Первый провалъ*: Иванъ вмѣсто 3575 р. прислалъ 500 р. *Второй провалъ*: Вѣстникъ Европы вмѣсто 1000, которую онъ предлагалъ за ту же самую вещь два года назадъ, теперь не дастъ и полныхъ 500 р. *Третій провалъ*: Вас. Бѣл. такъ притиснули жиды въ Варшавѣ, что я занялъ до 1 мая 1000 р. у одного пріятеля и выслалъ ему. *Четвертый и самый ужасный провалъ.* Штаты давно изготовлены и могли бы быть представлены къ утвержденію къ новому году, но Министръ

былъ безпрестанно въ отлучкахъ, то провожалъ Государя, то встрѣчалъ его на обратномъ пути, министерствомъ управлялъ товарищъ его и потому, обремененный дѣлами, не изготовилъ всего того, что, по всему министерству, должно быть приготовлено къ представленію въ государственный Совѣтъ. Никто и не чувствуетъ особеннаго горя отъ этого кромѣ меня, котораго должность съ 3000 р. стоитъ въ этихъ штатахъ, а безъ нихъ у меня жалованья нуль. Можетъ быть мнѣ что нибудь дадутъ покамѣсть; но пока пройдутъ свадебныя торжества при дворѣ и проч. и проч., о штатахъ не будетъ и помину, да они и не готовы къ представленію, а министръ разомъ и правитель путей сообщенія и придворная особа, безъ которой тамъ ничто не дѣлается, поэтому долго еще я буду сидѣть у моря и ждать погоды. Алек. Мих. между тѣмъ увѣрена, да и добрѣйшій мой начальникъ не сомнѣвался, что съ новаго года я буду обезпеченъ жалованьемъ. Такъ какъ мнѣ случилось лежать и гораздо глубже на морскомъ днѣ, то собственно для меня горе не велико; но Ал. Мих. жаль и она не должна этого знать. Во что бы то ни стало, она должна быть увѣрена, что я получаю уже 250 р. въ мѣсяцъ: я ей обѣщалъ высылать по 125 р. въ безотчетное ея распоряженіе. Со временемъ я все наверстаю. Но теперь ты, братику, сдѣлай что можешь, если можешь, не обижая своей семья и не вредя ея будущности. Я очень доволенъ, что написалъ Ивану такъ, какъ онъ заслуживаетъ за свою ложь. Теперь бы я написалъ ему еще крупнѣе. Черезъ недѣлю я ѣду въ Матроновку, потому что теперь удобнѣе мнѣ быть въ отпуску, пока во дворцѣ будетъ занятъ Министръ. Ты отвѣчай мнѣ туда, но такъ, чтобы изъ твоего письма не видно было ни положенія дѣлъ въ Вѣст. Европы, ни отсрочки моего жалованья. И такъ я провалился на дно морское. О якъ же воно погано такъ провалюватьcя! Твой П. Кулишъ.

47.

1874 года января 5 (выѣзжаю 7-го) Спб.

Друже Иване! Если генералъ пишетъ съ поля битвы, что сраженіе проиграно, то это еще не значитъ, что кампанія потеряна. Бываютъ ретирады, равныя побѣдамъ. Въ настоящемъ случаѣ кампанія еще не потеряна, еще союзники не покинули претерпѣвшаго пораженіе и честь оружія не помрачена. Когда будешь писать въ

Матроновку, откуда я непремѣнно къ тебѣ заѣду, то пиши такъ, какъ будто и во снѣ тебѣ ничего подобнаго не снилось. Алекс. Мих. будетъ окружена комфортомъ такъ точно, какъ если бы я получалъ жалованье съ 1-го января. Это не первый опытъ. Когда я пріѣхалъ въ Варшаву, то выписалъ ее и больную сестру ея съ дѣтьми и онѣ пренаивно благоденствовали, а мы съ Вас. Мих. ухмылялись, зная, что я служу безъ жалованья. Такъ прошло мѣсяца съ два, а потомъ дали мнѣ жалованья 300 р. въ мѣсяцъ, и мы опять таки смѣялись—уже открыто—надъ довгимъ волосомъ. Теперь не знаю, долго ли протянется комедія, но буду ее играть, во что-бы то ни стало. Въ Матроновкѣ буду дѣлать важныя дѣла, а потому не торопи меня пріѣздомъ въ Кіевъ. Сказано—пріѣду, и буду у всѣхъ знакомыхъ. Дня три проживу. Твой П. Кулишъ.

48.

1874, янв. 6. Ночь, 2-го 20 мин.

На дрянномъ лоскуткѣ бумаги пишу тебѣ, друже Иване, такую вещь, которая превратитъ его въ драгоцѣнный пергаментъ. Сію минуту вернулся я отъ своего непосредственнаго начальника Головачева (автора книгъ: а) десять лѣтъ реформъ и б) вопросы государственнаго хозяйства), съ которымъ ѣздилъ проститься. Онъ мнѣ сказалъ, что когда онъ доложилъ министру о томъ, что я ищу себѣ другого мѣста (а я не зѣвалъ и одного дня), то онъ воскликнулъ: «Какъ можно намъ лишиться такого человѣка! Зачѣмъ смотрѣть на штаты? Дадимъ ему 3000 р. изъ запасной суммы, пока штаты будутъ утверждены» —Ну такъ и дѣло въ шляпѣ—отвѣчалъ я, и оба мы были очень рады, потому что Головачевъ такая личность и семья его состоитъ изъ такихъ личностей, съ которыми разстаться было бы потерею незамѣнимою. И такъ я дурно сдѣлалъ, что не помедлилъ съ письмомъ къ тебѣ. Теперь опять прошу; въ письмѣ ко мнѣ игнорируй этотъ сюжетъ. А—ра М—на и знать не будетъ, что со мной такое случилось. Пускай думаетъ, что со мной и случиться ничто подобное не можетъ. Въ Кіевѣ буду непремѣнно и проживу довольно долго. Твой П. Кулишъ.

49.

1874 лютого С.Петербургъ.

Гроши е та не посылаю. Якъ напысавъ, що треба прытьмомъ, то мушу прыслать. Та наврядъ купуватымешъ цеглу.

Доводыться, брате, тоби на старисть ревнуваты мене: чужи люде и недавни пріятели таки прыхильны до мене, що й сказать не можна. Замисть щобъ упыняты, сами кинулыся роспытувать, якъ бы мене посадыты въ Нижени! Се вже не эгоистичне пріятельство. Ты чи знаешъ хто? Паніи та панночки! Чи врадять що чи ни, а клопоту нароблять за ниженьскій лицей по всихъ паньскихъ кабинетахъ. Ничимъ воны такъ мене не втишили, якъ пиклуваннемъ про мій выиздъ на Вкраину: бо саме прыхиляние до чоловика—не дыво: чомъ не прыхилятысь, колы винъ таке вміе сказать, що не швыдко забуваеться? Ни, оце штука: за те, що ты людына хороша, мы тебе выпроводымо до дому, самихъ себе не жалуючи! Справди, брате Иване, тутъ люде кращи, нижъ у насъ. Твій Кулишъ.

50.

1784 февр. 10, Спб.

И ты противъ меня Брутъ! Не написалъ бы ты своего письма, еслибъ зналъ, что произошло въ Матроновкѣ между мною и Бѣлозерскими и что произошло въ Петербургѣ между мною и другими Бѣлозерскими. Изъ жалости, изъ пощады къ твоему доброму сердцу я не хотѣлъ и не хочу сообщать тебѣ о такихъ безобразіяхъ. Но когда нибудь ты прочтешь мемуаръ, за которымъ застало меня письмо твое. До такой степени все это необыкновенно, что я считаю долгомъ своей совѣсти изложить дѣло въ мемуарѣ на память и въ назиданіе потомству. Видишь, какимъ бурнымъ потокомъ идетъ моя жизнь, пробивая скалы и отвлекая за собой массы деревьевъ и обломковъ, а попросту топча подъ ноги глупости и гадости человѣческія. Естественно я раздраженъ; надобно только удивляться, какъ я могу еще вести съ кѣмъ бы то ни было бесѣду о rzeczach obojętnych и не терять порядка жизни. А тебѣ показалась какая то холодность! Я совсѣмъ потерялъ изъ виду, каково тебѣ будетъ слушать мои возраженія. Ты коснулся самаго больного мѣста и удивляешься, что я отмахиваюсь отъ неосторожнаго щупателя моей раны.

О полѣ скажу: Carthago delenda est. Если бы «мерзкое творенie» явилось вновь во всеоружiи своихъ подлыхъ связей, то я такъ точно предпринялъ бы противъ него войну всѣми зависящими отъ меня средствами, какъ и во время оно. Не только не сожалѣю, что воевалъ съ нимъ, но сожалѣлъ бы и упрекалъ бы себя, если бъ не вооружался противъ него по-юношески. Николай вовсе не побѣдитъ меня. А еслибъ побѣда его знаменовалась вѣчнымъ присвоенiемъ Матроновки, то все-таки и я не считалъ бы войну проигранной. Многое можно злому человѣку сдѣлать по своему въ Россiи, но не все. Объ этомъ шкода и распространяться. «Война—по гробъ мой договоръ!» Это—синонимъ словъ: «Горе мнѣ, аще не проповѣдую!» Или ты хочешь дождаться, чтобъ камни возопили? Это метафора. *Намъ* надо быть живыми, а не отъ камней этого ждать. Вотъ ты чего надѣлалъ письмомъ своимъ? теперь ты совершенно въ туманѣ. А когда бы разумѣлъ мою горячность безъ особенныхъ предположенiй, то ничего бы этого полусказаннаго не зналъ, былъ бы спокоенъ, а и съ своей стороны успокоясь побалакавъ бы колысь про все тай годи. Матерiальныя наши дѣла хорошо стоятъ, но моральныя, по отношенiю къ безпутному роду Бѣлозерскихъ, волнуютъ меня и долго еще будутъ волновать. Ты же будь спокоенъ. Твой П. Кулишъ.

51.

Лютого 14 1874 года С. Петерб.

Усе думавъ про тебе; знай думаю тай не знаю чого. Отъ же й надумавсь. Треба тебе зробыты старшымъ надъ якою небудь зализныцею, отъ хочъ бы въ Кiиви. Сыва бороца додае поваги. Чи ты бъ хотивъ старшинуваты? Колы маешъ охоту, то роспытайся, якъ воны постають на кiевскихъ зализныцяхъ: чи зъ казны, чи зъ жидивской воли? Колы е таки, що казна настановляе, то вельми було бъ добре, колыбъ тоби заробляти хочъ тысячъ зо дви що року.

Утикъ, не втикъ, а побигты можно. Твiй П. Кулишъ.

52.

18 февр. 1874.

Понимаю, какъ тебѣ тяжело имѣть постоянныя сношенiя съ этою дрянью Л — омъ. Ну, будемъ стараться помѣстить тебя

чѣмъ ни на есть при Кіево-Брестской или Курско-Кіевской жел. дор., благо не чуждаешься цвѣтной фуражки съ золотымъ околышемъ. За гроши спасыби, бо мени треба. Можетъ быть я скоро разживусь, то пришлю. Вь Нѣжинѣ мнѣ не бывать. Это мимолетная мечта. Вотъ займусь изданіемъ большого календаря Гатцука, то зароблю грошей. Я, кажется, говорилъ тебѣ, что Гатцукъ беретъ на себя составъ и издержки. Мои только труды по печатанію и распродажѣ. Я принялъ къ себѣ въ компанію двухъ дамъ, которыя завѣдывали книжнымъ магазиномъ, а теперь держатъ корректуру въ журналахъ. Одна изъ нихъ сестра жены моего начальника. Его семейство трудящееся, а самъ онъ прошелъ сквозь огонь и воду. Вотъ черезъ него-то я надѣюсь доставить тебѣ мѣсто. Онъ теперь важный человѣкъ по Кіево-Брестской дорогѣ, надъ которою наряженъ судъ, и онъ членъ суда—за расхищеніе казенныхъ денегъ. Ну, да посмотримъ; что можно сдѣлать, сдѣлаемъ.

Ты, братъ, не знаешь, какое важное значеніе въ моей жизни имѣетъ Матроновка. Потому-то и слѣдуетъ мнѣ постараться о ея возстановленіи и о собраніи хоть нѣсколькихъ членовъ семьи воедино, какъ напр. дѣтей Надежды Михайловны. Пиддубень былъ для меня ничто, хотя бы при немъ находилось и много земли, но съ водвореніемъ въ Матроновкѣ, въ меня вселился духъ ея основателя. Вслѣдствіе этого планъ моей жизни принялъ иное строеніе, и это даетъ мнѣ энергію, которой прежде я не имѣлъ. Прежде я былъ таковъ, какъ изображено въ слѣд. стихахъ:

Цѣли нѣтъ передо мною,
Сердце спитъ и праздненъ умъ.

Хоть и была нѣкая цѣль, но совсѣмъ иного характера. Да, братъ, человѣкъ—фениксъ, возраждающійся изъ пепла. Я бы желалъ тебѣ набрести въ жизни на что нибудь такое, чтобы ты забывалъ всѣхъ мерзкихъ твореній. Но вотъ и будетъ тебѣ источникъ вдохновенія, когда получишь мѣсто на жел. дор. Жалокъ человѣкъ, живущій только для себя.

О попѣ: Carthago delenda esse. Уже послано письмо къ архіерею, а когда ничего не сдѣлаетъ, то какъ бы ты думалъ: кто будетъ хлопотать въ св. Сунодѣ? Барыни! Тебѣ все представляется въ философски-мрачномъ свѣтѣ, а я такія вещи дѣлаю для отдыха и въ видѣ увеселенія, все равно какъ бы устраивалъ дѣтскій театръ—что-ли. Ахъ, какъ жаль, что барышни не представили тебѣ и Зинѣ Хмельницкаго и Барабаша. Я сочинилъ, а онѣ разучили пьесу: *козацька*

ясá и *шляхецька трусá.* Но вѣчно хлопоты и некогда жить сердцемъ. Тогда жъ была свинская исторія. Дѣйствующія лица: Хмельницкій, Барабашъ и Чура, а актеровъ только двое. И вотъ съ какимъ удовольствіемъ я затѣваю такой театръ, съ такимъ изгоняю попа и дѣлаю всѣ подобныя вещи. «Кто тебя, батюшка, обидитъ? ты самъ всякого обидишь»,—вотъ мой девизъ; а ты пугаешь меня паденіемъ дряннего плутишки, когда я не боюсь и сильныхъ міра сего.

Твой П. Кулишъ.

53.

16 февр. 1874.

Головачевъ принялъ мое ходатайство о тебѣ и носитъ въ карманѣ написанную мною докладную записку, чтобы ею воспользоваться при первомъ удобномъ случаѣ. Въ запискѣ сказано, что ты желаешь поступить на такую должность по администраціи Кіево-брестской жел. дор., къ какой будешь признанъ способнымъ. Но меньше 1200 р. не бери. Я говорилъ о тебѣ Головачеву, какъ объ alter ego; то меньше не должны тебѣ дать, какъ 2000 р., мнѣ кажется. Это бы очень утѣшило меня! Тогда бы и на постройку предположеннаго тобою дома я смотрѣлъ бы безъ страха. Въ запискѣ сказано, гдѣ твой домъ. Къ тебѣ будетъ или письменное, или словесное объясненіе. Держи себя, какъ лицо, сознающее себѣ цѣну. Твой П. Кулишъ.

NB. *Человѣкъ безъ сердца* подвигается впередъ, но наконецъ не виденъ еще и въ туманѣ. Когда прочтешь этотъ романъ, тогда скажешь: *а, вотъ оно что*!

Чрезъ нѣсколько часовъ: Туманъ просвѣтлѣлъ и конецъ романа виденъ, а это очень важно для пишущаго.

54.

28 февр. 1874. Спб.

Ахъ, Иванъ Филипповичъ! какъ ты будешь смѣяться помня письмо свое о невѣрности заглавія, при чтеніи моего романа! Рукопись моя подвинулась уже далеко впередъ и составила не менѣе 160 страницъ такой печати, какъ въ Вѣстн. Европы. Моли небеса, чтобъ я не соблазнился деньгами и не напечаталъ этого написаннаго (имѣю-

щаго нѣкоторую цѣнность относительно выраженной идеи) до окончанія романа, который долженъ быть обширенъ.

Въ предоставленіи тебѣ мѣста позволяю себѣ не сомнѣваться. Я скорѣе построю *тебѣ* домъ, чѣмъ ты *мнѣ*. Твой Кулишъ.

55.

8 марта. 1874. Спб.

Ты, конечно, знаешь Сабанѣева. Нѣкія дамы напишутъ въ Москву къ его сестрѣ, а сестра напишетъ къ нему, что въ Кіевѣ есть такой то Хильчевскій, отличный человѣкъ, которому надо дать заработокъ хорошій. Увѣдоми, о чемъ можно просить Сабанѣева, и желаешь ли ты самъ у него побывать послѣ того, какъ о тебѣ напишутъ и я тебя о томъ увѣдомлю. Что касается до мѣста на Кіево-Брестской Ж. Д. то оно зависитъ отъ Бліоха, а Бліохъ зависитъ отъ Головачева, а Головачевъ зависитъ отъ своей дочери, а дочь дала мнѣ слово постоянно освѣдомляться о докладной запискѣ, которую Головачевъ носитъ въ карманѣ, съ тѣмъ чтобы при свиданіи съ Бліохомъ вручить ему. Онъ, конечно, не ручается за успѣхъ, но Бліохъ взираетъ на него со страхомъ и благоговѣніемъ, яко на весьма приближенное лицо къ министру. Романъ мой, который уже сданъ въ редакцію для просмотра (т. 1-й листовъ 15, имѣющій отдѣльную цѣлость—всѣхъ будетъ 3 т.), поразилъ Головачева, которому я читалъ въ его семействѣ. Поразилъ онъ тѣмъ, что написанъ съ жаромъ молодости и такъ быстро, какъ подъ диктовку: на каждый день приходится почти по полулисту печатному. Стасюлевичъ, предувѣдомленный Головачевымъ, обѣщалъ мнѣ дать скорѣй отвѣтъ, за которымъ послѣдуютъ и деньги. Онъ мнѣ платитъ впередъ. Заглавіе я перемѣнилъ, увидѣвши, что «человѣкъ безъ сердца» наполняетъ не все содержаніе, да и потому, что тебѣ это заглавіе не нравится. Назвалъ я его *Марьинъ хуторъ* и пишу къ А. М—нѣ, что мой хуторъ дастъ больше доходу, чѣмъ ея Матроновка.

Къ святкамъ на Пасху меня отпустятъ домой, а коли раздобрятся, то продлятъ отпускъ и геть-геть. Ты въ мѣстѣ не сомнѣвайся ни мало. Я не замедлю составить себѣ здѣсь такія знакомства, которыя дадутъ мнѣ возможность поддержать одного человѣка. Словомъ, я *тебѣ* домъ построю скорѣе, чѣмъ ты мнѣ. Твой П. Кулишъ.

56.

1874. марта 22. Матроновка.

О чемъ ты хлопочешь, доказывая nullité моихъ обѣщаній? Развѣ они сопряжены для тебя съ какимъ нибудь рискомъ? Развѣ за то, что ты раздѣлялъ бы мою увѣренность, ты бы долженъ былъ платить деньги? Но тебѣ нравится безпомощность—никто и не мѣшаетъ пребывать въ ней, пребывай!

Я не получилъ еще командировки, на изготовленіе которой требовалось время, и уѣхалъ incognito, разумѣется za porozumieniem się. Командировка была проэктирована, какъ способъ отпуска. Могутъ прислать только таковый, безъ оной. Въ этомъ случаѣ поѣздка моя въ Кіевъ отодвинется къ концу моего отпуска, дабы не заѣзжать уже оттуда. Твой Кулишъ.

P. S. Не потому я удерживаю тебя отъ постройки, что ты моложе меня, а потому, что смотрю на нее съ нѣкоторымъ опасеніемъ. Если я самъ строюсь, такъ это потому, что нельзя вещью изуродованною владѣть, не поправивъ ее. При томъ, ты упускаешь изъ виду, что въ случаѣ моей смерти, ты, да и никто другой, ровно ничего не сможешь сдѣлать въ моихъ дѣлахъ, а въ случаѣ твоей смерти—я могу дѣлать въ твоихъ домашнихъ дѣлахъ многое. Прилагаемую довѣренность предъяви Кистяковскому, возьми у него 1000 р., не откладывай до 20 апрѣля и пошли Котенину.

57.

1874 апр. 4, Матроновка.

Я ни въ какомъ бы случаѣ не поступилъ такъ въ положеніи Кистяковскаго, какъ онъ поступилъ. Говорю не по теоріи. Обѣщанное принадлежитъ уже не намъ, и потому взять его себѣ—все равно, что присвоить чужое. Опредѣлившійся между нами уровень стоитъ 1000 р. Я въ выигрышѣ съ нравственной стороны, но и съ матеріальной особенной бѣды нѣтъ.

Ты слишкомъ строгій философъ. Вишь чего захотѣлъ—*равенства!* да его нѣтъ нигдѣ, даже между двумя одинаково богатыми

джентельменами, отправившимся вмѣстѣ путешествовать. Когда мы съ Костомаровымъ въ 1861 г. вернулись изъ заграницы, онъ сказалъ своимъ друзьямъ: «Я и вообразить не могу лучшаго спутника»! А я своимъ: «трудно вообразить болѣе несноснаго спутника»! Это значитъ, что я, при самомъ началѣ путешествія долженъ былъ бы бросить Костомарова; но я предпочелъ сносить причуды этой бабы (онъ по характеру—баба). Еще сообщу тебѣ одно изъ моихъ наблюденій. Люди, обнаруживающіе наклонность къ деспотизму, способны къ слѣпому повиновенію въ принятой ими на себя роли. Равно и люди, слѣпо повинующіеся, способны къ деспотизму, въ случаѣ перевѣса ихъ шансовъ. Но послѣднее хуже перваго. По моему деспотизмъ не есть абсолютное зло: безъ него многое въ жизни не мыслимо.

... Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.

Я знаю въ Петербургѣ одного превосходнѣйшаго человѣка, которому не достаетъ одного только, именно—деспотизма. Отъ этого недостатка страдаетъ все его семейство, да вѣдь какъ!... Я, въ качествѣ гостя, пріобрѣлъ нѣкоторую ascendance надъ его дщерями своею prononcée наклонностію къ деспотизму, и этотъ великолѣпный во всѣхъ другихъ отношеніяхъ человѣкъ, иногда по-дѣтски проситъ меня подѣйствовать на нихъ моимъ суровымъ словомъ (иногда я рѣзко говорю правду, какъ чувствую, и это даже нравится слушательницамъ, точно горчица или хрѣнъ). Такъ деспотизмъ, братъ, хорошая вещь, но проявляемая безъ осмотрительности, она ведетъ къ грубости, и мнѣ часто за это доставалось, какъ въ настоящемъ случаѣ и отъ тебя. Я и не подозрѣвалъ, что въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, деспотствую съ тобою. Но я не желалъ бы играть такую роль.

58.

1874 апр. 8.

Я не могу сказать ни слова противъ твоихъ аргументовъ и вообще не вижу проку въ аргументаціи. Пусть каждый дѣлаетъ свое дѣло. Гатцуку посылаю деньги сегодня. Для тебя ожидаю 425 р. проценты съ Ив. Ив., а можетъ быть продамъ домикъ, то и скорѣе. Скажи

Кистяковскому, что довольно съ него было бы не исполнить обѣщанія; а онъ еще пустилъ этотъ казусъ и на обсужденіе третьихъ лицъ! Непремѣнно это скажи, и даже покажи.

59.

1874. 5 іюля. Спб.

Радуюсь благополучному теченію твоихъ дѣлъ. Мои дѣла идутъ обычнымъ ходомъ. Послѣ 20 іюля благоволи помнить новый мой адресъ *на Невскомъ просп. д. Бернардаки. кв. 13.* Нанимаю двѣ комнаты съ передней и кухней, чтобы и Алек. Мих.—нѣ доставить возможность пожить среди цивилизованнаго свѣта. Съ дровами и водой, проведенною въ кухню изъ Невы, 38 р. въ мѣсяцъ, 3-й этажъ. Печатаю Гатцуковъ рублевый календарь на 1875 годъ въ Петербургѣ. Его коштъ, мои труды. Въ этомъ году я получу мало, но въ слѣдующихъ доходъ пойдетъ crescendo, и такимъ образомъ я имѣю надежду привести свои финансы въ хорошее состояніе. Я насилу оправился отъ измѣны поповича въ минуту полученія 1000 р.

Живу въ городѣ, печатанія ради—не столько календаря, сколько Журнала Министерства Путей Сообщенія, котораго 1-я книжка, подъ моей редакціей, выйдетъ, какъ объявлено въ газетахъ, 1 августа. Министръ настоялъ на этомъ объявленіи, и какъ цензура предоставлена самой редакціи, то и нужно разъ по разъ ему докладывать вопросительные мои знаки. Тутъ идутъ весьма важныя противодѣйствія силы силѣ. Каждая стремится занять больше мѣста въ правительственномъ мірѣ и потому требуется осторожность въ министерскомъ органѣ. Изъ-за такого боренія силъ и живетъ нашъ братъ въ городѣ. Въ послѣднее время вѣсы начали склоняться въ нашу сторону, а то ходили по городу слухи, приводившіе насъ въ уныніе. Если бы министръ, недовольный торжествомъ неправды, не захотѣлъ больше служить, то и намъ сдѣлалось бы такъ жутко, какъ будто въ воздухѣ вмѣсто 15$^0/_0$ морозу (?). Перевѣсъ покамѣстъ на нашей сторонѣ, и выразился порадовавшею насъ замѣткою въ газетахъ, что нѣкій изъ сильныхъ земли „оставляетъ Петербургъ и ѣдетъ лѣчиться". Да процвѣтаетъ его чрево, лишь бы не мѣшалъ намъ дѣлать дѣло и хотя сколько нибудь защитить казну отъ расхищенія не тысячами, а цѣлыми милліонами. П. Кулишъ.

60.

13 іюля 1874.

Относительно моего кармана, Матроновка представляетъ нѣчто разбойницкое, и что еще досаднѣе—каждый воображаетъ, что меня облагодѣтельствовалъ. Это похоже на то, какъ невѣжда, продавши, ученому книгу, которой самъ не понимаетъ ни въ зубъ, и содравши съ него дурацки запрошенную цѣну, сожалѣетъ, что не запросилъ вдвое. Въ рукахъ каждаго изъ нихъ, не исключая и наиболѣе безумнаго, *все* имѣніе было бы дрянью, *часть* ни къ чему негодною дрянью. Они видятъ, что въ моихъ рукахъ оно дѣлается и можетъ сдѣлаться чѣмъ то и доходнымъ, и пріятнымъ. Вотъ и воображаютъ, что въ ихъ владѣніи было бы тоже самое или несравненно лучшее, хотя они не имѣютъ ни денегъ на улучшеніе, ни охоты ихъ тратить, если бы были, ни умѣнья улучшать. Это мужики, нашедшіе золотые часы. Одинъ, самый мудрый изъ нихъ, беретъ себѣ цѣпочку, другой футляръ, а третій дорожитъ механизмомъ. Эту штуку они уже устроили надъ цѣльнымъ имѣніемъ батьковскимъ и теперь жалѣютъ, что я не далъ имъ расхитить братнее, изуродованное уже порядкомъ, имѣніе, а не далъ тѣмъ, что каждому далъ столько денегъ, сколько кто спросилъ. Одинъ явился даже героемъ великодушія: подарилъ сестрамъ то, на что не имѣлъ моральнаго права и что можно бы оспаривать даже юридически; но такъ оцѣнилъ каждую десятину и каждую постройку, что лучше бы и не великодушничалъ. Уплата двоимъ сестрамъ далеко превзошла нормальную стоимость всѣхъ трехъ паевъ, если бы братья захотѣли продать охотнику до покупанія земли, каковаго даже и нѣтъ въ цѣлой губерніи. Все это сдѣлано имъ съ чистою совѣстью, съ какою безумный часто совершаетъ насиліе или грабежъ. Тутъ соединилось нѣсколько пакостныхъ характеровъ, изъ которыхъ одни равняются мертвецу по дѣятельности ума и сердца (замѣть ума *отличнаго*, по мнѣнію толпы, и сердца т. н. *добрѣйшаго*); другіе прямо сумасшествуютъ на тему благородства, безпристрастія и пр., а третьи готовы цѣлый міръ преспокойно пустить по міру. Но такой многочисленной психологической задачи не разрѣшить мнѣ. Дѣло въ томъ, что деньги мои ушли или на дурацки потребованные и дурацки, въ мое отсутствіе, устроенные платежи, или же на

потери, бывшія слѣдствіемъ Матроновскаго безобразія. Но если бы завтра Матроновка вновь очутилась чужою и нужно было бы покупать каждое ея дерево по двойной цѣнѣ противъ существующихъ, и каждый шагъ земли по самой дурацкой оцѣнкѣ, которая тамъ не разъ и дѣлалась, то я служилъ бы съ тѣмъ, чтобы купить этотъ лоскутокъ земли,—и не для того, чтобы онъ оставался въ рукахъ этихъ безобразниковъ. Это чувство напрасно сталъ бы я изъяснять тебѣ. Ты готовъ дать самъ вмѣсто Матроновки отличное имѣніе, а я на это отличное имѣніе полѣнился бы даже посмотрѣть для сравненія.

Министромъ назначенъ генералъ-адъютантъ вице-адмиралъ Попечитель при Е. И. В. Вел. Кн. Алексіѣ Алекс. *Посьетъ.* Все у насъ въ министерствѣ обстоитъ пока благополучно. 1-го Августа выйдетъ 1-я книжка Журн. М. П. С., если не пріостановитъ новое начальство, которое мнѣ совершенно неизвѣстно такъ же, какъ и я ему. Я *радовался* тому, чему слѣдуетъ радоваться, а не всему вообще, что у тебя дѣлается. Мое положеніе лучше твоего уже тѣмъ, что у меня забота только объ одномъ лицѣ, которое я *обязанъ* обезпечить.

Твой Кулишъ.

61.

25 іюля.

Вотъ къ тебѣ, друже, просьба: издавался въ 1862 году въ Кіевѣ пакостный Журналъ Вѣстникъ Юго-Западной Россіи. Онъ мнѣ нуженъ теперь (за 1862), потому что тамъ помѣщены статьи мои, которыя въ переработанномъ видѣ предположилъ я ввести въ готовящуюся книгу *Исторія Украинскаго Козачества до Богдана Хмельницкаго.* Тягочусь ходить въ публичную библіотеку для извлеченія ихъ изъ вышеозначенной лужи; а въ Кіевѣ нетрудно найти ее на толкучкѣ у букиниста и даже въ книжныхъ лавкахъ. Такъ потщись, братъ, купить и выслать мнѣ.

При чемъ пощади почтальона отъ дома Бернардаки, такъ какъ туда переселились только 100 р. изъ моего кармана, на усовершенствованіе квартиры, самъ же я оставался и остаюсь на углу Гороховой и М. Морской № 2/12 кв. 13.

Мнѣ на короткое время понадобится дневникъ Лассоты (Tagenbuch des Lassota). Если Щербакъ дастъ или достанетъ его, то приложи къ журнальцу (Вѣстн. Ю. З. Р.), я подержу только два дня и верну тебѣ посылкою. Этой книги не оказалось въ публ. библ. Твой Кулишъ.

62.

2 авг. 1874 г.

Есть въ Петербургѣ товарищество на акціяхъ, называемое «Общественная польза». Сіе товарищество взялось напечатать 3000 моей книги: Исторія Украинскаго Козачества до Богдана Хмельницкаго. По расчисленію директора, общество и авторъ получатъ чистой выручки по 1500 р. или немного больше. Въ виду сего обстоятельства, надобно проклятущему Литову заплатить 6 р. за паскудный Журналъ, который тѣмъ только и хорошъ, что его никто не читаетъ. Извлекать изъ него, что мнѣ надо, въ публ. библ. гораздо тягостнѣе, нежели лишиться 6 р., а потому присылай. Что касается до Дневника Ласоты, то если онъ къ тому времени подоспѣетъ, пришли, а если нѣтъ, то не надо. У меня дома эта книга есть, а теперь обойдусь по памяти. Завтра выходитъ 1-я кн. Журнала П. С., и я начинаю дышать свободнѣе. Она рождалась въ между-министеріе; новый министръ просматривалъ корректурные листы и отмѣнилъ одну статью о мошенничествахъ прускихъ концессіонеровъ, которую прежній министръ самъ указалъ въ Kölnische Zeitung. Когда утверждена была программа журнала, многихъ статей не было долго. Однѣ надо было достать, другія составить, третьи указать, какъ составить. Все это сдѣлано въ самое короткое время. Но люди, не работавшіе сами, не понимаютъ, кто можетъ и кто не можетъ исполнить подобное дѣло. Въ Варшавѣ я составилъ и напечаталъ первый «Холмскій греко-уніатскій календарь» (на 1866 г.) въ самое короткое время, и начальство, нынѣ сенаторъ Соловьевъ, приняло отъ меня книгу съ такимъ видомъ, какъ будто я каждую недѣлю приносилъ ему по одному такому тому. Теперь я опять играю роль молодого *начинающаго* чиновника, а она дѣлается мнѣ крайне противна. Лишь только устрою свои финансы на другихъ основаніяхъ (Гатцуковъ рублевый календарь, книги, изд. черезъ Общ. пользу, и т. п.), тотчасъ оставляю службу.

63.

Августа 11 1874.

Очень, очень обязанъ за присылку паскуднаго журнальца. Ласоты не присылай: обойдусь, да и поздо! къ тому времени напечатается та глава, въ которой онъ былъ бы кстати.

Конечно, я не такъ-то легко брошу службу, но иногда нужно ее вылаять и возымѣть мысль бросить: дѣлается легче на свѣтѣ жить. Теперь я понимаю, почему любезный мой кумъ не отвѣчалъ на мое письмо: въ немъ было сказано, что я унію церковную разумѣю не «по Костомаровски». Весь этотъ причтъ историческій объясняетъ ее религіозностью, съ одной стороны, и фанатизмомъ—съ другой. Отсюда выходитъ нѣчто въ родѣ православной иконы въ ихъ сочиненіи уніатской возни: съ одной стороны праведники, съ другой грѣшники. Я же представляю и тѣхъ и другихъ такими грѣшниками, какіе и нынѣ дѣйствуютъ во имя разныхъ уній. Все объясняю надобностію въ деньгахъ и въ удовлетвореніи самолюбію, а подъ часъ личному мщенію. На этомъ основаніи само свѣтило православія и столбъ вѣры, кн. Острожскій, дѣлается у меня довольно обыкновеннымъ паномъ-богачемъ, а Конашевичъ Сагайдачный нисходитъ съ пьедестала борца за вѣру на уровень счастливаго въ походахъ отамана, котораго попы, войты, бурмистры, лавники, райцы и всякіе т. н. «благочестивые» просятъ иногда приписаться сюда или туда и похлопотать о томъ или о семъ, а впрочемъ ему морской походъ или разореніе единовѣрной Московщины ближе къ сердцу всей тяганины за церковныя и монастырскія имущества, двигавшей главными пружинами церковной уніи. Словомъ, развернувши Relacye Nunciuszòw Apostolskich изъ Польши и о Польшѣ, я веду читателя за кулисы того святочнаго вертепа, который показывали публикѣ (дѣтски развитой) сочинители исторіи. Сколько я ни указывалъ на эти реляціи и ихъ статистику Костомарову, онъ до сихъ поръ ихъ не читалъ, какъ это видно изъ его исторіи въ біографіяхъ. Такъ и относительно многаго другого. Но возвращаюсь къ службѣ. Покамѣсть она сносна, но если какъ нибудь меня задѣнетъ, брошу. А жить мнѣ есть чѣмъ. Теперь опять насъ только двое. С—въ примирился съ своимъ семействомъ, т. е. его умоизступленіе миновало. При томъ я имѣю ресурсы въ календарѣ и въ книгахъ, которыя станетъ издавать Обществ. Польза, лишь только я скомпоную. Ось побачишь, якъ густо посыплютьця. Твой Кулишъ.

64.

10 сент.

Терроръ имѣлъ и на мои занятія вліяніе. Печатаю книгу, которой предполагалось дать такое заглавіе: «Исторія Украинскаго Козачества до Богдана Хмельницкаго». Она проникнута идеею сліянія русскаго народа. Между тѣмъ прислали мнѣ изъ заграницы мои рукописи, планъ сочиненія быстро раздвинулся. Я рѣшился выйти изъ рамки козачества, и, вмѣсто четырехъ или пяти томовъ, которые бы его обняли до конца, написать не меньше восьми подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Исторія оторванной Руси отъ начала ея колонизаціи послѣ татарск. опустошенія до послѣдняго возвоединенія нѣкоторыхъ ея частей.* «Треба бъ искусителямъ языкъ отсѣщи и оружіе отъять», какъ говорится въ одной лѣтописи. Печатаетъ книгу Товарищество Общественной Пользы на свой счетъ; барышъ пополамъ. О семъ не разглашай. 1-й томъ, надѣюсь, получишь отъ меня въ началѣ октября. Второй выйдетъ къ новому году, Я скоро ѣду домой на мѣсяцъ что ли. По выходѣ 1-го тома, я кажется подамъ въ отставку. Посовѣтуюсь съ Алек. Мих. Дѣла такъ стали, что невозможно чѣмъ нибудь не пожертвовать.

65.

20 Сентября.

Рукопись готова, печать идетъ шибко. Если не въ первыхъ числахъ октября, то послѣ 20-го числа появится въ свѣтъ. Вотъ полное заглавіе:

Исторія оторванной Руси отъ начала ея колонизаціи послѣ татарскаго опустошенія до послѣдняго возсоединенія нѣкоторыхъ частей ея подъ державою русскихъ царей.

Томъ Первый.

Отъ начала колонизаціи до 1620 года.

Ничто-же кому глаголи. Я еще не знаю количества печатныхъ листовъ, набрано 10, а будетъ еще или болѣе 20 или болѣе 30. Въ послѣднемъ случаѣ выпущу два первые тома по 20 слишкомъ листовъ.

Посылаю тебѣ первый листокъ; не показывай никому. Бумага очень хорошая. Печать тоже; но еще не была подъ прессомъ, а просто взята съ машины. Это дѣлаетъ большую разницу.

Увѣдоми меня немедленно, какъ имя великаго химика Зѣновича. Прилагаю посвященіе памяти лицъ, которыя дѣлали мнѣ морально или матеріально добро.

Благородной памяти:

№ Зѣновича, Михаила Грабовскаго, Константина Свидвинскаго, Матроны Бѣлозерской, Николая Бѣлозерскаго, Василія Тарновскаго, Маріи Гоголь, Петра Плетнева, Якова Бередникова, Сергѣя Аксакова, Константина Аксакова, Николая Милютина, благоговѣйно посвящаетъ П. Кулішъ (но не Кулишъ) Твой П. Кулішъ.

66.

20 Окт. 1874 г.

Ты ждешь близнецовъ, а тутъ за наборщицкимъ пьянствомъ до сихъ поръ и одного тома не выпустили изъ типографіи. Медленность отчасти мнѣ и на руку, потому что я безпрестанно пополняю то рукопись, то корректурные листы 2-го тома. Но во вторникъ 1-й томъ пойдетъ въ цензуру, гдѣ долженъ пробыть 7 дней. Выпустимъ сперва одинъ—а то поздно. Можетъ быть 2-й оставлю допечатывать безъ меня. Бѣдная А. М. одна. Радуюсь, что Господь Саваоѳъ благословилъ твою старость. У Диккенса въ одной повѣсти подъ портретомъ есть надпись: Боже, сдѣлай жизнь мою молодою. У Гомера также есть утѣшительный для насъ съ тобою стихъ: Зелена Одисеева старость.

Мнѣ кажется, какъ будто я только начинаю писать. Планъ у меня обширнѣйшій. Исторія возсоединенія Руси въ 9 томахъ составитъ лишь первую часть сочиненія: Исторія возсоединенной Руси, которая должна обнять эскизно все отъ Владиміра на Клязьмѣ до столкновенія съ Польшею, черезъ Литву, а потомъ весьма полно совмѣстить жизнь Польши и Московіи; далѣе къ нимъ примкнетъ Украина и потомъ пойдетъ тріо до нашихъ дней, изображая ходъ внутренней исторіи, а не одно то, что составляетъ лишь ея фабулу. Тутъ должно выйти весьма занимательно сопоставленіе, съ одной стороны, міра азіатскаго, съ другой—нѣмецкаго и романскаго, надъ которыми владычествуетъ греческая юность человѣчества, подобно тому,

какъ всякая юность отзывается во всякой старости. Выходитъ полная картина человѣчества, освободившагося отъ постройки пирамидъ, висячихъ садовъ и т. п. Но когда и какими глазами все перечитать? Я мечтаю о томъ, что мнѣ дадутъ годовой отпускъ съ жалованьемъ. Тогда у меня на примѣтѣ есть секретарь заграницею. Съ нимъ пошло бы дѣло плавно. Между тѣмъ и самыя книги должны доставить мнѣ какія нибудь средства для своего продолженія. Такъ-то дурень думкою богатіе! Та добре, а то понурывся бъ у землю voluti pecora. Твой П. Кулішъ.

67.

18 4 окт. 30.

Завтра отправляю тебѣ 1-й томъ Исторіи возсоединенія Руси. 2-й не такъ-то скоро напечатается: еще только половина набрана. Лишь только получишь тючокъ съ почты, тотчасъ садись на извощика и вези Драгоманову, гдѣ раскупоришь и найдешь экземпляръ съ надписью. Всѣ 5 экземпляровъ оставишь у Драгоманова, а твой 6-й.

Твой Кулишъ.

68.

28 Ноября 1874.

Второй томъ вышелъ въ 30 листовъ; все было уже готово; оставалось только класть въ машину; вдругъ оказывается, что бумаги не хватаетъ! Шиты-билыты—завтра велыкдень! Еслибъ они дураки дали мнѣ знать, я тотчасъ бы нашелъ имъ бумагу. Нѣтъ, они заказали, и цѣлая недѣля изъ-за этого пропала! Но за то я пишу и уже печатаю другую: Хуторская философія и удаленная отъ свѣта поэзія, книга, написанная въ видѣ отдыха, послѣ 2-го тома Ист. Возс. Руси.

Се буде церберу глевтякъ, котримъ винъ подавыться. Се буде кистка въ горлн всимъ горлатымъ воронамъ и ротатымъ вовкамъ. А говоря по просту, это обзоръ россійской литературы, какова она есть, и указаніе, какой она могла бы быть, колыбъ була така розумна, якъ нашъ дякъ Якимъ Слипый. Дяка сего выставляю я Аристотелемъ и Софокломъ безграмотнаго прихода, въ которомъ бездна поэзіи, среди глу-

бокаго невѣжества. Оставалось только брать растенія и цвѣты въ дикомъ видѣ и пересаживать на садовую почву. Нѣтъ, свиней напустили, скотъ и сами по-скотски рвали, а не выпалывали—все погибло, а то, что они создали, ни къ чорту не годится. Таковъ смыслъ книги. Тутъ сягаю ажъ до Адама, основателя перваго хутора, и указываю на великія революціи въ нравственномъ мірѣ—все изъ-за того, що дурни не тямлять, яке хуторъ добро. Ну, да всего не можна росказаты. Ось прочитаешь изъ твоимъ Юліаномъ, дакъ побачишъ, що божевильная голова иноди скаже що небудь и до ладу. Справди се отдыхъ и забавка. Любо мени буде дывытысь на бисexecнованье всихъ ученыхъ и премудрыхъ. Дѣло въ томъ, чтобъ заставить ихъ разинуть ротъ и закаркать на мою книгу: всякое карканье даетъ новую тему, и русскій умъ выйдетъ изъ летаргіи, въ какой онъ находится.

Прошусь въ отпускъ на 11 мѣсяцевъ съ жалованьемъ. Могутъ и отказать. Тогда и буду знать, что дѣлать. Тогда брошу службу и буду писать въ хуторѣ. Но за меня хлопочутъ. А это дѣлается исподоволь, и я прошенія не подаю до увѣдомленія.

Не знаю ще, чи до дому зайиду, чи пани сюды прыйде, такъ поіемось заграныцю. Твій П. Кулишъ.

69.

27 декабря 1874.

Уже хуторяне гукають до мене: «здоровъ, здоровъ бувъ, Кишко Самойло, гетьмане запорозьскій! Не загинувъ еси у неволи,—не загинешъ зъ намы козакамы по воли!» Ухъ! тай утомывся жъздоро во! И нестолько 1-мъ и другимъ томомъ Исторіи, не стильки йиздою видъ столыци до Плиски, якъ перейиздомъ одъ Плиски до Матронивки! Тутъ я трохи не розбывъ головы объ груду (и 3-го тому не було бъ тогди на свити). Трохи не поломавъ соби рукъ, перекинувшись середъ Плиски, трохи не зробывся слипымъ на одно око, бо погонычъ пугою хвыськавъ коней по спынахъ, а мене по очахъ. Се страшенный перейиздъ! Наполеону знидъ Москвы не такъ страшно було перейты до Парижа, якъ мени видъ Плиски до Матронивки. И оце оддыхаю четвертый день и дывуюсь, якъ мене Богъ спасавъ видъ такои велычезнои биды! Та зъ велыкои втомы и зъ велыкои тревоги, не здужаю бильшъ и до тебе пысаты, а тилько витаю тебе зъ усіею тво-

ею семъею! Певно вже маешъ другій томъ моеи історіи, бо я ёго давно тоби пославъ.

Колыбъ схотивъ до мене прыйихаты, то знай, що мени любо було-бъ тебе витаты; теперъ вже й груды не мае и добра дорога видъ Плиски. Якъ прыйидешъ у Плиски, то допевняйся, де Корній Искра, и звелы ему везты себе у Матронивку, неторговавшись. Я ему плачу, що схочу дома. Якъ же винъ погнавсь куды (бо разъ у разъ возыть людей зъ вокзала), тогди вже наймай або въ жида на станціи тутъ же, або въ чоловика якого коней до Матронивки и не давай дороже якъ $1^1/_2$ рубля. Та думаю, що здеруть 2 р., а я було йизжу и за рубляку. Цины ростуть страшенно. Ты имъ казатымешъ, що зимою не черезъ Борзну (24 версты), а гаями черезъ Свирьского хутиръ (15 верстъ), то може повезуть за 1 р. 50 к.

Пани тоби гарненько вклоняетьця. Твій П. Кулишъ.

70.

28 Января (годъ неизвѣстенъ) 75?

Тебѣ пріятно будетъ узнать, что я наконецъ рѣшился не ѣхать въ Петербургъ. Цуръ ёму! Тамъ жизнь трудная, удаленная отъ природы, относительно здоровья рискованная. Живой оселъ лучше мертваго льва, гласитъ европейская пословица. Добьюсь ли я чего въ Петербургѣ и какою цѣною добьюсь—неизвѣстно, а тутъ зимою вволю начитаешься, а лѣтомъ налюбуешься зеленью, цвѣтами и животными. Людей нѣтъ—это правда, но много ли ихъ въ столицѣ? И такъ, жди меня съ твоимъ скарбомъ. Посовѣтуемся, какъ его пристроить. Будь здоровъ со всѣми дѣтьми твоими, которыхъ столь мужественно хранишь отъ всѣхъ золъ.

Якъ итымешъ мымо, то купы для меня кныгу: Краткое наставленіе къ разведенію лѣсныхъ деревьевъ и лѣсовъ и къ правильному пользованію лѣсами. Изданіе Кіевск. народн. Календаря; 50 стр. Хоть и глупая книжонка, а ты таки купи, да разузнай, гдѣ въ Кіевѣ продаются сѣмена древесныя? Твой Кулишъ.

71.

1875 февр. 28 Х. Мотроновка.

Ты дальше ушелъ отъ Царя Давида, чѣмъ я отъ Тараса Шевченка, и меня это не безпокоитъ ни мало. Доброжелательство твое

къ автору Исторіи В. Р. я цѣню, но почему истинѣ не быть на моей сторонѣ? Не потому ли, что я одинъ противъ многихъ? Когда же это бывало, чтобъ истина въ своемъ откровеніи избирала большинство? Общественное мнѣніе устанавливается въ средѣ умовъ пассивныхъ. Оно для меня не можетъ быть законнымъ. Ты самъ, вступаясь за Шевченка и Костомарова, служишь только отголоскомъ установленнаго для умственныхъ лѣнтяевъ догмата. Еслибы двѣ личности, обезпечившія нашу будущность, Петръ и Екатерина, были *каты* и *людоъды,* какъ опредѣлилъ ихъ Шевченко, то намъ осталось бы только безобразничать. А читалъ ли ты его поэму «Марія»? Она написана по возвращеніи Ш-ка изъ ссылки, въ руководство, какъ видно, народу, который отъ лица письменниковъ признаетъ его лучшимъ выраженіемъ своего ума и сердца. Что касается до Костомарова, то его непониманіе нашей исторіи всего больше зависитъ отъ того, что онъ иноплеменникъ. «Во всякой народной исторіи, писанной иноземцемъ (говоритъ Прескотъ), есть непремѣнно односторонность и непониманіе. Одноземство даетъ такія силы, которыхъ никакой геній замѣнить не можетъ». Костомаровъ загнувъ изъ нашого хворосту намъ карлючку, а мы его празднословіе назвали исторіею нашего народа. На безлюдьи и Хома дворянинъ. Кто новаго не видалъ, тотъ и ветоши радъ. «Плѣняйся—тебѣ наслажденье», говоритъ Жуковскій. Есть люди, довольствующіеся еще болѣе жалкими издѣліями грамотности. Естественно мой протестъ имъ досаденъ, но и баба *сердилась на торгъ*, а торгъ про те й *байдуже*. Развѣ я втечечіе 12 лѣтъ справился хоть одинъ разъ, какъ у насъ думаютъ о прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ? Передъ Кіевскій ареопагъ я не намѣренъ являться съ образомъ моихъ мыслей, и только случайно, противъ собственной воли, узнаю, что скажутъ о моей книгѣ печатно. Я ничего періодическаго не читаю. Что могутъ о нёй сказать люди, для которыхъ и Костомаровъ—историкъ? Вы хотите, что бы было *двъ* истины, а она только на одной сторонѣ. Если моя книга неправда, зачѣмъ ее читають? Если же я не ошибся въ изображеніи моего народа, то зачѣмъ читать его карикатурную исторію? Ты хочешь. совмѣстить несовмѣстимое—иноплеменника съ туземцемъ. Это, братъ, потому, что всѣ вы—до извѣстной степени—иноплеменники. Кто могъ сдѣлать васъ родными чадами земли своей? Не духовная-ли академія и университетъ? Да это питомники чужеземства, и притомъ самаго плохого! Я можетъ быть пишу для одного себя? Положимъ, лучше думать правду въ одиночку, чѣмъ ораторствовать

ствовать передъ публикой, потерявши чутье къ своему прошедшему и настоящему. Мы слишкомъ долго шли различными путями, и потому публика моя сдѣлалась мнѣ чужою.

Заграницу я не поѣду. Нельзя оставить Ал. Мих., а ей нельзя оставить все, что она имѣетъ и безъ чего она, по моей смерти, будетъ нищею. «Помни каждый ближайшій долгъ свой». А мой ближайшій долгъ развѣ состоитъ въ авторствѣ? Да и денегъ у насъ для поѣздки нѣтъ. Я взялъ отпускъ на четыре мѣсяца безъ жалованья. Отпускъ обѣщали мнѣ продлить на безконечное время.

Все таки лучше состоять подъ вѣдомствомъ министерства, чѣмъ губернатора. Только потому и не выхожу въ отставку. А не пишу къ тебѣ потому, что вся моя жизнь состоитъ изъ чтенія. Такъ о чемъ писать? Слава Богу, что я могу, ничѣмъ не занимаясь обязательно, читать и читать; этого удовольствія я не испытывалъ давно, находясь постоянно въ борьбѣ съ житейскими мелочами, которыя наконецъ научился отъ себя удалять. Твой Кулишъ.

72.

Безъ числа и года.

Интересно было бы развѣдать, къ кому перешли бумаги Иванишева. Онъ хвалился будто бы имѣетъ письменные матеріалы о Петрѣ Могилѣ. Хотя у него была скверная привычка лгать, но, можетъ быть, на сей разъ онъ говорилъ правду. Нельзя ли воспользоваться сими матеріалами? не позволятъ ли мнѣ его наслѣдники просмотрѣть его рукописи? Въ такомъ случаѣ я бы пріѣхалъ дня на полтора въ Кіевъ.

Жаль, что ты ослабѣваешь здоровьемъ. Міръ довольно пустъ: въ немъ хорошихъ людей никакъ не больше Содома и Гоморы, да и тѣ хвораютъ; а дикія силы между тѣмъ скотствуютъ въ человѣческомъ образѣ. Если тебя занимаетъ моя работа, столь непохожая на то, чего отъ меня домогаются, то позаймись просмотромъ Епархіальныхъ извѣстій, Православнаго собесѣдника и т. п. Въ нихъ помѣщаются характеристическія извѣстія и документы по церковно-экономическимъ и книжнымъ вопросамъ. Заведи записной листокъ и отмѣчай въ немъ томъ, годъ, страницы, а я все это пересмотрю заразомъ. Но если это для тебя почему нибудь неудобно, то знай, что я работаю спустя рукава и съ бо́льшимъ удовольствіемъ пере-

читываю Канта, нежели родную дребедень, изъ которой надобно извлечь живое начало. Напишу ли я что нибудь еще, или не напишу,—объ этомъ я такъ думаю, какъ о будущихъ прогулкахъ по лѣсу. Нечитанныхъ книгъ у меня горы, и мнѣ гораздо пріятнѣе быть читателемъ умныхъ людей, нежели писателемъ для недоумковъ. Посему, еслибы ты возревновалъ ревностію по исторической реальности, то дѣлай это въ собственныхъ моральныхъ интересахъ.

73.

1875 Апрѣль 29.

Такъ я таки продолжаю занимать твое воображеніе! Да, хуторъ хорошее дѣло въ эту пору года. Но никогда еще такъ мало не отдавалъ я времени занятіямъ хозяйствомъ. Встаемъ рано—въ 4 и въ 5 часовъ, но просыпаемся непремѣнно въ 4. Ал. М-на. встаетъ раньше меня и отдаетъ свои царственныя повелѣнія. Я же, въ качествѣ туриста, лѣнясь читаю что нибудь въ постелѣ, доколѣ не сдѣлается совѣстно, что кофе меня ждетъ, послѣ кофе запираюсь въ своей комнатѣ и, подобно Щербаку, нѣсколько часовъ изумляю міръ моимъ глубокомысліемъ, которое однакожъ прерываю по временамъ или для того, чтобы накормить журавля, или для того, чтобы освободиться отъ кошачьихъ просьбъ, или вспомню вдругъ, что цуцыкъ Бовкунъ еще не позавтракалъ, а иной разъ, видя, что Ал. Мих. хлопочетъ въ саду, соблазняюсь сіяніемъ солнца и соловьиными пѣснями, которыя лучше всяческаго глубокомыслія. Теперь мы живемъ только вдвоемъ. И братъ Ал. Мих. удалился изъ сихъ странъ въ полтавскую палестину. Пріѣхалъ бы ты подышать нашимъ воздухомъ и полѣниться вмѣстѣ со мною. Но это тебѣ будетъ не дешево стоить, потому что на людей теперь у насъ barzo ciężko, и мы едва-едва имѣемъ возможность пустынножительствовать; такъ высылать на встрѣчу тебѣ лошадей не берусь. Не мѣшало бы намъ быть съ тобою побогаче. Но, какъ я рѣшительно ни шагу изъ хутора, то мнѣ такая жизнь кажется богатою. Читать есть что, писать есть о чемъ. Якого-жъ ище хрина треба? Будь у меня деньги, я бы разгуливалъ по всему свѣту и конечно ничего не дѣлалъ бы, а теперь, вмѣсто внѣшняго міра, я вознаграждаю себя внутреннимъ міровоззрѣніемъ, и мнѣ такъ же хорошо на свѣтѣ, какъ и любой козявкѣ.

Ты правду сказалъ, что старость—хорошее дѣло. Бюфонъ (въ статьѣ l' homme) сказалъ это еще лучше тебя. Я читалъ это назадъ

тому лѣтъ 30, но и тогда соглашался съ нимъ. Старость есть освобожденіе отъ всяческаго неразумія и наслажденіе многимъ недоступнымъ для молодости. Бувай здоровъ! Твой П. Кулишъ.

Александра Михайловна тебѣ усердно кланяется.

P. S. Если бы въ Россіи была возможна статистика, то она бы доказала, что въ нашихъ домахъ больше гибнетъ людей, нежели на желѣзныхъ дорогахъ. Какъ посмотришь на нашъ народъ, какъ онъ исполняетъ свои обязанности, то такъ и видишь, что смерть гоняется за нами съ обухомъ. Это только игра случая, что я живъ среди своихъ владѣній. Сегодня могутъ убить меня кони, завтра рогатая скотина, послѣзавтра дерево въ лѣсу, тамъ огонь, а тамъ вода, а тамъ ядъ (мѣдная ступка съ позеленѣвшею солью, закисшая кастрюля и т. п., за чѣмъ вѣчно смотришь и вѣчно удивляешься, что еще живъ). Желѣзная дорога для меня—путь къ безопасной жизни, которая наиболѣе возможна среди цивилизаціи. Переходъ отъ твоего дома до вокзала для меня былъ опаснѣе всѣхъ моихъ разъѣздовъ по желѣзнымъ дорогамъ. Но довольно утомлять твои глаза!

Заграницу не поѣду до іюля, но не потому, что тебѣ мудрено снабдить меня деньгами, а потому, что мой докторантъ теперь занятъ по уши экзаменами, которые окончатся только въ іюлѣ. Тогда мнѣ нужно съ нимъ видѣться.

По сій мови та бувайте здорови. Твой Кулишъ.

Ты вельми добре описавъ городянъ, що бигають увесьденечки повысолоплювавши язики. Нема въ свити надъ хуторъ! Устанешъ—никуды не хапаесся, выйдешъ у садъ—соловьи тоби щебечуть. До кофе подадуть тоби слывокъ не такихъ, якъ оттамъ яка злыденна душа продасть ледачій наймычци. Визьмешъ, прочитешъ кныжку, або самъ перомъ пыснешъ про старовыну. Прыйде до тебе чоловикъ якій,—винъ говорыть розумно, не такъ, якъ городяне: або про дубыну, або про осычину, чи про сино, и ничого не скаже такъ не до речи, якъ отти пысьменныи люде, що абы слово, то вже й дурныця. Попысавши, выйдешъ за ворота; тамъ утята съ гусьмы плавають, кахкають, кони пасуться, скотъ полягавъ на трави, мовъ намалеваный, а тутъ ратаи на волыкивъ гукають; а сонце жъ то, сонце! Що воно выробляе по тому молодому лысту, що мовъ зеленымъ серпанкомъ позапынавъ дерево!..

74.

19 іюня.

Спасыби за гроши, що поховавъ ѐси въ скарбныцяхъ. Колы не можна тоби прыйихаты буде и 28 іюня, якъ сподиваесся, то надишлешъ къ 1 іюля, а самому мини йихаты неможна, бо мушу йихаты въ Варшаву до В. Билозерскаго, щобъ завершить Матрониньску справу. Тогди жъ то й гроши мини буде треба, а теперъ на свои потребыны маю. Та що се ты мини за задачу задаешъ? Якъ я выйиду тоби на зустричъ, колы ты выйидешъ 27-го числа на ничъ, а въ Плисци будешъ на свитанню? Хочъ бы я й схотивъ передъ свитомъ йихаты въ Плиску, такъ кучеръ мій не схоче, бо теперъ наши люде стоять ривно съ пивночными американами у ривновази зъ панамы, а линощамы—выще всего свиту. Та й яки мы зъ тобой будемо, недоспавши ночи? Ни, мій голубе, колы хочешъ зробыты зъ своихъ одвидынъ утиху и для себе, и для мене, то скажи мени, на яку годыну мижъ ранкомъ и вечеромъ мушу я прыстыгнуть до тебе въ Плиску? Подывысь у кныжци, колы прыйде туда пойиздъ, тай напыши. Колыжъ тоби теперъ вельми николы, то я тебе й не сыловатыму.

Вже соловьи позамовкалы и розы осыпаются. Теперъ одна втиха—полуныци да суныци. Не знаю, чи вродыть малына. Вышни побыло въ цвиту морозомъ, такъ само, якъ яблуки и груши. Въ осени тилько золоте сонечко по гаяхъ та левадахъ веселытыме око. Городяныннови трудно нашого брата де въ чому зрозумиты. До Плиски 22 версты, отъ ты й думаешъ: «устане винъ рано, якъ ударыть 4 годына, та дви годыны буде въ дорози, о шостій годыни мы побачимось». А воно не такъ, ось якъ воно выйде: Зъ вечера скажу Грыцькови: «завтра, Грыцько, пойидемо въ Плиску, такъ щобъ на сходи сонця рушиты зъ дому». А Грыцько мени скаже: «Колыжъ я коней упораю?» «Порай колы хочешъ, а въ Плиску мусымо постыгнуть заряня».—Отъ Грыцько и заходытьця вранци коло коней. Нема въ мене стилько снаги, щобъ его прысылуваты до порядку въ стани. Кони въ ёго замазани, закаляни; зачне винъ ихъ обмываты та обчищаты, зачне збрую збираты, запрягаты, тай вылиземо зъ нымъ изъ воритъ хиба тогди, якъ добри люде снидають, а на яку годыну прыстыгнемо до тебе—сёго ни я, ни винъ не знаемо. Тымъ часомъ ты, не доспавши ночи,—яке вже тамъ спанне на зализныци?—нудытымешъ свитомъ у порожнёму поганéнькому вокзали, середь Плисецкои ривнявы и, позыраючи на годынныкъ, не знатымешъ на котрій годыни опочиты

очима. Азія! А я бажавъ бы, щобъ ты мене побачивъ зъ викна, добигаючи до Плисецькои станціи. Доволи нудьги и въ дорози черезъ наши пустыни та пустки. Нехай бы тебе не пыталы чужіи очи, що ты за панъ, а прывитало мое дружне око на бангофи. То колы хочешъ, то прыбувай у день. Тогди й мы зъ Грыцькомъ сякъ такъ вырядымось у далеку дорогу, ажъ за 22 версты, та й не спизнемося ни мынутою, видмирявши соби яку годыну на гаянне. Оце жъ пыши и сповисты, якъ воно мае буты? Твій П. Кулишъ.

75.

Зъ Варшави.

Ще не було такого чорта, щобъ злякавсь запорожець, а про те чортяки свое дило роблять. Прочитай, колы хочешъ 204 № Моск Вѣдом. Певно вже читавъ еси 250 и 251 №№ С. Петербур. Вѣдом., то й знаешъ, яку костомару заперъ я въ пельку газетнымъ вовкамъ. Теперъ читай № 263 тіеи жъ таки газеты. Клепле дурный X. дурному Каткову, нибы я подлажуюсь до ляхивъ.Добра се ознака, що воны зсунулысь зъ глузду, бо не второпають зъ якого боку мене рвануты. Е таки люде и въ Варшави, що рады бъ мене втопыты въ ложци воды. Катковъ ихъ апостолъ. Не маючи свого розума, споглядають на мене его очима; може й заподіють мини гуртомъ яке лыхо. Та зъ напасты, мовлявъ, не пропасты. Знайдемо й мы що робыты. А поки що, пысатыму проты Катнивськихъ та Аксакивськихъ каверзъ. Нехай добри люде навчаються правды хочъ по троху.

Мазюкевича твого не бачивъ, та по правди сказавши—мени по всякъ часъ николи, то й байдуже. А що кажешъ пойихало сюда багацько розумныхъ людей, то шкода праци! Ничогисенько не вдіють, поки таки люди нами орудують, що рады бъ Кулиша въ ложци втопыты. Позасплюють розумъ, у кого й е, або попсуются такъ, що й не пизнаешъ.

Що се тоби прывиджуетьця прoʼмое авторитетство середъ Москвы? Не знаешъ ты ія, пане брате! Тамъ правдою ничого не вдіешъ, тамъ правды бояцця.

Оце найкраще, якъ на добро чоловикови обертаты таку напасть, що одняты въ его частыну заробитку! хочъ бы мени впало сто тысячъ—и тогди думка моя не грошима бъ водылась, а тоби здається, що я клопочусь про тысячи карбованцивъ. Гай, гай! Давно бъ уже

трещала въ мене видъ ныхъ скрыня, та не грошей чоловикъ добываетьця. Нехай такъ люде про мене думають—воно й гараздъ, а тоби не личить.

Справди Головацького въ васъ не розуміють. Колысь побачать, що воно е. Затуманено людямъ очи такъ, що й ты багацько де чого не добачаешъ. Не тилько *винъ* напечатавъ, та ще напечатавъ зъ лукавои науки, побувавши въ Москви. Се дило широке, а не таке, якъ тамъ у васъ миркують. Яка тутъ гордость, брате! тутъ чоловикъ на сылу дыше середъ ворожого натовку, а тоби здаецця, що винъ пануе, а що про дорогу речешъ, то бывъ бы я падлюка, колыбъ зъ неи звернувъ, хочъ бы для одного такого якъ Аксаковъ, або Катковъ. Се ты ничого не знаешъ, тымъ раешъ мени «уступаты другимъ дорогу». Мы стоимо въ Термопилахъ. Проклята маты, що породыла такого уступателя! Нехай насъ растопчуть и возвистять мырови, що восторжествовалы надъ велыкимъ зломъ: оце буде наша найкраща слава, колы не доведецця намъ самимъ растоптаты безголовыхъ тыхъ фанатикивъ, що всимъ руськимъ мыромъ заколотылы и всимы способамы добро и правду зъ людськои души выкоренюють. Ничогисенько въ васъ не тямлять. Сыдять у васъ люде во тьмѣ и сѣни смертнѣй.

Зачѣмъ давать поводъ къ этимъ выходкамъ?—На що серцемъ и розумомъ житы? Та тежъ на свити нема ничого гиршого, якъ мовчки дывытысь на той соромъ, що нымъ окрыва Катковъ Руську землю! Колыбъ сталась Русь такою, якою винъ іи малюе, то бувъ бы ій капутъ, бо булабъ се брехня видъ моря до моря и никчемнисть видъ сходу до заходу сонця.

76.

6 паздерника нъ Варшави.

На вопросъ твой: когда надѣюсь побывать въ Матроновкѣ, отвѣтствую:

Первый томъ Исторіи почти что набранъ весь, а еще нужно набирать 2-й. Впрочемъ, типографія приняла чрезвычайныя мѣры. Надѣюсь выѣхать послѣ 1 ноября съ тѣмъ, чтобы изготовить 3-й томъ, которымъ сягону до Хмельниччины, а для Хмельниччины мушу съѣздить: а) въ Варшаву и Познань, б) въ Краковъ, в) во Львовъ, г) въ Ольмюцъ, д) въ Вѣну и е) въ Венецію, а пожалуй и еще въ

нѣкоторые извѣстные своими библіотеками города. Ты думаешъ себѣ: охота жъ полупьянаго козака ставить на такой пьедесталъ? А я хлопочу о томъ, что бы стыдно было ставить ему памятникъ. (Про се мовчи). Уже князь Острожскій покотывсь такъ, якъ той Перунъ Кіевскій, и никогда не выдыбаетъ изъ Леты. (И про се мовчи). За то (оттутъ почухаешъ голову)! Къ Іову Борецкому подхожу подъ благословеніе, а до мищанъ иду въ гости, плюнувши на вельможескія и панскія бесѣды. (Мовчи, брате й про се). А що вже Хмельницкому достанеться такъ такъ, якъ тому кабану, що внадытця въ жито! Тутъ може (выбачай що такъ думаю) ты скажешъ, такъ якъ одынъ пипъ казавъ мини въ Турещини: (пипъ здывовався, що писля Карамзина ще можна пысаты про те жъ само) «Якъ же се?» А три томи про Богдана Хмельницкого куды динешъ?—У пичъ укину. Ще здавна казавъ я Костомарову, що не такъ бы треба пысаты, такъ де жъ бакъ! Уси люде хвалять, а ты одынъ гудышъ! ще шалопай Максимовичъ пидмовлявъ мене: «Чомъ не напышете критики?» На якого вона ката здаєця? Критику, думаю соби, напышешъ и ты, небоже; а визьмы та змалюй самого гетьмана, тогди й побачишъ, куды твій пендзель дывытьця! та побачивши и підемъ у тіи богомазы, що каже: «ничаво-ста: для хахловъ и такой Богъ брядѣ». Оце жъ я й не пысавъ критики, а теперъ уже за однымъ заходомъ усе. Нехай люде дывлятьця, который патретъ кращій, чи той, що поставлено на покути, чи той, що въ порога? А гарно буде дывытысь на Хмельницького! Хочъ и въ порога стоятыме, то можна по при ёму де що намалюваты предывно! Самъ винъ ледащо, а кругъ ёго було де що й краще, що винъ умивъ тилько перваты (?). Оце жъ то для сего думаю швендяты по всихъ книготекахъ, чи не выдряпаю де чого небудь цикавого. А вже таки й накинувъ однимъ окомъ де що! Ну та то ще колы буде; а до весны мушу 3-го тома спорудыты; та на три тома буде Хмельныщины, та на три—до царыци Катерины и лядськои халепы. Такъ усимъ дивкамъ парнаськимъ, чи дельфійскимъ по кнызци на ралецъ и буде,—хочъ и Байронъ каже, що винъ не зважився разбуркаты потомленныхъ «Девятехъ», щобъ ральцюваты имъ своею надто простою, невысокоголосною писнею. Ну, я гарненько положу свои девять кныжокъ на (*не разобрано*). Якъ прокинутьця, то побачать, та зазырнуть, та може ще бильшого зададуть хропака! Твій П. Кулишъ.

77.

10 сентября (годъ неизвѣстенъ).

Здоровъ, брате Иване! Отъ що зробы, спасыби тоби. Пійды до Драгомана и спытай:

а) Чи осягъ винъ лыстъ про те, якъ я хвалю одинъ фельетонъ у Петерб. Вѣдомост.?

б) Чи осягъ пислЯ того ще два листы про кныжки де що?

в) Чи правда, що трушено его?

г) Що тамъ за террорь такій учиныли люде, которыхъ такъ хвалено у фельетони? и д) Хто скомпанувавъ на прочудъ гарный фельет? Хочъ тамъ якесь терророве повитре грисуе, та, бувши чоловикомъ старымъ, тоби мусыть буты байдуже. Оце жъ роспытай про его новесеньку странычку зъ исторіи просвищенія руського та й мени перекинь, що воно й якъ и звидкиля така халепа сталась?

АПОЛЛОНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ СКАЛЬКОВСКІЙ.

(По поводу девяностолѣтія его жизни).

Перваго января 1898 г. исполнилось девяносто лѣтъ со времени рожденія мастистаго историка Запорожья и Новороссіи Аполлона Александровича Скальковскаго; это такой возрастъ, котораго достигаютъ немногіе, и мы, привѣтствуя исполненнаго долголѣтіемъ дней Аполлона Александровича, считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь главныя черты его жизни и перечень важнѣйшихъ его сочиненій. Этотъ перечень наглядно покажетъ объемъ учено-литературной дѣятельности нашего историка, дающей ему право на глубокое уваженіе всѣхъ образованныхъ людей, интересующихся судьбами своей родины.

„А. А. Скальковскій, сынъ помѣщика Кіевской губерніи, родился 1-го января 1808 г., въ Житомірѣ, гдѣ и окончилъ гимназію; затѣмъ, слушалъ недолго медицину въ Виленскомъ университетѣ, а затѣмъ перешелъ на юридическій факультетъ въ Московскій университетъ, гдѣ и окончилъ курсъ, со степенью кандидата, въ 1828 году. Еще будучи студентомъ, А. А. посѣщалъ извѣстный салонъ княгини Зин. Волконской и, находясь въ дружескихъ отношеніяхъ къ жившему тогда въ Москвѣ знаменитому польскому поэту Мицкевичу, началъ свою литературную дѣятельность въ московскихъ журналахъ.

„По окончаніи курса, А. А. отправился на службу въ Одессу, въ канцелярію генералъ-губернатора, тогда графа, а позже свѣт-

лѣйшаго князя М. С. Воронцова. Гр. Воронцовъ старался окружать себя талантливыми сотрудниками и создать въ Одессѣ учено-литературный центръ. По его указанію А. А. занялся мѣстною археологіей и исторіей, а затѣмъ и статистикой, и былъ однимъ изъ учредителей Одесскаго общества исторіи и древностей и общества сельскаго хозяйства Южной Россіи.

„А. А. совершилъ множество поѣздокъ по Новороссійскому краю для разбора и изученія разныхъ архивовъ. Между прочимъ, въ Екатеринославской казенной палатѣ онъ отыскалъ, въ массѣ гнившихъ бумагъ, драгоцѣнный архивъ Запорожскаго войска. Плодомъ этихъ изысканій была первая работа—*Исторія города Одессы*, потомъ—*Хронологическое обозрѣніе исторіи Новороссійскаго края* (2 ч.) и *Исторія Новой Сѣчи или Послѣдняго коша Запорожскаго* (3 ч.). Разбирая вмѣстѣ съ извѣстными польскими писателями Крашевскимъ и Мих. Грабовскимъ архивы, конфискованные у магнатовъ, принимавшихъ участіе въ мятежѣ 1831 г., А. А. собралъ матеріалъ для своей книги: *Наѣзды Гайдамаковъ на Западную Украйну*.

„Посвятивъ себя потомъ, по званію редактора и директора главнаго статистическаго комитета Новороссійскаго края, по преимуществу статистикѣ, А. А. издалъ въ двухъ томахъ *Опытъ статистическаго описанія Новороссійскаго края*, увѣнчанный демидовской преміей. Третій томъ этого сочиненія изданъ не былъ вслѣдствіе отсутствія казеннаго ассигнованія по случаю Крымской войны, но почти всѣ его главы въ отдѣльности были напечатаны въ Журн. м-ва вн. дѣлъ. Въ этомъ журналѣ, а равно въ другихъ повременныхъ изданіяхъ 30—50-хъ год., разсѣяно множество статей А—на А—ча по вопросамъ исторіи и статистики Южной Россіи. Одно перечисленіе этихъ трудовъ, изъ которыхъ нѣкоторые (*Болгарскія Колоніи*, *Ростовъ на Дону и друг.*) вышли потомъ отдѣльными книгами, заняло бы многія страницы. Во время крымской войны А—нъ А—чъ сдѣлался публицистомъ, и политическія письма его въ *Сѣверной Пчелѣ* и *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* обращали на себя вниманіе.

„А. А. Скальковскій не былъ чуждъ и изящной литературы. Изданныя имъ въ 40-хъ г. романы во вкусѣ Вальтеръ-Скотта,

Мамай, *Братья-искупители*, *Кагальничанка* и *Хрустальная балка*—разсказывають исторію Новороссійскаго края и содержать много любопытныхъ свѣдѣній изъ жизни XVIII столѣтія, почерпнутыхъ изъ архивовъ и разсказовъ современниковъ, которыхъ авторъ въ молодости засталъ еще въ живыхъ.

„Помимо своей учено-литературной дѣятельности, А. А. принесъ огромную пользу краю, организовавъ въ Одессѣ архивъ министерства внутреннихъ дѣлъ, которымъ и завѣдуетъ до сихъ поръ. Прослуживъ въ Новороссіи семьдесятъ лѣтъ, онъ самъ былъ живымъ архивомъ для всѣхъ, кто въ Одессѣ нуждался въ какихъ либо справкахъ по мѣстной исторіи и статистикѣ. А—нъ А—чъ былъ женатъ на дочери Степана Живковича, извѣстнаго дѣятеля по освобожденію Сербіи отъ турецкаго владычества, бывшаго секретаря Георгія Чернаго, а послѣ смерти послѣдняго, нашедшаго пріютъ въ Россіи“ [1]).

Учено-литературную свою дѣятельность А. А. Скальковскій началъ книгою—*Хронологическое обозрѣніе исторіи Новороссійскаго края*, первая часть котораго вышла въ Одессѣ въ 1835 году. Въ предисловіи къ этой книгѣ авторъ подробно описалъ первую свою археографическую поѣздку по Новороссіи, причемъ сообщилъ любопытныя свѣдѣнія о состояніи осмотрѣнныхъ имъ архивовъ. Въ виду рѣдкости названной книги мы приводимъ здѣсь часть этого предисловія.

„14 числа мая 1835 года оставилъ я Одессу, не зная еще навѣрно куда направить свои шаги; но первыя попытки, сдѣланныя мною въ Новомиргородѣ, пограничномъ шанцѣ и штабъ-квартирѣ Сербскаго гусарскаго Хорвата полка (1754), доказали что лучше всего объѣздъ мой произвести по хронологическому порядку. Я разумѣю подъ симъ заглавіемъ время, моментъ или порядокъ времени, какъ на сцену всеобщей русской исторіи, области и города Новороссійскія выходили.

На такомъ основаніи я обозрѣлъ Новомиргородъ, Новоархангельскъ (съ окрестными ротами и остатками крѣпостей и

---

[1]) Приведенныя здѣсь свѣдѣнія получены нами отъ К. А. Скальковскаго, которому и приносимъ искреннюю благодарность за его любезный отвѣтъ на запросъ редакціи.

шанцевъ по Синюхѣ и Виси), Ольвіополъ (т. е. Орликъ) или Екатерининскій шанецъ (пограничную крѣпость и таможню), крѣпость св. Елисаветы, или Елисаветградъ (съ нѣкоторыми бывшими гусарскими и пикинерными ротами или селами и раскольничьими округами—Злынкою, Клинцами и проч.); Александрію (бывшую роту Бече или Бешку 2-ю), колонію старообрядцевъ, а равно Крыловъ и Крюковъ, древнія козачьи усадьбы и послѣдніе шанцы Новосербскаго поселенія на границѣ Полтавскаго и Миргородскаго малороссійскихъ полковъ. У Крюкова Днѣпръ начинаетъ вторую часть поселенія въ степи, т. е. Украинское или ландмилицейское на линіи, до 1750 года заведенное, и Славяносербію; а потому я переѣхалъ границу Екатеринославской губерніи и чрезъ Запорожскія села: Романьково и Сухачевку (т. е. Верхнеднѣпровскъ), доѣхалъ до Екатеринослава II-го на Днѣпрѣ. Отсюда я пустился за Днѣпръ, въ Новомосковскъ (т. е. Новоселицу, Старо-самарскій ретраншаментъ, или Екатеринославъ I-й на Самарѣ); здѣсь въ земледѣльческомъ классѣ народа я нашелъ преданія и обычаи съ 1775 года, рядомъ съ успѣхами домоводства и земледѣлія, введеннаго иностранными колонистами.

Слѣдовало пуститься въ глубь Славяно-сербскаго поселенія до рѣкъ Лугани и Сѣвернаго Донца и дойти до Линіи, сосѣдней съ бывшими Слободскими полками; но въ Павлоградѣ узналъ я офиціальнымъ образомъ, что дѣла обѣихъ линій, старой Украинской и Днѣпровской, переданы первоначально Военной коллегіи, а послѣ начальству военно-кавалерійскаго поселенія. Часть малая сохранилась въ крѣпости св. Димитрія на Дону. Екатеринославское губернское начальство извѣстило меня, что дѣла Новосербской канцеляріи и Славяносербской коммиссіи хранились когда-то (между 1763 и 1770, т. е. по упраздненіи обѣихъ областей), въ крѣпости Бѣлевской, на Линіи и въ Бахмутѣ, но что теперь ихъ тамъ уже нѣтъ больше. Тоже самое я узналъ о Славяносербскѣ (бывшемъ Донецкѣ).

Такимъ образомъ надобно было довольствоваться Екатеринославскими губернскими архивами, и тутъ, поистинѣ, былъ главный источникъ всѣхъ собранныхъ мною свѣдѣній для пер-

выхъ двухъ эпохъ исторіи Новороссійской. Здѣсь соединены архивы дѣлъ: бывшихъ Новороссійской и Азовской губернскихъ канцелярій, съ 1764 по 1784, Екатеринославскаго намѣстничества съ 1784 по 1796, второй Новороссійской губерніи, съ 1797 по 1802, и Екатеринославской губерніи настоящей. Кромѣ сего, здѣсь находятся архивы генералъ-губернаторскіе: Воейкова, Потемкина, Зубова и др., межевые, дворянскіе и много другихъ. Но дѣлъ первоначальныхъ, касающихся временъ съ 1750 по 1763 годъ, именно самыхъ желанныхъ, ибо они, касаясь первоначальныхъ дней края, отличались бы новостью и оригинальностью, нигдѣ отыскать нельзя было. Они или погибли въ безчисленныхъ пожарахъ, разрушавшихъ такъ часто города и села Новороссійскія или—переданы въ такія руки и архивы, куда уже никто, кромѣ посвященныхъ, не можетъ отыскать себѣ дороги. Все, что удалось узнать о годахъ съ 1751 по 1764 годъ, получено мною изъ архива Екатеринославскаго архіепископа Гавріила, подавшаго мнѣ доброжелательную руку помощи въ столь затруднительномъ положеніи. Но это было бы слишкомъ мало, если бы въ Полномъ Собраніи Законовъ не были помѣщены главнѣйшіе документы, до первоначальнаго заселенія Новороссійскаго края относящіеся. По сей причинѣ вся почти первая эпоха, кромѣ мѣстныхъ преданій, основана на XIII, XIV и друг. томахъ упомянутаго собранія. Изъ Екатеринославля я ѣздилъ вдоль пороговъ Днѣпровскихъ, для осмотра крѣпости Владислава IV въ Старо-Койдакахъ, Фалѣевскаго канала въ Ненасытенскомъ, Сѣчи на островѣ Хортицѣ и небольшой верфи, бывшей (въ 1794 г.) въ урочищѣ Кичкасы. Оттуда, черезъ Никополь (или Никитинскъ), одну изъ главныхъ паланокъ, или уѣздовъ, Сѣчи, по Днѣпру добрался до Бериславля (по-турецки Кизи-Керменъ), пограничнаго запорожскаго съ татарами и нѣкогда укрѣпленнаго города. Въ Никополѣ, Бериславлѣ и Каховкѣ, кромѣ небольшихъ, весьма сбивчивыхъ, но поэтическихъ преданій о Сѣчи Запорожской, я не получилъ другого рода документовъ; за то въ с. Знаменкѣ я отыскалъ нѣсколько свѣдѣній о первыхъ поселеніяхъ старообрядцевъ на берегахъ Днѣпра. Въ соборѣ Никопольскомъ хранятся многія драгоцѣнныя утвари (даже изъ церквей католиче-

скаго исповѣданія) изъ Сѣчеваго покровскаго собора вывезенныя послѣ 1775 года (въ томъ числѣ древній черепаховый аналой—подарокъ папъ) и доставшіяся запорожцамъ изъ Австріи и Польши.—Я спѣшилъ къ Херсону. Херсонъ съ 1779 года начинаетъ свою жизнь. Онъ отецъ флота Черноморскаго, громившаго турокъ съ 1788 по 1791 годъ, и одинъ изъ важныхъ свидѣтелей трудовъ и намѣреній Потемкина. Отсюда ходили русскіе для занятія ханства Крымскаго и сѣверныхъ береговъ Чернаго моря, сдѣлавшагося теперь русскимъ. Въ Херсонѣ архивы губернскіе не важны въ историческомъ смыслѣ, ибо не старѣе 1803 года, за то архивы военные въ крѣпости и адмиралтейскіе—неоцѣненнаго достоинства, ибо тамъ дѣйствія градостроителя Херсона—Ганнибала и Потемкина—основателя могущества русскаго на югѣ, изображены большими буквами и краснорѣчивыми памятниками.

Изъ Херсона чрезъ Алешки, вторую и пограничную Сѣчь Запорожскую (1731), выѣхалъ я въ Перекопскую степь, богатую соляными озерами, безмѣрными пастбищами, стадами верблюдовъ и воспоминаніями о безчисленныхъ битвахъ русскихъ, козачьихъ, польскихъ и ордынскихъ. Но эта степь, сколько мнѣ было извѣстно, мало имѣетъ памятниковъ, а еще менѣе документовъ. Я спѣшилъ въ нынѣшнюю столицу Крыма.

Симферополь, или Акъ-Мечеть, куда въ 1784 году перенесено главное управленіе русское надъ Крымомъ изъ Карасубазара, имѣетъ обширные и весьма любопытные архивы и много другихъ источниковъ полезныхъ для объясненія древней и новой исторіи полуострова: изъ нихъ я заимствовалъ все, что было возможно, о первыхъ годахъ владычества русскаго въ Тавридѣ. Остается Маріуполь и Нахичевань, греческіи и армянскія колоніи изъ Крыма вышедшія (1779). Николаевъ—послѣдствіе взятія Очакова, куда немедленно (съ 1789 г.) перенесена была часть кораблестроенія; Вознесенскъ—цѣль всѣхъ замысловъ Зубова и центръ бывшаго Бугскаго козачьяго войска и, наконецъ, Одесса (Хаджибей, Енидани) трофей и твореніе Дерибаса, коей архивы тѣмъ важны, что съ 1805 она сдѣлалась главнымъ го-

родомъ Новороссійскаго края, какъ уже съ 1803 была важнѣйшей торговой гаванью на Черномъ морѣ".

Засимъ приводимъ перечень сочиненій Аполлона Александровича.

1) 1836—1838. Хронологическое обозрѣніе исторіи Новороссійскаго края. 1730—1823. Часть I, съ 1730 по 1796. Одесса. XI+288 стр. Часть II, съ 1796 по 1823. Одесса. IV+349 стр. *Съ портрет. Де-Рибаса, съ рисунк. одеждъ гусарскихъ и пикинерскихъ полковъ* 1772 г. *и карт. Вознесенск. намѣстничества.*

2) 1837. Первое тридцатилѣтіе исторіи города Одессы. 1793—1823. Одесса. IV+296 стр. *Съ портр. Ришелье и планомъ Одессы* [1]).

3) *1839. Историко-статистическій опытъ о торговыхъ и промышленныхъ силахъ Одессы. Одесса [2]).

4) 1841. Исторія Новой Сѣчи или послѣдняго Коша Запорожскаго. Извлечено изъ собственнаго Запорожскаго архива. Одесса. VIII+437 стр.

5) 1844. Сношенія Запорожья съ Крымомъ. 1749. Матеріалы для исторіи Новороссійскаго края. Одесса. 26 стр. (*Отдѣльн. оттискъ изъ Одесск. Вѣстн. №№ 72 и 73*).

6) 1844. Некрасовцы, живущіе въ Бессарабіи. Ж. Мин. Вн. Д., ч. VIII, 61—81 стр.

7) 1845. Наѣзды гайдамакъ на Западную Украину въ XVIII столѣтіи. 1733—1768. Одесса. 230 стр. *Съ рисунк. гайдамака и планомъ Умани.*

---

[1]) Польскій писатель Мих. Грабовскій, давая подробный отчетъ объ этой книгѣ (*Atheneum, 1843 r., № 2, 118—150*), говоритъ, между прочимъ, что въ 1836 г. былъ напечатанъ въ Одессѣ, *Дневникъ путешествія гр. Воронцова по Черному морю* (*Dziennik drogi parostatku Piotr W. wzdłuż tauryckich i wschodnich brzegów Czarnego morza*), веденный А. А. С—кимъ, но другухъ свѣдѣній объ этой книгѣ мы не встрѣчали.

[2]) Звѣздочками означены книги, заглавія которыхъ взяты изъ каталоговъ. Остальныя—описаны по самымъ книгамъ.

8) 1846. Исторія Новой Сѣчи или послѣдняго Коша Запорожскаго. Изд. второе, исправленное и значительно умноженное. Три части. I—367, II—367 и III—239 стр.[1]).

9) 1846. Поѣздка по Запорожскимъ урочищамъ. Ж. Мин. Вн. Д., № 1, 34—77 стр.

10) 1847. Похороны козака. Русск. Инв., № 32. (*Разсказъ, заимствованный изъ акта 1772 г.*).

11) 1847. Ясырь. Тамъ же, №№ 82—83.

12) *1848. Болгарскія колоніи въ Бессарабіи и Новороссійскомъ краѣ. Одесса.

13) 1849—1850. Порубежники. Канва для романовъ. 4 выпуска. Одесса. I VIII+195 стр. *1. Кагальничанка. Повѣсть 1769—1770. 2 Хрустальная Балка. Повѣсть 1790 г.* II, VIII+200 стр. *Братья-Искупители. Повѣсть 1768 г.* III+202 стр. IV, 206 стр. *Мамай. Повѣсть 1758—1760 г.*[2]).

14) 1850. Опытъ Статистическаго Описанія Новороссійскаго края. 2 части. Одесса[3]). I, 364 стр.

---

[1]) Обстоятельная рецензія на первыя двѣ части этой книги, Крашевскаго, напечатана въ тогдашнемъ *Athenenm*'ѣ См. сборникъ Крашевскаго— *Okruszyny*, (Варшава 1856)т. I, стр. 109—178.

[2]) „Авторъ ихъ представляетъ здѣсь только „канву" для романовъ, сценою которыхъ избралъ онъ южную Россію. Подобно безсмертному шотландскому барду, и онъ „худѣйшій" заботился гораздо больше о точномъ описаніи мѣстности, обычаевъ, характеровъ и дѣятельности народовъ заселявшихъ нашъ край до введенія въ немъ русской гражданственности, нежели объ украшеніи разсказа своего плодомъ воображенія... Авторъ писалъ съ натуры. Его „осадчіе" и герои кагальницкіе, его козаки, ногайцы, „слобожане", караимы и чабаны,—такіе же и теперь, какіе были и въ половинѣ прошедшаго столѣтія. Сказаніе о „Братьяхъ-искупителяхъ" истинно во всѣхъ частяхъ. О Мамаѣ и Заблудѣ, Мигейскомъ „тайникѣ", о крѣпости св. Елизаветы и пр.—разсказъ основанъ на подлинныхъ документахъ..". (*Изъ „Предисловія"*).

[3]) Въ предисловіи къ I-й части авторъ указываетъ—въ какихъ журналахъ были напечатаны раньше отдѣльныя главы „Опыта"; тутъ же авторъ перечисляетъ и источники своей книги, при чемъ называются: Сарницкій, Длугошъ, Мих. Литвинъ... Авторъ поясняетъ, что эти „рѣдкія" сочиненія онъ получалъ отъ Крашевскаго, съ которымъ „не разъ объѣзжалъ уѣзды Новой Россіи". Свѣдѣніе о 2-й части „Опыта" взято изъ каталога.

15) 1854. Дунайцы. Эпизодъ изъ турецкой кампаніи 1769—1777. Временникъ Моск. Общ. Истор. и Древн., кн. XIX, 9—30 стр. (*Статья эта названа авторомъ „отрывкомъ изъ 4-й части Исторіи Новой Сѣчи*“).

16) 1855. Историческія замѣтки о пластунахъ. Русск. Инв. № 183.

17) 1885—1886. Исторія Новой Сѣчи или послѣдняго Коша Запорожскаго. На основаніи подлинныхъ документовъ Запорожскаго Сѣчевого архива. Удостоенная почетнаго отзыва императорской академіи наукъ. Изданіе третье. Одесса. Часть I—XIII+302, ч. II—358 стр., ч. III—330 стр. *Съ рисунк., планами и картой земель или вольностей Войска Запорожскаго Низоваго въ 1770-хъ годахъ.*

18) 1889. Адмиралъ Де-Рибасъ и завоеваніе Хаджибея. 1764—1797. Одесса. 38 стр. *Съ портретомъ Де-Рибаса, планомъ Одессы въ 1794 г. и видомъ Хаджибейскаго замка.*

Мы здѣсь не перечисляемъ статей А. А. С—аго, напечатанныхъ въ „Кіевск. Старинѣ“, начиная съ перваго года ея изданія (1882 г). и до 1891 г. включительно.

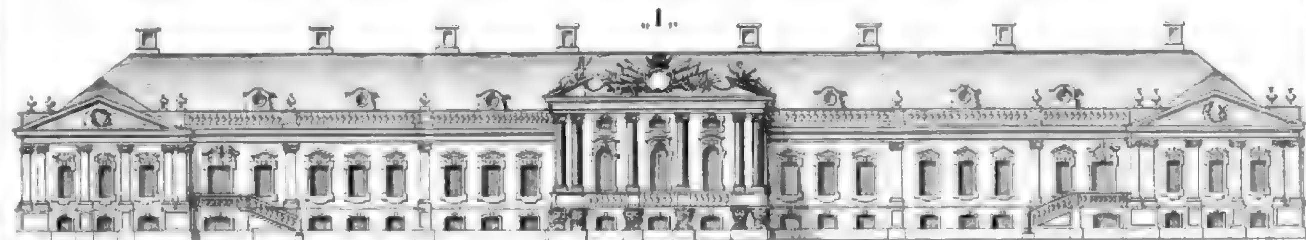
Очень можетъ быть, что нами пропущены нѣкоторыя отдѣльно изданыя книги А. А. Скальковскаго, и несомнѣнно, что въ этомъ перечнѣ нѣтъ множества статей А. А. С—аго, напечатанныхъ во время-оно въ *Одесскомъ Вѣстникѣ* и *Русскомъ Инвалидѣ*. Къ сожалѣнію, этихъ двухъ изданій въ Кіевѣ найти нельзя. Мы имѣли возможность указать лишь на двѣ статьи, напечатанныя въ Русск. Инв. 1847 г. Не указываемъ мы здѣсь, по той же причинѣ, и статей А. А. С—аго, напечатанныхъ въ *Запискахъ Общ. Сельск. Хоз. южн. Россіи*, но перечень его статей, напечатанныхъ въ этомъ изданіи можно найти въ *Системат. Указателѣ* къ „Запискамъ“ Бориневича, напечатанномъ въ 1895 г., въ Одессѣ. (*Отд. оттискъ изъ Зап. С. Хоз. Южн. Р.*).

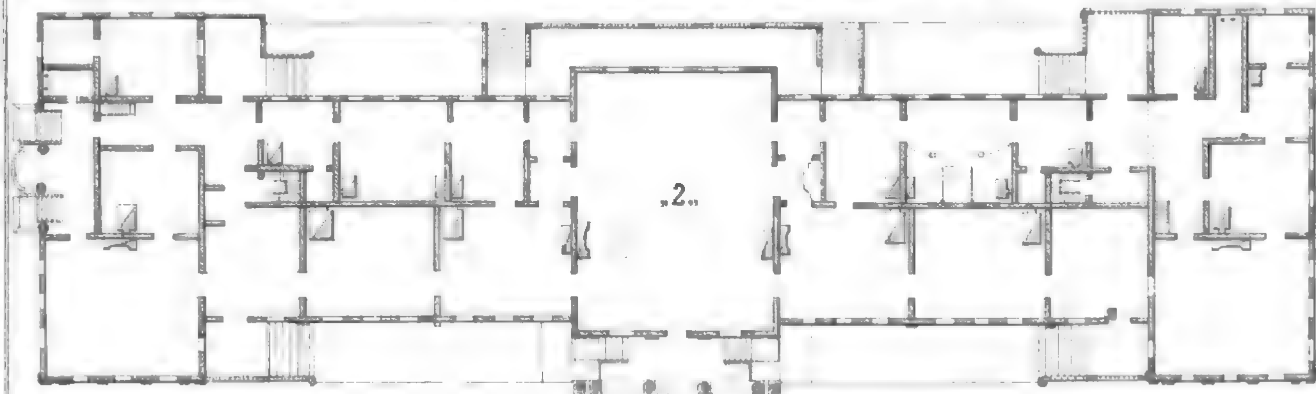
Послѣдняя историческаго содержанія статья А. А. С—аго изъ напечатанныхъ до настоящаго времени, появилась въ 1893 г., въ т. XVI-мъ *Записокъ Одесск. Общ. Истор. и Древн.*, подъ заглавіемъ: *Русское посольство къ хану Крымскому въ концѣ XVIII столѣтія*. (Стр. 267—271).

Во всякомъ случаѣ желательно было бы получить дополненія къ приведенному здѣсь списку—для составленія по возможности полной библіографіи маститаго историка Южной Россіи, которому вмѣстѣ съ симъ пожелаемъ продолжить списокъ его сочиненій новыми работами...

Выдъ Какъ Будутъ Гетманскіе Покои Подномеромъ „1" и „2" Значить Наплане.

1749 г

ГЕТМАНСКІЕ ДОМА ВЪ ГЛУХОВѢ.

(*Къ рисунку*).

Свѣдѣній о зданіяхъ въ старой Малороссіи лѣваго берега Днѣпра, кромѣ церковныхъ, почти совсѣмъ не имѣется. Главная причина тому заключается, конечно, въ томъ, что зданія были почти исключительно деревянныя, которыя если не горѣли, то разрушались отъ времени. Изъ старыхъ построекъ въ Малороссій извѣстно лишь сохранившееся въ Черниговѣ каменное зданіе (на берегу Десны), которое зовутъ тамъ обыкновенно „домикомъ Мазепы". Не говоримъ о томъ, что нѣтъ никакихъ основаній связывать этотъ „домикъ" съ именемъ Мазепы, но прямое названіе этого зданія *домикомъ* является неточнымъ; судя по его виду и отсутствію въ немъ внутреннихъ капитальныхъ стѣнъ, слѣдуетъ думать, что этотъ *домикъ* не былъ жилымъ зданіемъ, а устроенъ былъ скорѣе для какой нибудь особой надобности, напр., для храненія пороха или какого нибудь „скарба".—Есть впрочемъ указаніе, что города старой Малороссіи обстроены были не бѣдно; такъ, напр., путешественникъ нач. XVIII в., Лукьяновъ, проѣзжая черезъ Глуховъ въ 1703 г., записалъ, что въ немъ „строеніе преузорочное, свѣтлицы хорошія; палаты въ немъ полковника стародубскаго Миклашевскаго— зѣло хороши." Глуховскія зданія показались Лукьянову на столько „преузорочными", что онъ не удержался отъ общаго замѣчанія, что „очень зѣло лихоманы хохлы затѣйливы къ хо-

ромному строенію...“ [1]) Въ другомъ мѣстѣ мы выразили сомнѣніе—не превознесъ ли Лукьяновъ свыше мѣры *затѣйливость хохловъ къ хоромному строенію*, наглядѣвшись по великорусскимъ городамъ на непобѣленные домики [2])... Сохранилось описаніе дома, въ которомъ жилъ гетманъ Апостолъ, уже напечатанное [3]). Сохранилось также описаніе двора съ постройками, въ которомъ „пребываніе имѣлъ“ гетманъ Скоропадскій. Описаніе это, сдѣланное въ 1727 г., представляетъ собою контуръ гетманскаго жилища. Несмотря на нѣкоторую неясность въ изображеніи общаго расположенія построекъ, описаніе это не можетъ не быть интереснымъ, и мы его приводимъ здѣсь полностью [4]).

„Въ городѣ Глуховѣ, въ дворѣ гетманскомъ, на которомъ гетманъ Скоропадскій пребываніе имѣлъ, близъ церкви Николая Чудотворца, огороженъ въ столбъ тертицами, отъ двора полкового обозного Михаила Кондратьева до задворковыхъ воротъ, а отъ церкви Николая Чудотворца тертицами (жъ?); ворота въездные—толко одни вереи брусовые, сосновые, болшие съ форткою.

Вшедъ въ дворъ, по правую сторону погребъ дубовый съ выходомъ, двери сосновые растворчетые, на крюкахъ желѣзныхъ; въ немъ въ потолокѣ (въ потолкѣ?) шендалъ на цепи желѣзной, четырѣ тертицы сосновые.

Подле погреба свѣтлица, съ комнатою безъ полу, лѣсу сосновогo брусового, въ ней одинъ столъ липовой, четырѣ лавки сосновые, печь кафлевая бѣлая; семь окошекъ въ комнатѣ, двѣ съ окончинами стеклянными въ деревѣ; двое двери на крюкахъ желѣзныхъ. Противъ—той свѣтлица жъ съ комнатою сосновогo лѣсу; въ ней столъ круглой, липовой, скамья, печъ кафлевая бѣлая, три лавки липовыхъ, три окна красныхъ, въ нихъ окончены стекляные въ деревѣ зъ затворами, на крючкахъ желѣзныхъ, дверь сосновогo лѣсу, на крюкахъ желѣзныхъ; въ комнатѣ одно окно красное, дверь на крюкахъ желѣзныхъ; между ними сени рубленые сосновогo лѣсу. Вышеписанное строеніе

[1]) Черн. Листокъ 1862 г. № 4.

[2]) Опис. Ст. Малор., II, 431.

[3]) Матер. для Отеч. Исторіи, I, от. 3-е, стр. 3-е, стр. 4—12.

[4]) Оно находится въ рукописи Кіевск. Археогр. Коммисіи, № 409.

покрыто дранью. Позади тѣхъ свѣтлицъ нужникъ, огороженъ досками, крытъ дранью.

Близъ тѣхъ свѣтлицъ свѣтлица поваренная; въ ней столъ болшой липовой; печь кафлевая бѣлая, семь окошекъ красныхъ съ окончины стекляными въ деревѣ; двѣ лавки; двери на крючкахъ желѣзныхъ; при той свѣтлицѣ сѣни рубленые соснового лѣсу; въ нихъ очагъ кирпичной, два окна красныхъ съ окончины стекляными, двери на крюкахъ желѣзныхъ; оное строеніе крыто дранью.

Близъ той кухни изба черная, старая пустая, лѣсу соснового. Подле ея изба жъ черная съ сенми лѣсу соснового; и оное строеніе крыто дранью.

Близъ тѣхъ черныхъ избъ, свѣтлица соснового лѣсу, въ ней печь зеленая кафлевая, столъ липовой, три окошка красные съ окончины стекляными, зъ затворками на крючкахъ желѣзныхъ; въ ней чуланъ дощатой; въ немъ одно красное окно съ окончиною стекляною; въ свѣтлицѣ и комнатѣ полъ дощатой. Оное строеніе крыто тертицами.

Колодезь, въ немъ струбъ дубового лѣсу, въ глубину пятнадцать саженъ; подле его колесо, чемъ воду вытягаютъ; оковано желѣзомъ; тотъ погребъ съ колесомъ, огороженъ достками сосновими встолбъ, покритъ тертицами.

Оборотъ по левую сторону, свѣтлица соснового лѣсу, въ ней печъ кафлевая голая, столъ круглой съ лавками, три окошка красныхъ, въ нихъ окончины стекляные въ деревѣ, зъ затворами, дверъ на крюкахъ желѣзныхъ; противъ той свѣтлицы свѣтлица жъ соснового лѣсу, зъ двемя комнатами; въ ней печъ зеленая, столъ круглой липовой, три окна красныхъ съ окончины стекляными, зъ затворами, на крюкахъ желѣзныхъ; въ другой комнатѣ два окошка красные съ окончины стекляными въ деревѣ, полъ дощатой. Исъ той комнаты проходъ до пекарни и въ нужникъ, и въ комору; подле той комнаты комора рубленая соснового лѣсу, съ лавками. Во ономъ строеніи, съ проходомъ, шестеро дверей на крюкахъ желѣзныхъ, между светлицъ сѣни рубленые соснового лѣсу, въ нихъ двое двери на крюкахъ

желѣзныхъ, передъ сѣнми лавки. Оное строеніе крыто тертицами. Подле той светлицы пригороженъ цветникъ.

Позади тѣхъ хоромъ пекарня сосновогo лѣсу, въ ней два окна красныхъ, одно волоковое съ окончины стекляными въ деревѣ, въ ней столъ, печъ глиняная съ лавками, полъ дощатой; при той пекарнѣ сѣни сосновогo лѣсу, въ пекарни и въ сѣняхъ двоя двери на крюкахъ желѣзныхъ. Оное строение крыто драныю. Отъ пекарни проходъ до воротъ, двери сосновые на крюкахъ желѣзныхъ.

Близъ тѣхъ свѣтлицъ ледовня дубовая, на ледовни анбаръ сосновогo лѣсу, зъ ганками; въ той ледовнѣ сходная лесница дубовая, двери сосновогo лѣсу, на крюкахъ желѣзныхъ.

Подле ледовнѣ чуланъ дощатой, двери сосновые, на крюкахъ желѣзныхъ, надъ дверми окно неболшое съ окончиною стеклянною въ деревѣ, съ мостомъ дощатымъ. Оной ледникъ и чуланъ крытъ драныю.

Свѣтлица, въ которой жителство имѣла госпожа гетманша Скоропадская; въ ней печъ поливаная, цвѣтная, шесть окошокъ красныхъ болшихъ, съ окончины скла болшого врамловского (?) зъ затворами, столярной работы, на завѣсахъ желѣзныхъ; шкапъ болшой липовой, съ выпускнымъ столомъ, полъ кирпичной, двоя двери дубовые, столярной работы, на завѣсахъ желѣзныхъ, зъ замками нутренными желѣзными съ ключами.

Противъ свѣтлицы свѣтлица жъ сосновогo лѣсу, съ комнатою, въ свѣтлицѣ четырѣ окна стеклянные, скла врамловского, зъ затворами, столярной работы, на завѣсахъ желѣзныхъ; въ томъ числѣ у одного окошка одно скло разбито, полъ кирпичной, двери столярной работы дубовые, на завѣсахъ желѣзныхъ, зъ замкомъ нутренымъ, съ ключемъ; въ комнатѣ печъ поливаная цвѣтная, три окошка скла врамловского, съ затворами, на завѣсахъ желѣзныхъ съ шурупами, дверъ столярной работы, дубовая, на завѣсахъ желѣзныхъ, полъ кирпичной. Между ими сѣни рубленые, одна стена сосновогo лѣсу, двери столярной работы на завѣсахъ липовые, зъ замкомъ нутренымъ, съ ключемъ; въ сеняхъ полъ кирпичной. Передъ сѣнми крылцо непокрыто. Оное строение покрыто тертицами. Вкругъ светлицъ

и комнатъ огородъ на цвѣтки, въ томъ числѣ и яблоки, огороженъ тэртицами красными.

Того двора явилось по мѣрѣ—земли въ длину: трехъ аршинныхъ дватцать девять саженъ сполу, поперегъ: тритцать пять саженъ. Въ томъ гетманскомъ дворѣ вышепоказанное хоромное строение все новое."

Сколько можно понять изъ этого описанія, въ гетманскомъ дворѣ были слѣдующія постройки:

1. Погребъ.

2. Домикъ, состоявшій изъ двухъ большихъ комнатъ (*свѣтлицъ*), раздѣленныхъ сѣнями, причемъ въ одной изъ свѣтлицъ была отдѣлена (конечно, переборкою, т. е. стѣною не капитальною) *комнáта*.

3. Кухня, („свѣтлица поваренная"), съ сѣнями.

4. „Изба черная", назначенная, конечно, для прислуги.

5. Домикъ, состоявшій изъ *свѣтлицы* съ *комнáтою* и изъ чулана.

6. *Хоромы*, состоявшіе изъ двухъ свѣтлицъ, изъ которыхъ въ одной устроена была *комнáта*.

7. *Пекарня*, служившая, вѣроятно, черною кухнею.

8. Ледникъ, съ амбаромъ надъ нимъ.

9. Домикъ, состоявшій изъ двухъ *свѣтлицъ*, изъ которыхъ въ одной устроена была и *комнáта*. Свѣтлицы были раздѣлены сѣнями. Въ этомъ домикѣ, какъ говорится въ описаніи, жила гетманша Скоропадская.

Такимъ образомъ гетманское жилище состояло изъ трехъ особыхъ строеній, изъ которыхъ каждое заключало въ себѣ двѣ большія комнаты, раздѣленныя сѣнями. По своему устройству это были тѣ же *хаты*, которыя мы и теперь встрѣчаемъ въ Малороссіи у богатыхъ селянъ: отдѣльно срубленныя двѣ избы соединяются между собою сѣнями, при чемъ въ этихъ избахъ иногда отгораживаются особыя отдѣленія, называемыя *комнáтами*. Различіе гетманскихъ *свѣтлицъ* отъ селянскихъ состояла лишь въ ихъ размѣрѣ и отдѣлкѣ.

Если мы сравнимъ жилище Скоропадскаго съ жилищемъ Апостола, то увидимъ, что послѣднее состояло изъ большаго

количества „свѣтлицъ", при чемъ тутъ же находились: *свѣтлица съ комнатою,* гдѣ помѣщалась генеральная канцелярія, *свѣтлица столовая* („стѣны обиты блакитнымъ сукномъ"), *свѣтлица крестовая* и другія *свѣтлицы,* назначенныя уже для самого жилья гетманской семьи и прислуги. Тутъ же, у Апостола, на ряду съ этими свѣтлицами, встрѣчаемъ особую комнату, сложенную изъ кирпича (*каменицу*), а подъ нею—*склепъ каменный.*

Эти, контуры гетманскихъ домовъ перв. пол. XVIII в.—указываетъ на крайнюю простоту ихъ расположеній, когда большой домъ представлялъ собою соединеніе только бóльшаго количества тѣхъ свѣтлицъ, которыя, будучи взяты отдѣльно, составляютъ обыденныя *хаты...*

Въ маѣ 1748 г. Глуховъ выгорѣлъ настолько, что, по замѣчанію современника, обратился въ „прямую пустыню; а между тѣмъ въ Малороссіи ожидалось поставленіе новаго гетмана. Въ октябрѣ 1749 г. изданъ былъ указъ о присылкѣ въ Глуховъ гр. Гендрикова „для выбора въ Малую Россію гетмана." Въ это время, повидимому, и возникъ вопросъ о постройкѣ въ Глуховѣ новаго дома для гетмана. Въ собраніи В. В. Тарновскаго находится прилагаемый здѣсь планъ [1]), сверху котораго имѣется слѣдующая надпись: *„Выдъ какъ будутъ гетманскіе покои подъ номеромъ 1 и 2 значитъ на плане".* Внизу плана значится—*„1749 года".* Когда разрѣшено было въ 1747 г. „опредѣленіе" въ Малороссіи гетмана [2]), то было извѣстно, что въ гетманы предназначается Кириллъ Разумовскій. Послѣдній отличался отъ прежнихъ гетмановъ между прочимъ и тѣмъ, что хорошо былъ знакомъ съ удобствами не только тогдашней русской столичной жизни, но и заграничной европейской. Прежней конструкціи гетманскіе дома, если бы они остались и цѣлы, не могли уже удовлетворить *графа* Разумовскаго. Вотъ для него то и проектировался прилагаемый планъ „гетманскихъ покоевъ". Мы не знаемъ, былъ ли осуществленъ этотъ планъ, но въ 1757 г. Разумовскій

---

[1]) Планъ найденъ былъ межъ бумагами Черн. губ. правленія, составлявшими часть архива генеральной канцеляріи, при чемъ никакой объяснительной бумаги при немъ не было.

[2]) Записки Як. Марковича II, 249

писалъ къ гр. М. Воронцову слѣдующее: „гнусное мѣсто Глуховское, на которомъ я построился уже было и не мало, и притомъ по сырости, низости и болотной землѣ почти уже деревянное строеніе, *не въ пору строенное* и *скороспѣшно* худыми плотниками и изъ мелкаго лѣсу, до того меня напослѣдокъ привели, что единственно для здоровія, которое домъ мой Глуховскій весьма повреждаетъ, принужденъ нынѣшняго лѣта зачать каменный домъ зъ Батуринѣ“ [1]... Очень можетъ быть, что построенный по прилагаемому плану домъ и былъ тотъ самый, о которомъ здѣсь говорится; такъ плохо строить „гетманскіе покои“, какъ жалуется Разумовскій, могла строить Глуховская администрація только до прибытія въ Глуховъ гетмана, когда некому было за этимъ смотрѣть, а строить нужно было скоро. Поэтому и можно думать, что Разумовскій засталъ домъ въ Глуховѣ уже готовымъ и построеннымъ именно по плану 1749 года.

Какъ бы то ни было, для насъ важно, что прежнія *свѣтлицы* съ *комнатами* для Разумовскаго сразу замѣнились палацомъ итальянской архитектуры. Такъ должна была быстро измѣняться и вся внѣшняя обстановка тогдашняго малорусскаго панства, конечно, старавшагося подражать своему гетману...

А. Л.

---

[1]) Семейство Разумовскихъ, I, 213,

Документы, извѣстія и замѣтки.

Универсалъ гетмана Гаврила Крутневича, 1603 года. Гетманъ Крутневичъ уже извѣстенъ изъ письма его къ Яну Замойскому, писанному въ мартѣ 1602 г. (Listy St. Żólk., 117). На основаніи указаннаго сборника писемъ, а также Буркулабовск. лѣтописи, В. Б. Антоновичъ когда то (Кіевск. Стар. 1883, V, 140) установилъ въ такомъ видѣ рядъ козацкихъ гетмановъ нач. XVII в.

1. *Самоилъ Кошка*, 1600—1602, убитый въ этомъ году въ шведской войнѣ.

2. *Гаврило Крутневичъ*, преемникъ Кошки, 1602.

3. *Иванъ Куцковичъ*, 1602—1603, «сдавшій» въ этомъ году гетманство въ г. Могилевѣ, при возвращеніи козаковъ изъ шведской войны.

4. *Иванъ Косый*. О немъ Буркул. лѣтоп. говоритъ глухо: «потомъ, по Иване Куцку, былъ гетманомъ Иванъ Косый» и—только.

Къ свѣдѣніямъ о Крутневичѣ въ замѣткѣ В. Б. Антоновича прибавлено, что онъ въ 1600 г. былъ кошевымъ(?) въ Запорожьи; свѣдѣніе это основывается, повидимому, на подписи, найденной Максимовичемъ въ одномъ изъ евангелій Переяславскихъ церквей (Соч., I, 319), датированной 14 сентября 1600 г., гдѣ значится, что надпись сдѣлана «за гетмана на тотъ часъ будучого надъ войскомъ Запорожскимъ Гаврила Кортневича у земли мултнянской». Здѣсь Крутневичъ (называемъ его такъ, какъ онъ самъ писался) значится тѣмъ же *гетманомъ*... Можно сомнѣваться—правильно ли прочтено Максимовичемъ слово *мултнянской* и не значится ли въ надписи *инфлянтской*? Тогда, можетъ быть, 1600-й годъ написанъ ошибочно вмѣсто 1602 или

1603 г., когда Крутневичъ въ званіи *гетмана* ходилъ въ землю Инфлянтскую... Впрочемъ, это одна лишь наша догадка [1]).

Затѣмъ, настоящій универсалъ точно установляетъ время гетманства Косого, причемъ видно, что послѣдній пробылъ на гетманствѣ лишь нѣсколько мѣсяцевъ, послѣ чего сталъ гетманомъ снова Крутневичъ, уже гетмановавшій за годъ передъ тѣмъ.

Печатаемый универсалъ даетъ интересныя указанія на тотъ моментъ изъ исторіи Днѣпровскаго козачества, когда оно составляло еще повидимому одну группу, не раздѣляясь на Запорожскихъ и городовыхъ. Изъ универсала видно, что гетманы Кошка, Косый, Крутневичъ даютъ оборонные универсалы поднѣпровскимъ владѣльцамъ на ихъ тамошніе «уходы», защищая послѣдніе отъ своеволій «такъ Запорожскихъ козаковъ, яко и рѣчечныхъ» [2]). Отсюда можно заключить, что козаки эти составляли въ это время одно *войско*, имѣвшее свои особые отъ мѣстнаго населенія интересы... Во всякомъ случаѣ универсалъ Крутневича даетъ матеріалъ для новыхъ догадокъ въ уясненіи темныхъ сторонъ исторіи Днѣпровскаго козачества. Печатаемъ самый универсалъ съ буквальною точностью подлинника.

Гаврило Крутневичъ, гетманъ и все рицерство его кр. млти войска Запорозкого.

Ознаймуемо тымъ нашимъ войсковым листомъ теперъ и напотом будучим товаришомъ нашимъ, кому бы того ведат потреба належало, иж кгды есмо с послуги его кр. м. з Ыфлянт до Киева прибыли, били нам войску всему чоломъ в Бозе велебный его млсть отец Игнатей, игуменъ зо всею еже о Христе братею своею манастира светого Николы Пустынского Киевского о томъ, иж продокъ нашъ небожчикъ Самоел Кошка, гетманъ войска Запорозского, з нами всими товарышми своими, за дозволенемъ и радою нашею, далъ имъ лист под печатю войсковою и с подписомъ руки писарское, капитуле

---

[1]) Крутневичъ жилъ еще и въ 1610 г.,—См. „Кіевск. Стар.“, 1882 г., № 5, стр. 202) гдѣ Крутневичъ упоминается какъ „мешкаючій въ Каневѣ козакъ Запорозкій“, собственникъ социніанскаго евангелія.

[2]) Какъ извѣстно, объ этихъ *рѣчныхъ* козакахъ упоминаетъ уже и Папроцкій, разсказывая авантюру Заборовскаго („obrócił do drugiej rzeki Samary; tam znałazł 200 kozaków *rzecznych*, którzy tylko zwierza, ryby łowią drugim na żywność...“ „*Herby*“, изд. Туровск., 157). См. также Źródła Dziejowe, t. XX, стр. 154, 1581 года „Regestr kozaków nizowych Zaporoskich i *rzececznych*, który chodzili na służbę króla jmci do Moskwy“.

манастыра Николского, который лист перед нами тепер покладали, в котором пишет до всихъ товаришов нашихъ, такъ Запорозких козаков, яко и рѣчечныхъ, абы кривды на входахъ ихъ, меновите пон(и)же Черкасъ, Бѣлоберезких и Пивскихъ, також из езовъ их на Днепре, кривды и шкоды не чинили, але еще указуючи прихилност и ласку нашу (вой)сковую ку церкви божой и къ тым богомолцомъ нашимъ монастыра светого Николы, што одно приходит на войско Запорозкое от ухо...ковъ (уходниковъ?) на Днепре нижей Черкасъ и вышей Черкасъ, ведлугъ звычаю, б(оро)шна, для которого высылаемъ посланцовъ нашихъ для... (отби?)раня з них Николских уходов жадное речы, тоест Бѣлоберезских и Пивскихъ, еды, нитей, човна и никоторого борошна, а ни подводъ не брати и ни в чомъ имъ кривды не чинити, вечными часы, войско все в коле одностайне згодне даровали манастыръ Николский, о чомъ теперъ мы, будучы свѣдоми того листу так Кошчиного, яко и теперешнего часу пана Ивана Косого, имъ, капитуле, за гетманства его даного, на тые ж входы менованые, также за ведомостю и росказанемъ, призволенемъ всего войска, мы и овшемъ стверждаемъ и водлуг тых листов, яко се поменило, вже вѣчными часы есмо даровали и теперъ даруемъ имъ и всим товарышомъ нашимъ войска Запорозского козакомъ, яко и рѣчечнымъ, ознаймуемъ и росказуемъ, абы водлугъ тыхъ листовъ справовали, ни в чомъ кривды и шкоды церкви божой не чинили под ласкою и срокгостю войсковою, не важечи собе тых листов, от всего войска капитуле Николской даного легце, кгды жъ великие кривды и шкоды относят от жолнинцовъ и чигиринцовъ; еще есмо повинни ихъ, яко богомолцовъ нашихъ, от кривдъ боронити и не братъ, але еще надават, на што есмо его милости отцу игумену и всей еже о Христе брати монастыра светого Николы Пустынского Киевского дали сесь нашъ листъ, под печатю войсковою и с подписомъ руки моее власное. Писан в Киеве, року тысяча шест сот третего, мца мая двадцат второго дня.

М. П.

Грицко Сеневич, писар войска Запорозкого.

Универсалъ написанъ на листѣ сѣрой бумаги, при чемъ изъ второго полулиста вырѣзана полоса для закрытія краснаго воскового кружка, на которомъ оттиснута печать. Послѣдняя величиною въ серебр. полтинникъ, съ изображеніемъ козака и круговою надписью: *печать войска Запорозкого*.

---

[1]) Т. е. жителей Жовнина и Чигриндубровы.

Подлинникъ универсала находится въ собраніи В. В. Тарновскаго, которымъ пріобрѣтенъ отъ одного кіевскаго старьевщика вмѣстѣ съ нѣсколькими другими документами, исходящими изъ того же Пустынно-Никольскаго монастыря и того же содержанія,—о монастырскихъ имѣніяхъ. Слѣдуетъ думать, что документы эти взяты уже изъ Кіевской казенной палаты, куда они должны были быть переданы при секуляризаціи монастырскихъ имѣній.

А. Л.

Пререканія вѣдомствъ по поводу Запорожья въ 1751 г.

Какъ извѣстно, указомъ 19 октября 1750 г. Запорожское войско съ атаманомъ и кошемъ, «такожде съ ихъ принадлежностями» передано въ вѣдомство малороссійскаго гетмана графа К. Г. Разумовскаго. А. Скальковскій (Ист. Нов. Сѣчи, ч. II, изд. 3, Одесса, 1885, стр. 143) замѣчаетъ по этому поводу, что титулъ гетмана войскъ Запорожскихъ «въ отношеніи къ Низовому войску все еще былъ только титуломъ» и что войско это «въ границахъ своего коша и края не слушало никого, кромѣ царя и своей собственной старшины».

Послѣднее заявленіе маститаго историка кажется мнѣ слишкомъ рѣшительнымъ. Судя по архивнымъ даннымъ, приходится думать, что войско это стояло въ реальной и очень сильной зависимости отъ кіевскаго генералъ-губернатора Леонтьева, что подтверждается частью и «Матеріалами», изданными въ 1886 г. А. Андріевскимъ (Одесса, Изд. Имп. Одес. общ. ист. и др.).

Не лишенъ въ этомъ отношеніи интереса инцидентъ, возникшій немедленно вслѣдъ за указомъ 19 октября 1750 г., который былъ отправленъ изъ малорос. войсковой генеральной канцеляріи въ Сѣчь чрезъ особаго нарочнаго въ ноябрѣ того же года. Уже 19 апрѣля 1751 г. названная канцелярія послала кошевому атаману, войсковой старшинѣ, куриннымъ атаманамъ и всему войску строгій «репримандъ»: до свѣдѣнія генеральной канцеляріи дошло, что атаманъ съ товариществомъ о нѣкоторыхъ дѣлахъ «писали въ кіевскую генералъ-губернаторскую канцелярію, требуя резолюцій и отъ той канцеляріи получаете ордери и туда на оніе репортуете. И хотя таковъ неприличной поступокъ, требованіемъ мимо своей настоящей команды по дѣламъ резолюцій отъ оной Кіево-губернской канцеляріи, можетъ быть послѣдовалъ по недосмотренію писаря войскового, управляющого войсковою вашею канцеляріею, но дабы то впредь исправлено

быть могло и о всѣхъ войсковыхъ дѣлахъ и нуждахъ представлено было къ главному своему комендиру, его ясневелможности господину гетману и кавалеру прямо или, до прибытія его, въ войсковую генеральную канцелярію, того рады по указу ея имп. вел. въ генералной войсковой канцеляріи присутствующіе по повелѣнію ясневелможного господина господина гетмана и разнихъ ординовъ кавалера генералная старшина опредѣлили о семъ вамъ въ предостереженіе написать; ибо ежели сіе дойдетъ къ знанію его ясневельможности, можетъ то принято быть з неудоволствіемъ, и вамъ войска низового Запорожского господину атаману кошевому, старшинѣ тамошней войсковой и курѣннимъ атаманамъ и всему войску о томъ ведать и учинить по сему ея имп. вел. указу» (подписали: Михайло Скоропадскій, Петръ Валкевичъ, старшій войсковій канцеляристъ Василь Туманскый, войсковій канцеляристъ Мартинъ Руновскій).

Кошевой атаманъ Якимъ Игнатовичъ съ товариствомъ 13 мая 1751 г. написалъ объ этомъ указѣ «з доволнимъ репримандомъ» генералъ-губернатору М. И. Леонтьеву, такъ какъ, получивъ указъ канцеляріи, онъ съ товариствомъ «сумнителенъ» находится: «ибо в. выс—ству за доволность уже извѣстно, что чрезъ все бытіе войска Запорожского низового в командѣ в. выс—ства даже и до сего дны нѣкогда нѣ въ чемъ въ кіевскую генералъ-губернаторскую канцелярію отъ бывшихъ кошевихъ и отъ мене не репортовано, но точію прямо къ в. выс—ству доносимо о всемъ и получаемо резолюціею было. И затѣмъ по оному ея имп. вел. малороссійской войсковой канцеляріи указу впредь я зъ товариствомъ не толко по войсковимъ, но и по касаючимся пограничнимъ дѣламъ уже и къ в. выс—ству репортовать по предложенію ея имп. вел. генералной войсковой канцеляріи указа опасенъ... Того рады и в. выс—ству чрезъ сіе донося, прошу, дабы за неданіе отъ мене в. выс—ству о пограничнихъ дѣлахъ, какіе здесь будутъ провѣданны какъ отъ Порты Оттоманской и отъ полской стороны извѣстія, впредь на мнѣ зъ старшиною чего не взискалося, куда надлежитъ представить» (помѣчено: «Кошъ»).

Леонтьевъ 28 мая того же года далъ знать кошевому, что о происходящихъ въ войскѣ Запорожскомъ всякихъ дѣлахъ онъ долженъ доносить гетману или, въ его отсутствіе, генеральной войсковой канцеляріи; но о дѣлахъ экстраважныхъ и секретныхъ и объ опасныхъ болѣзняхъ непремѣнно и впредь репортовать ему, Леонтьеву, ибо такое репортованіе «касается ко осторожности высочайшихъ ея имп. вел. интересовъ и государственной цѣлости».

Въ іюлѣ того же года Леонтьевъ репортовалъ объ этомъ недоразумѣніи въ госуд. коллегію иностр. дѣлъ, чтобы снять съ себя возможную отвѣтственность.

Въ результатѣ этой переписки состоялся указъ имп. Елисаветы Петровны гетману Разумовскому отъ 24 іюля 1751 г., сообщенный въ копіи ген-губ. Леонтьеву, а отъ послѣдняго посланный «войска Запорожскаго низового почтенному господину кошевому атаману съ старшиною».

«Съ немалымъ удивленіемъ—говорится между прочимъ въ указѣ или «грамотѣ» —мы освѣдомились, коимъ образомъ еще до прибытія вашего въ Украину тамошняя генеральная войсковая канцелярія въ 19 апрѣля сего году отправя указъ... съ репримандомъ... И понеже такое отъ упомянутой генер. войск. канц. безъ вашего вѣдома запрещеніе съ репримандомъ не токмо излишно, но и весма продерзостно, потому что оной на такое опредѣленіе и посылку указа собою поступать не надлежало, а сверхъ того по произшедшимъ дѣламъ уже видно было, что запорожцы и безъ такого поводу, чтобъ они въ Кіевъ не репортовали, во многихъ нужныхъ требованіяхъ и по ордерамъ генерала-губернатора къ дѣйствительному исполненію крайне медлительны и ослушны были, а симъ запрещеніемъ они толь наипаче къ тому поощрены будуть, еже весма непристойно, ибо вамъ доволно извѣстно есть, что о запорожцахъ не одни внутреннія, но многія и внѣшнея дѣла имѣются, и къ нашему кіевскому ген. губернатору какъ отъ хана крымского, такъ и отъ Полши всегда по онымъ отзывы и прочія важныя пограничныя произшествія бываютъ, онъ же, яко учрежденной пограничной командиръ, въ должности находится сего того наблюдать, еже всевысочайшій нашъ интересъ требуетъ; слѣдователно, хотя запорозцы и въ главной вашей командѣ состоятъ, однакожъ для показанныхъ обстоятельствъ ему, генералу, никоимъ образомъ обойтиться неможно съ кошевымъ атаманомъ... надлежащую переписку имѣть и имъ въ нужныхъ случаяхъ безъ потерянія времени отъ себя наставленія подавать, а чтобъ ему, генералу, по всѣмъ такимъ нужнымъ и времяни нетерпящимъ дѣламъ напередъ къ вамъ или въ войсковую канцелярію отписываться и чтобъ запорожской атаманъ съ товарыщи обо всемъ же мимо его, генерала, и вамъ писали, а отъ васъ бы или отъ войсковой канцеляріи уже потомъ къ нему, генералу, сообщаемо было, то вы сами понать можете, какое напрасное чрезъ то продолженіе времяни, а въ нужномъ дѣлѣ упущеніе учинится; того ради надлежитъ вамъ такіе могущіе быть

затрудненія нынѣ же отвратить и вышеозначенное отъ войсковой канцеляріи учиненное безъ васъ опредѣленіе и посланной къ кошевому атаману *указъ немедленно уничтожить и ему кошевому атаману съ старшиною накрѣпко приказать, чтобъ онъ обо всемъ потребномъ и что у нихъ происходить будетъ часто упомянутого генерала Леонтьева по прежнему репортовалъ и по его ордерамъ надлежащее исполненіе неотложно чинилъ, а обо всемъ бы въ тѣ жъ времена и къ вамъ, яко главному командиру, доносилъ, и въ прочемъ бы запорожцовъ въ добромъ смотрѣніи содержалъ, чтобъ оные отъ своевольства весма отвращены и частыя къ вамъ на нихъ отъ сосѣднихъ народовъ жалобы конечно пресѣчены были; о семъ послѣднемъ вы отъ себя и впредь неотлагаемое попеченіе возъимѣете»...

Коллегія иностр. дѣлъ съ своей стороны внушила Леонтьеву принимать наирачительнѣйшія мѣры для понужденія кошевого и испрашивать въ случаѣ нужды ордеровъ къ кошевому отъ гетмана, обо всемъ же въ коллегію доносить безъ замедленія.

(Дѣло ген.-губ. канцеляріи 1750 г. № 136). Сообщ. Н. М

Письмо Ивана Вагилевича къ сенатору А. Я. Стороженку.

Личность галицко-русскаго ученаго и литератора Ивана Вагилевича, теперь почти позабытая, представляетъ однако не малый интересъ по отношенію къ той части нашей общей родины, которая съ 30-хъ годовъ текущаго столѣтія пребываетъ почти въ несмѣняемой борьбѣ *русскихъ* партій изъ-за вопросовъ національныхъ,—мы разумѣемъ Галичину. Въ этой-то борьбѣ интересную роль сыгралъ въ свое время И. Вагилевичъ, въ 1837 году принявшій дѣятельное участіе въ изданіи «Днѣстровой Русалки», первомъ серьезномъ проблескѣ національнаго движенія въ Галиціи, за что и былъ въ подозрѣніи у львовской полиціи, затѣмъ перешедшій въ польскій лагерь, что въ свое время дало ему титулъ *совсѣмъ зляшившагося,* и наконецъ въ началѣ 40-хъ годовъ, убѣдившись въ обманѣ своихъ мнимыхъ друзей, опять сдѣлавшійся *упрямымъ русиномъ.* Хотя въ 1846 году онъ и былъ рукоположенъ въ санъ священника, но положеніе его, какъ матеріальное, такъ и нравственное, было не изъ удовлетворительныхъ, вслѣдствіе чего онъ попробовалъ въ 1847 году попытать счастья устроиться въ Россіи, гдѣ впослѣдствіи многіе изъ галичанъ обрѣли себѣ уютные уголки. Мечтанія Вагилевича, какъ видно, были не изъ скромныхъ, т. к. ему грезилась каѳедра славянскихъ языковъ въ университетѣ. По поводу этихъ-то своихъ плановъ онъ и обратился съ прилагае-

мымъ письмомъ къ *Стороженку, сенатору, директору внутреннихъ дѣлъ Царства Польскаго и разныхъ орденовъ кавалеру,* какъ значится на адресѣ [1]). Затѣя эта не осуществилась для Вагилевича, такъ что онъ принужденъ былъ остаться въ Галиціи и заниматься научными и литературными трудами, то покидая духовное званіе, то опять возвращаясь къ нему, и кончивши переходомъ въ евангелическое исповѣданіе. Умеръ онъ въ крайней бѣдности въ 1866 году, оставивъ семью безъ всякихъ средствъ. Желающимъ подробнѣе вспомнить объ этой интересной личности укажемъ статью *Я. Г. «Судьба одного галицко-русскаго ученаго»* («Кіев. Стар. 1883 г., № 7).

Ваше Высокопревосходительство

Милостивый Господинъ!

Извините, Ваше В—ство Милостивый Господинъ, что я осмѣляюсь къ Вамъ относиться съ просьбой. Г. Мацеёвскій, съ которымъ отъ 1837 г. имѣю честь быть знакомымъ, писалъ ко мнѣ, что Вы объявили ему, что хотите ласково пособствовать мнѣ, дабы я могъ получить званіе на каѳедру Словянскихъ языковъ въ Кіевѣ или Харьковѣ. Возможно ли что сдѣлать въ этомъ дѣлѣ, дѣлайте поскорѣе, ибо и у меня есть чуствіе за отчизною Русью, и я русскій только не гражданинъ; а лучче всего, когда бы я получилъ это званіе, дабы ваше правительство занялось моей отпуской. У насъ нѣтъ совершенно просвѣщенія, и не нужно (это есть мнѣніе нашего духовнаго начальства); вотъ даже читать русскія книги запрещено въ Семинаріумѣ, а Карамзина—и нѣмецкій переводъ. Поэтому не явно-ли, что я, бывъ русскимъ славянскимъ литераторомъ, много имѣю препятствій отъ моего начальства и товарищей по сану. Но и это извѣстно мнѣ нынче, что, обытая въ деревнѣ или въ городѣ, гдѣ нѣтъ сообщенія съ образованными людьми или по крайней мѣрѣ библіотеки, очень трудно приходитъ здѣлать что хорошаго въ литературѣ.

Когда Ваше В—ство Милостивый Господинъ благосклонно изволите заняться моей судьбою, прошу мнѣ объ этомъ написать нѣсколько словъ, дабы я могъ предпринять въ этомъ отношеніи нужныя мѣры.

Имѣю честь быть Вашего В—ства, Милостивый Господинъ, съ достодолжнымъ высокопочтеніемъ покорнѣйшимъ слугою Иванъ Вагилевичъ.

Павловъ $^{1}/_{13}$ іюлія 1847 г. **Сообщ. В. Н.**

---

[1]) Сенаторъ А. Я. Стороженко занималъ постъ Главнаго Директора департамента внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ Царства Польскаго.

Засѣданіе Черниговской архивной коммиссіи 9 декабря 1897 г. Протоколъ этого засѣданія (черниг. губ. Вѣдом. 1897 г., № 1350) состоитъ изъ двухъ частей: списка *приношеній* и *чтеній* по предмету занятій коммиссіи. Относительно перваго можно замѣтить, что не слѣдовало бы заполнять музей вещами, повидимому, неимѣющими *никакого археологическаго значенія*, въ родѣ «шелковаго вязаннаго кошелька», присланнаго въ даръ С. Д. Носомъ; а затѣмъ, слѣдовало бы о нѣкоторыхъ приношеніяхъ сообщать болѣе обстоятельныя свѣдѣнія: тотъ же С. Д. Носъ прислалъ въ коммисію «нѣсколько листовъ изъ гербовника», но какого гербовника—объясненія нѣтъ. Если это листы новѣйшаго гербовника, то можно сомнѣваться въ ихъ интересѣ для библіотеки коммиссіи, а если это листы какого нибудь стариннаго изданія (напр. Папроцкаго), то слѣдовало бы о томъ сказать.—Страннымъ кажется указаніе въ протоколѣ на зятя графа Разумовскаго—какого то полковника Буяльскаго. Никакого такого зятя у Разумовскаго не было. Относительно *чтеній* можно выразить сожалѣніе объ умолчаніи въ протоколѣ—о какихъ глуховскихъ древностяхъ сообщалъ Н. Д. Уманецъ, тѣмъ болѣе, что здѣсь говорилось и «о неудовлетворительномъ ихъ состояніи». Въ протоколѣ значится, что сообщеніе г. Уманца «принято къ свѣдѣнію», а это значитъ, что сообщеніе признано не важнымъ; любопытно было бы знать *суть* сообщенія, чтобы затѣмъ судить о томъ—какія именно свѣдѣнія коммисія признаетъ не важными. Сообщеніе Ф. М. Уманца «о небрежномъ отношеніи къ Воргольскому городищу со стороны крестьянъ сосѣднихъ селъ», вызвало со стороны коммисіи, какъ и слѣдовало ожидать, ходатайство предъ начальникомъ губерніи о сохраненіи этого городища. Но желательно было бы, чтобы коммисія вмѣстѣ съ тѣмъ позаботилась и о подробномъ описаніи теперешняго состоянія Воргольскаго городища. Вѣдь рѣчь идетъ, повидимому, о центральномъ городкѣ бывшаго Воргольскаго удѣльнаго княжества, слѣд. о памятникѣ XIII в. Будетъ или не будетъ обережено это городище въ будущемъ отъ дальнѣйшаго его уничтоженія, во всякомъ случаѣ то, что еще остается отъ него теперь, требуетъ подробнаго описанія, чтобы сохранить для науки хоть какія нибудь свѣдѣнія объ этомъ интересномъ памятникѣ [1]). Думается, что описаніемъ такихъ памятниковъ,

[1]) Описаніе Воргольскаго городка имѣется въ книгѣ г. Самоквасова—*Древніе города Россіи*, (Прилож. стр. 7), но сдѣлано оно *Волостнымъ правленіемъ*, какъ объ этомъ тамъ и отмѣчено.

съ рисунками и планами ихъ, коммиссія оказала бы большую помощь наукѣ, которой собственно она и призвана служить.—Объ *архивахъ* въ этомъ засѣданіи коммиссіи сдѣлалъ заявленіе только кн. Н. Д. Долгоруковъ (предсѣдательствовавшій въ засѣданіи), предложившій собрать свѣдѣнія объ архивахъ—Черниговской казенной палаты и бывшихъ мировыхъ посредниковъ. Казалось бы, что сохранившіяся еще *дѣла* послѣднихъ за 1861—63 годы *(введеніе въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ)* необходимо теперь же собрать и помѣстить въ библіотеку коммиссіи, какъ самый цѣнный матеріалъ для мѣстной исторіи отмѣны крѣпостного права. Въ заключеніе секретарь коммисіи г. Тихоновъ сдѣлалъ подробный докладъ о недавно построенной церкви въ Черниговской колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ и о мѣстномъ въ ней образѣ св. Александра Невскаго.

Сообщая эти свѣдѣнія о послѣднемъ засѣданіи Черниг. архивн. коммисіи, будемъ надѣяться, что въ протоколахъ будущихъ ея засѣданій мы найдемъ болѣе свѣдѣній объ *архивахъ*...

Заговоръ отъ лихорадки *(рукопись XVIII ст.)*. Въ одномъ изъ видѣнныхъ нами рукописныхъ сборниковъ 1780-хъ годовъ, списанномъ рукою козака Яготинской сотни Степана Усика, между пьесами самаго разнообразнаго содержанія, встрѣтился слѣдующій интересный заговоръ отъ *хрибры* (испорченное лат. febris):

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь.

Пречистая Мати, госпоже! поможи мнѣ хрибру отмовити рабу Божию N (имя больного). Святый архистратигъ Михаилъ архангелъ! поможи мнѣ хрибру отмовити рабу Божию N. Святая Пятница! поможи мнѣ рабу Божому N хрибру отмовити.

Стоить дубъ на роспутьи; пѣд тимъ дубомъ стоить архистратигъ Михаилъ архангелъ з огненимъ мечемъ. Тамъ градеть тридевять Иродовихъ дочокъ. К нимъ рече архистратигъ Михаилъ архангелъ: «Куди, тридевять Иродови дочки, градете?»—«Градемо ми до раба Божого N его червонои крѣви розжигати, его костей ламати, его сердце нудити». К нимъ рече архистратигъ Михаилъ архангелъ: «Не градѣте ви, тридевять Иродови дочки, до раба Божого N его червонои крѣви розжигати, его костей ламати, его сердце нудити: есть в раба Божого N тридевять крукѣвъ желѣзних, тридевять прутѣвъ желѣзнихъ; буде васъ на тридевять крукѣвъ желѣзнихъ кидати, буде на васъ триде-

вять прутѣвъ желѣзнихъ збивати. Пѣдѣть собѣ на сухіи лѣса, на пустіи поля, где люди не заходять, где и людскій гласъ не заходить. Аминь, аминь, аминь».

Сколько помню, заговоръ подобнаго содержанія не встрѣчался въ этнографическихъ сборникахъ, но что-то похожее мнѣ приходилось слышать въ дѣтствѣ изъ устъ «бабы-шептухи», лѣчившей меня отъ лихорадки. Во всякомъ случаѣ настоящій текстъ интересенъ уже тѣмъ, что записанъ болѣе ста лѣтъ назадъ.

Сообщ. **О. Л.**

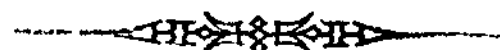
Кіевская почта въ 1731 г. Согласно послѣдовавшему въ 1725 г. апрѣля 25 изъ Кіев. Губ. Канц. указу объ устроеніи почтоваго двора, кіевскій магистратъ ежегодно избиралъ особаго почтмейстера изъ грамотныхъ мѣщанъ, который обязанъ былъ каждый мѣсяцъ представлять въ магистратъ особый реестръ, сколько было отпущено и по какимъ подорожнымъ подводъ въ теченіе мѣсяца. Реестръ этотъ затѣмъ при особомъ доношеніи магистрата представлялся въ Губ. Канц. Одно изъ такихъ доношеній съ реестромъ за ноябрь мѣсяцъ 1731 г. мнѣ и попалось въ дѣлахъ прошлаго вѣка. Изъ реестра этого, поданнаго тогдашнимъ почтмейстеромъ «присяглымъ урядникомъ» Семеномъ Марковичемъ, видно, что подводы давались отъ Кіева до Броваровъ (въ теченіе ноября мѣсяца 14 разъ) и до Бориполя (7 р.). Всѣхъ подводъ въ теченіе мѣсяца отпущено было съ почтоваго двора 30, въ томъ числѣ безъ прогоновъ 22, а за прогоны 8, при чемъ, за недостаткомъ почтовыхъ лошадей, 2 подводы были наняты у обывателей и за нихъ уплочено изъ ратуши 90 коп., а прогоновъ по нимъ получено почтою 72 к.

Актъ объ избраніи сельскаго священника, 1713 г. Року божого 1713, мѣсяця июня 21 дня. Передо мною Ѳеодоромъ Семионовичомъ, протопопою Роменскимъ, зехавши въ село Пустовойтовку по змершому небожчику отцу Самуилу, ставши всѣ едностайне и вся громада упрошаютъ по змершому небожчику попадѣ, иже всѣ мовлятъ: ежели пріймешъ сего дяка на имя Василя, который у насъ третий рокъ на дяковствѣ зостаетъ, бо онъ покорний и способний въ отправѣ церковной, дочеръ еи взяти, и ми на то всѣ по

жеби мѣли себѣ за учителя и пастира душъ людскихъ, жеби церковъ божественная не била на долгий часъ во отправѣ замедлѣнна.

Притомъ было людей зацнихъ и вѣри годнихъ, напродъ: при Стефану, старостѣ Оксютинскому и Пустовойтовскому, Ивану, атаману, Заворотку и Микитѣ, войту, рибалцѣ Ивану, ктитору Чорному и Мартину Иваненку, и Степану Тимошенку, и Ничипору Черевку, и Ѳедору Бабѣю, и иного на той часъ било не мало.

Стефанъ, староста, зо всею громадою низко кланяюсь [1]).

---

[1]) Изъ архива генер. канцеляріи, по Черниговск. описи, № 262.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Сборникъ историческихъ матеріаловъ по исторіи Кубанскаго козачьяго войска. 3 тома. Собраны и изданы И. И. Дмитренко. *Спб. 1896. 8 д. л. Томъ I. 1. Кубанскій Край. 2. Кавказская Линія. 3. Черноморское войско козачье. 4. Хоперскіе козаки. 1737—1801 г.г. XVI+897 стр. Томъ II. Бумаги императрицы Екатерины II, Потемкина-Таврическаго, Суворова-Рымникскаго и друг. 1787—1795 г.г. XXVII+475 стр. Томъ III. Войско вѣрныхъ Черноморскихъ козаковъ. 1787—1795 г.г. XL+799 стр.*

Осенью 1896 г. Кубанское козачье войско праздновало свой двухсотлѣтній юбилей. Въ составъ Кубанскаго войска вошло съ 1861 г. и Черноморское войско, возникшее изъ переселившихся въ к. XVIII в. на берега Кубани бывшихъ запорожцевъ. Кубанскій юбилей подалъ поводъ къ нѣсколькимъ изданіямъ *матеріаловъ* для исторіи Кубанскаго козачьяго войска вообще и для исторіи «войска вѣрныхъ Черноморскихъ козаковъ» въ частности [1]). Къ числу этихъ изданій принадлежатъ и настоящіе три тома «матеріаловъ», изданныхъ И. И. Дмитренкомъ. Въ предисловіи къ этому изданію читаемъ: «Занятія по исторіи бывшаго Черноморскаго козачьяго войска, прямого и непосредственнаго наслѣдника столь славнаго и знаменитаго Запорожскаго войска, дали мнѣ возможность собрать въ архивахъ Петербурга Москвы и Екатеринодара довольно большое количество интересныхъ документовъ. Примѣръ изданія военно-ученымъ комитетомъ сборниковъ однихъ лишь военно-историческихъ документовъ... побудили и меня къ изданію возможно большаго числа собранныхъ мною документовъ, какъ пособія вообще къ исторіи козачества, такъ и въ част-

[1]) См. „Кіевск. Стар. 1897 г., № 7—8, II, 42.

ности къ исторіи Кубанскаго козачьяго войска. Осуществить это мнѣ представилось возможнымъ лишь благодаря просвѣщенному содѣйствію наказнаго атамана Кубанскаго козачьяго войска Як. Дм. Маламы съ матеріальною помощью большого любителя и глубокаго знатока козачьей старины П. П. Бурсака». Далѣе г. Дмитренко говоритъ, что, «не останавливаясь на издаваемыхъ теперь трехъ томахъ, въ недалекомъ будущемъ, имѣя уже готовый въ рукахъ матеріалъ, онъ приступитъ къ изданію послѣдующихъ томовъ, захватывая въ каждый томъ или выпускъ періодъ времени отъ 5 до 10 лѣтъ жизни Кубанскаго козачьяго войска, чередуя отдѣльно выпускъ документовъ по исторіи Черноморскаго и Линейнаго войскъ».

Матеріалы для исторіи Черноморцевъ помѣщены почти исключительно въ послѣднихъ двухъ томахъ.

Послѣ разоренія въ 1775 г. Сѣчи, запорожцы разбрелись по южнорусскимъ степямъ и «блукали» тамъ, пока Потемкинъ не организовалъ изъ нихъ въ 1787 г. «войска вѣрныхъ козаковъ», подъ командою «войскового атамана и подполковника» Сидора Бѣлаго. Въ январѣ 1788 г. Потемкинъ извѣстилъ «войско», что императрица «изволила снизойти на пожалованіе войску земли для поселенія въ *Керченскомъ кутѣ* или на Таманѣ. Съ этого времени бывшіе запорожцы получаютъ названіе *Черноморскихъ* козаковъ. Заботясь о дальнѣйшемъ устройствѣ послѣднихъ, Потемкинъ въ августѣ 1788 г. «утвердилъ премьеръ-майора Антона Головатаго полковникомъ при войскѣ вѣрныхъ козаковъ, имѣющихъ кошъ свой на Збуреевской сторонѣ, подъ командою войск. атамана Сидора Бѣлаго», причемъ «велѣно ему принимая въ селеніяхъ бывшихъ козаковъ Запорожскихъ всѣхъ таковыхъ, прежде въ кошѣ служившихъ козаковъ, записывать въ число помянутыхъ вѣрныхъ»... (II, 10). Затѣмъ, въ январѣ 1789 г. «войско вѣрныхъ козаковъ Черноморскихъ» получаетъ прежнюю организацію запорожцевъ: Чепѣга получаетъ званіе *кошевого* атамана, Ант. Головатый—войсковаго судьи и т. д. Вслѣдъ затѣмъ Потемкинъ точнѣе указалъ Черноморскому войску и тѣ земли, на которыхъ оно получило право разселяться: «на Кинбургской сторонѣ земли, непринадлежащія помѣщикамъ, а отъ Буга по морю до Днѣстра... присовокупляется къ тому жъ округъ Еникольскій съ Таманомъ, на которомъ отданныя мнѣ мѣста съ рыбными ловлями самыми изобильными, *любя войско, навсегда оному дарую*». (I, 45). Съ этого времени Черноморское войско служило военную службу въ составѣ русской арміи до лѣта 1792 г., когда ему было пожаловано «въ вѣчное владѣніе

состоящій въ области Таврической островъ Фанагорія со всею землею, лежащею на правой сторонѣ рѣки Кубани отъ устья ея до Устъ-Лабинскаго редута»... (П. 2).

Вмѣстѣ съ тѣмъ на эти пожалованныя земли козаки должны были и переселиться. Напечатанные г. Дмитренкомъ «матеріалы» для исторіи Черноморскихъ козаковъ дѣлятся на двѣ части: одна, обнимающая собою службу козаковъ до переселенія на Кубань, а другая — относящаяся уже къ жизни козаковъ на Кубани. Первая часть заключаетъ въ себѣ акты 1787—1791 г.г., а вторая 1792—1795 г.г. Всѣ эти «матеріалы» взяты, какъ сказано на заголовкѣ, изъ «Кубанскаго войсковаго архива». Въ архивѣ этомъ занимался уже г. Короленко, авторъ обстоятельной монографіи, изданной подъ заглавіемъ «Черноморцы»[1]), состоящей тоже изъ двухъ частей: 1) «Черноморцы за Бугомъ» и 2) «Черноморцы на Кубани». Въ книгѣ г. Короленка напечатано значительное количество и сырого матеріала («Приложенія», 76 стр.), извлеченнаго изъ того же кубанскаго войск. архива. Теперь изданные г. Дмитренкомъ *матеріалы* представляютъ собою новыя подробности для исторіи Черноморскихъ козаковъ, дающихъ возможность будущему изслѣдователю пополнить и значительно распространить монографію г. Короленка[2]). Несомнѣнно, что трудъ г. Дмитренка по собранію и изданію столь значительнаго по количеству историческаго матеріала для «Черноморіи» заслуживаетъ большой благодарности всѣхъ интересующихся судьбами Днѣпровскаго козачества. При этомъ, однако жъ, нельзя не замѣтить, что планъ размѣщенія документовъ въ «Сборникѣ» г. Дмитренка имѣетъ нѣкоторые недостатки. Прежде всего, редакторъ расположилъ документы, помѣщенные во второмъ томѣ, не въ хронологическомъ порядкѣ, а по группамъ лицъ, отъ которыхъ исходили тѣ или другія оффиціальныя бумаги; такимъ образомъ мы видимъ здѣсь такіе отдѣлы: «бумаги императрицы Екатерины II», «бумаги кн. Потемкина-Таврическаго»,

---

[1]) Черноморцы. Соч. Короленко. Спб. 1874. 8 д. л. 212+76 стр. Послѣ изданія этой книги явился еще, въ 1880 г., очеркъ Бентковскаго—*Заселеніе Черноморіи съ 1792 по 1825 годъ.* (Памятн. книжка Кубанск. области 1881 г.) 125 стр. Разсказъ Бентковскаго о первыхъ годахъ жизни Черноморцевъ на Кубани основанъ на книгѣ г. Короленка.

[2]) Въ „матеріалахъ“ г. Дмитренка мы замѣтили повтореніе лишь одного документа, уже напечатаннаго г. Короленкомъ; это—церемоніалъ встрѣчи Головатаго послѣ его возвращенія изъ Петербурга, въ августѣ 1792 г., напечатанный у г. Короленка на стр. 29—31, а у г. Дмитренка—III, 499—501.

«бумаги Голенищева-Кутузова, «бумаги Нассау Зигенъ» и т. д. При такомъ планѣ свѣдѣніе о томъ или другомъ фактѣ, случившемся въ опредѣленное время, можетъ находится въ разныхъ мѣстахъ книги, смотря потому, въ бумагѣ какого *начальника* оно изложено. Затѣмъ, документы, напечатанные въ третьемъ томѣ и составляющіе матеріалъ во всемъ однородный съ тѣмъ, который помѣщенъ во второмъ томѣ, расположены однако жъ уже хронологически, потому что здѣсь оффиціальныя бумаги исходятъ отъ весьма значительнаго количества лицъ и притомъ ранговъ не важныхъ... Но въ третьемъ томѣ замѣчается существенный недостатокъ въ томъ, что редакторъ почему то нашелъ нужнымъ опустить не только *надписи и подписи* въ бумагахъ, но и обозначеніе мѣстъ, откуда бумаги писались. При этомъ заголовки бумагъ, сдѣланныя редакторомъ черезчуръ кратки и неопредѣленны. Напр. «Ордеръ Головатого полковнику Курлянскому, 28 ноября 1789 г.» (№ 224). Кто такой былъ этотъ полковникъ Курлянскій и откуда писанъ ордеръ—остается неизвѣстнымъ; «ордеръ Головатого Лубяному», (№ 227); ни званія Лубяного, ни мѣста написанія ордера—нѣтъ; «письмо Іосифа Трубникова Головатому», (№ 232);—кто такой Трубниковъ и откуда писано письмо—свѣдѣній нѣтъ». «Секретный ордеръ войск. есаула Зах. Сутыки» (№ 245);—кому писанъ ордеръ и откуда—не видно. «Прошеніе куреней Тимошевскаго и Деличковскаго судьѣ Головатому» (№ 312), кѣмъ подписано прошеніе и откуда—неизвѣстно; «приказъ коша старшинѣ Каракаю» (№ 368),—кѣмъ подписанъ «приказъ» и откуда—не видно; «сообщеніе турецкихъ запорожцевъ старшинамъ» (№ 565),—какимъ старшинамъ писано «сообщеніе», кѣмъ и откуда—не указывается. «Регистръ, сколько забрано вещей въ землянкѣ судьи Головатого» (№ 617),—въ какой землянкѣ забирались вещи, по какому случаю и кѣмъ—не видно. «Письмо судьи Головатого Павлу Фроловичу, 21 апрѣля 1792 г. устье Березани» (№ 657);—кто такой Павелъ Фроловичъ—не видно, а письмо хотя и надписано—«устье Березани», но писано оно изъ Петербурга (стр. 456), потому что тамъ находился въ этотъ моментъ Головатый (стр. 455—457); а что собственно обозначаетъ указаніе на «устье Березани»—понять нельзя. «Письмо Скаржинскаго кошовому Чепѣгѣ», 20 мая 1793 г. Астрахань (№ 861);—кто такой Скаржинскій—не видно, при чемъ это свѣдѣніе можетъ быть объяснилось бы изъ подписи Скаржинскаго, въ печати опущенной. «Письмо Федора Квитки Ант. Андр. Головатому» (№ 982),—кто такой Ф. Квитка и откуда письмо писано—не указывается. И. т. д., и т. д.

Указанные редакторскіе дефекты тѣмъ большее возбуждаютъ сожалѣніе, что собранные г. Дмитренкомъ матеріалы по содержанію своему, за рѣдкими исключеніями, очень интересны, значительно дополняя и поясняя наши свѣдѣнія о перерожденіи Запорожья въ «Черноморію».

По малоизвѣстности книги г. Дмитренка [1]), приводимъ изъ нея нѣсколько документовъ для лучшаго ознакомленія съ этимъ изданіемъ.

а. «Письмо Антона Головатого Павлу Фроловичу, 21 апр. 1792 г. Вамъ не безызвѣстно о турецкой войнѣ, какая уже окончилась, и мы, изъ бывшихъ запорожцевъ, по повелѣнію покойнаго свѣтлѣйшаго князя и великаго гетмана и монаршаго благоволенія, собравшись до двѣнадцати тысячъ, служили во оной: на водѣ—лодками, сухомъ пути—пѣшо и конно, и названы вѣрными Черноморскими козаками; а за службу теперь назначиваютъ къ поселенію землю на Кубани и Тамани, для полученія которой пріѣхалъ я съ старшинами въ Петербургъ и обнадеживае(ю)тъ отсель скорою отправкою. Въ войскѣ нашелъ больше женатыхъ, нежели холостыхъ. Знакомыхъ вашихъ изъ Шкуринскихъ (изъ Шкуринскаго куреня?) стариковъ на службѣ есть: Василь Иваша и Есько, что въ байракахъ жилъ, Лукьянъ Невдига и Остапъ Спичакъ. Полковникъ Колпчикъ померъ. Кошовымъ прежде былъ Сидоръ Бѣлый, коего подъ Очаковомъ, въ сраженіи, на судахъ убили, а нынѣ Захарій Чепѣга Кисляковскій (Кисляковскаго куреня?), судьею я, писаремъ Леушковскій (кур.) Котляревскій, есауломъ Крилевскій (кур.) Сутыка. Когда Петръ Ивановичъ и Иванъ Яковлевичъ въ живыхъ, то свидѣтелствуйте отъ меня нижайшій имъ уклонъ, а притомъ покорно прошу, батьку, не оставляйте, ежели случай позволитъ, о тамошнемъ поведеніи своей жизни, и кто изъ нашихъ запорожцевъ живъ, письменными увѣдомленіями».

Павелъ Фроловичъ, къ которому написано письмо, это несомнѣнно бывшій запорожскій войск. судья Головатый, арестованный при уничтоженіи Сѣчи, въ 1775 г., вмѣстѣ съ кошевымъ атаманомъ Калнишевскимъ (Петромъ Ивановичемъ) и войск. писаремъ Глобою (Иваномъ Яковлевичемъ). Объ этихъ двухъ лицахъ Антонъ Головатый и спрашиваетъ Петра Головатаго (м. б. своего родственника) и кланяется имъ. Но куда же это письмо писано?—Извѣстно, что глав-

[1]) Книга эта, повидимому, на рынкѣ не появлялась, такъ какъ въ объявленіяхъ не называлась. Узнать о ней намъ пришлось случайно и получили мы книгу непосредственно изъ Екатеринодара, благодаря любезности И. И. Дмитренка.

ные представители уничтоженной Сѣчи были сосланы, въ 1776 г., въ разныя отдаленныя окраины: Калнишевскій—въ Соловецкій монастырь, Петръ Головатый—въ Тобольскъ и Глоба—въ Кондинскій монастырь (850 верстъ къ сѣв. отъ Тобольска) [1]. Петръ Головатый въ Тобольскѣ и умеръ; слѣд. Антонъ Головатый писалъ свое письмо еще туда же, въ Тобольскъ, но было ли оно отправлено по адрессу—знать того нельзя, такъ какъ въ книгѣ г. Дмитренка не значится, откуда взято имъ это письмо; едва ли можно полагать, чтобы и оно взято было изъ Кубанск. войск. архива. Въ приведенномъ письмѣ Ант. Головатаго особенно интересенъ тотъ фактъ, что и чрезъ 16-ть лѣтъ послѣ ссылки Калнишевскаго, еще не зналъ о мѣстѣ этой ссылки даже и такой свѣдущій въ запорожскихъ дѣлахъ человѣкъ, какимъ былъ Ант. Головатый.

б. «Довѣренность Ант. Головатого поручику Лать на продажу его имѣнія, 10 окт., 1792 г. Состоящую Екатеринославскаго намѣстничества, въ Новомосковскомъ уѣздѣ, при рѣчкѣ Кильчакѣ, собственную мою дачу о 3500 дес. удобной, а неудобной 450 дес. земли, со всѣми находящимися на ней господскимъ и подданническимъ строеніемъ, хлѣбомъ, пчелами и другими домовыми вещами (кромѣ воды (?)) равно въ мѣстечкѣ Новоселицахъ жилой домъ, ежели кто пожелаетъ купить, прошу васъ за объявленныя отъ меня цѣны продать, гдѣ надлежитъ въ судебномъ мѣстѣ законнымъ порядкомъ крѣпость совершить, и покупщику на оную дачу планъ и книгу межевые, при семъ прилагаемые, поручите»...

Приведенный документъ показываетъ, какъ устраивалась запорожская старшина послѣ разоренія Сѣчи.

в. «Письмо Скаржинскаго кошовому Чепѣгѣ, 20 мая 1793 г. Астрахань.—Батьку, знаменитый атаманъ кошевый, старшій брате Захаръ Алексѣевичъ! Ей що то колись було въ Сѣчи видати, то теперъ слухомъ слыхати, атамана кошового, поря(а?)дника войскового, батька Захара Алексѣевича и судью Антона Андреевича съ старшинами и славнымъ вѣрнымъ войскомъ на здѣшнемъ берегу Черноморскомъ и по рѣкѣ Кубани, послухайте жъ чего хочется мнѣ?—Чтобъ

---

[1] См. Русск. Стар. 1875 г., ноябрь, статья П. С. Ефименка, „Донъ", ежемѣс. журналъ, 1887 г., ноябрь, статья Д. И. Эварницкаго и „Календарь Тобольск. губ. на 1890 г." (Тобольскъ), въ которомъ помѣщены свѣдѣнія о „колодникахъ" Кондинскаго монастыря XVIII в., при чемъ въ числѣ колодниковъ называется и Глоба. Въ Кондинскомъ м—рѣ Глоба и умеръ, оставивъ послѣ себя въ г. Кондинскѣ потомство, существующее и нынѣ. Календ., стр. 268.

вамъ Богъ далъ счастливо жити, вороговъ бити, старыхъ женити, дѣтей плодити, рыбу ловити, скотъ розводити да и новую еще славу заслужите. Все сіе вамъ Богъ дастъ и буде, бо вы добрые люди. Ой! колибъ то я могъ васъ теперь видати и якъ батьковъ и братей обняти, тобъ то серцу утѣха, но коли въ томъ помѣха, то письмо пишу и васъ прошу, батьку, атамане кошовый, и ты, пане судья войсковый поклонъ отъ меня приняти, старшинамъ и войску сказати, что я всѣмъ вамъ пріятель вѣрный и доброжелатель нелицемѣрный, да що и сынъ мой вашъ козакъ куренній. Прощайте да и насъ не забувайте».

Кто такой былъ авторъ этого лирическаго посланія—не видно; даже неизвѣстно и имя этого Скаржинскаго, вѣроятно значившееся въ его подписи.—Можетъ быть это былъ сынъ лубенскаго сотника—Петръ Михайловичъ Ск—ій, который за участіе во взятіи Очакова получилъ Георгія, а въ 1793 г. былъ «кавказскимъ намѣстникомъ»[1]). Если это былъ дѣйствительно П. М. Скаржинскій, то письмо его не можетъ не указывать на сочувствіе «городовыхъ» къ судьбѣ Запорожья послѣ уничтоженія Сѣчи... Откуда взято это письмо, видимо принадлежавшее къ семейному архиву кошеваго Чепѣги,—не указано.

г. Письмо къ отцу сыновей Антона Головатаго, Александра и Афанасія, 13 февр., 1794 г. «Свидѣтельствуемъ вамъ наше всенижайшее почтеніе и увѣдомляемъ васъ, что мы еще слава Богу здоровы. При семъ просимъ васъ всепокорнѣйше не оставить насъ вашимъ родительскимъ увѣдомленіемъ о своемъ здоровьи и благополучіи.—Я[2]) же сего лѣта былъ въ морѣ и продолжали путь свою до Даніи; въ Копенгагенѣ были. Я служилъ на адмиралтейскомъ кораблѣ у Александра Ивановича фонъ-Крюза «Іоанъ Креститель» стопушечномъ. Но въ бытность мою въ морской практикѣ отъ морской погоды былъ всегда въ болѣзни. И такъ прошу вашего родительскаго позволенія чрезъ годъ выйдти изъ корпуса въ полкъ, въ какой вамъ угодно будетъ. Я съ моей стороны желалъ бы вашимъ черноморскимъ офицеромъ быть, ежели вашей родительской милости разсудится, по окончаніи геометріи, фортификаціи и артиллеріи[3]). Я же, когда былъ въ морѣ, то братцу ни сахару, ни чаю не отпущали,

---

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1893 г., іюнь, 426.

[2]) Это говоритъ о себѣ старшій Александръ, какъ видно изъ другихъ бумагъ,

[3]) Желаніе юнаго черноморца было исполнено: въ 1796 г. онъ уже ходилъ съ отцомъ въ походъ на „Персидскіе берега". „Сборн.", I, 67.

кромѣ полтора рубля въ пять мѣсяцевъ, и то приказывалъ ему нашъ господинъ полковникъ пить (?) по одной копѣйкѣ въ день.—Въ корпусѣ же хорошо учатъ, но впрочемъ содержаніе очень худо. Намъ, какъ вамъ извѣстно, 952 рубля въ годъ (?); платья же, въ которомъ въ классы ходимъ, кромѣ мундировъ и бѣлья, все кадетское, также—кушанье, чаю (?); тѣмъ мы и отличны отъ кадетъ. Прежде, какъ вамъ извѣстно, насъ ея императорское величество изволила опредѣлить въ корпусъ, то намъ отведено было два покоя, кушанье и денщикъ было особливо. Въ бытность мою въ морѣ, (?) при окончаніи компаніи (когда?) возвратился, то братецъ стоялъ вмѣстѣ съ кадетами и кушалъ кадетское кушанье. Я просилъ господина полковника нашего, чтобъ онъ отпустилъ кушанье къ намъ, но онъ отказалъ. Кромѣ чая, мнѣ къ зимѣ купили шубу, а братцу нѣтъ. Я много разъ сказывалъ, но онъ сказалъ: она ему не нужна, потому что онъ будетъ въ корпусѣ. И такъ, чѣмъ больше я ему говорю, тѣмъ больше онъ на меня сердится. И такъ просимъ васъ, милостивѣйшіе родители, кланяться любезной бабушкѣ нашей, также и любезнымъ братцамъ и всѣмъ сродникамъ всенижайшее наше почтеніе просимъ засвидѣтельствовать и остаемся навсегда ваши доброжелательные дѣти. С.-Петербургъ». Изъ приведеннаго письма видимъ—какъ черезъ 20-ть лѣтъ послѣ уничтоженія Запорожья сыновья разогнанныхъ запорожцевъ уже учились въ тогдашнихъ кадетскихъ корпусахъ, и, какъ видно, не отставали отъ товарищей, изучая геометрію, фортификацію, артиллерію... Кромѣ этихъ двухъ сыновей, у Головатаго было еще три: Матвѣй, Андрей и Константинъ. Послѣдніе три въ 1796 г. были еще «малолѣтними»[1]). Одного изъ нихъ, впослѣдствіи, Головатый помѣстилъ въ какое то харьковское училище[2]).

д. Письмо Федора Квитки къ Антону Головатому, 17 марта, 1794 г. «Во первыхъ поздравляю васъ со всѣмъ домомъ св. четыредесятницею, которую желаю отъ всего сердца въ ненарушимомъ здравіи и благополучіи препроводить и страстямъ Христовымъ поклониться... Матушка—что въ письмѣ пишетъ, тому есть такъ точно. Меня польстило на то то самое, что она хотя богатого отца, но все то богатство принебрегала, а приняла христіанскую вѣру съ тѣмъ, чтобы быть мнѣ женою. Я вижу, что сіе сдѣлала она чрезъ меня, боясь Всевышнаго, чтобъ меня за сіе не наказалъ, если ее оставлю,

[1]) См. т. I, стр. 67 и т. III, стр. 764.

[2]) Статья Основьяненка о Головатомъ, Отеч., Зап. 1839 г., № 11, стр. 11.

вознамѣрился на ей сочетаться бракомъ, пришло мнѣ на мысль то, что може за сіе меня Богъ не оставитъ»...

е. «Письмо Ульяны Порохниной къ зятю Ант. Головатому, «17 марта, 1794 г. Самара». «Наступившимъ нынѣ святымъ постомъ поздравляю васъ съ любезнѣйшею вашею сожительницею и дѣтками... О себѣ же доношу, что по милости Всевышняго жива и здорова нахожусь. Федоръ Григорьевичъ свидѣтельствуетъ свое нижайшее почтеніе. Пріѣхалъ съ полка въ домъ, привезъ себѣ невѣсту изъ знатной фамиліи, но только изъ иностранныхъ, а уже выкрещенку. Проситъ дозволенія о вступленіи съ ею въ бракъ. Я хотя по разсужденіи своему, что она иностранка, несвѣдующая совсѣмъ, мнѣ и не желала (?) сего сдѣлать, но видя ея добродѣтельство, хорошія качества и къ хозяйству охоту имѣющую усердно, желаю и благословлю ихъ; и васъ покорно прошу желать имъ добра и не оставить ихъ»...

ж. Письмо Ант. Головатого къ З. А. Чепѣгѣ, 30 мая 1794 г., Тамань. «Моя Ульяна Григорьевна по полудни въ 5-мъ часу, въ самую зелену недѣлю, ради праздника, царство ей небесное, покинула меня и осталась въ крайней багѣ (?), вчерашній день, залогомъ моей вѣрности и преданности Богу, государю, войску и товариству [1]).

Больше нечѣмъ хвалиться, а увидѣвшись говорить буду».

Изъ приведенныхъ трехъ писемъ многаго понять нельзя. Федоръ Квитка (какой неизвѣстно) [2]) называетъ Ульяну «Порохнину» —матерью; въ то же время эта Ульяна Порохнина по свидѣтельству редактора есть теща Ант. Головатого, но она ли есть и та Ульяна Григорьевна, которую называетъ Головатый *своею*, извѣщая Чепѣгу о ея смерти — разобрать нельзя... Несомнѣнно, что опущенныя редакторомъ *надписи* и *подписи* писемъ во многомъ затемнили содержаніе и этихъ писемъ.

При нѣкоторыхъ недостаткахъ «Сборника», редакторъ его тѣмъ не менѣе, повторяемъ, заслуживаетъ большой благодарности за ту массу интереснаго матеріала, которую онъ въ немъ обнародовалъ. Эти матеріалы даютъ намъ возможность близко познакомиться съ

---

[1]) Письмо приводится буквально, — смыслъ заключительныхъ словъ непонятенъ...

[2]) Разумѣется не отецъ писателя Григорія Федоровича, родившагося въ 1778 г. Объ отношеніяхъ отца писателя къ Ант. Головатому см. выше указанную статью Гр. Ф. Квитки въ Отеч. Зап. 1839 г.

представителями *послѣднихъ запорожцевъ*—Чепѣгой, Головатымъ и друг. и оцѣнить ихъ практическій умъ, съ помощью котораго они такъ умѣло и прочно устроили судьбу разогнаннаго было запорожскаго «товариства». Будемъ ожидать, что обѣщаемое И. И. Дмитренкомъ «послѣдующіе томы» его «Сборника» представятъ такой же интересный матеріалъ для исторіи перерожденнаго Запорожья.

А. Л.

О начальномъ кіевскомъ лѣтописномъ сводѣ. *А. А. Шахматова. М. 1897 г. 58 стр. Изъ «Чтеній въ Импер. Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ».*

Всѣ изслѣдователи согласны въ томъ, что *Повѣсть временныхъ лѣтъ* составлена на основаніи самыхъ разнообразныхъ источниковъ. Но вопросъ, собраны-ли и сведены-ли всѣ эти матеріалы послѣднимъ редакторомъ свода, или же часть ихъ входила въ составъ другого, болѣе древняго, который и легъ въ основаніе *Повѣсти временныхъ лѣтъ*, до сихъ поръ остается открытымъ. Академикъ А. А. Шахматовъ допускаетъ возможность, что «Повѣсть вр. лѣтъ» составлена на основаніи другого, болѣе древняго свода, гдѣ уже былъ сгруппированъ матеріалъ (или только часть его) изъ разныхъ повѣстей и списковъ. Составленіе Повѣсти вр. лѣтъ А. А. Шахматовъ относитъ къ 1116 году, обѣщая показать это въ другой статьѣ, посвященной вопросу о двухъ древнѣйшихъ редакціяхъ Повѣсти вр. лѣтъ.

Мы не будемъ излагать подробно тѣхъ основаній, по которымъ А. А. Шахматовъ допускаетъ возможность существованія болѣе древняго свода, который онъ называетъ «Начальнымъ сводомъ». Интересующійся этимъ вопросомъ долженъ обратиться къ самой статьѣ г. Шахматова. Мы только постараемся указать нѣкоторые выводы автора.

А. А. Шахматовъ началъ съ сравнительнаго изслѣдованія различныхъ списковъ такъ наз. первой новгородской лѣтописи. Изслѣдованіе это показало, что въ концѣ XII или въ первой четверти XIII в. въ Новгородѣ составились два лѣтописныхъ свода, при чемъ появленіе второго свода объясняется утратой перваго или большей части перваго свода. Описывая новгородскія событія, оба свода дополняли свои извѣстія описаніями событій обще-русскаго характера, при чемъ первый сводъ заимствовалъ ихъ изъ Повѣсти вр. лѣтъ, а второй изъ

какой-то другой лѣтописи, весьма сходной, но не тожественной съ Повѣстью и представляющейся тѣмъ древнѣйшимъ сводомъ, изъ котораго въ первой четверти XII вѣка составилась Повѣсть». «Такимъ образомъ, говоритъ А. А. Шахматовъ, изученіе списковъ второго Новгородскаго свода приводитъ насъ къ возстановленію первоначальнаго свода, легшаго въ основаніе *Повѣсти вр. лѣтъ*» (стр. 1).

Изслѣдованіе А. А. Шахматова распадается на три главы. Въ первой авторъ говоритъ объ исторіи составленія 1 и 2 новгородскихъ сводовъ, а также позднѣйшаго свода XIII в.—Софійскаго временника; во второй—о томъ древнѣйшемъ новгородскомъ лѣтописцѣ, извѣстія котораго соединены первымъ новгородскимъ сводчикомъ съ заимствованіями изъ *Повѣсти вр. лѣтъ*, а вторымъ—съ заимствованіями изъ начальнаго свода; въ третьей главѣ разсматривается составъ начальнаго свода на основаніи данныхъ, представляемыхъ, какъ новгородской первой лѣтописью, такъ и архангелогородскимъ лѣтописцемъ.

Оставляя въ сторонѣ первую и вторую главы, мы подробнѣе остановимся на содержаніи третьей, болѣе интересной для юга Россіи, главѣ. Раньше всего авторъ приводитъ цѣлый рядъ статей и извѣстій Начальнаго свода, которыя, по его мнѣнію, не могутъ быть объяснены изъ Повѣсти вр. лѣтъ и представляютъ болѣе древнюю редакцію соотвѣтствующихъ частей Повѣсти вр. лѣтъ (стр. 40). Затѣмъ онъ обращается къ разсмотрѣнію хронологіи начальнаго свода и заимствованій изъ греческихъ источниковъ сравнительно съ Повѣстью вр. лѣтъ (стр. 41 и слѣд.). Въ этомъ отношеніи и г. Шахматовъ приходитъ къ заключенію, что «хронологія Начальнаго свода основана также на греческомъ источникѣ, причемъ составитель свода пользовался имъ независимо и раньше составителя Повѣсти вр. лѣтъ» (стр. 42). Есть въ начальномъ сводѣ пропуски сравнительно съ Повѣстью вр. лѣтъ, но, по мнѣнію А. А. Шамматова, пропуски эти только кажущіеся. Они объясняются тѣмъ, что составитель Повѣсти вр. лѣтъ сдѣлалъ вставки, отсюда и получились какъ-бы пропуски въ Начальномъ сводѣ (стр. 47). Такими вставками являются, напр., и договоры русскихъ князей съ греками, причемъ вставка ихъ сдѣлана настолько неискусно, что А. А. Шахматовъ старается возстановить даже прерванную цѣпь первоначальнаго разсказа (стр. 47—48). Цѣлый рядъ доказательствъ приводитъ онъ въ подтвержденіе своего мнѣнія...

Для изученія и возстановленія Начальнаго свода А. А. Шахматовъ пользуется также позднѣйшимъ лѣтописнымъ сборникомъ, извѣстнымъ подъ именемъ *Архангелогородскаго лѣтописца*, который является

сокращеніемъ какого-то лѣтописнаго свода, отразившаго въ древней своей части вліяніе двухъ источниковъ—Повѣсти вр. лѣтъ и Начальнаго свода, причемъ свѣдѣнія изъ Начальнаго свода переписаны не изъ Софійскаго временника. Это доказывается тѣмъ, что въ Арханг. лѣтописцѣ они сохранились въ болѣе древней и *полной* редакціи (стр. 52). «Арханг. лѣтописецъ, или вѣрнѣе оригиналъ его, содержитъ въ себѣ рядъ заимствованій изъ очень древней редакціи Начальнаго свода, редакціи, повидимому, предшествовавшей той, которая, съ одной стороны, отразилась на 2-мъ Новгородскомъ лѣтописномъ сводѣ, а съ другой—легла въ основаніе Повѣсти вр. лѣтъ». (стр. 56)...

Въ настоящее время и существуютъ пока эти два источника для возстановленія Начальнаго свода—списки 2-й редакціи Новгородской первой лѣтописи и Архангелогородскій лѣтописецъ. Цѣликомъ возстановить сводъ на основаніи ихъ, конечно, нельзя. Полнаго возстановленія, замѣчаетъ А. А. Шахматовъ, «надо ожидать или отъ новыхъ открытій въ нашихъ лѣтописныхъ сборникахъ, или отъ критическаго изученія Повѣсти вр. лѣтъ, сравнительно съ матеріаломъ, извлекаемымъ изъ Новгородской лѣтописи» (стр. 57). Скудость данныхъ для характеристики Начальнаго свода «не даетъ возможности съ увѣренностью опредѣлить ни времени, до котораго доходилъ историческій разсказъ свода, ни года, когда онъ составленъ». Авторъ ограничивается пока выводомъ, что Начальный сводъ составленъ (вѣроятно въ Кіевѣ) въ XI в. послѣ 1074 года (стр. 57). Что касается источниковъ Начальнаго свода, то часть ихъ опредѣляется изслѣдованіями, посвященными вопросу о составѣ Повѣсти вр. лѣтъ. Въ числѣ русскихъ источниковъ было какое то *Сказаніе о Началѣ Руси*, приблизительный ходъ разсказа котораго можно возстановить по новгородской редакціи. Въ числѣ источниковъ Начальнаго свода были также какія-то лѣтописныя записи новгородскаго происхожденія. Это послѣднее соображеніе даетъ А. А. Шахматову поводъ поставить вопросъ: «нельзя ли думать, что составителю Начальнаго свода была извѣстна какая то новгородская лѣтопись, доведенная до 70-хъ годовъ XI ст.?..

Словомъ, интересная работа А. А. Шахматова снова поднимаетъ нерѣшенный и старый вопросъ о началѣ нашего лѣтописанія, поднимаетъ его въ новомъ совершенно видѣ. Съ нетерпѣніемъ будемъ ждать обѣщанныхъ работъ автора въ этомъ направленіи.

Н. В.

Fontes historiae ukraino-russicae (ruthenicae) a collegio archaeographico Societatis Scientiarum Ševčenkianae editi. Vol. II. ***Жерела до історичі України Руси. Видае археографічна Комісия Наукового Товариства імени Шевченка. Том II. Люстрациі королівщин в землях перемиськїй і сяноцькій в р. 1565. У Львові 1897.***

Въ свое время на страницахъ «Кіевск. Стар.» (1896, № 7—8) было отмѣчено появленіе перваго тома изданій археографической коммиссіи Товарищества имени Шевченка, въ которомъ помѣщены были относящіяся къ 1565—1566 г. люстраціи королевскихъ имѣній, лежавшихъ въ галицкомъ Поднѣстровьи. Въ только что вышедшемъ второмъ томѣ помѣщены относящіяся къ тому же времени люстраціи земель перемышльской и сяноцкой, лежащихъ въ сѣверо-западной части Галиціи, въ бассейнѣ р. Вислы, по ея притокамъ Вислоку и Сяну. Изданіе люстрацій 1565 г. Коммиссія предполагаетъ закончить третьимъ томомъ, въ который войдутъ люстраціи земель Львовской, Белзской и Холмской; люстраціи Подольскихъ повѣтовъ не войдутъ въ настоящее изданіе, такъ какъ онѣ уже изданы Кіевскою Коммиссіей для разбора древнихъ актовъ (Архивъ Ю.-З. Россіи, ч. VII, т. II). Въ настоящемъ томѣ напечатаны люстраціи русскихъ жупъ (соляныхъ варницъ) въ Перемышльской землѣ и старостствъ Перемышльскаго, Лежайскаго, Замховскаго и Сяноцкаго—по единственному сохранившемуся списку, находящемуся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи.

Изданію предпослано изслѣдованіе главнаго редактора арх. ком. проф. Грушевскаго, озаглавленное ***«економічний стан селян в перемишльскім старостві в середині XVI в.».*** Статья эта составлена на основаніи люстрацій 1565 г. и нѣкоторыхъ матеріаловъ, относящихся къ болѣе раннему времени, а именно—подробнаго инвентаря, составленнаго въ 1553 г. (до сихъ поръ неизданнаго) и описей 1494 и 1497 (изданныхъ въ «Запискахъ Тов. Шевченка»). Главные выводы, къ которымъ приходитъ авторъ на основаніи изученія этихъ матеріаловъ, заключаются въ слѣдующемъ. Въ концѣ XV в. площадь крестьянской пашни почти не увеличивалась. Число отдѣльныхъ хозяйствъ также возрастало чрезвычайно слабо, сравнительно съ естественнымъ приростомъ населенія. Увеличеніе числа хозяйствъ обусловливалось, главнымъ образомъ, дробленіемъ грунтовъ до обычной нормы —$1/2$ лана; но при этомъ увеличивается число загородниковъ (малоземельныхъ): за 12 лѣтъ число ихъ увеличилось на 133%. Причиной всѣхъ этихъ

перемѣнъ является, съ одной стороны, развитіе фольварочнаго (шляхетскаго) хозяйства, при чемъ крестьянскіе грунты скучились «non sine effusione lacrimarum», съ другой—условіями тогдашняго хозяйства, дѣлавшими невыгоднымъ хозяйство на мелкихъ участкахъ. Не желавшіе оказаться въ положеніи пролетарія-загородника вынуждены были искать новыхъ земель для колонизаціи и нашли ихъ въ перемышльскомъ Подгорьѣ. Въ половинѣ XVI ст. здѣсь возникаетъ рядъ новыхъ поселеній; но и въ нихъ средняя величина грунта тоже—$^1/_2$ лана. Таковы были условія землевладѣнія. Что касается податей, то они еще не были уравнѣны и представляютъ большое разнообразіе, особенно въ селахъ различныхъ разрядовъ—русскаго, нѣмецкаго и волошскаго права. Въ селахъ «русскаго права», т. е. основанныхъ еще на старинныхъ русскихъ обычаяхъ, подати были весьма разнообразны, и только панщина приведена уже къ одному знаменателю—«робити какъ скажуть» (dum et quando mandatur). Въ селахъ «нѣмецкаго права» (т. е. вновь основанныхъ) подати равномѣрнѣе, но въ общемъ выше, чѣмъ въ селахъ русскаго права; панщина тоже. И въ тѣхъ, и въ другихъ обложеніе въ XVI в. выше чѣмъ въ XV (особенно въ русскихъ селахъ). Въ селахъ «волошскаго права» (съ русскимъ населеніемъ) господствующее занятіе составляло скотоводство; по этому и дань платилась здѣсь продуктами скотоводства; но со временемъ скотоводство приходитъ въ упадокъ и дань замѣняется должнымъ чиншемъ. Вообще же обложеніе въ этихъ селахъ весьма равномѣрное, панщина значительно легче (напр. 15 дней въ годъ, или: одинъ день жнутъ, сплавляютъ лѣсъ). Существовали еще «конюшія села», но они представляли уже архаическое явленіе, и въ XVI в. были вымѣряны на ланы и обложены чиншемъ. Таковы были повинности тяглыхъ крестьянъ. Что касается «загородниковъ», число которыхъ такъ быстро увеличивалось въ XVI в., то ихъ положеніе еще не было урегулировано: одни отбывали панщину, другіе платили чиншъ, иногда и то и другое соединялось; размѣры повинностей были очень разнообразны, вѣроятно въ зависимости отъ величины грунта.

Настоящая статья составляетъ какъ-бы продолженіе предисловія къ первому тому и отличается тѣми же достоинствами и тѣми же недостатками. Таже точность въ изслѣдованіи матеріала, то же умѣнье воспользоваться малѣйшими указаніями изслѣдуемаго матеріала, и съ другой стороны—то же отсутствіе обобщеній, иногда вызывающее въ читателѣ нѣкоторое недоумѣніе. Такъ, изъ предисловія къ 1 тому можно заключить, что положеніе крестьянъ ухудшилось по направленію отъ

Ю.-В. къ С.-З.; Перемышльская земля, занимающая С.-З. часть Галиціи, повидимому, должна представлять еще худшія условія; но изъ приведенныхъ данныхъ, повидимому, нельзя сдѣлать такого вывода, да и самъ г. Г. сопоставляетъ Перемышльское староство по обложенію съ Снятинскимъ (на Ю.-В.) и Дорогобычскимъ (на С.-З.). Вообще вторая статья заключаетъ еще меньше обобщеній, чѣмъ первая: такъ, въ ней нѣтъ указаній на разряды крестьянъ и общихъ выводовъ о благосостояніи крестьянскаго населенія. Впрочемъ г. Г. еще въ первой статьѣ заявилъ, что отлагаетъ общіе выводы до окончанія цѣлаго ряда детальныхъ изслѣдованій о внутреннемъ строѣ Галиціи въ XVI в., да и настоящую статью заканчиваетъ такъ: «на тімъ тим часом кінчаю».

В. Щербина.

Сборникъ Харьковскаго историко-филологическаго Общества. *Томъ 10-й Харьковъ 1897. Стр. I—X, I—III и 1—223.*

По заведенному порядку, и настоящій томъ «Сборника» открывается оффиціальнымъ отдѣломъ, носящимъ заглавіе: «*Отчетъ о дѣятельности историко-филологическаго общества въ 1896—97 академическомъ году*». Но этотъ «отчетъ» совсѣмъ не похожъ на обычные отчеты, представляющіе итоги дѣятельности того или иного учрежденія въ такой строгой и точной системѣ и сжатой формѣ, что результаты дѣятельности становятся ясными до осязательности. Отчетъ харьковскаго историко-филологическаго Общества имѣетъ, напротивъ форму, краткихъ протоколовъ засѣданій, и такъ бы слѣдовало его наименовать, не вводя читателя въ недоумѣніе. Изъ протокольнаго отчета мы узнаемъ, что Общество въ 1896—97 году имѣло пять лишь засѣданій (24 октября и 29 ноября 1896 г., 13 и 28 февраля, и 8 апрѣля 1897 г.; 15 апрѣля, когда былъ поднесенъ членами Общества М. С. Дринову альбомъ съ портретами и адресъ съ подписями членовъ, а А. С. Лебедеву—адресъ, мы не относимъ къ днямъ засѣданій Общества, потому что въ отчетѣ не сказано, чтобы поднесеніе адресовъ происходило въ засѣданіи). Пятое засѣданіе было посвящено исключительно административнымъ дѣламъ, и рефераты читались лишь въ первыхъ четырехъ засѣданіяхъ. Всѣхъ рефератовъ мы насчитали 14; по засѣданіямъ они распредѣляются очень неравномѣрно; въ 1-мъ засѣданіи было прочтено 9 рефератовъ; во 2-мъ—1, въ 3-мъ и 4-мъ—по 2;

кромѣ слушанія рефератовъ, Общество обсуждало и рѣшало свои текущія дѣла (о печатаніи трудовъ своихъ членовъ въ «Сборникѣ», о присужденіи преміи А. А. Потебни, о назначеніи темъ для преміи слѣдующаго года, о выборахъ должностныхъ лицъ и новыхъ членовъ Общества и т. п.). Прочтенные рефераты касались исторіи католической церкви (1) и этнографіи (1); къ библіографіи можно отнести 5 рефератовъ и къ некрологамъ—7.

Къ сожалѣнію, въ настоящемъ «отчетѣ» не представлены поучительныя цифровыя данныя о публичныхъ чтеніяхъ для женщинъ, какія (т. е. данныя) мы имѣли въ предшествовавшей книгѣ „Сборника".

Въ отчетномъ году въ предсѣдатели Общества избранъ проф. Н. Ѳ. Сумцовъ и въ секретари—Е. Е. Рѣдинъ.

Бюджетъ Общества: въ приходѣ—1786 р. 10 к.; въ расходѣ—1620 р. 10 к.; остатокъ на текущій годъ—166 руб.

Указанія на число членовъ Общества мы не нашли въ «Отчетѣ», равно какъ не нашли указаній и на дѣятельность Педагогическаго отдѣла.

Таково состояніе и дѣятельность достопочтеннаго Харьковскаго Историко-филологическаго Общества. Переходимъ теперь къ обзору помѣщенныхъ въ «Сборникѣ» изслѣдованій и матеріаловъ.

Серьезный этнографическій трудъ *Ѳ. Ю. Зелинскаго* производитъ чрезвычайно отрадное впечатлѣніе. Говоря *«О заговорахъ»*, авторъ обстоятельно разсматриваетъ существующія мнѣнія о нихъ ученыхъ, подвергая эти мнѣнія критическому анализу, изслѣдуетъ психологическія основы заговоровъ у разныхъ народовъ, слѣдитъ за исторіей развитія заговоровъ и опредѣляетъ ихъ главныя формальныя черты. Болѣе близкимъ къ истинѣ авторъ считаетъ опредѣленіе заговора, сдѣланное г. Крушевскимъ: „заговоръ есть выраженное словами пожеланіе, соединенное съ извѣстнымъ обрядомъ или безъ него, пожеланіе, которое должно непремѣнно исполниться. Покойный А. А. Потебня сдѣлалъ поправку къ опредѣленію г. Крушевскаго; по его опредѣленію, „заговоръ есть словесное изображеніе сравненія даннаго или нарочно произведеннаго явленія съ желаннымъ, имѣющее цѣлью произвести это послѣднее". Мнѣніе Потебни принято и г. Зелинскимъ, какъ самое точное и вѣрное. Доказательству его истинности и посвященъ весь трудъ автора. Всѣ другіе ученые смотрятъ на заговоръ какъ на остатокъ языческой молитвы, тѣмъ не менѣе всѣ они наблюдаютъ и отмѣчаютъ силу слова, выражающуюся въ заговорѣ, и на неотразимость его въ произведеніи желаемаго дѣйствія. Смотря на

заговоры, какъ на остатки языческихъ молитвъ и клятвъ, многіе ученые часто смѣшиваютъ одни съ другими, напр.: считаютъ заговорами клятвы въ договорахъ Олега и Игоря съ греками, плачъ Ярославны и проч. „Если каждое сравненіе, говоритъ авторъ по этому поводу, считать за заговоръ, то мы должны будемъ назвать заговоромъ и такое выраженіе изъ извѣстной церковной молитвы какъ: «Да исправится молитва моя, яко кадило предъ Тобою». Изслѣдованіе Ѳ. Ю. Зелинскаго невольно приводитъ читателя къ заключенію, что заговоръ есть весьма близкое къ гипнотическому внушенію явленіе, чѣмъ и объясняется магическое дѣйствіе перваго.

Вторая статья *«Пѣсни о Травинѣ»*, принадлежащая перу извѣстнаго этнографа *Н. Ѳ. Сумцова*, затрогиваетъ очень интересный вопросъ о малорусскихъ разбойничьихъ (извѣстныхъ подъ именемъ гайдамацкихъ) пѣсняхъ, героями которыхъ являются Гнатко Голый, Кармелюкъ, Гавриленко, Недуменко, Джеременко и друг. Для опредѣленія характерныхъ чертъ малорусско-гайдамацкихъ и галицко-русскихъ опрышковыхъ пѣсенъ авторъ рекомендуетъ сравненіе ихъ съ великорусскими и предлагаетъ этотъ планъ для любителей малорусской этнографіи, въ увѣренности, что при добромъ желаніи онъ будетъ расширенъ и улучшенъ. Для примѣра г. Сумцовъ разсматриваетъ «Пѣсни о Травинѣ», малоизвѣстномъ малорусскомъ разбойникѣ, сравниваетъ ихъ съ великорусскими пѣснями о Травнинѣ и, на основаніи общихъ чертъ, приходитъ къ заключенію, что пѣсни эти великорусскаго происхожденія; онѣ могутъ быть отнесены (по сравненію съ оффиціальными документами) къ XVII в., отзываются скоморошнымъ пошибомъ и весьма характерны по чертамъ профессіональной скоморошной обработки.

Статью г. Г. Ирмера оставляемъ для обозрѣвателей латышской этнографіи, которой онъ касается, хотя не можемъ не пожелать, чтобы и южно-русскіе этнографы устроили подобную же выставку въ Кіевѣ на предстоящемъ археологическомъ съѣздѣ въ 1899 году, какая была устроена въ 1896 г. на Рижскомъ съѣздѣ и описывается г. Ирмеромъ.

Въ посвященной *Памяти Н. С. Тихонравова* статьѣ г. *Н. И. Аляксритскаго*, обозрѣвающаго труды Н. С. съ 1874 по 1893 г. авторъ напоминаетъ и объ изслѣдованіяхъ его по исторіи южно-русской литературы, говоря о которыхъ онъ или приводитъ основную мысль, или только излагаетъ ихъ содержаніе.

Отдѣлъ матеріаловъ содержитъ въ себѣ сборникъ *«народныхъ обрядовъ и пѣсенъ Лубенскаго уѣзда Полтавской губерніи, записан-*

ныхъ въ 1888—1895 г.», и представленныхъ для напечатанія *В. П. Милорадовичемъ*. Сборникъ имѣетъ цѣлью пополнить въ нѣкоторой степени этнографическіе недочеты и пробѣлы по лубенскому уѣзду. Онъ состоитъ изъ трехъ большихъ частей: въ первую входятъ обряды и пѣсни родинные; во вторую—пѣсни молодежи и свадебныя и въ третью—похоронныя, соотвѣтственно народному изреченію: „трычи дывенъ чоловикъ: якъ родыця, винчаетця и помирае". По мнѣнію Н. Ѳ. Сумцова объ этомъ сборникѣ, изложенномъ въ протоколахъ засѣданій историко-филологическаго общества (стр. III—V), г. Милорадовичъ „чрезвычайно удачно справился съ трудной задачей собиранія сырого матеріала. Онъ не только даетъ въ своихъ сборникахъ много новыхъ пѣсенъ и повѣрій, т. е., не отмѣченныхъ ранѣе въ печати, но главное—группируетъ ихъ въ ясномъ и послѣдовательномъ порядкѣ, съ указаніемъ на существующіе въ печати варіанты, съ краткими, но дѣльными и вполнѣ научными предисловіями». Н. Ѳ. Сумцовъ считаетъ трудъ г. Милорадовича полезнымъ вкладомъ въ современную этнографію», ибо въ немъ заключаются данныя, «которыя могутъ служить для характеристики всего южно-русскаго племени». Въ виду этой важности сборника. Историко-филологическое Общество, по недостатку собственныхъ средствъ, ходатайствовало предъ Полтавской Земской Управой о выдачѣ субсидіи въ 300 руб. для напечатанія этого сборника, съ обязательствомъ выслать въ Управу 300 экземпляровъ его. Субсидія дана была земствомъ. Отмѣчаемъ этотъ отрадный фактъ сочувствія земскихъ представителей къ интересамъ науки, къ счастію, не единственный въ исторіи земскихъ учрежденій.

И. Каманинъ.

Новости польской исторической литературы.

1) Kazimierz Pułaski. Szkice i poszukiwania historyczne. Serya druga. Petersburg 1898. Str. 350.

Обыватель подольской губерніи (с. Завадинцы каменецкаго уѣзда), авторъ «Отношеній Польши къ Менгли-Гирею» и цѣлаго ряда превосходныхъ статей изъ южно-русской исторіи (Дикія Поля, Евстафій Дашковичъ и др.), собранныхъ въ 1-мъ выпускѣ «Очерковъ и изслѣ-

дованій» (1887), К. А. Пуласкій выступилъ теперь съ новымъ рядомъ работъ, составляющихъ второй выпускъ „Очерковъ и изслѣдованій“. Здѣсь помѣщено пять статей: 1) Изъ воспоминаній Барскаго конфедерата; 2) Переписка Михаила—Юрія Мнишка, великаго короннаго маршала, въ 1783—1790 гг.; 3) Постановленія волынскаго сеймика въ Луцкѣ въ 1790 г.; 4) Подольская шляхта въ эпоху турецкаго владычества въ Подоліи (1672—1699) и 5) Махметъ-Гирей, ханъ Перекопскихъ Татаръ, и отношенія его къ Польшѣ (1515—1523). Всѣ эти статьи, какъ видно изъ ихъ заглавій, имѣютъ ближайшее отношеніе къ научной области «Кіевской Старины» и по своей обстоятельности заслуживаютъ вниманія со стороны любителей серьезнаго историческаго чтенія.

2) Adolf Pawiński. 1840—1896. Zarys dziejów żywota i pracy skreślił Wincenty Zakrzewski. Petersburg 1897. Str. 124.

Упоминаніе объ А. И. Павинскомъ на страницахъ „Кіевской Старины“ не можетъ показаться страннымъ, такъ какъ покойный профессоръ Варшавскаго Университета († 12 августа 1896 г.), издавая матеріалы по исторіи Польши въ сотрудничествѣ съ А. И. Яблоновскимъ (Żrodła dziejowe), косвенно оказалъ нѣкоторыя заслуги и южно-русской исторіографіи. Въ настоящей книгѣ г. Закржевскій, профессоръ всеобщей исторіи въ Краковѣ, талантливо, въ милой и сердечной формѣ, съ глубокимъ проникновеніемъ въ душу усопшаго, рисуетъ его жизнь и научно-литературную дѣятельность. Книга такъ прекрасна, что отъ нея нельзя оторваться. Намъ только кажутся немного странными тѣ страницы (42—43), на которыхъ встрѣчаемъ такія обобщенія: «Довольно значительную роль въ кружкѣ редакціи *Ateneum*'а и вообще въ Варшавскомъ Обществѣ (во 2-ой половинѣ 70-хъ годовъ) играли жиды, чувствовавшіе уже себя тѣсно связанными съ цѣлымъ обществомъ и готовые ему служить; многіе изъ нихъ шли впереди другихъ, когда являлась необходимость принести крупную жертву для цѣлей общаго блага. Кто знаетъ или помнитъ, напримѣръ, дѣятельность Якова Натансона (мы беремъ одну личность, давно умершую и оставившую много заслугъ), тотъ можетъ сразу понять, что модный теперь въ нѣкоторыхъ кругахъ ***антисемитизмъ является у насъ*** (т. е. въ Польшѣ) ***полнѣйшею безсмыслицею*** (каковы бы ни были, впрочемъ, первоначальныя, отчасти основательныя, причины подобныхъ стремленій и явленій), ***является одностороннимъ народно-вѣроисповѣднымъ шовинизмомъ***, вреднымъ и пагубнымъ, какъ

вообще вредны и пагубны шовинизмъ и односторонность». Вѣдь для существованія антисемитизма въ Польшѣ есть иныя, болѣе органическія, причины, чѣмъ вѣроисповѣдный шовинизмъ. Къ книгѣ приложенъ погодный указатель сочиненій Павинскаго.

3) Teki Pawińskiego. T. I Liber quitantiarum Alexandri regis ab a. 1502 ad. 1506. (Księga skarbowa Króla Alexandra Jag.). Warszawa 1897. Str. 221—XXVI.

Предисловіе Александра Яблоновскаго гласитъ: «Преждевременная смерть проф. Павинскаго не позволила ему издать собранныхъ имъ историческихъ матеріаловъ, часть которыхъ осталась почти цѣликомъ напечатанною, а другая—приготовленною къ печати. Оставить ихъ подъ спудомъ болѣе продолжительное время было-бы большою потерею для науки. Вотъ почему во имя науки, а также изъ уваженія къ памяти заслуженнаго работника на научномъ полѣ, мы считаемъ своею нравственною обязанностью заняться, не откладывая, изданіемъ въ свѣтъ его наслѣдства. Такъ какъ самые матеріалы довольно разнородны, то мы даемъ имъ общее заглавіе: *Портфели А. Павинскаго.* Начинаемъ съ книги расходовъ короля Александра». Изданіе это можетъ понадобиться и для южно-русскаго историка, такъ какъ Александръ былъ одновременно королемъ польскимъ и великимъ княземъ Литвы, въ составъ которой входила тогда вся почти Южная Русь съ Кіевомъ во главѣ; нужно только замѣтить, что матеріалъ его—крайне сухой и пригоденъ почти исключительно для исторіи польскихъ финансовъ. Къ изданію приложены три указателя: лицъ, мѣстъ и должностей. Послѣдній, по нашему мнѣнію, самый важный, такъ какъ, хотя въ словарной формѣ, но рисуетъ составъ польскаго правящаго класса того времени.

4) Drobne prace i notatki Erazma Majewskiego z dziedziny Archeologii przedhistorycznej i Etnografii. Z 66 rysunkami i podobiznami. Warszawa 1897. Str. 128.

Въ этой небольшой книжкѣ собраны журнальныя статьи и рецензіи, написанныя авторомъ въ послѣдніе годы, а также нѣкоторыя ненапечатанныя мелкія работы. Много интересныхъ соображеній, совѣтовъ и библіографическихъ справокъ найдетъ здѣсь любитель археологіи, особенно доисторической. Обращаемъ вниманіе на статьи: *происхожденіе вишни* (занесена въ среднюю Европу Славянами съ береговъ Чернаго моря) и *культъ медвѣдя*, на совѣты автора, какъ

добывать и хранить предметы древности, на снимки каменныхъ орудій изъ коллекцій автора и на нѣкоторыя рецензіи, въ числѣ которыхъ есть и рецензія образцовой работы проф. В. Б. Антоновича Археологическая карта кіевской губерніи (М. 1895).

А. С.

Обзоръ журналовъ.

Русская Старина 1897, № 10—12.

Указъ имп. Александра I. (17 Марта 1801 г.) объ освобожденіи «содержимыхъ въ Динамюндской крѣпости духоборцевъ Слободско-украинской губ., козаковъ и однодворцевъ, 152 чел. м. и ж. пола (№ 10).

Рѣчь Кіевскаго Митрополита Евгенія, сказанная отъ всего духовенства имъ Николаю I, 24 августа 1826 г. въ кремлевскомъ дворцѣ (№ 12)

Провинціальные нравы за послѣдніе полвѣка (воспоминанія Ф. Я. Лучинскаго)—окончаніе. Будучи въ 1861 г. назначенъ судебнымъ слѣдователемъ въ Новогеоргіевскъ (Херсонской губ.), г. Л. былъ свидѣтелемъ введенія положенія 19 февраля, о чемъ и сообщаетъ нѣсколько интересныхъ подробностей. Такъ, онъ описываетъ воображаемый крестьянскій «бунтъ», состоявшій въ коллективномъ чтеніи манифеста и просьбѣ разъяснить его. «Другихъ болѣе или менѣе серьезныхъ волненій, замѣчаетъ г. Л., я не припомню; но мѣстная администрація сильно волновалась». Одинъ становой приставъ право полиціи наказывать крестьянъ по жалобамъ помѣщиковъ обратилъ для себя въ доходную статью и бралъ съ помѣщиковъ за каждую экзекуцію по 25 р. Съ большою похвалою отзывается г. Л. о мировыхъ посредникахъ. Съ введеніемъ новыхъ судебныхъ уставовъ г. Л, не имѣвшему образовательнаго ценза, пришлось оставить должность слѣдователя и, скрѣпя сердце, принять мѣсто помощника исправника; но въ 1869 избранъ былъ мировымъ судьею Тираспольскаго округа и занималъ эту должность до ея упраздненія въ 1892. (№ 10).

Историческій Вѣстникъ 1897. № 10—12.

Графиня Е. В. Литта, ур. Энгельгардтъ Адріанова. Біографія извѣстной племянницы и фаворитки Потемкина. Въ статьѣ сообщаются свѣдѣнія и о сестрахъ ея—А. В. Браницкой и В. В. Голицыной и объ ихъ отношеніяхъ къ Потемкину, а также нѣкоторыя интимныя подробности изъ жизни имп. Екатерины II. Къ статьѣ приложенъ портретъ гр. Литта (№ 11).

Записки гр. Комаровскаго ген.-ад. имп. Александра I. Въ X главѣ записокъ сообщаются нѣкоторыя подробности о пребываніи автора въ 1862 г. въ Житомирѣ, о губернаторѣ Камбурлеѣ, помѣщикѣ Ильинскомъ и его роскошномъ имѣніи Романовѣ (Roma nuova), гр. Потоцкомъ, устроившемъ въ Умани знаменитый садъ Софіевку, о кн. Радзивилѣ, владѣльцѣ Бердичева, и о разстрѣляніи поляка Ржевускаго, смотрителя русскихъ провіантскихъ магазиновъ, передавшаго ихъ французамъ (№ 11).

Воспоминанія о Мальцовѣ Межецкаго. Біографическія свѣдѣнія объ извѣстномъ основателѣ «Мальцовскихъ» заводовъ—ген.-м. С. И. Мальцовѣ и описаніе его заводовъ. Мальцовскія конторы были, между прочимъ, въ Черниговѣ, Кіевѣ, Кременчугѣ, Екатеринославѣ, Херсонѣ, Одессѣ. Въ послѣдней главѣ описывается отправка товаровъ изъ Брянска на югъ по Деснѣ и Днѣпру, при чемъ особенно подробно описана переправа черезъ днѣпровскіе пороги. Къ статьѣ приложенъ портретъ Мальцова и нѣсколько рисунковъ (№ 11).

Терновскіе изувѣры и ихъ ученіе (по даннымъ III миссіонерскаго съѣзда) И. Л. Юдина. Статья до нѣкоторой степени разъясняетъ происхожденіе секты, главой которой была извѣстная Виталія. Секта эта возникла на почвѣ великорусскаго старообрядчества, чрезвычайно распространеннаго въ херсонской губ., и въ особенности въ тираспольскомъ уѣздѣ, гдѣ насчитывается до 11500 раскольниковъ (№ 10).

Въ отдѣлѣ «*Критика и библіографія*» помѣщены отзывы о слѣдующихъ книгахъ: «Къ исторіи западно-русскаго просвѣщенія (виленская братская школа въ первые полвѣка ея существованія) соч. К. В. Харламповича». В. 1897.—«А. Ярушевичъ. Ревнитель православія кн. К. И. Острожскій (1461—1530) и православная литовская Русь въ его время». Смоленскъ 1897 (№ 10). «Западная Русь въ борьбѣ за вѣру и народность. Сост. И. П. Малышевскій» Спб. 1897 (№ 11).

Въ отдѣлѣ «*Новости и мелочи*» подъ заглавіемъ «Переписка Станислава Понятовскаго» сообщеніе о книгѣ «Stanislas Poniatowski et Maurice Glayre. Correspondance, relative aux partages de la Pologne. Par Evgene Mattar. Paris 1897». (№ 10).

Въ отдѣлѣ «*Смѣсь*» —описаніе открытія памятниковъ имп. Александру II, и Александру III въ Черниговѣ (№ 10) и свѣдѣнія о дѣятельности Общества исторіи и древностей въ Одессѣ, Общества древностей и искусствъ въ Кіевѣ и историко-филологическаго общества при Новороссійскомъ университетѣ (№ 12).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Альбицкій, К. А. Владиміровъ, А. П. Гавриленко, А. Д. Гатцукъ, А. В. Гречаниновъ, М. Н. Демьяновъ, Г. Ф. Деппъ, В. Г. Залѣсскій, К. А. Зворыкинъ, П. В. Котурницкій, Н. П. Ланговой, А. П. Лидовъ, П. М. Мухачевъ, Я. Ѳ. Никитинскій, П. П. Петровъ, А. И. Предтеченскій, В. М. Рудневъ, А. И. Сидоровъ, Н. И. Тавилдаровъ, С. Л. Франкфуртъ, П. К. Худяковъ, В. В. Шкателовъ и др.

Преподаватели, ассистенты, лаборанты—И. П. Александровъ, А. П. Величковскій, П. В. Войнаровскій, Н. Л. Громъ, И. В. Егоровъ, Д. В. Зубаревъ, С. П. Ланговой, Л. М. Лялинъ, В. Д. Мѣшаевъ, Н. А. Пановъ, В. А, Пантелѣевъ, К. М. Плѣшковъ, А. Русановъ, А. М. Соколовъ, П. С. Страховъ, К. И. Тумскій, В. Г. Фонъ-Бооль, А. Н Шустовъ и др.

Представители фабрикъ. заводовъ, желѣзныхъ дорогъ и пр. промышленныхъ предпріятій, а также правительственныхъ и общественныхъ учрежденій—М. И. Алтуховъ, И. К. Андрюковъ, Н. Н. Алянчиковъ, Л. Я. Аркинъ, А. Г. Бадюлъ, В. Я. Беннъ, Н. Е. Березовскій, М. Берловъ, И. П. Боклевскій, Л. А. Боровичъ, А. И. Бѣловъ, Ф. И. Вараксинъ, М. К Васильевъ, И. Видавскій, Ю. Ф. Вишневскій, С. Ганшинъ, П. Гарберъ, Л. Н. Глазовъ, Д. А. Головъ, І. П. Горенцель. А. Ф. Грязновъ, А. В. Грушке, С. И. Гулишамбаровъ, И. Гурвичъ, А. Н. Державинъ, И. А. Добряковъ, К. Дьяконовъ, Л. П. Жеребовъ, А. А. Завадскій, А. Завалишинъ, И. Залкиндъ, Н. Н. Зворыкинъ, А. Д. Зеленинъ, И. М. Зиновьевъ, А. А. Зябловъ, П. Касаткинъ, М. Кергерь, Д. Кирпичниковъ, С. А. Козьминъ, А. И. Коренблитъ, П. Н. Коротковъ, М. Г. Котельниковъ, А. Г. Лаписовъ, Л. М. Лялинъ, П. А. Малый, А. Мейро, А. П. Милинскій, А. М. Настюковъ, Ф. Ф. Надлеръ, М. А. Нетыкса, К. Ф. Неймайеръ, О. Я. Никитинскій, Н. П. Овсянниковъ, В. Н. Оглоблинъ, А. И. Онуфровичъ, П. А. Персіяниновъ, Н. А. Песоцкій, П. И. Плаксицкій, Л. О. Плущевскій, А. А. Прессъ. А. Т. Разуваевъ; К. Рейнеръ, А. С. Рейсеръ, Х. Х. Репманъ, М. А. Рыловъ, А. Семеновъ, С. Сербиновичъ, П. И. Сиптицъ, О. Старикъ, А. А. Томсонъ, М. Н. Триполитовъ, А. Угаровъ, А. Фадѣевъ, И. А. Федоровъ, Н. А. Филипповъ, И. М. Фуксъ, Г. Хелимскій, М. Я. Цоллеръ, В. Черневъ, О. В. Шаньгинъ, Д-ръ Юркевичъ. Ю. А. Эльтерманъ, П. К. Энгельмейеръ, и др.

Журналъ одобренъ Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія. Полные экземпляры журнала за 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896 и 1897 гг. по 16 руб. высылаются по первому требованію съ наложеннымъ платежомъ.

Подписавшимся среди года высылаются всѣ вышедшіе въ свѣтъ №№.

способленій и пр. предметовъ по различнымъ ремесламъ, а также кустарнымъ и мелкимъ фабрично-заводскимъ производствамъ, съ подробными описаніями и наставленіями, къ нимъ относящимися.

«Ремесленная газета» необходима специальнымъ школамъ, технику, ремесленнику, кустарю, торговцу, сельскому хозяину, любителю ремеслъ и потребителямъ ремесленныхъ издѣлій, т. е. во всякомъ семействѣ для того, чтобы выбрать или заказать нужный предметъ, полезно и необходимо знать, какимъ современнымъ требованіямъ онъ долженъ удовлетворять. Въ этомъ отношеніи «Ремесленная Газета» оказываетъ необходимое содѣйствіе и потребителю, и производителю ремесленныхъ издѣлій.—Въ ней постоянно помѣщаются рисунки и чертежи самыхъ модныхъ образцовъ по слѣдующимъ ремесламъ: столярному, драпировочному, портновскому (моды Русселя), сапожно-башмачному, кузнечному, слесарному, токарному и пр. При этомъ въ общепонятномъ изложеніи даются надлежащія описанія, указанія и рецепты практическаго свойства.

Кромѣ множества разнообразнѣйшихъ чертежей и рисунковъ, въ «Ремесл. Газетѣ» будетъ помѣщенъ рядъ описаній: различныхъ ремесленныхъ производствъ, новѣйшихъ изобрѣтеній, усовершенствованій, выставокъ, музеевъ, образцовыхъ ремесленныхъ и техническихъ школъ, частныхъ промышленныхъ мастерскихъ и пр.

Кромѣ еженедѣльныхъ сообщеній о различныхъ заграничныхъ новостяхъ, редакція будетъ давать безплатно отвѣты и совѣты на запросы гг. подписчиковъ, относящіеся до ихъ специальности.

Получая всѣ извѣстнѣйшія иностранныя изданія по различнымъ ремесламъ, Редакція располагаетъ лучшими изъ помѣщенныхъ въ нихъ статей и рисунковъ и даетъ возможность своимъ подписчикамъ пользоваться массою полезнаго, необходимаго и дорогого (многимъ недоступнаго) матеріала за крайней дешевую цѣну.

Контора изданія оказываетъ гг. иногороднимъ подписчикамъ безплатно всевозможное содѣйствіе по различнымъ справкамъ, а также по выпискѣ книгъ, инструментовъ и др. предметовъ, которые высылаются по первому требованію немедленно съ наложеннымъ платежомъ.

«Ремесленная газета» въ теченіе истекшихъ 12-ти лѣтъ успѣла пріобрѣсти огромный составъ читателей, не только въ виду ея характера и крайней дешевизны, но главнымъ образомъ вслѣдствіе того обилія полезнаго и необходимаго для всякаго матеріала, который она даетъ своимъ подписчикамъ, а именно:

экономическія, торговыя, по фабрично-заводскому производстау и горной промышленности.

5. Обзоръ общественной жизни Сибири въ Россіи. Городская хроника. Театръ и музыка.

6. Политическія извѣстія, общія и, въ частности, касающіяся Азіатскихъ странъ.

7. Корреспонденціи изъ различныхъ мѣстностей бассейна рѣки Енисея и соприкасающихся съ нимъ губерній, а также сообщенія изъ Россіи.

8. Научный отдѣлъ.—Открытія и путешествія по Сибири и ея окраинамъ, свѣдѣнія по исторіи, статистикѣ и промышленности.

9. Литературное обозрѣніе,—критика и библіографія, особенно, сочиненій объ Азіи.

10. Фельетонъ: романы, повѣсти, разсказы, очерки, сцены, наброски, летучія замѣтки и стихотворенія.

11. Судебная хроника, безъ обсужденія рѣшеній.

12. Смѣсь. Отвѣты редакціи.

13. Справочный отдѣлъ: судебныя свѣдѣнія, святцы, рыночныя цѣны, свѣдѣнія о приходѣ и отходѣ пароходовъ, поѣзда желѣзныхъ дорогъ, недоставленныя телеграммы и т. п.

14. Объявленія казенныя и частныя.

Подписная цѣна, съ доставкой и пересылкой на годъ, 7 руб., на полгода 4 руб., на четверть года 2 руб. 50 коп., на одинъ мѣсяцъ 1 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи „Енисей", собственный домъ, Воскресенская ул.; въ Ачинскѣ въ отдѣленіи конторы при типографіи Е. Ѳ. Кудрявцева; въ Томскѣ въ отдѣленіи редакціи „Енисей", Почтамтская ул., домъ Окулова, и въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина; въ Иркутскѣ: въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина; въ Петербургѣ и Москвѣ въ центральной конторѣ объявленій торговаго дома Л. и Э. Метцль и К°.

Редакторъ-издатель **Е. Кудрявцевъ**.

2—3

---

5) Четыре переплетенные тома полнаго сочиненій Вл. Ив. Даля (Козака Луганскаго)

6) Двѣ роскошно переплетенныя книги, формата in-folio, «Живописной Россіи». посвященныя описанію Москвы и Москов. промышлен. обл.

Первый нумеръ новаго XIV (1898) подписного года выйдетъ 15-го декабря 1897 года.

Годовая подписная цѣна за всѣ вышеобъявленныя изданія вмѣстѣ съ пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи, безъ всякой доплаты за перес. и дост. безплатныхъ премій—**14 руб.** За границу—**24** рубля.

Разсрочка платежа допускается, при чемъ при подпискѣ должно быть внесено не менѣе 2 руб.; остальныя же деньги могутъ высылаться по усмотрѣнію подписчика ежемѣсячно, до уплаты всѣхъ 14 руб. При подпискѣ въ разсрочку безплатныя преміи высылаются только по уплатѣ всей подписной суммы.

Къ свѣдѣнію гг. новыхъ подписчиковъ не получавшихъ „НОВИ“ въ 1897 году.

Лица не состоявшія подписчиками «НОВИ» въ 1897 году и не имѣющія еще первой половины СОЧИНЕНІЙ АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКАГО и первой половины СОЧИНЕНІЙ В. И. ДАЛЯ могутъ, подписываясь на «НОВЬ» въ 1898 году, получить первые шесть томовъ (т. е. томы 1 по 6) сочиненій А. Печерскаго и первые шесть томовъ (т. е. томы 1 по 6) сочиненій В. И. Даля, вмѣсто томовъ, выдаваемыхъ въ 1898 году прежнимъ подписчикамъ. Вторая же половина сочиненій, какъ А. Печерскаго, такъ и В. И. Даля, будетъ выдана этимъ новымъ подписчикамъ въ 1899 году въ чемъ редакція теперь же и принимаетъ передъ ними обязательство.

Новые подписчики на «НОВЬ» 1898 года, т. е. лица, не бывшія подписчиками на журналъ въ минувшемъ 1897 г., при уплатѣ за 1898 г. 26-ти рублей, вмѣсто 14-ти руб., могутъ получить въ 1898 г.: **всѣ 14 томовъ полнаго собранія сочиненій Андрея Печерскаго и всѣ 10 томовъ полнаго собранія сочиненій В. И. Даля,**

а также и тѣ двѣ переплетенныя книги «Живописной Россіи», которыя выдавались подписчикамъ въ 1897 году; значитъ, вмѣсто двухъ книгъ «Живописной Россіи», они получатъ четыре переплетенныя книги этого изданія и, вмѣсто 12 томовъ сочиненій А. Печерскаго и В. И. Даля, 24 тома.

Подписка принимается исключительно въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ, въ С.-Петербургѣ, Гостиный Дворъ, 18; въ Москвѣ—Кузнецкій мостъ, № 12, и въ редакціи «НОВИ», въ С.-Петербургѣ, Васильевскій остр., 16 лин., собств. домъ, № 5—7.

Виреніуса; 13) Новый способъ изслѣдованія умственныхъ способностей и его примѣненіе на учащихся проф. Эбингауза. Его-же; 14) Нравственное воспитаніе въ связи съ эволюціонной теоріей. Л. Е. Оболенскаго; 15) О воспитаніи и обученіи дѣтей идіотовъ, тупоумныхъ и отсталыхъ по Сегену. М. Н. Лебедевой; 16) Воля и воспитаніе ея. К. В. Ельницкаго; 17) Объ отношеніяхъ учителя къ ученикамъ. Ст. Никольскаго; 18) Педагогическіе матеріалы въ сатирахъ Салтыкова. С. Ашевскаго; 19) Новое поприще для дѣятельности русской интеллигентной женщины. А. М. Калмыковой; 20) Школьныя нормы В. П. Вахтерова; 21) Объ идеалахъ церковной и свѣтской школы Кл. Тихомирова; 22) Начальная школа и профессіональныя знанія. Д. Д. Лобанова; 23) Къ двадцатипятилѣтію «Положенія» о городскихъ училищахъ, Высочайше утвержденныхъ 31-го мая 1872 года. Н. З.; 24) Постановленія по народному образованію земскихъ собраній 1896. И. П. Бѣлоконскаго; 25) Вопросъ о всеобщемъ обученіи въ Пермской губерніи. А. П. Раменскаго; 26) О наглядноввуковомъ методѣ обученія грамотѣ. Н. Страхова; 27) Способы и пріемы обученія правописанію. В. Г. Зимницкаго; 28) Методическіе пріемы веденія письменныхъ работъ по русскому языку въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. К. Н. Шульгина; 26) О современной постановкѣ преподаванія чистописанія въ нашихъ школахъ и о мѣрахъ къ ея улучшенію. И. Е. Евсѣева; 30) Замѣтка о чтеніи художественныхъ произведеніи въ народной школѣ. А. Максимова; 31) О значеніи черченія при прохожденіи курса геометріи. Н. Гебеля; 33) Замѣтки о методахъ преподаванія спеціальныхъ предметовъ въ среднихъ сельскохозяйственныхъ школахъ. П. Строева.

Въ каждой книжкѣ «Русской Школы», кромѣ отдѣла Критики и библіографіи, печатается хроника народнаго образованія въ Зап. Европѣ, хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библіотекъ Я. В. Абрамова, хроника воскресныхъ школъ Х. Д. Алчевской и М. Н. Салтыковой, хроника профессіональнаго образованія В. В. Бирюковича и пр.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками не менѣе десяти печат. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ съ доставкою—6 р. 50 к.; для иногороднихъ съ пересылкою—семь руб.; за-границу—девять руб. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, пользуются уступкой въ одинъ рубль. Земства, выписывающіе не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 10%.

Для казенныхъ и общественныхъ учрежденій допускается подписка въ кредитъ (при подпискѣ въ Гл. Конторѣ); также и для частныхъ лицъ, состоящихъ на службѣ—за ручательствомъ гг. казначеевъ.

Пробный № высылается за 28 к. (марками). Новые подписчики получатъ безплатно первыя части (напечат. въ 1897 г) истор. ром. Генр. Сенкевича „Крестоносцы", который продолжится печатаніемъ въ 1898 г.

Редакторъ-издательница Л. Я. Гуревичъ.

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
„С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ"
ВЪ 1898 Г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ казенныхъ прибавленій.				Съ казенными приб.	
	на годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.	на годъ.	6 мѣс.
Съ доставкой по гор. почтѣ	16 р.—к.	9 р.—к.	4 р. 50 к.	1 р. 80 к.	18 р.—к.	10 р.—к.
Съ пересылкою иногородн.	17 „ — „	10 „ — „	5 „ 50 „	2 „ — „	19 „ — „	11 „ — „
За границу	26 „ — „	14 „ — „	8 „ — „	3 „ — „	28 „ — „	16 „ — „

Подписка на газету съ казенными прибавленіями принимается только на годовой и полугодовой срокъ. Въ розничную продажу казенныя прибавленія не поступаютъ

Подписка принимается: въ Петербургѣ, въ главной конторѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", Шпалерная, 26, и въ книжномъ магазинѣ Малье-Невскій пр. № 20); въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, № 61.

Иногородные адресуютъ: С.-Петербургъ, Шпалерная, 26.

Редакторъ издатель князь Э. Э. *Ухтомскій.*

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ.

Восемнадцатый годъ изданія.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ"

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ: I. Дѣйствія правительства. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ „Южнаго

Края“ и „Россійскаго Телеграфнаго Агентства“. V. Послѣднія извѣстія (сообщеніе собственныхъ петербургскихъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ). VI. Мѣстная хроника. VII. Наука и искусство. VIII. Театръ и музыка IX. „Свѣтъ и и Тѣни“ (маленькій фельетонъ). X. Вѣсти съ юга: корреспенденціи „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ XII. Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. XIII. Фельетонъ: научный, беллетристическій, стихотворный и общественной жизни. XIV. Судебная хроника XV. Критика и библіографія XVI Смѣсь XVII. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVIII. Почтовый ящикъ XIX Календарь. XX. Справочныя свѣдѣнія: дѣла назначенныя къ слушанію въ судебнихъ учрежденіяхъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. XXI Стороннія сообщенія. XXII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Газета ежедневно получаетъ извѣстія изъ Петербурга и Москвы отъ собственныхъ корреспондентовъ.

Въ „Южномъ Краѣ“ помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политипажи, имѣющіе отношенія къ текущимъ событіямъ.

Подписная цѣна на 1898 г.:

съ пересылкою иногороднимъ:

На	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
	11 —	10 50	10 —	9 20	8 50	7 80	7 —	6 —	5 —	4 —	3 —	1 50

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ-въ главной конторѣ газеты „Южный Край“, на Сумской улицѣ, въ домѣ А. А. Іозефовича, № 13.

Съ конца текущаго 1897 года „Южный Край“ будетъ печататься въ увеличенномъ размѣрѣ на новой ротаціонной машинѣ, заказанной въ Парижѣ, которая даетъ до 20,000 оттисковъ въ часъ.

Редакторъ-издатель *А. А. Іозефовичъ*

3—3

ОБЪ ИЗДАНІИ

КІЕВСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1898 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются.

1, Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.

2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.

3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.

4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.

5. Программы, конспекты, и библіографическіе указатели для учащихся.

6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.

7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой учебной, административной и хозяйственной части Университета.

8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій. кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.

9. Годичные отчеты по Университету.

10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.

11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—(21—оффиціальную и протоколы, отчеты и т. п. 2)—неоффиціальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—критико-библіографическимъ, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и научной хроники заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ прибавленіяхъ печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1893 году будутъ выходить ежемѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ Извѣстій безъ пересылки шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ, а съ пересылкой семь рублей. Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе Университетскихъ Извѣстій 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.: продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Университетскія Извѣстія высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Гл. Редакторъ **В. Иконниковъ**.

3—3

Правительственныя и общественныя учрежденія всѣхъ вѣдомствъ, полковыя библіотеки, военныя собранія, а равно и лица, состоящія въ оныхъ на службѣ, могутъ получать журналъ въ кредитъ, заявивъ о семъ конторѣ журнала чрезъ свои канцеляріи.

Годовая подписка на журналъ принимается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ, съ разсрочкой же платежа просятъ адресовать исключительно въ контору журнала.

Книжнымъ магазинамъ и библіотекамъ дѣлается уступка по 50 коп. съ каждаго годоваго экземпляра доставленной подписки.

NB. Лица, подписавшіяся одновременно на журналъ *Русское Обозрѣніе* и на газету *Русское Слово* (годъ изданія четвертый) на годъ, безъ различія къ какому бы званію или сословію ни принадлежали, могутъ пользоваться значительной уступкой, уплативъ за оба изданія (ежемѣсячный журналъ и ежедневную газету) всего только 16 руб. (вмѣсто 20) въ годъ. Подписка съ означенною льготой не разсрочивается и черезъ книжные магазины не принимается.

Въ этомъ случаѣ слѣдуетъ обращаться (лично или письменно) исключительно въ контору журнала *Русское Обозрѣніе*: Москва, Тверской бульваръ, д. Яголковскаго.

Книги журнала за первыя семь лѣтъ съ его основанія (1890—1896 гг.) продаются въ конторѣ редакціи по 5 руб. за годъ. За пересылку доплачивается на мѣстѣ по разсчету. Выписывающимъ всѣ семь лѣтъ—пересылка на счетъ редакціи.

Такъ какъ пересылка по почтѣ стоитъ слишкомъ дорого, то въ требованіяхъ слѣдуетъ непремѣнно обозначать **ближайшую станцію желѣзной дороги** или **отдѣленіе транспортной конторы**, гдѣ заказчикъ желаетъ получить изданіе, причемъ стоимость пересылки по жел. дорогѣ или чрезъ транспортную контору уплачивается адресатомъ на мѣстѣ. **Если** же заказчикъ желаетъ получить изданіе по почтѣ, то сверхъ стоимости изданія слѣдуетъ прислать на пересылку за 19 фунтовъ (вѣсъ комплекта книгъ каждаго года) по почтовой таксѣ (стоимость пересылки 1 фунта отъ Москвы до мѣста назначенія можно узнать въ каждой почтовой конторѣ).

2—3. Редакторъ-издатель **Анатолій Александровъ.**

Въ 1898 г. „Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Казанскомъ Университетѣ“ будутъ выходить шесть разъ въ годъ (1 выпускъ въ концѣ января, а слѣдующіе въ первыхъ числахъ марта, мая, іюля, сентября и ноября) книжками въ 7—8 листовъ in 8°.

Содержаніе книжекъ «Извѣстій» составляютъ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи.

2) Спеціальныя изслѣдованія и статьи по археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья, Средней Азіи и Сибири);

3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи:

4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи

5) Программы по спеціальнымъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;

6) Библіографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ „Извѣстіяхъ" принимаютъ участіе: проф. А. И. Александровъ, И. В. Аничковъ (Ауліэ-Ата), Г. Ахмаровъ, Ш. Г. И. Ахмеровъ, проф. В. А. Богородицкій, проф. Е. Ѳ. Будде, К. В. Виклюндъ (Упсала), В. Н. Витевскій, А. О. Гейкель (Гельсингфорсъ), А. А. Диваевъ, М. Е. Евсевьевъ, И. А. Износковъ, Н. Ѳ. Катановъ, С. И. Кедровъ (Саратовъ), акад. В. В. Латышевъ, В. К. Магницкій, М. Н. Мартьяновъ (Минусинскъ), В. А. Мошковъ (Варшава), епиcomplex. Никаноръ (Смолен.), Н. Н. Пантусовъ (Вѣрный), Н. М. Петровскій, П. А. Пономаревъ, Г. Н. Потанинъ (С.-Петербургъ), проф. И. Н. Смирновъ, Ѳ. А. Теплоуховъ (Пермь), В. М. Терехинъ (Пенза), проф. А. А. Штукенбергъ, И. Н. Юркинъ и др.

Одной изъ основныхъ задачъ «Извѣстій» является всестороннее изученіе Урало-Алтайскаго міра. Для посильнаго осуществленія этой задачи редакція «Извѣстій» считаетъ необходимымъ держать своихъ читателей au courant всего, что является новаго въ этой области знанія, и пріобрѣла корреспондентовъ въ Гельсингфорсѣ, Буда-Пештѣ и Упсалѣ для отчетовъ о новостяхъ финской, венгерской и скандинавской литературъ.

Цѣна годовому изданію 5 р., каждая книжка отдѣльно по 1 руб. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 іюля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе безплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Обществу Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

«Извѣстія» выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

2—2

Съ первыхъ нумеровъ начнется печатаніе романа А. Додэ „Опора Семьи" (Le Soutien de famille).

Условія подписки	На 12 м.		На 6 м.		На 3 м.		На 1 м.	
	руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.
Съ дост. въ Екатеринославѣ.	10	—	5	50	3	50	1	50
Съ пересыл. въ другіе города.	12	—	6	50	4	50	1	75

Пріемъ подписки производится во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ, а подписки и объявленій въ главной конторѣ, которая помѣщается въ Екатеринославѣ. Проспектъ, домъ Копылова, а также въ конторѣ Торговаго Дома Л. и Э. Метцля и Ко. въ Москвѣ, Мясницкая улица, домъ Спиридонова, и въ его отдѣленіи С.-Петербургъ, Б. Морская, № 11.

Издатель *С. М. Копыловъ.*

1—3

ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1898 годъ

на ежедневную политическую и литературную газету

„ВОЛЫНЬ"

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой и пересылкой:	на годъ	6 р.
„ „ „	полгода	3 р.
„ „ „	три мѣсяца	1 р. 50 к.
„ „ „	одинъ мѣсяцъ	— 60 к.

Подписка принимается съ 1 и 15 числа каждаго мѣсяца и до конца года.

Допускается разсрочка подписной платы для г.г служащихъ, какъ въ казенныхъ, такъ и въ частныхъ учрежденіяхъ съ ручательствомъ г.г. казначеевъ или управляющихъ. Подписывающіеся на газету съ разсрочкой, уплачиваютъ при первомъ взносѣ еще 50 к.

ПОРЯДОКЪ РАЗСРОЧКИ:

при подпискѣ 2 руб. 50 коп., къ 1-му мая 2 руб. и къ 1-му сентября 2 рубля.

Лица, подписавшіяся въ первыхъ числахъ декабря, получаютъ газету въ теченіи мѣсяца безплатно. Подписка принимается въ г. Житомірѣ и въ отдѣленіяхъ главной конторы.

Издатель **А. М. Когенъ** Редакторъ **Е. А. Фидлеръ**

1—3

КАТАЛОГЪ КНИЖНАГО СКЛАДА

„КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ".

А.

А. Е. Оповиданье. Кіевъ 1896 г., стр. 1—33. Цѣна 8 к.

Андріевскій А. А. Коммиссія 1749 года для разбора взаимныхъ претензій татаръ и запорожцевъ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—23. Цѣна 20 к.

Андріевскій А. Изъ жизни Кіева въ XVIII вѣкѣ (архивныя замѣтки). Кіевъ 1894 г., стр. 1—120. Цѣна 75 к.

Андріевскій А. Войтовство Ивана Сычевскаго въ Кіевѣ. 1754—1766 года. Кіевъ 1891 г., стр. 1—102. Цѣна 50 к.

Андріевскій А. Русскіе конфиденты въ Турціи и въ Крыму въ 1765—1768 г.г. Кіевъ 1894 г., стр. 1—70. Цѣна 50 к.

Андріевскій А. Реляціи Кіевскаго генералъ-губернатора за 1768 и 1769 г.г. Кіевъ 1892 г., стр. 1—139. Цѣна 50 к.

Андріевскій А. Послѣдніе кіевскіе сотники. Кіевъ 1896 г., стр. 1—40. Цѣна 50 коп.

Андріевскій А. Василій Андреевичъ Жуковскій. Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1892 г., стр. 1—20. Цѣна 8 к.

Андріевскій А. Первый русскій книгопечатникъ. Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Андріевскій А. Крымъ и Крымскіе татары. Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1892 г. стр. 1—34. Цѣна 10 к.

Антоновичъ Вл. и Драгомановъ М. Историческія пѣсни малорусскаго народа. Томъ первый. Кіевъ 1874 г. I—XXIV, стр. 1—336 Ц. 1 р. 50 к. Томъ второй. Вып. I. Кіевъ 1875 г., стр. I—XI+1—166 Цѣна 80 к.

Антоновичъ В. Грановщина (эпизодъ изъ исторіи Брацлавской Украины) (Брошюра-оттискъ), стр. 1—19. Цѣна 15 к.

Антоновичъ В. Б. Археологическая карта кіевской губерніи. (Приложеніе къ XV т. „Древности"). Изданіе Московскаго Императорскаго Археологическаго Общества. Москва 1895 г., стр. 1—139 + Указатель именъ географическихъ и предметный (стр. 1—20)+ карта. Цѣна 3 р.

Антоновичъ В. Б. Монографія по исторіи Западной и Юго-западной Россіи. Томъ I. Кіевъ 1885 г., стр. 1—450. Цѣна 2 р.

Антоновичъ В. По вопросу объ уничтоженіи Ярославова вала. Кіевъ 1895 г., стр. 1—21. Цѣна 20 к.

Антоновичъ В. Описаніе монетъ и медалей, хранящихся въ нумизматическомъ музеѣ Университета Св. Владиміра. Выпускъ I. Монеты древняго міра. Кіевъ 1896 г., стр. 1—238. Цѣна 1 р. 20 к.

А. Т. Добра душа. Оповидання. У Чернигови 1895 г., стр. 1—34. Цѣна 5 к.

Б.

Багалѣй Д. И. Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры. Кіевъ 1889 г., стр. 1—115. Цѣна 75 к.

Барвинокъ Ганна Молотники (Бытовой разсказъ). Кіевъ 1888 г., стр. 1—24. Цѣна 20 к.

Бершадскій С. А. Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій, членъ Рады Вел. Кн. Литовскаго. Кіевъ 1888 г. стр. 1—157. Цѣна 75 к.

Библіографическій указатель „Кіевской Старины" за первое десятилѣтіе 1882—1891 г.г.). Кіевъ 1892 г., стр. 1—108. Цѣна 75 к.

Бігдай. Пѣсни кубанскихъ козаковъ. Выпуски: 1-ый, 2-ой, 3-ій („Пісні черноморськи") и 4-ый („Пісні лінейськи"),

Для одного голоса и хора съ аккомпаниментомъ фортепьяно. Цѣна выпуска 1 р.

Билыловськый К. А. Складка. Альманахъ на спомынъ Владимыра Степановыча Александрова. Року Божого 1896-го Харькивъ 1896 р., стр. 1—271. Цѣна 1 р. 25 к.

Билыловськый. Складка. Альманахъ. Року Божого 1897. (Въ пользу общества вспомоществованія для нуждающихся переселенцевъ—*малороссовъ*) стр. I—VI; 1—193. Спб. 1897. (Съ 3-мя фотографіями). Цѣна 1 р. 25 к.

Билоусенко Александръ. Батькивъ грихъ. Оповиданя. Кіевъ 1895 г., стр. 1—44. Цѣна 8 к.

Бѣляшевскій Николай. Монетные клады кіевской губерніи. Кіевъ 1889 г., стр. 1—143. Цѣна 1 р. 25 к., съ пересылкой 1 р. 50 к.

Бѣляшевскій Николай. Раскопки на княжей горѣ въ 1891 г. Кіевъ, стр. 1—44+2 табл. снимковъ. Цѣна 30 коп.

Бѣляшевскій Николай. Археологическій съѣздъ въ Ригѣ. Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина". Кіевъ, 1896 г., стр. 1—45. Цѣна 50 коп.

В.

Веселовскій А. Воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Вирна пара та инше. У Чернигови 1895 р., стр. 1—55. Цѣна 8 к.

Владимірскій-Будановъ М. Передвиженіе южно-русскаго населенія въ эпоху Богдана Хмельницкаго. Кіевъ 1883 г., стр. 1—38. Цѣна 30 к.

В. М. Свадебныя пѣсни въ Лубенскомъ уѣздѣ. Кіевъ 1890 г., стр 1—64. Цѣна 40 к.

Вовчокъ Марко. Викупъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—18. Цѣна 5 к.

Вовчокъ Марко. Ледащиця. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—26 Цѣна 5 к.

Востоковъ А. Полтавскій полковникъ Иванъ Черняхъ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—17. Цѣна 15 к.

Востоковъ А. Нѣжинская Рада 1663 года (Брошюра-оттискъ), стр. 1—15. Цѣна 15 к.

В. Ю. Рѣчь кн. Н. Г. Рѣпнина и дѣло объ ея напечатаніи. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—8. Цѣна 10 к.

Г.

Гаврышъ Ол. Царивна-русалка. Казка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 7 к.

Гаврышъ Ол. Оповиданя. (Щастя, навикы, кохання, образъ смерты). Кіевъ, 1897, стр. 1—37. Ц. 20 к.

Гаврышъ Ол. Закохана (Поэма). Кіевъ 1893 г., стр. 1—16. Цѣна 5 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: I. Пивничный Ледовый Океанъ. Кіевъ 1883 г., стр. 1—16. Цѣна 10 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: II. Мезенська тундра. Кіевъ 1883 г., стр. 1—8. Цѣна 5 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: III. Лисова полоса Россіи. Кіевъ 1883 г., стр. 1—16. Цѣна 10 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: IV. Сторона велыкихъ озеръ. Петербурхъ. Кіевъ 1883 р., стр. 1—23. Цѣна 15 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: V. Билоруссія и Лытва. Кіевъ 1883 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Гамалія. К. Земля и люде въ Россіи. VI. Кавказъ. Кіевъ, 1884 г. 1—39. Цѣна 10 коп.

Глибовъ Л. Байкы (съ передмовою Б. Г.) У Чернигови 1895 р., стр. I—IV, 1—172. Цѣна: на простой бумагѣ 15 к., на лучшей 25 к., на веленевой 40 к.

Голубовскій П. Болгары и Хозары, восточные сосѣди Руси при Владимірѣ Св. Кіевъ 1888 г., стр. 1—43. Цѣна 30 к.

Гордіенко Даныло. 1) Кумъ-ханъ. 2) Прыгода у повидь. 3) Петро Мирошныченко. Оповидання. У Чернигови, 1885 г., стр. 1—25. Цѣна 3 к.

Гринченко Б. Кныга казокъ виршомъ. Одесса 1896 г., стр. 1—107. Цѣна 15 к.

Гринченко Борысъ. (В. Чайченко). Байкы. У Черныгови 1895 г., стр. 1—80. Цѣна 15 к.

Гринченко Б. Д. Писни та думы. Кныжка перша и друга. У Чернигови 1895 г., стр. 1—66. Цѣна 50 к.

Гринченко Б. Д. Этнографическіе матеріалы, собранные въ Черниговской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ. Выпускъ 1. Разсказы, сказки, преданія, пословицы, загадки и пр. Черниговъ 1895 г., стр. 1—300. Цѣна 1 р. 50 к.

Тоже; выпускъ 2. — Черниговъ, 1897 г., стр. 1—390. Цѣна 2 руб.

Гринченко Б. Неймовирный, або чоловикъ та жинка безъ виры не спилка. Драма на пьять дій. У Чернигови 1896 г., стр. 1—72. Цѣна 10 к., на лучшей бумагѣ 15 к.

Гринченко Б. Покынута у лиси дивчына. Казка. Одесса 1896 г., стр. 1—39. Цѣна 7 к.

Гринченко Б. Дочка. Хлиборобъ. Першый коваль. Выдавъ Ст. Ив. Эрастовъ. (Въ Черноморіи). Ростовъ на-Дону 1897 г., стр. 1—16. Цѣна 3 коп.

Гринченко Б. Хатка въ Балци и пр. Оповидання. У Чернигови 1897 р., стр. 1—233. Цѣна: на простой бумагѣ 35 коп; на лучшей—75 коп.

Гулакъ-Артемовскій П. П. Сочиненія. Кіевъ 1888 г., стр. 1—26. Цѣна 25 к.

Д.

Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича. Изданіе подъ редакціей А. Лазаревскаго. Часть 1-ая (1718—1725 годы). Кіевъ 1893 г., стр. I—XVI+1—329. Цѣна 2 р.

То же. Часть 2-ая (1726—1729 годы.) Кіевъ 1895 г., стр. I—II+1—342. Цѣна 2 р.

То же. Часть 3 я- (1730—1734 гг.) Кіевъ,. 1897 г. Стр. 1—479. Цѣна 1 р. 50 коп.

Днипрова Чайка. Хрестоносъ. Оповидання. У Кыиви 1896 р., стр. 1—32. Цѣна 5 к.

Думы кобзарськи. Выдано видъ доглядомъ Б. Гринченка. У Чернигови 1897 р. Стр, 1—106. Цѣна: на лучшей бумагѣ 15 к., на обыкновенной 5 к.

Е.

Ефименко А. Очерки исторіи Правобережной Украины. Кіевъ 1895 г., стр. 1—174. Цѣна 1 р. 25 к.

Ефименко А. Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова. (Брошюра-оттискъ), стр 1—21. Цѣна 20 к.

Ефименко А. Бѣдствія Евреевъ въ Южной Руси въ XVII вѣкѣ (Брошюра оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Ефименко П. Экономическія замѣтки о старинѣ и матеріалы. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Ж.

Жыви струны. Збирныкъ писень. У Чернигови 1895 г., стр. 1—109. Цѣна 12 к.

Житецкій П. Очерки литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вв. Кіевъ 1889 г. in 8°. Ц. 75 к.

Житецкій П. Описаніе Пересопницкой рукописи XVI в. Кіевъ in 4°. Съ 4-мя снимками. Цѣна 50 к.

Житецкій П. Теорія сочиненія съ христоматіей. Одобрено Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, какъ *учебное руководство* для среднихъ учебныхъ заведеній. Кіевъ 1895 г., стр. 1—112+1—132. Цѣна 1 р.

З.

Забоценъ Петро. Гордовита пара оповідання. С.-Петербургъ 1862, стр. 1—15. Цѣна 3 к.

Загирня М. Пидъ землею. Оповидання про шахты. У Чернигови. 1897 г Стр. 1—108. Цѣна 12 коп.

Загирня М. Добра порада. Оповидання. У Чернигови 1896 г., стр. 1—31. Цѣна 5 к.

Загирня М. Якъ выгадано машиною йиздыты. У Чернигови 1897 р. стр. 1—31. Цѣна 5 к.

Загирня М. Орлеанська дивчына Жанна д'Аркъ. У Чернигови 1897 р. Стр. 1—47. Цѣна 6 коп.

И.

Иванов. А. Розмова про земни силы. Переклав на украинську мову М. Комаров. Книжка друга (з малюнками). Кіевъ 1885 г., стр. 1—91. Цѣна 15 к.

Имшенецькый В. Видъ чого заводятця пошести або лыхи хворобы и якъ ихъ стерегтыся. С.-Петербургъ 1896 г., стр. 1—29. Цѣна 10 к.

Иродчукъ. Сира кобыла. Одесса, 1897. Стр. 1—16. Цѣна 5 коп.

К.

Казочкы. Кіевъ 1896 г., стр. 1—76 Цѣна 10 к.

Казюка и Кулишъ Панько. Дви казкы. (Пивпивныка и цыганъ). Кіевъ, 1890. Стр. 1—16. Цѣна 5 коп.

Каманинъ И. Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по Магдебургскому праву. Кіевъ 1888 г., стр. 1—91. Цѣна 50 к.

Каманинъ И. Кіевляне и Богданъ Хмельницкій въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—10. Цѣна 10 к.

Каталогъ предметовъ малорусской старины и рѣдкостей коллекціи В. В. Тарновскаго. Вып. 1-ый. *Шевченко.* Кіевъ 1893 г., стр. 1—14. Цѣна 25 к.

Кернеренко Грыцько. Въ досужій часъ. Лирна поэзія. Харькивъ 1896 г., стр. 1—60. Цѣна 50 к.

Кернеренко Грыцько. Невелычкый збирныкъ творивъ. Харьковъ 1890 г., стр. 1—49. Цѣна 25 к.

Кистяковскій о. Өедоръ. Воспоминанія его. (Брошюра оттискъ) Кіевъ 1896 г., стр. 1—139. Ц. 1 р.

Кіевъ и его предмѣстія: Шулявка съ Протасовымъ яромъ. Байкова гора съ Саперною слабодкою по переписи 2 марта 1874 года, произведенной Юго-западнымъ Отдѣломъ Императорскаго Русскаго Географическаго общества. Кіевъ, 1875 г. стр. 1—LII, 1—401. Цѣна 1 р.

Коваленко Грыцько. Видъ чого вмерла Меласся? Оповиданна про обкладъ. У Чернигови 1897 р.; стр. 1—40; Цина 5 коп.

Коваленко Грыцько. Пошесна хвороба чума на людяхъ. У Чернигови, 1897 р. стр. 1—20. Цина 3 коп.

Коваленко Грыцько. Правдыве слово та инши оповидання. У Чернигови 1896 р., стр. 1—40. Цина 6 коп.

Кониссkій О. Дидъ Евменъ. Сломынкы бабы Уляны Красючкы. У Чернигови, 1894 г Стр. 1—24. Цѣна 5 коп.

Кониссьkый Ол. Я. У тисной бабы. У Кыиви 1896 р, стр. 1—32. Цѣна 5 к.

Кононенко М. Зъ Богомъ не змагайсь. Казка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—39. Цѣна 7 к.

Кононенко М. С. Княгиня-кобзарь. (Баллада). Кіевъ 1893 г., стр. 1—35. Цѣна 15 к.

И. П. Котляревсkій. Москаль Чаривныкъ. Малоросс. водевиль въ 1 дѣйствіи. Кіевъ, 1886 г. Стр. 1—64. Цѣна 15 коп.

Коцюбынській Мыхайло. Пьятызлотныкъ. Оповидання. У Чернигови. 1895 г., стр. 1—18. Цѣна 3 к.

Коцюбынській М. 1) Харытя 2) Ялынка 3) Маненькій гришныкъ. Оповидання. У Чернигови 1895 г., стр. 1—36. Цѣна 5 к.

Крымскій А. Черезъ що люде биднiють та що имъ треба робыты. Порады Грыцька Квиткы. Москва 1896 г., стр. 1—36. Цѣна 15 к.

Крымскій А. Хто жъ выненъ? Оповиданне. Пысано мовою кыивськыхъ мищанъ. Выдавъ Ст. Ив. Эрастовъ. Екатеринодаръ. Стр. 1—32. Цина 5 коп.

Крынычка. Оповидання та вирши: Артемовського-Гулака, Билыловського, Боровыковського и др. Зибравъ. Б. Г. У Черныгови 1897 р., стр. 1—48. Цина 7 к.

Кузьменко Петро. Не такъ ждалося, да такъ склалося. Оповидання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Кулишъ. Орыся, — идиллія. Кіевъ, 1890 г. Стр. 1—16. Цѣна 5 коп.

Кулишъ П. Григорій Квитка (Основьяненко) и его повисти. Слово на новий виходъ Квитчиних повистей. С.-Петербургъ 1858 г., стр. I—XXXVI. Цѣна 25 к.

Кулишъ П. Записки о Южной Руси. Томъ второй. С.-Петербургъ 1857 г. стр. 1—354. Цѣна 2 р. 50 к.

Купчанко. Г. Нѣкоторыя историко-географическія свѣдѣнія о Буковинѣ. Кіевъ, 1875 г., стр. 1—83. Цѣна 40 коп.

Л.

Лазаревскій А. Описаніе старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія. Томъ 1-ый: Полкъ Стародубскій. Кіевъ 1889 г. стр. I—XVI+1—407+I—XXX. Цѣна 3 р.

То же. Томъ II-й: Полкъ Нѣжинскій. Кіевъ 1893 г., стр. I—IV+1—521+I—XXV. Цѣна 3 р. 50 к

Лашкевичъ Алекс. Степ. (некрологъ) Кіевъ, 1889 г. Стр. 1—12 портретъ. Цѣна 15 коп.

Левицкій Иванъ. Витрогонъ. Кіевъ, 1891 г. Стр. 1—16. Цѣна 5 коп.

Левицкій Иванъ. Голодному й опенькы мясо. Мищанська комедія—водевиль на 2 діи. Видання друге. Кыивъ, стр. 1—40. Цѣна 15 коп.

Левицкій О. И. Ганна Монтовтъ. Историко-бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—69. Цѣна 40 к.

Левицькій Иванъ. На Кожумякахъ. Мищанска комедія на 5 дій. Друге выправлене выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—108. Цѣна 25 к.

Левицькій Иванъ. Дви московкы. Повисть. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—84. Цѣна 25 к.

Левицькій Иванъ. Баба Параска та баба Палажка. Частка I. Неможна баби Парасци вдержатысь на сели. Четверте выдання зъ додаткамы. Кіевъ 1887 г., стр. 1—39. Цѣна 10 к.

Левицькій Иванъ. Чортяча спокуса Оповидання. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр 1—52. Цѣна 12 к.

Левицькій Иванъ. Маруся Богуславка. Оперетта на 4 діи. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—79. Цѣна 20 к.

Левицькій Иванъ. Кайдашева симъя. Повисть. Кіевъ 1887 г., стр. 1—211. Цѣна 50 к.

Левицькый Иванъ. Не той ставъ. Повисть. Кіевъ 1896 г., стр. 1—206. Цѣна 50 коп.

Леонидъ Архимандритъ. Нѣсколько новыхъ замѣчаній къ нашей статьѣ: „Откуда родомъ была Св. Великая Княгиня Ольга." По поводу статьи И. И. Малышевскаго: „О происхожденіи Великой Княгини руской Ольги Св." Кіевъ 1889 г., стр. 1—8. Цѣна 10 к.

Лисенко М. Молодощи. Збирникъ танків та веснянок. Київ 1875 р., стр. 1—10. Цѣна 1 р. 20 к.

Листи съ хутора. Листъ V. Хто такий хуторянинъ. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—13. Цѣна 3 к.

Лучицкій И. По поводу Дрогичинскихъ древностей. Замѣтка къ исторіи торговыхъ сношеній Ганзы съ сѣверо-западной и южной Русью. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—32. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франціи до революціи и продажѣ національныхъ

имуществъ. (Отчетъ о командировкѣ заграницу). Кіевъ 1894 г., стр. 1—42. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. В. Крестьянская поземельная собственность во Франціи и продажа національныхъ имуществъ. Кіевъ 1896 г., стр. 1—65 Цѣна 75 к.

М.

Мельникъ К. Каталогъ коллекціи древностей А. Н. Поль въ Екатеринославѣ. Выпускъ I. Кіевъ 1893 г.. стр. 1—219+Географическій указатель (стр. 1—217)+14 таблицъ рисунковъ. Цѣна 3 р. 50 к.

Мемуары, относящіеся къ исторіи Южной Руси. Выпускъ II (перв. половина XVII ст.) Переводъ К. Мельникъ (Подъ редакціею В. Антоновича). Кіевъ 1896 г., стр. 1—327. Цѣна 3 р.

Милорадовичъ В. Къ вопросу объ источникахъ „Вія". (Брошюра-оттискъ). стр. 1—4. Цѣна 5 к.

Милорадовичъ В. Сказки о жабахъ. (Брошюра оттискъ), стр. 1—4 Цѣна 5 к.

Мырный Панасъ. Перемудрывъ. Комедія въ пьяты справахъ. Кіевъ 1886 г., стр. 1—214. Цѣна 75 к.

Михальчукъ К. Къ южно-русской діалектологіи (А. И. Соболевскій. „Очеркъ русской діалектологіи III. Малорусское нарѣчіе.") (Брошюра-оттискъ), Кіевъ 1893 г., стр 1—35. Цѣна 20 к.

Михальчукъ М. Статистика въ области діалектологіи (А. А. Дикаревъ. Воронежскій этнографическій сборникъ. Воронежъ 1891 г.).) Брошюра-оттискъ) Кіевъ 1893 г, стр. 1—20 Цѣна 10 к.

Михальчукъ К. Филологическое недоразумѣніе (О формѣ им. п. мн. ч. именъ прилагательныхъ въ малорусскомъ яз. на—*ое* и т. п.). (Брошюра-оттискъ). Кіевъ 1896 г, стр. 1—24. Цѣна 10 к.

Мищенко Θ. Г. П. Галаганъ (некрологъ). Кіевъ 1883 г., стр. 1—22. Цѣна 20 к.

Мордовець Данило. Салдатка. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—26 Цѣна. 5 к.

М. Щ. Дѣтскій эдемъ до вкушенія отъ древа познанія добра и зла. (Изъ дѣтскаго міра деревенскаго мальчика). (Брошюра-оттискъ). Кіевъ 1895 г., стр. 1—107. Цѣна 75 коп.

Н.

Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 года и акты о выборахъ депутатовъ въ коммиссію сочиненія Уложенія. Кіевъ 1889 г., стр. 1—292+I—XX. Цѣна 1 р.

Науменко В. Александръ Федоровичъ Кистяковскій (Біографическій очеркъ съ отрывкомъ изъ рукописной автобіографіи его) Кіевъ 1895 г., стр. 1—43+портретъ. Цѣна 30 к.

Науменко В. Отечественный языкъ, какъ предметъ гимназическаго курса. (Рѣчь, читанная на торжественномъ актѣ Кіевской 2-ой Гимназіи). Кіевъ 1881 г., стр. 1—26. Цѣна 20 к.

Науменко В Примѣрная программа преподаванія русскаго языка въ низшихъ классахъ гимназіи. Кіевъ 1894 г., стр. 1—31. Цѣна 20 к.

Науменко В. Александръ Алексѣевичъ Корсунъ (Некрологъ). Брошюра-оттискъ, стр. 450—461. Цѣна 10 к.

Науменко В Къ литературѣ рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ. Брошюра-оттискъ, стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Наумено В. Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи. Кіевъ 1889 г., стр 1—90. Цѣна 60 к.

Науменко В. Къ пятидесятилѣтію со дня смерти Ивана Петровича Котляревскаго. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 20 к.

Науменко В. Къ пятидесятилѣтію со дня кончины Григорія Федоровича Квитки-Основьяненка: 1) Біографическій очеркъ. 2) Квитка, какъ малорусскій писатель, передъ судомъ критики. Съ портретомъ. Кіевъ 1893 г., стр. 1—59 Цѣна 50 к.

Николайчикъ Θ. Новый источникъ о козацкомъ возстаніи 1625 г. и мѣсто заключенія Куруковскаго договора. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—18. Цѣна 15 к.

Николайчикъ Θ. Отголосокъ лирницкаго языка. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—10. Цѣна 10 к.

Номис. М. Украинські приказки, прислівья и таке инше. Збірники О. В. Марковича и других. С.-Петербургъ 1865 г. стр. I—VII+1—304+I—XVII. Цѣна 2 р.

Н. О. Бунтъ Сквирскаго магистрата. Кіевъ 1888 г., стр. 1—50. Цѣна 35 к.

Ныва. Украинській литературный збирнык 1885 року. Одесса 1885 г., стр. 1—207. Цѣна 1 р.

О.

Оповидання про давня: 1) Максымъ Гримачъ: 2) Въ осены лито. 3) Старый Донда. 4) Проскурка. Кіевъ 1896 г., стр. 1—40. Цѣна 5 к.

Оповидання. Дзвонарь. Сужена. Наді У Кыиви 1897 р, стр. 1—42. Цина 5 к.

Основъяненко Гр. Перекотыполе. Повисть. Харькивъ, 1894. Стр. 1—47. Цѣна 3 коп.

П.

Петровъ Н. Къ исторіи колонизаціи Слободской Украины. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Пилинскій Д. Пригоды (Малюнки зъ життя). Москва 1896 г., стр. 1—61. Цѣна 15 к.

Пѣсни Лирныка. Напысавъ въ Полтави въ 1887-мъ року Кость Лирныкъ С.-Петерб. 1892, стр. 1—154. Цѣна

П. Л. Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены Св. Равноапостольный князь Владиміръ и Св. княгиня Ольга, и имѣемъ ли мы ихъ подлинныя изображенія? Кіевъ 1888 г., стр. 1—6. Цѣна 10 к.

П. Л. О началѣ христіанства въ Кіевѣ до торжественнаго принятія христіанской вѣры при Св. Владимірѣ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—19 Цѣна 15 к.

Программа Юго-западнаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго общества для собиранія свѣдѣній по *Этнографіи*. Стр 1—104. Цѣна 10 коп

Программа Юго-западнаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества для собиранія свѣдѣній по *Географіи*, стр. 1—14. Цѣна 2 коп

Про кари, до якихъ присужують мирові судді Кіевъ 1856 г, стр. 1—35. Цѣна 12 к.

Про холеру. Кіевъ 1875 г., стр. 1—48. Цѣна 7 к.

Пчилка Олена. Украінськімъ дітямъ. Пьять перекладівъ-віршівъ. Київъ 1882 р., стр 1—46. Цѣна 20 к.

Пчилка Олена. Думкы-мережанкы Волынь 1885 р., стр 1—97. Цѣна 50 к.

Пчилка Олена Переклады зъ Н. Гоголя (Два розмаитыхъ зразкы). Кіевъ 1881 г., стр. 1—33, 1—39, 1—63 Цѣна 35 к.

Пчилка Олена. „Веснянои ночы". Перекладъ оповидання Н. Гоголя. Кіевъ 1881 г., стр. 1—63. Цѣна 25 к.

Пчилка Олена. Сужена—не огужена. Жартъ въ 1 діи Кіевъ 1881 г., стр. 1—60. Цѣна 50 к.

Р.

Р—а П. З. Казка про перлове намысто. Розумный пысарь. У Чернигови 1896 р., стр. 1—24. Цѣна 4 коп.

Р—а П. З. 1) Чорноморци у неволи. 2) Якъ чоловикъ конемъ бувъ. 3) Уласъ Павленко. Тры оповидания. У Чернигови 1895 р., стр. 1—30. Цѣна 5 к.

Р. Л. Н Порча украинскихъ народныхъ пѣсенъ. Кіевъ 1893 г., стр. 1—15. Цѣна 15 к.

Романова Одарка. 1) Черствый пырижокъ. Казка. 2) Сватання Мороза. Зимня казочка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—26. Цѣна 10 к.

Романова Одарка. Ивашко. Кіевъ 1895 г., стр. 1—38. Цѣна 10 к.

Романова Одарка. Якъ мене Маты Божа одъ гриха одвела. Правдыве оповидання. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 10 к.

Романова Одарка Писни, Думкы, легенды. Кіевъ 1896 г., стр. 1—56. Цѣна 15 коп.

Романовичъ-Славатинскій А Воспоминанія объ архивѣ Государственнаго Совѣта. Кіевъ 1888 г., стр. 1—24. Цѣна 15 к.

Рудченко И. Я. Чумацкія народныя пѣсни. Кіевъ 1874 г., стр. I—XIII+1—257+3 таблицы нотъ. Цѣна 1 р. 30 к.

Русовъ А. Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій, собранные Черниговскимъ статистическимъ отдѣломъ при губернской земской управѣ. Т. XV. Кролевецкій уѣздъ. Рецензія (Брошюра-оттискъ), стр. 1—13. Цѣна 10 к.

Русовъ А. А. Русскіе тракты въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣковъ и нѣкоторыя данныя о Днѣпрѣ изъ атласа конца прошлаго столѣтія. Кіевъ, 1876 г., стр. 1—150 карты. Цѣна 60 коп.

Рябошапка П. Т. Розбыта бандура. Кіевъ 1893 г., стр. 1—193. Цѣна 75 коп.

С.

Самійленко Володимеръ. Зъ его поэзій. Частына перша. Кіевъ, 1890, стр. 1—47. Цѣна 20 к.

Слово о Полку Игоревымъ. Перетлумачивъ на сьогочасну наську мову К. В. Шейковскій. Елабуга, 1885 г., стр. 1—35. Цѣна 50 коп.

Старицкій. М. П. Богданъ Хмельницкій. Історычна драма въ V діяхъ, въ 6-ты одминахъ, зъ апоѳеозомъ. Кіевъ, 1897 р., 1—138. Цѣна 75 к.

Степовыкъ О. Оповидання про комахъ. Яка одъ іхъ користь, або шкода въ господарстви. (Зъ 45 малюнкамы). Кыивъ, 1882 р. Стр. 1—250. Цѣна 30 коп.

Степъ. Херсонській беллетристычный збирныкъ. Херсонъ 1883 г., С.-Петербургъ 1886 г., стр. 1—591. Цѣна 1 р. 25 к.

Сторожевъ В. Н. Къ исторіи русскаго просвѣщенія XVII вѣка. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—22. Цѣна 15 к.

Стороженко Н. И. Первые четыре года ссылки Шевченка. Кіевъ 1888 г., стр 1—20. Цѣна 15 к.

Стороженко А. В. Леонардъ Совинскій. (Опытъ посмертной характеристики.) Кіевъ 1888 г., стр. 1—29. Цѣна 25 к.

Стороженко Олекса. Закоханий чортъ. Оповідання, С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—34. Цѣна 7 к.

Стороженко Олекса Се така баба, що ій чортъ на маховихъ вилахъ чоботи оддававъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—10. Цѣна 3 к.

Стороженко Олекса. Якъ Богъ дасть, то и въ вікно подасть. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—13. Цѣна 3 к.

Стороже ko. Марко проклятый. Поэма на малоросс. языкѣ изъ преданій и повѣрій Запорожской старины (съ портретомъ автора). Спб., изданіе Суворина. Дешевая библіотека № 314. Стр. 1—144. Цѣна 15 коп.

Страшни забавчы. Оповиданне про рымській циркъ. Выдано пидъ доглядомъ Б. Гринченка. У Чернигови 1897 р. стр. 1—23. Цѣна 3 коп.

Сумцовъ Н. Ѳ. Историческій очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ Южную и Западную Россію Григоріанскій календарь. Кіевъ 1888 г., стр. 1—38. Цѣна 25 к.

Сумцовъ Н. Ѳ. Станиславъ Орѣховскій. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 20 к.

Сф. Кр. Особенности статистическаго изслѣдованія курской губерніи. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—31. Цѣна 25 к.

Слѣпушкинъ И. О томъ, какъ Богданъ Хмельницкій освободилъ Украину отъ польской неволи. Изданіе четвертое коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1894 г., стр. 1—70. Цѣна 15 к.

Сборникъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ Университета Св. Владиміра. С.-Петербургъ 1895 г., стр. 1—30. Цѣна 2 р.

Т.

Тарасенко Иванъ. На Вкраини. Вирши, писни и пересьпивы. Кіевъ 1889 г., стр. 1—79. Цѣна 40 к.

Теличенко Ив. Протестъ слободской старшины и козаковъ противъ реформы 1765 г. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—27. Цѣна 20 к.

Тобилевичъ Иванъ (Карпенко-Карый). Драмы и Комедіи. т. I. Одесса, 1897 р. стр. 1—450. Цѣна 1 р. 50.; т. II. Стр. 1—479. Цѣна 1 р. 50 коп.

Тутковскій П. Юго-западный край. Популярные естественно-историческіе и географическіе очерки Выпускъ первый (съ 4 рисунками въ текстѣ). Кіевъ 1893 г., стр. 1—178. Цѣна 1 р.

Тоже. Выпускъ второй. Кіевъ 1895 г., стр. 1—6. Цѣна 50 к.

Тышко Ол. Ма ы. Кіевъ 1896 г., стр. 1—36. Цѣна 5 к.

Ф.

Федьковичъ. Осип. Повисти. З перед нім словом про галицько-руське письменство Мих. Драгоманова. Кіевъ 1876 г. стр. I—LVI+1—95. Цѣна 1 р

Ч.

Чайченко В. Нелюбъ. Оповидання. Кіевъ, 1891 г. Стр. 1—16. Цѣна 5 коп.

Чайченко В. Робинзонъ. Кіевъ 1891 г., стр. 1—63. Цѣна 15 к.

Чайченко В. 1) Пицпалъ. 2) Панько. Два оповидання. У Чернигови. 1894 г., стр. 1—28. Цѣна 3 к.

Чайченко В. Батько та дочка. Оповидання про те, якъ чоловикови пидъ землею въ шахти прыгода трапылася. У Чернигови 1894 г., стр. 1—36. Цѣна 5 к.

Чайченко В. Робинзонъ. Оповидання. Вдруге выдано зъ додаткамы та зъ выправкамы. У Чернигови 1894 г., стр 1—87. Цѣна 10 к.

Чикаленко Е. Розмова про сельске хазяйство. Черный паръ, плодозминъ и сіяна трава. Одобрено особымъ Комитетомъ при Минист. Нар. Просв. и Министерствомъ Земледѣлія. Оесса 1897 р., стр. 1—32. Цѣна 6 к.

Чулай Грыцько. Оповидання. (Якъ я шершнивъ выганявъ и др). Кіевъ. Цѣна 10 коп.

Чулай Грыцько. Оповидання (Іяныця. Страшна кара). Кіевъ, 1891 р. стр. 1—45. Цѣна 10 коп.

Ш.

Шевченко Т. Наймычка. Поэма. Харьковъ, 1892 г. Стр. 1—31. Цѣна 2 коп.

Шейковскій К. В. Толкованіе слова „Вира". Казань 1878, стр. I—14. Цѣна 25 к.

Шейковскій К. В. Толкованіе слова „Русь" и его разновидностей Юбилейное изданіе. Мензелинскъ 1889 г. Стр. 1—14. Цѣна

Шейковскій. К. В. Рецензія на словарь Пискунова. (Отдѣльный оттискъ изъ „Филологическихъ Записокъ"). Стр. 1—20. Цѣна 15 коп.

Шейковскій К. В. Опыт южно-русскаго словаря Том V. Т—Ю. Выпуск 1-ый Т. Москва 1884 г., стр. I—XIII, 1—140. Цѣна 1 р 25 к.

Шейковскій К. В. Филологическія замѣтки. Казань 1887 г., стр. 1—37 Цѣна 50 коп.

Шевченко Т. Г. Тополя. Кіевъ 1891 г., стр. 1—14. Цѣна 1 к.

Шевченко Тарасъ. Перебендя. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—6. Цѣна 2 к.

Шевченко Т. Катерына. У Черннгови 1895 р., стр. 1—28 Цѣна 3 к.

Шевченко Т. Г. Кобзарь. Гайдамакы. Изданіе иллюстрированное художникомъ А. Г. Сластеномъ. Къ малорусскому тексту приложенъ переводъ Н. В. Гербеля. С.-Петербургъ 1886 г., стр. 1—71 in folio. Цѣна 5 р. 50 коп.

Шулика Павло. Де знайшовъ, де загубывъ. Оповидання. У Черкасахъ, 1897 г. Стр. 1—30. Цѣна 5 к.

Щ.

Щербина В. Новые матеріалы для исторіи Руси Литовской и Московской въ концѣ XVI столѣтія. (Рецензія) (Брошюра-оттискъ), стр. 1—22. Цѣна 15 к.

Щербина В. Три Шелеста. (Изъ исторіи Колеивщины). (Брошюра-оттискъ). 1—8. Цѣна 10 к.

Щербина В. Готлибъ-Самуилъ Трейеръ и его сочиненія по исторіи Московскаго государства. (Брошюра-оттискъ). Кіевъ 1895 г., стр. 1—19 Цѣна 15 к.

Щербина В. Изъ семейнаго архива. 1) Записки Андрея Петровича Рудыковскаго (1796—1874). 2) Стихотворенія Евстафія Петровича Рудыковскаго (1784—1851). Кіевъ 1892 г., стр. 1—117. Цѣна 75 к.

Щербина В. О Кіевской Старинѣ. Два чтенія. Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1896 г., стр. 1—56. Цѣна 15 к.

Я.

Яструбець Про звирив (по Брему) Мнясоиди або хижи звири. I. Ведмедь. Кіевъ 1876 г., стр. 1—36. Цѣна 10 к.

Ящуржинскій Хр. Херсонесъ во время крещенія въ немъ Св. Владиміра и дальнѣйшая судьба города. Кіевъ 1893 г., стр. 1—10. Цѣна 10 к.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LX.

1898 г.

Кіевъ, типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мих. ул., д. № 4-й.
1898.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ФЕВРАЛЬ

1898 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго**, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою Кіевъ, 19 февраля 1898 года.

Сверхъ книгъ помѣщенныхъ въ дополненіи къ каталогу при № 2, въ книжную торговлю при «Кіевской Старинѣ» (Безаковская, 12) вновь поступили слѣдующія изданія:

1. *Горленко* В. П. Южнорусскіе очерки и портреты. Кіевъ, 1898, 1—229, цѣна 1 рубль.

2. *Котляревскій* И. П. Собраніе сочиненій на малороссійскомъ языкѣ: 1) Энеида 2) Наталка—Полтавка. 3) Москаль чаривныкъ. Съ портретомъ автора. Изданіе полтавскаго губернскаго земства. Полтава, 1897 г., 1—440, ц.—35 к. (Чистая прибыль предназначается на памятникъ поэту).

3. *Лисовскій* А. Н. Главные мотивы въ поэзіи Т. Г. Шевченка. Изданіе А. А. Зиновьева. Полтава, 1896, 1—48. Цѣна 25 к.

4. *Ляскоронскій* В. Г. Исторія Переяславской земли съ древнѣйшихъ временъ до половины XIII ст. (Монографія). Кіевъ, 1897, I—VII, 1—486, I—XIII,+карта, цѣна 3 руб.

5. *Черняеськый* Н. Ф. Донецьки сонеты. Бахмутъ, 1898, 1—30. Цѣна 10 к.

6. *Черняеськый* Н. Ф. Писни кохання. Харькивъ, 1895, 1—100 +I—II, цѣна 75 к.

7 *Чорнушенко* Васыль. Заклати гроши. Изданіе Наголкина. Кіевъ, 1894, 1—14, цѣна 5 к.

8. *Щоголевъ* Я. Ворскло. Лірна поэзія. Харькивъ, 1883, 1—154, I—III, in 4°. Ц. 1 р. 30 к.

Письма Честаховскаго, писанныя въ 1861-мъ году о похоронахъ поэта Шевченка[1]).

Авторъ нижепечатаемыхъ писемъ о похоронахъ Т. Г. Шевченка—*Григорій Николаевичъ Честаховскій.* Онъ, вмѣстѣ съ пишущимъ эти строки, по порученію друзей поэта, провожалъ его тѣло отъ Петербурга до Канева [2]).

Г. Н. Ч-ій происходилъ изъ *военныхъ поселянъ*, сколько помнимъ, херсонской губерніи, и въ Петербургъ сначала пріѣхалъ, желая учиться живописи, большая охота къ которой проявилась у него съ дѣтства. Но талантъ у Ч-аго оказался небольшой, и онъ сталъ зарабатывать насущный хлѣбъ канцелярскою службою въ Капитулѣ орденовъ. Съ переселеніемъ Шевченка въ Петербургъ въ 1857 г., въ кругъ его близкихъ знакомыхъ скоро вошелъ Г. Н. Ч-ій. Сближеніе послѣдовало сначала на задушевномъ пѣніи Ч-имъ малорусскихъ пѣсенъ, а затѣмъ горячая привязанность пѣвца къ поэту была послѣднимъ оцѣнена, и Г. Н. Ч-ій сталъ однимъ изъ частыхъ и желанныхъ посѣтителей Шевченка, когда послѣдній зажилъ своимъ хозяйствомъ въ зданіи Академіи Художествъ. Когда получено было разрѣшеніе на перевозъ праха Шевченка въ Малороссію и понадобился проводникъ, то лучше Г. Н. Честаховскаго для этого трудно было и придумать [3]). На него и указали бли-

---

[1]) За предоставленіе въ наше распоряженіе этихъ писемъ считаемъ долгомъ принести глубочайшую благодарность В. В. Тарновскому, собственность котораго они составляютъ.

[2]) Г. Н. Ч-ій былъ главнымъ распорядителемъ проводовъ и похоронъ, а пишущій эти строки былъ лишь его, такъ сказать, помощникомъ.

[3]) Указаніе покойнаго Н. М. Бѣлозерскаго (К. Ст., 1882 г., окт., 75), что сначала предположено было поручить проводы тѣла Ш-ка художнику Микешину,—по нашему мнѣнію, невѣрно; по крайней мѣрѣ мы не помнимъ этого.

жайшіе друзья поэта. Можно сказать, что Ч-ій *свято* исполнилъ возложенную на него миссію. Онъ настоялъ, между прочимъ, чтобы тѣло поэта было похоронено на Чернечьей горѣ, а не въ Каневѣ.

Г. Н. Ч-ій въ послѣдніе годы своей жизни бывалъ частымъ гостемъ у В. В. Тарновскаго въ его чудесной Качановкѣ. А когда Ч-ій умеръ (въ мартѣ 1893 г.) въ Петербургѣ, то тѣло его въ томъ же году было перевезено В. В. Т-имъ въ ту-же Качановку и тамъ похоронено въ паркѣ, причемъ надъ прахомъ горячаго почитателя памяти Шевченка была насыпана могила почти одинаковыхъ размѣровъ съ тою, которую покойникъ насыпалъ въ 1861 г. надъ прахомъ *Тараса.*

При какой обстановкѣ вторично похороненъ былъ поэтъ на Чернечьей горѣ, Г. Н. Ч-ій подробно разсказалъ въ своихъ письмахъ къ пославшимъ его друзьямъ поэта. Эти письма здѣсь и печатаются [1]).

А. Л.

I.

Федоръ Ивановичъ и люба Громадонько Украиньска [2])!

Учора, въ середу, 3-го числа мая, въ четверть третёго часу, Кобзарь нашъ дужій ставъ уже на свою ридну землю Украиньску [3]), а я ставъ навколишки и тричи уклонывся рид-

[1]) Пользуясь случаемъ, сдѣлаемъ коротенькое добавленіе къ напечатаннымъ уже свѣдѣніямъ о перевезеніи тѣла Т. Г. Шевченка изъ Петербурга въ Каневъ.— Н. М. Бѣлозерскій, сообщая свѣдѣнія объ этомъ, говоритъ, между прочимъ (l. c.), что „въ Москвѣ гробъ Шевченка стоялъ за городомъ, на дворѣ какого-то столяра, среди кучи стружекъ". Это невѣрно. Прямо со станціи желѣзной дороги гробъ былъ перевезенъ и поставленъ до слѣдующаго дня въ церкви *Тихона на Арбатѣ.* Это обстоятельство хорошо помнитъ и Н. В. Шугуровъ, тогда студентъ московскаго университета. Въ церкви тѣлу поэта кланялись О. М. Бодянскій и Н. С. Тихонравовъ (хорошо его помню по хромотѣ). Другихъ посѣтителей изъ тогдашняго московскаго учено-литературнаго міра что то не помнимъ; кажется, ихъ и не было. Проводы тѣла при переѣздѣ черезъ Орелъ были особенно торжественны: впереди гроба шло духовенство съ пѣніемъ „Христосъ Воскресъ", а за гробомъ слѣдовала военная музыка Камчатскаго пѣхотнаго полка, игравшая малорусскіе мотивы. Процессію замыкали гимназисты Орловской гимназіи, сопровождаемые своимъ начальствомъ.

[2]) Федоръ Ивановичъ Черненко. У него собирались на вечера петербургскіе малороссы.

[3]) При переѣздѣ изъ Орловской въ Черниговскую губернію, по почтовой дорогѣ изъ Сѣвска на Глуховъ.

ній неньци Украини й тричи поцилувавъ іи святу землю одъ себе и одъ ридныхъ дитей іи, котри свято почитають іи, проживаючи на чужини далекій. Потимъ зайшлы зъ моимъ дорогимъ спутныкомъ въ шинокъ, купылы машталирамъ горилочки; винъ выпывъ пивъ чарочки, а я повну за Тарасову памьять, за неньку Украину и за добрую и любую нашу Громадоньку, роскинувшуюся по усёму свиту, котра почитае святу Украину; ззилы варену тарань въ шинку, потимъ выйшлы на двиръ, поговорылы своею мовою зъ маленькимы диточкамы Украиньскимы, котри тутъ якъ на те случилысь; я давъ имъ по тры копійки серебромъ, и поганяй дальше.

Теперъ я пышу вамъ изъ *Кролевця*, котрый одъ Кіева за 267 верстъ. Якъ тилки мы повернулы зъ Орла на Кромы, то прырода така, шо не тилко наблюдательне око, а даже саме просте мужиче побаче и скаже: „що нивже се не те, що бачилы доси.

Честаховській.

Четвергъ, 4-е мая, 1861 року.

II.

Федоръ Ивановичъ и люба Громадонько Украинська!

Батько нашъ дорогій Кобзарь, орелъ сызокрылый уже въ Кіеви. Учора, 6-го числа, въ 7 часивъ утра мы прыйихалы въ Бровари; тамъ ночувавъ студентъ Кіевского Университета,—дожидавъ насъ. Мы сказалы ему, шо рушимо зъ Броваривъ въ 10 часивъ утра, и винъ одправывся въ Кіевъ.

Черезъ пивтора часа, ище прыйихало до насъ тры студента, тутъ мы тилко одъ ныхъ узналы, шо Варфоломей[1]) жде насъ у Кіеви. Тутъ я роблю пропускъ,—потимъ розскажу.

Процессія началась коло пяты часивъ вечера у самому лиси, що зъ стороны Броваривъ. На мосту одпряглы коней, и студенты й громада везлы на рукахъ Кобзаря ажъ до самисинькои церквы Рождества, шо на Подоли[2]). Усю дорогу казалы прывитлыви

---

[1]) Варф. Григ. Шевченко.

[2]) См. „Кіевск. Стар." 1894 г., № 2.

слова батькови Кобзареви и поставылы его на ничъ въ церкви. У недилю въ чотыри часа одслужилы панахиду и понеслы Батька Дужого на рукахъ своихъ дитки щири та розумни, чтущи святую памьять Кобзаря свого. Якъ выйшовъ я съ церквы, та подывывсь, що діеця на двори пидъ открытымъ небомъ, то й не знаю, браты Украинци, якъ Вамъ сказать, що діялось зо мною;—хотилось бы умерты.

Домовыну Кобзарську поставылы на мары и неслы на рукахъ по-надъ Днипромъ широкимъ и по-надъ крутымы горамы.

Попереду йихалы на коняхъ верхи два жандармы, за нымы хоръ не салдатськои, а городовои музыки, гралы маршъ; за нымъ хрестъ, а за хрестомъ корогва, за нею ище дви корогвы церковни, потимъ попы, за нымы группа цеховыхъ городскихъ значкивъ, а потимъ красувавсь Кобзарській гробъ, накрытый червоною китайкою—заслугою козацькою, а кругомъ его одынадцять значкивъ городськихъ цехивъ. Процессія ростягнулась на цилисиньку верству, и выдъ бувъ такій велычный та добромъ пахучій, шо хиба тилки у Бога е въ раю.

Отожъ вся оця процессія йшла до парохода; теперъ Батько Тарасъ незабаромъ буде уже зовсимъ у своій господи. Его поставылы на пароходи, завтра въ 7 час. ранкомъ въ Каневъ йидемо.

Г. Честаховскій.

7 мая. 2 часа ночи.

III.

3-е іюня 1861 г. Каневъ.

Федоръ Ивановичъ!

Я ще й доси не маю одъ Васъ ніякои вистоньки, якъ Вы живете таменьки, и шо діеця на свити; я блужу соби одынокій окрестъ Канева по высокихъ та крутыхъ горахъ, якъ черкесынъ по Кавказу. Тутъ дуже гарно, не хотивъ бы розставатысь зъ мылымъ краемъ, де колысь завзяти Гайдамаки зъ свяченымы гулялы та виру, та волю людську ратувалы. Колы та колы збираю людцивъ та насыпаемо нашому дорогому Кобзареви могилу, уже высыпалы зъ сажень заввышки, та вздовжъ саженивъ тры; мо-

гила мае выдъ пирамидки, а въ головахъ дубовый окрашеный хрестъ заввышки два сажни. Поробымо, поробымо съ людцямы, а потимъ знимемось та й помандруемъ въ Пластунку пидъ Княжу Гору, де вольна горилочка; народъ пидопье—и веселенькій; а Батькови Тарасови стилко царства небесного надавалы!

Я пославъ свидительство докторське про мою хвористь;—не знаю, шо тамъ діеця въ нашому капитулѣ [1]). Одъ Василія Тимофѣевича Новицкого не маю ще ніякои висти.

Не знаю, чи Каменецкій выславъ Кобзаривъ и прочого кныжного краму; якъ шо не выславъ, то будьте ласкави, нагадайте ему, шобъ высылавъ якъ мога скорише. Я буду дожидать одъ Васъ пысьма зъ грошима и заразъ рушу въ Петербургъ. Якъ бы Вы прыслалы Хату и Букварь: тутъ дуже цёго дыва треба для народа, тутъ пипъ заводе для народа школу и дуже-дуже нуждаеця въ букваряхъ, а грошей чортъ-ма.

Поклоница одъ мене усій нашій Громади. Шо тамъ у васъ діеця? Дядькови Даныдови Семеновичу (Каменецкому) и дидови Щербаку душевно кланяюсь и жду одъ ныхъ краму.

Адресъ. Кіевской губерніи, въ городъ Каневъ, на почтовую станцію.

Г. Честаховській.

IV.

Федоръ Ивановичъ!

Я получивъ любый лыстъ Вашъ якъ разъ на святу недилю и дуже дякую, шо обизвалысь до мене. Отъ Данила Семеновыча тожъ получивъ лыстъ и накладную, а кныжокъ и патретивъ кобзаревыхъ ще не получавъ. Спасыби Вамъ укупи съ Дан. Сем., шо обизвалысь любымъ голосомъ, бо якось дуже осыротивъ я безъ нашои петербурськои громадоньки, не чувши іи мовы и що тамъ діеця. Тутешни де-котри паны запрошують мене до себе, а я нейду, бо воны паны, а *одъ простого люду тилько й чуешъ*—

---

[1]) Мѣсто службы Г. Н. Честаховскаго.

паны та панщина переплетена батогомъ або хворостомъ, а до того ще проклята сарана дуже напала на поля коло Канева; ажъ страхъ, ажъ сумно! сказавъ бы Батько Тарасъ, якъ бы почувъ, та подывывся. Оце учора 16-го тильки шо вывершивъ Батькови Тарасови могилу сажени въ дви заввышки, а теперъ пиду оброблять; добрый людъ дуже помигъ мени у сёму дили; зъ канивськимъ людомъ начавъ робыть могилу, а кончивъ зъ пекарцямы й хмилянамы (помищичимы крепакамы),—одны за 7-мъ верстъ одъ Канева, а други за 14-ть, и робылы щирише, нижъ канивське мищанство. Боже мій! якъ бы мени хотилось хоть капелыночку подякувать ихъ на прощаніе—зварыть имъ обидъ на вичне помынання Батька Тараса; цежъ у насъ обычай старынного заповиту, и народъ нашъ дуже за его прыдержуеця. Дуже бъ гарно було, бо Батька Украины поховалы, а людови не далы ни шматочка хлиба въ помыновъ, тильки своя громада та попы выпылы по чарочци, трошки перекусылы печенои рыбы съ хлибомъ, а потимъ Шевченки симьею зварылы капусты й локшины два горшки, тожъ все для своихъ пьятнадцяти чоловикъ, та тимъ и закинчалы. А потимъ розйихалысь по куточкахъ, якъ горобци по острихахъ, тильки я одынъ остався и коженъ день вештаюсь на Тарасовій гори, хоть дерныну або дви выкопаю, та положу ему на широки груды, и якось легшае на серци.

Канивськимъ панамъ и людови якось моторошно дывыця на мене, що я, паничъ зъ велыкого Пьетенбурха, та надину гайдамацьки штаны й сиру свытку, та визьму заступъ въ руки й роблю Тарасови могилу не такъ, якъ бы панъ робывъ зъ заступомъ въ рукахъ, а таки такъ, якъ добрый хазяйскій сынъ, або щирый робитныкъ—або ще краще, якъ добрый панъ посередъ крепакивъ зъ палыцею або батогомъ прыстае до помочи людови на панщини; та ще писля того возьму та прочитаю шо небудь изъ Кобзаря, або карандашъ въ руки тай нарысую якого чоловика або-що,—те имъ въ дывовыжу и сами не прыдумають и не прыберуть соби толку, шобъ то воно за чоловикъ такій. Сказать бы шо воно панъ, такъ не выходыть: паны жъ того не роблять, шо винъ выробляе заступомъ и довбежкою.

Отъ для сихъ сыритъ я дуже бажавъ бы одъ усего серця зварыть обидъ коло Тарасовои хатыны и помьянуть съ щирымъ нашимъ людомъ его велыку да любящу душу, нехай бы воны згадувалы, шо колысь то було, якъ прыйихавъ Батько Тарасъ зъ далекои дороги у свою господу панувать мижъ нымы. Воны вси называють его Батькомъ Тарасомъ, рятувавшимъ ихъ волю, а гора, на котрій поховалы—Тарасовою горою, замись прежнёго названня *Чернечою*. Оце моя думка; якъ вы прыймете іи своимъ серцемъ такъ, якъ и я, то чи не можно вамъ переговорыть зъ громадою объ цимъ дили, може складуця карбованцивъ 15-ть, то буде вволю, бо у мене нема вже ни копійки за душею, а ти гроши 50 карбованцивъ, шо прышлете, то треба на дорогу. Я пысавъ Вамъ, шобъ прыслалы мени 50 карбованцивъ моихъ грошей изъ сохранной казны, що на кныжку, и теперъ дожидаюсь.

Душевно кланяюсь усій Громадоньци любій и Данылови Семеновычу: Винъ дуже угадавъ, шо мое перше слово було проты кіевського панства,—теперъ мени дуже николы пысать объ цимъ. Якъ кончу Тарасову могилу, то прышлю лыстъ до Громадоньки, тоди все опышу, якъ шо було, а теперъ тильки скажу, шо якъ бы я не почувъ изъ Тарасовыхъ устъ пры его жизни слова, шо: „тыхе прыстаныще и спокой найдешъ коло Канева", то Батько Тарасъ смило запанувавъ бы въ Кіеви зъ панамы, бо ни однои души живои не було, котра бъ не потягла зъ усеи сылы на панську сторону. Дуже добре зробывъ я, шо пойихавъ зъ Батькомъ Тарасомъ, а то прыйшлось бы весь викъ жалкувать до одури. Я поелавъ въ Капитулъ свидительство о болисти моій и пысьмо Новицкому, а одъ ёго нема ни однои строки, ни одного слова; якъ бы у Васъ малось часъ времени завернуть до его и роспытаця, що и якъ воно діеця, та сказалы бъ и мени. Прощайте! весь Вашъ

Г. Честаховській.

Якъ будете пысать до Пантелеймона Александровыча, то поклоныця ему щиро одъ мене.

Въ вивторокъ 13-го іюня я ишовъ до Хмильнои збирать громаду до Тарасовои могилы, а шляхъ иде черезъ жита и черезъ лисъ,—

рай земный тай годи! жита на четверть выще мого росту. Не розстався бъ зъ Украиной!

17-го Іюня 1861 года. *Каневъ.*

V.

20 Іюня. 1861 года.

Федоръ Ивановичъ и люба Громадонько Украинська!

Ище сонечко на неби сяе, а наше сонечко святе—батько Тарасъ, велыкій свитъ Украины, уже въ останне сховалось за темну гору, видкиль уже его ясного нового свиту бильше не побачить ридна земля Украинська зъ своимъ добрымъ людомъ козачимъ.

10-го мая въ симъ часивъ пополудни нашъ дорогій та любый Кобзарь улигся на вишни вики у своій новій темній хатыни, видкиль уже не выйде бильше подывыця на свитъ Божій, своимъ яснымъ та орлынымъ козацькимъ поглядомъ не окине неньку Украину, не почуе бильше его нови та голоснои писни добрый людъ козачій, а та писня, шо проспивана имъ, нехай буде писнею благовисти для молодого козачого поколиння и направля къ добру, чести и корысти народнои кожного чесного Украинця.

Якъ йихать одъ Кіева на пароходи по Днипру, то верстовъ добрыхъ зъ чотыри треба унызъ спустыця за Канивъ; тамъ надъ самисинькимъ берегомъ, на высоченній гори—Тарасъ осивъ своимъ новымъ селыщемъ посередь самои горы. Вершина тіеи горы буде вздовжъ саженивъ *сто,* а у поперекъ до *сорока пьяти.* Гора къ востоку круто опускаеця къ берегу Днипра такъ, шо по прямому идучи не зійдешъ, а треба пиднимаця на хитрощи: ступышъ разивъ пьять упередъ по пидъ горою, а потимъ повертай лыцемъ туды, куды бувъ потылыцею, та упьять подаеся напередъ, та хватаеся за лищину, шобъ не полетить шкереберть; къ западу и юго-западу тежъ саме, а къ югу и юго-востоку изъ-за цеи горы встае друга гора, така жъ завбильшки, якъ и Тарасова гора, и покрыта густымъ молодымъ лисомъ,—кучерява та хороша, густымъ лисомъ оквичана, верхомъ своимъ пидпирае хмары и далеко, дуже далеко выдніеця, якъ йидешъ одъ Кіева. На цій

Могила Т. Г. Шевченка.

гори я хотивъ поховать Тараса;—Варѳоломей перехитрывъ мене, сказавъ, що то помищича земля; я тилько поплямкавъ, та ничого робыть. Якъ начавъ насыпать Тарасови могилу и писля трудивъ повивъ людей въ Пластунку, на вольную горилочку, тоди узнавъ, що то земля Канивська, а не помищича. Буду до вику жалкувать, що Варѳоломей обманувъ мене; мабуть, и Тарасъ пожалкуе, бо якъ выстроилы-бъ школу на тій горы, то Тарасови, литаючи на хмарахъ, не стоило-бъ труда унызъ спускаця, прямо на хмари у викно влетивъ бы я подывыця на своихъ школяривъ, що воны выробляють. Де оця гора спускаеця круто къ западу, то одъ неи росте тожъ гора трошечки ныжче, а за цією ище гора, а промижъ гиръ, де одна гора до другои склоняюця, дальше выдны верхи другихъ гиръ гостроверхихъ. Такъ, що якъ станешъ на Тарасовій гори лыцемъ къ югу, то одъ юго-востока и до сѣверо-запада Тарасову гору други горы облягають, якъ ти хмары оступають, шобъ взять его биле тило и подать другимъ хмарамъ, що литають выще та до Бога блыжче; нехай несуть туды, де понеслы его любу да щиру душу по широкому простору, бо ій тисно було на земли,—до чубатыхъ дидивъ запорожцивъ на бенкетъ небесный! Зъ Тарасовои горы выдно далеко ажъ до Переяслава, а тамъ дали тилько мріе[1]).

8-го мая въ 7-мъ часивъ у ранци знялысь мы пароходомъ „Кременчукъ" одъ Кіева и прывезлы батька Тараса до Канева въ чотыри часа пополудни. Пароходъ прыставъ къ берегу ныжче Канева верстовъ дви съ половыною; зняли съ парохода гробъ, поставылы на жидивську повозку и повезлы по-надъ самисенькимъ Днипромъ крутогорымъ берегомъ въ Канивську церковь Успенія Божіей Матери. Дойихалы до сельскои деревянои церкви Спаса Преображенія (передъ Каневомъ)—маленьке сельце по надъ берегомъ Днипра протяглось ажъ до Тарасовои гори и дилыця на тры названня: одъ Канева звеця *Сельще*, середня часть Бесарабивка, а коло самои Тарасовои горы—Монастырыще.

---

[1]) Ввидѣ иллюстраціи помѣщаемъ рисунокъ могилы Т. Г. Шевченка, послѣ реставрированія ея въ 1885 году, съ видомъ на лѣвый берегъ Днѣпра. Рисунокъ исполненъ масляными красками однимъ молодымъ художникомъ, проживавшимъ на Шевченковой горѣ для своихъ художественныхъ студій нѣсколько недѣль въ 1889 г.

Тутъ бувъ колысь монастырь; е люды, котри памьятають, якъ его розбиралы и построилы зъ его церковъ Спаса Преображенія, шо прынадлежить до Канивського Селыща. Цей монастырекъ памятный тимъ, шо въ ему на Тарасовій гори похованы *тры козачи гетманы*—Иванъ Пидкова, Кишка и Шахъ. Максимовичъ[1]) розсказувавъ оце и показувавъ шляхъ, де везлы убытого Ивана Пидкову; по тому шляхови везлы й Тараса до его тыхого дому. Тамъ насъ зостривъ отецъ Θеодосій въ облаченіи съ причетомъ и корогвамы и проводывъ до городськои церкви Успенія. Якъ переихалы базаръ и сталы пиднимацця въ гору, то насъ зострило ще два протопопы въ облаченіи съ хрестамы, образамы, цеховымы корогвамы и якоюсь цеховою коробкою видъ гроба, покрытою червонымъ сукномъ. Оци жъ то попы зъ Успенскои церкви йшлы проты насъ съ червоною коробкою скорымъ параднымъ маршемъ и добрыхъ за пивъ верствы одъ Успенскои церкви спиткалысь зъ намы. Попередъ кобзаревои домовыны йшлы попы, потимъ хресты зъ орламы, а попередъ пуста червона коробка застаршинувала, и процесія зробылась такою пышною, шо й самъ блескучій Петербургъ не бачивъ такого дыва. Хто не бачивъ сёго дыва, то ей Богу, такъ, якъ и я, подумавъ бы, шо двохъ мертвецивъ ховають разомъ. То, бачите, тутешній звычай такій мищанській. Та це ще ничого, шо одна коробка выпала на нашу долю, а то бува якъ ховають якого дуку, то иде стилько коробокъ, скилько е цехивъ въ городи; бачите—кожный цехъ ма свою коробку, и якъ протянуцця одна за другою, то смило укрыють гиръ дви або тры однымы коробкамы й червонымы, й зеленымы, й сынимы, й жовтымы, и всякимы та ажъ потимъ уже несуть настоящу домовыну зъ мертвецемъ; цёго звычаю хто не зна, то ей Богу, подумае, шо громада ховае цилу громаду, и побоитця пидійты, подумае, шо чума передушила стилько народу.

Передъ входомъ въ цвинтарь процессія остановылась служить литію. Тутъ одынъ изъ Кіевсько-Университетскои громады, сопутствующей Кобзареви до Канева, выступывъ до гробу и ска-

---

[1]) Мих. Ал. Максимовичъ пріѣзжалъ съ своей Михайловой Горы на похороны Т. Г. Ш—ка.

завъ щире сердечне слово Батькови Тарасови; це дуже-дуже подобалось Канивськои громади цеховій. Узнавши, шо я йиду при тили Тарасовимъ, кинулысь до мене и усердно просылы, шобъ я давъ имъ на памьять Батька Тараса те, шо оце читалы „бо намъ такъ подобалось, шо й сказать не можна, якъ то хороше". Я сказавъ: „просить у того, шо читавъ, а у мене нема". Поставылы гробъ у церкви, одслужилы паныхиду й вечерню, тай потяглы шукать прыстаныща. Найшлы, повистылы громаду нашу, котра зоставалась у цвинтари, зійшлысь, я й кажу: „напьемось, браты, чаю, та ляжемъ спать, шобъ завтра якъ можна рано встать, та пойидемо обирать мисто для новои хаты кобзареви". А мени й кажуть, шо вже мисце обибране. А я: „та воно добре, шо обибране, алежъ треба усимъ укупи обибрать, роздывывшись та посовитувавшись". Кажуть: „та мы бачилы вже—мисце добре; а вы хиба не бачилы"?—„Та колыжъ мени бачить? тилько шо прыйихали, уже й бачить! я ще й горы тіеи не знаю, де вона, на котрій будемъ ховать". А воны: „якъ то не бачилы? адже вы булы коло церкви, то повынни бачить, бо коло церкви жъ будуть ховать Тараса. Уже, кажуть, договорылы й гробокопателивъ за десять карбованцивъ, и воны пишлы за заступамы, шобъ яму копать. Я заразъ побигъ у цвинтарь, пытаюсь, а мени й мисце показують, де яму копать. Я объявывъ народу, шо воля покойного була така: поховать его на тій земли, де винъ дуже бажавъ поселыця при жизни своій, и нихто не мае права закопать его тамъ, де винъ не хотивъ. Народъ одностайне заговорывъ, шо яка воля покойного була, то такъ треба й робыть. Це мене ободрыло трошки, я найшовъ сынивъ Варѳоломея Шевченка, воны зналы про се, шо батько хоче поховать Тараса коло церкви, и тривожно поглядалы на мене, а я репетувавъ свое и спытавъ ихъ: „чи правда, шо вашъ батько хоче закопать коло церкви Тараса"?—Правда.—„А хто-жъ ему натуркавъ оце въ голову? Я жъ ему объявлявъ задушевную волю покойного и бажання нашои Украинскои-Петербургскои громады."—Мы сёго не знаемъ; батько казавъ, шобъ отъ на цимъ мисти яму копалы". „А де батько? шукайте его". А я тожъ пишовъ розглядать его помижъ народомъ. Народу була сыла велыка. Выйшовъ я за цвин-

тарь, колы дывлюсь—Вареоломей бижить до мене зъ дитьми, стре-воженый й каже: „друже мій, чи вы оте мисце бачили, де я хочу поховать Тараса? ось подывиця, якъ тутъ гарно: и гора высока, и Днипро блызько, и Боже мій якъ то хороше; а та-меньки за оградою купымъ мисце тай школу поставымо. Ось подывиця, якъ добре буде. А школа буде у его пидъ самымъ бокомъ".—„Якъ бы воно добре не було, то все добре тилько по нашому, а мы давайте добре робыть по Тарасовому, якъ бажала его душа безсмертна, то тоди ще краще зробымо и добре буде. Бо якъ начнемъ порядкувать по своему, то душа Тарасова и потомство козацьке, чтуще памьять его святу, буде клясты насъ, поки свита сонця и грихъ нашъ буде неокупный. А давайте лы-шень, Вареоломей Григоровычъ, поховаемъ Тараса подальше одъ церкви, а якъ шо вамъ хочеця безпреминно коло церкви, то й тамъ можна буде поставыть церковь Тарасову, хоть мане-сеньку. Може у васъ нема грошей чимъ орудовать, возьмить моихъ тридцять карбованцивъ, а потимъ оддасте". А Вареоло-мей: „якъ будемъ тамъ ховать, то ще й завтра не управымся зъ цимъ диломъ, а у мене кожна мынута время дорога, я вже й такъ, якъ недиля рушивъ зъ дому". Я натякнувъ, шо якъ бува николы вамъ, то мы й сами поховаемо; покажить тилько мисце, де ота гора, а вы зъ Богомъ йидьте.—Вареоломей пид-дався: „ну, добре, каже, такъ завтра пойидемо обирать мисто, а тимъ часомъ ходимъ поговорымъ съ цехамы, шо возьмуть зъ насъ, шо выкопають могилу". Цехари, недовго думавши, запа-лылы зъ насъ *сто карбованцивъ*. „А шо, Григорій Мыколаевычъ, яка у васъ думка отъ про се дило"? каже мени Вареоломей. А я ему: „у мене зовсимъ немае ніякои думки въ голови, а просто завтра вранци достанемо заступивъ та лопатъ, пойидемъ вкупи зъ Кіевскою Громадою, та збудуемо своимы рукамы на-шому Батькови хату". Тоди Вареоломей, не сказавши мени ни-чого, повернувся до цехаривъ и каже имъ: „идить вы соби до чорта, а зъ нымъ до самого старшого сатаны на пораду, а мы, пане Грицьку, ходимъ съ тобою та напьемося чаю, то чи не буде лышень краще". На другій день, у вивторокъ, 9-го мая уранци пишлы до Днипра, наняли човенъ, силы й пойихалы Дни-

промъ по надъ крутымы берегамы. Дойихалы до горы, на велыку сылу зибралысь на неи, роздывылысь; я показавъ мисце, де, по моему бъ, прыходылось робыть Тарасови новый будынокъ, спытавъ громады: чи согласни на те? Громада въ одынъ голосъ— „согласни!" И началась робота. Выкопалы яму, а каменщики солдаты вымуровалы кирпичный зводъ и на третій день, у середу 10 мая, въ тры часа пополудни, отправылысь въ церковь, одслужилы якъ слидуе по закону, що було треба, потимъ протоіерей промовывъ, спасыби ему, въ церкви до Батька Тараса прощальне слово: „Ты, каже, брате нашъ о Христѣ, Тарасе, настоящій щирый Батько свого Украинського люду, ты першій заступывсь за ридне слово Украинського народу въ солдацькіі шинели, у тяжкій неволи, далеко на чужини, не перестававъ болить серцемъ за людъ свій и его слово! Миръ ти, Тарасе!"

Потимъ вынеслы гробъ, поставылы на козацькій визъ, накрылы червоною китайкою, а замись воливъ впрягся людъ хрещеный и повезлы, якъ слидъ, диты свого батька, повернувшого зъ далекого краю до свого дому. Якъ рушилы одъ церкви, то везлы парубоцтво, чоловики и наша кіевська громада. Я давай ходыты помижъ дивчаткамы и диткамы малымы, шобъ и воны прыставалы до купы, „бо вы жъ, кажу, для Тараса однакови булы люби, якъ парубки, жинки, диды и бабы, то бериця уси вкупи везты"; дивчатка усмихалысь, соромылысь, отговорювалысь, шо и такъ багацько везуть безъ насъ. „Багацько, та не вы, а то треба, шобъ и вашу працю Богъ побачивъ". Повезлы Кобзаря тіею дорогою, видкиль йихалы по-надъ Днипромъ; въ однимъ мисти треба було зовсимъ звернуть зъ теи дороги на праву руку. Дорога йшла горамы въ лисъ; тутъ треба було обйихать сажнивъ пивтораста у бикъ потикомъ (де малесенька водыця протикае изъ джерелъ; называецця потикомъ). Людъ и каже мени: „ходимте, панычу, зъ намы, тутъ прямійша дорога, мы ихъ переженемо, а то дуже далеко останемся сзаду; бачите, яка улычка тисна, не протовпымось". Бачу, шо правда: „ходимъ", кажу. Тутъ скажу ось що. Якъ тильки ступывъ я першій шагъ на Канивську землю, то заразъ познакомывсь зъ людомъ. „Здорови булы, люде добри! Здоровеньки, дивчатка!"

Здрастуйте!—„А шо, чи сегодня празныкъ якій чи що, шо вы гуляете“?—Ни, празныка нема ніякого, а чулы, шо сюда прывезуть оцёго пана, шо прывезлы, такъ оце стоимо й дожидаемось.—„А хто жъ вамъ сказавъ, шо ёго прывезуть?—Та тутъ увесь людъ про се говоре; у насъ давно чутка йде, шо ёго прывезуть, ще казалы въ пистъ або на велыкоднихъ святкахъ прывезуть, але жъ не було; а учора казалы, шо сёгодня безпреминно буде, такъ мы й выйшлы подывыця“.—„И добре зробылы, спасыби вамъ; такъ уже колы прыйшлы назустричъ, то проводьте вже ажъ до церкви, якъ слидъ диткамъ почтыть памьять Батька.—„Та мы жъ оце туда йдемо“.—Добре, ходимте у купци, ходимте—и потяглы за возомъ. Я йшовъ зъ людомъ, розсказувавъ имъ, шо оце за чоловикъ Тарасъ, просывъ ихъ, шобъ воны не звалы его паномъ, а звалы батькомъ Тарасомъ. Дійшлы до слобидки; я роздавъ дивчаткамъ по квиточци зъ Тарасовои петербургскои могилы на памьять, и третья доля канивського люду була уже знакома зо мною. На такій ладъ робывъ я скризь, де пройихалы зъ Тарасомъ, одъ Петербурга и до самисинького Канева. Такъ ось чого людъ коло мене ходывъ роемъ: ему хотилось слова, а я не скупывся на цей товаръ. Тараса скризь прыймалы то за полковныка, то за генерала. „Люде добри! Богъ зна, за вищо оце одъ васъ така зневага на простого крепака Тараса“—якъ гримъ трищало въ ушахъ хрещеного люду. Повезлы Тараса унызъ на потикъ, а я пишовъ напростець горою зъ людомъ, побачивъ маленького та гарненького хлопчика и кажу ему: „Ты жъ таки якъ козакъ добрый, то тоби зовсимъ не слидовало-бъ отутъ плентаця помижъ жинкамы та дивчатамы, а пишовъ бы ты прыставъ до козацькои громады, шо везуть батька Тараса, та помигъ бы козацькому батькови за сонця доплестысь до дому, та якъ звычайный козакъ, той дивчатъ пидмовывъ бы до помоги“. Колы це пидходе до мене молодыця въ червонимъ платку повьязана и пытаеця мене: „панычу, а скажить, будьте ласка: „чи то жъ воно подобае женьскому полу мишаця въ оце дило?“ А я ій—що нема ничого найкращого, найподобнійшого, якъ усимъ диткамъ у купи, и женському и мужському полови, одъ малого й до старого, почтыть памьять Батька

Тараса, бо винъ бувъ усимъ диткамъ Украины батько и кохавъ усихъ однаково, якъ мужськiй, такъ и женськiй полъ. Молодычка одiйшла одъ мене, а я забалакавсь зъ хрещенымъ людомъ и опередывъ саженивъ на сто кобзаривъ пойиздъ, йшовшiй мижъ горамы потикомъ; мени було выдно за садамы тилько верхи короговъ. Я спустывся зъ людомъ унызъ, перейшлы потикъ, и я пиднявсь трошки пидъ другу гору, видкиль стало выдно, якъ на долони, весь кобзаривъ пойиздъ. Колы дывлюсь—якъ макова нива зацвила коло кобзаревои домовыны, а сама домовына якъ найбильша макивка красуецця посередь велыкои нывы: все дивочки, якъ квиточки, а дивчата, якъ макивки, облавылы густою батовою й везуть визъ Тарасивъ, а жиночки позадъ воза помогають и ни однои мужськои души нема, не тильки въ вози, а и блызько коло воза. У мене навернулысь въ очахъ слёзы одъ такого дыва, и я пишовъ назустричъ и сказавъ: „Велыке вамъ спасыби, батькивськи дочки, хай вамъ Богъ счастлывыть за оцю услугу и помога на все добре въ жизни". Було дивочимъ отвитомъ: „мы думалы, панычу, шо вы шуткуете; а якъ бы сказалы, мы бъ одъ самои церкви повезлы, а теперъ уже никому не дамо везты, ажъ до самои могилы довеземо". Молодыця въ червонимъ платку була стара дивка—старшинецъ надъ дивкамы, и якъ допыталась у мене правды, шо не жартую, заразъ загадала дивчатамъ везты Тараса. А ще тилько одийихалы одъ города зъ верству. Окрестъ Канева нема ни одного мисця ривного, навить на двадцять сажень, усе горы, та горы поросши лисомъ, и прыходыця, чи йты, чи йихать зъ горы у пызъ, а зъ нызу на гору отакою дорогою. Люби Канивськи дивчата везлы батька Украины добрыхъ верстовъ зъ висимъ або и усихъ десять, бо треба було далеко, далеко кругомъ обйизжать лисомъ, бо таки гори усе, шо зъ велыкимъ трудомъ зiйдешъ пихтурою, а йихать нема и въ помыни. Верстовъ зо дви одъ Канева у ту сторону, де мы йихалы зъ Кобзаремъ, нема густого лису,—уже сплюндрованый: такъ, де та де, стоять дубы поростыкани, та кущамы росте молодый лисъ, а потимъ начинаецця густый молодый лисъ. Ко-три дивчата не малы де прытулыцця до Кобзаревого воза, напалы на лисъ и давай ломать виты и устылать дорогу Кобзареви.

Якъ побачила те уся челядь, и мале й велыке, якъ кинуця на лисъ—затрищавъ сердешный якъ одъ доброго пожару; покрылась Кобзарева дорога зеленымы витамы, якъ зеленымъ килымомъ заслана. Ажъ серце млило одъ такого дыва, наче яка комашня зъ Божого неба залетила мени пидъ саму шкуру и козака витанцёвувала,—такъ було любо, радисно та весело дывыця на дивоцьку, славну потугу. Таки картыны, таки картыны, шо ніяка голова чоловича не вымизкуе такои чудасіи, и любый, безсмертный нашъ Тарасъ не подасть Богови жалобу на людъ козачій, не скаже, шо винъ усю жизнь вештався мижъ татарамы, бо хоть коло его домовыны запахло чоловичимъ духомъ. Якъ везлы, то поперед усіеи процессіи неслы патретъ Кобзаривъ, и увесь людъ до малои дытыны бачилы, якій винъ бувъ живымъ. Якъ прывезлы до гробу, то знялы домовыну зъ воза и началы зновъ одправу попы, а патретъ поставылы высоко на груши, у головахъ домовыны. Кончилы попы, заразъ начала кіевська наша братія въ останне прывитне и прощальне слово Кобзареви. Такихъ було чотыри чоловика; одынъ державъ слово отъ Билоруськои народности; а кончивъ пипъ, отецъ Ѳеодосій, цей уже пьятый. Опустылы биле тило въ гробъ и начавъ народъ росходыця. Попивъ угощалы то вынамы, то ромамы и чаемъ. Потимъ я пидійшовъ зъ громадою до попивъ и поблагодарывъ ихъ одъ усіеи громадоньки нашои за те, що воны держалы значне слово нашому любому Кобзареви. Попы дуже булы рады нашому прывитанню, повставалы зъ травы и перецилувалысь зо всею нашею громадою. Потимъ мы повечерялы и розійшлысь, а де-котри осталысь ночувать на Тарасовій гори, и усю ничъ огныще горило, наче гайдамацтво ночувало въ лиси зъ свяченымы. Оце жъ вамъ, щири браты Украинци, розсказавъ, якъ зъумивъ, якъ и шо було, по своимъ сыламъ и знанню.

Щирый до Васъ Г. Честаховській.

Каневъ 20 Іюня 1861 года.

VI.

1-е Іюля 1861 года Каневъ.

Федоръ Ивановичъ!

Ще не мавши одъ Васъ ніякои вистоньки зъ Петербурга, я говорывъ зъ Варфоломеемъ Грыгоровычемъ про землю, на которій полягъ спочить Батько. Винъ получивъ лыстъ отъ другого нашого Батька *Пантелеймона*; той пысавъ Вареоломееви, шо землю купе Черненко и шобъ на его имя и купчу запысать, и шо Черненко и гроши заплате.

А Вареоломей казавъ мени, шо чи не можно бъ запысать купчу на землю на ёго имя, бо мени, каже, якъ братови Тараса, кажеця, якось нибы бильше прыстало бъ, нижъ другому якому чоловикови. Я одповидавъ ему, шо я не можу ришить сёго дила ни такъ ни сякъ, а напышить, кажу, до Федора Ивановича и до Пантелеймона Александровича, хай воны зъ Громадою подумають, якъ заблагорозсудять.

Моя думка така, нехай Вареоломей объяснытъ Вамъ, чого винъ бажа, шобъ на ёго, а не на ваше имя, була запысана купча, тоди помиркуете зъ Громадою и побачите, шо треба робыть.

28 іюня я йиздывъ въ Корсунь, за 50 верстъ одъ Канева. Бачите, ясносвитлійшій Лопухинъ бувъ мынынныкъ; туда коженъ годъ у се время йизде и Канивське, и друге панство, — отъ и мене пидмовылы, и я потаскався зъ людьмы. Тутъ гарна церковь; въ канастаси е Шебуевськи образа. Бачивъ ясносвитлійшаго здоровенного дидугу Лопухина въ церкви.

Вертавшись изъ Корсуня (я тильки бувъ тамъ одынъ день), роспытавсь, по як ихъ мистахъ ходывъ Тарасъ, будучи у Корсуни, пройшовъ по ёго слидахъ тропки, посыдивъ на тихъ скелахъ, де винъ одпочивавъ, тай потягся до Канева. Любувавсь на ланы широкополіи; хлиба, Боже мылый, яки хороши,—рай тай годи! Тильки по якихъ мистахъ е багацько сараны, такъ шо ажъ муравьи по за шкурою тнуть, якъ подывывся (Тарасове: „Ажъ страхъ, ажъ сумно!" якъ разъ пидходе до сего несчастя). Даныл Семеновычу скажить, шо я получивъ кобзареви кныжки, патреты и брошюрки въ исправности и дякую ёму дуже шо ихъ прыславъ, та

ще прошу его, якъ можна, то нехай якъ мога бильше прышле брошюрокъ для продажи, я ще тутъ проживу може зъ мисяць и якъ не продамъ, то оставлю у попа Ѳеодосія, той продасть и гроши прышле, а може ще и я успію продать; та якъ мога бильше усякихъ: и Хмельныщины, и Кобылы Сирои и Пидбрехача и усихъ, усихъ, яки тилько е у его, и писень. Глядить же, я буду ждать.

Легенды народа про Тараса: Ни, теперъ уже пуста домовына, а винъ у печеряхъ у Кіеви перевернувся въ мощи. А то винъ йиде на митли (комета); кажуть, що усихъ панивъ передуше, а таки насъ одстоить зъ-пидъ неволи. Ни, винъ не вмеръ, тильки народъ морочать пустою домовыною, а винъ самъ ходе живисинькій помижъ народомъ, кажуть его бачилы, що прыйшовъ до корчмы, купывъ горилки, самъ выпывъ дви чарки та ще почастувавъ жинку й чоловика и проч. Про мене отъ якъ розсказують: якъ живъ Тарасъ, то оцей чоловикъ точнисинько иде по его слиду. Це якійсь пророкъ, бо, кажуть, бачилы его чи у Хмильній, чи якійсь другій слободи, що нисъ на соби превелыченный хрестъ сажнивъ зъ двадцять, а нисля взявъ тай почепывъ соби на груди, и хочъ бы винъ самъ и не прызнавався людямъ, що пророкъ, то таки такъ выдно, що се щось не просте. Про легенды я ще вамъ напышу, це ще не все. Прошу Дан. Семен. щобъ не гнивавсь, що до его не пышу; мени якъ пысать, то день терять.

Помищикъ Кіевськои губерніи Парчевській прыйиздывъ до справныка и казавъ, що якъ попадеця на моій земли оцей що прывизъ Шевченка, то препроводю его до васъ якъ бунтовщика и возмутытеля. Отакій ляхъ! а я зовсимъ не говорю ничого возмутытельного. Имъ досадно, ляхамъ, що мы, будучи чиновни особы, и за панибрата зъ простымъ селяныномъ обходымось, то за це на ляхахъ ажъ шкура ихъ репаеця. Громада Кіевського Университета, провожавша до Канева тило Тарасове, уся була одягнута въ билыхъ козацькихъ сорочкахъ вымережаныхъ заполоччу, въ шароварахъ, свыткахъ, пидперезаныхъ червонымы поясамы и смушевыхъ шапкахъ, а въ голови—зъ братськоюю думкою, та люби та щири въ обхожденіи зъ народомъ якъ ридни браты, якъ диты одного батька и однои матери, то паны, глядя на такій но-

вый братській ладъ, якъ-бы моглы огнемъ выпалылы молоде поколиня братськои семьи Украинського люду.

Сердечно благодарю за гроши, шо прыслалы; я получивъ 54 карбованци. Кланяюсь усій нашій Громадовьци Украинській и дуже буду жалкувать, шо не маю сылъ выповныть іи волю. Я якъ прыймавсь за дило робыть Тарасови могилу, то у мене була така думка, шо це буде временна могила, шобъ тилько дать яко мога кращій выдъ, то й затіявъ таку могилу, думаю шо якъ будуть ставыть памятныкъ, то іи рознесуть геть, и такъ народови объявывъ, котри робылы, що другу насыплють могилу круглу. А якъ бувъ у Корсуни, то говорывъ Варѳоломееви, шо якъ буде ставыть хрестъ чугунный, высокій, то тамъ, де теперъ стоить хрестъ у головахъ, начавъ бы выводыть каменный стовпъ, на котримъ укрипывъ бы хрестъ, та зъ другого боку прыбавывъ бы стилько могилы, скилько теперъ е, та й насыпавъ бы круглу могилу. Отъ яка моя думка, а поки ще нехай буде такъ, бо дуже багацько время займа, такъ шо не успію ничого и намалювать для себе.

Попросить Даныла Семеновыча, нехай передасть Билозерскому Василію Мих., чи не може винъ подарувать попови *Основу* за годъ, а на будущій годъ винъ буде выпысувать уже за гроши.

Честаховській.

Поспысувавъ уси лысты, а ще таки хочетця сказать. До мене прыходыть бытый людъ помищичій, я дывлюсь на его малевану спыну,—серце рвеця, а шо я зроблю? и бодай языкъ не родывся, щобъ казать нымъ отаке слово гирко обиженному людови, „шо якъ я взявся бъ тоби шо небудь помогты, то мене тутешне панство опыше, якъ бунтовщика и возмутытеля народного, и тилько запышу для себе якъ то було, тай тимъ и покинчаю, и бидолаха бытый здвыгне плечима и я здвыгну плечима, та тимъ и закинчаемъ панську роботу. Якъ мы прыйихалы въ Каневъ съ Тарасомъ, то тутъ уже сыдивъ одынъ студентъ Кіевського Университета, покинувшій Университетъ и пишовшій служить народови, зробывся пысаремъ въ деревни Дударяхъ въ 20 верстахъ отъ Канева.

Мы бралы его изъ тюрмы на поруки, простыця съ Тарасомъ въ церкви, а до могилы не пустылы. Отаке то! Прощайте.

1-е Іюля 1861 года Каневъ.

Прочитайте Основу: якій то чортяка удовбавъ въ голову *Мордовцеву*, шо нашъ народъ, писля кути и взвару проты Риздва, прыймаеця куделю прясты на гребни, а на двори фуга та метиль мете; треба бъ було ему ще додать, шо гримъ гремыть и блыскавка блыска, а веретена зюрчать. Оце чортовщина яка!

Скажить Василію Михайловичу Билозерскому, нехай вышле всю Основу съ 1-го Генваря 1861 года въ Каневъ на имя Ивана Лаврентьевича Прохоровича и напыше, шо стоить, то гроши прышлють.

Прочитайте 22 № Сына Отечества 28 мая о погребеніи Тараса въ Кириловкѣ, именіи Фліорковского, та скажить ему, шо винъ брехунъ.

VII.

15 іюля.

Федоръ Ивановичъ и люба Громадонько!

Громадськи двадцять-пять карбованцивъ я получивъ въ четвергъ 7-го Іюля и заразъ накупывъ усякой всячины, трохи не ввесь канивській базарь закупывъ.

Въ субботу 8 Іюля святылы попы Тарасову могилу и правылы панахиду. Зъ самого ранку людъ почавъ сходыця на „Тарасову гору“ (такъ іи теперъ называють) и до пивъ дня зибралось мыра стилько, шо вкрылы всю гору. Въ часъ полудня началы панахиду и якъ кончилы, то попы й мыръ хрещеный пишлы у Пекарській лисъ, за пивторы верствы одъ Тарасовои могилы, тамъ було симъ видеръ дешевои горилки, по 1 р. 40 к. сер. видро, и варена страва. З першу далы мырови, за попивськимъ благословеніемъ, *коливо*, а потимъ рыбу варену й печену, борщъ зъ поросятыною, печеню, локшину и взваръ, та ще й додалы, якъ ведеця мижъ хрещенымъ людомъ, по чарци варенои. Несподи-

вано выйшло такъ гарно, шо бильше й бажать не можна. Обидало мыра до чотырехъ сотъ съ половыною и було для всихъ вдоволь и выпыть, и пообидать, бо багацько було такого люду, шо якъ почулы, шо „Грыцько“ дае обидъ на вишный помынокъ Батька Тараса, то понаготовлювалы всякои всячины й попрывозылы зъ собою, а де котри варылы й пеклы у лиси, тамъ, де й нашъ обидъ готувавсь, и горилки, пыва, меду, черешень, поричкивъ суныць (суныци—лисова ягода зъ породы полуныць) и огиркивъ и стрючкивъ, и Боже мій—чого тамъ не було! Народъ дуже бувъ довольный; та, мабуть, и Батько Тарасъ, поглядаючи изъ-за хмары, розглажувавъ вуса й тилько слынку ковтавъ, плямкаючи, якъ хрещеный уконтентувавсь на вишню его памьятку. Обидъ бувъ у густыхъ пущахъ, за пивтораста ступнивъ одъ Днипра, на славній лощини, пидъ самисинькою горою, мае названя *Городокъ*, мабуть одъ Гайдамацькихъ трехъ городкивъ, выкопаныхъ на сій гори. Верхъ сеи горы буде выщый пьятинбурського Ісакія, и вся поросла густымъ старымъ лисомъ. Отъ у такимъ то мы раю помыналы Тарасову козацьку душу. Боже ты мій, Господы! якъ було любо та гарно у сей день святый, шо „ажъ, ажъ, ажъ“!—якъ мовлявъ було батько Тарасъ.

Про Тараса знае вся крепацька Украина, шо винъ бувъ ій Батькомъ заступныкомъ, шо винъ улягся коло Канева. Прыходять люде зъ слобидъ вклоныця его могили. Я часто застаю коло могилы простыхъ слобожанъ: стоять знявши шапки, пидпершись на ципки зъ клуночкамы за плечима, и дывляця на могилу такъ, шо я ще ни разу на своимъ вику не бачивъ такого щирого, тыхого, умыленного погляду людського, нибы у сій могили закопалась остання надія ихъ на лучу долю. Бо паны ляхи кажуть: уже вашу волю закопалы у землю, то не диждете буты на воли; воля ваша здохла и іи якъ стерво вонюче закопалы коло Канева. А шо, хотилось вамъ буть вольнымы,—отъ ваша й воля! На панахиди булы слобожане изъ-за Мошенъ, за тры дни ходу до Тарасовои могилы. Де хожу, шо говорю зъ хрещенымы—очей не зводять: кожне слово нибы зъ неба падае имъ якою-сь благодатною отрадою въ серце. Якъ правылы пана хиду, то я стоявъ соби похило, а коло мене Лазаревского Иванъ,

и роздумувавъ: де то наша люба Громадонька? шо коженъ изъ ныхъ діе й де повертаеця? Чи знають, чи видають, шо мы въ оцей часъ цилою Украиною чтымо святу памьять нашого дорогого Батька Тараса и шо ихъ свята жертва зибрала сюда людъ хрещеный для святого дила.

У субботу, въ начали девятого часу, бувъ Мыхайло Матвіевичъ Лазаревській коло Тарасовои могилы и дуже жалкувавъ, шо Тараса не закопалы въ Кіеви. Про се буде рахувать потомство—хто помыляеця, а на мою просту думку здается, шо кожна душа щира козача буде радуваця, шо Тарасъ биля Канева похованый, а не у Кіеви. Я якъ выйду отъ на ту гору та якъ окину очима навкруги ажъ до Переяслова, то ей же Богу наче въ моихъ грудяхъ вся будуща Украина, зо всимы своимы найпизнійшимы потомкамы, зъ усіеи сылы гарцюе та радисно выспивуе, шо Батька Тараса поховалы на простори, де легенька хмара перелитае та птыця щебече на воли. Буйнесенькій витеръ та тыхая Украинська думка буде витать кругъ его домовыны. Хотилось бы, шобъ на ту пору душа зъ мене вылетила и простяглы копыта на Тарасовій вольній земли. Теперъ я нездужаю и думаю: отъ якъ бы то Богъ змылосердывся та не вернуця въ Петенбурхъ, шобъ тутъ и закопалы,—тоди бувъ бы я самый настоящій козакъ запорожського заповиту. Граматки 50 штукъ отъ Федора Ивановыча получени, трыдцять отдано попови, а двадцять народови, воны дуже нуждаюця у сему. Ото шо получени отъ дорогого Данила Семеновыча брошюри, то якъ капля зъ неба упала на засыхающій отъ жары языкъ народа. Изъ слободъ прыходять и пытаюця, чи нема ще,—мы бъ купылы.

Я пысавъ, шобъ прысылалы якъ мога скорише усякихъ кныжечокъ; тутъ можна продавать на базари, народъ дуже хапаеця за кныжки. Якъ буду йихать до Петенбурху, то оставлю на базари у лавочци на такимъ слови, якъ бажа Даныло Семеновычъ; я вже говорывъ объ цимъ и прыймають зъ радостю.

Мих. Матв. Лазаревскій пойихавъ у суботу въ симъ часивъ вечера въ Корсунь до Вареоломея. Клыкавъ мене зъ собою, я не пойихавъ, бо дуже перепекло мене сонцемъ на роботи коло Тарасовои могилы и теперъ, якъ розвареный, не можу ничого ро-

быть. У недилю 9-го Іюля прыйиздывъ у Каневъ изъ Корсуня Варооломіевъ сынъ Каленикъ тарантасомъ за Чалымъ. Чалый у Кіеви инспекторомъ 2-й гимназіи; винъ ийхавъ изъ Кіева зъ жинкою на пароходи до Канева, сыдивъ довго на Тарасовій гори и дуже жалкувавъ, шо мене не бачивъ; я бувъ за Днипромъ у Келеберди, а якъ прыйихавъ до дому, то заставъ визитну карточку одъ Чалого зъ жинкою. Чалый—це душа дуже щира й тепла; я думаю, вы знакоми зъ нымъ по его слову надъ Тарасовою домовыною.

Учора 14 Іюля прыйихавъ изъ Кереливки Тарасивъ братъ Мыкита; винъ казавъ, шо у недилю у вечери бувъ у ныхъ у Кереливци Мыхайло Матвіевичъ и, поговорывши де що, пойихавъ упьять, здается на Умань чи що. Кереливка за 26 верстовъ по той бикъ Корсуня, значить одъ Канева за 76 верстовъ.

Мыкита каже, шо у недилю, 16-го Іюля, Вароололомей самъ прывезе Чалого у Каневъ до парохода. Якъ прыйихавъ Мыкита до Тарасовои могилы, то заставъ тамъ двохъ попивъ, одну попадю, діакона и военного поручика зъ Мыхайливки, верстовъ за 15 ть одъ Тараса. Пипъ и діаконъ зъ Хмильнои, а другій пипъ зъ Межиричи. Ишовъ великій дощъ, а попамъ и гадки нема, имъ про те байдуже; напьяли пидъ ясеномъ палатку, поставылы самоваръ видеръ зъ трое завбильшки, навезлы горилянча, закуски та цилисинькій день и пробайдыкувалы. У вечери запалылы велыку купу багатя, та до пивъ ночи усе служилы панахиды. Оце пьють та йидять, та повылизають на могилу уси та якъ начнуть правыть панахиду, то Боже мій, якъ то хороше иде луна по лиси и по всему Монастырыщу (слобидка коло Тарасовои горы. Голоса усе молоди та хороши, самому старшому попови тилько 29 годъ, а ти вси далеко молодчи одъ его, и попадя зъ ными спивала, то ей же Богу, ридко пошукать такои пивческои. Оце одправлять панахиду, та давай спивать козацьки стародавни писни. А якъ бажалы побачить Грыця: сто карбованцивъ не гроши, тилько достань Грыця, того, шо прывизъ Тараса. А Мыкита и каже: „нездужа, а то бъ прывизъ бы его вамъ“. Дуже жалкувалы. Десять панахидъ одслужилы, та уже почало на свитъ займатця, якъ пойихалы до дому.

Пекари имѣніе Парчевского, котрый збираецця піймать мене на своій земли, звязать яко возмутытеля народного и представыть по команди въ городъ Каневъ.

Якійсь *ляхъ* Шаманскій прыйшовъ до сотныка Пекарского Опанаса, тай й каже ему: „а покажи мени, будь ласковъ, свое ружо, я куплю у тебе“. Опанасъ пишовъ у комору за ружомъ, а *ляхъ* за нымъ; побачивъ дви кныжечки на полыци, узявъ ихъ тай заховавъ за халяву у чобитъ. Опанасъ просывъ, шобъ виддавъ, а *ляхъ* отговорювавсь, пославъ за горилкою тай давай напувать Опанаса поты, поки Опанасъ таки гарненько пидобравъ, тоди *ляхъ* знявся тай потягъ. Опанасови байдуже, а Опанасова жинка до *ляха*: виддай кныжечки! А винъ не оглядаеця. Тоди Опанасыха, не будучи дурною, кинулась до ятривки, а зъ ятривкою до третёи жинки сусидки, черезъ дорогу, та крыкнулы на Опанаса, той пробуркавсь та побиглы наганять, нагналы ляха, обаранылы зъ усихъ чотырехъ бокивъ; *ляхъ* не оддававъ, тоди воны взялыся за его щирише та повалылы й поотнималы кныжечки. Понеслы до попа; пипъ, прочитавши ихъ, и каже: прыйдить до мене у суботу чоловикъ зъ шисть, я прочитаю вамъ усимъ, шобъ вы почулы у купи, шо тутъ напысано. Тоди вы пидить до того *ляха* та нехай винъ прочитае изъ вашихъ рукъ, а въ его руки не давайте, нехай не оскверняе цихъ кныжечокъ своимы поганымы рукамы. Кныжечки булы: „Тарасова ничъ“ и „Псалмы Давыдови“. Якъ бувъ обидъ у суботу, то я при всему народови заставывъ Опанасову жинку, якъ шо було, розсказать попамъ. Якъ розсказала, пиднявся регитъ на ввесь лисъ.—А я подякувавъ ій та ще й поцилувавъ за те, шо добре управылась зъ ляхомъ. Боже мій! якій нашъ народъ добрый та благонравный! Якъ прыведе кого Богъ буты въ Украини, то сами побачите, шо це правда. Якій складъ, яка походка у жинокъ и чоловикивъ—не можна очей одирвать, такъ гарно, прыгоже. Це якась орлына порода людей, а чистота въ серци и добродушіе—плакать хочеця!

Изъ мого лыста вы вже знаете народну легенду, шо Тарасъ не вмеръ и шо бачилы его, якъ купывъ у Пластунци го-

рилочки и почастувавъ чоловика и молодычку. Сегодня я, йшовши на Тарасову гору, зайшовъ до жида Ёски, коло Тарасовои горы, взять горилки та почастувать Мыкиту Шевченка та ще хто трапыця; колы дывлюсь, ажъ Мыкита вже тамъ кружае съ рыбалками, а часъ бувъ сёмый ранкомъ. Ёська пидходыть до мене: „панычу, дывиця,—якъ на мени и доси тило тремтыть. Якъ бы вы зналы, якъ я сёгодня у ночи переляхався, то Богъ мене накажи; мало не упавъ мертвый на доливку. У саму пивничъ хтось стукаеця въ двери:—одчины! Я й кажу: иды до викна, шо тоби треба?—Дай горилки, будь ласка!—Я одсунувъ викно й пытаюсь: „а хто ты такій?“—„Шевченко“! Я якъ крыкну зъ усіеи сылы: а ну-ну, якій ты! ой вей-миръ,—и жинка й диты до смерти попереляхувалысь; то якъ бы винъ не сказавъ: чого ты кричишъ? я Шевченко, старшій братъ того, шо на гори захованый“,—то ей Богу й не знаю, шо й було-бъ зъ намы“.—Мыкита гулявъ зъ попамы, та якъ вицидылы горилочку, то винъ пишовъ до жида о пивъ-ночи.

Мабудь, писемъ уже не прысылайте до мене, бо въ кинци мисяця поверну въ Петенбурхъ. Оце заразъ прыйшлы люде зъ Хрещатыка, душъ шисть: чотыри жиночки и два чоловика, прыйшлы на поклоненіе Тарасови и зайшлы мене побачить.

Будьте ласкави, попросить Василія Тимофеевича Новицкого, шобъ вислалы мени отсрочку отпуска на тры або на чотыры мисяци, якъ ще не высылали, а якъ выслали то ничого й казать.

Якъ шо губернаторъ заарештуе мене, то треба жъ таки выдъ маты и сыдячи въ тюрми; а якъ найде це дило неважнымъ та выпроваде до Петербургу, то выдъ все таки не помишае,—его прышлють назадъ, якъ бува мене въ Каневи не застане. Хочъ це дило, по моему, для малыхъ дитей годне, але беруця за его велыки пани, то ще шобъ не прыйшлось изъ-за мухи—слона зазимувать у Каневи. Та глядить, шобъ изъ-за цего не выключилы изъ Капитула, бо я ни на волосокъ невыненъ, а тилки не можна було цего обійти, бо попавъ мижъ вовкивъ, то трудно було вывернуця, шобъ не укусылы.

Зъ будущею поштою напышу, колы рушу до дому, до Громады. Прощайте.

Честаховскій.

Александръ Матвѣевичъ[1])! прочитайте оце пысьмо и будь ласка заразъ одишлить Федору Ивановичу Черненко, въ С. Петерб., на углу Ивановской и Кабинетной улицъ, домъ Матушевича.

VIII.

19 Іюля 1861 г. Каневъ.

Федоръ Ивановичъ и браты Украинци!

Досыдився я у Каневи! коилы, коилы тай докоили. Учора, часивъ въ шисть вечеромъ, пишовъ я до Начальныка Полиціи, не до того ляха Монастырського, а до самого старшого Полицейского Окружного, и кажу: ось вамъ контръ-марка зъ почты, шо мій пачпортъ одисланый въ Петербургъ, и прошу выдать мени выдъ на пройиздъ въ Петербургъ. Добре, каже, прыходьте завтра въ одынадцять часивъ, а потимъ каже: „або не прыходьте—я вамъ прышлю его самъ.“ Подякувавъ и пишовъ; зайшовъ до отца Θеодосія, просыдивъ тамъ довгенько, а потимъ потягъ до дому. Колы це згодомъ являеця квартальный: „пожалуйте до начальныка Полиціи“. Бувъ уже дванадцятый часъ ночи. Одягся тай пойихавъ у купочци зъ квартальнымъ. Прыйихалы, увійшлы въ хату. „А, мое почтеніе! А шо це вы, Грыгорій Мыколаевычъ, здумалы утикать одъ насъ ничью, хиба вы не знаете, якій порядокъ ведеця, шо вы должни получить одъ мене выдъ на пройиздъ, а не такъ, якъ вы здумалы утикать одъ насъ ничью“.—„Я не злодій, шобъ мавъ утикать одъ васъ, и никого не обикравъ, шобъ пускаця навтикача проты ночи. Та чи вы пизналы мене чи ни? А же я бувъ сегодня у васъ и просывъ выдать мени выдъ на пройиздъ; цежъ було, кажеця, недавно, часивъ зъ шисть тому время; чи у васъ памьять чимъ-небудь прышиблена, шо

---

[1]) Писано съ начала къ А. М. Л—ому, жившему въ это время дома, въ конотопскомъ уѣздѣ, а онъ уже отсылалъ въ Петербургъ.

такъ скоро забулы".—,,Бачите, каже, тутъ дильце возныкло и уже Губернатору послалы доносъ, то треба вамъ уже пидождать у Каневи, шо зъ цёго буде. Ось возьмить лышень, та пидпышить оце, шо я прыготовывъ для васъ, та тоди й зъ Богомъ, до дому". Прочитавши,—пидпысавъ, шо не пойиду зъ Канева до разришенія Начальства, тай прысивъ по прозьби начальства. Подумавши трохи, и кажу: Господы, невже чоловикъ зъ лучшимы думкамы въ голови и благимъ намиреніемъ непреминно долженъ буты мученыкомъ! Посыдивъ зъ мынуту, тай пишовъ до дому. Отаке то! Оце жъ браты Украинци! знайте, шо може день, або другій, то и я уже буду сыдить за мурамы одинокій й сыротою, мижъ вовкамы ляхамы. Що буде, то побачимо, а знайте, шо я бачивъ бытыхъ понивеченыхъ людей и на ихъ прозьбы помогты имъ одвитугавъ: шо якъ я начну вамъ шо небудь совитувать, то паны опышуть мене бунтовщикомъ народнимъ—разъ, а друге—робить усе, шо вамъ будуть прыказувать паны, бо въ покирности есть пряма надежда вашого спасеня одъ крепацтва; а якъ же, Боже сохраны, будете бунтуваця, та не слухать, то смило буде те, шо паны сядуть вамъ на шію литъ на двисти, або на трыста—и бильше ничого не говорывъ. Не знаю, чи послалы до Губернатора и други брошюрки, тилко полицейскій казавъ, шо пры лядськимъ доноси послалы ,,Гайдамакъ". Прощайте!

Пидить, будьте ласка, до Василія Тимофеевича Новицкого и объяснить ему усе, шо я ничимъ не вынуватъ и ничого не боюсь—хоть бы самого чорта зъ рогамы. Тилько мени и досадно одного, шо якъ не поспію до срока отпуска явыця на службу, то шобъ не исключилы изъ Капитула [1]).

Александръ Матвѣевичъ! Прочитайте и пошлить до громады.

Г. Честаховській.

[1]) Весь этотъ эпизодъ подробно изложенъ въ записке Г. Н. Честаховскаго, напечатанной въ „Кіевск. Стар. 1896 г. № 2.

ШЕВЧЕНКО И ЩЕПКИНЪ.

(Очеркъ).

I.

Шевченка и Щепкина связывали узы самой искренней, самой задушевной пріязни. Гдѣ и когда познакомились между собою поэтъ и артистъ, съ какого времени начались между ними теплыя, дружескія отношенія,—на эти вопросы не даютъ прямого отвѣта извѣстные до сихъ поръ біографическіе матеріалы о Шевченкѣ и Щепкинѣ. Но одинъ эпизодъ изъ ихъ многолѣтняго знакомства, одинъ небольшой періодъ, можно прослѣдить очень подробно. Въ этихъ подробностяхъ ясно видна степень ихъ взаимной привязанности, отчетливо обрисовываются и сами знаменитые земляки, и ихъ отношенія между собой. Этотъ періодъ, прослѣдить который является возможнымъ по дневнику и письмамъ Шевченка, по письмамъ къ нему Щепкина и нѣкоторымъ воспоминаніямъ, относится ко времени житья Шевченка въ Нижнемъ Новгородѣ, по возвращеніи изъ ссылки, и въ Москвѣ, до отъѣзда въ Петербургъ. Письмо Тараса Григорьевича къ Щепкину, приводимое мною дальше и впервые появляющееся въ печати, относится также къ этому періоду, хотя писано изъ Петербурга, и добавляетъ нѣсколько чертъ къ картинѣ всего эпизода.

Въ своихъ письмахъ [1]) и дневникѣ [2]) Шевченко называетъ Михаила Семеновича „давнимъ", „старымъ" другомъ. Отсюда

[1]) „Основа", 1861, октябрь, стр. 12.

[2]) Тамъ-же, 1862, апрѣль.

можно заключать, что знакомство ихъ началось если не въ первые годы по пріѣздѣ Шевченка въ Петербургъ, когда и онъ и имя его не были никому извѣстны, то въ первые годы его занятій въ академіи художествъ или по выходѣ „Кобзаря". Можно, такимъ образомъ, предполагать, что къ началу сороковыхъ годовъ Щепкинъ и Шевченко были между собою знакомы. Знаменитый артистъ былъ уже тогда въ полной силѣ и славѣ своего таланта. Онъ пріѣзжалъ играть въ Петербургъ и здѣсь, прослышавъ про выдающееся дарованіе, про горемычную судьбу дѣтства и юности молодого земляка, могъ самъ броситься на знакомство съ Шевченкомъ и „привитать" его также отзывчиво, горячо, какъ всегда откликался съ пыломъ юноши на все свѣтлое, даровитое, требующее поддержки и поощренія.

Первое, по времени, указаніе на знакомство Шевченка съ Щепкинымъ встрѣчается въ стихотвореніяхъ самого Шевченка. Свою *Пустку*, написанную въ Кіевѣ, въ 1846 г., онъ посвящаетъ М. С. Щепкину. Это можетъ, пожалуй, указывать на то, что они познакомились между собою во время странствованій Шевченка по Малороссіи, въ 1843—46 гг. Изъ самой *Пустки* легко вывести заключеніе, что она написана подъ впечатлѣніемъ близкихъ, сердечныхъ отношеній автора съ артистомъ. Не однимъ дружескимъ, теплымъ словомъ надо было обмѣняться имъ прежде, чѣмъ Шевченко могъ просить своего друга:

> Заворожи мени, волхве,
> Друже сивоусый!
> Ты вже серце запечатавъ,
> А я—ще боюся...

Однако, такимъ впечатлительнымъ людямъ, какъ Щепкинъ и Шевченко, не надо было долгихъ лѣтъ знакомства, чтобы договориться до откровенныхъ рѣчей, до сердечныхъ изліяній. Щепкинъ могъ встрѣтиться съ Шевченкомъ во время своихъ поѣздокъ на гастроли въ южные города, и одного - двухъ свиданій было достаточно, чтобы явилось взаимное расположеніе, надолго и прочно сохранившееся.

Во всякомъ случаѣ Шевченко познакомился съ Щепкинымъ задолго до *Пустки*. Въ дневникѣ своемъ онъ утверждаетъ,

что въ послѣдній разъ, передъ ссылкой, онъ видѣлся съ своимъ „старымъ друзякой“ въ 1845 г.[1]). По возрасту между ними была большая разница: Щепкину въ сороковыхъ годахъ шелъ уже шестой десятокъ лѣтъ жизни, богатой опытомъ, полной и невзгодъ, и радостей,—онъ, по выраженію Шевченка, уже „запечаталъ свое сердце“; поэтъ же былъ больше, чѣмъ на четверть вѣка моложе своего пріятеля и въ возрастѣ бодрыхъ силъ и надеждъ на будущее, смѣнившихъ невеселое прошлое. Но эта разница возраста не могла помѣшать имъ близко и скоро познакомиться. Шевченко вообще былъ скоръ на знакомства. Съ Шевченкомъ, разсказываетъ Костомаровъ, мы познакомились необыкновенно быстро: на другой день мы говорили другъ другу „ты“ [2]).

Тѣмъ легче и проще сдѣлалось это, безъ сомнѣнія, съ Щепкинымъ. Михаилъ Семеновичъ горячо отзывался всегда на все, что носило характеръ простоты и искренности. Помимо этого, помимо того, что ихъ связывали интересы искусства и литературы,—у Щепкина и Шевченка было и еще общее: это—ихъ родина. Съ нею были соединены для нихъ самыя радостныя, самыя свѣтлыя воспоминанія о дняхъ далекаго, невозвратнаго дѣтства,—какъ бы горько ни жилось въ ту пору. У обоихъ дѣтство прошло въ крѣпостной средѣ, въ непосредственной близости къ народу. Щепкинъ воспитывался при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ Шевченко, но и тому, и другому горько достались корни ученія. Наконецъ, у обоихъ съ дѣтскихъ лѣтъ зародились артистическія страсти—у одного къ сценѣ, у другово—къ рисованію.

II.

Въ 1847 году Шевченко на долго разлучился съ своими друзьями и знакомыми. Сосланный на далекую окраину, онъ лишенъ былъ и утѣшенія вести съ ними переписку. Со Щеп-

---

[1]) *Основа*, 1861, іюль, стр. 12.

[2]) *Автобіографія Н. И. Костомарова*, „Рус. Мысль“, 1885, № 5, стр. 211.

кинымъ, какъ замѣчено выше, онъ видѣлся въ послѣдній разъ еще раньше—въ 1845 году, а затѣмъ, къ концу своей ссылки, не зналъ даже, живъ-ли знаменитый комикъ. Вѣсточку о Щепкинѣ доставилъ ему Я. Г. Кухаренко, который, живя въ Москвѣ во время коронаціи, въ 1856 году, познакомился съ артистомъ и отъ послѣдняго узналъ о мѣстопребываніи Шевченка. Тогда Кухаренко написалъ Шевченкѣ письмо, на которое тотъ, между прочимъ, отвѣчалъ вопросомъ: „Чи старшій Щепкинъ ще живый? Отъ щира козацька душа и молода якъ у дытыны. Чи не пышешъ ты ему часомъ? Якъ пышешь, то цилуй его за мене. Яку винъ тамъ тоби *Пустку* читавъ? Я—поганий зъ мене батько—забувъ свою ридну дытыну“ [1])...

Вѣсть о Щепкинѣ не могла не обрадовать Шевченка въ его тяжеломъ одиночествѣ, гдѣ верба, когда-то посаженная палкою, была его единственнымъ отдыхомъ и другомъ, единственнымъ отраднымъ эпизодомъ безотрадной жизни [2]). Посылая Кухаренку свои стихотворенія, онъ вспомнилъ и про Щепкина. „Дай,—пишетъ онъ,—доброму пысареви перепысать и *Крыныцю* и *Ченьця*, и *Вечиръ*, та пошлы старому Щепкину,—нехай на старисть читае та не забувае безталанного кобзаря“ [3]).

Въ мечтахъ своихъ о скорой свободѣ, о близкомъ свиданіи съ друзьями Шевченко удѣляетъ мѣсто и Щепкину. Во снѣ, какъ и на яву, ему видятся картины давно пережитого, отдѣленнаго отъ настоящаго гранью десятилѣтней подневольной разлуки. Въ одномъ изъ нѣсколькихъ, записанныхъ Шевченкомъ сновъ является и М. С. Щепкинъ. Это было въ ночь на 4 іюля 1857 г., когда земляки свидѣлись во снѣ. Они говорили, конечно, о театрѣ, и Шевченко спрашивалъ артиста: отчего онъ не продолжаетъ своихъ записокъ? Щепкинъ отвѣчаетъ на это, что жизнь его протекла такъ тихо, такъ счастливо, что и писать не о чемъ [4]). Само собою разумѣется, что, собираясь по пути

---

[1]) „Листи до Кухаренка“, письмо отъ 22 апр. 1857 г., *Основа*, 1861, окт. стр. 8.

[2]) Письмо къ Н. О. О., 1855. *Москов. Вѣдом.*, 1862, № 45.

[3]) „Листи до Кухаренка“, письмо отъ 3 іюня 1857 г., Основа, 1861. окт., стр. 9—10.

[4]) „Дневникъ“, *Основа*, 1861, іюль, стр. 12.

въ Петербургъ изъ ссылки остановиться въ Москвѣ, Шевченко разсчитывалъ непремѣнно видѣться съ Щепкинымъ. Онъ даже проситъ Кухаренку направлять ему письма черезъ Щепкина [1]).

18 сентября 1857 г. Шевченко пріѣхалъ въ Нижній Новгородъ и здѣсь, по его выраженію, „застрялъ",—застрялъ невольно. Мечты о Петербургѣ, надежды скоро свидѣться съ старыми друзьями—разлетѣлись прахомъ. Пришлось жить въ чужомъ и чуждомъ городѣ, среди незнакомаго общества. Правда, Шевченко быстро пріобрѣлъ себѣ кружокъ пріятелей изъ людей, составлявшихъ мѣстную интеллигенцію. Но это не могло заставить его забыть о прежнихъ друзьяхъ, съ которыми для поэта были связаны воспоминанія о лучшихъ годахъ его творческой жизни. А друзья не ѣхали навѣстить опальнаго поэта. Одни не желали этимъ вредить ему, другіе были изъ тѣхъ, дружба которыхъ живетъ лишь „до чернаго дня"; тѣмъ было нельзя, а этимъ—некогда. И изъ всѣхъ старыхъ пріятелей лишь одинъ Щепкинъ пріѣхалъ къ Шевченку въ Нижній-Новгородъ,—пріѣхалъ только затѣмъ, чтобы повидаться, пріѣхалъ, не взирая на зимнюю стужу, не взирая на свои преклонные годы и служебныя обязанности.

III.

12 ноября Шевченко написалъ письмо Щепкину и просилъ съ нимъ свиданія гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ Москвы. „Какъ бы я радъ былъ видѣть этого славнаго артиста-ветерана",—отмѣчаетъ онъ въ своемъ дневникѣ. Щепкинъ никогда не задерживалъ отвѣтовъ на письма и 27 ноября послалъ уже второе письмо поэту. Верстахъ въ сорока отъ Москвы у сына Щепкина находилась дача, и тутъ-то артистъ предлагалъ устроить свиданіе. Но какъ человѣкъ, болѣе, чѣмъ его другъ, опытный въ житейскихъ дѣлахъ, Щепкинъ задаетъ прежде всего „нескромный" вопросъ: „есть-ли у Шевченка средства на эту поѣздку?" Вопросъ оказался вполнѣ умѣстнымъ. У Шевченка

---

[1]) „Листи до Кухаренка" *Основа*, 1861, октябрь, стр. 11.

средствъ, дѣйствительно, не было, потому что у него только что передъ тѣмъ украли 125 заработанныхъ рублей. Приходилось согласиться на другое рѣшеніе задачи, предложенное въ томъ же письмѣ самимъ Щепкинымъ: на пріѣздъ артиста въ Нижній.

Предлагая такую комбинацію, Щепкинъ, конечно, сознавалъ и самъ всѣ связанныя съ ея выполненіемъ неудобства. Но добрый порывъ былъ всегда для Щепкина главнымъ двигателемъ во всѣхъ его поступкахъ. Къ тому же въ результатѣ поѣздки Щепкинъ видѣлъ и нравственное значеніе. Не для того только, чтобы повидаться собирался онъ въ Нижній: „а поговорить бы о многомъ нужно,—пишетъ онъ,—можетъ быть, моя старая голова навела бы и твою на добрую мысль". Да и какъ бы иначе могъ отвѣчать Щепкинъ на сердечную просьбу поэта, закинутаго судьбою на перепутьи въ незнакомый уголъ. „Друже мій давній, друже мій едыный! писалъ Шевченко,— изъ далекои Киргизьскои пустыни, изъ тяжкои неволи витавъ я тебе, мій голубе сызый, щирымы сердечнымы поклонамы. Не знаю тилько, чи доходылы воны до тебе, до твого щирого, велыкого серця". А если и доходили, что изъ этого толку? Вотъ если бы можно было свидѣться, „якъ бы то намъ хоть часыночку подывытьця одынъ на одного, хоть годыночку поговорить съ тобою, друже мій едыный. Я оживъ бы, я напоивъ бы свое серце твоимы тыхимы речамы, неначе живущою водою".

Не въ характерѣ и не въ натурѣ Щепкина было отвѣчать на такія трогательныя просьбы отказомъ.

Когда Шевченко получилъ письмо Щепкина, ему пришла въ голову мысль—соединить съ пріѣздомъ артиста и его гастроли на Нижегородской сценѣ. И не думая надъ этимъ долго, онъ сталъ подготовлять почву. Переговорилъ съ директоромъ театра,— тотъ соглашался на какія угодно условія, лишь бы знаменитый артистъ выступилъ въ Нижнемъ. Сообщилъ о своей мысли Далю, извѣстному театралу Улыбышеву и другимъ поклонникамъ Щепкина. Конечно, всѣ обрадовались случаю лишній разъ насладиться игрою ветерана русской сцены. Въ своемъ письмѣ отъ 5 декабря Шевченко все это излагаетъ Щепкину и соблаз-

няетъ его пріѣхать въ Нижні̇й. „Тутъ бы тебе, преславного, на рукахъ понеслы твои безчисленные поклонники,—пишетъ Шевченко. Щаслывый ты, дуже щаслывый, мій славный, мій великій друже! Вси тебе бачилы, вси до едыного руського чоловика, вси тебе знають и съ любовью повторяють твое обаятельное, прославленное имя“. А я,—говоритъ онъ про себя,—„подывлюся на тебе, подывлюся неначе на всесвитнюю галерею, неначе на всесвитній театръ, и забуду хоть на годыну свое невсыпуще горе“.

Занятый мыслью о пріѣздѣ Щепкина, Шевченко 8 декабря началъ писать своихъ *Неофитовъ*, задумавъ ихъ посвятить своему старому другу, какъ поэтическую дань своей душевной признательности. „Я ему посвящаю это произведеніе,—отмѣчаетъ онъ въ дневникѣ — и мнѣ бы ужасно хотѣлось ему прочитать и услышать его вѣрныя дружескія замѣчанія“.

Въ это время директоръ Нижегородскаго театра Варенцовъ съѣздилъ въ Москву, видѣлъ Щепкина и, вѣроятно, переговорилъ съ нимъ о дѣлѣ. Отъ 11 декабря Щепкинъ пишетъ, что къ празднику пріѣдетъ—„колядовать вкупѣ“. Что касается до участія въ спектакляхъ, то, пожалуй, раза два—три онъ выступитъ. „А колы що не такъ, то мы и безъ театра обійдемось“.

Изъ всей этой переписки видно, что Щепкина побуждало ѣхать въ Нижній исключительно желаніе повидаться и поговорить съ Шевченкомъ, а гастроли явились случайностью, придуманною поэтомъ.

Итакъ, вопросъ о поѣздкѣ Щепкина въ Нижній былъ рѣшенъ, и артистъ увѣдомилъ своего друга, что 21 декабря выѣзжаетъ изъ Москвы, чтобы праздникъ встрѣтить вмѣстѣ. Получивъ это извѣстіе, Шевченко выразилъ въ дневникѣ свой восторгъ такими словами: „Послѣзавтра я обниму моего стараго, моего искренняго друга. Какъ я счастливъ этой нелицемѣрной дружбой! Немногимъ изъ насъ Богъ посылаетъ такую полную радость, и весьма немногіе изъ людей, доживъ до 70 лѣтъ, сохранили такую поэтическую свѣжесть сердца, какъ М. С., счастливый патріархъ и артистъ!“

Наконецъ, 24 декабря Шевченко записалъ въ своемъ дневникѣ, очевидно, подъ впечатлѣніемъ безумной радости: „Праздникамъ праздникъ и торжество есть изъ торжествъ! Въ три часа ночи пріѣхалъ Михайло Семеновичъ Щепкинъ!“ И этимъ днемъ онъ отмѣтилъ свое посвященіе *Неофитовъ*.

Съ этого дня и до отъѣзда друга Шевченко не заглядывалъ въ свой дневникъ—не до того ему было [1]).

IV.

Сохранился анекдотическій разсказъ о Нижегородской встрѣчѣ друзей. По этому варіанту Щепкинъ, прежде чѣмъ увидаться съ Шевченкомъ, долженъ былъ попросить на это разрѣшеніе у губернатора, которымъ тогда въ Нижнемъ состоялъ М. Н. Муравьевъ. Губернаторъ разрѣшилъ свиданіе, но въ своемъ присутствіи. И вотъ,—читаемъ дальше,—друзья встрѣтились и, несмотря на долголѣтнюю разлуку, узнали другъ друга, бросились въ объятія и оба расплакались, какъ дѣти. Муравьевъ не выдержалъ, прослезился и со словами: „видно вы въ самомъ дѣлѣ прекрасный человѣкъ, если васъ такъ встрѣчаютъ пріятели“,—бросился къ Шевченкѣ и началъ обнимать его! Тогда Щепкинъ, наблюдавшій эту сцену, промолвилъ, обращаясь къ Муравьеву: „Ваше превосходительство, что это вы плачете? Да вы мнѣ всѣхъ губернаторовъ испортили“.—Острота была благосклонно принята просвѣщеннымъ губернаторомъ и всѣхъ развеселила [2]).

Какъ анекдотическій, разсказъ этотъ характеренъ. Но изъ самаго содержанія и смысла его видно, что врядъ-ли что-нибудь подобное могло произойти въ дѣйствительности. Замѣтимъ прежде всего, что въ перепискѣ Шевченка съ Щепкинымъ, по поводу Нижегородской встрѣчи, нигдѣ не упоминается объ особомъ разрѣшеніи, которое надо было имѣть для свиданія съ поэтомъ.

---

[1]) Всѣ предыдущія и послѣдующія цитаты заимствованы изъ дневника Шевченка и изъ переписки его съ Щепкинымъ. Письма Шевченка къ артисту были напечатаны въ *Основѣ* 1861, октябрь, стр. 12—16. Письма же Щепкина къ поэту были помѣщены М. Чалымъ въ *Кіевлянинѣ*, 1870, №№ 40, 41 и 43.

[2]) *Трудъ* 1881, № 5, замѣтка, М. К. „Кое-что о Шевченкѣ“.

Самый эпизодъ встрѣчи вполнѣ правдоподобенъ. Конечно, друзья бросились другъ другу въ объятія, расплакались. Но трудно допустить, чтобы въ такія минуты всегда тактичный и осторожный Щепкинъ сталъ острить надъ губернаторомъ, отъ котораго, при томъ, зависѣло свиданіе друзей.

Какъ бы тамъ ни было, они встрѣтились, и для Шевченка, по его собственному признанію, въ дневникѣ, настали „шесть дней полной, радостно-торжественной жизни". Шевченко сознавалъ, что Щепкинъ „сдѣлалъ ему честь, какой не многіе удостоились отъ знаменитаго старца"[1]). Но дороже чести во сто кратъ было то душевное потрясеніе, то счастье, тѣ „радостныя, сладкія слезы", которыя вызвалъ въ Шевченкѣ пріѣздъ Щепкина.

Ни въ перепискѣ, ни въ дневникѣ Шевченка не встрѣчается указаній на то, какъ провели друзья эти шесть дней. Но эту картину легко себѣ представить. На первомъ планѣ, безъ сомнѣнія, были долгія, долгія бесѣды: бесѣды о прошломъ, о горемычномъ житьѣ-бытьѣ поэта, о полной радостями и успѣхами жизни артиста. „Старая голова" Щепкина наводила Шевченка на „добрыя мысли." О чемъ, какъ не о своемъ жизненномъ идеалѣ могъ внушать мысли своему другу „артистъ-человѣкъ", „старецъ-юноша"? А этотъ идеалъ выражался словами, проводимыми въ жизнь: честный и добросовѣстный трудъ, стремленіе къ умственно-нравственному совершенствованію, любовь къ людямъ, вѣра въ свѣтлое будущее... Можно вообразить себѣ, какъ глубоко западали живыя рѣчи въ глохнувшую душу поэта, какъ будили онѣ въ его сердцѣ добрыя чувства, въ его творческой способности—новыя силы.

Часть времени уходила, конечно, на посѣщеніе знакомыхъ и поклонниковъ Московской и всероссійской знаменитости, съ которою Шевченко всѣ эти дни былъ не разлученъ, а вечера посвящались спектаклямъ: Щепкинъ игралъ, а Шевченко упивался его игрой, отъ которой потомъ не сразу пришелъ „въ нормальное состояніе, какъ отъ волшебнаго, очаровательнаго видѣнія".

---

[1]) *Кіев. Стар.,* 1889, Февраль, стр. 309, „Воспоминанія Н. И. Усковой о Т. Г. Ш-кѣ".

Щепкинъ выступилъ на Нижегородской сценѣ въ лучшихъ своихъ роляхъ: въ Гоголевскомъ Городничемъ,—одномъ изъ самыхъ яркихъ своихъ созданій,—въ трогательномъ, вызывавшемъ слезы *Матрозѣ* и въ Чупрунѣ изъ *Москаля Чаривныка*, котораго онъ игралъ неподражаемо. Четвертою его ролью былъ Любимъ Торцовъ изъ *Бѣдность не порокъ*, котораго сыгралъ здѣсь единственный разъ. Роль эта ему не удалась да и вообще произведенія и типы Островскаго были ему не по душѣ.

Особенный, совсѣмъ личный интересъ имѣла для Шевченка постановка *Москаля Чаривныка*. Она связана была съ сердечнымъ увлеченіемъ поэта одною изъ юныхъ Нижегородскихъ актрисъ,—увлеченіемъ, увы, не закончившимся благопріятнымъ исходомъ, также какъ и другіе его романы.

Еще въ первомъ своемъ письмѣ по поводу гастролей Шевченко писалъ Щепкину: „Тутъ есть прехороша дивчина и талантлива артистка Піунова. Чи вы не вшкварылы бъ сего *Чаривныка* на вдывовыжу Нижегородскимъ людямъ?“ Но самъ, не дожидаясь отвѣта, увлекъ на это дѣло Піунову, которая стала учиться малорусскому говору, такъ что въ томъ же письмѣ Шевченко приписалъ въ post-scriptum'ѣ: „Зрадило дивча—ажъ заплакало.“

Не изъ любви къ искусству и къ своему другу хлопоталъ Шевченко. Ему хотѣлось дать сыграть съ знаменитымъ артистомъ и выдвинуть впередъ юную артистку, предметъ своего любовнаго увлеченія. По воспоминаніямъ Е. Б. Піуновой-Шмидгофъ [1]) и по другимъ разсказамъ, хорошо извѣстно это неудачное романическое приключеніе поэта, и мы не будемъ останавливаться на немъ во всѣхъ подробностяхъ.

Шевченко бывалъ у Піуновыхъ и возгорѣлся страстью къ 15 лѣтней Катрусѣ, о чемъ и сообщилъ ея родителямъ, прося руки ихъ дочери. Какъ ни любили Шевченка въ семьѣ Піуновыхъ, но отъ предложенія его свѣта не взвидѣли. Ему былъ пятый десятокъ лѣтъ на исходѣ, да и что въ немъ было жениховскаго?—спрашиваетъ Піунова. „Сапоги смазные, дегтярные, тулупъ чуть не нагольный, шапка самая простая, барашковая,

---

[1]) Н. Ѳ. Юшковъ. *Е. Б. Піунова-Шмидгофъ въ своихъ и чужихъ воспоминаніяхъ*. Казань, 1889, стр. 35—43.

да такая страшная, хлопающаяся въ день по сотнѣ разъ." Съ отвѣтомъ на его предложеніе рѣшили подождать и ждали до тѣхъ поръ, пока не явился для дѣвушки ея суженый, когда Шевченко жилъ уже въ Петербургѣ. А тогда и самъ Шевченко отрезвился отъ своего увлеченія, какъ видно изъ печатаемаго ниже письма.

Въ *Москаль Чаривныкъ* Піунова играла Тетяну. „Тарасъ Григорьевичъ, а въ угоду ему и Михаилъ Семеновичъ учили меня малороссійскому языку и вдолбили роль Тетяны",—говоритъ по этому поводу Піунова. По замѣчанію современнаго критика, Піунова была такъ хороша въ этой роли, что Щепкинъ былъ въ восторгѣ и утверждалъ, что ни съ кѣмъ онъ не игралъ съ такимъ удовольствіемъ. Объ этомъ отзывѣ артиста говоритъ въ дневникѣ и самъ Шевченко, замѣчая, что Щепкинъ вообще „благодѣтельно подѣйствовалъ на это милое и даровитое созданіе".

Послѣ отъѣзда Щепкина изъ Нижняго, Шевченко прибѣгалъ къ авторитетному вмѣшательству своего друга, чтобы устроить Піунову на Харьковскую сцену, просилъ объ этомъ и другихъ лицъ [1]), но хлопоты его успѣха не имѣли.

29 декабря Щепкинъ уѣхалъ изъ Нижняго въ Москву. Шевченко съ нѣсколькими изъ своихъ знакомыхъ проводилъ его до первой станціи и, возвратясь домой, былъ весь подъ обаяніемъ испытаннаго умиротворяющаго вліянія. Онъ не зналъ, чѣмъ можетъ отплатить старому другу. „Любовью!—восклицаетъ онъ въ дневникѣ—но я люблю тебя давно, да и кто, зная тебя, не любитъ? Чѣмъ же? Кромѣ молитвы о тебѣ, самой искренней молитвы, я ничего не имѣю".

И на другой день образъ Щепкина и его сценическія созданія не покидаютъ воображенія поэта. „Но ярче и лучезарнѣе великаго артиста,—записываетъ онъ въ дневникѣ,—стоитъ великій человѣкъ, кротко улыбающійся, другъ мой единый, искренній мой, незабвенный Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ".

---

[1]) Напр. М. А. Максимовича (*Кіев. Стар.*: 1885, № 2, стр. 334.

V.

Въ тотъ самый день, который Шевченко отмѣтилъ какъ „праздникамъ праздникъ“, въ рождественскій сочельникъ, Щепкина поразило тяжкое, хотя и не неожиданное горе: заграницей, въ Испаніи, умеръ отъ чахотки старшій сынъ Щепкина, Дмитрій, котораго ожидала блестящая карьера ученаго[1]). Извѣстіе объ этомъ престарѣлый артистъ получилъ на порогѣ дома, возвратясь изъ Нижняго. Волненія, испытанныя во время поѣздки, смѣнились сильнѣйшимъ душевнымъ потрясеніемъ. „И тѣло устало и душѣ некогда“,—пишетъ онъ Шевченку сейчасъ по пріѣздѣ домой. „Дай душѣ отдохнуть, а то она все время была въ такомъ волненіи, что немножко и не подъ силу, а пріѣхалъ домой—все взворушилось въ старой душѣ моей“.

Это, однако, не помѣшало Щепкину въ томъ же письмѣ просить Шевченка замолвить предъ почтовымъ начальствомъ словечко за почтальона, который сопровождалъ его изъ Нижняго и ухаживалъ за нимъ, какъ за ребенкомъ: „доброе слово въ пользу маленькаго человѣка необходимо“.

Прошло немного времени, и у Шевченка созрѣлъ планъ побывать въ Москвѣ. Снова выдвинулся на сцену проектъ устроить свиданіе подъ Москвой. Щепкинъ на это отвѣчалъ приглашеніемъ пріѣзжать, если на масленицѣ и если разрѣшатъ, то въ Москву, а если постомъ, когда артистъ освободится отъ занятій, то и на дачу. Въ томъ же письмѣ Щепкинъ увѣдомляетъ Шевченка, что рисунки его будутъ разыграны въ лоттерею.

Изъ сохранившейся переписки между друзьями, относящейся къ этому періоду, извѣстны письмо Шевченка и четыре письма Щепкина. Письма касаются со стороны поэта хлопотъ по ангажементу Піуновой въ Харьковъ. Щепкинъ отвѣчаетъ по этому вопросу, стараясь умѣрить восторженность своего друга и указать на его непрактичность. Кромѣ того, въ письмахъ Щепкина идетъ рѣчь о В. А. Кокоревѣ, извѣстномъ откупщикѣ

---

[1]) Д. М. Щепкинъ оставилъ послѣ себя начало большой работы: *Объ источникахъ и формахъ русскаго баснословія*. М. 1859.

того времени. Здѣсь дѣло идетъ, повидимому, о деньгахъ, которыя нужно было получить съ Кокорева за художественныя работы Шевченка. Исполнить это порученіе Щепкину не удавалось. „Я бы и своихъ тебѣ послалъ, но и самъ теперь безъ денегъ; а потому извернись какъ нибудь. Въ первыхъ числахъ февраля мой бенефисъ, и я могу тогда свои деньги отдать, а съ него получу послѣ". Такъ, вѣроятно, и было сдѣлано, потому что въ письмѣ отъ 3 февраля Шевченко благодарилъ Щепкина за присылку 200 рублей.

Въ хлопотахъ о матеріальныхъ дѣлахъ Шевченка Щепкинъ не оставлялъ заботы и о нравственномъ его обиходѣ. Въ Москвѣ дошли до Щепкина слухи о кутежахъ поэта, и онъ пишетъ: „Не вытерплю, скажу! Ты, кажуть, дуже кутнувъ трохи? Никакая пещечина меня бы такъ не оскорбила. Богъ тебѣ судья. Не щадишь ты ни себя, ни друзей твоихъ. Погано, дуже погано. Не набрасывай *этого* на свою натуру и характеръ. Я этого не допущаю: человѣкъ тѣмъ и отличается отъ животныхъ, что у него есть воля. Не взыщи за мои грубыя слова. Дружба строга, а ты самъ произвелъ меня въ друзья, и потому пеняй на себя".

Ни на масленицѣ, ни на первой недѣлѣ поста Шевченку не пришлось поѣхать въ Москву. Случилось это немного позже. 1 марта 1858 г. Шевченко получилъ дозволеніе жить въ Петербургѣ и 8 марта выѣхалъ изъ Нижняго въ Москву. Пріѣхалъ онъ прямо къ Щепкину, жившему у Стараго Пимена, и, какъ самъ записалъ, „повидимому, надолго". Отъ гостепріимнаго Щепкина вообще трудно было скоро вырваться. А тутъ еще у поэта распухъ и покраснѣлъ глазъ, на лбу высыпали прыщи. Хозяинъ ухаживалъ за гостемъ, какъ „за капризнымъ ребенкомъ". У Щепкина было въ обычаѣ—„носиться" съ тѣми, кого онъ любилъ и кого считалъ отмѣченнымъ искрою Божьей. Это было извѣстно его друзьямъ и знакомымъ. По поводу *Неофитовъ* Костомаровъ писалъ еще раньше Шевченку: „Такъ не тилько друковать сю вещь рано, да позволь мени, брате, не посылать и Щепкину: бо винъ зъ нею усюды носытыметьця и пійде про

тебе така чутка, що прытьмомъ не слидъ пускать тебе до столыци" [1]).

Щепкинъ перебывалъ съ Шевченкомъ у всѣхъ своихъ знакомыхъ,—а знакомыхъ у него—была вся интеллигентная Москва: Аксаковы, Максимовичъ, Бодянскій, Кетчеръ, Кошелевъ, кн. Репнина, Забѣлинъ, Якушкинъ, Станкевичъ, Бабстъ, Чичеринъ, Коршъ и многіе другіе—у всѣхъ у нихъ побывалъ Щепкинъ съ своимъ другомъ или „показывалъ" имъ его въ знакомыхъ домахъ. Шевченко, какъ поэтъ, испытавшій превратности судьбы, не могъ не интересовать передовыхъ людей московскаго общества, а особенно, когда появлялся съ своимъ популярнымъ и всѣми любимымъ другомъ.

Этотъ періодъ московскихъ знакомствъ закончился 25 марта обѣдомъ въ честь Шевченка у Максимовича, и 26 марта, прогостивъ у Щепкина больше двухъ недѣль, поэтъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Друзья разстались на-вѣки. Жизненному пути и того, и другого близокъ былъ конецъ. Но письменныя сношенія между ними поддерживались. Извѣстны два письма,—одно Щепкина, другое Шевченка, относящіяся къ этому предсмертному періоду жизни поэта въ Петербургѣ. Въ это же время было написано и то письмо, которое мы печатаемъ теперь впервые.

Шевченко, пріѣхавъ въ Петербургъ, сразу попалъ въ моду и закружился въ водоворотѣ столичной жизни. Не съ такими намѣреніями, которыя они, конечно, обсуждали вмѣстѣ съ Щепкинымъ, стремился Шевченко въ Петербургъ. Работать и работать—вотъ къ чему призывалъ своего друга старый артистъ. Понятно, что ему не могла нравиться разсѣянная, свѣтская жизнь поэта. И этимъ вызваны, безъ сомнѣнія, его слова въ письмѣ отъ 23 мая: „Теперь два слова старика—за дѣло и за дѣло. Не давай овладѣвать собою бездѣйствію". И снова въ концѣ письма: „Да, еще разъ: за дѣло и за дѣло". Какъ откликъ на этотъ призывъ, звучатъ слова Шевченка въ письмѣ отъ 13 ноября 1858 г.: „якъ той щирый волъ запрягся я въ

[1]) М. Чалый. *Жизнь и произведенія Т. Г. Шевченка*, стр. 117.

роботу". И тутъ же Шевченко добавляетъ, что и этого письма не написалъ бы, если-бы не безденежье. Онъ проситъ Щепкина „вырвать у Кокорева оти 100 карбованцивъ" и переслать ихъ ему. Наконецъ, и послѣднее, приводимое нами письмо, касается того же денежнаго дѣла.

Вотъ это письмо съ орфографической точностью [1]):

„Благородный мій единый друже!

Де доткнеця до користи до грошей, то я бачу що твоя натура моій сестра ридна, и соромлива, и боязлыва. Чого се воно такъ? Мабуть того що гроши душу холодять, а наши души бояця холоду. Повинно буть такъ. Кокоревъ, якъ я бачу, забувъ про мои гроши, а нагадать йому никому причъ тебе, а ты соромыся. Я думаю ось що зробить. Напиши ты Кокореву письмо тай адресуй його на мое имя, *съ передачею.* Результатъ повиненъ буть такій. Я получу свои гроши, и лично познакомлюся съ цимъ замѣчательнымъ чоловикомъ. Добре було бъ, якбы ты такъ зробывъ. Або выдумай лучше.

Скажи мени, будь ласкавъ, щобъ зъ мене теперъ було якбы бувъ я оженывся на моій любій *Тетяси?* Пропащій чоловикъ та й білшъ ничого. Не пишешъ ты мени, чи бувъ у тибе художникъ Раевъ зъ моею новою гравюрою. И чи бачився ты зъ графомъ Алексѣемъ Сергѣевичемъ. Якъ не бачився, то побачся и подякуй йому одъ мене.

У насъ теперъ африканскій актеръ, чудеса виробляе на сцени. Живого Шекспира показуе. Не знаю чи поиде винъ до васъ. А билше нового нема ничого. Цилую твою жинку, дитей и внучатокъ, нехай здорови ростуть та щаслыви будуть. Поцилуй С. Тимофееча за мене и Кетчера и Мина и Максимовича и всихъ кого знакомого побачишъ.

---

[1]) Письмо написано, на цвѣтной, сине-голубовато-блѣдной, почтовой бумагѣ. Оно находилось въ бумагахъ одного изъ наслѣдниковъ Щепкина, а теперь принадлежитъ автору настоящаго очерка. Письма Шевченка къ Щепкину, напечатанныя въ октябрьской книжкѣ *Основы* за 1861 г., были сообщены въ редакцію самимъ Щепкинымъ. Почему къ числу этихъ четырехъ напечатанныхъ писемъ не было присоединено печатаемое теперь письмо—неизвѣстно. Вѣроятно, оно не было разъискано Щепкинымъ.

Оставайся здоровъ мій друже едыный, не забувай мене твого ридного брата. Т. Шевченко".

1858. Декабря 6.

Для будущаго біографа поэта письмо это представляетъ интересъ. Прежде всего Шевченко даетъ разгадку того, что связывало его съ Щепкинымъ. У нихъ были родственныя натуры,— „и соромливыя и боязлывыя". Ихъ души „боялись холода".

Исторія съ полученіемъ денегъ отъ Кокорева затрогивается и въ этомъ письмѣ.

Почему-то тутъ же Шевченко вспоминаетъ о своей „Тетясѣ" (Піуновой),—вспоминаетъ съ раскаяніемъ о своей мысли жениться на ней.

О художникѣ Раевѣ Шевченко сообщалъ Щепкину въ письмѣ отъ 13 ноября. Раевъ привезъ въ Москву экземпляръ гравюры (eau-forte), изданной на счетъ графа Алексѣя Серг. Уварова, котораго Шевченко и проситъ „подякувать".

Африканскій актеръ, который „живого Шекспира показуе" былъ Ольриджъ. Извѣстно, какая пріязнь существовала между трагикомъ и поэтомъ, хотя они объяснялись только мимически.

Этимъ письмомъ заканчиваются, въ хронологическомъ отношеніи, извѣстные до сихъ поръ матеріалы для характеристики дружбы между Шевченкомъ и Щепкинымъ. Съ небольшимъ черезъ два года послѣ этого письма (26 февраля 1861 года) угасъ навсегда поэтъ, а еще черезъ два съ половиной года (11 августа 1863 года) сошелъ въ могилу и его „старый друзяка", на памятникѣ котораго написано: „артистъ—человѣкъ".

Алексѣй Ярцевъ.

О МОТИВАХЪ ПОЭЗІИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

СОДЕРЖАНІЕ.

Предисловіе — значеніе и условія изученія поэтическихъ мотивовъ Шевченка. Постороннія вліянія. Опредѣленіе значенія и задачъ творчества. Слово. Дума. Муза. Пѣсня. Нива. Кобзарь. Пророкъ. Апостолъ правды. Народность. Заимствованія и подражанія. Народныя пѣсни, повѣрья, обычаи, обряды, сравненія. Народность въ міросозерцаніи и описаніяхъ быта. Внѣшняя природа: солнце, мѣсяцъ, вечерняя звѣзда, вѣтеръ, тучи, море, Дунай, Днѣпръ, Украина, флора и фауна. Историческіе мотивы: гетманщина, козачество, панщина, чумачество, солдатчина, чужина. Религіозно-нравственные мотивы: религіозное чувство. Молитва. Кіевскія святыни. Понятія о добрѣ и злѣ, богатствѣ и бѣдности. Трудъ. Наука. Мотивы политическіе, этнографическіе, автобіографическіе и литературно-бытовые. Славянофильство. Мотивы семейно-родственные. Село. Хата. Молодежь. Дѣвичья красота. Бракъ. Дѣти. Байструки. Мать, сынъ и дочь. Покрытка. Наймичка. Смерть. Кладбище.

Изученіе жизни Т. Г. Шевченка значительно подвинулось впередъ въ трудахъ г. Чалаго и г. Кониссклаго. Сравнительно меньше сдѣлано для изученія его поэзіи; но и въ этой области въ послѣднее время появилось нѣсколько цѣнныхъ статей, преимущественно галицкихъ ученыхъ—Партицкаго, Франка, Студинскаго. Въ особенности выдается крупный и весьма цѣнный въ научномъ отношеніи трудъ г. Колессы въ 3 ч. „Записокъ Товариства Шевченка“ (стр. 36—152) о вліяніи Мицкевича на Шевченка. Вышедшая недавно въ Полтавѣ брошюра г. Лисовскаго о мотивахъ поэзіи Шевченка представляетъ чистую фантасмагорію изъ теплыхъ словъ, или своеобразное стихотвореніе въ прозѣ—звучное, красивое, но и только.

Научное изученіе поэзіи Шевченка со стороны мотивовъ представляется затруднительнымъ по многимъ причинамъ. Хотя по внѣшнему объему Кобзарь не великъ, и его вполнѣ можно издать въ какой-либо „Дешевой библіотекѣ“ въ объемѣ и стоимости полнаго собранія сочиненій Лермонтова въ 35 коп.; но по внутреннему содержанію Кобзарь—памятникъ сложный и богатый. Это малорусскій языкъ въ его историческомъ развитіи, крѣпостничество и солдатчина во всей ихъ тяжести стараго времени, въ отношеніи преимущественно къ семейному положенію женщины, и наряду неугасшія воспоминанія о козацкой вольности. Здѣсь сказываются удивительныя сочетанія, съ одной стороны, вліянія странствующаго украинскаго философа Сковороды и народныхъ кобзарей, съ другой—вліяніе Мицкевича, Жуковскаго, Пушкина и Лермонтова. Въ Кобзарѣ отразились кіевскія святыни, запорожская степная жизнь, идиллія малорусскаго крестьянскаго быта—вообще исторически выработавшійся народный душевный складъ съ своеобразными оттѣнками красоты, задумчивости и грусти. При посредствѣ своего ближайшаго источника и главнаго пособія—народной поэзіи, Шевченко тѣсно примыкаетъ къ козацкому эпосу, къ старой украинской и отчасти польской культурѣ и даже стоитъ въ связи, по нѣкоторымъ образамъ, съ духовно-нравственнымъ міромъ Слова о полку Игоревѣ. Шевченко не случайно перевелъ плачъ Ярославны. Въ его душѣ звучали поэтическія струны, близкія къ тѣмъ, которыя подъ вѣщими перстами Баяна рокотали славу древне-русскимъ князьямъ.

Главная трудность изученія поэзіи Шевченка заключается въ томъ, что она насквозь пропитана народностью, и крайне, трудно, почти невозможно, опредѣлить, гдѣ кончается малорусская народная поэзія и гдѣ начинается личное творчество Шевченка. Народное начало поглотило и скрыло литературныя вліянія; получается такое общее впечатлѣніе, будто поэзія Шевченка сложилась сразу, безъ историческихъ и литературныхъ традицій, безъ постороннихъ вліяній, безъ внутренняго органическаго роста—впечатлѣніе ошибочное. Несомнѣнно, и у Шевченка были источники и пособія въ богатыхъ уже въ его время запасахъ

литературъ русской, польской и малорусской. Ближайшее, научное изученіе открываетъ литературные источники, которыми пользовался Шевченко то удачно, то неудачно. Такимъ источникомъ была поэзія Мицкевича (см. ст. г. Колессы въ Запискахъ Товариства Шевченка), отчасти Н. Маркевичъ (см. ст. г. Студинскаго въ 24 № Зори 1896 г.). Извѣстно, что Шевченко любилъ Пушкина, зналъ многія его стихотворенія наизусть, и при всемъ томъ вліяніе Пушкина на поэзію Шевченка трудно опредѣлить за украинскими наслоеніями. Замѣтно вліяніе „Братьевъ разбойниковъ" на Варнака (282, 283), вліяніе „Египетскихъ ночей" (362), „Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда" (246). Кое-гдѣ замѣтно вліяніе Лермонтова (о чемъ ниже). Есть еще одно препятствіе для научнаго анализа Шевченка—художественная цѣльность, простота и задушевность его стихотвореній.—Его мягкія поэмы живутъ своей внутренней, присущей имъ жизнью и не поддаются холодному и сухому научному разбору. Впрочемъ, выдѣленіе мотивовъ представляется дѣломъ сухимъ и малопривлекательнымъ лишь въ процессѣ работы, а не въ результатахъ ея. Сближеніе отдѣльныхъ мотивовъ открываетъ цѣлый рядъ глубоко жизненныхъ явленій, наводитъ на такія стороны въ мысляхъ и чувствахъ поэта, которыя ранѣе не были замѣчены или не были достаточно поняты. Съ выдѣленіемъ мотивовъ ярко обрисовываются кое-какія характерныя черты малорусскаго народнаго міросозерцанія и быта. Затѣмъ, лишь при выдѣленіи мотивовъ и по сравненію ихъ съ породившими ихъ явленіями литературы и быта, можно будетъ проникнуть въ тайну художественнаго творчества Шевченка и опредѣлить, какъ отражались и кристаллизировались въ чуткой душѣ поэта испытанныя имъ житейскія эмоціи.

Цѣль настоящей статьи—скромная: нѣсколько общихъ замѣчаній по вопросу изученія Кобзаря по мотивамъ, нѣсколько замѣчаній объ отдѣльныхъ мотивахъ. Для полнаго и обстоятельнаго изученія Шевченка нужно еще многое такое, чего нѣтъ въ настоящей статьѣ, нужно во 1) составить словарь Шевченка, что поможетъ опредѣленію самыхъ мелкихъ мотивовъ, 2) нужно изучить формальную сторону его поэзіи (непочатое поле), т. е.

строеніе стихотвореній, эпитеты, повторенія и пр. т. п., 3) нужно привлечь прозаическія статьи и письма Шевченка, 4) подыскать соотвѣтствующія литературныя параллели въ поэзіи малорусской, великорусской и польской, съ одной стороны—въ цѣляхъ опредѣленія возможныхъ литературныхъ подражаній, съ другой—для уясненія общихъ пріемовъ художественной концепціи, и въ 5) путемъ постановленія всѣхъ подмѣченныхъ мотивовъ нужно опредѣлить главные запасы житейскихъ наблюденій, какіе накопилъ Шевченко, и его личныя точки зрѣнія. Послѣдняя задача намѣчена ниже лишь вкратцѣ и мимоходомъ.

Не придавая настоящей статьѣ значенія полнаго и разносторонняго изслѣдованія, мы, однако, сочли бы ошибочнымъ и несправедливымъ, если бы она сочтена была за простой предметный указатель. Это было бы несправедливо потому, что мотивы большей частью сгруппированы по внутреннему ихъ сродству и мѣстами комментированы; стоитъ только, при достаткѣ времени, раскрыть данныя въ скобкахъ цифровыя ссылки, какъ настоящая сравнительно небольшая статья легко можетъ быть обращена въ большое изслѣдованіе.

Прежде всего нужно отмѣтить признанія поэта о *значеніи и цѣляхъ художественнаго творчества* вообще, его личнаго творчества въ частности. Правда, въ литературѣ существуютъ уже замѣтки на этотъ счетъ въ значительномъ числѣ; но онѣ далеко не исчерпываютъ всѣхъ, относящихся сюда, мотивовъ. Обыкновенно пользуются лишь тѣмъ, что поэтъ говоритъ о своемъ словѣ или о своей музѣ — всѣмъ извѣстныя „Орыся моя, ниво“, или „Не нарикаю я на Бога“, „За думою дума“ и др. (см. по петербургскому изданію 1883 г., стр. 162, 217, 462, 479, 406, 407, 442, 326, 6, 165). Но этихъ мотивовъ (*слово, муза, пѣсня, нива*) еще недостаточно для обрисовки воззрѣній Шевченка на природу и значеніе поэзіи. Нужно привлечь еще тѣ мѣста, гдѣ говорится о счастьѣ, какъ понимаетъ его поэтъ (напр. на стр. 298), о славѣ (стр. 458). Въ особенности важны въ смыслѣ поэтическихъ признаній всѣ тѣ мѣста, гдѣ говорится

о кобзарѣ, о пророкѣ и о *думахъ,* какъ любимыхъ дѣтяхъ (1, 4, 162, 173, 202, 217, 218, 241, 278, 353 и др.).

Въ большинствѣ случаевъ поэтъ подразумѣваетъ подъ кобзаремъ самого себя; потому онъ внесъ во всѣ обрисовки кобзаря много лирическаго чувства. Исторически сложившійся образъ народнаго пѣвца былъ по душѣ поэту, въ жизни и нравственномъ обликѣ котораго, дѣйствительно, было много кобзарьскаго. О кобзарѣ Шевченко говоритъ очень часто (по изд. 1883 г. см. стр. 3, 4, 5, 7, 9, 12—13, 53, 55, 58, 91, 92, 96 и мн. др.). Рѣже сравнительно встрѣчается пророкъ (см. стр. 381, 406, 461). Къ стихотвореніямъ о пророкѣ тѣсно примыкаетъ небольшое, но сильное ст. объ апостолѣ правды (482). Въ обрисовкѣ пророка, въ особенности въ ст. „Неначе праведныхъ дитей", замѣтно общее, довольно сильное вліяніе Лермонтова. Итакъ, въ самостоятельную субъективную группу можно выдѣлить всѣ мотивы: слово, пѣсня, муза, (отчасти слава), кобзарь и пророкъ, что, разумѣется, не исключаетъ возможности разсматривать эти мотивы и въ другомъ порядкѣ, хотя бы въ наиболѣе простомъ и сравнительно наиболѣе безопасномъ отъ ошибокъ—порядкѣ алфавитномъ.

Народность Шевченка, какъ народность Пушкина и др. выдающихся поэтовъ, слагается изъ двухъ родственныхъ элементовъ—а) народности внѣшней, заимствованій, подражаній и б) народности внутренней, психически наслѣдственной. Опредѣленіе внѣшнихъ, заимствованныхъ элементовъ не трудно; для этого достаточно ознакомиться съ этнографіей и подыскать прямые источники въ народныхъ сказкахъ, повѣрьяхъ, пѣсняхъ, обрядахъ. Опредѣленіе внутреннихъ психологическихъ народныхъ элементовъ весьма затруднительно и въ полномъ объемѣ невозможно. У Шевченка есть тѣ и другіе элементы; но при этомъ основные психологическіе такъ широки, что придаютъ общую окраску всей его поэзіи и сообщаютъ ей большую колоритность. Душа Шевченка до такой степени насыщена народностью, что всякій, даже посторонній, заимствованный мотивъ получаетъ въ его поэзіи украинскую національную окраску.

Къ внѣшнимъ, заимствованнымъ и въ большей или меньшей степени переработаннымъ народно-поэтическимъ мотивамъ принадлежатъ:

1) Малорусскія *народныя пѣсни*, приводимыя мѣстами цѣликомъ, мѣстами въ сокращеніи или передѣлкѣ, мѣстами лишь упоминаемыя. Такъ, въ „Перебендѣ" Шевченко упоминаетъ объ извѣстныхъ думахъ и пѣсняхъ—про Чалаго, Горлыцю, Грыця, Сербына, Шинкарьку, про тополю у края дороги, про руйнованье Сичи, „веснянки", „у гаю"—любопытный репертуаръ пѣсенъ, должно быть, особенно любимыхъ поэтомъ и хорошо ему извѣстныхъ. Пѣсня „Пугачъ" упоминается, какъ чумацкая, въ „Катерынѣ"; „Петрусь" и „Грыць" въ „Черныцѣ Марьянѣ"; „Ой не шумы, луже" упоминается дважды,—въ „Перебендѣ" и „До Основьяненка". Въ „Гайдамакахъ" и въ „Невольныкѣ" находится дума о бурѣ на Черномъ морѣ въ небольшой передѣлкѣ. Встрѣчается нѣсколько народныхъ пьяницкихъ пѣсенъ (13, 379). Свадебныя пѣсни, изъ тѣхъ скабрезныхъ, что поютъ на перезву, вошли въ „Гайдамакы" (стр. 120, 125). По всему „Кобзарю" разсѣяны отзвуки, подражанія и передѣлки народныхъ лирическихъ пѣсенъ (напр. на 344, 367, 371, 372, 374—380, 464 и др.).

2) *Легенды*, *преданія*, *сказки* и *пословицы*, сравнительно съ пѣснями, встрѣчаются рѣже. Изъ легендъ о хожденіи Христа взято начало ст. „У Бога за дверьмы лежала сокыра". Изъ преданій взятъ разсказъ о томъ, что „ксендзы нѣкогда не ходили, а ѣздили на людяхъ" (302). Пословица „скачы враже, якъ панъ каже" (7) въ „Перебендѣ". Нѣсколько поговорокъ рядомъ въ „Катерынѣ" (на 45 стр.). Много народныхъ пословицъ и поговорокъ разбросано въ „Гайдамакахъ".

3) Въ большомъ количествѣ встрѣчаются народныя *повѣрья и обычаи*. Таковы, повѣрья о сонъ-травѣ (229), о томъ, что на мѣсяцѣ „братъ брата на вильцяхъ держе" (513), что „веселка воду позычае" (248). Таковы многіе свадебные обычаи—обмѣнъ хлѣбомъ, дареніе рушниковъ, печеніе коровая и др. (150—152, 233, 335), обычныя формы ласки (мытье головы стр.188), обычай посадки деревьевъ надъ могилами (31) или по отсутствующему (232),

повѣрья о вѣдьмахъ (206, 443—457), о русалкахъ (26, 27, 29, 225), о ворожкахъ (16, 17), о прыстритѣ (179, 59).

4) Масса художественныхъ *образовъ* взята изъ народной поэзіи, напр., образъ смерти съ косой въ рукахъ (240), олицетвореніе чумы (360, 374). Въ особенности часто встрѣчаются народные образы доли и недоли. Не входя въ подробности, замѣтимъ только, что народный складъ представленій Шевченка о долѣ выступитъ очень рельефно, если взять, напримѣръ, тѣ мѣста „Кобзаря", гдѣ говорится о долѣ — и такихъ мѣстъ очень много—по изд. 1883 г., стр. 18, 312, 440, 174, 175, 276, 367, 369, 212, 213, 214, 216, 218, 219,—и сравнить ихъ съ народными пѣснями о долѣ въ V т. Трудовъ Чубинскаго 1042, 1019, 1025, 360, 361, 785, 627, 4, 28, 29, 30, 345, 41. Доля въ „Невольникѣ" (174--175) внушена поэту народными сказками.

5) Наконецъ, въ Кобзарѣ много заимствованныхъ народно-поэтическихъ *сравненій* и *символовъ*, напр. склоненіе явора—горе парубка (181), весилье—война (224, какъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ и въ думахъ), жатва—битва (161, какъ въ Словѣ о П. Иг. и въ думахъ), заростаніе шляховъ—символъ отсутствія милаго (232), калина—дѣвица (205, 214, 230).

Народная пѣсня потому часто встрѣчается въ Кобзарѣ, что она имѣла огромное значеніе для поддержанія духа поэта въ самые горестные часы его жизни, что прекрасно выражено на стр. 309:

Люде зрадять,
А вона мене порадыть
И порадыть, и розваже,
И правдоньку мени скаже.

Народность Шевченка опредѣляется далѣе его міросозерцаніемъ, излюбленными его точками зрѣніями на внѣшнюю природу и на общество, причемъ въ отношеніи къ обществу выдѣляется элементъ историческій—его прошлое, и элементъ бытовой—современность. Одна изъ этихъ основныхъ точекъ зрѣнія бываетъ иногда атрофирована, другими словами, нѣтъ природы, или отсутствуетъ исторія, или недостаетъ современности. У

Майкова, напр., не было современности, и природа у него освѣщена очень блѣдно. У большинства современныхъ лириковъ нѣтъ ни малѣйшаго историческаго интереса. Всего этого много у Пушкина, Лермонтова, Шевченка; всѣ основные моменты—внѣшняя природа, исторія и современный бытъ освѣщены у нихъ съ глубоко національной точки зрѣнія.

Внѣшняя природа обрисована оригинально, съ своеобразнымъ украинскимъ колоритомъ. *Солнце* ночуетъ за моремъ, выглядываетъ изъ-за хмары, какъ женихъ весной посматриваетъ на землю (6, 60, 184, 412 и др.). *Мѣсяцъ* круглый, блѣднолицый, гуляя по небу, смотритъ на „море безкрае" (65) или „выступае съ сестрою зорею". Всѣ эти образы дышатъ художественно-миѳическимъ міросозерцаніемъ, напоминаютъ древнія поэтическія представленія о супружескихъ отношеніяхъ небесныхъ свѣтилъ.[1] *Вечерняя звѣзда* въ „Сонце заходыть" (246) ставитъ это стихотвореніе въ близкую связь съ пушкинскимъ „Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда". Подробно я говорилъ объ этихъ стихотвореніяхъ и народныхъ ихъ аналогіяхъ въ I вып. „Этюдовъ о Пушкинѣ" стр. 32. Сходные мотивы на 246, 248 и нѣкот. др.

Тучи, хмары упоминаются большей частью мимоходомъ (25, 27, 306 и др.). Превосходно изображеніе вечерняго облака на 306 стр.

Вѣтеръ у Шевченка является въ образѣ могучаго существа, принимающаго участіе въ жизни Украины (см. 161 стр. и др.); то онъ ночью тихонько ведетъ бесѣду съ осокой (203), то гуляетъ по широкой степи и разговариваетъ съ курганами (8, 209), то заводитъ буйную рѣчь съ самимъ моремъ (214, 216). Зимняя завирюха обрисована въ „Катерынѣ" (стр. 49).

Море—но объ немъ мы здѣсь не будемъ распространяться—въ виду существованія статьи А. Каневскаго „Море въ поэзіи Т. Г. Шевченка" въ 30 № „По морю и сушѣ" 1895 г., гдѣ собраны всѣ главныя обрисовки моря. Въ какой національно бытовой обстановкѣ является у Шевченка море, можно судить изъ слѣдующаго интереснаго по простотѣ и задушевности стихотворенія:

Каламутными болотамы,
Мижъ бурьянамы, за годамы
Три годы сумно протеклы;
Багато де-чего взялы
Зъ моеи темнои коморы
И въ море нышкомъ однеслы,
И нышкомъ проковтнуло море
Мое не злато—серебро—
Мои лита, мое добро,
Мою нудьгу, та и печали...

Эта картина въ основѣ имѣетъ представленіе о наиболѣе практикуемомъ въ Малороссіи способѣ воровства изъ коморы, гдѣ крестьяне хранятъ все лучшее, обыкновенно одежду, а кто побогаче—то и злато-серебро. Море является тайнымъ сообщникомъ вороватыхъ годовъ.

Дунай вошелъ въ стихотворенія Шевченка подъ прямымъ вліяніемъ народной поэзіи и обрисованъ (см. 38, 138, 190) въ духѣ народной поэзіи.

Другое дѣло *Днѣпръ*. Это, можно сказать, одинъ изъ самыхъ главныхъ и основныхъ мотивовъ всей поэзіи Шевченка. Съ Днѣпромъ въ сознаніи поэта связывались историческія воспоминанія и любовь къ родинѣ. Въ „Кобзарѣ“ Днѣпръ—символъ и признакъ всего характерно малорусскаго, какъ Vater Rhein въ нѣмецкой поэзіи или Волга въ великорусскихъ пѣсняхъ и преданіяхъ. „Немае другого Днипра“, говоритъ Ш. въ посланіи до мертвыхъ, живыхъ и ненарожденныхъ земляковъ. Съ Днѣпромъ поэтъ связывалъ идеалъ счастливой народной жизни, тихой и въ довольствѣ:

Мижъ горамы старый Днипро,
Неначе въ молоци дытына,
Красуетця, любуетця
На всю Украину,
А по надъ нымъ зеленіють
Широкіи села,
А у селахъ у веселыхъ
И люды весели....

Днѣпръ широкій (381), дужій, сильный (102), какъ море (2); всѣ рѣки въ него впадаютъ, и онъ всѣ ихъ воды несетъ въ море (297); у моря онъ узнаетъ о козацкомъ горѣ (20); онъ

реветъ, стонетъ, тихо говоритъ, даетъ отвѣты; изъ-за Днѣпра прилетаютъ думы, слава, доля. Здѣсь пороги, курганы, церковка сельская на крутомъ берегу; здѣсь сосредоточенъ цѣлый рядъ историческихъ воспоминаній, потому что Днѣпръ „старый" (354), потому что Днѣпръ „сивый козакъ" (270). На берегу Днѣпра поэтъ, по собственному его желанію, и похороненъ (201). Вообще, Днѣпръ входитъ во многія лучшія стихотворенія Шевченка (см. 354, 381, 397, 297, 2, 8, 20, 25, 27, 29, 68, 102, 138, 164, 167, 186, 201, 225, 237, 241, 278, 242, 266, 267, 270, 277, 278, 353, 354, 465).

Другой весьма обычный мотивъ поэзіи Шевченка—*Украина*, то упоминается мимоходомъ, но всегда ласкательно, то съ обрисовкой или естественно-физической, или исторической, такъ что при систематизаціи мотивовъ пріуроченіе Украины представляетъ нѣкоторое затрудненіе. Съ наибольшей основательностью мотивъ этотъ можетъ быть отнесенъ въ разрядъ мотивовъ внѣшнихъ, тѣмъ болѣе, что природа Украины описана лучше и вѣрнѣе, чѣмъ исторія Украины, гдѣ поэтъ иногда впадаетъ въ одностороннюю идеализацію (стр. 4, 7, 8, 161, 265, 267, 273 и др). Въ описаніи природы Украины выступаютъ чередующіеся поля и лѣса, гаи, садочки, широкія степи (209, 246, 249 и др.) [1]).

Для кого я пышу, для чого,
За що я Вкраину люблю,
Чи вартъ вона огня святого?
А все таки іи люблю
Мою Украину шырову... (292—293).

Изъ этой коренной психологической любви къ родинѣ вышли всѣ сочувственныя описанія малорусской *флоры* и *фауны*—тополи (13 и др.), перекатиполя (219), лилеи (227), королева цвита (227), ряста (251), барвинка (334) и особенно калины (210, 214, 229 и 230), соловья (14, 15, 210, 273 и др,), чайки (164), сыча (359). Сближеніе соловья съ калиной въ ст. „На вичну память Котляревському" построено на сближеніи ихъ въ народныхъ пѣсняхъ (напр. въ V т. Трудовъ Чубинскаго стр. 23, 463). Подроб. объ этомъ мотивѣ и сходныхъ восточныхъ о

---

[1]) См. еще *Партицкаго*, „Провидни идеи въ письмахъ Т. Шевченка",

любви соловья и розы см. въ IV вып. моихъ „Этюдовъ о Пушкинѣ“ стр. 1—5. Интересно сравнить „Лилею“ Шевченка (227—229) съ „Лилеей“ Манжуры. Можно подумать, что первыя строки стихотворенія Шевченка повліяли на Манжуру; но, несомнѣнно, что стихотвореніе Манжуры обработано вполнѣ оригинально; по силѣ и по стройности оно выше соотвѣтствующаго стихотворенія Шевченка.

Историческіе мотивы весьма разнообразны—плачъ Ярославны (474), гетьманщина (171, 270, 389), запорожцы (8, 24, 68, 178, 190, 191, 220, 261—2, 285, 355), въ частности запорожское оружіе (182, 234, 235), плѣнники (19, 20, 22), картины печальнаго запустѣнія (239, 354), историческіе шляхи (231, 352, 232, 235, 387), могилы козацкія (405, 236 и мн. др.), угнетеніе уніатами (10, 301 и др.), историческія мѣстности—Чигиринъ, Трахтемировъ (160, 270), историческія лица—Богданъ Хмельницкій, Дорошенко, Семенъ Палій, Пидкова, Гамалія, Гонта, Зализнякъ, Головатый, Дмитрій Ростовскій (467, 385, 284, 8, 191, 19 и др.). Иногда подъ однимъ мотивомъ, однимъ именемъ могутъ скрываться разныя пониманія, напр., въ однихъ мѣстахъ гетьманы „варшавське смиття“ (175), прокляти (270), въ другихъ гетьманщина называется „святой“ (389).

На рубежѣ между исторіей и современностью стоитъ мотивъ *о чумакахъ*. Во время Шевченка это было еще чисто бытовое явленіе. Позднѣе чумачество было убито желѣзнымы дорогами. Въ „Кобзарѣ“ чумаки являются довольно часто (45, 150, 375, 378, 13, 33, 156, 306, 374), причемъ чаще всего говорится о болѣзни и смерти чумака (33, 374, 375). При благопріятныхъ обстоятельствахъ чумаки везутъ богатые подарки (156); но иногда они возвращаются съ одними „батожками“ (378). Вообще, чумачество описано въ духѣ народныхъ пѣсенъ, и мѣстами подъ прямымъ ихъ вліяніемъ, что можетъ быть на-

ґлядно выяснено соотвѣтствующими народными параллелями изъ сборниковъ Рудченка, Чубинскаго и др.

Солдатчина у Шевченка тѣсно переплетается съ панщиной и нынѣ въ данной имъ обрисовкѣ въ значительной степени представляется архаическимъ явленіемъ: въ солдаты еще сдаютъ паны, служба продолжительная; сравнительно наиболѣе полный и сочувственный образъ солдата въ „Пусткѣ" (233) и въ „Ну що, здавалося, слова". (407)... Кромѣ того см. еще 232, 293, 295, 372, 389, 416.

Чужина обрисована большей частью въ духѣ народныхъ пѣсенъ, меланхолически и неопредѣленно (213, 217, 350 и др.)

На чужыни не ти люде—
Тяжко зъ ными жыты...

Поэзія Шевченка очень богата религіозно-нравственными мотивами. Теплое *религіозное чувство* и страхъ Божій проникаютъ весь „Кобзарь" (см. 168, 169, 183, 187, 219, 268 и мн. др.). Извѣстно молитвенное обращеніе Ш. къ Богу:

Дай житы—серцемъ житы
И Тебе хвалыты,
И Твій свитъ нерукотворный,
И людей любыты.

Въ посланіи до живыхъ и ненарожденныхъ земляковъ своихъ благочестивый поэтъ вооружается противъ атеизма и объясняетъ невѣріе одностороннимъ вліяніемъ нѣмецкой науки. Какъ человѣкъ весьма религіозный, Шевченко въ теплыхъ выраженіяхъ говоритъ *о силѣ молитвы* (425, 402), *о кіевскихъ святыняхъ, о чудотворномъ образѣ пр. Богородицы* (263), *о богомолкѣ* (283, 152, 184), постоянно выдвигаетъ христіанскіе принципы *добра* (289, 321, 322 и др.), въ особенности *прощеніе* врагамъ (247, 456, 457 и др.). Сердце поэта отъ смиренія и прощенія исполнено *надежды* (279, 288). Все это спасло поэта

отъ *пессимизма* и *отчаянія,* лишь по временамъ, подъ вліяніемъ тяжелыхъ условій его личной жизни и жизни его родины, пробивавшихся въ поэзію Шевченка, напр. въ видѣ горестнаго восклицанія, что „нема раю на всимъ свити, хиба що на неби" (222).

Въ тѣсной связи съ основнымъ религіозно-нравственнымъ настроеніемъ поэта стоятъ всѣ мотивы *о богатствѣ и бѣдности, о значеніи труда* (42, 43, 147, 221 и др.) Поэта смущаетъ имущественное неравенство людей и нужда ихъ, смущаетъ его еще болѣе, что богатство не обезпечиваетъ счастья:

Есть люде на свити—
Срибломъ—злотомъ сяють,
Здается, панують,
А доли не знають,
Ни доли, ни воли!

Отсюда совѣты—„не женыся на багатій, бо выжене съ хаты;" въ другомъ стихотвореніи: „Не завыдуй багатому; багатый не мае ни пріязни, ни любови—винъ все те наймае..." Трудъ одобряется, какъ условіе самостоятельности.

Бо хто не вміе заробыть,
То той не вмитыме й пожить (569).

Наука Шевченка благочестива и человѣколюбива. Въ пользу поэта въ особенности подкупаетъ извѣстный выставленный имъ принципъ—„и чужому научайтесь и свого не цурайтесь". Поэту, однако, совсѣмъ была чужда идея исканія истины и служенія ей независимо отъ какихъ-либо, хотя бы самыхъ дорогихъ, традицій, въ смыслѣ словъ Виктора Гюго:

Je veux savoir,
Quand la science serait sombre
Comme le soir!

У Шевченка обнаруживается мѣстами національно-прикладное пониманіе науки, мѣстами отождествленіе науки съ моралью и неудачное иронизированіе надъ людьми „пысьменными и дру-

кованными", которые будто бы даже солнце „гудять" (66), или, какъ это выражено въ другомъ мѣстѣ:

Якъ бы вы вчылысь такъ, якъ треба,
То й мудрость бы була своя;
А то зализете на небо:
„И мы не мы, и я не я,
И все те бачывъ, все те знаю,
Нема ни пекла, а ни раю,
Нема и Бога, тильки я,
Та куцый нимець узлуватый,
Та бильшъ никого...

Поэтъ хотѣлъ „своей мудрости"; но такая мудрость бываетъ иногда въ прямой ущербъ для науки и подчасъ даже и препятствуетъ развитію народнаго самосознанія и прогресса.

Оставляя въ сторонѣ *политическіе мотивы*, нынѣ большей частью устарѣвшіе, мотивы хорошо извѣстные по заграничнымъ изданіямъ „Кобзаря" (лучшее изд. Огоновскаго), мы отмѣтимъ здѣсь лишь его *славянофильство*, которому посвящено въ Кобзарѣ не мало страницъ (109, 110, 141, 169, 194, 195, 196). Сюда же примыкаетъ стихотвореніе „славянамъ", изданное въ октябр. кн. Кіевск. Стар. 1897 г.

Кое гдѣ разбросаны *этнографическіе мотивы*—о ляхахъ (457, 301 и др.), жидахъ (74, 76, 162, 223, 224 и др.), цыганахъ (444, 455), киргизахъ (241, 300, 301).

Въ особую группу нужно выдѣлить мотивы *автобіографическіе*, напр., цѣнное въ этомъ отношеніи посланіе къ Козачковскому (263), „Мени тринадцятый мынавъ" и др. (268, 441, 442 и др.) и въ особую группу мотивы *объ отдѣльныхъ писателяхъ*, напр., о Сковородѣ (263), Котляревскомъ (212). Шафарикѣ (194), Марко-Вовчкѣ (461).

Всѣ перечисленные выше мотивы поэзіи Шевченка, за исключеніемъ двухъ - трехъ (Днѣпръ, Украина, козаки), уступаютъ передъ основными мотивами *семейно-родственными*. Семья—есть настоящая суть всего „Кобзаря", а такъ какъ основу

семьи составляетъ женщина и дѣти, то они и наполняютъ собой всѣ лучшія произведенія Шевченка[1]). П. И. Житецкій въ „Мысляхъ о малор. думахъ" (стр. 72) говоритъ, что въ произведеніяхъ малорусской поэзіи, какъ школьной, такъ и народной, народная этика сводится главнымъ образомъ къ семейной морали, основанной на чувствѣ родства. Въ другомъ мѣстѣ г Житецкій говоритъ, что въ народной поэзіи правда называется матерью ридною, а мать правдою вирною, и въ образѣ матери создана большая нравственная сила, какъ сила любви. Всѣ эти сужденія вполнѣ примѣнимы къ поэзіи Шевченка, которая по развитію семейно-родственныхъ идеаловъ примыкаетъ непосредственно къ народной поэзіи.

Арена развитія семейно-родственныхъ началъ—*село* обрисовано весьма сочувственно (175, 249, 269, 294, 310, 354, 361, 389, 464, 465). Какъ въ народной поэзіи, у Шевченка село обыкновенно риѳмуется съ словомъ весело. Идеаломъ поэта было чтобы „пустыню опановалы веселіи села" (464). Есть и „убоги села", и „село неначе погорило"—все отъ панщины.

Еще чаще упоминается и мѣстами полнѣе описана *хата*—излюбленный мотивъ Шечвенка (396, 191, 202, 269, 271, 465, 236, 239, 244, 346, 388, 396, 486, 273, 279, 293, 298, 321, 354, 362, 373, 374, 378, 465, 478, 480, 482, 488). Большей частью хата лишь упоминается, обыкновенно съ добавкой эпитета „бѣлая": „Хатки биленьки—мовъ диты въ билыхъ сорочкахъ" (269, 293, 321, 354), „хатына, неначе дивчына, стоить на прыгори" (465); въ хатѣ „живе надія" (279, 298). Въ несчастныхъ семьяхъ хата „пусткою гніе" (244), покои немазани, сволокъ немытый—(346), пекло, неволя (388). Лучшія описанія хаты въ ст. „Хатына" (396) и „Вечиръ" (236). Своеобразны сравненія и образы: погорѣлая хата—истомленное сердце (202), хата—славянство (191), хата—могила (486).

Молодость, молодыя лѣта (277, 288, 309 и др.) обрисованы въ духѣ народной словесности, мѣстами какъ подражаніе и перепѣвъ.

---

[1]) О Шевченкѣ, какъ другѣ семьи, краткая статья А. Каневскаго въ 8 № „По морю и сушѣ" 1895 г.

Парубоцтво обрисовано блѣдно, случайно и мимоходомъ (напр. на 389); *дивчина* входитъ во многія стихотворенія, чаще всего описаніе дѣвичьей красоты (205, 215, 238, 296, 368, 412), любви (56, 59, 61, 123), дивованья (367, 368, 369, 373, 14). Отношеніе поэта къ дѣвушкѣ глубоко гуманное. Одно изъ лучшихъ стихотвореній Шевченка въ этомъ отношеніи. „И станомъ гнучкымъ" написано подъ вліяніемъ извѣстной „Молитвы" Лермонтова. Съ чувствомъ искренней горести поэтъ рисуетъ паденіе дѣвушки (204, 239, 244, 393, 477). Весьма замѣчательны по различію тона два однородныхъ стихотворенія—дѣвица безъ дружины (238—тонъ протяжный и грустный) и дѣвица помолвленая (237—тонъ бойкій, веселый).

Въ „Черниця Марьяна" и „Назаръ Стодоля" описаны *вечерницы*, на стр. 413 *сговоръ*, 151—*коровай*, 39 и др. *весилье*, 338—*бракъ неравный по лѣтамъ*, 390, 398, 402—*бракъ неравный по общественному положенію*. Потребность семейной жизни отмѣчена во многихъ мѣстахъ „Кобзаря" (напр. 221), а *идеалы* тихой и радостной *семейной жизни* выражены на стр. 397, 464, 465, 468, 472, 473.

Въ особенности видное значеніе въ поэзіи Шевченка имѣютъ *дѣти*. Въ русской литературѣ нѣтъ ни одного писателя, у котораго такъ много мѣста было бы отведено дѣтямъ. Причиной тому были сильныя личныя впечатлѣнія поэта изъ тяжелаго его дѣтства и его любовь къ дѣтямъ, подтверждаемая, помимо Кобзаря, и многими біографическими данными, въ особенности характерными воспоминаніями г-жи Кропивиной. О дѣтствѣ самого Шевченка см. подробную статью г. Кониссказо въ „Русской Мысли" 1893 г. Стихи о дѣтяхъ въ петерб. изд. Кобзаря 1883 г. разбросаны на стр. 42, 46, 48, 146, 247, 253—4, 293, 353, 365, 388, 144, 252, 345 и др. Лучшее стихотвореніе этого рода—„И золотои, и дорогои" (292—293)—имѣетъ крупное автобіографическое значеніе.

Незаконнорожденныя дѣти, или *байструки* встрѣчаются на многихъ страницахъ Кобзаря, какъ темное пятно крѣпостного быта—стр. 52, 53, 146, 228, 319, 320, 326, 390, 374, 398 и

др. Поэтъ такъ объясняетъ свою симпатію къ байстрятамъ (стр. 326):

Неначе воронъ той, летячи,
Про непогоду людямъ кряче:
Такъ я про слезы, та печаль,
Та про байстрятъ отыхъ ледачыхъ.
Хоть и никому ихъ не жаль,
Росказую та плачу.
Меня ихъ жаль!....

Семейныя отношенія выражены 1) въ обрисовкѣ *матери* вообще (396, 412, 457), 2) отношеній *между матерью и сыномъ* (стр. 365, 374, 41, 42, 45, 46, 51, 142, 146, 148, 149, 160 и др.) и 3) отношеній *между матерью и дочерью* (стр. 371, 205, 229, 253, 317, 16, 18—19, 34, 36—37, 39, 59, 61 и др.) Повсемѣстно разсѣяно много народно-поэтическихъ элементовъ, частью какъ результатъ прямого заимствованія изъ народной поэзіи, частью какъ наблюденіе надъ живой дѣйствительностью.

Отношеніе *отца къ сыну* въ „Сотникѣ" (341) построено на нѣсколько исключительномъ мотивѣ любви къ одной женщинѣ.

Одинъ изъ самыхъ излюбленныхъ мотивовъ Шевченка—*покрытка.* У Шевченка былъ предшественникъ, касавшійся этого мотива—Г. Ѳ. Квитка. Въ народной поэзіи покрытка встрѣчается рѣдко, кое-гдѣ въ пѣсняхъ, да и то большей частью мимоходомъ и описательно. Шевченку принадлежитъ заслуга обстоятельнаго изученія соціальныхъ условій, порождавшихъ при крѣпостничествѣ покрытокъ, и заслуга изображенія ихъ не только художественнаго но и гуманнаго, въ интересахъ пробужденія общественной совѣсти и состраданія. О покрыткахъ говорится на стр. 35, 51, 160, 295, 314, 317, 325, 326, 446, 456, 457, и др. Цѣлыя поэмы—„Катерына", „Видьма" трактуетъ о покрыткѣ. Наибольшая идеализація покрытки выразилась въ концѣ „Видьма". Въ другомъ видѣ идеализація покрытки, еще болѣе искусственная („ій шкода мужыка да жаль святого сиряка"), проведена въ „Марынѣ". Поэтъ не жалѣлъ темныхъ красокъ при описаніи горемычной доли покрытки, мѣстами не безъ круп-

ныхъ преувеличеній. Въ дѣйствительности „покрываніе" сходило для дѣвицъ легче, при значительной снисходительности общественнаго мнѣнія. О покрыткахъ, какъ бытовомъ явленіи, см. замѣтку Фонъ-Носа въ Кіев. Стар. 1882. III. 427—429.

Большимъ сочувствіемъ Шевченка пользовались также *наймички*. Объясненіе дано на 388 стр.:

Мои голубкы молодыи!
Для кого въ свити жывете?
Вы въ наймахъ выросли чужіи,
У наймахъ косы побиліють,
У наймахъ, сестры, й умрете!

Цѣлая поэма, лучшее произведеніе Шевченка, посвящено наймычкѣ и получило такое заглавіе. Здѣсь разлито много теплаго, гуманнаго чувства. Если бы Шевченко не написалъ ни одной строчки, кромѣ „Наймички", то этой поэмы было бы достаточно, чтобы стать ему во главѣ малорусской литературы и въ ряду съ наиболѣе крупными славянскими гуманитарными поэтами.

Въ то время какъ народная поэзія оставляетъ безъ вниманія *старость*, Шевченко съ любовью относится къ старикамъ и старухамъ—бѣднымъ вдовамъ (365, 153, 154, 192, 273 и др.). Таково симпатичное изображеніе дѣда, вспоминающаго о молодости (273), дѣда въ семейной обстановкѣ, съ внуками (192 и др.), стараго кобзаря Перебенди (4—7).

Образъ *смерти* въ стих. „По надъ полемъ иде" и въ „Невольникѣ" въ видѣ косаря, образъ традиціонный, стоящій въ близкой связи съ произведеніями поэзіи и искусства какъ южнорусскихъ, такъ и западно-европейскихъ. Стихотвореніе это при всемъ томъ отличается въ высшей степени своеобразнымъ, чисто украинскимъ характеромъ, какъ образцовая національная обработка широкаго международнаго культурнаго мотива.

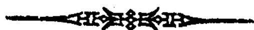
Даже *кладбище* описано у Шевченка такъ, что выдѣляется нѣчто характерно-украинское (стр. 295, 425).

По гори
Садочокъ темный, а въ садочку
Лежать собѣ у холодочку,

Мовъ у раю, мои старн.
Хресты дубовн посхылялись,
Слова дощемъ позалывались...
И не дощемъ, и не слова
Гладесенько Сатурнъ стырае!..
Нехай святыми спочивають
Мои старн. . .

Въ этихъ словахъ сказалось такое глубоко-христіанское настроеніе поэта, какое роднитъ его по духу съ первыми христіанами, писавшими въ катакомбахъ на саркофагахъ своихъ родныхъ скромное „cum sanctis“ или даже одно „sanctis“, въ которомъ именно выражалось желаніе, чтобы покойники почивали со святыми.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ ШЕВЧЕНКУ.

1857—1860.

Задержанный на пути въ столицу 19 сентября въ Нижнемъ Новгородѣ, Шевченко разослалъ приглашенія къ своимъ друзьямъ—навѣстить его во время праздника Рождества[1]). Отъ 3 декабря онъ писалъ Кулишу въ Петербургъ:

«Зробы ты ось що: старый Щепкинъ на симъ тыжни хоче до мене прыйихать въ гости; а що якбы и ты молодый забигъ за нымъ у Москву, та вкупочци и прылетилы бъ до мене. Тутъ бы мы порадылысь зъ старымъ майстромъ и насчотъ твоихъ «Записокъ» и на счотъ мого никчемного добра».

Но П. А. отъ поѣздки наотрѣзъ отказался:

1.

«Не подобае мени, друже мій Тарасе,—писалъ онъ изъ Петербурга, йиздыть на розмову съ тобою, бо про тебе побываються, якъ бы тебе залучыть до столыци; якъ же пійде слава, що вже й теперъ до тебе збираются землякп, якъ жыды до рабына, то гляды—й попсуеться твое дило въ велыкихъ панивъ: Я жъ соби на лыхо, чоловикъ у громади замитный, то заразъ уси й дознаются, що пойихавъ за симъ мыль киселю йисты. Колыбъ же то люде толковалы дило по правди, а то таке выгадають, що й не снылось нашому брату. Такъ не жды мене и не пеняй на мене. Мени сей зъиздъ не зашкодывъ бы, а тоби певно зашкодыть. Пышешъ ты про свои вирши. Добре бъ ты вчинывъ, якъ бы довивъ ихъ до ладу да й попрысылавъ мени любенько. Друковаты жъ тоби на первыхъ порахъ ничого не ражу,—

---

1) См. раньше стат. г. Ярцевка „Шевченко и Щепкинъ“.

хиба вже втеряешъ зовсимъ надію на столыцю. А якъ дасть Богъ прывитать тебе оттутъ на багнахъ, тоди порадымось, що зъ ными чиныты.

Нема твого «Гуса» ни въ кого, пане брате![1]). А згадай самъ, що здумаешъ, а що забувъ, то скомпануй наново. Симъ ты намъ догодышъ краще одъ караваю, далеби! Про журналъ я й не помышляю. Не наше се дило, Тарасе. Утонешъ у журнали безъ славы й безъ памяты. Нехай хто иншій веде журналъ, а мы помогатымемъ, то се такъ! намъ треба пысать у тому роди, который есть наше праведне достояніе и що вже нехай хто иншій, хоть якъ потіе, а ничого такого не втне. Журнальна жъ премудрость не велыке дыво и багато знайдется до сего дила мыстецивъ. Нехай соби мизкують на здоровье! А я оце копавсь у старосвитскихъ шпаргалахъ, доводывъ до ладу всяку всячину для «Записокъ», а дали печатавъ Гоголя, то зникчемнивъ бувъ ни на що, а теперъ якъ покинувъ таку работу, що всяке подужало бъ, то й свитъ мени одкрывся, и почавъ я пысать таке, чого опричъ мене—чи гарно воно, чи й не такъ то—нихто не напыше. Якъ бы ты бувъ тутъ коло мене, прочитавъ бы я тоби въ смакъ, а ты бъ мени запомигъ розумною радою, якъ довесты дило до кинця. Теперъ же мени ни съ кымъ и порадытысь. Усе то бачъ народъ або судовый, або военный, або дуже розумный зъ кныжнои науки, а такого, щобъ розумъ бравъ отъ самого Бога, якъ ты, мій брате,—и нема коло мене. Да вжежъ колысь побачимось, и наговорымось, и начитаемось! А колы ни, то такъ перекинемъ одынъ одному, що въ кого е—на пораду. Колыбъ тилько давъ Богъ довесты до кинця, бо кинець—дилу винець. А робота велыка!

Кныжки мои на Вкраини. Була така думка, щобъ тамъ и звиковать у зимовныку, а теперъ бачу, що тилько й жыття нашому брату на столыци. Колы що треба, то самъ иду въ публычную библіотеку, а треба мало не що дня по новій кныжци, то не накупысся.

Адресъ такъ: Имярекъ, въ собственной типографіи, на углу Вознесен. и Екатерингофск. проспекта, д. Лея. Твій душею П. Кулишъ.

NB. Пани моя на Вкраини, той не витае тебе, а дуже шануе и поважае, якъ и вси добри й розумни люде.

---

[1]) Объ утраченной поэмѣ „Иванъ Гуссъ" Ш—ко писалъ Кулишу: „Чы не найдешъ тамъ у панночкы хуторанкы въ альбоми мого Гуса, а то шкода буде, якъ пропаде"? Ч.

2.

Хотивъ я послать тоби, мій друже шановный Тарасе, де що зъ новыхъ кныжокъ, котри въ мене друкуються, та трудно набрать по лыстку зъ-пидъ велыкихъ купъ друкованого паперу. Нехай якъ доведеться все до ладу, тогди й прышлю. Побачишъ, яки дыва въ насъ творяться: уже й каминня починае вопіяты! Дежъ бакъ не дыво, що Московка преобразылась въ Украинку да таки повисти вдрала, що хоть бы й тоби, мій друже, то прыйшлысь бы въ миру! Ось побачишъ, щò на свити степови квитки!

Стилько въ мене роботы, що й въ голови не вмищаеться. Вybачай, що коротко пышу и про твое дороге пысанне не спомынаю. Коротко про його що й пысать, а шыроко николы, далеби! Ось напышы лышень до мене, якъ и що ты думаешъ—гадаешъ, то я тоби на всяке слово одвитуватыму, выбравшы добру годыну. А теперъ твій прыятель заразъ йиде, то й не схаменесся, зъ якого кинця почaты.

Чи получывъ ты мои кныгы? Якъ воны тоби здалысь? Пышы гуляючы, про всячыну, бо Господь знае, колы побачымось. Спасыби жъ тоби, велыке спасыби, за Ченця [1]—се мени дорога буде памятка!

Твій до вику П. Кулишъ.

С.-П. Ноября 26, 1857.

3.

Посылаю тоби, брате Тарасе, зъ сею почтою «Оповидання Вовчка». Якъ то-то ихъ ты уподобаешъ? Пышы щыро, якъ думаешъ, бо ты въ насъ голова на всю Украину. Пышуть до мене зъ Москвы, щобъ у московському журнали що-небудь твое напечатать. Не квапся на се, мій голубе, до якого часу. Одно—що тоби треба спростоваты дорогу до столыци, а друге—зъ велыкою увагою треба теперъ роздывлюватысь, що напечатать, а що й прыдержать. Слава твоя пысательска теперь у зенити, то вже треба оглашаты себе голоснымъ дыломъ, а не абы-якимъ. Посли 1847 году ждуть одъ тебе землякы ричей велыкихъ. А посли вже й малымы до ихъ обизвесся. Отъ якъ бы Гусса ты згадавъ, або наново скомпонувавъ! Мы знаемо тилько початокъ:

Кругомъ теснота и неволя,
Народъ закованный мовчить,

---

[1]) Поэма „Чернецъ", посвященная Кулишу—написана въ Орской крѣпости.

А на апостольскимъ престоли
Чернець годованный сидыть, и проч.

У 4-й кныжци Русской Бесѣды есть де-що про Гусса. Прочытай да й выведы свою красну мову про його [1]). Колы жъ у тебе е гарни вирши и безъ Гусса, то прышлы перше мени ихъ на проглядъ, що бъ пишло воно зъ моеи руки, якъ Наймычка, которои—самъ бачышъ—я не зопсувавъ. Щыро кохаю твою музу и не пожалую часу переписать, що вона тоби внушыла,—нехай не выходыть мижъ люде росхрыстана й простоволоса, цыганкою,—нехай явытся мырови гарною дивчыною, отецькою дочкою, щобъ знаты було по дочци й батька. Оце жъ будуть тебе пидбывать москали, то ты не дуже подавайся и моеи рады не занехай. Почалы мы зъ тобою велыке дило,—треба жъ его такъ и весты, щобъ була нашому народу зъ нашыхъ ричей шаноба.

Прощай! пыши й до мене.1857, декабръ 22. С. П. Твій П. Кулишъ.

4.

Отъ тоби, брате Тарасе, гроши,—ажъ 250 цилковыхъ! Се за твои невольныцьки пейзажи. Тутъ не знайшлось охочыхъ, такъ я пысавъ до нашыхъ панивъ, оцинывши 17 штукъ у 250 р. Хотилось мени, щобъ спомынки про твою святу для насъ неволю булы не въ чужыхъ, а въ ридныхъ рукахъ, и чого бажавъ, те Господь и помигъ мени вчыныты. 1857, дек. 23. Кулишъ.

5.

Твои «Неофиты», Брате Тарасе, гарна штука, да не для друку... Не годытся напомынать сынови про батька, ждучы одъ сына якого бы не було добра. Винъ-же въ насъ теперъ первый чоловикъ: якъ-бы не

---

[1]) Изъ черновыхъ лоскутковъ, оставшихся по смерти поэта, видно, что онъ, по совѣту Кулиша, пробовалъ написать поэму вновь, но это ему не удалось: стихи написаны съ большими помарками:

И Архимедъ и Галилей
Вына й не бачыли—елей
Потикъ у черево черноче...
А вы, святыи предотечи,
По всему свиту розійшлись...

винъ, то й дыхнуть намъ не далы бъ. А воля крипакивъ—тожъ ёго дило. Найблыжши теперъ до ёго люде по души—мы, пысатели, а не пузатыи чыны. Винъ любить насъ, винъ йме намъ виры, и вира не посрамыть ёго. Не тилько друковаты сю вещъ рано, да позволь мени, брате, не посылать и Щепкину, бо винъ зъ нею всюды носытымеця, и пійде про тебе така чутка, що прытьмомъ не слидъ пускать тебе у столыцю. Тутъ же саме се дило наклюнулось. Такъ-то, брате! Инша бъ була ричъ, якбы ты докинчавъ «Гусса»—тамъ бы тоби було де розгулятця; а панство—така лодарь, що іи зневажай скильки хочешъ—усяке скаже спасыби. Тутъ же й лыцарство въ тебе пидъ бокомъ, и вассалы, и славяне зъ нимцямы, и жыдова грошовыта—шырока выйде поэма!

Письни твои дуже гарни. Не вже обыдви ты самъ скомпанувавъ? «Дуда» наче мени знакома. Не хапайся, братику, друковать московськихъ повистей. Ни грошей, ни славы за ныхъ не добудешъ. Аджежъ и Данте и Петрарка думалы, що прославяться латынськимы своимы кныгамы. Оттакъ тебе морочитъ ся москальщына. Цуръ ій! Лучче ничого не робы, такъ сыды та чытай, а мы тебе хлибомъ погодуемо, абы твое здоровье! Ось, може, перепечатаемо твои перши стыхы, то за те буде й слава й гроши. Я поспытаюсь у Крузе, нашого щырого поспишныка, чи не пропустывъ бы винъ другимъ (выданнямъ) Кобзаря и Гайдамакъ? А до того можна де що прыбавыть. Вовчокъ тоби давно послано. Яке твое буде про ёго слово?

Твій душею П. Кулишъ.

1857 янв. 20.

6

Посылаю тоби, брате Тарасе, удруге Вовчка. Якъ прочытаешъ, то, далеби, помолодшаешъ. А все такы до мене заразъ пыши твое щыре про ёго слово. «Неофиты» пошлемо по словеси твоему, абы тильки той Шрейдерсъ завитавъ до насъ у друкарню. Перешлемо й тоби экземпляръ, що бъ ты бачивъ, що воно таке—добра редакція. Такъ и всяке твое пысання треба процидыть на решето, щобъ не осталось шкаралющы, або-що; а росхрыставшысь, далеби не годытьця выходыть мижъ люде. Сёго жъ бильше тоби нихт оне зробыть, хоть до ста бабъ иды. У мене есть перепысанный Кобзарь и Гайдамаки. Колыбъ

хто провивъ ихъ через Главное Правленіе Цензуры, тоди бъ уже цензоръ добавку яку хочешъ безъ Правленія прочитавъ бы, да й выдать бы гарненько внижку: «Думы, писни и поэмы Шевченка». Друковаты жъ нигде не квапся, опричъ мене, бо въ мене й оксіи вси зроблени, и наборщыки прывычни, и корректоръ—землякъ. Друкуемо й теперъ «Повисти Квитки», то вже всяке наломылось, якъ що й до чого. А Гусса нема въТарновського: я сёго пана добре знаю, и нигде таки нема й нечутно по Вкраини—се певно!

Грошей тоби наскидалы цилковыхъ изъ 200 на дорогу, якъ почулы, що ты йихатымешъ изъ неволи, и си гроши у одного панычa лежалы, да треба роспытаты, де воны теперъ. Изновъ же давалы у гр. Толстого домашній спектакль якійсь,—и тамъ назбиралы грошей доволи, да й держать, боячись, щобъ ты не процындривъ, и все пиджидаючи тебе въ столыцю, щобъ тогди було тоби за що руки зачепыты. Колыбъ ище сами не попроцындрувалы, бо й таке на свити бувае. Шкода, що я не дуже мижъ людьмы вештаюсь, то гараздъ ничого й не знаю... А ты пыши Лазаревському, що оттакъ и такъ, и щобъ винъ хотъ у графа Т. забравъ гроши, а ти, що въ паныча, не пропадуть, и я ихъ знайду, де воны теперъ, бо панычъ повіявсь у Ниметчыну, то комусь певно оддавъ на руки. А наздавалы тыхъ грошенятъ изъ Украины, радіючи славному невольныкови и не боячысь уже за се халепы.

Засмутывъ ты мене, брате, сказавшы, що хочешъ одружытысь. Не гарну ты пору выбравъ; не выбывсь ты изъ своеи нужды, не выйшовъ на простый шляхъ. Треба бъ тоби зъ симъ диломъ пидождать. Инше бъ ты навпосли ёго размизкувавъ. А въ мене була така думка, щобъ тебе за граныцю спровадыты, и щобъ ты ширше по свиту поглянувъ. Ся думка була у мене и въ1847 годи, колы ты не забувъ, — такъ тогди Мыкола не давъ доброго дила вчыныты,—а теперъ, мабуть, якась Маруся, чы Одарка, чы Ганна стане на твоій дорози. А не багато бъ тоби й треба, що бъ дойты до свого розуму и вчынытысь велыкимъ поэтомъ на вси вични рокы! Колыбъ на тебе напустыть батька Пугача, то далеби що винъ бы тебе отверезывъ, не выпывши й пивъ коповки оковытои!

Про Московськи жъ повисти скажу, що зневажышъ ты себе имы передъ свитомъ, да й бильшъ ничого. Щобъ пысать тоби по московськи, треба жыты мижъ московськимы пысателямы и багато де-чого набратьця. Поглянь на Квитку: винъ себе въ таке багно втеребывъ московщыною, що посли смерты ёго мы ніякъ ёго не вытягнемъ и не поста-

вымъ такъ высоко, якъ вінъ достоинъ по украиньскымъ повистямъ. Москали тычуть намъ въ вичи Халявскимъ, Столбыковымы и всякою гидотою, на котору сами жъ ёго необачного пидбылы. Такъ и тоби буде, брате! Якъ бы въ мене гроши, я бъ у тебе купывъ ихъ уси разомъ да и спалывъ. Читавъ я твою «Княгиню» и «Матроса». Може ты мени виры не ціймешъ, може скажешъ, що я московщыны не люблю, тымъ и ганю. Такъ отъ же тоби: ни одна редакція журнальна не схотила ихъ друковаты. Тутъ не одного таланту треба. Адже жъ у тебе бувъ талантъ, якъ ты малювавъ картыну «Катерыну»; надъ поэмою «Катерыною» и доси плачуть, а на картыну Катерыну кивають головою. Такъ кивають земляки, прочытуючи й твои московськи повисти, а москали одкидають геть [1]), а вирши твои ридны й москали шанують, а земляки наче псалтырь промовляють. Такъ-то, брате, до всякого дила особая кебета и особая наука. Що за добро було бъ, якъ бы насъ Господь докупы звивъ, да якъ бы мы пожылы по сусидски хоть одынъ рикъ да й Костомару до себе прыманылы. Порозумнійшалы бъ уси трое. Що жъ, колы йдемо ризно трома шляхамы! Ось и я не всыжу на одному мисци, и мене тягне то сюды, то туды. Оце надумавсь навидаться хоть на часыну до нимцивъ, якъ воны тамъ жывуть и якъ розуму доходять. Ты жъ пыши до мене не вважаючи, що одъизжаю, бо мени всяку потрибну ричъ перекыдатымуть и всяке дило безъ мене буде тутъ робытысь такъ, наче я й не одлучавсь изъ дому: що друковатыметьця, що готовытемытця до друку, а я, вернувшись, пиддамъ сылы, де треба порядокъ дамъ, да и знову махну набиратысь чужого розуму, бо вже пора й намъ порозумнійшать. Прощай же, мій голубе сызый. Пыши до мене колы хочъ и просто заграныцю оттакъ: Belge Bruxelles, post restante. A Monsieur Panteleimon Kouliche. А я тоби одповидатыму на всяке твое слово— не то що! Прощай! Пани моя нездужае въ Борзни, такъ оце махну за нею, а потимъ простуватымемъ черезъ Варшаву прямисенько въ Брюссель. Твій Кулишъ.

1858 февр. 1.

---

[1]) Не довѣряя такой суровой критикѣ земляка, Ш-ко обратился къ С. Т. Аксакову, желая помѣстить „Княгиню" въ Русской Бесѣдѣ, редактируемой тогда Максимовичемъ; но старый Аксаковъ отвѣтилъ ему слѣд.: „Не совѣтую вамъ печатать эту повѣсть: она несравненно ниже вашего огромнаго таланта стихотворнаго. Вы лирикъ, элегистъ; вашъ юморъ не веселъ, а шутка не всегда забавна. Имѣя предъ собой блистательное поприще, на которомъ вы полный хозяинъ, вы не можете оскорбиться, если вамъ скажутъ, что вы не умѣете пройти по какой-нибудь степной тропинкѣ и т. д. (см. Жизнь и произведенія Ш-ва стр. 119).

(На особой бумажкѣ). Иноди, може тоби прыпаде нужда, и пидѣ такій поганый часъ готовъ ты будешъ або запродать, або не знать якъ надруковать свои вирши. То лучче отъ якъ нехай буде: пышы до мене, що проби грошей треба—и пышы таки сюды, а не въ Брюссель хоть мене тутъ и нема. Лысты получатыме тутъ мій секретарь (Каменецкій), винъ же й хозяинъ, и корректоръ, и издатель. То винъ, прочытавши всякій лыстъ, такъ зробыть, якъ и я, грошенятъ тоби про нужду вышле; а навпосли, якъ дасть Богъ твои вирши огласыты, бряцнемо на счотахъ и зробымось квиты. Чого тоби треба одъ Каменецького, чы книжку яку, чы справку, то все пышы до мене въ Петербургъ, а винъ за мене все тоби зробыть, ще краще одъ мене

7.

Пышу до тебе, брате Тарасе, съ того хутора, де ты въ мене на весилли шаферувавъ, чы то пакъ боярынувавъ. Пани моя недугуючы, оставалась одъ октября на Вкраини, а я самъ пробувавъ на столыци. Теперъ же вона, слава Богу, поправылась, и оце пускаемось изъ нею до Варшавы и дали. Пышу жъ до тебе отъ зачимъ. Колысь ты малювавъ «Живописну Украину» и ничого зъ того не вийшло, а хоть бы й вышла яка тоби корысть грошова, то все жъ бы бувъ послугачъ паньскій, а не людській, людямъ бо не було-бъ ніякого дила до твоеи жывописнои Украины: не змоглы бъ люде за дороженетою до неи докупытыся. Теперъ же самъ бачышъ, що паньскій викъ кинчаетьця, а людській почынаетьця, то саме годына—помиркуваты, якъ бы людямъ помогты духомъ у гору пиднятысь. Отъ же я тоби дамъ добру раду. Накидай ты перомъ, де-що зъ нашои исторіи и попидпысуй вирши зъ думъ и зъ свого таки компунованния. Си твои рысунки мы вырижемо на дереви, одпечатаемъ и розрысуемъ фарбамы трошкы краще одъ лубочныхъ картынокъ московськихъ. Цина буде имъ по 2, чы по чотыре шаги, а колы дуже дешево, то по 6 шагивъ, и будуть воны продаватысь по всихъ ярмаркахъ, и будуть воны налиплюватысь у кожній хати замисъ московського плюгавства, и буде старе й мале на ихъ дывытысь и отти пидпыси вычытуваты, и розійдетьця по Вкраини наше „слово забуте, наше слово тыхосумне, богобоязлыве“, и воскресыть вона не одну душу,—и мала твоя праця станетьця зъ часомъ прычыною велыкого дила всесвитнёго,—душа моя чуе. Я й самъ понарысовувавъ бы, и вийшло бъ воно не згиршъ

одъ московщыны, да въ мене тіи абресы не будуть таки характерыстычны, якъ у тебе. Ты якъ не поведешъ перомъ, то все воно закорлючытьця по художныцьки. А треба, шобъ дитвора дывлячысь на си картынки, набиралась доброго смаку. Велыке, велыке выросте зъ того добро на Вкраини,—далеби! Отто, брате, не гай часу и не покладуй сеи праци ни на одынъ день. Колы жъ не чуешъ до неи охоты, то пышы заразъ до мене, що шкода, то я вже самъ якъ-небудь нарысую тыи кунштыки, покинувши для сёго вси свои пысання й чытання, бо се вельмы благе и достойне дило! А продавать ихъ и розвозыть по ярмаркàмъ знайдутьця люде, не турбуйся. А що народъ кынетьця куповать, то що й казать! Чортъ знае яку купуе, а то-бъ не куповавъ такого добра! Бачу по граматци, до которои и чоловики и бабы квапляютьця, радіючи, що всяке слово такъ до души й промовляе. Прощай! пыши у Брюссель. Твій П. Кулишъ.

1858, февр. 14. Хутиръ Мотроновка.

8.

Дывуюсь я, чытаючи вашъ лыстъ, тай не надывуюсь: чогобъ то мени плысты зъ своими виршамы по суси пидъ парусомъ! Хиба я Олегъ, нехай Богъ крые, або що? «Парусъ»[1]) у своему универсали переличывъ уси народности, тилько забувъ за нашу, бо мы, бачъ, дуже однакови, блызькіи родычи: якъ нашъ батько горивъ, такъ ихъ грився! Не годытьця мени давать свои вирши пидъ Парусъ и того рады, що його надуває чоловикъ, который вступывсь за князя, любытеля хлёсты. Може воно й до ладу по московськiй натури, тилько мы сего не вподобалы для свого люду, а вже колы въ Москви даватымуть хлёсту, то даватымуть и на Вкраини. Отъ що! Ище блаженнои памяти царь Мыкола постановывъ у військовыхъ артыкулахъ, щобъ москаливъ изъ украинцивъ бильшъ караты соромомъ и словамы, або розумно вмовляты, а нижъ сикты ризкамы. И той знавъ, що нашъ народъ выйшовъ уже зъ того зросту, щобъ йисты березову кашу, а хазяинъ Паруса, маючы нашу народнисть ни за що, думае, що для хахловъ усякій законъ бряде!

---

[1]) Ив. Аксаковъ, приступая къ изданію газеты „Парусъ“, просилъ Максимовича передать ему для 1 № стихотворенія Ш-ка (Вечиръ, Пустка и др.), и Т. Г-чъ не только согласился на это, но приглашалъ и Кулиша; отвѣтомъ на приглашеніе и было настоящее письмо. Ч.

Оттакъ-то! не здывуйте, добродію, що не вволывъ я вашои воли, бо дило се не мале; сами маете розумъ. Якъ будете пысати, то поклонитесь вашому любому подружжю.

А се вже до васъ: Учора я сказавъ вамъ де-що про стыхи, да й злякавсь, щобъ вы не прыпялы того за вхибу своему достоинству поэтычному. Колыбъ хто иншій напысавъ ваше слово до Ляхивъ, то може высоко я поставывъ бы ёго—такъ якъ вы *казаночокъ*. Но вы сами соби поставылы таку высоку миру въ печатныхъ и непечатныхъ вашыхъ виршахъ, що й найплохшій критикъ зуміе вказаты, що ныжче іи—тои миры. Може я помыляюсь, якъ дытына судячи про ваши вирши, да лучче жъ вамъ знать, що дитьска моя думка одъ васъ не замкнута, нижъ не знать, що справди въ чоловика на думци! У нашому товарыстви повынна царствуваты щыра воля суда. Не всюды я те скажу про Марка Вовчка, або про Васъ, розбираючи Ваши пысання, що скажу въ своій громади, и съ того щырого суду, мени здаетьця, повынна выйты для нашои молодои словесности велыка корысть [1]).

9.

Высокоповажный Добродію,
Тарасе Григоріевычу!

Полтавци, зазвавшы мене до себе на бенкетъ, жалкувалы, що Вы до ныхъ торикъ не завиталы. Скилько не було тамъ на бенкети ричей поважныхъ, то знай Ваше славне и шановне имя спомыналы, такъ якъ ридна симъя спомынае про свого батька, що десь далеко живе на чужини. Пылы не разъ за Ваше здоровье и просылы мене вблагаты Васъ, щобъ Вы хочъ на ту весну пошанувалы Полтаву, явывши ій свою кохану и шановну персону. Оце жъ я, выповняючы свою обицянку, запевняю Васъ, що нигде въ свити такихъ щырыхъ и прыхильныхъ до себе дитей не знайдете, якъ у тій Полтави. Тутъ-бо не то паны та паненята, а всяка душа пысьменна й щыра зъ вашымъ Кобзаремъ, наче зъ якимъ скарбомъ дорогимъ, носытьця, та

---

[1]) Письмо относится къ концу 1858 г., такъ какъ „Парусъ" издавался въ 1859 г., причемъ вышло его только *два* номера. Во 2-мъ номерѣ была помѣщена рецензія П. Кулиша, а стихотвореній Шевченка не напечатано тамъ ни одного. *Ред.*

й хутко вже й кнyжокъ имъ буде не треба, бо повытвержувалы вже вси Ваши стыхи на память и тривайте, чы не по Кобзареви вже й Богу молятьця.

Бувайте жъ здорови й весели за своею працею гарною, а я пойиду ще Вашого брата одвидаты и въ ёго хлиба-солы пойисты.

Кулишъ.

Василевка (Гоголева), 1860, мая 10.

10.

Добродію, Тарасе Григорыевычу!

Другій тыпъ «Хаты» вже додруковуетьця. Щежъ треба Вамъ знаты, що цензура другого тыпу була не тутъ, а въ Москви; то тутъ бы була морока съ поправкамы.

Вси хатни сотрудныки у «Хати» въ мене ривни. Кожный аркушъ (12 лыстkивъ) давъ чистои прыбыли 60 цилковыхъ. Вашого Гостынця тилько 9 листкивъ, та нехай иде за ривный аркушъ. Посылаю 60 цилковыхъ. Не здывуйте за малу плату. Якъ бы росцинюваты, що чого стоить, то прыйшлось бы такимъ поэтамъ, якъ Кузьменко, заплатыть тилько по копийци за стыхъ; а мы й ему сердешному заплатыли такъ, якъ и Вамъ.

Выбачте, що не прыславъ и доси Вамъ грошей. Тутъ не малый бувъ скрутъ на гроши, та спасыби Богу, сякъ такъ роздобувъ.

П. Кулишъ.

1860 окт. 7.

Западно-русская церковь при митр. Петрѣ Могилѣ.

(1633—1646 гг.).

(Продолженіе) [1]).

II.

Подготовленія къ сейму 1635 г. П. Могилы и другихъ православныхъ.—Подготовленія къ означенному сейму короля Владислава IV. посольство въ Римъ Оссолинскаго и результаты онаго.—Сеймъ 1635 г. и успѣхи, достигнутые на немъ православными. — Грамоты послѣ сего сейма, выданныя православнымъ и латиноуніатамъ. — Протестаціи послѣднихъ противъ сеймовой конституціи 1635 года. „О религіи греческой“.

Сопротивленіе латино-уніатовъ распоряженіямъ короля о передачѣ православнымъ нѣкоторыхъ церквей и вообще (по выраженію Могилинаго „пѣснопѣнія“) „злодѣйства“, чинимыя ими „во благочестіи сущимъ“,—какъ мы видѣли,—основывались большею частію на томъ внѣшнемъ предлогѣ, что „статьи успокоенія“, проектированныя на конвокаціонномъ сеймѣ, не были въ полномъ ихъ видѣ одобрены сеймомъ коронаціоннымъ и такимъ образомъ не получили значенія закона общеобязательнаго (lex publica). И хотя на послѣднемъ сеймѣ категорически было заявлено, что утвержденіе означенныхъ статей есть дѣло *недалекаго будущаго*, но латиноуніатская партія, имѣя въ виду примѣры предшествовавшаго царствованія (когда успокоеніе греческой религіи постоянно откладывалось отъ сейма до сейма), льстила себя надеждою, что домогательства православныхъ, встрѣтивъ сильные протесты со стороны „добрыхъ католиковъ“, и на этотъ разъ будутъ отклонены сеймовыми депутатами. Подобныя надежды рьяные паписты питали и прямо ихъ высказывали еще непосредственно послѣ коронаціоннаго сейма,

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1898 г., № 1.

не обинуясь заявляя, что уступки православнымъ, сдѣланныя на этомъ сеймѣ католиками съ великимъ прискорбіемъ (magno nostro dolore), обусловливались обстоятельствами времени, обычными при избраніи королей, и что въ будущемъ домогательства „схизматиковъ" могутъ быть отклоняемы съ большимъ успѣхомъ (commodius feliciusque) [1]). Надежды эти сильно поддерживаемы были увѣренностью, что Римскій престолъ не только не дастъ своего соизволенія на утвержденіе „статей успокоенія", но и сдѣлаетъ все, отъ него зависящее, дабы разрушить плоды усилій православныхъ на предшествовавшихъ сеймахъ [2]).

Разумѣется, эти надежды и чаянія латино-уніатской партіи не были тайною для православныхъ. Отсюда понятно, что и къ предстоящему сейму они должны были подготовляться съ такимъ же тщаніемъ и заботливостію, какія обнаружены были ими предъ сеймами предшествовавшими. Такъ и было на самомъ дѣлѣ.

Что касается нашего митрополита, то дѣятельность его въ этомъ отношеніи (какъ и въ прежнее время при однородныхъ обстоятельствахъ) отличалась обычными, свойственными ему неутомимостью, энергіею и благоразуміемъ. Онъ воодушевлялъ православныхъ къ предстоявшей борьбѣ съ враждебною партіею, побуждая устроять общественныя молебствія объ одержаніи побѣды надъ религіозными противниками [3]), старался сгруппировать силы своей паствы, призывая ее къ единодушію и мужественному стоянію за праотцевскую вѣру, разсылалъ письма вліятельнымъ лицамъ въ государствѣ съ

---

[1]) Изъ письма Станислава Любинскаго, епископа Плоцкаго, которое послано было имъ въ Римъ послѣ коронаціи Владислава IV (*Рукоп.* библіотеки Оссолинскихъ во Львовѣ, № 157, л. 296 об.).

[2]) Каспаръ Скупинскій въ своемъ сочиненіи: „Rozmowa albo relalatia rozmowy dwoch Rusinow, schizmatika z unitem", изд. въ 1634 г., влагаетъ въ уста унита, разговаривающаго съ православнымъ, слѣдующія слова: Że się chwalisz, żeście wygrali (т. е. получили на коронаціонномъ сеймѣ благопріятный для православія диплолмъ). Wygraliście w tym, bo cerkwie, monastery y imiona cerkiewne niektore naznaczone są wam, do ktorych mere et nullo nie należeliście. *A u mnie to wygrana, kiedy consens Summi Pontixicis był by, ale wiem, że Summus Pontifex nie iest approbatorem schizmat*". (Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. I., т. VII, стр. 731).—О подготовленіяхъ латино-уніатовъ къ предстоявшему сейму см. постановленіе провинціальнаго собора, состоявшагося подъ предсѣдательствомъ гнѣзненскаго архіепископа Венжика въ ноябрѣ 1634 г. Synodus provincialis sub illustrissimo et reverend. domino Joanne Wężyk... et caet. изд. 1636 г. въ Краковѣ. См. XXI главу подъ заглавіемъ: *De unione Ruthenorum*).

[3]) Къ этому времени относится изданіе упомянутой нами *Парамиѳіи* (молебныя пѣснопѣнія объ умиреніи православной церкви).

просьбою содѣйствовать умиротворенію православія и тѣмъ положить конецъ смутамъ, столь пагубнымъ для самой Рѣчи Посполитой, причемъ въ письмахъ къ православной шляхтѣ намѣчалъ иногда предметы самыхъ петицій, которыя они должны были обсудить на своихъ предварительныхъ совѣщаніяхъ (сеймикахъ предсеймовыхъ) съ цѣлью занесенія ихъ въ инструкціи посламъ, отправляемымъ на сеймъ [1]); наконецъ, и самъ дѣятельно готовился къ поѣздкѣ—и это уже въ четвертый разъ—на имѣющій открыться сеймъ. Сохранилось письмо П. Могилы къ Могилевскому братству отъ 4 ноября 1634 года, гдѣ онъ, между прочимъ, пишетъ: „Думаемъ, что небезъизвѣстны милостямъ вашимъ труды и издержки смиренія нашего, которые мы охотно понесли для блага церкви Божіей и успокоенія всего православія на прошлыхъ двухъ сеймахъ во время междуцарствія и на третьемъ, при счастливой его королевской милости, пана нашего милостиваго, коронація, не безъ пожитку (пользы) для всего благочестиваго народу“. Затѣмъ, упомянувъ въ общихъ чертахъ, въ чемъ состояли эти „пожитки“, П. Могила указываетъ на необходимость совмѣстнаго дѣйствія въ интересахъ православія и на предстоящемъ сеймѣ, дабы довести дѣло успокоенія церкви до желаемаго окончанія. Приглашая братчиковъ тоже явиться (т. е. послать депутатовъ) на сеймъ, митрополитъ говоритъ, что предшествовавшія его поѣздки для означенной цѣли истощили его „достатки“ и собственные, и монастырскіе (при другихъ неотложныхъ расходахъ), а потому обращается къ братству съ просьбою оказать ему денежное вспомоществованіе для предстоящаго его путешествія на сеймъ [2]). Подобныя же грамоты, безъ сомнѣнія, посланы были П. Могилою и другимъ вліятельнымъ братствамъ. По крайней мѣрѣ въ расходной книгѣ Львовскаго братства подъ 17 ноября 1634 года значится: „Его милости отцу митрополиту на потребу посполитую 430 злотыхъ“ [3]), —жертва, очевидно, вызванная посланіемъ П. Могилы, по содержанію однороднымъ съ его письмомъ къ братчикамъ Могилевскимъ.

На предварительныхъ совѣщаніяхъ шляхты, обычныхъ предъ сеймами, вопросамъ религіознымъ—какъ и слѣдовало ожидать—отведено было первенствующее мѣсто, причемъ православные дворяне энергично настаивали на томъ, чтобы въ инструкціи сеймовымъ де-

---

[1]) На Вишенскомъ сеймикѣ 1634 г. посламъ на общій сеймъ 1635 г. вмѣнялось въ обязанность имѣть въ виду *„prozbe iego mosci metropolity Kiiow, skiego“*. (Бернардинскій архивъ во Львовѣ, Ind. castr. terr. Leop. № книги 385· стр. 439).

[2]) Археограф. Сборникъ документовъ сѣверо-зап. Руси. ч. II, № 38.

[3]) Архивъ Львов. Ставроп. Института. Приходо-расх. книга in Q № R. 35, стр. 8.

путатамъ включено было обязательство для нихъ не приступать, согласно диплому, ни къ какимъ сеймовымъ постановленіямъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ утверждены „статьи успокоенія" въ томъ видѣ, какъ онѣ проектированы были во время конвокаціи (какъ занесены въ Pacta conventa). И подобныя требованія дворянъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ численность православныхъ была не незначительна, были удовлетворяемы. Такъ, напр., въ инструкціи посламъ на сеймъ, составленной 4 декабря 1634 года на Вишенскомъ сеймикѣ, говорится: „Такъ какъ для Рѣчи Посполитой и сохраненія правъ нашихъ весьма важно, чтобы все, значащееся въ Пактахъ конвентахъ, недавно утвержденныхъ присягою короля его милости, было исполнено, то мы поручаемъ панамъ посламъ нашимъ, дабы они, приступая къ составленію сеймовой конституціи, начали оную съ Пактовъ конвентовъ и, если что согласно съ ними не исполнено, напомнили о томъ и просили всѣ статьи въ нихъ утвердить безъ исключенія" [1]). И въ другомъ мѣстѣ: „Что касается пановъ братіи нашей религіи греческой, въ уніи не находящихся, о томъ должны стараться паны послы наши, чтобы они, согласно конституціи, составленной во время коронаціи, и диплома, имъ даннаго, *совершенно были успокоены*" [2]).

Но уже и на этихъ предварительныхъ совѣщаніяхъ въ средѣ депутатовъ возникали разногласія по вопросамъ религіознымъ, долго тормозившія теченіе дѣлъ,—разногласія, зависѣвшія иногда отъ несогласій между самими православными. Такимъ вопросомъ было замѣщеніе Перемышльской каѳедры. Пререканія по этому вопросу Вишенскій сеймикъ разрѣшилъ, воспользовавшись инцидентами, имѣвшими мѣсто во время сеймовъ предшествовавшихъ: посовѣтовалъ спорящимъ обратиться къ посредничеству короля и положиться на его рѣшеніе. „А такъ какъ—читаемъ въ помянутой инструкціи—относительно перемышльской епископіи между ихъ милостями панами братіею нашею религіи греческой, въ уніи не находящимися, великія были препирательства, которыя долго нашъ сеймикъ задерживали, то какъ въ началѣ своего царствованія его королевская милость, король нашъ милостивый, благоразумно и отечески забо-

---

[1]) „Iż wiele na tym Rzeczy Pospolitey y wolnościam naszym należy, *aby we wszytkich punctach Pactis Conventis*, świeżo nam od iego krolewskiey mosci poprzysiężonych, *dosic się stało*, zlecamy to panom posłom naszym, aby zaczynaiąc constitutie seymowe, *a pactis conventis poczeli*, y iesliby się w ktorych ieszcze nie dosić stało, tego upominali się y prosili, aby *wszytkie* do effectu przywiedzione były". (Бернард. Архивъ во Львовѣ. Ind. Castr. Terr. Leopol. № кн. 385, стр. 1518).

[2]) Ibid. стр. 1531.

тился объ успокоеніи означенной религіи, такъ и въ настоящее время мы желаемъ того, чтобы авторитетомъ его царской власти означенная контроверсія была успокоена, то однако себѣ, согласно правамъ и обычаю, охраняя, дабы обыватель-гражданинъ, рожденный въ землѣ Перемышльской, владыкою былъ" [1]).

Обращеніе и на этотъ разъ въ затруднительномъ случаѣ къ Владиславу IV, не встрѣтившее возраженій со стороны православныхъ, свидѣтельствуетъ объ укоренившейся между ними увѣренности въ искреннемъ желаніи короля содѣйствовать дѣлу религіознаго успокоенія. Дѣйствительно, торжественно высказанныя обѣщанія короля по этому предмету, при его избраніи, не разъ повторенныя впослѣдствіи, сознаніе гибельности для государства ультра-католической политики своего отца, опасеніе неминуемыхъ волненій въ случаѣ неудовлетворенія законныхъ требованій православныхъ, затруднительное положеніе, въ какомъ находилось въ то время государство,—все это побуждало Владислава IV твердо стоять за свои воззрѣнія по религіозному вопросу и всячески содѣйствовать исполненію данныхъ православнымъ обѣщаній. Поэтому предстоявшаго сейма Владиславъ IV ожидалъ не съ меньшимъ волненіемъ, чѣмъ сами православные, и къ благополучному окончанію его еще задолго до назначенія онаго прилагалъ соотвѣтственныя подготовленія.

Разумѣется, главнымъ тормозомъ для благихъ намѣреній короля (для успѣха православныхъ) былъ Римскій престолъ, соизволеніе котораго относительно „статей успокоенія" выставлялось латино-уніатами, какъ необходимое условіе для ихъ утвержденія сеймомъ. Всѣ—и православные и латино-уніаты — хорошо понимали, что такого соизволенія (въ особенности при тогдашнихъ отношеніяхъ католицизма къ православію,—отношеніяхъ, дышавшихъ нетерпимостью) послѣдовать не могло. Латино-уніаты съ полнымъ основаніемъ могли разсчитывать, что, вмѣсто согласія папы, изъ Рима посыпятся громы и молніи на лицъ, сочувствующихъ „успокоенію схизмы". На этой увѣренности, какъ мы сказали, латино-уніатская партія основала свои надежды относительно неутвержденія сеймомъ упомянутыхъ статей.

Поэтому одною изъ главныхъ заботъ короля послѣ коронаціоннаго сейма было устранить предвидимый изъ Рима ударъ, грозившій разрушить его планы относительно успокоенія православныхъ,— по крайней мѣрѣ смягчить этотъ ударъ и сдѣлать его менѣе вредоноснымъ.

[1]) Ibidem.

Такую чрезвычайно трудную задачу Владиславъ IV намѣревался разрѣшить, воспользовавшись установившимся въ Польшѣ обычаемъ, по которому новый король, по своемъ вступленіи на престолъ, чрезъ нарочитое посольство увѣдомлялъ объ этомъ папу съ изъявленіемъ ему, какъ главѣ католицизма, сыновней покорности. Подобное, обычное посольство Владиславъ IV и избралъ средствомъ для достиженія своей цѣли — испросить у папы столь необходимое соизволеніе на предполагаемое успокоеніе православныхъ, согласно съ пактами конвентами. Посломъ для этой важной миссіи избранъ былъ королемъ Георгій Оссолинскій, и лучшаго выбора для намѣченной цѣли сдѣлать было трудно.

Георгій Оссолинскій происходилъ изъ фамиліи родовитой, но небогатой [1]). Своею карьерою онъ обязанъ былъ преимущественно самому себѣ. Получивъ блестящее по тому времени образованіе, онъ, по возвращеніи на родину, началъ службу при дворѣ королевича Владислава въ качествѣ одного изъ приближенныхъ дворянъ въ его свитѣ. Но желаніе выдвинуться изъ среды своихъ сверстниковъ, а главное попытки подорвать расположеніе королевича къ его давнему любимцу Казановскому, вызвали непріязнь къ Оссолинскому со стороны Владислава, и онъ долженъ былъ выбыть изъ его свиты. Женитьба на дочери короннаго подскарбія составила ему, въ лицѣ вліятельнаго тестя, значительную протекцію, благодаря которой Оссолинскому удалось въ 1621 году, на двадцати-шестилѣтнемъ возрастѣ, стать во главѣ посольства, отправляемаго въ Англію съ просьбою къ королю о помощи, въ виду крайне стѣсненнаго положенія Польши послѣ пораженія подъ Цецорою.

Посольство это дало возможность Оссолинскому обнаружить свои способности и какъ блестящаго оратора, и какъ искуснаго дипломата. Произнесенная Оссолинскимъ при представленіи англійскому королю рѣчь такъ понравилась послѣднему, что онъ тотчасъ послѣ аудіенціи просилъ посла прислать съ нея копію и приказалъ отпечатать ее на языкахъ латинскомъ, англійскомъ, французскомъ, ис-

---

[1]) Объ Оссолинскомъ въ польской литературѣ существуютъ спеціальныя монографіи. Лучшія изъ нихъ: 1) *Życie Ierzgo Ossolińskiego, kanclera wielkiego koronnego*... et caet. Dzieło ks. *Franciszka Bogomolca*, составленное въ 1777 г. въ двухъ томахъ, а затѣмъ перепечатанное въ изд. *Biblioteka Polska*, Serya na rok 1861. Zeszyt 1—5. Оно важно по значительному количеству приложеннаго къ нему сырого матеріала (первоисточниковъ). 2) *Ierzy Ossoliński. D—ra Ludwika Kubala* (Lwow, 1883 г., въ двухъ томахъ). Послѣднее сочиненіе имѣетъ значительную цѣнность вслѣдствіе широкой постановки вопросовъ и по привнесенію новыхъ данныхъ.

панскомъ и нѣмецкомъ [1]). Краснорѣчіе у Оссолинскаго соединялось съ глубокимъ знаніемъ человѣческаго сердца, и его рѣчи, произносимыя къ тому же съ замѣчательнымъ ораторскимъ искусствомъ, всегда производили неотразимое впечатлѣніе. Впослѣдствіи, когда слава неподражаемаго оратора за Оссолинскимъ твердо упрочилась и онъ выступалъ на сеймахъ съ рѣчью—все замирало". Ille regit dictis,—говорили о немъ пріятели; animos et pectora mulcet,—добавляли недоброжелатели [2]).

За посольство въ Англію, успѣшно выполненное, Оссолинскій получилъ отъ короля староство Радомицкое, за участіе въ войнѣ прусской староство Андзельское, за участіе въ переговорахъ при заключеніи мира съ Швеціею подстольство коронное. Но возвысился Оссолинскій только въ самомъ концѣ царствованія Сигизмунда III, точнѣе сказать—при самой его кончинѣ, благодаря всесильной въ то время при дворѣ паннѣ Урсулѣ Майеринъ, усерднѣйшей въ теченіе многихъ лѣтъ слуги короля, замѣнявшей его дѣтямъ вторую мать. При одрѣ умирающаго короля Оссолинскій получилъ должность подскарбія (казначея) надворнаго, занимаемую предъ тѣмъ его тестемъ Яномъ Даниловичемъ, а этотъ перемѣщенъ былъ на должность подскарбія короннаго [3]). Обѣ эти должности, высокія сами по себѣ, пріобрѣтали необыкновенно важное значеніе во время междуцарствія въ Польшѣ: надворный подскарбій въ это время получалъ доходы съ королевскихъ имѣній и, совмѣстно съ подскарбіемъ короннымъ, расходовалъ ихъ. Если примемъ во вниманіе, что Сигизмундъ III скончался имѣя долги, обремененъ былъ долгами и королевичъ Владиславъ, а между тѣмъ послѣднему нужны были средства для поддержанія своей кандидатуры на престолъ,—то поймемъ, какъ важно было для семьи покойнаго короля имѣть въ подскарбіяхъ лицъ, расположенныхъ къ ней. Безъ сомнѣнія, преданная королевскому дому Урсула хорошо понимала это и, надо полагать, вошла въ соглашеніе съ Оссолинскимъ, предоставляя ему означенную должность. Какъ бы то ни было, Оссолинскій оказался самымъ удобнымъ для Владислава казначеемъ: сокровищница государственная была всегда открыта для него, и вообще оба подскарбія во время междуцарствія сильно радѣли предъ сеймовыми депутатами объ умноженіи королевскаго скарба. Съ этого времени прежнее,

---

[1]) Ierzego Ossolinskiego, kanclerza wielkiego koronnego, autobiografia, obejmuiąca perwszych 26 lat iego życia. (*Biblioteka Ossolinskich.* Zbior materyalow do Historyi Polskiey. Zeszyt III. Lwow, 1876), str. 127. Оссолинскій заявляетъ, что „drukarz (его рѣчи) jednego dnia kilkanascie tysięcy egzemplarzow przedal".

[2]) Jerry Ossolinski. Kubala, t. I, str. 40.

[3]) Pamiętniki Radziwiłła. I. 8—9.

давнее нерасположеніе Владислава къ Оссолинскому замѣнилось большою пріязнію. Во время елекціи онъ сдѣлалъ его своимъ частнымъ министромъ, а когда вступилъ на престолъ, то сразу же наградилъ по-царски, чѣмъ вызваны были и удивленіе и зависть съ разныхъ сторонъ. Король подарилъ Оссолинскому свой палацъ въ Варшавѣ, саблю, стоющую 10.000 злотыхъ, шесть великолѣпныхъ коней, 60,000 злотыхъ готовыми деньгами, великолѣпныя украшенія, которыми были обиты во время коронаціи хоры въ Краковскомъ костелѣ, и кромѣ того (что возбуждало наибольшую зависть) ему продоставлено было одно изъ наибогатѣйшихъ старостовъ — староство Быдгоское.

Какъ человѣкъ умный, образованный, съ опытностью искуснаго дипломата соединявшій счастливый даръ краснорѣчія, Оссолинскій — какъ мы сказали — былъ самымъ подходящимъ человѣкомъ для предназначенной ему миссіи. Правда, онъ считался добрымъ католикомъ и однимъ изъ ревностнѣйшихъ противниковъ иновѣрцевъ. Во время преній на конвокаціонномъ сеймѣ по вопросу объ успокоеніи диссидентовъ, онъ, обращаясь къ послѣднимъ, произнесъ слѣдующія знаменательныя слова, не разъ потомъ повторявшіяся рьяными папистами и сдѣлавшіяся какъ бы классическими въ устахъ ультра католической партіи: „Религія ваша — пришлецъ (przychodniem iest) у насъ; вѣра же католическая — госпожа и хозяйка въ дому своемъ. Берите, что дается вамъ изъ милости; мы скорѣе пожертвуемъ своею жизнью и имуществомъ, нежели допустимъ вамъ свободно распоряжаться въ Польшѣ“ [1]). Тѣмъ не менѣе, какъ человѣкъ въ высшей степени честолюбивый, стремившійся къ почестямъ и желавшій играть видную роль въ государствѣ, — что возможно было только заручившись расположеніемъ короля, — Оссолинскій нашелъ для себя болѣе удобнымъ содѣйствовать предначертаніямъ Владислава IV и слѣдовать его политикѣ по вопросамъ государственнымъ. Щедрыя милости короля окончательно утвердили Оссолинскаго въ этой мысли, и онъ со времени коронаціоннаго сейма дѣлается какъ бы правою рукою Владислава.

Королемъ даны были Оссолинскому инструкціи и письменная (составленная при его же участіи) [2]) и устная, *секретная*. Послу поручалось подвергнуть къ стопамъ св. отца полную покорность

---

[1]) Ibid. t. I, str. 50.—Срав. *Прилож.* къ I т. сочиненія: Кіевскій митроп. П. Могила и его сподвижники, стр. 472.

[2]) Письменная инструкція Оссолинскому въ копіи хранится въ библ. Оссолинскихъ во Львовѣ. № рукоп. 225 (Kubal. I. 281).

со стороны новаго короля и заявить о самыхъ благихъ его намѣреніяхъ по вопросамъ религіознымъ; обѣщать отъ его имени, что онъ не только будетъ заботиться объ обращеніи въ лоно католицизма польскихъ схизматиковъ, но постарается привлечь къ подножію апостольскаго престола Швецію и Москву, противъ которыхъ готовится къ войнѣ. Король желаетъ только, чтобы св. отецъ въ настоящее время не противился тѣмъ временнымъ уступкамъ схизмѣ, которыя вызваны были крайнею необходимостью, и не изрекалъ осужденія на его королевскую присягу по данному вопросу.

Кромѣ этой главнѣйшей цѣли посольства, были и другія довольно щекотливыя просьбы къ папѣ, какъ-то: объ урегулированіи „десятинъ", о воспрещеніи духовнымъ лицамъ пріобрѣтать помѣстья и, въ особенности, о процессѣ Краковской академіи съ іезуитскою коллегіею, основанною въ Краковѣ въ ущербъ интересамъ мѣстной академіи, а между тѣмъ получившею соотвѣтственную ея желаніямъ привилегію отъ папы.

Посольство Оссолинскаго отличалось необычайною, невиданною дотолѣ ни въ Польшѣ, ни въ Римѣ пышностью. Въ его свитѣ (съ прислугою) было до 300 человѣкъ. Въ то время съ большою помпою и блескомъ отправлялъ посольства французскій дворъ; но Оссолинскій рѣшился въ этомъ отношеніи затмить самихъ французовъ, и что послѣдніе имѣли сдѣланнымъ изъ серебра, онъ желалъ имѣть изъ золота; что они изъ золота—онъ изъ драгоцѣнныхъ камней; что тѣ изъ драгоцѣнныхъ камней—онъ изъ діамантовъ (алмазовъ). Реляціи и появившіяся тогда описанія въѣзда въ Римъ Оссолинскаго, дѣйствительно, имѣютъ какой-то почти сказочный характеръ. Между прочимъ, въ нихъ разсказывается что кони въ свитѣ посла имѣли подковы изъ чистаго золота, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ были умышленно плохо прикрѣплены и распадались въ отдѣльные куски на „добычу уличной черни [1]).

Эта сказочная роскошь не была слѣдствіемъ одного обычнаго у поляковъ гонора, разсчетъ у Оссолинскаго могъ быть и болѣе тонкій: поразить столицу св. Петра видимыми знаками богатства, славы и могущества того государя, который, въ лицѣ своего посла, столь покорно преклоняетъ свою главу къ подножію папскаго престола. Оссолинскій надѣялся чрезъ блескъ своего посольства достиг-

[1]) Реляціи о въѣздѣ Оссолинскаго въ Римъ см. у Kubala т. I, примѣч. на стр. 281.—Въ числѣ подарковъ папѣ Оссолинскій, между прочимъ, везъ якобы *подлинный привилей Константина Великаго* (diploma donationis), хранившійся въ Московской царской сокровищницѣ и захваченный поляками во время занятія ими Москвы.

нуть большей уступчивости относительно своихъ просьбъ со стороны папы и лицъ его окружающихъ: этотъ блескъ былъ какъ бы удачнымъ приступомъ къ его дипломатической задачѣ. Дѣйствительно, Оссолинскій сразу же окруженъ былъ исключительнымъ вниманіемъ со стороны папы и его придворнаго штата.

3 декабря 1633 года (послѣ предварительныхъ переговоровъ Оссолинскаго съ кардиналами) назначена была послу аудіенція у папы, состоявшаяся при самой блестящей обстановкѣ. Приведемъ нѣкоторыя выдержки изъ рѣчи Оссолинскаго предъ Урбаномъ VIII, преимущественно касающіяся интересующаго насъ вопроса.

Начавъ свою рѣчь заявленіемъ, что Владиславъ IV, могущественнѣйшій монархъ, носящій на своей главѣ три царскія короны—польскую, шведскую и московскую, въ лицѣ его, посла, съ покорностью упадаетъ предъ столицею апостольскою, предпочитая всякимъ тріумфамъ благоговѣйныя службы сей столицѣ и цѣлованіе ногъ папскихъ, указавъ затѣмъ на военные подвиги Владислава, сдѣлавшіе его имя извѣстнымъ всему свѣту, ораторъ продолжалъ: „Такимъ образомъ, всѣ народы, населяющіе сѣверъ Европы отъ Карпатъ до Каспійскаго моря, отъ Ледовитаго океана до моря Чернаго— все это, отче святый, за преклоненіемъ Владислава, упадаетъ предъ твоимъ трономъ, ибо всѣ тѣ народы или по праву наслѣдственному, или, какъ покоренные оружіемъ, признаютъ его своимъ государемъ. Между ними всѣми первое мѣсто по справедливости принадлежитъ Польшѣ, которая какъ властителямъ своимъ добровольно подчиняется, такъ и религію и благочестіе, не чрезъ насиліе или угрозы, благоговѣйно сохраняетъ. Сія то Сармація, недоступная римскому оружію, въ настоящее время покорилась римской вѣрѣ; она, нѣкогда столькихъ суевѣрій кормительница, нынѣ единаго Бога служительница; она, ревностнѣйшій стражъ вольности, никогда не удручаемая ярмомъ, въ настоящее время бискупамъ и столицѣ апостольской наипокорнѣйшій слуга,—Польша, говорю, которая одна на свѣтѣ не производитъ уродствъ. Не вышло изъ нея ни одной ереси, ни одного отступничества, а если и тамъ находятся зараженные недугомъ сосѣднихъ народовъ, то таковые немедленно суровою правъ нашихъ карою и пятномъ вѣчнаго безчестія отъ цѣлости шляхты пребываютъ отсѣченными. Кто только прочитаетъ узаконенія, при королѣ Ягелло установленныя, а по обычаю отечественному соизволеніемъ всего рыцарства утвержденныя, тотъ признаетъ, что клятвы ни одного собора строже не относились къ ереси. И хотя въ настоящее время мы склонны отчасти потворствовать несчастному времени и братской любви, никогда однако не допускали и не допустимъ уничтожить означенныхъ узаконеній, желая дать свидѣтель-

ство потомству. что устойчивость отечества и правъ нашихъ основываемъ на цѣлости единой религіи. Даже въ оное недавнее, плачевное для Рѣчи Посполитой время, когда мы короля Сигизмунда—живой образъ благочестія съ земли на небо взятый—оплакивали, ты увидѣлъ бы, отче наисвятѣйшій. цѣлый сеймъ, сенатъ и народъ польскій, наиболѣе борьбою за религію и съ соотечественниками своими, зараженными ересью, занятымъ, нежели заботящимся о безопасности отчизны и объ избраніи новаго короля. Ревность свѣтскихъ чиновъ дополняла заботливость бискуповъ и заслужила какъ отъ нихъ, такъ и отъ твоего апостольскаго посла публичныя благодарности".

Указавъ затѣмъ на почетное положеніе, которое занимаетъ въ Польшѣ католическое духовенство, на выдающуюся религіозность польскаго народа, наконецъ на то, что Рѣчь Посполитая всегда была опорою вторженій въ католическія государства со стороны враговъ христіанства турокъ, и вообще выставивъ на видъ могущество Польши,—Оссолинскій, отъ имени отечества, къ стопамъ св. отца припадающаго, благодарилъ папу за его содѣйствіе при избраніи короля, подчеркивая при этомъ, что выборъ этотъ для римскаго престола долженъ быть наиболѣе желателенъ. „Чрезъ тебя,—говорилъ Оссолинскій,—величайшій изъ папъ, Польша имѣетъ Владислава, Владиславъ Польшу, а ты обладаешь обоими. И ты, при помощи Божіей, узришь еще предъ своею столицею одичалыхъ львовъ Скандинавскихъ, усмиренныхъ могучею рукою Владислава, узришь предъ собою отщепенцевъ отъ верховнаго пастыря и замкнешь ихъ въ своей овчарнѣ: ибо вышелъ на ловитву сынъ твой, дабы насытить тебя и голодъ твой, жаждущій славы Наивысшаго, утолить, и дабы тамъ обнаружить начало своего царствованія, гдѣ есть надежда возмѣстить потери, какія понесли небо и церковь"... Рѣчь заканчивается завѣреніемъ въ покорности апостольскому престолу Владислава, который всегда готовъ слѣдовать его указаніямъ въ дѣлахъ религіозныхъ[1]).

Рѣчь Оссолинскаго произвела глубокое впечатлѣніе на окружающихъ и чрезвычайно понравилась папѣ: „и Цицеронъ не могъ бы сказать лучше",—заявилъ онъ одному изъ своихъ приближенныхъ, находившемуся во время аудіенціи вблизи папскаго трона [2]). „Лучшаго посла и выбрать было нельзя—писалъ онъ впослѣдствіи Владиславу IV, благодаря его за посольство и осыпая при этомъ

---

[1]) Рѣчь Оссолинскаго передъ папою издана была тогда же (въ 1633 г.) въ Римѣ; затѣмъ перепечатываема была нѣсколько разъ. Издаваема была въ переводѣ и на польскій языкъ. Помѣщена она (на латинскомъ и польскомъ языкахъ) и у Богомольца, по указ. изданію на стр. 257—261 и 311—316.

[2]) Jerry Ossollinski, Kubala, I, 88, гдѣ указанъ и первоисточникъ.

похвалами Оссолинскаго [1]). Пріязненныя отношенія къ всесильному въ то время кардиналу Барбарини и другимъ вліятельнымъ римскимъ сановникамъ установились у Оссолинскаго еще ранѣе папской аудіенціи, почти тотчасъ же по пріѣздѣ его въ Римъ. Такимъ образомъ, возложенная на посла миссія началась при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ.

Относительно изложенныхъ въ королевской инструкціи петицій учреждены были особыя коммиссіи, причемъ кардиналъ Барбарини предоставилъ Оссолинскому самому избрать въ нее членовъ изъ римскихъ кардиналовъ для совмѣстнаго обсужденія петицій съ членами посольства. Всѣ, хотя и весьма важныя, но все-таки второстепенныя просьбы короля были удовлетворены, даже щекотливое дѣло о закрытіи іезуитской коллегіи въ Краковѣ. Но самое главное и существенное желаніе короля — вопросъ объ успокоеніи православныхъ, одобреніе пактовъ конвентовъ, встрѣтило въ коммиссіи „непреодолимыя препятствія". „Назначена была для разсужденія объ этомъ предметѣ — писалъ Оссолинскій впослѣдствіи — конгрегація изъ четырехъ кардиналовъ, четырехъ прелатовъ и четырехъ канониковъ. Не было недостатка въ стараніи, чтобы найти способъ удовлетворить желаніе короля, съ великимъ тщаніемъ разработывали этотъ вопросъ во время моего пребыванія въ Римѣ, въ теченіе цѣлыхъ пяти недѣль, однако не могли найти средства, какимъ бы образомъ апостольская столица оказала хоть бы и *слабѣйшее подобіе* (najmniejsze podobieństwo) своего участія въ возвращеніи церковныхъ бенефицій схизматикамъ. Просилъ ксендза суффрагана гнѣзненскаго, секретаря посольства, не уѣзжать изъ Рима до самаго окончанія этого дѣла, но и онъ ничего не могъ сдѣлать, такъ какъ препятствіе состояло въ томъ, что (римскій) костелъ не только не могъ одобрить, *но и согласиться* на возвращеніе духовной власти тѣмъ, которые отлучились отъ единенія съ нимъ; напротивъ того, каждый пастырь, согласно божественному закону, повиненъ душу положить за стадо свое" [2]).

Дѣйствительно, съ суровою непреклонностью формулировано было окончательное постановленіе конгрегаціи относительно успокоенія православныхъ согласно со статьями успокоенія. Конгрегація не только не нашла возможнымъ исполнить желаніе короля, какъ оно выражено было въ данной Оссолинскому инструкціи, т. е. *одобрить* означенныя статьи, но съ рѣшительностью отклонила и болѣе умѣ-

---

[1]) *Theiner*, Vetera, monum. Polon. et Lithuaniae. T. III. № CCCLIX, pag. 408.

[2]) Jerzy Ossolinski, Kubala. I. 90.

ренное предложеніе, исходившее отъ лица о. Валеріана (капуцина),—одного изъ близкихъ къ Владиславу IV духовныхъ лицъ, находившагося въ свитѣ Оссолинскаго,—предложеніе дать *молчаливое согласіе* на просьбу короля. Конгрегація заявила, что апостольскій престолъ не можетъ въ этомъ дѣлѣ молчать и бездѣйствовать (silere aut dissimulare), напротивъ долженъ въ виду предстоящаго сейма всячески противодѣйствовать (repugnare et contradicere) домогательствамъ схизматиковъ, побуждая къ протестамъ какъ нунція въ Польшѣ, такъ и всѣхъ католиковъ, въ особенности прелатовъ. Въ этомъ смыслѣ рѣшено было дать инструкцію нунцію и вообще наблюдать, чтобы интересы уніатовъ польскихъ не пострадали на предстоящемъ сеймѣ [1]).

Это окончательное рѣшеніе конгрегаціи, состоявшееся уже послѣ отъѣзда Оссолинскаго изъ Рима, было имъ предвидѣно; тѣмъ не менѣе онъ отъѣзжалъ со спокойною душою: то, чего онъ никакими усиліями не могъ достигнуть у римскихъ прелатовъ, того достигъ у самого папы. Послѣдній далъ Оссолинскому согласіе удовлетворить главную просьбу короля въ томъ смыслѣ, что никакой грозной грамоты съ осужденіемъ дѣйствій Владислава въ Польшу не воспослѣдуетъ, и что рѣшеніе конгрегаціи (разумѣется, папѣ заранѣе извѣстное) будетъ имъ задержано до окончанія сейма. Словомъ, папа далъ то *молчаливое согласіе*, которое предлагалось о. Валеріаномъ и на которое, безъ сомнѣнія, только и могъ разсчитывать польскій король Что дѣйствительно такое обѣщаніе папою было дано и притомъ исполнено, это—думаемъ—едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Въ грамотѣ Владислава, выданной уніатамъ непосредственно послѣ сейма 1635 года (14 марта), между прочимъ, говорится, что онъ, король, радѣя объ общественномъ благѣ, озабоченъ былъ примиреніемъ людей греческой религіи и способы для такого примиренія пріостановилъ было до рѣшенія св. отца, но такъ какъ св.

---

[1]) *Theiner.* Vetera monum. Polon. et Lithuaniae, t. III. № CCCLXIX. Здѣсь, въ протестаціи нунція Филонарда, занесенной противъ сеймовой конституціи 1641 г. о религіи греческой, приводится только *начало* постановленія папской конгрегаціи, вызваннаго просьбою Владислава IV къ Римскому престолу относительно соизволенія на „статьи успокоенія". Въ полномъ видѣ означенное постановленіе находится въ рукоп Сборникѣ, принадлежавшемъ преосв. Макарію, а нынѣ находящемся въ библіотекѣ Кіев. Дух. Академіи подъ № Аа. 210). (См. стр. 63).—Въ Архивѣ Греко-уніат. митрополитовъ при св Синодѣ, въ переплетенной книгѣ подъ № VIII, находятся постановленія папской конгрегаціи по означенному вопросу, состоявшіяся 5, 22, и 30 декабря 1633 г., 27 января, 2, 4 и 5 февраля 1634 г. 27 января 2, 4 и 5 февраля 1634 г.

отецъ съ своимъ рѣшеніемъ замедлилъ и никакой опредѣленной декларацiи не учинилъ (iż oycìec ś. iudicium swoie suspendit y żadney deklaracyi rzetelney nie uczynił), а на сеймѣ иначе нельзя было приступить къ разсужденiямъ объ охранѣ Рѣчи Посполитой и другимъ дѣламъ,—то и пришлось уступить людямъ, не въ унiи находящимся,—и т. д.[1]) Тоже самое заявляетъ и подканцлеръ коронный Ѳома Замойскiй въ подписѣ своемъ подъ протестомъ латино-унiатовъ относительно сеймовой конституцiи 1635 г. (iż oycìec ś. iudicium suum suspendit) 2).

Надо полагать, что обаянiе, произведенное въ Римѣ Оссолинскимъ, и выставленная имъ заманчивая перспектива загнать въ папскую овчарню „одичалыхъ скандинавскихъ львовъ", въ связи съ распространившимися слухами объ удачахъ Владислава IV въ начатыхъ имъ военныхъ дѣйствiяхъ противъ Москвы, и были главною причиною *необычайной* (принимая во вниманiе извѣстные взгляды папскаго престола относительно схизмы) уступчивости Урбана VIII

Оссолинскiй уѣхалъ изъ Рима, осыпанный папскими милостями и, посѣтивъ еще, тоже по порученiю Владислава, нѣкоторые владѣтельные дворы,—въ мартѣ 1634 года возвратился на родину. Король чрезвычайно былъ доволенъ результатами посольства въ Римъ и вновь щедро наградилъ своего фаворита. Реляцiю о своей миссiи въ Римъ Оссолинскiй доложилъ шляхтѣ на сеймѣ 1635 года.

Этотъ, съ нетерпѣнiемъ ожидаемый православными, сеймъ назначенъ былъ на 31 января и, открывшись въ назначенное время, продолжался шесть недѣль (до 14 марта)[3]). Подробныхъ свѣдѣнiй объ немъ не имѣется. Но ходъ дѣла на сеймѣ по вопросу объ успокоенiи православныхъ въ общихъ чертахъ можетъ быть возстановленъ.

Почти тотчасъ же по открытiи сеймовыхъ засѣданiй, православные, согласно даннымъ имъ инструкцiямъ, заявили свое требованiе объ *окончательномъ успокоенiи ихъ религiи*, причемъ, разумѣется, выставляли на видъ данное имъ на коронацiонномъ сеймѣ обѣщанiе, что на первомъ слѣдующемъ сеймѣ ни къ чему не будетъ при-

---

[1]) Археогр. сборникъ документовъ сѣверо-зап. Руси, II, № 44.

[2]) Тогoвременный печатный экзем. означенной протестацiи находится въ музеѣ князей Чорторижскихъ въ Краковѣ.

[3]) Первымъ послѣ коронацiоннаго сеймомъ былъ общiй сеймъ въ Варшавѣ, созванный на 19 iюля 1634 года. Но это былъ сеймъ двухъ-недѣльный (обычно сеймы продолжались шесть недѣль) и созванъ былъ, какъ говорится въ началѣ конституцiи, составленной на немъ, „pominąwsy zwykłe solennitates" вслѣдствiе угрожавшей опасности отъ турокъ. Разсужденiй о религiозныхъ дѣлахъ на этомъ сеймѣ не было (см. сеймовую конституцiю подъ означеннымъ годомъ).

ступлено, пока не воспослѣдуетъ утвержденіе „статей успокоенія". Латино-уніатская партія по обычаю указывала на несовмѣстимость такихъ требованій съ католическими традиціями и исполненіе ихъ ставила въ зависимость отъ соизволенія папы. Сеймовые депутаты пожелали ознакомиться съ результатами посольства по этому поводу въ Римъ, и 14 февраля Оссолинскій „чинилъ публичную реляцію по этому предмету" [1]). Мы уже сказали, что опредѣленнаго рѣшенія папою относительно „статей успокоенія" не было дано, или точнѣе, суровое опредѣленіе по сему предмету римской конгрегаціи временно было имъ задержано. Это обстоятельство сторонниками *успокоенія религіи* (а такихъ было немало и между благоразумными католиками) могло быть изъясняемо въ смыслѣ *молчаливаго согласія* римскаго престола на статьи успокоенія; противоположное толкованіе „о намѣреніяхъ св. отца" дѣлаемо было—и оно, разумѣется, болѣе согласовалось съ дѣйствительностью—ультра-католическою партіею. Словомъ, начались обычныя, нескончаемыя препирательства между сеймовыми депутатами. Не подлежитъ сомнѣнію, что король и въ это время, какъ на предшествовавшихъ сеймахъ, употреблялъ все свое вліяніе къ благополучному окончанію сейма, а оно возможно было только при удовлетвореніи просьбъ православныхъ, съ непоколебимою твердостью заявлявшихъ, что они „не приступятъ ни къ какимъ разсужденіямъ, если не будутъ исполнены данныя имъ обѣщанія". Безъ сомнѣнія, король входилъ въ личныя объясненія и съ православными, склоняя ихъ на нѣкоторыя уступки уніатамъ частнаго характера (относительно церковныхъ бенефицій), и съ представителями латино-уніатской церкви, убѣждая ихъ подчиниться требованіямъ противной стороны, и съ вліятельными свѣтскими чинами, указывая имъ на опасность, какая предстоитъ Рѣчи Посполитой въ случаѣ неутвержденія сеймомъ „статей успокоенія". Происходили по этому вопросу и частныя засѣданія заинтересованныхъ въ семъ дѣлѣ лицъ въ присутствіи представителей отъ особы короля. Религія греческая—пишетъ С. Радзивиллъ въ своемъ дневникѣ подъ 26 февраля—имѣла частное засѣданіе, на которомъ и я долженъ былъ быть *по приказанію короля* [2]). Есть извѣстіе, что въ это врмя православные—подобно тому какъ на конвокаціонномъ и избирательномъ сеймахъ—вошли въ соглашеніе съ *диссидентами*, дабы общими усиліями содѣйствовать успокоенію религіи. Находится намекъ и на то, для чего нашему митрополиту нужны были большія денежныя средства для сеймовыхъ поѣздокъ и куда уходила

---

[1]) Pamiętniki Radziwiłła. I. 232.

[2]) Ibid. I. 234.

значительная часть „его отеческаго достоянія" и матеріальныхъ вспомоществованій отъ паствы. Въ реляціи нунція Висконти, посланной въ 1636 году къ кардиналу Барбарини о положеніи дѣлъ въ Польшѣ, о сеймѣ 1635 года, между прочимъ, сообщаются такія свѣдѣнія: „дизуниты на прошломъ сеймѣ, *соединившись съ диссидентами*, употребляли всевозможныя козни, наихитрѣйшія вслѣдствіе лукавой злости греческой, чтобы достигнуть цѣли своихъ злоумышленій; угрожали даже, что употребятъ насиліе (użyią gwałtu), и если не взялись за оружіе (nie rzucili się do żelaza), то потому только, что имъ удобнѣе было *вести борьбу посредствомъ золота, которое вслѣдствіе корыстолюбивой алчности здѣшнихъ католиковъ, попало не къ одному Іудѣ*. Не довольствовались (православные) немногимъ, но, отвергнувши всякое соглашеніе, хотѣли совершенно искоренить унію, отнять отъ нея наилучшія бискупства, монастыри, церкви, имущества церковныя и присвоить оныя схизмѣ, а также позакладывать новыя и чрезъ то такъ упрочить ее, чтобы никогда не могла ниспровергнуться.... Вслѣдствіе такого насильственнаго преслѣдованія, *малой склонности и преданности шляхты къ уніи* и причинъ, въ другихъ мѣстахъ этого письма указанныхъ, нельзя было избѣжать многихъ потерь; напротивъ того, умнѣйшіе католики да и сами даже уніаты, существенные интересы которыхъ были здѣсь замѣшаны, доселѣ не могутъ надивиться, что корабль, обуреваемый такимъ волненіемъ, не потонулъ окончательно" [1]).

8 марта цѣлый день сеймъ занятъ былъ разсужденіями о греческой религіи „и всѣ согласились—какъ заявляетъ Радзивиллъ—на то, чтобы и унія и схизма permissive свое богослуженіе (nabożeństwo) отправляли. Не знаю—съ грустью прибавляетъ сей добрый католикъ: подтверждаетъ ли небо этотъ терминъ permissive. Я одинъ не могъ преодолѣть этого, протестуя и духовнымъ выставляя на видъ тревожное сомнѣніе, что нужно страшиться того термина permissive: какъ бы оный страшный Судія не допустилъ такихъ (согласившихся на уступки православныхъ) до неба prohibitive, а не отослалъ до пекла permissive [2]).

Но этотъ терминъ permissive отнюдь не желателенъ былъ и для православныхъ, которые, не подлежитъ сомнѣнію, возставали противъ него, видя здѣсь важное ограниченіе возстановляемыхъ правъ своей церкви. Дѣйствительно, въ сеймовую конституцію терминъ этотъ

---

[1]) Relacye nunciuszow Apostolskich i innych osob o Polsce. II, str. 264—265.

[2]) Pamiętniki Radziwiłła. I, 239.

не былъ внесенъ. Означенная конституція по вопросу объ успокоеніи греческой религіи дословно гласила слѣдующее: „Удовлетворяя Pactis Conventis и поручительству, данному во время счастливой нашей коронаціи относительно успокоенія и умиротворенія подданныхъ нашихъ, обывателей коронныхъ и Вел. Княжества Литовскаго религіи греческой, мы установленное, согласно съ пунктами, составленными при нашемъ избраніи, примиреніе (zgodę) приводимъ въ исполненіе и на будущее время, руководствуясь сими пунктами, обѣщаемъ отъ имени своего и нашихъ преемниковъ охранять какъ находящихся въ единеніи (съ римскою церковью), такъ и не находящихся въономъ, на основаніи сего установившагося закона. Доброжелательствуя же сему примиренію, мы повелѣли выдать имъ на нынѣшнемъ сеймѣ привилегіи въ знакъ достовѣрнаго обезпеченія (договоровъ) за подписомъ нашей руки и нашими печатями. Также всѣ процессы и тяжбы, начатые съ обѣихъ сторонъ изъ-за религіи и вышеупомянутыхъ статей, предаемъ вѣчному забвенію и уничтожаемъ, возобновляя обѣщаніе, подробно изложенное въ конституціи 1609 года“ [1]).

По окончаніи сейма Владиславомъ IV, на основаніи ставшей закономъ конституціи, выдано было 14 марта двѣ основныхъ привилегіи: одна уніатамъ, а другая православнымъ.

Въ привилегіи, данной уніатамъ, отъ имени короля говорилось слѣдующее:

„Объявляемъ всѣмъ, кому о томъ знать слѣдуетъ, теперешнимъ и будущимъ (людямъ): такъ какъ мы, радѣя о благѣ общественномъ, приняли на себя трудъ водворить миръ между людьми греческой религіи и способы для осуществленія этого пріостановили было до рѣшенія (do deklaracyey) св. отца; но поелику св. отецъ замедлилъ съ своимъ сужденіемъ и никакого опредѣленнаго рѣшенія не учинилъ, а между тѣмъ на сеймѣ иначе (т. е., не удовлетворяя просьбамъ православныхъ) невозможно было приступить къ охранѣ Рѣчи Посполитой и другимъ дѣламъ, то и пришлось намъ уступить людямъ, не находящимся въ уніи, что сдѣлано нами не съ цѣлью одобренія правъ схизмы, но ради общественнаго блага. Посему и настоящее свидѣтельство наше даемъ въ томъ, что мы къ людямъ, находящимся въ уніи съ костеломъ римскимъ, исполнены благосклонности и расположенія и сохраняемъ за ними митрополію и принадлежащія къ ней имѣнія на вѣчныя времена. При уніатахъ же должны оставаться навсегда архіепископство полоцкое,

---

[1]) См. сеймовую конституцію подъ означеннымъ годомъ.

бискупства владимірское, пинское, холмское и смоленское съ монастырями, церквами и имѣніями имъ принадлежащими; за уніатами также должны оставаться навсегда Виленскій монастырь св. Троицы съ братствомъ, съ церковью св. Пятницы и съ принадлежащими къ нимъ фундушами монастыри—гродненскій, жидичинскій, могилевскій, минскій, новогрудскій, онуфріевскій, мстиславскій-пустынскій, полоцкій, брацлавскій, лещинскій и другіе, которые находятся въ настоящее время въ ихъ владѣніи. А въ Витебскѣ, Полоцкѣ и Новогрудкѣ неуниты никогда не должны имѣть ни одной церкви. Удостовѣряемъ также за себя и наияснѣйшихъ преемниковъ нашихъ, что епископства тѣ, архимандритства, игуменства, мы и преемники наши не будемъ отдавать никому иному, какъ только заслуженнымъ базиліанскимъ законникамъ (монахамъ), держащимся правилъ св. Василія, которыхъ теперешній митрополитъ унитъ и его преемники, униты, будутъ предлагать намъ и преемникамъ нашимъ (для утвержденія въ должностяхъ)" [1]).

---

[1]) Означенная грамота напечатана: въ *Археограф. сборникѣ документовъ относящихся къ Сѣверо-Зап. Руси* два раза,—въ т. I подъ №№ 138—141 въ ряду другихъ грамотъ, данныхъ уніатамъ, и во II т. подъ № 44 отдѣльно; у Островскаго въ III т. его сочиненія—Dzieje y prawa kosciola Polskiego (стр. 496—498) и у Кулѣша въ соч. *Wiara Prawosławna* (изд. 1704 г., стр. 261—262).

Во всѣхъ этихъ изданіяхъ грамоты, кромѣ незначительныхъ разнорѣчій, происшедшихъ отъ неудачнаго прочтенія нѣкоторыхъ мѣстъ и по смыслу легко возстановляемыхъ, есть *существенное* разногласіе въ названіи одного монастыря, предназначаемаго уніатамъ. Въ Археограф. сборникѣ т. II (стр. 61) онъ называется *Płystynski*, въ I т. того же сборника (стр. 357)—*Płyszynski*, у Островскаго и Кулѣша: *Pustynski*. Преосв. Макарій въ своей исторіи церкви (XI, 476) отдаетъ предпочтеніе первому изъ указанныхъ чтеній: *Плытинскій*. Но такого монастыря не было. Безъ сомнѣнія, должно признать правильнымъ чтеніе Островскаго и Кулѣша, но предварительно сдѣлавъ къ нему *хотя и корректурную, но весьма важную поправку*,—именно между:*Mscislawski*, *Pustynski*, слѣдуетъ уничтожить запятую, т. е. въ данномъ случаѣ разумѣются не два монастыря, а одинъ: *Мстиславскій-Пустынскій*. Такой монастырь дѣйствительно существовалъ и находился недалеко отъ Мстиславля. Свѣдѣнія о немъ восходятъ къ концу XV стол. 14 сент. 1499 года Мстиславскій князь Михаилъ Ивановичъ по челобитью игумена и братіи *„пречистой Богоматери зъ Пустынки"* позволилъ имъ призывать и селить на монастырской землѣ людей, съ освобожденіемъ ихъ отъ урядоваго и владычняго суда и повинностей (А. З. Р. т. I. № 177, стр. 201). Дальнѣйшія документальныя данныя объ означенной обители см. А. З. Р. т. I №№ 215, 217 Ibid. т. II, №№ 21 63, 142 и 162 Ibid. т. III №№ 23, 98. Бѣлорусскій Архивъ (Москва, 1824) ч. I. № 31. Археогр. Сборникъ Сѣверо-Зап. Руси. Т. II. №№ 9—11, 15—16.—На Замостьскомъ соборѣ означенный монастырь предназначенъ былъ для резиденціи уніатскаго смоленскаго архіепископа.

Выданная православнымъ привилегія гласила слѣдующее:

„Объявляемъ всѣмъ, кому слѣдуетъ, что мы, пребывая вѣрными статьямъ примиренія между унитами и неунитами греческаго обряда, которыя составлены во время счастливой нашей елекціи и утверждены конституціею настоящаго сейма,—помимо сего опредѣляемъ слѣдующее: На луцкомъ епископствѣ ксіондзъ Почаповскій долженъ пребывать до его смерти, а послѣ его смерти означенное епископство нами будетъ предоставлено со всѣми издревле принадлежащими къ нему имѣніями отцу Пузынѣ, не униту, избранному на оное обывателями волынскими и уже посвященному; а если отецъ Пузына умретъ прежде теперешняго уніатскаго луцкаго владыки, тогда означенная епископія будетъ принадлежать тому, кого волынскіе обыватели, какъ своего електа, намъ представятъ. А когда луцкое епископство будетъ передано неуниту, жидичинская архимандрія немедленно будетъ предоставлена униту, со всѣми имѣніями, издавна къ ней принадлежащими, и съ церковью Пресвятой Троицы, а также дворикомъ, приписаннымъ къ означенной архимандріи. Селенія Теренки, Седмярки и Теремки, которыми отецъ Пузына владѣетъ пожизненно, по вступленіи его на луцкую епископію имѣютъ оставаться при той же епископіи, какъ во владѣніи его самого (Пузыны), такъ и его преемниковъ, неунитовъ. — Равнымъ образомъ по смерти ксендза Аѳанасія Крупецкаго, перемышльскаго владыки, мы передадимъ это епископство съ имѣніями тому, кого изберутъ перемышльскіе обыватели и намъ представятъ. Для резиденціи же теперешняго перемышльскаго владыки неунита мы назначаемъ и утверждаемъ монастыри: Спасскій, св. Онуфрія и называемый Смольница со всѣми принадлежащими тѣмъ монастырямъ имѣніями. А когда послѣ смерти ксендза Крупецкаго неунитъ приметъ въ свою власть перемышльское епископство, тогда церкви св. Спаса и св. Николы, находящіяся на перемышльскомъ предмѣстьѣ, съ селеніемъ Шехиномъ, принадлежащимъ къ имѣніямъ епископскимъ,—будутъ переданы униту, единодушно избранному въ епископы находящимися въ уніи, и должны оставаться въ фактическомъ владѣніи того епископа и его преемниковъ.—Гродненскій монастырь съ его имѣніями будетъ принадлежать унитамъ, въ вознагражденіе за что униты уступили неунитамъ монастырь Выдубицкій подъ Кіевомъ

Кстати, сдѣлаемъ одно замѣчаніе. Упомянутая грамота Владислава IV уніатскому духовенству Виленскою Археогр. коммиссіею при изданіи ея (Археогр. Сб. т. II. № 45) снабжена и русскимъ переводомъ. Переводъ этотъ во многихъ мѣстахъ до такой степени далекъ отъ подлинника, что *совершенно переиначиваетъ и искажаетъ его смыслъ*.. Къ чему помѣщать подобные переводы!?

съ имѣніями, издревле къ нему принадлежащими, и перевозомъ.— Также и монастырь св. Спаса въ Могилевѣ съ перевозомъ останется во владѣніи уніатовъ; а церковь св. Креста въ Могилевѣ и селенія Печерскъ. Цвырковъ, Барсуки и Тарасовичи, которыми владѣютъ нынѣ уніаты, также церковь въ Минскѣ, называемая Блаженная (Beata), должны принадлежать неунитамъ.—Отецъ же Петръ Могила, избранный отъ неунитовъ митрополитомъ, какъ владѣетъ архимандріею Печерскою, монастыремъ Никольскимъ и церковью св. Софіи, такъ въ его совмѣстномъ владѣніи все это до конца его жизни и должно оставаться; а послѣ его смерти бенефиціи эти будутъ розданы согласно со статьями примиренія, утвержденными при нашемъ избраніи. — Въ школахъ кіевскихъ и виленскихъ дозволяемъ неунитамъ учить по-гречески и по-латыни, такъ впрочемъ, чтобы свободнымъ наукамъ обучали не далѣе діалектики и логики. А какія церкви предоставлены будутъ унитамъ и неунитамъ коммиссарами, для этого нами назначенными, обѣ стороны должны ихъ рѣшенію быть покорными.—Всѣ процессы, начатые какъ относительно св. Софіи и Никольскаго монастыря, такъ и по другимъ (однороднымъ) дѣламъ между унитами и неунитами, кассуемъ и уничтожаемъ, за исключеніемъ убытковъ и личныхъ обидъ, которые, если существуютъ, могутъ быть предметомъ судебныхъ разбирательствъ.—Исполненіе всего этого мы удостовѣряемъ именемъ нашимъ и нашихъ преемниковъ и посему, на основаніи пунктовъ настоящей привилегіи нашей, какъ униты, такъ и неуниты должны пользоваться своими правами“ [1]).

Уніатскій писатель Островскій, хорошо ознакомленный съ тогоговременными источниками, заявляетъ, что привилегія, данная Владиславомъ IV уніатамъ, была вызвана усиленными просьбами къ королю уніатскаго митрополита Рутскаго, и считаетъ это одною изъ величайшихъ услугъ „сего архипастыря для своей паствы [2])“. Нашъ незабвенный историкъ преосв. Макарій склоненъ смотрѣть на привилегію Владислава уніатамъ, а также и на самую привилегію сего короля православнымъ, какъ на отступленіе отъ статей примиренія, допущенное королемъ въ пользу уніатовъ [3]). Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ дѣятельность короля представляется не совсѣмъ въ вѣрномъ свѣтѣ.

---

[1]) Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. I, т. VI, № CCLXXX в. Рукоп. Кіев. Дух. Акад. (изъ пожертвованныхъ преосв. Макаріемъ № Аа 210, стр. 81. Въ послѣдней грамота (въ переводѣ на латинскій языкъ) съ датою отъ 18 марта 1635 г.,—что относительно числа очевидно должно признать ошибкою.

[2]) *Ostrowski*, Dzieie y prawa Kosciołа Polskiego (изд. 1793 г.) t. III, str. 498.

[3]) Исторія Русск. церкви XI. 475.

Что Рутскій хлопоталъ о выдачѣ уніатамъ привилегіи — это, разумѣется, сомнѣнію подлежать не можетъ [1]). Но выдавая означенную привилегію, король не нарушалъ статей примиренія, узаконеніе которыхъ стоило ему столь великихъ усилій. Статьями примиренія отнюдь не уничтожалась унія (ибо это дѣло было бы, при существовавшемъ порядкѣ вещей, невозможное), а только возстановлялись юридическія права церкви православной съ возвращеніемъ ей извѣстнаго количества храмовъ, съ принадлежащими къ нимъ бенефиціями, находившимися до того времени во владѣніи уніатовъ. Поэтому подтвержденіе правъ уніатской церкви и остававшихся за нею церковныхъ бенефицій было дѣломъ вполнѣ естественнымъ, а съ государственной точки зрѣнія и благоразумнымъ. Разумѣется, непріятное впечатлѣніе производитъ въ привилегіи короля заявленіе, что права даются православной церкви вынужденно и не могутъ быть одобряемы имъ, королемъ; но не слѣдуетъ забывать, что Владиславъ IV былъ католикъ и за свою благосклонность къ православнымъ подвергался постояннымъ нареканіямъ, а потому означенной фразѣ, притомъ явно носящей дипломатическій характеръ, особеннаго значенія придавать не слѣдуетъ.—Что же касается фактическихъ отступленій отъ статей примиренія, отчасти усматриваемыхъ въ привилегіи уніатамъ, а преимущественно въ грамотѣ, данной православнымъ, — то такихъ отступленій дѣйствительно можно указать (и преосв. Макарій указываетъ) нѣсколько. Самое существенное отступленіе состоитъ въ томъ, что по статьямъ примиренія уніатскій луцкій епископъ немедленно долженъ былъ передать епископію со всѣми ея имѣніями православному владыкѣ, а самъ переселиться въ жидичинскій монастырь; между тѣмъ по королевской грамотѣ имѣнія луцкой епископіи пожизненно остаются за луцкимъ уніатскимъ епископомъ Почаповскимъ, а православному владыкѣ до кончины послѣдняго предоставляется жидичинскій монастырь съ нѣкоторыми селами. Затѣмъ, не уничтожается совершенно перемышльская уніатская епископія, что по статьямъ примиренія должно было осуществиться послѣ смерти Аѳанасія Крупецкаго (тогдашняго перемышльскаго епископа). Наконецъ, нѣкоторые монастыри и церкви, предназначавшіеся православнымъ, оставляются по прежнему во владѣніи уніатовъ, а въ трехъ городахъ: Витебскѣ, Полоцкѣ, Ново-

---

[1]) Въ донесеніи папскаго нунція Висконти въ Римъ (1636 г.), между прочимъ, говорится: „Roztropność y gorliwosć metropolity Jos. Rutskiego są waszey przewielebnosci zkąd nąd iuż znane. *ale w tey ważney okoliczności* (рѣчь идетъ о сеймѣ 1635 г.) stàły się dla *każdego pamiętne* (Relacye nunciuszow. t II, str. 265).

грудкѣ православнымъ воспрещалось имѣть даже и по одной церкви, между тѣмъ, по статьямъ примиренія, церкви предполагалось распредѣлить между унитами и неунитами пропорціонально ихъ числу, причемъ относительно Полоцка прямо говорилось, что здѣсь одна церковь, по указанію королевскихъ коммиссаровъ, должна была быть предоставлена православнымъ.

Но вину за означенныя отступленія возлагать на Владислава IV едва ли основательно: безъ сомнѣнія, на эти отступленія дано было согласіе самими православными, вынуждаемыми къ тому обстоятельствами.

Мы видѣли, какое сильное волненіе произвело въ латино-уніатскомъ лагерѣ *юридическое* возстановленіе правъ православной церкви и сколь продолжительна и упорна была борьба изъ-за этого вопроса. Положеніе короля въ качествѣ посредника между враждующими сторонами было крайне затруднительное и при настойчивости однихъ противниковъ (православныхъ), желавшихъ получить возможно болѣе церковныхъ бенефицій, и при упорствѣ другихъ (уніатовъ), стремившихся удержать въ своихъ рукахъ захваченное прежде и поступиться возможно меньшимъ,—дѣло успокоенія греческой религіи не могло совершиться безъ обоюдныхъ уступокъ заинтересованныхъ сторонъ, и—какъ мы видѣли—усилія короля именно и направлены были къ тому, чтобы склонить противниковъ къ этимъ уступкамъ. На многочисленныхъ совѣщаніяхъ короля съ представителями интересовъ православія и уніи происходило до извѣстной степени то же самое, что происходитъ въ наше время на такъ называемыхъ конференціяхъ по дѣламъ замиренія между воюющими сторонами, когда проектируемые пункты мирныхъ условій подвергаются тѣмъ или инымъ измѣненіямъ, вызываемымъ обстоятельствами, причемъ стороны склоняются, точнѣе, вынуждаются къ обоюднымъ уступкамъ во избѣжаніе большихъ, нежелательныхъ осложненій дѣла.—Что въ данномъ случаѣ важнѣйшее изъ указанныхъ нами отступленій отъ статей примиренія (относительно луцкой епископіи) было послѣдствіемъ уступчивости со стороны православныхъ или, точнѣе, добровольнымъ, вызываемымъ сложившимися обстоятельствами, соглашеніемъ ихъ съ уніатами, притомъ небезвыгоднымъ для обѣихъ сторонъ,—объ этомъ мы говорили уже выше. Безъ сомнѣнія, желаніе благополучно окончить свое дѣло, то есть юридически закрѣпить за своею церковью нарушенныя въ предшествовавшее царствованіе права ея, было причиною согласія православныхъ и на другія упомянутыя нами отклоненія отъ статей примиренія, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ этихъ отклоненій могли быть даже и желательны

для православныхъ (напримѣръ, замѣна Гродненскаго монастыря Кіево-Выдубицкою обителью).

Въ разсматриваемомъ нами дѣлѣ прискорбны были не эти отступленія отъ статей примиренія, имѣвшія значеніе второстепенное, а прискорбно было то, что примиреніе между враждующими сторонами *на почвѣ юридической*, какъ состоявшееся подъ давленіемъ извѣстныхъ обстоятельствъ, было, въ особенности со стороны уніатовъ, неискреннимъ, а потому не дававшимъ надежной гарантіи къ прекращенію смутъ и ссоръ изъ-за религіозныхъ вопросовъ (а главное изъ-за церковныхъ бенефицій) на будущее время.

Въ дѣйствительности такъ и было.

Когда, на основаніи состоявшейся конституціи, православнымъ выдана была приведенная нами привилегія, отъ имени латино-уніатовъ (духовныхъ и свѣтскихъ) занесена была протестація противъ сеймоваго постановленія. Сущность протестаціи заключалась въ слѣдующемъ. Прежде, на избирательномъ и коронаціонномъ сеймахъ, протестующіе не изъявляли своего согласія на предлагавшіеся способы примиренія православныхъ съ уніатами, основываясь на томъ, что означенное дѣло не можетъ состояться безъ соизволенія на оное апостольской столицы, какъ верховной руководительницы по вопросамъ, касающимся религіи; поэтому въ настоящее время, когда мнѣніе римскаго престола по сему предмету сдѣлалось уже извѣстнымъ, а именно, что безъ отягощенія совѣсти и безъ опасности для спасенія нельзя согласиться на принятіе пунктовъ примиренія и на передачу православнымъ нѣкоторыхъ церквей, находившихся дотолѣ во владѣніи уніатовъ,—„протестуючіе", какъ на самомъ сеймѣ предъ лицемъ всей Рѣчи Посполитой заявляли, такъ и сейчасъ передъ судомъ заявляютъ, что на поименованные способы примиренія, а равно и на конституцію нынѣшняго сейма о греческой религіи не могутъ дать позволенія и не позволяютъ.—Далѣе въ протестаціи заявлялось, что такъ какъ уніатское духовенство не могло „упросить", дабы при немъ оставлены были всѣ, находящіяся въ его владѣніи церкви съ принадлежащими къ нимъ помѣстьями, то оно не можетъ уступить ихъ добровольно, но только по принужденію (non consentiendo, sed patiento), обѣщаясь въ оставленныхъ ему церквахъ приносить мольбы за короля и милую отчизну и за своихъ преслѣдователей, дабы Господь не возмѣстилъ имъ ихъ грѣхъ и не подвергъ Рѣчь Посполитую проклятію и карамъ (разумѣется за упомянутую конституцію).—Подъ протестаціею находятся подписи всѣхъ католическихъ и уніатскихъ бискуповъ, находившихся въ то время въ Варшавѣ, восьми воеводъ, нѣкоторыхъ высшихъ чиновниковъ при дворѣ и нѣкоторыхъ пословъ,—всего подписи 51-го лица. За-

мѣчательно, что между подписавшимися находятся и такія лица, которыя были правою рукою короля и наиболѣе другихъ (изъ католическаго лагеря) содѣйствовали проведенію на сеймѣ конституцій относительно греческой религіи. Такъ, напр., въ числѣ протестующихъ мы встрѣчаемъ и извѣстнаго намъ Георгія Оссолинскаго, столь много въ угоду короля потрудившагося для дѣла православныхъ. Разумѣется, его подпись подъ протестаціею съ дипломатическими оговорками есть не болѣе, какъ желаніе замести слѣды своей дѣятельности по данному вопросу, сильно вооружившей противъ Оссолинскаго ультра-католическую партію. Опасеніемъ навлечь на себя укоризны со стороны означенной партіи, безъ сомнѣнія, руководились при подписи протестаціи и другія лица, принимавшія, хотя бы то и исключительно съ формальной стороны, участіе въ упомянутомъ дѣлѣ. Изъ такихъ подписей съ оправдательными мотивами приведемъ здѣсь подпись подканцлера короннаго Ѳомы Замойскаго, какъ наиболѣе характерную въ смыслѣ уясненія тѣхъ усилій, съ которыми проведено было на сеймѣ дѣло объ успокоеніи греческой религіи. Вотъ эта подпись: „Ѳома Замойскій, подканцлеръ коронный, генералъ краковскій. Подобно тому, какъ на елекціи и коронаціи его королевской милости я, безъ соизволенія апостольскаго престола, не хотѣлъ дать согласія на означенное примиреніе, такъ и въ настоящее время, когда дѣло дошло до приложенія печати, я въ виду того, что св. отецъ съ своимъ сужденіемъ по данному вопросу замедлилъ, заявилъ о моемъ желаніи слѣдовать въ семъ дѣлѣ рѣшенію ихъ милостей ксендзовъ бискуповъ, какъ такихъ лицъ, которымъ принадлежитъ руководство нашею совѣстью, а потому и своего позволенія (на приложеніе печати) дать не могъ. Но поелику заключеніе сейма безъ сего не могло состояться, а непріятель сталъ надъ головою отчизны, и такъ какъ другіе чины обѣщали имъ (т. е. православнымъ) то permissive и требовали отъ меня того же, я вопреки желанію исполнилъ свою обязанность, предварительно выступивъ съ манифестаціею и то повторяя, что настоящія привилегіи и тѣ, которыя впослѣдствіи будутъ изданы въ такомъ же родѣ, не должны нарушать правъ касательно шляхетскихъ имѣній (т. е. права надѣлять имѣніями церковныя учрежденія) [1]).

Спустя два дня (20 марта) занесена была протестація противъ состоявшейся конституціи о греческой религіи и отъ имени папскаго нунція въ Польшѣ. Въ этой широковѣщательной протестаціи, между прочимъ, заявлялось, что, хотя обстоятельства и не

1) Протестація 1635 г. (въ музеѣ Черторижскихъ въ Краковѣ).

дозволяютъ сопротивляться схизматикамъ (въ виду состоявшагося узаконенія: утвержденія сеймомъ статей примиренія) путемъ юридическимъ, тѣмъ не менѣе апостольскій престолъ никогда не можетъ дать соизволенія на статьи примиренія и вообще на что-либо, идущее въ разрѣзъ съ интересами католицизма и уніи, и противъ подобныхъ постановленій протестуетъ и всегда протестовать будетъ, такъ какъ оныя противны божескимъ и человѣческимъ законамъ, канонамъ, древнимъ церковнымъ обычаямъ, культу единственной религіи (католицизму) и долгу католиковъ, обязанныхъ къ повиновенію и послушанію римской церкви. Схизматики (т. е. православные) тогда только могутъ заслужить благословеніе св. отца и упрочить свое правовое положеніе въ государствѣ, если возвратятся къ уніи съ католическою церковью,—что составляетъ завѣтное желаніе римскаго престола) [1]).

Разумѣется, указанныя протестаціи не могли имѣть юридическаго значенія, какъ направленныя противъ постановленія, ставшаго общеобязательнымъ закономъ; но онѣ усиливали въ извѣстной части общества недовольство этими постановленіями, разжигали религіозныя страсти, побуждали неуважительно относиться къ распоряженіямъ правительственной власти относительно приведенія въ исполненіе статей примиренія и какъ бы заранѣе оправдывали могущія встрѣтиться противленія этимъ распоряженіямъ.

С. Голубевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) *Theiner.* Vetera Monum. Poloniae et Lithuaniae № CCCLXIX, 418—420.

ФИЛОСОФЪ БЕЗЪ СИСТЕМЫ.

(Опытъ характеристики Григорія Саввича Сковороды).

VI.

Общія особенности философіи Сковороды.

Сковорода писалъ много, а говорилъ еще больше. Въ его разсужденіяхъ много путаницы, противорѣчій, неизбѣжныхъ въ сужденіяхъ такого разбросаннаго, многограннаго ума, какимъ былъ Сковорода. То онъ говоритъ о „единомъ началѣ, вездѣсущемъ центрѣ и умномъ цыркулѣ", близкомъ, повидимому, къ Спинозовской міровой субстанціи, и является монистомъ; то учитъ о двухъ началахъ и его ученіе имѣетъ всѣ признаки дуализма; то считаетъ духъ началомъ міровой жизни; то договаривается до ученія о вѣчности матеріи. Иногда онъ говорилъ ѣдкимъ языкомъ раціоналистовъ XVIII в.; иногда языкомъ древней святоотеческой литературы; иногда—возвышался до чисто-пророческаго, библейскаго стиля, а иногда его рѣчь принимала совершенно непонятное и странное теченіе. Однихъ выводовъ требовала отъ него метафизическая философія; другихъ—нравственная, этика. Конечно, скажутъ: эти противорѣчія могутъ быть примиримы... И дѣйствительно, они такъ или иначе примиряются въ интересахъ цѣльности. Но вопросъ въ томъ: *было ли у Сковороды цѣльное, ясно опредѣленное міросозерцаніе?* По нашему мнѣнію, это былъ сложный, неупорядоченный умъ, который едва ли когда-либо зналъ силу цѣпей неумолимо-систематическаго вывода. Поэтому,

говорить объ опредѣленной философской системѣ его мыслей значитъ сразу стать на нѣсколько невѣрный путь въ сужденіи о его ученіи.

А между тѣмъ думаютъ, напримѣръ, что всѣ сочиненія Сковороды можно раздѣлить на три группы: художественныя(?)—пѣсни, вирши и басни; нравственно-поучительныя—духовные канты, богословскія правила и, наконецъ, философскіе разговоры [1]". Такое дѣленіе имѣетъ, конечно, значеніе только для каталоговъ.

Другой изслѣдователь говоритъ о „чрезвычайной цѣльности и законченности его (Сковороды) философскаго міровоззрѣнія, которая дѣлаетъ изъ его построенія монолитъ безъ примѣсей и трещинъ" [2]). Эта тирада невольно наталкиваетъ на вопросъ: былъ ли когда-нибудь на землѣ философъ, міросозерцаніе котораго представляло-бы „монолитъ безъ примѣсей и трещинъ"?

Третій изслѣдователь, останавливаясь, въ частности, на спеціально философскихъ произведеніяхъ Сковороды, разлагаетъ его ученіе на группы разныхъ положеній и представляетъ своимъ читателямъ цѣлую систему ученія [3]), забывая, что къ мыслямъ Сковороды по существу нельзя подходить съ требованіями строгой системы.

Дѣленіе сочиненій и классификація взглядовъ, безспорно, можетъ имѣть нѣкоторое внѣшнее удобство при изученіи сочиненій Сковороды, но оно мало служитъ внутреннему пониманію его произведеній. Главный недостатокъ этого пріема заключается въ томъ, что, слѣдуя ему, изслѣдователь легко можетъ увидѣть систему тамъ, гдѣ ея вовсе нѣтъ, какъ это и оправдалось на писавшихъ о Сковородѣ. Въ частности, отдѣлять, напр., философскія сочиненія Сковороды отъ нравственныхъ неудобно уже потому, что самъ Сковорода не дѣлалъ этого различія. Онъ не отдѣлялъ своей философемы отъ морали.—Его философскія разсужденія назидательны; а нравоученія всегда носятъ въ себѣ философски-умозрительный и по мѣстамъ туманно-мечтательный характеръ. Далѣе, философія и мораль у него опираются на

[1]) „Міръ Божій" ноябрь, 1894 г., стр. 61,
[2]) „Вопр. филос. и псих." 1894 г. ноябрь, стр. 422.
[3]) „Вопр. филос. и псих." 1894 г. кн. 23 и 24.

религіозномъ основаніи, а богословскіе взгляды вытекаютъ изъ философіи.

Тамъ, гдѣ дѣло касается чистой философіи, Сковороду очень удобно ставятъ въ зависимость отъ древне-классической философіи, при чемъ обязательно приводится свидѣтельство Коваленскаго о томъ, что „любимѣйшими писателями Сковороды были: Плутархъ, Филонъ Іудеянинъ, Цицеронъ, Горацій, Лукіанъ, Климентъ Александрійскій, Оригенъ, Нилъ, Діонисій Ареопагитскій и Максимъ Исповѣдникъ", а изъ новыхъ—„относительные къ симъ". Зависимость философскихъ воззрѣній Сковороды отъ древне-классическихъ авторитетовъ съ особенной аргументаціей раскрыта въ статьѣ Зеленогорскаго „Философія Г. С. Сковороды", (помѣщенной въ „Вопр. фил. и псих." 1894. г. м. май и сентябрь). Проф. Зеленогорскій здѣсь авторитетно утверждаетъ о зависимости взглядовъ Сковороды отъ древне-классической философіи и въ частности — отъ философіи Платона. Но, къ сожалѣнію, это свое положеніе онъ не обосновываетъ на какихъ нибудь болѣе или менѣе прочныхъ данныхъ. Утвержденіе профессора, что „кто знакомъ съ философіей Платона, для того это ясно и очевидно" [1]), доказательно, конечно, только для того, кто изучаетъ философію подъ руководствомъ самого профессора.

Профессоръ Багалѣй безусловно правъ, говоря по поводу сократической дѣятельности Сковороды: „мы не отвергаемъ *аналогіи* въ дѣятельности и отчасти положеніи Сократа аѳинскаго и Сократа малороссійскаго; но это только внѣшняя аналогія: внутренней зависимости здѣсь не было или, по крайней мѣрѣ, она не доказана". („Сочин. Сковороды" LX).

Если, впрочемъ, вліяніе Сократово-Платоновой философіи на ученіе Сковороды еще можетъ быть основано на нѣкоторыхъ пунктахъ сходства въ ученіяхъ, то для утвержденія вліянія на его ученіе западно-европейскихъ мыслителей изслѣдователямъ приходится прибѣгать къ всевозможнымъ натяжкамъ.—Прямыхъ данныхъ для утвержденія этого вліянія пока еще нѣтъ... Путешествіе Сковороды за границу въ этомъ отношеніи ничего не

---

[1]) „Вопр. фил. и псих." 1894 г., май, 222.

доказываетъ. Зная нѣмецкій языкъ, Сковорода могъ завести знакомство съ учеными нѣмцами; но дѣйствительно ли онъ велъ это знакомство, съ кѣмъ именно и какое вліяніе на складъ нашего философа оказало это знакомство,—не извѣстно.

Наиболѣе стройную и выдержанную систему философіи Сковороды даетъ профессоръ Багалѣй. Вотъ схема этой системы:

Вѣчно существуетъ одно мірозданіе.
(Монизмъ Сковороды).
Оно состоитъ изъ трехъ міровъ:
космоса (большого міра), человѣка (малаго міра) и библіи (міра символическаго).
Въ каждомъ отдѣльномъ мірѣ два начала:
Вѣчность (духъ) и тлѣнность (матерія).
(Дуализмъ Сковороды).
Духъ въ каждомъ мірѣ беретъ перевѣсъ надъ матеріей.
(Спиритуализмъ Сковороды).
Изъ ученія о духѣ вытекаетъ нравственное ученіе философа... и т. д.

Такая система идей въ отношеніи къ Сковородѣ намъ представляется, однако, произвольной, примѣнимой скорѣе къ доктринерамъ-теоретикамъ, а не такому живому, подвижному уму, какимъ былъ Сковорода. Можно смѣло сказать, что если-бы Сковорода философствовалъ по такой системѣ, то мы не имѣли-бы философа. Въ данномъ случаѣ дѣло, кажется, болѣе выиграетъ, если, при изложеніи и оцѣнкѣ мыслей Сковороды, отрѣшиться на время отъ тенденцій систематизаціи и смотрѣть на его философскія произведенія какъ на выраженіе процесса различныхъ философскихъ умонастроеній, т. е. видѣть въ его мысляхъ *не столько систему, сколько самыя мысли*, не лишенныя въ общемъ, конечно, относительной цѣлостности и законченности, но не чуждыя многихъ противорѣчій, недомолвокъ и неточностей.

Поэтому, приступая къ характеристикѣ философіи Сковороды, прежде всего установимъ положеніе: важно взглянуть на Сковороду, отрѣшившись отъ всякой основной школьной точки

зрѣнія... и видѣть въ немъ, не мудрствуя лукаво, лишь то, что видно будетъ.

Особенностью характера Сковороды, налагающей отпечатокъ на всю его философію, было то, что онъ сначала интуитивно-мистически пережилъ философскія положенія въ своемъ духѣ, прежде чѣмъ взялся за перо для связнаго изложенія этихъ положеній. Какъ извѣстно, первыя философскія сочиненія написаны Сковородой уже въ довольно зрѣломъ возрастѣ. Онъ осуществилъ мудрое правило: „primum—discere, deinde—vivere, denique—philosophare“. Такимъ образомъ философія Сковороды—пережитая философія. Въ этомъ безспорное ея преимущество предъ многими другими ученіями. Она прошла чрезъ настроеніе и *душу* философа. Съ этимъ характеромъ философіи Сковороды изслѣдователямъ необходимо считаться, потому что эта особенность объясняетъ, во-первыхъ, связь взглядовъ Сковороды съ его причудливымъ темпераментомъ, сильно затрудняющую критическое изслѣдованіе его философскихъ трактатовъ; во-вторыхъ,—объясняетъ вытекающую отсюда трудность изложенія философіи Сковороды.

Отчасти подъ вліяніемъ внутреннихъ интуитивныхъ побужденій своего духа, а отчасти подъ вліяніемъ богатыхъ данныхъ собственнаго опыта, Сковорода яснѣе другихъ въ свое время понялъ, что чистая мысль отвлеченной метафизики сама въ себѣ имѣетъ мало цѣнности;—что цѣнность мыслей вообще и ихъ значеніе пріобрѣтается лишь по-стольку, по-скольку онѣ бываютъ связаны съ принципіальными внушеніями воли человѣка и религіозными, сердечными эмоціями. Отсюда философскія положенія Сковороды отличаются многосторонностью своего содержанія, такъ сказать, многогранностью мыслей. Ими затрогиваются сразу различныя стороны человѣческаго духа.

Работая на почвѣ общихъ многостороннихъ идей, захватывающихъ всего человѣка, Сковорода главнымъ источникомъ и двигателемъ своей философіи признавалъ разсудокъ. Разсудочно-аналитическимъ духомъ проникнуты всѣ его философскія положенія. На разсудочную почву онъ переводилъ и все то, чѣмъ жилъ. Разсудокъ у него былъ не средствомъ разработки мысли,

а источникомъ идей, самовозбудительной силой оригинальныхъ мыслей.

Опытъ имѣлъ для нашего философа значеніе второстепеннаго источника идей. Не боясь впасть въ парадоксъ, скажемъ, что для Сковороды опытъ былъ не столько источникомъ образованія идей, сколько причиною ихъ разбросанности и хаотичности. Многосторонность впечатлѣній мѣшала приведенію мыслей философа въ органическое единство. Сковорода не знаетъ прямолинейнаго теченія идей. Жизнь—не система. Это—разнообразіе впечатлѣній, часто не имѣющихъ между собой никакой связи. Григорій Саввичъ отзывался на это иногда безсвязное разнообразіе. Онъ, вообще, не любилъ однообразія. Онъ былъ философскимъ эхомъ сложнаго процесса общественной жизни своего времени, и его философія вышла разнообразною и калейдоскопичною, какъ тѣ люди и явленія, съ которыми приходилось ему сталкиваться. Всякое полученное впечатлѣніе онъ по своему переживалъ, обобщалъ и затѣмъ подвергалъ переработкѣ на началахъ чистаго мышленія. Сковороду, пожалуй, можно было упрекнуть, что онъ слишкомъ увлекался въ своей наклонности разсуждать по поводу всего того, что не давало достаточно философской пищи и потому не достойно было философіи. Этимъ объясняется, почему его разсужденія превращались въ формальное логизированіе въ тѣхъ случаяхъ, когда какой-либо фактъ представлялъ меньше данныхъ для разсужденія, чѣмъ хотѣлось Сковородѣ. Отсюда его иногда своеобразные, оригинальные выводы по поводу такихъ явленій, которыя обыкновенно проходятъ незамѣченными. Мышленіе Сковороды не всегда имѣло существенную тѣсную связь съ фактами. Точныхъ указаній на факты и вообще эмпирическихъ данныхъ у него мало. Сковорода разсуждалъ по поводу фактовъ, но отдавалъ предпочтеніе чистому умозрѣнію, основанному на неизмѣнныхъ началахъ разума. Для него важны были не факты, которыхъ много можно подыскать подъ всякую теорію и толковать какъ угодно, а принципіальная точка зрѣнія.

Но, отводя разсудочно-аналитической дѣятельности въ своей философіи главное мѣсто, Сковорода не игнорировалъ, точнѣе—не могъ игнорировать другихъ силъ души, какъ орудій фило-

софскаго настроенія. Въ частности, воображеніе играетъ сильную вспомогательную роль въ динамикѣ его философіи. Извѣстно, что ни одна область мысли человѣческой не бываетъ свободна отъ такого или иного вліянія воображенія. Философія Сковороды испытала на себѣ рѣшительное господство этой силы. Его философія въ значительной степени—философія образовъ.... Понятіе у него почти не отдѣляется отъ представленій. Сковорода часто пользуется пластичными и яркими примѣрами дли наглядности своихъ философскихъ положеній. Онъ, кажется, понималъ, что воображеніе одинъ изъ оживляющихъ элементовъ, придающихъ сухимъ мыслямъ плоть и кровь.

Вотъ почему самыя названія его письменныхъ философскихъ сочиненій имѣютъ аллегорически-образный характеръ: „Израильскій змій", „Бесѣда, нареченная двое", „Діалогъ, имя ему потопъ змѣинъ", „Начальная дверь"... „Убогій жайворонокъ", „Благодарный Еродій"... Можно подумать, что все это не философскіе трактаты, а своеобразные беллетристическіе разсказы, требующіе, какъ извѣстно, работы творческаго воображенія. Отсюда—пластичность философіи Сковороды, возвышающаяся по мѣстамъ до художественной яркости.

Наконецъ, у Сковороды были сильныя внѣшнія основанія къ философски-критическому умонастроенію. Сталкивась съ людьми различныхъ положеній и понятій, Сковорода почувствовалъ потребность провѣрки царившихъ понятій и выводовъ. Во всей философіи Сковороды ясно сквозитъ желаніе философа разобраться въ хаосѣ господствовавшихъ представленій, стремленіе осмыслить эти представленія, упорядочить и свести ихъ (насколько это возможно) къ одной свѣтлой общей мысли. Разобрать понятія о Богѣ, природѣ, человѣкѣ и всемъ разнообразіи міра и установить надъ этимъ знаніемъ одно начало вѣчнаго единства—было задачей философіи Сковороды. Отсюда—своевременность и, такъ сказать, почвенность философіи Сковороды.

Ликвидировать старыя мысли людей, разбирать традиціонно накопившійся умственный хаосъ не легко. На ряду съ серьезными идеями тутъ приходится сталкиваться съ случайными, маловажными мыслями. Поэтому, въ философіи Сковороды нужно

отличать тѣ двѣ стороны, которыя можно назвать философствованіемъ и умничаньемъ. На первомъ лежитъ печать серьезной мысли; второе—дѣло минуты, настроенія. Вопросъ о цѣнности тѣхъ или другихъ философскихъ положеній Сковороды можетъ относиться только къ первому. Положенія Сковороды, поэтому, имѣютъ не одинаковую цѣнность.

Въ своей характеристикѣ мы не будемъ останавливаться на частныхъ пунктахъ философіи Сковороды, а обратимъ вниманіе на тѣ главные этапы, чрезъ которые проходила и двигалась мысль нашего философа.

VII.

Характеристика философіи Сковороды. Опредѣленіе философіи. Метафизика Сковороды.

Что-же „представлялъ" собою Сковорода съ его философіей „на театрѣ свѣта"?

Это былъ прежде всего раціоналистъ, вѣровавшій въ разумъ, считавшій его „главною прелестью человѣка". Нѣтъ нужды, что его раціоналистическимъ положеніямъ недостаетъ строгой органической связи. Въ немъ было больше идей, чѣмъ системы, и этого вполнѣ достаточно, чтобы занимать въ философскомъ пантеонѣ почетное мѣсто. „Когда духъ въ человѣкѣ веселъ, мысли спокойны, сердце мирно, то все свѣтло, счастливо, блаженно. Сіе есть философія". Къ какой философской школѣ должно причислить философа съ такимъ понятіемъ философіи? Сковорода былъ представителемъ той философіи, для опредѣленія которой подойдутъ многія слова изъ философскаго лексикона, но точнаго названія которой до сихъ поръ еще не найдено. Принято обыкновенно называть такихъ мыслителей *эклектиками*, т. е. вѣрнѣе не называть ихъ никѣмъ въ особенности. Вотъ почему въ Сковородѣ видятъ вліяніе и Сократа съ Платономъ, и Спинозы, и Локка, и Лессинга и др. Вотъ почему къ Сковородѣ подходятъ всѣ почти названія философскихъ направленій (его называютъ и спиритуалистомъ, и дуалистомъ

и пантеистомъ, и монистомъ и пр.), хотя ни одно изъ этихъ названій не объясняетъ сути его ученія.

Это былъ апологетъ *разума*, апостолъ раціонализма. „Мы всѣ раждаемся безъ разума, училъ онъ, но живемъ для разума, для премудрости". Она-то „премудрость и есть прекраснѣйшій образъ Божій, тайно въ сердцѣ написанный, сила и правило всѣхъ нашихъ движеній и дѣлъ. Разумъ—имя Божіе, сила Божья, Слово, Воскрешеніе, Животъ, Христосъ". Онъ училъ, что человѣку по природѣ свойственно быть философомъ, т. е. разумнымъ существомъ. Познаніе, составляя цѣль жизни, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и единственно истинное настроеніе, достойное человѣка, какъ мыслящаго существа. „Изъясняетъ боговидецъ Платонъ: нѣтъ сладчае истины; а намъ можно сказать, что въ одной истинѣ живетъ истинная сладость".

Каково метафизическое ученіе Сковороды?

Сковорода нигдѣ не излагаетъ своей метафизики въ полномъ видѣ, но, насколько можно судить по разнымъ мѣстамъ его произведеній, его метафизика можетъ быть сведена приблизительно къ такимъ частнымъ тезисамъ. Богъ—всемірный Разумъ. Міръ—Его созданіе. Богъ—духъ, сила жизни. Міръ представляетъ двѣ натуры—видимую и невидимую. Первая есть „тѣнь, тлѣнъ, пустошь, плоть, пепелъ, песокъ, пелынь, желчь, грязь, лесть, мечта, смерть, тьма, злость, адъ, подлая обветщающая стихійная риза, обезьяна, подражающая во всемъ своей госпожѣ, господствующей натурѣ". Духъ—невидимую натуру—Сковорода надѣляетъ противоположными эпитетами. Духъ даетъ содержаніе матеріи, и міровая жизнь есть взаимодѣйствіе двухъ началъ—духа и матеріи. Ученіе о дуализмѣ міровыхъ явленій, о субстанціи и аттрибутахъ проводится въ его діалогѣ „Бесѣда: Двое". Яснаго, впрочемъ, ученія объ отношеніи духа къ матеріи мы не находимъ въ ученіи Сковороды. Въ вопросѣ объ отношеніи Бога къ міру онъ является то деистомъ, то пантеистомъ.

Философско-метафизическое ученіе о мірѣ и Богѣ и ихъ взаимномъ отношеніи тѣсно связано у Сковороды съ эволюціон-

нымъ развитіемъ міроздания и не чуждо пантеистическаго характера.

Сознавая трудность той тропинки, по которой мысль человѣка идетъ въ своемъ метафизическомъ теченіи, онъ совѣтовалъ осторожно („бпасно“) „искать начала всемірной машины“. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательно въ философіи Сковороды такое мѣсто: „Взглянемъ на міръ сей... какъ на машинище изъ машинъ составленный, ни мѣстомъ, ни временемъ не ограниченный... Я вижу въ немъ единое начало, единъ центръ и единъ умный цыркуль во множествѣ ихъ. Сіе начало и сей центръ есть вездѣ, а окружія его нѣтъ нигдѣ... Если скажешь мнѣ, что внѣшній міръ сей въ какихъ то мѣстахъ и временахъ кончится, имѣя положенный себѣ предѣлъ, и я скажу: кончится, сирѣчь, начинается. Видишь, что одного мѣста граница есть, она же и дверь, открывающая поле новыхъ пространностей. И тогда-жъ зачинается цыпленокъ, когда кончится яйце. И такъ всегда все идетъ въ безконечность. Все исполняющее начало и міръ сей, какъ тѣнь его, границъ не имѣетъ. Онъ всегда и вездѣ при своемъ началѣ, какъ тѣнь при яблони. Въ томъ только рознь, что древо жизни стоитъ и пребываетъ, а тѣнь умаляется, то преходитъ, то родится, то исчезаетъ и есть ничто: „materia aeterna“.

Говоря о вѣчной матеріи, онъ доходилъ до отождествленія этого начала съ Богомъ, поясняя при этомъ, что „у древнихъ Богъ назывался умъ всемірный, также бытіе вещей, вѣчность, судьба, необходимость; а у христіанъ знатнѣйшія ему имена слѣдующія: Духъ, Господь, Царь, Отецъ, Умъ, Истина“. Сковорода былъ убѣжденъ, что „дышетъ вездѣ оживляющій всѣхъ Духъ Господень“.

Пантеистическое ученіе здѣсь такъ согласовано съ дуалистическимъ, что трудно рѣшить: въ какой чашкѣ вѣсовъ лежалъ рѣшающій выводъ философа—на сторонѣ монизма, или дуализма?

VIII.

Ученіе о человѣкѣ.—Этика Сковороды.—Вопросъ о самопознаніи и счастьи.

Въ своихъ изслѣдованіяхъ Сковорода удѣлилъ гораздо больше мѣста ученію о человѣкѣ, чѣмъ о природѣ, и его философія ближе всего подходитъ подъ названіе субъективно-идеалистической философіи человѣческаго духа съ замѣтно преобладающимъ ученіемъ о гносеологическомъ процессѣ знанія. „Познай себя"—вотъ точка опоры, отъ которой отправляется нравственное его ученіе. Пока мы не узнаемъ самого себя, т. е. живущаго въ насъ „истиннаго человѣка", до тѣхъ поръ мы не узнаемъ ничего внѣ насъ находящагося. Чѣмъ больше познаемъ себя, тѣмъ выше подымаемся „на гору вѣдѣнія". Что-же нужно дѣлать, чтобы познать себя? Анализировать свое внутреннее существо. „Ищи, стучи, перебирай, рой, выщупывай, испытывай, прислушивайся", совѣтуетъ Сковорода. (Мысли о самопознаніи особенно развиты Сковородой въ его философскомъ діалогѣ „Наркисъ"). Это состояніе анализа доставляетъ человѣку минуты царственнаго наслажденія, доступнаго лишь философу. „Жизнь живетъ тогда, говоритъ философъ, когда мысль наша, любя истину, любитъ выслѣдовать тропинки ея и, встрѣтивъ око ея, торжествуетъ и веселится незаходимымъ свѣтомъ".. Это одна изъ лучшихъ метафоръ Сковороды, въ которой философская мысль соединена съ поэтичностью выраженія. Этотъ призывъ Сковороды къ внутреннему философскому анализу звучалъ внушительно въ его время, когда общество жило догматизмомъ традиціонной мысли и когда поэтому всякая самодѣятельная „тропинка мысли" была новостью и дѣйствительно доставляла дѣвственнымъ умамъ большое наслажденіе.

Принимая принципъ критико- гносеологическаго изслѣдованія, Сковорода приходитъ къ общему выводу, что все случайное, внѣшнее по отношенію къ существенному, внутреннему и вѣчно пребывающему есть плоть, тлѣніе, тѣнь и вмѣстѣ съ тѣмъ и зло. Въ человѣкѣ отраженіемъ вѣчнаго божественнаго является мысль; она только и составляетъ истиннаго человѣка. Мысль или

духъ человѣка, отражая въ себѣ это вѣчное, носитъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ себѣ и единственно доступную мѣру (критерій) познанія Бога или плана вселенной.

Такимъ образомъ, познаніе есть единственный путь къ сліянію съ вѣчною основою міра, есть единственная истинная цѣль жизни. Человѣческую жизнь способна „животворить одна только истина", и „не ошибся нѣкій мудрецъ, положившій предѣломъ между ученымъ и неученымъ предѣлъ мертваго и живаго".

Затрогивая существенно ученіе о человѣкѣ, Сковорода не могъ обойти вопроса о смыслѣ и цѣли жизни человѣка. Относящіяся сюда сочиненія: „Разговоръ дружескій о душевномъ мирѣ", „Разговоръ, называемый алфавитъ и букварь мира", „Басни Харьковскія" и др. даютъ намъ цѣлый рядъ мыслей, характеризующихъ нравственно-практическое ученіе Сковороды. Эти мысли изъ всѣхъ ученій нашего философа самыя интересныя, читаются сравнительно легко, не утомляя читателя схоластическими хитросплетеніями.

Нравственная жизнь истиннаго мудреца, по ученію Сковороды, должна выражаться въ довольствѣ немногимъ, самонужнымъ, въ сознательномъ повиновеніи не страстямъ, а разуму. Смыслъ жизни—въ разумной любви. „Вся сила Десятословія вмѣщается въ одномъ словѣ—любовь".

Что такое *счастіе*? Познаніе себя и Бога. Уразумѣть свое счастіе—значитъ найти его. Оно въ насъ самихъ. Человѣкъ долженъ находить свое счастіе внутреннимъ самоанализомъ.

Царство Божіе внутри насъ. Въ этомъ пунктѣ своего ученія Сковорода приближается къ нравственной доктринѣ Толстого. „Адское царство" тоже внутри насъ, оно въ насъ бываетъ тогда, когда мы не сознаемъ, какъ необходимо для насъ царство Божіе.

Отсюда слѣдуютъ два частныя положенія о счастіи. Во-первыхъ, „счастье—въ сердцѣ, сердце—въ любви, любовь же—въ законѣ вѣчнаго". Счастье, какъ внутреннее настроеніе, обусловленное самопознаніемъ, не зависитъ ни отъ времени, ни отъ мѣста. Оно не заключено „ни въ Америкѣ, ни въ Канарскихъ островахъ, ни въ Азіатскомъ Іерусалимѣ, ни въ царскихъ чертогахъ, ни въ Соломоновскомъ вѣкѣ, ни въ богатствахъ, ни въ

чинѣ, ни въ наукахъ, ни въ здоровьи". Во-вторыхъ, счастье — въ согласіи нашей воли съ требованіями природы. Законъ природы не есть только законъ механической или абстрактно-логической необходимости... Законъ природы есть законъ гармоніи, управляющій свободной жизнью человѣка, придающій ей смыслъ и значеніе. Жить согласно съ природой (волей Божіей) значитъ быть счастливымъ. Это не трудно, потому что естественно. Вообще, счастье—это душевный миръ, чувство внутренняго самоудовлетворенія, чувство „душевной сладости, веселія, куража". Оно можетъ быть вездѣ съ нами. „Какъ рыба въ водѣ, такъ и мы въ немъ".

Что касается собственно практической, житейской морали, то основнымъ положеніемъ у Сковороды въ этомъ ученіи было: „благодареніе блаженному Богу, что нужное сдѣлалъ онъ нетруднымъ, а трудное ненужнымъ". Это характерное изреченіе, много напоминающее извѣстную сентенцію Эпикура, имѣло въ устахъ нашего философа самостоятельное значеніе и отражало въ себѣ практическій отголосокъ его теоретической философемы.

Практическій выводъ изъ этическаго ученія Сковороды можетъ быть формулированъ въ такомъ положеніи: Громадная часть людскихъ страданій происходитъ въ сущности отъ недоразумѣній отъ неумѣнья людей пользоваться необходимымъ. Если бы каждый болѣе или менѣе ясно сознавалъ, что въ тяжелой борьбѣ за существованіе не всякое желаніе имѣетъ право быть удовлетвореннымъ, что не на всякую эмоцію слѣдуетъ отвѣчать и терять свои силы, то было-бы найдено могучее средство устраненія значительной части бѣдствій, и люди, быть можетъ, были-бы счастливѣе.

Счастье—вѣчный вопросъ человѣчества. Это тотъ искомый иксъ, который,—на зло всѣмъ усиліямъ философской мысли,— не можетъ быть найденъ до сихъ поръ никакими теоретическими построеніями. Ниодна философская система не удовлетворила рѣшенію этическаго вопроса о счастьи, и мысль долго томится въ безплодныхъ поискахъ рѣшенія этической теоремы.

Не удовлетворилъ рѣшенію этой теоремы и Сковорода. Крупный недостатокъ этой теоремы тотъ, что въ ученіи Сковороды о счастьи слишкомъ замѣтный перевѣсъ беретъ гносеоло-

гическій принципъ. Въ этомъ главный недостатокъ этики Сковороды вообще. Сознаніе и самопознаніе, какъ бы они ни были глубоки, сами по себѣ не могутъ дать счастья человѣческому духу.

Впрочемъ, не смотря на недостаточность житейской теоремы, построенной Сковородой,—она въ нѣкоторой своей части и въ наше время далеко не утратила еще своего значенія, и не слѣдуетъ торопиться сдавать ее въ архивъ. Та часть современной этики, которая провозгласила равновѣсіе между внутреннимъ и внѣшнимъ міромъ человѣка, какъ принципъ счастья, не далеко ушла отъ точки зрѣнія, поставленной Сковородой въ прошломъ вѣкѣ.

Но современная этика знаетъ и такую сторону, которая далеко оставляетъ за собой ученіе Сковороды. Эта часть главнымъ образомъ касается условій нравственнаго совершенства человѣка на землѣ.

Сравнивая этику нашего времени въ этой части ея ученія съ этическими воззрѣніями Сковороды, легко видѣть, что успѣхи, какіе сдѣлало нравственное ученіе въ наше время, особенно замѣтны въ двухъ пунктахъ современной этики.

Во-первыхъ, параллельно теоріи совершенства личности, (почва, на которой стоялъ Сковорода) въ наше время выдвинута и развита теорія совершенствованія общества, такъ сказать коллективной единицы. Наше время знаетъ мнѣнія о томъ, что личность—сила, отжившая въ исторіи человѣчества свое время...

Во-вторыхъ, новѣйшее нравственное ученіе выдвинуло громадный и неустранимый факторъ нравственнаго процесса—борьбу за существованіе, съ которой необходимо должна считаться современная мораль. Борьба за существованіе,—этотъ не соціальный только но и космическій законъ всякой жизни,—представляетъ conditio sine qua non нравственнаго ученія. Мнѣніе, что нравственность нашего времени должна заключаться въ смягченіи острыхъ условій борьбы за существованіе, въ возможномъ облегченіи этихъ условій для тѣхъ, кто много терпитъ въ этой борьбѣ,—завоевываетъ себѣ все большее и большее количество адептовъ.

Понятно, что время Сковороды было далеко отъ такихъ взглядовъ. Сковорода, стоя на почвѣ личнаго совершенства,

училъ о необходимости приспособляться къ природѣ и ея голосу. Его моральный принципъ—гармоническое сочетаніе человѣка съ природой, которая выражаетъ собою волю Божію. Нынѣшняя этика, стоя на почвѣ эволюціи, учитъ о борьбѣ, какъ объ универсальномъ законѣ всякой жизни. Ея моральное начало—дисгармонія, несоотвѣтствіе между нравственнымъ стремленіемъ духа и условіями, нарушающими это стремленіе.

Этическое ученіе Сковороды въ сущности своей есть теорія вседовольнаго, всеблаженнаго эгоизма. Нынѣшнее этическое ученіе—по преимуществу теорія альтруизма.

IX.

Богословское ученіе Сковороды. Взглядъ на Библію.

Общей особенностью богословскихъ взглядовъ Сковороды было смѣшеніе ихъ съ философіей. Сковорода неясно отличалъ богословскіе вопросы отъ философскихъ. Вопросамъ перваго рода онъ придавалъ философскую постановку, а философію проводилъ сквозь призму библейскихъ понятій. Библія и философія были для Сковороды наименованіями одного и того же круга понятій. Обѣ учатъ о томъ, „какъ облагородствовать человѣческое сердце“, т. е. сводятся къ чисто нравственному вопросу о счастьи человѣческомъ. Отсюда положеніе Сковороды, что „каждый долженъ быть богословомъ“.—Въ лучшемъ смыслѣ это положеніе Сковорода осуществилъ на себѣ самомъ, представляя изъ себя философа на библейскомъ основаніи и богослова съ критико-философскимъ полетомъ мысли.

Чѣмъ-же является Сковорода въ своихъ богословскихъ разсужденіяхъ?

Онъ провозгласилъ, что „Богъ—Библія“. По его словамъ, Библія имѣетъ универсальное значеніе. Это—„мірокъ символичный“,—заключающій въ себѣ собраніе аллегорій, образцовъ, фигуръ, ведущихъ нашу мысль въ понятіе вѣчныя натуры, утаенной въ тлѣніи“.—Однако Сковорода не останавливается

на одномъ символическомъ пониманіи Библіи. Онъ пытается всесторонне разгадать ея смыслъ.

Прежде всего онъ сознается, что лишь въ 30 лѣтъ отъ роду началъ впервые сознательно читать Библію. Если принять во вниманіе, что это говоритъ о себѣ ученикъ, учившійся въ Кіевской духовной академіи и, слѣдовательно, прошедшій всѣ тонкости богословской схоластики, то его сознаніе многозначительно. Очевидно, школьное изученіе Библіи онъ не считалъ даже за чтеніе. Онъ имѣлъ свой особенный взглядъ на Библію.

По ученію Сковороды, откровеніе Божества началось не съ Моисея. Оно всегда существовало въ родѣ человѣческомъ: Богъ раскрывалъ и раскрываетъ Себя, съ одной стороны, въ природѣ, съ другой—въ душѣ человѣка. Библія Моисея есть третій видъ божественнаго откровенія. Но и этотъ видъ откровенія не начинается съ Моисея, а продолжается. „Матерь Еврейскаго Богословія есть Египетское Богословіе,“ говоритъ онъ.

Отношеніе Сковороды къ Библіи было двойственное: мистически-символическое и раціонально-критическое.—Какъ человѣкъ своего времени, воспитанный притомъ на традиціонныхъ началахъ духовной школы, осмыслившій Библію въ зрѣломъ возрастѣ и притомъ хорошо понимавшій роль религіи въ современномъ обществѣ,—онъ признавалъ священную книгу—Богомъ, видѣлъ въ ней источникъ богопознанія, считалъ ее путеводителемъ къ „Присносущему Началу“. Онъ говорилъ о вѣрѣ, доказывалъ ея необходимость. Впрочемъ, аргументація библейской вѣры не оригинальна у Сковороды и мѣстами не идетъ дальше аллегорій, болѣе или менѣе мѣткихъ сопоставленій и общихъ фразъ. Необходимость вѣры онъ выводилъ изъ того, что человѣческое сознаніе издавна считается съ вѣчными вопросами, для которыхъ нельзя найти вполнѣ раціональныхъ доказательствъ и которые должны рѣшаться, поэтому, вѣрою. Сковорода рѣшилъ утвердить эти вопросы на Библіи—на „символическомъ мірѣ“... Отношеніе разума къ вѣрѣ у Сковороды слабо выяснено. Онъ склоненъ былъ признавать эти силы равными, т. е. не давать имъ въ сущности никакого опредѣленнаго отношенія. Въ одномъ случаѣ Сковорода стоитъ за руко-

водящую роль разума и напоминаетъ раціоналистовъ XVIII в. Въ другомъ случаѣ онъ напоминаетъ Лютера, который, несмотря на свой раціонализмъ и критическое отношеніе къ вѣрѣ, долженъ былъ, однако, въ нѣкоторыхъ вопросахъ признать разумъ „гнуснымъ другомъ сатаны", „злѣйшимъ врагомъ Божіимъ".

Какъ человѣкъ прогрессивнаго мышленія, Сковорода не могъ не видѣть и вліянія Библіи на человѣчество. Буквальное внѣшнее пониманіе Библіи можетъ „потопить" здравый смыслъ людей. Такое пониманіе навело на міръ „безчисленныя и ужасныя суевѣрій наводненія." Эти суевѣрія въ свою очередь послужили причиной „вздоровъ, споровъ, сектъ, вражды, междоусобій и странныхъ, ручныхъ и словесныхъ войнъ, младенческихъ страховъ". Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, „Библія подобна ужасной пещерѣ,—она вся преисполнена пропастей и соблазновъ; она первѣе на еврейскій, потомъ на христіанскій родъ безчисленныя навела суевѣрій наводненія". Въ своихъ богословскихъ разсужденіяхъ онъ умѣлъ отличать важное, главное, отъ второстепенныхъ вопросовъ, которые, благодаря вліянію Кіевской Академіи, были распространены тогда въ обществѣ. „И кой се есть родъ странный Богословія, если въ немъ рѣчь о желѣзѣ, не о Богѣ!" О чудесахъ христіанства онъ высказывался осторожно или, точнѣе, остерегался высказываться, считая вопросы въ этомъ родѣ безполезными для души. „Если чего не понимаешь (въ Библіи), говоритъ Сковорода, закричи съ Варухомъ:—какъ великъ домъ Божій!" „Пожалуй, не любопытствуй", говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ. „Не заглядывай за ширмы, за хребетъ театра... Поступай здѣсь такъ, какъ бы на нѣкоемъ зрѣлищѣ, и довольствуйся тѣмъ, что глазамъ твоимъ представляется". Для богопознанія онъ считалъ чудеса совершенно излишними. Для понятія о Богѣ, училъ онъ, вполнѣ достаточно одного самопознанія. Познай себя—и познаешь Бога. „Кто хорошо позналъ себя самого, тотъ уже узналъ и Христа". „Кто слѣпъ дома,—тотъ и въ гостяхъ." Къ чему намъ чудеса, когда вся вселенная такъ ясно говоритъ о Высшей силѣ, когда, выражаясь словомъ Сковороды, „вся дрянь дышитъ Богомъ и вѣчностью", когда „вся тварь есть поле слѣдовъ Божіихъ".

Увлекаясь внѣшностью Библіи и забывая, что она, какъ всякая внѣшность, тлѣнъ, и что нѣтъ блага, кромѣ Бога, люди начинаютъ уповать на плоть и кровь, обожаютъ вещество въ свѣчахъ, живописи и церемоніяхъ. Сколько уже вѣковъ люди мудрствуютъ въ церемоніяхъ—и каковы плоды? Только одни расколы, суевѣрія и лицемѣрія. „Церемоніальнымъ терновникомъ заросъ входъ въ садъ Божьей истины и нѣтъ туда доступа человѣку". „Суевѣръ скорбитъ, если кто на полдень, а не на востокъ съ нимъ молится. Иной скорбитъ, что погружаютъ, другой бѣсится, что обливаютъ крещаемаго. Иной клянетъ квасъ, другой—опрѣсноки". Внѣшнее благочестіе, обрядности—тоже, что на зернахъ скорлупа и шелуха.—Чисто раціоналистическое отношеніе Сковороды къ Библіи выразилось въ слѣдующихъ насмѣшливыхъ словахъ: „люди, по словамъ Библіи, преобразуются въ соляные столбы, возносятся къ планетамъ, ѣздятъ колясками на морскомъ днѣ и воздухѣ; солнце, будто карета, останавливается, желѣзо плаваетъ, рѣки возвращаются, отъ гласа трубнаго разваливаются городскія стѣны, горы какъ бараны скачутъ, волки съ овцами дружатъ, востаютъ мертвыя кости, падаютъ съ яблонь небесныя свѣтила, а изъ облаковъ крупяная каша съ перепелками... Будто блаженная натура когда-то гдѣ-то дѣлала то, что теперь нигдѣ не дѣлаетъ и впредь не станетъ. Возстать противъ царства натуры и ея законовъ есть несчастная, исполинская дерзость: какъ же могла возстать на свой законъ блаженная натура?" Сковорода особенно возставалъ противъ тѣхъ, которые думаютъ, „точно летали Ильины кони, плавало при Елисеѣ желѣзо, говорили при Авраамѣ змѣи". „Кто угорѣлъ или въ горячкѣ, тотъ только скажетъ: желѣзо плаваетъ". „Много нужно развалить, разломить и искрошить прежде, чѣмъ придетъ время строить на старомъ грунтѣ новую храмину".

Такимъ образомъ, въ одномъ случаѣ Сковорода молится передъ Библіей, стоитъ предъ ней на колѣняхъ и, сложивъ личный разумъ, благоговѣйно внимаетъ ея каждому слову; въ другомъ случаѣ—ко многимъ мѣстамъ св. писанія онъ относится съ ѣдкимъ сарказмомъ.

Сущность богословски-философскихъ воззрѣній Г. С. Сковороды можно свести къ положеніямъ:

1. Разумъ долженъ имѣть широкія права въ изслѣдованіи христіанской догмы. Вѣра тоже является важнымъ источникомъ богопознанія, особенно въ вопросахъ, недоступныхъ для разума.

2. Св. Писаніе можетъ спасти и погубить, освѣтить и омрачить, смотря по тому, на сколько умъ человѣка способенъ понимать истины Св. Писанія.

3. Но истина не въ одномъ Св. Писаніи. „Истина безначальна", какъ говоритъ Сковорода.

Введя, такимъ образомъ, въ свое религіозное ученіе мало пригодный критическій элементъ, стараясь расширить религіозное міровоззрѣніе своихъ соотечественниковъ и направить общество на раціональный путь религіознаго развитія, Сковорода—„не могъ не придти къ отрицанію многихъ религіозно-догматическихъ предразсудковъ и явился еретикомъ въ церковно-конфессіональномъ смыслѣ". Конечно, можно соглашать всячески религіозныя воззрѣнія Сковороды съ очищеннымъ понятіемъ религіи (какъ это и дѣлаютъ нѣкоторые изслѣдователи, напр. г. Лебедевъ, г. Зеленогорскій), но все-таки трудно сдѣлать Сковороду православнымъ, не противорѣча основному закону достаточнаго основанія. Изслѣдователь старается вопреки этому закону выяснить, что Сковорода не *отреченный* религіозный мыслитель, что, напротивъ, онъ воспиталъ свой умъ на знаменитыхъ древняго времени представителяхъ богословской мысли на востокѣ (въ особенности на твореніяхъ александрійскихъ отцовъ и учителей церкви).[1] Вліяніемъ раціонально-александрійской школы и объясняются даже не только его воззрѣнія, но и его методъ. Но тотъ же изслѣдователь замѣчаетъ, что „православный богословъ не найдетъ полнаго соотвѣтствія между православнымъ догматическимъ ученіемъ о Св. Троицѣ и философскимъ ученіемъ о томъ же предметѣ Сковороды".([2])

[1] Вопр. философіи и психол. 1895 г., мартъ, рефератъ г. Лебедева: „Сковорода, какъ богословъ".

[2] Тамъ же, 234.

Съ религіознымъ ученіемъ Сковороды не стоитъ въ противорѣчіи только его общее стремленіе къ идеаламъ, къ вѣчному небу, затмѣваемому тиной суевѣрій и предразсудковъ. Что-же касается собственно спеціальныхъ богословскихъ разсужденій на ту или другую тему христіанскаго катихизиса, то въ этихъ разсужденіяхъ Сковороды много непримиримыхъ противорѣчій. Въ своихъ поискахъ за „свѣтлостью мысли" онъ много разсуждалъ, стремясь найти „центръ", но не изъ всѣхъ своихъ разсужденій могъ смѣло сдѣлать прямой выводъ, не боясь впасть въ противорѣчіе съ раньше сказаннымъ. Онъ много говорилъ на богословскія темы, но не всегда договаривалъ. У него много недомолвокъ. Иногда онъ не могъ договориться до конца, а иногда словно нарочно выбиралъ для своихъ мыслей туманную форму выраженія, чтобы этимъ обойти вопросъ, его не разгадать. Порою онъ склоненъ признавать за достовѣрныя два противоположныя понятія. Стоя на почвѣ свободнаго религіознаго міросозерцанія, Сковорода пытался создать свой храмъ, который не противорѣчилъ бы догмѣ, но вмѣсто храма создалъ лишь громадный безформенный пантеонъ, въ которомъ таинственный мистическій мракъ мѣшаетъ разглядѣть отчетливо тѣхъ боговъ, которымъ поклоняется философъ.—То здѣсь, то тамъ мелькаютъ передъ зрителемъ философы древности: Сократъ, Платонъ, отцы александрійской школы и др., но окончательно разглядѣть алтарь этого пантеона нѣтъ никакой возможности.

Ѳ. Кудринскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ О. М. БОДЯНСКОМУ.

(1846—1877 г.г.). [1])

27.

1848, апр. 21 Тула.

Шановный мій Добродію

Осыпъ Максымовычъ!

Вже колы Вы до мене озываетесь ридною мовою, дакъ и я не втерплю, одгукнусь до Васъ, хочъ и оглядуючысь, батьковою та матерыною річчу. Не знаете Вы, пане мій любезный, що мени за мука изъ моимы родычамы та прыятелямы. Чы я жъ то не напысавъ тыеи жъ годыны на столыцю, щобъ яко мога боржій простовавъ мій шурьякъ до того скаредного Срезневського та и взявъ бы исторически думы украинськи хочъ сылою! Дакъ що жъ! Покы передъ очыма, дакъ ци родычи да прыятели наче и на людей здаюцця, а тильки за очы, такъ наче имъ лысый дидько до потылыци голову поверне. Мовчыть якъ стина, ось уже мисяцивъ зо тры, та не тильки про думы, та про де що й друге—ни же, що вже бъ таки и Бога побоявсь и людей посоромывсь. Вже я ёго й понукавъ: тату бо, одвитуй уже що небудь, чы ты жывешь ище на свити, чы тебе лыхый злызавъ? Такъ де-яки балясы роспустыть, а що якъ про що путне просышъ, дакъ наче ёму заципыть. До самого жъ Срезневського мени такъ мыло та любо пысаты, наче йты до собаки у кумы. Мерзене, истынно мерзене порожденіе! Якъ Вамъ оце здаецця: що якъ прышла разъ до ёго въ столыци пани-матка бидахи Костомары, несчаслыва невиста, удовыця безпомощна, немищна бабуся, дакъ винъ изъ жинкою передъ нею снидае, а їй хочъ бы на смихъ сказавъ: чы не прызволытесь и вы, пани-матко,

---

[1]) По независѣвшимъ отъ редакціи обстоятельствамъ, эти письма не могли быть закончены въ прошломъ году (см. № 12) и печатаются теперь, какъ дополненіе къ нимъ, подъ тѣми номерами, подъ которыми они должны были стоять въ хронологическомъ порядкѣ ихъ. *Ред.*

зъ намы? Не знаю, де винъ такихъ звычаивъ понаучувавсь, мабудь у Нимцивъ. Ще жъ треба памятать, що Костомара колысь за щаслывыхъ часивъ частенько зъ имъ хлибомъ-силью дилывся, прыятелемъ ёго звався и не одну може послугу ёму вчынывъ. Дакъ чого вы хочете отъ такого злыденнаго перевертня? Я не прыберу и слова, якъ до ёго пысаты, и чы жидомъ, чы поганыномъ іого велычать, а бильше одъ велыкого пересердя гыдую до ёго й ричъ оборочуваты. Ще разъ напышу до шурьяка, нехай иде та вымагае думы у того ныцого поганця.

А я оттутъ сыдячы безъ дила,—бо й доси мени жаднои службы не дають,—вертивъ, вертивъ у свому мизкови того Ивана Мучытеля, щобъ высновать зъ ёго царованьня романъ историческій; дали бачу, що ни-не втну, дуже гыдкый,—нехай ёму тяжко икнецця на тимъ свити, та махъ—и перескочывъ зъ пивъ чоловичого вику. Теперъ сновыкгаю розумомъ коло Новгородка-Сѣверського, якъ винъ бувъ у ту чудну Самозванщыну, та повыдумувавъ тутъ про ёго де що багато. Я жъ бо тамъ й самъ колысь учывся и по тимъ зубровськымъ ровамъ швендявъ, утикаючы отъ алгебры да отъ рыторыки. Дакъ повыймавши дещо зъ кнызкокъ, компоную оце романъ саме зъ того моменту, якъ Отрепьевъ пидступа одъ Черныгова до Новгородка, та ще такъ хочецця, щобъ не дуже истории чепляты, а тилько помижъ ярмаркомъ историчнымъ извертатыся; дакъ тутъ такого накомпоновавъ, що може й лаятымете, якъ колысь надрукую. Хочецця такъ зкомпоноваты, щобъ и Москали не сердылысь, та й своимъ землякамъ не золжыть(?), дакъ не знаю, чи потраплю. А зовецця романъ: *Дружына Сѣверякъ* и вже ажъ тры главы напысано. Та чы нема въ Васъ часомъ *Сказаній Русскаго Народа Сахарова* и *пословыць Снегирева*. Колы ласка Ваша, вышлить, я прочытаю, де що повыпысую и кныжкы поверну назадъ у цилости. Пысавъ я до Погодина, щобъ винъ мени симъ удружывъ, и на свій счотъ бравъ я пересылку сюды кныжокъ та винъ выдно уважа мене за жыда, не йме виры ни на копійку. Мовчыть—стина стиною. Бувайте жъ здоровы! Готовый до услугъ П. Кулишъ.

Спасыби Вамъ, добродію за *Чтенія*. Истынне сокровыще оце Вы намъ даруете. Якъ кныжка, то все Вамъ дякую.

28.

Шановный и высокоповажный мій земляче Осыпъ Максымовычъ!

Колы бъ тилькы Вы зналы, якъ засмутывъ мене отой харцызяка, що заивъ наши писни! Отъ уже иродова душа, дакъ такъ! Гляньтесь: хтобъ же то ждавъ такого палыводы зъ того ученого панычa, що такъ звычайненько пыше було до нашого браччыка простака лысты? Ничого сказать, стоить Выговського! Якъ же то намъ буде огыдно колысь, якъ винъ зъ нашого жъ хворосту та намъ и карлючку загне! Вылаяты вразького пройдысвита печатно! сказаты правду на ввесь свитъ! Що бильше зъ такымъ чыныты?

Дякую Вамъ щыро за *Сказанія Русскаго Народа*, котори зъ нызькымъ поклономъ Вашій мылости и назадъ поворочую увъ усякій цилости. Вже я трохы не всю першу часть напысавъ свого романа. Вы мени саме въ горячу мынуту допомоглы; за се дуже Вамъ дякую.

Ще жъ одна дяка есть у мене Вамъ за те, що Вы того дуросвита Брамбеуса до позорного стовба прывязалы. Оттакъ имъ и треба, безсовиснымъ шарлатанамъ, що звыклы людей дурачыты! Залылы жъ Вы ёму за шкуру сала. «Ни неня въ брази не купала», якъ мовлявъ той Котляревській! Бажавъ бы я подывытысь, якъ позычатыме той Брамбеусъ теперъ очей у собакы, идучы мижъ люде. Чы, може, такый уже на все готовъ заздалегидь: да ще бъ собаку навчывъ дывыцця людямъ у вичи! Що вы думаете! Дарма, нехай соби,—горбатого могыла справыть; а ваша крытыка велыкого стоить мыру хрещеному: не нятымуть былышъ виры тымъ перевертнямъ бездушнымъ. Шкода, що Вы де-небудь у сій крытыци не прыткнулы, що у Брамбеуса давній се звычай; що отъ, мовъ, винъ усю свою Коллектанею (Collectanea z dziejopisòw Tureckich) прошпикговавъ брехнею. Да объ сёму можно пропечататы особо артыкулъ. Колы хочете, прышлить мени ту польску кныжку, що показувалы, я вамъ вытягну зъ неи саму сылу (бо вамъ, добре знаю, николы), а вы що знаете, прыпышете та й надрукуете. Тильки ни, якъ подумаю, то й мени теперъ не до того: треба вже свого Сѣверяка до розуму доводыть, щобъ не зосталась на зиму хата безъ крыши. Не прысылайте, ничого пустовать обицянкамы.

Я, Богу дяка, здоровъ,—тилькы такъ скушно въ сій Тули, що нехай ій бисъ! Ни души не знайшовъ соби понутру. Жыву, мовъ у лиси.

Бувайте жъ здоровеньки та не забувайте й мене сиромаху.

П. Кулѣшъ.

1848, Мая 19. Тула.

29.

Шановный земляче и добродію Осыпъ Максымовычъ!

Колы ще я Вамъ не остывъ изъ своимы докукамы, дакъ благаю Вашу мылость ище разъ пидсобыты мени у моій роботи. Чы не можете Вы позычыты мени на якыйсь часъ: 1, Сказанія о осадѣ Троицкаго монастыря, ***Авраамія Палицына***; 2, Лѣтописи о многихъ мятежахъ и о разореніи Московскаго государства, и пр. да ще 3, Восьмого тому русскихъ лѣтописей по Никонову Списку? Я бъ ихъ Вамъ одиславъ икъ такому уремью, икъ якому Вамъ завгодно назначыты. А треба, дуже треба. Знаете, тутъ ось яке дило случылось. Якъ почавъ я мытыковаты про свій романъ, такъ нытка за ныткою убравсь у саме потканье и въ основу того часу, да й думаю соби: Чого жъ оце мени брехаты, колы правду можно ось-ось намацаты? Ке лышъ, я першъ начертаю соби усю картыну того часу, такъ якъ вона справди була, да потимъ чы не буду я сущымъ хозяиномъ, якъ трапыцця де що для роману выбраты! А то я и самъ не звидавъ своихъ скарбивъ, а гайную дороге й дешеве на романъ. Отъ помирковавшы самъ изъ собою, и почавъ пысаты справжню исторыю того смутного уремъя, якъ я іи порозумивъ, щобъ усякъ часъ и усякъ старосьвицкій лыцарь пройшовъ черезъ мою голову, и щобъ однымъ поглядомъ обняты ту дывовыдную игру людськыхъ страстей, замешаньне люду православного одъ того пройдысвита Самозванця и всяки биды, яки тоди склалысь земли Московській. Зачавъ же я не одъ Самозванця, а одъ самого зкону Ивана Мучытеля, та вже довивъ ажъ до року 1600. И вподобалась мени дуже ся праця. Есть про що змовыты поважне слово. И буде то кныга геть-геть товста, може не де и прытулымося зъ нею, якъ не въ ***Чтеніяхъ***. Тылько чы прыймете таке мизкованье, що крытыкы, того-то бачте изслидованія, якъ у васъ оглавлено,—немае; а есть тильки оповидь, а зъ оповиди вже й само изслидованіе выходыть, що

инколы й натюкнешъ чытателю, а инколы й самъ здоровъ збагне. Дакъ чы годытымецця ще для Васъ така штука? и чы надрукуете Вы іи, якъ у ій буде страныцъ 400 вашыхъ безъ роздилу на стовбци? А вже мени дано певну надію, що друковать позволять, абы бъ що небрыклыве не напысавъ. Дакъ отъ уже таке имъ покволе, доморосле Московське, а не наське степне, що й водою никому не замутыть.

Чы бувъ у Васъ Вернадськый? Якъ винъ Вамъ здався? и якъ его Ваши профессоры, чы ласкою прывиталы, чы може гордымъ окомъ, що таке молоде та хоче докторомъ велычатыся? А гарный хлопець, якъ бы не дуже пофранцузывсь. Та ще, може, зъ литамы похолодіе до всёго иноземного, нимецького, до того вразького *проґрессу*, що тилькы руйнуе старовыну, а нового ничого не збудовавъ виковишнёго.

Жду не дождусь Вашихъ «Чтеній»: роздратовалы Вы мене московськымы письнямы, що такъ хвалыте. Вже колы Вы хвалыте, такъ выдно справди скарбъ, а не письни. А чы скоро жъ наськи? якыхъ то тамъ немае скарбивъ? Господы! зросте жъ такій квитъ середъ степу, що нихто ёго й не пересажуе, не обполюе й не полывае.

Спасыби Вамъ за 8 кныжку *Чтеній*. Тоди дякую, якъ прочытавъ. Спасы Васъ, Боже, за Вашу працю: що за дорогу вы мостыте нею историкамъ и поэтамъ! Тилькы зъ чого се Вы взялы, що бъ то я грымавъ, що все наське да наське! Де жъ ёму бильшъ появытысь! Хто бъ ёго безъ Васъ выдавъ на свитъ? Такъ-бы, може, й попропадало, якъ бы вси булы таки фертыкы, якъ оти Петербурськи кныжныкы, що тильки вміють зъ чужого хворосту карлючкы загынаты. Скорійшъ ище вытягуйте изъ архыву иностранной коллегіи та друкуйте, а мы за всяку кныжку ей же ради бъ Вамъ у сами ногы уклонытыся, такъ Вы насъ запомогаете усякою пысьменськոю худобою!

Зъ щырою прыязню до послугы готовый землякъ вашъ

П. Кулишъ.

1848, іюня 16. Тула.

30.

4 Іюля, 1848. Тула.

Высокоповажный Пане Земляче!

Щыро дякую Вамъ за позыку кныжокъ: Аврамія Палицына и Лѣтописи о мятежахъ. Що то такы, якъ е свое на чужыни, то й

допоможе при нужди! Що жъ мени въ свити робыты, що немае въ Васъ Ныкона VШ кныгы? Купыты, кажете, іи не можна! А чы не знаете, що панъ Бередныковъ надрукуе у четвертому томи полного Собр. Русск. Лѣтописей? Чы ще сей томъ не выйшовъ! Лыхо та й годи нашому браччыку на одшыби одъ такого мисця, якъ Петербургъ, або Москва! — Сказанія современниковъ, издани Устряловымъ, маю, а Арцыбашова и Бутурлина прочытавъ бы зъ велыкою охотою, та не знаю, де взяты, а куповать для одного разу не хотилось бы, бо може воны й не дешеви. Чы не мае въ Васъ? то вже не полинуйтесь и не поскупитесь запомогты мене нымы на якый схочете часъ, та тутъ же скажете, чы скоро вертать Вамъ Палицына и о Мятежахъ. Колы скоро, то, покынувшы все, пороблю за разъ выпыскы та й одишлю. А Соловьева чытавъ я зъ велыкою увагою. Писля ёго може бъ нашому брату, чоловику простому, не годылось бы й мизковаты, та подумаешъ одно те, що це крытыка сторычна, а не сторыя, а друге, що якый бы той панъ профессоръ ни розумный чоловикъ бувъ, а всёго не збагне: е де — що въ московській исторыи таке, що нашъ братъ Украинець инакше миркуе;—дакъ отъ и визьме охота, а клышъ, воспыснемъ словомъ нехытрымъ, та всякому розумнымъ, що зъ сёго буде! Хапацця мени ничого, бо за шыю не тече, та я такы й не вмію ничого робыть швыдко. Хочъ же бъ я й напысавъ цю исторыю скорійшъ, нижъ треба, то и то ій не завадыть. Нехай се буде пидмалёвокъ, а якъ знайдемо фарбы правдывійши, то й наложымо де подобае: тымъ часомъ око прывыкне сягаты ширше, дакъ де-що збагнешъ описля таке, що може бъ не прыйшло й на думку, прокладуючы зразу бытый шляхъ. А за Ваши побыткы объ моій кнызци и за Вашу раду благую щыро Вамъ дякую. Якъ знаешъ, що е пидъ бокомъ чоловикъ зъ добрымъ до тебе духомъ, то й на души якось теплійше, и дило лучче спорыцця. Объ козацтви я такы чы маленьку ричъ розвивъ и звязкы ихъ зъ московськымы голодранцямы—бурсакамы познаходывъ и козацтво въ мене не послидня закарлючка въ цій мудрій та хымерній исторыи. А отъ якъ бы Вы булы добри та надислалы мени на часыну отту польску кныжку Дзялынського о Лисовчынахъ, тобъ ще лучче воно въ мене на картыни заграло. Тутъ уже безъ сорома казка: колы що можна, то допоможите мени, во имя того свиту, котрому служите и покланяетесь. А покы прыйде та осинь, то багацько ще можна поробыты дила. Я жъ теперъ такъ любо соби кватыру спорядывъ, що

въ саду и днюю, мовъ цыганъ пидъ шатромъ сыжу та все чытаю та пышу,—такъ шкода таке дороге время упускаты. За 9 кныжку «Чтеній» велыке таке, якъ вона сама, спасыби. Ничого мовыты, огрядна такы пани! Заглянувъ я окомъ у неи разивъ изо тры: усе смашне тай дуже смашне, а що вже стыхы Кирѣевського, то истынно ласощи! До Срезневського направлю ще одного та вже презавзятого козарлюгу,—колы знаете—Петра Сердюка. (Объ московськыхъ же писняхъ дамъ Вамъ, бо бажаете, одповидь, якъ уси прочытаю). А ректоръ не знаю, чы визьмецця за Срезневського такъ цупко, якъ треба; бо винъ хочъ чоловикъ уже й куды якый добрый, та велыкый панъ, дакъ не потурбуе себе такъ, щобъ ажъ оффиціально прыструныты Срезневського; а хиба чы не визьме винъ ихъ у его соромомъ. Просытыму, щобъ пры всихъ поровъ ёму очы, покы не оддасть; та все такы скажу, що не знаю, якъ винъ за се визьмецця и чы визьмецця. Теперъ же якъ на те и часъ не гарный до сёго: люде мруть, дакъ ридко вси мижъ себе бачацця; а ще якъ порозлазяцця по дачахъ, то до осены мовъ жабы зъ болота ледве носы вытыкають. А на Сердюка певнійша надія: ось побачыте!

Вернадськый поиде въ Петербургъ, то настройте й его одъ мого имення, а я пысульку Вернадському посылаю для передачы тому господыну. Посылаю ще лыстокъ писень. Доставъ я ихъ ажъ у Варшави и ось тилькы теперъ воны мени впалы въ рукы писля того розруху, що поставывъ усе мое кныжныцтво ногамы до горы.

Чы не будете часомъ йихаты колы черезъ Тулу? То отъ якъ знайты мое шатро цыганське: треба иты або йихаты Новою Дворянскою вулыцею вгору трохы не до самого поля, та якъ дойдете до остатнёго перехрестя, то по ливу руку буде деревьяный въ два пъятра домъ, жовтый изъ билымы ставнямы, на рижку, а по ливу на рижку поганеньки будынкы чорномази, чы дыки, чы попелясти; за си будынкы за рижокъ повернуть управо и иты, або йихаты просто зъ пивъ-гоней; отъ на ливій руци першый домокъ—тры оконця зъ зеленымы виконнычкамы на вулыцю—моя кватыра. Домокъ деревьяный поганенькій, попелястый, надъ хвирткою напысано: Титул. Совѣтницы Параск. Ивановой. А улычка все такы зовецця—катъ іи знае зачимъ—Новодворянська, якъ и іи сусидка—пани: мабудь родычи. Обіймаю Васъ щыро. П. Кулишъ.

31.

13 Іюля, 1848, Тула.

Ще разъ спасыби тоби, щырый порадныку мій, за твою пидмогу. Арцибашевъ пидоспивъ якъ разъ у саму робочу годыну. Якъ узявъ я его въ рукы та якъ заглянувъ, що воно е—бо зроду вперше цю кныжку й бачу,—такъ думавъ, що за таке густе та дрибне друкования выймай зъ кышени по малій мири жменю грошей. Отъ и полизъ до Лестрыку що колысь, спасыби тоби, мени надиславъ; якъ же зуздривъ, що за таке сокровыще тилькы тры рубли положено одъ Вашого шановного товарыства, то заразъ до гамана, та оце й посылаю тры рубли у сёму такы лысти,—оддай будь ласка,—та ще й подякуй свое высокоповажнее товарыство за таке добре дило, що й дешеве и сытне. А шановного, любязного мого дидуся, Аврама Палицына, и Лѣтопись о мятежахъ вертаю тоби, добродію мій мылый, изъ велыкою подякою та ще, щобъ то, якъ водыцця, оддать позыку зъ верхомъ, шлю тоби де-яки шпаркгалыкы, що повышкрибувавъ у своій скрыни. Може воны тоби й геть-то знадобяцця, не казавъ бы, якъ хозяину на всю губу.

Першый шпаркгалыкъ. Може выдавъ—де вже но выдаты? де-инде по Вкраини голеного запорозця намалёваного, що седя, пидобгавшы ногы, грае на кобзи та ще й промовляе. А що промовляе, те внызу й пидпысано. Ляхы зовуть его въ своихъ кныжкахъ ***козакомъ Мамаемъ***. Есть коло Суботова, чы що, и дубъ ***мамаивъ***, де винъ вишавъ ихъ браччыкивъ та жыдову. Було въ мене воно десь и запысано, та вже запамятавъ. Отъ же я колысь бувъ у Мошнахъ и знайшовъ тамъ сёго козарлюгу изъ такою пидпысью, що краща й просторнища одъ усихъ иншыхъ; та й саме малёвання вже старе дуже, що ажъ полупалось, дакъ тымъ-то я й не разибравъ одного слова на кинци—чы ***головатый***, чы ***борадатый***. Самъ уже домизкуесся,—мое дило тилькы зпысаты.

Другый шпаркгалыкъ. Колысь я бувъ зпизнавсь изъ запорозькымъ кошовымъ Гладкымъ и выпрохавъ у его де-яки звисткы про козацьке жытте пидъ туркомъ. Посылаю тоби ихъ. Де-що есть тутъ дуже цикаве: до того Миллера та Ригельмана воно й геть-то пидъ стать.

Третій шпаркгалыкъ—актъ про те, якъ дуже козацтво въ кости грало.

Четвертый шпаркгалыкъ—казка, запысаная въ Подольскій губерніи, цикава покыдька що до языка. Колы надрукуете, то благоволите прыпечататы: «списанная Евгеніемъ Малавскимъ». Буде радъ чоловичокъ. Воно жъ и то правда, що «достоинъ дилатель мзды своея.»

Четвертый шпаркгалыкъ—варыянтыки до писень.

Пятый шпаркгалыкъ—пошкрыбокъ изъ моихъ колышнихсь студій надъ весиллямы. Чы въ тебе бачъ пысана брошюрка о малороссійскыхъ свадьбахъ изъ письнямы, а пысавъ іи Стеблевській попыкъ? Колыбъ ще не въ того дуросвита Срезневського!

Шостый и сёдмый шпаркгалыкъ. Се вже такъ щось, я й самъ добре не знаю, на що воно треба кому.

Ще жъ е въ мене тоби, пане земляче, цяцька—козацькый леестръ 1741, чы що, року, та не въ мене, а ажъ у Петрозаводському. Якъ бухне винъ тоби на стилъ, дакъ знай, що це одъ мене гостынець. Друковаты ёго може й залышне, а що такъ держаты, дакъ и геть цикаво. Побачышъ, яки тамъ прызвыща: Мыкыта *Не-ижъ-сало!* Семенъ *Урвы-хвистъ*: що за кумедный народъ бувъ ци козакы! Отъ же тоби дарю сей леестръ на викы вишни, не съ тымъ, що «на тоби небоже, що мени негоже», а для того, що ты ёго збережешъ и до пуття доведешъ лучче одъ мене. Теперъ прошу одвитовать мени: якъ именно пысать у Вильну до кныгопродавдя Завадського и що коштуе, и якъ зовецця кныжка Дзялынського про Лысовчыкивъ? Що коштуе Бутурлынъ? и чы не продаецця у розбывку, якъ Арцыбашевъ? Ище жъ будь ласкавъ перекынь мени экземпляръ украинськыхъ моихъ преданій, а колы нельзя, то хочъ одну *Орысю* зъ ныхъ. Жинка моя забажала ихъ, мабуть, на новыну; а зъ хаты никому не дамъ, будь певенъ. Ище жъ не все: ты, добродію, надрукувавъ колысь Исторыю Галыцькои Руси, чи Червонои. А ке-лышъ сюды одну кныжку по-прыятельски да по-братерськи! Исторыя моя вже дойшла до вшестя Отрепьева въ Сѣверню одъ Лытвы, и вже кныжка странычокъ изъ 200, якъ невелыкыхъ, а ще, може, буде два разы стильки до кинця.

О, буде мене шпыкгаты пидъ бокы ученый людъ! Та вже жъ нехай воны пышуть для такыхъ, якъ самы, а я для своеи ривни. Я бувъ хотивъ прыслаты тоби часточку на проглядъ, чы благословышъ такъ смилыво про исторычни речы глаголаты? Та не знаю, чы до того тоби! Тамъ може самому николы дыхаты. Дакъ чы не лучче пысаты та пысаты, якъ Богъ славъ на розумъ, а трудящыхъ людей дурныцямы не турбовать? Бувай же здоровъ, шановный мій

земляче, а я покы жывъ. Зостаюсь у щырій прыязни твоимъ найпрыхыльнищымъ слугою.

Панько Кулишъ.

32.

Коханый мій пане Осыпъ Максымовычъ! Добре, що оце доля злучыла мене якось изъ тобою: одъ тебе, якъ чого треба, заразъ добъесся товку, а вже мени отыи столычни панычи! Сердюкъ мовчыть, якъ стина; може его нема й на столыци, а може й е, та збожеволивъ; а гарный бувъ колысь хлопець. А родычи мовчать и поготовъ. Я бъ тоби, добродію, ось що порадывъ. Напысать бы тоби до самого владителя тыхъ писень, що заграбывъ Срезневськый (бо найбильшъ его письни залягли въ того харцызякы), щобъ прыславъ тоби до друку исторыцьки письни,—колы то воны въ ёго оцилилы у ту несчасливу заверюху. Я бъ и самъ напысавъ до ёго, та боюсь, щобъ изновъ не попастысь у биду,—скажуть, що тутъ «не литература, а политыцьки каверзы», щобъ воны имъ пропалы—такъ мени хотилось у ныхъ плутацця! Ты жъ, яко чоловикъ чыстый якъ скло, пышы и просы, чого хочешъ,—колыбъ тилькы той панычъ зъ переляку не зарикся одвитоваты на всяки лысты. Да вже жъ не куды йшло пропысаты до ёго слово, чы друге, отъ ёго й адресъ: «Никол. Ив. Костомарову, въ Ростовѣ». Колы не пропавъ его зборныкъ, то неможна, щобъ утерпивъ вінъ не послаты тоби, яки въ его знайдуцця, исторыцькыхъ писень, тылько напышы, якый у тебе скарбъ готовъ до друку, и тылько за не тымъ друкуешъ, що Срезневськый заграбывъ тыи письни, що выпысани зъ его, Костомарыного зборныка. Пышы жъ, пане земляче, до сёго паныча по-московськи, а то злякаецця та й замовкне. Ще лучче, колы одзовесся до ёго, яко Секретарь Общества Исторіи и Древностей на друкованому лысти за казенною печатью—тоди не буде жадного сумленыя.

Ни, пане добродію, Орыся моя була добре выправлена: не було въ ій такыхъ промахивъ, бо чы разъ же то чытавъ я іи прыятелямъ?

Исторыю свою я подилывъ на дви части, щобъ не однымъ духомъ напысаты, и оце перша часть нехай буде «Исторыя Борыса Годунова и Дымытрія Самозванця», а друга ще безъименна. Знаешъ, треба де що позбираты та розчовпаты перше, да тоди вже й за другу кныжку, а се нехай буде опытъ, чы годыцця такечкы пысать историю.

Днивъ черезъ пять и закончу. Плетневъ постараецця, шобъ тамъ у столыци пропустылы ін черезъ цензурне мытарство, да тоди вже треба думаты, якъ іи и на свитъ выпустыты. Покы жъ се буде, бувайте здоровы. Оце зождавшы недиль зо тры, хочу прохацця, чы не дозволять мени осисты въ ридному хутори коло мистечка Вороныжа. Плетневъ дае надію, що вже на цей разъ змылуюцця. Такъ оттамъ знову може де знайду яку литопысь чы що до твоихъ «Чтеній», щобъ запобигты сіого счастлывого часу, покы ты редакторуешъ. Чы не чувавъ ты про Иллю Тымковського, що бувъ директоромъ у Новгородку? Кажуть, винъ колысь думавъ пысать исторыю Малороссіи и, будучы ревызоромъ архывивъ, повытягавъ звидты цилкомъ, що тылько похотивъ, та й державъ у себе, мовъ та собака на сини. Теперь чы не вмеръ лышъ старый кулакъ, а Турановка его звидты не далеко,—то отъ чы не одкопаемо мы нового колодезя до исторыи ридного краю? Такъ-то бачъ мизкую соби, якъ то тамъ весело буде мени проживаты на тій Украини, а якъ не дозволять, то й терны отутъ горе!

Кланяемось тоби зъ жинкою да просымо не забувать насъ середъ твоихъ хлопотъ лыторацькыхъ. Прыхыльный до послугъ.

Твій П. Кулѣшъ.

1848, Авг. 11. Тула.

33.

Выбачай, шановный мій прыятелю, що я такый на тебе звивъ поклипъ. Ни, бачу, шо ты отаманъ-характерныкъ голинный: свого дила не проспышъ и не проґракаешъ! Це, бачъ, мени зъ велыкого жалю такъ у голови завернулось, що я шкоду свого чуры-пысарчука зложивъ на такого шыро-хороброго лыцарюгу! О, щобъ же іому тамъ на Вкраини галушкы та варенькы въ пельку не лизлы, якъ винъ оце удравъ мени таку швабу! Двійчы шваба: перше, що вийшла нисенитныця въ друку, а друге, що зневажывъ такъ необачне тебе, мій добродію, которого шаную и поважаю що найбильшъ у свити! Эге! та вже жъ нехай воно на сухый лисъ иде, а мы зъ тобою черезъ таку накость прыязни не одмитатымемо: чы правда?

Добре, дуже добре оце ты выметыковавъ, якъ выдрать зъ лапъ у того козолупа Срезневського нашы письни. Шлю тоби и свыдитель-

ство: нехай воно поре ему тыи собачы очы. Та вже, якъ выдерешъ, то будь ласка заразъ и мени посылай звистку, щобъ и я радовався.

А я саме оце зкончывъ свою працю, що роздилывъ на-двое. Воно жъ и по матеры дуже одно одъ другого ризныцця, хочъ друге у першому мае почынкы. Дай же Боже часъ добрый, колыбъ мени оця исторыя помогла умылосердыть столычныхъ панивъ, щобъ дозволылы й нашому брачыку держаты перо за ухомъ!

Жинка моя, спасыби ій, що напышу, то й перепыше; отъ воно мени й покволнійше,—и теперъ ще докончуе пысанье, та потимъ уже й пошлемо на столыцю.

Теперъ, мій щырый порадныку, спытаюсь я въ тебе ще про одне дило. Колысь було я прынюхуюсь до Одыссеи, чымъ воно пахне; ажъ воно пахне правдыво тымы гуторкамы, що отъ вжколы поведе старый дидъ изъ молодшымы чоловикамы, сыдючы на колодци въ свято, або коло лушныка, у довгы зимни ночи. Отъ не разъ спадало мени на думку, що то якъ бы взять оту Одыссею та й перелыцевать якъ небудь по-наськы, або слово до слова росказаты нашою риччу? Та подумаю, подумаю такъ, та и занедбаю зновъ таку хить. А теперъ отъ прышлось мени сыдить безъ уряду, зложывшы рукы, чы не взяцця бъ до тыи праци? Тыльки треба де чымъ цупко до того запомогтысь. Якъ тоби здаецця?—Чы може ничого росхожуватысь? бо, якъ тамъ кажуть, се праця «неблагодарна», никому непотрибна!—Ге?

Оттаку тоби карлючку загнувшы, шлемо поклонъ разомъ зъ жинкою,—бувай здоровъ, счаслывъ, а мы тоби до послугъ на всякъ часъ готовы.

П. Кулишъ.

1848, Авг. 20. Тула.

35.

1848, ноября 6. Тула.

Дякуемо твоій ласци, шановный пане земляче, за новую кныжку «Чтеній». Сподивалысь знайты餅 пры ій и пысульку твоей рукы, та мабудь тоби якъ кажуть, теперъ не до соли. И не одрывайсь такы одъ свого дила, якъ не мае пылкои потребы до насъ лыстоваты. Лучче нехай та хвыля пійде на пидмогу науци. Мы й такъ знаемо, що ты про насъ памятаешъ, якъ и мы про твою мылость.

Зъ «Историею» намъ не посчастыло: не можна друковать, бо погано зкомпонована. Самъ товарышъ министра іи чытавъ, да й

одвитовавъ тымъ велыкымъ гетманамъ, що не гарно напысана,— дакъ ничого таке й друковаты. Таке-то лыхо! Такъ оце вже треба зновъ брацця за граматку та вчытысь такъ компоноваты кныжкы, щобь варты булы друку. Ты може спытаешъ: а що жъ цензура? Цензура—зкраю, вона ничого не знае; вона, бачъ, за мою кныжку й не прыймалась, бо, сказано, на що марне й часъ тратыты на такее пысання, що й друку не варте? Э!

Кланяемось твоій мылости обое. П. К.

Будь ласка, пошлы що найборзій хлопця зъ прыложеною тутъ пысулькою, щобъ того чоловичка захопыть нще въ Москви, бо винъ выйизджа.

39.

12 января, 1849 Тула.

Мени треба, шановный пане земляче, Нимецько-Русько-Французско-Англійскій словарь Рейфа. Велыке спасыби тоби за обицянку одтыскивъ. Сіогодни напысавъ я до своей господыни, щобъ не забула узяты ихъ у тебе. Та за тымъ же заходомъ будь ласка дасы мени прочытаты *Южного Руського Сборныка*, Метлынсьского, а я тоби верну іого укупи зъ Жуковсьского виршамы. Може тоби вже й треба Жуковськый, то напышы—заразъ и прышлю, колы жъ тоби ще не до соли буде довго, то нехай полежыть. Мы іого прочытаемо удруге зъ жинкою. Вона голубонька ще й доси не знае, чы вдіе що зъ тымы велыкымы панамы та гетманамы. А тутъ и тоби, кажешъ, прыпекають—горе та й тильки! Якъ зкончыцця твое дило, то будь ласка заразъ напышы, якъ ты у Москви зостаесся и що маешь чыныты? Велыка буде моя радисть, колы дадуть такы тоби яку-небудь пильгу; хочь же и ни, то не журысь дуже, бо журбою поля не перейдешь. Перемелецця, то й мука буде. На все е въ Бога ликы.

Прочытавъ я Одиссею и другу кныжку Жуковського. Гарно и Боже якъ-то гарно вміе той старый дидусь Гомеръ старовыну оповидаты! Велыке дило зробывъ, чы ще зробыть Жуковськый, перелыціовавшы іого речы по своіому, тильки, братику, не осуды мене, якъ скажу, що нисъ мій якись инши зилля чуе у тому Гомеровському вертогради. Не сподобывъ мене Господь изучыты грецькый языкъ,—чытавъ я Одыссею тильки по французьськы, то мени здаецця, що треба бъ якось простишъ отцымъ Менелаямъ то-що розмовляты.

Може це такъ уже воно здаецця, а тилько якъ чытаешь, то наче луна йде не по гаяхъ, не по лугахъ, не по води, а по высокыхъ палатахъ, у якыхъ не жылы ще тыи голосномовныи люде. Якбы Жуковського ще разъ маты на свитъ породыла та вже не царськымъ захребетныкомъ, а пахаремъ або чумакомъ, до може бъ тоди Гомеръ заговорывъ до насъ власною мовою. А все такы величезне спасыби пану Жуковсьскому за іого працю. Теперъ, пане земляче, навчы ты мене своеи писни: якъ тоби здаецця та Одыссея. Ты чытаешъ іи по грецькы, то тоби й патерыця у рукы: судъ твій буде правый. А мы, люде прости, тебе пысьменного послухаемо.

Мени давъ Бигъ радисть—дочку оддаю замижъ. Е въ мене у м. Воронижи хресныця, Оленка Вовкивна, дивчина така, що якъ погляне, то наче шовковою хусткою смашныи уста обитре. Бидна сыротына, выкохала іи недоля, а оце вже знайшла соби пару, дакъ я завтра посылаю батькивське благословенье. Тилько чогось на серденьку важко: знаешъ, яки въ насъ чоловикы на Вкраини. Колыбъ не прышлось и ій, голубонци, квылыты такъ, якъ у тихъ писняхъ, що само серце ихъ намъ проспивало, зъ тугы та печали разрываючысь. Що жъ-то якъ рідну дытыну кому прыведе Бигъ у чужу семъю оддататы? Якы й-то жаль тому отцю-матери!

Бувай же здоровъ, пане брате, та не забувай твого щырого до послиду годыны прыятеля.

П. Кулиша.

40.

Ничого вже й казаты тоби, батьку Осыпе Максымовычу, якъ мене оттой харцызяка Срезневсьскый преогорчывъ. Зъ серця пышу до всякого на столыцю про іого злодійство—нехай люде правдыви плюють на іого слиды; хочъ цимъ іого покараемо. Спасыби тоби, батьку, за ласкаве прывитанне моеи жинкы. Що то якъ бы намъ пощастыло перебратысь до тебе у ту Москву? отъ бы зайшла робота и языку, и серцю, й голови! Та отъ уже хутко буде намъ звистка зъ Петербурхя. Радъ я, що вы соби обое зъ своею сестрыцею жывете веселенько; ажъ духъ мій радувавсь, слухаючы, якъ моя стара слебезувала мени про Вашу господу и про ваше мыле життя-пробування. Спасыби, мій голубе сызый, и за кныжки, которыми ты знову

мене наградывъ. Счасте твое, що ты своимы працямы прыманывъ до себе и самого Гоголя: багацько може зробышъ ты намъ усимъ добра напныговавшы іого святою старосвiццынóю нашою. Колы ласка, напышы, добродію, до мене, якъ тоби теперъ здаєсь той чудный та дывный козарлюга? Що винъ робыть, або мае робыты? чы не покынувъ на викы своей Украины?

Теперъ у мене велыкодны свята, то гуляю, не роблю ничого. Богу дяковать, пробуваю здоровый. Поклонысь, батьку, нызенько одъ моей жинкы Марөи Никитычни. На дыво вподобала ій моя пани! не нахвалыцця, що за предобра та премыла людына! Прощай та й насъ не забувай, а мы тебе й во сни бачымо. Жинка моя нызенько тоби кланяецця. П. Кулишъ.

1849, марта 16. Тула.

Метлынськый прыславъ мени свій Зборныкъ. Якъ тоби здалась *Наталя* Макаровського, а мене дакъ и за ухо одъ іи не одтягнешъ. Та се жъ, братику, сама чыста патока! отъ медови рички! Отъ поважна та мыла мова! Пидперъ козакъ, ничого сказаты, нашу лытературу, нехай тамъ ему у ротъ сунуцця сами вареныки зъ сметаною! *Неволя* чи Гарасько уже зусимъ не те, та спасыби й за *Наталю*.

Сердюкъ пойихавъ у Дерптъ за кандыдатствомъ. Колыбъ ще Бигъ до-помигь оцiому бидаси выбрацця зъ калюжы та поставыты свою мажу на суси, коло шынкаркы Маруси!

46.

1 Декабря, 1849. Тула.

Отъ, братику, що вже й на лысты увирвалась нашому брату нытка. Сюды хипъ, туды хипъ, але у кышени бряжчыть не дуже-то. Э, пекъ іого матери! такъ лучче жъ нехай та грывняка пиде на силь, нижъ на те, щобъ зповистыты якого козарлюгу, що отъ знай, що мени весело, або скушно. Колы козакъ друзяка, до не забуде винъ побратыма й безъ лыстивъ, а ледачого й ланцюгомъ до себе не прыкуешъ. Отъ изъ цiй-то, братику, рахубы годи вже я лыстоватысь до тебе що мисяця, а колы не лучыцця ничого особлывого, то вже одберешъ одъ мене лыстъ ажъ у тры мисяци разъ. Отъ до чого довелы злыдни козака!

Тыжъ, братику, не мизкуй соби, що це я або сумую, або увесь свитъ изъ нудьгы остывъ мени. Э, бороны, Боже! И вчора Кулишъ и сіогодни Кулишъ; не перестане винъ кохаты до вику, кого укохавъ разъ щырымъ серцемъ, и хочъ бы роквъ двадцять не бачывся й не лыстовавсь изъ тобою, то й на волосынку не зминыть винъ своеи до тебе прыхылносты. Прощай же, братику ридный, на тры мисяци. Колы-жъ трапыцця тоби або кватеру переминыты, або зъ Москвы куды зъихаты, то будь ласка зповисты мене, щобъ я знавъ, де ты въ Господа обертаесся. Тежъ саме чынытыму й я. Теперъ же я й моя жинка живемо, якъ Богъ намъ повеливъ, отъ у сій навысній Тули, учымось де чого по трошку седючы дома та й ни про що не дбаемо. Добре й такечкы жыты на свити. За все про все дякуемо Господеви мылосердному!

Вамъ же обомъ нызенько кланяемось. П. К.

57.

Шановный Добродію

Осыпе Максымовычу!

Про твого брата я пославъ лыстъ у Полтаву заразъ, скоро прочитавъ твою суплику, та не знаю, чомъ одвитованнa немае. Оце надбавъ трохы усякои старовыны, та вже, якъ у тебе скрыня іи добра и ты въ насъ певный старовынный господарь, дакъ прымы й це докупы—може кому знадобыцця. Я жъ, Богу дяка, живъ и здоровъ изъ своимы паніями и панночкою,—тильки дуже жалкую, что грецька мова не дуже мени втямковуецця; а чомъ? Эге, бо треба грошы заробляты, а то пропаду з голоду колысь и зъ грецькою мовою. Такъ, пане брате; не гань мене й не сылуй. Я й самъ чоловикъ щирый, та трудно, кажуть, праты протывъ рожна. Одъ пана Ивана Ханенка довидаесся де про що з моихъ оккупацій. Бувай же здоровъ тай насъ не забувай своимъ словомъ.

До послугъ щырый землякъ П. Кулишъ.

Р. Б. 1852, февр. 18 С.-Петербургъ.

64.

С.-Петерб. 1852, ноября 14.

О, щобъ васъ та бодай васъ! Я думавъ, що вы вже давно одпровадылы посылку, та й мовчу, а теперь на ката моимъ паніямъ

муфты и мантыліи, колы воны самы идуть у муфту? Я напысавъ нимъ, щобъ не дожыдалысь, и попрохалы продать ци вытребеньки охочымъ. До Васъ воны будуть може черезъ пивтора тыжня, а може й черезъ два, бо воны до сіого торгу й пишкы, сыричъ до Блатенська.

Эге, нашъ землякъ Макаренко (якый винъ у биса Макаровъ?) пишовъ у гору, такъ що тилькы дывысся та подцмокуешь.

Оце въ середу запрохавъ винъ мене зъ собою до тихъ панивъ, що зовуть журналыстамы,—бачте чытаты, якъ тамъ кажуть, романъ іого. Добре, думаю, побачымъ чы почуемъ, що тамъ за розумни люде, и що винъ тамъ зкомпоновавъ, и що казатымуть іому премудри головы. Отъ свыточкы понадивалы и пишлы. Чорты бъ убылы ихъ батька, якъ ци пъявкы пысьменного люду пышно живуть! Одынъ дзыглыкъ у іого—такъ нашому брату була бъ кватыра. Лежачы хлибъ заробляють. «Де жъ тыи бидолахы туляцця—подумавъ я—що понавыроблювалы имъ оцихъ лампъ, оцихъ мармуровыхъ куколъ, оцихъ кылымивъ? Може въ иншого у кисткахъ ломыть одъ холоду та сыросты, а винъ пославъ черезъ усю хату цимъ господарамъ зелене сукно: самому бъ такъ на жупанъ згодылось, а воны ногамы топчуть».—Ну, дарма, колы вже така въ ихъ хисть, нехай соби панують. Отъ и почавъ нашъ Макаренко чытаты имъ свою кныжку. Та й мудра жъ кныжка! Де винъ и чувъ, видъ кого винъ довидавсь про таку стародавню старовыну? Наче про ридного батька, такъ винъ росказуе оттамъ про якого небудь лыцаря або гультяя, що вже й кисточокъ іого доси не зосталось у могыли. Гарно, такы такъ гарно, що и самы тыи ледакторы облызуюцця, та не диждавшысь и кинця, заразъ и почалы зъ нымъ торгувацця, наче за вивцю, або за шкапу. Винъ имъ—поглянувшы на ти препышныи уборы—и каже: що жъ панове? тутъ ничого таицця, та й самы вы здорови знаете, що намъ хто бильше дасть, зъ тымъ мы и сваты. Колы хочете, щобъ я не оддавъ свого компонования К-му, такъ давайте по 60 рублывъ. Воны ажъ затряслысь. «Голубчыку, кажуть, хыбажъ не знаешъ, якыи теперъ часы? и намъ иноди доводыцця бидоваты, якъ прыдецця даромъ за друкъ платыты». Та давай клястысь, що прытьмомъ не можно, а колы хочете, кажуть, то по 50 р. Ну, знаете, яка поквола душа въ нашого земляка: заразъ и згодывся, та ще впрохалы іого и ту повисть, що пидъ ладъ до першыхъ буде напысана, имъ оддать, а тамъ, якъ Богъ поможе журналови, то може й кращчу плату дадуть, щобъ не пустыть до того К-го. Не люблять воны іого,

а винъ добре прыслужуеццямъ нашому землякови; якъ бы не було іого пидъ бокомъ, такъ воны бъ и губу закопылылы. Такъ отъ вамъ и лытературны новынкы. Оце 1-го декабря вже й выйде початокъ Макаренкового компонування. Скоро винъ буде у Васъ у Москви. Я прохавъ іого и до Васъ зазырнуты, щобъ вы зналы, що то за Макаренко, а винъ щобъ знавъ, що то за Исько Матерынка.

Я жъ оце вже зновъ почынаю служыты у мыныстерстви, щобъ землякы и мене узывалы паномъ. Може такы й мени якый чынокъ прыбавлять—усе такы повышчаю, що якъ вернусь на Вкраину, то може де на весилли й вышче головы, або волосного пысаря посадять.

Бувайте жъ здоровы та й насъ не забувайте. А про рудого Панька Мак. написавъ, та врядъ чы дозволять тутъ у насъ, бо кажуть—годи вже вамъ балакать про того нависного пасичныка.

До послугъ готовый землякъ П. К.

Адресъ: такъ и пышите, якъ напысано, покы зповищу.

65.

Р. Б. 1853, февраля 3 дня.

Та годи вже! нехай іому цуръ тому кожухови! Що зъ воза впало, те пропало. То жъ изъ воза, а це зъ огненной колесныци. Кажуть паніи, що прытьмомъ усе имъ подано до рукъ, опричъ кожуха: салопчыкы не звязаны ничымъ, а дви подушкы звязаны тоненькымъ реминцемъ, а пояса ніякого воны не бачылы. Мабуть уже тамъ така кумедія не новына, выдно кожухъ кынулы у комирку, а чого имъ не треба, те й подалы. Эге! Цуръ же іому: намъ и безъ кожуха, слава Богу, тепло. Купылы мы соби оце недавно гусли, що зовуть роялемъ, та се у такого майстра, що й сказаты страшно,—ажъ у самисинького Вырта. Эге! а чомъ же и намъ не поставыть у себе такыхъ гусливъ, якъ у велыкыхъ панивъ? Зуміемо й мы на ихъ играты. Тильки не лякайсь, добродію земляче! Ты вже думаешъ може, що якъ у Вырта, то заплатылы цилковыхъ 500 або 600. Ни, мы выбралы соби уже обиграны, чы якъ тамъ кажуть подержаны гусельки, та ще попрохалы такого мыстця торговаццця, що нимець жався, жався та й оддавъ за 300 карбованцивъ. А воны такъ же густымуть, якъ шесты-сотни. А гарныи въ насъ е писни на нотахъ. Тыи, що я въ тебе, добродію, узявъ, забрако-

вавъ нашъ музыка Артемовськый; каже, що нависный той Марковычъ не знать чого надряпавъ. А самъ винъ, цей музыка, зкомпоновавъ дуже гарныхъ штучокъ зъ пивдесятка, такъ серце й пидмывають и пидмывають. Разъ заграе и заспивае, то здаецця пишовъ бы навпрысядкы; а потимъ такъ заголосыть, що й запорожець понурыцця. Напышы, будь ласка, де теперъ ты панночкы Оксакивны, може бъ я имъ де що переславъ: нехай бы взналы правдыву нашу мелодію, незаправлену нимецькымъ хмелемъ. А тому жвавому панычеви Оксаку хотилось бы перекинуты кныжечку на незабудь. Такъ роспытай, колы твоя ласка, та дождавшысь слободного, часу, й пысны.—Ну, отъ тоби й про рудого Панька надруковано у другій кнызци От. Зап. Прочытай за однымъ заходомъ и кинець Однорога мого прыятеля та й скажешъ, чы гарно, чы може покепкуешъ. Ты въ насъ пысьменный чоловикъ на всю губу,—тоби й кныжкы въ рукы. Та не дуже кепкуй, бо тутъ багацько де чого не мае, що було напысано въ того козарлюгы, а де що й не такъ, якъ у ніого було. А що, чы москалямъ по нутру оповиданне про ихъ старовыну, чы може кажуть: Колы не пипъ, такъ не вбырайсь и въ рызы, балакай про своихъ запорозцивъ, а мы й самы про своихъ предкивъ роскажемъ? А якъ бы наше пишло въ ладъ, то Макаренко ще напысавъ бы дви такы казкы про ту жъ старовыну; тоди, каже, воно буде дило съ кинцемъ. А се винъ тильки такъ, якъ той Квитчынъ малярь, що выставывъ на ярманьци салдацькый патретъ та й прытаивсь, що казатымуть мыряне.

Паніи наши здоровеньки й веселеньки; кланяюцця Вамъ обомъ укупи зо мною нызенько. Прощайте та й не забувайте. Ноты, лыстокъ газеты и воротнычокъ прышлю по почти. Щось нашъ братъ не дуже хапаецця до дому. Колы не тисно Вамъ изъ саньмы, то ще подержите. Мы шукаемо оказіи, щобъ хто взявъ та довизъ до Борзны, колы жъ тисно, то попродайте, якъ самы знаете. У прыязни щырый землякъ. П. К.

75.

«Бувъ у Тули та и въ дули», добре мовлявъ есы, мій добродію. Скоро прыйихалы мы у сю Тулу, заразъ вона й нагодовала насъ дулямы. Одно: не засталы въ господи господаря, а друге: тарантасъ нашъ стоить наче облуплена шкапа. «Буде каже, готовъ черезъ

тыждень», та мабудь изновъ готуе дулю вразькій Тулякъ! А що нема въ господи пана, то сёму самъ я выненъ: треба було мени заразъ пысать до ёго изъ Москвы у Тулу, а я, напысавшы зъ Блатенська на село, и бай-дуже про те, що винъ може чекае насъ у городи. Теперь же винъ пойихавъ на якесь тамъ слидствые, а вернецця «може» черезъ днивъ пъять. Шкода й часъ тратыты. Знайшлы мы у того жъ песького сына каретныка гарну брычку, тильки трошкы неготову, та може купымъ та й почымчыкуемъ на Вкраину. А все такы днивъ зо тры чы й билшъ треба тутечкы загаяцця. Навидаемось до земляка, що жыве коло Рогожаной крыныци. Бацця пысавъ я колысь до тебе, шановный друже, про сёго земляка. Нудячы свитомъ у сій Тули, було мы съ жинкою пійдемъ та й блукаемо зъ пивъ дня по за околыцямы. Отъ разъ прышлы до гарнои церковкы, що стоить на одшыби сама соби середъ поля, помижъ селамы и гаямы. Коло церковкы тилькы хатына, а трошкы оддаликъ—попова оселя незагороженa, не пышна, тилькы въ іи й роскошы, що зелени лыпы кругомъ. Напывшысь у крыныци воды, идемо мы до церкви—ажъ гулькъ: назустричъ нашъ землякъ, та такы заразъ по нашому й заговорывъ. Роспыталысь мы зъ нымъ и познакомылысь. Служывъ колысь у москаляхъ, а теперь дожива вику сторожемъ коло церкви и панамаремъ. Часто було мы ходымъ до ёго на одвидыны; иноди полуднуемо въ ёго малопросолни огиркы, а потимъ рвемъ дыки квиткы коло ёго на цвынтари. Нигде стильки не росте округы Тулы квитокъ, якъ на тихъ могылкахъ коло земляка. Любо було намъ до ёго навидувацця. Все було сердега сумое, що не зоставсь у свойому краи. Жинка въ ёго, бачыте московка, такъ вона ёго й заманыла у Тулу. Тутъ іи сынокъ изъ почтаривъ выслуживсь у офыцеры; такъ вона то думала, що винъ ихъ пры старосты прыголубыть, а той поганый цуцыкъ якъ дождавсь власного лову, дакъ про матиръ и байдуже. Оце жъ мы що йидемо черезъ Тулу, то до земляка й навидаемось. Та й радъ же намъ дидусь! наче добрымъ родычамъ. Отъ и теперъ вечиркомъ до ёго зазырнемъ: що то винъ тамъ бидолаха робыть. Може вже й надъ нымъ буяють дыкы квиткы середъ могылокъ. Не дай Боже на чужыни вмерты!

Бувайте жъ здоровеньки та й насъ не забувайте. Мени ажъ и доси якось не по соби, що мы въ васъ накоилы калыбурды. Наче військови постоемъ стоялы. Довго треба буде вамъ порацця, щобъ усе знову зробыть якъ скло.

Не осудите, Бога рады: мени здавалось, що воно не такъ буде хлопотно для Васъ. Цуръ ёму сёму звычаю—завертать до прыятеля. Теперъ уже, якъ трапыцця произдЖаты, то лучче до Шевалды; ажъ мій друже коханый, не зупыняй и не жалкуй: побачышъ, що вси будуть уконтентовани. А грошы тутъ не Богъ знае яки. Кланяемось Вамъ обомъ уси нызенько.

Щирый до услугъ землякъ П. К.

1853, іюля 2 Тула.

Ще одну кныжку знайшовъ: Notices and Anecdotes illustrative of the Jncidents characters and scenery described in the Novels of W. Scott, in 8—o, 3 fr. 50 c. Може се та сама, що я запысавъ у Москви. Колыжъ не та, то знайды, будь ласка добродію, и вышлы або выпыши.—Пани моя, опричъ мене, особо дякуе твоій, пане земляче, сестрыци за іи ввичлывость и добристь. Зовсимъ, каже, наша землячка украинка.

76.

Отъ мы й дома, пане земляче! Та й не хутко жъ мы дочвалалы. А чомъ? Бо въ насъ на Вкраини жидова и доси орудуе де чимъ. Якъ отдавалысь на 12 рикъ станціи, такъ вона й перехопыла у напивъ, згодывшысь на саму дешеву цину; теперъ же держыть таки мызерни шкапы, що одъ витру валяюцця. У Кролевци мы простоялы якъ разъ 10 годынъ. Ну, та слава Богу, вернулысь до дому живы й здоровы. Любо повива витерець изъ саду у наши викна. Сонце сяе, дерево мае лыстемъ передъ самымъ моимъ столомъ; а у Блатенську де сёго взяты? Хвала тоби, Господы, що вынисъ мене живого й цилого изъ тыеи болотнёи цивилизаціи. Лучче тутъ носыть свытку, нижъ тамъ жупанъ. Теперъ оце разбыраю свои кныжкы та струментъ, а трохы одпочивши и налагодывшись прымусь за роботу.

Нилолай Даныловичь не дождавсь насъ та й чкурнувъ за дитьмы до Харкова. Карета цилисинька, и наша коляска, хочъ мы на-

валылы на сю увесь той грузъ, що складавъ Андрій на поштовый возокъ.

Бувайте обое здоровенькы та колы що, то пышите до насъ, а що вже я, то колы що трапыцця для Васъ цикаве зъ кныжокъ або що заразъ зповищу. П. К.

1853, іюня 18. Мотронивка, коло Борзны.

А що тыи панычи зъ журналомъ? Даусъ?

Колы е у Арльта або въ кого другого кныжка: Dictionnaire gènerale anglais-français et fr.-angl. par *A. Spiers*, то купите, колы жъ нема, то нехай Арльтъ выпыше. Мени треба тильки anglais-français, а français-anglais зовсимъ не треба; та колы воны продаюцця укупи, то ничого робыты. «Кобыла за диломъ, а лошя безъ дила». Тильки зъ лошяты выросте кинь, а съ того français-anglais чортъ маты-ме ничого.

Може вже выдумалы Аглычане якій иншый кращый лексиконъ, анижъ Спирса, такъ, посовитувавшысь, и купите. Мени-то, бачте, треба не слова, а термыны по всимъ наукамъ. Знаю, що е такый словаръ, объясненный по англійски жъ, та не знаю, якъ винъ прозываецця. Будь-ласка, роспытайте у знаючыхъ людей, яке изданіе новійшъ и краще, та й звелить Арльтови выпысать. Хочъ бы рубливъ и 10 коштовало, заплачу. Тилько не энциклопедію, а таки объяснительный словаръ по разнымъ наукамъ и ремесламъ. Е, именно е такый у тыхъ англычанъ.

86.

Тула 1854, февр. 10.

Оце жъ мы вже йимо й дули, шановный пане земляче. Прыйихалы сюды ще вчора, въ першій годыни. Добра була дорога; колы бъ така й до самого дому! а все рады, що добралысь до оддыху. Що за людына мыла оцей Гусъ! Серце радуецця, дывлячысь на іого жыття. Завтра йидемо дальшъ.

Подывывсь я тутъ на Мертвы Душы, та ажъ потылыцю почухавъ. Щобъ іого злыдни пысалы того пысаря! Самъ накрундіовавъ (?) хапаючысь, $2^3/_4$ аркушивъ, а $4^1/_4$ давъ перепысаты якомусь дурневи, що пыше буйнишъ та ще не тямыть и правопысаныя, а все тилько мѣня (це бъ то мене). Колы можно, то кыньте тому дурневи за тыи аркушы грошы, та нехай вашъ пысаръ перепыше усе одныею рукою, та нехай не розганяе стричокъ, такъ що на стрици тольки по два слова, а гарненько перепыше. Того рукопысь кинчаеццяя словамы: «и потомъ, минуту подумавши, спросилъ себя внутренно, точно ли бы теперь умнѣй распорядился? И. махнувши рукой, прибавилъ».

То за однымъ заходомъ нехай перепыше й Гостраныцю, та й посылайте хутенько, бо далеби вже давно хочеццяя покуштуваты тыхъ паньскыхъ ласощивъ.

Дякуемо жъ Вамъ, добродію, за всю вашу ласку. Просымо насъ не забуваты лыстовне, а мы до Васъ разъ по разъ верстатымемъ мысленную дорогу.

Гусько Вамъ нызенько кланяеццяя кгеккгечучы.

Вашъ П. К.

87.

Февр. 25, 1854 Мотроновка.

Шукавъ шукавъ я своихъ кунштыкивъ, що колысь поробывъ изъ тыхъ кобзаривъ та дидывъ, що росказувалы мени про давню старовыну—нема! Знайшовъ ось одного тильки прудыуса да й то вже на картони. Посылаю жъ хочъ сіого—нехай винъ розважае тебе, мій любый прыятелю, на чужыни. А то постривай лышъ, ось прыде лито, мы тоби намалюемо де що зъ натуры, колы ты до сіого охочый.

А що жъ се, братику, немае одъ тебе посылочкы зъ паньківщыною? Та ще, будь ласка, не забудь выпысаты изъ Тыхонравовськой кныжкы зъ якогось лысту щось таке про Панька, що не знайшлы тоди мы зъ тобою. И колы чого добувъ для мене, то хутенько, братику, й высылай, бо *нехай*—лыхый чоловикъ, и духъ мій іого не терпыть.

Мы, слава Богу, жывы и здоровы; де що пороблямо, майструемо, а билшъ оддыхаемо писля тый городськой праци. Тутъ иншы зайшлы труды. Оце взявъ до верстака хлопця—неука та и учу сто-

лярськой наукы, щобъ було кому майстровать, якъ доведецця хату опатруваты у тому Зарози надъ Оржыцею. А тутъ розжылысь на тройко коненятъ, такъ треба объижджаты, бо ще не ходылы у запрязци. А тамъ у саду зайци обгрызають дерево—такъ часомъ підемъ изъ рушныцею, чы не застукаемъ которого на гарячому вчынку, Та де що зъ свого давніого выправляю, щобъ уже хочъ и сывому чоловикови доведецця взяты у рукы, такъ щобъ не зганывъ. Треба, брате, щобъ ричъ була тверева у такому пысьми, якъ про ти давни. кривавы рокы. Тутъ ничого не визьмешъ солодкымы словцямы та выкрутасамы. Хотилось бы такъ, щобъ що лыстокъ, то й зерно, щобъ не було половы або пустоцвиту. Оце жъ усе чытаю своимъ та й прыслухуюсь самъ наче чужымъ ухомъ, та описля, вернувшысь у свою келыю, и выправляю, не жалуючы ничого. Се вже, може, чы не послидняя буде працція. Перепышу та и нехай лежыть для ненарожденныхъ.

Любо, братику, пожыты дома на воли, безъ тыи городськой докукы, безъ тыи неустанной праци на спихъ,—пожыты зъ самымъ собою, огледыцця трохы на свое хозяйствечко, довесты де що до ладу, а тымъ часомъ и одпочыты тиломъ и душею! Оце жъ такъ я провождаю свій часъ оттутъ у хутори, де нема й чуткы ни про ту навиженну Рашель, ни про тыи гаспыдськіи столы, ни про тыи учены змагання друкомъ и словамы. Ажъ дыхаты легко!

Ну, а ты жъ якъ ся маешъ, якъ жывешъ? Чы бачывсь изъ паномъ Мыхайломъ! Обицявсь я заглянуты ще разъ до іого у господу та й не поспишывсь. Ты знаешъ, чы змигъ бы я и сее и онее. Оправды мене якъ знаешъ—нехай не гнивыцця мій любый добродій. Хотивъ я напысаты до іого лыстъ, та й не знаю якою мовою и якымы словамы. Може буде й не въ ладъ, якъ разбалакаюсь дуже шыроко. Такъ оце погадаю—погадаю тай мовчу. А що вже й казаты, якъ бы хотилось ублажыты сіого шановного дидуся риднымъ словомъ.

Тымъ часомъ бувай здоровъ, любый земляченьку, да не забувай твого щыропрыхыльного. П. К.

90.

Мотроновка окт. 4, 1854

Надобно сознаться, мой добрый и почтенный другъ Осипъ Максимовичъ, что я хохолъ не лучше всѣхъ хохловъ, и зъ Нехаемъ

полыгавсь, наче той жидъ изъ чортомъ. Нехай та нехай, ажъ гулькъ— и зима: треба якось буде ввичи дывытысь. Та вже жъ, не въ спрка позычать, треба одвичаты власнымы.

Правда, й клопоту мени було багацько—овва скильки! Вертивсь я у своему хутори мовъ ракъ на огни и ледве, ледве насылу та на превелыку сылу окукбывъ іого такъ, що зимою не замерзнешъ, а литомъ не спечесся. А тутъ гости: теща, Ригельманъ (сусидъ же бачь прыйихавъ, треба и до іого черезъ поригъ плюнуты), а дали Жемчужниковъ. Цей хлопець и геть-то у мене загаявсь, и хочъ дуже мени дещо поперебывавъ, ну, да вже жъ хочъ не дурно: тамъ таке втишне та цикаве враже москалча, що й роботу усяку забудешъ. Ото «пойидемъ у Пилтаву». Пойидьмо. Налагодылы брычечку, дойихали до Лубень — «погано въ брыцци: пойидьмо такъ на перекладній».—Та Бигъ зъ тобою! Якъ же такы мыни пидкыдацця на тій чертопхайци мовъ той кгуздыкъ-офыцеръ!—Ни такы! Якъ почавъ, якъ почавъ,— мусывъ я старистю бовтацця мовъ те барыло на вози до самисинькой Полтавы, ще й назадъ. Не знаю вже, чы багацько теперъ у мене въ жывоти чого зосталось, чы все выбовтавъ; а почуваюсь такъ, що кат-мае ничого, оприч свижого?.... Отожъ мы знайшлы и Яновщыну, про котору по набрихувавъ той Давылевськый нисенитныци. Стара Гоголыха и іи дочкы прелюбезни люде. Такъ насъ прыголубылы, якъ родычивъ, и яки тилько булы шпаркгалы (зъ чимодана зъ нимеччины и письмо до сестры до Ганны), усе намъ—нате, батечкы, що хотя робить соби. Ще й бильше обищали, якъ побачусь изъ ихъ небожамъ у Москви. Воно бо тамъ служыты-ме. И небожа (Трутовськый) гарный хлопчыкъ. На Пилтаву я тилькы подывывсь тай годи. До твого двоюродного не заходывъ: утомывсь писля того бовтання и радъ бувъ одпочынку. А про Гнидыча нихто ничого не тямыть. Бувъ соби якъ уси хлопята—отъ и все. Бачывъ хатыну Котляревського. Одынъ непевный намалюе іи для мене. А де шведъ полигъ головою, ничого того недоглядавсь: не було часу. Вернувшись до хутора, зновъ працювавъ надъ садовыною, а дали—пойиду хочъ трохы одпочыну на хутори въ тещи. Такъ и тутъ же бо ни. Лыстивъ таку гыбель понасылалы, що оце ни якъ не одпышусь (Плетневъ, або лучче Макаровъ прыславъ 40 лыстивъ покойнаго Панька. Друзяка мій Макаровъ усе вже поперепысувавъ власноручне—нехай іому Господь оддячыть!) Пыше старый Оксакъ, що пославъ у Лубни посылку, а тамъ я прохавъ на пошти, щобъ зверталы до тебе, бо

думамъ швыдко опынытысь у Москви. Теперъ же бачу, що до зимы треба зачекаты тутечкы, щобъ не кыдать жинку на чужи рукы. Такъ будь ласка, колы тее, такъ посылай боржій у Борзну на мое имъя, бо теперъ саме securityзализо разогрилось и куеццця. Про писни выбачай: де жъ мени шукаты кращого издателя, колы кращи чекають кращого часу? А чы хутко той часъ настане? Може не за насъ! Отъ и теперъ я зновъ назбыравъ думъ зъ пивдесятка (про Голоту—цяця й тильки, те що надруковано у Максимовича и у Метлинскаго—тильки маленьки урывочки) хтожъ ихъ надрукуе? Нехай хочъ цыганъ—я й цыганови оддамъ. Ще де про що зъ тобою побалакать, та нехай уже якъ побачымось. Пойиду до Оксака, злагожа дещо, та тоди може зазимую у Москви (колыбъ мени таку кватерку, щобъ изъ дзыглыкамы, щобъ тый дурныцы не купоаты--хочъ бы дви хатыны. Може прочуешъ, то будь ласка—напышы до Оксака «для передачы», бо до столыци не хочецця швендяты. Кланяемось обомъ обое.

Твій П. К.

97.

Посылаю Вамъ, Добродію, проповиди да й боюсь, щобъ не сказалы: Колы не пипъ, то не вбирайсь и въ ризы. Ще й того не знаю, чы вподобалы Вы мою кныжку про южну Русь. Такъ николы, що прытьмомъ погибаю, и лысту николы напысать до пріятеля: хутко вже вси одцураюцця за мою неввичлывость. Не цурайтесь же хоть Вы мене, добродію, а николы пыснить таки про себе, що зъ Вамы діетця. Разивъ по пять на тыждень йижджу съ поклонамы, щобъ дозволылы Чорну Раду на свитъ появыты и чого вже зъ нею не було? Була вона и въ злодіяка Срезневськаго въ рукахъ, да насылу вырятовавъ. Теперъ уже певне обищаютъ пропустыть, да ще Богъ знае: казавъ панъ—кожухъ дамъ, да й панське слово тепле! Кланяютця Вамъ землячки. Адресъ: у Литовского рынка, въ д. Вагенгейма кв. № 8.

Щиро прыхильный землякъ П. Кулишъ.

1856, ноября 25.

98.

Шановный земляче

Осыпе Максимовычу!

Потурбуйтесь, будте ласкави, да знайдить у себе мою рукопись *Искатели счастья* и вручить подателю сіи суплики.

Щиро прыхильный Вашъ землякъ П. Кулишъ.

1856, ноября 58.

99.

Шановный земляче

Осипе Максимовичу!

Пысавъ я до велыкихъ панивъ у Киівъ, щобъ помоглы Вамъ выпустыть Дила Колл. Архива. Одвитують, що воны бъ сёго бажалы, да зъ Бодянськимъ—кажуть—трудно вести дило, бо винъ—кажуть—трохи соби крутенькій, и просять мене переговорыть изъ Вамы. Напишыте не гаявшись до мене, скилько Вамъ треба на се дило грошей и на якихъ кондиціяхъ. Такъ якъ мое дило сторона, то мени зручнійшъ изъ панамы переговарюваты.

Щиро прыхильный землякъ

П. Кулішъ.

1857, февр. 12, С.-Петерб. У Литовскаго рынка, д. Вагенгейма, кв. № 8.

101.

Ну, нехай же воно такъ буде, якъ есть. Колы такъ, то й такъ. А все таки не довидавсь я одъ Васъ, скилько треба грошей на выпускъ дилъ Колл. Архива и на якихъ условіяхъ. Хоть бы знавъ я, то й то бъ мени було легше.

Будьте ласкови, або спалить той лыстъ, на который одвитовалы, або замажте отте *серденько*, бо то зовсимъ не до Васъ напысано. То моя пани напысала до мене, що—каже—ты марне працюешь надъ Гоголемъ, здоровье вбываешъ, часъ тратышъ, а якъ порахуешъ, скилько перевивъ грошей на перепыски, пересылки, перейизды, да, скилько бъ заробывъ своимъ особнымъ диломъ, поки ёго надрукуешъ то й побачишъ що марне труждався. А я ій одвитую: «Пидожды, серденько, кинця—побачишъ». А тутъ до Васъ лыстъ лежавъ—отъ я и вдравъ—батькови заполочи на рукава, а матери кресево да тютюну. Сміявсь я, прочитавши Вашу одповидь—трохи не пропавъ отъ реготу. Хапаючись швидко дило зробыть, не перечитую листывъ, що пыщу. Може й не одному вже удравъ до завиті! Не здывуйте, Добродію, да замажте тіи слова.

Бувайте жъ здоровы да й насъ не забувайте

Щиро прыхильный землякъ

П. Кулішъ.

1857, березозоля 7. С.-Петерб.

102.

Посылаю Вамъ, шановный земляче — Осипе Максимовичу, через Базунова 4 тома Гоголя, а два получите отъ ёго жъ, якъ выйдуть изъ цензуры.

Мени треба изъ моіхъ Украинськихъ преданій статью о Чуприни и Чортоуси, а въ мене тутъ іи нема, а десь захована на Вкраини прышлить будь ласка!

Получивъ я одъ Квитки довиренность напечатать по нашому Основяненкови повисти и Комедіи, а тутъ достать Козиръ-Дивки и Комедій ниде. То чи не прыслалы бъ Вы, Добродію, для сёго случаю своихъ кныжокъ, назначивши имъ цину, а соби бъ купылы. Да ще якъ бы й те, що въ Молодыку, бо въ мене есть тилько та кныжка Молодыка, въ которій Перекоты-Поле, а Сердечной Оксаны и прочого немае.

Печатаю повисть про Бориса Годунова и Димитрія Самозванця.

Литургія Гоголя пропущена; оце вже друковатыму.

А за границю ні-якъ не выберусь! Костомаровъ пойихавъ через Стокгольмъ да черезъ озера. Бувъ у Васъ, да Вы десь выгулювались на дачи.

Бувайте здорови!

Щиро прихильный землякъ

П. Кулішъ.

Колы чого нельзя, то будте ласкави, сповистить хутенько! Живу тамъ же, де и перше.

1857, іюня 18.

103.

Радуюсь и веселюсь, що «Чтенія» будуть изновъ Чтеніями, а не ка-знае чымъ!

Вашъ журналъ буде найлюбійшымъ моимъ чытаннемъ, бо й ты Чтенія булы моимъ хлибомъ насущнымъ, и багато я ими покорыстовався. Нехай же Вамъ Господь помогае!

Не гарно оце вы робыте, що цупко держыте всяку кныжечку. Вы жъ бачыте для якого дила! Да Богъ зъ Вамы! всякъ соби панъ. Пошукайте жъ для мене хочъ мижъ пылипонамы заразъ: 1, Козыръ Дивки, 2, Ганнуси (сія повисть есть и въ Телескопи 1832, и особе). Або ни — не турбуйтесь: я вже напысавъ до Башуцькои, и певно вона мени вышле съ Царського Села.

А Чупрына и Чертоусъ надрукованъ у моихъ Украинськыхъ преданіяхъ, которы Вы хотилы выпустыть у Чтеніяхъ. Сю статью знайдете хутко по заголовкахъ. У Васъ же есть экземпляръ. А Максымовычъ надруковавъ чортъ-знае що. Почухавъ певно потылыцю прочытавшы въ другому томи моихъ запысокъ мемуаръ Закревського про Чупрыну и Чертоуса, да ще колысь не такъ почухае!

Спасыби за опечаткы. Укажу при 6-му тому. Колы-бъ Вы зналы, що за робота, або лучче—морока була зъ лыстамы Гоголя опричъ усего иншого, то сказалы бъ, що не въ моготу й самому Аргусови було бъ прочытать усю корректуру самому. Ище якъ-бы въ спыну нихто не гнавъ; а то прытьмомъ напечатай до весны! Досадно, да ничого робыть. Радуюсь, що хоть де-которы томы захопывъ самъ чытаты, а найпыльнійшъ Мертвіи Душы.

Бувайте здоровы. И Вамъ николы, то ничого перо роспускаты, а лучче де що оставыть языку на одбучу!

Щыро прыхыльный землякъ П. Кулишъ.

1857, іюня 25 С- Петерб.

А що вже тыпографіи, то нехай имъ цуръ! Хоть скилько заплаты, а воно наровыть, якъ бы на черныло то що съ тебе выгадать! Завивъ я оце свою, то вже тутъ не буде ніякого фальшу. Ось побачыте, якихъ Вамъ прышлю гостынцивъ! Лытургію Гоголя печатаю вже въ себе, да и ще де-що свое.

104.

Тыи кныжкы, що Вы прыслалы, Добродію, у мене есть, а нема въ мене тыльно Козыръ-Дивки да Ганнуси. И воны въ мене есть, тильно схованы въ хутори, въ которому никому знайты ихъ. А якъ бы Вы прыслалы свій экземпляръ, то отъ Вамъ честне слово, що верну Вамъ старе изданіе або добувшы де инде, або вернувшись на Вкраину зъ Блатенська.

За Чупрыну и Чертоуса дуже Вамъ дякую. Выдно й теперъ трудно Вамъ добуть экземпляра, колы перепысалы. А я думавъ, що Вы теперъ хозяинъ у тому складі, що оставсь одъ 1848 году. Чы, може, рытьця було бъ довго? Ну якъ бы не було, а спасыби, велыке спасыби!

Щыро прыхыльный землякъ. П. Кулишъ.

1857, Іюля 2.

106.

Насылу да на превелыку сылу злипылы мы сяку-таку хатыну. Тутъ морока съ цензорамы, Доброцію! Нихто читаты не хоче. Колыбъ, каже по турецьки, або по нимецьки то читавъ бы, а то не знать по якивски! Да вже насылу знайшовсь добрящій чоловичокъ, що згодывсь нашу Хату читаты. Ну, й тутъ же нашему брату безъ пени не мынулось. Якъ назначилы Панина верховодомъ, цензоръ мій заразъ и штаны попустывъ до долу. Я бачу що прытьмомъ лыхо, да й закинчавъ посередъ кныжки, а тобѣ ще й зовсимъ прыпынылы! Посылаю жъ къ Вамъ Хату, яка есть; не погордуйте въ неи заглянуты.

Да ще отъ що, Добродію шановный Осыпу Максымовычу! Хоче одынъ землякъ выдаваты Галлерею портретивъ украинскыхъ пысателивъ, то й Вашъ портретъ сюды неодминно треба вмистыты. Будьте ласковы, спасыби Вамъ, вышлить гарненьку фотографыю, да ще й пысульку, що Вы дозволяете Данылу Семеновычу Каменецькому Вашу шановную парсуну налытографыровать отъ у такій-то коллекціи.

Пани моя, вкупи зо мною, кланяетця Вамъ и Вашому любому подружью. Порывае насъ на Вкраину, да роспочавъ я словарь украинській, то й не знаю, чы не прыйдетця ажъ до мая тутъ высыдиты.

Бувайтежъ здоровы да не забувайте щыро прыхыльного и поважающого Васъ земляка

П. Кулиша. Спасыби за 4 кныжку Чтеній!

1860, февр. 26, С.-Петербургъ.

110.

Высокоповажный Земляче
Осыпе Максымовычу!

Насылу я зибравсь, якъ убогый на кисиль, на кныжечку, щобъ оддячыты Вамъ за Ваши коштовны подарунки. Посылаю и автографъ Квитки. Незабаромъ побачымось, бо мы зъ Олександрою Мыхайловною выйздымо на лито до родычивъ. У конци березозоля рушымо.

Щыро прыхыльный до Васъ землякъ П. Кулишъ.

1861, березоля? Блатенскъ.

112.

Ось Вамъ, Высокоповажный Добродію, Осыпе Максымовычу, чотыри Евангелыста. Таки ледачы люде Галычане, що зажерлы вси мои друкы, не далы мени ни шеляга выручкы за ныхъ, а теперъ не прыслалы и двохъ прымирныкивъ, що хотивъ бувъ я подаруваты Вамъ та Румянцевському музееви. Нате жъ ось мій хатній прымирныкъ, а якъ дасть Господь, що буду за граныцею, дакъ однымy въ кого небудь сыломиць инши кныжкы, що подруковавъ колысь про нужду галычанъ, та й надишлю Вамъ.

Посылаю жъ и регуляцію Надхинськыхъ спомынокъ про запорозцивъ. Нехай бо таки исторычна крытыка не спыть, пидложывши пидъ головы вси грамоты, дневныкы, оповидання свидкивъ и таке инше, що мы понапечатувалы.

Пани моя по малу одужуе, слухаючы соловьиного спиву. Накупывъ я въ Иммера городнего и квиткового насиння, дакъ вона й пораеться въ саду, а я соби довбаюсь то въ Вашихъ чтеніяхъ, то въ иншыхъ душеполезныхъ кныгахъ. Посылаемо обое обомъ Вамъ ныземенькыи поклоны наши.

Щыро до Васъ прыхыльный П. Кулишъ.

1877, апр. 22. Мотроновка.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Т. Г. Шевченко по воспоминаніямъ полковника Косырева.

Въ Русск. Вѣдом. за 1897 г. (№ 199) г. Б. Тагѣевъ напечаталъ отрывокъ изъ воспоминаній полковника Е. М. Косырева о Шевченкѣ за время пребыванія его въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи. Приводимъ этотъ отрывокъ здѣсь, опуская начало статьи, принадлежащее г. Тагѣеву. Лѣтомъ 1847 г. было закончено устройствомъ начатое за годъ передъ тѣмъ на восточномъ берегу Каспійскаго моря Ново-Петровское укрѣпленіе. „Въ это время я,—говоритъ Косыревъ,—находился въ составѣ гарнизона, воздвигавшаго это укрѣпленіе, и командовалъ сначала 1-ю, а потомъ 3-ю ротою 1-го Оренбургскаго линейнаго баталіона. Въ 1850 году, по окончаніи своихъ чертежныхъ работъ, изъ Оренбурга былъ присланъ въ Ново-Петровское укрѣпленіе рядовой Тарасъ Шевченко и назначенъ въ 4-ю роту, которою командовалъ тогда штабсъ-капитанъ Лотаповъ, человѣкъ мало развитой и строгій. Призвавъ къ себѣ Шевченка, ротный командиръ обошелся съ нимъ очень круто.

— Ты, братецъ мой, за политическія дѣла попалъ въ солдаты?—спросилъ онъ.

— Да, за политическія,—отвѣтилъ Шевченко.

— Не да, а точно такъ, ваше благородіе,—поправилъ его штабсъ-капитанъ.

— Точно такъ, ваше благородіе,—повторилъ Шевченко.

— Смотри ты у меня,—грозя пальцемъ, сказалъ ротный командиръ,—а не то я изъ тебя всю эту дурь повышибу. Ступай въ казармы и безъ моего разрѣшенія оттуда никуда,—прибавилъ онъ.

Въ казармахъ къ Шевченку былъ приставленъ дядька изъ солдатъ, который наблюдалъ за его поведеніемъ и обучалъ ружейнымъ пріемамъ и маршировкѣ въ три темпа учебнымъ шагомъ. Трудно давалась Шевченку эта премудрость; физически былъ онъ слабъ и сто-

ялъ подъ ружьемъ, согнувшись въ три погибели [1]). Непривыкшій къ строевой службѣ, онъ началъ хирѣть отъ постоянныхъ ученій, а тутъ еще изъ корпуснаго штаба было получено секретное предписаніе не давать Шевченку возможности ни писать, ни рисовать. Оказалось, что за свое короткое пребываніе въ Оренбургѣ, послѣ аральской экспедиціи, онъ и тамъ успѣлъ накуралесить, рисуя каррикатуры на высокопоставленныхъ лицъ. Къ счастью для него, Потаповъ былъ скоро переведенъ, и командиромъ роты назначенъ былъ я. Шевченко, отличавшійся всегда живымъ характеромъ, любившій побалагурить, очутившись въ такой узкой рамкѣ дисциплины того времени, запилъ. Я видѣлъ, что ни аресты, ни наказанія не приведутъ ни къ чему, что позывъ къ вину у Шевченка есть потребность его больной души. Я уговаривалъ его, говоря, что онъ сломитъ виномъ свое и безъ того некрѣпкое здоровье, но онъ всегда, во время нашихъ аудіенцій, стоялъ, понуря голову, и не возражалъ ни слова. Я видѣлъ близкую гибель этого человѣка и началъ дѣлать ему поблажки. Во-первыхъ, я разрѣшилъ ему имѣть бумагу и карандашъ, а также инструменты для ваянія изъ глины [2]). Шевченко съ жадностью ухватился за эти искусства. Онъ рисовалъ портреты съ солдатъ и офицеровъ. Очень удачно изобразилъ меня карандашемъ на большомъ листѣ бумаги (хотя вообще портреты у него рѣдко удавались), а также лѣпилъ изъ глины разныя фигуры, которыя охотно распускались офицерами и солдатами нашего укрѣпленія. Помню двѣ такихъ фигуры: одна изображала Христа въ моментъ, когда на него былъ надѣтъ терновый вѣнецъ; передъ Христомъ стоялъ жидъ на колѣняхъ, высунувъ языкъ, а внизу имѣлась надпись—«радуйся Царь Іудейскій». Другая группа представляла киргизскую кибитку, въ которой противъ двери сидѣлъ полунагой киргизъ, въ конической съ загнутыми по бокамъ полями шапкѣ на головѣ, съ небольшой бородкой, улыбающейся физіономіей, играющій на домбрѣ (балалайкѣ); снаружи кибитки противъ двери, лицемъ къ киргизу, была представлена его жена, съ смѣющимся лицомъ и толкущая въ деревянной ступѣ деревяннымъ же пестомъ просо, а около нея на землѣ—двое нагихъ дѣтей, играющихъ съ котенкомъ. Шевченко отлилъ изъ гипса много этихъ группъ, которыми и надѣлилъ какъ офицеровъ, такъ и солдатъ. Послѣдніе

[1]) Шевченко былъ мѣрою въ 2 арш. 3¼ верш. и значился по ранжирному списку 2-й роты 191-мъ рядовымъ (въ 1849 г.).

[2]) Впослѣдствіи это было разрѣшено и высшимъ начальствомъ.

брали охотнѣе «Царя Іудейскаго». Офицеры платили за группу по рублю, а нѣкоторые и больше. Кромѣ того, Тарасъ Григорьевичъ писалъ стихи и любилъ распѣвать малорусскія пѣсни, особенно «Дують витры».

Мало-по-малу общество офицеровъ приблизило къ себѣ штрафованнаго художника-поэта, и вскорѣ Шевченко былъ уже полноправнымъ членомъ нашего небольшого общества. Страсть къ вину однако не покидала его. Нѣтъ-нѣтъ, да и напьется бывало до положенія ризъ. Пьянство часто вредило ему и по службѣ, и нерѣдко мнѣ приходилось выдерживать его подъ арестомъ. Однажды онъ въ нетрезвомъ видѣ зашелъ въ офицерскую комнату, гдѣ собралось довольно много молодежи. Ему предложили выпить и закусить, отъ чего онъ не отказался, а вскорѣ его уже нашли спящимъ на диванѣ. «Господа! Шевченко умеръ», крикнулъ одинъ изъ молодыхъ офицеровъ.—Спящаго обступила толпа, а онъ неистово храпѣлъ и свистѣлъ носомъ. Молодежь обрадовалась, что представился случай немного пошкольничать и тутъ же выкинула шутку надъ спящимъ поэтомъ. Сняли они дверь съ петель, положили на нее Шевченка и понесли вокругъ своей квартиры, напѣвая: «Святый Боже, Святый Крѣпкій». Услышавъ пѣніе, я вышелъ изъ своей комнаты и, увидѣвъ странное шествіе, спросилъ, чтó это такое.

— Шевченка хоронимъ,—съ хохотомъ отвѣчали мнѣ офицеры.

Конечно я, какъ начальникъ, приказалъ имъ оставить свою выходку и на той же двери отнести Шевченка въ казармы и сдать его дежурному по батальону. Поутру Шевченко былъ посаженъ подъ арестъ на сутки, а офицеры отдежурили безъ очереди по гарнизону и по работамъ.

Какъ человѣкъ образованный и хорошій разсказчикъ, Шевченко былъ всегда желаннымъ гостемъ, и его приглашали какъ семейные, такъ и холостые. По мѣстному обыкновенію, тогда, преимущественно въ воскресные дни, устраивали или завтракъ въ 12 ч. дня, или вечернюю закуску часовъ въ 9. Когда приходилъ Шевченко, за нимъ строго слѣдили, сколько рюмокъ водки онъ выпьетъ. Послѣ третьей рюмки семейные обыкновенно выпроваживали его въ казармы, а холостые—послѣ четвертой или пятой. Сообразно съ количествомъ выпитыхъ рюмокъ, у Шевченка проявлялась страсть къ анекдотамъ и разсказамъ, которые постепенно доходили до того, что нужно было затыкать уши. Шевченко впрочемъ былъ скупъ и поэтому никогда не расходовалъ на водку своихъ денегъ, а выпивалъ болѣе при случаяхъ.

Въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи находился тогда отъ акцизнаго откупа отставной чиновникъ 14-го класса Зигмунтовскій, человѣкъ лѣтъ 70-ти, но еще здоровый и бодрый, съ женою своею, пятидесятилѣтней здоровой бабой. Еще въ нижнихъ чинахъ Зигмунтовскій служилъ въ какомъ-то гусарскомъ полку и былъ въ походахъ съ княземъ Суворовымъ за Балканами; по окончаніи же походовъ вышелъ въ отставку съ чиномъ 14-го класса, долго жилъ въ Бессарабіи и затѣмъ, съ занятіемъ укрѣпленія, перебрался къ намъ и занялся торговымъ дѣломъ. Зигмунтовскій ужасно любилъ тѣхъ людей, которые внимательно выслушивали его разсказы о походахъ, и готовъ былъ разсказывать днями и ночами, привирая при этомъ немилосердно. Въ это время хозяйка дома выносила большой подносъ съ винами и разными закусками, при видѣ которыхъ разсказчикъ воодушевлялся. Шевченко, когда некуда было болѣе дѣваться, любилъ заходить къ «спиртомору» (такъ солдаты называли Зигмунтовскаго, потому что, при отпускѣ спирта въ команды, онъ показывалъ крѣпость его спиртометромъ Траллеса) послушать его разсказы, а главное—хорошенько выпить и закусить. Вотъ онъ и отправляется бывало къ отставному гусару.

— Здравствуйте, добрѣйшій мой Константинъ Николаевичъ и многоуважаемая Софья Самойловна,—привѣтствуетъ онъ хозяевъ,—какъ ваше драгоцѣнное здоровье, какъ живете-можете?

— Ахъ, безцѣнный нашъ Тарасъ Григорьевичъ, живемъ мы, слава Богу, помаленьку, вашими усердными молитвами. Какимъ васъ это вѣтромъ занесло къ намъ? Ну, очень, оченъ рады, просимъ милости садиться, дорогой нашъ гость, побесѣдуемъ о чемъ, а то намъ скучно однимъ-то со старухой!

Гость и хозяинъ садятся на диванъ, за круглый столъ, а хозяйка идетъ собирать закуску. Вотъ тутъ-то и начинаются мало-по-малу безконечные разсказы о походахъ, о Балканахъ, о Бессарабіи и т. д. Разъ Зигмунтовскій дошелъ до того, что сталъ разсказывать, будто въ Бессарабіи родятся такіе громадные огурцы, что бывало разрѣжетъ солдатъ пополамъ огурецъ и изъ одной половины дѣлаетъ лодку, а изъ другой два весла, сядетъ и переплываетъ черезъ Дунай на другую сторону.

— Это что за диковину вы разсказываете, Константинъ Николаевичъ,—прервалъ разсказчика Шевченко,—а вотъ когда я служилъ на Раимѣ, такъ видалъ рѣку Сыръ-Дарью; вы не повѣрите, какая она рыбная. Рыба вся почти поверху плаваетъ; бывало захочешь от-

правиться на другую сторону рѣки и прямо перебѣгаешь по рыбѣ. Одной ногой встанешь на сома, другой на осетра, а потомъ на сазана, судака, усача; а иногда такъ случится, что большая рыба и сама догадается, перевезетъ,—смотришь, и переправился; стоишь на берегу и любуешься на эту рыбную рѣку.

Понялъ хозяинъ насмѣшку, обидѣлся немного, но скоро успокоился и примирился. А между тѣмъ бутылки пусты, и гость, покачиваясь и напѣвая «Віютъ витры», тащится въ казармы.

Помню, въ 1851 г. пріѣхалъ въ укрѣпленіе инженеръ, прапорщикъ Добровольскій, игравшій на флейтѣ. Съ помощью его у насъ составился оркестръ музыки. Я игралъ на скрипкѣ прима, прапорщикъ Сергѣевъ—секунду, а Гарлихъ одинъ вечеръ на контрабасѣ, другой — на кларнетѣ. Къ святкамъ у насъ составился и театръ: играли комедію Островскаго «Свои люди сочтемся». Подхалюзина игралъ я, женскія роли—молодые прапорщики, а Ризположенскаго — Тарасъ Шевченко. Онъ гдѣ-то досталъ себѣ шаровары гороховаго цвѣта, синій старенькій, немного узкій ему фракъ, измятую поношенную шляпенку и намалевалъ себѣ красками лицо, такъ что весьма походилъ на приказнаго, идущаго въ питейное заведеніе опохмѣлиться. Роли были всѣми твердо выучены, и комедія сошла недурно. Шевченко же положительно потѣшалъ своею ролью, особенно въ сценѣ, когда онъ спрашивалъ Аграфену Кондратьевну относительно Огурчикова и говорилъ: «Это у васъ водочка?—я рюмочку выпью!» По окончаніи спекталя комендантъ, подполковникъ Маевскій, угостилъ все общество, какъ актеровъ, такъ и зрителей, великолѣпнымъ ужиномъ, передъ которымъ устроились еще танцы. Шевченко попросилъ въ это время музыкантовъ сыграть трепака, а самъ, переодѣвшись хохломъ, сталъ отплясывать малороссійскій танецъ. Плясалъ онъ свободно и весьма потѣшно, такъ что по требованію публики долженъ былъ повторить нѣсколько разъ. По общей просьбѣ спектакль былъ данъ вторично, а затѣмъ его повторили еще два раза для нижнихъ чиновъ. Послѣднимъ онъ такъ понравился, что нѣкоторые изъ нихъ сами стали пробовать, и въ средѣ ихъ нашлись скоро толковые актеры, которые уже на слѣдующей масляницѣ стали играть комедіи и водевили. И съ этого времени театръ у насъ не переводился.

Припоминаю еще,—это было уже годъ или два спустя. Комендантъ укрѣпленія полковникъ У., большой любитель охоты, собралъ разъ цѣлую компанію и отправился за нѣсколько верстъ, захвативъ

съ собою и Шевченка. Выѣхали мы на берегъ моря, сопровождаемые козачьимъ конвоемъ,—время тогда было небезопасное; киргизы только и ждали случая напасть на русскихъ. Проѣхавъ верстъ 15, мы выѣхали въ урочище Лбище (мысъ, выдающійся съ сѣверовосточнаго берега Каспійскаго моря), съ котораго видны острова Кулалинскій и Каинный. Видъ былъ очень живописный. Море широкою гладью своихъ водъ разстилалось, какъ ровная скатерть, на необозримое пространство. Два смерча невдалекѣ отъ насъ казались подпирающими небо и то расходились, то приближались одинъ къ другому. Спустившись къ морю, мы оставили лошадей и экипажи и засѣли въ ожиданіи перелета. Тарасъ Шевченко, отойдя отъ нашего лагеря, гдѣ приготовлялся ужинъ, шаговъ на 15, сѣлъ на камень, досталъ бумагу и карандашъ изъ портфеля и началъ рисовать красивый видъ на морѣ. Огромная соломенная шляпа, сплетенная имъ самимъ изъ морскихъ водорослей, была нахлобучена сильно на носъ и скрывала его лицо. Около остатковъ разрушенной туркменской крѣпости мы ожидали добычи, а многіе разбрелись въ разныя стороны съ тѣмъ, чтобы къ вечеру всѣмъ собраться въ назначенное мѣсто. Въ 6 часовъ мы стали собираться, и когда я спускался съ горы, то видѣлъ Шевченка въ томъ же положеніи съ нахлобученной шляпой и опущенной головой. Увлеченные разсказами объ охотѣ и хвастаясь своими трофеями, мы однако совершенно позабыли про Шевченка, который все не приходилъ. Между тѣмъ шашлыкъ былъ готовъ, запахъ жареной баранины пріятно щекоталъ носъ, а рюмка водочки соблазнительнымъ миражемъ уже рисовалась въ нашемъ воображеніи.

Каково же было наше удивленіе, когда три бутылки водки оказались порожними, а бутылка спирта, захваченная для козаковъ, оказалась тоже почти пустою. Тутъ мы вспомнили о Шевченкѣ. «Ужъ не онъ ли все это выпилъ»?—спросилъ полковникъ.

— «Да его бы разорвало отъ такой дозы»,—замѣтилъ кто-то. Въ сопровожденіи коменданта, мы отправились посмотрѣть, что дѣлаетъ нашъ художникъ. Онъ сидѣлъ все въ томъ же положеніи и крѣпко спалъ, опустивъ голову на колѣни. Около него валялся прекрасно исполненный рисунокъ Каспійскаго моря съ двумя смерчами. Запахъ водки такъ и разносился вокругъ спящаго. Мы стали будить его, но онъ повалился на землю и только мычалъ, но не проснулся,—очевидно, что онъ былъ мертвецки пьянъ.

Тогда козакамъ приказано было взять его, положить на арбу и отливать водою, но и это не помогло. Шевченко не проснулся до

самаго укрѣпленія. Эта продѣлка не прошла ему даромъ; онъ былъ посаженъ на недѣлю подъ арестъ съ исполненіемъ караульной службы. Послѣ этого случая онъ долго не пилъ и написалъ на малорусскомъ языкѣ большое меланхолическое стихотвореніе.

Въ 1856 году я выпросилъ себѣ смѣну и отправился въ Уральскъ, гдѣ и пробылъ до весны 1857 года, когда возвратился опять въ Ново-Петровское укрѣпленіе, такъ какъ маіоръ Л., смѣнившій меня, умеръ, и мнѣ было приказано снова вступить въ завѣдываніе двумя ротами.

По возвращеніи я засталъ Шевченка въ добромъ здоровьѣ и уже бросившимъ пить. Въ слѣдующемъ же 1857-году Шевченко получилъ Высочайше дарованное прощеніе и уволился отъ службы. Въ концѣ августа того же года онъ былъ отправленъ на почтовой лодкѣ въ Гурьевъ Городокъ для препровожденія оттуда сухимъ путемъ въ г. Уральскъ къ баталіонному штабу, откуда, по окончательномъ увольненіи, и выѣхалъ въ Кіевъ (назначенный ему для пребыванія) 8-го сентября 1857 года. Съ тѣхъ поръ я его больше не видалъ, О немъ, какъ онъ самъ мнѣ говорилъ и показывалъ письма, хлопотала одна графиня, благодаря которой онъ и получилъ прощеніе.

О памятникѣ Шевченку. Въ одномъ изъ январьскихъ номеровъ (14) С.-Петербургскихъ Вѣдомостей М. И. Корниловичъ возбуждаетъ вопросъ о памятникѣ Шевченку. Вотъ что онъ говоритъ по этому предмету: „Едва-ли кто-либо изъ нашихъ поэтовъ, говоритъ г. Корниловичъ, имѣлъ столь печальную судьбу, какъ знаменитый пѣвецъ Украйны. Всѣмъ извѣстно, какъ неудачно сложилась его жизнь. Только любовь къ народу и его исторія вдохновляли поэта на образы свѣтлаго; что же касается его личной житейской обстановки, его внутренней жизни, то въ этомъ не было ничего отраднаго. Жизнь пришла и прошла, полная страданій и несбыточныхъ надеждъ. Кто не знаетъ, какъ страстно поэтъ, сынъ народа, любилъ свой народъ, и съ какимъ нетерпѣніемъ онъ ждалъ освобожденія его отъ вѣкового рабства! Но злой рокъ не далъ ему и этого утѣшенія: только недѣлю Шевченко не дождался радостнаго манифеста объ освобожденіи крестьянъ...

Какъ печально читать ежегодно появляющіеся ко дню годовщины поэта призывы помочь бѣдствующимъ его родственникамъ! Съ этой стороны наше общество нужно прямо упрекнуть въ недостаткѣ вниманія къ памяти великаго поэта. Впрочемъ, это не значитъ, чтобы общество не знало или забыло про Шевченка. Напротивъ, его всѣ знаютъ и читаютъ, ибо онъ—не только поэтъ малорусскій, но и общерусскій. Въ послѣднее время даже вышло въ продажу дешевое и вполнѣ общедоступное изданіе его сочиненій. Такимъ образомъ, мы читаемъ Шевченка, мы увлекаемся и вдохновляемся красотами его поэзіи, но мы скупы на то, чтобы сдѣлать что-либо для памяти поэта.

Однако, кромѣ общей всѣмъ намъ слабости—отсутствія общественной инииціативы и самодѣятельности, тутъ имѣли мѣсто и разныя другія причины. Недалеко еще то время, когда о Шевченкѣ избѣгали говоритъ въ печати, публично: поэтъ, очевидно, былъ на дурномъ счету. Слава Богу! теперь уже это время миновало, и нынѣ не слышно болѣе криковъ о возможности Запорожской Сѣчи.

Мнѣ думается, что именно теперь насталъ удобный моментъ сдѣлать что- либо для памяти поэта, и обществу слѣдуетъ серіозно подумать объ этомъ.

Намъ нужно взять примѣръ съ поляковъ, которые, пользуясь такимъ моментомъ, строятъ памятникъ Мицкевичу. Такимъ дѣломъ должна быть, безъ сомнѣнія, постановка памятника и нашему поэту и устройство бѣдствующихъ его родственниковъ. Не мѣшаетъ вспомнить, что въ настоящее время строится памятникъ другому украинскому писателю, Котляревскому, творцу „Энеиды“.

„Кобзарь“ Шевченка представляетъ собою самое лучшее и естественное дополненіе къ твореніямъ великаго автора „Мертвыхъ душъ“...

Думается, что дѣйствительно настала уже пора для того, чтобы просить о разрѣшеніи подписки на памятникъ Шевченку. Дѣло скоро пойти не можетъ, что мы видимъ на памятникѣ Гоголя. Слѣдовательно, пройдутъ многіе годы, пока можно будетъ собрать достаточный капиталъ.

Похороны запорожца въ 1772 году. Предлагаемый здѣсь разсказъ принадлежитъ маститому историку Запорожья Аполлону Александровичу Скальковскому и напечатанъ имъ ровно *пятьдесятъ лѣтъ* назадъ[1]). Разсказъ основанъ, какъ говоритъ авторъ, „на рапортѣ за номеромъ и печатью одного козачьяго полковника". Перепечатывается онъ здѣсь безъ всякихъ измѣненій.

„Это было въ 1772 году. Посланный въ Ново-Сербію узнать, что сдѣлалось съ больнымъ, храбрымъ въ битвахъ и усерднымъ къ службѣ атаманомъ куреннымъ, который, жестоко раненный при взятіи турецкаго корабля подъ Кинбурномъ, отправился въ Добрянку, роту (селеніе) Молдавскаго гусарскаго полка[2]), къ одной бѣдной вдовѣ-дьячихѣ, чтобы воспользоваться „знахарствомъ" во всѣхъ вообще болѣзняхъ. Пріѣхавъ въ селеніе, говоритъ полковникъ, я отыскалъ бѣдную избу лекарки и нашелъ тамъ большое собраніе. Хозяйка въ слезахъ сидѣла въ углу своей свѣтлицы подъ образами и подчивала водкою, не смотря на крайнюю бѣдность, добрыхъ сосѣдей—посѣтителей „за упокой души умершаго". На дубовой лавкѣ, головою къ иконѣ Покрова Богородицы, лежалъ въ полномъ козачьемъ боевомъ нарядѣ, въ *юпкѣ*, *кажанѣ* и *кунтушѣ*, запорожскій витязь; его пика стояла съ одной, а ружье съ другой стороны гроба, бурка накинута была на ноги, шапка съ сѣрою оборкою и алымъ бархатнымъ мѣшкомъ лежала на груди его. Дьячокъ читалъ апостольскія посланія. Вскорѣ явился священникъ изъ Никольской церкви, покойника положили въ „домовину" (гробъ), покрыли сѣрою *намиткою* (родъ кисеи) вмѣсто парчи, и поселяне чинно понесли его въ церковь; добрый конь, снаряженный какъ бы къ бою, съ сѣдломъ, пистолетами „въ кобурахъ" и съ клубками (вьюками), понуривъ голову, шелъ назади за гробомъ; его велъ вѣрный молодикъ Карпо, весь оборванный, и горько плакалъ; въ промежуткахъ церковнаго пѣнія онъ, обтирая слезы рукавомъ, всхлипывалъ и напѣвалъ:

„И взявъ мій панъ соби дружиночку
Высокую могилочку".

---

[1]) Русск. Инвалидъ 1847 г. № 32.

[2]) Нынѣшная сѣверная часть Херсонской губерніи состояла изъ ротъ или селеній: Молдавскаго, Черново и Желтаго и Гусарскихъ и Елисаветградскаго Пикинерскато полковъ.

На гробѣ, рядомъ съ саблею, козачьею шапкою и пикою, положила старуха и барвинковый вѣнокъ въ знакъ его цѣломудрія, что то былъ *малоецъ* (celibataire), а не посполитый козакъ. Пара воловъ шла позади и везла бѣлый, каменный, чисто полированный крестъ съ изображеніемъ муки Спасителя и приличною надписью:

„Здѣ почиваетъ—Рабъ Божій Григорій Покотило, знатный товарищъ войска Запорожскаго Низоваго и куреня Кущовскаго. Преставися року 1772 Іюль 4-го дня.

Этотъ могильный памятникъ добрый козакъ „справлялъ" себѣ еще при жизни, ибо послѣ его кончины некому было бы его упокоить; отецъ и мать вѣрно давно уже померли, а сестры у него не было на свѣтѣ[1]). Принесли гробъ въ церковь, отслужили панихиду и тѣмъ же чиномъ понесли на кладбище.

Когда козака положили въ яму и при трогательномъ напѣвѣ „вѣчная память", благочестивые гусары и посполитые люди мигомъ насыпали высокую могилу и тутъ же вкопали крестъ, на память потомства о рыцарѣ-покойникѣ, старая хозяйка попросила „какъ слѣдовало" панъ-отца священника съ клиромъ и добрыхъ людей сосѣдей откушать „за упокой его души". Пошли гости въ хату, кто какъ могъ помѣстился за столомъ, кто на лавкѣ, кто около печи (хотя и такъ уже было жарко); только хозяйка и добрый цюра (слуга, хлопецъ) покойника ничего не ѣли, глотая слезы вмѣсто хлѣба. Поблагословивъ яства и выпивъ рюмку водки, панъ-отецъ откашлялся, погладилъ лысину и сѣдую бороду и сказалъ собранію:

„Панове братья, добры молодцы! покойный Данило, дай Богъ ему царство небесное, былъ человѣкъ добрый, козакъ храбрый, но уже старый; родился онъ въ Польшѣ, гдѣ и отъ кого—никто не знаетъ, и онъ никогда и никому о томъ не говорилъ. Кажется, отъ роду шляхетскаго, бо долго червоный, китайчатый жупанъ, совсѣмъ уже старый и поношенный, хранилъ онъ въ скрыни, и только на „великъ день" (св. воскресенье) и у причастія подъ

---

[1]) Одинъ только памятникъ, поставленный отцомъ, нашли мы на гробахъ Запорожцевъ. Онъ стоитъ въ с. Гирлахъ (Херсонской губерніи и уѣзда) надъ Днѣпромъ, принадлежащемъ князю М. С. Воронцову. На крестѣ съ одной стороны надпись: „Здѣ почиваетъ рабъ Божій, козакъ куреня Рогивскаго, Данило *Харченко*, преставися року 1762 года Марта 2. Съ другой же стороны эти краткія, но горькія слова: „стараніемъ *Харька стараго*, батька его, постановленъ 1763 года, ибо весьма горько отцу пережить свое дитя.

„мундуромъ“ надѣвалъ его. А красный жупанъ, панове, вы знаете, есть одежа роду шляхетскаго. Покойный сказывалъ, что когда ему было 3 или 4 года, онъ сидѣлъ однажды на печкѣ и игралъ съ котенятами, какъ крикъ „пожаръ! гайдамаки!“ наполнилъ хату, а въ скорости и все селеніе; какая-то пани, видно его мать, схватила его на руки, закутала въ червоный жупанъ и побѣжала въ лѣсъ, но на дорогѣ какой-то человѣкъ догналъ ее, ударилъ топоромъ, повергъ на землю; съ матерью и Данило упалъ тоже, облитый ея кровью и защищенный ея трупомъ. Она такъ сильно схватила его руками, что покойный, 60 почти лѣтъ жившій послѣ этого несчастія, все еще, казалось ему, чувствовалъ эти предсмертныя объятія и прощаніе матери. Упокой Господи, ихъ души! Что сталось послѣ? онъ не знаетъ. Помнитъ только, что какой-то выстрѣлъ раздался надъ его головою, и онъ обомлѣлъ отъ страха; когда же пришелъ въ себя, онъ былъ на лошади и на рукахъ у кого-то. Старый козакъ крѣпко прижималъ его къ груди, скакалъ что ни было мочи, приговаривая: „не бійся хлопче, я тато“ (отецъ). Добѣжавъ до какой-то воды, онъ остановился и крикнулъ громко: пугу! пугу! Какіе-то люди отозвались съ другой стороны. Козакъ бросился съ лошадью въ воду. Данило опять обмеръ и очутился на буркѣ, въ большой избѣ, какъ послѣ оказалось, въ куренѣ Кущовскомъ, куда панъ Иванъ Завадовскій, куренной атаманъ, его спаситель, привезъ его и посвятилъ „славному Запорожу“. Зная, что онъ латининъ (да проститъ имъ Богъ ихъ заблужденіе!), добрый атаманъ миропомазалъ его въ церкви чрезъ отца Веніамина. Панъ судья и панъ бывшій асаулъ были крестными батьками, а мать Сѣчь-Запорожская была кумою. Такъ прошла его молодость. За службу царскую и войсковую зробили его атаманомъ куреннымъ; въ походѣ на Турка командовалъ онъ на лодкѣ своего куреня; а съ паномъ Аѳанасіемъ (Колпакомъ) подъ Кимбурномъ взялъ онъ турецкую судину; но тамъ дважды пострѣленъ: одна куля попала въ ногу, но ту заживила наша старая Оксана (не плачь, матко, и мы туда пойдемъ, куда пошелъ панъ Данило). Панове! дай Богъ ему царство небесное!“ И выпили. „Другая куля, чортъ бы ее побралъ (Господи, прости мое поганое слово!), попала прямо въ грудь козацкую. Данило былъ уже 7-го десятка, куля не свой братъ-атаманъ,—кулакомъ не выбьешь. Оксана робила, что могла, но пришла смерть, хвать косою, и атамана нема якъ небувало. Смерть, панове, никого не розбирае. Что Богъ повелѣлъ, то и будетъ.

„Но панове! Данило былъ козакъ щирый и добрый, жилъ и умеръ христіаниномъ и православнымъ, какъ слѣдовало. Хоть часомъ и поколотилъ Ляшка, хоть одурилъ Жида або Татарина,—ну, это дѣло нехорошее, но бѣда не велика, это нехристъ, и они не разъ добрыхъ христіанъ обижали, да онъ и покаялся, болѣлъ крѣпко, молился усердно, защищалъ Церковь Божію отъ бесурмановъ и уніатовъ, Богъ проститъ его грѣхи. Чего и вамъ, панове, добре желаю.

„Вотъ я говорю вамъ, что онъ козакъ былъ добрый и честно окончилъ свою жизнь. У него было 20 рублей денегъ; онъ подаровалъ ихъ на войско, и я прошу васъ, пане атамане громадскій, послать ихъ съ добрымъ человѣкомъ, чтобъ кто-нибудь изъ васъ, панове-гусары (Молдавскаго полка), ихъ не отнялъ". (Всѣ улыбнулись и еще хватили горѣлки). „Да оставилъ 9 руб. на похороны, и вы видѣли—мы его похоронили честно; да оставилъ коня съ сѣдломъ на церковь, другого коня на мою долю; да оставилъ жупанъ свой красный, то мы его и похоронили въ немъ, бо онъ былъ роду шляхетскаго человѣкъ, а серебряную икону и 1 руб. денегъ подаровалъ пани Оксанѣ за то, что его недѣли съ 4 лечила и кормила; да пани Оксана, хоть часто и безъ хлѣба бывае, а только иконку взяла и носитъ, а гроши дала намъ вотъ на эту страву, чтобъ ему легко было успокоиться; ну, доброе и это дѣло, хоть и лишнее, панове, для такой бѣдной женщины. А третю клячу и рушницу и каптанъ и бурку подаровалъ своему Карпу—молодику и принялъ его въ свой курень, да оставилъ ему 80 коп. денегъ. Да Карпо такой же дурень, какъ и Оксана, бурку и одежу взялъ, а гроши,—отъ подывитесь, панове, въ оконечко, отъ собралъ нищую братью, калѣкъ та бабъ, да и задалъ имъ трапезу; ну, хлопче, вотъ и вамъ наше благословеніе. Хоть ты и оборвался немного на службѣ, та въ куренѣ тебя поодѣнутъ. Тамъ, кажутъ, на Запорожьи, карбованци решетомъ мѣрятъ, а гуси печеные сами съ земли выростаютъ. Ну, панове! отъ и борщъ кажись наливаютъ. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!"

Всѣ сказали: аминь! и начали усердно кушать, какъ бы Данила-атамана никогда не бывало ни живаго, ни мертваго; только Оксана около печи—то подаетъ страву, то плачетъ, приговаривая: „барвиночку мій! сыночку мій! лебедочку мій!" а тому сыночку было 10 лѣтъ больше, нежели Оксанѣ. Только вѣрный цюра не ѣстъ и не пьетъ, а кормитъ нищихъ, да поетъ подъ окномъ:

„Ой гуси мои, гусинята!
Возьмить мене на крылята,
Понесить мене до батенька..."

И при этомъ словѣ цалуетъ свое ружье, словно покойнаго пана атамана, и плачетъ...

Не думайте, читатели, чтобы я выдумалъ это событіе; я только прибавилъ два, три слова; все взялъ изъ оффиціальной бумаги за № и большою печатью и внизу подписанной: „*Полковникъ Иванъ Мандро* съ старшиною и товариствомъ". Не правда-ли, сколько тутъ поэзіи: и въ юности добраго козака, и въ его духовной, и въ самоотверженности старухи „знахарки", почти ежедневно терпящей отъ голода, и вѣрнаго слуги, оборваннаго и бѣднаго, безъ рода и племени, „какъ всѣ молодики", и уже раздѣлявшаго послѣднее добро съ толпою нищихъ и калѣкъ, своихъ братій по страданію![1])

Воспоминанія подольскаго старожила о временахъ крѣпостного права. Нигдѣ въ Россіи крѣпостное состояніе не было такъ мучительно-тяжело для крестьянъ, какъ въ юго-западномъ (и сѣверо-западномъ) краѣ. Въ остальной Малороссіи, какъ и въ Великой-Россіи, помѣщика и крестьянина объединяло единство вѣры и національности, и сознаніе этого единства, хотя до извѣстной степени, смягчало ихъ взаимныя отношенія. Не то было въ юго-западныхъ губерніяхъ. Здѣсь «панъ» и подвластный ему «хлопъ» были крайними полюсами, представлявшими двѣ исконн враждовавшія между собою народности, религіи и культуры. Здѣсь четыре съ половиною милліона сельскаго населенія, испоконъ-вѣка русскаго и православнаго, принадлежавшаго, и по старому историческому праву, и по только-что совершившемуся (въ концѣ XVIII ст.) факту завоеванія, къ племени коренному, господствующему, къ племени побѣдителей,—въ силу крѣпостного права закрѣпощены были въ подданство сравнительно ничтожному по числу сословію иновѣрцевъ и инородцевъ, которое и de jure и de facto принадлежало къ племени пришлому и побѣжденному. Эта масса сельскаго населенія по старой памяти, еще до временъ Хмельницкаго и Желѣзняка, питала непримиримую вражду къ сво-

[1]) Отрывокъ изъ посмертныхъ распоряженій Григорія Покотила напечатанъ въ Истор. Нов. Сѣчи, 1846 г., т. 1, стр. 198.

имъ помѣщикамъ-полякамъ, и во время мятежа 1831 года многіе крестьяне, какъ и въ мятежъ 1863 года, усерднѣйшимъ образомъ хватали и передавали въ руки начальства своихъ пановъ, руководимые, кромѣ вѣковой ненависти, надеждами на выходъ изъ своего безотраднаго положенія. Но надежды не сбылись, а за усердіе пришлось бѣднякамъ дорого поплатиться. Имѣнія замѣшанныхъ въ мятежѣ и осужденныхъ перешли или къ ихъ родичамъ, или, конфискованныя въ казну, были сдаваемы въ арендное содержаніе тѣмъ же полякамъ-шляхтичамъ, которые, опираясь на полицейскую и судебную власти, находившіяся въ рукахъ чиновниковъ, по большей части ихъ же «родаковъ», постарались теперь воздать сторицею «хлопамъ» за недавнія услуги. Руководясь, кромѣ мщенія, принципами крѣпостной политической экономіи, помѣщики и арендаторы видѣли въ усиленіи панщины и повинностей всякаго рода вѣрный источникъ для поправленія состоянія, потрясеннаго мятежемъ. Съ этого именно времени въ архивахъ мѣстнаго управленія накопляется огромная масса дѣлъ о всевозможнаго рода притѣсненіяхъ крестьянъ; эти дѣла еще ждутъ своего историка. Въ нихъ сплошь и рядомъ живыми красками рисуются такія потрясающія картины безчеловѣчныхъ жестокостей и неимовѣрныхъ страданій, что встревоженная мысль читателя невольно переносится ко временамъ христіанскихъ мучениковъ... Чтобы сколько-нибудь оградить крестьянъ отъ этого дикаго произвола со стороны рабовладѣльцевъ, генералъ-губернаторъ Д. Г. Бибиковъ ввелъ въ 1847 г. извѣстныя *инвентарныя* правила, которыми точно опредѣлялись крестьянскія повинности и число рабочихъ дней. Но опытъ показалъ, что и эта мѣра (противъ которой въ свое время такъ энергично протестовали помѣщики) мало облегчила положеніе крестьянъ: съ одной стороны, за исполненіемъ инвентарныхъ правилъ должны были слѣдить главнымъ образомъ предводители дворянства (поляки-помѣщики) и затѣмъ все тѣ же малонадежные полицейскіе чиновники; а съ другой—владѣльцы и ихъ управители, лишенные прежняго права пользоваться крестьянскимъ трудомъ въ теченіе всей недѣли, остроумно перевели *поденную* барщину на *урочную,* что косвенно дозволялось и инвентарными правилами. Къ какимъ невыгоднымъ для крестьянъ результатамъ приводила эта *урочная* система—объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ «Воспоминанія» подольскаго старожила, протоіерея Н. Михневича, помѣщенныя въ «Подольскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ» 1890 года. Достойно вниманія, что воспоминанія ѳ. Михневича ближайшимъ образомъ

относятся къ имѣніямъ *русскаго* вельможи графа Гудовича; между тѣмъ оказывается, что въ экономіяхъ этого столичнаго предводителя дворянства вся администрація была исключительно *польская*, и крестьянамъ въ его имѣніяхъ жилось ничуть не легче, чѣмъ въ польскихъ помѣстьяхъ. Такъ было и въ казенныхъ имѣніяхъ, сдававшихся въ аренду все той же польской шляхтѣ.

«Когда я сталъ пастыремъ словеснаго стада (разсказываетъ о. Михневичъ, принявшій священство въ 1839 году), крѣпостное право проходило три стадіи: 1) древнее крѣпостное право, безъ всякаго права для крестьянина; 2) урочное время съ 1847 года[1]), когда для отбыванія барщины назначались уроки, и наконецъ 3) временнообязательная барщина въ 1861 году, когда крестьяне обязаны были, послѣ объявленія имъ свободы, еще нѣсколько лѣтъ отбывать барщину помѣщикамъ. Самое тяжелое для крестьянъ время—это были уроки. Наступала косовица, и на одного дѣйствительнаго косаря отмѣривались покосы и на его жену, и на дѣтей, если они уже ходили на панщину. Во время жнивъ было то же, и не разъ случалось видѣть, что на двухъ-трехъ десятинахъ, отмѣренныхъ, какъ уроки, для всѣхъ лицъ семьи, жнетъ одна душа, мужъ или жена; съ понедѣльника до субботы они не кончали работы, а съ понедѣльника назначались уже новые уроки. На себя работали люди только по ночамъ, и Богъ вѣдаетъ, какъ выдерживала ихъ натура этотъ сверхъчеловѣческій трудъ. Но особенно трудна была молотьба. У крестьянина жена и двое дѣтей, отбывающихъ барщину, положенную на четыре души,—экономъ выбрасываетъ по 3 копы, такъ какъ всякая душа должна была отбывать въ недѣлю три урока, и бѣдный мужикъ цѣлый день первый только носитъ изъ скирды 12 копъ въ свой стожокъ и затѣмъ молотитъ и молотитъ, а если до субботы не кончитъ своихъ уроковъ, то *его молотятъ*... Я жилъ въ имѣніи графа Гудовича, бывшаго 13 лѣтъ московскимъ предводителемъ дворянства. Богатство и связи огромныя! Могъ ли быть противъ такого лица какой-нибудь протестъ со стороны крестьянства? Все молчало и терпѣло. Всѣ служащія лица въ экономіи графа Гудовича, отъ управляющаго до послѣдняго конюха,—все было польское; о русскомъ языкѣ не было и помину. Полиція получала отъ экономіи значительную

---

[1]) Въ „Под. Еп. Вѣдомостяхъ", откуда мы цитируемъ (Прибавленіе къ № 17 1890 г.), напечатано „въ 1842 году". Полагаемъ, что это опечатка, такъ какъ по всему видно, что рѣчь идетъ объ инвентаряхъ 1847 года.

субсидію, но и безъ того она не смѣла рта разинуть, боясь за свое существованіе и служебное положеніе. А что же духовенство? Предъ польскими властями оно было безсильно. Когда священникъ просилъ эконома за какого-нибудь крестьянина, то экономъ, приступая къ экзекуціи, говорилъ: «Я думавъ тоби даты 25 ризокъ, але ты скаржывся попови, то я дамъ тоби 50», и слова приводились въ дѣйствіе. Былъ случай въ с. Великой-Вербкѣ, гдѣ я жилъ, что крестьянинъ чѣмъ-то оскорбилъ эконома; тотъ послалъ за нимъ двухъ десятскихъ. Когда они вели его около пруда, несчастный, предчувствуя муки, вырвался изъ рукъ провожавшихъ, бросился въ прудъ и утонулъ. На другой день вытащили трупъ, и онъ три дня лежалъ на берегу пруда. Плачъ жены и дѣтей погибшаго возбуждалъ жалость въ крестьянахъ, и они тоже плакали. Наконецъ пріѣхала полиція и безмолвно дала мнѣ предписаніе: крестьянина, «неосторожно утонувшаго», предать землѣ по христіанскому обряду. Во время лежанія трупа на берегу пруда проѣзжалъ мимо экономъ, и одинъ крестьянинъ не выдержалъ и крикнулъ эконому: «душегубець! изъ-за тебе люды топлятся! Богъ тебе накажетъ!» Экономъ поѣхалъ сейчасъ съ жалобою къ управляющему на мужика, его оскорбившаго, какъ ему казалось и его панскому гонору; крестьянина привели на другой день на конюшню управляющаго, который предоставилъ эконому удовлетворить себя за обиду, и онъ удовлетворилъ, и окровавленнаго крестьянина отвезла жена на возу, заливаясь слезами.

Въ это тяжелое время духовенство оказывало единственную нравственную поддержку для крестьянъ: незримо оно воодушевляло ихъ нести терпѣливо свой тяжелый крестъ; въ церкви, на исповѣди, при исполненіи требъ, при вздохахъ бѣдныхъ тружениковъ, пастыри указывали на крестъ и распятаго на немъ Спасителя; не разъ духовные отцы плакали съ своими духовными дѣтьми,—и это сердечное участіе къ судьбѣ народа поднимало духъ его.

Для духовенства юго-западнаго края въ этотъ «урочный» періодъ времени было тоже немало горя. Правила объ урокахъ барщины читали торжественно въ церкви, въ присутствіи предводителя дворянства, исправника, благочиннаго и станового пристава; гдѣ былъ помѣщикъ на лицо, приглашался и онъ въ это собраніе. При крестьянахъ правила передавались мѣстному священнику съ заявленіемъ крестьянамъ, что чего они не будутъ знать или станутъ сомнѣваться въ чемъ, то обращались бы къ своему священнику. Теперь крестьяне увидѣли, что уроки тяжелѣе имъ прежней панщины, при

которой бывало, что если мужикъ пошелъ тайкомъ куда-нибудь въ сторону на заработки и тамъ пробылъ недѣлю и двѣ и затѣмъ приходилъ, то его подвергали только «сѣкуціи», а время работы уже пропадало и не взыскивалось; а при урокахъ ему считали и пропущенную работу, и онъ впадалъ въ неоплатные долги по неисполненію уроковъ. Священники, по требованію прихожанъ, читали правила уроковъ, а крестьяне волновались, но, конечно, не отъ чтенія правилъ объ урокахъ, а отъ невыносимой ихъ тяжести, а помѣщики-поляки всю вину сваливали на священниковъ. Эти жалобы получало правительство, и велѣно было отобрать эти правила отъ священниковъ; но дали ихъ открыто, а отобрали секретно. Тутъ священники стали среди двухъ огней: помѣщики жаловались, что священники читаютъ крестьянамъ правила, хотя и секретно, а прихожане нарекали на своихъ пастырей, почему не читаютъ. Вслѣдствіе этого многіе священники пострадали: ихъ переводили на другія, часто худшія, мѣста, и когда священники, чувствуя свою невинность, упирались и не хотѣли переходить на другіе приходы, имъ угрожали полицейскими мѣрами и нерѣдко угрозы приводились въ исполненіе. Тутъ часто архипастыри были не при чемъ; священниками нерѣдко распоряжалась гражданская власть.

Но все это прошло, какъ сонъ: явилось 19 февраля 1861 года— и крестьянинъ вздохнулъ свободнѣе, и духовенство стало самостоятельнѣе. Но полную свободу принесъ 1863-й годъ, когда вспыхнулъ польскій мятежъ. Всѣ обязательныя отношенія крестьянъ къ своимъ помѣщикамъ кончились. Ксендзы стали кланяться священникамъ, паны пожимали руки имъ. Водворились естественныя отношенія между пастырями и пасомыми. Всякій достойный іерей, строго исполнявшій свои обязанности и далекій отъ вымогательствъ, былъ глубоко уважаемъ народомъ. Экономическое положеніе крестьянъ послѣ 1863 года быстро стало возрастать; черезъ годъ—два бѣдный мужикъ, имѣвшій двѣ овечки, уже имѣлъ пару лошадокъ и коровку для молока дѣтямъ. Доходы церквей и духовенства значительно поднялись»..,

F.

Крестоносъ (*Бытовая картинка*). Дивныя мѣста у насъ, въ южной Волыни! Всюду горы и пригорки, лѣски, дубравы и гайки по склонамъ горъ; а внизу изъ-подъ горъ текутъ родники, свѣтлые и чистые, блеститъ маленькая рѣчка, бѣлѣетъ плотина, высыпанная мергелемъ; за ней небольшой «ставокъ», а при немъ непремѣнно мельничка, день и ночь шумящая своими колесами. Селенія у насъ расположены обыкновенно на косогорахъ. Хатки бѣлыя, крытыя соломой, съ непремѣннымъ крестомъ, выдѣланнымъ на фронтовой части крыши. Ниже усадебъ идутъ огороды, а за ними—левады и сѣнокосы. Церковь стоитъ непремѣнно на пригоркѣ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ жилищъ, обсаженная вокругъ вѣковыми липами, кленами, яворами и ясенями. Кто садилъ эти деревья—никто не знаетъ. „У насъ на сели и памятныка (т. е. помнящаго) такого немае, щобъ знавъ, хто тіи дерева посадывъ"—говорятъ крестьяне. Церковь обычно деревянная, дубовая, построенная въ формѣ корабля, иногда съ тремя куполами. Крестьяне очень привязаны къ своимъ старымъ церквямъ и сердечно благодарятъ, если кто похвалитъ ихъ церковь.

Въ нашемъ селѣ была такая же церковь, только очень ужъ старенькая. Старые люди говорили, что она стояла болѣе двухсотъ лѣтъ: её строили еще въ то время, когда турки „воювалы св. Почаивъ". Хранились въ ней старыя, очень старыя книги и утварь, было евангеліе, которому считали около трехсотъ лѣтъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ ѣздилъ по нашимъ мѣстамъ какой-то человѣкъ, возилъ съ собою красивыя новыя книги и церковныя вещи и „моροчывъ" людей, вымѣнивая старыя вещи и книги на новыя. Обошелъ онъ и нашего молодого батюшку: далъ ему новое евангеліе, а себѣ взялъ старое. Какъ узнали объ этомъ наши люди—чуть не плакали: „Покійный панотець не зробылы бъ сёго й зроду!" Стараго батюшку очень любили у насъ; его родъ священствовалъ въ нашемъ приходѣ болѣе двухсотъ лѣтъ; а нынѣшняго батюшку прислали къ намъ откуда-то изъ Полѣсья.

Когда наша старая церковь стала совсѣмъ уже тѣсна, да и отъ ветхости разошлась въ углахъ и накренилась, рѣшили построить новую церковь. На нашихъ дубравныхъ сѣнокосахъ нарубили сколько нужно дубовъ, нарѣзали изъ нихъ брусьевъ, подрядили „руськыхъ"—плотниковъ и стали строить. За постройкою наблюдали, кромѣ священника и старосты, выборные отъ „громады", а больше всѣхъ Мыкола Чорный, человѣкъ еще не старый, но поль-

зующійся у насъ всеобщимъ уваженіемъ за разумъ, физическую силу и „прыхильнисть до Божого дому". Въ одно лѣто постройка была вчернѣ окончена. Новая церковь оказалась куда выше и помѣстительнѣе старой, а колокольня, по оцѣнкѣ крестьянъ, „мало чымъ ныжча, нижъ у святому Почаиви". Все уже было готово, оставалось только водрузить крестъ на куполѣ церковномъ. Хорошо вызолоченый крестъ стоялъ на „цвынтари", и всѣ люди ходили глядѣть на него. На воскресеніе было назначено освященіе креста и постановка его на церкви. Рано утромъ сталъ собираться народъ; многіе пришли изъ окрестныхъ селъ; съѣхались и сосѣдніе священники. Когда освящали крестъ, люди жертвовали „хустки", ручники, полотна и деньги. Окончилось служеніе. Плотники-мастера, немного уже выпившіе, стали было увязывать крестъ, чтобы тянуть его вверхъ по блоку. Всѣ присутствовавшіе были какъ-то смущены; а Мыкола Чорный сталъ передъ крестомъ и говоритъ:

— Негодыться святый хрестъ тягты вирёвкою!

— Чаво тамъ „негодится?" возразили плотники. Хохламъ все годится—Богу молиться.

Подошли ближе старики и стали говорить:

— Мыкола добре каже; колысь було тее, що люды на крыжахъ (на спинѣ) зносылы хрестъ святый на церкву, а не тяглы на блокахъ та на вирёвкахъ.

— Правда, свята правда!—загудѣли остальные.

— Я хочу знесты святый хрестъ на крыжахъ,—сказалъ Мыкола.

— Молодецъ хахолъ! И то можно! сказали мастера. Только знай, братъ, что крестъ-то маленько тяжеловатъ: въ немъ вѣсу-то четыре пуда и десять фунтовъ!

— Дозвольте мени знесты святый хрестъ на крыжахъ! сказалъ Мыкола и поклонился священникамъ и народу на всѣ стороны.

— Якъ що маешъ надію на Бога, нехай тоби святый Господь допомагае! отвѣтили люди. Священники тоже согласились.

Мыкола положилъ три земныхъ поклона, приложился къ кресту, поклонился на всѣ стороны; а тѣмъ временемъ мастера сняли крестъ съ подставки и начали увязывать его „на крыжахъ" у Мыколы. Весь погостъ притихъ въ нѣмомъ ожиданіи, а одна молодая матушка такъ испугалась, что бѣгомъ пустилась въ домъ священника. Нѣкоторые изъ молодыхъ подошли и предложили Мыколѣ

свою помощь; онъ наскоро поблагодарилъ, но отъ помощи отказался.

— Молодецъ ты, братъ Мыкола! Помогай тебѣ Богъ! сказали мастера и, внимательно оглядѣвъ, прочно ли увязанъ крестъ, мигомъ шмыгнули по лѣстницамъ и канатамъ на самый верхъ церкви, и стали ожидать тамъ Мыколу съ крестомъ.

Медленно и осторожно началъ онъ взбираться по лѣстницѣ. Она крѣпко гнулась и шаталась подъ нимъ. Были минуты, когда всѣ замирали отъ ужаса, что вотъ-вотъ лѣстница не выдержитъ десятипудовой тяжести и обломится. Но, хвала Богу, Мыкола благополучно добрался до самого верха. Тамъ мастера сняли съ него крестъ и уставили его на мѣсто.

Когда Мыкола спустился внизъ, его умиленное лицо сіяло какимъ-то внутреннимъ просвѣтлѣніемъ, а на плечахъ, по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ лежалъ крестъ, выступили сквозь сорочку кровавыя пятна. Люди окружили его, но онъ стоялъ молча и, казалось, не видѣлъ никого; потомъ вдругъ началъ плакать—сначала тихо, затѣмъ все сильнѣе, всхлипывая какъ ребенокъ. Всѣ съ участіемъ обступили его: „Чого плачешъ, Мыколо? Може тоби боляче? Тутъ и диды и бабы, усяке зилья и добри масти знають: якъ помастышъ, хутко загоиться!"

— Ни, добри люде,—проговорилъ Мыкола,—не того я плачу; мени зовсимъ не боляче. А якъ прыгадаю соби, що Хрыстосъ нисъ хрестъ и пролывавъ свою кровъ за насъ гришныхъ,—и мени Господь давъ велыке щастя несты хрестъ и пролыты свою кровъ за святый хрестъ,—то якъ прыгадаю соби тее, не можу втрыматысь, щобъ не плакаты!..

Дѣло о совращеніи въ католицизмъ княжны Любомирской.

Разбирая бумаги, оставшіяся послѣ протоіерея г. Ровно, волынской губерніи, о. Андрея Корноковскаго, я съ особымъ интересомъ остановилъ свое вниманіе на нѣкоторыхъ, какъ оффиціальныхъ (указы волынской консисторіи), такъ и неоффиціальныхъ (частныя письма) документахъ, дающихъ возможность сказать нѣсколько словъ по поводу невыясненнаго еще длиннаго дѣла о совращеніи княжны Зинаиды Михайловны Любомирской въ католицизмъ. Зин. М. Любо-

мирская была православной дочерью могилевскаго губернскаго предводителя дворянства Михаила Голинскаго. Михаилъ Голинскій принадлежалъ къ римско-католическому вѣроисповѣданію; но женился на православной (дочери графа Толстого) и подпиской обязался воспитывать своихъ дѣтей въ православіи. Князь Казимиръ Фридриховичъ Любомирскій, вліятельный помѣщикъ г. Ровно, которому принадлежали громадныя имѣнія въ волынской губерніи, женился на его дочери Зинаидѣ. Обрядъ обрученія хотя былъ благословленъ православнымъ священникомъ, но таинство брака съ польскою пышностью совершено было въ 1845-мъ году римско-католическимъ ксендземъ въ кіевскомъ костелѣ. Молодая супруга К. Любомирскаго, вращавшаяся преимущественно въ сферѣ польскихъ помѣщиковъ, составлявшихъ мѣстную аристократію въ краѣ, только номинально считалась православной, на самомъ дѣлѣ она совершенно оставила „wiaru chłopów" и перешла въ католицизмъ, что явно выражалось нехожденіемъ ея въ православную церковь, небытіемъ у исповѣди, посѣщеніемъ костеловъ и соблюденіемъ польско-католическихъ обрядовъ. Такъ какъ княгиня оффиціально была приписана къ одному изъ православныхъ приходовъ, то благочинный Червинскій донесъ объ отступничествѣ Любомирской епархіальному начальству. А когда чрезъ нѣкоторое время у Зинаиды Михайловны родился сынъ, котораго крестили обливаніемъ въ костелѣ, онъ послалъ „вторичное доношеніе", въ которомъ говорилъ, что „отступленіе отъ православія высокопоставленной особы можетъ производить соблазнъ въ средѣ прихожанъ, ибо повлечетъ за собою разные толки, могущіе послужить къ непоколебимости для православныхъ въ ввѣренной ему паствѣ" [1]).

Послѣ Червинскаго благочиннымъ былъ о. Венедиктъ Омелянскій, которому, повидимому, очень хотѣлось попасть въ миссіонеры къ двору Любомирскихъ и который съ этою цѣлью дѣлалъ самыя ревностныя донесенія („секретныя") духовной консисторіи. Но волынская духовная консисторія почему-то нашла удобнымъ поручить это дѣло не о. Омелянскому, а другому протоіерею, о. Равиновичу. Послѣдній получилъ формальное предписаніе убѣдить безотлагательно всѣми мѣрами З. М. Любомирскую обратиться въ православіе, и донести консисторіи о результатахъ дѣла. Равиновичъ медлилъ донесеніемъ. Доносить было нечего. Его увѣщанія (если они только

---

[1]) Донесеніе отъ 5 января (безъ обозначенія года) № 3.

были въ дѣйствительности) остались безрезультатны. Чрезъ нѣкоторое время послѣдовалъ новый консисторскій указъ, которымъ на помощь Равиновичу назначался еще протоіерей ровенскій о. Лотоцкій. Совмѣстными усиліями двухъ протоіереевъ было достигнуто только то, что Зинаида Михайловна Любомирская *обѣщала* выполнить долгъ исповѣди по православному чину у о. Лотоцкаго, о чемъ и было донесено консисторіи. Консисторія и епархіальныя власти между тѣмъ почему-то сильно интересовались этимъ дѣломъ. Въ 1850 году волынская консисторія, не получая никакихъ дальнѣйшихъ извѣстій отъ Равиновича о ходѣ дѣла, поручила протоіерею Венедикту Омелянскому забрать справки, что сдѣлано Равиновичемъ по дѣлу присоединенія къ православію Зинаиды Любомирской и почему Равиновичъ ничего не доноситъ? [1]) Протоіерей Омелянскій донесъ, что о. Равиновичъ медлитъ этимъ дѣломъ, но вмѣсто разъясненія причинъ медлительности переслалъ въ консисторію какую-то переписку объ отступничествѣ Любомирской, переданную ему о. Лотоцкимъ.[2]) Чего касалась эта переписка,—изъ документовъ, какіе были у насъ подъ руками, не видно. Черезъ 5 лѣтъ, въ 1855—6 годахъ консисторія снова подняла дѣло о Любомирской и стала посылать указы за указами [3]), но протоіерей Лотоцкій донесъ, что Любомирская уже два года за границею, гдѣ проживаетъ въ разныхъ мѣстахъ. З. М. Любомирская въ выѣздѣ за границу нашла для себя лучшее средство избавиться отъ претензій русскихъ священниковъ.

Въ этомъ дѣлѣ интересны нѣкоторыя интимныя бумаги, наприм. секретное отношеніе протоіерея Омелянскаго къ Казимиру Фридриховичу Любомирскому въ 1858 году съ представленіемъ подлиннаго указа о дѣлѣ Любомирскихъ и просьбою дать ему „совѣтъ и наставленіе, что я долженъ отвѣчать своему начальству“ [4]). Почтенный протоіерей не постѣснялся въ оффиціальной бумагѣ, за нумеромъ, просить „противную“ сторону научить его, какъ ему дѣйствовать въ интересахъ православія... Нужно думать, что Казимиръ Фридриковичъ далъ о. протоіерею соотвѣтствующій „совѣтъ и на-

---

[1]) Ук. вол. дух. конс. 1850 г. отъ 23 дек. за № 10,772.

[2]) Отнош. 1851 г. отъ 8 янв. за № 3.

[3]) Указъ вол. консист. 1855 г. за № 12,155; указъ вол. конс. 1856 г. отъ 30 іюня за № 4,531.

[4]) Отнош. 1858 г. отъ 20 сент. за № 102.

ставленіе", судя по тому, что послѣ этого дѣло о присоединеніи княгини отложено было на долгое время. На особомъ „чернякѣ" (безъ хронологич. даты и подписи) сохранились между прочимъ наброски любопытнаго письма, писаннаго, кажется, рукою протоіерея о. Равиновича къ Любомирскому: „Досточтимый Казимиръ Фридриховичъ! Корецъ муки зъ крупою я получилъ и за вашу добрость очень благодару, а за мелево также бардзо (т. е. очень) дячу (благодарю). Только бы по своему протоіерейству я не попался-бы въ лапы консисторіи, которая занадто (слишкомъ) чепляется (т. е. пристаетъ)... Что касается до жалобы, то совѣтую дуже (т. е. очень) не беспокоиться, бо зъ того ницъ (ничего) не выйде... А бумагу зъ извѣстнымъ вамъ доношеніемъ я давно послалъ зъ нарочнымъ куды слѣдуетъ"... (дольше три строчки разобрать нельзя было). Это письмо о. протоіерея прямо указываетъ дѣйствительные интересы нѣкоторыхъ изъ лицъ мѣстнаго духовенства въ дѣлѣ присоединенія кн. Любомирской къ православію. Дѣло это, можетъ быть, потому и затянулось такъ долго: еще въ 70-хъ годахъ оно не было окончено, судя по указу вол. дух. консисторіи, которымъ протоіерею ровенскому Клюковскому предписывалось употребить „все свое пастырское усердіе и опытность къ возвращенію Любомирскихъ въ нѣдра православія"[1]). Но о. Клюковскій отвѣтилъ на это предписаніе цѣлымъ рядомъ какихъ-то жалобъ на затрудненія и интриги... Кажется, это дѣло такъ и кончилось ничѣмъ.

Что касается разныхъ жалобъ и доношеній, которыхъ было много въ этомъ дѣлѣ, то умѣстно вспомнить слова м. Филарета, сказанныя по поводу подобныхъ дѣлъ юго-западнаго края: „Тутъ много жалобъ и воплей неизвѣстно на кого; много разнородныхъ предметовъ, большею частью неопредѣленныхъ потребными обстоятельствами"[2])...

Ѳ. Кудринскій.

---

[1]) Отъ 9 февр. 1870.

[2]) Рус. Арх. 1873 г. кн. 2. стр. 135. Письма м. Филарета къ Нечаеву.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Историко-топографическіе очерки древняго Кіева *(съ планомъ древняго Кіева 1638 г.) Н. И. Петрова. Кіевъ, 1897 г.*

Кіевъ, его святыни и памятники. Сост. проф. Петровъ. *Редакція В. И. Шемякина (Приходская библіотека). Спб. 1896.*

Названныя книги принадлежатъ одному автору и посвящены одному предмету, но изложены въ совершенно различной формѣ. „Очерки" представляютъ рядъ серьезныхъ статей, снабженныхъ всѣмъ научнымъ аппаратомъ и первоначально печатавшихся въ „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи"; „Кіевъ" появился въ популярномъ изданіи „Приходской библіотеки", разсчитанной на простого „грамотнаго читателя" и представляетъ популярный очеркъ Кіева и путеводитель по кіевскимъ святынямъ. Тѣмъ не менѣе оба сочиненія преслѣдуютъ, повидимому, одну общую цѣль. Задача „Очерковъ", какъ видно изъ предисловія къ этой книгѣ, состоитъ въ объединеніи разрозненныхъ матеріаловъ и изслѣдованій по исторической топографіи Кіева съ цѣлью „представить пока общую только схему ея, на основаніи которой можно было бы въ послѣдствіи времени построить и полную историко-топографическую картину древняго Кіева". Вторая изъ названныхъ книгъ, повидимому, представляетъ попытку такого синтетическаго построенія, хотя, по замѣчанію самого г. П., „въ этой книгѣ, вслѣдствіе популярнаго характера ея, не вездѣ могли быть указаны и полно развиты научныя основанія проводимыхъ имъ новыхъ взглядовъ на истори-

ческую топографію Кіева" („Очерки" Предисл.). Посмотримъ же, какъ поставленная задача выполнена въ обоихъ сочиненіяхъ.

Остановимся сначала на „Очеркахъ". Книга эта составлена по слѣдующему плану. Въ краткомъ вступленіи (стр. 1—5) излагается общій очеркъ исторіи Кіева съ древнѣйшихъ (доисторическихъ временъ до X в., съ указаніемъ постепеннаго заселенія различныхъ частей территоріи города. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе этихъ частей и находящихся на нихъ достопримѣчательностей въ порядкѣ ихъ (предполагаемаго) заселенія, а именно: 1) Щековица и ея окрестности, 2) Плоская часть или Оболонь, 3) Печерскъ, 4) Старый городъ, 5) Подолъ и 6) нѣкоторые загородные памятники древности и святыни (Песочный городецъ, Вышгородъ и Межигорье). Самое изложеніе представляетъ довольно полный сводъ изданныхъ и отчасти неизданныхъ матеріаловъ; г. П. постоянно цитируетъ какъ старыхъ изслѣдователей (Берлинскій, Фундуклей, Максимовичъ, Закревскій), такъ и позднѣйшихъ (Антоновичъ, Бѣляшевскій, Грушевскій, Гошкевичъ, Лашкаревъ, Лебединцевъ, Хвойко и мн. др.), чуть не на каждой страницѣ встрѣчаются ссылки на Кіевскую Старину, Чтенія въ Обществѣ Нестора лѣтописца, Археологическую картѣ Кіевской губерніи В. Б. Антоновича, Планъ Кіева 1695; изъ неизданныхъ матеріаловъ г. П. ссылается на различныя изображенія К. П. Лавры, планы Кіева 1713—1715 и 1719 г. и на только что изданный имъ приложенный и къ настоящему изданію планъ Кіева Кальнофойскаго.

Всѣ указанныя особенности придаютъ большой интересъ книгѣ г. П. Но при всѣхъ своихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ она представляетъ и крупные недостатки. Такъ общія положенія, на которыхъ основанъ весь планъ сочиненія, далеко не могутъ быть признаны научно обоснованными. Для доказательства своихъ предположеній о постепенномъ заселеніи территоріи Кіева г. П. съ одинаковымъ довѣріемъ ссылается на безспорныя археологическія и историческія данныя, и на легендарныя сказанія. Такъ признавая „баснословное" и „экономическое" значеніе легенды о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ, онъ тѣмъ не менѣе пріурочиваетъ ее къ VI вѣку, а такъ какъ потомки этихъ князей покорились Хозарамъ, то слѣдовательно „въ періодѣ Хазарскаго владычества средоточіемъ кіевской жизни была часть Кіева, соотвѣтствующая древней Щековицѣ" (5). „Хазаръ смѣнили два *варяжскіе боярина* князя Рюрика"—Аскольдъ и Диръ; они „укрѣпились южнѣе древней Щековицы: Аскольдъ на

нынѣшемъ Печерскѣ, а Диръ, по всей вѣроятности, на западномъ склонѣ горы Кія". „Со времени Олега первенствующее значеніе получаетъ гора Кія или нынѣшній Старый городъ и защищаемый имъ Кіевоподолъ" (тамъ же). Мы думаемъ, что введеніе легендарнаго элемента привело къ серьезнымъ недоразумѣніямъ. Что Щековица и прилегающія къ ней высоты представляютъ древнѣйшіе населенные пункты кіевской территоріи—это несомнѣнно доказывается археологическими находками; но также несомнѣнно сравнительно позднее возникновеніе „Стараго *Кіева*" (съ чѣмъ, отчасти, согласенъ и г. П.). Возвышеніе Печерска при Аскольдѣ болѣе чѣмъ сомнительно, если даже вѣрить тому, что Аскольдова могила дѣйствительно находилась на Печерскѣ [1]). Точно также сомнительно позднее заселеніе Подола; правда г. П. основываетъ это свое мнѣніе на археологическихъ данныхъ и ссылается на „Арх. карту" пр. Антоновича, но тотъ же пр. А. въ публичныхъ лекціяхъ (изд. въ 1897 г.) высказывается объ этомъ вопросѣ совершенно въ другомъ смыслѣ [2]).

Что касается остальныхъ изслѣдованій, между которыми встрѣчаются не только своды уже высказанныхъ мнѣній, но и самостоятельные очерки по неизданнымъ матеріаламъ (напр. о послѣдовательныхъ перестройкахъ великой церкви К.-П. Лавры, о постепенномъ переустройствѣ Печерска въ XVIII ст.), то и здѣсь на-ряду съ очень цѣнными и добросовѣстными изслѣдованіями встрѣчаются сомнительныя толкованія и противорѣчія. Не будемъ останавливаться на тѣхъ мнѣніяхъ, которыя основаны на своеобразномъ объясненіи г. Петровымъ плана Кальнофойскаго; г. П. и въ настоящемъ изслѣдованіи настаиваетъ на своемъ объясненіи и даже въ прибавленныхъ къ книгѣ „дополненіяхъ и поправкахъ" помѣстилъ цѣлую статью по этому вопросу (стр. 260—267). Постанова эта представляется намъ столь же мало убѣдительною, какъ и предисловіе къ новому изданію плана Кальнофойскаго, о которомъ мы имѣли

---

[1]) Что г. П. имѣлъ въ виду только этотъ фактъ, показываетъ слѣдующая его фраза: „Аскольдъ, судя по его могилѣ, сидѣлъ на нынѣшнемъ Печерскѣ" (стр. 53).

[2]) „Древнее заселеніе Подолія и его торговая дѣятельность подтверждаются находками на Подолѣ монетныхъ кладовъ, языческихъ гробницъ и спорадически разсѣянныхъ отдѣльныхъ предметовъ древности, относящихся къ до-христіанскому времени (Публ. лекціи по геологіи и исторіи Кіева, читанныя пр. П. Я. Армашевскимъ и В. Б. Антоновичемъ), (стр. 53).

случай высказаться на страницахъ „Кіевской Старины“ (1896, № 12). Не будемъ останавливаться и на случайныхъ обмолвкахъ, вродѣ того, что „названія Хоревица и Угорское происходятъ отъ одного корня (52), или категорическаго утвержденія, что Богоявленскій монастырь *съ Академіею основанъ* въ 1615 г. дворянкою Галшкою *(Еленою)* Гулевичевною Лозкиною (206). Но не можемъ не указать на странное противорѣчіе въ описаніи К. П. Лавры. На стр. 78 читаемъ: „Въ 1230 г. 3 мая произошло въ Кіевѣ землетрясеніе, отъ котораго великая церковь печерская разступилась на четыре части, т. е. дала большія четыре трещины, *которыя и обнаружены были въ 1881 г.* при ремонтировкѣ штукатурки наружныхъ стѣнъ этой церкви“. И непосредственно затѣмъ: „Въ 1240 г. Батый *совершенно раззорилъ* Печерскую обитель, *превративъ ее въ развалины*, за исключеніемъ малаго Предтеченскаго храма и Троицкой церкви надъ вратами лавры“. Вслѣдъ затѣмъ говорится, что великая церковь печерская долго еще „повидимому находилась въ развалинахъ“ и была возстановлена только въ 1470 г. Симеономъ Олельковичемъ.

Вторая книга написана по тому же плану, какъ и „Очерки“, но изложена совершенно иначе. Она состоитъ изъ двухъ частей: 1) краткій очеркъ исторіи Кіева и 2) Описаніе отдѣльныхъ мѣстностей, святынь и памятниковъ кіевскихъ. Первая часть соотвѣтствующая краткому предисловію „Очерковъ“, занимаетъ болѣе ¼ всей книги (51 стр. изъ 180); вторая распадается на тѣ же отдѣлы (по мѣстностямъ), но описаніе отдѣльныхъ мѣстностей слѣдуютъ другъ за другомъ, „придерживаясь того порядка, какому обыкновенно слѣдуютъ кіевскіе богомольцы при поклоненіи кіевскимъ святынямъ“ (53): Печерскъ, Старый городъ, Подолъ и, наконецъ, Щековица: изъ окрестностей описанъ только Вышгородъ. Ясно, что авторъ имѣлъ въ виду менѣе подготовленнаго читателя; но именно поэтому книга представляетъ не болѣе подробное[1]), а скорѣе сокращенное изложеніе фактовъ обслѣдованныхъ въ „Очеркахъ“. Что касается изложенія, то и здѣсь наряду съ удачно написанными страницами встрѣчаются изложенныя неясно и сбивчиво. Такъ, въ первой части, представляющей вообще довольно вѣрный и полный очеркъ исторіи Кіева съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени, встрѣча-

---

¹) *„Подробнѣе* объ исторической топографіи древняго Кіева сказано авторомъ въ приготовленной имъ къ печати книгѣ: Кіевъ, его святыни и памятники“ („Очерки“, стр. 1).

ются мѣста очень неудачно изложенныя. Особенно неясно изложенъ древнѣйшій періодъ. „Еще задолго до того времени, говоритъ г. П., когда Русь выступила на поприще исторіи, мѣсто занимаемое Кіевомъ, заселено было *какимъ-то племенемъ*, которое жило въ пещерахъ“ и т. д. „*Это племя* очень рано познакомилось съ предпріимчивыми греками“... Затѣмъ говорится о временномъ прекращеніи этихъ сношеній вслѣдствіе *вторженія варваровъ*, и о возобновленіи ихъ въ VI в., къ которому „нужно отнести баснословное лѣтописное преданіе объ основаніи г. Кіева тремя братьями: Кіемъ, Щекомъ и Хоривомъ“. Потомки этихъ князей покорились Хозарамъ и „черезъ Хозаръ Кіевъ вошелъ въ торговыя сношенія съ восточными народами, какъ о томъ свидѣтельствуютъ клады *саманидскихъ* монетъ, найденные въ Кіевѣ“ (1—2). Затѣмъ слѣдуетъ преданіе объ Аскольдѣ и Дирѣ. Мы думаемъ, что и подготовленному читателю не легко разобраться въ этой путаницѣ (гдѣ даже не упоминается имя славянъ), а неподготовленный, конечно приметъ ничто же сумняшеся всѣ упомянутыя но не названныя племена за предковъ русскаго народа и только съ недоумѣніемъ остановится передъ саманидскими монетами. Такое же недоумѣніе возбудитъ сообщеніе, что въ 1620 г. *возстановлена* была въ Кіевѣ православная іерархія, а въ 1632 г. она *разрѣшена* была и польскимъ правительствомъ (42). А въ болѣе подготовленномъ читателѣ не можетъ не вызвать недоумѣнія сообщенія объ основаніи *въ 1857 г.* въ Кіевѣ „множества учебныхъ заведеній разныхъ вѣдомствъ“, открытіи Свято-Владимирскаго братства и нѣсколькихъ ученыхъ обществъ, въ томъ числѣ Историческаго *св. Нестора* при университетѣ и Церковно-археологическаго съ музеемъ при Духовной Академіи (49). Не говоримъ уже о мелкихъ погрѣшностяхъ, вродѣ Введенской Общины *Краснаго Креста* на Печерскѣ (51) и опечаткахъ въ собственныхъ именахъ (Вичуровщина стр. 22, Данієвская вм. Деміевская 51), очень неудобныхъ въ справочномъ изданіи, предназначенномъ для большой публики. Вторая часть книги представляетъ въ большинствѣ случаевъ повтореніе (часто буквальное) сказаннаго въ «Очеркахъ»,— съ одной стороны сокращенное—опущеніемъ подробностей и мотивировки высказываемаго мнѣнія, отчасти дополненное—описаніемъ новѣйшихъ сооруженій и памятниковъ и нѣкоторыми разъясненіями разсчитанными на менѣе подготовленныхъ читателей. И въ этой книгѣ г. П. находитъ возможнымъ ссылаться на планъ Кальнофойскаго, „разсматривая его съ оборотной стороны на свѣтъ“ (напр.

стр. 20, 69, 80), хотя совершенно основательно не вдается въ толкованіе столь необычнаго пріема. При описаніи отдѣльныхъ памятниковъ встрѣчаются мелкіе недосмотры, вродѣ того, что имя Гулевичевны Галшки переводится (какъ и въ „Очеркахъ") Елена (150), или имя Сагайдачнаго упомянуто въ исторіи Братскаго монастыря только по тому поводу, что имъ пожертвованъ крестъ (156). Нельзя не указать еще на одну странную погрѣшность. Желая опредѣлить, какая мѣстность носила въ древности названіе Хоревицы, г. П. говоритъ: «въ послѣднее время съ большимъ основаніемъ отводятъ ей мѣсто на лѣтописномъ Угорскомъ, нынѣшнемъ Печерскѣ» и ссылается при этомъ на статью г. Маркевича („Къ древней топографіи Кіева"—К. С. 1887, 12). Мы справились съ указанною статьею и нашли тамъ два предположенія относительно Хоревицы: по мнѣнію автора, это была или „мѣстность нынѣшняго Софійскаго собора и окрестныхъ усадьбъ", или „гора, на которой стоитъ нынѣ Михайловскій монастырь"; „Липки же, а тѣмъ болѣе Печерскъ, были въ то время, по его словамъ, мѣстами не кіевскими" (1. с. 785—786).

Сопоставляя все сказанное, можно, кажется, придти къ тому выводу, что разбираемыя книги имѣютъ различную цѣнность. „Очерки" представляютъ первую попытку систематическаго свода и пересмотра старыхъ и, въ особенности, вновь изданныхъ матеріаловъ, и потому, не смотря на всѣ свои недостатки, представляютъ полезное пособіе для всякаго занимающагося мѣстною исторіею и имѣютъ извѣстную научную цѣнность. „Кіевъ" преслѣдуетъ двѣ задачи—съ одной стороны обобщеніе и систематизацію матеріала, помѣщеннаго въ „Очеркахъ", съ другой—популяризацію этого матеріала; ни одна изъ этихъ задачъ не можетъ быть признана выполненною: съ одной стороны „Кіевъ", какъ популярная книга ни въ какомъ случаѣ не представляетъ той „полной историко-топографической картины древняго Кіева", необходимость которой указываетъ г. П. въ предисловіи къ „Очеркамъ"; съ другой стороны—по обилію и недостаточно тщательному выбору фактовъ и по своему тяжелому и сухому изложенію „Кіевъ" не можетъ быть признанъ хорошей народной книгой и едва-ли найдетъ много читателей.

В. Щербина.

Сборникъ свѣдѣній о родѣ «Максимовичъ» (чей). *Составилъ И. Максимовичъ исключительно для членовъ своей семьи, родныхъ, друзей и добрыхъ знакомыхъ, не предназначая таковаго для продажи. Рига. 1897 г., 8 д. л., 143 стр., 4 портрета 1) и родословная роспись.*

Какъ видно изъ заглавія, книга о Максимовичахъ издана *pro domo sua*. Одинъ изъ нынѣ живущихъ Максимовичей пожелалъ собрать свѣдѣнія о своемъ родѣ и, потрудившись немало, издалъ настоящую книгу. Источники собранныхъ свѣдѣній перечислены въ началѣ книги. Отсюда прежде всего видно, что у составителя „Сборника" фамильно-архивныхъ бумагъ не было вовсе. Почти всѣ свѣдѣнія о Максимовичахъ взяты изъ печатныхъ источниковъ, причемъ послѣдніе оказались не бѣдными потому, что Максимовичи были одно время (при Мазепѣ) видными людьми, оставили по себѣ слѣды въ бытописаніяхъ родины.—Родоначальникомъ Максимовичей былъ Максимъ, который хотя и былъ повидимому сыномъ „жолнера войска Запорожского" Ивана Шимашенка, но отцовское свое прозвище потерялъ и сталъ называться новымъ—*Печерскимъ*, съ того времени, какъ онъ взялъ въ аренду у Кіевской лавры принадлежавшее ей мѣстечко Печерскъ. Это было во второй половинѣ XVII в. Вмѣстѣ съ печерскою арендою Максиму удалось получить и должность сборщика пошлинъ (индуктаря) на печерской таможнѣ, чрезъ которую провозились разные товары изъ Польши въ лѣвобережную Малороссію. Индуктаремъ Максимъ сталъ по выбору Мазепы, который замѣтивъ дѣловитость печерскаго арендатора, поручилъ ему важное „войсковое дѣло" „около выбраня индукты." Вмѣстѣ съ тѣмъ Мазепа взялъ Максима Печерскаго съ дѣтьми „въ свою оборону", считая его „выгоднымъ себѣ человѣкомъ", какъ писалъ объ этомъ и въ оффиціальныхъ актахъ. У Максима было семь или восемь сыновей; всѣ они были люди расторопные и учившіеся. Старшій—Іоаннъ, принявъ монашество, былъ экономомъ Кіевской лавры, не достигнувъ еще и тридцати лѣтъ. Второй сынъ Максима—Василій былъ компанейскимъ полковникомъ; Михаилъ и Антонъ—бунчуковыми товарищами и лишь одинъ Петръ остался малозамѣтнымъ значковымъ товарищемъ. За то четвертый сынъ Максима—Василій былъ компанейскиимъ полковникомъ; Михаилъ и Антонъ—бунчуко-

---

1) Потреты приложены: Іоанна Максимовича, митрополита Тобольскаго, М А. Максимовича (писателя), и отца, и дяди составителя „Сборника".

выми товарищами и лишь одинъ Петръ остался малозамѣтнымъ значковымъ товарищемъ. Зато четвертый сынъ Максима—Дмитрій сталъ однимъ изъ ближайшихъ наперстниковъ Мазепы. Сначала онъ занималъ полковые уряды—писаря и судьи въ Нѣжинскомъ полку, но потомъ—конечно, по милости гетмана, Дмитрій сталъ войсковымъ *экзакторомъ*, т. е. откупщикомъ налоговъ на продажу водки, табаку и дегтю. Позднѣе Мазепа поставилъ Дмитрія М—ча генеральнымъ есауломъ и вмѣстѣ съ тѣмъ назначилъ его гетманскимъ „Кравчимъ". Эти *придворные* чины ввелъ въ гетманщинѣ Мазепа и, сколько извѣстно, давалъ ихъ своимъ приближеннымъ. При такихъ милостяхъ гетмана Дмитрій М-чъ женился на одной изъ видныхъ въ Малороссіи невѣстъ, на дочери несомнѣннаго *шляхтича* Федора Сулимы, другія дочери котораго были замужемъ: одна—за гетманичемъ Самойловичемъ, а другая за Лубенскимъ полковникомъ и тоже любимцемъ Мазепы, за Зеленскимъ; а когда ко всему этому Мазепа, не скупясь, надѣлилъ его нѣсколькими мѣстностями, то Дмитрій М-чъ сталъ однимъ изъ первыхъ лицъ въ гетманщинѣ.—Такимъ образомъ при Мазепѣ сыновья Максима Печерскаго стояли всѣ на виду, хотя и не всѣ занимали одинаковое положеніе. Но внуки Максима стали уже въ другое положеніе. Обстоятельства сложились такъ, что сначала осиротѣла семья старшаго изъ *Максимовичей*—Василія, когда послѣдній былъ убитъ въ сраженіи, въ 1694 г., а потомъ осиротѣла и семья Дмитрія *Максимовича*, когда онъ, за участіе въ измѣнѣ Мазепы, былъ сосланъ въ Архангельскъ. Вмѣстѣ съ ссылкою Дмитрій М-чъ потерялъ и всѣ свои маетности. Эти несчастные случаи въ семьяхъ двухъ старшихъ сыновей Максима и были одною изъ главныхъ причинъ, почему тутъ не сохранилось семейныхъ бумагъ: онѣ были растеряны, когда семья Василія и Дмитрія лишились своихъ главъ. Другіе сыновья Максима занимали положеніе уже не столь видное, а потому не имѣли возможности разбогатѣть, а вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣли случая и накопить семейныхъ бумагъ. Послѣднія накоплялись почти исключительно лишь у богатой старшины, которая, располагая и образованіемъ, и богатствомъ, не могла обходиться безъ бумажнаго веденія своихъ дѣлъ. Такимъ образомъ мы видимъ, почему у Максимовичей не сохранилось семейныхъ архивовъ. Извѣстный знатокъ и любитель малорусской письменной старины М. А. Максимовичъ, происходившій отъ Василія *Максимовича*, ревностно искалъ у родичей старыхъ бумагъ о своихъ предкахъ, коихъ не находилъ (кромѣ обычныхъ «универсаловъ»), потому

что ничего изъ дѣдовскихъ «шпаргаловъ» у этихъ внуковъ и правнуковъ и не было.

Такимъ образомъ составителю настоящаго „Сборника" оставалось собирать свѣдѣнія о своихъ предкахъ почти исключительно изъ книгъ, гдѣ случайно печатались разнаго рода упоминанія о Максимовичахъ. Повидимому, свѣдѣнія собраны обстоятельно и члены размножившагося теперь рода Максимовичей, конечно, скажутъ великое спасибо Ин. Кл. Максимовичу, давшему имъ возможность уразумѣть „лѣта рода родовъ" своихъ.

Сдѣлаемъ одно замѣчаніе. Сообщая свѣдѣнія о Максимовичахъ, составитель „Сборника" подробно говоритъ и о М. А. Максимовичѣ, причемъ упоминаетъ и о дѣтяхъ его—сынѣ Алексѣѣ и дочери Ольгѣ. Объ Ольгѣ Михайловнѣ сказано, что она умерла въ 1891 году, и больше ничего. Видимо, что И. К. Максимовичу остались неизвѣстными *печатныя* свѣдѣнія объ общественной дѣятельности этой замѣчательной дѣвушки, такъ результатно потрудившейся въ короткую свою жизнь (р. 1865, † 1891) въ дѣлѣ народнаго образованія. Довольно полныя свѣдѣнія объ Ольгѣ М-нѣ были напечатаны въ львовской *Зорѣ* за 1893 годъ.

А. Л.

Materyały antropologiczno archeologiczne i etnograficzne *wydawane staraniem komisyi antropologicznej Akademii umiejętności w Krakowie. Tom I. Kraków. 1896. 8 д. л. 108+425 стр. Съ рисунк. древностей и планами Варшавы.*

Изданіе это, не смотря на то, что появляется первымъ томомъ, не имѣетъ предисловія, объясняющаго его планъ; но по содержанію этого тома слѣдуетъ думать, что „Materyały" замѣнили собою извѣстный сборникъ *Zbiór wiadomości do antropologii krajowej*, который издавался тою же краковскою академіей. Прежній сборникъ дѣлился на три отдѣла: (1) *Dział archeologiczno-antropologiczny*, 2) *Dział antropologii w ściślejszem znaczeniu*, и 3) *Materyały etnologiczne*), а теперешній сборникъ дѣлится на два отдѣла:

1) *Dział archeologiczno-antropologiczny* и 2) *Dział etnograficzny*. Какъ въ прежнихъ сборникахъ, такъ и въ настоящемъ польская наука не упускаетъ изъ виду малорусскую народность, отводя ея

изученію немалое мѣсто. Повидимому, такое вниманіе къ Малороссіи основывается на историческихъ воспоминаніяхъ... Въ настоящемъ сборникѣ Малороссію имѣютъ въ виду слѣдующія статьи: 1) *Юліана Талько-Гринцевича*—Charakterystyka fizyczna ludności Podola na podstawie własnych spostrzeżeń, 2) *Елены Чеховской*—Wesele w Rudzku и 3) Dumki i pieśni ludu ruskiego z Zadnieprza, собранныя *Натальей Зиммеръ*. „Wesele w Rudzku“ заключаетъ въ себѣ обстоятельное описаніе свадебнаго обряда въ Пинщинѣ (Рудскъ находится на границѣ Пинскаго и Кобринскаго уѣзда), гдѣ малорусская народность, повидимому, сохраняетъ бытовыя свои черты въ неприкосновенности, благодаря топографическимъ условіямъ, вслѣдствіе которыхъ пинчуки мало сообщаются съ своими сосѣдями. Далекая старина слышится, напр., въ слѣдующей пѣснѣ:

Не наступай Лытва,
Буде съ намы бытва!
Будемъ быты, войоваты,
Дивоньки не даваты....

Видимо, пинчуки не отождествляли себя съ Литвою.

„Думки“ и пѣсни, записанныя г-жею Зиммеръ, заключаютъ въ себѣ большею частью общеизвѣстныя пѣсни, снабженныя, впрочемъ, мотивами въ нотахъ. Пѣсни записаны почти исключительно въ Полтавѣ и около нея (напр. въ Тагамлыкѣ, а не Таганлыкѣ, какъ нѣсколько разъ указываетъ г-жа Зиммеръ.). Есть, впрочемъ, четыре пѣсни, записанныя будто бы въ Тамани отъ „тамошнихъ козаковъ“. Въ числѣ ихъ записана и слѣдующая:

Слава, слава!
Слава нашимъ козаченькамъ,
Нехай вороги идутъ;
Слава нашимъ Чорноморцямъ,
Орламъ Украины,
Що въ горы идуть
Черкезовъ бьють и т. д.

Извѣстно, что это не пѣсня, а одинъ изъ куплетовъ оперы Н. В. Лысенка „Чорноморци“. Какъ видно, г-жа Зиммеръ введена была въ заблужденіе какимъ-то г. Юріемъ Зубовымъ, сообщившимъ ей эту пѣсню.

А. Л.

Складка. *Альманахъ. Року Божого 1897. Спорудывъ К. А. Билыловськый. Въ пользу Общества для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ. Чистая прибыль назначается на помощь малороссамъ переселенцамъ. С.-Петербургъ, 1897 г., цѣна 1 р. 25 коп., 193 стр. 8.*

Изъ подробно выписаннаго заглавія «Сладки» видно, что выручка отъ продажи этого сборника предназначается въ пользу переселенцевъ,—назначеніе симпатичное; остается только пожелать скорѣйшаго осуществленія назначенной цѣли. Но врядъ ли это случится въ такомъ непродолжительномъ времени, какъ было бы желательнымъ. Складка, составленная г. Билиловскимъ, не отличается, къ сожалѣнію, такимъ литературнымъ достоинствомъ, чтобы не залежаться ей на полкахъ книжныхъ магазиновъ. Правда, прозаическая часть сборника несомнѣнно говоритъ въ его пользу, а въ особенности разсказы: «Хрыстосъ на вколишкахъ»—Д. Мордовцева, «Стари гультяи»—Ивана Левицкаго и «Нудьга»—А. Крымскаго. Есть еще въ Складкѣ оповидання С. Д. Носа—«Запорожецъ Абыухъ», но это неудавшаяся попытка на беллетристическій разсказъ, а «Поѣздка на пепелище Чортомлыцкой сичи» и «Прысказка до нюхарей»—Д. Яворницкаго—это этнографическій матеріалъ съ предисловіями автора, подробнымъ описаніемъ путешествія и нѣкоторыми историческими справками. Остальныя страницы Складки заполнены стихотвореніями 15-ти поэтовъ, помѣстившихъ по 1-2-3 и до 10 стихотвореній каждый. Какъ видитъ читатель, недостатка въ поэтическихъ произведеніяхъ нѣтъ; однако же поэзію мы находимъ только въ стихотвореніяхъ Ивана Франка, Васыля Щурата, Мыколы Вороного да можно еще указать на одно стихотвореніе Я. Щоголева—«Суботы св. Дмитра». Остальная поэзія Складки настолько слаба, что кромѣ этого, ничего другого и сказать о ней нельзя. Остается только пожалѣть, развѣ, что издатель сборника такъ много отвелъ мѣста никому неинтереснымъ и никому ненужнымъ стихотвореніямъ. Несправедливо было бы не исключить изъ этого числа стихотворенія Ив. Стешенка; стихи послѣдняго отличаются гладкостію и музыкальностію, но такъ густо пересыпаны эпитетами—срибный, дзвинкучій, палкій, свитлый, гучный, свитозорый, злотыстый, блыскучый, яскравый, славутный, могутный, пышный и другими, что даже затемняется мысль стихотворенія и чувствуется какая-то приторность. Что касается остальныхъ поэтовъ, то лишь во избѣ-

жаніе упрека въ голословности, я позволю себѣ сдѣлать 2-3 выписки изъ ихъ стихоплетства, дабы подтвердить сказанное, что произведенія такія никому неинтересны и никому ненужны.

Вотъ, напр., стихотвореніе г. Шамраева, подъ заглавіемъ «Лирныку»:

Тяжки й смутни
Твои писни
Про бидну нашу долю,
Въ ныхъ щыра ричъ,
Въ ныхъ серця мичъ,
Котре мовъ стогне з болю и т. д.

Въ стихотвореніи Хведора Коржа—«Бида видъ кумедіянтивъ» (нѣчто вродѣ сатиры) находимъ такія прелести:

У голови одъ вдохновення
Йде гуркотня, якъ одъ млына.
Такъ, такъ: отъ вже й для драмы менни:
«Бида никого не мына».

или:

Его дочка? Чыя? Чы Гната?
Та въ його жинкы ще катъ-ма;
Тай хто жъ бува дочкою брата?
Ну, къ бису, трястя іи ма!

А вотъ стихотвореніе Ричыцького:

Морозна ясна ничъ. На мисячнимъ проминни
Въ безкраимъ поли снигъ алмазомъ чыстымъ грае,
Будынокъ камяный дае шыроки тини
И згорда навкругы все поле озырае.
Стоить вартовый пидъ дверыма,
Одынъ, якъ былынка,
И скоса поводыть очыма
По мури будынка и т. д.

Въ числѣ такихъ стихотвореній не послѣднее мѣсто занимаютъ и произведенія К. Билыловського; они заполняютъ 15 страницъ Складки, или одну двѣнадцатую часть всей книги, и блещутъ такими виршами:

Люблю тебе, чы й се сказаты.
Що ты моимъ дитямъ не маты;
Що любыхъ нашыхъ ты малятъ,
Якъ лебедь крыльмы лебедятъ,

До себе нижно горнешъ, крыешъ,
Впадаешъ коло ныхъ и мліешъ,
То трусысся за ныхъ, тремтышъ,
То смихомъ срибнымъ задзвенышъ,
Мовъ въ рай тоби видкрылась брама
Якъ вчуешъ въ перве слово: «мама»!.

Или, напримѣръ, въ стихотвореніи «Останнк весна» —возлюбленная говоритъ своему возлюбленному:

Несы мене, несы изъ хаты,
Въ останній разъ ще потурай!
Несы туды, де пышны шаты,
Де спивъ и пахощи,—де рай!....

И много, много можно было бы повыписывать подобныхъ прелестей у 8 или 10 поэтовъ, что заполнили своими произведеніями добрую половину Складки.

Значительно выше по достоинству два стихотворенія Ивана Франка. Первое изъ нихъ озаглавлено: «Фантастычни думы, фантастычни мріи» и состоитъ изъ трехъ куплетовъ. Вотъ первый куплетъ.

Якъ бы знавъ я чары, що спыняють хмары,
Що два серця можуть известы до пары,
Що ламають пута, де душа закута,
Що въ пожыву нымы зминыться й отрута, —
То тебе бы, мыла, обдала ихъ сыла,
Вси въ твоимъ бы серци искры погасыла,
Вси думки й бажання за однымъ ударомъ,
Лышъ одна любовъ бы выбухла пожаромъ,
Обняла-бъ достоту всю твою истоту,
Мысли вси пожерла, всю твою турботу,
Тилькы мій тамъ образъ и ясніе й гріе—
Фантастычни думы, фантастычни мріи!

Во второмъ стихотвореніи — «Отсе тая стежечка» — въ прекрасной, милой формѣ воспѣвается та стежечка (тропинка), по которой милая унесла счастье, полюбивъ другого.

Отсе тая стежечка
Извываеться,
А у мене сердечко
Розрываеться.
Все, що найдорогшее,

Найулю́блене,
Чымъ душа жыва була, —
Тутъ загублене.
Чымъ душа жыва була,
Чымъ пышалася.....
Отсе жъ тая стежечка,
Щобъ запалася!

Такъ оканчивается это стихотвореніе.

Въ произведеніяхъ В. Щурата и М. Вороного читатель также найдетъ ту искру и почувствуетъ ту теплоту, какая чувствуется въ стихотвореніяхъ, принадлежащихъ перу талантливыхъ поэтовъ. Въ особенности замѣтно это у В. Щурата въ стихотвореніи „Мое серце не тутъ, моя дума не тутъ", а у М. Вороного въ стихотвореніи „А море клекоче".

На отмѣченныхъ разсказахъ Д. Мордовцева и Ивана Левицкаго я не останавливаюсь потому, что сами имена авторовъ говорятъ за свои произведенія; относительно же оповидання А. Крымскаго— „Нудьга", въ которомъ описана тоска по родинѣ, можно сказать, что разсказъ этотъ очень симпатичный, описаніе душевной тоски изложено такъ правдиво и такъ рельефно, что производитъ глубокое впечатлѣніе, но оставляетъ по себѣ ясное сознаніе, что чувства такія испытываютъ и переживаютъ только люди больные. Впрочемъ, и самъ авторъ „Нудьги" говоритъ въ одномъ мѣстѣ: „неужели это psychopathia nationalis"?—Да, несомнѣнно! отвѣтитъ читатель, прочитавши разсказъ.

М. Кононенко.

Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. *Кн. X. М. 1896.*

Десятая книга „Описанія", между прочимъ, знакомитъ насъ съ краткимъ содержаніемъ отдѣла книгъ кіевскаго стола (повытья), состоящаго изъ 55 нумеровъ за періодъ съ 1666 по 1706 годъ и представляющаго, повидимому, много цѣннаго для финансовой исторіи Малороссіи. „По содержанію, говоритъ „Описаніе", книги кіевскаго стола представляютъ росписные, смѣтные и счетные списки городовъ Кіева, Переяслава и Нѣжина и различнаго рода мелкіе

документы по губернаторскому управленію г. Кіевомъ и воеводскому управленію Переяславомъ, Нѣжиномъ и другими менѣе крупными городами". Такъ, среди книгъ Кіевскаго повытья мы находимъ за 1666 годъ „Переписную книгу разнаго званія" служилыхъ, жилецкихъ, промышленныхъ людей, крестьянъ и бобылей въ малороссійскихъ городахъ, мѣстахъ, мѣстечкахъ, слободахъ, селахъ и деревняхъ, составленную для разверстки хлѣбныхъ и денежныхъ окладовъ". Въ особенности много среди документовъ кіевскаго повытья „смѣтныхъ списковъ" г. Кіева.

Н. В.

Ѳ. В. Тарановскій. Обзоръ памятниковъ магдебургскаго права западно-русскихъ городовъ литовской эпохи. *Историко-юридическое изслѣдованіе. Варшава 1897. 201 стр.*

Надѣясь въ одной изъ ближайшихъ книжекъ подробнѣе поговорить о трудѣ г. Тарановскаго, мы отмѣчаемъ теперь только его появленіе. Трудъ распадается на пять раздѣловъ.

Въ *первомъ* авторъ знакомитъ насъ съ исторіей распространенія магдебургскаго права въ Германіи и Речи Посполитой; во *второмъ* дѣлаетъ обзоръ памятниковъ магдебургскаго права русскихъ городовъ Речи Посполитой; въ *третьемъ* разбираетъ сочиненія Гроицкаго, какъ памятники магдебургскаго права русскихъ городовъ Речи Посполитой; въ *четвертомъ*—сочиненія Щербича; наконецъ, въ *пятомъ* характеризуетъ сочиненія Гроицкаго и Щербича съ исторической и литературной точекъ зрѣнія.

Работа г. Тарановскаго выполнена въ высшей степени добросовѣстно. Центръ ея лежитъ въ главахъ (раздѣлахъ), посвященныхъ разбору сочиненій Гроицкаго и Щербича, которыми, какъ руководствами, пользовались суды магдебургій въ русскихъ городахъ Речи Посполитой. Сборники Гроицкаго и Щербича—частнаго происхожденія и никогда не были утверждены законодательною властью; но практика ввела ихъ въ жизнь и дала широкое распространеніе, вопреки мнѣнію проф. В. Б. Антоновича, съ которымъ г. Тарановскій въ данномъ случаѣ полемизируетъ. Въ виду этого г. Тарановскій старательно отмѣчаетъ источники названныхъ трудовъ,

чтобы доказать, что сочиненія Гроицкаго и Щербича являются очень добросовѣстнымъ изложеніемъ положеній магдебургскаго права.

Н. В.

И. П. Лаппо. Земскій судъ въ Великомъ княжествѣ Литовскомъ въ концѣ XVI вѣка. *(„Журн. Минист. Нар. Просвѣщ.“, 1897 г., № 6, стр. 263—302).*

Статья г. Лаппо заключаетъ въ себѣ изслѣдованіе о земскомъ судѣ въ литовск. государствѣ въ концѣ XVI в., съ краткимъ очеркомъ его постепеннаго развитія на протяженіи всего XVI в. Послѣ изданія третьяго статута (1588 г.) въ Литовск. княжествѣ, кромѣ земскаго, существуетъ еще нѣсколько видовъ судовъ: гродскій (замковый), подкоморскій, трибунальскій мѣстскій, дворный королевскій,—каждый со своими особыми книгами; но среди этихъ всѣхъ судовъ земскій судъ занимаетъ то особое положеніе, что онъ независимъ,—въ противоположность другимъ,—отъ административной власти. Его составъ—судья, подсудокъ и писарь—выбирается земянами повѣта и лишь утверждается королемъ. Для выбора упомянутыхъ должностныхъ лицъ „вряда земского судового“ должна была собираться вся шляхта „отъ вышъшого до низшого стану“, извѣщенная королевскимъ листомъ, опубликованіе котораго обыкновенно производилось за 4 недѣли до дня выборовъ. На съѣздѣ выбираются четыре кандидата,—непремѣнно шляхтичи, при томъ коренныхъ родовъ, а не новоосѣлыхъ въ повѣтѣ, и уже изъ этихъ король, по своему усмотрѣнію, утверждалъ того или другого въ качествѣ члена суда. Членами суда не могли быть: 1) лица духовныя, 2) занимавшія какой-нибудь урядъ въ томъ же повѣтѣ, 3) занимавшія должность урядника судового въ какомъ-нибудь другомъ повѣтѣ. Должность урядниковъ судовыхъ пожизненна и неприкосновенна. Послѣ избранія, судья и подсудокъ должны были принесть присягу въ добросовѣстномъ и безпристрастномъ отправленіи своихъ обязанностей, а писарь—въ точномъ, правильномъ веденіи судовыхъ книгъ. Писать онъ долженъ „поруску, литерами и словы рускимы“.

Собственно судъ производился судьей и подсудкомъ, но они

также спрашивали мнѣнія и у писаря; эта коллегія и составляла „судъ земскій".

По статуту, урядники земскіе должны отправлять свои обязанности лично, но иногда одинъ изъ нихъ могъ отсутствовать по какимъ нибудь причинамъ; въ такомъ случаѣ неявившійся долженъ былъ извѣстить о своей неявкѣ шляхту и товарищей судовыхъ, и послѣдніе избирали временнаго замѣстителя. Впрочемъ, иногда такое замѣщеніе происходило и безъ помощи шляхты. Конечно, причина неявки должна быть уважительная, въ противномъ случаѣ виновный утрачиваетъ свою должность.

Что касается до писаря, то онъ могъ брать себѣ въ помощь подписка, одного или нѣсколькихъ,—но отвѣтственнымъ лицемъ являлся одинъ писарь. Въ качествѣ жалованья члены суда получали доходъ отъ каждаго разсматриваемаго дѣла или вписываемаго въ книги документа.

При судѣ состоялъ „возный". Обязанности его—исполнительныя; его посылаетъ судъ по просьбѣ частныхъ лицъ „на всякие справы людские". Онъ же доставляетъ „позвы"—повѣстки лицамъ, имѣющимъ стать передъ судомъ.

Земскій судъ съѣзжался на три сессіи, „роки", „каденціи", ежегодно. Роки были: трехкрольскіе (6 января), троицкіе и михайловскіе (29 сент.) Обыкновенно урядники судовые пріѣзжали заранѣе, дня за 3 до начала роковъ, чтобы покончить подготовительныя работы: „выписи"—кому надо и т. п. Самый судъ происходилъ въ особомъ „дому судовомъ", въ центрѣ повѣта, „въ мѣстцѣ звыкломъ"; урядъ гродскій заботился о помѣщеніи для членовъ суда, а также и „иншихъ становъ", пріѣхавшихъ на роки. Засѣданія происходили съ утра до вечера; иногда даже при свѣчахъ. Опредѣленнаго числа дѣлъ для разсмотрѣнія на засѣданіи не было положено,—иногда успѣвали рѣшить одно дѣло, иногда болѣе десятка. Сессіи продолжались обыкновенно около трехъ недѣль, при чемъ засѣданія происходили ежедневно, кромѣ дней большихъ праздниковъ и воскресеній.

Дѣла, подлежавшія разсмотрѣнію земскаго суда,—распадаются на два отдѣла; одни только заносятся въ книги, другія требуютъ постановленія суда по существу дѣла; первыя могутъ быть и гражданскаго и уголовнаго характера; хотя статутъ и стремится разграничить кругъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ каждому суду, но de facto упомянутый кругъ, будучи весьма широкимъ, сливается съ дѣлами другихъ судовъ почти незамѣтно.

Изъ дѣлъ, которыя вѣдались земскимъ судомъ, главными были — дѣла по имѣніямъ, затѣмъ по „выводу шляхетства", кромѣ того, ему принадлежитъ одна функція, которая ставитъ его выше другихъ судовъ,—это надзоръ за правильностью дѣйствій суда гродскаго; но онъ все же первая инстанція и на его рѣшенія, за исключеніемъ нѣкотораго рода дѣлъ, можно аппелировать къ высшимъ судов. инстанціямъ,—къ трибуналу и дворному королевскому суду.

Земскимъ судамъ были подсудны: земяне, шляхта, при чемъ наблюдается полная равноправность между обоими полами; но кромѣ этихъ, встрѣчаются часто мѣщане, евреи, слуги замковые, путные, „особы стану духовного" и пр.; такимъ образомъ оказывается, что *земскій судъ не имѣетъ строго шляхетскаго характера*, хотя по закону лица судящія и подсудныя должны принадлежать только къ шляхетскому стану.

При судахъ состояли „прокураторы", т. е. лица, на обязанности которыхъ лежало веденіе чужихъ дѣлъ въ этихъ судахъ; по статуту они безвозмездно должны были помогать вести дѣло людямъ неимущимъ и за отказъ исполнить требованіе суда лишались права вести на судѣ вообще чужія дѣла.

При разборѣ дѣлъ, кромѣ тяжущихся и нѣкоторыхъ ихъ пріятелей, не допускалось никого; поэтому засѣданія земск. суда не были вполнѣ публичными.

Послѣ окончанія роковъ, врядники еще оставались дня на три, которые проходили въ выдачѣ справокъ и въ удовлетвореніи „иныхъ потребъ шляхтетскихъ". Разъѣзжаясь, члены суда „прячутъ книги прежнихъ роковъ" въ „скрыню моцную", за тремя замками и печатями и ставятъ ее въ безопасное мѣсто, въ „склепъ", который находится подъ охраной воеводы или старосты. Книги только что отсуженныхъ роковъ остаются на рукахъ у писаря до слѣдующихъ роковъ „для парадного справованья и начисто переписанія".

Языкъ актовъ русскій, но подписи дѣлались и по польски; нарушеніе статута (писать по руску литерами и словы русскими) началось еще съ 1560 г.; начиная съ этого года идутъ акты, писанные русскимъ языкомъ, но латинск. буквами. Въ началѣ XVI в. въ Литвѣ земскій судъ находился всецѣло въ рукахъ воеводы, старосты и державцевъ, которые передавали власть своимъ намѣстникамъ; послѣдніе, по статуту 1529 г., должны выбирать 2-хъ землянъ, „людей добрыхъ и годныхъ веры"; при нихъ долженъ быть писарь; намѣст-

никъ въ отсутствіи обоихъ присяжныхъ не имѣетъ права судить. Но требованіе статута не могло такъ сразу скоро утвердиться въ юридической практикѣ Литвы. Еще въ 1554 г. виленскій земскій судъ по прежнему былъ судомъ намѣстника воеводы или старосты. Роковъ, въ смыслѣ сессій послѣдующаго времени, не существуетъ,—судъ творитъ „справедливость" цѣлый годъ, безъ перерывовъ даже въ годовые праздники. При судьѣ находились иногда „люди добрые", съ которыми онъ „чинитъ размову", прежде чѣмъ постановить свой приговоръ; число такихъ совѣтниковъ различно: иногда одинъ, иногда и болѣе. Не рѣдко вмѣсто намѣстника разбираютъ дѣло его слуги, одинъ, или вдвоемъ, или же его писарь.

Крупныя перемѣны принесъ съ собой 1564 годъ; въ этомъ году по Бѣльскому привилею, воеводы, старосты и иные врадники „вырекаются судовъ и справъ всѣхъ воеводскихъ", которые и замѣняются по новому уставу судами „звычаю права коруннаго"; самъ же земскій судъ, какъ и остальные суды литовскіе, былъ введенъ новымъ статутомъ 1566 года; однако, еще до 1570 г. подъ новой формой ведутся еще старые порядки. Земскій судъ до 1566 г. вѣдалъ всю массу дѣлъ, которая съ 1566 г. была раздѣлена между судомъ земскимъ, гродскимъ и подкоморскимъ.

Для „огледанья" шкодъ, ранъ, границъ судьи посылали своихъ вижовъ (больш. частью своихъ собственныхъ слугъ), а для приведенія приговора въ исполненіе отправлялись „дѣцкіе". Вижи не были исключительною принадлежностью уряда: ихъ избирали и частныя лица добровольнымъ соглашеніемъ; потомъ они превратились въ вижовъ повѣтовыхъ, и наконецъ въ возныхъ повѣтовыхъ, которые упоминаются въ 1565 г. въ городенск. книгахъ.

Такимъ образомъ, земскій судъ первоначально былъ судъ намѣстника воеводы или старосты, потомъ онъ обращается въ *судъ судей повѣтовыхъ,* назначенныхъ воеводою, и въ рѣшеніяхъ своихъ подлежитъ апелляціи послѣднему. Ко времени средняго статута (1566)—онъ уже отдѣльный отъ администраціи, засѣдаетъ по каденціямъ и судитъ именемъ государя, печатая его печатью. Послѣ 1570 г. характеръ его совершенно опредѣлился. Изъ приведеннаго здѣсь содержанія статьи г. Лаппо видно, что она даетъ обстоятельный очеркъ судоустройства въ литовскомъ государствѣ, основанный на ближайшемъ изученіи законодательныхъ памятниковъ. Такое судоустройство существовало и во всей Украинѣ. Возстаніе Хмельницкаго, измѣнивъ во многомъ прежнія формы общественнаго быта,

коснулось и судовъ. Земскій судъ былъ замѣненъ судомъ козацкимъ. Обстоятельнаго изслѣдованія по этому вопросу мы и до сихъ поръ не имѣемъ, если не считать попытки г. Миллера, очень слабо очертившей козацкій судъ [1]).

В. Д.

Библіографическая замѣтка.

На дняхъ въ Кіевѣ вышла книга постояннаго нашего сотрудника В. П. Горленка подъ заглавіемъ: *Южнорусскіе очерки и портреты.* Стр. 229. Цѣна 1 р. Она заключаетъ въ себѣ одиннадцать статей, появившихся ранѣе въ „Кіевской Старинѣ“, „Русскомъ Архивѣ“, „Трудѣ“ и „Русскомъ Обозрѣніи“, но значительно дополненныхъ и переправленныхъ. Вотъ ихъ перечень: 1) Родина Гоголя, 2) Изъ исторіи Южно-русскаго общества начала XIX вѣка, 3) Кіевъ въ 1799 году, 5) Щевченко—живописецъ и граверъ, 5) Двѣ поѣздки съ Н. И. Костомаровымъ, 5) Украина въ изображеніяхъ французовъ, 7) М. М. Макаровскій, 8) Г. Ѳ. Квитка, 9) Аполлоновы женщины, 10) Захолустье, 11) Завѣты деревни.—Книга издана очень изящно и, конечно, заинтересуетъ многихъ своими сюжетами.

Обзоръ журналовъ.

„Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости“. 1897 г.

Свящ. I. Гордіевскій. Памяти каѳедральнаго протоіерея П. Г. Лебединцева. №№ 5, 6, 7, 9 и 11. Біографическій очеркъ по личнымъ воспоминаніямъ автора: дѣтство, знакомство съ поэтомъ Шевченкомъ, жизнь въ семинаріи и академіи.—Дѣятельность въ качествѣ профессора кіевской семинаріи и по народному образованію въ бытность въ Бѣл.-Церкви.—Видная роль при усмиреніи крестьянскихъ волненій въ 50-хъ г. г. Законоучительство во 2-ой Кіевск. Гимназіи, ре-

---

[1]) Сборникъ Харьковск. Истор.-Филол. Общ., VIII, стр. 63 и далѣе.

дакторство Епарх. Вѣдомост.—Услуги духовенству: ходатайство объ увеличеніи жалованья, отклоненіе проекта о переселеніи малороссійскаго духовенства въ центральныя губерніи, дѣятельность по управленію женскими духовными училищами.—Отношеніе къ родственникамъ и окружающимъ.

Очеркъ свящ. Гордіевскаго заключаетъ много интересныхъ свѣдѣній, извѣстныхъ автору, какъ близкому родственнику П. Г. Л—ва.

Иванъ Игнатьевичъ Малышевскій. №№ 3. и 4. Краткій біографическій очеркъ и перечисленіе литературныхъ трудовъ.

Попытка къ разрѣшенію вопроса: Кто именно перенесъ гробъ вел. кн. Ярослава съ западной стороны Кіево-Софійскаго собора на сѣверо-восточный уголъ его. № 4.

Прот. П. Марковскій. Къ замѣткамъ о жизни учениковъ въ Кіевской Духовн. Семинаріи въ 30-хъ г. г. №№ 7 и 17. Воспоминанія автора, 85-лѣтняго старца, недавно умершаго, о прежнихъ тяжелыхъ для учащихся временахъ. „Плохая, скудная семинарская пища, тяжкія тѣлесныя наказанія, товарищескія классныя забавы, „могарычи“, и проч. Путешествіе воспитанниковъ на каникулы пѣшимъ и воднымъ путемъ.

Причина, вызвавшая Брестскую Унію (перепечатка изъ газ. „Кіевлянинъ“ отчета о рефератѣ въ Общ. Нест. Лѣтоп. О. И. Левицкаго), № 8.

Прот. П. Орловскій. Поучительное чтеніе о святит. священномученикѣ Макаріи, митрополитѣ Кіевскомъ, № *8.* Общеизвѣстныя свѣдѣнія.

Прот. І. Корольковъ. Кіевскій Митрополитъ священномученикъ Макарій и его значеніе въ исторіи Юго-Западной церкви № 10. Такого же характера свѣдѣнія.

Изъ церковной лѣтописи Богоявленскаго прихода м. Паволочи, Сквирскаго уѣзда. Свящ. Серапіона Брояковскаго. №№ 12—14. Интересное свѣдѣніе о доходахъ церкви и содержаніи причта въ связи съ исторіей прихода, нач. съ XVIII в.

Генералъ Карѣевъ о штундизмѣ. № 12.

Флоръ Малеванскій. Пастырская дѣятельность кіевскихъ митрополитовъ съ 1686—1796. Кіевскій Митрополитъ Гедеонъ-Святополкъ князь Четвертинскій (1686—1690) № 15.

Онъ-же. Кіевскій митрополитъ Варлаамъ Ясинскій (1690—1707), № 18.

Онъ-же. Кіевскій митрополитъ Іосафъ Кроковскій (1708—1718). № 19. Общеизвѣстныя свѣдѣнія, точно подобранныя по печатнымъ источникамъ.

Протоіерей Павелъ Федоровичъ Подвысоцкій (Некрологъ) № 16.

Св. князь-мученикъ Игорь Ольговичъ. А. Лотоцкаго, № 18. Сводъ лѣтописныхъ свѣдѣній.

Переходъ вотчиннаго лаврскаго духовенства въ вѣдѣніе кіевскихъ митрополитовъ. К. Н. Ш—аго. № 19. Статья составлена по архивнымъ свѣдѣніямъ „объ изъятіи бѣлаго духовенства, бывшаго въ лаврскихъ вотчинахъ, изъ подъ вѣдѣнія лавры и передачи его вѣдѣнію кіевскихъ митрополитовъ".

Даніилъ Гавриловичъ Лебединцевъ (Некрологъ). Свящ. Іоанна Гордіевскаго, № 19. Біографическія данныя на основаніи семейныхъ свѣдѣній

Церковно-приходская школа 1897 г.

1. *К. Корольковъ. Приходскія школы при церквахъ въ XVIII в. и проэкты объ учрежденіи ихъ въ царствованіе императрицы Екатерины II.* № 6 (январь), и 7 (февраль). „Школа въ XVIII в. составляла такую же принадлежность каждаго прихода, какъ и церковь". Особенно въ Малороссіи, гдѣ ихъ только въ двухъ полкахъ— Нѣжинскомъ и Черниговскомъ было *350.*

2. *Сравнительные итоги по народному образованію въ Херсонской епархіи за 1893/4 годъ. Кн. 6 (январь).* Свѣдѣнія о церковноприходскихъ школахъ по ихъ превосходству по мнѣнію автора, надъ земскими.

3. *Свящ. Н. Стеллецкій. О значеніи Кіева, какъ религіознаго центра православной Россіи. Кн. 4 (ноябрь) и кн. 5 (декабрь).*

Труды Кіевской Духовной Академіи 1897 г.

1. *Свящ. Ѳ. Титовъ. Кіево-Софійскій каѳедральный протоіерей Петръ Гавриловичъ Лебединцевъ № 1, 133—176.* Біографическій очеркъ со свѣдѣніями о литературной дѣятельности покойнаго.

2. *Петровъ. Историко-топографическіе очерки древняго Кіева,* Начало помѣщено въ „Трудахъ" за 1896 г.

3. В. Серебренниковъ. Кіевская Академія съ половины XVIII в. до преобразованія ея въ 1819 г. № 3, 331—356, № 5, 107—128. № 7, 307—346. О содержаніи интересной работы г. С. см. Кіевск. Ст. 1897 г., декабрь.

4. А. Д. Эртель. О стѣнописи въ Великой Успенской церкви Кіево-печерской Лавры № 4, 500—527. Статья вызвана замѣткой, помѣщенной въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ", въ которой неизвѣстный авторъ обвиняетъ реставраторовъ Кіево-Печерской лавры, не пощадившихъ „даже историческихъ портретовъ княз. Острожскихъ и Сангушко, писанныхъ въ XVI столѣтіи". Г. Эртель, сличая документальныя извѣстія, утвержааетъ, что *никакихъ историческихъ* портретовъ XVI в. никогда не существовало. Первая реставрація, нарушившая древность и художественную красоту,—была произведена Симеономъ Олельковичемъ въ 1470 г., когда онъ построилъ новую церковь „едва не отъ основанія".—Затѣмъ послѣ страшнаго пожара 1718 г. произведена была новая реставрація, неизвѣстно кѣмъ и, вѣроятно, довольно неудачно, такъ какъ уже въ 1776 г. Захарія Голубовскій расписалъ, или лучше сказать, „размалевалъ" на-ново *всю* церковь, уничтоживъ такимъ образомъ всѣ остатки прежней Лавры.—Въ 1840—42 еще разъ реставрировалъ живопись, въ такомъ же духѣ, какъ и Голубовскій,—монахъ Иринархъ.

5. I. Н. Корольковъ. Кіевскій митрополитъ священномученикъ Макарій и его значеніе въ исторіи Юго-Западной церкви. № 6, 152—178. Общеизвѣстныя свѣдѣнія.

6. Свящ. Ѳ. Титовъ. Очерки изъ исторіи „Кіевской Духовной Академіи. № 10, 167—207. (Статья не окончена). „Преосвящ. Моисей Богдановъ-Платоновъ, первый ректоръ Академіи (1819—1823). —Біографія его.—Преобразованіе старой Академіи временно въ Духовную Семинарію—1817 г., и торжественное ея открытіе снова—28 сентября 1819.—Дѣятельность Богданова въ качествѣ ректора, профессора богословскихъ наукъ.—Дѣятельность по устройству экономической части Академіи.—Расширеніе и увеличеніе зданій и построекъ.—Оставленіе ректорства.

С. Т. Голубевъ. Прискорбныя столкновенія Петра Могилы съ своимъ предшественникомъ по митрополіи и кіево-никольскими иноками, № 10, 206—276. Устраненіе съ каѳедры епископовъ, поставленныхъ патріархомъ Ѳеофаномъ.—Протестъ со стороны Исаіи Копинскаго.—Столкновенія и недоразумѣнія между Исаіею и Пе-

тромъ Могилою.—Королевская комиссія для разбора жалобъ Исаіи на Могилу.—Протестъ игуменовъ и иноковъ Пустынно-Никольскаго монастыря противъ Петра Могилы.—Полученіе Могилою привилегіи на управленіе Пустынно-Никольскимъ монастыремъ и вооруженное занятіе имъ оной.—Судебное дѣло по поводу послѣдняго.

П. Орловскій. Столѣтіе кіевской епархіи въ настоящемъ ея составѣ (1 сентября 1797 г.—1 сентября 1897 г.) и состояніе церквей, въ какомъ онѣ вошли въ этотъ составъ. № 11, 400—418 Обозрѣніе кіевской епархіи митрополитомъ Іероѳеемъ.—Приказъ кіевской дикастеріи, въ которомъ указывалось на жалкое состояніе церквей и повелѣвалось сдѣлать исправленія согласно его инструкціи.—Печальная картина состоянія церквей.

живетъ у насъ пятой месяцъ, кажетца я вамъ писала і теперъ въ здешней краю, grace à ne pouvoir, спокойно такъ, какъ подъ Москвой, Прагу взяли, Варшаву взяли, Костюшку взяли і все полскіе затеи кончились; літовской генералъ губернаторъ назначенъ к. Н. В., но еще указу нетъ, а приватные вести. Мы збираемся въ Петербургъ, но также еще не знаемъ, какъ скоро приказано будетъ Тимофею Ів., а я въ деревню поеду и пробуду все то время, покуда онъ будетъ въ Петербургѣ, а тамъ ужъ вместе въ Минскъ возвратимся. Прошу покорно обнять за меня Александру Павловну і поздравить съ новорожденнымъ, і верте, м. г-дрь мой, что я всегда буду съ совершенною преданностію і почтеніемъ ваша верная і покорная слуга С. Тутолмина.

Ілья Андреевичъ три дні уже какъ въ Несвиже і слава Богу здоровъ.

17). (*Тутолминой*) Отъ 16 сего месяца писмо ваше, м. г-дрь мой, Григорей Петровичъ, я сейчасъ получила. Благодарю васъ за оное і за все дружескіе пожеланіи наипризнательнейше; весма одолжила мене Александра Павловна, припомнивъ сваріть мою любимую ягоду, прошу покорно за сіе поблагодарить и увѣрить, что я сердечно желаю возобновить старое наше знакомство і удостоверить о искренней моей привязанности. Писмо мое, чрезъ васъ въ Москву посланное, дошло исправно і я уже ізвестіе імела; теперъ же позволте васъ еще поблагодаріть, что вы не забыли въ семъ удостоверітца Осталось мнѣ попросить васъ, мой любезной благодетель, о зделаніи несколкихъ штофовъ и не менѣе 12 мятной водки для моего Тімофея Івановича. Оставленною вамі мне при отезде вылечила ево отъ спазмовъ, то онъ и положилъ не піть другой, кроме мятной. Вы симъ крайне насъ одолжіте, а мне также прикажіте исполніть ваши комісии, кои со всею готовностію ісполнять буду. О здешнихъ новостяхъ скажу вамъ толко сіе, что князь Николай В. уже две недели, какъ суда пріехалъ і жіветъ въ нашемъ доме. Ахъ! когда бъ еще дожила я до сей радости, чтобъ увидеть благодетеля нашево почтеннаго Петра Александровича. Но я уверена, что Богъ меня симъ утешитъ и исполнитъ желаніе серца моего. Поляковъ везде поколачиваютъ. Кнорінгъ по своему обыкновенію воюетъ и еще болѣе, при васъ еще было начало, а теперъ пуще и надѣятца должно, что продолженіе будетъ и впредъ. Прастіте, благодетель мой, обоймите за меня сердечно любезную вашу Александру Павловну, такъже и дочку вашу, а мне верте оба, что я, покуда продлитца жизнь моя, пребуду съ совершеннымъ почтеніемъ і признательностію вашею покорнѣйшей слугой С. Тутолмина.

18). *(Тутолминой).* Покорнѣйше благодарю васъ, м. г. мой, Григорей Петровичъ, какъ за дружеское писмо ваше, такъ и за присланную водку и варенье; все оное прекрасно зделано і я вамъ за оное весма обязана і желаю очень, чтобъ сама могла вамъ здѣлать что либо пріятное. О известномъ вамъ человеке буду просить Тимофея Івановича (Тутолмина) і естли сіе возможно, то онъ, конечно, любя васъ і уважая, не откажетъ здѣлать вамъ сію услугу, а я берусь ему напоминать. Мнѣ весма нужно переслать къ Алексею Филиповичу Надаржинскому очень надобные для него бумаги, и опасаясь, чтобъ на почте какъ нібудь оные неутратились, то и прошу васъ, любезной другъ, отпісать мнѣ, могу ли я оные доставить къ вамъ и возмете ль вы на себя, чтобъ по полученіи доставить оные къ нему верно, чемъ вы много меня обяжите. Покорнѣйше прошу засвидетельствовать іскреннее усердіе мое Александре Павловнѣ і изъявить признательность мою за попеченіе ея въ исполненіи комисіи моей. Впротчемъ пребуду на всегда съ нелеснымъ почтеніемъ и преданностію, м. г. мой, вашей покорнѣйшей слугою С. Тутолмина.

19 іюля 1794 году. Несвижъ.

При извиненіи себя хлопотами, по случаю пребыванія здесь князя Николая Васильевича паче еще увеличившимися, я ежели не писмомъ, то темъ не менѣе признательнымъ сердцемъ, благодарю васъ, мил—го г—дря моего, за последнее ваше ко мнѣ толико дружеское отношеніе. Верте, что чувствіи приверженности моей къ вамъ есть непреложны и что я самъ и всегда пребуду съ душевною приверженностію вашимъ вернымъ и покорнѣйшимъ слугою. Т. Тутолминъ.

P. S. Андрей Степановичъ, которому приношу мое почтеніе, погрешилъ противъ меня, усумняся въ моей къ себе древней и непременнейшей привязанности и усердіи.

19). *(П. В. Завадовскаго).* М. г. мой Григорій Петровичъ

Вскоре придетъ дѣло въ генеральный судъ по жалобѣ козаковъ Смялицкихъ. Пребывая удостовѣреннымъ о вашей ко мнѣ благосклонности, ищу преклонить ваше вниманіе къ объясненію слѣдующего: покойный мой братъ пріобрѣлъ куплею отъ разныхъ помѣщиковъ, имѣвшихъ свое владѣніе въ Смялчи земли съ крестьянами, а проданная козаками есть толко часть. -Прошу, м. г., при разборѣ дѣла уважить обстоятельство сіе и не разрушить, а подкрепить вашимъ правосудіемъ законное стяженіе. Въ каковой надеждѣ, какъ и съ почтеніемъ искреннимъ пребываю вашего пр—ва покорнѣйшимъ слугою Г. Петръ Завадовскій С. Лялчи. 11 іюня, 1800 г.

IV. ЛЮБЕЦКІЕ АКТЫ.

1. Купчая Лоевскаго войта Семена Дупла на проданную п. Григорію Слободецкому сѣножать. 1637 г., іюня 9.

Я, Семенъ Дупло, войтъ лоевъский, на тотчас намесником бывшимъ от пана Яна Тишевъского, подстаростего лоевъского, сознаваю тым моим листомъ, ижем продал сяножать пану Григореви Слободецъкому за шестъ золотыхъ, абы ему не былъ въ прешкодахъ нихто вичными часы, волно мнѣ продать и где мі колвек подеть и на пожиток свой обернуть у Вориховицы сеножать тая границею от цемляковъ (ажъ до) Непра ажъ до дуба хорошаго, там же далей до кривого дуба, отъ кривого ажъ до великого дуба, от великого дуба просто до лозы, там же долиною жывцомъ от оцъка знову зас через греду пришла тая сяножать до мое власное, так же уз дубняк пришло до высокого дуба, от Богойка граница ажъ до поповы. Року 1637-го мц҃а липца дня 9. Jako ja nieumiejątny pisma prosiłem dobrego człowieka na imie Bykocza, generała Rzeczyckiego. Boykocz, general rzeczycky ręką swą.

2. Купчій листъ Любецкаго мѣшанина Демида Брагинца на проданные любецкимъ мѣщанамъ Борису Бержюновичу и Гришку Кужелевичу комору съ пляцомъ.

Року 1656, месеца сентеврия 7 дня.

Передо мною Климомъ Шестаченкомъ, наместник от его милости пана Пол на тот час будучим любецким, и передо мною Омеляномъ Татарином, и передо мною Левонтием Бобруеницою, пред мещанами и обывателми любецкими и пред иншими людми на тот час будучих немало, ставши очевисто на ймя Демид Брагиниц, также мещанин и обывател любецкий сознал явне, ясне и доброволне, ани з жадного примушеня толко з доброи воли своей, иж будучи потребный пинязей продалем и пустилем, зрекся на вечност, то ест комору ис пляцом свою власну, никому ни вчим не заведеную ани пенную пану Борису Бержновичу и пану Гришку Кужелевичу мещаном и обывателем любецким посполу, ув одной стени зрублено с Кисниченою коморою, а меновите, за суму куп десят личбы и монѣты литовъской; котороем то вышпомененым мищаном волност даю на той коморе вшелякие товари держат и волно им будет также продат и дат, албо и дароват и ку якому хотячи пожиткови своему лѣпшому обернут; а по заплате право скасовано быти не мает, так и сеі лист мает въ собѣ моц зуполную и под закладом таковой же

сумы; нащо для липшое вири и твердости даю им сес мой купчий лист, то ест доброволный запис с притисненем печати и с подписом руки. Диялося у Любечу року, месеца и дня выш описаного. Климъ Шестаченко н(аместникъ) Л(юбецкий) от его милости пана П(олковника) Чер(ниговскаго) рукою. За устною и очевистою прозбою от особъ вышменованых до (се)го их листу подписуюся на прозбу Іван Попович рукою.

3. Продажный записъ любецкаго мѣщанина Ивана Стецкаго на проданные п. Калинику Манку грунта.

Року 1658, месеца июля 18.

Я Иван Стецкий, обевател и земянин любецкий, чыню вѣдомо и зознаваю сим моим продажным и доброволным записом моим кождому кому едно колвек вѣдати того будет потреба, ижем я, яко ведлуг продажы небожчыка славной памяти отца моего пана Стецкого, которой продажи и купли естем во всем досконале и добре свѣдом, яко з воли доброй, пан отец мой, мѣючы кгрунта свои власныи и добра нам належачыи; аже за уподобанемъ и за слушным торгом пана Калиника Манка, который, уподобавши собѣ так поле по межах звычайныхъ, якотеж и иншие добра до того належачыи, взядши границею од Решина идучи шляхом по Кирѣенкову границу и од Кирѣенковы границы взядши идучы у Гриневу дорогу, и з Гриневы узядшы притягла концем знову у Манкову; который то помененый кгрунтъ мый, Стецкий, доброволне продалисмо и уступили зрекшис на вѣчност ему самому, помененому пану Каленику Манку, жоне и потомком его вѣчными часы, который волен будет тот помененый кгрунтъ од нас купленый пан Каленик продат, дат, дароват и пожитки размножат, ведлуг воли и уподобаня своего; а жаден ему в той его купли прешкодою быти не мае, так я сам, жона и потомкови мои, и жаден з покривных, близких и далеких, албо и з людей общих, яко никому пенно, ани заведено, под зарукою вины на уряд любецкий золотых сто, а по заплате тот его купленый од нас кгрунтъ звышпомененый пан Каленик оддаленый бути не мае, так теж и сес лист мает моц зуполную. И на том далисмо сес наш купчий лист с притисненем печати и с подписом руки моей власной. Дѣялос у Любечу, руку, месецꙗ и дня звышписаного.

4. Листъ Яна Стецкаго на проданные любецкому мѣщанину Каленику Манку кгрунты. 1658 г., 27 іюля.

Я, Ян Стецкий, чиню видомо тым листом моимъ и зезнаваю' иж по зейстю (з) свѣта сего, славное памети отца моего, будучи я

видомъ, иж продалъ отецъ мой поле зъ лисомъ из дубровами и зо всими пожитками, того кгрунту належачыми, за копъ двадцать и за чотыри личбы литовское на йме Каленикови Манкови, мещанинови любецкому, в старостве любецкомъ лежачым, то ест почавши граничит и описана и значит з Манковой границы шляхомъ черниговским, не займуючи поля пана Стецкого, уз лис решинский и з лису решинского у студенец Горасков, (з) студенца узявши до Гриневы дороги из законам граничит, и оттуля у Манкову межу, знову в тотже шлях черниговский, тогды той кгрунтъ належачий служачий до зажываня ест поданый и потвержоный вичными часы, и потомству его пуки стане домоства его, и жаден над той мой лист прешкоды не повинен чинит. Тогды я будучи яко дедич тоей продажи вядомо чиню, з раменя моего даю той лист под вшелякими варунками и с подписом руки моее, и зезнаваю вичными часы и зрекаюсе, же не естем належачий до того поля. Писан у Любечу месеца июля двадцат семого року тисеча шест сот петдесятъ осмого. Jan Stecky ręką swą (Мѣсто 3-хъ печатей). Лукян Амелянович, войтъ любецкий на тот час будучый подписуюсе рукою власною. Хилко Кгрышченко, сотник любецкий наказный, рукою. Демидъ Брегиченко, мещанинъ любецкий подписуюсе на тот час будучи рукою власною.

5. Росписка любецкаго земянина Опанаса Евсеевича Щуковскаго на долгъ священнику Пятницкому за пчелъ и жито. 1659 г., 28 декабря.

Я, Опанас Евсеевич Щуковский, земенин любецкий, вызнаваю сим моим писанем, иж зостанем винен господину отцу Пятницкому любецкому за слушне пришлую причину, то ест трое бчол и еще бчолы трое, и соснами, которые духовни лицы наименовали, а четверъты тылко пчолы и мѣръку жита, жебы мело быт то без жадное завады, що се дияло при людех зацных и вѣры годных, при пану Мелхру Щуковским, при пану Гаврилу Щуковским, при пану Отроху Игнатовичу и при них зацъных людей немало. Що се дияло въ року 1659, месеця декаврия 28 дня. Феодор Попович рукою власною.

(М. П.)

6. Продажный листъ любецкаго мѣщанина Якима Пресмыченка съ женою на проданные священнику Пятницкому Григорію Пронковичу дворъ и садъ съ огородомъ.

Я, Яким Пресмыченко, посполе з жоною своею, обыватель и мещанин любецкий, чинимо вѣдомо и явно зезнавуем тым нашим

доброволным продажным вечистым листом, иж мѣючи мы двор и сад з огородом свой власный, никому ни в чем не заведенный, ани пенный и нияким правом, ни долгом не прекonаный, лежачий в мѣсте Любечу, з одное стороны межою од Яска Белоуска, а з другой от Семена Белоуска, прето будучи мы потребны пѣнязей пустилисмо и на вечност зреклися и продали чест(ному) г(оспо)дину отцу Григорию Пронковичу, священнику Пятницкому любецкому, на вѣчные часы, ему самому жонѣ и потомкам его за готовую суму пѣнезей, то ест за копъ пятнадцат грошей личбы литовской; которому волно тот двор з садом и з огородом спокойне уживат и з него вшелякие пожитки мѣть, албо ли кому продат, дат, дароват, иле ку своему болшему пожитку оборотит, яко свое власное, до которого не тылко я, вышъменованый Еким, але и жона, и потомкове мои и жаден с покревных моих, яко близких, такъ тежъ и далеких, не мают мѣт до оного двора и огорода з садом жадной потребы и вышъменованого чест(ного) г(оспо)дина отца Григория, так теж жону и потомковъ его в том спокойном уживаню турбоват не повинны. А еслибы хто ине колвекъ смѣлбы и важился оному вышъменованому чест(ному) г(оспо)дину отцу Григорию в том якую колвекъ кривду и перешкоду чинит, любъ теж якъ неслушъне за то на право позыват, таковый кождый заплатит вины на близко приналежачий урядъ нашъ любецкий копъ двадцат, а по заплаченю усих шкод и накладов и тоей помененой вины мает також зостават тот двор и огород з садом при честном господину отцу Григорию. И на том я, вышъменованый Еким, даю оному тот мой продажный вечистый лист, с подписом рукъ и с притисненем печати людей вери годных, на том моем листе нижей подписаныхъ. Писан в Любечу, року 1660. Яко писма неумѣетный до того листу казал руку свою подписат. Яско Стефанович рукою (М. П.) Usnie a oczewisto uproszony pieczętarz od wyszmianowanego Iakima Prosmyczenka, iako samego pisać nieumieiętnego w osobie jego do tego listu ręką swą podpisał. Gabriel Duryna ręką swą. Ісай Мартинович Ланка рукою. Евсей Варкович рукою. Микита Кузмович рукою.

7. Купчій листъ любецкаго козака Тереха Хоменка на проданный любецкому мѣщанину Якову Матюшенку огородъ.

Року 1660 мѣсеца априля 5 дня.

Передо мною Лукяном Омеляновичом, войтом любецъким, ставши очивисто Терех Хоменко, козак любецкий, мишкаючий в маетнощѣ любецкой сила, прозываемого Озмикови, зознал явне и доброволне, ани з жадного примусу, тылко з доброй воли моей, ижем я про-

дал огород свой властный, лежачий за брамою нагорнею любецкою берег огорода Скугаревского и берег Злобего огорода, то ест, продаю Якову Матюшенку, обивателю и мещанину любецкому, а меновите: за повчварта золотога, до котораго того пляцю огорода неповинен жадный, ани я сам, ани отец мой, ани с кревных моих, так и общих людей ниякои перешкоды чинити не мают, под зарукою вини на его милости пана полковника коп десят, а на уряд любецкий золотых двадцат. На що я оному задле лѣпшой вѣри и твердости даю сей мой лист купчий, с печатю и с подписом руки урядовой. Писан в Любечу, року и дня вышшей описанного. Лукян Омелянович, войтъ любецкий. Яско Билоуска при том часу был и на то руку подписал. (М. П.)

8. Тестаментъ любецкой обывательки Оксини Корнѣевны Потапихи Кезихи. 1660 г., 12 апрѣля.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа святую живоначалную и нераздѣлимую Троицу, станьсе тая речъ ку хвале Божой и ку вѣчной памети Аминь. Я раба Божия Оксиня Корнѣевна Потапиха Кезиха, обеватолка тракту любецкого, чыню явно и зознаваю сим тестаментомъ остатнею волею моею кождому кому будет того вѣдати потреба тепер и на потомные часы, иж будучи я навежона от Господа Бога обложенною хоробою и на смертелной постеле лежачы и видечы себе быти близкое ку смерти, нижли ко животу, напервей полѣцаю душу мою в руцѣ Створителю, а тѣло мое грѣшное зят мой, на йме Сила Брехун, мает поховат погребом хрестиянским и вшеляких памети дорочных одправит, як на то ест звычай хрестиянский, которому то звышъреченому зятю моему одказую кгрунтъ свой отчызный добра лежачии у мысох, который небожчик отец мой купил за гроши свои власныи у Мехеда Илича Терешецкого, на що и лист купчий на тот кгрунтъ оному помененому зятю моему до рукъ давшы вѣчными часы варуючы, иж бы оному в тых добрах и во вшеляких пожитках кгрунту онаго од сынов моих Тишка и Кондрата, и Тимоха, и Исака жадной перешкоды и ущербку чынит не важилис, але жебы спокойны он то уживал, и волен будет и продат, дат кому, и дароват и иле якъ хотечи ку лѣпшому пожиткови своему оборочат ведлуг и с уподобаня своего. При котором то тестаментѣ були люде добрыи и вѣры годныи мещане любецкии, на йме Миско Чучанъ, Ничипор Щочал и Дмитр Козаченко, Кандрат Кезечко и инших будучих не мало при писаню сего тестаменту. А хтобы мѣлъ и важился сес мой тестаментъ остатнюю волю мою нарушит, тоды ис таковым суд буду мѣти на

оном страшном судѣ Христовѣ предъ судиею нелицемѣрнымъ. Писан року 1660, мѣсяца апрѣля 12 дня. За устною и очевистою прозбою пана Тимоха Кезенка, яко сам писат неумиетный до того тестаменту подписал руку. Григорей Демидовичъ рукою. (М. П). За устною и очевистою прозбою звышпомененых особъ до того тестаменту подписался. Богдан Корнѣевич рукою.

9. Продажный листъ любецкаго обывателя Омеляна Тарасовича съ женою на проданный ими любецкому священнику Григорію Пронковичу огородъ. 1660 г., 1 мая.

Я Омелян Тарасович, посполе з женою своею Федосею, обывателе любецкие, чинимо вѣдомо и явно зезнавуем тым нашим продажным вечистым листом, ижесмо продали и в моц пустили огород свой власный, бывший Стосаковский, никому ни в чимъ незаведеный и неподлеглый, лежачий з одного боку межою от Богдана Петровича, мещанина любецкого, а з другой стороны от Миска Чучана, то ест чест(ному) г(оспо)дину отцу Григорию Пронковичу, священнику любецкому, ему самому, жонѣ и потомком его на вѣчные часы за копъ десет грошей личбы литовъской, волно оному честному господину отцу Григорию тот пляц спокойне уживат, дат, дароват, алболи ку своему доброму пожитку обернуть, яко свое власное; до котораго то вышъменованого огороду, не тылко я сам, Омелян, але и жона моя, и потомкове мои, и жаден с приятелей моих, яко близких, так теж и далних не мае мѣт потребы и ему вышъменованому честному господину отцу Григорию в том жадное турбацыи чинит не важилис. А еслибы, который колвекъ з тых менованых людий смѣлъбы и важился честному господину отцу Григорию в том перешъкодою быт и его в спокойном уживаню турбоват, таквый кождый заплатит вины на уряд любецъкий копъ двадцат, а по заплаченю тоей вины и всих накладовъ и шкод, мает таковым же способом зостават тот огород при честному господину отцу Григорию, и тот лист мой в каждого права и суду цале а ненарушоне хован быти мает. При которой то продажи были люде зацные и вѣры годные мещане любецкие, меновите: панъ Богданъ Петровичъ и Михал Масленко и Тит Жупиченко. Дѣялося в Любечу; року 1660, мѣсеца мая 1 дня (М. П). Usnie a oczewisto uproszony pieczętarz od wysz mianowanego Omeliana Tarosowicza iako samego pisać nieumieiętnego w osobie jego do tego listu rękę swą podpisał. Gabryel Duryna ręką swą.—Устне прошоный до того купъчого листу от вышъ менованого Омеляна Тарасовича, яко неумѣтного писати, при печати руку подъписалъ. Богдан Петрович рукою.—До того листу

купчого устне и очевисто упрошонный о подпис руки, я Лукянъ Омеляновичъ руку свою подписалъ.

10. Продажный листъ Просмыковыхъ дочекъ на проданный Пятницкому священнику Григорію огородъ съ садовиною. Року тепер идучом 1661, мѣсяца априля 24 дня.

Перед нами Гаврилом Василевичом, сотником его царского величества войска Запорожского любецким, и при велю людех зацных и вѣри годных, при том часе будучих, постановив имсе очевисто Просмыковы дочки, меновите менъшая, которая явне очевисто сознала и на вѣчност зреклася пляцу своего то ест з огородомъ и що колвекъ до него належит з садовиною, а будучи потребная пѣнязей продала и на вѣчност пустила и подала чест(ному) господину отцу Григорию свещенику Пятницкому любецкому, за готовую суму пѣнязей, то ест за коп десет грошей личбы литовъской; которому вышъменованому честному господину отцу Григорию, жонѣ и потомкомъ его волно тот садъ ис пляцомъ спокойне уживат, любо продат, дат, даровать, иле ку своему болшому пожитку оборотит, яко свое власное: до которого то саду не тылко мы, помененые Просмыковые дочки, але жаденъ с покревныхъ наших, яко близких, такъ тежъ и далнихъ не маютъ мѣть жадной и оного вышейменованого честного господина отца Григория в том его спокойномъ уживаню турбоват не повинны. При которой той купли были люде зацные и вѣры годные, меновите: Тимох Хилченко и Ерошъ Стасенко и Иван Помаз, мещане любецкие. Писан в Любечу, руку, мѣсеца и дня вышей описанного. (М. П). Гавриил Василевич, сотник его царскаго величества войска запорожского любецкий рукою.

11. Тестаментъ лоевскаго мѣщанина Семена Василевича 1667 г., 26 января.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа святей живоначалной Троицы станся тая рѣчъ ку вѣчъной памети. Аминь. Я рабъ Божий Семион Василевич, прозываемый Плющъ, мещанинъ стародавъный и обивател лоевъский а на сес час, през сию войну мешкаючый в мѣсте его царского пресвѣтлого величества Чернигове, будучы мнѣ от Господа Бога навежоному хоробою обложъною, а видечи себе юже ближъшаго ку смерти нижъле ку жывоту, зачимъ сес мой тесътаментъ за цѣлого розуму своего и доброе памети, распоряжучы такъ убогое убозство свое, яко и кгрунъты свои отцовскии в кгрунъте лоевъскомъ лежачый, кому што будет; на первей жонѣ моей Аннѣ

Стасовнѣ отказую и отписую и з дочкою моею, з неюжъ сплožоною, вес кгрунтъ мой отцевъский у Лоевщинѣ, што сам ходилом, знову зас у (?) атѣевъщине который маю кгрунтъ из Зѣнъковъцами, тамъ мнѣ належит половина того кгрунъту у........ве, то все отписую вышъмененои жоне своей, которая мает из дочъкою моею посполом спокойне вжывати, а если доросте лѣтъ своих и пойде в станъ светий малженский, то ей половина во всем том кгрунъте, а жоне моей половина; а если смеръть Богъ пошлет на дочъку мою, то ввесъ жонѣ моей, которая мает тѣло мое грѣшъное хрестиянскимъ погребомъ поховати и отпоминати. Духовному зас моему отцу Филипу Ивановичу священику николскому лоевъскому за все провъсе пуд меду повинна ув осен дати. А што ткнется о долъги, такъ я людем ничого, никому невиненъ, якож и мнѣ не винни. Притом заверяю моим тестаментомъ остатънее воли моея, абы нихто не нарушал под клятвою святых отец и позываю его на декрет пред маестат Божий. При которомъ том спораженю тестаменту моего были люде добрыи и вѣры годныи: наперве<u>й</u> Лукъянъ Микитенко мещанин лоевъский. Мартинъ Кононович Бобровник мещанин лоевъский. Апанас Мишкович Лапатневецъ. Пархомъ Гаплыкъ. Сава Семенович Ковал, Иля Микитенко и инших немало людей добрых и вѣры годных. Писан у Чернигове, року 1667, месеца иануария 26 дня.

12. Дарственный (?) листъ стародубовскаго протопопа Андрея Грушевскаго любецкому мѣщанину Богдану Шпаку на пляцъ съ огородомъ въ Любечѣ 1669 г., 19 апрѣля.

. . . .

. . . . сотником, асаулом и всего рицерства войска его царского пресвѣтълого величества запорожского, и от них будучим на уряде, иж я маючи пляц з (о)городомъ в Любечу за брамою киевъскою стоячий, по небожъчику Яцевичу мнѣ служачый за одправу духовную сорокоуста; которий то пляцъ и огород не ест никому пенный, ани в сумѣ ни от кого незаведенный, тилко я з доброи воли своей даю въмоц пану Богдану Шпаку, обывателю и мешчанину любецкому, приятелеви своему, волно ему на пляцу томъ будоватися и пожитку заживат с того (о)города без нарушеня писаня моего и под срокгим каранем и виною войсковою. Што для лѣпшой вѣри при печати моей руку свою подписую. Дѣялося въ Стародубѣ, року 1669, мѣсеца апрѣля дня 19. Анъдрей Грушевъский протопопа стародубовский.

(М. П).

13. Справа по дѣлу между Михайломъ Тимоховичемъ Белдюжкою и Процкомъ Григоревичемъ Дейковичемъ о кгрунтѣ, 1671 г., 28 іюля

Перед нами, Стефаном Войцеховичем, сотником любецким, Петромъ Елоцким, атаманом городовым любецким, Мироном Демиденкомъ, войтомъ любецким, и перед велю людей на тот час будучих, справы добрѣ вѣдомых, приточилас справа межи Михайлом Тимоховичом, прозываемым Белдюжкою, а Процком Григоревичем Дейковичем о кгрунтѣ Белдюжковъщизну, которыи през сес час военный в розных завирухах вакуючи в зобополном держаню а не роздѣлно покревные, так отец помененого Михайлы з родною братею маючи, так теж и по них потомству ув оных часах спал, аже поневаж до того часу частка, которая Михайлови по отцы спадат мѣла, которая волна аникому отцем а ни теж им жадным долгом и записом не заведена допоминался у суду нашего, которому помененый Процко збороняет и уживат недопускает и не хочет допустити, менуючи варунок и моц права описаного купчею, который повѣдаючи продали и завили и в моц вечистое поссесыи подали и уживат позволили Пархомъ и Семен Ивановичи Белдюжки, которые якобы ему промежку своими и Михайлову частку завели. Мы теды чуючи контроверсию стороны поводовой и отпорной пыталисмо, еслибы хто живый человѣкъ и старожитный о тых кгрунтах небыл свѣдомый? На що звышъпомененый Михайло становилъ двох особъ, мещан зацных и вѣры годных, а тоеи справы добре свѣдомых, пана Максима Костамаху и Феодора Бурдука, которые ставши своими особами устне и очевисто перед нами признавали, иж от килкадесят лѣт тот кгрунтъ Белдюжковщизна в зобополном держанъю зоставал и никому ни вчом небыл заведеный, ани описаный, такъ за живота дедичов, яко и по смерти волно зостаючи и до того часу, що теды мы чуючы сознане устное для далшое и лѣпшое вѣдомости и потверженя оную справу и записат казали. Писан у Любечу року 1671, месеца іюля 28 дня.

14. Декретъ атамана и войта любецкихъ по дѣлу между Михайломъ Тимоховичемъ Белдюжкою Мушенкомъ и любецкимъ мѣщаниномъ Процкомъ Дейковичемъ о кгрунтѣ Року тепер идучого 1671, месеца августа 7 дня.

Перед нами Петром Елоцким, атаманом городовым любецким, Мироном Демиденкомъ, войтомъ любецкимъ, и при нас будучих иншых особъ людей вѣры годныхъ Мартина Евтушенка и Кирыла Манка и инных немало будучих, справы добре свѣдомых, приточилас справа

межи Михайлы Тимоховича Белдюги Мушенка обеватоля убѣжицкого в трактѣ любецкомъ, а Процка Дейковича мещанина любецкого о кгрунт дедичный, названый Белдюжковщизну, лежачий под Любечом, о част, которую небожчикъ Тимох отецъ помененого Михаля уживал, который мѣючи в зобополном держаню из небожчиком Иваном братом рожоным, так и по смерти не подѣлный Михайлови из братиею Ивановичами Белдюгами по родичах своих спадаючий в поссессыю спал; а же поневаж братя Тимохова Пархом и Семен Ивановичы, будучы потребны пѣнязей, част свою належачую помененого кгрунту, который им по отцы спал, продали, завели и купчею звышменованому пану Процкови Дейковичу завили и в моц вечистое поссесыи подали, уволнившы кроме части Михайловы зоставляючи волно, которая нивчим, никому не пенная, ани заведеная; которую то част звышменованый Процко, при той своей купленой части, и тую Михайлову зайшол был, хотечи его отдалити и дармо отторти з его вечистои отчизны, и през лѣтъ килка пашучи уживал и его недопускал и допустити не хотѣл; за що запозвавшые перед суд нашъ о скуток справы укривжоный просил насъ; мы тоды выслухавшы контраверсий стороны поводовой и отпорной, поневаж Михайло становил на тое сторону людей зацных и вѣры годныхъ, пана Максима Костомаху и Феодора Бурдука мещан. . . которые ставши своима особами сознавали, иж. . . . и в вечистой поссесыи Тимоха и Ивана небожков. . . . зостаючий потомком по них, никому ни в чом незаведеный сп. . . те в тыеж слова потвержаючи Кирила Манко сознал перед судом нашим, иж жадной продажи и заводу так за живота, якотеж и по смерти о части Михайлови належачую и до того часу не было чого о том добре будучи свѣдом о том у суду нашего и сознал. Мы теды, чуючы сознане устное, наказалиемо моцю того декрету, абы помененый Процко от сего часу далей помененому Михайлови Тимоховичу Мушенкови у его отчизный кгрунтъ, то ест, у половицу Белдюжковщизны, которую и небожчикъ отец его Тимох Муха уживал, жадного уходу и потребы немел вѣчными часы; поневаж до того часу в зобополном держаню а нераздѣлъный зостает, розделит и розѣхат наказалисмо, абы жаден свого певен был. А еслибы теж далѣй, после того часу звыш менованый Процко Михайлови Тимоховичу Мушенкови якую колвек кривду и до его части уход який мѣти мал, теди за донесенем скарги укривжоного повинен будет вины заплатит на уряд близко належачий золотых сто. И на том для лѣпшой вѣры и ствержения далисмо пререченому Михайлови сес наш декрет при печати и с подписом руки при печати менованых. Писан в Лю-

бечу, року, месеця и дня звышписаного. Петро, Елоцкий, атаман городовый любецкий (М. П). Миронъ Демиденко, войтъ любецкий.

15. Продажный листъ Павла Бакуринскаго и жены его Анны на проданный любецкому священнику Григорію Прокоповичу пляцъ съ огородомъ въ Любечѣ. 1674 г., 15 января.

Ja, Paweł Bakurzynky, i ja, Anna Pierocka Bakurzynska, czyniemy wiadomo tym naszym pismem, iż my będąc potrzebnemi pieniędzy przedalysmy plac goły z ogrodem w Lubeczu z iedney strony od wału mieyskiego od szewca Semena Białouska, wielebnemu jego mosci oycu Hrehoremu Prokopowiczowi swieszczenikowi Piatnickiemu Lubéckiemu w wieczną possesyią za gotową summę pieniędzy, to iest złotych dwadziescia; na coś my dali dla lepszey wiary tę naszę pismo s podpisem rąk naszych i s podpisem rąk przyiacielskich, od nas uproszonych. Data w Lubeczu, 15 january 1674. Paweł Bakurzynsky ręko swo własną. Na miescie małżonky moiey, jako pisma nieumiejętney podpisuię się Paweł Bakurzynsky. Proszony pieczętarz do tego pisma podpisuię się Lukasz Babski. (M. П). Устне прошоный от особы выш менованых подписую се Григорей Марътиновичъ.

16. Запись Кротинской громады о безпрепятственномъ пользованіи любецкимъ священникомъ Григоріемъ Пронковичемъ угодьями, принадлежащими къ церкви св. Параскевы и придѣлу св. Евстафія. 1675 г., мѣсяца марта 15 дня.

Мы Кротинци, Кузма Антонов и Сидор Яцкович со всѣми громадою своими мужами, Хомя и Отрох и вся люде, при бытности нашеге священника отца Феодора Даниловича, при пану Феодосию Михайловичу и при пану Роману Останъце, райци и мещанину черъниговском, при пану Дмитру Трохимовичу, мещанину чернѣговском, при пану Никифору Орловском, при пану Феодору Рубану, мещанину острицком, Василею Ивановичу, мещанину острицком, приняли згоду з отцем Григорием Прунковичом, священником Пятницким любецким, со всюми завсѣ заводы правнии, которіисмо мѣли межи собою проз тіе часы и подущеніем и побудки отца Ярофѣя Котовича Пречистского любецкого, на том, ижем ведлугъ подания от отца Якова Григорьевича, старого бывшого священника любецкого и ведлугъ подания правъ давных отцу Григорію Прункович, священнику Пятницкому, от рожных державцов любецких и ведлугъ постановіения и свѣдоцтва мѣста Любеча всеи

громады що колвек належито до церкви Св. вел. муч. Параскевой и до предѣла св. муч. Евстафія, якъ остров Змийский з озерцем и зо всѣми пожитками належитыми, в тим всѣм не перечачи повиннисмо отдават все тое належитое водлуг продков наших отцу Григорию Пятницкому любецкому; а ежелибысмо не мѣли отдати, подпадаем под вину, положонную правъ давних и отцов наших. А еолибы моглъ хто зновляти и турбацию якую правную зновляти, таковый заплатит выну, якъ з духовного стану, на его милость пана и пастира коп сто ку отданю неотложне, а если з мирских, то на его милост пана гетмана и пана полковника, туюж суму и на близконалежачий уряд коп 17. На що сіе наше писане даемо при людех вишменованих. Року 1675, месеца марта 15 дня. Дмитерь Отрохович бурмистрович черниговский рукою, Семен Григоревич н(аместник) любецкий. Феодор Михалович, рукою. Раман Астапович мещанин и райца черниговский. Писар того писма священник Кротичанский Феодор Данилович рукою власною. (М. П). Панъ Никифоръ Орловъский рукою.

17 Актъ передачи брагинскимъ мѣщаниномъ Алексѣемъ Юрковичемъ своихъ грунтовъ во временное владѣніе брагинскому мѣщанину Степану Маковcouчу. 1675 г., 7 іюля.

Я Алексѣй Юркович, бывъшый месчанин брегинскій, а тепер мешкаючый в Чернигове, чыню вѣдомо сим моим писмом, иж я, маючы кгрунъты отцовъские в мѣсте Брягиню, здавъ на наданые от Александра Батъковского, старосты Брягинского, од ксенженъци пана нашего милостивого, нашто и право маю; што тоды углядѣвъши я в том, же тот кгрунъть, огороды, сеножати и што при нем належно, упрошаю впрод пана а пана старосты теперешного, пана моего милостивого, жебы тая моя отчизна никому не была заведена зачым нас Господь принесе; толко тое все в моц и владзу подаю, Степану Маковочичу, месчанину брегинскому, и право тое подаю, который повинен моею отчизною, нихто иншый до моего приходу, толко яко я сам обладат и пожытковатъ, в чом я моего мосцивого пана упрашаю, а вашей милости во въсем поволный услугай. С Чернигова, року 1675, месеца июля дня 7.

Вашеи милости моему мосцивому пану во въсем поволный услугай Алексѣй Юрковичъ низко кланяюся.

18. Купчій листъ Ланка Мартиновича на проданный имъ любецкому священнику Григорію Пронковичу пляцъ съ огородомъ въ Любечѣ. Року тепер идучем 1676, месеца мая 28 дня.

Я, Ланко Мартинович, бывший обевател з мѣста Черей, а тепер обеватeл Вербицкий тракту Черниговъского, чыню вѣдомо и зезнавую сим моим продажным и вечистым записом и листом кождому, кому будет того вѣдати потреба, у каждого права и суду и на каждом мѣсцу, иж я, мѣючы пляц селитбу из огородом, частку куплену от Якима Просмыка у Любечу на предмѣсти Кгончарыщу идучы от межы пляцу бояр Антоновских и помеж пляц сполне отца Григория Пронковича, священника Пятницкаго любецкаго, котору завѣвъ и продал тойже небожчикъ Якимъ Просмык, аже будучи я потребный пѣнязей и иншому никому не ухиляючи на сторону яко близшей и сполна належит ку пляцу помененаго отца Григория, с которым я заведшы торгъ продал есми и уступил зрекся на вѣчност, то ест, отцу Григорию ему самому, малжонцѣ и потомком его на вѣчные часы за готовую суму пѣнязей, а меновѣте: за коп шѣст грошей личбы и монеты литовъской, на котором пляцу волно будет отцу Григорию селитис, будоватис и огород пахати и вшелякий з него пожитокъ мѣти, албо и кому продати, дати, даровати и замѣняти и кому хотячи от себе яким правом пустити ведлуг воли и уподобаня своего, а жаден ему в тои купли перешкодою быти не мает, так я сам, малжонка и потомкове мои и жаден з близких кревных и повинных моих, албо и з людей общых, яко никому ни в чим пенный, ани заведеный, под зарукою вины на близко належачый уряд коп десет; а заплатившы предся оная купля при отцу Григорию вѣчне зоставатимет; так теж и сес мой купчий лист вечистой продажи мает мати моц зуполную. При котором справованю торгу и купли были люде добрыи и вѣры годные и того добре свѣдомыи, меновите быт рачил: пан Ницко Орловъский, мещанин любецкий, пан Кондрат Семак, Кондрат Ерченко Семак, Алексей Дроздовъский, земяне тракту любецкого и иншых на тот час будучихъ немало людей вѣры годных, добре справы свѣдомых. И на том дал есми преречоному отцу Григорию Пронковичу сей мой купчий лист вечистой продажи, с подписом руки и с притисненем печати. Писан у Любечу, року месеца и дня звышписаного. Богдан Корнѣевич Дробний, писар сего листу рукою власною Ланко Мартинович, сам писма неумѣетный, упросилем того же писара, абы он руку мою подписал.

19. Продажный листъ Евтуха Козла Гордѣенка съ женою на грунты, проданные Кирилу Чобутченку, съ условіемъ на случай возвращенія изъ татарскаго плѣна наслѣдниковъ этихъ грунтовъ. 1677 року, месеца апрѣля 25 дня.

На вряде Любецком перед нами Миною Михайловичом, атаманом городовым любецкимъ, и Мартином Евтушенком, вуйтом на тот час зостаючым Любецким, ставшы очевисто пред нами Евтух Козел Гордѣенко, обевател тракту любецкого, сознал из женою своею Овдотею Яцковною, иж оны продали кгрунтъ небозчика родича своего Яцка Рыбалченка, лежачый в Салкове обмежу П. , . . Жыленицы кгрунта, а другим боком межою Курила Чобутченкова кгрунту, которому и сей помененый грунтъ Яцковщыну продали за готовую суму пѣнезей коп шѣст личбы и монеты литовское, так с полями розробленными и не розробленными, сѣножатями при томже грунти зостаючыми, яко (ужи)вал небожчык Яцко, а по нем зостаючым потомки его Ермола, которого татаре взяли из маткою, теды так и мы вручаем пану Курѣле, ему самому и жонѣ его, волне будет яко своим властным пожытковат, албо по смерти своей кому схотячы вручыт, до вызволеня з неволи целых господарей помененного Ермолы, албо матери его, албо сестры, которую посполе взято, того грунта, а ежелибы Богъ Всемоцный с тых трех особъ которое вызволил з неволи, теды отложившы суму помененному Куриле, албо в кого в поссесыи бы зоставал по нем тот грунт при собѣ одержати мѣе, яко свое непѣнное; що мы вышо помененный вряд, принявшы до собе тую справу, ствержаем сим нашим писанем, и даем потребуючой сторонѣ для лѣпшей твердости при печати нашой врядовой и с подписом рук под печатю нижей именованных и под закладом вины золотых ста на вряд близко належачый за всчынаня турбацый през сей лист описанный. Дѣелося в Любечу 1677 року, месеца апрѣля 25 дня. Устне и очевисто прошоный о поднис рук до того листа от Курила Чоботченка през тогож писаря подписалися Емелян . . . менко прѣ тои справе будучим и того добре свидом Кирил Худолѣенко печатам того листа рукою.

А особливе доходячы сего декрету и права достоеваючы помененный Курила тратил посполе из жоною своею, а меновите выкладу правного талеровъ два, которое все сполне при тойже суме копъ шести, и сие зостават мае цѣло вѣчными часы не нарушаючы права сего. А хтобы мой сей кгрунт от Курила отобрати (мел) водлуг сего декрету теды при тых шести копах и сии два талеры повинны будутъ отдати.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LX.

1898 г.

Кіевъ, типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мих. ул., д. № 4-й.
1898.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

МАРТЪ

1898 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

ПАМЯТИ Ѳ. Г. ЛЕБЕДИНЦЕВА.

(ПО ПОВОДУ ДЕСЯТИЛѢТІЯ СО ДНЯ ЕГО СМЕРТИ).

12-го марта 1898-го года истекаетъ 10 лѣтъ со дня смерти основателя и перваго редактора-издателя нашего журнала, *Ѳеофана Гавриловича Лебединцева.* Его труды, затраченные имъ при организаціи этого дѣла и при веденіи его въ теченіе *первыхъ шести лѣтъ*, его талантливая редакторская способность, выразившаяся во всѣхъ разнообразныхъ функціяхъ редакторства, его умѣлая дѣятельность, направленная къ привлеченію какъ сотрудниковъ, такъ и подписчиковъ, наконецъ, его большой умъ, знанія и литературный талантъ—все это заставляетъ насъ, преемственно замѣстившихъ его въ трудномъ дѣлѣ редактированія спеціальнаго мѣстнаго органа, не только сохранять въ своей памяти его почтенное имя, но позаботиться и о томъ, чтобы въ средѣ нашихъ читателей это имя сочеталось съ представленіемъ о лучшихъ сторонахъ въ жизни общественнаго дѣятеля. На страницахъ нашего журнала уже нѣсколько разъ появлялись краткія замѣтки о Ѳ. Г. Лебединцевѣ, преимущественно касавшіяся его редакторской дѣятельности (см. 1888 г. № 5-й: „Къ редакторской дѣятельности Ѳ. Г. Лебединцева" В. Г.; 1889 г., № 3-й: „Памяти Ѳ. Г. Лебединцева" Н. Сумцова), а частію и учено-литературной (см. 1888 г., № 4-й: „Къ литературной дѣятельности Ѳ. Г. Лебединцева"). Въ настоящее время, когда исполняется 10 лѣтъ со дня его смерти, мы считаемъ, что лучшимъ выраженіемъ нашего по-

чтенія къ трудамъ покойнаго будетъ опубликованіе тѣхъ матеріаловъ, которыми болѣе всего характеризуется личность съ ея разнообразными стремленіями, завѣтными думами и выработанными жизнью идеалами,—это переписка съ лицами, по своему положенію дававшими поводъ, не стѣсняясь обстоятельствами, открыто дѣлиться съ ними всѣмъ тѣмъ, что выражаетъ внутренній міръ души человѣка. Переписка Ѳ. Г. Лебединцева со многими лицами и по разнообразнымъ вопросамъ, мы надѣемся, будетъ опубликована въ свое время. Мы-же теперь, благодаря любезному вниманію сына покойнаго, А. Ѳ. Лебединцева, получили право напечатать ту часть писемъ его къ брату, Петру Гавриловичу Лебединцеву, которая касается очень интереснаго періода въ жизни его—времени служенія въ Холмской училищной дирекціи въ качествѣ начальника ея. Письма эти были приготовлены къ печати еще самимъ Петромъ Гавриловичемъ и снабжены нѣкоторыми его примѣчаніями. Мы опускаемъ въ нихъ все то, что имѣетъ частный, семейный характеръ, и печатаемъ только ту часть ихъ (значительно большую), въ которой Ѳеофанъ Гавриловичъ является предъ нами съ его общественными и національными чертами.

Печатая эти письма, мы тѣмъ самымъ даемъ возможность будущимъ біографамъ Ѳеоф. Гаврил. имѣть тотъ матеріалъ, безъ котораго всякая біографія носитъ только внѣшній характеръ, не освѣщая предъ нами души человѣка. А біографія Ѳ. Г. Лебединцева, весьма интересная уже потому, что на его долю выпала въ жизни почтенная роль *ученаго, педагога и литератора*, до сихъ поръ не только не разработана, но, можно сказать, почти не начата. Въ то время какъ въ печати мы можемъ найти теперь нѣсколько прекрасныхъ страницъ изъ біографіи братьевъ его, Петра и Даніила Гавриловичей (см., напр., „Кіев. Епарх. Вѣдом.“ 1897 г. № 5, 6, 7, 9 и 11 статью свящ. *І. Гордіевскаго*: „Памяти каѳедральнаго протоіерея П. Г. Лебединцева“; или: его-же: „Даніилъ Гаврил. Лебединцевъ“—тамъ-же № 19),—о жизни Ѳеофана Гавриловича мы имѣемъ только самыя краткія свѣдѣнія, которыя и сообщаемъ здѣсь.

Ѳ. Г. Лебединцевъ родился 12-го марта 1828 года въ с. Зеленой Дубровѣ, звенигород. у., кіевск. губ., и принадлежалъ къ семьѣ сельскаго священника. О годахъ дѣтства и о характерѣ жизни въ семьѣ мы можемъ составить понятіе по тѣмъ даннымъ, которыя опубликованы въ вышеназванныхъ статьяхъ свящ. І. Гордіевскаго о его братьяхъ. Какъ проходили годы школьнаго ученія Ѳ. Г-ча, мы пока ничего въ печати не знаемъ; знаемъ только, что онъ окончилъ курсъ Кіевской Духовной Академіи въ 1851 году и сейчасъ-же поступилъ преподавателемъ въ Воронежскую семинарію, откуда вскорѣ былъ перемѣщенъ преподавателемъ же въ Кіевскую семинарію. Къ этому послѣднему періоду относится и редактированіе имъ въ свое время очень интереснаго журнала: „Руководство для сельскихъ пастырей“, основаннаго по его-же иниціативѣ. Въ этотъ періодъ редактированія журнала (съ 1860 по 1863 годъ) имъ напечатанъ былъ въ немъ рядъ статей, касающихся мѣстной исторіи. Въ 1864 г. Ѳеоф. Гавр. получаетъ мѣсто экстра-ординарнаго профессора въ Кіевской Духовной Академіи по каѳедрѣ раскола. Въ этомъ году онъ напечаталъ два тома „матеріаловъ для исторіи православія въ западной Украинѣ въ XVIII ст., съ обширнымъ предисловіемъ: „Архимандритъ Мельхиседекъ Значко-Яворскій“. Не долго пробылъ Ѳ. Г-чъ въ Кіевѣ, т. к. съ 1865 году онъ былъ назначенъ начальникомъ Холмской дирекціи. Здѣсь, какъ видно и изъ печатаемыхъ писемъ, онъ не игралъ исключительной роли казеннаго чиновника, а желалъ на дѣлѣ примѣнить ту любовь къ родному, національному, которую обнаруживалъ онъ и раньше (см. его статейку на малорус. языкѣ въ Основѣ: „*О ярмаркахъ*; до сильскихъ парафіянъ“; или: „Поученіе въ день Новаго года“—въ Кіев. Епарх. Вѣд. 1863 г., № 1) и которая, конечно, была причиной, натолкнувшей его, послѣ выхода въ отставку, приступить въ 1882 году къ изданію журнала, считающаго своей нравственной обязанностью сохранять благодарную память о Ѳеофанѣ Гавриловичѣ Лебединцевѣ до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать самый органъ.

———

Письма Ѳ. Г. Лебединцева къ брату въ Кіевъ.

(1865—1867 г.г.).

Ѳ. Г. Лебединцевъ, основатель и первый редакторъ „Кіевской Старины“, до 4 декабря 1864 года состоялъ экстраординарнымъ профессоромъ Кіевской духовной академіи, а сего числа высочайшимъ приказомъ назначенъ исправляющимъ должность начальника вновь открываемой Холмской учебной дирекціи, съ окладомъ жалованья по 3000 р. и на разъѣзды по 1000 р., всего по 4000 р. въ годъ, а 30 ноября 1865 года утвержденъ въ этой должности. Избраніе его на это мѣсто, а также Е. М. Крыжановскаго, бывшаго баккалавромъ той же духовной академіи по каѳедрѣ русской словесности, на вновь открывшееся мѣсто начальника Сѣдлецкой учебной дирекціи состоялось предъ выѣздомъ изъ Кіева бывшаго Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа Ѳедора Ѳедоровича Витте на должность главнаго директора Комиссіи Народнаго просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ, въ томъ предположеніи, что лица съ высшимъ богословскимъ образованіемъ, стоя во главѣ учебныхъ заведеній двухъ губерній съ русскимъ населеніемъ, насиліемъ польскаго правительства отторгнутымъ отъ православной церкви въ римскую унію, будутъ болѣе соотвѣтствовать видамъ правительства къ поддержанію русской народности въ этомъ краѣ и охранѣ ея отъ вліянія римско-католическаго духовенства. Соображенія эти были высказаны въ частной бесѣдѣ законоучителя Кіевской 2 гимназіи съ директоромъ той-же гимназіи В. В. Вилуевымъ (нынѣ тайнымъ совѣтникомъ, состоящимъ при Варшавскомъ генералъ-губернаторѣ), приглашеннымъ уже г. Витте на должность началь-

ника Варшавской учебной дирекціи, и симъ послѣднимъ доведены до свѣдѣнія г. Витте почти наканунѣ его отъѣзда изъ Кіева, съ указаніемъ тѣхъ лицъ, которыя съ большею пользою могли бы занять вышеупомянутыя должности. Вполнѣ одобривъ мысль о таковомъ предположеніи, г. Витте пожелалъ только немедленно знать о согласіи предложенныхъ кандидатами на эти мѣста Ѳ. Г. Лебединцева и Е. М. Крыжановскаго и затѣмъ, не имѣвъ даже времени лично познакомиться съ ними, поспѣшилъ представленіемъ о ихъ назначеніи съ увольненіемъ изъ духовнаго вѣдомства. Раскаиваться въ этомъ онъ не имѣлъ впослѣдствіи никакого повода, сохранивъ къ нимъ довѣріе и расположенность до самой кончины своей въ 1880 году. Издаваемыя письма Ѳ. Г. Лебединцева къ брату, кромѣ братскихъ и семейныхъ отношеній, вызывались въ значительной степени и потребностью замѣстить благонадежными въ учебномъ и нравственномъ отношеніи русскими лицами вакансіи въ существовавшихъ и вновь открывавшихся гимназіяхъ, прогимназіяхъ, педагогическихъ курсахъ и народныхъ училищахъ довольно обширной Холмской учебной дирекціи.

Ѳеофанъ Гавриловичъ отправился изъ Кіева въ Царство Польское 17 Января 1865 года, вмѣстѣ съ Ефимомъ Михайловичемъ Крыжановскимъ, направляясь чрезъ Брестъ въ Варшаву для представленія новому своему начальству въ качествѣ начальниковъ учебныхъ дирекцій и полученія отъ него словесныхъ и письменныхъ инструкцій. (П. Г. Лебединцевъ).

Письмо 1.

Итакъ я уже въ Варшавѣ. Пишу противъ обыкновенія коротко; писать пространно и некогда, и совершенно неудобно.

Витте принялъ насъ такъ любезно и внимательно, какъ и ожидать трудно было. О томъ, что мы запоздали прибытіемъ, едва упомянулъ, но совершенно безъ упрека или замѣчанія, и тотчасъ выдалъ намъ подъемныя—мнѣ (1200 р.) и Ефиму Михайловичу (800 рублей). Меня избрали въ Холмъ потому, что

тамъ резиденція уніатскаго епископа, тамъ уніатская семинарія, дьячковская и вмѣстѣ учительская уніатская школа, и тамъ же хотятъ устроить русскую полную гимназію. Холмъ скверный городокъ; говорятъ, даже квартиру трудно найти. Вся надежда на будущее. Я не тужу. Богъ дастъ, устроимся какъ-нибудь.

Вчера были мы въ засѣданіи Коммиссіи Народнаго Просвѣщенія. Намъ прочитали бумаги о нашемъ назначеніи и затѣмъ привѣтствовали насъ цѣлованіемъ всѣ бывшіе тутъ члены, русскіе—отъ души, а поляки—едва-ли искренно. Это называется здѣсь инсталляціей или введеніемъ въ должность. Тутъ же вручили намъ кипу бумагъ по нашимъ новымъ должностямъ. Работы будетъ бездна. Сегодня и завтра дѣлаемъ визиты, по указанію Ѳ. Ѳ. Витте, князю Черкасскому [1]), Кошелеву [2]), Фундуклею [3]), Трепову [4]) и проч. и проч. На завтра приглашены на обѣдъ къ князю Черкасскому; завтра же будемъ представляться Намѣстнику Царства Польскаго Бергу, послѣзавтра будемъ обѣдать у Витте. Бывши вчера въ греко-уніатской коммиссіи, познакомились мы съ Холмскимъ уніатскимъ бискупомъ-номинатомъ [5]). Простой старичекъ и на видъ невзрачный.

24 Января 1865 г., г. Варшава.

Письмо 2.

Слава Богу, надежды наши на будущее проясняются. Рѣшено открыть въ Холмѣ гимназію, и мнѣ поручено заняться этимъ дѣломъ; самое же открытіе состоится въ іюлѣ настоящаго года. И такъ я могу окружить себя и свою семью своими же людьми—образованными и намъ сочувствующими. По открытіи гимназіи, вѣроятно, тамъ появятся и другія учебныя заведенія. Выборъ учителей Витте предоставляетъ мнѣ; вчера сказалъ:

---

[1]) Кн. В. А. Черкасскій—Главный Директоръ Комиссіи Внутреннихъ и Духовныхъ дѣлъ въ б. Царствѣ Польскомъ.

[2]) Кошелевъ—Глав. Директоръ Комиссіи Финансовъ.

[3]) Фундуклей—Предсѣдатель Кодификаціонной Комиссіи.

[4]) Треповъ—Варшавскій Оберъ-Полиціймейстеръ.

[5]) Ксендзъ Калинскій—избранный, но еще не посвященный въ епископы.

кого вы изберете, тотъ и будетъ утвержденъ. Особенную надежду возлагаетъ онъ на воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній, рекомендуя искать кандидатовъ между своими. Предполагается открытіе русской гимназіи и въ м. Бѣлой, съ преобразованіемъ гимназіи Сѣдлецкой, въ дирекціи Ефима Михайловича. Тамъ, въ Холмѣ, хотимъ мы создать „русскій центръ", говорилъ мнѣ князь Черкасскій, и на мой вопросъ: „скоро ли это предполагается сдѣлать?", отвѣтилъ: „хоть бы и завтра; вамъ предстоитъ большой трудъ, но вы можете оставить по себѣ памятникъ". Витте и Михневичъ обѣщали хлопотать о томъ, чтобы въ Холмской гимназіи были положены высшіе оклады для учителей, чѣмъ въ прочихъ польскихъ гимназіяхъ. Мнѣ, наконецъ, обѣщаютъ дать помѣщеніе въ какомъ-либо изъ закрываемыхъ въ Холмѣ католическихъ монастырей, которые и поручаютъ осмотрѣть немедленно по пріѣздѣ въ Холмъ. Дирекція моя считается въ числѣ пяти старшихъ; мѣстность, говорятъ, тамъ прекрасна, безъ болотъ, воздухъ чистый и здоровый.

Время проводимъ здѣсь нескучно, но суетливо. Въ воскресенье обѣдали у Кошелева, главнаго директора Комиссіи Финансовъ. Въ понедѣльникъ были на обѣдѣ у князя Черкасскаго, куда были приглашены Бѣлозерскій [1]) и Кулишъ [2]), а послѣ обѣда князь предложилъ намъ свою ложу въ оперу. За обѣдомъ мнѣ пришлось сидѣть подлѣ князя и вести съ нимъ бесѣду: удивительно умный человѣкъ. Во вторникъ обѣдали у Витте: хозяева были весьма внимательны и любезны съ нами. Помѣщенія у этихъ господъ такія, что приводятъ въ удивленіе, особенно у Кошелева. Это дворцы въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Графъ Бергъ принялъ насъ наскоро, съ общими фразами, такъ какъ онъ всегда сильно занятъ. Пробудемъ здѣсь еще недѣли двѣ.

27 января 1865, г. г. Варшава

---

1) В. М. Бѣлозерскій, прежній издатель Основы,—былъ Правителемъ Канцеляріи Учредительнаго Комитета.

2) П. А. Кулишъ былъ короткое время чиновникомъ въ Канцеляріи Учредит. Комитета.

Письмо 3.

Послѣ обѣдовъ у князя Черкасскаго, Кошелева и Витте, мы обѣдали еще у I. Г. Михневича [1]), который принималъ насъ такъ радушно, что, прощаясь, я невольно сказалъ, что у нихъ я совершенно забылъ Варшаву, чувствуя себя какъ бы въ Кіевѣ. У Вилуева были нѣсколько разъ: онъ въ душѣ добрый человѣкъ. Бѣлозерскій принималъ меня съ особенной любовію; Кулишъ сперва оттолкнулъ меня своею холодностію, но потомъ самъ зашелъ ко мнѣ и заговорилъ совсѣмъ иначе—такъ, что любо было. Прощаясь, Витте сообщилъ намъ, что князь Черкасскій очень доволенъ нами и очень радъ такому удачному выбору. Бѣлозерскій также говорилъ мнѣ на прощаньи, что и предъ нимъ князь Черкасскій отзывался съ большою похвалою о мнѣ и Ефимѣ Михайловичѣ. Однимъ словомъ, пріемъ былъ вездѣ такой удачный и пріятный, что я могъ бы опасаться упрека въ хвастовствѣ, если бы писалъ къ кому-либо другому.

Побывавъ на балу у Витте, въ театрѣ и въ оперѣ, между бездѣльемъ занялись и дѣломъ. Самымъ важнымъ было совѣщаніе объ устройствѣ гимназіи въ Холмѣ. Положили было жалованья учителямъ только по 1000 руб., несмотря на мои возраженія. На другой день мнѣ удалось исхлопотать еще по 200 р. для 4 учителей. Содержаніе инспектору гимназіи, который будетъ и преподавателемъ одного изъ предметовъ, опредѣляется въ 2750 рублей, при казенной квартирѣ, съ отопленіемъ и освѣщеніемъ. Главному учителю Педагогической Школы положили 1500 руб. при казенной квартирѣ. О кандидатахъ на эти и прочія гимназическія мѣста нужно крѣпко подумать.

Изъ Варшавы выѣхалъ я въ среду утромъ и на другой день въ 6 часовъ утра прибылъ въ Люблинъ, натерпѣвшись днемъ и ночью отъ холода въ пути.

15 Февраля 1865 г., г. Люблинъ.

---

[1]) Ос. Гр. Михневичъ б. помощникъ попечителя Кіевск., а потомъ Варшавскаго учеб. округа.

Письмо 4.

Люблинъ очень милый городокъ, но небольшой. Для губернскаго города еще многаго недостаетъ, и я не очень жалѣю, что не пришлось жить въ немъ. Окрестности Люблина очень красивыя и довольно уже напоминаютъ Украину послѣ равнинъ и болотъ Польши. Холмъ, въ который я прибылъ сегодня въ 11-ть часовъ, по мѣстоположенію удивительно красивъ. Просто душа возрадовалась, когда увидалъ. Окрестности несравненныя; но и только. Населеніе незначительное, постройки бѣдныя; вдобавокъ онъ два раза погорѣлъ. Типъ его польскій, и въ этомъ его достоинство. Здѣсь есть, напр., двѣ цукерни, есть нѣсколько колодцевъ, гдѣ вода накачивается насосами легко и скоро, есть портные, сапожники, башмачники, столяры—все съ вывѣсками, лавки съ бакалейными и красными товарами. Квартира, которую я занялъ на первыя сутки, гораздо лучше, чѣмъ въ какой мы душились въ Варшавѣ. Два покоя и предпокой стоятъ 5-ть злотыхъ. Готовили постное, безъ рыбы, очень пріятно и прилично. Что будетъ далѣе,—не знаю, а отъ перваго впечатлѣнія я еще не тужу, что попалъ въ такое мѣсто, которое во многихъ отношеніяхъ большое захолустье. Жиды, услыхавъ прежде меня объ устройствѣ гимназіи, заявили намѣреніе строить дома; безъ гимназіи жъ и тѣ, говорятъ, дома оставались пустыми, какіе есть.

Сегодня я успѣлъ побывать только у военнаго начальника и бургомистра (т. е. городничаго) и оставить первому свой паспортъ, а второму предписаніе губернатора объ оказаніи możliwéj pomocy iak w wyszukaniu, tak też w wrządzéniu lokalu [1]). Обоихъ не засталъ дома. Чрезъ полчаса явился бургомистръ во всей формѣ и разыгралъ роль чуть не городничаго въ Ревизорѣ. Мнѣ особенно страннымъ казался титулъ превосходительства, которымъ онъ поминутно подчивалъ меня, принимая въ то же время соотвѣтственную позу. На счетъ ліокаля онъ предложилъ два изъ закрытыхъ монастырей, какой угоденъ будетъ моему превосходи-

---

[1]) Возможнаго содѣйствія мнѣ, какъ въ отысканіи, такъ и во внутреннемъ устройствѣ квартиры.

тельству, обѣщалъ и мебель дать. Предъ вечеромъ приходилъ и военный начальникъ, съ извѣстіемъ между прочимъ о томъ, что квартира отыскана въ піарскомъ монастырѣ и будетъ состоять изъ трехъ комнатъ. Завтра посмотрю, что это за квартира. Послѣ обѣда явился ксендзъ Зѣневичъ, [1]) профессоръ здѣшней семинаріи, а въ слѣдъ за ними еще три профессора, и между ними извѣстный Войцицкій. Любезные люди; но я берегусь ихъ, еле можно. Почему то они очень совѣтовали, чтобы я занялъ квартиру въ базиліанскомъ, также закрытомъ, монастырѣ, гдѣ живутъ нѣкоторые изъ нихъ, и гдѣ квартира можетъ быть изъ четырехъ большихъ комнатъ. Неловко и опасно, можетъ быть, съ ними; но и у піаровъ сосѣди—одинъ ксендзъ и великое множество солдатъ. Очень жалѣю, что не засталъ Кокошкина: [2]) онъ уѣхалъ на три дня въ Красноставъ чрезъ полчаса по моемъ пріѣздѣ, а ждалъ меня долго и съ нетерпѣніемъ. Мнѣ тѣмъ болѣе пріятно его сосѣдство, что онъ племянникъ или двоюродный братъ княгини Черкасской и посвященъ во всѣ тайны правительственныхъ плановъ относительно уніатскаго населенія.

Теперь самый главный интересъ—нужно строить канцелярію. Рѣшаюсь взять Иляшевича, сына Катерины Павловны, какъ обѣщалъ, и Крыжановскаго, [3]) котораго рекомендуете вы и Андрей Г.,—перваго письмоводителемъ, втораго дѣлопроизводителемъ. Письмоводителя я опредѣляю самъ, о второмъ долженъ представить на утвержденіе Коммисіи. Итакъ, скажите Иляшевичу, чтобы онъ, взявъ билетъ изъ консисторіи на жительство въ Польшѣ, немедленно, по полученіи сего письма моего, ѣхалъ въ Холмъ. Жалованья ему 300 р. с. Такъ какъ дол-

---

[1]) Протоіерей, а въ послѣдствіи архипресвитеръ уніатскій и администраторъ Холмско-уніатской епархіи. Онъ обучался въ Кіев. дух. Академіи вмѣстѣ съ двумя товарищами—Холмскими уніатами: Бѣгановскимъ и Лебединскимъ. Зѣневичъ впослѣдствіи былъ отставленъ отъ должности и посланъ въ сельскій приходъ священникомъ, Лебединскій—былъ приходскимъ свящ інникомъ въ селѣ, Бѣгановскій былъ въ свѣтскомъ званіи при Холм. семинаріи и последствіи бѣжалъ за границу, во Львовъ.

[2]) Мѣстный коммиссаръ по крестьянск. дѣламъ, тоже что мировой посредникъ

[3]) Иляшевичъ, неокончившій курса духовн. семинаріи, Крижановскій съ аттестатомъ объ окончаніи курса той-же дух. семинаріи.

жность его не классная, то, кажется, можно пока и не увольняться изъ духовнаго званія. Если понадобится увольненіе, подастъ прошеніе отсюда. Нужно непремѣнно метрическое свидѣтельство и увольнительное изъ семинаріи. Прогоновъ не могу теперь дать ему, ибо на этотъ предметъ нѣтъ теперь ассигновки; но могу потомъ просить Коммисію, или и самъ онъ доѣдетъ въ надеждѣ на значительное по его положенію жалованье. На наемъ квартиры для канцеляріи отпускается 200 р. с. Кажется, что можно будетъ и помѣстить его въ канцеляріи. Если бы до его пріѣзда я уѣхалъ по дирекціи, то на счетъ его оставлю диспозицію. Пусть только явится къ военному начальнику съ билетомъ. Гдѣ буду находиться я, здѣсь будутъ знать. Жалованье съ того дня, какъ будетъ опредѣленъ мною. Что до Крыжановскаго, то пусть пришлетъ прошеніе на мое имя объ опредѣленіи на должность *дѣлопроизводителя Холмской учебной дирекціи*, приложивъ метрическое свидѣтельство, аттестатъ и увольнительное изъ духовнаго званія свидѣтельство. Если бы послѣднее могло быть выдано не скоро, то пусть пропишетъ только, что онъ подалъ объ этомъ прошеніе, и вышлетъ немедленно по полученіи. Когда подастъ прошеніе, то опредѣленіе несомнѣнно; слѣд. и увольненія изъ духовнаго званія опасаться нечего. Жалованья ему 750 р., должность классная, кажется, въ IX классѣ. Если будетъ хорошъ, предоставлю ему должность учителя церковнаго пѣнія въ гимназіи или въ педагогической школѣ съ жалованьемъ въ 300 р. с. О прогонахъ представлю Коммисіи вмѣстѣ съ представленіемъ объ опредѣленіи на должность. Сколько дадутъ, тогда узнаемъ: вѣроятно не менѣе 200 р. Можетъ-ли онъ писать по польски? Счетныя или экономическія дѣла здѣсь на польскомъ языкѣ ведутся. Прошеніе должно быть на гербовой бумагѣ; но здѣсь особый гербовый сборъ, а потому вправо не знаю, у мѣста ли тутъ будетъ гербовая русская бумага. Знаю, что кто пишетъ на простой, съ того потомъ взыскиваютъ слѣдуемую пошлину. Пусть наконецъ поспѣшитъ присылкою прошенія. Коммисія требуетъ скоро, да и мнѣ необходимо. Иляшевича буду ждать съ нетерпѣніемъ: письма очень много, самъ не успѣю, да и не прилично все самому писать.

Жаль мнѣ Поставскаго; но, признаться, я, думая, объ немъ, опасался, чтобы консисторскія привычки не сказались здѣсь, да притомъ и польскій языкъ непремѣнно нужно знать.

Что съ моими актами дѣлаютъ? [1]) Попросите М. В. Юзефовича, чтобы выслали по экземпляру Кулишу, Бѣловерскому и Кокошкину. Кулишъ—членъ Коммисіи, Бѣлозерскій присылалъ Юзефовичу Основу, а Кокошкинъ... знакомый Юзефовича, и занимается разработкою уніатскаго вопроса.

Объ уніатахъ буду писать; но пока и самъ объ нихъ ничего не знаю. На завтра пригласилъ изъ Красностава архитектора для осмотра монастырей и снятія плановъ, а потомъ донесу Коммисіи, гдѣ и какъ можно будетъ помѣстить гимназію. и чего будетъ это стоить. Помышляю о женской гимназіи; но пока буду молчать и ждать. Надо сейчасъ писать увѣдомленія о вступленіи въ должность. Бискупъ все еще въ Варшавѣ; Черкасскій выжимаетъ изъ него послѣдніе соки. Онъ дѣйствительно лукавый, и если я писалъ, что онъ простой старичекъ, то понималъ это въ смыслѣ его необразованности. Шиманскій [2]) руководитъ имъ; уніаты клянутъ, разумѣется тѣ, которые далеки отъ латинства.

Путешествіе по дирекціи хочу устроить такъ, чтобы отъ времени до времени возвращаться въ Холмъ. Какъ скоро поѣду, еще не могу опредѣлить. $^{15}/_{27}$ Февр. 1855 г.

О Дахновичѣ [3]) послано чрезъ три дня оберъ-прокурору и митрополиту кіевскому.

---

[1]) Разумѣется часть 1-я томъ III Архива Юго-Западной Россіи, въ которомъ напечатаны акты, относящіеся къ состоянію Украинскихъ православныхъ церквей въ половинѣ 18 вѣка, съ предисловіемъ Θеоф. Гавр-ча, о чемъ сказано выше.

[2]) Шиманскій—католическій епископъ въ Подлясьѣ (Восточная часть Сѣдлецкой губ.), населенномъ по преимуществу уніатами. Смотр. стр. 14-я.

[3]) Магистръ Богословія, воспитанникъ кіев. дух. академіи. Дахновичъ—бывшій преподаватель Кіев. дух. семинаріи; былъ вызванъ кн. Черкасскимъ на должность преподавателя словесности и церковно-славянскаго языка въ Холмской уніатской семинаріи; впослѣдствіи перешелъ на службу въ Варшавскій учеб. округъ, былъ учителемъ въ гимназіяхъ Холмской, Варшавской 1-ой, Люблинской и директоромъ гимназіи Ченстоховской.

Намѣстникъ утвердилъ на другой день. Надѣюсь къ Пасхѣ видѣть Дахновича уже въ Холмѣ.

Письмо 5.

..Теперь что нибудь о своемъ житьѣ. Живу все еще въ цукернѣ. Ѣмъ постное, но безъ рыбы, такъ какъ этихъ вещей здѣсь нѣтъ. Квартиру окончательно избралъ въ базиліанскомъ монастырѣ, визави съ Калинскимъ. Четыре большія, хотя и грязныя комнаты. Двѣ занималъ военный докторъ, другія двѣ ксензъ-базиліанъ: обоимъ даютъ другое помѣщеніе. У піаровъ такъ грязно и столько солдатъ, что жить невозможно. Я не настаивалъ на отводѣ квартиры,—все дѣлается по бумагѣ, которую я привезъ отъ губернатора и которой очень испугались. Кое-какую мебель дадутъ отъ города; переберусь послѣ завтра. Тамъ и канцелярію устрою, потому что нанять положительно невозможно. Дахновича, кажется, можно будетъ посадить у базиліанъ. Позавчера осматривалъ зданія піаровъ и реформатовъ; у послѣднихъ отличный садъ, и тамъ я хочу устроить педагогическую школу и самъ въ послѣдствіи помѣститься. У піаровъ предполагаю устроить гимназію. Зданіе піаровъ въ 2 этажа устроено буквою Н, одинъ конецъ длиннѣе и соединенъ съ костеломъ. По совѣту Кокошкина, хочу хлопотать, чтобы на другой сторонѣ піарской усадьбы выстроили такой-же корпусъ для женской русской гимназіи, о которой русины гвалтъ кричатъ. Кокошкинъ обѣщаетъ отъ себя хлопотать у Черкасскаго. Если это состоится—піарскій костелъ обратятъ въ уніатскую церковь для обѣихъ гимназій, вся постройка будетъ имѣть великолѣпный видъ. Нужно однакожъ тысячъ 70 на постройку корпуса и передѣлку и отдѣлку реформатовъ и піаровъ. Кокошкинъ увѣряетъ, что для русскихъ не поскупятся. Завтра обо всемъ этомъ пишу формально и частно Витте и, вмѣстѣ съ Кокошкинымъ, Черкасскому. Иду съ визитами къ уніатамъ послѣ обѣдни. Въ Холмѣ пробуду, кажется, еще недѣли двѣ. Много дѣлъ.

20 февр.—4 марта 1865 г.

Письмо 6.

Благодарствую за письмо отъ 24 февр., полученное мною вчера; благодарю въ особенности за хлопоты о письмоводителѣ и дѣлопроизводителѣ для меня. Иляшевича жду со дня на день. Безъ него, какъ безъ рукъ. Письмá пропасть. Пригласилъ двухъ здѣшнихъ православныхъ причетниковъ, изъ которыхъ одинъ окончилъ курсъ семинаріи. Работаемъ втроемъ съ 9-ти до 2-хъ и 3-хъ часовъ, вечерами также что нибудь дѣлается, и при всемъ томъ едва половину бумагъ очистилъ; а тутъ каждый день подходятъ все новыя бумаги. Выданныя Иляшевичу деньги я, конечно, возвращу. Если я ему не выслалъ прогоновъ, то потому что таковыхъ и не полагается; надо будетъ особо представлять, да и то едва-ли дадутъ. Постараюсь что-нибудь придумать для покрытія этого расхода. Что касается дѣлопроизводителя, то пока прошу не безпокоиться пріискиваніемъ. Поставскаго мнѣ очень хотѣлось имѣть; но теперь по всему вижу, что ему самому не сходно было бы перейти на это мѣсто. Служба на пенсію 35 лѣтъ, такъ какъ эта должность не учебно-педагогическая, вычетъ въ эмеритуру 10 процентовъ по той-же причинѣ, чистаго жалованья только 675 р. и затѣмъ доходовъ никакихъ. Итакъ пусть лучше остается въ Россіи, тѣмъ болѣе, что, какъ пишете, ему представляется другая какая-то служба. Въ прошломъ письмѣ я писалъ, какой мнѣ нуженъ дѣлопроизводитель. Кандидатовъ или просителей было нѣсколько; но все не по моему вкусу. Наконецъ, дня четыре назадъ сему со мною случилось чуть-чуть не видѣніе, конечно, отъ напряженныхъ думъ. Заснувъ въ 2 часа ночи, я проснулся въ 5-ть, почувствовалъ, что во снѣ меня давила какая-то неизвѣстная мысль, а когда очнулся, то первая мысль была о Бочковскомъ, вмѣстѣ съ Правиковымъ уволенномъ изъ академіи за вольнодумство, такое впрочемъ, за которое теперь можно бы пожалуй и всѣхъ студентовъ уволить. Бочковскій былъ, по общему признанію, одинъ изъ болѣе даровитыхъ студентовъ; но, будучи въ высшей степени честнымъ и благороднымъ человѣкомъ, онъ не пустился, подобно Правикову, на *промыслъ* и остался доселѣ въ низкой долѣ—

учителемъ русскаго языка въ Радомысльскомъ училищѣ. Объ немъ я всегда жалѣлъ, теперь особенно стало мнѣ жаль его, и я тотчасъ всталъ съ постели и написалъ къ нему приглашеніе въ дѣлопроизводители. Жду теперь отвѣта отъ него и очень желалъ бы, что бы онъ согласился. Что онъ товарищъ мой, этого я не боюсь,—онъ человѣкъ мягкій, деликатный, работящій и исправный. Со временемъ я думалъ бы провести его, если возможно, въ гимназію, или семинарію. Отлично читалъ бы лекціи. Польскій языкъ ему почти родной, какъ подолянину, русскимъ онъ владѣлъ отлично еще въ академіи. Горькая доля не убила его: я видѣлъ его три года назадъ тому,—тотъ же свѣтлый взглядъ, понятія свѣжія, и читалъ, видно, много. Далъ бы Богъ, чтобъ я ему былъ полезенъ, а онъ мнѣ.

Что сказать Вамъ о Холмѣ и моей жизни въ немъ? Пока, пустѣйшій городишко, и если бы не дѣла пропасть, можно бы умереть съ тоски. Уніаты, тѣ самые, которые хлопочутъ о возстановленіи своей народности и не испугались бы православія, мелкій и слабый оченъ народъ. Черкасскій это понимаетъ и хочетъ усилить здѣшнихъ уніатовъ вызовомъ изъ Россіи и преимущественно изъ Галиціи, а въ Галиціи на такія приглашенія спрашиваютъ обыкновенно: а когда православіе принимать— сейчасъ, или немного погодя? Галичане далеки отъ православія, и отъ народности великорусской еще далѣе. Тамъ образовалась недавно партія красныхъ: ругаютъ на чемъ свѣтъ стоитъ московщину въ прозѣ и въ стихахъ. Такъ называемая хохломанія— тамъ великая сила и развивается съ неудержимою быстротою. Наука тамъ принимаетъ популярное направленіе. Одного изъ галичанъ, именно протоіерея Криницкаго, человѣка умнаго, дѣльнаго и образованнаго, вызываютъ въ Холмъ ректоромъ семинаріи. Нынѣшній ректоръ старикъ, отжившій свой вѣкъ, но въ тоже время ярый латинистъ. Былъ я въ здѣшней каѳедральной церкви. Шла обѣдня-шептана; тѣмъ временемъ два мужика и три бабы, сидя на скамейкахъ, пѣли *рожанецъ*[1]). Смѣхъ и горе!

[1]) У уніатовъ, какъ и у католиковъ, кромѣ обыкновенной обѣдни съ пѣніемъ, совершалась въ церквахъ обѣдня тихая, которая вся была читана тихо, почему въ просторѣчіи ее называли шептанкой. Обыкновенно она совершалась предъ обѣдней пѣтой и въ это время молящіеся, сидя на скамьяхъ, пѣли нарочно составленныя пѣсни на польскомъ языкѣ, называемыя годзинками и рожанцами.

Долго ходилъ я по церкви, разсматривалъ иконы, алтарь, восемь боковыхъ престоловъ, устроенныхъ совершенно по католически; былъ потомъ на поздней спѣваной обѣднѣ, вглядывался, вдумывался въ богослуженіе, служащихъ, предстоящихъ, и чуть не расплакался въ самой церкви, а потомъ такъ тяжело было весь день, что я не зналъ, куда дѣваться. Что за странная смѣсь! Искаженіе, безобразіе такъ и видишь въ каждой мелочи. И чего стоила эта микстура? Крови, потоковъ крови и мукъ тяжкихъ. Православіе—точь въ точь, какъ въ погребальной пѣснѣ поется: и вижу во гробѣхъ лежащую, по образу Божію созданную нашу красоту, безобразну и безславну, не имущую вида; а надъ нею, какъ погребальный покровъ, унія, а въ сторонѣ католичество, какъ страшный призракъ смерти всепожирающей. Грустно... Былъ у бискупа. Великій плутъ; но такъ простъ и не далекъ, что не вѣришь глазамъ своимъ, что видишь предъ собою архіерея. Въ немъ особенно видишь жалкое положеніе уніи. Онъ получаетъ жалованья 6000 р., но доходовъ никакихъ, а дѣтей 12-ть, а было всѣхъ 20-ть. Ja iuż podziękuie, a pan dyrektor niech będzie iuż na moiem mieyscu... [1]) говорилъ онъ мнѣ. Ale kłamie... Былъ въ школахъ холмскихъ—польской и уніатской. Въ первой 72 уч., во второй 6-ть; тамъ ксендзъ каждый день ходитъ на урокъ, а здѣсь никто не бываетъ. Такъ вѣдь и у насъ: Русь вездѣ та же Русь, православная-ли она или уніатская. Хочу употребить всѣ усилія для поднятія русской [2]) школы и начинаю съ того, что перевожу ее съ отдаленнаго болота въ средину города.

4—16 Марта 1865 г.

---

[1]) Я скоро уже поблагодарю (за службу,) а господинъ директоръ пусть остается вмѣсто меня... говорилъ онъ мнѣ, но говорилъ лживо.

[2]) Названія: русины, русинскій совершенно тождественны по значенію съ названіями: уніаты, уніатскій. Названіе русины изобрѣтено въ Галиціи поляками въ пятидесятыхъ годахъ, когда въ русскомъ населеніи этой страны стало развиваться сознаніе своей національности и представители интеллигенціи русской стали рѣшительно заявлять въ печати, въ мѣстныхъ и центральныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, что они не поляки, но составляютъ особую національность, отлич-

Письмо 7.

Благодарю васъ за ваши хлопоты по пріисканію мнѣ хорошаго дѣлопроизводителя. Хотя я и писалъ вамъ, что послалъ приглашеніе къ Бочковскому; но какъ и доселѣ отъ него нѣтъ отвѣта, то можетъ быть, что и Сочинскій мнѣ пригодится. Какъ ни хотѣлось бы мнѣ Бочковскаго, но я опасаюсь, что онъ не согласится, не потому, чтобы мѣсто было невыгодное, а потому, что онъ, говорятъ, сталъ упорно довольствоваться малымъ и очень щекотливъ. Подожду еще немножко, но не далѣе Пасхи, а, пріѣхавши въ Кіевъ, могу лично пригласить Сочинскаго, если Бочковскій откажется. Иляшевичемъ я очень доволенъ, но безъ дѣлопроизводителя слишкомъ тяжело: самъ перечитай всякую бумагу до мелочей, самъ обдумай, какъ и что съ нею сдѣлать, самъ пиши черновыя и переписанное внимательно читай. Самому также смотрѣть надо за входящею и исходящею, а польскія бумаги самому и записывать. А всякую мелочь помнить надо, что исполнено, что неисполнено, что нужно предпринять, и проч. и проч., и ни съ кѣмъ посовѣтоваться нельзя.

Пріѣхать на Пасху въ Кіевъ я не оставилъ намѣренія и сегодня даже послалъ докладную записку объ отпускѣ. Отказать—не откажутъ, но боюсь, что отпускъ запоздаетъ, и что мнѣ придется, пожалуй, первые дни въ дорогѣ пробыть и во-

---

ную отъ польской. Въ видѣ уступки поляки придумали для русскихъ галичанъ названіе русины (Rutheni), признавъ, что сіи русины не поляки, но и не русскіе, какіе обитаютъ въ предѣлахъ Русскаго государства, въ сосѣдней Волыни и Подоліи. Это названіе пришлось по вкусу тогда и галичанамъ русскимъ. Такъ какъ населеніе Холмской земли (губернія Люблинская и Сѣдлецкая) въ этнографическомъ отношеніи то же, что и населеніе Галиціи, Волыни, Подоліи—малорусское, но въ религіозномъ отношеніи, а также по языку и обычаямъ болѣе близко къ населенію Галиціи, то и холмскихъ уніатовъ, даже въ русской печати, называли русинами, ихъ церковную обрядность, языкъ—русинскими. Эти названія просуществовали не долго: уже въ началѣ 70-хъ годовъ рѣдко можно было услышать эти названія и то въ приложеніи къ уніатамъ Галицкимъ, а не Холмскимъ. Къ тому времени какъ Холмскіе уніаты рѣшились присоединиться къ православной церкви (1876 г.), и Галицкіе ихъ братья сознали нелѣпость навязаннаго имъ поляками названія—русины и стали безбоязненно называть себя и въ обыденной рѣчи, и въ печати настоящимъ именемъ—русскіе.

зиться съ пьяными ямщиками. Подумайте, отъ Варшавы до Холма бумага идетъ иногда 5-ть и 6-ть дней,—всего 216 верстъ, притомъ по шоссе. А пріѣхать въ Кіевъ мнѣ необходимо по многимъ причинамъ: надо съ вами и другими посовѣтоваться на счетъ учебниковъ, надо книги и деньги за акты получить у Юзефовича, если онъ не отдалъ вамъ доселѣ, надо вербовкой заняться и о томъ посовѣтоваться, за отправкою мебели наблюсти и, наконецъ, въ семьѣ и на родинѣ душу отвести въ праздничное время и отдохнуть немножко послѣ тяжелой работы. Семейства взять теперь не могу по разнымъ причинамъ, а главное потому, что нѣтъ удобнаго и приличнаго помѣщенія. Хлопочу всѣми силами о казенномъ помѣщеніи, прошу за деньги дать, а въ частныхъ домахъ, если бы и вышли военные, нигдѣ нельзя помѣститься, бо, по секрету сказать, въ цѣломъ Холмѣ нѣтъ дома болѣе, какъ изъ 4-хъ комнатъ, а переднихъ вовсе не полагается, и выходитъ человѣчество прямо или въ сѣни или на улицу. Важный городъ!

Новаго у насъ, конечно, ничего, если не считать распоряженія Черкасскаго о введеніи проповѣди на русинскомъ языкѣ. Изъ Варшавы не даютъ никакихъ вѣстей о гимназіи: писалъ, не отвѣчаютъ. Сегодня снова пишу, чтобы добиться какого-либо извѣстія.

(Даты нѣтъ, получено 27 Марта 1865 г.)

„Наума“ Михаила Ал. [1]) хочу купить нѣсколько сотъ.

Письмо 8.

Собрался писать къ вамъ, когда и выѣзжать надо, и тормошатъ со всѣхъ сторонъ. Напишу, сколько успѣю, ибо сегодня непремѣнно нужно послать письмо. И такъ уже совѣстно предъ вами, а отложу, снова не скоро соберусь.

Начну съ гимназіи и педагогической школы. По всему видно, что Витте и Черкасскій распинаются, чтобы устроить

[1]) Разумѣется „Книга Наума о великомъ Божіемъ мірѣ“—соч. М. А. Максимовича.

это дѣло къ августу, но какъ тутъ успѣть, когда только что смѣта составляется. Вчера получилъ отъ Витте запросъ, могу ли прибыть къ 20-му мая безъ помѣхи составленію смѣты. Сегодня отвѣчаю, что смѣта готова будетъ къ 20-му, самъ могу пріѣхать къ 24 или 25, такъ какъ смѣту нужно завезти въ Люблинъ на разсмотрѣніе Губ. Правленія. Вызываютъ пока меня, Ефима М. и Теодоровича [1])—для разсужденій объ устройствѣ греко-уніатскихъ школъ. Дѣло это считаютъ очень важнымъ и спѣшнымъ, а у меня еще не готовы всѣ свѣдѣнія объ уніатскихъ школахъ. Надо ѣздить и собирать. Выѣзжаю сегодня или завтра,—какъ успѣю.

Безъ дѣлопроизводителя бѣда. Отъ Мурковскаго и доселѣ отвѣта нѣтъ, а потому я послалъ къ житомірскому учителю Гродецкому предложеніе. Что дѣлать? Удобство то, что онъ уволился уже изъ духовнаго званія,—все таки скорѣе можно перетащить.

Гріельскій [2]), какъ вы знаете, почти отказался и даже принялъ мое предложеніе какъ-то равнодушно и холодно. Ругаетъ Губера [3]) и опасается, какъ его, такъ и Витте. Послѣднее его слово было—сказать объ немъ Витте; тогда онъ подумаетъ. А жаль,—онъ хорошій человѣкъ.

Грушевскому, Пономареву [4]) и прочимъ ничего не могу сказать опредѣленнаго о томъ, съ какого времени начнется гимназія. Въ Варшавѣ узнаю приблизительно и тогда напишу. Кандидаты на учительскія мѣста являются со всѣхъ сторонъ. Мушинскій и Моссаковскій изъ минской семинаріи прислали письма и послали прошенія Витте. Даніилъ Г. рекомендуетъ какого-то Ѳедоровскаго, художника, въ учители русск. языка,—изъ харьковскихъ семинаристовъ. Полякъ—докторъ [4]), о кото-

---

[1]) А. Г. Теодоровичъ въ это время былъ начальникомъ Люблинской Учеб. Дирекціи; по упраздненіи этой Дирекціи посредствомъ присоединенія части ея къ Холмской, а другой части—къ Сѣдлецкой, Теодоровичъ былъ начальникомъ Калишской Дирекціи, а затѣмъ Директоромъ русскихъ гимназій въ Варшавѣ—мужской и женской. Вышелъ въ отставку въ 1871 г.

[2]) Бывшій учитель Бѣлоцерковской гимназіи.

[3]) Бывшій правитель канцеляріи кіев. учеб. округа—при Витте.

[4]) Преподаватели кіев. дух. семинаріи.

[5]) Докторъ Ентысъ, полякъ, былъ назначенъ на должность врача въ Холмскую гимназію.

ромъ я разсказывалъ, добивается усиленно: былъ въ Варшавѣ и просилъ ходатайства люблинскаго губернатора. Даже подрядчикъ приходилъ сегодня—подрядъ снять, а кузнецъ кузницу нанять. Но со всѣмъ надо ждать.

Въ Кіевѣ я забылъ книгу, „Народовѣщаніе" [1]). Вышлите вмѣстѣ съ Еп. Вѣдомостями, которыхъ доселѣ не получено съ 3-го №. Она мнѣ очень нужна къ отъѣзду въ Варшаву. Если получится послѣ, скажу Иляшевичу все-таки выслать отсюда. Кстати: тутъ и типографію собирается открыть какой-то Гольдшмитъ. Былъ уже у меня и просилъ ходатайства о дозволеніи.

Деньги на вспоможеніе школамъ за два квартала я уже получилъ; но книгъ для школъ не закупаю. Поѣду въ Варшаву и тамъ испрошу разрѣшеніе. Буквари Золотова, Главинскаго и Лермантова пересмотрѣлъ;—не годятся въ настоящемъ видѣ, галиційскіе лучше, и не только буквари, сколько катихизисъ и св. исторія. Повезу ихъ въ Варшаву и попрошу разрѣшенія. До того времени прошу выслать мнѣ 1,000 экземпляровъ Наума, о чемъ я уже говорилъ, и 200 букварей М. А. Максимовича. За сотню букварей я уже заплатилъ ему, а на другую сотню и тысячу Наума пришлите счетъ на бланкѣ редакціи, а я вышлю сейчасъ деньги. Счетъ нуженъ для отчета. Букварь лаврскій забылъ въ Кіевѣ, кажется у васъ, а по памяти не знаю, каковъ онъ. Часословцы и псалтири необходимо будетъ изъ Кіева покупать, ибо въ Почаевѣ типографіи нѣтъ теперь, а прежній запасъ истощился.

Изъ Галиціи не даютъ ни епископа, ни ректора для семинаріи Холмской. Все интриги Калинскаго [2]) и Шиманскаго [3]). Писали ажъ до Риму, а папа въ Вѣну. Даже ставленниковъ не принимаютъ. Цѣль та, чтобы вынудить посвященіе Калинскаго. Но—дудки! $^{7}/_{15}$ Мая 1865 г.

---

[1]) Уніатскій пространный Катихизисъ съ примѣрами изъ житій св. отецъ, изданный въ 17 вѣкѣ.

Изданъ вновь въ Холмѣ послѣ 1870 г. и распространенъ въ приходахъ Холмской епархіи.

[2]) Епископъ-номинатъ.

[3]) Епископъ Подлянскій римско-католической епархія, вновь открытой въ Сѣдлецкой губерніи предъ возстаніемъ 1863 года съ цѣлью окатоличенія уніатовъ

Письмо 9.

Двѣ недѣли просидѣлъ я въ Варшавѣ на этотъ разъ. Надоѣли, какъ и въ первый разъ,—пуще всего обѣды въ 5-ть часовъ и засѣданія. Вамъ интересно будетъ знать, какъ рѣшили дѣло объ устройствѣ греко-уніатскихъ школъ, равно,—что съ гимназіями Холмскими. Много было толковъ и споровъ по первому дѣлу: Черкасскій возставалъ противъ вызыва учителей для элементарныхъ школъ изъ имперіи и сильно настаивалъ на томъ, что учителями должны быть дьяки [1]), а смотрителями-священники уніатскіе; мы были противъ этого, хотя и не совершенно. Наконецъ, послѣ пяти засѣданій, на послѣднемъ изъ которыхъ присутствовалъ самъ Черкасскій, кое-какъ сошлись, и мнѣ поручено было составить записку о результатахъ совѣщаній. Сущность этой записки въ томъ, что учителями могутъ быть и дьяки, и вызванные изъ имперіи, и даже галичане, а къ завѣдыванію школами можно приглашать благонадежнѣйшихъ изъ священниковъ, по сношенію съ греко-уніатскимъ управленіемъ. Я старался согласить противорѣчія и въ то же время оградить себя на всякій случай. Другая записка была объ учебникахъ галиційскихъ, которые Черкасскій порѣшилъ принять безусловно, хотя мы вовсе не настаивали на этомъ. Обѣ записки пущены уже въ ходъ, и скоро Учредительный Комитетъ постановитъ по нимъ свое рѣшеніе. Большія пособія обѣщаютъ уніатскимъ школамъ: отпускъ матеріала на постройку и топливо—безвозмездно, а денегъ—безвозвратно. На каждую изъ двухъ дирекцій хотятъ отпускать по 10-ти тысячъ, т. е. для пособія уніатскимъ школамъ. Но вмѣстѣ съ этимъ насѣдаютъ, чтобы какъ можно скорѣе, какъ можно больше школъ открыть и какъ можно лучше ихъ устроить. На это было три особыхъ Высочайшихъ повелѣнія.

---

[1]) Въ Холмѣ при уніатской семинаріи была школа дьяковъ, церковныхъ чтецовъ и пѣвцовъ. Это было почти элементарное училище, въ которомъ главными предметами обученія было чтеніе церковныхъ книгъ и церковное пѣніе. Воспитанники этого училища, поступая въ дьяки при церквахъ, были весьма мало пригодны для учительскихъ должностей.

Что до гимназіи и педагогической школы, то ихъ хотятъ открыть непремѣнно въ августѣ; но успѣютъ ли, Богъ знаетъ. Разомъ же и женскую гимназію хотятъ открыть. Досталось мнѣ изъ-за этихъ гимназій отъ Черкасскаго. Дѣло вотъ въ чемъ. Я привезъ смѣту на передѣлку піарскаго зданія. Смѣта эта была составлена въ объѣздъ мой по дирекціи, котораго Витте требовалъ настоятельно. Когда я воротился въ Холмъ 20 мая, ни одна строчка изъ смѣты не была переписана, а 21-го нужно было выѣзжать. Взялъ 12-ть семинаристовъ, и едва успѣли переписать въ одинъ день 40 листовъ. До того ли тутъ было, чтобы поправлять и сокращать. Между тѣмъ архитекторъ разогналъ смѣту на 46 тысячъ. За это-то и напалъ на меня Черкасскій, доказывая, что смѣта не должна превышать 10-ти тысячъ. Никакія оправданія и объясненія не помогали. Спасибо, Витте вступился, Бѣлозерскій и другіе. Послали отсюда архитектора на мѣсто сокращать смѣту. Дай Богъ однако жъ, чтобы къ половинѣ іюля приступили къ работамъ.

А между тѣмъ набираютъ штатъ учителей; отъ насъ потребовали кандидатовъ. На инспекторство я предложилъ Гріельскаго; но и Витте возсталъ противъ него, а Михневичъ и руками замахалъ: и старый, говорятъ, и вялый, и мало знающъ, и капризный,—словомъ: рѣшительно забраковали. Тогда остался мнѣ выборъ между двумя: Пономаревымъ и Г. Я сдѣлалъ большой рискъ, за который вы долго будете журить меня, и въ которомъ, можетъ быть, самъ когда нибудь раскаюсь, именно: выбралъ Г.

Пономарева я предложилъ въ инспекторы педагогической школы, Грушевскаго учителемъ русской словесности, Леушинскаго изъ Минска—на русскій языкъ, Амулина, академическаго регента, переуступилъ Ефиму Михайловичу на нѣмецкій языкъ, Аристова—на греческій языкъ и Черкунова, шурина Денковскаго, оканчивающаго курсъ въ кіев. университетѣ—на естественную исторію. Бочковскаго забраковали, и я не настаивалъ; на исторію попросился изъ Галиціи нѣкто Лопатинскій. Такъ какъ за тѣмъ у меня не доставало еще двухъ на математику и одного на чистописаніе, да Ефиму М. нужно было также

человѣка, то Витте и Черкасскій, какъ для этого, такъ и для другихъ дѣлъ, рѣшили командировать меня въ Львовъ, куда и долженъ я отправиться недѣли черезъ двѣ. Командировка сколько пріятная, столько же и опасная, ибо на мнѣ будетъ лежать отвѣтственность за выбранныхъ, а тамъ есть такіе мазурики, что чортъ ихъ разберетъ. Боюсь не только ляховъ, но и крайнихъ хохловъ; да и трудно будетъ говорить съ старою и молодою партіями,—того и гляди, пропечатаютъ.

Вчера пріѣхалъ Бергъ. Ждутъ многихъ новостей и великихъ реформъ. О предположеніяхъ, какія существуютъ на этотъ счетъ, трудно сказать что-нибудь вѣрное. Ждутъ *wielenia* [1]) и раздѣленія на 10-ть губерній; тогда и Холмъ попадетъ въ число губернскихъ городовъ. Но въ числѣ предсказаній есть одно непріятное и тревожное для насъ, именно замѣна Витте Гильфердингомъ. Объ этомъ какъ въ барабанъ бьютъ, и самъ Витте не скрываетъ своихъ опасеній, да и Гильфердингъ не даромъ тутъ сидитъ и даже былъ на одномъ изъ нашихъ засѣданій. Съ Гильфердингомъ мы познакомились у Черкасскаго: какой-то холодный и далеко не такъ привѣтливъ и простъ, какъ Витте. Жаль и очень жаль будетъ Витте.

Письмо 10

Настоящее письмо, по краткости времени, будетъ, кажется, чисто дѣловое. Прежде всего благодарю васъ за присылку Наума. Деньги 100 р. с. при семъ посылаю. Изъ комитета грамотности мнѣ прислали безмездно 750 книгъ разныхъ названій, преимущественно букварей Студитскаго. Пишутъ, что могутъ и еще прислать. Раздаю направо и налѣво: благо есть что раздавать. Буквари Студитскаго мерзкіе, какъ и Главинскаго, Лермантова и прочей братіи; но и этому я радъ. Жаль, что не прислали вы букваря Максимовича. Впрочемъ, время терпитъ, такъ какъ

---

[1]) Т. е. включенія Царства Польскаго въ составъ Росс. Имперіи.

теперь вездѣ почти ученіе прекращено. Со временемъ и галиційскихъ дождемся, хотя я всетаки буду мѣшать ихъ съ русскими.

Число школъ сильно растетъ, а учителей нѣтъ. Мнѣ сдали 64-ре прошенія желающихъ изъ Россіи, и я держу ихъ у себя, не давая пока имъ никакого ходу. По самой большей части просится все дрянь: пустить ее, значитъ осрамить Россію и здѣсь испортить дѣло. Я говорилъ Витте, что гораздо лучше на первый разъ выписать самое небольшое число окончившихъ курсъ семинаріи и самыхъ лучшихъ, между прочимъ для того, чтобы и Черкасскому показать, что наши лучше его дьяковъ-уніатовъ, не умѣющихъ даже читать по-славянски. Витте вполнѣ согласился на это, и, какъ окончившіе желаютъ большаго жалованья, то онъ разрѣшилъ намъ выдавать каждому изъ нихъ сверхъ 150 р. жалованья еще столько-же наградныхъ или добавочныхъ изъ тѣхъ 10 т. р. с., которые предоставлены будутъ въ наше распоряженіе. Ко мнѣ въ Кіевѣ при васъ приходили четыре окончившихъ курсъ въ семинаріи проситься въ учители, а прежде еще два приходили; но и тѣ, и другіе просили жалованья больше, чѣмъ 150 р. Я обѣщалъ извѣстить и теперь прошу васъ оповѣстить въ семинаріи приватнымъ образомъ вызовъ на 10-ть человѣкъ, объявивъ желающимъ, чтобы они предварительно прислали прошенія прямо ко мнѣ, и не на гербовой бумагѣ, а на простой, но съ метрическими свидѣтельствами и аттестатами объ ученіи. Каждый изъ нихъ получитъ обѣщанные Коммиссіею 50 р. с. прогоновъ, и затѣмъ будетъ получать штатнаго жалованья 150 р. и добавочныхъ также 150 р. Я хочу помѣстить ихъ невдалекѣ отъ Холма для того, чтобы и имъ удобнѣе было обращаться ко мнѣ со всякими нуждами, и мнѣ легче надзирать за ними. Трудно напередъ угадать, какое впечатлѣніе произведетъ появленіе православныхъ учителей въ средѣ уніатовъ. Толкуютъ объ этомъ различно. Въ Варшавѣ, какъ я, кажется, писалъ уже вамъ, порѣшили въ тѣхъ школахъ, гдѣ будутъ православные учители, преподаваніе закона божія поручать уніатскимъ ксендзамъ съ жалованьемъ отъ правительства по 50 р., но я прибѣгну къ этому способу тогда только, когда примѣчу неудовольствіе и ропотъ отъ назначенія правосл.

учителей, ибо иначе что тогда дѣлать учителямъ? Учить читать и писать, да первымъ четыремъ дѣйствіямъ ариѳметики? На этомъ не разойдется самый дѣльный учитель и не заслужитъ хорошей репутаціи. Приглашая кандидатовъ на учительскія мѣста, вы потрудитесь, конечно, собрать объ нихъ свѣдѣнія. Тѣхъ, которые при васъ приходили ко мнѣ, я не помню по фамиліямъ; но изъ прошлаго курса еще въ генварѣ просились Петръ Яковлевъ и Владиміръ Татаровъ. Первый не особенно боекъ, но второй весьма дѣльный малый. Впрочемъ, обоихъ я принялъ бы съ удовольствіемъ: Яковлевъ хорошъ тѣмъ, что знаетъ ноту и имѣетъ очень хорошій голосъ. Гдѣ они теперь, не знаю; въ консисторіи, я думаю, извѣстно. Предстоитъ еще одинъ вопросъ: какая карьера ждетъ тѣхъ, которые изъявили бы желаніе поступить сюда учителями? Во всякомъ случаѣ не худшая той, какую они сдѣлали бы, поступивъ учителями въ духовныя уѣздныя училища; но, можетъ быть, и гораздо лучшая: отсюда выходъ во всѣ стороны на службу въ Польшѣ, гдѣ такъ нуждаются въ русскихъ чиновникахъ и преимущественно ищутъ поповичей. Губернаторъ нѣсколько разъ жаловался мнѣ на недостатокъ русскаго люду въ его управленіи: то же слышишь отъ комиссаровъ и уѣздныхъ начальниковъ. Со временемъ, кажется, заведутъ въ Холмщинѣ вездѣ дѣлопроизводство на русскомъ языкѣ, а Холмъ сдѣлаютъ центромъ русскаго управленія. Теперь даже можете поздравить Холмъ съ повышеніемъ: распоряженіе о пожалованіи его въ уѣздные города уже сдѣлано, а не-задолго станетъ, кажется, и губернскимъ городомъ.—Изъявившіе желаніе на учительство должны быть уволены изъ Кіевской епархіи, о чемъ я отнесусь, по полученіи отъ нихъ прошеній, въ консисторію. Мнѣ кажется, что тутъ вовсе не нужно поднимать вопроса объ увольненіи изъ духовнаго званія, такъ какъ духов. званіе существуетъ только въ Россіи, а здѣсь даже названія этого нѣтъ, и самое понятіе о немъ тутъ неприлѣнимо.

Прошу васъ также разыскать студента академіи Ивана Соломоновскаго и предложить ему мѣсто учителя образцоваго начальнаго училища, которое будетъ при Холмской гимназіи или

точнѣе при педагогическихъ курсахъ, съ жалованьемъ въ 300 р. с. Онъ проситъ у меня именно подобнаго мѣста; но само собою разумѣется, что со временемъ я могу дать ему и большій ходъ. Если согласенъ, то пусть подастъ прошеніе объ увольненіи изъ академіи, а затѣмъ прошеніе ко мнѣ съ метрикою и аттестатомъ. Прогоны, конечно, получитъ, но въ какомъ размѣрѣ, навѣрное не знаю, разумѣется, не менѣе 50 р. Соломоновскій рѣшительно не хочетъ быть въ академіи, а я былъ бы очень радъ этому весьма дѣльному человѣку, съ отличнымъ слогомъ и прекраснымъ почеркомъ. Онъ ждетъ теперь моего отвѣта на его просьбу [1]).

Дѣлопроизводителя, наконецъ, я получилъ въ лицѣ извѣстнаго вамъ Кухаренка [2]). Сегодня или завтра онъ будетъ уже въ Холмѣ. Дѣло это сдѣлалось случайно и стоило мнѣ и Коммиссіи большихъ хлопотъ. Когда я представилъ Мурковскаго, Витте и Михневичъ дали мнѣ рѣшительный совѣтъ поискать другого, такъ какъ о Мурковскомъ переписка должна итти не менѣе 4-хъ мѣсяцевъ, а дѣла уніат. школъ требуется вести какъ можно скорѣе. Говорили резонъ, и я выбралъ Кухаренка; но тутъ уперлись Фундуклей и Орловъ [3]): дѣло перешло даже въ Совѣтъ Управленія, который и присудилъ Кухаренка мнѣ. Я очень обрадовался этому; и мнѣ легче будетъ, и дѣла быстрѣе пойдутъ, а то просто невыносимо становилось. Не знаю, что дѣлать теперь съ Мурковскимъ, который доселѣ ждетъ моего отвѣта. Думаю, не опредѣлить ли его штатнымъ учителемъ педагогич. курсовъ; тутъ жалованье 800 р. с. [4]).

---

[1]) По увольненіи изъ Кіев. Академіи Соломоновскій былъ опредѣленъ учителемъ образцоваго училища при педагогическихъ курсахъ въ Холмѣ, потомъ былъ штатнымъ учителемъ Педаг. Курсовъ въ разныхъ городахъ и составилъ и издалъ нѣсколько руководствъ для преподаванія рус. языка, весьма пригодныхъ для народныхъ школъ Варшав. Округа; вышелъ въ отставку въ должности Инспектора (Начальника) Учительской Семинаріи, какъ названы потомъ педагогич. курсы.

[2]) По окончаніи курса Кіевс. Духов. Семинаріи, былъ учителемъ въ школѣ м. Малина, кіевск. губерніи, открытой кіевс. учеб. округомъ, по переходѣ въ Царство Польское, былъ дѣлопроизводителемъ Холм. Учеб. Дирекціи, потомъ учителемъ въ Учительскихъ Семинаріяхъ и въ должности Инспектора Солецкой Учительской Семинаріи (въ Радомской губ.); вышелъ въ отставку, выслуживъ срокъ на пенсію.

[3]) Директоръ Варшав. русской гимназіи, открытой д. тайн. сов. И. Н. Фундуклеемъ.

[4]) Мурковскій, бывшій учитель кіев. женс. духов. училища, въ это время поступилъ въ Университетъ для высшаго образованія.

Изъ Варшавы не получилъ никакихъ новыхъ свѣдѣній, хотя тамъ теперь именно готовятся великія реформы для Царства, а для насъ русскихъ, здѣ служащихъ, великія льготы. Кухаренко писалъ, что дѣло идетъ тихо и такъ секретно, что ничего нельзя вывѣдать.

Недостаетъ мнѣ помощника инспектора: не поѣхалъ ли бы разомъ и С. на это мѣсто? Жалованья по должности учителя можно дать 1200 р., да помощническихъ 300 р. и казенная квартира. Теперь и академическимъ есть разсчетъ итти сюда, ибо скоро, кажется, удвоятъ число дирекцій.

Хотѣлъ сегодня послать Вамъ деньги за Наума, но не приняли,—на воскресенье отложили. Когда бы еще хоть немножко букварей лаврскихъ: просятъ иногда, а дать нечего. Изъ Комитета грамотности мнѣ прислали 750 разныхъ книжекъ; но букварь Студитскаго плохи. Что Максимовичъ?—пишетъ-ли о Холмщинѣ? Витте и Черкасскій очень довольны заказомъ. Объ уніатахъ много набралось у меня свѣдѣній; но вотъ бѣда—и въ гору николы глянуть.

24 іюня—6 іюля 1865 г. Холмъ.

...Черкасскій сильно негодуетъ на то, что въ катедрѣ холмской играютъ на органѣ. Воротившись въ Холмъ, я узналъ, что играютъ ученики школы дьяковъ, и какъ это дѣлается во время классовъ, то наложилъ запрещеніе. Хотѣли было семинаристы играть, но я объявилъ то-же. Съ тѣхъ поръ органъ молчитъ. Органиста нѣтъ, и жалованья ему не положено, а попросить не посмѣютъ. Слышалъ, что хотятъ продать органъ. Туда ему и дорога.

Вотъ вамъ новость: съ нынѣшняго или слѣд. года уніатскимъ священникамъ будетъ жалованье 300—500 р. с. Приходы дѣлятся на 3 класса, и въ 1-мъ 500, во 2-мъ 400, а въ 3-мъ 300 р. съ сохраненіемъ земель и доходовъ. Каково! Это не то, что у насъ [1]). Наши позавидуютъ. Но Черкасскій упол-

---

[1]) Въ юго-запад. краѣ тогда получали священники приходовъ 1-го класса 180 руб., 2-го 150 руб., 3-го и 4-го 140 р., 5-го 120 р. 6-го 100 р. и 7-го 80 р. въ годъ. Теперь получаютъ всѣ по 300 р., въ Привислянскомъ краѣ по 1200 руб. въ годъ.

помочилъ насъ распространять всюду, что жалованье будетъ выдаваемо только тѣмъ, которые станутъ говорить проповѣди по русски или по русински. Ну и распространяемъ; морщатся ксендзы, но иные теперь уже пристаютъ на русскій языкъ.

Письмо 11.

Спѣшу писать къ вамъ, чтобы обмѣняться еще разъ-другой письмами, пока вы отправитесь съ митрополитомъ въ объѣздъ по епархіи.

Кума я просилъ, чтобы онъ пріискалъ мнѣ двухъ учителей на математику, одного на латинскій и одного на греческій языкъ. Прошу васъ и объ этомъ. На Галичанъ остатняя надежда погибла, хотя, признаться, мнѣ не хотѣлось ихъ. Назначеніемъ учителей теперь надо торопиться, чтобы всѣ съѣхались къ началу сентября, когда, можно надѣяться, и гимназія будетъ открыта. Смѣты и планъ утверждены; 19 іюля ст. ст. торги, а къ 1-му августа работы начнемъ. Насяду на подрядчика всѣми силами, чтобы по крайней мѣрѣ зданіе мужской гимназіи было готово къ 1-му сентября. Пономареву и Грушевскому ничего болѣе опредѣлительнаго сказать не могу. Дѣло объ ихъ квартирахъ будетъ зависѣть не только отъ времени открытія, но и отъ того, когда уволитъ ихъ Синодъ, а Синодъ теперь думаетъ, вѣроятно, думу горькую, видя, что такъ многіе бѣгутъ изъ его вѣдомства....

Нѣтъ ли учителя чистописанія и рисованія? Жалованья 500 р., подъемныхъ рублей 300, должность въ IX кл. Я писалъ Даніилу Г., чтобы предложилъ это мѣсто тому художнику, который просился на русскій языкъ; но онъ что-то не отвѣчаетъ, да едва ли и тотъ согласится? Нѣтъ ли также учителя въ педагогич. курсы на 800 р. с. жалованья и должность въ VIII кл.?

Букварей, часослововъ и псалтырей крайне нужно. Когда бы Лавра выслала на коммисію хоть по сотнѣ часослововъ и псалтырей, а букварей русско-славянскихъ обѣщали изъ Коммисіи Нар. Просвѣщенія выслать. Двѣ сотни букварей Макси-

мовича, за которыя я ему и деньги заплатилъ, прошу выслать, оставивъ всякія опасенія. Я дѣлаю опыты, который букварь лучше придется, и мнѣ нужны всякіе букварп, а до того, что въ нихъ есть что-либо по малороссійски, мнѣ нужды мало. Вездѣ пока галиційскіе учебники, а никто объ нихъ ни слова. Ефимъ М. выписалъ ихъ на 400 р. Я удержался, но дотолѣ, пока вопросъ объ нихъ рѣшенъ будетъ Учредительнымъ Комитетомъ, а это рѣшеніе не за горами. Кокошкинъ говорилъ, что Петербургская партія вообще не любитъ Черкасскаго и Милютина; но дѣло въ томъ, что Милютинъ въ великой силѣ у Государя. Итакъ до поры до времени слѣженіе за сепаратизмомъ здѣсь не можетъ имѣть никакихъ послѣдствій, пока инціатива того, что тамъ можетъ казаться сепаратизмомъ, будетъ исходить отъ Милютина и Черкасскаго.

Соломоновскому прошу объявить, чтобы онъ по полученіи увольненія немедленно прислалъ свое свидѣтельство увольнительное и метрику. Опредѣлю я самъ, но въ коммиссію нужно написать о выдачѣ прогоновъ.

Начальницы для женскаго училища не пришлютъ изъ Петербурга. Витте именно мнѣ поручалъ пріискать. За совѣтъ не поручать женщинѣ всего управленія очень благодаренъ; буду хлопотать.

Еп. Вѣдомости были получены; но Иляшевичъ затаскалъ было ихъ куда-то, а потомъ я съ удовольствіемъ прочелъ церковно-арх. замѣтки и многое другое. Дѣйствительно, ихъ вѣра въ томъ, чтобы вотъ на счетъ сердцовъ не было перемѣны и проч.

Калинскій сильно работаетъ въ Австріи: опять не дали ректора и другихъ, и на этотъ разъ запретилъ самъ нунцій.

P. S. Типографія у насъ, кажется, скоро будетъ.

18/30 іюля 1865 г.

Письмо 12.

Теперь о гимназіяхъ. 19-го нашего августа онѣ должны быть открыты, а учителя ни одного, начальства никакого. Не-

знаю, что-то будетъ. Прошу васъ покорнѣйше выискать въ университетѣ тѣхъ кандидатовъ, о которыхъ я уже писалъ, т. е. двухъ на математику, одного на латинскій, одного на греческій языкъ и учителя чистописанія и рисованія. Двумъ жалованье по 1200 р., двумъ по 1000 р., а учителю чистописанія 500 р. Подъемныхъ 300—400 р. Какъ бы это поскорѣе, какъ можно скорѣе. Пусть посылаютъ прошенія къ Витте—съ документами, а вынапишите Витте о тѣхъ, кто будетъ вами выисканъ, я же отъ себя напишу, чтобы опредѣлилъ, не спрашивая меня, для сокращенія времени. Нашихъ духовныхъ не дождешься и до зимы, да и довольно ихъ приглашено. До свиданія! Ѣду въ Красноставъ.

21 іюля (2 августа) 1865 г. Г. Холмъ.

Письмо 13.

Почта отходитъ ночью, теперь 6-ть часовъ, а тутъ народъ ждетъ еще съ экзаменами на учительскія мѣста.

Сегодня строительный нашъ комитетъ имѣлъ первое засѣданіе. Комитетъ состоитъ изъ 6-ти членовъ: меня, архитектора, присланнаго изъ Варшавы, двухъ уніатскихъ ксензовъ, бургомистра и одного мѣщанина уніата. Послѣдняго я нарочно выбралъ потому, что онъ хозяинъ, имѣлъ собственный каменный домъ, который самъ строилъ, и потому знаетъ толкъ во всемъ. Трудно и даже страшно; но, Богъ дастъ, какъ-нибудь управимся.

Срокъ отдѣлки классовъ для гимназіи—15-е польское сентября. Не знаю однакожъ, успѣетъ ли подрядчикъ. Женское училище положено окончить къ новому году. Окончательный срокъ для всѣхъ работъ 1-е іюня слѣдующаго года. Церковь хотятъ устроить въ зданіи піаровъ; но я хлопочу, чтобы отдали одинъ костелъ, безприходный и никому ненужный [1]).

28 іюля (9 августа 1865 г., г.

---

[1]) Костелъ этотъ былъ смежный съ зданіемъ, предназначеннымъ для женской гимназіи. По закрытіи монастыря католическаго, которому принадлежало зданіе и костелъ, послѣдній оказался безприходнымъ и ненужнымъ. Впослѣдствіи ходатайство Ѳ. Г. Лебединцева было уважено, и костелъ былъ передѣланъ въ церковь уніатскую, а съ 1876 г.—православную. Нынѣ—прекрасный храмъ при женскомъ учебномъ заведеніи.

Письмо 14.

Послѣдніе три дня я получалъ каждый день по письму отъ васъ. Сейчасъ только принесли послѣднее. Читалъ и дивился; тѣмъ не менѣе спѣшу написать, чтобы Вы не безпокоились вслѣдствіе слуховъ, которыхъ ни въ какомъ случаѣ не могу считать вѣрными.

Откуда эти слухи дошли до васъ, я знаю, хотя вы и не пишете. Дѣло въ томъ, что за три или четыре дня предъ этимъ я получилъ точно такое же письмо отъ Ефима М. Не сомнѣваюсь, что онъ написалъ прежде вамъ, а потомъ мнѣ. Но не въ томъ собственно дѣло: какое основаніе для этихъ слуховъ— вотъ главный вопросъ. Коснусь, прежде всего, самаго важнаго извѣстія, будто профессоры семинаріи ѣздили къ Черкасскому съ жалобою на меня и съ просьбою о перемѣщеніи меня изъ Холма. Холмъ не Кіевъ и не Петербургъ, гдѣ живущіе въ одномъ концѣ города не знаютъ, что дѣлается въ другомъ. Здѣсь извѣстно не только, кто, когда и куда выѣзжаетъ, но даже, кто куда идетъ. Знаю поэтому несомнѣнно, кто изъ профессоровъ, когда и куда ѣздилъ. Въ Варшаву, вскорѣ по прибытіи моемъ оттуда, ѣздилъ Войцицкій[1]), одинъ, по случаю болѣзни дочери своей, учащейся въ Варшавскомъ пансіонѣ. Войцицкій извѣстенъ здѣсь и въ Варшавѣ. Что Войцицкій могъ сказать что-нибудь дурное обо мнѣ, въ томъ не сомнѣваюсь; но что я ему не подалъ ни малѣйшаго повода къ тому, это также несомнѣнно. Былъ онъ у меня съ визитомъ, и я у него былъ тотъ часъ же. Былъ онъ у меня разъ вечеромъ, а я у него ни разу—за недосугомъ. Встрѣчались нѣсколько разъ; но при каждомъ свиданіи, кромѣ, самаго большаго вниманія, почтенія и любезности, онъ ничего другого отъ меня не встрѣчалъ. Былъ потомъ въ Варшавѣ, проѣздомъ за границу для рукоположенія, Лебединскій: самъ онъ человѣкъ очень добрый, да и я съ нимъ обходился въ троекратное свиданіе самымъ радуш-

---

[1]) Войцицкій, профессоръ уніат. семинаріи, ксендзъ-каноникъ (протоіерей) впослѣдствіи, по удаленіи Калинскаго, ему поручено было, по представленію кн. Черкасскаго, управленіе Холмской епархіей и данъ титулъ архипресвитера.

нымъ образомъ.—Проѣхалъ недавно чрезъ Варшаву за границу экономъ семинаріи—ксензъ Панасинскій, который больше всѣхъ мнѣ нравится, и съ которымъ потому я найлюбезнѣйшимъ образомъ обращался.—Былъ недавно профессоръ Поцей:—этому я первый сдѣлалъ визитъ и затѣмъ, встрѣчаясь нѣсколько разъ, относился съ полнымъ уваженіемъ и любезностію. Говорить противъ меня онъ ничего не имѣлъ, да и не захотѣлъ бы, такъ какъ и ѣздилъ въ Варшаву за тѣмъ, чтобы упроситься въ гимназію. Больше никто не ѣздилъ въ Варшаву. Съ тѣми, которые здѣсь, я въ самыхъ пріятнѣйшихъ отношеніяхъ, особенно съ вицеректоромъ [1]), съ которымъ цѣлуюсь не меньше 6-ти разъ при каждомъ свиданіи, хотя въ душѣ не очень высокаго объ немъ мнѣнія. Вообще ни съ кѣмъ изъ здѣшнихъ профессоровъ я не только не имѣлъ никакихъ столкновеній, но и никакихъ объясненій, которыя могли бы подать поводъ къ нареканіямъ на меня. Кромѣ полной вѣжливости, почтенія и любезности, они не видѣли отъ меня ничего другаго. Одно, на что они могутъ указывать и изъ чего могутъ выводить неблагопріятныя заключенія и, пожалуй, даже клеветать на меня, это то, что я не бываю почти ни у кого изъ нихъ; но за то я ни у кого и никогда не бываю, и предъ всѣми вообще и предъ каждымъ въ частности извиняюсь и твержу всегда, что бывать мнѣ рѣшительно некогда. Въ этомъ отношеніи я не дѣлаю различія между православными и уніатами; равно какъ они не могутъ не вѣрить моимъ словамъ, ибо всѣ они не только не видятъ меня гдѣ-либо въ гостяхъ, но рѣдко видятъ гуляющимъ, а кто приходитъ ко мнѣ, тотъ всегда застаетъ меня за бумагами, въ какую пору ни пришелъ бы ко мнѣ.

Итакъ, что *профессоры* семинаріи *ѣздили* жаловаться на меня, это совершеннѣйшая ложь. Трое изъ нихъ *разновременно* были въ Варшавѣ,—каждый по своимъ обстоятельствамъ. Очень можетъ быть, что кто нибудь изъ нихъ сказалъ обо мнѣ, что я

---

[1]) Должность вицеректора въ уніат. семинаріи соотвѣтствовала должности инспектора. Вицеректоръ, ксендзъ Гарасовскій, былъ слишкомъ ополяченный и окатоличенный уніатъ; по удаленіи Калинскаго былъ также удаленъ на приходъ въ село.

держу себя съ ними далеко, холодно, даже, пожалуй, гордо,— все на томъ основаніи, что я доселѣ не могъ быть ни у кого изъ нихъ болѣе, какъ по одному разу; но чтобы тутъ была общая, нарочитая жалоба, чтобы кто-нибудь могъ пожаловаться на мою неделикатность, негуманность, проще,—грубость, сердитость и т. под., этому я не могу повѣрить на томъ основаніи, что ничего подобнаго не замѣтилъ въ своихъ отношеніяхъ къ нимъ. Думаю такъ отчасти и потому, что Витте въ одномъ письмѣ передавалъ, говоря его словами, просьбу, точнѣе же, приказъ Черкасскаго—стать въ возможно близкія отношенія къ уніат. духовенству; когда-же я отвѣтилъ, что забочусь объ этомъ всѣми силами и представилъ на это нѣкоторые факты, то онъ, объявляя, что сообщитъ объ этомъ Черкасскому, прибавилъ въ то же время, что Черкасскій почему-то былъ другаго мнѣнія, но и *только*. Будь какая-либо положительная и серьезная жалоба, — я не сомнѣваюсь, что ни Черкасскій не скрылъ отъ Витте, ни тѣмъ болѣе Витте отъ меня.

Что сельскимъ іереямъ я нигдѣ и никакой непріятности не сдѣлалъ и ни малѣйшаго не подалъ повода къ нареканіямъ, это также совершенно вѣрно. Былъ, правда, у меня одинъ ксендзъ уніатскій изъ Подлясья, котораго Сидорскій[1]) представилъ, какъ отчаяннаго брехуна и высочайшаго подлеца: его я принялъ не такъ радушно, какъ другихъ, можетъ быть даже нѣсколько холодно, но это потому, что въ оба раза онъ заставалъ меня за самою экстренною работою и долго мучилъ меня самою нелѣпою просьбою—ходатайствовать о томъ, чтобы ему дали лучшій приходъ. Разумѣется, что такой просьбы я не принялъ и объяснялъ лишенному за разныя проказы прихода ксендзу, что лучшее средство поправить свои дѣлишки и репутацію, это показать на дѣлѣ ревность объ уніатствѣ и русинствѣ недопущеніемъ совращеніи въ латинство и проповѣданіемъ на русскомъ или русинскомъ языкахъ. Ксендзъ этотъ—блуждающая комета, и едва ли не онъ пустилъ въ Подлясьѣ то, о

[1]) Управлявшій греко-уніатскими дѣлами при кн. Черкасскомъ; умеръ въ 1895 г. въ должности (въ послѣдствіи) директора канцеляріи оберъ-прокурора св. Синода.

чемъ писалъ мнѣ Ефимъ М., именно—будто я „держу себя гордо, не сочувствую нуждамъ уніат. духовенства, не забочусь объ немъ и люблю только властвовать". Но этотъ же ксендзъ разсказывалъ по всему Подлясью, что когда онъ *въ каретѣ* подъѣхалъ къ Коммиссіи Внутр. и Дух. Дѣлъ, то Черкасскій выбѣжалъ къ нему на встрѣчу, а Черкасская просила познакомить ее съ его женою, и опять—Черкасскій предлагалъ будто ему принять православіе, тогда какъ было совершенно наоборотъ, и пр. Вообще изъ разсказовъ Ефима М. и Сидорскаго я заключилъ, что уніатское духовенство, брехливое вообще, брехливое особенно на Подлясьѣ. Нигдѣ столько не бываетъ толковъ и слуховъ, часто поразительныхъ своею нелѣпостью, какъ на Подлясьѣ, что и здѣшніе уніаты подтверждаютъ, а Ефимъ М. имѣетъ охоту слушать. Извѣстія, теперь переданныя имъ, какъ самъ пишетъ, заимствованы отъ какихъ-то ксендзовъ съ одной и отъ Жозефа съ другой стороны. Источники одинаково мутные. Всего вѣроятнѣе, что поводомъ къ этимъ слухамъ послужило извѣстное представленіе Калинскаго о томъ, какъ понимать отношенія директора къ дѣлу проповѣдничества, посланное по тому случаю, что я просилъ у ректора для прочета проповѣдь одного семинариста послѣ того, какъ она прошла законную свою цензуру и была произнесена въ церкви. Проповѣдь эта давно возвращена мною и, разумѣется, что ни на ней, ни объ ней я не сдѣлалъ никакихъ, ни письменныхъ, ни словесныхъ замѣчаній или отзывовъ. Это неосторожное любопытство, хотя я имѣлъ для него полное основаніе въ возложенномъ на меня наблюденіи за семинаріею, возбудило неудовольствіе Черкасскаго, который поручилъ Витте предостеречь меня, чтобы я былъ какъ можно осторожнѣе въ отношеніи къ семинаріи; но на томъ дѣло и кончилось. Кто-то изъ двухъ, ректоръ или Калинскій, въ бытность здѣсь Сидорскаго, говорилъ ему, что я будто всякія дѣла по семинаріи рѣшаю; но нелѣпость этого самъ Сидорскій призналъ, такъ какъ я былъ однажды только въ семинаріи—на полчаса, и ничего не сдѣлалъ, ничего даже не сказалъ. Семинарію и Калинскаго покоробило постановленіе Учр. Комитета о наблюденіи со стороны директоровъ, но вовсе

не мои къ ней отношенія, ибо я кромѣ упомянутаго посѣщенія былъ еще только одинъ разъ на экзаменѣ и также ни слова не сказалъ. Въ этомъ смыслѣ я писалъ и еще напишу и Витте, и Сидорскому. Въ Люблинѣ не уніаты, а распустили было слухъ про Теодоровича, что его вовсе увольняютъ, по случаю дѣйствительно крутой его переписки съ предсѣдателемъ коммисіи по крестьянскимъ дѣламъ.

Пишу все это для успокоенія вашего; но не думайте, чтобы я былъ равнодушенъ къ сообщеннымъ мнѣ слухамъ, или же былъ слишкомъ самоувѣренъ въ своей непогрѣшимости и безпечности. Вообще здѣсь надо быть въ высшей степени осторожнымъ, и я стараюсь объ этомъ всѣми силами; но бываютъ случаи, когда выдумаютъ изъ ничего, какъ это и Ефимъ М. испыталъ.

Что узнаю изъ Варшавы, о томъ напишу, а теперь не могу не благодарить васъ за ваши замѣчанія и совѣты, которые внушены братскою любовью.

6—20 авг. 1865 г., г. Холмъ.

P. S. Позавчера я получилъ письмо отъ Сидорскаго, который увѣрительно пишетъ, что скоро имѣютъ послать меня въ Львовъ—посмотрѣть тѣхъ уніатовъ, которые просятся на учит. мѣста въ Холмъ, „не говоря имъ ничего положительнаго.“ Написать это поручили ему Витте и Черкасскій. И изъ этого я заключаю, что слухъ о перемѣщеніи моемъ—чистая выдумка.

Работы двигаются съ возможною быстротою, и я надѣюсь, что классы будутъ отдѣланы къ сроку. Я каждый день, и по нѣскольку разъ, бываю на работахъ и смотрю во всѣ глаза, чтобы не прозѣвать чего-либо. Присланный изъ Варшавы архитекторъ, кажется, добросовѣстный человѣкъ.

Въ назначеніи учителей такая теперь путаница изъ-за галичанъ, что я просилъ уже Витте назначать, не спрашивая моего мнѣнія. О рекомендуемой Поляковой [1]), женѣ священника, также ничего не могу теперь сказать, ибо Витте писалъ мнѣ только высматривать классныхъ дамъ, но не давать имъ рѣ-

[1]) Полякова—начальница Фундуклеевской женской гимназіи въ Кіевѣ.

шительныхъ обѣщаній, такъ какъ штатъ не утвержденъ, и самое открытіе женской гимназіи послѣдуетъ только съ новаго 1866 г.

Письмо 15.

Уніаты такія небылицы разносятъ о комъ угодно, даже о Черкасскомъ, что превзошли въ этомъ отношеніи *Часъ* и *Ойчизну* [1]). *Это подлѣйшій, омерзительный народъ, въ десять разъ хуже поляковъ* [2]). Витте пишетъ, что меня рѣшили послать въ Львовъ, но только позже, когда будетъ открыта гимназія. На счетъ слуховъ *о несближеніи* моемъ съ духовенствомъ уніатскимъ, о чемъ прежде была рѣчь, замѣчаетъ, что Черкасскій успокоился его увѣреніемъ, что это ложь, прибавляя къ тому: *„во мнѣ всегда найдете ограду, защиту"*. Кажется, что все дѣло именно въ томъ, что кто-то шепнулъ Черкасскому, будто я далеко держусь отъ ксендзовъ уніатскихъ. Сегодня же я послалъ письмо Витте собственно о слухахъ, сообщенныхъ вами, прося не говорить Черкасскому, если это слухи пустые, въ чемъ и высказалъ я свою увѣренность. По этой же причинѣ не буду писать Сидорскому. Подожду, что напишетъ Витте.

Учредительный Комитетъ рѣшилъ вызвать для гимназіи изъ Галиціи не болѣе 2 или 3-хъ учителей, и то, когда истощатся всѣ средства къ отысканію русскихъ учителей, для народныхъ же школъ 10—15 учителей на двѣ дирекціи, но съ величайшею осмотрительностію и самою крайнею осторожностію относительно ихъ политическаго направленія. Витте просто называетъ это узкимъ взглядомъ и формализмомъ, а опасенія на счетъ сепаратизма чуть не дурачествомъ. Вотъ, что значитъ честный нѣмецъ.

---

[1]) Польскія газеты, издававшіяся въ Краковѣ и Львовѣ; въ нихъ чуть не ежедневно печатались удивительныя измышленія о русскихъ и ихъ дѣятельности въ Польшѣ.

[2]) Какъ ни рѣзокъ этотъ отзывъ объ уніатахъ, но онъ справедливъ, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи подлясскихъ уніатовъ.

Касательно учебниковъ Учр. Комитетъ постановилъ допускать изъ галиційскихъ изданій только книги духовнаго содержанія, всѣ же прочія книжки должны быть непремѣнно на русскомъ языкѣ. Бѣдный Ефимъ М.! Вѣдь онъ выписалъ на 400 р. с. галиційскихъ учебниковъ. Слава Богу, что я уберегся и терпѣливо ждалъ рѣшенія Учр. Комитета! Любопытно однако жъ было бы заглянуть въ душу Учр. Комитета, чтобы знать, какими понятіями руководился онъ, разрѣшая *духовныя* книги и не разрѣшая *недуховныхъ*.

Образа̀ для гимназіи я предлагалъ выписать изъ Кіева, но Черкасскій нашелъ это неудобнымъ и требуетъ, чтобы они заказаны были въ Галиціи. Витте пишетъ, чтобы я поспѣшилъ заказать, а между тѣмъ сдѣлалъ бы оффиціальное о семъ представленіе. Черезъ чуръ тонко!

Дополнительныя правила касательно уніатскихъ школъ, поданныя мною и Еф. М., разсматриваются въ Учр. Комитетѣ. Черкасскій, какъ пишетъ Витте, на бумагѣ отказался отъ уступокъ, сдѣланныхъ намъ на словахъ, т. е. непремѣнно хочетъ присадить ксендзовъ уніатскихъ къ школамъ. Витте нетерпѣливо ждетъ, что скажетъ на это Учр. Комитетъ. О, далъ бы Богъ, чтобы онъ осадилъ Черкасскаго. Пропа̀сть придется, если присадятъ къ намъ этихъ прощалыгъ и ябедниковъ. Понятна цѣль Черкасскаго: черезъ ксендзовъ и дяковъ онъ хочетъ подчинить себѣ наши двѣ дирекціи.

Если найдутся кандидаты на учительскія мѣста въ гимназіи, то пусть присылаютъ поскорѣе прошенія къ Витте. Галиціею только поманываютъ, а кто ихъ дождется, да и не хотѣлось бы мнѣ самому этихъ новыхъ уніатовъ. 1200 р. не присвоено извѣстному предмету, а будетъ назначаемо по моему усмотрѣнію достойнѣйшимъ.

$^{10}/_{22}$ авг. 1865 г г. Холмъ.

Семинаристамъ скажите, чтобы не ѣхали прямо сюда на учительство, не подавъ предварительно прошеній и не получивъ отвѣта, иначе поставятъ и меня, и себя въ крайнее затрудненіе. На все нужно время, и на то опять, чтобы выискать подходящее мѣсто.

Письмо 16.

Полагаю, что вы уже въ Кіевѣ; потому снова начинаю писать.

Первѣе всего о слухахъ. Вмѣсто всякихъ объясненій посылаю письмо Витте, которое прошу возвратить за казенною печатью. Подобное-же письмо прислалъ Вилуевъ. Ergo... На инспекторское мѣсто Витте хочетъ назначить Андрея Стефановича, учителя Варшавской русской гимназіи, бывшаго два года въ Кіевской академіи, а оттуда перешедшаго въ университетъ. Отъ оберъ-прокурора Витте получилъ телеграфическое увѣдомленіе о томъ, что Синодъ опредѣлилъ уволить 13-ть наставниковъ дух. уч. заведеній на службу въ Польшѣ, но списка ихъ еще не прислалъ. Стефановича всѣ хвалятъ и самъ Витте.

Прошеніе Пясецкаго [1]) сегодня прислано на мое имя, и я даю завтра благопріятный отвѣтъ,—рекомендую штатнымъ учителемъ педагогическихъ курсовъ. Передайте это о. Варѳоломею, [2]) а онъ пусть Пясецкому передастъ.

Передайте окончившему курсъ академіи Амулину (онъ прислалъ мнѣ два письма и въ послѣднемъ пишетъ, что хочетъ ѣхать, не дожидаясь), что онъ будетъ назначенъ въ Бялу, ко мнѣ же на нѣмецкій языкъ назначенъ уже галичанинъ Хоминъ, имѣющій на дняхъ прибыть въ Холмъ. Абрамовича [3]) я представилъ уже и надѣюсь, что онъ будетъ утвержденъ. Скажите всѣмъ собирающимся въ Польшу, что назначеніе ихъ послѣдуетъ въ самомъ непродолжительномъ времени, и подъемныя деньги будутъ высланы на имя Слѣпушкина. Витте проситъ написать всѣмъ имъ, чтобы собирались заблаговременно и ѣхали какъ можно скорѣе.

Кандидатовъ новыхъ не трудитесь пріискивать. Витте пишетъ, что мѣста два-три нужно оставить для галичанъ. Меня

---

[1]) И. Я. Пясецкій уволнился изъ Кіев. Дух. Академіи по болѣзни и назначенъ былъ учителемъ педагогическихъ курсовъ (Учительской Семинаріи) въ Холмѣ. Состоитъ (въ 1896 г.) Начальникомъ Калишской Учебной Дирекціи.

[2]) Архимандритъ, профессоръ дух. академіи.

[3]) Изъ окончившихъ курсъ дух. академіи учитель Кіевс. жен. дух. училища, нынѣ директоръ Бѣльской гимназіи.

пошлютъ въ Галицію тотчасъ, какъ скоро пріѣдетъ инспекторъ гимназіи, а то не на кого дирекцію оставить и работы.

Намъ готовятся большія привиллегіи по службѣ. Витте пишетъ, что дѣло это было уже присылаемо на его заключеніе отъ Милютина.

25 авг.—6 сент. Г. Холмъ.

Письмо 17.

Опять собрался писать предъ отходомъ почты. Прежде всего о самомъ нужномъ.

Передайте Сергѣенку, что по новому штату Холмской гимназіи, представленному уже на Высочайшее утвержденіе, жалованья учителю рисованія и чистописанія 600 руб., а въ педагогическихъ курсахъ особая плата по 60 к. с. за урокъ. Срокъ на пенсію предположено сократить съ 35 на 25 лѣтъ, какъ въ Россіи, но только для русскихъ. Квартиры казенной не полагается. Если хочетъ, пусть присылаетъ прошеніе—прямо Витте.

Открытіе гимназіи и пед. курсовъ отложено на 2—14 окт. за неприбытіемъ учителей. Работы окончены къ 15—27 сент. Скажите Пономареву и Грушевскому, чтобы выѣзжали немедленно и ѣхали день и ночь. Къ открытію гимназіи пріѣдетъ изъ Петербурга Витте, и, конечно, будетъ недоволенъ, если они къ тому времени не явятся.

Пріемные экзамены идутъ. Учениковъ уже больше ста. Въ Галицію поѣду послѣ открытія гимназіи. Теперь сильная суета.

Будьте здоровы.

19 сент.—1 окт. 1865 г. Г. Холмъ

Письмо 18.

Итакъ гимназія и педагогическіе курсы открыты 5—17 ок. На открытіи, по личному повелѣнію Государя Императора,

былъ Витте и по моему приглашенію Костанда и Буцковскій[1]), кромѣ множества ксензовъ, военныхъ и другихъ чиновъ. Служилъ Калинскій и домъ освятилъ соборнѣ послѣ народной процессіи. Торжество было веліе, но стоило лично мнѣ до 200 р. с. Съ слѣд. почтою непремѣнно вышлю вамъ описаніе онаго для епар. вѣдомостей.

Тѣмъ временемъ потрудитесь розыскать Соломоновскаго и объявить ему, что объ уплатѣ 200 р. с., которые требуетъ съ него Синодъ, я уже написалъ Витте, что поэтому пусть онъ смѣло даетъ Филарету[2]) росписку и немедленно ѣдетъ. Тутъ получитъ и подъемныя, и окончательное увольненіе. Жалованіе ему по новому штату 500 р. с. Пусть же не медлитъ ни мало. Очень нуженъ.

Учителю церковнаго пѣнія въ госуд. совѣтѣ положили жалованья 500 р. Передайте это при случаѣ Абрамовичу.

Пишу съ слѣд. почтою, а теперь ни минуты свободной.

10—22 окт. 1865 г., г. Холмъ.

Письмо 19.

Не успѣвъ съ сегодняшнею почтою послать вамъ письмо, я начинаю сегодня же писать, чтобы успѣть до слѣдующей почты и написать на этотъ разъ побольше.

Итакъ открытіе гимназіи состоялось наконецъ. Много хлопотъ и много денегъ стало это дѣло, но теперь я чувствую себя и лучше, и какъ будто легче. Уже одно то для меня большой выигрышъ составляетъ, что я могу посылать въ гимназію на экзамены всѣхъ кандидатовъ на учительскія мѣста, которые дѣлали мнѣ много хлопотъ. Съ открытіемъ гимназіи русскій элементъ взялъ здѣсь еще болѣе сильный перевѣсъ, а когда гимназія устроится вполнѣ и будетъ открыта гимназія женская, тогда Холмъ приметъ совершенно русскую физіономію. Разскажу вамъ кое - что изъ періода открытія гимназіи и о самой гимназіи.

---

[1]) Костанда генералъ, начальникъ пѣхотной дивизіи, нынѣ генералъ-адъютантъ, членъ Государств Совѣта; Буцковскій—Люблинскій губернаторъ.

[2]) Ректору Дух. Академіи.

Начать съ того, преосвящ. Іоанникію [1]), какъ видно, сильно хотѣлось быть на этомъ торжествѣ, и, какъ оно предполагалось первоначально 15—27 сентября и затѣмъ отсрочено было на неопредѣленное, но непродолжительное время, то Іоанникій и подгонялъ свой пріѣздъ въ Холмъ такъ, чтобы попасть, что называется, на самое расторжье. Пріѣхалъ онъ 24-го сентября и оставшись до 26-го, увѣрялъ меня нѣсколько разъ, что, какъ сообщили ему въ Варшавѣ и въ дорогѣ, открытіе гимназіи назначено именно на 26-е. 25-го онъ обѣдалъ у насъ со всею духовною и свѣтскою свитою, 26-го служилъ, послѣ чего обѣдали у Крашановскаго [2]). Въ тотъ и другой разъ онъ убѣждалъ меня, что церковная церемонія при открытіи гимназіи должна быть совершена по обряду православной церкви прав. протоіереемъ; но я отдѣлался отъ него тѣмъ, что къ открытію имѣлъ прибыть Витте, которому онъ поручилъ передать его взглядъ. Говоря проповѣдь 26-го, онъ нежданно прослезился, заговоривъ о томъ, какъ ему хотѣлось бы, чтобы между здѣшними разновѣрцами установился миръ и согласіе. Прослезилось при этомъ нѣсколько дамъ, жандармскій полковникъ и военно-уѣздный начальникъ. 14—16 октября къ обѣду дождался я, наконецъ, Витте, которому съ великимъ трудомъ приготовилъ у себя квартиру. Его встрѣчали вездѣ по пути отъ Варшавы до Холма гражданскія и военныя власти, и здѣсь не успѣлъ онъ войти въ комнату, какъ посыпались съ рапортами и представленіями. Не знаю, худо-ли, хорошо-ли, но я не дѣлалъ ему никакой встрѣчи, хотя рапортъ подалъ и служащихъ представилъ на утро. Предварительно обдуманный мною, извѣстный вамъ планъ церемоніи онъ одобрилъ вполнѣ. Оставалось уломать Калинскаго [3]), котораго я не хотѣлъ и трогать до пріѣзда Витте, не надѣясь, чтобы онъ согласился принять участіе въ схизматицкомъ праздникѣ. Въ 5 часовъ вечера мы отправились къ нему. Витте началъ съ того, что Государь лично по-

---

[1]) Варшавскій архіепископъ.

[2]) Протоіерей православной церкви въ Холмѣ, б. товарищъ преосвященнаго по академіи.

[3]) Уніатскій епископъ-номинатъ.

ручилъ ему пріѣхать въ Холмъ и отпраздновать открытіе гимназіи, какъ можно торжественнѣе. Застигнутый въ расплохъ, Калинскій до того оробѣлъ, что на все согласился и даже заговорилъ по русски, какъ могъ.

Торжество, какъ видите, вышло довольно пышное; но были нѣкоторыя неудачи, о которыхъ, конечно, нельзя было упомянуть въ описаніи. Прежде всего разгнѣвался Костанда на законоучителей уніатскихъ, которые не явились на церемонію, уѣхавъ въ свои приходы, и ближайшаго изъ нихъ Шелеметка за 15-ть верстъ велѣлъ доставить (и доставленъ) съ жандармами. Хотя все это подѣломъ, но слѣдовало бы осторожнѣе дѣйствовать. Я старался уговорить и Костанду, и Витте; но видно, что они не изучили еще уніатовъ. Потомъ Витте сказалъ рѣчь, которая была у него написана загодя, но, произнося, онъ сбивался и повторялся. Моя рѣчь очень рѣзка, и потому я съ вечера читалъ ее Витте, въ присутствіи Теодоровича и еще нѣсколькихъ лицъ, прося ихъ сказать, что смягчить, а что совсѣмъ выбросить; но всѣ въ одинъ голосъ твердили, что и то уже очень мягко. Обѣдъ шелъ чинно, и первые тосты прошли смирно; но затѣмъ, по выходѣ Витте, оставшаяся компанія зашумѣла неистово, возглашая тосты за тостами. Костанду подхватили на ура; но едва спустили его, какъ онъ скомандовалъ меня подхватить и пошли какъ на штурмъ; потомъ, не знаю почему, схватили Теодоровича, а за нимъ нашлись какіе-то охотники на комиссара Баранова [1]), который довольно толстъ. Офицерство орало во всю глотку и стучало саблями. Я поспѣшилъ пригласить Костанду на верхъ, и все человѣчество затихло и стало расходиться. Жаль, что ни Стефановичъ, ни Кокошкинъ не сказали приготовленныхъ спичей, а спичъ Кокошкина произвелъ бы впечатлѣніе. Онъ мастеръ и писать, и произносить. Я нѣсколько разъ просилъ, но когда потерялся порядокъ, онъ

---

[1]) Д. Г. Барановъ—комисаръ по крестьянскимъ дѣламъ Холмскаго участка, то же что мировой посредникъ; впослѣдствіи былъ управляющимъ, греко-уніатскими дѣлами при министрѣ гр. Толстомъ, а по присоединеніи уніатовъ къ православной церкви въ 1876 г., назначенъ былъ Начальникомъ Калишской Учеб. Дирекціи; умеръ въ отставкѣ 12 января 1897 г., въ Кіевѣ

упорно отказался.—Прибавить слова два о мѣстѣ, гдѣ мы обѣдали. Это была столовая базиліанъ, а теперь классъ для пѣвчихъ. Огромная, но сильно запущенная зала. Вытащили лавки и все, что было, мыли и чистили дня два, поставили часть своей мебели, повѣсили икону и два портрета Государя и Государыни, присланные для женской гимназіи. Вышло ничего. Столъ и портреты были убраны цвѣтами.

На другой день, до 4-хъ часовъ, мы ходили съ Витте то по классамъ, то по работамъ. Чрезвычайно важныхъ результатовъ достигъя чрезъ эту ревизію: во 1-хъ, работы въ зданіи пореформатскомъ Витте разрѣшилъ пріостановить до весны, во 2-хъ, къ этому зданію разрѣшилъ сдѣлать пристройку, безъ чего трудно было бы намъ извернуться, въ 3-хъ, согласился на устройство бани изъ реформатскаго бровара, въ 4-хъ, разрѣшилъ и въ піарскомъ зданіи нѣкоторыя сверхъсмѣтныя работы, и обѣщалъ настоять на отдачѣ флигеля, въ 5-хъ, призналъ мою квартиру не только не обширною, но даже малою, хотя я отказался отъ расширенія. Канцеляріею остался очень доволенъ. Послѣ обѣда и чаю Витте уѣхалъ въ Варшаву, оставивъ самое пріятное впечатлѣніе.

Изъ разговоровъ Витте можно было заключить, что поѣздкою въ Петербургъ онъ много поправилъ и укрѣпилъ свое положеніе. Государь видимо благоволитъ къ нему. Намъ готовятся такія привилегіи: прежняя служба засчитывается въ здѣшнюю, срокъ службы 25-тилѣтній, жалованье все обращается въ пансіонъ; въ случаѣ болѣзни полный пансіонъ за 15-ть лѣтъ службы, за 10-ть половина, за 5-ть одна треть; представленіе къ наградамъ чрезъ два года и даже чуть ли не чрезъ годъ. Дай Богъ только пожить здѣсь въ добромъ здоровьѣ! Мнѣ и снится, и видится, что я могу своими очами увидѣть здѣсь православіе, если поживу подолѣе. Не говорю о частныхъ случаяхъ, въ родѣ того, напр., что учитель Нѣмецкаго языка Хоминъ послѣ отбытой церемоніи, когда воротились домой, бросился мнѣ на шею и взволнованнымъ голосомъ произнесъ: послѣ того, что я слышалъ сейчасъ, чувствую, что мнѣ стыдно оставаться уніатомъ, или—что одинъ ученикъ педагогической школы на другой день подалъ мнѣ прошеніе о присоединеніи

его къ православію. Но вотъ случай, достойный замѣчанія: на прошлой недѣли двѣ огромныя деревни, Обша и Замхъ, на австрійской границѣ, приняли православіе и присоединены священникомъ ихъ д. Бабицъ безъ всякого шуму и формальностей. Въ сосѣднихъ деревняхъ: Ружанцѣ, Хмѣльку и другихъ идетъ сильное движеніе. Кажется, что и они не устоятъ. Тутъ бы только огня подкладывать, а горѣло бы куда какъ хорошо! Просто покатило бы по всей Холмщинѣ. И дай-то Богъ! Жаль народа этого, искалѣченнаго варварами-пропагандистами. Славный народъ!

Позавчера отправилъ въ Кіевскую консисторію отношеніе съ просьбою увѣдомить окончившихъ курсъ семинаріи Брояковскаго и Каченовскаго, а также уволеннаго изъ средняго отдѣленія Филона Михалевскаго о томъ, что они назначены мною учителями сельскихъ школъ, и выдать имъ билеты на проѣздъ, предварительно уволивъ ихъ изъ епарх. вѣдомства. Прошу наблюсти за этимъ дѣломъ. Въ іюлѣ я просилъ консисторію увѣдомить меня, нѣтъ ли съ ея стороны препятствій къ перемѣщенію въ Польшу учителя Халчанской школы Левковича, но она и отвѣта не дала.

Хочу устроить какъ нибудь, чтобы назначаемые сюда въ элем. учители не были увольняемы изъ дух. званія. Буду просить Витте, чтобы снесся съ оберъ-прокуроромъ св. Синода о зачисленіи такихъ въ Варшавскую епархію. Попросите, чтобы не увольняли до того изъ дух. званія назначенныхъ мною.

Позавчера пріѣхалъ Грушевскій 4-й учитель. Бѣда безъ учителей! Аристовъ [1]) уже прислалъ только запросъ, какъ уплатить ему 400 р., которые съ него требуютъ. Чепурковскій что-то не ѣдетъ, а я давненько послалъ ему приглашеніе. Командировки въ Галицію доселѣ нѣтъ; но жду съ каждою почтою. Соломоновскій, говорятъ, въ отчаяніи и не знаетъ, что дѣлать. Пусть беретъ билетъ мѣсяца на два и ѣдетъ сюда. Вотъ и все. Тутъ и уволь-

---

[1]) Г. А. Аристовъ, кончилъ курсъ Кіев. Дух. Академіи и назначенъ былъ учителемъ исторіи въ Холмскую гимназію; очень дѣльный былъ учитель, любимый учениками; прослуживъ 6 лѣтъ въ Холмѣ, умеръ тамъ же отъ чахотки.

неніе и уплату денегъ устроить можно, и на мѣстѣ будетъ. Я написалъ бы самъ ему, да не знаю, гдѣ онъ находится.

24 октября (5 ноября) 1865 г. Г. Холмъ.

Письмо 20.

2-го декабря я воротился, наконецъ, изъ Львова. Обычная суета по пріѣздѣ и множество срочныхъ дѣлъ доселѣ мѣшали писать. Приходится разомъ чуть-ли не на три письма отвѣчать.

Побывалъ же я въ центрѣ уніи, въ средѣ хохломаніи. Много особеннаго, интереснаго, да всего не пересказать. Чтобы не сбиваться, буду писать по порядку. Такъ какъ я везъ съ собой кой-какія книги, то меня сильно пугала таможня или комора, какъ ее тутъ называютъ. Пугало и то, какъ я съ нѣмцами буду объясняться, не зная по-нѣмецки. Вышло противъ ожиданія: начальникъ русской таможни, нѣкто Шевелевъ вызвался написать записку къ начальнику австрійской таможни, чтобы мнѣ оказано было всевозможное снисхожденіе. Тотъ хорошо говоритъ по польски и, прочитавъ записку, пропустилъ безъ малѣйшаго осмотра. Мрачное нѣкоторое впечатлѣніе произвела на меня съ перваго разу Галиція, можетъ быть потому, что я ѣхалъ въ дурную погоду, а можетъ быть и отъ того, что грустно было смотрѣть на родной намъ уголокъ, искалѣченный подъ двойною властію поляковъ и нѣмцевъ. По дорогѣ, съ превеликимъ любопытствомъ, я останавливался при встрѣчѣ съ поселянами и вступалъ съ ними въ разговоръ. Все то же, что и у насъ: хаты, клуни, хлѣва, одежа, языкъ, походка, взглядъ, окладъ лица, пріемы въ разговорѣ и ненависть къ ляхамъ. Только столбы вездѣ Австрійскіе и надписи нѣмецко-польскія. Это особенно злило меня. Церкви такія же, какъ и въ Холмщинѣ и какія у насъ были еще не очень давно, напр. въ Сигидинцахъ, въ Журавкѣ. Видно, что архитектура была когда-то вездѣ общая на всемъ протяженіи Малорусской земли. Въ мѣстечкѣ Равѣ заходилъ къ священнику Пославскому и первый разъ услыхалъ натуральный говоръ малорусскій, не по прихоти

употребляемый,—отъ самого іерея, его жены и дочери панны. Верстъ за 50 отъ Львова начинаютъ показываться въ сторонѣ отъ шоссе отрасли Карпатъ, весьма похожія на Кіевскія горы, а потомъ верстъ за 15-ть отъ Львова приходится переваливаться чрезъ эти горы, за которыми скрывается Львовъ.

Львовъ лежитъ между высокими горами, въ котловинѣ, и потому окрестности его гораздо красивѣе самого Львова, или, точнѣе, въ нихъ то и вся краса. По пространству Львовъ будетъ равняться Житоміру, но гораздо тѣснѣе построенъ. Древнія Успенская и Никольская церкви въ срединѣ города, а св. Юръ, каѳедра митрополичья, на краю, на высокой горѣ, откуда видѣнъ весь Львовъ.

Пріѣхавъ въ Львовъ предъ вечеромъ, я не могъ никуда болѣе отправиться, кромѣ русскаго театра. Шла піеса нравоучительная: *Подгоряне*, сюжетъ которой взятъ изъ быта Карпатскихъ русиновъ. Піесу писалъ священникъ, музыку положилъ священникъ же, въ театрѣ всюду виднѣлись священники. Я пришелъ до начала представленія; играла великолѣпная полковая музыка изъ чеховъ. Вдругъ растворяются двери, входитъ какой-то ксендзъ въ скуфейкѣ, какую Данило Максимовичъ С. надѣваетъ на свои именины; весь народъ поднялся и отдалъ ему почтеніе; за нимъ другой ксендзъ, старый-престарый, едва плелся, сгорбившись и опираясь на палку. Спрашиваю сосѣдей,—кто такіе,—отвѣчаютъ: митрополитъ Литвиновичъ и епископъ перемышльскій Полянскій. Поднялся занавѣсъ, и на сценѣ показалась богато убранная и весьма красивая *дивиця*. Что сказали бы у насъ? А тутъ ничего; все въ порядкѣ обычномъ и никого не удивляетъ присутствіе владыкъ въ театрѣ. Играютъ на сценѣ по малорусски, говоритъ публика вся по малорусски, кавалеры съ дамами перешептываются и комплименты подпускаютъ также по малорусски, и никто не можетъ упрекнуть ихъ въ сепаратизмѣ, въ прихоти, въ чудачествѣ и т. п. Тутъ дѣйствительно чувствуешь, что говоръ малорусскій не есть прихоть или чудачество, но единственная натуральная рѣчь, ибо говорить по нѣмецки или по польски было бы дѣйствительно странно. Сидя въ театрѣ одинъ, не имѣя никого знакомыхъ,

я долго вдумывался въ это исключительное положеніе здѣсь малорусскаго языка, сохранившаго полное право гражданства въ одномъ только самомъ небольшомъ уголкѣ обширной Малорусской земли, и дивно мнѣ стало, что во всѣхъ другихъ углахъ той же и даже болѣе коренной Малорусской земли тотъ же языкъ считается и простымъ, и грубымъ, и смѣшнымъ, и даже преступнымъ... До того перевернулись понятія у людей. Тѣмъ страннѣе, что эти понятія годъ отъ году входятъ въ кругъ образованныхъ людей. О себѣ самомъ замѣчу, что, говоря по малорусски съ Кулишемъ и Бѣлозерскимъ, я чувствовалъ себя неловко, не натурально, а въ Львовѣ ничего подобнаго не чувствовалъ отъ начала до конца, а теперь—опять для меня странно заговорить съ кѣмъ нибудь по малорусски. Дивныя дѣла!

На другой день былъ у митрополита Литвиновича. Помѣщеніе у него небольшое, но хорошо отдѣланное; экипажъ его, говорятъ, первый въ Галиціи, прислуга говоритъ по малорусски. Человѣкъ онъ очень умный, бойкій и ловкій. На меня поглядѣлъ съ большимъ недовѣріемъ, хотя принялъ весьма деликатно и почтительно. Когда въ другой разъ я былъ у него, онъ отнесся уже совсѣмъ иначе,—съ такою искренностью, съ такимъ чувствомъ, что я и доселѣ не могу забыть его прощанья со мною, когда онъ, взявъ меня обѣими руками за голову и благословляя, приговаривалъ: „Нехай васъ Господь благословыть, куды вы повернетесь, на всяке добрее дило! Нехай вамъ Господь нагорадыть, що й насъ бидныхъ не забуваете (предъ прощаньемъ рѣчь шла о покупкѣ у нихъ книгъ, что дало значительную поддержку ихъ ставропигіи, и о выпискѣ *Недѣли*, которая безъ этого должна была бы прекратиться), тай для моихъ едыноплеменникивъ трудытесь и вырываете ихъ изъ зубивъ оттихъ проклятыхъ ляхивъ“. Сеймъ произвелъ въ немъ рѣшительную перемѣну: доселѣ его упрекали въ наклонности къ полонизму и католицизму, теперь онъ показалъ себя совсѣмъ инымъ; русины въ восторгъ приходятъ, и я вѣрю, что восторгаются не напрасно. Въ виду опасности, Литвиновичъ сталъ во главѣ русиновъ и вступилъ въ отчаянную борьбу съ поляками, которыхъ и предо мною ругалъ на чемъ свѣтъ стоитъ.

Былъ я потомъ у протоіерея Петрусѣвича, ученѣйшаго мужа, который много лѣтъ трудится надъ составленіемъ сравнительнаго словаря всѣхъ славянскихъ нарѣчій, у Головацкаго—предобрый старичекъ, — и Дѣдицкаго, редактора Слова, — весьма живой и энергическій человѣкъ. Петрусѣвичъ живетъ въ 2-хъ маленькихъ комнаткахъ, буквально заложенныхъ книгами; Головацкій — очень просто и даже бѣдно, а Дѣдицкій—просто бурлакою, въ одной комнатѣ, вмѣстѣ съ редакціею. Бѣдность и простота—отличительная черта галиційскихъ русиновъ. Инспекторъ всѣхъ уч. заведеній Галиціи Яновскій живетъ чуть не на чердакѣ, въ 3-хъ комнатахъ, и ходъ чрезъ кухню. Такъ ли живетъ Кіевскій или другой попечитель, либо нашъ главный директоръ, а вѣдь это равныя мѣста.

Былъ нѣсколько разъ въ *кассино*, т. е. въ русинскомъ клубѣ, въ такъ называемомъ русскомъ народномъ домѣ. Съ такою надписью въ лучшей части города красуется 4-хъ этажный обширный домъ, построенный на ежегодный съ 1848 г. взносъ отъ всѣхъ безъ исключенія русиновъ по одному только крейцеру! Тутъ русская гимназія, педагогическіе курсы, театръ, клубъ и библіотека. Съ утра до вечера тутъ толкутся всевозможные русины, читаютъ журналы и газеты, играютъ въ билліардъ и карты, говорятъ о всевозможныхъ дѣлахъ и рѣшаютъ всякіе вопросы.

Былъ разъ 5-ть на сеймѣ. Огромная зала въ два свѣта, съ галлереями по тремъ сторонамъ. Скамьи для пословъ великолѣпныя—ясеневаго дерева, съ мягкими, трипомъ обитыми подушками, на которыхъ возсѣдаетъ человѣкъ 20-ть простыхъ мужиковъ въ свиткахъ и кожухахъ. Рядомъ съ Ковбасюкомъ сидитъ графъ Адамъ Потоцкій. Для маршалка богатѣйшая эстрада, онъ сидитъ на великолѣпномъ золоченомъ креслѣ и торжественнымъ стукомъ булавы призываетъ къ порядку. Это Сапѣга, бѣжавшій изъ Россіи въ 1831 г., человѣкъ умный и представительный, но съ великимъ гоноромъ. Одѣтъ въ кунтушъ.

Ляхва ведетъ себя на сеймѣ, какъ будто въ корчмѣ, слишкомъ развязно. Положеніе селянъ довольно неловкое, хотя они также держатъ себя весьма свободно. Выспреннія рѣчи имъ

недовѣдомы, пустыя словопренія наводятъ скуку, и я былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ хохолъ среди какой-то цвѣтистой рѣчи одного ляха зазѣвалъ во всю свою пасть. Спросили одного въ честной компаніи: что такое параграфъ? „Э, то погана штука; о-такъ два крючечки, зъ одного кинця крючечокъ, и зъ другого кинця крючечокъ, то хочь на тому, хочь на другому, а все таки зачепышься“. Что будутъ дѣлать эти послы въ Вѣнѣ, въ рейхсратѣ, гдѣ всѣ пренія идутъ на нѣмецкомъ языкѣ?—Въ 48-мъ или другомъ какомъ-то году, одинъ мужикъ-русинъ попалъ въ рейхсратъ и зѣвалъ, разумѣется, сколько душѣ его угодно было, хотя не спалъ, что крайне удивляло нѣмцевъ. Вдругъ какой-то министръ, объясняя волю императора, заговорилъ фигурою единоначалія: *er lies, er lies...* Мужикъ поднялъ голову и обратясь къ сидѣвшему подлѣ него священнику, спросилъ: чы то може винъ за нашъ лисъ говорыть?—Но вотъ нѣмцы въ отношеніи къ русинамъ: бывшаго губернатора Львова Стадіона крестьяне одной деревни выбрали посломъ на сеймъ въ 48 г. Нужно было благодарить ихъ письмомъ. Стадіону сказали, что нужно и написать, и подписаться по русински, а онъ ни бельмеса не понимаетъ. Нашли какого-то мастера, который написалъ, самого Стадіона выучили подписаться; но уже собираясь подписываться, онъ потребовалъ, чтобы ему прочитали письмо. Прочли, онъ не понимаетъ ничего; ему протолковали по-нѣмецки. Да точно ли такъ написано, спросилъ онъ, и, долго не рѣшаясь подписаться, замѣтилъ: теперь я не удивляюсь, отчего мужикъ не хочетъ подписывать никакой бумаги, хотя совершенно соглашается на словахъ.—Разскажите это Казнакову, пожалуй и Безаку. Это особенно идетъ къ Кіевской губерніи, гдѣ такъ много перемучили народа именно изъ-за подписей при составленіи выкупныхъ актовъ.

На митрополичьемъ служеніи не былъ, потому что митрополитъ только въ великіе праздники служитъ торжественно обѣдню, въ обыкновенные же воскресные и праздничные дни имѣетъ *шептану* или шипучку, которую служитъ, какъ простой священникъ. Въ богослуженіи галиційскомъ это, кажется, единственный остатокъ латинства, во всемъ прочемъ—они согласны съ нами. Покойный митрополитъ Яхимовичь составилъ было

проектъ очищенія обряда и созвалъ было соборъ для обсужденія и утвержденія; но вдругъ, предъ самымъ соборомъ, скоропостижно умеръ, какъ говоритъ его секретарь, отъ яду, будто бы даннаго ему подкупленнымъ отъ поляковъ слугою. Проектъ этотъ хранится у того же секретаря. Яхимовичъ доходилъ до того, что хотѣлъ надѣть на священниковъ наши рясы и отростить бороды. Тайкомъ и теперь нѣкоторые священники носятъ рясы, по крайней мѣрѣ говорили мнѣ, что у нихъ есть рясы. Всѣ открыто говорятъ, что шизмы они не боятся, равно и москіевщины, а надъ уніею и папою просто подсмѣиваются. Ненависть къ полякамъ невѣроятная. Въ театральныхъ піесахъ то и дѣло поддѣваютъ поляковъ и то, какъ они знищили Русь. Такія мѣста возбуждаютъ неистовый фуроръ. Въ одной піесѣ выступаетъ священникъ-благодѣтель сиротъ, который въ заключеніе поетъ обрученной четѣ наставленіе, кончающееся словами: *своеи матери Руси та й не забувайте*. Вы не можете представить, до чего доходитъ изступленіе публики при этихъ послѣднихъ словахъ. Многіе рѣшительно плакали. Не напрасно Львовскій русскій театръ называется на всѣхъ афишахъ *народнымъ*.

Книгу *Народовѣданіе*, данную вами, я оставилъ для перепечатыванія, если Черкасскій не откажется отъ своего обѣщанія—выписать для Холмскихъ церквей экземпляровъ 400. Петрусѣвичъ говорилъ, что въ Галиціи эта книга весьма почитается.

Учителей для гимназіи и школъ народныхъ нашлось довольно. Наука стоитъ тамъ высоко; духовенство русское несравненно образованнѣе католическаго, что сознаютъ и сами поляки. Внѣшнее благочестіе и дисциплина въ упадкѣ. Въ клубѣ подъ день *Введенія* священники преспокойно поигрывали въ карты.

Въ другой разъ поговорю еще о Галиціи, а теперь о нѣкоторыхъ другихъ предметахъ. Дахновичъ выслалъ вамъ деньги, и вы, конечно, уже получили ихъ. Деньги за Соломоновскаго вышлю чрезъ Дахновича, который ѣдетъ на этой недѣлѣ въ Кіевъ.Варгулѣвичъ согласился на 150 р., но я позабочусь уве-

личить какимъ-нибудь способомъ его окладъ. Онъ очень хорошій учитель. Каченовскій не такъ-то и надоѣлъ мнѣ, приставая за 300 р., хотя я далъ ему единственное въ дирекціи мѣсто въ двухклассномъ училищѣ на 200 р. Похилѣвичъ пусть подождетъ, если хочетъ болѣе, чѣмъ 150 р. Дѣло въ томъ, что Витте, лично и въ письмѣ обѣщавшій дать и 300 р. окончившимъ курсъ д. семинаріи, отказался потомъ, какъ только ему отказали въ Совѣтѣ Управленія; но я не теряю надежды исхлопотать высшій окладъ окончившимъ курсъ семинаріи.

Сейчасъ получилъ отъ Витте письмо; онъ приглашаетъ пріѣхать въ Варшаву и, хотя прибавляетъ: „я не требую, такъ какъ это сопряжено съ издержками", но ѣхать все-таки надо.

Милютинъ позавчера пріѣхалъ въ Варшаву, и Витте хочется, чтобы я лично представился ему и объяснилъ положеніе дѣлъ въ Холмщинѣ и Галиціи. Ѣду завтра, но возвращусь не позже, какъ чрезъ недѣлю.

13—25 декабря 1865 г. Г. Холмъ.

Братства православнаго нѣтъ и не было въ Львовѣ съ 1717 г., какъ увѣряли меня Петрусѣвичъ и Шараневичъ—великіе историки и мѣстные жители. Всѣ мои распросы по этому предмету оказались тщетными. Есть православная церковь, священникъ и самое малое число прихожанъ. Церковь помѣщается въ домѣ. Хотѣли строиться и просили мѣста, но мѣста не дали, и дѣло не состоялось.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Морозенко.

I.

— Спы, Пылыпку, спы!.. Онъ чуешъ, яке на двори схопылося? Гуркоче, гуде, та вые... Розгулявся Морозенко! Нема впыну старому дидузи: ажъ пыщыть усе, а винъ, немылосердный, давыть... Знаешъ Оленченого Андрійка? Укусывъ бидного за пальчыкъ, ажъ ногтыкъ побиливъ, пучка опухла. Теперъ маты ёго и вовтузытця зъ нымъ: не знае, сердешна, яку ему пораду даты... Почне одтераты—Андрійко плаче: пальчыкъ болыть; давай хукаты, одигриваты—а хлопья ще дужче займаетця... А все черезъ те, що не слухавъ матери. Маты казала ему: не ходы, сынку, на двиръ: Морозенко лютуе! А винъ не послухавъ—пишовъ... Отъ и вкусывъ его Морозенко за пальчыкъ.—А теперъ обомъ лыхо: Андрійкови лыхо—пальчыкъ болыть, а матери друге—Андрійко нездужа!

Такъ зъ вечора на Меланкы казала Катря Зайчыха своему семылитнёму сынови Пылыпкови, забывшысь зъ нымъ видъ страшенного холоду ажъ за коминъ, у самый теплый куточокъ печи.

Було ще не пизно—тилько почынало смеркаты, а Катря вже зовсимъ на пичъ забралася. Не знаты видъ кого й за для чого синешни двери закрутыла; хатни защипнула... Зняла невелычкый каганчыкъ съ полыци, засвитыла—и мерщи побралася зъ сыномъ на пичъ, захопывшы й свитло зъ собою.

Черепьяный каганчыкъ, що вылупыла его Катря зъ розбытого кашныка, зъ каплею рыжіевои оліи на дни, ледве блымавъ у темному кутку своею сызою горошыною на кинци кгнота;

пузатый коминъ заслонявъ той пидслипый свитъ видъ хатнёго мороку; на печи хочъ сякый-такый свитъ борюкався съ темнотою, за те хату окрывалы непрогляднu померкы... Выдно, свитъ неохочый заглядаты въ темни прыстановыща, де ховаютця злыдни видъ холоду! Та й що тамъ було освичуваты? Хатни голи стины—полупани; морозъ повыступавъ на ихъ сызымъ иніемъ; чорни двери розмалювавъ винъ билымы вызырунками, а на шыбкахъ повымуровувавъ цили бараны крыгы; тала та крыга по-малу и спускалася по стинахъ ажъ до доливкы чорнымы патёкамы... У кутку пидъ божныцею замисть столу стояла узесенька прымостка на чотырёхъ паколахъ, убытыхъ въ землю... Не лежало на тій прымостци,—якъ у добрыхъ людей бувае,—ни хлиба шматочка, ни солы дрибочка; на двохъ голыхъ дошкахъ тіи прымосткы чорнилы тилько диркы, де булы колысь сучкы, що повыгнывалы, та повыпадалы. А вгори зъ кутка выглядавъ невелычкый образъ—не знать святого, чи святои, бо на ёму малюнокъ потемнивъ, позлущувався, одни тилько чорни очи сумно визыралы зъ пожовклого облыччя, не мовъ скаржылыся на холодъ, та голодъ, що доводылося терпиты хозяинамъ хаты... А насупроты столу, мижъ череватою пичкою и другою стиною, прытулывся пилъ зъ чотырёхъ тоненькыхъ дранычокъ, такыхъ хысткыхъ, що воны хыталыся та вгыналыся и тоди, якъ хто до ихъ пидходывъ, немовъ перестерегалы не накладуваты на ихъ ничого, щобъ бува не проломылыся. Та на ихъ и не лежало ничого—пустисиньки, та голисиньки, якъ и та гола та дебела жертка, що высила у кутку надъ поломъ. И на вищо іи тамъ прывишено?.. У день, правда, на ій бовталося лыхе ряденце, а на ничъ вона зоставалася голою дровынякою, прычепленою наче на те, що колы кому заманетьця—було-бъ де повисытысь... И—дыво дывне!—якъ це Катри николы не западала така лыха думка, колы кругомъ неи було таке убожество непрогляднe, нужда та недостача безмирни, холодни та голодни злыдни!

Одначе, тобъ було ще дывнійше, якъ бы въ Катрыній голови заклюнулась така чорна думка въ ночи на Меланкы, якъ разъ передъ Васылlямъ!.. Всякому звисно, що въ ту ничъ ста-

рый рикъ кинчаетця, а новый зачынаетця... На вики вични старый зныкне, занесе зъ собою и добре и лыхе, поховае пережыте й перемучене и стражданнямъ закручене; а колы що й зоставыть у людскій схованци-спомынци, то все жъ то буде не кыпуче жыття-страждання, а тильки спогадка про ёго, не жыве въидлыве лыхо, а тильки ёго холодна облуда... На томисть новый рикъ прыйде, нови надіи прынесе зъ собою, а за ными, може, хочъ невелыку крыхотку щастя... Та багатому багато ёго треба, а бидному—и то гараздъ, колы буде що на завтра кусаты, буде чымъ забезпечытысь видъ холоду!

У Катри вси ти запасы якъ-разъ на Меланкы выйшлы. Ще зъ осены вона зъ нымы тяглася та держалася: скупылась и хлибомъ, и топлывомъ, думала перехопытысь черезъ зиму... Та ба! Объ Риздви вона побачыла, що не тильки черезъ зиму, а хочъ бы черезъ святкы перехопытысь... „Тильки бъ черезъ святкы! дума. А тамъ—робоча пора настане... У багатыхъ людей назбираетця не мало чорнои одежи, поношеного билля,—треба его попраты... Пиду до кого, або хто поклыче... може хочъ на хлибъ перепаде! А може въ кого трисочокъ або кизячкивъ выпрошу: буде чымъ у хати прокурыты... Такъ и перетягну черезъ зиму,—абы черезъ свята!"

И отъ сёгодни у день Катря послидню мысочку борошеньця вытрусыла, щобъ зпекты сяку-таку перепиканку; послидне полинце спалыла, щобъ спекты іи; послидній бурячокъ у борщъ покрышыла, послидню пучку солы въ ёго вкынула... „Очыстылася! Зовсимъ очыстылась... На завтра хочъ и въ рай святый, то чыста!„ думала Катря, пораючысь биля печи.

Покы середъ черинь лежало трюхле полинце, дожыдаючы пидпалу, Катря була нибы покійна. Правда, чорни думкы и тоди вже снувалы по іи облыччю, нерадисно свитылы карымы очыма... А якъ вона запалыла останне полинце, якъ огненни языкы обхопылы ёго кругомъ, то ій здалося, буцимъ то іи серце горыть-палае!.. А якъ почавъ борщъ укипаты, то въ іи серци таки кыпьяткы пиднялыся, що якъ вона ни крепылася, а не выдержала...

— Пылыпку! сыночку мій! Що мы будемо завтра йисты? скрыкнула вона—и гарячою течіею гиркыхъ слизъ полылыся ти кыпьяткы зъ очей до долу...

Пылыпко пидскочывъ до матери, прыпавъ до іи облыччя и тыхо промовывъ.

— Цыть, мамо, цыть! Завтра, мамочко, новый годъ... Я завтра пиду до хрещеного батька посыпаты... Дасть мени батько сороковку грошей, а дядына—велыку паляныцю, ще й ковбасу напрыдачу... Отъ и буде намъ що йисты! А на гроши топлыва купымо... багато-багато, щобъ на усю зиму стало!

Катря утыхомырылася. Та якъ же було й не утыхомырытыся, колы сынъ обицяе таки багати прыносы?

А Пылыпко, якъ тилько знову заклопоталася маты, уже и зъ хаты махнувъ.

— Куды ты, розхристаный та неодягненый? Морозъ на двори лютый! крыкнула вона ему навдогинци.

— Я на хвылыночку, мамо... Я заразъ и вернуся.

Справди Пылыпко не забарывся. Ускочывъ у хату—якъ пупъ сыній, зубамы цокоче.

— А що, не я тоби казала: не йды? И куды ты ходывъ?

— Я за пашнею, мамочко, бигавъ.

— За чымъ?

— За пашнею. Сусидній хлопець обицявся пашни на посыпання даты... Я до ёго бигавъ... Ось вона,—такъ зъ рукавычкою и отдавъ,—хвалытця сынъ, показуючы матери рукавычку.—Та тутъ, мамо, не тилько пашня и горохъ е, и квасоля... всёго насыпавъ Хведиръ!

— И куды ты, сыну, пидешъ по такому холоду?

— Якъ куды? Кажу жъ: до хрещеного батька...

— Господь зъ нымъ, дытыно моя! Хиба блызый свитъ до его тёпатыся? Якъ черезъ лисъ—то тры, а шляхомъ—пьять верстовъ буде... Ще змерзнешъ у дорози!

— Я змерзну?.. Та я литомъ було на одній нози до ёго дострыбаю!

— То литомъ, сыну, а це—зимою... Шляху немае, сниги глыбоки... загрузнешъ де-небудь, та й не вылизешъ... Не ходы, мій голубе! Хай, якъ потепліе, тоди пидешъ...

— А що жъ мы завтра будемо йисты? чымъ хату натопымо?—спытався сынъ, зазыраючы матери у вичи.

Вона ажъ стрипнулася, мовъ хто колючу голку встромывъ у іи серце... „Боже мій! у таки лита, та чымъ свою головоньку винъ клопоче?!"—подумала вона, ледве здержуючы слезы... И, прыгорнувшы сына до себе, почала его умовляты:

— Не клопочы, сыну, про завтрашне,—Господь мылосердный объ насъ поклопоче. Ты у мене—малый... одна въ мене утиха и надія. Не доведы Боже, лучытця що съ тобою недобре, на вищо тоди и мени на билому свитоньку жыты?... Не ходы, сынку!... Не ходы, моя дытыно ридна!

— Я бъ, мамо, й не пишовъ, та якъ же Хведорови рукавычку назадъ вертаты?... Ты—скаже—не ходывъ... ще сміятыся буде.

— Мы пашню высыплемо, а рукавычку оддамо... Не ходы, мій голубчыку! Ты жъ у мене слухняный,—послухайся мене: не ходы!... И почала голубыты Пылыпка.

— Ну, добре,—не пиду вже... тилько не вбывайтеся такъ, мамочко! упрохувавъ уже Пылыпко матиръ, цилуючы іи и въ лобъ, и въ щокы.

Катря наче заспокоилась, а про те неймовирна думка не кыдала іи головы, клопотала іи... Вона знала свого Пылыпка, якый винъ уразлывый до чужого горя... То жъ до чужого, а до свого? Хиба винъ не чувъ, якымъ вона несамовытымъ голосомъ заволала, останни запасы вытрушуючы на сёгодни? Хиба винъ не бачывъ по іи заплаканыхъ очихъ, яка ризуча мука на стократъ крае іи серце? Хиба вона не знае, якъ ти слёзы й та мука боляче упынаютця въ его жалисливе серце?... Та винъ на що хочъ пиде, абы ёго маты не плакала... Винъ и обдурыты обдуре—абы іи заспокоиты.

Вона не помылылася. Пылыпко, умовляючы матиръ, тилько заспокоювавъ іи. Въ ёго малій головоньци гвиздкомъ стремила думка: отъ хочъ бы що—а питы посыпаты! И торикъ винъ

ходывъ—ще менчымъ... Хрещеный батько давъ ёму сороковку грошей... Шагивъ зъ пьять винъ выпосыпавъ по селу... То жъ торикъ було, тоди винъ бувъ малымъ, а теперъ... Теперъ винъ дядыни скаже, що у ихъ ничого йисты... Дядына добра людына, — надае ему и хлиба, и ковбасъ... Отто винъ звеселыть матиръ, якъ нанесе до дому подарункивъ!... „Маты стращае, що я змерзну... И чого бъ я змерзъ?... Та я—якъ чкурну, ажъ закурыть! Мени абы съ хаты выбратысь, щобъ не запрымитыла маты, а тамъ..."

— Ты бъ, сынку, сёгодни виддавъ Хведорови рукавычку,—трохы зъ-годомъ почала Катря... Ну я сама спорожню, та й виднесу назадъ. Скажу: у насъ своя е... Дай сюды рукавычку!

— Такъ я, мамо, похвалывся Хведорови, що въ насъ рукавычки немае. Хай я завтра у обидъ самъ ему виддамъ, а то у брехунахъ зостануся.

— Ну, добре... Хай и по твоему буде!—одказала зитхнувшы Катря и почала у хати поратысь.

Пылыпко соби буцимъ загравея, а тымъ часомъ прыгадувавъ, куды бъ ёго заховаты рукавычку, щобъ маты не побачыла. Винъ теперъ каявся, що похвалывся матери про неи... Не похвалыся—маты бъ ничого не знала, не клопоталася; а теперъ не одстане... одно товктыме: не ходы, та не ходы.

Тилько що маты выйшла чогось на двиръ, винъ зразу схопывся, метнувъ очыма по хати, побачывъ непрымитне мисце мижъ пичью и паколомъ видъ полу,—и мерщи ткнувъ туды рукавычку.

— Сыды тамъ, та не пысны! скрыкнувъ на неи, и посварывсь невелычкымъ пальчыкомъ, мовъ на кого жывого.

Рукавычка выставыла до его напалька, наче, глузуючы, дражныла: отъ же визьму, та й похвалюся! Отъ тилько маты на поригъ,—а я заразъ ій на очи!

— Бачъ, яка осоружна: я іи прошу, а вона, мовъ нарошне, выставляетця!.. Пидожды жъ ты!

И винъ побрався ажъ пидъ пилъ, щобъ переховаты рукавычку.

Катря, вернувшысь зъ надвору, здывувалася—де це Пылыпко? куды ёму дитыся?... Чи не на печи? подумала и, несподиваючысь ничого, пидійшла до полу, вазыраючи на пичъ.

— Сыну! де ты? спытала.

— Гаррр... загаркавъ Пылыпко зъ пидъ полў, удряпнувшы матиръ за чобитъ... Катря зъ жаху одскочыла ажъ насередъ хаты.

— Ненечко! матиночко! Злякалыся? выскочывшы зъ пидъ полу, скрыкнувъ Пылыпко и повысъ у неи на рукахъ.

Винъ усмихався до неи и рожевымъ своимъ лыченькомъ, и яснымы оченятамы, и билымы, мовъ жерновкы, зубенятамы.

— Нехай тоби, сыну, добро снытця,—якъ ты злякавъ мене! промовыла вона, пиднимаючы его у гору, и прыгорнула до себе.

Пылыпко вчепывся за матерыну шыю ,рукамы, прыпавъ до неи головою,—и такъ утишно на всю хату залывався!.. Не маючы съ кымъ погратыся, винъ пустувавъ теперъ хочъ зъ матирью.

Маты соби радила. Хай дытына краще бавытця, нижъ буде сушыты себе важнымы думкамы! Поцилувавшы сына у лобъ и въ росхристану голу душу, ажъ трычи мицно поцилувавшы, вона донесла его до полу и, положывшы на тонки дранечкы, ще разъ поцилувала... Не знать де й дилася недавня туга, сумъ, та журба гирка!

— Моя дытыночко ридна! Мій сыночку коханый!... Краще такъ забавлятыся, нижъ пидешъ куды—не знать за чымъ! нагадала знову Катря.

— Та я жъ вамъ казавъ уже, мамо, що не пиду! Яки бо вы неймовирни!—обизвався винъ зъ докоромъ.

— Чую, чую, моя дытоно. Я знаю—ты слухняный... Ты послухаешся своеи матеры! палко шептала Катря, а про те думка про сынови замиры не кыдала іи головы.

Вона зійшла до неи и тоди, якъ Катря послалася и лягла съ сыномъ спаты. Черезъ те вона й на-добраничъ загомонила зъ сыномъ, щобъ одвернуты ёго видъ его замиру—иты посы-

паты; стала лякаты Морозенкомъ, що вкусывъ Оленченого Андрійка за пальчыкъ.

— Та я, мамо, не боюся Морозенка, одказавъ Пылыпко,— не страшный винъ мени! Андрійко малый, не знавъ що робыты,— то винъ ёго и вкусывъ за пальчыкъ; а я—не боюся ёго!... Якъ-бы винъ ставъ мене кусаты,—то я бъ ёго,—по зубахъ, по зубахъ!

— Ни, сыну, и ты бійся ёго,—хай ёму всячына! Може бъ и Андрійко оборонывся, якъ бы знавъ, колы винъ нападетця; а то винъ завжде пидходе крадькома... Укусе, та й подався дали!

— То якъ же видъ ёго, мамо, й устерегтыся, колы винъ такый? Мы ще тутъ поснемо, а винъ пидкрадетця, та й покусае.

— Тутъ не покусае, сыну, бо тутъ тепло... И зубы въ ёго ростануть, якъ винъ пидкрадетця до насъ.

— А де жъ винъ жыве? де ёго хата? спытався Пылыпко.

— На двори, сыну... Де вихало найстрашнише, та холодъ найлютишый—тамъ ёго й хата...

— Якъ же винъ не змерзне, мамо? Ты кажешь, що винъ старый, а отъ—не боитця холоду.

— Чого жъ ёму боятыся, колы винъ и е самъ холодъ.

Пылыпко задумався. Дывно ёму и чудно ёму... Винъ знае, що таке холодъ, винъ бачывъ не разъ и вихало... Непрывитне все те, дошкуляе... Оже щобъ то було старе або молоде—винъ не знае, щобъ мало облыччя—не бачывъ... А отъ маты дидуганомъ Морозенка взывае... Винъ знае и дида—старого, горбатого, зъ билою бородою и запалымы пидслипуватымы очыма... Оже то дидъ добрый—ничого не зашкодыть. А отъ Морозенко,— каже маты,—кусаетця...

— Мамо! А бачывъ хто Морозенка, якый винъ?

— Не знаю, моя дытыно... Я не бачыла, то й не знаю. А люде кажуть, що винъ старый-старый, та кремезный... Голова—зъ гору; замисть волосся, укрыта снигомъ; а борода сплетена зъ довгыхъ-предовгыхъ вискрякивъ, що намерзають у ясный день пидъ стрихами... А нищо такъ у ёго—якъ зубы! Наче голочкы, гостри, тонки—непрымитны; винъ якъ кусае ными, то

впускае у тило... Черезъ те воно такъ и болыть, та трудыть, якъ винъ угородыть въ ёго свои зубы!

— И очи е въ ёго, мамо?

— Е, сыну... Кажуть: очи въ ёго зъ крыгы—билы та блыскучи, отъ якъ тонки скалочкы зъ лёду бувають, тилько замисто чоловичкивъ у ихъ холодны огныки свитять... Страшни таки очи, крый Господы! Якъ наведе винъ ными на кого,— такъ наскризь холодомъ и проныже!

— А ногы винъ мае? и рукы?

— Е ногы и рукы... Ногы—въ земли, не выдно; а рукы— довжелезни хапала; винъ нымы завжде махае... Холодомъ дыхне, а рукамы махне,—такъ по всёму свиту снигомъ та холодомъ и стеле... А якъ розсердытця чого, то ще дужче рукамы замахае,—тоди уже циле вихало здіймае.

— Нехай ему всячына, якый винъ страшный, мамо! глыбоко зитхнувшы, мовывъ Пылыпко.

— Страшный, сыну... А найстрашнишый малымъ диткамъ. Винъ ихъ любыть кусаты, а часомъ и зовсимъ соби забирае.

— Я жъ, мамо, не малый; мени ёго ничого боятця.

— Бійся и ты сынку. Ты велыкый на те, щобъ тебе у гору пидняты, або матери на рукы взяты; а Морозенкови—ты саме впору. Такихъ, якъ ты, винъ найбильшъ долюбляе... Часомъ бувае, вы выскочыте на двиръ,—то винъ заразъ и почне зъ вамы заграваты: за пальчыкы кусае, або за носа лове, а то— на щоци улипе такого холодного поцилунку, що видъ ёго ажъ шкура побиліе, а потимъ—геть злущытця... То жъ—колы винъ васъ у сели, не далеко видъ доманвкы застукае, а якъ—не доведы Боже!—де въ голому поли, або у лиси заскоче,—то тамъ уже и душу вытягне.

Пылыпко замовкъ, прытаившы духа; мовчала и Катря. Завдавшы сынови такого страху, вона була певна, що винъ побоитця питы посыпаты. Ій тилько того и треба, щобъ винъ не зирвався у такый холодъ, въ таку далеку путь! Ій самій, прывышній до всякои лыхои годыны—и то часомъ ажъ плачъ бере, якъ выскоче на двиръ... А тожъ то ёму—малому! безъ одежы

теплои, безъ чобитъ добрыхъ... Хай трохы попомліе душею видъ страху, а якъ засне—переспыть... Страхъ мынетця, забудутця ти страховыща, що душу лякалы, сонъ своимъ спокоемъ все те заснуе; а все жъ зостанетця спомынка про ту страховыну и та спомынка одхасне сына видъ лыхого замиру.

Вона глянула на єго. Пылыпко не спавъ, лежавъ тыхо; широко роскрыти очи напрямылыся у кутокъ печи; винъ нымы и не змыльне—такъ дывытця прыкро... Куды винъ дывытця? що винъ тамъ вбачае?.. Винъ никуды не дывытця... Поглядъ єго ганяетця за таемною думкою, що стоить передъ нымъ нерозгаданою марою,—якъ той нерозгаданый страхъ, що опанувавъ єго душу и серце... Що воно? видкиля воно?... не пытайте!.. Чутно тилько, якъ оте страховыще пронызуе єго мале серце, якъ воно кыдаетця у кожній жылотци,—озываетця у кожному суставі... Оже назваты єго—не пидберешъ слова; пійматы й розглядиты—не натрапышъ часу... Такъ пробигае блыскавыця черезъ наше тило: не счуешся звидкы—свитне, проныже и—не знать куды зныкне...

— Сыночку! пизно вже... ты спавъ бы. Ну, я тебе перехрещу, щобъ нищо лыхе до тебе сонного не прыставало,—мовыла Катря, дывлючысь на замыслене лыченько Пылыпкове, и начала его хрестыты, а перехрестывши, здавыла злегенька за носыкъ—Пылыпко усмихнувся,повернувся бокомъ до матери. Тыха дримота почала єго колыхаты, злегка закрываючы очи... Незабаромъ писля того винъ заснувъ.

II.

Прыспавши сына, зосталася Катря одна зъ своимы думкамы самотнымы. Невесели воны булы у неи! Та й кому зійде на думку радисть, колы на завтра ничого йисты, ничымъ въ хати прокурыты у люти морозы?... Якъ не забывай соби бакы инчымы гадкамы, а думка про що-денни потребы скаредного жыття верне тебе до єго, почне крутыты та вертиты коло єго,—отъ якъ крутятця голубы надъ пожежою... Дарма имъ, що посма-

лятся крыла; байдуже, що незабаромъ огонь пожре ихъ тило, якъ до сёго пожеръ ихъ захыстъ—оселю: несподиване страховыще вабыть ихъ, тягне до себе... Кругомъ чорный морокъ, дымыще та курыще розипьялося, а пидъ нымы—такъ выдно та ясно! Докы сылы стае, шугають воны, сполохани зъ гниздъ своихъ, надъ шырокымъ полумьямъ, въ дыму та курыщи, въ горячимъ видъ палу повитри,—покы не посмалятця. Тоди видъ знемогы опукою падають у жарке огныще.

Чоловикъ—не птыця, Катря—не голубка... Хочъ кругомъ неи выхорылась пожежа злыденного жыття, душыла дымомъ та чадомъ іи знеможену душу; хочъ у тому чорному дыму и крутылысь та вертилысь іи самотни гирки думы,—та не падалы воны на огныще, не смалылысь и не горилы; а ще бильше роспросторювалысь и гулялы соби по воли—не на безкраимъ просторі, а въ холодній хатыни, бьючысь объ сыри стины, заглядаючы у голи куткы, прыслухаючысь до пекучихъ перебоивъ серця... То ій учувалася своя голодна печія, то сынивъ безпомошный выкрыкъ: „мамочко, йисткы хочу! мамочко, папки! мамочко, змерзъ—холодно!"

Ну, що, справди, дасть вона завтра сынови йисты? Чымъ прокуре черевату пичъ, щобъ обигриты ёго, малого?... Питы у кого позычаты? Хто жъ ій позыче?... Чи може, Хрыста рады руку простягты?—Хто жъ на те зверне увагу?—Гладка, скажуть, не хоче робыты, та въ старци пошылася!... Ну, та може хто й зглянетця, зарятуе на день або другый... А тамъ же? а дали? Колы-бъ вона сама була, то байдуже ій журытыся... Хиба мало высокого дерева въ лиси, глыбокыхъ ополонокъ на ричци? Тилько бъ, може, нагнулася довга гилька надъ тиломъ, або зашумила вода по-пидъ лёдомъ, сердячысь, що хтось незвычайный зрушывъ іи сонный покій!... А отъ биля боку лежыть іи втиха й надія, спочывае іи крыхотка серця, що вона съ такымъ болемъ одирвала видъ свого и пустыла на свитъ окремнымъ жыттямъ... Все на свити пережыветця й мынетця; все замовкне, якъ и мы сами замовкнемо; все зныкне, якъ тинь та, колы мы очи закрыемъ,—одно зостанетця—*воно*,—наша частка, що звязуе

мертвого зъ жывымъ, нагадуе жывому про померлого; та нытка, що тягнетця безъ перерыву черезъ сотни, тысячи викивъ... Не дай, Господы, вона перерветця!

Черезъ те Катря бильше болила за сына, нижъ за себе. Та й чого ій за себе болиты, колы все, що було доброго та жывого у души, такъ перетрюхло та перемлило, такою корою покрылося, що ничому уже проломыты іи!

Чого тилько вона не пережыла на своимъ вику, не звидала? Десяты литъ вона зосталася сыротою, безъ батька, безъ матери, у паньскому двори. Не на те прымостыла іи тамъ доля, щобъ на воли росты, якъ былына въ поли,—а щобъ пидставляты свою спыну пидъ нагальну працю, томыты свою сырытьску голову чужымы клопотамы, выслухуваты докоры та нарикання, скоштуваты стусана и духопелыка видъ кожного, въ кого засверблять рукы... Батька іи ще замолоду въ москали виддалы, щобъ знавъ, якъ треба корытыся крепацькій доли; а маты сохла та склила, покы зовсимъ не зосклила, покынувшы на билому свити одынадцятылитню сыроту... Зосталася вона однымъ одна зъ Зайцёвого роду. Булы, правда, дядькы та титкы зъ матернёго боку, та ти за дворомъ жылы, а туды заходылы тилько въ ряды—годы, щобъ часомъ поманыты іи сухаремъ зъ остюкамы... Була ще въ неи хрещена маты, що колы-не-колы мыла й чесала іи, та булы паньски индычата, що вона пасла малою, а бильше никого блызького не було. Индычата ій найблызчи булы. Вона зъ нымы росла, нымы втишалася. Оце набере у пазуху невелычкыхъ индычатъ, та й майне зъ нымы по степу... Стари индыки курлюкають женутця за нею... А вона наче витеръ степомъ гуляе; залываетця реготомъ, бо индычата, пидскакуючы у пазушыни, лоскочуть іи по-пидъ бокамы... А якъ побильшають индычата, почнуть добиратысь ростомъ до старыхъ индыкивъ, то вона начне на ихъ гукаты, свыстаты,—и знову—регоче, колы воны до неи, наче москали на муштри, уси разомъ забелькочуть... Дурныця! дытячи забавки та вытребенькы, за яки не разъ птышныця чесала рукы объ іи спыну... Силькись! Колы та дурныця забавляе насъ, тишыть,—то чомъ же

й не потишытысь нею?... Хиба не такъ само бавлятця люде, гоняючысь за достаткомъ, почотомъ, славою? Та-жъ сама дурныця, тилько инчои поры, инчихъ литъ!... Одно тилько: невелычка Катруся, бавлячысь зъ индычатамы, сама себе забавляла и видъ іи играшокъ не було никому ніякои втраты, хочъ птышныця, засылаючы духопелыка, и гукала що сылы: „ты жъ, сучко, напелехавши повну пазуху индычатъ, подавышъ ихъ!“— А мы, ганяючысь за достаткомъ, почотомъ, та славою, такъ часомъ бавымось съ людьмы, що видъ нашыхъ забавокъ бувае имъ дуже солоно!... Намъ байдуже про те, якъ було байдуже и Катри—чи краще индычатамъ по степу биля старыхъ индыкивъ бигаты, чи у іи пазушыны пыщаты... Вона знала одно: це іи забавляло, вона и бавылася... Маленька-дурненька! Та й теперъ, выдно, вона не порозумнишала, бо прыгадавши давне, трохи не скрыкнула: „и чому я до вику не зосталася невелычкою дивчынкою зъ невелычкымы индычатамы?!...“

Такъ думала Катря, та не такъ судыла мачуха-доля.

Мынуло ій пятнадцять литъ. Вона тилько-тилько що стала роспускатыся, якъ та рожева квитка въ ранци на зори, стыгнуты и налыватыся, якъ червонобоки яблука объ Спаса... Ясне сонце та запашне степове повитря допомагалы роботи дивоцькихъ литъ... Высока Катря та брава, на лыци якъ калына, чорне волосся, наче хмиль, кучерямы обвывае іи голову; кари очи такъ утишно выглядають зъ-пидъ довгыхъ вій; загара на облычи доводе, що не буряковый квасъ, а горяча кровъ дзюрыть у іи жылахъ.

Разъ іи углядивъ панъ—и... Катря видъ индычатъ піймала у горнышни. Вона не скаже, щобъ тамъ ій жылося погано: було ій удоволь и пыты, и йисты, и въ чому походыты; одно тилько: не було воли! Ій хотилося, якъ тому витрови, по степу ганяты, надыхатысь полёвого повитря, щобъ ажъ у грудихъ займалось, нажарытысь на сонци палючому—що якъ не займетця!... А вона мусила сыдиты у чотырёхъ стинахъ, та хиба колы-не-колы по садку походыты, въ холодку та въ тини, куды тилько кризъ густе гилля пробываетця ясне соняшне проминня...

Полёва былына, вона не прызвычаена до густои садовои тини. Чорна загара геть спала зъ іи повного выду—билый винъ у неи, та свижый, мовъ пылюсточка зъ рожевои квиткы; волосся видъ пахучои масты, та що-денно вычисування выривнялось та выточылось—не стерчыть на голови кучерявымъ хмелемъ, а гладенько прычесане, ривно облягае кругомъ іи билого чола; сама вона ще пиднялась, выривнялась, налылася, немовъ обточена стала... очей не одирвешъ видъ неи!... То все було зъ-околу. А що було на души у Катри, що заводылось у іи серци?—Вона никому не казала, та іи нихто й не пытавъ... „Яке несподиване щастя выпало Катри!—гомонилы дворови:—що було зъ неи, а чымъ теперъ стала? Сказано: не родысь вродлывымъ, а родысь щаслывымъ“...—„Брехня! думала Катря:—черезъ ту вроду не маю я щастя зъ-роду!“

Незабаромъ писля того выйшла воля. Все зашумило кругомъ; прорвалася гребля людскій сподиванци на краще жыття... Цили довги викы мостылы та гатылы іи, держалы въ запруди ту велыку воду; а це вона зразу прорвала ту мицну греблю и понеслася шырокою течіею по селахъ, хуторахъ. На дывовыжу усимъ дворовымъ вынесла та течія и паньску горнышну Катрю зъ двору на... волю! Крепакы за те трохы іи на рукахъ не носылы... „Сказано: своя кистка, своя кровъ! не обросте вона жыромъ у роскошахъ—до свого ридного обизветця!“... Булы, правда, и таки, що казалы: „Дурна, дурна, Катря, та не розумна! и щобъ тамъ зъ нею сталося, якъ бы вона зосталася у двори?... Ни, заманулося свого хлиба, воли... Побачыть, яка та воля,—якъ не разъ, не два голодна й холодна посыдыть!“—Оже Катря не потурала на те: ій прытьмомъ захотилось воли—и вона поплыла за тіею бурлывою течіею, що, знявшысь зъ дворивъ, понеслася по всёму широкому краи, выгукуючы та выкрыкуючы: „хочъ гирше, абы инче! Буде нашымъ ворогамъ чужымъ потомъ умыватыся, нашою кровью упыватыся!“...

Пишла Катря у село до дядька та дядыны, та не довго була у родычивъ. Не ій молодій, та дизнавшій роскоши, було мырытыся зь тымъ мозолянымъ хлиборобськымъ жыттямъ, до

якого прыкрутыла доля іи родичивъ. Ще покы стояла весна-красна, зъ тепломъ прывитнымъ, зъ цвитомъ роскошнымъ, зъ запашнымы лугамы та степамы,—вона по ныхъ швендяла, прыгадуючы свои дытячи забавкы. А якъ насталы жныва, зъ довгымы палючымы днямы, невелычкымы короткымы ночамы, зъ важкою похоплывою роботою,—то ій стало не вмичъ: у день немылосердно сонце пече, стерня у рукы й ногы коле, нагальна праця зъ нигъ валяе, а ничка прыйде,—хвоста того заячого коротча,—ни выспатыся, ни одпочыты якъ треба!... На сылу Катря одбула жныва, та й подалася зъ села у городъ, де стилько галасу та гомону, дыва та чуда усякого. Село, рыючысь у своій чорноземли, середъ пидметивъ та горбдивъ, гараздъ не зрозуміе городського жыття. Байдуже кротови, що поверхъ ёго узенькои норы прывитно сяе ясне сонечко, а въ провоpому повитри литають и радисно щебечуть усяки пташкы! Дарма й сонцеви, що у глухыхъ нетрахъ земли рыетця якесь слипороде звиря: хай соби рыетця, та пидпушуе землю, на котрій тепло, поеднавшысь зъ свитомъ, зародыть таку буйну рослыну! Сылкись и пташкамъ—видкиля беретця ихъ жывнисть: куды окомъ не скынь, де не прыткнысь—всюды іи багато: а колы хто зжене зъ одного стебля, то недалеко и друге... тилько знятысь, та перелетиты!... Всякому своя доля: одынъ, рукъ не покладаючы, працюе, а другый—ёго працю безъ клопоту пойидае!

Катри спершу подобалось городське жыття: хатня робота не важка, зайвого часу чи мало, и дыва усякого багато... А до того ще: уродлыва та прыздоровью Катря кыдаетця кожному въ вичи! Вытрищаются пидслипи очи, уздрившы передъ собою полёву квитку; загра-затипаетця порожне серце, якъ заманячыть передъ нымъ брава дивоча постать! Не дыво, що Катря не мала одбою одъ влеслывыхъ ричей, та здывованыхъ очей... И москаль середъ муштры до неи бровамы моргае; и шевчыкъ або кравчыкъ посыла ій навздогинци таки солодкословни прывиты, що у неи ажъ духъ сперае у грудяхъ; и блиднолыци панычи, стринувшысь зъ нею—ожывають, прояснянютця, и геть-геть проводять іи своимы очыма... А Катря—земли пидъ собою не чуе!... Ой стережыся, полёва пташко, зъ нызу блыскучыхъ

котячыхъ очей, а зъ горы быстрыхъ напущивъ хыжыхъ шуликивъ! То воны биля тебе ворожать: одны—крадькома, по-пидъ тынню, а други—зъ-высока, шыряючы у безкраимъ простори сынёго неба... Кожному хочетця жыты: кожному треба жывытысь!

Не вбереглася пташка шулики, якъ не вбереглася и Катря своеи недоли... У сусиднёму двори такый хорошый панычъ и такымы солодкымы медяныками годуе!... Найилася Катря тыхъ солодкыхъ медяныкивъ,—ажъ теперъ ій нудно, якъ про те згадае... Медяныкивъ швыдко не стало: панычъ оженывся на панночци, де вона служыла за горнышну, а ій ткнувъ у жменю дви червоныхъ бумажкы... ажъ у неи въ-воччю видъ ныхъ почервонило!... Спасыби й за те! Все такы не съ порожнимы рукамы прыйдетця въ село вертатысь.

Незабаромъ Катря вернулась до вдовы-дядыны, що пидъ той часъ, поховавшы чоловика, однымъ одна на старости литъ зосталася... Спасыби дядыни—не прогнала Катри и узявшы въ неи гроши до схову, обицяла навить пислям смерты оддаты ій свою хату зъ огородомъ... Хочъ та хата й валылася, а огорода того—жменя, а всежъ такы свій захыстъ, свое прыстановыще... И птыця соби гниздечко звывае!

Оселылася Катря въ сели... Пишовъ кругомъ гоминъ про неи; чутно смишкы та пересмишкы: корысна у городи зъижа, онъ яки гладки видтиля вертаютця!... Слухала те Катря, та мовчала, навернула лыхо важкымъ гнитомъ горя, та душею млила... Все, що було у іи серци жывого, закаменило; все, що було въ души доброго, зотлило... Зосталыся горе та слёзы, та... Пылыпко зъявывсь на утиху!

Пылыпко іи справди утишывъ. Не було тыхъ любыхъ назвивъ, щобъ вона ёму не прыкладала; не було тыхъ утишныхъ сливъ, которымы бъ вона ёго не взывала!... У ночи не спыть—ёго доглядае. У день—серцемъ за его мліе, колы робота одирве видъ ёго на яку хвылыну. Нема для неи щастя й спокою, якъ биля ёго... Хай соби довги языки, що хочуть говорять: ротивъ людямъ не позамазуешъ, и слухаты—не переслу-

хаешъ... А *воно*—мале немовлятко... одна въ свити утиха й надія!

Полюбыла й титка мале внуча. Тыхе та утишне, воно стало забавкою старій бабуси. На перебій одна передъ другою хапалы воны ёго на рукы, носылыся зъ нымъ; его забавляючы—самы бавылыся.

Ото пидъ такымъ доглядомъ и рисъ Пылыпко, пиднимався на ноги—и ставъ мазуномъ своихъ и чужыхъ. Уздрившы ёго, чоловикъ зостановытця: гляне на те пышне паньске лыченько, ясни блакытни очыци, та биле и мняке, наче лёнъ волосячко... „Гарный городськый гостынчыкъ,—ничого казаты!“ подума соби. А жинкы—абы де спіймалы Пылыпка, то й зъ рукъ не спускають: та вхопыть, а друга й свои рукы пидставляе, щобъ перехопыты.

Зовсимъ бы добре жылося Пылыпкови, колы бъ було чого у волю йисты. А то не вряды-годы прыходылось однымъ сухаремъ давытысь... Ще покы стара бабуся жыла,—и сякъ, и такъ жылося... Катря пиде на роботу; титка зъ Пылыпкомъ дома. Одынъ Богъ знае, де вона выдерала за-для Пылыпка шматочокъ мнякои палянычкы, або краечокъ булкы! А якъ стара на той свитъ переставылась,—погиршало на симъ и Пылыпкови, й Катри... Винъ самъ соби дома—голодный та холодный сумуе; а вона—на чужій роботи серцемъ за ёго мліе...

Отакъ не забарылася Катря перебигты трудною думкою довгу й родючу ныву свого безталання—и опивнылася знову въ холодній хати, въ тисному куточку на печи, рядомъ зъ своимъ Пылыпкомъ, що на завтра збирався иты до хрещеного батька посыпаты, щобъ прынесты ій и паляныцю, и ковбасу, и грошей...

Куды ёму йты, та й у чому ёго йты, по такому лютому холоду? подумала Катря... А якъ же ій справди на завтра буты?... Що вона дасть ёму завтра пойисты?... чымъ вона въ хати прокурыть?... Чи то свята земля давнише запасивъ бильше родыла, що ихъ выстачало? чи меньше ихъ утрачалося?... чи може вона тоди молодча була, щырише робыла, бильшъ заробляла?“

И знову невсыпуща журба захопыла іи въ свои цупки обыймыща; занудыло та затрудыло матерыне горяче серце; заскреблася червоточыною у попеклій видъ горя души; важкымъ гнитомъ навернула ясный розумъ... Ни, немае розгадкы, просвитку не выдно!

„Хочъ бы що продаты!"... И вона позырнула кругомъ себе. Пидслипый каганчыкъ ледве прысвичуе съ комина,—допомагае пидслипымъ видъ слизъ очамъ оглядаты злыденне добро... Онъ дирява ряднына чорніе--простяглася пидъ Пылыпкомъ замисто постели. „Кому вона и на-що годытця?"... Онъ невелычка подушечка пиддержуе ёго кучеряву головоньку..." Вона була колысь велыка, зъ пуху... та черезъ килько литъ зносылася, що й не пизнаты... Пуху въ ній, правда, ще багато: якъ-бы розскубты та розбыты—и на велыку бъ стало... Замисть пуху напирныкъ можна соломою або синцемъ набыты... и на соломи щаслывому добре спытця... Отъ, якъ-бы продаты!... Та кому жъ ёго?... колы?... Онъ ще кожушына вовною въ гору, мовъ вивця простяглася... „Колысь за неи двадцять рубливъ давалы... Ще й теперъ можна рубливъ зъ пять зачепыты... Та якъ ёго безъ кожушыны по такому холоду на роботу бигаты... Хочъ бы потеплило швыдче,—у свытци бъ можна... Застарчыла бъ кожушину... Пьять рубливъ гроши... На ныхъ бы мисяцивъ зо два протягты можна, а тамъ—потепліе... Хиба однесты шынкареви въ заставу?... А може тамъ ще що знайдетця?"—Каганець почавъ прымеркаты: останне свитло въ ёму выгорало. По кутках печи стовпылысь морокъ та чорна темнота... Катря провела рукою по черени—чи не налапае бува ще чого, про вищо вона, може, забула... Мозоляна рука черкнулася объ суху глыну и загарчала...„ Ни, не забула... не помылылась... ничого бильше немае!" подумала вона и глянула на Пылыпка. Сонна дытына тыхо лежала передъ нею—розхристана, роскыдана. Катря вытягла зъ-пидъ себе другый край рядныны и вкрыла нею сына, поцилувавши ёго у заплющани очи.—Нагорилый кгнитъ блыснувъ, зашкварчавъ... сыза искорка стрильнула у гору—и згасла... У хати зробылося темно, якъ у домовыни.

Катря пидвелася, встала—и почала спускатыся въ печи на пилъ, зъ полу—до долу. Ось вона босымы ногамы почовпала по холодній доливци прямо до столу. Вхопывшысь рукамы за край ёго, вона звела очи у темный кутокъ... Тамъ ничогисенько не выдно... Силькись: вона знае, що тамъ стоить образъ.—Перепочывшы край столу, вона одступыла ступнивъ зо два назадъ—и почала хрестытысь... Мицно сцупывшы пучку, вона ще мицнише почала накладаты нею то на лобъ, то на груды, то на плечи... Чутно було глухе постукуванне середъ темноты, а бильше ничого... Ажъ ось почулось важке зитхання, наче духъ выпирався изъ тила... „Господы!... Боже мій:“... роздався глухый голосъ въ темноти, мовъ вырывався зъ-пидъ земли. Ще трохы згодомъ—щось посунулось, наче упало... То Катря опустылась навколюшкы и замолылася въ голосъ.

— „Господы!... я не вчена Тоби молытысь. Я не зугарна Тебе святымъ словомъ просыты... Я не за себе... Не на мене Ты зглянься,—зглянься на *ёго*!... Дай мени пораду у моимъ гори... Пошлы мени розумъ добуты, чого не стае намъ!... А Ты, Маты Божа—Царыце небесна! Заступныце наша! Напуты ёго на все добре... захысты ёго видъ усего лыхого: видъ холоду и видъ голоду, видъ хворобы та болисты, видъ наглои смерты!“

Дали вона, прыпавшы головою до холодной доливкы, замовкла. Вся постать у неи тремтила, голова трусылася, слезы рясно-рясно посыпалысь зъ закрытыхъ очей.

Хочъ зарани заходылася Катря высыпаты нымы на новый рикъ свое щастя, а все такы трохы полегшало на души, якъ вона не швыдко пидвелася зъ земли. Хочъ туга серце наче въ жмени давыла, та не ризала его своимы гострымы острогамы!... Поточуючысь, наче чмелена, почовпала Катря назадъ до полу и покарабкалась зъ полу на пичъ. Помацкы налапавшы сына, вона обережно перехрестыла ёго—и на край подушкы, рядомъ зъ ёго кучерявою головонькою, схылыла свою задурену голову.

Чорна непроглядна темнота стояла кругомъ. На двори ревла сердыта буря, стугонила у стины, стребала по осели, выла въ дымари, гуркотила у викна... Катря не дослухалася.

Натомлена важкымы думкамы голова не здужала зъ дослуханнямъ справлятысь, натружене болистю серце забажало спочынку...

Незабаромъ обгорнуло Катрю ниме забуття, захытала дримота, а мицный сонъ прыкрывъ іи своимъ спокоемъ.

III.

Бралося далеко за пивничъ. Позасыпалы люде по своихъ теплыхъ захыстахъ; спыть-дримае земля пидъ глыбокымъ снигомъ; знемигся витеръ, утомылося й вихало--затыхло... Не сплять тилько зори въ далекому неби, та не спыть той старый дидуганъ Морозенко, якымъ Катря лякала свого Пылыпка Билымъ иніемъ чипляетця винъ за дерево, гладенькою крыгою выстылае соби слидъ по снигу, дыше въ повитри такымъ холодомъ, що ажъ кыпыть усе кругомъ его. Росходывся сердытый—немылосердно давыть,—колетця видъ его натовпу чорна земля; трискаетця на ій снигова кора; дилытця на шматкы товста крыга надъ водою. Глухый бренькитъ видъ того йде по - надъ землею, роспросторюетця въ холодному та густому повитри, а, дойшовшы до лису,—стукаетця объ кожну деревыну. Тамъ, у его темній гущавыни, выють вовкы-сироманци и ихъ голодна писня, якъ той лементъ, розлягаетця по всій околыци... Сумно усюды, холодно й страшно... Кругомъ высыть морокъ, та мла непроглядна буяе, тилько снигы выблыскують трохы, та глупіють зори у высокому неби... Ажъ-ось выплывъ зъ-за горы Волосажаръ и почавъ выблыскуваты своимы зирочкамы, немовъ танцювавъ передъ свитомъ...

У той саме часъ злегенька скрыпнулы синешни двери въ Катрыній хати—и замовклы. Трохы згодомъ рыпнулы й подвирни, выпускаючы Пылыпка на двиръ.—Загорненый у довгу матерыну свытку, закутаный іи чорнымъ платкомъ, у шкарбунахъ на босу ногу, зъ рукавычкою въ рукахъ, винъ, мовъ заець, выскочывъ зъ синей,—та й полынувъ прямо зъ села на лисъ. Серце его, якъ у невелычкои пташкы, стукало-былось, духъ затынався у грудяхъ; а мали ноженята—байдуже про непомирни

чоботы,—свое робылы: винъ нымы швыдко чекрыжывъ все впередъ та впередъ.

И якый винъ радый, що прокынувся зарани!... якый веселый, що маты не чула, якъ винъ вставъ, узувся, одився и выйшовъ!... Отъ якъ бы ёму такъ и звернутыся, щобъ маты ще спала!... Винъ бы багати прыносы положывъ на столи, а самъ прылигъ биля неи... Онъ уже и свитъ бованіе на двори: билувати смугы пробываютця кризь намерзли шыбкы у хату... Винъ вдае, що спыть, а маты вже проснулась... „Сыночку! пора вставаты"—шепче вона ёму тыхо... А винъ—мовъ не чуе,—ще дужче зажмурюе свои очыци, потягаетця—наче й геть-то розиспався... „Бачъ, якъ мицно заснувъ,—дывуетця маты.—Поспы, сынку,.. поспы ще трохы, покы я прыберусь"... каже вона, злизаючи съ печи. „А то де взялось?!" скрыкнула маты, углядившы на столи хлибъ та ковбасы.—А винъ схопывся, вызырае зза комина, та давай реготаты... „А що, мамо!... злякався я вашого старого Морозенка?!.. що—злякався?.." И винъ мыттю плыгнувъ зъ печи на пилъ, зъ полу—до долу... Маты ёго пидхопыла, прыгорнула до себе... „ Отъ якъ бы то такъ сталося!"—запобигае уперед думкою Пылыпко,—та знай налягае на ногы, поспишаючы до лису.

Ось винъ выбигъ уже й за село—на шыроке роздоля... Передъ ёго очыма манячыть лисъ, прытрушеный иніемъ зверху, та прыкрытый снигомъ,—наче страшенна била гора бованіе винъ здалека... Подыхнуло на Пылыпка вильнымъ холоднымъ повитрямъ; ущипнуло за нисъ, ажъ покотылыся слёзы зъ очей, и невелычкымы крыженкамы зразу на віяхъ завыслы.—Та ну не страшы: не боюсь я тебе! промовывъ Пылыпко, струшуючы рукою крыженкы зъ очей.—То тилько маты лякала... И винъ не пишовъ, а побигъ пидтюпцемъ.

Ось винъ добигъ вже до лису...Не сниговою горою теперъ винъ здававсь Пылыпкови, а темнымъ страшыдломъ зъ чорнымы корявымы ногамы, билымы лапатымы рукамы, та велычезною закутаною снигомъ головою... Скилько въ того страховыща нигъ та рукъ?—И не переличыты!... Ось воно одну ногу пидста-

выло пидъ Пылыпкови шкарбуны, мовъ перечепыты збираетця... Пылыпко ухыльнувсь—обмынувъ... Ось другу знову засылае... третя зъ снигу вылазе... Ось лапата рука зачепыла ёго за голову и зразу обтрусыла всёго снигомъ... Винъ, якъ опеченый одскочывъ... Щось десь луснуло,—посыпало, наче горохомъ... Онъ друга рука наставляетця... третя зъ-далека на его кывае, мовъ перестерегае: не ходы дали!... Пылыпкови зробылося страшно,—чорни кружала заходылы передъ очыма; на голови пиднялося волосся у гору... наче джмели—загуло у вухахъ... Серце, якъ не выскоче, бьетця.. духъ запынаетця въ грудяхъ... Винъ зостановывся.

— Морозе, Морозеночку! замолывся винъ тыхо... Пусты мене до хрещеного батька... Я тилько до его одного пиду посыпаты и що выпосыпаю,—виддамъ тоби половыну...

Недалеко видъ его сычъ засычавъ, сова зарепетувала; а ему здалося, що то Морозенко регоче...

— Хиба тоби мало половыны, що ты регочешъ?.. То я все тоби виддамъ, усе... И гроши, й ковбасы... Пусты тилько!

— Пу—гу — гу—у—у!... застогнавъ пугачъ середъ лису, а Пылыпкови здалося, що то загукавъ Морозенко:—не пущу!

— Бачъ якый ты лыхый, та не добрый! почавъ докорять Пылыпко.—И щобъ тоби сталося видъ того? Я жъ не твое братыму, а буду прохаты въ хрещеного батька.. Онъ бидкаетця маты, що въ насъ на сегодни ничого йисты, ничымъ протопыты у хати... Пусты, голубчыку!...

— Ха—ха—ха—ха—хаа—а—а!... знову зарепетувала сова, и гучна луна того скаженого репету по всему лиси роздалася.

То ты тилько вміешъ реготаты? скрыкнувъ Пылыпко.— Такъ не боюсь я тебе!... И, пиднявшы кулачата у гору, винъ подався впередъ.

Такъ цвирчыть и стрыба горобець передъ котомъ, що зловывъ горобця и, мицно здавывшы зубамы, покручуе довгымъ хвостомъ, та высвичуе хыжо очыма... Ой стережыся, невелычкый горобчыку, того лукавого выкручування, та хыжого высви-

чування! Леты соби мерщи у свое гниздечко, выплакуваты свое горенько зъ своею дружыною... Стережыся й ты, невелычкый Пылыпку, свого лютого ворога, що тоби зъ нымъ боротысь не сыла! Вернысл мерщи въ свою голодну та холодну оселю, де тебе нелька ридненька прыгріе и потурбуетця про твои недостачи.

Не встеригся зневевья горобець: не встыгъ и цвиринькнуть въ останне, якъ накрывъ его китъ своею пазурыстою лапою... Не встеригсь й Пылыпко свого ворога, що заманывъ его ажъ въ середыну глухого лиса, де винъ збывся зъ шляху и ризався трохы не по поясъ глыбокымы кучугурамы снигу... Не личывъ Пылыпко, скилько разивъ прыходылося ему падаты и набираты снигу не то що въ шкарбуны, а й за пазуху и за чорный платокъ на голови... Сылькись! Снигъ винъ отрусе, та й знову дере у-передъ; дурноверхе завзяття его пидганяе... Лисъ передъ нымъ мовъ выроста; винъ давно вже ускочывъ у его и повынный бы бувъ перейты, а отъ ему кинця-краю немае... Морозъ вже не разъ, мовъ опикъ, боляче ущыпнувъ его за ногы въ лыхыхъ шкарбунахъ, за голи мали кулачата и за лыченько биле, рожеве... Не потура на те Пылыпко: зостановытця перепочыты, потре те мисце, де заболыть, похука въ мали рученята, та й знову—пидтюпцемъ дали...

Ось винъ выбравсь на чысту поляну. Кругомъ лисъ обступивъ іи; а вона чыста та била лежыть соби, видпочывае пидъ холоднымъ снигомъ и тилько зирочкы выблыскують по ій своимы сызо-жовтуватымы искоркамы... Де се винъ? куды забривъ? Скилько разивъ доводылось литомъ бродыть ему по лису, а винъ не прыпамьятае такои поляны... Чи не Морозенкова це, бува, горныця? Чи не за для себе винъ прыбравъ іи такъ чепурно-чысто?... Кругомъ обставывъ деревомъ высокымъ зъ кучерявымы верховьямы, пообтыкавъ невелычки полянкы помижъ деревомъ кущамы гонкои лищыны, видъ витру холодного закрывае... Певне, це его свитлыця... Онъ—пидъ кожною деревыною по пеньку чорніе.. то—за для гостей, що якъ найдуть, то було-бъ де перепочыты... Чомъ же теперъ никого немае?.. Чи булы, та поросходылысь, чи ще й не прыходылы?...

— Систы, лышень, тутъ и соби та видпочычы,—промовывъ голосно Пылыпко... Здорово ухоркався, ажъ питъ проймае... Сяду та перепочыну.

Пылыпко выбравъ найзручнишый пенёкъ й сивъ на ёму.

— Ну, та й добряче сыдиты: е куды простягты ногы и спыною объ вищо обпертысь,—подумавъ Пылыпко, простягуючы натружени ноженята и прыхыляючысь головою до товстои деревыны.

Ему було такъ хороше... Холоду винъ не почувавъ; рукы и ногы терплы—нимилы, немичъ чи сонъ колыхавъ его стыха...

— Видпочыну, та й знову пиду—хочъ свитомъ добьюсь до хрещеного батька.. Докажу такы матери, що Мороза іи не злякавсь... Не страшный винъ мени... хочъ спершу було наче страшно... А теперъ?.. ни... не боюсь... не страшный...

Пылыпко затыхъ, наче заснувъ... Що се таке?.. Винъ почувъ: наче що стрильнуло въ ему; голова ходоромъ заходыла; посыпалысь искоркы изъ очей—и разомъ усе передъ нымъ освитылось...

Загорилася вся поляна якымсь сызымъ свитомъ. Середъ того сызого сяйва почалы снижынкы ворушытысь, почалы пидниматысь, вставаты... Та яки воны невелычки, тендитни, та били?!.. Лычко—зъ мачыне зерно, сами—зъ горошыну, а рученята та ноженята, наче волосъ,—тоненьки...

— Годи намъ спочывать! загомонилы. Швыдко свитъ буде, дидусь нашъ прыйде... Погуляймо, та въ довгои лозы пограймо! И почалы ставаты одна до другои спыною.—Разомъ!... хтось гукнувъ.—Рукы посплиталысь, задни посхылялысь и переднихъ пиднялы у гору; дали передни прыгнулысь, пиднимаючы заднихъ и —пишло, пишло... Усе кругомъ колесомъ такъ и заходыло!... „Та й проворни яки!“ подумавъ Пылыпко.

— Буде! погрилысь! хтось крыкнувъ. Давай танцюваты, нашого гостя дывуваты!—Якого?—Хлопця малого, що йшовъ до хрещеного батька посыпаты, та прысивъ у насъ на пеньку одпочываты...

Ха—ха—ха! ха—ха—ха!
Якъ бы то намъ женыха...
Невелычкого, малого—
Хлопьяточка молодого!..

„Дывысь: ще й глузують!“, дума Пылыпко... А воны кругомъ его, якъ той рій заходылы... Крутятця, немовъ заверюха зняласся.

— Шкода, що немае музыкы! знову чуе Пылыпко.—Де въ гаспыда подився нашъ музыка?—Выдно выхылывъ чи мало, стричаючы новый рикъ, та й залигъ у дупли одпочываты.— Ходимо, его збудымо. Докы винъ, бисова пьяныця, буде кутыты!

Декилько паръ кынулося генъ до дуплынастого дуба... Закрутылыся надъ дупломъ, та незабаромъ у ёму й зныклы. А ти, що зосталысь биля Пылыпка, заспивалы:

Вставай, вставай пьяныченьку!
Годи тоби спаты.
Заграй ты намъ на скрыпоньци,
Дай потанцюваты.

Незабаромъ зъ дупла показався чорный цвиркунъ, на увесь ротъ позихаючы, та ногою голову почухуючы.

— Прочумайся, пьяныце! Ачъ, якъ розиспався!.. крычать до его снижынкы.

— Пьяныце! огрызнувся цвиркунъ. Якый я пьяныця? Вы мене напувалы, чи що?

— А видъ чого жъ ты спышъ?

— Видъ чого? Сонъ найшовъ!...

— Знаемо мы видкиля той сонъ. Цилу ничъ у попа гулявъ, попову дочку звеселявъ... Прочумайся жъ, та грай мерщи!

— У попа и безъ мене булы свои музыкы. Виддае дочку писля водохрестя, то тамъ такого гостей зибралося, що й протовпытысь ніякъ. Цилу ниченьку гулялы.. Музыка тне, а вси танцюють.

— Отъ и ты намъ заграй, щобъ и мы потанцювалы.

— А плата буде?

— Буде.

— Яка?

— Зъ инію водыця цупка!

— Подавитьця вы нею! скрыкнувъ цвиркунъ, сплюнувшы.

— Ну годи, не комызься, та мерщи проспыся. Бо якъ повернетця нашъ дидусь Морозенко, то буде тоби лыхая ненька!

— Вы такъ и звыклы про все доводыты дидови... Цокотухы! Становитця вже, буду граты.

И, надымаючысь, винъ почавъ:

Цвиринь! Цвиринь!
Якъ бы теплый черинь,
Та горяче просо,
То спавъ бы я й доси!
А тутъ мени холодно,
Жыты мени голодно..
Бухъ!
Питы надиты кожухъ...

И цвиркунъ мерщи плыгнувъ у дупло. Вси снижынкы зареготалысь.

— „Дывысь, яки тутъ дыва!“ промовывъ чи подумавъ Пылыпко.

— Ще й не такіи побачышъ,—хтось до его обизвавсь.

Це зразу—щось якъ загуде!—тонко та голосно запыщало, наче хто въ невелычку дудочку загравъ.

—Це наше Вихало йде,
Та музыкы за собою веде!

Скрыкнулы разомъ снижынкы и закрутылыся середъ поляны. Захыталысь гилькы на высокому дереви и почалы струшуваты зъ себе иній... То не иній, то ледве прымитни били голеньки хлопъята злиталы зъ гилекъ и кожне, вхопывшы за руку снижынку, почало биля снижынокъ крутытыся та гопака выбываты.. Снижынкы соби, зипьявшысь на пальчыкы, дрибно ногамы выбиралы; сухе лыстя на лищыни подымалося, гуло, деренчало; лищына объ лищыну терлась-скрыпила, а витеръ помижъ гилькамы такъ завывавъ, що въ Пылыпка ажъ у вухахъ

пысчало... Снижынкы зъ иніемъ крутылыся, збывалыся въ купу и та купа росла, бильшала и, наче стовпъ, пиднималася въ гору.

Вихало! вихало!
Наше любе втихало!..
Прыйды ты до насъ,
Звеселыты намъ часъ!

Все кругомъ пыщало, верещало, гуло...

Ажъ-ось зъявылося й Вихало... Товсте та кругле, наче здоровенна копыця, воно десь зъ-за дерева взялося и, вхопывшысь за верхивья гилекъ цупкымы лапастымы рукамы, почало спускатыся серед поляны... Товсти, якъ лантухы, его ногы у повитри гойдалыся; снигова одежа на ему крутылася—лопотила, а кустрата голова на вси бокы майтолалася...

— Помочи дайте! помочи дайте!.. Пиддержуйте, щобъ не впавъ, бува, я, та не забывся,—товстымъ охрыплымъ голосомъ загуло Вихало.

Снижынкы зъ иніемъ ще бильше закрутылыся, стовпомъ здіймаючысь въ гору, и той стовпъ пидвелы пидъ Вихало...

— Ху—у! заморывся!—сказало Вихало и по стовпу почало спускатыся на поляну.

— Гу—гу—у—у! загуло... Вихало и все кругомъ его закрутылося...

У Пылыпка потемнило въ очахъ; голова кругомъ заходыла, у вухахъ дзвоныло, мовъ въ дзвоны, гадкы почалы меркнуты—зныкаты... Его щось хытае—колыше...

Засны, засны, мій сыночку,
Малая дытыно!

чуе винъ, наче кризъ сонъ, чыйсь любый голосъ... То маты надъ нымъ котка спивае, чи хто инчый?... Ни—то не матусынъ голосъ, то хтось другый надъ нымъ похылывся.. „Чого жъ воно тисно такъ стало?... Хто се на мене такымъ холодомъ дыше?...“ плутаетця въ Пылыпковій голови... „Се ты—дидугане, Морозе? се твои лыхи учынкы?...

На щастя, на здоровъя, на новый рикъ!...“

загуло въ Пылыпка у вухахъ... тысяча свичокъ засвитыло у вочахъ и—винъ побачывъ дидугана Морозенка... Здоровенна,

наче вынныцькый казанъ, голова его була закустрана цилымъ оберемкомъ билого снигу; довга, якъ помело, борода выплетена зъ товстыхъ вискрякивъ крыгы; товсти настобурчени бровы густо покрыти билымъ иніемъ, а сиро-зелени очи, наче волосожары, выблыскують холоднымъ свитомъ... Тыхо схылывся винъ надъ Пылыпкомъ, подывывсь, мовъ мылувався, на его лыченько билепокійне и—свитнувшы хыжымы очыма—прыложывсь до теплыхъ ще устонькивъ Пылыпковыхъ своими холодно-палючымы устамы... Не зитхнувъ Пылыпко, не струснувся!... Все въ ёму й кругомъ его затыхло, покрылося темнымъ холоднымъ спокоемъ...

Вже билый свитъ носывся по-надъ землею; надумалось сонце вставаты и послало впередъ себе ажъ два червони стовпы. Стоять воны на краи неба, пиднялыся высоко у гору, буяють своимъ червонымъ свитомъ,—пророкують людямъ щось лыхе на сёгодни...

—На щастя, на здоровъя, на новый рикъ!

Роды, Боже, жыто, пшеныцю и всяку пашныцю,—почулося Катри кризь сонъ.—Вона кынулась; одкрыла очи,—та й не стямылася... Де лежавъ Пылыпко—тилько слидъ его: чорніе диряве ряденце, бованіе примнята подушка.

Вона мыттю стрыбнула зъ печи до долу—и побачыла табунъ посыпальныкивъ, що товпылысь биля порога.

— Вы не бачылы Пылыпка?—пытае.

— Ни... поторопилы ти.

— Боже жъ мій, Боже!—вдарылась въ телесы Катря.—Винъ такы не злякався, не послухався—пишовъ!

Та вхопывшы на опашкы кожушанку, якъ нависна, помчалася зъ хаты.—Хлопчыкы постоялы трохы—и, здывовани, пишлы соби дали.

— А куды се? Куды се такъ швыдко?—гукалы до неи зъ дворивъ селяне, дывуючысь, що Катря такъ зарани и такъ прудко бижыть улыцею.

Не дослухалася вона до того допытування; вона навить не бачыла ничого передъ собою, окримъ одного Пылыпка.

— Пылыпку!... сыну мій!... сыночку!... И куды ты пишовъ по такому лютому морозу?... Куды ты знявся по такому скаженому холоду?... гукала вона на бигу, думаючы, що те гукання ранишъ видъ неи добижыть до сына, подасть ему звистку—якъ побываетця за нымъ его маты!

Витеръ подыхавъ проты неи—и геть односывъ назадъ Катрынъ нестямный лементъ.

Недоннявшы гукомъ, вона надолужала бигомъ... Ажъ мерзла земля гула пидъ нею—такъ вона мчалася! У грудихъ духъ затынався, серце, якъ не выскоче, былось,—а вона неслася!... Вона не потурала ни-на-що... Хиба вона дыше для себе? Хиба серце бьетця для неи?... Хиба не все одно, колы те й друге—стане, якъ *ёго* на свити не стане?... И чому вона не птыця? Чому въ неи не выроcлы крыла?... Стрилою бъ вона пустылася навздогинци; рабцемъ бы упала—де его спиткала; сызымъ орломъ пидхопыла на свои крыла—и мыттю до дому прымчала!.. Та ба! Нема въ неи крылець; ій Богомъ не дано литаты... Хай же одбувають за все ногы!

И Катря не жалила своихъ нигъ: скилько хапало духу—мчалася; спотыкалася объ груду; падала у высоки кочугуры снигу и, выкарабкавшысь, знову неслася дали та дали.

Ось вона вже й биля лису... Ось и въ лисъ убигае... Быта дорога послалася вправо... А то чый слидъ верне наливо?... На чыстимъ снигу свижый слидъ малои ногы... Катря, якъ укопана... „Не вже це Пылыпчынъ слидочокъ?... Збылось въ ночи изъ шляху?...“ ударыло Катри въ голову... „Та не вже жъ то, Господы?!“ скрыкнула вона, не знаючы, що ій робыты,—чи йты по шляху, чи вернуть по слиду... „А може воно дали и на шляхъ натрапыло?... Пиду по слиду,“—подумала Катря и, наче пьяна, хытаючыся, тыхо поплелася свижымъ снигомъ въ гущавыну лиса.

Ясне сонце почало пиднre

Ясне сонце почало пиднinfatыось десь далеко за лисомъ и ёго червоный свитъ слався у лиси по снигу, а на опушеныхъ иніемъ высокыхъ гилькахъ стрыбало его ясне проминня, высвичуючы то жовто-зеленымы, то червоно-сынимы искоркамы. Наче

зачарованый велетень, стоявъ лисъ, опушеный увесь иніемъ билымъ, прыкрытый й пронызаный наскризь соняшнымъ сяйвомъ... У ему було тыхо; холодне повитря видъ лютого морозу, здаетця загускло, а ни ворухнетця,—чысте, прозоре, спокійне...

Хто утерпивъ бы не зостановытця, щобъ налюбуватыся тіею чаривнычою красою?

Оже Катри байдуже про те! Не до того ій, щобъ чымъ мылуватысь на свити... Вона тійи чаровнычои красы не прымичае, та й не баче. Вона вбачае тилько свижый слидъ по снигу и боитця его загубыты... Чорною марою тыняетця вона по тому слиду; хыляе то на право, то на ливо—куды винъ поверне; ій, навить, не западае у голову *до чого* винъ доведе; вона тилько одного бажае—швыдче, хутчише знайты свого Пылынка!...

Онъ слидъ рижетця прямо на кущъ лищыны... Ни—не въ кущъ винъ пишовъ, а повернувъ по за кущемъ. Чмеленна Катря за нымъ повертае и... опенылась середъ невелыкои круглои поляны.

Быстре око ійи не помылылося,—вглядило зразу, що Катри треба, и вона, якъ стрила полонула до пенька, на которому сыдивъ Пылыпко, приклонывшысь до дерева головою....

— Пылыпку!... сыночку мій!—нестямно скрыкнула Катря и—вхопылась за его...

Палючый огонь не опикъ бы такъ боляче ій рукъ, якъ опекло ихъ холодне Пылыпкове тило!...

У Катри передъ очыма дымъ закуривъ... запекло биля серця... голова кругомъ заходыла... Якась невыразна думка знялась у ійи голови, проплазала горячымъ мозкомъ, та тамъ и заколила...

Опукою повалылася Катря биля сына, та вже бильше й не пидводылась. У неи одъ нестямкы розирвалося серце!

На третій тилько день кынулысь селяне шукаты Катрю и знайшлы ійи уже задубилу биля мерзлого сына.

— Отаке то вчынылося! Не даромъ сонце вси оци дни таки стовпы ставыло,—мовывъ старый дидъ, оглядаючы холодни трупы.—Шкода молодои сылы; подавывъ морозъ.

— Та й краще! одказавъ Катрынъ блызькый сусида, высокый та сухый, наче дошка,—чоловикъ.—Не задавывъ бы морозъ, то голодъ догрызъ!

— А хлопчыкъ?.. Яка то була утишна дытына! знову каже дидъ.

— Не жалкуйте, диду, малого: ранише умерло—менче горя знатыме! знай одно товче Катрынъ сусида.

Люде тилько важко зитхнулы, та перехрестылыся... Чи не видъ божевильныхъ ричей Катрыного сусиды?

П. Мырный.

Западно-русская церковь при митр. Петрѣ Могилѣ.

(1636—1646 гг.).

(Продолженіе) [1]).

III.

Коммиссіи, назначенныя королемъ для распредѣленія церквей между православными и уніатами и ихъ дѣйствія.—Сопротивленіе, встрѣченное означенными коммиссіями въ холмской епархіи.—Уніатскій епископъ М. Терлецкій, какъ одинъ изъ главныхъ представителей ультра-католической партіи и правонарушитель „статей успокоенія". Нѣкоторыя нарушенія означенныхъ статей со стороны православныхъ и процессы по этому поводу.

Самымъ сложнымъ и затруднительнымъ для правительства дѣломъ въ данное время было пропорціональное распредѣленіе между православными и уніатами церквей въ городахъ. Для урегулированія и приведенія въ исполненіе этого дѣла королемъ образованы были двѣ коммиссіи; одна для коронныхъ земель, другая для Великаго Княжества Литовскаго. Каждая коммиссія состояла изъ шести членовъ, частью католиковъ, частью православныхъ. Обязанности комиссаровъ обозначены были въ грамотахъ короля, выданныхъ на ихъ имя. Здѣсь говорилось, что комиссары должны были, послѣ предварительнаго между собою уговора, послѣдовательно объѣхать города, собрать свѣдѣнія о числѣ находившихся въ нихъ уніатовъ и православныхъ и соотвѣтственно этой численности распредѣлить между ними церкви. Рѣшеніе комиссаровъ, по общему между ними согласію постановленное, обязательно для обѣихъ сторонъ.

---

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1898 г., № 2.

Въ случаѣ разногласій между самими комиссарами относительно правильности того или иного рѣшенія, въ такъ называемыхъ сомнительныхъ случаяхъ, дѣло объ этомъ должно быть представлено на благоусмотрѣніе короля [1]).

Объѣздъ комиссарами городовъ начался съ іюня мѣсяца 1635 г. и продолжался довольно долго. Общій порядокъ при этомъ былъ таковъ. Жители городовъ извѣщались о времени и цѣли пріѣзда къ нимъ комиссаровъ. Обыкновенно такое извѣщеніе производило сильное волненіе въ средѣ жителей. Большею частью оказывалось, что считавшіеся доселѣ уніатами вовсе не расположены къ уніи, будучи привлечены къ ней угрозами и вообще внѣшними давленіями, и теперь, при измѣнившихся обстоятельствахъ, объявляли себя православными. Такимъ образомъ численность послѣднихъ значительно выростала и къ пріѣзду комиссаровъ она приводилась въ извѣстность самими же православными. Были даже такіе нерѣдкіе случаи, что въ городѣ вовсе или почти вовсе не оказывалось уніатовъ. Такъ, напр., когда комиссары прибыли въ Люблинъ и, созвавъ людей греческой вѣры, приступили къ опредѣленію числа уніатовъ и православныхъ, городскіе жители единогласно заявили, что всѣ они, безъ исключенія (nemine excepto), исповѣдуютъ старую вѣру, т. е. православіе, и просятъ, дабы содержаніе оной обезпечено было имъ и на будущее время, причемъ въ доказательство своихъ словъ подали реестръ православныхъ гражданъ, который во всеуслышаніе и былъ прочитанъ, не возбуждая протестовъ [2]). Точно такъ же, когда комиссары прибыли въ Лосицы и приступили къ опредѣленію относительной численности въ этомъ городѣ уніатовъ и православныхъ, то о первыхъ, несмотря на тщательное разслѣдованіе дѣла, не могли получить никакого свѣдѣнія; всѣ прихожане во главѣ со своими священниками заявили, что они исповѣдуютъ православную вѣру и при ней желаютъ остаться и на будущее время [3]).—Въ Грубешовѣ комиссары нашли только четырехъ уніатовъ—попа Василія, его сына и зятя и еще какого-то иногородняго мѣщанина; всѣ же грубешовскіе граждане объявили себя „неуніатами", причемъ переходъ многихъ изъ нихъ въ православіе, очевидно, совершился передъ самымъ пріѣздомъ комиссаровъ (упомянутый попъ Василій, жившій при Николаевской церкви, долженъ былъ оставить оную, такъ какъ всѣ его николаевскіе при-

---

[1]) Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. I. т. VI, № CCLXXIX, стр. 691—692.

[2]) Ibid. ч. I. т. VI. № CCLXXXIV, стр. 704—706.

[3]) Кіев. Центр. Архивъ; № книги 2161, л. 953 об.

хожане отступились отъ него [1]). Подобное же явленіе—массовое возвращеніе „людей греческой религіи“ къ православію имѣло мѣсто при посѣщеніи комиссарами и другихъ городовъ [2]). Вообще—означенные объѣзды коммиссіями городовъ представляли одно изъ наглядныхъ доказательствъ, до какой степени громадному большинству русскаго народонаселенія, подвластнаго Польшѣ, ненавистна была унія, насильственно ему навязанная и поддерживавшаяся репрессивными мѣрами.—

Комиссары при распредѣленіи церквей между православными и уніатами дѣйствовали съ большою осторожностью и осмотрительностью, стараясь, по возможности, не нарушить интересовъ „примиряемыхъ“ ими сторонъ. Если въ городѣ не оказывалось ни одного уніата (точнѣе, не находилось желавшихъ остаться въ уніи), а церквей было мало (одна, двѣ), то онѣ присуждались православнымъ, но при этомъ иногда дѣлались оговорки: еслибы впослѣдствіи въ средѣ городскихъ обывателей объявился какой-либо уніатъ (unit się iaki nalazł) и пожелалъ имѣть церковь своего вѣроисповѣданія, то православнымъ вмѣнялось въ обязанность пріобрѣсти удобный „пляцъ“ (мѣсто, площадь) и передать его уніатамъ для постройки храма [3]). Если же въ городѣ находилось значительное количество церквей, то, несмотря на отступленіе отъ уніи почти всѣхъ гражданъ, комиссары распредѣляли церкви между православными и уніатами почти поровну. Дѣлалось это какъ въ виду того, что не всегда духовенство слѣдовало примѣру своихъ прихожанъ (т. е., не всегда изъявляло желаніе перейти въ православіе), такъ и въ виду возможнаго возвращенія къ уніи нѣкоторыхъ лицъ, отрекшихся отъ нея, вообще—какъ значится въ тоговременныхъ актахъ—„in spem unionis“ [4]).—Дѣйствуя отъ имени короля въ качествѣ „умиротворителей“ между уніатами и православными, комиссары, вслѣдствіе жалобъ и просьбъ послѣднихъ, заявляли, что впредь всякія нареканія и притѣсненія изъ-за дѣлъ религіозныхъ не должны имѣть мѣста, и каждая сторона должна довольствоваться предоставленными ей церквами съ пріуроченными къ нимъ угодьями. Такъ какъ при распредѣленіи между религіозными противниками церквей бывали и такіе случаи, что присуждаемая православнымъ церковь находилась рядомъ, на одномъ „пляцу“ съ

[1]) Кіев. Центр Архивъ; № кн. 1003, л. 304.

[2]) Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. I. т. VI. стр. 725.

[3]) Кіев. Центр. Архивъ; № кн. 2161. л. 953 об.

[4]) Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. I. т. VI стр. 725.

церковью, предоставляемою уніатамъ,—то въ видахъ предупрежденія возможныхъ между тою и другою стороною столкновеній и вообще неудобствъ отъ такой близости мѣстъ богослуженія, принадлежащихъ лицамъ враждебно другъ къ другу настроеннымъ, коммиссары рекомендовали православнымъ перенести свою церковь на какое-либо другое, болѣе для нихъ удобное мѣсто [1]).

Не смотря на то, что комиссары дѣйствовали отъ имени короля, по его распоряженію, притомъ на этотъ разъ основанному на сеймовомъ постановленіи, для всѣхъ обязательномъ, не смотря на то, что при самомъ распредѣленіи церквей они блюли интересы уніатовъ, оставляя за ними не мало церквей только in spem unionis (слѣдовательно, не всегда распредѣляли ихъ пропорціонально наличной численности православныхъ и уніатовъ, какъ это требовалось королевскими грамотами),—латино-уніатскія власти остались крайне недовольны означенными коммиссіями и заносили противъ нихъ протесты. Въ этихъ протестахъ по-прежнему заявлялось, что грамоты короля объ отобраніи отъ уніатовъ церквей испрошены были ad male narrata, т. е. вслѣдствіе ложныхъ донесеній православныхъ, секретно, окольными путями; подрывалось самое значеніе означенныхъ грамотъ, какъ противорѣчащихъ прежнимъ узаконеніямъ, по которымъ отчужденіе церквей и церковныхъ имуществъ не можетъ быть производимо свѣтскою властью безъ соизволенія на то римскаго престола; наконецъ, сами комиссары обвинялись въ пристрастіи къ православнымъ и несправедливости въ отношеніи къ уніатамъ, заподазривалась правильность представляемыхъ имъ православными реестровъ съ перечисленіемъ своихъ единовѣрцевъ, и т. п. [2]). Разумѣется, подобные протесты, какъ лишенные юридической подкладки, въ большинствѣ случаевъ не имѣли существеннаго значенія. Но въ Холмской епархіи дѣло доходило иногда и до открытаго сопротивленія распоряженіямъ короля.

Холмскимъ уніатскимъ епископомъ былъ въ то время Меѳодій Терлецкій, едва ли по своему фанатизму чѣмъ-либо уступавшій пресловутому Іосафату Кунцевичу. Тяжелую руку этого „апостола уніи" православные почувствовали немедленно по вступленіи его на каѳедру. Унія, дотолѣ почти только номинально существовавшая въ Холмщинѣ, начинаетъ имъ вводиться здѣсь съ настойчивостью и посредствомъ насилій. Православные священники, не пожелавшіе

---

[1]) Ibid. ч. I. т. VI. стр. 720.

[2]) Древніе акты холмской епархіи (въ Холмскомъ церковно-арх. музеѣ), книга I.

признать надъ собою власти Меѳодія, преслѣдуются, изгоняются изъ приходовъ и замѣняются его сторонниками, а находившіяся въ ихъ вѣдѣніи церкви обращаются въ уніатскія. Ревнители православія стѣсняются въ своихъ правахъ и подвергаются всевозможнымъ оскорбленіямъ. Разумѣется, благодаря такимъ насиліямъ болѣе малодушные изъ православныхъ соглашались принимать унію, но это согласіе было вынужденное, вымученное „опрессіями"; а потому, когда съ воцареніемъ Владислава, благодаря достигнутой при его избраніи перемѣнѣ въ правовомъ положеніи западно-русской церкви, наступила для нея, по тоговременному выраженію православныхъ, „заря новой жизни", когда узаконено было свободное исповѣдываніе „старой вѣры", съ возвращеніемъ православнымъ отнятыхъ у нихъ церквей или, точнѣе, части оныхъ,—то указанное нами религіозное движеніе въ средѣ русскаго народа (отреченіе отъ уніи и возвращеніе къ православію) съ неменьшею силою проявилось и въ Холмщинѣ. Но здѣсь на стражѣ интересовъ уніи стояла уже довольно значительная фаланга воспитанныхъ Терлецкимъ его пособниковъ. Поэтому еще въ первый объѣздъ комиссарами Холмской епархіи (въ 1633 г.) нигдѣ они не испытывали болѣе затрудненій, какъ здѣсь, и отобранныя ими отъ уніатовъ церкви большею частью недолго оставались во владѣніи православныхъ [1]). Послѣ сеймовой конституціи 1635 года, когда объѣздъ комиссарами городовъ съ указанною нами цѣлью обставленъ былъ съ юридической стороны на незыблемо прочномъ основаніи, противленіе королевскимъ распоряженіямъ являлось уже дѣломъ весьма опаснымъ. Тѣмъ не менѣе фанатизмъ Терлецкаго, и на сеймахъ и всюду заявлявшаго, что онъ душу свою готовъ положить за свою паству, т. е. за унію,—побудилъ его и къ подобному сопротивленію. Въ реляціи Якова Суши читаемъ, что когда комиссары прибыли въ Холмъ и, при бытности Меѳодія, во всеуслышаніе объявили, что тѣ, которые не желаютъ быть уніатами, пусть станутъ на ихъ сторону, а тѣ, которые хотятъ быть уніатами—на сторону епископа,—народъ раздѣлился, причемъ, по чудесному Божьему опредѣленію, случилось такъ, что уніаты стали на правой сторонѣ, а неуниты, хотя и въ большемъ количествѣ (plures), на лѣвой. Такъ какъ епископъ (Меѳодій) не соглашался уступить неунитамъ какую либо церковь, то комиссары насильственно передали имъ церковь Успенія Пресвятой Богородицы. Но когда донесено было объ этомъ епископу, онъ, сопутствуемый духовенствомъ, народомъ и шляхтою, поспѣшно отправился къ означенной церкви, энергично изгналъ изъ нея неунитовъ и достойными

---

[1]) Древнія акты холм. епархіи. кн. I.

пастыря словами укорялъ комиссаровъ, въ числѣ коихъ были и католики, а послѣ сего шляхта укротила волнующійся народъ батогами. Тогда комиссары должны были отступить съ посрамленіемъ. Съ той и другой стороны занесены были протестаціи о насиліяхъ [1]). Въ Холмскомъ церковно-археологическомъ музеѣ находится обширное письмо самого Меѳодія Терлецкаго объ означенномъ событіи, писанное имъ къ своему другу—земскому писарю Матвѣю Щиглецкому—съ цѣлью составленія на основаніи его протестаціи противъ православныхъ. Письмо это, несмотря на преувеличенія, искаженіе фактовъ и вообще пристрастную окраску событій, естественную подъ перомъ такого фанатика, представляетъ весьма любопытный историческій памятникъ, не мало служащій къ уясненію трактуемаго нами предмета. Терлецкій заявляетъ, что первая коммиссія, пріѣзжавшая въ Холмъ (очевидно въ 1633 году), *шею себѣ сломала.* Назначеніе послѣдующихъ коммиссій объясняется упорствомъ со стороны православныхъ, не желавшихъ на сеймѣ приступать къ разсужденіямъ о неотложныхъ государственныхъ дѣлахъ, если не будутъ удовлетворены ихъ требованія. Что касается комиссаровъ, то они исполняютъ свои обязанности съ охотою, ибо хотя ихъ объѣзды дѣло и *безбожное*, но для нихъ весьма выгодное. Одинъ изъ нихъ купилъ уже Корытницу (имѣніе), помышляетъ и о Дубницѣ, а другой (очевидно намекъ на князя Четвертинскаго) заплатилъ нѣсколько тысячъ злотыхъ долга. Къ одному изъ комиссаровъ (Городельскому старостѣ, католику) Терлецкій писалъ письмо съ просьбою оставить свое намѣреніе производить объѣзды городовъ въ его епархіи, какъ дѣло, клонящееся *къ погибели душъ людскихъ*, выставляя при этомъ и свою непреклонную волю—скорѣе пожертвовать жизнью за цѣлость своего словеснаго стада, чѣмъ допустить какой либо ущербъ въономъ. „Такою правдою—заявляетъ Меѳодій,—я такъ поразилъ комиссара, что онъ въ своемъ отвѣтѣ обрушился на меня со всѣми фуріями, наполнивъ его несносными сарказмами, вслѣдствіе чего означенный отвѣтъ правильнѣе назвать пасквилемъ". Затѣмъ комиссары обвиняются въ томъ, что не сообщали опредѣленныхъ свѣдѣній о времени своего пріѣзда въ города, часто мѣняя сроки. Это дѣлалось—по объясненію Терлецкаго—якобы въ тѣхъ видахъ, чтобы не дать ему, заботящемуся о своемъ стадѣ пастырю, возможности защитить оное своимъ присутствіемъ. Въ назначенный срокъ комиссары прибыли только въ Люблинъ. Но этотъ городъ,—по сознанію

---

[1]) Реляція Суши у Harasiewicza въ Annales Eccles. Ruthenae, изд. 1867 г. Львовѣ.

Меѳодія (чрезвычайно важному въ виду послѣдующихъ событій), „издревле зараженъ былъ схизмою и связи съ уніею не имѣлъ". Отсюда, минуя Красноставъ, Холмъ и Грубешовъ, комиссары отправились на Украйну, по направленію къ Кіеву, „выкореняя въ посѣщаемыхъ ими городахъ святую унію". Въ Холмщину комиссары возвратились въ февралѣ слѣдующаго года. О посѣщеніи ими Сокаля и Бельза „съ ущербомъ для святой уніи и къ пагубѣ душъ людскихъ", Меѳодій своевременно своими сторонниками не былъ извѣщенъ. Ему уніаты и католики дали знать только о днѣ пріѣзда комиссаровъ въ Грубешовъ. Но Меѳодій, по его словамъ не приготовленный къ сему и имѣя въ распоряженіи мало времени, не поѣхалъ въ означенный городъ, а потому комиссары, „заставши овецъ безъ пастыря, дѣлали, что хотѣли",—именно, двѣ находившіяся здѣсь во владѣніи уніатовъ церкви—Честнаго Креста и св. Николая—передали „схизматикамъ". Терлецкій объясняетъ это *взяточничествомъ* со стороны комиссаровъ, якобы получившихъ отъ грубешовскихъ граждапъ (православныхъ) подарковъ на двѣ тысячи злотыхъ, не считая еще тысячи, истраченной на угощеніе коммиссіи. Изъ Грубешова комиссары прибыли въ Красноставъ, гдѣ „присудили схизматикамъ" каменную церковь, а такъ какъ она была заперта, то ночью поотбивали замки и насильственно заняли ее. Терлецкій сдѣлалъ распоряженіе, какъ обѣ грубешовскія церкви, переданныя православнымъ, такъ и красноставскую запечатать,—и наивно заявляетъ своему другу, что онъ не знаетъ, имѣетъ ли его распоряженіе „важность" и не повлечетъ ли за собою съ юридической стороны (według prawa) непріятностей для него.—О посѣщеніи комиссарами Холма и сопротивленіи, оказанномъ имъ здѣсь,—Меѳодій въ существенныхъ чертахъ разсказываетъ согласно съ Сушею, но съ большими подробностями и мѣстами съ инымъ освѣщеніемъ фактовъ, доходящихъ до противорѣчія съ показаніями послѣдняго. Комиссары прибыли въ Холмъ въ пятницу (7 марта) и, по заявленію Меѳодія, пришли въ недоумѣніе, такъ какъ „не могли допытаться ни объ одномъ схизматикѣ". Но ночью комиссары, имѣя при себѣ хорошо подготовленныхъ людей, призывали черезъ нихъ гражданъ въ гостинницы для собесѣдованій, вслѣдствіе чего *утромъ въ холмянахъ обнаружилась великая перемѣна*: „стали собираться противныя уніатскому епископу толпы, записываться въ реестръ (т. е. заявлять себя православными), производить бунтъ" и т. п. Всѣхъ, записавшихся въ качествѣ православныхъ въ реестръ, по словамъ Меѳодія, было 35; но и этотъ списокъ составленъ былъ несправедливо, такъ какъ въ него записано было много лицъ, которыхъ въ то время не было въ городѣ,

и такихъ, которые не давали на то согласія и крѣпко стояли за унію. Когда комиссары приступили къ исполненію своихъ обязанностей, Терлецкій заявилъ, что какъ прежде онъ „не изъявлялъ согласія на коммиссіи, такъ не соизволяетъ и теперь и заранѣе предупреждаетъ, что какое бы ни состоялось опредѣленіе въ ущербъ уніи, онъ скорѣе пожертвуетъ своею жизнью, нежели допуститъ привести его въ исполненіе". Тѣмъ не менѣе комиссары, принимая во вниманіе, что часть гражданъ заявили себя православными, присудили имъ Успенскую церковь, находившуюся въ предмѣстьѣ города, съ шпиталемъ и всѣми принадлежностями, обезпечивъ православнымъ свободное исполненіе религіозныхъ обязанностей. Терлецкій приказалъ своимъ клевретамъ не допускать комиссаровъ до „отобранія церквей". Тѣмъ не менѣе утромъ въ воскресенье церковь чрезъ комиссаровъ была православнымъ передана, причемъ, по словамъ Терлецкаго, его приставники были прогнаны и церковные замки сломаны. Когда дано было знать объ этомъ Меѳодію, онъ поспѣшно отправился къ Успенской церкви. „Такъ какъ я—говоритъ Терлецкій—явно шелъ черезъ городъ, то люди, видя такое необычайное мое путешествіе и догадываясь, что я поспѣшно иду для защиты церкви, побѣжали за мною, притомъ не только мои уніаты и добрые католики, но и жиды, желая посмотрѣть на трагедію. Въ это время ѣхали изъ дома въ костелъ къ обѣднѣ (na mszą) госпожи Куницкая и Андреевская, и онѣ, смотря на другихъ, послѣдовали за нами. Я, не оглядываясь назадъ и не видя за собою громадной толпы, меня сопровождавшей, прямо пришелъ къ церкви, которую найдя запертою большимъ замкомъ, приказалъ священнику означенной церкви отпереть, желая слушать въ ней литургію (что потомъ и исполнилъ) и своимъ присутствіемъ противостать волкамъ и хищникамъ. Отвѣчалъ тотъ отецъ, что не имѣетъ ключей, потому что замокъ не церковный. Я спросилъ: церковный замокъ гдѣ же?—Отвѣчалъ: схизматики отбили и не знаю куда дѣвали, а церковь заперли своимъ замкомъ. Я разсудилъ: если свѣтскія лица рѣшились безправно отбить церковные замки, то почему не могъ бы учинить того я съ мірскимъ замкомъ, святотатственно къ дверямъ церкви привѣшеннымъ?—и тотчасъ приказалъ ударить въ него обухами, а потомъ, отворивши церковь, нашелъ царскія двери выломанными; чрезъ нихъ схизматицкій комиссарскій попъ вошедши безъ почтенія, даже съ пренебреженіемъ, въ алтарь, гдѣ находились св. дары, обратился къ своей сектѣ съ неприличными словами: вотъ, говорилъ, уніатскій сакраментъ, который такъ же много значитъ, какъ и хлѣбъ простой, и т. п. Около церкви, прежде чѣмъ она была отперта, католическое простонародье, будучи оскорблено не-

пристойными словами схизматиковъ, кинулось было въ драку съ ними, но я крикнулъ, чтобы вели себя спокойно... меня послушали, такъ что, по милости Божіей, пролитія крови не было. Впрочемъ, нѣсколькимъ схизматикамъ досталось отъ кулаковъ и палокъ, но безъ вреда, какъ отъ женщинъ. Именно говорятъ, якобы госпожи Куницкая и Андреевская преисполнились такой ревности католической, что не только лично присутствовали при мнѣ, но показали вмѣстѣ съ тѣмъ геройскій духъ: вырвавши изъ рукъ схизматиковъ тѣ же самыя палки, съ которыми они пришли было, эти госпожи живо замолотили ими по хребтамъ хлопскимъ и восприяли на площади пальму викторіи". Послѣ этого Меѳодій приказалъ звонить къ литургіи, которая и была совершена, послѣ чего, по его словамъ, „ни одинъ уже схизматикъ не показывалъ своихъ очей какъ въ этой, такъ и въ остальныхъ холмскихъ церквахъ" [1]).

Поступки Меѳодія были явно противозаконны. Не могъ этого не сознавать и самъ онъ. Но какъ фанатикъ, притомъ разсчитывавшій на сильную поддержку ультра-католической партіи, въ особенности надѣясь на одобреніе и могущественное содѣйствіе расположеннаго къ нему римскаго престола,—онъ не усомнился вступить въ противозаконную борьбу съ православными, которую и велъ въ теченіе всей своей жизни. Этою борьбою онъ нанесъ одну изъ самыхъ тяжелыхъ ранъ Рѣчи Посполитой, усиливая въ средѣ православныхъ подданныхъ оной озлобленіе противъ царившей здѣсь неправды, противостоять которой безсильной оказывалась верховная власть; но ближайшія послѣдствія этой борьбы, казовыя послѣдствія, для Меѳодія были благопріятны: онъ своими безконечными процессами противъ православныхъ (хотя и не дешево ему стоившими) до такой степени стѣснилъ ихъ, что многіе изъ нихъ—хотя бы то и наружно—подчинились ему. Въ Холмѣ при Меѳодіи православнымъ, не смотря на всѣ ихъ усилія, не удалось имѣть ни одной церкви. Потерявъ надежду возвратить присужденную имъ Успенскую церковь, они предприняли сооруженіе церкви на свои средства и, купивъ для этого удобное мѣсто, стали свозить на него строительный матеріалъ; но Меѳодій силою захватилъ этотъ матеріалъ и свезъ его къ своей соборной церкви, отнялъ и самое мѣсто, предназначенное для церкви. Меѳодій не ограничился и этимъ: посредствомъ судебныхъ преслѣдованій и всевозможныхъ стѣсненій онъ довелъ православныхъ жителей Холма до того, что они, по словамъ Суши, „клятвенно отреклись отъ схизмы и дали за себя и своихъ потомковъ судебнымъ порядкомъ заактированное обѣщаніе всегда пребы-

---

[1]) Древ. акты Холм. епархіи (въ Холм. музеѣ) к. I.

вать въ уніи, подъ угрозою за отступленіе отъ нея конфискаціи имуществъ.

Подобную же борьбу съ православными Меѳодій велъ и въ другихъ городахъ своей епархіи [1]).

Были отклоненія отъ вошедшихъ въ силу узаконеній по дѣламъ религіознымъ и со стороны православныхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ вызваны были необходимостью: были почти неизбѣжны. Мы видѣли, что въ городахъ Витебскѣ и Полоцкѣ православные не должны были имѣть ни одной церкви, и такимъ образомъ юрисдикція православнаго епископа (мстиславскаго, оршанскаго и могилевскаго) на эти города не простиралась. Такое постановленіе, состоявшееся во время сейма 1635 года, находилось въ противорѣчіи со „статьями примиренія", проектированными на избирательномъ сеймѣ, но тѣмъ не менѣе на него—какъ нами замѣчено—православные вынуждены были дать свое согласіе (по крайней мѣрѣ протестовъ съ ихъ стороны мы не встрѣчаемъ). Такая уступчивость со стороны православныхъ вызвана была непреклонною настойчивостію латино-уніатской партіи и *особеннымъ положеніемъ этихъ городовъ.* Въ Витебскѣ въ ноябрѣ 1623 года умерщвленъ былъ православными извѣстный фанатикъ Іосафатъ Кунцевичъ. Коммиссія, назначенная правительствомъ для разслѣдованія этого дѣла, произнесла суровый декретъ: около ста человѣкъ осуждено было на смертную казнь, имѣнія осужденныхъ конфискованы, городъ Витебскъ лишенъ магдебургскаго права и всѣхъ прежде дарованныхъ ему вольностей, мѣста, гдѣ совершалось православное богослуженіе, были разрушены, и витеблянамъ воспрещалось вновь возобновлять оныя. Возвращеніе прежнихъ вольностей своему городу жители Витебска пріобрѣли впослѣдствіи тяжелою цѣною, обязательствомъ принять унію и впредь неуклонно слѣдовать ей. На эти обстоятельства и указывали латино-уніаты, домогаясь въ указанномъ смыслѣ измѣненія статей примиренія [2]). Что касается Полоцка, жители котораго тоже не были неповинны въ умерщвленіи Кунцевича, то этотъ городъ, по мнѣнію латино-уніатовъ, уже потому долженъ былъ не заключать въ стѣнахъ своихъ схизмы (православія), что былъ резиденціею означеннаго „блаженнаго мученика", душу свою положившаго за дѣло уніи.

---

[1]) Ibid.

[2]) Витебская Старина, изд. А. Сапунова. т. I. докум. №№ 118—120. Ibid. т. V ч. I. № 93.

Вводимая посредствомъ угрозъ и насилій унія въ Полоцкѣ и Витебскѣ не могла быть принимаема искренно: ее принимали съ ненавистью къ ней въ душѣ, въ силу необходимости. Поэтому, когда съ воцареніемъ Владислава IV правовое положеніе западно-русской церкви существенно измѣнилось къ лучшему, достигнутое латино-уніатскою партіею выдѣленіе означенныхъ городовъ изъ общаго узаконенія о религіозной свободѣ, какъ бы закрѣпощеніе этихъ городовъ за уніею, не могло не возбудить здѣсь крайняго неудовольствія и не вызвать движеній въ пользу православія. Притомъ по отношенію къ Полоцку точное исполненіе постановленія 1635 года о неимѣніи здѣсь православными ни одной церкви оказывалось уже запоздавшимъ, такъ какъ еще въ 1633 году Владиславомъ IV, по просьбѣ земскаго брацлавскаго судьи Себастіана Мирскаго, выдана была привилегія, которою дозволялось на пожертвованномъ имъ пляцѣ, находящемся въ г. Полоцкѣ, „церковь и монастырь будовати, подъ послушенствомъ владыки мстиславскаго, не въ уніи будучого“ [1]). Поэтому, можетъ быть опираясь на эту привилегію, Сильвестръ Коссовъ, вскорѣ по вступленіи на мстиславскую каѳедру, при объѣздѣ своей епархіи посѣтилъ и Полоцкъ: „прибылъ сюда— по словамъ уніатскаго архіепископа Антонія Селявы—съ шумомъ и воинскимъ оружіемъ, переосвящалъ уніатскихъ священниковъ и присоединилъ ихъ съ прихожанами къ схизмѣ (православію)“ [2]). Кажется, въ это же время онъ посѣтилъ и Витебскъ, какое посѣщеніе тоже сопровождалось присоединеніемъ „простого люда“ къ православію [3]). Такія дѣйствія со стороны С. Коссова вызвали сильные протесты со стороны полоцкаго уніатскаго архіепископа и сочтены были правительствомъ за нарушеніе существующихъ узаконеній. 1-го мая 1636 года Владиславъ IV издалъ наказъ, воспрещающій С. Коссову пріѣзды въ Полоцкъ и Витебскъ [4]), а судебные процессы, начатые противъ него Антоніемъ Селявою и тянувшіеся цѣлые годы, доставили много хлопотъ, огорченій и матеріальныхъ ущербовъ мстиславскому епископу [5]).

Другое, болѣе громкое дѣло о нарушеніяхъ православными „статей примиренія“ возникло въ перемышльской епархіи. Намъ извѣстно, что по означеннымъ статьямъ перемышльская епархія предоставлена была православнымъ, но съ оговоркою, что до смерти

---

[1]) Ibid. т. V. ч. I. № 90.

[2]) Ibid. т. V. ч. I. стр. 150.

[3]) Ibid. т. V. ч. I. № 97.

[4]) Ibid.

[5]) Ibid. т. V. ч. I, № 99, стр. 149 и слѣд.

уніатскаго епископа Афанасія Крупецкаго имѣнія этой епархіи должны оставаться за нимъ, до того же времени православному перемышльскому епископу, для его резиденціи, предназначены были три монастыря: св. Спаса, св. Онуфрія и такъ называемый Смолница. 14 марта 1635 года привилегія на перемышльскую епископію королемъ была дана земскому луцкому писарю Семену Гулевичу-Воютинскому, избранному на оную православными. Въ этой привилегіи, кромѣ означенныхъ монастырей со всѣми „добрами", къ нимъ принадлежащими, Гулевичу предоставлена была еще церковь Прэчичистенская (около Перемышля) [1]. Изъ означенныхъ монастырей лучшій—св. Спаса—находился дотолѣ въ фактическомъ владѣніи уніатскаго епископа А. Крупецкаго. Предвидя, что со стороны послѣдняго можетъ воспослѣдовать сопротивленіе при передачѣ помянутаго монастыря въ вѣдѣніе православныхъ, Гулевичъ, какъ человѣкъ рѣшительный и энергичный, не послѣдовалъ обычному порядку, посредствомъ котораго должна была бы совершиться означенная передача. Онъ повсюду разослалъ грамоты и письма къ православнымъ своимъ пасомымъ съ просьбою къ извѣстному времени прибыть въ Перемышль для отобранія отъ уніатовъ Спасскаго монастыря. Вслѣдствіе этого призыва изъ разныхъ мѣстъ перемышльской и даже львовской епархіи стеклось множество народа, часть котораго (очевидно дворяне) была вооружена. И вотъ 10 іюня 1636 года эта многочисленная толпа (по свидѣтельству уніатскихъ источниковъ, якобы численностью въ 20,000) двинулась къ монастырю св. Спаса, внезапно напала на него, разрушила ограду, завладѣла келіями, житницами и вообще всѣмъ монастырскимъ имуществомъ. Нѣкоторые слуги и друзья Крупецкаго заперлись въ башнѣ, окруженной каменною стѣною, гдѣ якобы мужественнои защищались около десяти дней. Что касается до самого Крупецкаго, то онъ въ это время оканчивалъ литургію (divina celebrabat). Церковныя двери (запертыя по его распоряженію) были разбиты сѣкирами, и Гулевичъ введенъ былъ въ храмъ. Крупецкій находился еще въ облаченіи; на него посыпались оскорбленія и удары, а одинъ изъ „схизматиковъ", дворянинъ Маркевичъ, приставилъ къ его груди два пистолета и произвелъ выстрѣлы, давшіе осѣчку. Когда же выстрѣлы имѣли быть повторенными, Гулевичъ прикрылъ Крупецкаго своею мантіею и среди общаго смятенія—крика и стона избиваемыхъ людей—отвелъ его въ ризницу, гдѣ онъ, не пивши и не ѣвши, просидѣлъ до полуночи, пока тайно не выведенъ былъ изъ своего заключенія Гулевичемъ. Въ это время нѣкоторые изъ

[1]) Кіев. Центр. Архивъ; № кн. 2150, л. 738 об.

церковныхъ прислужниковъ были подвергаемы истязаніямъ, слуги заключаемы въ карцеры, вообще всюду производились страшныя насилія [1]). Не смотря на естественныя преувеличенія въ протестаціяхъ и разсказахъ уніатскихъ писателей объ этомъ событіи, въ существенныхъ чертахъ сообщаемыя здѣсь свѣдѣнія должны быть признаны за достовѣрныя. За это говорятъ уже тѣ прискорбныя послѣдствія (о чемъ скажемъ ниже), которыми сопровождалось это дѣло для Гулевича и другихъ лицъ, принимавшихъ участіе въ означенномъ нападеніи.

Изъ приведенныхъ нами фактовъ (а численность подобныхъ фактовъ, хотя и не столь выпуклыхъ, можетъ быть увеличена) видно, что „статьи примиренія" не достигли одной изъ главныхъ своихъ цѣлей: не внесли мира и спокойствія между православными и латино-уніатами. Слишкомъ обострены были отношенія между тѣми и другими, чтобы ихъ многолѣтнія пререканія рѣшены были правительственною властью, въ особенности при слабости этой власти. Къ тому же сама власть, подъ давленіемъ латино-уніатской партіи, обнаруживала въ это время колебанія, не безъ основанія заставлявшія православныхъ опасаться за прочность достигнутыхъ ими на предшествовавшихъ сеймахъ результатовъ. Такъ, напр., когда съ разныхъ сторонъ латино-уніатскаго лагеря посыпались жалобы о несправедливомъ якобы распредѣленіи церквей между православными и уніатами, то король вынужденъ былъ послать воеводамъ, каштелянамъ, старостамъ и другимъ властямъ грамоты, въ которыхъ, выставляя на видъ несправедливость дѣйствій комиссаровъ (комиссары, назначенные для Короны, насильственно отобрали нѣкоторыя церкви отъ уніатовъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ), приказывалъ всѣ означенныя церкви вновь возвратить уніатамъ [2]). Въ то же время посланы были королемъ грамоты и самимъ комиссарамъ, въ коихъ король упрекалъ послѣднихъ въ неисполненіи его *намѣреній*, приказывалъ имъ вновь объѣхать города и нѣкоторыя церкви, отобранныя отъ уніатовъ, вновь возвратить имъ, представивъ православнымъ найхудшія (podleysze cerkwie) [3]). Разумѣется, отобраніе отъ православныхъ уже отданнаго имъ, притомъ, смѣло можно утверждать, справедливо отданнаго—не могло не вызывать въ средѣ ихъ новыхъ волненій, новыхъ неудовольствій, а отсюда и открытыхъ сопротив-

---

1) Ind. Relat. Castr. Premisl. въ Львов. Бернадинскомъ Арх; № кн. 359, л. л. 435—441.

2) Кіев. Центр. Арх.; № кн. 1003. л. 447.

3) Ibid. № кн. 1003, л. 448.

леній. Словомъ, то „пламя“, которое внесено было въ зданіе Рѣчи Посполитой чрезъ введеніе здѣсь пресловутой религіозной уніи съ Римомъ,— „пламя,“ столь быстро разрушавшее это зданіе,—не только не было потушено „статьями примиренія,“—но, по крайней мѣрѣ, по мѣстамъ, еще болѣе было раздуваемо. Владиславъ IV не могъ этого не сознавать, а потому въ интересахъ государства рѣшился прибѣгнуть къ другой лелѣемой имъ мысли—примиренію православныхъ и уніатовъ *на почвѣ религіозной*, путемъ взаимныхъ уступокъ съ той и съ другой стороны.

IV.

Попытки со стороны короля къ примиренію враждующихъ сторонъ на почвѣ религіозной и отношеніе къ сему представителей православной церкви.—Депутація короля по этому поводу къ православнымъ въ бытность его въ 1636 г. въ Вильнѣ. Грамоты короля, разосланныя представителямъ уніатской и православной церкви о созваніи собора для разсужденій объ условіяхъ религіознаго соглашенія.—Проектъ уніи.—Неудавшійся („сорванный“) сеймъ 1637 г.

Мысль о примиреніи православныхъ съ уніатами на почвѣ религіозной—мысль не новая. Извѣстно, что рѣчи объ этомъ подняты были еще на сеймѣ 1623 года [1]). Около этого времени составленъ былъ и планъ подобнаго соглашенія. Онъ состоялъ въ томъ, чтобы православные и уніяты, собравшись на соборъ, общимъ совѣтомъ избрали себѣ патріарха. Подобнаго плана не чуждались ни уніаты, обманувшіеся въ пышныхъ обѣщаніяхъ католиковъ, ни православные, изнуренные продолжительною борьбою съ латино-уніатами и до крайности стѣсненные въ своихъ правахъ. Разсужденія объ этомъ дѣлѣ возобновлялись въ 1624, 1626, 1627 и 1629 годахъ; но они ни къ чему не привели, съ одной стороны, вслѣдствіе крайняго несочувствія подобному соглашенію большинства простого народа, а съ другой—вслѣдствіе разныхъ точекъ зрѣнія на дѣло религіознаго соглашенія представителей православной и латино-уніатской церквей.

Владиславъ IV вѣрилъ въ возможность религіознаго соглашенія между православными и уніатами путемъ взаимныхъ уступокъ, по крайней мѣрѣ въ продолженіе всего своего царствованія всемѣрно заботился объ этомъ (равно какъ и о религіозномъ примиреніи католиковъ съ протестантами). Безъ сомнѣнія, еще на коронаціонномъ сеймѣ, когда религіозныя разногласія приняли опасный для спокой-

---

[1]) Кіев. митроп. П. Могила, т. I глава III.

ствія государства характеръ, король входилъ въ сношенія съ представителями православія и уніи: склоняя тѣхъ и другихъ къ примиренію на почвѣ религіозной. Не подлежитъ также сомнѣнію и то, что о надеждѣ на подобное примиреніе не мало трактовалось и въ секретной инструкціи, данной отправляемому въ Римъ въ качествѣ посла Георгію Оссолинскому. Недаромъ послѣдній въ своей краснорѣчивой рѣчи предъ папою заявлялъ о заботахъ Владислава IV-го привлечь въ овчарню „св. отца" одичалыхъ львовъ скандинавскихъ (москвичей) и отщепенцевъ отъ верховнаго пастыря (православныхъ западно-руссовъ). На сеймѣ 1635 года заботы короля въ указанномъ направленіи, въ виду тѣхъ же религіозныхъ разногласій, должны были еще болѣе увеличиться. Принимая во вниманіе всю совокупность данныхъ по трактуемому предмету, можно предполагать, что Петръ Могила и другіе наиболѣе видные представители православія къ желанію короля не отнеслись отрицательно. Они могли заявить (какъ П. Могила заявлялъ), что св. восточная церковь ежедневно проситъ Господа, дабы онъ путями, ему вѣдомыми, привелъ раздѣленныя церкви къ тому единенію, которое существовало между ними прежде, въ теченіе тысячелѣтія. Но подавая такую надежду, ревнители православія во главѣ съ представителемъ западно-русской церкви не желали главнымъ образомъ противорѣчить королю, такъ много сдѣлавшему въ интересахъ православія, на самомъ же дѣлѣ, хорошо ознакомленные съ вожделѣніями латино-уніатской партіи и ея воззрѣніями на этотъ предметъ, едва ли могли (за рѣдкими исключеніями) питать дѣйствительную надежду на умиротвореніе православной церкви посредствомъ предлагаемаго компромисса: ибо они хорошо знали, что римскій престолъ далекъ отъ мысли объ единеніи церквей, какъ о взаимообщеніи между ними въ мирѣ и любви, съ сохраненіемъ за церковью православною всѣхъ завѣщанныхъ древностью особенностей въ ученіи, управленіи и обрядности; они знали, что римскій престолъ смотритъ на означенное единеніе, какъ на подчиненіе православной церкви католической, какъ на всецѣлое порабощеніе первой послѣдней. Такимъ образомъ надежды, подаваемыя королю представителями православной церкви на возможность примиренія ихъ съ уніатами на почвѣ религіозной, были не болѣе какъ дипломатическимъ пріемомъ съ ихъ стороны передъ королемъ, въ помощи и содѣйствіи котораго они столь нуждались. Между тѣмъ Владиславъ IV своимъ совѣщаніямъ съ представителями православной церкви по данному вопросу придалъ преувеличенное значеніе въ смыслѣ склонности послѣднихъ сдѣлать существенныя уступки католицизму, о чемъ, кажется, и извѣстилъ папу, осаждаемаго жалобами на короля за его покровительство „схизматикамъ".

По крайней мѣрѣ Урбанъ VIII въ письмѣ своемъ, отъ 10 іюля 1636 г., на имя волынскаго воеводы осыпалъ его похвалами за то, что „онъ вмѣстѣ съ возлюбленными братьями—Петромъ Могилою, митрополитомъ Русиновъ, и Аѳанасіемъ, епископомъ луцкимъ, заботится о привеценіи всѣхъ русскихъ къ единенію съ римскимъ престоломъ на основаніи флорентійскаго собора (iuxta sacri concilii Florentini praescriptum) [1]). Въ это время слухи о склонности Петра Могилы и луцкаго епископа Аѳанасія Пузыны принять унію (даже о принятіи послѣднимъ оной) были, кажется, распространены значительно. Нѣкто Фрукъ въ письмѣ своемъ (отъ 18 іюня 1636 г.) къ уніатскому Владимірскому епископу Іосифу Мокосѣи-Баковецкому извѣщаетъ послѣдняго, какъ о новости, что луцкій епископъ Пузына, обратившись съ просьбою къ князю Заславскому о прекращеніи начатыхъ противъ него, епископа, процессовъ за учиненные имъ „бунты" въ Кременцѣ, а также о предоставленіи ему Дерманскаго монастыря, изъявилъ желаніе принять унію и даже далъ присягу на оную. „Говорятъ—пишетъ Фрукъ—и о Могилѣ, что онъ окончательно хочетъ перейти на сторону уніи. Объ этомъ была рѣчь въ Бродахъ, у его милости пана Краковскаго. Его милость сказалъ: о Пузынѣ не сомнѣваюсь, но о Могилѣ *весьма*; въ особенности сомнѣвается панъ подкоморій Львовскій, который хорошо его (Могилу) знаетъ" [2]).

Особенную заботливость о примиреніи православныхъ съ уніатами на почвѣ религіозной Владиславъ IV проявилъ въ 1636 году, когда несостоятельность правительственныхъ распоряженій „объ успокоеніи людей греческой религіи" обнаружилась всецѣло. Въ этомъ году, въ бытность свою въ Вильнѣ, онъ обратился къ православнымъ съ увѣщаніями войти въ соглашеніе съ уніатами и учинить „генеральную згоду". Съ этою цѣлью послано было къ нимъ (по всей вѣроятности, къ виленскимъ братчикамъ) уполномоченное лицо, которое обратилось къ собранію православныхъ съ слѣдующею рѣчью:

„Король его милость говоритъ вамъ чрезъ посредство меня: какъ ваши предки оказали сопротивленіе уніи и чрезъ то подали примѣръ другимъ городамъ, такъ (желательно), чтобы вы, ихъ потомки, были побужденіемъ для тѣхъ же городовъ къ (взаимному) соглашенію.

---

[1]). Theiner. Vetera Monum. Pol. et Lithuaniae, t. III, № CCCLVII.

[2]). Подлинникъ находится въ библ. Кіев. Дух. Академіи (поступилъ изъ Тригурскаго монастыря).

„Увѣщеваетъ васъ король его милость къ общему соглашенію по слѣдующимъ причинамъ:

1) Все, позволенное вамъ королемъ его милостью на прошлыхъ сеймахъ, потому позволено было, что ваши духовные руководители, въ случаѣ благопріятнаго рѣшенія въ вашу пользу, обѣщали скорое соединеніе (религіозное соглашеніе съ уніатами); теперь пришло время исполнить это обѣщаніе.

2) Усматриваетъ король его милость, что сѣкира лежитъ при корнѣ вѣроисповѣданія греческаго, такъ какъ число людей, принадлежащихъ къ нему, не прибываетъ, но умаляется. А развѣ не умаляется, когда многіе какъ отъ уніатовъ, такъ и отъ неуніатовъ переходятъ въ обрядъ латинскій,—не только свѣтскіе но и монашествующіе,—вслѣдствіе чего возрастаютъ книги (судебныя дѣла), которыя всѣ вѣтви и листья столь прекраснаго вѣроисповѣданія изсушиваютъ, отсѣкаютъ и отрываютъ? А развѣ не умаляется, когда съ обѣихъ сторонъ умножаются судебные процессы, которые, уменьшая имущество ваше, вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшаютъ и ваше расположеніе къ своему вѣроисповѣданію? А развѣ не умаляется, когда многія церкви обращаются въ костелы? А это все происходитъ оттого, что надежда соединенія отсрочивается.

3) Видитъ король его милость, что васъ и въ Коронѣ и въ Литвѣ декретами накрываютъ, маетности, основанныя вами и завѣщанныя, отнимаютъ, даже, увеличивая ваши несчастія (a że krzyż podnosząc), не всегда позволяютъ производить звоны въ колокола, всюду не только не имѣете вы свободнаго доступа къ вольностямъ, но пребываете въ униженіи; а такъ какъ набожные церемоніи и обычаи ваши сейчасъ уже имѣютъ отмѣны, то, если сами о себѣ не будете стараться, и ваше вѣроисповѣданіе, и полученныя вами права, однимъ словомъ, все погубите.

4) Поелику въ членахъ вѣры (между православною и уніатскою церквами) противорѣчія нѣтъ и поелику уніаты желаютъ соглашенія, то много повинны предъ Богомъ вы будете (т. е., если не послѣдуете убѣжденіямъ короля). При этомъ король его милость предостерегаетъ васъ: если станете медлить соглашеніемъ, какъ бы не случилось, что уніаты, истомившись ожиданіями, не пожелали бы съ своими церквами и бенефиціями перейти въ обрядъ римскій, а для осуществленія этого развѣ они не найдутъ себѣ помощниковъ? Предупреждая это, милостивый нашъ король, чрезъ меня, убѣждаетъ васъ, дабы вы позаботились о соглашеніи съ уніатами и начали это дѣло при бытности въ Вильнѣ его королевской милости. Вы (чрезъ исполненіе сказаннаго) пріохотите короля къ пожалованію сему городу большихъ вольностей, а равнымъ образомъ и вамъ самимъ,

какъ заботящимся объ упомянутомъ соглашеніи, будутъ оказаны милости. Пріохотите (къ услугамъ вамъ) и насъ, такъ какъ мы въ своихъ помѣстьяхъ имѣемъ много церквей. Мы о церквяхъ вашихъ и духовныхъ бенефиціяхъ будемъ такъ-же заботиться и охранять ихъ, какъ заботимся и охраняемъ духовенство костела римскаго" [1]).

Предполагая, что почва для религіознаго соглашенія православныхъ съ уніатами достаточно подготовлена, король въ началѣ сентября 1636 г. разослалъ къ представителямъ православной и уніатской церкви, а равно и къ нѣкоторымъ вліятельнымъ свѣтскимъ лицамъ грамоты съ призывомъ озаботиться о приведеніи означеннаго дѣла въ исполненіе. Въ посланіяхъ къ митрополитамъ православному (П. Могилѣ) и уніатскому (Вельямину-Рутскому) король писалъ: „По милости Божьей обезпечивши спокойствіе государства отъ внѣшнихъ враговъ, мы желали на предстоявшемъ общемъ сеймѣ все, что, вслѣдствіе несчастныхъ обстоятельствъ времени, производитъ волненія и въ будущемъ можетъ затруднить сеймовыя совѣщанія, надлежаще уврачевать и ввести въ свои предѣлы. Рознь же между Русью возсоединенною (съ Римомъ) и не возсоединенною, навлекая на Рѣчь Посполитую не мало непристойнаго (zaciągaiąc inconwiencyą), много отнимаетъ времени на сеймахъ,—и хотя во время счастливой нашей элекціи уже опредѣлены средства для успокоенія (враждующихъ), однако на прошломъ сеймѣ мы узнали, сколько приведеніе этихъ средствъ въ исполненіе затруднило Рѣчь Посполитую и навѣрное и впредь не перестанетъ затруднять. Посему, разсылая по настоящему дѣлу наши листы къ старшему духовенству обѣихъ сторонъ и къ нѣкоторымъ свѣтскимъ лицамъ,— такъ какъ у васъ и братства въ дѣлахъ религіозныхъ имѣютъ не малую силу,—мы желаемъ, чтобы вы предъ наступленіемъ слѣдующаго сейма снеслись со всѣми ими и озаботились объ изысканіи такихъ способовъ, посредствомъ которыхъ между вами, обѣими сторонами, могло бы установиться единеніе и прочное согласіе. Ибо пока вы надежными средствами не придете къ соглашенію въ своихъ разногласіяхъ, одна сторона не перестанетъ безпокоить другую тяжбами, утѣснять и всячески затруднять. Знаемъ, что главнѣйшимъ вопросомъ между вами (православными и уніатами) будетъ вопросъ о повиновеніи, которое вы (православные) оказываете константинопольскому патріарху; но если разсудите, что дѣлалось въ той

---

[1]). Рукоп. Виленскаго Свято-Дух. монастыря; сравни Лукашевича Dzieje wyznania Helweckiego w Litwie; но Лукашевичъ не вѣрно относитъ означенный фактъ къ 1648 году.

столицѣ и теперь дѣлается, легко прійдете къ мысли, что, не нарушая правъ патріаршества, вы можете, по примѣру Москвы и другихъ государствъ, имѣть у себя дома то, зачѣмъ тянетесь на сторону. Совершите же дѣло, угодное Богу, полезное Рѣчи Посполитой, потребное русскому народу, особенно находящемуся въ уніи, и незабвенное для насъ“ [1]).

Къ этому времени выработанъ былъ и самый проектъ религіознаго соглашенія православныхъ съ уніатами. Въ сущности это былъ тотъ же самый проектъ, который составленъ былъ въ 1629 г. ко времени львовскаго съѣзда, назначеннаго Сигизмундомъ III для совѣщаній между православными и уніатами. Но теперь проектъ былъ нѣсколько расширенъ, а главное, снабженъ обширными примѣчаніями. Главнѣйшіе пункты проекта, какъ и прежде, состояли въ томъ, что 1) русскіе греческаго обряда не вносятъ въ символъ вѣры прибавленія „и отъ Сына“, но въ свою очередь не должны порицать и латынянъ, учащихъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца. Вообще споры объ этомъ должны быть прекращены. 2) Русскіе греческаго обряда должны вѣрить въ существованіе третьяго мѣста—чистилища, хотя и не обязаны вѣрить, что очищеніе душъ въ немъ происходитъ черезъ огонь. 3) Обязаны вѣрить, что души святыхъ находятся на небѣ. 4) Всѣ русскіе греческаго обряда, находящіеся подъ властью польскаго короля, состоятъ въ зависимости отъ константинопольскаго патріарха, но только въ томъ случаѣ, если онъ вѣруетъ согласно вышеизложенному, если пребываетъ вѣрнымъ христіаниномъ, если будетъ единственнымъ патріархомъ той церкви, если, „по своемъ посвященіи, пришлетъ къ его величеству королю, митрополиту и ко всѣмъ русскимъ епископамъ свое вѣроисповѣданіе и объявитъ, что онъ вѣруетъ согласно вышенаписанному“. Когда его вѣроисповѣданіе окажется и признается согласнымъ съ объявленнымъ, тогда всѣ подданные его величества, держащіеся греческаго обряда, обязаны непосредственно зависѣть отъ означеннаго патріарха. 5) Обряды и обычаи восточной церкви будутъ сохраняться въ цѣлости, безъ прибавленій и убавленій; вѣдѣніе тяжбъ будетъ принадлежать общему собору, рѣшенія котораго обязательны. 6) Русскіе не должны порицать опрѣсноки латынянъ, субботній постъ, причащеніе подъ однимъ видомъ, съ другой стороны и римляне не должны хулить кислыхъ хлѣбовъ русскихъ, ихъ мясоѣденіе въ субботу и причащеніе подъ обоими видами. Такимъ образомъ, всякій держится своего обряда и хвалитъ другой, хотя

---

[1]) Supplem. ad. Histor Rus. Monum. № LXXII.

ему и не слѣдуетъ... 7) Никто изъ латынянъ не долженъ говорить, что восточные патріархи не имѣютъ той власти и юрисдикціи, какую имѣли ихъ предшественники, законно поставленные и православно (каѳолически) вѣровавшіе, потому что и теперешніе патріархи, если законно поставлены, все каѳолически принимаютъ и (согласно съ симъ) вѣруютъ. Никто изъ русскихъ не долженъ держать у себя и читать книгъ, написанныхъ или изданныхъ во время разногласія съ римскимъ престоломъ и направленныхъ противъ римскихъ первосвященниковъ. Всѣ русскіе греческаго обряда должны говорить, что римскій престолъ есть первый (между всѣми) и римскій первосвященникъ—первопрестольникъ или епископъ перваго сѣдалища, что ему не только принадлежитъ первое мѣсто и предсѣдательство на соборахъ, но онъ имѣетъ власть созывать самые соборы и одобрять ихъ опредѣленія. Это одному ему по праву приличествуетъ, ибо онъ есть правитель въ церкви Христовой, преемникъ божественнаго Петра. Къ нему братья должны присылать синодальныя грамоты (опредѣленія), и къ нему должно обращаться съ аппеляціею и за разрѣшеніемъ вопросовъ по важнѣйшимъ дѣламъ.

Къ этому проекту присоединены подробныя разъясненія относительно четвертаго пункта онаго, о томъ, какъ слѣдуетъ понимать зависимость отъ константинопольскаго патріарха *непосредственную* и *посредственную*.

Непосредственная зависимость отъ патріарха, по этому разъясненію, должна состоять главнымъ образомъ въ томъ, что митрополитъ въ церквахъ возноситъ молитву за него. Затѣмъ, послѣ достигнутаго соглашенія, патріархъ на первый разъ (prima vice) даетъ „сакру“ митрополиту; но Русь должна позаботиться, чтобы ея послѣдующіе митрополиты освобождены были отъ поѣздокъ за означенною сакрою къ патріархамъ, по крайней мѣрѣ, до того времени, какое Богъ назначитъ для освобожденія Востока (отъ власти турокъ). Между митрополитомъ и патріархомъ должны быть только письменныя сношенія: они пересылаютъ другъ другу синодальныя посланія и свое исповѣданіе вѣры, согласное съ изложеннымъ выше... Митрополитъ пользуется въ Россіи правами постояннаго экзарха, и какъ таковой (sic exarcha natus) можетъ рѣшать всѣ дѣла внутри государства (польскаго) самостоятельно.

Въ чемъ должна состоять посредственная зависимость митрополита отъ патріарха?

Въ томъ, во-первыхъ,—отвѣчаютъ составители проекта, что митрополитъ всегда поминаетъ (на богослуженіяхъ) прежде первосвященника (папу), потомъ патріарха; во-вторыхъ, въ томъ, что

давши согласіе (на предлагаемое религіозное соглашеніе), митрополитъ свое письменно изложенное исповѣданіе вѣры посылаетъ къ римскому первосвященнику, заявляя, что онъ такъ вѣруетъ и что такое же исповѣданіе пошлетъ къ константинопольскому патріарху; въ-третьихъ, въ томъ, что послѣ состоявшагося соглашенія, митрополитъ будетъ ходатайствовать передъ верховнымъ первосвященникомъ, дабы онъ согласился войти въ сношенія съ патріархомъ по вопросу объ отмѣнѣ поѣздокъ за „сакрою" вслѣдствіе сопряженныхъ съ ними опасностей; въ-четвертыхъ, въ томъ, что митрополитъ позаботится, дабы первосвященникъ утвердилъ рѣшеніе патріарха касательно означенныхъ поѣздокъ, по крайней мѣрѣ, до того времени, какое Богъ опредѣлилъ для свободы Востока. Кромѣ того, если бы чего не доставало власти митрополита, какъ экзарха, онъ упроситъ первосвященника восполнить этотъ недостатокъ. Избранный въ митрополиты (nominatus) не прежде вступаетъ въ управленіе церковью, какъ произнесетъ исповѣданіе вѣры въ присутствіи епископовъ и нѣсколькихъ архимандритовъ, а также верховнаго легата (римскаго) или его представителя.

Почему не возможна поѣздка къ константинопольскому патріарху (за „сакрою" и по другимъ дѣламъ)?

Въ подтвержденіе затруднительности и нежелательности такихъ поѣздокъ составители проекта представляютъ нѣсколько доводовъ: во-первыхъ, указывается на опасность, такъ какъ и посланный и самъ патріархъ легко могутъ возбудить въ туркахъ подозрѣніе и тѣмъ подвергнуть свою жизнь опасности; во-вторыхъ, нельзя ожидать никакой пользы отъ такихъ поѣздокъ, ибо тамъ, гдѣ нѣтъ ни книгъ, ни ученія, ни школъ, не можетъ быть и справедливаго рѣшенія; въ-третьихъ, слишкомъ дорого бы обошлись и самыя поѣздки вслѣдствіе царящихъ на Востокѣ хищенія и всеобщей симоніи; въ-четвертыхъ, чрезъ поѣздки самый обрядъ потерпѣлъ бы униженіе, ибо тогда обнаружилось бы, что скитальцы—греки управляютъ, а русскіе, несмотря на свое превосходство, покоряются имъ.

Впрочемъ, такъ какъ сношеніями съ константинопольскимъ патріархомъ русскіе чрезвычайно дорожили, то составителями приведенныхъ объясненій къ проекту сдѣлано было замѣчаніе, что относительно этого пункта можно кое-что и уступить противной сторонѣ [1]).

---

[1]) См. Прилож. къ 1 т. сочиненія: Кіевскій митрополитъ П. Могила, стр 380—384.

Уступки католицизма, сдѣланныя въ приведенномъ проектѣ „противной сторонѣ", т. е. православію, были ничтожны. Онѣ сводились къ признанію за послѣдними обрядности, но отнюдь не обезпечивали за ними сохраненія въ неповрежденномъ видѣ вѣроученія. Главный отличительный догматъ католической церкви—главенство папы—выдвигался на первый планъ, причемъ православные обязывались не къ почетному только признанію первенства римскаго первосвященника, но къ признанію его божественнымъ намѣстникомъ св. Петра, видимою главою церкви, руководителемъ и вершителемъ всѣхъ дѣлъ церковныхъ. Словомъ, православнымъ предлагалась та же ненавистная имъ унія, противъ которой они такъ энергично боролись, хотя предлагалась какъ бы въ смягченномъ видѣ. Длинныя рѣчи о константинопольскомъ патріархѣ, о неудобствахъ сношенія съ нимъ, о симоніи, царившей на Востокѣ, и т. п. велись съ цѣлью подготовить православныхъ къ окончательному разрыву съ греческою церковью, ибо представители католицизма не могли не сознавать, что на ихъ проектъ константинопольскій патріархъ не можетъ дать согласія и еслибы даже посредствомъ матеріальныхъ жертвъ такое согласіе и было достигнуто, то оно, возбудивъ общее негодованіе въ греческой церкви, послѣднею было бы тотчасъ же кассировано. Эти длинныя рѣчи были подготовительною почвою для склоненія православныхъ къ отдѣленію отъ греческой церкви чрезъ образованіе *собственнаго патріархата*, о чемъ прямо король и заявлялъ въ своихъ грамотахъ митрополиту православному и уніатскому.

Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что кандидатомъ на патріаршество намѣченъ былъ королемъ и даже латино-уніатскою партіею Петръ Могила. Намеки на это находимъ въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ хотя нѣсколько и позднѣйшаго времени, но еще писанныхъ при жизни П. Могилы и притомъ тогда именно, когда попытки къ соглашенію православныхъ съ уніатами не оставляемы были королемъ. Кассіанъ Саковичъ въ 1642 году, издавая свою *Перспективу*, въ предисловіи „до читателя религіи греко-русской", между прочимъ, пишетъ: „Взялъ отецъ Могила церковь св. Софіи въ Кіевѣ, много столѣтій передъ тѣмъ опустошенную, а въ настоящее время такъ ее возстановилъ, что отъ всѣхъ получаетъ похвалу. Также возстановляетъ монастыри, основываетъ школы и много дѣлаетъ добра въ интересахъ своего народа, такъ что еслибы захотѣлъ распрощаться (waledikować) со схизмою и вступить въ унію съ св. костеломъ римскимъ, безъ сомнѣнія, не только митрополичьяго,

не и патріаршаго сана былъ бы достоинъ“ [1]). Бывшій митрополитъ Исаія Копинскій по непровѣреннымъ слухамъ заявлялъ, что Петръ Могила вѣры христіанской отпалъ и благословленъ отъ папы римскаго нынѣ (въ 1638 г.) въ великій постъ *въ патріархи*. Очевидно, что ложные слухи, распускаемые о П. Могилѣ И. Копинскимъ, въ основѣ своей имѣли предложенія короля, сдѣланныя нашему митрополиту о предоставленіи ему подъ извѣстными условіями патріаршества. Разумѣется, предлагая Петру Могилѣ патріаршій санъ, Владиславъ IV и латино-уніатская партія имѣли въ виду заручиться содѣйствіемъ его, какъ самаго выдающагося и по своему положенію и по своему вліянію, основанному на крупныхъ заслугахъ предъ русскимъ народомъ, представителя православной церкви. Прежнее (въ бытность архимандритомъ) участіе П. Могилы въ дѣлѣ соглашенія православныхъ съ уніатами и отзывы о немъ, какъ человѣкѣ примирительно относившемся къ разностямъ между церквами православною и католическою, давали латино-уніатской партіи надежду, что и въ данное время, въ особенности въ виду открывающейся перспективы получить патріаршій санъ, Могила склоненъ будетъ оказать существенныя услуги проекту религіознаго примиренія. Но если Петръ Могила въ прежнее время, увлеченный заманчиво-миролюбивыми рѣчами сторонниковъ уніи и лицевою стороною плана о соглашеніи съ римскою церковью, и мечталъ о возможности взаимообщенія между церквами (православною и католическою), то въ настоящее время, когда для него очевидною сдѣлалась и оборотная сторона означеннаго плана, а намѣренія сторонниковъ папизма перестали быть тайною,—онъ не могъ не понять, что предлагаемые проекты о соглашеніи съ уніатами грозятъ неминуемою опасностью чистотѣ православія, ведутъ къ порабощенію православной церкви римскому престолу, а потому не только не приложилъ стараній къ осуществленію предполагавшагося соглашенія съ уніатами, но и принялъ мѣры къ огражденію православія отъ посягательства на оное. Такъ, исполняя приказанія короля, онъ разослалъ его грамоты съ призывомъ къ религіозному примиренію съ уніатами православнымъ братствамъ и, совѣтуя имъ обсудить это дѣло всесторонне, наказывалъ, чтобы на ближайшій сеймъ (на которомъ имѣли быть разсужденія по этому вопросу) избраны были депутатами лица, наиболѣе извѣстные своею ревностью къ православію [2]). Ясный знакъ,

---

[1]) Ἐπανόρθωσις albo Perspectiwa..., изд. 1642 г., въ Краковѣ (предисловіе „do czytelnika religiey Graecoruskiey“)

[2]) Лѣтопись Львов. Ставропигіальнаго Братства, по древнимъ документамъ составленная Діонисіемъ Зубрицкимъ (оттискъ изъ журн. М. Н. Просв.) стр. 83.

какъ относился митрополитъ къ затѣѣ короля, хотя,—повторяемъ,—не желая возбудить неудовольствія съ его стороны, открыто, принципіально и не вооружился противъ нея.

Сеймъ 1637 года, на которомъ предположены были совѣщанія православныхъ съ уніатами по означенному вопросу, открылся своевременно, но, вслѣдствіе крупныхъ разногласій между депутатами, не окончился: былъ „сорванъ“. Если при началѣ его и были совѣщанія православныхъ съ уніатами о религіозномъ между собою примиреніи и учрежденіи особаго западно-русскаго патріархата, то они не привели ни къ чему, и затѣя короля окончилась неудачно, хотя—какъ увидимъ—ни онъ, ни латино-уніатская партія отъ нея не отказались.

С. Голубевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НОВЫЕ МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ ШЕВЧЕНКА*).

II. Оренбургскій обыскъ и его послѣдствія.

III. Межирицкій инцидентъ.

Оренбургскій обыскъ у Шевченка имѣетъ важное значеніе въ его біографіи, ибо онъ былъ причиной ссылки поэта въ Новопетровское укрѣпленіе, гдѣ ему суждено было провести цѣлыхъ семь лѣтъ. По возвращеніи изъ Аральской экспедиціи Шевченко былъ препровожденъ въ Оренбургъ (въ ноябрѣ 1849 г.) и прикомандированъ къ начальнику экспедиціи А. И. Бутакову, чтобъ докончить подъ его руководствомъ работы по описанію Аральскаго моря. Благородный Бутаковъ рекомендовалъ Шевченка командиру отдѣльнаго оренбургскаго корпуса Обручеву съ такой хорошей стороны и выставилъ услуги, оказанныя имъ экспедиціи такъ ярко, что послѣдній послалъ отъ себя ходатайство къ шефу жандармовъ гр. Орлову (отъ 20 ноября 1849 г.) о дозволеніи рядовому Шевченку заниматься рисованіемъ. По поводу этого ходатайства гр. Орловъ входилъ съ докладомъ къ Государю Императору, но Высочайшаго соизволенія на это не послѣдовало, о чемъ гр. Орловъ сообщилъ Обручеву.—Судя по разсказамъ Ѳ. М. Лазаревскаго, служившаго тогда въ Оренбургѣ, полугодичное пребываніе Шевченка въ этомъ городѣ

---

*) См. „Кіевская Старина" 1893 г. Мартъ.

было сравнительно свѣтлой полосой въ жизни поэта. Онъ былъ на хорошемъ счету у начальства, которое хотѣло произвесть его въ унтеръ-офицеры, жилъ не въ казармахъ, а въ домѣ адъютанта Обручева К. И. Герна, вращался въ интеллигентной средѣ своихъ соотечественниковъ и ссыльныхъ поляковъ, которые относились къ нему съ большимъ уваженіемъ, а главное только номинально считался солдатомъ, не несъ военной службы, даже ходилъ въ партикулярномъ платьѣ и, живя на свободѣ, могъ сколько угодно писать и рисовать. Но Шевченко очень хорошо зналъ, какъ непрочны эти блага, что достаточно доноса, чтобъ висящій надъ нимъ Дамокловъ мечъ немедленно опустили на его голову, чтобъ его снова возвратили къ ужасамъ казарменной жизни. Этимъ объясняется трогательное письмо его къ Дубельту (отъ 10 января 1850 г.), этотъ отчаянный крикъ наболѣвшаго сердца художника, который молилъ только объ одномъ, чтобъ ему оффиціально разрѣшено было рисовать [1]. Сколько извѣстно, это письмо осталось безъ отвѣта. Въ концѣ января главный начальникъ края В. А. Перовскій уѣзжалъ по дѣламъ въ Петербургъ. По просьбѣ-ли друзей и заступниковъ Шевченка, или по своему собственному побужденію, но только онъ заѣзжалъ въ III-е отдѣленіе къ Дубельту и, не заставши его, оставилъ письмо, которое находится при дѣлѣ о художникѣ Шевченкѣ, хранящемся въ Архивѣ Департамента Полиціи [2]. „Зная, какъ у Васъ мало свободнаго времени—пишетъ Перовскій—я не намѣренъ докучать Вамъ личными объясненіями и потому, прилагая при семъ записку объ одномъ дѣлѣ, покорнѣйше прошу В. П. прочесть ее въ свободную минуту и потомъ увѣдомить меня,—можно-ли что либо по Вашему мнѣнію предпринять къ облегченію участи Шевченка? Заслуживаетъ-ли онъ, по Вашему мнѣнію, ходатайства“? При этомъ письмѣ Перовскій приложилъ слѣдующую записку: „Въ

---

[1]) Письмо это было приведено цѣликомъ въ моей статьѣ „Геніальный Горемыка“, помѣщенной въ Сборникѣ „Братская помощь Армянамъ“. Москва 1897.

[2]) За позволеніе пользоваться этимъ дѣломъ приносимъ глубокую благодарность Министру Внутреннихъ Дѣлъ И. Л. Горемыкину.

1847 г. Тарасъ Шевченко былъ арестованъ въ Кіевѣ, привезенъ въ С.-Петербургъ и потомъ отправленъ въ отдѣльный оренбургскій корпусъ на службу рядовымъ за сочиненіе на малороссійскомъ языкѣ пасквильныхъ стиховъ, при чемъ ему было воспрещено писать и рисовать. Съ тѣхъ поръ рядовой Шевченко велъ себя отлично хорошо; онъ два года сряду, въ 1848 и 1849, участвовалъ и былъ весьма полезенъ въ экспедиціи, снаряженной для описанія Аральскаго моря.—Въ прошломъ году по возвращеніи Шевченка изъ этой экспедиціи командиръ отдѣльнаго оренбургскаго корпуса, удостовѣрившись въ его отличномъ поведеніи, службѣ и образѣ мыслей, испрашивалъ ему дозволенія рисовать, но на это представленіе послѣдовалъ отказъ. Въ этомъ положеніи дѣла Г. Корпусный Командиръ не можетъ произвести Шевченка въ унтеръ-офицеры, хотя онъ, Шевченко, служитъ съ отличіемъ уже нѣсколько лѣтъ рядовымъ и не былъ приговоренъ въ солдаты безъ выслуги. Рядовому Шевченку около 40 лѣтъ; онъ весьма слабаго и ненадежнаго сложенія и въ продолженіе кампаніи на Аральскомъ морѣ неоднократно подвергался скорбуту"

На письмо и докладную записку Перовскаго послѣдовалъ отвѣтъ отъ 20 февраля 1850 г., въ которомъ Дубельтъ говоритъ, что гр. Орловъ находитъ рановременнымъ входить съ всеподданнѣйшимъ докладомъ о помилованіи Шевченка, но что если Шевченко заслуживаетъ быть произведеннымъ въ унтеръ-офицеры, то удостоить его непосредственно зависитъ отъ генерала отъ инфантеріи Обручева, такъ какъ Шевченко разжалованъ безъ лишенія правъ выслуги.

Но Шевченку не суждено было дождаться производства въ унтеръ-офицеры. Нѣкто прапорщикъ Исаевъ по личной злобѣ на поэта [1]) послалъ доносъ Обручеву, въ которомъ изъяснилъ, что Шевченко вопреки Высочайшей волѣ и долгу службы занимается рисованьемъ, пишетъ стихи и ходитъ въ партикуляр-

---

[1]) Причины этой злобы разъяснены со словъ Ѳ. М. Лазаревскаго въ моей статьѣ „Первые четыре года ссылки Шевченка" (Кіевская Старина, 1888 г. кн. 10).

номъ платьѣ. Получивъ доносъ и предполагая, что Исаевъ могъ послать одновременно таковой же и шефу жандармовъ, Обручевъ приказалъ Герну пригласить съ собой жандармскаго штабъ-офицера и произвести обыскъ въ квартирѣ Шевченка. При обыскѣ были, между прочимъ, захвачены письма къ Шевченку отъ разныхъ лицъ, въ томъ числѣ отъ кн. Репниной, Лизогуба, Лазаревскаго и др., и два альбома или двѣ записныя книжки, испещренныя стихами и всякаго рода рисунками, точнѣе набросками, сдѣланными карандашомъ.—Все это было послано въ III-е отдѣленіе и пріобщено къ дѣлу. Нѣкоторые изъ этихъ писемъ были уже напечатаны („Кіевская Старина", 1893, мартъ). Привожу еще одно письмо кн. Репниной, тогда мною пропущенное.—Оно было отвѣтомъ на первое письмо Шевченка къ ней изъ Орской крѣпости [1]).

Яготинъ 13 Января 1848 г.

Отъ души благодарю Васъ, мой добрый и незабвенный Тарасъ Григорьевичъ, что Вы меня вспомнили въ далекой сторонѣ. И здѣсь мы Васъ не забываемъ и очень часто рѣчь идетъ о Васъ. Нѣтъ, я бы не засмѣялась, а зарыдала бы, если бы увидѣла Васъ теперь [2]) и молила бы Бога дать языку моему краснорѣчіе, чтобы утѣшить Васъ, вознести духъ Вашъ выше горькой участи Вашей, смягчить сердце Ваше, говоря съ Вами о милосердіи Господнемъ, Который не хочетъ смерти грѣшника, а чтобы онъ былъ живъ! Если бы это зависѣло отъ меня, распечатавъ мое письмо, Вы бы исполнились благодати; оно бы Васъ освѣжило, укрѣпило, Вы бы бодро и съ покорностью носили бы крестъ Вашъ. Но увы! что могу я бѣдная, безсильная сдѣлать для Васъ, мой добрый Т. Г? Молиться? Да, молиться, какъ можно чаще, какъ можно теплѣе, чтобы Богъ подкрѣпилъ Васъ въ настоящемъ испытаніи, чтобы онъ вложилъ милосердіе

---

[1]) См. Кіевкая Старина 1886 г. октябрь.

[2]) „Вы непремѣнно бы разсмѣялись—писалъ княжнѣ Шевченко—если бы увидали теперь меня: вообразите самаго неуклюжаго гарнизоннаго солдата, растрепаннаго, небритаго, съ чудовищными усами—и это буду я!"

въ средѣ окружающихъ Васъ, чтобы направилъ тѣхъ, отъ которыхъ зависитъ земная участь къ помилованію! Съ какою радостью всѣ ваши здѣшніе друзья помогали бы Вамъ нести крестъ! Какъ всѣ они обрадовались отъ Вашего письма! Оно долго странствовало, ибо Андрей Ивановичъ (Лизогубъ) въ Одессѣ. Въ очень непродолжительномъ времени я пришлю Вамъ книги. Не хочу отложить ни одной почты отвѣчать Вамъ на письмо Ваше, которое я встрѣтила съ такимъ благодарнымъ теплымъ чувствомъ. Вотъ ужъ мы перешли въ новый годъ! Каково Вамъ было встрѣтить его на чужбинѣ! Я никогда не забуду, какъ папенька тому кажется пять лѣтъ назадъ открылъ Вамъ объятія свои и какъ Вы сыновне припали къ нему на грудь [1])! Вѣчная память этому истинио доброму человѣку! Вотъ ужъ три года, какъ его нѣтъ между нами. Въ Яготинѣ все идетъ по прежнему: общество наше то же самое, исключая Тани [2]), которая все болѣетъ и лѣчится въ Кіевѣ. Мы имѣемъ прибавленіе весьма драгоцѣнное къ нашему кругу—это бывшій кіевскій студентъ (Бодровъ?), котораго Вы видѣли у меня въ Кіевѣ и у другихъ также—чистая душа, желающая Вамъ, какъ и многіе другіе, силы упованія и терпѣнія. Какъ понятно мнѣ Ваше мученіе—не рисовать! Это настоящая пытка! Но не будемъ роптать: Богъ дастъ—это перемѣнится. Услышьте мой дружескій совѣтъ и слѣдуйте ему: предайтесь Вашей настоящей обязанности какъ можно усерднѣе, облагораживайте ее примѣрной исправностью—вѣдь въ ней испытаніе, посланное Вамъ самимъ Богомъ для очищенія души Вашей; воспитывайте ее, очищайте молитвою, вспоминайте, что многіе молятся за Васъ, что хотя отдалены отъ Васъ, но думаютъ и бодрствуютъ за Васъ! Не унывайте, несите крестъ, молитесь и надѣйтесь! Къ великому моему сожалѣнію письмо мое не было готово для вчерашней почты и

---

[1]) Княжна разсказывала мнѣ, что растроганный Шевченко поцѣловалъ руку маститаго князя, а по уходѣ его сказалъ, обращаясь ко всѣмъ: отъ такихъ старыхъ я люблю!

[2]) Одна изъ трехъ сестеръ Псіолъ, съ которыми княжна Репнина была очень дружна.

надобно его отложить до будущей. А какъ долго Вы его ожидали, добрый Т. Г.! Я по собственному опыту знаю, сколько можетъ быть горести въ ожиданіи. Да подкрѣпитъ Васъ Господь! Да дастъ Онъ душѣ Вашей любовь и вѣру; тогда Вы повѣрите, что Тотъ, Который насъ полюбилъ, даже до смерти неизмѣненъ, не такъ, какъ люди. Людей нужно любить, ибо они братья наши и дѣти Небеснаго Отца, а вѣрою въ Спасителя усыновленные для жизни вѣчной; ихъ должно любить, и эта обязанность иногда такъ легка, что мы въ эти минуты понимаемъ ее. Но Христосъ сказалъ: будьте убо вы совершенны, яко же Отецъ вашъ Небесный совершенъ есть, т. е. исполняйте вашъ долгъ всегда и во всѣхъ отношеніяхъ, не ожидая взаимности, но дѣлая добро вездѣ и всѣмъ. Въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ Вашихъ Вы можете дѣлать добро только видимое Богомъ, но которое для того Имъ не будетъ отвергнуто, напротивъ! Освѣщайте душу Вашу молитвою, очистите ее отъ всего затмѣвающаго ее и да благословитъ Васъ Господь въ этомъ трудномъ и святомъ подвигѣ! Есть ли у Васъ Евангеліе? Я обѣщаюсь писать часто къ Вамъ и еще разъ, мой добрый Т. Г., благодарю Васъ за Вашу дружескую память. Передаю перо Глафирѣ, которая также хочетъ привѣтствовать Васъ. Прощайте, да осѣнитъ Васъ благодать святая!

Вамъ душою преданная

Варвара Репнина.

Дальше слѣдуетъ приписка, писанная рукою Глафиры Ивановны Дунинъ-Борковской, урожденной Псіолъ:

„Вы конечно не повѣрите, когда я скажу Вамъ, что грустныя Ваши строки къ княжнѣ меня сердечно обрадовали. Наконецъ-то Вы отозвались, Т. Г., и дали намъ средство выказать Вамъ хотя малую часть того живаго искренняго сочувствія, которымъ полны всѣ Ваши здѣшніе знакомые и друзья. Что могу Вамъ пожелать на новый годъ? благодати Божіей, терпѣнія и слезъ, чтобы освѣжить и растворить духовную пустыню Вашей жизни:

Прощайте, Т. Г., бумага не позволяетъ распространяться болѣе. Не забывайте насъ! Да благословитъ Васъ Господь!

Г. Д. Б.

Небольшія записныя книжки были у него захвачены еще при арестѣ его въ Кіевѣ (5 апрѣля 1847 г.), и такъ какъ въ нихъ не было ничего предосудительнаго, то онѣ и были ему возвращены передъ отправленіемъ его изъ Петербурга въ Оренбургъ. Онѣ сопровождали поэта при его переходахъ изъ крѣпости въ крѣпость и въ экспедицію къ Аральскому морю, и потому находятся въ довольно потертомъ и загрязненномъ видѣ. Въ книжкѣ съ бумажной обложкой попадаются наброски карандашомъ различныхъ фигуръ и видовъ, очевидно сдѣланныхъ наскоро: видъ юрты или куреня, лошади, верблюды въ разныхъ положеніяхъ лежащіе, идущіе, навьюченные, съ сѣдоками и безъ сѣдоковъ; есть нѣсколько народныхъ пѣсенъ и думъ, записанныхъ Шевченкомъ отъ разныхъ лицъ во время его странствованія по Волыни и Подоліи въ 1845 г.: о *Мазепѣ и Паліѣ*, о *князѣ Котляренкѣ* (т. е. о генералѣ Котляревскомъ, знаменитомъ кавказскомъ героѣ, котораго Пушкинъ называлъ бичемъ Кавказа), о *Бондаривнѣ*, о *Кармелюкѣ*, и объ *Игнатѣ Голомъ*.

Изрѣдка эти наброски карандашомъ и пѣсни перемежаются собственноручно написанными стихотворными отрывками самого Шевченка.

Въ концѣ книжки находятся отрывки изъ посланій Шевченка къ неизвѣстному другу, писанные карандашомъ и полустертые отъ времени.

Во второй записной книжкѣ въ каленкоровомъ переплетѣ, кромѣ нѣсколькихъ набросковъ карандашомъ, изображающихъ сцены изъ украинской жизни (лучшій изъ нихъ: бандуристъ играетъ на бандурѣ, а козакъ слушаетъ его, глубоко задумавшись), находятся отрывки изъ неизвѣстной драмы, которые трудно разобрать, и списанный рукою Шевченка отрывокъ, вѣроятно, изъ народной думы:

Послѣдствія оренбургскаго обыска были весьма печальны для Шевченка. Изъ Петербурга послѣдовалъ Высочайшій при-

казъ немедленно подвергнуть его строжайшему аресту, а по окончаніи слѣдствія перевести его подъ строжайшій надзоръ изъ 5-го Оренбургскаго линейнаго батальона въ другой отдаленнѣйшій батальонъ. Но этимъ дѣло не окончилось. Въ числѣ писемъ, отобранныхъ у Шевченка, было письмо на малорусскомъ языкѣ его земляка, чиновника Оренбургской пограничной таможни, Сергѣя Левицкаго (отъ 1 марта 1850 г.), находившагося въ отпуску въ Петербургѣ. Левицкій былъ большимъ пріятелемъ Шевченка, который въ письмѣ къ Бодянскому называетъ его доброй и щирой душой *). Въ письмѣ Левицкаго было нѣсколько фразъ, которыя возбудили подозрительность III-го отдѣленія и стоили жизни одному высокодаровитому и подававшему большія надежды юношѣ. Сообщая Шевченку петербургскія новости, Левицкій, между прочимъ, пишетъ: „много есть тутъ нашихъ, но кажется такіе люди, которыхъ можно промѣнять на нѣмцевъ. Есть между ними нѣкто Н. М. Головко, магистръ Харьковскаго университета. Вотъ правдивая душа! Какъ сойдемся съ нимъ, то его первое слово о Васъ. Онъ сотрудничаетъ во многихъ журналахъ и хлопецъ дуже розумный; жаль только, что своею правдивостью надѣлаетъ того, что и его сошлютъ куда-нибудь, ибо онъ уже и сейчасъ подъ надзоромъ полиціи. Онъ часто бываетъ у Остроградскаго. Много есть тутъ такихъ, что вспоминаютъ о Васъ, и Головко говоритъ, что хотя Васъ и не стало, но на Ваше мѣсто найдется до 1000 людей, готовыхъ стоять за все то, что Вы говорили".— Послѣднія слова этого письма навели подозрительнаго гр. Орлова на мысль о существованіи въ Петербургѣ тайнаго малороссійскаго общества, число членовъ котораго доходитъ до тысячи человѣкъ.—Нужно было принять противъ него мѣры быстрыя и рѣшительныя, и вотъ 15 іюня гр. Орловъ одновременно командируетъ жандармскаго полковника Станкевича арестовать Левицкаго, а жандармскаго полковника Левенталя арестовать Головка и, опечатавъ всѣ принадлежащія имъ бумаги,

---

*) *Гаршинъ*, Шевченко въ ссылкѣ. Истор. Вѣст. 1886, № 1.

доставить ихъ обоихъ въ III-е отдѣленіе. Первое порученіе было исполнено въ точности и обошлось безъ всякихъ инцидентовъ. Арестованный и подвергнутый допросу въ III отдѣленіи, Левицкій объяснилъ, что никакого тайнаго общества живущіе въ Петербургѣ малороссы не составляютъ, что слово *нашъ* употребляется въ значеніи малороссъ, землякъ, что хотя Головко и говорилъ ему, что на мѣсто Шевченка могутъ найтись 1000 другихъ, которые раздѣляютъ его мнѣнія и готовы постоять за нихъ и за правду, но кто эти лица и въ чемъ состоятъ ихъ мнѣнія, не объяснилъ. Объясненія Левицкаго, подтвержденныя осмотромъ его бумагъ, въ которыхъ не найдено ничего подозрительнаго, показались Дубельту настолько правдоподобными, что въ письмѣ къ гр. Орлову онъ прямо заявилъ: „что во всемъ этомъ дѣлѣ ничего важнаго быть не можетъ и что, по его мнѣнію, Головко, при либеральномъ образѣ мыслей, дабы придать себѣ болѣе важности въ глазахъ своихъ соотчичей, говорилъ имъ о тысячѣ Шевченокъ, которые существовали въ его воображеніи“. Но обманутый въ своихъ ожиданіяхъ гр. Орловъ не могъ и на этомъ успокоиться. Хотя изъ личнаго допроса Левицкаго и онъ убѣдился, что въ этомъ дѣлѣ нѣтъ ничего политическаго, „но не менѣе того,—писалъ онъ Дубельту,—я буду продолжать изслѣдованіе, дабы въ столь важномъ предметѣ не упустить изъ виду ни малѣйшихъ подробностей въ томъ предположеніи, не откроется-ли чего либо при сугубомъ разсмотрѣніи дѣла?“. Но и сугубое разсмотрѣніе не дало ровно ничего, и гр. Орлову не оставалось ничего больше, какъ сознаться въ своей ошибкѣ и отпустить Левицкаго. Но если Левицкій отдѣлался только страхомъ, то для несчастнаго Головка это привлеченіе къ дѣлу имѣло роковой исходъ. Командированный гр. Орловымъ арестовать Головко жандармскій полковникъ Левенталь донесъ управляющему III-го отдѣленія Дубельту слѣдующее: „По прибытіи моемъ на квартиру магистра Головко и по объявленіи ему, что онъ по Высочайшему повелѣнію арестованъ, таковой обѣщалъ немедленно одѣваться. По осмотрѣ моемъ маленькой темной комнатки его спальни, въ которой ни-

какихъ бумагъ не оказалось, онъ вышелъ, чтобы будто достать бѣлье; квартальный надзиратель стоялъ возлѣ него, а я осматривалъ бумаги, лежавшія на столикѣ; вдругъ, я услышалъ крикъ надзирателя: „что вы? что вы?“ Я оборотился и увидѣлъ, что Головко держалъ въ рукахъ пистолеты и прицѣливался въ надзирателя Столярова, который ретировался; тогда онъ прицѣлился въ меня; я только что успѣлъ подвинуться немного отъ стола, какъ онъ выстрѣлилъ по мнѣ. Я звалъ городового унтеръ-офицера, чтобы вмѣстѣ съ нимъ его обезоружить, какъ онъ захлопнулъ дверь и сейчасъ слышенъ былъ другой выстрѣлъ. Я разломалъ двери и увидѣлъ его лежащаго на землѣ въ крови. Доктора, которые были призваны, нашли, что онъ выстрѣлилъ себѣ въ ротъ и уже былъ мертвъ, когда они пришли“ Узнавши объ его смерти и, можетъ быть, увидѣвши въ самоубійствѣ Головко новое подтвержденіе его преступныхъ замысловъ, гр. Орловъ приказалъ произвести строгое разслѣдованіе объ его личности и образѣ мыслей. Были тщательно разсмотрѣны оставшіяся послѣ Головко бумаги, были спрошены всѣ знавшіе его, начиная съ его квартирнаго хозяина. Судя по даннымъ, добытымъ этимъ разслѣдованіемъ, Головко былъ человѣкъ далеко недюжинный. Онъ велъ жизнь тихую и скромную, занимался наукой, нерѣдко посѣщалъ знаменитаго математика, академика Остроградскаго, и собирался ѣхать въ Англію, чтобы собирать матеріалы для докторской диссертаціи. Показанія знокомыхъ, кромѣ того, рисуютъ его человѣкомъ серьезнымъ, задумчивымъ, хорошо образованнымъ, читавшимъ на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ, обладавшимъ даромъ слова и способнымъ привлекать къ себѣ сердца людей, какъ своей любезностью, такъ и интересомъ своей бесѣды. Знакомые Головко не скрыли, впрочемъ, что онъ отличался характеромъ крайне раздражительнымъ, такъ что по временамъ не могъ выносить никакого противорѣчія. Весьма вѣроятно, что эта раздражительность находилась въ связи съ болѣзнью сердца (аневризмъ), которымъ онъ страдалъ много лѣтъ. Тяжелыя впечатлѣнія, осложненныя хроническою болѣзнью, способствовали къ

выработкѣ въ душѣ Головко крайне мрачнаго взгляда на жизнь, отчасти навѣяннаго вліяніемъ изученія пессимистическихъ доктринъ Леопарди; въ числѣ его бумагъ нашлись листки на италіанскомъ языкѣ, доказывающіе, что его мысли постоянно были устремлены къ смерти и что онъ таилъ въ своей душѣ убѣжденіе, что для него было-бы лучше совсѣмъ не существовать.—Какъ бы то ни было, но преждевременная смерть его была важной потерей для науки, которой онъ далъ право ожидать отъ него многаго *). Можно себѣ представить, какъ страдалъ Шевченко, когда до него дошло извѣстіе о смерти Головко, какъ жалѣлъ и упрекалъ себя въ томъ, что, уничтожая передъ обыскомъ разныя письма и бумаги, не уничтожилъ злосчастнаго письма Левицкаго и тѣмъ невольно способствовалъ гибели своего даровитаго земляка и восторженнаго почитателя.

III.

Почтенный біографъ Шевченка М. К. Чалый (*Жизнь и произведенія Тараса Шевченко*, стр. 140—143) разсказываетъ объ одномъ курьезномъ инцидентѣ, случившемся съ поэтомъ въ послѣдній пріѣздъ его въ Малороссію лѣтомъ 1859 года. Арестованный въ мѣстечкѣ Межиричи по обвиненію въ богохульствѣ, Шевченко былъ препровожденъ въ Кіевъ, и только благодаря гуманности тогдашняго генералъ-губернатора кн. И. И. Васильчикова, дѣло это не приняло печальнаго

*) Заимствуемъ изъ дѣлъ Харьковскаго университета слѣдующія біографическія свѣдѣнія о Головко: Николай Алексѣевичъ Головко родился 1825 г. и былъ сынъ коллежскаго асессора и мелкопомѣстнаго помѣщика волчанскаго уѣзда, Алексѣя Головко. По окончаніи курса въ частномъ пансіонѣ Зимницкаго, онъ поступилъ въ 1841 г. на математическое отдѣленіе философскаго факультета; въ 1845 году окончилъ курсъ, въ 1846 году выдержалъ экзаменъ на степень магистра астрономіи, а въ слѣдующемъ году (15 мая 1847 г.) защитилъ диссертацію „О падающихъ звѣздахъ“. Въ 1848 г. онъ представилъ pro venia legendi сочиненіе „О поляризаціи теплоты“. Оно помѣщено въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, 1849, № 2. За сообщеніе этихъ свѣдѣній приношу глубокую благодарность проф. Харьковскаго унив. А. С. Лебедеву.

для него оборота. Посмотримъ, какъ вся эта исторія разъясняется имѣющимися у насъ подъ рукой оффиціальными данными. Извѣстно, что давнишней мечтой Шевченка было пріобрѣсти себѣ клочечокъ земли въ живописной мѣстности надъ Днѣпромъ, построиться и провести тамъ остатокъ дней своихъ. „Вотъ-бы гдѣ намъ съ Вами пожить—говорилъ онъ дочери гр. Толстого,—вотъ-бы гдѣ и умереть!“ *). По просьбѣ поэта двоюродный братъ его, В. Г. Шевченко, отыскалъ весьма удобное для усадьбы живописное мѣсто близь м. Межиричи (черкасскаго уѣзда), во владѣніяхъ помѣщика Парчевскаго, и звалъ Тараса взглянуть на него. Весной 1859 г. Шевченко былъ уже въ Кіевѣ. Проживъ нѣкоторое время въ родной Кирилловкѣ, онъ отправился въ Межиричь, чтобъ поговорить съ самимъ Парчевскимъ насчетъ земли. Помѣщика онъ не засталъ дома, пришлось вести переговоры съ его управляющимъ. О дальнѣйшемъ такъ разсказываетъ слѣдившій за Шевченкомъ жандармскій подполковникъ Грабовскій въ своемъ донесеніи кіевскому генералъ-губернатору: „Пригласивъ къ себѣ служащихъ въ экономіи лицъ, Шевченко угощалъ ихъ водкой и въ разговорѣ съ ними, держа въ рукахъ сорванный съ липоваго дерева листокъ, спросилъ полѣсовщика: кто создалъ этотъ листокъ? Полѣсовщикъ отвѣчалъ, что Богъ. За этотъ отвѣтъ Шевченко сталъ бранить полѣсовщика, произнося страшныя богохульства. Допрошенный по поводу изложенныхъ въ донесеніи подполковника Грабовскаго обстоятельствъ, Шевченко представилъ слѣдующее объясненіе, копія съ котораго находится при дѣлѣ. Приводимъ его цѣликомъ:

Августа 6 дня 1859 г.

„Изъ Петербурга пріѣхалъ я въ Кіевскую губернію съ цѣлью повидаться съ родственниками и пріобрѣсти небольшой кусокъ

*) „Вѣст. Европы“ 1883, августъ „Воспоминаніе о Шевченкѣ“ К. Ө. Юнге.

земли, гдѣ-бы можно было водвориться на постоянное жительство. Когда нашелъ желаемое мѣсто между городомъ Каневомъ и селомъ Пекари, въ имѣніи помѣщика Парчевскаго, то, взявши у управляющаго его Вольскаго въ мѣстечкѣ Межиричи землемѣра, отправился туда, чтобы отмѣрить земли сколько надобно. Это случилось между 10 и 13 іюля. Землемѣръ, взяши съ собой двухъ рабочихъ, прибылъ на мѣсто, но не успѣлъ онъ кончить измѣренія, какъ пріѣхалъ братъ управляющаго и привезъ съ собой родственника землемѣра, какого-то Козловскаго, во фракѣ и бѣлыхъ перчаткахъ. Увидавъ такого франта между горъ и лѣса, я невольно захохоталъ и долго еще продолжалъ посмѣиваться надъ нимъ; замѣтивъ же, что онъ не умѣетъ отвѣчать на шутку шуткою, я попросилъ у него извиненія и, окончивши работу, пригласилъ его закусить подъ липу. Здѣсь же находились два рабочіе и вѣроятно слышали нашъ разговоръ, но сколько они его понимали не знаю, потому что мы говорили по-польски. Во время завтрака Козловскій завелъ со мной какой-то богословскій разговоръ на польскомъ языкѣ.—Чтобы прекратить этотъ разговоръ, я сказалъ по-русски, что теологія безъ живого Бога не въ состояніи создать этого липоваго листка и при этомъ вырвалъ листокъ изъ липы и показалъ ему. Козловскій замолчалъ Нѣсколько минутъ спустя онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ на русскомъ языкѣ: какъ я думаю о Матери І. Христа? Подобный вопросъ меня смутилъ, и, не зная какъ ему отвѣтить на него, я въ свою очередь его спросилъ, что онъ самъ думаетъ о Пресвятой Дѣвѣ? Онъ такъ долго искалъ отвѣта, что я, недождавшись его, съ нетерпѣніемъ сказалъ: передъ Матерью, родившей намъ Спасителя, Который пострадалъ и умеръ за насъ на крестѣ, мы всѣ должны, какъ истинные христіане, благоговѣть; иначе, если-бы Она не родила Его, Она была-бы обыкновенная женщина. На другой день я выѣхалъ изъ мѣстечка Межиричи въ Городищенскій уѣздъ къ гг. Яхненко и Семиренко. Прогостивши у нихъ сутки, поѣхалъ я въ мѣстечко Корсунь и въ с. Кирилловку для свиданія съ моими братьями. Оттуда я возвратился опять въ Межиричи, чтобъ лично условиться съ помѣщи-

комъ Парчевскимъ о покупкѣ земли, но не дождавшись его, выѣхалъ изъ этого мѣстечка въ с. Пекари, а оттуда, переправившись черезъ Днѣпръ, пошелъ я въ село Прохоровку, полтавской губерніи, къ бывшему профессору и ректору университета Св. Владиміра Максимовичу. Не дошедши нѣсколько шаговъ до его саду, меня догналъ становой приставъ съ нѣсколькими десятскими и тысяцкимъ и арестовалъ меня, привезъ меня въ мѣстечко Мошны, кіевской губерніи, не обяснивши причины, по какому праву онъ это сдѣлалъ. На другой день поутру въ квартирѣ становего увидался я съ черкасскимъ исправникомъ и жандармскимъ офицеромъ, которые мнѣ сказали, что будто бы я въ мѣстечкѣ Межиричѣ въ нетрезвомъ видѣ богохульствовалъ. При этомъ находились тутъ же еще какихъ-то два чиновника. Меня это такъ изумило и разсмѣшило, что я не нашелъ нужнымъ объясняться съ ними. Когда же жандармскій офицеръ сказалъ, что онъ донесетъ объ этомъ кіевскому генералъ-губернатору, то я тутъ же просилъ его взять меня съ собою въ Кіевъ, такъ какъ онъ въ тотъ же день отправлялся туда, въ чемъ онъ мнѣ отказалъ, яко бы за неимѣніемъ мѣста въ экипажѣ. На другой день, т. е. 18 іюля, былъ я препровожденъ въ городъ Черкассы, гдѣ нѣсколько дней просилъ исправника, чтобы онъ отпустилъ меня на честное слово въ Кіевъ, но онъ отказалъ мнѣ въ моей просьбѣ. Тогда я написалъ письмо къ вышеупомянутому жандармскому офицеру, въ которомъ изложилъ все, что теперь излагаю, предположивъ, что онъ покажетъ мое письмо генералъ-губернатору кн. Васильчикову. Исправникъ же, получивъ предписаніе кіевскаго гражданскаго губернатора, отправилъ меня съ соцкимъ въ Кіевъ. Не увѣряю, но предполагаю, что вся эта исторія произошла вслѣдствіе безсильнаго мщенія г. Козловскаго. Если не будетъ принято во вниманіе мое показаніе, то прошу въ удостовѣреніе справедливости сказаннаго мною здѣсь сдѣлать строгое разслѣдованіе". Прочтя это показаніе, выслушавъ мнѣніе чиновника, отбиравшаго его отъ Шевченка, и поговоривъ лично съ Шевченкомъ, кн. Васильчиковъ увидѣлъ, что это дѣло пустячное и умышленно раздутое; поэтому онъ счелъ своимъ долгомъ прежде

всего освободить Шевченка и послать новому шефу жандармовъ кн. В. М. Долгорукову вмѣстѣ съ копіей показанія Шевченка и свое собственное заключеніе. Разсказавъ всѣ обстоятельства дѣла, кн. Васильчиковъ прибавляетъ: „чиновникъ, отбиравшій отъ Шевченка объясненіе, коллежскій совѣтникъ Андреевскій удостовѣряетъ, что Шевченко, сколько можно заключить изъ его наблюденій надъ нимъ и изъ сужденій его о разныхъ предметахъ, преданъ безусловно вѣрѣ предковъ своихъ и что въ немъ замѣтно даже врожденное, вовсе имъ нескрываемое, пренебреженіе ко всему латинскому и польскому.—Соображая объясненіе Шевченка, я прихожу къ заключенію, что взведенное на него обвиненіе могло возникнуть по недоразумѣнію лицъ, передъ которыми онъ велъ разговоръ, или, быть можетъ, вызвано и неудовольствіемъ, возбужденнымъ имъ къ себѣ насмѣшками надъ Козловскимъ, и рѣзкимъ отвѣтомъ на разговоръ его о богословіи. Поэтому, не придавая этому дѣлу особаго значенія, я оставляю его безъ послѣдствій и разрѣшаю Шевченку, согласно выраженному имъ желанію, возвратиться въ Петербургъ. О выше изложенномъ долгомъ поставляю довести до свѣдѣнія Вашего Сіятельства."

Разъясненія кн. Васильчикова повидимому не удовлетворили кн. Долгорукова. Конечно, онъ не рѣшился подвергать сомнѣнію мнѣніе такого авторитетнаго лица, какъ кіевскій генералъ-губернаторъ, но не могъ удержаться, чтобъ не написать на поляхъ полученной изъ Кіева бумаги слѣдующихъ словъ: „Несмотря на все здѣсь изложенное, призвать Шевченка и, сдѣлавъ ему строгое внушеніе, присовокупить, чтобы онъ былъ весьма остороженъ; въ противномъ случаѣ, чтобъ не пенялъ на насъ за тѣ послѣдствія, которымъ онъ можетъ подвергнуться".

Едва-ли нужно говорить, что все здѣсь сказанное было исполнено въ точности.

Н. Стороженко.

ФИЛОСОФЪ БЕЗЪ СИСТЕМЫ.

(Опытъ характеристики Григорія Саввича Сковороды).

(Окончаніе).

X.

Отношеніе Сковороды къ народно-раціоналистическимъ сектамъ своего времени. Пѣсни Сковороды.

Не удивительно, если Г. С. Сковороду, при довольно неопредѣленной догмѣ его богословствованія, считали и считаютъ причастнымъ если не основанію, то по крайней мѣрѣ развитію одной изъ раціоналистическихъ сектъ Малороссіи, именно—духоборчества. Вопросъ о томъ, насколько ученіе Сковороды могло содѣйствовать дѣйствительному развитію духоборчества—вопросъ пока не ясный, смутный. Г-жа Ефименко склонна защищать положеніе о вліяніи идей философа на сектантскій раціонализмъ вообще [1]). Ссылаясь на то, что въ архивныхъ дѣлахъ, касающихся раціоналистическаго сектантства на югѣ, встрѣчаются указанія на Сковороду, думаютъ, что онъ обратилъ исключичельное вниманіе свое на молоканъ и духоборцевъ украинскихъ. Въ этомъ отношеніи особенно цѣнныя ссылки на дѣла въ архивѣ Мин. Вн. Дѣлъ находимъ въ извѣстномъ сочиненіи Ливанова: „Раскольники и острожники“ (напр. дѣло 1862 г. № 32).

Сковорода, какъ знатокъ музыки, сочинялъ духовные концерты, положа нѣкоторыя церковныя пѣсни на музыку. Зна-

---

[1]) Вопр. философ. и психол. 1894 г. Кн. V стр. 443.

ніемъ музыки и пѣніемъ Сковорода, можетъ быть и не намѣренно, послужилъ и для молоканъ, которые и до нынѣ нѣкоторые псалмы изъ Библіи поютъ его напѣвомъ. Ливанову, по его словамъ, случалось встрѣчать въ домахъ молоканъ, между другими, слѣдующіе стихи Сковороды, распѣваемые въ домахъ ихъ въ дни праздничные:

Всякому городу нравъ и права.
Всяка имѣетъ свой умъ голова,
Всякому сердцу своя есть любовь,
Всякому горлу свой вкусъ есть каковъ.
А мнѣ одна только въ свѣтѣ душа,
А мнѣ одно только не идетъ съ ума! и пр.

Въ вышеупомянутомъ сочиненіи „Раскольники и острожники" перечисляюття тѣ печатныя сочиненія Сковороды, которыя были въ большомъ употребленіи у молоканъ. Эти сочиненія: 1) „Библіотека духовная, содержащая въ себѣ дружескія бесѣды о познаніи самого себя" (3 части С. П. Б. 1798 г.)[1]); 2) „Начальная дверь къ христіанскому добронравію", 1766 г. (въ Сіонск. вѣст. за 1806 г.); „Дружескій разговоръ о душевномъ мирѣ" (Москва 1837 г.). Журналъ „Сіонскій Вѣстникъ" въ которомъ печатались сочиненія Сковороды, былъ очень популяренъ у молоканъ. Въ свое время онъ быстро ими скупался. Цѣнность этого изданія между молоканами простиралась отъ 50 до 100 рублей. При обыскѣ домовъ многихъ молоканъ, „Сіонскій Вѣстникъ" отбирался въ числѣ другихъ запретныхъ книгъ и отправлялся въ консисторію. Послѣдняя обыкновенно поручала кому нибудь изъ своихъ членовъ разсмотрѣть эти еретическія сочиненія и дать о нихъ отзывъ. Возможно, что отъ консисторскихъ протопоповъ книги опять переходили въ руки молоканъ.

Сочиненія Сковороды, говоритъ Ливановъ, даже списывали профессора и ученики Духовной Академіи, старики помѣщики и тѣ досужіе люди, которые цѣнили Сковороду; нѣкоторые

---

[1]) Это сочиненіе у Сковороды имѣетъ другое названіе. „Асхань о познаніи себя".

списывали и держали ихъ просто какъ произведенія человѣка страннаго, причудливаго, непонятнаго, о которомъ ходило столько споровъ и толковъ и котораго, со всѣми его странностями, имъ удавалось видѣть лично. Но сознательнѣе всѣхъ списывали и читали сочиненія Сковороды наши молокане. При слѣдствіяхъ эти тетрадки пришивались къ дѣлу, какъ улики. Въ подтвержденіе справедливости своихъ словъ, Ливановъ дѣлаетъ общую ссылку на архивъ Мин. Вн. Дѣлъ отъ 1762—1809 годовъ. Духовные и сатирическіе канты Сковороды, переложенные на музыку, распѣвались слѣпыми бандуристами на торгахъ и перекресткахъ и попадали въ кругъ любимѣйшихъ кантовъ молоканъ. Пѣснямъ этимъ внимали на торгахъ и перекресткахъ жители украинскихъ селъ и мѣстечекъ, поселяне и козачество, чумаки, бурсаки и далеко неграмотные тогда мѣщане, среди которыхъ жилъ и, сильнѣе всякихъ прозаическихъ и риѳмованныхъ произведеній своихъ, собственною личностью дѣйствовалъ на массы Сковорода [1]).

Въ ученіи молоканъ были дѣйствительно стороны, которымъ не могъ не симпатизировать Сковорода. Философу могли нравиться въ молоканахъ ихъ суровое презрѣніе къ роскоши, наклонность къ аскетизму. По словамъ Ливанова, „это дало клеветѣ поводъ называть Сковороду развратителемъ народа и даже начаться нѣкоторымъ секретнымъ дѣламъ противъ него (см. Арх. М. В. Д.)".

Хотя сочиненіе Ливанова, писанное съ явно тенденціозными цѣлями, по справедливости не пользуется кредитомъ въ наукѣ, но тѣмъ не менѣе ссылки и „дѣла", которымъ причастенъ Сковорода, должны обратить вниманіе лицъ, пользующихся возможностью провѣрить, насколько справедливы указанія Ливанова и если справедливы, то въ чемъ заключаютса эти „дѣла". Разборъ этихъ дѣлъ быть можетъ открылъ-бы новыя стороны жизни и мысли нашего философа.

Кстати о пѣснопѣніяхъ Сковороды. Музыка, къ которой такъ пристрастился нашъ философъ, не была случайнымъ его

[1]) Ливановъ: „Раскольники и острожники", т. II, стр. 238 и 239.

занятіемъ. Напротивъ, это одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ душевнаго склада философа. Для Сковороды это была не забава, а своего рода тоническое мышленіе, звуковая логика, въ которую музыкантъ вкладывалъ наблюденіе и опытъ. Сковорода учитъ вмѣстѣ съ Сократомъ, что „совершеннѣйшая музыка есть философія". Всѣ пѣсни Сковороды имѣютъ идейный смыслъ. Тоны, соотвѣтствовавшіе той или другой пѣсни, имѣли внутреннюю логику.

Пѣсни Сковороды можно охарактеризовать разными эпитетами, но только не художественностью... Онѣ почти всѣ написаны тяжелымъ, неудобовразумительнымъ слогомъ. Для примѣра приведемъ пѣсню о счастьи:

„Счастье, гдѣ ты живешь?
Горлицы, скажите!
Въ полѣ-ли овцы пасешь?
Голуби, возвѣстите!
    О счастье, нашъ ясный свѣтъ!
    О счастье, нашъ красный цвѣтъ!
    Ты, мати, намъ покажися!
Счастье, гдѣ ты живешь?
Мудрые, скажите!
Въ небѣ-ли ты пиво пьешь,
Книжники, возвѣстите!
    О счастье, нашъ ясный свѣтъ, и т. д.
Книжники вѣдь всѣ молчатъ,
Птицы тоже всѣ нѣмы,
Не говорятъ, гдѣ есть мати,
Мы же сами не вѣмы.
    О счастье...
Счастья нѣтъ на землѣ,
Не обрящешь мя извнѣ"....

Это одна изъ болѣе выдержанныхъ и складныхъ пѣсенъ Сковороды. Но это не пѣсня, а скорѣе пѣснопѣніе, украшенное риторическими метафорами и не заключающее въ себѣ ни капли поэзіи. Здѣсь звучитъ „серьезная нота морали" (Багалѣй). Ско-

вороду невозможно отнести къ числу поэтовъ. Поэтическое настроеніе его никогда не могло возвыситься до истино-художественнаго порыва. Этому мѣшалъ теоретическій анализъ Сковороды, его логически-критическое умонастроеніе. Этому мѣшала схоластика кіевской бурсы, оставившая замѣтный слѣдъ на всѣхъ сочиненіяхъ и мысляхъ Сковороды. Вотъ почему его пѣсни всегда мечтательно — серьезны, разсудочны, его остроуміе тяжеловатое, придуманное. Острота Сковороды цѣпляется за логику и только подъ этимъ условіемъ взлетаетъ иногда повыше обычнаго уровня; его изреченія, въ которыхъ онъ пытался высказать себя со стороны юмора, нѣсколько странны, а нѣкоторыя даже непонятны. Справедливо замѣчаетъ проф. Багалѣй, что „умъ его никогда не былъ игривымъ“ (соч. Сковор. стр. VII).

Конечно, поэзія была доступна ему лишь какъ психологическое настроеніе, но не какъ творчество.

Двѣ его пѣсни стали особенно популярны, благодаря, кажется, популярности „Наталки - Полтавки“, въ которую онѣ вставлены Котляревскимъ. Другихъ пѣсенъ, особенно распространенныхъ въ народѣ, изслѣдователи указываютъ очень немного, хотя и много говорятъ о вліяніи Сковороды на народъ, подобно Ливанову. Думаютъ, что духовныя пѣсни, канты и пѣсни были распространены друзьями Сковороды по всей Малороссіи, или, быть можетъ, онъ самъ диктовалъ ихъ своимъ друзьямъ по ихъ просьбѣ, во время своихъ частныхъ путешествій. Какъ бы то ни было, можно утверждать, что пѣсни съ религіознымъ мотивомъ болѣе привились въ народѣ, чѣмъ пѣсни не духовнаго содержанія. Духовныя пѣсни, удовлетворявшія умонастроенію народа, болѣе отвѣчали его запросамъ. Строгая мораль съ замѣтнымъ аскетическимъ оттѣнкомъ, проникающая религіозныя пѣснопѣнія Сковороды, соотвѣтствовала коренной чертѣ малоросса — скептическому равнодушію къ мірской суетѣ и потому находила откликъ въ народной душѣ. Вполнѣ возможно, поэтому, что пѣснопѣнія Скороводы особенно привились у тѣхъ сектантовъ слободской Украины, которые усвоили себѣ аскетическую доктрину. Отсюда, конечно, еще не слѣдуетъ,

что идеи Сковороды были молоканскія. Во всякомъ случаѣ, предположеніе, что Сковорода подготовилъ своимъ философствованіемъ почву для народнаго раціонализма тамъ, гдѣ она была не подготовлена, и содѣйствовалъ развитію свободомыслія тамъ, гдѣ почва для этого была приготовлена, нисколько не противорѣчитъ всему, что извѣстно о Сковородѣ. Если же къ этому прибавить нѣкоторое сходство идей Сковороды съ идеями молоканъ, то это предположеніе можетъ получить еще большую опору.

XI.

Мистицизмъ Сковороды. Сковорода, какъ обличитель общественныхъ предразсудковъ.

Былъ-ли Сковорода мистикомъ?

Этотъ вопросъ естественно задаютъ изслѣдователи философіи Сковороды и приходятъ иногда къ совершенно противоположнымъ выводамъ. Одни видятъ въ Сковородѣ крайняго мистика и склонны думать, что энтузіазмъ Сковороды простирался до такой степени, что по нѣкоторымъ частнымъ явленіямъ его жизни можно было почесть его за теоманта, испытавшаго всѣ переходы вдохновенія [1]). И дѣйствительно, многія неудобовразумительныя аллегоріи, встрѣчающіяся въ сочиненіяхъ Сковороды (напр. въ „Израильс. Зміѣ“, въ „Пря бѣса съ Варсавою“ и др.) служатъ нѣкоторымъ подтвержденіемъ этого взгляда. Другіе, напр. г-жа Ефименко, отрицаютъ его наклонность къ мистицизму и объясняютъ всѣ эти неудобовразумительныя мистико-туманныя аллегоріи его своеобразнымъ языкомъ.

Сопоставляя туманно-мистическій характеръ многихъ мѣстъ сочиненій Сковороды съ обстоятельствами его жизни, должно признать, что Сковорода былъ очень склоненъ по природѣ

---

[1]) Ливановъ: „Раскольники и острожники“, т. II стр. 237.

къ мистицизму. Но проза жизни, трезвая классическая литература, которою онъ во-время занялся, и путешествіе заграницу отрезвили его и вывели его умъ на болѣе или менѣе здоровую дорогу. Онъ жилъ двумя настроеніями: разсудочными и сердечными. Когда сухой, отвлеченный раціонализмъ не удовлетворялъ его, онъ предавался внутреннему самоуглубленію, входилъ въ область мечтательности и, какъ сообщаютъ его біографы, по нѣсколько часовъ просиживалъ иногда надъ Днѣпромъ, въ экстатическомъ оцѣпенѣніи созерцая проявленіе божества въ природѣ. Многія странности Сковороды прямо вытекали изъ его мистической настроенности.

Какъ извѣстно, Сковорода вѣрилъ снамъ и предчувствіямъ. „Обильное воображеніе вело его не рѣдко въ область изступленія и дѣлало отчасти суевѣромъ", замѣчаетъ одинъ изъ его біографовъ (Гесъ-де-Кальве). Мы не имѣемъ основаній не признавать справедливости этого свидѣтельства.

Впрочемъ, какъ справедливо замѣчено уже, „рѣшенія вопросовъ о томъ, былъ-ли Сковорда, главнымъ образомъ, мистикъ, или-же преимущественно раціоналистъ, или то и другое вмѣстѣ, и какъ сочетались въ его воззрѣніяхъ эти (а также и и другіе могущіе оказаться въ нихъ) элементы,—не являлся-ли его мистицизмъ, напр., привычкой, первоначально вызванной неопредѣленно-внѣшними условіями, а затѣмъ прихотливо сочетавшейся съ другими иногда противоположными ему элементами,—окончательнаго и полнаго рѣшенія этихъ вопросовъ надо ждать отъ дальнѣйшихъ изслѣдованій" [1]).

Какъ общественный дѣятель, Сковорода былъ педагогомъ, для котораго свободное учительство было не профессіей, а результатомъ чистаго нравственнаго побужденія. „Обучатися и купно обучати братію добродѣтели, якоже свыше заповѣдано мнѣ, сей мой единъ есть и жребій, и конецъ, и цвѣтъ, и плодъ жизни, и трудовъ моихъ успокоеніе". Въ частности, относительно воспитанія дѣтей, онъ былъ убѣжденъ, что это воспи-

---

[1]) „Вопр. филос. и психол." 1895 кн. 4 (29) стр. 510.

таніе должно быть полное и затрогивать всѣ стороны человѣческой природы: умственную, нравственную, эстетическую и физическую. Такой взглядъ не былъ еще ясно сознанъ въ педагогической литературѣ того времени, и къ Сковородѣ прислушивались, какъ къ новатору.

Это былъ пропагандистъ новыхъ идей, проводникъ прогрессивной мысли, вѣровавшій въ лучшее будущее, въ „новаго Израиля", въ „царство Божіе", и съ энтузіазмомъ возстававшій во имя этой вѣры противъ суевѣрій и предразсудковъ. Его слово было струей здороваго воздуха въ нездоровой общественной атмосферѣ, насыщенной угаромъ нелѣпыхъ предразсудковъ. „Согрѣлось сердце мое и въ поученіи моемъ разгорается огонь, говоритъ онъ убѣжденно съ истинно пророческимъ вдохновеніемъ, ибо что я говорю, то глаголю отъ избытка сердца и не для того только, чтобы говорить"...

„Нѣтъ смертоноснѣе для общества язвы, говоритъ онъ, какъ суевѣріе"... Атеизмъ онъ считалъ явленіемъ менѣе опаснымъ, чѣмъ суевѣріе... „Нѣтъ желчнѣе и жестоковыйнѣе суевѣрія и нѣтъ дерзновеннѣе, какъ бѣшенность, разжженная слѣпымъ, но ревностнымъ глупаго повѣрія жаромъ—тогда, когда сія ехида, предпочитая нелѣпыя и несточныя враки надъ милость и любовь и онѣмѣвъ чувствомъ человѣколюбія, гонитъ своего брата, дыша убійствомъ, и симъ мнится службу приносити Богу". „Говорятъ суевѣру: слушай, другъ! Нельзя сему статься... Противно натурѣ... Но онъ съ желчью вопіетъ во весь опоръ, что для Бога все возможно... Дѣтское сіе есть мудрованіе, обличающее непостоянность блаженныя натуры: будто она когда-то и гдѣ-то дѣлало то, чего теперь нигдѣ не дѣлаетъ... Возстать противъ царства натуры и ея законовъ—сія есть несчастная, исполинская дерзость; какъ-же могла сама возстать на свой законъ блаженная натура?" и т. п. Онъ проповѣдывалъ о горнемъ Іерусалимѣ, гдѣ не будетъ „вражды и раздора, гдѣ все общее, гдѣ общество будетъ въ любви, любовь въ Богѣ, Богъ въ обществѣ", и его проповѣдь дышала тѣмъ

священнымъ пламенемъ мистическаго энтузіазма, который „жжетъ сердца людей“.

Онъ возмущался кастовымъ положеніемъ ученыхъ, требовалъ равноправнаго свѣта науки. „Знаніе, говоритъ онъ, не должно узить своего изліянія на однихъ жрецовъ науки, которые жрутъ и обжираются, но должно переходить на весь народъ и водвориться въ сердцѣ и душѣ всѣхъ тѣхъ, кои имѣютъ правду сказать: „и я человѣкъ и мнѣ, что человѣческое, не чуждо“. Онъ возмущался полуученостью и сатирически обличалъ тѣхъ мудрецовъ, которые „устами бочутъ, устами гогочутъ... измѣняются, какъ луна, безпокоются, какъ сатана... алчны, какъ песъ, жадны, какъ водная болѣзнь... постоянны, какъ море, вѣрны, какъ вѣтеръ, надежны, какъ ледъ, разсыпчаты, какъ прахъ, исчезаютъ, какъ сонъ. И они—люди?... Но сколь много есть головацкихъ, восклицаетъ Сковорода, у нихъ-же нѣтъ головы!“.

Во имя разума Сковорода осуждалъ крайне-утилитарное направленіе умовъ, протестовалъ противъ узко-матеріалистическаго склада жизни. „Нынѣ, говоритъ онъ, измѣрили море, землю, воздухъ, небеса и обезпокоили брюхо земное ради металловъ; размежевали планеты, доискались на лунѣ горъ, рѣкъ и городовъ, нашли закомплектныхъ міровъ несчетное множество; строимъ непонятны машины; засыпаемъ бездны; воспрящаемъ и привлекаемъ стремленія водныя. Боже мой! чего мы не умѣемъ, чего не можемъ? Но то горе, что при всемъ томъ, кажется, *чегось великаго недостаетъ*“... Философъ не досказалъ чего же именно.

XII.

Общественно-воспитательное значеніе Сковороды.

Сковорода вращался, главнымъ образомъ, въ двухъ сферахъ:—въ обществѣ средняго сословія—помѣщиковъ, дворянъ, и въ средѣ низшаго крестьянскаго люда Малороссіи. Въ той и

другой сферѣ его мысли имѣли вліяніе. Воспитательное значеніе Сковороды для средняго полуобразованнаго общества заключается въ томъ, что онъ съ истинно-пророческимъ вдохновеніемъ пробуждалъ въ немъ самосознаніе, критическое отношеніе къ явленіямъ жизни, заставлялъ помѣщиковъ-сибаритовъ, разныхъ Ивановъ Ивановичей и Ивановъ Никифоровичей, вдумываться нѣсколько въ свою жизнь и видѣть въ ней не одно яденіе арбуза.

Всѣ изслѣдователи приписываютъ Сковородѣ вліяніе на открытіе Харьковскаго университета. Указываютъ, между прочимъ, на то обстоятельство, что между жертвователями на открытіе перваго малорусскаго университета находятся все знакомые Сковороды. Если признать тутъ вліяніе, то нельзя не сказать, что оно слишкомъ „косвенное". Харьковскій университетъ, безспорно, открылся бы и безъ Сковороды. Но нельзя отрицать, что представители интеллигентнаго дворянства Слободской Украйны: Квитка, Розальонъ-Сошальскій, Донецъ-Захаржевскій, Ковалевскій, Коваленскій, Щербининъ (харьковскій губерн.), Урюпинъ (харьковскій голова) и др. обязаны лучшими минутами умственной своей жизни этому чудаку-философу. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Урюпину Сковорода увѣщевалъ его непремѣнно слѣдовать по пути „доброй славы", которая „лучше мягкаго пирога". „Не думай, друже, писалъ Урюпину Сковорода, что добрая слава есть то же, что пустозвонный мірской газетъ, гремящій по улицамъ о тѣлесной твоей премудрости, о силѣ и богатствѣ. Да не хвалится премудрый премудростью своей!... [1])". „Въ Израильскомъ Зміѣ" Сковорода побуждаетъ дворянъ (единственный сравнительно-мыслящій классъ людей того времени — послѣ духовенства) заняться любомудріемъ. Но, увы, потомки дворянскихъ родовъ, съ которыми приходилось сталкиваться Сковородѣ, едва-ли долго помнили философа. „Культурные люди

---

[1]) Истор Вѣст. 1897 г., Янв., 336. „Украинск. Старина". Очерки, замѣтки, матеріалы изъ стародавняго харьковскаго быта и культуры. Проф. Багалѣя. Харьковъ 1896 года.

края, говоритъ г-жа Ефименко, успѣли забыть его довольно основательно“ [1]). Благодарнѣе въ этомъ отношеніи память народа.

Воспитательное значеніе Сковороды для народа могло опредѣляться его свѣтлымъ взглядомъ на жизнь, тѣмъ его просвѣтительнымъ оптимизмомъ, который онъ вселялъ въ среду крестьянина, ведущаго безпросвѣтно-тяжелую, безсмысленно-трудовую жизнь. „Большой народъ спитъ и сномъ крѣпкимъ, богатырскимъ, что лишь въ сказкахъ“, но Сковорода вѣрилъ, что „всякъ сонъ есть пробудный и кто спитъ, тотъ не мертвечина и не трупище околѣвшее“, и онъ, какъ умѣлъ, старался шевелить этого соннаго богатыря, умѣлъ каждаго ободрить, поселить вѣру въ лучшее. Онъ самъ былъ убѣжденный народный учитель добра. „Претрудно быть злымъ, легко быть благимъ“, училъ онъ народъ съ свѣтлой надеждой на лучшее. Онъ предлагалъ народу „млеко“ соотвѣтственно его развитію... Онъ зналъ, что нужно народу, и вѣрилъ, что „всякое дѣло спѣетъ собой“. „Клубокъ самъ собой покатится съ горы, отними только ему препятствующій камень. Не учи его катиться, а только пособляй“. Впрочемъ, фактическихъ данныхъ въ подтвержденіе вліянія философіи Сковороды на простой народъ мы еще не имѣемъ. Быть можетъ, эти данныя представитъ намъ впослѣдствіи полная біографія Григорія Саввича. Д. И. Багалѣй, опираясь на воспоминанія Лубянскаго и Срезневскаго о Сковородѣ, говоритъ, что „нравственное вліяніе Сковороды на простой народъ было очень благодѣтельно“.

Біографія Сковороды и характеръ его сочиненій показываютъ, что онъ хотѣлъ быть не просто философомъ, но *народнымъ* философомъ. Онъ желалъ своими разсужденіями будить косную народную мысль. Для этой цѣли онъ старался употреблять иногда популярныя, простонародныя разсужденія и доводы.

Не безъ добродушной ироніи называлъ онъ себя „Публиколой“, а свое ученіе—„бѣлымъ блиномъ на черной сковородѣ“, или „простонародной плеткой, тканкой“, которую предлагалъ на дорогахъ, на базарѣ въ праздничные дни, когда скачетъ

---

[1]) „Недѣля“, 1894 г. 1 кн.

„пьяная воля“ на поляхъ, гдѣ „въ бездождіи потъ поливаетъ нивы“, по кладбищамъ, церквамъ и вездѣ, гдѣ находилъ слушателей. За эту „плетку“, „тканку“ его особенно не любили тѣ чопорные представители интеллигентнаго общества, которые полагали, что истинное ученіе должно быть предлагаемо въ изящной формѣ, чуждой вульгарности и рѣзкости. Таковъ, между прочимъ, былъ Вернетъ, который называлъ Сковороду „необдѣланнымъ дорогимъ камнемъ“. Сковорода не оставался въ долгу у изящнаго Вернета и обозвалъ его „мущиною съ бабскимъ умомъ и дамскимъ секретаремъ“.

Тяжеловѣсные слитки философскаго знанія, малодоступные публикѣ, онъ хотѣлъ перечеканить и расцѣнить на обыкновенную ходячую монету, сдѣлать ее достояніемъ по возможности большаго круга людей. Нельзя сказать, чтобы это ему удалось, но во всякомъ случаѣ самая попытка къ популяризаціи философскаго знанія въ XVIII в. заслуживаетъ изученія и дѣлаетъ жизнь Сковороды цѣлымъ подвигомъ; особенно, если принять во вниманіе, что и нынѣ популяризація знанія—вопросъ, не далеко ушедшій отъ временъ Сковороды.

Сковорода—замѣчательный представитель глухой, неравной, но упорной борьбы личности съ обществомъ. Этотъ человѣкъ жилъ личнымъ субъективнымъ идеаломъ. Онъ тщательно разобралъ теоретическія основы этого идеала и настойчиво старался проводить его въ жизнь. Но онъ не зналъ, что такое среда съ ея требованіями, компромисами, приспособленіями. Онъ вѣрилъ въ силу своего идеала больше, чѣмъ въ силу общества съ его косностью и препонами. Въ этомъ заключалось трагикомическое положеніе Сковороды, какъ общественнаго дѣятеля.

Личность задумала научить или, лучше, переиначить, перевоспитать общество. Но тщетно. Общество не поддавалось перевоспитанію. Непризнанный реформаторъ—„чудакъ“—уходилъ изъ общества побѣжденный, но не сдавшійся, не сраженный... Залѣчивъ свои раны въ какой нибудь пасѣкѣ, въ усадьбѣ, своеобразнымъ мистико-поэтическимъ настроеніемъ, онъ снова шелъ въ то же общество, снова боролся и снова уходилъ съ клеймомъ неуживчиваго человѣка, но съ незапятнанною совѣстью и съ

тѣмъ свѣтлымъ, радостнымъ сознаніемъ долга, которое позволяло ему смотрѣть на жизнь, какъ на радость. „Я радуюсь, говорилъ онъ, а радованіе есть цвѣтъ человѣческой жизни". Не каждый съумѣетъ вынести такую борьбу, не у каждаго хватитъ для этого силы духа, крѣпости воли. Въ этой непреклонной крѣпости духа, гордости воли и заключается нравственное величіе Григорія Саввича. Онъ хотѣлъ жить такъ, какъ говорилъ, и если это ему не удавалось, то потому, конечно, что столь идеальнымъ, прегрессивнымъ убѣжденіямъ, какія хотѣлъ Сковорода провести въ жизнь, общество съ своими непреодолимыми навыками всегда представляло достаточное противодѣйствіе.

Почему-то думаютъ, что „Сковорода не искалъ ни славы, ни уваженія",[1]) словно въ желаніи прославиться есть нѣчто предосудительное, несогласное съ нравственнымъ обликомъ человѣка.

Сковорода вовсе не былъ чуждъ самолюбивыхъ стремленій. Изображая изъ себя отшельника-странника, онъ въ то же время чутко и самолюбиво прислушивался къ тому, что о немъ говорятъ. Если онъ не печаталъ своихъ произведеній, то не потому, что не желалъ видѣть ихъ пущенными въ читающее общество, а потому, что не имѣлъ средствъ прибѣгнуть для распространенія своихъ идей къ помощи типографскаго станка. Извѣстно, что онъ ничего не имѣлъ противъ списыванія его сочиненій и самъ охотно популяризовалъ свои идеи въ обильной перепискѣ съ друзьями. Популярность, которою онъ по справедливости пользовался, была однимъ изъ сильнѣйшихъ мотивовъ его философскихъ странствованій. Его частыя удаленія изъ общества обусловлены были, конечно, мотивами внутренняго характера, но этимъ мотивамъ нисколько не противорѣчило то эгоистичное внутреннее удовлетвореніе, которое испытывалъ Сковорода отъ сознанія, что о немъ говорятъ, что его мысли разбираются, толкуются, что о немъ судятъ и такъ, и сякъ. Замѣчательно, что онъ уходилъ отъ общества всегда съ нѣкоторой демонстраціей, т. е. произведши нѣкоторое впеча

---

[1]) „Укр. Стар." 36 стр.

тлѣніе, оставивъ послѣ себя извѣстный слѣдъ, который, онъ зналъ, не скоро заметутъ языки... Онъ знаетъ, когда нужно уйти отъ общества. Вообще, онъ былъ, какъ говорится, „себѣ на умѣ"... Этимъ объясняются отчасти и его причуды. Срезневскій говоритъ о Сковородѣ: „глаза его блестятъ то гордостью академика, то глупостью нищаго, то невиннымъ простодушіемъ дитяти; поступь и осанка важная, размѣренная, но тутъ-же, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, и чудная гримаса, и чудная ужимка... говорить умѣетъ и любитъ, и говоритъ иногда, какъ добрый украинецъ; за то умѣетъ и подурачить другихъ вмѣстѣ самимъ собою и ученостью, и умомъ, и благочестіемъ, и часто уловками пронырливаго попрошайки" [1]).

XII.

Сковорода и его эпоха. Заключительныя замѣчанія.

Если-бы потребовалось однимъ словомъ охарактеризовать время Григорія Саввича Сковороды, то мы бы назвали эту эпоху временемъ броженія, новоустройства во всѣхъ сферахъ общественнаго быта Слободской Украйны, въ которой преимущественно жилъ и дѣйствовалъ украинскій философъ. Это было время приспособленій, перемѣщеній, незримой переформировки общественныхъ элементовъ въ краѣ.

Въ государственно-административномъ отношеніи Слободская Украйна, — край малонаселенный и почти дикій,—постепенно принимала видъ благоустроенной страны. Къ этому были направлены всѣ государственныя мѣропріятія того времени. Въ это время (1765 г.) формировалась „Слободская Украинская губернія" (съ ея подраздѣленіями на провинціи и комисарства), переименованная черезъ нѣсколько лѣтъ въ „Харьковское Намѣстничество" (1780 г.). Это было время передвиженія народ-

---

[1]) Сочин. Сковор. стр. XVII.

ныхъ массъ на плодородные, малонаселенные пустыри... Сюда спѣшили и бродячіе элементы населенныхъ странъ, и тѣснимые поляками поселяне],,тогобочной", Заднѣпровской Украйны. Здѣсь завязывались свободныя хозяйства на вольныхъ грунтахъ... Богатые заливные луга, пасѣчныя угодья, лѣса представляли собою благодатную почву для привольной жизни, не стѣсняемой пока ни угнетеніями барства, ни земельными подушными окладами, которые въ то время вводились (и то не на всѣхъ, а лишь на войсковыхъ обывателей). Воинственныя традиціи гетманщины постепенно отдалялись, теряли силу свѣжаго воспоминанія и переходили въ преданіе, давая мѣсто новымъ политическимъ понятіямъ и стремленіямъ. Козачество, коренной политическій элементъ края, постепенно переходило частью на почву земледѣльческаго класса или чумачества, частью реформировалось въ полки великорусскаго строя.—Лишь шайки запорожцевъ—,,рыцарей прадидовщины"—по старой памяти не переставали изрѣдка безпокоить жителей своими набѣгами, но эти набѣги имѣли теперь уже видъ не войны, а разбоевъ при серьезныхъ случаяхъ и шалости—при легкихъ.

Общества, въ смыслѣ класса людей, связанныхъ между собою какими-либо культурными интересами, въ изображаемую нами эпоху не было, а было лишь смѣшеніе разнородныхъ, неустановившихся случайныхъ людей, очутившихся другъ съ другомъ въ случайномъ сосѣдствѣ. Тутъ были туземные запорожцы, знавшіе Сѣчь, отставные вояки, помнившіе удалые походы временъ Петра I, и прислаеные администраторы—чиновники. Молодое великорусское чиновничество переплеталось тутъ съ старыми войсковыми писарями... Старое дворянство, имѣвшее, впрочемъ, въ краѣ немного представителей, предпочитало сибаритствовать и вести рѣдкую по своей неподвижности, праздную жизнь. Новое дворянство, формировавшееся изъ козацкой старшины, не опредѣлилось еще въ своемъ сословномъ быту, хотя и заявило уже свои права на барство и на хозяйственное преимущество въ краѣ. Совершенно особнякомъ стояли при-

вольные мелкопомѣщичьи хутора съ „липовыми покоями, которые по сту лѣтъ слишкомъ пребывали невредимы, чисты, свѣтлы и здоровы“ [1]).

О систематическомъ просвѣщеніи въ описываемое время, конечно, не можетъ быть и рѣчи. „Чары Цирцеи“, навѣянныя въ сѣверной Руси эпохой Екатерины II, не коснулись Слободской Украйны.... Въ краѣ не было ни гимназій, ни школъ.... Единственный пріютъ книжной образованности—„Харьковскій духовный коллегіумъ“ былъ лишь напоминаніемъ школьной образованности, первой залетной птичкой, которая одна еще весны не дѣлаетъ. Церковныя школы давали слабыя начала знанія. Духовенство все еще оставалось въ положеніи самаго образованнаго класса. Но оно жило наслѣдственнымъ запасомъ фамильныхъ преданій и не допускало прогресса идей. Важнымъ условіемъ для развитія мыслей Сковороды было то обстоятельство, что тогда не было еще развито ученіе о фатализмѣ зла и о трагикомической пустотѣ человѣческой жизни, ученіе, составляющее философскую моду нашего времени.

Какъ и во всякое переходное время, въ Слободской Украйнѣ второй половины XVIII вѣка было много дерзкихъ проходимцевъ, авантюристовъ, умѣвшихъ извлечь свои выгоды изъ неопредѣленнаго положенія страны. Поборы, взяточничество, насилія разнаго рода развились въ высшей степени. Крупныя власти брали крупныя взятки деньгами и натурою, кто помельче—бралъ мелкую взятку. Опекуны грабили опекаемыхъ... Все это совершалось открыто и часто безнаказанно.

Педагогическія условія страны сказались въ томъ своеобразномъ складѣ народнаго учительства, который традиціонно вошелъ въ духъ малорусскаго общества и сроднился съ нимъ.

Педагогъ второй половины XVIII в. представлялъ собою явленіе во многихъ отношеніяхъ любопытное. Онъ совмѣщалъ въ себѣ всѣ обязанности—и гувернера, и учителя, и няньки, и

---

[1]) Украинск. Старина. Матеріалы для исторіи украинской литературы и народ. образ. Данилевскаго. Харьковъ 1866 г. стр. 5.

домашняго управляющаго, и балагура-собесѣдника. Директоръ Новгор.-Сѣверск. гимназіи И. Ѳ. Тимковскій вспоминаетъ о своемъ учителѣ — гувернерѣ такимъ образомъ: „онъ носилъ и водилъ меня въ церковь, забавлялъ меня на бузиновой дудкѣ, или громко трубя въ сурму изъ толстаго бодяка, и набиралъ мнѣ пучки клубники на сѣнокосахъ“[1]). Чтобы ученикъ не бѣжалъ отъ грамматики, его привязывали длиннымъ полотенцемъ къ столу. Письмо практиковалось на черныхъ дощечкахъ, на которыхъ писали или мѣломъ, или бѣлилами (особый составъ, извѣстный должно быть лишь педагогамъXVIII вѣка).

Главными педагогами въ краѣ были дьяки. Чего они не умѣли сообщить, то въ совершенствѣ доучивалось при помощи семинаристовъ, которые имѣли въ Малороссіи значительную,— хотя и невыясненную еще, — воспитательную роль. Гоголь въ „Віѣ“ угадалъ очень вѣрную исторически-типичную сторону старо-малорусской педагогіи, когда выставилъ трехъ путниковъ украинскихъ семинаристовъ, путешествующихъ по селамъ Малороссіи и незамѣтно распространяющихъ сѣмена знанія въ странѣ.

Бродячіе педагоги безъ различія возраста были кореннымъ, хотя и неоригинальнымъ явленіемъ исторической Малороссіи. При своемъ демократическомъ строѣ, Малороссія не знала аристократіи ума, связаннаго съ тѣмъ или другимъ званіемъ, сословіемъ. Малороссы привыкли смотрѣть на образованіе не какъ на привилегію какой нибудь касты, а какъ на законное достояніе всѣхъ. Вотъ почему въ ней постоянно находили и теперь еще находятъ пріютъ разные старые заштатные премудрые дьяки, отставные дряхлые капралы, умудренные приключеніями и опытомъ, старцы-нищіе, кобзари, школяры-эпетеиты и др. И каждаго малороссъ готовъ на досугѣ слушать, сохраняя при себѣ право критическаго отношенія къ разсказамъ, по пословицѣ: „чужихъ людей слухай, а свій розумъ май“. Особеннымъ почетомъ и уваженіемъ пользовались въ народѣ „старцы“. И въ настоящее время въ Малороссіи слово „старецъ“, „дидъ“ не

---

[1]) Украинск. Старина. Харьковъ 1866 г. 7 стр.

всегда значитъ нищій, а въ прежнее время слово „старецъ“ было полнымъ омонимомъ народнаго мудреца, умудреннаго самимъ опытомъ, долголѣтней жизнью. Сковорода не безъ основанія подписывался „старецъ Варсава“, „старчикъ“, т. е. бродячій философъ, народный мудрецъ. И эти движущіеся философы—чудаки, мыслители — самородки были необходимы въ общей экономіи народной жизни. Это „перекати-поле“, сѣмя, несущееся вѣтромъ обстоятельствъ, не знающее, гдѣ, на кого оно упадетъ и какой принесетъ плодъ...

Сопоставляя черты жизни нашего философа съ характеромъ эпохи, легко можемъ уяснить себѣ нѣкоторыя особенности въ жизни Сковороды.

Во-первыхъ, понятными становятся передвиженія его и тотъ радушный пріемъ, какой онъ находилъ вездѣ, куда-бы ни приходилъ. Григорій Саввичъ былъ типичнѣйшимъ представителемъ бродячаго малорусскаго духа.

Во-вторыхъ, въ обстоятельствахъ его времени находитъ объясненіе для себя и та часть его философіи, которая направлена къ обличенію предразсудковъ и суевѣрій, царствовавшихъ во второй половинѣ XVIII вѣка.

Наконецъ, въ-третьихъ, особенности языка и стилистики сочиненій Сковороды удовлетворительно объясняются тоже характеромъ времени Сковороды и того школьнаго образованія, которое онъ получилъ въ Кіевской академіи.

О первыхъ двухъ особенностяхъ мы достаточно говорили. Остановимъ свое вниманіе на послѣдней чертѣ философа—оригинальности его языка.

Сковорода былъ воспитанникомъ Кіевской бурсы и заплатилъ большую дань своей almae matri стилемъ своихъ произведеній. Біографы изслѣдователи отдаютъ должную дань „силѣ и разительности“ (Снегиревъ) слога Сковороды, но не скрываютъ и недостатковъ его языка. Они находятъ языкъ печатныхъ произведеній Сковороды тяжелымъ, страннымъ, неудобовразумительнымъ, запутаннымъ, исполненнымъ разныхъ провинціализмовъ; и не безъ основанія одинъ изъ почитателей философіи Сковороды (Хиж-

деу), желая издать сочиненія философа, въ то же время задумалъ составить и словарь его мудреныхъ реченій. Другой почитатель Сковороды (К. Я. Сергѣевъ) совѣтовалъ даже издать всѣ творенія его въ переводѣ, дабы странная смѣсь его языка не „испугала многихъ читателей („Сочин. Сковороды" стр. XIX). Испугаться, правда, было чего... Дѣйствительно, языкъ Сковороды—это какое-то странное глаголаніе съ примѣсью полуславянскихъ, полународныхъ, полулатинскихъ, польскихъ и даже еврейскихъ реченій,—тотъ своего рода волапюкъ, на которомъ иные образованные люди конца прошлаго вѣка считали нужнымъ выражаться, чтобы быть умными, чтобы дивить своихъ слушателей мудреными рѣчами. Сковорода не чуждъ былъ этого предразсудка. Онъ различалъ стили рѣчи и, безспорно, раздѣлялъ убѣжденіе своихъ соотечественниковъ, что о возвышенномъ должно говорить возвышенно. Онъ предпочиталъ иногда облекать свои мысли въ загадочно-таинственную, школьную форму аллегоріи, ученой фабулы, и часто самая простая, обыкновенная мысль выражалась имъ въ вычурной, схоластической формѣ, напр.: „нѣтъ вѣрнѣе, сирѣчь полезнѣе и величественнѣе, какъ познать самого себя... Отсюда рождается благословенное иное царство владѣть собою могти". Вслѣдствіе неясности языка, многія мѣста его произведеній остаются съ загадочнымъ смысломъ. Даже басни и притчи его (гдѣ, казалось бы, можно быть вполнѣ естественнымъ, народнымъ) носятъ неудобовразумительную форму и малодоступны для народнаго чтенія. Читая басни и пѣсни Сковороды, невольно думаешь, что видишь предъ собою какіе то неудачные переводы съ чуднаго оригинала.

Духъ времени вынуждалъ Сковороду писать иногда такимъ стилемъ. Нужно еще удивляться, что Сковорода, прошедшій схоластическую школу Кіевской академіи, не вполнѣ былъ неудобопонятенъ въ своихъ вычурныхъ произведеніяхъ. Многія мѣста его сочиненій показываютъ, что Сковорода недурно владѣлъ чисто-народнымъ малорусскимъ языкомъ. При томъ же біографія его свидѣтельствуетъ, что онъ былъ незамѣнимый собесѣдникъ и балагуръ въ обществѣ. Значитъ, онъ могъ, когда хотѣлъ, го-

ворить прямо и народно. Уступая лишь модѣ, онъ выражался туманно-прикровенно. Какъ человѣкъ талантливый, стоявшій нѣсколько выше своего общества, Сковорода умѣлъ говорить двоякимъ языкомъ—то простымъ и яснымъ, то тяжелымъ, философскимъ языкомъ. Напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ онъ спрашиваетъ: „Что есть древо жизни?" — И отвѣчаетъ: „Посреди плоти нашей". —„Что есть древо жизни?"—„Есть законъ ума".— „Что естъ законъ ума?"—„Свѣтъ тихій славы Безсмертнаго Отца Небеснаго". Или: „спортивъ мы отъ самаго начала око нашего ума, не можемъ никакъ проникнуть до того, что одно достойно есть нашего почтенія и любви въ вѣкъ вѣковъ".[1]). Мысли—простыя, а форма темная. Г-жа Ефименко думаетъ, что „Сковорода, по обстоятельствамъ времени и мѣста, былъ самъ творцомъ своего языка". Это справедливо. Нѣкоторыя слова— особенно составныя—обязаны своимъ происхожденіемъ Сковородѣ.

Внѣшняя форма произведеній Сковороды оказала все-таки немаловажную услугу для его популярности. Издавна замѣчено, что люди, загадочно выражающіе свои мысли, невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе, привлекаютъ къ себѣ слушателей. А полуобразованное общество боготворитъ такихъ людей, принимая загадочность ихъ оборотовъ рѣчи за признакъ глубокой мысли и ума. Издавна подмѣчена слабость малоразвитыхъ людей бѣжать на всякую загадку, на все новое, необыкновенное, хотя, быть можетъ, и простое и ясное въ своей сущности.

Но нравственно-философское величіе Сковороды опиралось, конечно, не на одной этой слабости общества. Общество, угадывая въ туманныхъ реченіяхъ Сковороды признаки великаго ума, не ошибалось. На этотъ разъ его слабость послужила не мишурѣ, а настоящему творцу мысли.

Сковорода, какъ мыслитель, говоритъ А. Ефименко, слишкомъ долго и слишкомъ несправедливо былъ въ полномъ забвеніи. Изслѣдователь опасается, какъ-бы волны житейскаго моря съ ихъ непрерывнымъ миражемъ все новыхъ, пестрыхъ и за-

1) Вопр. филос. и псих. Ноябрь 1894 г. 421.

хватывающихъ интересовъ, снова не захлеснули этой фигуры, которой не посчастливилось въ свое время высоко и ярко выкинуть свое знамя [1])". Другой писатель высказываетъ убѣжденіе, „что на этомъ не остановится изученіе такой крупной и цѣльной личности, такого замѣчательнаго культурнаго типа, какимъ былъ Сковорода. Что интересъ къ этой личности возникъ только въ послѣднее время, это объясняется, конечно, какъ случайными обстоятельствами (напр., истекшимъ столѣтіемъ со дня его кончины), такъ и цѣлымъ рядомъ тѣхъ внѣшнихъ причинъ, въ какихъ находилось изученіе такого рода личностей и вопросовъ въ прежнее время. И теперь еще сочиненія Сковороды доступны публикѣ не въ полномъ видѣ" [2]).

Пріятно вѣрить, что надежды исполнятся, хотя данныхъ для осуществленія этихъ надеждъ и нѣтъ. Ничто не предвѣщаетъ, чтобы изученіе этой личности подвинулось впередъ. Изслѣдователи боятся, какъ-бы „волны житейскаго моря не захлеснули этой фигуры"... А мы скажемъ такъ: пусть волны хлещутъ,—въ этомъ и жизнь. Если-же та или другая фигура можетъ быть ими захлеснута,—виноваты въ этомъ не волны. На пьедесталахъ философской сильной мысли не нужны намъ такія фигуры, которыя разрушаются волнами. Далѣе, если этой фигурѣ „не посчастливилось въ свое время высоко и ярко выкинуть свое знамя", то никакія усилія современныхъ философовъ не создадутъ условій для поднятія этого знамени.

Дитя юга, воспитанное въ живописной Малороссіи, прошедшее школу школьной схоластики, съ яркой индивидуальностью и своеобразнымъ темпераментомъ, —Сковорода былъ типомъ въ полномъ значеніи этого слова. Можно и даже должно спорить о стремленіяхъ и идеяхъ этого человѣка, но нельзя отрицать его силы, нравственнаго величія. Соображая все, до сихъ извѣстное о Сковородѣ, каждый безпристрастный изслѣдователь долженъ признать его здоровымъ и отраднымъ явленіемъ своего времени.

Ѳ. Кудринскій.

---

[1]) Вопр. филос. и псих. 1894 г. Ноябрь. 419.

[2]) Вопр. фил. и психол. 1895 г. кн. 4 (29) стр. 509.

ЗАМѢТКИ О МАЗЕПѢ.

(По поводу книги Ѳ. М. Уманца „Гетманъ Мазепа“).

I. Мазепа до поставленія гетманомъ.

Главная задача книги Ѳ. М. Уманца заключается въ „выдѣленіи свѣтлыхъ точекъ въ политической и частной жизни Мазепы“, такъ какъ „на Мазепѣ много пятенъ“, да притомъ „общая молва сгустила темныя краски“. Задача выбрана во всякомъ случаѣ интересная. Несомнѣнно, что Мазепа былъ человѣкъ большого ума и еще большаго характера, а тѣ яркія перипетіи, которыя случились въ его жизни, сдѣлали изъ него героя, годнаго во всякій романъ. О такомъ человѣкѣ всегда можно сказать много новаго, если особенно недостатокъ документальнаго матеріала заставляетъ историка прибѣгать къ догадкамъ.

Изслѣдуя личность Мазепы, какъ историческаго дѣятеля и частнаго человѣка, авторъ настоящей книги не пишетъ исторіи его гетманства со всѣми внѣшними событіями послѣдняго, а беретъ только крупные моменты изъ жизни Мазепы, отдѣляя для каждой изъ нихъ особую главу. Такихъ главъ семь: а) *Молодость Мазепы*, б) *У Дорошенка*, в) *Семья Самойловичей*, г) *Быть или не быть*, д) *Поздняя любовь* и е) *„Шведская инкурсія.“* [1]).

Книга г. Уманца написана живымъ языкомъ, и нѣкоторый результатъ отъ этого несомнѣнно получился: книгу его прочли многіе изъ тѣхъ читателей, которые *ученыхъ* книгъ почти не читаютъ. А здѣсь—кромѣ довольно своеобразнаго языка (много словъ и выраженій—изъ домашняго обихода) еще и всегда инте-

---

[1]) Въ восьмой главѣ заключается обозрѣніе портретовъ Мазепы.

ресная личность Мазепы... Но книга г. Уманца интересна и для людей, обязательно читающихъ ученыя книги.

Представляя здѣсь свои замѣтки на книгу г. Уманца и по поводу ея, мы впередъ говоримъ, что, хотя во многомъ личность Мазепа представляется еще неясною, но для оцѣнки нѣкоторыхъ эпизодовъ изъ общественной и частной его жизни собрано уже достаточно историческаго матеріала, чтобы не обращаться къ помощи предположеній и догадокъ... Замѣтки наши будутъ слѣдовать въ порядкѣ отмѣченныхъ у автора моментовъ изъ жизни Мазепы.

1. *Молодость Мазепы.* Первый критическій сводъ генеалогическихъ и біографическихъ свѣдѣній о Мазепѣ принадлежитъ извѣстному знатоку исторіи правобережной Малороссіи Эд. Руликовскому, который въ *газетной корреспонденціи* сообщилъ обстоятельный перечень собранныхъ имъ свѣдѣній, какъ о происхожденіи, Мазепы, такъ и о его молодости [1]). Приведя имена Николая, Федора, Адама и Яна Мазепъ (Dzien. W., № 196), Руликовскій никакой родственной связи между ними не установляетъ за неимѣніемъ къ тому данныхъ. Тутъ все однѣ лишь догадки... [2]) Черезъ два года послѣ статьи Руликовскаго, появилась другая статья—„Mazepa. Noty historiczne“, [3]) авторъ которой, положивъ въ основу свѣдѣнія Руликовскаго, дополнилъ ихъ печатными, при чемъ указалъ едва-ли не всю тогда извѣстную литературу о Мазепѣ; впрочемъ, ничего существеннаго къ свѣ-

---

[1]) Dziennik Warszawski 1854 г., №№ 196—198. При этомъ Руликовскій воспользовался двумя цѣнными замѣтками Ю. Вартошевича о Мазепѣ (его посылка къ Тетерѣ), напечатанными въ томъ же Dzien. Warsz. въ 1853 г., №№ 150 и 188., Статья Руликовскаго дополнена примѣчаніями Вартошевича, которому, какъ видно она сообщена была въ рукописи.

Раньше Руликовскаго былъ напечатанъ очеркъ жизни Мазепы, принадлеж. польск. ученому Ал. Пршездѣцкому („O Mazepie,“ Atheneum, 1842 г., № 1, стр. 28—61), но здѣсь—сводъ однихъ печатныхъ свѣдѣній.

[2]) Статья Руликовскаго вызвала замѣтку Тим. Липинскаго (Т. ж., № 211), въ которой указывается, что въ актѣ 1572 г. значится не Николай, а Михаилъ Мазепа.

[3]) Авторомъ этой анонимной статьи Вартошевичъ называетъ какого то Чомбера (Święcki, Histor. Pamiątki, I, 366), лицá совсѣмъ неизвѣстнаго въ польской литературѣ.

дѣніямъ Руликовскаго Чомберъ не прибавилъ. Затѣмъ, сводъ свѣдѣній Руликовскаго былъ повторенъ Ю. Бартошевичемъ, въ 1858 г., въ его дополненіяхъ къ книгѣ Свѣнцкаго [1]), со включеніемъ перечня документовъ, порученныхъ королемъ Мазепѣ въ 1663 г., при посылкѣ его къ Тетерѣ. Позднѣйшія свѣдѣнія о происхожденіи Мазепы и о его молодости принадлежатъ тому же Руликовскому и помѣщены въ его статьѣ о селѣ Мазепинцахъ (Słown. Geogr., VI, 183—184). Здѣсь Руликовскій, говоря о происхожденіи Мазепы, называетъ Михайла Мазепу, получившаго въ 1572 г. отъ Сигизмунда-Августа привилей на земли по р. Каменицѣ, и Николая Мазепу, показаннаго въ 1616 г. владѣльцемъ хутора надъ „Камяницей“, [2]) и говоритъ, что, кажется, сыномъ этого Николая былъ Адамъ Мазепа, за которымъ по акту 1659 г. было укрѣплено село Мазепинцы, при чемъ въ этомъ актѣ называется и сынъ Адама—Янъ. Въ актѣ 1659 г. Адамъ Мазепа называется „шляхтичемъ и жолнеромъ“, а въ актѣ 1662 г. тотъ же Адамъ Мазепа называется уже „подчашимъ Черниговскимъ“, а черезъ три года (1665 г.) подчашимъ Черниговскимъ былъ сынъ умершаго Адама—Янъ. Сообщивъ эти документальныя свѣдѣнія *о Мазепахъ*, Руликовскій ставитъ вопросъ: этотъ ли самый Янъ Мазепа, сынъ Адама, былъ гетманомъ?—Руководясь тѣмъ, что гетманъ Мазепа самъ говоритъ, что онъ родился въ Мазепинцахъ, Руликовскій полагаетъ, что Янъ, сынъ Адама, былъ именно гетманъ [3]).—На основаніи приведенныхъ свѣдѣній г. Уманецъ уже категорически говоритъ: „Родъ гетмана Мазепы принадлежитъ къ самымъ древнимъ въ Малороссіи и *заслуженнымъ въ Войскѣ*. Его пращуръ отъ Сигизмунда I, въ 1544 г., получилъ имѣніе въ Бѣлоцерковскомъ повѣтѣ... Источники не называютъ этого предка Мазепы. Одинъ только Похилевичъ называетъ его Николаемъ... Михаилъ Мазепа, вѣроятно сынъ предыдущаго, получилъ въ 1572 г. утвержденіе на Мазепинцы... Слѣдующее поколѣніе

[1]) Historyczne Pamiątki (Warsz., 1858), т. I, стр. 363—366.

[2]) О владѣльцѣ „хутора на Каменицѣ“ Николаѣ Мазепѣ, см. также Арх Юг.-Зап. Россія, ч. VII, т. I, стр. 293.

[3]) На этотъ самый вопросъ Бартошевичъ отвѣчаетъ такъ: „téj zagadki nie śmiemy rozwiązywac stanowczo. Histor. Pam.,“ I, 365.

представляютъ Федоръ и Николай, вѣроятно, сыновья Михаила Мазепы. *Затѣмъ по актамъ выступаетъ Степанъ*-Адамъ Мазепа. О томъ, что онъ былъ единственнымъ сыномъ Николая Мазепы, надо заключать по имѣнію...."

Какъ видимъ, основаній для заключенія о томъ, чтобы *родъ* гетмана Мазепы принадлежалъ къ заслуженнымъ въ „Войскѣ"—нѣтъ никакихъ. О службѣ предковъ Адама Мазепы въ „Войскѣ" свѣдѣній—нѣтъ; самъ Адамъ, именуясь сначала „шляхтичемъ и жолнеромъ", а потомъ—подчашимъ, къ „Войску" принадлежать не могъ. Только гетманъ Мазепа сталъ принадлежать къ „Войску" съ момента своего поступленія на службу къ Дорошенку... Подъ именемъ постоянно употреблявшагося въ въ актахъ термина—„Войско Запорожское", до пол. XVII в. слѣдуетъ разумѣть ту группу русскаго населенія приднѣпровской Украины, которая уже въ концѣ XVI вѣка стала выражать свой протестъ противъ польскихъ порядковъ. Изъ этой группы населенія образовалось особое войско, принявшее названіе Запорожскаго на томъ основаніи, что его зачатки явились въ видѣ поселившихся за Днѣпровскими порогами козаковъ. Войско это служило военную службу польскимъ королямъ, не смѣшиваясь съ другими войсками, подъ именемъ козаковъ, при чемъ, съ теченіемъ времени, не только служилое войско, но и все то населеніе, изъ котораго оно набиралось, стало называться „Войскомъ Запорожскимъ". Такимъ образомъ, подъ именемъ послѣдняго разумѣется обособившаяся въ перв. пол. XVII в. группа малорусскаго населенія, которая противопоставила польскимъ порядкамъ свои порядки, при чемъ совокупность послѣднихъ явилась основою военно-гражданскаго устройства козаковъ „Войска Запорожскаго". Отсюда мы видимъ, что, напр., извѣстный Адамъ Кисель никогда не могъ сказать, что онъ принадлежитъ къ „Войску Запорожскому" и никакой представитель этого „Войска" не назвалъ бы Киселя—*своимъ*... По всему этому г. Уманецъ неправильно причисляетъ къ „Войску" переименованныхъ у него Мазепъ.—Засимъ мы видимъ, какъ легко находитъ г. Уманецъ пращура гетмана Мазепы въ лицѣ предполагаемаго Николая (ссылаясь на Похилевича, какъ извѣстно, автора въ

данномъ случаѣ менѣе чѣмъ авторитетнаго) и относитъ его почему то къ 1544 г. Преемники этого пращура слѣдуютъ въ разсказѣ г. Уманца съ присоединеніемъ слова *вѣроятно*, а Адамъ Мазепа—такъ даже и безъ этого прибавленія называется вмѣстѣ и *Степаномъ*, потому что гетманъ по отчеству звался Степановичемъ.

Также едвали правиленъ выводъ г. Уманца и о томъ, что „Мазепы, оставаясь православными, *продолжали дружбу съ козачествомъ*"... Ни изъ какихъ свѣдѣній г. Уманца этого не видно.

Повторенный г. Уманцемъ перечень именъ Мазепъ, встрѣченныхъ прежними историками гетмана въ юридическихъ актахъ XVI и XVII в.в. (до 1665 г. включительно), ничего не разъяснилъ болѣе того, что говорилось и до сего.

А между тѣмъ нѣкоторое новое освѣщеніе этихъ свѣдѣній о Мазепѣ можно было найти. Въ 10-мъ томѣ *Актовъ Ю. и З. Россіи*, изданномъ въ 1878 г., и заключающемъ въ себѣ свѣдѣнія о состояніи Малороссіи въ 1654 г., напечатано не мало свѣдѣній о персоналѣ тогдашней правобережной козацкой старшинѣ. Здѣсь мы видимъ, между прочимъ, что весною 1654 г. Бѣлоцерковскимъ полковникомъ былъ Семенъ Половецъ (стр. 397 и 405), а Бѣлоцерковскимъ атаманомъ—*Адамъ Мазепа* (стр. 405). Изъ списка Бѣлоцерковской „шляхты", составленнаго въ томъ же 1654 г. и напечатаннаго тутъ же (стр. 783), видно, что въ числѣ ея значится цѣлый рядъ Мокіевскихъ (девять человѣкъ). Намъ извѣстно, что мать гетмана была Мокіевская. Знаемъ мы также (см. ниже), что гетманъ былъ женатъ на дочери Бѣлоцерковскаго полковника Семена Половца. Отсюда мы имѣемъ достаточныя основанія для заключенія, что упоминаемый въ 1654 г. Бѣлоцерковскій атаманъ Адамъ Мазепа былъ женатъ на одной изъ Мокіевскихъ, а слѣдовательно этотъ самый Адамъ и долженъ быть отцомъ будущаго гетмана... Имя Степана явилось, слѣдуетъ полагать, отъ двухъ-именности и—для *благозвучія* въ козацкихъ ушахъ, когда будущій гетманъ попалъ уже межъ козаковъ. Называя мать гетмана, въ монашествѣ Марію-Магдалину, г. Уманецъ говоритъ, что „ея почеркъ заставляетъ предполагать значительное для того времени обра-

зованіе". Дѣйствительно, почеркъ матери Мазепы, какъ видно изъ прилагаемаго ниже снимка, [1]) можетъ дать нѣкоторое основаніе для заключенія о ея книжномъ образованіи. Снимокъ ея почерка взятъ здѣсь изъ акта 1701 г., когда „Мазепиной" было не менѣе *восьмидесяти лѣтъ...* Книжное ея образованіе вполнѣ понятно изъ того, что она была несомнѣнная *шляхтянка,* т. е. принадлежала къ семьѣ болѣе или менѣе культурной. Можно думать, что близкое родство будущаго гетмана съ такимъ множествомъ шляхтичей Мокіевскихъ оказало вліяніе и на дальнѣйшую судьбу Мазепъ... Адамъ Мазепа, будучи по происхожденію и самъ шляхтичъ, тѣмъ не менѣе пошелъ въ *козаки* и будучи человѣкомъ замѣтнымъ, былъ поставленъ въ своей сотнѣ атаманомъ. Но Мокіевскіе въ козаки не пошли, а остались по прежнему въ рядахъ шляхты и „шляхтою" показаны въ спискахъ, по которымъ русскіе воеводы приводили въ январѣ 1654 г. къ присягѣ новыхъ подданныхъ Московскаго государства. Подражая Мокіевскимъ, могъ и Адамъ Мазепа оставить свое козачество и возвратиться въ прежнее положеніе... Тутъ могли дѣйствовать и матеріальные разсчеты, и тѣ шляхетскія тенденціи, которыя несомнѣнно имѣли въ тогдашнемъ южно-русскомъ обществѣ много приверженцевъ даже среди козацкой старшины (Выговскій и друг.). Результатомъ возвращенія въ прежнее положеніе для Адама Мазепы —могла быть возможность помѣстить единственнаго своего сына къ королевскому двору въ число „дворянъ" [2]) Юный „Янъ" Мазепа не только сталъ королевскимъ „дворяниномъ", но и дворяниномъ, котораго король отличилъ отъ другихъ, принявъ въ число своихъ „покоевыхъ", (должность, соотвѣтствовавшая нѣмецкимъ камеръ-юнкерамъ). Но прежде, чѣмъ Мазепа сталъ „покоевымъ", король, по свидѣтельству Отвиновскаго, посылалъ его заграницу

---

[1]) Marya Magdalena Mazepina Manasterow Panienskich Ihumenia piecarskiego kiiowskiego y Hlukowskiego

(Купчая полк. Миклашевскому. Подлинникъ у В. В. Тарновскаго).

[2]) См. это слово р. Линде (*dworzanin*) и въ книгѣ Морачевскаго—*Starożytności Polskie*, тоже слово. (Dworzaninem powinien był bydź tylko swój i szlachcic").

для окончанія образованія, которое будто бы начато было Мазепою въ Кіевской академіи, какъ говоритъ Величко. Такимъ образомъ мы видимъ, что уже въ ранней молодости Мазепа выходилъ изъ ряда своихъ сотоварищей какъ по образованію, такъ и по положенію. „Покоевымъ дворяниномъ" короля Мазепа былъ уже въ 1659 г., какъ это видно изъ упоминанія о немъ въ письмѣ Выговскаго къ кор. канцлеру Пражмовскому [1]). Основываясь на этомъ письмѣ, обыкновенно говорятъ, что король посылалъ Мазепу къ Выговскому съ какимъ то порученіемъ... Говоритъ это и г. Уманецъ („король уже даетъ ему *важное* порученіе къ Выговскому")... Но собственно изъ письма Выговскаго этого не видно, такъ какъ тутъ говорится о томъ лишь, что какое то извѣстіе Выговскій посылаетъ Пражмовскому чрезъ Мазепу... То же самое видимъ и изъ письма Потоцкаго къ королю, что чрезъ Мазепу послано было *только* письмо. Но чтобы Мазепу король посылалъ и къ Выговскому, и къ Потоцкому—съ какимъ либо порученіемъ, а не для доставленія лишь письма, повторяемъ, этого не видно. Обыкновенно съ фактомъ посылки Мазепы къ Выговскому связываютъ вопросъ о годѣ его рожденія. Со словъ Стебельскаго историки повторяли, что Мазепа родился въ 1629 г. [2]). Свѣдѣніе это не документальное и потому останавливаться на немъ нельзя. Настаиваютъ на томъ, что очень молодого Мазепу король не послалъ бы къ Выговскому; но почему же король не могъ послать чрезъ двадцатилѣтняго своего „дворянина" письма къ Выговскому или къ Потоцкому? Указываютъ на посылку королемъ Мазепы, въ 1663 г., къ Тетерѣ, съ клейнодами, какъ на порученіе слишкомъ важное, чтобы оно могло быть довѣрено юному человѣку, но ниже мы увидимъ, что это порученіе Мазепа долженъ былъ исполнить *не самолично* и что онъ его исполнилъ довольно легкомысленно, какъ это могъ сдѣлать именно только юный посланецъ... Говоримъ все это, думая, что Мазепа могъ родиться и въ 1639 г... [3]). Разумѣется, все это догадки, но осно-

[1]) Памятники, III, iij, 362 и 366.

[2]) Chronologia, II, 423. То-же повторяетъ и Лакомбъ.

[3]) Въ перечнѣ „реликвій" I-го Кад. Корп. (Русск. Инвал. 1898 г., № 41) указывается между прочимъ Львовское Евангеліе 1644 г. и имѣющіяся въ немъ надписи, и тутъ же замѣчается: „здѣсь нельзя не указать, что 1644 г. былъ годомъ рожденія гетмана Мазепы". Откуда такое заключеніе—не видно. Не изъ надписи ли?

ваніемъ ихъ служитъ то обстоятельство, что „поздняя любовь“ естественнѣе могла посѣтить Мазепу не въ 75 лѣтъ, а можетъ быть десятью годами раньше... Г. Уманецъ полагаетъ, что Мазепа могъ родиться и въ 1633 г. (стр. 11) и въ 1629 г. (стр. 23). Безъ документальныхъ данныхъ, поле догадокъ велико.. Объ ученіи Мазепы г. Уманецъ говоритъ, пользуясь показаніями Отвиновскаго и Величка. Тутъ мы читаемъ: „продолжая разыскивать черты воспитанія Мазепы, *надо принять въ разсчетъ его глубокія познанія въ русскомъ языкѣ*“. Выписавъ затѣмъ изъ Костомарова отзывъ Мазепы объ одномъ подметномъ письмѣ („письмо это писано не въ Польшѣ и не полякомъ, это показываютъ слова, какихъ въ польской рѣчи нѣтъ; думаю, что это письмо написано здѣшними людьми и при томъ не однимъ“ и проч.) г. Уманецъ заключаетъ: „чтобы такъ оріентироваться въ различныхъ діалектахъ русскаго языка, надо или русское филологическое образованіе, или усвоенное съ дѣтства знаніе языка. Перваго тогда не было во всей Россіи; второе Мазепа могъ пріобрѣсти въ дѣтствѣ, *усвоивъ устную народную рѣчь*...“ Здѣсь прежде всего не видно, о какомъ *русскомъ языкѣ* говоритъ г. Уманецъ. Намъ не извѣстенъ текстъ того письма, въ сужденіи о которомъ Мазепа обнаружилъ свои познанія „въ различныхъ діалектахъ русскаго языка“ [1]); не знаемъ также, самъ ли Мазепа писалъ подписанный имъ отзывъ о „подметномъ“ письмѣ, или же его канцелярія... Но во всякомъ случаѣ, если Мазепой и была усвоена „устная народная рѣчь,“ то этой рѣчью писемъ тогда не писали... *Порусски* писались тогда письма тѣмъ языкомъ, какимъ написаны немногія письма Лазаря Барановича (среди множества его польскихъ писемъ), т. е. языкомъ *книжнымъ* (напр. № 36, 46, 49, 57, 126, 129 и др.) [2]). Письма эти, конечно, далеки отъ *устной народной рѣчи*... Сомнѣваемся, чтобы Мазепа могъ писать въ молодости даже и такимъ языкомъ свои *русскія* письма, какимъ ихъ писалъ Барановичъ, потому что свою молодость онъ провелъ въ той средѣ, которая и говорила, и писала

---

[1]) Сколько можно понять изъ отзыва Мазепы, подметное письмо было написано *по-польски*, но неправильною рѣчью.

[2]) Письма Лазаря Барановича. Черниговъ. 1865.

почти исключительно по-польски... Здѣсь мы разумѣемъ не только Варшавскую придворную обстановку, но и семью Мазепы въ Бѣлоцерковщинѣ, у которой несомнѣнно обиходнымъ языкомъ была рѣчь польская. Мать Мазепы, будучи уже древней монахиней, продолжаетъ подписывать свое имя польскими буквами. Польская рѣчь настолько была распространена среди культурныхъ малороссіянъ праваго берега, что и Печерскій архимандритъ Кроковскій, для своей частной переписки съ генер. есауломъ Ломиковскимъ, употребляетъ эту самую рѣчь польскую..[1]). Этой рѣчью пользовался конечно и Мазепа въ своихъ письмахъ, почему коронный гетманъ Яблоновскій и могъ говорить, что онъ, Яблоновскій, знаетъ „разумъ письменнаго слога Мазепы“ [2]). Въ виду всего этого едвали можно говорить о „глубокихъ познаніяхъ Мазепы въ русскомъ языкѣ“, да еще пріобрѣтенныхъ имъ отъ „усвоенія устной народной рѣчи“... О языкѣ указываемой г. Уманцомъ „думы“ говорить здѣсь не приходится, потому что сочиненіе ея Мазепою—не установлено. Письма Мазепы, писанныя къ Матронѣ Кочубей, наполнены полонизмами, слишкомъ удаляющими ихъ отъ „устной народной рѣчи“.

Засимъ скажемъ подробнѣе о посылкѣ королемъ Мазепы въ 1663 г. къ Тетерѣ, такъ какъ, по нашему мнѣнію, послѣдствіемъ этой посылки была отставка Мазепы отъ службы у Яна-Казимира.

Въ февралѣ 1663 г. король послалъ Мазепу съ письмами къ Юрію Хмельницкому, въ то время правобережному гетману; но Хмельницкій въ это время сталъ уже монахомъ, и королевскія письма были получены его преемникомъ Тетерею. Изъ отвѣта послѣдняго можно догадываться, что Янъ-Казимиръ, готовясь въ походъ на лѣвобережную Малороссію, старался обезпечить добрыя отношенія съ правобережными козаками и получить отъ нихъ при этомъ помощь.—Извѣщая, что вмѣсто Хмельницкаго гетманомъ сталъ онъ, Тетеря тутъ же описываетъ тяжкое положеніе Украины отъ насилій „Орды“. Подробности этихъ насилій Тетеря передаетъ королю словесно чрезъ Мазепу.—

---

[1]) Кіевская Старина 1894 г., май, 359.

[2]) Соловьевъ, изд. Т-ва Общ. Польз. III, 1120.

Узнавъ такимъ образомъ о поставленіи гетманомъ Тетери, король нашелъ нужнымъ немедленно послать ему гетманскіе „клейноды“ (привилей, булаву, знамя, котлы и печать), опять таки съ главною цѣлію приласкать необходимыхъ ему въ это время козаковъ. Клейноды долженъ былъ везти Мазепа, но врученіе ихъ Тетерѣ, или правильнѣе „Войску,“ должно было быть произведено собственно Холмскимъ ловчимъ, такъ какъ послѣдній долженъ былъ—при церемоніи врученія клейнодовъ—занимать первое мѣсто (w czym pierwsze mieysce mieć będzie p. łowczy Chełmski) [1]. Вмѣстѣ съ порученіемъ доставить клейноды, Мазепѣ были поручены письма для передачи разнымъ лицамъ изъ козацкой старшины. Видимо, что и это порученіе было тѣсно связано съ предположеннымъ походомъ короля на лѣвый берегъ Днѣпра. Изъ данной Мазепѣ инструкціи видно, что онъ долженъ былъ, въ случаѣ если то найдетъ Тетеря нужнымъ, отправиться съ письмомъ короля и къ Самку (Samczenko) на „Заднѣпріе“, и тамъ же отдать и другіе порученные ему универсалы (y uniwersały do wszystkich tamecznych miast odda). Долженъ былъ Мазепа отправиться при этомъ также и въ Запорожье (опять таки, если то найдетъ нужнымъ Тетеря), съ цѣлію отвлечь запорожцевъ отъ „протекціи царя Московского“. Въ инструкціи не были перечислены всѣ порученія, которыя были даны при этомъ Мазепѣ. Болѣе полный ихъ перечень сообщенъ Бартошевичемъ [2]). Изъ этого перечня видно, что Мазепа везъ въ Украину чуть не десятки универсаловъ для разныхъ лицъ изъ козацкой старшины съ разными обѣщаніями. Изъ всѣхъ этихъ свѣдѣній видно, что Мазепѣ давалось очень важное порученіе. Шло дѣло о томъ, чтобы по возможности облегчить будущее завоеваніе королемъ „Заднѣпрія“. Повторяемъ, что по инструкціи Мазепа, исполняя тѣ или другія частности своего порученія, долженъ былъ дѣйствовать по указаніямъ Тетери. Повидимому,

---

[1]) „Informatia panu Mazeppie, pokoiowemu JK mści, iadącemu do p. hetmana Zaporoskiego (Tetery). Dana z cancellariey wielkiey koron. we Lwowie“. *Źródła do dziejów Polskich. Wilno.*, 1843. Томъ 1, стр. 34—43.

[2]) Dziennik Warsz. 1853 г., № 150, а затѣмъ перепечатанъ въ книгѣ Свѣнцкаго, Hist. Pamiątki, I, 364.

приняты были всѣ мѣры, чтобы Мазепа потщился исполнить порученіе возможно аккуратно. Такъ, между разными „привилеями“ и универсалами, которые вручены были Мазепѣ, былъ врученъ ему привилей и лично для него—на маетность Будище (въ староствѣ Богуславскомъ); тутъ же былъ приказъ Бѣлоцерковскому коменданту объ охраненіи маетностей Адама Мазепы, предполагаемаго отца будущаго гетмана.

И тѣмъ не менѣе Мазепа исполнилъ это порученіе очень неудачно. Сохранилось письмо Тетери по этому предмету, писанное къ Пражмовскому (кор. канцлеру), въ которомъ гетманъ говоритъ, что присланные королемъ клейноды очень было обрадовали „Войско“, но въ тоже время одно обстоятельство наполнило сердца старшины и черни неудовольствіемъ (poalterowało serca), а именно то, что король, должно быть плохо свѣдомленный (male informatus), прислалъ эти клейноды чрезъ п. Мазепу, который не достигъ еще до такой высокой чести и не заслужилъ еще того, чтобы обращаться (szafować) съ клейнодами. И Войско Запорожское усматриваетъ особую немилость короля въ томъ, что королевскія свои отличія (regimina) онъ поручилъ „Войску“ принять изъ рукъ своего брата (nostratis), нигдѣ ничѣмъ еще не отличившагося. Безъ сомнѣнія, не только Заднѣпровцы (Zadnieprzanie), но и чужіе нашли бы въ этомъ обстоятельствѣ предлогъ для ѣдкой насмѣшки (do urągania), такъ какъ имъ, Заднѣпровцамъ, *знаки* (insignia) будетъ вручать какой-то знаменитый князь, а не молокососъ (młokos)... И хорошо еще добавляетъ Тетеря, что Мазепа предупредилъ меня о своей миссіи прежде, чѣмъ собралась великая рада, а то произошло бы въ „Войскѣ“ великое смятеніе... А потому, заключаетъ Тетеря, прошу вашу милость упросить короля не оскорбляться (żeby urażać sie nie raczył), что *мы не приняли изъ рукъ Мазепы присланныхъ клейнодовъ* (oto że przez p. Mazepę przysłanych z rąk onego nie odebraliśmy kleinotow)... [1]) Такимъ образомъ, изъ этого письма видно, что вручить клейноды „Войску“ Мазепа хотѣлъ было *самолично*. Значитъ, Холмскаго ловчаго

---

[1]) Памятники, IV, отд. 3, 299—303.

съ нимъ не было, а между тѣмъ по инструкціи Мазепа долженъ былъ явиться къ Тетерѣ, съ клейнодами, не иначе, какъ вмѣстѣ съ ловчимъ, потому что ловчій долженъ былъ быть *первымъ* при ихъ врученіи „Войску", а Мазепа тутъ оставался лишь ассистентомъ... Но Мазепа явился къ Тетерѣ *одинъ* и самолично хотѣлъ было передать „Войску" королевскіе дары. Тетеря обидѣлся и, какъ видно, справедливо, потому что и король, посылая Мазепу съ клейнодами, находилъ поднесеніе ихъ „Войску" Мазепою же неудобнымъ, почему церемонія передачи клейнодовъ и поручалась королевскому чиновнику, хотя и не особенно высокаго, но все же замѣтнаго ранга.—Не вручивъ Тетерѣ клейнодовъ, Мазепа тѣмъ самымъ не могъ исполнить и другихъ, сдѣланныхъ ему порученій, такъ какъ по инструкціи—эти другія порученія должны были быть исполнены при руководительствѣ Тетери... Но Тетеря былъ обиженъ присылкою къ нему „молокососа" и—совсѣмъ его не принялъ...

Можно предполагать, что Мазепа намѣрился передать Тетерѣ клейноды—безъ участія ловчаго—по легкомыслію и самонадѣянности; если этотъ ловчій почему-либо и не могъ явиться для исполненія королевскаго порученія, то Мазепа, согласно инструкціи, все таки не могъ передавать клейнодовъ Тетерѣ—*самолично*. Какъ бы то ни было, но Мазепа не съумѣлъ исполнить даннаго ему важнаго порученія, причемъ еще и оскорбилъ самолюбіе очень нужнаго въ тотъ моментъ для Польши человѣка...

Вотъ причина, по нашему мнѣнію, отставки Мазепы отъ службы у короля въ 1663 г. Легкомысліе Мазепы, да еще въ такомъ важномъ дѣлѣ, естественно могло отвратить отъ него милость короля, и Мазепѣ оставалась одно—уходить...

У г. Уманца отставка Мазепы объяснена иначе, конечно, потому, что имъ упущена изъ виду данная Мазепѣ инструкція, при чемъ оставленъ безъ вниманія и *отказъ Тетери отъ принятія клейнодовъ изъ рукъ Мазепы*. Г. Уманецъ указываетъ при этомъ на непослѣдовательность Тетери (стр. 11), который де, обозвавъ Мазепу молокососомъ, забылъ, что два мѣсяца тому назадъ „совершенно серьезно относился къ его посольству", возложивъ на него подробное донесеніе королю о видѣнныхъ имъ, Мазе-

ною, разореніяхъ Украины татарами... Но, какъ видно, положеніе Мазепы въ томъ и другомъ случаѣ было далеко не одно и то же: въ первомъ случаѣ король ему поручалъ только отвезти письма къ Юрію Хмельницкому; письма приняты были Тетерею, который, извѣщая короля о своемъ избраніи въ гетманы, жаловался еще на разоренія татаръ и, желая лучше освѣдомить короля объ этихъ разореніяхъ, поручалъ посланцу разсказать королю устно то, что этотъ посланецъ самъ видѣлъ... Въ этомъ случаѣ для Тетери безразличенъ былъ „молокососъ", такъ какъ послѣднему поручалось дополнить письмо разсказомъ очевидца; при чемъ чѣмъ ближе посланецъ стоялъ къ королю, тѣмъ подробнѣе онъ разскажетъ о томъ, что видѣлъ на Украинѣ.—Совсѣмъ не въ томъ положеніи былъ Мазепа, когда хотѣлъ въ апрѣлѣ 1663 г. лично передать „Войску" королевскіе клейноды... Тутъ Мазепа захотѣлъ стать въ то положеніе, права на которое и король не признавалъ за нимъ. Слѣдовательно, Тетеря, какъ въ февралѣ не принималъ посольства Мазепы, такъ не хотѣлъ принимать его въ роли посла и двумя мѣсяцами позже.

Послѣдовавшая затѣмъ отставка Мазепы въ книгѣ г.Уманца находитъ объясненіе натянутое... Разсказавъ стычку Паска съ Мазепою, который де былъ „на сторонѣ короля", почему и донесъ на Паска, г. Уманецъ такъ говоритъ объ отставкѣ Мазепы: „порученіе доставитъ гетманскую булаву Тетерѣ было едва ли не послѣдней службой Мазепы Польшѣ. Его положеніе въ Варшавѣ съ каждымъ днемъ дѣлалось болѣе затруднительнымъ. (?) Онъ былъ на сторонѣ короля; польскій же шляхтичъ всегда подозрѣвалъ короля въ посягательствѣ на „золотую свободу". Поляки терпѣли (?) Мазепу, пока видѣли въ немъ орудіе польскаго вліянія въ Малороссіи (?); но письмо Тетери разсѣяло иллюзіи (?). Оказалось, что козаки, для ухаживанія за собой, требуютъ болѣе дорогой декораціи (воеводъ и сенаторовъ), а не какого-нибудь Мазепу. Поляки относились къ Мазепѣ не только свысока, но и подозрительно (?). Малороссіяне столько разъ измѣняли, что измѣна (?) Мазепы—какъ шляхтича православнаго—была только вопросомъ времени... *И такъ Мазепа*

имѣлъ всѣ поводы задуматься надъ своимъ положеніемъ. Послѣ ряда измѣнъ своей вѣрѣ и народности, онъ могъ добиться здѣсь только мѣста регента королевской канцеляріи или ротмистра какой-нибудь надворной хоругви... И это въ то время, когда карьеры одна—другой экстравагантнѣй возникали на берегахъ Днѣпра, когда смѣлые авантюристы—Пушкарь, Самко, Выговскій, *Дорошенко*, Тетеря, *Брюховецкій*—ворочали обществомъ и, казалось, находили свое счастье."

„*Душными показались Мазепѣ улицы Варшавы. Среди непривѣтливыхъ взглядовъ заносчивой шляхты ему чудятся звуки родной пѣсни и ярче выступаютъ картины родной страны*".

„Мазепа сопровождалъ Яна Казимира въ началѣ его похода въ Малороссію (1663 г.), но около Бѣлой Церкви, „отклонившися за службу королю, зосталъ при отцу своемъ еще въ живыхъ бывшему", говоритъ Величко. *Отецъ Мазепы, вѣроятно, былъ боленъ, что и дало предлогъ отстать отъ похода и поселиться въ Мазепинцахъ* [1])".

Фактическихъ основаній для всего этого разсказа въ книгѣ г. Уманца мы не находимъ... Одинъ указывается здѣсь фактъ, что будто Мазепа „отклонился королю" на его походѣ въ Заднѣпріе. Такъ свидѣтельствуетъ Величко. Здѣсь вѣрно, что Мазепа оставилъ службу у короля въ 1663 г., но нѣтъ основаній относить этотъ фактъ ко времени *похода* короля въ Заднѣпріе. Если король нашелъ Мазепу неумѣлымъ исполнителемъ важнаго порученія, то онъ съ нимъ, вѣроятно, тогда же и разстался, т. е. лѣтомъ 1663 г. А если Мазепа остался у короля и послѣ возвращенія отъ Тетери и если затѣмъ онъ пошелъ съ королемъ въ походъ, то не ловко было ему оставлять короля *на походѣ*... Думается, что Величко, писавшій свою лѣтопись болѣе чѣмъ черезъ сорокъ лѣтъ послѣ 1663 г., могъ слыхать объ отставкѣ Мазепы, случившейся въ этотъ достопамятный для лѣвобережной Малороссіи годъ, причемъ Мазепа, будучи уже гетманомъ, могъ пояснять, что „откло-

---

[1]) Есть извѣстіе, что Адамъ Мазепа жилъ въ Бѣлой Церкви, что разумѣется не мѣшало ему владѣть и Мазепинцами. См. разсказъ польскаго посланца къ Выговскому Перетятковича въ 1659 г. Универс. Изв. Кіевск. У—та 1873 г., № 9, стр. 14.

нился" онъ королю въ моментъ его похода противъ той страны, гдѣ онъ сталъ затѣмъ властелиномъ... *Вѣроятная* болѣзнь отца Мазепы въ этотъ моментъ, разумѣется, нисколько не устраняетъ полной сомнительности извѣстія Величка.

Послѣ ухода отъ короля, Мазепа шесть лѣтъ остается въ неизвѣстности. Къ этому времени историки относятъ время его романовъ съ Фальбовской и Загоровской, точно не опредѣляя ихъ моментовъ. Восполняя бѣдность свѣдѣній за это время о Мазепѣ, г. Уманецъ говоритъ, что послѣдній, оставивъ Варшавскую службу, продолжаетъ числиться при королѣ и даже добивается нѣкоторыхъ выгодъ и отличій. При этомъ указывается инструкція Кіевскихъ дворянъ своимъ посламъ на Варшавскій сеймъ, назначенный на мартъ *1665* г., причемъ упоминается Адамъ Мазепа, подчашій королевскій, имѣющій сына „при боку панскомъ въ покоѣ его королевской милости". [1]) Изъ этого упоминанія о Мазепѣ выходитъ, что если тутъ разумѣется будущій гетманъ, то онъ и въ 1665 г. сохраняетъ должность королевскаго „покоеваго"... Затѣмъ г. Уманецъ говоритъ о назначеніи *Яна* Мазепы Черниговскимъ подчашимъ, ссылаясь на свѣдѣнія Бартошевича (стр. 462). Всѣ эти свѣдѣнія пока еще темны... Но весьма вѣроятно, что получившій въ 1662 г. званіе Черниговскаго подчашаго Адамъ Мазепа былъ тотъ самый Мазепа, который козаковалъ въ 1654 г.; званіе подчашаго онъ могъ получить въ награду за свое обращеніе къ Польшѣ. Такимъ образомъ Черниговскій подчашій долженъ быть отецъ будущаго гетмана... А тогда слѣдуетъ признать, что и инструкція Кіевскихъ дворянъ упоминаетъ о будущемъ гетманѣ, который, слѣдовательно, въ 1665 г. *снова* служилъ при королѣ, а по смерти отца въ томъ же году получилъ его званіе—Черниговскаго подчашаго...

Эти похожденія Мазепъ, конечно, не даютъ основаній для заключенія о „православныхъ и козацкихъ ихъ традиціяхъ" (стр. 18). Похожденія „Яна" Мазепы сопровождались, какъ извѣстно, романами; ихъ извѣстно два и оба они случились съ замужними

---

[1]) Кіевск. Стар. 1886 г., дек., 758. Польскаго текста инструкціи, упоминающей о Мазепѣ, здѣсь нѣтъ.

женщинами [1]). Можно думать, что Мазепа избѣгалъ романовъ съ незамужними... Очень можетъ быть, что эта осторожность привела Мазепу и къ его женитьбѣ на вдовѣ. Могло случиться, что и тутъ дѣло началось романомъ, а кончилось бракомъ... Впрочемъ, жена Мазепы занимала видное положеніе въ своемъ околоткѣ; это была дочь Бѣлоцерковскаго полковника Семена Половца и вдова другого Бѣлоцерковскаго полковника „Самуила Фридриховича Козмы“, повидимому иностранца. Отъ этого Фридриховича остался сынъ, котораго вотчимъ переселилъ на лѣвый берегъ, гдѣ онъ сталъ родоначальникомъ вымершей уже фамиліи Фридрикевичей. Какъ бы то ни было, но мы имѣемъ несомнѣнный фактъ, что женщины въ жизни Мазепы красной нитью проходили уже съ юныхъ его лѣтъ.

Послѣ ухода отъ короля, Мазепа прожилъ на правомъ берегу какъ разъ то время, когда здѣсь центральнымъ козацкимъ дѣятелемъ становился Дорошенко. Затѣмъ видимъ, что какъ только Дорошенко добился, послѣ смерти Брюховецкаго, видной роли главнаго претендента на гетманство (не только правобережное, но и лѣвобережное), то Мазепа поступаетъ къ нему на службу и становится, если вѣрить Величку, ротмистромъ гетманской надворной корогвы, т. е. начальникомъ оберегателей личности гетмана.

У Дорошенка. Такъ называетъ г. Уманецъ вторую главу своей книги, которую начинаетъ обрисовкою личности Дорошенка, надѣляя его и талантами, и простодушіемъ человѣка, у котораго „цѣль всегда открыта или заслонена такъ неловко, чтобы никого не обмануть“... Но мы имѣемъ въ виду одного Мазепу. О мотивѣ перехода его на службу къ Дорошенку г. Уманецъ говоритъ: „соблазнъ (перехода на службу къ Дорошенку) заключался не въ преимуществахъ службы при Дорошенкѣ, а въ той національной программѣ, которой онъ (Дорошенко) держался, въ томъ, что въ данную минуту *Мазепа не могъ сдѣлать ничего нрав-*

---

[1]) Интересно, что разсказанная Паскомъ легенда о Мазепѣ—какъ привязалъ его къ лошади мужъ одной изъ этихъ женщинъ (Фальбовской)—извѣстна уже была и Вольтеру Записки Паска въ первый разъ изданы только въ 1843 г. Откуда же Вольтеръ заимствовалъ эту легенду?

ственно лучшаго. Когда всѣ увлекались Дорошенкомъ, имъ увлекся и Мазепа [1]).

Предположеніе объ увлеченіи Мазепы „національной программой“ составляетъ одно предположеніе и, по нашему мнѣнію, едва ли даже вѣроятное. Еслибы тутъ было увлеченіе личностью Дорошенка, то почему же Мазепа не присталъ къ нему лѣтомъ 1668 г., когда Дорошенко, истребивъ непопулярнаго Брюховецкаго, сталъ, какъ говоритъ Самовидецъ, гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра. А можетъ быть, что Мазепа поступилъ на службу къ Дорошенку, по приглашенію послѣдняго, въ начальники своихъ тѣлохранителей, такъ какъ Мазепа когда-то находился у польскаго короля въ роли очень близкой къ той, которая требовалась Дорошенку. Мазепа скоро прижился у Дорошенка, получилъ у него урядъ генер. есаула и сталъ, повидимому, очень нужнымъ для правобережнаго гетмана человѣкомъ. Но когда „національная программа“ оказалась Дорошенку не подъ силу и популярность правобережнаго гетмана стала меркнуть, Мазепа, повидимому, сталъ думать о перемѣнѣ положенія. Такое желаніе Мазепы сталъ подозрѣвать и Дорошенко [2]). При какихъ обстоятельствахъ Мазепа оставилъ Дорошенка и перешелъ на сторону Самойловича, объ этомъ имѣются документальныя свѣдѣнія, которыя и разсказаны г. Уманцомъ съ добавленіемъ, что Мазепа „очаровалъ“ Самойловича, а когда былъ посломъ послѣднимъ (въ 1674 г.) въ Москву, то и тамъ „всѣхъ очаровалъ“. Вторую главу своей книги г. Уманецъ заключаетъ такъ: „во всякомъ случаѣ, факты говорятъ, что Мазепа оставилъ Дорошенка не потому, что нашелъ болѣе выгодное мѣсто, но вслѣдствіе *непредвидѣннаго* стеченія обстоятельствъ“. Къ этому можно добавить, что стеченіемъ послѣднихъ Мазепа съумѣлъ воспользоваться: „очаровалъ“ новаго

---

[1]) Тутъ же г. Уманецъ добавляетъ, что Мазепа зналъ Дорошенка, уже съ 1663 г.; но это свѣдѣніе сомнительное. Видимо, что г. Уманецъ думаетъ такъ на основаніи сообщенія Бартошевича (см. стр. примѣч.), что Мазепа возилъ въ 1663 г. къ Дорошенку королевское письмо... Но, какъ мы видѣли, письмо это едвали было довезено.

[2]) Самъ Мазепа разсказываетъ, что когда онъ просился разъ у него къ женѣ въ Корсунь, то Дорошенко, заподозривъ его въ измѣнѣ, сказалъ: знатно, что Ромодановскій соболми его прелстилъ... „Акты Ю. З. Россіи, XI, 559.

своего патрона и во всякомъ случаѣ нашелъ у послѣдняго „болѣе выгодное мѣсто".

Третья глава названа—„*Семья Самойловичей*". И здѣсь мы не будемъ останавливаться надъ портретами Многогрѣшнаго и Самойловича, которые попутно нарисовалъ г. Уманецъ. Какъ извѣстно, гетманъ Самойловичъ по происхожденію былъ *поповичъ* („Поповичемъ," а не Самойловичемъ зовутъ его лѣтописи); отецъ его былъ священникомъ м. Ходоркова, откуда онъ потомъ переселился на лѣвый берегъ, въ м. Красный Колядинъ (Конотопскаго у.). Такимъ образомъ, Самойловичъ хотя выросъ и на правомъ берегу, высшее общество котораго было культурнѣе лѣвобережнаго, но не могъ имѣть особой „эдукаціи". А между тѣмъ эта „эдукація" сдѣлалась необходимой Самойловичу, когда онъ сталъ гетманомъ и когда наваждомъ шагу хотѣлъ показать свое превосходство предъ простыми смертными. Превосходство его предъ послѣдними должно было выразиться и вообще въ держаніи гетманскаго двора,—въ устройствѣ извѣстной его обстановки. Имѣлась въ виду, конечно, обстановка *панская*—правобережныхъ польскихъ вельможъ, въ свою очередь старавшихся подражать королю. Самовидецъ подробно разсказываетъ, какъ Самойловичъ сталъ величаться, возсѣвъ на гетманскій столъ. Одною изъ принадлежностей этого величанья явились гетманскіе „дворяне", состоявшіе главнымъ образомъ изъ молодыхъ людей знатныхъ фамилій, пребывавшихъ при гетманскомъ „дворѣ" ради большей его пышности. Такими „дворянами" окружали себя всѣ польскіе вельможи, не говоря уже о королѣ. Такихъ „дворянъ" завелъ у себя и Самойловичъ [1]). Вотъ этотъ человѣкъ и сталъ патрономъ Мазепы послѣ Дорошенка.

Несомнѣнно, что новый патронъ скоро оцѣнилъ Мазепу, какъ человѣка, которому хорошо были извѣстны всѣ обычаи дворской жизни и который, кромѣ того, былъ еще и хорошо обученъ наукамъ въ тогдашнемъ ихъ обиходѣ. Какъ бывшій королевскій „покоевый", Мазепа могъ наставлять гетманскій „домъ" въ надлежащемъ публичномъ его держаніи, а какъ бывшій воспитанникъ заграничныхъ училищъ, Мазепа могъ помогать

1) Кіевск. Стар. 1884 г., № 10, Томары.

и въ дѣлѣ „эдукаціи“ гетманскихъ дѣтей. „Сему человѣку (Мазепѣ) ввѣрилъ гетманъ Самойловичъ воспитаніе своихъ дѣтей“, говоритъ Бант.-Каменскій, ссылаясь на „малороссійскія дѣла коллежск. архива“. Не упоминая о свѣдѣніи Бант.-Каменскаго, г. Уманецъ не вѣритъ свѣдѣнію объ этомъ учительствѣ Мазепы, сообщаемому „Исторіей Русовъ“, причемъ указываетъ на бывшихъ при дѣтяхъ Самойловича учителей—монаховъ. Одно другому, какъ видно, не мѣшало.—Трудно сказать, насколько Мазепа могъ быть зачисленъ въ ряды „людей, окуренныхъ порохомъ“ (стр. 65), но несомнѣнно, что помогать въ воспитаніи гетманскихъ дѣтей онъ могъ, обладая плодами заграничной „эдукаціи“. А послѣдняя для Самойловича именно и была важна: своихъ дѣтей онъ хотѣлъ воспитать совсѣмъ по иному, чѣмъ самъ воспитывался. Пребываніе Мазепы въ первые годы при Самойловичѣ, въ качествѣ гетманскаго „дворянина“, сохранялось въ народной памяти еще и въ 1721 г. Интересный разсказъ записанъ въ этомъ году гетманскими чиновниками по жалобѣ жителей Конотопскаго села Мал. Самбора на Андрея Лизогуба за захватъ имъ Самборскихъ земель: „и когда то село Мал. Самборецъ—разсказывали мѣстные сторожилы—еще за власти гетмана Самойловича, досталось Мазепѣ, *на тотъ часъ еще дворянинномъ будучому,* въ то время Мазепа, принявши тое село.... и яко-жъ на тотъ часъ, зъ початку, еще не ожившись, велѣлъ своему старостѣ спрягатися зъ Иваномъ Охрѣменкомъ, Малосамборскимъ козакомъ....“ [1]). Отсюда между прочимъ видно, что Мазепа пришелъ къ Самойловичу человѣкомъ не богатымъ, такъ какъ на первый разъ, въ новомъ хозяйствѣ, ему пришлось „спрягаться“ съ богатымъ козакомъ.

Такимъ образомъ дворская служба Мазепы у Самойловича на первый разъ была награждена лишь небольшою маетностью. Въ ряды войсковой старшины Мазепа сталъ не скоро: по своимъ близкимъ отношеніямъ къ Самойловичу и по прежней службѣ у Дорошенка, Мазепа могъ удовлетвориться только генер. урядомъ (въ полковники Самойловичъ Мазепу, вѣроятно, не отпу-

---

[1]) Историч. Очерки селъ Конотопск. уѣзда. (Черниговъ 1886), стр. 2.

стилъ бы, чтобы не разставаться...), но для полученія такого уряда требовалось, значитъ, время. По свидѣтельству, Бант.-Каменскаго, только въ 1682 г. Мазепа поставленъ былъ генеральнымъ есауломъ.—И въ званіи „дворянина", и уже будучи генер. есауломъ, Мазепа нѣсколько разъ посыланъ былъ Самойловичемъ въ Москву съ разными порученіями офиціальнаго характера. Съ такими же порученіями посылалъ Мазепу Самойловичъ и въ Кіевъ, напр., для участія въ избраніи митрополита въ 1685 г. Г. Уманецъ замѣчаетъ, что при этомъ „въ Москву и Кіевъ Мазепа возилъ только мысли Самойловича и нигдѣ не дѣйствовалъ офиціально по собственному усмотрѣнію". А мы скажемъ, что иначе и быть не могло, такъ какъ Мазепа былъ очень уменъ, чтобы дѣйствовать иначе и затѣнять собою того, въ чьихъ пока рукахъ находилась его карьера... Нигдѣ не выказывая „собственнаго усмотрѣнія", Мазепа тѣмъ не менѣе за тринадцатилѣтнюю службу при Самойловичѣ самъ хорошо узналъ Москву и Москвѣ далъ возможность узнать себя. Въ это же время онъ еще лучше изучилъ тотъ персоналъ высшей войсковой старшины, которая и при самовластіи Самойловича не теряла значенія въ направленіи общественныхъ дѣлъ.

Результаты пребыванія Мазепы при Самойловичѣ, сначала—въ маломъ званіи гетманскаго „дворянина", а потомъ въ генеральномъ чинѣ, обнаружились на Коломакѣ, лѣтомъ 1687 г., когда Самойловичъ былъ низложенъ, а на мѣсто его поставленъ былъ онъ, Мазепа. Кто былъ руководителемъ интриги противъ Самойловича, кто писалъ на него доносъ,—это пока окончательно еще не выяснено. Но результатъ интриги—на лицо. Преемникомъ Самойловича сталъ Мазепа. Г. Уманецъ говоритъ, что Мазепа избранъ правильно, а потому ни въ чемъ и винить его нельзя, кромѣ данной Голицыну десятитысячной взятки. Доказывая *правильность* выборовъ Мазепы, г. Уманецъ указываетъ и на значеніе „козацкаго лагеря", юридически будто бы представлявшаго Малороссію, и на то обстоятельство, что выборъ Мазепы во всякомъ случаѣ правильнѣе де выборовъ Сомойловича, Многогрѣшнаго... Послѣднее указаніе едвали правильно. И Самойловичъ, и Многогрѣшный—поставлены на гетманство своею же бра-

тіею старшиною, безъ того сильнаго посторонняго вліянія, которое имѣло мѣсто на Коломацкой радѣ и которое такъ подробно описано въ дневникѣ Гордона [1]). Читая это описаніе, конечно, нельзя согласиться съ г. Уманцемъ, чтобы „избраніе не зависѣло отъ Голицына". Да и записка Мазепы къ Голицыну, найденная между сокровенными бумагами послѣдняго, о посылкѣ ему 10/т. рублей, *обѣщанныхъ* раньше [2]), видимо говоритъ, что Голицынъ былъ купленъ за эту сумму раньше избранія, такъ какъ поднесеніе подарка „человѣку своей партіи послѣ избранія", конечно, сдѣлано было бы въ реальномъ видѣ, а не въ „обѣтницѣ" 10/т. рублей, т. е. такой суммы, которой даже не могло найтись у дарителя, когда онъ пообѣщалъ его одарить... Тутъ виденъ уже не подарокъ post factum (который въ семъ случаѣ и не простирался бы до такой огромной суммы), а заранѣе условленная плата за обѣщанную помощь и плата такого размѣра, что Мазепа на Коломакѣ и собрать ее не могъ [3])... При этомъ, конечно, никто не станетъ спорить съ г. Уманцемъ, что „людей прежнихъ эпохъ нужно брать въ обстановкѣ ихъ времени", т. е. что Мазепу нельзя де особенно винить за то, что онъ купилъ гетманство взяткою.—Можно его и не винить, но нельзя видѣть въ немъ „самаго популярнаго человѣка если не во всей Малороссіи, то по крайней мѣрѣ въ лагерѣ подъ Коломакомъ". Мазепа былъ большой эгоистъ, былъ скупъ, храбрости—совсѣмъ неизвѣстной... Словомъ, не видно у него въ характерѣ тѣхъ чертъ, которыя дѣлаютъ человѣка популярнымъ. Но былъ Мазепа смышленъ и ловокъ и „во всей Малороссіи, и въ лагерѣ подъ Коломакомъ"—и эта ловкость была единственною причиною, доставившею ему булаву. Ловкость, съ

---

[1]) Tagebuch, II, 190.

[2]) Устряловъ, Истор. царств. Петра В., I, 356, „Записка Мазепы князю В. Голицыну".

[3]) Отсюда, вѣроятно, идетъ преданіе, что Мазепа заплатилъ Голицыну взятку деньгами, взятыми въ долгъ у генер. обозпаго Борковскаго (Б. Каменск. III, пр. 2) Такъ разсказывали потомки Борковскаго, хвастая богатствомъ предка... Вѣроятнѣе, что Мазепа просилъ этихъ денегъ на Коломакѣ у Борковскаго, но послѣдній по скупости не далъ... Послѣдующія отношенія Мазепы къ Борковскому такую догадку дѣлаютъ болѣе вѣроятною, чѣмъ преданіе потомковъ.

которою Мазепа обдѣлывалъ свое избраніе, замѣчательна. Главный пріемъ этой ловкости заключался въ томъ, чтобы устранить всѣхъ конкурентовъ, персоналъ которыхъ ограничивался лицами, подписавшими доносъ. Здѣсь значатся: генер. обозный Борковскій, генер. судья Вуяхевичъ, генер. писарь Прокоповичъ, пять „заслуженныхъ въ войскѣ особъ": Солонина, Яковъ Лизогубъ, Григорій Гамалѣя, Дмитрашко-Раичъ и Степанъ Забѣла [1]). Изъ числа этихъ пяти безъурядныхъ лицъ, четыре—*бывшіе* полковники, а пятый, Забѣла, бывшій генер. хоружій, сынъ извѣстнаго долгою своею службою генер. обознаго Петра Забѣлы. Лизогубъ былъ полковникомъ у Дорошенка, на правомъ берегу, а остальные три на лѣвомъ, при чемъ Гамалѣя былъ низложенъ еще при Брюховецкомъ, а Солонина и Дмитрашко были низложены Самойловичемъ. При этомъ Лизогубъ, Гамалѣя и Дмитрашко по прежнимъ своимъ похожденіямъ были старые авантюристы, хорошо знакомые съ старшинскою интригою. Вотъ эти пять лицъ, слѣдовавшіе за Самойловичемъ въ походѣ въ званіи лишь „значного товариства," тѣмъ не менѣе были ядромъ вліятельной старшины, при чемъ четыре изъ нихъ несомнѣнно мечтали о возвращеніи прежнихъ полковничьихъ урядовъ, а пятый, Забѣла, по своему знатному родству и богатству [2]) и какъ отставной генер. хорунжій, хотя и не былъ до того полковникомъ, но, добиваясь высшаго уряда, могъ мириться, конечно, только на полковничествѣ.

Вотъ этихъ пять человѣкъ Мазепѣ, главнымъ образомъ, нужно было не только привлечь на свою сторону, но и поставить ихъ при этомъ въ положеніе властное... Такъ, повидимому, долженъ былъ разсуждать Мазепа, обдумывая планъ дѣйствій для достиженія булавы...

Несомнѣнно, что самый вѣрный къ этому способъ заключался въ предоставленіи этимъ пяти лицамъ полковничьихъ мѣстъ, но притомъ, конечно, такъ, чтобы мѣста ими были полу-

---

[1]) Источники Малор. Исторіи, Бант.-Каменск. I, 304. Значился тутъ еще, послѣднимъ въ числѣ подписавшихъ доносъ, и Кочубей, безъ указанія его уряда былъ онъ въ это время „реентомъ" генер. канцеляріи.

[2]) Описаніе Стар. Малороссіи, II, 138.

чены чрезъ Мазепу или посредствомъ его. Причемъ сдѣлать это нужно было, разумѣется, до рады, т. е. въ тотъ моментъ, когда всѣ полковничьи мѣста были заняты... И тѣмъ неменѣе все это было сдѣлано: *всѣ названные пять лицъ явились на раду 25 іюля уже полковниками*, и притомъ три изъ нихъ тѣхъ самыхъ полковъ, которыхъ они уже были и прежде полковниками, а Забѣла—полковникомъ того полка, въ которомъ находились его маетности. Кромѣ того, Прокоповичъ и Кочубей явились на раду 25 іюля тоже съ повышенными урядами: бывшій передъ тѣмъ генер. писарь Прокоповичъ явился генер. судью (вторымъ), а бывшій „реентъ" Кочубей—генер. писаремъ. Какъ же это сдѣлалось?—Фактъ этотъ до сихъ поръ не былъ отмѣченъ; не могло быть, значитъ, и его объясненій [1]). Изъ свѣдѣній Бант.-Каменскаго, заимствованныхъ имъ изъ „дѣлъ коллежсскаго архива" (III, 5), видно, что 24 іюля Голицынъ собралъ у себя въ палаткѣ „генеральную старшину", при чемъ прочтены были новыя „статьи" *будущаго* гетмана и затѣмъ, по одобреніи ихъ старшиною, будто бы условлено было и избраніе Мазепы... Было ли говорено на этой *предварительной радѣ* о завтрашнемъ избраніи Мазепы—точно сказать нельзя, но несомнѣнно, что только въ этотъ моментъ могли быть поставлены *новые* полковники и *повышены* въ рангахъ Прокоповичъ и Кочубей. Другого подходящаго момента для этихъ перемѣнъ до 25 іюля не было.

Новые полковники были поставлены слѣдующіе: Лизогубъ въ Черниговъ, вмѣсто Григорія Самойловича, Гамалѣя въ Лубны, вмѣсто Ильяшенка [2]), Дмитрашко—въ Переяславъ, вмѣсто Леонтія Полуботка [3]), Солонина—въ Козелецъ (Кіевск. полкъ),

---

1) Костомаровъ (Руина, стр. 682) полагалъ, что эти лица были полковниками уже и въ то время, когда подписывали 7 іюля доносъ на Самойловича, но его ошибка тутъ явственна: не могъ быть Лизогубъ Черниговскимъ полковникомъ, когда этотъ урядъ былъ занятъ Григоріемъ Самойловичемъ, Дмитрашко—Переяславскимъ, когда здѣсь былъ Леонт. Полуботокъ, Забѣла—Нѣжинскимъ, когда это мѣсто занималъ Ярема Непракъ, что видно именно изъ той страницы книги Ригельмана (III, 3), на которую Костомаровъ дѣлаетъ ссылку на стр. 691-й „Руины".

2) Тестя гетманскаго племянника Михаила Самойловича.

3) Сынъ Леонтія Полуботка Павелъ женатъ на дочери гетманскаго племянника Михайла Самойловича.

вмѣсто (кажется) Коровченка-Вольскаго, и Забѣла—въ Нѣжинъ, вмѣсто ничтожнаго Яремы Непрака, (неизвѣстно откуда взявшагося и неизвѣстно куда дѣвавшагося). Наконецъ, поставленъ былъ и шестой—*новый* полковникъ Тимофей Алексѣевъ — въ Стародубъ, вмѣсто Якова Самойловича, при чемъ и Алексѣевъ *былъ* уже и прежде Стародубскимъ полковникомъ и былъ низложенъ Самойловичемъ для очистки мѣста старшему сыну, Семену.

Всѣ эти шесть лицъ значатся полковниками на актѣ объ избраніи Мазепы, происшедшемъ 25 іюля [1]). Кто же могъ распорядиться поставленіемъ *новыхъ* полковниковъ наканунѣ выборовъ новаго гетмана, когда прежніе полковники (за исключеніемъ двухъ сыновей Самойловича) формально еще оставались на своихъ мѣстахъ? Разумѣется, не та *рада*, которая собиралась у Голицына 24 іюля, потому что она состояла изъ пяти—шести лицъ (Борковскій, Вуяхевичъ, Прокоповичъ, Кочубей)... не имѣвшихъ значенія... Думается, что никто другой такого важнаго распоряженія, кромѣ Голицына, сдѣлать не могъ. Только власть Голицына могла устранить безъ всякаго суда прежнихъ полковниковъ, поставивъ имъ въ вину близость къ низложенному гетману. Выборы *новыхъ* лицъ на мѣсто устраненныхъ тоже не могли произойти безъ чьего-либо особаго указанія и ходатайства. А Голицынъ могъ это сдѣлать по ходатайству—или самихъ лицъ, получившихъ полковничьи уряды, или того, для кого нужны были именно эти назначенія... Если Мазепа пообѣщалъ Голицыну 10/т. рублей за его помощь при выборахъ новаго гетмана, то Голицынъ долженъ былъ эту помощь оказать во всѣхъ тѣхъ ея частностяхъ, которыя нужны были Мазепѣ. А какое же лучшее средство можно было употребить Мазепѣ для привлеченія на свою сторону указанныхъ лицъ и сдѣлать ихъ властными, какъ не давши имъ возможности явиться на выборы—*полковниками* и притомъ желанныхъ ими полковъ... Голицыну дана была дорогая „обѣтница", а Голицынъ далъ шести вліятельнымъ лицамъ полковничьи мѣста, и на радѣ явилось шесть полковниковъ—несомнѣнно усерднѣйшихъ сторонниковъ Мазепы, потому что уряды

---

[1]) Собраніе государств. грамотъ и договоръ IV, 558.

свои получили они посредствомъ этого самаго Мазепы... [1]) Повышены были при этомъ въ своихъ урядахъ, какъ сказано выше, еще и Прокоповичъ съ Кочубеемъ и, разумѣется, волею Голицына. Можно думать, что повышеніе при этомъ Кочубея въ генер. писари сдѣлано было потому, что Мазепѣ онъ былъ желательнѣе въ этомъ рангѣ, чѣмъ Прокоповичъ.—Неужели же не ясно, что „Голицынъ подсунулъ Мазепу козакамъ"? (Стр. 75). Поэтому едва ли можно говоритъ, что козаки, при выборѣ новаго гетмана, не имѣли де никакихъ основаній, чтобы „подчиниться внушеніямъ иностраннаго вельможи, ничѣмъ неизвѣстнаго, имъ незнакомаго, только что потерпѣвшаго пораженіе и не бывшаго даже воиномъ по профессіи". Какъ будто бы рада 25 іюля происходила въ идеальной обстановкѣ... Всякую иллюзію при этомъ уничтожаетъ описаніе этой самой рады, сдѣланное очевидцемъ: на радѣ участвовало 2000 козаковъ (800 конныхъ и 1200 пѣшихъ), при чемъ это небольшое войско было окружено другимъ войскомъ—московскимъ, нарочно придвинутымъ сюда по распоряженію, сдѣланному наканунѣ вечеромъ [2]). Правда, участвовало на радѣ и все остальное козацкое войско, но лишь *номинально*, при чемъ *представлялось оно лицемъ одного генер. писаря Кочубея* [3])... Вотъ при какой обстановкѣ Голицынъ спросилъ казаковъ—кого желаютъ они выбрать себѣ гетманомъ?... Козаки сначала молчали, а потомъ ближайшіе къ Голицыну назвали Мазепу, и это имя повторено было другими. Нѣсколько голо-

---

[1]) Замѣтимъ, что изъ шести полковъ, въ которые назначены были новые полковники, пять—были обширнѣйшіе въ Малороссіи, занимая территорію едва ли не въ $^{3}/_{4}$ всей гетманщины. См. карту Малороссіи при книгѣ Шафонскаго Опис Черниг. намѣстн.

[2]) Tagebuch Гордона, II, 189.

[3]) На актѣ избранія, послѣ подписей наличной старшины, значится: „А вмѣсто полковъ, на службѣ монаршой ихъ царского пресвѣтл. величества зостаючихъ на Запорожью, Чернѣговского, Переяславского, Прилуцкого, Миргородского, охотницкихъ конныхъ Новицкого и Пашковского и пѣхотныхъ Яворского и Герасимового и сотнѣ Глуховской, а вышей Кодаку на устю Самары—Нѣжинского и пѣхотнихъ Иванѣевого и Кожуховского, *за самыхъ тыхъ полковниковъ, за старшину ихъ полковую, за сотниковъ и за атамановъ куренныхъ и за всю чернь, рядовое товарицтво, я, Василь Кочубей, писаръ войсковый енералный, властною рукою подписуюся*". Собран. госуд. грам. и договор., IV, 560.

совъ назвало было Борковскаго, но—sie wurden aber bald zum stillschweigen gebracht... (Гордонъ). Такимъ образомъ Коломацкая рада должна была „подчиниться внушеніямъ иностраннаго вельможи, хотя ничѣмъ неизвѣстнаго и не бывшаго воиномъ по профессіи“, но повелѣвавшаго всѣмъ бывшимъ въ походѣ русскимъ войскомъ, часть котораго окружала тотъ „козацкій лагерь на рѣкѣ Коломакѣ, который, по мнѣнію г. Уманца, въ этотъ моментъ совершенно легально обратился въ „Коломацкую раду“... Если и существовало какое-либо подобіе „теоріи государственнаго права Малороссіи“ (стр. 70) въ формѣ „войсковыхъ обычаевъ“, то ужъ никакъ не могла имѣть эта „теорія“ примѣненія на Коломакѣ, гдѣ властно повелѣвалъ и распоряжался кн. Голицынъ, самый сильный тогда человѣкъ въ Московскомъ государствѣ...

Думается, что всего сказаннаго достаточно, чтобы убѣдиться, что Мазепа получилъ булаву только при помощи власти Голицына, которую онъ при этомъ такъ ловко эксплуатировалъ. Отсутствіе у Мазепы той популярности, которую приписываетъ ему г. Уманецъ, доказывается рядомъ событій, послѣдовавшихъ вслѣдъ за его поставленіемъ въ гетманы. Эти событія указываютъ, что народъ считалъ избраніе Мазепы какою-то случайностью и не ожидалъ отъ новаго властелина крѣпкой власти. Обыкновенно бываетъ такъ, что когда, при смѣнѣ властителей, власть попадаетъ въ руки авторитетнаго и популярнаго избранника, то народъ сразу и всецѣло подчиняется новой власти. Не то бываетъ, когда эта власть достается незаслуженно человѣку сомнительнаго авторитета. Тогда народная масса обыкновенно спѣшитъ воспользоваться случаемъ или для заявленія какихъ-нибудь протестовъ, или—просто для того, чтобы побушевать и сорвать на комъ-нибудь сердце. Такимъ образомъ заволновалась народная масса въ Малороссіи, когда на гетманство поставленъ былъ при протекціи Московскаго боярина (Великогагина) авантюристъ Брюховецкій, устранивъ народнаго предъизбранника Самка. Заволновалась народная масса и вслѣдъ за поставленіемъ въ гетманы Мазепы. Г. Уманецъ приводитъ случаи „поднявшагося волненія“ среди козаковъ, находившихся

въ походѣ, при чемъ „буйство разрослюсь" до того, что Прилуцкіе полчане бросили своего полковника (Лазаря Горленка) живого въ печь, а затѣмъ ограбили свою полковую церковь; въ Переяславскомъ и Нѣжинскомъ полкахъ арестованы были козаками ихъ прежніе полковники. Факты эти приведены въ книгѣ г. Уманца безъ объясненія[1]), при чемъ не говорится въ ней о такихъ же волненіяхъ, происшедшихъ во многихъ мѣстахъ Малороссіи, вслѣдъ за полученіемъ тамъ извѣстія о новомъ гетманѣ. Такъ Лизогубовская лѣтопись, послѣ извѣстія о поставленіи Мазепы, говоритъ: „тогда чернь и мужики пановъ своихъ, а паче арендаровъ, грабовали, а иныхъ мучили, въ смерть забивали, по городамъ и въ Войску" [2]). Новый властитель спѣшилъ тушить эти волненія не властью, а уступками массѣ, разославъ „универсалы по всей Украйнѣ, жебы тую своеволю унимали, а тихъ бунтовщиковъ карали, а ежели кому какая кривда отъ кого есть, жебы правомъ доходили, а сами своихъ кривдъ не мстилися, а *также постановили, жебы юже арендъ не было на Украинѣ на горѣлку, а ни на жадный напитокъ*, опрочь индукты". (Самовид., 1687 г.).

Отвергая подкупъ Голицына Мазепою для полученія булавы, г. Уманецъ говоритъ, что „по духу времени Мазепа не могъ не дарить людей своей партіи послѣ избранія". Дѣйствительно, Мазепа сдѣлалъ нѣкоторые подарки послѣ своего избранія. Подарки эти выразились въ маетностяхъ, какъ и слѣдовало ожидать отъ гетмана. Но подарки были сдѣланы почти исключительно людямъ незначительнымъ и, повидимому, въ нѣкоторыхъ случаяхъ вслѣдствіе близкихъ личныхъ къ нимъ отношеній новаго гетмана. Важные люди, какъ мы видѣли, были награждены урядами уже передъ выборами; дѣлать имъ еще подарки Мазепа находилъ ненужнымъ. Кого Мазепа одарилъ послѣ своего избранія, видно изъ слѣдующаго перечня универсаловъ на маетности, выданныхъ въ первыя шесть недѣль послѣ 25 іюля [3]).

---

[1]) Убитъ былъ еще Гадяцкими полчанами и бывшій миргородскій полковникъ Кіяшка. Tagebuch Гордона, II, 188.

[2]) Сборн. лѣтописей, изд. Кіевск. Арх. Ком. 1888 г., стр. 34. См. также Сулим. Арх., 25, Мотыж. Арх., 3, Кіевск. Стар. 1889 г., лѣтоп. Мгарск. м-ря, стр. 8—9.

[3]) Перечень универсаловъ на маетности, рукоп. нашей б—ки.

1687 г., 26 іюня. Генер. судьѣ Саввѣ Прокоповичу подтвержденіе права на с. Кудровку.

— 17 августа. Черниговскому полковнику Якову Лизогубу на с. Сосновку. (Универсалъ выданъ на пути изъ-подъ Коломака въ Батуринъ, въ г. Ромнѣ).

— 17 августа. Войск. товар. Данилу Лѣсницкому на с.с. Матяшовку и Милюшки.

— 25 августа. Прилуцкому полковому есаулу Ивану Носу на с. Голубовку.

— 25 августа. Черниговскому войсков. писарю Ивану Скоропадскому (будущему гетману) на села Выхвостовъ, Боровицу и слоб. Дроздовку.

— 25 августа. Войсков. товарищу Пантелеймону Радичу на с.с. Буянку и Сахновку.

— 27 августа. Кролевецкому сотнику Ивану Маковскому на с. Подоловъ.

— 28 августа. Войсков. товарищу Карпу Мокріевичу подтвержденіе права на с.с. Сибережъ, Ямище и Гучинъ.

— 9 сентября. Вдовѣ прилуцк. полк. писаря Раковича Агафьѣ подтвержденіе права на с.с. Петровку и Поповку.

Сдѣлаемъ здѣсь нѣкоторыя поясненія.

Универсалъ Саввѣ Прокоповичу, выданный хотя и на другой день послѣ избранія, но лишь заключающій въ себѣ подтвержденіе на имѣвшуюся уже у него маетность, показываетъ, что Мазепа считалъ достаточнымъ повышеніе Прокоповича въ генер. судьи.

Универсалъ Якову Лизогубу, поставленному на Коломакѣ полковникомъ одного изъ значительныхъ полковъ (Черниговскаго), на с. Сосновку, данный *на пути* изъ-подъ Коломака въ Батуринъ, долженъ указывать, что Лизогубъ, *не имѣя въ это время ни одной маетности*, спѣшилъ выпросить у новаго гетмана универсалъ на село, около котораго онъ, переселившись изъ-за Днѣпра, имѣлъ уже значительное хозяйство [1]). Поэтому Лизогубу важно было получить именно Сосновку, хотя и находившуюся въ чужомъ полку. Никому изъ другихъ пяти новыхъ полковниковъ

[1]) Кіевск. Стар. 1882 г., № 1. *Лизогубы*.

Мазепа маетностей не далъ, тоже, значитъ, находя, что они получили уже хорошую награду въ видѣ урядовъ.

Данило Лѣсницкій, занимая совсѣмъ невидное положеніе въ „Войскѣ", получилъ, однако же, *два села*. Это обстоятельство слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что Лѣсницкій былъ пасынокъ Степ. Куницкаго, товарища Мазепы по службѣ у Дорошенка [1]).

Носъ, Скоропадскій и Радичъ получили маетности, можетъ быть, въ благодарность за ту или другую помощь, оказанную при избраніи. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что Носъ былъ вообще очень юркій человѣкъ по своему характеру, а Скоропадскій отличался угодливостью... Кролевецкій сотникъ Маковскій былъ почему-то очень близокъ къ Мазепѣ и въ народѣ извѣстенъ былъ, какъ „кумъ" послѣдняго [2]).

Вдова Раковича могла получить универсалъ по ходатайству Носа, который былъ женатъ на сестрѣ умершаго ея мужа [3]).

Трудно объяснить выдачу универсала Карпу Мокріевичу. Мокріевичу приписывается главное руководительство въ интригѣ, низложившей Многогрѣшнаго. Какъ видно, дѣйствія его при этомъ были таковы, что и свои отъ него отвернулись: на радѣ, выбиравшей преемника Многогрѣшному, Мокріевичъ былъ устраненъ отъ писарства и остался въ ряду „знатныхъ войсковыхъ товарищей". За предательство Мокріевича, Лазарь Барановичъ публично обзывалъ его Іудою, какъ объ этомъ разсказываетъ Орликъ въ его письмѣ къ Яворскому. Вотъ этому Мокріевичу Мазепа нашелъ нужнымъ почему-то тоже дать подтвердительный универсалъ въ первые дни своего гетманства.

Изъ всѣхъ этихъ универсаловъ мы видимъ, что Мазепа считалъ достаточною наградою для подписавшихъ доносъ на Самойловича лицъ—повышеніе ихъ урядами. Одинъ остался не повышеннымъ на урядѣ (не было высшаго уряда)—генер. обозный Борковскій, и онъ былъ награжденъ маетностями: въ октябрѣ 1687 г. Мазепа далъ Борковскому три богатыхъ села—Орловку, Брусиловъ и Тупичевъ.

Ал. Лазаревскій.

---

1) Кіевск. Стар. 1886 г., 1 іюнь, 453.

2) Опис. стар. Малороссіи, II, 366, 389.

3) Кіевск. Стар. 1888 г., ноябрь, 369.

„МАМАЙ“

(ранней редакціи)

„МАМАЙ“

МАМАЙ.

Изображенія запорожца.

(*Къ рисункамъ*).

Запорожскій козакъ былъ долгое время олицетвореніемъ малорусскаго народнаго идеала. Его воспѣвала народная поэзія, его-же стремилась выразить въ краскахъ народная живопись. Въ старое время по всей Малороссіи очень распространена была картина, обыкновенно написанная какимъ нибудь наивнымъ и неискуснымъ сельскимъ художникомъ, на которой изображался козакъ съ обычными аттрибутами своего быта, каковы: осѣдланный конь, списъ, лукъ, мушкетъ, шабля, люлька и бандура. Для поясненія мысли художника на картинѣ помѣщались обыкновенно стихи, представляющіе болѣе или менѣе краткую, но мѣткую и проникнутую юморомъ характеристику изображаемаго молодца. Иногда портретъ запорожца дополнялся изображеніемъ повѣшеннаго имъ на деревѣ за ноги жида; иногда художникъ давалъ просторъ своей фантазіи и портретъ разростался въ цѣлую жанровую картину, на которой появлялись другіе козаки, истребляющіе надъ котелкомъ въ степи горячія галушки съ приправой горилки и жартовъ; появлялся жидъ, умоляющій о пощадѣ; другого жида козакъ вздергиваетъ въ это время на дубъ внизъ головою. Разговоры дѣйствующихъ лицъ изображены въ въ видѣ надписей, вытягивающихся изъ ихъ устъ. Иногда по-

вѣшенный на дубѣ жидъ замѣнялся козакомъ, который съ обрубленными руками болтается на деревѣ также внизъ головою. Такія картины, по объясненію А. А. Скальковскаго, дѣлали Поляки въ 1760 годахъ на страхъ гайдамакамъ и выставляли ихъ по корчмамъ и на ярмаркахъ [1]).

Двѣ картины, перваго и второго типа, сохранились въ музеѣ В. В. Тарновскаго, откуда мы и воспроизводимъ ихъ на прилагаемыхъ рисункахъ. На первой картинѣ, ограничивающейся портретомъ Запорожца, помѣщена надпись:

„Гай, гай! Якъ я молодъ бувавъ, що то во мнѣ була за сила, ляхѣвъ, жидѣвъ, туркѣвъ, татаръ воюючи, и рука немлѣла. А теперь и вошъ сылнѣща здаеця; плечи и ногтѣ болятъ, якъ день и нѣчъ попобиеця. Отъ така то буча недовга нашихъ лѣтъ година; скоро цвѣте и вяне, якъ у полѣ билина.

Хоть на мене и дивись, да ба не вгадаешь, вѣтки родомъ и якъ зовутъ, нѣчичіркъ не знаешь. Колы трапилось кому въ степахъ бувати, то той можеть мое имя и призвѣще оугадати. Бо въ мене имя не одно, а есть ихъ до ката, такъ назовуть якъ натрапишь на якого свата; жидъ зъ бѣди аз бѣди за рѣдного батька почитае, а ляхъ милостивимъ добродзеемъ називаe, а ти якъ хочь назови, на все позволяю, абы не крамаремъ, бо зате и пополаю; отъ ляхи трохи оугадали що лошака подаровали, посмотри на гербъ знаменитый, что сверху онъ прибитій.

Гей нуте степи горѣть пужарами, пора мѣнять кожухъ на жупани, та якъ добрій ярмарокъ и оудача покаже, то ще не одинъ ляхъ из жидомъ въ барѣши, пекъ имъ якъ наможутся, поляже; то мушу оуступити за шкатулу червонихъ и за рѣгъ золотомъ литій. Кожухъ шкорупѣлій скинувъ имъ до ката, аби якъ сцуратся оу прямого свата, та вже бѣжишъ на сѣчъ могоричу пити, цуръ имъ бѣгдай. Якъ извикли насъ ляхи дурити а надѣя певна мушкетъ сѣромаха, та еще не заржавѣла и шабля моя сваха, хоть уже и неразъ пасокою въмилась да и теперь якъ бы разозлилась.

---

[1]) Порубежники. Соч. А. Скальковскаго. Вып. IV, 1850, стр. 204.

Случилось минѣ и не разъ въ степу варити пиво: пивъ турчинъ, пивъ татаринъ, пивъ и ляхъ на диво, то и теперъ до вражого батка валяеця въ степу спохмѣля головъ, костокъ мертвіхъ, отого весѣля.

Да и справдѣ пристарѣвшись на Русь пѣти мушу, ачей тамъ отпоминають попи мою душу, тілкожъ минѣ негля на лавѣ оумѣрати и съ французами бере охота ище погуляти.

То не одинъ кателикъ либо и два не стане, якъ случитця..... на спису застряне; да якъ натягну и лукъ та бразну тетиву, мусить ханъ Кримскій за Дунай оутѣкати зъ ордою.

Хотя и минѣ нестрашно на степу оумѣрати, тилко жалко що нѣкому буде поховати: татаринъ цураетця, а жидъ зъ ляхомъ не приступитъ, хиба якій звѣроха въ байраки поцупить.

Ачей минѣ в степахъ що небудь прикинуть для смерти, однакъ ще не одному ляху зъ жидомъ мушу носа втерти.

О уже хоть трохи зъледачѣвъ, однакъ чуютця плечи, щебъ прогнавъ хоренгву за Віслу и розлетѣлася бъ съ французами ляхва, якъ одъ жару блохва. Вѣдкіль родомъ Я на свѣтѣ, всякъ з васъ хоче знати, ясенъ на сѣчѣ и всякій назови братомъ.

А имя минѣ Хома, що на головѣ волося нема, бувъ космокъ, да и той оу Дунаи за три днѣ одмокъ».

На второй картинѣ надъ главной фигурой надписано: „Козакъ Мамай". Онъ играетъ на бандурѣ и говоритъ, обращаясь къ товарищамъ: „по трудахъ, хлопци, гуляйте, лишъ дило свое сполняйте". Одинъ изъ вечеряющихъ козаковъ, подавая чарку другому, говоритъ: „пый, брате, за Йося, та тягны за лобъ и Мося". Третій, держа галушку на спичкѣ, обращается къ жиду: „намъ грошей твоихъ не треба, за такыхъ платятъ спасеннемъ зъ неба." Жидъ говоритъ: „ой вей, пане Мамаю, помилуй мене, я ни копѣйки грошей не маю." Козакъ, вздергиваюшій жида за ноги на дерево, приговариваетъ: „годи тоби, вражій сыну, чвертки пысаты, ось будешъ на дубови маюхвесъ [1]) спиваты". Подъ повѣшеннымъ жидомъ подписано: Йось.

---

[1]) Маюхвесъ=Maifest, жалобная еврейская пѣснь.

На первой картинѣ имя козака—Хома безъ прозвища. На второй онъ названъ Мамаемъ. *Мамай*—не былъ вымысломъ народной фантазіи, а, дѣйствительно, въ срединѣ прошлаго столѣтія существовало два лица, преемственно носившихъ это имя. А. А. Скальковскому удалось собрать о нихъ слѣдующія свѣдѣнія.— „Съ 1750 года, восемь лѣтъ сряду, границы Польскія были терзаемы гайдамаками. Страхъ народный увеличивалъ ихъ число до невѣроятности, такъ что теперь, когда намъ вполнѣ извѣстно ничтожное число этихъ грабителей, не имѣвшихъ никогда и 300 человѣкъ въ одной шайкѣ, понять даже трудно, какъ ихъ въ одну экспедицію не истребляли ни польскіе, ни русскіе коменданты. Особенный ужасъ наводила въ Украйнѣ шайка *Мамая*, козака Запорожскаго.... Оказывается, что подъ этимъ именем дѣйствовало два лица. Одинъ *Мамай* въ 1750 году пришелъ на байдакѣ въ Мошны и какъ это мѣстечко, такъ и всѣ имѣнія князя Любомірскаго разорилъ и людей изрубилъ. Генералъ Леонтьевъ сильно его преслѣдовалъ, а его команды за нимъ долго по степямъ гонялись, пока, наконецъ, не настигли его. Шайка его была совершенно истреблена, а самъ атаманъ былъ повѣшенъ и четвертованъ. Голову его съ шапкою и усами воткнули на *шпиль* и поставили на мосту въ Тарговицѣ. Нѣкій *Андрей Харченко* снялъ съ этой головы шапку, надѣлъ на себя и назвалъ себя Мамаемъ. Этотъ Мамай, по примѣру своего предшественника, ходилъ съ шайкой на *Лядчину*. Черкасскій губернаторъ Ростковскій писалъ о немъ русскимъ пограничнымъ властямъ слѣдующее: „Сего 1758 года мѣсяца апрѣля въ прошлыхъ числахъ козакъ куреня Щербиновскаго въ Сѣчи Запорожской, назвискомъ *Мамай*, напавши съ чатою своею гайдамацкимъ способомъ на маетности здѣшнія Украинскія, а особливо на мѣстечко *Мошны*, и староство Черкасское разбойнически разорилъ. Не только людей зруйновалъ, худобы оныхъ позабиралъ и нѣсколько надесять человѣкъ слушныхъ обывателей поубивалъ и осѣдлости попалилъ, да и церкви святыя пообдиралъ, что только знайдовалось въ оныхъ позабиралъ; все отъ мала до велика разгромилъ и внивецъ означенное мѣстечко обернулъ. Откуда возвра-

тившись байдакомъ, рѣкою Днѣпромъ плывучи внизъ съ чатою своею и здѣсь въ староствѣ Черкасскомъ, въ селѣ *Ломоватомъ*, людямъ худобы позабиралъ и нѣкоторыхъ мучивъ мало не до смерти, и оттуда отплывши, ѣхалъ тѣмъ же байдакомъ водою до староства Чигринскаго, въ которомъ приставши до берега и забравши добычь оную на нѣсколько десять возовъ, посреди бѣла дня переѣхалъ въ томъ же староствѣ на *Калантаевскую греблю* въ слободы малороссійскія мимо караула, стоящаго тамъ при Русской границѣ"..... Второй Мамай впослѣдствіи, по распоряженію польскихъ властей, былъ сначала посаженъ на *палю*, а потомъ повѣшенъ" [1]).

Собиратели этнографическихъ матеріаловъ давно обратили вниманіе, какъ на народный портретъ Запорожца, такъ и на преданія о Мамаѣ, съ нимъ связанныя. Мы знаемъ слѣдующія литературныя извѣстія объ этомъ предметѣ.

1) 16-го іюля 1848 года П. А. Кулишъ, посылая О. М. Бодянскому изъ Тулы нѣкоторыя бумаги, писалъ ему:

„Перщый шпаркгалыкъ. Може выдавъ,—де вже не выдаты? де-инде по Вкраини голеного запорозця намалёваного, що седя, пидобгавши ноги, грае на кобзи та ще й промовляе. А що промовляе, те внызу й пидпысано. Ляхы зовуть ёго въ своихъ кныжкахъ *Козакомъ Мамаемъ*. Есть коло Субботова, чы що, и дубъ Мамаивъ, де винъ вишавъ ихъ браччыкивъ та жыдову. Було въ мене воно десь и запысано, та вже запамятавъ. Отъ же я колысь бувъ у Мошнахъ и знайшовъ тамъ сего козарлюгу изъ такою пидпысью, що кращa й просторнища одъ усихъ иншыхъ; та й саме малевання вже старе дуже, що ажъ полупалось, дакъ тымъ-то я й нерозибравъ одного слова на кинци—чы *головатый*, чы *бородатый*. Самъ уже домизкуесся,—мое дило тилькы зпысаты" [2]).

---

[1]) Порубежники. Соч. А. Скальковскаго. 1850. Вып. III, стр. 65, 66, 70, 71, 13, 185; вып. IV, стр. 53, 71. Подзаглавіе III и IV выпусковъ: „Мамай". Повѣсть 7758—1760 годовъ. Въ 2-хъ частяхъ.

[2]) Кіевск. Стар. 1898, февраль, стр. 290.

2) Въ заключеніи къ упомянутой выше въ примѣчаніи повѣсти „*Мамай*", занимающей III и IV вып. „*Порубежниковъ*", А. А. Скальковскій въ 1850 г. писалъ: „О Мамаѣ сохранилось много преданій и памятниковъ; много крестовъ каменныхъ и бабъ обломанныхъ называются *Мамаями*; но самый обыкновенный изъ нихъ есть одна оригинальная картина, которой лучшій экземпляръ можно видѣть въ домѣ князя Воронцова въ Мошнахъ (Кіев. губ.), но тысячи копій вы найдете по всей Украйнѣ... Въ Кіевской губерніи Чигиринскаго уѣзда въ Бураковскомъ лѣсу по дорогѣ изъ казеннаго селенія Херсонки въ с. Нестеровку есть еще дерево, называемое *Мамаевымъ дубомъ*; стволъ его, необыкновенной толщины, весь избуравленъ отыскивателями кладовъ" [1]).

3) Извѣстный составитель *Этнографическаго альбома* [2]), оставшагося ненапечатаннымъ, докторъ Де-ла-Флизъ, помѣстилъ въ своемъ альбомѣ снимокъ съ портрета Запорожца и снимокъ съ Мамаева дуба, раскрашенные акварелью. Въ объясненіяхъ къ снимкамъ Де-ла-Флизъ говоритъ: „Между поселянами есть преданіе о разбойникѣ Мамаѣ и во многихъ домахъ находится картина, изображающая сего разбойника, сидящаго подъ дубомъ съ бандуркою въ рукахъ; подъ этой картиной есть стихи... Въ Чигиринскомъ уѣздѣ около деревни Херсонки я видѣлъ огромнѣйшій дубъ, давно уже усохшій и безъ вѣтвей; его называютъ дубомъ Мамая и сказываютъ, что подъ этимъ дубомъ Мамай располагался своимъ таборомъ и вѣшалъ на вѣтвяхъ его поляковъ и жидовъ, попадавшихся въ его руки, и на немъ же послѣ самъ былъ повѣшенъ".—„Мамаевъ дубъ, срисованный съ натуры. Сей дубъ находится въ урочищѣ Васильковскомъ Мотренинской дачи возлѣ д. Херсонки Чигиринскаго уѣзда, у котораго разбойникъ Мамай весьма часто располагался таборомъ, какъ говоритъ мѣстное преданіе. Дубъ сей имѣетъ

---

1) Вып. IV, стр. 204—205.

2) Рукопись церковно-археологическаго музея при Кіевской Дух. Академіи № 206. Альбомъ составленъ въ 1854 г. См. Описаніе рукописей Н. И. Петрова. 1875, стр. 153—155.

толщины $3^1/_3$ аршина при раздѣленіи вѣтвей и старожилы говорятъ, что около ста лѣтъ, какъ дерево то безъ листья... Во время пребыванія у сего дерева пиры его (Мамая) обозначались кровавою местью на полякахъ и жидахъ, которыхъ, попадавшихся въ его руки, онъ вѣшалъ на вѣтвяхъ сего дуба, на которомъ и самъ, пойманный, по распоряженію польскаго правительства повѣшенъ". Рисунокъ дуба представляетъ гигантское дерево, лишенное вѣтвей и листьевъ, съ ободранной корой внизу ствола и съ клочьями зеленаго мха во впадинахъ [1]).

4) Въ I томѣ Записокъ о Южной Руси (1856 г.) на стр. 316—319 П. А. Кулишъ напечаталъ одинъ изъ извѣстныхъ ему варіантовъ надписей на изображеніи Запорожца подъ заглавіемъ: „II. Стихи на картинѣ, представляющей Запорожца-Кобзаря". Никакого примѣчанія, поясняющаго, гдѣ хранится картина, съ которой списаны надписи, нѣтъ.

5) Въ 1888 году Д. И. Эварницкій описалъ портретъ Запорожца, видѣнный имъ въ г. Новомосковскѣ у крестьянина Ивана Чуприны, который унаслѣдовалъ его отъ предковъ, и напечаталъ помѣщенные подъ нимъ стихи. „Этотъ портретъ", говоритъ г. Эварницкій, „одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ, которые ходятъ съ разными варіяціями по Старой и Новой Малороссіи, съ подписанными подъ ними стихами, иногда короткими, иногда очень длинными" [2]).

Насколько намъ извѣстно, снимки съ народныхъ изображеній Запорожца вообще или Мамая были до сихъ поръ напечатаны дважды:

1) Въ приложеніи къ „Исторіи о козакахъ запорожскихъ" князя Мышецкаго, изданной въ Одессѣ въ 1852 г. (съ экземпляра Одесскаго музея Общества исторіи и древностей).

2) Въ книгѣ Д. И. Эварницкаго „Запорожье" и пр., 1888, т. I, стр. 72, рис. 5 (съ экземпляра собранія Я. П. Новицкаго).

А. С.

---

[1]) Рукописи стр. 80—85.

[2]) См. Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа. Спб. 1888 г., т. I стр. 73—75.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Малороссійскія пьесы въ казармѣ. Трудна и томительно однообразна казарменная жизнь солдата. Понятно поэтому, что доставленіе разумныхъ развлеченій обитателямъ казармъ крайне важно. Вотъ почему мы видимъ довольно частыя посѣщенія солдатами заѣзжаго театра и цирка. Однимъ изъ наиболѣе доступныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе пріятныхъ развлеченій для солдата является постановка такъ называемыхъ «солдатскихъ спектаклей».

Не говоря о важномъ воспитательномъ значеніи и сближеніи солдата съ офицеромъ (устроителемъ спектакля) на почвѣ внѣслужебной, сближенія крайне необходимаго для разумнаго руководства массами въ минуты необходимости, мы отмѣтимъ только значеніе его для жизни казармы, какъ развлеченія.

Оно прежде всего пріятно для актеровъ. Дни репетиціи для актеровъ—это чрезвычайно пріятные дни. Актеры почти забываютъ, что они солдаты въ казармѣ, и отдаются всей душой разучиванію и исполненію незамысловатыхъ ролей и забываютъ здѣсь свои служебныя неудачи. Намъ случилось наблюдать, какъ одинъ изъ актеровъ,

фейерверкеръ, будучи разжалованъ въ рядовые, все-таки продолжалъ репетиціи и съ успѣхомъ участвовалъ въ представленіи, несмотря на всю тяжесть понесеннаго взысканія. Онъ на репетиціяхъ забывалъ свое горе, и его самолюбіе послѣ перенесеннаго удара получило нѣкоторое удовлетвореніе въ томъ, что его не исключили изъ числа актеровъ. Это удержало его отъ дальнѣйшихъ ошибочныхъ шаговъ, и скоро онъ возстановилъ свою репутацію и получилъ обратно утерянное званіе.

Что устройство спектаклей доставляетъ большое удовольствіе солдатамъ, видно изъ того, что стоитъ офицеру разъ выразить желаніе устроить спектакль, чтобы потомъ къ нему обращались съ просьбами о дальнѣйшемъ движеніи дѣла.

Кромѣ солдатъ-актеровъ, солдатскій спектакль доставляетъ удовольствіе солдатамъ зрителямъ. Во-первыхъ, онъ даетъ имъ нѣкоторое эстетическое наслажденіе (конечно, при удовлетворительномъ исполненіи, чего всегда можно добиться), да кромѣ того пріятно имъ и сознаніе, что «не одни паны могутъ играть, а и нашъ братъ солдатъ».

Такого рода развлеченія намъ случалось устраивать въ казармѣ войсковой части, расположенной на одной изъ нашихъ окраинъ.

Достаточно намъ было одного-двухъ солдатъ спросить, «не найдутся-ли охотники играть на сценѣ?», какъ труппа была уже готова. Оставалось выбрать пьесы и разучивать.

Мы не будемъ здѣсь разбирать скудный репертуаръ нашего народнаго театра и доказывать трудность выбора пьесы. Не въ этомъ цѣль настоящей замѣтки. Мы имѣли въ виду разсказать, какія малорусскія пьесы мы поставили, кто и какъ ихъ сыгралъ, и какое впечатлѣніе произвели на зрителей.

Приступая къ устройству спектакля и имѣя въ виду, что въ части войсковой имѣется достаточный процентъ малороссовъ и что въ число актеровъ записалось нѣсколько человѣкъ ихъ, мы рѣшились разучить не только всю русскую народную пьесу, но и малорусскій водевиль. Наше предложеніе было встрѣчено восторженно. Актерамъ воронежцамъ такъ понравилось оно, что они съ нетерпѣніемъ ждали, когда будемъ читать пьесы. Подъ руками оказались «Москаль-Чаривныкъ» Котляревскаго и «Простакъ» В. Гоголя. Обѣ пьесы были прочитаны, и выборъ палъ на «Простака». Въ этомъ мы сошлись съ актерами. Эта пьеса показалась актерамъ и болѣе естественной, и

болѣе простой. Разобрали роли. «Романъ, украинскій козакъ» сразу овладѣлъ своей ролью и потребовалъ только небольшихъ поправокъ. «Параска, ёго жинка» была понята солдатомъ и нѣкоторыя мѣста—первыя сцены съ мужемъ—были хорошо исполнены на первой же репетиціи. Остальныя сцены, особенно кокетничаніе и заигрываніе съ дьячкомъ требовало упорной работы. «Соцькій» былъ слабъ. Солдатъ, исполнявшій его, очень конфузился, а главное плохо владѣлъ языкомъ и требовалъ постоянныхъ поправокъ въ произношеніи, хотя онъ чистокровный малороссъ, воронежской губерніи, острогожскаго уѣзда. Во время представленія этотъ автеръ такъ смутился, что пропустилъ цѣлую сцену, что вызвало сначала нѣкоторое замѣшательство, особенно непріятное потому, что мы играли, какъ и всегда, безъ суфлера. Послѣ этой неудачи солдатъ отказался отъ всякаго участія въ спектакляхъ. «Москаля» изображалъ уроженецъ могилевской губерніи, съ великорусскимъ говоромъ, съ нѣкоторой примѣсью бѣлорусскаго. Онъ требовалъ большихъ поправокъ, хотя и игралъ привычный ему образъ—солдата. Онъ тоже отказался отъ участія въ дальнѣйшихъ спектакляхъ, но потому только, что обиліе служебной работы не оставляло ему достаточно досуга для участія. Самой трудной ролью оказалась, какъ и слѣдовало ожидать, роль «Дьячка». Солдатъ, взявшійся играть «Дьячка», былъ малограмотный, но зато единственный изъ всѣхъ нашихъ актеровъ, игравшій раньше на сценѣ. Онъ прежде, еще въ сельской школѣ, игралъ Царя Максимиліана и теперь можетъ прочесть его наизусть съ свойственнымъ исполнителямъ этой извѣстной пьесы пафосомъ. Быть можетъ, именно это участіе въ безтолковомъ исполненіи Царя Максимиліана и было отчасти причиной, что онъ не сразу овладѣлъ своей ролью, гдѣ отъ него прежде всего потребовалось, хотя и своеобразное, но выразительное чтеніе. Послѣ долгой работы, почти надъ каждой фразой, онъ овладѣлъ ролью настолько, что исполненіемъ своимъ доставилъ большое удовольствіе зрителямъ и заставилъ ихъ отъ души похохотать.

Этотъ спектакль былъ на Рождество, слѣдующій мы поставили на масляную. Здѣсь малорусскій водевиль былъ «Гласный» П. Козловскаго. «Мыколу Ивановыча Лагоду» исполнялъ тотъ-же солдатъ, который игралъ Романа въ «Простакѣ», и надо отдать ему справедливость, что онъ въ «Лагодѣ» не повторилъ «Романа» и далъ новый образъ. «Прасковья Хведоровна» была исполнена тѣмъ-же, кто

игралъ «Параску» въ «Простакѣ», а «Васыля Васыльевича Цуркына» игралъ бывшій «Дьячокъ». Надъ Цуркинымъ пришлось опять много поработать, такъ какъ у солдата крѣпко осталась въ памяти роль «Дьячка», и сначала онъ то и дѣло переходилъ въ дьяковскій тонъ. «Катрю» изображалъ новый солдатъ, впервые изъявившій желаніе играть. Будетъ даже правильнѣе, если мы скажемъ, что его пригласили остальные актеры, такъ какъ онъ по своей фигурѣ болѣе другихъ подходитъ къ роли «дивчины». Выборъ былъ очень удаченъ, такъ какъ загримированнымъ онъ оказался очень красивой «дивчиной», да и сыгралъ эту роль настолько хорошо, какъ только можно было сыграть ее солдату. Ясно, значитъ, что заботясь о хорошей постановкѣ пьесы, актеры-солдаты подумали прежде, чѣмъ указали мнѣ на этого актера. «Михайло Семенюта», молодый парубокъ, вышелъ нѣсколько тяжеловатъ и неповоротливъ—солдатъ не подходилъ къ роли и не обладалъ ею, несмотря на все стараніе наше.

Третій спектакль былъ поставленъ лѣтомъ, въ лагерѣ. Зрителями были и окрестные дачники. Малорусскій водевиль былъ «Якъ на лоби роги ростуть» Боровиковскаго. Здѣсь «Охрима Лемишку» исполнялъ опять тотъ-же, уже поработавшій надъ ролями стариковъ, солдатъ. Несмотря на это, роль эта была имъ исполнена менѣе удачно, чѣмъ двѣ предыдущія. «Кнышолапенко» игралъ опять бывшій «дьячокъ», и здѣсь опытъ «дьячка» ему очень помогъ. Онъ почти сразу понялъ роль и не требовалъ большой надъ собою работы. Зато много пришлось поработать надъ ролью «Омелька». Выборъ актера для роли дурня былъ неудаченъ. Актеръ, исполняющій дурня на сценѣ, долженъ быть самъ умнымъ,—тогда только онъ можетъ изобразить настоящаго дурня. Къ сожалѣнію, въ данномъ случаѣ этого не было, и «Омелько», представляющій слабое подражаніе «Стецьку» Квитки, не былъ хорошъ. Немного лучше оказался «Мыкола Зубенко». Зато очень удачно исполнилъ роль «Оксаны» молодой солдатъ, непрослужившій еще и года въ войскахъ, малороссъ, уроженецъ саратовской губерніи. Правда, будучи самъ по натурѣ вялъ и скроменъ, онъ лучше изобразилъ «Оксану» тамъ, гдѣ она является послушной и покорной жинкой, а не въ тѣхъ сценахъ, гдѣ она—безшабашная, веселая молодыця.

Вотъ въ краткихъ словахъ исполненіе пьесъ.

Что касается исполнителей, то таковыхъ въ малорусскихъ водевиляхъ участвовало одиннадцать человѣкъ, изъ нихъ восемь воронежской губерніи, острогожскаго уѣзда; двое могилевской губерніи, климовичскаго уѣзда, а одинъ саратовской губерніи, балашовскаго уѣзда. Въ числѣ воронежцевъ одни на службѣ уже 4 года, трое—3 года, двое—2 года и двое—2-й годъ. Могилевскіе оба два года прослужили, а саратовскій служитъ только первый годъ, еще только что окончилъ курсъ молодыхъ солдатъ. Четверо изъ нихъ прибыли на службу неграмотными, а остальные научились хорошо грамотѣ и прошли высшую войсковую школу—учебную команду. Двое пришли малограмотными,—одинъ изъ нихъ окончилъ учебную команду. Всѣ остальные, включая и молодого солдата, пришли на службу грамотными.

Никто изъ актеровъ, кромѣ одного, о которомъ сказано было выше, не только никогда не участвовалъ ни въ какомъ спектаклѣ, но до поступленія на службу и не видалъ театра и не имѣлъ о немъ представленія. Только будучи уже на службѣ, нѣкоторые изъ нихъ видали театръ.

По происхожденію—всѣ крестьяне.

И эти актеры такъ заинтересовались спектаклями, что охотно исполняли роли, при чемъ двое изъ нихъ участвовали во всѣхъ трехъ пьесахъ, одинъ въ двухъ, изъ остальныхъ только одинъ отказался играть по нежеланію участвовать, остальные же не повторяли ролей по случайнымъ, отъ нихъ независѣвшимъ обстоятельствамъ. Исполненіе именно малорусскихъ пьесъ такъ ихъ заинтересовало, что всѣ они, кромѣ могилевцевъ, записывались только на малорусскія пьесы, и у насъ, такимъ образомъ, образовались двѣ труппы—одна великорусская, другая малорусская. Къ сожалѣнію, не у всѣхъ малороссовъ сохранилась чистая малорусская рѣчь, и мнѣ частенько приходилось поправлять ихъ говоръ. Порча языка происходитъ еще въ деревнѣ. Солдаты-актеры объяснили мнѣ, что старики въ деревнѣ говорятъ не такъ, какъ они, и что народная малорусская пѣсня частенько уступаетъ мѣсто разудалой солдатской пѣснѣ, часто чуждой и напѣва и смысла.

Участіе двухъ могилевцевъ-бѣлоруссовъ не помѣшало цѣльности впечатлѣнія малорусскихъ пьесъ. Одинъ изъ нихъ исполнялъ солдата, другой-же, участвовавшій во всѣхъ трехъ пьесахъ, игралъ не простонародные типы, а дьячка, бурсака и полупанка. Здѣсь кстати

будетъ упомянуть объ одномъ наблюденіи. Въ минувшемъ году мы участвовали въ составленіи войсковой перечневой переписи. Опрашивая солдатъ, мы обратили вниманіе на то, что бѣлоруссы часто не знаютъ названія своего нарѣчія, и многіе изъ нихъ на вопросъ о родномъ языкѣ, отвѣчали: «малороссійскій».

Указавъ здѣсь на отношеніе исполнителей къ своимъ ролямъ, мы скажемъ нѣсколько словъ о зрителяхъ. Нечего и говорить, что солдаты-малороссы, которые составляли около одной четверти всѣхъ зрителей, были въ полномъ восторгѣ, слыша съ подмостковъ простой сцены, въ казармѣ, свою родную рѣчь; но даже и немалороссы были очень довольны малорусскими пьесами, такъ какъ всякое остроумное выраженіе вызывало неудержимый смѣхъ и веселье и, пожалуй, эти малорусскіе водевили понравились публикѣ больше, чѣмъ пьесы изъ народной великорусской жизни, поставленныя нами одновременно съ малорусскими водевилями.

Заканчивая нашу замѣтку, мы считаемъ нелишнимъ упомянуть, что въ сосѣдней съ нами части на солдатской сценѣ была поставлена, и говорятъ не безъ успѣха, драма Кропивницкаго «Дай серцю волю, заведе въ неволю». Намъ не удалось быть на этомъ представленіи, но ясно, что такую пьесу можно поставить только послѣ достаточной подготовки актеровъ на другихъ болѣе легкихъ вещахъ.

Пожелаемъ-же дальнѣйшаго успѣха развитія малорусскаго театра въ казармѣ, и пусть онъ въ связи съ малорусскими хоровыми пѣснями явится коррективомъ къ нивеллирующему вліянію военной службы.

К. О.

Читатели изъ народа и поэзія Кулиша. Одинъ изъ наблюдателей народной жизни въ *екатеринославской губерніи* сдѣлалъ опытъ раздать читателямъ изъ народа нѣкоторыя малорусскія произведенія покойнаго П. А. Кулиша и затѣмъ записать отзывы ихъ о прочитанномъ. Своихъ читателей этотъ наблюдатель характеризуетъ такимъ образомъ: «Все это люди сельскіе, земледѣльцы, иногда

неграмотные, иногда съ грамотой, которую можетъ дать довольно усидчивое самостоятельное чтеніе послѣ окончанія народной школы. Народъ въ большинствѣ случаевъ молодой (18—25 лѣтъ); но есть и нѣсколько стариковъ. Въ общемъ и грамотные и неграмотные очень любятъ слушать чтеніе, и грамотный всегда предпочтетъ прослушать книжку, чѣмъ прочесть, и читаетъ охотнѣе, прослушавъ уже разъ произведеніе. Это объясняется просто тѣмъ обстоятельствомъ, что при самостоятельномъ чтеніи большинство сельскихъ читателей затрудняется самымъ механизмомъ чтенія, и значительная часть активнаго вниманія такого читателя идетъ именно на преодолѣніе трудностей этого механизма, почему самое содержаніе книги усвояется хуже, чѣмъ при слушаніи сколько-нибудь сноснаго чтенія, когда пониманіе читаемаго облегчаетъ интонація голоса чтеца. Вслѣдствіе той-же причины охотнѣе берутъ читать понравившіяся при слушаніи книги: знакомый уже въ общемъ съ содержаніемъ, сельскій читатель усваиваетъ его въ деталяхъ при самостоятельномъ чтеніи, несмотря на трудности самаго процесса чтенія». Относительно *«Досвитокъ»* (сборникъ думъ и поэмъ, 2-е изданіе 1876 г.) наблюдатель такъ резюмируетъ мнѣнія сельскихъ читателей: «Одной изъ читательницъ очень понравилось «Люли-люли»—грустное стихотвореніе на тему о душевномъ одиночествѣ, но такая вещь, какъ «До Данта» осталась совершенно непонятной уже по тому одному, что ни о Данте, ни о его сочиненіяхъ никто ничего не зналъ. Переводная баллада изъ Мицкевича «Русалка» обыкновенно была неясна для сельскихъ читателей, и совсѣмъ непонятною была баллада изъ Мицкевича-же «Химеры». Зато превосходный перепѣвъ баллады того-же Мицкевича «Powrót taty» («Чумацьки диты») нравился моимъ читателямъ и трогалъ ихъ. Это собственно и не переводъ, а перенесеніе на малорусскую почву сюжета изъ польской литературы, сдѣланное въ высшей степени удачно и согласно съ малорусскимъ народнымъ духомъ,— онъ производилъ поэтому (а также и по своему близкому народному чувству сюжету) всегда большое впечатлѣніе. Прекрасныя маленькія историческія поэмы «Солоныця» и «Кумейки» очень нравились читавшимъ уже кое-что по малорусской исторіи, но «Дунайська дума» не была понятна: она требуетъ для своего пониманія уже большихъ историческихъ знаній. Поэма «Настуся», обладающая многими прекрасными поэтическими мѣстами, возбуждала интересъ читателей, но не удовлетворяла ихъ, потому что казалась имъ неоконченной: ав-

торъ обрываетъ ее на томъ, что герой (Морозенко) пока остается дома, но имѣетъ отправляться на войну. Наибольшею и наилучшею поэмою сборника является «Велыки проводы». Какъ извѣстно, героя этой поэмы «Голку» Кулишъ списалъ съ знаменитаго сподвижника Богдана Хмельницкаго и Выговскаго Юрія Немирича. Этотъ украинскій панъ, широко, по-европейски, образованный, попутешествовавшій по Западной Европѣ, оставилъ по собственному побужденію свою партію и примкнулъ къ народу. Среди малорусской «старшины» того времени онъ выдѣляется не только своей образованностью, но и широтой взглядовъ и гуманностью, исключающими междуплеменную вражду. Таковъ у Кулиша и Голка: онъ оставляетъ казацкаго врага Іеремію Вишневецкаго и присоединяется къ козакамъ, борясь вмѣстѣ съ ними противъ притѣснителей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ рѣшительный врагъ варварства и дикости, и является защитникомъ польскаго и еврейскаго мирнаго населенія противъ насилій и грабежей своевольнаго «гультяйства».

Онъ мечтаетъ засѣять

Надіи
И думы высоки
У козацькій, у лыцарській
Натури шырокій.

И тогда

Збудуеться церква нова,
Пидъ небо знесеться,
Якъ истыны вични слово
На ввесь мыръ прольеться;
Якъ забудуть братывъ братя
Мужыками зваты;
Якъ у всихъ насъ на Вкраини
Одна буде маты.

Но именно эти «думы высоки» и не были понятны для той среды, въ которой онъ дѣйствовалъ или—лучше сказать—онѣ были поняты въ совершенно превратномъ смыслѣ, благодаря его запрещенію грабежей и насилій: онъ былъ сочиненъ сторонникомъ польскихъ пановъ. Любовь его къ польской паннѣ, которую онъ спасъ, еще ухудшила дѣло, а онъ былъ убитъ возмутившейся черные. Растерзанное его тѣло было брошено въ Днѣпръ... Эта поэма читалась съ большимъ интересомъ всѣми, кто читалъ «Досвитки», но нельзя

сказать, чтобы Голка былъ понятъ сельскими читателями. Вотъ отзывъ одной читательницы, когда-то окончившей народную школу, много потомъ читавшей, а теперь уже жены и матери. «Не нравится мнѣ Голка, потому что онъ хоть и былъ въ душѣ сторонникъ козаковъ,—а почему ему не оставаться жить у поляковъ? А то что это за козакъ, если онъ козакъ лишь въ мысляхъ, а на дѣлѣ—полякъ? Хоть онъ и хотѣлъ, чтобы въ Украйнѣ была воля, и запрещалъ козакамъ нападать на костелы и грабить, а ксендзовъ убивать, а какъ разъ эти ксендзы были лютые враги,—зачѣмъ-же ему жалѣть ихъ? Я думаю, что Хмельницкій справедливо сдѣлалъ, велѣвъ его убить. Зачѣмъ ему отпускать тайно Рарожинскую, если она желала Украинѣ зла, а онъ о томъ зналъ, что она врагъ родинѣ, а помогъ ей убѣжать. Можетъ быть, что когда-нибудь онъ и сдѣлался бы хорошимъ козакомъ, только зачѣмъ-же ему быть склоннымъ къ полякамъ, которые, какъ попадетъ къ нимъ козакъ, то такъ его жестоко мучатъ: если не безъ ногъ, то безъ рукъ оставятъ, а ужъ сдѣлаютъ калѣкою. Хоть онъ и полюбилъ эту Рарожинскую, а все таки долженъ былъ помнить, что она полька и хотѣла зла Украинѣ. Книжку не совсѣмъ понимаю: кто его мать и какъ это, что онъ казачьяго рода, а жилъ у поляковъ». Въ этомъ отзывѣ такъ и слышится голосъ тѣхъ «гайдабуръ», которымъ Голка запрещалъ грабить костелы и убивать мирныхъ жителей. Это тѣмъ болѣе удивительно, что писавшая его—женщина. Читала она—для крестьянки—много, но безсмысленно, конечно, болѣе плохого, чѣмъ хорошаго и, какъ видно, большого развитія изъ чтенія не вынесла. Гораздо мягче отзывъ парубка, тоже учившагося прежде въ школѣ: «хорошій былъ человѣкъ Голка за то, что онъ отказался отъ поляковъ и рѣшился своихъ братьевъ оборонять. Онъ хотѣлъ своему народу добра. Одно плохо сдѣлалъ Голка, что промѣнялъ на черныя брови, да на карія очи всю Украину. Книга эта очень хорошая, потому что она разсказываетъ, какъ мы когда-то жили». Еще больше понравился Голка товарищу этого парубка по школѣ, вмѣстѣ съ нимъ учившемуся. Онъ тоже не совсѣмъ одобрилъ Голку за любовь къ полькѣ, но понялъ его гуманныя стремленія. Онъ находилъ, что Голка и Украину любилъ, и правду—потому такъ и дѣйствовалъ, а любовь къ полькѣ вещь простительная; измѣны-же онъ здѣсь не видѣлъ. Этотъ парубокъ пріобрѣлъ себѣ, ради поэмы «Велыки проводы», «Досвитки» и очень дорожилъ ими.

Послѣ разбора «Досвитокъ», сельскіе читатели высказывались екатеринославскому наблюдателю еще относительно романа Кулиша «Черная рада».—«Во всей этой сутолокѣ лицъ и сталкивающихся интересовъ, изображаемыхъ въ романѣ, мои сельскіе читатели хотя и разбирались съ трудомъ, но приходили не всегда къ одинаковымъ выводамъ. Въ мнѣніи о Брюховецкомъ всѣ сошлись: «Брюховецкій Иванець былъ погань: онъ изъ сѣчевыхъ козаковъ сдѣлалъ хищныхъ волковъ, они грабили лавки, обирали богатыхъ мѣщанъ и мужиковъ, такихъ-же крещеныхъ, какъ и сами»—пишетъ крестьянка І. К. «Брюховецкій—пагубникъ людскихъ душъ»,—характеризуетъ его другая крестьянка М. П. «Хитрый Брюховецкій для того и сдѣлался гетманомъ, чтобы дѣлать что угодно съ мужиками и запорожцами»—говорилъ о немъ въ своемъ отзывѣ о книгѣ крестьянинъ П. К. Еще большую непріязнь вызвалъ своею личностью сторонникъ Брюховецкаго—Гвинтовка. «Гвинтовка силился показать себя вельможнымъ паномъ. Онъ мнѣ очень не нравился за то, что такъ издѣвается надъ своею женою, да еще и при людяхъ; хоть она и полька, а все-таки ее жаль; онъ могъ-бы склонить ее къ козацкимъ обычаямъ, а то изо-всего видно, что онъ только издѣвался надъ ней» (У. К.) «Гнитовка отвратителенъ за свой звѣрскій характеръ «бузувирськый», онъ заслуживаетъ собачьей чести; больше всего я на него зла за его жену, да за его ко всѣмъ лицемѣріе. Скверный, гнусный «злодіяка». (М. П.)- Такъ возмущаются противъ Гвинтовки женщины за его деспотизмъ и издѣвательство надъ женой; мужчина не обращаетъ на это никакого вниманія и говоритъ лишь: «Гвинтовка поганый потому, что вмѣстѣ воюютъ, а добычу лишь козаки берутъ,— больше всего отъ этого и поссорились, и плохо вышло». Противникъ Брюховецкаго, Сомко, котораго авторъ надѣлилъ всевозможными добродѣтелями, не произвелъ особаго впечатлѣнія на сельскихъ читателей. Сомко—козакъ хорошій, и умный, и правдивый, не ошибался нигдѣ словомъ»—говоритъ о немъ М. П.; У. К. выражается неопредѣленнѣе: «Сомко тоже, кажется, былъ хорошій человѣкъ, только ему не удавалось». Крестьянину онъ не совсѣмъ понравился: «Сомко былъ хорошій человѣкъ, да панъ былъ». И рядомъ съ этимъ горячія похвалы по адресу Кирилла Тура, которому авторъ не совсѣмъ симпатизируетъ. «К. Туръ мнѣ очень нравится, онъ мнѣ лучше всѣхъ, описанныхъ въ этой книгѣ; онъ мнѣ понравился всѣми своими поступками; очень уважаетъ свои обычаи, говоритъ всегда правду и

тоже не желалъ людямъ худого; а что онъ Лесю укралъ, то въ этомъ онъ не виноватъ: сердце его заставило, и онъ бился за нее, какъ честный и добрый козакъ; онъ дѣлалъ все по совѣсти и какъ долгъ велитъ». Въ такомъ родѣ и другіе отзывы, но интересно, что почему-то никто не отмѣчаетъ его великодушія, выразившагося въ желаніи замѣнить присужденнаго къ смерти Сомка самимъ собою. Что касается стараго Шрама—лица, если не ошибаемся, наиболѣе симпатичнаго автору, то и здѣсь, какъ и относительно Сомка, отзывы различны: «Шрамъ очень хорошій человѣкъ»—(У. К.). «Шрамъ очень хорошій человѣкъ, любилъ очень Украину и желалъ всѣмъ добра, какъ добрый отецъ дѣтямъ, даже больше». (М. П.). За то крестьянину Шрамъ совсѣмъ не понравился: «Шрамъ былъ плохой человѣкъ, только и хвалилъ свое козачество, а то всѣ глупцы». Интересно, что во всѣхъ этихъ отрывкахъ лица характеризуются больше со стороны ихъ личной нравственности и личной симпатичности, а мотивъ политическій и общественный почти отсутствуетъ. Это обстоятельство даетъ возможность упомянутымъ сельскимъ читателямъ хвалить не только Сомка, Кирилла Тура и Шрама, но и Череваня съ Череванихою.

Гораздо больше общественнаго элемента въ отзывахъ читателей тамъ, гдѣ они говорятъ о порядкахъ той эпохи вообще. Въ общемъ отзывы эти не благопріятны. «Плохіе были тогда порядки, такъ какъ не было никакого ладу: всякъ что хотѣлъ, то и дѣлалъ, и многимъ хотѣлось быть старшими; это еще бы ничего, да было много такихъ, которые привыкли въ прежніе годы войны наживаться чужимъ добромъ,—имъ не хотѣлось добывать трудомъ кусокъ хлѣба, они то и мутили между народомъ, находя, что имъ прежде лучше жилося. И потому еще плохо, что въ этихъ порядкахъ не было никакой крѣпости: кто хотѣлъ, тотъ и былъ гетманомъ, и начальствовалъ, и никого не боялся». Другой читатель относится снисходительнѣе къ порядкамъ той эпохи: «Порядки были тогда, мнѣ кажется, хорошіе. Хорошіе потому, что тогда хоть какой «значный» козакъ, но онъ не презиралъ и самаго послѣдняго человѣка. Какъ теперь у насъ есть паны, такъ и тогда были; но тогда хоть и были паны козаки, однако, на нихъ смотрѣли не какъ на пановъ, а какъ на богатыхъ людей, которые могутъ помогать болѣе бѣднымъ, и эти богатые не презирали никого». Книга вообще понравилась: «Книга очень хорошая и интересная очень, хорошее въ ней описано и ко-

нецъ хорошій, только трудновато разбирать о тѣхъ несогласіяхъ, которыя въ ней описаны». Въ такомъ родѣ и другіе отзывы.

«Изъ другихъ произведеній Кулиша», продолжалъ екатеринославскій наблюдатель,—«изящная, граціозная идиллія «Орыся», написанная въ подражаніе шестой пѣсни «Одиссеи», читается крестьянами съ удовольствіемъ; но они мало понимаютъ «Дивоче серце». Причина этого та, что тѣ стороны жизни интеллигенціи, которыя затронуты здѣсь авторомъ, требовали-бы для сельскаго читателя болѣе подробной обрисовки, а безъ этого многое въ книжкѣ является совершенно непонятнымъ.

Совсѣмъ оказался непонятнымъ разсказъ «Про злодія у сели Гакивныци» (изъ серіи «Лысты съ хутора»). Этотъ разсказъ былъ прочитанъ однимъ лицомъ въ собраніи взрослыхъ крестьянъ — мужчинъ и женщинъ. Слушатели сперва смѣялись надъ разсказомъ вора, да слегка побранивали его за воровство. Когда же они узнали, что воръ разбогатѣлъ, что ему удалось, то, къ крайнему изумленію читавшей,—послышались такіе разговоры:

— Смотри-ка, и не ловятъ его!

— Потому что онъ молился Богу, когда шелъ красть.

Семьѣ вора, противодѣйствовавшей ему, повидимому, не сочувствовали. Когда воръ поймался возлѣ церкви, слушатели говорили:

— Видите: не помолился Богу и поймался!

— Видите,—даже и на иконы въ церкви не смотрѣлъ, — поэтому Богъ ему и не далъ удачи.

Подобный-же взглядъ на этотъ вопросъ встрѣтили мы и у одного мальчика, маленькаго (лѣтъ 10), но умнаго. Вотъ что онъ сказалъ, прочитавъ книжку:

— Сперва ему удавалось: пойдетъ, украдетъ — и не поймаютъ; а какъ пошелъ церковь обкрадывать, *но не захотѣлъ молиться Богу, говоря: я теперь уже и самъ*—то и поймался.

— Да развѣ-же Богъ помогалъ ему красть?

— Кто его знаетъ»...

Авторъ приведенныхъ замѣтокъ о впечатлѣніи произведеній Кулиша на читателей изъ народа говоритъ, что всѣ отрывки написаны были читавшими по-малорусски, а имъ переведены на литературный языкъ, и проситъ, чтобы приведенныя наблюденія были провѣрены кѣмъ-либо инымъ на практикѣ, т. е. путемъ чтеній произ-

веденій Кулиша въ различныхъ мѣстностяхъ Малороссіи. (Извлечено изъ газеты «Волынь» 1898 г. №№ 25 и 25).

„Зміевый валъ" въ черниговской губ. (Историческая замѣтка). Въ недавно вышедшей монографіи г. Ляскоронскаго — «Исторія Переяславской земли», въ которой подробно перечисляются всѣ древнія укрѣпленія Переяславскаго княжества, въ томъ числѣ и городища южной части черниговской губерніи, территорія которой входила въ составъ упомянутаго княжества, ничего не сказано о существованіи, въ предѣлахъ козелецкаго уѣзда, древняго вала, извѣстнаго въ народѣ подъ названіемъ «зміеваго вала» или «змѣинаго рва». Изъ этого я заключаю, что упомянутый остатокъ древности неизвѣстенъ историкамъ, и потому сообщаю о немъ все, что мнѣ извѣстно.

Та часть вала, которая мною изслѣдована, проходитъ черезъ лѣсную дачу м. Кобыжчи, козелецкаго уѣзда, идя параллельно теченію р. Остра, но южнѣе его верстъ на 5—6, при чемъ валъ насыпанъ къ сторонѣ рѣки, а открытая сторона рва обращена къ степной части уѣзда. Валъ, изслѣдованный мной на протяженіи одной версты, представляетъ насыпь вышиною отъ 1 до $1^1/_2$ аршина и ровъ, шириною отъ 2-хъ до 3-хъ саж., а глубиною не болѣе аршина. Какъ валъ такъ и ровъ покрыты густымъ лѣсомъ, ростущимъ тамъ съ незапамятнаго времени. Мѣстные крестьяне, хорошо знающіе мѣстность, утверждаютъ, что валъ этотъ, начинаясь въ остерскомъ уѣздѣ, проходитъ черезъ весь козелецкій уѣздъ и теряется въ предѣлахъ нѣжинскаго; и при томъ, во многихъ мѣстахъ, валъ будто-бы сохранился гораздо лучше, чѣмъ въ кобыжчской дачѣ.

При разспросахъ крестьянъ, какъ они объясняютъ себѣ происхожденіе рва—послѣдніе разсказали легенду, совершенно сходную съ тѣми, которыя разсказываются народомъ о «змѣиныхъ рвахъ» въ полтавской и кіевской губерніяхъ. Именно: въ пещерѣ поселился змѣй, чудовище, пожиравшее людей, и никто не могъ одолѣть его; только свв. Кузьма и Демьянъ, по ходатайству гибнувшаго населенія, при помощи особыхъ молитвъ, запрягли змѣя въ изготовленный спеціально

для него тяжелый желѣзный плугъ,—и змѣй, въ ярости, началъ проводить плугомъ глубокую борозду, которая тянется до самаго Чернаго моря; но и море не остановило-бы его, если бы сильная жара не заставила змія выпить воды столько, что онъ лопнулъ.

Чтобы выяснить значеніе и происхожденіе этого вала, тянущагося, слѣдовательно, 100 или 150 верстъ, нужно обратиться къ лѣтописи. Въ лѣтописи же говорится, что Владиміръ св. вскорѣ послѣ крещенія (988 г.), видя, что около Кіева мало городовъ, и находя, что это «не добро есть»,—«нача ставити городы по Деснѣ и по Устри и Трубешеви, по Сулѣ, и по Стугнѣ» [1]). Это мѣсто лѣтописи большинствомъ ученыхъ объясняется такъ, что Владиміръ возводитъ новыя укрѣпленія, расширяетъ восточную часть своего княжества отъ вторженія разныхъ враждебныхъ народовъ, а въ особенности степныхъ кочевниковъ. Но однѣхъ крѣпостей было недостаточно для сдерживанія набѣговъ,—и Владиміръ св., по свидѣтельству Брунона, оградилъ свое княжество валомъ и рвомъ для отраженія кочевниковъ [2]). Такихъ валовъ и другихъ укрѣпленій было нѣсколько линій, подвигавшихся все къ югу по мѣрѣ расширенія государства. Самой южной линіей укрѣпленій были защитныя сооруженія по р. Сулѣ; но между этой рѣкой и рѣкой Остромъ было еще нѣсколько линій защитныхъ валовъ, проходившихъ иногда параллельно одинъ другому. Такъ, вблизи г. Переяславля (полт. губ.), со стороны степей, проходятъ два земляныхъ вала, значительныхъ по высотѣ и протяженію [3]). Объ этихъ валахъ есть упоминаніе и въ лѣтописи: «і приде Ітларь (1095 г.) у городъ Переяславль, а Китанъ—ста *межи валома* с вои» [4]); затѣмъ, подъ 1149 г. говорится о Юріи Долгорукомъ: поиде отъ Стряквы мимо городъ, по зори, исполцився, и ста *межи валома*» [5]).

Не касаясь затѣмъ вопроса объ укрѣпленіяхъ по р. Удаю и въ другихъ мѣстахъ, такъ какъ это слишкомъ бы расширило нашу замѣтку, перейдемъ къ разсмотрѣнію раіона по теченію р. Остра. Значеніе Остра, какъ пограничной рѣки, извѣстно въ отдаленной древности, извѣстно также значительное число селеній по его бере-

---

1) Ипат. лѣт., стр. 83.

2) В. Б Антоновичъ. Зміевы валы въ предѣлахъ Кіев. земли, Кіев. Стар. 1884.

3) Лясворонскій. Исторія Переясл. земли, стр. 159 и 162.

4) Ипат. лѣт., стр. 158.

5) Ипат. лѣт., стр. 265.

гамъ уже въ X вѣкѣ. Такимъ образомъ, Владиміръ св., построивъ по теченію Остра города-крѣпости, не только защитилъ окрестныя села и города, но и преградилъ доступъ врагамъ къ Кіеву и Чернигову, и сдѣлалъ безопаснымъ плаваніе по рѣкѣ Деснѣ. Принять мнѣніе г. Ляскоронскаго о томъ, что не было надобности *усиленно* защищать этотъ отдѣлъ княжества, такъ какъ «на протяженіи *всего* теченія р. Остра, *по обѣимъ сторонамъ* послѣдняго, находились въ древнее время обширные лѣса и болота» [1], —можно только относительно. Дѣло въ томъ, что лѣвый (обращенный къ степи) берегъ р. Остра во многихъ мѣстахъ возвышенъ, глинистъ, и переходитъ въ постепенно повышающуюся къ югу равнину, сливающуюся со степями у верховьевъ р. Супоя. Для примѣра достаточно указать лѣвый берегъ Остра возлѣ г. Козельца. Да и самъ цитированный выше авторъ, нѣсколькими строками ниже на приведенной страницѣ, признаетъ нѣсколько особо опасныхъ мѣстъ, гдѣ и были выстроены крѣпости— гг. Остеръ и Нѣжинъ. Можно думать, что это существованіе легкихъ подступовъ къ городамъ по р. Остру и заставило Владиміра св. насыпать этотъ защитный валъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, протянувъ его по всей линіи остерскихъ городовъ. Что такое мнѣніе имѣетъ извѣстныя основанія, это, мнѣ кажется, подтверждается тѣмъ, что существуетъ третья параллельная защитительная линія, въ видѣ отдѣльныхъ городищъ, находящихся въ Заворичахъ, Бобровицѣ, Носовкѣ и Дорогинкѣ. Такому обилію защитныхъ сооруженій нельзя удивиться, если вспомнить, что Бобровицкое городище лежитъ верстахъ въ 6-ти отъ истоковъ р. Супоя, а лѣтопись свидѣтельствуетъ, что на верховьяхъ и вообще по теченію р. Супоя постоянно происходили встрѣчи и битвы съ половцами. Если объ этомъ валѣ не встрѣчается указаній въ лѣтописи, то причина кроется въ томъ, что, вслѣдствіе быстраго расширенія границъ государства, онъ скоро утратилъ свое стратегическое значеніе.

Сопоставляя все сказанное, можно прійти къ тому выводу, что, во 1-хъ, ровъ и валъ, идущіе параллельно теченію р. Остра, имѣли оборонительное значеніе, что, во 2-хъ, сооруженіе этого вала должно быть отмѣчено, съ большой вѣроятностью, ко времени Владиміра Св., и что, въ 3-хъ, защитный валъ этотъ долженъ быть признанъ самымъ сѣвернымъ, изъ сооруженій подобнаго рода, на территоріи Сѣверской земли.

---

[1]) Лясноронскій. Истор. Переясл. зем., стр. 73. Курсивъ въ выдержкѣ нашъ

Въ заключеніе нужно пожелать, чтобы этотъ исчезающій памятникъ сѣдой старины былъ изученъ и изслѣдованъ лучше, чѣмъ это удалось мнѣ.

А. Бѣлецкій-Носенко.

Январь, 1898 г.

Къ вопросу о собираніи этнографическихъ матеріаловъ.

Въ очередномъ черниговскомъ губернскомъ земскомъ собраніи послѣдней сессіи 1898 года былъ, между прочимъ, сдѣланъ очень интересный докладъ губернской земской управы *о сохраненіи памятниковъ народнаго творчества*. Докладъ этотъ, затрогивая вопросъ о сохраненіи памятниковъ народной старины вообще, разъясняетъ въ частности значеніе произведеній народнаго творчества, какъ неизсякаемаго источника, изъ котораго вдохновеніе поэта, музыканта и художника черпаетъ образы и краски. «Среди нивеллировки, производимой существующими жизненными условіями,—говорится въ докладѣ,—свѣжая струя, вносимая остатками древняго народно-художественнаго творчества, нерѣдко спасаетъ искусство отъ безцвѣтности настоящаго». Обращаясь, далѣе, къ судьбамъ Малороссіи, докладъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что здѣсь выработался и самобытный типъ народной пѣсни, и своя мелодія, имѣющая своеобразныя достоинства,—и при всемъ томъ въ настоящее время всѣ эти дорогія качества малорусской пѣсни начинаютъ уступать мѣсто новымъ теченіямъ, подъ вліяніемъ фабричной и солдатской жизни. Ввиду сказаннаго, нельзя допустить мысли о возможности нерадѣнія въ этомъ случаѣ со стороны учрежденій, самою жизнію призванныхъ стоять на стражѣ народныхъ богатствъ разнаго вида. Такое нерадѣніе докладъ называетъ *художественнымъ вандализмомъ*, потопленіемъ корабля съ произведеніями античнаго искусства. Хотя въ Черниговѣ существуетъ Ученая Архивная Коммиссія, въ программу дѣятельности которой входитъ и указанная задача, но во 1-хъ, на одномъ и томъ-же полѣ два работника сдѣлаютъ болѣе, нежели одинъ, а во 2-хъ, Архивная Коммиссія посвящаетъ свою дѣятельность преимущественно кабинетной разработкѣ документовъ, а задачи сохраненія памятниковъ народнаго творчества требуютъ непосредственнаго соприкосновенія съ народной жизнью.

Въ заключеніе докладъ управы предполагаетъ: 1) войти въ сношеніе съ мѣстными знатоками и любителями народнаго быта о доставленіи различнаго рода памятниковъ народнаго творчества; 2) ассигновать 500 руб. въ годъ спеціально для этой цѣли; 3) ходатайствовать предъ правительствомъ о разрѣшеніи публичнаго исполненія малороссійскихъ театральныхъ піесъ и пѣсенъ на общихъ основаніяхъ съ русскими піесами и пѣснями. Къ сожалѣнію, докладъ этотъ въ собраніи былъ отложенъ обсужденіемъ въ подробностяхъ до сессіи будущаго года, а между тѣмъ онъ затрогиваетъ одну изъ живыхъ страницъ въ жизни народа, требующихъ союзныхъ усилій въ работѣ какъ ученыхъ обществъ, такъ и разныхъ учрежденій, близко соприкасающихся съ народнымъ бытомъ. Въ этомъ случаѣ земскіе органы, конечно, не должны быть разсматриваемы узко въ ихъ дѣятельности и задачахъ: вѣдь на земствѣ лежитъ обязанность блюсти не только матеріальные, но и духовные интересы массъ, а что можетъ быть въ культурномъ отношеніи выше и дороже сохраненія въ народѣ тѣхъ самобытныхъ, національныхъ устоевъ, которые, съ одной стороны, не противорѣчатъ общимъ принципамъ человѣчества, а съ другой—будучи поддержаны въ народѣ, охранятъ его отъ псевдо-культуры, такъ рѣзко обозначающейся въ послѣднее время въ жизни нашего села? Не напрасно, вѣдь, обращено на этотъ вопросъ о народной пѣснѣ вниманіе нашего правительства, которое, вслѣдствіе всеподданнѣйшей записки предсѣдателя пѣсенной комиссіи, государственнаго контролера Т. И. Филиппова, поставило дѣло собиранія и изданія пѣсенныхъ русскихъ мотивовъ на широкую дорогу, обезпеченную уже тѣмъ однимъ, что поѣздки для собранія пѣсенъ и изданія ихъ производятся на средства, опредѣленныя Высочайшею волею.

Описаніе Днѣпра. Инспекторъ судоходства по р. Днѣпру инженеръ Н. И. Максимовичъ предпринимаетъ въ ближайшемъ будущемъ изданіе составленнаго имъ весьма цѣннаго труда, имѣющаго своимъ содержаніемъ описаніе Днѣпра въ судоходномъ, гидротехническомъ и экономическомъ отношеніяхъ. Матеріалы для этого труда собирались инженеромъ г. Максимовичемъ въ теченіе десятка лѣтъ,

почему изданіе обѣщаетъ выйти весьма полнымъ и обстоятельнымъ. Оно составитъ одинъ томъ большого формата in folio. Кромѣ подробнаго гидрографическаго обзора Днѣпра и экономическаго очерка Днѣпровскаго бассейна, изданіе это будетъ заключать въ себѣ цѣлый рядъ картъ, таблицъ, графиковъ и діаграммъ, наглядно объясняющихъ движеніе судоходства по Днѣпру, показывающихъ характеръ судового хода и промѣры глубинъ въ различныхъ участкахъ рѣки, состояніе горизонта водъ въ рѣкѣ въ разныя времена года и т. д. Помимо этого, къ изданію будетъ приложена большая серія иллюстрацій, изображающихъ виды наиболѣе важныхъ пристаней Днѣпра, интереснѣйшихъ прибрежныхъ мѣстностей и крупнѣйшихъ рѣчныхъ сооруженій и работъ, а также типы плавающихъ по р. Днѣпру паровыхъ и непаровыхъ судовъ. Послѣ выхода въ свѣтъ этого капитальнаго и широко задуманнаго труда, предполагается сдѣлать изъ него краткое извлеченіе и издать въ видѣ справочной книги—путеводитель по Днѣпру, въ которомъ давно уже ощущается сильная потребность. Принимая во вниманіе, что гидрографія рѣкъ, развившаяся, напр., въ Германіи въ цѣлую литературу, равно какъ и экономическое изслѣдованіе рѣчного судоходства по отдѣльнымъ бассейнамъ, имѣющее важное значеніе при рѣшеніи многихъ краевыхъ вопросовъ, представляетъ пока у насъ совершенно почти непочатую область,—нельзя не признать изданіе инж. г. Максимовича вполнѣ своевременнымъ и желательнымъ. (Приднѣпровскій Край 1898 г., № 32). Къ этому можемъ добавить что рѣка Днѣпръ уже имѣетъ нѣкоторую, литературу. Можемъ указать, напр., на монографію Н. Мосаковскаго, первая часть которой напечатана въ 1884 г. (Спб. 8 д. 1., 112 стр.). вторая («Рѣка Днѣпръ и ея пороги») въ журналѣ «Инженеръ» 1886 г., №№ 5 и 9. Рядъ статей о Днѣпровскихъ порогахъ въ экономическомъ отношеніи напечатанъ въ Журн. Мин. Пут. Сообщ. за 1873—75 гг. Прекрасная карта теченія всего Днѣпра издана была лѣтъ 10—20 назадъ Мин. Путей Сообщенія.

Предполагаемый памятникъ Въ 1894-мъ году общество станицы Таманской, Темрюкскаго отдѣла, Кубанской области, обратились по начальству съ ходатайствомъ о разрѣшеніи ему сбора добро-

вольныхъ пожертвованій на сооруженіе памятника на томъ мѣстѣ, гдѣ въ 1792 году впервые высадились запорожскіе козаки, образовавшіе бывшее Черноморское, нынѣ Кубанское козачье войско. Военнымъ министерствомъ подписка разрѣшена, а затѣмъ военный министръ повергалъ это дѣло на Высочайшее Его Императорскаго Величества воззрѣніе, и на всеподданнѣйшемъ докладѣ по этому предмету имѣется резолюція военнаго министра: «Высочайше одобрено». Въ настоящее время установленъ порядокъ производства подписки и пожертвованій, но остается еще выработать проектъ памятника, а по немъ уже исчислить приблизительную смѣту потребныхъ расходовъ на сооруженіе памятника. По этому поводу начальникъ Кубанской области, желая придать проектируемому памятнику идею, симпатичную Кубанскимъ козакамъ и наиболѣе соотвѣтствующую историческому событію въ жизни Черноморскаго козачества, обратился къ нѣкоторымъ изъ должностныхъ лицъ, художникамъ и пр. съ циркулярнымъ письмомъ, въ которомъ проситъ сообщить: какую слѣдовало бы вложить идею въ имѣющій быть сооруженнымъ памятникъ; къ письму приложена для свѣдѣнія особая печатная брошюрка: «историческая прсавка объ обстоятельствахъ образованія Черноморскаго, нынѣ Кубанскаго козачьяго войска.

Преміи Харьковскаго земельнаго банка. Комитетъ по присужденію премій, учрежденныхъ Харьковскимъ земельнымъ банкомъ при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императроа Александра II, объявляетъ, что на основаніи Высочайше утвержденнаго 1-го мая 1894 года положенія, назначеніе названныхъ премій имѣетъ цѣлію содѣйствовать изученію экономическаго состоянія части Россіи въ составѣ губерній: Харьковской, Воронежской, Курской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской, Таврической и области войска Донского, а также и другихъ сторонъ народной жизни въ связи съ экономическимъ положеніемъ данной мѣстности. Преміи—одна въ 1000 рублей и двѣ по 500 рублей—присуждаются одинъ разъ въ три года. Очередное присужденіе этихъ премій состоится въ началѣ февраля 1901 г., въ виду этого сочиненія для соисканія премій должны быть представлены въ Комитетъ не позже 19-го февраля 1900 года.

Сочиненія, представляемыя на конкурсъ, могутъ быть печатанныя и писанныя. Первыя должны присылаться въ пяти экземплярахъ, а вторыя въ двухъ экземплярахъ. Кромѣ того, на конкурсъ допускаются только сочиненія, прежде нигдѣ непремированныя и вышедшія въ свѣтъ не раньше 1897 года (§ 11 положенія о преміяхъ).

Авторы, желающіе представить свои сочиненія для соисканія премій, благоволятъ присылать ихъ по адресу: *г. Харьковъ, университетъ, въ Комитетъ по присужденію премій въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II.*

Подробныя условія, которымъ должны отвѣчать премируемыя сочиненія, см. въ подлинномъ положеніи о преміяхъ въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II, экземпляры котораго по требованію заинтересованныхъ лицъ высылаются немедленно предсѣдателемъ Комитета.

Общество любителей изученія Кубанской области. Въ гор. Екатеринодарѣ на дняхъ начало дѣйствовать «Общество любителей изученія Кубанской области». По уставу этого общества, утвержденному 16 октября 1897 года, оно имѣетъ цѣлью: изученіе, изслѣдованіе и описаніе Кубанской области въ научномъ отношеніи. Для достиженія этой цѣли Обществу предоставлено право устраивать засѣданія, открытыя и закрытыя, снаряжать экспедиціи, командировать членовъ, входить въ сношенія съ учрежденіями, обществами и лицами, отъ которыхъ оно можетъ ожидать содѣйствія, назначать вознагражденія за особенно выдающіеся труды и за разрѣшеніе научныхъ задачъ, содѣйствующихъ цѣлямъ общества; печатать свои труды. 1-го прошлаго февраля состоялось первое торжественное собраніе этого общества. Объ этомъ собраніи въ мѣстныхъ «Кубанскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ» (№ 27) читаемъ слѣдующее:

1-го февраля, въ $12^1/_2$ час. дня, въ зданіи женской гимназіи, состоялось первое торжественное собраніе общества любителей изученія кубанской области. Собраніе было открытое для посторонней публики (не членовъ общества), въ которое пришло очень много изъ среды мѣстной интеллигенціи. Въ числѣ присутствовавшихъ были: почетный предсѣдатель общества—начальникъ области и наказной атаманъ генералъ-лейтенантъ Я. Д. Малама, а также и многія другія лица, занимающія высшіе посты въ области. Торжество началось

служеніемъ молебствія, совершеннаго соборнымъ протоіереемъ, о. Воскресенскимъ. Затѣмъ, предсѣдатель общества, г. Сысоевъ, прочелъ предъ собраніемъ исторію зарожденія и возникновенія общества и, перейдя къ вопросу о задачахъ, предстоящихъ обществу, указалъ на то, что Кубанская область представляетъ собою положительно неисчерпаемое поприще для изученія со стороны представителей самыхъ разнообразныхъ отраслей знанія.

Въ слѣдующихъ затѣмъ рефератахъ товарищъ секретаря общества А. И. Дьячковъ-Тарасовъ указалъ на тотъ интересъ, какой представляетъ Кубанская область для этнографа, какъ магистраль движенія народовъ изъ Азіи въ Европу, оставившихъ слѣды по пути движенія, и на неотложность изученія жизни горныхъ племенъ, а дѣйствительный членъ общества И. И. Дмитренко сообщилъ о поселеніи на Кубани некрасовцевъ, борьбѣ съ ними правительства и объ удаленіи ихъ въ Анатолію.

Всѣ рефераты были выслушаны присутствующими съ большимъ интересомъ и вызывали дружные аплодисменты.

Въ заключеніе предсѣдатель общества, В. М. Сысоевъ, въ короткой рѣчи просилъ собравшихся содѣйствовать развитію общества, а почетный президентъ общества, Я. Д. Малама, выразилъ желаніе, чтобы общество развивалось на пользу Государю Императору и отечеству.

Изъ тѣхъ-же «Куб. Вѣд.» узнаемъ, что 11 февраля состоялось открытое засѣданіе общества любителей изученія Кубанской области, въ которомъ были предложены слѣдующіе доклады: 1) П. П. Короленко: «о первоначальномъ заселеніи Кубанской земли черноморскими козаками», 2) В. М Сысоева: «о древностяхъ терской области и ихъ связи съ Кубанскими древностями» и нѣсколько отрывковъ «изъ исторіи Тмутороканскаго княжества».

Желаемъ новому обществу полнаго процвѣтанія въ предстоящей ему широкой дѣятельности.

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. Въ теченіе января и февраля мѣсяцевъ въ редакцію вновь поступили слѣдующія пожертвованія: 1) отъ К. В. Жученка—20 руб.; Д. А. Ткаченка—2 р.; 3) Н. И. Ткаченка—1 р.; 4) М. А. Ткаченка—1 р.: 5) NN—изъ ложи театра—1 р.; 6) И. Е. Гребенюка—50 коп.; 7) Г. Ф. Овсянко—50 к.; а всего 26 р., что вмѣстѣ съ прежними 835 руб. 77 коп. (см. 1897 г., № 12) составитъ *861 р. 77 к.*, которые и отправлены въ Полтаву.

Поправка. Въ февральской книжкѣ «Кіевской Старины» въ отдѣлѣ «Библіографіи» вкрались слѣдующія опечатки:

Стр.	Строка:	Напечатано:	Должно быть:
58	8 сверху	Очеркъ Кіева	Очеркъ исторіи Кіева
59	7 снизу	экономическое	эпонимическое
60	8 сверху	но также несомнѣнно	также несомнѣнно
—	10 »	Возвышеніе	Но возвышеніе
—	18 »	остальныхъ	отдѣльныхъ
—	3 снизу	Постанова	Но статья
63	4 сверху	Галшки	Галшка

БИБЛІОГРАФІЯ.

Д-ръ Люборъ Нидерле. Человѣчество въ доисторическія времена. *Переводъ съ чешскаго Ѳ. К. Волкова, подъ редакціею Д. Н. Анучина. С.-Петербургъ, 1898 г.*

Трудъ г. Нидерле представляетъ выдающееся сочиненіе въ европейской археологической литературѣ. Это самый полный сводъ свѣдѣній, добытыхъ донынѣ наукою о доисторическомъ періодѣ существованія человѣчества. И по полнотѣ, и по времени выхода онъ далеко превосходитъ всѣ своды археологическихъ данныхъ, существовавшіе до того времени. Сочиненіе г. Нидерле не ограничивается изслѣдованіемъ одной лишь или нѣсколькихъ странъ Западной Европы, подобно трудамъ Эванса, Ворсо, Монтеліуса, Сакена и т. д., или описаніемъ одного лишь періода или одного рода памятниковъ, подобно Мортилле, Шантру, Фергюсону, гр. Уварову и т. д., но старается сгруппировать данныя, добытыя наукою во всѣ періоды доисторическаго времени и на пространствѣ всей Европы и значительной доли другихъ частей свѣта (Сибирь, Кавказъ, Индія, Египетъ и т. д. Даже въ сравненіи съ другими лучшими архелогическими сборниками, захватывавшими всеобщую архелогію и всѣ ея періоды, какъ сочиненія Лебокка, Бэра, Надальяка, книга г. Нидерле отличается гораздо большею полнотою и всесторонностью, какъ потому, что въ нее включены новѣйшія открытія и изслѣдованія, появившіяся уже послѣ выхода въ свѣтъ названныхъ сочиненій, такъ и потому, что первый разъ въ сводѣ археологическихъ свѣдѣній обращено должное вниманіе на древности славянскія и русскія, о которыхъ обыкновенно за-

падные ученые упоминали бѣгло и отрывочно, иногда и съ явнымъ непониманіемъ памятниковъ славянскихъ земель и ошибочною ихъ классификаціею (вспомнимъ, напримѣръ, что Надальякъ относитъ курганы къ разряду мегалитическихъ памятниковъ).

Русское изданіе книги г. Нидерле не представляетъ перевода въ тѣсномъ смыслѣ слова—ее скорѣе можно-бы назвать вторымъ, дополненнымъ изданіемъ. Дополненія эти составлены частью самымъ авторомъ, который доставилъ для русскаго перевода приложенія, касающіяся всего того, что было добыто наукою за послѣднія пять лѣтъ, т. е. послѣ выхода чешскаго изданія (Прага 1893), и въ гораздо большей степени, особенно по отношенію русской археологіи, переводчикомъ и редакторомъ, обогатившими книгу весьма цѣнными примѣчаніями, замѣтками и разъясненіями.

Къ выдающимся достоинствамъ книги слѣдуетъ отнести сдержанность, объективность и осторожность выводовъ, которые всегда основаны на всесторонней критической оцѣнкѣ фактовъ съ полнымъ воздержаніемъ отъ фантазіи и предвзятыхъ апріорныхъ положеній, таковы, напримѣръ, прекрасныя главы, посвященныя вопросамъ: о происхожденіи человѣка, о существованіи его въ третичной эпохѣ, о первобытныхъ рассахъ, населявшихъ Европу. Такимъ-же характеромъ объективизма и сдержанности отличаются прекрасные очерки, рисующіе характеръ человѣческой культуры въ разные періоды доисторическаго времени.—При размотрѣніи русскихъ древностей, г. Нидерле принадлежитъ большая заслуга по отношенію къ ихъ классификаціи; онъ положительно отказывается размѣщать ихъ въ рамки, выработанныя западною архелогіею, и указываетъ на ихъ отличительный характеръ и на невозможность распредѣлить ихъ по тѣмъ категоріямъ, въ какія совершенно естественно укладываются памятники древнихъ странъ западно-европейскихъ; такъ, указавъ характеристику двухъ періодовъ желѣзнаго вѣка въ западной Европѣ: Гальштадскаго и Лятенскаго, онъ положительно утверждаетъ, что подобное распредѣленіе русскихъ древностей желѣзнаго вѣка не мыслимо, и предлагаетъ весьма, по нашему мнѣнію, справедливую мысль о томъ, что русскій желѣзный вѣкъ можетъ быть раздѣленъ на два періода: 1) до великаго переселенія народовъ (скиѳскій) и послѣ этого переселенія и до введенія христіанства (славянскій). Правда, при дальнѣйшемъ изложеніи желѣзнаго вѣка г. Нидерле дѣлаетъ отступленіе отъ этой основной схемы и вводитъ классификацію, на нашъ взлядъ не вполнѣ удачную,

предложенную г. Самоквасовымъ, на періоды: киммерійскій, скиѳскій, сарматскій, славянскій и половецко-татарскій; эта сложная классификація не способствуетъ разъясненію значенія памятниковъ древности, въ нѣкоторыхъ частяхъ довольно произвольна и вызвала весьма обстоятельныя возраженія со стороны гг. Милюкова, Анучина, гр. Бобринскаго и другихъ; между прочимъ при всей своей сложности она не даетъ возможности размѣстить весьма численные памятники древности, какъ напримѣръ курганы и похоронныя поля финскихъ и тюркскихъ племенъ, обитавшихъ на территоріи Россіи въ доисторическое время. Для переводчика ясна была неконсеквентность этой классификаціи, о чемъ онъ и оговорился въ примѣчаніи (стр. 422), но тѣмъ не менѣе оставилъ классификацію автора, не желая вѣроятно передѣлывать значительную часть текста и вводить новое распредѣленіе не принятое авторомъ.

Въ числѣ другихъ, весьма впрочемъ немногочисленныхъ мѣстъ книги, съ которыми мы не можемъ заявить согласія, отмѣтимъ только одно: на 93 страницѣ г. Нидерле относитъ городища къ памятникамъ неолитической эпохи, хотя и самъ соглашается, что сдѣланныя изслѣдованія не даютъ неоспоримыхъ фактовъ въ подтвержденіе этой гипотезы; мы позволяемъ себѣ заявить категорически, по крайней мѣрѣ относительно городищъ, встрѣчающихся въ южно-русскомъ краѣ, что нѣтъ ни одного городища, которое-бы относилось ко времени, предшествовавшему желѣзному вѣку; полагаемъ, что и для западной славянщины изслѣдованія городищъ въ будущемъ не доставятъ данныхъ, на основаніи которыхъ ихъ было-бы возможно отнести къ каменному вѣку.

Вообще книга г. Нидерле, какъ въ русской, такъ и въ общеевропейской литературѣ составляетъ лучшій, донынѣ вышедшій, compendium археологіи; она несомнѣнно составляетъ прекрасный источникъ позитивнаго знанія по отношенію къ древнѣйшей исторіи быта человѣчества. Петербургское изданіе съ внѣшней стороны вполнѣ удовлетворительно и даже изящно; печать четкая, типографскихъ погрѣшностей почти нѣтъ, текстъ иллюстрированъ 459 рисунками, значительно помогающими точному уразумѣнію текста, наконецъ, книга снабжена весьма обстоятельнымъ указателемъ, который даетъ возможность забирать справки по любому вопросу археологіи. Несомнѣнно, что изданія, подобныя переводу книги г. Нидерле, расширяютъ кругозоръ знанія и, въ силу этого, споспѣществуютъ поднятію культурнаго

уровня нашего общества; потому мы и не можемъ не заявить глубокой благодарности автору, переводчику и редактору этого истинно ученаго и вмѣстѣ съ тѣмъ легко-читаемаго интеллигентною публикою сочиненія.

В. А.

Гетманъ Мазепа. *Историческая монографія Ѳ. М. Уманца. Спб. 1897. Стр. 455.*

Загадочность личности гетмана Мазепы, несмотря на то, что поэты и историки съ особеннымъ вниманіемъ, въ теченіе почти 200 лѣтъ, относятся къ событіямъ его времени; коренное противорѣчіе во взглядахъ на предметъ; поразительная неясность главныхъ обстоятельствъ; странное умолчаніе о многомъ и неправильное толкованіе нѣкоторыхъ фактовъ,—все это побудило Ѳ. М. Уманца пересмотрѣть старое забытое дѣло, результатомъ чего и явилась его монографія о гетманѣ Мазепѣ.

Г. Уманецъ дѣлитъ свою монографію на 8-мь главъ и въ концѣ ея даетъ приложеніе 14 документовъ, хранящихся въ семейныхъ архивахъ самого автора, П. Я. Дорошенка и В. А. Кочубея.

Первая глава касается «молодости Мазепы». Авторъ относитъ родъ гетмана къ древнѣйшимъ въ Малороссіи; онъ жилъ въ бѣлоцерковскомъ староствѣ и упоминается въ актахъ начала XVI в. Семья Мазепы держится крѣпко православія во всѣ вѣка: мать гетмана была игуменьей Кіевскаго Вознесенскаго женскаго монастыря, а сестра, не желая принимать католичества, расходится съ мужемъ. Гетманъ Мазепа, по вполнѣ вѣроятнымъ догадкамъ автора, родился въ 1629 г. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ Кіевской братской школѣ, гдѣ и застаютъ его начавшіяся въ 1648 году войны Хмельницкаго. Вскорѣ послѣ этого Мазепа былъ взятъ въ Варшаву, и тамъ закончилъ свое образованіе. Въ 1659 году король даетъ ему порученіе къ Выговскому, а затѣмъ въ 1663 году къ Павлу Тетерѣ. Въ Варшавѣ при особѣ короля гетманъ былъ пажемъ и пользовался его довѣріемъ и расположеніемъ. Въ 1663 году, осенью, въ началѣ похода короля въ Малороссію, Мазепа оставляетъ дворъ и остается при отцѣ. Что побудило Мазепу къ удаленію—теперь рѣшить трудно. Очень можетъ

быть, что поводомъ къ этому могло послужить и столкновеніе съ Пасекомъ во дворцѣ, и скандально окончившійся для Мазепы романъ его съ Еленой Загоровской. Г. Уманецъ обходитъ этотъ вопросъ и не возражаетъ противъ установившагося мнѣнія. Но онъ не раздѣляетъ нашего предположенія о томъ, что любовная интрига Мазепы, относима Пасекомъ къ пани Фальбовской, должна быть отнесена къ Загоровской. Г. Уманецъ думаетъ (быть можетъ, ради увеличенія числа побѣдъ Мазепы надъ женщинами), что это были два отдѣльныя увлеченія будущаго гетмана, изъ коихъ одно имѣло мѣсто въ 1663 году, а другое въ 1669 г.; въ подтвержденіе своей догадки онъ приводитъ тотъ фактъ, что Мазепа въ 1669 г., наканунѣ перехода своего въ козачество, вноситъ во Владимір. гродскія актовыя книги привилегіи короля Яна-Казиміра на утвержденіе за нимъ его родовыхъ имѣній и дѣлаетъ будто-бы это ради того, чтобы завязать знакомство съ семьей Загоровскаго. Но съ такимъ предположеніемъ согласиться нельзя, во 1-хъ потому, что Загоровскій былъ земскій судья, а не гродскій; слѣдовательно, къ гродскимъ книгамъ онъ не имѣетъ никакого отношенія; во 2-хъ онъ былъ судьей, а не подстаростой, и поэтому онъ не могъ принимать отъ Мазепы его привилегій, когда бы тотъ даже представлялъ ихъ въ земскій судъ, а не гродскій. Если же въ 1669 г. Иванъ Мазепа вноситъ свои привилегіи, то скорѣе всего для укрѣпленія своихъ правъ на имѣнія по смерти отца и для предупрежденія захвата ихъ въ то время, когда онъ будетъ находиться на службѣ въ козачествѣ; внесеніемъ своихъ документовъ въ актовыя книги Мазепа скорѣе всего хотѣлъ обезпечить себя въ будущемъ, на случай оставленія службы въ козачествѣ. Поэтому мы, какъ и прежде, имѣя въ виду общія черты разсказа Пасека о связи Мазепы съ Фальбовской съ обстоятельствами романа его съ Загоровской, продолжаемъ думать, что мемуары Пасека и бракоразводное дѣло Загоровскаго говорятъ объ одномъ и томъ же фактѣ. Продолжаемъ мы также думать, что на переходъ Мазепы въ козачество могъ вліять разрывъ съ польскимъ обществомъ, гдѣ къ нему могли относиться пренебрежительно, какъ къ православному, какъ къ стороннику козачества, какъ къ дважды оскорбленному человѣку и Пасекомъ и Загоровскимъ, и безсильному, чтобы смыть это оскорбленіе. Предполагать же, что Мазепа еще въ Варшавѣ мечталъ занять положеніе, ускользнувшее отъ Выговскаго, какъ думаетъ г. Уманецъ, нѣтъ никакихъ основаній да и жизнь въ козацкомъ лагерѣ зависѣла отъ столькихъ случайностей, что самый предусмотрительный козакъ едва ли могъ предви-

дѣть свой конецъ, что въ другомъ мѣстѣ своего труда признаетъ и самъ авторъ.

Переходя въ козачество, Мазепѣ приходилось дѣлать выборъ между Петромъ Дорошенкомъ и Иваномъ Брюховецкимъ. Почему онъ выбралъ перваго? Разрѣшенію этого вопроса посвящена вторая глава монографіи г. Уманца: «У Дорошенка». Авторъ старается характеризовать, подробнѣе даже, чѣмъ требуетъ того необходимость, характеръ и политическія стремленія обоихъ гетмановъ Дорошенка и Брюховецкаго. «Изъ всѣхъ гетмановъ Малороссіи, Дорошенко, говоритъ авторъ, съ наибольшей энергіей и убѣжденіемъ стоитъ за «Рѣчь посполиту Украинскую». Поколѣніе, само умиравшее за Малороссію, невольно мирится съ нимъ ради его политической программы». Вокругъ Дорошенка соединяются всѣ лучшіе люди правобережной Украины; къ нему же переходитъ и Мазепа. Понятно—почему. На сторонѣ Дорошенка престижъ таланта, патріотизма и увлекательной для малороссіянъ цѣли. Но тутъ же г. Уманецъ допускаетъ какіе-то личные разсчеты Мазепы, оговариваясь, что «объяснять переходъ къ Дорошенку однѣми только частными выгодами нельзя уже потому, что тѣхъ выгодъ не было». Зачѣмъ же предполагать эти «личные разсчеты», когда для нихъ не было даже основанія? Авторъ и забываетъ о нихъ далѣе и говоритъ: «Мазепа не могъ сдѣлать ничего нравственно лучшаго. Когда всѣ увлекались Дорошенкомъ, имъ увлекся и Мазепа». Послѣ сближенія Дорошенка съ татарами, многіе изъ старшинъ его оставили и перешли на сторону Самойловича. Мазепа продолжалъ служить Дорошенку и былъ отправленъ имъ въ качествѣ посла въ Крымъ. На пути онъ былъ захваченъ кошевымъ Сѣркомъ и выданъ Ромодановскому лишь потому, что тотъ арестовалъ жену Сѣрка. Такимъ образомъ Мазепа оставилъ Дорошенка не потому, что нашелъ болѣе выгодное мѣсто, а вслѣдствіе непредвидѣннаго стеченія обстоятельствъ. Что касается до перехода Мазепы на сторону Москвы, то, по мнѣнію г. Уманца, «для всѣхъ малороссійскихъ патріотовъ подобный переходъ былъ естественнымъ финаломъ службы при Дорошенкѣ». Задача Дорошенка оказалась неисполнимой; самъ онъ лишился твердой почвы; его имя компрометировано турецкимъ подданствомъ. Въ тоже время, какъ ни плохо жить за Москвой, она одна даетъ Малороссіи нѣкоторую гарантію и спокойствіе.

Далѣе г. Уманецъ, въ третьей главѣ своего труда, переходитъ къ разсмотрѣнію отношеній Мазепы къ «семьѣ Самойловича». Бла-

годаря своему уму и образованію, Мазепа скоро становится въ близкія отношенія къ гетману и исполняетъ разнаго рода его порученія въ Москвѣ, какъ личныя, такъ и государственныя; но никогда онъ не является дѣйствующимъ отъ своего имени: «въ Москву и Кіевъ онъ возилъ только мысли Самойловича и нигдѣ не дѣйствовалъ оффиціально по собственному усмотрѣнію». Обвиненіе Мазепы въ доносѣ на Самойловича (какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ авторъ) ни на чемъ не основано; оно только предполагается. Доносъ не подписанъ Мазепой и настолько наивенъ, что Мазепа не могъ быть даже его двигателемъ. Послѣ паденія Самойловича, избраніе Мазепы въ гетманы многіе представляютъ результатомъ взятки князю Голицыну. Г. Уманецъ рѣшительно отвергаетъ это обвиненіе. Подарки Голицыну, по его мнѣнію, были взяткой сильному временщику, съ цѣлью купить его благоволеніе и поддержку въ Москвѣ; они не имѣли прямого отношенія къ избранію; съ другой стороны, козаки, низложившіе своего гетмана, поднявшіеся на старшину, вышедшіе изъ повиновенія начальству--не могли подчиняться внушеніямъ чуждаго имъ человѣка. «Ясно—не Голицынъ подсунулъ Мазепу козакамъ, но въ данную минуту Мазепа—самый популярный человѣкъ, если не во всей Малороссіи, то въ лагерѣ подъ Коломакомъ.

Избранный въ гетманы, Мазепа оставался вѣренъ Москвѣ, но «вѣрность эта, по мнѣнію автора, прежде всего вытекала изъ того, что безъ Москвы у него нѣтъ точки опоры—народъ и старшина сами выдавали и казнили измѣну. Сблизившись съ Петромъ, Мазепа сначала вѣрилъ въ него и надѣялся на лучшее будущее для Малороссіи; только этой вѣрой и могутъ быть объяснены нѣкоторые поступки гетмана, какъ напр., устройство крѣпостей на югѣ противъ татаръ, возбужденіе войны съ турками и татарами. Возстаніе Петрика въ это время въ извѣстномъ смыслѣ было пробнымъ камнемъ для Мазепы; но изъ этого испытанія онъ вышелъ вѣрнымъ Петру и Россіи. Ясно, что въ это время Мазепа еще не держитъ въ умѣ мысли объ отдѣленіи Малороссіи отъ Москвы и вполнѣ стоитъ за Петра и его политику. Ихъ раздѣляетъ только рядъ реформъ, начатый Петромъ по возвращеніи изъ-за границы. И авторъ осуждаетъ быструю перемѣну старыхъ порядковъ на новые; онъ старается умалить значеніе этихъ перемѣнъ, которыя рано или поздно должны были случиться сами, такъ какъ онѣ вызывались всѣмъ строемъ тогдашней жизни Россіи. Еще болѣе возмущаютъ его тѣ жестокости

которыми сопровождались реформы. «Изъ-за Петра реформатора и прогресиста, въ видѣ какой-то стихійной силы, быстро выдвигается дикарь, ослѣпленный мишурой западной цивилизаціи... Петръ ставитъ нигилизмъ на степень государственнаго учрежденія. Получается царь на подкладкѣ Базарова.» Въ это время сближеніе съ Москвой, въ суровыхъ рукахъ Петра, сулило только постоянныя войны, раздѣлъ страны, освободившейся при Хмельницкомъ, рекрутскіе наборы, новые налоги и новое изданіе крѣпостного права до обязательнаго обученія кораблестроенію включительно. Масса недовольныхъ Петромъ и Мазепой. Всѣ обвиняютъ Мазепу за чуждыя народнымъ инстинктамъ войны, тяжелую службу вдали отъ родины, утѣсненія отъ проходящихъ войскъ, уступку полякамъ праваго берега Днѣпра, тяжелыя повинности и налоги, словомъ, за все, что называлось «умаленіемъ Малороссіи». Но и Мазепа разочаровывается въ Петрѣ, доказательствомъ чего служатъ стихотворенія, приписываемыя авторомъ Мазепѣ: дума и элегія, и относимыя имъ къ 1698—99 годамъ. Въ дѣлѣ сближенія царя съ Польшей и возстанія Палія Мазепа является уже противникомъ Петра; онъ старается удержать царя отъ этого шага и на нѣкоторое время успѣваетъ въ этомъ; въ дѣлѣ же Палія онъ вынужденъ былъ исполнить волю Петра: отдать Бѣлую-Церковь полякамъ, а самого Палія арестовать. Неудовольствіе на гетмана проявляется даже въ бунтѣ противъ него въ 1704 г. въ лагерѣ подъ Любаромъ. Но и въ Москвѣ его положеніе было не прочно; подумывали уже рѣшительно объ отмѣнѣ правъ Малороссіи, и въ 1706 г. въ Кіевѣ, на обѣдѣ у гетмана, Меншиковъ прямо высказалъ эту мысль. Старшины подняли голову, стали читать «гадяцкіе пункты» и разсуждать о независимости Малороссіи. Близкіе люди—Данило Апостолъ и Димитрій Горленко говорили Мазепѣ: «Яко мы за душу Хмельницкаго всегда Бога молимъ и имя его блажимъ, что Украину отъ ига ляцкаго свободилъ; такъ противнымъ способомъ и мы, и дѣти наши, въ вѣчные роды душу и кости твои будемъ проклинать, если насъ за гетманства своего, по смерти своей, въ такой неволѣ зоставишъ». Рисуя далѣе общественное настроеніе въ Малороссіи, авторъ замѣчаетъ, что умри даже Мазепа въ 1708 году, задуманное имъ дѣло нисколько бы не измѣнилось. Ему кажется даже, что «наклонность измѣнить Москвѣ у Мазепы была слабѣе, чѣмъ у большинства старшинъ и козаковъ. Но если источникъ измѣны доходилъ до самой глубины народныхъ массъ, то планъ дѣйствія и его выпол-

неніе принадлежать одному Мазепѣ.—Измѣняя, чего хотѣлъ Мазепа?—Независимой Украины?—Федеративнаго союза съ Польшей?—Чего-либо въ свою личную пользу?—спрашиваетъ авторъ,—и разсматривая тогдашнее высокое положеніе Мазепы, глубокую старость, бездѣтное вдовство, онъ приходитъ къ заключенію, что, въ случаѣ удачи, Мазепа не могъ-бы воспользоваться плодами своей измѣны (стоило-ли хлопотать для одного-двухъ лѣтъ!), въ случаѣ-же неудачи рисковалъ всѣмъ. Слѣдовательно, личное честолюбіе и выгоды, не объясняя измѣны, не очерчиваютъ и ея цѣли». Не могъ онъ работать и для родственниковъ. Онъ не могъ думать о наслѣдственной передачѣ гетманства или княжества: оказавшееся невозможнымъ для Хмельницкаго, въ десять разъ было невозможнѣй для него. Наканунѣ измѣны Мазепа такъ объясняетъ старшинамъ свое личное отношеніе къ тревожному вопросу: «предъ всевѣдущимъ Богомъ протестуюся и на томъ присягаю, что я не для приватной моей пользы, не для высшихъ гоноровъ, и ни для иныхъ яковыхъ прихотей, но для васъ всѣхъ, подъ властью и регментомъ моимъ зостающихъ, для женъ и дѣтей вашихъ, для общаго добра матки моей, отчизны бѣдной, Украины, всего войска Запорожскаго и народу Малороссійскаго, и для подвышенія и расширенія правъ и вольностей войсковыхъ, хочу то при помощи Божіей чинити, чтобы вы, съ женами и дѣтьми, а отчизна зъ войскомъ Запорожскимъ, какъ отъ Московской, якъ и отъ шведской стороны, не погибли». Сказавши это, Мазепа поцѣловалъ крестъ съ животворящимъ древомъ.

Въ рѣчи, произнесенной имъ 25 октября 1708 г. предъ козацкими полками, при всей разности ея редакцій, вездѣ заключается одна и та-же мысль: «Вотъ когда пришло время свергнуть съ себя ненавистное иго и сдѣлать Украину страной свободной и ни отъ кого независимой!»—«И такъ, заключаетъ авторъ, конечно цѣлью измѣны служила для Мазепы полная независимость Малороссіи.

Да и могло-ли быть иначе? Шансы на популярность и, пожалуй нѣкоторые шансы успѣха, имѣла только идея самостоятельнаго государства.

Таковы мнѣнія г. Уманца о политической дѣятельности гетмана Мазепы, котораго онъ старается представить благороднѣйшимъ, умнѣйшимъ и преданнѣйшимъ сыномъ Украины. Для полноты обзора его книги и для болѣе подробной характеристики гетмана, намъ оставалось-бы разсмотрѣть административную дѣятельность Мазепы и его личную душевную жизнь, выразившуюся въ увлеченіи Матре-

ной Кочубей и княгиней Дольской. Но и здѣсь, въ обѣихъ сферахъ общественной и личной жизни авторъ остается вѣренъ себѣ, представляя Мазепу такимъ же симпатичнымъ дѣятелемъ и человѣкомъ. Какъ дальновидный администраторъ, онъ, хотя и безуспѣшно, все-таки пытается задержать развитіе крупнаго землевладѣнія и развитіе крѣпостного права въ Малороссіи; въ отношеніяхъ къ Матренѣ Кочубей отъ остается вполнѣ корректнымъ; съ Дольской же его сближали общіе дипломатическіе интересы. Эти стороны жизни гетмана авторъ очень подробно разсматриваетъ въ двухъ большихъ главахъ, которыя являются лучшими и прочнѣе другихъ обоснованными въ цѣлой монографіи.

Авторъ въ концѣ книги подвергаетъ разбору сохранившіеся портреты Мазепы и прилагаетъ 14 документовъ; но мы не будемъ останавливаться на первыхъ, потому что они не входятъ въ нашу задачу; вторые не имѣютъ особеннаго интереса и касаются, по своему содержанію, второстепенныхъ вопросовъ въ жизни гетмана, а нѣкоторые и вовсе не касаются его.

Но нельзя обойти вниманіемъ двухъ вопросовъ, которые ставитъ г. Уманецъ:

1. Почему не удалась измѣна Мазепы?—

2. Какое вліяніе неудавшаяся измѣна имѣла на Малороссійскій народъ?—

Причины неудачи измѣны авторъ видитъ, во 1-хъ, въ направленіи Карла на югъ, вмѣсто того, чтобы идти на сѣверъ. Во 2-хъ, въ положеніи занятомъ народомъ, который, враждуя со старшиной, питалъ надежду найти на нее управу въ Москвѣ у царя. Въ 3-хъ, старшины боялись будто-бы внутренней неурядицы, которая всегда бывала вѣрной союзницей Москвы. Мы же думаемъ, что не столько пугали старшину безпорядки, сколько боязнь потерять маетности и то пріобрѣтенное общественное положеніе, которое она успѣла занять, но легко могла потерять въ наступавшемъ переворотѣ.— «Было общее недовольство, говоритъ авторъ, но взрыва народныхъ чувствъ не было и, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, не могло быть. Но главная причина, погубившая Мазепу, въ томъ, что онъ имѣлъ дѣло съ Карломъ—типомъ прямолинейнаго человѣка, не способнаго угадывать теченіе и дѣйствовать сообразно положенію вещей.

Что касается до 2-го вопроса—о вліяніи измѣны на народъ,— то г. Уманецъ думаетъ, что «измѣна временъ Мазепы, съ ея неудачнымъ концомъ, была необходима для того, чтобы разъ навсегда по-

кончить съ иллюзіями, отрезвить массу и поставить народное чувство Малороссіи на новую дорогу. Это одна изъ тѣхъ ошибокъ, которыя почти обязательны въ начальный періодъ народной жизни. Только благодаря ей, здѣсь быстро вырабатывалась новая форма патріотизма. Только послѣ нея преданность Россіи перестала носить оттѣнокъ измѣны родному царю, а измѣна «всей Россіи»—характеръ патріотизма по отношенію къ родинѣ... Всѣ поняли необходимость въ надеждѣ на лучшіе дни, вмѣстѣ съ Псковомъ и Новгородомъ, Рязанью и Тверью... «вкупѣ лихо отбуваты»

Такимъ образомъ монографія г. Уманца затрогиваетъ серьезные и очень важные вопросы, группирующіеся вокругъ загадочной и непонятой личности гетмана Мазепы. Для своихъ выводовъ онъ пользуется имѣющимися уже матеріалами и изслѣдованіями, давая фактамъ лишь новое освѣщеніе и объясненіе. Точно также онъ уклоняется отъ полемики по спорнымъ вопросамъ, а даетъ такія характеристики фактовъ и лицъ, какія кажутся ему болѣе близкими къ истинѣ. Дѣйствительно, во многихъ случаяхъ нельзя не согласиться съ вѣрностью выводовъ автора, но отъ этого еще больше чувствуется необходимость и въ изданіи новыхъ матеріаловъ, относящихся къ гетманству Мазепы, и въ пересмотрѣ тѣхъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ, съ горячей любовью къ своему предмету, даетъ Ѳ. М. Уманецъ.

И. Каманинъ.

Къ исторіи поселенія евреевъ въ Польшѣ и Руси вообще и въ Подоліи въ частности. И. В. Галанта. (*Восходъ, 1897 г. №№ 8 и 9*).

Существованіе евреевъ въ предѣлахъ древней Польши въ концѣ XII в. и въ самомъ началѣ XIII в.—фактъ неоспоримый, фактъ общепризнанный: за него данныя изъ области нумизматики (Гленбокскій кладъ) и изъ области дипломатики. А разъ существованіе евреевъ въ Польшѣ въ XII в. есть фактъ безусловной достовѣрности, извѣстіе Козьмы Пражскаго о массовомъ переселеніи евреевъ въ 1098 г. изъ Богеміи въ Польшу, вызванномъ ужасами крестоваго похода, заслуживаетъ въ свою очередь полнаго довѣрія. Послѣднее событіе даетъ уже возможность говорить о причинахъ движенія евреевъ въ Польшу изъ Западной Европы. Первой причиной передвиженія ихъ съ запада на востокъ можно считать тѣ бѣдствія, какія тамъ ихъ преслѣдовали со стороны католическаго фанатизма. Вторая причина усматривается

авторомъ въ тѣхъ правахъ и преимуществахъ, какія предоставляли евреямъ князья и короли, какими обезпечивали они возможность жить согласно обычаямъ и религіознымъ узаконеніямъ. Въ концѣ XV в. приливъ еврейскаго населенія въ Польшу цѣлыми массами произошелъ изъ литовско-русскихъ областей, послѣ формальнаго изгнанія ихъ оттуда великимъ княземъ Александромъ Казиміровичемъ,—въ 1495 году.

Слѣды существованія евреевъ въ древней Руси, дающіе намъ право считать ихъ весьма давними здѣсь поселенцами, видны уже въ исторіи XI в.: митрополитъ Иларіонъ ведетъ литературную съ ними полемику; пренія съ еврейской пропагандой велъ и преподобный Θеодосій печерскій; а ватиканское пятокнижіе, написанное гдѣ-то на Руси въ 1094 году, говоритъ о значительномъ вліяніи древне-русскаго языка на его языкъ. Евреи, такимъ образомъ, явились въ древней Руси далеко до XI в., быть можетъ, въ то время, когда Хозары, исповѣдывавшіе іудейскую вѣру, были владыками южной Руси. Въ этой же главѣ г. Галантъ, при оцѣнкѣ данныхъ, служащихъ къ подтвержденію давняго пребыванія евреевъ на Руси, справедливо отвергъ еврейское яко-бы происхожденіе новгородскаго епископа Луки Жидяты.

Поселеніе евреевъ въ Подоліи, хотя и потребовало себѣ цѣлой главы, осталось однако вопросомъ открытымъ; такъ какъ г. Галантъ надгробной надписи изъ м. Таврова, относимой къ 1240 году, придаетъ мало значенія, а читатель, незнакомый съ литературой затронутаго имъ вопроса, едва-ли повѣритъ ему наслово, что «время появленія евреевъ въ Подоліи можно, на основаніи историческихъ данныхъ, разбросанныхъ въ респонсахъ польскихъ раввиновъ, отнести къ столѣтію, предшествовавшему бѣдствіямъ 1648—49 гг., т. е. къ XVI столѣтію» (стр. 22), по той простой причинѣ, что самъ онъ, такъ тщательно указывающій, на чемъ построено и обосновано любое его положеніе, въ данномъ случаѣ обошелъ молчаніемъ изданіе, которое было въ его рукахъ. Въ послѣдней главѣ авторъ остановился на крупныхъ явленіяхъ изъ исторіи евреевъ, отъ болѣе поздняго времени, это на Синодѣ четырехъ странъ, выдвинувшемъ между прочимъ политическое значеніе раввиновъ, и на появленіи мистическихъ сектъ саббатіанцевъ, братства Іуды Хасида, франкизма и цадикизма. Усматривая причину появленія, конечно, отчасти, послѣднихъ въ страшномъ погромѣ, разразившемся надъ головами евреевъ въ 1648 и 1649 годахъ, авторъ, не щадя красокъ, старается набросать свои чувства,

въ которыя и облекаетъ безспорно одну изъ печальныхъ страницъ исторіи польскихъ и русскихъ евреевъ. Напрасно также, по нашему мнѣнію, думаетъ г. Галантъ что «Хмельницкій, расправляясь съ евреями самымъ варварскимъ и звѣрскимъ образомъ, не руководствовался въ данномъ случаѣ одними только политическими соображеніями, и дѣйствовалъ отчасти еще подъ вліяніемъ жажды мести евреямъ за нѣкоторыя имъ лично принесенныя обиды и оскорбленія, причиной которыхъ былъ еврей». Едва-ли Хмельницкому, объявившему борьбу не польскому государству, а польскому шляхетству, и державшимъ сторону послѣдняго евреямъ, было мѣсто и время считаться со своими личными чувствами въ то время, когда онъ совершалъ такой исторической важности и столь крупный переворотъ въ жизни польскаго государства. Натанъ Гановеръ, на котораго ссылается авторъ, слишкомъ наивенъ въ своихъ извѣстіяхъ, а его сообщеніе о доносѣ со стороны еврея польскому правительству о заключенномъ Хмельницкимъ союзѣ съ крымскимъ ханомъ, такъ и дышетъ полнѣйшимъ незнаніемъ способа веденія дипломатическихъ переговоровъ въ то время, чего нельзя и требовать отъ рядового еврея.

Е. Кашпровскій.

Вс. Срезневскій. Изъ первыхъ лѣтъ научно-литературной дѣятельности И. И. Срезневскаго (1831—1839). (*Журналъ М-ва Нар. Просвѣщенія 1898, № 1*).

Въ январьской книжкѣ журнала М-ва Нар. Просв. В. И. Срезневскій помѣстилъ интересную статью о первыхъ шагахъ своего отца на учено-литературномъ поприщѣ. Статья эта основана на данныхъ, извлеченныхъ частью изъ переписки покойнаго слависта, частью изъ его бумагъ, а частью изъ дѣлъ Харьковскаго университета.

Начало литературной дѣятельности И. И. Срезневскаго представляетъ большой интересъ. Великороссъ по рожденію, привезенный двухмѣсячнымъ ребенкомъ въ Харьковъ и не выѣзжавшій изъ Малороссіи до окончанія университета, Срезневскій сознавалъ себя великороссомъ и въ одномъ изъ писемъ къ матери съ глубокимъ чувствомъ говорилъ о «милой своей родинѣ», которой не зналъ вовсе.

Въ то же время онъ съ жаромъ отдается изученію малорусской народной словесности и становится однимъ изъ самыхъ видныхъ, если не самымъ виднымъ представителемъ кружка, для членовъ котораго малорусскія изученія являлись не дѣломъ холодной любознательности, а были результатомъ горячей любви къ родинѣ. Въ 1839 г. Срезневскій отправился въ заграничную командировку и прервалъ свои занятія малорусской этнографіей, къ которымъ болѣе не возвращался. Юношескія увлеченія прошли навсегда. И увлеченіе И. И. Срезневскаго малорусской этнографіей и полное охлажденіе къ ней авторъ статьи объясняетъ такъ: «Молодого человѣка не могли не привлекать къ себѣ и поэтическія думы, и музыкальныя пѣсни, и малоизслѣдованная, полная интереса исторія Малороссіи, и богатство сохранившейся въ народѣ живой старины, но онъ относился ко всему этому какъ наблюдатель, изслѣдователь, а не какъ патріотъ-украинецъ». Такое объясненіе, на нашъ взглядъ, не представляется удовлетворительнымъ. Юноша, чуть не мальчикъ не могъ отнестись къ предмету своихъ занятій, какъ спокойный изслѣдователь интереснаго матеріала, да и не такъ относился къ нимъ И. И. Ср—ій. Не вѣрнѣе ли смотрѣть на юношескія увлеченія его, какъ на дань настроенію тогдашняго харьковскаго общества, среди котораго, какъ указываетъ и авторъ статьи, пробудился въ ту пору живой интересъ къ прошлому своей родины. Кружокъ давнихъ пансіонерскихъ пріятелей, въ которомъ вращался Срезневскій во время пребыванія въ университетѣ, могъ только возбуждать и поддерживать въ молодомъ студентѣ симпатіи къ малорусскому народу и народному творчеству. Въ статьѣ Вс. И. Срезневскаго сообщаются любопытныя свѣдѣнія о членахъ этого кружка. Это были: Шпигоцкій, братья Евецкіе и Росковшенко. Всѣ они были въ большей или меньшей степени малороссы-патріоты. Наиболѣе пылкимъ патріотомъ былъ повидимому, Шпигоцкій, переводившій на малорусскій языкъ Мицкевича. Объ одномъ изъ Евецкихъ, (Θедорѣ) Срезневскій отзывается, какъ о «большомъ знатокѣ малорусскаго языка», оба брата доставили ему «массу пѣсенъ, сказокъ, пословицъ, описаній обрядовъ», оба напечатали нѣсколько работъ, относящихся къ Малороссіи, «Увлеченіе Украиной у обоихъ братьевъ Евецкихъ впослѣдствіи превратилось подъ вліяніемъ П. П. Дубровскаго, издателя «Денницы», въ увлеченіе панславизмомъ». Къ этому примыкалъ еще І. А. Джунковскій, не занимавшійся, впрочемъ, этнографіей. На основаніи предисловія къ «Запорожской Старинѣ», начало общихъ занятій Срезневскаго и его товарищей этнографіей можно

отнести приблизительно къ 1826 г. Въ 1831 г. Ср—ій, при участіи всѣхъ своихъ пріятелей кромѣ Джунковскаго, издаетъ «Украинскій Альманахъ». (Объ «Украинскомъ Альманахѣ см. ст. Вс. Изм. Срезневскаго въ «Кіев. Ст.» 1893, № 1). Съ этого времени разъѣхавшіеся изъ Харькова пріятели присылаютъ собранный ими матеріалъ Ср-му, въ его «скарбницу». Самъ Изм. Ив. собираетъ массу матеріаловъ въ 1832—33 гг., когда живетъ, въ качествѣ домашняго учителя, въ семьѣ Подольскихъ, въ м. Варваровкѣ, Екатеринославской губ., вблизи пороговъ. 97-лѣтній запорожецъ Гречка много разсказывалъ ему о старинѣ, отъ 80-лѣтняго бандуриста записалъ онъ нѣсколько думъ и старинныхъ пѣсенъ. Матеріалы, собранные Срезневскимъ и были изданы имъ въ «Запорожской Старинѣ.

Съ этого времени литературныя знакомства Ср-го расширяются. Завязываются отношенія съ Гулакомъ-Артемовскимъ, Г. Ѳ. Квиткой, Максимовичемъ и мн. др. Къ сборнику пѣсенъ подъ заглавіемъ «Собраніе памятниковъ народной украинской словесности» приложенъ уже длинный списокъ сотрудниковъ. Еще болѣе разростаются эти сношенія по мѣрѣ выхода книжекъ «Запорожской Старины», захватывая въ свой кругъ и великорусскихъ ученыхъ. Въ 1834 г. И. М. Снегиревъ пишетъ Срезневскому: «Новые въ своемъ родѣ труды Ваши, посвященные Малороссіи, возбуждаютъ живѣйшіе участіе свѣжестью мыслей и чувствованій, прелестною оригинальностью слога. Страненъ мнѣ показался отзывъ «Сѣверной Пчелы о малорусскомъ языкѣ, который будто достался въ удѣлъ чумакамъ. Неужели она видитъ въ благородномъ ревнованіи Квитокъ, Гулаковъ, Срезневскихъ что либо подозрительное? Не постигаю, ибо смотрю чистыми глазами и съ чистымъ сердцемъ, которое не можетъ остаться холоднымъ при созерцаніи истиннаго, добраго и освященнаго. «Какъ бы удивился почтенный И. М. Снегиревъ, если бы почиталъ писанія нашихъ современныхъ публицистовъ, которые недалеко ушли въ своемъ міросозерцаніи отъ публицистовъ «Сѣверной Пчелы».

Особенное значеніе имѣло для Ср-го сближеніе съ Вадимомъ Пассекомъ, Метлинскимъ и Костомаровымъ. Первый, жившій тогда въ своемъ имѣніи близъ Харькова и много работавшій по изученію Малороссіи, обратился къ Ср—му съ приглашеніемъ принять участіе въ задуманномъ имъ изданіи журнала и скоро очень сблизился съ нимъ, хотя затѣянное изданіе и не состоялось. Еще ближе были отношенія Ср—го къ А. А. Метлинскому, «Амвросію Могилѣ», «самому

полному и отчасти восторженному украинофилу», по словамъ де-Пуле. При посредствѣ Метлинскаго Ср—ій познакомился и съ Н. И. Костомаровымъ. «Изм. Ив-чъ много способствовалъ развитію въ Костомаровѣ его «стремленіи къ изученію малорусской народности»; при его помощи К—въ, «вооружившись новыми взглядами», началъ учиться малорусскому языку, ранѣе мало ему знакомому, изучать повѣсти Квитки». Подъ вліяніемъ Ср—го К—въ «перешелъ къ изученію живой малорусской рѣчи», «началъ дѣлать этнографическія экскурсіи изъ Харькова по сосѣднимъ селамъ, по шинкамъ, которые въ то время были настоящими народными клубами». «Любопытно отмѣтить, прибавляетъ авторъ, что К—въ въ характерѣ увлеченія работами по малорусской старинѣ и народной словесности скоро ушелъ далеко отъ Изм. Ив-ча, своего бывшаго руководителя: въ 1837 г. онъ началъ только учиться по-малорусски, а въ 1839 г. въ одномъ письмѣ къ Изм. Ив-чу писалъ про малорусскій языкъ, какъ про «нашу мову». Въ другомъ письмѣ къ Ср—му К—въ говоритъ, что Метлинскій, прочитавъ его письмо, «такъ заразъ и закепкуе, на те винъ козакъ и батько его козакъ и диды ёго козаки, весь родъ его козаки украинскіи, а я бидный неофитъ, перекрещенець, перевертень и тымъ тилько мени можно и простыти, що хочъ може я и не вмию гараздъ зовсимъ перееродыться, такъ коханне у мене щыре и серце за Вкраину бьеться, бильше, нижъ у якого справжнёго южнорусса». Близкія отношенія К-ва со Ср-мъ прервались лишь въ 1846 г. и, возобновившись, впослѣдствіи не носили уже прежняго характера.

Вторая половина интересной статьи Вс. И. Срезневскаго посвящена разсказу о посылкѣ Изм. Ив-ча въ заграничную командировку, по возвращеніи изъ которой онъ уже не возвратился къ прежнимъ занятіямъ.

Въ приложеніи къ статьѣ перепечатано предисловіе къ «Запорожской Старинѣ».

Воспоминанія о Н. И. Костомаровѣ и А. Н. Майковѣ. Николая Барсукова.
Спб. 1898 г. 31 стр.

Читатель будетъ сильно разочарованъ, заинтересовавшись прекрасно изданной брошюркой г. Барсукова, т. к. не найдетъ онъ въ ней того, чего ожидаетъ: всѣ воспоминанія отрывочны и мало касаются тѣхъ лицъ, ради которыхъ написаны. Такъ напримѣръ:

«Иныхъ, какъ говорятъ, лекціи Костомарова влекли на площадь (sic); меня же неудержимо потянули онѣ къ *Полному Собранію Русскихъ Лѣтописей*, изданному по Высочайшему повелѣнію Археографической Коммиссіей; а потому я и до сей минуты съ благодарностью и благословеніями поминаю и буду поминать до скончанія жизни моей это почтенное имя»... Такъ говоритъ о Н. И. Костомаровѣ г. Барсуковъ, который былъ слушателемъ его въ знаменательный въ исторіи петербургскаго университета періодъ 1861 года. Читатель естественно заинтересованъ узнать подробности о лекціяхъ Н. И. Костомарова, о его отношеніяхъ во время студенческихъ исторій 1861 года, какъ это представлялось г. Барсукову и т. п. Ничего нѣтъ; зато почему-то г. Барсуковъ подробно, слишкомъ даже подробно, описываетъ, какъ онъ ѣздилъ въ деревню, и затѣмъ ходатайствовалъ при посредствѣ родственниковъ, чтобы вторично попасть въ университетъ... 18 января 1862 года г. Барсуковъ познакомился съ Н. И. Костомаровымъ; «результатомъ нашего свиданія было то, что онъ засадилъ меня за азбучный указатель къ Нестору, а этотъ указатель привелъ меня къ благодѣтелю моему Аѳанасію Ѳедоровичу Бычкову, опредѣлившему меня на службу въ Археографическую Коммиссію»...

Въ маѣ 1862 г. Н. П. Барсуковъ ѣздилъ съ Н. И. Костомаровымъ и А. Н. Майковымъ обозрѣвать Новгородъ. На г. Барсукова Н. И. Костомаровъ возложилъ обязанность «лѣтописца»; «въ *Дорожный дневникъ*, говоритъ Н. П. Барсуковъ, я вносилъ все то, что производило впечатлѣніе на моихъ знаменитыхъ спутниковъ; но сохранить ихъ вдохновенныя бесѣды на память потомству я не сумѣлъ!»...

Этотъ дневникъ съ 3 по 11 мая 1863 года и напечатанъ теперь г. Барсуковымъ... Но, какъ безсодержателенъ онъ! Читаешь его и невольно спрашиваешь, гдѣ же Костомаровъ? Вѣдь это же былъ самый интересный спутникъ по мѣстамъ, извѣстнымъ исторически!... Перечисленіе монастырей, разныхъ ничего не значащихъ мелочей детальное указаніе мѣста, гдѣ обѣдали и какого гдѣ архимандрита застали, къ какимъ мощамъ прикладывались—вотъ и все содержаніе *Дневника*.

Самое интересное въ брошюрѣ г. Барсукова—это письмо къ нему Н. И. Костомарова на старо-славянскомъ языкѣ, въ которомъ знаменитый историкъ былъ, какъ извѣстно, мастеръ. Мы выписываемъ для образца начало и конецъ этого любопытнаго письма: «Чадо

Николае, благородный сыне честнаго родителя именемъ Платона! Се азъ худый и многогрѣшный старецъ, недостойный лѣтописатель Великаго Новгорода и Пскова, цѣлую тя вселюбезнѣ и реку ти: радуйся и здравъ буди! Что убо твориши и коего ради орудія сѣдиши далече въ предѣлахъ Тамбовскія страны? Имѣеши ли нѣкое дѣло или покою предаешися, покой же къ грѣху приводитъ. Еще бо младъ еси и всяческія крѣпости душевныя и тѣлесныя исполненъ: поработай же о Господѣ наученію книжну, наипаче же въ бытописанія земли Русскія упражняйся, да Богу споспѣшествующу, плодъ многъ принесеши на пользу братіи и земли своей».

«Да благословитъ Господь вся входы и исходы твоя, чадо Николае, да исполнитъ желаніе сердца твоего. Не презирай мя, чадо, худаго и недостойнаго, и паче всѣхъ человѣкъ грѣшнѣйшаго старца Николая, еже на Невѣ рѣцѣ суща, въ дому Карманова, на островѣ св. Василія, во градѣ Петроградѣ, нѣмецки же Петербургѣ.

Ноемврія 24, въ день субботній. св. великомученицы Екатерины, лѣта отъ воплощенія Бога Слова 1862»...

Въ заключеніе «Воспоминаній» Н. П. Барсуковымъ приведена выдержка изъ дневника гр. П. С. Шереметьева, въ которомъ расказывается о встрѣчѣ графа съ А. Н. Майковымъ у Я. П. Полонскаго. А. Н. Майковъ разсказывалъ о поѣздкѣ съ Н. И. Костомаровымъ въ Новгородъ. «Пріѣхавъ въ Новгородъ, говоритъ гр. Шереметьевъ, они взяли лодку и поѣхали кататься по озеру. Во время катанья надвинулась гроза. Костомарову вдругъ пришло въ голову сравненіе бури на Ильменѣ съ волненіями Новгородцевъ. Но какъ Ильмень не глубокъ, такъ и Новгородъ, не смотря на свои волненія, былъ также не глубокъ, и вотъ со стороны все ближе и ближе надвигается Москва, подобно бурѣ, и наконецъ накрываетъ Новгородъ...» Вотъ другой эпизодъ: причаливъ къ берегу, вся компанія стала устраиваться на привалъ; они заказали бабѣ сварить уху изъ только что наловленной рыбы; пока она варила лещей, они сѣли около. Костомарову понадобилось отойти на пять минутъ; вдругъ онъ возвращается и объявляетъ, что какая-де у него внезапно явилась мысль: Новгородцы непремѣнно должны быть Малороссійскаго происхожденія! Вѣдь вотъ эта баба говоритъ не хлѣбъ, а хлібъ. И то, и другое внесено Костомаровымъ въ свой трудъ «Вотъ до чего иногда доходила его легкомысленность»! сказалъ Майковъ»...

Приводя слова А. Н. Майкова, Н. П. Барсукову слѣдовало-бы оговориться, что мысль Костомарову не новгородской бабой навѣяна, но что она была высказана еще раньше поѣздки въ Новгородъ, въ 1862 году въ статьяхъ «Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси» и «Двѣ русскія народности». Обѣ статьи первоначально появились въ «Основѣ» 1861 года.

X.

Обзоръ журналовъ.

Русская Старина № 1—2, 1898.

„Московскій обѣдъ 28 дек. 1857 г. и его послѣдствія“. (№ 1 и 2). Когда Высочайшіе рескрипты на имя виленскаго и с.-петербургскаго генералъ-губернаторовъ объ улучшеніи положенія крестьянъ дошли до Москвы, многіе мѣстные жители рѣшили запечатлѣть обѣдомъ столь великое событіе въ Россіи. Говорили рѣчи и провозглашали тосты за здоровье Государя. Описаніе обѣда со всѣми рѣчами было напечатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Въ числѣ другихъ рѣчей была напечатана и непроизнесенная на обѣдѣ, по случайнымъ обстоятельствамъ, рѣчь извѣстнаго откупщика Кокарева отъ имени купечества, призывавшая всѣ классы общества, и купечество въ особенности, денежными средствами къ участію въ великомъ дѣлѣ освобожденія. Рѣчь Кокарева произвела громадное впечатлѣніе, и дворянство сильно вознегодовало на цензуру. Мин. Нар. Просвѣщенія А. С. Норовъ потребовалъ объясненій отъ Каткова и цензора Краузе по поводу ея напечатанія. Въ результатѣ послѣдовало запрещеніе перепечатывать описаніе обѣда въ другихъ повременныхъ изданіяхъ. Но прежде чѣмъ распоряженіе объ этомъ запрещеніи достигло Одессы, въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» были помѣщены выдержки изъ ст. «Русскаго Вѣстника» о московскомъ обѣдѣ. (Нужно замѣтить, что изданіе и редактированіе «Одесскаго Вѣстника, по ходатайству попечителя Одесскаго Учебнаго округа Н. И. Пирогова, было предоставлено Ришельевскому Лицею). Перепечатка эта вызвала энергическій протестъ со стороны генералъ-губернатора гр. Ал. Гр. Строганова. Въ своихъ отношеніяхъ къ Министру Нар. Просв., онъ высказываетъ взгляды на печать и цензуру. Такъ онъ пишетъ: «тосты за здравіе Государя

должны быть предлагаемы коротко, не допуская никакихъ разбирательствъ, безъ всякой иной побудительной причины, какъ только потому, что онъ императоръ... Основаніемъ къ такому моему убѣжденію служитъ логическій выводъ, что допущеніемъ огласки мнѣній pro исключаемъ возможность... воспрещать оглашеніе мнѣній contra».—Если въ допущеніи къ произнесенію этихъ рѣчей на обѣдѣ была виновата полиція, то вина цензуры, давшей разрѣшеніе на печатаніе статьи, еще болѣе важна: «многое, что можетъ быть почти безъ неудобства высказано на словахъ, принимаетъ характеръ совершенно другой знаменательности, будучи выражено въ письмѣ; предаваясь же тисненію, оно часто содѣлывается чрезвычайно важнымъ». Въ заключеніе гр. Строгановъ проситъ, «чтобы я, недоумѣвающій повидимому обязанностей цензуры, освобожденъ былъ отъ отвѣтственности за оную,... и передать столь трудную и щекотливую для меня обязанность Попечителю Одесскаго Учебнаго Округа, служащему подъ непосредственнымъ вашимъ начальствомъ. Г. Пироговъ вѣроятно будетъ имѣть болѣе смѣтливости и умѣнья примѣнять свои мнѣнія къ направленію, которое принимаетъ въ имперіи цензура въ *настоящее время*». Въ письмѣ къ министру нар. пр. онъ вообще обращаетъ вниманіе Министра на несоотвѣтственное направленіе, принятое редакціей журнала «Одесскій Вѣстникъ». «Съ появленіемъ нѣсколькихъ нумеровъ, я уже могъ замѣтить во мнѣніяхъ гг. редакторовъ нѣкоторые признаки вреднаго стремленія къ системѣ критическаго разбора важныхъ административныхъ и общественныхъ вопросовъ... Считаю долгомъ заявить, что если редакція не измѣнитъ усвоенной ею программы и особенно своего оттѣнка, я не буду колебаться (буду ли стоять во главѣ цензуры, или нѣтъ) и прекращу изданіе Одесскаго Вѣстника». Въ заключеніе гр. Строгановъ проситъ о снисходительности къ цензорамъ: «этимъ двумъ чиновникамъ, подчиненнымъ г. Попечителю—предсѣдателю цензурнаго комитета, трудно не допускать къ печати такихъ статей, которыя будучи читаны, чему бывали примѣры, въ литературныхъ собраніяхъ г. Попечителя, въ присутствіи довольно большаго числа профессоровъ, уже удостоены предварительнаго одобренія въ этихъ совѣщательныхъ бесѣдахъ»...—Письма гр. А. Г. Строганова были переданы на разсмотрѣніе товарища Мин. Нар. Пр. князя П. А. Вяземскаго. Князь далъ слѣдующее заключеніе: «послѣ такого воззрѣнія на литературу и цензуру нельзя для общей и государственной пользы не желать, какъ и самъ гр. Строгановъ того желаетъ, что бы освободили его отъ обязанностей цен-

зуры, которую, тоже согласно ходатайству его, передать Попечителю Одесскаго учебнаго округа.

Князь П. А. Вяземскій, исполняя порученіе Министра Народнаго Просвѣщенія Е. П. Ковалевскаго, вторично разсмотрѣлъ всѣ статьи «Одесскаго Вѣстника», на которыя указывалъ графъ Строгановъ, и пришелъ къ заключенію, «что въ общемъ нѣтъ въ нихъ ничего вреднаго. Въ частностяхъ же иныя изъ этихъ статей заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя въ цензурномъ отношеніи неумѣстныя и неприличныя выходки»... Обвиненіе «О. В.» послѣдовало и отъ херсонскаго губернскаго предводителя дворянства Касинова.— «Статьи этого журнала, по словамъ К., выводятъ небылицу на дворянское сословіе, обвиняя его въ злоупотребленіи помѣщичьей властью..., провозглашаютъ, что въ странѣ не должно быть другаго труда, кромѣ свободнаго»... Касиновъ особенно негодуетъ на попечителя Одесскаго уч. окр. Н. И. Пирогова, будто бы покровительствующаго вредному направленію газеты и помѣщающему въ ней собственныя статьи, не соотвѣтствующія своимъ содержаніемъ и характеромъ занимаемому имъ служебному посту.

Поставленный въ двухсмысленное положеніе этимъ разногласіемъ, Е. П. Ковалевскій предложилъ члену главнаго управленія цензуры А. Г. Тройницкому дать и свое заключеніе. А. Г. Тр. нашелъ, что нѣкоторыя статьи заключаютъ въ себѣ только неосторожныя фразы и выраженія, а статьи Н. И. Пирогова, какъ могущія вызвать полемику, неудобную при его административномъ положеніи, довольно нетактичны. Въ виду же того обстоятельства, что въ «Од. В.» нынѣшняго года въ другихъ номерахъ помѣщались статьи истинно дѣльныя и полезныя, едва ли можно согласиться съ мнѣніемъ генералъ-губернатора, что нынѣшняя редакція этой газеты приняла направленіе рѣшительно вредное. Однако принимая во вниманіе съ одной стороны рѣзкое противорѣчіе во взглядѣ на редакцію этой газеты между главнымъ начальникомъ края, попечителемъ Одесскаго уч. округа и съ другой стороны недостаточную компетентность профессоровъ Лицея, людей теоретической мысли, далекихъ отъ практической жизни, въ руководствѣ газетой, которая должна быть органомъ коммерческихъ интересовъ Южной Россіи,—г. Тройницкій полагалъ необходимымъ пригласить Лицей отказаться отъ изданія этой газеты, а графа Строганова просить избрать благонадежнаго и опытнаго редактора. Главное Управленіе цензуры, которому было повелѣно постановить окончательное рѣшеніе по дѣлу «Од. В», сдѣлало постановленіе согласно съ мнѣніемъ А. Г. Тройницкаго. Такимъ образомъ окончилось ре

дактированіе «Одесскаго Вѣстника» Ришельевскимъ Лицеемъ и активное участіе въ немъ Н. И. Пирогова.

Въ ст. „На зарѣ крестьянской свободы“ (№ 1 и 2), приводится цѣлый рядъ писемъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи и Зап. Европы, писанныхъ людьми различныхъ взглядовъ и убѣжденій по вопросу ожидавшагося освобожденія крестьянъ, ярко рисующихъ состояніе умовъ нашего дворянства въ эпоху, предшествовавшую 19 февраля 1861 г. Въ числѣ писемъ есть письма и изъ Малороссіи, въ томъ числѣ и письмо Гр. П. Галагана къ Ю. Ѳ. Самарину (1857 г.). Между прочимъ изъ письма О. И. Тургеневой къ А. Р. Дрентельну мы узнаемъ, что б. начальникъ Юго-Западнаго края былъ убѣжденнымъ сторонникомъ освобожденія крестьянъ.

Въ ст. М. А. Филиппова „Профессоры братья Бруно“ (№ 1), характеризуются два брата Бруно, нѣмцы по происхожденію, оба профессоры съ начала Ришельевскаго лицея, а потомъ Новороссійскаго университета. Филиппъ Карловичъ Бруно—ученый историкъ. Любопытно впечатлѣніе, произведенное нашимъ южно-русскимъ крестьяниномъ на Фил. Карл. «Одно меня удивляетъ въ этомъ народѣ, говорилъ онъ, что болѣе вѣковая крѣпостная зависимость не убила въ немъ собственнаго достоинства и не притупила его способностей; я говорилъ со многими крестьянами и мнѣ казалось, что я говорю съ людьми, которые никогда не знали рабства».—Фил. Карл. извѣстенъ сочиненіемъ о Черноморьи, второй томъ котораго изданъ уже послѣ его смерти г. Головкинскимъ.

Историческій Вѣстникъ № 1-й, 1898.

Б. Глинскій—Русская періодическая печать въ провинціи. Въ краткомъ очеркѣ начала періодической печати въ провинціи Гл. даетъ перечень всѣхъ органовъ печати за первую половину XIX в.; въ немъ упоминаются между прочимъ слѣдующія изданія: въ *Харьковѣ*—«Харьковскій Еженедѣльникъ» (1812), «Украинскій Вѣстникъ» (1816—20), «Харьковскій Демокритъ» (1816), «Труды Общества наукъ» (1817), «Украинскій Домоводъ»; въ *Одессѣ*—«Украинскій Журналъ» (1824—25), «Одесскій Вѣстникъ» (1823—93), «Листки издаваемыя Обществомъ сельскихъ хозяевъ Южной Россіи» (1831—40); въ *Кіевѣ*—«Кіевскія объявленія» (1835—38, 1850—57), «Воскресное Чтеніе» (1837—97).

Въ отдѣлѣ *критики* К. Х. помѣщаетъ рецензію о монографіи Вас. Ляскоронскаго—«Исторія Переяславской земли съ древнѣйшихъ временъ до половины XIII ст.». Кіевъ 1897. По мнѣнію рецензента трудъ Ляскоронскаго во многихъ отношеніяхъ почтенный, серьезный и вполнѣ добросовѣстный. Географическій обзоръ обработанъ съ такою полнотой, которая, пожалуй, и не требовалась задачей спеціально историческаго сочиненія. Послѣдняя глава, трактующая о главныхъ чертахъ общественнаго устройства и частнаго быта Переяславской земли, исполнена многихъ обобщеній, къ сожалѣнію, не имѣющихъ научнаго значенія.

Русская Мысль № 1 и 2. 1898.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ (№ 1) помѣщены отзывы о слѣдующихъ сочиненіяхъ: *Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архивовъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Вып. IX. Изд. по ред. Н. Ѳ. Дубровина. Спб. 1897. 2). Пѣсни о Травинѣ. Проф. Н. Ѳ. Сумцова. Харьковъ 1897 г. 3) Новая Наука г. Безсонова. Проф. Сумцова. Кіевъ 1897 г*

Сверхъ того, разсмотрѣны слѣдующіе журналы, но въ нихъ ничего не нашлось относящагося къ югу Россіи: *Сѣверный Вѣстникъ* №№ 1-й и 2-й, Вѣстникъ Европы №№ 1-й и 2-й, *Русскій Архивъ* №№ 1-й и 2-й. *Русское Обозрѣніе* № 1-й.

26. Домовая росписка лоевскаго мѣщанина Крыштопа Юшковича Мишку Игнатовичу Волошанину 1678 г.

Я Крышътопъ Юшъкович, мещанин лоевъский, вѣдомо чыню симъ моим писаном, ижем зостал винен длукгу певъного, то ест копъ шестъ грошей доброе монеты сребръное пану Мишъку Игнатовичу волошаниновн тракту Любецъкого Лопатъневъскому, которую копъ шестъ звышъпомененую маю отдатъ на ден и рок от мене заложеный на ден Сошествия Святаго и Жывотворящего Духа водлуг стараго календару в року 1670 осмымъ, не похибляючы року и дня, под закладем такиежъ сумы под ишелякими варунками, кондыцыами, обовязками правными, на що для лѣпшое твердости даю сее мое писане с подписом руки от мене упрошоного. Писан в Лоевѣ року 1670 осмого (М. П.). Очевисто упрошоный печатор од Крышътопа Юшъковича до того церекграфу подписуюся Ісидоръ Охрѣмович, мещанин лоевъский рукою власною.

27. Росписка Рѣпицкаго священника Ѳеодора Симеоновича Михалю Тимоѳеевичу Мухѣ въ полученіи выкупа за отказанный ему за требу грунтъ. Року 1678, месеця іюня дня 9-го.

Я Ѳеодор, священнык Рѣпицкий, даю писмо свое пану Михалю Тимофѣевичу прозвищом Мусѣ, которое писмо уволняет его от мене, стороны грунту Убѣжицкого, на котором вышъпомененный Михаль зостает; в том же грунту и панъ Щуковский малъ частку по жонѣ своей першой, которую частку мнѣ, священныку рѣпицкому, отказалъ за похорон и отправованя служби Божой. А гдыж вышпомененный Михаль Муха ближший был до того крунту, поедналъ мене, священныка рѣпицкого, за впистку отправу, взявши от похорона и за столи и от субутника, заплатилъ мнѣ панъ Михаль, ведлугъ зможности своей, далъ мнѣ пят талярей, на всем сталося мнѣ досит. А хтобы важился пана Михаля турбоват, албо в тое ся втручоват, тѳды повинен на старшого выни сто золотыхъ заплатит, а и заплативши повинен грунт при пану Михалю зостават. Тое писмо я вышпомененный священнык отдаю в дому пана Лаврѣна Григориевича в райци чернѣговского и при пану Богдану Петровичу, мѣщанину любецкому. Ѳеодор священныкъ Симеонович, на тот час резыдуючый в Рѣпках, рукою власною своею подаю писмо вышпомененному пану Михалю Тимофѣевичу Мусѣ.

28. Купчій листъ Максима Васченка Нѣжинца на проданную Гурину Зубашенку половину грунта. Року Божего 1679, 15 дня месеца декаврия.

Я Маѯим Васковъ сынъ зъ Любеча, по прозвиску Нѣжинец, чиню явне сим писанем моим вѣчистым записом, жем продал половину

грунъту всего от мала до велика и поле з сѣножати, криницѣ и що належит, що ми з братом моим Процином были купили у Семена Чорного за коп шест бес пулзолотого, я теж Маѯим продалем Гурину Зубашенку за суму грошей золотихъ девят свою половицю всего вѣчными часы, же я Маѯим не маю части жадной, анѣ дѣти мои, толко Гуркови волно буде на своей половици що хотѣти чинити, и вол(но) буде продат, дароват и самому будоватъся, яко на своем добром купленом кгрунтѣ. Я теж Маѯим Васченко вимовляю собѣ двѣ соснѣ бортних у Конском, а мой брат Процик сяберство из Гурином Зубашенком, поки Богъ позволит, на що и писмо даю от себе Гурину вѣчними часи, при людех добрих и вѣри годних, найперше Павел Евсѣенко Потѣйскакун, року и дня вышменованого. Писар того писаня Феодор Данилович, священник Кротинский рукую власною.

29. Долговая роспискъ лоевскаго мѣщанина Васка Лодена Мишку Игнатенку. 1680 г. февраля 1-го.

Я, Васко Лоден, мещанин лоевъский, вѣдомо чиню тым моим писанем, ижем зостал винен пану Мишъку Игнатенку, отчычу лопатневъскому, то ест золотых тридцатъ твердое монеты личбы литовские; которую то золотых тридцат и золотый маю отдати и скутечне зыстится на рок и ден от мене доброволне зхожоный, то ест на ден Рожества Пресвятыя Богородици, ведлуг старого календару, в року дастъ Богъ прийдучом тисеча шестсотъ осимъдесят третим, непохибляючи менованого дня и року, звышъпомененый терминъ под вшелякими обовязками правъными в середине сего моего церокграфу описанаго отдат и зыстится маю. На що для лѣпшое твердости даю сее писане с подписом руки от мене упрошонаго. Дѣелося при людех добрых, вѣры годных, мещанах и отчычах лоевъских, при Тереху Романовичу и Лазару Шишъковичу. Писан в Лоевѣ, року Божего 1680, февраля 1 дня. (М. П.). Очевисто упрошоный печатар от Васка Лодня до того церокграфу подписуюсе Спиридонъ Охрѣмович, свещеникъ лоевъский.

30. Закладная любецкаго мѣщанина Богдана Петровича Шпака любецкому священнику Григорію Прокоповичу на огородъ. 1680 г. априля 5-го.

Я, Богдан Петрович Шпакъ, мешанин любецкий, вѣдомо чиню симъ моим писанем, ижем на пилную свою потребу вызычил у господина отца Григория Прокоповича, священика любецкого Пятницкого, грошей золотых тридцат, в чумъ ему зоставую до пахання и до

вукупена огоруд свуй отцовский, и при тим купленый през мене самого у пана Яна Стецкаго, в значного шляхтича любецкого, который то огород никому ни в чомъ незаведеный и не пѣнный и тилко отецъ Григорий Прокоповичъ повинен пахат, а если бы якъ к лѣпшому пожиткови своему оборочать, а в томъ ни хто господинови не маетъ перечить с кревних моихъ, яко и з инших посполитых людей, хтобы смѣвъ важитися и перепоною быти господинове, таковый на уряд любецкий вину заплатит десет золотих; на що для лѣпшои вѣрности даю сие мое писане господинови с подписом руки моей власной и при печати. Диялося в Любечи року 1680, месеца апреля дня пятого. (М. П.). Богдан Петрович, мещанин любецкий рукою власною.

31. Урядовый листъ по дѣлу Грицка Чеботченка съ Купрѣемъ Нечипоровичемъ Богушемъ о наслѣдствѣ. Року тисеча шестсотъ осмъдесятъ первого, априля 12.

На вряди перед нами Василием Устимовичом, сотником любецким, Иваном Терешенком, товаришомъ сотни любецкой, Михайломъ Венским, товаришем сотни полковой черниговской, а особливе при бытности Стефана Кодаковича, на тот час зостаючого войтом любецким, и Івана Норца, мищанина любецького, и при иных, прекладал скаргу Грицко Чоботченко, мешканец тракту любецкого на Купърѣя Ничипоровича Богуша в той способъ, же по змартю Кирила Чоботченка, брата рожоного старшого, небожчыка славнои памети оставшыс жона его вдовою безпотомые на имя Маря Ревухинна принела собѣ было вышпомененного Купрѣя за малжонка на въсе свое господарство и мешъкали з собою лѣт чотыри, потом змерла и осталос набытку немало, воспол набытого небожчикою из Грицковым братом, першым малжонком своим, а гды помирала, помененому Грицку не дано вѣдати, и остался грунт Яцьковъский, купъленый недавъно за старанем небожчиковым Кириловим, опроч давънѣйшых добъръ набытых. О котором то помененный Грицко, видячи себе быт близшым, доходил, теды помененный Купърѣй, пораховавъшыс з сумъленемъ своим, не въдаючыс далеце в право, а видячы же ему и такъ добре сталос, уступил того зовъсим на вѣчност грунтъ Грицку Чоботченку, брату рожоному небожчикувому Кириловому, першого мужа брату, толко купъчого листа не подал и на въряде не объявлял. Теды мы зверху имянованный вряд, видячы приналежытый ужыток тых добъръ имянованный грунтъ Яцковъский, купълѣный от Евътуха, зятя Рыбалченкового, лежачый у села Галкова (?), зо въсим подаем в моц и посесию Грицку Чоботченку,

ведлуг зреченя Купърѣевого и опису самого купъчого листа. Ежели бы ся хто близшый одозвал, суму откъладаючы, и на том потребуючой сторони казалисмо и сей нашъ врядовый выдати для лѣпъшои твердости лист, при бытности зверху имянованных особъ и притисненемъ печати врядовой любецькой, а на подписе нижей имянованных рукъ. Дѣелося у Любечу, року, мѣсеца и дня вышъписанного. Васил Устименко, на сей часъ сотникъ любецкий рукою (М. П.). О которой то справи добре свѣдомым, бывъшы подписуюс Кирил Гапонович Худолѣй рукою.

32. Закладная, выданная Василемъ Плющемъ Мишку Игнатовичу. 20 апрѣля 1682 г.

Wiadomo czynię tym moim listem, iżem wzioł u pana Miszka Ihnatowicza, wołoszczanina Łopotniowsskoho, klacz własnusz nie wczym nikomu niezawiedzionuiu w kopach dwunastu litewsko liczbo, ja Wasili Pluszcz, zostający w opiece u Ostapa, przyiaciela swego y sestrzenca boiarzyna dobr.dzieja naszego, ktorze te pieniędzy mam ja własny wyszpomieniony Wasili Pluszcz, obawatel łoiowsky, panu Miszku Ihnatowiczu, wołoszaninu Łopatkowskomu, oddac we trzy lata liczbo litewsko, poczowszy w roku teraz idącym 1682, w miesiącu aprilu die 20, o Wielkiey Nocy ruskiey, a ieżeli by nie mogł wyszpomienionemu nistifikowac, tedy ostrow Macieiew, pod Burowicami leżący za Dnieprem, ktorym ma on władac, iako swoim, do oddania pieniedzy własnych iego w zakład z sosnoiu bortnoiu na wieczne czasy, w tym że ostrowie o nieczka sosna, niczym tego roku y dnia nie chibiąc pod wszelakimi warunkami y kondiciami wrawnymi, tak zämkowemi, iako y magdeburskimi, winien y powinny będe ten dług utsciwie oddac w domie jego własnym. Pisan w Łoiowie, roku y dnia wyszmianowanego. Michał N. . . . iako pisma nieumieietny de tego dobrowolnego ceregrafu mieszczanin łoiowsky prosił ręki swoiey podpisac. Potap, mieszczanin łoiowsky, Kali Pobołowiec, wołoszanin łoiowsky tez ruki swoie kazali podpisac.

33. Купчій листъ, выданный любецкимъ земяниномъ Климомъ Кирѣйченкомъ Ивану Масловцу на грунты. Року тепер идучом 1684, месеца августа 1 дня.

Перед нами, Василием Устимовичом, сотником любецким, Лазаром Феодоровичом, атаманом городовым любецким, Яковом Лукьяновичом, войтом любецким, и при бытности иных людей, нижеименованных особъ, ставшы очевисто на йимя Клим Кондратович Кирѣйченко, земянин любецкий, сознал явне, ясне и доброволне, ани з жадного

примушеня, в тые слова мовячи: ижъ я, мѣючи кгрунтъ свой власный, лежачый обмежу з одной стороны от грунта Законовского, а другой стороны от Онопрѣйковъского грунта, тылом от рѣчъки Варежки, а в проти у шлях любецкий лежачий на Листве, а от третюю от Клима Червечошка и Гриня Галабурды, которую уживал прежде небожъчикъ Пантелѣй Галабурда и продал был отцеви моему Кондрату Кирѣйченку, а я, вышъпомененный, яко посессор тых добръ, будучи потребъный пѣнязей, продал есми и зрекшыс на вѣчностъ уступил, то естъ Ивану Андрѣевичу Масловцу за готовую и рук моих дошлую суму пѣнязей, а мяновите за копъ осмънадцат грошей личбы и монеты литовъской, позваляючы ему тым грунтом владѣти, поля пахати и заросли росчыщати, албо и дерево бортъное по той час ты уводити, ежелибыся зможое показати мѣло алъбо рачей продати, дати и даровати и заминяти и яким хотячы правом от себе пустит ведлуг воли и уподобаня своего, а жаден в том ему перешкодою быти не мае, так я самъ, вышъпомененный, яко теж жона моя и потомки, албо с кревных моих близких и далеких, ани з людей общых, яко никому ни в чем пенно, ани заведено, под зарукою вины на вряд близко належачый золотых ста, а и по заплаченю вины предся тая моя продажа от помененного Ивана и поссесоровъ его отдалена и отсужена быти не мает, яко и сес купъчый лтст вечыстой продажы мати мѣет моц зуполную. При котором то справованю сего запису быт рачыли люде добрыи и вѣры годныи, то ест Микита Масловец, Луцъко Маслович, Гришъко Бурдукъ, Миколай Гавриловичъ Орищенко и Макъсим Коробъко, и на том, за для лѣпшой вѣры и певности, далисмо сей купъчый лист помененому Ивану с подписом особъ и притисненемъ печати врядовой, а на подписе нижей имянованного руки писарское. Дѣелося у Любечу, року, мѣсеца и дня вышописанного. (М. П). Кирил Гапонович Худолѣй, писар любецкий, рукою.

34. Квитанція, выданная Гаврилом Янченкомъ Авраму Кваченку въ уплатѣ долга. Року 1684, месеца ноемврия 9 дня.

Перед нами, Василием Устимовичом, сотником любецким, Лазарем Феодоровичом, атаманом городовым любецким, Яковом Лукяновичом, войтом любецким, и при бытности Сидора Яцковича, на тот час будучого войтом кротынскимъ, и при иных нижей особъ имянованных людех, ставшы очевисто Гавърыло Янченко, обывател кротынский, сознал явне, ясне и доброволне, ани з жадного примушеня, в тых словах мовячы, иж мовит, я мѣючы писане от Аврама Кваченка, приятеля своего, писане на грунтъ его, лежачый в уѣзди

Любецком, посполе с кротынцами даное через Лаврина Цымбалистого, которому винен был помененый Аврам талеровъ чотыри за Енчанку, и не мѣвъшы чым отдати, през оное писане тот грунтъ отчызну свою вручал Гаврилу до часу, абы тот долгъ отдал Лаврину за него; теды Гаврило, окупившы тот грунтъ, владѣл през лѣт килканадцат. А гды повернувъшыся до своей отчызны Аврам и отдал долг свой Гавърылу ведлуг порахунку що ся доходило, а я теж, помененный Гавърыло, его квитую во всем цале, злецаючы вси его добра под протекстом своим држачыи, а писане тое згубил, которое от Лаврина мѣвъ Гаврило на грунтъ Аврамовъ; а ежели бы хто з оным писанемъ отозвался турбовати Аврама и през сие писане вряду любецкого квитацию, таковый вины заплатит на вряд близко належачый залотыхъ ста, а и по заплаченю вины сия справа отминятися не повинна, яко и сия квитация мати мѣет зуполную моц. И на том, задля лѣпшои вѣры и твердости, мы, зверху имяносанный вряд, потребуючои сторонѣ казалисмо сию квитацию выдат с подписом рукъ и притисненемъ печати урядовой любецкой, а на подписе нижей имянованных особъ. Дѣялося в Любечу, року, месеца и дня вышписанного.

(М. П.). Кирил Гапонович, писар любецкий рукою.

35. Вытис с книг мѣских права майдеборскаго ратуша черниговского. О соглашеніи между Мишкомъ Игнатовичемъ и Татьяною Оксеновною Андреихой Безбожненковой относительно владѣнія грунтами. Року тисяча шестсотъ осимдесят семого, месеца февъраля двадцат осмого дня.

Перед нами Стефаном Отроховичом, войтом черниговъским, Иваном Тарасовичом, бурмистром, и райцами, в ратушу черниговъском засѣлыми, ставъшы очевисто, Мишко Игнатович и Татяна Оѯеновъна Анъдрѣиха Безбожненковая, жытелка черниговъская, згодне, доброю волею своею перед урядом мѣским помярковала, любо розница межи ними о част кгрунъту небожчыка Ивана Скраги была при сели Лопатнюх и о другую част в Сивери, ув острове Матееве, почавъшы тот островъ увес границею в тракте Любецком и Лоевъском, у Сухий Вир, з Сухого Виру у рѣчъку Смячу, з речки Смячи у рѣчъку Горнечу, з речъки Горнечы у Дорогое болото, з Дорогого болота ув островъ Матеевъ, з деревом бортным и до бортя згожымъ, з полями, ролями, запустами, облогами, з селисчами, сеножатми, езерами, углядами, лесами, борами, зо всими пожитками, до тых частей кгрунъту належачыми, вымовивъшы Мишко

прироботъ свой в крунте своем отцевъском, даючы моцъ и владзу одно другому тым всимъ кгрунътом менованымъ частъми по половицы вѣчными часы владѣти и пожитки мѣти, и межи собою якъ хотѣти одно другому, которое захочет сплатити и кому хотѣти дати, продати, даровати и записати; и на далшое утвержене тое угоды своее то утвердили, иж от сего часу по половици в тыхъ кгрунътах части мают ходити, пожытки всякие на себе брати и спокойне держати, не перешкажаючы одно другому, ани в далшые часы межы собою не мают турбовати, ани до права позывати, под виною на вряд належитый золотых ста; еслибы от сего часу которая з межи них сторона тое помяркованъе и згоду нарушати мѣла, на том доброволная их згода до книгъ мѣских ратушных черниговъских ест записана, с которых и сес выпис под печатю урядовою мѣскою ратушною черниговъскою ест выдан. Писан в ратушу черниговъском. Емелян Иванович Яхимович, писар мѣский черниговъский. (М. П.).

36. Декретъ по поводу жалобы Никиты Скугара съ сябрами на священника Пронковича о захватѣ земли. Року тепер идучом тисяча шестсот осмъдесят осмого, месеца июня осмнадцатого дня.

Перед нами іеромонахом Климентием Тишевичем, уставником катедры черниговское, Иосифом Павловичом Іезуневъским, іеромонахомъ, зослаными от его пастырское милости на ревизию справ духовных и Ерофеем Котовичем, священныком Пречыстенским любецким, так теж вряду свицкого Прокопием Никифоровичем Орловъским, выстановленным на тую справу сотником наказным любецкимъ, Гришком Бурдуком, атаманом городовым любецким, а особливе Тишкомъ Романовичомъ, старостою и дозорцем любецкимъ, и Феодором Красковъским, чынил протестъ и прекладал скаргу Микита Скугар ис сябрами своими на честного господина отца Григория Пронковича, священника любецкого Пятницъкого, о занятю бы огорода их Скугаревского, о котором опи(су)вается в сим же декрети нижей описанном; теды мы, вряд, зверху имянованныи особы, казалисмо перед себе запризват обѣ стороны поводовую и жалобъную на усправедливене, а гды станули, пытали ихъ помененного Микиты ис сябрами, якимбы способом оны узнавали, же отецъ Григорій их огорода част бы никоторую ку своему огороду, купъленому от Якова Мателюхи, прозываемаго Лашуковского, о котором шырей опи(су)вае в купъчом листи, чы своею достовѣръностю, чыли теж признатемъ посторонных людей? Теды помененный Микита ис сябрами своими вымирялся таким способом: же мы, мовит, прежних часовъ не паметаем досконале, як родичы поки уживали нашы, а сами прешлых

часовъ в отлегломъ мешъканю през руину военную зоставали на розных мѣсцах, теды, мовит, нам признают люде, а менowите: Петро Бубенникъ, который при купъленю и завоженю межы отцу Григорию от Якова Мателюхи был и написаный в рядовые в купъчой отца Григориевой, а другий Володымеръ. А гды передъ себе на вряд казалисмо станут помененным Бубеннику и Володимеру и пыталисмо их, ежелебы оны, достовѣрне бывъшы свидомыи заводу и межы тым огородом поможным, лежачым за Нагорною Брамою любецкою ку улицы Гончарыской, теды Бубенник моцно взялся и Володымер на попартъе правное Микиты на господина и под виною декляровался, же не толко, мовит, доведу того, же господин през завод Мателюхин, зайшовъ Скугаревского огородъ, леч и огорожу старой межы в земли найду, и так квестию завдавъшы честному господину отцу Григорию из его заводцем, одозвался ити на мѣсце межы шукат, а гды, пойшъли и шукал за позволенем врядовым, где схотѣлъ, теды не знайшолъ на томъ мѣйсцу, где имяновал, ни жадной признаки, тылко еденъ кулъ в земли знайшъли старый на межы господиновой, якъ и Мателюха заводивъ при продажи и тепер з заводы сеѣ справы тож посвидчал противъ ложных словъ Бубенниковых и фалчывого признаваня. Которой то справы мы, зверху имянованный вряд, з обох сторон выслухавшы контроверсий поводовой и жалобъной, а узнавъшы шалвѣрство Бубенниково, наказали ему ревсковат, яко нецнотливой губи, и вси шкоды и наклады правныи честному господину отцу Григорию при караню вины панской нагорожат, а прикривши их сим декретом навѣ. . . . честному господину на вѣчность на спокойное ужыване, яко свое власное, поки тепер межа лежыт, ведлуг его купъчой, владѣти позволяем. А хтобы в потомные часы отозвался честного господина отца Григория албо теж его посессоровъ през сей декрет турбоват за тот огород в якой мѣри, яко и сей нецнотливый Бубенник, таковый на вряд близко належачый заплатит вины золотых сто, а и по заплаченю вины при ненарушоной цѣлости сей декрет захован повинен быти. Дѣялося в Любечу року, месеца и дня вышей писанного. Іеромонах Климентий Тишевич, уставник его пастырской милости. Іеромонах Іосифъ Павлович, вишписаний. (М. П.) (М. П.) Юрый Александрович, сотникъ любецкій рукою. Кирил Гапонович Худолѣй писар.

37. Тестаментъ любецкаго мѣщанина Дмитра Григорiевича Козачка. 1689 г., сентября 29.

Во йимя Отца и Сына и святого Духа, святую живоначалную и нераздѣлимую Троицѣ—Аминь. Я рабъ Божий, Дмитер Григоровичъ Козачко, обеватeл и мещанин любецкий, чыню вѣдомо и явно

сознавую сим моим тестаментом каждому, кому будет того вѣдати потреба, тепер и на потомные часы, иж будучи я навѣжоный от Господа Бога обложонною хоробою и на смертелной постели лежачы и видечи себе близшаго ку смерти, а нижли ку животу, теды умыслилем то собѣ перед часом годины смертелное за доброе намети и з доброго розсудку моего, убозтво мое роспорядит и роспрaвит, абы по жыботѣ моем межы близкими кревными и повинными моими, яко теж и межы людми общыми покой стобливый заховат, а на моем сумленю нѣчого не залегло. На первѣй полецаю душу мою грѣшную в руцѣ Створителеви, а тѣло мое грѣшное Стефан, полусынокъ мой, погребом хрестиянским мает поховат, и вшелякие памятки дорочные за душу мою грѣшную при церкви Божой мает отправит, ведлуг звычаю хрестиянского. Которому то звышменованно(му) Стефанови, полусынови моему, по смерт отказую так дом у мѣстѣ стоячий, зобополне з ним убудованый коштом и працею нашею, зовсѣмъ на вся, як сам в собѣ мѣет ис пляцем моим власным у версте в концы лежачим, при том же дворѣ и огород лежачий подле Чисмика, томуж Стефану, полусынови, отказую, а знову зас другий двор мой власный, под Любечом у Вомчымехах стоячий мой власный, ни кому ни в чым не пѣнный, коштом и працею моею убудованый, як сам в собѣ мѣет, тот отказую по смерти дочце моей Поси; а до того теж кгрунтъ мой власный, добра лежачии также у Вомчимехах под Любечом, так поле розробленое и зарослое що илеколвек ест моего власного розробку, теды тое все звышменованым Стефану, полусынови, и дочцѣ моей Поси напол мает поделит. А що ест маю част дерева бортнаго отчиною з розных людей датаго и дарованого, теды Стефану отказую деревъ пят, а дочцѣ моей Поси чтыре. Гумно теж также у Вомчимехах наше власное и тое посполу звышменованым Стефану и дочцѣ моей Поси в зобополном держаню мают мѣти. При котором справованю сего тестамента були люде добрые и вѣры годные, меновѣте: Семен Болоушко, Максимъ Бубенникъ, Иван Терещенко, Клим Безноско, обевателе и мещане любецкие и инших при том часе будучих людей вѣры годных, справы добре свѣдомых. А хто бы смѣл и важился сес мой тестаментъ, остатнюю волю мою, нарушит и касоват, теды с таковым суд буду мѣти на ономъ страшномъ судѣ Христовѣ пред Судиею нелицемѣрнымъ. Писан у Любечу, в дому Дмитра Григоревича, року 1689, месеца сентеврия 29 дня. За устною и очевистою прозбою Дмитра Григоревича до того тестаменту подписуюс Васил Устименко, на тот час сотником любецким рукою (мѣсто двухъ печатей). За устною и очивистою прозбою Дмитра Григоревича до того тестаменту подписалемсе Ерофей Іоанович, свещеник Пречистен-

ский любецкий. Року 1698, месеца иануария 4 дня. Пред нами, Павлом Ворошилом, сотником любецким, Семеном Василевичом, атаманом городовым, а Маѯимом Стасиком, войтом любецким, и пред иными людми при том часе будучими, ставши персоналите Степан Козаченко, мещанин любецкий, просил нас, власти, абысмо на томже его тестаментѣ вписали по отцу ему спадлые добра и вивели литерою з духовници, якиис вже он продал пану Авраму Никифоровичу на вѣчност, на що и купчую от себе урядовне дал. Напрод на пляц з садом и з огородом на предмѣстю, и на двѣ синожати, а потим у Вомчимехах на селище з грунтом, з полями и зарослями з утчиною. Що для лѣпшой вѣдомости казали записат, року и дня зверхумененного.

38. Рѣшеніе любецкаго сотеннаго уряда по спору Андрея Злобы съ Юскомъ Злобою объ огородѣ. Року 1691, месеца августа 10 дня.

Поред нами урядом, Миною Михайловичом, на тот час зостаючим сотником наказнимъ любецъким, Илком Стоконским, старостою любецким, Кирилою Гапоновичом Худолием, товаришом сотни любецкой, прекладал намъ скаргу Андрий Злоба, жител шибириновъский пак тежъ на Юска Злобу, жителя села Онтонович, ижъ, мовит незънаю зъ яких мир огород мой отцевский уживает Юско безправне; теди ми на жалобу Андрия Злоби велили припозватъ пред себе и Юска Злобу, що тежъ, пришедши перед уряд, Юско и мовит Андрию Злоби: Нит, мовит, тоби в тум вгороди ни жадной частки. Що тежъ чуючы тии слова, Андрий Злоба вдался до людей, именно: до Ероша Стасика, старинного человика и мещанина любецкого. Теды на тую справу того часу трафился там и Ерошъ Стасик, мещанин любецкий, и почалѣ ми его питати под сумлением, жеби признал о той огород. И онъ, яко памятаючий на смертъ свою, мовит нам: Признаю, мовит, въсе що видаю, ижъ, мовит, той огород, которий и тепер лежачий берег попа пятницкого помижный с поповым огородом, теди купил Андриев Злобин дидъ Юрка в моеѣ тютки рудной за золотых 5, которая и межу отвела небожчику Юрку диду Андриеву. Теди тое почувши признате Юско Злоба от помененного Ероша Стасика и сам в тие слова сознал и уступил тогожъ часу того огорода и во всюм злецил на вичность Андрию Злоби. Що теди ми вислухавши, звишменованый уряд, тои справи, казалисмо и писмо з уряду нашего Андрию Злоби написать с подписом рукъ и притисненемъ печати врядовой. Писан в Любечу, року, месеца и дня вишъписанного. (М. П.). За позволенем пана сотнѣка, яко самого писат невмиетного, мисто сотнико-

вой руки подписую я писар Мина Михайлович, сотник наказний любецкий.—Я теж Илия Иванович, слуга его милости пана полъковъника, видючи подпис руки пана Мины, сотника наказъного, руку свою подписую.

39. Выпис с книгъ мѣских права майдеборского ратуша черниговъского. О продажѣ Исакомъ Григоріевичемъ Голобояриновичемъ части грунта своимъ сябрамъ Мишку Лопатнѣвцу, Мартину Кононовичу и Федку Мишковичу. Року Божого тисяча шестсотъ деветдесят третего, месеца июля одинадцатаго дня.

На уряде их царского пресвѣтлаго величества мѣским черниговъскимъ, передъ нами Ефимом Иевълевичом, войтомъ черниговъским, Иваном Тарасовичом, бурмистром, и райцами, в ратушу черниговъском заседаючыми, ставъшы очевисте панъ Исакъ Григоревичъ Голобояриновичъ, бывъшый бурмистръ черниговъский, явне, ясне и доброволне до книгъ мѣских ратушных черниговъских признал, иж онъ, маючы част кгрунъту в Матѣевъском острове у Суховирсчыне, в тракте любецком з сябрами Марком Каменским и Мишкомъ Лопатичовъским, и Федком и Мартином Кононовичом, свою част власную з деревом бортным и до борта згожим, лесами, борами, дубровами, ... и всими пожитками, до тое части належными, на вѣчност паном Мишку Лопатнювъцу, Мартину Кононовичу, Федку Мишковичу, им самим, жонам и потомком их за сто и за двадцат золотых грошей личьбы литовъское продал, и грошы отобравъшы, тут же на уряде квитовалъ, даючы моцъ и владзу Мишку и Мартину и Федку, им самим, жонамъ и потомком их при своих частех, тым частю грунътом, счо панъ Исакъ владѣлъ, такъже спокойне владѣти, пожитки мѣти и от себе кому хотѣти дати, продати, даровати и записати; которое продажи части кгрунъту проданого сознаваючый панъ Исакъ самъ и потомки его вѣчными часы боронити не мают и мочы не будутъ под закладом других ста золотых и двадцати золотых на вряд належитый черниговъский. А на далшое утверженъе тое проданое части кгрунъту речоный сознаваючый, панъ Исакъ тутже перед урядом зрекъшыс в реалъную и спокоиную вечыстую поссесыю паном Мишку Лопатънювъцу и Мартину и Федку подал, зрекъсе и вѣчными часы тую част кгрунъту помененым уступил. Счо все для памети до книг мѣскихъ ратушных черниговъскихъ ест записано, с которых и сей выпис, под печатю мѣскою, ест выдан. Писан в ратушу черниговъским.—Емелянъ Иванович Яхимович, писар мѣский черниговъский. (М. П.).

40. Обликъ, вѣданный Петромъ Семеновичемъ Тимоху Маковѣенку на занятые двѣнадцать золотыхъ и пять чоховъ. 1696 г, мая 8.

Я, на имя Петро Семеновичъ, даю на себе тое писаніе пану Тимухови Маковенкови, ижъ облѣкгуюся отдати, щомъ виненъ двападцять золотихъ и пять чоховъ о святомъ Петрѣ, албо тижъ о жнивахъ, а не алѣ Господь Богъ мене под своею ласкою, яко Богъ Отецъ мой ласкавий, ежели Господь мене споможетъ, я ся обѣцую и прудше отдати, а теперъ мене якосъ Господь Богъ фортуною доброю оминулъ, лечъ надѣю маю на него и знову приверне до мене; а тепер пана Тимофтея прошу и писаніе ведлугъ того долгу на себе даю. При томъ былъ панъ Стефанъ Шчербина, другий панъ Стефанъ Куликъ. В Киевѣ дѣялося тое мѣсяца мая дня 8, в школѣ святой Пречистой року 1696 того. Петръ Семеновичъ рукою своею власною подписуюся.

На сей обликъ одобралем я Тымох Маковѣенко у Петра Семеновича долъжного своего золотых сѣмъ, в Киевѣ року 1696 того мая 9 дня. Дѣялося в дому судовом киевским козацким.

41. Листъ, данный любецкимъ сотникомъ земянину Степану Коробку. 1697 г, іюля 27.

Ихъ милостям паном, на вряди зостаючим, вшелякаго стану людем, при залеценю уклону моего доносим вѣдати, иж оказател сего листу нашего на имя Степан Коробок, земянин тракъту любецкого, простует у города украинские на заживаня пашни, котрого если бы мог нашъ же жител любецкий, прозываемий Гузик, до права потягати, а бы тому Гузеви вѣра не дана, а сего листу подавци ни в чом не турбовано, чого по вашим милостям жадаючи и о том вѣдати доносячи, зостаю на завше вашим милостям во всем зычливый приятель, а рад служити Тимофей Юревичъ, сотник любецкий. З Любеча, 1697 року, мѣсяца юля 27 дня.

42. Урядовое письмо о соглашеніи между Максимомъ Коробкомъ, священникомъ Григоріемъ Прокоповичемъ и Мартиномъ Зарѣцкимъ относительно владѣнія садомъ. Року тисяча сѣмъсотного первого, мѣсяца авъгуста 21 дня.

Пред урадомъ любецкимъ, Петромъ Теременкомъ, атаманомъ городовымъ, Авърамомъ Никифоровичомъ, войтомъ любецъкимъ, Онисъкомъ Вы...цкимъ, товаришомъ сотенным, Романом Пѣшкою, мещанином любецкимъ, и при бытности многихъ людей зацныхъ при томъ часѣ будучихъ, ставъши очевисто Максимъ Коробокъ з чест-

нимъ господиномъ отцемъ Григоріемъ Прокоповичомъ, священником свято-Пятницкимъ любецкимъ, своимъ поможнымъ сябромъ, прекладали жалосне скаргу свою на Мартина Зарѣцкого, жителя коробковъского, который Мартинъ Зарѣцкий, присвоючи собѣ садовину, имъ Максиму и отцу Григорію сполную, на подгорю в Коробкахъ стоячую, Ивана Максименка Коробка обнажилъ з свити, и оную свиту Іванову на урадъ принесши, презентовалъ тое, ижъ якоби в своей власной садовѣнѣ Івана Максименка заставъши, тую свиту з него Івана знялъ. А на подпарте своей справы, тот же Мартин Зарѣцкий становил свѣдка, Дмитра Ветошку, такъ же жителя коробковъского, который Ветошка пред нами урадомъ призналъ, в тіе слова мовячи: ижъ, мовит, за сотнинства пана Тимофѣя Юревича, помежку Мартиномъ Зарѣцкимъ и межи Стефаномъ а Максимомъ Коробками объ туюжъ межу вщалася була турбація, на которой межи Коробки и колокъ були забили, потомъ, неудаючися до права урадового, сами помежку собою дома погодилися и колокъ той з межѣ выкинули, положивши вины на урадъ любецкий копъ десят, хтобы могъ на потомъ объ тую межу яковую вчать турбацію. На которое Ветощино свѣдотство Максимъ Коробокъ з сполнымъ сябромъ своим отцемъ Григоріемъ, хотячи дати слушную реляцію, просили нас ураду до Коробковъ на межу; где гдысмо на прозбу ихъ до Коробковъ зѣхали, тоды отецъ Григорий и Максимъ Коробокъ становили пред нами, урадомъ, людей посторонних, Кирилу Коваля, Лавърина Кукару, Стефана Пищика, мещан любецких, людей старожитныхъ, которіе особы под сумленем межу отведши, пред нами, урадомъ, признали, ижъ, мовитъ не слушне Мартинъ Зарѣцкий з Івана Коробка свиту знялъ на семъ пагорку, поневажъ, мовит, якъ мы запомнимъ же межа лежитъ Зарѣцкихъ з Коробками, почавъши от улицы коробковъской до самого Григорева по узгорномъ, а самий подол належит Зарѣцкимъ; который подол для того Коробки дали Зарѣцкимъ на селитбу, же Зарѣцкіе онымъ поступили част сѣножатей луговых за тую селитбу Коробковъскую, поневажъ, мовит, давъно тутъ Зарѣцкіе неживали, але жили на Клиговѣ, а якъ тут почали жить, на самомъ подоли жили, а узгорокъ и самая гора з лѣсомъ и з садовиною здавъна належит Коробкомъ, а не Зарѣцкимъ. Що и Демъянъ, Прасового зять, на межи стоячи своимъ свидотствомъ потвердилъ, ижъ, мовит, Іванъ Зарѣцк..., на смертелной постели лежачи, мнѣ говорил: тіе, мовит, прищеп[...]и, которіе на узорку я щепивъ, то я не на своемъ грунтѣ, ал[...] на Коробковъскомъ прищепилъ, которіе прищепки, жебы не бу[...] по моей смерти турбацій, нехай Марко оттолъ выкопавъшы пер[...]садит. На которое людей старожитныхъ подсумленное признане Мартинъ За-

рѣцкий (з) Максимом Коробкомъ и з отцемъ Григоріемъ, при нас, урадовѣ, помежку собою зуполную принявъши згоду, на межи подлугъ людского признатя, рубежи порубали и копъци покопали; а же садовина, в садку Грицихи Зарѣцкой стоячая, тимижъ рубежами нѣкоторая отишла, тую садовину мѣла Грициха, що будутъ прищены, знести, а дички з землею повинни быт при Максиму Коробку и при отцу Григорію. И на томъ погодилися и руки межи собою подававъши, вину сами межи собою положили на звѣрхнѣйшую власть, золотых сто, а на близко лежачий урадъ копъ двадцат. Которую оныхъ зобополную згоду, мы, урадъ, для лѣпшой памяти, казали записат, и потребуючой сторонѣ казалисмо сее наше урадовое выдат писмо, з подписомъ рукъ и притисненемъ печати, року, мѣсеца и дня звышъписанного. (М. П.) (М. П.) (М. П). Петро Терешенко, атаман городовый любецкий.—Васил Полонѣцкий, сотникъ любецкий подписалемся для крѣпости, жебы впередъ не турбовалися, поневажъ доброволне сами згодилися.—Авърамъ Никифорович, войтъ любецкий.

43. Атестація любецкаго сотеннаго уряда по поводу спора Павла Теремецкаго и Василя Богуша съ Алексѣемъ Красковскимъ о наслѣдствѣ. 1708 года, апрѣля 20.

На врадѣ сотенномъ любецъком, перед Василіем Полонѣцким, сотникомъ любецкимъ, при пану Демяну Посудевском, товаришу знатномъ полковомъ, при атаманнѣ курѣнном и товариству многому, на тот часъ в Любечу будучому, такъже от пана Струтинского, старосты замкового, присланнымъ шафару мѣскомъ Петру Безпалчомъ до тогожъ суду причиною за своимъ человѣкомъ до мѣста належачим и для прислухана ся справи таковой: Павел Теромецъкий, товаришъ сотенный и Васил Богушъ мѣский чоловѣкъ, ускаржаючися перед судомъ доходили собѣ отчизны в кгрунтах тестевских Оснаковских пахатных, по жонах своих, Алексѣя Красковского, брата родного тых жонъ Теремецкого и Богуша, подлугъ права ратушного мѣского чернѣговского, в якомъ доложоно, жебы з третей части кгрунту, на небожку Красковскую спадаючую, виховала матка их Фесю и Настю, сестри Алексѣеви, и замужъ видала з тоеижъ части, незаймаючи нѣмало отдѣленной части, в том же правѣ спецѣфѣкованой Івана Красковского по отцу толко брата родного оних женъ, Насти и Феси, лечъ оные жени хотѣли собѣ у вѣчност тую част, до виданя толко онымъ належную, сдержати, чого имъ в ратушном правѣ не отсужено, до якого нинѣшний урядъ любецкий стосуючися наказалъ былъ жебы дали покой жонѣ небожчика Івана Красков-

ского и дѣтемъ его, того кґрунту сукцессоромъ, а вже по половинѣ з Алексѣемъ Красковскимъ подѣленим, и болшъ не турбовати Красковской Іванѣхи и Алексѣя, а до згоды з собою пришли, якожъ перед судомъ доброволне помѣрковалися були и прощение взяли, за що Алексѣй, братъ тых жонъ Феси и Настѣ, по отцу и матцѣ родний, з любвѣ своей ку сестрамъ, четвертую част в половинѣ своей кгрунту, пахатного толко, хотѣлъ лековати по смерти своей, чимъ оны не уконтентовавшися, до вишъшого удалися, по прощеніи своемъ, права. Що мы, уряд любецкий, вѣдячи их упартост и неблагодарствіе, велилисмо записати, а потребуючой сторонѣ видати сию атестацию. Дѣялося в Любечу року 1708, априля 20 дня. Василий Полонѣцкий, сотникъ любецкий. (М. П.).

44. *Жалоба Ивана Коробка на Пятницкаго священника Григорія за завладѣніе грунтомъ.*

Видение мое моей жалобъной скарґи о свое дѣдовское и отцевское житие, на чом зоставал дѣдъ мой и отец мой в селѣ Коробъкахъ, на чомъ и мнѣ Ивану Макъсимовичу Коробъку зостават приходило и дѣтям моѣмъ, отдаючи повинност монаршую и панскую; а же мѣю скорбъ от дядка моего Стефана небожчика, а тепер от панѣ Красковской, обивателки любецъкой, которая невинне мой грунтъ привлащаетъ и тримаетъ, и мене отбивает от части дядка моего Степана Коробъка; в таком дѣлѣ мой отецъ Макъсимъ откупил единаго брата Осипа часть заставную в десяти золотыхъ; а третий брат бил Степанъ вишереченный на своей третей части; теди оный Степан, отца моего брат, почал добиватис третего брата части, (а) отецъ мой, Макъсимъ, мовил: аще мнѣ вернеш половину утраты моей, могу и третую часть брата нашего розъделити по половѣнѣ; на що и люде звели обоѣхъ до миркованя, жеби Степан Макъсиму, брату своему, дал десет золотихъ; на що изволил Степан такъ учинити. Теды по малом времени принес два таляри, а зостал винен чотири золотих, узял же . . . . тойже дядко мой Степан у шести копах и свою часть заставил Петру Гузяю у шести копахъ до отдання грошей, а гди прийшло время отданя грошам, ми не были в дому, з отцемъ моѣмъ Макъсимомъ на жнивах били, он Степан, брат отца моего, не вѣдаем, чи он продал, чи он заставил у осми копах отцу Григорию, Пятницъкому попу любецкому. Теди отецъ мой Макъсимъ, пробувши жнива, до господи приѣхавши, отецъ Григорий Пятницкий мовил отцу моему Макъсиму: я тобѣ сябръ, Макъсиме. А отецъ мой сказал: я того не

знаю, покажи, отче, купъчую, чили в заставѣ, чили на вѣчность, а он священникъ мовил: уже в Чернѣговѣ писмо зостает. Не добре, отче, такъ моглъ би я знат, що брат мой такъ у . . . тит мал. Теди колко разъ отец мой Макъсим упоминался купъчой братней, онъ, священникъ, тим отбивал, же у Чернѣговѣ и до сих временъ не знаем, чили купил, чили в заставѣ; бо гди многих людей старожителей питаем, чили не знае о той то купъчой, не можемъ допитат, для якой речи от такого часу тримает грунтъ тот дядка моего Степана в селѣ Коробъкахъ попъ Пятницкий, отец Григорий, бо еще за памяти отца Григория прохали, абы становился пред судъ зо мною и купъчею показал; и так тое вакует до сих час от блаженной памяти небожчика пана Якова Лизогуба, полковника чернѣговского старого; а тепер не можем терпѣти таких утисков, кривды, що нашим добърим даремно владѣют и розмножиются, а ми худѣемъ и убожи биваем за ихъ неправедное купление; бо гдижъ моглъби мене Ивана Макъсименка Коробъка силою притягнути, аби увидѣлъ купъчую правдивую, аби болшей не докучал объ тую часть грунту. Я Иван Коробокъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ LX, 1898 г., январь, февраль, мартъ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXI.

1898 г.

Кіевъ, типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мих. ул., д. № 4-й.
1898.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

АПРѢЛЬ
1898 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 15 апрѣля 1898 года.

Вниманію господъ ІЮДИНЫХЪ,

ихъ родственниковъ по боковымъ и женскимъ линіямъ,

ИХЪ ЗНАКОМЫХЪ.

Подготовивъ къ печати собиравшійся въ теченіи многихъ лѣтъ матеріалъ о родѣ **Костромичей Іюдиныхъ**, оказавшійся интереснымъ въ историческомъ и бытовомъ отношеніяхъ, восходящій по городу **Чухломѣ** до 1615 года и желая возможныхъ къ нему дополненій, покорнѣйше прошу всѣхъ, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи относящуюся къ названному роду письменность: акты, документы, письма, дневники и проч., книги съ надписями: «Изъ библіотеки Чухломскаго купецкаго сына **Михайла Іюдина**», равно портреты, виды Чухломы и разныхъ мѣстъ какъ Костромской, такъ и другихъ губерній, гдѣ проживали **Іюдины** или ихъ родные, прислать на короткое время нижеподписавшемуся для снятія копій, послѣ чего присланное будетъ возвращено по принадлежности. Желающіе уступить подлинные документы и проч. въ нашу собственность приглашаются вмѣстѣ съ присылкою предлагаемаго, заявить объ условіяхъ продажи. Адресъ въ г. **Красноярскъ**, Енисейской губерніи, Геннадію Васильевичу Юдину.

Затѣмъ считаю не лишнимъ пояснить, что нѣкоторые томы предполагаемаго изданія, имѣющіе исключительно семейный интересъ, въ продажу не поступятъ и предназначаются лишь для раздачи **наличнымъ членамъ нашего рода и другимъ лицамъ**, благосклонно способствовавшимъ издателю къ собиранію фамильной старины.

Въ крайнемъ случаѣ т. е. при полномъ отсутствіи не только письменныхъ, но устныхъ преданій или воспоминаній о комъ-нибудь изъ нашего рода, полезно будетъ даже указаніе, къ кому было бы мнѣ можно обратиться съ своими поисками.

Г. В. Юдинъ (Іюдинъ).

ПЕРЕДЪ РЕФОРМОЙ БУРСЫ.

(*Изъ воспоминаній* *).

I.

Въ ожиданіи.

Реформы ждали, о реформѣ говорили, слово „реформа“ склоняли во всѣхъ числахъ и падежахъ, реформы желали, реформы боялись... Сущности ея никто не представлялъ себѣ болѣе или менѣе опредѣленно, зато въ конкретныхъ поясненіяхъ было много правды, и бурсакъ чувствовалъ, что—какъ ни какъ, а въ благодѣтельности этой самой реформы сомнѣнія быть не можетъ. Когда „Мазница“ **), начавшій уже говорить бурсаку „вы“, хоть и сбивавшійся еще на „ты“, прибѣгалъ къ своему излюбленному наказанію—щелчку въ лобъ, бурсакъ, какъ и прежде, не грубилъ, не протестовалъ, но и кротости прежней уже не обнаруживалъ: „ну! защелкаешь ты зубами послѣ реформы!“ говорилъ онъ мысленно, стиснувъ кулакъ и показывая его въ спину спокойно удалявшемуся инспектору. Украшенный шишкой, величиной съ волошскій орѣхъ, бурсакъ совершенно искренно былъ въ этотъ моментъ убѣжденъ, что, въ самомъ крайнемъ

*) Настоящій очеркъ изъ быта дореформенной бурсы имѣетъ близкую связь съ очеркомъ того-же автора подъ заглавіемъ „Майскія рекреаціи въ бурсѣ“, помѣщеннымъ въ „Кіевской Старинѣ“ 1896 г., № 5.

**) Такъ пер—вскіе бурсаки прозвали своего инспектора; о немъ см. въ прежнемъ очеркѣ „Майскія рекреаціи“.

случаѣ, реформа дастъ ему право откинуться назадъ и показать тирану носъ: „а дудки не хочешь?“ Когда сторожъ многозначительно давалъ понять, что сила его еще не ослабѣла, бурсаки не вступали въ явныя пререканія, но каждый думалъ уже одно: „постой, постой!... почувствуешь ты силу!“ Реформа не была-бы реформой, если бы не принесла съ собой права дать зуботычину сторожу. Когда симпатичнѣйшій отецъ Ѳедоръ, не прибѣгая, по обыкновенію, къ ругани и линейкѣ, дѣлалъ внушеніе: „о чемъ-молъ-вы думаете? какъ вамъ не стыдно?“ и т. под, бурсаки перешептывались: „онъ понимаетъ реформу!“ Даже квартирныя хозяйки должны были слово „реформа“ внести въ свой обиходный лексиконъ. И, если сказать правду, врядъ ли кто-нибудь, не считая, конечно, бурсаковъ, такъ интересовался грядущей реформой, какъ эти самыя хозяйки.

„А казенныхъ тоже будемъ держать?“ тревожно спрашивали онѣ, жадно вслушиваясь въ разговоры синтактиковъ и готовыя за отрицательный отвѣтъ увеличить порцію и блиновъ, и „пампушекъ“. Въ самомъ дѣлѣ, „казенные“ составляли для нихъ „наказаніе Господне“: при какихъ-нибудь четырехъ своекоштныхъ, платившихъ и мало, и больше натурой, онѣ должны были непремѣнно держать одного казеннаго, получая за все—и за уголъ, и за столъ, и за стирку бѣлья, и даже за починку платья—всего-на-всего 20—22 рубля въ годъ! Но и синтактики рѣдко оказывались на высотѣ пониманія, и хозяйкамъ все-таки оставалось одно: вздыхать и чего-то ждать. А столъ улучшался-таки: сообразительныя мѣщанки прекрасно понимали, что лишней ложкой масла каши не испортишь, и что разъ явится ревизоръ (а пріѣздъ его, какъ послѣдняго предвѣстника реформы, не вызывалъ уже сомнѣній), легко возникнетъ вопросъ о правѣ ихъ содержать квартиру... Главное же, что смущало старыхъ квартиро-хозяекъ, это—рѣшенный уходъ стараго инспектора послѣ реформы. Явится новый, и тогда не возможно будетъ хотя-бы то, что случалось на одной квартирѣ.

Сговорились бурсаки жаловаться „Мазницѣ“, что такая-то хозяйка плохо кормитъ. Инспекторъ выслушалъ жалобу и обѣ-

щалъ посѣтить квартиру во время обѣда. Проходитъ недѣля, другая—инспектора нѣтъ. Терпѣніе бурсаковъ истощается. Отвѣдавъ какъ-то постнаго борщу и увидѣвъ, что хозяйка перешла всякія границы возможнаго, что порядочный хозяинъ даже свиньямъ не дастъ никогда ничего подобнаго, они снаряжаютъ депутата къ инспектору, а сами чинно сидятъ, не ѣдятъ „перваго“, не требуютъ и „слѣдующаго“, ждутъ. Инспекторъ является: надутый, сердитый... Молча подходитъ онъ къ столу, беретъ ложку, пробуетъ борщъ..

„У васъ всегда такой борщъ?“

— Часто бываетъ хуже, господинъ инспекторъ! врутъ бурсаки въ одинъ голосъ, не обнаруживая ни малѣйшаго сострадянія къ хозяйкѣ, которая, разумѣется, стоитъ тутъ же съ готовымъ запасомъ оправданій, что, молъ, такъ случилось, вышелъ запасъ своей капусты, взяла у такой-то, а у нея не столько квартирантовъ и т. под.

„Ты коноводилъ?“ спрашиваетъ инспекторъ великовозрастнаго грамматика, вовсе даже не по желанію попавшаго въ депутаты. Чуется наступленіе грозы: ея признаки—и на суровой физіономіи инспектора, и на просвѣтляющемся лицѣ хозяйки...

— Нѣтъ, я... робко начинаетъ тотъ.

„Сынъ отца протоіерея“... язвитъ инспекторъ по адресу грамматика, какъ разъ сына пономаря, да еще и заштатнаго: „у папиньки привыкъ пундики кушать... Вотъ я тебѣ покажу, какъ бунтовать!... Да знаешь ли ты, глупое животное, какъ *насъ* кормили?!“

И начинается внушеніе, за внушеніемъ неизбѣжно слѣдуютъ: полный конфузъ бурсаковъ, явное торжество хозяйки, донесеніе ректору, „неблаговолъ“ ко всѣмъ квартирантамъ...

„Ну!.. наступитъ реформа!...

И въ этомъ—все утѣшеніе голодныхъ бурсаковъ, дѣйствительно не избалованныхъ „пундиками“, но все же способныхъ отличать борщъ отъ помоевъ. Съ реформой и новымъ инспекторомъ ничего подобнаго не можетъ быть...

Меньше всего смущалъ бурсаковъ вопросъ о томъ, что принесетъ реформа для ихъ убогой науки. Въ критику программъ и способовъ ихъ выполненія никто и никогда не вдавался. А между тѣмъ и съ этой стороны подходило что-то новое... Вдругъ, напр., откуда ни возьмись, появляется новая греческая грамматика. Получено всего нѣсколько экземпляровъ, досталось по одному на добрый десятокъ учениковъ, вмѣнено въ строжайшую обязанность бережно хранить, передавать и другимъ классамъ, а къ концу года сдать въ цѣлости. Не умѣли-ли взяться за нее, мало-ли ужъ очень было экземпляровъ, только злосчастная грамматика поселила паническій страхъ среди бурсаковъ, которые почувствовали себя, какъ крестьяне въ Юрьевъ день: „вотъ она—реформа!“ И невольные вздохи сопровождали полеты этой ласточки изъ класса въ классъ... Или вдругъ ни съ того, ни съ сего отмѣнили полугодовые экзамены. Положимъ, экзамены и передъ Рождествомъ, и передъ каникулами—дѣло, конечно, не легкое; положимъ, зимніе экзамены больше лѣтнихъ огорчали бурсаковъ, которые въ это какъ разъ время такъ аппетитно мечтали о домашнихъ колбасахъ и такъ жадно смотрѣли за ворота, не покажется ли подвода... Но изъ противорѣчій созданъ весь человѣкъ: тѣ же бурсаки и пожалѣли о зимнихъ экзаменахъ, прекрасно понимая, что теперь прійдется все сдавать сразу за цѣлый годъ, сдавать притомъ въ іюнѣ, когда и безъ экзаменовъ жарко... Стали давать книги для чтенія... Это ужъ и совсѣмъ нѣчто несуразное. Какъ читать? Зачѣмъ читать? Всѣ такъ привыкли учить, зубрить, сдавать вызубренное авдитору*), потомъ учителю и получать отмѣтку со всѣми ея послѣдствіями, что чтеніе безъ столь опредѣленной цѣли рѣшительно не укладывалось въ головѣ. Чтеніе-то, конечно, существовало: учителя часто носили подъ мышкой толстыя книги, какія-то книги стояли въ шкафу въ учительской, по рукамъ бурсаковъ очень часто ходили списанные стихи... Послѣдніе получались обыкновенно такъ: ученики, живущіе на

---

*) См. ниже.

квартирѣ учителя, первые узнавали и списывали, а отъ нихъ уже рукопись распространялась по всему училищу. И странное дѣло! Никому въ голову не приходило обратить вниманіе на то, что, вѣдь, бурсаки удивительно свособны увлекаться поэзіей. Попалась имъ ода „Богъ“ Державина. Я рѣшительно готовъ думать, что даже современники, не исключая и самой Екатеринѣ II, не увлекались такъ этой одой въ годъ ея появленія, какъ увлекались бурсаки чрезъ 80 лѣтъ...

„Отъ, братъ, написалъ!!“

Это—высшая похвала, похвала отъ такого избытка сердца, когда уста отказываются глаголать. Изъ другихъ поэтовъ больше всѣхъ посчастливилось Шевченку. Отчасти повліяла на это „Основа“, главнымъ же образомъ—общее увлеченіе твореніями великаго поэта, увлеченіе, коснувшееся всѣхъ уголковъ Малороссіи. Было, впрочемъ, одно еще частное обстоятельство: жительство въ томъ городѣ друга Шевченка, доктора Козачковскаго... Послѣдняго и не знали вовсе, но тѣмъ умилительнѣе было это благоговѣніе къ деревянному забору, окружавшему дворъ, гдѣ бывалъ когда-то Шевченко *). Изъ устъ въ уста ходили экспромпты, будто бы сказанные поэтомъ въ домѣ Казачковскаго остроты, анекдоты. Я склоненъ думать, что Тарасу Григорьевичу было приписываемо то, въ чемъ онъ рѣшительно не былъ повиненъ, но—повторяю—обо всемъ этомъ нельзя вспомнить безъ какого-то умиленія...

Ввели вдругъ уроки рисованія. Положимъ, это—чисто дѣло случая: отцу діакону Д-му, изрядному рисовальщику, захотѣлось попасть въ учителя духовнаго училища, такъ или иначе—высшаго въ П. разсадника просвѣщенія; но кто же думалъ объ этомъ? Положимъ, дѣло не наладилось и не могло наладиться: ни пособій не было, ни мало-мальски подходящей обстановки,

*) Здѣсь возможно допущеніе нѣкоторой неточности. Все основано на припоминаніи: бурсаки не могли пройти мимо „дома Козачковскаго“, чтобы не остановиться, не сказать о Шевченкѣ, не повторить одного и того-же въ сотый разъ. Домъ—по дорогѣ къ купанью, потому часто приходилось ходить мимо. За 30—35 лѣтъ многое можно забыть. Оговариваю возможную неточность. Авторъ.

ни умѣнья у господина учителя; но дѣло не въ этомъ, и однимъ признакомъ наступленія реформы стало больше. И отецъ діаконъ говорилъ: „*теперь* нужно учиться рисовать." И учились. Вотъ получили для „перерисовки" какую-то иллюстрацію. Картина изображала козака, вооруженнаго съ ногъ до головы. „Перерисовывали" ее и при помощи прозрачной бумаги, т. е. смазанной свѣчнымъ саломъ, и при помощи оконнаго стекла, и „на глазъ",—и всего одинъ получилъ похвалу, да и то съ оговоркой: „хорошо, только усы—настоящіе усы!"

Разговоры объ ожидаемой реформѣ наполняли всѣ досуги бурсаковъ, и въ бесѣдахъ этихъ обнаруживалось далеко не малое число скептиковъ, которые, въ сущности, и поддерживали оживленные разговоры. Скептики умѣли подбирать какъ разъ то, что составляло наименѣе отрадные признаки реформы, группировали факты и самоё реформу ѣдко рисовали въ образѣ какой-то бабы-яги, шествующей въ классическихъ мокроступахъ Мазницы и заметающей слѣдъ помеломъ изъ березовыхъ прутьевъ...

— „Чорта съ этой реформы! Реgреаціи *) похѣрятъ, засадятъ за новую греческую грамматику, напрутъ на годовой экзаменъ, вмѣсто порки среди двора будутъ драть въ карцерѣ, будутъ турить **) изъ училища за всякую малость и при этомъ, конечно, называть „вы": „вы"—молъ—исключены..."

— Ну, а теперь не исключаютъ?

— „Да пойми же ты, глупая голова, что теперь хоть исключаютъ, но не сразу: по три—четыре года держатъ..."

— Да *тебѣ*-то чего кипятиться? Вѣдь, въ первый разрядъ уже перелѣзаешь...

— „А я развѣ за себя? Реформа не для меня одного..." Больше всего интересовали бурсаковъ бесѣды на ту же тему съ учителями. Уже самый фактъ, что учителя вступали въ бесѣду, въ подобный разговоръ съ учениками, конечно, говорилъ

*) Рекреація на обыденномъ языкѣ бурсаковъ, со вставкою латинскаго g.
**) Выгонять вонъ.

о реформѣ. Учителя знаютъ все. Если они многое скрываютъ, то иначе нельзя: права не имѣютъ говорить все. Однако жъ, на вопросы учениковъ отвѣчаютъ, а съ синтактиками часто сами и разговоръ начинаютъ.

— „Отецъ Ѳедоръ! Правда-ли, что бить не будутъ?"

— Будто васъ теперь бьютъ! уклончиво отвѣчаетъ отецъ Ѳедоръ.

— „Ого! А зимой Осипъ Карповичъ не далъ корешковъ за то, что грѣлись?"

Это было въ морозное утро. Сараи—классы не отапливались. Въ передней, раздѣлявшей два класса, бурсаки „грѣлись", устроивъ общій кулачный бой—свалку. Поднялся невообразимый шумъ. Пыль стояла, точно облако. Осипъ Карповичъ нагрянулъ... Услышавъ шумъ, онъ не пошелъ въ учительскую за журналомъ, и бурсаки ошиблись въ разсчетѣ—не могли его видѣть. Онъ прошелъ изъ воротъ прямо въ классы. Виноваты были всѣ, и всѣмъ „влетѣло": каждый, по очереди, получилъ нѣсколько ударовъ корешками пучковъ розокъ въ ладони...

Отецъ Ѳедоръ улыбается, отъ прямого отвѣта на вопросъ уклоняется; ясно, что „вопросъ" не рѣшенъ,—скептикамъ на руку.

— „И все по новой грамматикѣ будутъ учить?"

— О, да!

— Трудно...

— Что вы?—И отецъ Ѳедоръ начинаетъ выяснять: Напротивъ, именно—легко. Подумайте: въ новой—слова, примѣры, форма, потомъ правило...

Увы! Бѣдный бурсакъ слишкомъ привыкъ къ иному методу, и самые убѣдительные доводы даже любимаго учителя не сразу могли убѣдить его въ легкости новаго.

Когда вопросъ о реформѣ и ея благодѣяніяхъ обращался къ самому инспектору, послѣдній останавливался, молчалъ, измѣрялъ взглядомъ вопрошавшаго и потомъ изрекалъ многозначительно: „Глупое ты животное!" Бесѣда тѣмъ и кончалась... Впрочемъ, инспекторъ, смотря по расположенію духа, добавлялъ иногда: „Вамъ же будетъ хуже!" И тогда слова его передава-

лись изъ устъ въ уста, на всѣ лады комментировались, подтверждали близость реформы, но укрѣпляли скептиковъ въ недовѣріи и опасеніяхъ.

— „Ѳедоръ Степановичъ! Скоро реформа?“

— А вамъ-то что?

Вопросившій становится въ тупикъ, кто-то является на выручку: „хочетъ—молъ—сосчитать, сколько еще шишекъ на лбу выростетъ...“

Довольно ординарная острота вызываетъ всеобщій смѣхъ: бурсакъ радъ, что представился случай безнаказанно подсмѣяться надъ Мазницей.

— „А правда, что передъ самой реформой ревизоръ пріѣдетъ?“

— О, это весьма вѣроятно!

Учитель принялъ серьезный видъ. Веселое настроеніе всѣхъ оставляетъ. Можно подумать, что ревизоръ уже за спиной...

II.

Авдиторы и эраты.

Учителя, видимо, стали мало придавать значенія излюбленному пріему провѣрки учениковъ—*эратамъ*, иные вовсе ихъ похѣрили,—это тоже явный признакъ наступленія реформы. Ученики почувствовали это, и постарались помочь окончательному упраздненію эратъ, составлявшихъ во многихъ отношеніяхъ преоригинальное явленіе, стоющее воспроизведенія.

Обыкновенно изъ учениковъ, заслужившихъ довѣріе учителей, т. е. исправно учившихъ уроки, избирались такъ называемые „авдиторы,“ отъ латинскаго слова „audio“ слушаю. Авдитору назначали отъ 2 до 5-ти и даже больше учениковъ, которыхъ они „выслушивали“. Авдиторъ заводилъ у себя особую тетрадь—вѣдомость, называвшуюся „эратой“. Въ эратѣ писались всѣ ученики, порученные авдитору, ихъ имена и фамиліи, затѣмъ—отводились клѣтки подъ числами мѣсяца, какъ это дѣ-

лается въ обыкновенномъ классномъ журналѣ. Въ клѣткахъ дѣлались соотвѣтствующія отмѣтки: знаетъ урокъ—„sc" (т. е. scit), не знаетъ—„nsc" (non scit), ошибается—„er" (т. е. errabat). Ежедневно передъ урокомъ авдиторъ долженъ былъ „выслушать" всѣхъ своихъ кліентовъ и каждому сдѣлать отмѣтку, какой заслужилъ. Послѣ этого эраты тщательно складывались на столѣ, и учитель, просматривая ихъ во время урока, вызывалъ однихъ, распекалъ другихъ, хвалилъ третьихъ.

Сколько забавныхъ и печальныхъ недоразумѣній порождалось этимъ оригинальнымъ пріемомъ провѣрки!

— „Ты у кого въ эратѣ?"

— У N...—слѣдуетъ нецензурное прозвище авдитора.

— „Ну?"

— Ей-Богу!

— „А я, братъ, у Васьки."

— Э! тебѣ—лафа!

Чтобы понять всю соль этого діалога, надо знать отношеніе авдиторовъ къ своимъ обязательствамъ. Авдиторъ—подлиза къ начальству, начиналъ съ того, что готовилъ позолоченную пилюлю—роскошную эрату: онъ графилъ ее, какъ заправскій чертежникъ; заглавіе писалъ самъ или даже заказывалъ писать тому, кто особенно искусился въ дѣланіи всякихъ виньетокъ; нерѣдко пускались въ ходъ краски, и получалась „шикозная" эрата, невольно обращавшая на себя вниманіе учителя, который готовъ былъ видѣть въ этомъ особенное стараніе и почтительность авдитора. Увы! дальнѣйшія украшенія эраты были уже иные: „nsc" и „er" занимали всѣ клѣтки, „sc" попадалось, какъ оазисъ въ пустынѣ, распеканіямъ и всевозможнымъ возмездіямъ не было конца. Это—дѣйствія авдитора самоувѣреннаго, подлипайлы, зазнавшагося. „Настоящій" авдиторъ пренебрегалъ формой и заискивающе держалъ себя по отношенію къ находящимся въ его эратѣ. Правда, такое отношеніе не всегда отличалось безукоризненной нравственной чистотой: иной боялся самъ попасть въ эрату, иной зорился на деревенскія лакомства; но въ „настоящемъ" авдиторѣ часто крылось спасеніе отъ бѣды...

Утро. До начала урока остается немного. По двору ходятъ парами: „выслушиваніе“ въ разгарѣ. Иные отдѣлились: то—повторяющіе уроки въ ожиданіи призыва со стороны авдитора. Иные весело или понуря голову направляются въ классъ: это—спрошенные и получившіе свое „sc“ или „er“. Иные идутъ съ гордо поднятой головой и окруженные товарищами: это—авдиторы, глухіе къ мольбамъ плохо сдавшихъ урокъ... Посторонній ничего не разобралъ бы въ этой разошедшейся по просторному и далеко не уютному двору толпѣ, но тотъ, кто зналъ, въ чемъ дѣло, и во-время прислушался къ жужжанію, могъ услышать подъ-часъ такіе разговоры.

— „Ну, нѣтъ, братъ, я тебѣ отплачу за твои „несциты“ (nsc)... Покряхти теперь...“

Это говоритъ грамматикъ своему подневольному товарищу. Послѣдній попалъ въ эрату къ первому, какъ часто попадали по игрѣ злой судьбы: былъ самъ авдиторомъ, но залѣнился, сталъ проказить и мало того, что лишенъ авдиторства,—на это бы наплевать, но вотъ главное горе—онъ отданъ еще въ эрату тому, кто былъ въ его эратѣ, да постарался, исправился, „перегналъ“ самого авдитора, „ссадилъ“ его и теперь мститъ... И разъяреннѣйшій инквизиторъ не придумалъ бы большей пытки, какую изобрѣлъ Мазница... И, вѣдь, это чучело еще само прибавитъ мученій: посмотритъ въ эрату, увидитъ „nsc“, подыметъ хохотъ, за нимъ разразится хохотомъ весь классъ,—чортъ знаетъ, что такое!

— „А ты учись, опять будешь авдиторомъ!“

И мудрый педагогъ не шутя думалъ, что его алюры—безподобное средство заставитъ учиться!...

— „Дать?“

Авдиторъ смотритъ: „галда“ *). Слюнки текутъ; но дающій, вѣдь, ровно ничего не знаетъ... Куда ни шло! Авдиторъ аппетитно уплетаетъ какіе-нибудь „вергуны“ **), въ эратѣ красуется „sc“. Хорошо, если сойдетъ, а попадешься?

*) Угощеніе.

**) Хрусты.

— „А ты что-жъ это поставилъ „sc“, а? Это, по-твоему, „scit?“

— Онъ, зналъ, ей-Богу, зналъ...

„Ахъ, ты...“ И пошла писать!...

А, вѣдь, „онъ“ и въ самомъ дѣлѣ могъ знать? Раздумываетъ учитель, соображая возможные фокусы.

„Ивановъ! Ты зналъ?“

— Зналъ...

— „Когда жъ ты успѣлъ забыть?“

— Голова болитъ, господинъ учитель...

— „Врешь, шельмецъ, врешь... Петровъ! Сдай эрату такому-то: не стоишь...“

Петрову, однако, не стыдно и не обидно: онъ попадаетъ даже въ герои бурсы, какъ падающій въ яму, которой не рылъ. А вотъ Семенову—о! тому жутко... Взъѣлись на него эратные и сговорились допечь. Спрашиваетъ—ни одинъ ни въ зубъ. Просто не вѣрится.

„Послушай! Ты жъ вчера училъ!“

— Училъ.

„Ну?“

— Трудно, въ головѣ путается....

Семеновъ пишетъ: „er“, „nsc“, „er“, „nsc“,—всѣ плохо. Инспекторъ щуритъ глаза, себѣ не вѣритъ.

„Ни одинъ?“

— Я зналъ!

— И я зналъ!

— И я!

— И я!

„Ступайте сюда!“

Квартетъ у стола. Лица—ясныя, смотрятъ увѣренно, лукавая улыбка скользитъ по физіономіямъ, классъ приготовился къ спектаклю.

— „Говори ты урокъ!“

Первый говоритъ безъ запинки. Семеновъ волнуется. Инспекторъ недоумѣваетъ, классъ оживляется.

— „Продолжай ты!“

Еще лучше. Что за исторія? Семеновъ пытается оправдаться: сговорились...

— „Не мѣшай!“

Третій не уступаетъ первому, четвертый—второму. Классъ ажитированъ. Семеновъ—подлиза, не „настоящій“ авдиторъ, провалъ его готовъ. Инспекторъ хочетъ разслѣдовать.

— „Сговорились?“

— Нѣтъ! И всѣ четверо, какъ невинные агнцы, переглядываются.

-- „Сговорились?“

— Ей-Богу, нѣтъ! И физіономіи всѣхъ принимаютъ и серьезное, и обиженное, и недоумѣвающее выраженіе.

Инспекторъ настроенъ довольно благодушно. Резолюція—милостивая для бунтовщиковъ, но все-таки непріятная для Семенова: „насильно милъ не будешь“, и... эрата передается другому. Торжество полное. Инспекторъ не вышелъ еще изъ класса, какъ всѣ четверо показываютъ Семенову длиннѣйшій носъ...

— „Что записать?“ спрашиваетъ авдиторъ-либералъ, не симпатизирующій эратѣ и пользующійся большими симпатіями эратныхъ.

— Scit.

— „А тебѣ?“

— Errabat...

Записи дѣлаются безъ спрашиванія. И—странное дѣло!—такія именно записи всегда и оказывались наиболѣе вѣрными...

Выдѣлялись авдиторы, попасть къ которымъ не одинъ бурсакъ считалъ за большое счастье. Это своего рода идеалисты. Для такого авдитора написать „nsc“ или „er“ —сущее наказаніе, и онъ уже наканунѣ торгуется съ эратными, часто, и даже въ громадномъ большинствѣ случаевъ, не понимавшими чудака-авдитора.

— „Что-жъ ты не учишь?“

— Выучу!

— „Знаемъ мы—выучу. Давай вмѣстѣ учить."

— Давай.

И учатъ вмѣстѣ, хотя самъ авдиторъ давно уже выучилъ.

— „Чудакъ!" судятъ эратные.

— Чудакъ, а молодчина!

— „И что ему нужно? Похвалы?"

— И не думалъ: добрый.

— „Какъ же! Открывай ротъ...

— А то что?

— „Подлизаться."

— Врешь!

Отъ спора недалеко и до потасовки, иногда довольно солидной, отвѣчающей важности причинъ и повода, обнаруживающей благородство одного и свинство другого.

„Сговоры" противъ авдиторовъ, „ошибки" послѣднихъ, какъ отмѣчавшихъ безъ спрашиванія, нерѣдко даже просьбы освободить отъ авдиторства,—все это были слабые, правда, протесты противъ неудачнаго способа контроля, но протесты, которые въ связи съ взглядами иныхъ учителей и въ виду грядущей реформы не могли не повести къ окончательному уничтоженію эратъ. Остались одни воспоминанія, часто веселыя, но нерѣдко заставляющія бурсака съ омерзѣніемъ вспоминать и того, кто назначалъ ему авдитора, и того, кто былъ его авдиторомъ...

III.

Гоненіе на „кулàчки".

А строгое и явное преслѣдованіе участія бурсаковъ въ кулачныхъ битвахъ, по-просту въ „кулачкахъ", развѣ это преслѣдованіе не признакъ все той же ожидаемой реформы? Да какой еще! Не вчера ли сами учителя не только любовались кулачками издали, не только, видя участіе бурсаковъ, не „гонили", а даже еще одобряли; сегодня—на тебѣ: не смѣть и—баста!

Въ сущности участіе бурсаковъ въ кулачныхъ бояхъ, послѣ перевода изъ П. семинаріи, было ничтожно и сохранялось больше по традиціи. Кулачки—дѣло „шкурниковъ", иначе—кожевниковъ; но, живя на квартирахъ у тѣхъ же „шкурниковъ", могли ли они не обнаружить нѣкоторой общности интересовъ, а тѣмъ болѣе, когда дѣло касается поддержанія чести бурсы, хранившей преданія столь недавняго прошлаго? Между тѣмъ, самая организація кулачекъ уже вела къ тому, что не только „силачи" бурсы, но даже и мелюзга—фара, и та оказывалась пригодной и не безполезной.

Уже осенью, съ наступленіемъ первыхъ холодныхъ дней, открывался сезонъ кулачекъ. Послѣ ранняго праздничнаго обѣда, на громадномъ валу, раздѣляющемъ городъ на двѣ части и составляющемъ его, кажется, необслѣдованный историческій памятникъ, начинали собираться: дѣти, подростки, юноши, взрослые и даже старики. Таковъ былъ нормальный порядокъ сбора. Взрослые и старики еще отдыхали, юноши норовили пристать къ старшимъ, и собирались раньше всѣхъ дѣти да подростки. На обязанности ихъ лежало „зарывать", иначе—подзадоривать, начинать бой, вовлекать въ него, быть застрѣльщиками. Бой—не бой безъ надлежащей постепенности. Нельзя же явиться старшимъ и ни съ того ни съ сего начать тузить другъ друга! На городской сторонѣ, по сю сторону вала, среди дѣтей и подростковъ были уже и бурсаки. Въ подбитыхъ вѣтромъ пальтишкахъ, рваныхъ шапченкахъ изъ фиктивнаго барашка, заплатанныхъ сапоженкахъ, бѣгали они по валу и, купно съ товарищами по улицѣ, кричали они задорное: «Давай, давай, давай!» Получалось согласіе въ видѣ такого же приглашенія; бойцы—пигмеи сходились, награждали другъ друга тумаками, разбѣгались, снова сходились. Если схватка принимала сколько-нибудь серьезный характеръ, подростки оставляли свои мѣста зрителей, спѣшили на помощь «своимъ», и одна изъ сторонъ или сдавалась (садились—«сидячихъ не бьютъ», убѣгали), или побѣждала. Смотря, однако, по количеству собравшихся силъ, на подмогу налетали юноши, а если дальнѣйшій ходъ дѣла того

требовалъ, то одинъ за однимъ выскакивали «изъ засады», обязательной для обѣихъ сторонъ, и взрослые, извѣданные бойцы, но выскакивали, строго соблюдая постепенность силы и ловкости, иногда включительно до «перваго силача». Такъ постепенно образовывался какой-то снѣжный комъ, непрерывно увеличивавшійся бойцами все посильнѣе и посильнѣе, пока, наконецъ, уже въ сумеркахъ, не вылетѣлъ изъ засады тотъ, о комъ не говорили даже «силачъ», но чьего имени страшилась даже противная сторона... Онъ рѣшалъ дѣло безъ боя: своимъ неожиданнымъ появленіемъ вызывалъ панику, слабые противники показывали тылъ, въ который безцеремонно и влетали подзатыльники, какъ послѣдній даръ побѣдителей. Зимой, когда рѣка,—историческая рѣка, видѣвшая смерть Бориса и Глѣба,—замерзала; когда дѣйствіе переносилось на ледъ, и схватки происходили уже между городомъ и Зарѣчьемъ; когда страшныхъ именемъ имѣли обѣ стороны, появленіе этихъ богатырей обозначало наступленіе момента страшнаго, кроваваго боя, за которымъ, конечно, слѣдовало то же бѣгство, побѣда, торжество, пораженіе, позоръ. Прозрачный ледъ рѣки долго хранилъ слѣды побоища и не знающій, въ чемъ дѣло, могъ бы подумать, что на льду недавно шелъ убой скота...

Предреформенная низшая бурса представляла блѣдную, конечно, копію старой бурсы съ семинаріей, но все же копію. Въ ней еще оставалась и прежняя организація кулачекъ. Были и «зарывавшіе», и «кулачники», и даже два—три силача, о которыхъ съ пренебреженіемъ говорили богатыри шкурники, рѣшавшіе битвы, но которые славились среди заурядныхъ бойцовъ и въ интимной бесѣдѣ между собой допускали несбыточныя мечты когда-нибудь соединенными, не ослабленными раньше силами дать отпоръ и самому богатырю противной стороны... Увы! Мечты такъ и оставались мечтами... Несчастный П-въ разъ навсегда лишился силачей большой бурсы, и ни для кого не было тайной, что маленькіе сравнительно силачи маленькой бурсы олицетворяютъ собою предсмертный вздохъ и этой предсмертной хранительницы традицій.

На квартирахъ, особенно на одной, у самаго вала, съ садикомъ, чрезвычайно удобнымъ для «засады», уже во время обѣда шли оживленные разговоры бурсаковъ: будутъ кулачки. Мало-по-малу сюда являются и изъ другихъ квартиръ, сосѣднихъ и отдаленныхъ. Затѣвается что-то недоброе, и старая Варочка, хозяйка, не шутя тревожится!

— «Ой, смотрите... наживу я съ вами горя!»

Опасенія понятны. Сами же бурсаки днемъ и ночью толкуютъ о реформѣ, сами же такіе страхи разсказываютъ про нее, что упаси, Боже: ну не ровенъ часъ... непремѣнно лишатъ квартиры...

— «О! Уже опять тащутся... И чего? Сидѣли бъ себѣ дома да уроки учили... Вотъ, ей Богу, возьму да и скажу инспектору... Что это такое за новости?!

Конечно, не Варочка сказала инспектору,—скорѣе всего—самъ онъ узналъ,—только на валу поставлены дежурные, которымъ вмѣнено въ непремѣнную обязанность не допускать туда учениковъ, а буде кто прорвется, одинъ изъ дежурныхъ долженъ безъ оглядки бѣжать къ инспектору... Мыслимое ли однако дѣло, чтобы подобный приказъ былъ исполненъ? Въ крайности, сами же дежурные докажутъ, что шкурники ворвались въ садъ, и что ученики только вынуждены были ихъ гнать...

Сезонъ кулачекъ уже не тотъ, когда выступаетъ «вся сила», но народу собралось довольно. «Зарывавшіе»—фары и младшіе грамматики сдѣлали свое дѣло и стушевались: ихъ скромная, но вмѣстѣ и почетная роль теперь—хранить верхнее платье синтактиковъ, которые рѣшили во чтобы то ни стало сегодня кому-то «накласть». Крикъ, шумъ, схватка за схваткой... Еще минута, и—все слилось въ одну безпорядочную группу. Всякихъ размѣровъ кулаки усердно гуляютъ по головамъ. Уже и послѣдніе силачи бурсы оставили свои „засады"... Чья возьметъ? вопросъ если не жизни, то во всякомъ случаѣ чести...

„Учителя!!!"

— Го-го-го!... Ха-ха-ха!... Давай, давай!... Тю-тю-ю-у-у!

Что произошло—передать трудно. Вдали на одномъ изъ холмовъ вала стояла группа: инспекторъ съ своей палкой-клюкой, учитель одинъ, учитель другой, кто-то неизвѣстный, еще кто-то.—Бурсаки бросились назадъ. Ослабѣвшіе сторонники ихъ сѣли. Противники съ крикомъ, хохотомъ и гикомъ погнались за убѣгавшими. Но бурсаковъ уже и слѣдъ простылъ, точно сметены они были однимъ порывомъ вѣтра, точно вдругъ всѣ провалились сквозь землю... На валу остались только дежурные, предвкушавшіе удовольствіе похмелья въ чужомъ пиру...

Въ чаяніи немедленнаго посѣщенія квартиръ и строжайшаго слѣдствія, явно провинившіеся бурсаки разбѣжались по квартирамъ и... чинно усѣлись за книги... Не одна хозяйка встрѣтила ихъ укоризненнымъ возгласомъ: „А что? Нарвались? Говорила я...“ Но слушать „нотацій“ хозяекъ было некогда. Если прійдетъ инспекторъ или кто-либо изъ учителей, квартирная хозяйка должна божиться и клясться, что изъ ея „паничей“ никто и не думалъ уходить изъ дому, что отъ обѣда и до сихъ поръ всѣ сидятъ за книгами, что даже лампы и свѣчи потребовали раньше, что чужіе еще съ обѣда тутъ—пришли вмѣстѣ учить уроки,—словомъ: должна была показывать вполнѣ согласно съ тѣмъ, какъ будутъ показывать и бурсаки. Бѣдные воины не соображали, что далеко не нужно было обладать дарованіями Лекока, чтобы всѣхъ уличить во лжи: разгорѣвшіяся отъ холода лица, взъерошенные волосы, у иного—даже свѣжіе синячки, вовсе не на урокахъ съ точнымъ „отсюда до сюда“ раскрытыя книги, присутствіе и такихъ чужихъ, которымъ совсѣмъ было не мѣсто,—все такъ ясно говорило о томъ, что не ясно было только для испуганныхъ бурсаковъ... Посѣщенія, однако, не было, а слѣдствіе произвели на другой день. Виноваты были всѣ, пострадали да и то не сильно—одни дежурные. Хотѣли, правда, жестоко наказать двухъ силачей, особенно, когда на физіономіи одного открыли черезъ-чуръ явные слѣды вчерашней битвы въ видѣ кровоподтековъ, а у другого нанковый сюртукъ оказался невозможно изорваннымъ, но... и того не сдѣлали: во-первыхъ, не такое время, чтобы затѣвать исторіи

которыя гораздо полезнѣе тушить;—во-вторыхъ, и мальчику извѣстно, что съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ;—въ-третьихъ,—наконецъ, для каждаго изъ этихъ немногихъ могиканъ такъ близка семинарія, что грѣшно губить карьеру... Все это такъ, тѣмъ не менѣе рѣшено, твердо и безповоротно рѣшено, „въ сурьезъ", положить предѣлъ кулачкамъ. И его положили, положили путемъ простой бдительности, которая если еще и обходила иногда силачей, то развѣ только силачей...

— „Слава Богу!" облегченно вздохнула не одна квартирохозяйка, особенно, конечно, изъ сосѣднихъ къ валу, а наипаче—Варочка: „Та то-жъ, Господы, дошлы до ка-зна чого... Чи ихъ же то дило?"

IV.

Ревизоръ.

Смутно представляя себѣ реформу, олицетворяя ее въ какомъ-то сказочномъ образѣ, улавливая нѣкоторые признаки ея наступленія и не будучи въ состояніи, на основаніи этихъ признаковъ, нарисовать себѣ нѣчто цѣльное и болѣе или менѣе опредѣленное, бурсаки узнали одно: появится предтеча реформы—ревизоръ, и за нимъ уже, не медля, вступитъ во всѣ свои права и реформа. Удивительно ли, что вниманіе всѣхъ было сосредоточено на ожиданіи ревизора? Страхъ ревизора не поддается рѣшительно никакому описанію... Его боялись прежде всего учителя, за учителями дрожали и ученики; о немъ не безъ смущенія проговаривался иногда ректоръ, при его имени что-то непостижимое творилось и съ инспекторомъ; даже сторожъ, наэлектризованный разговорами всѣхъ о ревизорѣ, началъ глупо суетиться, какъ бы готовясь къ пріему. Всѣ эти страхи имѣли, конечно, большое основаніе. Низшая бурса тогда не знала, какъ теперь, учителей съ высшимъ образованіемъ: должности ихъ занимали прошедшіе только курсъ семинаріи. Ректоръ, положимъ, былъ академистъ, Мазница тоже, говорятъ, учился нѣсколько лѣтъ въ академіи; но, во-первыхъ, это не

было общее явленіе, а во-вторыхъ, потому же ректоръ и не стѣснялся аттестовать всѣхъ учителей „бурсачвой“ и даже „дрянью“. Ревизоръ, между тѣмъ, долженъ былъ быть никто иной, какъ „профессоръ семинаріи“. Многолѣтняя служба въ глухомъ городишкѣ, безконтрольное веденіе дѣла приводило къ тому, что учителя черезъ-чуръ уже отставали въ своей несложной наукѣ. По познаніямъ, они стояли, конечно, выше даже синтактиковъ, но „профессоръ семинаріи“, будь онъ какой угодно спеціальности, могъ легко „срѣзать“ каждаго. Вотъ этого-то и боялись учителя, боялись не на шутку... Среди бурсаковъ ходило не мало анекдотовъ о ревизорахъ. Анекдоты эти распространялись семинаристами, бывшими воспитанниками того-же училища и въ письмахъ своихъ вравшими немилосердно... Теперь они пророчили пріѣздъ то одного, то другого „профессора“, приписывали каждому черты Юпитера, безбожно запугивая не только учениковъ, но и учителей, которые часто переписывались съ семинаристами же. Все сводилось къ одному: дока и гроза! Объ одномъ писали, что когда онъ читаетъ „лекціи“ (непремѣнно—„лекціи“, ибо уроки—въ училищѣ...), то никто ничего не понимаетъ,—высшая похвала и наиболѣе устрашающій отзывъ! Другаго аттестовали геніемъ, отъ котораго ничто не укроется, какъ отъ какого-то ясновидящаго,—похвала администратору. Третій—сила: и не боится и самаго архіерея, съ которымъ на экзаменѣ вступаетъ въ споръ. Словомъ: который бы ни пріѣхалъ, все-равно, держи ухо востро. Оставалось вздыхать, говорить и ждать пріѣзда барина.

Раннее зимнее утро. Чуть свѣтаетъ. Въ квартирѣ не спитъ только хозяйка, занятая варкой галушекъ, обычнаго завтрака бурсаковъ *). Въ наружную дверь кто-то немилосердно стучитъ. Слышится въ сѣняхъ вопросъ хозяйки, желающей знать, въ чемъ дѣло. Утренній вѣстникъ полноправно врывается въ квартиру и выкрикиваетъ, еле переводя духъ, страшное слово, которое у

*) Конечно, кромѣ субботы съ ея традиціонными блинами.

меня, по крайней мѣрѣ, и до сихъ поръ звучитъ въ ушахъ: „Ревизоръ!"

Выстрѣломъ изъ пушки не удалось-бы поднять такъ вдругъ на ноги всѣхъ бурсаковъ... Не минута, не пол-минуты, прошла буквально секунда—и десятокъ синтактиковъ, грамматиковъ и фаръ, въ однѣхъ рубахахъ и босыхъ, окружили вѣстника, уже готоваго бѣжать дальше.

«Что—о—о? Какъ? Куда? Постой-же!..»

Вѣстникъ не въ силахъ выговорить ничего больше. Онъ едва успѣваетъ показать нѣсколькимъ счастливцамъ манускриптъ самого ректора, начинающійся словами: «Пріѣхалъ ревизоръ О-въ...» Этотъ манускриптъ онъ долженъ показать учителямъ, наскоро сообщить содержаніе его по всѣмъ квартирамъ и принести обратно ректору,—понятно опасеніе, чтобы бурсаки не проглотили столь важнаго клочка бумажки. Вѣстникъ свое дѣло сдѣлалъ и исчезъ, ошеломивъ бурсаковъ...

Одѣться, помолиться Богу, собрать книжки, было дѣломъ не многихъ минутъ, молчаливыхъ, но полныхъ суетливаго страха. Недоварившіяся галушки остались въ полное распоряженіе хозяйки; некогда,—надо спѣшить въ классъ... Почему спѣшить? Для чего? Что дѣлать тамъ? Объ этомъ никто не думалъ и думать не могъ: если бы извѣстіе о пріѣздѣ ревизора получилось и среди ночи, навѣрное не стали бы ждать утра... Понималъ это и сторожъ. Сдѣлавъ необычно тщательную приборку классовъ ночью, онъ оставилъ ихъ отпертыми,—кстати, красть въ нихъ нечего было,—а когда ввалила толпа бурсаковъ, онъ только замѣтилъ серьезно и многозначительно:

— „Не шумѣть же!"

Можно было подумать, что ревизоръ уже въ какомъ-нибудь классѣ. Предостереженіе сторожа было совершенно лишнее: бурсаки не только не расположены были «шумѣть», но каждый былъ больше, чѣмъ когда-либо, озабоченъ и серьезенъ; казалось, самый пріѣздъ ревизора каждый бурсакъ понималъ не иначе, какъ состоявшимся исключительно для него одного... Въ полутемныхъ еще классахъ всѣ чинно усѣлись за парты и, тре-

вожно поглядывая въ окна, принялись зубрить и пройденное, и на сегодня заданное. Разговоровъ почти не слышно.

— „Охъ... Что-то будетъ?!“

— Не мѣшай!..

И сосѣдъ долженъ замолчать, хотя и чувствовалъ непреоборимое желаніе поговорить, высказаться.

— „Господа!“ обращается кто-то въ пол-голоса къ классу: „скажемъ, что этого еще не учили... собьетъ“...

— Чш—ш...!

У всѣхъ ёкнуло сердце. Оказалось, что явился еще только предвѣстникъ—Мазница. Ускореннымъ шагомъ обошелъ онъ классы и всюду далъ одно и тоже наставленіе:

— „Эратъ подавать не нужно. Пока не скажутъ, не садиться. На всѣ вопросы отвѣчать стоя. Не забывать кланяться. Не сорить. На перемѣнахъ ходить смирно. Молитву читать не спѣша. Ногами не топать. Рукъ на парты не выставлять“...

— „А въ рукава, господинъ инспекторъ, можно?“ робко и невольно вставляетъ кто-то.

Вопросъ, въ самомъ дѣлѣ, не праздный. Сараи—классы никогда не отапливались. Холодъ всегда былъ нестерпимый. Галошъ никто не имѣлъ. Удивительно-ли, что ноги согрѣвали топаньемъ, а руки держали заложенными въ рукава байковыхъ пальтишекъ?

— „У кого истрепанныя и замаранныя книги, не вынимать. Не перешептываться. Не подсказывать. Смотрѣть на ревизора...“

Если бы, однако, господинъ Мазница и вовсе умолчалъ о направленіи взоровъ учениковъ, послѣдніе не поступили-бы иначе: слишкомъ ново, долгожданно и необычно было появленіе ревизора, чтобы потерять случай навсегда запечатлѣть фантастическій образъ того, въ чьихъ рукахъ теперь судьба всей бурсы, а послѣ—судьба каждаго бурсака, непремѣнно мечтающаго быть въ семинаріи.

Ревизоръ не заставилъ себя долго ждать. Да и что было дѣлать въ П-вѣ? Общежитія не было, библіотека помѣщалась

въ одномъ небольшомъ шкафикѣ въ учительской, канцелярія... но, вопреки мнѣнію о старинной канцеляріи, ея-то именно и не знало почти училище. И ревизору совершенно достаточно было посѣтить уроки да квартиры. Такъ онъ и сдѣлалъ.

Вошелъ въ классъ маленькій, юркій человѣкъ. Низкимъ поклономъ и привѣтливымъ обращеніемъ онъ сразу же подкупилъ всѣхъ. Отлегло отъ сердца, такъ тревожно бившагося въ ожиданіи чего-то, непремѣнно страшнаго. Онъ сѣлъ за скамью, не смотря на ея крайнія неудобства и на то, что стулъ для него былъ приготовленъ. И это всѣмъ понравилось. Начался урокъ. Учитель географіи велъ его смѣло и увѣренно. Говорили, что въ старшемъ классѣ урокъ его прошелъ хорошо, ревизоръ похвалилъ, слѣдовательно, понятна смѣлость.

— „Холодно вамъ..." не то спросилъ, не то такъ себѣ замѣтилъ, но съ видимымъ участіемъ „профессоръ", обращаясь къ ученикамъ, когда урокъ кончился.

— Нѣтъ, тёпло!.. тёпло!... вдругъ загалдѣли смѣло голоса.

Ревизоръ разсмѣялся. И было чего: бѣдные бурсаки никакъ, вѣдь, не могли себѣ представить, чтобы можно было иначе отвѣчать и не выручить начальства... Они готовы были для поддержанія чести заведенія конюшню превратить въ баню.. Вмѣшался учитель. Онъ пояснилъ, что холодъ въ классахъ очень большое неудобство. Ревизоръ ничего не сказалъ и снова обратился къ ученикамъ съ какимъ-то вопросомъ. Къ этому времени вошелъ Мазница и нашелъ случай доложить, что на предшествующемъ урокѣ онъ занимался въ этомъ классѣ переводомъ съ русскаго на латинскій примѣровъ...

— «Я имъ такъ, безъ книги... наизусть...

— Ну, и вретъ же! подумалъ, конечно, каждый бурсакъ.

Ревизоръ заинтересовался. Спросилъ, какой послѣдній примѣръ переводили. Мазница поспѣшилъ ткнуть пальцемъ въ одного бойкаго ученика.

— «Читай!»

— Читайте, читайте! повторилъ ревизоръ, подчеркивая множественное число.

Пока ученикъ бойко отчеканивалъ длинный примѣръ, который заучивали цѣлый часъ, и разъяснялъ, почему «non locus et vestis discipulum ornat», а наоборотъ, прочіе съ явнымъ злорадствомъ поглядывали на Мазницу, по общему мнѣнію, уже сконфуженнаго: обратился на «ты» и—осѣкся,..

На другой день повторилось почти тоже самое, только ревизоръ слушалъ урокъ уже не географіи, а русскаго языка; на третій—Закона Божія,—по три урока въ день въ трехъ классахъ. Никого не «срѣзалъ», если не считать недоразумѣнія на урокѣ русскаго языка, когда ученикъ эффектно прочелъ періодъ въ стихахъ, а учитель, вынужденный объяснить слова «ложная мудрость» понесъ такую чепуху, что ревизоръ посовѣтовалъ «оставить это»; ни на кого не кричалъ, былъ тихъ и деликатенъ; внушилъ къ себѣ необычайное довѣріе учениковъ... *Не того ждали!* Это и было темой разговоровъ за обѣдомъ и на сонъ грядущій во дни ревизіи.. Отличившіеся ученики были, конечно, героями дня...

— «Что же врали семинаристы въ письмахъ про О-ва?»

— Какъ врали?

— «Да такъ: врали и—баста...

— А, можетъ и не врали!

— «Какъ же! Этотъ-то все узнаетъ? Ожидай...»

— А можетъ и узнаетъ?

— «Да что онъ узнаетъ? Посидитъ, посидитъ на урокахъ и кончитъ ревизію...»

Скоро, однако, и скептики должны были признать, что О-въ дѣйствительно много узналъ. Перемѣна взгляда произошла главнымъ образомъ послѣ того, когда онъ на четвертый день посѣтилъ квартиры. Во-первыхъ, умудрился посѣтить чуть-ли не всѣ въ одно время, очень искусно лишивъ возможности заранѣе узнать суть его осмотра. Во-вторыхъ, на квартирахъ въ 5—10 минутъ успѣлъ заглянуть въ такія норы, что не одна хозяйка только руками всплеснула. Наконецъ, внушеннымъ ученикамъ довѣріемъ воспользовался такъ ловко, что иные учителя и даже нѣкоторые ученики послѣ отъѣзда ревизора должны были почувствовать себя прескверно.

Какъ это могло случиться? Ларчикъ открывался довольно просто.

Ревизоръ, очевидно, уже прибылъ со значительной подготовкой: услужили вовсе даже неумышленно семинаристы, недавніе питомцы II-ой бурсы... Осмотрѣвъ извѣстную квартиру, онъ бралъ одного ученика, который долженъ былъ проводить его до воротъ слѣдующей, названной ревизоромъ. Во время осмотровъ не только на неосмотрѣнныхъ квартирахъ всѣ ученики оставались дома, но даже изъ посѣщенныхъ никто не рѣшался выйти за ворота: было что-то и сказано, было и повторное, чреватое послѣдствіями, посѣщеніе квартиры... «по ошибкѣ» что-ли. По недлинному пути «проффесоръ» успѣвалъ поставить осчастливленному чичероне нѣсколько вопросовъ съ такой простотой и такъ подъ-часъ незамѣтно, что никакое чувство чести бурсы не могло спасти: и бурсакъ «проговаривался», наивно обнаруживая то, что, при другихъ условіяхъ, имъ же самимъ было бы прикрыто.

— «А вы тоже были въ числѣ тѣхъ, кому инспекторъ «пали корешками" *) давалъ?

— Въ этомъ году никого не били! увѣренно и наивно отвѣчаетъ чичероне.

— «Да, да... а въ прошломъ году и васъ били?

— Разъ... шепчетъ бѣдный, сконфуженный бурсакъ...

— «А кто же бывалъ на урокахъ, когда учителя выѣзжали изъ города?»

Это случалось въ праздничные дни. Чудныя окрестности, гостепріимные сельскіе батюшки и матушки,—какъ не провести праздничный вечеръ гдѣ-нибудь въ деревнѣ на берегу Днѣпра? И на другой день какъ поспѣть на уроки? Да и къ чему? Кто узнаетъ? Спрошенный жмется, не находитъ, что отвѣчать, ревизору и не нужно больше...

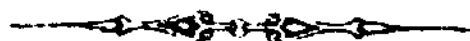
*) „Па́ли" соб. битье линейкой по ладони. Мазница любилъ прежде линейку замѣнять корешками пучка розокъ. Не придумали другого названія, остались „пали" и тутъ.

И сколько несчастныхъ бурсаковъ, безусловно даже ставившихъ выше всего честь бурсы, попались, какъ куръ во щи, нечаянно сошпіонничавъ! Можно себѣ представить и то, какое впечатлѣніе произвели на всѣхъ разсказы объ этихъ бесѣдахъ на улицѣ!... Иные даже съ счастливѣйшей улыбкой передавали разговоры, иные прилагали къ нимъ и лишнее; но... улыбка довольнаго вдругъ смѣнялась гримасой натворившаго бѣдъ, когда выяснились «фокусы» дипломата.

Говорилъ ли ревизоръ что-нибудь учителямъ,—осталось тайной, только училище послѣ отъѣзда ревизора стало во многомъ неузнаваемымъ... Что укрѣпилось «вы»—это конечно вздоръ. Но откуда у учителей явилось столько прыти? Съ чего стали они вдругъ «ужасно» исправными? Почему такъ откровенно присмирѣлъ Мазница? Какія это завелись собранія учителей безъ выпивки и преферанса? О какихъ бумагахъ изъ «Правленія Семинаріи» толкуютъ они? Что такое?

Увы! бѣдные бурсаки, терявшіеся въ догадкахъ, что принесетъ имъ реформа, которую долженъ же былъ привезти съ собой ревизоръ, теперь еще больше растерялись. Когда же 18-лѣтнему верзилѣ, уже второе пятилѣтіе сидѣвшему въ 1 (по счету бурсы—второй) классѣ *) и рѣшительно недоумѣвавшему, какъ выкарабкаться изъ фаръ, было объявлено, что на четверый повторительный курсъ уже нельзя оставаться, онъ выразилъ настроеніе многихъ длительнымъ звукомъ: «фю—ю—ю!...»

П. Ворваковскій.

*) Курсъ класса—2 года; былъ одинъ, просидѣвшій 3 или 4 курса, не помню но изъ перваго класса вышедшій прямо „въ жизнь".

Западно-русская церковь при митр. Петрѣ Могилѣ.

(1633—1646 гг.).

(Продолженіе) [1]).

V.

Наиболѣе крупные факты, характеризующіе борьбу между православными и уніатами во время, близкое къ сейму 1638 г.—Инструкція посламъ на этотъ сеймъ со стороны Волынскаго дворянства.—Сеймъ 1638 г. и бурная борьба изъ-за вопросовъ религіозныхъ.—Конституція означеннаго сейма о греческой религіи и занесенные противъ нея протесты латино-уніатовъ.—Отнятіе у православныхъ Люблинской Спасо-Преображенской церкви.—Подготовленія къ сейму 1639 г. со стороны обѣихъ враждующихъ сторонъ: инструкціи посламъ отъ православныхъ и противоположныя требованія уніатовъ.—Отрывочныя свѣдѣнія о сеймѣ 1639 года („сорванномъ"), и проектированная на немъ конституція, благопріятная православнымъ.—Нападеніе въ Кіевѣ на студента Кіево-Могилянской коллегіи и казнь его безъ разслѣдованія дѣла.—Впечатлѣніе, произведенное этою казнью на П. Могилу и С. Коссова.—Подготовленія П. Могилы къ сейму 1640 г.—Рѣчь на означенномъ сеймѣ Оссолинскаго.—Результаты сейма.—Продолжающіяся волненія въ Холмщинѣ вслѣдствіе притѣсненій православныхъ М. Терлецкимъ.

Между тѣмъ пререканія, обоюдныя оскорбленія и судебные процессы среди православныхъ и уніатовъ не прекращались. Отъ этихъ неурядицъ страдали обѣ стороны, не менѣе страдало и само государство, правильное теченіе дѣлъ въ которомъ нерѣдко нарушалось безконечными религіозными распрями. Намъ нѣтъ надобности подробно излагать исторію борьбы съ латино-уніатами за разсматриваемое время. Для яснаго представленія объ этой борьбѣ

*) См. „Кіевская Старина" 1898 г. мартъ.

достаточно указать на болѣе крупные факты, ее характеризующіе, и въ общихъ чертахъ изобразить картину религіозныхъ раздоровъ.

Самымъ печальнымъ для православныхъ событіемъ, случившимся вскорѣ послѣ несостоявшагося въ 1637 году сейма, былъ декретъ Петроковскаго трибунала, осудившій на „инфамію" перемышльскаго епископа Сильвестра Гулевича и многихъ другихъ православныхъ (большею частію дворянъ) за нападеніе и насильственное отнятіе отъ уніатовъ монастыря св. Спаса" [1]). Инфамія была однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ наказаній въ Рѣчи-Посполитой; она подвергала подпадавшихъ ей лицъ лишенію всѣхъ гражданскихъ правъ и покровительства закона. Какъ человѣкъ, лишенный „чести", Гулевичъ чрезъ то самое утрачивалъ тѣ права, которыя предоставлены были ему, какъ „привилегированному" (оффиціально признанному правительствомъ) епископу, лишался и тѣхъ бенефицій, которыя пріурочены были къ занимаемой имъ каѳедрѣ. Въ виду этого перемышльскій уніатскій епископъ Аѳанасій Крупецкій сталъ хлопотать о возвращеніи ему Спасскаго монастыря и другихъ духовныхъ бенефицій, предоставленныхъ статьями примиренія и королевскою, на основаніи ихъ, привилегіею православной перемышльской каѳедрѣ, и эти притязанія Крупецкаго судебныя мѣста признали подлежащими удовлетворенію. Естественно, что Петроковскій декретъ вызвалъ сильное неудовольствіе и волненіе въ средѣ православныхъ. Появились протесты противъ него и прилагались всевозможныя старанія къ его уничтоженію. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ православные были сильны, дворянство въ инструкціяхъ посламъ, отправляемымъ на сеймы (начиная съ приготовленій къ сейму 1638 г.), наказывало имъ ходатайствовать предъ его королевскою милостію и усердныя прилагать старанія предъ чинами Рѣчи-Посполитой, чтобы Гулевичъ и другія, вмѣстѣ съ нимъ невинно осужденныя на инфамію лица были освобождены отъ нея и ихъ честь (honory) была возстановлена. Дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ принималъ и Петръ Могила, какъ представитель православной церкви, интересы которой существенно были затронуты инфаміею Гулевича. Послѣ передачи Крупецкому нѣкоторыхъ «духовныхъ бенефицій», пріуроченныхъ къ перемышльской православной епархіи, Могила послалъ своихъ уполномоченныхъ (духовныхъ лицъ о. о. Антонія и Филоѳея) въ Перемышль, гдѣ по этому поводу учиненъ былъ въ гродскомъ судѣ процессъ. Эти уполномоченныя отъ имени митрополита лица заявляли

[1]) Ind. inscrip. castr. Premisl., въ Львов. Берн. Архивѣ. № кн. 359, л. 435 и слѣд.

въ судѣ, что передача уніатскому епископу бенефицій, пріуроченныхъ статьями примиренія къ православной перемышльской каѳедрѣ, противорѣчитъ сеймовому постановленію, утвердившему эти статьи, и выданному на основаніи онаго королевскому «диплому», что въ данномъ случаѣ дѣло касается не одного Гулевича, такъ какъ не ему одному принадлежитъ перемышльская епископія, но всего, не находящагося въ уніи, русскаго народа, права и интересъ котораго въ этомъ дѣлѣ подвегаются ущербу и попранію... [1]). Тѣмъ не менѣе, не смотря на энергичные хлопоты разныхъ слоевъ православнаго общества, прискорбное дѣло объ инфаміи Гулевича довольно долго, до сейма 1641 года, не получало благопріятнаго исхода, да и тогда окончено было—какъ увидимъ—не безъ жертвы со стороны православныхъ.

Въ луцкой епископіи отношенія между владыками православнымъ (Пузыною) и уніатскимъ (Почаповскимъ) были тоже не мирныя. Послѣдній былъ недоволенъ тѣмъ, что Пузына при посредствѣ комиссаровъ отобралъ отъ уніатовъ въ Луцкѣ церкви Михайловскую, Рождественскую и Пятницкую и поступилъ въ этомъ случаѣ „мимо конституцію и привилегій его королевской милости", такъ какъ, по добровольному соглашенію самого Пузыны и волынскихъ обывателей, „владыцтво луцкое" ему, Почаповскому, предоставлено было пожизненно [2]). Дѣло объ этомъ доходило до трибунала, гдѣ состоялось опредѣленіе—возвратить церкви уніатскому епископу. Но когда судебныя власти хотѣли было привести въ исполненіе это опредѣленіе, то намѣстникъ Пузыны и его слуги „не допустили" ихъ до этого „именемъ его милости пана и пастыря своего", при чемъ слугою Типицкимъ, находившимся около Пятницкой церкви, произнесена была такая угроза: „скорѣе его милость отецъ Почаповскій головы своей лишится, нежели эту церковь въ посессію свою возьметъ"... Недоволенъ былъ Почаповскій и тѣмъ, что Пузына грунтъ церковный, на которомъ, якобы еще отъ временъ Витовта, „на святую унію" церковь во имя Покрова была фундована, насильственно отнялъ и построилъ на немъ новую церковь. Совершая въ ней служеніе (11 октября 1637 г.) Пузына,—какъ значится въ протестаціи противъ него, занесенной отъ имени Почаповскаго,—говорилъ проповѣдь, въ которой „словами непристойными, славѣ доброй и гонорови его милости отца Почаповского, епископа луцкого и острожского, шкодячими, лжилъ, соромотилъ, за якогось

---

[1]) Копія наход. въ библ. греко-ун. Перемышльскаго собора.

[2]) Древн. акты Холм. епархіи. т. I (рукоп.)

геретика и одщепенца такъ самого его милость епископа, яко и все духовенство въ уніи святой будучее, на здоровье оного одповедаючи, поличилъ“ [1])...

Въ томъ же октябрѣ 1637 года Іеремія Почаповскій скончался. Послѣ его смерти „луцкая епископія со всѣми принадлежащими къ ней имѣніями“ должна была перейти въ вѣдѣніе православнаго луцкаго епископа. Поэтому Аѳанасій Пузына тотчасъ же по смерти Почаповскаго вступилъ въ фактическое владѣніе означенною епископіею. Но латино-уніатская партія нашла возможнымъ протестовать и противъ этого на томъ основаніи, что Пузына учинилъ это „безъ вѣдомости короля, какъ верховнаго подавцы всѣхъ добръ и хлѣбовъ духовныхъ“, и, такимъ образомъ, якобы оказалъ неуваженіе верховной власти. И король, подъ давленіемъ латиноуніатской партіи, 28 октября 1637 г. издалъ универсалъ, въ которомъ приказывалъ Пузынѣ каѳедру, церкви, помѣстья, вообще все, что имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи Почаповскій, передать назначаемому имъ, королемъ, „администратору епископіи луцкой“, каковымъ, грамотою отъ 30 октября, и былъ назначенъ владимірскій и брестскій уніатскій епископъ Іосифъ Мокосѣй-Баковецкій [2]). Такое постановленіе короля шло въ разрѣзъ съ его прежними грамотами, а потому Пузыною не было исполнено, а спустя нѣсколько мѣсяцевъ было отмѣнено (во время сейма 1638 г.) и самимъ королемъ, хотя—очевидно—не безъ хлопотъ и издержекъ со стороны православныхъ [3]).

Въ могилевской епархіи продолжалась безконечная тяжба Сильвестра Коссова съ уніатскимъ архіепископомъ Селявою изъ-за въѣзда перваго въ Полоцкъ, обращеніе уніатовъ въ православіе и т. п. [4]). Къ этой тяжбѣ присоединились новые процессы съ уніат-

---

[1]) Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. I. VI. № CCXCVI.

[2]) Кіев. Центр. Архивъ; № кн. 2152 л. 1030 об. и слѣд.

[3]) Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. I. т. VI. № CCXCIX. Въ луцкихъ гродскихъ книгахъ за декабрь 1637 находится обширное дѣло (Кіев. *Центр. Арх.*, № к. 1004, лл. 1137—1148), изъ коего видно, что Аѳ. Пузына тотчасъ же послѣ смерти Почаповскаго, основываясь на упомянутой нами „ассекураціи“, выданной ему на коронаціонномъ сеймѣ 1633 г., занялъ „луцкую епископію“, т. е. вступилъ во владѣніе каѳедральною и нѣкоторыми другими церквами, а также церковными владѣніями бывшими дотолѣ въ вѣдѣніи уніатовъ. Если вѣрить протестаціи, занесенной противъ Пузыны владимірскимъ уніатскимъ епископомъ Баковецкимъ, то означенное вступленіе на епископію было ничѣмъ инымъ, какъ наѣздами „черезъ людей арматныхъ“ числомъ до 400 „разныхъ націй и милиціи: езды и пехоты“.

[4]) Витебская Старина. Изд. Сапунова. т V. ч. I. стр. 149 и слѣд.

скимъ смоленскимъ епископомъ Львомъ Кревзою, рьянымъ уніатомъ, крайне тѣснившимъ православныхъ и обращеніе ихъ къ Сильвестру Коссову за удовлетвореніемъ религіозныхъ потребностей строго преслѣдовавшимъ.

Въ Вильнѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ шли пререканія между уніатами и православными по поводу распредѣленія церквей и отказовъ подчиниться рѣшеніямъ по данному вопросу королевскихъ комиссаровъ... [1]. Въ Холмщинѣ православные по прежнему испытывали тяжелый гнетъ Меѳодія Терлецкаго, вслѣдствіе чего проникались все большимъ и большимъ озлобленіемъ противъ него, не всегда скрываемымъ подъ личиною вынужденной покорности [2].

Не прекращались (едва ли не подъ вліяніемъ католиковъ) и вспышки фанатизма противъ православія, проявлявшіяся въ нападеніяхъ на церковные процессіи православныхъ и принимавшія иногда характеръ буйныхъ побоищъ разнузданной толпы. Такъ—по свидѣтельству современника—въ г. Острогѣ, на пасху 1637 года, во время церковной процессіи, совершаемой православными, на духовенство и прихожанъ („мѣщанъ") католиками слѣлано было нападеніе, сопровождавшееся побоями, истязаніями и, кажется, не обошедшееся даже безъ убійства („zabiano") [3]. Подобному оскорбленію въ томъ же году подвергались даже православные кіевляне при совершеніи обычной церковной процессіи 1-го августа, въ присутствіи самого митрополита Петра Могилы. У несущихъ церковныя хоругви усѣкались руки (ręce usiekano); происходило побоище, стрѣлянье изъ ружей и т. п. Самъ митрополитъ съ духовенствомъ едва успѣлъ скрыться въ алтарь рынковой церкви (Успенія Пресвятой Богородицы, находившейся на рынкѣ), гдѣ, очевидно, совершалъ передъ тѣмъ богослуженіе [4].

Но 10 марта 1638 года назначенъ былъ общій шестинедѣльный сеймъ въ Варшавѣ. Волынское дворянство на предварительномъ, частномъ соймѣ въ Луцкѣ (такъ называемомъ сеймикѣ предсеймо-

---

[1]) Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Минской губ. № 108.

[2]) Древніе акты холмской епархіи (въ Холмскомъ церковно-археол. музеѣ) кн. № 1.

[3]) Indicium, to iest pokazanie Cerkwie prawdziwey. Полемическое сочиненіе, составленное въ 1638 г. инокомъ Винницкаго монастыря. Свѣдѣнія объ этомъ сочиненіи см. у Я. Головацкаго въ брошюрѣ: *Библіографическіе находки во Львовѣ* Въ полномъ видѣ напечатано нами въ *Архивѣ Юго-Зап. Россіи* (имѣющемъ вскорѣ появиться въ свѣтъ).

[4]) Ibid.

вомъ) въ своей инструкціи посламъ, отправляемымъ на Варшавскій сеймъ, на первомъ планѣ поставило охрану интересовъ православной вѣры. „Прежде всего,—говорилось здѣсь,—ихъ милости паны послы наши должны стараться о томъ, чтобы люди греческой религіи, не находящіеся въ уніи, дѣйствительно успокоены были, и то, что поставлено было на елекціи, счастливой коронаціи и бывшемъ послѣ нея шестинедѣльномъ сеймѣ (1635), согласно со статьями примиренія и съ дипломомъ, одобреннымъ сеймомъ, было приведено въ исполненіе, и чтобы епископія луцкая и острожская со всѣмъ ей принадлежащимъ, по случаю смерти Почаповскаго, отдана была отцу Пузынѣ, владыкѣ православнóму (nieunitowi). И не должны паны послы приступать ни къ какимъ совѣщаніямъ и не позволять ни на одинъ артикулъ (сеймовой конституціи) до тѣхъ поръ, пока не воспослѣдуетъ означенное успокоеніе. Манифестаціи, послѣ сеймовъ вопреки праву занесенныя, должны быть кассированы, а равнымъ образомъ и процессы относительно дѣлъ религіозныхъ, начатые въ разныхъ городахъ, уничтожены; передача церквей (православныхъ) чрезъ посредство коммиссій имѣютъ быть (сеймомъ) одобрены; привилегіи, которыя выданы отъ королевской милости, пана нашего милостиваго, и до настоящаго времени еще не запечатанныя (т. е. къ которымъ не приложены канцлерами печати), должны быть скрѣплены печатями". Инструкціею посламъ вмѣнялось также въ обязанность ходатайствовать предъ королемъ и Рѣчью Посполитою о „снесеніи баниціи" съ перемышльскаго епископа Сильвестра Гулевича и другихъ, вмѣстѣ съ нимъ осужденныхъ лицъ за извѣстное намъ дѣло о нападеніи на Спасскій монастырь, такъ какъ это прискорбное дѣло произошло—по заявленію Волынскаго дворянства—вслѣдствіе оказаннаго Крупецкимъ (уніатскимъ епископомъ) сопротивленія опредѣленію Рѣчи Посполитой (предоставлявшему означенный монастырь православнымъ), и произведенный надъ Гулевичемъ и другими дворянами судъ нельзя назвать справедливымъ [1]).

Варшавскій сеймъ 1638 года открылся своевременно. Естественно, что бурная борьба изъ-за вопросовъ религіозныхъ происходила и на немъ. Случайное обстоятельство, не имѣвшее отношенія къ православнымъ,—именно, оскорбленіе студентами Раковской социніанской академіи святыни католической [2]), — усложнило задачу

---

[1]) Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. II. т. I. № XXI. стр. 233—234, 242.

[2]) Имѣемъ въ виду весьма громкое въ свое время дѣло (сильно раздутое латино-уніатами) о разбитіи студентами Раковской академіи стоявшаго за городомъ католическаго креста съ изображеніемъ распятія,—дѣло, возбудившее бурю на

православныхъ депутатовъ при защитѣ правъ своей церкви, такъ какъ озлобленіе „добрыхъ католиковъ“ противъ всего „не католическаго“ нашло новую пищу для трактацій о вредѣ, наносимомъ государству диссидентами (къ которымъ причислялись и „схизматики“, т. е. православные). Но въ числѣ православныхъ депутатовъ на сеймѣ опять находились извѣстные намъ ревнители православія— Адамъ Кисель, князь Четвертинскій и другіе, которые съ свойственною имъ энергіею, дѣловитостію и краснорѣчіемъ (особенно Кисель) отстаивали интересы православія. Ими заявлено было, что постановленія предшествующихъ сеймовъ относительно православной религіи не всецѣло приведены въ исполненіе и нѣкоторыя церкви, предназначенныя православнымъ, имъ доселѣ еще не переданы; мало того, латино-уніатами занесены протестаціи противъ сеймовыхъ постановленій и дѣла по вопросамъ религіознымъ направляются ими въ трибуналы, которые—вопреки сеймовымъ постановленіямъ—рѣшаютъ эти дѣла не въ пользу православныхъ и даже воспрещаютъ свободу вѣроисповѣданія, вслѣдствіе чего дарованныя православной церкви права нарушаются и православные незаконно подвергаются тяжкимъ испытаніямъ и преслѣдованіямъ. Выставляя на видъ все это, депутаты настаивали, чтобы начатые противъ православныхъ процессы были уничтожены, состоявшееся опредѣленіе о перемышльскомъ епископѣ С. Гулевичѣ и осужденыхъ вмѣстѣ съ нимъ на банницію дворянахъ было кассировано, а главное, чтобы на будущее время—и это должно быть узаконено—дѣла по вопросамъ религіознымъ, относительно коихъ состоялось сеймовое постановленіе, были (если возбудится какое-либо недоразумѣніе) обсуждаемы на сеймахъ, и трибуналы по этимъ дѣламъ, урегулированнымъ „статьями примиренія“, никого ни привлекали къ своему суду. Въ обстоятельной рѣчи по этому вопросу, Адамъ Кисель—по заявленію автора сеймоваго дневника 1638 г.—справедливыя и многочисленныя доказательства приводилъ, что „Pacta“, которыя устанавливаются всею Рѣчью Посполитою, не имѣютъ никакого значенія, коль скоро трибуналы ихъ ниспровергаютъ (psuią). Требованія православныхъ встрѣтили сильное сопротивленіе со стороны латино-уніатской партіи, особенно по вопросу о снесеніи банниціи съ осужденныхъ на нее три-

---

сеймѣ 1638 г., вызвавшее назначеніе специальной коммиссіи для обслѣдованія происшествія на мѣстѣ, едва не стоившее жизни владѣльцу Ракова, „аріанину“ Якову Сѣненскому, и закончившееся декретомъ (приведеннымъ въ исполненіе) о закрытіи *на вѣчныя* времена Раковской Академіи и окончательномъ уничтоженіи ея зданій („сравнены съ землею“).—Pamiętniki Radziwiłła. 1. 370, 371, 374.

буналомъ лицъ. Пререканія между обѣими сторонами доходили до грубостей. Такъ, по поводу заявленія Киселя объ оскорбленіяхъ, испытываемыхъ православными отъ католическаго духовенства, подкоморій краковскій воскликнулъ: „и какого чорта вы хотите? Насъ, католиковъ, ксендзы терзаютъ и утруждаютъ (szarpaią y trudnią), а вы желали бы избѣжать этого!" Вообще дѣло принимало обычно острый при разсужденіяхъ о религіозныхъ вопросахъ характеръ. Зашла было рѣчь, чтобы, на основаніи прежнихъ примѣровъ, прибѣгнуть къ посредничеству короля и положиться на его рѣшеніе по данному вопросу. Но католики не позволяли и на это (не дозволялъ подкоморій перемышльскій—главный противникъ „снесенія инфаміи" съ Гулевича) и настаивали, чтобы въ виду краткости остававшагося для сеймовыхъ разсужденій времени вопросы религіозные были оставлены и приступлено было къ совѣщаніямъ о важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ. Но православные заявили, что для нихъ ничего драгоцѣннѣйшаго религіи быть не можетъ, а потому они не приступятъ къ совѣщаніямъ о другихъ дѣлахъ, если она не будетъ окончательно, сообразно съ ихъ требованіями, „успокоена".—„Мое дѣло (о религіи)—говорилъ Кисель—затрудняетъ сеймъ и производитъ замѣшательство между вашими милостями (сеймовыми депутатами). Хорошо, я съ своими дѣлами отклоняюсь: разсуждайте о своихъ; но я заявляю и въ этомъ смыслѣ вношу протестацію, что все, что бы ни было вами постановлено, не будетъ имѣть значенія, если мой артикулъ (объ успокоеніи греческой религіи) не будетъ утвержденъ сеймомъ", Словомъ, Кисель угрожалъ сорвать сеймъ [1]).

Настойчивость православныхъ увѣнчалась значительнымъ успѣхомъ. Въ сеймовую конституцію 1638 г., кромѣ подтвержденія постановленій о греческой религіи, состоявшихся на сеймѣ 1635 г., внесено было добавленіе, чтобы „на будущее время декреты, которые имѣютъ силу закона, не были предметомъ судебныхъ обсужденій на трибуналахъ" [2]). Выхлопотана была въ это время православными грамота и Аѳанасію Пузынѣ, представлявшая ему (согласно со „статьями успокоенія" и съ письменнымъ удостовѣреніемъ короля) „духовныя бенефиціи" луцкой епископіи, издавна къ ней принадлежащія и временно, до кончины уніатскаго луцкаго епископа Почаповскаго, находившіяся въ пользованіи послѣдняго [3]). Но

[1]) Діаріушъ сейма 1638 г. находящійся въ библ. Краковскаго Университета по каталогу рукописей № 2285.

[2]) См. сеймовую конституцію означеннаго года.

[3]) Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. I. т. VI. № CCXCIX,

снести инфамію съ Гулевича и другихъ, осужденныхъ вмѣстѣ съ нимъ лицъ православныхъ, на этомъ сеймѣ не удалось.

Непосредственно послѣ сейма латино-уніатами занесено было въ Варшавскія гродскія книги двѣ дословно сходныя между собою протестаціи по поводу сеймоваго опредѣленія о греческой религіи: одна отъ имени представителей католической и уніатской церквей, другая —отъ имени нѣкоторыхъ, бывшихъ на сеймѣ пословъ. Въ протестаціяхъ говорилось, что какъ прежде, во время самаго чтенія конституціи о греческой религіи, они, протестующіе, не соглашались на нее, дабы не отягощать своей совѣсти и руководствуясь выясненнымъ по сему вопросу мнѣніемъ сѣдалища Апостольскаго, такъ и въ настоящее время не позволяютъ на эту, противную ихъ совѣсти, конституцію, не принимаютъ оной и во всемъ ей противорѣчатъ [1]).

Подобные протесты, свидѣтельствуя о крайнемъ возбужденіи ультра-католической партіи и объ ея нежеланіи добровольно подчиняться сеймовымъ постановленіямъ, не предвѣщали ничего хорошаго, тѣмъ болѣе, что самъ король, подъ давленіемъ означенной партіи, обвинявшей его „въ недостойномъ добраго католика сочувствіи къ схизматикамъ“ (о чемъ были донесенія и въ Римъ), все чаще и чаще сталъ обнаруживать тѣ прискорбныя колебанія по отношенію къ православнымъ, послѣдствіемъ которыхъ появлялись съ его стороны распоряженія, находившіяся въ противорѣчіи съ прежде выданными имъ привилегіями. Мы знаемъ, что во время коронаціоннаго сейма Владиславъ IV, между прочимъ, выдалъ Люблинскому православному братству привилегію, которою оно *на вѣчныя времена* освобождалось отъ юрисдикціи холмскаго уніатскаго владыки и отдавалось „въ дозоръ и послушаніе“ православному („въ уніи не будучему“) митрополиту кіевскому и его преемникамъ. Самъ Меѳодій Терлецкій (уніатскій холмскій епископъ) на первыхъ порахъ мало дорожилъ Люблиномъ, такъ какъ, по его словамъ, въ этомъ городѣ „схизма издавна свила гнѣздо“, и уніатовъ здѣсь не было. Но съ теченіемъ времени, ободренный успѣшною борьбою съ православными въ Холмѣ и другихъ городахъ, ускользая (благодаря поддержкѣ латино-уніатскихъ властей) отъ наказанія за свои противозаконныя дѣйствія при насильственномъ отобраніи отъ православныхъ церквей,—Терлецкій рѣшился наложить свою руку и на Люблинское братство. Въ концѣ 1638 года онъ успѣлъ выхло-

[1]) Тогдвременный печатный экзем. протестаціи 1638 г. находится въ музеѣ Чарторыжскихъ въ Краковѣ.

потать изъ королевской канцеляріи грамоту, гдѣ подъ предлогомъ, „чтобы божественная служба и всѣ религіозные обряды совершались въ церкви Люблинскаго братства надлежащимъ образомъ и не такъ безпорядочно, какъ они совершаются нынѣ часто смѣняющимися бродячими попами, чуждающимися святой уніи“,—Люблинская Спасо-Преображенская церковь „со всѣми ея доходами, пожитками, землями, слугами и людьми церковными, издавна ей принадлежащими,“ отдавалась „превелебному епископу Меѳодію Терлецкому до его смерти, или же добровольнаго отреченія, въ полное его распоряженіе“ [1]). Терлецкій не замедлилъ воспользоваться королевскою грамотою и, при помощи католиковъ, насильственно отнялъ у Люблинскаго братства его церковь. Такъ какъ этому беззаконному дѣлу приданъ былъ видъ до извѣстной степени легальный (Терлецкій опирался на королевскую грамоту), то естественно, что православные посмотрѣли на него, какъ на „возмутительное поруганіе сеймовыхъ постановленій и торжественной присяги короля“. Люблинское братство поспѣшило занести въ гродскія луцкія книги данную ему Владиславомъ IV привилегію и начало судебный противъ Терлецкаго процессъ [2]). Въ виду печальныхъ послѣдствій, которыми угрожала „Люблинская трагедія“ правовому положенію всей православной церкви (ибо открывалась латино-уніатамъ перспектива получить изъ королевской канцеляріи грамоты, ниспровергавшія прежнія королевскія привилегіи), поступокъ Терлецкаго произвелъ необычайное движеніе во всемъ православномъ обществѣ [3]). Вообще это дѣло—

---

[1]) Акты гродск. Любл. obl. кн. 68, стр. 20 (цитата по статьѣ г. Логганова: „Древнѣйшій православный храмъ въ Люблинѣ и существовавшее въ немъ братство“,—помѣщенной въ Холмско-Варшавскомъ Вѣст. 1883 г. № 3, стр. 50).

[2]) Древніе акты Холмской епархіи (въ Холмскомъ церковно-арх. музеѣ) кн. 1.

[3]) Весьма энергичная боевая рѣчь пана *Василія Литинскаго* (депутата) по поводу отнятія у православныхъ Люблинской церкви помѣщена у *Грондскаго* въ его сочиненіи: Historia belli Cosacco-polonici, изд. въ 1789 году (см. стр. 13—14). Невѣрно г. Логгановъ („Холмско-Варшав. Вѣстникъ“ 1883 г. № 2) и другіе, имъ указываемые изслѣдователи, относятъ означенную рѣчь ко времени царствованія Сигизмунда III. Заявленіе Грондскаго: „regnavit avtem (во время произнесенія рѣчи) Vladislavus IV“, вполнѣ согласуется съ самымъ содержаніемъ рѣчи („modernum feliciter regnantem“) и со всѣми другими историческими данными относительно Люблинской церкви.—Въ сочиненіи уніата *Пахомія Войны Оранскаго*, епископа пинскаго и туровскаго, изд. въ 1645 году въ Вильнѣ подъ заглавіемъ: „Zwierciadło albo zasłona... Perspektywie przez x. Kassiana, złożonego archimandritę Dubieńskiego, zebraney y napisaney, et caet“.,—по поводу отнятія

объ отнятіи у Люблинскаго братства церкви—было въ разсматриваемое время дѣломъ весьма громкимъ и, по мнѣнію польскихъ писателей, должно быть поставлено въ ряду не маловажныхъ причинъ, подготовившихъ козацкое возстаніе.

На 31 октября 1639 года назначенъ былъ общій сеймъ въ Варшавѣ. Въ виду не прекращавшихся пререканій между православными по поводу распредѣленія между ними церквей и происходившихъ вслѣдствіе этого враждебныхъ столкновеній, въ особенности въ виду „люблинской трагедіи", — обѣ враждующія стороны подготовлялись къ нему весьма дѣятельно. Волынское дворянство въ инструкціи посламъ, отправляемымъ на сеймъ, вмѣняло имъ въ обязанность ходатайствовать, чтобы постановленія предшествующихъ сеймовъ объ успокоеніи православной религіи всецѣло приведены были въ исполненіе, чтобы „церкви братскія, въ уніи не находящіяся, какъ въ Коронѣ, такъ и въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, были апробованы конституціею согласно съ пунктами, составленными во время избирательнаго сейма, и немедленно со всѣмъ, имъ принадлежащимъ, возвращены были православнымъ, особенно въ Люблинѣ, Красномъ-Ставѣ, Сокалѣ, Бельзѣ и другихъ городахъ, откуда воспослѣдуютъ на сеймъ жалобы"; а такъ какъ церкви въ означенныхъ городахъ въ недавнее время насильственно отняты были холмскимъ (уніатскимъ) епископомъ, то чтобы такія лица, нарушающія законъ и общее спокойствіе, подвергались самымъ тяжкимъ наказаніямъ, такъ какъ ихъ дѣйствія направлены къ ниспроверженію правъ, скрѣпленныхъ королевскою присягою, пунктовъ, постановленныхъ во время избирательнаго сейма, и привилегій, одобренныхъ сеймовою конституціею. Вслѣдствіе правонарушеній (говорится въ инструкціи), которыя учинилъ холмскій епископъ, основываясь—по его словамъ—на выпрошенной у короля привилегіи, онъ до крайности стѣснилъ православныхъ: отнявши церкви, заключаетъ въ тюрьмы поповъ и мучаетъ ихъ, вслѣдствіе чего, а также запе-

у православныхъ Люблинской церкви читаемъ: Decreta ich mciow p. p. deputatow Lubielskich, pełne miłości y sprawiedliwości świętey, za ktorą od Pana Boga wieczney zapłaty czekaią, a od ludzi nie tylko unitow, ale też ritus romani powinni mieć pochwalę y podziękowanie,—te, mowę, decreta, ktoremi iest cerkiew Lubelska unitom przysądzona, za nic poczyta (Кассіанъ Саковичъ), samych ichm. p. p. deputatow za oyce turbaciey y hałasow mianuie".—Очевидно, въ данномъ случаѣ, Орансній имѣетъ въ виду слѣдующее мѣсто въ Perspectiw'ѣ Саковича: „Dla iedney cerkwi Lubelskiey seymy do rozerwania przychodzą, y cerkiew za to nie stoi, co turbacyi na seymikach y na seymach przynosi y przynosić będzie, iesli disunitow nie uspokoią" (предисловіе „do czytelnika religiey Graecoruskiey", стр. 13—14).

чатыванія имъ церквей, взрослые умираютъ безъ исповѣди и напутствія св. тайнами, дѣти—безъ крещенія, и хоронятся на поляхъ безъ обычныхъ обрядовъ. Волынское дворянство требовало также, чтобы комиссіи, назначенныя для распредѣленія между православными и уніатами церквей, возобновили свою дѣятельность и довели порученное имъ дѣло до конца; протестаціи, занесенныя латино-уніатами противъ статей успокоенія, были-бы уничтожены, а привилегіи, выданныя православнымъ, снабжены требуемыми закономъ печатями. Занесена была въ инструкцію также жалоба на уніатскаго владимірскаго епископа Баковецкаго, который, въ виду предстоявшей передачи луцкой каѳедральной церкви православному епископу Пузынѣ, забралъ изъ нея находившіяся здѣсь святыни: древо св. креста, частицу мощей св. Пантелеймона, а также старинные кресты, чаши и другія церковныя принадлежности, и доселѣ удерживаетъ ихъ у себя, несмотря на приказаніе короля о возвращеніи незаконно забраннаго. Не забытъ былъ Волынскимъ дворянствомъ и перемышльскій епископъ Сильвестръ Гулевичъ, о возстановленіи котораго въ гражданскихъ правахъ (а равно о возстановленіи „чести" и другихъ, осужденныхъ вмѣстѣ съ нимъ лицъ) оно вторично поручало посламъ ходатайствовать передъ королемъ и сеймомъ [1]).

Воспослѣдовали на сеймъ просьбы отъ православныхъ и изъ другихъ западно-русскихъ городовъ по поводу обидъ и притѣсненій, испытываемыхъ ими со стороны латино-уніатовъ. Такъ Виленскіе братчики ходатайствовали о предоставленіи православнымъ Вильны церквей, присужденныхъ имъ правительственною властію, но доселѣ находившихся „въ посессіи" уніатовъ; [2]) могилевскій епископъ Сильвестръ Коссовъ—объ уничтоженіи судебныхъ приговоровъ, возникшихъ по поводу извѣстной его поѣздки въ г. Полоцкъ; [3]) граждане Полоцка—объ отмѣнѣ впервые состоявшагося при Сигизмундѣ III постановленія, по которому въ магистратѣ имѣли право засѣдать только католики и уніаты, и т. п. [4])

Не бездѣйствовала въ это время и латино-уніатская партія. Не имѣя у себя подъ ногами юридической почвы и предвидя, что православные на сеймѣ будутъ при защитѣ своей церкви ссылаться на существующія узаконенія, на вошедшія въ силу законныя (сей-

[1]) Архивъ Юго-Зап, Рос. ч. II. т. 1, № XXII, стр. 254—255.
[2]) Древніе акты Холмской епархіи.
[3]) Архивъ греко-ун. митр. св. № 36.
[4]) Radziwiłł, Pamiętniki, 1. 433.

мовыя) постановленія по дѣламъ религіознымъ,—латино-уніаты возлагали свои надежды на „добрыхъ католиковъ,“ на фанатическое отношеніе послѣднихъ къ схизмѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на расшатанность правовыхъ устоевъ Рѣчи Посполитой. До нашего времени дошло любопытное наставленіе (informatia) уніатовъ депутатамъ своего лагеря, отправлявшимся на сеймъ 1638 года. Это наставленіе прекрасно иллюстрируетъ тѣ пріемы, посредствомъ которыхъ латино-уніатская партія стремилась затормозить (и нерѣдко дѣйствительно тормозила) приведеніе въ исполненіе основанныхъ на „статьяхъ примиренія“ правительственныхъ распоряженій и отстаивала допускаемыя его правонарушенія по отношенію къ православнымъ. Наставленіе состоитъ изъ слѣдующихъ трехъ пунктовъ.

1) „Его милость панъ Кисель—предвидятъ латино-уніаты—будетъ домогаться, чтобы дизунитамъ немедленно возвращена была Люблинская церковь“.—На это требованіе депутаты должны отвѣчать на сеймѣ, что уніаты заняли означенную церковь „не безъ опредѣленнаго права; поэтому пусть дизуниты посредствомъ права (т. е. судебнымъ порядкомъ) и заботятся объ ея возвращеніи“. Къ этому слѣдуетъ присовокупить, что люблинскіе послы, которымъ естественнѣе всего было бы вести рѣчь объ означенной церкви, требованія о возвращеніи ея дизунитамъ не предъявляютъ.

2) „Панъ Кисель будетъ хлопотать“, чтобы нѣкоторыя виленскія церкви, находящіяся въ настоящее время во владѣніи уніатовъ, отданы были дизунитамъ“.—Противъ этого домогательства депутаты должны выставить слѣдующее: а) дизуниты въ Вильнѣ на одномъ погостѣ имѣютъ уже три церкви, изъ которыхъ если-бы и одна наполнялась народомъ, достаточно бы для нихъ было; б) по какому праву дизуниты могутъ отчуждать отъ уніатовъ церкви?—И если они претендуютъ на такое право, то пусть, согласно оному, и вчиняютъ процессы объ означенныхъ церквахъ; в) если дизуниты домогаются тѣхъ церквей, основываясь на статьяхъ примиренія, составленныхъ на избирательномъ сеймѣ, то относительно этихъ устарѣвшихъ (ulegowanych) статей занесены многочисленныя протестаціи на сеймахъ, особенно же протестовало Великое Княжество Литовское, которые не требовало и не потребуетъ комиссаровъ (для распредѣленія церквей), потому что ему извѣстны ихъ дѣянія на Волыни,—дѣянія, сопровождавшіяся пролитіемъ крови и бунтами, чего слѣдуетъ остерегаться на будущее время; г) намѣреніе дизунитовъ состоитъ въ томъ, чтобы, отобравши отъ уніатовъ церкви, истребить св. унію, но дозволить этого не допускаетъ совѣсть католическая, въ виду извѣстныхъ мнѣній по сему предмету римскаго престола (ссылка на буллу Caenae Domini).

3) Панъ Кисель будетъ стараться, „чтобы постановлена была конституція, которою бы прежнія конституціи о греческой религіи были подтверждены.“ — На это требованіе долженъ быть данъ такой отвѣтъ: противъ всѣхъ прежнихъ конституцій, подъ угрозою насилій постановленныхъ, занесены протесты отъ всѣхъ чиновъ, посему онѣ не имѣютъ силы закона, а отсюда и дизуниты никакого права.

Наставленіе заканчивается покорною просьбою къ посламъ, чтобы они послѣ того, какъ на прошлыхъ сеймахъ своими протестами обезсилили права дизунитовъ, новою конституціею не укрѣпляли оныя [1]).

Мы выше замѣтили, что протестаціи противъ сеймовыхъ конституцій не могли имѣть юридическаго значенія, какъ направленныя противъ постановленій, сдѣлавшихся общеобязательнымъ закономъ; но онѣ, при расшатанности коренныхъ устоевъ правительственной власти, побуждали лицъ, не сочувствовавшихъ тѣмъ или инымъ узаконеніямъ, неуважительно относиться къ нимъ и тормозить приведеніе ихъ въ исполненіе. Указанное нами наставленіе — одно изъ краснорѣчивыхъ доказательствъ справедливости сказаннаго, „Статьи примиренія“, въ виду занесенныхъ противъ нихъ протестовъ, уніаты считаютъ уже устарѣлыми и силы закона не имѣющими, хотя имъ, разумѣется, хорошо было извѣстно, что конституціи, коль скоро онѣ не отмѣнены общимъ сеймомъ, не перестаютъ имѣть значеніе, для всѣхъ общеобязательное (какъ lex publica)... Характеренъ и совѣтъ, даваемый уніатами православнымъ — возстановить нарушенныя права своей церкви посредствомъ обычныхъ судебныхъ процессовъ, не перенося дѣлъ объ этомъ на сеймъ. Совѣтъ этотъ показываетъ (что подтверждается и многими судебными процессами того времени), какъ трудно было разсчитывать православнымъ на законную защиту своихъ правъ по дѣламъ религіознымъ въ судебныхъ учрежденіяхъ. Зависѣло это не столько отъ царившаго здѣсь взяточничества (православные не скупы были на подарки), сколько отъ того, что судебныя мѣста наполнены были большею частію католиками и уніатами, и въ числѣ ихъ немало было лицъ, до фанатизма нерасположенныхъ къ православію и искренно думав-

[1]) Древніе акты Холмской епархіи. Въ инструкцію посламъ, избраннымъ на Бѣльскомъ сеймикѣ (1639 г.) занесена, между прочимъ, слѣдующая петиція: „Także za iego mścią x. Krupieckim (уніатскимъ перемышльскимъ епископомъ) przyczynią się (послы), żeby w krzywdzeniu iego wielkim, ktore ponosi od xiędza Ulewicka (православнаго перемышльскаго епископа), był uspokoiony. (Рукоп. библіот. Оссолинскихъ во Львовѣ, № 1196, л. 66).

шихъ, что они, потворствуя незаконнымъ притязаніямъ приверженцевъ папизма при ихъ распряхъ съ православными, оказываютъ услугу отечеству и уготовляютъ себѣ вѣнецъ на небѣ. Такія мысли благовременно и безвременно старалось внушить имъ латино-уніатское духовенство. При погребеніи Яна Коленды († 1636), воеводича виленскаго, занимавшаго должность трибунальскаго земскаго писаря, „старшій" виленскаго уніатскаго монастыря Алексѣй Дубовичъ (лицо вліятельное въ уніатскомъ мірѣ) осыпаетъ въ „погребовомъ казаніи" умершаго похвалами, между прочимъ, за то, что онъ оказалъ незабвенныя услуги уніатамъ во время борьбы ихъ съ православными. „Прежде,—говорилъ Дубовичъ,—когда засѣдали въ виленскомъ судѣ противники вѣры (przeciwnicy wiary), возможны были и суровые декреты даже противъ высокопоставленныхъ духовныхъ особъ. Теперь же,—продолжалъ проповѣдникъ, обращаясь къ умершему,—любовь свою къ св. уніи ты доказалъ своимъ перомъ, ибо ты, великій писарь, не разъ писалъ декреты противъ гордой схизмы, какъ-бы противъ второго Валтасара; и въ этотъ послѣдній годъ твоей жизни ты написалъ не одинъ декретъ противъ крокодиловаго плача, противъ адскаго крика, противъ хитрыхъ старцевъ, посягавшихъ на честь невинной Сусанны (т. е. уніатской церкви)" [1]).

Сеймъ 1639 года отличался особенно бурнымъ характеромъ, и въ концѣ концовъ былъ „сорванъ". Обстоятельныхъ свѣдѣній о борьбѣ на этомъ сеймѣ между православными и уніатами мы не имѣемъ; но изъ отрывочныхъ сохранившихся свѣдѣній можно заключить, что пререканія между тѣми и другими были, по обычаю, упорныя, доходившія до обоюдныхъ оскорбленій. Радзивиллъ въ своемъ дневникѣ (давая окраску событіямъ, какъ подобало „доброму католику") пишетъ, что 17 ноября нѣкоторые послы, подговоренные еретиками, пришли къ королю съ просьбою, чтобы холмскій епископъ (Меѳодій Терлецкій) былъ осужденъ (był zganiony) за то, что ревностно возсталъ противъ еретиковъ". Не подлежитъ сомнѣнію, что Радзивиллъ въ данномъ случаѣ говоритъ о жалобахъ на Терлецкаго за его незаконныя притѣсненія православныхъ и въ особенности за насильственное отнятіе у нихъ Люблинской церкви,—что тогда составляло одну изъ главныхъ злобъ дня. По

---

[1]) Pioro lekkie, cięžki swiąt noszące, na pogrebie i. m. p. Iana Kollendy, woiewodicza Wilenskiego, trybunalskiege, ziemskiego pisarza, w Wilnie, w cerkwi S. Troyciy oycow Bazylianow w iedności s. będacych, roku 1636, dnia 18 miesiąca dec. wystawione przez o. Alexego Dubowicza, starszego mon. Wilenskiego. Wilno 1637.

свидѣтельству Радзивилла, при этомъ находился и самъ Терлецкій (вѣроятно, призванный королемъ), который „wolneyszym głosem“ отозвался на жалобы православныхъ. Каковы были эти „свободныя рѣчи“ холмскаго епископа, Радзивилломъ опущенныя, можно отчасти заключить изъ приведенныхъ въ дневникѣ заключительныхъ словъ Терлецкаго; „пусть,—говорилъ онъ,—обратятся (православные) въ католицизмъ; и тогда навѣрное не будутъ оскорбляться моими словами [1]). Очевидно, „апостолъ уніи“ разразился обычными въ его устахъ „поносными словами“ по адресу православной церкви, мало стѣсняясь даже и присутствіемъ короля.

Но сочувствіе послѣдняго, повидимому, и на этотъ разъ было на сторонѣ православныхъ. Это видно изъ разсказа Радзивилла, съ прискорбіемъ имъ передаваемаго, „о справѣ Полоцкой“. Дѣло состояло въ слѣдующемъ. Полоцкіе уніаты во время коронаціи Владислава IV выхлопотали подтвержденіе грамоты Сигизмунда III, которою присутствіе въ магистратѣ (т. е. избраніе на магистратскія должности) предоставлялось только католикамъ и уніатамъ. Православные обвиняли въ этомъ своего мѣстнаго посла на сеймъ (очевидно, католика), который учинилъ „измѣну“ противъ данной ему инструкціи, и такъ какъ „означенный артикулъ“ помѣщенъ въ королевской грамотѣ вопреки давнѣйшихъ привилегій г. Полоцку, просили объ его уничтоженіи. Дѣло объ этомъ перешло на такъ называемый реляціонный судъ (бывшій во время сейма), гдѣ обыкновенно предсѣдательствовалъ самъ король. Присутствовалъ на судѣ въ качествѣ сенатора и Радзивиллъ. Послѣдній сильно стоялъ за уніатовъ, говоря, что помянутая грамота „славной и святой памяти Сигизмунда, отца настоящаго короля, можетъ быть признаваема за декретъ, а поэтому, вслѣдствіе сыновней любви, король обязанъ не отмѣнять столь святого отеческаго декрета“. Но Радзивиллъ увидѣлъ „гнѣвливое королевское лицо“ и ничего не могъ достигнуть „у предубѣжденнаго короля, желавшаго кассировать тотъ декретъ, и едва упросилъ время на размышленіе до будущаго судебнаго засѣданія“.—До какой степени королю, окруженному сановниками въ родѣ Радзивилла, трудно было стоять на высотѣ своего положенія и осуществлять мѣропріятія, направленныя къ религіозному умиротворенію своихъ подданныхъ,—видно изъ дальнѣйшаго разсказа Радзивилла, который и приводимъ здѣсь въ полномъ видѣ. „Вечеромъ,—пишетъ въ дневникѣ Радзивиллъ,—я пошелъ къ королевѣ и обратился къ ней съ просьбою, чтобы она отклоняла

[1]) Pamiętniki Radziwiłła. I. 421—422.

короля отъ склонности и пріязни къ еретикамъ и схизматикамъ, потому что онъ обнаруживаетъ явное пристрастіе къ нимъ, какъ въ дѣлѣ полоцкомъ, такъ и въ дѣлѣ о безпорядкахъ въ Вильнѣ. Иначе (если король не оставитъ своихъ намѣреній) должно опасаться, какъ бы Всевышній Богъ, вслѣдствіе пренебреженія его славою, не предалъ королевскій домъ превратностямъ. Послѣ этихъ словъ тяжко и жалостно вздохнула королева и сказала: „не по людскому разсудку поступаетъ такъ король: я опасаюсь, *не ослѣпленъ ли онъ чарами отъ еретиковъ*; однако буду стараться при благопріятномъ случаѣ вселять въ него большее расположеніе къ католикамъ.“ [1])

Есть въ дневникѣ Радзивилла извѣстіе и о томъ, что въ посольскомъ колѣ поднялись было голоса о лишеніи Киселя депутатскихъ полномочій. [2]) Такое заявленіе дѣлаемо было и на сеймѣ 1638 г. [3]) Въ обоихъ случаяхъ предлогомъ къ устраненію Киселя отъ участія въ сеймовыхъ совѣщаніяхъ выставлялись юридическія основанія. Но, вѣроятнѣе всего, коренная причина означенной попытки, исходящей изъ латино-уніатскаго лагеря, заключалась въ желаніи лишить православныхъ самаго виднаго и энергичнаго защитника ихъ интересовъ. Ясный намекъ на это дѣлаетъ самъ Радзивиллъ, когда называетъ Киселя (при разсказѣ объ означенномъ случаѣ) „нарушителемъ покоя и совѣщаній“ (turbatorem pokoiu i obrad), безъ сомнѣнія, имѣя въ виду рѣшительные его протесты не приступать ни къ какимъ совѣщаніямъ на сеймѣ прежде, чѣмъ не удовлетворены будутъ требованія православныхъ. Означенныя попытки ультра-католической партіи „избавиться отъ нарушителя покоя“ успѣха не имѣли (въ противномъ случаѣ православные, разумѣется, немедленно „сорвали бы сеймъ“). Дѣло православныхъ, по свидѣтельству бывшаго на сеймѣ мстиславскаго епископа С. Коссова, приняли было благопріятный оборотъ и уже проектирована была конституція, которою подтверждались статьи примиренія и привилегіи, данныя православнымъ на основаніи конституціи 1635 г., кассировались процессы, начатые по дѣламъ религіознымъ, а главное, „церкви, которыя были во владѣніи православныхъ и потомъ отъ нихъ отобраны, вновь возвращались имъ,“ и на будущее время дѣла о правонарушеніяхъ по дѣламъ религіознымъ (о чемъ сильно хлопотали православные) должны были непосредственно восходить на

---

[1]) Ibid. I. 433.

[2]) Ibid. I. 425.

[3]) Діаріушъ сейма 1638 г.

обсужденіе сейма.—[1]). „Но врагъ душевный—писалъ С. Коссовъ къ Петру Могилѣ, очевидно, по какимъ-то обстоятельствамъ на этотъ разъ не бывшему на сеймѣ—врагъ душевный, который привыкъ вредить, если что наиполезнѣйшее дѣлается для святой церкви, постарался объ этомъ и теперь, когда уже на семъ сеймѣ намѣчена была весьма благопріятная для насъ конституція." [2]). Очевидно, въ данномъ случаѣ Коссовъ имѣетъ въ виду неблагополучный исходъ сейма, который—какъ мы сказали—былъ при окончаніи его сорванъ. Такимъ образомъ и означенная конституція оставалась мертвою буквою.

Слѣдующій общій сеймъ созванъ былъ въ самомъ скоромъ времени послѣ неудавшагося сейма 1639 года, въ виду неотложной необходимости, именно—„небезпеченства отъ поганъ" (турокъ), уже опустошавшихъ южныя окраины государства. На этомъ сеймѣ былъ и Петръ Могила. Кромѣ общихъ нуждъ церкви, побуждавшихъ митрополита лично присутствовать почти на всѣхъ предшествовавшихъ сеймахъ, въ данное время были и особыя обстоятельства, требовавшія личнаго его присутствія на сеймѣ предстоявшемъ. Въ самомъ Кіевѣ,—городѣ наиболѣе огражденномъ отъ посягательства латино-уніатской партіи,—произошелъ крайне прискорбный для православныхъ случай. „Въ первый понедѣльникъ великаго поста,—читаемъ въ письмѣ Петра Могилы къ могилевскимъ братчикамъ,—когда студентъ Өедоръ Гоголевскій шелъ черезъ рынокъ, его схватили и повлекли въ замокъ. Когда спрашивали, почему такъ поступлено, намѣстникъ (кіевскаго воеводы) выставилъ своего слугу, сыщика, который, на основаніи незначительной ссоры съ кѣмъ-то въ корчмѣ, доказывалъ, будто бы проходившіе ночью студенты сдѣлали нападеніе на домъ (корчму) и кого-то ранили. Намѣстникъ, не произведши никакого разслѣдованія и даже несмотря на то, что не было никого и раненаго (битаго), тотчасъ приказалъ обезглавить студента".—Все это случилось въ отсутствіе митрополита изъ Кіева. Петръ Могила былъ чрезвычайно огорченъ и возмущенъ означеннымъ поступкомъ гражданской власти. Дѣло касалось любимаго его дѣтища—кіевской коллегіи, и самыя дѣйствія намѣстника, явно враждебныя по отношенію къ коллегіи, а главное противозаконныя (безъ разслѣдованія дѣла), вызывая естественныя опасенія, что подобные случаи могутъ повторяться и на будущее время, могли произвести панику въ средѣ учащейся молодежи. Митрополитъ такъ и посмотрѣлъ на это дѣло.

---

[1]) Рукоп. сборникъ библ. Кіево-Печер. лавры; № 20 л. 21 об.

[2]) Ibid. л. 16 об.

Въ упомянутомъ письмѣ онъ означенный поступокъ намѣстника объясняетъ кознями кіевскаго воеводы (Тышкевича) и вообще враговъ православія, которые, досадуя, что въ кіево-могилянской коллегіи обучается великая „громада" молодежи, и предвидя, что, обучившись, она *ясно можетъ показать всему свѣту правду и могущественно будетъ оборонять православную церковь*, рѣшили взвести клевету на какого-либо студента означенной коллегіи, обвинивъ его въ криминальномъ преступленіи. Намѣстникъ дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ по приказанію воеводы; быстрою казнью Гоголевскаго—безъ суда и слѣдствія—имѣлось въ виду устрашить остальныхъ студентовъ, „чтобы они разбѣглись по другимъ училищамъ, въ которыхъ прежде обучались [1]).—Такъ же горячо принято было къ сердцу печальное извѣстіе о казни Гоголевскаго и другими лицами, близко стоявшими къ коллегіи. Сильвестръ Коссовъ, въ своемъ отвѣтѣ на письмо П. Могилы съ извѣстіемъ объ означенномъ событіи, горько оплакиваетъ *„разбойничье дѣянье"* кіевскаго воеводы и даетъ совѣтъ всѣми силами стараться, чтобы на будущее время противъ подобныхъ дерзкихъ поступковъ установлены были Рѣчью Посполитою соотвѣтствующія кары. „Я самъ—пишетъ Коссовъ—не полѣнился бы отправиться на сеймъ, еслибы тому не препятствовали мое крайнее убожество и бремя лежащихъ на мнѣ долговъ, возложенное на меня лжебратіями (уніатами)" [2]).

Не богатъ былъ деньгами въ это время и Петръ Могила. Отправляясь на сеймъ съ жалобою на кіевскаго воеводу и его клевретовъ, а также съ ходатайствами по обще-церковнымъ дѣламъ, „готовый для цѣлости церкви правдивой и здоровье свое кончити,"—онъ обращался къ могилевскому братству (и, вѣроятно, къ другимъ) съ просьбою оказать ему денежное вспомоществованіе, потому что неоднократныя поѣздки его на сеймы, необходимыя въ интересахъ православія, совершенно истощили его денежныя средства. „Продковъ моихъ, господаровъ, скарбци на то пошли; клейнотовъ, злота, сребра ничого ми отчистого не зостало." Между тѣмъ безъ денегъ на сеймахъ трудно достигнуть успѣха: „таковые рѣчи безъ швайцы (шило) золотое зшитися не могутъ". [3])

---

[1]) Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Минской губ. № 112, стр. 223 и слѣд.

[2]) Рукоп. сборн. библ. Кіево-Печ. лавры; № 20, л. 17.

[3]) Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Минской губ. № 112, стр. 226.

Сеймъ 1640 года созванъ былъ исключительно въ виду угрожавшей государству опасности отъ татаръ. Всякія разсужденія о другихъ предметахъ при сеймовыхъ совѣщаніяхъ не должны были имѣть мѣста. Но при той жгучести религіозныхъ вопросовъ, которая присуща была тому времени, и эти вопросы не разъ поднимаемы были на сеймѣ. Первый починъ къ волненіямъ изъ-за религіозныхъ вопросовъ произвело лицо, отъ котораго, повидимому, всего менѣе слѣдовало бы ожидать этого,—канцлеръ Оссолинскій. Когда, предъ началомъ сеймовыхъ совѣщаній, больной король на ложѣ внесенъ былъ въ палату сената и начаты были рѣчи о жалованьѣ войскамъ и средствахъ для борьбы съ турками и татарами, Оссолинскій обратился къ королю съ слѣдующею рѣчью: „О чемъ другомъ я могу напомнить тебѣ, найяснѣйшій король, какъ не о томъ, отъ чего должно начинать всѣ наши дѣла и совѣщанія, т. е. о славѣ Божіей и цѣлости святой церкви? А такъ какъ въ настоящее время обѣ онѣ безбожно нарушены, то необходимо пристойнымъ образомъ снять съ себя это прегрѣшеніе, въ противномъ случаѣ всѣ наши проекты и бесѣды, весь государственный строй, всѣ опредѣленія и распоряженія обратятся въ дымъ, а отчизна и мы сами въ пепелъ. Когда ваше королевское величество намѣреваешься поднять святой крестъ на непріятелей, когда хочешь церкви и наслѣдіе Божіе исторгнуть изъ рукъ язычниковъ,—нужно предварительно столь благочестивому государю въ своемъ государствѣ на то обратить вниманіе, чтобы самого Бога освободить отъ поношенія и поруганія. Тогда не только тотъ внѣшній непріятель, хотя и сильный, но и самъ адъ и весь міръ, хотя бы и на части разсыпался, не будутъ намъ страшны. Знаетъ Богъ, какъ малою горстію людей охранять свою славу. Кто желаетъ видѣть примѣры этого, пусть обратится къ библіи и богословамъ; мнѣ, человѣку свѣтскому, достаточно только напомнить о томъ, чего требуетъ обязанность христіанская и католическая по отношенію къ Богу и святой вѣрѣ, которую, когда ваше королевское величество, согласно лежащему на тебѣ долгу, не допустишь до попранія, Господь Богъ воздвигнетъ упадшее твое здоровье и силы на побѣды и тріумфы!“ [1]).

Поводомъ къ произнесенію такой рѣчи послужило слѣдующее обстоятельство. Въ Вильнѣ, во время свадебнаго пира у одного протестантскаго пастора, перепившіеся кальвинисты стали стрѣлять изъ лука въ находившійся противъ пасторскаго дома католическій костелъ.

---

[1]) Kibal. Jerzy Ossolinski. l. 220 (на основаніи рукоп. библ. Dzieduszyckich).

Когда разнеслась объ этомъ вѣсть, католическое простонародіе кинулось на кальвинистскую кирху и ограбило рядомъ стоящій съ нею домъ. Начался процессъ. Кальвинисты съ запальчивостью обвиняли въ происшедшемъ возмущеніи католиковъ, а послѣдніе съ неменьшею страстностью возлагали всю вину на кальвинистовъ [1]).

Подобныя происшествія въ Польшѣ, при тогдашнемъ разгарѣ религіозныхъ страстей, не были рѣдкостью, и нужно замѣтить, что почины къ такимъ „бунтамъ" большею частію дѣлаемы были іезуитскими студентами, зачастую оскорблявшими святыни другихъ вѣроисповѣданій. Такимъ образомъ происшествіе не выходило изъ ряда обычныхъ,—и во всякомъ случаѣ на сеймѣ, созванномъ исключительно для обороны государства отъ наступившаго врага, не естественно было министру короля заявлять, что опасность отъ означеннаго врага гораздо меньше, чѣмъ отъ нѣсколькихъ напившихся кальвинистовъ. Чтобы понять поступокъ Оссолинскаго, нужно имѣть въ виду, что въ разсматриваемое время значеніе его при дворѣ пошатнулось, съ сенаторами установились отношенія натянутыя, попытки сблизиться съ „коломъ посольскимъ" успѣхомъ не увѣнчались. Онъ началъ терять почву подъ ногами и, какъ человѣкъ крайне честолюбивый, желая возвратить утрачиваемое положеніе государственнаго дѣятеля, рѣшился примкнуть къ сильной поддержкою изъ Рима ультра-католической партіи. Интересамъ означенной партіи съ этого времени онъ и начинаетъ служить, осыпаемый похвалами отъ „апостольскаго сѣдалища".

Если Оссолинскій нашелъ небезвременнымъ въ личныхъ своихъ интересахъ выдвинуть на сеймѣ 1640 г. вопросы религіозные, тѣмъ съ большимъ основаніемъ могли сдѣлать это православные въ виду указанныхъ нами правонарушеній со стороны латино-уніатовъ. Главнымъ предметомъ горячихъ преній со стороны православныхъ служило нарушеніе „статей примиренія," выразившееся, между прочимъ, въ незаконномъ отнятіи у нихъ Люблинской церкви. А. Радзивиллъ, присутствовавшій и на этомъ сеймѣ, подъ 5-мъ числомъ мая пишетъ: „Религія греческая причиняла много безпокойствъ посламъ; ибо владыка холмскій отнялъ церковь въ Люблинѣ у схизматиковъ, которые старались объ ея возвращеніи. Когда всѣ совѣтовали имъ домогаться этого обычнымъ судебнымъ порядкомъ, посолъ Кисель, схизматикъ, возсталъ противъ сего, утверждая, что чрезъ такой поступокъ pacta conventa нарушены, и права православныхъ должны

[1]) Pamiętniki Radziwiłła, t. II, str. 2, 14, 21, 23.

быть возстановлены сеймомъ.“ Подъ 13-мъ числомъ мая у того же Радзивилла читаемъ: „Трудное Люблинское дѣло относительно отнятія у схизматиковъ церкви поручено было депутатамъ отъ сената и рыцарства. Тѣ донесли королю, что фундація означенной церкви была безъ обычнаго разрѣшенія властей, а потому не принадлежитъ ни схизматикамъ, ни уніатамъ; такимъ образомъ, все это дѣло скорѣе было бы окончено, еслибы, отказавши обѣимъ сторонамъ, присудить церковь католикамъ. Но въ это время одинъ изъ бискуповъ, *къ соблазну всѣхъ католиковъ, началъ говорить въ пользу схизматиковъ*, и дѣло на сеймѣ такъ и не кончилось“ [1]).

Безъ сомнѣнія, достигавшіе до Варшавы слухи о все болѣе и болѣе увеличивавшейся опасности отъ татаръ побудили православныхъ депутатовъ, склоняемыхъ къ тому просьбами короля, отложить свои петиціи по жгучимъ религіознымъ вопросамъ до будущаго сейма и не препятствовать разсужденіямъ о неотложномъ дѣлѣ—„охранѣ государства.“ Дѣйствительно, сеймовая конституція 1640 года посвящена исключительно подробному изложенію мѣропріятій, относящихся къ означенной охранѣ. [2])

Во время сейма 1640 года православными, по ихъ просьбамъ, получено было только нѣсколько частныхъ грамотъ, выдача которыхъ зависѣла отъ короля. Такъ, напр., Петромъ Могилою исходатайствована была въ это время грамота Владислава IV, жалующая Кіево-Братскому монастырю двѣ церкви въ Кіевѣ — Трехсвятительскую и Воздвиженія Честнаго Креста со всѣми принадлежащими къ нимъ угодьями [3]). Надо полагать, въ это же время испрошенъ былъ имъ „листъ“ и къ кіевскому воеводѣ съ наказомъ не чинить такихъ безправій, какія обнаружены были въ дѣлѣ студента Гоголевскаго. По крайней мѣрѣ съ этого времени до самой кончины Петра Могилы свѣдѣній о какихъ-либо притѣсненіяхъ со стороны гражданской власти по отношенію къ кіевской коллегіи и вообще относительно православныхъ кіевлянъ, мы не встрѣчаемъ.

Но въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ во главѣ латино-уніатской партіи стояли лица, привыкшія игнорировать распоряженія короля, клонившіяся къ умиротворенію „людей, разрозненныхъ въ вѣрѣ“,— православные продолжали терпѣть опрессіи. Въ особенности, какъ

---

[1]) Ibid. II, 12—13.

[2]) См. сеймовую конституцію означеннаго года.

[3]) Памятники Кіев. комм. т. II, ч. 1, стр. 144.

и въ предшествующее время, имъ приходилось много испытывать притѣсненій въ городахъ, входившихъ въ составъ холмской (уніатской) епархіи. Здѣсь отношенія между православными и уніатами были крайне обострены, и чаша долготерпѣнія первыхъ, гонимыхъ Терлецкимъ, нерѣдко переполнялась, слѣдствіемъ чего были открытыя возмущенія православныхъ противъ означеннаго „апостола уніи" и его клевретовъ. Считая попытки православныхъ отобрать отъ уніатовъ отчужденныя отъ нихъ королевскими коммиссіями церкви бунтами и придавая этимъ попыткамъ характеръ противо-государственныхъ и уголовныхъ преступленій, Терлецкій вчинилъ цѣлый рядъ исковъ противъ ревнителей православія и, находя себѣ поддержку въ судебныхъ учрежденіяхъ, наполненныхъ папистами, почти всегда выигрывалъ дѣло. Православные подвергались штрафамъ, тюремнымъ заключеніямъ, а иногда даже (когда обвинялись въ оскорбленіи латино-уніатской святыни) изрекаемы были противъ нихъ и смертные приговоры. Мы уже сказали выше, что казовыя послѣдствія этой борьбы Терлецкаго съ православными были для него благопріятны: во избѣжаніе наказаній обвиняемые признавали надъ собою власть холмскаго уніатскаго епископа, и его словесное стадо численно значительно увеличивалось. Но стадо это, загнанное въ овчарню „новаго Зороавеля" бичами и скорпіонами, не было стадомъ послушнымъ: оно ненавидѣло унію, и при первой возможности накипѣвшая въ сердцахъ злоба противъ „гонителя благочестія" (православія) ярко выступала наружу. Намъ нѣтъ надобности подробно излагать борьбу православныхъ съ этимъ епископомъ-фанатикомъ. Но для характеристики этой борьбы и въ особенности отношеній православныхъ къ Терлецкому считаемъ не лишнимъ привести нѣсколько фактовъ, случившихся около разсматриваемаго нами времени «Простонародье (plebs) г. Тышковицъ—читаемъ въ протестаціи. Терлецкаго—учинили заговоры и произвели возмущеніе съ цѣлью возстановленія здѣсь схизмы: напали на церковь, выгнали изъ нея поповъ, въ святой уніи находящихся, заграбили всю церковную утварь и, разнесши ее по домамъ, понадѣлали изъ нея домашнихъ вещей» [1]). Словесное стадо Терлецкаго въ г. Парчевѣ позывалось къ суду за то, что отказалось приносить новопоставленнымъ отъ него уніатскимъ попамъ добровольныя приношенія, не приглашало ихъ для требоисправленій, оскорбляло словами и дѣйствіями, рас-

[1]) Древніе акты Холмс. епархіи (въ Холмскомъ церковно-арх. музеѣ) т. I. Выдержки изъ докум. см. въ статьѣ о. Стефана Семеновича („Холмско-Варшавскій епарх. Вѣстникъ", 1881 г. № 24, стр. 398).

таскало и присвоило себѣ церковныя вещи [1]).—Въ Сокалѣ запечатанныя Терлецкимъ церкви были распечатаны и церковная утварь изъ нихъ „схизматиками" унесена и скрыта; а „сакраментъ", освященный уніатскимъ священникомъ, будто-бы выброшенъ былъ in aedibus abiectis [2]). Въ особенности весьма интересны судебныя показанія семнадцати свидѣтелей о сопротивленіи, оказанномъ жителями г. Бельза Меѳодію Терлецкому при попыткѣ его подчинить ихъ своей власти. Приведемъ первое изъ этихъ свидѣтельскихъ показаній въ полномъ видѣ.

Во-первыхъ, „славетный" Петръ Грушевскій, гражданинъ и бывшій бургомистръ Белзскій, по приведеніи къ присягѣ, показалъ слѣдующее: „Мнѣ хорошо извѣстно, что когда въ прошлую пятницу вечеромъ пріѣхалъ въ здѣшній городъ (Бельзъ) превелебный отецъ владыка холмскій и белзскій, въ тотъ же день пріѣхалъ сюда же, не знаю откуда, Симеонъ Казаникъ и далъ знать попамъ церквей Никольской, Пятницкой и Свято-Духовской, что холмскій владыка прибудетъ въ пятницу, а также извѣстилъ объ этомъ и прихожанъ означенныхъ церквей, которые тотчасъ же, подущаемые къ тому Дацкомъ Панчукомъ, Сенькою Туржикомъ, а также Пархицкимъ, прихожанами Свято-Духовской церкви,—собравшись ночью съ пятницы на субботу, позакладали бревнами двери двухъ церквей, Свято-Духовской и Пятницкой, и ходили изъ дома въ домъ, упрашивая, чтобы каждый прихожанинъ съ бронею и оружіемъ, кто какое имѣетъ, выходили къ тѣмъ церквамъ на стражу; тогда и меня самого Сихничекъ съ Войтовской улицы просилъ, обратившись съ слѣдующими словами: „Ратуй (защити) насъ отъ того поганина, уніата!" Потомъ утромъ, въ воскресенье, когда владыка послалъ своихъ отцовъ (священниковъ) къ церкви, имѣя въ виду совершить въ ней богослуженіе, прихожане означенныхъ трехъ церквей подняли тревогу и во множествѣ собрались около каждой церкви, мужчины и женщины, съ палками, кочергами, кольями, которыхъ наготовили не мало. Когда приблизились сюда упомянутые отцы, прихожане означенныхъ церквей бросились на нихъ (отцевъ), толкая и ругая: „дай Богъ, чтобы несчастье напало на того уніата злодѣя! Не достоинъ онъ отворить наши церкви и не допустимъ его до этого, хотя бы насъ казнили, поотрубивши головы, потому что онъ

---

[1]) Ibidem.

[2]) Древніе акты Холмской епархіи (въ холм. церковно-арх. музеѣ) т. I.

намъ не пастырь.“ Слышалъ я также набатъ при Пятницкой церкви, произведенный съ цѣлью, чтобы другіе обѣгались къ ней“ [1]).

Показанія остальныхъ свидѣтелей въ существенныхъ чертахъ сходны между собою и отличаются одно отъ другого только нѣкоторыми незначительными подробностями. Несмотря на то, что большинство этихъ показаній дано было католиками, въ ихъ справедливости сомнѣваться нельзя. Въ глазахъ православныхъ Терлецкій дѣйствительно былъ *злодѣемъ*, *поганиномъ*, *псомъ*, *собакою*,— и, доведенные его поступками до крайняго раздраженія, они, не обинуясь, во всеуслышаніе и надѣляли его подобными эпитетами.

С. Голубевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Ibidem.

Письма Ѳ. Г. Лебединцева къ брату въ Кіевъ.

1866 годъ.

Письмо 1. [1])

Видно, въ тяжелый день я выѣхалъ въ Варшаву, что, воротившись оттуда, до сихъ поръ не соберусь написать вамъ. Все отчеты, да разныя текущія дѣла, а недавно въ Люблинъ ѣздилъ, также по дѣламъ.

Въ Варшаву, какъ я писалъ уже, Витте звалъ по случаю пріѣзда Милютина [2]). Видѣлъ же я сего великаго дѣятеля по дѣламъ Польши, — сперва въ его квартирѣ, въ Брюлевскомъ дворцѣ, куда возилъ меня Витте, потомъ на обѣдѣ у Витте, потомъ у Черкасскаго и, наконецъ, на балѣ у Намѣстника, куда и азъ многогрѣшный затесался. Прехорошій человѣкъ, чрезвычайно ласковый и привѣтливый. Много распрашивалъ онъ меня о галичанахъ, и много добраго успѣлъ я сдѣлать для нихъ чрезъ него. Милютинъ, по моему представленію, согласился снабжать чрезъ меня галичанъ русскими книгами на счетъ правительства,—предоставить имъ стипендіи въ университетахъ, допускать въ Холмскую гимназію и на педагогическіе курсы и даже въ гражданскую службу. Завязать такую связь необходимо, о чемъ когда-нибудь на досугѣ буду писать пространнѣе. Жаль, что Черкасскій подозрительно смотритъ на галичанъ и всѣ славянскіе народы называетъ мошенниками, попрошайками. Впрочемъ, предъ

---

[1]) См. Кіев. Стар. 1898 г., № 3.

[2]) Николай Алексѣевичъ, статсъ-секретарь по дѣламъ Царства Польскаго.

Милютинымъ и онъ склоняется. Недавно, говорятъ, вышла въ Варшавѣ слѣд. картина, произведеніе какого-то русскаго чиновника: летитъ борзый конь, копытами мечетъ во всѣ стороны, топчетъ всѣхъ попадающихъ подъ ноги, бьетъ и по сторонамъ. Бергъ стоитъ въ сторонѣ въ испугѣ, Треповъ держится рукою за окровавленную свою щеку и хватаетъ за поводья, Витте отскочилъ вбокъ, закрывшись рукою и почти припавъ къ землѣ; прочіе, кто куда попалъ; конь съ головою Черкасскаго, а на конѣ сидитъ Милютинъ и съ чрезвычайнымъ напряженіемъ силится удержать поводьями и мундштукомъ.

Удалось кое-что и для гимназіи сдѣлать чрезъ Милютина. Разрѣшено дать деньги на медицинскія пособія; число и размѣръ стипендій предоставлены моему усмотрѣнію, съ тѣмъ, что деньги будутъ давать по моимъ представленіямъ.

Черкасскій отдалъ флигеля піарскіе, о которыхъ безуспѣшно хлопоталъ я и Витте цѣлыхъ 8-мъ мѣсяцевъ. Согласился онъ также на перепечатаніе Слова къ народу каѳолическому или Народовѣщанія, оставленнаго мною во Львовѣ, и деньги обѣщалъ. Обѣщалъ также деньги на изданіе матеріаловъ и свѣдѣній о Холмщинѣ, что, мимоходомъ замѣчу, возможно было бы только съ переселеніемъ сюда В. Б. Антоновича. Впрочемъ, давняя клевета уніатовъ оставила свои послѣдствія. Такъ, онъ возставалъ противъ моей рѣчи, похваленной въ Варшавѣ всѣми и даже Милютинымъ, по разсказу Бѣлозерскаго и Кулиша. Такъ, мнѣ лично высказалъ такое мнѣніе, будто бы я стараюсь обращать въ православіе, на что я ему отвѣчалъ, что оставилъ безъ дѣйствія даже нарочитыя просьбы по этому предмету двухъ или трехъ учениковъ. Ефиму М. замѣтилъ, будто я отмежевалъ себѣ огромную квартиру — комнатъ 100, на чемъ и Ефимъ М. его опровергъ. Главная причина его недовѣрія и нѣкотораго неудовольствія заключается, кажется, въ Сидорскомъ.... Дѣло въ томъ, что Черкасскій еще въ самомъ началѣ поставилъ намъ какъ бы въ обязанность вести переписку съ Сидорскимъ. Я писалъ очень рѣдко, Ефимъ М. очень часто, въ результатѣ вышло одно и то же мнѣніе о Сидорскомъ; но Сидорскому не по вкусу

пришлось мое отношеніе къ нему—далекое. Проигралъ-ли я отъ этого, сказать не могу. По крайней мѣрѣ и Ефимъ М. далъ себѣ слово не писать къ Сидорскому.

Витте по прежнему добръ и ласковъ ко мнѣ, и дай Богъ, чтобъ такъ было и на будущее время. Представили насъ къ орденамъ на шею, да доселѣ не выходятъ. Вѣрно, и не выйдутъ уже. Вилуевъ недавно писалъ мнѣ: ждемъ на дняхъ, или отложатъ до Пасхи; скорѣе, впрочемъ, надо ожидать послѣдняго.... Вилуевъ представленъ въ д. с. совѣтники. О томъ, что Витте и Михневичъ получили Станистава 1-й ст. еще лѣтомъ, вы, конечно, знаете. Мы съ Ефимомъ М. еще въ ноябрѣ утверждены въ должностяхъ директоровъ, а то были pełniącymi obowiązki (исправляющими должность).

Былъ я однажды у преосвящ. Іоанникія и не засталъ его дома, а въ другой разъ совершенно некогда было. На выѣздѣ, когда я почти садился на почтовую телѣжку, онъ прислалъ мнѣ образъ Божіей Матери въ серебряномъ позолоченномъ окладѣ и просфору. Идти къ нему невозможно было; пришлось ограничиться благодарственнымъ письмомъ изъ Холма.

Хочу, впрочемъ, утѣшить его *братствомъ*, которое онъ, побуждаемый Св. Синодомъ, очень хотѣлъ бы видѣть въ Холмѣ. Жаль, что все некогда приняться за это и мнѣ желательное дѣло.

Вспомнимъ кстати: познакомился я въ Варшавѣ съ извѣстнымъ Сушковымъ, который пріѣзжалъ туда по порученію Св. Синода для устройства тамъ правосл. семинаріи, братства и вообще по дѣламъ православія. Синодъ хотѣлъ бы немедленно обращать уніатовъ въ православіе. Черкассвій поэтому страшно сердился и о Сушковѣ говорилъ мнѣ, что если пріѣдетъ въ Холмъ, то просто не пускайте. Въ этомъ случаѣ Черкасскій болѣе правъ, чѣмъ преосвящ. Іоанникій и Сушковъ. И Рѣпнинъ писалъ когда-то, что „дѣла вѣры весьма суть деликатны", а тутъ хотѣли бы просто за горло брать. Іоанникій довѣрчивъ до наивности. Въ Сѣдлецкой дирекціи жандармы и козаки, по распоряженію военныхъ начальниковъ, выгоняли народъ на встрѣчу

его; а онъ принялъ это за наличную монету. Мнѣ лично разсказывалъ пренабожный жандармскій полковникъ, какъ въ деревнѣ Люховѣ, за отсутствіемъ православныхъ, *„подпустили маленько“* поляковъ, чтобы церковь не была пуста во время архіерейскаго служенія. Тутъ вотъ никакъ не добьются проповѣди на русскомъ языкѣ. Недавно военные участковые начальники созывали ксендзовъ уніатскихъ для увѣщанія. Что же вышло? Тѣ упорно отказывались... Заговоривъ о мѣстныхъ событіяхъ, буду и продолжать. Недавно умеръ ректоръ Холмской семинаріи Шокальскій. Посадили бы на его мѣсто Криницкаго, доктора богословія, прибывшаго въ праздникъ изъ Галиціи чрезъ Варшаву и опредѣленнаго пока законоучителемъ гимназіи; но Калинскій при первомъ его появленіи запротестовалъ и формально требовалъ отъ меня, чтобы не допустить его къ чтенію уроковъ по той причинѣ, что онъ не имѣетъ отпуска отъ Львовскаго митрополита и никакихъ доказательствъ своего священства. Не знаю, что скажетъ Черкасскій.

Въ праздникъ Крещенія святили мы торжественно воду съ ружейной пальбой, а потомъ окроплена была гимназія. Когда мы расположились закусывать въ моей новой квартирѣ, внезапно ворвался уніатскій ксендзъ и съ яростію сталъ кропить во всѣ углы. Я принялъ его съ подобающею честью, чтобы избѣжать скандала.—Вообще ксендзы сильно возбуждены, особенно на Подлясьѣ. Это, впрочемъ, не помѣшало въ Бялѣ снять запрестольную картину убіенія Кунцевича, которая гоститъ теперь въ кабинетѣ Черкасскаго[1])... Благодарю васъ за ваши хлопоты по моимъ дѣламъ, а также за присылку брошюры И. Игн. Малышевскаго[2]) о придорожныхъ крестахъ; очень понравилась, хотя

---

[1]) Впослѣдствіи эта икона передана въ Румянцевскій музей въ Москвѣ, гдѣ и теперь хранится.

[2]) Извѣстный ученый, профессоръ кіевск. духов. академіи. Брошюра эта написана по поводу распоряженія гражданск. начальства о снятіи придорожныхъ крестовъ, ставленныхъ будто изъ подражанія римск. католикамъ. Г. Малышевскій въ этой брошюрѣ показалъ, что придорожные кресты древняго правосл. происхожденія у насъ появились еще при в. кн. Ольгѣ, и первый крестъ водрузилъ еще апостолъ Андрей на горахъ кіевскихъ.

слѣдовало бы еще прямѣе. Похилевича, о которомъ вы писали, теперь могу назначить и на 300 руб. Дѣло въ томъ, что, будучи въ Варшавѣ, я таки добился этой прибавки изъ 2000 р., которые на этотъ годъ даются въ мои руки на пособіе бѣднѣйшимъ школамъ. Завтра высылаю представленіе о прогонахъ Похилевичу, а въ воскресенье вышлю ему назначеніе. Штаты нашихъ канцелярій увеличены до 5-ти человѣкъ. Нѣтъ ли такого человѣка, который при хорошемъ почеркѣ пѣлъ бы басомъ? Басовъ очень скудно, а хочется хоръ смастерить. Жалованье письмоводителю 300 р. с.

Что было писано въ Голосѣ о протестѣ поляковъ противъ моего пріѣзда въ Львовъ, то справедливо, а писалъ К—ій, бывшій, кажется, учителемъ въ Полтавской гимназіи.

Галичане крѣпко просили меня о высылкѣ иконъ изъ Кіева на коммисію. Нельзя-ли устроить это дѣло съ Лаврою? Потрудитесь поговорить съ намѣстникомъ, да и митрополиту написать, если нужно. Я самъ хочу писать объ этомъ митрополиту. Во Львовѣ ужасающія латинствомъ и безобразіемъ иконы. Директоръ ставропигіи говорилъ мнѣ, что кіевскія иконы тамъ весьма желательны и были бы полезны; онъ же слезно просилъ о высылкѣ ихъ. Можетъ быть, Лавра что-нибудь и подарила бы.

Виленскій попечитель Корниловъ вызываетъ также учителей филологіи изъ Галиціи. Не захочетъ-ли и князь Ширинскій? Тамъ ихъ безъ счету.

27 Генваря—8 Февраля, 1866 г.

Письмо 2.

10—22 Марта 1866 г.—Г. Холмъ.

Начавшіяся перестройки, а главное—поѣздки въ Люблинъ и по дирекціи, помѣшали мнѣ отвѣтить вамъ своевременно. Тѣмъ болѣе благодаренъ вамъ за новое письмо и поздравленіе съ днемъ ангела моего. Воспоминаніе о моемъ рожденіи и крещеніи, о старичкѣ, крестившемъ меня, и блаженной памяти ро-

дителяхъ нашихъ подѣйствовало на меня на этотъ разъ какъ-то особенно грустно. Богъ знаетъ, почему съ нѣкотораго времени мнѣ слишкомъ часто приходитъ на мысль, что осталось жить гораздо меньше, чѣмъ прожилъ, а приближеніе новаго года моей жизни—39 еще неотвязнѣе стало наводить на эту мысль. Дай то Господи еще и еще пожить намъ въ добромъ здоровьѣ. Теперь только и жить, благодаря Бога за неисчислимыя Его милости.

Работа растетъ съ каждымъ днемъ, козни не уменьшаются, но ни на минуту я не чувствовалъ еще ни утомленія, ни тѣмъ болѣе охлажденія; напротивъ, съ каждой новой работой прибываетъ охота дѣлать и дѣлать. Поразила меня какъ-то вычитанная фраза: кто въ настоящее время не старался изобразить изъ себя полезнаго дѣятеля? И побоялся сего изреченія и молю Бога, чтобы трудъ мой не былъ безплоденъ.

Многое предстоитъ впереди. Вотъ гимназіи никакъ не укомплектуемъ. Странныя все случайности выходятъ: то Чепурковскій и соглашается, и отказывается по нѣскольку разъ, то за Гнипова отказывается Виленскій попечитель, не давая ему знать, а за Будкевича попечитель Кіевскій... А тутъ еще Витте по секрету пишетъ, что онъ вошелъ уже съ представленіемъ о преобразованіи Сѣдлецкой гимназіи и Грубешовскаго училища въ русскія заведенія; между тѣмъ и для женской гимназіи потребуются и классныя дамы и учители. Гдѣ взять людей, когда такъ много требуется ихъ разомъ, а ихъ насильно не пускаютъ? На математику назначенъ какъ-то очень скоро Малиновскій, учитель Полтавской семинаріи. Только духовенствомъ и пробавляемся, да уніатами. Пишете: не увлекаюсь ли я галичанами? Да тутъ и татарами увлекся бы! Впрочемъ, я самъ убѣжденъ, что скопленіе галичанъ (ихъ будетъ до 6-ти) въ Холмѣ не можетъ быть полезно и заблаговременно просилъ Витте разсортировать ихъ съ преобразованіемъ Грубешовскаго училища, Бѣльской прогимназіи и Сѣдлецкой гимназіи. Что Витте на это согласится, я не сомнѣваюсь; но не пишите о семъ Ефиму М., такъ какъ онъ не терпитъ галичанъ, а ему придется накинуть хоть одного.

Сегодня полученъ новый штатъ гимназіи и педагогическихъ курсовъ съ увеличеннымъ штатомъ. Грушевскій и Аристовъ будутъ получать по 1500 руб., а Леушинскій съ жалованьемъ помощника инспектора 1860 р. Пясецкій утвержденъ штатнымъ учителемъ педагог. курсовъ съ жалованьемъ въ 1200 р. Совѣстно мнѣ, что Соломоновскій съ такими же правами будетъ получать всего 500 р., а доселѣ былъ на 225 р. Учитель чистописанія изъ Прилукъ будетъ назначенъ къ намъ, а жалованья по новому штату 800 р. Сергіенко, я думаю, раскается.

На дняхъ я получилъ письмо отъ Милютина. Онъ пишетъ, что данную ему Витте выписку изъ моихъ писемъ о поѣздкѣ въ Галицію онъ, по важности содержащихся тамъ извѣстій, счелъ долгомъ повергнуть на Высочайшее усмотрѣніе, и что Его Величество, удостоивъ прочтенія сію выписку, соизволилъ собственноручно написать на ней: *Весьма любопытно*; причемъ прибавляетъ, что ему особенно пріятно сообщить мнѣ объ этомъ, а также порадовать извѣстіемъ, что всѣ мои представленія объ установленіи связи съ Галиціею и о снабженіи ея книгами увѣнчаются полнымъ успѣхомъ. О послѣднемъ онъ заповѣдуетъ секретъ величайшій и проситъ писать ему не по почтѣ, а по оккaзіи... Галиція засыпаетъ меня письмами. Все просятся въ учители. Сейчасъ получилъ письмо отъ почтеннѣйшаго Головацкаго съ присылкою книгъ для раздачи по школамъ... Калинскій цѣлый годъ не получаетъ жалованья[1]). Теперь онъ продаетъ все имущество, ибо въ буквальномъ смыслѣ ѣсть нечего.

Письмо 3.

6—18 Мая 1866 г. - Г. Холмъ.

Поѣздка по дирекціи, хотя и непродолжительная, а главное — домашняя суета по поводу начавшихся работъ помѣшали мнѣ

---

[1]) Жалованье Калинскому — униату было прекращено за противодѣйствіе мѣрамъ правительства.

отвѣтить во время, такъ что я дождался, наконецъ, и второго письма вашего. Правда, и то сказать нужно, что теперь, когда высохло болото между Луцкомъ и Рациборовицемъ, письма ходятъ несравненно скорѣе.

Благодарю сердечно за поздравленіе съ орденомъ. Чувствуется особенное удовольствіе, когда подумаешь, что на прежней службѣ и до конца жизни этакой штуки не дождался бы. Правда, въ Польшѣ ордена раздаются направо и налѣво, особенно по Учредительному Комитету. Здѣсь штабсъ-капитаны-комиссары по крестьян. дѣлу и люди безчиновные получають сразу на шею Анны, какъ это случилось и теперь; но я не смотрю на другихъ, а сужу по своему положенію. Совѣстно было ходить между ними съ голою шеею, или выставлять медаль въ память минувшей войны. По Учр. Комитету другое дѣло: тамъ изъ губ. секретарей и жалують прямо въ надворные совѣтники, а изъ титулярныхъ въ статскіе.

Благодарю и за хлопоты ваши по высылкѣ учителей Похилевича и Тетеруковскаго. Разумѣется, что этого послѣдняго я опредѣлю теперь же и пошлю на мѣсто Смирницкаго... Когда то вы писали, что у меня дѣла идутъ медленно. Что дѣлать? Порядокъ такой. Школы открываются постепенно и слишкомъ медленно. Проходитъ часто полгода и болѣе въ перепискѣ. Вотъ я и держу давно переданныя мнѣ прошенія Кіевскихъ и другихъ семинаристовъ. Откроется школа, я назначаю и посылаю представленіе въ Комиссію о выдачѣ прогоновъ, а Комиссія въ Совѣтъ Управленія, а тотъ держитъ мѣсяца два, пока разрѣшитъ, да опять въ Комиссію, а Комиссія въ Губ. Правленіе, а то въ Губ. Казначейство, а это въ уѣздное, а уѣздное ко мнѣ и т. д. Теперь у меня изъ 120 прошеній осталось не болѣе 40. Вологжанамъ, Усть-сысольцамъ, Костромлянамъ и прочимъ подобнымъ я давно отказалъ, но земляковъ придержать необходимо, иначе придется *паркà парить*, такъ какъ мѣстный, негоднѣйшій запасъ давно истощился, а изъ Галиціи дозволено взять только 10—15.

Хлопоталъ я, какъ вамъ извѣстно, о зачисленіи всѣхъ вызываемыхъ семинаристовъ въ Варшавскую епархію безъ уволь-

ненія изъ духов. званія. Просьба моя исполнена, но за то мнѣ навязали два раза въ годъ доставлять архіерею свѣдѣнія объ ихъ успѣхахъ и поведеніи.

Одновременно съ этимъ вышло нѣчто въ забавномъ видѣ. Въ крѣпости Замостьѣ гарнизонными офицерами въ 1864 году учреждена русская школа. Православные ученики были большею частью незаконнорожденные, то нижнихъ чиновъ, то самихъ офицеровъ. Было немножко уніатовъ, попадались и католики. Въ прошломъ году, съ упраздненіемъ крѣпости, школа имѣла рухнуть за недостаткомъ денегъ и помѣщенія. Я исхлопоталъ 200 руб. ежегодно на содержаніе отъ правительства, выпросилъ временное помѣщеніе и каменный домъ крѣпостной навсегда, назначилъ учителя, священника опредѣлилъ законоучителемъ и блюстителемъ и выхлопоталъ ему жалованье. Не смотря на то, существующая тамъ издавна школа польская много мѣшала дѣлу русскому, и я рѣшился закрыть ее, но такъ, чтобы придать этому вполнѣ законный видъ и не возбудить ропота поляковъ. Такъ какъ этихъ послѣднихъ очень мало, и сами они безъ жидовъ, которыхъ до 4000, не въ состояніи были бы содержать школы, то я убѣдилъ жидовъ присоединиться къ русской школѣ и преобразовалъ ее въ двухклассную. Школа польская рушилась, но, кажется, что и русской грозитъ то же. Архіепископъ Іоанникій ни съ сего, ни съ того объявилъ, что эта школа церковно-приходская и должна находиться подъ вѣдѣніемъ консисторіи, а не дирекціи, которой онъ изъявляетъ только свою архипастырскую признательность за благотворное содѣйствіе. Коммисія утвердила постановленіе консисторіи по этому предмету и меня, по желанію Іоанникія, обязываетъ сообщать свои наблюденія два раза въ годъ и даже чаще. Слуга покорный! Какъ ни оскорбительно для меня это несправедливое дѣло, но я охотно отказался бы отъ замостьской школы, если бы она могла существовать подъ управленіемъ консисторіи. Но именно теперь ей грозитъ погибель. Жиды откажутся и пристанутъ снова къ школѣ польской, а между тѣмъ въ русской школѣ собственно русскихъ учениковъ очень мало, за окончательнымъ

выступленіемъ гарнизона. Пробовалъ я частно довести объ этомъ до свѣдѣнія Витте и Іоанникія, такъ они руками и ногами. Я рѣшился молчать...

Кстати о дѣлахъ уніатскихъ. Статью Антонія[1]) въ Холмскомъ мѣсяцесловѣ напечатали не даромъ. Только что получено распоряженіе о введеніи въ уніатскія церкви богослужебныхъ книгъ московскаго изданія. Предварительно военнымъ начальникамъ поручено переговорить объ этомъ съ уніатскими священниками. Надо ожидать страшной бури. Судя по тому, какъ принято ими предложеніе о проповѣди на русскомъ языкѣ, за которую и деньги давали, можно крѣпко сомнѣваться въ успѣхѣ этого новаго распоряженія. Калинскаго переводятъ въ Красноставъ, гдѣ пока ни одной души уніатской не осталось. Кажется, это дѣлается съ тою цѣлью, чтобы посадить въ Холмѣ суффрагана съ саномъ епископа, разумѣется, человѣка сговорчиваго, а Калинскаго почетнымъ образомъ удалить отъ дѣлъ. Политика Черкасскаго въ этомъ отношеніи неразгаданна, да онъ ее никому и не открываетъ.

Строительныя работы давно начались, а съ ними безконечная суета. Разрѣшена пристройка къ реформатскому зданію, гдѣ имѣетъ быть женская гимназія. Когда откроютъ гимназію, неизвѣстно.. Уставъ не утвержденъ и, кажется, еще не посланъ на утвержденіе. Черкасскій страшно обрѣзалъ штатъ. Инспектору жалованья 150 р., а въ польскихъ гимназіяхъ 450 руб. Классныя дамы по 300 р., а въ Варшавѣ по 500 р. и даже въ польскихъ 360 руб. Я весьма радъ, что назначеніе классныхъ дамъ не предоставлено мнѣ, а главному директору. Гдѣ найти вообще классныхъ дамъ и при томъ на 300 руб. въ Польшу? Пусть себѣ ищутъ и назначаютъ.

Штаты нашихъ канцелярій, наконецъ, увеличили: дѣлопроизводитель 900 руб., бухгалтеръ 500 р., архиваріусъ 360 р.,

---

[1]) Бывш. Минскаго архіепископа, сотрудника митрополита Іосифа Сѣмашки въ возсоединеніи литовскихъ уніатовъ съ православною церковью.

писецъ высшаго разряда 300 р., писецъ низшаго 250 р., Станиславу[1]) 120 руб. Новыхъ чиновниковъ наберу изъ учителей элементарныхъ школъ, въ виду того, что вызываемымъ на службу по канцеляріямъ на переѣздъ не даютъ ничего... Дахновичъ просился въ Сѣдлецкую гимназію: Черкасскій, чтобы удержать его здѣсь, прибавляетъ жалованья 500 руб. ad personam, и заграницу на лѣченіе на казенный счетъ посылаетъ.

Теперь позвольте безпокоить васъ нѣкоторыми порученіями: во 1-хъ, прошу отыскать хорошаго регента для педагогическихъ курсовъ. Жалованье 500 руб., служба въ X классѣ; на дорогу должны дать рублей 100. Хорошо, если бы онъ и голосъ имѣлъ, а главное — чтобы на скрипкѣ игралъ. Требуется, кромѣ того, знаніе церковныхъ напѣвовъ, а не одного партеснаго пѣнія. Если будетъ хорошъ, современемъ и въ гимназіи можетъ занять уроки, гдѣ также 500 руб. жалованья. Тамъ пока учитъ пѣнію учитель латинскаго языка Позняковъ[2]), бывшій академическій регентъ.—Во 2-хъ, вышлите мнѣ 50 экз. книжицы *Кіев. пещеры и кіево-печерская лавра* — Сементовскаго, но поторгуйтесь съ нимъ, не можетъ-ли уступить по 4 или по 5 злотыхъ за штуку. Рубль цѣна высокая, при томъ это съ пересылкою, а на пересылку онъ кладетъ вѣрно не менѣе 25 копѣекъ. сереб. Книжки эти я хочу раздать въ награду лучшимъ ученикамъ элементарныхъ школъ и потому прошу выслать поскорѣе. Деньги вышлю тотчасъ по полученіи книгъ. — Въ 3-хъ, вышлите мнѣ одинъ экземпляръ печатаемаго Каллистратовымъ ирмолоя съ означеніемъ цѣны, чтобы я могъ сообразить, сколько экземпляровъ купить.

Сейчасъ пріѣхали Тетеруковскій и Похилевичъ. Съ іюня по сентябрь я вызываю въ Холмъ всѣхъ учителей уніатскихъ школъ, какъ мѣстныхъ, такъ галичанъ и нашихъ. Предстоитъ новая возня, но подучить необходимо.

---

[1]) Разсыльному при канцеляріи.

[2]) В. Позняковъ по окончаніи курса въ Кіев. Духов. Академіи былъ назначенъ учителемъ латин. языка въ Холмскую гимназію.

Что же, не поѣдете вы съ Галаганомъ во Львовъ, а оттуда чрезъ Краковъ и Варшаву въ Холмъ? Очень жаль, если это не случится. Подобные вояжи даютъ много. Въ одной Польшѣ стоитъ побывать. Не найдете-ли вы возможнымъ по крайней мѣрѣ въ Холмъ проѣхать? Павелъ Өедоровичъ, м. б., компанію составилъ бы, а мы душевно рады были бы такимъ гостямъ.

Кулишъ предлагалъ мнѣ купно съ нимъ собрать и издать томъ актовъ, а потомъ археографическую Коммисію образовать. Я отвѣчалъ, что положительно некогда. Правду вы говорили, что надо чего-нибудь одного смотрѣть.

Письмо 4.

26 Мая—7 Іюня 1866 г. Г. Холмъ.

Весьма благодаренъ вамъ за обстоятельный и скорый отвѣтъ. По возможности, спѣшу и самъ съ отвѣтомъ. Собственно же для насъ нуженъ знатокъ церковнаго пѣнія. Итакъ пригласите Петрашня. Пусть присылаетъ прошеніе на мое имя; я его и опредѣлю, а въ Коммисію донесу и буду просить о назначеніи денегъ на проѣздъ.

Что же еще привезъ Безакъ? Меня интересуетъ, увеличено-ли содержаніе Коммисіи. Витте недавно писалъ мнѣ о томъ, что Безсоновъ, предсѣдатель виленской археографической Коммисіи, другой разъ проситъ его изыскать средства для разработки актовъ люблинскаго архива и архивовъ холмскихъ. Спрашивая моего объ этомъ мнѣнія, онъ упоминалъ объ Антоновичѣ и выражалъ желаніе видѣть его даже учителемъ латинскаго или греческаго языка въ Холмѣ. Я отвѣчалъ, что нужно подождать, чѣмъ кончится дѣло объ увеличеніи штата Коммисіи... Въ Львовъ я напишу, чтобы списывались съ лаврою по поводу иконъ и книгъ. Знаю, что будутъ рады.

Прислалъ мнѣ, наконецъ, книги Ламанскій. Обѣщаетъ и еще. Проситъ и въ Буковину выслать. Съ недѣли отправляю съ жидомъ.

Милютинъ исхлопоталъ, наконецъ, 20 стипендій. Государь ассигновалъ на это собственныя деньги, поручивъ избрать благонадежнаго человѣка для выбора молодыхъ людей. Витте подавалъ по этому поводу записку Милютину, а тотъ Государю. Въ запискѣ благонадежнымъ человѣкомъ наименовали меня.

Въ прошломъ письмѣ я по ошибкѣ написалъ, что присланы богослужебныя книги для уніатовъ. Ошибся военный начальникъ: на самомъ дѣлѣ это проповѣди галиційскія. Ни одинъ однако ксендзъ не взялъ, кромѣ Войцицкаго. Одинъ даже спрашивалъ: *co to iest книга?*

Дѣти мои выучились у кого-то подражать католич. процессіямъ: забравши въ руки палки, либо книжки, ходятъ по комнатамъ и дерутъ во все горло. Алеша положительно утверждаетъ, что въ костелѣ не хорошо,—кричатъ и барабанятъ, а что нѣтъ лучше, какъ русская православная церковь.

Письмо 5.

Безъ даты. Май 1866 г.

Сегодня посылается къ вамъ оффиціальное письмо о семинаристахъ. Чтобъ не показалось вамъ страннымъ, считаю нужнымъ пояснить, что собственно такое письмо пришлось посылать о. Думитрашкову[1]) въ Полтаву, а вамъ сказалъ написать для выигрыша времени. Кого забракуете, тѣмъ всѣмъ вышлю отказъ. У насъ ничего особенно новаго. Въ Варшавѣ ждутъ Государя; но къ какому времени, и сами не знаютъ. Говорятъ, что онъ намѣренъ прожить недѣли двѣ въ Скерневицахъ. Женская гимназія врядъ-ли поспѣетъ къ августу. Проектъ устава еще не прошелъ чрезъ Учр. Комитетъ, какъ писалъ мнѣ Кулишъ. Кстати: Кулишъ назначенъ директоромъ отдѣленія исповѣданій при Коммисіи Внутрен. и Духов. дѣлъ. По этому слу-

---

[1]) Законоучитель Полтавской гимназіи.

чаю онъ писалъ мнѣ: „да утѣшится тѣнь вашего Мелхиседека[1]), жезломъ бо желѣзнымъ упасу б—овъ“. Не помню, писалъ-ли я вамъ, что уніатовъ, перешедшихъ въ латинство, возвращаютъ и паки, а за совращеніе кара на ксендзовъ по 100 руб. на латинскаго и уніатскаго.

Письмо 6.

Посланное вами съ уніатомъ Мазановскимъ письмо получено мною только вчера. Я радъ, что оно разсѣяло мои недоумѣнія, по поводу тревожныхъ слуховъ о холерѣ, отъ которой да сохранитъ насъ Господь.

Проектъ устава женской гимназіи посланъ уже на Высочайшее утвержденіе. О преобразованіи въ русскую прогимназію Грубешовскаго училища и открытіи русской прогимназіи въ Замостьѣ также представлено. Потребуются учители; но гдѣ ихъ взять? Я далъ Черкунову порученіе искать учителей, но его не то занимаетъ. Онъ взялъ изъ Холма двухъ учениковъ—уніата и католика, чтобы показать имъ кіевскую святыню... И то однако жъ сказать нужно, что кіевскій учебный округъ ставитъ сильныя преграды къ переходу въ Холмъ охотниковъ. Придется изъ Галиціи брать: оттуда и доселѣ просятся.

Кромѣ учительскихъ должностей, есть другія мѣста, на которыя также требуются кандидаты. Вотъ, напр., должность эконома въ женской гимназіи и письмоводителя тамъ же, первая съ жалованьемъ въ 600 руб., вторая—въ 500 руб.

У насъ теперь страшная работа. Съ одной стороны постройки и обзаведеніе гимназіи женской, на что дано мнѣ 10000 р., съ другой — съѣхались 50 учителей на обученіе, а тутъ бы и по школамъ нужно бы поѣхать, гдѣ также построекъ много, болѣе, чѣмъ на 10000 руб. Учители всѣ ходятъ въ православную церковь; хоръ богатѣйшій.

---

[1]) Разумѣется архимандритъ Матронинск. монастыря половины 18 вѣка, дѣятельность котораго и старанія въ борьбѣ съ уніатами на Украинѣ описаны авторомъ писемъ въ особой брошюрѣ.

Витте уѣхалъ въ Петербургъ, а оттуда, кажется, въ Ригу поѣдетъ къ семьѣ своей, которую прежде туда отправилъ.

10—22 Іюля 1866 г. Г. Холмъ.

Вчера прибылъ одинъ учитель галичанинъ. Въ Австріи страшная паника[1]). Только отъ Россіи чаютъ спасенія и нѣмцы, и даже поляки. Сердятся даже, что Россія не вступается. Галичане спятъ и видятъ себя подъ Россіей. Такое въ народѣ зародилось убѣжденіе.

P. S. (На отдѣльномъ листѣ) Я уже запечаталъ письмо и марку наклеилъ, какъ приходитъ ко мнѣ нашъ уніатскій законоучитель, галичанинъ, докторъ богословія Криницкій съ просьбою ходатайствовать предъ Кіевскимъ митрополитомъ о принятіи въ Кіевскую епархію и въ число православныхъ іереевъ одного галиційскаго уніатскаго священника *Антонія Могильницкаго*, съ назначеніемъ, конечно, и прихода. Могильницкій не молодъ, лѣтъ за 40, окончилъ курсъ въ Львовскомъ университетѣ, на богословскомъ факультетѣ, пописывалъ статейки въ разныхъ духовныхъ и свѣтскихъ изданіяхъ. Въ 1848 году онъ одинъ изъ первыхъ сталъ за востановленіе русинской народности и восточнаго обряда. Энергическій и прямой, онъ нажилъ этимъ себѣ враговъ въ епархіальной духовной администраціи, которые тѣснили всячески. Будучи человѣкомъ многосемейнымъ (у него 6 сыновей и 4 дочери), онъ обѣднѣлъ сильно отъ постоянныхъ въ теченіе 6-ти или 10-ти лѣтъ отлучекъ отъ прихода и хозяйства, по званію депутата на сеймъ областной и въ рейхсратъ. На послѣднемъ сеймѣ онъ, подобно другимъ, возсталъ противъ Литвиновича[2]) за его то равнодушіе, то колебаніе въ русской справѣ, или борьбѣ противъ поляковъ. Теперь Литвиновичъ сталъ его тѣснить и далъ приходъ бѣднѣйшій гдѣ-то въ Карпатскихъ горахъ. Подавленный семьею и бѣдностію, онъ

[1]) Въ это время велась Австро-германская война и австрійцы потерпѣли сильное пораженіе подъ Садовой.

[2]) Уніатскій Галицкій митрополитъ въ г. Львовѣ.

рѣшился принять православіе, отъ котораго всегда не далекъ былъ болѣе другихъ своихъ собратій.

Конечно, въ настоящемъ его поступкѣ руководитъ разсчетъ на поправленіе своихъ обстоятельствъ; но это не можетъ служить ему укоромъ, если по своимъ убѣжденіямъ онъ и прежде принадлежалъ болѣе православію, чѣмъ уніи. Я лично познакомился съ нимъ во Львовѣ, и онъ мнѣ показался очень хорошимъ и умнымъ человѣкомъ, въ томъ же смыслѣ говорили о немъ и другіе, а Криницкій, давно его знающій, положительно его хвалитъ.

Устройте, ими же вѣсте судьбами, судьбу сего гонимаго. Говоритъ онъ по-малорусски отлично, а пишетъ отчасти по великорусски, т. е. близко къ литературному языку. Спасая его, вы спасете 10 душъ уніатскихъ, не считая его и жены.

Отвѣтьте о немъ до отъѣзда изъ Кіева ибо онъ проситъ скораго отвѣта. Если митрополитъ Арсеній будетъ согласенъ, то онъ пришлетъ ему свое прошеніе и грамоту.

Штука эта была бы очень хорошая. Въ Галиціи много такихъ, что и сегодня перешли бы въ православіе. Пріѣхавшій къ намъ учителемъ греческаго языка священникъ Дячанъ [1]) хотѣлъ перейти въ Виленскую гимназію съ принятіемъ православія, а онъ былъ въ чести и ласкѣ у Литвиновича и получалъ 1375 гульденовъ.

Письмо 7.

14—26 Іюля 1866 г.—Г. Холмъ.

Въ послѣднемъ письмѣ я обѣщалъ вамъ писать съ слѣдующею почтою непремѣнно.

Дѣло вотъ въ чемъ. Въ бытность мою во Львовѣ, какъ я уже давно писалъ вамъ, у меня перебывало болѣе 200 молодыхъ людей изъ галичанъ. Просились во всевозможныя мѣста;

---

[1]) Нынѣ протоіерей и ординарный профессоръ греч. языка въ Варшавск. университетѣ.

между прочимъ въ университеты и академіи русскія. Государевы стипендіи удовлетворяютъ уже ищущихъ образованія свѣтскаго, алчущіе же духовнаго образованія въ Россіи остаются пока безъ удовлетворенія. Прошу заявить о семъ митрополиту (Арсенію), не можетъ ли онъ исходатайствовать у св. Синода, хотя пять или десять стипендій въ Кіевской Академіи для галичанъ.—Дѣло это, само по себѣ малое, можетъ имѣть весьма важныя послѣдствія, и мнѣ кажется, что именно на св. Синодѣ лежитъ священнѣйшій долгъ устроить это дѣло. Своими ушами и очами убѣдился я, какъ не далеки галицкіе уніаты отъ православія. На нашей опекѣ Холмскіе уніаты, сущіе враги православія и ревнители латинства, но они смотрятъ на галичанъ, и намъ нужно воздѣйствовать и на Галицію, чтобы когда либо разсчитывать на успѣхъ въ Холмщинѣ. Душею и тѣломъ преданные Россіи молодые галичане, получивъ духовное образованіе въ колыбели православія, пронесли бы съ собою по Галиціи вѣрныя свѣдѣнія о православіи и симпатію къ нему. Остальное по волѣ Божіей, а это нашъ долгъ. О сербахъ, болгарахъ и проч., т. е. о принятіи ихъ въ Кіевскую Академію, пишутъ обыкновенно ихъ митрополиты въ Синодъ; но отъ Литвиновича сего ждать нельзя. Это не то однако жъ значитъ, чтобы Литвиновичъ сталъ противодѣйствовать такому дѣлу; въ душѣ онъ и самъ былъ бы радъ ему, только бы оно состоялось безъ его участія и вѣдома. Такая его политика среди партій правительственной, общественной нѣмецкой, польской и народной Галицкой. Если бы митрополитъ устроилъ это дѣло, я берусь доставить столько кандидатовъ, сколько потребуется. Нѣкоторые у меня записаны. Это молодые люди, окончившіе полный гимназическій курсъ и слушающіе богословіе въ университетѣ Львовскомъ.

Штаты Холмскаго духовенства утверждены, наконецъ,—скоро будутъ введены. Замѣтки по поводу ихъ и вообще о Холмской уніи я надѣюсь прислать въ Еп. Вѣдомости. Съ введеніемъ новыхъ штатовъ, кажется, и епископа новаго добудемъ. Вы знаете, что еще въ 1864 г. Черкасскій хотѣлъ добыть изъ Львова

и епископа, и священниковъ. Дѣло не сладилось за тѣмъ, что народная партія (Дѣдицкій, Головацкій, Петрушевичъ и проч.) рекомендовала однихъ людей, а Литвиновичъ другихъ. Черкасскій хотѣлъ кандидатовъ народ. партіи, между прочимъ Гинилевича на епископство, а Литвиновичъ не пустилъ ихъ. Оказалось, что Литвиновичъ былъ правъ, ибо Гинилевичъ человѣкъ вялый и замѣшанъ во многихъ скандальныхъ исторіяхъ. Кандидатъ Литвиновича, Южичинскій гораздо лучше Гинилевича и безукоризненнѣе, какъ сознается и самая народная партія теперь. Литвиновичъ, сойдясь съ этою партіею, обратился самъ къ Черкасскому, и теперь идутъ дѣятельные переговоры. Просятъ и моего ходатайства, и я завтра пишу къ Кулишу, который вступаетъ уже въ должность директора отдѣленія исповѣданій.

Позавчера получилъ письма отъ С. И. Гуляевой съ извѣстіемъ о смерти кума; вѣчная ему память! Я все боюсь, не имѣлъ ли отказъ въ перемѣщеніи въ Холмъ вліянія на его болѣзнь, которая привела его къ холерѣ и смерти. Это былъ единственный вѣрно преданный мнѣ человѣкъ и много заботился обо мнѣ... У насъ цѣлый мѣсяцъ холера и дожди. Холера весьма слабая...

Письмо 8.

11—23 сентабря. Г. Холмъ.

Вчера вечеромъ я воротился, наконецъ, изъ Варшавы, послѣ трехнедѣльнаго отсутствія. Сегодня весь день ходили ко мнѣ, пока я не заперъ двери, чтобы пообѣдать, перечитать великое множество писемъ и написать вамъ.

Начну съ того, что въ сегодняшнюю ночь, съ 10 на 11 число, ровно въ 12 часовъ ночи, пріѣхалъ Сидорскій, жандармскій полковникъ и военный начальникъ съ братіею. Черезъ часъ Калинскій катилъ уже по дорогѣ въ Варшаву, въ сопровожденіи двухъ жандармовъ. Ему назначено жить въ Вяткѣ; туда и

повезутъ безостановочно. Самъ онъ выслушалъ это рѣшеніе довольно спокойно, но дочери страшно кричали и сыпали проклятіями на всѣхъ. Имъ выдали по 100 руб. единовременно, а отцу оставлено жалованье въ 1500 руб. Холмскіе уніаты сильно взволнованы и огорчены, даже и тѣ, которые были противъ него. Теперь-то открылись истинныя ихъ чувства. Войцицкій принимаетъ епархію, а Сидорскій сдаетъ. Послушаемъ, что скажетъ епархія. Выходитъ точь въ точь Богуславская Консисторія [1]... Дѣло о епископѣ снова отложено.

Междуцарствіе открываетъ возможность для многихъ реформъ; Криницкаго уже назначили ректоромъ уніатской семинаріи; пойдутъ дальше. Введутъ галичанъ, благо Черкасскій потерялъ вѣру въ мѣстныхъ уніатовъ, отъ чего и мнѣ полегчало.

Теперь о своихъ ближайшихъ дѣлахъ. Открытіе женской гимназіи послѣдуетъ между 15 и 20 октября. Мнѣ предложили, по прибытіи на мѣсто, самому назначить срокъ, совѣтуя впрочемъ не спѣшить. Теперь нужно людей набирать. Ивана Максимовича В. я назначилъ сегодня и сегодня же посылаю номинацію и предложеніе прибыть въ Холмъ. Прочитавъ ваше письмо, я тотчасъ же распорядился написать и въ Кіевск. Консисторію о неимѣніи препятствій. Прошу выслать Ивана М., какъ можно скорѣе. Мнѣ онъ чрезвычайно нуженъ, хоть бы сегодня даже. Если ему понадобятся деньги, ссудите подъ его отвѣтственность, ибо я не увѣренъ вполнѣ, дадутъ ли ему на проѣздъ, такъ какъ дается однимъ лишь учителямъ. Соню Б. я также назначилъ сегодня классною дамою и номинацію посылаю. Нужны еще двѣ классныя дамы. Соня Б. рекомендуетъ подругу свою *Болотинову*, получившую серебряную медаль въ Фундуклеевской Гимназіи, въ коммисіи жъ дали мнѣ прошеніе какой-то *Суворовой* Александры, дочери полковника, окончившей курсъ въ Кіевскомъ Институтѣ въ 1859 г. О той и другой прошу собрать

[1]) Учрежденная на Украинѣ польск. правительствомъ для завѣдыванія православными церквами, по случаю ареста и взятія въ Варшаву въ 1789 г. православнаго епископа Садковскаго.

свѣдѣнія. Болотинова явится къ вамъ сама, а Суворова, кажется, извѣстна вамъ прежде... Одну хотѣлось мнѣ имѣть посолиднѣе, чтобы могла принять участіе въ хозяйственномъ Комитетѣ и быть помощницею начальницы, за что ей прибавляется жалованья еще 150 руб. къ 360, при казенной квартирѣ и столѣ. Нѣтъ ли также учительницы рукодѣлій съ жалованьемъ въ 400 р.? Нѣтъ ли затѣмъ учителей? Требуются два на русскій языкъ въ Холмскую женскую гимназію. Жалованье обоимъ по 1200 р., но одинъ можетъ получать добавочнаго 365 руб. по должности члена хозяйственнаго комитета. Нѣтъ-ли на латинскій языкъ въ Грубешовское училище (жал. 1200 р.)? Нѣтъ ли очень хорошаго человѣка для должности инспектора въ томъ же училищѣ, съ жалованьемъ въ 1400+200=1600 руб., при казенной квартирѣ? Прибавляю: очень хорошаго, ибо за неимѣніемъ таковаго я представлю кого нибудь изъ учителей Холмскихъ. Прошу отвѣта на сіе въ скорѣйшемъ времени.

Витте пробудетъ заграницей не менѣе двухъ мѣсяцевъ. Онъ очень истощалъ.

Реформы Царства Польскаго продолжаются; дѣло идетъ къ совершенному его уничтоженію, о чемъ говорятъ довольно. Въ Варшавѣ довольно сильная холера; но меня Господь сохранилъ. Испыталъ я разныя хлопоты съ закупками и заготовленіями. Начальница гимназіи ни въ чемъ не помогла ни на волосъ. Это молодая барыня, сильная знакомствомъ съ Черкасскимъ и другими важными лицами. Витте говорилъ, что о назначеніи ея просили 20 генераловъ. Когда я пріѣхалъ, Витте предлагалъ послать за нею, чтобы она явилась ко мнѣ, то я отклонилъ это и самъ поѣхалъ къ ней, а она и пошла потомъ посылать за мною,—разъ, два, три. Вилуевъ страшно взволновался этимъ, Витте, тоже, Михневичъ тоже. Я молчалъ, пока ей не сказали въ Коммисіи, что де есть начальникъ, что вы де обязаны то и то..., явиться и помочь, и проч. Она побывала, не застала и опять прислала за мною, но я уѣхалъ. Это начало болѣзней. Въ хозяйствѣ и въ зубъ толкнуть не умѣетъ.

Михаилу Ал. мое глубочайшее почтеніе. Я храню о немъ самую свѣтлую память.

Отъ галичанъ никого нѣтъ. Я засталъ 15 писемъ.

Письмо 9.

18—30 сентября 1866 г.—Г. Холмъ.

Посылаю вмѣстѣ съ симъ прошеніе священника Могильницкаго. Прошу довершить начатое дѣло. Свезите прошеніе къ митрополиту и попросите отвѣта и разрѣшенія. Употребите при томъ содѣйствіе ваше, чтобы проситель былъ помѣщенъ въ Кіевскую епархію.

Могильницкій прислалъ прошеніе на нѣмецкомъ языкѣ вчернѣ и притомъ бланкъ съ своею подписью. Переводилъ новый ректоръ семинаріи Криницкій, а я подправилъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ выходило темно, но оставилъ много галиційскаго. Переписывалъ Ильяшевичъ.

Отвѣтъ и разрѣшеніе прошу прислать ко мнѣ, а я отправлю при случаѣ, чтобы не попала бумага въ руки австрійскихъ властей и не надѣлала хлопотъ бабчскому приходнику, т. е. о. Могильницкому.

Заранѣе прошу пріютить сего пастыря и оказать содѣйствіе въ устроеніи судьбы дѣтей его, ищущихъ науки. Событію этому я придаю много значенія, не потому что обращается Могильницкій, но потому что къ намъ идетъ галицкій уніатъ. Два, три, нѣсколько такихъ фактовъ, и мысль о православіи съ большею и большею силою пойдетъ кружить въ Галиціи. Кажется, я писалъ вамъ, что Іоанникій просилъ меня добыть галичанина для православной церкви въ Тарногродѣ. Я обѣщалъ и держу слово безъ труда.

Сегодня пріѣхалъ Петрашень. Онъ очень пріятный человѣкъ; постараюсь и въ женскую гимназію опредѣлить его же пѣвцомъ. Благодарю васъ за книжечки. Я далъ ихъ великому нашему греку Дячану, который также написалъ „Методичну Грамматику“.

Вышелъ ли Ирмологій Вишневскаго, изданіе Каллистратова? Я хотѣлъ бы закупить, пока не раскупили. Митрополиту поклонъ мой земной и благословенія попросите. Скажите, что у насъ въ Холмѣ совершенное православіе. Подъ Успеніе пѣли совершенно, какъ въ Лаврѣ, всѣ свѣтильны и сѣдальны на подобенъ, равно канонъ весь: „Преукрашенная". Пѣли 50 учителей, и я въ числѣ ихъ. Поемъ и теперь лаврскія: „Иже херувимы", „Господи помилуй" и пр. Уніаты и даже поляки толпами къ намъ валятъ, а галичане не знаютъ другой церкви, кромѣ православной по сему случаю.

Для Сементовскаго деньги сегодня посылаю. Пусть извинитъ, что поздно. Это случилось за поѣздками моими, сперва по дирекціи, а потомъ въ Варшаву.

Вицеректора семинаріи Гарасовскаго сегодня ночью отправляютъ въ Варшаву. Это за то, что сказалъ, будто ихъ въ схизму Государь превращаетъ и требуетъ, чтобы его за папу признавали. Сегодня на обѣднѣ профессоръ Зиневичъ (священникъ) помянулъ Калинскаго; и его туда же, и кажется, также въ нынѣшнюю ночь. Вообще теперь не церемонятся болѣе съ уніатами.

Сегодня Криницкій давалъ обѣдъ. Войцицкій [1]) смотритъ настоящимъ архіереемъ.

Увѣдомьте, какъ думаетъ митрополитъ устроить пріемъ молодыхъ галичанъ въ академію, и скоро ли это можетъ быть? Многіе просятся. Нельзя ли въ семинарію принять одного—двухъ? Одинъ пріѣзжалъ съ этою цѣлью, но я не рѣшился отправить его въ Кіевъ. Чрезъ министерство иностранныхъ дѣлъ крайне неудобно. Гораздо лучше, если бы этимъ распорядился самъ оберъ-прокуроръ или же митрополитъ. Запомогу на дорогу также нужно хотя бы рублей 75, а пожалуй и 100. Можетъ быть Св. Синодъ дастъ это. Дѣло стоитъ и весьма даже.

---

[1]) Уніатскій архипресвитеръ, которому въ это время поручено управленіе Холмскою епархіей, за устраненіемъ номината Калинскаго отъ дѣлъ епархіи.

Письма 10.

28 Сентября 1866 г.—Г. Холмъ.

Премного благодаренъ вамъ за наборъ въ такомъ обиліи и столь хорошихъ кандидатовъ и кандидатокъ. Приступимъ теперь къ опредѣленію и распредѣленію:

Открытіе женской гимназіи назначено 27 октября стараго стиля; это потому, что Черкасскій раньше не можетъ ѣхать въ Холмъ. Михневичъ раздумываетъ ѣхать собственно потому, что ѣдетъ Черкасскій...

Дѣло о *Могильницкомъ* придержите и прекратите, а свидѣтельства его вышлите мнѣ. Къ счастію, во время я получилъ несомнѣнное свѣдѣніе, что онъ и до сегодне подверженъ налогу запоя, періодически возобновляющагося. Боже избави! Но не говорите сего митрополиту. Оказалось, что Криницкій зналъ Могильницкаго только въ лучшіе часы его жизни, зналъ лично и по тѣмъ блистательнымъ рѣчамъ, которыя онъ произносилъ въ рейхсратѣ. Я уже сказалъ Криницкому написать Могильницкому, что дѣло его по разнымъ причинамъ не можетъ состояться. Жаль, а человѣкъ, говорятъ, просто геніальный и образованнѣйшій.

Сидорскій доселѣ у насъ и съ нимъ жандармскій полковникъ Дроздовъ, бывшій регентъ пензенскаго архіерея, сынъ о. дьякона. Вицеректора и Зиневича доселѣ держатъ въ Люблинѣ... Уніаты наши страшно перепуганы и не только молчатъ, но даже лазаря поютъ. Они на все теперь готовы. Такъ бы и давно слѣдовало сдѣлать. Русская проповѣдь, русское дѣлопроизводство уже производятся, но до русскаго духа, конечно, далеко.

Михневичъ пишетъ мнѣ, что былъ въ Варшавѣ Говорскій [1]) и хлопоталъ у него и у Черкасскаго о введеніи въ польскія и русскія учеб. заведенія и даже сельскія школы, изданной имъ исторіи русской Кулжинскаго. Михневичъ спрашиваетъ моего мнѣнія.

---

[1]) Извѣстный издатель „Вѣстника Юго-Западной и Западной Россіи“.

Холера кругомъ насъ. Сохрани, Боже! Сегодня отъ Ефима М. письмо получилъ; и тамъ холера.

Письмо 11.

8—20 октября 1866 г.—Г. Холмъ.

Сегодня случайно нашлось ваше письмо о Худзынскомъ [1]), и я сейчасъ послалъ формальное представленіе о назначеніи его въ Грубешовъ, а Васильева [2]) въ педагогическіе курсы. Такую перемѣну я рѣшился сдѣлать и по первому отзыву вашему, что Васильевъ былъ бы болѣе пригоденъ для педагогическихъ курсовъ, и вслѣдствіе письма Михневича, которымъ онъ спрашиваетъ, не молодъ ли Васильевъ для Грубешова. Я такъ твердо писалъ объ нихъ, что никакъ не жду отказа или перемѣны. Боюсь одного, чтобы попечитель не задержалъ, какъ въ прошломъ году Борткевича. Попросите ихъ, чтобы они заблаговременно переговорили съ попечителемъ и упросили его не препятствовать ихъ перемѣщенію. Изъ Коммисіи скоро долженъ быть запросъ объ нихъ.

Семеновичь и Смородиновъ назначены въ Варшаву. Не поѣдетъ ли Орда на 1565 р. въ женскую гимназію, т. е. 1200 р. учительскаго жалованья и 365 руб. по должности члена хозяйственнаго Комитета? Впрочемъ духовныхъ кандидатовъ у меня довольно.

Грушевскаго не удалось провести.

Подали-ли прошеніе Турчинскій, Линниченко и Волошановичь? О Турчинскомъ Михневичъ спрашивалъ, не старъ ли онъ для латинскаго языка, а я отвѣчалъ, что латынь именно въ его лѣтахъ съ удовольствіемъ читается.

Какъ жаль, что доселѣ нѣтъ Вакуловскаго. Безъ него, какъ безъ рукъ. Поторопите его. Какъ бы и Троцкій поскорѣе прошеніе присылалъ.

---

[1]) Б. учитель 2-й кіевск. гимназіи, былъ назначенъ инспекторомъ Грубешовской прогимназіи; впослѣдствіи былъ начальникомъ Плоцкой дирекціи.

[2]) Б. учитель той же гимназіи.

У насъ ничего новаго, кромѣ суеты. Проговорили было, что на мѣсто Берга назначенъ Барановъ, а на мѣсто Витте—Гильфердингъ; но Михневичъ ничего не пишетъ. Витте Государь пожаловалъ 2000 руб. на лѣченіе. Къ 1 декабря онъ возвратится.

Голуховскій началъ расправу съ русинами. Трое самыхъ важныхъ лишены мѣстъ. Головацкій[1]) пишетъ, что и его ждетъ то же, и проситъ сдѣлать для него что нибудь. Двухъ дочерей его я принимаю въ гимназію, а 3-ю, старшую, учительницею музыки, но ему не придумаю мѣста, да и трудно. Вотъ бы въ Кіевъ, а православіе принялъ бы. Вѣдь это европейская ученая знаменитость. Во всей Европѣ едва ли кто лучше его знаетъ славянскую литературу; говоритъ онъ на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, по-русски совершенно, кромѣ того по нѣмецки, по французски и проч. Жаль только, что священникъ, а то въ университетъ легко попалъ бы.

Прошу поторговаться съ Каллистратовымъ, не уступитъ ли онъ на нотахъ съ 1 руб. 20 коп. до 75 коп. Въ такомъ случаѣ я готовъ взять у него 75 экземпляровъ, за которые и деньги вышлю немедленно.

Читалъ я гдѣ-то, что въ Лаврѣ дѣлаются недорогія иконы на деревѣ или холстѣ посредствомъ хромолитографіи. Прошу узнать цѣну и сообщить, и если бы не дороже рубля штука, я купилъ бы штукъ 100.

Семинаристы Холмскіе взбунтовались и объявили, что готовы и въ солдаты идти, если только не станутъ имъ читать богословія на лат. языкѣ, ибо мы де католики, а католики всѣ слушаютъ на латинскомъ языкѣ[2]).

---

[1]) Профессоръ руской литературы въ Львовскомъ университетѣ; по удаленію отъ этой должности и прибытіи въ Россіи д. ст. совѣтникъ, предсѣдатель Виленск. Археографической Коммисіи.

[2]) Въ такомъ смыслѣ семинаристы сдѣлали заявленіе ректору Криницкому и перестали посѣщать лекціи богословія, которыя читались въ этотъ учеб. годъ на рус. языкѣ, вмѣсто латинскаго. Чрезъ нѣсколько дней пріѣхалъ въ Холмъ кн. Чер-

Сейчасъ былъ первый разъ въ новоустроенной моими заботами банѣ. Пріятно, особенно потому, что, такъ сказать, „плоды трудовъ твоихъ снѣси“.

Письмо 12.

10—22 ноября 1866 г.—Г. Холмъ.

Открытіе женской гимназіи съ приготовленіями и проводами отвлекли меня отъ корреспонденціи, такъ что даже вамъ я не собрался написать доселѣ. Дней 7 или 8, при непрерывной суетѣ, составлялъ я описаніе бывшей у насъ церемоніи, которое теперь только могу послать вамъ. Жаль, что Черкасскій и Михневичъ не изложили рѣчей своихъ на бумагѣ, впрочемъ онѣ должны появиться въ Варшавскомъ Дневникѣ, вмѣстѣ съ моею рѣчью и описаніемъ, по крайней мѣрѣ рѣчь Михневича. Посылая вамъ описаніе для печати, прибавлю кое-что еще, не идущее къ печати.

Вамъ извѣстно, что Черкасскій былъ настроенъ противъ меня, хотя, быть можетъ, больше говорили, чѣмъ на самомъ дѣлѣ было. Тѣмъ съ большимъ смущеніемъ я ждалъ его, да и не одинъ, но и всѣ живущіе здѣсь. Пріѣхалъ наканунѣ часу въ 1-мъ пополудни, а за нимъ вслѣдъ почти и Михневичъ съ дочерью. Черкасскій сильно безпокоился, по словамъ Сидорскаго, о томъ, будетъ ли у насъ все прилично для его пріема. Дѣйствительно, онъ держитъ себя вельможей и даже въ Холмъ

касскій на открытіе женской гимназіи; онъ лично произвелъ очень основательный экзаменъ семинаристамъ по латинскому языку и убѣдился самъ, и показалъ всей учащей и учащейся корпораціи семинарской, что семинаристы совсѣмъ не знаютъ латинскаго языка и лекцій на этомъ языкѣ понимать не могутъ и что заявленіе ихъ неосновательно и основано на желаніи ихъ противодѣйствовать распоряженіямъ начальства, желаніи,—возбужденномъ въ нихъ ревнителями католичества, имѣющими въ виду окатоличеніе уніатовъ. Поэтому поводу семинарской корпораціи сдѣлано было княземъ строгое внушеніе, а 12 семинаристовъ, главныхъ виновниковъ бывшаго волненія между ними, исключены изъ семинаріи и тотчасъ были вывезены изъ Холма въ дома родителей ихъ подъ надзоръ полиціи.

прислалъ своего повара и своихъ лакеевъ съ припасами, и въ день пріѣзда заказалъ обѣдъ душъ на 20, на который пригласилъ меня и Михневича. Обѣдали еще знатнѣйшіе уніаты, да губернаторъ съ уѣздными начальниками и жандармеріею. Лично меня онъ принялъ ласково, а когда по его желанію, я прочелъ церемоніалъ, сталъ еще ласковѣе. На другой день все было по писанію. Въ церкви православной онъ былъ пріятнѣйшимъ образомъ пораженъ пѣніемъ нашего хора и замѣтилъ Михневичу, что хотя онъ и много слыхалъ объ этомъ хорѣ, но этакой штуки не ожидалъ. Вмѣсто концерта мы пѣли—что бы вы думали?— *О всепѣтая Мати*, положенное съ голоса моего на ноты, точь въ точь какъ въ Зеленой. Михневичь просто въ восторгъ пришелъ. Рѣчь Войцицкаго написана, кажется, Сидорскимъ, а произносилъ онъ ее, точно комедію разыгрывалъ: трясется, падаетъ, плачетъ, на галичанина Лавровскаго опирается и проч. Все это, разумѣется, штуки были. Войцицкій можетъ плакать и смѣяться по заказу. Князь впрочемъ доволенъ былъ и этимъ, ибо это увеличивало церемонію, нужно для виду. Самъ говорилъ гораздо проще и рѣзче, чѣмъ передается въ описаніи, что де я пріѣхалъ сюда, чтобы поддержать..., возстановить и проч.. Проповѣдь Ливчака принадлежитъ мнѣ по мысли и развитію оной, а то выходило что то нескладное, такъ что даже и Сидорскій отвернулся отъ нея. Ливчакъ теперь уѣхалъ въ Краковъ за женою, потому и проповѣди его послать не могу, да притомъ она на половину по русски, на половину по малороссійски изложена, и самое изложеніе не блестяще. Весь день, особенно во время обѣдни, была страшная буря, такъ что за самую церковь можно было опасаться. Когда пришли въ зданіе женской гимназіи, то у всѣхъ головы были взъерошены. Михневичъ говорилъ, по обыкновенію, просто и очень ужъ не спѣша. Черкасскій усердно молился, а Войцицкій осрамился неумѣньемъ читать по славянски. Моя рѣчь не была въ церемоніалѣ, такъ какъ я вовсе не хотѣлъ говорить и только ночью да поутру дописалъ, по убѣжденію Михневича. Вмѣсто меня хотѣла говорить Нолле, но потомъ отказалась. Не хотѣлъ я говорить изъ-за Черкасскаго,

который, если вѣрить слухамъ, одинъ изъ всѣхъ варшавянъ въ прошломъ году не похвалялъ моей рѣчи. Теперь онъ благодарилъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ и только шутя замѣтилъ на обѣдѣ, что, пожалуй, австрійское правительство изъ-за нея ноту пришлетъ. Въ своемъ спичѣ за обѣдомъ онъ упомянулъ объ ней и сказалъ, что ему только остается сослаться на меня. Михневичъ еще болѣе былъ доволенъ тѣмъ, что видѣлъ, какъ Черкасскій всѣмъ вполнѣ доволенъ. Вообще Черкасскій никогда не былъ въ такомъ хорошемъ расположеніи духа, какъ тогда, что и Сидорскій засвидѣтельствовалъ. Предубѣжденіе его окончательно разсѣялось на другой день при посѣщеніи нашихъ школъ. Въ день открытія я просилъ его къ себѣ на обѣдъ на другой день, но онъ сказалъ, что самъ пригласилъ другихъ къ себѣ и пожелалъ быть вечеромъ того же дня. Къ сожалѣнію, за болѣзнію жены моей, нельзя было вполнѣ хорошо устроить пріема. Впрочемъ Черкасскій былъ очень любезенъ, жалѣлъ о болѣзни моей жены и сказалъ было Михневичу, что навѣститъ больную на другой день. Во все время пребыванія онъ пользовался моими лошадьми и давалъ кучеру по 3 и 5 руб. Кучеръ такъ было чуть свѣтъ и спрашиваетъ: не ѣхать ли къ князю. Въ семинаріи Черкасскій задалъ всѣмъ страху; дѣлалъ между прочимъ экстренный экзаменъ и, просидѣвъ 7 часовъ сряду, самъ убѣдился и другимъ далъ убѣдиться, что семинаристы положительно ничего не знаютъ. Этого я добивался полтора года, и только теперь сбылось мое задушевное желаніе. За бунтъ, о которомъ я упоминалъ въ прежнемъ письмѣ, Черкасскій выгналъ 12 семинаристовъ. Профессорамъ сильную нотацію прочиталъ и даже всѣхъ хотѣлъ разогнать и взять на мѣсто ихъ галичанъ, да русскихъ изъ имперіи. Войцицкаго онъ возвышаетъ и сажаетъ на диванъ, но въ то же время даетъ такой видъ: смотри, молъ, я тебя возвышаю, умѣй же держать себя хорошо, а не то по шапкѣ. Войцицкій дѣйствительно иной политики и не стоитъ. На чаѣ у Черкасскаго, когда и всѣ учителя были, мнѣ удалось, пользуясь его благодушіемъ, провести нѣсколько добрыхъ предположеній, какъ то, объ устройствѣ постояннаго

сообщенія посредствомъ дилижансовъ между Холмомъ и Люблиномъ, откуда давно уже подобный путь до Варшавы, объ обращеніи пореформатскаго костела въ домовую церковь для женской гимназіи, объ учрежденіи клуба, также братства или учено-литературнаго общества, и проч. На клубъ намъ, можетъ быть, дадутъ даже денегъ тысячи полторы или двѣ. На учрежденіе братства Черкасскій не соглашается относительно формы и совѣтуетъ лучше учено-литературное общество, а мнѣ все таки въ братствѣ больше толку видится. Кажется, что и на изданіе газеты могутъ денегъ дать, но князь совѣтывалъ не газету, а ученый сборникъ и въ концѣ сошелъ на епархіальныя вѣдомости. Какъ видите, у насъ дѣло загорается, но много, и сразу побороть всего нельзя. Помаленьку будемъ двигаться.

Сидорскій и жандармскій полковникъ Дроздовъ оставались еще дней 10, и на отъѣздѣ дали балъ для всего Холмскаго общества. За тостомъ въ честь Государя людіе въ паѳосъ неописанный пришли и даже поляки со всеусердіемъ (volens-nolens) тянули: Боже, Царя храни! Я ушелъ тотчасъ послѣ ужина, но тамъ происходили еще не передаваемыя сцены, когда расчувствовались галичане и въ особенности три, прибывшіе для прiисканія мѣстъ, священники: о. Василій Ѳедоровичъ Ясинскій, Решетиловичъ и Лысякъ. Одинъ трунилъ надъ реверендою[1]), другой надъ уніею вообще, третій спрашивалъ, чи хороши парафіи за Бугомъ... И не думайте, чтобы тутъ бахусъ игралъ или легкомысліе; нѣтъ, такъ сложился этотъ великолѣпный народъ, и таковы его душевныя убѣжденія. На другой день всѣ эти три отца были у меня на прощанье. Разговоръ скоро сталъ патетическимъ, слезы блистали на глазахъ у этихъ мучениковъ, когда рѣчь шла о дѣйствіяхъ Голуховскаго и подлой шляхты. Що намъ робити, що намъ почати? Одна надія на Білого Царя. Старикъ Ясинскій разсказывалъ слѣд. случай изъ своего прихода. Есть у него глубокій старикъ, простой селянинъ, имѣю-

---

[1]) Верхняя одежда уніатскихъ священниковъ, какую и теперь носятъ католическіе ксендзы.

щій внуковъ и правнуковъ. Его спросилъ кто то: доки ты, старче Божій, будешь свитомъ нудыть? Пора бъ и на спокій!—Не вмру, отвѣчалъ старецъ, и хоця жъ важко жить, але мушу жити, ажъ поки не прийде Білый Царь и не візьме насъ одъ ляхівъ до своей родыны. Тогда тильки дви хвилиночки проживу, та й скажу до Бога: нынѣ отпущаеши раба твоего съ миромъ!... Разговоръ продолжался. Я говорилъ между прочимъ: исторія наша, якъ на долони; весь світъ це знае, що все то було колысь одинъ духъ, одно тіло, а тымъ часомъ лихі люди розирвали тее тіло на шматки, та пороскидали собакамъ, и грызуть вони—грызуть, де-де вже кистки тильки позостались, отъ-отъ догрызуть... Отцы зарыдали. „Да не догрызуть, возгласилъ одинъ; мы вси йдемо въ православіе"... „Я першій, прошу... воскликнулъ о. Василій и вскочилъ съ мѣста. „И я", восторженно говорилъ Лысякъ. „Мене десять чоловікъ просили объ тімъ у вашого благородія", продолжалъ Решетиловичъ; я вамъ списокъ пришлю. И мене візмить. Куды хочете, пишить; що хочьте робіть зъ нами, бо на васъ теперь надія. Вся Галичина васъ знае и Бога за васъ благае. Вы намъ другій Яхимовичъ! Вы одкрыли намъ кордонъ [1]), и вся Галичана піде до васъ!" Я прервалъ эту незаслуженною мною хвалу и сквозь слезы далъ обѣщаніе обо всемъ писать, куда можно. И вотъ первѣе всего пишу вамъ; повѣдайте о своемъ владыкѣ. Да будетъ святая воля Господня, предъ которою я повергаюсь въ слезахъ благодаренія за то, что Господь сподобилъ меня быть свидѣтелемъ во очію совершающагося, его Божественнымъ Промысломъ устроеннаго толикаго движенія! Сила вещей несокрушима, и если Господь указываетъ намъ путь, грѣхъ намъ будетъ, когда мы уклонимся отъ него. Моя мысль впрочемъ такая: не надо намъ спѣшить, но „все по малу-малу", какъ писалъ когда-то Гервасій [2]) блаженный, да со всевозможною тишиною и безъ малѣйшей огласки. Что говорилось между мною и отцами, то знаемъ въ Холмѣ мы

1) Кордонъ—граница.

2) Разумѣется переяславскій епископъ 1766—1768 г.

одни. Движеніе массою и неудобно, да, можетъ быть, и невозможно было бы. Голуховскій слишкомъ бдителенъ, и мнѣ пишутъ изъ Галиціи почти буквально то самое, что писалъ Мелхиседекъ Гервасію по вступленіи Воронича въ Смѣлянщину. Но вотъ напр. просится „перший“ Ясинскій—принять его; перейдетъ, тогда другаго, третьяго и т. д. Ясинскій — лѣтъ подъ 50, волосы только подрѣзаны и раздѣлены совершенно по нашему. Реверенду за грѣхъ считаетъ надѣть и ходитъ въ козачкѣ съ снурками. Человѣкъ умный, честный, энергическій, говоритъ прекрасно. Не повторяю того, что всѣ галиційскіе священники галиційскаго образованія. Могильницкаго мнѣ до чрезвычайности жаль. Недавно онъ прислалъ превосходное письмо на латинскомъ языкѣ, гдѣ выражаетъ свое сожалѣніе, что я повѣрилъ слухамъ, благодаритъ за ученіе и проситъ возвратить документы, если его просьба не можетъ быть исполнена. Не знаю, что сказать болѣе. Слухъ о его слабости сообщилъ мнѣ братъ Криницкаго и говорилъ слишкомъ увѣрительно.

Письмо ваше, по поводу бесѣды съ Гогоцкимъ[1]), о Головацкомъ получилъ и тѣмъ болѣе сочувствую сказанному, что еще прежде сего хотѣлъ писать Милютину, какъ и о многомъ другомъ. Втікъ—не втікъ, а побігти можно. А слыхали вы, что галичане посылали адресъ Невѣстѣ Наслѣдника къ дню свадьбы? Не знаю какъ это принято у насъ и въ Галиціи—нѣмцами и поляками. Какъ далеко пошли теперь галичане, усмотрите между прочимъ изъ брошюрки Дѣдицкаго, которой 19 экземпляровъ посылаю вамъ. Дайте одну брошюру Юзефовичу и одну Гогоцкому. Она много ихъ утѣшитъ!...

Что касается Геевскаго[2]), то, если онъ естественникъ, пусть пришлетъ прошеніе. Дѣло въ томъ, что учитель естеств. исторіи въ Холмской гимназіи Черкуновъ хочетъ въ Кіевъ пере-

---

[1]) Б. профессоръ философіи въ университетѣ св. Владиміра.

[2]) Антонъ Геевскій, бывшій преподаватель въ Каменецъ-Подольской гимназіи, былъ переведенъ въ Люблинскую гимназію; теперь (1896 г.) состоитъ начальникомъ Ломжинской учебной дирекціи.

браться, по настоянію матери, и подаетъ о семъ прошеніе. На его то мѣсто и можно опредѣлить Геевскаго съ жалованьемъ въ 1200 руб. Черкуновъ прекрасный юноша и учитель, но говоритъ слишкомъ тихо. Турчинскаго Михневичъ рѣшительно не хочетъ, и я уже проектирую перемѣстить сюда Ивана Левитскаго[1]), сына о. Симеона. Вообще съ замѣщеніями и перемѣщеніями превеликая морока.

За благословенную для женской гимназіи икону премного благодаренъ я и женская гимназія, собственно т. е. Нолле. По поводу сей иконы прошу заказать для насъ слѣд. иконы: 1) икону святыхъ, празднуемыхъ 4 апрѣля, по образцу, присланному Каллистратовымъ, но на деревѣ или желѣзной бляхѣ, длины 1 аршинъ и 6 вершковъ, а ширины 1 аршинъ; 2) три иконы для классовъ въ мужскую гимназію, 6-вершковыхъ такъ называемыхъ—св. Владиміра, св. Ольги, преп. Антонія и Θеодосія; 3) для женской гимназіи—также 6-вершковыхъ двѣ иконы: св. ап. Андрея Первозваннаго и св. мучен. Бориса и Глѣба, и еще три хромолитографіи Распятія такія точно, какъ вы прислали на благословеніе. На первую икону у насъ есть рублей сто изъ складки, сдѣланной по поводу 4 апрѣля; потому прошу и раму золоченную заказать, но и на пересылку разсчитать. На три слѣдующія иконы можно израсходовать 75 руб., по 25 р. на каждую, пожалуй, съ рамами. Для женской гимназіи, насколько можно имѣть приличной иконописи, но безъ рамъ. Изображенія можете и измѣнить, если вамъ что иное представится.

Витте выздоровѣлъ и до 1 декабря ѣдетъ въ Швейцарію. Мы рѣшительно приступаемъ къ учрежденію клуба. Говорятъ, что намъ и денегъ дадутъ.

Головацкій писалъ, что объ увольненіи его изготовленъ уже докладъ министру, но что дочерей онъ привезетъ лишь на слѣд. годъ. Литвиновичъ отказался дать ему даже въ селѣ, приходъ.

---

[1]) И. С. Левитскій былъ не долго учителемъ Сѣдлецкой женской гимназіи, потомъ перешелъ въ Кишиневскую гимназію. Извѣстенъ въ малорусской литературѣ подъ псевдонимомъ Нечуя.

Когда бы мнѣ удосужиться, я выдалъ бы здѣсь ирмологій почище Каллистратова. Кое-что у насъ записано. Теперь заѣдаютъ отчеты въ суммѣ болѣе на 100,000 руб. сер.

Письмо 13.

24 ноября—6 декабря 1866—Г. Холмъ.

Въ Галиціи или собственно въ Вѣнѣ какой то поворотъ въ политикѣ. Сейчасъ получилъ я письмо отъ Головацкаго. Пишетъ, что Белькреди не рѣшается утвердить его отставку. Говорили и прежде, что въ Вѣнѣ побаиваются Россіи, и Бейстъ настаивалъ будто бы на увольненіи Голуховскаго.

Впрочемъ, пока Голуховскій успѣетъ что нибудь, у насъ не дремлютъ. Въ Варшавѣ на счетъ Учредительнаго Комитета напечатано уже нѣсколько учебниковъ для сельскихъ школъ на польскомъ языкѣ, но русскими буквами. Работа продолжается и будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не настанетъ время для объявленія русскаго алфавита обязательнымъ. Дѣйствительно, отличная штука: читая этакую книжку, видишь, что это точно славянское нарѣчіе, и понимать гораздо легче. Жаль, что нѣтъ у меня подъ рукой этакой штуки,—послалъ бы вамъ.

Въ Замостьѣ у военныхъ я отвоевалъ зданіе, въ которомъ помѣщалась академія Замойскихъ. Это будетъ великолѣпнѣйшее помѣщеніе для прогимназіи, какого нѣтъ ни въ одной гимназіи Царства. По залѣ серьезно конемъ нужно ѣхать, а квартиръ безъ счету. Прибавьте къ этому баню и прачешную въ отдѣльныхъ зданіяхъ и еще большую армянскую церковь, временный складъ полевой артиллеріи. Но содержать этакую громаду трудно, и потому я думаю выступить съ проектомъ объ открытіи тамъ же женской русской прогимназіи...

Въ воскресенье будетъ объявленіе Высочайшаго благоволенія по поводу телеграммы въ день открытія женской гимназіи. Государь повелѣлъ объявить при этомъ жителямъ Холмскаго края увѣренность Его, что „они непоколебимо сохранятъ

тѣ чувства преданности Престолу и *общему* отечеству, которыми всегда отличались сыны Русской земли".

Витте на этой недѣлѣ возвращается въ Варшаву.

Письмо 14.

13—25 декабря 1866 г.—Г. Холмъ.

Самая важная у насъ новость, которой мы не знаемъ еще въ опредѣленныхъ чертахъ, — это оставленіе Польши княземъ Черкасскимъ. Я вамъ писалъ въ свое время объ арестѣ 4 уніатскихъ священниковъ, демонстрировавшихъ по поводу вывоза Калинскаго. Доселѣ они безнадежно сидѣли въ Варшавской крѣпости. На прошлой недѣлѣ неожиданно дано было по телеграфу предписаніе освободить ихъ и отправить на мѣста. Воротившіеся такимъ способомъ вицеректоръ Гарасовскій и профессоръ Зиневичъ привезли положительное извѣстіе, что Черкасскій не возвратится въ Варшаву, и что жена его выѣзжаетъ уже оттуда. Извѣстіе это вполнѣ подтверждается всѣми соприкосновенными обстоятельствами. Но вотъ вопросъ: куда же дѣвается Черкасскій? Выходитъ ли онъ въ отставку или попадаетъ въ канцелярію Государя, либо въ Комитетъ по дѣламъ Царства Польскаго, въ этомъ весь интересъ новости. Милютинъ, опора русской партіи въ Варшавѣ, сраженъ параличемъ, а Бергъ въ Петербургѣ. Не одолѣла ли нѣмецкая партія? Это весьма вѣроятно, и въ Варшавѣ Брауншвейга прочатъ на мѣсто Черкасскаго... Бѣда, если не только Милютинъ, но и онъ станутъ въ сторонѣ отъ польскаго вопроса. Бергъ весьма склоненъ къ примирительной политикѣ; тогда, какъ говорится, пропало, що й писали.

Недавно я послалъ вамъ 200 руб. на иконы и ноты. Кажется, будетъ слѣдовать за иконы еще не меньше ста рублей, и я высылаю таковые при семъ случаѣ. Если бы что осталось отъ иконъ, то попрошу передать Ивану Игнатьевичу за брошюры, высланныя имъ въ количествѣ 75. Потрудитесь спросить его, какая цѣна этимъ брошюрамъ, а безъ этого я не знаю, какъ съ нимъ разсчитаться.

Что же Юзефовичъ и Гогоцкій доселѣ не выслали книгъ для Львова? Неужто они отправили на Броды? Плохо, если такъ: и галичанъ доведутъ до непріятностей и хлопотъ, и книги, пожалуй, не попадутъ къ нимъ, а если и попадутъ, то не раньше, какъ чрезъ полгода. Галичане боятся письма изъ Россіи получать, не то что книги московскія. Отъ меня идущія книги переправляются по ночамъ, да и то таможенными чиновниками при посредствѣ жидовъ.

Кстати, возьмите у Самчевскаго экземпляра два моихъ актовъ и передайте чрезъ Пясецкаго, а если деньги потребуютъ, выплатите изъ посылаемыхъ теперь денегъ по такой цѣнѣ, по какой они продаютъ Литову, т. е. за половину. У меня ни одного экземпляра не осталось, а хотѣлось и въ гимназію подарить; у нихъ же этого добра много должно быть.

Не добились ли вы чего новаго отъ митрополита на счетъ галичанъ? Что успѣли Селинъ и Гогоцкій на счетъ Головацкаго? На исходатайствованіе субсидій, о которыхъ вы писали, я утратилъ надежду: только что собрался писать Милютину, какъ прочиталъ печальное извѣстіе о его болѣзни.

О клубѣ подаемъ прошеніе, а почтовое сообщеніе съ Люблиномъ начнется чрезъ 6 дней. Часть иконъ, какія готовы будутъ, прошу чрезъ Пясецкаго передать. Нѣтъ ли кандидатовъ на учительство въ сельскія школы? Прошу рекомендовать. Мѣстъ много.

Письмо 15.

19—31 декабря 1866 г.—Г. Холмъ.

Экстренное.

Пишу по особому случаю. Сейчасъ пріѣхалъ изъ Львова о. Ясинскій, о которомъ я уже писалъ вамъ, и привезъ оттуда самыя горестныя вѣсти. Всѣ впрочемъ самыя безбожныя продѣлки и поляковъ и правительства стали вещью обыкновенною. Одно только обстоятельство способно поразить кого угодно своею

чрезвычайностью,—это невѣроятная нищета ораторовъ пословъ, которымъ рукоплещетъ вся Европа. Вотъ что передалъ онъ мнѣ о Наумовичѣ: Европа въ долони плескала іого мови, а чи знае Европа, що той ораторъ смілый не мае наветь штановъ полотнянихъ?! Истинно такъ. „Въ день въ сойми сижу, сказалъ ему Наумовичъ, а въ почи латы латаю: що маю робити".— Ужасно, но именно такъ. Пожаръ испепелилъ все его имущество, жена и дѣти гдѣ то въ деревнѣ безъ крова и безъ хлѣба, а онъ въ сеймѣ рѣчи говоритъ... Не забудьте, что онъ простой сельскій священникъ и получаетъ жалованья всего 80 гульденовъ австрійской валюты. Дѣти подросли, такъ не за что было въ школу отдать еще до пожара, а теперь босые и голые.

Христа Господа ради, сжальтесь надъ знаменитымъ бѣднякомъ и устройте въ Кіевѣ подписку въ пользу его, да что соберете, присылайте ко мнѣ, а я въ Львовъ отошлю при оказіи. Мы въ пять минутъ собрали и завтра посылаемъ до 200 руб. Дали бы и больше, да уже совсѣмъ истощились, ибо въ этомъ году шестой разъ уже жертвуемъ, и мнѣ одному пришлось до 200 р. положить. На казенную субсидію погибла надежда съ тѣхъ поръ, какъ Милютинъ сраженъ. Набоковъ—это тотъ, что былъ при Константинѣ Николаевичѣ въ Варшавѣ. Говорятъ, что Черкасскій просилъ отставки, но Государь говорилъ съ нимъ три часа и убѣдилъ остаться. Что больше,—темна вода.

ПОЧАДѢВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(*Новѣйшее произведеніе древле-волынской письменности*).

Читатели нашего журнала, вѣроятно, не забыли, что эту курьезную лѣтопись явилъ изумленному міру житомирскій протоіерей Н. Трипольскій. Первые отрывки изъ нея появились на страницахъ „Волынскихъ Епарх. Вѣдомостей“ еще въ іюнѣ и сентябрѣ 1896 года и одновременно въ I вып. „Волынскаго Историко-Археологич. Сборника“. „Кіев. Старина“ тогда же достойно привѣтствовала эту диковинку [1], а въ одной изъ столичныхъ газетъ былъ помѣщенъ о ней далеко не почтительный отзывъ [2]. Послѣ этого Почадѣвская лѣтопись въ теченіе цѣлаго года перестала украшать страницы волынскаго епархіальнаго органа; но съ конца декабря 1897 г. печатаніе ея возобновилось и грозитъ затянуться въ безконечность. Всего по настоящее время напечатано около 150 страницъ лѣтописныхъ и другихъ отрывковъ, относящихся якобы къ XIII, XIV и XV столѣтіямъ. Полагаемъ, что этого матеріала болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы можно было высказать рѣшительный приговоръ объ этомъ мнимомъ памятникѣ древности.

---

[1]) См. „Новыя открытія въ области древле-волынскаго бытописанія“ (К. Старина, 1896 г., октябрь),

[2]) „Новое Время“ 1896 г. № 7466 (корреспонденція изъ Житомира).

Слѣдуя традиціонному плану академическихъ изслѣдованій, мы ставимъ прежде всего вопросъ о происхожденіи Почаѣвской лѣтописи и о личности ея составителя. Вполнѣ точными свѣдѣніями по этому вопросу обладаетъ пока одинъ о. Трипольскій; онъ самъ таинственно сообщаетъ, что публикуемые имъ отрывки къ нему поступаютъ „отъ одного *намъ извѣстнаго* лица". Конечно, со стороны издателя крайне не великодушно хранить въ секретѣ отъ ученаго міра свѣдѣнія по предмету такой первостепенной важности; но на это его добрая воля. Къ счастью, всякій литературный памятникъ обладаетъ предательскимъ свойствомъ выдавать если не имя, то во всякомъ случаѣ личность автора—часто противъ его желанія. Ex ungue leonem! Ужъ на что былъ скрытенъ знаменитый авторъ „Слова о полку Игоревѣ", а теперь, небось, любой гимназистъ съ мѣста сообщитъ о немъ всю подноготную—и гдѣ жилъ, и кого или что любилъ, и какъ вѣровалъ,—только на счетъ имени и отчества запнется; но, какъ справедливо замѣчаетъ поэтъ: „что имя? звукъ пустой"! То же случилось и съ новой интересной маской—авторомъ Почадѣвской лѣтописи. Не дождавшись отъ издателя разъясненій по интересующему насъ вопросу, мы подвергли всевозможному анализу самую лѣтопись, и вотъ что выдала она относительно своего происхожденія и личности ея составителя.

Одному мечтательному волынскому патріоту, одаренному пылкимъ воображеніемъ, но не острымъ умомъ, снился престранный сонъ: будто его прекрасная родина представляетъ своеобразное теократическое государство, по своему строю непохожее ни на одно изъ царствъ, когда-либо существовавшихъ на землѣ. Въ каждомъ селеніи этого государства существуетъ по одному, а въ городахъ по два, по пяти и болѣе монастырей, владѣющихъ обширными землями, многолюдными хуторами, и надѣленныхъ всякими богатствами. Но всѣ эти безчисленные монастыри представляютъ не болѣе, какъ филіальныя отдѣленія центральнаго монастыря, носящаго нѣсколько странное названіе „*Поча-Дѣва*". Ни царей, ни королей нѣтъ въ этомъ государствѣ, ибо въ Почадѣвѣ пребываетъ сама Пресвятая Дѣва и непосред-

ственно внушаетъ игумену свои божественныя велѣнія, а онъ передаетъ ихъ игуменамъ остальныхъ монастырей. Не нужны здѣсь также ни арміи, ни флоты, такъ какъ всѣ христіанскіе народы неизмѣнно питаютъ къ Почадѣву чувства благоговѣйнаго почитанія, а невѣрные цари хотя ежегодно почти вторгаются съ своими ордами въ предѣлы Почадѣвскаго государства и производятъ губительныя опустошенія, но имъ никогда не удается овладѣть самимъ Почадѣвомъ, такъ какъ здѣсь всегда посрамляетъ ихъ сила небесная. Впрочемъ, всѣ подобныя бѣдствія быстро излѣчиваются при благосклонномъ содѣйствіи иноковъ: владѣя громадными матеріальными средствами, монастыри строятъ на своихъ земляхъ дома для разоренныхъ и обездоленныхъ жителей, снабжаютъ ихъ хлѣбомъ, скотомъ и деньгами, устраиваютъ для нихъ больницы и школы. Вообще, благодаря монастырямъ, просвѣщеніе и промышленность стоятъ въ Почадѣвскомъ государствѣ на высокой степени процвѣтанія: каждая обитель содержитъ по одному высшему училищу и по нѣскольку низшихъ; при каждой устроены фабрики и заводы всевозможныхъ издѣлій, отъ выдѣлки „кухлей“ до производства дорогихъ „кришталей“. При такомъ благополучіи, долговѣчность здѣшнихъ обывателей достигаетъ невѣроятныхъ предѣловъ, а смертность вообще незначительна, ибо монахи чудеснымъ образомъ излѣчиваютъ всѣ болѣзни. Вообще чудеса и знаменія составляютъ въ Почадѣвскомъ царствѣ самыя обыденныя, ежедневныя явленія. Не удивительно, что слава о святости и благоденствіи Почадѣва распространяется по всему свѣту и къ нему тяготѣютъ всѣ концы вселенной. Сюда безпрестанно стекаются на поклоненіе не только христіанскіе короли, но также магометанскіе султаны и языческіе ханы, и каждый изъ нихъ, уѣзжая, оставляетъ здѣсь крупные дары на память или молитвенное поминовеніе; сюда же часто являются иновѣрные бискупы и аббаты, благоговѣйно поклоняются православной святынѣ, отрекаются отъ прежнихъ заблужденій и нерѣдко навсегда остаются здѣсь въ числѣ братіи или принимаютъ на себя обязанности преподавателей иностранныхъ языковъ въ монастырскихъ училищахъ..

Проснулся нашъ мечтатель—и горько стало ему при мысли, что дѣйствительность такъ мало похожа на сонъ. И такъ какъ онъ обладалъ буйнымъ воображеніемъ и въ семинаріи не былъ достаточно ознакомленъ съ исторіею Волыни, то ему захотѣлось убѣдить себя, что, если не теперь, то, по крайней мѣрѣ, въ давнопрошедшія времена его родина представляла что-либо похожее на то, что грезилось ему. И сталъ онъ усердно изучать исторію Волыни. Но онъ ни отъ кого не слыхалъ, что существуетъ спеціально волынская древняя лѣтопись и другія вполнѣ достовѣрныя пособія, и потому обложилъ себя единственно „Волынскими Епархіальн. Вѣдомостями" за всѣ тридцать лѣтъ ихъ существованія. А нужно знать, что въ этомъ почтенномъ органѣ древняя исторія Волыни, по большей части, представлена въ такомъ свѣтѣ, что природный волынецъ поневолѣ воспылаетъ чувствомъ „народной гордости": что ни урочище, то и преданіе о монастырѣ, построенномъ св. Владиміромъ; что ни старинная икона, то и благодатный образъ, писанный св. евангелистомъ Лукою, или, по меньшей мѣрѣ, тотъ самый образъ, коимъ греческіе императоры Василій и Константинъ благословили сестру свою Анну на бракъ съ княземъ Владиміромъ. Почти всѣ волынскія поселенія, конечно, оказываются ужасно древними, и эта древность чрезвычайно легко опредѣляется не свидѣтельствами лѣтописей или археологическими раскопками, а простѣйшимъ филологическимъ методомъ, спеціально на Волыни изобрѣтеннымъ, въ помощь которому является непремѣнно и народное преданіе; напримѣръ, м. Клевань, какъ видно по его имени, возникло въ то время, когда здѣсь (вѣроятно, въ эпоху великаго переселенія народовъ) прогоняли много скота и явилась потребность построить для него *хлѣвъ*, что подтверждается будто бы и мѣстнымъ преданіемъ; г. Ровно обязанъ своимъ происхожденіемъ такому случаю, что у князей Острожскихъ было уже на Волыни 99 городовъ и лишь одного не доставало до сотни, почему они основали этотъ городъ и сказали: „теперь у насъ *ровно* сто городовъ!" На мѣстѣ с. Тихомля когда-то мельница *тихо молола*, на мѣстѣ с. Перемиля она *пе-*

ремалывала, а на мѣстѣ с. Буремля—какъ *боръ* (или *буря*) *молола*, и т. под. — Проникшись такими воззрѣніями на родную старину и въ совершенствѣ усвоивъ этотъ своебразный филологическій методъ, нашъ мечтатель съ особеннымъ усердіемъ принялся изучать исторію главной святыни края, Почаевскаго монастыря, и съ недоумѣніемъ узналъ, что документальная исторія этой обители начинается всего лишь съ 1597 года, а чудотворная икона Почаевской Б. Матери принесена на Волынь лишь въ 1559 году. Здѣсь „народная гордость“ волынскаго патріота была рѣшительно оскорблена: какъ можно допустить, чтобы волынская лавра уступала въ древности не только кіевской, но и московской!. И прежніе волынскіе историки не хотѣли съ этимъ мириться; они также склонны были вѣрить, что Почаевская обитель получила начало едва-ли не на зарѣ христіанства въ краѣ Волынскомъ, и въ подтвержденіе ссылались обыкновенно на уніатскую книгу, изданную въ 1772 г., подъ названіемъ „Гора Почаевская“, въ которой въ числѣ другихъ чудесъ, бывшихъ въ Почаевѣ, приводится извѣстное сказаніе о явленіи Б. Матери на скалѣ и это чудесное событіе относится къ 1240 году. Сверхъ того, въ дѣлахъ лаврскаго архива есть глухое указаніе, что тамъ существовала нѣкогда рукописная книга подъ названіемъ „Памятникъ монастыря Почаевскаго“. Что это за книга? — Конечно,— рѣшилъ нашъ фантазеръ—это была древняя лѣтопись Почаевская, и въ ней, навѣрное, заключалось то самое, что грезилось ему въ сонномъ видѣніи. Говорятъ, она безслѣдно исчезла — ее будто бы истребили уніаты. Такъ нельзя ли *возсоздать* ее, если не всю, то хотя въ отрывкахъ? Вѣдь вотъ же чехи возсоздали Краледворскую рукопись и долго весь свѣтъ морочили! Наши волынцы куда простоватѣе чеховъ, а въ патріотизмѣ имъ не уступятъ. Давай-ка попробую! смѣлости у меня хватитъ. Только вотъ бѣда въ чемъ: какимъ языкомъ писали въ тѣ времена на Волыни? „Какъ жаль, что древнихъ я не читывалъ!“ Должно быть такъ: вмѣсто „желѣзо“ писали *желѣзіе*, вмѣсто „вода“ — *водіе*, вмѣсто „княжество“— *князіе*, вмѣсто безуміе“—*мрачіе ума*. А ну, Господи благослови!

И вотъ новый лѣтописецъ, вырвавъ изъ старыхъ дѣлъ бывшаго духовнаго правленія нѣсколько пачекъ чистыхъ листовъ плотной, синей бумаги, зажегъ свою лампаду и давай выводить, поддѣлываясь подъ уставный почеркъ: «Року аткд, мартобря 35». Сначала работа шла туго, и много листовъ было испорчено, а потомъ пошло легче. Черезъ недѣлю дерзость новаго Нестора дошла до такихъ предѣловъ, что онъ бросилъ презрѣнную прозу и принялся кропать вирши якобы XIII вѣка.

Когда было изготовлено такимъ способомъ значительное количество листовъ, нео-лѣтописецъ таинственно показалъ ихъ о. Трипольскому и, должно быть, сочинилъ при этомъ какую-нибудь необыкновенную легенду относительно ихъ пріобрѣтенія. Иначе трудно понять, какимъ образомъ почтенный протоіерей, безъ сомнѣнія, читавшій на своемъ вѣку древнія лѣтописи, могъ впасть въ такое невѣроятное ослѣпленіе, что принялъ за подлинную древность самую грубую, бездарную и невѣжественную фальсификацію. Онъ даже не потребовалъ у своего таинственнаго знакомца передачи всѣхъ якобы новооткрытыхъ отрывковъ древней лѣтописи, чтобы разомъ ознакомиться съ ними и расположить ихъ въ хронологическомъ порядкѣ; нѣтъ, онъ скромно довольствовался тѣмъ, что ему время отъ времени, по листочку, вручалось, и съ восхищеніемъ предавалъ эти крупицы тисненію. А таинственный знакомецъ словно издѣвался надъ его довѣрчивостью: сегодня совалъ ему листокъ съ отрывкомъ лѣтописи будто бы 1240 года, а черезъ недѣлю—1382 г., а далѣе 1441, а потомъ 1226 и затѣмъ снова 1240 г. и т. д. И такое издѣвательство продолжается до сего времени. А ослѣпленный издатель словно и не замѣчаетъ, что, не смотря на разницу вѣковъ, языкъ, письмо и синяя бумага отрывковъ остаются неизмѣнными.

Нужно ли знакомить читателей съ содержаніемъ, изложеніемъ и языкомъ этого непристойнаго фальсификата? Признаемся, мы охотно уклонились бы отъ такой неблагодарной задачи, тѣмъ болѣе, что въ помѣщенной полтора года назадъ на страницахъ нашего же журнала статьѣ достаточно ярко и полно

очерчены существенныя прелести этой псевдо-лѣтописи, достойной быть сюжетомъ для веселаго фельетона, но никакъ не предметомъ серьезной критики. Но изъ опасенія, какъ бы нашъ жесткій приговоръ не показался кому-либо голословнымъ, провѣрить же его не всякому удобно, такъ какъ Почадѣвская лѣтопись печатается въ мало доступномъ органѣ, — мы скрѣпя сердце станемъ знакомить читателя съ Почадѣвскою лѣтописью.

Повидимому, отправнымъ пунктомъ для нашего лѣтописца послужило такого рода соображеніе: если Клевань, Ровно, Тихомль, Перемиль и многія другія волынскія поселенія обладаютъ столь многозначительными названіями, то имя главной мѣстной святыни—Почаева, безъ сомнѣнія, должно скрывать въ себѣ еще болѣе знаменательный смыслъ, таинственно прообразующій будущую славную судьбу его. Конечно, современная звуковая форма этого имени испорчена; возстановить первоначальную форму не особенно трудно, пользуясь своеобразнымъ филологическимъ пріемомъ, съ помощью котораго прежніе волынскіе историки сдѣлали уже столько великихъ открытій. И вотъ въ 15—17 №№ «Волынскихъ Епарх. Вѣдомостей» 1896 г. печатается доселѣ никому невѣдомая и неизвѣстно, гдѣ и кѣмъ разысканная, польская рукопись, составленная якобы въ 1732 г. почаевскимъ провинціаломъ, «имя и фамилію котораго, по неразборчивости подписи, прочесть не возможно». Въ ней разсказывается о томъ, какъ 25 ноября 1197 года на Почаевскую гору, тогда еще совершенно пустынную, съѣхались для охоты человѣкъ 30 помѣщиковъ (sic) изъ Львова, Кракова, Будня (венгерскаго г. Будина) и другихъ мѣстъ и какія видѣли они тамъ чудесныя знаменія. Эти знаменія повторились и 17 апрѣля слѣдующаго 1198 года, когда тѣ же помѣщики-охотники прибыли сюда вторично, въ ознаменованіе чего ими была построена тамъ же, на скалѣ, часовня. А скоро послѣ того пришелъ сюда изъ Греціи и поселился близъ часовни инокъ Меѳодій и въ 1219 г. заложилъ монастырь-скитъ, а самое мѣсто прозвалъ *Почадѣвъ*,

потому что здѣсь *почá* (т. е. начала) *Дѣва* являть свои чудеса. Далѣе слѣдуетъ подробное описаніе новопостроеннаго монастыря и исторія управленія имъ Меѳодіемъ, умершимъ въ 1228 г.

Это сомнительное сказаніе понадобилось автору въ качествѣ прелюдіи, или пролога, къ появившимся вслѣдъ за нимъ отрывкамъ Почадѣвской лѣтописи. Въ нихъ изображается почти изо дня въ день самая разносторонняя дѣятельность Меѳодія. Подъ 1213 годомъ приводится якобы подлинная дарственная запись одного изъ вышепомянутыхъ помѣщиковъ-охотниковъ, пана Центера, Почадѣвскому монастырю на десять волокъ земли съ лѣсомъ и «хотаръ» (хуторъ) Комнату. Въ этомъ актѣ, изложенномъ тарабарскимъ нарѣчіемъ и озаглавленномъ почему-то «*дыпломатъ*», даритель такъ себя титулуетъ: «Михаилъ Центеръ, воевода Божіею милостію, господаръ земли владсной на горѣ чуда пресвятой Дѣвы Маріи Почадѣва». Столь же страненъ титулъ игумена: Центеръ пишетъ, что дѣлаетъ даръ «съ нашимъ благимъ хотеніемъ и благословеніемъ *святителемъ* нашимъ Меѳодіемъ». Въ другихъ мѣстахъ лѣтописи онъ именуется „патріархомъ", „преподобнымъ" и даже „святымъ".

Въ 1224 году этотъ Меѳодій даетъ убѣжище на монастырскихъ земляхъ населенію цѣлыхъ двѣнадцати „градовъ" Кіевской земли, дотла сожженныхъ и подвергшихся „разграбу и мечу" со стороны „душегубинара Татарина", который, по мнѣнію почадѣвскаго лѣтописца, вторгся въ южную Русь задолго до Батыева нашествія. Въ томъ же году Меѳодій въ своемъ монастырѣ „избудовавъ для законниковъ *училину главну* (т. е. высшее училище) на сто учениковъ", а черезъ три года „выстроилъ въ збудованѣмъ домѣ законниковъ *виблію* монастыру на св. горѣ Пресвятои Дѣвы Маріи Почадѣва в ни Библютеку за трома одѣла, а одѣлъ іесмъ перьвое главна тоя монастиръ; завѣдоша тѣмъ іеромонахъ Ѳеоѳаній". Насколько можно понять эту тарабарщину, въ ней рѣчь идетъ о постройкѣ помѣщенія для библіотеки съ тремя отдѣлами и о назначеніи „завѣдующаго", т. е. библіотекаря.

Въ томъ же 1224 году, 10 января, „пребыша Поча-Дѣву монастыру господари владей Моледева (по толкованію о. Три-

польскаго—„владѣній Молдавскихъ“) и привезоша свои дроговизни (драгоцѣнности), жебы здѣ оуховати вѣ монастыру, іако невѣрный татаринъ починае іавлятися на земли си грабити“... Можно подумать, что татары въ 1224 году двигались на Русь съ запада, а не съ востока. „Того же дня пребуди жени и дѣти господарей 123 раховиіемъ (счетомъ) всѣхъ“. По этому случаю 13 января „препод. Меходый молвилъ копати печари для оухрони мнозѣй народи“. Въ тотъ же день „господари пошли противко невѣрнаго въ свою страну“, а на память о своемъ посѣщеніи подарили монастырю кругленькую сумму 600000 „злотей“.

Въ это же время, именно 10 января, „пребуди въ монастыръ Поча-Дѣва Мистиславъ Оудалій“ просить небесной помощи противъ татаръ и, помолившись, „того же дня уйдя изъ монастыря противо невѣрнаго“. Здѣсь невѣжество лѣтописца сказалось въ томъ, что онъ князя Мстислава величаетъ (согласно съ учебниками по русской исторіи) *Удалымъ*, не подозрѣвая, что этотъ эпитетъ есть не болѣе, какъ неудачный переводъ древнерусскаго *удатный*, приданнаго князю Мстиславу составителемъ древней волынской лѣтописи.

Въ томъ же 1224 г. были и другіе гости въ Почадѣвѣ: пришли 5 человѣкъ „изъ Морави, исповѣданя римско-католицего обрадіа, ктерые повѣдали, іако творисіа поругане множицею надъ вѣрою греческаго обрадіа духовницами римско-католическими, а тако заводя власни обради“; потомъ чудеснымъ образомъ были перенесены сюда „трое законницевъ изъ монастыра св. Андрея, ктерый іесть въ земли греческаго владія“; затѣмъ пришли „духовницы“ изъ какого-то „града Кренчуга Хотомща-Дрегала и Веруга, ктерые принесоша всѣ жеци (вещи) святыни, жебы оухронити отъ невѣрнаго, ктерый возмутися грабити страни хрестыански“; наконецъ „протекоша народи рахованіемъ 23 изъ страней Магометіа (?!), ктерые повѣдали тоіе, яко мнози народи пріяше законы вѣри того признаніа, отъ чесо среди народей смути почали и тако заблуди[1]) велицы“. Выслу-

[1]) По толкованію о. Трипольскаго, „заблуди“ — заблужденія, погрѣшности, ошибки.

шавъ последнюю новость, Меѳодій тотчасъ же „презначилъ трое законницовъ въ страну Магометіа гласити іевангеліо Іс: Хр:“. Жаль, что о. Трипольскій не истолковалъ, что нужно разумѣть подъ „страной Магометіа“: Аравію или Месопотамію?

Среди этихъ многотрудныхъ заботъ Меѳодій находилъ время неустанно заниматься еще науками и искусствами. Онъ былъ живописцемъ, каждый день писалъ иконы, разсылалъ ихъ по другимъ монастырямъ, и почти каждая изъ нихъ оказывалась чудотворною. Сверхъ того, онъ составилъ обширное евангельское толкованіе, отрывокъ изъ котораго приводится въ лѣтописи; но мы его цитировать не станемъ, ибо со стороны языка это сплошная нелѣпость. Трудъ этотъ Меѳодій будто бы послалъ своему пріятелю Генриху Гольстаху, ректору католическаго монастыря св. Павла на горѣ Юра, во Львовѣ, и получилъ отъ него въ 1224 году благодарственное письмо, начинающееся такою безсмыслицею: „Зевсемъ не сомнуся и гагуся, же среди вельбителями евангелія толковія знайдешъ панъ достойный и во вакихъ ктури вызнаетъ религію Ѳрейтари хоче заместити“... и проч. Меѳодій сдѣлалъ видъ, будто уразумѣлъ эту галиматью, и накрутилъ пріятелю еще болѣе мудреный отвѣтъ: „Ничесо блаже быти мнозіе не може іако послане листу отъ тя ктерымъ мя ты оулучилъ іако блажіе тое есть мего труду“... и проч. и въ концѣ расписался такъ: „Маю зоставатися съ живщую оуважимою честею духовника Генрыха слуга чудесной Матки Божей въ Почадѣва монастыру Меѳодый“.—Конечно, еслибы Почадѣвскій лѣтописецъ справился, хотя бы по элементарному учебнику, что г. Львовъ основанъ не раньше половины XIII ст. (въ первый разъ упоминается въ Ипатской лѣтописи лишь подъ 1259 годомъ) и что въ 1224 г. тамъ не могло быть никакого католическаго монастыря, то онъ, можетъ быть, устыдился бы такъ явно издѣваться и надъ исторіей, и надъ здравымъ смысломъ, и надъ своимъ издателемъ.

Тотъ же Меѳодій составилъ „поученіе братіи“ всѣхъ монастырей, имъ основанныхъ на Волыни, и произнесъ его на соборѣ въ Почадѣвѣ, бывшемъ будто бы въ 1226 году. Начало

его неподражаемо: „Въ недлугій часъ братіи выреку, чесо маю увинтіемъ въ помяти, [1]) жебъ тоіе оутвердіемъ принятнемъ стало среди глубоцей помяти вашія, а тако же гласіе народіямъ, ктери въ монастыріяхъ вашихъ обретохся... Іегда противицею человѣца съ звѣріемъ толкнишися въ іефіопіи чесо маю за оужитіе, іегда оумиряеши не возбудися“.. и т. под.

Въ такомъ же родѣ и вирши, которыя будто бы писывалъ Меѳодій. Вотъ ихъ образчикъ:

Першемъ до мя ничесо не оутворія,
Іено тылько ктерое іесть вѣчніемъ,
И тако іа въ сущіи іесть въ вѣцы бъзъко(неч)нія.

Послѣ смерти Меѳодія, при его преемникахъ, Почадѣвскій монастырь все болѣе становится какимъ-то центральнымъ прибѣжищемъ, къ которому тяготѣютъ едва-ли не всѣ концы вселенной. Въ 1240 году пришли сюда 40 рыцарей, „ктерые не могоша молвити іазыцемъ, іако законники“. Эти безъязычные пришельцы „воздаша великое оуклоніе Матки Божей“, подарили монастырю „ваги монети злата“, и по этимъ монетамъ лѣтописецъ догадывается, что рыцари приходили изъ „страней за Гальціи“, т. е., по изъясненію о. Трипольскаго, „изъ-за альпійскихъ странъ“. Въ томъ-же году прибылъ „владыца от гуртіа татарина Манмудъ-Тожма“, принялъ крещеніе и постриженіе и былъ назначенъ преподавателемъ восточныхъ нарѣчій въ Почадѣвскомъ „старшемъ оучилинѣ“. Онъ оказался такимъ мастеромъ своего дѣла, что уже въ томъ году „почели законницы молвити іазыцемъ татарина“. Въ 1310 г. прибыло 15 человѣкъ изъ Чехіи, Моравіи и Венгріи съ жалобами, что папа сталъ ломать вѣру, жечь непокорныхъ и грабить вѣрныхъ католиковъ; съ ними былъ и Пражскій бискупъ Береговичъ, принесшій въ даръ монастырю 75,000 „злотій“ и оставшійся здѣсь преподавателемъ „іазыца латинаго“ въ почадѣвской академіи. Въ 1384 г. пришли въ Почадѣвъ монахи „изъ монастыра св: Троицы, ктерый іесть въ

[1]) По толкованію о. Трипольскаго, „увинтіемъ въ помяти“ значитъ „закрѣпленнымъ въ памяти“, т. е. имѣется въ виду слово „винтъ“, но отъ этого смыслъ рѣчи не становится яснѣе.

окрести града Москви“. Ихъ, какъ малограмотныхъ, немедленно опредѣлили „въ оучилину старшаго оученія“, и когда они немного научились почадѣвскому нарѣчію, то стали разсказывать ужасную околесицу о томъ, какъ въ 1380 г. „іавися пролите крови журицами (ручьями) при рѣцѣхъ Доннія и Непрадьви на кулика (sic) съ владіемъ татарина Мамая и велицымъ князіемъ Димитріемъ руссцемъ“. Въ слѣдующемъ году прибыло 53 человѣка съ береговъ „Даравія“ (Дравы), гдѣ яко-бы произвели разоренія татары въ союзѣ съ „поливцами“ (половцами?); а черезъ полгода сюда же явились цѣлыя толпы „изъ страней Касога“, которымъ князь Ольгердъ велѣлъ селиться на рч. Виліи, близъ „града Куна“, но переселенцы просили позволенія навсегда остаться въ Почадѣвѣ. Въ 1441 году пріѣзжала въ Почаевъ мать московскаго великаго князя Василія Васильевича, княгиня Софья Витовтовна, и нелѣпымъ языкомъ повѣдала игумену нескладную повѣсть о ссорѣ князей, приключившейся на свадьбѣ ея сына изъ-за украденнаго и опознаннаго на Василіи Косомъ драгоцѣннаго пояса. Наконецъ, въ 1449 г. послѣдовалъ еще менѣе вѣроятный визитъ: въ Почадѣвъ прибылъ съ своей матерью „краль поляцій Казиміръ IV Іагелончицъ“ и оставилъ монахамъ на молитвы 600,000 „злотей“, да „мати его Зофія 40,000 злотей“. Если вспомнимъ, что такую же сумму подарили когда-то Почадѣвскимъ инокамъ бѣдные Молдавскіе господари, то королю подобало-бы быть болѣе щедрымъ.

Подъ 1382 годомъ въ лѣтописи приводится тенденціозный разсказъ о Ченстоховскомъ чудотворномъ образѣ Б. Матери, писанномъ якобы евангелистомъ Лукой на доскѣ того самаго „сыпрысоваго“ (кипариснаго) стола, „при ктеромъ пресвятая Дѣва Марія Бога за родъ народный благально“ молила, „преннмая іастіе и трудяся трудами на ніемъ власнеми руцеми“. Этотъ образъ „чудесно былъ оуцеленъ до часу святой Іелени“, матери Константина В., которая отыскала его въ Іерусалимѣ и принесла въ Царьградъ. Въ 803 году византійскій императоръ Никифоръ подарилъ будто-бы эту икону Карлу Великому въ благодарность за примиреніе его съ сарацинами, а послѣдній

неизвѣстно за какія услуги подарилъ ее „Льву, князю рускому“, который „тое даяніе отъ Карла Великаго, то есть иконъ, іако драгоцѣніе великое, изложилъ въ замку Велскимъ“ (т. е. Белзскомъ). Здѣсь эта икона оставалась „въ захованю роковъ 572, до пребытя тамъ князя Опольскаго Владиміра року 1349“, который, овладѣвъ Белзомъ, захватилъ чудотвор. икону и впослѣдствіи передалъ ее въ Ченстоховъ. Въ примѣчаніи къ этому баснословію издатель о Трипольскій побѣдоносно заявляетъ: „Вышеприведенное лѣтописное сказаніе свидѣтельствуетъ о томъ, что чудотворная икона Б. Матери, именуемая нынѣ Ченстоховскою, изстари—православная и только лишь въ силу извѣстныхъ историческихъ обстоятельствъ присвоенная римскими католиками.“ Но прежде, чѣмъ предъявлять католикамъ искъ о возвращеніи яко-бы незаконно присвоенной ими святыни, почтенному издателю и коментатору Почадѣвской лѣтописи слѣдовало-бы взять на себя трудъ распутать хотя-бы слѣдующую несообразность въ столь понравившемся ему сказаніи: что это за „рускій князь Левъ“, получавшій отъ Карла Великаго дружескіе подарки? Въ древнерусской исторіи извѣстенъ одинъ лишь Левъ—сынъ Даніила, князь Галицкій; но онъ княжилъ въ концѣ XIII ст. и никакъ не могъ быть пріятелемъ Карла Великаго, умершаго въ 814 году. Самъ лѣтописецъ говоритъ, что образъ находился въ Белзѣ въ теченіе 572-хъ лѣтъ, до захвата его въ 1349 г. княземъ Опольскимъ, слѣдовательно князь Левъ могъ получить его отъ Карла В. не раньше 777-го года. Но вѣдь это въ полномъ смыслѣ эпоха царя Гороха, и если лѣтописцу она доподлинно извѣстна, то какъ же онъ не пояснилъ: въ какихъ именно родственныхъ отношеніяхъ къ этому славному царю находился поименованный имъ „рускій князь Левъ“?

Въ чемъ другомъ—а въ хронологіи нашъ лѣтописецъ спотыкается на каждомъ шагу. Онъ, напримѣръ, заставляетъ „жену“ (не вдову?) князя Даніила Романовича Анну отправиться въ 1301 году на богомолье въ Почадѣвъ, да еще съ малолѣтними дѣтьми 11-ти и 9-ти лѣтъ. Можно представить, какая это была древняя старуха, если она выходила замужъ еще въ 1213-мъ году! Еще

удивительнѣе, какъ она могла въ то время имѣть малолѣтнихъ дѣтей, когда ея супругъ, князь Даніилъ, скончался въ 1264 году. О „плевелахъ проклятой оуніи“ (Флорентійской), яко-бы разсѣянныхъ на Волыни, лѣтописецъ суесловитъ подъ 1414-мъ годомъ, забывая, что эта унія состоялась лишь въ 1439 году. Великій литовскій князь Ольгердъ вноситъ въ Почадѣвскій монастырь денежный даръ въ 20,000 „злотей“ и велитъ на его счетъ позолотить иконостасъ въ 1382 году, а умираетъ (документально) въ 1377 году. По лѣтописи, въ 1449 г. въ Кіевѣ княжилъ „Симеонъ Олековичъ, сынъ (какого-то) Александра Олековича“,—но это сугубый вздоръ: на самомъ дѣлѣ въ это время (1440—1455 г.) здѣсь княжилъ Олелько (т. е. Александръ) Владиміровичъ, а его сынъ Симеонъ Олельковичъ занялъ отцовскій удѣлъ лишь съ 1455-го года.

Но всѣ эти (и многіе другіе) промахи—невинныя обмолвки, если сопоставить ихъ съ нижеслѣдующимъ проваломъ, постигшимъ невѣжественнаго лѣтописца. Правду говоря, виновниками этого скандальнаго провала были отчасти польскіе помѣщики, злобствующіе на лѣтописца, надо полагать, за то, что онъ сманилъ въ Почадѣвъ чуть не всѣхъ бискуповъ и аббатовъ. Дѣло было такъ. Усердно насаждая древніе монастыри рѣшительно по всѣмъ ему извѣстнымъ (и даже неизвѣстнымъ) городамъ и весямъ, лѣтописецъ единственно руководствовался современною картою Волынской губ., въ полной увѣренности, что всѣ нынѣшнія поселенія существовали еще при царѣ Горохѣ, а не то что въ XIII—XIV ст. По изслѣдованіямъ волынскихъ историковъ, оно такъ и было на самомъ дѣлѣ; но нашъ малосвѣдущій лѣтописецъ не зналъ, что польскіе помѣщики, уже въ новѣйшія времена, завели было обычай—переименовывать села и мѣстечки въ честь своихъ женъ и дочерей, и многія изъ такихъ новыхъ прозвищъ навсегда замѣнили прежнія названія. Это обстоятельство и ввело легкомысленнаго лѣтописца въ жесточайшій просакъ. Подъ 1305 годомъ онъ беззаботно суесловитъ, что „въ семъ року, 15 августа, претекоша множіе народей изъ страней по рѣци Днипрію и благали оу монастыра Поча-Дѣва, жебъ презначити

имъ седалища (поселенія), іако не имаютъ седалинъ—татариномъ разгромиша безъ слѣди". Почадѣвъ исполнилъ ихъ „благаніе" и расселилъ ихъ на земляхъ („владіяхъ") разныхъ монастырей, между прочими и „въ *Катербурескомъ*". Къ этому мѣсту издатель поспѣшилъ сдѣлать поясненіе: „гдѣ нынѣ м. *Катербургъ*, Кременецк. у." Дѣйствительно, такое мѣстечко существуетъ и, судя по контексту, лѣтописецъ именно его и разумѣлъ. Но онъ, бѣдный, не подозрѣвалъ, что это названіе мѣстечка весьма недавняго происхожденія: прежде здѣсь было село Вержбицы, но въ началѣ текущаго столѣтія его владѣлецъ, графъ Іосифъ Плятеръ, преобразовалъ его въ мѣстечко и переименовалъ въ *Катеринбургъ*, въ честь своей супруги *Катерины*, урожд. Сосновской. Какимъ же образомъ здѣсь могъ существовать въ началѣ XIV ст. „*Катербурескій*" монастырь?

Другой lapsus въ томъ же родѣ. „Року 1305" почадѣвскіе монахи будто бы „отбудовали грады и тако разіемъ (т. е. разомъ) въ нихъ храмины (т. е. церкви): Шумцевъ, Дерденъ (?), Брыковъ-градъ, *Анновъ-градъ*" и др. О. Трипольскій спѣшитъ пояснить послѣднее имя: „нынѣ м. Аннополь, Острожскаго у." Увы, напрасная поспѣшность! Лучше бы ему, вмѣстѣ съ лѣтописцемъ, раскрыть II томъ „Историко-статистич. Описанія церквей и приходовъ Вол. епархіи", и тамъ, на 681 стр., они узнали бы, что м. Аннополь издавна было селомъ и называлось *Глинники*, а въ 1761 г. князь Антоній Яблоновскій, женатый на княжнѣ *Аннѣ* Сангушко, исходатайствовалъ королевскую грамоту на преобразованіе его въ мѣстечко съ переименованіемъ въ честь сіятельной супруги въ *Аннополь*.—Точно такъ же подъ 1278 годомъ лѣтопись разсказываетъ, какъ „въ семъ року татаринъ разгроми безъ слѣдія" (безъ слѣда) Овруцкіе монастыри и въ числѣ ихъ „монастырь *Ксаверовъ*." Невѣжественному лѣтописцу, очевидно, не извѣстно, что существующее въ Овруцкомъ у. мѣст. *Ксаверовъ* основано „на сыромъ корени" лишь въ 1634 г. ксендзомъ-іезуитомъ Игнатіемъ Ельцемъ для созданной имъ іезуитской коллегіи и названо такъ въ честь іезуитскаго патрона св. Ксаверія. Вотъ какъ новые волынскіе лѣтописцы и

ихъ ученые коментаторы плохо знаютъ исторію своей родной страны!

Столь же худо вѣдаютъ они и ея историческую топографію. Подъ 1399 годомъ въ лѣтописи повѣтствуется, будто «въ семъ року Жити-мирно (т. е. Житомиръ), градъ велицый и славимій, іако *першій князія Волыніа* (т. е. главный городъ княжества Волынскаго), разгроми татаринъ безъ слѣдія». Конечно, кто же не знаетъ того, что Житимирно (въ которомъ, вѣроятно, проживаетъ и самъ лѣтописецъ) есть нынѣ «першій градъ губернія Волынія»; но такъ ли это было и въ то время, когда существовало «князіе Волыніе»? Увы, какъ на зло невѣжественному лѣтописцу, г. Житомиръ никогда не входилъ ни въ составъ древняго Волынскаго княжества, ни въ составъ позднѣйшаго Волынскаго воеводства, а принадлежалъ въ древности княжеству Кіевскому, а потомъ былъ повѣтовымъ городомъ Кіевскаго воеводства, и только въ концѣ прошлаго вѣка, при учрежденіи въ югозападномъ краѣ губерній, отошолъ къ Волынской губ. То же относится и ко всѣмъ поселеніямъ нынѣшняго Житомирскаго, Овруцкаго и восточныхъ частей Новоградволынскаго и Ровенскаго уѣздовъ, упоминаемымъ въ лѣтописи въ качествѣ волынскихъ поселеній.

Въ заключеніе предложимъ читателю забавныя свѣдѣнія изъ лѣтописи о фабричной и заводской промышленности, якобы насажденной монастырями на Волыни въ XIII—XIV вѣкахъ. Тамъ были „заводи майданія“ (смологонные), „будовли дѣлати кухли“ (гончарные), „будовли толкучіе сукнія“ (сукновальни) и „ткація“ (ткацкія фабрики), „заводи дѣлати свѣци“ (свѣчные), а въ 1382 году въ Почадѣвѣ были „выбудованіи заводи дѣлати *бумаги*“. Можетъ быть, это черезчуръ рано. Хотя первая писчебумажная фабрика въ Европѣ заведена была (въ Разенсбургѣ) въ 1290 г., но если принять во вниманіе, что въ Бельгіи и Голландіи подобныя фабрики возникли только во второй половинѣ XVII ст. (почти одновременно съ московскими), а въ нѣкоторыхъ странахъ лишь въ началѣ XVIII в., то существованіе въ Почадѣвѣ бумажной фабрики въ 1382 г. становится

черезчуръ смѣлымъ измышленіемъ волынскаго патріотизма. Впрочемъ, лѣтопись именуетъ тамъ еще болѣе диковинныя производства: въ 1399 г. въ „Краснополіи градѣ" были будто-бы „заводи droги криштала" (хрустальные?), въ „Грицовѣ градѣ" какіе-то „борщарія" (?), а „въ градѣ Соколевѣ заводи желѣзія, крешталія и *дурія*" (sic). Что это было за странное производство—этого не берется истолковать даже ученый коментаторъ Почадѣвской лѣтописи, о. протоіерей Трипольскій.

Мы далеко не исчерпали всего содержанія Почадѣвской лѣтописи, но извлекли изъ нея все существенное, характерное, представили въ многочисленныхъ выдержкахъ образцы языка и изложенія, и думаемъ, что послѣ всего этого нашъ приговоръ о ней, какъ о грубомъ, невѣжественномъ фальсификатѣ, не можетъ возбудить въ читателяхъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Отказываемся угадывать тѣ недостойныя побужденія, какими могъ руководствоваться ея составитель, но должны отдать ему должную справедливость, что онъ какъ-бы сознательно принялъ всѣ мѣры предосторожности, чтобы его грубая поддѣлка никого не ввела въ обманъ. Конечно, сколько-нибудь искусная поддѣлка древняго памятника—дѣло не легкое, требующее большого таланта и огромной эрудиціи; но нашъ фальсификаторъ упрямо пренебрегъ самыми элементарными въ этомъ дѣлѣ техническими требованіями. Вѣдь, если онъ задумалъ поддѣлать волынскую лѣтопись XIII—XV вв., то ему прежде всего нужно было подражать языку и изложенію Ипатской лѣтописи и придерживаться хотя-бы элементарнаго руководства по русской исторіи, чтобы избѣжать анахронизмовъ и другихъ грубыхъ промаховъ. Но почадѣвскій лѣтописецъ какъ-бы намѣренно старается, чтобы его рѣчь не имѣла никакого сходства съ подлинною древнерусскою рѣчью, видимо напрягаетъ свой умъ надъ придумываніемъ нарочито уродливыхъ словъ и выраженій, не имѣющихъ аналогіи ни въ одномъ изъ періодовъ старинной волынской письменности, и словно по заказу нагромождаетъ одну нелѣ-

ность на другую. Однако-жъ, несмотря на все это, нашелся почтенный, образованный, даже ученый человѣкъ, впавшій въ такое непостижимое ослѣпленіе, что съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, взялся за изданіе и коментированіе этого невѣжественнаго фальсификата и своимъ именемъ какъ-бы санкціонировалъ его въ глазахъ простодушныхъ читателей „Вол. Епарх. Вѣдомостей". Но какъ же рѣшилась принять эту вопіющую ложь на страницы своего изданія почтенная редакція названнаго органа, продолжающая и понынѣ печатать ее подъ заманчивымъ названіемъ „документовъ(?), относящихся къ древней исторіи православнаго Почаевскаго монастыря на Волыни"? Неужели и въ ея глазахъ это серьезный, „документальный" памятникъ древности? Но почему же она не сочла приличнымъ хотя бы одинъ разъ сослаться на этотъ памятникъ въ рядѣ статей, ею напечатанныхъ, по случаю праздновавшагося осенью прошлаго 1897 года трехсотлѣтняго юбилея Почаевскаго монастыря? Къ тому времени значительная часть Почадѣвской псевдо-лѣтописи уже была издана, и мы съ живѣйшимъ интересомъ и опасеніемъ прислушивались къ рѣчамъ и адресамъ, во множествѣ читаннымъ на юбилейномъ торжествѣ,—не будутъ ли пущены въ оборотъ данныя, извлеченныя изъ новоявленной лѣтописи. Но, къ чести волынскаго духовенства и другихъ участниковъ торжества, мы можемъ съ отраднымъ успокоеніемъ констатировать тотъ фактъ, что о Почадѣвской лѣтописи тамъ не было и упоминанія: ясно, что эта грубая поддѣлка не пріобрѣла ни въ комъ довѣрія. Видимо, не вѣритъ ей и сама редакція „Вол. Епарх. Вѣдомостей", что̀ очевидно хотя бы изъ слѣдующаго факта. Въ послѣднихъ номерахъ этого журнала помѣщенъ историческій очеркъ Тригорскаго монастыря, о которомъ Почадѣвская лѣтопись предлагаетъ цѣлый коробъ занимательнѣйшихъ подробностей якобы изъ исторіи XIII—XIV ст. И что же! въ названномъ очеркѣ эти свѣдѣнія совершенно игнорируются, и исторія монастыря ведется, согласно съ документальными данными, всего лишь съ 1613 года.

Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же продолжается печатаніе этой грубой поддѣлки, которой, видимо, стыдится сама редакція

органа, ее издающаго? Кому и для чего нужно вносить смуту въ умы простодушныхъ людей, среди которыхъ и безъ того господствуютъ весьма сбивчивыя понятія объ исторіи ихъ родного края? Неужели кто-либо мнитъ этимъ бездарнымъ фальсификатомъ сугубо доказать исконное господство православія на Волыни? Но оно имѣетъ за себя такую массу неопровержимыхъ свидѣтельствъ, что никакой фальсификатъ, хотя-бы самый талантливый, не прибавитъ къ нимъ ничего, а скорѣе убавитъ, ибо всякій подлогъ, употребленный какъ доказательство, можетъ дискредитировать самое безспорное положеніе. Или, можетъ быть, думаютъ, будто чтеніе Почадѣвской лѣтописи можетъ въ комъ-либо питать или укрѣплять религіозное чувство? Эту мысль какъ-будто имѣлъ въ виду и составитель лѣтописи, наводнившій ее безчисленными сказаніями о чудесахъ и знаменіяхъ, явленныхъ будто-бы въ XIII—XV вв. „чудотворнымъ икономъ Пресвятой Дѣвы Маріи на горѣ Поча-Дѣва". Но что это за икона? Конечно, это не нынѣшняя чудотворная Почаевская икона Б. Матери, принесеніе которой изъ Греціи на Волынь, по единодушному свидѣтельству всѣхъ ея историковъ, совершилось лишь въ 1559 году, а какая-то другая, неизвѣстно откуда взявшаяся и куда дѣвавшаяся, т. е. такой же миѳъ, какъ и все содержаніе Почадѣвской лѣтописи. Тогда какую же религіозно-воспитательную цѣну могутъ имѣть завѣдомо вымышленныя сказанія о ея чудесахъ?

Въ знаменитомъ „Духовномъ Регламентѣ", не потерявшемъ, сколько намъ извѣстно, и доселѣ руководственнаго значенія церковнаго закона, на стр. 23 и 136, опредѣлительно предписывается властямъ церковнымъ: „смотрѣть исторій святыхъ, не суть ли нѣкія отъ нихъ ложно вымышленныя, сказующія, чего не было, или бездѣльныя и смѣху достойныя повѣсти, и таковыя повѣсти обличить и запрещенію предать, со объявленіемъ лжи во оныхъ обрѣтаемой; понеже таковымъ ложныхъ чудесъ употребленіемъ не точію какое-либо иное чинится безстрашіе, но и заповѣдь Божія (не пріемли имени Господа Бога твоего всуе) дерзостно разоряется: ибо въ тѣхъ вымышленныхъ чуде-

сахъ Божіе воспоминается имя, которое тѣми, яко лжею, не прославляется, но яко всуе пріемлется, а на благочестіе происходитъ отъ инославныхъ порицаніе, чего ради такое законопреступное и благочестію вредительное дѣйство весма пресѣцать надлежитъ". А по указу императора Петра I, огласителямъ „для своего интересу или суетной ради славы" вымышленныхъ чудесъ положено было „наказаніе и вѣчная ссылка на галеры съ вырѣзаніемъ ноздрей".

Чувство человѣколюбія побуждаетъ насъ радоваться за почадѣвскаго лѣтописца, что онъ живетъ въ нашъ гуманный вѣкъ, а не въ суровую эпоху Петра Великаго.

Волынецъ.

ПИСЬМА КУЛИША КЪ В. В. ТАРНОВСКОМУ.

1855—1858.

Печатаемыя здѣсь письма писаны къ Василію Васильевичу Тарновскому-отцу, умершему въ 1866 году. Это былъ, по отзыву однихъ, „лучшій изъ гражданъ Малороссіи", а по отзыву другихъ — „одинъ изъ нашихъ замѣчательныхъ общественныхъ дѣятелей". Одинъ изъ ближайшихъ друзей В. В. Тарновскаго говоритъ о немъ, что, когда по семейнымъ обстоятельствамъ В. В. долженъ былъ оставить службу, чтобы заняться хозяйствомъ въ небольшомъ своемъ имѣніи, то ставъ въ непосредственныя отношенія къ своимъ крестьянамъ, „онъ вблизи увидѣлъ всю тягость, всю ненормальность крѣпостнаго права, которое съ тѣхъ поръ, сдѣлалось ему, въ полномъ смыслѣ слова ненавистнымъ *). Любимою мечтою В. В. Т-го стало освобожденіе крестьянъ и, какъ бы предчувствуя готовившуюся ему въ будущемъ дѣятельность, онъ часто говаривалъ: „если бы мнѣ дожить до того счастливаго времени, когда освобожденіе крестьянъ вызоветъ дѣятельность людей, преданныхъ этому дѣлу!

---

*) В. В. Т-ій, сначала очень небогатый помѣщикъ, впослѣдствіи получилъ милліонное послѣ дяди наслѣдство, но и послѣ этого остался прежнимъ простымъ и сердечнымъ человѣкомъ.

я, можетъ быть, буду въ числѣ ихъ" *). В. В. Т-ому удалось не только дожить до этого „счастливаго времени", но и сдѣлаться однимъ изъ замѣтныхъ въ немъ дѣятелей. Слѣдуетъ надѣяться, что рано или поздно будетъ написана обстоятельная біографія этого „лучшаго изъ гражданъ Малороссіи" и тамъ будутъ представлены подробности дѣятельности В. В. Т-го въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса. Тотъ-же ближайшій другъ В. В. Т-го, въ своемъ о немъ некрологѣ, говоритъ: „я помню, съ какимъ юношескимъ воодушевленіемъ онъ открылъ мнѣ, какъ близкому по родству и единомыслію, тайну первыхъ своихъ сношеній съ самымъ центромъ возникавшаго у насъ тогда движенія по этому вопросу и, потомъ, сообщилъ извѣстіе *о вызовѣ его къ дѣятельному содѣйствію реформѣ*; *какъ онъ поскакалъ за границу для личнаго свиданія съ главнѣйшими тогдашними подвижниками царской мысли*; какимъ счастливцемъ онъ возвратился оттуда, уже увѣренный, что реформа будетъ..." Къ этимъ недоговореннымъ фразамъ мы можемъ дать нѣкоторое поясненіе на основаніи личнаго разсказа В. В. Т-го. Мы знали В-лія В-ча въ послѣдній годъ его жизни, когда въ 1865 году онъ поступилъ на службу въ новосозданное тогда земство—членомъ черниговской губернской земской управы. Преданность идеѣ, положенной въ основу земскихъ учрежденій, у В. В. была такъ велика, что онъ согласился даже на второстепенную должность въ губернскомъ земствѣ—члена управы, въ то время, когда общественное мнѣніе думало и желало видѣть его на первомъ здѣсь мѣстѣ... Прослужилъ В. В. въ земствѣ всего одинъ годъ и въ декабрѣ 1866 г. внезапно скончался. Главной причиною этой неожиданной смерти были тѣ немалыя волненія, которыя пришлось ему испытывать вслѣдствіе разныхъ теченій, явившихся въ начальной дѣятельности губернскаго земскаго органа. Энергическій и прямой В. В. Т-ій не вынесъ тѣхъ дрязгъ, которыя мѣшали *дѣлу* и—погибъ... Вотъ въ это время

---

*) *Памяти Вас. Вас. Тарновскаго. М. Юзефовича. Кіевъ. 1867.* В. В. Т-ій былъ женатъ на сестрѣ М. В. Юзефовича.

черниговской жизни В. В. Т-го намъ и приходилось слушать его разсказы о разныхъ эпизодахъ изъ его дѣятельности въ крестьянскомъ вопросѣ. Разсказывалъ онъ намъ между прочимъ и о томъ эпизодѣ, какъ онъ приглашенъ былъ вел. княгинею Еленою Павловною заграницу, въ какой то незначительный германскій городъ, гдѣ, сопровождая вел. княгиню въ ея прогулкахъ, онъ бесѣдовалъ съ нею о разныхъ начинаніяхъ въ крестьянскомъ вопросѣ, которыя потомъ мало-по-малу и осуществились...

Настоящія письма Кулиша переданы въ редакцію В. В. Тарновскимъ-сыномъ, извѣстнымъ собирателемъ памятниковъ малорусской старины. Къ сожалѣнію, редакція лишена возможности напечатать всѣ эти письма разомъ, вслѣдствіе чего часть ихъ должна въ печати явиться позже...

А. Л.

1.

О Василій Васильевичъ!

Если-бы Вы вовсе не были добродѣтельны, то я Васъ таковымъ сдѣлаю. И первою Вашею добродѣтелью да будетъ терпѣніе. Опять жалуется исторіографъ на несносную боль и на опухоль ноги. Пришлите или привезите завтра доктора, да не лишится Малороссія одного изъ своихъ изслѣдователей!

Женѣ моей гораздо лучше и я надѣюсь, что она скоро будетъ въ состояніи бесѣдовать съ Вами.

Скажите Эмиліи Васильевнѣ, что Александра Михайловна давно знаетъ ее по слухамъ и считаетъ своею знакомою, то есть *какъ-бы* знакомою. Сегодня она меня обрадовала, сказавши, что когда оправится совершенно, то первый выѣздъ ея будетъ къ Эмиліи Васильевнѣ. Я знаю, что Ваши должны быть расположены ко мнѣ, и потому передаю это извѣстіе съ такимъ чувствомъ, которое всего лучше поймутъ женщины.

Вашъ П. Кулишъ.

1855, дек. 14 *).

*) Изъ Кіева, какъ и слѣдующія два.

Не безпокойтесь, Василій Васильевичъ, привозить къ намъ доктора: Николаю Михайловичу сдѣлалось лучше. Мнѣ досадно, что я не знаю, гдѣ грань между эгоизмомъ и великодушіемъ. Отъ этого я часто страдаю. Мнѣ не слѣдовало бы обращать на малодушно жалующагося мальчика никакого вниманія, а я подтотъ-часъ вообразилъ себѣ антоновъ огонь и готовъ былъ поднять на ноги всѣхъ своихъ друзей. Все это отъ боязни быть эгоистомъ, равнодушнымъ къ положенію ближняго. И такъ вѣчно. Если Вы не будете сегодня цѣлый день озабочены, то заѣзжайте ко мнѣ и побесѣдуйте немножко со мною. Я очень нуждаюсь въ дружеской бесѣдѣ. Потомъ свезите меня къ Дебальмену. Со мной такіе происходятъ ужасы, что я могу заболѣть или сойти съ ума.

Вашъ П. К.

1855, дек. 15.

Вѣроятно, у Васъ есть не протекающая ванна. Будьте такъ добры, пришлите ее намъ на нѣкоторое время, если можно сейчасъ.

Женѣ моей все хуже. Мерингъ обѣщалъ быть и вечеромъ.

П. К.

2.

1856, января 1.

Прекрасный другъ мой

Василій Васильевичъ!

Пріятно было-бы мнѣ сидѣть подлѣ Васъ (это мѣсто оставьте на всегда за мною) посреди друзей Вашихъ, за именинным Вашимъ обѣдомъ; Вы должны знать, какъ это было-бы мнѣ пріятно. Но знаете ли, почему я лишаю себя и Васъ этого удовольствія? Иной сгорѣлъ бы отъ стыда, дѣлая въ томъ признаніе, а я съ гордостью скажу, что у меня всего на-все одна только пара платья, именно сюртучная. Я рѣшился не шить себѣ не только фрака до послѣдней необходимости, но и другого сюртука не сошью до тѣхъ поръ, пока этотъ не изно-

сится и не поступитъ въ должность домашняго. Въ сюртукѣ я не могу явиться въ общество людей фраконосныхъ, не желая показаться ни гордецомъ, ни неучтивымъ. Я знаю, что въ Вашихъ глазахъ я не былъ-бы ни тѣмъ, ни другимъ, но я уважаю и гостей Вашихъ, со всѣми ихъ предразсудками.

Посылаю Вамъ имянинный подарокъ—рукопись романа, о которомъ я Вамъ говорилъ третьяго дня. Если Вамъ захочется прочитать ее, то имѣйте въ виду, что это писано было затворникомъ, не видавшимъ года три ровно никого, кромѣ своей жены и еще одного семейства, составлявшаго, въ послѣдній годъ тульской ссылки, отраду нашей жизни. Я-бы ни за что не согласился теперь напечатать этого романа и читать не хочу никому, кромѣ собственно Вашей особы. Но идея этого романа—моя задушевная мечта, и, можетъ быть, я найду формы для ея художественнаго выраженія. Мнѣ нужно такъ-же подкрѣпить себя изученіемъ людей и ихъ разнообразнаго домашняго быта. Тогда это выйдетъ совсѣмъ иначе. Я напишу вновь романъ на туже самую тему, удержавъ изъ этой рукописи только кое-что въ неизмѣнномъ видѣ. Рукопись же эта пускай хранится у Васъ памятникомъ того времени, когда мнѣ всего труднѣе было бороться съ жизнью за свое человѣческое достоинство. Какъ ни маловажна она въ художественномъ отношеніи, но это трофей, вынесенный мною изъ самой опасной битвы.

Пани моя поздравляетъ Васъ съ днемъ ангела и желаетъ Вамъ счастья въ дѣтяхъ Вашихъ.

Обнимаю Васъ отъ всей души.

Поблагодарите Надежду Васильевну за рецепты.

Во время Вашего торжества, я буду работать изо всѣхъ силъ надъ вторымъ томомъ *). Это должно Васъ утѣшить. Я буду трудиться во имя Вашего ангела.

Еще: Старикъ Аксаковъ проситъ прислать ему русскую Черную Раду немедленно. Я говорилъ съ нимъ давно объ этомъ и для того приготовленъ чистый экземпляръ, кот. теперь нах. у

*) Записокъ о Южной Руси.

Мих. Влад. **) Усерднѣйше прошу Васъ взять его и завтра-же отправить въ Москву по слѣдующему адресу: *Константину Сергѣевичу Аксакову, въ Москву, въ Денежномъ переулкѣ, у Покрова, въ Левшинѣ, въ домѣ Пфеллера.* Они гуртомъ проведутъ рукопись къ Государю, и русская Черная Рада, будучи напечатана *въ Русской Бесѣдѣ* (журналъ Хомякова и другихъ), проложитъ вѣрный путь малороссійской. Повредить же она не можетъ. Вѣдь это не переводъ, а какъ-бы самостоятельное произведеніе.

Вашъ П. Кулишъ.

Предъявитель сего, Н. М. Бѣлозерскій, имѣлъ отъ меня порученіе попросить у Васъ Этнограф. Записки; но какъ онъ могъ не застать Васъ дома, то прошу Васъ прислать сію рукопись къ Гр. П. Галагану, гдѣ я сегодня буду обѣдать, а послѣ обѣда читать. Не осуждайте въ душѣ Н. М-ча за нескорое посѣщеніе Васъ. Онъ въ тотъ день не дозвонился, а потомъ не могъ быть у Васъ до сегодня по глупымъ, но уважительнымъ причинамъ.

А вѣдь воспоминанія Аксакова—прелесть! это вовсе не автобіографія, а исторія сердца матери, въ высокой степени благодарнаго. Это такъ-же параллель домашняго и казеннаго воспитанія, которая говоритъ уму убѣдительнѣе всякихъ диссертацій. На мой вкусъ, это одна изъ лучшихъ книгъ въ повѣствовательномъ родѣ, какія только я читалъ. Я могу быть пристрастнымъ къ Аксакову, котораго очень уважаю и люблю! но слезы, мѣшавшія мнѣ читать его воспоминанія, убѣждаютъ меня самого, что тутъ замѣшалось дѣло поглубже дружескаго пристрастія. Я очень доволенъ, что разошелся съ Вами хоть въ чемъ нибудь.

Вашъ П. Кулишъ.

---

*) Юзефовича.

3.

26 февраля, 1856. Москва.

Да возвеселится сердце Ваше, мой безцѣнный другъ Василій Васильевичъ: „Этнографическія Записки“ *) пропущены. Высылайте деньги въ Петербургъ на имя *Матвѣя Терентьевича Симонова, служащаго въ Государственномъ Контролѣ*, а сколько—это рѣшите сами. Я думаю, что надобно издать книгу съ рисунками пѣвцовъ и баевъ и четырмя хромолитографированными типами парубка и дивчины, дида и бабы, съ акварелей Жемчужникова, а въ концѣ приложить десятка три голосовъ пѣсень. Это проведетъ книгу къ панамъ, которые не купятъ ее для одного чтенія, и откроетъ имъ глаза на этнографію, какъ на нѣчто живое, существующее въ природѣ, а не въ головахъ литераторовъ, а текстъ утвердитъ ихъ въ этомъ мнѣніи. Собственно за панами я не гонюсь: они почти всѣ глупы, какъ дѣти, но они предводительствуютъ модою, а мода на хорошее принесетъ обществу пользу. По вычисленію Аксаковыхъ, надобно затратить на такое изданіе 1000 цѣлковыхъ, которую и прошу Васъ выслать.

„Русская Бесѣда“ позволена, но неизвѣстно, будутъ-ли пропущены статьи, которыми издатели непремѣнно хотятъ начать журналъ свой. „Русскій Вѣстникъ“ имѣетъ уже до 3000 подписчиковъ, но издатели приходятъ въ отчаяніе отъ своей неурядицы. Сегодня я только еще первый день въ Москвѣ и потому мало съ кѣмъ видѣлся (и Вашего сына не успѣлъ еще отыскать). Сомнѣваются въ Москвѣ, чтобы на слѣдующій годъ подписчики „Русскаго Вѣстника“ не уменьшились. Москвичи не довольны ни его критикою, ни учеными статьями, ни повѣстями, тѣмъ болѣе, что все это раздроблено на крошечныя статейки.

Прочитайте во 2 № „Современника“ пять стихотвореній графа А. Толстого: какія вещи позволяютъ печатать! И между тѣмъ положительнаго облегченія нѣтъ, только цензура какъ-то

---

*) Т. е. „Записки о Южной Руси“.

ободрилась, да и всѣ шумать, точно нерусскіе. На юбилеѣ Щепкина Константинъ Аксаковъ предложилъ тостъ за общественное мнѣніе, и общество отъ восторга переломало нѣсколько стульевъ. Сегодня Кокоревъ на обѣдѣ, данномъ купцами севастопольскимъ героямъ, говорилъ о томъ, что горе спасительно для русскаго человѣка, что самъ народъ говоритъ въ пѣснѣ: „Выноси ты меня, мое горе"! что отъ горя и крѣпкой кручины русской человѣкъ переходитъ къ непоколебимой энергіи, и наконецъ предложилъ тостъ *за русское горе*! Собраніе обезумѣло отъ энтузіазма, а офицеры черноморскаго флота разбили объ полъ свои бокалы. Дошли до того, что одинъ ораторъ хотѣлъ произнести рѣчь о сословіяхъ, неучаствующихъ въ общественныхъ праздникахъ, и предложить тостъ за соединеніе крестьянъ, мѣщанъ, купцовъ и дворянъ въ одинъ великій русскій народъ; но Хомяковъ, боясь, чтобъ эта рѣчь не имѣла вреднаго вліянія на разрѣшеніе славянофильскихъ статей для Русской Бесѣды, удержалъ оратора. Общественное мнѣніе дѣлаетъ въ Москвѣ успѣхи. Громко говорятъ противъ чиновныхъ низостей; пишутъ исполненныя благороднаго негодованія письма; противъ мира возстаютъ всѣ сословія, даже и купцы. Здѣшній извощикъ и ремесленникъ слѣдитъ за политическими вѣстями съ трепетомъ патріота и выражаетъ свое сужденіе въ харчевняхъ и на рынкахъ, какъ у себя дома. Москва была и есть сердце Россіи; нельзя не восхищаться ею и вчужѣ. Но всего не пересказать. Я же при томъ чувствую усталость послѣ дороги и очень озабоченъ разными разностями. Обнимаю Васъ; низко кланяюсь Вашимъ дамамъ и прошу ихъ... впрочемъ онѣ и сами это сдѣлаютъ, если только съумѣютъ.

Весь Вашъ П. К.

4.

Марта 7. СПб.

Безцѣнный другъ Василій Васильевичъ!

Видѣлъ я Вашего возлюбленнаго сына у доктора Шеффера, но, какъ онъ былъ окруженъ студентами, нестудентами, дѣвицами и дѣтьми, то я могу Вамъ сказать о немъ только то, что онъ очень блѣденъ и не по лѣтамъ солиденъ...

Что Вамъ сказать о Москвѣ? Москва даетъ обѣдъ за обѣдомъ героямъ нынѣшней войны, и отъ излишняго стремленія къ національности не можетъ усидѣть на мѣстѣ и заняться дѣломъ. Отъ этого въ ней два журнала, въ которыхъ нечего печатать. Неурядица Русскаго Вѣстника ничего не значитъ, въ сравненіи съ неурядицей Русской Бесѣды. Сегодня говорятъ мнѣ, что не станемъ издавать, если не разрѣшатъ такихъ-то статей, а завтра Кошелевъ, не спросясь другихъ, печатаетъ объявленіе, которое, вѣроятно, Вы уже получили. Волею судебъ, и я очутился въ сей честной компаніи добродушныхъ крикуновъ, будучи молчаливѣйшимъ изъ грамотѣевъ. Я далъ имъ повѣсть и обѣщалъ напечатать у нихъ переводъ Черной Рады, если будетъ изданъ подлинникъ. А вѣдь есть надежда, что онъ будетъ изданъ! О Москвѣ не распространяюсь, потому что у Васъ теперь передъ глазами Чижовъ, который, по всей вѣроятности, будетъ редакторомъ Русской Бесѣды, по неспособности нынѣшнихъ собесѣдниковъ. Онъ Вамъ разскажетъ обо всемъ лучше, нежели я съумѣю написать. Въ Петербургѣ же я ни съ кѣмъ не видался еще и весь занятъ типографскими дѣлами. Когда все налажу, удосужусь и осмотрюсь кругомъ, то вѣроятно увижу что-нибудь и для Васъ интересное. Здѣсь рѣшительно не знаютъ, миръ или война. Государь собирается осматривать Финляндію, что полагаютъ вѣрнымъ признакомъ войны, т. е. если онъ поѣдетъ въ сію Гиперборейскую страну. Народъ чиновный и всякой иной сдѣлался теперь здѣсь большимъ резонеромъ и не затрудняется ни о чемъ разсуждать публично. Государь пользуется большою популярностью и отъ него чаютъ всего хорошаго. Надъ Клейнмихелемъ производится слѣдствіе, по которому за нимъ чис-

лится 19000000 р. сер. Поговариваютъ, что Плетневъ будетъ здѣсь попечителемъ, а Мусинъ-Пушкинъ *) низвергнется во адъ, сирѣчь удалится во муракъ частной жизни, которая для него будетъ истиннымъ адомъ.—Поклоны и благодарности Вашимъ дамамъ.

Весь Вашъ П. Кулишъ.

(*Съ боку приписка*).

Если мнѣ дадутъ право общей цензуры, то я не уѣду отсюда, не напечатавши Черной Рады по малороссійски. Да и во всякомъ случаѣ загаюсь до 1-го іюня. Очень жалѣю, что не взялъ съ собой А—ы М—ны. Теперь ей надобно дожидаться открытія ходьбы мальпостовъ. Обнимаю Васъ.

А вѣдь Этнографич. Записки до сихъ поръ не подписаны цензоромъ, хотя онъ говорилъ и говоритъ, что пропускаетъ ихъ. На дняхъ я долженъ получить ихъ отъ Аксакова, который имѣетъ на цензора большое вліяніе. Въ запискахъ о жизни Гоголя цензоръ не зачеркнулъ почти ни слова! Теперь-то самое время для печатанія Черной Рады, которое пожалуй опять измѣнится.

5.

Безцѣнный другъ Василій Васильевичъ!

Съ этой почтой посылаю Вамъ страховымъ письмомъ статью мою: „О духовномъ соединеніи Южной Руси съ Сѣверною. Предисловіе къ Черной Радѣ". Прочитайте ее сперва въ семействѣ, а потомъ на вечерѣ у себя, у Галагана или Юзефовича, не обращая вниманіе на то, какіе тутъ случатся люди и будутъ ли, или нѣтъ у нихъ стриженные волосы. Потомъ не полѣнитесь сообщить мнѣ, безъ всякой утайки, что будутъ говорить о ней ученые мужи и простые смертные. Если-бы даже всѣ сказали въ одинъ голосъ, что это вздоръ, то такъ прямо и напишите мнѣ, прибавивъ и свое собственное мнѣніе, каково-бы оно

---

*) П. А. Плетневъ тогдашній ректоръ С.-Петербургскаго университета, а М. Н. Мусинъ-Пушкинъ—попечитель.

ни было. Частныя замѣчанія такъ же нужны мнѣ. Еще не знаю, скоро ли будетъ, и будетъ ли, напечатана эта статья, но она можетъ быть во многомъ исправлена, сообразно сужденіямъ кіевскаго ареопага. Кіевскіе отзывы для меня, въ этомъ случаѣ, всего важнѣе, ибо здѣсь вся раздробленная литературная дѣятельность Южной Руси приведена къ сознанію и указанъ ей путь, по которому она должна идти отнынѣ. Если моя статья не окажется чепухою, то сперва будетъ напечатана въ „Русской Бесѣдѣ", въ видѣ объявленія объ изданіи подлинника „Черной Рады", а потомъ—при самой „Черной Радѣ", въ видѣ предисловія.

Желающимъ списать сію прояву—со стороны автора не возбраняется. Но сперва пошлите для прочтенія моей паніи, а еще лучше—еслибъ сами къ ней заѣхали да и прочитали. А она Вамъ сообщитъ разные мелочи изъ повседневной моей жизни.

Обнимаю Васъ и Вашего земляка Васю крѣпко.

От всей души вашъ П. Кулишъ.

1856, марта 27. С.-Петербургъ.

NB. Вручите пожалуйста изъ моихъ денегъ 50 р. сер. Александрѣ Михайловнѣ.

Хотя я и писалъ, что, не напечатавши Черной Рады, не уѣду съ сѣвера. но, еслибы и разрушились всѣ препятствія къ печати, то цензоръ Крузе, единственный человѣкъ, которому можно ввѣрить это сочиненіе, такъ заваленъ работами, что только въ теченіе двухъ мѣсяцевъ могъ бы прочитать Черную Раду. При томъ же мнѣ жаль Александры Михайловны, которая скучаетъ въ Кіевѣ. Я буду къ 23 апрѣля, а Черной Радѣ не будетъ поздно выдти и осенью.

P. S. Когда ужъ это письмо было готово къ отправкѣ, получено отъ Васъ 1000 р. сер. У меня въ рукахъ еще только объявленіе, и потому не отвѣчаю на письмо, которое, вѣроятно, сопровождаетъ ассигнаціи. Зѣло доброе дѣло Вы дѣлаете, помогая мнѣ трудиться. Есть у меня предчувствіе, что мы съ Вами

оставимъ по себѣ хорошую память. Рано или поздно, а скажутъ намъ спасибо!

6.

30 марта, 1856. С.-Петербургъ.

Вы совершенно правы, мой прекрасный другъ Василій Васильевичъ, что высокая цѣна книги помѣшала бы ея распространенію. Но я напечатаю половину на веленевой бумагѣ, съ картинками, для столицъ и богатыхъ людей, а половину на самой простой и безъ картинокъ для Малороссіи и людей небогатыхъ. Тѣ и другіе экземпляры пустимъ въ продажу разомъ и посмотримъ, которые пойдутъ быстрѣе. Этотъ опытъ послужитъ намъ въ пользу и на будущее время. Книга во всякомъ случаѣ окупится и, еслибы не было никакой прибыли, то здѣсь рискую я, а не Вы. Впрочемъ я знаю, что Вы хлопочете о моей выгодѣ, а не о чемъ другомъ. *Де наше не пропадало?* утѣшительный, истинно малороссійскій девизъ!...

А вотъ на счетъ войны Вы, мнѣ кажется, не совсѣмъ правы, и Ваши сарказмы хороши только въ относительномъ смыслѣ. Много добра сдѣлала Россіи нынѣшняя война. Это говорятъ не одни тѣ, „которые никогда не видѣли, какъ ломаются кости и бьются черепы“. Что касается до „тѣхъ, которые упоенные философскими, политическими и парнасскими фантазіями, никогда (будто бы) не видѣли, какъ страдаютъ бѣдные мужики вслѣдствіе войны“, то многіе изъ этихъ людей, потерявъ одного сына, посылали на его мѣсто другого, а нѣкоторые единственно потому не стали въ ряды воиновъ, что мѣсто ихъ въ обществѣ не-боевыхъ гражданъ, ни кѣмъ не могло бы быть замѣнено. Какъ практическій дѣятель въ улучшеніи благосостоянія мужиковъ, Вы должны желать мира: Вамъ естественно хочется исполнить великодушные свои планы. Но это Васъ не уполномачиваетъ осуждать тѣхъ, которые уважаютъ силу вещей и выражаютъ свой восторгъ, что человѣчество двинулось впередъ замѣтнымъ образомъ. Имъ такъ-же, какъ и Вамъ, естественно желать, что-

бы продлился тотъ процессъ движенія, лучше котораго міръ покамѣстъ не выдумалъ. Еслибы задача очеловѣченья Россіи могла быть рѣшена инымъ путемъ, напримѣръ, постояннымъ миромъ, который бы способствовалъ къ улучшенію матеріальнаго благосостоянія мужиковъ, то сила вещей привела бы насъ къ нему, не смотря на всѣ возгласы тѣхъ, которыхъ Вы такъ рѣшительно осудили. Но Вы испытали, мимо философскихъ, политическихъ и парнасскихъ фантазій, кого обогащалъ 30-лѣтней миръ! Пожалуй, еслибы всѣ помѣщики заботились такъ о своихъ крестьянахъ, какъ Вы и Галаганъ! Но посмотрите вокругъ себя: не былъ ли миръ гарантіею вѣчной, повседневной войны хищнаго племени, живущаго чужими трудами? Теперь по крайней мѣрѣ заговорило все благородное въ Россіи, какъ бы устроить благосостояніе наибольшаго числа людей въ государствѣ, а до войны много ли умовъ занималось этимъ вопросомъ? О Василій Васильевичъ! дѣлайте свое дѣло и предоставьте другимъ, столь-же благороднымъ существамъ, дѣлать свое, а вышнія судьбы, которыя не даютъ известись человѣчеству, уравномѣрятъ всѣ слишкомъ пылкія стремленія противодѣйствіемъ другихъ силъ, и человѣчество никогда не потеряетъ благородства своей природы. Не даромъ оно волнуется и страдаетъ. Видно иначе ему существовать невозможно.

Весь Вашъ П. К.

7.

Спѣшу сообщить Вамъ, безцѣнный другъ Василій Васильевичъ, пріятную для Васъ новость: мнѣ, наконецъ разрѣшено, печатать мои сочиненія по разсмотрѣніи оныхъ въ „обыкновенной цензурѣ". Это даетъ мнѣ надежду воротиться въ Малороссію съ хорошимъ гостинцемъ. Сегодня же посылаю въ Москву „Черную Раду" и надѣюсь, что Аксаковы упросятъ цензора бросить для нея все. Этнографическія Записки пропущены безъ малѣйшей помарки, такъ что я самъ ужъ кое-что зачеркнулъ изъ благоразумной умѣренности и осторожности.

Недавно въ здѣшнемъ университетѣ одинъ ботаникъ держалъ экзаменъ на доктора. Когда объявленъ былъ ему искомый санъ, раздался единодушный громъ рукоплесканій. Это случилось впервые отъ основанія университета. Попечитель Мусинъ-Пушкинъ не выразилъ ни неудовольствія, ни смущенія.

Объ освобожденіи крестьянъ начинаютъ говорить первые сановники въ государствѣ. Мало того: собираютъ вокругъ себя молодыхъ людей, предполагаемыхъ преемниковъ своихъ въ управленіи Россіею, читаютъ имъ свои проэкты и просятъ письменныхъ возраженій и замѣчаній. Еще замѣчательнѣе, что они обращаются съ подобными предложеніями къ молодымъ людямъ, которыхъ сами называютъ, по образу мыслей, демократами. Остановка только за тѣмъ, что не знаютъ, какъ поступить въ столь важномъ и опасномъ предпріятіи, но необходимость его признается самыми строгими консерваторами.

„Записки о жизни Гоголя", покойнаго *Николая М.* *) кончены: два тома убористой печати, заключающіе въ себѣ 650 страницъ. Когда будетъ полученъ билетъ отъ цензора на выпускъ книги изъ типографіи, тотъ-часъ пришлю Вамъ экземпляръ. А съ Этнографическими Записками много еще будетъ возни. Вѣроятно, моя пани уже выѣхала изъ Кіева. Благодарю Васъ и все Ваше семейство за дружеское къ ней вниманіе.

Весь Вашъ П. Кулишъ.

1856. апрѣля 6. С.-Петербургъ.

8.

Потрудитесь, безцѣнный другъ Василій Васильевичъ, передать мою просьбу благому юношѣ, чтобы онъ выслалъ мнѣ изъ принадлежащаго ему альбома лирника Погорѣлаго и разсказщика Ивана Бурдула, на имя Николая Яковлевича Макарова

*) Подъ именемъ *Николая М**. разумѣлся недавно умершій Николай Яковл. Макаровъ. Почему онъ называется покойнымъ—не извѣстно; мож. б., потому что въ этотъ моментъ Кулишъ могъ уже печаться подъ своимъ именемъ.

(близъ Почтамта, въ домѣ Лонгинова). Они возвратятся ему въ цѣлости.

Всею душою Вашъ П. Кулишъ.

1856, іюня 4. 1-я Стрѣленская Колонія.

9.

1856, сент. 28. Москва.

Безцѣнный другъ Василій Васильевичъ!

Цензора наши находятся въ осадномъ положеніи: ихъ бомбандируютъ столоначальники и разные чиновники министерства погашенія талантовъ, отъ имени министра и его достойнаго товарища. Тѣ человѣческія мысли, которыя Вы читаете иногда въ Русскомъ Вѣстникѣ, суть смѣлыя вылазки осажденныхъ. Но они едва держатся на своихъ мѣстахъ. Поэтому и *Черная Рада* до сихъ поръ не пропущена: фонъ Крузе не смѣетъ пропустить ее. Надобно дождаться перемѣны нѣсколькихъ лицъ, пугающихъ правительство Малороссіею; тогда только *Черная Рада* можетъ быть напечатана безопасно для цензора и для автора. Много прекрасныхъ вещей теперь не пропускается; два цензора, у которыхъ я былъ, въ совершенномъ уныніи: боятся, чтобъ дѣла не пришли въ старый порядокъ. Прошлое царствованіе образовало такую массу безчувственныхъ формалистовъ, что усилія изъ скольких разумныхъ дѣятелей производятъ едва замѣтное вліяніе на дѣла правленія. Его преемникъ найдетъ готовую машину, которую перестроить онъ не съумѣетъ, а сломать не сможетъ. Отъ этого и поставленіе прекрасныхъ людей на высшія мѣста остается безплоднымъ. Напримѣръ, оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода сдѣланъ графъ А-ръ Петр. Толстой. Самъ по себѣ, онъ готовъ бы сдѣлать для Русской церкви, но его задавятъ кипами бумагъ и собьютъ съ толку наслѣдственно обрабатываемыми плутнями. Московскіе умные люди въ уныніи, и то, что я Вамъ пишу, есть повтореніе ихъ словъ. У меня тоже заболѣло сердце за нашу Малороссію. Что за бѣдная страна! Она могла бы быть покрыта

розами, а ростутъ въ ней одни репейники. Какъ обновить изъ упадка ея нравственныя силы, когда не позволяютъ существовать ни одному писателю? Шевченко погибаетъ по прежнему въ ссылкѣ; я долженъ бросить великія предпріятія, пріостановить свои ни съ кѣмъ нераздѣляемыя изученія и сдѣлаться журнальнымъ поденщикомъ... — — —

Впрочемъ посмотримъ, кто сильнѣе: цензура или духъ человѣческій. Грустно, а все таки увѣренность въ своемъ дѣлѣ не подавлена. Будемъ трудиться, какъ мученики первыхъ вѣковъ христіанства... Благодарю всѣхъ Васъ за нѣсколько пріятныхъ часовъ, проведенныхъ между Вами: никогда ихъ не забуду!

10.

Вотъ я и въ Петербургѣ. Что же тутъ хорошаго?—Хорошаго то, что въ царскомъ семействѣ сильно хлопочутъ объ уничтоженіи крѣпостного права. Пишутъ и говорятъ объ этомъ всѣ, кому охота. Есть слухъ, что намѣрены составить комитетъ изъ помѣщиковъ для рѣшительнаго окончанія этого важного вопроса. Для этого лучшихъ, по общественному мнѣнію, людей пригласятъ въ Петербургъ. Комитетъ будетъ состоять подъ покровительствомъ Государя и подъ предсѣдательствомъ одного изъ членовъ государственнаго совѣта. Это порадовало мою бѣдную душу. Пріятно было такъ-же мнѣ узнать, что Ростовцевъ палъ съ высоты своего могущества. Говорятъ, его мѣсто предложено уже Игнатьеву, при которомъ служитъ нашъ Василій Михайловичъ. Пироговъ назначенъ одесскимъ попечителемъ. Статья его въ Морскомъ Сборникѣ (№ 9) *Вопросы жизни* произвела здѣсь фуроръ. Цензура въ Петербургѣ смѣлѣе, потому что ее поддерживаетъ царская фамилія, которая, какъ видно, желаетъ стоять впереди либеральнаго движенія. А либеральное движеніе дѣлаетъ успѣхи неимовѣрные. Въ присутственныхъ мѣстахъ разглагольствуютъ такъ свободно, какъ у себя дома. А все таки Шевченко не освобожденъ, и я даже не знаю почему. Но вотъ я сдѣлаю два—три визита и обо всемъ распрошу. До сихъ

поръ я еще не выходилъ изъ квартиры. Ко мнѣ пришли пріятели и нанесли новостей, которыя и Вамъ сообщаю.

Всею душою Вашъ П. Кулишъ.

Въ Прилуку отправлена изъ Петербурга посылка, которая пришла сюда на мое имя. Макаровъ думалъ, что это для меня шинель изъ Кіева, и не посмотрѣвши даже, что именно такое отправилъ къ Вамъ. Но то была вовсе не шинель, ибо шинели не заблагоразсудитъ мой пріятель Сенчило для меня сдѣлать и выслать. Можетъ быть, это какія нибудь книги или рукописи. Потщитесь забрать справки, раскупорьте и, буде вещь окажется того достойною, пришлите въ Петербургъ, чѣмъ истинно меня обяжете.

Прошу такъ-же переслать мнѣ всѣ письма, которыя получатся на Ваше имя для передачи мнѣ.

4 окт. 1858 С.-Петербургъ.

11.

Безцѣнный другъ Василій Васильевичъ!

Посланы Вамъ, на имя Каменецкаго, Записки о Южной Руси. Въ ящикъ вложены экземпляры и для нашихъ общихъ знакомыхъ, которымъ пріятно было для меня выразить этимъ подаркомъ, что я цѣню ихъ заслуги въ наукѣ и дорожу ихъ знакомствомъ, хотя очень мало имъ воспользовался во время моего пребыванія въ Кіевѣ. Я разумѣю Журавскаго, Бунге, Шульгина и Павлова. Что касается до *десяти* экземпляровъ, о которыхъ Вы упоминали, то это дѣло Ваше, а не мое. Вы можете потребовать отъ Каменецкаго сколько Вамъ нужно, что и на будущее время пускай разумѣется. Посылать по почтѣ крайне не выгодно: приходится платить треть стоимости книги, и потому я всѣ экземпляры послалъ черезъ транспортную контору. Но экземпляръ проповѣдей Вы получите черезъ почту, равно какъ и всякой другой, совершенно новой для Васъ книги. Къ первому тому картинки не приложены по скудности моей

казны, которая обратилась на покупку бумаги для проповѣдей, которыхъ печатается 2400 экземпляровъ, и для второго тома Записокъ, которыя тоже печатаются въ числѣ 2400 экз.

О *Черной Радѣ* идетъ дѣло съ главнымъ правленіемъ цензуры. Очень обнадеживаютъ. Земляки, прочитавши ее, пришли въ неописанный восторгъ, т. е. тѣ земляки, которые прикосновенны къ сему правленію; а предисловіе повторяютъ тирадами наизусть. Не давайте Вашего списка никому: въ немъ многое сказано не такъ, какъ слѣдуетъ.

Послалъ я въ Московскую цензуру книгу подъ заглавіемъ: Повѣсть о *Борисѣ Годуновѣ и Димитріи Самозванцѣ. Написалъ для дѣтей старшаго возраста* П. Кулишъ. Съ Харьковомъ списываюсь объ Квиткѣ и о прочемъ. Проповѣди пишу, оставивши рѣшительно Гречулевича и даже Иннокентія. Вы увидите проповѣди, обращенныя къ такой паствѣ, въ которой могутъ быть паны и гетманы. Теперь помышляю о новомъ трудѣ для народа: о переводѣ Евангелія, сведеннаго по порядку событій, съ приличными замѣчаніями. Цензоръ говоритъ, что это можно сдѣлать. Съ нетерпѣніемъ ожидаю первой тетради Вашей книги. Пишите, ради Бога, не оставляйте меня одного на невоздѣланной степи!

Дамамъ Вашимъ отъ меня и отъ моей жены усерднѣйшіе поклоны.

Всею душою Вашъ П. Кулишъ.

1856 окт. 24 Спб.

12.

Безцѣнный другъ Василій Васильевичъ!

Что день, то новыя событія съ Черною Радою. Послѣднія двѣ недѣли я почти каждый день бывалъ у кого нибудь изъ цензоровъ и цензурныхъ чиновниковъ, или у сильныхъ земли, каковы князь Вяземскій, князь Щербатовъ, графъ Толстой, князь Оболенскій, то съ визитомъ, то съ запискою, то съ просьбою, то съ жалобою, то съ косвеннымъ внушеніемъ; а тутъ

разразилась въ цензурномъ мірѣ одна и другая буря, и все это какъ будто для того, чтобъ не дать явиться на свѣтъ моему бѣдному произведенію. Возсталъ противъ провинціальныхъ очеркахъ Салтыкова графъ Панинъ, и былъ уничтоженъ рѣшеніемъ Государя: „читалъ съ удовольствіемъ". Возсталъ противъ стихотвореній Некрасова князь Долгорукій и чуть не низвергъ Современника и цензора Бекетова съ высоты ихъ величія. Въ эту бурю я долженъ былъ безъ устали направлять свой парусъ, сообразно съ дующими въ него вѣтрами. Наконецъ въ пользу Черной Рады образовалась сильная партія и рѣшилась пасть или побѣдить. Чуть-ли не дойдетъ дѣло и до высокаго порога; но, кажется,—безъ того обойдется. А между тѣмъ денегъ у меня нѣтъ. Записки о Южной Руси идутъ покамѣстъ очень туго. Второй томъ печатается въ долгъ, и, если не получу отъ Васъ подкрѣпленія, то буду въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Теперь уже безъ сорома казка: пришлите мнѣ денегъ, да не оскудѣетъ крѣпость моя.

Всею душою Вашъ П. Кулишъ.

1856, ноября 20. С.-Петербургъ.

13.

Безцѣнный другъ Василій Васильевичъ!

Да не смущается сердце Ваше: *Черная Рада* пропущена, и въ то время, когда Вы будете читать эти строки, станки Якобсона будутъ дѣйствовать со всевозможною для нихъ поспѣшностью. Я образовалъ здѣсь малороссійскую типографію, изъ которой сперва наборщики бѣжали, говоря, что набирать эту тарабарщину—все равно, что набирать по гречески, но теперь такъ искусились, что, послѣ второй корректуры, можно подписывать: *печатать*.

Посылаю Вамъ нѣсколько экземпляровъ проповѣдей, пока придутъ ящики съ ними. Читайте первую проповѣдь и тотчасъ переходите къ 100-й страницѣ, т. е. къ тѣмъ проповѣдямъ, которыя писаны мною по возвращеніи изъ Малороссіи. Въ нихъ

выразилась вся душа моя. Напишите мнѣ, которыя проповѣди Вамъ больше понравятся, и что будутъ говорить кіяне.

Всего больше обязанъ я оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода за Черную Раду. Онъ не усумнился поручиться своею репутаціею за чистоту моихъ намѣреній. Цензоромъ моимъ былъ Лажечниковъ, что для меня очень пріятно. Русскій романистъ подалъ руку малороссійскому! Обнимаю Васъ крѣпко. Наши усерднѣйшіе поклоны всему Вашему семейству. Благодаримъ за пакетъ съ письмами.

Всею душою Вашъ П. Кулишъ.

1856, ноября 26.

---

14. (23)

Ничего вѣрнаго не могу сказать Вамъ, почтеннѣйшій другъ Василій Васильевичъ, о мѣстѣ и времени нашего свиданія. Я жду съ каждой почтой извѣстій, которыя могутъ быть такого рода, что мнѣ надобно будетъ поспѣшить въ Петербургъ. У Каменецкаго умеръ жившій съ нимъ братъ; самъ Каменецкій очень расположенъ къ хандрѣ, и меня пугаетъ долгое его молчаніе—не на смертномъ ли онъ одрѣ. Недавно уѣхалъ отсюда Вас. Мих. Бѣлозерскій. Отъ него я ожидаю разрѣшенія этой задачи, а отъ Каменецкаго уже и ждать пересталъ.

Въ Черниговѣ совѣтую Вамъ освѣдомиться о нѣкоторомъ Горошковскомъ, собирателѣ малороссійскимъ рукописей и древностей. Мнѣ очень интересно познакомиться съ нимъ, и можетъ быть я успѣю еще, взявъ подорожную послѣ завтра, т. е. въ понедѣльникъ, захватить Васъ въ Черниговѣ. Такъ какъ Вы лицо очень важное и Ваша квартира будетъ всегда полна властями, съ которыми я не имѣю никакой охоты знакомиться, то позвольте ужъ не являться къ Вамъ, а только прислать Вамъ адресъ моей квартиры съ означеніемъ времени, въ которое я буду дома.

Всею душою Вашъ П. Кулишъ.

1858, іюля 4 Мотроновка.

---

15. (24)

Почтеннѣйшій другъ Василій Васильевичъ!

Не вникнувъ въ смыслъ Вашей борзенской записки, которая гласитъ, что Вы *тотчасъ* уѣзжаете въ Черниговъ, я написалъ Вамъ коротенькій отвѣтъ, въ которомъ выразилъ намѣреніе побывать въ одно время съ Вами въ Черниговѣ для знакомства съ новооткрытымъ малороссійскимъ антикваріемъ Горошковскимъ. Но на другой день получилъ изъ Петербурга извѣстія о гоненіи, воздвигнутымъ Васильчиковымъ на Граматку, и о другихъ обстоятельствахъ, что заставило меня немедленно выѣхать въ Петербургъ. Доѣхавъ однакожъ до Батурина, я воротился вспять. Мнѣ жаль стало оставлять болѣющую почти постоянно жену мою изза литературнаго геройства. Кромѣ того, у меня было на ходу одно изъ тѣхъ двухъ сочиненій, о которыхъ еще неясную мысль я высказалъ Вамъ во время послѣдняго свиданія нашего въ Кіевѣ. Что изъ него выйдетъ, я еще не знаю, но, можетъ быть, оно стóитъ того, что бы махнуть на все остальное рукою. Итакъ, я предоставилъ свои дѣла нѣсколькимъ пріятелямъ, на преданность которыхъ могу вполнѣ положиться, а самъ остаюсь въ Малороссіи на неопредѣленное время. Въ Качановку пріѣхать я покамѣсть не могу потому, что долженъ бы былъ пріѣхать одинъ. Принимая же Ваше обѣщаніе даже въ буквальномъ смыслѣ, не могу вызывать Васъ въ борзенскія окрестности, ибо занятъ сборами къ переѣзду въ небольшой, принадлежащій мнѣ, хуторъ за Лубнами, а сборы эти сопряжены съ разъѣздами за покупкою и изготовленіемъ разнаго рода вещей, о которыхъ вы, хозяева большой руки, никогда и не вспомните. Когда же переѣду въ свой хуторъ, то опять не могу ни къ Вамъ ѣхать, ни Васъ пригласить къ себѣ, такъ какъ два года мы тамъ не были и намъ трудно на первый разъ устроиться такимъ-образомъ, чтобы гость нашъ, его люди и кони, не терпѣли ни въ чемъ недостатка. Домъ нашъ тамъ—простая мазанка, а скоро ли устрою себѣ сколько нибудь удобное жилище, не могу сказать. Итакъ, намъ суждено не видѣться еще долго. Впрочемъ я думаю, что у Васъ къ этому

нѣтъ болѣе важныхъ побужденій, кромѣ дружескаго желанія провести вмѣстѣ нѣсколько часовъ. На это взаимное для насъ удовольствіе я могу разсчитывать только въ зимѣ. Тогда мы переѣдемъ на нѣкоторое время въ Борзенскій уѣздъ, откуда я могу сдѣлать экскурсію въ Качановку. Можетъ быть, къ тому времени и литературная моя работа подвинется до такой степени, что ее не совѣстно будетъ показать Вамъ и вашему милому семейному кружку. Я былъ бы очень доволенъ, если бы мнѣ удалось занять Васъ въ зимніе вечера нѣсколькими часами свѣжаго, оживляющаго чтенія. А Вашимъ судомъ я очень дорожу. У Васъ большое знаніе жизни и изящный вкусъ, чего въ совокупности и въ столицѣ не встрѣтишь. До свиданья же! Передайте наши усерднѣйшіе поклоны Вашимъ домашнимъ. Если бы Вамъ пришла особенная охота писать, что я знаю, какъ для васъ трудно, то адресуйте на мое имя въ Лубны.

Вашъ всею душою П. Кулишъ.

1858, Іюля 7. Мотроновка.

16.

Лубны 1858, августа 25.

Въ хуторѣ Мотроновкѣ оставался я до 22 августа, не желая прервать работу, которая шла хорошо. Одробившись трохи, я могъ бы завернуть къ Вамъ, почтеннѣйшій другъ Василій Васильевичъ, однакожъ не завернулъ, и вотъ тому причины: во-первыхъ, въ Лубнахъ ожидали меня письма, на которыя надобно было дать отвѣты; во-вторыхъ, у Васъ теперь наступаеуъ хлопотливое время по сахарному производству; въ третьихъ, еще не готово у меня то, что я желаю Вамъ прочесть. Ѣду въ свой хуторокъ, а оттуда въ Полтаву и къ матери Гоголя, а оттуда въ Екатеринославскую губернію, къ нѣкоторому ученому мужу, у него-же систематически собрана обширная библіотека *). На возвратномъ же пути всенепремѣннѣйше

*) Н. Д. Мизко.

буду въ Качановкѣ. Чтеніе мое о Малороссіи будетъ на русскомъ языкѣ, и когда Вы его выслушаете и возьмете во вниманіе разныя обстоятельства, то скажете: дда!...

Всѣмъ Вашимъ усерднѣйшій поклонъ.

Всею душою преданный П. Кулишъ.

Два адреса: до половины сентября на имя Маріи Ив. Гоголь, въ Полтаву, а съ половины сентября—на имя Николая Дм. Мизко, въ Новомосковскъ, Екатеринославской губерніи.

17.

Почтеннѣйшій другъ Василій Васильевичъ!

Настоящій періодъ моей жизни есть періодъ самыхъ странныхъ обо мнѣ толковъ, которыхъ отголоски, отъ времени до времени, касаются и моего слуха. Никто лучше меня не знаетъ, что эти толки и самые нелѣпѣйшіе изъ нихъ—очень естественны при тѣхъ данныхъ, которыя представляетъ свѣту неправильная, сама на себя непохожая жизнь моя; но тѣмъ не менѣе мнѣ больно видѣть имя мое игралищемъ людей, непроникающихъ глубже кажущагося. Что же сказать, если къ числу такихъ людей начинаютъ присоединяться и тѣ, которымъ, кажется, дано разумѣть тайны видимыхъ явленій? Это я говорю о Васъ. Зачѣмъ Вы гдѣ-то выразили какое-то неудовольствіе на меня? Вамъ-бы слѣдовало больше, нежели кому либо, щадить меня, потому что Вы больше нежели кто-либо дали мнѣ вѣры и засвидѣтельствовали это не одними словами. Что жъ Вы такъ рано усомнились въ чистотѣ моихъ душевныхъ движеній? Еще мы живемъ; еще будущаго передъ нами много. Обождите по крайней мѣрѣ конца настоящаго акта нашей драмы, и тогда выражайте свое неудовольствіе. Я на все сдѣланное мною до сихъ поръ смотрю только какъ на начало чего-то. Обѣщаетъ ли оно достойное продолженіе или нѣтъ,—не мое дѣло объ этомъ судить; но за чистоту своихъ стремленій я могу сказать слово, обращаясь къ такому другу, какъ Вы,—и это слово бу-

детъ: обождите, не торопитесь выражать Ваше неудовольствіе, дайте горячимъ моимъ порицателямъ унестись впередъ. Вы непроиграете, оставшись позади. Я уже не прошу у людей помощи, никакого содѣйствія, никакого заступничества. Я имѣю друзей, но и у нихъ прошу одного—терпѣнія. Сила воли, разумѣется, великое дѣло, а увѣренность въ себѣ еще большее; но тяжело идти къ своей цѣли, вдвойнѣ тяжело подъ градомъ бросаемыхъ впопадъ и невпопадъ порицаній. Вотъ почему я умоляю Васъ: сохраните хоть Вы ненарушимое обо мнѣ молчаніе. Вы будете еще имѣть время и никогда не лишитесь права высказывать свои неудовольствія,—но тогда Ваше слово будетъ непогрѣшительно. Изъ всѣхъ людей, которымъ угодно было сблизиться со мной въ послѣднее время, Вы—лицо исключительное. Какъ же не больно мнѣ видѣть Васъ въ сонмѣ людей, только казавшихся друзьями? Если Вы мною недовольны, то пишите ко мнѣ и упрекайте меня подружески, имѣя на то право любви и преданности, или говорите мнѣ въ глаза самыя рѣзкія вещи, когда я буду у Васъ. Можетъ быть Ваше открытое слово принесетъ мнѣ пользу. Но рѣчь, на которую нельзя отвѣчать, причиняетъ человѣку одинъ вредъ, лишая его душевнаго спокойствія.

Теперь я гощу у матери Гоголя; отсюда хочу проѣхать въ Екатеринославъ, а оттуда черезъ свой хуторокъ—въ Качановку. Если-бы Вамъ нужно было меня о чемъ нибудь извѣстить (напримѣръ, что Васъ не будетъ дома), то прошу адресовать въ Лубны, на мое имя.

Всею душою преданный П. Кулишъ.

1858, сент. 13. Васильевка.

18.

Трудно мнѣ разсказать Вамъ, почтеннѣйшій другъ Василій Васильевичъ, почему я не былъ у Васъ. Вы не должны требовать отъ меня подробной автобіографіи для объясненія Вашего вполнѣ законнаго недоумѣнія. Довольно сказать Вамъ,

что у меня было въ головѣ очень важное дѣло, требовавшее совѣщаній и переговоровъ съ Вами, а именно—*журналъ* съ малороссійскимъ направленіемъ,—и при всемъ томъ я не былъ у Васъ! Да, я предпринимаю журналъ, подъ заглавіемъ „Хата", который будетъ выходить книжками въ 20 печатныхъ листовъ въ январѣ, февралѣ, мартѣ,—октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ. Цѣна 6 р. Теперь я занятъ хлопотами о позволеніи напечатать программу. Это будетъ журналъ словесности, исторіи, этнографіи и сельскаго хозяйства для малороссіянъ. Произведеніямъ на малороссійскомъ языкѣ дается здѣсь почетное мѣсто, но ученыя статьи (а также и большія повѣсти) будутъ печататься на языкѣ общерусскомъ.

Шесть книжекъ—первый опытъ, послѣ котораго можно будетъ издавать и 12. Возлагаю на Васъ великую надежду по части хозяйственныхъ и ученыхъ статей, мѣстныхъ замѣтокъ объ обществѣ, сужденій о крестьянскомъ вопросѣ и пр. и пр. Теперь для Вашего зоркаго ума открылось широкое поприще и протяните же съ него намъ дружескую руку.

Сегодня выпускаю въ свѣтъ Повісті Квітки. Малороссійскаго моего предисловія не пропустила цензура. Можно-бы похлопотать, но теперь мнѣ не слѣдуетъ высовываться съ какою бы то ни было смѣлою статьею. Итакъ, Вы получите экземпляръ безъ предисловія.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю Вашего отвѣта.

Всею душою Вашъ П. Кулишъ.

1858, октября 18. С.-Петербургъ.

ЗАМѢТКИ О МАЗЕПѢ.

(*По поводу книги Ѳ. М. Уманца „Гетманъ Мазепа“*).

(*Продолженіе* [1]).

II. Мазепа гетманъ.

Переходимъ къ центральной части книги г. Уманца, къ главѣ „*Быть или не быть*“. Въ ней сосредоточена главная задача автора—„выдѣлить свѣтлыя точки политической и частной жизни Мазепы“.

Разсуждая о будущей измѣнѣ Мазепы, г. Уманецъ говоритъ, что „еще Хмельницкій понималъ, что для государственной самостоятельности въ Малороссіи нѣтъ базиса, могъ ли чрезъ тридцать лѣтъ не понимать этого Мазепа? Имѣя, въ случаѣ измѣны, для себя только участь Брюховецкаго, для Малороссіи только новую „Руину“, могъ ли по убѣжденію не быть „вѣрнымъ“ Мазепа? Такимъ образомъ не только личный разсчетъ гетмана, но и польза Малороссіи требовала отъ него тѣснаго союза съ Москвой... Итакъ, скептицизмъ и самосохраненіе обезпечивали Москвѣ вѣрность гетмана. Прогрессивное движеніе, охватившее всѣ среды московской жизни, давало этому тяготѣнію къ Москвѣ болѣе широкое основаніе...„Затѣмъ, разсказавъ, какъ „въ исторіи Малороссіи и ея гетмана было введено новое лицо—семнадцатилѣтній Петръ“, г. Уманецъ говоритъ, что „въ Малороссіи видѣли, какъ послѣ утренней зари правленія Софьи и Федора, въ лицѣ Петра надъ Москвой взошло яркое солнце прогресса. Здѣсь поняли, что въ Москвѣ—привык-

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1898 г., № 3.

шей давать камень, когда Малороссія просила хлѣба—неожиданно явился идеальный царь... Въ свою очередь Мазепа въ высшей степени раздѣляетъ общее настроеніе»... Разсказывая послѣ этого исторію Петрика, г. Уманецъ полагаетъ, что нѣтъ ни малѣйшаго основанія въ настоящемъ случаѣ подозрѣвать участіе Мазепы въ измѣнѣ... Вовстаніе Петрика, въ извѣстномъ смыслѣ, было пробнымъ камнемъ для Мазепы. Надо отдать ему справедливость—изъ этого испытанія онъ вышелъ вѣрнымъ Петру и Россіи. Ясно, что въ это время Мазепа не держалъ въ умѣ мысли, объ отдѣленіи Малороссіи отъ Москвы и вполнѣ стоитъ за Петра и его политику... Большинство упрекаетъ Мазепу въ измѣнѣ родному краю. Но онъ слишкомъ хорошо знаетъ Малороссію, чтобы вѣрить въ „речь посполитую Украинскую", и слишкомъ практикъ, *чтобы не замѣтить, какъ поднимая Москву на степень цивилизованнаго государства, Петръ тѣмъ же движеніемъ поднимаетъ Малороссію...* Вотъ почему отъ представленія Петру въ Троицко-Сергіевской Лаврѣ, до той минуты въ жизни, *которую намъ остается еще угадать,* Мазепа болѣе поклонникъ Петра, болѣе входитъ въ его планы и рѣшительнѣй идетъ на встрѣчу его желаніямъ, чѣмъ всѣ родные царя, всѣ московскіе бояре... *Теперь мы понимаемъ, почему въ первые годы гетманства между строкъ оффиціальной переписки, въ подкладкѣ всѣхъ распоряженій Мазепы, какъ правителя края, видна искра расположенія не только къ дѣлу Петра, но и къ самому Петру. Въ лицѣ Петра Мазепа предвидитъ будущее Россіи. И юноша Петръ покорилъ стараго Мазепу*"... За этою тирадою, въ которой больше сказано, чѣмъ то позволяютъ историческіе матеріалы, слѣдуютъ страницы, на которыхъ г. Уманецъ старается „угадать минуту", когда старый Мазепа задумалъ измѣну... Искру ея г. Уманецъ ищетъ вблизи московскихъ событій, наступившихъ послѣ возвращенія Петра изъ за-границы, около 1698—99 года (стр. 162). Первую мысль объ измѣнѣ г. Уманецъ старается уловить въ приписываемой Мазепѣ „думѣ" („Вси покою щире прагнутъ"), а затѣмъ останавливается надъ тѣмъ, какъ Мазепа принялъ, въ мартѣ 1701 г., послѣ нарвскаго пораженія, дьяка Михайлова, посланнаго къ

гетману Петромъ В. за совѣтомъ. При этомъ Мазепа особенно торжественно благодарилъ царя („кланялся до земли трижды"), что „изволилъ такими государскими велики дѣлами его увѣдомить"... Это утрированная благодарность и эти земные поклоны такъ неестественны!... Зная, что Мазепа ничего не дѣлаетъ наобумъ, приходитъ на мысль: „это не спроста"; Мазепа кому то заблаговременно „отводитъ глаза"... Намъ кажется, что основанную на этомъ случаѣ догадку слѣдовало бы подкрѣпить указаніемъ на другіе случаи противнаго характера... Затѣмъ слѣдуетъ описаніе тягостей, вызванныхъ шведской войною... Пораженія и неудачи развили энергію Петра. Козаковъ тотчасъ потребовали на сѣверъ. Идутъ полки за полками. На смѣну однихъ, являются другіе. Какъ и прежде, козакъ содержится на свой счетъ; но теперь онъ идетъ на край свѣта, въ незнакомую страну, по дѣлу совершенно чуждому мѣстнымъ интересамъ. Теперь онъ не видитъ ни конца войны, ни пользы отъ этой войны... Гетманъ начинаетъ жаловаться на тѣ или на другія обиды малороссіянъ.—Является „странное отношеніе Петра къ Польшѣ и его несправедливости къ Малороссіи". Вдругъ Петра одолѣваетъ фантазія: цѣною Малороссіи купить содѣйствіе поляковъ въ борьбѣ съ Швеціей... Мысль оставить полякамъ правый берегъ Днѣпра, въ разныхъ видахъ, не покидаетъ Петра до самой Полтавской побѣды... „Упорно пріобрѣтая на сѣверѣ, Петръ отдаетъ коренныя русскія земли на югѣ... Положимъ, уступка праваго берега Днѣпра полякамъ дѣлалась не серьезно... Въ своей малороссійской политикѣ, какъ и во многомъ другомъ, Петръ слѣдуетъ узкимъ традиціямъ Москвы. Опасенія усилить малороссійскій элементъ въ Московскомъ государствѣ играетъ здѣсь главную роль... Пока Петръ заискиваетъ у поляковъ на счетъ Малороссіи, гетманъ является болѣе русскимъ, чѣмъ сама Москва. Его занимаетъ грандіозный планъ возвратить Малороссіи правый берегъ, т. е. на три четверти вѣка ранѣе исправить ошибку Андрусовскаго договора*).

---

*) Какъ далекъ былъ Петръ В. отъ мысли отдать правый берегъ Польшѣ — это указываетъ его письмо къ Мазепѣ, писанное 20 сентября 1707 г. и найденное недавно Н. В. Молчановскимъ въ шведск. госуд. архивѣ въ Стокгольмѣ. Вотъ сокращеніе этого письма. „Не могу уступить Украины полякамъ по тремъ причинамъ:

Тѣмъ хуже для Мазепы. Тѣмъ сильнѣе чувствуетъ онъ ошибку московской политики и несчастіе племени, къ которому принадлежалъ и края, въ которомъ провелъ молодость... Мазепа, конечно, понималъ, что человѣкъ уничтожившій патріаршество, не могъ рано или поздно, не уничтожить гетманство. Остановка только за удобной минутой, когда это можно будетъ сдѣлать не опасаясь народнаго раздраженія"... Является на сцену Меншиковъ и слѣдуютъ отъ него гетману обиды, одна за другою (стр. 195—197). Въ тоже время, ближайшая къ гетману старшина твердитъ ему: „яко мы за душу Хмельницкого всегда Бога молимъ и имя его блажимъ, что Украину отъ ига ляцкого свободилъ, такъ противнымъ способомъ и мы, и дѣти наши, въ вѣчные роды, душу и кости твои будемъ проклинать, если насъ за гетманства своего, по смерти своей, въ такой неволѣ зоставишъ". Наконецъ, разсказывается эпизодъ, происшедшій лѣтомъ 1706 г. въ Кіевѣ, на обѣдѣ у гетмана, когда Меншиковъ будто бы сказалъ послѣднему: „пора приниматься за враговъ", разумѣя подъ ними старшину.

Въ такомъ видѣ нарисовалъ г. Уманецъ картину постепеннаго развитія у Мазепы идеи объ измѣнѣ. Засимъ перечисляются „измѣнники", т. е. сторонники Мазепинаго замысла; тутъ видимъ почти всю высшую старшину (стр. 212), къ сожалѣнію безъ какихъ либо хотя черточекъ ихъ индивидуальности... Этотъ списокъ указываетъ, что вопросъ объ измѣнѣ является какъ-бы общимъ, но Мазепа, повидимому, дѣйствуетъ одинъ:—„спуститеся на мою совѣсть и на мой подлый разумишко, на которомъ вы не ошибаетесь," говоритъ Мазепа старшинѣ и—дѣйствуетъ... Дѣйствія эти даютъ г. Уманцу полное основаніе сказать: „Правда и ложь въ его рукахъ до того дѣлаются одинаково

---

1) если уступлю, то потеряю возможность сношеній съ вѣрнѣйшими друзьями, курьеровъ нельзя посылать, поляки народъ легкомысленный и непостоянный; 2) По окончаніи войны съ Швеціей, думаю воевать съ Турціей,—Украина мнѣ необходима для свободнаго движенія войскъ; 3) если уступлю Украину полякамъ, они мнѣ всячески будутъ вредить въ сношеніяхъ съ Турціей и Крымомъ.—Постарайся сплавить польскихъ пословъ, если представятъ мое письмо". (Получено отъ Н. В. Молчановскаго, которому и приносимъ здѣсь глубокую нашу благодарность).

неузнаваемыми, что, наконецъ, дѣлается невозможнымъ отличить укрывательство отъ правды и даже теперь трудно разобрать, гдѣ кончается истина и гдѣ начинается маска, надѣтая имъ по собственному желанію или вслѣдствіе рокового стеченія обстоятельствъ. Отъ этого даже теперь многое, что надо толковать въ похвалу Мазепѣ, ставится ему въ укоръ" (стр. 234). При этомъ г. Уманецъ старается уяснить, напр., мотивъ Мазепиной непріязни къ Палѣю. Защищая Палѣя,—послѣ приказа Петра В. вызвать послѣдняго изъ Бѣлой Церкви и арестовать,—Мазепа могъ де „возбудить у Петра подозрѣніе въ потворствѣ идеѣ малороссійскаго обособленія..." Не лучше ли послушаться Петра и, отдѣлавшись отъ Палѣя, сохранить за собою всю арену и полную свободу" (стр. 238). Другой примѣръ мазепиной хитрости г. Уманецъ видитъ въ отношеніяхъ послѣдняго къ стародубскому полковнику Миклашевскому. „Еще въ 1703 г. Мазепа доносилъ царю о томъ, что Миклашевскій ведетъ тайную переписку съ злонамѣренными поляками. Миклашевскій былъ даже лишенъ полка"... Для объясненія этого факта г. Уманецъ ссылается на Костомарова, видѣвшаго въ Миклашевскомъ—можетъ быть, подобіе Выговскаго... Мазепа для спасенія идеи могъ не жалѣть „своихъ", говоритъ г. Уманецъ и продолжаетъ: „теперь въ поведеніи Мазепы, съ чувствомъ похожимъ на ужасъ, узнается человѣкъ, который съ психологической цѣлью, чтобы заглушить всѣ сомнѣнія въ душѣ Петра, не только покупалъ имѣнія въ Великороссіи, бранилъ свой народъ, сообщалъ царю и Головкину всѣ слухи о себѣ, безъ остатка, говорилъ правду и, какъ природный украинецъ, защищалъ Малороссію, но не остановился передъ притворствомъ и кощунствомъ фальшиваго причастія. Только теперь можно измѣрить всю глубину несчастія этого человѣка, всю бездну униженія этого таланта, который, по собственному желанію или въ силу рокового стеченія обстоятельствъ, задавшись невозможной, противной историческому теченію цѣлью, поставленъ въ необходимость прибѣгать къ такимъ средствамъ и расходоваться на эту достойную изумленія, но недостойную игру... Стынетъ кровь подъ гнетомъ этой строгой артистической игры, передъ холодно выдержанной

ролью... Онъ ставитъ на карту все, даже свое человѣческое достоинство. Это великій актеръ, очаровывающій зрителя и оставляющій въ недоумѣніи потомство, но, вмѣстѣ, это хищный звѣрь, искусно путающій слѣдъ, чтобы сбить съ толку охотника... Это измѣна артистической отдѣлки... Спѣшимъ закрыть эту главу съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ непривычный зритель спѣшитъ оставить анатомическій театръ и залу вивисекцій.“ Такъ заключаетъ г. Уманецъ главу—*Быть или не быть*.

Мы нарочно сдѣлали большія изъ нея выписки, чтобы показать—какъ выполнилъ г. Уманецъ свою задачу относительно „выдѣленія свѣтлыхъ точекъ политической жизни“ Мазепы. (О частной жизни будетъ говорено дальше). Читатель видитъ, что нельзя сказать, чтобы положенныя г. Уманцемъ краски на Мазепу-политика были особенно свѣтлы... „Нѣтъ обмана, жестокости и преступленія, предъ которыми онъ остановится“, рѣшившись на измѣну (стр. 242). Послѣ такой характеристики Мазепы, рождается вопросъ: кто же былъ Мазепа—авантюристъ или „патріотъ“? Вопросъ этотъ г. Уманецъ посильно рѣшаетъ въ главѣ—„*Шведская инкурсія*“. Тамъ и мы скажемъ объ этомъ вопросѣ, а относительно главы „*Быть или не быть*“ слѣдуетъ сказать, что едва ли авторъ ея угадалъ „ту минуту въ жизни Мазепы“, въ которую послѣдній рѣшился на „измѣну“. По крайней мѣрѣ, догадки его не убѣдительны... Быть можетъ, расположеніе къ „измѣнѣ“ у Мазепы, какъ человѣка выросшаго среди правобережныхъ шляхетскихъ тенденцій, было, такъ сказать, въ крови у него... А поэтому—тѣмъ труднѣе историку угадать искомую „минуту“. Затрудненіе это еще болѣе увеличивается отъ побочныхъ обстоятельствъ: война Петра В. съ Карломъ XII, слава послѣдняго и такіе успѣхи, послѣдняго какъ нарвское пораженіе,—являлись для Мазепы большимъ соблазномъ къ проявленію таившейся „измѣны“... Является сильное подозрѣніе, что надежда на благопріятный исходъ шведской войны для Карла—могла оказать сильный толчокъ въ области думъ и мечтаній Мазепы объ „измѣнѣ“.

Въ главѣ „*Крестьянское дѣло при Мазепѣ*“ [1]) послѣдній оцѣнивается какъ *правитель* въ „гражданской его дѣятельности“. Глава эта важна въ томъ отношеніи, что здѣсь авторъ долженъ намъ представить *дѣла* Мазепы въ фактахъ болѣе или менѣе опредѣленныхъ, а характеръ этихъ дѣлъ, во всякомъ случаѣ, долженъ помочь для уясненія личности Мазепы.

Главу о „*крестьянскомъ дѣлѣ*“ г. Уманецъ начинаетъ очеркомъ соціальнаго положенія Малороссіи до 1687 года, при чемъ, прежде всего, дѣлаетъ попытку объяснить происхожденіе сословій. Желая уяснить отношенія „товариства“ къ „посполь-ству“, т. е. козаковъ къ крестьянамъ, г. Уманецъ говоритъ, что при Хмельницкомъ „козаки и посполитые ежедневно мѣнялись ролями“, такъ какъ само „положеніе дѣла (нужда въ народномъ ополченіи) не позволило при немъ выдѣлить козачество изъ массы населенія“... Страницей ниже (244) самъ г. Уманецъ говоритъ о данныхъ Хмельницкимъ монастырямъ универсалахъ, въ которыхъ гетманъ обѣщаетъ не позволять монастырскимъ крестьянамъ переписываться въ козаки... Наконецъ, если существовали термины для обозначенія сословій („товариство“ и „посполъство“), то значитъ, что не только существовали самыя эти группы сословій, но при этомъ группы эти были уже и обособлены [2]). Можно сказать только, что переходъ изъ одной группы въ другую, не былъ затрудненъ, но эта легкость перехода существовала во все продолженіе XVII в., и даже позже, такъ что время Хмельницкаго здѣсь особенно не выдѣлялось. На раннее обособленіе двухъ сельскихъ группъ указываетъ самъ г. Уманецъ, говоря о запрещеніяхъ перехода крестьянъ въ козаки. Здѣсь авторъ, между прочимъ, полагаетъ, что запрещеніе крестьянамъ переписываться въ козаки происходило не потому, что старшина не желала „дѣлить на мелкія части

[1]) Глава эта, по ошибкѣ, нами пропущена въ ихъ перечнѣ, сдѣланномъ въ началѣ „Замѣтокъ“.

[2]) Самъ народъ понималъ это обособленіе двухъ *юридическихъ группъ*; старожилы одного стародубскаго села въ 1729 г. говорили: „по изгнаніи ляховъ, якъ осѣли люде (въ этомъ селѣ), то можнѣйшіе пописались въ козаки, а подлѣйшіе остались въ мужикахъ“. Опис. Ст. Малор., I, 381.

кусокъ общественнаго пирога, падающій на долю козаковъ", а потому, что „лучшіе люди той эпохи старались удержать стремленіе массы мѣнять плугъ на мечъ" (стр. 253). Такимъ образомъ, г. Уманецъ какъ будто предполагаетъ, что крестьянинъ, переписавшись въ козаки, бросалъ плугъ, замѣняя его мечомъ... Но развѣ козакъ бросалъ плугъ? Развѣ онъ не былъ такимъ же *земледѣльцемъ,* какъ и крестьянинъ?—Старшина не могла бояться, что „поля останутся непаханными", но боялась, что принадлежавшей ей земли некому будетъ пахать... Преслѣдуя переходъ крестьянъ въ козаки въ своихъ маетностяхъ, старшина мало препятствовала такому переходу въ селахъ монастырскихъ и еще менѣе въ селахъ *ратушныхъ.* Московскій воевода естественно интересовался этимъ вопросомъ при Брюховецкомъ (стр. 253), потому что податью въ пользу государя облагалось одно посполъство. Впрочемъ, самъ-же авторъ опровергаетъ высказанное имъ мнѣніе. На стр. 255-й, онъ указываетъ на приказъ Многогрѣшнаго любецкому сотнику: „не привлащать любецкихъ мѣщанъ подъ регименть", чтобы тѣмъ не причинить убытка черниговскому войту, которому гетманъ позволилъ владѣть любецкими мѣщанами. Отсюда видно, что не боязнь замѣны плуга мечемъ тутъ была причиною. Еще менѣе можно видѣть въ этомъ распоряженіи тенденцію Многогрѣшнаго—„поддержать обособленіе мѣщанъ, т. е. ремесленнаго, торговаго и рабочаго класса" (стр. 256) или—„создать въ мѣщанахъ противовѣсъ бурной, все забирающей въ свои руки демократіи козачества" (стр. 258). Распоряженіе Многогрѣшнаго объ отдачѣ любецкихъ мѣщанъ въ послушенство черниговскому войту обозначало, что гетманъ отдавалъ любецкихъ мѣщанъ въ послушенство черниговскому магистрату, котораго расходы на разныя общественныя нужды требовали средствъ; вотъ для пополненія ихъ черниговскій магистратъ и получилъ отъ Многогрѣшнаго право на послушенство любецкихъ мѣщанъ, т. е. на ихъ трудъ. Любецкіе мѣщане являлись здѣсь—тѣми же *крестьянами.* Никакой мысли объ „особленіи мѣщанъ" тутъ быть не могло, потому что до такихъ цѣлей гетманы XVII в. дорости не могли...

А между тѣмъ г. Уманецъ идетъ далѣе и приписываетъ Многогрѣшному „учрежденіе настоящихъ сословій,“ прибавляя при этомъ, что учрежденіе это послѣдовало „прежде, чѣмъ естественный ходъ жизни выдвинулъ вопросъ о сословіяхъ“... Думается, что приведенный фактъ отдачи любецкихъ мѣщанъ въ послушенство черниговскому магистрату не можетъ давать матеріала для такого широкаго заключенія... Притомъ же, Многогрѣшный ужъ никакъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ правителей, которые могли преслѣдовать тѣ или другія соціальныя цѣли... Всѣдъ за такимъ заключеніемъ о дѣятельности Многогрѣшнаго, г. Уманецъ говоритъ, что „первые гетманы старались только о томъ, чтобы не всѣ шли въ козаки. Они вовсе не хотѣли сдѣлать козаковъ панами и только думали, какъ удержать возможно бо́льшее количество населенія при производительныхъ занятіяхъ. Событія повели общество далѣе, чѣмъ гетманы желали. Козакъ именно становится паномъ. Не только козаки дѣлаются малочисленнымъ классомъ, но получаютъ значеніе привиллегированнаго сословія. Съ этого времени (послѣ Многогрѣшнаго) ясно выдѣляются два направленія: въ силу перваго, козаки получаютъ значеніе дворянскаго сословія, въ силу второго—посполитые все болѣе и болѣе приближаются къ будущему крѣпостному праву“... Тутъ авторъ несомнѣнно сильно упреждаетъ событія *)... Далѣе читаемъ: „Итакъ, къ началу 80-хъ годовъ XVII в., въ теоріи уже проводится рѣзкая грань между козаками и посполитыми: козаки освобождаются отъ послушенства, но обязываются личной военной службой на своемъ содержаніи“ и т. д. (стр. 262). Да когда же козаки не были свободны отъ послушенства? Если мы возьмемъ и время Хмельницкаго, то и тогда уже званіе козака указываетъ на обязанность нести военную службу на своемъ содержаніи, при чемъ о какомъ либо послушенствѣ (т. е. о личномъ трудѣ въ пользу того или другого державца) не могло быть и рѣчи.

---

*) О томъ, какъ зарождалось въ Малороссіи „дворянское сословіе“, можемъ сослаться на монографію г. Миллера — „О превращеніи старшины въ дворянство“. (Кіевск. Стар. 1897 г.) и на наши „Замѣчанія“ на эту работу. (Харьковъ. 1898).

Здѣсь же кстати замѣтимъ, что „Войско" никогда не пользовалось тѣмъ „послушенствомъ" (конечно, крестьянъ?), о которомъ говоритъ г. Уманецъ, указывая на водяныя мельницы (стр. 249). Указывая на послѣдствія, какъ на источникъ для заплаты жалованья охотницкимъ полкамъ, г. Уманецъ говоритъ: „случалось, что одно колесо или просто часть дохода съ мельницы принадлежала „Войску", а другая составляла частную собственность" и при этомъ приводитъ въ примѣръ универсалъ Брюховецкаго войск. товар. Годуну, которымъ гетманъ жалуетъ послѣднему „двѣ мѣрочки млиновыя, приподающія на насъ", „т. е. въ войсковую казну", добавляетъ г. Уманецъ. Но дѣло въ томъ, что вся эта мельница, цѣликомъ, принадлежала Годуну; но такъ какъ водяныя мельницы представляли собою вообще одинъ изъ источниковъ для пополненія „войсковаго скарба" (войсковой казны), причемъ на „Войско" шло двѣ трети ихъ мельницкаго барыша (двѣ мѣрочки изъ трехъ), то гетманы очень часто жаловали владѣльцевъ водяныхъ мельницъ *войсковою частью дохода*. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Брюховецкій жалуетъ в. тов. Годуну тѣ „двѣ мѣрочки" изъ получаемаго хозяиномъ мельницы дохода, которыя передъ тѣмъ отбирались въ „скарбъ". Слѣдовательно, мельницы, съ которыхъ собиралась часть помола въ пользу войсковаго скарба, *никогда во владѣніи „Войска" не находились*, а принадлежали всецѣло тому или другому собственнику, который, какъ всецѣлый хозяинъ, заботился самъ и о ремонтѣ мельницы. Ни о какомъ участіи „Войска" въ веденіи мельничнаго хозяйства и рѣчи не могло быть.

Переходя къ характеристикѣ управленія гетманщиною Мазепы, г. Уманецъ говоритъ о его отношеніяхъ къ крестьянскому вопросу, къ вопросу объ „арендахъ", какъ источникѣ пополненія „войскового скарба", и наконецъ—о заботахъ Мазепы относительно церковно-строительства, которое, по мнѣнію автора, „имѣло столько же религіозное, сколько экономическое и просвѣтительное значеніе". Очерку „гражданской дѣятельности" Мазепы предшествуетъ нѣкоторая характеристика личныхъ отношеній новаго гетмана къ своимъ сотрудникамъ. „Съ из-

браніемъ Мазепы — перемѣнилось обращеніе въ гетманскомъ дворцѣ. Солдатская грубость Многогрѣшнаго и мелкое высокомѣріе Самойловича замѣняется *внушительной обходительностью*. Мазепѣ ли не умѣть заискать? Пиры оглашаютъ батуринскій замокъ. Старикъ пускаетъ въ ходъ свое *обворожительное краснорѣчіе, умѣнье съ каждымъ говорить на его языкѣ*,—гдѣ надо затронуть личные интересы, корыстолюбіе или патріотизмъ"... „Мы имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о „грубости" Многогрѣшнаго и о „высокомѣріи" Самойловича, но о „внушительной обходительности" Мазепы, о „его обворожительномъ краснорѣчіи" развѣ слѣдуетъ лишь догадываться.... Впрочемъ, быть можетъ, для заключенія о Мазепиномъ краснорѣчіи автору служатъ письма гетмана къ Кочубеевнѣ, о „силѣ выраженія" въ которыхъ г. Уманецъ такого высокаго мнѣнія (стр. 231). Другихъ историческихъ данныхъ объ указанныхъ выше личныхъ качествахъ Мазепы—нѣтъ.

Обозрѣвая затѣмъ „гражданскую дѣятельность" Мазепы и не находя въ ней какихъ-нибудь замѣтныхъ *дѣлъ*, г. Уманецъ полагаетъ, что причина этого заключается въ томъ, что Мазепа „не могъ удѣлять много времени гражданскому устройству Малороссіи", *будучи занятъ походами*, такъ какъ онъ совершилъ въ первыя двѣнадцать лѣтъ своего гетманства—одинадцать лѣтнихъ и двѣнадцать зимнихъ походовъ, и имѣя во вторую его половину, благодаря шведской войнѣ, одинъ сплошной походъ" [1]). Не ужели же въ 23 года своего гетманства Мазепа занятъ былъ одними походами?—Несомнѣнно, что Мазепа имѣлъ много времени, чтобы „удѣлять часть его и на гражданское устройство Малороссіи", но повидимому, этотъ вопросъ его нисколько не заботилъ безъ внѣшнихъ воздѣйствій.

---

[1]) Здѣсь г. Уманецъ дѣлаетъ ссылку на донесеніе Мазепы въ Москву (1699 г.) о народномъ бѣдствіи вслѣдствіе голода, причемъ Мазепа указываетъ, что тяжкое положеніе народа увеличивается отъ военныхъ походовъ „отправуючихся лѣто и зиму чрезъ кильконадцять лѣтъ...." (Костомар., Мазепа, 161) О *личной* тяготѣ Мазепѣ—тутъ нѣтъ ни слова.

Ссылаясь на извѣстный универсалъ Мазепы 1691 г. (Кіев Стар., 1891, янв., 3), въ которомъ гетманъ приказывалъ державцамъ „власть свою при владѣніи маетностями выражать мѣрно, не чиня подданнымъ разныхъ вымысловъ и тяжестей“, а также на предстательство Мазепы предъ Петромъ В. за посполитыхъ въ двухъ-трехъ случаяхъ, когда царь требовалъ ихъ на разныя военныя надобности, г. Уманецъ говоритъ, что „приведенныхъ фактовъ достаточно, чтобы видѣть въ защитѣ посполитыхъ Мазепой не случайность, *а систему*“ (стр. 287). Кажется, что такое заключеніе сдѣлано поспѣшно, такъ какъ никакой системы у Мазепы по этому вопросу не видно. Думается, что мы не ошибемся, если скажемъ, что исторію именно этого универсала разсказываетъ самъ Мазепа въ своемъ донесеніи въ Москву, относящемся къ октябрю 1692 г. Изъ этого замѣчательнаго донесенія (Матер., Бант.-Кам., II, 5—7) видно, что Мазепа въ сентябрѣ 1692 года получилъ изъ Москвы указаніе на происходящія „межъ народомъ вопль и прекаpаніе“ по поводу арендъ и неправильной раздачи маетностей, причемъ добавлялось, что эти народныя жалобы даютъ поводъ и запорожцамъ „произносить голосы къ шатости склонные“. Московское правительство поручило гетману „помыслить и посовѣтывать“—нельзя ли сдѣлать необходимыхъ облегченій. Въ отвѣтъ на это распоряженіе, Мазепа отвѣчалъ подробнымъ донесеніемъ о томъ, что дѣйствительно народъ жалуется на аренды, а запорожцы пишутъ къ нему объ отягощеніи народа — „что многіе села розданы разнымъ особамъ въ подданство“; „*предваряя* (пишетъ онъ далѣе), *чтобы отъ особъ, селами владѣющихъ, какъ старшинъ генеральныхъ, такъ и полковниковъ и товарищества войскового, люди посполитые, въ подданствѣ ихъ будучіе, отягченія и бременъ неудобь носимыхъ не терпѣли, розослали есмы давно наши универсалы во всѣ полки и городы, разглошая такой нашъ приказъ, дабы нихто изъ тѣхъ владѣтелей не дерзалъ работами великими и поборами вымышленными людей въ селахъ, собѣ данныхъ, обрѣтающихся, отягощати и ни малой въ земляхъ, поляхъ, лѣсахъ, сѣножатехъ и всякихъ угодьяхъ чинити имъ обиды*

и насилія и чтобъ владѣли ими въ мѣру, ничего вновь и выше мѣры не налагая...."

Думаемъ, что изъ исторіи универсала 1691 года ясно видно, что онъ былъ результатомъ случайности (запорожскихъ „нареканій", которыя порождали въ народѣ „шатость"), но никакъ не системы.

Едва ли вѣрно заключеніе г. Уманца и о предполагаемой имъ попыткѣ Мазепы возстановить значеніе ранговыхъ имѣній. Указывая на трудность таковой попытки, г. Уманецъ говоритъ, что однакожъ Мазепою она была сдѣлана, причемъ приведенъ слѣдующій примѣръ. „Генеральный обозный Петръ Забѣла передалъ с. Клишки по завѣщанію одному изъ своихъ сыновей; Мазепа отдалъ Клишки другому и, не смотря на всѣ ходатайства, даже царскій указъ (т. е. грамоту), не возвратилъ. Послѣ паденія Мазепы многіе объясняли неутвержденіе распоряженія прежняго владѣльца взяткой, будто бы данной гетману. Но во 1-хъ, тогда все можно было говорить о Мазепѣ; во 2-хъ, если сохраненіе Клишекъ для „Войска" было злоупотребленіемъ, то чѣмъ объяснить всѣ распоряженія Мазепы въ видахъ сохраненія ранговыхъ имѣній? *Отобраніе Клишекъ неизбѣжно при желаніи спасти ихъ, какъ ранговое имѣніе (?), и противодѣйствовать безусловно незаконному дѣйствію покойнаго вліятельнаго чиновника*". Приводимый здѣсь случай, послужившій г. Уманцу основаніемъ для такого широкаго обобщенія, заимствованъ имъ изъ бумагъ, нами напечатанныхъ (Кіевск. Стар. 1883 г., іюль) и тѣмъ яснѣе для насъ, что дѣло было не такъ. Генер. обозный Петръ Забѣла получилъ по царской грамотѣ въ 1656 году пять селъ, въ томъ числѣ и Клишки (Опис. Стар. Малор., II, 136). Умирая, Забѣла распредѣлилъ свои маетности такъ: три села (въ томъ числѣ и Клишки) отдалъ младшему сыну Ивану, а два села—сыновьямъ Степану и Василію. Умеръ П. Забѣла въ 1689 г., т. е. въ тотъ годъ, когда Мазепа ѣздилъ въ Москву послѣ неудачнаго похода кн. Голицына въ Крымъ. Мазепа ѣздилъ въ Москву въ сопровожденіи чуть ли не всей первостепенной старшины и множества меньшей [1]). Въ это время въ

[1]) Перечисленіе старшины у Костомарова, „Мазепа", 32 и слѣд.

Москвѣ произошелъ тотъ переворотъ, послѣдствіемъ котораго было удаленіе Софіи и вступленіе въ дѣйствительную власть Петра. Какъ извѣстно, въ этотъ моментъ Мазепа съумѣлъ понравиться Петру и, воспользовавшись удобнымъ моментомъ, повыпрашивалъ царскія грамоты на маетности, раньше розданныя старшинѣ и, кромѣ того, понадавалъ послѣдней еще и новыя. Повидимому, въ этотъ моментъ Мазепа старался закрѣпить за собою пріязнь вліятельной старшины и ея родичей, чтобы тѣмъ самымъ пріобрѣсти надъ нею большее вліяніе. Надѣляя маетностями старшину, Мазепа нашелъ нужнымъ надѣлить и нѣжинскаго полковника Степана Забѣлу. Послѣдній уже раньше получилъ отъ Мазепы с. Конашевку (подъ Борзною), да по отцовскому завѣщанію владѣлъ онъ с. Лушниками. Пользуясь случаемъ, Степанъ Забѣла самъ распорядился отобрать отъ младшаго брата одно изъ завѣщанныхъ послѣднему селъ—Клишки („село Клишки отъ мене подъ свою власть отобралъ"), а въ Москвѣ обратился къ Мазепѣ съ просьбою узаконить его самоволіе и дать ему свой универсалъ на отнятую у брата маетность. Просьба была удовлетворена и Клишки утверждены были за Степаномъ Забѣлою гетманскимъ универсаломъ. Что же, значитъ, Мазепа дѣлалъ при этомъ? — Онъ отобралъ у одного изъ братьевъ наслѣдственную его маетность (которою наслѣдодатель владѣлъ по грамотѣ) и отдалъ другому брату потому, что этотъ другой братъ занималъ важный урядъ нѣжинскаго полковника, а тотъ братъ, отъ котораго отбиралась маетность, былъ человѣкъ малаго ранга и кромѣ того былъ зятемъ генеральнаго обознаго Борковскаго, котораго Мазепа всегда не любилъ [1]). Здѣсь и

[1]) См. Кіевск. Стар. 1893 г. Вотъ относительно Борковскаго Мазепа дѣйствительно поступилъ такъ, какъ говоритъ г. Уманецъ о случаѣ съ Забѣлами. Не успѣлъ Борковскій умереть, какъ Мазепа отобралъ у его вдовы м. Орловку, надлежащее „на урядъ обозничества", причемъ впрочемъ мѣстечко было повернуто—„на гетманскій дворъ". Но здѣсь Мазепа проявилъ актъ пристрастія и нелюбви къ покойному Борковскому, на что и указываетъ Кочубей. (Матер., Бант.-Кам., II, 109). Тутъ же разсказанный Кочубеемъ случай съ наслѣдствомъ кіевск. полковника Солонины былъ того же характера. Въ обоихъ случаяхъ причиною отобранія маетностей была нелюбовь Мазепы.

рѣчи не было о какомъ либо „сохраненіи ранговыхъ маетностей", а было лишь *одно насиліе, одна несправедливость* по отношенію къ Ивану Забѣлѣ, младшему брату Степана Забѣлы [1]). Вѣдь не отобралъ же Мазепа Клишекъ послѣ смерти Степана Забѣлы, какъ ранговую маетность, а оставилъ ее у сына послѣдняго, незначительнаго войскового товарища (Опис. Ст. Малор., II, 360). Мы остановились на этомъ фактѣ, какъ на примѣрѣ рѣзкаго, несоотвѣтствія между фактомъ и заключеніемъ автора, который затѣмъ продолжаетъ: „Изъ всего этого видна неосновательность предположенія объ исключительномъ сочувствіи Мазепы къ панамъ и будущему дворянству... Напротивъ, если всѣ брались за ближайшія средства, то Мазепа въ сословномъ вопросѣ заботился о справедливости". Такую „справедливость" можетъ указывать одинъ только универсалъ Мазепы 1691 года, но и онъ былъ вынужденною мѣрою для успокоенія „воплей и пререканій" полтавскаго поспольства, жившаго въ сосѣдствѣ съ Запорожьемъ и потому менѣе смирнаго, чѣмъ поспольство, находившееся вдали отъ Запорожья...

Говоритъ г. Уманецъ и объ „арендахъ". Это былъ откупъ на торговлю виномъ, табакомъ и дегтемъ. Народъ былъ противъ этихъ откуповъ, но они составляли одинъ изъ главныхъ источниковъ для пополненія „войсковаго скарба", а доходами послѣдняго оплачивалось жалованье „охотницкимъ" полкамъ. Мы уже видѣли, что однимъ изъ первыхъ распоряженій Мазепы-гетмана была отмѣна „арендъ на горѣлку" и на другіе напитки (Самовид., 79); но затѣмъ, какъ видно изъ полученнаго въ сентябрѣ 1692 г. указанія изъ Москвы, аренды эти были возстановлены. Заботясь объ устраненіи народнаго недовольства, на которое указывалось даже изъ Москвы, гетманъ, послѣ многихъ совѣщаній, повидимому, не нашелъ возможности отмѣнить „арендъ", пока не будетъ найденъ другой источникъ на „собраніе денегъ".

---

[1]) Самъ Мазепа признавалъ за Иваномъ Забѣлою право на Клишки и долго водилъ его обѣщаніями возвратить ему маетность. Кіевск. Стар. 1884 г., іюль, 521—522.

При этомъ, сдѣланы были, впрочемъ, нѣкоторыя облегченія, „чтобъ при покупкѣ водки на родины и на свадьбы досады людемъ не дѣлалось". Изъ этихъ фактовъ, и только изъ этихъ, едва ли можно дѣлать общія заключенія, что „Мазепа, неожиданно, сдѣлавшись гетманомъ, высказывается противъ арендъ" и что, „стремясь уничтожить аренды, Мазепа встрѣтилъ нѣмое сопротивленіе пановъ (?) и старшины"... И еще менѣе можно видѣть въ обложеніи шинковъ и винокуренъ попытку Мазепы перейти къ акцизной системѣ.... Аренды были необходимы въ Малороссіи потому, что тогдашній складъ жизни не давалъ возможности найти болѣе удобный, по способу взиманія, источникъ на заплату наемному войску жалованья.

Разсказывая о построеніи Мазепою многихъ церквей и объ украшеніи ихъ, г. Уманецъ говоритъ, что постройка церквей Мазепою „равносильна учрежденію имъ *цѣлой системы маленькихъ шпиталей и школъ*... Постройка церквей Мазепою и другими жертвователями того времени имѣетъ столько же религіозное, сколько экономическое и просвѣтительное значеніе.... Тогдашній *шпиталь содержалъ бѣдныхъ сиротъ, учившихся въ школѣ и коллегіи*"... И здѣсь, по нашему мнѣнію, нельзя не видѣть нѣкотораго преувеличенія фактовъ... Дѣйствительно, Мазепа не скупился на постройки церквей и ихъ украшеніе въ большихъ городахъ и монастыряхъ (причемъ былъ выстроенъ имъ и новый корпусъ въ Кіево-Братскомъ монастырѣ); но этотъ фактъ не былъ какимъ-нибудь исключеніемъ относительно Мазепы. Такъ же точно строилъ церкви и помогалъ ихъ украшенію и Самойловичъ [1]). Стародубскій полковникъ Миклашевскій строитъ церкви въ Глуховѣ и въ Выдубицкомъ монастырѣ; въ послѣднемъ имъ была выстроена каменная церковь во имя св. Георгія Побѣдоносца и каменная трапеза съ церковью Преображенія Господня [2]). Набожное усердіе одушевляло тогда всѣхъ

[1]) См., напр., Отрывки изъ лѣтописи Мгарск. м—ря, въ Кіевск. Стар. 1889 г. Успенская каменная церковь въ Глуховѣ начата постройкою (въ 1686 г.) Самойловичемъ. Опис. Стар. Малор. II, 430.

[2]) Тамъ же, 430. Соч. Максимовича, II, 251.

имущихъ людей, что лучше всего видно изъ монастырскихъ земельныхъ актовъ того времени, изъ которыхъ почти каждый свидѣтельствуетъ о „жертвѣ“ [1]). Мазепа, какъ представитель страны, не могъ отставать въ этомъ дѣлѣ отъ другихъ. Поэтому едва-ли можно говорить, что „старшина, богатые паны, городскія и сельскія общества самостоятельно и *изъ подражанія* дѣлали то же, что и гетманъ“ (стр. 303). „Старшина и богатые паны“ строили церкви очень усердно, безъ всякаго подражанія, въ своихъ *слободахъ* потому, что Божій храмъ былъ однимъ изъ главныхъ средствъ для привлеченія новыхъ слобожанъ, любившихъ садиться тамъ, гдѣ уже таковой имѣлся. Что же касается до постройки сельскихъ церквей Мазепою, на что указываетъ г. Уманецъ (стр. 302), то здѣсь имъ приводятся случаи постройки церквей лишь на основаніи „церковныхъ лѣтописей“, какъ извѣстно, наполняемыхъ преданіями не всегда осторожно; притомъ же, м.м. Янполъ и Марчихина-Буда, гдѣ Мазепа, по преданію, построилъ церкви, принадлежали къ числу гетманскихъ маетностей (Опис. Стар. Малор., II, 486 и 500), слѣдовательно, здѣсь церкви строить Мазепѣ было выгодно....

Здѣсь же нельзя не замѣтить, что указаніе г. Уманца, будто бы тогдашній шпиталь содержалъ бѣдныхъ сиротъ, учившихся въ школѣ“—невѣрно. Г. Уманецъ ссылается при этомъ на универсалъ, „упрекающій Петрика въ томъ, что его воспиталъ полтавскій шпиталь“; но обращаясь къ этому универсалу (Величко, III, 114), мы читаемъ: „всѣ мы знаемъ, же батько твой (Петрика) *жебракъ* (нищій) есть, въ городѣ нашемъ Полтавѣ въ *шпиталѣ* мешкалъ; а ты *въ школѣ*, межи нищими валялся, и по-подъ окнами нашими ходячи, окрушками выкормился“... Изъ этого отрывка мы видимъ, что отецъ Петрика, будучи *нищимъ*, жилъ въ *шпиталѣ*, т. е. въ богадѣльнѣ, а сынъ его жилъ *въ школѣ, но не въ шпиталѣ*, причемъ универсалъ добавляетъ, что Петрикъ, и въ школѣ будучи, „валялся межъ

---

[1]) См. цѣлую коллекцію этихъ актовъ, переданныхъ изъ Черниг. казенной палаты въ Кіевск. центр. архивъ.

нищими", т. е. былъ тѣмъ же нищимъ... Кто жилъ въ шпиталяхъ—это видно изъ описанія въ Румянцовской описи тогдашнихъ церквей и необходимыхъ ихъ принадлежностей—„шпиталей" и „школъ"[1]). Въ шпиталяхъ жили только „старцы", т. е. нищіе и калѣки, а школяры жили вмѣстѣ съ „дьячками" и „пономарями", въ особыхъ домахъ, называвшихся „школами". Въ спискахъ обитателей „школъ" такъ постоянно и значится, что живутъ въ ней „молодики" и „школьники" такіе-то (имя рекъ), при чемъ возрастъ тѣхъ и другихъ колеблется между 10 и 35 годами.

Обращаясь, послѣ этихъ частныхъ замѣчаній, къ общему заключенію о „гражданской дѣятельности" Мазепы, въ предѣлахъ разсказа г. Уманца, мы полагаемъ, что положительной стороны этихъ дѣлъ—не видно. Но тутъ же нужно еще сказать, что „гражданская дѣятельность" Мазепы въ книгѣ г. Уманца далеко не исчерпана. Отведя особую главу *крестьянскому дѣлу при Мазепѣ*, г. Уманецъ вовсе не коснулся вопроса относительно раздачи имъ маетностей, а между тѣмъ мы видѣли, что именно эта раздача порождала въ народѣ „вопль и пререеканія". Правда, печатный матеріалъ по этому вопросу не великъ, но все же кое-что есть. Изъ одного только печатнаго матеріала можно сдѣлать несомнѣнное заключеніе, что для нѣкоторыхъ лицъ изъ своей старшины Мазепа былъ очень щедръ, а для другихъ—скупъ. Видимо, у Мазепы были любимцы и нелюбимцы. Укажемъ на прилуцкаго полковника Дмитрія Горленка, которому Мазепа съ 1694 г. по 1706 г.—далъ пять селъ, а въ 1707 г. далъ село и сыну его, въ то время только знатному войск. товарищу"[2]). Преемникъ по уряду Дмитрія Горленка, Иванъ Носъ оставилъ намъ любопытную характеристику отношеній своего

---

[1]) Для примѣра укажемъ опись прилуцкихъ церквей въ 1765 году. *Архивн. Отрывки для исторіи Полтавской епархіи* (Полтава. 1887), вып. I, стр. 57—64.

[2]) Русск. Арх. 1875 г., II, 244.

предшественника къ Мазепѣ. Указавъ на захватъ Горленкомъ множества полковыхъ земель, Носъ говоритъ, что Горленко „много могущимъ будучи властелиномъ, все, что хотѣлъ, то и забиралъ, имѣя протектора своего и отца[1]) въ бывшемъ гетманѣ Мазепѣ, который, „не видя обиды людской“, выдавалъ ему универсалы не только на всякіе грунта и маетности, *но выдалъ бы универсалъ „подуфалому своему сыну“ и на цѣлый полкъ, на всѣхъ людей посполитыхъ и козаковъ*, если бы онъ, Горленко, попросилъ о такомъ универсалѣ“ [2])! Черниговскому полковнику Павлу Полуботку за три года его полковничества при Мазепѣ, послѣдній не далъ ни одной маетности[3]). Затѣмъ, въ практикѣ Мазепы при пожалованіи маетностей мы встрѣчаемъ *первый случай* отдачи населенной маетности *мѣщанину*, будущему стародубскому войту Спиридону Шираю: по универсалу 26 мая 1688 г., „обывателю стародубскому Спиридонови, съ певныхъ респектовъ и причинъ, надано въ завѣдываніе и уживанье, до ласки войсковой, селце Сининъ“ [4]). Ширай велъ обширную заграничную торговлю пенькою и поэтому былъ очень богатъ; Шираево богатство и было, повидимому, причиною „певныхъ къ нему респектовъ“. Такое же покровительство Мазепою было оказано и другому *мѣщанину*, „обывателю кіево-печерскому п. Максиму“ (родоначальнику Максимовичей), то же „съ певныхъ респектовъ и для частой въ войсковыхъ потребахъ дознанной выгоды“, исходившей изъ богатства „п. Максима“, у котораго,

[1]) Костомаровъ говоритъ („Мазепа“, 7), что жена Мазепы (рожд. Половецъ) была родственницей прилуцкому полковнику Горленку. Хотя источникъ этого свѣдѣнія и не указанъ, но несомнѣнно, что оно взято изъ „Родословной книги“ кн. Лобанова-Ростовскаго, куда свѣдѣніе о родствѣ Мазепы съ Горленками попало, какъ догадываемся, изъ бумагъ „историка“ Н. А. Маркевича. Никакого родства тутъ не было и не могло быть уже по одному различію тѣхъ мѣстностей Малороссіи и слоевъ общества, изъ которыхъ происходили жена Мазепы и Горленки. Носъ называетъ Дм. Г—ка „подуфалымъ сыномъ“ Мазепы иронически за чрезмѣрное пристрастіе къ нему гетмана.

[2]) Русск. Арх. 1875 г, II, 246.

[3]) Тамъ же, 1880 г., I, 139—140.

[4]) Перечень универсаловъ на маетности, рукоп. нашей б—ки.

значитъ, не было еще и настоящаго прозвища. Здѣсь покровительство богатому мѣщанину выразилось въ томъ, что сыновья его поступили въ войсковую службу и надѣлены были всякими милостями, а въ томъ числѣ и маетностями [1]).

Не познакомилъ читателя г. Уманецъ въ своемъ изслѣдованіи и съ ближайшими совѣтниками или сотрудниками Мазепы. Здѣсь мы бы увидѣли, что Мазепа, будучи правобережнымъ человѣкомъ, повидимому, предпочиталъ своихъ земляковъ лѣвобережникамъ, можетъ быть по недостаточной еще при немъ культурѣ послѣднихъ. Изъ правобережниковъ Мазепу окружали: Ломиковскій, Зеленскій, Чечель и Мазепины родичи: Обидовскій, Мокіевскій, Трощинскій. Въ числѣ наперсниковъ Мазепы были и чужеземцы: Орликъ [2]), Кенигсекъ, Згура (грекъ). Изъ лѣвобережниковъ въ числѣ Мазепиныхъ присныхъ можно назвать только четырехъ: Дм. Горленка, Дм. Максимовича, Чуйкевича Ант. и Гамалѣю [3]). Данило Апостолъ, хотя и былъ единомышленникомъ въ измѣнѣ, но Петръ В. называлъ его, конечно не безъ основаній, „великимъ непріятелемъ Мазепы" [4]). Такой составъ Мазепиныхъ наперстниковъ можетъ указывать, по нашему мнѣнію, что Мазепа болѣе чѣмъ въ двадцатилѣтнее свое гетманство оставался достаточно стороннимъ человѣкомъ въ лѣвобережной Малороссіи.

Не можемъ не вспомнить тутъ и того пункта изъ доноса Кочубея, гдѣ говорится о „ганебной симоніи" Мазепы за полковничьи мѣста и о его вообще стяжательности.... Изъ этихъ коротенькихъ указаній можно видѣть, что въ „гражданской дѣятельности" Мазепы были и отрицательныя стороны...

Но здѣсь же нужно сказать, что, обѣляя Мазепу въ гражданской его дѣятельности, г. Уманецъ едва ли не напрасно на-

---

[1]) Опис. Стар. Малор., II, 28.

[2]) Орликъ родомъ былъ чехъ, какъ видно изъ документовъ Стокгольмскаго госуд. архива. (Сообщено Н. В. Молчановскимъ).

[3]) Впрочемъ, Максимовичъ и Гамалѣя были сыновьями правобережниковъ.

[4]) Изъ письма Петра В. къ Меньшикову отъ 27 окт. 1708 г. („буде полковникъ миргородскій гдѣ въ близости, то прикажите его прислать... п. ч. онъ *великій непріятель былъ Мазепѣ*"). Дополн. къ дѣян. Петра В. (М. 1792) т. VIII, стр. 139.

брасываетъ ужъ черезчуръ темныя тѣни на его политику, до ея сравненія—съ вивисекціей... Можетъ быть нѣсколько темна исторія Мазепы съ Палѣемъ. Хотя и здѣсь можно думать, что Мазепа самолично желалъ устранить съ арены дѣйствія слишкомъ замѣтнаго и при томъ богатаго человѣка, затѣнявшаго Мазепу въ родной ему Бѣлоцерковщинѣ...

Напрасно не вспомнилъ г. Уманецъ, говоря объ отношеніяхъ Мазепы къ Палѣю, народныхъ легендъ, въ родѣ хотя бы, напр., той, гдѣ говорится, что „Мазепа за те хотивъ стратить Палѣя, що народъ звавъ его козацькимъ батькомъ", и проч. [1]). Мотивомъ Мазепиной неприязни къ Палѣю народъ называетъ зависть и, какъ кажется, не ошибается...

Другой указываемый г. Уманцемъ примѣръ „вивисекціи"— Миклашевскій, по нашему мнѣнію, выбранъ совсѣмъ неудачно. Называть Миклашевскаго человѣкомъ того направленія, „*во главѣ котораго стоялъ гетманъ*"(т. е. тенденціи къ „измѣнѣ") значитъ— называть вещи не ихъ именами... Стародубскій полковникъ Миклашевскій былъ типическій лѣвобережникъ конца XVII в.—неграмотный козакъ и великій практикъ въ стяжаніи, умѣвшій нажить даже при Мазепѣ огромныя имѣнія. Судя по началу его дѣятельности (Опис. Стар. Малор. I, 28), это былъ умный и вмѣстѣ съ тѣмъ пронырливый человѣкъ, умѣвшій подлаживаться къ своимъ патронамъ. Мазепа сразу оцѣнилъ Миклашевскаго: въ 1687 г. онъ далъ ему с. Кочерги, въ 1688 г.— с. Волокитинъ, а въ 1690 г. *поставилъ* полковникомъ въ *чужомъ* для Миклашевскаго полку, гдѣ онъ за пятнадцать лѣтъ своего управленія пріобрѣлъ много маетностей, отчасти по универсаламъ, а отчасти и безъ нихъ... Въ 1704 году Миклашевскій вдругъ былъ отставленъ Мазепою отъ уряда, причемъ кромѣ того, гетманъ написалъ царю, что Миклашевскій ведетъ какую-то тайную переписку съ поляками. Костомаровъ по этому случаю говоритъ, что „надобно принимать во вниманіе, что мало-

---

[1]) См. обстоятельный пересмотръ этихъ легендъ—*Палѣй и Мазепа въ народной поэзіи*, В. В. Каллаша, во 2-й кн. *Этнографическаго Обозрѣнія* (1889 г.).

россійскихъ старшинъ соблазняла не совсѣмъ еще забытая, хотя и неудавшаяся, попытка Выговскаго образовать изъ Украины автономное политическое тѣло" и проч. Эту догадку Костомарова г. Уманецъ приводитъ въ своей книгѣ безъ какого-либо возраженія, а слѣдовательно, какъ будто, раздѣляетъ приведенное мнѣніе. Но дѣло въ томъ, что такіе некультурные стяжатели, какимъ былъ Миклашевскій, ни въ какую „политику" не мѣшались; она имъ была совершенно чужда уже по одному отсутствію у нихъ какого-либо образованія. „Тайная переписка" Миклашевскаго съ „литовскимъ паномъ" Коцѣломъ касалась несомнѣнно хозяйскихъ дѣлъ; съ Коцѣломъ, какъ и съ другими сосѣдями Стародубщины, поляками и русскими, Миклашевскій могъ переписываться о своихъ дѣлахъ торговыхъ, о поташѣ, о пенькѣ, но ужъ никакъ не о присоединеніи Малороссіи къ Польшѣ, какъ предполагалъ Костомаровъ... Вѣрнѣе всего, что Мазепа удалилъ Миклашевскаго отъ полковничества по тому же мотиву, по которому онъ низвелъ съ арены дѣйствія и Палія; только тамъ на первомъ планѣ была Паліева популярность, а потомъ уже его богатство, а здѣсь—одно богатство Миклашевскаго... Могло случиться, что, кромѣ того, и стародубское полковничество въ это время потребовалось для кого нибудь изъ присныхъ Мазепы; вѣдь въ томъ же 1704 г. племянникъ гетмана Трощинскій посаженъ былъ на гадяцкое полковничество. Впрочемъ, дѣло съ Миклашевскимъ кончилось благополучно: въ слѣдующемъ 1705 г. стародубское полковничество ему было возвращено. Можно догадываться только, что временная отставка Миклашевскаго стоила послѣднему недешево (см. ниже). Повторяемъ, Миклашевскій не могъ быть „человѣкомъ того направленіи, во главѣ котораго стоялъ гетманъ". Напротивъ это былъ несомнѣнный антагонистъ этого направленія...

Подводя итоги „гражданской дѣятельности" Мазепы, можно сказать, что ничѣмъ *особеннымъ* она не отличалась и почти во всемъ была похожа на ту же „дѣятельность" его предшествен-

ника.. А между тѣмъ у г. Уманца читаемъ: „не имѣя всѣхъ деталей (изъ гражданской дѣятельности), по найденнымъ образцамъ можно угадать *всю широту Мазепиныхъ* плановъ. Позволительно думать, что *будь у Мазепы болѣе свободнаго времени и свободы дѣйствій, мы имѣли бы въ его лицѣ одного изъ замѣчательныхъ мастеровъ государственнаго дѣла*" (стр. 304).

Историки бываютъ иногда пристрастны къ своимъ героямъ...

Главу о „гражданской дѣятельности" Мазепы (иначе — „крестьянское дѣло") г. Уманецъ заканчиваетъ отвѣтомъ на тутъ же предложенный вопросъ: „какъ велики (были) богатства Мазепы?" По этому поводу, говорится, между прочимъ, что изъ предшественниковъ Мазепы крупныя суммы видны только у Богдана Хмельницкаго и Самойловича, при чемъ замѣчается, что послѣдній „одержимъ исключительной стяжательностью".— Хотя Мазепа лично вѣдалъ „войсковой скарбъ", но „это еще не значитъ, чтобы онъ собралъ большіе капиталы на гетманскомъ урядѣ". — Если бы въ Батуринѣ, при его истребленіи 2 ноября 1708 года, „было много золота и серебра, принадлежавшаго Мазепѣ, его нашли бы расплавленнымъ или зарытымъ подъ пепломъ батуринскаго замка. Не случилось ни того, ни другого".—Оказывается, „что послѣ двадцати лѣтъ гетманства и безконтрольнаго распоряженія войсковой казной, послѣ того, какъ Мазепа много лѣтъ готовился къ государственному перевороту, требующему большихъ денегъ, въ самую критическую минуту, когда надлежитъ двинуть всѣ ресурсы, въ его казнѣ (она же „войсковая") оказывается не много болѣе тѣхъ 240000 талеровъ, которые Мазепа далъ взаймы Карлу XII". А Орликъ свидѣтельствуетъ, какъ самъ Мазепа говорилъ ему, что онъ настолько „богатъ" что можетъ и „Москву" подкупить... Г. Уманецъ полагаетъ, что Мазепа въ этомъ случаѣ хвасталъ.... (стр. 313). Трудно считать деньги въ чужомъ карманѣ, говоритъ пословица и легко говорить о большихъ суммахъ Самойловича, когда все имущество послѣдняго было подсчитано и описано [1]). Но и Мазепа былъ богатъ; такъ слѣдуетъ предполагать

[1]) См. Русск. Историч. Библіотека, изд. Археогр. Ком., т. VIII, стр. 989—1204.

потому, что онъ былъ стяжателемъ, а въ его положеніи для стяжаній было широкое поле. Главнымъ свидѣтелемъ о стяжаніяхъ Мазепы является Кочубей; въ его доносѣ мы читаемъ: „прежнихъ лѣтъ... полковниковъ по любви вольными голосами обирано, а симоніи грамотной и ганебной не чувати было; а теперь за полковницкіе уряды (Мазепа) великіе беретъ взятки; хочь бы незнать якъ которій заслужоный товарищъ былъ годенъ того уряду, а не будетъ ли мѣти достатку денегъ, то оного воспріяти не сподобится, а сподобятся тіи, которіи зъ дябелъ маютъ грошей и есть що дати въ руки его по достатку". (Источн., Бант.-Кам., II, 109). Конечно, это свидѣтельство *доносчика*, но читая внимательно *доносъ* Кочубея, въ немъ не находимъ ни одного факта, видимо ложнаго... Можетъ быть, Кочубей невѣрно освѣщаетъ нѣкоторые факты, но перечень послѣднихъ представляется правдивымъ... Г. Уманецъ, критикуя этотъ доносъ, говоритъ, что въ немъ „важное смѣшано съ мелочами" и что онъ „въ практическомъ отношеніи обработанъ чрезвычайно плохо". Да, можетъ быть, это обстоятельство и доказываетъ достовѣрность доноса или, по крайней мѣрѣ, отсутствіе въ немъ „ложныхъ сплетеній", говоря о которыхъ, Орликъ однакожъ не указываетъ примѣровъ. Какъ бы то ни было, но о продажѣ полковничьихъ мѣстъ Мазепою свѣдѣнія есть. Напримѣръ. Вдова гадяцкаго полковника Бороховича, разсказывая, *въ своемъ духовномъ завѣщаніи*, о семейныхъ своихъ дѣлахъ и объ оставляемомъ имѣніи, между прочимъ говоритъ, что по смерти ея мужа, одинъ изъ ея сыновей, „стараючися о полковничество гадяцкое у Мазепы, просилъ меня, дабымъ позычила ему зъ общого нашого скарбу недѣленого—тысячу червоныхъ и сколько сотъ талеровъ битыхъ"; деньги были даны, „но онъ не добился полковничества, а деньги потратилъ, да еще и обманулъ меня: поѣхавши къ Мазепѣ, *выпросилъ универсалъ на мои маетности*" [1])... Едва ли можно подозрѣвать въ этомъ свидѣтельствѣ какую-нибудь неправду. Если Мазепа и не взялъ этихъ денегъ, то въ обществѣ существовала увѣ-

---

[1]) Русск. Арх., 1875 г., I, 314.

ренность, что онъ ихъ беретъ. При томъ же въ данномъ случаѣ гадяцкаго полковничества Мазепа не могъ дать Федору Бороховичу потому, что на это мѣсто садилъ своего племянника Трощинскаго, а Федору Бороховичу оказалъ видимое благоволеніе, давши ему одному универсалъ на отцовскія маетности при наличности матери-вдовы и двухъ братьевъ [1]). Что Мазепа вообще былъ склоненъ къ стяжанію, на это указываетъ, напр., тотъ фактъ, что лишенный полковничьяго уряда Миклашевскій, выпрашивая универсалъ на свои маетности, долженъ былъ поднести гетману подарокъ: походную палатку („наметъ") и сто талеровъ. Объ этомъ разсказывала вдова Миклашевскаго, при чемъ „наметъ" былъ подаркомъ, конечно, всѣми видѣннымъ. Та же вдова разсказываетъ, что когда по смерти мужа, она поѣхала съ своими пасынками къ Мазепѣ просить подтвердительнаго универсала на маетности, то поднесла гетману на „поклонъ" „кредексъ срѣбній" (сервизъ) въ тысячу талеровъ [2]). Источниковъ для стяжаній было много...

Предложеніе Кочубеевнѣ 10000 червонцевъ (въ видѣ ли „вѣна" или — обыкновеннаго обольщенія) не можетъ не указывать на обиліе у Мазепы капиталовъ. А замѣчаніе г. Уманца, что при разореніи Меншиковымъ Батурина не найдено де ни золота, ни сребра, принадлежавшаго Мазепѣ, опровергается свидѣтельствомъ военнаго дневника Петра В., гдѣ говорится: „и тотъ городъ (Батуринъ) совсѣмъ сожгли и разорили до основанія, гдѣ *зѣло много измѣнника Мазепы богатства взяли*"... [3])

Свѣдѣнія о богатствахъ Мазепы можемъ дополнить еще и слѣдующимъ новымъ извѣстіемъ, которое г. Уманцу не могло быть извѣстно. Въ шведскомъ государственномъ архивѣ, въ Стокгольмѣ, Н. В. Молчановскій нашелъ (въ нач. этого года) донесеніе шведскаго чиновника, которому, по просьбѣ Мазепы, было поручено принять въ охрану богатства послѣдняго, на случай его смерти. Въ этомъ донесеніи значится, что послѣ смерти

---

1) См. тамъ же родословную.

2) Опис. Стар. Малор., I, 31—32.

3) Журналъ или поденная записка Петра В. (Спб. 1770.) ч. I, стр. 195.

Мазепы у него, между прочимъ, оказалось: два „сѣдельныхъ“ мѣшка (мѣшки, которые привязывались къ сѣдламъ?), одинъ съ драгоцѣнностями, а другой съ золотыми „медалями“, и два „четвертныхъ“ (viertel-tonnen) боченка съ червонцами [1]).

Поздняя любовь. Разсказывая романъ Мазепы съ Кочубеевной, г. Уманецъ рисуетъ сначала портретъ отца ея, какъ и должно быть, человѣкомъ недалекимъ. Относительно біографіи Кочубея г. Уманецъ дѣлаетъ замѣтную ошибку, говоря, что на урядъ генер. писаря онъ былъ назначенъ Самойловичемъ; при Самойловичѣ Кочубей, повидимому, былъ только „реентомъ“ гетманской канцеляріи (на доносѣ 7 іюля 1687 г. подпись Кочубея значится безъ обозначенія чина, но генер. писаремъ въ это время былъ Прокоповичъ), а генер. писаремъ онъ назначенъ на „радѣ“ 24 іюля, когда чины были розданы Голицынымъ *по соглашенію съ Мазепою.* Отсюда видно, что Мазепа самъ выбралъ Кочубея на писарство, а онъ его не могъ не знать, находясь такъ давно вмѣстѣ на службѣ у Самойловича. „Кочубей не принадлежалъ къ лучшимъ генер. писарямъ Малороссіи“, говоритъ г. Уманецъ. Однакожъ, пробыть 13 лѣтъ генер. писаремъ при Мазепѣ—чтó нибудь да значило. Несомнѣнно, что Мазепа цѣнилъ Кочубея, какъ усерднаго работника и безличнаго человѣка, а на такихъ мѣстахъ, какое занималъ Кочубей, безличіе есть достоинство, въ глазахъ патроновъ, такіе секретари, какъ Кочубей, не критикуютъ ихъ дѣйствій и охотно имъ льстятъ... Разбирая доносъ Кочубея на Мазепу, г. Уманецъ говоритъ, что доносъ „обработанъ плохо въ литературномъ и практическомъ отношеніи“. „Самъ Кочубей, написалъ бы лучше (примѣръ—его „прекрасное“ письмо къ митрополиту Варлааму). Читая доносъ, кажется, что стоящая за нимъ жена настойчиво подсказываетъ: пиши царю вотъ о чемъ... этого не забудь... Почтенный судья слу-

[1]) Всѣ эти богатства потомъ были переданы Войнаровскому, какъ видно изъ тѣхъ же шведскихъ свѣдѣній.

шаетъ жену... Условія тогдашней жизни создали небывалую самостоятельность женщины... на каждомъ шагу встрѣчаются сильные женскіе характеры и факты, указывающіе на ихъ общественное значеніе,*)". Такимъ сильнымъ характеромъ обладала и жена Кочубея. Она то и „замѣтила въ душѣ дочери нѣчто болѣе обыкновеннаго расположенія къ крестному отцу". Въ тоже время Мазепа полюбилъ свою крестницу и „просилъ ее руки". „Кромѣ неравенства лѣтъ, бракъ этотъ претилъ Кочубеямъ, потому что между женихомъ и невѣстой было духовное родство... Мазепѣ отказали... Невѣста упорствовала и ночью—ушла въ гетманскій дворецъ... *Въ замкѣ гетмана Матрена Кочубей была самое короткое время. Это фактъ чрезвычайно важный* и его надо установить прежде всего. Будь иначе, оставайся она здѣсь, напр., день или недѣлю, враги гетмана, желавшіе сдѣлать его во что бы то ни стало отвѣтственнымъ, въ своемъ обвиненіи такъ и сказали бы... Все это: бѣгство, набатъ, возвращеніе—*было дѣломъ одного, много—двухъ часовъ*". Затѣмъ подвергая разбору всѣ извѣстные факты изъ отношеній Мазепы къ Кочубеевнѣ, авторъ приходитъ къ заключенію, что „отношеніе Мазепы къ его крестницѣ до конца остается корректнымъ... Давно пора болѣе трезво свотрѣть на эту любовь Мазепы и возвратить ей обыкновенную гражданскую честность." На цѣлыхъ десяти страницахъ (стр. 329—348) г. Уманецъ старается доказать „корректность" отношеній Мазепы къ Кочубеевнѣ и невозможность подозрѣнія въ соблазнѣ. Но всѣ доводы автора о „корректности" этихъ отношеній, на нашъ взглядъ,

*) Приведены примѣры, причемъ прежде всего указываются „ворожки"; указывается мать Мазепы, заслужившая, по преданію, названіе „чаровницы". Другіе примѣры столь-же *неясные* и *темные* (напр. о разсылкѣ женою полковн. Солонины „универсаловъ", ср. Соловьевъ, III, 420). Относительно Анны Хмельницкой и Ѳедосьи „Палѣевой" въ исторіи сохранилось по *одному* факту, указывающему на ихъ „общественное значеніе". Дневникъ Як. Марковича и Н. Ханенка заключаютъ въ себѣ подробное описаніе общественнаго быта Малороссіи почти за весь XVIII-й вѣкъ, но женщинъ съ общественнымъ значеніемъ тутъ вовсе не видится. Изъ историческихъ памятниковъ XVII и XVIII вв. (преимущественно изъ „тестаментовъ") можно сдѣлать одно заключеніе о тогдашней малорусской женщинѣ, что въ семьѣ она занимала почетное положеніе, какъ *домоправительница*.

не убѣдительны. Откуда, напр., авторъ беретъ свое заключеніе, что бѣгство Кочубеевны изъ отцовскаго дома къ Мазепѣ, набатъ и возвращеніе—все это продолжалось *не болѣе двухъ часовъ*?—Вѣдь источникъ для исторіи этого бѣгства одинъ—письмо Кочубея къ Петру В.—„Нощи же единыя, яко волкъ овцу огради, тако онъ (Мазепа) *дщерь мою похити тайно*"—говоритъ Кочубей и далѣе прибавляетъ: не зная что дѣлать, онъ приказалъ „ударить въ колоколъ", „да всякъ видитъ бѣдство мое!" И стало въ домѣ Кочубея „рыданіе *о похищеніи и сокрушеніи дщере*".—„Увидавъ же (Мазепа) каковъ въ дому моемъ содѣяся плачъ и рыданіе, и вопль многъ... возврати мнѣ дщерь" при посредствѣ Анненкова, который при этомъ сказалъ такъ: не токмо дщерь вашу силенъ есть гетманъ взяти, но и жену отняти отъ тебе можетъ *)... Хотя это письмо Кочубей писалъ черезъ три года слишкомъ послѣ событія, но онъ его описываетъ только въ главныхъ чертахъ, которыхъ, какъ отецъ, никогда не могъ забыть... Не смотря на краткость описанія, передъ нами рисуется цѣлая семейная драма... Для ея поясненія нужно представить нѣкоторыя топографическія свѣдѣнія. Извѣстно, что Мазепа жилъ не въ самомъ Батуринѣ, а верстахъ въ двухъ отъ его центра, въ предмѣстьи Гончаровкѣ, гдѣ дворецъ его помѣщался среди особаго „городка", существующаго и теперь **). А Кочубей жилъ въ самомъ Батуринѣ, въ своемъ домѣ, который, будучи пощаженъ при истребленіи Батурина Меншиковымъ, существуетъ (конечно въ измѣненномъ видѣ) и теперь. Около этого дома находилась домовая церковь Кочубея, о которой говоритъ монахъ Никаноръ („ходили они къ заутрени въ церковь, что у ево Васильева двора"). Вотъ изъ этого отцовскаго двора и бѣжала „единыя нощи" Кочубеевна. Повидимому, родители сразу догадались, что бѣжала она къ Мазепѣ, на Гончаровку. Какъ видно, бѣгство это не скрылось и отъ сосѣдей, такъ какъ отецъ и мать въ ужасъ пришли

*) Источн., Бант.-Кам., II, 127.
**) См. Опис. Стар. Малор., II, 260.

отъ того позора, который долженъ былъ слѣдовать за этимъ бѣгствомъ... И чтоже дѣлаютъ обезумѣвшіе отъ горя родители?—Броситься въ Гончаровку, какъ видно, представлялось имъ безполезнымъ: разъ гетманъ согласился принять бѣжавшую къ нему дѣвушку, въ рукѣ которой ему отказано, конечно нельзя было разсчитывать, чтобы Кочубеевъ пустили да еще ночью въ гетманскій дворецъ... И вотъ Кочубей (а вѣрнѣе—Кочубеи) рѣшается на крайнее средство: онъ велитъ „ударить въ колоколъ, да всякъ видитъ бѣдство его". Что же это значило?—Это значило, что Кочубей приказалъ тогда же ночью, ударить на своей колокольнѣ набатъ („на гвалтъ"), какъ это дѣлалось въ моментъ какого нибудь бѣдствія, напр., въ пожаръ, когда гудѣвшій звонъ сзывалъ людей на помощь. Извѣстно то впечатлѣніе, которое производитъ ночью въ деревнѣ набатный звонъ во время пожара... Такое же впечатлѣніе произвелъ конечно и раздавшійся съ Кочубеевой церкви ночной набатъ... Сбѣжался народъ, и Кочубеи ему объявили о своемъ „бѣдствѣ"... Очень можетъ быть, что это средство придумано было не отцомъ, а матерью, энергическою Кочубеихою, потому что средство было настолько сильное, что не могло остаться безъ послѣдствій. Раздавшійся въ Батуринѣ набатъ не могъ не быть услышанъ и въ Гончаровкѣ... А Мазепѣ, конечно, донесли, что „звонъ на гвалтъ" призываетъ людей не на пожаръ, а на помощь противъ ужаснаго насилія его, гетмана, принявшаго въ свой дворецъ бѣжавшую отъ родителей дѣвушку, неравнодушіе къ которой его, гетмана, для батуринцевъ тайною не было. Что же оставалось дѣлать Мазепѣ?—Если онъ не обратилъ бы особаго вниманія на ужасъ семьи Кочубеевъ, то не могъ онъ не беречь своего гетманскаго достоинства... Гудѣвшій въ Батуринѣ колоколъ вызывалъ его на судъ народный, и Мазепа это хорошо понималъ!—Такъ или иначе, а приходилось дочь вернуть семьѣ... Отвѣчая на всенародную жалобу Кочубееву, Мазепа и вернулъ ихъ дочь. Несмотря, однакожъ на общую тревогу, „прощаніе старого съ молодою" было, повидимому, очень нѣжное: уходящей былъ данъ перстень діаментовій („надъ которій найлѣпшого и найдо-

рогшого у Мазепы не было) и было условлено: „хоть сякъ, хоть такъ будетъ, а любовь межъ нами не одмѣнится". Но понимая, какъ встрѣчена будетъ дома бѣжавшая дочь, Мазепа далъ ей въ проводники царскаго чиновника Анненкова. По своему авторитетному положенію, послѣдній являлся вмѣстѣ съ тѣмъ и свидѣтелемъ „корректныхъ" отношеній бѣглянки къ гетману. Участіе въ возвращеніи Кочубеевны Анненкова должно было защитить Мазепу отъ явныхъ нареканій на мѣстѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дать извѣстную огласку „случаю" въ Москвѣ, когда пожаловался бы туда Кочубей.—Такъ мы объясняемъ себѣ фактъ, почему Мазепа выбралъ въ проводники Кочубеевнѣ не кого либо изъ своихъ, а царскаго чиновника... Видно, что этотъ чиновникъ, не смотря на его особое положеніе, былъ очень близокъ къ Мазепѣ. Если вѣрить Кочубею,—а не вѣрить изложенію жалобы скромнаго Кочубея нѣтъ основаній,—то Анненковъ, возвращая дочь отцу, не удержался, чтобы не сдѣлать ему еще и нотаціи за причиненное безпокойство высокому патрону.—„Что, молъ, ты поднялъ такой шумъ изъ-за того, что дочь твоя ушла?—Вѣдь ушла то она къ гетману, который и самъ бы могъ ее взять да не только, что дочь, а и жену твою можетъ у тебя отнять!" Могъ, разсердившись, царскій чиновникъ такъ пригрозить Кочубею, особенно зная его приниженность предъ гетманомъ.

И вотъ бѣжавшая дочь возвращена была подъ кровъ отца. Г. Уманецъ настаиваетъ, что въ отсутствіи она пробыла „не болѣе двухъ часовъ", почему и слѣдуетъ де полагать, что „корректность" отношеній была соблюдена... А намъ кажется, что тутъ важно не количество часовъ, проведенныхъ Кочубеевною въ гетманскомъ дворцѣ, а тайный ея уходъ ночью къ Мазепѣ, который не задолго передъ тѣмъ ее сваталъ и—публичное ея затѣмъ возвращеніе, ночью-же, подъ охраною царскаго чиновника... Вся обстановка этого случая должна была сразу помрачить дѣвичью честь Кочубеевны въ тогдашнемъ общественномъ мнѣніи, у котораго вслѣдъ за тѣмъ явилось полное основаніе шушукать, что *Кочубеевна «ночевала» у гетмана...* Это шу-

шуканье тѣмъ большее клало пятно на честь дѣвушки, что Мазета и въ старости слылъ среди батуринцевъ—ловеласомъ *).

Изъ писемъ Мазепы къ Кочубеевнѣ („по силѣ выраженія, ихъ можно сравнить, говоритъ г. Уманецъ, только съ любовными письмами Пушкина") видно, что Кочубеевна была недовольна за отсылку ея изъ гетманскаго дворца къ отцу. Мазепа оправдывается, что ничего добраго не вышло бы, если бъ она осталась у него („мусѣли-би-смо изъ собою жити такъ якъ малженство кажетъ"), но тѣмъ не менѣе романъ свой Мазепа продолжаетъ: проситъ свиданія, напоминая объ обѣщаніяхъ любить.. Г. Уманецъ полагаетъ, что съ возвращеніемъ бѣглянки въ отчій домъ, ея любовь кончилась. „Горячія письма, подарки, мольбы о свиданіи и подсылки чрезъ прислугу получаютъ надоѣдливый и нѣсколько пошлый характеръ"... Бываетъ и такъ, какъ думаетъ г. Уманецъ, но бываетъ и иначе. Мазепа пишетъ къ Кочубеевнѣ: „уже ты меня изсушила краснымъ своимъ личкомъ и *своими обѣтницами...* Прошу *не откладай своей обѣтници...*" Повидимому, „обѣтницы" не исполняются потому, что дома ее „мучили и катовали". Далѣе въ письмахъ читаемъ: „чого по мнѣ потребуешъ, скажи все сій дѣвцѣ", „коли они, проклятіи твои, тебе цураются, иди въ монастырь". „Тяжко зафрасовалемся почувши, же тая катувка (мать) не перестаетъ в. м. мучити, яко и вчора тое учинила". Какъ видно, сначала сношенія дѣятельно поддерживаются *съ обѣихъ* сторонъ. Но затѣмъ дѣйствительно у Кочубеевны является какъ будто сомнѣніе въ дальнѣйшей судьбѣ романа.—„Вижу, же в. м. во всемъ одмѣнилася своею любовію прежнію ку минѣ," пишетъ ей гетманъ.—„Бодай того Богъ зъ душею розлучивъ, хто насъ розлучаетъ".—„Впередъ смерти на-себе сподѣвався, нѣжъ такой въ сердцу вашомъ одмѣни. Спомни тилко на свои слова... же мене, *хочъ будешъ за мною, хочъ не будешъ*, до смерти любити обѣцала." Эти напоминанія Мазепы указываютъ, что то чувство, которое несомнѣнно было у Кочубеевны, стало мерк-

*) Опис. Стар. Малороссіи, II, 248.

нуть... „Убійственное сомнѣніе запало въ душу"; „уязвлено самолюбіе; разсѣялась иллюзія; парализовано чувство"... Такъ говоритъ г. Уманецъ, и очень вѣроятно, что разочарованіе это поразило Мазепу до того, что онъ замѣтивъ въ дѣвушкѣ угасаніе чувства, совсѣмъ потерялъ голову и сталъ обольщать ее деньгами... Кочубей разсказываетъ, что гетманъ, прославъ ему 4 декабря 1704 г., изъ Бахмача (здѣсь у Мазепы былъ загородный хуторъ—Поросючка) свѣжей рыбы, поручилъ тому же посланцу Демьяну повидаться съ его дочерью,—и выпросить у нея свиданіе съ Мазепою, обѣщая 3000 червонцевъ... А когда дѣвушка отвѣчала молчаніемъ, то Мазепа, вернувшись въ тотъ же день изъ Поросючки въ Батуринъ, снова прислалъ къ Кочубеевнѣ Демьяна, обѣщаетъ уже не 3 т., а 10 т. червонцевъ *). „абы только такъ учинила"... Полагать слѣдуетъ, что Мазепа настаиваетъ на свиданіи. А когда Кочубеевна „отговоровалася," то посланецъ именемъ „пана" проситъ у дѣвушки локонъ ея волосъ... Черезъ два дня, въ день св. Николая, Мазепа снова шлетъ посланца, умоляя о свиданіи и добавляя, что гдѣ-то въ оградѣ Кочубеевой усадьбы „проломана дирка", „до которой дирки абы конечне вечеромъ пришла для якогось разговору"... „Частократне" присылалъ Мазепа къ своей возлюбленной, при чемъ просилъ то „сорочку еи *зъ тѣла*, то намисто *зъ шіи*..." И посылала ему это намисто бѣдная дѣвушка, по словамъ Кочубея.

Эти частыя посылки гетманскихъ слугъ къ Кочубеевнѣ, какъ видно, ни для кого уже не оставались тайною, потому что по словамъ Кочубея, „крайнія ему учинились обелга (оскорбленіе) и поруганіе, и *смертельное безчестіе*". Видимо, что,

*) Г. Уманецъ полагаетъ, что такая значительная сумма предлагалась въ видѣ „вѣна", т. е. того обезпеченія, которое по литовск. статуту, полагается отъ мужа для обезпеченія жены, причемъ и Мазепа обѣщалъ де такую сумму Кочубеевнѣ на случай ея вдовства послѣ брака съ нимъ... Намъ кажется, что Кочубеевна не могла обладать такимъ практицизмомъ, чтобы съ нею можно было говорить о „вѣнѣ" (о немъ говорятъ съ родителями)... Скорѣе можно предполагать, что Мазепа предлагалъ дѣвушкѣ большую сумму денегъ просто какъ „деньги", съ которыми жить на свѣтѣ легче, чѣмъ безъ нихъ...

„слава“ дѣвушки окончательно помрачалась, а настойчивое продолженіе романа со стороты гетмана все большимъ и бо́льшимъ гнетомъ ложилось на сердца отца и матери. Не смотря на свою скромность, Кочубей рѣшается писать Мазепѣ, что нѣтъ болѣе у него силъ имѣть какіе бы то ни было сношенія съ гетманомъ... „Омрачися очей моихъ свѣтъ, обишолъ ми мерзеный студъ, не могу право зрѣти на лица людскія и передъ власными близкими и домовниками моими *окриваетъ мя горкій срамъ и поношеніе*“. Сохранился и отвѣтъ Мазепы на этотъ горькій вопль отца о поруганной „славѣ“ дочери, въ которой онъ видѣлъ „будущую свою утѣху“. Гетманъ отвѣчаетъ, что не на него, гетмана, слѣдуетъ жаловаться, а не жену Кочубееву. „Она то, а не кто иншій печали твоей, пишетъ Мазепа, причиною...“ И затѣмъ, разумѣя бѣгство Матрены изъ отцовскаго дома, сравниваетъ ее съ св. Варварой, убѣгавшей отъ отца своего Діоскора... „А що взменкуешъ въ томъ же своемъ пашквилномъ писмѣ о якомсь *блудѣ, того я не знаю и не розумѣю* *)“.

Вотъ тотъ матеріалъ, которымъ располагаетъ исторія для суда надъ Мазепою за его романъ съ дѣвушкой, близкой ему и по отношеніямъ къ ея отцу, и по „духу“, какъ своею крестницей. „Все дѣло, ясное само по себѣ, въ устахъ молвы и поэтовъ получило такой видъ, какъ будто Мазепа соблазнилъ свою крестницу,“ говоритъ г. Уманецъ и пытается доказать, что если Мазепа предлагалъ Кочубеевнѣ 10 тыс. червонцевъ, то тутъ вовсе нѣтъ вопроса о „соблазнѣ“—„Искать мимолетной любви въ то время, когда дѣвушка отказала въ рукѣ!“—восклицаетъ г. Уманецъ и прибавляетъ, что предложеніе денегъ черезъ Демьяна говоритъ не о соблазнѣ, а о легкомысліи Мазепы.“ И далѣе г. Уманецъ продолжаетъ настаивать на „легальныхъ отношеніяхъ Мазепы къ невѣстѣ.“ Сохранилось показа-

*) Эта фраза можетъ указывать, что Мазепа отвѣчаетъ не на предыдущее письмо Кочубея, въ которомъ нѣтъ рѣчи „о блудѣ“, но можетъ быть, что укоръ за блудъ—Мазепа самъ подразумѣвалъ въ словахъ Кочубея „о горькомъ срамѣ и поношеніи“.

ніе монаха Никанора о томъ, что ему говорили Кочубеи, мужъ и жена, о „соблазнѣ“ („гетманъ ихъ дочь, зазвавъ къ себѣ въ гости, изнасиловалъ блудомъ“), но г. Уманецъ этому показанію не даетъ вѣры и заключаетъ свое изслѣдованіе романа съ Кочубеевной словами, что давно пора болѣе трезво смотрѣть на эту любовь Мазепы и возвратить ей обыкновенную гражданскую честность,“ тѣмъ болѣе, что „бывшая его невѣста вышла замужъ за Чуйкевича“ (стр. 346).

Намъ же представляется эта „любовь Мазепы“—послѣ всего разсказаннаго—совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ. Какъ увлекъ Мазепа дочь своего стараго помощника—не знаемъ, но несомнѣнно, что онъ будучи 65-тилѣтнимъ (по крайней мѣрѣ) старикомъ, увлекъ эту дѣвушку. Увлекъ, можетъ быть, обѣщаніемъ брака, можетъ быть блескомъ общественнаго своего положенія, или своею стариковскою красотою—этого мы не знаемъ, но увлекъ онъ ее до того, что когда мысль о бракѣ оказалась неосуществимою, то дѣвушка бѣжала къ нему, укрываясь отъ надзора ночнымъ временемъ. Мазепа не образумилъ дѣвушки, *а оставилъ ее у себя*... Только родительское горе могло изобрѣсти такое чрезвычайное и своеобразное средство, какъ ночной набатъ, чтобы вырвать изъ рукъ Мазепы эту дѣвушку... Сколько часовъ пробыла въ домѣ у гетмана эта дѣвушка—это вопросъ не важный, такъ какъ толпа, на глазахъ которой произошелъ этотъ случай, объ этомъ количествѣ часовъ не справлялась, но видѣла, что дочь генер. судьи бѣжитъ ночью къ отвергнутому но желанному жениху и *остается у него* до тѣхъ поръ, пока набатъ, т. е. сила внѣшняя, принудилъ Мазепу отослать дѣвушку домой. Самый набатъ уже показывалъ, какъ Кочубеи смотрѣли на бѣгство своей дочери и чего боялись.. Это не было бѣгство дочери хотя бы отъ злой матери къ крестному отцу, а это было бѣгство влюбленной дѣвушки къ своему возлюбленному и въ тоже время властелину страны... „Да не подумаетъ читатель, говоритъ г. Уманецъ, что Мазепа принадлежитъ къ числу людей, созданныхъ для мелкихъ эротическихъ похожденій. Такое заключеніе было бы нѣсколько

поспѣшнымъ“ (стр. 357). А батуринцы, живя годы вблизи гетмана, говорили между собою, что Мазепа не чуждъ былъ именно „мелкихъ эротическихъ похожденій“ *). Если всѣ эти обстоятельства взять вмѣстѣ, то намъ станетъ вполнѣ понятенъ ужасъ Кочубеевъ, когда они узнали о бѣгствѣ дочери. Ужасъ явился отъ мысли о связанномъ съ бѣгствомъ поруганіи чести дочери-дѣвушки... Возвращенная затѣмъ къ отцу дочь уже лишилась въ глазахъ толпы того ореола дѣвичьей чистоты, который принадлежалъ ей наканунѣ, при чемъ толпа не справлялась—была-ли дѣвушка «соблазнена». *Возможность* соблазна была налицо... „Гражданскую честность“ Мазепа, впрочемъ, могъ еще сохранить, объяснивъ бѣгство къ нему дѣвушки порывомъ натерпѣвшейся отъ материнскихъ укоровъ дочери... Но Мазепа—эгоистъ. Стариковская страсть превозмогаетъ надъ „гражданской честностью“: начинается пересылка писемъ, посылка „Мелашекъ“ и „Демьянковъ“, требованіе отъ дѣвушки присылки ея сорочекъ съ тѣла, коралловъ съ шеи, волосъ... При приглашеніяхъ на свиданіе, дѣлается предупрежденіе, что мѣстомъ свиданія назначается нарочно сдѣланная для того дыра въ оградѣ Кочубеевой усадьбы. Слѣдовательно и послѣ возвращенія Кочубеевны, Мазепа продолжаетъ съ ней сношенія и объ этихъ сношеніяхъ, конечно, знаетъ весь Батуринъ, а съ нимъ и вся Украина... **). Однимъ словомъ, 65-ти лѣтвій Мазепа сдѣлалъ все, чтобы окончательно *обезславить* несчастную дѣвушку, и—должно быть,—изъ-за однихъ лишь „эротическихъ“ побужденій. Обезславленная дѣвушка должна была погибнуть и—погибла. О замужествѣ ея—не могло быть и рѣчи. Г. Уманецъ повторяетъ разсказъ о выходѣ Матрены К—ны замужъ за Семена Чуйкевича, но послѣдній былъ женатъ на Катеринѣ Кочубей, какъ самъ онъ говоритъ въ оффиціальной бумагѣ (Оп. Стар. Малор., II, 32), слѣдовательно

---

*) См. примѣч. на стр. 162.

**) Нужно имѣть въ виду, что хотя Мазепа къ Кочубеевнѣ *писалъ* письма, но отвѣты ея должны были быть *устные*, п. ч. Кочубеевна писать не умѣла, какъ не умѣли писать и всѣ лѣвобережныя малороссіянки, до полов. XVIII в. за весьма рѣдкими, *быть можетъ*, исключеніями.

этотъ фактъ къ „вороху преданій“ не имѣетъ отношенія. Къ преданію слѣдуетъ обратиться, разыскивая, чтб сталось затѣмъ съ несчастной дѣвушкой. Мѣстное, полтавское преданіе говоритъ, что Матрена К—на кончила жизнь въ Пушкаровскомъ монастырѣ (недалеко отъ Полтавы), и это преданіе наиболѣе вѣроятное *). О ея замужествѣ *нигдѣ указаній нѣтъ*. Да и кто-бы ее взялъ въ тогдашней Малороссіи съ ея поруганною «славою». Матрена Кочубеевна погибла, какъ жертва эгоизма и легкомыслія Мазепы... Мы нарочно такъ подробно разсказали всѣ сохранившіеся факты изъ „поздней любви“, чтобы на сколько можно выяснить то положеніе, которое при этомъ занималъ Мазепа.—

Думается, что безпристрастный судья, выслушавъ точный разсказъ о романѣ Мазепы съ Кочубеевною, ничего въ немъ не найдетъ кромѣ эгоизма и легкомыслія со стороны этого самаго Мазепы.

Ал. Лазаревскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

*) Объ этомъ преданіи см. Записки о Полтавск. губ., Н. Арандаренка, Ш, 85.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Изъ прошлаго полтавской епархіи. *(Бытовыя картинки)*. Лѣтъ пять тому назадъ, по счастливой случайности, намъ удалось пріобрѣсти нѣсколько «указныхъ книгъ», хранившихся до того въ одной изъ церквей нынѣшней Полтавской епархіи. Книги эти обнимаютъ собою періодъ времени съ 1724 по 1759 годъ. Въ нихъ вписаны указы, какъ высочайшіе, присылавшіеся въ Кіевскую и Переяславскую дикастерія, такъ и указы современныхъ Кіевскихъ и Переяславскихъ архіереевъ. При разсмотрѣніи этихъ книгъ, оказалось, что онѣ заключаютъ въ себѣ богатый историческій матеріалъ для характеристики церковной жизни нѣкоторой части нынѣшней Полтавской епархіи въ прошломъ столѣтіи. Но на ряду съ указами чисто церковнаго характера и относящимися къ епархіальному управленію, въ этихъ «указныхъ книгахъ» нашли мы и нѣсколько указовъ, заключающихъ въ себѣ довольно цѣнныя указанія на своеобразныя бытовыя черты малороссовъ въ прошломъ столѣтіи. Съ такими особенностями, чисто бытоваго характера, мы и считаемъ не безъинтереснымъ познакомить читателей.

I. Отпѣваніе безъ покойниковъ. Въ 1784 г., 17 мая, изъ Переяславской духовной консисторіи въ Хорольское духовное правленіе послѣдовалъ указъ такого содержанія.

«Въ Духовной Консисторіи слушали дѣло, представленное Духовнымъ Золотоношской протопопіи Правленіемъ, о отправленіи тоя протопопіи села Богушковой-Слободки священникомъ Василіемъ Канѣветскимъ и діакономъ тамошнимъ Тимоѳеемъ Черняховскимъ, съ просьбы значкового товарища Ивана Сухенка и козака Михаила Хо-

руженка въ церкви своей приходской, покрывъ одни токмо пустые мары обыкновеннымъ для умершихъ сукномъ, похорона за умершихъ въ Новороссійской губерніи отъ заразительной болѣзни онаго Сухенка человѣка и Хоруженка сыновей. Понеже самъ священникъ Василій Канѣветскій не потаился, что за бывшихъ въ отлучкѣ съ домовъ и тамъ умершихъ—Сухенковаго свойственнина и Хоруженкового сына, отправлялъ въ церкви своей надъ пустыми, однимъ погребальнымъ сукномъ покрытыми марами, похоронъ, во всемъ по чиноположенію требника, токмо разрѣшительной молитвы не читалъ, по окончаніи же похорона допустилъ бывшій народъ и къ сукну прикладываться, примѣрно, какъ къ умершему тѣлу за долгъ христіанскій прикладываются, съ тѣмъ, наконецъ, признаніемъ, *что онъ сіе отважился учинить потому*, яко-де съ бывшими его половинными Богушковскими священниками Василіемъ Черняховскимъ и Павломъ Навроцкимъ, кои уже померли, доводилось ему не единажды таковое погребеніе пѣть. Всѣ же обряды, къ долгу священника относящіеся, положены въ книгѣ требникѣ, съ точнымъ узаконеніемъ, какимъ что порядкомъ въ благопотребное и нужное время дѣйствовать; но чтобъ погребеніе, надъ тѣломъ мертвеца пѣваемое, во мѣсто того надъ пустыми, по вышеписанному, марами дозволено въ какое ни есть время отправлять, сего вовсе не значится, и когда въ требникѣ, кой святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ аппробованъ, во всѣхъ его чиноположеніяхъ таковаго дозволенія не имѣется, но самопроизвольному чьему-либо поступку въ томъ подражать всячески не должно, паче же собственной своей выдумкѣ, какова отъ упомянутыхъ Богушковскихъ священниковъ произошла и священникъ Василій слѣпо оной подражалъ, выступая съ порядка церковныхъ уставовъ и народъ соблазняя; а діаконъ Тимоѳей Черняховскій, хотя въ допросѣ своемъ потаился, яко-бы на такомъ похоронѣ не былъ, а пришелъ уже наконецъ онаго, и будто, сумняся о дѣйствіи священника, спрашивалъ онаго: можно-ли надъ пустыми марами пѣть похоронъ? но такъ какъ причетники, при томъ бывшіе, два дьячка и пономарь, показали, что дѣйствительно на всемъ похоронѣ онъ былъ и совмѣстно съ священникомъ отправлялъ, по отправленіи же и покрывало, одному ему надлежащее, получилъ, съ чего всего явствуетъ, что оба безъ дольшаго разсудка и осторожности такую въ церкви неприличную и предосудительную церемонію совершали, почему оба являются виновными и подлежатъ неминуемому наказанію; для того

приговорили и преосвященнымъ господиномъ Иларіономъ, епископомъ Переяславскимъ и Бориспольскимъ, архипастыремъ нашимъ, конфѣрмовано: священника Василія Канѣвецкаго и діакона Черняховскаго, суще подъ интересомъ корыстолюбія своего, похоронъ надъ пустыми марами, съ обманомъ простаго народа, отправлявшихъ, оштрафовать денежнымъ штрафомъ,—съ священника 20, а съ діакона 5 рублей взять на консисторію (и взяты), обязавъ обоихъ строжайшими подписками, впредь того не дѣлать, но во всѣхъ по долгу ихъ обрядахъ наблюдать чиноположеній церковныхъ. Во отвращеніе же таковыхъ и подобныхъ симъ могущихъ быть непорядочествъ, предложить во всѣ духовныя Правленія указами, съ предписаніемъ неослабное въ томъ имѣть за священствомъ наблюденіе. 1784 года, мая 17 дня. Ректоръ, Игуменъ Варлаамъ. Экономъ, іеромонахъ Аполоній. Протоіерей Іоаннъ Савѣнскій».

Сообщилъ Ив. П—чъ Ян—скій.

Аэролиты, упавшіе въ Овруцкомъ и Васильковскомъ уѣздахъ въ концѣ прошлаго столѣтія. Около ста лѣтъ назадъ польскій натуралистъ Кароль Кортумъ составилъ изслѣдованіе объ аэролитахъ, напечатанное въ періодическомъ изданіи того времени: Nowy Pamiętnik Warszawski, dziennik historyczny, polityczny, tudzież nauk i umiejętności, t. XVIII, rok 1805. Описавъ всѣ извѣстные ему аэролиты, хранившіеся въ западно-европейскихъ музеяхъ, Кортумъ хотѣлъ собрать какія-нибудь свѣдѣнія объ аэролитахъ, падавшихъ въ Польшѣ. Такихъ свѣдѣній ему не удалось отыскать; но его ученый «коллега» Тадеушъ Чацкій прислалъ ему слѣдующія сообщенія о двухъ украинскихъ аэролитахъ, которыя въ подлинникѣ и приведены въ названномъ изданіи.

«Мнѣ извѣстны (писалъ Чацкій) два случая паденія аэролитовъ на Украинѣ: одинъ въ с. *Олешковцахъ*, въ двухъ миляхъ отъ Овруча, а другой въ с. Блощинцахъ, близъ Бѣлой - Церкви. Зимой 1770-го года въ Олешковцахъ упала жидкая масса, которая по прошествіи нѣкотораго времени окаменѣла. Лица, ее видѣвшія, утверждаютъ, что камень былъ мелко-зернистый и совершенно походилъ на камень,

упавшій подъ Бѣлой-Церковью. Одна часть этого камня была отправлена въ Житомиръ, въ катедру (католическую) и тамъ погибла безслѣдно, а другая осталась при костелѣ въ с. Веледникахъ (Овручскаго уѣзда), но впослѣдствіи, при перестройкѣ костела, тоже кудато затерялась. Всѣ старанія мои отыскать хотя бы ничтожный обломокъ этого камня остались безуспѣшными: нерадивость и небреженіе допустили исчезнуть этому интересному памятнику. Спрошенные при дознаніи лица показали, что простолюдины имѣли обыкновеніе обмывать этотъ камень въ водѣ и затѣмъ пили эту воду, какъ лѣкарство противъ лихорадки. Обыватели и давніе владѣльцы Веледникъ сообщили то же самое».

«Въ 1797 году, 8-го января, въ с. Блощинцахъ, въ разстояніи одной мили отъ Бѣлой-Церкви, во время сильнаго мороза упала изъ облака (z chmury) близъ экономическихъ построекъ каменистая масса, вѣсомъ до полупуда. Въ сосѣдней деревнѣ было замѣчено, что въ тотъ самый моментъ что-то сверкнуло въ томъ облакѣ. Имѣла-ли упавшая масса сѣрный или иной запахъ—нельзя было добыть свѣдѣній; говорятъ только, что въ снѣгу она явственно издавала шипѣніе, такъ что мѣстный управитель, священникъ и другіе присутствовавшіе опасались приблизиться къ ней. Одинъ изъ крестьянъ, осмѣлившійся подойти къ ней, нашелъ ее сильно раскаленной, дымящейся и такой мягкой, что ударомъ лома (drąga) онъ легко раздробилъ ее на два большихъ и множество малыхъ кусковъ. Прибывшіе затѣмъ русскіе чиновники, собравъ подробныя свѣдѣнія, подъ присягой, отъ разныхъ лицъ, видѣвшихъ этотъ камень или что либо о немъ слышавшихъ, записали все это въ протоколъ и отправили его, вмѣстѣ съ кускомъ аэролита, въ Петербургъ».

Одинъ изъ кусочковъ этого аэролита былъ доставленъ Кортуму, и въ дальнѣйшей части цитируемой статьи приводятся результаты произведеннаго надъ нимъ химическаго изслѣдованія.

О. Л.

Отношеніе роменцевъ къ ремесленному образованію 90 лѣтъ тому назадъ. 14 ноября 1807 года Малороссійскій ген.-губернаторъ кн. Куракинъ прислалъ роменской городской думѣ предложеніе—оповѣстить «подвѣдомыхъ ей гражданъ»: не пожелаетъ ли кто-нибудь отдать мальчиковъ 10—12 лѣтъ въ черниговское ремесленное училище «для обученія по сродности которому-либо изъ ремеслъ—слѣсарному, столярному, серебренному, рѣзному и сапожничьему»? Думѣ предписывалось «употребить особенное внушеніе» гражданамъ, что это послужитъ не только къ ихъ собственной и общественной пользѣ, но и «къ славѣ и отличію цѣлаго города».

По повѣсткамъ думы, собрались роменцы 28 декабря на совѣщаніе. Съ первыхъ же моментовъ совѣщанія обнаружилось абсолютно отрицательное отношеніе къ предложенію ген.-губернатора. По просьбѣ собравшихся, думской писарь слѣдующимъ образомъ редактировалъ отказъ «гражданъ»: «изъявили на семъ несогласіе наше отдавать малчиковъ въ оное училище по причинѣ отдаленности отъ Ромна губернскаго города Чернигова, въ которомъ оное училище существуетъ, и не мало потребной издержки на содержаніе тѣхъ малчиковъ, дондеже обучатся прописанныхъ ремеслъ, а согласны по прежнему на мѣстѣ, въ своемъ городѣ, по вольности, всѣхъ тѣхъ ремеслъ малчиковъ, по сродности ихъ и по возможности всякаго хозяена, обучать, въ чемъ на семъ и подписались».

Должно быть главный мотивъ отказа роменцевъ «не мало потребная издержка на содержаніе тѣхъ малчиковъ»—повторялся въ большинствѣ отзывовъ ремесленнаго люда Малороссійскихъ городовъ, такъ какъ въ слѣдующемъ году черниговскій приказъ обществ. призрѣнія, въ вѣдѣніи котораго было ремесленное училище, чрезъ полтавское губернское правленіе разослалъ думамъ разъясненіе, что «буди согласны они отдать имѣющихся у нихъ мальчиковъ въ черниговское ремесленное училище, то содержаніе тѣхъ мальчиковъ будетъ зависить не отъ нихъ, а отъ казны».

Опять роменская дума разослала 3 іюля 1808 г. повѣстки «подвѣдомымъ ей гражданамъ», но отвѣтъ опять получился отрицательный: «изъявляемъ нынѣ на семъ, такъ какъ и до сего изъявляли, наше желаніе, что мы имѣющихся у насъ мальчиковъ отдавать въ Черниговское ремесленное училище не желаемъ; *а имѣемъ здѣсь по вольности и возможности нашей таковыхъ малчиковъ, по сродности ихъ, ремесламъ обучать, въ чемъ на семъ и подписались*».

Прошло 5 лѣтъ. Черниговское ремесленное училище не могло видно похвалиться многолюдствомъ, ибо Полтав. губ. правленіе опять разсылаетъ думамъ предписанія по тому же дѣлу. На этотъ разъ оно старается выставить предложеніе возможно заманчивѣе. Пусть—де-скать дума объяснитъ гражданамъ, пишетъ оно 7 іюля 1813 года, «къ лучшему въ семъ разѣ успѣху», что «мальчики тѣ сверхъ того, что приняты будутъ на весь казенный щетъ, и безъ малѣйшаго за наученіе ихъ платежа, но по истеченіи шести лѣтъ, бывъ изучены ремесла, паки обратятся въ домы свои, и послѣдніе три года пребыванія въ училищѣ должны участвовать въ половинѣ выработываемыхъ ими прибыльныхъ денегъ, кои при выпускѣ ихъ составя капиталъ, дадутъ способъ не только основать каждому свое мастерство, но и обратить ихъ въ собственную и общественную пользу».

Опять собрались роменцы въ думу 25 августа 1813 года. Но и на этотъ разъ дѣло не подвинулось; роменцевъ не соблазнила даже открывавшаяся ихъ дѣтямъ перспектива—«изъ прибыльныхъ денегъ составить при выпускѣ капиталъ» для основанія «каждому своего мастерства». Отвѣтъ все-таки данъ былъ прежній: «изъявили на семъ несогласіе наше, такъ какъ и до сего изъявляли прошлого 1807 года декабря 28 числа въ заключенномъ письменномъ приговорѣ, по причинѣ, въ ономъ изъясненной, *а имѣемъ здѣсь по волности и по возможности нашей таковыхъ малчиковъ, по сродности ихъ, ремесламъ обучать, въ чемъ и подписались*».

Черезъ годъ послѣ этого, 22 сентября 1814 года, въ четвертый разъ пишетъ о томъ же роменской думѣ мѣстный полиціймейстеръ Рѣдкинъ (по приказанію губ. правленія), прибавляя, что если и на этотъ разъ не окажется желающихъ, то чтобъ дума указала для отправки въ училище сиротъ изъ мѣщанъ. На этотъ разъ призывъ остался вовсе безъ отвѣта.

Изъ указовъ губ. правленія видно, что въ ремесленное училище приглашались дѣти не только мѣщанъ, но и козаковъ и казенныхъ обществъ,—какъ въ городахъ, такъ и по волостямъ. Не смотря на такую обширную сферу дѣйствія начальственныхъ предписаній, почему то роменскіе мѣщане безуспѣшно бомбардируются предложеніями на счетъ «малчиковъ» въ теченіе семи лѣтъ. Должно быть этотъ непобѣдимый скептицизмъ къ ремесленному училищу присущъ былъ не однимъ роменцамъ.

(Изъ архива ромен. гор. думы, по описи № «дѣла» 351, 1807—1814 гг.).

Сообщ. Ѳ. Н.

Кресты гетмана Сагайдачнаго. Въ статейкѣ подъ названіемъ «Реликвіи перваго кадетскаго корпуса», напечатанной въ № 41 Русск. Инвал. за 1898 г., при перечисленіи этихъ «реликвій», между прочимъ названы: 1) *Два креста литаго серебра, поднесенные гетману Петру Конашевичу-Сагайдачному* и 2) *Евангеліе* (*Евангеліонъ*), *напечатанное въ Львовѣ 1644 г.* Относительно послѣдняго авторъ статейки г. Ал. С. говоритъ: «Здѣсь нельзя не указать, что 1644 г былъ годомъ рожденія гетмана Мазепы. На первыхъ страницахъ Евангелія, внизу, написаны слова, смыслъ которыхъ тотъ, что «завладѣвшій этимъ Евангеліемъ будетъ преданъ анафемѣ». Предсказаніе это сбылось: Мазепа, по занятіи имъ Батурина (имѣніе кн. Вишневецкаго), овладѣлъ этимъ Евангеліемъ, принадлежавшимъ кн. Вишневецкому».

При чтеніи этой замѣтки рождаются два вопроса: 1) изъ чего видно, что указанные кресты были поднесены Сагайдачному, а затѣмъ—кѣмъ поднесены и когда, и откуда кресты эти поступили въ церковь кадетскаго корпуса? 2) Откуда взято свѣдѣніе о рожденіи Мазепы въ 1644 г.?—Личное ли это свѣдѣніе автора, одинаковаго характера, какъ и свѣдѣніе его о томъ, что Мазепа завоевалъ Батуринъ, принадлежавшій де передъ тѣмъ Вишневецкому, или же указанный годъ рожденія Мазепы значится на имѣющейся въ Евангеліи надписи?

Интересно было бы получить отвѣты на эти вопросы отъ любителей южнорусской старины, находящихся въ Петербургѣ.

А. Л.

Поминки по Шевченку въ Петербургѣ. День 26-го февраля помнится здѣсь весьма многими. Для старожиловъ Петербурга, особенно знавшихъ Шевченка, естественно помнить день своего поэта; но особенно отрадно почитаніе его памяти людьми молодыми, располагающими весьма малымъ свободнымъ временемъ отъ занятій, всецѣло ихъ поглощающихъ.

Панихида, какъ и всегда, была въ Казанскомъ соборѣ. Сѣверный притворъ и вся средняя часть помѣстительнѣйшаго храма была полна молящимися самыхъ разнообразнѣйшихъ возрастовъ, состояній.

Того-же дня въ Сѣверной гостиницѣ былъ обѣдъ человѣкъ на 60. Собравшіеся представляли собою цвѣтъ мысли, науки...

Тутъ стало извѣстнымъ, что 11-го марта будетъ вечеръ въ память Шевченка. Для этого выбранъ залъ Павловой, вмѣщающій около 600 человѣкъ. Давно замѣчено, что желающихъ бывать на этихъ вечерахъ чрезвычайно много. Нѣкоторымъ изъ распорядителей предлагавшимъ помѣщеніе Дворянскаго Собранія, какъ болѣе помѣстительное, пришлось много огорчаться: продажа билетовъ начата была 8 марта, а 9-го ихъ уже не было. Надо принять во вниманіе, что билеты выдавались только именные, людямъ знакомымъ, кто изъ послѣднихъ передавалъ билетъ другому, то былъ для него поручителемъ. Многимъ, заблаговременно не запасшимся билетами, пришлось помѣститься за кулисами. Въ проходахъ, подъ стѣнами зала, расположилась молодежь, стоя. Публика по состоянію, одеждѣ представляла большое разнообразіе; многіе были въ національныхъ костюмахъ. Изъ почетныхъ гостей мы замѣтили гг. Герарда, Пыпина, Калмыкова, Немировича-Данченко...

Въ окнахъ зала размѣщены были рисунки Шевченка, какъ его собственные, такъ и другихъ художниковъ на сюжетъ изъ Кобзаря. На эстрадѣ, слѣва отъ зрителей, въ лѣсу тропическихъ растеній утопалъ бюстъ Шевченка; бюстъ бѣлый—выглядывалъ изъ глубины зеленой ниши, какъ ангелъ чистоты, какъ свѣтъ истины, надежды.

Программы вечера не было; въ общемъ онъ имѣлъ характеръ семейнаго малороссійскаго собранія.

Въ 8 час. вечера Д. Л. Мордовецъ открылъ собраніе длинной рѣчью на малороссійскомъ языкѣ.

Послѣ пѣнія смѣшаннаго хора г. Лесевичъ прочиталъ нѣсколько стихотвореній Шевченка. Выразительность чтенія, интонація исполнителя, почтенная личность его самого производили необычайное впечатлѣніе на слушателей. Въ оваціяхъ участвовали безусловно всѣ и старые, и малые, мужчины и женщины.

Затѣмъ пѣли соло изъ произведеній Шевченка, музыка Лысенка, артисты императорскихъ театровъ — пѣвицы Селюхъ, Забѣла и Варзеръ, Шаляпинъ, Ждановъ, Морской. Послѣдній исполненіемъ «Думы мои, думы мои» приводилъ публику въ экстазъ. Другихъ артистовъ надолго прерывали аплодисментами *среди исполненія*.

Музыкальную часть закончилъ хоръ классическимъ произведеніемъ Нищинскаго — «Закувала та сыва зозуля».

Въ промежуткѣ показана была въ *живой картинѣ* сцена изъ Гайдамакъ: Оксана въ монастырѣ разговариваетъ съ *черныцею*, а въ заключеніе такая-же картина изъ «Невольника»: Ярына узнаетъ слѣпого Степана. Рисунки къ живымъ картинамъ въ натуральную величину на полотнѣ исполнены въ мастерской Рѣпина. Картины довершили иллюзію совершавшагося.

Литературно-вокальная часть закончилась около часу ночи; залъ приготовили для танцевъ. Послѣдніе, въ началѣ общіе, смѣнились скоро гопакомъ и метелыцею. Однако, многіе были крайне не довольны ими, какъ несоотвѣтствующими характеру *вечера*.

За ужиномъ, заказывавшимся каждымъ въ отдѣльности, по желанію, говорились рѣчи, и между прочими С. Н. Кулябка развивалъ ту мысль, что малороссы, при всемъ столь великомъ прошломъ своей интеллигенціи, не вселяютъ своимъ дѣтямъ любви къ родному языку, въ противоположность тому, что замѣчается у всѣхъ народовъ, а особенно у южныхъ славянъ. Д-ръ Г.

Крашанки въ старину. Въ «Очеркахъ Малорос. Фамилій» А. М. Лазаревскаго (Русск. Архивъ 1875 г., книга 1-я, стр. 444), въ разсказѣ о ссорѣ Осипа Гамалѣи съ свящ. Кантаровскимъ, приводятся, между прочимъ, слѣдующія слова Гамалѣи: «а на воскресенскихъ праздникахъ—яйцами вареными рядки били и тѣ жъ рядки вмѣстѣ ѣли». Въ примѣчаніи къ этимъ словамъ Гамалѣи приводится такое объясненіе Кантаровскаго: «на воскресенскихъ праздникахъ рядковъ съ нимъ не билъ, а билъ яйца красныя». Авторъ «Очерковъ» тутъ дѣлаетъ замѣчаніе: «Битье *рядковъ яицъ*, вѣроятно, составлялъ какой нибудь обычай, о которомъ теперь мы ничего не знаемъ».

Можетъ быть авторъ въ послѣдствіи, или кто другой, выяснилъ дѣло объ этихъ *рядкахъ*; во всякомъ случаѣ, не считаю, на всякій случай, лишнимъ сообщить о томъ, какъ въ Зарожскихъ палести-

нахъ *), во время моего дѣтства (въ 20-хъ и 30-хъ годахъ) *бавились* на *Велыкдень* (главнымъ образомъ, на первый день) яйцами.

Яйца на Велыкдень являлись въ обиходѣ: *крашанкй* (окрашенныя въ *кйрку*—красныя, въ *бразолію*—темно-синія съ особымъ оттѣнкомъ и въ *жовтвйло*—желтыя); наиболѣе было красныхъ, потомъ бразолійныхъ и наименѣе всего желтыхъ. Крашанки не всегда варились очень *круто*, а *бѣлыя*, очень круто сваренныя, всегда. Бавились въ яйца двоякимъ образомъ: 1) *навбйтки* (и теперь еще не вышедшими изъ употребленія) исключительно крашенными яйцами, а по преимуществу красными, и 2) *въ котючки* (теперь мало уже въ употребленіи) крашанками (но круто сваренными) и бѣлыми (отъ продолжительной игры яйца становятся мягкими, какъ мячики). На гладкомъ мѣстѣ, напр., на протоптанной тропѣ, одинъ ставитъ свое яйцо, а другой, съ извѣстнаго разстоянія, быстро покатитъ свое, и если задѣнетъ яйцо противника—беретъ послѣднее себѣ, а не то свое проигралъ... Если рядки Кантаровскаго тоже, что и котючки, то при Кантаровскомъ рядкѣ была что-то въ родѣ *кóна*; но въ котючкахъ я *кóна* не помню: кажется, въ котючкѣ всегда играли одинъ на одинъ.

М. Номисъ.

Легенды, относящіяся къ берегамъ Буга около Винницы.

Обогнувъ Винницу, Бугъ течетъ къ югу; потомъ, послѣ того какъ онъ принялъ въ себя маленькую рѣчку Вишню, онъ поворачиваетъ на югъ, пока не встрѣтитъ горъ около мѣстечка Сабарова, которыя поэтому тамъ на мѣстѣ и называются Сабаровскими; тутъ рѣка снова поворачиваетъ и дѣлаетъ большую излучину, которая поразительно красива. Горы круто спускаются къ рѣкѣ, составляя мѣстами почти отвѣсную стѣну изъ гранита, красная поверхность котораго покрыта зеленью кустарника и плюща; скалы опускаются въ воду прямо, не оставляя никакого откоса. Въ одномъ мѣстѣ такая скала очень странно опустилась въ воду: она не спускается въ нее непосредственно, а упирается въ другую, которая торчитъ изъ воды и поддерживаетъ ее. Кажется, что она катилась съ горы и, докатывавшись до берега,

---

*) Говорится о хуторѣ Зарожскомъ, лубенск. уѣзда, мѣстѣ рожденія автора сей замѣтки. *Ред.*

почему то остановилась. Можетъ быть, въ какое то стародавнее время оно такъ и было, что она упала съ горы. Много разъ, катаясь на челнокѣ, я любовался ея красивымъ и страннымъ положеніемъ. Однажды, когда я проходилъ по берегу въ этомъ мѣстѣ и обходилъ по тропинкѣ эту скалу сзади, со мной шелъ старикъ крестьянинъ изъ села Тютьки, направлявшійся домой. На мое замѣчаніе, какъ камень чудно лежитъ, онъ мнѣ разсказалъ преданіе, которымъ объясняется присутствіе этого камня въ данномъ мѣстѣ.

«Это было давно, говорилъ онъ, когда еще только люди стали селиться въ Сабаровѣ; они стали строить церковь. Вотъ, какъ только черти увидѣли это, они захотѣли имъ помѣшать и рѣшили скатить съ горы эту скалу, перебросить ее на тотъ берегъ и завалить ею церковь. Вотъ стали они катить, докатили до берега, а тутъ пѣтухи закричали, надо было въ пекло возвращаться, такъ они эту скалу и бросили, и съ тѣхъ поръ она тутъ и лежитъ».

Это не единственное преданіе, связанное съ берегами Буга подъ Винницей. Ближе къ городу, на правомъ берегу, немного ниже такъ называемой «скалы», на хуторѣ принадлежавшемъ прежде Гродецкому, а теперь принадлежащемъ Дювре, недалеко отъ воды выступаетъ изъ-подъ земли большая скала, представляющая площадь около двухъ саженей квадратныхъ; на этой скалѣ видны два углубленія, имѣющія сходство со слѣдами лошадиныхъ копытъ: какъ будто лошадь сильно уперлась задними ногами; немного далѣе видны двѣ ямки, какъ будто отъ какого нибудь остраго орудія, воткнутаго въ камень, а еще немного дальше на камнѣ видѣнъ странный потекъ, очень похожій на слѣдъ чего-то пролитаго. По поводу этого камня, какъ утверждаетъ одинъ изъ старожиловъ Винницы, г. Постоловскій, существовала такая легенда. Въ то время, какъ люди начинали тутъ селиться, ихъ очень обижали вѣдьмы тѣмъ, что выдаивали ихъ коровъ; Георгій Побѣдоносецъ рѣшился заступиться за людей; однажды онъ погнался за одной вѣдьмой, которая несла горшокъ молока; она пустилась бѣжать отъ него съ горы; но когда сбѣжала съ нея на этотъ камень, то упала. Георгій Побѣдоносецъ поразилъ ее своимъ копьемъ, которое вонзилось въ камень, молоко разлилось и оставило слѣдъ на камнѣ, тутъ же видны и слѣды копытъ коня св. Георгія. Самъ я не слыхалъ ни отъ кого этого преданія; объясняю это тѣмъ, что люди, живущіе по близости, въ сущности недавно поселились тутъ; но самый камень я нашелъ по

описанію, прочитанному мною въ книжечкѣ г. Постоловскаго, въ которой онъ описываетъ свое дѣтство и свои воспоминанія о Винницѣ. Онъ передаетъ этотъ разсказъ, какъ ходячее преданіе, которое ему приходилось слышать въ дѣтствѣ.

Г. Аѳанасьевъ.

Кіевъ, 25 февр. 1898 г.

Находки римскихъ монетъ. «Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ крестьянами селъ Келеберды и Лѣпляваго, Золотоношскаго уѣзда, Полтавской губерніи, на лѣвомъ берегу Днѣпра сдѣлана находка римскихъ монетъ. Монеты довольно хорошей сохранности и относятся къ временамъ императора Марка Аврелія, т. е. ко II столѣтію по Р. Х. Одна изъ нихъ имѣетъ на лицевой сторонѣ изображеніе головы императора въ лавровомъ вѣнкѣ; вокругъ находится такая надпись: M. Antoninus Arm. (enicus) Parth. (icus). На оборотной сторонѣ находится изображеніе богини, а вокругъ стоитъ надпись: IMP IIII COS III TR P XX. Возлѣ мѣстечка Лѣпляваго найдены двѣ монеты, изъ которыхъ одна императора Антонина Пія, а другая—Марка Аврелія. На лицевой сторонѣ первой, вокругъ изображенія головы императора, находится надпись: Divus Antoninus, т. е. божественный Антонинъ; а на оборотной—изображеніе четырехъ-яруснаго, постепенно съуживающагося кверху, на подобіе пирамиды, костра, на которомъ было сожжено тѣло императора. Вокругъ надпись CONSECKRATIO. Это—погребальный динарій, выбитый по случаю похоронъ Антонина Пія. На другой монетѣ, вокругъ выпуклаго изображенія головы Марка Аврелія (лицо въ бородѣ), находится слѣдующая надпись: Imp. M. Aurel. Antoninus Aug. На оборотной сторонѣ—изображеніе стоящей женщины, обращенной лицемъ налѣво и держащей въ рукѣ рогъ изобилія, а вокругъ монеты надпись: PROVID Deor. R. T. P. XVI COS III. Въ 1894 г. въ с. Ковтунахъ, Золотоношскаго уѣзда, найдено 104 римскихъ серебряныхъ монеты временъ Траяна, Комода и Септимія Севера. Недавно возлѣ мѣстечка Прохоровки, того же уѣзда, было найдено нѣсколько римскихъ серебряныхъ монетъ, изъ которыхъ одна временъ Антонина Пія и вполнѣ

тождественна, какъ по надписи, такъ и по изображенію лица императора, съ описаннымъ выше погребальнымъ динаріемъ, а другая—Септимія Севера, голова котораго изображена въ вѣнкѣ; вокругъ монеты надпись: Imp. CAEL, Sep. Sev. PART. AVG. На оборотной сторонѣ монеты находится изображеніе знамени между двухъ значковъ и вокругъ надпись: M. A. C.; внизу—TR. P. COS. Въ м. Семиполкахъ, Остерскаго уѣзда, Черниговской губ., найдена платиновая монета Элія Вера. Въ м. Б. Круполѣ, Переяславскаго уѣзда, Полтавской губ., на старомъ городищѣ, на валахъ была вырыта изъ земли серебряная римская монета Марка Аврелія. Наконецъ, въ Роменскомъ уѣздѣ, Полт. губерніи, у с. Медвѣжьяго найдено значительное количество римскихъ серебряныхъ монетъ. Кромѣ того въ селѣ Волковцахъ, Роменскаго уѣзда, недавно отысканъ кладъ, состоявшій изъ 250 золотыхъ и серебряныхъ римскихъ монетъ, но къ какому времени онѣ относятся, рѣшить пока трудно». (Полтавск. Губ. Вѣд. 1898 г., № 57).

Городецкій музей Волынской губерніи. На дняхъ отпечатана въ Варшавѣ книжка подъ такимъ заглавіемъ: *Отчетъ Городецкаго музея Волынской губерніи барона Ф. Р. Штейнгеля, за первый годъ съ 25 ноября 1896 г. по 25 ноября 1897 г. Составилъ Н. Бѣляшевскій.* (60 стр. и «рисунокъ—внутренній видъ части Городецкаго музея»). Извлекаемъ изъ этой любопытной книжки, а также и изъ статьи, напечатанной 11 марта въ газетѣ «Волынь» (1898 г., № 68) слѣдующія свѣдѣнія.

Городецкій музей Волынской губ. барона Ф. Р. Штейнгеля помѣщается въ с. Городкѣ, ровенскаго уѣзда. Въ ноябрѣ 1896 года, баронъ Ф. Штейнгель началъ приводить въ исполненіе давно задуманный имъ планъ учрежденія областнаго музея волынской губерніи, т. е. такого учрежденія, въ которомъ были-бы собраны разнообразные матеріалы, касающіеся Волыни, такъ или иначе характеризующіе различныя стороны жизни края. Для общаго руководства этимъ учрежденіемъ барономъ Штейнгелемъ приглашенъ молодой археологъ Н. Ф. Бѣляшевскій, уже извѣстный въ литературѣ нѣкоторыми своими работами.

«При детальномъ обсужденіи программы музея, говорится въ первомъ отчетѣ музея, было рѣшено поставить ее возможно шире, что откроетъ большій просторъ для дѣятельности; вести дѣло не торопясь, но вести систематически, обращая главное вниманіе на то, что можетъ служить для общей характеристики края, исключая все, что является случайнымъ, что носитъ названіе «раритетовъ» и чѣмъ зачастую бываютъ заполнены частныя и общественныя собранія. Районъ, который охватываетъ музей,—теперешняя волынская губернія. Хотя границы губерніи и не соотвѣтствуютъ границамъ древней Волынской земли, но въ виду того, что расширеніе этихъ рамокъ завело бы слишкомъ далеко, рѣшено ограничиться территоріей волынской губерніи, и такъ достаточно обширной».

Городецкій музей имѣетъ слѣдующіе отдѣлы:

Естественный, географическій, антропологическій, археологическій и этнографическій. Кромѣ того, есть еще отдѣлъ—библіотека музея, которая раздѣляется на три части: рукописи, старопечатныя книги и книги позднѣйшаго времени.

Въ коллекціи музея помѣщаются только такіе предметы, происхожденіе которыхъ точно извѣстно. Что касается внѣшняго порядка, принятаго въ музеѣ, то для записи предметовъ заведенъ «инвентарь», для записи расходовъ—расходная книга, и, кромѣ того, заведена «лѣтопись Городецкаго музея», куда заносятся замѣтки о дѣятельности музея и мнѣнія по различнымъ вопросамъ лицъ, принимающихъ участіе въ устройствѣ музея или посѣщающихъ его.

Подводя итогъ дѣятельности музея за минувшій годъ, отчетъ отмѣчаетъ то обстоятельство, что успѣхъ дѣла зависѣлъ главнымъ образомъ отъ того, что въ немъ приняли живое участіе нѣкоторыя лица, сочувствующія дѣлу. Такъ, при посредствѣ В. А. Мошкова, для этнографическаго отдѣла было получено много разнообразныхъ предметовъ, касающихся народнаго быта; имъ же было снято для музея болѣе сотни фотографій, записывались народныя произведенія, составлялись замѣтки о различныхъ мѣстностяхъ и т. п. А. А. Матвѣевъ, совершая поѣздки по Волыни, снабдилъ музей массой очень цѣнныхъ фотографій съ различныхъ памятниковъ старины. Благодаря помощи С. П. Яремича, для музея было пріобрѣтено много книгъ, брошюръ, фотографій. Кромѣ того, многія другія лица содѣйствовали развитію музея, жертвуя различные предметы и книги, помогая совѣтами и

указаніями. Всего въ теченіи отчетнаго года въ музей поступило 950 номеровъ, которые по отдѣламъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Въ географическомъ отдѣлѣ	354 №№
» антропологическомъ	16
» археологическомъ	103
» этнографическомъ	252
» библіотекѣ	179
Предметовъ, не вошедшихъ въ вышеупоименованные отдѣлы	46.

Для пополненія антропологическаго и археологическаго отдѣловъ, въ іюлѣ и августѣ 1897 года, Н. Ф. Бѣляшевскимъ и барономъ Ф. Р. Штейнгелемъ были произведены раскопки кургановъ въ 4-хъ могильникахъ, расположенныхъ въ ровенскомъ уѣздѣ на лѣвомъ берегъ рѣки Устья. Могильники эти языческіе, славянскіе; время ихъ можно опредѣлить VII—IX вв. по Р. Х.; скелеты, обнаруженные въ курганахъ, разной сохранности, большей частью плохой. Кромѣ того, въ отчетномъ году былъ изслѣдованъ, у с. Большого Олексина, ровенскаго у., склепъ, разрытый раньше, заключавшій въ себѣ, повидимому, социніанское погребеніе (XVI в.) и принадлежащій, по всей вѣроятности, одному изъ Чапличей, прежнихъ владѣльцевъ Шпаново,—находящагося близь склепа. Поступившіе предметы распредѣляются по группамъ слѣдующимъ образомъ: доисторическаго времени—каменнаго вѣка 12 №№, языческаго славянскаго вѣка—28; историческаго времени—13; архитектурныхъ памятниковъ—28 №№, монетъ—28, медаль—1. Предметы доисторическаго времени (каменнаго вѣка) большею частью составляютъ—діоритовые топоры-молоты съ отверстіемъ (шлифован. и безъ слѣдовъ шлифовки). Кремневый топорикъ-клинъ, отбивной и кремневый наконечникъ стрѣлы со стержнемъ для древка и безъ онаго. Изъ предметовъ, относящихся къ языческому славянскому вѣку, большею частью встрѣчаются—глиняныя кубышки разной величины, куски дубовыхъ досокъ отъ гробовъ, желѣзные гвозди и бронзовыя кольца. Всѣ подобнаго рода предметы, имѣющіеся въ Городецкомъ музеѣ, добыты при раскопкѣ кургановъ (могильниковъ) въ ровенскомъ уѣздѣ. Среди предметовъ

историческаго времени имѣется портретъ дѣвушки въ малорусскомъ костюмѣ XVIII вѣка. Портретъ писанъ масляными красками, изображеніе погрудное; длина портрета 41 стм.; ширина 31 стм.; дѣвушка одѣта въ «корсетку», на шеѣ три ряда коралловъ и дукачъ, голова убрана тремя разноцвѣтными лентами, концы которыхъ спадаютъ на спину. Въ рапортѣ, отъ 31 января 1856 г., владимірскаго земскаго исправника, нашедшаго этотъ портретъ, значится, что по преданіямъ это портретъ Бондаривны, любовницы Потоцкаго, старосты Каневскаго, Особенно богатъ этнографическій отдѣлъ музея. Интересенъ также найденный въ м. Славутѣ: «Вертепъ»—деревянный ящикъ для представленія народной пьесы того-же названія. Предметъ къ представленію народной пьесы «Царь Иродъ». Текстъ и музыка къ «Вертепу», записанные В. А. Мошковымъ. Полная коллекція мѣстной с. Городка крестьянской одежды. Принадлежности мужского крестьянскаго костюма: сымрага, сорочка, ярмулка, кацавейка, барханова сорочка, кашкетъ, чоботы, постолы, поясъ и т. д. Принадлежности женскаго крестьянскаго костюма: сорочка, сорочка перкалева, сподныця, нагруднык, хвартухъ, каптуръ, тканка (кольцо, на которое навертываются волосы), хустка, намысто, куцань и намитець (головная повязка, почти совсѣмъ вышла изъ употребленія). Имѣется, кромѣ того, много образцовъ вышивокъ и матерій. Кромѣ того, въ музей поступили также различныя произведенія народной словесности; эти послѣднія распредѣлены по сборникамъ историко-географическихъ матеріаловъ, а также вошли частью въ отдѣленіе рукописей.

Въ отчетномъ году въ библіотеку музея поступило: рукописей 5, книгъ, брошюръ и періодическихъ изданій—168, афишъ и объявленій 6 №№. Болѣе замѣчательныя рукописи: Записная книга процессовъ церкви въ с. Караевичахъ, ровенскаго у., съ 1779 по 1795 г., на польскомъ языкѣ. 2) Бумаги Я. Я. Волошинскаго; главное содержаніе бумагъ—дневники раскопокъ, произведенныхъ покойнымъ ученымъ въ 50-хъ годахъ въ кіев. губ.; но есть также среди бумагъ тетрадь, заключающая различныя преданія, записанныя въ овручскомъ уѣздѣ въ концѣ 40-хъ годовъ однимъ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ. 3) Пѣсни, записанныя В. А. Мошковымъ въ 1891 г. отъ солдатъ варшавскаго гарнизона, уроженцевъ волынской губерніи; пѣсни съ мотивами.

Книги въ музеѣ есть по естествовѣдѣнію, географіи (топографія, статистика, путешествія, этнографія), исторіи (исторія, археологія, біографія), обществовѣдѣнію и народному образованію.

Кромѣ, того имѣются справочныя книги, программы, афиши и объявленія.

Нельзя не пожелать учрежденію барона Ф. Р. Штейнгеля полнаго преуспѣянія, а также нельзя не указать на это учрежденіе многимъ и многимъ городамъ Юго-Западнаго края, въ которыхъ о мѣстныхъ музеяхъ нѣтъ и рѣчи... А между тѣмъ находимые тутъ предметы мѣстной старины, тщательно собираемые различными «агентами», систематически вывозятся заграницу и навсегда гибнутъ для нашего края...

А. Л.

Карта Подольской епархіи. Подольскою духовною консисторіею издана карта Подольской епархіи. Отпечатана она въ типолитографіи С. Кульженка въ Кіевѣ; масштабъ—въ одномъ англійскомъ дюймѣ 10 верстъ. На картѣ нанесены всѣ поселенія губерніи съ особымъ обозначеніемъ городовъ, мѣстечекъ и селъ, имѣющихъ церковь и причтъ, селъ съ церковью, но безъ причта (приписныхъ), и деревень (безъ церкви и причта). Кромѣ того, цвѣтными линіями подъ названіями поселеній отмѣчены церковно-приходскія школы и школы грамоты, а также министерскія народныя училища; обозначены также особыми знаками мѣстоположенія православныхъ монастырей и католическихъ костеловъ. Составлена карта учителемъ Каменецкаго духовнаго училища С. Беднаровскимъ.

Отъ Императорскаго Казанскаго Университета. Къ столѣтнему юбилею, наступающему въ 1904 г., совѣтъ Казанскаго Университета постановилъ выпустить въ свѣтъ исторію Университета и біографическій словарь его профессоровъ и преподавателей, и въ видахъ

достиженія возможной полноты изданій, обращается ко всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, которыя располагаютъ соотвѣтствующими матеріалами, съ покорнѣйшей просьбой не отказать въ заблаговременной доставкѣ таковыхъ въ Казанскій Университетъ на имя г. Ректора. Все доставленное будетъ принято Университетомъ съ глубокой благодарностью и сохранено въ цѣлости до востребованія.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Записки наукового товариства імени Шевченка. *Виходять у Львові під редакциею Михайла Грушевського. Томы: XVIII (1897, кн. IV. Стр. 192), XIX (1897, кн. V. Стр. 194), XX (1897, кн. VI. Стр. 194) и XXI (1898, кн. I. Стр. 184* [1]).

Въ настоящемъ году исполнится 25 лѣтъ существованія львовскаго общества имени Шевченка (съ 1893 г.—научнаго общ. того-же имени). Въ прежнихъ отчетахъ «Кіев. Стар». указаны были главныя цѣли, преслѣдуемыя этимъ симпатичнымъ и полезнымъ учрежденіемъ: создать средоточіе научной работы на родномъ языкѣ, объединить научныя силы на пользу родной литературы въ широкомъ смыслѣ слова и такимъ путемъ дать толчекъ дальнѣйшему возрожденію и укрѣпленію этой литературы сообразно съ потребностями и идеальными запросами обширнаго народа, чтобы поставить его въ рядъ съ другими культурными національностями Европы. Ближайшею практическою задачею общества было основаніе во Львовѣ академіи наукъ.

Въ теченіи двухъ послѣднихъ лѣтъ общество съ неутомимой и заслуживающей удивленія энергіей продолжало свою полезную дѣятельность, несмотря на различныя затрудненія и обычный недостатокъ матеріальныхъ средствъ. Въ Галичинѣ общество Шевченка не имѣетъ прочной опоры въ народной высшей школѣ; матеріальныя условія галицко-русской интеллигенціи таковы, что научная работа на родномъ языкѣ является актомъ патріотическаго самопожертвованія, какъ то признаютъ и сами галичане (т. XXI, записка для

[1]) Обзоръ содержанія прежнихъ 17 тт. „Записокъ" въ „Кіев. Стар." 1895 г., №№ 11 и 12; 1896 г., 2, 5 и 10 и 1897 г., 1, 5, 7—8.

загального збору 1898 р.); условія для созвучной научной работы въ одноплеменной южной Россіи слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы на нихъ останавливаться здѣсь. Такимъ образомъ, общество Шевченка, не имѣя серьезной научной поддержки и съ этой стороны, должно было сосредоточить свои пока немногочисленныя силы почти исключительно на почвѣ галицкихъ отношеній. Между тѣмъ тяжелая національная борьба въ предѣлахъ Галичины требуетъ много силъ, отвлекая ихъ отъ научной работы. Въ концѣ 1896 г., въ виду текущихъ политическихъ интересовъ, общество Шевченка пережило тяжелый кризисъ и самое существованіе его было поставлено на карту, но общество вышло изъ этого кризиса съ честью, доказавъ жизненность свой идеи и необходимость продолженія своей дѣятельности для развитія народнаго самосознанія и обезпеченія народу лучшей будущности.

Научная работа общества въ 1896 и 1897 г.г. развивалась безостановочно. Въ секціяхъ общества было 26 засѣданій въ 1896 г. и 25 въ 1897 г. Число референтовъ дошло до 44, рефератовъ—до 89. Явились новыя научныя силы и самостоятельнныя научныя работы, обязанныя своимъ происхожденіемъ той же объединяющей и организующей дѣятельности общества Шевченка. По мѣрѣ возможности, общество оказывало матеріальную помощь молодымъ работникамъ на полѣ науки путемъ стипендій, субсидій для поѣздокъ съ ученою цѣлью и т. п. Заботами общества учреждена библіотека по всѣмъ отраслямъ наукъ, служащая могущественнымъ подспорьемъ для мѣстныхъ работниковъ. По мѣрѣ увеличенія круга послѣднихъ «Записки» общества стали нынѣ выходить регулярно шесть разъ въ годъ, при чемъ для юрицическихъ наукъ издается особо «Часопись правнича», для естественныхъ — «Збірник математично — природописно—лікарськоі [секциі» (вышли двѣ книги). Редакція «Записокъ» предполагаетъ ввести въ своемъ изданіи особый отдѣлъ научной хроники, которая должна держать читателей въ курсѣ современной науки, особенно по отношенію къ Украинѣ. Секція филологическая издала въ текущемъ году первый томъ своего «Сборника». Археографическая коммиссія выпустила томъ памятниковъ украинскаго языка и литературы (ветхозавѣтные апокрифы подъ редакціей д-ра Франка, 29 печ. листовъ), второй томъ источниковъ для исторіи Украины—Руси (люстраціи перемышльскія и саноцкія, ред. проф. М. Грушевскаго, 23 печ. листа), печатается четвертый томъ источниковъ (акты

временъ Хмельниччины), подготовляется изданіе дальнѣйшихъ люстрацій и сборника драматической литературы 17 и 18 столѣтій. Начатый въ 1895 г. этнографическій сборникъ вышелъ уже въ двухъ томахъ (26 печ. листовъ), третій томъ долженъ появится на дняхъ (матеріалы, собранные В. Гнатюкомъ въ Угорской Руси). Собрано много этнографическаго матеріала для дальнѣйшихъ изданій; для разработки этихъ матеріаловъ являются молодыя силы благодаря научному импульсу общества. Изданіе общества «Руська історична бібліотека» продолжалось—вышли 18 и 19 томы (19 печ. листовъ—окончаніе перевода «Мазепы» Костомарова, В. Б. Антоновича о послѣднихъ временахъ козачества на правомъ берегу Днѣпра и пр. Въ XX томѣ будетъ помѣщенъ переводъ монографіи Я. Н. Шультина о коліивщинѣ). Принадлежащій обществу литературно-научный журналъ «Зоря» преобразованъ въ «Литературно-науковый Вістник», выходящій въ 12 книгахъ по 12 печ. листовъ.—Общество Шевченка поддерживаетъ правильный обмѣнъ изданіями съ 50 учеными учрежденіями въ другихъ странахъ, особенно въ Россіи и Чехіи.

Уже изъ этихъ главныхъ данныхъ можно видѣть, что общество Шевченка во Львовѣ встрѣчаетъ свой первый юбилейный годъ въ полномъ разгарѣ дѣятельности на пользу родного языка и литературы и съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія можетъ оглянуться на пройденный нелегкій путь, не унывая предъ трудностями еще предстоящими. Милостивъ Богъ! Въ планы природы, очевидно, не входитъ погибель живыхъ народныхъ организмовъ, способныхъ къ самостоятельному и оригинальному развитію.

Въ «Запискахъ», издаваемыхъ подъ редакціей профессора львовскаго университета М. Грушевскаго, продолжаютъ печататься менѣе обширные по объему труды членовъ общества Шевченка, не вошедшіе въ составъ перечисленныхъ выше сборниковъ и спеціальныхъ изданій. Отмѣчу прежде всего статьи самого редактора въ настоящихъ четырехъ томахъ. Въ «Описи перемышльскаго староста 1494—7 г.г.» (т. XIX, 1—24) авторъ сообщаетъ съ объясненіями два неизвѣстныхъ еще документа изъ архива варшавской казенной палаты. Акты эти интересны по богатству данныхъ о податяхъ и панщинахъ мѣщанъ и крестьянъ въ концѣ 15 вѣка и представляютъ цѣнный вкладъ для характеристики разницы экономическихъ порядковъ въ селахъ на русскомъ и нѣмецкомъ правѣ. Изъ того же архива почерпнутъ авторомъ

актъ 1456 г. о выкупѣ Каменецкаго староства (т. XX, отд. miscellanea). Въ статьѣ «Галицкое боярство XII—XIII в.» (т. XX, 1—20) г. Грушевскій даетъ живой и интересный очеркъ вопроса, не разъ затронутаго въ нашей исторической литературѣ, но далеко еще не освѣщеннаго со всей той полнотой, какой онъ безспорно заслуживаетъ. Всѣ существенныя данныя по этому вопросу сведены авторомъ въ цѣльную картину, и если чего не достаетъ въ послѣдней, такъ это сравненія галицкаго боярства съ соотвѣтственными общественными слоями и теченіями въ сосѣднихъ западныхъ земляхъ той эпохи. По этому вопросу имѣетъ появиться въ «Запискахъ» спеціальная работа одного изъ сотрудниковъ. Въ XXI томѣ (1—16) г. Грушевскій помѣстилъ отрывокъ изъ подготовленнаго имъ обширнаго труда по исторіи древней Руси, посвященный вопросу объ антахъ. Критически сводя имѣющіяся извѣстія объ этомъ народѣ, авторъ приходитъ къ положительному заключенію, что анты были предками сѣверянъ, уличей и тиверцевъ и такимъ образомъ составляли южную вѣтвь славянства въ предѣлахъ древнѣйшей Руси.—Много мѣста въ своихъ работахъ удѣляетъ г. Грушевскій подробнымъ критическимъ отчетамъ о важнѣйшихъ трудахъ въ области русской исторіи. Не говоря о многочисленныхъ его рецензіяхъ, отмѣчу обстоятельные и цѣнные его отчеты о сочиненіяхъ Самоквасова (Изслѣд. по ист. рус. права), Сергѣевича (Рус. юр. древности), Равиты—Гавронскаго (Госуд.-обществ. строй Руси въ XI и XII в.), Голубовскаго (Смолен. земля), Даниле-вича (Полоцкая земля) и даже Филевича (яко бы о древней Руси).

Въ томахъ XVIII и XX закончена печатаніемъ обширная и цѣнная монографія д-ра Франка о литературной исторіи духовнаго романа «Варлаамъ и Іоасафъ». Авторъ критически изслѣдуетъ вопросъ объ авторѣ романа, усвоеніе его въ европейскихъ литературахъ, происхожденіе романа въ первоначальной обработкѣ и восточные элементы въ его составѣ и подробно излагаетъ разнообразныя теоріи, предложенныя по этимъ вопросамъ западно-европейскими и русскими учеными. Не подлежитъ сомнѣнію, что работа г. Франка займетъ видное мѣсто въ ряду сравнительно-историческихъ изученій по этому предмету.

Перу г. Стеф. Томашивскаго принадлежитъ обстоятельная и съ большимъ знаніемъ дѣла написанная статья въ XIX томѣ (стр. 1—70). «Податкові ухвали за Казиміра Ягайловича в Польщі». Въ

первой части статьи авторъ излагаетъ податную исторію Польши на протяженіи всего XV в., во второй изслѣдуетъ формы податного обложенія, обложеніе отдѣльныхъ сословій и финансовую технику эпохи. Прекрасная метода работы, хорошее знакомство съ источниками и осторожность выводовъ заставляютъ указать на изслѣдованіе г. Томашивскаго, какъ на явленіе выдающееся въ историко-экономической литературѣ.

Г. Евг. Барвинскій снабдилъ предисловіемъ и напечаталъ in extenso 22 неизданныхъ документа изъ XXIII тома рукописнаго сборника Acta Tomiciana, хранящагося въ музеѣ кн. Чарторыйскихъ въ Краковѣ. Всѣ эти акты относятся къ малоизвѣстному нападенію козаковъ на турецкій Очаковъ въ 1545 г. и представляютъ не лишенный значенія вкладъ для ранней исторіи козачества и отношеній послѣдняго къ Польшѣ (т. XVIII, 1—32).

Въ XXI томѣ «Записокъ» помѣщена статья г. Ал. Лотоцкаго: «Общественное положеніе бѣлаго духовенства въ Украйнѣ и Россіи въ XVIII в. (стр. 1—46). На основаніи изданныхъ источниковъ и обработокъ, авторъ послѣдовательно разсматриваетъ отношенія къ духовенству русскаго правительства, духовнаго управленія и различныхъ классовъ общества и обрисовываетъ причины и признаки приниженнаго положенія духовнаго сословія въ эту эпоху, выдѣляя при этомъ нѣкоторыя особенности въ отношеніяхъ духовенства къ обществу на Украйнѣ. Статья читается съ живѣйшимъ интересомъ.

Въ приложеніи къ XXI тому напечатана прекрасно составленная сводка г. Вяч. Будзиновскаго оффиціальныхъ данныхъ объ урожаяхъ въ Галичинѣ и Буковинѣ въ 1896 и 1897 гг. (стр. 1—36).

Во всѣхъ 4-хъ томахъ «Записокъ» помѣщенъ рядъ небольшихъ статей и замѣтокъ по разнымъ вопросамъ (гг. Франка, Гнатюка, А. Маркевича, Н. Княжевича, Охримовича, Томашивскаго и др.).

Отдѣлъ библіографіи отличается обычною обстоятельностью и добросовѣстностью отзывовъ, часто очень подробныхъ и цѣнныхъ въ смыслѣ критики. Въ разсматриваемыхъ томахъ даны отчеты и отзывы о 57 періодическихъ изданіяхъ и 118 книгахъ и статьяхъ, касающихся Галичины и южной Россіи.

Н. М.

Архивъ Государственнаго Совѣта. *Т. IV. Ч. 3. СПБ. 1897.*

Какъ видно изъ помѣщеннаго въ началѣ настоящаго тома «Архива» краткаго предисловія, «вошедшіе» въ составъ его «журналы департамента гражданскихъ и церковныхъ дѣлъ, съ 1810 г. по 1825 г.», описаны въ той-же системѣ, какая была принята въ предшествующей второй части того-же тома [1]). Всѣ журналы сгруппированы по предметамъ и затѣмъ, въ каждомъ отдѣлѣ, помѣщены въ хронологическомъ порядкѣ, съ необходимыми подъ строкой поясненіями, съ указаніемъ №№ Полн. Собр. Зак., подъ которыми помѣщены упоминаемыя въ журналахъ правительственныя распоряженія. Въ особомъ приложеніи помѣщены указатели: 1) именъ личныхъ, 2) географическій и 3) предметный. Настоящій томъ изданъ подъ прежней редакціей члена археографической комиссіи Г. Ф. Штендмана.

Всѣ матеріалы, отпечатанные въ настоящемъ томѣ «Архива», расгруппированы, подъ общимъ заглавіемъ — «Законы гражданскіе» и частнымъ «О правахъ имущественныхъ», на три отдѣла: а) о духовныхъ завѣщаніяхъ, б) объ учрежденіи фидеикомиссовъ и в) объ наслѣдствѣ по закону. Такъ какъ подобнаго рода актовъ въ архивѣ Государственнаго Совѣта имѣется, по всей вѣроятности, много, то нельзя не пожалѣть, что редакція не поясняетъ, чѣмъ руководствовались составители при выборѣ напечатанныхъ, сравнительной ли ихъ важностью или тѣмъ, что они попались прежде всего подъ руку.

Къ южнорусской территоріи относятся слѣдующіе акты:

1) 8 сентября 1810 г.—По дѣлу о духовномъ завѣщаніи генерала-отъ-инфантеріи Тимоѳея Тутолмина относительно пожалованнаго ему по службѣ имѣнія при м. Рашковѣ и с. Белочѣ Балтскаго уѣзда Подольской губерніи.

2) 16 декабря 1812 г.— По дѣлу подполковника Ивана Васильевича Кондратьева и поручицы Прасковіи Яковлевны Лесевицкой съ женою тайнаго совѣтника Анной Андреевной Комбурлей о недвижимомъ имѣніи въ Слободско-Украинской губерніи.

3) 23 февраля 1814 г.—По дѣлу поручика Дублянскаго съ подпоручицей Васильковской о землѣ, принадлежавшей умершему бригадиру Занковскому.

---

[1]) Кіевская Старина 1897 г., январь.

4) 26 февраля 1814 г.—По дѣлу объ имѣніи, оставшемся послѣ бунчуковаго товарища Осипа Стефановича.

5) 3 ноября 1821 г.—По дѣлу графини Констанціи Дульской и княгини Эмиліи Радзивиллъ о духовномъ завѣщаніи отца ихъ, графа Ворцеля, по которому графъ завѣщалъ с. Юшковцы Кіевской губерніи въ пожизненное пользованіе дѣвицѣ Крушевской, а послѣ ея смерти въ потомственное владѣніе воспитывавшемуся у графа Станиславу Сироткѣ, «если сей послѣдній», по всеподданнѣйшему прошенію завѣщателя, удостоится получить дворянское достоинство и фамилію фонъ-Теммерштейнъ.

6) 15 ноября 1822 г.—По дѣлу жены коллеж. рег. Медвѣдовской о духовномъ завѣщаніи отставн. прапорщика Ничка на домъ въ г. Харьковѣ.

7) 15 іюня 1825 г.—По дѣлу о раздѣлѣ между губерн. секр. Игнатіемъ и губерн. регистр. Иваномъ Худобріями имѣнія при с. Команѣ Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда и при с. Погребкахъ, Кролевецкаго уѣзда

Н. С.

О. Кониський. *Тарас Шевченко-Грушівський. Хроника його життя. Т. I. У Львові, 1898 (Збірник фільольогічної секциї наукового товариства імени Шевченка. Т. I. Ювилейне виданне товариства).* Стр. 252.

Матеріалы для біографіи знаменитаго малорусскаго поэта значительно увеличились въ послѣднее время. Большею частью они появлялись въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, и услѣдить за ними—уже теперь трудъ не легкій. Кромѣ разбросанности данныхъ, изслѣдователь неизбѣжно наталкивается на массу противорѣчій, произвольныхъ или невѣрныхъ догадокъ и просто вымысловъ. Въ этой грудѣ извѣстій самыхъ разнокалиберныхъ и разноцѣнныхъ давно уже необходимо разобраться, чтобы возстановить полный образъ человѣка и поэта. Безъ такой предварительной работы критическое изученіе творчества Шевченка не можетъ быть поставлено на твердую почву и не удовлетворитъ современнымъ научнымъ требованіямъ.

Исполнить этотъ нелегкій трудъ систематической сводки имѣющихся матеріаловъ—такова задача г. Кониского, скромно назвавшаго

свою книгу хроникою жизни поэта. Авторъ располагаетъ свой матеріалъ въ строго хронологическомъ порядкѣ, преслѣдуя главную цѣль—дать читателю возможность ясно судить, что за человѣкъ былъ Ш., какъ относился онъ къ современникамъ, что вліяло на его развитіе и творчество, подъ какими впечатлѣніями онъ писалъ и что влекло къ нему сердца. Исторіи творчества Ш., критическаго изученія его поэзіи авторъ не обѣщаетъ, полагая, что для нея еще не собрано достаточно данныхъ.

Работа г. Кониского первоначально печаталась отдѣльными очерками въ «Запискахъ» львовскаго ученаго общества имени Шевченка (съ 1892 года). При обзорѣ «Записокъ» въ «Кіев. Старинѣ» своевременно указаны были положительныя достоинства этихъ очерковъ и сдѣланы замѣчанія по поводу нѣкоторыхъ неровностей изложенія и спорныхъ пунктовъ. Изданный нынѣ къ 25-лѣтнему юбилею общества первый томъ біографіи обнимаетъ періодъ жизни поэта до ссылки въ Орскъ въ іюнѣ 1847 года. Второй томъ вѣроятно появится въ этомъ же году.

Книга разбита на шесть главъ: дѣтство поэта (1814—19 г.), юношество до выкупа изъ крѣпостнаго состоянія (1829—39 г.), отъ выкупа до перваго изданія «Кобзаря» (1839—40 г.), отъ выхода «Кобзаря» до окончанія академіи художествъ (1840—45 г.), пребываніе поэта на Украйнѣ (1845—47 г.), арестъ (17 апрѣля—23 іюня 1847 г.).

При сравненіи настоящаго тома съ первоначальными очерками г. Кониского въ «Запискахъ» оказывается, что авторъ, не измѣняя общаго плана и метода работы, значительно дополнилъ и частью переработалъ нѣкоторыя главы, въ особенности послѣднюю. Дѣло въ томъ, что за послѣдніе два—три года появились въ печати и поступили въ распоряженіе біографа новые матеріалы, нѣсколько измѣнившіе взглядъ его на тѣ или другія подробности трагической судьбы поэта и полнѣе характеризующіе роль людей, съ которыми Шевченко встрѣчался въ эту пору. Самое изложеніе также переработано, устраненъ по возможности полемическій элементъ, безъ нужды нарушавшій цѣльность впечатлѣнія, разсказу придано больше ровности. Въ результатѣ мы имѣемъ книгу строго продуманную, хорошо написанную и очень цѣнную по обилію сведенныхъ въ ней, какъ извѣстныхъ раньше, такъ, частью, еще неизвѣстныхъ матеріаловъ, критически провѣренныхъ и систематизированныхъ. Какъ видно, неутомимому автору пришлось немало поработать надъ новымъ изданіемъ не только въ

отношеніи стиля и изложенія, но и путемъ собиранія новыхъ литературныхъ указаній и данныхъ, еще неопубликованныхъ, получать отдѣльныя свѣдѣнія посредствомъ частной переписки и усиленныхъ поисковъ. Невольно приходится пожалѣть, что эти добросовѣстные усилія и труды не могутъ обращаться на пользу также и нашей письменности, такъ какъ галицкія изданія по какимъ то непостижимымъ причинамъ недоступны нашей читающей публикѣ.

Книга г. Кониескаго написана хорошимъ языкомъ и читается съ неослабѣвающимъ интересомъ, несмотря на суровый критицизмъ автора и стремленіе его внести въ изложеніе даже мельчайшія черты жизни поэта. Это отсутствіе слащавой идеализаціи, ясное разумѣніе реальнаго хода отношеній, хорошее знаніе людей вѣка и обстановки дѣйствія свидѣтельствуютъ объ умственной зрѣлости общества, для котораго книга предназначена. При всемъ увлеченіи своимъ предметомъ, авторъ рѣдко сходитъ съ почвы фактической; среди тысячи подробностей мелкихъ и повидимому второстепенныхъ, онъ не забываетъ своей задачи—дать изображеніе дѣйствительнаго, а не фантастическаго Шевченка. И по мѣрѣ чтенія образъ поэта вырисовывается ярко, во всей присущей ему нравственной красотѣ и оригинальности, въ обстановкѣ убійственно тяжкой и безпросвѣтной. И если малорусскому поэту суждено дождаться полной біографіи и всесторонней научной оцѣнки, то настоящій опытъ г. Кониескаго безъ сомнѣнія сослужитъ хорошую службу будущимъ изслѣдователямъ.

Отдавая должное достоинствамъ настоящей книги, не могу не указать на одно утвержденіе автора, на мой взглядъ, недостаточно обоснованное. Какъ извѣстно, гр. Орловъ въ извѣстной своей докладной запискѣ имп. Николаю I заявилъ, что общество кіевскихъ славянистовъ существовало три мѣсяца въ умахъ трехъ ученыхъ мечтателей—Костомарова, Гулака и В. Бѣлозерскаго. Г. Кониескій полагаетъ, что гр. Орловъ добросовѣстно ошибался, что въ дѣйствительности общество было широко распространено, обнимало чуть-ли не сотню лицъ. На основаніи данныхъ, приводимыхъ самимъ же авторомъ, можно съ увѣренностью сказать, что въ данномъ случаѣ было лишь покушеніе на образованіе тайнаго панславянскаго общества и что участники послѣдняго понесли кару исключительно за свои идеи, случайно попавшія на бумагу, но не за организованную дѣятельность, предполагаемую обществомъ фактически существующимъ. Можно согласиться съ догадкой автора, что Шевченко зналъ объ этомъ покушеніи и сочувствовалъ его отдаленнымъ

цѣлямъ, насколько послѣднія обнимали реальное интересы его родины (уничтоженіе крѣпостнаго права, развитіе просвѣщенія въ простомъ народѣ), но затѣмъ характеристика покушенія, оффиціально представленная начальникомъ III отдѣленія, должна быть признана фактически вѣрной и вполнѣ соотвѣтствующей общему ходу умственныхъ теченій въ тогдашнемъ Кіевѣ. Что касается до Шевченка, то, мнѣ кажется, не слѣдуетъ въ частности оттѣнять его увлеченія т. наз. славянофальскими идеями: въ жизни его идеи эти не играли никакой дѣятельной роли, отраженіе ихъ въ поэмахъ Шевченка—чисто искусственное, внѣшнее. Отношеніе его къ этимъ идеямъ лучше всего характеризуется извѣстнымъ выраженіемъ поэта: «я ничого не хочу тильки хочу, щобъ люды свого не забувалы».

Въ книгѣ г. Кониского помѣщены недурно исполненные портреты Шевченка, Гребенки, А. Лизогуба, Кухаренка, Кулиша, Костомарова, В. Бѣлозерскаго, Н. Гулака, Пильчикова и рисунокъ хаты въ с. Кириловкѣ.

Н. М.

Professor Alexander Barwińskij. *Das Volksleben der Ruthenen (Народная жизнь русинъ). Wien, 1898. (Стр. 65. in-4. Съ 22 иллюстраціями въ текстѣ).*

Новая работа извѣстнаго галицкаго писателя г. Ал. Барвинскаго напечатана въ XVIII т. прекраснаго нѣмецкаго изданія «Die österreichisch—ungarische Monarchie in Wort und Bild» (стр. 376—440). Статья г. Барвинскаго, какъ предназначенная для популярнаго иллюстрированнаго изданія, не задается учеными цѣлями, но извѣстно хорошо, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ писать популярно. Издатели описанія австро-венгерской монархіи обратились къ галицкому ученому, близко знакомому съ бытомъ и исторіей своей родины, и тѣмъ дали полезный урокъ нашимъ издателямъ, книги которыхъ часто страдаютъ неудовлетворительностью текста при блестящей и иногда даже роскошной внѣшности.

Въ живыхъ и интересныхъ очеркахъ авторъ знакомитъ читателя съ общей характеристикой населяющаго Галичину южно-рус-

скаго племени и съ его внѣшнимъ бытомъ, костюмомъ, постройками. Переходя къ народнымъ обычаямъ, авторъ подробно описываетъ крестины, свадьбу, погребенiе, праздничныя игры и увеселенiя, болѣе употребительные танцы и т. п. Статья оканчивается характеристикой народной поэзiи и пѣсеннаго творчества. Положенiя свои авторъ подтверждаетъ удачно подобранными выдержками изъ пѣсенъ и думъ (въ нѣмецкомъ переводѣ или подражанiяхъ, напр., Боденштедта). Изложенiе простое, ясное и свидѣтельствующее о хорошемъ знакомствѣ автора съ предметомъ. Поэтому статью можно рекомендовать интересующимся, какъ поучительное чтенiе.

По поводу нѣкоторыхъ подробностей описанiя можно возражать. Такъ, напр., авторъ говоритъ, что по лѣвому берегу Сана живутъ бужане, въ галицкой Подолiи—подоляне и ополяне, далѣе упоминаются волыняне и побережцы (будто-бы жители побережные, Uferbewohner), пистровяне (стр. 380). По поводу такой терминологiи желательны были-бы нѣсколько болѣе подробныя поясненiя. Тоже относится и солнечному миѳу, какъ основѣ галицкихъ сказанiй и преданiй (стр. 432).

Статья снабжена прекрасно исполненными и удачно подобранными иллюстрацiями. Кромѣ рисунковъ, изображающихъ народные типы и костюмы, можно указать въ особенности на снимокъ скородинецкой православной церкви (стр. 407), Склеповой улицы въ Чортковѣ (419), гуцульскаго свадебнаго поѣзда (423), крестьянскихъ похоронъ у Коломыи (427), освященiя пасхальныхъ яицъ въ Хмелiовой (433) и народнаго обычая «церковки» въ Тышковцахъ (427).

Желательно было-бы, чтобы авторъ съ такимъ же успѣхомъ продолжалъ свою работу, такъ какъ матерiалъ для описанiя еще далеко не исчерпанъ [1]).

Н. М.

---

[1]) Слѣдуетъ назвать при этомъ другую подобную работу, имѣющую въ виду ту же Галичину и принадлежащую Владисл. Завадскому (Tygodn. Illustrow. 1864 г., №№ 223—231). Кромѣ обстоятельнаго текста, тамъ помѣщено болѣе 20-ти рисунковъ (сцены изъ народной жизни), принадлежащихъ извѣстному польскому художнику Юлiю Коссаку.

X. **Wacław**, *kapucyn. O cudownym obrazie Najśw. Maryi P. Berdyczowskiej. Wiadomość historyczna. Kraków, 1897.* (Стр. 33).

Брошюра о. Вацлава представляетъ нѣкоторый интересъ потому, что въ ней сведены главныя данныя о дѣятельности босыхъ кармелитовъ въ Бердичевѣ. Обитель заложена въ 1634 г. иждивеніемъ кіевскаго воеводы Тышкевича, вызвавшаго въ Бердичевъ кармелитанскихъ монаховъ. Образъ Богородицы, подаренный монастырю Тышкевичемъ, представляетъ копію съ римской иконы въ храмѣ Матери Божіей Majoris (рисунокъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, работы св. евангелиста Луки) Въ 1648 г. кармелиты вынуждены были удалиться съ иконой во Львовъ, возвратились въ 1663 г., но черезъ годъ были изгнаны уже наслѣдниками Тышкевича и возвратились только въ 1717 г. Собственники Бердичева не благоволили къ кармелитамъ, стремясь завладѣть фундушемъ. Тѣмъ не менѣе въ 1721 г. образъ Богоматери былъ перевезенъ въ Бердичевъ. Въ 1732 г. онъ былъ увезенъ въ Люблинъ, возвращенъ въ 1736 г. Черезъ три года началась постройка новаго костела при монастырѣ, оконченная только въ 1654 г. По исчисленіямъ самихъ кармелитовъ, до 1756 года зарегистровано 263 чуда при образѣ, въ томъ числѣ 14 воскрешеній мертвыхъ. Образъ былъ коронованъ установленнымъ порядкомъ въ 1756 году. Авторъ подробно описываетъ этотъ торжественный обрядъ на совершеніе котораго истрачено 83.665 злотыхъ, пожертвованныхъ 24 лицами. При взятіи Бердичева Кречетниковымъ кармелитанскій монастырь остался нетронутымъ. Въ 1820 г. костельныя драгоцѣнности и короны для образа, присланныя папой Бенедиктомъ XIV украдены, но короны отыскались. Въ 1831 г. короны вновь украдены и уже не отысканы. Въ 1866 г. убитъ днемъ въ своей кельѣ послѣдній пріоръ монастыря, о. Салезій, послѣ чего монастырь закрытъ по распоряженію Безака. Костелъ оставленъ.

Уже въ 1758 г. Бердичевскіе кармелиты устроили у себя типографію, просуществовавшую до 1844 г. По исчисленію г. Руликовскаго, изъ нея вышло до 650 изданій, въ томъ числѣ нѣсколько капитальныхъ. Типографія доставляла кармелитамъ большой доходъ [1]).

---

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія о бердичевской типографіи см. въ статьѣ покойнаго Рулле—„Drukarnia i sztycharnia w Berdyczowie“, напечатанной въ сборникѣ Rocznik dla archeologów, numismatów i bibliogr. polsk. Rok 1871. Wyd. St. Krzyżanowski. (Kraków, 1874), стр. 14—26.

Въ свое время пользовались большою извѣстностію бердичевскіе календари, издаваемые кармелитами. Послѣдніе завели также бумажную фабрику, библіотеку и школы, число учениковъ которыхъ доходило до тысячи. Школы закрыты въ 1832 г.

Изложеніе о. Вацлава не отличается критичностью. Къ извѣстіямъ своихъ источниковъ онъ относится съ излишнею довѣрчивостью не только по вопросамъ спеціально-духовнаго характера, но и при разсказѣ о суровыхъ фактахъ внѣшняго міра. Поэтому выставленныя въ заголовкѣ слова: «историческое извѣстіе» было-бы правильнѣе выпустить.

Н. М.

П. Л. Юдинъ. *Къ біографіи Т. Г. Шевченка. („Русскій Архивъ" П. Бартенева. 1898 г., вып. 3, стр. 463—476).*

Цѣль настоящей замѣтки г. Юдина—исправить нѣкоторыя неточности въ сообщеніяхъ гг. Гаршина и Матова («Истор. Вѣст.» 1886, янв. и «Камско-Волж. край» 1897 г. №№ 306, 313 и 318) о пребываніи Шевченка въ ссылкѣ. Полемическій тонъ г. Юдина нѣсколько рѣзокъ. Приведу лишь фактическія указанія его, основанныя на дѣлахъ штаба 23 пѣхотной дивизіи № 372—1848 г. и № 779—1849 г. и представляющія интересъ для установленія нѣкоторыхъ хронологическихъ и біографическихъ подробностей.

Шевченко былъ доставленъ въ Оренбургъ 9 іюня въ 11 часовъ ночи и зачисленъ въ батальонъ № 5 въ Орскѣ; 14 іюня отправленъ этапнымъ порядкомъ въ Орскъ, куда прибылъ 22 іюня; 23 числа онъ зачисленъ въ списки батальона и опредѣленъ въ роту.

Въ началѣ 1848 года сдѣлано было распоряженіе о посылкѣ въ Раимское укрѣпленіе транспорта изъ крѣпости Илецкая Защита, подъ прикрытіемъ 4-го линейнаго батальона. Для укомплектованія послѣдняго вызывались охотники изъ 5-го батальона, но желающихъ не оказалось. Въ маѣ составленъ списокъ 200 чиновъ, назначенныхъ для этого укомплектованія, и въ числѣ ихъ находился Шевченко. Въ походъ выступили 11 мая, 16-го дошли до Оренбурга и въ ночь на 20-е число мая, въ 2 часа, транспортъ вышелъ въ степь подъ

прикрытіемъ укомплектованнаго 4-го батальона и подъ командою подполковника Маркова (а не Шрейбера, какъ полагаетъ г. Гаршинъ). Такимъ образомъ уже съ 1 мая 1848 г. Шевченко числился въ 4-мъ батальонѣ.

Одновременно съ транспортомъ выступила и извѣстная аральская эспидиція подъ начальствомъ Бутакова, въ которой принялъ участіе Шевченко. Возвратившись изъ этой экспедиціи вмѣстѣ съ унтеръ-офицеромъ Ѳомой Вернеромъ въ Оренбургъ (а не въ Орскъ) 12-го ноября 1849 г., Шевченко былъ прикомандированъ къ № 2 линейному батальону. 22 января 1850 г. корпусный командиръ Обручевъ распорядился «препроводить нижнихъ чиновъ Ѳому Вернера и Тараса Шевченку въ Гурьевъ городокъ, ко времени открытія по Каспійскому морю навагаціи, для отправленія ихъ въ Ново-Петровское укрѣпленіе для (из)слѣдованія каменнаго угля». 8 февраля Шевченко и Вернеръ высланы изъ Оренбурга въ Гурьевъ-городокъ, но почему то не могли отправиться въ Ново-Петровское съ открытіемъ навигаціи. Въ началѣ мая они возвращены въ Оренбургъ, а 12 мая Шевченко препровожденъ къ командиру бригады для отправленія въ крѣпость Орскую, въ № 5 батальонъ, и лишь въ октябрѣ 1850 г. высланъ изъ Орска на Мангашлыкъ и 17 числа записанъ во 2-й полубатальонъ № 1-го оренбурскаго линейнаго батальона, квартировавшій въ Ново-Потровскомъ, гдѣ поэтъ и пробылъ до 1 августа 1857 г. Разсказы о связи высылки поэта въ Ново-Петровское съ романтическимъ приключеніемъ г-жи Г-ной, мужъ которой служилъ адъютантомъ у Обручева, не заслуживаютъ, по мнѣнію г. Юдина. довѣрія: если бы это было такъ, то въ бумагѣ 22 января 1850 г. не было бы надобности упоминать, это онъ отправляется туда «для изслѣдованія каменнаго угля».

Въ Оренбургѣ Шевченко велъ собя тихо, скромно. По разсказамъ автору старушки Кутиной, поэтъ ходилъ по городу всегда въ солдатской шинели и «только подъ низомъ ея» надѣвалъ синія широкія шаровары и бѣлую, вышитую на груди и по рукавамъ, малороссійскую рубаху. Былъ у него одинъ пріятель, офицеръ—малороссъ, квартировавшій у Кутиной. Шевченко чуть не каждый день навѣщалъ его. Вдвоемъ они коротали длинные зимніе вечера за чайкомъ и водочкой. «Придетъ бывало онъ къ намъ (говорила старушка), сейчасъ шинель долой, повѣситъ ее въ передней на гвоздикъ, расправитъ свои длинные черные усы, и первый его вопросъ

въ шутливомъ тонѣ: «Ой чы живы, чы здоровы всп родычи гарбузови?» Когда пріятеля нѣтъ дома, онъ, въ ожиданіи его, ходитъ изъ угла въ уголъ по всѣмъ комнатамъ. Потомъ придетъ на мою половину, а я тѣмъ временемъ водочки приготовлю и закусочку смастерю.— А що, хозяюшка, кысленька капустка е?—всегда спрашивалъ онъ.— Есть, батюшка, есть.—Оце добре!—До смерти онъ любилъ эту кислую шинкованную капусту. Никакихъ другихъ угощеній ему не надо. Придетъ хозяинъ, сядутъ они за столъ, и пойдутъ у нихъ разговоры, иногда далеко за полночь; но всегда тихо, скромно, безъ шума».

Разсказамъ о недоброжелательствѣ къ Шевченку гр. Перовскаго г. Юдинъ не придаетъ никакого значенія, такъ какъ графъ никогда не видалъ Шевченка и не бывалъ въ Ново-Петровскомъ.

Въ заключеніе авторъ жестоко подсмѣивается надъ довѣрчивостью г. Матова, передавшаго (въ № 318 «Кам.-Волж. Края») легенду о посылкѣ Шевченку изъ Малороссіи въ Ново-Петровское писемъ, посылокъ и «шпиковъ изъ свиного сала, кусковъ, величиною въ кубическую четверть».

Было-бы весьма желательно, чтобы г. Юдинъ опубликовалъ точныя выдержки изъ дѣлъ оренбургскихъ корпуснаго и центральнаго архивовъ, касающіяся нашего поэта, судьба котораго такъ живо интересуетъ автора настоящей замѣтки въ «Русскомъ Архивѣ».

Н. М.

Отчетъ Комитета по присужденію премій, учрежденныхъ Харьковскимъ Земельнымъ Банкомъ въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ. *Харьковъ, 1898. 8 д. л. 99 стр.*

Исторія этихъ премій въ отчетѣ изложена слѣдующимъ образомъ: «Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ среди акціонеровъ Харьковскаго Земельнаго Банка возникла мысль ознаменовать истекавшее тогда 25-лѣтіе царствованія Царя-Освободителя какимъ либо полезнымъ дѣломъ. Первоначально предполагалось осуществить это намѣреніе учрежденіемъ при мѣстномъ Харьковскомъ сельско-хозяйственномъ обществѣ премій, съ цѣлью содѣйствовать изученію экономическаго

состоянія губерній, входящихъ въ раіонъ дѣятельности Харьковскаго Земельнаго Банка. Составленная для обсужденія этого предмета комиссія изъ представителей правленія Харьковскаго Земельнаго Банка, предсѣдателя Харьковскаго сельско-хозяйственнаго общества проф. В. А. Кочетова, профессоровъ А. Е. Зайкевича и А. П. Шимкова пришла однако къ заключенію, что болѣе цѣлесообразно было бы учредить названныя преміи при главномъ просвѣтительномъ учрежденіи въ краѣ, т. е. при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ. Мысль эта была одобрена общимъ собраніемъ акціонеровъ Харьковскаго Земельнаго Банка, которое 19 марта 1880 года постановило пожертвовать десять тысячъ рублей на учрежденіе премій при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ. Капиталъ этотъ въ 1889 году былъ увеличенъ до 20,000 рублей и вслѣдъ затѣмъ комиссіей, составленной изъ представителей Харьковскаго Земельнаго Банка А. Г. Шиманова, А. Л. Пестржецкаго и профессоровъ университета М. М. Алексѣенка, К. К. Гаттенбергера, А. Е. Зайкевича и Г. М, Цѣхановецкаго—былъ выработанъ проектъ положенія о преміяхъ, который и утвержденъ былъ 19 марта 1889 года общимъ собраніемъ акціонеровъ Банка. Переданный затѣмъ Харьковскимъ Земельнымъ Банкомъ Харьковскому Университету 17 мая 1889 года капиталъ на учрежденіе премій, 20,000 рублей, возросъ къ 2 іюня 1893 года, вслѣдствіе приращенія процентовъ, до суммы 26,700 рублей. Въ виду такого значительнаго увеличенія капитала, предназначеннаго для учрежденія премій, а также пониженія процентовъ, вслѣдствіе конверсіи 6% облигацій Харьковскаго Земельнаго Банка, въ которыхъ первоначально былъ помѣщенъ пожертвованный на преміи капиталъ, Правленіе Императорскаго Харьковскаго Университета по соглашенію съ правленіемъ Харьковскаго Земельнаго Банка должно было сдѣлать соотвѣтствующія измѣненія въ первоначальномъ проектѣ положенія о преміяхъ и въ такомъ видѣ, это положеніе было, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го мая 1894 года утверждено 13-го мая 1894 года, г. Министромъ народнаго просвѣщенія».

Затѣмъ образованъ былъ Комитетъ по присужденію премій, который открылъ свою дѣятельность въ октябрѣ 1894 года, «По открытіи дѣйствіи Комитета, первое присужденіе премій должно было состояться черезъ три года. Но такъ какъ первое трехлѣтіе оканчивалось 15 октября 1897 года, а по положенію о преміяхъ присужденіе премій назначается черезъ три года, считая отъ 19 февраля

1895 года, слѣдующаго за утвержденіемъ этого положенія, то поэтому первый періодъ до присужденія премій продлился нѣсколько болѣе трехъ лѣтъ. Въ послѣдующіе годы присужденіе премій должно будетъ происходить точно по трехлѣтнимъ періодамъ».

«Комитетъ началъ свою дѣятельность съ того, что принялъ мѣры для возможно широкой публикаціи о предстоявшемъ 19 февраля 1898 года присужденіи премій. Кромѣ объявленій въ мѣстныхъ изданіяхъ и въ столичной прессѣ, Комитетъ отпечаталъ извѣщенія объ учрежденіи премій, разославъ въ столичныя и провинціальныя изданія съ просьбой помѣстить ихъ въ текущей хроникѣ. Всѣ изданія, въ количествѣ болѣе ста, къ которымъ обращался Комитетъ, любезно исполнили его просьбу. Тѣ же печатныя извѣщенія были разосланы во всѣ городскія думы губернскихъ городовъ Юга Россіи, а также въ сельско-хозяйственныя общества и во всѣ губернскія и нѣкоторыя уѣздныя земскія управы южныхъ губерній. Кромѣ того такія-же печатныя извѣщенія были разосланы во всѣ отдѣленія и агентуры Харьковскаго Земельнаго Банка черезъ посредство правленія послѣдняго и во всѣ среднія учебныя заведенія Харьковскаго Учебнаго Округа черезъ посредство Управленія Округа».

«Послѣ этихъ публикацій, повторенныхъ въ болѣе узкихъ предѣлахъ къ 19 февраля 1897 года въ Комитетъ стали поступать просьбы о присылкѣ подлиннаго положенія о преміяхъ. Такихъ просьбъ было прислано и удовлетворено въ количествѣ двадцати трехъ, а до 19 февраля 1897 года, т. е. до предѣльнаго срока для представленія сочиненій на соисканіе премій, въ Комитетъ поступило пять сочиненій. Изъ нихъ одно, посвященное общимъ теоретическимъ вопросамъ политической экономіи, какъ неотвѣчающіе требованіямъ положенія о преміяхъ, было по постановленію Комитета возвращено обратно автору, а остальныя четыре сочиненія поступили на разсмотрѣніе комитета. Для спеціальной оцѣнки этихъ сочиненій Комитетъ избралъ четырехъ рецензентовъ, по одному на каждое сочиненіе. При назначеніи рецензентовъ комитетъ, руководствуясь цѣлями учрежденія премій и желая привлечь возможно большее вниманіе къ изслѣдованію общественнаго и экономическаго быта части Россіи, входящей въ раіонъ дѣятельности Харьковскаго земельнаго банка, не ограничился кругомъ членовъ Комитета, но рѣшилъ обратиться и къ другимъ лицамъ извѣстнымъ своими изслѣдованіями мѣстнаго раіона. Такимъ образомъ составленіе рецензій на представленныя для соисканія премій сочиненія было поручено членамъ комитета проф. А.

Е. Зайкевичу, проф. И. П. Скворцову, кромѣ того, члену Кіевской Судебной Палаты, А. М. Лазаревскому и земскому статистику, завѣдывающему губернскимъ Статистическимъ Бюро Черниговскаго Земства А. А. Русову».

«Въ засѣданіяхъ 10 ноября и 27 ноября 1897 года Комитетъ, выслушавъ представленныя ему рецензіи о двухъ сочиненіяхъ, а также ту оцѣнку, которая была сдѣлана въ сужденіяхъ объ этихъ сочиненіяхъ нѣкоторыми членами Комитета, единогласно призналъ невозможнымъ удостоить ихъ премій. Комитету оставалось еще высказать свои сужденія относительно двухъ другихъ сочиненій, о которыхъ поступили одобрительныя рецензіи А. М. Лазаревскаго и А. А. Русова. Въ засѣданіи 31 января 1898 года Комитетъ, основываясь на рецензіи А. М. Лазаревскаго о сужденіяхъ, высказанныхъ его членами, въ томъ числѣ спеціалистомъ по исторіи Южной Россіи Д. И. Багалѣемъ, единогласно присудилъ большую премію въ 1000 рублей Д. П. Миллеру за его сочиненіе «Очерки изъ исторіи быта старой Малороссіи» въ 2-хъ частяхъ. I) Суды земскіе, гродскіе и подкоморскіе, и II) Превращеніе казацкой старшины въ дворянство. Въ томъ же засѣданіи Комитетъ единогласно присудилъ половинную премію въ 500 руб. г. санитарному врачу Херсонскаго земства Н. И. Тезякову за его изслѣдованіе «Сельско-хозяйственные рабочіе и организація за ними санитарнаго надзора въ Херсонской губерніи», рецензированное проф. И. П. Скворцовымъ, при чемъ и рецензентъ, и члены Комитета отмѣтили благотворную дѣятельность Херсонскаго земства въ дѣлѣ постановки статистическаго изслѣдованія положенія сельско-хозяйственныхъ рабочихъ и организаціи санитарнаго надзора надъ пришлыми рабочими».

Въ приложеніи къ отчету напечатаны и самыя рецензіи проф И. П. Скворцова и А. М. Лазаревскаго. Послѣдняя раздѣляется на двѣ части: «О малорусскомъ дворянствѣ» и «О статутовыхъ судахъ.» Первая часть рецензіи имѣетъ въ виду, такимъ образомъ, монографію Д. П. Миллера, напечатанную на страницахъ нашего журнала прошлаго года. Вторую часть рецензіи А. М. Лазаревскаго на монографію, напечатанную въ 8-мъ томѣ Сборника харьковскаго историко-филологическаго общества, мы предполагаемъ перепечатать въ нашемъ журналѣ, въ виду новыхъ данныхъ, имѣющихся въ этой рецензіи относительно судопроизводства въ старой Малороссіи и—по малораспространенности харьковскаго отчета».

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXI.

1898 г.

МАЙ.

Кіевъ, типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мих. ул., д. № 4-й.
1898.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

ОТДѢЛЪ II-й.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXI.

1898 г.

Кіевъ, типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мих. ул., д. № 4-й.
1898.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30 апрѣля 1898 года.

Отъ состоящаго при Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ Комитета для помощи пострадавшимъ отъ неурожая.

Во многихъ мѣстностяхъ Россіи, вслѣдствіе неурожая 1897 г. обнаружилась крайняя нужда сельскаго населенія въ продовольствіи и въ поддержаніи хозяйства; въ особенности пострадали губерніи: Воронежская, Курская, Орловская, Рязанская, Симбирская, Тамбовская, Пензенская, Саратовская, Калужская, Нижегородская, Самарская, Оренбурская, Ставропольская, Донская и Кубанская области, а также многіе уѣзды другихъ губерній, при чемъ съ каждымъ днемъ получаются новыя извѣстія, что здѣсь и тамъ наступилъ голодъ и распространился тифъ.

Императорское Вольное Экономическое Общество не могло не отозваться на это народное бѣдствіе. Нѣсколько собраній было посвящено выясненію продовольственнаго вопроса, а 26 марта избранъ Комитетъ, изъ членовъ Общества, для помощи пострадавшимъ отъ неурожая.

Съ первыхъ шаговъ Комитетъ встрѣтилъ поддержку представителей разныхъ слоевъ общества и петербургской учащейся молодежи. Стали поступать пожертвованія, которыя и рассылаются въ наиболѣе нуждающіяся мѣстности, преимущественно на устройство столовыхъ: уже въ первое засѣданіе Комитета разосланы 800 руб. въ 5 губерній. Помощь эта крайне невелика, но, разсчитывая и на дальнѣйшее сочувствіе отзывчивыхъ людей, *Комитетъ проситъ поддержать его дѣятельность какъ денежными пожертвованіями, такъ и указаніями, гдѣ испытывается наибольшая нужда.*

Всякая помощь, какъ бы незначительно не былъ ея размѣръ, будетъ принята съ благодарностью.

Посылки по почтѣ адресуются въ СПБ., Императорское Вольное Экономическое Общество въ Комитетъ для помощи пострадавшимъ отъ неурожая (Забалканскій пр., 33).

Въ С.-Петербургѣ пожертвованія принимаются: въ канцеляріи Вольнаго Экономическаго Общества, у Предс. Комитета Б. Э. Кетрица (Баскова ул., 14) и казначея Комитета К. А. Окунева (Кавалергардская 2).

Печатая это обращеніе Комитета, редакція нашего журнала проситъ жертвователей направлять, свои взносы и по адресу редакціи *(Кіевъ, Кузнечная, 14).*

Вниманію господъ ІЮДИНЫХЪ,

ихъ родственниковъ по боковымъ и женскимъ линіямъ,

ИХЪ ЗНАКОМЫХЪ.

Подготовивъ къ печати собиравшійся въ теченіи многихъ лѣтъ **матеріалъ** о родѣ **Костромичей Іюдиныхъ**, оказавшійся интереснымъ въ историческомъ и бытовомъ отношеніяхъ, восходящій по городу **Чухломѣ** до 1615 года и желая возможныхъ къ нему дополненій, покорнѣйше прошу всѣхъ, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи относящуюся къ названному роду письменность: акты, документы, письма, дневники и проч., книги съ надписями: «Изъ библіотеки Чухломскаго ку ецкаго сына **Михайла Іюдина**», равно портреты, виды Чухломы и разныхъ мѣстъ какъ Костромской, такъ и другихъ губерній, гдѣ проживали **Іюдины** или ихъ родные, прислать на короткое время нижеподписавшемуся для снятія копій, послѣ чего присланное будетъ возвращено по принадлежности. Желающіе уступить подлинные документы и проч. въ нашу собственность приглашаются вмѣстѣ съ присылкою предлагаемаго, заявить объ условіяхъ продажи. Адресъ въ г. **Красноярскъ**, Енисейской губерніи, Геннадію Васильевичу Юдину.

Затѣмъ считаю не лишнимъ пояснить, что нѣкоторые томы предполагаемаго изданія, имѣющіе исключительно семейный интересъ, въ продажу не поступятъ и предназначаются лишь для раздачи **наличнымъ членамъ нашего рода и другимъ лицамъ**, благосклонно способствовавшимъ издателю къ собиранію фамильной старины.

Въ крайнемъ случаѣ т. е. при полномъ отсутствіи не только письменныхъ, но устныхъ преданій или воспоминаній о комъ-нибудь изъ нашего рода, полезно будетъ даже указаніе, къ кому было бы мнѣ можно обратиться съ своими поисками.

Г. В. Юдинъ (Іюдинъ).

Письма Θ. Г. Лебединцева къ брату въ Кіевъ.

1867 годъ[1]).

Письмо 1.

7 генваря 1867 г.—г. Холмъ.

На дняхъ уѣзжаю въ Варшаву по разнымъ служебнымъ дѣламъ, преимущественно для проведенія денежныхъ смѣтъ на многія пристройки и перестройки. Хочется при этомъ провѣдать и о новомъ положеніи дѣлъ, хотя кое-что и теперь уже извѣстно.

То, что вы писали со словъ m-me Галаганъ, было для насъ новостью, которой я не рѣшался нѣкоторое время пускать въ ходъ. Теперь видимое дѣло, что наступилъ finis Poloniae, котораго, конечно, не станутъ объявлять на бумагѣ, но только будутъ на дѣлѣ приводить въ исполненіе. Возвратившійся на другой день Новаго года изъ Варшавы помощникъ инспектора нашей гимназіи привезъ слѣд. извѣстія: Витте сказалъ ему прямо, что онъ не будетъ уже управлять въ качествѣ Главнаго Директора, что взамѣнъ Коммиссіи будетъ попечительство, подчиненное Министру Н. Просвѣщенія, и что это состоится вскорѣ. О своемъ дальнѣйшемъ назначеніи онъ, конечно, не могъ говорить, да и въ Варшавѣ никто еще ничего на этотъ счетъ не знаетъ.

Отъ Коммисіи Вн. и Д. Дѣлъ дѣла духовныя отдѣляются, и идетъ, говорятъ, споръ между Толстымъ и Валуевымъ, кому

---

[1]) См. Кіев. Стар. 1898 г., № 4.

изъ нихъ уніатовъ подчинить. Вслѣдъ затѣмъ и Коммисія Вн. Дѣлъ перестанетъ существовать и станетъ чѣмъ-то вродѣ департамента или просто войдетъ въ канцелярію будущаго генералъ-губернатора. Еще прежде говорили, что для обсужденія, какимъ порядкомъ вѣдать дѣла духовенства католическаго и уніатскаго, учреждается особый Комитетъ подъ предсѣдательствомъ князя Черкасскаго.

Намѣстникъ, по пріѣздѣ въ Варшаву, выразился вообще, что привезъ такія реформы, какихъ и самъ не ждалъ. Противъ присоединенія онъ возставалъ и назвалъ, говорятъ, это милютинскою политикою, на что будто Государь отвѣчалъ ему такъ: „это не милютинская, а моя политика, — мое давнишнее желаніе, которое мѣшали мнѣ привести въ исполненіе". Прибавляютъ впрочемъ, что Бергъ остается пожизненно намѣстникомъ, да не знаю, какъ это примирятъ съ присоединеніемъ.

Присоединеніе, какъ извѣстно, случилось въ день увольненія Черкасскаго. Бергъ и другіе ставили при этомъ въ вину Черкасскому заключеніе моей рѣчи, въ его присутствіи произнесенной, которое нѣмецкія и польскія газеты разбирали на разные лады, видя въ немъ посягательство на Галицію; но Государь будто бы выразился, что онъ самъ сочувствуетъ Галичанамъ и въ такомъ заявленіи, какое было въ Холмѣ, не видитъ ничего худого. Не знаю, можно ли вѣрить сему извѣстію, хотя это дошло изъ устъ весьма важнаго въ Варшавѣ лица и хотя дѣйствительно нѣмецкія газеты много шумѣли по поводу моего благожеланія. Помню, Черкасскій самъ говорилъ мнѣ: „пожалуй, австрійское правительство ноту намъ пришлетъ".

Поляки львовскіе взъѣлись на меня. Голуховскій отдалъ секретный приказъ, чтобы никакихъ писемъ ко мнѣ изъ Галиціи не пускать, а мои ловить и распечатывать. У Головацкаго недавно произвели полицейскій обыскъ, причемъ забрали всю заграничную его корреспонденцію. Въ моихъ письмахъ ничего впрочемъ не найдутъ, кромѣ глухого извѣстія о книгахъ, о стипендіатахъ, да еще слѣд. слова о полякахъ: „Суди имъ,

Боже, да отпадутъ отъ мыслей своихъ; по множеству нечестія ихъ, низрини, яко преогорчиша тя, Господи!“

Отъ Головацкаго позавчера получилъ письмо. Пишетъ, что хотя въ его корреспонденціи ничего компрометирующаго не найдено, но вообще озлобленіе противъ него такъ велико, что скоро онъ ждетъ себѣ вѣрной отставки, а потому съ удовольствіемъ готовъ принять каѳедру славянскихъ нарѣчій въ кіевскомъ университетѣ или въ академіи. Спросите теперь Гогоцкаго и Селина, что они думаютъ съ своимъ проектомъ. Вѣдь я ихъ только слова передалъ и не думаю, чтобы они на словахъ только остановились. Головацкій ждетъ отвѣта и проситъ увѣдомить его: неужели-жъ я долженъ написать, что это такъ только пошутили, чтобы позабавить васъ? Чтобы выйти съ честью, Гогоцкій и Селинъ должны по крайней мѣрѣ внести въ Совѣтъ свое предложеніе, а что скажетъ совѣтъ, это другое дѣло.

Учитель Хоминъ, ѣздившій въ Львовъ, разсказывалъ, что съ Головацкаго послѣ обыска снимали допросъ по пунктамъ, и что на вопросъ, зачѣмъ содѣйствовалъ переходу священниковъ и учителей въ Холмъ, Головацкій отвѣчалъ, что объ этомъ была рѣчь между Александромъ II и Францомъ-Іосифомъ въ Штутгардтѣ, и что послѣдній согласился на это.

При закрытіи сейма поляки площадно ругались съ рускими; Потоцкій и Сангушко просто говорили: скурвіи сыны и еще похуже,—въ рускомъ духѣ... Хомина водили въ полицію и допрашивали, не за учителями ли пріѣхалъ. Учителя Бачинскаго, ѣздившаго съ собакой, частно спрашивали поляки же, не тотъ ли это козацкій песъ, что повстанцевъ ловилъ. „Слово“ хотѣли запретить по поводу моей рѣчи. Учителямъ и священникамъ не даютъ паспортовъ. Тѣхъ, которые приглашены были Ефимомъ Михайловичемъ, равно Попеля, немедленно уволили и вотъ третій мѣсяцъ безъ жалованья держатъ и паспортовъ не даютъ. Ухитрились деньги за воспитаніе требовать, съ кого 1000, съ кого полторы и болѣе гульденовъ. Коммисія объявила, что заплатитъ всѣ гульдены. Народъ истощается въ своемъ терпѣніи, и тогда какъ интеллигенція (русская же) высылаетъ де-

путацію въ Вѣну, собственно рискуетъ отправить ходоковъ къ Бѣлому Царю, чтобы наказать ляховъ. Мнѣ разсказывали много фактовъ, въ родѣ того, какъ напр. солдатъ изъ русиновъ всенародно топталъ ногами австрійскій орденъ и говорилъ, что не хочу служить цисарю, что есть у него свой царь-билый и проч.

Перейду къ холмскимъ дѣламъ. — Войцицкій былъ и есть двоедушенъ, прочіе тоже. Одна надежда на галичанъ. Хоминъ привезъ мнѣ отъ протоіерея Малиновскаго пункты, писанные имъ съ Литвиновичемъ, на счетъ того, какъ устроить дѣла Холмскія. Видно, что Литвиновичу хочется всунуть сюда свой носъ, и что-то, говорятъ, писалъ онъ въ Петербургъ.

Благодарю за хлопоты по устройству подписки. Честь и слава Галагану.

Милютинъ, кажется, поздоровѣлъ. Такъ заключаю изъ сегодняшняго письма Витте о стипендіатѣ изъ галичанъ, котораго Милютинъ поручаетъ мнѣ отыскать и пригласить.

Письмо 2.

Безъ даты—февраль 1867 года.

Дня четыре назадъ сему воротился я изъ Варшавы. Много слышалъ тамъ новаго, но на старую тему объ увольненіи Черкасскаго и о преобразованіяхъ въ Царствѣ, вслѣдствіе принятаго рѣшенія о втѣленіи Польши въ Россію. Бергъ, не ждавшій такой развязки, выразился, говорятъ, что Милютинъ и Черкасскій медлили..., сравнительно, конечно, съ тѣмъ, что теперь сдѣлано. И въ Варшавѣ прибавилось теперь прыти на русскій тонъ, а въ Петербургѣ, говорятъ, еще болѣе. Государь сказалъ, что система не измѣняется; вслѣдствіе того всякій какъ бы старается доказать это и усиливаетъ систему, насколько отъ него зависитъ. Набоковъ, по выраженію Милютина (военнаго), къ общему удивленію, дѣйствуетъ иногда хорошо, хотя вообще, говорятъ, онъ весьма не блестящъ.

Витте уѣхалъ 21 генв. на совѣщаніе съ Толстымъ объ уничтоженіи Коммисіи. Онъ противъ уничтоженія дирекцій; но не ручается, чтобы наше жалованье цѣликомъ было зачтено въ пенсію. Ему завтра пишу кое-что о нашихъ дѣлахъ и галицкихъ. Головацкій уже переѣзжаетъ въ Петербургъ, на что дано ему 1000 руб. Его прочатъ въ Главную Школу въ Варшаву, а пока пристроили къ археографической Коммисіи. Витте находитъ, что всего лучше было бы помѣстить его въ Москвѣ. Тамъ и въ Петербургѣ огромное сочувствіе къ галичанамъ въ обществѣ и сферѣ правительственной. Субсидіи, о которыхъ и вы писали, уже даются и еще дадутся, какъ изъ казеннаго, такъ и общественнаго кашука. Холмъ избираютъ передаточнымъ пунктомъ, къ чему удобно послужитъ формируемое мною братство, уставъ котораго Іоанникій обѣщалъ провести чрезъ Толстаго.

Самая важная у насъ новость — новые штаты для православнаго духовенства въ Царствѣ. Іоанникій сильно досадуетъ на то, что наличное духовенство большею частью недостойно этихъ штатовъ, равно какъ и своего поста. Много говорилъ онъ со мною объ этомъ и, наконецъ, просилъ меня пріискать: 1) законоучителя для варшавской русской гимназіи съ жалованьемъ въ 1500 руб., 2) четырехъ священниковъ для православныхъ приходовъ въ м. Тарногродѣ и въ д. Бабицахъ, Потокѣ и Люховѣ. Какъ на первое, такъ и на остальныя мѣста онъ желалъ бы имѣть не только что окончившихъ, но уже послужившихъ нѣсколько и опытныхъ людей. Законоучитель для Варшавы въ Кіевѣ, я думаю, найдется. Что касается священниковъ для означенныхъ выше приходовъ, то это дѣло кажется мнѣ гораздо труднѣе. Іоанникій, правда, вовсе не желаетъ туда академиковъ, а только добрыхъ семинаристовъ. Жалованье 1200 руб. съ 200 руб. квартирныхъ, доходами и землею весьма привлекательно; но во 1-хъ—даль, во 2-хъ—и это главное—только въ Тарногродѣ мѣсто свободное, священниковъ же трехъ остальныхъ приходовъ нужно обмѣнять. Не подумайте, чтобы они были пьяницы или съ другими особенными недостатками. Нѣтъ,

это самые обыкновенные іереи, и вся бѣда ихъ въ томъ, что они не имѣютъ миссіонерскаго таланта. Я видѣлъ ихъ лично и позналъ довольно. Іоанникій хотѣлъ уже самъ писать къ митрополиту, но потомъ поручилъ мнѣ просить васъ, чтобы вы подготовили это дѣло; когда-жъ увѣдомите, что возможно, тогда и самъ онъ будетъ писать. И такъ прошу устроить и меня извѣстить. Іоанникій, по моему предложенію, хочетъ учредить въ Тарногродѣ благочиніе на 4 церкви.... Спросите прежде митрополита вообще, соизволитъ ли онъ для пользы православія обмѣнять трехъ сельскихъ священниковъ и дать четвертаго въ придачу безъ промѣна. Тарногродъ — операціонный базисъ для миссіонерства.

Письмо 3.

16 Марта 1867 г.—Г. Холмъ.

Сегодня я получилъ отъ Іоанникія любезное письмо и патентъ на званіе не только старосты, но и попечителя церкви. Извѣщаетъ между тѣмъ, что вполнѣ согласенъ опредѣлить о. Григорія Ѳед. Ковальскаго въ Тарногродъ и жалѣетъ, что митрополитъ не согласился на мѣну, хотя и ждалъ того. Кажется, что онъ хочетъ просить на такую мѣну соизволенія Св. Синода. Только по полученіи вашего письма я сообразилъ, какъ неловкимъ могло показаться митрополиту Арсенію предложеніе о мѣнѣ (ибо священники, на обмѣнъ предложенные, именно имъ назначены—изъ пѣвчихъ), а прежде и не догадывался о томъ. Не найдете ли однакожъ возможнымъ закинуть хотя объ одномъ? Григорію Ковальскому сегодня же самъ пишу; но и васъ прошу написать ему, чтобы не отказывался. Іоанникій ждетъ его прошенія, я же надѣюсь провести его современемъ въ законоучители и всего ближе въ Грубешовъ, гдѣ съ лѣта и церковь будутъ строить. Вамъ, „своему старинному доброму знакомому", Іоанникій посылаетъ свой поклонъ и „благодарность усерднѣйшую за содѣйствіе къ удовлетворенію вопіющей нужды Варшавской епархіи".

Іоанникій же увѣдомляетъ, что дѣло о назначеніи вновь двухъ присланныхъ законоучителей въ Холмъ пошло въ ходъ и съ удовольствіемъ принято Витте и Михневичемъ; онъ же самъ вполнѣ раздѣляетъ мои по сему убѣжденія и хлопочетъ въ свою очередь. Прошу рекомендовать кандидатовъ.

Рамы отъ Худзинскаго получены. Скоро ли будутъ остальныя иконы? Намъ очень нужна къ 4 апрѣля икона на сей день. Потороните, если можно. И у насъ вѣдь будетъ крестный ходъ и молебенъ на площади. Когда все будетъ готово, сведите, прошу васъ, счетъ расходамъ и высланнымъ отъ меня деньгамъ. По почтѣ я послалъ 200 руб., потомъ чрезъ Пясецкаго 100 р. Изъ этого иконы, ноты и Малышевскому. Неужели Каллистратовъ и одного обола не рѣшился уступить? Остающіяся деньги попрошу уплатить редакціи „Друга Народа", когда получу свѣдѣніе, сколько остается.

Деньги ваши на галичанъ получены, и былъ случай выслать ихъ; но наши галичане разошлись во мнѣніяхъ о назначеніи, какое дать этимъ деньгамъ. Одни предлагали послать на бурсы: львовскую, перемышльскую и коломыйскую, другіе—нѣкоторымъ священникамъ и учителямъ, а еще иные совѣтовали удержать въ Холмѣ для выдачи тѣмъ изъ галиційскихъ юношей, которые будутъ прибывать сюда въ гимназію и на педагогическіе курсы, какъ необходимое пособіе на первыхъ порахъ, пока стипендія будетъ назначена. Пока представится новая оказія, прошу извѣстить, на который проектъ болѣе пристанетъ Кіевская братія. Читалъ я въ газетахъ, что въ Кіевѣ недавно собрано 4000 руб. съ лишнимъ и послано въ редакцію Москов. Вѣдомостей. Жаль, что послали туда. Вѣдь все равно пришлютъ сюда. Такъ ужъ условлено между нами и Москвою. Значитъ, за пересылку только даромъ заплатили. Въ Люблинѣ также идетъ подписка.

Наканунѣ моихъ именинъ, отпразднованныхъ съ большимъ торжествомъ, пріѣхалъ къ намъ Ефимъ Михайловичъ, и наговорились досыта. Думаетъ лѣтомъ въ Самару ѣхать—на кумысъ. Дай Богъ, чтобы дожила Наденька, но надежды мало.

Преобразованіе Коммисіи въ попечительство послѣдуетъ въ апрѣлѣ, и къ тому времени Толстой пріѣдетъ въ Варшаву и Холмъ. Такъ пишетъ Іоанникій, а Ефимъ М. разсказывалъ, будто Вилуевъ [1]) будетъ 2-мъ помощникомъ, а Теодоровичъ на его мѣсто, а люблинскую дирекцію разсѣкутъ *полма* между Ефимомъ М. и мною.

Худзинскимъ я очень доволенъ, равно и Васильевымъ, хотя послѣдній очень уже кротокъ. При открытіи груб. прогимназіи, на которое и я ѣздилъ, молебенъ служилъ мѣстный уніатскій священникъ, а ученики-католики пѣли по нашему молебнику.

Подлясское уніатское духовенство съ мѣсяцъ тому назадъ подало Намѣстнику нѣсколько адресовъ (по благочиніямъ), въ которыхъ протестовало противъ нынѣшняго порядка управленія холмскою епархіею и требовало епископа, папою признаннаго. Многихъ арестовали; производится строжайшее слѣдствіе. Государь внимательно слѣдитъ за этимъ дѣломъ. Теперь наше духовенство подаетъ Государю благодарственный за всѣ благодѣянія адресъ. Собираются подписи не только здѣсь, но и на Подлясьи, и не отъ одного духовенства, но и отъ народа. Адресъ редактированъ мною. Выпущенъ на дняхъ, по моему между прочимъ настоянію, циркуляръ консисторіи о проповѣдяхъ на русскомъ языкѣ, равно объ отмѣнѣ годзинокъ, рожанцевъ [2]) и органовъ. Циркуляръ—моей редакціи; одинъ экземпляръ посылаю. Начали съ Богомъ.

Письмо 4.

2 апрѣля 1867 г.—Г. Холмъ.

Пусть не удивляетъ васъ, что галичане наши пришли было къ такому заключенію о пожертвованныхъ Кіевомъ деньгахъ, и

---

[1]) Вилуевъ—начальникъ Варшавской учебной дирекціи, а прежде—директоръ 2-й Кіевской гимназіи.

[2]) Годзинки и рожанцы—священныя пѣсни, которыя распѣваютъ католики въ своихъ храмахъ передъ Богослуженіемъ утреннимъ и вечернимъ; эти пѣсни на польскомъ языкѣ распѣвали и уніаты въ своихъ церквахъ.

я не то что послушалъ ихъ, но рѣшилъ послать вамъ вопросъ о назначеніи денегъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я писалъ о Наумовичѣ, его и нѣкоторыхъ другихъ положеніе нѣсколько заратовано. Дѣдицкій получилъ 3 или 6 тысячъ, правда на изданіе; Головацкій—тысячу, хотя и на переѣздъ, а Наумовичъ, сверхъ нашихъ 186 руб., еще 150 руб. изъ Петербурга, хотя еще не присланныхъ, но скоро нами ожидаемыхъ. Есть правда много другихъ бѣдствующихъ между послами и не послами, священниковъ, учителей, чиновниковъ; но и бурсы, какъ говорили, въ отчаянномъ положеніи. На нихъ никѣмъ и ни изъ какого источника не отпускается никакого содержанія, хотя бы такого малаго, какъ у насъ въ старину. Онѣ содержатся въ собственномъ смыслѣ подаяніемъ: сегодня привезетъ кто нибудь изъ священниковъ муки, предварительно по гарнцу собранной у крестьянъ; чрезъ мѣсяцъ другой доставитъ крупъ, сала и проч., и рѣдко-рѣдко попадаетъ какой либо гульденъ. Что получится, то и идетъ сейчасъ въ расходъ, а нечего дать ѣсть, такъ и не даютъ—не взыщите дескать. Ко мнѣ самому въ Львовѣ приходили голодные бурсаки и просили просто на хлѣбъ. Вотъ почему я поколебался было и рѣшился спросить васъ. Впрочемъ, это сдѣлано было только по первому впечатлѣнію, а затѣмъ и я подумалъ, что воля жертвователей, такъ сказать, священна, и потому дней чрезъ пять послѣ отправки письма къ вамъ передалъ деньги чрезъ священника Синькевича на руки г. Дѣдицкаго, прописавъ, что такова есть воля жертвователей. Дѣдицкаго я просилъ, чтобы деньги распредѣлили по общему совѣту и меня при оказіи увѣдомили. Сегодня посылаю притвержденіе не прямо, но чрезъ Дячана на имя одного знакомаго его, такъ какъ мнѣ давно не вольно писать по почтѣ, особливо по такому дѣлу.

Съ четырмя тысячами презабавная однакожъ исторія. Ай да Москва! А бѣдные галичане куда куда какъ возрадовались, ибо за кандіотами имъ ходу нѣтъ, какъ и въ Москвѣ жалуются.

Циркуляръ вамъ показался непрямымъ и слабымъ? Но и въ такомъ видѣ Войцицкій согласился выпустить только по моему убѣжденію. И я не виню его. Чтобы выдавать рѣшитель-

ное требованіе, нужно имѣть достаточную силу заставить исполнить оное, а ея то и нѣтъ. Холмская консисторія не кіевская, которой трепещутъ благочинные и даже протоіереи. У васъ, не исполнилъ священникъ, его долой или въ худшее мѣсто, а здѣсь право несмѣняемости, да и замѣнить некѣмъ. Тутъ Войцицкій предпишетъ священнику явиться въ консисторію, а онъ отвѣчаетъ ему: ieżeli ksiądz Wojcicky żąda rozmówić się ze mną, niech do mnie przyiedzie [1]). Это дѣйствительный случай. Потому, какъ ни справедливъ вашъ взглядъ о судѣ надъ подлясскими священниками, но и надежды нѣтъ на что либо подобное, когда одинъ изъ священниковъ, выплативъ штрафа 100 руб., измученный тюрьмою и угрожаемый ссылкою, твердитъ одно,—что Войцицкому повиноваться не будетъ.

За разсчетъ денежный и хлопоты премного благодарю. Къ остающимся деньгамъ въ среду я дошлю еще и буду просить 100 р. уплатить Андріяшеву за „Друга", а на решту выслать учителя элементарнаго хоть одного.

Витте въ восторгѣ, что Толстой согласенъ съ его взглядами и благоволитъ къ нему. На Ѳоминой, какъ и писалъ я, оба они непремѣнно ѣдутъ къ намъ. Къ Святой будетъ объявлена реформа Коммисіи, но дирекціи останутся на прежнемъ положеніи, Помощникъ попечителя одинъ, а не два, и именно Михневичъ.

Выдачу паспортовъ на Холмъ Голуховскій взялъ въ свои руки. Наши поляки поднимаютъ носы; говорятъ, что ихъ уже 40000 войска. Должна быть рухавка *для освѣженія чувствъ*, какъ говорилъ Бисмаркъ.

Черкасскаго Государь приглашаетъ, говорятъ, на мѣсто Набокова. Повѣствуютъ, что дѣла у сего послѣдняго въ сильномъ запущеніи.

---

[1]) Если О. Войцицкому угодно переговорить со мной, то пусть онъ пріѣдетъ ко мнѣ.

Въ Львовѣ идетъ открытая вербовка въ повстанье. Русскіе вечеромъ не выходятъ на улицу. Эмигрантовъ въ Львовѣ—тьма тьмущая.

Письмо 5.

4 мая 1867 г.—Г. Холмъ.

Я получилъ росписки, за которыя весьма благодаренъ. Ждалъ письма и—всуе. Не затерялось ли? Самъ не писалъ, бо проболѣлъ недѣли три ревматизмомъ въ головѣ.

Чрезъ часъ или два ѣду въ Варшаву, такъ какъ докторъ воспретилъ мнѣ занятія. Пишу теперь вкратцѣ, чтобы только подать вѣсть о себѣ да послать письмо Дѣдицкаго, какъ документъ въ полученіи денегъ и ихъ распредѣленіи.

Толстого ждутъ въ Варшаву къ 18 мая, а къ намъ послѣ.

Дѣло уніатское идетъ нѣсколько на попятный дворъ. Если Толстой не поправитъ, плохо будетъ; но онъ не взялъ этого дѣла въ свои руки.

Письмо 6.

12 мая 1867 г.—Г. Холмъ.

Пишу вкратцѣ, собственно о дѣлѣ Андрея Г.—Будучи у Іоанникія три раза, я договорился съ нимъ до того, что предложилъ Андрея Г.[1]) на мѣсто священника въ новоформируемый приходъ въ Грубешовѣ къ непостроенной еще, но уже разрѣшенной къ постройкѣ церкви, и должность законоучителя сверхштатнаго въ груб. прогимназію. Іоанникій съ удовольствіемъ согласился. Теперь дѣло за Андреемъ, которому вмѣстѣ съ симъ подробно пишу. Я представляю слѣд. разсчеты: 1) жалованья 1300 руб., квартирныхъ 200 руб., съ каникулъ 350 руб., а при большемъ числѣ учениковъ прав. полный штатный окладъ 600 р., 2) онъ такимъ образомъ получитъ большее, болѣе прочное и

---

[1]) Родного брата.

болѣе приличное содержаніе, 3) болѣе высокій и благородный кругъ дѣятельности и общества, 4) избавится отъ тягостнаго сельскаго хозяйства и огромныхъ трудовъ по приходу и безмездныхъ по школамъ и благочинію, 5) сына можетъ воспитывать при себѣ—въ прогимназіи, дочерей въ холмскомъ училищѣ (одну можно на каз. счетъ). Жизнь въ Грубешовѣ очень дешева, квартиру можно и за 100 руб. нанять, пока построенъ или купленъ будетъ готовый домъ, на что есть спеціальная сумма, ежегодно пополняемая отпускомъ 2500 р. На переѣздъ епарх. варш. вѣдомство можетъ дать не менѣе 200 р., а я попрошу у Коммисіи, какъ законоучителю, рублей 200. Продажа сельскохоз. вещей, лошадей, повозокъ, двухъ флигельковъ и разной ненужной рухляди можетъ еще болѣе облегчить въ сборахъ на новое хозяйство.

Если вы одобрите мой проектъ, то прошу и отъ себя написать совѣтъ Андрею.

Варшаву я оставилъ съ тяжелымъ чувствомъ. Всеобщій упадокъ въ духѣ. Нѣтъ прежняго куражу, энергіи на счетъ русскаго, а тѣмъ паче уніатскаго дѣла. Нужно ждать, пока всплыветъ опять Черкасскій, котораго уже два раза по волѣ Государя приглашали въ Комитетъ по дѣламъ Царства Польскаго.

Относительно Толстого при мнѣ Витте получилъ письмо отъ Делянова, который извѣщалъ, что графа многія важныя дѣла въ Госуд. Совѣтѣ задерживаютъ, хотя онъ очень желаетъ проѣхать въ Холмъ (sic), а отсюда въ Кіевъ. О преобразованіи Коммисіи онъ же писалъ, что послѣдуетъ въ скоромъ времени; но само собою разумѣется, что Толстой раньше этого ѣхать не можетъ.

Письмо 7.

23 іюня 1867 г.—Г. Холмъ.

Я не отвѣчалъ вамъ на два письма. Извините, суета невыносимая.

Прежде всего объ Андреѣ Г. Я получилъ, наконецъ, и отъ него письмо съ увѣдомленіемъ о его согласіи; но онъ какъ-то холодно и какъ бы неохотно соглашается. Боюсь, какъ бы онъ не нарекалъ на меня въ душѣ, хотя по моему неизмѣнному убѣжденію это лучшее, что могло представиться теперь, будущее же Богъ вѣсть. Такъ какъ дѣло уже начато, то и надо продолжать. Вчера, письмомъ преосв. Іоанникію по другимъ дѣламъ, я напомнилъ и объ Андреѣ Г. Цѣль этого напоминанія въ томъ между прочимъ заключалась, чтобы подвинуть дѣло о самомъ открытіи прихода, т. е. ассигнованіи жалованья. Ассигновки вообще идутъ у насъ очень медленно, а тутъ Іоанникію нужно сдѣлать переводъ суммы за первое полугодіе съ тарногродскаго прихода на грубешовскій, такъ какъ послѣдній не вошелъ въ смѣту нынѣшняго года. Какъ скоро можетъ быть назначеніе, отгадать не берусь, пока не получу какого либо отвѣта отъ Іоанникія или отъ кого-либо изъ Варшавы. Въ этомъ однакожъ невѣдѣніи есть своего рода затрудненіе.

Сейчасъ получилъ ваше третье письмо. По свѣжему впечатлѣнію буду писать по поводу его. Балинскаго и Кухарскаго съ удовольствіемъ готовъ принять. Пусть присылаютъ прошенія и аттестаты на мое имя, а то Коммисія пошлетъ ихъ въ другія мѣста, какъ подобные случаи бывали уже не разъ, мнѣ же придется опять искать. О Балинскомъ и Кухарскомъ я спрашивалъ Васильева: послѣдняго онъ очень хвалитъ. Я впрочемъ измѣнилъ бы своему только въ томъ случаѣ, когда бы вы сами измѣнили вашу рекомендацію. Какое каждый изъ нихъ получитъ мѣсто, это я могу сказать лишь немного спустя. Въ женской гимназіи у меня два мѣста; но впереди много другихъ комбинацій. Люблинскую дирекцію скоро должны раздѣлить между мною и Ефимомъ Михайловичемъ, изъ Люблина между тѣмъ выбываетъ инспекторъ, въ Замостье понадобится другой, да хотѣлось изъ Грубешова вывести одного математика и замѣнить филологомъ. Все это въ близкомъ будущемъ, но только тогда и можно сообразить, кого куда лучше и удобнѣе. Я желалъ бы знать поэтому и то, можетъ ли Кухарскій читать ла-

тину. Хочется также и Словицкому мѣсто дать. Онъ писалъ ко мнѣ, а я доселѣ не отвѣтилъ ему. Если онъ въ Кіевѣ, передайте и ему, чтобы прислалъ прошеніе. Съ замѣщеніемъ инспекторскихъ мѣстъ, если до того дойдетъ дѣло, думаю обойтись мѣстными средствами, чтобы дать ходъ ужѐ послужившимъ здѣсь, хотя, признаюсь, очень, трудно дѣлать выборъ.

Съ открытіемъ прогимназіи въ Замостьѣ мнѣ сущая бѣда. Военное вѣдомство до сихъ поръ не отдаетъ зданія, а Коммисія не можетъ по этому случаю объявить объ открытіи и сдѣлать необходимыя распоряженія. Изъ за этого бьюсь почти цѣлый годъ и все безъ успѣха. Съ недѣли жду рѣшительнаго отвѣта изъ Варшавы.

Сегодня въ Моск. Вѣдомостяхъ прочелъ о слухахъ на счетъ конгрессувки, распускаемыхъ въ Вильнѣ, Петербургѣ и Москвѣ. То же говорятъ въ Варшавѣ, Холмѣ и Грубешовѣ. Сейчасъ отъ Худзинскаго получилъ письмо: пишетъ, что тамъ цѣлыя толпы собираются около почты въ ожиданіи указа о возстановленіи крулевства. Въ Холмѣ произведено нѣсколько арестовъ за эти и другіе слухи, что будто бы снова крестьянство утверждается. Конечно, все это вздоръ, но волненіе посѣяно и посѣвается. Что за всѣмъ этимъ вздоромъ скрывается, рѣшить мудрено. Гораздо хуже упадокъ энергіи на счетъ русскаго здѣсь дѣла въ главныхъ нашихъ командирахъ, о чемъ я уже писалъ вамъ. Уніатскій вопросъ, повидимому, совершенно преданъ забвенію. О галичанахъ также забыли, а тамъ Голуховскій чудеса дѣлаетъ, паспортовъ никому, школы русскія подъ zarżąd польскій отдалъ, до 70 учителей русскихъ въ конскрипцію всѣми неправдами тянетъ. Я впрочемъ не отступаю ни на шагъ и даже впередъ иду, подражая великому моему сосѣду—Голуховскому: закрываю польскія школы, гдѣ хоть одна душа уніатская есть, преобразовываю ихъ въ русскія; гдѣ закрыть неудобно, посылаю русскихъ учителей въ польскія школы, ввожу русскій языкъ въ нихъ—вездѣ, какъ обязательный предметъ, а индѣ и какъ языкъ преподаванія.

Нашъ Холмъ разъѣхался [1]). Позавчера три фуры вывезено въ Кіевъ; завтра жена моя съ дѣтьми уѣзжаетъ. На досугѣ займусь составленіемъ устава давно задуманнаго мною холмскаго братства, котораго необходимость съ каждымъ днемъ сказывается все сильнѣе. Если рѣшатъ скоро дѣло о Замостьской прогимназіи, о перестройкѣ Грубешовской, о починкѣ нашей церкви, о перестройкѣ жидовской бани въ русскую 2-клас. школу для холмскихъ евреевъ и поляковъ и о присоединеніи части люблинской дирекціи, то пріѣду и самъ въ Кіевъ, да не самъ только, а съ двумя галичанами — Попелемъ [2]) и Лавровскимъ.

Троцкаго доселѣ я не могъ назначить. Дѣло въ томъ, что въ Грубешовѣ нѣтъ пока квартиры, и я рѣшился посадить его въ Замостье, а тамъ, какъ выше писано, дѣло затянулось. Вотъ я и жду.

Посылаю вамъ холмскій календарь, холмскую епархію [3]) и портреты галицкихъ депутатовъ на сеймѣ. Вторая книга написана, кажется, вслѣдствіе моего разговора съ Петрушевичемъ. Это лѣтопись, неполная, но добросовѣстная и весьма любопытная.

Что Коммисіи кіевской возвысили окладъ, этому во всякомъ случаѣ я радъ; но за что Юзефовичъ положилъ себѣ жалованье? Иванишевъ говорилъ объ этомъ въ 1863 году съ злою ироніею, а Юзефовичъ принялъ вѣроятно, за чистую монету. Что при мнѣ не было описи, это клевета. Она два раза составлялась. Описи дѣламъ послѣднихъ двухъ годовъ отдѣльно не было сдѣлано за недавностью и весьма малымъ ихъ числомъ, но они всѣ сложены были въ порядкѣ, а если ихъ послѣ, можетъ быть, разбросали, то не моя вина. Кромѣ того, при мнѣ началось и мною два раза изготовлено дѣло объ усиленіи средствъ Комми-

---

[1]) Разумѣются служащіе въ Холмѣ русскіе педагоги.

[2]) Попель—священникъ—былъ въ это время уніатскимъ законоучителемъ въ Холмской гимназіи, Лавровскій священникъ—вицеректоръ Холмской уніатской семинаріи.

[3]) Изданіе Львовскаго уніатскаго протоіерея Петрушевича подъ заглавіемъ: „Холмская епархія и святители ея“.

сіи, что и получили наконецъ. При мнѣ же приведены въ извѣстность и большею частью истребованы разные долги Коммисіи.

Войцицкій нашъ сталъ чѣмъ то вродѣ Варкохава. Онъ то и дѣло предвѣщаетъ какую либо бѣду, теперь — страшные пожары для Холма. У него есть ряса съ широкими рукавами, совершенно наша, но съ капишономъ. Онъ говоритъ, что въ послѣднее время такія рясы составляли форменную одежду протоіереевъ.

Не уцѣлѣли-ль у васъ двѣ программы, писанныя мною по поводу задуманнаго было нами преобразованія Кіев. Еп. Вѣдомостей? Большое было бы для меня одолженіе, если бы вы отыскали ихъ и прислали ко мнѣ. Я во многомъ примѣнилъ бы одну изъ нихъ къ затѣваемому мною здѣсь изданію, которое я располагаю привязать къ братству. При неимѣніи досужаго времени это большое облегченіе. Поищите и пришлите. Программу я представилъ бы вмѣстѣ съ уставомъ братства. Можно ли при церкви открыть продажу книгъ безъ торговаго на то свидѣтельства? Мнѣ хотѣлось бы и сіе сотворить.

Если я пріѣду съ Попелемъ и Лавровскимъ, то гдѣ бы удобнѣе ихъ помѣстить? Въ Лаврѣ и Михайловскомъ ихъ не примутъ съ сигарами, а такъ, въ гостинницѣ—можетъ соблазнять тѣхъ изъ монаховъ, которые познакомятся съ ними, хотя сами они даже въ Холмѣ обѣдали въ цукернѣ. Не найдется ли что среднее?

Письмо 8.

16 іюля 1867 г.—Г. Холмъ.

Я только что изъ Замостья, гдѣ принялъ знаменитую академію Замойскихъ, т. е. зданіе, въ которомъ она помѣщалась. Тамъ же я получилъ разрѣшеніе представлять кандидатовъ на учительскія и другія должности и представить свое мнѣніе о времени открытія прогимназіи въ Замостьѣ.

И хочется и нужно открыть эту прогимназію какъ можно скорѣе; но у меня мало очень учителей, и нѣтъ, или почти нѣтъ, инспектора. Пособите сему горю какъ можно скорѣе. Отыщите двухъ филологовъ, одного на латинскій языкъ, на исторію гражд. съ географіею или 4 уроками греческаго языка. Да нѣтъ ли дѣльнаго инспектора изъ учителей гимназіи—въ Замостье или Грубешовъ? Худзинскій очень хорошъ, но потому именно я хотѣлъ бы перевести его въ Замостье, на что и онъ соизволяетъ. Жалованье инспектору 1400 р. и 200 р. за уроки. Учителямъ, какихъ пріищите, одному 1200 р., а другому 1000 р.; обоимъ казенныя квартиры. Въ Замостьѣ есть клубъ и даже театръ. Помѣщеніе такое громадное, что за отводомъ квартиръ всѣмъ служащимъ, еще много комнатъ остается пустыхъ. Современемъ я думаю добиться открытія тамъ женской прогимназіи.

Нѣтъ ли также учителя чистописанія и учителя пѣнія или регента, первому 600 руб., второму 350 р.?

Отъ Словицкаго сегодня получилъ и завтра представлю. Жаль, что Балинскій и Кухарскій медлятъ. Не раздумали-ль они? Если такъ, то и на мѣсто ихъ отыщите, ибо они въ счетѣ у меня. Кому нужны будутъ деньги, вышлю изъ своихъ по 100 руб.

Инспектора прошу не изъ духовныхъ, ибо объ нихъ продолжительна переписка.

Господь посѣтилъ насъ великимъ несчастіемъ. Съ 22 іюля жена слегла въ постель и перенесла страшныя мученія. Теперь наступило ослабленіе болѣзни и возвратъ къ сознанію, которое, впрочемъ, не было потеряно вовсе.

Совѣтъ докторовъ опредѣлилъ, какъ только больная станетъ на ноги, немедленно везти ее въ Кіевъ—на родину, въ родной климатъ, въ кругъ родныхъ и знакомыхъ. Дѣло въ томъ, что болѣзнь физическая отразилась на душѣ: явилась тоска въ самой высокой степени, на которую надо дѣйствовать и физически, и морально, посредствомъ развлеченій и беззаботной

жизни. Какъ ближайшій наблюдатель болѣзни жены, я не могъ не замѣтить, какъ гибельно дѣйствовали на нее хозяйственныя заботы и огорченія, особенно же эта пустота жизни, которая такъ ощутительна въ Холмѣ для людей, незанятыхъ службою и не въѣвшихся въ т. наз. уніатскій вопросъ. Неудавшаяся поѣздка въ Кіевъ, кажется, окончательно срѣзала жену.

Балинскій назначенъ, и представленіе о подъемныхъ сдѣлано. Прошу поторопить его, да дать ему 100 руб. въ счетъ подъема, а я возвращу Вамъ въ Кіевѣ лично. Для Кухарскаго еще нѣтъ назначенія, но если выйдетъ, поступите такъ-же. О Словицкомъ переписка, я думаю, продлится. Любопытно, потребуютъ ли съ него за воспитаніе. Съ нетерпѣніемъ жду кандидата въ инспекторы — въ Грубешовъ или пед. курсы, равно классной дамы. Пріищите также учителя русскаго языка въ Холм. гимназію, такъ какъ Грушевскаго я располагаю представить въ пед. курсы или въ Грубешовъ на инспекторство.

Грушевскій передалъ мнѣ благословеніе митрополита, за которое прошу поблагодарить. Митрополитъ, по его словамъ, очень радъ тому, что я принялъ на себя заботу о церкви и радъ бы у себя подобное устроить. Попечительство дѣйствительно полезная вещь. Я устроилъ доходъ церковный, ввелъ экономію въ расходы, выхлопоталъ 1500 руб. на починку церкви, оттягалъ костелъ на приписную церковь и жду денегъ на передѣлку; захвачу, если Богъ поможетъ, домъ убогихъ и устрою больницу, оттягалъ баню у жидовъ и ссуду имъ выхлопоталъ; имѣю надежду земли морговъ 100 выпросить для церкви, забралъ отъ города три плаца подъ усадьбы причта и въ 3 мѣсяца выстроилъ для него каменный двухэтажный, съ балкономъ, подъ желѣзною крышею, домъ, безъ копѣйки, ибо деньги отпущены, когда крышу стали ставить. У Лидерса [1]) выпросилъ дерева тысячи на полторы рублей и на эту сумму предприму что либо въ пользу церкви. Даже на замощеніе улицы предъ домомъ вы-

---

[1]) Генералъ Лидерсъ былъ маіоратнымъ владѣльцемъ обширныхъ земель и лѣсовъ возлѣ самаго г. Холма.

хлопоталъ у Коммисіи до трехсотъ рублей. И все это во имя попечительства, которое даетъ право ходатайствовать предъ всякими властями, будь онѣ какія угодно высокія. Присоединеніе царства къ Имперіи имѣетъ свои невыгоды: когда всѣ власти были здѣсь, можно было гораздо болѣе сдѣлать. Тороплюсь изо всѣхъ силъ. Идетъ почта. Будьте здоровы.

Письмо 10.

Г. Холмъ.—19 октября 1867 г.

Вотъ уже три недѣли, какъ я борюсь съ своимъ тяжелымъ горемъ, но не поборю никакъ и нисколько. Все тоже почти, какъ и въ первый день, только грудь давитъ немилосердно, да кашель притомъ. Вѣрую, какъ Господь повелѣлъ, да силы вѣры нѣтъ,—все горе побораетъ. Молюсь, да теплоты нѣтъ. Безконечно текутъ слезы, но все это слезы скорби, разъѣдающей тоски, и болѣе ничего. Дѣти великое утѣшеніе; но довольно мнѣ увидѣть ихъ, чтобы затрястись всѣмъ тѣломъ. Они же утѣшаютъ меня: не плачь, папа, не плачь папа! Но это утѣшеніе пуще ножа остраго, и я умолкаю, какъ только они поднимутъ вопль. Я не малодушествую, стою прямо лицемъ къ горю, отдаюсь ему вполнѣ; но Господь надѣлилъ меня особенною чувствительностью, и потому, вполнѣ понимая, что мнѣ приходится платить лишь обычную дань, не могу не ставить вопроса о томъ, кто кого поборетъ: я ли свое горе, или оно меня. Страшный вопросъ, и Господь одинъ вѣдаетъ, какъ онъ разрѣшится. Понимаю при томъ и мою тяжелую обязанность—быть вмѣстѣ отцемъ и матерью для дѣтей, по мѣрѣ силъ и исполняю ее, начавъ съ того, что для нихъ отказался отъ поѣздки въ Кіевъ; но съ каждымъ днемъ все яснѣе и яснѣе вижу, что не дамъ имъ рады, и это одинъ изъ мучительнѣйшихъ мотивовъ моей теперешней жизни.

Хотѣлъ бы говорить много о послѣднихъ дняхъ жизни Юлиньки, о ея мученическихъ страданіяхъ, о ея дивной, непре-

рывной почти молитвѣ къ Богу, прощаньѣ со всѣми, ходѣ и средствѣ лѣченія, смерти и погребеніи; но все это невыносимо рѣжетъ по душѣ.

Въ самые страшные для меня дни, предсмертные и посмертные, великимъ утѣшеніемъ и помощью были Ефимъ М., и въ особенности Стефанъ Павловичъ Коршунъ съ его кроткою душею. Видѣлъ я глубокое, неподдѣльное сочувствіе и вездѣ вокругъ, особенно отъ галичанъ. О пресловутой литургіи и парастасѣ вамъ, конечно, говорили. Бѣдная Юлинька! думала ли она, что ея имя возгласятъ рядомъ съ Піемъ IX, а на парастасѣ станутъ поминать по отчеству. Вообще, если въ обстановкѣ погребенія есть что-либо имѣющее значеніе для умершаго и погребающихъ, то на этотъ разъ я имѣлъ горькое утѣшеніе видѣть все это: и молитву, и почесть, и любовь, и скорбь, и плачъ— всеобщіе. Мнѣ удалось даже похоронить Юлинку близъ церкви, что польскій законъ положительно воспрещаетъ. Дѣло было трудное: Іоанникій по телеграфу отвѣтилъ, что согласенъ, *„если гражданское начальство согласится“*. Между тѣмъ начальникъ уѣзда формально запротестовалъ. Я отвѣтилъ ссылкой на телеграмму, не объявивъ условія, а спустя недѣлю написалъ письмо къ Брауншвейгу, и тотъ былъ такъ добръ, что по одному частному письму на другой день испросилъ разрѣшеніе намѣстника и увѣдомилъ меня, равно далъ знать консисторіи и губернатору. Слава Богу и добрымъ людямъ!

Іоанникій потомъ писалъ нарочитое утѣшеніе, поразившее меня теплотою его глубокаго сочувствія. Михневичъ также поспѣшилъ письмомъ, въ которомъ вылилась его кроткая, любящая душа. Воздай имъ Господи за сіе сторицею! Витте предъ отъѣздомъ заграницу прислалъ глубоко-трогательное письмо съ цѣлью утѣшить меня въ тяжкой болѣзни Юлиньки.

Какъ устроить мнѣ свою жизнь, пока не могу рѣшить. Съ хозяйствомъ устроился; но въ жизни дѣтей слишкомъ замѣтная пустота. Необходимо какъ можно скорѣе приставить кого-либо къ нимъ, особенно къ Алешѣ, который обнаруживаетъ большую пытливость и видимо тяготится играми и сказками. Я просилъ

Коршуна общимъ совѣтомъ пріискать мнѣ надежную особу въ родѣ Людмилы Егоровны, что Ефимъ М. взялъ; но разумѣется, что многія личности попадаются случайно, какъ рѣдкость, а нарочито, притомъ скоро, трудно отыскать.

Письмо 11.

Г. Холмъ.—5 ноября 1867 г.

Я только что возвратился изъ Варшавы и спѣшу написать нѣсколько строкъ.

Письмо я вамъ послалъ давно. Какого именно числа, не помню; но это было за недѣлю до отъѣзда моего въ Варшаву, а выѣхалъ 23 числа. Хотѣлъ было предъ отъѣздомъ написать; но меня, что называется, нагло схватили. Дѣло въ томъ, что Витте, пользуясь неожиданнымъ пріѣздомъ министра Толстаго, пригласилъ меня пріѣхать въ Варшаву, самое же письмо его получено 22 числа. Я едва успѣлъ собраться и распорядиться съ дѣтьми и прислугой, да хозяйствомъ.

Вызывая меня, Витте имѣлъ въ виду болѣе оторвать меня отъ моего нескончаемаго горя, но у меня накопилось много дѣла въ Варшавѣ, и потому я поѣхалъ охотно и располагалъ пробыть тамъ дней 10.—Министръ оставилъ насъ съ Ефимомъ М. послѣ общаго представленія и бесѣдовалъ съ нами болѣе часу; но разговоръ вышелъ какъ то неудаченъ, т. е. не пришлось сказать многаго изъ того, что хотѣлъ я сказать. Рѣчь шла больше объ уніатскихъ дѣлахъ, которыя Толстой хочетъ взять въ свои руки, вырвавъ ихъ изъ рукъ Берга и не допуская Валуева, которые изо всѣхъ силъ бьются, чтобы оставить за собой. Іоанникію онъ горько жаловался на недостатокъ на высшихъ постахъ людей, которые поддерживали бы интересы православія и русской народности. Сидорскому говорилъ, что для уніатскихъ дѣлъ можетъ быть учреждено 5 отдѣленіе собств. Его Величества Канцеляріи, подъ завѣдываніемъ его—Толстаго. Намъ сказалъ, что епископа мудрено посвятить для уніатовъ, но что

Войцицкаго смѣнить надо. Толстой вообще человѣкъ серьезный, какъ видно, и, конечно, умный, а главное, онъ того мнѣнія, что за уніатовъ пора приняться рѣшительно, чтобы постепенно вести ихъ къ православію, и что церковныя ихъ дѣла необходимо связать съ народнымъ у нихъ образованіемъ въ одномъ главномъ управленіи (послѣдняя мысль была высказана мною, и онъ назвалъ ее своею). Потому можно надѣяться, что и наше дѣло и вообще дѣло уніи пойдетъ успѣшнѣе, если этимъ послѣднимъ станетъ заправлять Толстой. На весну онъ собирается къ намъ мѣсяца на два, т. е. не только въ Холмъ, но вообще въ Польшу. Надо готовиться помаленьку.

На клубъ въ Холмѣ мнѣ удалось таки получить 3000 р. За неимѣніемъ денегъ, представляли о семъ Государю, и Государь разрѣшилъ изъ какихъ-то суммъ. Слава Богу! Дѣломъ этимъ я обязанъ Браунштейгу, который (спасибо ему) весьма благосклоненъ къ моимъ просьбамъ. Нужно теперь позаботиться и о братствѣ; но у меня голова еще слишкомъ слаба. Занимаюсь меньшимъ: передѣлкою костела св. Духа въ прав. церковь, костела реформатскаго въ уніатскую, прошу земли для церкви морговъ 300, которую Маркусъ на словахъ уже обѣщалъ; прошу одинъ изъ уступовъ горы холмской подъ кладбище для православныхъ, хлопочу и о перенесеніи знаменитой здѣсь ленченской ярмарки изъ Ленчно въ Холмъ. Если удастся завладѣть горою, будетъ великолѣпное кладбище,—совершенный образъ и подобіе Щекавики [1]).

[1]) Нѣкоторыя изъ писемъ, какъ не заключающія въ себѣ интересныхъ свѣдѣній, нами опущены. *Ред.*

НОВОРОССІЙСКІЙ САРДАНАПАЛЪ.

I.

Та часть Новороссійскаго края, которая лежитъ между Нижней Синюхой и Днѣпромъ, даже въ первой половинѣ настоящаго вѣка была мало населена; но крѣпостное право господствовало здѣсь въ столь-же сильной степени, какъ и въ Малороссіи. Новые насельники-державцы на новой землѣ сѣяли старыя сѣмена.

Однимъ изъ такихъ сѣятелей былъ Гервасій Котъ.

Отъ гряды казенныхъ лѣсовъ до іудейскаго владѣнія тянется пологая черноземная полоса. Потомственный дворянинъ и коллежскій регистраторъ Гервасій Котъ, владѣлецъ этого большого пространства, началъ хозяйничать здѣсь въ цвѣтѣ своихъ лѣтъ и силъ. Вскорѣ онъ женился на вдовушкѣ,—это было въ 20-тыхъ годахъ настоящаго вѣка.

Вдовушка отъ перваго мужа имѣла сына Виссаріона и обладала *родовымъ* достояніемъ въ количествѣ 1900 десятинъ земли. Она была женщина очень добрая и вѣроятно робкая, такъ-какъ не могла устранить того, что дѣлалось съ сыномъ ея Виссаріономъ: онъ не былъ допускаемъ въ барскія палаты, а по приказанію Кота обрѣтался въ кухнѣ. Здѣсь, въ обществѣ поваровъ, кухарокъ, конюховъ и дворовыхъ мальчишекъ, Виссаріонъ провелъ свое дѣтство. Обстановка, подъ вліяніемъ которой слагались физическія и моральныя силы мальчика, была,

такимъ образомъ, неправильна; а когда Виссаріону пошелъ 15-ый годъ, Котъ далъ ему унизительную работу: чтобы не даромъ хлѣбъ ѣлъ, онъ сдѣлалъ его *конюхомъ*, т. е. повелѣлъ ему завѣдывать чисткой конюшенъ, надзирать за лошадьми, за кормовымъ зерномъ, соломою, сѣномъ, половою, экипажами и сбруей. Постоянное пребываніе въ конюшняхъ, невозможность отлучиться отсюда даже во время праздничныхъ дней, строгія взысканія за малѣйшій недосмотръ побудили Виссаріона бросить эту каторжную работу. Онъ убѣжалъ въ Полтавскую губернію къ своимъ родственникамъ и здѣсь провелъ всю свою юность.

Гервасій Котъ былъ крайне недоволенъ тѣмъ, что Виссаріонъ ускользнулъ отъ него: жестокою работой ему хотѣлось довести насынка до тяжкой болѣзни и до смерти. Но вскорѣ Котъ утѣшился: онъ пріобрѣлъ иныхъ особъ для того, чтобы повергать ихъ въ страдальческое положеніе.

У жены Гервасія Кота была сестра, а у той сестры были дѣти и земля. Гервасій уговорилъ сестру переѣхать къ нему на жительство, а онъ будетъ хозяйничать въ имѣніи ея и будетъ доставлять ей изъ этого имѣнія прекрасные доходы. Бушева (сестра жены) повѣрила сладкимъ рѣчамъ свояка и поселилась у него. Сначала своякъ благородно обходился съ Бушевой: помѣстилъ ее въ барскихъ своихъ палатахъ и сносную пищу давалъ ей; но вскорѣ, подъ благовиднымъ предлогомъ, она съ дѣтьми своими переведена была въ полуразвалившуюся избу,—и уже отсюда не удалось ей вырваться. Сырость и холодъ въ этой развалинѣ были ужасны. Сколько ни плакала Бушева, сколько ни просила дать ей лучшее помѣщеніе, Котъ остался непреклоненъ, не внималъ ни слезамъ, ни просьбамъ. Онъ постарался еще болѣе отравить жизнь этой семьи: онъ кормилъ Бушевыхъ скудными остатками изъ людской кухни; зачастую-же по цѣлымъ днямъ они не получали и этихъ жалкихъ объѣдковъ. Котъ морилъ ихъ голодомъ и холодомъ, чтобы они *поумирали*, а тогда онъ завладѣетъ землею ихъ. Дѣти вынесли нѣсколько жестокихъ болѣзней—и остались живы; мать ихъ отъ мучительной жизни потеряла зрѣніе но надежды

на скорую смерть не подавала. Все-таки Гервасій Котъ отчасти достигъ цѣли: 100 десятинъ земли онъ выморочилъ у несчастной семьи, попавшей въ капканъ его.

Гервасіемъ Котомъ придуманъ былъ еще одинъ способъ для пріобрѣтенія земель. Этотъ соособъ примѣнялся къ особамъ, не состоящимъ въ родствѣ съ нимъ.

Вблизи панскаго двора красовалась громаднѣйшая вѣтряная мельница. Она сдѣлана была такъ, что, казалось, при малѣйшемъ вѣтрѣ должна была рухнуть.

Однажды Котъ пригласилъ къ себѣ на угощеніе особу, у которой желательно было пріобрѣсти землю за самую ничтожную плату; а на эту плату особа та рѣшительно не соглашалась. Пріемъ—радушный и пышный: прелестные завтраки и обѣды, охота, верховая ѣзда, женщины и другія удовольствія. Потомъ веселаго гостя во время сильнѣйшаго вѣтра ведутъ въ мельницу осмотрѣть диковинное устройство ея. По разсмотрѣніи устройства, мельничная дверь моментально захлопывается—и гость остается тамъ, внутри чудовищнаго вѣтряка. По мановенію невидимой руки, мельница начинаетъ работать, что называется, на всѣхъ парусахъ и на пустыхъ камняхъ. Она трещитъ, дрожитъ, вотъ-вотъ, кажется, разсыпится въ дребезги. Грохотъ и лязгъ въ ней ужасны; изъ камней миріады искръ сыпятся во всѣ стороны, зловѣще освѣщая темное пространство. При такой обстановкѣ гость благимъ матомъ кричитъ, вопитъ о спасеніи. Въ отвѣтъ на эти вопли въ щель просовывается купчая, перо и чернильница; предлагается жертвѣ подписать эту купчую, въ противномъ случаѣ Котъ грозитъ не выпустить плѣнника изъ ужаснаго вмѣстилища.

Плѣнникъ отвергъ предложеніе. Мельница снова и съ бóльшимъ трескомъ начала работать,—и работала до тѣхъ поръ, пока плѣнникъ не подписалъ купчей, просунутой въ туже щель.

Такимъ манеромъ совершено было два земельныхъ пріобрѣтенія—Чорнышъ и Вара.

Посредствомъ этой инквизиціонной мельницы *куплена была и жена* у отставного поручика Вара. Поручикъ, заключенный въ эту страшную пасть, при необычайномъ грохотѣ и чудовищныхъ искрахъ, подписалъ просунутый въ щель актъ отреченія отъ своей жены. По выходѣ изъ пыточнаго вмѣстилища, Варъ получилъ денежную плату, а его жена Агафоклія поступила къ Гервасію Коту въ вѣчное и потомственное владѣніе. Потомъ мужу, вынужденному продать свою Агафоклію, оказано было удовольствіе: онъ былъ принятъ Котомъ на прокормленіе; но не смѣлъ прикасаться къ бывшей своей сожительницѣ, а долженъ былъ довольствоваться лицезрѣніемъ ея.

По отношенію къ евреямъ практиковались иного рода пыточные способы. Одинъ изъ этихъ способовъ былъ болѣе ужасенъ, чѣмъ вѣтряная мельница, а другой былъ весьма унизительнаго и отвратительнаго свойства.

Гервасій Котъ всегда имѣлъ у себя медвѣдей—одного или двоихъ, которыхъ покупалъ у цыганъ. Былъ у Кота человѣкъ, крестьянинъ Чернобольный, умѣвшій ухаживать за медвѣдями; а баринъ забавлялся ими: они предъ нимъ плясали, на заднихъ лапахъ ходили и другія штуки продѣлывали.

Котъ усмотрѣлъ, что евреи могутъ быть для него порядочнымъ источникомъ дохода. Вблизи своей усадьбы онъ построилъ нѣсколько десятковъ хатъ; а въ тѣхъ хатахъ поселились евреи, которые здѣсь, какъ и вездѣ, стали быстро размножаться. За хаты и дворы они обязаны были вносить владѣльцу установленную плату—чиншъ. Случалось, что нѣкоторые неисправно давали чиншъ, а другіе уклонялись отъ него. Тогда къ таковымъ посылался медвѣдь. Чернобольный вводилъ страшнаго гостя въ жидовскую хату. Мишенька здѣсь ревѣлъ и ходилъ на заднихъ лапахъ, намѣреваясь схватить въ свои объятія кого-либо изъ обитателей хаты. Послѣ такой визитаціи немедленно же приносили барину чиншъ. Въ противномъ случаѣ медвѣдь снова явился бы.

Если чиншевикъ или посторонній жидъ и жидовка оказывали Коту малѣйшее сопротивленіе, какую-нибудь даже незначительную непріятность, то были ввергаемы въ *свинюшникъ*.

Инквизиціонный свинюшникъ былъ очень обширенъ и совершенно темный; стѣны изъ дикаго камня изумительно высокія. Сухія мѣста въ этомъ громадномъ пространствѣ чередовались съ лужами, издававшими зловоніе ужасное. Еврей или еврейка, заключенные въ это чистилище, когда ступали на сухое мѣсто, то были облѣпливаемы блохами съ ногъ до головы. Уязвляемые этими паразитами, они пускались бѣжать—и попадали по уши въ вонючую и полужидкую массу. Выбравшись отсюда, плѣнникъ становился добычею блохъ. Иные мучились здѣсь по цѣлымъ суткамъ и шабашовали тамъ-же.

Свинюшникъ предназначался только для наказанія іудеевъ; а медвѣдь иногда устрашалъ и русскихъ благородныхъ особъ.

Гервасій Котъ имѣлъ множество тяжбъ. По одному тяжебному дѣлу, самому непріятному для Кота, долженъ былъ вотъ-вотъ пріѣхать къ нему становой приставъ. Передъ пріѣздомъ этого гостя введенъ былъ въ комнату медвѣдь и поставленъ въ углу. Этого медвѣдя часто вводили въ комнату. Сюда вступалъ Котъ съ хлѣбомъ, а медвѣдь подступалъ къ Коту и получалъ отъ него лакомство. Какъ только приставъ отворилъ двери, предъ нимъ въ полумракѣ появилось косматое чудовище и протянуло свои громадныя лапы для полученія подачки. Приставъ тутъ-же на дверяхъ, грохнулся навзничь; и послѣ обморока больной, поспѣшилъ восвояси.

Одинъ бѣдный дворянинъ не соглашался уступить Коту одну красивую дѣвушку; на требованія настойчивыя и назойливыя отвѣтилъ, наконецъ, солиднымь отпоромъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Котъ при встрѣчахъ съ этимъ бѣднымъ дворяниномъ былъ весьма любезенъ и показывалъ видъ, что совершенно забылъ о хорошенькой дѣвушкѣ и рѣшительномъ отказѣ получить ее. Убѣдившись, что господинъ довѣрчиво относится къ этимъ любезностямъ, Котъ пригласилъ его къ себѣ для пріятнаго препровожденія времени. Между прочимъ гость былъ приглашенъ въ садъ для испитія пунша. Здѣсь онъ моментально былъ схваченъ и привязанъ къ дубу. Скоро привели къ тому дубу двухъ медвѣдей и привязали ихъ такъ, что они

могли простирать къ нему свои морды и лапы очень близко. Въ сообществѣ съ такими пріятелями гость находился нѣсколько часовъ, долженъ былъ лицезрѣть косолапыхъ, чувствовать ихъ дыханіе, слушать ихъ ревъ.

II.

Изъ всего ранѣе сказаннаго можно себѣ представить, какъ Гервасій Котъ относился къ своимъ крѣпостнымъ людямъ,— если онъ такъ жестоко обращался съ особами, равными ему по происхожденію, и былъ тороватъ на злостныя продѣлки съ ними.

Мало того, что крѣпостные работали Коту неустанно изъ недѣли въ недѣлю, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ,—имъ не было отдыха въ воскресные и праздничные дни.

Въ воскресные и праздничные дни устраивалась *охота* на медвѣдя. Всѣ крѣпостные люди мужскаго пола, сколько ихъ было, даже старъ и малъ, выступали съ дрекольями изъ своихъ жилищъ. На выгонѣ они составляли громадный и плотный кругъ. Сюда, въ средину людского круга былъ впускаемъ медвѣдь; и вотъ, люди должны были гонять медвѣдя до тѣхъ поръ, пока онъ не утомится, а когда утомится, взять его руками и принести въ надлежащее мѣсто.

Для большей потѣхи и барскаго наслажденія загоняли иногда медвѣдя въ прудъ. Многіе пускались за косолапымъ вплавь и гоняли его здѣсь по всевозможнымъ направленіямъ. Еще для большей потѣхи и искуса пускали медвѣдя въ поле по направленію къ лѣсу. Медвѣдь пускался сюда во всю прыть, надо было отрѣзать ему вступленіе въ лѣсную чащу. Крѣпостные массой напрягали всѣ усилія, неслись взапуски во всю мочь,—и медвѣдь всегда былъ опережаемъ и недопускаемъ до лѣса.

При этихъ лиходѣйствіяхъ всегда присутствовалъ Котъ. Гарцуя на лихомъ конѣ, онъ слѣдилъ за дѣйствіями толпы и руководилъ ею.

Гервасій Котъ былъ страстный любитель женскаго пола.

Всякій крестьянинъ сейчасъ послѣ вѣнчанія долженъ былъ представить Коту свою новобрачную жену.

— Оце, мылостывый барынъ, я тилько що обвинчавсь зъ нею! Подывиться! снявъ шапку и низенько кланяясь, говорилъ крестьянинъ.

Котъ взиралъ на приведенную *молодыцю.* Если отъ этого поверхностнаго *обзора* получалось пріятное впечатлѣніе, то издаваемъ былъ приказъ: завтра *выгнать* эту *молодыцю* на барщину. Изъ барщины приводили ее въ барскія комнаты *прясть.* Во время пряденія Котъ надлежаще уже осматривалъ новобрачную. Послѣ осмотра, *молодыця,* смотря по качествамъ, или оставалась въ прядильницахъ, или поступала въ *гаремныя.*

Получившая должность прядильницы пользовалась нѣкоторою свободою: она по временамъ ходила въ деревню барина и имѣла общеніе съ мужемъ.

Гаремная становилась полною и неотъемлемою собственностію Кота, дальше барскаго двора она не совершала ни единаго шага. Гаремная должна была отрѣшить себя отъ міра и знать только господина своего—Кота. На избранницъ барина крѣпостные люди даже смотрѣть не смѣли.

Гервасій Котъ имѣлъ своего рода евнуховъ, которые зорко и неустанно оберегали женскій питомникъ отъ постороннихъ поползновеній. Были устроены особые способы для наказанія тѣхъ, которые проявляли симпатію къ гаремной; наказанію подвергались и тѣ, которые случайно—мимоходомъ заигрывали съ гаремной, соблазнившись красотой ея.

Такими способами были *инквизиціонные столбы и набатный колоколъ.*

Набатный колоколъ висѣлъ у барскаго крыльца, а веревка отъ него была протянута въ кабинетъ. Столбы высились въ разныхъ мѣстахъ двора; одни изъ нихъ были видны изъ кабинета, а другіе—изъ прочихъ комнатъ.

— Панасъ грався зъ Анюткою! докладывалъ барину евнухъ.

— Григорій балакавъ зъ Степаныдою у саду, такъ заглядавъ ій у вичи та обнимався зъ нею,—доводилось до свѣдѣнія Кота.

Котъ хватался за свору—и раздавался звонъ колокола. Опрометью бѣжалъ въ кабинетъ атаманъ Александръ—самое довѣренное лицо Кота. Немедленно же возлѣ столбовъ появлялись фигуры: то были Панасъ и Григорій. Того и другого полуобнаженныхъ вздергивали на столбы и оставляли ихъ въ висячемъ положеніи или прикрѣпляли къ столбамъ, смотря по изволенію барина. Случалось, что Панасы и Григоріи томились на столбахъ по нѣсколько сутокъ.

Вздергиванію на столбъ подвергались люди и за прикосновеніе къ прядильницамъ, къ горничнымъ и другимъ дворовымъ женщинамъ, вступавшимъ въ кабинетъ Кота. Такого женскаго персонала было очень много въ барскомъ дворѣ. Тутъ же были лакеи, конюхи, повара, садовники, псари. Весь этотъ людъ, по большей части молодой и холостой, не могъ не соблазняться красавицами; а красавицы очень охотно отдавались своему брату и льнули къ нему. Столбы рѣдко, очень рѣдко были свободны отъ жертвъ.

Гервасій Котъ прилагалъ неусыпныя старанія для благосостоянія своего гарема. Одалискъ своихъ содержалъ онъ въ особо устроенныхъ великолѣпныхъ покояхъ, прекрасно одѣвалъ ихъ, кормилъ ихъ изысканными кушаньями и разными сластями, придумывалъ для нихъ интересныя забавы. Одалискамъ пріятно жилось у Кота. Въ число ихъ охотно поступали постороннія особы, а крѣпостныя поневолѣ попадали въ гаремъ.

Барскій гаремъ ежегодно и даже ежемѣсячно обновлялся: однѣ выбывали изъ него за негодностію или болѣзнію, другія вступали въ составъ его; многія были выдаваемы замужъ; случалось, что нѣкоторыя и умирали въ гаремѣ.

Гаремъ составлялся не только изъ крѣпостныхъ дѣвокъ и бабъ; очень часто въ числѣ гаремницъ фигурировали благородныя особы. Одну такую особу, Агафоклію, жену поручика Вара, мы знаемъ. Въ палаты Кота попадала всякая женщина, какою соблазнялось око его. Не одна сотня женщинъ испробовала гаремной жизни.

Къ замѣчательнымъ явленіямъ гаремной жизни у Кота относится также и *крещеніе* евреекъ.

У Гервасія Кота были агенты, которые доставляли ему только-что созрѣвшихъ красотокъ іудейскаго племени. Зачастую во время поѣздокъ въ разныя мѣста Котъ самъ подмѣчалъ красивыхъ евреекъ и уже непремѣнно привлекалъ ихъ къ себѣ. Собственная колонія тоже снабжала его свѣжими плодами.

Всякая еврейка, вступившая въ сераль Кота, черезъ нѣкоторое время была обращаема въ Христіанскую вѣру. Если случалось, что отецъ и мать или родичи выкрестки оказывали барину Коту непріятности, то были ввергаемы въ *свинюшникъ* или устрашаемы медвѣдями, при безуспѣшности первой мѣры.

Всякая серальная еврейка была удаляема изъ барскаго обиталища, когда нѣсколько отцвѣтала.

Удаленіе евреекъ-конкубинъ совершалось съ пріятными для нихъ церемоніями. Онѣ *были выдаваемы замужъ* за отставныхъ поручиковъ, капитановъ, за безчиновныхъ бѣдныхъ дворянъ и даже за унтеръ-офицеровъ, смотря по индивидуальнымъ способностямъ каждой изъ нихъ.

Послѣдній гаремный *выпускъ* тоже состоялъ изъ выкрещенныхъ евреекъ.

Вотъ Гервасію Коту пошелъ уже седмой десятокъ, а гаремъ у него процвѣтаетъ, и онъ тѣшится имъ, какъ и въ пору своей молодости! Только, когда стукнуло ему за 75 лѣтъ, гаремъ видимо началъ клониться къ упадку.

У Гервасія Кота были только сынъ и дочь отъ законной жены. Когда Котъ очень уже одряхлѣлъ, то сынъ не преминулъ воспринять гаремную сокровищницу отца; онъ обновилъ— увеличилъ ее.

III.

Когда умерла жена Кота, то онъ вознамѣрился похоронить ее въ гробѣ, который былъ обтянутъ коленкоромъ чернымъ. Памва (сынъ Кота законный) воспротивился такому намѣренію

и потребовалъ для этого гроба бархатной оббивки. Послѣдовалъ *бой* отца съ сыномъ—Гервасія съ Памвою. Въ этомъ бою отецъ не устоялъ: былъ схваченъ за шиворотъ и изрядно побитъ Гробъ былъ оббитъ бархатомъ.

Вторичный бой Гервасія съ Памвою совершился послѣ похоронъ, по поводу вопроса о раздѣлѣ наслѣдства умершей жены Гервасія и матери Памвы.

Жена Кота, какъ извѣстно, имѣла 1900 десятинъ собственной земли. По смерти ея явился къ Коту Виссаріонъ, уже возмужалый, чтобы получить свою часть. Землю эту надо было раздѣлить между двумя сыновьями умершей и замужнею дочерью. Отецъ, Гервасій Котъ, не желалъ раздѣла; онъ хотѣлъ продолжать обладаніе этою землею, не давая ее никому изъ наслѣдниковъ. Памва настаивалъ на раздѣлѣ материнской земли, желая получить себѣ львиную часть. Отецъ воспротивился настояніямъ Памвы. Послѣдовалъ рядъ бурныхъ сценъ—и наконецъ произошла рукопашная потасовка между отцомъ и сыномъ. И въ этой схваткѣ Памва одержалъ побѣду: онъ опрокинулъ родителя на столъ и *придушилъ его*; родитель сдался на капитуляцію и началъ съ этой поры плясать подъ дудку побѣдителя. Сестрѣ отведено было земли на половину противъ того, сколько слѣдовало; и притомъ, эта доля была крайне неудобная: въ сухомъ безводномъ яру и вдали отъ всякихъ проѣздовъ,— для пользованія ею предлагалось прибѣгать къ воздухоплаванію на опасномъ аэростатѣ. Замужняя сестра, имѣвшая дѣтей, вынуждена была, конечно, продать эту долю—и продать за безцѣнокъ, предложенный Памвою: по 50 рублей за десятину. Такъ обижена была родная семейная сестра! Съ Виссаріономъ также точно было поступлено: ему тоже отведено было въ половину меньше, чѣмъ слѣдовало по закону, только 150 десятинъ; эта земля была настолько же неудобна, какъ и земля сестры. Онъ принужденъ былъ продать Памвѣ эту часть по той же самой низкой цѣнѣ.

Управившись такимъ образомъ съ наслѣдниками, обезпечивъ себя всѣмъ достояніемъ материнскимъ, получивъ потомъ

отъ отца громадное количество земли, Памва началъ хозяйничать вполнѣ самостоятельно и по примѣру отца своего.

Вотъ каковъ былъ баринъ Гервасій Котъ, до конца дней своихъ пребывавшій въ чинѣ „коллежскаго регистратора". Во всѣхъ дѣловыхъ бумагахъ онъ именовалъ себя такъ: „Потомственный дворянинъ, владѣтель громаднаго мѣстечка, записанный въ шестую часть дворянской книги, *отставной старшій канцеляристъ* Духовной Консисторіи, прослужившій въ оной должности 8 лѣтъ, 3 мѣсяца и 5 дней, и по милости Божіей и Монаршескому соизволенію получившій чинъ 14-го класса Коллежскаго регистратора и въ семъ чинѣ до сего дня пребывающій".

КОНЕЦЪ.

Западно-русская церковь при митр. Петрѣ Могилѣ.

(1633—1646 гг.).

(Продолженіе [1]).

VI.

Подготовленія со стороны православныхъ къ сейму 1641 г.—Конституція сего сейма о религіи греческой и возстановленіи правъ еп. С. Гулевича.—Тяжелыя жертвы, принесенныя православными для достиженія успѣха въ дѣлѣ Гулевича.—Запоздалый протестъ латино-уніатовъ противъ означенныхъ постановленій помянутаго сейма.—Краткое упоминаніе о событіяхъ послѣдующаго времени, свидѣтельствующихъ о взаимномъ раздраженіи православныхъ и уніатовъ.—Брестскій игуменъ Аѳанасій Филипповичъ, какъ борецъ за православную вѣру; характеристическія черты, выдѣляющія его изъ ряда другихъ борцовъ, и его дѣятельность въ указанномъ направленіи.

На 20 августа 1641 г. назначенъ былъ общій шестинедѣльный сеймъ въ Варшавѣ. Среди православныхъ и уніатовъ началось обычное движеніе и шли подготовленія къ обоюдной борьбѣ. Волынское дворянство въ своей инструкціи посламъ, отправляемымъ на сеймъ, поручая первѣе всего стараться о томъ, чтобы „пункты примиренія" всецѣло приведены были въ исполненіе (о чемъ неоднократно говорилось въ предшествовавшихъ инструкціяхъ), особенно настаивало, чтобы исправленъ былъ вредъ, нанесенный православной церкви чрезъ инфамію перемышльскаго епископа Гулевича. „Послѣ прошлаго сейма—говорили они въ своей инструкціи—возникло но-

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1898 г., № 4.

вое дѣло: церковныя бенефиціи (dobra), назначенныя „дипломомъ“ для резиденціи перемышльскаго владыки неунита, вслѣдствіе нѣкоего несчастія, по волѣ судебъ, чрезъ его милость пана подскарбія короннаго отняты отъ отца Гулевича, теперешняго перемышльскаго владыки неунита; посему паны послы усердно должны настаивать, чтобы означенная епископія, какъ уже вакующая, въ началѣ сейма отдана была неуниту“. Просило Волынское дворянство также о томъ, чтобы церкви въ Люблинѣ, въ Красномъ-Ставѣ, въ Бельзѣ и Сокалѣ, силою (per vim) отнятыя отъ уніатовъ, возвращены были имъ. Находится въ инструкціи просьба и о кіевскихъ школахъ, фундованныхъ митрополитомъ (Петромъ Могилою), чтобы права ихъ были подтверждены [1]).

На сеймъ 1641. года прибыли многіе изъ духовныхъ православныхъ лицъ: кромѣ митрополита Петра Могилы, мы видимъ здѣсь мстиславскаго епископа С. Косеова, луцкаго—А. Пузыну, перемышльскаго (не пользовавшагося гражданскими правами) С. Гулевича и значительное количество настоятелей разныхъ монастырей. О ходѣ сеймовыхъ преній по вопросу объ „успокоеніи православныхъ“ мы свѣдѣній не имѣемъ. Но, разумѣется, не подлежитъ сомнѣнію, что они—какъ и на предшествовавшихъ сеймахъ—были бурныя, даже можно предполагать наиболѣе бурныя, такъ какъ здѣсь подняты были самые жгучіе религіозные вопросы: 1) о томъ, чтобы разбирательства о правонарушеніяхъ относительно статей примиренія были перенесены на сеймы, 2) дѣло объ отнятіи Люблинской православной церкви уніатскимъ епископомъ Терлецкимъ и, въ особенности, 3) о возстановленіи правъ православной перемышльской епископіи. О результатахъ этихъ преній свидѣтельствуютъ слѣдующія два постановленія, занесенныя въ сеймовую конституцію 1641 года.

1) *О религіи греческой*: „Свободное исповѣданіе греческой религіи для лицъ, не находящихся въ уніи, обезпечено пактами счастливой нашей коронаціи. Тѣми же пактами, коммиссіями и привилегіями распредѣлены между уніатами епископства, братства и церкви. Но такъ какъ установленное между ними спокойствіе нарушено начавшимися процессами, а свобода исповѣданія нарушена отнятіемъ церквей, то постановляемъ: процессы по религіознымъ дѣламъ (исключая возникшихъ вслѣдствіе учиненныхъ насилій) между духовными и свѣтскими лицами всякаго званія и состоянія, въ Коронѣ и Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, начатые тою или другою стороною, въ какой-бы судебной инстанціи эти процессы ни находились, а

1) Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. II. т. I. XXIII. стр. 270, 276.

также декреты, банниціи, секвестры, суспенсы, пріостанавливаемъ до другого шестинедѣльнаго сейма, на которомъ обо всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, намъ доложенныхъ, учинимъ разбирательство. А чтобы на будущее время такія дѣла болѣе не затрудняли Рѣчи Посполитой, опредѣляемъ: по всѣмъ уголовнымъ процессамъ между свѣтскими и духовными лицами разбирательство будетъ происходить по спеціальному реестру уголовныхъ дѣлъ или на сеймѣ, если будутъ позваны дизуниты (православные) въ Коронѣ, или въ „великомъ колѣ“, если они будутъ позваны въ Великомъ княжествѣ Литовскомъ. А если будутъ позваны уніаты, разбирательство всегда (какъ позванныхъ въ Коронѣ, такъ и въ Литвѣ) будетъ производиться на назначенномъ сеймѣ. По дѣламъ же объ отнятіи церквей и церковныхъ имуществъ,—какъ таковымъ, гдѣ рѣчь идетъ объ оцѣнкѣ значенія привилегій,—разбирательство имѣетъ быть на нашихъ реляційныхъ судахъ; но предварительное разслѣдованіе—въ мѣстномъ гродѣ или земствѣ, которые, сдѣлавъ означенное разслѣдованіе и не постановляя по нему никакого рѣшенія, дѣло со всѣми добытыми судомъ данными должны отсылать въ нашъ реляційный судъ, для чего опредѣляется срокъ шестинедѣльный. А мы по такимъ дѣламъ немедленно, согласно коституціи 1635 г., постановимъ приговоръ, и свое рѣшеніе для окончательнаго приведенія его въ исполненіе будемъ отсылать въ надлежащее судебное мѣсто“.

2) „*Возстановленіе правъ благороднаго Сильвестра Гулевича.* Вслѣдствіе просьбы земскихъ пословъ и съ согласія всѣхъ чиновъ, авторитетомъ настоящаго сейма уничтожаемъ декретъ инфаміи съ благороднаго Сильвестра Гулевича, владыки перемышльскаго, неунита, и съ его сообщниковъ, и возстановляемъ его въ прежнемъ достоинствѣ—подъ такимъ однако условіемъ, чтобы епископство перемышльское съ монастыремъ св. Спаса и принадлежащими къ нему имѣніями на вѣчныя времена оставалось за уніатами. Монастырь же св. Спаса съ селеніемъ Нечуткою, монастырь Лавра съ селеніемъ Лавровымъ, монастырь Смолница имѣютъ навсегда de facto находиться во владѣніи неунитовъ, относительно чего имъ предоставляется свободная „реляція“. А по смерти теперешняго владыки унита, имъ имѣетъ быть еще придано селеніе Сегмо. Въ остальномъ изложенное въ пактахъ, составленныхъ на счастливой нашей елекціи, остается ненарушимымъ. Но по смерти Гулевича, теперешняго владыки неунита, для тѣхъ монастырей имѣетъ быть назначаемъ архимандритъ, а владыкою будетъ оставаться унитъ“ [1]).

---

[1]) Prawa, Konstytucie y Przyw. Krol. Polskiego, изд. 1735 г. въ Варшавѣ, т. IV, стр. 6—7.

Первое сеймовое постановленіе, касающееся успокоенія греческой религіи вообще, должно быть признано благопріятнымъ для православныхъ, такъ какъ стремилось уврачевать самыя больныя мѣста въ судебной практикѣ того времени, отъ которыхъ наиболѣе всѣхъ страдали православные. Судебные процессы по дѣламъ религіознымъ и, въ частности, объ отнятіи церквей, начинаемые въ судахъ гродскихъ и земскихъ, гдѣ въ большинствѣ случаевъ засѣдали латино-уніаты, зачастую принимали неблагопріятное для православныхъ направленіе или (въ ущербъ интересамъ православія) намѣренно затягивались, главнымъ образомъ, вслѣдствіе предвзятыхъ ультра-католическихъ воззрѣній на „схизму" большинства судей, безъ сомнѣнія, нерѣдко диктовавшихъ свои приговоры подъ вліяніемъ своихъ „духовныхъ отцевъ". Поэтому устраненіе означенныхъ судовъ отъ составленія приговоровъ по упомянутымъ дѣламъ и отсылка послѣднихъ для рѣшеній по нимъ въ реляційный королевскій судъ, гдѣ предсѣдательствовалъ самъ король, притомъ чуждый фанатизма, было весьма желательно для православныхъ, и состоявшееся сеймовое постановленіе по сему предмету они вправѣ были считать немаловажнымъ успѣхомъ, достигнутымъ ими при борьбѣ съ латино-уніатами на почвѣ юридической.

Что касается другого приведеннаго нами постановленія сейма, состоявшагося по настоянію православныхъ, именно—„возстановленія" перемышльскаго епископа Сильвестра Гулевича въ его прежнемъ достоинствѣ,—то въ данномъ случаѣ успѣхъ ихъ былъ относительный: онъ пріобрѣтенъ былъ тяжелыми уступками. Православные согласились на измѣненіе „статей примиренія" относительно перемышльской епархіи,—притомъ измѣненіе весьма существенное. Во-первыхъ, они на вѣчныя времена уступали уніатамъ монастырь св. Спаса, а во-вторыхъ, и это главное, утрачивали перемышльскую епископію, которая оставалась за ними только временно, до смерти Сильвестра Гулевича. Эта уступка вызывала укоры со стороны особенно ревностныхъ борцевъ за православную вѣру. Разумѣется, та постановка вопроса о перемышльской епископіи, которая сдѣлана была волынскими православными дворянами въ инструкціи ихъ посламъ на сеймъ 1641 года, была, въ интересахъ православной церкви, самая лучшая. Въ инструкціи проводилась (и проводилась, надо полагать, по внушенію П. Могилы) такая мысль: всѣ наши просьбы о снесеніи инфаміи съ Гулевича остаются тщетными, и онъ считается лишеннымъ гражданскихъ правъ. Пусть будетъ такъ. Но въ такомъ случаѣ перемышльская епископія должна считаться вакантною. Мы, основываясь на статьяхъ примиренія, требуемъ назна-

ченія на нее другого епископа, который имѣетъ быть избранъ православными". Такая постановка дѣла, съ юридической стороны вполнѣ законная и не могшая встрѣтить при своемъ осуществленіи серьезныхъ препятствій, по всей вѣроятности, и была главною причиною того, что латино-уніатская партія не препятствовала снесенію инфаміи съ Гулевича: она желала только извлечь (и извлекла) изъ этого дѣла наибольшія для себя выгоды. Что касается православныхъ, то они вынуждены были согласиться на означенныя уступки не только въ виду заслугъ для церкви С. Гулевича и его фамиліи, но и потому, что съ дѣломъ перемышльскаго епископа тѣсно связаны были интересы многочисленныхъ (во всякомъ случаѣ не менѣе 130—140) дворянъ, тоже осужденныхъ на инфамію. Возстановленіе въ прежнемъ достоинствѣ Гулевича неразрывно связано было съ возстановленіемъ въономъ и его, какъ сказано въ конституціи, сообщниковъ. Притомъ, православные могли ласкать себя надеждою, что въ будущемъ дѣло о перемышльской епископіи можетъ быть поправлено, о чемъ дѣйствительно впослѣдствіи и старались.

Въ высшей степени замѣчательно, что сеймовая конституція о греческой религіи на первыхъ порахъ не вызвала письменныхъ протестовъ со стороны латино-уніатовъ и только спустя около пяти мѣсяцевъ по обнародованіи ея означенные протесты заносятся въ подлежащія судебныя учрежденія отъ имени представителей католической и уніатской церквей. Такихъ протестовъ извѣстно три: 1) папскаго нунція Филонарда, 2) гнѣзненскаго архіепископа съ четырьмя бискупами и двумя свѣтскими сановниками (Станиславомъ Радзивилломъ и Казимиромъ Сапѣгою) и 3) уніатскаго митрополита Антонія Селявы. Не подлежитъ сомнѣнію, что послѣднія двѣ протестаціи составлены были по настоянію нунція. Это ясно видно изъ протестаціи Селявы, который заявляетъ, что онъ опоздалъ съ своею манифестаціею потому-де, что трудно было ему, бывшему на сеймѣ, достать копію съ конституціи, которая едва получена имъ теперь, вслѣдствіе чего онъ съ опозданіемъ заноситъ свой протестъ противъ состоявшихся на сеймѣ 1641 г. постановленій относительно греческой религіи, повинуясь въ данномъ случаѣ заявленію и приказаніямъ св. апостольскаго престола (declarationi et mandatis s. saedis apostolicae). Что касается молчанія папскаго нунція при обнародованіи сеймовой конституціи 1641 года, то оно можетъ быть объясняемо выжидательною политикою со стороны Рима въ виду неоднократно дѣлаемыхъ Владиславомъ IV обѣщаній привлечь православныхъ къ подножію папскаго престола путемъ мирнымъ (о чемъ скажемъ ниже). Невыполненіе королемъ этихъ обѣщаній и предъявленіе къ

нему въ это время со стороны папы требованій, которыя Владиславомъ IV ни въ какомъ случаѣ не могли быть удовлетворены, какъ идущія въ разрѣзъ съ его политикою по дѣламъ религіознымъ (папа требовалъ уничтоженія привилегій, выданныхъ православнымъ), и побудили нунція, руководившагося въ данномъ случаѣ инструкціями изъ Рима, занести упомянутый протестъ 26-го февраля 1642 года [1]).

Въ теченіе остальныхъ пяти лѣтъ жизни митрополита Петра Могилы (1642—1646 гг.) общіе сеймы въ Польской Коронѣ назначаемы были и собирались четыре раза: въ 1642, 1643, 1645 и 1646 годахъ. Въ сохранившихся инструкціяхъ посламъ на нѣкоторые изъ этихъ сеймовъ мы опять слышимъ горькія жалобы со стороны православныхъ на притѣсненія, испытываемыя ими отъ латино-уніатовъ, и настойчивыя просьбы о возстановленіи правъ православной церкви соотвѣтственно съ сеймовыми конституціями „объ успокоеніи греческой религіи" и выданными на основаніи ихъ привилегіями. Въ инструкціяхъ волынскаго дворянства посламъ, отправляемымъ на сеймы 1645 и 1646 гг., православные заявляютъ, что „греческая религія—древняя, распространенная, упривилегированная, апробованная пактами конвентами и королевскою присягою—такое претерпѣваетъ насиліе въ христіанскомъ католическомъ государствѣ и свободной, независимой Рѣчи Посполитой, какого не испытываютъ даже христіане-греки, находящіеся въ рабствѣ у безбожниковъ („поганъ"). Отняты церкви, монастыри и каѳедры, возбраняется свободное отправленіе богослуженія; убогіе христіане умираютъ безъ напутствія св. тайнами и не могутъ открыто совершать богослуженіе; въ Люблинѣ, вслѣдствіе отнятія у православныхъ церкви, а также въ Сокалѣ, Бельзѣ и другихъ городахъ, они должны хоронить своихъ покойниковъ тайно въ своихъ погребахъ и домахъ [2]). Дѣйствительно, хотя конституціею 1641 года свобода вѣроисповѣданія вновь обезпечена была православнымъ, тѣмъ не менѣе ихъ положеніе, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, именно въ районѣ Холмской уніатской епархіи, было крайне стѣснительное. Меѳодій Терлецкій, посредствомъ указанныхъ нами насильственныхъ дѣйствій и угрозъ загнавши въ свою „овчарню" многихъ православныхъ, крѣпко держалъ ихъ въ ней, ибо переходъ въ унію подлежавшихъ штрафамъ и смертной казни православныхъ мѣщанъ

---

[1]) Theiner, Vetera Monum. Poloniae et Lithuaniae. III. № CCCLXIX, pag. 420—423.

[2]) Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. II. т. I. № XXV и XXVI.

разныхъ городовъ, но за покорность и согласіе признать власть холмскаго уніатскаго епископа прощенныхъ, обставленъ былъ имъ въ случаѣ несоблюденія условій (т. е. возвращенія въ православіе) такими тяжелыми юридическими обязательствами (конфискація имуществъ, приведеніе въ исполненіе задержанныхъ приговоровъ по декретамъ), что вырваться изъ означенной овчарни было дѣломъ весьма рискованнымъ. Поэтому „убогимъ христіанамъ" поневолѣ приходилось, тая въ душѣ ненависть къ уніи, наружно слѣдовать ей и скрытно, съ большими предосторожностями (у Терлецкаго были шпіоны) исполнять религіозныя обязанности по обряду церкви православной. Сеймовое постановленіе объ отсылкѣ на рѣшеніе королевскаго суда процессовъ по дѣламъ церковнымъ, хотя должно было значительно сдерживать (и сдерживало) порывы латино-уніатовъ къ захвату церквей и „духовныхъ бенефицій", принадлежавшихъ православнымъ, но по отношенію къ церквамъ и бенефиціямъ, уже передъ тѣмъ захваченнымъ у православныхъ,—значительныхъ, благопріятныхъ для послѣднихъ результатовъ не имѣло, благодаря настойчивости и упорству наиболѣе рьяныхъ представителей латино-уніатской церкви, поддерживаемыхъ въ данномъ случаѣ нѣкоторыми вліятельными лицами изъ ультра-католической партіи, находившимися у кормила правленія. Такъ, напр., Люблинская церковь, несмотря на благопріятное для православныхъ рѣшеніе короля и его неоднократные и рѣшительные приказы люблинскому старостѣ отобрать ее отъ уніатовъ и передать въ вѣдѣніе православнаго луцкаго епископа А. Пузыны [1]), по прежнему пребывала подъ властью Терлецкаго, а многочисленные протесты православныхъ и ихъ громовыя рѣчи по этому поводу на сеймахъ и въ судахъ оставались гласомъ вопіющихъ въ пустынѣ. Изъ инструкціи дворянъ пословъ на сеймъ 1645 года мы видимъ, что нѣкоторыя церковныя бенефиціи, пріурочевныя къ перемышльской православной епископіи, еще и въ то время не были переданы С. Гулевичу, хотя—какъ мы видѣли—онъ уже давно былъ возстановленъ въ своихъ правахъ. Не были приведены въ исполненіе и нѣкоторыя другія правительственныя распоряженія о передачѣ православнымъ церквей въ Холмщинѣ [2]).

Разумѣется, все это не могло способствовать успокоенію „разрозненныхъ въ вѣрѣ людей" и въ свою очередь вызывало со стороны православныхъ поступки, при правильномъ теченіи государ-

---

[1]) Рукоп. сборникъ, наход. въ библ. графа Дзѣдушицкаго во Львовѣ, Miscelanea, № 134, стр. 900—901.

[2]) Древніе акты Холмс. епархіи (въ Холм. ц. арх. музеѣ), к. I.

ственныхъ дѣлъ невозможные. Такъ, напр., не видя никакихъ результатовъ по своимъ жалобамъ о возвращеніи отнятыхъ уніатами церквей, сокальскіе мѣщане „дизуниты" (православные), а также „собранные изъ разныхъ селъ хлопы", 13 января 1646 года сдѣлали нападеніе на уніатскую церковь въ Сокалѣ, причемъ уніатскихъ „духовныхъ" избили и изувѣчили, „сакраментъ" (св. дары) растоптали ногами и кощунствовали надъ находившимся въ то время въ церкви тѣломъ умершаго „духовнаго лица" (сорвали съ него одежды) [1]).

О взаимномъ раздраженіи между православными и латино-уніатами можно также заключить изъ той массы вчиненныхъ тою и другою стороною процессовъ (по поводу личныхъ оскорбленій, насилій и т. п., иногда даже убійствъ), которыми переполнены судебныя книги того времени. Намъ нѣтъ надобности останавливаться на этихъ процессахъ, такъ какъ ознакомленіе съ ними не много намъ прибавитъ характерныхъ чертъ для той картины взаимныхъ отношеній между враждующими сторонами, которая—думаемъ—съ достаточною яркостью красокъ нарисована нами выше. Но эта картина не была бы вполнѣ закончена, еслибы мы не коснулись еще дѣятельности одного изъ борцовъ за православную вѣру, стоящаго какъ бы особнякомъ въ ряду другихъ борцовъ за оную, и въ большинствѣ случаевъ, значительно отличающагося отъ послѣднихъ по пріемамъ и характеру своихъ дѣйствій. Мы говоримъ о брестскомъ игуменѣ Аѳанасіи Филипповичѣ.

Благодаря изданному Археографическою коммиссіею „Діаріушу" Филипповича [2]), личность этого борца за православіе достаточно извѣстна въ нашей исторической литературѣ. [3]) Мы коснемся его жизни и дѣятельности настолько, насколько это требуется задачею настоящаго очерка.

Аѳанасій Филипповичъ, сынъ православныхъ родителей, по всей вѣроятности, принадлежавшихъ къ бѣдному шляхетству, получилъ образованіе въ церковно-русскихъ школахъ, послѣ чего („по наукахъ церковно-русскихъ"), слѣдуя общему между мелкою шлях-

---

[1]) Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. I. т VI. № CCCXXI.

[2]) Русс. Историческая Библіотека, изд. Археогр. Коммиссіею, т. IV, столбцы 49—156.

[3]) На основаніи Діаріуша объ А. Филипповичѣ писали: *Н. И. Костомаровъ* (Историч. Монографіи т. XIV, стр. 1—42). *О. И. Левицкій* (Универс. Извѣстія 1878 г., № 5) и *Арсеній Маркевичъ* (Холмско-Варшав. Вѣст. за 1879 г. №№ 22, 24 и 1880 г).

тою того времени обычаю, проходилъ службу при разныхъ панскихъ дворахъ, и наконецъ при дворѣ великаго канцлера литовскаго Льва Сапѣги. Здѣсь онъ пробылъ семь лѣтъ, состоя „инспекторомъ“ Яна Фавстина Лубы, которому—какъ извѣстно—поляками съ дѣтскихъ лѣтъ внушена была увѣренность, что онъ—московскій царевичъ (сынъ Марины Мнишекъ). Убѣдившись въ грѣховности міра сего, Филипповичъ отошелъ отъ Сапѣги и въ 1627 году принялъ монашество въ Виленскомъ Свято-Духовомъ монастырѣ, откуда посланъ былъ на „послушаніе“ въ монастыри, сначала Кутеинскій подъ Оршею, а потомъ Межигорскій около Кіева, въ коихъ „презъ часъ не малый учился воли Бозской и законнаго житія.“—Вызванный изъ временнаго своего пребыванія въ Межигорской обители на послушаніе въ Виленскій монастырь, Аѳанасій, при прощаніи своемъ съ межигорскимъ игуменомъ Комментаріемъ, получилъ отъ послѣдняго слѣдующее наставленіе: „Брате Аѳанасій! Сохрани по меньшей мѣрѣ три правила, необходимыя для инока: первое—быть въ послушаніи у старшихъ; второе—строго хранить уставы церковные; третье—остерегаться бесѣдъ женскихъ. Если все это, при помощи Божіей, сохранишь, то спасешься и потребенъ будешь на службу церкви Христовой.“ На пути въ Вильну Аѳанасій встрѣтилъ какого-то весьма больного человѣка, поднялъ его и немалое время несъ на себѣ. Этотъ человѣкъ послѣ продолжительной бесѣды съ Аѳанасіемъ о чудесныхъ дѣлахъ и тайнахъ Божіихъ, далъ ему, выражаясь словами діаріуша, „имя наисладшее Іисусъ Христосъ на сердце и указалъ, якъ тое заховати (сохранить)“. Съ этого времени для Аѳанасія открылся міръ таинственныхъ видѣній и чудесъ, которыми изобилуетъ вся его послѣдующая жизнь. Такъ, получивши въ Вильнѣ посвященіе въ санъ іеромонаха и назначенный послѣ того намѣстникомъ въ Дубойскій монастырь, онъ здѣсь въ теченіе трехъ лѣтъ „бѣдствовалъ“ отъ нападеній со стороны враговъ видимыхъ и невидимыхъ. Къ числу видимыхъ враговъ принадлежалъ канцлеръ Литовскій, князь Станиславъ Радзивиллъ, который въ 1636 году отобралъ Дубойскій монастырь для поселившихся въ Пинскѣ іезуитовъ. Въ это время—говоритъ Филипповичъ—(т. е. при отобраніи „монастыря“) барзо страшніи видоки на неби и на земли (не презъ сонъ, але въ день и на явѣ, толко якъ въ захвиценю якомъ будучи) видилемъ: на небѣ—хмуры барзо гнѣвливые зъ войсками ушиковаными (выстроенными къ битвѣ), на каране готовыми, и на земли—седмъ огнювъ пекелныхъ, на седмъ грѣховъ смертелныхъ зготованыхъ; зъ тыхъ огнювъ, въ пятомъ жаристомъ огнѣ трохъ особъ выразне видилемъ: нунціуша легата, въ коронѣ папеж-

ской, Жигмунта кроля и Сапегу, гетмана, за преслядоване церкви восточной барзо смутно седячихъ. Которое видѣне, гдымъ другимъ указовалъ, видити не могли. Толко одинъ святобливый мужъ Иларіонъ Денисовичъ, игуменъ Купятицкій и Пинскій, тые справы Бозскіе видѣлъ и диковался".—Послѣ отобранія отъ православныхъ Дубойской обители, Аѳанасій перешелъ въ Купятицкій монастырь, гдѣ первымъ его дѣломъ было составленіе „жалоснаго листа" по поводу притѣсненій, испытываемыхъ православными отъ латино-уніатовъ, каковой листъ послѣ подписи его многими почтенными („годными") лицами, онъ „полецилъ (поручилъ) Пречистой Богородицѣ Купятицкой". Въ это время (въ томъ же 1636 году) въ Купятицкій монастырь присланы были листы Петра Могилы съ просьбою о сборѣ подаяній въ пинскомъ повѣтѣ на возобновеніе митрополитанской каѳедры, Кіево-Софійскаго собора. Просьба митрополита была исполнена, и въ маѣ слѣдующаго (1637-го) года собранныя, по его порученію, деньги были ему чрезъ о Макарія Токаревскаго доставлены. Узнавши отъ послѣдняго, что въ Купятичахъ церковь весьма уже стара, П. Могила сказалъ: „хорошо бы собранныя вами деньги употребить на возобновленіе Купятицкой церкви; но такъ какъ онѣ привезены уже въ Кіевъ, и надобность въ нихъ у меня большая, то пусть здѣсь и остаются; но я дамъ вамъ универсальный листъ: старайтесь посредствомъ ялмужны (милостыни) святой реставрировать свою церковь".—Послушаніе собирать „святую ялмужну на збудоване Купятицкой церкви" возложено было игуменомъ на Аѳанасія Филипповича, состоявшаго уже въ то время намѣстникомъ Купятицкаго монастыря. Во время пламенной молитвы, вызванной предстоящимъ ему труднымъ подвигомъ, Аѳанасій услышалъ голосъ самой Владычицы небесной: „царь московскій построитъ Мнѣ церковь; иди до него",—и, отправляясь въ дорогу, сообщилъ о слышанномъ своему игумену. Тотъ сказалъ Аѳанасію; „брате милый, гдѣ тебѣ всемогущій Богъ и Пречистая Богородица укажетъ путь, туда и иди; а я здѣсь съ братіею буду молиться о твоемъ благополучномъ возвращеніи. А о чемъ ты говоришь, не знаю, что изъ этого выйдетъ, потому что и королевской грамоты (на проѣздъ въ Москву) ты не имѣешь". Простившись съ братіею и уже находясь въ притворѣ церковномъ, Аѳанасій еще разъ, смотря черезъ окно на чудотворный образъ Божіей Матери, обратился къ ней съ мольбою, воскликнувъ: „о Пречистая Богородице, будь со мною!" Тогда изъ церкви отъ означеннаго образа послышался явственный голосъ: „иду и Я съ тобою!" Вслѣдъ затѣмъ онъ увидѣлъ стоящаго на лѣвомъ крылосѣ (скончавшагося послѣ благочестивой жизни въ мо-

лодыхъ лѣтахъ) діакона Неемію, который изрекъ: „иду и я при своей Госпожѣ!"—Сборъ пожертвованій въ Бѣлоруссіи шелъ весьма туго и не безъ огорченій для Аѳанасія. Въ Слуцкѣ архимандритъ Шицикъ, намѣстникъ митрополита, весьма разгнѣвался на купятицкаго игумена за то, что тотъ не извѣстилъ его, архимандрита, о посылкѣ за сборомъ подаяній Аѳанасія, и отобралъ отъ послѣдняго данные ему „листы", и только спустя немалое время, „пристрашоный презъ сонъ видѣньемъ якимсь", возвратилъ ихъ, сказавъ Аѳанасію и его спутнику: „дѣлаю это для Пречистой Богородицы, а не для вашего игумена; идите съ Богомъ куда хотите". Въ Кутеинскомъ монастырѣ подъ Оршею Аѳанасій былъ принятъ ласковѣе: тамошній игуменъ Іоиль Труцевичъ сочувственно отнесся къ миссіи купятицкаго намѣстника и хотя не далъ ему просимаго „свѣдоцтва до Москвы", снабдилъ однако рекомендательными письмами къ протопопамъ и православнымъ братствамъ. Съ этими письмами Аѳанасій былъ въ Копысѣ, Шкловѣ, Могилевѣ, Головчинѣ; но здѣсь не получилъ „ялмужны": „выбирано ее пилно (старательно) епископови своему Сильвестрови Коссови на справу съ Селявою, владыкою полоцкимъ уніатомъ." Вторично прибывши въ Кутеинскій монастырь, Аѳанасій сообщилъ игумену о своей неудачѣ и хотѣлъ было возвращаться въ свою обитель со скудною милостынею; но намѣстникъ кутеинскій посовѣтовалъ ему попытаться проникнуть въ Московское государство чрезъ пограничный городъ Трубчевскъ. Игуменъ Іоиль Труцевичъ благословилъ Аѳанасія и далъ ему рекомендательное письмо къ князю Петру Трубецкому. Но Трубецкой принялъ Аѳанасія крайне неласково и подъ угрозою „великаго наказанія" приказывалъ ему возвратиться назадъ, какъ не имѣющему надлежащаго документа (паспорта). Аѳанасій вернулся было назадъ, но дорогою ему опять было видѣніе; когда онъ молитвенно взывалъ: „о Боже мой и Пречистая Богородица, смилуйтесь надо мною; не знаю что дѣлается",—былъ слышанъ имъ голосъ, произносившій такія слова: „зачѣмъ ты требуешь людской помощи? Иди въ Москву—и Я съ тобою"! Ободренный этимъ голосомъ и другими чудесными видѣніями, Аѳанасій вновь отправился къ границѣ, благополучно перебрался черезъ нее и, встрѣчая по пути ласковые пріемы со стороны народа, приписывавшаго необычайный переходъ Филипповича черезъ границу помощи Пресвятой Богородицы, безпрепятственно достигъ наконецъ главной цѣли своей поѣздки—Москвы. Здѣсь, лично представленный государю Михаилу Ѳеодоровичу, онъ вручилъ ему записку о положеніи православной церкви, угнетаемой латино-уніатами, съ просьбою „народъ православный отъ несноснаго преслѣдованія за-

щитить,"—исторію чудотворной иконы Купятицкой Божіей Матери съ ея живописнымъ изображеніемъ для хоругвей военныхъ „въ помножене православной вѣры" и описаніе своего чудеснаго путешествія въ Московское государство. Мирно отпущенный изъ Москвы, безъ сомнѣнія, съ обычною милостынею, Аѳанасій 16 іюля 1638 года возвратился въ свой Купятицкій монастырь.—Спустя нѣкоторое время (1640 г.) иноки Брестскаго Симеоновскаго монастыря обратились къ купятицкому игумену съ просьбою прислать къ нимъ въ настоятели либо Макарія Токаревскаго, либо Аѳанасія Филипповича. Но купятицкій игуменъ, по совѣщаніи съ братіею, нашелъ болѣе удобнымъ отправить въ Брестъ священноинока Климента Несвѣцкаго, „а насъ ободвохъ—пишетъ Филипповичъ—охороняль на тотъ часъ, якъ бы въ Купятичахъ потребныхъ". Однако, „посланный братіею Брестскаго монастыря" не пожелалъ принять о. Климентія. Тогда Купятицкій игуменъ съ братіею рѣшили кинуть жребій между о. о. Макаріемъ Токаревскимъ и Аѳанасіемъ Филипповичемъ, кому изъ нихъ ѣхать въ Брестъ. „По волѣ Божіей—говоритъ Филипповичъ—жребій палъ на меня".

Съ этого времени и начинается та борьба Аѳанасія съ латиноуніатами, которая, поставляя его на ряду съ выдающимися ревнителями православія того времени, однако рѣзко выдѣляетъ его изъ числа большинства ихъ по своей горячности и страстности, не сдерживаемыхъ обычными житейскими соображеніями.—Первымъ дѣломъ Аѳанасія Филипповича по прибытіи въ Брестъ („гдѣ фундаментъ уніи проклятой сталея") было собрать документы, обезпечивавшіе права и имущество Брестскаго монастыря, и занести ихъ въ гродскія книги. Сдѣлавъ это, онъ „по волѣ Божіей смѣлѣе сталъ дѣйствовать". Въ церкви и другихъ мѣстахъ онъ открыто началъ заявлять, что „унія зъ старымъ Римомъ, не ведлугъ порядку церкви всходней принятая, вечно проклята",—и мысли объ этомъ подкрѣплялъ многими доказательствами. Подобныя нападки на унію производили „тревогу" между уніатами въ Брестѣ и во всемъ брестскомъ повѣтѣ. Между тѣмъ приближалось время, на которое назначенъ былъ сеймъ (1641 г). На него отправился и новый Брестскій игуменъ съ цѣлью исхлопотать у короля новую привилегію своему монастырю. Просимую привилегію король далъ, но для приданія ей законной силы надобно было, чтобы канцлеръ или подканцлеръ приложили къ ней печати. Но ни тотъ, ни другой сдѣлать этого не хотѣли, не смотря на то, что Филипповичъ предлагалъ имъ „за печать" тридцать талеровъ.—„Будьте уніатами—говорили они Аѳанасію,—тогда мы и даромъ запечатаемъ; знайте, что намъ

отъ святого отца, папы римскаго, подъ клятвою запрещено, чтобы греческая вѣра въ нашемъ краѣ не множилась". Находившійся въ то время въ покояхъ канцлера князь Клецкій, прочитавъ данную королемъ привилегію, попросилъ было канцлера исполнить желаніе брестскаго игумена—приложить печать,—но тотъ наотрѣзъ отказался отъ этого.—Тогда Филипповичъ обратился за совѣтомъ и помощью къ своимъ „старшимъ", т. е. епископамъ, архимандритамъ и вобще вліятельнымъ духовнымъ лицамъ, пріѣхавшимъ на сеймъ. Но и здѣсь успѣха не имѣлъ: всякъ думаетъ—говоритъ Филипповичъ—только о своихъ личныхъ интересахъ („свою привату угоняетъ"): „господинъ отецъ Коссовъ двухъ тысячей золотыхъ въ каждый рокъ на владыцтво могилевское доходитъ; отецъ Гулевичъ баницію зъ себе зноситъ, владыцтво Премыское пустивши въ вѣчность (якъ въ конституціи написано) на унѣю; отецъ Жолудь цегельню (кирпичный заводъ) только въ Вилню правомъ сталюетъ (упрѣпляетъ); стецъ Шицикъ привиля, оденъ собѣ на архимандрію Овруцкую, а другой Филатею на игуменство Золотоверхого Михаила набываетъ. Единъ господинъ Варлаамъ Дидковскій святобливе въ справахъ церкви Печерской зъ розсудкомъ духовнымъ працовалъ. Иншіе отцове всѣ и законники въ своихъ приватахъ пріѣхали, и мовятъ зъ собою: я маю, маю зъ потребу у себе церквей; якъ собѣ хочетъ, нехай домавляетъ; я не дбаю (я имѣю мною хлопотъ по нуждамъ своихъ церквей; пускай каждый хлопочетъ, какъ знаетъ; это не моя забота)"... Рисуя печальное положеніе многихъ православныхъ, пріѣхавшихъ съ разными просьбами на сеймъ, Аѳанасій Филипповичъ говоритъ, что православная церковь терпитъ въ христіанскомъ государствѣ „бо́льшую неволю", чѣмъ въ Турціи. „Нельзя имѣть вольности уже и за гроши". Бѣдные Оршане за то, что построили въ братствѣ своемъ новую церковь, давали подканцлеру двѣсти червонныхъ золотыхъ, да еще пятьдесятъ коровъ пригнали въ фольваркъ къ одной особѣ—и это только за одно ходатайство („за причину") съ ея стороны. И другіе много тратились, хотя и безуспѣшно.

Передъ отъѣздомъ изъ Варшавы Аѳанасію Филипповичу опять было видѣніе. Разстроенный мрачными мыслями о печальномъ положеніи православной церкви и объ упадкѣ ревности въ средѣ ея представителей, онъ горько плакалъ, и когда въ своей квартирѣ сталъ читать акаѳистъ Пресвятой Богородицѣ, то при словахъ: „отъ всѣхъ насъ бѣдъ свободи",—услышалъ весьма явственный голосъ отъ Ея образа: „о Аѳанасій! подавай прошеніе на сеймъ черезъ образъ мой, на крестѣ изображенный, и грози королю

и Рѣчи—Посполитой праведнымъ гнѣвомъ и страшнымъ судомъ Божіимъ, который постигнетъ ихъ, если не опомнятся и не уничтожатъ проклятой уніи".

Вслѣдствіе такого приказанія Богородицы, Аѳанасій Филипповичъ ѣхалъ на слѣдующій шестинедѣльный сеймъ (1643 г.)—по его словамъ—какъ игрокъ, имѣющій въ рукахъ хорошую карту, и какъ Илія, ревнующій о вѣрѣ. Онъ взялъ съ собою образъ Купятицкой Божіей Матери „въ седми штукахъ (экземплярахъ) на полотнѣ малёваныхъ", съ „исторіею московскою" (описаніемъ своего путешествія въ Москву) и „надписаніемъ", заключающимъ въ себѣ предостереженія о гнѣвѣ и страшномъ судѣ Божіемъ (за преслѣдованіе православія и неискорененіе уніи). Глубоко убѣжденный въ правотѣ своего дѣла и съ непоколебимою вѣрою въ помощь свыше, Аѳанасій Филипповичъ, вмѣсто прошенія („суплики") отъ имени восточной церкви, вошелъ въ „сенаторскую избу", а своего діакона отправилъ въ посольскую съ привезенными имъ иконами Купятицкой Божіей Матери и, раздавши ихъ „нѣкоторымъ знатнымъ особамъ", обратился къ королю съ слѣдующею рѣчью: „Найяснѣйшій король, панъ мой милостивый! Испытываемъ невыносимую несправедливость. Не хотятъ намъ, людямъ православнымъ, въ благочестивыхъ нашихъ церковныхъ дѣлахъ прикладывать къ привилегіямъ печатей; не хотятъ насъ охранять согласно съ правами, стверждонными присягой вашей королевской милости. Уже пятьдесятъ лѣтъ подъ вами, христіанскими панами, правдивая вѣра и церковь восточная претерпѣваютъ великія преслѣдованія въ угоду проклятой уніи,—и все это дѣлается при содѣйствіи и помощи ненавистныхъ каплановъ римскихъ, а въ особенности іезуитовъ наимудрѣйшихъ. Эти-то іезуиты, посредствомъ красныхъ словъ, суетныхъ наукъ и заманчивыхъ титуловъ, овладѣвши сердцами молодыхъ людей, устрояя въ школахъ комедіи, имѣя въ костелахъ каѳедры, книжки перепорченныя и измышленныя сатанинскими кознями, безбожно соблазняютъ простыхъ людей, своихъ потаковниковъ, а правовѣрныхъ христіанъ, сами будучи неправовѣрными, предаютъ позору и преслѣдуютъ". Аѳанасій Филипповичъ просилъ короля, чтобы вѣра правдивая греческая совершенно успокоена была, „а унія проклятая вынищена и внивечъ обернена (совершенно истреблена)".—„Если—говорилъ онъ—унію проклятую искорените, а восточную истинную церковь успокоите, то будете проводить счастливыя лѣта; если же вѣру правдивую греческую не умиротворите и проклятой уніи не уничтожите, то воистину испытаете на себѣ гнѣвъ Божій... Образъ Пресвятой Богородицы да служитъ вамъ трубою и знакомъ, предупреждающимъ страшный

судъ Божій, когда благословенные унаслѣдуютъ царство небесное, а проклятые ввержены будутъ въ пекло (адъ) на вѣчныя муки. Я знаю, найдется противящійся такому предостереженію и болѣе невѣрный, чѣмъ съ окаменѣлымъ сердцемъ фараонъ; но надѣюсь, что обрящется и вѣрный Богу, создателю своему, Авраамъ, который всему сему увѣруетъ".

До крайности рѣзкія рѣчи Филипповича, безъ сомнѣнія, должны были поразить короля и сенаторовъ: его сочли человѣкомъ не въ своемъ умѣ, тѣмъ не менѣе тогда не арестовали и даже обнадежили, чтобы онъ по своему дѣлу обратился къ маршалку, пану Опалинскому. Къ послѣднему о. Аѳанасій дѣйствительно на слѣдующій день и явился. Тотъ направилъ его къ познанскому бискупу Андрею Шолдровскому, человѣку—по словамъ Филипповича—весьма разсудительному, о которомъ митрополитъ Петръ Могила отзывался какъ о добромъ своемъ пріятелѣ („добрый то мой пріятель" [1]). Шолдровскій, пріѣхавъ вечеромъ изъ сената, сообщилъ брестскому игумену радостную вѣсть: „король,—сказалъ онъ—панъ нашъ милостивый, приказалъ запечатать привилей, о которомъ вы хлопочете; приходите завтра къ ксендзу подканцлеру, а теперь идите на квартиру."

Но къ подканцлеру Аѳанасій Филипповичъ не былъ допущенъ,—и не былъ допущенъ „отъ своихъ отцевъ старшихъ, которые его вмѣстѣ съ діакономъ Леонтіемъ посадили подъ стражу („въ вязаню держали"), обвиняя въ томъ, что онъ безъ ихъ совѣта и благословенія явился на соймъ съ прошеніемъ отъ имени всей православной церкви. „Я (пишетъ Аѳанасій) остался поруганнымъ, оплеваннымъ и обвиненнымъ, и все это за то, что не доложилъ имъ (старшимъ) о своей супликѣ. Какъ будто слѣдовало идти съ докладомъ о такихъ „таемницахъ Бозскихъ!" О горе! до чего довело ихъ знакомство съ латинскою мудростью! Уже ни мало не заботятся о вѣрѣ и не слушаютъ воли Божіей, но, надѣясь на себя и на свой разумъ, свою волю творятъ, и свои своихъ же угнетаютъ".

Разумѣется, нареканія Филипповича на духовныхъ „старшихъ" были несправедливы. Очевидно, дѣло происходило такъ. Брестскій игуменъ хотя и признанъ человѣкомъ, находившимся не въ своемъ умѣ, и отпущенъ изъ сената, тѣмъ не менѣе рѣчь его должна была вызвать рѣзкія укоризны со стороны католиковъ и уніатовъ, желавшихъ сдѣлать за нее отвѣтственными всѣхъ православныхъ, въ особенности представителей православной церкви. Послѣдніе, естественно, слагали съ себя всякую вину въ этомъ дѣлѣ и, ставъ

---

[1]) Шолдровскій былъ *кіевскимъ* бискупомъ съ 1633 по 1635 г.

на точку зрѣнія самихъ католиковъ на Филипповича, какъ человѣка не въ своемъ умѣ, заключили его, вмѣстѣ съ его діакономъ, подъ стражу, гдѣ и предполагали держать ихъ до окончанія сейма, опасаясь какихъ-либо новыхъ оригинальныхъ выходокъ со стороны брестскаго игумена. Но заключеніе, въ которомъ находился А. Филипповичъ, надо полагать, не было особенно строгимъ. Ему удалось ускользнуть изъ него и дальнѣйшимъ образомъ своихъ дѣйствій привести „духовныхъ старшихъ“ еще въ бо̀льшее смущеніе. Подражая Христа ради юродивымъ, Филипповичъ выбѣжалъ на улицу совершенно нагимъ, имѣя на себѣ только клобукъ и парамантъ, вывалялся въ первомъ попавшемся болотѣ (въ то время были на улицахъ грязь и лужи) и, колотя себя палкою, побѣжалъ по варшавскимъ улицамъ, громогласно восклицая: „бѣда проклятымъ и невѣрнымъ! бѣда проклятымъ и невѣрнымъ! vae maledictis et infidelibus!“. Аѳанасій намѣревался было „въ костелы вбѣгати и волати тые же слова“, но былъ догнанъ владычнею челядью, которая его задержала и препроводила обратно въ заключеніе. Разумѣется, нареканія на православныхъ со стороны латино-уніатовъ еще болѣе увеличились, и духовныя власти вынуждены были поступить съ брестскимъ игуменомъ очень строго: его лишили игуменства и пресвитерства и, по окончаніи сейма, отправили въ Кіевъ на судъ самого митрополита (въ то время на сеймѣ не находившагося), такъ какъ Филипповичъ осужденіе свое въ Варшавѣ признавалъ несправедливымъ. Въ Кіевѣ къ брестскому игумену отнеслись гораздо снисходительнѣе. Митрополитанская консисторія оправдала его, прежнее варшавское опредѣленіе было уничтожено, Петръ Могила возстановилъ Аѳанасія въ священноиноческомъ званіи и весьма часто позволялъ совершать богослуженіе въ лаврскихъ храмахъ, а когда брестское православное братство обратилось къ митрополиту съ просьбою вновь прислать къ нимъ на игуменство о. Аѳанасія, П. Могила исполнилъ и эту просьбу, хотя въ данной по этому поводу грамотѣ братству поставлялъ на видъ, что Аѳанасій своими поступками „всей церкви Россійской нанеслъ былъ великого жалю и трудности“, поэтому онъ—митрополитъ—надѣется, что „по исправленіи“ отъ него, митрополита, брестскій игуменъ „осторожнѣй будетъ себѣ поступовати въ справахъ церковныхъ, а звлаща (особенно же) предъ кролемъ его милостью, паномъ нашимъ милостивымъ, и всѣмъ пресвѣтлымъ его сенатомъ“.

По возвращеніи въ Брестскій монастырь Аѳанасію Филипповичу съ братіею приходилось много претерпѣвать „отъ своевольныхъ іезуитскихъ студентовъ и уніатскихъ поповъ“.

Были неоднократныя „битя, мордованя, уруганя“; а кобринскій уніатскій архимандритъ Овлочинскій напалъ на „законниковъ“, посланныхъ въ Брестъ къ Аѳанасію изъ Купятицкаго монастыря, и изъ нихъ одному, священнику, урѣзалъ бороду, а другого, діакона, „обнажилъ“ и затѣмъ обоихъ выгналъ, забравши себѣ двухъ коней. Эти притѣсненія, а также дошедшее до Филипповича извѣстіе, что привилей Брестскому монастырю уже запечатанъ, — побудили его отправиться (въ 1644 г.) въ Краковъ и Варшаву. Въ Краковѣ онъ обратился къ новгородскому воеводѣ, пану Сапѣгѣ, на грунтѣ котораго жила брестская братія, съ просьбою ходатайствовать предъ королемъ о „напоминальномъ листѣ“ къ притѣснителямъ означенной братіи. На каждомъ мѣстѣ—говорилъ Филипповичъ—во дворахъ и судахъ ругаются надъ нами и гукаютъ: „гугу, русинъ, люпусъ (lupus), реліа, господи-помилуй, схизматикъ, турко-гречинъ, отщепенецъ, Налевайко“. Но Сапѣга отнесся къ жалобамъ Филипповича совершенно равнодушно. „Попъ съ попомъ побился, говорилъ онъ, а мнѣ какое до этого дѣло? Будьте уніатами—и будете жить покойно. А если не хотите, ищите справедливости черезъ своихъ старшихъ“.—Въ Краковѣ Филипповичъ видѣлся съ московскимъ посломъ, отправившись къ нему, по всей вѣроятности, за милостынею для обители. Посолъ спрашивалъ его о Фавстинѣ Дмитріевичѣ. „Я—говоритъ Аѳанасій—якъ невѣдомый жадной хитрости и не маючи полиценя ни отъ кого въ таемницахъ о немъ, далемъ картку его, до мене зъ господы (квартиры) писаную, зъ подписомъ руки въ тые слова: Янъ Фавстинъ Дмитровичъ“.

Изъ Кракова Филипповичъ поѣхалъ въ Варшаву съ цѣлью выкупить запечатованный привилей. Но юристъ Зычевскій, который хлопоталъ по этому дѣлу, просилъ съ брестскаго игумена большую сумму—6000 злотыхъ, говоря, что онъ достигъ успѣха, благодаря содѣйствію іезуитовъ, и все это стоило большихъ денегъ. Аѳанасій, кромѣ данныхъ ранѣе въ задатокъ 10 червоныхъ золотыхъ, предлагалъ еще 20 червоныхъ; но Зычевскій не соглашался. Такъ привилей Филипповича и не былъ выданъ. Тѣмъ не менѣе, видѣвши привилей запечатаннымъ, онъ въ знакъ побѣды заказалъ въ бернардинскомъ кляшторѣ изобразить красками образъ Купятицкой Божіей Матери со скипетромъ. Въ это время Филипповичу вновь было видѣніе. Когда онъ молился предъ новымъ образомъ, услышалъ исходящій отъ него голосъ: „о Аѳанасій, супликуй еще черезъ Купятицкій мой образъ на ближайшемъ сеймѣ передъ королемъ и Рѣчью Посполитою объ окончательномъ искорененіи проклятой уніи. Хорошо будетъ, если послушаются и искоренятъ ее: по-

живутъ еще въ даруемыхъ имъ лѣтахъ щасливо, ибо и планеты указываютъ Меркуріуша для Венеры ласкавость въ тыхъ лѣтахъ". Разумѣется, въ данномъ случаѣ, Аѳанасій, раздѣлявшій со многими людьми своего времени астрологическія суевѣрія (всегда отвергаемыя православною церковію), свои собственныя мысли приписалъ чудесному голосу, исходящему отъ образа.—Этимъ видѣніемъ Филипповичъ былъ престрашенъ и пять дней не принималъ пищи и питія, размышляя, что ему дѣлать?—„Бѣда мнѣ (пишетъ онъ) говорить такія рѣчи въ столь высокомъ мѣстѣ, но бѣда и не говорить о дѣлахъ Божіихъ!". Наконецъ Филипповичъ рѣшилъ, что онъ долженъ говорить, и началъ готовить сочиненіе объ уніи съ цѣлью поднести его, съ образомъ Купятицкой Божіей Матери и своею „московскою исторіею", королю въ костелѣ, во время проповѣди, а также намѣревался широко распространить свое сочиненіе между разными чинами коронными и Великаго Княжества Литовскаго, чужеземными купцами и вообще по разнымъ мѣстамъ. Но тутъ произошло неожиданное для брестскаго игумена злоключеніе. Упомянутое посѣщеніе имъ въ 1644 году московскаго посла и разговоръ о Лубѣ, въ связи съ переданною послу запискою мнимаго царевича, не прошли безслѣдно: „взято мя—пишетъ Филипповичъ—до вязеня одъ короля пана (якъ бы о Дмитровича, царевича Московскаго) до Варшавы, и былемъ въ оковахъ презъ рокъ и болше" [1]).

Находясь въ оковахъ, Филипповичъ не переставалъ писать королю прошенія объ успокоеніи православія и окончательномъ искорененіи уніи. Побужденіемъ къ этому служила непоколебимая увѣренность Аѳанасія въ своемъ призваніи свыше на дѣло Божіе, возложенное на него, какъ „на быдлятко Валаама". Въ этихъ прошеніяхъ яркими чертами изображается бѣдственное положеніе православныхъ и выставляется на видъ необходимость уничтожить унію, корень всѣхъ несчастій для Рѣчи Посполитой и въ будущемъ ея погибель.—„Какъ Каинъ Авеля и Измаилъ Исаака, такъ прокля-

[1]) Н. И. Костомаровъ пишетъ: „не знаемъ, гдѣ и когда именно это случилось: взятъ ли былъ Аѳанасій въ Брестѣ и увезенъ въ Варшаву, или самъ, сообразно своему намѣренію, уѣхалъ въ Варшаву ратовать за интересы православія и по пріѣздѣ туда былъ арестованъ" (Моногр. XIV. 31).—А. Филипповичъ арестованъ былъ *въ Брестѣ въ ноябрѣ 1645 г.* Свѣдѣніе объ этомъ находится въ дневникѣ Радзивилла, гдѣ подъ 20 ноября сдѣлана слѣдующая замѣтка: „Temi dniami onego popa, ktory przed carem Moskiewskim Łubę udał za cara ze krwi Moskiewskiey, Osinski ekonom Brzeski, złapał, i do Warszawy przysłał, gdzie był zatrzymany aż do sesmei (Pamiętniki, II. 153).

тый унитъ забивалъ и преслѣдовалъ своего родного брата, что при помощи похлѣбцевъ, противниковъ правды святой, а временемъ по попущенію Божію, дѣлаетъ и теперь"…. „Во многихъ розныхъ мѣйсцахъ въ панствѣ томъ христіанскомъ непотребные колотнѣ (раздоры) для той проклятой уніи ажъ по сесьчасъ дѣялися. На остатокъ и съ козаками внутрняя война непотребная для тоей уніи проклятой была. Для тоей милость (любовь) не маль во всѣхъ высхла; для тоей похлебства, лакомства, зазрости, зрады, нецноты, а найбарзѣй пыха ся проклятая заиножила; для тоей и порядокъ духовный и свѣтскій южъ южъ погинулъ, о которомъ сами южъ волаютъ: нерядомъ стоимо. Отожъ теперь порядокъ, ведлугъ воли Бозской, стаетъ; теперь часъ наступилъ роздѣленья благословенныхъ отъ проклятыхъ, теперъ гнѣвъ справедливый Бозскій и судъ его страшный на лѣвицу пришолъ. Хто маетъ уха до слуханя, нехай слухаетъ, што то голоситъ ведлугъ часу, мѣстца и потребы!" Одно изъ прошеній Филипповича дошло до рукъ короля: оно, оправленное въ зеленый атласъ, незамѣтно положено было въ его карету. Король, пріѣхавъ въ замокъ, приказалъ вслухъ читать его пану Пацу. Другое прошеніе, тоже оправленное въ атласъ и тоже предназначенное для передачи королю во время его переѣздовъ, имъ не было принято. „Не нужно, не нужно больше ничего – сказалъ онъ—я уже приказалъ его (т. е. Филипповича) выпустить". Дѣйствительно, въ началѣ ноября 1645 г. Аѳанасій былъ освобожденъ изъ заключенія и съ двумя драгунами препровожденъ въ Кіевъ къ митрополиту Петру Могилѣ, причемъ послѣднему сообщено было желаніе короля, чтобы онъ Филипповича послалъ въ такое мѣсто, гдѣ бы онъ не могъ производить шума. Могила нашелъ удобнымъ держать Филипповича при себѣ, гдѣ онъ и пребывалъ до самой кончины митрополита. Прибывшій на погребеніе П. Могилы луцкій епископъ Аѳанасій Пузына, при отъѣздѣ изъ Кіева, взялъ съ собою Филипповича, какъ духовное лицо, принадлежавшее его епархіи, и по желанію Брестскаго братства, вновь отправилъ его въ качествѣ игумена въ Брестскій монастырь, гдѣ во время козацкаго возстанія онъ схваченъ былъ поляками и за свою ревность къ православію 5 сентября 1648 г. воспріялъ мученическую кончину.

Выступая на общей картинѣ, изображающей борьбу православныхъ съ латино-уніатами за права своей церкви, какъ человѣкъ съ своеобразными пріемами, обусловливаемыми индивидуальными особенностями міросозерцанія и характера, Аѳанасій Филипповичъ,—какъ мы сказали—дополняетъ эту картину новыми красками,—и нельзя

не отмѣтить, что, несмотря на своеобразіе означенныхъ пріемовъ, доставлявшихъ немало хлопотъ другимъ ревнителямъ православія, общій взглядъ Филипповича на послѣдствія уніи для Польши былъ глубоко вѣренъ, и нѣкоторыя его рѣчи на эту тему дышатъ пророческимъ вдохновеніемъ.

С. Голубевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПИСЬМА КУЛИША КЪ Д. С. КАМЕНЕЦКОМУ.

1857—1865.

Печатаемыя здѣсь письма писаны къ Данилу Семеновичу Каменецкому, котораго Кулишъ называетъ своимъ „секретаремъ“ (К. Ст. 1898 г., февр., 236). Завѣдывая типографіей Кулиша, Д. С. К—ій велъ большую переписку съ людьми, работавшими по исторіи и этнографіи Малороссіи. Переписка эта отчасти сохранилась и вмѣстѣ съ настоящими письмами принадлежитъ Гр. Ст. Вашкевичу, предоставившему ее въ распоряженіе редакціи. Пользуясь этою перепискою, мы въ другомъ мѣстѣ постараемся представить очеркъ личности Д. С. К—аго, а здѣсь лишь скажемъ, что умеръ онъ лѣтъ 12 назадъ въ Петербургѣ, бездомнымъ холостякомъ, и вся его переписка, брошенная послѣ смерти, лишь случайно была спасена отъ гибели.

А. Л.

1.

Сейчасъ только возвратился я въ Москву и скоро явлюсь къ Вамъ. Наймите для меня на мѣсяцъ квартиру съ мебелью и съ прислугою для уборки комнатъ, умыванья и самовара утромъ и вечеромъ. Можно дать 30 р. въ мѣсяцъ. Вамъ извѣстно, что для тишины я долженъ имѣть глухую стѣну съ одной стороны и двѣ лишнія комнаты съ другой. Вотъ почему и нужно

для меня не меньше 2-хъ комнатъ и третьей передней. Мебель должна быть удобна для лежанья и писанья, а не для одного только сидѣнья. Если хозяйка Ваша Яценкова можетъ отдать мнѣ верхъ за 35 р. и если онъ хорошо меблированъ и не имѣетъ съ ея жилищемъ неудобной связи, то можно нанять у нея до 1-го апрѣля. Впрочемъ, какъ бы Вы ни наняли, одинъ мѣсяцъ не бѣда, хотя бы Вы выбрали квартиру и неудачно: послѣ пріищемъ лучшую. Можно на верху взять и двѣ только комнатки, поелику я пріѣхалъ зимовать одинъ. Во всякомъ случаѣ я явлюсь прямо въ типографію съ желѣзной дороги и займу на одни сутки Вашу комнату, если квартира еще не нанята. Не знаю, завтра ли выѣзжаю, или еще останусь дня на два.

Предложеніе объ изданіи Основаній физ. геогр. и метеорологіи не представляетъ намъ никакихъ выгодъ.

Вашъ П. К.

1857. окт. 18. Москва.

2.

Тула. 4 февр. 1858.

Въ повѣсти: *Отъ Тоби й Скарбъ!* зачеркните сейчасъ примѣчаніе о томъ, какъ ловятъ окуней и напишите просто „кунялы“.

Въ Тулу пріѣхалъ я во вторникъ, часовъ въ 9, и остановился у Гусева, который взялся устроить мнѣ подорожную и разныя разности.

Въ Москвѣ купилъ на станціи кибитку за 10 р. и успѣлъ запастись чаемъ, да для А. М. купилъ шубку изъ бѣлокъ, соотвѣтствующую моей короткой. Эта вещь необходима даже и лѣтомъ, потому что въ квартирахъ заграницею бываетъ холодно.

Прощайте! Да хранятъ Васъ небеса! Живите мирно.

Какъ мнѣ совѣстно, что не простился съ Сергѣемъ Семеновичемъ! Мнѣ представилось, что онъ ушелъ на службу, и только на желѣзной дорогѣ вспомнилъ, что это воскресенье! Извините меня передъ нимъ.

Въ Тулѣ буду обѣдать, но ночевать не буду.

Вашъ П. Кулишъ.

P. S. Въ Борзнѣ я, по всей вѣроятности, пробуду недѣлю. Пишите, если нужно будетъ, на имя Викт. Мих. Бѣлозерскаго и увѣдомьте о Галаганѣ, еслибъ до того времени увидѣлись. О письмѣ, которое Галаганъ можетъ Вамъ передать, упомяните и послѣ—такъ: *Выписки Галагана спрятаны до Вашего возвр.* [1]) Я не вижу проку въ этой перепискѣ и радъ, что отъѣздъ мой прерветъ ее благовидно. Мудрено заставить людей жить и дѣйствовать такъ, какъ желалъ бы. Мудрено возвести на поэтическую высоту низко ходящихъ по землѣ. Много разъ въ жизни приходилось мнѣ восклицать съ Пушкинымъ:

Мнѣ стыдно идоловъ своихъ!

Но пребываетъ въ душѣ неутомимая жажда искать въ людяхъ высокихъ проявленій чувства и направлять его къ высокимъ цѣлямъ. А между тѣмъ сколько изъ этого выходитъ предположеній, недоразумѣній и проч.! Но довольно.

3.

Пишите къ Тихменеву, чтобы онъ прислалъ деньги Вас. Мих., который-де заплатитъ мнѣ за него. Если же деньги посланы, то истребуйте росписку, а меня увѣдомьте.

Пошлите Чуйкевичу 20 р. для врученія моему крестнику въ самый день Христова Воскресенія, по выходѣ изъ церкви. Жаль, что Чуйкевичъ лѣнивъ и не возьметъ на себя труда сдѣлать это такъ, какъ любятъ описывать романисты, а призоветъ его къ себѣ выспавшись и скажетъ зѣвая: „Вотъ тебѣ деньги присланы“, точно почтмейстеръ.

Перцу объявите, что я написалъ къ матери Гоголя, согласна ли она? а между тѣмъ вывѣдайте посредствомъ Гербеля, что ли, сколько заплатилъ онъ за выборку изъ сочиненій Пуш-

---

[1]) Спросите у Г., на догадъ бурякивъ, нѣтъ ли письма отъ Тарн. и что Вы перешлете. Мнѣ бы не хотѣлось, чтобы *выписки* остались у него въ рукахъ.

кина, и меня увѣдомьте. Принявъ въ соображеніе то и другое, я назначу плату и напишу изъ Брюсселя. Время терпитъ. Перецъ не долженъ знать о нашихъ справкахъ, т. е. что мы намѣрены забрать справки. Онъ спекулянтъ и, вѣроятно, станетъ хитрить съ нами. Но спросите у него мимоходомъ, за какую плату пріобрѣлъ онъ отъ владѣтелей Пушкина право на выборку. Послѣ Вы увидите, что это за человѣкъ и стоитъ ли имѣть съ нимъ дѣло.

Дамъ я Вамъ полезный совѣтъ. Одѣвайтесь Вы почище, не пренебрегайте бѣльемъ, не жалѣйте маленькмхъ издержекъ на туалетъ. Отъ этого многое будетъ зависѣть въ вашей частной службѣ у журналистовъ въ качествѣ дѣлопроизводителя и проч. Я бы желалъ, чтобъ Ваши доходы возросли до 1000 р., а для этого необходимо *казаться* человѣкомъ порядочнымъ, ибо *быть* только имъ въ Петербургѣ не достаточно.

Біографію Основьяненка пишу. А. М. уѣхала съ братомъ проститься съ крестной матерью. Она такъ здорова и весела, какъ я давно уже не видѣлъ. Разумѣется, что она Васъ помнитъ и цѣнитъ, и кланяется Вамъ очень усердно.

Вашъ П. Кулишъ.

1858. февр. 16. Мотроновка.

4.

1858, Марта 2. въ 7 часовъ вечера. Мотрон.

Пошлите инструкцію о книгахъ Ник. Дан. Бѣлозерскому, на имя студента университета Карпа Ив. Бѣлозерскаго въ Харьковѣ. Она еще дойдетъ пока получатся книги.

Письмо Ваше о Перцѣ получено и отвѣчено.

Костомарова я извѣщу, что Ев. отъ Іоанна давно уже мною переведено и находится у Ник. Дан. Бѣлозер.

Возвратите Ив. В. Вернадскому деньги, взятыя съ него излишне противъ Метциха, но съ другими заказчиками всегда говорите о томъ, что чѣмъ совершеннѣе печать и дороже чернилы, тѣмъ и плата должна быть выше: иначе не можетъ быть

никакого успѣха въ типографскомъ искусствѣ. Я самъ платилъ Якобсону дороже обыкновеннаго—и за то мои Записки о Ю. Р. и Чорна Рада напечатаны лучше другихъ книгъ. Можете отыскать и показывать мои счеты съ Якобсономъ.

300 р. получилъ. Не бойтесь за деньги: деньги будутъ. Смотрите только на дѣло, да не смущайтесь такими пустяками, какъ мѣсто столонач. Это Васъ Богъ спасъ отъ него. Не бойтесь, со мной не пропадете, и даже *послѣ меня* не пропадете.

Отъ изданія Гоголя я и не думаю отказываться, а только біографія мнѣ надоѣла. Но Вы забываете, что чѣмъ больше труда, тѣмъ больше наша природа требуетъ отдыха. А трудъ для біогр. Гоголя я понесъ страшный. Для новаго же изданія я напишу живую статью, которая потечетъ отъ начала до конца, какъ пѣсня. На дняхъ попала мнѣ подъ руку біографія Байрона при его сочиненіяхъ, и я почувствовалъ уже расположеніе написать нѣчто о Гоголѣ. Заграницей, я напишу о Гоголѣ непремѣнно, если не увлекусь чѣмъ-нибудь гораздо болѣе. Но во всякомъ случаѣ считаю нужнымъ пустить свою мысль при сочиненіяхъ Гоголя по всей Россіи. Это еще лучше, чѣмъ въ Русскомъ Вѣстникѣ. На этотъ счетъ будьте соверш. спокойны.

Буду въ Берлинѣ скоро и посмотрю шрифты, а также и о машинѣ рѣшу словесно.

Побывайте у Галагана отъ моего имени.

Пишу за часъ до выѣзду изъ Мотроновки.

Кланяется Вамъ Александра Мих. и Николай Михайловичъ.

Будьте мужественны и не смущайтесь ни чѣмъ. Это мнѣ всего нужнѣе отъ Васъ. Отъ этого зависитъ вся моя загранична дѣятельность. Сдѣлайте такъ, чтобъ я нисколько не думалъ: что то дѣлается въ Петерб.! и не рвался въ Россію для веденія своихъ дѣлъ. Великую и приснопамятную службу мнѣ и многимъ другимъ Вы сослужите энергическимъ веденіемъ моихъ дѣлъ съ увѣренностію въ важныхъ результатахъ, которые отъ нихъ получатся. Обнимаю Васъ отъ всей души.

Вашъ П. К.

5.

Я надѣялся застать отъ Васъ что-нибудь въ Брюсселѣ,—ни одного слова! Пишите же теперь ко мнѣ: Suisse, Genéve, poste restante. Можетъ быть, я тамъ буду и не скоро,—мѣсяца черезъ полтора, но лучше пускай Ваше письмо подождетъ меня, чѣмъ не застать мнѣ ничего.

Мы здоровы. Кланяемся.

П. Кулишъ.

1858, апр. 16 н. ст. Брюссель.

Василію Михайловичу.

Ко мнѣ никто не пишетъ. Естественно и мнѣ молчать. Меня болѣе интересуютъ дѣла русскія, чѣмъ Васъ иностранныя; но ко мнѣ никто ни слова, кромѣ Макарова, который прислалъ съ векселемъ пять строкъ.

Прошу Васъ *настоятельно* потребовать отъ Тихменева 231, кажется, рубль и вручить Макарову для пересылки ко мнѣ въ видѣ векселя, въ Вѣну на имя банкира, котораго имя сообщить мнѣ въ Римъ, poste restante.

Саша и я обоимъ Вамъ кланяемся.

Вашъ П. Кулишъ.

1858, апр. 16 н. ст. Брюссель.

Вы съ Тихменевымъ распорядились очень неудачно. Почемъ онъ знаетъ, *какъ* и куда посылать мнѣ деньги, да притомъ этимъ Вы предоставили ему произволъ. Надо было къ себѣ деньги вытребовать.

6.

1858, апр. 23 н. ст.

Я не получилъ отъ Васъ послѣ Борзны ни строчки. Пишите же теперь по слѣдующему адресу: Suisse. Genève. Poste restante. Доставьте Макарову 500 р. для пересылки ко мнѣ. У меня еще довольно денегъ; но лучше пускай эти 500 р. поле-

жать у меня, чѣмъ мнѣ опасаться: „а что, если не придутъ деньги"! Иностранцы безчувствены, какъ жиды, къ путешественнику, и на деньги здѣсь смотришь, какъ на талисманъ противъ злыхъ духовъ. Можетъ быть, я больше отъ Васъ и не потребую. Теперь мы въ Литтихѣ, онъ же и Liége. Отсюда въ Кёльнъ, онъ же и Cologne, а оттуда вверхъ по Рейну въ Женеву. Отъ Вашихъ извѣстій будетъ зависѣть мой ранній или поздній возвратъ въ Россію, но зажиться здѣсь покамѣсть я не чувствую большой охоты. Чудесъ много, да негдѣ успокоиться такъ, чтобъ не хотѣлось перемѣнять мѣста: *Куды ни пійду, куды ни погляну, то все чужына*!

Вашъ П. Кулишъ.

7.

Безцѣнный другъ Данило Семеновичъ!

Письма Ваши я получу изъ Брюсселя въ другомъ городѣ. Теперь же пишите ко мнѣ въ Лембергъ, котораго я миновать не могу, какъ бы далеко ни забился въ Европу. (Autriche. Lemberg, poste restante).

Основьяненка выпускайте безъ предисловія, а предисловіе пошлите къ Крузе, давши такое заглавіе: „Грыгорый Квитка и ёго повисти. Слово на новый выходъ Квитчыныхъ повистей". А на конци: „П. Кулишъ. Хутиръ Мотроновка. Р. Б. 1858, февраля 18". Сю брошюрку напечатать тѣмъ форматомъ, что и повѣсти и продавать при повѣстяхъ, а отдѣльно не продавать. Все это, разумѣется, въ такомъ случаѣ, когда Крузе пропуститъ съ небольшими помарками.

Такъ какъ Вы меня увѣдомили, что Вы отвѣчали на вопросъ Тихменева, чтобы онъ выслалъ мнѣ вексель (на что не было съ моей стороны никакого распоряженія), то я и ждалъ отъ него векселя, а отъ Васъ росписки съ почты и увѣдомленія, какъ именно посланы деньги, т. е. по какому адресу. Скажите Вас. Мих., чтобы онъ, вырвавши отъ Тихменева деньги, немедленно вручилъ Вамъ, а Вы ужъ будете знать, что съ ними дѣлать.

Тоска моя родилась отъ всеобщаго молчанія. Я думалъ, что я совершенно равнодушенъ къ Петербургу и буду радоваться, не видя его передъ глазами; а здѣсь оказалось, что всякое извѣстіе о немъ для меня дорого, и что я не могу существовать, оторвавшись отъ него совершенно.

Состояніе Вашего духа для меня совершенно понятно. Я и опасался, чтобъ Вамъ не опротивѣла жизнь въ лѣтнее время. Мужествуйте, пока можете. Когда же выбьетесь изъ силъ, я займу Ваше мѣсто. Не воображайте меня слишкомъ далекимъ отъ черной работы, въ которую Вы для меня впряглись. То, что Вы дѣлаете, можетъ быть, важнѣе по своимъ послѣдствіямъ того, чтó я дѣлаю. Одна моя забота, чтобъ Вы не проиграли въ матеріальномъ отношеніи, связавшись со мною, и для этого я готовъ трудиться надъ чѣмъ угодно. Смотрите веселѣе впередъ, не смущайтесь несбывшимися ожиданіями. Терпѣніе и воля многое могутъ сдѣлать наперекоръ самымъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ. Съ типографіею поступайте по усмотрѣнію. Можетъ быть, Лей не самъ дѣйствуетъ, а по коварнымъ внушеніямъ управляющаго. Объяснялся ли Ив. Ив. съ нимъ лично? Хорошо бы нанять такую квартиру, въ которой бы и мы могли жить отдѣльно и спокойно. Въ наше отсутствіе можно отдавать помѣсячно холостому барину (дѣти портятъ мебель) со всею мебелью и со всѣми вещами, списавши ихъ и означивъ цѣну на случай порчи, какъ дѣлаютъ иностранцы. Мы явимся въ Петербургъ, по всей вѣроятности къ концу сентября. Здоровье обоихъ насъ очень поправилось. Это одно стоитъ денегъ, не говоря уже о томъ, что человѣкъ не напрасно видитъ иную жизнь въ разнообразныхъ ея проявленіяхъ. Были мы въ Намюрѣ, Литтихѣ, Ахенѣ, Кельнѣ, Страсбургѣ, Базелѣ, Нейшателѣ и въ разныхъ мелкихъ городахъ. Нельзя того начитать въ книгахъ, что видишь собственными глазами, потому что каждая душа читаетъ исторію природы и человѣка особымъ способомъ. Писать мнѣ, покамѣсть, было невозможно за множествомъ ѣзды и ходьбы, послѣ которыхъ думаешь только о пищѣ и отдыхѣ. Александра Мих. ведетъ дневникъ, который и для меня будетъ напомина-

ніемъ изгладившихся впечатлѣній. Вѣроятно также, что и въ остановившихся моихъ сочиненіяхъ рѣчи мои потекутъ, послѣ всего видѣннаго и испытаннаго, шире и глубже. Меня безпокоитъ мысль объ издержкахъ, но я не сомнѣваюсь, что все это воротится потóмъ съ избыткомъ. Мужествуйте же я Вы, и твердо стойте на своемъ постѣ, побѣждая высшими идеями безотчетную тоску, отъ которой нельзя быть совершенно свободнымъ на чужбинѣ. И мы здѣсь, видя вокругъ себя рай, часто то скучаемъ и рвемся, то въ Петорбургъ—къ друзьямъ, то въ Малороссію—къ простому нашему народу, лучше котораго мы ничего не встрѣчаемъ. А всё же покоряется мысли—что душѣ человѣческой необходимо скитанье по чужбинѣ для уразумѣнія самой себя и окружающаго ея міра. Всѣ мы находимся въ школѣ и до конца должны учиться, переходя отъ легкихъ книгъ къ болѣе и болѣе труднымъ. А потомъ уже откроется намъ смыслъ книги живота вѣчнаго. Этого каждый своимъ путемъ добивается, и никто не хочетъ остановиться на томъ, чтò знаетъ.

Обнимите и поцѣлуйте за меня Тараса. Извѣстіе, что онъ въ Петербургѣ, было для насъ торжествомъ.

Сочиненій моихъ покамѣсть не печатайте. Вы сами увидите впослѣдствіи, слѣдуетъ ли ихъ печатать. Тогда и дѣлайте по своему усмотрѣнію.

Александра Мих. Вамъ усердно кланяется.

Вашъ душою П. Кулишъ.

Женева. 1858, мая 15 н. ст.

8.

Женева. 1858, мая 26 н. ст.

Получили мы 500 р. отъ Макарова. Теперь возвратимся домой—но не въ Петербургъ, а въ Малороссію. Боюсь оставаться долго заграницей, чтобъ не истратить много денегъ. Какъ ни разсчитываешь своихъ издержекъ, всегда выходитъ больше, и это дѣлается почти сверхъестественнымъ образомъ,—точно какая то невидимая рука перекладываетъ деньги изъ рус-

скаго кармана въ иностранные кошельки. Сіи 500 рублей употребятся на проѣздъ черезъ Туринъ, Миланъ, Венецію и Вѣну въ Лембергъ, на покупку въ Лембергѣ нетечанки, или чего-нибудь подобнаго, и на возвращеніе въ Мотроновку. Петербурга я избѣгаю, чтобы изъ Сциллы не попасть въ Харибду: тамъ жизнь тоже дорога, а Вы пишете, что присутствіе мое не нужно. Останусь въ Малороссіи дотолѣ, доколѣ Вы сдѣлаете это для меня возможнымъ, заступая мое мѣсто,—хотя бы и цѣлый годъ. Буду писать и посылать для печати въ журналъ. Теперь мнѣ нужна только тихая комната. Но въ тоже время мнѣ нужна и независимость отъ людей, среди которыхъ я буду жить. Сія независимость пріобрѣтется покупкою тройки лошадей, которыя дадутъ мнѣ возможность кой съ кѣмъ видѣться и обновляться размѣномъ мыслей или новыми впечатлѣніями. Если бы нужно было возвратиться въ Петербургъ надолго, лошадей можно продать; убытокъ будетъ небольшой, а пожалуй и совсѣмъ не будетъ, какъ это я знаю по опыту. Все это Вамъ сообщаю для того, чтобы Вы видѣли ясно ходъ моихъ душевныхъ и матеріальныхъ дѣлъ. Думаю, что и Вы найдете выгоднѣйшимъ пребываніе мое въ Малороссіи, если только я примусь за работу, а мнѣ хочется приняться. Я бы расположился работать и здѣсь, но дорогая жизнь меня тревожитъ. Итакъ пришлите въ Борзну, на мое имя, пятьсотъ рублей серебромъ. Если же въ типографской кассѣ у Ив. Ив. нѣтъ къ предполагаемому времени денегъ на машину и у Васъ мало, то пришлите только 400 р. Я, однакожъ, думаю, что Ив. Ив. собралъ уже малую толику денегъ и что типографія начинаетъ Вамъ возвращать забранное изъ Вашей казны. Увѣдомьте меня объ этомъ. Дайте мнѣ краткій, въ пяти строкахъ, отчетъ о состояніи нашихъ финансовъ, ибо я не могу всего содержать въ головѣ. Я только знаю, что мнѣ надобно поуменьшить свои расходы и приняться за работу, что̀ и сдѣлаю всенепремѣннѣйше. А когда увижу, что дѣла идутъ хорошо, тогда только позволю себѣ что-нибудь въ родѣ путешествія. Это самое дорогое изъ удовольствій, а до какой степени здѣсь вознаграждаются издержки, я еще не знаю, осмо-

трѣвшись и пообдумавши свои дѣла, я испугался дальнѣйшихъ странствованій и рѣшился немедленно возвратиться домой. А видѣлъ я великолѣпныя явленія! Какъ бы только сдѣлать, чтобъ это было не даромъ! Посмотримъ.

Вашъ П. Кулишъ.

Александра Мих. Вамъ кланяется.

9.

Вотъ я и въ Львовѣ. Отъ Васъ письмо очень грустное. Выѣзжаю. Купилъ экипажъ такой, что, въ случаѣ надобности, у меня его перекупятъ съ лихвою. Денегъ у меня осталось только на переѣздъ до Борзны. Я далъ росписку. Отнесите 500 р. сер. Штиглицу, на Англійской набережной, и попросите послать отъ себя не деньги, или вексель (что дороже), а только наказъ одному изъ Лембергскихъ банкировъ—выдать эту сумму австрійскими ассигн. (а не звонкою монетою, чтò дороже) въ руки *профессору университета Лемберiскаго Якову Головацкому*. Штиглицъ (или его контора) напишетъ въ роспискѣ, какому банкиру пошлется наказъ, а Вы, удержавъ росписку у себя, увѣдомьте о ея содержаніи сего Якова Головацкаго въ Лембергъ немедленно. Сіе прошу исполнить на послѣднія деньги, какія имѣете, или достать можете, потому что за меня поручились люди только по моей физіономіи. Очень обяжете. Пишите въ Борзну. Мы здоровы. Кланяемся.

Вашъ П. Кулишъ.

Чиновникамъ скажите объ Украинскомъ журналѣ, что еслибъ только довольно было денегъ въ запасѣ на рискъ въ теченіе двухъ лѣтъ, то взялся бы я такъ за дѣло, що ажъ ворогамъ було бъ тяжко! Но безъ грошей и не думаю о журналѣ.

10.

1858, іюня, кажется, 10. Мотроновка.

Здравствуйте, безцѣнный другъ

Данило Семеновичъ!

Возвратились мы въ Мотроновку здравы и невредимы. Здѣсь, къ великому моему удовольствію, застали Вас. Мих., который сообщилъ намъ о Васъ разныя подробности. Жаль мнѣ Васъ крѣпко, но ничего не могу сказать Вамъ въ утѣшеніе, кромѣ: *мужайтеся и да крѣпится сердце Ваше.* Сидя на своемъ мѣстѣ и дѣлая мое присутствіе въ Петербургѣ покамѣсть ненужнымъ, Вы приносите мнѣ столько пользы, что я не въ состояніи достойно вознаградить Васъ. Но мзда Ваша впереди и не отъ меня одного. Это я очень ясно вижу. И такъ мужайтеся. Принимаюсь за работу послѣ дѣятельной праздности. Александра Мих. Вамъ кланяется, находясь въ добромъ здоровьи.

Вашъ душою П. Кулишъ.

Колы Вамъ, панычу, не дуже николы, то моглы бъ Вы сотворыты кныгу, рекомую: „Словарь для чтенія малороссійскихъ народныхъ и литературныхъ произведеній". Для сёго взялы бъ Вы вси печатни писни наши, а потимъ и все печатне наше, повыпысувалы всяке слово зъ ёго найкращымы фразами да й була бъ кныжка, дуже потрибна теперъ товарыству. Словарь народнёго языка—велыка праця, а словарь того, що надруковано—просте и неубыточне дило. Не треба для сего никуды йиздыты и прыслухатысь. Що Вы на се скажете? А мыни здаетця, що безъ такого словаря и журналъ нашъ не такъ то розійдетця.

Касательно дозволенія извѣстному Вамъ лицу составить томикъ выбранныхъ соч. Гоголя, я получилъ отъ матери Гоголя отвѣтъ утвердительный, который и сообщите кому о томъ вѣдать надлежитъ, вспомнивъ мои условія въ прежнемъ письмѣ.

11.

1858, іюля 7. Мотроновка.

За 300 р. и за выговоръ очень благодаренъ и воспользуюсь тѣмъ и другимъ какъ нельзя лучше. Но не называйте издержанныхъ денегъ *чужими*. Еще есть надежда все пополнить; а еслибы и нельзя было, то можно продать типографію, а еслибы и тогда не хватило, то знайте, во-первыхъ, что у меня есть письма Маріи Ивановны, въ которыхъ она проситъ меня увеличить мою мзду; во вторыхъ, при свиданіи, она неоднократно просила меня пользоваться ея частью капитала, какъ собственными деньгами на путешествія мои. Итакъ я совершенно спокоенъ, тѣмъ болѣе что Трушковскій недавно получилъ огромное наслѣдство. Пребываніе мое въ Петербургѣ обойдется несравненно дороже отсутствія; поэтому я остаюсь здѣсь; а мѣсто мое относительно рѣшенія затрудненій, вопросовъ и хлопотъ по пріисканію работы заступятъ Симоновъ и Бѣлозерскій, которымъ передаю всю мою власть, какъ хозяина. Я теперь пишу и дорожу тѣмъ, что могу здѣсь писать. Послѣ обзора Европы, я влюбленъ въ Малороссію и даже въ ея жизнь. Желалъ бы никогда съ ней не разставаться. Продайте мою мебель съ нѣкоторой уступкой, черезъ Вас. Мих. Каждую штуку могутъ купить отдѣльно, какъ изящное произведеніе. Цѣны: столъ 140 р., шкафъ 75 р., диванъ 75 р., другой столъ 40 р., стулья по 12 р., лампа 30 р. Если же не купятъ, то обратитесь къ Мари въ Пассажѣ, и что онъ дастъ за то и отдайте. Эти деньги вышлите мнѣ немедленно на устройство моего хутора Баивщины, который давно уже отданъ мнѣ Симоновымъ въ пожизненное владѣніе, а если хочу владѣть потомственно, я могу взнести за него 2600 р. сер. (Это секретъ). Другихъ денегъ я больше отъ Васъ не потребую, пока Вы не увѣдомите, что балансъ между книгами и типографіей сведенъ.

Съ Тарасовыми сочиненіями нечего спѣшить. Пускай сперва позволятъ. А когда позволятъ, пускай Тар. отнесется ко мнѣ самъ, а я набиваться съ выправками не хочу, имѣя и у себя много работы.

Что же до Вовчка, то рука моя къ нему болѣе не прикоснется. Пускай сличаетъ мою печать съ своими оригиналами и выправляетъ по даннымъ мною образцамъ художественной редакціи. Если же въ себѣ сомнѣвается, то пусть ему помогутъ другіе люди со вкусомъ. Я сдѣлалъ для *новаго* писателя такъ много, какъ никто никогда ни для кого новаго и никому невѣдомаго. Этого съ него довольно. Не вѣкъ же мнѣ разрываться изъ великодушія. Печатаніе же новыхъ пьесъ должно опредѣлиться количествомъ проданныхъ экземпляровъ. Писать о перемѣщеніи не буду къ Аѳ. Вас.,*) находясь нынѣ не у дѣлъ. Но полагаю, что для него очень вредно являться впередъ, не имѣя ничего вѣрнаго и безъ средствъ. А впрочемъ, какъ знаете и какъ знаютъ другіе. Я теперь хуторянинъ и въ подобныя дѣла не мѣшаюсь.

Пишите ко мнѣ почаще увѣдомительныя письма. Я ни съ кѣмъ больше не переписываюсь, а мнѣ надобно же кое-что знать о сѣверныхъ дѣлахъ. Распрашивайте и будьте, по мѣрѣ возможности, газетою. Проникните въ судьбу „Граматки“ у министра. Я гоненія на автора не ожидаю.

Вашъ П. Кулишъ.

Александра Мих. Вамъ кланяется.

Мебель же, сдѣланную моими руками, прошу хранить, еле возможно,

Пьесъ, о которыхъ Вы пишете, печатать не надобно по ихъ ничтожеству. Съ Основьяненкомъ я поступаю такъ, какъ будто онъ живой проситъ меня объ этомъ. Я самъ былъ бы доволенъ на томъ свѣтѣ, когда бы опытная и добрая рука распорядилась такъ съ моими сочиненіями. А на прицѣпки щелкоперовъ нечего смотрѣть. У нихъ свой взглядъ на литературу, а у меня свой.

Прошу Васъ не трубить, сколько экземпляровъ Гоголя остается, а выражаться неопредѣленно на вопросы любопытныхъ и упоминать неясно о городахъ, въ которыхъ-де много

*) Аѳанасій Васильевичъ Марковичъ.

лежитъ книгъ у коммиссіонеровъ. Я буду у матери Гоголя и объяснюсь съ нею. Вы же никому отчета не давайте, кромѣ меня. Это для того, чтобы не дать вмѣшаться между насъ зятевьямъ Гоголя, которые выразили разныя мнѣнія на счетъ новаго изданія. Я же отвѣчалъ матери Гоголя, что желаю имѣть сношенія съ одною ею, въ противномъ случаѣ, распродавъ настоящее изданіе, отъ новаго отказываюсь. У матери Гоголя я буду видѣться и съ зятемъ, который особенно охотится вмѣшаться въ наши дѣла и скажу, что если Трушковскій, сестра, мать и другой зять Гоголя дадутъ ему письменную довѣренность, тогда я готовъ заключить съ нимъ условіе на бумагѣ, а безъ того ни за что не берусь.

О тихомъ состояніи нашихъ дѣлъ сохраняйте тайну, если даже и не надѣетесь ихъ поправить.—Чтобъ порадовать Васъ чѣмъ-нибудь, скажу, что я пишу далѣе Липовыя Пущи, и вижу, что не напрасно я путешествовалъ.

Прошу Васъ выслать мнѣ по почтѣ въ Лубны, на мое имя: Современникъ, Отечественныя Записки, Русскій Вѣстникъ и Атеней. А потомъ ежемѣсячно высылать эти журналы, четыре въ одной посылкѣ. Я въ Петербургъ на зиму не пріѣду, а можетъ быть и никогда. О своемъ положеніи не безпокойтесь. Если дѣла пойдутъ хорошо, постъ Вашъ высокоблагороденъ, мѣсто въ 5-мъ классѣ по литературѣ; если же худо, то Вы получите единовременное пособіе, которое Васъ на долго обезпечитъ.

Пришлите съ книгами мою печатку и сургучу.

Кто захочетъ войти со мной въ непосредственныя сношенія, пускай пишетъ на мое имя—*въ Лубны, Полтавской губер.*

Прошу Васъ уничтожить полученныя Вами письма отъ извѣстной особы и никогда о нихъ не упоминать. Но исполните это немедленно. При свиданіи, если оно случится, я скажу, что они не получены вовсе и этимъ положу конецъ отношеніямъ страннымъ въ глазахъ другихъ и которыя вовсе не ладятся съ жизнью и ни къ чему не ведутъ путному.

12.

У меня здѣсь есть кое-что написанное для 3-го тома Замѣтокъ о Южной Руси, который хорошо было бы теперь выдать. Пришлите мнѣ все, что для него есть въ Петербургѣ, да присоедините къ этому пачки пѣсенъ. Подлиннаго сборника Костомарова, подлиннаго сборника Руликовскаго, сказокъ и проч. не надо. Тутъ-же приложите и дорожную книжку съ пѣснями и картинками. Да еще: листа три карты Шуберта—Малороссію. Напечатаемъ 600 экз. Бумагу подобрать поближе, а не заказывать.

Тарасъ можетъ попробовать здѣсь, нельзя-ли ему печатать подъ своимъ именемъ, не говоря ни слова?

Пришлите реестрикъ всѣхъ доставленныхъ матери Гоголя денегъ, съ самаго начала. Все это посылкою въ Лубны, (а реестрикъ въ письмѣ).

Въ Нѣжинъ-же на имя Попова благоволите отправить надежный ящикъ, въ который хорошенько уложите:

1) Шубы наши, присланныя Вамъ изъ Варшавы.

2) Мои книги чисто научнаго значенія и книжки на малороссійскомъ языкѣ. Прочія сложите въ сундукъ, обернувши переплеты.

3) Самоваръ и прочее, присланное Хильчевскимъ.

4) Чернильницу и другія пригодныя для мени мелочи. Портретовъ не надо. Деревянныя ложки и вещицы.

5) Осеннее пальто. Образа. Серебро.

6) Корабликъ и подаренныя Вами А—рѣ М—нѣ шитья.

7) Изъ бѣлья и прочаго, что признаете нужнымъ и стоющимъ пересылки. Шелковое одѣяло, и еще что есть тамъ?

Однимъ словомъ — все, что жаль отдать за безцѣнокъ, пришлите въ одномъ или двухъ ящикахъ,—въ томъ числѣ и подушки, и даже пуховикъ, на которомъ хоть и не слѣдуетъ спать образованному человѣку, но изъ котораго выйдутъ головныя подушки для гостей. Все же прочее продайте и очистите себя отъ этого дрязгу, чтобы о немъ больше и не вспоминать.

Я рѣшительно водворяюсь въ Малороссіи, и только въ случаѣ необходимости навѣдаюсь въ Петербургъ. Пожалуйста все, о чемъ я просилъ и прошу, выполните по-братски и по-дружески, а будущность мою предоставьте Провидѣнію.

Просилъ я Васъ докончить выписки изъ Публичной библіотеки. Онѣ теперь нужны для 3-го тома. О сихъ выпискахъ будетъ написанъ трактатъ. Пѣсни также нужны для 3-го тома. Мы не скоро соберемся издать всѣ вдругъ. Обработаю я сотню и приложу свой взглядъ на пользу такой обработки для юной нашей словесности.

Ахъ да? Креселъ, стола и шкафа моей работы не сбывайте и всячески храните. А великолѣпную мебель продайте безъ милосердія. Если лампу можно уложить въ ящикъ, то уложите.

Прилагаю реестръ проданнымъ въ Харьковѣ книгамъ. Остальныя лежатъ у Гулака-Артемовскаго неподвижно. Если имѣете довѣреннаго и преданнаго человѣка, поручите ему продажу.

Напоминайте Вас. Мих. о Тихменевѣ, чтобъ онъ истребовалъ деньги.

Вашъ П. К.

1858, іюля 12. Мотроновка.

Такъ какъ ящики будутъ и безъ того набиваться, то уложите и лучшія изъ ненаучныхъ книгъ, отбросивъ только разную дареную чепуху, или накопившуюся безъ надобности дрянь.

Портреты передайте для храненія Василію Михайловичу.

Матерію изъ занавѣсокъ, оторвавши отъ дерева, благоволите уложить въ ящикъ. Всякую пригодную мнѣ здѣсь мелочь уложите, кромѣ сущей дряни, которую всегда можно достать или безъ которой можно обойтись.

Уложите въ ящикъ и разныя мои бумаги, которыхъ не нужно сжечь, а то сожгите для порядка, чтобъ никто больше о нихъ не думалъ.

Пришлите черновую рукопись ненапечатанныхъ еще статей. Кажется, о богомольцахъ кіевскихъ есть, да чуть-ли нѣтъ и о святкахъ. А еще лучше: напишите къ Ив. Серг. Аксакову отъ себя письмо, что я поручилъ Вамъ, уѣзжая заграницу, просить

его возвратить двѣ мои статьи, если онъ не имѣетъ намѣренія ихъ печатать. Адресъ: въ Москву, въ редакцію Русской Бесѣды (на его имя).

У Надежды Александровны Бѣлозерской возьмите вышитую для меня ея швеями сорочку и вложите въ ящикъ.

Вмѣсто Лубенъ адресуйте все въ Борзну *на мое имя*, потому что, пока устроюсь тамъ на зиму, проведу здѣсь большую часть времени частями. А что туда послано, я получу.

13.

Найдите въ бумагахъ Гоголя письма А. А. Иванова, да между неизданными письмами—письма Гоголя къ Иванову и пришлите мнѣ. Я составлю нѣчто объ ихъ сношеніяхъ. У меня тамъ есть связочка: „Для біографіи Гоголя". Тамъ поищите и въ пакетѣ: „Письма отъ разныхъ лицъ".

Адресуйте все, о чемъ я просилъ Васъ, не въ Лубны, а въ Борзну, на мое имя. Что же послано въ Лубны, то я получу.

Антикритика противъ Максимовича написана и посылается къ Крузе.

Написана еще статья о разнохарактерности Сѣв. и Ю. Руси—на статью И. Аксакова: „Украинскія Ярмарки". Но что скажетъ цензура!

Пишется большая статья о Галиціи. Но цензура, цензура! Возьмите у Надежны Александровны вышитую ея швеями для меня сорочку и пришлите.

П. К.

1858, іюля 17. Мотроновка.

Сапоговъ я еще не получилъ. Посылая къ Крузе мои статьи, я пишу къ нему, что если въ Петерб. возможно теперь невозможное къ пропуску въ Москвѣ,—то чтобы онъ отправилъ къ Вамъ. Вы же передайте Н. Я. Макарову и просите его напечатать, въ которомъ угодно журналѣ, на возможно выгодныхъ для автора условіяхъ. Но цензура—на первомъ планѣ, а плата на второмъ.

14.

Въ послѣднее время написано мною не менѣе 10-ти печатныхъ листовъ разнообразнаго содержанія, и между прочимъ двѣ статьи: *Гоголь, какъ авторъ повѣстей изъ малороссійской жизни и исторіи*, которыя сегодня и отправлены въ Русскій Вѣстникъ. Вы увидите, что это только начало большого этнографо - критическаго труда. Писательнаго запасу теперь у меня много. Я веду впередъ прежде начатую и началъ новую очень важную вещь, которой объемъ еще мнѣ не извѣстенъ, но которую хочу кончить въ августѣ. Итакъ Вы видите, что я живу здѣсь не даромъ. Петербургъ не могъ бы возвратить мнѣ спокойствія, необходимаго для литературныхъ занятій, а, пожалуй попридержалъ бы меня со стороны физическихъ силъ, которыхъ свѣжесть играетъ важную роль въ умственномъ трудѣ.

Еслибъ у меня былъ капиталъ, то я тратилъ бы его на типографію до послѣдней тысячи; но когда Вы представили такую перспективу, что типографія съѣстъ весь мой заработокъ, да еще угрожаетъ и моей репутаціи, то, разумѣется, я не могу смотрѣть на нее съ нѣжностью и не охладѣть къ ней. Я просилъ Матвѣя Тер. *) помочь Вамъ осмотрѣться, не на краю-ли мы денежной пропасти. Если Вы, онъ и Вас. Мих. рѣшите, что дѣло еще не проиграно, то, разумѣется, вести типографію далѣе и далѣе, а недостатки печатанія по возможности исправлять. Въ противномъ случаѣ, лучше остановится во-время и свести концы съ концами посредствомъ продажи типографіи, напримѣръ, Катенину, который вызывается купить. Если - бы понадобилось мое присутствіе, я готовъ явиться во всякое время года; но, покамѣсть, я думаю, что для меня лучше оставаться въ Малороссіи, читать и писать.

О томъ, что вы берете будто бы даромъ жалованье, не безпокойтесь: дѣлая мое присутствіе ненужнымъ, Вы уже дѣлаете слишкомъ много. Азбука самобытной дѣятельности трудна, но вы ее не бросайте. Не сидите дома, выходите почаще

---

[1]) Симонова.

хоть на короткое время въ люди. Макарову я послалъ статью: *О народной поэзіи.* Читали Вы ее? доволенъ ли ею Тарасъ, которому я просилъ Макарова прочесть?

Скажите Тарасу, что изданіе его сочиненій я приму на себя. Пускай онъ не подвергается зависимости отъ Кушелева. Скажите ему также, что въ разныхъ моихъ статьяхъ, напримѣръ, о Гоголѣ, я подготовляю мысль о разрѣшеніи выписками изъ него и толками о немъ. Грустно мнѣ будетъ отречься отъ печатнаго Шевченка въ пользу рукописнаго, если онъ выйдетъ въ свѣтъ, Богъ знаетъ въ какомъ видѣ. Внушите ему, что теперь онъ находится въ зенитѣ своей славы, и всякій шагъ долженъ дѣлать очень осторожно, а особенно не оставлять безъ вниманія совѣтовъ того, кто такъ горячо принялъ къ сердцу его литературное значеніе. Я для него сдѣлался изъ повѣствователя критикомъ. Пускай же онъ не зневажыть мене необачнымъ диломъ. Между прочимъ покажите ему переписанныхъ мною Гайдамакъ. Тамъ всякая запятая обдумана. Пускай онъ хоть этимъ поруководствуется.

Вовчкомъ заняться мнѣ некогда. Вас. Мих. имѣетъ довольно вкуса. Онъ можетъ сдѣлать исключенія, а это едва-ли не главное въ редакціи. Шевченка можно призвать на совѣтъ. Но, право, было бы страшно пріостановить мнѣ свои работы, чтобы опять вести писателя, которому уже отворены мною настежь двери и показана дорога! Я послалъ Вовчку замѣчанія на его переводъ въ Русск. Вѣстникѣ.

Основяненка не выпускайте, пока не удостовѣритесь, что предисловія нельзя напечатать. Когда напечатается предисловіе, переплетите съ нимъ 1 экз. для А—ры Мих., 1 для Н. Д. Бѣлоз. и, приложивъ еще непереплетенныхъ, вышлите на имя Виктора Мих. Бѣлозерскаго въ Борзну. Да вышлите Николаю Дан. Бѣлоз. по экземпляру печатавшихся у насъ книгъ.

Пишите къ Щепкину и просите выслать вексель [1]), да сейчасъ и отправьте къ матери Гоголя. Посылайте какъ можно

[1]) Вамъ съ нимъ церемониться нечего: Вы—де лицо отвѣтственное.

чаще ей хоть маленькіе билеты, а мнѣ въ Лубны пришлите реестрикъ всѣхъ высланныхъ ей денегъ, или лучше—прямо въ Полтаву на ея имя, для передачи.

Посовѣтуйтесь съ моими намѣстниками, застраховывать ли, или рискнуть. Теперь типографія у Васъ въ рукахъ больше, чѣмъ у меня. Такъ поступайте, какъ знаете.

Я замедлилъ выѣздомъ въ Баивщину (хуторъ мой) по причинѣ непрерывной работы, которую хотѣлось довести до нѣкотораго предѣла.

Отъ графа Толстого получилъ недавно письмо, изъ котораго вижу, что слухъ о Граматкѣ до него не дошелъ еще.

Съ Ив. Аксаковымъ обождите до удобнаго случая. Макаровъ и Марковичъ къ нимъ вхожи. Сообщите Макарову о предисловіи и о Щепкинѣ. Онъ найдетъ случай для словесныхъ переговоровъ черезъ кого-нибудь изъ его знакомыхъ.

Сапоги и плащъ получены очень кстати. Я ѣду одинъ—на перекладной. Послѣ путешествія на собственныхъ лошадяхъ и на батьковскихъ, это самый лучшій способъ.

Вашъ П. Кулишъ.

1858, авг. 8. Мотроновка.

Жаль мнѣ мебели! Если не дадутъ моей цѣны или близкой къ ней, то подумайте: не лучше ли ее попридержать и потомъ переслать въ Малороссію для украшенія моего хуторскаго кабинета. Я въ нѣсколько дней теперь заработалъ эту мебель. Но если вы признаете, что глупо имѣть такія дорогія вещи, то продавайте и не щадите меня ни мало.

Пишите ко мнѣ дубликаты въ Лубны и въ Полтаву, куда неизвѣстно, скоро-ли подоспѣю.

15.

Лубны. 1858, августа 25.

На почтѣ я не нашелъ на мое имя ничего. Видно, вы пришлете бумаги для 3-го тома въ Борзну, или въ Полтаву. Но въ Борзну слѣдовало Вамъ прислать вмѣстѣ съ письмами Г. и Иванова, а

если вы намѣрены выслать въ Полтаву, то слѣдовало меня предувѣдомить. И вообще надобно увѣдомлять, когда, гдѣ и въ какомъ видѣ я получу отъ Васъ что-нибудь. Теперь 3-й томъ откладывается единственно потому, что Вы ничего мнѣ не прислали. А я не во всякое время могу имъ заняться. Если бумаги адресованы въ Борзну, то я ихъ вытребую, если же Вы до сихъ поръ не посылали, то вышлите въ Новомосковскъ, на имя Никол. Дм. Мизко.

Поищите въ связкахъ разныхъ бумагъ переписанныя на синей почтовой бумагѣ въ осьмушку „Похороны козака“ и вышлите въ письмѣ на имя Мизко.

Надѣюсь, что Вы хоть на имя матери Гоголя выслали мнѣ счетецъ высланныхъ ей съ самаго начала денегъ.

21 августа отправлена Макарову посылкою рукопись: *Переписка Гоголя съ Ивановымъ*, содержащая въ себѣ не меньше 4-хъ печатныхъ листовъ.

Пожалуйста не опаздывайте письмами, Вы причинили мнѣ много тревоги заграницею, не написавши своевременно въ Брюссель. Теперь та же исторія съ Лубнами, куда Вы должны были послать хоть полстранички.

П. К.

Скажите М. Т. Симонову, что и съ его стороны очень странно не написать ко мнѣ ни строчки въ Лубны.

Скажите Ив. Ивановичу, что не отвѣчать мнѣ на письмо такая грубость и глупость, которой я никогда не могу забыть. Скажите, что я требую отвѣта, а не прошу, и чтобы впередъ онъ ничего подобнаго не позволялъ себѣ, если желаетъ пользоваться моею безпримѣрною довѣренностью.

Какъ я могу въ чемъ-нибудь успѣть, когда люди, повидимому толковые, не понимаютъ своего долга! По неволѣ я долженъ или продать типографію, или сидѣть совою въ Петербургѣ и ничего, кромѣ Петербурга, не видѣть. Разумѣется, на первое я рѣшусь скорѣе, если Вы этакъ будете мнѣ *вторить*.

16.

У матери Гоголя не нашель я ни отъ Васъ, ни отъ Макарова, ни отъ Вас. Мих. ни строчки. Теперь ужъ я жду отъ Васъ только объясненія Вашей непостижимой для меня медленности или совершеннаго невниманія къ моимъ просьбамъ. Вѣроятно, Вы избрали этотъ этотъ способъ для вызова меня въ Петербургъ. Вы не ошиблись: онъ очень дѣйствителенъ, и еслибъ я не былъ связанъ обѣщаніями, которыя долженъ сперва выполнить, то Вы увидѣли бы меня передъ собой прежде нежели дошло бы до Васъ это письмо. Ѣду завтра въ Новомосковскъ къ Мизко; оттуда долженъ заѣхать, на обратномъ пути къ Тарновскому, а потомъ возвращусь въ Мотроновку для сборовъ въ дорогу.

1858, сент. 13. Полтава.

Если собрались деньги, то вышлите матери Гоголя въ ассигнаціяхъ рублей до 500; а когда 500 нѣтъ, то 200 или 300.

Ко мнѣ пишите въ Борзну. А. М. пишетъ, что письмо М. Т. Симонова получено тамъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СВАДЕБНЫЕ И ДРУГІЕ НАРОДНЫЕ ОБЫЧАИ
въ Червоной-Руси
СТО ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

Въ старинномъ польскомъ журналѣ: Nowy Pamiętnik Warszawski, dziennik historyczny, polityczny, tudzież nauk i umieiętnosci, 1805 года (томы XVIII и XIX), была помѣщена этнографическая статья анонимнаго автора подъ заглавіемъ: Swactwa, wesela, urodziny i zabawy u ludu Ruskiego, na Rusi Czerwoney, przez obywatela tamecznego kraiu opisane. Несмотря на ея незначительный объемъ, статья эта заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, полнаго вниманія со стороны современныхъ южнорусскихъ фольклёристовъ. Прежде всего любопытенъ самый фактъ, что сто лѣтъ назадъ среди немногочисленнаго круга польскихъ ученыхъ нашелся изслѣдователь, заинтересовавшійся обычаями крестьянскаго люда и описавшій ихъ хотя далеко не полно, но съ очевиднымъ сознаніемъ, что народные обряды, повѣрья и даже мелкія, повседневныя черты простонароднаго быта могутъ представлять достойный науки интересъ. Вотъ почему авторъ, безъ сомнѣнія польскій шляхтичъ, изображая бытъ чуждой ему среды и народности, умѣлъ до конца выдержать совершенно трезвый и правильный тонъ, одинаково далекій отъ приторности тогдашнихъ нашихъ сентименталистовъ и отъ полупрезрительной снисходительности къ „хлопкамъ“ иныхъ изъ тоговременныхъ польскихъ мемуаристовъ. При такомъ трез-

венномъ и внимательномъ отношеніи наблюдателя къ явленіямъ народной жизни можно заранѣе поручиться, что какъ бы ни были несовершенны и отрывочны его наблюденія, они будутъ драгоцѣнны уже по одному тому, что сдѣланы безъ малаго сто лѣтъ назадъ и при томъ въ такомъ уголкѣ южнорусскаго міра, гдѣ серьезное народоизученіе возникло лишь въ недавнее время. Нѣтъ сомнѣнія, что многіе изъ червоно-русскихъ народныхъ обрядовъ, какъ они описаны анонимнымъ польскимъ ученымъ, носятъ черты глубокой старины, теперь давно уже отжившей; въ особенности это можно сказать о крайне оригинальномъ обрядѣ „заручинъ". Любопытна и другая подробность тогдашняго свадебнаго ритуала — присылка невѣстой жениху (утромъ въ день вѣнчанья) сплетеннаго ею вѣнка и затѣмъ прибытіе жениха въ домъ невѣсты, въ сопровожденіи музыкантовъ, съ этимъ самымъ „вѣнцемъ", прикрѣпленнымъ къ шапкѣ. Подобный обычай существовалъ на Волыни еще въ XVII ст.; по крайней мѣрѣ въ одномъ, намъ извѣстномъ, документѣ 1638 г. упоминается о томъ, какъ женихъ, сопровождаемый боярами, прибылъ въ домъ невѣсты „зъ вѣнцомъ, яко то обычай есть" *). Безъ сомнѣнія, спеціалисты этнографы отыщутъ немало любопытныхъ аналогій, объясняющихъ многое, что кажется неяснымъ въ современной народной обрядности. Въ этихъ видахъ мы извлекли изъ статьи польскаго анонима все наиболѣе существенное и предлагаемъ здѣсь въ переводѣ.

О. Л.

Сватовство.

Надо знать, что въ каждомъ почти селѣ существуютъ особыя лица, которыхъ приглашаютъ какъ-бы руководить исполненіемъ установившихся обычаевъ, касающихся сватовства, заручинъ и свадьбы. Тотъ, кто помогаетъ въ этомъ дѣлѣ жениху, принимаетъ титулъ „*старосты браньскаго*", — очевидно отъ

*) Актовая книга Кіевскаго Центральнаго Архива, 1638 г., № 2473, листъ 836.

слова „*брать*“ (въ замужество), а сватъ со стороны невѣсты титулуется „*старостой даньскимъ*“—отъ слова „*дать*“ замужъ.

Паробокъ, высмотрѣвъ себѣ невѣсту, прежде всего идетъ вмѣстѣ съ отцомъ къ „свату“, или къ „старостѣ браньскому“, и оба просятъ его отправиться съ ними къ родителямъ дѣвушки для переговоровъ. Сватъ представляетъ имъ жениха и вмѣстѣ съ его отцемъ проситъ ихъ позволить своей дочери выйти за него замужъ. Когда совершается это предложеніе, женихъ остается безучастнымъ зрителемъ сцены, а дѣвушка, хотя обязана присутствовать въ это время въ комнатѣ, но, какъ-бы изъ скромности, она начинаетъ усердно „пбраться“ возлѣ печи, дѣлая видъ, что очень занята и, заступая мать въ хозяйствѣ, не имѣетъ досуга прислушиваться къ тому, о чемъ говорятъ старшіе.

Родители невѣсты за первымъ разомъ никогда не даютъ рѣшительнаго отвѣта, ограничиваясь заявленіемъ, что сначала имъ нужно посовѣтоваться между собою и поговорить съ дочкой; однако назначаютъ день, когда сватъ, паробокъ и его отецъ имѣютъ вторично прійти къ нимъ, и уже за вторымъ разомъ слѣдуетъ или рѣшительный отвѣтъ, или новая отсрочка. Послѣдняя чаще всего служитъ худымъ предзнаменованіемъ для исхода сватовства; поэтому сватъ, вернувшись въ домъ жениха, тщательно обдумываетъ и обсуживаетъ отвѣтъ, данный родителями невѣсты, и если признаетъ, что надежда на удачный исходъ дѣла не совсѣмъ потеряна, тогда только рѣшается въ третій разъ идти съ женихомъ въ домъ невѣсты, въ противномъ же случаѣ совѣтуетъ ему прекратить дѣло.

Родители невѣсты, прежде чѣмъ дать окончательное согласіе жениху, подробно сообщаютъ, что́ именно намѣрены дать за нею, и при этомъ напоминаютъ ему, чтобы онъ вовремя обсудилъ, не можетъ ли незначительность „пбсага“ ослабить его привязанность къ ихъ дочери. Женихъ выражаетъ свое согласіе въ формѣ приглашенія родителей невѣсты къ себѣ на обѣдъ или „вечерю“, гдѣ они застаютъ его родственниковъ и близкихъ пріятелей. Этотъ обѣдъ или вечеря имѣютъ значеніе

какъ-бы предбрачнаго контракта. Здѣсь женихъ и его родня стараются какъ можно лучше угостить и расположить къ себѣ родителей невѣсты; въ благодарность за это послѣдніе увеличиваютъ „пбсагъ"; здѣсь же назначается и день свадьбы.

Заручины.

Канунъ свадьбы обыкновенно бываетъ днемъ заручинъ. Онѣ происходятъ въ домѣ родителей невѣсты, которые приготовляютъ по этому случаю богатую „вечерю". Музыку нанимаютъ на все свадебное празднество обѣ стороны сообща. Въ этотъ день пекутъ „*короваи*", т. е. особаго рода хлѣбъ изъ пшеничной муки, наверху украшенные разными подѣлками (rożnemi wyrabianiami), а въ продолговатыя стороны этихъ короваевъ кладутъ два яйца, чтобы потомъ, испеченныя, они служили для угощенія молодыхъ.

Невѣста въ тотъ день, въ сопровожденіи одной или двухъ „дружекъ", съ распущенной косой ходитъ по селу изъ дома въ домъ и приглашаетъ „на весилье". Почти въ каждомъ домѣ ей дарятъ кусокъ полотна или другое что-нибудь и выражаютъ ей благожеланія.

Когда наступитъ вечеръ и соберутся родные, пріятели и сосѣди, „*староста даньскій*" вступаетъ въ роль распорядителя и припрашиваетъ гостей къ забавамъ, танцамъ и угощенію. Невѣста раздаетъ гостямъ короткіе ручники домашняго издѣлія, въ родѣ хустокъ, а жениху должна дать „хустку крамарскую", т. е. покупную, а онъ тутъ же, въ присутствіи гостей, возвращаетъ ей деньгами стоимость подарка. Пока продолжаются забавы, накрываютъ скатертью столъ, кладутъ небольшой круглый хлѣбъ, женихъ затыкаетъ въ него четыре крейцара, мать невѣсты прикрываетъ этотъ хлѣбъ хусткою, и затѣмъ женихъ, невѣста, ихъ родители и всѣ присутствующіе родственники и гости кладутъ на него руки, одна на другую; тогда священникъ сложенныя такимъ способомъ руки связываетъ епитрахилью, читаетъ молитвы съ призываніемъ Божьяго благословенія,—и этимъ собственно оканчивается обрядъ заручинъ. По

окончаніи этой церемоніи, „панъ молодой“ даритъ своей своей будущей женѣ „рантухъ“ *), которымъ она должна, ставши замужней, повязывать голову, а она въ свою очередь даритъ ему новую сорочку. Послѣ „вечéри“ и танцевъ, прежде чѣмъ разойдутся гости, „панна-молода“ беретъ непримѣтно шапку жениха и пришиваетъ къ ней сбоку вѣнокъ, сплетенный изъ зелени; онъ дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ этого, и съ тѣмъ вѣнкомъ уходитъ. Когда вернется домой, мать его дѣлаетъ видъ, будто первая замѣчаетъ вѣнокъ на его шапкѣ, неожиданно срываетъ ее съ головы, отрываетъ вѣнокъ и бросаетъ его въ печь.

Свадьба (весилья).

Въ день свадьбы „панна-молода“ идетъ рано къ сосѣдкамъ и проситъ ихъ прійти къ ней на помощь дѣлать „вѣнки“, или „короны“. Обыкновенно сплетаетъ она два вѣнка, одинъ для себя, другой для жениха; послѣдній долженъ быть такъ великъ, чтобы опоясывалъ собою шапку. Этотъ вѣнокъ она отсылаетъ жениху тремя паробками, въ сопровожденіи музыкантовъ, а сама садится одѣваться. Прежде всѣхъ долженъ расчесать ей волосы „староста даньскій“, потомъ родители, наконецъ каждый изъ присутствующихъ. Идя къ вѣнцу, она въ послѣдній разъ расплетаетъ косу и отправляется въ церковь съ распущенными волосами.

Женихъ, лишь только узнаетъ, что ему несутъ „вѣнецъ“, также садится за уборъ, и „староста браньскій“ первый расчесываетъ ему волосы, потомъ родители; когда онъ одѣнется, ему надѣваютъ шапку съ „вѣнцомъ“ и въ сопровожденіи музыкантовъ отправляютъ въ домъ невѣсты. Тамъ, въ ожиданіи „панамолодого“, ставятъ столъ на срединѣ избы, покрываютъ скатертью и кладутъ хлѣбъ. На порогѣ жениху заступаютъ дорогу

---

*) Рантухъ—длинное головное покрывало замужнихъ женщинъ, въ родѣ современной „намитки“. Въ XVI—XVII вв. рантухъ былъ въ употребленіи не въ одномъ простонародномъ, но и въ дворянскомъ быту Волыни и Украины.

„панна-молода“ съ матерью; онъ беретъ невѣсту за руку, а за другую его руку берутся отецъ и мать молодой и другіе, и въ такой группѣ всѣ обѣгаютъ три раза вокругъ стола. Послѣ этого молодые садятся рядомъ на лавѣ, мать обвиваетъ ихъ шеи „рантухомъ“, велитъ имъ поцѣловаться, и затѣмъ отправляютъ ихъ въ церковь.

Когда молодые возвратятся изъ церкви, мать невѣсты, покрывшись вывороченнымъ кожухомъ, выбѣгаетъ имъ навстрѣчу съ кочергой въ рукѣ, выноситъ хлѣбъ, подаетъ зятю рюмку водки, которой онъ отвѣдавъ, бросаетъ рюмку за голову; тѣмъ временемъ мать обсѣваетъ молодыхъ овсомъ. Это обсѣванье означаетъ пожеланіе изобилія въ хлѣбѣ, а выворочeніе кожуха должно означать пожеланіе, чтобы хлѣбъ родилъ такъ густо, какъ густъ волосъ въ кожухѣ.

Послѣ обѣда пиршество переносится въ домъ родителей жениха. Сначала въѣзжаетъ на дворъ возъ или два, на которые съ тщеславнымъ оказательствомъ складываютъ „пóсагъ“ молодой, т. е. перину, двѣ подушки, скрыню съ бѣльемъ, одежей, и другіе „спряты“; за тѣми возами вся компанія сопровождаетъ молодыхъ. Если женихъ изъ другого села, то онъ долженъ приготовить подводы для всѣхъ гостей. Родители невѣсты, въ видахъ какъ-бы соблюденія своего достоинства, навѣщаютъ зятя лишь на другой или на третій день, послѣ того, какъ онъ пріѣдетъ просить ихъ объ этомъ.

Есть обычай, что невѣстѣ, выходящей замужъ въ другое село, передъ выѣздомъ прячутъ въ волосы головку чесноку. Смыслъ этого обычая тотъ, что какъ чеснокъ прогоняетъ всякую заразу, такъ, думаютъ, онъ будетъ охранять отъ всего дурного молодую женщину, удалившуюся изъ-подъ крова родительскаго.

Молодая, вступая въ домъ родителей своего мужа, разомъ съ нимъ привѣтствуется его матерью обсѣваніемъ овсомъ.

Родители обоихъ молодыхъ дарятъ взаимно другъ друга; такъ мать невѣсты даритъ отцу жениха сорочку, а мать послѣдняго даритъ „рантухъ“ матери молодой.

Далѣе трудно описать всѣ свадебныя забавы, пѣсни и особенно присказки, не всегда скромныя, которыми старосты обѣихъ сторонъ стараются забавить гостей; однако нужно сказать, что сущность акта отъ этого не перестаетъ быть священной и важной.

Кто изъ поселянъ не въ состояніи отправить „весилья" со всѣми этими церемоніями, тотъ почитается послѣднимъ бѣднякомъ, и потому каждый тянется изъ послѣднихъ силъ, чтобы справить свадьбу получше, хотя нерѣдко порядочный хозяинъ становится послѣ того убогимъ человѣкомъ.

Родины и крестины.

Какъ только дитя родится, отецъ даетъ знать объ этомъ сосѣдямъ и родственникамъ, а потомъ идетъ просить священника, чтобы онъ въ домѣ окрестилъ новорожденнаго; но церемоніи отлагаются на нѣсколько дней *). Пока мать не въ состояніи сама кормить ребенка, ее временно заступаютъ сосѣдки, конечно, тѣ, которыя сами имѣютъ грудныхъ дѣтей.

День крещенія и связанныхъ съ нимъ церемоній служитъ у Русиновъ вмѣстѣ и днемъ памяти умершихъ, и потому простой человѣкъ старается справить поминальный обѣдъ, какъ только позволяютъ его матеріальныя средства. При этомъ соблюдается слѣдующій обрядъ: варятъ пшеницу (кутью?), наливаютъ въ стаканъ прѣснаго меду, берутъ жареную курицу, небольшой хлѣбъ, восковую свѣчу —и все это относятъ въ церковь и кладутъ предъ алтаремъ. Священникъ, облачившись въ ризы, совершаетъ молитвы надъ этимъ приношеніемъ (ofiarą), правитъ обѣдню (mszą) и затѣмъ отправляется съ пріятелями въ домъ отца новорожденнаго на обѣдъ. Самъ же хозяинъ забираетъ изъ церкви только кутью и, вернувшись домой, ставитъ ее на

---

*) Здѣсь, очевидно, разумѣется не обрядъ крещенія, которое, какъ видно, совершалось тотчасъ, а другія церковныя церемоніи, о которыхъ рѣчь идетъ ниже. Примѣч. переводчика.

столъ. Всѣ гости берутъ ее горстями и ѣдятъ, а потомъ господарь потчеваетъ ихъ яствами и напитками.

Вдумываясь въ этотъ обычай, можно видѣть въ немъ остатокъ греческой жертвы и вмѣстѣ пережитокъ тѣхъ отдаленныхъ временъ, когда нѣкоторые древніе народы, при рожденіи ребенка, вмѣсто проявленія радости, печалились и заранѣе оплакивали несчастную судьбу новорожденнаго.

Забавы и танцы.

Нѣтъ, кажется, на свѣтѣ страны, гдѣ люди послѣ трудовъ не нуждались бы въ отдыхѣ, забавахъ и развлеченіяхъ; только родъ ихъ различенъ, въ зависимости отъ вѣка и общественнаго положенія. Игры и забавы молодежи не нравятся старикамъ; наоборотъ, молодые не любятъ солидныхъ бесѣдъ старыхъ людей; ученый предпочитаетъ уединеніе или находитъ удовольствіе только въ обществѣ ученыхъ же. Люди богатые, утопая въ роскоши и излишествахъ, находятъ удовлетвореніе въ сознаніи, что далеко не каждый можетъ равняться съ ними. И только простой людъ остался при самыхъ невинныхъ, естественныхъ развлеченіяхъ, которыя, при всей ихъ простотѣ, заслуживаютъ полнаго уваженія и признанія ихъ полезности. Общественному спокойствію и благосостоянію они нимало не угрожаютъ, такъ какъ происходятъ въ дни отдыха и при томъ открыто, на глазахъ у всѣхъ.

Бесѣды простолюдиновъ въ корчмѣ всегда громки и крикливы. Собравшіеся покупаютъ напитки по очереди и угощаютъ другъ друга; женщины, прикидываясь скромными, дѣлаютъ видъ, будто пьютъ по принужденію.

Пьяный человѣкъ обычно становится склоннымъ къ ссорамъ и дракѣ. Случается, что взаимно избитые и окровавленные легко мирятся между собою, слагая вину на чрезмѣрное потребленіе напитка. Присутствующіе только тогда бросаются разводить дерущихся, когда одинъ другого повалитъ на землю

и драка принимаетъ опасный характеръ, въ остальныхъ же случаяхъ остаются спокойными зрителями поединка.

Если во время такого пиршества къ корчмѣ подъѣдетъ проѣзжій, то, кто бы онъ ни былъ, присутствующіе не обратятъ на него никакого вниманія; и когда бы тотъ вздумалъ потребовать, чтобы они ушли изъ корчмы или притихли, то всѣ дерзко вооружатся противъ него. Если же сюда зайдетъ мѣстный управляющій или кто-либо изъ дворовыхъ съ компаніей, всѣ ему рады и усердно станутъ потчевать. Предъ паномъ же своимъ крестьянинъ, какъ бы ни былъ сильно пьянъ, не забудетъ обнажить голову.

Этотъ людъ имѣетъ особую, ему только свойственную музыку: *скрыпки*, большею частью самодѣльныя, *цымбалы* и *басетлю* (bassetla)*), на которой тотъ найлучше умѣетъ играть, кто, ударяя оборотной стороной (tylcem) смычка по струнамъ, издаетъ сильный звукъ. Цымбалистъ также заслуживаетъ похвалу, когда въ состояніи заглушить скрыпку. Эта музыка играетъ танцы польскіе, „козаки", „мазуры", пѣсенки, вообще все, что только музыканты усвоили себѣ по слуху.

Разъ начнется танецъ, онъ продолжается до тѣхъ поръ, пока не перестанутъ играть музыканты. Танцующіе образуютъ кругъ, держась за руки. Танецъ начинаютъ женщины, потомъ къ нимъ пристаютъ „паробки", и кто изъ послѣднихъ доведетъ свою пару до наибольшаго утомленія, тотъ считается лучшимъ танцоромъ. То плохой танецъ, когда танцующіе не доведутъ себя до обильнаго пота.

---

*) Въ польскомъ Словарѣ Линде это слово такъ объясняется: B a s s e t l a (нѣм. der Bassetel, die Bassgeige) narzędzie muzyczne, na ktorym bas graią.—Видимо, это былъ струнный инструментъ, въ родѣ контръ-баса.

РОДЫНЫ и ХРЕСТЫНЫ.

(Матеріалъ собранъ въ м. Мринѣ, Нѣжинскаго уѣзда).

I.

Едва молодая женщина почувствуетъ себя беременной и подѣлится своей радостью съ сосѣдками, эти послѣднія спѣшатъ снабдить ее совѣтами, какъ слѣдуетъ вести себя, чтобы роды сошли благополучно. Совѣты эти сводятся, главнымъ образомъ, къ ознакомленію будущей матери съ разнаго рода примѣтами и обрядами, невѣжество по части которыхъ можетъ повлечь за собой такія печальныя послѣдствія, какихъ не въ силахъ будетъ исправить потомъ и самая опытная повивальная бабка. Забеременѣвъ женщина должна сбросить у себя съ шеи монисто; позволяется носить только крестикъ или образокъ на черномъ шнуркѣ; если же будущая мать—по невѣжеству-ли, или по упрямству—продолжаетъ носить монисто, то у ребенка пуповина замотается вокругъ шеи; кромѣ того, если монисто у матери краснаго цвѣта, то, помимо указанной бѣды, дитя будетъ рости „въ пороку и стыду", если же монисто черное, ребенокъ „буде заходыця" во время плача и будетъ страдать дѣтскими припадками. Увидитъ беременная женщина пожаръ и въ ужасѣ готова схватиться руками за голову; опытныя женщины должны удержать ее отъ этого; въ противномъ случаѣ у ребенка на той же части тѣла будетъ красное родимое пятно.

Родимыя пятна у ребенка объясняются также еще тѣмъ, что мать во время беременности украла что-либо. „Не остереглась якось я, якъ була важка“, передавала одна старуха: „треба було побилыть хату, а крейды у мене не хватыло; отъ я пійшла до сусидки да ныщечкомъ й узяла грудку; дакъ у мого Ивана на нози наче та грудка крейды и означылась“. Указывали и другой случай: беременная женщина стащила у своей сосѣдки „кожушанку“; слѣдствіемъ этого было то, что у родившейся дѣвочки часть лица была покрыта черными волосами. Если беременной женщинѣ отказать въ какой-либо просимой ею вещи, то мыши изгрызутъ этотъ предметъ. Залѣзетъ сосѣдская свинья въ огородъ; не дай Богъ, если беременная хозяйка въ гнѣвѣ толкнетъ ногой эту свинью: въ спинкѣ ребенка будетъ колоть, точно щетиной. „Не годыться“ беременной ходить съ раскрытымъ ртомъ или ѣсть что-либо во время ходьбы: дитя будетъ прожорливымъ и крикливымъ. Если беременной вслѣдъ бросить „печунку“ (кусокъ глины, выпавшей изъ печи), то ребенокъ будетъ страдать запоромъ; если же какой-либо добрый человѣкъ броситъ ей въ слѣдъ кусочекъ хлѣба, то дитя не будетъ болѣть желудкомъ. Чтобы избѣжать трудныхъ родовъ, беременная не должна сидѣть на порогѣ, а то и дитя во время родовъ долго „буде стоять на порози“. Не должна она также переступать черезъ „вой“: волы ходятъ медленно, поэтому и роды будутъ медленными, тяжелыми; черезъ оглоблю, наоборотъ, „годыться“ переступать: какъ лошадь быстро и легко бѣгаетъ, такъ и роды быстро и легко сойдутъ.—

Наступаетъ время родить. Всѣ члены семьи, сосѣди и вообще всѣ, кому это извѣстно, избѣгаютъ разговоровъ объ этомъ предметѣ, чтобы излишними разговорами „не наклыкать лыха“ на родильницу. Поэтому и будущій отецъ, отправляясь за повивальной бабкой, часто приглашаетъ ее къ своей женѣ одними намеками: „ходимъ до насъ на щось“. Вообще, чѣмъ меньше лицъ знаетъ про наступленіе родовъ, тѣмъ они легче сойдутъ.

„Бабувать“, т. е. помогать при родахъ, женщины идутъ только послѣ прекращенія у нихъ менструацій, приблизительно послѣ 45 лѣтъ, когда потеряна уже надежда имѣть собственныхъ дѣтей и не придется поэтому самой просить къ себѣ бабку. Рожденіе ребенка у женщины, начавшей „бабувать“, считается верхомъ неприличія; такого ребенка зовутъ въ селѣ „бабынцéмъ“, и это прозвище всегда ужасно конфузитъ его мать. Вслѣдствіе этого, даже послѣ прекращенія менструацій въ первое время женщины не рѣшаются итти въ повитухи.

При выборѣ бабки имѣютъ въ виду слѣдующія два главныхъ ея качества: 1) бабка должна быть честной, „щобъ внучата чесно рослы“, и 2), главное, она должна быть богатой и щедрой, чтобы послѣ родовъ „шановала хороше“ и не скупилась на водку и закуски. Опытность и искусство хорошей бабки измѣряется не столько знаніемъ акушерскаго дѣла,—въ этомъ отношеніи бабка стоитъ ничуть не выше всякой другой женщины, рожавшей нѣсколько разъ,—сколько полнотой свѣдѣній по части всякаго рода необходимыхъ примѣтъ и обрядовъ. Въ этомъ случаѣ опытность бабки пополняетъ невѣжество молодой матери: если женщина во время беременности сдѣлала какой-либо промахъ, который грозитъ отдалить на продолжительное время роды, или сдѣлать ихъ тяжелыми, или можетъ повредить здоровью матери и ребенка, то всѣмъ подобнымъ промахамъ бабка должна своевременно найти надлежащее противоядіе. Если, напримѣръ, беременная натыкалась на случку лошадей, то и ей предстоитъ носить въ утробѣ ребенка столько времени, сколько носитъ кобылица лошенка, т. е. около 11 мѣсяцевъ; чтобы устранить эту бѣду, бабка въ то время, когда по расчету надлежитъ уже рожать, насыпаетъ овса въ запаску своей паціенткѣ, и та даетъ кобылѣ выѣсть этотъ овесъ. Есть и другое средство, ускоряющее наступленіе родовъ: бабка стружитъ серебряную монету или крестикъ и даетъ пить этотъ порошокъ въ водѣ беременной женщинѣ.

Но какъ бы трудны ни были роды, больная никогда не обратится къ помощи доктора или фельдшера: этому мѣшаетъ

ея стыдливость и, кромѣ того, обычай, чтобы при родахъ, кромѣ замужнихъ женщинъ, никто (а особенно изъ мущинъ) не присутствовалъ. Быть можетъ, въ этомъ случаѣ огромную помощь простому народу окажутъ возникающіе теперь женскіе медицинскіе курсы; съ теченіемъ времени по селамъ появятся женщины-врачи, которые будутъ помогать родильницамъ и практически подучатъ нашихъ самоучекъ-бабокъ болѣе раціональнымъ пріемамъ при родахъ. Теперь же, пока бабки не имѣютъ у кого поучиться повивальному искусству, съ нихъ нельзя много и спрашивать. Намъ, впрочемъ, извѣстна попытка одного земства прійти на помощь въ этомъ отношеніи простому населенію, устроивъ нѣчто вродѣ курсовъ для сельскихъ повитухъ. Но время обученія было слишкомъ коротко, само обученіе велось не практически, а теоретически, по рисункамъ, и потому эта попытка желанныхъ результатовъ не имѣла. Вотъ что разсказывала одна изъ бойкихъ учениц про окончательный экзаменъ; докторъ повѣсилъ на доскѣ рисунокъ, изображающій неправильное положеніе ребенка, и обратился къ своимъ слушальницамъ съ вопросомъ: что дѣлать въ подобномъ случаѣ? „Уси бабы наче воды въ ротъ набралы, дывляться та здвыгають плечыма: а хто-жъ ёго знае? А я не втерпила: „а щожъ, кажу, робыть? Богу Мылосердному, кажу, треба молыться“. Дакъ уси, хто тутъ бувъ у комнати, якъ одынъ, уси въ долошки заляскотилы: „отъ, кажуть, молодець бабка!“—Вѣроятно, и другія ученицы, по окончаніи курса, остались при прежнихъ своихъ знаніяхъ и убѣжденіи, что только милосердіе Господа можетъ помочь въ подобныхъ случаяхъ.

Непосредственно передъ родами, или даже во время родовъ, за бабкой отправляется мужъ или какой-либо другой пожилой родственникъ родильницы. Баба сразу не соглашается итти на помощь: „Выбирайте кого луччу; я не дуже-то вмію“. И посолъ, и сама бабка прекрасно понимаютъ, что этотъ отказъ не больше, какъ соблюденіе установленнаго для подобнаго случая этикета, и потому, послѣ непродолжительныхъ переговоровъ (тянуть ихъ не позволяютъ уже сами обстоятельства дѣла,

не терпящаго отлагательствъ), бабка, захвативъ все необходимое, спѣшитъ на помощь. Вотъ какъ разсказывается о приглашеніи бабки къ родильницѣ въ пѣсняхъ:

№ 1. У новуй комна́ти кро́вать стояла;
На новуй кровати Ганнуся лежала,
По комна́ти ходыла,
Свого Грыця просыла:
„Ты, Грыцику, муй голубчику,
Бижы жъ скорей по бабусеньку!"
А бабуся догадалася,
Въ одномъ чоботи обувалася,
До онучечки спотыкалася,
Въ однуй руци лучыночку,
А въ другуй—простыночку:
Подывимось на дытыночку.

№ 2. Та й за купкамы, та й за гу́ркамы,
Й-а за хыжкамы, й-а за будкамы
Тамъ Ганночка сына вродыла (2)
Та соби на помощъ Андрійка просыла:
„Андрійчыку, муй голубчыку (2),
Бежы-жъ, бежы и скоресенько, и хутесенько,
Бежы-жъ, бежы по бабусеньку!"
А бабусенька догадалася
И сама йде объ однумъ чоботи (2),
Въ однумъ чоботи и безъ пояса,
А у лѣвуй руци и простынь несе.
Ой просты-жъ, помылуй, Боже, ажъ дви душечки:
И старенькую, и маленькую (2),
Що старенькую у подушечкахъ,
А маленькую у пелюшечкахъ!—

Въ первой пѣснѣ сообщается, что бабка, отправляясь къ больной, беретъ съ собой „лучыночку" и „простыночку"; во второй пѣснѣ упоминается только о простынѣ; но при чтеніи

этой пѣсни передъ словами: „А у лѣвой руци...“ замѣчается пропускъ: пропущено, что́ несетъ бабка въ правой рукѣ.

Собираясь итти къ паціенткѣ, бабка беретъ съ собою уголекъ (это, вѣроятно, „лучиночка“, о которой упоминается въ первой пѣснѣ), нѣсколько льняныхъ зеренъ и ржаныхъ рожковъ *). Вотъ и все, что должно быть подъ руками у бабки при трудныхъ родахъ. Этотъ уголь, впрочемъ, и льняныя зерна не простыя. Случается иногда, изъ горящей печи выскакиваетъ съ трескомъ уголекъ; бабка собиретъ такіе угли; при трудныхъ родахъ она растираетъ ихъ и даетъ порошокъ въ водѣ пить больной, „щобъ и дытя такъ скоро выскочыло изъ тисного миста, якъ сей уголь изъ гарячои печи“. Есть лёнъ „лущыкъ“; когда онъ созрѣетъ, то головка его трескается и сѣмена высыпаются; бабы подбираютъ эти сѣмена и даютъ родильницѣ ѣсть съ хлѣбомъ или же пить въ видѣ настоя на горячей водѣ, для того чтобы и дитя, подобно зернамъ, скоро появилось на Божій свѣтъ. Кромѣ того, дается иногда настой ржаныхъ рожковъ,—„Ну, казала кушерка, що ёго безъ умыслу (т. е. безъ знанія, безъ умѣнія) не можна давать; на чарку воды три капли ёго; а румку (т. е. чистаго настоя) якъ выпыть, дакъ самъ дохторъ казавъ, що й не перенесе (т. е. больная)... давать треба пры послиднихъ порахъ; а якъ яка дурна баба, дакъ вона не знае, колы дать, а нужно, шобъ зъ умысломъ, а то збросыть...“ Подобное дѣйствіе этихъ рожковъ признаетъ и медицина. Нѣкоторыя бабки даютъ еще и „корычневу воду“,— настой корицы на водкѣ или водѣ.

Придя къ больной, бабка посылаетъ ее перейти три раза дорогу такъ, чтобы никто этого не видѣлъ; затѣмъ, войдя въ хату, больная трижды обходитъ вокругъ стола; передъ нимъ разстилаются штаны ея мужа, и бабка переводитъ черезъ нихъ родильницъ. Если послѣ этого роды все еще тянутся, то бабка приказываетъ развязать въ хатѣ и въ амбарахъ всѣ узлы, гдѣ какіе есть, отперeть всѣ замки. Все это продѣлывается для

*) Спорынья, secale cornutum; Sclerotium Clavus Dec. (слов. Роговича).

ускоренія и облегченія родовъ. Но если всѣ указанныя средства оказываются недѣйствительными и больная терпитъ страшныя муки, то бабка рѣшается прибѣгнутъ къ послѣднему, очень, впрочемъ, рѣдкому средству: къ священнику снаряжается посолъ съ просьбой растворить въ церкви царскія врата; просьба эта ставитъ священника въ затруднительное положеніе; съ одной стороны, въ число его пастырскихъ обязанностей входитъ—отучать пасомыхъ отъ всякаго рода суевѣрій; но, съ другой стороны, какъ отказать въ этой невинной просьбѣ существу, переносящему стрышныя мученія и надѣющемуся, что это средство положитъ конецъ мукамъ?

Бываютъ случаи, когда, не смотря на всѣ средства бабки, роды имѣютъ печальный исходъ: смерть новорожденнаго или самой матери. Слѣдующая пѣсня передаетъ одинъ изъ подобныхъ случаевъ:

№ 3. Ой пойихавъ королевычъ на погуляньня,
Та й покынувъ Марусыну на гореваньня.
Та-й прыснывся королевычу дывнесенькій сонъ:
Съ-пудъ правойи да рученьки вылетивъ соколъ,
Съ-пудъ лѣвойи, съ пудъ билойи брязнувъ колоколъ *).

---

*) Звонъ колокола въ нашей народной поэзіи служитъ предвѣстникомъ чего-то особеннаго и, по большей части, печальнаго, ужаснаго. По одной, напр., былинѣ царь, разгнѣвавшись на царицу, собирается ее постричь; былина эта начинается такъ:

Ужъ что это у насъ въ Москвѣ пріуныло,
Заунывно въ большой колоколъ звонили?

(Кир. VI, 202)

Былина про смерть Алексѣя Михайловича начинается словами:

У насъ было, братцы,... въ каменной Москвѣ
Заунывные большіе колоколы звонили;
У насъ внать-то въ каменной Москвѣ
Не здорово...

(Кир. VII, 46).

Въ сборникѣ Ричарда Джемса пѣсня о смерти Скопина-Шуйскаго тоже упоминаетъ о звонѣ колокола:

Ино что у насъ въ Москвѣ учинилося?
Съ полуночи у насъ въ колокомъ звонили.

Побигъ же королевичъ до бабусеньки въ двиръ:
„Бабусеньку, голубонько, одгадай сей сонъ:
Съ-пудъ правойи да рученьки вылетивъ соколъ,
Съ-пудъ лѣвойи, съ-пудъ билойи брязнувъ колоколъ“.
— Сидлай, сидлай, королевычу, вороного коня,
Бежы-жъ, бежы, королевычу, и въ день и въ ночи,
Свою мылу Марусыну на скамьи застаючи!
Й-уже жъ твоя Марусына вчора звечора сына родыла,
Й-а сёгодни у досвиту сама померла.—

Якъ осидлавъ королевычъ вороного коня,
Бежыть—бежыть и въ день и въ ночи,
Прыбегае пудъ новы ворота:
„Выйды-выйды, Марусыне, краще золота!“—
Ей не выйшла Марусына, выйшла ёго свисть,
Дай вынесла королевычу смутнесеньку висть:
— Здоровъ, здоронъ, королевычу, чужый зять—не нашъ!
Й-а вжежъ твою Марусыну давно зрадылы:
Й-ай учора Марусына сына вродыла,
А икъ свиту Марусына сама померла.—

Въ былинѣ, передающей о сверженіи съ престола Вас. Шуйскаго, читаемъ:

Ужъ на той-ли на высокой колокольнѣ
Въ большой колоколъ звонили.
Охъ, и братцы, что то у насъ дѣлается,
Ужъ не чудо-ли какое совершается?

(Кир. VII, 17).

Полетъ же сокола служитъ символомъ появленія или удаленія добраго молодца:

1) Соколоньно та на вылети,
Козаченько та на выйизди.

(Сборн. Метлинск. 179).

2) Налинувъ соколъ изъ чужихъ сторонъ...
Найихавъ Ивашко изъ чужихъ силъ.

(Тр. Этн. Эксп. IV, 70).

3) Наляцѣли соколы зъ стороны...
Ужо ѣдуць козациньки со войны.

(Зап. Р. Геогр. Общ. V, 337).

4) Ясёнъ соколъ вонъ вылётывалъ...
Выѣзжалъ воевода Московскій князь Скопинъ.

(Кир. VII, 12).

Якъ й-увыйшовъ королевычъ въ свитлоньку одну,
Ажъ тамъ седять бабки-няньки, дытя колышуть:
— Ой ну люли, мале дытя, ой ну люли спать!
Уже-жъ тоби своей матеры до вику не знать.
Уже жъ тоби своей матеры треба забувать,
А вже жъ тоби, королевычу, тутъ не гостювать.—
Якъ ударыця королевычъ объ нову скамью:
„Ой Боже жъ муй мылостывый, я жъ сёго не перенесу“!
Якъ пойшовъ же королевычъ у другу нову,
Лежыть ёго Марусына на й-усю скамью;
Стоять вже тамъ попы—дяки, „надгробне“ поють,
А вже въ того королевыча дробны слёзы льлють...

Наконецъ, раздается крикъ новорожденнаго. Первымъ долгомъ бабка отрѣзываетъ у него пуповину слѣдующимъ образомъ: взявъ въ руки ленъ—прядиво, она расчесываетъ его гребнемъ; потомъ отмѣриваетъ пуповину пальца на три отъ живота и перевязываетъ ее въ этомъ мѣстѣ льномъ.

„А скульки жъ разъ заматувать?“ спрашиваетъ бабка у матери.—Завъязуйте булшъ, Богъ зъ йимы,—отвѣчаетъ измученная только-что перенесенными болями женщина, твердо вѣря, что, если пуповину перевязать больше трехъ разъ, то уже не придется рожать дѣтей. Отъ перевязаннаго мѣста бабка отмѣриваетъ пуповину еще на три пальца и отрѣзываетъ ее—у мальчика на топорѣ (чтобы изъ мальчика въ будущемъ вышелъ хорошій работникъ), а у дѣвочки на гребнѣ, „шобъ умила добре прясты“. Отрѣзаннымъ концомъ пуповины бабка крестообразно мажетъ ребенка въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ священникъ при крещеніи помазываетъ мvромъ, и при этомъ приговариваетъ: „Шобъ уроковъ не боялось, и всяка болизнь, и нечыстоты, и все зле-лыхе обходыло“.—Когда выйдетъ дѣтское мѣсто, то бабка прикладываетъ его трижды къ темени ребенка „шобъ не було тименого зуба“, т. е. чтобы не опадало нёбо (?).—Послѣ этого она купаетъ ребенка въ теплой водѣ. Въ этой же

водѣ обмываетъ и дѣтское мѣсто и заворачиваетъ его въ чистую тряпочку; подъ „поломъ“, т. е. помостомъ изъ досокъ, возлѣ лѣвой стѣны отъ входа въ хату, или подъ печью выкапывается ямка; въ нее выливается эта вода и кладется мѣсто, обернутое посолонь пуповиной и обсыпанное тоже посолонь—ржаными зернами; затѣмъ бабка засыпаетъ ямку землею, приговаривая: „Шобъ усе родыло, и породиля ище дитей водыла“. Если же мать не желаетъ имѣть больше дѣтей, то мѣсто „кладеця догоры“, а пуповину заворачиваютъ и обсѣваютъ зернами противъ солнца.—Все это бабка должна продѣлать съ большимъ вниманіемъ, такъ какъ малѣйшая ошибка при этомъ влечетъ за собою смерть будущихъ дѣтей женщины, у которой она „бабуе“.—Былъ случай, что бабка недостаточно глубоко закопала дѣтское мѣсто; собака отрыла и унесла его; на посыпавшіеся со всѣхъ сторонъ упреки находчивая бабка отвѣтила, что тó была не собака, а вѣдьма.—Если родившееся дитя умретъ, то откапываютъ это мѣсто и разбрасываютъ его по огороду, чтобы и дѣти такъ росли, какъ растетъ трава въ огородѣ. Если и это средство не помогаетъ и слѣдующія дѣти умираютъ, то вмѣстѣ съ дѣтскимъ мѣстомъ закапываются живыми пѣтухъ и курица или же двѣ куклы изъ тряпокъ—мущина и женщина, своего рода умилостивительная жертва какому-то свирѣпому и кровожадному божеству.

Закопавъ дѣтское мѣсто, бабка наливаетъ въ „зрӥзокъ“,—чанъ, покрытый сверху рядномъ, теплой воды и купаетъ въ ней „породи́лю“. Послѣ ванны матери дается водка и закуска—подкрѣпить силы. Вода, въ которой обмывалась родильница, не выливается вонъ, а разливается по „чугунамъ“, котламъ, нагрѣвается въ печи и выливается опять въ „зризокъ“ для новой ванны; такъ устраивается ванна три раза, „шобъ кости у породили роспарылысь и въ жывоти попарылось, шобъ не боливъ жывотъ и вси члены“.—Послѣ этого тройного купанья, бабка перевязываетъ животъ родильницы пенькой и укладываетъ больную въ постель, подъ которую кладется ножъ или кусокъ желѣза и ставится въ мискѣ вода, „шобъ уси уроки и зглазиньне

на желизо шло, а не на дытя и породилю". Съ той же цѣлью, куда бы ни шла въ первое время послѣ родовъ молодая мать, она должна брать съ собой это желѣзо.

Вода изъ „зризка" выливается на слѣдующій день до восхода солнца гдѣ-либо подъ плетнемъ, гдѣ никто не ходитъ, „нищечкомъ", чтобы никто не видѣлъ и не сглазилъ. „Зризокъ" же, покрытый рядномъ, цѣлый день стоитъ возлѣ „полу", на которомъ лежитъ больная; всѣхъ молодыхъ женщинъ, навѣщающихъ больную, бабка приглашаетъ присѣсть на „зризокъ", „шобъ и тоби Богъ давъ скоро систы у „зризокъ", т. е. разрѣшиться отъ бремени, родить дитя.

Обмывъ и уложивъ въ постель родильницу, бабка съ паляницей, бутылочкой водки-сивухи и мелкой монетой (коп. 2—5) идетъ къ священнику „за молытвой". Священникъ читаетъ молитву, даетъ новорожденному имя, угощаетъ бабку рюмкой принесенной ею водки, поздравляетъ ее съ внукомъ и назначаетъ время крещенія. Бабка беретъ обратно бутылочку изъ-подъ водки; если же она забудетъ эту бутылочку у священника, то это служитъ примѣтой, что бабѣ скоро снова придется „бабувать" у кого-нибудь.—Имя ребенку обыкновенно дается въ честь того святого, память котораго празднуется въ этотъ день; если имя попадется неудобовыговаримое, то бабка проситъ перемѣнить его: „Ой, батюшко, дайте инше яке, а то сёго и зроду не донесу". И дѣйствительно, такіе случаи, когда баба не въ силахъ „донесты" имени и перевираетъ его до неузнаваемости, не рѣдкость, почему священникамъ и предписано давать болѣе употребительныя среди народа имена.

Пригласивъ къ женѣ бабку, мужъ беременной женщины уходитъ изъ хаты и не присутствуетъ при родахъ: присутствіе въ данномъ случаѣ мущины считается неприличнымъ, это—исключительно бабье дѣло. Существуетъ разсказъ, что бабка, не имѣя возможности оставить больную женщину съ родившимся ребенкомъ, послала къ священнику отца ребенка условиться, когда быть крестинамъ; на вопросъ священника, съ чѣмъ его поздравить—съ сыномъ или дочкой.—счастливый ро-

дитель махнулъ только рукой: „А ей-Богу, батюшко, не знаю: я въ бабськи дила никóлы не мишаюсь“. Впрочемъ, это только анекдотъ; на самомъ же дѣлѣ, и мать и отецъ интересуются поломъ новорожденнаго, предпочитая въ большинствѣ случаевъ имѣть мальчика:

„За вамы, сыночкы, получатыму подарочки,
Тонки серпаночкы,
А за вамы, донечкы, пролыватыму слёзочкы“,

поетъ мать въ одной пѣснѣ.

II.

Послѣ возвращенія бабки отъ священника, мужъ родильницы (а если онъ въ отсутствіи, то сама бабка) идетъ приглашать кумовъ. Въ кумы приглашаются обыкновенно родственники, пользующіеся въ семьѣ почетомъ. Если же въ этой семьѣ дѣти постоянно мрутъ, то приглашаются „стриньне кумовъе“, т. е. первые встрѣчные мущина и женщина. Во всякомъ случаѣ, отношенія родителей ребенка къ кумамъ и бабкѣ устанавливаются самыя дружественныя.

№ 4. Запрежите коня вороного
Да одвезите кума молодого;
Запрежите кобылу гнидую
Да отвезите куму молодую;
Запрежите корову рябую
Да одвезите бабусю старую *).
Да колы-бъ же я знала, да колы-бъ видáла,
Хто въ мене бабусею буде,
Посадыла-бъ іи на покути у себе
Да обсадыла-мятою кудрявою.

---

*) Въ этихъ 2 строкахъ не нужно усматривать насмѣшки надъ бабой; здѣсь скорѣе выражается заботливость: волы (вмѣсто которыхъ запрягаютъ коровъ) везутъ медленно, спокойно, что для старухи покойнѣе, чѣмъ ѣзда на быстрыхъ лошадяхъ.

Да колы-бъ же я знала, да колы-бъ видáла,
Хто въ мене кумомъ буде,
Посадыла-бъ у садочку у себе,
Обсадыла-бъ барвинкомъ хрещатымъ.
Да колы-бъ я знала, да колы-бъ видáла.
Хто въ мене кумою буде,
Хто въ мене голубкою буде,
Посадыла-бъ іи коло 'коньця въ себе,
Обсадыла-бъ іи рутою зеленою земчузною.

Кумъ и кума приходятъ съ хлѣбомъ; имъ предлагаютъ закуску. Затѣмъ бабка кладетъ дитя на вывороченный шерстью вверхъ „кожýхъ" (символъ богатства); кумъ беретъ ребенка и передаетъ кумѣ. Баба отрѣзываетъ „окрáець",—горбушку хлѣба, принесеннаго кумомъ, и даетъ кумѣ за пазуху, а куму—завернутые въ тряпочку уголь и „печунку"; идучи къ священнику, кумъ, не оглядываясь, долженъ бросить назадъ этотъ свертокъ на распутьѣ дорогъ, чтобы отогнать отъ ребенка всякую нечисть. Если родился мальчикъ, то отъ хлѣба кума, а если дѣвочка—то кумы́ отрѣзывается маленькій кусочекъ хлѣба и съ „дробкóмъ" соли заворачивается въ пеленку. (Пеленкой для мальчика служитъ разрѣзанная рубаха отца, а для дѣвочки—рубаха матери). Этотъ хлѣбъ съ солью дается на другой день матери, чтобъ у нея былъ „пóкормъ" (молоко].—Ребенка крестить къ священнику несетъ кума, а кумъ несетъ ему въ благодарность хлѣбъ, бутылочку водки и монету, коп. 2—5 *).

Когда кумы уйдутъ къ священнику (а иногда по возвращеніи ихъ домой), устраиваются „*злывки*". Этотъ обрядъ очищенія родильницы производится слѣдующимъ образомъ. Бабка беретъ „непочáту воду" изъ ведра, изъ котораго не бралъ еще никто воды, наливаетъ ею миску до краевъ (вообще все, что ни наливается, наливается до краевъ, чтобы у родильницы

---

*) Такое вознагражденіе священнику давалось года полтора назадъ, когда собирался данный матеріалъ; какое дается теперь, не знаю.

было много „покорму"); въ миску съ водой она кладетъ ягоды калины («шобъ породиля була здорова и красыва») и зерна овса (символъ богатства). На полу, какъ разъ подъ «тра́момъ» (сволокъ на потолкѣ), бабка кладетъ на-крестъ топоръ и косу, или, чаще, топоръ и книгу (если ребенокъ мужскаго пола] и серпъ и гребень (если родилась дѣвочка), приговаривая въ первомъ случаѣ: «Шобъ дрова рубавъ и кныжку чытавъ», а во второмъ: „Шобъ хлибъ жала и на сорочку пряла". Затѣмъ подводятъ родильницу. Правой ногой она становится на лежащіе на землѣ топоръ или гребень; бабка себѣ и „породили" закатываетъ по локти рукава и становится передъ больной, поднявъ вверхъ миску съ водой, калиной и овсомъ. Родильница правой рукой набираетъ изъ миски воды съ зернами и ягодами и спускаетъ ее себѣ по рукѣ, а лѣвой—подхватываетъ подъ локтемъ текущую воду и пьетъ ее; такъ повторяется три раза. Затѣмъ она трижды набираетъ воду лѣвой рукой, а правой подхватываетъ и пьетъ. Послѣ этого бабка мочитъ свою правую руку въ водѣ и „тыловóй"—обратной стороной руки мажетъ родильницу по лицу, приговаривая: „Омываю (очыщаю) свою руку, а твою душу". Всѣ женщины, присутствующія при родахъ, моютъ себѣ въ этой водѣ руки. Родильница съ четырехъ краевъ миски (крестообразно) пьетъ три раза воду, а затѣмъ вода съ ягодами льется понемногу за рубаху на спину сперва „породили", а потомъ всѣмъ находящимся въ хатѣ молодымъ женщинамъ, чтобы и у нихъ рождались дѣти; кому хочется мальчика, той за спину бросаютъ овесъ, а если кто хочетъ имѣть дѣвочку,—то калину.

Послѣ „злывокъ" баба садится за столъ. Родильница подноситъ ей въ подарокъ 7 паляницъ и ситцу на юбку и угощаетъ водкой со словами: „Благодару вамъ, бабусю, що вы потрудылыся коло мене". Бабка беретъ рюмку съ водкой и отвѣчаетъ: „Благодару вамъ; шобъ породиля здорова була, и онукъ щаслывый ру́съ, а щобъ уси дождалы ёго женыть и за нымъ подаркы получать". Угостивъ бабку, родильница ложится въ постель. Свой подарокъ баба ставитъ на „прыпечокъ"; на-

ходящіяся въ хатѣ женщины проворно крадутъ его: „Ось подывысь, бабо, де твоя юбка? Колы хочъ, выкупáй, а то продамо, або понесемъ—заставымо“. Баба обѣщаетъ дать потомъ выкупъ.—

Тѣмъ временемъ возвращаются кумы съ окрещеннымъ ребенкомъ. Ихъ усаживаютъ за столъ, при чемъ ребенокъ находится на рукахъ у кумы, даютъ закусить—паляницу, сметану, жареную рыбу или курицу, борщъ и кашу. Послѣ закуски кумы подносятъ ребенка къ матери и отдаютъ ей со словами: „У васъ бралы рожденне, а вамъ прынеслы хрыщенне“.

Сейчасъ же послѣ родовъ баба печетъ паляницы и намѣчаетъ первую посаженную въ печь. Эту паляницу бабка кладетъ родильницѣ за пазуху подъ правую руку. Взявъ затѣмъ отъ кумы ребенка, мать кладетъ его къ себѣ головкой на правую руку и начинаетъ кормить правой грудью. До крещенія ребенка не кормятъ. Но прежде, чѣмъ дать ребенку грудь, ему суютъ въ ротъ соску—натертаго бурака, смѣшаннаго съ пескомъ и завернутаго въ тряпочку,—это для того, чтобы дитя было „непрывередлыве“ и не болѣло грыжей.

Узнавъ о возвращеніи отъ священника кумовъ, родственники и сосѣди собираются „на хрестыны“. При этомъ женщины несутъ въ подарокъ родильницѣ гречневые или ржаные вареники—въ скоромные дни съ сыромъ и примазанные сметаною, а въ постъ—съ капустой, намазавъ ихъ постнымъ масломъ, съ сушеными грушами, и тогда такіе вареники обмазываются медомъ.—„Якъ вареныкъ повный, шобъ така була породиля; шо выйшло зъ еи, тó шобъ наповнылось“. Больная должна обязательно отвѣдать хоть понемногу всего, что ей ни приносятъ гости. А кромѣ вареников, ей несутъ еще гречневыхъ блиновъ, паляницы, куски хлѣба, жареную курицу, свѣжую рыбу, сельдь, тарань, чехоню, медъ въ сотахъ или патоку, круто свареныя яйца, колбасу, сало, крупъ на кашу, фрукты... однимъ словомъ чтó подходящаго найдется въ хозяйствѣ. Съ своей стороны, „породиля частуе“ —угощаетъ приходящихъ водкой, пьетъ сама и закусываетъ вмѣстѣ съ гостями тѣмъ,

что̀ принесено ими. Всю эту снѣдь нужно поѣсть въ теченіе нѣсколькихъ дней, не откладывая ничего сохнуть въ запасъ, чтобы дитя и сама родильница не сохли.

Кумовъ и собравшихся гостей бабка приглашаетъ за столъ. Затѣмъ она подноситъ сперва матери, а потомъ каждому изъ гостей по рюмкѣ водки, настоянной на „калгану" [1]), "муштыковуй голки" [2]), „кальцыби" [3], и „семибратнюй крови" [4]). Выпивъ рюмку этой настойки, мать „дякуе" бабѣ и кумамъ: „спасыби, шо потрудылысь дытя у Божый законъ увесты". На столъ подается закуска—сметана, вареныя яйца, картофель, мясо, а въ постное время—соленая и свѣжая рыба. Послѣ закуски бабка подноситъ на тарелкѣ въ рюмкѣ „варену́хи" (варенная на фруктахъ и меду водка) родильницѣ и гостямъ. Гости, съ своей стороны, кладутъ на тарелку по мелкой монетѣ (1—2 коп.); если у кого не окажется денегъ, тотъ обѣщаетъ зайти когда-либо „поколыха́ть" дитя. Эти деньги бабка вытряхиваетъ родильницѣ за пазуху. Когда въ первый, послѣ этого, разъ купаютъ дитя, то въ воду для купанья кладутъ обручальныя кольца и эти деньги, чтобы у ребенка не было „жовтяныци".—Послѣ закуски женщины усаживаютъ бабку въ ночовки, на борону, или просто на хворостъ и съ пѣснями и громкимъ смѣхомъ везутъ ее въ шинокъ „*замочыть конець*" и дать обѣщанный выкупъ за украденный у нея подарокъ. Баба покупаетъ имъ полъ кварты водки; въ свою очередь, и собравшіяся женщины покупаютъ столько-же. Распивъ водку, онѣ расходятся по домамъ, а бабка возвращается къ родильницѣ ночевать. По дорогѣ въ шинокъ и въ самомъ кабакѣ женщины поютъ пѣсни, по содержанію подходящія сколько-нибудь къ данному случаю; а если такихъ не знаютъ, то поютъ «абы-якихъ». Кромѣ приведенныхъ выше (№ 1—4) пѣсенъ, поютъ, напр., еще такія:

---

[1]) „Калганъ"—radix galangae.

[2]) „Муштыкова голка"—мускатный орѣхъ.

[3]) „Кальцыба" или „кыльчыба"—чилибуха, nux vomica, semen strychni.

[4]) „Семыбр. кровъ" (sanguis drakonis?) —красноватый камень, порошокъ котораго всыпается въ водку.

№ 5. Ой задумавъ старый дидъ
Въ середу женыться.
Гей, сивъ, думавъ-думавъ,
Въ середу женыться.

Якъ старую жу́нку взять
Не буде робыты;
Гей, сивъ, думавъ-думавъ,
Не буде робыты *)
Молодую жу́нку взять,—
Не буде любыты.
«Скажи мини, молода,
Яка въ мене борода»?
—Що у тебе старый дидъ,
Козлиная борода.—
„Скажи мыни молода,
Яка въ мене похода!?"
—Що у тебе, старый дидъ,
Собачая похода́.—
«Скажи мини, молода,
Яка у мене йида?»
«Шо у тебе старый дидъ,
Кошачая йида.—
Якъ пойихавъ старый дидъ
У городъ до торгу;
Якъ купывъ старый дидъ
Плетену нагайку;
Якъ прыйихавъ старый дидъ
Изъ торгу додому,
Якъ ударыть молоду
По шырокому заду́:
„Скажи мыни молода,
Яка въ мене борода?"
— Шо у тебе, старый дидъ

*) Припѣвъ повторяется послѣ каждаго двустишія.

Шовковая борода.—
„Скажы мыни, молода,
Яка въ мене похода?“
— Шо у тебе, старый дидъ,
Охвыцерська похода.—
„Скажи мыни, молода,
Якая въ мене йида?“
— Шо у тебе, старый дидъ
Генеральская йида.—

№ 6. (Варіантъ; припѣвъ тотъ же).
Якъ задумавъ старый дидъ
Та въ осень женыться
„А скажы же, молода,
Яка въ дида борода?“
— А въ старого старыка
Козлыная борода, [2]
Медвежая похода, [2]
Совыныйи очи, [2]
Недобри для ночы.—
Якъ пойихавъ старычокъ
Та на ярмалочокъ,
Та й купывъ старычокъ
Та ременный батожокъ.
„А скажы же, молода,
Яка въ дида борода?“
— А въ старого старыка
Шовковая борода, [2]
Паньская похода, [2]
Соловъины очи [2]
Добрыйи для ночы.—
Гей, сивъ, думавъ-думавъ,
Добрыйи для ночы.—

№ 7. Колы-бъ мыни, Господы, недили дождаты,
Сюды-туды, ёнъ куды, недили дождаты *)
То-бъ пошла я до-роду гуляты.
А у мене увесь рўдъ багатый,
Будутъ мене часто частоваты.
— Частуй мене, мўй роду богатый,
А я буду до дна выпываты.—
Ой пойду я додому хутенько
Пўдъ нове окошко, що мўй мылый робыть?
Шо свекруха варенычки варыть,
А свекорко дубыночку парыть:
— Ой парься, парься, сырáя дубына,
Шобъ розсилась у невистки спы́на.—
А мый мылый дытыну колыше,
На дытыну важкимъ духомъ дыше:
— Ой ну, мале дытя мое, спаты!
Нехай въ роду погуляе маты.—

№ 8. И лидъ трещыть, и вода плющыть:
Шо кумъ до кумы судака тащыть,
— И кумко моя, и голубко моя,
Звары мени судака, щобъ и юшка була
И юшечка, и петрушечка.
Кума моя, кума моя, кума душечка!—
Я до тебе, кума моя, не гулять прышла:
Я до тебе, кума моя, роботать прышла
Изъ дныщечкомъ, зъ гребеныщечкомъ.
Напъемося горилочки соби ныщечкомъ,
Захылывшись у куточокъ,
По симъ чарокъ у роточокъ,
Шобъ и люде не зналы,
Пъяныцямы не звалы.

---

[1]) Припѣвъ за каждой строкой.

Хылю—хылю не тече,
Коло сердця пече.

№ 9. Козакъ коня наповавъ
Дивка воду брала;
Козакъ писню заспивавъ
Дивка танцёвала.
И гыдкый, и брыдкый,
И малаго росту;
Ой пойду жъ я утоплюся
Зъ высокаго мосту.
Я не сама пряла,
Кума помогала;
Дала я юй мыску крупъ
Ще й два кускы сала.
И гыдкый и т. д.

№ 10. Саду муй, саду, да зеленый виноградъ!
И-ай въ тому саду да груша стояла;
Саду муй, саду, да зеленый виноградъ! *)
А пудъ грушою кроватка стояла,
А на кровати перына лежала,
И-а на туй перыни продиля сыдила,
Продиля седила, сынки сповывала,
Сынки сповывала, до донечокъ та размовляла:
„За вамы, сыночки, да болять спыночки,
А за вамы донечки, та болиды животочки;
За вамы, сыночки, получатыму подарочки,
Тонки серпаночки,
А за вамы, донечки, пролыватыму слёзочки".
Саду муй, саду, да зеленый виноградъ.

№ 11. Що нашая да Ганночка крамарка була,
Крамарка була,

---

*) Припѣвъ этотъ повторяется за каждой строкой

Та напъяла шатро въ кутку на полу,
Въ кутку на полу, [1])
Посадыла мужа та й торговаты;
Прыйшлы купци да й куповаты;
Дають юй сто коныковъ, вона не 'ддае;
Дають юй сто волыковъ, дакъ не продае;
Дають юй сто рублику́въ, вона не бере:
— Мени зъ вашымы коныками не водыться,
Мени зъ вашыми волыкамы не глядиться,
Мени зъ тымы грошыма не носыться,
А мени му́й мужъ у до́му усегда знадобыться:
И дровець нарубае, [2])
И скипочекъ наскипае,
И засвитымо лучыночку,
Подывымось на дытыночку,
Й-у кого удалося: (2)
Ай чы й-у попа,
Ай чы й-у дяка,
Й-а чы й-у того коломійця, коломійця,
Чы въ нашого Иваночка чорнобрывця, чорнобрывця?

№ 12. Ишовъ кумъ городо́мъ,
Кума й-улыцею;
Тресе кумъ петухомъ,
Кума курецею.

№ 13. Й-а въ городи шарвелокъ [3]),
За городомъ ярмолокъ.
Дидъ бабу продае,—
Нихто грошей не дае.

---

[1]) Повторяется послѣднее полустишіе
[2]) При этихъ словахъ хлопаютъ въ ладоши и приплясываютъ.
[3]) „Гомонъ“

«Дидусенько, ты сывая борода,
Чомъ ты мене не продавъ,
Якъ я була молода?»
— Бабусенько, ты сирая утко,
Тымъ я тебе не продавъ,
Що пбралась хутко.—
Й-узявъ дидъ бабусеньку
За хорошу вроду,
Да повъювъ бабу пудъ мостокъ,
Та й пыхорнувъ въ воду:
— Отутъ, бабо, кайся,
Отутъ покупайся,
Отутъ вода бегучая,
Отутъ, бабо лаючая,
Отутъ назвычайся!—
Чы бабуся вырне,
То дидъ кіемъ пырне:
— Отутъ, бабо, кайся
Отутъ, покупайся,
Отутъ вода бегучая,
Отутъ, бабо лаючая,
Отутъ назвычайся!—
Поты баба булькотала,
Покы тамъ и пропала.
Иде дидъ изъ бережка
Да въ долошки плеще:
— Якъ дасть Бугъ здоровъячка,
Оженюся йще!—

Если дитя родилось отъ „покрытки", т. е. не бывшей замужемъ, то поютъ слѣд. еще пѣсни:

№ 14. (По словамъ разскащицы, эта пѣсня длинная, но она помнитъ только начало ея).

Ой нещасны ты подружки,
Що пойилы тыйи грушки;

Було двое, стало трое.
Шира драла за яромъ!— (при этомъ припѣвѣ танцуютъ)...

№ 15. Було лито, було лито, да й стала зима.
Молодая Марусенька родыла дытя,
А вродывшы и сповывши, на Дунай несла:
„Плывы—плывы, мале дытя, изъ утятамы,
А я пойду погуляю изъ дивчатамы;
Плывы—плывы, мале дытя, изъ окунцямы,
А я пойду погуляю изъ молодцямы;
Плывы—плывы, мале дытя, якъ сызе перо,
А я пойду погуляю, якъ сёго й не було“.
Молодыйи рыбалочки рыбу ловылы,
Не поймалы щуки-рыбы, поймалы лына,
Роздывылысь—розсмотрилысь,—ажъ мале дытя.
Ударылы рыбалочки въ большой колоколъ:
— Собырайтеся, дивчаточки, буде переборъ!—
Уси дивки, уси дивки зачесаны йдуть,
На свойихъ же голувочкахъ веночки несуть *).
Молодая Марусенька не зачесана йде,
На своюй же голувоньки венка не несе:
„Ой я вчора извечора пъяная була,
Ой на свою голувоньку венка не звыла.
Ой е въ тебе, моя матюнко, ище й дома пъять,
Не пускай же ихъ, матюнки на вечурки гулять,
Бо чужы батько, чужа маты **) кладуть доли спать
Коло кажнойи дивчыноньки женыхувъ по пъять;
Не 'дхрестытыся, не 'дмолытыся, — треба зъ нымы лягать.

---

*) Вѣнокъ—символъ невинности. Дѣвушки только до замужества, а „покрыткк“ до рожденія ребенка носятъ косы, а потомъ волоса подбираютъ подъ „очипокъ“.

**) Женщина, у которой собираются на вечерницы, назыв. „вечорныча маты“

Було жъ насъ тамъ на вечорныцяхъ усихъ подругъ симъ;
Не дывуйтыся мыни однуй,—се буде усимъ!"

Возвратясь изъ шинку къ родильницѣ, бабка отрѣзываетъ „окраець" хлѣба, привязываетъ его къ шнуру и опускаетъ на ночь въ колодецъ, приговаривая при этомъ: „Якъ у колодези вода прыбувае, такъ шобъ покормъ прыбувавъ у грудяхъ". На слѣдующій день больная, если въ силахъ будетъ подняться, идетъ рано къ колодцу, пока еще никто не бралъ изъ него воды; подходя къ нему, она произноситъ: „Добрыдень, колодець Романе, а вода Уляно! прышла я до тебе воды браты, тебе поздоровляты; якъ вода здорова, шобъ и я була такъ здорова; якъ вода прыбувае, такъ шобъ у мене покормъ прыбувавъ". Затѣмъ набираетъ „непочатойи" воды и пьетъ. Если же родильница не можетъ продѣлать сама всего этого, то бабка рано утромъ приноситъ изъ колодца „непочатойи" воды вмѣстѣ съ опущеннымъ наканунѣ кускомъ хлѣба; воду она наливаетъ въ горшочекъ и даетъ пить больной; ту же воду, которая капаетъ съ хлѣба, собираетъ въ миску. Выпивъ воду, родильница закусываетъ хлѣбомъ, вынутымъ изъ колодца, и паляницею, что наканунѣ была у нея подъ рукою, а бабка приговариваетъ при этомъ: „Господы, благословы хлибъ йисты и воду пыты, шобъ здоровой буть; якъ у колодези вода прыбувае, шобъ у тебе въ грудяхъ такъ покормъ прыбувавъ".—Затѣмъ купаютъ дитя. Воду послѣ купанья бабка выноситъ во дворъ и выливаетъ на дубовый колъ: „шобъ здорове росло, якъ колокъ дубовый.„—

Бабка навѣщаетъ больную въ теченіе 7 дней и приноситъ ей чего-либо „снидать": паляницу, блиновъ, вареииковъ, сметаны... Въ свою очередь, и хозяева „шанують" бабу, какъ могутъ лучше.

Первые два дня ребенокъ лежитъ возлѣ матери; только на третій день его кладутъ „у люльку". Эта „люлька", или „ко-

лыска“ незатѣйлива по своему устройству: четырехугольная деревяная рама переплетается снизу крѣпкой веревочкой; по угламъ привязываются 4 веревки, которыя другимъ своимъ концомъ прикрѣпляются къ деревянному крюку; къ „траму“ привязывается веревочка, за которую и цѣпляется этотъ крюкъ; сбоку колыски привѣшивается веревочка—„почéнка“, при помощи которой и качаютъ ногой люльку.—

Прежде чѣмъ положить въ колыску дитя, баба кладетъ въ нее кота, „шобъ дытя спало, якъ кýтъ“, „на кота гуркóта, а на дытыну дремóта“; покачавши кота, она выбрасываетъ, креститъ колиску, кладетъ въ нее дитя и закачиваетъ его, напѣвая „кота“.

№ 16. Ой ты, коте, коте нашъ!
Чы вміешъ ты „оченашъ“?
Ой я вмію краще васъ,
Бо я въ попа ночувавъ.
„Очынашу“ переняв.—

Затѣмъ бабку смѣняетъ мать. Сидя на „полу“, она прядетъ, а ногой качаетъ дитя въ колыскѣ. Ребенокъ такъ привыкаетъ къ подобному укачиванію, что, если мать прерветъ качаніе, то онъ просыпается и кричитъ, пока снова не начнутъ его качать. Когда нужно кормить дитя, мать не беретъ его на руки, а наклоняется надъ колыской, а затѣмъ снова усаживается за свою пряжу, напѣвая монотоннымъ голосомъ „кота“:

№ 17. Ты коте, коте нашъ!
Чи вміешъ ты „оченашъ“?
А я вмію краще васъ;
Хоть у школи не бувавъ,—
Пýдъ школою полежавъ,
Весь „оченашъ“ перенявъ,
Лыстоньки пысаты,
Малу дытыну колыхаты,
Гарного „котка“ спиваты.—

№ 18. Ты, коточокъ, не ходы,
Малойи дытыны не збуды;
Мале дытя буде спаты,
А я буду колыхаты,
Щасте-долю посылаты,
Ростоньки въ костоньки,
Здоровъечко въ сердечко,
Добрый розумъ въ голувоньку
На малую дытыноньку,
Щобъ воно спало, не болило,
На голу́воньку здоровило,
Часто спаточки хотило.

№ 19. Ишла вдова долыною
Зъ маленькою дытыною.
Сила вдова оддыхаты;
Колы-жъ иде тры бурлаки.
Одынъ каже: убъемъ вдову!
Другый каже: ще й дытыну;
Трейтій каже: не вбъемъ вдовы,
Маленькойи дытыны;
Ходимо въ лисочокъ,
Зрубаемъ дубочокъ,
Зробымо колысочку,
Положимо дытыночку;
Витеръ повине,—поколыхне;
Ру́ска впаде,—погодуе;
Дощыкъ крапне,—напойить.—

№ 20 (варіантъ № 19)...
Третій каже: не займайте;
Мы пу́йдемо у лисочокъ
И вырубаемъ лыщыночку,

Зробымо колысочку,
Повисымо на дубочку,
Положимо дытыночку.
Витрыкъ повіе,—поколыше;
Сонечко вгріе,—пожалуе;
Роса впаде,—погодуе;
Дощыкъ зыде,—покупае;
Маты Божа наблюдае.—

№ 21. Ой ну люли, люли!
Налетилы гули;
Посилы на люли,
Сталы думать и гадать,
Чымъ дытынку годовать:
Чы кашкою, чы молочкомъ;
Чы пшенычнымъ пырожкомъ?
Кашкою годоваты,
А молочкомъ напоВаты,
Бублычкомъ годоваты.

№ 22. Ой ну люли, коточокъ!
Заховався въ куточокъ
Одъ маленькихъ диточокъ.
Пошла кыця по водыцю,
Впала кыця у крыныцю.
Пошовъ котокъ ратоваты;
Вытягъ кыцю за ушко,
Посадывъ кыцю на сушко:
— Седы, кыця, покы обсохнешъ,
А я пиду на мисто,
Куплю тоби намысто;
Я побежу на села;
Седы, кыцю, весела.—

№ 23 (Варіантъ № 22)
Пошла кыця по водыцю
Та й-упала у крыныцю.
Пошовъ котокъ ратуваты,
Та взявъ кыцю за ухо
Та й посадывъ на сухо;
Взявъ котокъ за ужыцю
Та й посадывъ на полыцю:
Седы, кыця, весела,
А я пойду на села
Хлиба добуваты,
Дитей годуваты.—

№ 24. Ой ну люли, коте—котынку!
Та выоремъ нывку
Та посіемъ матерынку;
Матерынку будемъ рвать,
Малу дытынку колыхать;
Мала дытынка буде спать.
Заколыхавши та свою дытынку,
Побижу я на часынку;
На часъ, на часъ, на часочокъ
Пошла въ вышневый садочокъ,
Чую своей дытыны голосочокъ.

№ 25. Пошовъ котокъ на торжокъ,
Купывъ соби кожушокъ;
Треба съ котка зняты
Та дытыни даты,
Щобъ тепленько спаты.
Та пошовъ котыкъ по сино,
Тамъ його лыхо насило,
А ку́шечку трясьця,
А дытыни щастя.

№ 26. Ой ну люли, коте сирый,
Да не ходы по-задвуръю,
Да не ходы коло хаты,
Да не ходы волохатый,
Та не збуды та дытяты;
Мале дытя буде спать;
Ёму не горя, не нужды знать.

№ 27. Ой ну люли, коточокъ
Укравъ у Васи платочокъ,
Побигъ Вася наганять;
Нагнавъ котка у бору.
Прынýсъ ёго до дому,
Посадывъ котка на мосту,
Ставъ котка быты по хвосту,
Посадывъ котка на лавци,
Ставъ котка быты по лапци:
Оце тоби, коточокъ,
За те, що вкравъ у мене платочокъ.

№ 28. Быты котка, быты,
Не на лыхо вчыты,
Щобъ не вчывся гарилочки пыты,
Вчывся дилечка робыты—
Черевычки шыты,
Платьечко попраты,
Постильку послаты,
Дытыну колыхаты,
Гарного „котка“ спиваты.

№ 29. Ой ну люли да люлечки!
Шовковыйи да верёвочки,
А новая колысочка.
Спыть малая дытыночка.—

№ 30. Ой ну люли, коточокъ;
Не полохай диточокъ;
Малы дитки будутъ спаты,
А я буду колыхаты.—

Тихо, монотонно тянется колыбельная пѣснь одна за другой; спокойно спитъ подъ нее ребенокъ, а мысль матери, ничѣмъ не отрываемая, несется на крыльяхъ впередъ, стараясь сквозь темную завѣсу разсмотрѣть будущее своего «любого Йванка». Припоминаются тутъ молодой матери разныя примѣты, по которымъ пожилыя женщины учили ее узнавать будущую судьбу и характеръ ребенка: если дитя громко кричитъ, то нечего бояться за него: оно выростетъ и будетъ здоровымъ, добрымъ человѣкомъ; плохо вотъ, если дитя тихо, болѣзненно «нявчы́ть»: не долго протянетъ такой хилый ребенокъ, а если и выживетъ, то не на радость ему будетъ жизнь, не въ силахъ будетъ такой человѣкъ справиться съ тяжелой мужицкой работой; если дитя вскорѣ послѣ своего появленія на свѣтъ водитъ глазами, оно скоро умретъ; та-же участь грозитъ ребенку, у котораго на нёбѣ не оказалось бугорка (?), или у котораго въ глазахъ возлѣ переносья нѣтъ разрѣза (?) *); если дитя сжимаетъ кулачки, изъ него выйдетъ скупой человѣкъ; если же оно разжимаетъ пальчики, то будетъ щедрымъ и любимымъ всѣми за свою тароватость; если мать желаетъ, чтобы всѣ любили ея ребенка, то она должна почаще цѣловать его... А въ общемъ—по одному шаблону тянется жизнь нашего просто-

*) Послѣднія двѣ примѣты не совсѣмъ понятны; лично мы не могли провѣрить, дѣйствительно-ли даже существуютъ эти непонятныя примѣты.

людина—селянина. Лѣтъ до 2—3 съ нимъ няньчатся; лѣтъ съ 5 мальчикъ становится пастушкомъ; сперва у себя въ огородѣ осенью и весною пасетъ гусей и телятъ; потомъ гонитъ ихъ въ поле «на стерну»; лѣтъ съ 8 онъ уже верхомъ несется въ лѣсъ «на ночлиги»; затѣмъ—хожденіе въ школу, разныя работы по хозяйству, а тамъ, лѣтъ съ 18, пора и о женитьбѣ и о собственномъ хозяйствѣ думать, если только не грозитъ рекрутчина.—Дѣвочка тоже, едва минетъ ей лѣтъ пять, становится помощницей матери: днемъ на ея руки сдаются всѣ меньшія ребята—ея братья и сестры; серьезно, заботливо сдвинувъ брови, тащитъ эта нянька передъ собою своего братишку-карапузика, суетъ ему соску въ ротъ, чтобы унять его плачъ; наконецъ, надоѣстъ ей возиться съ плаксуномъ; посадитъ она его гдѣ-либо подъ плетнемъ, а сама съ такими же няньками—подругами садится играть «у куклы» либо «въ кремъяхи», не замѣчая, что ввѣренное ея попеченію дитя совершенно мокро и успѣло уже набить себѣ ротъ пескомъ и всякою дрянью. Вечеромъ мать, возвратившись съ полевой работы, укладываетъ ребенка спать, а свою дочь—подростка посылаетъ въ огородъ «нарвать зильля, бо вже незабаромъ и свыни попрыбегають съ пашы, дакъ шобъ було чымъ погодовать ихъ».

Подростетъ дѣвочка, и ее посылаютъ въ школу, если только позволяютъ домашнія обстоятельства, т. е. если есть въ семьѣ кому и безъ нея няньчиться съ ребятами. Потомъ идетъ она въ «наймычки», служыть по людяхъ, зароблять соби на прыданее», а тамъ, глядишь, и заневѣстилась и своей семьей обзавелась.—

Едва окончились „родыны“ и „хрестыны“, пора думать и о подаркахъ родственникамъ мужа: свекру въ подарокъ дается коленкоръ на рубаху, свекрухѣ—темный ситецъ на юбку, а замужнимъ ятровкамъ—ситецъ на „очипки“.—

Въ ближайшее послѣ родовъ воскресенье бабка несетъ ребенка въ церковь пріобщать. Изъ тѣхъ денегъ, что гости надавали на крестинахъ, баба даетъ коп. 2—3 священнику „на часточку“—помолиться о здравіи новорожденнаго.

По истеченіи 6-недѣльнаго срока, родильница идетъ съ ребенкомъ и бабкой въ церковь „уводыться", послѣ чего приглашаетъ бабу къ себѣ на обѣдъ.—На Рождественскіе или свѣтлые праздники (смотря по тому какіе ближе) на второй день родильница съ мужемъ и ребенкомъ несетъ бабѣ „пыроги", мужъ несетъ въ „хусткѣ" 7 паляницъ въ подарокъ бабѣ; баба приглашаетъ къ себѣ своихъ пріятельницъ, и цѣлый день идетъ пированіе. И затѣмъ уже постоянно, изъ года въ годъ, на второй день Рождества и Пасхи родители новорожденнаго ходятъ въ гости къ бабкѣ, нося ей въ подарокъ зимой паляницу и колбасу, а весной—пасху и двѣ крашанки. Бабка отдариваетъ своихъ „унуковъ" подобнымъ же подаркомъ.

Если дитя умретъ, то его родители каждую поминальную субботу *), идучи въ церковь, заносятъ бабѣ паляницу, а послѣ служенія снова заходять къ бабкѣ, и та угощаетъ ихъ; но это угощеніе не имѣетъ уже такого веселаго характера, какъ первое.

„Пыроги" родители ребенка несутъ также куму и кумѣ. Сперва идутъ они къ куму и несутъ ему въ подарокъ 7 паляницъ и шапку, или поясъ, или на жилетъ матеріи. Кумѣ въ подарокъ, кромѣ тѣхъ же 7 паляницъ, даютъ платокъ или матеріи на карсетку. Собственно „пырогамы" называются 6 паляницъ и подарокъ; все это вмѣстѣ завязывается въ „хустку"; седьмую же паляницу отецъ ребенка несетъ подъ рукой; это—„гостынець". Придя въ хату, гости ставятъ на столъ и „пыроги", и „гостынець". Хозяева угощаютъ гостей и, въ свою очередь, даютъ имъ паляницу, когда тѣ уходятъ домой.—

Если въ семьѣ умираютъ постоянно дѣти, то мать, желая спасти отъ смерти новорожденнаго ребенка, „запродуе" его. Эта продажа производится такъ. Когда ребенокъ заболѣетъ и напуганная уже смертью другихъ дѣтей своихъ мать въ страхѣ плачетъ возлѣ больного, къ ней приходитъ одна изъ ея род-

---

*) А ихъ въ году 4.

ственницъ или сосѣдокъ, у которой дѣти всѣ живы, и предлагаетъ: „дай, я его закуплю, щобъ на мое щасте выросло“; мать съ радостью соглашается и обѣщаетъ ей подарокъ, если дитя выздоровѣетъ. Гостья снимаетъ съ себя крестикъ и надѣваетъ на ребенка со словами: „шобъ Богъ давъ, на мое щасте ты вырўсъ, батьку и матеры на утиху, а мыни на хорошу славу“. Когда ребенокъ выздоровѣетъ, она приноситъ крыжмо ребенку на рубаху. Родители этого ребенка считаютъ послѣ этого ее своею кумою и несутъ ей „пыроги“.

А. Малинка.

ПЕРВЫЯ ВОСКРЕСНЫЯ ШКОЛЫ ВЪ КІЕВѢ.[1]

Вопросъ о просвѣщеніи народныхъ массъ есть основной вопросъ въ жизни каждой страны и каждой націи. Среди людей всѣхъ партій, всѣхъ сословій и соціальныхъ положеній, какъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, такъ и среди частныхъ лицъ, есть иниціаторы и горячіе сторонники народнаго образованія. Одно изъ видныхъ мѣстъ въ этомъ движеніи, знаменующемъ духъ нашего вѣка, принадлежитъ *воскреснымъ* школамъ. Впервые онѣ возникли на западѣ болѣе трехъ столѣтій тому назадъ, но носили конфессіональный, церковный характеръ. Особенно покровительствовалъ такимъ школамъ Лютеръ. Общеобразовательный же характеръ воскресныя школы получили въ Англіи лишь въ концѣ XVIII в. Теперь, по вычисленіямъ Эдварда Лонтооста, секретаря всемірнаго Копенгагенскаго съѣзда представителей воскресныхъ школъ, ихъ въ 1890 году на всемъ земномъ шарѣ насчитывалось около милліона съ 20 мил. учащихся и 2 мил. учащихъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ 100 т. воскресныхъ школъ; въ Финляндіи болѣе 5 т. и, чтобы въ количествѣ подобныхъ школъ не отстать отъ этой страны, Россія должна бы имѣть 200 т. воскресныхъ школъ, но въ удѣлъ нашего народа ихъ

---

[1]) Матеріаломъ для этой статьи служатъ рукописи покойнаго И. И. Слѣпушкина, „Основа“, „Народ. Чтенія“, „К. Телеграфъ“, Соч. Пирогова и нѣкот. др.

приходится не болѣе 1500. Въ Остзейскомъ краѣ были воскресныя школы съ 20-хъ годовъ нашего вѣка благодаря Библ. Общ. Но эти школы, какъ и частная школа Шпилевской въ Петербургѣ, открытая въ апрѣлѣ 1859 года, по характеру своему существенно отличается отъ нынѣ существующаго типа воскресныхъ школъ.

Первыя въ Россіи воскресныя школы образовательнаго характера возникли въ Кіевѣ 11 окт. 1859 года. Это было время созрѣвавшихъ и совершавшихся реформъ. Всѣ сферы общественной жизни были призваны къ самодѣятельности и готовились къ лучшему будущему. 23 мил. крестьянъ—темнаго крѣпостного люду—ждали воли. Правительство, освобождая ихъ изъ-подъ опеки помѣщичьей власти, признало за ними свободу человѣческой личности и указало широкое поле новой общественной дѣятельности. Крестьянинъ теперь долженъ былъ явиться не только самостоятельною единицею въ государствѣ, но и общественнымъ дѣятелемъ—засѣдать въ волостномъ судѣ въ качествѣ судьи и въ окружномъ—въ качествѣ присяжнаго засѣдателя, въ земствѣ и на сходѣ рѣшать вопросы о школахъ, больницахъ, дорогахъ, о раскладкѣ налоговъ, о призрѣніи бѣдныхъ, о продовольствіи населенія, въ качествѣ старосты и старшины слѣдить за общественнымъ порядкомъ и творить расправу.

Высшіе классы, стоявшіе на высотѣ европейскаго образованія, сознавали всю глубину пропасти между собою и неграмотнымъ людомъ, пропасти, обусловленной взаимнымъ отчужденіемъ. Прошлое было темно и страшно. Всѣ ждали спасенія въ будущемъ, спѣшили къ новой жизни.

Но, чтобы мѣры правительства не остались только *реформой*, чтобы проникли глубоко и радикально измѣнили направленіе и ходъ русской жизни, надо было сдѣлать народную массу способною воспринять ту великую реформу, которая совершалась въ интересахъ этой массы. Единственный путь была грамотность. Опытъ всей Европы, ея статистическія изслѣдованія показали, что преступленіе, самая крайняя безнравственность и невѣжество всегда идутъ рука объ руку.

„Кто знаетъ, можетъ быть, болѣе чѣмъ половина изъ тѣхъ, которые теперь содержатся въ нашихъ тюрьмахъ, могли бы пользоваться свободой; болѣе чѣмъ половина изъ сосланныхъ на каторгу могли бы добросовѣстно служить своей странѣ, еслибъ государство употребило на образованіе ихъ хотя малую долю того, что растратило на преслѣдованіе воровъ"—говоритъ Маколей. И правительство, и общество сознавало, что просвѣщеніе есть единственный двигатель для развитія не только умственныхъ, но и моральныхъ силъ народа.

Однако не всѣ раздѣляли этотъ взглядъ, и приходилось бороться съ апатіей, рутиной и бездушіемъ большинства. Это та, по выраженію Н. И. Пирогова, грозная борьба, которую суждено вести человѣческому духу за дорогое ему стремленіе къ истинѣ и совершенству. Явились люди, на долю которыхъ выпало быть выразителями лучшихъ сторонъ своего времени. А то, чего не могли сдѣлать люди, предъ чѣмъ безсильны оказались факты, то сдѣлало вѣяніе времени, сокрушающее все, изъ чего отлетѣлъ духъ жизни.

Въ то время попечителемъ Кіевскаго Учебнаго Округа состоялъ извѣстный ученый и высоко гуманный человѣкъ— Николай Ивановичъ Пироговъ. По общимъ отзывамъ, это былъ не только „человѣкъ своего времени, но и вождь своихъ современниковъ". Онъ всюду проводилъ общечеловѣческія понятія, заставляющія цѣнить и уважать личность каждаго и въ жизни, и въ наукѣ, и въ школѣ. Своею педагогической задачей Пироговъ поставилъ сблизить общество съ ученымъ міромъ и вывести наши воспитательныя заведенія изъ разряда чисто-дисциплинарныхъ учрежденій. Другою выдающеюся личностью того времени былъ профессоръ Кіевскаго университета — Платонъ Васильевичъ Павловъ. Нравственныя качества этого человѣка, его общественные идеалы, его служеніе идеѣ вызывали обаяніе среди студентовъ, и Павловъ имѣлъ громадное вліяніе не только на своихъ слушателей, но на всѣ факультеты, на всю учащуюся молодежь. Эти-то два лица и стали во главѣ движенія, создавшаго первыя въ Россіи воскресныя школы.

Какую же почву для общественной дѣятельности представлялъ въ то время нашъ Кіевъ? Это былъ городъ, насчитывавшій около 60 т. жителей *) Университетъ, двѣ гимназіи, два уѣздныхъ училища (одно изъ нихъ дворянское), только 6 приходскихъ, институтъ благородныхъ дѣвицъ, институтъ графини Левашовой, 9 частныхъ учебныхъ заведеній, училища военнаго и духовнаго вѣдомствъ и пріюты—вотъ и все, гдѣ можно было получить образованіе. Библіотекъ не было. На весь Кіевъ было только 2 книжныхъ магазина. Не было и газеты, кромѣ оффиціальныхъ Губернскихъ Вѣдомостей, и только въ 1859 году выразителемъ общественныхъ интересовъ явился ежедневный органъ печати—Кіевскій Телеграфъ. Образованіе было поставлено на чисто оффиціальной почвѣ. Въ школахъ царила рутина съ ея мертвящими формами и педагогика, основанная на принужденіяхъ до розгъ включительно.

А между тѣмъ жизнь не ждала, и государственная реформа призывала къ дѣятельности всѣхъ. Здѣсь то, въ Кіевѣ, и возникла мысль о новой школѣ для народа. 23-го сентября 1859 года въ Кіевскомъ Телеграфѣ появилась замѣтка о проектѣ безплатной воскресной школы, и чрезъ двѣ недѣли, 11 октября, школа была открыта. Ей было предоставлено помѣщеніе уѣзднаго дворянскаго училища на Подолѣ по Константиновской улицѣ—зданіе, въ которомъ впослѣдствіи помѣщалась мужская прогимназія и затѣмъ 3-ья гимназія.

17 студентовъ университета и 1 изъ духовн. академіи изъявили желаніе быть преподавателями. Оффиціальный надзоръ былъ порученъ профессору Павлову и штатному смотрителю уѣзднаго училища И. И. Слѣпушкину.

Но откликнутся ли тѣ, ради кого устраивалась школа? Хочетъ ли народъ того свѣта, который ему предлагаютъ,

---

*) Географія Ободовскаго изд. 64 года.

и будетъ ли у него достаточно довѣрія идти къ тѣмъ, кто его зоветъ учиться?

Были разосланы объявленія и письма въ мастерскія. Между прочимъ писалось: „лѣта не будутъ служить препятствіемъ для ученія, слѣдовательно—школу могутъ посѣщать даже взрослые“.

Хотя предполагалась мужская школа, но приходилось слышать вопросы: а будетъ ли школа для дѣвочекъ? А можно ли посылать дѣвочекъ?

Въ первое же воскресенье на занятія явилось около 50 душъ, затѣмъ число учащихся возросло до 149.

Вопросъ былъ рѣшенъ. Тѣ, для кого устраивалась школа, откликнулись. Это придало энергіи иниціаторамъ, и черезъ двѣ недѣли, 25 октября, открылась другая воскресная школа на Новомъ Строеніи. Надзоръ за нею былъ порученъ профессору Павлову и штатному смотрителю училища г-ну Проценку. Въ день открытія явилось 34 человѣка, а въ началѣ новаго 60-го года число записавшихся простиралось до 148. Цифра эта подвергалась колебаніямъ: число посѣтителей не превышало 60-ти.

31 января 1860-го года въ зданіи 2-й гимназіи открыта первая женская воскресная школа. Преподаваніе приняли на себя г-жа Нельговская и классныя дамы ея пансіона.

Затѣмъ въ 80-мъ № Кіевскаго Телеграфа появилось интересное сообщеніе: „съ ноября мѣсяца студенты Кіевской Духовной Академіи намѣрены открыть въ своихъ аудиторіяхъ *безплатную будничную* школу. Точное распредѣленіе времени и программа занятій будутъ объявлены особо“. Но объявленій не послѣдовало: школа не была открыта.

Болѣе счастливыми оказались студенты университета, учредившіе въ 1861-мъ году въ знакъ благодарной памяти о Пироговѣ безплатную ежедневную школу въ одной изъ лекторій университета.

Еще въ концѣ октября 1860 года открыта воскресная школа на Печерскѣ и другая въ зданіи 1-ой гимназіи. Сначала,

какъ говорятъ, былъ сдѣланъ опытъ надъ гимназической прислугой, а потомъ допущены и посторонніе, такъ что оказалось до 60 учениковъ. Преподавателями были гимназисты.

„Кіевскій Телеграфъ“ выражаетъ мнѣніе, что „при всякомъ высшемъ и среднемъ учебномъ заведеніи непремѣнно должна быть воскресная школа. Отъ этого выгода можетъ быть двоякая, и для учащихся, и для учащихъ.

6 ноября въ зданіи Фундуклеевской женской гимназіи открыта 2-ая женская воскресная школа. По этому поводу въ „Основѣ“ за іюнь 1861-го года напечатано: „Открыли школу дамы. Предполагалось открыть раньше,и все уже было приготовлено, но учредительницы не рѣшались выступить въ роляхъ общественныхъ дѣятелей. Въ то же самое время, тоже дамы—преимущественно изъ купеческаго сословія—задумали открыть женскую воскресную школу на Подолѣ, и то же отсутствіе рѣшимости долго мѣшало дѣлу. Наконецъ были открыты обѣ школы“.

Въ отчетѣ, появившемся черезъ 4 мѣсяца послѣ открытія воскресной Фундуклеевской школы, мы читаемъ: „желательно бы имѣть большее число преподавательницъ,—къ сожалѣнію на приглашенія къ участію отвѣты получены отрицательные“.

У преподавателей воскресныхъ школъ является большое сомнѣніе относительно того, какъ женщины поведутъ это дѣло; и только необходимость имѣть для женскихъ школъ учительницъ и увѣренность, что участіе въ школѣ будетъ поступательнымъ шагомъ въ дѣлѣ развитія самой женщины, заставили студентовъ усердно агитировать въ дамскомъ обществѣ. Женщина того времени еще не была подготовлена къ подобной дѣятельности, и если для мужчины это дѣло являлось новымъ, то женщину оно пугало своею необычайностью. Воспитанная въ закрытомъ учебномъ заведеніи, въ замкнутомъ сословномъ кругу, женщина была далека отъ народа и требованій его трудовой жизни. Только полугодомъ раньше первой воскресной школы, при совершенномъ равнодушіи высшаго общества, открыта была первая въ Кіевѣ женская гимна-

зія, и много было толковъ о томъ, какъ посылать „свое дитя въ общее заведеніе, куда доступенъ входъ и дочери простого ремесленника, и дочери знатнаго сановника.

Если таково было общее мнѣніе, то нельзя удивляться, что мало женщинъ пошло въ Воскресныя школы учить бѣдный людъ.

Общая женская участь коснулась не только образованныхъ классовъ: для женщинъ низшаго сословія также оказались преграды. Въ Новостроенской школѣ на лицо было только 18 учениць, а въ отчетѣ Фундуклеевской школы читаемъ: „большая часть учениць живетъ у своихъ родителей, есть нѣсколько горничныхъ. Замѣчательно, что изъ магазиновъ дамскихъ, гдѣ живутъ цѣлые десятки дѣвушекъ, учениць очень мало, всего 4, притомъ послѣднія, какъ и горничныя, рѣдко посѣщаютъ школу (несмотря на желаніе посѣщать постоянно), потому—что онѣ бываютъ заняты работой и въ праздничные дни".

Но люди, горячо преданные дѣлу, понимали, что не 18 женщинъ въ Кіевѣ желаютъ учиться грамотѣ, и неуклонно продолжали свое дѣло, твердо вѣря, что у грамотнаго народа прежде всего должна быть грамотная мать.

Матеріальныя средства школъ составлялись изъ пожертвованій. Генералъ-губернаторъ князь Васильчиковъ исхлопоталъ разрѣшеніе у министра Внутреннихъ Дѣлъ на принятіе добровольныхъ приношеній деньгами и книгами. Еще раньше, черезъ двѣ недѣли послѣ открытія первой школы, попечитель округа, даже лично принимавшій участіе въ занятіи съ учениками, снесшись съ мѣстною властью, далъ разрѣшеніе на подписку и надзоръ за кассою поручилъ инспектору 2 гимназіи г-ну Чалому. Жертвователями явились профессора и вообще учительскій персоналъ и купцы. Черезъ газеты, несмотря на объявленія, не поступало ничего: тогда общество еще не привыкло считать печатный органъ выразителемъ своего настроенія; была, впрочемъ и другая причи-

на: горсть людей, сочувствовавшихъ воскреснымъ школамъ, непосредственно близко стала къ этому дѣлу, ей и незачѣмъ было нести свои пожертвованія въ редакцію. Эти сборы поступали прямо въ кассу школъ. Для усиленія средствъ устраивались концерты, спектакли, живыя картины, въ устройствѣ которыхъ принимала участіе княгиня Васильчикова.

Но кружокъ преподавателей былъ смущенъ мыслью, что собираются деньги отъ публики, разсуждающей, по выраженію профессора Павлова; „отчего не проплясать мазурки, когда страдаетъ меньшій братъ". Тогда студенты университета учредили музыкальные вечера по субботамъ съ цѣлью доставлять эстетическія удовольствія небогатымъ людямъ (плата 25 и 50 к.) и собрать средства для воскресныхъ школъ, расходы которыхъ состояли главн. образомъ въ пріобрѣтеніи книгъ и учебныхъ пособій. Городъ ежегодно выдавалъ 150 р.

Таблица отчета Подольской и Новостроенской школъ, составленная на 249 душъ, послѣ 29 дней занятій, показываетъ, что преобладающее число учениковъ, какъ и слѣдовало ожидать, остается за жителями Украйны и вообще южно-русскихъ губерній (230). Слѣдовательно, элементъ мѣстный—главный въ школѣ; процентъ другихъ національностей слишкомъ незначителенъ: великороссіянъ 38, нѣмцевъ 4, поляковъ 8, евреевъ 3.

На 249 человѣкъ, посѣщающихъ школу, 185 принадлежитъ къ ремесленному классу, 27 лакеевъ, 3 сидѣльца, и 34, большею частью, малолѣтніе, которыхъ занятія еще не опредѣлились. По сословіямъ: дворянъ 10, купцовъ 6, однодворцевъ 4, козаковъ 3, вольноотпущенныхъ 2, мѣщанъ 58, кантонистовъ 34, казенныхъ крестьянъ 31, крѣпостныхъ крестьянъ 101.

Мѣщане составляютъ туземный городской элементъ, а крѣпостные крестьяне—почти всѣ безъ исключенія тѣ мастеровые, которые отданы помѣщиками въ выучку въ разныя мастерскія. Самая краснорѣчивая цифра въ графѣ сословій принадлежитъ, конечно, крестьянамъ вообще (132 ч.) и крѣпостнымъ въ

частности (101). Крѣпостные составляютъ почти половину общаго числа учащихся.

Далѣе изъ таблицы отчета мы видимъ, что всего охотнѣе посѣщаютъ школы въ возрастѣ отъ 7 до 15 лѣтъ (118). Отъ 15 до 20—99 чел., отъ 20 до 30—32. Между малолѣтними воскресниками много учениковъ городской школы.

На число учащихся и аккуратность посѣщеній несомнѣнно оказывало вліяніе не всегда покровительственное отношеніе хозяевъ. Нѣкоторые увѣряли своихъ учениковъ, что платятъ за нихъ въ воскресныя школы, и потому воскресники должны работать хозяевамъ лишній годъ. Конечно, подобные слухи были разсѣяны на первыхъ же порахъ.

О педагогической постановкѣ дѣла можно судить по отчету Подольской и Новостроенской школъ.

Основное число постоянно посѣщающихъ и вновь поступающихъ дѣлится на неграмотныхъ и грамотныхъ въ разной степени. Это обстоятельство привело къ раздѣленію школъ на два класса: высшій и низшій. Послѣдній, сверхъ того, раздѣляется на два отдѣленія, изъ которыхъ въ одно поступаютъ совершенно неграмотные, а въ другое—кое-какъ разбирающіе буквы, словомъ—до нѣкоторой степени усвоившіе механизмъ чтенія. Такимъ образомъ 2-ое отд. низшаго класса составляетъ какъ бы средній, переходной классъ. Въ высшій принимаются тѣ, которые уже относительно бѣгло читаютъ. Здѣсь они раздѣляются на нѣсколько группъ, соотвѣтственно числу учащихъ, и вообще система обученія, принятая въ этомъ классѣ, существенно отличается отъ той, которая принята въ низшемъ. Ученье происходитъ отъ 11 до 2 ч. пополудни всякій праздничный и воскресный день. Одинъ часъ посвящается вѣроученію, для чего низшій и высшій классы соединяются. Два остальные часа въ низшемъ классѣ занимаются исключительно обученіемъ чтенію и отчасти письму—въ среднемъ отдѣленіи, а въ высшемъ классѣ—чтенію, письму и ариѳметикѣ. Число всѣхъ учащихъ (въ двухъ школахъ) доходитъ до 45 человѣкъ. Участвующіе изъ среды своей избираютъ по одному лицу въ каждой школѣ, над-

зирающему за внѣшнимъ порядкомъ и правильностію занятій. Ходъ обученія сообразуется съ заранѣе начертанной программой, хотя иногда встрѣчаются отступленія.

Вѣроученіе заключается въ разсказахъ изъ священной исторіи, преимущественно изъ жизни Спасителя, съ выводомъ нравственныхъ уроковъ изъ этихъ разсказовъ, а также въ объясненіи догматической части по Символу Вѣры и въ усвоеніи главныхъ молитвъ. Сверхъ того, преподаватель Подольской школы каждому уроку предпосылаетъ объясненіе Евангелія того праздничнаго дня, когда происходило ученіе. Преподаваніе заключается въ простомъ разсказѣ, по возможности доступномъ толкованіи прочитаннаго въ бесѣдѣ съ учениками.

Въ низшемъ классѣ въ двухъ школахъ считается приблизительно около 70 учениковъ, изъ которыхъ большее число приходилось на среднее отдѣленіе. Въ Подольской школѣ среднее отд. было поручено одному преподавателю. Слѣдовательно, система обученія принята классная. Такъ какъ въ это отдѣленіе поступали такіе учащіеся, которымъ грамота отчасти знакома, то очевидно занятія заключались въ усиленномъ упражненіи въ чтеніи. Пособіемъ служитъ книжка Золотова для взрослыхъ. Но само собою разумѣется, что чтеніе сопровождается въ необходимыхъ случаяхъ объясненіемъ. Вообще преподаватель не упускалъ изъ виду развитія учащихся, что положено въ основаніе всей методы Золотова.

Въ Новостроенской школѣ въ томъ же отдѣленіи обученіе происходитъ по группамъ. Сверхъ того, здѣсь же учатъ нумераціи и письму азбуки на доскѣ и бумагѣ; въ Подольской школѣ этого не проходятъ.

Для неграмотнаго отдѣленія въ обѣихъ школахъ принята классная система. По замѣчанію преподавателей, „гдѣ предстоитъ учить азбукѣ, тамъ *классное* соревнованіе и взаимообученіе имѣютъ за собой несомнѣнное превосходство".

Въ разсматриваемое нами время въ Россіи повсюду господствовалъ буквослагательный методъ, и воскресныя школы первыя

примѣнили новый звуковой способъ Золотова, поставившаго въ методикѣ яйцо, подобно Колумбу: заслуга Золотова заключается въ томъ, что онъ первый разрѣзалъ слово на составныя части—буквы и такимъ обр., давши подвижную азбуку, положилъ основаніе аналитико-синтетическому методу, а вмѣстѣ съ тѣмъ осмысленному обученію грамотѣ. Примѣнялся въ школахъ и методъ одесскаго педагога Горбинскаго, кот. ставилъ краеугольнымъ камнемъ обученія предварительныя упражненія въ анализѣ слова на составные элементы. Все это было новинкой въ педагогической практикѣ.

Главнымъ образомъ пріемы сводились къ двумъ методамъ. Одинъ, всего ближе подходившій къ методу самого Золотова, состоялъ въ томъ, что бралось нѣсколько словъ (изъ складныхъ буквъ), громко произносилось ихъ названіе, и неоднократнымъ спрашиваніемъ каждаго ученика классъ доводился до того, что глаза каждаго учащагося привыкали къ очертанію буквъ, составляющихъ данное слово. Причемъ вначалѣ подбирались такія слова, гдѣ одинъ и тотъ же слогъ повторялся. Когда классъ могъ различать и произносить два, три или 4 слова, уставленныя на доскѣ, они разбивались на слоги и тѣмъ же путемъ узнавались учениками, хотя бы были и во вновь составленныхъ словахъ. Затѣмъ тотъ же пріемъ употреблялся при раздѣленіи слоговъ на буквы, причемъ въ обоихъ случаяхъ все помѣщаемое на доскѣ приводилось въ различныя произвольныя комбинаціи, съ соблюденіемъ извѣстной постепенности. Когда всѣ буквы алфавита становились такимъ путемъ извѣстны, то въ конечномъ результатѣ учащіеся должны были сами составлять данныя слова и затѣмъ переходили къ чтенію по книгѣ. Если этотъ методъ можно назвать аналитическимъ, то другой болѣе отличался синтетическими пріемами, хотя и приводилъ къ одному результату: первоначально знакомили учениковъ съ гласными буквами алфавита, уставляя ихъ на доскѣ, затѣмъ приставлялись къ гласнымъ согласныя, сперва передъ ними, а потомъ послѣ нихъ (прямые и обратные слоги), и ученики доводились до сознанія что нѣтъ буквы *бе,* а есть б и т. д. Ознакомивши съ очерта-

ніемъ слога, переходили къ составленію слова. Напр: бралась буква у, приставлялось къ ней *б* (бу—уб), бралась буква *я* и приставлялась къ ней *р* (*ря*—яр), и затѣмъ, соединивъ составленные слоги, заставляли учениковъ, произнося ихъ, произносить и слово *буря*. Такимъ путемъ ознакомливали учащихся со всѣми буквами алфавита, причемъ, употребляя тѣ же разнообразныя комбинаціи и заставляя самихъ учащихся разставлять слова, доходили до чтенія по книгѣ. Было-бы въ высшей степени интересно узнать относительное достоинство обоихъ пріемовъ, какъ оно выразилось на практикѣ, но болѣзнь одного изъ преподавателей и затѣмъ выборъ другого въ должность завѣдующаго школой—сдѣлали то, что обѣ группы примѣняли оба метода, побывавъ у обоихъ изъ этихъ преподавателей.

Наконецъ, не безъ интереса будетъ привести одинъ исключительный случай, при которомъ мальчикъ выучился читать въ три урока. Произошло это слѣд. обр.: учитель объяснилъ на первый разъ буквы и далъ ихъ на домъ. Ученикъ явился черезъ недѣлю, зная всю азбуку. На второмъ и третьемъ урокѣ ему объяснено было, какъ изъ буквъ составляются слоги и слова, и всякій разъ давалась на домъ книга. Теперь, говорится въ отч., мальчикъ читаетъ уже довольно бѣгло. Конечно—это фактъ совершенно случайный и нисколько не можетъ быть отнесенъ къ самой школѣ, но нѣсколько другихъ случаевъ, съ нимъ однородныхъ, привели къ тому убѣжденію, что выдача книгъ на домъ существенно помогаетъ ходу дѣла.

Въ силу подобныхъ соображеній положено было въ обѣихъ школахъ раздавать на домъ въ низшемъ классѣ упражненія и таблицы Золотова, а въ высшемъ „Народное чтеніе“ и нѣкоторыя др. книги. Вообще результаты обученія въ низшемъ классѣ были слѣдующіе: въ высшій кл. пер. 16 ч.; при поступленіи незнавшіе ничего переведены въ среднее отдѣленіе, слѣдовательно они ознакомились съ алфавитомъ и до нѣкоторой степени усвоили уже механизмъ чтенія; 5 человѣкъ стали разбирать слова.

Въ высшемъ классѣ, гдѣ бываетъ среднимъ числомъ въ обѣихъ школахъ до 100 чел., система обученія принята груп-

повая, по тѣмъ соображеніямъ, что развитіе учениковъ въ этомъ случаѣ выигрываетъ. Въ группѣ отъ 2 до 4 человѣкъ болѣе или менѣе одинаковаго уровня познаній. Учитель, останавливаясь на всякомъ малопонятномъ мѣстѣ, вступаетъ въ объяснительную бесѣду со своими слушателями. Онъ обязанъ вызывать ихъ размышленіе и вообще дѣйствовать на мыслительную способность.

Такимъ образомъ, говорится въ отчетѣ, нечувствительно накопляется фактическій матеріалъ и кругъ понятій незамѣтно становится шире, а воззрѣніе правильнѣе.

Занятія письмомъ заключаются въ перепискѣ прописей, причемъ наставники обращаютъ вниманіе на сообщеніе правильности и твердости въ движеніи руки. Въ Новостроенской школѣ допускаютъ письмо и подъ диктовку. Вообще, повидимому, письмо идетъ тамъ успѣшнѣе.

По ариѳметикѣ программа тогдашнихъ воскресныхъ школъ стоитъ почти на высотѣ теперешнихъ требованій. На первомъ планѣ сообщеніе учащимся быстраго умственнаго навыка въ производствѣ первыхъ 4-хъ дѣйствій надъ цѣлыми и, если возможно, дробными величинами, при чемъ начинаютъ съ самыхъ маленькихъ именованныхъ чиселъ. Тѣхъ, кому это будетъ особенно полезно, предполагалось ознакомить съ правилами тройнымъ, учета векселей, товарищества, смѣшенія, а также со счисленіемъ на счетахъ. Задачи подбирались самаго обыденнаго, житейскаго характера, приноровленныя къ быту учащихся. По нѣкоторомъ навыкѣ въ устномъ счисленіи, наблюдая постепенность, переходили къ дѣйствіямъ на доскахъ большихъ и грифельныхъ и къ счисленію на счетахъ.

По таблицѣ отчета мы видимъ, что изъ 60, поступившихъ въ Подольскую воскресную школу, 11 не умѣли писать цыфръ, 37 писали ихъ плохо, 1 дѣйствіе знали 6, отъ 2 до 4 дѣйств. тоже 6.

Въ Новостроенской школѣ изъ 20—9 не умѣли писать цифръ.

Открывая школу, учредители поставили себѣ задачею на первыхъ же порахъ устранить всѣ стѣсненія, изгнать всякій формализмъ изъ своего дѣла. Школа была открыта посѣтителямъ. Все, что касалось хода дѣла, обсуждалось и рѣшалось на педагогическихъ совѣтахъ, происходившихъ въ учительской комнатѣ, во время уроковъ Закона Божія. Здѣсь поднимались дебаты по поводу вопросовъ общепедагогическихъ и частныхъ. Такъ напр., возникъ вопросъ о значеніи дисциплины во время занятій, о воспитательномъ вліяніи школы, прочитывались отчеты преподавателей, изыскивались и обсуждались мѣры къ открытію новыхъ воскресныхъ школъ, распредѣлялись пожертвованія, причемъ дѣлежъ производился пропорціонально числу учениковъ.

Понимая, что главная сила и вліяніе воскресной школы заключается въ хорошей книгѣ, педагогическій совѣтъ постоянно имѣлъ въ виду доставить народу возможность читать. Но большинство народныхъ книгъ того времени представляли собою „сѣрыя изданія московской фабрикаціи, безчисленныя произведенія не слишкомъ разборчивыхъ спекулянтовъ“. Выбирать было не изъ чего. Приходилось издавать. Одинъ изъ преподавателей, помѣщикъ Полтавской губ., предложилъ для этой цѣли свои средства. А пока что, составились изъ пожертвованныхъ и отчасти купленныхъ книгъ библіотеки. Самая бóльшая была при подольской школѣ.

Въ религіозно-нравственномъ отдѣлѣ мы встрѣчаемъ евангеліе, крещеніе Господне, псалмы Давида, исторію церкви ветхаго завѣта, проповѣди на украинскомъ языкѣ, соловецкій монастырь и исторія его бомбардированія и др.

Въ естественно-научномъ:

На нѣм. яз., какъ пособіе для преподавателей: Zonengemälde, Naturgeschichte und Völker, Geologiegeschichte und Physikal Geografie in Bildern.

Описаніе земли или географія Григоровича, Природа и люди, Очерки Зауральской степи и внутренней или букеевской

орды, Печорскій край Щепкина, Русскіе въ Японіи въ 53 и 54 годахъ, Атлантическій океанъ и островъ Мадера, Алжиръ, путешествіе Ливингстона, Сингапуръ, На мысѣ Доброй Надежды. Гонъ-Конгъ, разсказы о животныхъ и растеніяхъ—Разина, журналъ „Сельскій строитель".

Въ историческомъ отдѣлѣ:

Взятіе въ плѣнъ Шамиля, Ермакъ или покореніе Сибири, Убіеніе Дмитрія царевича въ Угличѣ, Иванъ Сусанинъ или смерть за царя. Жизнь и военные подвиги Александра Великаго, царя Македонскаго.

Въ отдѣлѣ изящной словесности:

Стихотворенія Жуковскаго, повѣсти и разсказы Григоровича, басни Ив. Крылова, басни русскихъ баснописцевъ, сказка о купцѣ Остолопѣ, о Рыбакѣ и рыбкѣ, Донъ Кихотъ Ламанчскій, а также такія произведенія какъ „о солдатѣ Яшкѣ-красной рубашкѣ" 30 экз.

Въ библіотекѣ находились книги и на малорусскомъ яз.: Шевченко, Марко Вовчокъ и др.

Для классныхъ занятій употреблялись главнымъ образомъ: „Книга для взрослыхъ" Золотова и журналъ „Народное чтеніе".

Книга Золотова страдала, такъ сказать, тономъ: по мнѣнію занимавшихся, она была составлена въ сферѣ понятій и привычекъ привилегированныхъ классовъ. „Народное чтеніе" выходило въ годъ 6 книжками отъ 150 до 200 стр. небольшого формата. Программа его была такова: Правительственныя распоряженія, касавшіяся интересовъ крестьянскаго и мѣщанскаго сословій. Изложеніе законовъ гражданскихъ, полицейскихъ и уголовныхъ по тѣмъ отдѣламъ, которые ближе всего касаются крестьянскаго и мѣщанскаго быта. Отечественная исторія и описанія событій чисто-народныхъ. Жизнеописанія замѣчательныхъ по своимъ гражданскимъ доблестямъ и заслугамъ людей, вышедшихъ изъ простолюдія. Литературныя бесѣды и разсказы,

очерки нравовъ и разныя легенды, сатирическія статьи, соотвѣтственно цѣлямъ изданія. Стихотворенія, какъ чисто народныя, такъ и написанныя въ простонародномъ духѣ. Бесѣды о природѣ вообще и о человѣкѣ въ особенности. Медицинскіе совѣты, которыми крестьяне могутъ пользоваться при своихъ средствахъ. Разныя свѣдѣнія о сельскомъ хозяйствѣ, торговлѣ и прикладныя знанія.

Издавалось „Народное Чтеніе" Лермонтовымъ и К°; книги составлялись А. Оболенскимъ и Г. Щербачевымъ, подъ редакціей Муратова. Стоилъ журналъ 2 р., при чемъ допускалась разсрочка: при подпискѣ 50 к., а затѣмъ при каждой книжкѣ по 30 к. Въ видѣ преміи высылалось Евангеліе.

При несомнѣнныхъ достоинствахъ и интересѣ, многія статьи этого журнала были доступны только развитымъ ученикамъ, да и то подъ руководствомъ учителя.

Отсутствіе хорошей книги для занятій въ классѣ вызвало среди преподавателей проектъ новой хрестоматіи для воскресныхъ школъ. Была выработана программа, при чемъ выяснилось, что требованія сводятся къ слѣдующему: хрестоматія должна быть дешева, содержаніе интересно, изложеніе доступно.

Въ книгѣ намѣчено два отдѣла: естественный и историческій. Въ первый предполагалось выбрать статьи, „касающіяся физическаго міра, дающія вообще понятіе о природѣ и ея силахъ". Во второмъ отдѣлѣ должны быть помѣщены статьи историческія—по устройству и развитію человѣческихъ обществъ. Сюда предполагалось внести свѣдѣнія этнографическія, историческія и т. п. Руководною нитью и существеннымъ содержаніемъ этого отдѣла должна быть, впрочемъ, Русская Исторія, которую предполагается составить такъ, чтобы съ возможною подробностью останавливаться на выпуклыхъ и живущихъ въ памяти народа событіяхъ, излагать съ полнотою тѣ царствованія, которыя составляютъ эпохи въ народной жизни, а объ остальныхъ событіяхъ упоминать слегка, для необходимой связи.

Работая надъ рѣшеніемъ общепедагогическихъ и частныхъ вопросовъ, совѣтъ воскресныхъ школъ *дѣлился* своимъ опытомъ съ лицами, обращавшимися къ нему за указаніями.

По примѣру Кіева, въ губернскихъ городахъ и захолустныхъ селахъ стали быстро открываться воскресныя школы. Втеченіе года въ тридцати пунктахъ Россіи появилось 68 воскресныхъ школъ, а къ половинѣ 62 года ихъ насчитывали около 90. Министерство Народнаго Просвѣщенія, Внутреннихъ Дѣлъ и Военное Вѣдомство относились одобрительно и предоставляли школамъ свои помѣщенія. Губернаторы дѣло это поощряли, такъ-что въ нѣкоторыхъ городахъ издавались предписанія въ родѣ слѣдующаго: губернаторъ приказалъ всѣмъ ремесленникамъ посылать своихъ учениковъ въ воскресныя школы чисто и опрятно одѣтыми. Попечитель Харьковскаго Учебнаго Округа писалъ: „долгомъ считаю присовокупить, чтобы къ числу полезныхъ свѣдѣній по части естествознанія, физики, географіи, медицины и проч. прибавлены были объясненія объ отношеніяхъ народа къ власти".

Но на ряду съ добрыми вѣстями одинъ за другимъ появлялись циркуляры тревожнаго характера, и, наконецъ, 12 іюня 1862 г. издано было Высочайшее повелѣніе впредь до преобразованія означенныхъ школъ на новыхъ основаніяхъ закрыть всѣ нынѣ существующія воскресныя школы. Говорятъ, причиною закрытія послужили недоразумѣнія съ одною изъ Петербургскихъ школъ, обвиняемой въ распространеніи безвѣрія и превратныхъ понятій о правѣ собственности. Воскресныя школы прекратили свое существованіе, и только безплатная ежедневная школа въ лекторіи университета была преобразована помощникомъ попечителя округа М. А. Туловымъ въ подготовительную школу для практическихъ занятій учителей будущихъ народныхъ школъ—новаго, тогда еще только зарождавшагося типа. Школы были закрыты. Время унесло людей, служившихъ имъ. Но, по словамъ Пирогова: „здѣсь, на землѣ, гдѣ все проходитъ, есть для насъ

одно ненарушимое—это господство идей.“ Идея воскресныхъ школъ уцѣлѣла. При болѣе благопріятныхъ условіяхъ возникли новыя школы, и сѣть ихъ покрыла темные уголки, но уже не студенты, а женщины явились иниціаторами этого дѣла, и преобладающій элементъ учениковъ—взрослые. Постановка въ новыхъ воскресныхъ школахъ сохранилась та же, что и въ первыхъ Кіевскихъ. Общія черты педагогической и общественной физіономіи свидѣтельствуютъ о томъ, что воскресныя школы не случайность, а общественное явленіе, вызванное потребностями самой жизни. Солидарность, интересъ и общеніе школъ между собою—характерная черта тѣхъ, кто боится за свое существованіе и, угнетаемый, видитъ свою силу въ дружескомъ союзѣ.

Что же за типъ учебнаго заведенія представляетъ собою воскресная школа?

Отличіе ея не въ томъ, что ученіе происходитъ по воскресеньямъ, не въ томъ, что между днями занятій недѣльный промежутокъ, а учащіеся—взрослые, въ періодѣ, когда память и способности къ механическому усвоенію притуплены,—это лишь неблагопріятныя условія, которыми школа сумѣла воспользоваться съ успѣхомъ и сдѣлала изъ нихъ опору своихъ принциповъ. Отличіе воскресной школы въ томъ, что она является плодомъ общей самодѣятельности въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, плодомъ сознательнаго отношенія къ жизни и людямъ.

Съ одной стороны, интеллигентные классы сознали необходимость образованія народныхъ массъ и, такъ сказать, свой долгъ по отношенію къ меньшому брату, несущему тяготу жизни и лишенному ея лучшаго утѣшенія: науки и поэзіи; съ другой—народъ созналъ необходимость грамоты и просвѣщенія. „На каждомъ шагу онъ платится за свое незнаніе общественнаго гражданскаго строя нашей жизни, на каждомъ шагу платится за свою нравственную неразвитость, за свою косность и невѣжество *).

---

*) Феликсовъ „Русская школа 91 г. № 4 стр. 142, ст. „Спеціальныя практическія задачи русской народной школы“.

Возникнувъ плодомъ сознательнаго отношенія къ окружающему, воскресная школа избѣжала всѣхъ тѣхъ ненормальностей и уродливости, которыми страдаютъ другія педагогическія учрежденія, явившіяся осуществленіемъ лучшихъ идей въ рукахъ лицъ, чуждыхъ этимъ идеямъ. Въ воскресныхъ школахъ никто не несетъ дѣла по обязанности, слѣдовательно никто не тяготится, а значитъ—нѣтъ принужденія, мертвенности, рутины и бездушнаго формализма, а если нѣтъ ихъ—значитъ открытъ путь активной работѣ: любознательности—съ одной стороны, и удовлетворенію ея—съ другой. Въ этомъ весь секретъ занятій въ воскресной школѣ, результатъ которыхъ иногда кажется невѣроятнымъ. Не фокусы эти ошеломляющіе по быстротѣ успѣхи воскресниковъ, за три урока выучивающихся читать—это результатъ правильнаго отношенія къ дѣлу по существу.

Являясь по иниціативѣ и плодомъ общаго желанія самихъ преподающихъ, воскресная школа тѣмъ самымъ, въ силу простой послѣдовательности, оказывается общимъ, интереснымъ и дорогимъ дѣломъ для тѣхъ, кто ее ведетъ.—Отсюда это трепетное отношеніе, это любованіе малѣйшимъ проявленіемъ жизни дорогого претерпѣвшаго гоненіе дѣтища, эта высокая степень интереса индивидуальностью каждаго учащагося, и въ этомъ смыслѣ вкладъ воскресныхъ школъ въ сокровищницу народовѣдѣнія.

Оказываясь единственнымъ учрежденіемъ, готовымъ научить грамотѣ темный людъ, эта безплатная добровольная школа—для учащихся свѣтлое и любимое учрежденіе.

На этой почвѣ сходятся интересы учителя и ученика, и воскресная школа даетъ блестящій обращикъ того, какія трудности въ педагогическомъ дѣлѣ преодолимы при такомъ союзѣ. Не только литература воскресныхъ школъ и участники самаго дѣла—краснорѣчивѣе всего говоритъ за себя фактъ: ученики съ любовью посѣщаютъ школы.

Послѣ недѣли труда отъ зари до зари, эти труженики считаютъ большою непріятностью всякій пропущенный день

занятій, и нѣтъ такой воскресной школы, гдѣ бы учащіеся радовались каникуламъ. Этотъ фактъ лучшее доказательство, что воскресная школа стоитъ на вѣрномъ пути и что силы людей, несущихъ въ нее свой трудъ, не затрачены даромъ.

Воскресная школа имѣетъ и другое значеніе: она пробила брешь въ крѣпкой стѣнѣ, отдѣляющей школу отъ жизни.

Мы привыкли издавна противополагать жизнь школѣ и школу жизни *). Мы привыкли видѣть, что воспитаніе и ученіе идутъ сами по себѣ, а жизнь идетъ своимъ чередомъ, сама по себѣ. Мы привыкли думать, что требованія школы не сходятся съ требованіями жизни. И чѣмъ менѣе образовано общество, тѣмъ болѣе разъединены въ его понятіи школа и жизнь. Воскресная школа, наоборотъ, поставила своею задачею привести весь учебный матеріалъ въ связь съ жизнью, съ потребностями самихъ учащихся. Въ этомъ случаѣ недостатокъ времени, заставляющій дорожить каждою минутой, сдѣлался опорой принципа—не затемнять голову ненужными свѣдѣніями, а сообщать простыя пригодныя въ жизни знанія и, по возможности, давать ясное понятіе о мірѣ. Воскресная школа идетъ къ цѣли *прямою* дорогою и наиболѣе короткимъ путемъ. Эта упрощенность пріемовъ есть лепта воскресныхъ школъ въ общей педагогіи. Но, чтобы достигнуть своей цѣли, школа поставлена въ необходимость чутко прислушиваться къ голосу науки и пользоваться всѣми способами, закрѣпляющими знаніе.

Другое характерное условіе воскресныхъ школъ —возрастъ учащихся—сдѣлался опорой принципа: школа для учениковъ. Здѣсь учащійся является со сложившимся міровоззрѣніемъ, съ болѣе или менѣе опредѣлившимися требованіями отъ жизни, и роль учителя обусловливается лишь преимуществомъ развитого человѣка, вліяніемъ знанія, убѣжденія и достоинствъ самой личности учащаго. Отсюда безпримѣрное рвеніе учащихъ и учащихся, сознательное отношеніе къ каждой выученной буквѣ, а въ результатѣ педагогическій опытъ, что не формен-

*) „Школа и жизнь“ Пирогова.

ная дисциплина, а отсутствіе ея благотворно вліяетъ на успѣхъ знанія. Такъ, съ большими или меньшими уклоненіями отъ намѣченной цѣли — сообщить первые начатки знанія темному люду, работаютъ воскресныя школы.

Если встрѣчаются трудности и безпорядки, вызываемые вѣчно движущимся составомъ учащихся, если попадаются неумѣлые учителя и тупые ученики, если порою приходитъ скорбная мысль, что школа хотя и не отрываетъ отъ жизни, за то мало имѣетъ силы скрасить и улучшить ея темныя стороны, то все таки несомнѣннымъ остается фактъ, что воскресныя школы—первыя учрежденія частной иниціативы, явившіяся на помощь народу въ его стремленіи къ свѣту, и что эти школы прониклись душою педагогики, оставивъ формализмъ, что это, наконецъ, единственныя школы, совершающія свое дѣло предъ всѣми, доступныя каждому и открывшія свои двери для всякаго контроля. Это—чистый родникъ, изъ глубины общественной жизни несущій свѣжую струю въ наше школьное дѣло.

И если теперь дѣти наши, послѣ долгихъ лѣтъ ученія, переутомленныя, усталыя являются въ жизнь, отъ которой оторвала ихъ школа, то будемъ надѣяться, что хоть новый вѣкъ, на рубежѣ котораго мы стоимъ, воспользуется починомъ воскресныхъ школъ въ освободительномъ движеніи школы отъ мертвенности и рутины, будемъ надѣяться, что и сами воскресныя школы въ новомъ вѣкѣ найдутъ больше простора для своей дѣятельности на радость всѣмъ, кто имъ сочувствуетъ, и особенно русской женщинѣ, отдающей лучшія силы дѣлу народнаго образованія.

Л. Струнина.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Покинутая жена. *(Эпизодъ изъ эпохи войнъ Хмельницкаго)* Въ исходѣ первой половины XVII ст. въ западной Волыни жилъ небогатый шляхтичъ Крыштофъ Сестревитовскій и была у него молодая жена Анна, урожденная Свенцицкая. Неохотно шла она замужъ за него, потому что происходила хотя изъ небогатаго, но «старопольскаго» шляхетнаго рода изъ сосѣдней Холмщины, а ея женихъ былъ простецъ-русинъ, «схизматикъ», едва-ли не самолично ходившій за плугомъ вмѣстѣ съ тремя-четырмя своими подданными; но Сестревитовскій обнаружилъ такое упрямство въ желаніи обладать рукою понравившейся ему «панны», столько заѣздилъ коней, навѣщая ея родителей (будто-бы по пути въ Люблинъ, по дѣламъ въ трибуналъ), что гордая полька снизошла наконецъ къ наивнымъ «залётамъ» простоватаго жениха и, уступая родительскимъ настояніямъ, согласилась стать его женою. Жизнь новобрачныхъ съ первыхъ же дней пошла вкривь и вкось: мужъ вѣчно то на работѣ, то на охотѣ, то на повѣтовыхъ съѣздахъ, а жена, заброшенная въ глушь Волынскаго полѣсья, среди чужихъ людей, помирала съ тоски и безпрестанно ѣздила гостить къ роднымъ. Но черезъ годъ ея родители оставили аренду имѣній въ Холмскомъ краѣ и переѣхали въ Бѣлоруссію; тогда молодая женщина затосковала совсѣмъ и предалась подвигамъ неумѣренной набожности: постилась, молилась и даже втайнѣ подвергала себя бичеваніямъ. Мужъ, конечно, не раздѣлялъ такого крайняго благочестія, совершаемаго къ тому же по чуждому для него обряду; ему все болѣе становилась противной прѣсная, затхлая, полумонастырская атмосфера его семейнаго очага, и скоро онъ совсѣмъ охладѣлъ къ женѣ—«девоткѣ», перенося свои симпатіи на ея «покоевую» Каську.

Между тѣмъ настало лѣто 1648 года. Всюду разнеслись тревожныя вѣсти, что гдѣ-то тамъ, на Украинѣ, возмутившіеся козаки уничтожили безъ остатка коронное войско и что ихъ гетманъ Хмель въ союзѣ съ ордою идетъ на Варшаву. Скоро появились мно-

гочисленные бѣглецы изъ Кіевскаго и Брацлавскаго воеводствъ и восточной Волыни: ксендзы, евреи и шляхта. Всѣ они разсказывали ужасныя вѣсти о жестокихъ насиліяхъ, грабежахъ и убійствахъ, свирѣпствующихъ повсюду, куда только проникло возстаніе. Въ западной Волыни формировались ополченія, безпрестанно прибывали сюда военные отряды изъ коренной Польши, и потому крестьяне вели себя смирно; тѣмъ не менѣе, болѣе предусмотрительные изъ дворянъ припрятывали цѣнныя вещи и увозили женъ и дѣтей въ Бѣлорусскіе и Польскіе края. Стала и Ганна Сестревитовская приставать къ мужу:

—«Що ты гадаешъ? Чили не видишъ, ижъ всюду почали люде о себѣ радити, а малженки свои до мѣстъ варовныхъ (безопасныхъ) и замковъ увозити? Чомъ про мене не дбаешъ?»

Но мужъ не думалъ проявлять заботливости о ней и только отшучивался, что, молъ, на такое золото, какъ его жена, «и татаринъ не покваnится».

Вдругъ въ концѣ сентября разнеслась вѣсть, что польское войско понесло подъ Пилявцами полное пораженіе, что козацкіе загоны вторглись за Горынь и безъ боя овладѣли Ровномъ, Олыкою и Луцкомъ. Наступила ужасная паника; всѣ, кто могъ, изъ шляхтичей, евреевъ и ксендзовъ, уходили «въ забѣги». Крестьяне стали формироваться въ сотни и полки и принялись грабить панское добро. Сестревитовскій бросилъ молотьбу и сталъ поспѣшно снаряжать возы и оружіе, но не объяснялъ женѣ, что́ онъ задумалъ. Лишь на третій день, когда онъ, забравъ лучшихъ лошадей и челядниковъ, уѣхалъ будто бы въ городъ (Владиміръ), бѣдная женщина узнала отъ оставшейся челяди, что мужъ вступилъ въ хоругвь Петра Фалибовскаго, а ее бросилъ на произволъ судьбы.

Что оставалось дѣлать покинутой паніи? Она собрала болѣе цѣнныя вещи, велѣла запречь простой возъ и ночью направилась въ Холмщину. Но челядникъ довезъ лишь ее до р. Буга, а дальше не захотѣлъ ѣхать. Пѣшкомъ, въ сопровожденіи одной лишь Каськи, Анна Сестревитовская направилась дальше; но на первомъ же ночлегѣ, въ лѣсу, Каська вѣроломно покинула свою госпожу, захвативъ съ собою всѣ ея пожитки. Терпя голодъ и холодъ, одинаково боясь встрѣчи съ людьми и съ дикими звѣрями, бѣдная женщина кое-какъ добралась до с. Бѣлки, въ Холмскомъ повѣтѣ, которое раньше было въ арендѣ у ея родителей. Здѣсь ей встрѣтился въ лѣсу «гаевой» Якубъ Бакулъ, знавшій ее по прежнимъ посѣщеніямъ его Бѣлки. Добродушный «хлопъ» сжалился надъ несчастной изгнанницей и пріютилъ ее въ своей избѣ, гдѣ она и прожила нѣсколько недѣль.

Между тѣмъ Хмельницкій, осадивъ Замостье, распустилъ козацкіе «загоны» по всему Люблинскому воеводству. Скоро появились они и въ Бѣлкѣ. Боясь за судьбу своей шляхетной гостьи, Бакулъ посовѣтовалъ ей на время скрыться въ лѣсу, такъ какъ опасался предательства со стороны сосѣдей. Дѣйствительно, козаки узнали, что въ Бѣлкѣ скрывались нѣкоторые шляхтичи, поручили мѣстнымъ крестьянамъ разыскать ихъ и отобрать все, что при нихъ окажется. Хлопы устроили на пановъ облаву, какъ на звѣрей, и многихъ разыскали и убили, но Сестревитовской не нашли.

Черезъ три дня козаки ушли дальше. Тогда Бакулъ самъ отправился отыскивать свою гостью, обошелъ всѣ укромныя мѣста въ лѣсу, окликалъ ее по имени, но ея нигдѣ не было. Наконецъ, совершенно случайно онъ нашелъ ее въ болотѣ, едва живую. Оказалось, что, заслышавъ облаву, несчастная женщина отъ страха забралась въ густую болотную заросль и въ ней, по шею въ водѣ, просидѣла почти трое сутокъ. Это было въ половинѣ ноября, и потому не удивительно, что хотя она и слышала оклики Бакула, но не была въ состояніи выйти изъ своего убѣжища, ни даже отозваться на его голосъ. Добрый человѣкъ перенесъ несчастную пани въ избу и, какъ умѣлъ, старался помочь ей; но она черезъ нѣсколько дней «съ перемерзеня срокгого Пану Богу оддала духа»..

Впослѣдствіи эту грустную повѣсть, въ формѣ протестаціи на пана Крыштофа Сестревитовскаго, занесъ въ Луцкія гродскія книги (№ 2491, листъ 123) братъ погибшей, панъ Юрій Свенцицкій, откуда мы ее и заимствовали.

О. Л.

Изъ прошлаго полтавской епархіи. *(Бытовыя картинки* [1]*)*.

2. Изъ Варвары Григорій; бракоразводный случай. Отъ 16 февраля 1778 г. изъ Переяславской духовной Консисторіи въ Духовное Миргородской протопопіи Правленіе послѣдовалъ указъ такого содержанія. «Имѣется въ духовной Консисторіи рѣшеніемъ конченое дѣло о присланныхъ прошлаго 1778 года, марта 27, изъ Духовнаго протопопіи Золотоношской Правленія двоихъ женскаго пола лицъ, съ коихъ одно, имѣнуя себе Григоріемъ Андреевымъ сыномъ Грековымъ, женилось и вѣнчано во образѣ мужа на дочери подданнаго бунчуковаго товарища Димитрія Бѣлухи, жителя села Вознесенскаго Алексѣя Кулика, дѣвицѣ Маріи. Въ самой же вещи оное, именовавшееся Григо-

---

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1898 г. № 4.

ріемъ, лицо, по освидѣтельствованіи явилось и есть женщина, а о имени своемъ и женитьбѣ, между протчаго показала. Зовутъ де ее Варькою, отецъ ея былъ художествомъ серебренникъ, а по природѣ яко-бы грекъ, православнаго исповѣданія. Проживая по разныхъ мѣстахъ въ Донскихъ станицахъ, по своему художеству, и ее въ малолѣтствѣ за собою водя, передѣлъ въ мужеское одѣяніе и наименовалъ Гришею. А для чего оный сіе сдѣлалъ, яко-бы не сказывалъ и не знаетъ. Почему де и за умертвіемъ онаго она въ мужескомъ одѣяніи хаживала, называясь Григоріемъ. Оттуда, съ Донскихь станицъ, малороссійскими чумаками въ такомъ видѣ будучи вывезена, за неимѣніемъ о себѣ никакого письменнаго вида, была въ сотенной Полтавской Канцеляріи подъ карауломъ и подъ разсмотрѣніемъ о ея породѣ и о протчемъ, съ той Канцеляріи взята помянутаго бунчуковаго товарища сынами—маіоромъ Андреемъ и капитаномъ Михаиломъ, при которыхъ, какъ тамъ, въ Полтавѣ, такъ и въ Сѣвскомъ пѣхотномъ полку и въ бывшей съ Портою Оттоманскою арміи по службѣ ихъ, находилась въ услуженіи, обыкновенно какъ малой. Между чѣмъ, будучи съ тѣми же Бѣлушенками въ прописанномъ ихъ селѣ Вознесенскомъ, соглашена дворовыми служителями пойти въ домъ до тамошняго обывателя Алексѣя Кулика, куда собирались разные тамошнихъ жителей дѣвки и молодики, по званію простолюдиновъ, на досвѣтки. Здѣсь, будучи до нѣсколько разовъ и по примѣру другихъ производя съ дѣвками разныя шутки и шалости, зозналась съ вышеупомянутою Куликовою дочерью Маріею, съ коею и ночуя до нѣсколько разъ тамо, склонила оную къ плотскому беззаконію, равно тамо женилась на ней обыкновенно, по порядку, то есть, вѣнчалась въ церкви, при бытности своихъ господъ и народа, тамошнимъ священникомъ Стефаномъ Ивановымъ и свадьбу отправляла по надлежащему. По свадьбѣ таки была съ господами своими въ арміи, а за возвращеніемъ, проживая въ томъ селѣ Вознесенскомъ особымъ своимъ дворомъ, дѣлала съ оною Маріею Куликовою плотское совокупленіе нѣкоторымъ фальшивымъ образомъ и растлила ее, какъ о томъ обстоятельно по допросамъ обѣихъ ихъ значится. Изъ допросовъ сихъ явствуетъ, что хотя изъ нихъ показанная Варвара извиняется, яко-бы она не съ какимъ-либо умысломъ и не сама собою такой на себя видъ приняла, но еще въ малолѣтствѣ отцемъ своимъ Андреемъ Грековымъ въ мужское переодѣта одѣяніе и Григоріемъ переименована, однакъ никакого вѣроятія и уваженія

недостойна, когда не только маленькою, но и въ совершенныхъ лѣтахъ, по умертвіи отца, въ разныхъ мѣстахъ обращаясь, нигдѣ сего не открыла и въ сотенной полтавской канцеляріи содержана будучи подъ карауломъ, въ допросѣ своемъ потаила и вездѣ представляла себе свѣту такъ обманно. А въ правилѣ 11-мъ собора помѣстнаго, иже въ Гангрѣ, въ книгѣ Кормчей на листѣ 56-мъ, положено: «Аще которая жена, мнящися воздержанія ради, перемѣнитъ одѣяніе и въ обычнаго мѣсто женамъ одѣянія въ мужскую одежду облечется, да будетъ проклята». Кольми паче на такой случай, какъ сія въ самомъ дѣлѣ сумазбродная тварь, будучи,—какъ и сама сознаетъ,—христіанка, въ такомъ обманномъ видѣ во всю жизнь свою къ таинствамъ святымъ покаянія и евхаристіи приступать дерзала многажды и супружества тайну обезчестить отважилась съ явнымъ закона Божія и преданій церковныхъ презрѣніемъ, обругавъ при томъ чинъ супружескаго сожитія запрещеннымъ сожитіемъ прежде женитьбы, зазнавсь съ дѣвкою, кою послѣ вмѣсто жены своей имѣла, Маріею, растлила ее несвойственнымъ и чрезъестественнымъ образомъ и по обвѣнчаніи тѣмъ же ругалась съ нея, послѣ же дозволила и съ другими блудодѣйствовать, чѣмъ оная Марія и дитя прижила. А по докладнымъ изъ Святѣйшаго Синода въ 1721-мъ году съ резолюціями его императорскаго величества государя императора Петра Перваго, по протчемъ, велѣно дѣламъ, о любодѣйствѣ быть свѣтскаго суда. Въ Морскомъ же Уставѣ, въ главѣ 18-й, въ пунктѣ 137-мъ, положено: «Ежели кто съ умыслу лживое имя или прозвище себѣ пріиметъ и нѣкоторый учинитъ вредъ, оный за безчестнаго объявленъ и по обстоятельству преступленій наказанъ быть имѣетъ». Для того, въ силу св. отецъ правилъ и высочайшихъ указовъ, приговорили: 1-е Женщину оную Варвару, ложно именовавшуюся Григиріемъ, снявъ съ нее мужеское и одѣвъ во все женское одѣяніе, отправить въ полковую полтавскую канцелярію за крѣпкимъ карауломъ, отъ мѣста до мѣста съ провожатыми, при промеморіи, для докончанія тамо о сумнительствѣ пашпорта о породѣ ея въ сотенной полтавской канцеляріи начатаго дѣла,—не явится-ли при томъ и другого какого за нею важнаго преступленія, съ требованіемъ, чтобы, по окончаніи прежнихъ дѣлъ и за прописанныя ея противъ закона и преданій церковныхъ дерзновенія, поступая, учинено во всемъ по строгости закономъ, и что учинено будетъ, духовную Консисторію увѣдомлено-бъ. 2-е Женщину Марію, которая со-

гласилась прежде обвѣнчанія къ блудодѣйству съ оною обманщицею, а по обвѣнчаніи въ сожительствѣ нѣсколько разъ, какъ и сама показала, примѣчала обманствомъ съ нею совокупленій, но не представляла заразъ и по совѣту обманщицы согласилась къ блудодѣйству съ другими, чѣмъ и дитя прижила, по правилу 58-му Василія Великаго, на листѣ 252-мъ въ той-же книгѣ Кормчей положенному, отлучить отъ сообщенія св. таинъ на семь лѣтъ, кромѣ смертнаго случая, и отправить (и отправлена) въ дѣвичій Золотоношскій монастырь въ черную работу, за окончаніемъ которой и о вступленіи ея въ сущій бракъ учинено имѣетъ быть разсмотрѣніе. 3-е Священника Вознесенскаго Стефана Иванова, таковый неправильный бракъ вѣнчавшаго, хотя въ невѣдѣніи обманства онаго, однако, что не по надлежащему испытанію, какъ винится, въ книгѣ Кормчей на листѣхъ 251, 522, 523 и 524 положенному, поелику онъ только предъ обвѣнчаніемъ, какъ и самъ признается, огласилъ и по одному на словахъ отъ помѣщика того села бунчуковаго товариша Бѣлухи сыновъ сказанному нѣкоторому объявленію обвѣнчалъ, а письменнаго ни у кого о ея породѣ не потребовалъ засвидѣтельствованія, при чемъ можетъ быть и открылось-бы обманство оное, оштрафовать (и оштрафованъ) зсылкою на мѣсяцъ въ заграничный православный, до епархіи переяславской принадлежащій, преображенскій Иржищевскій монастырь въ ежедневное священнослуженіе, дабы онъ впредь и другіе въ своей должности осторожнѣйшіе были. 4-е. Понеже начало сего беззаконія, по показанію самихъ, является изъ распутныхъ молодиковъ и дѣвицъ обращеній, кои, по вечерамъ собираяся вмѣстѣ, производятъ непристойные и вредные честности разговоры и шалости, то дабы того по приходамъ вездѣ было наблюдаемо и приходскіе священники наставляли старыхъ къ благонравному дѣтей воспитанію, а молодиковъ увѣщевали отъ такихъ вредительныхъ поступковъ и непристойностей, которые наводятъ грѣхъ на душу и въ жизни отъемлется Божіе благословеніе, а въ противномъ случаѣ непослушанія и по мірской командѣ къ розоренію сходьбищъ представставляли-бы, послать во всѣ Духовныя Правленія указы, съ прописаніемъ таковаго непристойнаго къ обвѣнчанію явившагося случая, дабы въ томъ на основаніи чину и правилъ поступано неотмѣнно, остерегаясь отъ таковыхъ и подобныхъ худыхъ случаевъ. А потому, за докладомъ преосвященному господину Иларіону, епископу Переяславскому и Бориспольскому, архипастыреви нашему, опредѣленіемъ

предписано: Быть по оному приговору. Для отправки же въ полтавскую канцелярію препроводить оную колодницу въ полковую переяславскую канцелярію (и препровождена) при промеморіи въ женскомъ одѣяніи, съ требованіемъ, дабы вездѣ въ подсудственныя мѣста даны были притвержденія о упраздненіи вечериночныхъ сходьбищъ. И по указу ея императорскаго величества къ непремѣнному члену о всемъ прописанномъ исполненію вамъ симъ предлагается. И Духовному Протопопію Миргородской Правленію вѣдати и чинить по сему ея императорскаго величества указу, а въ протчія мѣста таковые жъ указы и въ полковую переяславскую канцелярію промеморія посланы. 1778 года, февраля 16 дня. На подлѣнномъ тако: протоіерей Іоаннъ Стеблѣнскій. Въ должности писаря Степанъ Симоновичъ. Переяславской консисторіи канцеляристъ Иванъ Гошкевичъ».

Изъ приведеннаго указа видно, что переяславская консисторія осудила всѣхъ причастныхъ къ дѣлу лицъ довольно строго, руководствуясь дѣйствовавшими въ то время узаконеніями. Но при этомъ самъ собою возникаетъ вопросъ: насколько было виновно во всей этой исторіи главное дѣйствующее лицо, Варвара Грекова? Что она могла носить мужское платье, привыкнувъ къ этому съ дѣтства, это понятно. Но какая у нея могла быть цѣль, выдавая себя за мужчину, жениться и вступать въ законный бракъ? Неужели она сдѣлала это только потому, что была «безразсудною тварью», какъ выражается указъ? Не имѣемъ ли мы дѣла съ такъ называемымъ случаемъ гермафродитизма? Такіе случаи не рѣдки и въ настоящее время. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ г. Полтавѣ умеръ домовладѣлецъ г. М—въ. Въ дѣтствѣ онъ считался принадлежащимъ къ женскому полу и былъ помѣщенъ для воспитанія въ мѣстный Институтъ для благородныхъ дѣвицъ, но въ 15 лѣтъ онъ былъ взятъ оттуда, такъ какъ оказалось, что мѣсто его не въ Институтѣ для благородныхъ дѣвицъ, а скорѣе въ мужской гимназіи. О другомъ случаѣ передаемъ со словъ вполнѣ добросовѣстнаго и заслуживающаго довѣрія лица.— «Намъ съ твоимъ дѣдушкой, о. протоіереемъ Нав—кимъ, случилась однажды непріятная исторія»,—разсказывалъ мнѣ почтенный старикъ—діаконъ о. К—тъ Зел—скій». Просто—Божье попущеніе!... На Лиманскихъ хуторахъ, какъ тебѣ извѣстно, живетъ К—нъ Г—вичъ Г—ко. Отецъ этого Г—ко былъ большой пріятель твоего дѣдушки и дѣдушка частенько бывалъ у него. Да и то сказать,—у покойнаго старика Г—ко были такія наливки и настойки, что

подъ стать хоть и самому богатому пану. Домъ у старика Г—ко былъ полная чаша. Были у него и дѣти, но, къ крайнему прискорбію, все дочери. Однажды, какъ теперь помню, на Константина и Елены, явились къ твоему дѣдушкѣ «кумы» крестить младенца. Дѣдушка спросилъ,—«отъ кого»? и узнавши, что дитя отъ Г—ко, пригласилъ кумовьевъ закусить, такъ какъ это были «знатные прихожане». Послѣ закуски дѣдушка окрестилъ новорожденнаго и, сообразно съ поломъ, далъ ему имя Елены. Закусили еще, и кумовья уѣхали. Прошло послѣ того лѣтъ семь. Однажды старикъ Г—ко пригласилъ твоего дѣдушку послѣ Спаса отвѣдать медку,—пасѣка у него была знатная. Дѣдушка взялъ и меня съ собою. Пріѣхали мы къ Г—ко, выпили и закусили изрядно, отвѣдали и медку. Наконецъ Г—ко, какъ человѣкъ «благочестивый», попросилъ у дѣдушки позволенія привести свою семью для благословенія. Дѣдушка началъ давать благословеніе членамъ его семьи и вдругъ какъ-бы усумнился. «Вѣдь, у тебя, кажется, были все дочери,—сказалъ онъ Г—ко,—откуда же этотъ взялся въ штанахъ»?—Какъ же, о. протоіерей, это сынъ Константинъ, вы же и крестили его». Дѣдушка ничего не сказалъ и вечеромъ, получивши отъ Г—ко «всякую благостыню», мы отправились домой. На другой день утромъ призываетъ меня дѣдушка и приказываетъ принесть изъ церкви метрическія книги. Я принесъ. Начали мы ихъ пересматривать и скоро нашли запись: «Такого-то года и числа у козака Г—ко и законной жены его родилась дочь Елена». Запись была сдѣлана моею рукою. «Не напуталъ-ли ты, отче діаконъ»?—обратился ко мнѣ дѣдушка.—«Нѣтъ о. протоіерей, я списалъ слово-въ-слово изъ вашей тетради». Нашелъ дѣдушка записную тетрадь, тамъ тоже значилось: «родилась дочь Елена». Задумался дѣдушка и на другой день поѣхали мы къ Г—ко. Разсказалъ дѣдушка объ этой исторіи Г—ко и велѣлъ позвать кумовьевъ (жили они не далеко). Кумовья явились и на вопросъ дѣдушки, какое дано было имя новорожденному, воспринятому ими у Г—ко, отвѣтили «запамятованіемъ», такъ какъ были тогда «немного выпивши». Тогда дѣдушка позвалъ Г—ко, меня и кумовьевъ въ особую комнату, туда же велѣлъ привести и сына Г—ко. Раздѣли мы Константина и начали осматривать его; оказалось, что онъ не то Константинъ, не то Елена, ни то, ни се, а скорѣе—Богъ знаетъ что. Тогда о. протоіерей строго сказалъ старику Г—ко: «Объ этой исторіи доносить я не буду,—много будетъ хлопотъ; въ метрическихъ

книгахъ мы перемѣнимъ Елену на Константина, но ты долженъ дать клятву, что когда сынъ твой достигнетъ совершенныхъ лѣтъ, ты не позволишь ему вступать въ бракъ, такъ какъ такимъ лицамъ, какъ твой сынъ, брачное сожитіе закономъ воспрещено». Старикъ поклялся. «Отъ-того-то»,—закончилъ свой разсказъ почтенный о. діаконъ,—К—ъ Г—вичъ и остался неженатымъ!... Замѣтимъ кстати, что онъ умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, холостякомъ, въ глубокой старости, оставивъ все свое довольно значительное состояніе своимъ племянникамъ, дѣтямъ родной сестры.— Не было-ли чего-нибудь подобнаго разсказанному нами и съ Варварой Грековой? Въ дѣтствѣ она могла быть признаваема за Варвару, а въ лѣтахъ зрѣлыхъ изъ Варвары могъ явиться Григорій, или, скорѣе, «ни то, ни се»...

Сообщ. **Ив. П—чъ Ян—скій.**

Мысли М. А. Максимовича о Н. Г. Репнинѣ и объ ополченіи 1835 г.[1]) Максимовичъ сообщилъ мнѣ свѣдѣніе о Репнинѣ, Николаѣ Григорьевичѣ, котораго я доселѣ не зналъ; свѣдѣніе, для меня весьма интересное, но впрочемъ, тоже оставившее чрезвычайно грустное впечатлѣніе. Репнинъ былъ вице-королемъ Саксоніи (безъ сомнѣнія, во время войны союзниковъ). Потомъ сдѣланъ былъ генералъ-губернаторомъ полтавскимъ, черниговскимъ и харьковскимъ. Максимовичъ говоритъ, что сначала князь давнулъ-было Малороссію, а потомъ самъ полюбилъ ее, увлекся. Человѣкъ былъ весьма образованный, и вообще личность великолѣпная. Одна глава въ исторіи Бантышъ-Каменскаго принадлежитъ даже его перу. Двѣ въ особенности замѣчательныя вещи сообщилъ мнѣ Максимовичъ: первое о тяжбѣ Репнина съ Гурьевымъ, объ этой, какъ сказалъ М., «исторической тяжбѣ». Гурьевъ хотѣлъ козаковъ присвоить казнѣ; а Репнинъ разъяснилъ ему исторически несправедливость нарушенія самыхъ святыхъ правъ.—И Репнинъ одолѣлъ? спросилъ я.—Какъ же не одолѣть! отвѣчалъ онъ. Впрочемъ, говоритъ,—теперь обратили же козаковъ въ государственныхъ крестьянъ, козаковъ, почти то-же, что дворянъ.

---

[1]) Изъ дневника Н. П. Гилярова-Платонова (Русск. Обозр. 1898 г. № 1, стр. 131).

«Вторая замѣчательность: это—ополченіе 1835 года. Репнинъ чрезвычайно одушевилъ козаковъ, и на свой, т. е. ихній счетъ, вооружилъ десять полковъ. Энтузіазмъ, говоритъ, былъ чрезвычайный. М. разсказывалъ это къ тому, что, говоритъ, хотѣлъ было напечатать рѣчь Репнина козакамъ-ополченцамъ, которую онъ сказалъ тогда—краткую, но чрезвычайно пришедшую къ мѣсту, времени и лицамъ. Но, говоритъ, пожалуй, чортъ ихъ возьми, подумаютъ, что это какое-нибудь возбужденіе.

«Ужасны, однако, послѣдствія этого воодушевленія. Козаковъ довели до Бѣлоруссіи и потомъ отвели назадъ и—поворотили ихъ всѣхъ, добровольныхъ-то ополченцевъ, и на собственный счетъ вооруженныхъ, въ солдатъ! Стали протестовать, но въ отвѣтъ на это прогнали сквозь строй до смерти. Я не могъ удержаться отъ невольнаго содроганія, когда выслушалъ это... А при Александрѣ I, сказалъ М., было то же самое, съ тою, однако, разницей, что тогда, т. е., при Александрѣ I, вооружились они хотя на свой счетъ, но лошади пожертвованы дворянствомъ. А тутъ все свое, даже и лошади.

«Ну, а какъ послѣднее ополченіе? спрашивалъ я. Ну, что, нечего и спрашивать, говорилъ онъ. Тутъ просто изъ крестьянъ брали, да и то какихъ старались отдавать,—самыхъ дрянныхъ, пьянчугъ и т. п. Нѣтъ, говоритъ, Малороссія—баста, совсѣмъ отпала. Я былъ, говоритъ, въ послѣднюю войну: никакого одушевленія.

Изъ недавней исторіи малорусскаго козачества. Въ 1897 г. въ «Кіевской Старинѣ» была помѣщена статья, г. Н. С., подъ названіемъ: *Къ исторіи малороссійскихъ козаковъ.* Въ этой статьѣ напечатаны любопытныя свѣдѣнія, касающіяся исторіи малороссійскихъ козаковъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка. Между прочимъ здѣсь сообщены данныя о формированіи полковъ изъ малороссійскихъ козаковъ и отправленіи ихъ на театръ военныхъ дѣйствій для оказанія содѣйствія русскимъ войскамъ, усмирившимъ польское возстаніе 1830—31 года. Во время крымской войны было сформировано нѣсколько полковъ малороссійскихъ козаковъ въ Полтавской губерніи, которые, почти въ теченіе цѣлаго года несли службу въ Прибалтій-

скомъ краѣ. Въ этотъ край и обратно малороссійскіе козаки проходили чрезъ Курскую губернію и были восторженно привѣтствуемы населеніемъ во время пребыванія своего въ Курскѣ. Объ этомъ мы позволимъ себѣ разсказать въ предлагаемой вниманію читателей замѣткѣ [1]).

Въ концѣ 1855 года черезъ Курскъ прошло два козачьихъ малороссійскихъ полка №№ 1-й и 2-й. Оба они вышли изъ Полтавской губерніи и подъ командой генералъ-майора барона Ф. Е. Франкъ и подполковника графа Г. Б. Строганова направлялись въ Петербургъ.

Вѣсть о вступленіи въ Курскъ малороссійскихъ козаковъ за нѣсколько дней облетѣла населеніе города Курска и возбудила во всѣхъ слояхъ городского общества интересъ и вниманіе къ новымъ защитникамъ отечества. «Толковали среди публики, говоритъ старожилъ-очевидецъ, что мысль призвать къ участію въ военныхъ дѣйствіяхъ малороссійское козачество, заслуживаетъ особенной симпатіи, что козаки крѣпко постоятъ за честь своего оружія и дадутъ знать себя врагамъ»... Многихъ интересовалъ внѣшній видъ вновь сформированныхъ отрядовъ, потомковъ славнаго малороссійскаго козачества...

Наканунѣ вступленія въ Курскъ малороссійскаго № 2-й полка управляющій курскою палатою государственныхъ имуществъ поспѣшилъ выѣхать навстрѣчу козакамъ въ село Дьяконово, находящееся въ 22 верстахъ на юго-западъ отъ Курска, по кіевскому тракту. Въ Дьяконовой духовенство и крестьяне 26 декабря встрѣтило полкъ съ хоругвями, образами и хлѣбомъ-солью. На другой день, во 2-мъ часу дня, козаки вступили въ Курскъ. «Молодцами шли на коняхъ, говоритъ авторъ замѣтки въ тогдашнихъ *Губ. Вѣд.*, добрые сыны Украйны; весело вступали они въ городъ и задушевными пѣснями ихъ родины гремѣло козацкое молодечество и отвага».

Въ центрѣ города у Знаменскаго собора, на красной площади, полкъ остановился. Спѣшившись здѣсь по 10 человѣкъ отъ каждой сотни, козаки въ слѣдъ за офицерами вошли въ обширный соборъ. Здѣсь встрѣчены они были въ полномъ облаченіи архіепископомъ курскимъ Иліодоромъ и духовенствомъ. Одинъ изъ участниковъ этой встрѣчи, курскій старожилъ, бывшій студентъ старой кіевской академіи, не разъ говаривалъ, какое сильное впечатлѣніе произвели

---

[1]) Источниками для нея были: 1) дѣла архива губернскаго правленія, 2) „Кур. Губ. Вѣд.“ 1855 и 1856 гг. и 3) разсказы очевидца.

малороссы: казалось всѣмъ, что воскресли запорожскіе полки. По совершеніи молебна, преосв. Иліодоръ сказалъ назидательное слово. Ободряя воиновъ на трудный подвигъ, онъ указалъ имъ на помощь небесную, на непобѣдимую силу ихъ подъ щитомъ Господнимъ. Потомъ, въ лицѣ полкового командира, преклонившаго колѣни, благословилъ весь полкъ иконою Знаменія Божіей Матери.—Примите сіе знаменіе, сказалъ архіепископъ, какъ живой памятникъ нашего сочувствія къ подвигу вашему!».

По выходѣ изъ храма, чудотворная икона была пронесена по всѣмъ рядамъ стоявшаго на площади полка и козаки окроплены св. водой. «Вся площадь, говоритъ тотъ-же старожилъ-очевидецъ, не смотря на значительный морозъ, была залита народомъ, восторженно привѣтствовавшимъ козачій полкъ. Многіе изъ городскихъ жителей спѣшили надѣлить чѣмъ-либо защитниковъ отечества, въ особенности проживавшіе въ то время въ Курскѣ малороссы. Они говорили съ земляками на малорусскомъ языкѣ. Нѣкоторые изъ стариковъ-малороссовъ, которыхъ судьба давно уже забросила въ Курскъ, со слезами на глазахъ благословляли своихъ сородичей и съ умиленіемъ смотрѣли на нихъ. Понравилась курянамъ и красивая обмундировка полка.

Въ честь полка былъ данъ обѣдъ въ залѣ дворянскаго собранія; на обѣдѣ было произнесено стихотворное привѣтствіе полку...

Гласъ Державнаго Царя
Васъ воззвалъ, сыновъ Украйны,
И, любовію горя,
Вы идете въ путь вашъ дальній!
Молодецкихъ шесть полковъ
Вашъ Черниговъ и Полтава
Изъ *старинныхъ козаковъ*
Подарили намъ на славу.
Ваши дѣды и отцы
Дали знать себя народамъ,
А двѣнадцатымъ тѣмъ годомъ
Всѣ козаки молодцы,
Какъ одна семья гуляли,
На пиру кровавыхъ сѣчъ.
И всегдашнимъ запѣваламъ,
Обнажившп грозный мечъ,

Платовъ всюду съ казаками
Начиналъ отважный бой!

Дружное «ура!» козаковъ было отвѣтомъ на это стихотвореніе. Интересно отмѣтить то обстоятельство, что обѣдъ въ честь малороссовъ былъ завершенъ исполненіемъ малороссійскихъ пѣсенъ, а вечеромъ въ театрѣ былъ данъ спектакль, состоявшій исключительно изъ малорусскихъ пьесъ.

Также торжественно и сочувственно куряне встрѣтили козачій полкъ № 1-й, подъ командой генерала Франка. Послѣ молебна въ соборѣ архіепископъ Иліодоръ произнесъ слово, во время котораго генералъ Франкъ и офицеры-козаки стояли на колѣнахъ. Слово было кратко, но выразительно. Такъ началъ его преосвященный: «*Братъ, отъ брата помогаемъ, стоитъ, яко градъ твердъ и несокрушимъ*» и, перейдя къ словамъ пѣснопѣвца Давида: *мнѣ же зѣло честни друзи твои, Боже,* развилъ мысль о томъ, какъ дороги для Россіи всѣ, приносящіе жизнь на алтарь отечества и что не на землѣ, а на небѣ только можетъ быть воздаяніе за подвиги ихъ... Слово было закончено наставленіемъ воинамъ сражаться мужественно, но законно. *Никто же не вѣнчается, аще незаконно подвизается.* Поручаю васъ покровительству Царицы Небесной, съ желаніемъ, да будетъ она и охраненіемъ и укрѣпленіемъ вашимъ и въ пути, и на полѣ брани.

Весьма любопытно то, что командиръ малороссійскаго полка генералъ Франкъ былъ въ 1812 году *партизаномъ* и храбро сражался противъ наполеоновскихъ войскъ... По словамъ старожила-очевидца, генералъ, несмотря на преклонный возрастъ, былъ бодръ, оживленъ и производилъ впечатлѣніе доблестнаго героя. Большія симпатіи возбуждали и офицеры, среди которыхъ было нѣсколько человѣкъ, посѣдѣвшихъ въ бояхъ. Что-же касается полка, то нельзя было не любоваться отличнымъ его состояніемъ, видимымъ довольствомъ козаковъ, а также ихъ бодрыми и стройными движеніями, усвоенными въ весьма короткое время.

Для дорогихъ гостей былъ данъ ужинъ, въ которомъ приняло участіе курское высшее общество. Въ числѣ другихъ тостовъ офицеры предложили тостъ за здоровье курскихъ дамъ, принявшихъ дѣятельное и живое участіе въ общемъ привѣтѣ малороссійскимъ полкамъ.

Въ 1856 году малороссійскіе козаки изъ Прибалтійскаго края возвращались на родину. Они курянами были приняты, какъ родные сосѣди, сослужившіе службу Царю и отечеству. Съ пѣснями про-

слѣдовали они чрезъ Курскъ. Пѣсни ихъ заинтересовали курское общество, и нѣкоторыя изъ нихъ были записаны и напечатаны въ «Курск. Губ. Вѣд.», вмѣстѣ съ переводомъ на русскій языкъ.

Во главѣ пѣсенъ была поставлена: «Прощай Украино»:

Выходылы козаченьки
Рано зъ Юнакивкы,— [1]
Схылывсь одынъ молоденькый
Конику на грывку.
Хиба жъ такъ винъ утомывся,
Идучи походомъ?
Чи, бидаха, зажурывся
За домомъ и родомъ?
Ни! Козакъ не знае стомы,
За родомъ не плаче;
И не згада про хоромы,
Якъ на кони скаче!
А винъ дума про родыну—
Стару нашу матирь...
О, якъ тяжко, Украино,
Тебе покидаты!
А винъ дума: що послидній,
Може, разъ вытае
Твои степы, Украино,
Дубровы и гаи...
И послидне ёго слово,
Послидняя думка,
Понесуться до престола—
За тебе, голубко!
Щобъ ты бильше багатила
Своимы сынамы;—
Щобъ козацька добра сыла
Въ тоби процвитала,
Щобъ до вику не змарнила
Козацькая слава;—
Щобъ тебе'к' мамокохалы
Свои й чужи люде,

[1]) Юнаковка—село въ Полтавской губерніи.

И кобзари щобъ спивалы
Про все, що ще буде!...

Вотъ другая пѣсня малороссійскихъ козаковъ.

Кыньмо, братци, батька й неньку,
Родыму хатыну,
Жинку мылу молоденьку,
Малую дытыну!..
Кыньмо! Бо прыйшла годына,
Щобъ козацька слава
Знову встала зъ домовыны,
Де такъ довго спала.
Нехай знову степъ шырокый
Реготе и плаче,
Якъ въ трави ёго высокій
Козакы проскачуть!
Нехай лыманъ червоніе
Одъ вражои кровы,
Нехай нова зачорніе
Могыла въ диброви!
Нехай скажуть, що мы диты
Старои Вкраины
Вміемъ головы зложыты
За Божи руины.
Вміемъ поле застылаты
Не тилько снопами,—
Вміемъ ёго засиваты
Вражымы тиламы.
Вдарымо жъ въ землю по поклону,
Гостру шаблю въ руку!
Разомъ, хлопци! Махъ на коней!
Гайда, скилько духу!...

Сообщилъ **А. Танковъ**.

Письмо Мазепы о заселеніи правобережнаго приднѣпровья въ к. XVII в. Настоящее письмо Мазепы къ полковнику Ивану Мировичу относится къ 1699 году и касается вопроса о запрещенномъ въ это время переселеніи народа съ лѣваго берега Днѣпра на правый и поселеніи здѣсь слободъ въ Корсунѣ, Богуславѣ, Мошнахъ... [1]) Въ этомъ письмѣ Мазепа укоряетъ поляковъ въ лицемѣріи при ихъ распоряженіяхъ, «абы жаденъ зъ посполитой шляхты и зъ пановъ не важился городовъ и селъ осажовати о пять миль отъ Днѣпра», и грозитъ, что поляки скоро должны будутъ уйти оттуда, изъ своихъ «новоосаженныхъ слободъ». Письмо списано съ копіи, когда то снятой съ подлинника, находившагося въ архивѣ старыхъ дѣлъ Черниговск. губ. правленія (называвшагося архивомъ малороссійской коллегіи), въ числѣ разныхъ оффиціальныхъ бумагъ, отправленныхъ затѣмъ въ Петербургъ, въ археографическую коммиссію [2]).

А. Л.

«Мой ласкавый пріятелю, пане полковнику Переяславскій.

Чинится то онъ лицемѣрнымъ и змышленнымъ зычливцемъ з тымъ (тыхъ) мѣтъ (мѣръ?), же сподѣваюся не осѣдитися тамъ въ Мошнахъ і (з ?) якихъ подобно причинъ и до насъ гетманъ коронный [3]) чрезъ сотника полку вашего Басанскаго прислалъ подобный унѣверсалъ, возбраняючи, абы жаденъ зъ посполитой шляхты и зъ пановъ не важился городовъ и селъ осажовать о пять миль отъ Днѣпра, якожъ въ скоромъ то часѣ будетъ, же они рады не рады—мусятъ оттуль, такъ зъ Мошенъ, яко и зъ иннихъ своихъ новоосаженныхъ слободъ уступити, а ваша милость унѣверсалъ тотъ гетмана коронного, до мене въ листу вашой милости присланный, одошлѣте назадъ до рукъ самого. Що и повторне вашой милости приказавши, Господу Богу вашу милость поручаемъ. Августа 10 дня року....

Вашой милости зычливый пріятель Іванъ Мазепа гетманъ войса его царского пресв. велич. Зап.

На конвертѣ надпись. Его царского пресвѣтлого величества. Войска Запорожского полковникови Переяславскому пану Івану Мировичу, моему надежнѣйшему пріятелеви.

---

[1]) См. Костомарова „Мазепу", стр. 162.

[2]) Копіи сняты были въ полов. текущаго столѣтія любителемъ малорусской старины Дм. Грембецкимъ и намъ переданы сыномъ его Ф. Д. Грембецкимъ. Какъ видно, копіи сняты не точно.

[3]) Яблоновскій.

Библіографія.

Живописная Россія. *Отечество наше въ его земельномъ, историческомъ, племенномъ, экономическомъ и бытовомъ значеніи. Подъ общей редакціей П. П. Семенова. Изданіе товарищества М. О. Вольфъ. Спб. in 4⁰. Томъ пятый.* **Малороссія и Новороссія.** *Часть 1. Малороссія, Подолія и Волынь. Полтавская, Черниговская, Волынская, Подольская, Харьковская и Кіевская губерніи. Съ 289 рисунками 1897 г., 332 и III стран. и 1 карта. – Часть 2. Бессарабская, Херсонская, Екатеринославская и Таврическая губерніи. Съ 252 рисун. и 3 картами. 1898 г., 298, III и 2 нен. стр.*

Около двадцати лѣтъ тому назадъ (въ 1879 году) покойный книгопродавецъ—издатель М. О. Вольфъ предпринялъ, подъ редакціей вице-предсѣдателя русскаго географическаго общества П. П. Семенова, многотомное и въ широкихъ размѣрахъ задуманное изданіе, посвященное описанію Россіи, подъ заглавіемъ «Живописная Россія, отечество наше въ его земельномъ, историческомъ, племенномъ, экономическомъ и бытовомъ значеніи». Послѣ выхода въ свѣтъ дорого стоившихъ первыхъ томовъ, послѣдующіе томы, уступая посвященному описанію Сѣверной Россіи и лучше всѣхъ изданному первому тому въ объемѣ и качествѣ, стали больше и больше запаздывать выходомъ, а затѣмъ, со смертью М. О. Вольфа, изданіе, не находившее достаточнаго количества покупателей, пріостановилось. Наконецъ, «товарищество М. О. Вольфъ», явившееся преемникомъ М. О. Вольфа, желая, такъ сказать, однимъ ударомъ достигнуть двухъ цѣлей, т. е.

и довести до конца изданіе, «Живописной Россіи», и поднять упавшее число подписчиковъ на издаваемый имъ журналъ «Новь», объявило, что въ виду приложенія къ этому журналу оно ежегодно будетъ давать по одному тому «Живописной Россіи». Исполняя это обѣщаніе, названное товарищество сначала разослало подписчикамъ «Нови» залежавшіеся и ставшіе дороже самаго журнала изданные раньше томы «Живописной Россіи», а потомъ стало продолжать это изданіе, причемъ томы стали выходить меньше, а иллюстраціи къ нимъ—гораздо хуже прежнихъ.

Такимъ образомъ, въ видѣ приложенія къ журналу «Новь» за истекшій 1897 годъ, въ концѣ того года и въ началѣ текущаго выпущенъ въ двухъ частяхъ давно ожидавшійся и довольно объемистый пятый томъ «Живописной Россіи», посвященный описанію Южно-русскаго края. Трудовъ нѣкоторыхъ авторовъ, которые были обѣщаны въ первоначальной программѣ изданія (напримѣръ В. Б. Антоновича), въ немъ не оказывается; нѣкоторые авторы, внесшіе столько для этого тома, въ теченіе многолѣтнихъ приготовленій къ изданію успѣли давно умереть, а многія свѣдѣнія, помѣщенныя въ этихъ статьяхъ, въ настоящее время являются уже устарѣлыми.

Первая часть пятаго тома открывается статьей *Д. Л. Мордовцева*: «Малороссійское племя»,—которая, трактуя объ особенностяхъ малороссійскаго племени и его распространеніи, о характеристикѣ типа, о міровоззрѣніи и повѣрьяхъ малороссовъ, имѣетъ компилятивный характеръ и составлена почти исключительно по трудамъ П. П. Чубинскаго (Труды юго-западнаго отдѣла этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край), причемъ не чужда нѣкоторыхъ ошибокъ. Такъ, говоря о собирателяхъ произведеній малорусскаго народнаго творчества, авторъ, вѣроятно слышавшій о существованіи сборника южно-русскихъ пѣсенъ Жеготы Паули [1]), но почему-то вообразившій, что Жегота (Игнатій) Паули—не одно, а два лица, такимъ образомъ перечисляетъ ихъ, объясняя, что «словесная культура малорусскаго племени далеко еще не исчерпана собирателями его творчества Максимовичемъ, Цертелевымъ, Лукашевичемъ, Метлинскимъ, Закревскимъ, Номисомъ, Лавренкомъ, Рудченкомъ, Кулишемъ, Шейковскимъ, Гатцукомъ, Ильницкимъ, Руссовымъ,

---

[1]) Pieśni ludu Russkiego w Galicyi. Zebrał Żegota Pauli. Lwów. 1839—1840.

Костомаровымъ, Срезневскимъ, Гильтебрандтомъ, Лозинскимъ, *Жеготою*, Головацкимъ, *Паули*, Залѣсскимъ, Зенькевичемъ, Руликовскимъ, Стецкимъ, Новосельскимъ, и въ особенности Чубинскимъ, Антоновичемъ и Драгомановымъ» (стр. 5).—Какъ видитъ читатель, въ числѣ собирателей произведеній малорусскаго народнаго творчества авторомъ не упомянуты Зоріанъ Ходаковскій, О. М. Бодянскій, Гр. Илькевичъ, В. Н. Смирницкій, Сементовскій, С. Д. Носъ, Манжура и многіе другіе.—Еще больше неполнота указаній бросается въ глаза въ другомъ мѣстѣ. Разсуждая о томъ, что прошлымъ Малороссіи (т. е. ея исторіей) уже достаточно занимались будто бы въ ущербъ настоящему, авторъ говоритъ (стр. 30), что въ недавнее время проявилось наконецъ и стремленіе къ изученію современной Малороссіи, и затѣмъ называетъ тѣхъ лицъ, трудами которыхъ въ послѣдніе годы много подвинулось впередъ освѣщеніе настоящаго образа Малороссіи; лица эти слѣдующія: проф. Кистяковскій, проф. Антоновичъ, Залюбовскій, Дыминскій, Струцинскій, Воронецкій, Чередниченко, Кравцовъ, Раевскій, Ильяшевичъ, Волкъ, Руссовъ, Лисенко, Кордашъ, Новицкій, Симиренко, Чернецкій, Андреевскій, Столбинъ, Ждановъ, Өедоренко, Ящинскій, Хойнацкій, Касьяненко, Ильницкій, Савченко и Поленковскій. Стоитъ сличить это перечисленіе лицъ, двинувшихъ впередъ, по словамъ автора, освѣшеніе настоящаго образа Малороссіи, съ предисловіемъ П. П. Чубинскаго къ 1 тому «Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи», чтобъ увидѣть, что всѣ эти фамиліи выписаны оттуда, гдѣ они представляютъ собою списокъ лицъ, изъ которыхъ одни доставили П. П. Чубинскому статьи и матеріалы для названнаго изданія (нѣкоторые изъ нихъ, какъ Ждановъ, и Ящинскій, въ то время были еще воспитанниками учебныхъ заведеній), другіе сотрудничали съ Чубинскимъ, работая подъ его руководствомъ по приведенію въ порядокъ собранныхъ матеріаловъ; третьи, какъ Симиренко, доставили Чубинскому фотографическіе снимки, оставшіеся неизданными. Такимъ образомъ, составляя статью о Малорусскомъ племени и освѣдомляясь изъ напечатаннаго четверть столѣтія тому назадъ (1-й томъ «Трудовъ юго-западнаго отдѣла этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край» былъ изданъ въ 1872 году) предисловія Чубинскаго о томъ, кто именно трудился для малорусской этнографіи, г. Мордовцевъ не только не воспользовался для своей статьи многими этнографическими работами, но какъ будто бы и не подозрѣваетъ, что и раньше изданія упомяну-

тыхъ «Трудовъ», и послѣ того, надъ изученіемъ Малороссіи въ ея настоящемъ, кромѣ названныхъ имъ лицъ, работали многіе другіе, съ трудами которыхъ онъ могъ бы познакомиться, если не непосредственно, то хотя бы изъ книги А. Н. Пыпина (Исторія русской этнографіи, томъ III) и дополнительныхъ къ ней статей Н. Ѳ. Сумцова, помѣщенныхъ въ Кіевской Старинѣ.

За статьей Мордовцева слѣдуетъ статья *Д. А. Самоквасова* «Археологическое богатство Малороссіи», дающая сводъ свѣдѣній о курганныхъ раскопкакъ въ предѣлахъ Малороссіи, причемъ, вѣроятно вслѣдствіе того, что статья была давно заготовлена для изданія, въ ней недостаетъ свѣдѣній о нѣкоторыхъ важныхъ раскопкахъ, совершенныхъ въ позднѣйшее время (каковы, напримѣръ, раскопки Ч. В. Хвойко).

Далѣе слѣдуютъ двѣ статьи *П. А. Кулиша:* а) Судьбы Кіевскаго великаго княжества и удѣльныхъ княжествъ въ Кіево-Днѣпровской Руси до татарскаго погрома»,—представляющая собою довольно скучный очеркъ всѣмъ извѣстныхъ событій изъ исторіи велико-княжеской Руси и б) «Судьбы Малороссіи и Украины послѣ татарскаго погрома»,—въ которой разсказъ доведенъ до 1654 года и высказываются тѣ-же взгляды, которые болѣе пространно были высказаны въ сочиненіяхъ Кулиша «Исторія возсоединенія Руси» (1874) и «Отпаденіе Малороссіи отъ Польши» (1888).—Продолженіемъ статей Кулиша является неправильно озаглавленная статья *М. Александровича* «Козачество и Гайдамачина», которая разсказываетъ о событіяхъ въ Малороссіи отъ смерти Богдана Хмельницкаго до уничтоженія Запорожской Сѣчи и въ которой о козачествѣ до Хмельницкаго вовсе не говорится, а о гайдамакахъ упоминается только вскользь, въ нѣсколькихъ строчкахъ.

Написанная обстоятельнѣе другихъ статья *В. Майнова* «Какъ и чѣмъ кормится Украина» повѣствуетъ о физической природѣ края, качествахъ почвы, сельскомъ хозяйствѣ, способахъ сбыта продуктовъ и мѣстной торговлѣ. Слѣдующая за нею статья *Г. Богрова* «Русскіе евреи», относясь не только къ южно-русскому краю, а ко всѣмъ мѣстамъ еврейской осѣдлости въ Россіи, говоритъ о поселеніи евреевъ въ Россіи, объ особенностяхъ ихъ религіознаго и семейнаго быта и о дѣятельности ихъ въ экономической области.

Описанію городовъ южно-русскаго края въ ихъ современномъ состояніи посвящены въ первой части пятаго тома три статьи:

«Кіевъ, его святыни и достопримѣчательности» *П. Н. Полеваго*,— «Заднѣпровская Украина» *Е. П. Карповича*—и «Харьковъ и города лѣвобережной Украины» *Я. Абрамова*. Статьи эти имѣютъ нѣчто общее: трактуемое ими не составляло для ихъ авторовъ предмета ихъ спеціальныхъ изученій и интересовъ, писали они по случайному поводу и далеко отъ тѣхъ мѣстъ, о которыхъ говорятъ. Описывая южно-русскіе города, какъ Карповичъ, такъ и Абрамовъ оставляютъ безъ вниманія нѣкоторые сравнительно населенные или имѣющіе историческое значеніе пункты, не давая объ нихъ никакихъ свѣдѣній. Такъ, Карповичъ ничего не сообщаетъ о Бердичевѣ, Овручѣ, Новоградволынскѣ, Дубно, Староконстантиновѣ, Заславлѣ; у Абрамова нѣтъ никакихъ свѣдѣній о Глуховѣ, Стародубѣ, Конотопѣ, Лубнахъ, Сумахъ и проч. Притомъ Карповичъ по крайней мѣрѣ перечисляетъ всѣ города, а Абрамовъ даже не упоминаетъ о вышеназванныхъ городахъ, какъ будто бы ихъ вовсе не существовало. Во всѣхъ же трехъ статьяхъ свѣдѣнія о населеніи городовъ являются устарѣлыми и несогласными съ дѣйствительностью. Встрѣчаются и такія ошибки: на страницѣ 289 Карповичъ разсказываетъ, что будто-бы черезъ Черкасскую пристань на Днѣпрѣ снабжается лѣсомъ «Бобринецкій уѣздъ Черниговской губерніи». Не задумавшись надъ тѣмъ, какимъ образомъ Черниговская губернія можетъ снабжаться лѣсомъ изъ Черкасъ, авторъ вѣроятно смѣшалъ бывшій до 1865 года уѣзднымъ, нынѣ заштатный городъ Бобринецъ, Херсонской губерніи Елисаветградскаго уѣзда, съ Бобрикомъ или Бобровицею Черниговской губерніи и своимъ воображеніемъ дополнилъ существованіе несуществующаго въ Черниговской губерніи уѣзда.

Предоставляя себѣ о нѣкоторыхъ статьяхъ поговорить подробнѣе впослѣдствіи, укажемъ содержаніе второй части пятаго тома. Въ этой части помѣщены слѣдующія статьи: *А. Деревицкаго*— «Слѣды древне-греческихъ поселеній и античной культуры на югѣ Россіи», *С. Давидовича*—«Физическій характеръ страны», «Города Бессарабіи и Новороссійскаго края вообще» и «Возсоединенная Бессарабія», *В. Борисова*—«Труженики степи», *С. В. Максимова*—«Соляное богатство», *П, Зосидомскаго*—«Черное и Азовское моря», *К. Березина*— «Одесса» и «Портовые и другіе города на Черноморско-Азовскомъ побережьѣ», *Евг. Маркова*—«Крымъ и его особенности» и *И. С. Попова*—«Крымъ въ его прошлыхъ судьбахъ».

Что касается внѣшней стороны изданія, то она много уступаетъ первымъ томамъ «Живописной Россіи». Хотя количество помѣщенныхъ въ пятомъ томѣ рисунковъ велико, но въ первой части этого тома вовсе нѣтъ рисунковъ новыхъ и оригинальныхъ. Почти всѣ помѣщенные въ ней рисунки пересняты изъ другихъ изданій и давно знакомы тѣмъ, которые интересуются этимъ предметомъ. Такъ, для нея переснята почти всѣ рисунки, помѣщенные во второй книгѣ изданнаго М. О. Вольфомъ подъ редакціей П. Полеваго сборника стихотвореній «Родные отголоски» (Малорусская жизнь и природа. СПБ. 1881). Много рисунковъ взято изъ изданій Н. Н. Батюшкова и изъ разныхъ иллюстрированныхъ журналовъ, русскихъ и польскихъ, причемъ воспроизведеніе рисунковъ въ большинствѣ случаевъ очень плохое. Во второй части V тома встрѣчаются рисунки, которыхъ мы не видѣли въ другихъ изданіяхъ, но исполнены они еще хуже, чѣмъ въ первой части.—Рисунки не всегда соотвѣтствуютъ съ текстомъ статей; о нѣкоторыхъ предметахъ, изображенныхъ на рисункахъ, въ текстѣ ничего не говорится, и наоборотъ для многихъ предметовъ, о которыхъ даются свѣдѣнія въ текстѣ и которые нуждались бы въ изображеніи ихъ въ иллюстрированномъ изданіи, рисунковъ недостаетъ. Многіе рисунки не характерны; напримѣръ, для изображенія степи на стр. 30 (первой части) взятъ изъ книги «Родные отголоски» (стр. 17) рисунокъ Каразина къ стихотворенію Никитина: «Ночь въ степи», изображающій солдата въ николаевской формѣ, сидящаго среди очень высокихъ цвѣтовъ рядомъ съ какимъ-то путникомъ, улегшимся на травѣ. Для строчекъ Никитина: «Брось посохъ, путникъ утомленный... Твоя постель—цвѣты живые» нужно было изобразить и путника, и посохъ, и цвѣты, но для изображенія малорусской степи можно было найти рисунки, болѣе характерные, и не нужно было брать такіе случайные предметы, какъ николаевскій солдатъ. На страницѣ 9 съ подписью «Въ рощѣ» переснятъ изъ той же книги рисунокъ того-же художника къ стихотворенію Некрасова «Соловьи» (стр. 50). Этотъ рисунокъ съ одинаковымъ правомъ могъ бы быть помѣщенъ въ книгѣ, посвященной описанію великорусскихъ губерній, или Франціи, Германіи и проч. Относительно нѣкоторыхъ рисунковъ можно сомнѣваться въ томъ, изображаютъ ли они малорусскій бытъ или какой нибудь другой. Наконецъ, есть рисунки изображающіе неизвѣстно что; на стр. 122 изображены развалины какого-то замка съ подписью: «Зеньковъ, Полтавской губерніи. За-

мокъ, уничтоженный татарами». Что такое въ дѣйствительности изображаетъ этотъ замокъ—мы не знаемъ, но знаемъ, что въ полтавскомъ Зеньковѣ ничего подобнаго не было и нѣтъ. Многіе другіе рисунки напечатаны съ невѣрными подписями. Такъ, не смотря на помѣщенныя въ Кіевской Старинѣ (1890 г. № 3 и 1894 г. № 10) свѣдѣнія относительно рисунковъ, которые были напечатаны въ «Пчелѣ» съ подписями: «Развалины дома Богдана Хмельницкаго въ Субботовѣ» и «Развалины дома Мазепы въ Батуринѣ», рисунки эти воспроизведены (стр. 147 и 158) съ тѣми самыми невѣрными подписями, съ которыми были помѣщены въ «Пчелѣ». Рисунокъ Т. Г Шевченка, изображающій волостной судъ (или «Се діло треба розжувати») напечатано съ подписью: «Сходня старшинъ передъ корчмою» (стр. 22); подъ снимкомъ съ картины Іосифа Брандта, изображающей запорожца, надпись гласитъ: «Кобзарь въ степи» (стр. 37), а подъ рисункомъ Андріолли, изображающимъ лирника, сдѣлана надпись: «Кобзарь—лирникъ» (стр. 35), показывающая, что издатели не отличаютъ кобзы отъ лиры.

По поводу помѣщеннаго на стр. 101 рисунка съ подписью „Могила Олега въ Овручѣ“ намъ вспомнился одинъ случай изъ нашей поѣздки въ этотъ городъ. Рисунокъ этотъ, изображающій мѣсто, гдѣ, по преданію, былъ погребенъ убитый въ битвѣ съ Ярополкомъ Олегъ Святославичъ и откуда останки его были перенесены Ярославомъ въ Кіевскую Десятинную церковь, взято изъ изданія П. Н. Батюшкова, по словамъ котораго онъ воспроизведенъ съ акварели, снятой художникомъ Струковымъ для 4-го выпуска «Памятниковъ старины въ западныхъ губерніяхъ»; на немъ представленъ невысокій курганъ съ возвышающимся надъ нимъ большимъ крестомъ, который, какъ разсказываетъ Батюшковъ, былъ воздвигнутъ въ 1848 году офицерами проходившихъ чрезъ Овручъ войскъ. Между тѣмъ когда лѣтъ пять тому назадъ мы были въ Овручѣ и просили мѣстныхъ жителей указать это мѣсто, намъ указали на окраинѣ города, среди огородовъ, совсѣмъ непохожее на изображенное на рисункѣ, ровное мѣсто, на которомъ не было ни креста, ни возвышенія, ни какихъ либо другихъ признаковъ, обозначающихъ могилу, и которое, имѣя форму правильнаго четырехъ-угольника, отличалось отъ окружающаго его пространства только тѣмъ, что не было запахано и засѣяно. На вопросы наши о томъ, чѣмъ же именно устанавливается, что эта площадка была мѣстомъ Олеговой могилы, спутники наши (представи-

тели мѣстной интеллигенціи) ничего не могли объяснить. А послѣ того одинъ мѣстный старожилъ разсказалъ намъ, что дѣйствительное мѣсто Олеговой могилы находится не въ городѣ, а въ нѣсколькихъ верстахъ отъ него и имѣетъ видъ кургана (въ этомъ мѣстѣ мы не были); исторія же «открытія» городской Олеговой могилы была будто бы такая: когда-то былъ у насъ, говорилъ намъ нашъ собесѣдникъ, одинъ исправникъ, который, при первомъ представленіи новому начальству, собиравшемуся въ скоромъ времени посѣтить Овручъ, между прочимъ услышалъ отъ него: «есть тамъ у васъ въ городѣ Олегова могила, надо будетъ ее посмотрѣть». Никогда этимъ предметомъ неинтересовавшійся и ничего объ немъ не знавшій исправникъ смутился, разсуждая, что начальство, требуя отъ него какую-то Олегову могилу, можетъ пожалуй взыскать съ него, если въ предѣлахъ его вѣдомства таковой не окажется; а потому немедленно по возвращеніи въ Овручъ, не долго думая, распорядился «отвесть» въ городѣ по своему усмотрѣнію мѣсто для Олеговой могилы, которое потомъ и стали показывать разнымъ пріѣзжимъ лицамъ подъ наименованіемъ «Олеговой могилы»; а затѣмъ понятія спутались такъ, что мѣстные жители уже не знаютъ достовѣрно, какое мѣсто въ дѣйствительности представляетъ собою Олегову могилу. Правду ли говорилъ этотъ старожилъ—мы не знаемъ; но не подлежитъ сомнѣнію, что въ предѣлахъ Овручскаго уѣзда обыватели его указываютъ два разныхъ мѣста, выдавая каждое изъ нихъ за Олегову могилу, причемъ одно изъ нихъ является, такъ сказать, фальшивою могилой.

Н. Ш.

М. Чернявськый.—*Донецьки сонеты. Бахмутъ. 1898.*

Поэтическое искусство Украйны переживаетъ теперь довольно тяжелыя минуты; по извѣстнымъ условіямъ, стихотворная украинская поэзія едва-едва влачитъ свое существованіе... Объ этомъ существованіи нерѣдко даетъ она знать небольшими томиками стихотвореній, свидѣтельствующихъ, въ большинствѣ случаевъ, только о добрыхъ желаніяхъ стихотворцевъ: не часто встрѣчаются среди нихъ произведенія, носящія слѣды таланта, достойныя имени поэтическихъ. Поэзіею, безотносительно къ ея видамъ, мы называемъ искусство

воспроизводить внутренній и внѣшній міръ въ типахъ и образахъ... Поэтическое произведеніе, какъ таковое, должно быть проникнуто художественной правдой... Въ основѣ поэтическаго или художественнаго произведенія должна лежать опредѣленная идея, выразителями которой и являются извѣстные типы и картины... Произведеніе, соблюдшее всѣ эти условія, есть произведеніе прекрасное, поэтическое; создатель его есть тогда художникъ, поэтъ... Держась этого основного положенія, мы и пришли къ заключенію, что наша поэтическая литература далека отъ желательнаго. Въ лучшемъ положеніи находится поэзія драматическая и эпическая проза; далеко въ худшемъ—поэзія въ стихахъ... Насъ пока занимаетъ послѣдняя...

Съ начала 80-хъ гг. когда проф. Петровъ подвелъ итогъ всей нашей поэзіи, начиная съ Котляревскаго, наше творчество не представило ни одного произведенія достойнаго лучшихъ піесъ Шевченка... Но творчество, разумѣется, не оскудѣло... И послѣ 1883 года продолжаютъ работать такіе талантливые ветераны стихотворной поэзіи, какъ М. Старицкій, Глѣбовъ и Щоголевъ,—и появляются новые поэты, среди которыхъ могутъ назваться поэтами, и при томъ талантливыми, такія лица, какъ В. Самійленко, Людмила Старицька (Черняховская), Леся Украинка и М. Славинскій [1]). Произведенія ихъ затрогиваютъ болѣе серьезныя темы и общечеловѣческіе интересы... Къ сожалѣнію Людмила Старицька и М. Славинскій пишутъ по-украински мало, и о степени и характерѣ ихъ таланта трудно составить вполнѣ опредѣленное понятіе... Какъ видите, поле стихотворной украинской поэзіи разработано мало, а между тѣмъ современная жизнь представляетъ для творчества богатые матеріалы... Можно теперь представить радость, когда на этомъ полѣ засверкаетъ вдругъ новая искорка поэзіи, подающей дѣйствительныя надежды... Такую радость испытали мы при чтеніи Донецкихъ сонетовъ—г. Чернявскаго. Сказать о г. Чернявскомъ, что онъ безспорный талантъ, трудно: этому мѣшаетъ рядъ стихотвореній, которыя можно считать слабыми... За то нѣсколько другихъ стихотвореній позволяютъ утверждать, что упорная работа въ области стихотворной поэзіи можетъ развить поэтическое дарованіе, отблески котораго отражаются и теперь въ стихахъ г. Чернявскаго.

---

[1]) О Галиціи мы не говоримъ.

Недостатковъ въ стихахъ г. Чернявскаго есть не мало, и если бы такіе недостатки встрѣтились въ стихахъ даже патентованныхъ нашихъ стихотворцевъ, то мы о нихъ не стали бы говорить, но о недостаткахъ творчества г. Чернявскаго мы скажемъ только потому, что ждемъ отъ него впереди талантливой лирики и очень будемъ сожалѣть, если въ своихъ ожиданіяхъ обманемся...

Итакъ, что-же можно сказать о сонетахъ Чернявскаго? Прежде всего мы должны замѣтить, что почти всѣ его сонеты написаны довольно образно и съ этой стороны, какъ произведенія начинающаго поэта, они насъ удовлетворяютъ... Лучшими, почти художественными стихотвореніями мы считаемъ: «Зъ дорогы», «Ничъ», «Динець», «На гори» и «Въ весняну ничъ»... Слабыя стихотворенія у г. Чернявскаго слѣдующія: «***», «Рыбалкы», «Селяне», «Порубка» и «Хрестосъ Воскресъ»... Остальныя стихотворенія—болѣе или менѣе удачныя, но особеннаго интереса не представляютъ. Во всякомъ случаѣ живая, изящная образность и искреннее чувство—суть неотъемлемыя достоинства большинства стихотвореній г. Чернявскаго. Къ числу формальныхъ достоинствъ его сонетовъ нужно отнести также довольно красивый и выдержанный стихъ, если только онъ не многостопенъ... Эти достоинства «Донецкихъ сонетовъ» есть вообще достоинство истинно поэтическихъ произведеній и, отмѣтивъ эту важную положительную сторону стиховъ г. Чернявскаго, мы уже больше возвращаться къ ней не станемъ... Укажемъ теперь недостатки. Ихъ, какъ мы сказали, не мало, хотя они и не принадлежатъ къ числу важныхъ... Ошибки у г. Чернявскаго встрѣчаются, какъ въ стилѣ, такъ и въ языкѣ... Самая важная сторона поэтическаго созданія—образность—находится у г. Чернявскаго въ лучшемъ положеніи. Мы можемъ указать только немного прегрѣшеній г. Чернявскаго противъ образности... Такъ напримѣръ, не однимъ намъ кажется неестественнымъ и запутанно-темнымъ слѣдующій образъ (стр. 18):

Вбраннымъ крылъ байдачныхъ слезы
Обернулысь крыжанымъ...

Полонъ аляповатости и вульгарности слѣдующій образъ (стр. 28)

Все такъ-же кряжъ билеси бокы—
Мовъ хто въ сметану ихъ залывъ...

Другихъ недостатковъ въ подобномъ-же родѣ указать мы не можемъ. Мало также прегрѣшеній у г. Чернявскаго противъ размѣра, но все таки есть и они... Напримѣръ, въ стихотвореніи «Селяне»,

написанномъ пятистопнымъ ямбомъ, слѣдующіе два стиха совсѣмъ не имѣютъ размѣра (стр. 17):

Ось тутъ, межъ горамы симы сумными,
Далеко геть видъ бучныхъ городивъ.—

Въ стихотвореніи «Смерть», написанномъ шестистопнымъ ямбомъ, непріятно рѣжетъ ухо стихъ пятистопный (стр. 22)

И смерть порве и струны си спивочи...

Довольно слабыми и часто даже плохими являются у г. Чернявскаго рифмы... Уже по одному рифмованію можно заключить, что г. Чернявскій поэтъ только начинающій и что съ техникой стиха совладалъ не вполнѣ. Вотъ тѣ рифмы въ его сонетахъ, которыя или плохи, или совсѣмъ не рифмы: стр. 3—«горы—убори», «у спори—горе; стр. 5—«хотивъ—замутывъ», «зумивъ—вразывъ», «раны—стане»; стр. 7—«тыховодый—вроды»; и пр. Какъ можно изъ этого видѣть, пробѣлы въ смыслѣ рифмъ значительные, хотя достоинство стиховъ г. Чернявскаго уменьшается отъ этого не на много... Изъ техническихъ недостатковъ сонетовъ слѣдуетъ отмѣтить встрѣчающуюся также какофонію, примѣры которой слѣдующіе: стр. 14—«*въ тини не замутытъ*», стр. 20—«У мли лиса»; стр. 18—*дзвинка кора*. Весьма часто встрѣчается въ сонетахъ стеченіе шипящихъ и свистящихъ, гортанныхъ съ гортанными-же, вслѣдствіе чего исчезаетъ музыкальность стиха. Вотъ примѣры нежелательнаго стеченія вообще согласныхъ: стр. 4—*очнувсь, згадавъ*; стр. 8—*на небо-жъ зъ вильною*; стр 11—*дримавъ въ легкимъ тумани;* стр. 20—*замерзъ, зимови*; стр. 22—*такъ къ чому-жъ;* стр. 25—*вныэъ спливае*, и пр.

Для соблюденія размѣра авторъ иногда произвольно распоряжается удареніями, чтó также рѣжетъ ухо,—напримѣръ: стр. 9—марíння вмѣсто мáриння; стр. 12—пúскы вмѣсто пискы́; стр. 13—рáзивъ вм. разúвъ. Иногда у автора сонетовъ попадаются плеоназмы вродѣ слѣдующихъ: стр. 9—

Роемъ вьються *зграи* снивъ...

Другой примѣръ (стр. 14)—

мліе
Въ своихъ *пищаныхъ* берегахъ.
Писокъ кругомъ.

Въ области синтаксиса также имѣются погрѣшности... Встрѣчается, напримѣръ, путаница прямыхъ дополненій (стр. 11); неправильныя согласованія, напримѣръ: стр. 24—дви дивчыны молодыхъ

вм. молоди; стр. 22—*къ* чому-жъ я—вм. *на* що-жъ я.—Какъ вліяніе русскаго языка, встрѣчаются русскія причастія дѣйствительнаго залога прошедшаго времени,—например (стр. 17)—На сій земли родывшыхся родивъ; или (на стр. 21)—уплывшый въ пустякахъ. Въ области лексики встрѣчается погрѣшностей также не мало... Прежде всего наблюдается неправильное употребленіе словъ; напримѣръ (стр. 27)—*риченькы* вмѣсто *розмовы*,—*онькы*; *пивдень* вмѣсто *полудень*.. Но самый частый и непріятный грѣхъ г. Чернявскаго—это многочисленные руссизмы... Не смотря на встрѣчающіяся у нашего поэта литературныя слова новѣйшей выработки, изъ сонетовъ г. Чернявскаго можно убѣдиться, что вообще съ украинскимъ литературнымъ языкомъ онъ знакомъ мало... Посовѣтуемъ поэтому г. Чернявскому, да и всякому начинающему писателю, тщательнѣй проштудировать произведенія Левицкаго и М. Старицкаго да Олены Пчилкы, изъ которыхъ двое послѣднихъ особенно много потрудились надъ созданіемъ литературнаго украинскаго языка... Далеко не будетъ лишнимъ имѣть подъ рукой и украинскій словарь г. Тимченка, впервые представившаго намъ сборникъ словъ для выраженія высшихъ, незнакомыхъ народу понятій... Всѣ указанные лексическіе матеріалы безспорно дадутъ возможность всякому избѣжать тѣхъ заполненій стиховъ иноземщиной, которыя такъ рѣжутъ ухо всякому, привыкшему къ чистой украинской рѣчи. А этой болѣзнью особенно страдаютъ, какъ мы сказали, сонеты г. Чернявскаго. Вотъ примѣры многихъ его руссизмовъ: уборъ, уныло, зрыть, струи, сребряни, тинь (вм. холодокъ), зычный, прывольный, въ пустякахъ, рикою, шумы (отъ шумъ), баюшкы-баю, и пр. Словомъ, руссизмъ встрѣчается почти въ каждомъ сонетѣ... Однако и руссизмы и всѣ прочіе недостатки стиховъ г. Чернявскаго почти стушевываются передъ упомянутыми ихъ достоинствами, которыя свидѣтельствуютъ о дарованіи автора сонетовъ. Посовѣтуемъ-же г. Чернявскому побольше изощриться въ украинскомъ языкѣ, потрудиться надъ точнымъ выраженіемъ мысли, надъ техникой вообще стиха,—и если авторъ обратится къ болѣе серьезнымъ сюжетамъ, чѣмъ описаніе природы, то мы вполнѣ ожидаемъ отъ него вкладовъ въ украинскую лирическую поэзію. Нѣсколько хорошихъ стихотвореній г. Чернявскаго даютъ намъ почву для такихъ ожиданій, а слабыя его стихотворенія и вообще недостатки его стиховъ пусть послужатъ г. Чер-

нявскому напоминаніемъ о томъ, что безъ упорной работы надъ своимъ литературнымъ развитіемъ онъ можетъ свое дарованіе заглушить и погубить.

И. Стешенко.

Номоканонъ при большомъ требникѣ. *Его исторія и тексты, греческій и славянскій, съ объяснительными и критическими примѣчаніями.* **Проф. А. Павлова.** *Новое, отъ начала до конца переработанное изданіе. 519 стр.* (Учен. Записки Имп. Моск. унив., вып. 14. М. 1897).

«Номоканонъ», представляя собою памятникъ греческаго церковнаго права, переведенъ былъ на славянскій языкъ, чтобы служить *руководствомъ для духовниковъ при совершеніи исповѣди и наложеніи эпитимій на кающихся.* «Номоканонъ» впервые переведенъ былъ на славянскій языкъ на югѣ, и первое печатное изданіе его явилось въ 1620 г., въ Кіевѣ. Здѣсь оно было напечатано въ типографіи Кіево-печерской лавры извѣстнымъ монахомъ Памвою Берындою [1], снабдившимъ изданіе множествомъ (на поляхъ книги) замѣтокъ, въ которыхъ частью объясняются непонятныя русскимъ читателямъ слова въ текстѣ, частью дѣлаются поясненія текста Номоканона указаніемъ на соотвѣтственныя мѣста изъ Св. Писанія. Изданіе Берынды оказалось настолько нужнымъ для тѣхъ, кому дана была власть «вязати и рѣшати человѣческая согрѣшенія», что въ 1624 г. изданіе Номоканона было повторено, при чемъ новое изданіе вышло изъ той-же Кіевопечерской типографіи, съ предисловіемъ извѣстнаго Захарія Копыстенскаго. И второе изданіе Номоканона (Копыстенскій называетъ его «наставникомъ для духовниковъ и врачебницею для кающихся») разошлось скоро, и въ 1629 г. явилось третье кіевское его изданіе, на этотъ разъ съ предисловіемъ тогдашняго архимандрита Кіево-Печерской лавры Петра Могилы. На основаніи кіевскихъ изданій было напечатано въ 1639 г. и первое великорусское изданіе Номоканона, при чемъ оригиналомъ для послѣдняго послужило собственно второе кіевское изданіе. Проф. Павловъ даетъ обстоятельныя

---

[1]) См. о немъ Филологическія Записки, 1869 г., вып. 2 и 3, стр. 18 и слѣд.

свѣдѣнія о томъ, какъ московскіе издатели Номоканона, «раздѣлявшіе общее недовѣріе великорусскихъ книжныхъ людей къ кіевскимъ ученымъ», боязливо отнеслись къ своему прототипу, котораго, слѣдовательно, не имѣли возможности замѣнить другимъ, т. е. не имѣли возможности обратиться къ греческому подлиннику Номоканона. Въ приложеніяхъ къ изслѣдованію проф. Павлова напечатаны «оглавленія и предисловія къ южно-русскимъ изданіямъ Номоканона» (стр. 481—498), при чемъ сообщается предисловіе и къ четвертому южнорусскому изданію Номоканона, напечатанному въ 1646 г., во Львовѣ тогдашнимъ епископомъ Арсеніемъ Желиборскимъ. Въ виду рѣдкости кіевскихъ изданій Номоканона, за перепечатку предисловій Памвы Берынды, Захарія Копыстенскаго и Петра Могилы нельзя не поблагодарить проф. Павлова, давшаго въ своей книгѣ, кромѣ того, вообще обстоятельныя свѣдѣнія о первомъ появленіи Номоканона въ Южной Руси.

А. Л.

Русская политика въ восточномъ вопросѣ. (*Ея исторія въ XVI—XIX вѣкахъ, критическая оцѣнка и будущія задачи*). *Историко-юридическіе очерки Сергѣя Жигарева. XVI+465 стр.* (Учен. Записки Имп. Московск. университета. Отдѣлъ юридическій. Вып. XI. М. 1896).

Въ исторіи «восточнаго вопроса» Малороссія играла немалую роль, особенно во второй полов. XVII в. Сначала, появленіе въ Малороссіи въ 1624 г. авантюриста *Ахіи* или *Александра Оттомануса* [1]) и снисканное имъ благоволеніе у кіевскаго митрополита Іова Борецкаго, выдвинуло было вопросъ «о разрушеніи Турецкой имперіи»; но «Войско Запорожское» не увлеклось планами тогдашнихъ мечтателей.

Затѣмъ— «присоединеніе Малороссіи къ Московской державѣ имѣло громадное значеніе и въ исторіи восточной политики Россіи. Оно повело къ расширенію предѣловъ Московскаго государства на югъ и такимъ образомъ приблизило къ берегамъ Чернаго моря, достиженіе которыхъ необходимо было для обезпеченія матеріальныхъ интересовъ Россіи».

---

[1]) Исторія Ахіи разсказана Кулишомъ въ его статьѣ „*Восточный вопросъ и Задунайская Славянщина передъ глазами Московскаго царя Михаила Феодоровича*". Журн. Мин. Нар. Просв. 1878 г., № 3.

Возникшія несогласія Польши съ Россіей изъ-за присоединенія къ послѣдней Малороссіи предположено было окончить Андрусовскимъ перемиріемъ, но цѣль не была достигнута, такъ какъ смуты въ Малороссіи продолжались и довели Москву и Польшу до столкновенія съ Турціей. «Дѣло началось съ того, что въ 1669 г. гетманъ польской стороны, Дорошенко, отдался подъ покровительство турецкаго султана вмѣстѣ съ Запорожьемъ. Это обстоятельство вызвало въ 1672 году войну Турціи съ Польшей. Послѣдняя сильно встревожилась и обратилась къ Московскому правительству за помощью противъ турокъ, указывая ему общность интересовъ христіанскихъ народовъ въ борьбѣ съ невѣрными, а также и на то, что союзникамъ окажутъ услугу народы Балканскаго полуострова, которые, прослышавъ о союзѣ христіанскихъ монарховъ, начнутъ искать освобожденія изъ-подъ поганскаго ига. Русское правительство по Московскому договору, заключенному съ Польшей въ 1672 г., обѣщало ей вспомогательное войско противъ турокъ. Но прежде чѣмъ начать войну съ Турціей, царь послалъ султану грамоту, въ которой извѣщалъ его о томъ, что между Россіей и Польшей заключенъ миръ и установлена тѣсная дружба и совѣтовалъ ему вмѣстѣ съ крымскимъ ханомъ воздержаться отъ войны съ Россіей и Польшей изъ-за бунтовщика; въ противномъ случаѣ государь обѣщалъ заключить союзъ со всѣми христіанскими державами противъ Порты, поднять донскихъ козаковъ и персидскаго шаха. Предупрежденія московскаго царя не оказали, однако, должнаго воздѣйствія на султана. Онъ не только не прекратилъ военныхъ дѣйствій противъ Польши, но, послѣ ряда побѣдъ принудилъ ее въ 1676 г. къ уступкѣ Украины съ частью Подоліи, а когда въ слѣдующемъ году Дорошенко передался въ русское подданство,—объявилъ войну самой Россіи.... Лишь въ 1681 г. русскому правительству удалось окончить эту первую войну съ Турціей, вызванную малороссійскимъ вопросомъ... По бахчисарайскому трактату, устанавливавшему 20-тилѣтнее перемиріе, Россія удерживала за собою восточную Украину, а западная Украина оставалась за Турціей».

Изъ приведенной выписки видно, что г. Жигаревъ, вводя Малороссію въ исторію восточнаго вопроса, къ сожалѣнію, не распространился, а о послѣдующемъ участіи Малороссіи въ столкновеніяхъ Россіи съ Турціей и Крымомъ, при Мазепѣ, онъ говоритъ еще короче. Ничего не сказано у г. Жигарева о той роли, которую заняло

Запорожье въ исторіи восточнаго вопроса вслѣдствіе своихъ постоянныхъ столкновеній съ Крымомъ, а иногда и съ Турціей.

Отчетъ о четвертомъ присужденіи преміи Г. Ф. Карпова, (Чтенія въ И. Общ. истор. и древ. россійск., кн. 2-я 1898 года) заключаетъ въ себѣ *Отзывъ о сочиненіи М. И. Лилеева—Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII вв.*, принадлежащій С. Т. Голубеву.

Въ нашемъ изданіи былъ данъ отзывъ о книгѣ г. Лилеева проф. В. С. Иконниковымъ. Оба рецензента отозвались объ этомъ изслѣдованіи съ тою похвалою, которую несомнѣнно заслуживаетъ книга г. Лилеева уже по одной массѣ собраннаго имъ матеріала. Изъ нѣсколькихъ замѣчаній, сдѣланныхъ С. Т. Голубевымъ на книгу г. Лилеева, отмѣтимъ здѣсь одно—относительно исторіи земельныхъ владѣній Кіево-печерской лавры. По этому поводу у г. Лилеева читалъ слѣдующее: «По поводу исторіи лаврскихъ земельныхъ владѣній, находившихся на лѣвомъ берегу Днѣпра, въ послѣднее время высказано *тенденціозное* недоумѣніе А. М. Лазаревскимъ. На томъ основаніи, что въ пяти грамотахъ, выданныхъ Лаврѣ въ 1680 году царемъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ, нѣтъ никакихъ упоминаній, ни общихъ, ни частныхъ, о волостяхъ лаврскихъ стародубскихъ—Бобовицкой, Попогорской и Лыщицкой, упоминаемыхъ въ грамотѣ 1720 года, *выданной однако на основаніи предшествующихъ грамотъ*, почтенный изслѣдователь приходитъ къ тому заключенію, что эти волости пріобрѣтены лаврой помимо пожалованій и пожертвованій. Мало того, тутъ же почтеннымъ историкомъ прямо высказывается и та мысль, что лаврскіе городничіе могли прямо захватывать въ пользу лавры цѣлыя деревни. Въ данномъ случаѣ по отношенію къ тремъ указаннымъ лаврскимъ стародубскимъ волостямъ, эта мысль оказывается *совершенно ложною*. Въ актахъ, относящихся къ исторіи Зап. Рос., т. V, № 19, стр. 72—73, приведена *Мѣновая запись кіевскаго митрополита Петра Могилы Бѣлорусскому епископу Іосифу Горбацкому объ уступкѣ кіево-печерскихъ монастырскихъ селъ: Печерска, Барсуковъ, Цвыркова и Тарасовичъ во владѣніе Моги-*

левской архіерейской каѳедрѣ, по поводу замѣна ихъ на волость Попову гору, яко смежную съ лаврскою отчиною. Запись эта выдана 9 декабря 1644 года и хранится въ архивѣ греко-уніатскихъ митрополитовъ при Св. Синодѣ. *Она даетъ положительное указаніе*, какъ пріобрѣтены лаврой стародубскія обширныя мастности».

На это заключеніе г. Лилеева у г. Голубева находимъ слѣдующее возраженіе. «Первѣе всего замѣтимъ, что авторъ не совсѣмъ точно передаетъ *сущность* замѣчаній и доказательствъ г. Лазаревскаго по данному вопросу и приписываетъ ему болѣе категорическое (чѣмъ какое находится у него) утвержденіе о способѣ пріобрѣтенія лаврою упомянутыхъ помѣстій. Г. Лазаревскій говоритъ, что исторія лаврскихъ земельныхъ владѣній, находившихся на лѣвомъ берегу Днѣпра, остается до сихъ подъ не обслѣдованною; поэтому мы имѣемъ лишь сбивчивыя свѣдѣнія о томъ, когда и кѣмъ даны были волости Бобовицкая, Попогорская и Лыщицкая. Г. Лазаревскій, дѣлая попытку рѣшить этотъ вопросъ, обращается къ пересмотру документальныхъ данныхъ и находитъ, что въ концѣ XVI столѣтія лавра не владѣла еще означенными волостями, потому что *въ подробной описи* кіево-печерскихъ имѣній, составленной въ 1593 году, послѣ смерти архимандрита Мелетія Хребтовича Богуринскаго, въ числѣ ихъ на лѣвомъ берегу Днѣпра показана только *Поднѣпровская волость*. Въ первой половинѣ XVII вѣка лаврѣ не отъ кого было получить такихъ огромныхъ имѣній. По присоединенія Малороссіи къ Россіи дана была лаврѣ грамота на земельныя угодья царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1658 г., и затѣмъ пять подобныхъ грамотъ выданы были въ 1680 г., по просьбѣ кіево-печерскаго архимандрита Гизеля, царемъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ; но во всѣхъ нихъ нѣтъ никакихъ упоминаній, ни общихъ, ни частныхъ, о волостяхъ Бобовицкой, Попогорской и Лыщицкой. Упомянуты эти волости въ первый разъ въ грамотѣ 1720 года, выданной лаврѣ послѣ пожара 1720 г., когда *всѣ крѣпости ея на вотчины погорѣли.* Изъ этой послѣдней грамоты видимъ, что право на означенныя стародубскія волости подтверждено было по двумъ основаніямъ: въ виду грамоты царя Ѳедора Алексѣевича, якобы выданной лаврѣ въ маѣ 1680 года, и какихъ то выписей кіевской губернской канцеляріи и протестаціи, выданной изъ кіевской ратуши. Но такъ какъ въ текстѣ грамотъ 1680 г. — какъ уже сказано — о лаврскихъ стародубскихъ помѣстьяхъ не говорится (копіи этихъ грамотъ сохранились и послѣ пожара), а равно неизвѣстными

остаются и выписи кіевской канцеляріи и ратуши, то естественно заподозрѣвается достовѣрность тѣхъ данныхъ, которыя легли въ основу грамоты 1720 г. Указавъ затѣмъ на возможность для лавры пріобрѣтенія имѣній помимо пожалованій и пожертвованій (что документально подтверждается), г. Лазаревскій заканчиваетъ свои разсужденія заявленіемъ, что, при наличности существующихъ данныхъ, на вопросъ: *пожалованіемъ ли пріобрѣтены Стародубскія волости?—дать опредѣленный отвѣтъ трудно*».

«Изъ сказаннаго видно, продолжаетъ г. Голубевъ, что означенныя разсужденія г. Лазаревскаго проникнуты строго-научнымъ, критическимъ характеромъ, и скептическое его отношеніе къ грамотѣ 1720 г. представляется раціональнымъ. Поэтому, нашему автору слѣдовало отнестись къ указываемой имъ мѣновой записи 1644 г., идущей въ разрѣзъ съ предположеніями г. Лазаревскаго, и обслѣдовать ее посредствомъ «строго-научнаго метода исторической критики». Такое критическое отношеніе къ мѣновой записи 1644 года неизбѣжно привело бы его къ заключенію, что она подложна и появилась съ извѣстными цѣлями гораздо позже того времени, къ какому отнесена ея составителемъ. Приводимъ доказательства подложности записи.

а) Въ записи Іосифъ Горбацкій называется епископомъ *бѣлорусскимъ* («превелебному господину отцу Іосифу Горбацкому, *епископу Бѣлорусскому*»), между тѣмъ до присоединенія въ 1654 году Малороссіи къ Московскому государству, іерархи, занимавшіе означенную каѳедру, титуловались епископами *мстиславскими*, *оршанскими и и могилевскими*. б) По избраніи, послѣ смерти Петра Могилы, Сильвестра Коссова на кіевскую митрополію, онъ, не получивъ въ свое управленіе (подобно предмѣстнику, богатой кіево-печерской лавры, *до 1650 года* удерживалъ за собою и прежнюю свою епископскую каѳедру съ принадлежащими къ ней имѣніями, никого не посвящая на оную, почему и подписывался: «Сильвестръ Коссовъ, милостію Божію архіепископъ, митрополитъ кіевскій, галицкій и всея Россіи» епископъ *мстиславскій*, *оршанскій и могилевскій*». и в) Избраніе и посвященіе Іосифа Кононовича Горбацкаго на мстиславскую епископію состоялось *не ранѣе 1650 года*, а въ 1644 году—время, къ которому отнесена упомянутая мѣновая запись,—*онъ состоялъ еще ректоромъ могилянской коллегіи и игуменомъ кіево-братскаго монастыря* Все это могло быть извѣстно нашему автору и изъ обнародованныхъ уже данныхъ».

Приведенная здѣсь выписка изъ отзыва г. Голубева, указываетъ что г. Лилеевъ, укоривъ г. Лазаревскаго въ *тенденціи* при объясненіи имъ происхожденія лаврскихъ земельныхъ владѣній и назвавъ затѣмъ переиначенную самимъ г. Лилеевымъ «мысль» его, г. Лазаревскаго, по этому вопросу *«совершенно ложною»*,—поступилъ нѣсколько неосмотрительно...

Десятилѣтіе Харьковской общественной библіотеки (*26 сент. 1886 г.— 26 сент. 1896 г.). Харьковъ, 1898. Стр. 99.*

Исторія книги на Руси, безъ сомнѣнія, могла-бы составить высоко поучительное чтеніе, если-бы ее написать съ приличною дѣлу полнотою и ясностью. Тѣмъ болѣе интереса представила-бы обстоятельная исторія нашихъ книгохранилищъ: сколько неудачныхъ попытокъ, какая героическая борьба то съ равнодушіемъ публики, то съ суровостью временъ, сколько неожиданныхъ катастрофъ и прямо таки стихійныхъ бѣдствій, обусловленныхъ недовѣріемъ къ просвѣтительнымъ теченіямъ въ обществѣ! Государство наше не можетъ существовать съ честью безъ просвѣщенныхъ людей, но условія и пути сего просвѣщенія, благодаря неисповѣдимымъ путямъ провидѣнія, отлились въ какія то своеобразныя формы, заставляющія, какъ говорится, желать много лучшаго.

Въ этомъ отношеніи краткій отчетъ о первомъ десятилѣтіи Харьковской публичной библіотеки представляетъ матеріалъ по истинѣ драгоцѣнный для будущей исторіи книги въ Южной Руси. Возникла библіотека съ самыми ничтожными средствами, а къ концу десятилѣтія въ ней числилось 26. 966 томовъ книгъ и журналовъ. По числу книгъ она занимаетъ пятое мѣсто среди провинціальныхъ публичныхъ библіотекъ (виленская—100.000 томовъ, морская кронштадтская—75.000 томовъ, одесская 88.000 томовъ, рижская—свыше 40.000 томовъ). Какъ библіотека общественная, несодержимая на средства какого-кибо вѣдомства, она занимаетъ первое мѣсто въ имперіи. Просвѣтительное вліяніе ея на массу очень велико. Такъ, въ 1895 году было 2385 посѣтителей при 60.738 посѣщеній. По составу книгъ, библіотека можетъ удовлетворять запросы всѣхъ клас-

совъ общества. Въ ней есть богатый отдѣлъ беллетристики, но еще больше отдѣлъ научный. Въ 1895 году было 38.338 удовлетворенныхъ требованій на книги и журналы. При библіотекѣ есть безплатный кабинетъ для чтенія и спеціальный отдѣлъ народныхъ книгъ, дѣйствующіе съ большимъ успѣхомъ. Годовой бюджетъ библіотеки 10—11 т. руб., въ томъ числѣ субсидія отъ города 2300 р.,—остальное получается отъ подписной платы и пожертвованій. Число подписчиковъ превышаетъ 2000 чел. Подписная плата по 3-му разряду—5 коп. въ мѣсяцъ.

Для характеристики нравовъ не лишены интереса такія отмѣтки отчета: неоднократно книги библіотеки попадали къ букинистамъ; возвращался романъ вмѣсто сочиненія Дарвина; являлись подписчики съ вымышленными фамиліями; придумывались комбинаціи, съ цѣлью получить книги, не выдаваемыя на домъ, подчасъ дорогія и даже рѣдкія; изъ журналовъ вырѣзывались картинки, вырывались приложенія и отдѣльныя статьи (стр. 34); къ стыду нашей интеллигенціи, должно сознаться—замѣчаетъ отчетъ (стр. 51)—что случаи злонамѣренной порчи въ 3-мъ разрядѣ (народныхъ книгъ) замѣчаются гораздо рѣже, чѣмъ въ категоріи первыхъ двухъ разрядовъ.

Не смотря на эти печальныя явленія и разныя неблагопріятныя обстоятельства (стр. 43), дѣло развивается безостановочно, благодаря сочувствію общества и безкорыстной энергіи тружениковъ, посвятившихъ свои силы этому благородному начинанію. Усилія ихъ нашли справедливую оцѣнку въ многочисленныхъ привѣтствіяхъ библіотекѣ по случаю ея десятилѣтняго юбилея.

Озабочиваетъ правленіе библіотеки вопросъ объ устройствѣ собственнаго дома, такъ какъ нынѣшнее помѣщеніе уже оказывается тѣснымъ и небезопаснымъ въ пожарномъ отношеніи. Къ концу 1896 г. было собрано на постройку дома 29.000, но требуется еще столько-же. Сборъ пожертвованій продолжается; въ нихъ крайняя нужда; отъ прилива ихъ зависитъ скорѣйшее осуществленіе постройки дома. Съ благодарностью принимаются самыя мелкія суммы. Фамиліи всѣхъ жертвователей своевременно публикуются и будутъ занесены въ лѣтописи библіотеки; имена крупныхъ жертвователей будутъ отмѣчены особо. Пожертвованія просятъ направлять по слѣдующему адресу: въ Харьковъ, въ Харьковскую Библіотеку (Московская ул. д. Теминской, № 4).

Представителемъ правленія библіотеки состоитъ проф. харьковскаго университета Д. И. Багалѣй, интересная рѣчь котораго «О просвѣтительномъ значеніи х. о. библіотеки» помѣщена въ отчетѣ (стр. 61—82). Тамъ же находимъ «Историческую записку о дѣятельности библіотеки въ первое десятилѣтіе ея существованія» М. А. Машоова, «черкъ десятилѣтней дѣятельности третьяго разряда библіотеки» В. П. Даневской, «безплатный кабинетъ для чтенія» проф. Е. Л. Зубашева, статью Н. А. Гредескула «къ десятилѣтію х. о. библіотеки» изъ «Харьк. Губ. Вѣд.» отъ 25 сентября 1896 г. Всѣ эти статьи и отчеты составлены весьма обстоятельно и свидѣтельствуютъ о рѣдкой любви къ дѣлу и живѣйшей симпатіи, какою пользуется библіотека въ харьковскомъ образованномъ обществѣ.

Н. М.

Малорусскія изданія послѣднихъ мѣсяцевъ.

За послѣдніе 2—3 мѣсяца появилось въ продажѣ нѣсколько брошюръ и другихъ изданій нашего юга. Нѣкоторыя изъ нихъ заслуживаютъ того, чтобы сказать о нихъ нѣсколько словъ.

Прежде всего укажемъ на два портрета, изданные г. Коваленкомъ въ г. Черниговѣ; это—портретъ Т. Г. Шевченка и И. П. Котляревскаго. Оба портрета написаны тушью и исполнены настолько удовлетворительно, опрятно и не дорого (по 15 коп.), что ихъ не стѣсняясь можно рекомендовать каждому, кто желалъ бы имѣть приличные портреты названныхъ двухъ писателей.

Изъ числа новопоявившихся брошюръ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія.

Б. Гринченко. Оповидання. 220 стр. 16^{0}, цѣна 35 коп., а на лучшей бумагѣ 75 коп, Черниговъ 1898 г.

Томикъ этотъ заключаетъ въ себѣ слѣдующихъ восемь разсказовъ: «Сестрыця Галя», «Зъ згадокъ про дытячи лита», «Нелюбъ», «Каторжна», «Панько», «Батько та дочка» и «Пидпалъ». Каждый изъ этихъ разсказовъ разновременно изданъ былъ отдѣльной брошюрой, а теперь всѣ они появились собранными въ одну книжку. Читатели, слѣдящіе за малорусскою литературою, помнятъ, навѣрно,

содержаніе этихъ разсказовъ и несомнѣнно будутъ довольны появленіемъ ихъ въ одной книжкѣ, тѣмъ болѣе, что почти всѣ небольшіе разсказы г. Гринченка безусловно удачнѣе и талантливѣе, нежели болѣе крупныя его литературныя произведенія.

Тѣмъ же г. Гринченкомъ изданы еще въ Черниговѣ двѣ небольшія брошюры:

Добрый звиръ, оповидання Ю. Б. Г. П., цѣна 5 коп. и

Чередныкъ та дивчына, оповидання, цѣна 3 коп.

На обложкахъ обѣихъ брошюръ помѣщены недурные рисунки и вообще внѣшній видъ изданія производитъ пріятное впечатлѣніе.

Въ брошюркѣ «Добрый звиръ» заключается три разсказа; заглавіе перваго служитъ и наименованіемъ книжки, а затѣмъ слѣдуетъ «Сирко» и «Вирный кинь». Темы поименованныхъ разсказовъ несомнѣнно хорошія, для народнаго чтенія полезны и желательны, но авторъ этихъ разсказовъ исполнилъ ихъ не совсѣмъ удачно, въ особенности разсказъ «Сирко», который не заключаетъ въ себѣ почти ничего интереснаго, тогда какъ о собакѣ, другѣ человѣка, можно было бы составить куда занимательнѣе разсказъ. «Сирко» вышелъ положительно безцвѣтнымъ, а его друзья—люди и того болѣе. Вообще книжка «Добрый звиръ» написана и со стороны чистоты малорусскаго языка и со стороны слога—шереховато и вяло. «Чередныкъ та дивчына» —написана гладко, читается легко, но вслѣдствіе суховатости изложенія надлежащаго впечатлѣнія не производитъ.

Въ заключеніе съ удовольствіемъ можно указать на двѣ нововышедшія, прекрасно изданныя книжки кіевскаго общества грамотности:

1. *Прычынна. Утоплена. Русалка. Марьяна.* Поэмы Шевченка съ картин. художника Пимоненко. 32 стр., ц. 7 коп.

2. *Днѣпръ и Приднѣпровье* С. Р. съ картинками. 47 стр. цѣна 10 коп.

О поэмахъ Т. Шевченка мы, конечно, говорить не станемъ, что же касается приложеныхъ къ нимъ 4 картинокъ, то несмотря на хорошее ихъ исполненіе вообще, въ частности можно сказать, что фигура на картинѣ «Прычынна» похожа скорѣе на дѣвочку интеллигентной семьи, нежели на взрослую сельскую «дивчину».

«Днѣпръ и Приднѣпровье» написано по-русски, и въ легкомъ, увлекательномъ изложеніи довольно ясно, насколько это возможно въ такой брошюркѣ, знакомится читатель не только съ географіей

Приднѣпровья и торговымъ значеніемъ Днѣпра, но также и съ исторіей того народа, который расположился городами и селами по обоимъ берегамъ р. Днѣпра. Рисунки въ этой книжкѣ исполнены значительно хуже, нежели въ первой книжкѣ, но во всякомъ случаѣ удовлетворительно. Не дуренъ и самый выборъ сюжетовъ для рисунковъ; здѣсь мы видимъ слѣдующія картинки: «Болота», «Осушенныя болота», «Бѣлоруссъ», «Хата бѣлорусса», «Чумаки», «Малороссійская хата», «Кіево-Печерская Лавра», «Могила Т. Г. Шевченка» и «Днѣпровскіе пороги».

М. С. Кононенко.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXI.

1898 г.

ІЮНЬ.

Кіевъ, типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мих. ул., д. № 4-й.
1898.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

ОТДѢЛЪ II-й.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXI.

1898 г.

Кіевъ, типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мих. ул., д. № 4-й.
1898.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 4 іюня 1898 года.

Вниманію господъ ЮДИНЫХЪ,

ихъ родственниковъ по боковымъ и женскимъ линіямъ,

ИХЪ ЗНАКОМЫХЪ.

Подготовивъ къ печати собиравшійся въ теченіи многихъ лѣтъ матеріалъ о родѣ **Костромичей Іюдиныхъ**, оказавшійся интереснымъ въ историческомъ и бытовомъ отношеніяхъ, восходящій по городу **Чухломѣ** до 1615 года и желая возможныхъ къ нему дополненій, покорнѣйше прошу всѣхъ, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи относящуюся къ названному роду письменность: акты, документы, письма, дневники и проч., книги съ надписями: «Изъ библіотеки Чухломскаго купецкаго сына **Михайла Іюдина**», равно портреты, виды Чухломы и разныхъ мѣстъ какъ Костромской, такъ и другихъ губерній, гдѣ проживали **Іюдины** или ихъ родные, прислать на короткое время нижеподписавшемуся для снятія копій, послѣ чего присланное будетъ возвращено по принадлежности. Желающіе уступить подлинные документы и проч. въ нашу собственность приглашаются вмѣстѣ съ присылкою предлагаемаго, заявить объ условіяхъ продажи. Адресъ въ г. **Красноярскъ**, Енисейской губерніи, Геннадію Васильевичу Юдину.

Затѣмъ считаю не лишнимъ пояснить, что нѣкоторые томы предполагаемаго изданія, имѣющіе исключительно семейный интересъ, въ продажу не поступятъ и предназначаются лишь для раздачи **наличнымъ членамъ нашего рода и другимъ лицамъ**, благосклонно способствовавшимъ издателю къ собиранію фамильной старины.

Въ крайнемъ случаѣ т. е. при полномъ отсутствіи не только письменныхъ, но устныхъ преданій или воспоминаній о комъ-нибудь изъ нашего рода, полезно будетъ даже указаніе, къ кому было бы мнѣ можно обратиться съ своими поисками.

Г. В. Юдинъ (Іюдинъ).

Западно-русская церковь при митр. Петрѣ Могилѣ.

(1633—1646 гг.).

(Окончаніе [1]).

VII.

Возобновившіяся попытки къ примиренію православныхъ и уніатовъ на почвѣ религіозной. Дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ короля и его донесенія о проектируемой всеобщей уніи въ Римъ. Инструкція, данная по сему предмету римскою куріею папскому нунцію въ Польшѣ Филонарду. Письма мстиславскаго епископа С. Коссова къ уніатскому митрополиту Селявѣ относительно предполагаемой уніи. Упоминаніе о разсужденіяхъ объ уніи на сеймѣ 1641 г. и опасенія, вызванныя ими въ Римѣ. Недовольство Владислава IV римскимъ престоломъ. Отозваніе изъ Польши папскаго нунція. Письма папы относительно предполагаемой уніи къ королю, многимъ вліятельнымъ латино-уніатамъ, А. Киселю и митр. П. Могилѣ. Письмо къ послѣднему отъ конгрегаціи кардиналовъ. Заботы короля о религіозномъ примиреніи католиковъ съ диссидентами и его рѣчь депутаціи отъ послѣднихъ. Мнѣніе Чарторыйскаго о возможности непосредственнаго, минуя уніатовъ, религіознаго соглашенія православныхъ съ католиками. Засѣданіе въ Римѣ папской конгрегаціи по дѣлу о проектируемой всеобщей уніи и состоявшіяся здѣсь опредѣленія. Инструкція объ уніи новому папскому нунцію въ Польшѣ—Торресу. Не замолкавшіе между православными и въ 1646 г. слухи о возможности уніи съ Римомъ.

Во время этой непрестанной борьбы православныхъ съ латино-уніатами, наносившей тяжелыя раны и организму Рѣчи Посполитой, король, какъ мы замѣтили, не переставалъ обольщать себя мыслью о возможности примиренія враждующихъ сторонъ на почвѣ религіозной. Не подлежитъ сомнѣнію, что рѣчи объ этомъ велись королемъ съ представителями обѣихъ сторонъ при всякомъ удобномъ

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1898 г., № 5.

случаѣ, въ особенности же во время сеймовъ, собиравшихъ въ одно мѣсто влiятельныхъ лицъ разныхъ политическихъ и религiозныхъ партiй со всѣхъ мѣстъ государства. Надо полагать, что православные по мотивамъ, указаннымъ нами выше, не относились къ проекту короля (какъ и прежде) отрицательно, хотя и предвидѣли всю несбыточность этой затѣи. Владиславъ IV о результатахъ своихъ сношенiй съ православными и унiатами по данному вопросу сообщалъ въ Римъ. Разумѣется, онъ обязывался къ тому самою сущностью своего проекта, требовавшаго согласiя на него и санкцiи со стороны римскаго престола, но была, кажется, и другая причина, почему король спѣшилъ извѣщать папу о своихъ старанiяхъ по означенному дѣлу. Мы знаемъ, что положенiе короля, въ виду обостренныхъ отношенiй между православными и латино-унiатами, было крайне затруднительное. Съ одной стороны, связанный торжественнымъ обѣщанiемъ быть охранителемъ религiозной свободы и притомъ убѣжденный, что того требуютъ интересы государственные, а съ другой—постоянно получая внушенiя изъ Рима оказывать давленiе на „схизматиковъ“ и выслушивая отъ рьяныхъ папистовъ упреки въ индифферентномъ отношенiи къ католицизму, въ неизвинительныхъ для католическаго государя поблажкахъ иновѣрцамъ,—Владиславъ IV постояннно долженъ былъ лавировать между Сциллою и Харибдою. Въ виду такихъ обстоятельствъ, онъ—какъ мы говорили—усиленно сталъ заботиться о религiозномъ примиренiи враждующихъ сторонъ, видя въ этомъ единственный исходъ положить конецъ безконечнымъ пререканiямъ и раздорамъ между православными и унiатами,—причемъ самыя свои старанiя объ этомъ могъ считать какъ бы громоотводомъ для себя отъ тѣхъ нареканiй въ благосклонности къ православнымъ, которыя въ изобилiи сыпались на него со стороны ультра-католической партiи. Эти старанiя давали ему возможность говорить: „уступки, дѣлаемыя схизмѣ, вызваны необходимостью, но онѣ—явленiе временное и притомъ благоразумное. Имѣйте терпѣнiе. Возможно, и я объ этомъ забочусь, что вскорѣ воспослѣдуетъ объединенiе всей Руси подъ властью римскаго престола“ Можно предполагать поэтому, что въ въ своихъ донесенiяхъ въ Римъ по вопросу о предполагаемомъ религiозномъ примиренiи между православными и унiатами Владиславъ IV, до извѣстной степени, и преувеличивалъ свои надежды на благополучный исходъ задуманнаго имъ дѣла, хотя, не подлежитъ сомнѣнiю, и самъ онъ въ этомъ отношенiи находился въ заблужденiи.— Но въ Римѣ въ это время довѣрiе къ королю было уже значительно поколеблено. И если прежде, въ началѣ царствованiя Владислава IV, его проектъ о привлеченiи къ

подножію папскаго престола отщепенцевъ отъ него былъ принятъ восторженно, то теперь къ нему начали относиться съ большею осторожностью, такъ какъ у папской куріи явилось небезосновательное опасеніе, что главною причиною стараній короля по означенному дѣлу являются интересы не столько религіозные, сколько государственные. Вслѣдствіе этого римскій престолъ, не переставая осыпать Владислава IV похвалами за его заботы „о привлеченіи схизматиковъ въ лоно католической церкви“ (что искони было его завѣтною мечтою), зорко началъ слѣдить, чтобы эти заботы не выходили изъ предѣловъ, намѣчаемыхъ въ Римѣ. Папская курія весьма подозрительно отнеслась къ учрежденію патріаршества въ западно-русскихъ областяхъ, на что прежде, при Сигизмундѣ III, давалось соизволеніе, и находила неумѣстнымъ, чтобы дѣло о религіозномъ соглашеніи между православными и уніатами обсуждалось на соборѣ, составленномъ изъ представителей той и другой сторонъ, очевидно опасаясь, что на этомъ соборѣ возможно будетъ такое соглашеніе, которое не только не привлечетъ „въ овчарню св. отца схизматиковъ,“ но даже исхититъ изъ нея и прежде загнанныхъ туда (стеченіемъ обстоятельствъ) православныхъ. Римская курія заявляла, что условія уніи съ римскою церковью выработаны уже на Флорентійскомъ соборѣ и потому всякіе разговоры объ этомъ излишни. Вообще какихъ либо разсужденій относительно догматовъ допускать нельзя; возможны только переговоры о желаніяхъ представителей „дизуніи“ (православія) относительно тѣхъ или иныхъ второстепенныхъ пунктовъ: прерогативъ церкви, обрядовыхъ особенностей, матеріальнаго обезпеченія духовенства и т. п.; но обо всемъ этомъ означенные представители могутъ составить письменное заявленіе, которое папскою конгрегаціею и будетъ разсмотрѣно. Словомъ, римскій престолъ желалъ безусловнаго подчиненія православныхъ своей власти: желалъ повторенія Брестской уніи. Не удивительно поэтому, что затѣя короля кончилась ничѣмъ.

Сохранившіяся до нашего времени данныя представляютъ ходъ дѣла по означенному вопросу въ слѣдующемъ видѣ.

На сеймѣ 1638 года переговоры короля съ собравшимися сюда представителями православія и уніи относительно религіознаго между ними примиренія были, надо полагать, очень дѣятельные. Православные и на этотъ разъ не отнеслись отрицательно къ предложенію короля. Они изъявили согласіе на созваніе общаго, для нихъ и уніатовъ, собора и не чуждались мысли объ учрежденіи въ западно-русскихъ областяхъ самостоятельнаго патріархата. Владиславъ IV поспѣшилъ сообщить объ этомъ папѣ, заявляя, что онъ

на бывшемъ сеймѣ (1638 г.) „такъ хорошо подготовилъ мысли дизунитовъ къ соединенію съ апостольскою столицею, что надѣется на благопріятныя послѣдствія, если бы созванъ былъ соборъ изъ уніатовъ, на которомъ бы дизуниты были просвѣщены, и опредѣлены условія ихъ перехода въ унію." На этотъ соборъ „для своего просвѣщенія" имѣютъ быть приглашены „выдающіеся (przedniejszy) дизуниты, какъ духовные, такъ и свѣтскіе" [1]). Собственно, король просилъ папу о разрѣшеніи созвать общій для православныхъ и уніатовъ соборъ: онъ только излагаетъ эту просьбу въ деликатныхъ для уха „св. отца" выраженіяхъ. Такъ письмо короля и понято было въ Римѣ. Результатомъ его была инструкція, данная папскому нунцію въ Польшѣ, Филонарду, съ строгимъ наказомъ всецѣло слѣдовать ей, ни на шагъ не отступая. „Поелику—говорится въ этой инструкціи—общая унія всѣхъ русскихъ зависитъ отъ двухъ главныхъ пунктовъ, изъ коихъ одинъ касается склонности ихъ къ принятію догматовъ согласно исповѣданію вѣры, принятому на Флорентійскомъ соборѣ, а другой—установленія условій, на которыхъ они пожелаютъ соединиться съ апостольскою столицею, то ваша превелебность ни подъ тѣмъ, ни подъ другимъ предлогомъ не должны позволять на созваніе собора, на которомъ бы дизуниты имѣли засѣдать вмѣстѣ съ уніатами". Далѣе указываются причины, почему подобный соборъ не возможенъ: „Во-первыхъ, это ясно воспрещается правомъ каноническимъ, какъ видно изъ канона подъ титиломъ Cum omnibus,—здѣсь папа Гелaсій, на основаніи опредѣленія Халкидонскаго собора, осуждаетъ собранія католиковъ со схизматиками и еретиками, и св. церковь всегда слѣдовала этому наставленію, о чемъ свидѣтельствуетъ церковная исторія. Во-вторыхъ, что касается догматовъ, то они не могутъ быть предметомъ разсужденій на народныхъ собраніяхъ. Въ-третьихъ, разности между церквами греческою и латинскою опредѣлены уже на упомянутомъ Флорентійскомъ соборѣ, и болѣе не слѣдуетъ о нихъ разсуждать, а быть готовыми при защитѣ правды жизнью за нее жертвовать". Далѣе въ инструкціи говорится, что еслибы выдающіеся дизуниты—духовные и свѣтскіе—имѣли быть приглашены на соборъ уніатовъ, какъ пишетъ король, исключительно съ цѣлью просвѣщенія ихъ въ догматахъ вѣры и для опредѣленія условій перехода въ унію, то и на это нунцій не долженъ соглашаться,—не долженъ соглашаться даже въ томъ случаѣ, еслибы дизуниты предварительно произнесли исповѣданіе вѣры въ формѣ, предназначен-

[1]) Relacye nunciuszów. II. 273.

ной для грековъ, приступающихъ къ уніи. — „Но если бы—читаемъ въ инструкціи—дизуниты, не учинивъ исповѣданія вѣры и отложивъ свое просвѣщеніе (въ догматахъ) ко времени послѣ собора, въ данное время пожелали разсуждать объ условіяхъ перехода въ унію,—на это ваша велебность можетъ позволить, подъ такимъ условіемъ, чтобы для разсужденій объ этомъ избраны были лица того и другого обряда, которымъ нашими (т. е. назначенными отъ римской церкви депутатами) должны быть дѣлаемы объясненія относительно всѣхъ ихъ желаній, и на всѣ ихъ вопросы даваемы отвѣты благоразумно, кротко, вразумительно, причемъ отъ споровъ, которые могутъ скорѣе возбуждать, нежели успокаивать умы, должно уклоняться. Что касается до условій, то можно имъ предложить тѣ, которыя были уже приняты (южно-русскими іерархами) при Клементѣ VIII и относительно которыхъ уніатами доселѣ не высказано никакой укоризны. Если къ означеннымъ условіямъ пожелали бы присоединить и нѣкоторыя другія,—пусть изложатъ ихъ письменно и вручатъ вашей велебности, дабы они могли быть разсмотрѣны здѣсь (въ Римѣ), и если окажутся благоприличными, будутъ подтверждены апостольскою столицею. А такъ какъ при опредѣленіи условій возникнетъ затрудненіе относительно теперешнихъ дизунитскихъ епископовъ, ибо въ одной и той же церкви (нужно бы сказать: епархіи) не можетъ быть двухъ (самостоятельныхъ) епископовъ — то относительно этого можно посовѣтовать поступить такъ, какъ поступлено было съ Мелетіемъ Смотрицкимъ, который, предъ принятіемъ уніи будучи епископомъ полоцкимъ и не могши вступить на полоцкую каѳедру, занятую тогда уніатскимъ архіепископомъ, получилъ титулъ Іерополитанскаго in partibus infidelium, удерживая бенефиціи (dobra), которыми пользовался, когда былъ еще дизунитомъ. Или можно будетъ образовать нѣсколько новыхъ епархій въ обширнѣйшихъ епископіяхъ, подходящихъ подъ условія каноническаго права относительно раздробленія ихъ“ [1]).

Безъ сомнѣнія, тогда же отъ имени папы посланъ былъ и отвѣтъ королю на его просьбу, согласный въ существенныхъ чертахъ съ упомянутою инструкціею. Владиславъ IV не могъ остаться доволенъ такимъ отвѣтомъ, какъ чрезвычайно усложнявшимъ (можно сказать: дѣлавшимъ безнадежнымъ) осуществленіе задуманнаго имъ дѣла о религіозномъ примиреніи между враждующими сторонами. Король не могъ не сознавать, что унія въ томъ видѣ, въ какомъ она доселѣ существовала въ западно-русскихъ областяхъ, ненави-

[1]) Relacye nunciuszów. II. 272—275.

стна православнымъ, и потому получить на нее согласіе отъ последнихъ—дѣло невозможное. Вслѣдствіе этого онъ обратился къ папѣ съ новымъ письмомъ (и, вѣроятнѣе всего, не однимъ), повторяя прежнюю просьбу о дозволеніи созвать общій соборъ изъ уніатовъ и православныхъ для разсужденій о религіозномъ соглашеніи между ними. Но изъ Рима отъ имени папы послѣдовалъ лаконическій отвѣтъ (25 авг. 1640 г.) гдѣ „св. отецъ", восхваляя заботливость короля о привлеченіи „русскихъ" къ уніи, настоятельно требуетъ, чтобъ король въ этомъ „первостепенной важности дѣлѣ" всецѣло слѣдовалъ указаніямъ нунція и давалъ „его словамъ полную вѣру" [1]). Такое положеніе дѣлъ было неблагопріятно для замысловъ короля относительно религіознаго соглашенія между православными и уніатами, тѣмъ не менѣе заботы его объ этомъ не прекращались. Не подлежитъ сомнѣнію, что рѣчами по данному вопросу перекидывались иногда между собою и самые представители церквей православной и уніатской. До нашего времени дошли два письма мстиславскаго епископа Сильвестра Коссова къ полоцкому уніатскому архіепископу Антонію Селявѣ, находившемуся съ нимъ (какъ мы говорили) въ постоянной тяжбѣ. Содержаніе перваго письма (отъ 18 апрѣля 1639 года) слѣдующее: „Преосвященнѣйшій и пречестнѣйшій владыко! Скорблю о нашихъ распряхъ, но выразить ничего не смѣю. Ибо многое могу сказать, но не писать. И такъ, ваше преосвященство, вѣрьте мнѣ въ томъ, что я искренно желаю дѣйствовать къ преуспѣянію общаго блага. Свидѣтели мнѣ Богъ и Пречистая Матерь его! Нѣтъ мѣста болѣе удобнаго и далекаго отъ нашего (?) неосновательнаго подозрѣнія, какъ у кого-либо изъ витебскихъ благородныхъ особъ, напр., у земскаго писаря Гурко. Время же для этого назначу послѣ". Внизу письма помѣщена слѣдующая приписка: „Октавіану (очевидно, подателю письма) я поручилъ передать многое лично" [2]).

Приведенное письмо отличается неопредѣленностью выраженій и большими недомолвками, изъ которыхъ, пожалуй, можно бы дѣлать неблагопріятныя для его автора заключенія, какъ о лицѣ, склонномъ къ уніи съ Римомъ на желаемыхъ послѣднимъ условіяхъ. Но другое письмо Коссова къ тому же Селявѣ, писанное спустя пять недѣль послѣ перваго (24 мая 1639 г.), въ достаточной степени выясняетъ намъ, на какую унію съ римскою церковью или съ самими уніатами согласны были православные и при какомъ непре-

---

1) Theiner, Vetera Monum. Poloniae et Lithuaniae. t. III, № CCCLXVII.

2) Витебская Старина, изд. Сапунова, т. V, ч. I, № 96, стр. 147—148.

мѣнномъ условіи. — „Безъ воли константинопольскаго патріарха— писалъ Коссовъ— я не могу приступить къ уніи, а самую унію понимаю, какъ возвращеніе къ состоянію церкви во время святителей: Григорія, Василія, Аѳанасія. „Tali o Deus —читаемъ въ означеномъ письмѣ—unioni per vos et nos providi, ut Gregoriana, Baziliana, Athanasiana e cineribus suscitata appareant saecula“. Подъ актомъ такой уніи Коссовъ готовъ подписаться съ величайшей готовностью (ardentissimo corde [1]).

Во время сейма 1641 года вопросъ о религіозномъ примиреніи между православными и уніатами, разумѣется по инициативѣ короля, снова былъ поднятъ. Глухое упоминаніе объ этомъ находится въ дневникѣ Радзивилла. Здѣсь подъ 18 сентября читаемъ: „разсужденія сенаторовъ у краковскаго бискупа относительно примиренія уніатовъ со схизматиками“ [2]). Возможное дѣло, что здѣсь опять были рѣчи о созваніи общаго изъ представителей той и другой враждующихъ сторонъ собора; возможно, что на такой соборъ дано было согласіе и православными. По крайней мѣрѣ, какъ мы въ своемъ мѣстѣ подчеркнули, обычныя протестаціи со стороны ультра-католической партіи противъ благопріятной для православныхъ конституціи не были своевременно занесены, очевидно, въ виду ожидаемыхъ послѣдствій отъ состоявшагося на сеймѣ уговора.

Но Римъ упорно стоялъ на своемъ рѣшеніи по данному вопросу, высказанномъ въ инструкціи папскому нунцію въ Польшѣ Филонарду, и приказалъ послѣднему занести протестацію противъ состоявшейся на сеймѣ конституціи относительно греческой религіи, что,— какъ мы видѣли—имъ и было исполнено. Словомъ, папа требовалъ отъ короля или повсемѣстнаго введенія въ западно-русскихъ областяхъ уніи на основаніи постановленій Флорентійскаго собора, или же, въ случаѣ несогласія на такую унію со стороны православныхъ, отобранія отъ нихъ выданныхъ привилегій, т. е. уничтоженія извѣстныхъ „статей примиренія“, не разъ уже подтвержденныхъ сеймами. Но даже многіе изъ ревностныхъ католиковъ не могли одобрить послѣдняго, такъ какъ для всѣхъ очевидно было, что уничтоженіе статей примиренія неизбѣжно привело бы Рѣчь Посполитую къ междоусобной войнѣ. Поэтому на этотъ разъ папскому нунцію удалось склонить къ означенному протесту самое незначительное количество сановныхъ лицъ.

---

[1]) Архивъ греко-уніат. митроп. при Св. Синодѣ,—связка № 38.

[2]) Pamiętniki Radziwiłła. II. 43.

Недовольство Владислава IV римскимъ престоломъ, возбужденное отношеніями послѣдняго къ его проекту о религіозномъ примиреніи между православными и уніатами, вскорѣ нашло для себя новую пищу и въ другихъ, несогласныхъ съ видами короля, а иногда и прямо оскорбительныхъ для него поступкахъ со стороны папы. До крайности обострены были у Владислава IV отношенія и съ ближайшимъ представителемъ апостольской столицы—нунціемъ Филонардомъ. А когда сдѣлалось извѣстнымъ перехваченное письмо послѣдняго въ Римъ, гдѣ король подвергался разнымъ нареканіямъ, и, между прочимъ, за пріязнь къ еретикамъ и схизматикамъ,—Владиславъ IV энергично требовалъ немедленнаго отзыва Филонарда изъ Польши [1]). Папа нунція отозвалъ, но новаго не прислалъ. Отношенія между римскимъ престоломъ и польскимъ дворомъ приняли характеръ чрезвычайно натянутый [2]).

Потерявъ надежду на благопріятный исходъ своихъ просьбъ въ Римѣ относительно разрѣшенія папы на созваніе собора для указанной нами цѣли и порвавъ дружественныя сношенія съ апостольскою столицею,—Владиславъ IV не только не отказался отъ своихъ замысловъ „уврачевать раны Рѣчи Посполитой" путемъ религіознаго соглашенія между враждующими сторонами, но и значительно расширилъ ихъ: онъ уже мечтаетъ и заботится не только о религіозномъ примиреніи православныхъ съ уніатами, но о таковомъ же примиреніи между католиками и диссидентами (протестантами разныхъ фракцій), намѣреваясь достигнуть этого и въ послѣднемъ случаѣ тоже чрезъ созваніе общаго собора.

Разумѣется, о такихъ замыслахъ короля скоро узнали въ Римѣ, и здѣсь они произвели тревогу. Что касается до давняго и уже не разъ обсуждавшагося вопроса о религіозномъ соглашеніи между православными и уніатами, то папа, не имѣя въ данное время нунція въ Польшѣ, поспѣшилъ разослать многочисленныя письма къ выдающимся духовнымъ лицамъ, католикамъ и уніатамъ, съ предостереженіями, чтобы они, всячески заботясь о распространеніи уніи, имѣли при этомъ въ виду исключительно интересы католической церкви и чистоту ея ученія, такъ какъ внѣ этой церкви нѣтъ и не можетъ быть спасенія [3]). Одновременно съ этими письмами послано было письмо и къ королю. „Намъ извѣстно—писалъ папа

---

[1]) Ibid. II. 92, 93, 110.

[2]) Ibid. II. 127.

[3]) Theiner. Vetera monum. Poloniae et Lithuaniae, t. III. № CCCLXXIII, примѣч. къ документу № CCCLXXV.

Владиславу IV,—что русскіе уніаты не нуждаются въ ходатайствѣ за нихъ предъ тобою, потому что ты, по внушенію своего примѣрнаго благочестія, всегда окружаешь ихъ своимъ милостивымъ покровительствомъ и употребляешь всѣ средства, зависящія отъ твоей королевской власти, чтобы сдѣлать русскую унію всеобщею. Однако, по своей первосвященнической заботливости объ уніатахъ, мы настойчиво требуемъ, дабы ты неослабно оберегалъ дѣло ихъ, которое есть и дѣло Божіе, и обнаруживалъ непрестанную ревность о славѣ Божіей и общемъ спасеніи" [1]).

Въ это же время папою посланы были письма и къ вліятельнѣйшимъ лицамъ изъ среды православныхъ. Такихъ писемъ извѣстно два: къ черниговскому воеводѣ Адаму Киселю и кіевскому митрополиту Петру Могилѣ.

Въ письмѣ къ Киселю папа, указавъ на то, что „внѣ судна св. Петра, которое направляется къ вратамъ вѣчнаго блаженства", не можетъ быть спасенія,—обращается къ черниговскому воеводѣ, какъ человѣку извѣстному по своему общественному положенію, уму и образованію, съ приглашеніемъ къ соединенію съ римскою церковью, чѣмъ онъ пріумножитъ снисканную имъ славу. „О если-бы—восклицаетъ папа—возсіялъ счастливый и радостный день, когда, при ликованіи ангеловъ, мы могли бы благословить тебя (славный мужъ) какъ призваннаго въ усыновленіе сыновъ Божіихъ"... и т. д. [2]).

Письмо къ Петру Могилѣ приводимъ въ полномъ видѣ.

„Почтенный братъ! спасеніе и свѣтъ Божественной благодати (да пребудутъ съ тобою)! Хотя мы знаемъ, что различіе въ вѣрѣ отдѣляетъ насъ отъ твоего собратства (fraternitatem) не менѣе разстоянія, однако апостольская заботливость обращаетъ къ тебѣ взоры, желая привлечь тебя во святилище католической вѣры, гдѣ Господь избралъ себѣ обитель, и призвать на безопаснѣйшій путь, при шествіи по которому первосвященническіе ключи отверзаютъ вѣрующимъ народамъ врата вѣчнаго царствія. Выслушай, почтенный братъ, спасительные совѣты, которые тебѣ предлагаются не столько городомъ, который есть отечество народовъ и учительница истины, сколько самимъ небомъ. Позаботься о собственномъ спасеніи и о спасеніи другихъ, которые шествуютъ по твоимъ стопамъ и легко воспослѣдуютъ по дорогѣ, которую ты указалъ бы имъ своимъ примѣромъ. О семъ первостепенной важности дѣлѣ тебѣ

---

[1]) Theiner. Vetera Monum. Polon. et. Lithuaniae, t. III, № CCCLXXX.

[2]) Ibid. т. III, № CCCLXXIV.

пришлетъ подробное письмо священная конгрегація кардиналовъ, которая содѣйствуетъ распространенію католической вѣры; если же что потребуетъ болѣе опредѣленнаго разъясненія, ты можешь прислать къ намъ двухъ искуснѣйшихъ монаховъ, которыхъ мы примемъ дружественно и благосклонно. Они, безъ сомнѣнія, распознаютъ, сколь чисто, вѣрно себѣ и богато всевозможными добродѣтелями ученіе, которое исповѣдуетъ достопочтенная каѳедра св. Петра. Тогда, мы надѣемся, они, просвѣщенные спасительными познаніями, возвратятся къ вамъ, проповѣдуя свидѣтельства Господни, при помощи которыхъ души твоихъ людей, будучи исхищены изъ пастей адскихъ волковъ, приведутся въ правдивую овчарню Христову. Мы уповаемъ, что Всевышній, коему въ своихъ усерднѣйшихъ молитвахъ мы всегда поручаемъ весь русскій народъ, по первосвященническимъ прошеніямъ даруетъ желаемый успѣхъ. Ибо если Онъ всесиленъ собрать разсѣянныхъ повсюду Израильтянъ, то можетъ, при наитіи Святаго Духа, произрастить въ твоемъ сердцѣ плоды вѣчнаго спасенія, наполненные драгоцѣнною кровію, истекшею изъ ранъ Господа. Мы желаемъ душѣ нашей такого именно утѣшенія и молимъ Отца свѣтовъ ниспослать тебѣ, братъ, лучи его благодати [1]).

Спустя нѣсколько дней послано было П. Могилѣ упоминаемое въ письмѣ папы посланіе отъ конгрегаціи кардиналовъ. Кардиналы писали, что холмскій уніатскій епископъ Меѳодій (Терлецкій) донесъ конгрегаціи о распространеніи вѣры о высокихъ добродѣтеляхъ, ученіи и ревности его, Могилы, и черниговскаго каштеляна Адама Киселя. Это донесеніе подало высокопоставленнымъ отцамъ немалую надежду увидѣть всю Россію возсоединенною со св. сѣдалищемъ апостольскимъ, подобно тому, какъ около двухъ столѣтій тому назадъ подобное соединеніе состоялось при всероссійскомъ митрополитѣ, впослѣдствіи кардиналѣ, Исидорѣ на вселенскомъ Флорентійскомъ соборѣ. Ибо когда подобное дѣло ведется съ людьми благоразумнѣйшими и къ доброму имѣющими склонность, то ихъ не трудно привести къ познанію истины. Для ознакомленія съ трактуемымъ предметомъ конгрегація посылаетъ въ переводѣ на латинскій языкъ сочиненіе Геннадія, нѣкогда патріарха константинопольскаго, въ защиту опредѣленій Флорентійскаго собора, противъ коихъ возсталъ Маркъ Ефесскій, побужденный къ тому завистью вслѣдствіе неполученія имъ кардинальскаго достоинства, которымъ почтены были Исидоръ и Виссаріонъ. Послѣ безпристрастнаго ознакомленія съ означенною книгою, если-бы въ чемъ либо оставалось сомнѣніе, его можно будетъ

[1]) Ibid. т. III, pag. 425.

разрѣшить чрезъ присылку въ Римъ двухъ ученѣйшихъ монаховъ, которые здѣсь будутъ весьма любезно приняты и благосклонно выслушаны. О выполненіи этого предложенія кардиналы усиленно просятъ Могилу. При обсужденіи вопроса о соединеніи съ апостольскимъ сѣдалищемъ, по мнѣнію конгрегаціи, нужно имѣть въ виду и поразмыслить о слѣдующихъ трехъ фактахъ: во-первыхъ, что изъ апостольскихъ столицъ одна только Римская церковь имѣетъ непрерывное преемствованіе первосвященниковъ и содержитъ православную вѣру и ученіе, унаслѣдованныя ею отъ первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла; ибо на прочихъ столицахъ, въ особенности главнѣйшихъ, каковы: Константинопольская, Александрійская, Антіохійская и Іерусалимская, часто возсѣдали еретики, которые повредили чистоту апостольскаго ученія, и въ настоящее время, когда число патріарховъ умножилось съ названіями (большею частію) примѣнительно къ восточнымъ народностямъ (армяне, несторіане, якобиты, копты, соріане, мелхиты), они унаслѣдовали разнообразныя заблужденія своихъ предшественниковъ. Во-вторыхъ, Римская церковь имѣетъ отъ Господа, въ лицѣ Петра, обѣщаніе, что не оскудѣетъ его вѣра, какое обѣщаніе чрезъ всѣ вѣка и до настоящаго времени, чрезъ упомянутое непрерывное преемство римскихъ первосвященниковъ, исполняется. Въ-третьихъ, что всѣ упомянутые апостольскіе престолы, которые отторглись отъ Римскаго, стенаютъ подъ игомъ рабства невѣрныхъ; римское же сѣдалище, благодаря особенному присутствію въ немъ Духа Святаго, процвѣтаетъ и пользуется полною свободою. Относительно этого находится опредѣленное мнѣніе пророковъ въ книгахъ Судей и Царствъ, изъ коихъ поучаемся, что народъ Божій всякій разъ, какъ только склонялся къ идолопоклонству, т. е. удалялся отъ истиннаго богопочитанія, всегда пребывалъ подъ тяжелымъ ярмомъ рабства Филистимлянъ или Халдеевъ. Письмо заканчивается просьбою обсудить и взвѣсить все сказанное и внимательно ознакомиться съ посылаемыми сочиненіями (кромѣ сочиненія Геннадія, посланы были опредѣленія Флорентійскаго собора), что, при помощи Божіей, можетъ привести къ общей уніи русской церкви съ римской и покроетъ немалою славою ревнующихъ объ этомъ. Какъ на ближайшія послѣдствія отъ означенной уніи (кромѣ надежды на вѣчное спасеніе), конгрегаціею указывается на освобожденіе русской церкви отъ ига константинопольскихъ патріарховъ, которые не учатъ народъ, а только обременяютъ его поборами, сами поставляются незаконно, противоканонически, и другихъ посвящаютъ подобнымъ образомъ, вслѣдствіе всюду царящей здѣсь симоніи [1]).

---

[1]) Рукоп. сборникъ библ. Кіево-Печер. лавры, № 20, л. 15.

Безъ сомнѣнія, означенныя посланія поняты и оцѣнены были Петромъ Могилою надлежащимъ образомъ, и если у него (допустимъ это) еще и доселѣ по временамъ появлялась мысль о возможности взаимообщенія между церквами православною и католическою, съ сохраненіемъ за первою завѣщанныхъ древностью особенностей въ ученіи, управленіи и обрядности, то теперь мысль эта,—надежда на возвращеніе къ церковному единенію первыхъ вѣковъ христіанства,—должна была быть совершенно оставлена. Римскій престолъ ясно и опредѣленно высказалъ свой дышащій фанатизмомъ взглядъ на православіе, какъ религію, ведущую къ душевной погибели, и не обинуясь заявилъ, что на унію онъ смотритъ какъ на средство исхитить изъ пасти адскихъ волковъ души схизматиковъ. Понятное дѣло, поставленный папскою куріею на такую почву, вопросъ объ уніи не могъ имѣть никакого успѣха, и письма папы и его конгрегаціи оставлены были Могилою безъ отвѣта.

Повидимому, болѣе благопріятное теченіе приняло задуманное въ данное время королемъ дѣло о религіозномъ соглашеніи католиковъ съ диссидентами, достигнуть чего—какъ мы замѣтили—Владиславъ IV намѣревался тоже посредствомъ собора, составленнаго изъ представителей той и другой стороны. Правда, и на этотъ соборъ папа не давалъ своего согласія; но король, опираясь на поддержку со стороны польскихъ бискуповъ, рѣшился въ данномъ случаѣ обойтись безъ соизволенія „апостольской столицы", и съѣздъ (соборъ) для разсужденій о религіозныхъ разногласіяхъ между католиками и диссидентами былъ назначенъ на 10 сентября 1644 года въ Торунѣ. Къ этому времени католическіе богословы дѣйствительно прибыли въ означенный городъ, но по просьбѣ диссидентовъ, желавшихъ подготовиться къ преніямъ съ католиками и просившихъ короля лично присутствовать, въ качествѣ верховнаго судьи, при означенныхъ преніяхъ,—съѣздъ былъ отсроченъ до сентября слѣдующаго (1645) года, когда дѣйствительно и состоялся.

Намъ нѣтъ надобности останавливаться на Торунскомъ colloquium'ѣ католиковъ съ диссидентами, не приведшемъ ни къ какому соглашенію сторонъ и только воочію обнаружившемъ несбыточность оптимистическихъ надеждъ короля по вопросу о примиреніи между разномыслящими въ вѣрѣ; но мы считаемъ не лишнимъ ознакомиться въ существенныхъ чертахъ съ рѣчью Владислава IV, обращенною къ диссидентскимъ депутатамъ, просившихъ его объ отсрочкѣ съѣзда, такъ какъ рѣчь эта характеризуетъ воззрѣнія короля на религіозныя разногласія между его подданными и уясняетъ побужденія, ко-

торыми онъ руководился, прилагая усиленныя старанія къ смягченію указанныхъ разногласій.

Въ упомянутой рѣчи король объясняетъ созваніе съѣзда въ Торунѣ желаніемъ положить конецъ тѣмъ огорченіямъ изъ-за религіозной вражды между католиками и диссидентами, которыя испытываютъ не только диссиденты, но и самъ онъ, король. Его душевное спокойствіе нарушено; онъ со стороны бискуповъ постоянно осаждается настойчивыми просьбами по вопросамъ религіознымъ, которые трудно разрѣшимы. Въ подтвержденіе сказаннаго король указываетъ на виленскую „справу", во время которой „какія безпокойства и непріятности приходилось ему испытывать, могли бы разсказать, если бы были живы, князь Христофоръ Радзивиллъ, белзскій воевода Рафаилъ Лещинскій и панъ Рей; знаетъ объ этомъ и князь Янушъ Радзивиллъ (подкоморій литовскій)". Владиславъ IV клятвенно завѣряетъ диссидентскихъ депутатовъ, что его намѣренія по отношенію къ иновѣрцамъ самыя доброжелательныя: онъ всегда держитъ въ памяти присягу, данную при вступленіи на престолъ какъ католикамъ, такъ и диссидентамъ, и потому, если бы онъ усматривалъ для послѣднихъ хотя малѣйшій вредъ и опасность отъ предполагаемаго съѣзда, то не склонялъ бы ихъ къ тому. Притомъ свобода дѣйствій для пріѣхавшихъ вполнѣ обезпечена: каждый можетъ, когда ему угодно, уѣхать изъ Торуня, сохраняя права и неприкосновенность своей религіи, „ибо мы—говорилъ король—желаемъ не преобразовывать васъ въ религіозномъ отношеніи, но примирить (nie reformować, ale conciliare)". Главная цѣль съѣзда—это разъясненіе недоразумѣній. Слишкомъ много говорится несправедливаго католиками о диссидентахъ и наоборотъ. Если же всѣ эти недоразумѣнія будутъ на съѣздѣ выставлены на видъ, тогда обѣ стороны удобнѣе могутъ усмотрѣть, что существенныхъ религіозныхъ разногласій между ними нѣтъ, или мало. Но еслибы съѣздъ и не имѣлъ никакого успѣха въ смыслѣ религіознаго объединенія между разномыслящими, хорошимъ результатомъ былъ бы и тотъ, еслибы стороны перестали съ отвагою и дерзостью осуждать другъ друга, и католики не говорили бы болѣе: „ты, панъ Рей, ты, панъ Бржостовскій, пойдешь до пекла!" [1]).

Подготовленія къ Торунскому съѣзду не могли не вызвать нѣкотораго волненія и въ средѣ православныхъ. Вслѣдствіе постоянныхъ столкновеній съ уніатами, мысль о соглашеніи съ послѣдними

[1]) Dzieje narodu Polskiego za panowania Władysława IV, Kwiatkowskiego, изд. 1823, стр. 422—424.

была для нѣкоторымъ столь ненавистною, что они, очевидно подъ вліяніемъ толковъ о Торунскомъ съѣздѣ, готовы были вступить въ переговоры о религіозномъ соглашеніи, минуя уніатовъ, непосредственно съ католиками. По крайней мѣрѣ подобную мысль высказалъ на луцкомъ провинціальномъ сеймѣ князь Михаилъ Чарторыйскій. Въ инструкцію, составленную на означенномъ сеймѣ для пословъ, отправляемыхъ на общій Варшавскій сеймъ 1645 г., князь настоялъ включить (непосредственно послѣ пункта, гдѣ трактовалось объ успокоеніи греческой религіи) слѣдующую прибавку: „А когда все это совершенно и дѣйствительно успокоено будетъ, мы съ цѣлію, чтобы на будущее время нѣсколько духовныхъ, принявшихъ унію, не верховодничали надъ всѣмъ русскимъ народомъ и своими дѣйствіями не нарушали миръ и спокойствіе въ Рѣчи Посполитой,— мы сами добровольно желаемъ имѣть съ ихъ милостями панами католиками братскій коллоквіумъ для разсужденія о желаемомъ примиреніи, но не съ тѣми, которые, означенную унію самовольно, въ числѣ нѣсколькихъ только особъ, принявши, внесли въ Рѣчь Посполитую раздоры и вражду. Къ этому присовокупляемъ такое заявленіе, что если означенное соглашеніе при посредствѣ нашемъ и нашего духовенства состоится, то тѣ ихъ милости, которые отъ насъ отдѣлились, должны или возвратиться къ намъ, или же обязаны будутъ уступить всѣ (занимаемыя ими) бенефиціи, церкви, монастыри и каѳедры. Когда все это послами будетъ заявлено и въ исполненіи сеймомъ обезпечено, тогда могутъ они согласиться въ опредѣленное время на означенный коллоквіумъ, а мѣсто для сего указать въ Луцкѣ“ [1]). Разумѣется, это мнѣніе о благовременности коллоквіума православныхъ съ католиками есть личное мнѣніе князя Чарторыйскаго (почему оно къ инструкціи приложено было „на особой картѣ“, за подписью его одного), но оно могло раздѣляться и нѣкоторыми другими лицами, и во всякомъ случаѣ характерно въ смыслѣ иллюстраціи отношеній, установившихся между православными и уніатами, и уясненія взглядовъ первыхъ на послѣднихъ.

Во время приготовленій къ Торунскому съѣзду скончался папа Урбанъ VIII, и 15 сентября 1644 года на его мѣсто избранъ былъ Иннокентій X. Новый папа былъ расположенъ къ Польшѣ и Владиславу IV. Прерванныя отношенія между римскимъ престоломъ и польскимъ королемъ возобновились. Однимъ изъ первыхъ распоряженій Иннокентія X относительно Польши было назначеніе сюда своего нунція, на каковой постъ избранъ былъ адріанопольскій архі-

---

[1]) Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. II. т. 1, № XXV, стр. 288.

епископъ Янъ-де Торресъ (сынъ кардинала Торреса, бывшаго тоже нунціемъ въ Польшѣ). Предъ его отправленіемъ къ мѣсту назначенія состоялось подъ председательствомъ кардинала Барберини, 15 марта 1645 года, засѣданіе членовъ конгрегаціи по вопросу о средствахъ привлеченія къ уніи всѣхъ русскихъ, находившихся подъ властью Польши. Ближайшимъ поводомъ къ разсужденіямъ по данному вопросу было письмо Владислава IV къ новому папѣ съ просьбою о содѣйствіи въ этомъ дѣлѣ и тогда же доставленное въ конгрегацію, по всей вѣроятности отъ уніатскаго митрополита Антонія Селявы, мнѣніе о томъ же самомъ предметѣ, подъ заглавіемъ: Sententia cujusdam nobilis poloni Graecae religionis,— гдѣ шла рѣчь о всеобщей уніи всѣхъ русскихъ съ римскимъ престоломъ, о средствахъ къ ея распространенію и, наконецъ, объ условіяхъ, при которыхъ желательно ея осуществленіе.

Постановленіе конгрегаціи изложено было въ восьми пунктахъ. Въ первомъ говорилось о томъ, что распространеніе уніи въ Польшѣ должно быть всячески поддерживаемо. Королю рѣшено послать письмо, съ выраженіемъ одобренія его ревности въ этомъ дѣлѣ и убѣжденіемъ неослабно чрезъ зависящія отъ него средства заботиться о привлеченіи къ единенію съ Римомъ дизунитскихъ прелатовъ и свѣтскихъ наиболѣе вліятельныхъ лицъ (воеводъ и другихъ сановниковъ), съ предложеніемъ въ остальномъ (о способахъ уніи) слѣдовать указаніямъ нунція.

Во второмъ пунктѣ категорически заявлялось, что относительно догматовъ русскіе должны слѣдовать опредѣленію Флорентійскаго собора и при этомъ только условіи возсоединяемы съ римскою церковію.

Въ третьемъ—идутъ довольно длинныя рѣчи о томъ, что послѣ введенія уніи русскій митрополитъ можетъ избираться своими архіепископами и епископами, и что самъ онъ можетъ посвящать въ подвѣдомственныхъ ему епархіяхъ епископовъ, не испрашивая на то позволенія отъ апостольскаго сѣдалища. Но означеннымъ правомъ митрополитъ имѣетъ пользоваться только подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, если сверхъ произнесенія исповѣданія вѣры согласно формѣ, установленной для восточныхъ, и заявленія о послушаніи римскому папѣ, будетъ просить и получитъ отъ него подтвержденіе (confirmationem) своего избранія. Въ необходимости имѣть такое подтвержденіе митрополитъ можетъ быть убѣждаемъ доводами и примѣрами. Изъ доводовъ указываются слѣдующіе: а) согласно съ священными канонами, конфирмація должна быть испрашиваема отъ высшаго, а такъ какъ чрезъ принятіе уніи для митрополита таковымъ старѣй-

шиною является папа, то, слѣдовательно, отъ него онъ и долженъ получить утвержденіе въ своихъ правахъ; б) если бы митрополитъ уклонился отъ обращенія съ означенною просьбою къ папѣ, то онъ оказался бы „акефальнымъ", что находилось бы въ несогласіи и противорѣчіи съ понятіемъ объ уніи; в) общеніе съ апостольскимъ сѣдалищемъ послѣ принятія уніи составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ для него, митрополита, догматовъ, что въ данномъ случаѣ и свидѣтельствуется утвержденіемъ и освященіемъ его по распоряженію означеннаго сѣдалища. — Примѣры приводятся слѣдующіе: а) когда при Климентѣ VIII состоялась унія съ русскою церковью, то тогда въ особенности было установлено, чтобы митрополитъ испрашивалъ себѣ подтвержденія у сѣдалища апостольскаго; б) когда при Инокентіи III марониты, живущіе въ горахъ Ливанскихъ и другихъ странахъ Сиріи, заключили унію съ сѣдалищемъ апостольскимъ, то при этомъ поставленно было условіемъ, чтобы патріархъ, избранный маронитскими архіепископами и епископами, просилъ подтвержденія у папы, что до настоящаго времени вновь избранными патріархами и исполняется.

Четвертымъ пунктомъ русскому митрополиту предоставляется право отправлять доношенія въ Римъ, а равно получать оттуда всякаго рода буллы и распоряженія, касающіяся уніи, безплатно, какъ это было и до настоящаго времени.

Въ пятомъ пунктѣ идетъ рѣчь о соборѣ, который намѣревается собрать уніатскій митрополитъ въ видахъ болѣе успѣшнаго распространенія уніи между всѣми русскими. Конгрегація рѣшила, что въ этомъ случаѣ должно уступить просьбѣ митрополита, но опять съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы на означенномъ соборѣ не участвовали неуніаты. Послѣднее не можетъ быть дозволено по соображеніямъ, высказаннымъ въ инструкціи прежнему нунцію Филонарду.

Шестымъ пунктомъ возлагается на нунція обязанность, прежде какихъ либо опредѣленныхъ рѣшеній относительно распространенія уніи, войти въ сношенія съ высшими уніатскими духовными особами, особенно съ митрополитомъ Селявою и холмскимъ епископомъ Меѳ. Терлецкимъ, и выслушать имъ мнѣніе по данному предмету, такъ какъ они могутъ оказать нунцію существенную помощь; при этомъ предлагается внушить означеннымъ лицамъ, что предполагаемая унія не будетъ введена во вредъ ихъ интересамъ.

Въ седьмомъ пунктѣ трактуется о затрудненіяхъ, на которыя обращено было вниманіе нѣкоторыхъ членовъ конгрегаціи при разсужденіи объ уніи. Именно, указывалось на слѣдующее: во-первыхъ, можетъ случиться, что принять унію изъявятъ желаніе только русскіе іерархи, а народъ отвергнетъ ее; отсюда является опасеніе, какъ бы послѣдній, въ виду удовлетворенія своихъ религіозныхъ нуждъ, не обратился къ константинопольскому патріарху съ просьбою о посвященіи другихъ схизматическихъ епископовъ; во-вторыхъ, трудно допустить, чтобы новые уніатскіе епископы уступили свои церкви (каѳедры) прежнимъ уніатамъ и наоборотъ; отсюда неизбѣжно случится, что одна каѳедра будетъ имѣть двухъ епископовъ, а это противорѣчитъ соборнымъ постановленіямъ. — Относительно этихъ затрудненій конгрегація рѣшила въ данное время вопроса не поднимать, такъ какъ о нихъ ничего не говорится въ доставленныхъ въ Римъ проектахъ уніи. Если же со временемъ вопросъ этотъ будетъ поднятъ заинтересованными сторонами, то отвѣтъ на него всегда найдется.

Въ послѣднемъ, восьмомъ пунктѣ идетъ рѣчь объ инструкціи папскому нунцію, которому рекомендуется ознакомиться съ воззрѣніями на предполагаемую унію митрополита и епископовъ неуніатскихъ, въ особенности епископа луцкаго, какъ человѣка болѣе ученаго, разузнать о желаніяхъ по данному вопросу короля, канцлера Оссолинскаго и другихъ лицъ, способныхъ оказать поддержку дѣлу уніи. Всѣ получаемыя свѣдѣнія нунцій долженъ сообщить конгрегаціи [1]).

На другой день (17 марта) нунцію Торресу вручена была и самая инструкція по означенному дѣлу. Приводимъ ее въ полномъ видѣ.

„Русскіе дизуниты чрезъ уніатскаго митрополита (Антонія Селяву) уже два раза изъявляли желаніе соединиться съ римскою церковію; но дѣло это послѣдствій не имѣло, потому что они желали имѣть патріарха на Руси и участвовать (для разсужденія объ условіяхъ уніи) въ засѣданіяхъ на уніатскомъ соборѣ, на что апостольская столица позволить не могла по причинамъ, изложеннымъ въ инструкціи, данной святой памяти монсеньеру Филонарду и прилагаемой здѣсь въ копіи.

„Но такъ какъ въ настоящее время они отказались отъ своихъ претензій, и ихъ митрополитъ (какъ догадывается отецъ Ва-

[1]) Relacye nunciuszow. II. 275—276,

леріанъ, капуцинъ, миссіонеръ конгрегаціи de propaganda fide, прибывшій въ Римъ съ письмами отъ польскаго короля) рѣшилъ заботиться о распространеніи уніи между всѣми русскими,—то конгрегація для распространенія святой католической вѣры, разсуждая, что не слѣдуетъ упускать столь благопріятнаго для сего времени, чрезвычайно желаетъ дать движеніе этому столь важному для спасенія душъ дѣлу, весьма озабочена приведеніемъ его къ окончанію и потому поручаетъ его благоразумію велебнаго пана (нунція). А такъ какъ въ этомъ дѣлѣ многое зависитъ отъ секретнаго дѣйствованія, ты не долженъ разсуждать о немъ ни съ кѣмъ, только съ королемъ, канцлеромъ Оссолинскимъ, митрополитомъ уніатскимъ и ксендзомъ Терлецкимъ, бискупомъ холмскимъ; отъ послѣднихъ можно узнать, какъ должно воздѣйствовать на гнѣзненскаго епископа, чтобы онъ оказывалъ содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ передъ королемъ, защищалъ оное и поддерживалъ на сеймѣ, когда оно будетъ туда внесено. Отъ митрополита и холмскаго бискупа можешь получить достовѣрнѣйшія свѣдѣнія о подготовленіяхъ, наклонностяхъ и намѣреніяхъ дизунитовъ, которые или дѣйствительно стремятся къ доброму, или же только домогаются уничтоженія уніи и отнятія отъ уніатовъ бенефицій и церквей, на что уже неоднократно покушались на сеймахъ.

„Прежде чѣмъ, велебный панъ, приступишь къ разсужденію объ уніи, ты хорошо долженъ разузнать объ образѣ жизни и обычаяхъ Могилы, митрополита дизунитскаго, а также объ его характерѣ, учености и намѣреніяхъ, каковыми онъ руководствуется въ означенномъ дѣлѣ. Они могутъ быть духовныя (и это было бы самое лучшее), но могутъ быть они и земныя (doczesne); однако и послѣднія, будучи обнаружены, могутъ послужить дѣлу уніи, ибо Богъ часто приводитъ людей ко благу путями земныхъ ихъ цѣлей. Также постараешься собрать подобныя свѣдѣнія о луцкомъ епископѣ (Аѳанасіи Пузынѣ), ученѣйшемъ изъ русскихъ дизунитовъ, о которомъ доносили конгрегаціи, что онъ тайный котоликъ, потомъ, что онъ уже учинилъ исповѣданіе вѣры согласно формѣ, составленной для грековъ. Копія ея при семъ прилагается въ тѣхъ видахъ, чтобы, когда митрополитъ или другіе дизуниты пожелаютъ приступить къ уніи, ты могъ принять ихъ на лоно костела согласно съ нею.

„При выборѣ средствъ къ заключенію уніи ты долженъ дать преимущество наиболѣе легкимъ и наиболѣе приноровленнымъ къ лицамъ, времени, обстоятельствамъ, съ цѣлью скорѣйшаго достиженія предназначенной цѣли.

„Долженъ узнать объ условіяхъ, на основаніи которыхъ дизуниты желаютъ принять унію, и всѣ ихъ списать, чтобы, имѣя на виду то, что тебѣ поручено конгрегаціею въ этомъ дѣлѣ, могъ знать, на какія изъ этихъ условій можно дать согласіе, а на какія нѣтъ.

„Долженъ разузнать также о затрудненіяхъ, мѣшающихъ дѣлу уніи не только со стороны митрополита, епископовъ и народа дизунитскаго, но и со стороны самыхъ способовъ и условій, представляемыхъ для ея заключенія.

„Долженъ разузнать, наконецъ, какъ всѣ эти затрудненія можно устранить, и обо всемъ донести конгрегаціи, предварительно условившись, о чемъ сказано выше, съ канцлеромъ Оссолинскимъ, уніатскимъ митрополитомъ и холмскимъ бискупомъ, которые сообщатъ тебѣ всѣ означенныя свѣдѣнія, и отъ которыхъ ты не долженъ имѣть ничего секретнаго.

„Разсуждая объ означенномъ дѣлѣ, не обязывайся ни къ чему, но на все отвѣчай, что обо всемъ предлагаемомъ или желаемомъ ты доведешь до свѣдѣнія конгрегаціи, дабы чрезъ посредство нея получить резолюцію папы. Можешь дать понять митрополиту дизунитскому, чтобы онъ въ своихъ условіяхъ ограничился только такими, которыя могутъ быть приняты апостольскою столицею“ [1]).

Приведенные нами документы—послѣдніе изъ извѣстныхъ по трактуемому предмету о попыткахъ къ примиренію православныхъ съ латино-уніатами на почвѣ религіозной за разсматриваемое нами время. Замыслы короля и при новомъ папѣ, болѣе сочувственно къ нимъ относившемся, не привели ни къ чему. Къ тому же,—по крайней мѣрѣ, въ это именно время,—Владиславъ IV до извѣстной степени охладѣлъ къ своей любимой мечтѣ о религіозной уніи или, точнѣе, она отодвинулась у него на задній планъ, уступивъ мѣсто новому грандіозному плану—завоеванію Крыма, Турціи, взятію Константинополя, освобожденію Гроба Господня.... Эти замыслы, благодаря противодѣйствію сейма, тоже не увѣнчались успѣхомъ, какъ и его усиленныя заботы о привнесеніи религіознаго мира въ обуреваемую религіозными страстями Польшу.

Закончимъ свой трактатъ по данному вопросу указаніемъ на нѣсколько случайно проскользнувшихъ фразъ, которыя однако даютъ основаніе думать, что толки въ средѣ православныхъ о возможности

---

[1]) Ibid. II. 28—288

религіознаго примиренія съ уніатами, подъ условіемъ объединенія тѣхъ и другихъ подъ властью самостоятельнаго патріарха, не прекращались еще въ 1646 году, почти наканунѣ смерти Петра Могилы.

Мы имѣемъ въ виду слѣдующій фактъ.

Въ августѣ 1646 года скончался настоятель Виленскаго Свято-Духова монастыря Никодимъ Жолудь. Извѣщая объ этомъ Петра Могилу, виленскіе братчики въ адресѣ на письмѣ къ нему не обозначили его „митрополитанскаго титула", ограничившись титуломъ „экзарха" константинопольскаго патріарха. Въ своемъ отвѣтномъ письмѣ братчикамъ (отъ 4 сент.), П. Могила, между прочимъ, отмѣчаетъ и этотъ фактъ, считая его для себя оскорбленіемъ, и выражаетъ желаніе, чтобы на будущее время братчики не доставляли ему такого огорченія, „такъ какъ я—писалъ Могила—естемъ и митрополитъ, и екзархъ". [1]) Въ слѣдующемъ своемъ письмѣ къ митрополиту (отъ 5 октября), съ извѣстіемъ объ избраніи на мѣсто скончавшагося Жолудя новаго „старшаго" (Іосифа Тризны), виленскіе братчики по поводу означеннаго выговора митрополита представляютъ слѣдующее любопытное объясненіе: „сдѣлали мы это—читаемъ въ ихъ письмѣ—не вслѣдствіе какого-либо злого, не сыновняго побужденія (аффекту),—чего не дай Боже,—но предвидя будущее (futura providendo), притомъ сдѣлали это послѣ общаго совѣщанія съ его милостью ректоромъ кіевскимъ (Иннокентіемъ Гизелемъ), въ то время находившимся въ Вильнѣ". Письмо заканчивается самыми искренними выраженіями любви и признательности къ Могилѣ, какъ своему верховному архипастырю, съ просьбою содержать ихъ, братчиковъ, въ неизмѣнной своей „ласкѣ" [1]).

Въ виду извѣстныхъ намъ свѣдѣній о попыткахъ къ соединенію церквей православной и уніатской за разсматриваемое время (за время управленія П. Могилы кіевскою митрополіею), мы въ означенномъ объясненіи виленскихъ братчиковъ усматриваемъ ясный намекъ, что толки объ этомъ не прекращались и въ 1646 году, причемъ мысль о возможности объединенія православныхъ и уніатовъ на почвѣ религіозной подъ главенствомъ особаго патріарха въ западно-русскихъ областяхъ нѣкоторою частью православнаго общества все еще не считалась несбыточною.

---

[1]) Рукоп. сборн. библ. Кіево-Печ. лавры; № 20, л. 19.

[2]) Ibidem.

VIII.

Общіе выводы и замѣчанія о положеніи православныхъ за разсматриваемое время. Критическое отношеніе къ мнѣніямъ о склонности высшаго православнаго духовенства, въ особенности П. Могилы, принять унію. Новыя данныя о взглядахъ на унію А. Киселя.

Велики были заботы и энергичны усилія православныхъ южноруссовъ (а во главѣ ихъ и нашего митрополита) возстановить нарушенныя чрезъ введеніе уніи юридическія права православной церкви и упрочить ихъ. Эти заботы и усилія, если и не увѣнчались вполнѣ желаемымъ успѣхомъ, однако далеко не были и безплодны. Положеніе православныхъ за разсматриваемое нами время, въ сравненіи съ предшествовавшимъ (при Сигизмундѣ III), значительно измѣнилось къ лучшему. Самымъ существеннымъ улучшеніемъ былъ ужъ самый фактъ признанія за православною церковью правового, огражденнаго закономъ, существованія ея въ государствѣ. „Послѣ провозглашенія уніи на Брестскомъ соборѣ—говоритъ Н. И. Костомаровъ—„православная восточная церковь, господствовавшая въ русскихъ областяхъ, по понятіямъ поляковъ, возстановила свое древнее единство съ западною церковью, и польская нація признавала въ предѣлахъ своей Рѣчи Посполитой только эту соединенную церковь законною древнею восточною церковью". Поэтому, когда въ 1620 г. іерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ возстановлена была православная іерархія, то—продолжаетъ тотъ же изслѣдователь—„какъ митрополитъ (Іовъ Борецкій), такъ и посвященные разомъ съ нимъ архіереи, а затѣмъ и все священство, получившее отъ нихъ рукоположеніе, въ глазахъ польской націи были тѣмъ же, чѣмъ теперь въ наше время должны намъ казаться архіереи и священники поповской секты раскола, не признаваемые ни закономъ, ни властями, никакъ не имѣющіе права на свой санъ и притомъ не могущіе имѣть его до тѣхъ поръ, пока не состоится законъ, признающій возможность существованія самаго сана при тѣхъ условіяхъ, при какихъ они хотятъ носить его"... [1]). Хотя это мнѣніе и нуждается въ нѣкоторыхъ ограниченіяхъ и оговоркахъ [2]), тѣмъ не менѣе въ основныхъ чертахъ

---

[1]) Монографія XIV. 48—49.

[2]) Польское правительство послѣ Брестской уніи стремилось къ уничтоженію въ государствѣ высшей православной іерархіи, вслѣдствіе чего, не переставая признавать за епископами, не примкнувшими къ уніи, ихъ отверженныя королевскими грамотами права,—лицамъ, вновь избираемымъ православными на митрополичью и епископскія каѳедры, не давало уже обычныхъ привилегій (Іеремія Тиссаровскій.

оно справедливо. Поэтому успѣхи, достигнутые православными на сеймахъ 1632—1633 гг., не безъ основанія считались самими ими „возрожденіемъ своей церкви", въ смыслѣ возвращенія ей попранныхъ въ предшествующее царствованіе правъ ея. Правда, унія не была уничтожена и правовое ея положеніе осталось непоколебленнымъ въ государствѣ, но въ свою очередь признано на ряду съ нею легальное существованіе и православной церкви, причемъ воспослѣдовало учрежденіе извѣстнаго количества православныхъ каѳедръ, занимавшихся законными и съ государственной точки зрѣнія іерархами, подтверждены права всѣхъ православныхъ учрежденій (братствъ, школъ, монастырей и т. п.), а также обезпеченъ былъ для желающихъ свободный переходъ изъ уніи въ православіе. Послѣднее обстоятельство было причиною отторженія отъ уніи цѣлыхъ народныхъ массъ, по обстоятельствамъ вынужденныхъ дотолѣ скрывать свои симпатіи къ православію и наружно принадлежать къ ненавистному имъ уніатскому вѣроисповѣданію. Непосредственнымъ послѣдствіемъ возстановленія юридическихъ правъ православной церкви было также постановленіе о возвращеніи православнымъ значительнаго количества церквей и церковныхъ бенефицій, находившихся дотолѣ во владѣніи уніатовъ. Правда, послѣдніе, при расшатанности въ Польшѣ государственнаго строя, сильно тормозили приведеніе въ исполненіе

епископъ Львовскій, представляетъ въ данномъ случаѣ исключеніе, вызванное особыми обстоятельствами: лукавствомъ съ его стороны) и потому таковыхъ лицъ, какъ посвящавшихся безъ согласія на то верховной власти, не считало съ государственной точки зрѣнія законными архипастырями. Но настоятелямъ православныхъ монастырей, пользовавшихся до введенія уніи правами автономіи въ управленіи (не зависѣвшихъ отъ митрополита или епископовъ), Сигизмундомъ III, хотя не безъ большихъ усилій со стороны православныхъ, подобныя привилегіи давались, и слѣд. за таковыми настоятелями—архимандритами и игуменами—ихъ правовое положеніе въ государствѣ признавалось (См., напр., грамоту, данную по просьбѣ князей Острожскихъ, Елисею Плетенецкому на архимандрію кіево-печерскую, отъ 22 февр. 1605 г., слѣдовательно спустя почти шесть лѣтъ послѣ его избранія на оную; помѣщ. въ А. Ю. и З. Р. т. II, № 17, стр. 31—32, — и таковыя же грамоты на ту же архимандрію Захарію Копыстенскому, отъ 7 февр. 1625 г. и Петру Могилѣ отъ 29 ноября 1627 г., помѣщ. въ прилож. къ I тому сочиненія „Кіев. митрополитъ П. Могила" подъ №№ XLII и LI, стр. 277—278 и 296—297; см. также А. З. Р. IV, № 225). Тѣмъ болѣе польское правительство не могло препятствовать возникновенію новыхъ православныхъ монастырей и церквей, устрояемыхъ православнымъ дворянствомъ на ихъ собственныхъ „грунтахъ" (дворянство пользовалось въ данномъ случаѣ своими шляхетскими правами и въ томъ числѣ правомъ „подаванья" и „патронатства"),—и таковые новые монастыри и церкви дѣйствительно возникали, и дѣла объ этомъ юридически оформливались (см., напр., Археогр. Сборникъ докум. Сѣверо-Зап. Руси, т. II, №№ 31 и 33).

правительственныхъ распоряженій относительно этого (опираясь въ данномъ случаѣ на содѣйствіе ультра-католической партіи), и нѣкоторыя церкви, не смотря на всѣ усилія православныхъ, не были возвращены имъ или вновь отнимались отъ нихъ уніатами. Но все-таки подобныя явленія слѣдуетъ признать за исключенія, хотя — какъ мы видѣли—и нерѣдкія. Въ связи съ этимъ и благодаря личному расположенію Владислава IV къ православнымъ, для послѣднихъ открывался доступъ къ самымъ высшимъ должностямъ на государственной службѣ. Важное значеніе для православія „статей примиренія“ было сознаваемо обѣими „разрозненными въ вѣрѣ“ сторонами; отсюда—цѣлый рядъ попытокъ со стороны уніатовъ уничтожить эти статьи или, по крайней мѣрѣ, ослабить ихъ значеніе; а со стороны православныхъ — упрочить оныя. Отчасти вслѣдствіе неосторожныхъ поступковъ самихъ православныхъ (дѣло С. Гулевича, навлекшее на него инфамію), отчасти вслѣдствіе неизбѣжности при борьбѣ партій идти иногда на компромиссы, православные вынуждены были дать согласіе на нѣкоторыя уступки уніатамъ, согласиться на нѣкоторую урѣзку означенныхъ статей; тѣмъ не менѣе, послѣднія въ существенныхъ чертахъ не только не были отмѣнены, но не разъ подтверждались сеймами, притомъ иногда съ дополненіями, благопріятствующими православнымъ. Главное зло заключалось въ сущности не въ этихъ урѣзкахъ (хотя и тяжелыхъ для православныхъ), но въ томъ, что ультра-католическая партія не желала примириться съ правами, данными православнымъ, и готова была при всякомъ удобномъ случаѣ нарушить ихъ. Поэтому въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ перевѣсъ матеріальной силы былъ на сторонѣ латино-уніатовъ и во главѣ ихъ стояли паписты фанатики, преслѣдованія православныхъ не прекращались. Правда, нерѣдко эти преслѣдованія вызывали энергичный отпоръ со стороны угнетаемыхъ, и православные отплачивали своимъ противникамъ тою же монетою. Тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ признать, что правонарушеній по дѣламъ религіознымъ (нарушеній противъ „статей успокоенія“) со стороны уніатовъ было гораздо болѣе, чѣмъ со стороны православныхъ. Особенно часто такія правонарушенія— какъ имѣемъ основаніе думать—приходилось испытывать православнымъ пастырямъ и ихъ пасомымъ, находившимся въ непосредственной зависимости отъ латино-уніатскихъ помѣщиковъ (шляхты), т. е. сельскому православному люду. Этого пункта мы не касались въ своемъ очеркѣ. Восполнимъ опущеніе.

Извѣстно, что однимъ изъ выдающихся явленій въ церковно-исторической жизни нашего юго-запада было, между прочимъ, такъ называемое право патронатства. Право это выражалось здѣсь разно-

образно и пользовались имъ многія лица. Для нашей цѣли важно собственно указать на значеніе патронатства владѣльческаго. Сущность его состояла въ томъ, что шляхта привыкла смотрѣть на находившійся въ ихъ помѣстьяхъ церкви и монастыри, въ особенности на первыя, какъ бы на свою собственность. Послѣдствія отъ такого положенія вещей еще и до введенія въ литовско-русскихъ областяхъ уніи были разнообразныя: и благопріятныя, и неблагопріятныя. Князья и паны заботились о поддержаніи находившихся въ ихъ имѣніяхъ храмовъ Божіихъ, нерѣдко, при своемъ благочестіи, щедро надѣляли ихъ утварью и угодьями; но вмѣстѣ съ тѣмъ они считали себя во всѣхъ дѣлахъ, касающихся ихъ церквей, безконтрольными хозяевами: назначали, по своему усмотрѣнію, настоятелей и другихъ членовъ клира, по собственному желанію, безъ всякаго суда и вѣдома о томъ мѣстнаго епископа смѣщали ихъ, распоряжались церковною собственностью и т. п. Со времени провозглашенія уніи на Брестскомъ соборѣ добро и зло для православной церкви отъ владѣльческаго патроната приняли бóльшіе размѣры. Съ одной стороны, если владѣльцами помѣстій являлись лица, искренно преданныя интересамъ православія, они усугубляли свои заботы о дѣлахъ церковныхъ, ограждали своихъ (т. е. находившихся въ ихъ имѣніяхъ) пастырей отъ гнета уніатскихъ бискуповъ и, пользуясь своими шляхетскими правами, безпрепятственно устраивали на своихъ земляхъ новыя церкви, монастыри и другія религіозно просвѣтительныя учрежденія, давали пріютъ въ своихъ владѣніяхъ греческимъ и другимъ православнымъ іерархамъ, присутствіе которыхъ въ западно-русскихъ областяхъ, вслѣдствіе „оскудѣнія“ здѣсь собственной высшей іерархіи, являлось дѣломъ крайне необходимымъ, и т. п. [1]). Но съ другой стороны, когда владѣльцами помѣстій и, вслѣдствіе этого, патронами находившихся здѣсь православныхъ церквей оказывались лица, измѣнившія православію (перешедшія въ унію) и вообще паписты, положеніе православныхъ, если не всегда, то нерѣдко оказывалось

---

[1]) Удалившійся изъ Молдавіи Сергій, владыка Моромормскій и Мокачевскій, очень долгое время („килконадцать лѣтъ“) пребывалъ въ Степаньскомъ монастырѣ, находившемся во владѣніяхъ князя К. И. Острожскаго (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. —Дѣла греческ. к. 3, № 2); греческій епископъ Павелъ поселился въ Корцѣ, у князей Корецкихъ (Consideracye, podane panom disunitom... Iana Krzeczmera. Wilno, 1648 r., str. 85); у князя Адама Вишневецкаго въ 1603 г. пребывалъ архіепископъ Критскій, „котораго онъ весьма жаловалъ, потому что онъ былъ ему отецъ духовный“ (Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ. Спб. 1858 г. ч. I, стр. 288). О другихъ восточныхъ іерархахъ, пребывавшихъ въ разсматриваемое время въ разныхъ православныхъ обителяхъ, см. Русск. Историч. Библ. т. II, № 166.

весьма затруднительнымъ и даже безпомощнымъ. Панъ могъ лишить находившіяся въ его помѣстьяхъ церкви пріуроченныхъ къ нимъ угодій и даже могъ прямо отнять ихъ у православныхъ священниковъ (въ случаѣ ихъ несогласія принять унію) и передать уніатамъ. А такъ какъ къ началу царствованія Владислава IV множество православныхъ дворянъ, преимущественно „ради славы міра сего“, измѣнили уже праотцевской вѣрѣ, принявъ унію или католицизмъ,— то, понятно, сколь неблагопріятными послѣдствіями для православнаго сельскаго люда могло сопровождаться это обстоятельство въ виду указанныхъ нами патронатскихъ правъ владѣльцевъ, несмотря на провозглашенную „статьями успокоенія“ религіозную свободу. Значеніе патронатскихъ правъ въ смыслѣ вліянія на ходъ религіозныхъ дѣлъ хорошо было понимаемо въ Римѣ и оттуда шли по этому поводу соотвѣтствующія указанія. Въ письмѣ папы къ одному изъ вліятельныхъ магнатовъ (отъ 1643 г). читаемъ: „Намъ весьма желательно, чтобы не ослабѣвало твое благочестивое усердіе, которое наглядно до сихъ поръ обнаруживалось въ дѣлахъ, касающихся распространенія католической вѣры; желательно, чтобы оно проявилось и въ приведеніи къ уніи русскихъ, живущихъ въ предѣлахъ твоихъ владѣній. Для этого же въ особенности полезно, чтобы на мѣсто священниковъ схизматиковъ, которые, не пожелаютъ отказаться отъ своихъ заблужденій, ставились священники уніатскіе, дабы такимъ образомъ по винѣ тѣхъ, которые должны другихъ учить чистотѣ ученія, не проникла гибельная зараза“... [1]) На провинціальномъ соборѣ, созванномъ перемышльскимъ епископомъ Петромъ Гембицкимъ въ октябрѣ 1637 года, между прочимъ, постановлено: Свѣтскимъ панамъ (помѣщикамъ), которые, пользуясь правами патронатства, будутъ презентовать къ русскимъ церквамъ священниковъ уніатовъ, позволяется давать индульгенціи на 40 дней.“ Тогда же, когда во время разсужденій о распространеніи уніи выяснилось, что на соборъ въ Перемышлѣ, созывавшійся мѣстнымъ уніатскимъ епископомъ Аѳанасіемъ Крупецкимъ, никто не явился изъ русскихъ священниковъ, имѣвшихъ приходы во владѣніяхъ епископскихъ, то есть бискупа Петра Гембицкаго, то послѣдній издалъ распоряженіе, чтобы всѣ русскіе парохи или, какъ они обыкновенно называются, „попы“, имѣющіе приходы въ имѣніяхъ ключа Родимненскаго и Лукавіенскаго, подъ угрозою удаленія отъ бенефицій, подчинились означенному уніатскому епископу, при чемъ крайнимъ срокомъ для сего назначается праздникъ Рождества Христова по римскому кален-

[1]) Histor. Rus. Monum.

дарю— [1]). Подобныя давленія, опиравшіяся на содѣйствіе патроновъ, дѣлаемы были не на одно православное духовенство, но и на мірянъ, — и, разумѣется, не были безрезультатны, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ внѣшняго подчиненія означенному давленію. Въ библіотекѣ перемышльскаго уніатскаго собора Іоанна Крестителя сохранилось письмо Немировскихъ братчиковъ къ Перемышльскимъ. Въ немъ они извѣщаютъ послѣднихъ, что ксендзъ Крупецкій (уніатскій епископъ) прислалъ къ нимъ универсалъ, а къ ихъ госпожѣ письмо, въ которомъ „размаитыи пострахи задаючи,“ требуетъ, чтобы она приказала священникамъ и имъ, братчикамъ, явиться на назначаемый въ Перемышлѣ соборъ. Братчики заявляютъ, хотя они съ давнихъ временъ не привыкли слушать означеннаго „имъ незвычайного и церкви святой православной противного пастыря“, тѣмъ не менѣе вынуждены исполнить „панское приказаніе“ и посылаютъ изъ среды себя двухъ братій —[2]).

Всѣ приведенныя нами данныя настолько ясны и опредѣленны, что не нуждаются въ коментаріяхъ. Къ гражданскому безправію и гнету панскихъ „подданныхъ“ со введеніемъ уніи присоединилось еще болѣе тяжелое угнетеніе—религіозное, стѣсненіе свободы вѣроисповѣданія. Этого угнетенія, при господствовавшемъ въ то время фанатизмѣ по отношенію къ православію ультра-католической партіи, не могли уничтожить и „статьи успокоенія“. Но насильственно навязываемая народу унія не могла не раздражать его; въ народной средѣ, подъ личиною вынужденной покорности панскому гнету, въ изобиліи таились жгучіе элементы, которые впослѣдствіи вырвавшись наружу, не мало содѣйствовали злосчастіямъ Польши, а въ концѣ концовъ и ея погибели, какъ самостоятельнаго государства.

Борьба религіозныхъ партій, не прекращавшаяся во все царствованіе Владислава IV, недовольство уніатовъ и вообще ультра-католической партіи „статьями успокоенія,“ постоянныя жалобы православныхъ по поводу нарушенія этихъ статей, безконечныя препирательства между „разрозненными въ вѣрѣ людьми“ изъ-за вопросовъ религіозныхъ, доходившія до открытыхъ столкновеній,—сильно озабочивали короля и были причиною усиленныхъ его заботъ къ согла-

---

[1]) Peremislia sacra..., изд. 1870, стр. 443,—гдѣ указанъ первоисточникъ. См. также: Synodus dioecesana Praemysliensi, praesidente illustr. et reverend. domino Szołdrski..., episcopo Praemysliensi, in ecclesia cathedrali Praemysliensi, anno Domini 1636, die 26 mensis augusti celebrata. (Изд. 1636 г., въ Краковѣ), гдѣ на стр. 13—14 находится постановленіе: de unione Ruthenorum promovenda.

[2]) Подлинникъ въ библ. уніатскаго Перемышльскаго собора.

шенію враждующихъ сторонъ на почвѣ религіозной. Безъ сомнѣнія, въ данномъ случаѣ Владиславъ IV преслѣдовалъ преимущественно цѣли политическія: желалъ уврачевать раны Рѣчи Посполитой, наносимыя ей разгаромъ религіозныхъ страстей. Но всѣ старанія короля въ данномъ направленіи оказались безплодными. Зависѣло это первѣе всего отъ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія на это соглашеніе представителей православія и католицизма. Римъ домогался означеннаго соглашенія на условіяхъ Флорентійскаго собора, желалъ привлечь православныхъ къ уніи, которая провозглашена была на Брестскомъ соборѣ, словомъ, стремился къ полному порабощенію православной церкви съ сохраненіемъ за нею только обрядовыхъ особенностей. Представителямъ же православія Брестская унія была ненавистна. Они мыслили объ уніи съ Римомъ, какъ о взаимообщеніи между церквами въ мирѣ и любви, съ сохраненіемъ за церковью православною всѣхъ завѣщанныхъ древностью особенностей въ ея ученіи, управленіи и обрядности. Унію съ Римомъ они понимали въ смыслѣ возвращенія къ состоянію церкви во времена святителей: Григорія, Василія, Аѳанасія,—при чемъ непремѣннымъ условіемъ для соглашенія по означенному вопросу поставлялось участіе въ этомъ дѣлѣ константинопольскаго патріарха. Согласіе послѣдняго на проектируемое соглашеніе было тѣмъ болѣе необходимо, что выдвигался новый вопросъ: объ образованіи въ западно-русскихъ областяхъ новаго патріархата, что (при сохраненіи религіознаго единенія съ греческою церковью) возможно было только при согласіи на то восточныхъ святителей. Но Римъ, склонявшійся прежде (при Сигизмундѣ III) на учрежденіе въ польско-русскихъ областяхъ такого патріархата, понялъ грозившую для его замысловъ опасность отъ означеннаго учрежденія и съ рѣшительностью началъ протестовать противъ этого проекта. Естественно, что при такихъ разнорѣчивыхъ взлядахъ на религіозное единеніе между церквами состояться оно не могло.

При тяжелыхъ обстоятельствахъ, которыя испытываютъ личности, не отличающіяся твердостью характера и непоколебимою устойчивостью въ своихъ воззрѣніяхъ, нерѣдко случается, что они идутъ на компромиссы и для достиженія своихъ цѣлей прибѣгаютъ къ лукавству. Къ такому лукавству прибѣгалъ, напр., Іеремія Тиссаровскій, который, съ цѣлью полученія отъ Сигизмунда III привилегіи на львовскую епископію, изъявилъ желаніе принять унію, но, получивъ отъ короля желаемое, остался вѣренъ православію. Едва-ли въ такомъ же лукавствѣ въ разсматриваемое нами время не былъ повиненъ и луцкій епископъ Аѳанасій Пузына: слишкомъ увѣренныя и рѣшительныя свѣдѣнія о его согласіи принять унію, даже о

принятіи оной, идутъ изъ латино-уніатскаго лагеря, хотя, разумѣется, они, въ виду постоянной борьбы сего епископа съ латиноуніатами, нуждаются въ новыхъ подкрѣпленіяхъ [1]). Но что касается до другихъ выдающихся іерарховъ того времени и, въ частности, Петра Могилы, то распространяемые о нихъ латино-уніатами слухи о расположенности къ уніи и желаніи ее принять должны быть признаны, въ той окраскѣ, какая этимъ слухамъ придается, несостоятельными.

Янъ Кречмеръ въ сочиненіи, изданномъ въ 1648 году, подъ заглавіемъ Consideracye и проч., между прочимъ, пишетъ, что мстиславскій епископъ Іосифъ Бобриковичъ (+ 1634 г). былъ въ душѣ уніатъ, передъ смертью просилъ пригласить къ нему для напутствія въ загробную жизнь уніатскаго священника, за что якобы и былъ удушенъ виленскими чернцами [2]). Но достаточно сопоставить это извѣстіе съ письмомъ уніатскаго митрополита Рутскаго, писаннымъ вскорѣ послѣ кончины Бобриковича, гдѣ послѣдній выставляется, какъ врагъ уніи („Iosephus Bobrikowicz venit Vilnam... spirans minarum") [3]), достаточно хотя поверхностно ознакомиться съ его жизнью, всецѣло посвященною интересамъ православія и борьбѣ съ уніею, чтобы понять всю несостоятельность указаннаго заявленія, вызваннаго, очевидно, желаніемъ хотя послѣ смерти перетянуть въ свой лагерь этого замѣчательнаго іерарха.

Взглядъ Сильв. Коссова на унію, вполнѣ православный, ясно засвидѣтельствованъ имъ въ указанномъ нами письмѣ его къ уніатскому митрополиту Антонію Селявѣ.

Что касается митрополита Петра Могилы, то предположенія о немъ, какъ сторонникѣ уніи съ Римомъ, имѣютъ въ своей основѣ слѣдующія данныя и соображенія:

а) Донесенія въ Римъ, выставлявшія Могилу, какъ лицо, склоняющееся принять унію. Къ этимъ донесеніямъ въ настоящее время слѣдуетъ присовокупить открытое нами письмо нѣкоего Фрука къ уніатскому епископу Баковецкому, гдѣ передаются слухи о таковой же склонности къ единенію съ Римомъ нашего митрополита.—Но

---

[1]) Страннымъ представляется, что актъ присяги Пузыны на унію, безъ сомнѣнія, пересланный въ Римъ, не оказывается въ Ватиканскомъ архивѣ, по крайней мѣрѣ доселѣ не изданъ работавшими въ означенномъ архивѣ и издавшими массу документовъ за время царствованія Владислава IV.

[2]) Consideracye—въ отдѣлѣ: Odpowiedz na kalumnie.

[3]) Архивъ греко-ун. митроп. при Св. Синодѣ № 1178 (прежніе №№ 85, 10037).

до какой степени эти слухи были неопредѣленны и сколь зыбкую имѣли подъ собою фактическую почву, объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ инструкція, данная въ 1645 году нунцію Торресу, изъ которой видно, что даже къ концу жизни Петра Могилы папа и его курія, посылавшіе митрополиту письма съ приглашеніемъ принять унію и съ разныхъ сторонъ собиравшіе свѣдѣнія по этому дѣлу, кромѣ неопредѣленныхъ слуховъ, ровно ничего не знали о намѣреніяхъ Могилы по вопросу о соединеніи церквей,—что, разумѣется, не можетъ не показаться въ высшей степени страннымъ и даже положительно необъяснимымъ, если признать серьезность означенныхъ намѣреній и дѣйствительную склонность нашего митрополита къ уніи. При томъ, къ означеннымъ слухамъ,—безъ сомнѣнія, возникавшимъ вслѣдствіе неоднократныхъ обращеній короля къ представителямъ православной церкви съ просьбою о религіозномъ соглашеніи съ уніатами,—сами латино-уніаты, хорошо знавшіе Могилу, относились съ большимъ недовѣріемъ. И есть полное основаніе думать, что переговоры по поводу означеннаго соглашенія съ уніатами, не разъ имѣвшіе мѣсто на сеймахъ, были вызываемы единственно самимъ королемъ, представители же православной церкви во главѣ съ П. Могилою участвовали въ этихъ переговорахъ, такъ сказать, ex officio, не желая вооружить противъ себя расположеннаго къ нимъ короля, и держали себя при этомъ уклончиво, т. е., не отрицая въ принципѣ возможности единенія между церквами (о чемъ они просятъ Бога), осуществленіе этого дѣла ставили въ зависимость отъ условій этого единенія и согласія на то константинопольскаго патріарха, при чемъ, знакомые съ воззрѣніями на унію со стороны Рима, безъ сомнѣнія, не могли имѣть серьезныхъ надеждъ на успѣхъ этого дѣла.

б) Широкія заимствованія П. Могилы при своихъ трудахъ изъ латинскихъ источниковъ. На эти заимствованія, какъ на доказательство склонности нашего митрополита къ уніи, даже принадлежности къ ней, особенно любили указывать въ свое время латино-уніатскіе писатели [1]. Что такія заимствованія допускались нашимъ

---

[1]) Іезуитъ Θеофилъ Рутка въ сочиненіи: Goliat swoim mieczem porażouy (изд. 1689 г,, въ Люблинѣ) пищетъ: „My iednak tego nie trzymamy o w. Pietrze Mohile (т. е., что онъ былъ православнымъ). Utwierza toie Trzebnik, który z łacinskiey agendy y innych ksiąg łacinskich, a nie greckich, choć udawał, że z greckich, poprawił... Lithos abo Kamien w. Piotr Mohiła pisał? Nie wierzymy. Bo on nie miał ducha heretickiego, ponieważ miał się do ksiag łacinskich katholickich, iako się rzekło o Trebniku (стр. 167). Суша въ своей книгѣ, изданной въ Римѣ,

митрополитомъ, это, разумѣется, фактъ не подлежащій сомнѣнію; но выводы, дѣлаемые изъ него, неосновательны. Подобныя заимствованія изъ латинскихъ источниковъ въ изобиліи встрѣчаются у многихъ тогобременныхъ писателей, ревность которыхъ къ православію и враждебное отношеніе къ уніи сомнѣнію не подлежитъ. Фактъ этотъ можетъ быть объясняемъ проще и естественнѣе. Въ разсматриваемое время западъ далеко опередилъ въ научномъ отношеніи востокъ. Это, между прочимъ, отразилось какъ на болѣе широкой постановкѣ въ первомъ образованія (школы, коллегіи, университеты), такъ и на учено-литературныхъ произведеніяхъ, въ томъ числѣ и богословско-церковнаго характера, а также на приведеніи къ извѣстной систематизаціи догматическихъ вѣрованій (катехизисы) и обрядности (бревіаріи, ритуалы). Православнымъ южноруссамъ, гдѣ науки только что нарождались, естественно было пользоваться научными результатами, добытыми сосѣдними народами, хотя и иновѣрными. Съ этою цѣлью многіе изъ нихъ отправлялись для завершенія образованія въ заграничные коллегіи и университеты, а возвратившись оттуда, пріобрѣтеннымъ научнымъ оружіемъ и добытыми свѣдѣніями пользовались при защитѣ интересовъ православія. Подобное явленіе въ довольно широкихъ размѣрахъ замѣчается въ сочиненіяхъ православныхъ южно-русскихъ писателей, особенно полемическихъ, еще до выступленія П. Могилы на общественное поприще. Относительно, напр., полемическихъ сочиненій дѣло обстояло такъ. Извѣстно, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ православное вѣроученіе сходится съ католическимъ (напр., относительно почитанія мощей), въ другихъ съ протестантскимъ (отрицаніе главенства папы). И вотъ, когда православнымъ писателямъ приходилось бороться противъ протестантизма, они широко пользуются учеными трудами католиковъ, а когда нужно было ратовать противъ послѣднихъ, они прибѣгаютъ къ помощи сочиненій протестантскихъ [1]). Все это вызывалось необходимостью и

подъ заглавіемъ „Savlus et Pavlus... sive Meletius Smotricius"... во II ч., отд. V, на стр. 107—108 тоже усиливается доказать, что П. Могила et in vita et in morte latino confessus (передъ смертію исповѣдывалъ свои грѣхи латинскому каплану). Отсюда такое мнѣніе о П. Могилѣ занесено и въ другія латино-уніатскія произведенія; см., напр., Игнатія Стебельскаго: „Dwa wielkie swiatła na goryzoncie Polockim"... et caet. т. II (изд. 1782 г. въ Вильнѣ), стр. 225. Защиту памяти П. Могилы по данному дѣлу см. у Іоанникія Голятовскаго въ сочиненіи его: Stary koscioł zachodni nowemu kosciołowi Rzymskiemu pochodzienie Ducha S. od Oyca samego nie od Syna pokazuie" et caet. (изд. 1678 г., въ Новогродкѣ) стр. 93—94.

[1]) Такъ, напр., М. Смотрицкій, при составленіи нѣкоторыхъ отдѣловъ своего Θρῆνοσ'а (изд. 1610 г.) широко пользовался трудомъ протестанта Люберта: De papa Romano"—на что указано К. Студиньскимъ (Пересторога, руський памятник початку XVII віка. У Львові. 1895, стр. 31). Сочиненіемъ Люберта, безъ сомнѣнія,

осуждать за это ревнителей православія нельзя.... Петръ Могила былъ человѣкъ съ широкимъ умственнымъ кругозоромъ и хорошо понималъ потребности времени. Великій борецъ за интересы православія, но чуждый фанатизма, онъ сознавалъ, что не все у иновѣрцевъ дурно, а много есть у нихъ и хорошаго, и первѣе всего хорошимъ, удовлетворявшимъ потребностямъ времени, онъ считалъ западную науку, которую вслѣдствіе этого и рѣшился перенести въ основанныя имъ коллегіи. Цѣня научное образованіе у иновѣрцевъ, Петръ Могила естественно долженъ былъ цѣнить и научные труды западныхъ ученыхъ, а потому, обогащая ими свою и коллегіатскую библіотеки, не считалъ предосудительнымъ пользоваться ими при своихъ или писанныхъ по его порученію трудахъ, коль скоро находилъ подходящій для намѣченныхъ цѣлей матеріалъ. Всегда ли нашъ митрополитъ избѣгалъ при этомъ (о чемъ онъ заботился) привнесенія въ издаваемые имъ труды чуждаго элемента, это вопросъ иной; но указаніе на самый фактъ заимствованій Могилою изъ католическихъ источниковъ, какъ на свидѣтельство якобы его приверженности къ уніи, должно быть признанно совершенно не выдерживающимъ критики (крайне несостоятельнымъ).

в) Надежды и желаніе Петра Могилы получить патріаршескій санъ послѣ религіознаго соглашенія съ уніатами. Разумѣется, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что если бы осуществился проектъ короля Владислава IV объ учрежденіи въ западно-русскихъ областяхъ особаго патріархата, объединявшаго подъ своимъ управленіемъ религіозно-примиренныхъ между собою православныхъ и уніатовъ,—

пользовался и С. Зизаній въ „Казаньи св. Кирилла объ антихристѣ", изд. въ 1596 году. (Ibid , стр. 164—166). Изъ южно-русскихъ произведеній указаннаго времени, писанныхъ противъ протестантовъ, при пособіи католическихъ писателей, укажемъ на сочиненіе: „О образехъ, о хвалѣ Божіей и хвалѣ и молитвѣ святыхъ, и о иныхъ артикулѣхъ вѣры единое правдивое церкве Христовы",—изданное въ началѣ XVII в. въ Вильнѣ. Авторъ его пользовался сочиненіемъ Вуйки: O Bostwie Syna Bożego,—иногда даже дословно. (Параллельныя мѣста приведены нами въ Архивѣ Юго-Зап. Рос. ч. I, т. IX, стр. 87. Особенно широко пользовались западно-русскіе писатели проповѣдями католиковъ.

Въ библіотекѣ Кіево-печерской Лавры находится обширный сборникъ проповѣдей нач. XVII стол., которыя преосв. Филаретъ (Обзоръ Духовн. Литературы) склоненъ считать за проповѣдническіе труды извѣстнаго южно-русскаго витіи виленскаго архимандрита Леонтія Карповича. Но это недоразумѣніе: означенныя проповѣди суть не что иное, какъ дословный переводъ на южно-русское нарѣчіе нѣкоторыхъ „казаній" Скарги, съ привнесеніемъ самыхъ незначительныхъ измѣненій и дополненій (напр., встрѣчается обращеніе къ кіево-печерскимъ угодникамъ, включены фразы о произнесеніи проповѣдей въ Кіевѣ и т. п.).

то первымъ кандидатомъ на патріаршество былъ бы Петръ Могила. Вѣроятно, что послѣдній не чуждъ былъ мысли объ этомъ, подъ условіемъ религіознаго примиренія съ уніатами на началахъ, указанныхъ нами выше. Но вѣдь такое примиреніе въ сущности было не чѣмъ инымъ, какъ возвращеніемъ уніатовъ въ лоно православія, и послѣ подобнаго примиренія всѣ отношенія къ папѣ сводились бы къ почетному признанію его главенства (безъ привнесенія этого главенства въ догму). Если же вопросъ ставить такъ, что Петръ Могила по честолюбію, изъ-за желанія получить патріаршій санъ склоненъ былъ измѣнить православію (т. е. принять унію на условіяхъ Флорентійскаго собора), и не сдѣлалъ этого только по обстоятельствамъ отъ него независящимъ, то подобное мнѣніе не можетъ быть принято. Оно, главнымъ образомъ, зиждется на мнѣніи нѣкоторыхъ изслѣдователей о Петрѣ Могилѣ, какъ человѣкѣ честолюбивомъ и карьеристѣ, поступившемъ на кіево-печерскую архимандрію изъ-за выводъ житейскихъ и занявшемъ впослѣдствіи кіевскую митрополію, при живомъ митрополитѣ, посредствомъ козней, принесши въ жертву своему честолюбію всѣхъ западно-русскихъ іерарховъ. Сколь несправедливы такія воззрѣнія, это уже достаточно разъяснено нами въ въ прежнихъ трудахъ [1]) и ширить рѣчей по этому поводу нѣтъ надобности. Мы здѣсь отмѣтимъ только одинъ фактъ изъ жизни Петра Могилы въ свѣтскомъ званіи, прежде намъ неизвѣстный. С. Коссовъ въ проповѣди своей, произнесенной имъ (9 апр. 1635 года) при погребеніи мстиславскаго епископа Іосифа Бобриковича, рисуетъ картину, кого почившій іерархъ встрѣтитъ въ обителяхъ небесныхъ, и, указывая на цѣлый рядъ такихъ лицъ, прославленныхъ Богомъ или извѣстныхъ святостью своей жизни, между послѣдними упоминаетъ креховскаго инока Герасима, „который, спустя семь лѣтъ послѣ своей кончины, преосвященнаго въ Богѣ отца и пастыря его милость отца Петра Могилу, еще бывшаго въ то время въ свѣтскомъ званіи, исцѣлилъ отъ тяжкой болѣзни“ [2]). Такъ какъ означенный фактъ отмѣчается какъ чудо, извѣстіе о которомъ очевидно было въ свое время широко распространенно, то естественно возникаетъ предположеніе, нельзя ли поставлять означенное чудесное исцѣленіе Могилы отъ тяжкой болѣзни въ связь съ его желаніемъ посвятить свою жизнь на служеніе православной церкви въ духовномъ званіи?... Какъ бы то ни было, но противъ приверженности

1) Кіев. митроп. Петра Могила, т. I, гл. II.

2) Cherubin przy akcie pogrebowym przewielebnego w Bogu Oyca Iozepha Bobrikowicza... et caet. (изд. 1635 г., въ Вильнѣ).

Петра Могилы къ уніи краснорѣчиво свидѣтельствуетъ вся его жизнь, непрерывная борьба съ уніатами и неусыпная дѣятельность на пользу православія, — и мы не въ правѣ не вѣрить его предсмертному завѣщанію, всецѣло проникнутому горячею любовью къ православію и православнымъ учрежденіямъ [1]).

Что касается православныхъ южноруссовъ,, не принадлежавшихъ къ духовному званію, но близко принимавшихъ къ сердцу интересы православной церкви и энергично ратовавшихъ за оные, то между ними могли находиться лица, болѣе склонные обольщать себя надеждою о возможности сближенія съ Римомъ при условіяхъ взаимныхъ уступокъ съ той и другой стороны, при чемъ этому могли содѣйствовать и не столь устойчивыя (какъ у духовныхъ особъ) воззрѣнія на пункты разногласія съ Восточною и Западною церквами. Съ мнѣніемъ одного изъ такихъ свѣтскихъ лицъ (князя Михаила Чарторыйскаго) мы уже до извѣстной степени ознакомлены: разумѣемъ сдѣланное имъ на луцкомъ провинціальномъ сеймѣ 1645 года заявленіе. Но едва ли подлежитъ сомнѣнію, что къ числу вліятельныхъ свѣтскихъ особъ, питавшихъ подобныя оптимистическія надежды о сближеніи съ Римомъ, принадлежалъ и болѣе стойкій и популярный борецъ за православную вѣру, извѣстный намъ Адамъ Кисель.

Личность этого замѣчательнаго дѣятеля своего времени не достаточно еще выяснена. Разумѣется, въ нашу задачу не входитъ восполнять этотъ пробѣлъ въ исторической литературѣ. Мы укажемъ только здѣсь на нѣкоторыя данныя изъ жизни А. Киселя или доселѣ неизвѣстныя, или же не обращавшія на себя вниманіе изслѣдователей, и при томъ такія, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ затронутому нами вопросу.

Во-первыхъ, слѣдуетъ отмѣтить тотъ фактъ, что Кисель, начиная съ половины 1632 года постоянно видимый нами какъ ревностный охранитель и защитникъ правъ православной церкви, былъ передъ тѣмъ уніатомъ. Свѣдѣніе объ этомъ находится въ дневникѣ А. С. Радзивилла. Здѣсь, при описаніи событій, имѣвшихъ мѣсто на избирательномъ сеймѣ 1632 г., подъ 15 числомъ октября мѣсяца, между прочимъ, читаемъ: „Кисель, который недавно отступилъ отъ уніи (ktòry niedawno był od unii odstąpił), благодаритъ маршалка за то, что вспомнилъ о мятежѣ (rebellii) греческомъ, и упрашиваетъ, чтобы объ этомъ трактовано было завтра“. Подъ 19

[1]) Памятники Кіев. Комм. т. II, № XII. См. также приложеніе къ Описанію Кіево-Печер. Лавры, преосв. Евгенія. (Кіевъ, 1826 г.) № 8, стр. 32—43.

числомъ того же мѣсяца: „Директоръ (маршалокъ сейма Яковъ Собѣсскій) проситъ (православныхъ депутатовъ), чтобы подождали (съ своими петиціями) до завтрашняго дня. Кисель говоритъ: послѣ выхода нашего увидите, какъ мало останется васъ съ собраніи (w kole). Кухмистръ литовскій отвѣчаетъ, что уніаты и по своимъ правамъ и по числу равны имъ (православнымъ депутатамъ), да и самъ Кисель недавно, въ этомъ году, во время Пасхи, отъ уніи отступилъ“ (i sam Kisel niedawno, tego roku, na wielkanoc, od unii odstąpił)—[1]). Когда А. Кисель совращенъ былъ въ унію, неизвѣстно; но самый фактъ совращенія и, слѣдовательно, достовѣрность сообщаемыхъ въ дневникѣ Радзивилла свѣдѣній по трактуемому вопросу сомнѣнію не подлежитъ. Въ связи съ означеннымъ фактомъ уясняется и то (безъ констатированія самаго факта могущее казаться страннымъ) обстоятельство, что А. Кисель находился съ уніатскимъ владимирскимъ епископомъ Іоакимомъ Мороховскимъ въ самыхъ пріязненныхъ отношеніяхъ, и послѣдній предъ смертью, завѣщавъ ему въ знакъ своего расположенія („на освядчене хути своей“) 500 золотыхъ и нѣкоторыя вещи, назначилъ его главнымъ своимъ душеприказчикомъ [2]); а по смерти Мороховскаго большая часть отказанныхъ имъ суммъ на разныя уніатскія церкви и учрежденія, разумѣется съ согласія на то уніатскаго духовенства, взята была А. Киселемъ заимообразно („на выдеркафъ“ [3]). Важно въ дневникѣ Радзивилла указаніе на время возвращенія Киселя къ православію. Это возвращеніе, состоявшееся еще до кончины короля-фанатика (Сигизмунда III), очевидно не вызывалось житейскими соображеніями (что могло имѣть мѣсто при Владиславѣ IV,—разумѣемъ новыя вѣянія въ политикѣ верховной власти), а было плодомъ искренняго убѣжденія и усилившейся привязанности къ праотцевской вѣрѣ. Пребываніе Киселя въ „овчарнѣ св. отца“ не сдѣлало его фанатикомъ въ дѣлахъ религіозныхъ, какъ это нерѣдко случалось съ лицами, подпадавшими вліянію латино-уніатской партіи; напротивъ, онъ проникнутъ былъ широкими идеями относительно вѣротерпимости. Но означенное пребываніе въ уніи и, разумѣется, нерѣдкія бесѣды о религіи съ представителями католицизма, всегда выдвигавшими при этомъ на первый планъ излюбленную догму о главенствѣ папы, отразились на религіозныхъ воззрѣніяхъ Киселя и именно въ смыслѣ склонности считать означенную догму имѣющею прочную

[1]) Pamiętniki Radziwiłła I. 51, 57.

[2]) Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. I т. VI. № CCLIV, стр. 630 и слѣд.

[3]) Ibid. ч. I, т. VI, № CCLVI, стр. 634—637 и примѣч. къ документу.

основу въ св. писаніи. Какъ самый фактъ увлеченія А. Киселя доктриною католицизма о главенствѣ папы, такъ отчасти и мотивы, побудившіе его, не взирая на это увлеченіе, возвратиться къ праотцевской вѣрѣ, можно усматривать изъ обширнаго акта Киселя (составленнаго 15 сент. 1643 г.) о фундаціи имъ въ своемъ помѣстьѣ Низкиничахъ мужского Покровскаго монастыря. Въ этомъ актѣ, между прочимъ, находится слѣдующее въ высшей степени замѣчательное „исповѣданіе“ фундатора: „Такъ какъ я въ сей святой вѣрѣ и древнемъ обрядѣ церкви святой восточной греческой родился отъ „старожитныхъ“ предковъ моихъ означеннаго греческаго обряда, въ этой вѣрѣ предокъ мой со своимъ монархомъ Владиміромъ былъ окрещенъ, въ той же вѣрѣ предки мои и моего дома присоединились къ Коронѣ Польской, теперешней нашей отчизнѣ, и я самъ въ означенной вѣрѣ жилъ,—то я желаю, при помощи Божіей и весь свой вѣкъ пребывать въ ней. Исповѣдую единаго Бога, въ Тройцѣ единаго, едино крещеніе и единую ортодоксальную, какъ называютъ славяне, православную вѣру; исповѣдую и единую вселенскую апостольскую церковь, за которую святые мученики кровь свою святую проливали; исповѣдую также, что какъ въ іерархіи небесной хотя св. писаніе изображаетъ разные чины (ангеловъ, архангеловъ, херувимовъ, серафимовъ), но находятся они подъ управленіемъ единаго Господа и Бога, такъ таковый же порядокъ имѣетъ быть и въ церкви Божіей (земной), которая во всемъ должна сообразоваться съ небесною, тріумфуючею,—и какъ ветхозавѣтное устройство было прообразомъ Новаго Завѣта, а тамъ Ааронъ былъ верховнымъ первосвященникомъ на землѣ, и какъ та республика есть совершеннѣйшая, которая имѣетъ единаго администратора: подобно сему и означенная республика церковная (церковь), будучи подъ (невидимымъ) управленіемъ своего основателя Господа и Бога, въ совершеннѣйшей своей формѣ не можетъ быть здѣсь на землѣ безъ (видимаго) единаго администратора и начальника, и какъ при жизни апостоловъ одного изъ нихъ матерь наша церковь святая въ пѣснопѣніяхъ своихъ исповѣдуетъ верховнымъ, такъ и преемникамъ сего апостола и его наслѣдію принадлежитъ то же единое верховенство. Но такъ какъ въ настоящія несчастливыя времена церковь Божія, въ особенности въ отчизнѣ нашей и народѣ русскомъ, разъединена вслѣдствіе тягостныхъ и величіе Божіе оскорбляющихъ распрей, и, по грѣхамъ нашимъ, въ этотъ суровый вѣкъ убогіе христіане терпятъ (преслѣдованія), и святая вѣра, въ обрядѣ греческомъ непорочная, подвергается различнымъ посмѣяніямъ: посему, покуда Господь Богъ, во всемогущей рукѣ котораго находится это дѣло, не соединитъ

всѣхъ во едино, я, какъ всегда въ сей Рѣчи Посполитой ревностно стоялъ за права, свободу и привилегіи праотцевской религіи, такъ и въ настоящее время, учинивъ означенное исповѣданіе, новоустроенный монастырь... и проч. (Ад. Кисель желаетъ, чтобы означенный монастырь былъ дочерью монастыря Кіево-Печерскаго и находился въ вѣдѣніи его архимандритовъ [1]).

Спустя три года (въ 1646 г.) Адамъ Кисель, давая фундушъ на католическій костелъ, находившійся въ его помѣстьи Свойчовѣ, относится весьма примирительно къ разногласіямъ между церквами Восточною и Западною и не теряетъ надежды на возможность соединенія ихъ. „Богу Тріединому (читаемъ въ актѣ на означенный фундушъ) слава. Всѣ мы православные исповѣдуемъ единую, святую, каѳолическую, апостольскую церковь, изъ коей Христосъ Господь образовалъ недѣлимое духовное тѣло, которое блаженнѣйшіе мученики, греки и латиняне, святѣйшею (своею) кровію обагрили. Проповѣдуется одинъ Богъ, одна вѣра, одно крещеніе; равно какъ не двоякая (т. е. различная) есть вѣра, которая чтится обрядами латинскимъ и греческимъ, двойственность же въ исповѣданіи вѣры (въ дѣлахъ религіозныхъ) привнесли единственно несчастныя обстоятельства времени, и такимъ образомъ, по прегрѣшеніямъ, произошло дѣйствительное раздѣленіе, вслѣдствіе чего должно просить всемогущее Божество, отъ коего зависитъ благопріятный исходъ, дабы оно, то, что нѐдѣлимо, а между тѣмъ раздѣлено, возвратило къ прежнему святѣйшему единенію. Такимъ образомъ и намъ должно заботиться объ осуществленіи этого желанія и объ обоюдной братской любви, знаками и доказательствами которой должны быть дѣла. И такъ, въ удовлетвореніе нашей христіанской любви, я, худшій изъ людей и величайшій изъ грѣшниковъ, Адамъ изъ Брусилова Кисель, каштелянъ и генералъ земли Кіевской..., пребывающій въ древней религіи своей греческой и желая всегда чтить оную, какъ славную, вознамѣрился... и проч. (далѣе идетъ рѣчь о самомъ фундушѣ [2]).

Принимая во вниманіе заявленія, сдѣланныя Киселемъ въ указанныхъ документахъ, и сопоставляя ихъ вообще съ его дѣятельностью, какъ борца за интересы православія, мы, по интересующему насъ вопросу, приходимъ къ слѣдующему предположенію.

---

[1]) Кіев. Центр. Архивъ; № кн 1028, л. 969 и слѣд. Сравн. тамъ же № кн. 2160, л.л. 551—554, гдѣ, впрочемъ, не достаетъ начала означеннаго акта.

[2]) Кіев. Центр. Архивъ, № книги 1022, л. 1134 об. и слѣд.

А. Кисель, увлеченный идеею соединенія церквей, примкнулъ къ уніи, чему—можетъ быть—не мало содѣйствовалъ уніатскій епископъ Мороховскій, съ которымъ у Киселя были тѣсныя связи. Но какъ у человѣка, преданнаго праотцевской вѣрѣ и высоко ее цѣнившаго, при томъ человѣка съ большимъ умственнымъ кругозоромъ, у него должны были открыться глаза, и онъ уразумѣлъ, что вводимая въ западно-русскихъ областяхъ унія не есть взаимообщеніе между церквами Восточною и Западною, а въ сущности—порабощеніе послѣднею первой, при чемъ на самую унію римскій престолъ смотритъ какъ на нѣчто, терпимое только по времени, какъ на переходную ступень принявшихъ ее къ полному католицизму; что, наконецъ, унія вводится посредствомъ такихъ средствъ, которыя сопровождаются постояннымъ попраніемъ правъ, свободы и привилегій всего русскаго народа. Кисель понялъ, что сдѣлалъ ошибку, что симпатіи его лежатъ на сторонѣ угнетаемой праотцевской вѣры, и, не взирая на воспринятую имъ доктрину о необходимости въ церкви видимой главы, каковая честь должна принадлежать римскому папѣ, какъ преемнику верховнаго апостола, порвалъ связи съ уніею, возвратился въ лоно православной церкви и съ этого времени сдѣлался однимъ изъ самыхъ ревностныхъ и энергичныхъ защитниковъ ея правъ. Когда Владиславомъ IV предприняты были попытки къ религіозному примиренію враждующихъ сторонъ, естественно Кисель, при своихъ воззрѣніяхъ на этотъ предметъ, долженъ былъ оказаться въ числѣ лицъ, наиболѣе сочувствовавшихъ означенному проекту. Но унію съ Римомъ Кисель тоже понималъ, какъ взаимообщеніе между церквами Восточною и Западною въ мирѣ и любви, съ сохраненіемъ за церковью православною завѣщанныхъ древностью особенностей въ ея ученіи и обрядности, хотя въ этомъ отношеніи онъ—какъ мы замѣтили—существенно расходился съ воззрѣніями духовныхъ представителей православной церкви: именно, находилъ возможнымъ признать главенство папы, какъ догматическую доктрину,—словомъ, при всей своей стойкости въ борьбѣ за интересы православія и любви къ праотцевской вѣрѣ, былъ на торномъ пути къ католицизму. И можно думать, что въ ряду лицъ, содѣйствовавшихъ планамъ Владислава IV о примиреніи церквей, въ смыслѣ подготовленія почвы для сего, одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ именно Киселю. На каждомъ сеймѣ самый ревностный борецъ за интересы православія, чрезъ борьбу съ уніатами стяжавшій себѣ въ средѣ ультра-католической партіи имя „закоренѣлаго схизматика"—Кисель открыто заявляетъ, что хотя онъ пребываетъ и до конца жизни будетъ пребывать въ своей древней и славной праотцевской вѣрѣ, тѣмъ не менѣе за совершеннѣйшее благоустрой-

ство церкви считаетъ нахожденіе ея подъ верховнымъ управленіемъ единой видимой главы! Понятное дѣло, что такія рѣчи, исходящія изъ устъ не католика или уніата, а великаго ревнителя православія, должны были въ свое время производить на умы православныхъ сильное впечатлѣніе. Поэтому, не взирая на подобныя рѣчи, стойкость Киселя и его нежеланіе идти на предлагаемые Римомъ компромиссы, клонившіяся къ привлеченію православныхъ къ подножію апостольскаго престола на основаніяхъ Флорентійской уніи, нельзя не признать обстоятельствомъ, значительно облегчавшимъ задачи представителей православной церкви при борьбѣ ихъ съ посягательствами на нее со стороны папской куріи.

С. Голубевъ.

ФИЛОЛОГІЯ И ПОГОДИНСКАЯ ГИПОТЕЗА.

Даетъ-ли филологія малѣйшія основанія поддерживать гипотезу г. Погодина и г. Соболевскаго о галицко-волынскомъ происхожденіи малоруссовъ?

Г. Александръ Колесса, профессоръ малорусскаго языка и словесности въ Львовскомъ университетѣ, прислалъ мнѣ, съ просьбой дать рецензію, оттиски своей статьи: „Dialectologische Merkmale des südrussischen Denkmales: Žitije sv. Savy“ *). Я, вмѣсто того чтобы рецензировать статью г. Колессы, принужденъ былъ заняться рецензіей сочиненій г. Соболевскаго и указаніемъ филологическихъ пріемовъ послѣдняго; читатель ниже увидитъ, почему мнѣ пришлось такъ поступить. Опровергнуть мнѣнія г. Соболевскаго можно было бы двумя путями. Одинъ— болѣе короткій: пересмотрѣть тѣ рукописные подлинники, о которыхъ онъ говоритъ. Какъ будетъ показано ниже, есть много основаній думать, что г. Соболевскій указалъ не всѣ факты, и такимъ образомъ пересмотръ затронутыхъ имъ рукописей сразу далъ бы матеріалы для опроверженія теорій его. Для меня однако, въ Сиріи, вдали отъ московскихъ и петербургскихъ рукописныхъ книгохранилищъ, этотъ путь невозможенъ, и я избралъ другой: провѣрить показанія г. Соболевскаго о рукописяхъ печатными показаніями другихъ филологовъ, равно какъ

*) Изъ „Archiv für slavische Philologie“, т. XVIII.

подвергнуть внимательному осмотру тотъ матеріалъ, который обнародованъ самимъ г. Соболевскимъ. Быть можетъ этотъ второй путь будетъ нѣсколько длиннѣе, но и онъ хорошо приведетъ къ истинѣ.

Бейрутъ. 1898. Апрѣля 14.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Что такое галицко-волынская гипотеза и какъ смотрятъ на нее ученые.

Малорусское нарѣчіе, довольно консервативное въ области морфологіи, является далеко не такимъ въ области фонетики (вспомнимъ, напр., утрату звука *ы*, переходъ *ô* въ *i* и т. п. и т. п.); великорусское же нарѣчіе—наоборотъ—въ фактахъ фонетическихъ отступило отъ древне-русскаго типа гораздо менѣе, чѣмъ въ морфологическихъ. Долгая раздѣльная историческая жизнь обѣихъ народностей и разныя условія этой жизни сдѣлали то, что и лексическій матеріалъ обоихъ нарѣчій сталъ значительно различаться. Такимъ образомъ къ настоящему времени оба нарѣчія успѣли обособиться настолько, что великоруссъ и малоруссъ уже съ трудомъ понимаютъ другъ друга.

Ощутительная разница обоихъ нарѣчій повела къ тому, что обыкновенно они признаются не за два нарѣчія, а за два отдѣльныхъ языка. Поляки, напр., считаютъ малорусскую рѣчь за вѣтвь польской; нѣкогда это мнѣніе было распространено и среди русскихъ, благодаря Гречу. Сами малоруссы въ повседневномъ разговорѣ и въ сочиненіяхъ нефилологическихъ (а многіе—даже въ филологическихъ) называютъ свое нарѣчіе языкомъ, находя его языкомъ самостоятельнымъ, независимымъ ни отъ великорусскаго (т. е. русскаго), ни отъ польскаго. Самостоятельнымъ языкомъ называютъ малорусское нарѣчіе и такіе знаменитые западные славяновѣды, какъ Миклошичъ. И среди великоруссовъ часто слышатся такіе же голоса. Извѣстный знатокъ великорусскихъ нарѣчій Вл. Даль не согласился внести

словъ малорусскихъ въ свой „Словарь", такъ-какъ находилъ, что рѣчь малоруссовъ—это совсѣмъ особый языкъ *). А казалось бы, что Даль, изучившій такъ хорошо всевозможныя нарѣчія великорусскія и бѣлорусскія, менѣе чѣмъ кто-либо долженъ былъ бы находить рѣчь малоруссовъ такою чужою для себя! Извѣстный славяновѣдъ П. Лавровскій даже раздражался, если говорили, что рѣчь малоруссовъ близко родственна великорусской, а не образуетъ самостоятельнаго нарѣчія **). Историкъ Погодинъ, при всемъ своемъ стремленіи объединить малорусскую народность съ великорусскою ***), открыто сознавался, что малорусское и великорусское нарѣчіе разнятся *между собою* болѣе, чѣмъ *между другими* славянскими нарѣчіями, и даже отказывался вѣрить, что бы они принадлежали „къ одному роду" ****). Это воззрѣніе привело его наконецъ къ особой исторической гипотезѣ.

Съ идеей о полной самостоятельности какого-нибудь языка у многихъ какъ-то невольно рождается другое представленіе (далеко не всегда вѣрное)—что признаки самостоятельности даннаго языка должны датироваться *издавна*. Даже среди очень почтенныхъ филологовъ можно найти порядочное число лицъ, признающихъ за малорусскимъ языкомъ не меньшую давность, чѣмъ за любымъ славянскимъ языкомъ. Неудивительно послѣ этого, если нефилологъ Погодинъ рѣшилъ, что два такъ рѣзко различающіеся языка, какъ малоруссовъ и великоруссовъ, должны были возникнуть до начала исторической жизни Руси; этнографическія особенности племени малорусскаго и великорусскаго еще болѣе утверждали Погодина въ его мысли, что

*) Толковый словарь живого великорусскаго языка. М. 1863, ч. I стр XXVII–XXVIII.

**) См. его статью въ „Основѣ" 1861 г., авг.: „Отвѣтъ на письма г. Максимовича къ г. Погодину". Здѣсь авторъ резюмировалъ свою статью, помѣщенную въ Журналѣ Минист. Нар. Просв." 1859 г.

***) Вспомните его дѣятельность въ Галичинѣ и его роль въ исторіи развитія той партіи, которую поляки прозвали „москалефильской".

****) Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи М. Погодина, т. II. Происхожденіе Варяговъ-Руси. О славянахъ. М. 1846, стр. 390.

это издавна было два самобытныхъ племени.—„Такъ! но какое же изъ двухъ племенъ жило въ древнемъ Кіевѣ, въ этой матери городовъ русскихъ“?—представляется вопросъ. Погодинъ рѣшеніе этого вопроса думалъ найти въ изслѣдованіи языка Начальной лѣтописи. Филологомъ онъ не былъ *), понятія о филологическихъ пріемахъ и объ исторіи языка не имѣлъ,—немудрено, что въ полуцерковномъ языкѣ лѣтописи онъ находилъ большее сходство съ великорусской рѣчью (собственно фонетикой), чѣмъ съ малорусской; а того соображенія, чтобы въ начальный періодъ русской исторіи могъ быть *одинъ* общерусскій языкъ, не малорусскій и не великорусскій, онъ не допускалъ и считалъ за „новость неслыханную“. Такимъ образомъ у Погодина составилось мнѣніе: „До татарскаго нашествія въ Кіевѣ малороссовъ не было; они жили гдѣ то вдали, за Карпатами, а въ южную Русь пришли они ужъ въ XIII в., послѣ разоренія кіевской земли татарами и бѣгства ея кореннаго населенія на сѣверъ. До того времени въ Кіевѣ жили великороссы, и не только въ Кіевѣ, но и южнѣе: близъ береговъ Чернаго моря и въ окрестностяхъ Солуня; великорусское нарѣчіе было тожественно съ церковно-славянскимъ языкомъ“ **). Такъ возникла въ Россіи пресловутая „галицкая“ теорія происхожденія малороссовъ. Въ 1883 г. ее подновилъ г. Соболевскій на филологическихъ основаніяхъ, причемъ къ числу старо-малорусскихъ областей присоединилъ еще Волынь, а срокъ пребыванія великороссовъ въ Кіевѣ продлилъ до конца XV вѣка.

Какъ отнеслась наука къ галицко-волынской теоріи?

Погодинъ, не чувствуя въ себѣ филологической силы, попытался поддержать свою гипотезу кой-какими историческими соображеніями. Въ происшедшей полемикѣ Максимовичъ, а затѣмъ (1862) Котляревскій нанесли гипотезѣ Погодина сильнѣй-

*) Онъ самъ часто повторялъ: „Я не филологъ, а историкъ“, „филологія не мое дѣло“. срв. „Русск. Бес.“ 1857, кн. IV, стр. 22 и сл. Въ какомъ отношеніи стоятъ его филологическія соображенія къ сочиненіямъ Срезневскаго и Лавровскаго, я считаю излишнимъ здѣсь распространяться

**) См. „Извѣстія русск. отд. Акад. наукъ“ 1856: „Записка о древнемъ языкѣ русскомъ“. Тоже въ VII т. „Лекцій“. См. еще „Москвитянинъ“ 1856, № 2.

шіе удары [1]). Черезъ десять лѣтъ Бестужевъ-Рюминъ, sine ira et studio, подвелъ полемикѣ итоги въ слѣдующемъ отзывѣ о Погодинскомъ мнѣніи: „Подобныхъ предположеній наука, *конечно,* не можетъ признать“ [2]). Въ 1882 г. авторитетнѣйшій историкъ южной Руси В. Б. Антоновичъ въ своей монографіи о Кіевѣ [3]) вновь опровергъ мнѣніе Погодина (которое впрочемъ никого ужъ тогда не соблазняло); а насколько убѣдительны его доказательства, видно изъ слѣдующаго факта: проф. Халанскій въ своемъ сочиненіи о былинахъ сознается, что для объясненія отсутствія былинъ у малоруссовъ самымъ удобнымъ средствомъ была бы Погодинская теорія, но онъ не смѣетъ къ ней прибѣгнуть, потому-что послѣ изслѣдованій Антоновича считаетъ ее окончательно рѣшенной въ отрицательномъ смыслѣ [4]). Когда она была возобновлена г. Соболевскимъ [5]), В. Б. Антоновичу пришлось еще разъ взяться за ея разсмотрѣніе съ исторической точки зрѣнія и показать ошибочность мнѣнія г. Соболевскаго; одновременно высказались противъ того-же мнѣнія проф. Дашкевичъ и др. [6]). Проф. Владимірскій-Будановъ [7]), признавая, что татары произвели опустошеніе дѣйствительно очень сильное, все

---

[1]) Подробности полемики можно найти въ „Очеркѣ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія“ П. И. Житецкаго, въ „Спорѣ южанъ и сѣверянъ“ Пыпина, въ „Очеркѣ исторіи Кіевской земли“ Грушевскаго и наконецъ въ статьѣ г. Колессы (ст. 437 и сл.), изъ-за которой мнѣ приходится писать объ этомъ вопросѣ,

[2]) Русская Исторія. Спб. 1872, т. I, стр. 294.

[3]) Кіевск. Стар. 1882, янв. И отдѣльно въ „Монографіяхъ“.

[4]) Русскій Филологическій Вѣстникъ, 1884, № 3, стр. 139 и сл.

[5]) „Какъ говорили въ Кіевѣ въ XIV—XV в.“? Чтенія въ Историч. Общ. Нестора Лѣтописца, Кіевъ 1883, II, стр. 215 и слѣд. А подробно мотивирована теорія въ „Очеркахъ изъ исторіи русскаго языка“—Университетскія Извѣстія 1883—1884 г. (есть отдѣльный оттискъ 1884 г.).

[6]) См. названный томъ „Чтеній въ общ. Нестора Лѣтописца“, стр. 223 и слѣд. Съ филологической точки зрѣнія возражалъ тогда г. Соболевскому П. И. Житецкій.

[7]) „Населеніе ю.-з. Россіи отъ половины XIII до полов. XV в.“ Архивъ Юго-Зап. Россіи, т. VII, I, (Малорусскій переводъ, или компиляція этого изслѣдованія помѣщены въ „Правді“ 1889). „Населеніе Ю.-З. Россіи отъ половины XV в до Люблинской уніи“—Архивъ т. VII, II.

же находитъ, что опустошеніе не было полное; а изслѣдуя этнографическій составъ окраинъ литовскаго государства въ половинѣ 16-го в., онъ приходитъ къ такому заключенію: „Пришлые элементы претворялись постепенно въ особую этнографическую группу, замѣтно отличающуюся, напр., отъ коренного населенія Волыни. Это даетъ основаніе предположить, что далеко не все населеніе Украйны сложилось изъ пришлыхъ людей, что въ основѣ его сохранялась древняя закваска туземнаго, кіевскаго и сѣверскаго, племенного начала. Кіевское населеніе не все поголовно было сносимо бурями татарскихъ опустошеній“ [1]). Опровергъ теорію Погодина и Соболевскаго также М. Грушевскій (нынѣшній профессоръ малорусской исторіи въ Львовскомъ университетѣ) въ своемъ трудѣ объ исторіи Кіевской земли [2]). Въ VIII томѣ „Записокъ наукового товарыства имени Шевченка [3]) проф. Грушевскій, коснувшись статьи А. Шахматова: „Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій“ [4]), показалъ еще разъ, къ какимъ историческимъ несообразностямъ приводитъ галицко-волынская теорія. Изслѣдователь русскихъ древностей Ѳ. Леонтовичъ [5]), коснувшись вопроса о мнимомъ запустѣніи южной Руси, присоединяется къ тому мнѣнію, что никакого запустѣнія не было и что оно является ничѣмъ инымъ, какъ историческимъ миражемъ“ (выраженіе В. Б. Антоновича) [6]). „Энциклопедическій Словарь“ Брокгауза и Эфрона [7]) прямо констатируетъ, что послѣднее слово исторіи стало на сторону мнѣнія Максимовича, а не Погодина. Вообще въ настоящее время нельзя указать ни одного сколько-нибудь серіознаго русскаго историка, который

---

[1]) См. второе изъ вышеназванныхъ изслѣдованій, стр. 188.

[2]) Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія. К. 1891. стр. 427—443.

[3]) Рикъ 1895, кныжка четверта, въ отдѣлѣ „Библіографія“. стр. 9—14.

[4]) Русскій Филологич. Вѣстникъ, 1894, кн. VI, 1—12.

[5]) Очерки исторіи литовско-русскаго права. Образованіе территоріи литовско-русскаго государства. Ѳ. И. Леонтовича, заслуженнаго профессора Императорскаго Варшавскаго Университета. Спб. 1894.

[6]) Стр. 169, примѣч. 3.

[7]) 1896 года, полутомъ 35, стр. 442.

признавалъ бы малоруссовъ выходцами съ запада и утверждалъ бы, что старые кіевляне не предки нынѣшнихъ. Вскорѣ противъ галицко-волынской теоріи должна заговорить и развивающаяся антропологія, которая и теперь ужъ начинаетъ показывать, что антропологическій типъ западныхъ и восточныхъ малоруссовъ не одинъ и тотъ же.

Итакъ, г. Соболевскій взялся за возобновленіе такой гипотезы, которую историческія свидѣтельства не только не могутъ подтвердить, но—напротивъ—рѣшительно опровергаютъ, и которая историками осуждена. Правда, г. Соболевскій съ своей стороны тоже обратился было къ изслѣдованію лѣтописей и написалъ небольшую историческую статью противъ В. Б. Антоновича, да кромѣ того въ своихъ „Лекціяхъ" сдѣлалъ нѣсколько желательныхъ для себя толкованій изъ историческихъ и этнографическихъ данныхъ; но его критика на В. Б. Антоновича ужъ разобрана, какъ слѣдуетъ, у М. Грушевскаго, а до чего странны его прочія историческія соображенія, это читатель увидитъ ниже, въ 3 главѣ. Собственно говоря, показанія исторіи и не могутъ быть важны для г. Соболевскаго, такъ какъ противъ нихъ у него есть превосходный афоризмъ: „Если мы имѣемъ дѣло съ движеніемъ народныхъ массъ, то недостатокъ историческихъ данныхъ—явленіе обычное" [1]). Единственнымъ оружіемъ г. Соболевскаго являются только филологическія его соображенія. Способъ доказательствъ у г. Соболевскаго такой: Онъ подбираетъ извѣстное количество рукописей XII—XV вв. съ особымъ употребленіемъ буквы *ѣ* вм. *е*, называетъ эти рукописи галицко-волынскими и утверждаетъ, что названное употребленіе *ѣ* вм. *е* есть малорусская черта. Въ старо-кіевскихъ памятникахъ (а ихъ, отъ т. н. кіевскаго періода мы имѣемъ только два: Изборники Святослава 1073 и 1076 г.) такого *ѣ* нѣтъ. Отсюда слѣдуетъ выводъ, что рѣчь древнихъ кіевлянъ

---

[1]) Лекціи по исторіи русскаго языка, 2-е изд., стр. 257. Къ сожалѣнію г. Соболевскій забываетъ, что исторія не молчитъ, а даетъ положительныя указанія о неисчезновеніи кіевлянъ послѣ татарскихъ погромовъ.

была или великорусская, или составляла особое нарѣчіе во всякомъ случаѣ не малорусское.

Диссертацію свою, въ которой изложена эта теорія, г. Соболевскій защищалъ у незабвеннаго А. А. Потебни. Изъ свидѣтельствъ очевидца—проф. Н. Ѳ. Сумцова [1]) выясняется, что защита эта вышла крайне „своеобразной“ (по деликатному выраженію г. Сумцова). Намъ приходится глубоко жалѣть, что разборъ Потебни остался ненапечатаннымъ [2]). Изъ печатныхъ возраженій самыя важныя тѣ, которыя сдѣлалъ филологъ-славистъ академикъ Ягичъ. Сводятся они къ слѣдующему. 1) Галицко-волынское *ѣ* отмѣчается впервые въ памятникѣ 1164 г. Въ предыдущихъ галицкихъ памятникахъ, напр., въ Евангеліи 1144 года, такого *ѣ* нѣтъ,—значитъ, въ это время оно еще не развилось. Съ какой же стати г. Соболевскій требуетъ, чтобы въ такихъ раннихъ памятникахъ, какъ кіевскіе изборники Святослава 1073 и 1076 года, ужъ было это *ѣ*!? [3]). 2) Въ той группѣ памятниковъ XII—XV вв., которые г. Соболевскій назвалъ галицко-волынскими и въ которыхъ есть пресловутое *ѣ*, находится нѣсколько такихъ памятниковъ, какіе не могутъ быть отнесены къ Галичинѣ и Волыни; слѣдовательно, была еще третья область, въ которой говорили по-малорусски. Такой областью можетъ быть только Кіевская. Притомъ существуетъ памятникъ „Рязанская кормчая“ 1284 г., списанная съ кіевскаго оригинала и однако заключающая въ себѣ такое же *ѣ*, какое встрѣчается въ „галицко-волынскихъ“ памятникахъ. Итакъ, въ Кіевѣ XII—XV вѣка говорили по малорусски, но съ извѣстными отличіями отъ малорусскаго нарѣчія Волыни и Галичины, каковая разность нарѣчій сохранилась и до настоящаго времени [4]).

[1]) Кіевская Старина, 1892, янв. стр. 8.

[2]) Какъ видно изъ 53-го тома (№ 8, стр. 32) Сборника отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ, упомянутый разборъ сохранился въ бумагахъ покойнаго. Желательно было бы, чтобы онъ былъ поскорѣе изданъ.

[3]) Послѣ того г. Соболевскій рѣшилъ навязать Кіеву нѣсколько памятниковъ изъ XII—XIII в., безъ „галицко-волынскаго“ *ѣ*. Объ этихъ странныхъ, мнимо-кіевскихъ памятникахъ намъ придется еще говорить подробно.

[4]) См. Ягича: „Четыре палеографическія статьи“ въ Сборникѣ отд. русск. яз. и словесн. Акад. Н., 1884 г. т. 33-й № 2, и „Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка“ въ сборникѣ Ак. Н., 1889, т. 46, № 4.

Доказательства Ягича считаются вообще убѣдительными. Конечно, ихъ не призналъ г. Соболевскій, въ силу очень понятной психологической причины [1]); не признаютъ ихъ также кой-какіе другіе филологи, которые примѣшиваютъ къ наукѣ политику и которые въ храмѣ науки являются не жрецами, а торжниками, продажу и куплю дающими; кромѣ того, сторонникомъ теоріи г. Соболевскаго является и г. А. Шахматовъ [2]). Но, напр., рецензентъ трудовъ А. Шахматова г. Борисъ Ляпуновъ [3]) сожалѣетъ, что г. Шахматовъ считаетъ мнѣніе г. Соболевскаго доказаннымъ и не обращаетъ вниманія на возраженія Ягича. Въ большинствѣ русскихъ университетовъ, гдѣ въ видѣ пособія для студентовъ приняты „Лекціи" г. Соболевскаго, преподаватели велятъ студентамъ пропускать размышленія автора о древне-русскихъ говорахъ, какъ неимѣющія научнаго значенія. Въ западномъ ученомъ мірѣ, понятно, господствуетъ мнѣніе Ягича, а не Соболевскаго.

Мы подошли къ статьѣ г. Колессы. Въ 1890 г. И. Помяловскій издалъ „Житіе св. Саввы Освященнаго" по рукописи конца XIII в.,—памятникъ, который г. Соболевскимъ внесенъ въ реестръ галицко-волынскихъ, а Ягичемъ отнесенъ къ числу кіевскихъ. На этомъ „Житіи" сперва г. Мочульскій (проф. Новороссійскаго университета) захотѣлъ наглядно повторить возра-

---

[1]) Если онъ и сдѣлалъ уступку въ своемъ мнѣніи, то самую небольшую: въ 1883 г. онъ считалъ древне-кіевскій говоръ прямо за великорусскій (Очерки, стр. 68), а въ 1888 г. (Лекціи стр. 36) онъ выразился сдержаннѣе,—именно, что о немъ мы имѣемъ „крайне скудныя свѣдѣнія". Во всякомъ случаѣ нынѣшнее малорусское нарѣчіе Кіевщины г. Соболевскій продолжаетъ считать за пришлое, не происходящее отъ старокіевскаго: то исчезло-де безслѣдно.

[2]) Добавимъ: „незнающій малорусской рѣчи и потому не могущій понять въ чемъ ошибки теоріи г. Соболевскаго". Впрочемъ (и это мы укажемъ въ надлежащемъ мѣстѣ), г. Шахматовъ ввелъ въ ученіе г. Соболевскаго о „галицко-волынскомъ" ѣ очень существенныя измѣненія, которыя, при ближайшемъ разсмотрѣніи совсѣмъ подрываютъ значеніе того ѣ. Что г. Соболевскій далеко не склоненъ счисчитать г. Шахматова своимъ истолкователемъ, это видно изъ его рѣзкой рецензіи на „Изслѣдованія въ области русской фонетики" Шахматова (см. „Журн. Мин. Нар. Просв." 1894, апрѣль).

[3]) Стр. 16 отдѣльнаго оттиска изъ „Живой Старины", вып. I, 1895.

женія Ягича противъ теоріи г. Соболевскаго, но сдѣлалъ это неудовлетворительно [1]), а затѣмъ ту же задачу обстоятельно исполнилъ г. Колесса въ той статьѣ, о которой мы упомянули въ первыхъ своихъ строчкахъ (Arch. für sl. Phil., B. XVIII).

Какое значеніе имѣетъ трудъ г. Колессы? Прежде всего спросимъ: достигаетъ ли онъ своей цѣли?—Если (какъ мы видѣли) возраженія Ягича считаются убѣдительными и опровергающими гипотезу г. Соболевскаго, то и за статьей г. Колессы надо признать такое-же свойство: ложная галицко-волынская гипотеза г. Соболевскаго, утверждающая, будто древніе кіевляне не были малоруссы, статьей г. Колессы подрывается [2]). Слѣдовательно, цѣли своей онъ достигъ.

Но значитъ ли это, что онъ дѣйствительно стоитъ у истины?—Нѣтъ, не значитъ. Къ возраженіямъ г. Колессы прекрасно примѣняется замѣчаніе одного восточнаго любителя логики: „Если кто-нибудь тебѣ скажетъ; „Нѣтъ безсмертія души! ибо два и три составляютъ семь", и если ты отвѣтишь: „Ошибаешься: вѣдь два и три—пять, а не семь,—значитъ, душа безсмертна", то думаешь ли ты, что ты дѣйствительно доказалъ безсмертіе души"?!

Доказательства гг. Ягича и Колессы могутъ имѣть приблизительно только такое значеніе, какое имѣетъ reductio ad absurdum: они разбиваютъ г. Соболевскаго его собственными принципами, его собственной теоріей о малорусскости „галицко-волынскаго" ѣ. Но ни г. Ягичъ, ни г. Колесса не дали себѣ труда провѣрить анализъ памятниковъ, произведенный г. Соболевскимъ. А если бы провѣрили, то увидѣли бы, что г. Собо-

---

[1]) В. Мочульскій: Къ исторіи малорусскаго нарѣчія. Житіе св. Саввы Освященнаго. Одесса 1894 (оттискъ изъ 6?-го тома „Записокъ Новороссійскаго Университета", стр 383—406). Недостатки работы Мочульскаго съ нѣкоторой запальчивостью отмѣчены Колессою въ спеціальной рецензіи (Записки товарыства имени Шевченка", т. VII) и въ часто упоминаемой нами статьѣ о теоріи Соболевскаго Archiv, XVIII Band.

[2]) Изъ „Литературно-науковаго Вистныка" (1898, февр., отд. II, стр. 136) я узнаю, что проф. Т. Флоринскій, прочитавши статью г. Колессы, призналъ необходимость основательнаго пересмотра цѣлой теоріи г. Соболевскаго.

левскій обращается съ филологическими фактами совершенно произвольно, что его разборъ рукописей страдаетъ натяжками и извращеніями, что его „авторитетные кіевскіе памятники“ никогда Кіева и не видѣли, что его, такъ называемые, „галицко-волынскіе“ памятники написаны большей частью въ сѣверо-западной Россіи, а вовсе не въ какой нибудь малорусской области, что никакого „галицко-волынскаго“ *ѣ* не существуетъ, и что, слѣдовательно, г. Соболевскій не имѣлъ права даже мало-мальски возбуждать, путемъ филологіи, сомнѣніе въ малорусскости старыхъ кіевлянъ, отвергнутое теоріей. Чтобы показать все это г. Колессѣ, я приступаю къ пересмотру соотвѣтствующихъ сочиненій г. Соболевскаго. Считаю удобнымъ сдѣлать этотъ пересмотръ въ нижеслѣдующемъ порядкѣ:

1) Сперва коснуться воззрѣній г. Соболевскаго на малорусскую рѣчь. При этомъ откроются нѣкоторыя данныя для уясненія филологическихъ пріемовъ г. Соболевскаго.

2) Разсмотрѣть тѣ доказательства великорусскости старыхъ кіевлянъ, какія предлагаетъ г. Соболевскій сверхъ изслѣдованія своихъ ятевыхъ (мнимыхъ галицко-волынскихъ) памятниковъ. Это также дастъ намъ очень интересные матеріалы для оцѣнки его научныхъ методовъ.

3) Произвесть обзоръ памятниковъ, какъ дѣйствительно писанныхъ въ Кіевѣ, такъ и навязанныхъ Кіеву г. Соболевскимъ. Окажется, что въ древнемъ Кіевѣ не было ничего немалорусскаго.

4) Произвесть обзоръ мнимыхъ галицко-волынскихъ памятниковъ. Увидимъ, что почти всѣ они навязаны Галичинѣ и Волыни только произволомъ г. Соболевскаго.

5) Въ заключеніе—показать отсутствіе совпаденія „галицко-волынскихъ“ ятевыхъ начертаній съ фактами живого малорусскаго языка.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Отношеніе г. Соболевскаго къ малорусской рѣчи и степень его знакомства съ нею.

Что такое малорусская рѣчь? языкъ или нарѣчіе?

Правду говоря, вопросъ этотъ не можетъ быть рѣшенъ безусловнымъ образомъ, потому-что каждый языкъ можетъ въ то же время считаться и нарѣчіемъ другого языка. Мы всегда говоримъ: „*языкъ* польскій", „*языкъ* сербскій" и т. п., но, имѣя въ виду отношеніе ихъ къ общеславянскому праязыку, мы имѣемъ право также говорить о *нарѣчіи* польскомъ, о *нарѣчіи* сербскомъ и т. д.; да въ нашихъ университетахъ каѳедра славянскихъ языковъ такъ таки и именуется „каѳедрой славянскихъ нарѣчій". Что касается рѣчи малорусской, то въ обиходномъ разговорѣ какъ-то странно бываетъ называть „нарѣчіемъ" ту рѣчь, которая имѣетъ такъ много самостоятельныхъ признаковъ, которая служитъ органомъ обширной литературы, болѣе богатой талантливыми писателями, чѣмъ, напр., литература болгарская и сербская [1])—рѣчь, которая является орудіемъ науки и даже орудіемъ университетскаго преподаванія въ Галиціи. Однако для тѣхъ филологовъ (составляющихъ теперь, повидимому, большинство), которые признаютъ, что малорусская и великорусская рѣчь не выдѣлились изъ общеславянскаго языка одновременно съ польской, сербской и др., но что сперва выдѣлился праязыкъ *обще*-русскій, распавшійся на двѣ вѣтви лишь впослѣдствіи,—для тѣхъ филологовъ гораздо удобнѣе говорить не о языкахъ русскомъ и малорусскомъ, но о *нарѣчіяхъ* великорусскомъ и малорусскомъ. Поэтому, напр., Потебня, переведшій на малорусскую рѣчь міровыя произведенія Гомера и, слѣдовательно, считавшій малорусскую рѣчь достойной свѣтлаго будущаго, называлъ ее въ своихъ сочиненіяхъ не иначе, какъ на-

---

[1]) „Сѣверный Вѣстникъ", рецензируя въ 1895 г. (дек.) произведенія Кропивницкаго, находитъ, что малорусская литература богаче талантами, пожалуй, даже, чѣмъ чешская.

рѣчіемъ. И П. И. Житецкій тоже въ своихъ трудахъ вездѣ говоритъ: „малорусское нарѣчіе". Что касается пишущаго эти строки, то и онъ находитъ, что въ филологическихъ сравнительно-историческихъ сочиненіяхъ слѣдуетъ употреблять терминъ: „малорусское нарѣчіе", а не „языкъ": иначе возможна сбивчивость [1]).

Г. Соболевскій тоже говоритъ, что рѣчь малороссовъ не языкъ, а нарѣчіе. Казалось бы, что такимъ образомъ нѣтъ никакой разницы въ нашихъ воззрѣніяхъ на этотъ пунктъ. Однако пути, которыми г. Соболевскій приходитъ къ своему выводу, настолько оригинальны, что заслуживаютъ вниманія и разоблаченія. Если кому-нибудь изъ нашихъ читателей, мыслящихъ логично, предложатъ силлогизмъ такого рода:

Богъ есть камень.

Камень—существо всевѣдущее.

Ergo: Богъ всевѣдущъ—

то читатель, хоть ничего не будетъ имѣть противъ вывода, будетъ вѣдь съ негодованіемъ протестовать противъ посылокъ. Посылки г. Соболевскаго, которыми онъ мотивируетъ необходимость признать рѣчь малороссовъ за нарѣчіе, очень смахиваютъ на вышеупомянутыя.

На взглядъ г. Соболевскаго малорусское нарѣчіе просто потому должно считаться нарѣчіемъ, а не языкомъ, что никакихъ серіозныхъ отличій отъ великорусскаго нарѣчія у него, будто бы, нѣтъ.—„Какъ?!" спроситъ читатель: „но вѣдь мы, слава Богу, знаемъ малорусское нарѣчіе и знаемъ, насколько оно отличается отъ великорусскаго. Помнимъ также слова великоросса Погодина и другихъ великороссовъ, что отъ малорусскаго нарѣчія великорусское отличается рѣзче, чѣмъ отъ всѣхъ славянскихъ языковъ".—Все это—недоразумѣніе,—говоритъ г. Соболевскій

[1]) Если же сбивчивость не угрожаетъ, то я позволяю себѣ употреблять выраженіе: „малорусскій языкъ". Въ нѣкоторыхъ случаяхъ выраженіе „языкъ" гораздо удобнѣе, чѣмъ „нарѣчіе"; напр., когда приходится говорить о нарѣчіяхъ украинскомъ, галицкомъ и т. д., то совокупность ихъ удобнѣе называть языкомъ, чѣмъ нарѣчіемъ же. Терминъ „поднарѣчіе" будетъ для нихъ слишкомъ слабъ, пожалуй

левскій:—все это «крупная ошибка», ибо до сихъ поръ никто не зналъ, чтó собственно надо считать за типъ малорусскаго нарѣчія.

Какъ же было дѣло до сихъ поръ и чѣмъ г. Соболевскій недоволенъ?—Извѣстно, что преобладающее большинство малороссовъ говоритъ на такъ называемомъ нарѣчіи украинскомъ и галицкомъ. Но есть часть малороссовъ, рѣчь которыхъ сильно уклоняется отъ общаго типа; такъ, напр., въ Галичинѣ лемки имѣютъ языкъ ополяченный, а въ Россіи—другая крайность—полѣшуки говорятъ рѣчью, плохо понятною для прочихъ малоруссовъ и близкою къ бѣлорусской (г. Шахматовъ думаетъ даже, что сѣверные малороссы—омалорушенные бѣлоруссы, а не чистые малоруссы). При изученіи малорусской діалектологіи никто никогда не игнорируетъ никакихъ малорусскихъ говоровъ, даже самыхъ малораспространенныхъ, но никому также не приходитъ въ голову считать ихъ за норму малорусскаго нарѣчія: нормальнымъ типомъ малорусскаго нарѣчія всѣ до сихъ поръ считали ту рѣчь, которую употребляетъ *огромное, всецѣло преобладающее большинство* малоруссовъ, т. е. рѣчь украинскую и обыкновенную галицкую (безъ горныхъ говоровъ). Вообще, въ цѣломъ мірѣ и ученые, и неученые люди при опредѣленіи типа какого-нибудь языка руководятся рѣчью огромнаго большинства, а не пограничными говорами. Что такое настоящій нѣмецкій языкъ?—языкъ большинства нѣмцевъ, а не пограничныхъ жителей. Что такое французскій языкъ?—языкъ большинства французовъ, а не тѣ пограничные говоры, которые близки къ нѣкоторымъ говорамъ итальянскимъ, и т. д., и т. д. А какимъ бы страннымъ показалось, напр., слѣдующее положеніе: „Если мы возьмемъ всю массу французскихъ говоровъ (со включеніемъ сюда и провансальскихъ, такъ-какъ провансальское нарѣчіе есть, *конечно*, часть французскаго) и сопоставимъ ихъ со всей массой итальянскихъ говоровъ, то обстоятельное сравненіе особенностей тѣхъ и другихъ не дастъ намъ основаній видѣть въ каждой группѣ особый самостоятельный языкъ“. Человѣка, который захотѣлъ бы такимъ образомъ отрицать са-

мостоятельность итальянскаго языка, всѣ приняли бы или за шутника [1]) или за ненормально размышляющаго. А между тѣмъ это разсужденіе находится, *слово въ слово*, въ „Лекціяхъ“ г. Соболевскаго (стр. 2), только вмѣсто итальянскаго языка онъ говоритъ о малорусскомъ, вмѣсто провансальскаго—о бѣлорусскомъ, а вмѣсто французскаго о великорусскомъ. По мнѣнію г. Соболевскаго будетъ „крупная ошибка“—сопоставлять общеупотребительные говоры малорусскіе съ общеупотребительными говорами великорусскими: по его мнѣнію, если требуется производить сопоставленіе, то при этомъ непремѣнно надо съ великорусской стороны выставить окающіе говоры и бѣлорусское нарѣчіе („которое, *конечно*, есть часть великорусскаго нарѣчія“), а съ малорусской стороны—малоупотребительную и мало понятную прочимъ малоруссамъ рѣчь полѣсскую. Г. Соболевскій не скрываетъ отъ себя, что сѣверные малорусскіе говоры „по своимъ фонетическимъ особенностямъ *болѣе близки къ великорусскимъ* окающимъ говорамъ, *чѣмъ къ* другимъ *малорусскимъ*—къ украинскому, галицкому“ (стр. 2), тѣмъ не менѣе даетъ имъ рѣшающую роль въ вопросѣ о *всей* малорусской рѣчи цѣликомъ и побѣдоносно заявляетъ, что *вся* она слишкомъ мало отличается отъ великорусской и не заслуживаетъ имени „языка“.

Эта игра въ дѣтское уравненіе съ „полумертвымъ“ и „полуживымъ“—что́ она такое? Насмѣшка надъ читателемъ? Шутка? Но нѣтъ! это не шутка: г. Соболевскій серіозно думаетъ, что онъ исправилъ „крупную ошибку“ своихъ предшественниковъ!

Я ужъ имѣлъ случай упомянуть выше, до какихъ курьезовъ можетъ довести сличеніе языковъ по методу г. Соболевскаго: напр., по этому методу итальянскій языкъ окажется тождественнымъ съ французскимъ. Болгарскій и сербскій языки, если дать по способу г. Соболевскаго рѣшающее значеніе рѣчи македонянъ, тоже окажутся очень близкими нарѣчіями, а не от-

---

[1]) Есть, напр., шутливое уравненіе: „полумертвый равенъ полуживому“, изъ котораго заключаютъ: „мертвый равенъ живому“. Заключать о тождествѣ двухъ языковъ по тождеству ихъ небольшихъ частей будетъ видоизмѣненіемъ этого шутливаго уравненія.

дѣльными языками. Но наибольшій курьезъ—тотъ, что малорусская рѣчь, такъ побѣдоносно введенная г. Соболевскимъ въ лоно великорусской, можетъ, благодаря тому же методу г. Соболевскаго, очутиться не менѣе побѣдоносно въ лонѣ всѣхъ другихъ ея сосѣдей. Если г. Соболевскій сличитъ говоръ малоруссовъ—лемковъ съ нѣкоторыми говорами мазурскими, то, оставаясь послѣдовательнымъ, онъ долженъ будетъ отнесть малорусскую рѣчь къ польскимъ нарѣчіямъ и подать руку галицкимъ полонизаторамъ. Сербы, сравнивши говоры Керештурскихъ или Рушевскихъ малоруссовъ съ сербскими, заявятъ, что *всѣхъ* малоруссовъ надо считать сербами (причемъ найдутъ нѣкоторую поддержку себѣ въ сочиненіяхъ Лавровскаго),—а г. Соболевскій долженъ будетъ признать, что и они правы. Чехи, словаки, даже румыны, чего добраго и нѣмцы—всѣ они могутъ, по методу г. Соболевскаго, присвоивать себѣ малоруссовъ!..

Таковъ-то способъ, предложенный г. Соболевскимъ для исправленія „крупной ошибки“ другихъ ученыхъ, которые видятъ у малорусскаго нарѣчія серіозныя оригинальныя черты и склоняются признавать его за особый языкъ. Замѣчательно, что г. Соболевскій позволяетъ себѣ просто замалчивать имена тѣхъ ученыхъ. Въ 1-мъ изданіи „Лекцій“ еще было упомянуто имя Миклошича, хоть въ скобкахъ, а во 2-мъ изданіи г. Соболевскій ужъ совсѣмъ не нашелъ нужнымъ съ нимъ считаться и неуважительно назвалъ его просто „кое-кто“. Но, если мы будемъ поступать такъ съ Миклошичами и вычеркивать ихъ изъ области науки, то, по справедливому замѣчанію проф. Сумцова, въ концѣ концевъ останутся лишь „столь скромныя и неизвѣстныя въ наукѣ имена, какъ г. Соболевскаго“ [1]).

Говоря объ отношеніяхъ г. Соболевскаго къ малорусскому нарѣчію, характеризующихъ научные пріемы его, не мѣшаетъ отмѣтить еще одну интересную черту научности г. Соболевскаго: малорусскаго нарѣчія, о которомъ онъ берется судить вкривь и вкось, онъ не знаетъ. Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно взять наудачу нѣсколько примѣровъ изъ его „Лекцій“.

---

[1]) „Кіевск. Стар.“ 1892, янв., стр. 8.

Извѣстно, что въ малорусскомъ нарѣчіи до сихъ поръ вполнѣ сохранилась особая форма для повелит. наклоненія 1-го лица мн. ч. и строго различается по смыслу и употребленію отъ изъявит. накл. Никто никогда не смѣшаетъ „будьмо братамы“ съ „будемо братамы“, „тикаймо“ съ „тикаемо“, „втечимъ“ со „втечемо“, „ходимъ„ съ „ходымо“; „заберимъ“ съ „заберемо“ и т. п. А г. Соболевскій на стр. 226 говоритъ: Формы 1-го мн. пов. н. на *ѣмъ*, живущія еще въ бѣлорусскомъ нарѣчіи, исчезли почти совсѣмъ въ великорусскомъ и малорусскомъ, и ихъ, мѣсто заняли формы 1-го мн. настоящаго времени съ значеніемъ будущаго“. Г. Соболевскій, значитъ, не знаетъ самыхъ общеизвѣстныхъ фактовъ малорусскаго нарѣчія, онъ даже не поинтересовался прочитать стр. 143 „Studien“ Огоновскаго. Кстати: на той же 226-й страницѣ „Лекцій“ г. Соболевскій сочиняетъ несуществующее повелит. наклоненіе: „ищіте“.

Глаголъ „бути“ до сихъ поръ сохранилъ свои формы наст. вр.—у западныхъ малоруссовъ. Первое лицо—„есьмъ“, „емъ“ (гуц. „сме“ и „сми“); 2-е лице—„еси“, „есь“, „сь“; 1 л. мн. ч.—„есьмо“, „смо“; 2-е л. мн. ч.—„есте“, „сте“ и т. п: Хотя это факты общеизвѣстные и о нихъ обстоятельно говорится въ „Studien“ Огоновскаго (стр. 112, 138, 144), но г. Соболевскій ничего этого не знаетъ и заявляетъ, что въ малорусскомъ нарѣчіи изъ формъ 1-го и 2-го лица глагола „быть“ есть только одна: „еси“ (стр. 220).

На стр. 157-й „Лекцій“ читаемъ: „Формы род. множ. на *овъ, евъ* имѣютъ широкое распространеніе во всемъ русскомъ языкѣ... Въ малорусскихъ говорахъ старыхъ формъ род. падежа мн. ч. больше: „годъ“, „часъ“, „конь“, но они все таки являются исключеніями“. Что въ малорусскомъ нарѣчіи еще попадаются старыя формы род. мн., сходныя съ имен. ед., это правда (напр: „шість візъ“, „пъять годъ“ и др.), но, вздумавши привести для примѣра слова „часъ“ и „конь“, г. Соболевскій обнаружилъ свое незнаніе малорусской рѣчи, такъ какъ эти слова имѣютъ род. пад. всегда „часівъ“ и „коней“. Форма „конь“ уродлива еще и потому, что написана черезъ „*о*“, тогда-какъ

въ этомъ словѣ малороссы имѣютъ „*ô*“ (т. е. „кінь“ или „куонь“).

На стр. 171: „Вмѣсто древнихъ формъ мѣстоименій (им. п. мн. ч.) „ты“, „оны“, „одны“, „самы“, „ины“ и т. д. явились новыя формы: „*тѣ*, *онѣ*, одн*ѣ*, сам*ѣ*, ин*ѣ*. Формы т*ѣ*, он*ѣ* въ настоящее время свойственны всему великорусскому нарѣчію; одного образованія съ ними малорусскія: т*і*, вон*і*, сам*і* и т. д.“. По поводу мѣстоименія „воні“ (съ *і*, и притомъ съ *і* мягкимъ, ятевымъ) замѣтимъ, что оно всецѣло принадлежитъ фантазіи г. Соболевскаго (пожалуй, слово „воні“ существуетъ у малоруссовъ, но оно не имѣетъ никакого отношенія къ мѣстоименію „він“, а означаетъ „дурные запахи“). Форма „т*і*“ (съ ятемъ), которая, по словамъ г. Соболевскаго, тождественна съ великорусскимъ „т*ѣ*“, также сочинена г. Соболевскимъ, потому что у малороссовъ въ формѣ „ті“ звучитъ не ять (т. е. мягкое *і*), но *і* твердое.

На стр. 167: „Современный языкъ знаетъ формы род. ед. твердыхъ основъ на *ѣ* вм. *ы*: у голодной кум*ѣ* все хлѣбъ на умѣ, изъ Москв*ѣ*; малорусское „справд*і*“, „*до* торбинк*і*“ и т. п.“ Мнимоятевая форма „торбинк*і*“—сочиненіе самого г. Соболевскаго: если бы онъ потверже зналъ малорусское нарѣчіе, то не упустилъ бы изъ виду, что передъ *ѣ* задненебные звуки смягчаются переходнымъ смягченіемъ и что „торбинк*ѣ*“ должно было обратиться въ „торбинц*і*“. (Если иногда слышится произношеніе „торбинк*і*“ вм. „торбинки“, то объясняется это присутствіемъ задненебнаго звука *к*, послѣ котораго *и* звучитъ мягче обыкновеннаго; срв. „кидати“, „кислий“, „кипіти“ и т. д.).

Таковы свѣдѣнія г. Соболевскаго въ самыхъ общеизвѣстныхъ вопросахъ малорусскаго нарѣчія! И въ слѣдующихъ главахъ намъ много разъ еще придется отмѣчать полное незнакомство г. Соболевскаго съ общеизвѣстными данными этого нарѣчія. А знакомства съ болѣе мелкими фактами—хоть и не спрашивай! Такъ, г. Соболевскій не подозрѣваетъ, что „заяць“ (въ Галичинѣ и Подоліи) имѣетъ косвенные падежи „заяця“, „заяцеви“ и т. д. (стр. 94), что и въ малорусскомъ нарѣчіи

(въ Угорщинѣ) есть „што“ (стр. 102), что твердое окончаніе 3-го л. („любит“, „люблят“ вм. „любить“, „люблять“) обширно существуетъ на Подольи и Волыни, а въ Кіевщинѣ большей частью отсутствуетъ (стр. 107), что малорусское „рятува́ти“ (спасать) ни по значенію, ни по происхожденію не тождественно съ великорусскимъ „ра́товать“ и происходитъ очевидно отъ нѣмецкаго retten *) (стр. 121) и т. д. и т. д.

А. Крымскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

*) Это вполнѣ ясно изъ слова „ратунокъ“ (Rettung); срв. „рахунокъ“ (Rechnung), „гатунокъ“ (Gattung), „пакунокъ“ (Packung), „вербунокъ“ (Werbung и т. д.

ПИСЬМА КУЛИША КЪ Д. С. КАМЕНЕЦКОМУ.*)

1857—1865.

17. **)

Данило Семеновичъ!

Въ шкапу на третьей полкѣ справа, лежатъ брошюры матеріаловъ для Малороссіи и Бубновская сотня между ними. Отберите отъ ненужныхъ брошюрокъ и вручите М. А. (Марьѣ Александровнѣ Марковичъ?)

Когда выйдетъ 1-й т. Пушкина, въ маѣ, отдайте его Макарову для доставки мнѣ или М. А.

Добудьте изъ Кіева матеріалы для Уніи Иванишева и вручите Макарову для доставки мнѣ. Тотчасъ пишите въ Кіевъ, чтобъ кто нибудь отправился къ Иванишеву и купилъ для меня. Очень нужно. Я напишу романъ уніатскій. Да и для моей повѣсти о Ю. Р. нужно.

Если еще что случится подобное (у Овсянникова спросите), то пользуйтесь такимъ случаемъ, какъ Макаровъ, чтобъ передать.

Надѣюсь много сдѣлать дѣла, если задушу въ себѣ змѣю-тоску, которая ѣстъ меня живьемъ.

(1859 г.)

---

*) См. Кіевск. Стар. 1893 г., май, стр. 222.

**) Настоящее письмо не имѣетъ даты, но что оно писано въ началѣ 1859 г., это видно изъ слѣдующихъ двухъ писемъ.

18.

26 апр. 1859. Ковно.

Насилу доѣхалъ на четвертую ночь. 700 верстъ! Проснувшись, почувствовалъ бодрость неожиданную. Великолѣпная погода. Берега Нѣмана восхитительные. Отсюда поѣду водою до Кенигсберга, а тамъ—желѣзной дорогой. Тоска поуменьшилась, и я, по всей вѣроятности, буду вести себя такъ, какъ вы совѣтовали. Хорошо я сдѣлалъ, что уѣхалъ не въ Малороссію. Для больного духомъ очень много значатъ удобства, дающія возможность быть, какъ хочется, ѣхать, куда хочется. Изъ Берлина вы получите извѣстіе, какъ я устрою жизнь свою. Думаю, что она съѣдетъ на путешествіе пѣшкомъ, съ долгими отдыхами, въ живописнѣйшихъ мѣстахъ. Надѣюсь много писать. Планы, давно брошенные мною, являются въ головѣ съ живыми лицами. Учусь быть одинокимъ: надежнѣе этого положенія ничего нѣтъ на свѣтѣ. Быть въ толпѣ одинокимъ, все слышать видѣть, чувствовать и оставаться ни отъ кого независимымъ,—что можно выдумать лучшаго? Едва ли я усижу долго въ Дрезденѣ и Мюнхенѣ. Швейцарія сильно манитъ меня къ себѣ. Она одна и въ ту поѣздку успокоила мою тоску.

Для А. М. заказана мебель, за которую слѣдуетъ доплатить 35 р. Было предположеніе—возвратиться къ веснѣ въ Малороссію. Улучите удобное время и спросите ее, желаетъ ли она оставить за собою ту мебель, или же ей вовсе не нужно. Въ послѣднемъ случаѣ пошлите 35 р. при прилагаемомъ письмѣ въ Борзну.

Пора отправить къ Мизко *Молву*.

Передайте Макарову записочку, на другой половинкѣ листка.

У Юнгмейстера лежитъ одинъ томъ русскихъ лѣтописей съ отмѣченными карандашемъ книгами (на оберткѣ), которыя намѣренъ былъ я купить. Теперь эту покупку надо отсрочить, но выручить отданный мною съ отмѣтками томъ лѣтописей, а то пропадетъ задаромъ—позабудется.

Николаю Яковлевичу, кромѣ 1-го тома Пушкина, вручите еще 3-ю кн. *Народнаго чтенія*. Не позабудьте же писать въ

Кіевъ объ изданіи Иванишева,—матеріалъ для исторіи Уніи, чтобы привезъ мнѣ его Макаровъ.

Соколову передайте слѣдующія слова, написавши ихъ на бумажкѣ.

Хуторъ Заригъ или Зарожскіе Хутора находятся близъ мѣстечка Оржицы въ лубенскомъ уѣздѣ (есть Оржица въ пирятинскомъ). Изъ Лубенъ ѣхать на Исковцы, а потомъ на Оржицу, а тамъ 4 версты. Между козачими поселеніями спросить въ Зарожскихъ хуторахъ *Бацвщину, де живъ Кулишъ.* Изъ Пирятина ѣхать на Слѣпородъ, на Рудку, на Савинцы, на Денисовку.

Адресъ: въ Борзну, Александру Ильичу Боголюбцеву (съ 35 р.).

19.

1859, апр. 28 стар. стиля.

Здравствуйте безцѣнный другъ Данило Семеновичъ!

Пишу къ вамъ изъ Кенигсберга дряннымъ нѣмецкимъ перомъ, и пишу для разогнанія тоски. Слава Богу, она начала понемногу отступать, но все еще томитъ мою душу. Стараюсь развлечь себя всякою всячиною, и нахожу, что эти старанія вовсе не такъ ничтожны, какъ мнѣ казалось. Убѣгать себя мало-по-малу можно, и я этому душевно радъ. До сихъ поръ была самая скучная часть путешествія. Ѣхали 4 ночи, или почти 4, въ почтовой каретѣ, а потомъ плыли по Нѣману два раза по 12 часовъ съ ряду—очень скучно! Жиды наполняютъ пароходы, стремясь къ Кенигсбергскому порту. Отсюда начнется желѣзная дорога. Завтра увижу Маріенбургъ, о которомъ писаніе гласитъ:

Z Marienburgskiej wieży zadzwoniono,
Działa zabrzmiły, w bębny uderżono...

Проведу ночь въ Маріенбургѣ, потомъ въ Берлинъ часовъ 10 ѣзды, а оттуда пущусь въ саксонскую Швейцарію дня на три, на четыре, пока подоспѣютъ въ Берлинъ спутники, съ

которыми, можетъ быть, я не такъ буду чувствовать глупую болѣзнь свою—скуку.

Къ великому моему счастью, отъ Пскова подсѣлъ ко мнѣ русскій французъ Марсель, поверхностный и веселый господинъ. Я съ нимъ толкую о всякомъ вздорѣ, пью и ѣмъ, какъ самый беззаботный человѣкъ. Это меня очень поддерживаетъ, какъ оно ни странно самому мнѣ. Марсель говоритъ: „Я былъ женатъ два раза, но сыновьямъ своимъ говорю: не женитесь, друзья мои, а живите съ любовницами: это гораздо честнѣе и во сто разъ будете счастливѣе!" Съ этакимъ хватомъ въ 55 лѣтъ мы расхаживаемъ между нѣмцами, молоденькими франтами, и кто на насъ ни посмотритъ, всякій подумаетъ, что ни у одного изъ насъ не скребутъ на сердцѣ кошки; а онѣ между тѣмъ скребутъ! Не совѣтую вамъ быть мною: это самое горестное существованіе, которое ничѣмъ не удовлетворено и которое мудрено удовлетворить чѣмъ бы то ни было. Настоящій мой элементъ—*война.* Я по ошибкѣ попалъ въ мирные граждане. Но, можетъ быть, я еще попаду на свое поприще. Погодите, дайте мнѣ только выздоровѣть отъ адской тоски. Кажется мнѣ, что я выздоровѣю. Видъ чужихъ городовъ и людей производитъ на меня теперь отрадное впечатлѣніе; что то тихое водворяется въ въ душѣ, и она только по временамъ вскрикиваетъ, какъ сумасшедшая...

Не забудьте объ изданіи Иванишева, о брошюркахъ въ шкапу, да еще—вручите Николаю Яковлевичу книгу, оставшуюся у меня на столѣ: Jadwiga i Jagełło. Пусть не потяготится этимъ грузомъ.

На каждый заграничный паспортъ выдаютъ въ банкѣ 60 полуимперіаловъ *). Пускай Николай Яковлевичъ возьметъ для себя; а если ему не нужны деньги золотыя, то дайте ему 300 руб. для меня, пускай привезетъ. Я останусь за границей не меньше году. Сами согласитесь, что въ Петербургѣ немного

*) И Марсель получилъ безъ всякаго промедленія.

для меня радостей зимою. Мнѣ надобно забыть все непріятное и напитаться совсѣмъ иною жизнію, а пожалуй—составить новыя связи. Надѣюсь, что вы не будете противъ этого, особенно, когда увидите, что я работаю; а работать я буду: это чувствуется. Дайте только мнѣ выздоровѣть отъ тоски.
Обнимаю васъ отъ всей души.

20.

Берлинъ. 1859, апр. 30/мая 12.

Не могу надивиться, какъ это вы всегда умудряетесь смущать меня неисправностью отвѣтовъ! Изъ Кенигсберга послалъ я на ваше имя телеграфическую депешу—нѣтъ отвѣта! Положимъ, что М. А. была больна или разстроена, или что бы тамъ у нея ни было въ душѣ, но вамъ слѣдовало немедленно передать ея слово, или ваше собственное о ней. Какъ можно не отвѣчать на телеграфическую депешу! Я въ совершенномъ отчаяніи: я вижу, что только одинъ я для себя *другъ*, а больше никто не хочетъ. Вы все считаете шуткою, что происходитъ въ моемъ сердцѣ . . . . *).

Ахъ, какъ вы подорвали меня своимъ молчаніемъ на депешу!

21.

Берлинъ. 1859, май 14 н. ст.

Наконецъ я получилъ отъ васъ телеграфическій отвѣтъ. Линія занята политическими депешами, а потому я ждалъ 26 часовъ. Вы не ожидаете, что ваши слова произвели на меня успокоительное впечатлѣніе **)...

Я намѣренъ прожить въ Дрезденѣ довольно долго,—можетъ быть до пріѣзда Макарова, которому покажите это письмо и сообщите все, что для него интересно знать. Я съ нимъ хочу путешествовать.

---

*) За симъ слѣдуетъ большой пропускъ.

**) Снова слѣдуетъ большой пропускъ.

22.

Тверь. 1859, мая 16.

Прочелъ я дорогою полученные отъ васъ листки *Повѣсти о Южной Руси.* Теперь только я вижу, какъ это плохо написано,—какъ неровно, неполно! Вырванныя цензоромъ мѣста еще больше обезобразили ихъ. Но и корректура носитъ на себѣ слѣды разбросаннаго въ разныя стороны вниманія, въ чемъ да проститъ васъ россійская публика! Помѣстите въ опечаткахъ, при журналѣ и при отдѣльныхъ оттискахъ, слѣдующія поправки:

Стр. 3, примѣч. 2-е должно было быть помѣщено первымъ.

Стр. 10, строка 11, вмѣсто *обложилъ* слѣдовало *обложили.*

Стр. 23 стр. 8, вм. *епископовъ* слѣдовало *епископствъ.*

Стр. 36, стр. 9, вм. *литературахъ* слѣдовало *литературной.*

Пожалуйста не забудьте сдѣлать указаніе этихъ опечатокъ. Особенно непріятно поразила меня послѣдняя строка, *заключительная.*

Тверь городокъ—Москвы уголокъ. Есть публичный садъ, тѣнистый и благоухающій сиренью. Волга здѣсь протекаетъ, какъ на картѣ: не умѣли ею воспользоваться и спустить къ ней сады. Вкуса къ живописности рѣшительно не достаетъ тверитянамъ. Останемся здѣсь еще сутки. Въ городѣ безлюдно, выраженіе лицъ простодушное. Насъ принимаютъ за важныхъ персонъ, что нѣсколько досадно, но вмѣстѣ и забавно. Это—отъ непривычки видѣть людей, чисто одѣтыхъ. Поплывемъ далѣе на пароходѣ общества *Самолетъ.* Я собираю мысли о Южной Руси, не напишу ли продолженія.

Не могу еще назначить вамъ, куда писать, чтобъ не опередить намъ вашего письма, но думаю, что въ Казань, poste restante, можете написать навѣрное, не дожидаясь дальнѣйшаго назначенья. Не думаю впрочемъ, чтобы было нужно вамъ писать ко мнѣ немедленно,—не о чемъ. Грустно было мнѣ оставлять васъ въ такомъ печальномъ расположеніи духа, и не вижу, что можетъ васъ развеселить. Я, слава Богу, не скучаю. Александра Михайловна кланяется вамъ усердно.

Напишите къ Мизко (Никол. Дм., въ Новомосковскъ, Екатериносл. губ.) о матеріалахъ для 3-го т. *З. о Ю. Р.* Спросите у Вольфа остальные томы Мицкевича и возьмите 1-й т. у Н. А., если ей не нуженъ.

Первоцвітъ отдадите также В. М—чу для *Хаты*. Меня занимаетъ изданіе *Хаты* посредствомъ другихъ: я былъ бы полезнѣе въ качествѣ сотрудника, право. Возня съ цензурою и съ сотрудниками поглотила бы мои силы, а при моей прямотѣ въ объясненіяхъ съ авторами, я бы вооружилъ ихъ противъ себя еще больше. Надоѣло мнѣ ссориться съ людьми.

Чувствительность мнѣ докторомъ запрещена,—
Я воду Леты пью.

23.

Нижній Новгородъ, неизвѣстно котораго мая.

Глава третья Повѣсти о Южной Руси, около одного печатнаго листа, почти готова, но вышлю ее изъ Казани. Сперва я хотѣлъ послать простымъ пакетомъ, но боюсь пропажи. Вы получите посылкою. Въ Казань же мы выѣзжаемъ завтра, а пріѣдемъ черезъ сутки. Думаю, что правительственныя распоряженія для 4-й книжки не скоро напишутся и пока наберутся, посылка моя будетъ у васъ. Я писалъ вчера къ Оболонскому.

Александра Михайловна проситъ васъ позаботиться объ ея шкафѣ, который разбирается и потому удобенъ къ переноскѣ. Поставьте его въ кабинетѣ между моей софой и стѣной.

Снеслись ли вы съ харьковскимъ нашимъ коммисіонеромъ?

Наведите справки: правда ли, что Х—ій продаетъ мои книги по удвоеннымъ цѣнамъ? Это говорилъ А—рѣ М—нѣ студентъ кіевскій Б—ерскій. Если и онъ не вѣренъ честности, то гдѣ и искать честныхъ людей?

Путешествіе по Россіи очень назидательно. Когда придется мнѣ изобразить русскаго человѣка, у меня въ умѣ будетъ много готовыхъ лицъ. Разговоръ въ каютахъ и на палубахъ бываетъ иногда очень интересенъ. Судьба швыряетъ людей за десятки

тысячъ верстъ, и здѣсь часто встрѣчаешь изъѣздившихъ огромныя пространства.

Пишите ко мнѣ въ Таганрогъ, poste restante, да не откладывайте. Ну, что *Хата?*

Каково живется вамъ на свѣтѣ?

Можетъ быть я напишу въ Казани и четвертую главу. Но если нѣтъ, печатайте одну третью, чтобъ не прерывать повѣсти, а для пятой книжки будетъ ужъ двѣ главы.

Увѣдомьте, какъ принята 3-я книжка *Народнаго Чтенія.* Не произвела ли цензурныхъ сенсацій? Жаль будетъ Оболонскаго, который хочетъ достигнуть распространенія своего журнала путемъ, противоположнымъ популярности.

На пароходѣ одинъ господинъ, не зная, кто я, сказалъ при мнѣ въ разговорѣ: „у него цензура всегда вычеркиваетъ половину". Онъ думаетъ, что и изъ *Маіора* много вычеркнуто. Я оставилъ его въ пріятномъ заблужденіи. Сблизился я съ однимъ офицеромъ, отправляющимся на Амуръ, ревностнѣйшимъ патріотомъ. Онъ много, много толковалъ о малороссійской народности, и какъ былъ бы радъ, узнавъ, что его слушаетъ одинъ изъ ея усердныхъ служителей; но имя мое осталось ему неизвѣстнымъ. Когда я вижу, что идея народности распространяется въ разнообразныхъ обществахъ и кружкахъ, я почти не вѣрю ушамъ своимъ: я слишкомъ долго носилъ ее въ душѣ непризнаваемою никѣмъ, слишкомъ долго считали меня люди ученые и благоразумные—полупомѣшаннымъ. Теперь случается слышать мнѣ толки въ пользу моей идеи отъ тѣхъ самыхъ лицъ, которые мнѣ противорѣчили; случается слышать даже ободренія и наставленія. Чудеса въ решетѣ!

24.

Казань. 1859, мая 27.

Глава третья кончена еще въ Нижнемъ Новгородѣ, но нельзя было послать въ тотъ день. Потомъ плаваніе. Потомъ первыя заботы по пріѣздѣ въ Казань по части мытья

своихъ особъ, ихъ насыщенія и прочая. Въ тотъ же день случился страшный пожаръ, истребившій, какъ говорятъ, 800 домовъ (другіе насчитываютъ 1500). Мы все смотрѣли на него. Зрѣлище было великолѣпно. Ходили еще и вечеромъ. Вечеромъ еще лучше. Устали такъ, что пока на другой день насытились кофеемъ, одѣлись и собрались выдти, было уже около 12 часовъ. Здѣсь же, на востокѣ 12 часовъ раньше, чѣмъ у васъ; а почтовая контора принимаетъ письма только до 12. Еще сутки пропали. Наконецъ посылаю рукопись вмѣстѣ съ этимъ письмомъ, страховымъ способомъ. Глава кажется, интересна очень. Четвертую откладываю, чтобъ написать получше,—тѣмъ болѣе, что она будетъ иного содержанія. Въ третьей топографія, въ четвертой—этнографія старинной Украины. А потомъ уже изъ этихъ данныхъ начну прясть нити событій, долженствовавшихъ случиться въ силу обстоятельствъ. Вышлите мнѣ пожалуйста немедленно, въ Керчь, купленную вами книгу о церковной Уніи. Я забылъ взять ее съ собою. Если я и раньше буду въ Керчи, то сдѣлаю распоряженіе о доставкѣ мнѣ оной. Надѣюсь, что вы не сердитесь на меня за молчаніе о моемъ путешествіи. А. М. все записываетъ, а я по ея запискамъ напишу потомъ для печати. Тогда и вы прочитаете. Теперь же все у меня какъ то вертится въ головѣ отъ множества впечатлѣній, часто весьма тягостныхъ. Примите также во вниманіе лѣнь, происходящую отъ жары. Смотрѣть, думать и чувствовать еще кое какъ можно, но писать—было бы истиннымъ геройствомъ. Вообще, для вашего спокойствія, скажу, что я очень доволенъ избраннымъ маршрутомъ. Волга ниже Саратова и выше Царицына соединяется съ Дономъ посредствомъ конной желѣзной дороги. Мы спустимся въ Азовское море по Дону. Тутъ я буду искать случай получить ясное понятіе о землѣ войска Донскаго. Кавказъ тоже хочется мнѣ сколько-нибудь изучить собственными наблюденіями.

Пишите ко мнѣ на всякій случай въ Саратовъ, съ припискою: въ квартирѣ г-жи Костомаровой, а навѣрное—въ Керчь, poste restante.

25.

Малиновка. Іюля 15-го, 1859.

Въ дорогѣ я испилъ холоднаго, распотѣвши, и до сихъ поръ кашляю. Голова болѣла несносно. Теперь поправляюсь и сегодня могъ уже писать. Но ощущается сильная потребность въ чтеніи для перебоя и освѣженія собственныхъ мыслей. Нечѣмъ наполнить всего времени, хотя можно каждый день кататься на хорошихъ лошадяхъ и купаться, у самаго дома, въ текучей водѣ. Исполнитесь великодушія и пришлите полученный безъ меня Р. Вѣстникъ, Современникъ и От. Записки, на имя Олимпія Мих., въ Балашовъ, сарат. губ.,—да не откладывайте, а съ первымъ же утромъ. Пишите о себѣ, ладите ли вы съ жизнью и ея заботами. Здѣсь мнѣ покойнѣе, нежели гдѣ либо до сихъ поръ. У меня отдѣльный кабинетъ, въ которомъ ничего не слышно, кромѣ шелесту садовыхъ деревьевъ передъ окномъ. Розы цвѣтутъ въ изобиліи, и свѣжій букетъ постоянно стоитъ въ стаканѣ передо мною.

Справьтесь о 1-мъ т. Пушкина и пришлите, если вышелъ.

Еще бы я хотѣлъ прочесть историковъ и публицистовъ, вышедшихъ при *Соврем.* и при *От. Зап.* Они не дороги, особенно для подписчиковъ на эти журналы. Вышлите ихъ другою посылкою.

26.

Прекрасный у васъ обычай—поступать съ выѣхавшими изъ Петербурга такъ, какъ съ вынесенными на кладбище! Я живъ еще—не безпокойтесь, и меня еще на многое хватитъ. Пишите ко мнѣ о чемъ хотите, только не молчите. Въ Малиновкѣ застряли мы потому, что я началъ писать многое и помногу. Не хочу прерывать работы. Здѣсь намъ хорошо. Никто и ничто не мѣшаетъ. Журналы получаются. Зайдите къ Совре-

меннику и направьте его сюда, а ту книгу, которая пришла къ вамъ по отправкѣ двухъ нумеровъ, пришлите вмѣстѣ съ *Исторической Библіотекой*, печатающейся при *Современникѣ*, которую немедленно купите и пришлите. А *публицистовъ* при Отеч. Зап. совсѣмъ не надо. Здѣсь мы останемся до октября, а потомъ пріѣдемъ вмѣстѣ съ Ол. Мих. Но, на всякій случай, очистите отъ всякаго посторонняго громозду и хламу кабинетъ и бывшую вашу комнату. Вашъ П. К.

10 августа, Малинка.

Историческую Библіотеку пожалуйста не откладывайте ни одного дня посылать. Очень нужна!—Помните, что для подписчиковъ Современника Историческая Библіотека отпускается дешевле.

27.

12 сентября, 1859. Малиновка на Хопрѣ

Нынѣшній день—одинъ изъ благополучнѣйшихъ въ моей жизни: я кончилъ романъ, задуманный на Волгѣ и начатый въ Малиновкѣ. Этому роману имя—*Исправницкая Дочка*; онъ содержитъ въ себѣ около 23 листовъ, или немного болѣе; онъ докажетъ моимъ друзьямъ, что я еще *живу* на свѣтѣ,—этимъ друзьямъ, которые почти всѣ оказались безсмысленнѣе и потому злѣе моихъ враговъ. Въ этомъ романѣ я слилъ комическое съ патетическимъ, и знаю, что это—лучшее мое произведеніе. Что я былъ оживленъ мыслью и чувствомъ, едва вмѣщавшимся въ слово,—доказательство вы увидите на самой рукописи, которой $^9/_{10}$ написаны безъ всякихъ помарокъ, какъ подъ диктовку. Эти три мѣсяца, которые я просидѣлъ за работою, прерываемою только купаньями въ Хопрѣ, я долженъ назвать счасливѣйшими въ моей жизни. Подобной тишины и спокойствія вокругъ меня едвали можно надѣяться и въ царствѣ небесномъ, гдѣ судя по монашескимъ изображеніямъ онаго, должна быть смертельная

скука. Я пріѣхалъ сюда все еще разстроенный и долго не могъ собрать себя, какъ выражаются нѣкоторые—очень вѣрно. Нынѣшній мой романъ мелькалъ передо мной въ такомъ видѣ, какъ противоположный берегъ Женевскаго озера изъ Hôtel des Alpes: то видно было кое-что освѣщенное солнцемъ, то полузакрывалось отъ меня туманомъ, то ничего нельзя было совсѣмъ разсмотрѣть. Я хотѣлъ *заставить* себя что-нибудь дѣлать и насѣлъ на *Липовыя Пущи*; но критика моя сдѣлалась такъ строга, что изъ шести написанныхъ главъ осталось только двѣ да прологъ, но и эти двѣ главы написаны большею частью вновь. Планъ совсѣмъ измѣнился, и по вечерамъ, слушая чтеніе, я рисовалъ разныя предполагаемыя сцены изъ событій гайдамачества. Вы увидите ихъ у Александры Мих. множество. Нѣкоторые смѣшили насъ своими драматическими надписями. Но романъ все таки двинуться не могъ: онъ еще не созрѣлъ во мнѣ. Та область мыслей и чувствъ не прожита еще мною вполнѣ. Я началъ повѣсть, извѣстную вамъ подъ именемъ *Скандалъ*, и написалъ три главы довольно живописно, но запнулся на планѣ, который не былъ обдуманъ заблаговременно. Жажда дѣятельности была у меня такъ велика, что я принялся за продолженіе *Алексѣя Однорога*, обдумалъ часть плана довольно широко и написалъ большую главу. Тутъ же началъ продолженіе *Повѣсти о Южной Руси*, но какъ вы ничего не пишете и я не знаю, нравится ли то, что напечатано и то, что послано вамъ изъ Казани, то я и бросилъ дѣло на пяти листкахъ. Между тѣмъ образовалась у меня форма задуманнаго романа и я попалъ на тонъ его. Тутъ уже все отложено было въ сторону—и романъ писался такъ быстро, что мой переписчикъ, Александра Михайловна, далеко осталась у меня позади. Въ чужой рукописи я лучше его выправлю — вотъ для чего переписывается, да страшно таки, чтобъ и не пропалъ, существуя въ одномъ экземплярѣ.

Въ журналѣ Василія Мих. я не намѣренъ помѣщать потому своего романа, что онъ—архи-малороссійскій, и я боюсь, чтобъ

не запретили журналъ прежде, чѣмъ романъ будетъ допечатанъ,—или же другая бѣда: цензоръ потребуетъ такихъ обрѣзокъ для помѣщенія въ *украинскомъ журналѣ*, что я самъ не соглашусъ печатать. Другое дѣло *Русскій Вѣстникъ*, смѣлѣйшій и солиднѣйшій изъ нашихъ журналовъ. Тутъ господствующій духъ — англійскій, прямой либерализмъ, подъ который очень подходитъ мой романъ, не смотря на его архи-малороссіянизмъ. Наша Малороссія вообще ближе къ Англіи, чѣмъ какая-либо часть имперіи. Поэтому я остановлюсь на недѣлю въ Москвѣ и предложу свои условія *Русскому Вѣстнику*. Если мои условія *Русскій Вѣстникъ* найдетъ неудобоисполнимыми, тогда для меня будетъ все равно, гдѣ ни печатать, и разумѣется прежде всего у Вас. Мих., если цензоръ прочтетъ благосклонно и подпишетъ рукопись. Conditio sine qua non. Какъ ни плохи мои финансовыя обстоятельства, но я скорѣе поселюсь въ мужицкой хатѣ, чѣмъ пожертвую искренностью убѣжденія задѣльной платѣ. Это значитъ, что печатать я не стану иначе, какъ безъ цензорскихъ помарокъ. Подтвердите Василію Мих., что статьи, отданныя ему въ журналъ я согласенъ печатать только въ такомъ случаѣ, *когда не будетъ зачеркнуто ни одно слово*, въ полномъ смыслѣ этого выраженія.

Немедленно по полученіи этого письма, вышлите въ Москву, въ магазинъ Щепкина и на его имя, шляпку Александры Мих., вмѣстѣ съ деревяннымъ ящикомъ, въ который она уложена. Въ этотъ ящикъ со шляпкою вложите мою складную шляпу, вынувъ ее изъ футляра. Мы выѣзжаемъ отсюда надняхъ и я долженъ найти посылку уже въ Москвѣ, а то намъ придется покупать то и другое вновь, поелику у насъ все лѣтнее.

Вы поступили отвратительно, что не выслали приложеній при Современникѣ. Мнѣ необходимо было прочесть исторію XVIII столѣтія. Хотя она по видимому не имѣетъ ничего общаго съ моимъ романомъ, но романъ мой вышелъ бы шире.

Что вы не выслали денегъ,—это даже коварно, если только вы не представите оправданія. Я не нуждаюсь въ нихъ, увлекшись работою и раздумавъ ѣхать далѣе, но *могъ бы* страшно нуждаться.

28.

Писалъ я къ вамъ отъ 12 сент., по почтѣ. Но можетъ быть письмо гдѣ нибудь застряло, такъ какъ теперь почтари сдѣлались, говорятъ, очень любопытны. Написалъ я, вашими молитвами, романъ *Исправницкая Дочка*, которымъ доволенъ. 23 печатныхъ листа, а можетъ быть и 25. Хочу печатать у Каткова, во избѣжаніе цензурныхъ притѣсненій, если бы я печаталъ въ *украинскомъ* журналѣ. Пишите въ Москву на имя магазина Щепкина и вышлите шляпку Ал. Мих., взявъ ее у Над. Мих. и вложите въ тотъ же ящикъ мою складную шляпу.

Сент. 15. (Москва?)

29.

8 окт. 1859. Москва.

Пришлите статью мою для *Нар. Чт.* Я не хочу ее печатать не исправивши. Постараюсь написать и продолженіе.

Не въ убыткѣ ли издатели?

Я еще ни съ кѣмъ не видѣлся.

Почему вы не позволили Симонову пожить у меня?

Готова ли квартира къ моему пріѣзду, (съ которымъ я конечно не спѣшу и спѣшить не буду)?

Сколько экземпляровъ соч. Гог. приблизительно не продано. У меня есть надежда выручить значительныя деньги за свой романъ, и пополнить ими недочетъ. Пишу большую повѣсть въ противоположномъ тонѣ. Но, ради Бога, не думайте, что моимъ перомъ управляетъ желаніе добыть деньги. Я истощилъ

всѣ усилія продолжать *Лип. Пущи* и не могъ продолжать, а это само пишется.

Шлоссера я получилъ передъ выѣздомъ.

Изъ Керчи другія письма мнѣ присланы, но ваше не прислано.

Осмотрѣвшись буду писать, что тутъ дѣлаетя между писателями.

Если есть интересныя письма ко мнѣ, пришлите; а пустыхъ не присылайте.

Вышлите въ магазинъ Щепкина шубу А—ры М—ны; а если моя пришла изъ Малой Россіи, то и мою.

Вышлите письма, которыя получены у Над. М—ны на имя А—ры М—ны.

30.

Съ полученіемъ сего, вышлите мнѣ, на мое имя, въ редакцію Русской Бесѣды, приготовленныя мною для переизданія мои сочиненія съ написанными къ нимъ предисловійцами. Послѣ узнаете, для чего это.

Реманъ свой я уже передалъ цензору Гилярову, который ко мнѣ очень блатоволитъ и обѣщалъ сдѣлать вся, елика возможна суть. А дѣло въ томъ, чтобы, во-первыхъ, рѣшить, цензуренъ ли онъ, а во-вторыхъ—зарекомендовать редакціи Р. В., если онъ ему понравится, такъ какъ сама редакція менѣе Гилярова способна оцѣнить сочиненіе изъ жизни малороссійской.

Наняли мы на мѣсяцъ квартиру, но какъ я еще не знаю имени дома, то адресуйте ко мнѣ письма въ редакцію Русской Бесѣды, съ которою я буду жить почти vis-a-vis.

Іеромонахъ Климентій напечатанъ въ Р. Бесѣдѣ со всѣми тѣми фразами, о которыхъ вы говорили: „ну, зачѣмъ такое писать, когда вы сами внаете, что этого напечатать нельзя!“ Я какъ нельзя больше кстати получилъ 193 р. 75 к.

10 октября, 1859. Москва.

31.

19 окт. (1859 г.)

Данило Семеновичъ.

Мнѣ нужны бумаги, посланныя вами на имя Мизко (Никол. Дм.), въ Новомосковскъ. Я просилъ васъ завести съ нимъ объ этомъ переписку. Если вы къ нему не писали, то увѣдомьте, чтобы я самъ могъ возобновить объ этомъ дѣло. Увѣдомьте также, взяли ли вы отъ Вольфа послѣдніе томики Мицкевича, переплели ли все изданіе по 2 томика въ одинъ корешокъ, съ буквами *N. M.*, и отправили ли къ Мизко?

Жду отвѣта на всѣ вопросы въ моихъ письмахъ, и удивляюсь, что вы отвѣчать мнѣ считаете послѣднимъ долгомъ.

Адресъ. На углу Никитской и Кисловскаго переулка, въ домѣ Зотова. Входъ съ Кисловск. переулка.

32.

Полтава Апрѣля 28. (1860 г.)

Былъ у Квитки *) и нашелъ въ немъ прекраснаго человѣка, но роскошнаго барина, который не знаетъ, какъ ему жить покойнѣе и упрочить будущность единственнаго сына, 10-лѣтняго мальчика. Употребляетъ разныя мѣры, но всѣ онѣ недѣйствительны отъ стихіи, въ которой мальчикъ живетъ. Жена Квитки умная и пріятная женщина, но тоже съ панскою придурью. Изъ Харькова уѣхалъ я скоро потому, что нашелся хорошій попутчикъ съ своимъ тарантасомъ. Очень достойный молодой человѣкъ. Онъ лѣкарь, но лѣчится самъ въ Крыму, который расхваливаетъ въ отношеніи возстановленія силъ и зоветъ меня туда убѣдительно. Можетъ быть, я поѣду изъ Одессы. Вѣрнаго ничего не знаю. Здѣсь дождусь Симонова и заѣду въ Баивщину. А теперь ѣду съ Трушковскимъ къ матери Гоголя.

---

*) Валеріана?

У Чижака Литургіи я видѣлъ экз. 50 въ старой оберткѣ. Новой онъ не получалъ. Съ первою почтою вышлите непремѣнно.

Первое мѣсто, куда ко мнѣ адресовать—въ Кіевъ, къ Быкову, а такъ какъ я можетъ быть скорѣе, чѣмъ думаю, буду въ Одессѣ, то адресуйте Александру Сем. Великанову, въ собст. книжный магазинъ, на Дерибасовской улицѣ. Это родственникъ Яхненка и заводитъ книжный магазинъ. Я ѣхалъ съ его уполномоченнымъ, Кузьминымъ. Имъ можно послать по 10 экз. всѣхъ нашихъ книгъ и Кобзаря, на коммисію. Транспортъ заплатится ими въ Одессѣ. Можно съ этимъ и не спѣшить, потому что они накупили у надувшаго ихъ Кожанчикова. А въ Орелъ—тоже и Кобзаря.

Будьте по возможности спокойны и веселы. Дѣла наши книжныя устроятся отлично, какъ вы узнаете отъ меня потомъ. Теперь некогда. Напишу уже изъ Кіева.

Вашъ П. К.

33.

1860, мая 10. Васильевка.

Симоновъ сообщилъ мнѣ о вашихъ безпокойствахъ на счетъ книгъ, которыя долженъ былъ я передать Горбунову. Изъ этого я вижу, что вы не получили моего московскаго письма. Я писалъ къ вамъ и изъ Орла, и изъ Харькова, гдѣ видѣлся съ Квиткою, т. е. гостилъ у него. Въ Полтавѣ прожилъ я сутки и уѣхалъ въ Васильевку. Оттуда воротился въ Полтаву и пробылъ трое сутокъ, въ прекрасномъ урочищѣ Трибахъ, варя съ угольщиками кашу и гуляя по цвѣтущимъ пустынямъ. Послѣ этого, полтавцы разныхъ сословій, украинцы и великороссіяне, дали мнѣ обѣдъ, сопровождавшійся множествомъ шумныхъ рѣчей и тостовъ. Интересно, въ какомъ видѣ дойдутъ до васъ объ этомъ слухи; но гости были такъ веселы и оживлены, какъ никогда. Первую рѣчь произнесъ Пильчиковъ, по рукописи, на украинскомъ языкѣ. Я отвѣчалъ ему изустно, тоже по украински, и потомъ уже всѣ говорили изустно по-украински, по-русски, по-польски, по-чешски.

Накладите немедленно ящикъ книгъ, на половину *Кобзаря* и *Хаты*, да Основьяненка экземпляровъ 10, и отправьте въ Полтаву, на имя Пильчикова, съ означеніемъ срока доставки. За это назначается плата побольше, но плату примутъ на себя книгопродавцы, и заплатится она въ Полтавѣ. Всего замѣчательнѣе, что на обѣдъ взяли билеты два бородача—калужцы. Ихъ приняли радушно всѣ гости, и одинъ изъ нихъ такъ одушевился, что импровизировалъ за обѣдомъ ко мнѣ привѣтствіе въ стихахъ, а потомъ предложилъ тостъ *за правду*.

Въ Полтавѣ я познакомился съ крымскимъ помѣщикомъ, котораго усадьба на берегу моря, возлѣ Евпаторіи. Онъ убѣдительно просилъ меня къ себѣ на морскія купанья. Замѣчательно, что онъ былъ жандармскимъ офицеромъ въ 1847 году и сторожилъ меня въ III Отдѣленіи, а теперь участвовалъ въ данномъ мнѣ обѣдѣ и провожалъ меня, въ числѣ другихъ, за 10 верстъ отъ Полтавы съ шампанскимъ, изъ сочувствія къ тѣмъ идеямъ, за которыя Дубельтъ устроилъ мнѣ прогулку изъ Варшавы въ Петербургъ.

Теперь я опять въ Васильевкѣ, куда меня просили для нѣкоторыхъ общихъ нашихъ дѣлъ, а отсюда проѣду прямо уже на дорогу къ Лубнамъ. Симоновъ уѣхалъ впередъ.

Воскресная школа въ Полтавѣ увеличивается сильно. На обѣдѣ сдѣланы были новыя для нея пожертвованія. Присутствовалъ и одинъ цивилизованный еврей, и благодарилъ рѣчью русскихъ литераторовъ въ моемъ лицѣ за наше мнѣніе въ пользу евреевъ.

Когда одинъ изъ представителей великорусской народности выразилъ сочувствіе своихъ соотечественниковъ украинской словесности, то я сказалъ, что оно засвидѣтельствовано представителемъ сѣверно-русской литературы Тургеневымъ, посредствомъ перевода Марка Вовчка, и предложилъ тостъ за здоровье переводчика. Тутъ вспомнили объ украинскихъ женщинахъ писательницахъ и пили за здоровье Марка Вовчка и Ганны Барвинокъ. Но всего не пересказать. Пишите ко мнѣ въ Кіевъ: еще успѣете.

Постарайтесь хорошенько напечатать собраніе моихъ сочиненій и немедленно высылайте цѣлый ящикъ Пильчикову, а другой въ Кіевъ. Впрочемъ, если найдется оптовый покупщикъ, то продайте, а развѣ малую часть вышлите таки, если онъ не потребуетъ *всѣ* экземпляры. Странно, что молчаніе или благосклонные отзывы журналовъ такъ мало имѣютъ вліянія на южную публику. Не только малороссіяне, но и великороссіяне здѣсь смотрятъ на мои книги и журнальныя статьи вовсе не по-петербургски, что я имѣлъ случай не разъ замѣтить и во время дороги, и въ Полтавѣ. Я не встрѣчалъ человѣка, который бы при моемъ имени не выражалъ радости, что случай позволилъ ему меня видѣть. Послѣдніе два года много сдѣлали. Репутація моя, какъ писателя, даетъ мнѣ вездѣ входъ и радушный пріемъ. Признаюсь, это очень пріятно уже потому, что доставляетъ большія удобства. Одинъ полтавецъ, изъ разряда ходатаевъ по дѣламъ, просто сдѣлался моимъ камердинеромъ, такъ что мнѣ было даже совѣстно. Я только говорилъ, чтó мнѣ нужно, и все дѣлалось и доставлялось съ величайшею радостью. Чтобъ чѣмъ нибудь отвѣчать на сочувствіе полтавцевъ, я роздалъ 12 экземпляровъ *Черной Рады*, взявши въ магазинѣ, лицамъ, произносившимъ рѣчи или стихи. Гости мои на половину только были воспитанники университетовъ, изъ учителей гимназіи и чиновниковъ; остальные изъ офицеровъ, купцовъ и мѣщанъ. Многіе, узнавъ о билетахъ поздно, собрались въ саду, по которому я долженъ былъ пройтись съ процессіею и пить шампанское подъ открытымъ небомъ. Тутъ ужъ развязались языки и у людей вовсе нелитературныхъ.

Когда готовы будутъ брошюры, то присылайте транспортъ Пильчикову: тутъ сдѣланы распоряженія о ихъ распродажѣ въ разныхъ городахъ.

Хата сдѣлала здѣсь впечатлѣніе сильное, и Галаганъ съ братіею очень глупо считаетъ вреднымъ изданіе этой книги. Что поднимаетъ въ обществѣ лучшія человѣческія чувства, то можетъ быть вредно для однихъ лицемѣровъ и плутовъ.

34.

Черниговъ. 3 Іюня 1860 г.

Данило Семеновичъ!

Не сердитесь, что рѣдко пишу къ вамъ. Напишу изъ Кіева, прочитавши ваши письма, а о довѣренности я забылъ въ Борзнѣ; но вышлю или отсюда (изъ Чернигова), или изъ Козельца.

Въ Черниговѣ я уже другую недѣлю, и провожу здѣсь время съ такимъ удовольствіемъ и пользою, какъ никогда и нигдѣ.

Вашъ П. К.

Увѣдомьте въ Кіевъ, какъ идетъ печатаніе моихъ повѣстей, которыхъ тотчасъ по отпечатаніи вышлите ящикъ, черезъ транспортъ, на имя Дорошенка. Ушибъ руку въ купальнѣ, потому пишу дурно.

Съ первою почтою извольте выслать въ Одессу мою шиту сорочку (въ столѣ) и ту, которая вышита у Надежды А—ны, но у которой не достаетъ рукава. На югѣ рѣшительно нѣтъ возможности ходить въ панталонахъ, и я уже сшилъ себѣ шелковые шаровары, а къ нимъ понадобились и украинскія сорочки.

35.

Черниговъ. 1860. Іюня 22 *).

Вы желали, Василій Михайловичъ, чтобы я „отзывался" къ вамъ отъ времени до времени. Ну, вотъ я былъ въ Борзнѣ, а потомъ въ прилуцкомъ уѣздѣ, у Бабенка, который сохранилъ въ себѣ многія черты запорожскаго рыцаря. Я провелъ у него часовъ 10 въ совершенномъ удовольствіи, какое рѣдко испытывалъ; но разказать вамъ, въ чемъ дѣло, мудрено. Какъ интересна наша Украина даже и въ послѣднемъ своемъ упадкѣ; но путе-

*) Сверху карандашемъ: „Прочитайте, Данило Семеновичъ, и защитайте, что это и къ вамъ писано.

шествовать по ней можно не всякому съ удовольствіемъ и пользою. Я самъ только теперь умѣю путешествовать, и, можетъ быть представлю доказательства, что въ самомъ дѣлѣ дѣлаю дѣло, тратя много времени и денегъ. Въ Черниговѣ люди живутъ такъ хорошо, какъ только можно желать отъ небольшаго провинціальнаго городка. Работаютъ какъ-то весело,—точно жнецы на собственномъ лану. Особенно пріятная личность—Нисъ [1]), авторъ *Заверухы*, который пришлетъ вамъ много и много драгоцѣнныхъ этнографическихъ матеріаловъ. Это имя у насъ будетъ безсмертнымъ. Это такой человѣкъ, въ которыхъ и историкъ, и поэтъ наиболѣе нуждается. Онъ межъ народомъ—свой, безъ малѣйшей натяжки. Въ сравненьи съ нимъ, я уже джентельменъ, т. е. отрозненный отъ народа недостаточностію народнаго воспитанія. Онъ учится у народа и прекрасно учится. Выше его нѣтъ у насъ этнографа, и нѣкоторая даже ...... умственныхъ даровъ помогаетъ ему черпать матеріалы для этнографіи во всей ихъ чистотѣ, безъ посторонней примѣси.

И у Глѣбова есть хорошіе стихи. Напримѣръ:

Доле моя, нене моя: де ты, озовыся!
Ой нá що жъ мы любылыся, нá що розійшлыся...

Никто больше Глѣбова видомъ, манерою и чтеніемъ не похожъ на поэта. Его назначеніе было высокое, и въ иномъ обществѣ, при иныхъ обстоятельствахъ, онъ былъ бы превосходный эстетическій критикъ и поэтъ. Но гніющая жизнь въ панскомъ нашемъ сословіи сгубила его. Онъ не живетъ, а отживаетъ, хотя и сама развалина прекрасна въ этой личности, задуманной природою въ самую счастливую минуту.

Здѣшніе сотрудники готовы печатать у васъ въ журналѣ gratis; но я вамъ совѣтую давать имъ какую нибудь плату. Все возвратится вамъ сторицею, потому что вызоветъ много трудовъ, которые безъ того существовать не будутъ. 25 и 30 р. за листъ—плата очень хорошая для нихъ, и они употребятъ эти деньги на пріисканье матеріаловъ, на собраніе свѣдѣній и пр. т. п. Надѣюсь въ Кіевѣ найти отъ васъ письмо.

---

[1]) Ст. Дан. Носъ. „Заверуха" его разсказъ, напечатанный въ „Основѣ".

36.

Іюня 28. (1860) Кіевъ.

Штролингеръ и Дейкунъ (случившійся въ Кіевѣ) сообщили мнѣ, что Литовъ [1]) получаетъ отъ Овсянникова книги, не платя за пересылку. Овсянниковъ подписываетъ такъ: *Литову, коммиссіонеру Публичной Библіотеки*, и отправляетъ въ самую Библіотеку. Тамъ прикладываютъ печать, и почтамтъ отсылаетъ, какъ казенную посылку. Этимъ способомъ Литовъ понижаетъ цѣны такъ, что за Кобзаря беретъ только 1 р. 75 к., т. е. еще четвертакъ и барыша. Постарайтесь пресѣчь это злоупотребленіе черезъ Варфоломеева, одного изъ главныхъ чиновниковъ библіотеки, знакомого со мной.

Мнѣ весело въ Кіевѣ, какъ и въ Черниговѣ. Передо мною совершаются такія чудеса, между прочимъ, что только человѣкъ, перегорѣвшій, какъ я, въ огнѣ страстей, и притомъ человѣкъ честный, можетъ не увлекаться до глупостей, ведущихъ за собой напрасныя сожалѣнія. Я однакожъ изумляюсь: какія бываютъ въ жизни явленія! Какихъ прекрасныхъ тайнъ полна движущаяся передъ нами прозаически жизнь! Какой великій поэтъ сердце человѣческое!.. Но довольно: все равно вы ничего изъ этого не поймете. А разсказывать все—былъ бы трудъ не по силамъ и можетъ быть—напрасный трудъ.

Братьевъ вашихъ я видѣлъ. Предлагалъ имъ немного денегъ,—не взяли. Окончившій курсъ очень полюбился мнѣ, и я желалъ бѣ видѣть его въ Петербургѣ подлѣ васъ. Перезывайте смѣло. Можетъ быть, я самъ его привезу, если буду возвращаться на зиму.

Пишите въ Одессу. Когда выѣду—не знаю еще, но, вѣроятно, скоро.

---

[1]) Тогдашній кіевскій книгопродавецъ.

37.

1860, Іюля 4. Кіевъ.

Сердытесь, може, тамъ на мене, сердытесь,—лаете, може, тамъ мене, лаете.

А я соби: дарма, дарма!

Я уже писалъ вамъ, что со мною тутъ происходятъ чудеса. Женщины за мной волочатся, какъ за Донъ-Жуаномъ. Это составляетъ и счастье, и несчастье моей жизни. Счастье потому, что я пріятно занятъ и забываю свое поганое прошедшее, а несчастье потому, что романы мои грозятъ мнѣ новыми бѣдствіями. Но судьба хранитъ меня до сихъ поръ чудеснымъ образомъ. До сихъ поръ я не сдѣлалъ ни одного шага, въ которомъ бы могъ горько раскаиваться. Мысль у меня стоитъ на стражѣ чувства, и потому я не погружаюсь въ преисподнюю любви. Между тѣмъ человѣкъ открывается мнѣ въ женщинѣ поразительно! Узнавая съ каждымъ днемъ, что такое женщина, я вмѣстѣ съ тѣмъ уразумѣваю лучше и нашего брата, мужчину. Раза два я чуть-чуть было не надѣлалъ глупостей, но именно судьба спасала меня. Теперь я осмотрительнѣе; но никогда не буду считать сближенье съ женщинами недостойнымъ возвышеннаго характера. Это-то и есть именно жизнь; а то, что называютъ жизнью ученые и дѣловые люди, то—надворняя работа. Истинная жизнь въ хатѣ и подъ хатою, въ виду женщины. Все, что вдали отъ нея—эпизоды, вяжущіеся съ главнымъ.

Когда то, во времена оны, Василій Блаженный[1]) высказалъ мнѣ, что въ мои годы не возможно надѣяться любви со стороны женщины, и оно было похоже на истину. Но теперь я убѣдился, что мнѣ надо было пожить на свѣтѣ и только сохраниться въ такой степени, какъ я, чтобы у женщинъ, морально развитыхъ, имѣть полный успѣхъ. Ни съ однимъ юношей не могутъ онѣ быть такъ скоро *своими*, какъ со мною... Но, можетъ быть, вы глумитесь надъ моими письмами и посылаете къ черту всѣхъ

[1]) Одинъ изъ близкихъ Кулишу людей.

Милитрисъ Кирбитьевенъ. Притомъ же у меня нѣтъ охоты описывать свои исторіи. Скажу только, что я былъ дѣйствующимъ лицомъ въ такихъ сценахъ, которыя до сихъ поръ встрѣчалъ у самыхъ смѣлыхъ и поэтическихъ романистовъ. Скажу болѣе: въ моихъ романахъ участвовали отцы, матери, братья сестры моихъ героинь—творили волю мою. Интрига, соблазнъ никогда не были и не будутъ моею цѣлью. Я хотѣлъ только жить и училъ другихъ, какъ слѣдуетъ жить. Тупость понятій или противодѣйствіе со стороны побочныхъ и стороннихъ лицъ, портили намъ дѣло, а все таки оно было дѣломъ и останется имъ навсегда для главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Одинъ изъ моихъ романовъ разстроился надолго,—пожалуй навсегда; за то другой вступаетъ въ блистательнѣйшій періодъ развитія. Сколько я узналъ тайнаго, чего не знаютъ люди, живущіе всю жизнь съ моими героинями! Какъ ясенъ для меня дѣлается механизмъ нашей семейной жизни—на разные лады и тоны! И сколько прекраснаго открылось мнѣ! Идеалъ вѣчно будетъ царствовать въ мірѣ; напрасно наши закорявѣвшіе критики вопіютъ противъ него. Но довольно. Описывать разныя встрѣчи кіевскія не буду: вы видите, что я—романистъ по преимуществу. Все прочее для меня болѣе или менѣе—сторона. Выѣзжаю изъ Кіева завтра, одинъ, но проѣхавъ 200 верстъ, буду имѣть попутчицу или попутчицъ. Жажду наконецъ постояннаго мѣстопребыванія и работы,—и къ этому все мнѣ способствуетъ чудеснымъ образомъ, какъ это ни странно вамъ читать послѣ всего вышеписаннаго. Письма мои есть не что иное, какъ уносимые вѣтромъ лоскутки изъ обширной книги: что же вы изъ нихъ поймете? Будьте только спокойны за меня. „Не загынувъ есы у неволи—не загынешъ теперъ на воли“. Въ Одессѣ буду къ 1-му августа, не раньше. Но вы пишите такъ, какъ бы я прямо туда ѣхалъ. Лучше пускай письма меня ждутъ, чѣмъ я писемъ.

38.

Корсунь. 1860, іюля 9.

Извольте, Данило Семеновичъ, выслать на имя Варѳоломея Григ. Шевченка транспортъ всѣхъ нашихъ изданій на сѣверно-русскомъ и украинскомъ языкахъ въ *Корсунь, кіевской губ.*, кромѣ Гоголя. Вышлите не одинъ, а два ящика. Онъ возьмется за торговлю по ярмаркамъ. У него есть хороши хлопци, а онъ—купецъ и платитъ гильдію. Этимъ способомъ онъ хочетъ попробовать книжную торговлю, а потомъ взяться и за неподвижную, основавши лавку въ какомъ-нибудь удобномъ для этого дѣла городѣ. Высылайте жъ съ назначеніемъ срока, приплативши немного за это лишняго. Нѣтъ, здѣсь будетъ заплачено за книжки т. е. за ящики.

Тутъ мыни добре. Купаюсь гарно въ каскадахъ, и братъ Шевченкивъ—дуже розумный и гарный чоловикъ. Отъ и все. Не люблю богато пысаты. Вы мене знаете, а я васъ. Не сумуйте про мене—не зопсуюсь, дарма що нибы-то, байдыкы бъю да за жиноцтвомъ знай ганяюсь.

Брошюрокъ прысылайте найбильше.

39.

Гдѣ я теперь? А вотъ гдѣ. Проѣхалъ я изъ Корсуня еще разъ черезъ жидовскій Богуславъ, сдѣлалъ двѣ станціи—и опять зацѣпился, найдя въ Лысянкѣ превосходный садъ. Онъ хорошъ не только рѣкою Тикичемъ, не только скалистыми берегами, но и своею пустынностію. Владѣльцы давно его оставили, и только рыбаки да сторожа владѣютъ имъ. Вчера я купался, бросаясь со скалы въ трехсаженную глубину; потомъ пилъ превосходную воду изъ превосходной каменной криницы, потомъ слышалъ журчанье минеральныхъ ключей, стремящихся въ скалистую и кой-гдѣ окутанную высокими бурьянами рѣку. Деревья тихо шумѣли. Вдали гремѣлъ громъ; тучи величественно надвигались и омрачали водное зеркало. Я рѣшился провести

въ этомъ картинномъ уединеньи нѣсколько дней. Въ саду—домикъ на подобіе хатки; въ виду ея—полуразрушенная постройка минеральныхъ ваннъ, въ которой, какъ говорятъ, по ночамъ неистовствуютъ черти. Попробую читать и писать. Еще не знаю, можно ли мнѣ будетъ зажить въ самомъ саду. Впрочемъ, онъ—въ нѣсколькихъ шагахъ отъ станціи, и дорога черезъ огороды.

Какъ пріятно быть любимымъ, Боже, какъ это пріятно! И пустыня населена тогда роскошными грезами, и одиночество—вовсе не одиночество. Еще недавно я получилъ такія письма, которыя вознаграждаютъ меня за многое прошедшее. Теперь только я начинаю жить, и на это у меня самыя отрадныя доказательства. Но не воображайте какой нибудь пошлой исторіи.

. . . .

До сихъ поръ я къ нимъ не прикасался, и если это когда нибудь—не скоро, очень не скоро—случится, то не иначе, какъ самымъ достойнымъ человѣка образомъ. Впрочемъ, такая чистая, такая романическая и необыкновенная связь дѣлаетъ остальное почти ненужнымъ. Душа слишкомъ занята, слишкомъ много испытываютъ обѣ стороны.

Но, можетъ быть, въ Одессѣ ждутъ меня ваши письма, требующія немедленнаго отвѣта; а я подвигаюсь такъ медленно впередъ. Вѣрьте, что иначе невозможно. Вы знаете, что я вообще не медлителенъ. Будьте на мой счетъ спокойны, сколько можете. Довольствуйтесь тѣмъ, что я спокоенъ, бодръ духомъ и всѣ мои способности при мнѣ. Вы знаете, въ какомъ я состояніи выѣхалъ изъ Петербурга. Вы сомнѣвались даже, чтобъ я *могъ* успокоиться, и не воротился въ Петербургъ преждевременно. Нѣтъ, я смотрю все на полудень: тамъ соединены для меня всѣ моральные интересы, и не знаю, когда стану смотрѣть на сѣверъ. Побудьте безъ меня малу-толику; дайте мнѣ отдохнуть и обновиться душой и тѣломъ. Это стоитъ всего, что дѣлалъ бы я въ Петербургѣ.

Къ вамъ будутъ доходить нелѣпые толки обо мнѣ. Они доходятъ и до меня. Я смѣюсь безъ всякой горечи. Какъ мало

люди способны проникать въ истину даже и тогда, когда передъ ними не скрываешься. Чѣмъ проще дѣйствуешь, тѣмъ глубокомысленнѣе они догадываются, въ чемъ дѣло. Здѣсь фантазія у разнокалиберныхъ моихъ судей разыгралась до того, что меня считаютъ какимъ то агентомъ правительства. Кому изъ нихъ придетъ въ голову, что такой человѣкъ, какъ я, ищетъ тихаго убѣжища, какъ подстрѣленная птица? Мой веселый, оживленный видъ, сердечная радость, проглядывающая въ моихъ рѣчахъ о разныхъ разностяхъ—сводятъ моихъ наблюдателей съ ума, и они не могутъ рѣшить, какой именно бѣсъ или какіе бѣсы сидятъ въ этомъ человѣкѣ. А въ немъ тихо поютъ ангелы, но только никому не передаетъ онъ, о чемъ поютъ они. Да и какъ передашь? и кто этого стоитъ?

Пишите въ Одессу. Надѣюсь быть тамъ къ 1-му августа непремѣнно, а пожалуй и раньше. Обнимаю васъ крѣпко.

(1860 г.) Іюля 16. Лысянка.

Получено отъ управляющаго разрѣшеніе занять хатку въ саду, и съ нынѣшняго утра я предаюсь всѣмъ наслажденьямъ бытія: т. е. купаюсь въ рѣкѣ, или беру въ оной постройкѣ ванну желѣзистой, а не то—сѣрной воды. Тутъ же ловятъ рыбу, и я выбираю любую для ухи, которую варитъ рыбалка-дидъ въ казанку. Кругомъ—поля, усѣянныя копами и жнецами. Да, кое-что удается и нашему брату!

40.

Подвижная книжная торговля В. Г. Шевченка опирается теперь на Великанова, который даетъ на первый разъ 500 р. для устройства и выправки въ дорогу возовъ съ книгами, да открываетъ книгами неограниченный кредитъ, а когда дѣло пойдетъ успѣшно, то дастъ Шевченку жалованье, равное нынѣшнему его содержанію, чтобы тотъ оставилъ управительство и и весь отдался книжной торговлѣ. Въ число книгъ для Шевченка намѣшайте молитвенничковъ гражданской печати, да поскорѣе высылайте.

Сержусь на васъ за нелѣпое ваше молчаніе. Адресуйте теперь письма *въ Ялту, таврической губ.*, на имя *Александра Андр. Иванова, на дачу Абазы.* Въ Одессѣ я другія сутки.

(1860 г.) 22 іюля. (Одесса).

41.

(1860 г.) Іюля 25. Кіевъ.

Насилу добрался до Кіева. На почтовой станціи за Козельцемъ столкнулся съ Александровичемъ [1]), котораго имѣніе въ 4 верстахъ отъ станціи, и долженъ былъ заѣхать еще къ нему на сутки. У него можно будетъ проводить по нѣскольку осеннихъ и зимнихъ мѣсяцевъ, никого не стѣсняя и не будучи никѣмъ стѣсняему.

Я не понимаю вашего вопроса о моей *внутренней жизни.* Если вы подъ этими словами разумѣете авторство, то я ничѣмъ не могу васъ „успокоить". И неужели для вашего спокойствія я долженъ вѣчно быть беременною и рождающею женщиною? Я доволенъ своимъ внутреннимъ миромъ—чего жъ вамъ еще больше? Къ Петербургу чувствую отвращеніе и никогда желалъ бы въ него не возвращаться. Мнѣ кажется, что я всего только двѣ недѣли, какъ выѣхалъ изъ этого скопища нечестивыхъ. Но я вовсе не полнѣю, потому что сильно живу и иногда не сплю отъ нервическаго раздраженія. Научился множеству новыхъ пѣсенъ. Въ Петербургѣ у меня не было голосу, а теперь есть. Въ Петербургѣ я былъ такъ подавленъ, что оченъ рѣдко просилъ даже васъ спѣть что-нибудь, а теперь пою или насвистываю безпрестанно. Душевное здоровье мое очень поправилось, и меньше всего я думаю *) . . . .

Портретъ Котляревскаго вложенъ въ экземпляры Марка Вовчка, отправленные къ вамъ изъ Борзны.

Книги въ Полтаву пошлите, разумѣется, для продажи. Что за подарки такіе!

---

[1]) Митрофанъ Николаевичъ.

*) Слѣдуетъ въ двѣ строки пропускъ.

Великановъ пишетъ изъ Одессы отъ 2 іюня, что у него ужъ почти вышли мои изданія, пріобрѣтенныя отъ Кожанчикова. А вы, вѣрно, до сихъ поръ не собрались послать.

Въ Черниговѣ транспортъ до сихъ поръ не полученъ.

Орисю не худо бы напечатать, вмѣстѣ съ Путешествіемъ по тому свѣту и Очаковскою бѣдою. Можетъ быть, я вышлю сіи послѣднія въ испр. видѣ.

Конечно, вы на чиновническія мнѣнія Блаженнаго не обратите никакого вниманія.

Изъ *Хаты* печатайте что хотите и какъ хотите. Да и вообще поступайте, какъ хотите съ моими сочиненіями. Я не знаю, сколько печатать *Хаты*. Не 600 ли? Любители удовлетворены, такъ едва ли больше раскупится.

Не торопитесь печатать брошюрокъ. Еще будетъ время для Натали, которую надо сократить.

Довѣренность послана изъ Козельца.

Братьевъ найду. Я только вчера пріѣхалъ. Пишите на имя Великанова, а кратко—въ Кіевъ, на имя Хильчевскаго,—на всякій случай.

Быковъ уѣзжаетъ на Кавказъ и передастъ дѣла по изданію въ руки другого зятя, Головни. Я напишу, чтобъ доставили вамъ адресъ, какъ высылать деньги [1]. . . . .

---

1) Засимъ слѣдуетъ пропускъ.

ЗАМѢТКИ О МАЗЕПѢ.

(*По поводу книги Ѳ. М. Уманца „Гетманъ Мазепи“*).

(*Окончаніе* [1]).

„*Шведская инкурсія*“. Эта глава едва ли не самая интересная въ книгѣ г. Уманца, такъ какъ въ ней разсказывается заключительный актъ политической жизни Мазепы, который собственно и придалъ имени этого человѣка, можно сказать, всеобщую извѣстность.

Разсказывая объ этомъ драматическомъ эпилогѣ Мазепиной жизни, г. Уманецъ ставитъ три вопроса: 1) измѣняя, чего хотѣлъ Мазепа? 2) Почему не удалась измѣна? и 3) Какое вліяніе неудавшаяся измѣна имѣла на малорусскій народъ? Исходной точкой для разрѣшенія перваго вопроса служатъ автору слѣдующія положенія:

а) „Глубокій старикъ и бездѣтный вдовецъ, Мазепа, въ случаѣ удачи, не можетъ воспользоваться плодами своей измѣны. Слѣдовательно, личное честолюбіе и выгода, не объясняя измѣны, не очерчиваютъ и ея цѣль“.

б) „Онъ не могъ работать для родственниковъ; будучи знатокомъ Малороссіи, Мазепа, не могъ думать о наслѣдственной передачѣ гетманства“.

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1898 г., №№ 3 и 4.

в) Самъ Мазепа, по свидѣтельству Орлика, такъ выразилъ причины своего замысла, въ рѣчи къ единомышленной старшинѣ: „Присягаю, что я не для приватной моей пользы, не для высшихъ гоноровъ, и не для оныхъ яковыхъ прихотей, но для васъ всѣхъ, подъ властію и региментомъ моимъ зостаючихъ, для женъ и дѣтей вашихъ, для общаго добра матки моей, отчизны бѣдной, Украины, всего Войска Запорожскаго и народу малороссійского, и для подвышеня и розширеня правъ и вольностей войсковыхъ"... Изъ другихъ словъ Орлика можно предполагать, что Мазепа желалъ полной независимости Малороссіи. Къ этому г. Уманецъ добавляетъ: „да и могло ли быть иначе? Шансы на популярность и, пожалуй, нѣкоторые шансы успѣха имѣла только идея самостоятельнаго государства".

Значитъ, вотъ чего хотѣлъ Мазепа, по мнѣнію г. Уманца. Свидѣтельству Орлика, о томъ что Мазепа обращался къ старшинѣ съ этою рѣчью, конечно, не представляющею собою буквальнаго ея содержанія, слѣдуетъ вѣрить, такъ какъ это обстоятельство во время написанія Орликомъ своего письма, могло быть повѣрено живыми свидѣтелями, хотя бы, напр., Апостоломъ. Но дѣло не въ томъ. Насколько патріотизмъ Мазепы былъ искрененъ? Насколько Мазепа на самомъ дѣлѣ могъ имѣть въ виду лишь одно „общее добро отчизны"?

Мазепа гетмановалъ двадцать два года,—время совершенно достаточное для того, чтобы можно было познакомиться, какъ съ общественною его дѣятельностью, такъ и съ личнымъ характеромъ этого человѣка. Правда, источникомъ для такого знакомства служитъ почти исключительно письменный матеріалъ офиціальнаго характера. Мазепинское время бѣдно и чужими, сосѣдними, мемуарами, а своихъ за это время и совсѣмъ нѣтъ; бѣдно оно и другимъ письменнымъ матеріаломъ частнаго характера, напр. частною перепискою. Мало сохранилось бумагъ и мѣстныхъ офиціальныхъ изъ мазепинскаго времени, такъ какъ тѣ архивы, гдѣ хранились бумаги объ офиціальной дѣятельности Мазепы, погибли въ пожарѣ Батурина...

Что же за человѣкъ былъ Мазепа?—Не смотря на бѣдность матеріала, у историка все же остается извѣстное представленіе о личности этого гетмана послѣ знакомства съ тѣмъ печатнымъ и архивнымъ матеріаломъ о Мазепиномъ времени, который сохранилси и извѣстенъ... Достаточно прочтено архивнаго матеріала, касающагося времени Мазепы, и пишущимъ эти строки, при чемъ личность послѣдняго всегда интересовала читающаго, и каждая черта изъ дѣятельности этого гетмана присоединялась къ суммѣ представленій о немъ. Намъ Мазепа представляется, прежде всего, человѣкомъ, любившимъ власть и умѣвшимъ ею пользоваться. Не имѣя семьи, Мазепа личные интересы сосредоточивалъ въ этой самой власти. Близкое знакомство съ польскимъ аристократизмомъ и его личная тенденція къ этому аристократизму дали основаніе Мазепѣ устроить около себя „дворъ" не съ одними „дворянами", но и съ подраздѣленіемъ ихъ на *крайчихъ, конюшихъ* и проч. Мазепа скоро усвоилъ себѣ тотъ *гоноръ*, который заставлялъ окружавшихъ его людей смотрѣть на своего регіментаря если не съ уваженіемъ, то съ преклоненіемъ. Затѣмъ, это былъ человѣкъ холоднаго разсчета, выгоды или не выгоды въ томъ или другомъ дѣлѣ. Природный умъ Мазепы былъ еще изощренъ его жизненными перипетіями и въ особенности частыми сношеніями съ геніальнымъ и сильнымъ *повелителемъ*, въ лицѣ Петра В.—Близкихъ людей, не говоря уже о друзьяхъ, у Мазепы нѣтъ. Да онъ въ нихъ и нужды не чувствовалъ, потому что совершенно удовлетворялся своимъ превосходствомъ надъ окружающими. Самымъ близкимъ человѣкомъ, въ сферѣ офиціальной дѣятельности, у Мазепы долженъ былъ быть генеральный писарь. Съ перваго дня его гетманства и до 1700 г. должность эту занимаетъ добрый и по своему честный, но вполнѣ безличный (такихъ людей въ Малороссіи называютъ „плохими")—Кочубей. Никакой оригинальности въ этомъ человѣкѣ не было, но въ ней Мазепа и не нуждался, потому что совѣтники для него были лишними. Ему нужны были у подчиненныхъ: умѣнье и исполнительность. Качества эти у Кочубея, въ сферѣ его дѣятельности, должны были быть потому, что Мазепа очень долго держалъ его около себя

на писарствѣ. Отношенія съ старшиною у Мазепы были сухія. Кого жаловалъ или кто былъ нуженъ—того онъ щедро награждалъ, а кого не любилъ и за кѣмъ не стояла многочисленная родня,—тѣхъ не миловалъ. Зналъ онъ личныя дѣла своей старшины до мелочей; зналъ, кто богатъ, а кто бѣденъ. Велъ себя съ этою старшиною такъ, что высшіе урядники „Войска" не смѣли дѣтей женить, „не доложившись" своему „региментарю". Уряды раздавалъ и отнималъ по своему усмотрѣнію. Подарки за уряды бралъ несомнѣнно. Непотизму при Мазепѣ было широкое мѣсто. Въ случаяхъ болѣе или менѣе сложныхъ, хитрилъ и говорилъ одно, а дѣлалъ другое, какъ это дѣлаютъ вообще умные и разсудочные люди.—Такимъ представляется намъ Мазепа.—Для нѣкоторыхъ изъ указанныхъ здѣсь чертъ его характера имѣются прямыя доказательства, для другихъ—сопоставленіе извѣстныхъ фактовъ, а для третьихъ—та вѣроятность, которая является естественнымъ послѣдствіемъ частыхъ встрѣчъ съ человѣкомъ, хотя бы только и на страницахъ разнообразнаго содержанія документовъ...

Могъ ли быть Мазепа тѣмъ патріотомъ, какимъ онъ себя рисуетъ въ рѣчи къ старшинѣ?—Мы бы сказали, что нѣтъ, основываясь на томъ, что Мазепа въ лѣвобережной Малороссіи былъ человѣкъ чужой, и она ему была чужою... Никакихъ воспоминаній, никакихъ симпатій съ лѣвымъ берегомъ у Мазепы не связывалось. На лѣвый берегъ Мазепа пришелъ, имѣя отъ роду во всякомъ случаѣ лѣтъ подъ сорокъ. Нашелъ онъ здѣсь обстановку частной жизни совсѣмъ не ту, къ которой привыкъ съ молодости. Связью съ лѣвобережной Малороссіей у него служило одно—власть. Не будь этой власти, ему не зачѣмъ было бы оставаться на лѣвомъ берегу; онъ удалился бы на правый берегъ, гдѣ внѣшняя культура у людей была та, съ которою онъ сроднился и отсутствія которой на лѣвомъ берегу онъ, должно быть, не могъ не чувствовать.

Задумавъ отторженіе Малороссіи отъ Московскаго государства, Мазепа разумѣлъ конечно одну только лѣвобережную Малороссію, потому что только надъ нею онъ властвовалъ. Правый берегъ онъ могъ имѣть въ виду лишь въ послѣдствіи...

Но могла ли быть у Мазепы какая нибудь прочная связь съ лѣвобережнымъ народомъ?—Вѣдь его же долженъ былъ онъ имѣть въ виду, когда произносилъ свою клятву предъ старшиною, а не одну эту старшину: Ломиковскихъ, Максимовичей, Зеленскихъ и другихъ своихъ болѣе или менѣе *близкихъ*... Нѣтъ у насъ свѣдѣнiй о томъ, какъ почиталъ народъ Мазепу, но есть отголоски уличнаго мнѣнiя о Мазепѣ батуринскаго населенiя... Мнѣнiе это было далеко не въ пользу гетмана: народъ говорилъ о немъ, какъ о человѣкѣ, не оставлявшемъ „мелкихъ, эротическихъ похожденiй“ и въ старости... Были и другiе слухи, что достаточно было съ Мазепою „покумиться“, чтобы „взять власть“ и позволять себѣ насилiя... (Опис. Ст. Малор., II, 389). Вотъ этотъ самый Мазепа будто бы задумалъ напречь всю свою духовную мощь, чтобы освободить „отчизну“ отъ гибели московской и шведской! Ничего опредѣленниго мы не знаемъ о той формѣ, въ которую должна была, по мыслямъ Мазепы, преобразиться освобожденная отчизна. Г. Уманецъ полагаетъ, что имѣлась въ виду „полная независимость Малороссiи“. Дѣйствительно, въ письмѣ Орлика находимъ свидѣтельство, что Мазепа, въ случаѣ первыхъ шаговъ успѣха, предполагалъ писать Петру: „мы, будучи свободнымъ народомъ, свободнѣ теперь отходимъ и подъ протекцiей короля шведского *совершенного нашего освобожденiя будемъ ожидать*“... Такимъ образомъ, какъ будто выходитъ, что Мазепа, разсчитывая на затрудненiе Петра В. въ шведской войнѣ и надѣясь на удачу шведовъ, имѣлъ въ виду „отойти отъ Московскаго государства и стать, въ видѣ „свободнаго народа“, подъ протекцiю Швецiи... Слѣдуетъ думать, что это былъ лишь временный разсчетъ у Мазепы, такъ какъ Швецiя отъ Украины, по своему географическому положенiю, была слишкомъ далека. Непосредственными сосѣдями у малорусскаго народа оставались все таки тѣ же—Московское государство, Польша и Крымъ. Среди этихъ народностей приходилось жить Украинѣ въ случаѣ удачи Мазепинаго замысла. Но трудно, да пожалуй и совсѣмъ невозможно было Украинѣ прожить среди этихъ сосѣдей, не попавъ подъ протекцiю, а то и подъ ферулу, одного изъ нихъ, какъ это было съ Украиной во

всѣхъ предыдущихъ вѣкахъ, начиная съ паденія княжеской Руси. За протекціей Швеціи должна была слѣдовать чья-либо иная... Московская протекція въ этотъ моментъ была уже невозможна, а крымская—и всегда была непрочна и ненадежна. Оставалась протекція—Польши, столь знакомой для Малороссіи по недавнему прошлому, а для Мазепы—по личнымъ къ ней отношеніямъ. Трудно допустить предположеніе, чтобы Мазепа, при его умѣ и опытности, могъ питаться идеей о „самостоятельномъ государствѣ", такъ какъ исторія не представляла такого примѣра въ судьбахъ Украины. Малорусскій народъ, обособленный этнографически, никогда, повидимому, не выразилъ тенденціи къ политическому обособленію, даже въ наиболѣе благопріятный для того моментъ—въ половинѣ XVII в. Едва ли могло быть мѣсто такой тенденціи со стороны народа и спустя болѣе чѣмъ полвѣка послѣ сего момента. Конечно, популярный властелинъ могъ до нѣкоторой степени развить въ народѣ такую тенденцію, но Мазепа такимъ властелиномъ не могъ быть потому, что онъ не пользовался никакою популярностью и вообще далеко стоялъ отъ народа, по условіямъ прежней своей жизни. Поэтому, намъ кажется, что Мазепа, замысливъ отложеніе отъ Русскаго государства, необходимо имѣлъ въ виду постоянную протекцію другого своего сосѣда. Выбора между Крымомъ и Польшею не было. Онъ долженъ былъ разсчитывать прикрыться тѣмъ же польскимъ крыломъ, какимъ полвѣка назадъ думалъ прикрыться и Выговскій. Программа обособленнаго политическаго бытія Малороссіи въ гадяцкихъ „пактахъ" была готова. А по доносу Кочубея, Мазепа ихъ читалъ передъ измѣной, и не одинъ, а въ присутствіи единомышленной ему старшины. Протекцію Польши имѣлъ въ виду Мазепа, когда совѣтовалъ Кочубею не торопиться съ выдачею дочери за Чуйкевича, а подождать, пока явится возможность выбрать жениха изъ числа шляхтичей „зъ лядской стороны" *„якъ будемъ зъ ляхами въ едности"*. (Источн. Мал. Ист., Бант.-Кам., II, 101). Въ Польшѣ мы видимъ цѣль Мазепы послѣ того, когда онъ разсчитывалъ, при помощи Швеціи, освободиться изъ подъ ферулы Русскаго государства. Вотъ

чего хотѣлъ Мазепа!—сказали бы мы въ отвѣтъ на первый вопросъ г. Уманца.

Почему же не удалась измѣна?—Для рѣшенія этого вопроса взглянемъ сначала на первые шаги Мазепинаго замысла въ его дѣйствіи, когда Мазепа 30 октября 1708 г., покинувъ Батуринъ, направился къ шведамъ. Г. Уманецъ видитъ стеченіе цѣлаго ряда неблагопріятныхъ условій, явившихся послѣ того, какъ Мазепа открылъ свой замыселъ. Первая неудача заключалась-де въ томъ, что Карлъ рѣшилъ идти въ Малороссію, и слѣдовательно направлялъ за собою и армію русскую „на послѣднюю Украины руину". Затѣмъ, будто бы вступленіе шведовъ чрезъ Стародубскій полкъ было роковымъ какъ для шведовъ, такъ и для Мазепы. Это потому-де, что „этотъ полкъ позднѣе сдѣлался независимымъ отъ польскаго владычества, былъ менѣе *проникнутъ* козацкимъ духомъ и ранѣе всѣхъ другихъ вышелъ на дорогу сліянія съ общерусскимъ типомъ... Карлъ и Мазепа, разобщенные отъ Запорожья и приднѣпровскихъ полковъ, ограниченные предѣлами одного Стародубскаго полка, сразу очутились какъ бы въ мѣшкѣ. Вслѣдствіе такого оборота дѣла, прежде всего отпадала вторая часть плана Мазепы—самостоятельное возстаніе южной Малороссіи и Запорожья... Но у Мазепы остается еще одинъ шансъ: быстрый переходъ шведовъ къ Батурину и далѣе, въ Полтавскій полкъ..." Но Карлъ „почему то медлилъ". Это обстоятельство было причиною, что „вмѣсто того, чтобы, выждавъ шведовъ (въ Батуринѣ?) въ кругу старшинъ, показавъ имъ на югѣ волнующееся козацкое море и поднимающійся народъ на сѣверѣ, идти далѣе при кликахъ заразительнаго энтузіазма, среди волнъ возставшаго народа, Мазепа долженъ теперь самъ спѣшить къ шведамъ на сѣверъ, въ сомнительную Стародубщину, провожаемый отрядомъ *наполовину разбѣжавшихся козаковъ* и *двусмысленными взглядами населенія*, относительно равнодушнаго къ идеѣ независимой Малороссіи"... Къ довершенію полной неудачи, Меншиковъ обошелъ Мазепу и шведовъ и—истребилъ Батуринъ... „Узнавъ объ этомъ, Мазепа сказалъ: Украина устрашенная Батуриномъ, будетъ бояться

вмѣстѣ съ нами держаться".—Неожиданный приходъ шведовъ въ Малороссію если и нарушилъ планы Мазепы, то все же не долженъ былъ имѣть гибельнаго значенія для его дѣла, такъ какъ для осуществленія этого плана имѣлась въ виду главнымъ образомъ *сила* шведовъ, ихъ превосходство надъ русскимъ войскомъ. Сила эта осталась въ прежнемъ положеніи. Вступленіе шведовъ въ Малороссію чрезъ Стародубскій полкъ тоже, если и имѣло невыгоду для Мазепы, то не потому, что этотъ полкъ „ранѣе вышелъ на дорогу сліянія съ общерусскимъ типомъ" (Рославецъ не представлялъ собою полка и никакой солидарности между Рославцомъ и населеніемъ полка—*не было*), а потому, что полковникомъ въ немъ былъ Скоропадскій, въ которомъ Мазепа положительно ошибся: онъ не сомнѣвался въ единомысліи этого полковника, упустивъ изъ виду, что Скоропадскій былъ безличный и всего боявшійся человѣкъ; боялся онъ и Мазепы, находясь около него, но еще больше убоялся русскихъ войскъ, когда они явились въ Стародубщину. А тутъ прибавился и другой противникъ для Мазепы—новгородсѣверскій сотникъ Журавка. Вотъ эти два лица сильно помѣшали Мазепѣ, но только въ такомъ случаѣ, когда онъ имѣлъ хотя какое-нибудь основаніе полагать, что послѣ объявленія своего рѣшенія идти на соединеніе къ шведамъ, онъ не встрѣтитъ „двусмысленныхъ взглядовъ населенія". Г. Уманецъ полагаетъ, что Стародубскій полкъ разобщалъ Мазепу отъ приднѣпровскихъ полковъ и Запорожья, а что еслибы Мазепа, соединившись со шведами въ Батуринѣ, „въ кругу старшинъ" и при наличности не „разбѣжавшихся еще козаковъ", перешелъ на югъ („въ Полтавскій полкъ"), то тогда явилась бы другая картина. Тогда, полагаетъ г. Уманецъ, „заволновалось бы козацкое море на югѣ, поднялся бы народъ на сѣверѣ (т, е. въ той же Стародубщинѣ), и Мазепа пошелъ бы далѣе при кликахъ заразительнаго энтузіазма, среди волнъ возставшаго народа..." Никакихъ основаній для подобнаго представленія въ исторіи не имѣется... Если исключить Запорожье и нѣкоторые по-орельскіе городки (входившіе въ составъ Полтавскаго полка), то нигдѣ, а въ томъ числѣ и въ приднѣпров-

скихъ полкахъ, за все время восьмимѣсячнаго пребыванія шведовъ въ Украинѣ, мы не знаемъ ни одного случая, когда бы въ народѣ раздался хоть какой-нибудь „кликъ" сочувствія къ Мазепѣ или когда бы хотя незначительная группа того же народа проявила что нибудь похожее на „возстаніе" [1])... Дѣйствительно, народъ былъ „равнодушенъ къ идеѣ независимой Малороссіи", потому что эта идея не помѣщалась въ его сознаніи... Когда народу говорили о возможности освобожденія отъ „московской неволи", (если только говорили), то онъ, обращаясь къ своимъ воспоминаніямъ, могъ видѣть только *неволю* польскую. Послѣдняя ему хорошо была знакома съ ея *панами*. Объ уніи мы не говоримъ, потому что уніи лѣвобережная Малороссія не знала, но *пановъ*—съ чужою религіей, съ чужимъ языкомъ и главное—съ безграничною ихъ властью, народъ хорошо помнилъ, потому что въ юридическихъ актахъ, при опредѣленіи событія извѣстнымъ временемъ, то и дѣло слышится изъ устъ народа—„то было за пановъ"; не говорили, что то было „за ляховъ" а именно—„за пановъ", потому что на лѣвомъ берегу Днѣпра не „ляхи" дали себя знать (т. е. не преслѣдованія, напр., религіозныя), а „паны", т. е. гнетъ экономическій. „Панами" опредѣлялось время польскаго владычества. Послѣ изгнанія поляковъ изъ лѣвобережной Украины и послѣ присоединенія послѣдней къ Москвѣ, народъ освободился отъ неограниченной власти *пановъ*-

---

1) Къ Днѣпру прилегали слѣдующіе полки: Кіевскій, Переяславскій, Лубенскій, Миргородскій и Полтавскій. Если къ нимъ присоединить небольшой Прилуцкій полкъ и южную часть Нѣжинскаго, то и явится *вся* степная Малороссія (такъ называемыя—*Поля*). Посему указаніе г. Уманца на приднѣпровскіе полки нѣсколько неясно. Не Стародубскій полкъ разобщалъ Мазепу съ *Полями*, а Нѣжинскій. Кромѣ Запорожья, участіе въ „измѣнѣ" Мазепы принимало отчасти и населеніе По-орелья, всегда находившееся въ единеніи съ ближайшими своими сосѣдями—запорожцами. (Это обстоятельство и было источникомъ для замѣчанія извѣстнаго епископа Мефодія, что „запорожцы съ полтавцы живутъ совѣтно, что мужъ съ женой"). Объ участіи по-орельскихъ городковъ въ „измѣнѣ" имѣются два свѣдѣнія: 1) у Костомарова („Мазепа", 520), объ „истребленіи всѣхъ жителей" Маячки и Нехвороща и 2) въ хроникѣ Крекшина (Библ. для Чтенія 1850 г., т. 97 п.[1] отд. III, стр. 81), гдѣ читаемъ: „изъ Мячковъ (Маячки) измѣнники козаки ушли до Царичанки и тамъ засѣли, и для взятья оного мѣста посланъ бригадиръ Эгеймъ".

поляковъ. Если, на смѣну ихъ, къ началу XVIII в. и народились новые паны, то разница между ними и поляками была огромная: сколько селъ въ Малороссіи было *ратушныхъ*, вовсе не знавшихъ новыхъ пановъ, и какъ легки были переходы изъ одного села въ другое! Ничего не стоило покинуть жестокаго пана, нужно было лишь пожертвовать *грунтомъ*, а свободныхъ грунтовъ было много. Тяжелы были для народа лѣвобережной Малороссіи гетманскія междоусобицы, когда проходившія войска, свои, русскія, а подъ часъ и татарскія, „выбривали" [1]) цѣлыя села. Но съ уходомъ со сцены Брюховецкаго и Дорошенка, эти междоусобицы кончились. Послѣ этого, начиная съ Многогрѣшнаго, тяжела стала народу воинская повинность и содержаніе войскъ, какъ своихъ (охотницкихъ), такъ въ въ особенности русскихъ. Во всякомъ случаѣ, при сравненіи тѣхъ условій народной жизни, которыя имѣли мѣсто при полякахъ и которыя настали послѣ изгнанія ихъ,—нечего было и говорить, что народъ возвращаться къ „ляхамъ"—желать не могъ. Ферула „москалей" была гораздо легче: во второй половинѣ XVII вѣка народъ далеко отошелъ отъ того своего состоянія, которое давало полякамъ основаніе называть этотъ народъ *быдломъ*... Вотъ при такомъ то положеніи народа сравнительно съ недавнимъ его прошлымъ, замыселъ Мазепы оказывался дѣломъ чуждымъ этому народу. По этой причинѣ и не могла удаться измѣна Мазепы,—отвѣтимъ мы г. Уманцу, думающему иначе. Г. Уманецъ говоритъ, что „надежда найти въ Москвѣ управу на старшину рано заставляетъ народъ обратить сюда свои взоры" и что „украинскій народъ, даже не любя Москвы, тяготѣлъ къ ней и тормозилъ предпріимчивость старшины". Мы думаемъ, что г. Уманецъ ошибается: при Мазепѣ и раньше народъ еще не искалъ въ Москвѣ управы на старшину да и не могъ искать потому, что съ этою Москвою у него почти вовсе не было отношеній, если исключить 1666—68 годы. Народъ не чувствовалъ, повидимому, никакого влеченія къ „москалямъ" вслѣдствіе ужъ очень большого несходства въ характе-

---

[1]) Выраженіе того времени. См. Дн. Зап. Марковича, II, 10.

рахъ и домашней обстановкѣ, но Польши народъ боялся и къ Польшѣ онъ ни за что бы не вернулся... Вотъ гдѣ нужно искать, повторяемъ, главную причину несочувствія народа къ замыслу Мазепы. Несочувственно относилась къ замыслу Мазепы и старшина. Трудно, чрезвычайно трудно возстановить психологію той старшины, которая слушала присягу Мазепы и на что-то надѣялась, чего-то искала... Намъ кажется, что всѣ эти Ломиковскіе, Горленки, Максимовичи, Чуйкевичи, отцы семействъ и державцы богатыхъ маетностей, всѣ они были какъ бы подавлены своего рода внушеніемъ со стороны Мазепы... Всѣ эти патерфимиліасы жили вполнѣ обезпеченною жизнью, наслаждаясь властью, соединенною съ богатствомъ. Чего они могли опасаться?—что Москва „примется“ за нихъ, какъ за своихъ враговъ“? (разговоръ Меншикова съ Мазепою въ Кіевѣ, въ 1706 г.). Думается, что для этого у „Москвы“ не было никакихъ основаній. Подвыпившій Меншиковъ могъ высказывать свои задушенныя мысли, указывавшія его личную тенденцію возобладать богатою *маетностями* Украиною, но въ дѣйствіяхъ царя въ это время ничего еще не было видно, что бы указывало его намѣреніе „приняться“ за старшину. Намъ кажется, что и старшина не могла искренно внимать Мазепѣ и если не противорѣчила ему, то потому, что почти лишена была способности разсуждать. Одинъ изъ вліятельныхъ людей въ кругу первостепенной старины, генер. обозный Ломиковскій („лысый чортъ“) относительно замысловъ Мазепы, такъ говорилъ среди собратовъ: „куды-де его милость добродѣй, туда и намъ треба“. (Источн. Мал. Ист., II, 113). Орликъ говоритъ, что два полковника (Апостолъ и Горленко) бывшіе „начальнѣйшими“ и „паче иныхъ болшое до Мазепы дерзновеніе имѣвшіе“, особенно настаивали у гетмана на томъ, что дальше-де невозможно оставаться подъ властью „Москвы“ и необходимо перейти скорѣе къ осуществленію замысла. Что касается Апостола, то это былъ своего рода мечтатель, и очень возможно, что онъ былъ искренно расположенъ къ замыслу. Не смотря на свой личный антагонизмъ къ Мазепѣ, Апостолъ былъ единомышленникомъ послѣдняго въ

замыслахъ объ измѣнѣ, будучи раздражаемъ тою тяготою, которую народъ испытывалъ отъ московскихъ „консистентовъ", а съ другой стороны—по личному своему характеру, ничего не загадывая о дальнѣйшемъ будущемъ Украины... Горленко былъ „подъуфалымъ сыномъ" Мазепы и во всемъ вторилъ патрону... Другая старшина, повидимому, молчала, прійдя къ одному заключенію, что „куды его милость добродѣй, туды и намъ треба"... Но внутреннее разъединеніе старшины съ гетманомъ обнаружилось уже черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ она молча пошла за своимъ региментаремъ изъ Батурина къ шведамъ... Съ одной стороны „разбѣжавшіеся козаки" (т. е. войско), а съ другой „двусмысленные взгляды населенія" сразу показали старшинѣ, что замыселъ ихъ гетмана въ народѣ не отозвался ни однимъ откликомъ и явился личною авантюрою стараго гетмана, не хотѣвшаго забыть Польшу...

Способность малорусскаго народа къ политическому самочувствію доказана возстаніемъ Хмельницкаго. Съ одной стороны, тяжесть польскаго ярма, а съ другой стороны, прямая цѣль всѣхъ дѣйствій Хмельницкаго—снять съ народа это ярмо,—воодушевили малорусскій народъ въ половинѣ XVII в., и его возстаніе тогда стало общимъ. Могло ли быть что-нибудь подобное при Мазепѣ?—Съ одной стороны, неясность для народа той цѣли, къ которой стремился Мазепа, а съ другой—полная отчужденность гетмана отъ народныхъ интересовъ,—не могли дать никакихъ положительныхъ результатовъ въ „измѣнѣ" Мазепы, которая поэтому и является въ исторіи Малороссіи личною авантюрою Мазепы, повторившаго такую же авантюру своего предначинателя Выговскаго.

Обѣляя Мазепу, г. Уманецъ говоритъ, что „вообще онъ не былъ золъ" и что „лишняя жестокость не въ его характерѣ" (стр. 371 и 374). Исторія не сохранила намъ частностей ни о добрыхъ, ни о злыхъ дѣлахъ Мазепы. Но можно предполагать, что Мазепа могъ спасти Григорія Самойловича отъ казни и во всякомъ случаѣ могъ устранить ужасную жестокость этой казни („голову оттяли, рубаючи разовъ три—задля болшой муки", Са-

мовид., 79). Есть указаніе на мстительность Мазепы, напр., въ его отношеніяхъ къ Василію Борковскому и Константину Солонинѣ...

Разрѣшая послѣдній вопросъ, касающійся „измѣны" Мазепы—какое вліяніе неудавшаяся измѣна имѣла на малорусскій народъ?—г. Уманецъ говоритъ: „измѣна временъ Мазепы, съ ея неудачнымъ концемъ, была необходима для того, чтобы, разъ навсегда, *покончить съ иллюзіями, отрезвить массу и поставить народное чувство Малороссіи на новую дорогу.* Это одна изъ тѣхъ ошибокъ, которыя обязательны въ начальный періодъ народной жизни. Только благодаря ей, здѣсь быстро выработалась новая формула патріотизма"... (стр. 406). Такъ ли это?—Имѣетъ ли историкъ основаніе выводить подобное заключеніе изъ тѣхъ фактовъ, которыми сопровождалась Мазепина „измѣна"?—Намъ кажется, что нѣтъ, и вотъ почему: „масса" въ „иллюзіяхъ" Мазепы и ближайшихъ его наперсниковъ—не участвовала, а потому и не отъ чего ей было отрезвляться; одинаково и „народному чувству" не было повода старую дорогу (какая бы она ни была) мѣнять на „новую". Старшинскія „иллюзіи" дали народу лишь новыя причины для упрековъ противъ нея, потому что ближайшими результатами Мазепиной „измѣны" явились: огромная убыль народныхъ силъ, какъ слѣдствіе шведской „руины" и сильное умаленіе автономіи края.

Что же слѣдуетъ сказать въ концѣ концовъ о результатахъ взятаго на себя г. Уманцомъ „пересмотра стараго, забытаго дѣла" (предисл.)?—Разставаясь съ книгою Ф. М. Уманца, мы лично пожалѣли, что для этого „пересмотра" авторомъ употреблено, видимо, недостаточно времени, а это не дало ему возможности ближе познакомиться съ соціальнымъ бытомъ лѣвобережной Малороссіи въ втор. полов. XVII в.; его изученіе за послѣднія два-три десятилѣтія настолько подвинулось впередъ

что историку уже видны главныя черты тогдашней *народной жизни* съ ея положительными и отрицательными сторонами. Намъ кажется, что при большемъ времени г. Уманецъ если и не смогъ бы смыть съ Мазепы „темныхъ красокъ", то во всякомъ случаѣ представилъ бы намъ его время въ болѣе вѣрномъ освѣщеніи, такъ какъ изъ нѣкоторыхъ мѣстъ книги г. Уманца мы видимъ, что его освѣщеніе не всегда вѣрно.—Возьмемъ для примѣра указаніе г. Уманца на состояніе грамотности въ Малороссіи втор. полов. XVII в. Вотъ что̀ онъ говоритъ по этому предмету.—„Уваженіе науки и *желаніе показаться* безграмотнымъ какъ то мирно уживаются въ Малороссіи того времени. Такое странное сочетаніе требуетъ объясненія. Прежде всего, въ Малороссіи *какъ будто бравируютъ безграмотностью.* Даже несомнѣнно грамотные старшины, случалось, поручали за себя расписываться. Такъ, напр., при выборѣ Самойловича, за полковника Дмитрашка Раича—серба по происхожденію и сербская грамотность котораго видна изъ другихъ актовъ, расписывается козакъ Бувайло. Подобное, но еще въ большемъ размѣрѣ видимъ на Запорожьѣ..." Примѣръ Запорожья—„городамъ" не указъ, скажемъ мы. Въ Запорожьи жили „характерники", въ обиходѣ которыхъ дѣйствительно практиковались разныя причуды, съ помощью которыхъ запорожцы хотѣли прослыть хитроумными Улиссами; но въ гетманщинѣ указываемаго г. Уманцомъ явленія, повидимому, вовсе не было... Примѣръ Дмитрашка не годится уже и потому, что это былъ *сербъ*, а затѣмъ умѣніе писать сербскія каракули [1]) еще не обозначало той грамотности, съ которою Дмитрашко могъ безъ стѣсненія дать свою подпись на актѣ объ избраніи гетмана. Утверждаемъ, что не было „такой моды", а слѣдовательно не могло быть и мотивовъ ея. „Гетманы и старшины или пишутъ, какъ калиграфы, или объявляютъ себя неграмотными", говоритъ г. Уманецъ, при чемъ какъ на объявившаго себя неграмотныымъ указываетъ на гетмана Михайла Дорошенка (1625 г.), не имѣя ни малѣйшихъ дан-

[1]) Снимокъ съ нихъ см. въ Кіевск. Стар. 1893 г., апрѣль, 28. Этими *каракулями* написано: „*Дмитрашко Райца рукоо свою написуу*".

ныхъ для заключенія о его грамотности [1]). „Однимъ изъ мотивовъ такой моды, читаемъ далѣе у г. Уманца, служитъ желаніе дать себѣ наиболѣе демократическій оттѣнокъ. Какъ теперь, государственные люди Америки охотно приписываютъ себѣ карьеру чернорабочаго, такъ въ Малороссіи послѣ Хмельницкаго, *возникъ запросъ на людей, проложившихъ дорогу безъ книжнаго образованія* (?). Другой мотивъ—въ выгодахъ безграмотности. Она давала козаку XVI вѣка (XVII-го?) возможность не подписать такую бумагу, *за которую въ недалекомъ будущемъ приходилось отвѣчать головою* (?). *Этимъ объясняется поразительное множество подписей „за неумѣющихъ грамотѣ" на актахъ, совершенныхъ во время поѣздки Брюховецкаго въ Москву.* Какъ будто, для поѣздки въ Москву, Брюховецкій нарочно бралъ лицъ, незнакомыхъ со школой! Но люди, сопровождавшіе Брюховецкаго, *просто не хотѣли подписывать* документъ, которымъ гетманъ съ Войскомъ Запорожскимъ челомъ ударили великому государю всѣми малороссійскими городами и съ уѣзды", и вдругъ, повально, почти всѣ оказались неграмотными" (стр. 108). Обращаемся къ этому документу и видимъ, что изъ высшихъ урядниковъ неграмотными значатся: ген. обозный Цесарскій, генер. судья Петръ Забѣла, генер. есаулы Василій Федяенко и Павелъ Константиновъ, генер. бунчучный Иванъ Михайловъ, генер. хоружій Николай Яковлевъ и полковники: переяславскій (наказный)—Романенко, нѣжинскій,—Гвинтовка, зеньковскій—Шиманенко, бывшій стародубскій—Петръ Рославецъ и бывшій полтавскій—Гуджолъ. (Источн. Малор. Ист., Бант.-Кам., I, 189—139). Но тутъ же, на этомъ актѣ, видимъ и грамотныхъ: кіевскаго полковника Василія Дворецкаго, лубенскаго—Григорія Гамалѣю и „посланца" отъ полка Черниговскаго—Ивана Домонтовича (ошибочно назван-

---

[1]) Сдѣлана ссылка на то мѣсто „Богд. Хмельн." Костомарова (I, 83), гдѣ сказано: „новоизбранный гетманъ Михайло Дорошенко (за безграмотностью котораго подписался на договорѣ писарь Савуй Бурчевскій) присягнулъ на вѣрность"... Рѣчь идетъ о договорѣ, заключенномъ между польскими коммиссарами и козаками у оз. Курукова. См. Арх. Ю. З. Россіи, ч. III, т. I, стр. 284—292. Значитъ, по мнѣнію г. Уманца, Мих. Дорошенко долженъ былъ быть грамотнымъ потому только, что онъ былъ гетманомъ...

наго Ромонтовымъ), будущаго генер. судью.—Г. Уманецъ говоритъ, что повальное неграмотство явилось именно среди лицъ, поѣхавшихъ съ Брюховецкимъ въ Москву, но на „статьяхъ“ постановленныхъ съ гетм. Брюховецкимъ“ *въ Батуринѣ*, въ ноябрѣ 1664 г., видимъ тѣхъ же неграмотныхъ: генер. обознаго Цесарскаго, генер. судей Незамая и Петра Забѣлу, генер. есауловъ Афанасьева и Нужнаго и полковниковъ: прилуцкаго Песоцкаго, нѣжинскаго Гвинтовку, лубенскаго Вербицкаго, зеньковскаго Шимана (Шиманенка—тожъ) стародубскаго Плотника и полтавскаго Гуджола, (стр. 129—130). А кіевскій полковникъ Дворецкій и тутъ показываетъ сея грамотнымъ.—Слѣдовательно не въ Москвѣ только являлось „повальное“ безграмотство. Но къ этому мы должны добавить, что изъ ѣздившей въ Москву старшины *дѣйствительная* неграмотность намъ извѣстна по другимъ актамъ—генер. судьи Петра Забѣлы и полковниковъ Гвинтовки и Рославца, а изъ лицъ, подписавшихъ актъ 1664 г. дѣйствительно неграмотными были полковники Вербицкій, Песоцкій, и Плотникъ. Остальная старшина, показанная неграмотною, конечно таковою и была. Да, трудно было и быть иною старшинѣ Брюховецкаго, поставленной, по выраженію Грабянки [1])—„зъ гультяйства запорожсквго“, на что указываетъ и Самовидецъ, говоря, что эти полковники были назначены Брюховецкимъ вслѣдъ за поставленіемъ его на гетманство: „и выйшовши зъ церкви (послѣ присяги), Брюховецкій того жъ дня своихъ полковниковъ понастановлялъ *зъ тихъ людей, которые зъ нимъ выйшли зъ Запорожа, по усѣхъ городахъ* (стр. 41). Нисколько неудивительно поэтому, что старшина Брюховецкаго почти „повально“ была неграмотною. Но повторяемъ, что и до Брюховецкаго среди генеральной старшины и полковниковъ *очень часто* были люди неграмотные, а въ средѣ низшей старшины безграмотство было почти „повальное“. Никакого, поэтому „сокрытія грамотности“ въ Малороссіи подозрѣвать нельзя.

---

[1]) Опущенное въ печати мѣсто на стр. 196. См. Кіевск. Стар. 1891 г., нояб. 298.

Въ заключеніе, сдѣлаемъ одно добавленіе къ свѣдѣніямъ о матери Мазепы, полученное нами уже тогда, когда мы оканчивали наши „замѣтки". Еще Максимовичъ (Соч., I, 200 и слѣд.) отмѣтилъ, что въ числѣ лицъ, записанныхъ въ именной „Реестръ" луцкаго правосл. братства, значится и „Марина Мазепина", но какая это была Мазепина—не поясняетъ. На дняхъ мы узнали отъ О. И. Левицкаго, что указанный Максимовичемъ подлинный „Реестръ" хранится въ библіотекѣ Кіевской Археографической Коммиссіи, и обратившись къ этой рукописи, на обор. 11-го листа нашли такую запись: „Марина Мазепина, подъчашина черниговска". Изъ указанія на чинъ ея мужа, мы видимъ, что это была жена (или вдова) *подчашаго черниговскаго*, т. е. Адама Мазепы, а слѣдовательно, это была *мать гетмана Мазепы*. Записана „Мазепина" въ „Реестръ" постороннимъ лицемъ потому, что почеркъ записи совершенно отличенъ отъ дѣйствительнаго почерка матери гетмана, снимокъ съ котораго приведенъ у насъ выше, и кромѣ того, запись сдѣлана *русскими буквами*, а такъ какъ въ 1701 году, уже будучи игуменьей, Мазепина подписывалась польскими буквами, то слѣдуетъ думать, что мать гетмана порусски писать не умѣла, какъ это тогда было въ порядкѣ вещей. Такимъ образомъ изъ записи луцкаго братскаго „Реестра" мы видимъ, что мірское имя матери гетмана было Марина.

А. Лазаревскій.

СЕЛИМОВЕЦЪ.

I.

Въ южномъ концѣ Харьковской губерніи, въ углу, образуемомъ рѣкою Донцомъ и Бахмуткою (его правымъ притокомъ), лежитъ степная мѣстность, очень благодатная: почва здѣсь состоитъ изъ хорошаго суглинка и чернозема, а вдоль Донца разстилаются тучные луга; на тѣхъ лугахъ красуются то въ одиночку, то группами сосны, тополи, вéрбы, лóзы; а за ними, у самой рѣки, синѣетъ лѣсъ—и конца ему не видно. Онъ смотрится въ рѣку—глубокую, чистую и быстро текущую. Тамъ, въ дальнемъ разстояніи къ западу, верстахъ въ 10 отъ Донца, луга сливаются съ основаніемъ высокаго и почти отвѣснаго Донецкаго кряжа, въ долинѣ котораго течетъ Бахмутка. Пространство вдоль Бахмутки совершенно безлѣсное, но тоже очень красивое: на горизонтѣ, куда ни взглянешь, рѣютъ длинные-длинные пологіе холмы и долы, прихотливо расположенные, покрытые зеленымъ травянистымъ ковромъ, пестрѣющіе тамъ и сямъ бѣлыми полосами мѣлового грунта. Здѣсь въ одномъ мѣстѣ возвышенная равнина отвѣсно спускается къ лѣвому берегу Бахмутки. Отъ рѣки къ сѣверу на разстояніи 2—3-хъ верстъ равнина постепенно понижается до подножія высокой мѣловой цѣпи Донецкаго Кряжа. Въ долинѣ, у основанія этой цѣпи, расположено село *Селимовка* (оно-же Шаховка).

Верстахъ въ семи отъ Селимовки къ сѣверу, у подножія той-же цѣпи находится поселеніе „Рѣзниковые Хутора“.

Въ семидесятыхъ годахъ настоящаго вѣка поселеніе это состояло почти изъ трехъ сотенъ казенныхъ крестьянъ, предки которыхъ пришли сюда изъ Гетманщины. Рѣзниковцы—люди очень зажиточные. Незнавшіе крѣпостной зависимости, они были весьма трудолюбивы, а земли у нихъ много, и земля та очень плодородна. Донецъ—рукою подать; а у Донца роскошные луга, лѣса и гаи. Всего вдоволь у нихъ: всякаго хлѣба, скота и разнаго хозяйственнаго добра. Землею владѣютъ Рѣзниковцы сообща и живутъ тихо и мирно. Каждый хозяинъ пользуется столькимъ количествомъ земли, сколько душѣ его угодно.

Вотъ въ этотъ тихій и мирный уголокъ явился панъ. Это было въ послѣдней четверти прошлаго вѣка. Онъ назвалъ себя Александромъ Шаховымъ, родомъ изъ Гетманщины, малороссійской породы; прикинулся бѣднымъ, несчастнымъ и обиженнымъ; по злобѣ и зависти полковая старшина отняла у него маетность; просилъ у Рѣзниковцевъ *невелычкого шматка* земли, чтобы было гдѣ *прытулытысь* ему, имѣть спокойное житіе, да съ холоду и голоду не пропасть.

Довѣрчивые Рѣзниковцы сочувственно отнеслись къ незнакомцу.

— А земельки у васъ, Слава Тебѣ Господи, есть, я слыхалъ, не мало! говорилъ Шаховъ.

— Та земли е, Слава Тоби Господы!

— Далы-бъ вы мени трошки земельки, хоть шматочокъ, щобъ, якъ кажуть, голову прытулыть було де! Я-бъ вамъ за тее заплатывъ, скилько положите...

— Чомъ не даты бидному чоловикови! Ось помиркуемо мижъ собою, тай дамо якій шматокъ!

— А тимъ часомъ чи позволыте маненьке угощеніе вамъ зробыть за вашу ласку?.

— Чомъ не позволыть! Робить, якъ це не буде обидно вамъ.

— Отто! Для добрыхъ людей и послидню копійку рубомъ поставлю!

— Що-жъ вы зъ тою землею будете робыты и за вищо вы купыте іи, якъ у васъ кишеня пуста?

— Та я-жъ не збесимъ якъ бы то нищій! У мене трошки худобы есть, та де-яка сотня рубливъ есть,—прыпрятавъ, бачите; а то-бъ и те заграбувалы!

Вралъ пришлецъ; а у него была туго набитая *кишеня*.

— Робить угощеніе!.. Дило добре! А мы помиркуемо—говорили Рѣзниковцы.

Пока Рѣзниковцы *миркувалы* между собою о дарованіи Шахову *шматка* земли, онъ, пріютившись у одного изъ нихъ, приготовилъ приличное угощеніе!

Пригласилъ къ себѣ десятка два наиболѣе вліятельныхъ людей, задалъ имъ преизрядное количество *горилки* и *меду*, съѣли *баранця*, была поросятина и многое другое лакомое. Не забылъ пришлецъ и бабъ: этихъ онъ угощалъ все медкомъ да *любенько* припрашивалъ ихъ. А жена его все кланялась бабамъ да *частувалась* съ ними, *любенько* упрашивая выпывать *солодкого*. Чрезвычайно какъ понравились Рѣзниковцамъ Шаховы—мужъ да жена. Особенно пріятное впечатлѣніе произведено было, когда эта жена пошла танцовать съ ними козака.

Во время веселаго пира Рѣзниковцы опредѣлили отвести любезному гостю *шматочокъ* земли десятинъ двадцать пять.

— Живить соби на здоровье та корыстуйтесь! Мы чоловику доброму та сусиду тыхенькому ради!—говорили Рѣзниковцы, увлеченные любезнымъ угощеніемъ отъ гостя, принятаго ими къ себѣ въ сосѣди.

Послѣ пира Шаховъ занялся устройствомъ усадьбы: поставилъ *будынокъ,* развелъ садокъ, насадилъ всякихъ овощей, вспахалъ и засѣялъ поле.

Шаховъ и жена его трудились въ потѣ лица на отведенномъ имъ клочкѣ, что нравилось Рѣзниковцамъ; а еще болѣе нравилась Рѣзниковцамъ привѣтливость Шаховыхъ. Когда кто-нибудь изъ хуторянъ заходилъ къ нимъ по дѣлу или случайно, всегда любезно былъ принимаемъ и изрядно угощаемъ. Во дни-же именинъ, въ лѣтніе и осенніе праздничные дни частенько

Шаховъ приглашалъ къ себѣ рѣзниковскую громаду на чарочку вина; но какая это была чарочка! Пиръ—горою, дымъ—коромысломъ въ домѣ и во дворѣ у него.

Въ ближайшемъ городѣ Изюмѣ Шаховъ тоже завелъ хорошія знакомства, подарочками да угощеніями снискалъ къ себѣ благорасположеніе нужныхъ ему чиновныхъ особъ.

Такъ прошло два года. Шаховъ нашелъ возможнымъ приступить къ совершенію давно задуманнаго дѣла: почва для этого дѣла была достаточно подготовлена. Онъ съ нѣкоторымъ трепетомъ дожидался своихъ именинъ: думалъ, что именины будутъ очень удобнымъ моментомъ для дѣла.

— Мабуть, и теперечки сусидъ нашъ зробе добри именыны, якъ и перше!—Теперечки, мабуть, будутъ ще бильшъ гарни именыны! Бо винъ за нашу ласку все бильшъ до насъ прыхильный становытся!—Такъ толковали между собою Рѣзниковцы, высчитывая по пальцамъ день именинъ ихняго *прыхильного* сосѣда.

Сосѣдъ Шаховъ уже за недѣлю началъ готовиться къ самому великолѣпному празднованію дня ангела своего.

— Бачъ, якъ мы угадалы! Тамечки, братьци, у двори у Шахова таке робытся!.. Три куфы горилки прывизъ, меду такого багацько варять, чотырёхъ кабанивъ заколовъ, зъ десятеро валашкивъ заризавъ, тарани та чахони та оселедцивъ ажъ два возы набравъ!..

— Оце такъ-та́къ!.. То булы дуже весели именыны, а ци будуть, мабуть, вже таки весёли, що и загадаты не можно!

— И що то воно значить, що винъ дуже прыхильно угощае насъ?

— А значится, винъ хоче намъ выкласты усю свою душу! Дуже, значится, люде насъ!

Такъ разсуждали между собою Рѣзниковцы, примѣчая, какъ готовится Шаховъ къ именинамъ.

Настал̆ъ день именинъ. Съ ранняго утра къ Шахову начали собираться Рѣзниковцы. Въ раннюю обѣденную пору

началось угощеніе. Обѣдъ длился добрыхъ часа три. *Горилка* изъ куфъ серебристой струей лилась, медъ пѣнился въ *поставцяхъ* и ковшахъ, рѣчи веселыя рѣкой текли и шумѣли. Съ *горилкой* Шаховъ придерживался: такъ, чарокъ по десяти только хватили; для предстоящаго дѣла надобно было, чтобы люди *не попилися* преждевременно.

—Спасыби вамъ, Александръ Грыгоровычъ, що вы такъ любенько, та гарненько, та смашненько угощаете!!

—Пошлы вамъ, Господи, такого щастя, що вже луччого щастя и нема на свити Божому! говорили гости.

— Спасыби и вамъ, люде добри!.. Э, я ще-бъ лучче прыймавъ добрыхъ людей, якъ бы було мени де розвернутысь!... Булы-бъ оттутъ на столи фазаны и венгерьске оттутъ шумило-бъ.

— О, тай добре-жъ це выно! Вже таке браве, що мабуть на свити луччого й нема! Якъ прыйиздывъ я до гетьмана у Глухивъ, та куштувавъ венгерське! Якъ выпывъ чарку, такъ, братци, вси жижки у мене затрусылысь, неначе-бъ то мене смашненька молодычка поцилувала!—сообщилъ Михайло Прищепа, старый бывалый козакъ.

Ой, тай выно-жъ! Яке-жъ воно солодке та крипке! воскликнули другіе.

— А що-жъ-то воне таке—хвазаны? Що вже це за штука?

— А птыця така! Вона сяе, якъ сонце, якъ жаръ блыщить а въ роти такъ и тае! объяснилъ Шаховъ.

— Жаръ-птыця, чи що?

— Ото-то, ото вона сама! подтвердилъ Шаховъ.

— Оце така дывовына, братци!.. Та и якъ іи знайты и якъ іи піймать?—Эге! іи ніякъ не піймать! утверждали другіе.

— До чого люде не доходять? До всёго люде теперечки доходять! объяснилъ глубокій старикъ Тарасъ Соловина.

— Такъ ось чимъ васъ, добрящихъ людей я угостывъ-бы, якъ бы було де мени розвернутысь! повторилъ Шаховъ.

— Якъ розвернутысь?

— А такъ значить, якъ бы у мене було хоть трошки бильшъ земли! Якъ-бы вы далы мени ще трошки земли! У васъ земельки есть, Слава Богу! Якъ можно, прырызалы-бъ мени яку десятынку!

— Чомъ не можно! Доброму чоловикови, Александру Грыгоровычу, удовольствіе треба зробыть! Прырижемо, братци, яку десятынку Александру Грыгоровычу?

— Чомъ не прырызать! Якъ прырызать—той прырызать! Значится, за добро добромъ!

— Ото спасыби, люде добри, за вашу ласку! кланяясь благодарилъ добрыхъ людей Александръ Григорьевичъ.

По этому случаю выпили шумно круговую чару. Обѣдъ кончился. Не успѣли встать изъ-за столовъ, какъ загудѣлъ бубенъ, зазвучала бандура, раздались пѣсни, зашумѣли танцы.

Рѣзниковская громада, мужчины и женщины, раздѣлились на группы.

Пили медъ и заѣдали сластями. Александръ Григорьевичъ собралъ возлѣ себя кучу наиболѣе вліятельныхъ хуторянъ, угощалъ ихъ то медомъ, то славнымъ яблочнымъ квасомъ, да все ладилъ одно и то-же.

— Отъ якъ-бы мени хоть трошки земельки! Тоди-бъ я, люде добри, захазяйнувавъ на вси лады! Якъ бы можно было дать мени хоть стилечки земли! говорилъ Александръ Григорьевичъ и показалъ мизинецъ.

— Чомъ не можно! Хиба вона у насъ купована, чи що! говорили многіе.

— Шо тамъ трошки! Якъ даваты—такъ даваты, щобъ знать було! Хиба у насъ земли мало, чи що!? Земли у насъ выдымо-невыдымо!

Такъ хмѣльные головы развивали вопросъ, поставленный Александромъ Григорьевичемъ.

— Велыке спасыби, добри люде! говорилъ Шаховъ, кланяясь добрымъ людямъ и подливая имъ въ ковши медъ.

— Такъ, значить, дасте мени яку десятынку?

— Дамо! Дамо!

— Та що тамъ—яку десятынку!..

— Отмиряемо, братци, скильки души нашій захочется!—кричали хмѣльныя головы.

— Колы-жъ вы будете одмирять? вкрадчиво спросилъ Шаховъ.

— Та колы?.. завтра, абб-що! сказали нѣкоторые.

— Та воно завтра якось не ладытся! На похмилье якось важко! поставилъ на видъ Тарасъ Солонина.

— Эге, справди, що воно такъ!

— Знаете, що братци? заразъ оце визьмемось—тай одмиряемо! Якъ даваты, такъ зразу даваты! возгласилъ Степанъ Зозуля, схватившись съ ослона, сильнѣе другихъ раскраснѣвшійся отъ меду.

— Якъ такъ—зразу? спросили.

— Та такъ! пійты заразъ, тай одмирять! хиба воно довго, чи що!—объяснилъ Зозуля.

— Оце саме добре! подхватили немногіе.

— Пидъ веселу руку воно якось дило буде и скорійше, и прямійше и смашнійше!—медленно и громко преподалъ наставленіе старикъ Василій Рудый, не глядя ни на кого, какъ бы разсуждая самъ съ собою, причемъ слегка пошатывался на ослонѣ, и на усахъ его искрились капли меда.

— Бачите, и Васыль каже! Винъ слова даромъ не выпусте! Винъ усе мудре каже! кричалъ Зозуля.

— Пидъ веселу руку усяке дило робытся и спишно, и утишно! пояснилъ Рудый, погружая усы въ медъ.

— Воно и справди! Заразъ будемо миряты! Якъ мирять—такъ мирять! закричало большинство.

Пока шло это совѣщаніе, Александръ Григорьевичъ не промолвилъ ни единаго словечка; онъ все только подливалъ въ ковшики то меду, то яблочнаго квасу.

— Александръ Грыгорьевычъ! Оце мы порадылысь, та заразъ одмиряемо вамъ яку десятынку! сказала застольная компанія.

— Люде добри! Я вже не знаю, якъ и дякувать вамъ! сказалъ Шаховъ низко кланяясь. Помолюсь Богу, щобъ Богъ внушивъ моему сердцю пиднесты вамъ велыку та превелыку благодарнисть!

— А тимъ часомъ ось давайте намъ цыпивъ та килкивъ! А може у васъ нема?

— Есть, есть! И метнулся Шаховъ къ сараю. У него наготовѣ были и цѣпи, и колья. Не прошло двухъ минутъ, какъ явились снаряды для отмѣриванья земли.

— Будемо рушаты! сказали, вставая изъ-за столовъ.

Рушили медленно. Одни пустились танцовать козака вокругъ *молодыцъ* и *дивчатъ*; другіе искали своихъ женъ, чтобы *пидъ веселу руку* обнимать и цѣловать ихъ; третьи выискивали меду и квасу. Наконецъ, громада съ кольями и цѣпями вышла со двора. Стали совѣщаться, гдѣ отмѣрять. Рѣшили начать вблизи двора и идти по направленію Бахмутки въ двѣ стороны, двумя партіями, одна—направо, другая—налѣво.

Началось отмѣриванье. Лѣниво забивались колья, медленно протягивались цѣпи.

— Писля такого обида воно якось не тее! сказали нѣкоторые.

— Якось важко!..

— Якось воно буде дуже довго! говорили.

Эге, якось така одмирка—не тее!

— Оце буде сама лучча одмирка! воскрикнулъ Зозуля, быстро схвативъ съ головы шапку и такъ сильно махнувъ ею, что она съ шумомъ полетѣла довольно далеко. Зозуля побѣжалъ вслѣдъ за шапкой.

— Оце такъ-такъ!

— Отъ ловку штуку выдумавъ!

— Тай брава-жъ яка выдумка!

— Весела штука! И дило зробымо и протрусымось, бо засыдились за обидомъ!—заорала толпа.

Множество шапокъ и брылей закружилось въ воздухѣ. Люди помчались въ догонку за ними.

— Чорта зъ два! Не выпередышь мене!

— Адже и швыдкій, катъ его ма!

— Ось якъ! крикнулъ Гаврило, взмахнувъ брылемъ, и брыль далеко понесся, подхваченный вѣтромъ.

— Оце такъ шпурнувъ!

— А я ще ось якъ! заоралъ Уласъ; шапка его полетѣла, какъ пуля.

— Адже и прутко поперъ! весело возгласили.

Такъ увлеклись Рѣзниковцы состязаніемъ въ бѣгѣ и въ метаніи шапокъ.

— Дывысь, що роблять! Неначе зъ ума посходылы!

— Чи тожъ-таки у такій часъ та таке дило хиба роблять люде?

— Одмирять земли, та ще й шапкамы! Ачъ играшку яку завелы! Неначе мали диты! Такъ говорили бабы, которыхъ тоже хорошо угостила Шахова медомъ да сластями!

— Та то воны шуткують! говорила Шахова, продолжая угощеніе.

— Хиба що такъ! Якъ шуткують, то воно ничого—соглашались бабы.

Шаховъ не ожидалъ столь пріятнаго развитія дѣла. Глядя на происходящее, отъ прыгалъ отъ радости. Надо посодѣйствовать этому, надо поддать жару. Быстро приготовилъ онъ двѣ повозки, нагрузилъ ихъ кольями, закусками, баклажками и боченками. На одной повозкѣ самъ сѣлъ; а другую поручилъ своему вѣрному и расторопному слугѣ Паньку.

— Ты-жъ, Панько, бижи за тымы, що ударылысь до Донця! Якъ нагонышь ихъ, то почастуй ихъ,—нехай одпочинуть. Та прыдержуйся—багацько не давай: бо якъ попьются, той дила не дороблять! Та ладь такъ, щобъ частише прысидалы. А де прысядуть, ты килка и забый!

— Добре! сказалъ Панько, понявъ суть наставленій.

Двѣ повозки разомъ помчались со двора.

— Та гляды, килкивъ не забувай забывать! Килкивъ не забувай! Чуешь? кричалъ Шаховъ Паньку.

— Чую!.. Добре!..

Приближаясь къ состязательной компаніи, Шаховъ вытянулъ руку вверхъ и показалъ компаніи чарку.

— Ти—и! ловка штука яка! восклицали всѣ.

— Въ чистимъ поли—на роздоли погуляють козаки! Потанцюють, зацокочуть и чарки!—отчеканивалъ Зозуля, отплясывая въ присядку козака.

— Що? Що се таке? спрашивали Шахова, когда онъ приблизился.

— Бачите, що! сказалъ онъ, указывая на грузъ въ повозкѣ.

— Тай славна-жъ выдумка яка!

— Александръ Грыгоровычъ що выдума, такъ неначе масломъ помаже!

— А нуте, братци, по чарочци! возгласилъ Александръ Григорьевичъ.

Началось *по чарочци*.

— Дай-же, Боже, щобъ вамъ ще краще було у насъ житы! Пошлы вамъ, Господы, усякого добра та щастя! говорили Рѣзниковцы.

— Спасыби, люде добри! Спасыби!—отвѣчалъ Шаховъ, кланяясь низенько.

Давши двѣ чарки, Шаховъ прекратилъ угощеніе. Онъ занялся лошадью: внимательно и кропотливо выправлялъ гриву и упряжь.

— Куды-жъ вы теперь? спросили его.

— Куды вы, туды й я!

— Щожъ, пробижимось ще!? крикнули нѣкоторые.

— Адже пробижимось!

— А ну, братци, навыпередки! Хто кого випередыть тому перша чарка!

Помчались *навыпередки*, съ какимъ-то азартомъ бросая впередъ шапки и брыли. Шаховъ, когда компанія побѣжала, забилъ скоренько столбикъ на мѣстѣ остановки да и потрюхалъ,

держась сзади въ нѣкоторомъ отдаленіи. Пробѣжали добрую версту. Послѣдовала вторая остановка и угощеніе.

— Отъ якъ-бы тутечки було зб дви чи зб три молодычки! Отъ бы ловко було тутечки потанцюваты!.. Ще веселійше було-бъ за бабáмы! замѣтилъ кто-то.

— Хе—хе,яка-жъ славна штука була-бъ!.. Цебъ вже була така ловка выдумка, що хто его зна и яка! подхватили другіе.

— Э, подумалъ Шаховъ, вы здѣсь съ молодицами залюбезничались-бы и затанцовались—и дѣла не сдѣлали-бы.

— Ще буде время потанцюваты! сказалъ онъ. Ось сáма лучча баба!—И показалъ чарку.—Ця никбмы не кусá! А та часомъ и укусе!

— Ловко сказано! До дила сказано! Це сама суща правда, заключили.

— А ну, поцилуймося зъ ціею бабою!

Выпили по чаркѣ.

— Далеби, що не куса!

— Эхъ, що такъ—то такъ! Чарка меду лучче бабы—въ самый смакъ! приговаривали, кружась и пускаясь въ присядку.

Бѣги съ бросаніемъ шапокъ все уменьшались по длительности. Было нѣсколько остановокъ для отдохновенія. Направленіемъ бѣговъ руководилъ именинникъ, забивая столбики на каждомъ остановочномъ пунктѣ.

Панько на другомъ концѣ работалъ тоже съ немалымъ успѣхомъ.

— Крипки, крипки на ногахъ! Никого буде пидбираты!— кричали ему издали.

— Той добре, що крипки! Ось по чарочци пропустить!— объявилъ Панько, подъѣхавъ.

— А, тай пидходяще-жъ дило яке! воскликнули.

Панько выставилъ баклажки и угощалъ разными настойками.

— А-ну мерщи, давай ще! просили Панька, выпивъ по стаканчику настойки.

— Э, а пробижиться трошки ще! рѣшительно отвѣчалъ Панько.

— А-ну, братци, трошки ще!

— А-ну, хто дальше кине!

И они опять побѣжали, бросая шапки впередъ. Панько скоренько забилъ въ землю колъ и медленнымъ шагомъ поѣхалъ.

— Та ну вже трюхай—чи що! кричали Паньку издали. Панько потрюхалъ.

— И чого тамъ такъ довго барывся! А тутъ вже и въ горли пересохло!—говорили ему, когда онъ приблизился.

Зазвенѣли стаканчики,—смаковали настойку.

— Дывысь, и килки забравъ! На вищо воны здалысь?—смѣялись надъ Панькомъ.

Хиба замитно, де шапка упаде? Це таку одмирку робымо, що й слида катъ ма!

Хитра и ловка одмирка выдумана!—подсмѣивались, выпивая по другому стаканчику настойки.

— Ще пробижить яки гоны!—совѣтовалъ Панько.

— А е настойка?

— Ого, скильки вгодно е!—отвѣтилъ Панько.

— А-ну, братьци, трошки ще, навыпередкы—або що!

И понеслись *навыпередкы*, кидая брыли и шапки то вверхъ, то впередъ. Послѣ состязательнаго бѣга выпили по три стаканчика. Панько теперь указалъ направленіе дальнѣйшаго путешествія.

— Недалеко вже ричка, покупатысь воно славно було бъ!

Предложеніе Панька одобрили.

— Эге, воно теперечки якъ-разъ пидъ стать! Добре Панько надумавъ!

Пошли къ рѣкѣ. Выкупались. Съ большимъ аппетитомъ выпили и закусили. Возвратились къ имениннику сокращеннымъ путемъ—*навпрямкы*. Одни шли, другіе бѣжали, нѣкоторыхъ подвезъ Панько. Онъ и этотъ путь отмѣтилъ тамъ и сямъ кольями.

Когда Панько прибылъ во дворъ, ѐще не было Шахова. Шаховъ явился со своей компаніей, едва только солнце стало спускаться за горизонтъ. Во дворѣ было очень шумно, жизнь кипѣла ключемъ: вблизи воротъ дѣвушки и парни танцовали *метелыцю*, а другіе дѣвушки пѣли пѣсни; посреди двора играла *музыка* и земля гудѣла,—отъ пляски раздавались одобрительныя восклицанія тому, кто выкидывалъ ловкую фигуру. Тѣмъ временемъ хозяйка приготовила *вечерю*, а хозяинъ разставилъ новые запасы водки, меду, квасу и настоекъ.

Вечеръ провели очень весело.

— Э, тай добре-жъ пьется и йистся у такого доброго хозяина!

— Та таки и прогулялысь, кажить, на свижому воздуху та по чистому полю!

— Авже-жъ и ловко прогулялысь та пробигалысь!—говорили Рѣзниковцы.

— И дило зробылы!—подсказалъ хозяинъ.

— Якось спишно и утишно зробылы! прибавилъ Рудый, выпрямившись и оглядывая всѣхъ.

— А вже и справди, що утишно!—отвѣтили нѣкоторые.

Послѣ довольно продолжительнаго затишья, снова на срединѣ двора заиграла *музыка*, и пуще прежняго загудѣла отъ танцевъ земля. Хохотъ, пѣсни и пляски, питье меду и настоекъ продолжались до полуночи.

— Завтра-жъ, якъ повстаетѐ, тай до мéне заразъ! Похмиляться будемъ! Прошу покорно!—говорилъ Шаховъ, прощаясь съ гостями.

— Дило добре! Спасыби!

Выпроводивъ гостей, Шаховъ отправилъ Остапа, тоже вѣрнаго слугу́ своего, въ Изюмъ съ письмомъ къ двумъ чиновнымъ особамъ.

— Та гляды, не кажы Ризниковцямъ, куды ты йиздывъ! Отдасы пысьмо, одпочинешь якій часъ, та и додому потрюхаешь. Та гляды, шобъ Ризниковци не зналы, де ты бувъ!—наставлялъ Остапа господинъ.

Утромъ на другой день послѣ именинъ сошлись люди. За тѣми изъ болѣе важныхъ, которые не являлись, отъ Шахова послано было.

— Зъ нызенькимъ поклонемъ Александръ Грыгоровычъ просять васъ!—говорилъ имъ посланецъ.

Приходившіе къ Шахову гости были какіе-то вялые, невеселые, хватались за головы свои и зѣвали во весь ротъ.

— Якъ учбра було весело, такъ сёгодня якось нудно. Неначе хто килка у голову забывъ! Тай нбгы тежъ—неначе хто ихъ поперебывавъ!—говорили многіе.

Скоро чарочки сдѣлали свое: гдѣ дѣлись вялость и боль головы,—всѣ сдѣлались такіе веселые, бодрые, говорливые.

— Воно-бъ, я кажу, обвесты-бъ плугомъ ту земельку, що учора одвбдылы вы мени!—совѣтовалъ Александръ Григорьевичъ повеселѣвшимъ гостямъ.

— А хиба воно знать, де одводылы? слида жъ, здается, якось не намичалы!—спрашивали они.

— А я-жъ, де булы остановки, килочки позабывавъ.

— Хиба-жъ таки справди? съ удивленіемъ воскликнули многіе. Ачъ якій догадлывый Александръ Грыгоровычъ!

— Ось пидить подывится, що такъ!

— Богъ зъ нымъ! Вже учора добре набигалысь! рѣшительно возопило большинство.

— Отъ тоби й на! Такъ якъ-же, хиба вже и пропадаты тому, що учора на поли робылы?

— Чомъ пропадаты! Обводьте плугомъ, якъ кажете! Якъ вы кажете?

— Отъ килочка до килочка, я-жъ кажу, можно и позначить линію: вона буде коротенька та пряменька!—убѣждалъ Шаховъ.

— Ото й добре! Одъ килка до килка такъ й рижьте!—весело предлагали гости любезному Александру Григорьевичу, чокаясь съ нимъ.

— А для порядку визьмить зъ собою Кандыбу, Реву та Перепелыцю, або ще кого; воны—люды степенни!—посовѣтовалъ

Солонина. Воны будутъ доглядать линію одъ килка до килка! Щобъ вона була ривна та ривна, якъ струна! А по цій мови будьмо здорови!—докончилъ Зозуля.

Съ увлеченіемъ чокались и желали, чтобы линія была *пряменька та гладенька.*

Шаховъ подхватилъ Кандыбу, Реву и Перепелицу, пригласилъ ихъ сѣсть на повозку и покатилъ со двора.

А плугъ съ шестью парами воловъ еще съ ранняго утра былъ наготовѣ. Онъ началъ свое дѣйствіе, какъ только гости Шахова повеселѣли.

Шаховъ проѣхалъ легкой рысцой вдоль первой линіи. Свѣжій и глубокій слѣдъ ея внимательно осмотрѣли Кандыба, Рева и Перепелица. Шаховъ остановился возлѣ перваго кола. Здѣсь и плугъ остановился.—Оце перва линія пройшла! Бачыте, яка пряма!

— Та бачимо!.. Тай богацько якого воливъ!—воскликнули спутники Шахова. Навищо воно стилько худобы до едного плуга?

— А щобъ скорише зробылось!

— А вже и справди, що якось швыдко все робытся!—замѣтили спутники.

— А зачимъ гаять время!.. Мерщи, по стаканчику!—предложилъ Шаховъ.

Рева, Кандыба и Перепелица выпили по стаканчику сорокалѣтней вишневки.

Прошли плугомъ линію до другого кола.

— Адже и ривна... якъ струна!—замѣтили Рева, Кандыба и Перепелица.

— Бачыте, робытся, якъ казалы! Будьте здорови!—пожелалъ Шаховъ и пригубилъ стаканчякъ наливки; а спутники осушили до дна свои стаканчики.

— А нуте, ще! предложилъ онъ.

— Ціеи можно ще! Дуже брава! Такъ и повзе, якъ масло!—говорили.

Выпивши еще по стаканчику, Перепелица, Рева и Кандыба уже не замѣчали третьей линіи; они разомъ и быстро заснули на повозкѣ.

Спутники храпѣли на повозкѣ, а Шаховъ рѣзалъ линіи, какъ хотѣлъ. Онъ описывалъ отъ кола до кола пребольшія дуги. Когда дѣло было окончено, онъ разбудилъ Реву, Кандыбу и Перепелицу.

— Отъ добре выспалысь, такъ-такъ! А вы що робылы?— спросили они Шахова.

— А я на четвертій линіи остановывся, та все дожыдався, якъ вы повстаете, тай самъ заснувъ. Оце проснувся, пройшовъ пяту линію; а оце вже послидня шоста остается!

То й добре! Рижьте шосту!

Прорѣзали небольшую линію и погладили ее—завершили дѣло сорокалѣтнею.

Возвращаясь до своей компаніи, Рева, Кандыба и Перепелица были въ отличномъ расположеніи духа: они славно выспались и столь-же славно подправились великолѣпной наливкой.

— А що, поробылы линію? спросила ихъ компанія.

— Поробылы!.. Ажъ шисть зробылы! Та таки прями! говорили они, умолчавъ о томъ, какъ они *доглядалы* работу плуга.

— А вы, люде добри, кажить, скучалы тутъ? заговорилъ Шаховъ.

А, де вже тамъ скучаты! Марфа Лукьянивна вже такъ любенько та гарненько биля насъ ходыла!

А Марфа Лукьяновна, какъ только исчезъ мужъ ея, приступила къ гостямъ и такъ нѣжно ухаживала за ними, такими вкусными блюдами и напитками угощала, такія пріятныя рѣчи имъ говорила, что они уши развѣсили и пальцы свои облизывали.

— Такъ, значить, началъ Шаховъ, на тій земли, що позначена, що плугомъ обведена, вже можно мени и робыты?

— Адже можно!

— Такъ я за вашу ласку тежъ хочу васъ благодарыты, пріймить одъ мене сотъ зъ пять рублывъ!

— Ото! хиба земля у насъ миряна, чи що? хиба вона у насъ купована! Якъ не мирялы, то й миряты не будемо! Якъ не куповалы, то й продаваты не будемо! Корыстуйтесь до кинця вику свого, а потимъ зновъ земля та прывернется до насъ— отъ що!—выкрикивали хмѣльныя головы.

— Спасыби вамъ, добри люде! спасыби! Вже не знаю, якъ и благодарыть вамъ! Такъ ось що! ствердимъ дило наше, що, значить, вы одвелы мени землю, ось чимъ! И Шаховъ указалъ на обросшій мохомъ боченокъ. Оце вышнивка стара! Мій дидъ выдержувавъ іи 40 литъ, батько мій выдержувавъ іи 30 литъ, та я беригъ іи, якъ око свое, бильше 20 литъ!..

— Отъ добро яке!—воскликнули.

— И цёму добру кинець прійшовъ!

Шаховъ открылъ чопъ и подставлялъ стаканчики. Искрилось столѣтнее доброчуднымъ гранатовымъ цвѣтомъ.

— Ачъ яке самоцвитне та густе!

— Збрызнемъ нею, сполоснемъ цимъ добромъ ту землю, що вы одвелы мени! сказалъ Шаховъ.

Це вже такъ збрызнемо и сполоснемо, що ажъ до кинця вику свого спомынаты будемъ!—возгласили гости.

— Будьмо здорови! говорилъ любезный хозяинъ, чокаясь.

— Будьмо! отвѣчали и выпивали.

— Ця ще лучче, якъ та! Та ловка була, а ця вже така брава, що хто его зна и яка! говорили Рева и Перепелица.

— Эге, та була дуже смашна, а ця не въ прымиръ смашнійша! подтвердилъ Кандыба.

— Яка—та? спросили.

— А та, що мы пылы, якъ обводылы землю плугомъ! Таку ловку пылы, що й не зхаменулысь, якъ на вози уси трое поснулы. И Александръ Грыгоровычъ спавъ,—объяснилъ Кандыба.

— Якъ-же вы плугову линію робылы?

— А такъ, що якъ проспалысь, то зновъ линію робылы! объяснилъ Рева.

Едва успѣли выпить по второму стаканчику, какъ шасть— во дворъ двѣ чиновныхъ особы изъ Изюма. Они объявили, что

были въ одномъ мѣстѣ по дѣлу, и вотъ мимоѣздомъ почли долгомъ посѣтить любезнаго Александра Григорьевича да подночевать у него. Александръ Григорьевичъ разсыпался въ любезностяхъ, благодарилъ почетныхъ гостей за посѣщеніе, предложилъ имъ яствіе и питіе.

— Це васъ самъ Богъ прынисъ до мене! говорилъ Шаховъ, угощая чиновныхъ гостей. А тутъ люде добри добре дило мени зробылы!

— Какое дѣло? спросили чиновныя особы.

— Земельку мени далы!

— Сегодня, мерщи, вже и плугомъ обвелы! объяснилъ Кандыба.

— Дѣло славное! И за цѣну уже сошлись? спросили особы.

— За яку тамъ цину?! Такъ—подарувалы! Александръ Грыгоровычъ душу намъ свою выклада, то й мы выклалы ему свою душу,—объяснили Рѣзниковцы.

— Доброе, доброе дѣло! говорили чиновники. Поступаете по евангельскому слову. И дарственную уже выдали?

— А на вищо вона здалася та дарственна? воскликнули Рѣзниковцы.

— Какъ на что? А по закону безъ дарственной записи невозможно владѣть недвижимымъ имуществомъ.

— Воно и для памяти славно було-бъ добристь вашу на лысти напысать!--вкрадчивымъ и сладкимъ голосомъ сказалъ Шаховъ, преклоняя голову предъ Рѣзниковцами.

— Какъ-же безъ листа! какъ вы, значитъ, листа дарственнаго не дадите Александру Григорьевичу, то будете платить за эту землю всѣ тѣ повинности, какія долженъ онъ платить. И потомъ судъ отберетъ эту землю у Александра Григорьевича, и вы заплатите штрафъ за то, что на ту землю не выдали ему дарственной. И что за земля безъ дарственнаго листа? Фу!—вотъ она что!—разъясняли чиновныя особы.

— Та що-жъ, якъ воно треба, пышить лыстъ! сказали Рѣзниковцы.

Послѣ обильнаго угощенія Шаховъ уединился съ чиновниками—и скоро написали они купчую крѣпость. Въ ней подробно были указаны всѣ примѣты границъ, намѣченныхъ плугомъ. Тѣмъ временемъ Марѳа Лукьяновна нѣжно ухаживала за добрыми людьми. Рѣзниковцамъ былъ прочитанъ листъ.

— Такъ, добрые люди?—спросили чиновники, окончивъ чтеніе.

— Такъ! Такъ! Самисенько такъ!—утверждали хмѣльныя головы.

— А теперъ польемо цей лыстъ! предложилъ Шаховъ.

Славно поливали листъ разными настойками.

Третій день провели Рѣзниковцы тоже во хмѣлю у Шахова. Даже и на четвертый день явились къ нему нѣкоторые и *выправлялись* отъ трехдневнаго пированія. Нѣкоторые-же на четвертый день отправились осматривать ту черту, которую ихній хлѣбосолъ намѣтилъ плугомъ.

— Оце такъ-такъ! Оце такъ одмахнувъ!.. Це мы одмахнулы, братци, добру половыну своеи земли! Отъ тоби й на!.. съ ужасомъ говорили Рѣзниковцы.

Шаховъ отмахнулъ, какъ потомъ оказалось по измѣренію, до 10 тысячъ десятинъ земли. Вотъ сколько земли накидали шапками хмѣльныя головы!

Отправились Рѣзниковцы къ Шахову и убѣждали его, чтобы онъ удовольствовался небольшимъ количествомъ земли; вѣдь онъ и просилъ у нихъ *де-яку десятынку*. Шаховъ весьма ласково принялъ Рѣзниковцевъ, угостилъ и успокоилъ ихъ.

— Черезъ висимъ литъ, якъ захочете, я прыверну вамъ цю землю, та каждый годъ буду давать вамъ пьяту часть урожая, та заразъ высылю вамъ 500 рублывъ, та хаты вамъ останутся ти, що я пороблю,—треба-жъ мени людей добуть до роботы на цю землю,—говорилъ Шаховъ.

— Та воно такечки-бъ ничого! Воно ще добре було-бъ!—соглашались Рѣзниковцы и отъ денегъ теперь не отрицались.

— Здается, якійся лыстъ на цю землю пысалы?

— Пысалы! Ось цей лыстъ!—И Шаховъ прочиталъ Рѣзниковцамъ тотъ листъ. На немъ было написано все то, что онъ имъ о землѣ только-что сказалъ.

— Якъ такъ, то нехай буде такъ!—утвердили Рѣзниковцы.

Новая сдѣлка была завершена новой выпивкой.

Немедленно Шаховъ началъ работать на землѣ, накиданной ему шапками. Въ теченіе трехъ лѣтъ возлѣ двора его образовалось болѣе двухсотъ хатъ. а въ нихъ жило до шестисотъ крестьянъ. Отъ крестьянина Шаховъ требовалъ только двухъ рабочихъ дней изъ недѣли. Онъ чрезвычайно ласково обходился съ крестьянами и нѣсколько разъ въ годъ дѣлалъ имъ угощенія, подобныя извѣстнымъ намъ именинамъ. Вновь прибывшихъ онъ кормилъ досыта и до отвала по воскреснымъ да по праздничнымъ днямъ, для чего были выставляемы на площади куфа горѣлки, медъ и столы съ печенымъ, жаренымъ и вареньмъ. Молва о такихъ дѣяніяхъ Шахова распространилась далеко-далеко. Онъ ни самъ никуда не ѣздилъ за людьми, ни пословъ не посылалъ за ними, ни объявленій не оглашалъ. И люди шли къ Шахову изъ разныхъ мѣстъ—изъ новороссійскихъ степей, изъ Подоліи, Волыни и Кіевской губерніи. А онъ подсмѣиваясь говорилъ: „Сиди себѣ дома да ,сели мовча." Такъ произошло названіе села *Селимовка*.

— Ачъ якого людей набравъ! Це взявся хозяйнуваты та оброблятьы нашу землю на вси заставки! говорили Рѣзниковцы, глядя на происходящее.

— Такого людей настягавъ, шо не будемо знаты, що зъ нымы робыты!

— Що робыты!? Якихъ выселымо, а яки будуть намъ за землю усякого добра даваты, скильки захочемо! утѣшали себя Рѣзниковцы.

По истеченіи пяти лѣтъ Шаховъ уже не принималъ крестьянъ, приходившихъ къ нему для поселенія: такъ много онъ набралъ ихъ молча.

Въ теченіе тѣхъ-же пяти лѣтъ Шаховъ давалъ Рѣзниковцамъ нѣкоторую часть урожаевъ и по прежнему угощалъ ихъ.

Наконецъ, онъ сразу оборвалъ отношенія къ нимъ: прошелъ шестой годъ, ни одного угощенія не послѣдовало, никакого зерна не дано Рѣзниковцамъ.

— И що то воно значить? спрашивали одни другихъ.

— А то, що земля наша мабуть пропала! Мы вже ненужни ему!—отвѣчали другіе.

Отправленная къ Шахову депутація убѣдилась въ справедливости этого соображенія. Онъ теперь прямо открылъ Рѣзниковцамъ глаза.

— Ото дурни! высокомѣрно сказалъ онъ, закатившись ядовитымъ смѣхомъ.—А вы думалы, шо я вже оттакъ постоянно и буду тратытысь на васъ!

— Та ще чого добраго и земли не отдасте намъ? сердито бросили Шахову вопросъ Рѣзниковцы.

— Не отдамъ и земли, бо я купывъ іи у васъ, и купча у мене есть!

— Яка купча?! Що це вы!..

— Така... вамы пидпысана!

— Що це вы? съ изумленіемъ спрашивали Рѣзниковцы. Хиба мы продавалы вамъ землю?! Хиба можно стильки земли за 500 рубливъ продаты? Це вже якась пидвоха!

— Купча у мене есть... вамы пидпысана!

— Це пидвоха!.. Це здерство якесь!.. Мы свою землю визьмемо одъ васъ! Ничого тутъ балакаты бильшъ!—кричали Рѣзниковцы уходя.

— Побачимъ, чи визьмете! смѣясь говорилъ Шаховъ.

— Побачите! Побачите!

— Бачъ, яка штука вышла! Оце такъ обдурывъ, клятый якій! Ще й насмихается!

— Сами выновати—кажить! Якъ бы не попылыся, не обдурывъ-бы! Ти именыны довго будемо памятувать!—изъяснялись между собою Рѣзниковцы, шествуя домой.

— Депутація объявила односельчанамъ, что услыхала отъ Шахова. Рѣшили, какъ только наступитъ весна, выѣхать съ плугами на землю, которою завладѣлъ Шаховъ, поорать ее и

засѣять. Наступила весна. Выѣхали Рѣзниковцы на эту землю, часть ея поорали, а остальную часть оставили для сѣнокоса.

— Отъ и дилу кинець! радовались Рѣзниковцы.

— Поораλы, а теперечки будемо сіяты! А якъ выросте трава, будемо косыты! Ось побачимо, якъ винъ буде нызенько кланятысь намъ та прохаты на угощеніе!—смѣялись Рѣзниковцы.

— Чорта зъ два! Вже не пидемо на угощеніе! знаемо вже, до чого воно, чортово, доводыть!

Недолго радовались Рѣзниковцы. Какъ только явились они сѣять, ихъ не допустили до этого сотни крестьянъ, высланныхъ Шаховымъ на эту часть тоже для сѣянія. Попробовали было Рѣзниковцы силою взять поoранное; но куда мѣряться имъ съ сотнями людей, преданныхъ своему барину!

— И оранка наша пропала! говорили Рѣзниковцы, возвращаясь домой съ тѣмъ зерномъ, что приготовлено было для сѣянія.

— Те-жъ саме буде, якъ прійдемо косыты!

— Эге, ничого и думаты объ тимъ! Треба у суди правды шукаты! У суди докажемо, якъ винъ у насъ землю узявъ! Усе дочиста розскажемо у суди!—рѣшили Рѣзниковцы.

Съ той поры они и начали въ судѣ искать правды и доказывать. Судъ вытягивалъ деньги съ той и другой стороны—у Шахова и Рѣзниковцевъ, а дѣло затягивалъ и запутывалъ. Лѣтъ десять возились Рѣзниковцы съ Александромъ Шаховымъ, да сорокъ лѣтъ судились съ двумя наслѣдниками—сыновьями его; топтались они по разнымъ судебнымъ порогамъ, бывали не одинъ разъ въ Петербургѣ. Въ концѣ концовъ вышло рѣшеніе, утвердившее Шаховыхъ въ правахъ на спорную землю.

— Оце вже зовсимъ дилу кинець! На вики земля наша пропала! Де вже таки зъ паномъ тягатысь та правды шукаты!. Хочъ то добре, що вже не будемо тратытысь!—говорили сыновья тѣхъ, что шапками отмѣряли Шахову землю.

II.

Александръ Шаховъ оставилъ сыновьямъ своимъ вполнѣ благоустроенное и богатое владѣніе—болѣе тысячи крестьянъ обоего пола и немалую площадь земли, отхваченной у Рѣзниковцевъ во время достопамятныхъ именинъ.

Родные братья Шаховы, Аврамъ и Иванъ, получивъ громадное наслѣдство, оставили военную службу и начали хозяйничать. Владѣніе отца они раздѣлили пополамъ, устроили каждый въ своей части, на окраинахъ села, великолѣпныя усадьбы. Къ своимъ крестьянамъ они сначала относились такъ-же ласково и благодѣтельно, какъ отецъ ихъ; но воскресныя угощенія водкой да горячими пирогами были сразу устранены. Крестьяне сразу усмотрѣли въ этомъ недобрый признакъ.

— Це вже, мабуть, не буде намъ такого житья, якъ пры старому пану, царство ему небесное! говорили они.

Да, такое житье черезъ три-четыре года исчезло. Новые паны исподоволь, мало-по-малу, возлагали на крестьянъ разныя тяготы, затягивали туже и туже крѣпостную узду. Лѣтъ чрезъ десять положеніе селимовскихъ крестьянъ опредѣлилось въ такомъ видѣ: они еженедѣльно совершали панскія работы по четыре дня; зимою въ лѣсу работали по нѣсколько дней, нерѣдко отмораживая себѣ руки и ноги; зимою и осенью по нѣсколько недѣль находились въ дорогѣ, когда возили купцамъ панское добро; должны были каждый своими средствами пріобрѣтать и содержать пару воловъ, возъ, плугъ, борону и прочій земледѣльческій нарядъ, употреблять эти предметы для панской работы; лѣтомъ, въ воскресные и праздничные дни, мужчины занимались клепаніемъ панскихъ косъ, а женщинъ въ тѣ-же дни сгоняли въ панскіе сады для рванія фруктовъ; женщины, кромѣ полевыхъ работъ и на току наравнѣ съ мужчинами, весною воздѣлывали панскіе огороды, мыли овечью шерсть, осенью и зимою едва успѣвали выдѣлать заданное имъ количество пряжи льняной и шерстяной.

Самою тяжелою повинностію было отправленіе службы въ панскомъ дворѣ. Штатъ, отправлявшій ее, назывался *дворней.*

Для этой службы совершался наборъ во всякую недѣлю или мѣсяцъ—по мѣрѣ выбыванія изъ дворни вслѣдствіе смерти, болѣзни или старческой немощи. Выбирались юноши, дѣвушки и подростки, всѣ красивые и цвѣтущіе здоровьемъ. Попавшій или попавшая въ штатъ дворовыхъ людей были вполнѣ несчастные крѣпостные—рабы въ полнѣйшей степени. Работа дворовая была часто тяжелѣе, чѣмъ въ полѣ: необходимость быть постоянно напоготовѣ для барскихъ услугъ, наказанія, часто жестокія, за невольное неисполненіе причудливыхъ прихотей и капризовъ отравляли жизнь дворовыхъ людей. Прибавьте къ этому то, что только нѣкоторымъ изъ нихъ дозволяется жениться или выходить замужъ.

Дворня распредѣлялась на нѣсколько отдѣленій по различію занятія ими должностей. Во главѣ ея стояло начальство—приказчикъ, конторщикъ, атаманъ и шапарь. Предъ приказчикомъ трепетали селимовскіе крестьяне: какъ довѣренное лицо барина, недремлющее око его, онъ наблюдалъ надъ всѣми частями имѣнія, приводилъ въ исполненіе распоряженія барина, а часто и самъ распоряжался. Конторщикъ, имѣя при себѣ писарей, велъ ревизскія сказки (книги), приходорасходныя и инвентарныя книги, списки очередныхъ рабочихъ и людей и вообще всю переписку по дѣламъ имѣнія. Атаманъ—это какъ бы сельскій староста: онъ ближайше слѣдилъ за порядками въ селѣ, за состояніемъ каждаго двора; онъ былъ правой рукой приказчика: *загадывалъ* людямъ, кому, когда и на какую работу идти, и былъ главнымъ дозорщикомъ при работахъ. Шапарь завѣдывалъ складами всякаго зерна, муки и прочихъ съѣстныхъ припасовъ; принималъ ихъ въ амбары и выдавалъ.

Лакейское отдѣленіе состояло изъ нѣсколькихъ лицъ—камердинера, буфетчика, помощниковъ ихъ—козачковъ. Самымъ важнымъ лицомъ былъ камердинеръ: онъ вѣдалъ кабинетъ барина, исполнялъ прихоти его тайныя и явныя. Домъ украшался хорошенькими *горничными*: это были дѣвушки. Онѣ оживляли домъ и дворъ своими звонкими мелодическими голосками и хохотомъ, кокетливыми природными манерами и веселыми, улыбающимися

личиками. Распоряжалась горничными барыня: однѣ убирали комнаты и вмѣстѣ съ лакеями прислуживали за барскимъ столомъ; другія щекотали тѣло барыни (пятки, икры и спину), когда она нѣжилась въ постели и погружалась въ сонъ; эти-же избранныя голову ея расчесывали, одѣвали ее; третьи были на разныхъ посылкахъ.

Лучшими изъ горничныхъ тайно распоряжался баринъ.

Барыня, жена Аврама Александровича, устроила возлѣ своей спальни рукодѣльное женское заведеніе. Въ немъ избранныя дѣвушки работали неустанно изо дня въ день: однѣ вышивали на пяльцахъ, другія шили бѣлье, третьи вязали кружево, чулки, ковры.

Иванъ Александровичъ, оставшійся до послѣднихъ дней своихъ холостымъ, имѣлъ прехорошенькихъ *комнатныхъ* дѣвушекъ. Однѣ подъ руководствомъ опытной мастерицы занимались рукодѣльями, другими командовала экономка. Какъ только комнатная дѣвушка утрачивала свѣжесть, была выдаваема замужъ, или поступала въ низшее отдѣленіе дворовой службы. На мѣсто выбывшей приводилась молоденькая сочная красотка.

За ближними дворовыми людьми, лакеями, горничными и, мастерицами, мамками и няньками, слѣдовали—поваръ, поваренки и судомойки, булошница съ помощницами, коровницы, прачки и птичницы. Птичнею, поварскимъ, булочнымъ и прачешнымъ отдѣленіями, а также погребами и кладовыми завѣдывала *экономка*. Экономка, имѣя у себя помощницу—*ключницу*, была окомъ барыни, блюла порядокъ матеріальнаго домостроительства.

Въ ближайшемъ вѣдѣніи приказчика состояли—сапожники, кузнецы, портные, столяры, кучера и помощники ихъ (форейторы и конюхи), скотари, овчары, садовникъ, куховарки, пѣвчіе и музыканты. Куховарки готовили пищу для *застольни*, т. е. для мѣста, гдѣ собирался дворовый людъ завтракать, обѣдать, полдничать и ужинать. Мастерицы и панскія любимицы не ходили въ застольню: у нихъ было въ барскомъ домѣ особое столовое отдѣленіе, а пищу имъ носили изъ поварской. Пѣвчіе и

музыканты тоже были на иномъ положеніи; ихъ выбирали и ими распоряжались регентъ и капельмейстеръ; пѣвчіе и музыканты кормились въ застольнѣ отдѣльно отъ прочихъ, и имъ давалась улучшенная пища.

Псарня была предметомъ особыхъ заботъ панскихъ. Для нея отведенъ былъ особый дворъ и составленъ нарядъ людей: псари, доѣзжачіе, стремянные, охотники.

— Ачъ, якъ завелы! И поварй, и музыканты, и барьски дивкй разряжени якъ павы!

— Чорты-батька знать, що завелось! Якъ дивка яка гарна пидросла, то гляды—вже й опынылась у паньскому двори, вже й гуляе тамечки! И псюрню завелы! Зъ собакамы лучче обходятся, нижъ зъ людьмы! говорили селимовцы незлобиво, въ простотѣ сердца, пришибленные тягловымъ трудомъ изъ-за куска хлѣба.

— При старбму пану ничого цёго не було!.. При старому пану якъ у Бога за дверима жилы!.. Бильшъ робылы на себе! Церомъ ему земля! сожалѣли селимовцы, умилительно совершая крестное знаменіе.

— А теперечки бильшъ робымо на цихъ панивъ, все на ихъ, та на ихъ! Та ще й катують насъ!.. Ой, старый любый пане! Церомъ ему земля! Царство ему небесне у вики вични пошлы, Господы! Якъ-же винъ обходывся зъ нами, яке угощеніе винъ дававъ намъ у кожну недилю! вспоминали селимовцы и горько плакали—наиболѣе женщины.

Положеніе селимовскихъ крестьянъ было тѣмъ болѣе тяжкое, что Шаховы относились къ нимъ безъ всякаго милосердія. Мало того, что они заставляли крестьянъ работать, какъ вьючныхъ животныхъ, лучшихъ дѣвушекъ и парней отрывали отъ семьи и обращали въ дворню: они допекали несчастнымъ людямъ жестокими наказаніями. Для наказаній употреблялись розги, батоги, плети, рогатки, колодки и темница, а также обмазываніе волосъ и лица дегтемъ съ присоединеніемъ къ нему пуха и перьевъ.

Рогатка—это желѣзный обручъ съ длинными желѣзными клиньями снаружи (какъ спицы на колодкѣ) и съ остроконеч-

ными миньятюрными зубчиками на внутренней поверхности. Обручъ этотъ запирался замкомъ и надѣвался на шею.

Колодки состояли изъ двухъ деревянныхъ брусковъ, въ каждомъ двѣ полукруглыхъ выемки на концахъ ребра: этими ребрами бруски прикладывались одинъ къ другому и стягивались ремнями настолько, насколько надобно было стиснуть мускулы рукъ или ногъ.

Въ каждую субботу приказчикъ докладывалъ барину списокъ, кто изъ людей въ чемъ провинился въ теченіе недѣли. Этотъ списокъ дополнялся тѣми, которые были усмотрѣны въ винахъ бариномъ или барыней. Баринъ или барыня каждому виновному назначали наказаніе. За отсутствіемъ ихъ, наказаніе опредѣлялъ приказчикъ, иногда—атаманъ. Жертвъ, предназначенныхъ къ истязанію, заключали въ темницу вечеромъ въ субботу, на разсвѣтѣ же воскреснаго дня подвергали каждаго опредѣленной ему карѣ.

Самой употребительной карой было сѣченіе розгами и битье батогами. Зимою сѣченіе и битье совершалось въ застольнѣ. Съ апрѣля и до ноября экзекуція производилась на открытомъ воздухѣ возлѣ барской конюшни. Вотъ блеснула утренняя аврора, только-только начало сѣрѣть, выводятъ изъ темницы человѣка, обнажаютъ его съ ногъ до головы и полагаютъ его на ослонъ (скамейку), ноги́ и плечи крѣпко притискиваютъ ремнями до ослона; растянутое на немъ живое тѣло шевельнуться не можетъ,—и начинается *катуванье*! Птички радостно щебечутъ, соловейко заливается чудными трелями, мелодически-теноровый звонъ церковнаго колокола раздается, а отъ барской конюшни несутся страдальческіе крики, несутся пронзительно звонко и далеко въ тишинѣ разсвѣта... Какая противоположность съ тѣмъ, что птички выражаютъ, и съ тѣмъ, къ чему призываетъ церковный звонъ! Съ умилительнымъ концертомъ пернатыхъ пѣвцовъ и колокола какимъ ужаснымъ диссонансомъ звучатъ человѣческіе болевые крики, вопли и стоны!

— О—о—о—ой!.. О--о—о—ой!.. Ой! Пустить, риднéньки!.. О—о—ой, помылуйте! гудѣло густымъ басомъ.

— А—а—а—ай!.. А—а—яй—яй!.. О—о—ёй—ёй!.. раздавалось юношескимъ пронзительнымъ голосомъ...

— О, це вже началася зоря!.. Отъ сердешни!.. Отъ бидни!.. И колы вже воны, кляти, перестануть катуваты несчастныхъ людей!—говорили жители села Радіоновки, которое находилось въ трехъ верстахъ отъ Селимовки.

— Ачъ, яки зори!.. Разомъ почалось у двухъ дворахъ!..

— Адже-жъ воно разомъ завсигда починается!.. Сговорюются, чи що!?...

— Тай печуть-же!.. А вжежъ и крычать, бидни!

— Ага, остоювалы старого собаку-пана, звирюкамы кыдалыся на насъ, отъ имъ теперечки и отдается!

— Та шо люде ти несчасни!? Чимъ воны винни за пана? Скачы, враже, якъ панъ каже, отъ що!

— Ото жъ и доскакалысь, кажить!

— Тай панамъ цимъ, якъ не теперъ, то вже колысь-то буде!.. Вже и имъ икнется колысь за пограбоване!...

— Бидни люде, якъ ихъ мордують!..

— Терпы, козаче, атаманомъ будешь!—Говорили Рѣзниковцы, слушая раздирающіе душу крики, что доносились изъ панскихъ дворовъ.

Вотъ-вотъ уже и свѣтило покажется изъ-за горизонта. Его лучи золотистые озаряютъ картину и искрятся въ капляхъ крови, что сочатся изъ ранъ и ниспадаютъ съ ослона. Вотъ оно выкатилось и смотритъ огненнымъ глазомъ, страшнымъ укоризненнымъ глазомъ, какъ будто и оно облито кровью...

Сидитъ на балконѣ баринъ, любуется восходомъ солнца, съ такой пріятностью вдыхаетъ свѣжій утренній воздухъ, напоенный возлѣ балкона запахомъ чудныхъ розъ. Лицо его напыщенное и нижняя большая губа немного отвисла. Возлѣ него, вытянувшись въ струнку, стоятъ приказчикъ и камердинеръ, а козачекъ быстро переступаетъ съ ноги на ногу—какъ-бы ему бѣжать или танцовать хочется.

— Кто это тамъ, какъ быкъ, реветъ?—спрашиваетъ баринъ

— Кондратъ Коникъ, что былъ въ бѣгахъ и пойманъ,—бъяснилъ приказчикъ.

— Ишъ, каналья!.. Сколько?

— Полтораста ударовъ!

— А потомъ?—спросилъ баринъ, затягиваясь изъ предлиннаго чубука, на концѣ котораго громадная трубка, величиной съ чайную чашку.

— Вы изволили назначить колодки и темницу на недѣлю, а еще на недѣлю изволили назначить рогатку—и чтобы онъ съ рогаткой молотилъ цѣпомъ!

— Хорошо! Славно!.. Ишъ реветъ-то какъ! Дуракъ! Бѣги, да не ловись!—молвилъ баринъ, выпуская клубы табачнаго дыма.

— Которая это баба тамъ кричитъ? Мареушка?

— Она самая! Марфушка-съ Курносая!—отвѣтилъ приказчикъ.

— Ишь, кобыла, связалась съ негоднымъ Гаврилкой! Съ нимъ однимъ?—обратился баринъ къ камердинеру.

— Да-съ, съ нимъ однимъ-съ, съ Гаврилкой лакеемъ слюбилась! Который разъ уже поймана съ нимъ-съ!

— Ишъ, шельма!.. Какъ кошка репетуетъ!.. Любись, да не ловись, шельма!.. Сколько?

— Двадцать розокъ!—отвѣтилъ приказчикъ.

— Привести ее сюда—такъ, какъ она есть, въ одной рубашкѣ! Живо! Пошелъ!—махнулъ баринъ козачку.

Козачекъ стрѣлой помчался. Привелъ барскую дѣвку Мареушку—лучшую изъ комнатныхъ по свѣжести и роскошнымъ формамъ. Она трясется, какъ въ сильной лихорадкѣ; багровое лицо закрыла руками и голову—внизъ.

— Открой-то рожу свою паскудную, шельма!

Приказчикъ и камердинеръ моментально осадили руки дѣвушки внизъ. Мареушка трепещетъ, наклонивъ голову.

— Что, будешь съ мерзавцемъ Гаврилкой?

Дѣвушка упала на землю къ ногамъ барина. Икры ногъ обнаружились.

— Ой, не буду-жъ, паночку! По викъ свій не буду!.. Будь я трычи проклята, що не буду вже!. вопила Марфушка, заливаясь слезами.

— Ишъ какъ расписали!.. Смотри я тебя еще лучше распишу, если ты позволишь себѣ даже глянуть на Гаврилку или

на какую-нибудь другую каналью!.. Я тебѣ сто ударовъ засыплю!.. Я тебя въ гробъ законопачу, слышишь?—горячился баринъ.

— Чую, паночку ридненькій, чую!.. Ой—ой!—застонала дѣвушка, откинувъ руку назадъ. Не можу встаты, паночку!—пролепетала она.

— Уведите ее къ экономкѣ!

Камердинеръ увелъ Марѳушку.

— А это кто воетъ?

— Степанъ Шулика!—отвѣтилъ приказчикъ: проворовался, стащилъ въ амбарѣ сапоги, шапку и свитку!

— Ишъ, какъ завываетъ!.. Та-акъ его!.. Воруй да не ловись!.. Сколько?

— Шестьдесятъ розокъ!

— А это кто?

— Григорій Шепелявый! Ему назначено выкосить двѣ десятины, а онъ выкосилъ только одну!

— Лѣнтяи!—заворчалъ баринъ.—Сколько?

— Тридцать розокъ!

— А это?

— Столяръ Лукьянъ! Запилъ и не работалъ три дня!

— Пьяницы!—заворчалъ баринъ, выпуская клубы табачнаго дыма.

— Сколько?

— Сорокъ пять розокъ!

Къ раннему утру *зоря* оканчивалась.

Работы налагались тяжелыя, а взысканія полагались какъ за неисполненное количество работы, такъ и за качество ея. Если крестьянинъ успѣвалъ въ количествѣ заданной работы, то проигрывалъ въ качествѣ ея—и наоборотъ. Дворня была громадная, а служба ея—неустанная, неуклонная, и совершалась эта служба, такъ сказать, на глазахъ господъ. Стремянной неудачно спустилъ собакъ на охотѣ, собаки случайно не вб время накормлены или нѣкоторыя собаки захудали: стремянному и псарю быть на зорѣ! Поваръ плохо приготовилъ кушанье, повара привели изъ шинка, лакей завелъ любовныя шашни съ

горничной, сапожникъ дурно пошилъ сапоги, портной испортилъ господскіе панталоны, музыкантъ запилъ, лакей забылъ вычистить чубуки или въ поспѣшности кое-какъ исполнилъ эту работу; при осмотрѣ конюшни баринъ замѣтилъ на задней лопаткѣ лошади грязное пятно или конюшня не вычищена, какъ стеклышко; кучеръ провинился тѣмъ, что лошади испугались и понесли барыню, чуть-чуть не опрокинувъ экипажа; садовникъ не вычистилъ дорожекъ или не досмотрѣлъ, какъ на яблонѣ завелась гусеница; у овчара въ отарѣ не досчитались двухъ овецъ,—и всѣхъ этихъ *на зорю*! И не перечесть случаевъ, приводившихъ дворовыхъ людей *на зори*.

Двороваго матеріала для каждой воскресной зори набирали достаточно во всѣ времена года. Тяглаго матеріала для зори накоплялось зимою меньше, а лѣтомъ—больше. На полѣ, когда косили траву, парень игрался съ дѣвкой; женщина на полѣ, когда косили хлѣбъ, родила; мужъ ея, находившійся здѣсь, оставилъ работу и повезъ жену домой; Степанъ Оглобля запилъ и не явился на косовицу. Парню, мужу и Оглоблѣ быть *на зорѣ*! Тѣ не перевезли на барскій токъ опредѣленнаго количества копенъ, тѣ поздно явились на токъ, тѣ дурно провѣяли зерно, другіе не смолотили скирды въ назначенный срокъ,—и всѣмъ имъ быть *на зорѣ*! Не разбиралось, почему сдѣлано плохо или не исполнена работа.

Лѣтнія *зори* отличались многолюдствомъ и торжественностію обстановки: открытый благоухающій воздухъ, разсвѣтъ, восходъ солнца, щебетанье птичекъ... Иногда случалось, что не успѣвали перебить всѣхъ утромъ; въ такомъ случаѣ въ тотъ-же день совершалась *вечерняя зоря*.

Женщинъ мало подвергали зорямъ, и по случаямъ исключительнымъ. Зато надъ ними висѣли *рогатка*—орудіе, которое предлагалось и мужчинамъ. Наказаніе рогаткой производилось различно—по степенямъ: съ рогаткой сидѣть въ темницѣ, съ рогаткой работать, водить въ рогаткѣ по селу. Въ панскомъ дворѣ, на панскомъ току, на полѣ, на огородѣ, въ саду часто виднѣлись мужчины и женщины, украшенные рогатками. Иные

ходили въ рогаткахъ по нѣсколько дней. На полѣ дѣвка игралась съ парнемъ; женщина, имѣвшая грудного ребенка, не нажала узаконеннаго количества сноповъ отъ того, что ребенокъ частымъ крикомъ отвлекаетъ ее отъ работы, дѣвкѣ быть въ рогаткѣ и сидѣть въ темницѣ,—а въ понедѣльникъ она будетъ работать на полѣ въ желѣзномъ ошейникѣ, женщинѣ надѣть рогатку и провести ей воскресный день въ темницѣ. Коровница не могла сбить заказаннаго количества масла—рогатку ей на шею! Прачка не угодила барынѣ выглаженной юбкой, швея—платьемъ, кружевница—кружевомъ,—прачка, швея и кружевница красуются въ рогаткахъ!

Когда барыня замѣчала, что дворовая дѣвка понесла, то такую въ праздничный или воскресный день водили по селу въ отвратительномъ и полуобнаженномъ видѣ: грязная-прегрязная на ней рубашенка, на шеѣ—рогатка, взбитыя волосы обмазаны дегтемъ и обсыпаны перьями. Веревкой, привязанной къ ошейнику, ведетъ медленно старая горбуха обезображенную красотку. Бредетъ несчастная дѣвушка, пылая стыдомъ; она бросаетъ на окружающихъ бѣгающіе и полные ужаса глаза, ногами и плечами она дѣлаетъ порывистыя причудливыя движенія; руки тоже какъ-то странно движутся сюда и туда, какъ будто хочетъ ведомая спрятать ихъ или либо закрыть: но не въ чемъ спрятать, а лица нельзя закрыть—рогатка мѣшаетъ!

За воровство водили мужчинъ въ такомъ же видѣ: въ рубашкѣ, въ рогаткѣ, а голова облита дегтемъ и убрана перьями. Но предварительно подвергали ихъ *зорѣ*. Послѣ вожденія сажали ихъ въ темницу и надѣвали колодки на руки и ноги.

Людей, подобныхъ лакею Гаврилкѣ, замѣченныхъ въ прелюбодѣяніи, заключали въ темницу на нѣсколько дней,—и сидѣли они тамъ, стиснутые колодками; но тоже предварительно такіе люди вкушали *зорю*.

Вотъ такъ жилось селимовцамъ подъ тяжелою рукою Шаховыхъ.

Селимовцамъ дѣлалось и пріятное; но оно дѣлалось такъ рѣдко и проходило такъ мимолетно!

Когда случалось, что урожай былъ отличный, люди очень усердно работали, то панъ Аврамъ бывало выѣзжаетъ съ боченкомъ водки да съ мѣшкомъ грошей и пятаковъ къ людямъ на поле. Коляска медленно движется промежъ косарей и жницъ. Сидящій на ней самодовольный и улыбающійся панъ бросаетъ мѣдные пятаки, а люди хватаютъ ихъ съ причудливыми ужимками, какъ обезьяны сѣмечки, да низко кланяются пану. Для довершенія впечатлѣнія панъ Аврамъ приказываетъ принести ему борщъ, кашу и галушки. Приносятъ. Выпивъ чарку водки, черпаетъ панъ косарскою ложкою изъ косарской миски, аппетитно ѣстъ борщъ съ кашей и галушки, ѣстъ и приговариваетъ зычно: а, да и славный борщъ какой! вотъ такъ борщъ? Ай да славная-жъ каша! Всѣмъ кашамъ каша! Ну, и галушки!—тоже: куда лучше паньскихъ бысквытивъ! Ай—да галушки милушки! Ну-ка, дай чарку водки!"— Прихваливаетъ да уплетаетъ панъ, пресыщенный изысканными пирожками и нѣжными бульонами.

— А кто варилъ это? спрашивалъ панъ Аврамъ, отвѣдавъ вдоволь косарской пищи.

— Лукерья птышныця!

— Ведите сюда Лукерью.

Солнце уже спускалось за горизонтъ. Косари и жницы собирались вечерять.

— А что, всегда такая славная пища вамъ варится?— спрашивалъ панъ приходящихъ.

— Завсигда, баринъ! Завсигда така гарна!—отвѣчали приходящіе, отвѣшивая низкіе поклоны.

— Довольно вамъ даютъ? Сытно васъ кормятъ?

— Спасыби вамъ баринъ! Що кормлять—то вже добре кормлять!—отвѣчали люди, какъ бы думая: кормятъ-то хорошо, да бьютъ очень больно!

Явилась Лукерья—пріятная на видъ старушонка.

— Славно варишь! вкусную пищу варишь!

— Рада, баринъ, годыть вашей милости!

— Всегда такъ стряпаешь?

— А якъ-же, Боже мій! Завсигда, баринъ, завсигда!—отвѣчала Лукерья, сложивъ руки и склонивъ смиренно голову набокъ. Спросить, баринъ, людей!

— Ну, вотъ тебѣ, славная стряпуха! И далъ баринъ Лукерьѣ серебряную монету—полтину.

— Спасыби, баринъ!

—Старайся! Старайся!

— Рада-жъ старатысь онъ якъ!—благодарила Лукерья, цѣлуя руку барина.

Чарку водки выпьешь?

— Спасыби, баринъ! Я цёго не вважаю! Треба поспишаты? И быстрымъ шагомъ удалилась Лукерья.

Люди большими кругами разсѣлись на чистомъ травянистомъ мѣстѣ—и началась *вечеря*. Послѣдніе солнечные лучи такъ пріятно золотятъ рядъ мисокъ, загорѣлыя лица жницъ и косарей отражаются въ тѣхъ чаркахъ, что наливаютъ водку и раздаютъ косарямъ по случаю пріѣзда барина. Недалеко отъ людей сидитъ баринъ въ коляскѣ, куритъ трубку, и лицо его сіяетъ самодовольствіемъ. Онъ внимательно слѣдитъ, какъ люди тянутъ влагу; они тянутъ изъ чарокъ медленно и съ какимъ-то упоеніемъ, и каждый, выпивъ, крякнетъ рѣзко; и ѣдятъ они тоже медленно, съ полнымъ наслажденіемъ, съ громаднымъ аппетитомъ распробывая каждую частицу набраннаго въ ложку. Налюбовавшись картиной, панъ Аврамъ быстро прикачиваетъ домой.

Такія-же посѣщенія дѣлывалъ и панъ Иванъ.

III.

Тогда-какъ селимовскіе крестьяне истрачивали свои силы на панскую работу, страдали *на зоряхъ*, мучились въ рогаткахъ и колодкахъ,—въ панскомъ домѣ веселая, праздная жизнь била ключемъ. Изо дня въ день, изъ ночи въ ночь—гости и гости, пиры да пиры и разныя причудливыя затѣи.

Широкимъ, удивительнымъ гостепріимствомъ и хлѣбосольствомъ отличались братья Шаховы, Аврамъ и Иванъ. Слава объ

этомъ гостепріимствѣ далеко неслась и гремѣла по Харьковской губерніи. Такую черту братья несомнѣнно наслѣдовали отъ своего отца; но отецъ эту черту употребилъ для прибыльнаго, любостяжательнаго дѣла, а сыны роскошно хлѣбосольничали изъ-за честолюбія и дабы весело, шумно пожить.

Какъ *зори*, такъ и пиры имѣли опредѣленное теченіе: они въ одни мѣсяцы бывали очень многолюдны, весьма шумны и азартны; въ другіе мѣсяцы—менѣе многолюдны и не такъ шумны. Время наибольшаго панскаго разгула не совпадало съ временемъ наибольшаго развитія мужицкихъ зорь и рогатокъ. Сезонъ селимовскихъ панскихъ пиршествъ начинался съ октября и продолжался до первой недѣли великаго поста. Великій постъ былъ временемъ передышки отъ неустаннаго, головокружительнаго гулянья и веселья, періодомъ затишья въ панскомъ домѣ и дворѣ. Со дня Свѣтлаго праздника снова начиналось гулянье и веселье, въ іюнѣ оно стихало, въ августѣ и сентябрѣ еще болѣе стихало. Конецъ лѣта и начало осени были передышкой отъ весеннихъ и лѣтнихъ вакханалій. Рождественскія святки, мясоѣдъ, масленница и май проводились съ наибольшимъ трескомъ, комическими сценами, фантастическими выдумками. Бѣшенныя катанья въ нѣсколько десятковъ саней длинной вереницей, охота съ борзыми, гончими и боченками горячихъ напитковъ, превращеніе гостей (которые помельче) въ барановъ, козловъ и медвѣдей, восхожденіе пьяныхъ на снѣжныя горки, спусканіе выведенныхъ на эти горки, танецъ звѣрей—превращенныхъ козловъ и барановъ съ превращенными (изъ горничныхъ и комнатныхъ дѣвушекъ) козами да овечками, маскарадныя представленія и другія выдумки были дополненіемъ къ многообильнымъ завтракамъ, обѣдамъ, ужинамъ и кутежамъ дневнымъ и ночнымъ.

— Яке діется!... Яке гульбыще!

— Зъ жиру бисятся!

— Ачъ, якъ гуляють на нашій земли!..

— А все батькы наши вынни, що якось одчахнулы имъ ажъ выдымо-невыдымо своеи земли!...

— Отъ теперечки и клацай зубамы!—говорили Рѣзниковцы, глядя съ озлобленной завистью на Шаховскія гульбища.

Гостепріимные братья Аврамъ и Иванъ дѣлили пополамъ веселыя и пышныя угощенія: этотъ день пиршественное дѣло у Аврама, другой день у Ивана; въ теченіе этой недѣли задаетъ чувственныя удовольствія Аврамъ, въ другую недѣлю задаетъ такія удовольствія Иванъ. Пили и ѣли одинаково много у того и другого. Но въ удовольствіяхъ, предоставляемыхъ Иваномъ Александровичемъ, бывалъ эротическій элементъ: комнатныя дѣвушки въ соблазнительной костюмировкѣ подавали охмѣлѣвшимъ гостямъ вино; гости любовались танцами этихъ дѣвушекъ, игрались съ ними въ пиршественной комнатѣ; болѣе же скоромное не допускалось: того не любилъ солидный и строгій домовладыка. Въ пиршествахъ, устрояемыхъ Аврамомъ Александровичемъ, эротическаго предмета не случалось, или онъ вводился очень рѣдко: въ домѣ жила барыня, которая рѣдко выѣзжала безъ мужа. Зато Аврамъ Ал. былъ тароватъ на комическія шутки; у него бывали снѣжныя горки, танцы звѣрей, превращенія звѣрей, маскарадныя представленія (эти устроялъ и братъ его). Нарядитъ, напр., нѣкоторыхъ изъ гостей въ звѣриныя шкуры (медвѣжью, баранью, козлиную)— и пошла потѣха! Козлы прыгаютъ, бараны рогами бодаются, медвѣдь на заднихъ лапахъ ходитъ или цыганъ заставляетъ его штуки дѣлать. Послѣ такой работы козлы—*мее*, бараны—*бее*, медвѣдь—*муу* (реветъ): это звѣри просятъ выпить—и имъ даютъ выпить. Перепоитъ, напр., однихъ (а другихъ важныхъ и солидныхъ удерживаетъ отъ большого питія для созерцанія картины), завяжетъ пьянымъ глаза, введетъ рой дѣвушекъ—и пошла игра въ жмурки! Дѣвичій звонкій хохотъ, пискъ, визгъ въ залѣ раздается, глухой гулъ отъ паденія пьяныхъ тѣлъ. Тотъ падаетъ, но съ усиліемъ поднимается и мчится, тотъ съ осторожностью тупаетъ ногами, тотъ на четверенькахъ ползаетъ: пьяная энергія возбуждается, хочется прикоснуться къ лакомому кусочку—хочется поймать. Кой-кому удается схватить хохотунью—и только на мигъ!

Всегда большіе обѣды и пиршества услаждались музыкой. Оркестръ разыгрывалъ увертюры и аріи, а во время кутежей допускались разныя плясовыя. Часто пиршественный залъ оглашался и хоромъ пѣвчихъ—въ перемежку съ музыкой.

Братья Аврамъ и Иванъ Шаховы при всевозможныхъ пирахъ и кутежахъ никогда не бывали пьяны, хотя пили много—очень много. Тотъ и другой были высокаго роста, плечистые и чрезвычайно мускулистые. Здоровьемъ отличались громаднымъ. У того и другого было страстью накормить досыта и угостить виномъ такъ, чтобы гости, что называется, на корачкахъ лазили. Всегда во время пировъ получалась такая картина: тотъ растянулся на большомъ турецкомъ диванѣ, тотъ шлепнулся на полъ, иные подъ столъ свалились, иные къ столу головою припали и храпятъ. Всѣ такія мертвецки пьяныя тѣла лакеи убирали изъ зала и полагали на постеляхъ во флигелѣ. Къ концу пиршества оставалось немного такихъ, которые дѣйствовали; но и эти артисты въ заключеніе бывали несомы во флигеля. Нѣкоторые-же тутъ, въ кутежномъ залѣ, такъ и были оставляемы въ тѣхъ позахъ, въ какихъ свалились и отошли ко сну.

Не всегда бывали громкія пиршества, т. е. которыя дополнялись музыкантами, пѣвчими, шутками и иными картинами; Шаховы и гости утомлялись отъ громадной увеселительной дѣятельности, а также душа просила разнообразія. Иногда происходили и тихіе пиры. Эти состояли въ томъ, что при умѣренномъ питіи хозяева и гости играли въ карты, на бильярдѣ, въ кегли. На верхней части дома—въ мезонинѣ была великолѣпная билліардная.

Шаховы устрояли каждый по пять или по шесть блистательныхъ баловъ въ году. Пиршественные виды на балахъ не допускались. Зато послѣ перваго дня именинъ происходили нѣсколько дней кутежи съ картинами.

Лица, посѣщавшія Шаховыхъ, были помѣщики большей части Изюмскаго уѣзда, а также изъ уѣздовъ Чугуевскаго, Купянскаго, Старобѣльскаго, Бахмутскаго. Близкими сосѣдями ихъ

и болѣе частыми гостями были Кудрявовы, Любицкіе, Депрерадовичи, Закревскіе, Акимовы, Шабельскіе, Веригины и офицеры изъ Кременной.

Кременная, иначе Новый Глуховъ, въ ту пору (въ первой половинѣ настоящаго вѣка) была громаднымъ кирасирскимъ поселеніемъ на берегу Жеребца (вблизи впаденія его въ Донецъ) и въ 15 или 18-ти верстахъ отъ Селимовки. Въ Кременной находился штабъ: здѣсь жило окружное начальство, вѣдавшее часть того района, который принадлежалъ Чугуеву. То и дѣло скакали туда и сюда (изъ Кременной въ Селимовку и обратно) верховые, да гремѣли ухарскія тройки съ колоколами. Кирасирскіе офицеры во множествѣ наполняли собою палаты Шаховыхъ Они были превеселыми компаньонами въ громкихъ и тихихъ пиршествахъ. Они, кирасиры-то, были кладомъ для гостепріимнѣйшихъ братьевъ Аврама и Ивана. Эти кирасирскіе соколы изъ Кременной и придавали пиршествамъ особую прелесть и азартность, подвигали Шаховыхъ на столь частое устроеніе пированій, возводили кутежное дѣло на высокую степень совершенства. Статные, красивые и веселые кирасирскіе офицеры были украшеніемъ Шаховскихъ баловъ, они блистали пикантной костюмировкой и ловкими манерами. Отъ кирасирскихъ бальныхъ орловъ таяли очень многія женскія сердца. Въ удобныя минуты они порхали въ садъ, освѣщенный сотнею огней; здѣсь гуляли, освѣжались нарядныя пары, а иныя уединялись въ темныя аллеи для объятій и нѣжныхъ поцѣлуевъ. Всякій балъ сопровождался тонкимъ общимъ волокитствомъ въ залѣ и любовными картинами въ саду (лѣтомъ). Однажды съ бала кирасиръ и красавица—жена небогатаго помѣщика—убѣжали. Однажды съ бала кирасиръ увезъ дѣвицу—и въ ту же ночь обвѣнчался съ нею. Во время бала случилось, что ревнивый мужъ побилъ палкою блестящаго кирасира на мѣстѣ любезничанья съ женою сего мужа—въ уединенной бесѣдкѣ. Случилось и такое, тоже въ бальное время, что важный харьковскій баринъ увлекъ кирасирскую даму и покатилъ съ нею за границу

Самыми близкими лицами, проживавшими по временамъ у Шаховыхъ, были нѣкоторые мелкопомѣстные дворяне и беззе-

мельные отставные пенсіонеры: маіоры, капитаны, поручики. Особенно любилъ окружать себя такими Аврамъ Шаховъ. Они всюду слѣдовали за нимъ: осматривалъ панъ Аврамъ хозяйство (поле, скотарни, овчарни и др.)—и отставные маіоры, капитаны и поручики слѣдовали за нимъ; отправлялся Аврамъ Александровичъ въ гости—и пенсіонеры отправлялись съ нимъ; появлялся этотъ баринъ въ Харьковѣ—появлялись вмѣстѣ съ нимъ пенсіонные маіоры, капитаны и поручики. Они составляли какъ-бы свиту его. Такъ и говорили тогда: планета панъ Аврамъ и спутники его. Рѣдко панъ Аврамъ выходилъ или выѣзжалъ одинъ; обыкновенно онъ выѣзжалъ и выходилъ со спутниками. Эти спутники и представляли звѣрей во время пиршества

Самымъ частымъ посѣтителемъ Шаховыхъ, любимцемъ ихъ, непремѣннымъ членомъ пировъ громкихъ и тихихъ былъ селимовскій священникъ о. Автономъ. Онъ былъ вдовецъ. Красавецъ собой, цвѣтущій здоровьемъ, ростомъ и сложеніемъ подобный Шаховымъ, онъ выдавался какъ юмористъ и анектодистъ, веселый и неутомимый краснобай; а по части выпивки никто не могъ состязаться съ нимъ. О. Автономъ неуклонно всегда держалъ круговую—и никогда не бывалъ пьянъ, никогда не напивался до положенія

— Люблю батька за это!—говорилъ панъ Аврамъ, цѣлуя батька. Въ семинаріи всѣ такіе?

— Всѣ, за исключеніемъ весьма немногихъ!—отвѣчалъ о. Автономъ.

— Вотъ если-бы всю ее, семинарію, сюда!—восклицалъ Аврамъ.

Этотъ батько превосходно игралъ на билліардѣ, онъ продѣлывалъ на немъ удивительно искусные удары и положенія шаровъ, весьма рѣдко проигрывалъ партію. О. Автономъ любилъ и въ карты поиграть; азартно игралъ и проигрывался иногда до послѣдней нитки. Случалось, приходятъ изъ панскаго двора люди и забираютъ лошадей, коровъ, быковъ, овецъ, свиней; разъ забрали даже куръ, утокъ и гусей. Если онъ проигрывалъ Шаховымъ, то они, пошутивши, возвращали забранное, если проигрывалъ спутникамъ Аврама или кирасирамъ, то забранное

не возвращалось. Бывали и обратные виды: пригоняютъ во дворъ батюшки лошадей, или овецъ, или воловъ и коровъ,—это карточный выигрышъ о. Автонома

Бывало начнется пированіе, а о. Автонома нѣтъ. Тогда посылаютъ за нимъ—и уже непремѣнно разыщутъ его и привезутъ. Разъ было такое: посланные доложили барину Авраму Александровичу, что батюшка о. Автономъ дома *сплять*. Велѣно идти разбудить и привести. Послы возвратились съ объявленіемъ, что никакъ *неможно разбудыть, хропуть* на весь домъ.

Оце розбуркаемъ, воны зивнуть, перевернутся на другый бикъ и зновъ!—докладывали лакеи.

— Якъ оце росштовхаемо, оце лупнуть очима, щось протянуть голосомъ, та перевернутся на другій бикъ, тай зновъ дуже хропуть!—объяснилъ кучеръ.

— Пойти и принести попа сюда на томъ, на чемъ онъ спитъ!—приказалъ баринъ.

Люди вошли въ домъ о. Автонома, взяли на плечи диванъ—и понесли этотъ диванъ со спящимъ на немъ батюшкою (это было днемъ). Поставили тотъ диванъ въ пиршественномъ залѣ. Панъ Аврамъ и компанія его потѣшались надъ спящимъ. Наконецъ, онъ, о. Автономъ, пробудился, возсталъ крайне изумленный. Сколько было хохота и веселья! Пили по этому поводу съ особеннымъ азартомъ.

Въ дамскомъ обществѣ о. Автономъ пожиналъ лавры. На балахъ дамы водили его, что называется за полы, липли къ нему, какъ мухи къ меду. А онъ ловко и нѣжно увивался между дамами, занималъ ихъ веселыми и милыми шутками, пріятными и умными разговорами. Статные кирасиры съ досады усы только покручивали да губы морщили, глаза прищуривали, а другіе кирасиры нервно саблями постукивали да шпорами брящали. Отецъ-же Автономъ, окруженный прекраснымъ поломъ, хохоталъ весьма громкимъ густымъ мелодическимъ басомъ; и это очень пріятно выходило въ соединеніи съ нѣжными голосами хохотуній, бросавшихъ на прекраснаго батюшку кокетливые и заискивающіе взгляды.

Жена Аврама Александровича была неравнодушна къ о. Автоному; къ нему она относилась особенно нѣжно, была съ нимъ очень мила. О. Автономъ выражалъ поклоненіе этой дамѣ тѣмъ, что послѣ каждой обѣдни являлся въ домъ, въ спальню барыни, подносилъ съ изысканною угодливостію просфору ей и чувствительно цѣловалъ ручку ея; а въ церкви своимъ порядкомъ подносилась ей просфора.

Такъ-то живали паны Шаховы.

Были у Шаховыхъ излюбленные ими и чрезвычайно угодливые имъ люди. Такихъ немногихъ они баловали, а нѣкоторыхъ устарѣвшихъ отпускали на волю.

— Хиба теперешни паны живуть такъ, якъ стари паны жилы! А вже й жилы добре! Перомъ имъ земля! Теперешни усе взаграныцю йиздять. Хто его зна, що воны тамъ роблять; а тильки выдно, що дуже багацько грошей туды возять и тамечкы гроши ти пропадають! Чортъ знае, що завелось! Стари паны тежъ роскошно жилы, тежъ багацько грошей зводылы, то сами и добре хозяйнувалы! Та-таки ти гроши тутечки—значить у своій земли—зоставалыся: чи портный, чи купець, все-жъ ремеслени люде биля ихъ кормылыся.

Такъ говорили эти старики, глядя на модныхъ пановъ, а больше всего указывая на ближайшаго. Этотъ былъ сынъ ихняго стараго пана Аврама. Онъ, Александръ Аврамовичъ, получилъ громадное наслѣдство—имѣніе отца и имѣніе дяди Ивана. Какъ-же онъ жилъ и что сдѣлалъ съ удвоеннымъ богатствомъ? Очень рѣдко и мимолетно заглядывалъ Александръ Авр. въ Селимовку. Онъ велъ бурную жизнь въ Парижѣ и Петербургѣ, развѣвалъ тамъ деньги на карты, вино и женщинъ. Не достигши 40 лѣтъ, окончилъ тѣмъ, что надѣлалъ массу долговъ—и *застрѣлился*! Послѣ этого Селимовку продали съ молотка, и купилъ ее графъ Стенбокъ.

Предсказаніе Рѣзниковцевъ сбылось!

А. Полницкій.

ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА ИВАНА РОМАНОВИЧА МАРТОСА*).

VII. Письма Василія Яковлевича Ломиковскаго.

(1822—1830 г.г.)

46. Получивъ сильную охоту читать церковныя книги, между протчими другими, отыскалъ я въ библіотекѣ своей любопытную книгу, писанную протестантскимъ пасторомъ Пурдгольдомъ; здѣсь во всѣхъ догматахъ стоитъ онъ за греческую церковь и доказываетъ преимущество оной и невредимую святость ея.—Зная, что вы очень жалуете подобныя книги, препровождаю оную для прочета, такъ же и другую хорошую книгу, вышедшую изъ типографіи извѣстнаго Новикова, подъ заглавіемъ *Діоптра* или *Зерцало мірозрительное*. При семъ препровождаю также и словарь вашъ о духовныхъ писателяхъ, въ новомъ переплетѣ. Сверхъ того, присоединяю портретъ уважаемаго вами писателя Сковороды. О, какъ мнѣ жаль, что патріархъ Іоакимъ, движимый будучи мнѣніями братьевъ Лихудовъ, невыгодно отзывался объ преизящныхъ твореніяхъ безцѣннаго Транквилліона нашего. Изъ словаря сего очевидно, что патріархъ Іоакимъ имѣлъ личную вражду съ ученымъ протопопомъ Сильвестромъ Медвѣдевымъ, наипаче же съ Симеономъ Полоцкимъ кажется; они были причиною, что онъ вообще не довѣрялъ сочиненіямъ украинскихъ пастырей; таковое недовѣріе могло и его ввести въ ошибку, о чемъ и свидѣтельствуетъ тотъ же словарь, сими

*) См. Кіевск. Стар. 1897 г., іюль—августъ, 53—71.

словами: „Симеона Полоцкаго винили въ нѣкоторыхъ и такихъ мнѣніяхъ, въ которыхъ не было вины его". Такъ точно могли обвинять и Транквилліона, которой прегорько плакалъ о томъ. Читая жизнеописаніе о писателяхъ духовнаго чина, содрогаешься, видя, какъ враждебный духъ засѣвалъ плевелами ученіе церкви нашей. Великороссійскіе пастыри жестоко боролись съ протестантскою ересью, и были иногда одолѣваемы оною, да и нынѣ западная ересь заражаетъ многихъ ученыхъ богослововъ на сѣверѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ творенія ихъ. Напротивъ того, украинскіе пастыри сильно боролись съ папистами и сколь сіи послѣдніе не дѣлали самыхъ хитрыхъ усилій, но наши съ постояннымъ терпѣніемъ одолѣвая, одолѣли ихъ совершенно. Но какія однакожъ являются противорѣчія въ словарѣ семъ, объ украинскихъ пастыряхъ. Въ похвалу ихъ говорятъ, что украинскіе пастыри, какъ то: Зизаній, Барановичъ, Іоаникій Галятовскій, Тарасій Земка, Гизель и проч. всемѣрно охраняли церковь нашу отъ западныхъ плевеловъ и сильно возражали противъ папистовъ, которые изъ всякой мѣры выходили въ коварствахъ своихъ, ибо въ началѣ XVII вѣка католики и уніаты нарочно портили богослужебныя книги, а особливо тѣ, которыя касались до исповѣданія вѣры, и печатая въ своихъ типографіяхъ, издавали оныя подложно, подъ видомъ православныхъ.— Потомъ говорится въ пользу украинскихъ пастырей, что кіевскій митрополитъ Петръ Могила, видя усилія папистовъ терзать церковь нашу, издалъ въ 1629 году Литургіаріонъ или служебникъ, а въ 1640 году нашелъ за необходимое, къ сентября 8-му дню, пригласить въ Кіевъ, на соборъ, подвластныхъ ему епископовъ малороссійскихъ съ протчими духовными, на которомъ соборѣ слушанъ былъ катехизисъ игумена Исаіи Козловскаго, такъ же составлена славная книга, именуемая: *Изложеніе вѣры или православное исповѣданіе*. Книга сія, на простомъ греческомъ и латинскомъ языкахъ написанная, послана была съ тремя депутатами, въ 1643 году, въ городъ Яссы, гдѣ въ то время со стороны константинопольскаго патріарха и кіевскаго духовенства былъ соборъ на кальвинистовъ. Здѣсь то

книга сія константинопольскими депутатами разсмотрѣна, исправлена, одобрена и для конечнаго утвержденія послана къ восточнымъ патріархамъ. Константинопольскій патріархъ Діонисій вторично издалъ книгу сію въ Голландіи, въ 1672 году. Не говоря о томъ, что книга сія по изяществу своему, была переводима непрестанно на разные языки европейскіе реформатскими епископами и католическими учеными, но къ чести ея служитъ и то, что іерусалимскій патріархъ Нектарій и московскій патріархъ Адріанъ сочинили къ оной свои предисловія.—И какъ же я удивился, когда, послѣ таковыхъ похвалъ великому мужу сему, начиталъ я, что въ 1668 году братья Лихуды явно вооружились противъ *большаго требника* кіевскаго, противъ двухъ *катихизисовъ Петра Могилы* и противъ *Зерцала богословія* Кирилла Транквилліона, говоря, что въ оныя книги вкралось папистическое мнѣніе о пресуществленіи евхаристіи словами Христовыми: пріимите, ядите и проч., а не священническимъ послѣ того призываніемъ св. Духа.—Далѣе, опять я начиталъ въ пользу украинскихъ учителей, на стран. 252 говорится: „Исторію споровъ можно видѣть въ книгѣ патріархомъ Іоакимомъ или, лучше сказать, самими Лихудами составленной, подъ названіемъ *Остенъ*. Патріархъ Іоакимъ говоритъ въ книгѣ сей, что онъ принужденъ былъ писать въ Кіевъ къ митрополиту Гедеону, и въ Черниговъ, къ архіепископу Лазарю и къ инымъ духовнаго чина начальникамъ. И тіи, говоритъ патріархъ Іоакимъ, всесовершенно покорилися со всею паствою и во всемъ согласилися съ восточною святою церковію и святѣйшими патріархами. Когда украинскіе пастыри были въ семъ согласны со святою восточною церковію, какъ и самъ патріархъ утверждалъ то въ 1689 году, то какъ бы кіевскій митрополитъ могъ допустить къ напечатанію *Зерцала Богословія*, Транквилліона, третьимъ изданіемъ въ 1696 году, еслибъ книга сія въ чемъ либо была не согласна съ общимъ мнѣніемъ пастырей церковныхъ? Отличнѣйшее уваженіе къ *Зерцалу Богословія* побудило меня распространиться о предметѣ семъ*)...

---

*) Точками обозначены сдѣланные нами пропуски въ письмахъ.

Юпитеръ грозенъ, наипаче въ высокосный годъ, всѣ жалуются на тяжелыя времена. Отъ рубежей полтавскихъ до Чернаго Моря и Дона, кромѣ саранчи, пожравшей труды человѣческіе, въ дополненіе къ тому необыкновенная засуха пожгла всѣ поля и засушила рѣки и студенцы. Въ малороссійскихъ же губерніяхъ холодные дожди хотя и даровали намъ обильнѣйшій урожай, однакожъ непрестанные грады во многихъ мѣстахъ опустошали поля наши обширными полосами. Къ довершенію общей горести, стали являться у насъ многія семейства изъ южныхъ губерній, прося хлѣба насущнаго, говоря, что саранча пожрала у нихъ даже и старые запасы въ скирдахъ. Между тѣмъ нѣкоторые изъ проѣзжихъ говорили намъ, что мелкая саранча съ красными крыльями, самая прожорливѣйшая, опустошивши Крымъ, ударилась къ морю. Крупная же саранча, съ сѣрыми крыльями, гнѣздившаяся на Дону, направила полетъ свой на сѣверозападныя губерніи, что она раздѣлилась на разные отряды, что она въ павлоградскомъ уѣздѣ тянулась двѣ недѣли непрестанно, пожирала тамъ всю солому на крышахъ и затопляла колодези. Мы стали поспѣшать снятіемъ хлѣба съ полей. Вдругъ услышали, что ужасная сила саранчи сѣла подъ селомъ Кибенцами, на ночлегъ, 22 іюля.—23 числа пустилась она прямо въ Трудолюбъ*) и тянулась три часа. 24 числа явилась отъ сѣвера несравненно большая сила саранчи, ночевала, въ виду Трудолюба, два дни сряду и, словомъ сказать, четыре дня сряду съ разныхъ сторонъ нападала на мои земли; но вотъ ужъ пятой день, какъ нѣтъ объ ней никакого слуха. Въ Трудолюбѣ она почти никакого вреда не сдѣлала, развѣ только копъ на двѣ обгрызла зеленаго овса; вообще въ сосѣдствѣ нашемъ она всѣхъ щадила, исключая тѣхъ, у коихъ застигла пшеницу и зеленое просо; кормилась же наиболѣе травой и очеретомъ; она непрестанно бросала изъ себя пометъ на подобіе длиннаго овса, цвѣтомъ зеленоватаго, и всѣ поля мои утучнила симъ навозомъ. Покрывши огороды мои и баштанъ толстымъ слоемъ, пожрала всѣ сорныя травы, а посѣвовъ отнюдь не тро-

*) Имѣніе В. Я. Ломиковскаго.

гала; словомъ выполола мнѣ баштанъ и огороды гораздо лучше и чище, чѣмъ нанятые полольники. Если она не навѣститъ насъ на зимовье, то мы очень дешево раздѣлаемся съ нею. Въ послѣдствіи мы услышали, что она стала пожирать всякой хлѣбъ даже и гречиху, о которой говорили, что саранча не прикасается къ ней. . . . .

1824. Іюля 30. Паркъ Трудолюбъ.

47. Вы сами пожелали знать имя Сковороды; желая колико можно угодить вамъ, нашелъ и два письма, являющія образъ мыслей писателя сего; полагая, что это будетъ для васъ пріятно, сообщаю вамъ всю книгу, выписать же писемъ я не могъ потому, что страдалъ ногтоѣдомъ, на которой я тогда же жаловался вамъ.—Касательно же чванливаго Вернета, мужчины съ бабьимъ умомъ, то я, пробѣжавъ пустословіе его съ довлѣющимъ презрѣніемъ, жалѣлъ объ участи Сковороды, что судьба на сей разъ предоставила мелкому умнику дѣлать свой судъ надъ благочестивымъ мужемъ *).

Сей Вернетъ нѣкогда въ *Украинскомъ Вѣстникѣ*, подобно Фуксу, не стыдился лжесвидѣтельствовать, что Суворовъ уважалъ его и неоднократно спрашивалъ его мнѣній и даже совѣтовъ; потомъ воскликнулъ: я бѣдный учитель, то можетъ быть и не повѣрятъ мнѣ въ этомъ! Всѣ статьи его отзывались нестерпимымъ высокомѣріемъ: при чтеніи оныхъ у меня дѣлалась оскома, и я принужденъ былъ отказаться отъ *Украинскаго Вѣстника*. Вотъ какъ мнѣ допёкъ Вернетъ и подобные ему писатели! Позвольте при семъ изложить вамъ, какая во мнѣ родилась мысль, прочитавъ буйное мнѣніе о Сковородѣ; я тогда подумалъ: о несчастные! Истинно должно жалѣть объ васъ; вы теперь точно такъ поступаете, какъ въ первомъ вѣкѣ поступала римская публика; она, почитая себя истинно просвѣщенною, отзывалась о первыхъ христіанахъ съ большимъ уничиженіемъ, говоря: „явилась совсѣмъ новая секта, называемая братство христіанское; люди сіи, въ ослѣпленіи своемъ, презираютъ сча-

*) Разумѣется статья о Сковородѣ, *Гееса-де-Кальве* и *Ив. Вернета*, напечат. въ *Украинск. Вѣстникѣ* 1817 г., № 4, стр. 131. О Вернетѣ см. *Современникъ* 1847 г., № 2.

стіе и готовы идти на всякую смерть за странное ученіе свое". Такъ отзывалась тогда римская ученость о всѣхъ христіанахъ; и могла ли она представить себѣ, что сіи, по мнѣнію ея, варвары, погруженные въ глубокое невѣжество, обличатъ въ заблужденіяхъ первѣйшихъ мудрецовъ міра и уничижатъ всѣ языческія системы! Не такъ ли и теперь вольнодумная ученость и во множествѣ наружные христіане судятъ о людяхъ прилежавшихъ къ Слову Божію ученіемъ и житіемъ своимъ? Они едва увидятъ непонятное для нихъ сочиненіе въ духѣ истины, сейчасъ восклицаютъ: это мистика! Едва зайдетъ рѣчь объ человѣкѣ, живущемъ въ страхѣ Божіемъ, они или съ насмѣшкою, или съ сожалѣніемъ, а болѣе съ презрѣніемъ говорятъ: онъ мистикъ, онъ несчастный занимается мистикой! А спросите у нихъ, что есть мистика? Они или станутъ въ пень, или прокракаютъ, съ гордымъ увѣреніемъ, несообразную нелѣпицу. Между тѣмъ, почти нѣтъ возможности вразумить ихъ, что они то суть тѣ, кои погрязли въ тинѣ заблужденій; имъ никакъ и на мысль не приходитъ, что объ нихъ сказано: *„преогіочевающіи, живущіе во гробѣхъ; трапеза ихъ предъ ними въ сѣть и въ воздаяніе и въ соблазнъ. Помрачатся очи ихъ, еже не видѣте. Не внидутъ въ правду твою и съ праведными не напишутся*" (Псаломъ полунощницы субботной). Когда я, прилежный и послушный въ наставленіяхъ вашихъ, столь уничижительно мыслю объ писателяхъ, учадѣвшихъ въ школьныхъ бредняхъ, кольми паче посмѣется имъ глубокой созерцатель, пріобыкшій къ строжайшимъ изслѣдованіямъ! Вы, съ терпѣніемъ, осторожностію и со смиреніемъ духа, напутствовали меня на свѣтлую стезю небеснаго ученія, и нынѣ, хотя бы легіоны модныхъ словесниковъ убѣждали меня своротить съ пути истиннаго ученія церкви нашей, устою непоступно! Еслибъ кто предложилъ мнѣ: выбирай одно изъ двухъ—или перемѣни нынѣшній образъ мыслей своихъ, или прими чашу цикуты,—я бы не обинуясь отвѣчалъ ему: подай мнѣ три чаши цикуты! Такъ сильно впечатлѣны въ сердцѣ моемъ спасительныя истины церкви нашей.

Мы выпроводили изъ келій своихъ ликъ Сковороды, но самъ Сковорода не желаетъ оставить насъ, видно судьба велитъ намъ сохранять ликъ его. . . . .

Я былъ при послѣднихъ дняхъ Трохимовскаго *) и видѣлъ, съ какимъ равнодушіемъ оставилъ онъ міръ сей. Утромъ пригласилъ священника; принявъ св. Тайны, сказалъ, что чрезъ сутки умретъ, однакожъ въ восьмомъ часу вечера игралъ въ невинной бостонъ, отпускалъ анекдоты, ужиналъ съ пріятелями и, помолившись Богу, уснулъ на вѣки. Онъ въ разговорахъ своихъ обнаруживалъ сладчайшее упованіе на Господа, и былъ виною, что я на усопшаго смотрѣлъ не какъ на человѣка, но какъ на ангела, переселившагося въ небо, и съ нѣкакимъ умиленіемъ проводилъ его въ могилу . . . .

Крѣпко захотѣлъ я навѣстить С. Л. Алексѣева. Соблювши Спасовъ постъ, думалъ на второй недѣлѣ отговѣть у него. Пріѣзжаю и застаю балъ и танцы; трапеза скоромная, да и церковь была заперта всю недѣлю. Хозяинъ и хозяйка во все время, колико можно уклонялись отъ философіи своей, а я и подавно. Однажды я и посторонній гость сошлись съ хозяиномъ въ собственной комнатѣ его; рѣчь зашла о газетныхъ новостяхъ; хозяинъ безъ всякаго сожалѣнія отзывался о бѣдствіяхъ, претерпѣнныхъ греками, и держалъ сторону срацыновъ. Вотъ плоды мнимаго благочестія! Гость возразилъ ему, что должно сожалѣть о единовѣрномъ намъ народѣ. Я въ самыхъ короткихъ словахъ скромно поддержалъ мнѣніе гостя. Хозяинъ отвѣчалъ мнѣ: это пахнетъ Кіевомъ! Я, указавъ пальцемъ на претолстую книгу, сказалъ: благодарю Бога моего, что я съ этимъ ужаснымъ духомъ сподобился развѣдаться въ настоящемъ, а не въ грядущемъ вѣкѣ. Послѣ сего мы оба замолчали. На слѣдующій день я попростился съ обыкновенною дружбой и взаимнымъ доброжелательствомъ. Дорогой думалъ я, какъ мнѣ жаль этихъ добрыхъ людей! повидимому нѣтъ никакой надежды отстать имъ отъ лжеученія; но не оставлю молитвы своей; у Про-

---

*) Практическій врачъ, пользовавшійся большою извѣстностью въ Полтавщинѣ.

видѣнія свои пути. Сколько такихъ примѣровъ есть, что человѣкъ, стоявъ на краю погибели, внезапно торжествуетъ. . .

Хорольскіе и лубенскіе помѣщики жаловались мнѣ, что у нихъ сего лѣта не принялась въ садахъ ни одна прищепа; напротивъ того, у меня на открытой горѣ, всѣ кіевскія лѣторосли пустили погоны не менѣе двухъ аршинъ; иные хотя и не достигли сего росту, но вообще всѣ принялись какъ бы по именному указу. Вотъ благодать, когда что сообщается съ самымъ чистымъ усердіемъ!—Сладкая брюква дала сѣмяна въ довольствѣ, а кіевская тыква, кромѣ того, что вѣсомъ въ два пуда, еще же и вкусомъ своимъ примѣтно деликатнѣе нашихъ тыквъ, а сверхъ того имѣетъ сѣмяна очень крупныя; поелику же изъ сѣмянъ сихъ выжимаютъ масло, а народъ на гулянкахъ грызетъ ихъ вмѣсто орѣховъ, то это для хозяйства не бездѣлица. За все сіе премного благодаренъ вамъ.—Въ день имянинъ кумы вашей, была въ Кибенцахъ иллюминація противъ садоваго крыльца. Тогда, подъ вашимъ дереномъ стояла кадка съ пунцовыми цвѣтами, казалось, что то деренъ цвѣтетъ. Замѣтивъ пріятную картину сію, я сказалъ министру: посмотрите, какъ мило деренъ украшенъ. Онъ отвѣчалъ: это дерево, спасибо, я получилъ отъ пріятеля своего.

Благодареніе Богу, жатва у насъ сей годъ была обильная; садовыхъ овощей совсѣмъ нѣтъ, весняный холодъ и гусеница сгубили ихъ. Ужасная саранча долго тянулась черезъ Малороссію, но хлѣба не вредила и пошла большею частію на западъ; однакожъ мы не совсѣмъ избавились отъ нея, малаа часть залегла зимовать, какъ шведъ подъ Полтавой; другая же часть; какъ татары, легла за Днѣпромъ, близъ Кременчуга. Въ харьковской же губерніи саранча залегла въ несмѣтной силѣ. Мы страшились токмо саранчи, и никакъ не предвидѣли того, что черви пожрутъ молодую рожь нашу. Иные хозяева въ другой разъ засѣвали поля свои и вновь черви все зерно пожрали. Теперь народъ отправляетъ молебны въ полѣ, да избавитъ насъ Богъ отъ пагубныхъ червей сихъ! Естественная причина сему та, что до сихъ поръ не было у насъ ночныхъ морозовъ, ко-

торые бывало въ августѣ мѣсяцѣ вредили гречиху. Стоитъ только ангелу, правителю стихіи, ударить на землю морозомъ и изчезнутъ губителя насущнаго хлѣба . . . .

Въ августѣ мѣсяцѣ, неожиданно, получилъ я большой пакетъ съ надписью: „Опекуну надъ имѣніемъ малолѣтнихъ Трохимовскихъ“. При чемъ получилъ я письмо отъ маршала, содержащее въ себѣ извѣщеніе, что онъ безъ сношенія со мной избралъ меня въ опекуны. Я, поблагодаривъ маршала, что онъ далъ мнѣ случай быть полезнымъ внукамъ благодѣтельнаго мужа, отправился въ Сорочинцы для принятія опеки. Едва приступилъ я къ описи имѣнія, какъ получилъ изъ нижняго суда требованіе, чтобы я немедля заплатилъ въ приказъ общественнаго призрѣнія 3000 рублей, угрожая при томъ, что если въ самомъ скоромъ времени не уплачу оной суммы, то домъ Трохимовскаго и сто душъ крестьянъ сейчасъ будутъ описаны въ казенное вѣдѣніе. Обнадеживъ, что я могу въ скоромъ времени уплатить оную сумму, отклонилъ на время страшную угрозу. Вникнувъ же во внутренное состояніе имѣнія сего, нашелъ слѣдующее: 1) имѣніе сіе состоитъ изъ четырехъ деревушекъ, растянутыхъ одна отъ другой на дальнее пространство, и вообще составляетъ 240 душъ. Имѣніе сіе отъ перваго пріобрѣтателя своего, М. Я. Трохимовскаго, и слѣдовательно отъ самаго основанія своего, не имѣло устройства; благодѣтельный врачъ, посвятивъ себя человѣколюбію, никогда не заглядывалъ въ хозяйство свое. Сынъ его, по причинѣ болѣзни, былъ всегда въ отсутствіи.—Потомъ оно было подъ надзоромъ престарѣлой вдовы, избравшей себѣ на помощь г. попечителя. Наконецъ, оно ввѣрено было г. опекуну. 2) Оказалось, что въ рабочемъ скотѣ имѣется большой недостатокъ, отъ чего какъ хлѣбопашество, такъ и всѣ статьи хозяйскія до крайности запущены.—3) Сынъ пріобрѣтателя оставилъ имѣніе сіе подъ двумя залогами въ приказъ за 12000 р. 4) Бывшій опекунъ, мелкопомѣстный житель сорочинской, ухватился за одну лишь винокурню, курилъ горѣлку непощадно, порубилъ лѣса кое какіе, выбралъ весь хлѣбъ, процентовъ-же и капитала отнюдь не платилъ и денегъ

не оставилъ.—5) Мать малолѣтнихъ, вышедшая замужъ за молодаго и безпріютнаго недоросля, дружно съ опекуномъ распечатала сундуки безъ свидѣтелей и выбрала изъ дому все, что душа хотѣла до послѣдней копейки; потомъ разладивъ съ опекуномъ, подала просьбу на него генералъ-губернатору, жалуясь, что опекунъ разорилъ имѣніе любезныхъ дѣтей ея. Опекунъ же съ своей стороны донесъ губернскому правленію, что мать, кромѣ дорогихъ вещей, взяла изъ экономіи 2000 р. 6) Наряжено слѣдствіе. Спрашиваютъ у бывшаго попечителя: вы запечатывали сундуки?—Я.—Подайте опись вещамъ.—Я запечатывалъ сундуки, не разсматривая, что въ оныхъ находится, и потому и не могу знать какія вещи въ сундукахъ находились.—7) Послѣ непощадныхъ опустошеній, начиная съ родственниковъ, въ продолженіи шести мѣсяцевъ, всѣ отказывались отъ опеки, тогда вспомнили и обо мнѣ.

Вотъ какъ отблагодарили тому благодѣтельному мужу, который въ продолженіи пятидесяти лѣтъ, навѣрно не преминулъ ни одного семейства въ округѣ нашей, гдѣ бы не оказалъ услугъ своихъ, или дѣду, или сыну его, или внукамъ его.

Затрудненія мои состояли въ слѣдующемъ: 1) слѣдовало мнѣ безъ всякаго отлагательства внести капитала и процентовъ, просроченныхъ отъ октября мѣсяца прошлаго 1823 г., 2600 р., просроченныхъ же отъ мая мѣсяца текущаго года, свыше 300 р.; сверхъ того, за нынѣ текущій годъ слѣдуетъ уплатить сего октября мѣсяца еще около 2500 р., и сверхъ того царскосельскіе питомцы, въ письмахъ своихъ къ теткѣ и къ приказчику, вопіютъ, что имъ около двухъ лѣтъ не присылаютъ изъ экономіи ни копѣйки, чрезъ что они терпятъ крайнюю нужду въ бѣльѣ и подобныхъ мелочахъ.—2) Всѣ строенія хозяйскія развалились и требовали скорѣйшей починки; дворовая челядь голёшенькая и нечѣмъ обшивать ее; а потому и велѣлъ я сукно ткать, кожи чинить, погребъ для пчелъ сдѣлать, плотины гатить, мельницы починить и проч., и проч. Нѣтъ даже и одного мѣшка для сыпки хлѣба; нѣтъ даже веревки для связки хлѣба при перевозкѣ съ поля, и, словомъ сказать, какъ бы татарское опустошеніе . . . .

Извѣстно, что М. Я. Трохимовскій велъ жизнь самую благочестивую и Богъ благословлялъ его. То непреложно, что провидѣніе особенно благоволитъ къ сѣмени мужей благочестивыхъ. Сынъ добродѣтельнаго мужа сего, на 26-мъ году, былъ въ чинѣ полковничьемъ и могъ быть очень полезнымъ человѣкомъ, но какъ онъ не умѣлъ владѣть собой и не всегда уважалъ спасительныя наставленія мудраго отца своего, пустился въ разъѣзды при послѣднихъ дняхъ жизни его и, не заставъ родителя своего въ живыхъ, утерялъ родительское благословеніе, господствовавшее желаніе отца его. Такимъ образомъ, онъ, по собственной волѣ своей, удалясь отъ милостей Провидѣнія, умеръ въ горести, подъ чуждымъ кровомъ—и никто изъ родныхъ не видѣлъ гроба его. Онъ по природѣ былъ очень доброй души и въ сердцѣ своемъ носилъ страхъ Божій, насажденный благочестивыми родителями; но добрыя свойства сердца сего, въ толпѣ вольнодумцевъ, именующихъ себя моднымъ свѣтомъ, не рѣдко заглушались иноземными плевелами. Оставшіеся два сына его обѣщаютъ доброе, и кажется, что самъ Господь блюдетъ ихъ, дабы излить на нихъ благословеніе въ воздаяніе праведной жизни дѣда ихъ; вотъ и нѣкоторыя доказательства.

1) П. К. графъ Разумовскій *) отказалъ имъ 100 тысячъ рублей и внесъ оную сумму въ банкъ для приращенія до возмужалости ихъ.—2) Государь императоръ повелѣлъ воспитать ихъ въ царскосельскомъ лицеѣ на казенномъ иждивеніи.

Извѣстно, что изъ лицея сего выскакивали ужасные вольнодумцы, какъ напримѣръ—стихотворецъ П. **)—Однакожъ старшій внукъ Трохимовскаго, Николай Михайловичъ, показалъ, что онъ наслѣдилъ духъ благочестія по слѣдамъ дѣда своего; въ доказательство тому представляю вамъ выписку изъ письма, писаннаго къ отцу своему изъ лицея. „Пожалуюсь вамъ, любезный папенька, что маменька, нанявъ для братца Алеши фран-

---

*) Гр. Петръ Кириллович Р—ій, р. 1751†1823 г., законныхъ дѣтей не имѣлъ. О немъ см. „Семейство Разумовскихъ“, II, 147—151.

**) Пушкинъ.

цуза, всего болѣе старается, чтобы онъ зналъ по-французски, а не спроситъ того, умѣетъ ли Алеша читать псалтырь и русскія молитвы".—Такъ мыслилъ 11-тилѣтній юноша. Таковой образъ мыслей даетъ мнѣ поводъ заключить, что юноша сей пойдетъ по слѣдамъ дѣда своего, истиннаго мудреца христіанскаго, который всемѣрно старался насаждать въ сынѣ своемъ сѣмена евангельскихъ добродѣтелей. Желая угодить вамъ, имѣю удовольствіе препроводить къ вамъ для прочета два письма въ подлинникѣ, а изъ третьяго, писаннаго къ сыну при вступленіи его въ службу, слѣдующую выписку. (*Слѣдуютъ выписки изъ священнаго писанія*).

Видите, какой онъ былъ боголюбезный мужъ; онъ зналъ очень хорошо греческій, латинскій и другіе европейскіе языки, однако-же не наставлялъ сына своего поученіями модныхъ философовъ, а поучалъ его словомъ божьимъ, призывалъ имя господне и приносилъ Богу нашему жертву славословія. Вотъ почему я столь отлично уважаю память мужа сего, что близь дому своего соорудилъ ему памятникъ; и сіе признаніе оказалъ ему въ воздаяніе за то, что онъ былъ одинъ изъ тѣхъ благочестивыхъ мужей, который въ юности моей служилъ мнѣ примѣромъ истиннаго христіанскаго благочестія.—

Теперь Провидѣніе ввѣрило въ надзоръ мой обитель его и все достояніе, свято пріобрѣтенное имъ. Выше сего описалъ я, въ какомъ ужасномъ разстройствѣ застигъ я имѣніе.—Между тѣмъ нижній судъ, по настоянію губернскаго правленія, рѣшительно приступилъ къ описанію половины имѣнія въ казенное вѣдѣніе, видя, что чрезъ раздѣленіе онаго на двѣ отдѣльныя опеки оскудѣвшее имѣніе до конца разорится, наипаче-же, если оно будетъ ввѣрено въ руки корыстолюбца,—я смѣло помыслилъ: ужели жезлъ нечестія пребудетъ надъ удѣломъ праведника? ужели обитель его будетъ попираться чуждыми стопами? и ужели жилище праведника, ходившаго въ законѣ господнемъ, будетъ поругано клеветою, яко постиженное гнѣвомъ небеснымъ?—Нѣтъ! онъ не уклонялся отъ заповѣдей господнихъ; онъ хранилъ въ сердцѣ своемъ откровеніе и уставы

божіи—и можно-ли, чтобы сый не заступилъ обители раба своего? Но вы увидите, какими стезями Богъ ниспослалъ помощь свою и заступилъ мирную обитель раба своего.

Уважая то, что промыслъ поставилъ меня на служеніе сиротамъ, могущимъ быть полезными отечеству, и чувствуя святость обязанности сей, первый шагъ мой въ дѣлѣ семъ состоялъ въ томъ, что я, послѣдую руководству Господа, гласящаго намъ: „что ни попросите во имя мое, дастся вамъ“, присоединилъ ко вседневной молитвѣ моей прошеніе, чтобы Господь сподобилъ, да буду я полезенъ юношамъ, кругомъ осиротѣвшимъ. И въ силахъ ли я на важныя пособія, отягченный собственными долгами? Воздавъ хвалу Богу, обратился я къ человѣкамъ. Прежде всего написалъ письмо къ матери ихъ, проживающей въ Лубнахъ. Я представилъ ей, какимъ несчастіемъ угрожается имѣнію сыновей ея, объявилъ, что бывшій опекунъ и приказчикъ свидѣтельствуютъ, что она взяла заимообразно изъ имѣнія дѣтей своихъ до 2000 р., кои обѣщалась возвратить въ скоромъ времени, представилъ ей, что по справкѣ моей на почтѣ оказалось, что она въ недавнемъ времени получила изъ столицы болѣе 10,000 р., наконецъ, заключилъ, что если она не окажетъ теперь материнскаго пособія, то имѣніе дѣтей ея угрожаетъ паденіемъ. Она въ отвѣтѣ своемъ упрекнула меня въ легкомысліи, говоря, что я не долженъ вѣрить людямъ, но слѣдовало мнѣ прежде справиться, имѣется ли законное обовязательство на заемъ вышесказанной суммы?—Столь хладнокровный отказъ матери въ пособіи сыновьямъ своимъ мгновенно пресѣкъ стремленіе мое къ помощи отъ человѣковъ.—Когда родная мать отпирается отъ долгу своего, то кто изъ людей выручитъ туне наслѣдіе юношей безмолвныхъ? „Помощь мнѣ отъ Господа, сотворившаго небо и землю“. (Псал. 120, 2).

Зная расположеніе министра (Трощинскаго) къ фамиліи Трохимовскихъ, подробно сообщилъ ему въ Ерески описаніе, въ какомъ бѣдственномъ положеніи засталъ я ввѣренное мнѣ имѣніе, при чемъ приложилъ я собственноручныя письма его, исполненныя доброжелательными выраженіями къ М. Я.; одно изъ

писемъ сихъ было писано назадъ тому 36 лѣтъ. Навѣстить-же министра за недосугами я не могъ.—17-го сентября поѣхалъ я къ Капнистамъ, въ Обуховку, гдѣ былъ домашній праздникъ. Туда прибыла и кума ваша О. Д. Не видавшись болѣе двухъ мѣсяцевъ съ министромъ, долженъ былъ извиниться въ этомъ предъ его родными и обѣщался, при первомъ досугѣ, посѣтить его въ Ерескахъ, куда и отправился 19-го числа. На пути семъ получилъ требованіе отъ нижняго суда, угрожавшаго, что если я къ завтрашнему числу не внесу 3000 р., то онъ имѣетъ 21 числа приступить къ описанію имѣнія и дома Трохимовскаго.

На слѣдующій день послѣ обѣдни, пошелъ въ кабинетъ къ министру, который, поблагодаривъ меня за извѣщеніе о состояніи опеки, спросилъ: какъ теперь идутъ дѣла ваши?—Я отвѣчалъ, что завтрашній день будутъ описывать въ казну мирную обитель Трохимовскаго, при чемъ вручилъ ему письмо малолѣтняго, въ которомъ онъ объясняетъ теткѣ своей крайнюю нужду въ деньгахъ и проситъ у ней пособія. Министръ, прочитавъ оное, сказалъ: деньги я пошлю имъ по первой почтѣ; потомъ промолвилъ: я говорилъ домашнимъ своимъ, что стыдно будетъ допустить намъ, чтобы домъ благотворительнаго человѣка сего потерпѣлъ поношеніе.—Скажите, сколько вамъ надобно, двѣ или три тысячи?—Я отвѣчалъ: двѣ.—Извольте. Отдадите ихъ тогда, какъ опека ваша разбогатѣетъ. Остальная-же сумма накопилась въ экономіи малолѣтнихъ. Такимъ образомъ имѣніе сіе очистилось отъ недоимки, на что и получена квитанція.— „Близокъ Господь ко всѣмъ призывающимъ его во истинѣ". (Псал. 141, 18).

Можно отдать справедливость Д. П. Трощинскому, что онъ, не взирая на значительные долги свои, въ преклонныхъ лѣтахъ своихъ, когда почти всѣ люди вообще слѣпо вдаются во власть сребролюбія, онъ постоянно придерживался благой готовности своей сдѣлать пособіе ближнему.

Еще предлежало опекѣ большое затрудненіе въ томъ, что обширный дворъ Трохимовскаго, находясь среди многолюднаго мѣстечка Сорочинецъ, окруженъ улицами, и чрезъ это всѣ

строенія и ветхій домъ, состоящій изъ 18-ти комнатъ, крайне подвержены опасности отъ воровства. Но благое провидѣніе поставило теперь надежныхъ стражей своихъ. Два грозные козака, въ зеленыхъ кафтанахъ, съ саблями и пиками, день и ночь стоятъ .на стражѣ у воротъ Трохимовскаго, и какъ разъ подлѣ той незавидной хижины, состоящей изъ одной комнаты, гдѣ благодѣтельный мужъ, въ продолженіи 50-ти лѣтъ, благотворилъ безвозмедно всѣмъ бѣднымъ, день и ночь толпившимся въ доступной обители его.

Если вамъ угодно знать, откуда взялась ратная стража сія, то вотъ вамъ и развязка: Кириллъ Ивановичъ графъ Гудовичъ, обладавшій многими селами, оставивъ въ Москвѣ огромные чертоги свои, пріѣхалъ тѣсниться въ Сорочинцы. Здѣсь приступилъ къ затѣйной перестройкѣ улицъ своихъ, а какъ къ наступающей зимѣ онъ не имѣетъ мѣста, гдѣ бы могъ съ большимъ семействомъ своимъ и многочисленной помпой спокойно пріютиться, то и долженъ былъ занять домъ малолѣтнихъ Трохимовскихъ. За таковыя выгоды графъ обязанъ дѣлать разныя починки въ домѣ и 1000 р. въ годъ прилагательнаго. Видите, какими непредвидѣнными путями все устраивается на пользу сиротъ моихъ.

Стараясь выполнить желаніе ваше относительно сочиненій Сковороды, я отыскалъ одного изъ помѣщиковъ нашихъ, который, служа въ харьковской губерніи, проживалъ въ домѣ Захаржевскаго, гдѣ находились многія сочиненія Сковороды. Сей помѣщикъ сказывалъ мнѣ, что онъ и самъ имѣетъ нѣкоторыя изъ сочиненій таковыхъ, и посулилъ доставить оныя...

Сорочинцы. Трудолюбъ. 1824. Октября 15.

Дек. 20—1824.

48. Заботы опекунскія тѣснятъ меня со всѣхъ сторонъ, всего-же болѣе озабочиваетъ меня жестокій притѣснитель сиротины графъ Кириллъ Гудовичъ, который самоправно, занявъ отеческій домъ малолѣтнихъ Трохимовскихъ, по прихотямъ своимъ рубитъ потолки въ домѣ, рубитъ стѣны для окошекъ и рубитъ заборы для прихотливыхъ калитокъ; забавляется огнями

потѣшными среди двора уютнаго; и все сіе дѣлаетъ, войдя въ домъ самоправно и не сдѣлавъ съ опекуномъ никакого контракта. Вслѣдствіе чего подалъ я уже три жалобы на графа, но ему крѣпко потворствуютъ корыстолюбцы, и я, можетъ быть, поѣду къ князю Репнину.

При всемъ этомъ замѣтно теперь, что графъ началъ бояться опекуна, котораго никакъ подкупить не можетъ. Опекунъ съ пустымъ карманомъ, безъ всякой силы людской и самъ по себѣ столь немощный, успѣлъ преодолѣть такія затрудненія, которыя наводили ужасъ, и всѣ говорили, что не устоитъ имѣніе.—Но какъ я съ перваго дня опеки двукратно въ день молюсь Богу съ колѣнопреклоненіемъ о призрѣніи сиротины, то Богъ въ самыхъ немощахъ сихъ и являетъ чудесную силу свою.—

Къ 15 декабря, нужно было опекуну заплатить въ приказъ 2500 руб., подушныхъ 660 руб., на рекрутовъ 200 руб.,—всего 3360 руб. У всѣхъ доходы стали, самъ опекунъ въ долгахъ и по пяти рублей не имѣетъ, ибо теперь ничто не идетъ въ продажу. Но какъ онъ непредвидѣнно вновь заплатилъ долги сіи, то ему самому и на умъ не приходило то. Вдругъ гдѣ ни взялся купецъ и—далъ за шерсть 500 р., заплативъ дороже роменской продажи, и въ такое время, когда никто шерсти не покупаетъ. Вдругъ графъ, огорчившись на справедливую жалобу мою, а потомъ на огромное письмо мое, на всю ночь нарядилъ козака и прислалъ 1100 р. ассигн.; вдругъ подушное собрано, горѣлка продана, и все сіе совершилось въ одну седьмицу. Все удовлетворено и горе съ плечъ свалилось.

Графъ съ управителемъ своимъ чрезвычайно ругаетъ опекуна въ письмѣ, доставленномъ съ деньгами. Они говорятъ: „дерзкій! дерзкій“! Опекунъ-же отвѣчаетъ имъ, что дерзокъ только говоря истину въ скромныхъ выраженіяхъ. Какъ дѣяніе апостоловъ свидѣтельствуетъ, что и самъ св. Павелъ училъ истинѣ со всякимъ дерзновеніемъ невозбранно.—Они говорятъ: ты сумасшедшій! Опекунъ отвѣчаетъ: для іудеевъ соблазнъ, а для еллиновъ безуміе. Они говорятъ: проповѣдникъ! Опекунъ

отвѣчаетъ: „не стыжусь благовѣствованія Христова, потому что оно есть сила Божія ко спасенію всякому вѣрующему“. (Кор. 1: 16). „Кто меня постыдится, того и сынъ человѣческій постыдится предъ апостолами его“.

Затѣмъ доложу я вамъ, что по опекѣ сей открыты уже широкія врата судебной вражды съ богатымъ міра сего, уповающаго на златую длань свою и на родство съ начальникомъ, который однакоже любитъ справедливость *)...

Паркъ Трудолюбъ. 1824. Декабря 20.

49. Позвольте еще доложить вамъ о нѣкоемъ событіи. Въ исходѣ генваря мѣсяца, божіею помощью выигралъ я опекунскую тяжбу у милліонщика графа Гудовича, позволявшаго себѣ всѣ обычные способы; сіи на конехъ, сіи на колесницахъ, а мы во имя божіе.—И такимъ образомъ, графъ общимъ голосомъ присягателей обличенъ былъ въ жестокой неправдѣ. . . .

Трудолюбъ, 1825. Февраля 20.

50. Теперь позвольте приступить къ инымъ предметамъ имѣющимъ отношеніе къ послѣднему письму вашему. Я былъ у пріятелей своихъ **), гдѣ и прожилъ нѣсколько сутокъ; по возвращеніи же моемъ домой, услышалъ я, что оба брата потребованы въ столицу, яко члены бывшей масонской ложи, затѣянной Новиковымъ, который умеръ въ 1824 году. У насъ не сомнѣваются о томъ, что добрые люди сіи возвратятся съ честію, ибо они вступили въ ложу сію подъ благовидными предлогами и если въ ложѣ сей находились какія либо правила, чуждыя христіанству, то навѣрно таковыя правила предъ ними не обнаруживали...

Строгая совѣсть никакъ не позволяла мнѣ отказаться отъ опеки сей. Принимая-же опеку вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ, члены суда сказали намъ: „такъ какъ имѣніе сіе было вовсе безъ призора, и графъ (Гудовичъ), пользуясь

---

*) Разумѣется кн. Н. Г. Репнинъ, бывшій тогда генер.-губернаторомъ Малороссіи. Кн. Репнинъ былъ женатъ на Варв. Ал. Разумовской, тетка которой Прасковья Кирилловна Разумовская была замужемъ за гр. Ив. Вас. Гудовичемъ, отцомъ Кирилла.

**) Алексѣевыхъ.

несчастіемъ сиротъ, отнялъ близъ двора ихъ землю, о чемъ приказчикъ малолѣтнихъ подалъ въ судъ жалобу, то вы, принимая по описи въ свое вѣдѣніе сію землю, обязаны защищать оную силою законовъ". Мы, желая прекратить готовую уже тяжбу, убѣждали графа о справедливости, но онъ, вмѣсто мира, затѣялъ на землѣ той преогромную конюшню. Вторая жалоба наша была за слѣдующія обиды: принимая домъ малолѣтнихъ въ свое вѣдѣніе, застали тамъ графа, проживающаго самоправно въ домѣ малолѣтнихъ со всею помпою, и при томъ безъ договора и безъ платежа денегъ. Мы сказали графу, что какъ онъ проживаетъ въ чужомъ домѣ около трехъ мѣсяцевъ, то онъ обязанъ дать контрактъ на законномъ условіи и заплатить деньги за наемъ дома, дабы обезпечить дворъ отъ случайныхъ утратъ, а паче отъ пожара. Графъ, отвергнувъ предложеніе наше, сталъ управлять домомъ, какъ своею собственностью; сталъ рубить стѣны для прихотливыхъ окошекъ, рубить потолокъ и кровлю, ломать печки, рубить заборы, а въ праздники, среди тѣснаго двора, пускать фейерверки. Все сіе производилъ онъ безъ всякаго сношенія съ опекунами. Тогда дворянская опека предписала намъ указомъ своимъ: заключить контрактъ съ постояльцемъ незваннымъ, а въ противномъ случаѣ освободить домъ отъ постоя. Графъ не послушалъ указа. Мы просили защиты у дворянской опеки, которая предписала намъ указомъ своимъ: искать удовлетворенія законнымъ порядкомъ. Я представилъ графу всѣ обстоятельства сіи на разсмотрѣніе и далъ шесть недѣль сроку на размышленіе, избирая даже и посредниковъ къ прекращенію неудовольствій. Графъ, будучи окруженъ такими людьми, кои въ тяжбахъ его находятъ свою жатву, не переставалъ усиливать обиды; онъ, пренебрегая товарища моего, дѣлалъ для меня званные обѣды и оказывалъ мнѣ самыя притворныя ласки. Но грѣхъ было оставить сиротину на жертву хищенія; нельзя было и не послушаться законной власти. Среди таковыхъ искушеній, мы подали жалобу о предлежащей опасности, о самовольномъ проживаніи, о неплатежѣ денегъ, объ утратѣ вещей сиротскихъ и о прочихъ очевидныхъ оби-

дахъ. Графъ, надѣясь, что генералъ-губернаторъ есть близкій свойственникъ его, подалъ чрезъ жену свою жалобу на насъ генералъ-губернатору, состоящую въ величайшихъ несправедливостяхъ и самыхъ неумѣренныхъ ругательствахъ. Велѣно изслѣдовать истину, и мы каждый отъ себя подали объясненіе. Вотъ всѣ наши тяжбы, въ которыхъ милосердный Богъ, даже и по нынѣ, охраняетъ дѣло сиротское, неисповѣдимыми путями своими. Графъ ничего уже не жалѣетъ и нигдѣ не успѣваетъ. Сіи на коняхъ, сіи на колесницахъ, а мы во имя Господне...

Трудолюбъ. 1826. Мартъ 6.

51. Праздникъ скибенскій былъ очень многолюдный, генералъ-губернаторъ почтилъ оный присутствіемъ своимъ. Пиршество тянулось пять дней; пресыщеніе, упоеніе, пляски до утомленія продолжались, но главную роль представлялъ мотовитый картёжъ; всѣ почти въ долгахъ, а въ большую игру играютъ. Старикъ (Трощинскій) разохотился пировать; склонилъ многихъ, чтобы князя Репнина провожать за 20 верстъ, къ молодому Базилевскому, куда и я былъ приглашенъ *). У Базилевскаго фасадъ дома имѣетъ малое сходство съ казанскою церковью; сіе говорю я о колонадѣ, которая съ обѣихъ сторонъ обнимаетъ весьма небольшой корпусъ жилаго дома. Во всемъ домѣ мы не видѣли, на мраморныхъ стѣнахъ, ни одной картины. Все украшеніе состоитъ изъ четырехъ ликовъ г-на Базилевченка: первый ликъ изображенъ въ ростъ, въ златошвейномъ одѣяніи, писанъ въ Парижѣ. Другой ликъ,—грудной бюстъ изъ карарскаго мрамора, изображенъ съ нашего Базилевченка среди Италіи, и не описывая другихъ два лика, писанныхъ на Западѣ, можно сказать, что и самъ хозяинъ составлялъ весьма плохую копію русскаго барина, однакоже не челомъ и не устами, но строеніемъ, музыкой и винами, доставшимися отъ усопшихъ дядюшекъ. Мы угощаемы были полновѣснымъ обѣдомъ и жиденькимъ ужи-

---

*) Базилевскіе были богатые полтавскіе помѣщики. Въ к. XVIII в. ихъ было пять братьевъ, владѣвшихъ вмѣстѣ болѣе 10000 крестьянъ. См. Русск. Арх. 1875 г., I, 97.

номъ. На сей разъ самолюбіе навело слабый сонъ на скупость; замѣтно было, что скупость уже готова была воспрянуть отъ сна, дабы задавить дерзновенное самолюбіе, но мы всѣ поспѣшили разъѣхаться. Но гулянье не кончилось симъ; старикъ былъ приглашенъ Родзянками къ молодому ихъ имениннику Платону. Оттолѣ—гулянье у Оболонскаго, а потомъ опять гулянье сей день, т. е. на святыя Екатерины, у Базилевскаго-же, гдѣ именинница Катерина Базилевская, фрейлина и племянница министра Волконскаго. Старикъ усильно приглашалъ меня на сіи святочныя разъѣзды среди поста, но я однако-же отсталъ отъ пированій еще 2 ноября и понынѣ сижу дома. Природа цѣпенѣетъ отъ стужи; лѣса сбросили съ себя зеленый покровъ свой, рѣки укрыли рыбу свою льдистымъ помостомъ, птицы улетѣли на Западъ, вѣтры и мятели бушуютъ; но человѣкъ по милости божіей имѣетъ еще всѣ средства утопать въ роскоши. Ястія и питіе на трапезахъ съ четырехъ странъ свѣта и вошло въ моду при такихъ пирахъ вставать отъ стола, не перекрестившись. А тамъ утомленный путникъ, размочивъ водой оледененный хлѣбъ свой, усердно благодаритъ всеблагаго Бога, что онъ далъ ему насущную пищу . . . .

Паркъ Трудолюбъ. 1827. Ноября 24.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ исторіи освобожденія крестьянъ въ Малороссіи. Въ Русской Старинѣ печатаются интересные очерки подъ названіемъ «На зарѣ крестьянской свободы», составленные по письмамъ и мемуарамъ 1857—61 гг. Въ апрѣльской книжкѣ с. г. здѣсь напечатана «записка», написанная по этому предмету В. В. Тарновскимъ-отцомъ. Мѣсяцъ назадъ, печатая письма Кулиша къ послѣднему, мы имѣли случай сказать—чтó это за ревностный былъ поборникъ «крестьянской свободы». Напечатанная въ Р. Ст. его «записка» объ этой свободѣ настолько любопытна, что мы перепечатываемъ ее здѣсь, въ сокращеніи, съ нѣкоторыми примѣчаніями, надѣясь въ скоромъ времени представить на страницахъ нашего журнала еще нѣсколько подобныхъ документовъ, принадлежащихъ перу В. В. Тарновскаго, обѣщанныхъ намъ сыномъ этого «лучшаго изъ гражданъ Малороссіи», какъ его назвалъ Кулишъ въ одномъ изъ своихъ писемъ. «Записка» эта представляетъ собою собственно письмо В. В. Т-го, писанное имъ 1 марта 1858 года [1]), къ другому такому-же поборнику «крестьянской свободы» Г. П. Галагану, причемъ авторъ очерковъ «На зарѣ», приводя это письмо, говоритъ, что оно было доложено государю Александру Николаевичу, и сверху рукою его величества отмѣчено: «весьма любопытное и дѣльное письмо».

«Будучи въ Черниговѣ, пишетъ г. Тарновскій, я познакомился со всѣми предводителями и даже изучилъ ихъ, а также съ губернато-

---

[1]) Изъ Прилуки.

ромъ [1]), который мнѣ сказалъ, что во всякомъ случаѣ я и вы будемъ членами комитета, но чтобы мы баллотировались на выборахъ. Вслѣдствіе этого я стараюсь устроить свое избраніе и имѣю довольно надежды. Буду ли выбранъ или нѣтъ, я предложу васъ баллотировать, полагая, что въ семъ дѣлѣ срама не имаши, если и не одного блага не получишь. Если одного изъ насъ или обоихъ выберутъ, то мы будемъ имѣть нѣкоторое право совѣтовать губернатору, кого избрать на мѣсто насъ. Буду дѣйствовать, сколь возможно, сильнѣе [2]). Къ этому считаю своею обязанностью изложить вамъ свои убѣжденія объ основаніяхъ, по которымъ можно судить о предводителяхъ и дворянахъ въ отношеніи къ крестьянскому вопросу. Пока правительство не выразило своего мнѣнія, не дало перваго толчка, помѣщики раздѣлились на приверженцевъ и противниковъ эмансипаціи, и, разумѣется, первыхъ было очень мало. Но съ тѣхъ поръ, какъ правительство выразило свою непреложную волю, которой теперь нельзя уже не исполнить, чтобы ни дѣлало дворянство, всѣ сдѣлались эмансипаторами волею или неволею, и роли совершенно измѣнились. Теперь помѣщики различаются по тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляютъ они при этомъ преобразованіи. Встрѣчаются очень часто люди, которые не желали большей перемѣны по привычкѣ, лѣности неразвитости или старости; но когда она явилась, какъ что-то неизбѣжное, они призадумались, вздрогнули, можетъ быть не спали нѣсколько ночей, но потомъ выказали правдивость и мягкость своей природы и здравость смысла. Они хотятъ за усадьбы платы немного болѣе цѣны пахатной земли и даже готовы отъ того отказаться; за строенія не считаютъ себя вправѣ ничего требовать, за землю же, состоящую въ пользованіи крестьянъ, желаютъ повинностей, согласныхъ съ существующими обычаями вольнаго найма. Къ такимъ людямъ

---

[1]) К. П. Шабѣльскій. *Ред. К. Ст.*

[2]) Ни Тарновскій, ни Галаганъ не были выбраны членами комитета, если только они баллотировались. И Тарновскій, и Галаганъ были *назначены* членами комитета *отъ правительства*. См. „Черниг. Губ. Вѣд." 1859 г., № 9. Тутъ-же приведены и рѣчи, сказанныя дворянами какъ при открытіи, такъ и при закрытіи комитета. Рѣчь В. О. Подвысоцкаго, сказанная при открытіи комитета, начинается такъ: „Каждый изъ насъ давно желалъ возвратить крестьянамъ права, которыхъ они были лишены государственнымъ установленіемъ... При закрытіи комитета, В. Д. Борковскій рѣчь свою заключилъ слѣдующимъ тостомъ: „за благое преуспѣяніе свободнаго сословія, и съ нимъ—обновленіе дворянства!". *Ред. К. Ст.*

принадлежитъ нашъ почтенный ветеранъ, Андрей Степановичъ Милорадовичъ, съ которымъ особенно сблизилъ меня современный вопросъ. Такого же мнѣнія М. М. Тамара и Сенковскій. Судіенко *) проповѣдуетъ по Кіеву самыя либеральныя мысли въ отношеніи къ крестьянскому вопросу и въ то же время открыто говоритъ, что онъ былъ противникомъ эмансипаціи, но когда она неизбѣжна, то необходимо предъявлять требованія умѣренныя и тѣмъ утвердить прочные интересы дворянства и спасти страну отъ бѣдствія. Подозрѣваютъ, что онъ имѣетъ при этомъ человѣколюбивыя намѣренія; но въ общественныхъ вопросахъ не нужно докапываться до глубины души, довольно того, что дѣйствія человѣка и обнаруживаемыя имъ мнѣнія совпадаютъ съ пользою народа. Въ Кіевѣ я убѣждалъ всѣхъ, кого могъ, чтобы обратили особенное вниманіе на выборы и искали званія членовъ комитетовъ.

«Но есть другаго рода люди, тѣ, которые изъ мечтательности и безотчетнаго увлеченія мыслями, высказанными въ послѣдней (прочитанной) книгѣ, или изъ желанія прослыть просвѣщенными, проповѣдывали освобожденіе, а теперь, не отказываясь отъ своихъ мыслей, хотятъ пустить на волю крестьянъ, но ограбивши ихъ прежде порядочно. Но есть еще разрядъ особенный совершенныхъ эгоистовъ, для которыхъ все равно, будутъ ли крестьяне свободными или нѣтъ, и которые готовы предаться той сторонѣ, которая обѣщаетъ болѣе выгодъ. Такихъ людей надобно иначе разсматривать и всегда предполагать, что они будутъ дѣлать самое выгодное для себя. Напримѣръ, если какой просвѣщенный господинъ желаетъ быть губернскимъ предводителемъ, то, онъ, разумѣется, будетъ стараться выказать себя защитникомъ дворянъ, будетъ предлагать ужасные для крестьянъ проекты. Удадутся они, и корысть удовлетворена, и честь дворянства; не удадутся—все таки прослыветъ защитникомъ и шагнетъ въ губернскіе. Другой господинъ, также просвѣщенный, положимъ, уже генералъ, хочетъ губернаторскаго мѣста, онъ будетъ защищать крестьянскія выгоды, хотя съ большою осторожностью, чтобы не уронить себя предъ дворянствомъ. Слѣдовательно, послѣдній господинъ полезнѣе для общаго дѣла, и онъ сдѣлается смѣлѣе, когда найдетъ опору хотя малочисленной партіи.

---

*) М. О. Судіенко, извѣстный любитель малорусской старины, бывшій преcѣдатель Кіевской археографич. коммиссіи. *Ред. К. С.*

«Въ собраніяхъ черниговскіе предводители мало выражають еще мнѣній объ устройствѣ крестьянъ, а болѣе толковали о подпискахъ и проч.; но В. Б—вскій [1]) прочелъ свое мнѣніе, въ которомъ, очень краснорѣчиво разсуждая о гибельныхъ дѣйствіяхъ крѣпостного права, предлагалъ взять выкупы за каждую усадьбу съ $1/4$ десятины 60 р., а за постройки до 70 р., всего 130 р. отъ одного крестьянскаго семейства, доведеннаго владѣльцами до нищеты! Далѣе уже нельзя было идти просвѣщенному человѣку, но за нимъ еще мычали отдѣльные возгласы: «хорошо, но дешево усадьбы оцѣнены: у насъ 250 руб. стоятъ, у насъ 500 руб. и т. д.». Много намъ хлопотъ и горя будетъ, любезный другъ, и мы знаемъ, что положить начало благоденствія народа не сладкое кушанье. Это своего рода мученичество! Надобно имѣть въ душѣ своей много вѣры и любви, чтобы не ослабѣть въ обществѣ; и мы побѣдимъ, Богъ намъ поможетъ! Онъ изливаетъ теперь благодать на наше отечество.

«Наконецъ, надо упомянуть объ одномъ разрядѣ людей, которые отчасти изъ мечтательности желаютъ выказать себя и съ заднею мыслію говорятъ, что правительство мало дѣлаетъ, что надо выкупать землю, и подаютъ мнѣнія правительству... А сколько теперь явилось головъ, которыя, не зная финансовъ и азбуки, кричатъ о выпускѣ облигацій и хотятъ взять такую цѣну за землю, уступленную крестьянамъ или за повинности ихъ, какихъ и все имѣніе не стоитъ. Такими облигаціями рѣшаютъ вопросъ Егоръ Ѳед. Р—вичъ, [2]) П—цкій, [3]) въ пародіи Позена, который хочетъ при эмансипаціи пріобрѣсти барышокъ.

«Не нравится мнѣ также ученіе «Русскаго Вѣстника», который думаетъ, что можно настоящій вопросъ рѣшить одними экономическими разсчетами, устроить всякія нравственныя и религіозныя движенія. Это заблужденіе. Въ такомъ юномъ обществѣ легче найти людей религіозныхъ, человѣколюбивыхъ, чѣмъ разсчетливыхъ экономистовъ, а надѣяться на однихъ послѣднихъ,—значитъ лишить реформу одной изъ живыхъ силъ нашего народа. Будемъ постоянно проповѣдывать, что грѣшно и безнравственно при освобожденіи обобрать людей, которыхъ мы довели до нищеты и нравственнаго униженія,

---

[1]) Бывшій екатеринославскій губернаторъ. *Ред. К. Ст.*

[2]) Помѣщикъ прилуцкаго уѣзда, Е. Ф. Раковичъ. *Ред. К. Ст.*

[3]) Помѣщикъ борзенскаго уѣзда. *Ред. К. Ст.*

и великодушно раздѣлиться съ ними по-братски... а насъ учить хотятъ только разсчитыванію, когда намъ нужно горѣть любовью къ братьямъ нашимъ, надѣть кресты и идти въ крестовый походъ противъ невѣрующаго и развращеннаго дворянства и побѣждать не оружіемъ, а силою слова, силою любви къ братьямъ нашимъ... Я того мнѣнія, что крестьянамъ надобно оставить въ пользованіи столько земли, какъ они теперь имѣютъ, развѣ сами откажутся».

Обрядъ „вывода" новобрачной въ Подоліи. Въ Подоліи существуетъ обычай, въ силу котораго новобрачная на другой день послѣ брака (обыкновенно въ понедѣльникъ) идетъ къ священнику «до выводу». Идетъ она обыкновенно не одна, но въ сопровожденіи свахъ и «дружбы» (шаферъ). Послѣдній какъ бы ведетъ новобрачную, держась за одинъ конецъ платка, другой конецъ котораго въ рукахъ новобрачной. Иногда вмѣсто платка употребляется для той же цѣли красный поясъ (символъ цѣломудрія невѣсты). Такимъ же поясомъ обвязывается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и голова новобрачной, а въ другихъ новобрачная повязывается «бѣлой намиткой», а поверхъ ея красной ленточкой.

Самый выводъ состоитъ въ слѣдующемъ. Священникъ, возложивъ на себя епитрахиль, читаетъ надъ колѣнопреклоненной новобрачной молитву, которая въ Требникѣ помѣщается непосредственно за чиномъ вѣнчанія новобрачныхъ и называется молитвой «на разрѣшеніе вѣнцовъ, въ осмый день».

Обычай вывода на югѣ Россіи есть обычай весьма древній, но суть его состояла вовсе не въ чтеніи молитвы на разрѣшеніе вѣнцовъ. Такой молитвы въ старинныхъ южнорусскихъ Требникахъ даже и не полагалось (хотя и не во всѣхъ). Вмѣсто этой молитвы въ нихъ былъ цѣлый, хотя и не большой, чинъ, который надписывался такъ: Молитва первобрачной невѣстѣ, хотящей ввестися по брацѣ въ церковь и пріяти благословеніе первому покровенію главѣ». Вотъ этотъ-то именно чинъ и далъ начало обычаю «вывода», который и названіе свое получилъ отъ словъ надписанія

молитвы *«ввестися въ церковь»*. Самый чинъ этотъ состоялъ въ слѣдующемъ. Новобрачная, въ сопровожденіи своихъ «друговъ», приходила къ «церкви» и становилась «внѣ дверей предъ церковію». Въ какой день это происходило, чинъ не указываетъ, но, основываясь на нынѣшней практикѣ «вывода», можно думать, что на второй день послѣ брака. Въ дверяхъ церковныхъ новобрачную встрѣчалъ священникъ, и послѣ прочтенія установленныхъ молитвъ, входилъ въ церковь, а невѣста «въ паперть.» Здѣсь, послѣ прочтенія другихъ молитвъ, священникъ благословлялъ главу новобрачной «и возлагалъ на ней саванъ» (наметку). Таковъ былъ чинъ введенія новобрачной въ церковь по южнорусскимъ стариннымъ Требникамъ *), или, что тоже, чинъ «вывода», который, по возрѣнію крестьянъ, имѣетъ приблизительно такое же значеніе, какъ и «выводъ», совершаемый въ сороковый день по рожденіи младенца.

Съ теченіемъ времени, когда изъяты были изъ употребленія древніе южнорусскіе Требники, обычай вывода, твердо укоренившійся въ народѣ, продолжалъ существовать, но особеннаго чина для него уже не было. Тогда по необходимости стали на выводѣ читать молитву на разрѣшеніе вѣнцовъ.

Обрядъ покрыванія головы новобрачной саваномъ (наметкой) далъ начало существующему и до настоящаго времени обычаю покрывать голову новобрачной наметкой и платкомъ такъ, какъ дѣлаютъ это всѣ вообще замужнія женщины въ средѣ простонародья. Это покровеніе совершенно обычно на свадебномъ вечерѣ и сопровождается пѣніемъ, приспособленнымъ къ сути совершаемаго дѣйствія.

Таково происхожденіе обычая вывода. Въ греческой и сѣверно-русской церкви подобнаго чина нѣтъ и не было, и явился онъ подъ вліяніемъ практики католической церкви, въ которой имѣется обрядъ, называемый, какъ и въ южнорусскихъ Требникахъ, введеніемъ новобрачной въ церковь послѣ брака. (Изъ Подольск. Епарх. Вѣд. 1898 г., № 15—16).

---

*) См. Требникъ Петра Могилы, стр. 428—431; Требникъ Львовск. изд. 1668 г., л. 116—118: Почаевск. изд. 1771 г., л. 61 об.—93 об.

Заславская легенда. Въ Заславѣ, за городомъ, сохранились едва уже примѣтные остатки какой-то древней каменной постройки. Объ этихъ развалинахъ сложилась любопытная, совершенно въ романтическомъ стилѣ, легенда. Не знаемъ навѣрное, помнятъ ли въ Заславѣ эту легенду и въ настоящее время, но она записана мѣстнымъ историкомъ лѣтъ сорокъ назадъ и при томъ отъ лица, бывшаго будто бы очевидцемъ происшествія. Дѣло происходило при жизни владѣльцевъ Заслава, князя Януша Сангушка (+1806 г.) и его жены Анели, урожденной Ледуховской (+1825 г.), слѣдовательно не позже начала текущаго столѣтія.

Однажды въ Заславскомъ замкѣ появился никому неизвѣстный старикъ, нищій. Такъ какъ владѣльцы замка, въ особенности же княгиня, отличались нищелюбіемъ и щедростью, то пришельца не только не прогнали со двора, но и наградили щедрымъ подаяніемъ. Нищій поблагодарилъ за милостыню, но настойчиво добивался личнаго свиданія съ княгиней, наединѣ, имѣя намѣреніе открыть ей нѣчто важное. Заинтересованная необычайностью просьбы, княгиня приказала привести къ ней таинственнаго пришельца. Нищій сначала благодарилъ княгиню за подаяніе, а потомъ, убѣдившись, что его никто изъ постороннихъ не слышитъ, сообщилъ ей слѣдующее: «За вашимъ городомъ, пани, есть старинныя развалины, о которыхъ вы навѣрно знаете. Тамъ былъ нѣкогда крѣпкій замокъ, жилище вашихъ предковъ. Никто ужъ изъ живущихъ нынѣ не помнитъ его инымъ, какъ въ видѣ развалинъ; я одинъ остался изъ числа бывшихъ слугъ того замка и былъ очевидцемъ его блеска и затѣмъ упадка. Непріятель и время разрушили эту твердыню; но въ его завалившихся погребахъ сохранились огромныя сокровища, и я одинъ могъ бы дать указанія, гдѣ именно и какъ слѣдуетъ искать ихъ. Но прежде всего я долженъ предостеречь васъ милостивая пани, что, какъ только мы докопаемся до скарбовъ, въ ту же минуту начнетъ горѣть Заславъ, а пока окончимъ работу, онъ сгоритъ весь. Но вы, княгиня, не тревожьтесь этимъ и не смущайтесь, потому что найденными скарбами вы будете въ состояніи втрое возмѣстить потери жителей; я же останусь въ вашемъ распоряженіи и принимаю на себя полную отвѣтственность за все, что произойдетъ». Вернувшись къ своимъ гостямъ, княгиня передала имъ все это. Горя любопытствомъ, гости стали настойчиво убѣждать княгиню послушаться таинственнаго старца и исполнить его совѣтъ. Она долго колебалась,

наконецъ рѣшила сдѣлать попытку. Былъ назначенъ день, когда должны начаться раскопки, а мѣстный городничій любезно предложилъ назначить на работы гарнизонныхъ солдатъ, какъ людей храбрыхъ и опытныхъ въ такомъ дѣлѣ. И вотъ начались работы, подъ руководствомъ нищаго, въ присутствіи княгини, ея гостей и почти половины городского населенія, съ ранняго утра собравшагося на мѣсто. Дружно шли работы; вырыты были глубокія траншеи; но уже наступалъ вечеръ, а скарбовъ не находили. Хотѣли было отложить розыски на утро, какъ тутъ у одного рабочаго сломалась кирка, ударившись о камень. Разгребли землю—оказались признаки склепа. Крикъ радости вырвался изъ грудей присутствовавшихъ. Но въ эту минуту раздался набатный звонъ, и огромное зарево показалось надъ городомъ. Страхъ и тревога овладѣли толпой. Работы были брошены и всѣ стремглавъ бросились спасать свои жилища и храмы. Поплелся за народомъ и виновникъ случившагося, таинственный нищій, терпѣливо ожидая, пока всѣ успокоятся.

Прошло нѣсколько дней. Тревога миновала, а любопытство и жадность пересилили страхъ. И вотъ, побуждаемая дворовыми слугами, нахлѣбниками и отважнымъ городничимъ, княгиня снова выѣхала за городъ, сопровождаемая длинной вереницей экипажей и толпой народа. Старый нищій снова распоряжается работами. Сотни рукъ дружно принялись за продолженіе прежней раскопки, и не прошло двухъ часовъ, какъ входъ въ подземный склепъ былъ очищенъ, и всѣ съ любопытствомъ увидѣли низкую, желѣзомъ обитую дверь.. Оглянулись назадъ—а надъ городомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ уже тянулись къ небу зловѣщіе дымные столбы. Большая часть присутствовавшихъ съ воплями устремилась туда, но дворовые и селяне остались на мѣстѣ. Осталась и княгиня съ своей свитой, потому что нищій настойчиво требовалъ окончанія работы, а пожаръ-де будетъ потушенъ гарнизонной командой, нарочно для этого оставленной на этотъ разъ въ городѣ. Но, видно, и команда не въ силахъ была справиться съ разъяренной стихіей: чорные столбы все увеличивались, росли и вотъ уже слились въ огромную мрачную тучу; набатный трезвонъ несся со всѣхъ церквей и костеловъ, покрывая вопли встревоженныхъ жителей; всюду слышенъ былъ плачъ и нареканія. А нищій и слышать не хотѣлъ о прекращеніи работъ и все понукалъ рабочихъ; его поддерживали оставшіеся зрители, словно опьяненные какою-то нечеловѣческой жадностью. Княгиня не знала,

на что рѣшиться.. Вдругъ со стороны города показалась церковная процессія съ чудотворнымъ образомъ Богородицы на челѣ. Упавъ предъ княгиней на колѣни, духовенство именемъ Бога заклинало ее прекратить эту страшную забаву, сопряженную съ столькими жертвами и несчастьями людскими. Тутъ только присутствующіе, казалось, пришли въ себя; рабочіе бросили ломы и заступы и всѣ со слезами умиленія пали предъ образомъ, а черезъ минуту бѣжали въ городъ спасать горѣвшихъ. Пожаръ какимъ-то чудомъ сталъ ослабѣвать и скоро былъ совсѣмъ потушенъ. Хватились нищаго—а его и слѣдъ простылъ; сколько ни искали, никто съ тѣхъ поръ не видѣлъ его больше. А княгиня, раздавъ щедрое пособіе потерпѣвшимъ отъ пожара, приказала засыпать землею и грузомъ сдѣланныя раскопки, чтобъ и слѣда ихъ не осталось.

Легенду эту еще въ 1850-хъ годахъ записалъ волынскій историкъ Тадеушъ Стецкій и помѣстилъ въ I т. своей книги «Wołyń pod względem słatystycznym, historycznym i archeologicznym» (Lwôw, 1864). Онъ слышалъ ее много разъ изъ устъ столѣтней своей родственницы, панеи Стецкой, хорунжиной коронной, бывшей будто бы лично свидѣтельницей происшествія Такъ какъ книга Стецкаго далеко не всѣмъ извѣстна, то мы пересказали эту легенду, желая вызвать сообщенія о томъ, живетъ ли она и понынѣ въ памяти мѣстнаго населенія.

L.

Келья св. Димитрія Ростовскаго. Въ апрѣльской книжкѣ «Историческ. Вѣстника» за настоящій годъ г. Федоровымъ напечатаны очень интересныя свѣдѣнія изъ частной жизни извѣстнаго гр. Д. Е. Остенъ-Сакена. Въ описаніи его усадьбы (въ Елисаветградскомъ уѣздѣ, село—не названо), находимъ слѣдующее свѣдѣніе: «Самую интересную достопримѣчательность находившейся около усадьбы рощи составляла подлинная келья извѣстнаго русскаго святителя Димитрія Ростовскаго. Перевозка этой келіи на разстояніи почти 2000 верстъ стоила графу не малыхъ денегъ и хлопотъ; кромѣ того, осуществленіе подобной затѣи сопряжено было еще съ массою другихъ затрудненій; и только благодаря участію митрополита Филарета, Остенъ-

Сакену удалось довести до конца задуманное дѣло. Въ виду того, что поставленная въ усадьбу графа келья отличалась уже необыкновенною ветхостью, пришлось устроить надъ нею особаго рода каменное прикрытіе; сама же келья была превращена въ часовню, гдѣ, кромѣ иконы, подсвѣчниковъ съ восковыми свѣчами, аналоя и другихъ священныхъ предметовъ, постоянно горѣла лампада предъ частью мощей св. Димитрія Ростовскаго» (стр. 106). Къ этимъ свѣдѣніямъ мы можемъ добавить еще и слѣдующее. Перевезенная въ имѣніе гр. Остенъ-Сакена келья первоначально находилась въ Крупицкомъ монастырѣ (около Батурина), въ которомъ Ростовскій святитель одно время настоятельствовалъ. По преданію, въ этой кельѣ св. Димитрій писалъ свои «житія святыхъ». Изъ монастыря келья была пріобрѣтена извѣстнымъ конотопскимъ пчеловодомъ П. И. Прокоповичемъ и поставлена въ его насѣкѣ, въ с. Пальчикахъ, конотопскаго уѣзда. Здѣсь мы видѣли эту келью много разъ въ шестидесятыхъ годахъ, при посѣщеніяхъ тогдашняго владѣльца Пальчиковской пасѣки С. П. Великдана (побочнаго сына Прокоповича). Раза два посѣтилъ Пальчиковскую пасѣку въ это же время, и гр. Остенъ-Сакенъ. С. П. Великданъ очень интересовался посѣщеніями «высокопоставленныхъ лицъ» и обыкновенно, въ благодарность за ихъ посѣщеніе, называлъ одинъ изъ ульевъ именемъ именитаго посѣтителя. Былъ улей и «Гр. Остенъ-Сакенъ». Вотъ въ одно изъ посѣщеній послѣднимъ Пальчиковской пасѣки, Великданъ и уступилъ ему Димитріевскую келью. Помнится, что гдѣ-то было напечатано, что Крупицкій монастырь, по смерти гр. Остенъ-Сакена, хотѣлъ выкупить келью своего приснопамятнаго настоятеля. Изъ статьи г. Федорова видно, что намѣреніе это не осуществилось.

А. Л.

Прошеніе „гражданъ" города Нѣжина о запрещеніи евреямъ розничной торговли. Печатаемое здѣсь прошеніе «отъ купцовъ и другихъ согражданъ малороссійскаго города Нѣжина» написано въ іюлѣ 1797 г., на имя тогдашняго «управляющаго Малороссійскою губерніей на правахъ генералъ-губернатора» графа Салтыкова. Прошеніе сохранилось въ копіи, никѣмъ не подписанной, и потому неизвѣстно—было

ли оно подано по назначенію. «Высочайшимъ имяннымъ его императорскаго величества указомъ истекшаго 1796 года, ноября 30 числа изданнымъ, всемилостивѣйше велѣно въ Малой Россіи возстановить правленіе и судопроизводство сообразно тому, какъ оное въ здѣшнемъ краю сходственно правамъ и прежнимъ обрядамъ существовало. По прежнимъ же обрядамъ въ Малой Россіи, изъ давнихъ лѣтъ заведеннымъ, и бывшимъ установленіямъ, жиды или евреи нетолько прежде открытія въ Малой Россіи въ прошломъ 1782 году бывшихъ Кіевскаго, Черниговскаго и Новгородско-Сѣверскаго намѣстничествъ, и после того даже до 795 года, никакого въ оныхъ купеческаго произвожденія коммерціи не имѣли, но еще Высочайшими указами въ прошлыхъ 1727, апрѣля 26-го, и 728 годовъ октября 15-го чиселъ послѣдовавшими, велѣно выслать ихъ изъ Россіи за границу [1]). А хотя послѣднимъ указомъ дозволено было пріѣзжать имъ въ Малую Россію на ярмонки, но и то ради продажи единственно только товаровъ обтомъ, а не врозь, локтемъ и мѣрою, и для покупки на вырученныя деньги въ Малой Россіи взаимобразно товаровъ; однакожъ и тутъ строжайше запрещено, чтобы они никакой россійской золотой и сребной монеты заграницу ни подъ какимъ образомъ отнюдь не вывозили.—Въ слѣдствіе чего и ея императорское Величество блаженныя памяти государыня императрица Елисаветъ Петровна, по вступленіи на всероссійскій престолъ, узнавъ происходимые отъ сихъ еврей различные злоупотребленія, соизволила указать выслать ихъ изъ Россіи.

Нынѣ жъ сихъ еврей столь умножилось, что они пріѣзжая изъ Польши и другихъ заграничныхъ мѣстъ, а большею частію изъ кордона цесарскаго, не только въ городахъ, но даже по мѣстечкахъ и селеніяхъ Малороссійской губ., собираясь превеликими партіями, по нѣсколько десятковъ лавокъ, подъ видомъ первой и второй гильдіи, не только третьей гильдіи, но даже мѣщане и различные рода ихъ художники, назвавъ первые сихъ послѣднихъ подъ именемъ своими прикащиками, производятъ купеческую коммерцію, продавая вывозимые ими разнаго рода товары не обтомъ, но въ розь, аршиномъ, и подробно вещми, дѣлаютъ

---

[1]) См. универсалъ гетмана Апостола 27 октября 1727 г., подтверждающій „всѣмъ полкамъ рейменту" о высылкѣ „жидовъ" „зо всякой маетности, несмотря ни великороссійскихъ, ни малороссійскихъ владельцевъ". Матер. для Отечеств. исторіи, т. I, отд. 2, стр. 11—12.

какъ намъ знатной въ купечествѣ подрывъ, такъ и казнѣ не малой ущербъ, особливо тѣмъ, что изъ сихъ самыхъ еврей, взявъ на кредитъ не въ давномъ времени изъ иностранныхъ фабрикъ въ Бреславлѣ, и въ Цесарской области, на нѣсколько сотъ тысячъ рублевъ суконнаго и другаго товару, объявили себя несостоятельными къ платежу долгу, почему и фабриканты означенныхъ фабрикъ получатъ отъ нихъ частями, по срокамъ, на рубль по тридцати копѣекъ, а они прибравъ къ рукамъ своимъ столь на знатную сумму товары и вывозя оной частями на ярмонки въ Россію, продаютъ оной умышленно на подрывъ нашъ самыми низкими ценами, не говоря о томъ, что они, собирая за продаваемой товаръ на нѣсколько тысячь рублей мѣдные и ассигнаціями денги, промѣниваютъ оные на сребную и золотую россійскую монету, и голландскіе червонцы, и уповательно высылаютъ оные на покупку и паки въ иностранныхъ фабрикахъ товаровъ. Хотя-жъ высочайшимъ указомъ прошлаго 1794 года, июня 23 числа, дозволено евреямъ отправлять купеческіе и мещанскіе промыслы въ губерніяхъ Минской, Изяславской, Брацлавской, Полоцкой, Могилевской, Кіевской, Черниговской, Новгородско-Сѣверской, Екатеринославской и въ области Таврической, записався по городамъ въ мещанство и купечество, однако сіе дозволеніе можетъ ли распространяться и на здѣшную Малороссійскую губернію? Тѣмъ наипаче съ одной стороны, что существо онаго указа разумѣемъ мы произвожденіе мѣщанскихъ и купечесихъ евреямъ промысловъ единственно въ томъ мѣстѣ, и однимъ тѣмъ евреямъ, гдѣ кто изъ нихъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ запишется на купечество и мѣщанство и имѣтиметъ собственной свой домъ и жительство, ибо преимущество отдается только въ гражданствѣ, кто по наставленію высочайшаго 1766 года, декабря 14 числа, указа, имѣетъ свой домъ или осѣдлость въ городѣ; сіи жъ евреи не только не имѣютъ собственнаго своего помѣстья, но проживаютъ большею частію въ чужихъ и паемныхъ домахъ и дальшой никакой степенности не имѣющіе, а потому въ отвращеніе слѣдовать могущаго отъ нихъ россійскому купечеству подрыву, въ другихъ россійскихъ губерніяхъ, и торгу имѣть имъ означеннымъ 794 года указомъ вовся запрещенно; а сверхъ того и особымъ высочайшимъ указомъ прошлаго 1791, декабря 23 числа, изданнымъ, дозволено евреямъ правомъ гражданства пользоваться въ однихъ только пограничныхъ Бѣлорусскихъ и Екатеринославской губерніяхъ да въ области Таврической, а съ другой стороны, за силою вышеподведеннаго высочай-

шаго, ноября 30 числа, истекшаго 796 года, послѣдовавшего указа, могутъ ли тамъ евреи равномѣрно учавствовать въ купеческихъ и мѣщанскихъ промыслахъ и выгодахъ, гдѣ его императорское величество къ народу здѣшней Малороссійской губерніи особые изливаетъ монаршія милости. За всѣмъ же тѣмъ о сихъ самихъ евреяхъ въ вышеподведенномъ 794 года, іуня 23 числа, указѣ сказано кто съ оныхъ еврей не похотять остаться въ россійскомъ подданствѣ, таковымъ по заплатѣ трехлѣтной двойной подати, дозволяется выехать съ Россійской имперіи. Слѣдственно, прибравъ они къ рукамъ своимъ, разными подобными неправильными промыслами знатную сумму капиталовъ, могутъ навсегда удалиться съ Россіи въ разныя иностранныя государства, а мы, бывъ вѣчно вѣрноподданными Всероссійской имперіи, можемъ причиною ихъ возчувствовать неизбѣжное въ купечествѣ разореніе, и подвержены будемъ лишиться кредитору и всякаго довѣрія.

И въ слѣдствіе того, подносяпри семъ данное намъ отъ купцовъ, и другихъ соградданъ малороссійскаго города Нѣжина писменное уполномочіе вашего сіятельства, какъ главнаго начальника здѣшней губерніи, нижайше просимъ, благоуваживъ предписанныя обстоятельства о запрещеніи евреямъ, пріѣзжающимъ изъ Польши и другихъ мѣстъ на ярмонки въ повѣтывые города и другія мѣста Малороссійской губерніи произвожденія розничной товаровъ продажи кому слѣдуетъ дать высокое ваше повелѣніе, о чемъ и его императорскому величеству не оставьте, ваше сіятельство, здѣлать всеподданнѣйшее представленіе, и тѣмъ не допустить къ подрыву по комерціи и неповинному разоренію.

Милость и благотвореніе вашего сіятельства обяжетъ насъ прославлять всегда высокую особу вашу».

Сообщилъ **В. С. Иконниковъ.**

Проектъ кіевскаго музея древностей и искусствъ. Въ № 129 «Кіевлянина» читаемъ слѣдующее: «Осенью прошлаго года была совершена закладка зданія «Кіевскаго музея древностей и искусствъ», но фактически работы по постройкѣ его еще не начаты за недостаткомъ

средствъ у Кіевскаго общества древностей и искусствъ, по инициативѣ котораго возникаетъ въ Кіевѣ музей. Въ распоряженіи общества имѣется нѣсколько проектовъ зданія музея, но для осуществленія каждаго изъ нихъ необходимо затратить капиталъ въ 400,000 р., между тѣмъ, какъ общество располагаетъ капиталомъ всего только въ 175,000 р. На составленіе проекта зданія музея былъ объявленъ первоначально конкурсъ, на который было представлено 14 проектовъ. Изъ нихъ были удостоены преміи 3 проекта, но строительный комитетъ призналъ, что ни одинъ изъ премированныхъ проектовъ не удовлетворяетъ въ достаточной мѣрѣ своему назначенію. Тогда рѣшено было обратиться къ нѣсколькимъ архитекторамъ съ предложеніемъ составить проектъ зданія музея по указаніямъ комитета. Требуемый проектъ былъ представленъ архитекторомъ Бойцовымъ. Тѣмъ временемъ городское управленіе отвело подъ постройку музея скверъ по Александровской улицѣ, противъ Царскаго сада, при чемъ оказалось, что, благодаря особенностямъ грунта отведеннаго участка, придется произвести въ проектѣ г. Бойцева нѣкоторыя измѣненія. Проектъ былъ передѣланъ членомъ комитета академикомъ архитектуры В. Н. Николаевымъ, а затѣмъ архитекторомъ В. В. Городецкимъ. Проектъ былъ представленъ въ февралѣ нынѣшняго года и одобренъ комитетомъ.

Кіевскій музей, по послѣднему проекту, представляетъ собою почти совершенно правильный квадратъ, длина каждой изъ сторонъ котораго равна 10 саж., такъ что вообще, зданіе должно занять площадь 400 кв. саж. Главный фасадъ зданія обращенъ къ Крещатику и Европейской гостиницѣ. Фасадъ выдержанъ въ строгомъ классическомъ стилѣ. Главный ходъ украшаетъ колоннада, состоящая изъ шести колонъ. По условіямъ рельефа мѣстности, главный входъ на $3^1/_2$ сажени выше горизонта Царской площади, а потому въ музей ведетъ съ площади широкая лѣстница съ двумя каменными львами у входа. Со стороны главнаго фасада зданіе музея одноэтажное.

Боковой фасадъ зданія, обращенный къ Александровской улицѣ, тоже украшенъ колоннами, и съ этой стороны зданіе музея двухъэтажное, въ то время какъ со стороны фасада, обращеннаго къ институту благородныхъ дѣвицъ, зданіе представляетъ уже четыре этажа, изъ которыхъ два нижнихъ упираются въ откосъ Александровской горы. Внутри зданія имѣется рядъ просторныхъ залъ для выставокъ картинъ и коллекцій. Среднюю часть зданія занимаетъ большой залъ въ два

этажа предназначенный для выставокъ картинъ. Вокругъ этого зала въ нижнемъ и верхнемъ этажѣ расположена амфилада залъ меньшаго размѣра и при томъ въ одинъ этажъ. Благодаря такому положенію, залъ лишенъ совершенно оконъ въ боковыхъ стѣнахъ и получаетъ исключительно лишь верхній свѣтъ, въ виду чего потолокъ зала и крыша соотвѣтственной части зданія стеклянныя. Длина залы 30, ширина 20 аршинъ.

Въ нижнемъ этажѣ зданія расположено, кромѣ того, шесть залъ различныхъ размѣровъ, въ верхнемъ — семь, такъ что всего въ зданіи будетъ заключаться 14 залъ, получающихъ частью боковой, частью верхній свѣтъ. Въ верхнемъ подвальномъ этажѣ имѣется еще нѣсколько залъ, предназначенныхъ для надобностей музея: залъ для чтенія лекцій и собраній общества, просторное помѣщеніе для библіотеки, архива. Кромѣ того, въ этомъ этажѣ должна помѣщаться квартира смотрителя, распаковочная, кладовая, уборныя и т. д. Въ нижнемъ подвальномъ этажѣ помѣщаются котлы парового отопленія, складъ угля, квартиры служителей и т. д.»

Къ этому сообщенію находимъ нужнымъ добавить слѣдующее. Въ городѣ ходятъ слухи о томъ, будто *Кіевское общество древностей и искусствъ*, прійдя къ заключенію, что у него нѣтъ средствъ на постройку описаннаго здѣсь проекта зданія, возбудило вопросъ о покупкѣ для помѣщенія музея дома бароновъ Штейнгелей, (на Бульварно-Кудрявской улицѣ). Чтобы сказать что́ нибудь больше объ этомъ намѣреніи Общества Др. и Иск., нужно знать, насколько слухъ этотъ вѣренъ. Само Общество, повидимому, не находитъ нужнымъ дѣлиться съ кіевлянами своими планами и начинаніями по вопросу объ устройствѣ *кіевскаго* музея. Не можемъ не замѣтить, что находящееся въ приведенной замѣткѣ свѣдѣніе о томъ, что кіевскій музей «возникаетъ по иниціативѣ» Кіевскаго Общества древностей и искусствъ, — не вѣрно. Иниціатива устройства музея принадлежитъ гр. А. П. Игнатьеву, подъ предсѣдательствомъ котораго и происходили совѣщанія по этому вопросу приглашенныхъ имъ для того лицъ, Когда при обсужденіи вопроса—кто будетъ вѣдать проектируемый музей,—оказалось, что городъ не выразилъ къ тому особой склонности, то, по предложенію нѣкоторыхъ изъ участвовавшихъ въ совѣщаніи лицъ опредѣлено было отдать музей въ вѣдѣніе существовавшаго въ Кіевѣ *Общества искусствъ*, для котораго, по этому случаю, составленъ былъ новый уставъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ оно было переименовано въ

Общество *древностей* и искусствъ. Такимъ образомъ, не музей возникаетъ по инициіативѣ Кіевскаго общества древностей и искусствъ, а само общество, въ новомъ его видѣ, возникло *ради музея.*

А. Л.

Какъ сватались сто лѣтъ назадъ. *Письмо Петра Степановича Милородовича къ Евдокіи Михайловнѣ Безбородко* [1]. Милостивая Государыня Евдокія Михайловна! Вручитель сего сынъ мой, открывшій свое намѣреніе согласно съ волею и желаніемъ моимъ, рѣшился при семъ рекомендовать себя высокопочтеннѣйшему дому вашей вельможности благоволенію и матерней милости удостоиться быть причтеннымъ въ семейство ваше со стороны любезной вашей внучки Александры Павловны [2], которой, если то благоугодно будетъ, то сынъ мой почитать будетъ за отличное себѣ счастье. При томъ имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ, вашей вельможности, милостивой государини, покорнѣйшій слуга Петръ Милорадовичъ. Мая 25 дня. 1787 года. Жукотки.

Сообщилъ гр. **Г. А. М.**

Гетманскій слесарь. Настоящимъ универсаломъ Мазепа беретъ подъ свою «гетманскую оборону» слесаря Лопату, при чемъ увольняетъ его отъ всякихъ «повинностей и тягостей» и предоставляетъ ему право судиться исключительно въ судѣ генеральномъ, а не въ другомъ какомъ нибудь судѣ. Слѣдуетъ думать, что слесаря были рѣдки въ старой Малороссіи, если гетманъ такъ ревниво привязываетъ къ своему «двору» встрѣтившагося ему Лопату или же—этотъ Лопата былъ какимъ нибудь ужъ особенно искуснымъ слесаремъ...

«Его царского пресвѣтлого величества Войска Запорожского гетманъ Іоанъ Мазепа. Пану полковниковѣ теперъ наказному, а впредь

---

[1]) Мать князя А. А. Безбородко.

[2]) Дочери Павла Васильевича Кочубея, женатаго на Ульянѣ Андреевнѣ Безбородко.

совершенному чернѣговскому, старшинѣ полковой тамошной, а особливе п. сотниковѣ любецкому и кому колвекъ о томъ вѣдати подлежитъ, ознаймуемъ, ижъ мы Алексѣя Лопату, слюсара, жителя хезіовского, уваживши, же здастся и потребенъ есть до двору нашого на дѣла слюсарскимъ ремесломъ споражаючіеся, беремъ его подъ нашу гетманскую оборону, защищаючи, абы, кромѣ двору нашего, нѣ до кого з старшини полковой, сотенной и городовой не належалъ и нѣкому, кромѣ насъ, не отдавалъ повинности и тяглости. Также в приключаючихся справахъ у суду войсковомъ енералномъ росправлялся, а не передъ иншимъ якимъ урядомъ. О якой волѣ нашой кождій з старшины полковой чернѣговской, а особливе п. сотникъ любецкій, вѣдаючи, абы ему, Лопатѣ, жадной не накладалъ посполитои тяглости и найменшого не мѣлъ интересу въ справахъ и всякихъ подаючихся оказіяхъ до него, пилно мѣти хочемъ и приказуемъ, поневажъ онъ, до двору нашого будучи теперъ прилеглимъ, указанніе ему мѣетъ дѣла отбувати. Данъ въ Батуринѣ, 3 д. декаврія, року 1704. (Съ копіи XVIII в.).

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ.

Въ теченіе марта—мая мѣсяцевъ въ редакцію вновь поступили слѣдующія пожертвованія: 1) изъ Звенигородки—И. Я. Корочанскій, А. Р. Лерхе, Е. И. Перевозовскій, О. О. Скарскій, М. С. Трутенко—*по 1 руб.*; В. В. С.—*50 коп.*; 2) изъ Чернигова—Е. И. Туринъ *1 руб.*, всего *6 руб. 50 коп.*, что вмѣстѣ съ прежними 861 р. 77 к. (см. № 3), составитъ *868 руб. 27 коп.*, которые и отправлены въ Полтаву.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Крѣпости и гарнизоны южной Россіи въ 1718 году. *Извлеченіе изъ современнаго отчета Кіевской губерніи.* **Генеральн. штаба полковникъ А. З. Мышлаевскій.** *Изданіе военно-ученаго комитета главнаго штаба. С. Петербургъ. 1897. 8 д. л XIX+62 стр.*

Военно-ученый комитетъ главнаго штаба съ 1892 г. началъ издавать *сборникъ военно-историческихъ матеріаловъ* и до настоящаго времени его вышло около десяти уже выпусковъ, подъ редакціею акад. Дубровина и гг. Масловскаго и Мышлаевскаго. Въ этихъ выпускахъ между прочимъ напечатаны: *Бумаги кн. Г. А. Потемкина* (1774—1793 гг.), *Ставучанскій походъ* (документы 1739 г.) и проч. Къ этому же сборнику *матеріаловъ для исторіи военнаго искусства въ Россіи* принадлежитъ и настоящая книжка, заключающая въ себѣ отвѣтъ губернатора кіевской губерніи на запросъ военной коллегіи, разосланный въ 1718 г. всѣмъ губернаторамъ—«какія въ которой губерніи суть фортификаціи и городы, и въ какомъ состояніи обретающіеся въ нихъ гварнизоны». Изъ полученнаго такимъ образомъ донесенія отъ кіевской губерніи сдѣлано напечатаное здѣсь извлеченіе, въ которомъ, говоритъ г. Мышлаевскій, описаніе «фортификацій» приведено дословно, а свѣдѣнія о гарнизонахъ, артиллеріи и мѣстныхъ командахъ помѣщены въ краткихъ чертахъ. На «фортификаціяхъ» по преимуществу вниманіе сосредоточено, продолжаетъ редакторъ книжки, по той причинѣ, что свѣдѣнія о нихъ являются естественнымъ дополненіемъ къ изслѣдованію Ф. Ласковскаго, къ его *матеріаламъ для исторіи инженернаго искусства въ Россіи.* Сопоставляя отчетъ

1718 г. съ данными Ф. Ласковскаго можно замѣтить, что свѣдѣнія о крѣпостныхъ сооруженіяхъ позднѣйшаго времени (Кіева, Полтавы, Переволочны, Чернигова, Нѣжина) или же вовсе отсутствуютъ, или же весьма не обстоятельны. Такимъ образомъ для исторіи укрѣпленій малороссійскихъ городовъ изданное нынѣ г. Мышлаевскимъ донесеніе кіевскаго губернатора представляетъ совсѣмъ новый матеріалъ. Въ обстоятельномъ предисловіи къ этому изданію ученый редакторъ очертилъ ходъ военныхъ работъ, имѣвшихъ въ виду защитить южную границу отъ набѣговъ кочевниковъ. Одною изъ такихъ работъ было устройство гр. Минихомъ *Украинской линіи*. Въ какомъ видѣ находились укрѣпленія малороссійскихъ городовъ въ 1718 г., для примѣра приводимъ описаніе ихъ въ Нѣжинѣ и Черниговѣ.

«*Нѣжинъ*. Нѣжинскаго гарнизона фортеція земляная. Въ ней каменный погребъ, да палатка каменная-жъ, въ которыхъ положена пороховая казна. Два амбара деревянныхъ, въ которыхъ положены полковые припасы и провіантъ.

Гарнизонъ. Гарнизонную службу въ Нѣжинѣ несутъ чины, командированные изъ полковъ кіевскаго гарнизона въ составѣ: 3-хъ офицеровъ, 175 стр. нижнихъ чин. и 13 рейтаръ, всего 191 челов.

Артиллерія. Пушки мѣдныя на волоковыхъ станкахъ: 3 ф.—3; 2 ф.—10; всего 13. Пушки чугунныя на волоковыхъ станкахъ: 6 ф.—7; 5 ф.—3; 4 ф.—3; 3 ф.—8; $2^1/_2$ ф.—3; 2 ф.—3; $1^1/_2$ ф.—5; 1 ф.—4, всего—36. Мортира 1 п.—1. Пищали затинныя—32. Артил. снаряды: ядеръ круглыхъ (6 ф., 5 ф., 4 ф.; 3 ф.; 2 ф.; $1^1/_2$ ф., 1 ф. и малыхъ) 8978; ядеръ на прутьяхъ (5 ф., 4 ф., 3 ф., 2 ф.) 224; ядеръ на цѣпяхъ (3 ф., 2 ф., 1 ф.)—73; картечи (3 ф., 2 ф. и $1/^1_2$ ф.)—915; ядеръ ручныхъ—130, бомбъ—1 п.—150. Картузовъ (6 ф., 5 ф. и 4 ф.)—180. Каркасовъ—24. Дроби желѣзной—15 п. 20 ф. Свинцу—182 п. 39 ф. Пороху ручного—640 п. 8 ф., пушечнаго—460 п. 16 ф. Фитиля—340 п. 10 ф. Сѣры—11 п. 34 ф. Селитры—7 п. 31 ф.

Черниговъ. Черниговская фортеція рублена дубовыми бревнами, вся огнила. Съ одной стороны почато было дѣлать въ прошломъ 1712 году и сдѣлано земляного валу, гдѣ былъ раскатъ деревянный; и въ прошломъ 1717 году зачатъ раскатъ вновь отъ рѣчки Стрѣжа и сдѣлано только вверхъ фундамента и насыпано землею полъ 2 саж., отъ стульца вверхъ сдѣлано раскату 2 саж. съ аршиномъ, вокругъ 34 саж.

Въ замкѣ погребъ земляной казенный, рубленъ въ дубовомъ лѣсу, выходъ каменный. А замокъ—съ 3—хъ сторонъ большой городъ, что называется старое мѣсто. И около того города, гдѣ былъ рубленый, сдѣланъ земляной валъ.

Внутри, кромѣ выводовъ, гдѣ проѣздные ворота, 647 саж., въ выводахъ 123 саж. 3-хъ аршинныхъ, всего 770 саж. Около—ровъ въ ширину 10, въ глубину 2 саж.

Замокъ кругомъ 126 саж. 2 арш. Ровъ въ вышину 12, въ глубину 4 саж. безъ полуаршина.

А отъ города и отъ замку до рѣки Десны по мѣрѣ 293 саж. 3-хъ аршинныхъ.

Гарнизонъ. Гарниз. службу въ Черниговѣ несутъ командированные чины кіевскаго гарнизона въ составѣ: 4 офицеровъ, 113 стр. нижн. чиновъ и 6 рейтаръ, всего 123 челов.

Артиллерія. Пушки мѣдныя на волоковыхъ станкахъ: 3 ф.—7; 2 ф.—12; 1 ф.—1; всего—20. Пушки чугунныя: 8 ф.—1, 6 ф.—3, 3 ф.—1, 2 ф.—2, $1^1/_2$ ф.—2, 1 ф.—1, всего 10. Мортира мѣдная $^1/_2$ п.—1. Артил. снаряды: ядеръ круглыхъ (8 ф., 6 ф., 4 ф., 3 ф., 2 ф., $1^1/_2$ ф., 1 ф.)—4953; ядеръ раздвижныхъ 2 ф.—280; ядеръ на цѣпяхъ (5 ф. и $2^1/_2$ ф.)—400; ядеръ съ порохомъ въ мѣшкахъ (6 ф., 3 ф., 2 ф., $1^1/_2$ ф., 1 ф. и $^1/_2$ ф.)—122; картечи (6 ф., 5 ф., 2 ф, $1^1/_2$ ф. и 1 ф.)—1084. Пороху ручного—150 п. 23 ф., пушечнаго—477 п. 10 ф. Картузовъ (8 ф., 6 ф., 3 ф., 2 ф.)—370. Дроби желѣзной—30 п. фитиля—50 п. Патроновъ съ пулями—13706. Селитры—5 п. Свинцу—115 п. Ящиковъ картузныхъ, гранатныхъ и патронныхъ — 9».

Кромѣ этихъ двухъ городовъ, описанія имѣются еще и слѣдующихъ (малороссійскихъ)—Кіева, Полтавы, Переволочны, Переяслава, Ахтырки, Боромли, Краснаго Кута, Колонтаева, Коломака, Котельвы, Каменнаго, Недрыгайлова, Суджи, Мирополья, Сумъ, Лебедина и нѣкоторыхъ другихъ слободско-украинскихъ.

А. Л.

Акты, издаваемые Виленскою Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Томъ XXIV. *Акты о боярахъ. Вильно, 1897, стр. XLIV+547 in 4°.*

Настоящій томъ содержитъ въ себѣ 322 акта; они заимствованы изъ актовыхъ книгъ мѣстнаго архива и рукописнаго отдѣленія (точнѣе также архива) Виленской публичной библіотеки; по времени же распредѣляются такъ: къ XV вѣку относится 3 акта, къ XVI—287, къ XVII—25 и къ XVIII—9. Всѣ акты касаются территоріи древней Жомойтской земли, или позже Жмуди. Актамъ предпосылается статья, «имѣющая цѣлью подробно разсмотрѣть ихъ содержаніе и опредѣлить достоинство и важность содержащагося въ нихъ историческаго матеріала». Авторомъ статьи являются И. Я. Спрогисъ. Литовское боярство онъ считаетъ явленіемъ «любопытнѣйшимъ» въ исторіи сѣверо-западной Руси, но почему—не указываетъ, равно какъ и не объясняетъ его исторической роли. Происхожденіе этого явленія авторъ представляетъ намъ такъ: По образованіи государства, «первые литовскіе государи, оглянувшись кругомъ на свой народъ, встрѣтились лицомъ къ лицу съ русскими боярами, которые здѣсь были оставлены бывшими покорителями, кіевскими русскими великими князьями въ качествѣ правителей и распорядителей въ покоренныхъ земляхъ *Русскіе бояре* и все русское боярство пришлось первымъ литовскимъ великимъ князьямъ вполнѣ *по душѣ*[1]). Въ этомъ отважномъ, мудромъ и опытномъ сословіи и они, подобно кіевскимъ-русскимъ великимъ князьямъ, рѣшились заложить опорный, непоколебимый камень своего будущаго могущества и славы». Въ приведенныхъ, дышащихъ любовью къ русскому боярству словахъ автора какъ-бы выражается мысль о заимствованіи; но намъ кажется согласиться съ ней едва ли возможно, потому что въ Литвѣ, по общему закону развитія государствъ, долженъ былъ образоваться собственный туземный классъ лучшихъ людей, владѣвшихъ землею за отбываніе воинской повинности, и только подъ вліяніемъ русской культуры онъ получилъ и русское названіе съ нѣкоторыми, быть можетъ, особенностями, свойственными этому институту въ русскихъ земляхъ. Собранные въ настоящемъ томѣ документы выясняютъ лишь юридическое положеніе бояръ, и издатель подраздѣляетъ ихъ на слѣдующія группы: 1, документы о признаніи и утвержденіи боярскихъ-шляхецкихъ правъ; 2, королевскія привилегіи и другіе документы боярамъ на владѣніе землей, за

---

[1]) Курсивъ принадлежитъ автору предисловія, И. Я. Спрогису.

что они обязаны «земскую военную службу, конно и збройно» служить государству; 3, документы о замѣнѣ боярскихъ земель на королевскія; 4, документы о боярскихъ повинностяхъ въ королевскихъ и частно-владѣльческихъ имѣніяхъ; 5, документы о частныхъ боярскихъ сдѣлкахъ; 6, *судебныя рѣшенія* по боярскимъ дѣламъ. По мнѣнію автора предисловія собранные имъ документы «несомнѣнно внесутъ и должны внести значительную долю новаго историческаго свѣта» въ исторію Литовскаго дворянства и крестьянства, такъ какъ одна часть бояръ перешла въ шляхетское, а другая въ крестьянское сословіе. Но мы позволяемъ себѣ усомниться, чтобы эта «доля свѣта» была значительна, такъ какъ собранные въ разсматриваемомъ томѣ документы даютъ уже извѣстные факты о боярахъ по работамъ проф. В. Б. Антоновича, М. Ф. Владимірскаго-Буданова и М. С. Грушевскаго, напечатаннымъ въ разныхъ томахъ «Архива Юго-запад. Руси». Напротивъ, Виленская Коммиссія упустила изъ виду другія стороны и притомъ очень важныя въ жизни бояръ: административный строй ихъ «околицъ», ихъ судебные порядки, ихъ бытовую жизнь, ихъ борьбу со старостами, ихъ историческую роль въ борьбѣ съ полонизаціей края; самый интересный и важный періодъ въ жизни боярства—XVII—XVIII вв.—затронутъ слегка. Обильный матеріалъ для обрисовки этихъ сторонъ въ жизни боярства заключается въ такъ называемыхъ «поточныхъ» книгахъ судовъ, которые совершенно не тронуты редакторомъ актовъ о боярахъ. Многое такимъ образомъ въ исторіи Литовскаго боярства еше остается не разъясненнымъ и, быть можетъ, будетъ восполнено въ слѣдующихъ томахъ «актовъ Виленской Коммиссіи», гдѣ, вѣроятно, будетъ представлено положеніе бояръ на всемъ пространствѣ сѣверо-западнаго края, а не одной только Жомоитской земли, которой посвященъ настоящій томъ; это необходимо потому, что положеніе русскаго населенія въ томъ краѣ въ разныхъ частяхъ было различное.

Авторъ заканчиваетъ свое предисловіе «грустнымъ словомъ» объ исчезновеніи въ началѣ текущаго столѣтія самаго имени боярства; но мы не видимъ повода къ такой грусти, такъ какъ боярство такъ же, вѣроятно, не умерло на сѣверо-западѣ, какъ не умерло оно и на юго-западѣ, видоизмѣнившись лишь и получивъ новое наименованіе при новыхъ условіяхъ русской жизни. «Tempora mutantur, et nos amurmut cum illis.»

Къ тому по обычаю приложенъ указатель личныхъ и географическихъ именъ.

И. Каманинъ.

Описаніе рукописнаго отдѣленія Виленской Публичной Библіотеки. *Выпускъ третій. Вильно. 1898 г. стр. XXIV+159.*

Разсматривая и давая отзывъ о первыхъ двухъ выпускахъ «Описанія», мы говорили уже, что мѣсто всѣмъ описываемымъ рукописямъ не въ библіотекѣ, а въ архивѣ, куда ихъ и слѣдовало бы передать, такъ какъ оба учрежденія въ Вильнѣ близки другъ другу. Въ настоящемъ выпускѣ описано 379 документовъ («пергаминныхъ грамотъ») и 75 документовъ, которые описаны были раньше въ книгѣ «Рукописное отдѣленіе Виленской Публичной Библіотеки. Вильно, 1871 года». Всего же описано 454 документовъ. Описаніе ихъ сдѣлано точно и подробно и занимаетъ только 35 страницъ. Въ началѣ выпуска помѣщено предисловіе, въ которомъ систематизируются документы, означенные въ описаніи; съ 37 страницы и до конца печатаются въ приложеніи описанные акты, которые редакторъ почему-то находилъ заслуживающими вниманія; всего напечатано 76 актовъ. Въ числѣ описанныхъ грамотъ мы находимъ двѣ грамоты, относящіяся къ XII вѣку, шесть грамотъ—къ XIII в., четыре—къ XVI в., восемнадцать—къ XV в. остальныя—къ XVI (190), XVII (85), XVIII (58) и XIX в. (17). Изъ нихъ 235 писаны на латинскомъ, 73—на русскомъ, 63—на польскомъ, 4—на нѣмецкомъ, 3—на французскомъ, 1—на итальянскомъ и 1—на шведскомъ языкахъ. По содержанію однѣ грамоты имѣютъ общегосударственное значеніе, другія касаются общественной жизни разныхъ городовъ Польши и Литвы, третьи относятся къ дѣламъ духовнаго вѣдомства и четвертыя, наконецъ, представляютъ собой юридическіе акты частнаго характера. Нельзя не пожалѣть, что наиболѣе древніе и наиболѣе поэтому важные документы XII—XV вв. остались ненапечатанными и что не указаны мотивы выбора грамотъ для напечатанія.

И. Каманинъ.

Le P. Pierling S. I. La Russie et le Saint-Siège. *Etudes diplomatiques. II. Paris. 1897.*

Книга о. Пирлинга не является новостью въ исторической литературѣ. Почтенный историкъ сношеній Руси съ Ватиканомъ задумалъ объединить въ одномъ сочиненіи свои отдѣльные труды, вышедшіе раньше и посвященные различнымъ эпизодамъ изъ исторіи этихъ сношеній, переработавъ ихъ и дополнивъ новыми данными. Разсматриваемый томъ обнимаетъ время Іоанна Грознаго, Өеодора и Бориса Годунова (въ I т., вышедшемъ въ свѣтъ въ 1896 г., изложены сношенія Ватикана съ Московскимъ дворомъ со времени Флорентинскаго собора до Іоанна Грознаго). Хотя трудъ о. Пирлинга касается главнымъ образомъ исторіи сѣверо-восточной Руси, но онъ заключаетъ въ себѣ также и нѣкоторыя не лишенныя интереса данныя изъ исторіи Руси южной, почему мы и сочли умѣстнымъ отмѣтить его появленіе на страницахъ «Кіевской Старины».

Такъ, въ одной изъ главъ авторъ даетъ характеристику церковныхъ отношеній въ русскихъ областяхъ Польши и останавливается на планахъ извѣстнаго Поссевино по вопросу о соединеніи церквей. Конечной цѣлью уніи Поссевино ставилъ полное единеніе и въ догматахъ, и въ обрядахъ, хотя готовъ былъ уступить въ вопросѣ о сохраненіи обрядовъ восточной церкви, разсматривая эту уступку, какъ мѣру временную, вызванную необходимостью. Большія надежды въ дѣлѣ проведенія уніи возлагалъ Поссевино на кн. Конст. Острожскаго, съ которымъ вступилъ въ личныя сношенія и на котораго, повидимому, имѣлъ извѣстное вліяніе; впрочемъ, надежды эти оказались тщетными.

Еще интереснѣе свѣдѣнія о посольствѣ аббата Комуловича въ Трансильванію, къ козакамъ и въ Москву съ цѣлью устроить походъ на турокъ. (Домументы о посольствѣ К-ча изданы П. О. Пирлингомъ и покойнымъ Рачкимъ въ Загребскомъ сборникѣ «Starine» тт. XIV и XVI).

Мысль о созданіи лиги для изгнанія турокъ изъ Европы давно занимала римскій дворъ, и хотя прежнія попытки образовать такую лигу не привели къ желаннымъ результатамъ, въ концѣ XVI стр. возникаетъ проектъ тройственнаго союза противъ турокъ изъ Австріи Польши и Москвы, къ которому присоединялись бы и другіе государства. Чтобы склонить московское правительство къ этому предпріятію, папа Климентъ VIII рѣшилъ послать въ Москву особаго

посла. На этотъ разъ выборъ палъ на славянина—аббата Александра Комуловича, человѣка энергичнаго, настойчиваго, всецѣло поглощеннаго идеей освобожденія балканскихъ христіанъ отъ турецкаго ига и хорошо знакомаго съ положеніемъ дѣлъ на Востокѣ, гдѣ онъ побывалъ самъ и гдѣ онъ могъ убѣдится въ томъ, что имя московскаго царя имѣло какое-то обаяніе среди балканскихъ народовъ Въ концѣ 1593 г. Комуловичъ отправился черезъ Венецію въ Трансильванію и Молдавію. Здѣсь ему удалось устроить соглашеніе между императоромъ Рудольфомъ и трансильванскимъ воеводой Сигизмундомъ Баторіемъ. Молдавія и Валахія готовы были поднять оружіе противъ турокъ. Теперь К—чу предстояло продолжать свою миссію въ Польшѣ, гдѣ прежде всего нужно было завязать сношенія съ исконными врагами мусульманства—козаками. Эмиссары императора Рудольфа уже дѣйствовали въ это время среди козаковъ, возбуждая ихъ противъ турокъ. Въ концѣ марта 1594 г. К—чъ прибылъ въ Каменецъ. Папскій посолъ принялся подготовлять почву для своего предпріятія. Въ Львовѣ онъ нашелъ дѣятельнаго союзника въ лицѣ архіепископа Суликовскаго. Но совершено безрезультатны были его сношенія съ кн. Конст. Острожскимъ, на котораго указывалось въ инструкціяхъ К—ча. Хитрый магнатъ много говорилъ о своемъ сочувствіи проекту антиоттоманской лиги, выражалъ готовность итти лично противъ турокъ и татаръ и послалъ даже гонца къ козакамъ добывать необходимыя свѣдѣнія. Но К—чъ скоро увидѣлъ, что пола. гаться на Острожскаго нельзя и, охарактеризовавъ его въ одномъ изъ писемъ словами: «этотъ человѣкъ не есть избранникъ Божій», прекратилъ сношенія съ нимъ. Не больше сочувствія встрѣтилъ К—чъ и въ канцлерѣ Замойскомъ. Между тѣмъ татары произвели опустошительный набѣгъ на Подолію и Венгрію и не встрѣтили нигдѣ серьезнаго сопротивленія. За то явилась возможность напасть на нихъ на возвратномъ пути. Не имѣя возможности вступить въ непосредственныя сношенія съ козаками, К—чъ обратился къ снятинскому старостѣ Николаю Язловецкому, видимо сочувственно относившемуся къ его планамъ и пользовавшемуся его живыми симпатіями. Язловецкій имѣлъ репутацію храбраго и опытнаго воина. К-чъ заключилъ съ нимъ формальный договоръ, по которому папа давалъ казакамъ 12,000 флориновъ на военные расходы, а Язловецкій далъ слѣдующее обязательство, извлеченное о. Пирлингомъ изъ архива кн. Боргезе, находящагося теперь въ Ватиканѣ: «30 августа 1594 г., въ Сарафіи.

Я, Николай Язловецкій, староста снятинскій, узнавъ отъ достопочтеннаго отца Александра Комуловича, аббата нонскаго, что святѣйшій господинъ Климентъ VIII, первосвященникъ и намѣстникъ Христа, желаетъ удержать какимъ бы то ни было способомъ набѣги татаръ, которые наносятъ вредъ христіанскимъ силамъ, составилъ планъ удовлетворить столь благочестивому желанію его святѣйшества; я предлагаю свои услуги и, съ Божьей помощью, обѣщаю въ теченіе трехъ ближайшихъ мѣсяцевъ или вторгнуться въ татарскія земли и области и опустошить ихъ, или напасть на ихъ войска и преслѣдовать ихъ на возвратномъ пути изъ Венгріи, полагаясь на Бога и съ благословенія святѣйшаго отца. Если бы его святѣйшество пожелалъ продолженія этой войны и снабдилъ деньгами на необходимые расходы, онъ нашелъ бы меня готовымъ на все, и я позаботился бы помѣшать татарамъ напасть снова на христіанскія силы или оказать помощь туркамъ. Въ удостовѣреніе чего я подписался и приложилъ свою печать». (Оригиналъ этого документа писанъ по латыни и напечатанъ въ «Starine», t. XIV). К-чъ передалъ немедленно Я-му 10,000 флориновъ, а послѣдній сообщилъ о своемъ предпріятіи Замойскому, хотя былъ съ нимъ во враждебныхъ отношеніяхъ. Канцлеръ отвѣчалъ, что какъ лицо оффиціальное онъ не даетъ ни совѣтовъ, ни одобренія, но какъ частный человѣкъ вполнѣ сочувствуетъ дѣлу. Язловецкій собралъ войско, вступилъ въ сношенія съ Лободой и Наливайкомъ, которые привели къ нему 6000 днѣпровскихъ казаковъ, и отправился на Крымъ. Но около Бѣлгорода Лобода и Наливайко съ большею частью войска измѣнили намѣреніе и пошли въ Валахію. Язловецкій не могъ съ собственными силами продолжать походъ и возвратился домой. Экспедиція поглотила его средства, и онъ скоро умеръ, обремененный долгами и удрученный горемъ. К-чъ отправился въ Краковъ, дважды посѣтилъ Москву, но устроить союза противъ турокъ ему не удалось и въ 1598 г. онъ возвратился въ Италію.

Мы остановились только на тѣхъ мѣстахъ книги, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ южной Руси, но и вся исторія сношеній Рима съ Варшавой и Москвой, сношеній, имѣвшихъ въ основѣ двѣ цѣли—церковную унію и образованіе коалиціи противъ турокъ, представляетъ глубокій интересъ, особенно въ виду того, что сочиненіе о. Пирлинга основано главнымъ образомъ на данныхъ, извлеченныхъ имъ изъ архивовъ, мало доступныхъ для изслѣдователей. Написана книга, какъ и всѣ произведенія П. О. Пирлинга, очень живо и потому читается легко.

Е. К.

Кубанскій сборникъ. *Труды Кубанскаго областнаго Статистическаго Комитета, изд. подъ редакціею В. А. Щербины и А. С. Собріевскаго, Т. IV. Екатеринодаръ, 1897.*

Большая часть статей разсматриваемой книжки посвящена изученію Кубанской области въ сельско-хозяйственномъ и экономическомъ отношеніи. Этнографіи посвящена небольшая статейка г. Кириченка «о бракѣ у нѣмцевъ протестантовъ Ванновской волости». Этнографическія данныя есть и въ статьѣ г. Ламонова «Станица Кавказская Кубанскаго казачьяго войска», гдѣ изложена и исторія этой станицы. Е. Д. Фелицынъ на основаніи архивныхъ документовъ, частью напечатанныхъ въ этой же книжкѣ, разсказываетъ о побѣгѣ съ Кубани трехъ донскихъ полковъ въ 1792 году, бунтѣ на Дону по поводу переселенія донцовъ на Кубань и о поселеніи станицъ, вошедшихъ въ составъ Кубанскаго коннаго полка.

Наибольшей по объему въ этой книжкѣ Сборника является статья г. Собріевскаго о «Торговомъ обществѣ козаковъ въ Черноморскомъ (Кубанскомъ) казачьемъ войскѣ, посвященная судьбамъ торговыхъ козаковъ. Въ 1842 г. учреждено было Черноморское торговое общество «съ цѣлью облегчить козакамъ средства къ снабженію себя необходимыми потребностями и къ выгоднѣйшему сбыту произведеній земли своей». Двумстамъ козакамъ, за извѣстную плату въ доходъ войска (57 р. 50 к. въ годъ), предоставлялась свобода отъ всякой войсковой службы и давалась возможность заняться торговлей и промышленностью. Требовалось только, чтобы желающій вступить въ торговое общество имѣлъ не менѣе какъ на 1500 р. имущества. Хотя охотниковъ освободиться за плату отъ тягостей службы находилось много, но капиталистовъ среди черноморскихъ козаковъ было мало и въ началѣ 50-хъ гг. въ торговомъ обществѣ числилось едва 40 человѣкъ. Авторъ видитъ причину этого страннаго въ богато одаренной природою землѣ явленія въ томъ, что большая часть земли, и притомъ лучшей, была захвачена чиновнымъ козачествомъ, а рядовые козаки, которые только и имѣли право вступать въ торговое общество, должны были довольствоваться скудными остатками. Другую причину бѣдности козаковъ авторъ видитъ въ характерѣ ихъ, недостаткѣ трудолюбія и презрѣніи къ торговымъ и промышленнымъ занятіямъ среди потомковъ воинственныхъ сичевиковъ. Сверхъ того, войсковое начальство съ своей стороны нисколько не содѣйствовало развитію среди козачества занятій торговлей и промыслами. Въ 1860 г.

Черноморское войско слилось съ частью Кавказскаго линейнаго и было переименовано въ Кубанское. Среди линейцевъ было не мало торговыхъ козаковъ и они переполнили торговое общество, не смотря на увеличеніе комплекта до 550 чел., но и эти козаки торговлей большей частью не занимались, а по просту откупались отъ службы. Просуществовавъ 30 лѣтъ, торговое общество въ началѣ 70-хъ годовъ «упразднилось тихо и безъ особаго для кого-либо урона».

Перу извѣстнаго изслѣдователя черноморской старины П. П Короленка принадлежитъ статья «Древнія свѣдѣнія о Межигорскомъ монастырѣ». Впрочемъ, заглавіе статьи не вполнѣ соотвѣтствуетъ ея содержанію, такъ какъ разсказъ о судьбѣ монастыря доведенъ до новѣйшаго времени и наибольшій интересъ представляютъ свѣдѣнія о передачѣ части ризницы и библіотеки Межигорскаго монастыря Черноморскому войску, извлеченныя изъ дѣла Кубанскаго войсковаго архива.

Небольшая статейка г. Сысоева «Краткій археологическій очеркъ Кубанской области и Черноморской губ»., по заявленію самого автора, «не есть самостоятельное изслѣдованіе, а только краткій компилятивный обзоръ древностей и исторіи Кубанской области». Наконецъ, упомянемъ еще объ «Указателѣ археологическихъ, естественно-историческихъ и этнографическо-промышленныхъ вещей и предметовъ, имѣющихся при Кубанскомъ обл. статистич. комитетѣ». Небольшой музей возникъ одновременно со статистич. комитетомъ, и въ основаніе его легла коллекція древностей, собранная Е. Д. Фелицынымъ, который и потомъ продолжалъ увеличивать это собраніе. Цѣлый рядъ лицъ и учрежденій способствовалъ обогащенію музея и къ 1 января 1896 г. въ музеѣ было болѣе 2000 предметовъ по археологіи и исторіи, около 1000 монетъ и болѣе 600 предметовъ по естественной исторіи, этнографіи и промышленности. «Запорожье и его наслѣдники—кубанцы представлены слишкомъ слабо», хотя въ рукахъ частныхъ лицъ на Кубани много сохранилось «предметовъ козацкой старины». Вѣроятно, многихъ удерживаетъ отъ передачи въ музей такихъ предметовъ его неустойчивое положеніе и потому нельзя не присоединиться къ пожеланію составителя «Указателя» г. Сысоева «и въ Кубанской области имѣть самостоятельный музей».

Е. К.

Записки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.
Т. XX. Одесса. 1897.

Одесское Общество Исторіи и Древностей, одно изъ старѣйшихъ въ Россіи историческихъ обществъ (существуетъ съ 1839 г.), съ 1893 г. ежегодно выпускаетъ томы своихъ «Записокъ», заключающіе цѣнные матеріалы и изслѣдованія по исторіи и археологіи Южной Россіи. Настоящій, двадцатый томъ также представляетъ значительный интересъ по богатству и разнообразію содержанія. Онъ состоитъ изъ пяти отдѣловъ: изслѣдованія, матеріалы, смѣсь, некрологи и протоколы засѣданій за 1896—97 г. (въ послѣднемъ отдѣлѣ помѣщены въ извлеченіи нѣкоторые доклады, читанные въ засѣданіяхъ). Статьи и матеріалы, помѣщенные во всѣхъ названныхъ отдѣлахъ могутъ быть раздѣлены на двѣ группы, соотвѣтственно двойственной задачѣ общества - статьи по археологіи и по исторіи.

Изъ статей археологическаго содержанія прежде всего отмѣтимъ докладъ вице-предсѣдателя общества В. Н. Юргевича «*Объ археологіи въ царствованіе императрицы Екатерины II-й*», читанный въ засѣданіи 26 ноября, посвященномъ памяти Императрицы и заключающій очеркъ археологическихъ изслѣдованій Южной Россіи, положившихъ начало классической археологіи въ Россіи. Большой интересъ представляетъ статья Э. Р. Фонъ-Штерна «*Къ вопросу о происхожденіи „готскаго стиля" предметовъ ювелирнаго искусства*». Въ 1896 г. близъ Керчи открыта была гробница съ двумя скелетами и различными издѣліями такъ наз. готскаго стиля. Между тѣмъ, найденные въ той-же могилѣ перстень съ греческою надписью, другой перстень съ изображеніемъ Ники и діадема съ оттискомъ монеты показываютъ, что погребенные были не готы, а греки; при этомъ находка датируется изображеніемъ на оттискѣ имп. Максиміана Геркула. На основаніи этихъ фактовъ г. Ш. приходитъ къ заключенію, что «зачатки и источникъ такъ называемаго «готскаго стиля» мы должны искать въ греческомъ художественномъ ремеслѣ Малой Азіи и Боспора. Изреченіе римскаго поэта: «victa Graecia victores cepit» примѣнимо и въ данномъ случаѣ. Интересно также другое сообщеніе г. Штерна «*О новѣйшихъ поддѣлкахъ въ области керамики на югѣ Россіи*», служащее дополненіемъ къ его извѣстной статьѣ «О поддѣлкѣ предметовъ классической древности на югѣ Россіи» (Жур. М. Н. П., 1896, дек.). Остальныя статьи по археологіи представ-

ляютъ спеціальный интересъ; напр.: *«Нимфея и первый списокъ нимфейскихъ гражданъ»* В. В. Шкорпила; *«Замѣтки къ христіанскимъ надписямъ изъ Крыма»* В. В. Латышева; *«Graffiti» на античныхъ южно-русскихъ сосудахъ»* Э. Р. Фонъ-Штерна.

Говоря о дѣятельности общества въ области археологіи, нельзя не отмѣтить заботливости его о сохраненіи памятниковъ старины. Кромѣ трехъ музеевъ (въ Одессѣ, Өеодосіи и Керчи), общество владѣетъ (съ 1865 г.) развалинами генуэзской крѣпости въ Судакѣ, а въ 1896 г., съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, въ вѣдѣніе общества передана древняя крѣпость въ Аккерманѣ (въ настоящемъ томѣ помѣщенъ актъ передачи крѣпости аккерманскимъ полиціймейстеромъ уполномоченному обществомъ члену его, проф. А. А. Кочубинскому).

Изъ статей, посвященныхъ исторіи, обращаетъ вниманіе изслѣдованіе С. В. Петровскаго *«Апокрифическія сказанія объ апостольской проповѣди по Черноморскому побережью»*. Авторъ указываетъ на «исключительную судьбу» этихъ сказаній: въ то время, какъ въ другихъ аналогичныхъ сказаніяхъ элементы легендарные, миөическіе давно отдѣлены отъ историческихъ... сказанія объ апост. проповѣди по с.-в. побережью Чернаго моря—апокрифическія—полны «нелѣпыхъ» чудесъ, церковныя—далеки отъ вѣроятія». Основываясь на этихъ сказаніяхъ, историки русской церкви приходятъ къ противоположнымъ заключеніямъ: одни (м. Макарій, Малышевскій, Леопардовъ) признаютъ ихъ достовѣрными съ цѣлью доказать, что русская церковь ведетъ свое начало отъ самихъ апостоловъ; другіе (Голубинскій, Васильевскій) на основаніи непосредственнаго впечатлѣнія признаютъ ихъ не заслуживающими довѣрія. Не удовлетворяясь этими объясненіями, авторъ ставитъ задачею своего изслѣдованія объясненіе слѣдующихъ вопросовъ: 1) объ отношеніи краткихъ извѣстій древности къ апокрифамъ и обратно; 2) о присутствіи въ апокрифическихъ сообщеніяхъ объ ап. Андреѣ элементовъ историческихъ и 3) объ источникахъ для позднѣйшихъ греческихъ сказаній объ ап. Андреѣ. Въ настоящемъ томѣ помѣщены двѣ главы, посвященныя вопросу о происхожденіи апокрифическихъ сказаній. Оказывается, что самыя раннія изъ нихъ возникли среди еретическихъ сектъ (гностики, докеты, манихеи) I и II вв. и, слѣдовательно, болѣе ранняго происхожденія, чѣмъ соотвѣтствующія церковныя преданія; поэтому въ нихъ, рядомъ съ вымыслами, встрѣчаются геогра-

фическія указанія, этнографическія замѣтки, сообщенія касательно древняго языческаго культа, имена царей, мѣстностей и городовъ, чего нѣтъ уже въ позднѣйшихъ церковныхъ передѣлкахъ; впослѣдствіи они подвергались различнымъ передѣлкамъ, при чемъ утрачивали не только свою первоначальную еретическую тенденцію, но и первоначальную историческую точность. Изъ напечатанныхъ главъ не видно еще, къ какимъ выводамъ придетъ авторъ, но вполнѣ научная постановка вопроса и значительная эрудиція автора придаютъ его изслѣдованію большой интересъ.

Другія историческія статьи посвящены преимущественно Запорожскимъ дѣламъ XVIII в. *«Матеріалы по исторіи Запорожья въ XVIII в.»*—П. А. Иванова (съ его предисловіемъ) — представляютъ рядъ документовъ Запорожскаго Архива, найденныхъ при уничтоженіи въ 1775 г. Сѣчи, въ Кошевой церкви подъ престоломъ (въ настоящее время они хранятся въ Московскомъ отдѣленіи общаго архива Главнаго Штаба между дѣлами Потемкина). Здѣсь находится историческая записка, излагающая судьбу Запорожья отъ временъ Мазепы до возвращенія подъ власть русскаго правительства (1734 г.), составленная по распоряженію кошевого Милашевича; рядъ грамотъ императрицы Анны Іоановны, относящихся къ участію запорожцевъ въ турецкой войнѣ подъ начальствомъ Вейсбаха, Леонтьева и Миниха; рядъ грамотъ имп. Елисаветы Петровны съ различными милостями, а также по поводу различныхъ спорныхъ вопросовъ, особенно касающихся пограничныхъ столкновеній съ татарами, поляками, донскими козаками, при чемъ правительство признавало право запорожцевъ на занятыя ими земли; послѣдній документъ заключаетъ бумаги запорожскихъ пословъ—бывшаго кошевого Даніила Стефанова, Петра Калнишевскаго и Ивана Глобы, отправленныхъ съ различными ходатайствами въ С.-Петербургъ въ 1755—56 гг. Бумаги эти яркими красками рисуютъ тѣ затрудненія, которыя пришлось испытать запорожцамъ, не смотря на покровительство Разумовскаго; имъ приходилось выслушивать «превеликіе выговоры и ругательства за воровство и непорядки» и угрозы: «принять у руки», «волѣ не дать», «великими командами окружить» и т. под. Изданъ былъ даже указъ (впрочемъ, не приведенный въ исполненіе) объ измѣненіи порядка избранія запорожской старшины. Особенно трудно было депутатамъ защищать запорожскія вольности отъ надвигайшейся на нихъ колонизаціи, тѣмъ болѣе, что у запорожцевъ

не было на нихъ никакихъ документовъ. Къ исторіи Запорожья относится также докладъ А. И. Марковича *«Борьба запорожскаго кошевого П. И. Калнишевскаго съ гайдамаками»*, къ которой приложенъ «ордеръ» Калнишевскаго, за собственноручною его подписью.— А. И. Маркевичу же принадлежитъ интересный докладъ *«Предположеніе о созывѣ коммиссіи для составленія проекта новаго уложенія»*. Это—сообщеніе о принадлежащемъ автору черновомъ проектѣ, составленномъ вѣроятно кн. Вяземскимъ и собственноручно исправленномъ императрицею. Не касаясь общаго содержанія этого любопытнаго документа, отмѣтимъ только, что по первоначальному проекту—Малороссіи, Лифляндіи, Эстляндіи и Финляндіи, «яко на особливыхъ правахъ состоящимъ провинціямъ», предоставлялось по желанію прислать въ коммиссію депутатовъ, или не присылать; при чемъ, въ случаѣ отказа, «остаться имѣютъ вовсе на такомъ основаніи, на какомъ они и нынѣ есть, до тѣхъ поръ, доколѣ будутъ бить челомъ чрезъ депутатовъ же о сравненіи ихъ съ прочими частями государства».

Въ IV отдѣлѣ помѣщены некрологи скончавшихся членовъ общества: Высокопр. Саввы, Н. Ф. Фонъ-деръ-Флита, *прот П. Г. Лебединцева* и аббата Амедео Винья.

В. Щербина.

ЛЮБЕЦКІЙ АРХИВЪ
ГРАФА МИЛОРАДОВИЧА.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайл. ул., д. № 4-й.
1898.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 21 мая 1898 года.

„Бабушка“ Настасья Степановна
Полуботокъ
рожд. Леонтовичъ, р. 1732 † 1802.

Григорій Петровичъ
Милорадовичъ
р. 1765 † 1828.

Александра Павловна
Милорадовичъ
рожд. Кочубей, р. 1772 † 1838

Частный архивъ графа Г. А. Милорадовича принадлежитъ къ числу наилучше сбереженнымъ въ Малороссіи. Кромѣ бумагъ фамильныхъ, въ составъ его вошло много бумагъ посторонних, унаслѣдованныхъ Милорадовичами вмѣстѣ съ имѣніями. Владѣлецъ этого архива уже давно началъ печатать отрывки изъ него, то въ особыхъ брошюрахъ, то въ черниговскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ *). Въ настоящее время гр. Г. А. Милорадовичъ намѣренъ приступить къ болѣе систематическому изданію тѣхъ или другихъ документовъ своего архива и настоящій, первый, выпускъ *Любецкаго Архива* представляетъ собою начало такого изданія.

Въ первый выпускъ „Архива" вошли слѣдующія бумаги:

I. *Бумаги Чарнышей*, представляющія собою, главнымъ образомъ, юридическіе документы объ имущественнымъ отношеніяхъ вдовы генер. судьи Евдокіи Константиновны Чарнышъ (падчерицы гетмана Скоропадскаго) съ ея пасынками и дѣтьми. Эти документы заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія о семейственныхъ отношеніяхъ высшаго сословія въ старой Малороссіи и о томъ положеніи, которое занимала женщина этого сословія, какъ домоправительница. Въ этихъ же бумагахъ находится довольно полный перечень предметовъ домашней обстановки малорусскихъ пановъ втор. полов. XVIII в. Тутъ же помѣщены нѣ-

*) Очень много интересныхъ семейныхъ бумагъ напечатано гр. Г. А. Милорадовичемъ въ его книгѣ—„*О родѣ дворянъ и графѣ Милорадовичей.*" (Кіевъ. 1871 г.).

сколько документовъ вымершей уже фамиліи Фридрикевичей, происходившихъ отъ Мазепиного пасынка. Самый замѣтный изъ Фридрикевичей, Григорій Григоріевичъ, славившійся своею дѣловитостью, въ к. XVIII в., былъ женатъ на внучкѣ генер. судьи Чарныша, передавшей свои имѣнія по бездѣтству, брату мужа.

II. *Семейная переписка Настасьи Степановны Полуботокъ съ зятемъ П. С. Милорадовичемъ и внукою Н. П. Лашкевичъ и переписка послѣдней съ своимъ женихомъ, а потомъ мужемъ И. С. Лашкевичемъ.*

Главная часть этой переписки касается самовольнаго замужества дочери П. С Милорадовича съ И. С. Лашкевичемъ, при покровительствѣ „бабушки", т. е. тещи Милорадовича *). Вся эта переписка рисуетъ намъ частную жизнь новонародившагося тогда малорусскаго дворянства, при чемъ особое вниманіе привлекаетъ къ себѣ типическое лице умной и энергической Н. С. Полуботокъ, письма которой свидѣтельствуютъ о томъ значительномъ развитіи, которое могла имѣть малорусская женщина втор. полов. XVIII в. Настасья Степановна пользовалась въ семьѣ особымъ почетомъ, на что указываетъ и надпись на сохранившемся ея портретѣ **).

III. *Письма Петра Степановича Милорадовича къ сыну Григорію Петровичу и отрывочныя письма изъ переписки послѣдняго съ своими знакомыми (1789—1800 г.г.).*

Переписка отца съ сыномъ касается преимущество хозяйскихъ дѣлъ, указывая на чемъ сосредоточивались интересы

---

*) Нѣсколько бумагъ, касающихся этого брака, напечатано въ книгѣ— *О родѣ дворянъ и графа Милорадовичей*, стр. 46—50 и 58—60.

**) На этомъ портретѣ имѣется такая надпись:

„1801 г., іюня 30 дня. Зри ся здѣсь Анастасію Полуботкову, жену добронравну, коя обычаемъ въ мирѣ влечетъ жизнь православну; шестдесятъ девять лѣтъ вѣку истекаетъ, шестирыхъ внукъ и двѣнадцать правнукъ питаетъ милостью, любовью и искренностью вседушно."

„1802 г., апрѣля противъ 20-го, ночью, зрищи здѣсь добродѣтельная жена въ жизни своей бывши блаженна, въ грусти нашей преставилась, сочтя и сей же день являсь вишнего совѣта готовая дать отвѣтъ въ своихъ дѣлахъ. О, Боже, пріймы душу ея и упокой прахъ".

тогдашняго панскаго хозяйства. Тутъ же находятся и нѣкоторыя подробности тѣхъ мѣръ, которыя принималъ П. С. М—чъ, преслѣдуя самовольное замужество дочери.

IV. *Любецкіе акты* (*1637—1708 г.г.*) заключаютъ въ себѣ одни юридическіе документы; ихъ не много, но они даютъ интересный матеріалъ для изученія юридическаго быта сѣверо-западнаго уголка Черниговщины, который будучи защищенъ отъ сосѣдей болотами, сохранялъ дольше другихъ мѣстностей архаическія формы въ общественномъ быту.

Какъ необходимое пособіе при чтеніи помѣщенныхъ въ этомъ выпускѣ семейныхъ бумагъ, прилагаются отрывки изъ родословниковъ Чарнышей, Фридрикевичей, Леонтовичей и Полуботковъ.

Кромѣ того, къ книгѣ приложены три портрета (цинкографіи): 1) „бабушки“ Настасьи Степановны Полуботокъ, 2) Григорія Петровича Милорадовича и 3) жены его, Александры Павловны, рожденной Кочубей.

А. Лазаревскій.

РОДОСЛОВНИКИ

Чарнышей, Фридрикевичей, Леонтовичей и Полуботковъ.

1. Чарныши.

№ отца.

1. **Иванъ Чарнышъ**, въ 1698 году войсков. канцеляристъ: въ 1700 г.—«господарь замку батуринскаго»; въ 1709 г.—полковникъ гадяцкій и въ 1715 г. генеральный судья. † 1728 г., въ Москвѣ, гдѣ былъ поселенъ послѣ суда надъ нимъ и и другими участниками въ дѣлѣ Полуботка.

Ж. 1-я, *Елена Степановна Гречаная.* 2-я, *Евдокія Константиновна Голубовна*, отъ брака *К. Голуба* съ *Настасьей Марковной*, бывшей во второмъ замужествѣ за гетманомъ Скоропадскимъ. † 1743.

2. **Иванъ**, отъ перваго брака, бунчук. товарищъ . . . . . . 1.
3. **Петръ**, отъ перваго брака . . . . 1.
4. **Иванъ**, отъ втораго брака † 1741 . . . . 1.
5. **Семенъ**, отъ втораго брака † 1742 . . . . 1.
6. **Яковъ**, отъ втораго брака, войск. канцеляристъ † 1745. *Ж. Марфа Степановна Ширай*, бывшая потомъ замужемъ за *Михайломъ Васильевичемъ Скоропадскимъ*, генер. есаул. 1.

Настасья, отъ втораго брака † 1742. М. *Забѣла* . . . . . 1.

Анна, отъ втораго брака † 1745. . . . . 1.

Елена, отъ втораго брака † 1741 . . . . 1.

7. **Иванъ**. . . . . 2.
8. **Данило** . . . . 2.
9. **Александръ** . . . . 2.

Анна. *М. Григорій Григорьевичъ Фридрикевичъ* . . . . . 6.

2. Фридрикевичи.

1. **Самуилъ Фридриковичъ Козма**, полковникъ бѣлоцерковскій, прежде 1653 г. По грамотѣ 1653 г. Яна-Казиміра, «шляхетнымъ Самуилу Фридрику, полковнику давнему и тестю его Семену Половцю» подтверждены мельницы на р. Роси, на *грунтѣ Буки*. По акту 1660 г., «славетный п. Самуель Фридриковичъ Козма, бывшій полковникъ бѣлоцерковскій», купилъ въ Бѣлой-Церкви домъ, «прозываемый Аврамковскій». Ж. *Дочь Семена Половца*, полковника бѣлоцерковскаго. 2-й *ея мужъ* гетманъ *Иванъ Мазепа.*
2. **Криштофъ**, сотникъ седневскій, 1699 † 1700 . . . . . . 1.
   Ж. *Катерина Богдановна Войцеховичъ.*
3. **Григорій**, бунчук. товар. Ж. *Федосья Степановна Томара.* 2-й ея мужъ *Степанъ Леонтовичъ* [1].

   Марья. М. 1-й, сынъ стародубскаго войта Спиридона Ширая. 2-й, неизвѣстный полякъ. Умерла монахинею въ Макошинскомъ дѣвич. монастырѣ. . . . . 1.

   Евдокія. М. Федоръ Грембецкій, значк. товар. . . . . 1.

   Анна. М. *Константинъ Савичъ*, [2]) сотникъ любецкій . . . 1.
4. **Григорій**. дѣйств. статск. сов., 1797. Ж *Анна Яковлевна Чарнышъ.* Потомства не оставилъ. . . . . 3.

---

3. Леонтовичи.

1. **Степанъ Леонтовичъ**, хоружій полк. черниговскій. Ж. *Федосья Степановна Томаровна*, вдова Григорія Фридрикевича. См. выше.
2. **Степанъ**, полковникъ. Ж. *Софья Васильевна Дунинъ-Борковская* [3]) . . . . 1.

---

1) „По смерти покойного Григорія Фридрикевича, оставшаяся жена его Томаровна вышла замужъ за Стефана Леонтовича, неслужачого, который примандровавши съ Полщи, жилъ въ дѣтей покойнаго сотника Войцеховича, сотника седневского, инспекторомъ, и тамъ зъ собою познавшися, оженился на Томаровнѣ, не такъ якъ пристойно". Показаніе сотника Рымши въ 1728 г.

2) О его потомствѣ см. ниже, стр. 49.

3) См. Опис. Стар. Малороссіи. 1, 469.

3. **Иванъ**, бунчук. товар.. . . . . 1.
Настастья, р. 1732 † 1802. М. *Семенъ Яковлевичъ Полуботокъ* († 1752), который женился на Настасьѣ вдовцемъ, послѣ смерти первой своей жены Анны Андреевны Стахович . . . . . 1.
Пелагея. М. *Лаврентій Андреевичъ Раковичъ*, майоръ . . . 1.
Катерина. М. *Василій Ивановичъ Силичъ*, надв. совѣтникъ. 1.
Анна. М. *Павелъ Ивановичъ Лысенко*, бунчуков. товарищъ . 1.

---

4. Полуботки.

Семенъ Яковлевичъ Полуботокъ, внукъ наказнаго гетмана Павла Полуботка, бунчук. товарищъ. Род. 1724 † 1752. Ж. съ 1745 г., *Настасія Степановна Леонтовичъ*, р. 1732 † 1802.

Отъ этого брака было двѣ дочери:

1. **Софья**, род. въ 1747 г., вышла замужъ за черниговскаго полковника *Петра Степановича Милорадовича* въ 1764 г., умерла въ 1773 г.
2. **Федосья**. М., бунчук. товарищъ *Михаилъ Михайловичъ Стороженко*.

Отъ брака П. С. Милорадовича съ Софьей Семеновной Полуботокъ, въ 1760 г., родилась дочь *Настасья*, вышедшая въ 1789 г замужъ за секундъ-майора *Ивана Степановича Лашкевича*. Настасья Петровна умерла въ 1833 году и похоронена въ с. Брахловѣ, въ церкви, а Иванъ Степановичъ умеръ въ 1822 году и похороненъ въ церкви въ с. Жукоткахъ.

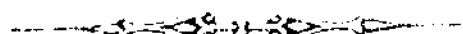
Отъ брака М. М. Стороженка съ Федосьей Семеновной Полуботокъ родился сынъ *Николай Михайловичъ Стороженко* [1]), бывшій черниговскимъ губернскимъ предводителемъ и умершій въ 1815 г. Женатъ онъ былъ на *Марьѣ Андреевнѣ Милорадовичъ*.

---

[1]) Въ текстѣ, на стр. 49-й, ошибочно сказано, что у Михайла Михайловича Стороженка дѣтей не было.

Оглавленіе.

I. Бумаги Чарнышей.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ LXI, 1898 г., апрѣль, май, іюнь.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ" печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ІЮЛЬ-АВГУСТЪ
1898 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 12 августа 1898 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

ОТДѢЛЪ II-й.

Домикъ Котляревскаго въ Полтавѣ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ LXII, 1898 г., іюль-августъ, сентябрь.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ I.

ПАМЯТИ

ИВАНА ПЕТРОВИЧА КОТЛЯРЕВСКАГО.

Сто лѣтъ тому назадъ, въ 1798 году, появилось первое печатное произведеніе на малорусскомъ языкѣ—три пѣсни перелицованной Энеиды Ивана Петровича Котляревскаго. Это не значитъ, впрочемъ, что до Энеиды Котляревскаго совсѣмъ отсутствовало творчество на этомъ языкѣ,—напротивъ, есть цѣлый рядъ указаній на то, что 18-ый вѣкъ въ Малороссіи имѣлъ чуть-ли не особую школу типичныхъ выразителей поэтическаго творчества на народной рѣчи, но произведенія ихъ были только распространяемы въ рукописяхъ, не выступали, такъ сказать, на всенародныя очи. Фактъ появленія перваго печатнаго малорусскаго слова, выраженнаго не въ той книжной южно-русской рѣчи, съ которой такъ хорошо знакомъ былъ прежній культурный классъ общества, а въ рѣчи, разрабатывавшейся вполнѣ на народной основѣ,—фактъ этотъ—говоримъ мы—имѣетъ такое важное значеніе для развитія и подъема всѣхъ положеній, связанныхъ съ національнымъ самосознаніемъ, начавшимъ тогда свой ростъ во всей Россіи, что онъ не только не можетъ быть забываемъ нами, но, напротивъ, долженъ всегда отмѣчаться, какъ тотъ первоисточникъ свѣта, благодаря которому мы лучше видимъ и пройденный уже нами путь, и предстоящую впереди дорогу. Въ теченіе этихъ ста лѣтъ было уже нѣсколько моментовъ, которые заставляли вспоминать, въ той или другой формѣ, начи-

нателя нашей печатной малорусской словесности и его знаменитую „Энеиду“. Послѣднимъ такимъ моментомъ было пятидесятилѣтіе со дня смерти И. П. Котляревскаго, т. е. 1888-й годъ. Теперь-же, когда наступилъ моментъ перваго столѣтія жизни новой малорусской печатной словесности, обязанность наша не только вспомнить имя творца Энеиды, но и подвести итоги всему, связанному съ этимъ именемъ. „Энеиду“ Котляревского знаетъ всякій грамотный человѣкъ въ Малороссіи, а очень часто и въ Великороссіи; цитируются многія мѣста изъ нея наизустъ; всѣ восхищаются мѣткостью выраженій. остроуміемъ автора и типичностью красокъ,—но, благодаря нѣкоторой запутанности обстоятельствъ, при которыхъ печаталась Энеида какъ при жизни автора ея, такъ и послѣ его смерти, равнымъ образомъ, благодаря потерѣ автографа рукописи его, до сихъ поръ остается текстъ Энеиды критически не провѣреннымъ. Чтобы восполнить этотъ недостатокъ, чтобы дать первый опытъ такой критической провѣрки текста, редакція „Кіевской Старины“ въ ближайшей книжкѣ начнетъ печатать въ приложеніяхъ возможно болѣе точно установленный текстъ Энеиды, принимая во вниманіе различныя изданія ея такъ-что, исходя изъ него, можно будетъ дѣлать всѣ остальныя дополненія и поправки.

Много разнообразныхъ мнѣній было высказано въ печати о самомъ процессѣ творчества „Энеиды“ Котляревскаго, о степени самобытности ея, о формѣ подражательной и проч.; но до сихъ поръ не было въ мелочахъ произведено сличеніе текстовъ Энеиды Котляревскаго и другихъ авторовъ, благодаря чему колебанія въ мнѣніяхъ критики доходили до крайнихъ предѣловъ противоположности: одни признавали, что Котляревскій создавалъ свое произведеніе подъ вліяніемъ русской Энеиды Осипова, другіе

утверждали, что Осиповъ шелъ по стопамъ Котляревскаго. Чтобы поставить этотъ вопросъ на болѣе твердую почву, редакція „Кіевской Старины“ печатаетъ въ этой-же книжкѣ обширную статью И. Стешенка „И. П. Котляревскій и Осиповъ въ ихъ взаимоотношеніи“. Сравненіе текстовъ Энеидъ различныхъ авторовъ, какъ увидитъ читатель, кажется, не оставляетъ теперь никакихъ сомнѣній въ опредѣленіи самаго процесса творчества малорусской Энеиды.

Кромѣ только-что указаннаго частнаго вопроса, въ области критики И. П. Котляревскаго, какъ малорусскаго писателя вообще, можно встрѣтить также цѣлый рядъ противорѣчащихъ другъ другу взглядовъ, высказанныхъ въ разное время, и иногда очень авторитетными лицами; можно даже натолкнуться въ критикѣ на фактъ противорѣчивыхъ взглядовъ у одного и того-же лица, писавшаго о Котляревскомъ въ разные моменты. Если не подведены итоги всему этому, если впечатлѣнія читающаго эти критическіе отзывы разновременно въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ раздваиваются, то трудно при этихъ условіяхъ оріентироваться во взглядахъ и прійти къ одному опредѣленному выводу. Съ цѣлью помочь сдѣлать это читателю, редакція въ этой-же книгѣ начинаетъ печатать статью И. Стешенка „И. П. Котляревскій въ свѣтѣ критики“, гдѣ подводятся итоги, по возможности, всему тому, что въ русской и галицкой печати было высказано о произведеніяхъ И. П. Котляревскаго.

Факты изъ жизни И. П. Котляревскаго извѣстны намъ по тѣмъ біографическимъ очеркамъ, которые сообщены были въ свое время, главнымъ образомъ, г. Стеблинымъ-Каминскимъ, хорошо знавшимъ какъ общественную, такъ и домашнюю, частную жизнь нашего писателя. Къ сожалѣнію, въ настоящее время почти ничего допол-

няющаго эти свѣдѣнія отыскать нельзя, слѣдовательно—біографическій очеркъ пришлось-бы только повторить. Но біографія личности можетъ быть освѣщена еще и съ другой, болѣе общей, точки зрѣнія, если разсматривать эту личность въ связи съ тѣмъ обществомъ, съ тѣмъ кругомъ, въ которомъ протекала жизнь ея. Такая работа по отношенію къ личности Котляревскаго до сихъ поръ не была сдѣлана; поэтому, редакція „Кіевской Старины" предполагаетъ въ ближайшихъ книжкахъ напечатать статью, посвященную именно такому изученію нашего поэта.

Въ ближайшей связи съ творчествомъ И. П. Котляревскаго, какъ автора пародированной Энеиды, стоитъ такое-же творчество у западно-европейскихъ народовъ. Параллели эти до сихъ поръ у насъ почти еще не затронуты, а между тѣмъ знакомство наше съ ними поможетъ лучшему уразумѣнію процесса творчества у Котляревскаго, не потому, что этотъ послѣдній подражалъ имъ, а только потому, что мы получаемъ болѣе данныхъ для опредѣленія силы и степени таланта своего писателя, поставивъ его въ сравненіе съ аналогичными пріемами творческой дѣятельности у другихъ. Такое знакомство съ западно-европейскими сестрами нашей малорусской Энеиды даетъ статья проф. Н. П. Дашкевича, которую редакція помѣститъ въ слѣдующей книжкѣ.

Этимъ, конечно, не исчерпываются всѣ вопросы, стоящіе въ связи съ литературной дѣятельностью И. П. Котляревскаго; остается еще очень много тѣхъ частныхъ задачъ, при рѣшеніи которыхъ только и выступитъ на яркомъ фонѣ личность писателя съ ея высокимъ національно-культурнымъ значеніемъ, дающимъ ей право именемъ своимъ переживать вѣка и создавать себѣ, такимъ образомъ, памятникъ нерукотворный.

Остается теперь объяснить, почему редакція наша рѣшила августъ мѣсяцъ текущаго года посвятить памяти И. П. Котляревскаго.

Такъ какъ установить съ точностью время выхода въ свѣтъ „Энеиды" Котляревскаго сто лѣтъ тому назадъ не возможно, то пришлось избрать тотъ мѣсяцъ года, который болѣе всего связывается съ именемъ Котляревскаго; такимъ мѣсяцемъ и оказывается **августъ**, въ который, 29-го числа 1769 года, родился нашъ писатель. Тѣмъ съ бо́льшимъ основаніемъ наша редакція остановилась на этомъ мѣсяцѣ, что Высочайше разрѣшенный къ постановкѣ въ Полтавѣ памятникъ И. П. Котляревскому предполагалось первоначально открыть въ этомъ году, въ августѣ мѣсяцѣ. Непредусмотрѣнныя обстоятельства заставили Полтавскую городскую думу отложить открытіе памятника до будущаго года; нашъ-же органъ, посвященный научной разработкѣ и освѣщенію всего связаннаго съ нашей родиной, не считалъ себя въ правѣ пропустить тотъ годъ, которымъ заканчивается первое столѣтіе новаго малорусскаго печатнаго слова.

И. П. КОТЛЯРЕВСКІЙ и ОСИПОВЪ

ВЪ ИХЪ ВЗАИМООТНОШЕНІИ.

I.

Одной изъ важныхъ задачъ, какія представляются при изученіи произведеній Котляревскаго, является вопросъ о степени самостоятельности его «Энеиды». Правильное рѣшеніе этого вопроса имѣетъ не только чисто-научное, теоретическое значеніе, но до нѣкоторой степени и практическое: оно позволитъ сдѣлать окончательную оцѣнку этого художественнаго произведенія и по степени его важности поставить въ надлежащее мѣсто среди прочихъ произведеній украинской литературы.

Рѣшеніе упомянутой задачи можетъ быть достигнуто только путемъ сравненія всѣхъ существовавшихъ до Котляревскаго передѣлокъ Энеиды Вергилія, и въ особенности путемъ сравненія Энеиды Котляревскаго съ русской передѣлкой Осипова. Кромѣ того, какъ мы покажемъ далѣе, въ силу недостатка историческихъ данныхъ по вопросу о взаимоотношеніи двухъ послѣднихъ произведеній, важное, даже рѣшающее значеніе должны имѣть нѣкоторыя логическія соображенія: отъ большей или меньшей ихъ удачности должно, по нашему мнѣнію, зависѣть и болѣе или менѣе удачное разрѣшеніе нашего вопроса.

Рѣшеніе даннаго вопроса уже имѣетъ свою небольшую исторію: по вопросу о самостоятельности Энеиды Котляревскаго имѣется рядъ мнѣній, извѣстной, конечно, цѣнности и правильности. Изъ разсмотрѣнія этихъ мнѣній мы можемъ убѣдиться въ томъ, что рѣшавшіе вопросъ о самостоятельности Энеиды, за немногимъ исключеніемъ, болѣе останавливались на логическихъ соображеніяхъ по данному вопросу, чѣмъ на сравненіи передѣлокъ Энеиды, этомъ фундаментѣ для рѣшенія данной зядачи. Сравненія Энеидъ до сихъ поръ почти не было, и въ этомъ заключается слабая сторона нѣкоторыхъ изслѣдователей Энеиды затрогивавшихъ вопросъ о ея самостоятельности.

Первымъ болѣе или менѣе серьезно отнесшимся къ рѣшенію даннаго вопроса былъ извѣстный ученый А. Котляревскій. Въ 1856 г., въ замѣткѣ о малорусской литературѣ, А. Котляревскій (скубентъ Чупрына [1]) высказалъ мнѣніе, что Энеида И. Котляревскаго есть только удачное продолженіе Энеиды Осипова ея подражаніе. Въ томъ же году [2]), на основаніи свидѣтельства „близко знавшихъ" И. П. Котляревскаго людей, онъ высказалъ противоположное мнѣніе: онъ разсказывалъ при этомъ, что рукопись Ив. Петровича попала въ Петербургъ, въ руки Осипова, что послѣдній ее издалъ въ переводѣ на русскій языкъ, что возмущенный этимъ Ив. Петровичъ поспѣшилъ скорѣй издать свою Энеиду подъ своимъ именемъ и наказалъ Осипова въ извѣстномъ стихѣ въ III-й части Энеиды [3])

Якусь особу мацапуру
Тамъ шкварылы на шашлыку...

Нечего и говорить, что основанія мнѣнія А. Котляревскаго, опиравшагося на сообщеніе „близко знавшихъ" людей, совершенно шатки, невѣрны и для рѣшенія вопроса, который занималъ А. Котляревскаго, не имѣютъ никакой цѣны. Нѣкоторая внимательность къ первымъ текстамъ Энеиды Котляревскаго уже могла-бы сообщить А. Котляревскому болѣе скептическое отношеніе

---

1) Московскія Вѣдомости 1856 г. № 41.

2) Ib — № 46.

3) Энеида Котляревскаго изд. 1842, стр. 46.

къ свѣдѣніямъ знакомыхъ Ивана Петровича, чѣмъ то, которое мы видѣли только-что. Въ самомъ дѣлѣ, умомянутый обличительный стихъ автора украинской Энеиды находится въ изданіяхъ ея, начиная только съ 1809 г. (авторскаго),—и его нѣтъ еще даже во второмъ ея изданіи 1808 г., между тѣмъ какъ по утвержденію А. Котляревскаго этотъ стихъ долженъ уже былъ находиться въ первомъ изданіи Энеиды, т. е. въ 1798 г. Очевидно, что этотъ стихъ долженъ былъ относиться не къ Осипову, а къ кому-то другому... Точное и вполнѣ правильное указаніе на то, противъ кого возмутился Иванъ Петровичъ въ дѣйствительности, даетъ другой, болѣе компетентный, знакомый Ив. Петровича—С. Стеблинъ-Каминскій. Онъ именно и выясняетъ [1]) что Ив. Петровичъ былъ обманутъ черниговскимъ помѣщикомъ Парпурой, издавшимъ данныя ему для прочтенія три пѣсни украинской Энеиды безъ спроса автора, и вотъ за это-то послѣдній и помѣстилъ впервые въ своемъ изданіи 1709 г. обличающіе Парпуру стихи. Созвучное же слову Парпура—«мацапура», взятое авторомъ для того, чтобы скорѣй можно было узнать, кого онъ разумѣлъ въ своемъ обличеніи, еще болѣе подтверждаетъ достовѣрность сообщенія Ст.-Каминскаго и опровергаетъ доводы А. Котляревскаго. А разъ дѣло обстоитъ такъ, то и мнѣніе А. Котляревскаго о подражаніи Осипова И. П. Котляревскому теряетъ свой смыслъ и значеніе.

Послѣ А. Котляревскаго вплоть до 80-хъ годовъ вопросомъ о самостоятельности Энеиды интересуются мало. Такъ напримѣръ, громившій въ 60-хъ годахъ И. Котляревскаго Кулишъ заявилъ даже: [2]) „кому онъ (Ив. Петровичъ) подражалъ и былъ ли ему извѣстенъ тогда Скарронъ или Баумгартенъ (?!), это занимаетъ насъ мало“. Не больше почти сказалъ по данному вопросу и упомянутый біографъ И. П. Котляревскаго—Ст.-Каминскій. Онъ, впрочемъ, высказалъ мысль о томъ, что на избра-

[1]) Біографическій очеркъ жизни И. П. Котляревскаго. Полтавскія Губ. Вѣд 1866 г., № 46.

[2]) Основа 1861 г. 1-я кн. стр. 245.

ніе Энеиды Вергилія для передѣлки повліяла его любовь къ Вергилію [1]) и что Котляревскій при передѣлкѣ имѣлъ передъ собой [2]) латинскій оригиналъ; но эти его мысли только лишь догадки, ни на чемъ прочномъ неоснованныя.

Сверхъ ожиданія, ничего проливающаго свѣтъ на данный вопросъ не даетъ и г. Петровъ, историкъ украинской литературы; правда, въ одномъ мѣстѣ очерка объ И. Котляревскомъ [3]) г. Петровъ рѣшительно заявляетъ, что онъ имѣетъ *основанье* полагать, что самая идея перелицованной „Энеиды", вывороченной на изнанку, не принадлежитъ Котляревскому и заимствована у «Энеиды вывороченной на изнанку» Осипова и Котельницкаго, 1791—1807,—однако этого основанія онъ не показываетъ и остается голословнымъ. Поэтому и послѣ него вопросъ о самостоятельности Энеиды Котляревскаго остается совершенно открытымъ.

Болѣе, но не вполнѣ обстоятельно, высказывается по тому-же поводу г. Минскій (Н. М. В). Онъ говоритъ: [4]) „нѣтъ никакого сомнѣнія, что русская передѣлка (Осипова) вдохновила малороссійскаго поэта (Котляревскаго), подала ему первую мысль и служила образцомъ и канвою"... Основаніемъ для такого убѣжденія г. Минскаго служатъ три разнообразныхъ доказательства. Во-первыхъ, г. Минскій изъ прочитанной, очевидно, передѣлки, Блумауера и сравненія съ ней Энеиды Осипова пришелъ къ заключенію, что послѣдняя есть „искаженная копія передѣлки Блумауера"... Если значитъ, Осиповъ подражалъ Блумауеру, то онъ не подражалъ Котляревскому, а слѣдовательно, и близость послѣдняго къ Осипову только тѣмъ и можно объяснить, что Котляревскій подражалъ ему. Во-вторыхъ, послѣ сравненія Энеидъ Осипова и Котляревскаго въ подражательности послѣдняго убѣждаетъ г. Минскаго то обстоятельство, что въ обѣихъ передѣлкахъ „тотъ-же размѣръ—четырехстопный ямбъ строфами

---

[1]) Полтавскія Губ. Вѣд. 1866 № 46.

[2]) Ibidem—№ 47.

[3]) Очерки ист. украин. лит. XIX ст. Н. И. Петрова, 1884 г., стр. 30.

[4]) Новь, 1885 г. т. I и II, №№ 4 и 5, И. П. Котляревскій, статья Н. М. В.

въ десять строчекъ, то-же расположеніе рифмъ въ строфахъ, та-же канва разсказа, тотъ-же колоритъ, тѣ-же подробности, а мѣстами тѣ-же слова, выраженія и даже цѣлые стихи». Это еще болѣе заставляетъ г. Минскаго думать, что Энеида Котляревскаго есть подражаніе Осипову. Третьимъ рѣшающимъ доказательствомъ служитъ для Минскаго тотъ фактъ, что въ 1795 г., по свидѣтельству современника И. Петровича [1]), послѣдній *только* писалъ свою Энеиду въ то время, какъ Осиповъ уже напечаталъ свою передѣлку въ 1791 г.

Эти главнѣйшія положенія и обусловили собой вышеупомянутое мнѣніе г. Минскаго о томъ, что пальма первенства по времени принадлежитъ Осипову.

Какъ вполнѣ видно, такое безповоротное мнѣніе г. Минскаго является продуктомъ дѣйствительнаго изученія имъ всѣхъ передѣлокъ: это изученіе дало ему возможность высказать опредѣленное возрѣніе на данный вопросъ, но для убѣжденія другихъ—совершенно не достаточно даже всѣхъ его соображеній, какъ *документально* необоснованныхъ.

Разсужденія г. Минскаго о близости Осипова къ Блумауэру, а съ другой стороны Котляревскаго къ Осипову теряютъ свою цѣнность именно потому, что авторъ статьи о Котляревскомъ не показываетъ цитатами справедливости своихъ выводовъ, полученныхъ изъ сравненія Энеидъ. Въ силу этого, хотябы разсужденія г. Минскаго были безукоризненно вѣрны, они все-таки отзываются голословностью и не достигаютъ значенія безспорной научной истины.

Но помимо этого чисто методическаго или формальнаго недостатка статьи г. Минскаго, послѣдняя представляетъ и матеріальные пробѣлы. Прежде всего г. Минскимъ оставлена совершенно безъ вниманія роль и вліяніе настоящей Энеиды Вергилія при созданіи передѣлокъ, какъ Осипова, такъ и Котляревскаго... Благодаря этому, остается непонятнымъ, откуда, напр., Осиповъ бралъ мѣста, которыхъ нѣтъ у Блумауэра, какъ въ

[1]) Сѣверн. Пчела 1863 г. № 80.

свою очередь и то, откуда Котляревскій взялъ цѣлыя *пѣсни*, которыхъ нѣтъ у его образца—Осипова? Все это и было-бы рѣшено, если-бъ къ изслѣдованію привлеченъ былъ Вергилій, который, можетъ быть, и для подтвержденія мысли самого г. Минскаго далъ-бы прекрасный матеріалъ.

Впрочемъ, вопросъ о самостоятельности украинской передѣлки занималъ, вѣроятно, г. Минскаго не особенно, иначе для болѣе доказательнаго изложенія своей мысли по данному вопросу онъ приложилъ-бы больше обстоятельности и вниманія. Необстоятельность эту мы видѣли, а не особенно глубокое вниманіе къ данному вопросу ясно изъ того предположенія, которое онъ дѣлаетъ въ объясненіе факта, почему Осиповъ не продолжилъ своей работы; объясняетъ онъ это тѣмъ, что Блумауэръ пересталъ служить образцомъ для Осипова, кончивъ, какъ и послѣдній, на седмой пѣснѣ [1]......

Это странное заключеніе только и можно объяснить тѣмъ неглубокимъ интересомъ, который проявилъ г. Минскій при рѣшеніи взаимоотношеній извѣстныхъ ему передѣлокъ Энеиды: иначе занимающемуся изученіемъ послѣднихъ трудно не знать, что Блумауэръ остановился не на седмой, а на девятой пѣснѣ, и что Осиповъ могъ-бы поэтому продолжать подражаніе Блумауеру, *если-бы* послѣдній былъ единственнымъ его руководителемъ.

Обошелъ также г. Минскій вопросъ о присутствіи въ Энеидѣ Осипова словъ, признаваемыхъ за малорусскія и являющихся поэтому наиболѣе сильнымъ возраженіемъ противъ мысли, что Котляревскій подражалъ Осипову.

Всѣ эти недостатки много умаляютъ достоинство работы г. Минскаго и служатъ причиной того, что мнѣнія его являются какъ-бы висящими въ воздухѣ.

Дальнѣйшимъ изслѣдователемъ, затронувшимъ вопросъ о самостоятельности Энеиды Котляревскаго, является проф. Дашке-

---

[1]) Новь 1885 г. № 4-й стр. 708.

вичъ. Судя по его работѣ [1]), написанной въ видѣ рецензіи на книгу упомянутаго проф. Петрова, проф. Дашкевичъ отличается прекрасной эрудиціей въ области украинской литературы, и поэтому его сужденія по интересующему насъ вопросу, естественно, должны были стоять au courant всѣхъ существующихъ мнѣній.

Дѣйствительно, проф. Дашкевичъ показываетъ знакомство со всѣми предыдущими рѣшеніями даннаго вопроса, и если и не рѣшаетъ его, за то выдвигаетъ такія положенія, которыя обнаруживаютъ правильное пониманіе условій, необходимыхъ для его рѣшенія, и поэтому наводятъ на серьезныя размышленія. Нечего и говорить, что мысли проф. Дашкевича по данному вопросу основаны на тщательномъ и болѣе глубокомъ изслѣдованіи различныхъ передѣлокъ, чѣмъ мы видѣли это до сихъ поръ. Обратимся-же къ его соображеніямъ.

Не смотря на знакомство пр. Дашкевича, съ различными передѣлками Энеиды, онъ не рѣшаетъ прямо вопроса о томъ, кто кому подражалъ—Котляревскій-ли Осипову или наоборотъ. Онъ говоритъ [2]): „этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только послѣ обстоятельнаго сравненія Энеидъ Осипова и Котляревскаго и сопоставленія ихъ съ латинскимъ подлинникомъ и французскими и нѣмецкими передѣлками его. Такого сравненія мы еще не имѣемъ".

Вопросъ ставится совершенно правильно: нужно *обстоятельное* сравненіе передѣлокъ Энеиды, котораго мы еще не имѣемъ. Преимущество этого мнѣнія, по сравненію въ особенности съ г. Минскимъ, заключается въ томъ, что проф. Дашкевичъ настаиваетъ на необходимости привлеченія къ дѣлу латинскаго оригинала, что г. Минскимъ игнорировалось.

Въ этомъ замѣчаніи обнаружился вполнѣ научный пріемъ въ отношеніи къ вопросу, который затронулъ проф. Дашкевичъ, и вѣрное указаніе пути, по которому долженъ идти каждый из-

---

[1]) Отзывъ о сочиненіи г. Петрова „Очерки исторіи украинской литературы XIX ст".—Зап. Имп. Ак. Наук. т. 59-й 1889 г.

[2]) ibidem, стр. 66.

слѣдователь даннаго вопроса. Самъ пока не рѣшая этого вопроса, проф. Дашкевичъ высказываетъ однако рядъ замѣчаній, которыя позволяютъ заключить, что онъ склоненъ считать не Котляревскаго подражателемъ Осипову, а наоборотъ. Доводы его въ пользу этого мнѣнія имѣютъ, разумѣется, свое значеніе, какъ попытки хоть мелькомъ бросить свѣтъ на темный вопросъ о самостоятельности Энеиды, но не всѣ они безусловно достигаютъ своей цѣли. Эти его замѣчанія и доводы мы и разберемъ. Прежде всего, проф. Дашкевичъ видитъ намекъ на слѣдованіе Котляревскаго Вергилію въ слѣдующихъ его стихахъ [1]):

Я може що-небудь прыбавлю,
Переминю и що оставлю,
Пысну, якъ одъ старыхъ чувавъ.

Намъ это замѣчаніе не говоритъ ничего подобнаго, хотя внѣ всякаго сомнѣнія, что Котляревскій Вергиліемъ пользовался, въ подлинникѣ или въ переводѣ [2])—это безразлично... Доказательствомъ этого служитъ уже одно то, что украинская Энеида заключаетъ передѣлку *всѣхъ* пѣсней Энеиды Вергилія, въ то время, какъ Осиповъ дошелъ только до 8-й пѣсни. Но хотя между Вергиліемъ и Котляревскимъ въ извѣстномъ отношеніи и есть большая связь, однако самый фактъ передѣлки Котляревскимъ непосредственно Энеиды Вергилія, даже если бы его можно было доказать относительно первыхъ четырехъ пѣсенъ украинской Энеиды (7 пѣсенъ Осипова и 7-же Блумауэра), не имѣетъ абсолютно *никакого* отношенія къ вопросу о связи между Котляревскимъ и Осиповымъ. Что пользованіе Вергиліемъ обоихъ „перелицовщиковъ" Энеиды не помѣшало одному изъ нихъ пользоваться другимъ,—это лучше всего доказывается самимъ фактомъ существованія подражанія одного изъ нихъ другому поэтому, повторяемъ, вполнѣ ясный фактъ пользованія *обоихъ* авторовъ настоящей Энеидой на рѣшеніе вопроса о томъ, кто кому подражалъ, не можетъ оказать никакого вліянія. Но, ра-

---

[1]) Энеида Котляревскаго 1842. стр. 26-я Ш-ей пѣсни.

[2]) Еней—героическая поэма Виргилія Марона—въ переводѣ Петрова.

зумѣется, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы вопросъ о *пользованіи Вергиліемъ для изслѣдователей* не имѣлъ значенія: наоборотъ, только сличеніе обѣихъ Энеидъ (русской и украинской) съ латинской и можетъ дать всякому изслѣдованію по настоящему вопросу правильность и потому цѣнность. Въ этомъ смыслѣ, замѣчаніе проф. Дашкевича о томъ, что Котляревскій могъ пользоваться Энеидой Вергилія [1]) имѣетъ большое значеніе.

Мы лично, будучи убѣждены, что Котляревскій пользовался *и* Вергиліемъ, не вполнѣ можемъ согласиться съ проф. Дашкевичемъ, что Энеида Котляревскаго „передаетъ лишь общую схему оригинала". Вопросъ въ томъ, что понимать подъ „общей схемой"? Если подъ ней разумѣть краткій перечень событій, заключающихся въ Энеидѣ Вергилія, то Энеиду Котляревскаго можно назвать общей схемой послѣдней съ большой натяжкой. У Котляревскаго имѣется такая масса пропусковъ по сравненію съ Вергиліемъ—и пропусковъ не только классическихъ легендъ,—а съ другой стороны такъ много своеобразныхъ передѣлокъ эпизодовъ Вергилія, что ее скорѣй можно назвать самостоятельной разработкой только отчасти заимствованнаго сюжета. Въ частности, не совсѣмъ вѣрно замѣчаніе проф. Дашкевича, что „Котляревскій въ описаніи ада пропустилъ Кентавровъ, Грифовъ и пр."; это сдѣлано только въ *3*-емъ изданіи Энеиды и имѣется еще въ изданіи ея 1808 г. [2]). Но если Котляревскій и могъ пользоваться Вергиліемъ во время передѣлыванія Энеиды, то ужъ Скарронъ [3]), о которомъ также упоминаетъ проф. Дашкевичъ, не оказалъ на украинскую Энеиду никакого вліянія. Врядъ-ли, Котляревскій такъ хорошо зналъ въ бытность еще въ семинаріи французскій языкъ, чтобы читать Скаррона, котораго впослѣдствіи, по написаніи первыхъ пѣсенъ своей передѣлки, онъ, разумѣется, могъ уже читать, научившись языку, какъ и другія французскія книги; но если-бы даже онъ и зналъ французскій языкъ, когда писалъ свою Энеиду, то, какъ видно, пере-

---

[1]) Отзывъ о соч. г. Петрова—Зап. Ак. 1889 г. т. 59-й—стр. 66, 67.

[2]) Энеида - перелицiованная И. П. Котляревскимъ изд. 1808 г. стр. 105.

[3]) „Virgile travesti en vers burlesques" (1618-1653). Paul Scarron.

дѣлка Скаррона не могла имѣть на него иного вліянія, кромѣ развѣ внушенія ему идеи передѣлки Энеиды Вергилія. Другого вліянія она на него и въ самомъ дѣлѣ не имѣла, и потому, при сравненіи передѣлки Скаррона съ украинской передѣлкой, общее между ними можно найти только въ одномъ—во взятомъ у Вергилія сюжетѣ. Скарронъ своими выходками противъ ханжества и клерикальнаго фарисейства могъ оказать вліяніе на Блумауэра, который въ своей Энеидѣ преслѣдовалъ почти тѣ-же цѣли, но все таки Котляревскій здѣсь не причемъ: французское общество 17-го вѣка и интересы Скаррона были чужды Котляревскому, и цѣль, преслѣдуемая имъ въ своемъ произведеніи—нѣсколько комической эпопеѣ украинскаго народа, ничего не имѣетъ общаго съ цѣлями Скаррона, осмѣивавшаго, какъ мы сказали, ханжество и классическихъ боговъ. Такъ или иначе, но тотъ фактъ, что между украинской и французской передѣлками Энеиды нѣтъ ничего общаго, указываетъ, что Скарронъ на Котляревскаго не воздѣйствовалъ совершенно, а если и воздѣйствовалъ, то только, какъ мы сказали, внушеніемъ идеи написать украинскую передѣлку.. Но согласившись даже съ этимъ послѣднимъ, мы все таки не можемъ рѣшить вопроса о причинѣ близости русской и украинской Энеидъ въ то время, какъ первая была сдѣлана подъ несомнѣннымъ вліяніемъ нѣмецкой Энеиды Блумауэра.

Поэтому, ни дѣйствительная близость украинской Энеиды къ латинской, ни близость ея къ французской, если-бы это можно-было когда-нибудь доказать, все-таки не разрѣшаютъ вопроса о томъ, заимствовался-ли Котляревскій у Осипова или наоборотъ? Мало что помогаютъ въ данномъ случаѣ и ссылки проф. Дашкевича на Ст.-Каминскаго, біографа И. Котляревскаго, который въ *старомъ* изданіи своихъ воспоминаній о Котляревскомъ [1]) высказываетъ мысли, наводящія проф. Дашкевича на соображеніе о томъ, что Котляревскій долго подготовлялся къ своему труду и, можетъ быть, написалъ его поэтому раньше Оси-

[1]) Сѣверная Пчела 1839 г. № 146.

пова... Говоря о томъ, что Котляревскій въ бытность на селѣ, изучалъ народную украинскую жизнь, проф. Дашкевичъ, основываясь на словахъ Ст.-Каминскаго, самъ замѣчаетъ, что авторъ украинской Энеиды дѣлалъ это, какъ бы подготовляя себя къ предстоящему труду... Послѣднія слова, отмѣченныя проф. Дашкевичемъ жирнымъ шрифтомъ, показываютъ, что изслѣдователь Энеиды придалъ большое значеніе свѣдѣніямъ, заимствованныхъ изъ Сѣверной Пчелы. Что-же говоритъ Стеблинъ-Каминскій?

По поводу „хожденія" Котляревскаго въ народъ, онъ замѣчаетъ: „время показало, что это было слѣдствіемъ поэтической дѣятельности, для удовлетворенія которой Котляревскій избралъ поэму Вергилія".

Въ другомъ мѣстѣ онъ заявляетъ: „по долгомъ, обдуманномъ приготовленіи, Котляревскій рѣшился пародировать Энеиду Вергилія на Малороссійскомъ языкѣ". Изъ собранныхъ нами свѣдѣній извѣстно, что первыя три части Энеиды написалъ онъ, едва вступивъ въ военную службу".

Эти два замѣчанія С. Каминскаго и послужили проф. Дашкевичу однимъ изъ основаній, на которомъ онъ, судя по его работѣ, склоненъ построить мнѣніе о первенствѣ по времени украинской Энеиды. Посмотримъ, насколько можно въ данномъ вопросѣ утилизировать свѣдѣнія С. Каминскаго, на которыя мы лично много опираться не можемъ. Прежде всего—первое свѣдѣніе: „время показало" и т. д.

Въ такой формѣ, въ какой эта мысль выражена въ Сѣверной Пчелѣ 1839 г., дѣйствительно, возможно *отчасти* предположить, что произведеніе Котляревскаго возникло независимо,—но только отчасти... Если предположить, что Котляревскій *сначала* писалъ, а *затѣмъ* изучалъ народную жизнь для создаваемой уже имъ Энеиды, что̀ немножко странно, ибо Энеида съ первой страницы обнаруживаетъ глубокое знаніе языка, обычаевъ, нравовъ народныхъ и т. д.,—то и тогда мысль о подражаніи Осипова Котляревскому разрушается слѣдующими хронологическими данными. Осиповой Энеиды 1-я часть (2 пѣсни)

была напечатана въ 1791 году, слѣдующія пѣсни—въ 1792—5 годахъ, а какъ разъ въ это время [1]) Котляревскій находился на селѣ и, *какъ-бы подготовлялся* къ будущему труду, т. е. Энеидѣ, по выраженію г. С. Каминскаго... Противорѣчіе многозначущее: если по свидѣтельству біографа Котляревскаго, послѣдній въ періодѣ 1793—1795 только изучалъ жизнь, т. е. готовился къ будущей работѣ, то очевидно, что Осиповъ написалъ свою Энеиду *внѣ* вліянія Котляревскаго и что, наоборотъ, послѣдній, имѣя подъ руками печатную Энеиду Осипова 1791 г., могъ, слѣдовательно, и подражать ей,—на что и наталкиваетъ насъ очевидная близость Котляревскаго къ Осипову. Вопросъ можетъ быть только въ томъ, вѣрны-ли хронологическія даты, указывающія, что Котляревскій именно въ срединѣ девятидесятыхъ годовъ ходилъ въ народъ съ упомянутой уже цѣлью? Вполнѣ вѣрно! У насъ есть данныя, почерпнутыя непосредственно нами изъ *документовъ* о Котляревскомъ, которыя свидѣтельствуютъ, что Котляревскій могъ заниматься хожденіемъ въ народъ только между 14-мъ сентября 1793 г. и 1-мъ іюля 1796 г., т. е. послѣ гражданской его службы (вопреки С. Каминскому и проф. Дашкевичу) [2]) и до военной службы. Такимъ образомъ, 1-е свидѣтельство С. Каминскаго идетъ какъ противъ него самого, такъ и противъ проф. Дашкевича, и если что-нибудь и доказываетъ, такъ только то, что Котляревскій готовился къ своему труду, вдохновившись уже Осиповымъ, а не, какъ можно было раньше думать, Скарропомъ.

Но такія минимальныя колебанія по поводу того, кто изъ двухъ авторовъ Энеидъ заимствовался одинъ у другаго, возможны только тогда, если мы будемъ строить свои мысли о самостоятельности Энеиды на упомянутомъ свидѣтельствѣ С. Каминскаго въ *старой* редакціи. Совсѣмъ не то получится, если мы обратимся къ мыслямъ С. Каминскаго въ новой ихъ редакціи, т. е. къ его замѣткамъ въ Полтавскихъ губ. Вѣдомостяхъ 1866 г., издан-

---

[1]) Савиновъ—Сѣверная пчела 1863 г. № 80.

[2]) Отзывъ о сочин. г. Петрова—стр. 58.

нымъ отдѣльно послѣ 1869 года [1]). Еще въ первой редакціи усматривается хронологическое противорѣчіе въ отношеніи къ времени написанія Энеиды Котляревскаго; но даже и это противорѣчіе не важно по сравненію съ тѣмъ логическимъ противорѣчіемъ, которое находится въ свидѣтельствѣ С. Каминскаго еще первой редакціи и окончательно подтверждается тѣми-же мыслями второй редакціи,—и это противорѣчіе опять таки говоритъ противъ мнѣнія проф. Дашкевича... И вотъ почему: въ приведенной нами 1-й цитатѣ С. Каминскаго старой редакціи говорится, что „это", т. е. хожденіе въ народъ, было *слѣдствіемъ* поэтической дѣятельности (Котляревскаго), для удовлетворенія которой Котляревскій избралъ поэму Вергилія». Логическое противорѣчіе этихъ мыслей очевидное, и проф. Дашкевичъ могъ основаться на нихъ только по недоразумѣнію. А именно: С. Каминскій, какъ мы упомянули, говоритъ, что Котляревскій хожденіемъ въ народъ какъ-бы подготовлялся къ своему труду, т. е. идея Энеиды была причиной того, что онъ изучалъ народъ,—это вполнѣ понятно... Но дальше говорится, что хожденіе въ народъ Котляревскаго было слѣдствіемъ не идеи Энеиды, а «поэтической дѣятельности», для удовлетворенія которой Котляревскій избралъ Энеиду», т. е, по просту говоря, слѣдствіемъ самого процесса созиданія Энеиды... Выходитъ въ одно и то-же время, что нашъ поэтъ и не писалъ Энеиды, а только *какъ-бы* готовился къ ней, и писалъ ее, не зная народа, и только изучая его... Мысль крайне неясная, и ужъ для вывода изъ нея мнѣнія о первенствѣ по времени Энеиды Котляревскаго совершенно непригодная.

И вотъ изъ тумана логическаго противорѣчія этой мысли выводитъ насъ вторая редакція ея 1866-го года. Тамъ то-же свидѣтельство выражено слѣдующимъ образомъ [2]): «время показало, что это все было прямое *внушеніе поэтическаго дара*, было потребностью его души, и для удовлетворенія вспыхнув-

---

[1]) Полтавскія Епарх. Вѣдомости 1669 г. № 18.

[2]) Полтавскія Губ. Вѣд. 1866 г. № 46.

шаго въ ней творчества онъ избралъ поэму Вергилія, какъ-бы подмѣтивъ въ ней нѣкоторое сходство похожденій Троянцевъ съ подвигами козачества». Нечего и говорить, что основная мысль настоящей цитаты и по ясности и по логичности превосходитъ первую... Не говоря уже о томъ, что самъ С. Каминскій смотритъ на свою редакцію *всѣхъ* вообще мыслей и свѣдѣній въ 1866 г. какъ на болѣе точную и «дополненную совершенно новыми данными» [1],—большее совершенство второй редакціи по поданному пункту бросается въ глаза сразу... Теперь С. Каминскій опредѣленно говоритъ, что авторъ украинской Энеиды изучалъ народную жизнь въ силу внушенія своего поэтическаго дара, что это изученіе было потребностью его души и что затѣмъ, когда у него въ душѣ зародилось желаніе создать *что-нибудь*, «удовлетворить вспыхнувшее въ ней (душѣ) творчества», онъ и выбралъ для себя Вергилія. Да и то этотъ выборъ, по словамъ С. Каминскаго, обусловливался тѣмъ, что нашъ поэтъ подмѣтилъ въ Энеидѣ Вергилія черты нѣсколько близкія его родному народу... Словомъ, связь между предъидущимъ изученіемъ народа Котляревскимъ и послѣдующимъ писаніемъ Энеиды—у Ст. Каминскаго можетъ считаться установленной только въ томъ смыслѣ, что хожденіе Котляревскаго въ народъ не зависѣло отъ желанія его написать именно передѣлку Энеиды, а являлось безсознательнымъ инстинктомъ души поэта,—это во-первыхъ, и во-вторыхъ, что самое созданіе украинской Энеиды было, если не совершенно, то почти слѣдствіемъ того, что Котляревскій нашелъ въ ней нѣчто близкое по духу украинскому народу, который онъ, конечно, долженъ былъ изучать раньше. Только такой выводъ и можно сдѣлать изъ приведенныхъ теперь словъ С. Каминскаго... Что дѣлая такой выводъ изъ словъ С. Каминскаго, мы правы, указываетъ, напримѣръ, самый взглядъ его на тотъ-же предметъ нѣсколько выше. С. Каминскій говоритъ, что изучая народъ, нашъ поэтъ, *какъ-бы* подготовлялся къ будущему труду. Вотъ это-то «какъ-бы» въ

[1]) Полт. Губ. Вѣд. 1866 г. № 46—примѣчаніе въ началѣ очерка.

данномъ случаѣ имѣетъ огромное значеніе. Если-бы С. Каминскій предполагалъ, а тѣмъ болѣе зналъ, что Котляревскій изучалъ народъ съ предвзятой уже цѣлью написать передѣлку римской Энеиды, то онъ прямо сказалъ-бы, что нашъ поэтъ подготовлялся, а не *какъ-бы* подготовлялся къ будущему труду. Во-вторыхъ, ему нечего было-бы говорить нѣсколько ниже, что хожденіе въ народъ Котляревскаго было только внушеніемъ его поэтическаго дара или потребностью души; онъ прямо могъ-бы сказать, что Котляревскій потому именно и ходилъ въ народъ, что ему нужно было написать украинскую Энеиду. Однако ничего этого С. Каминскій не сдѣлалъ и даже прибавилъ, что Котляревскій написалъ Энеиду, какъ-бы подмѣтивъ въ ней черты, родственныя украинскому козачеству. Очевидно, что и словамъ «какъ-бы подготовляясь» С. Каминскій придавалъ иное и, конечно, вполнѣ опредѣленное значеніе. Какое же именно? Объ этомъ говоритъ самъ С. Каминскій въ томъ-же мѣстѣ: изучая народъ, Котляревскій, по словамъ его біографа, дѣлалъ это, «какъ-бы подготовляясь къ предстоящему труду,— и, дѣйствительно, изъ этой практической школы вынесъ онъ глубокое знаніе малорусскаго нарѣчія и быта народнаго». Въ этой тирадѣ совершенно ясно, что хотѣлъ сказать ея авторъ: Котляревскій, изучая народъ, вынесъ глубокое его знаніе, которое затѣмъ, дѣйствительно, и пригодилось ему для будущаго труда. Смыслъ этого толкованія вполнѣ гармонируетъ съ прочими мыслями того-же автора и показываетъ, что выраженію «какъ-бы подготовляясь» онъ придавалъ поэтому совсѣмъ не то значеніе, которое ему придалъ профессоръ Дашкевичъ.

Изслѣдованіе той же второй редакціи, выясняя путаницу первой, показываетъ не только то, что соотвѣтствующія мысли первой редакціи нельзя понимать въ смыслѣ сознательнаго изученія Котляревскимъ народа, но даже и то, что онъ безъ этого изученія не могъ Энеиды даже и начать! И это потому, что самъ С. Каминскій слишкомъ серьезно смотритъ на роль изученія народа въ написаніи украинской Энеиды. Вотъ какъ Котляревскій, по свидѣтельству біографа, готовился, повторяемъ—без-

сознательно, къ предстоящему труду[1]): „онъ бывалъ на сходбищахъ и играхъ народныхъ и самъ переодѣтый участвовалъ въ нихъ, прилежно вслушивался въ народный говоръ, записывалъ пѣсни и слова, изучалъ языкъ, нравы, обычаи, повѣрія, преданія украинцевъ". При такомъ отношеніи къ дѣлу, разумѣется, Котляревскій безъ знанія народа не могъ написать и строчки своей Энеиды, которая, какъ мы сказали, представляетъ глубокое знаніе народнаго украинскаго языка и самого народа... А разъ это такъ, то изъ путаницы первой редакціи мы можемъ совершенно вычеркнуть ту мысль, что Котляревскій уже писалъ Энеиду, послѣ чего или одновременно съ чѣмъ сталъ изучать и народъ... Что-же тогда останется въ первой редакціи послѣ приданія ей дѣйствительнаго смысла? Отнюдь не то, что приписалъ ей проф. Дашкевичъ, а только то, что послѣдній на туманной и противорѣчивой мысли С. Каминскаго остановился съ нѣкоторой вѣрой въ нее и поставилъ ее въ число тѣхъ основаній, на которыхъ онъ мелькомъ строитъ свое предположеніе о первенствѣ по времени нашей Энеиды.

Упоминанія С. Каминскаго о томъ, что привязанность поэта къ римскому писателю (Вергилію) также имѣла вліяніе на выборъ имъ для передѣлки Энеиды, нашихъ возраженій проф. Дашкевичу не опровергаетъ ничѣмъ: разумѣется, Котляревскій долженъ былъ знать Вергилія, чтобы передѣлывать его Энеиду, но можетъ ли Вергилій объяснить слишкомъ большую связь между Котляревскимъ и Осиповымъ, это вопросъ другой... Мы показали выше, что не можетъ, а потому и пунктъ о пользованіи Котляревскаго Вергиліемъ къ данному вопросу никакого отношенія не имѣетъ. Взаимоотношеніе Осипова и Котляревскаго остается и послѣ этого нерѣшеннымъ у проф. Дашкевича, а у С. Каминскаго даже незатронутымъ. Перейдемъ теперь ко второму свидѣтельству С. Каминскаго, которое гласитъ, что Котляревскій рѣшился пародировать Энеиду „по долгомъ, обдуманномъ приготовленіи". Въ разборѣ перваго свидѣтельства мы уже показали, что, основываясь на свѣдѣніяхъ С. Каминскаго, ду-

[1]) Полт. Губ. Вѣд. 1866. № 46.

мать о какомъ-бы то ни было обдуманномъ хожденіи въ народъ Котляревскаго съ цѣлью написать Энеиду, никакъ не возможно. Изъ другого свидѣтельства выходитъ совершенно иное: біографъ поэта говоритъ въ немъ, что Котляревскій написалъ Энеиду по долгомъ обдуманномъ приготовленіи [1]). Но откуда-же это заключеніе слѣдуетъ? Откуда угодно, но только не изъ предшествовавшихъ мыслей того же автора!

Прежнія заявленія его о томъ, что Котляревскій „какъбы приготовлялся", что ходилъ въ народъ лишь подъ вліяніемъ поэтическаго внушенія, что самое изученіе народа дало возможность только избрать Энеиду,—все это не даетъ никакихъ основаній для того, чтобы вывести заключеніе, что нашъ поэтъ обдуманно готовился къ своему труду. Очевидно, это—новое противорѣчіе С. Каминскаго, къ логической устойчивости вообще не особенно склоннаго. Итакъ, мы видимъ, что ни одному изъ замѣчаній С. Каминскаго нельзя придавать серьезнаго значенія, поэтому ни одно изъ приведенныхъ проф. Дашкевичемъ свидѣтельствъ знакомаго Котляревскаго, въ силу своей противорѣчивости и неясности, для рѣшенія вопроса о самостоятельности Энеиды не имѣетъ никакой цѣны. С. Каминскій, безъ всякаго сомнѣнія, получалъ свои свѣдѣнія не отъ самаго Котляревскаго,—иначе, напримѣръ, онъ долженъ былъ-бы знать, что Энеида издана впервые въ 1798 г.,—поэтому не на всѣ его свѣдѣнія можно и обращать вниманіе. Вопросъ о самостоятельности Энеиды у него обставленъ самымъ слабымъ образомъ, и эта слабость его рѣшенія такъ очевидна, что свидѣтельства его совершенно нужно исключить изъ числа тѣхъ, которыя могутъ пролить какой-нибудь свѣтъ на данный вопросъ. Итакъ, въ данномъ пунктѣ, точка опоры проф. Дашкевича, въ силу слабости мнѣній С. Каминскаго, также слаба...

Еще слабѣе основательность того замѣчанія проф. Дашкевича, въ которомъ онъ высказываетъ мысль о первенствѣ по времени украинской Энеиды, руководствуясь преданіемъ, что Кот-

1) Полт. Губ. Вѣст. 1866 г. № 46.

ляревскій передѣлывалъ Энеиду еще въ семинаріи... Гдѣ же это преданіе? О томъ, что оно есть, только мелькомъ вспоминаетъ въ своей статьѣ Кулишъ[1]), но его упоминаніе не имѣетъ никакой цѣнности, такъ какъ не опирается на фактахъ... Предположимъ, что такое преданіе, дѣйствительно, есть,—по насколько оно вѣроятно, это другое дѣло, а въ этомъ-то и весь вопросъ! Мы лично не придаемъ вѣры этому преданію именно потому, во первыхъ, что оно недокументально, а во-вторыхъ, если-бы оно имѣло, въ самомъ дѣлѣ, какое-нибудь основаніе, то уже, навѣрно, о немъ что нибудь сообщили-бы знакомые Котляревскаго—Сементовскій и С. Каминскій... Между тѣмъ первый ничего о немъ не говоритъ, а второй замѣчаетъ[2]).—„Кто знаетъ, не въ эти ли молодые годы (семинарскіе) зародилась въ немъ первая мысль о переложеніи Энеиды Вергилія на малороссійское нарѣчіе, мысль такъ удачно выполненная потомъ?" Послѣдняя мысль скорѣй указываетъ на противоположное, именно, что Энеида была начата не въ семинаріи, а *потомъ*... Ясно теперь, что и упомянутое преданіе мало чѣмъ можетъ намъ помочь въ рѣшеніи нашей задачи: оперируя съ ними одними, мы не подвигаемся впередъ ни на шагъ... Разумѣется, всякія соображенія по данному вопросу важны, и за нихъ мы проф. Дашкевичу весьма благодарны, но разсмотрѣніе этихъ соображеній, или, собственно говоря, ихъ основаній, показываетъ намъ, что, не довѣряя послѣднимъ, мы не можемъ воспользоваться и первыми...

Остается послѣднее и самое цѣнное соображеніе проф. Дашкевича: это именно замѣчаніе его о присутствіи въ „Энеидѣ" Осипова словъ, какъ ему кажется, малорусскихъ....

Замѣчаніе это, повторяемъ, цѣнно; но свой взглядъ на вызываемыя имъ соображенія мы выскажемъ ниже,—при сравненіи Энеидъ... Вотъ, такимъ образомъ, и всѣ замѣчанія по данному поводу проф. Дашкевича. Что-же они намъ говорятъ или

---

[1]) Основа 1861 г. стр. 245 I-я книга.

[2]) Полтав. Губ. Вѣд. 1866 г. № 46.

какое въ нихъ можно предположить рѣшеніе главнаго нашего вопроса—о взаимоотношеніи русской и украинской Энеидъ? Рѣшенія вопроса въ нихъ нѣтъ, есть только нѣкоторыя соображенія, принять которыхъ мы не можемъ, а на одно изъ нихъ, какъ уже сказано, мы должны обратить особенное вниманіе. Поэтому, и послѣ его замѣчаній, мы должны все-таки, какъ соглашается и проф. Дашкевичъ, обратиться къ непосредственному сравненію передѣлокъ Энеидъ. Вопросъ, значитъ, и теперь все-таки остается открытымъ!

Въ одномъ году съ профессоромъ Дашкевичемъ мнѣніе свое по тому-же поводу высказалъ и львовскій профессоръ Ом. Огоновскій [1]). Но насколько мнѣнія профессора Дашкевича самостоятельны, настолько мысли проф. Огоновскаго заимствованы у г. Минскаго. Проф. Огоновскій счелъ, вѣроятно, вопросъ о несамостоятельности Энеиды вполнѣ рѣшеннымъ и поэтому безъ дальнѣйшихъ оговорокъ заявляетъ: „тая-то Энеида вывороченная на изнанку Осиповымъ, послужыла подекуды взирцемъ до писання Енеиды перелицьованои. Видъ Осипова переймывъ Котляревскій засновокъ пысання й особлыво сатиричне высмиювання всякихъ пьяныць: опроче украинскій поетъ користувался тою самою формою пысаня, яку выбравъ соби Осиповъ. Се-бо добачаемо въ «перелицьованій» Енеиди Котляревського таки сами чотыро-стопови ямбы, зложени въ строфы по десять стричекъ и таке саме рифмоване, що й въ Енеиди Осипова». Нѣсколько далѣе проф. Огоновскій замѣчаетъ еще, что между обоими произведеніями есть и разница, но, какъ показываетъ дальнѣйшее изложеніе мыслей упомянутаго историка литературы, эта разница заключается только въ идеяхъ, но не въ чемъ-либо другомъ. Приведенное-же замѣчаніе его показываетъ зависимость проф. Огоновскаго отъ г. Минскаго, на котораго онъ, впрочемъ, и ссылается, такъ что его (Огоновскаго) мысли особеннаго значенія для насъ не имѣютъ: убѣжденіе его есть убѣжденіе г. Минскаго, а поэтому и всѣ наши возраженія послѣднему остаются тѣми-же и для проф. Огоновскаго.

---

[1]) Исторія литературы руской (украинской) ч. II, 1-й вôддилъ, Львивъ 1889 г. стр. 195–6.

Затронулъ также данный вопросъ въ своихъ «Desiderata до ювілею Котляревского" и г. Сергіенко [1]), но только затронулъ... Стоя на той реальной почвѣ, необходимость которой указалъ и проф. Дашкевичъ, даже послѣ рѣшительной статьи г. Минскаго, г. Сергіенко еще разъ подтвердилъ своей статьей настойчивость и необходимость сличенія передѣлокъ Энеидъ. Большаго онъ не далъ ничего, да впрочемъ это и не было его задачей. Цѣлью desiderata г. Сергіенко было только желаніе указать на тѣ вопросы, которые возникаютъ при изученіи личности Котляревскаго и его произведеній и которые важно было бы рѣшить.

Ничего новаго по данному вопросу не говоритъ и г. Н. С-въ, авторъ замѣтки о Котляревскомъ въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза [2]). Замѣчанія его сводятся къ слѣдующему: „при передѣлкѣ Энеиды Котляревскій имѣлъ въ виду вышедшую въ 1791 г. русскую передѣлку Осипова, а послѣдній, въ свою очередь, подражалъ нѣмецкому писателю Блумауэру († 1788 года)»,—и затѣмъ: „К. подражалъ Осипову въ выборѣ стиха и обрисовкѣ пьянства. Самостоятельность К. обнаруживаетъ въ языкѣ и во многихъ оригинальныхъ эпизодахъ, написанныхъ съ большимъ талантомъ". Вотъ и все... Нужно сказать, что эти мысли автора замѣтки о Котляревскомъ, при всей ихъ рѣшительной формѣ, мало фактичны и совсѣмъ не обоснованы. Вѣрны ли эти мысли или нѣтъ, это другой вопросъ,—а дѣло только въ томъ, что ихъ безапелляціонность отнюдь не соотвѣтствуетъ фактическому положенію вопроса о самостоятельности Энеиды Котляревскаго.

Итакъ, мы начертали краткую исторію вопроса о самостоятельности украинской Энеиды. Соображенія по поводу него различныя, но и въ этомъ разнообразіи мнѣній мы можемъ видѣть два основныя теченія: во-первыхъ, одни считаютъ необходимымъ для выводовъ объ украинской Энеидѣ подвергнуть различныя передѣлки Вергиліевой Энеиды сравненію, а во-вторыхъ,—другіе признаютъ это сравненіе еще не совсѣмъ достаточнымъ для

[1]) Записки науковсго товариства імени Шевченка 1893 г. кн. II-я, Львовъ.

[2]) Энциклопедическій словарь—полутомъ 31-й.

произнесенія окончательнаго рѣшенія и прибѣгаютъ, кромѣ того, къ различнымъ логическимъ соображеніямъ. Значитъ, эти двѣ черты въ изслѣдованіи вопроса о самостоятельности Энеиды являются наиболѣе важными. Остается теперь приложить оба эти метода къ рѣшенію нашей задачи.

II.

Знаменитое произведеніе римскаго поэта Вергилія Энеида оказало на потомство большое вліяніе. Благодарный ея сюжетъ—странствованіе Троянскаго Энея не только на землѣ, но и подъ землею—давалъ богатую канву для изображенія на ней самыхъ разнообразныхъ идейныхъ узоровъ... Формой Энеиды можно было съ удобствомъ пользоваться для бичеванія пороковъ различныхъ эпохъ, для помѣщенія въ адъ многихъ представителей всевозможныхъ жизненныхъ золъ и, наоборотъ, для возвеличенія добродѣтелей. И дѣйствительно, всѣ послѣдующія поколѣнія, занимавшіяся подражаніемъ Энеидѣ, утилизировали ее съ упомянутой цѣлью. Разумѣется, смотря по эпохамъ, въ передѣлкахъ Энеиды присутствуетъ въ большей или меньшей степени тотъ элементъ, который можно назвать реакціей псевдоклассицизму, но тѣмъ не менѣе сатирическій элементъ занимаетъ въ нихъ выдающееся мѣсто и ничуть не затемняется теченіями посторонними.

Процессъ воздѣйствія Вергилія на дальнѣйшія поколѣнія имѣетъ свою литературную исторію. Первымъ въ европейской исторіи на котораго онъ могъ оказать поэтическое воздѣйствіе, можетъ считаться Данте [1]). При непосредственномъ знакомствѣ съ Энеидой, послѣдній не могъ не замѣтить ея удобной формы для воплощенія своихъ идеаловъ и, конечно, воспользовался этой формой для своихъ цѣлей. Особенно могли затронуть фи-

---

[1]) Всеобщ. литерат. I. Шерра, 1867 г., стр. 234—5.

лософскій умъ Данте мѣста Энеиды объ адѣ и раѣ, которыя могли послужить ему основой для изложенія собственныхъ воззрѣній на различные метафизическіе и соціальные вопросы. И, въ самомъ дѣлѣ, Данте до нѣкоторой степени былъ подъ вліяніемъ Вергилія. Въ своей „Divina comedia" онъ пользуется изреченіями послѣдняго, называетъ его самыми высокими эпитетами [1]) и, наконецъ, избираетъ одинъ изъ эпизодовъ Энеиды для развитія, изъ него собственнаго произведенія. Но при несомнѣнномъ фактѣ воздѣйствія Вергилія на Данте, необходимо, разумѣется, замѣтить, что послѣдній, въ отличіе отъ прочихъ последователей великаго римскаго поэта, отличался глубокой самостоятельностью. У Вергилія онъ взялъ только одинъ эпизодъ—сошествіе Энея въ адъ,—и разработалъ его своеобразнымъ и оригинальнымъ образомъ. Кромѣ того, къ Вергилію и ко всей изображенной классической миѳологіи онъ относится такимъ образомъ, что въ этомъ его отношеніи нѣтъ и тѣни какой-нибудь каррикатурности и смѣхотворства. Вергилій для Данте является даже руководителемъ въ нѣкоторомъ отношеніи, въ то время какъ для послѣдующихъ передѣлывателей Энеиды классическій ея элементъ служитъ если не предметомъ осмѣянія, то во всякомъ случаѣ полнаго равнодушія. Поэтому италіанскаго писателя, хотя и возможно считать находившимся подъ вліяніемъ Вергилія, но въ рядъ съ прочими подражаніями послѣдняго ставить невозможно.

Комически-сатирическія передѣлки Энеиды начинаются только съ 17-го столѣтія... Первымъ, послѣ Данта, итальянцемъ, снявшимъ съ Энея классическую драпировку, былъ Battista Lalli [2]); въ его передѣлкѣ впервые Энеида обращается въ комическое похожденіе Энея, носящее черты современной передѣлывателю эпохи.. Произведеніе Лалли вызвано было духомъ времени, требовавшимъ сатиры надъ древними богами, и поэтому примыкаетъ къ ряду подобныхъ-же произведеній, творцами которыхъ были такіе писатели 17-го вѣка, какъ Франческо Брач-

[1]) Этюды и очерки В. Лесевича, стр. 13, 15.

[2]) Eneida travestita—1663.

чіолини, Лоренцо Липпи, Паоло Минуччи и другіе. Но независимо отъ него, даже нѣсколько раньше, такую-же передѣлку Энеиды сдѣлалъ во Франціи Paul Scarron [1]), и его произведеніе имѣло громадный успѣхъ, вызвавъ массу подражаній. Задачей Скаррона было осмѣяніе классическихъ боговъ и героевъ, что шло въ разрѣзъ съ глубокимъ уваженіемъ 17-го вѣка къ древности, и кромѣ того, порицаніе современныхъ ему общественныхъ недуговъ... Изъ послѣднихъ Скарронъ отмѣчалъ ханжество, невѣжество, деспотизмъ и проч., которыя и бичевалъ своей сатирой. Въ томъ-же 17-мъ вѣкѣ, въ подражаніе Скаррону, была издана въ Англіи Карломъ Котономъ новая передѣлка Энеиды [2]), также пользовавшаяся громаднымъ успѣхомъ... Эта передѣлка въ свою очередь отличается комически-сатирическимъ характеромъ... Наконецъ, въ 18 в. нѣмцемъ Блумауэромъ также была сдѣлана передѣлка Вергилія [3]), пользовавшаяся большимъ успѣхомъ и, подобно прежнимъ произведеніямъ одного съ нею типа, въ обиліи вмѣщавшая сатирическій элементъ. Нападки на псевдо-классицизмъ Блумауэромъ оставлены въ сторонѣ, и вмѣсто этого вся передѣлка Энеиды (9 пѣсенъ) наполнена выходками противъ монаховъ, суевѣрія, невѣжества и т. п.

Вотъ и всѣ главнѣйшія передѣлки Энеиды, сдѣланныя зап.-европейскими поэтами. Ни одна изъ этихъ передѣлокъ, кромѣ французской, на Котляревскаго не могла имѣть никакого воздѣйствія по самой простой причинѣ: нашъ поэтъ не зналъ ни одного зап.-европейскаго языка, кромѣ французскаго. Но и французская передѣлка, какъ мы упоминали выше, не стоитъ ни въ какой связи съ произведеніемъ нашего поэта: ни въ эпизодахъ, ни въ манерѣ писать, ни въ отдѣльныхъ выраженіяхъ между украинской и французской передѣлкой общаго нѣтъ. При сравненіи обѣихъ Энеидъ это обнаруживается вполнѣ. Причины такого несовпаденія двухъ Энеидъ могутъ быть разныя: или нашъ поэтъ, когда думалъ писать свой трудъ, не

---

[1]) Virgile travesti—1648—1653. Paris.

[2]) Scarronidea of Virgil travestie.

[3]) Virgils Aeneis travestirt 1784—1793.

зналъ французскаго языка,—что намъ кажется наиболѣе вѣроятнымъ; или-же, если даже предположить, что онъ зналъ языкъ и могъ читать Скаррона, то все-таки послѣдній не могъ содержаніемъ своей передѣлки такъ повліять на Котляревскаго, чтобы нашъ поэтъ написалъ свой трудъ близко къ его труду: у послѣдняго были свои цѣли, которыя были чужды уже и для Блумауэра, а тѣмъ болѣе для нашего поэта. Правда, нашъ поэтъ, отбросивъ, подобно Блумауэру, осмѣяніе боговъ древности, могъ-бы заняться осмѣяніемъ всякаго фарисейства, монашества и т. п.,—но дѣло въ томъ, что русская жизнь, особенно современная нашему поэту, для такой сатиры была-бы неблагопріятной...

Какъ бы то ни было, но Котляревскій со Скарономъ общаго не имѣетъ. Не находя образца Котляревскому въ видѣ передѣлокъ Энеиды предшествующими ему зап.-европейскими писателями, мы, разумѣется, легко могли-бы подумать, что произведеніе нашего поэта, если не совершенно самостоятельно, то написано только подъ непосредственнымъ вліяніемъ одного Вергилія... Знакомство Котляревскаго съ Энеидой Вергилія въ семинаріи, затѣмъ преданіе, впрочемъ не документальное, о томъ, что нашъ поэтъ передѣлывалъ свою Энеиду еще въ бытность въ семинаріи,—эти соображенія, вмѣстѣ съ другими, также должны были-бы укрѣпить насъ въ той мысли, что Энеида Котляревскаго есть произведеніе почти самостоятельное. Но къ утвержденію такой мысли не позволяетъ намъ окончательно придти одно препятствіе: русская передѣлка Энеиды Осипова, вышедшая 1-мъ изданіемъ 1791—1795 г.

Изслѣдователи произведеній Котляревскаго находятъ, что между русской и украинской передѣлками наблюдается большая близость, и нѣкоторые изъ нихъ категорически утверждаютъ, что Котляревскій подражалъ Осипову; другіе держатся противоположнаго мнѣнія и, приводя различныя соображенія, не раздѣляютъ категоричности перваго мнѣнія. На сторонѣ первыхъ—сравненіе передѣлокъ Энеиды и нѣкоторыя хронологическія данныя; на сторонѣ вторыхъ—такое-же сравненіе передѣлокъ и осно-

ванныя на свидѣтельскихъ показаніяхъ логическія соображенія. На чьей сторонѣ истина, пока не извѣстно, но самый фактъ спора о самостоятельности Энеиды заставляетъ уже сомнѣваться въ томъ, что Котляревскій писалъ Энеиду независимо отъ Осипова, издавшаго свою передѣлку въ 1791 г., въ то время какъ передѣлка украинская издана въ 1798 г. Разумѣется, ни одного изъ мнѣній безъ достаточныхъ данныхъ принять нельзя, но для того, чтобы увидать, на чьей сторонѣ правда, необходимо во всякомъ случаѣ продѣлать ту-же работу, которую сдѣлали болѣе обстоятельные изъ изслѣдователей даннаго вопроса,—т. е. подвергнуть сначала весь необходимый матеріалъ сравненію и привлечь къ дѣлу всѣ возможныя соображенія.

Только сдѣлавъ это, мы и можемъ надѣяться поставить рѣшеніе вопроса на болѣе или менѣе прочную почву и вывести по данному вопросу опредѣленное заключеніе. Итакъ, литература вопроса показываетъ, что можно сомнѣваться въ полной самостоятельности украинской Энеиды, что ее можно ставить въ зависимость отъ Энеиды русской. Основаніемъ этого предположенія является близость обѣихъ Энеидъ, находимая при ихъ сравненіи. Ясно поэтому, что первымъ и важнымъ вмѣстѣ съ тѣмъ пунктомъ, на который нужно обратить особенное вниманіе для правильнаго рѣшенія вопроса, должно стать выясненіе близости обѣихъ славянскихъ передѣлокъ. Нужно, значитъ, прежде всего показать, существуетъ-ли между ними сходство и, если существуетъ, то въ какой мѣрѣ? Очевидно, что для отвѣта на эти первые вопросы нужно сравнить обѣ Энеиды, и это сравненіе дастъ въ отношеніи сходства богатѣйшіе результаты... Близость между обѣими Энеидами обнаруживается самымъ яркимъ образомъ: общихъ мѣстъ находится множество. Вотъ образцы ихъ:

Энеида Котляревскаго [1].	Энеида Осипова [2].
I-я пѣснь.	*I-я часть I-я пѣснь.*
Но Греки якъ спалывши Трою, Зробылы зъ неи скырту гною.	Но послѣ свальнаго какъ бою, Сожгли обманомъ Греки Трою.
—	—

[1]) Изд. 1808 г. [2]) Изд. 1801 г.

Да вже для тебе обищаюсь
. . . .
Я хутко разомъ постараюсь.
—
Хиба-бъ то вже та не Юнона,
Щобъ не вказала макогона...
—
Не дай загинуть головамъ!
—
Ось-ось де я, колы вамъ треба.

1 я пѣснь.

Прыбигъ Меркурій, засапавшысь,
Въ тры ряды питъ зъ його котывъ.
Ввесь ремингами обвязавшысь,
На голову винъ брыль надивъ;
На грудяхъ зъ бляхою ладунка,
А ззади съ сухарячи сумка.
Въ рукахъ нагайськый малахай...
—
Бижы лышъ швыдко въ Картагену
И пару розлучы скажену
—
Поганый, мерзькый, гыдкый, брыдкый!
Бурлакъ, розбійныкъ, кателыкъ.
Гульвиса, пакосный, престыдкый,
Негидный, злодій, еретыкъ!
—
Зъ двора, собака мовъ, побигъ.

II я пѣснь.

Сказавъ: „нехай ій вичне царство,
Мени же довголитне панство,
И щобъ друга вдова найшлась.
—
Троянци съ страху задрожалы,
И що робыты, вси не зналы.
—
По ихъ винъ звався Палинуръ
. . . .
Смиленькій бувъ и балагуръ.
—

Однако быть такъ постараюсь.—
Изволь, навѣрно обѣщаюсь ..
—
Твоя супружница Юнона
Всегда во всемъ ему препона!
—
Не дай теперь погибнуть намъ..
—
Онъ здѣсь! вскричалъ Эней тутъ смѣло.

2-я часть IV-я пѣснь.

Явился скорыми шагами
Меркурій въ шапочкѣ съ крылами.
Держа въ рукѣ претолсту плеть...
На шеѣ сумочка съ гербами
И опоясанъ весь ремнями.
—
Къ Дидонѣ въ нову Карфагену,
И въ городъ пролетя чрезъ стѣну
—
Негодный, дерзкой, плутъ, похабникъ
Мерзавецъ, пакостникъ, срамецъ;
Мошенникъ, воръ, злодѣй, нахальникъ,
Подлецъ, бродяга, сорванецъ.
—
Пустился словно какъ борзая...

2-я часть V-я пѣснь.

„Дай Богъ, сказалъ, ей память вѣчну
За всю любовь ко мнѣ сердечну,
Мнѣ-жъ свѣжую вдову достать!
—
Троянцы всѣ тряслись, дрожали
И дѣлать что, совсѣмъ не знали.
—
Онъ назывался Палинуромъ

И не послѣднимъ балагуромъ...
—

Троянцы добре прыннялыся
И сталы весламы гребты;
Якъ стрилкы, човныкы неслыся...

—

Даресъ довгенько дожыдався

—

Даресъ не радъ своій лыхоти,
Ентеллъ потягъ не по охоти.

—

Въ Сыцыліи таке творытся

—

То пиднесла имъ пырожокъ

—

Прыйминося, човны попалимъ.
Тогди вже мусятъ тутъ остаться
И нехотя до насъ прыжаться,—
Оттакъ на лидъ ихъ посадимъ!

—

А ты зъ сидою бородою,
Пане-добродію Нептунъ!
Сыдышь, мовъ демонъ пидъ водою
Изморщившись, старый шкарбунъ,

—

Завивъ братерство изъ бисамы,
И въ свити нашимы бидамы
Не погорюе ни на часъ.
Не посылкуется ни мало,
Щобъ такъ палаты перестало,
И щобъ осей пожаръ погасъ...

—

Чого ты сыльно зажурывся
И такъ роздувся якъ индыкъ?
Зовсимъ охлявъ и занудывся.

—

И по Олымпському закону,
То пекла вже ты не мынешъ;
Бо треба кланяться Плутону..

—

Повіявъ витръ зъ рукы Энею.

III пѣснь.

А витры зъ-заду все трубылы
Въ потылыцю його човнамъ.

—

Грести всѣ дружно принялися,
Лишь только весла затряслися,
Суда летѣли, какъ стрѣла.

—

Даресъ не мало дожидался.

—

Даресъ потрусилъ мой тутъ плотно.
И въ бой вступалъ ужъ не охотно...

—

Въ Сициліи теперь творится

—

Съ грибками поднесла пирогъ.

—

Сожжемъ ихъ все и попалимъ;
Имъ будетъ неначемъ подняться,
То поневолѣ ужъ остаться,
Мы здѣсь на мѣстѣ имъ велимъ.

—

А ты съ густою бородою,
Захлюставшись, какъ мокра мышь.
На дно зарывшись подъ водою,
Съ трезубцемъ только что храпишь!

—

Привыкъ онъ жить все съ мертвецами,
То въ свѣтѣ нашими бѣдами
Не попечется ни на часъ.
Не постарается нимало,
Горѣть чтобъ пламя перестало,
И чтобъ и сей пожаръ погасъ!

—

Къ чему такъ вдругъ разгорячился,
И съ горя губы распустилъ?
Не кстати такъ въ кручину вдался?

—

Послѣдній въ томъ судьбы законъ,
И къ нашему царю Плутону
Тряхни съ почтеньемъ на поклонъ

—

Насталъ Троянцамъ вѣтръ споручный

3-я часть VI пѣснь.

А вѣтры между тѣмъ трубили
Въ затылокъ сильно кораблямъ.

—

От-такъ, поплававшы чимало.
И поблудывши по морямъ...

—

Покиль-же що, то ты послухай
Того, що я тоби скажу;
И головы соби не чухай,
Я въ пекло стежку покажу:
Въ лису велыкому, густому
Якеесь дерево росте:

На нимъ кыслыци не простыи

Ростуть, якъ жаръ все золотыи...

—

Якъ тильки сумрачна та темна
Изъ неба злизла чорна ночь,
Годына-жъ стала дуже певна,
Якъ повтикалы зирки прочь

—

А ты, мовляла ко Энею,
Моторный, смилый молодець,
Прощайся зъ юрмою своею,
Ходимъ у пекло, тамъ отець
Насъ твій давно вже дожыдае.

—

А потимъ смерть до артыкулу
Имъ отдала косою честь,
На передъ стоя калавуру,
Якый у йін мосци есть

—

За смертію у слидъ валылось
Жинокъ, свекрухъ и мачухъ злыхъ...
Вотчымы злы, тести-скупяги,
Булы и наши побродяги
Сердыти шурыны, браты,

Зовыци, братовы, ятровкы—

Що все грызутся безъ умовкы..

—

Насупротивъ сыхъ окаянныхъ...

—

Ненаськи-же булы: Горгоны,
Кентавры, Грифы, Бріареи,
Химеры, Карлы, Гарпагоны

—

Проѣздивши не мало время,
И поныряивши по волнамъ...

—

Покамѣсть моего совѣта
Послушай, что тебѣ скажу,
И тѣмъ во адъ со слѣшня свѣта
Путь самой легкой покажу...
Въ лѣсу густомъ непроходимомъ
На деревѣ одномъ любимомъ...

. . . .

Зная тѣ деревья не простыя

. . . .

На нихъ все вѣтки золотыя!

—

Лишь только съ чорной епанчою,
Нахмуря брови, темна ночь,
Со всею свитою своею
Отъѣхала подалѣ прочь...

—

А ты, рекла она Энею,
Удалый добрый молодецъ,
Съ неустрашимостью своею
Ступай за мною, тамъ отецъ
Ждетъ насъ давно нетерпѣливо.

—

Потомъ имъ смерть косой своею
Отбрякнула по свойски честь,
Ведя толпами за собою
Все, что у ней въ командѣ есть...

—

За симъ злой смерти страшнымъ строемъ
Другіе злы попарно шли,
И будто-бы за ней конвоемъ,
Не отставаючи, брели.
Сердиты мачихи лихія,
Брезгливы вотчимы скупые,
Раз мечисты опекуны...
Зятья, невѣстки и золовки,
Свекрови—старыя колдовки.

—

Насупротивъ сихъ богомолокъ.

—

Кентавры, Грифы, Геріоны
Гиганты, Карлы, Бріарей...

—

И перевозчыкъ тутъ явывся
Якъ цыганъ, смуглой твари бувъ...
. . . .
А голова вся въ ковтунахъ
. . . .
Якъ клочье, борода скомшылась.

—

Эней узривъ свою Дидону
. . . .
Якъ разъ по нашому закону

—

Хоть винъ на смерть не осуждае,
Да мучыты повеливае,
И, якъ звелыть, и мучыть такъ

—

Чи се-жъ тоби такы не стыдно,
Що я тебе такъ довго ждавъ.

Явился перевозчикъ тутъ,—
Лицо чернѣе голенища...
Нечесаная бородища.
Вся въ колтунахъ и завиткахъ,

Висѣла до пупа клочками.

—

Увидѣвши вдову Дидону,

По древню щоголевъ закону.

—

Ко смерти онъ не осуждаетъ
Своимъ рѣшеньемъ никого,
Но муки тяжки налагаетъ...

—

Не стыдно-ль, милый мой дружочекъ,
Что я тебя такъ долго ждалъ?

Энеида Котл. [1]).

IV пѣсня.

Борщивъ якъ тры не поденькуешъ,
На могорошни засердчыть;
И заразъ тагломъ закышкуешъ
И въ буркоти закеньдюшыть.
Колы-жъ що напхомъ зъязыкаешъ,
И въ теребъ добре зжывотаешъ,
То на весели занутрыть;
Объ лыко вдаромъ заземлюешъ,
И ввесь забудъ свій зголодуешъ
И бигъ до гогля за ортыгь...
Та що обыщоты верзлаломъ,
Но казку кормомъ соловьятъ:
Ось ну сакалыткуй брязкаломъ,
То радощи залежжатъ,
Коды давало спьятакуешъ,
То море чуло зноканнуешъ.
Якъ що съ тобою сперядытъ:
Куды на плавахъ човноваты,

Энеида Осипова.

4-я часть VII пѣснь.

Какъ ѣдки три не посутчишь,
Такъ на тошнѣ заживотитъ,
На всемъ нытьѣ ты пожелтучишь
И на ворчалѣ забрюшнитъ
А если позубить жевало,
Не засердчитъ ужъ тосковало,
И все уйдило прочь сгруститъ;
Сбѣлятся туги всѣ въ забудку,
Скручинишь всю свою избудку
И улетило сголодитъ.
Но что пустячить намъ звониломъ,
Звенильцомъ лучше замошнуй,
Къ чему полтиниться скупиломъ,
Жалѣломъ такъ ты не рублюй.
Подержи меня двла ьцомъ,
То поумлю я раскидальцомъ,
Росказы несублю всѣмъ вамъ.
Что сперендитъ съ тобой въ случиѣ,

---

[1]) Изд. 1842 г.

Якъ угодыли Юнонаты
И якъ Эней заминервыть...

И какъ ты долженъ угодилѣ
Юнолить и Минервить самъ.

—

Заклятый островъ передъ намы,
И мы его не мынемо.

Чертовскій островъ передъ нами,
Нельзя его никакъ пройти.

—

Биду побачывъ немынучу,
Трояньци вси и панъ Эней,
Зибралыся въ одну вси кучу
Подумать о биди своей...

Бѣду ту видя неминучу,
Удалый молодецъ Эней.
Собравши всѣхъ Троянцевъ въ кучу
Въ каютѣ убранной своей...

. . . .

. . . .

Молебень-же вталы Эолу,
Щобъ витрамъ по його изволу...

И тамъ, схватясь полой за полу
Надъ бурей старостѣ Эолу...

—

Эней, по човну похожая.

Эней, по палубѣ гуляя...

—

Отъ Тыбръ передъ носомъ у насъ;
Ся ричка Зевсомъ обищана
И зъ берегамы намъ отдана.

Вотъ Тибръ—рѣка намъ обѣщанна
И вотъ земля обѣтованна,
Гдѣ будемъ мы спокойно жить...

—

Латынъ сей хоть не дуже блызько
А все Олымпськымъ бувъ ридня,
Не кланявся никому нызько,
Для його все була брыдня

И такъ онъ былъ хотя не близко,
Олимпскимъ жителямъ сродни
И для себя считалъ все низко—
Простые бары гдѣ одни.

—

Дородна, росла и красыва,
Прыступна, добра, не спесыва

Росла, стройна, свѣжа, красива,
Приступна всѣмъ и не спесива

—

Но ненечка іи Амата
Въ души своій була строката...

Но матушка ея Амата
Ее цѣнила пуще злата

—

Одынъ бувъ Турнъ. царьокъ нешпетный,
Зъ Латыномъ у сусидстви жывъ
. . . .
Не въ шутку молодець бувъ жвавый...

Сей Турнъ владѣлъ у нихъ въ сосѣдахъ
. . . .
Вездѣ являлся молодцомъ...

—

Колы чого въ рукахъ не маешъ,
То не хвалыся, що твое.

Что есть въ рукахъ, то только наше

—

Не розглядивши, кажуть, броду,
Не лизь прожогомъ першый въ воду,
Бо щобъ не посмишывъ людей...

Въ рѣкѣ, не испытавши броду,
Идти не суйся въ быстрину,—
Наквасишь потонувши въ воду...

—

И заразъ лыстъ пославъ къ Энею,
Щобъ выйшовъ бытысь самъ на самъ,
Помырявсь сылою своею,
Доставъ одъ Турна по усамъ;
Хоть на кіи, хоть кулакамы
Поштурхатысь по-пидъ бокамы...

Тотчасъ потомъ схватя бумагу,
Письмо къ Энею написалъ,
И къ утрему съ собой на шпагу
На поединокъ вызывалъ,
Иль молодецкими руками
Извѣдать силы кулаками...

—

В рыльця, пляшечки, носатку,
Суліи, тыквы, боклажкы,

Все высушылы безъ остатку

У жбановъ, флягъ, сулей бутылокъ,
Когда уже обсохло дно,
А изъ ковшей, ендовъ. братинокъ,
Все высусено вонъ вино

—

Пишлы ту землю обзырать

Пошли ту землю обзирать...

—

Сказалы: люде тутъ *бормочуть*,
Языкомъ дывнымъ намъ сокочуть.

Здѣсь только баютъ по-латински,
А мы бормочемъ по-фригійски.

—

Потимъ десятокъ що-мудрійшыхъ,
Въ лацыни що-найрозумнійшыхъ,
Зъ ватагы выбравшы якъ разъ,
Пославъ послами до Латына
Одъ имени свого и чына.
А съ чымъ пославъ, то давъ прыказъ.

И похваля ихъ за науку,
Десятокъ лучшихъ отобралъ
И съ пышностью, по царску чину
Къ Латинскому царю Латину
Послами отъ себя послалъ

—

Послы, прыйшовши до столыци,
Послалы до царя сказать,
Що до його и до царыци
Эней прыславъ поклонъ отдать,
И съ хлибомъ, съ силью и другымы
Подаркамы предорогымы...

Послы, дошедши до столицы,
Стоявшимъ тамо часовымъ
Сказали: „для царя, царицы
Эней съ почтеніемъ своимъ
Дары чрезъ насъ препровождаетъ

—

Латыну тилькы що сказалы,
Що отъ Энея есть послы,
И съ хлибомъ, съ силью прычвалалы
Та и подаркы прынеслы,
Хотятъ Латыну поклоныться,
Знакомытысь и подружиться...

Латину только доложили,
Что добрый молодецъ Эней
Желаетъ...
Притомъ прислалъ къ нимъ по подарку,
Распить намѣренъ съ ними чарку
И дружбой клясться имъ своей...

—

Велывъ тутъ заразъ прыбыраты

Свитлыци, сины, двиръ месты...

Въ...
Свѣтелкахъ, чердакахъ, проходахъ
Всѣ стѣны приказалъ убрать.

—

Послывъ ввелы къ царю съ пыхою,
Якъ водылося у Латынъ

Послы велися церемонно,
Какъ водится во всѣхъ дворахъ

—

А старшый Рацію сказавъ	Сталъ рацію свою читать.
Велы акцыпере подаркы Зъ ласкавымъ выдомъ и безъ сваркы, Що прыслани черезъ мене.	Подарки ся принять прошу Которые онъ... Чрезъ насъ осмѣлился прислать
Скажите вашому Энею, Латынъ и зъ цилою симьею, Кый Боже, якъ вси ради вамъ И вся моя маетность рада.	Скажите вашему Энею, Что мнѣ онъ и съ семьей моею, Какъ будто сынъ родимой милъ, Вся здѣшняя земля вамъ рада
Латынъ по царскому звычаю	И по старинну обычаю
И на! черезъ штафетъ къ Плутону За пидпысомъ своимъ прыказъ, Щобъ фурію винъ Тезырову Пославъ къ Юнони той-же часъ.	И голову сломя спѣшите Къ Плутону въ преисподній адъ И, тамъ нашедши Тезирону, Тотчасъ представьте предъ Юнону.
Прыбигла Фурія изъ пекла	Явилась Фурія изъ ада
Кого? мене! и хто?—Троянець!	Кого? меня? кто? побродяга!
Троянци, въ рогы затрубывшы, Пустылы гончыхъ въ чагары.	Асканій, въ роги затрубивши, Со псами въ поле поскакалъ.
Но у Троянського народу За шагъ алтына не просы.	Но у Троянской молодежи Не выторговать ничего.
Въ сіе-то нещаслыве времья И въ самый штурхобочный бой, Троянське и Латынське племья,	А между тѣмъ въ то само время, Когда за мызницына пса Латинско и Троянско племя . . . .
Якъ умывалося мазкой; Прыбигъ гонець съ пысьмомъ къ Латыну, Не радосну прывизъ новыну,— Князь Турнъ йому війну пысавъ...	Къ Латину вдругъ тогда примчались Отъ Турна грозные гонцы Съ весьма нерадостною вѣстью, Что Турнъ дышитъ ужасной местью.
Колы я тишывся війной?	Латина... Никто не задиралъ войной!
Не звирь я—людьску кровъ пролыты, И не Харцызъ людей щобъ быты, Для мене гыдкый всякый бой...	Лить кровь людскую я боюся И ни за что не соглашуся Ни въ шпажной, ни въ кулачной бой.
Покыньте-жъ се дурне юнацтво	Покиньте глупое геройство!

Колы сверблять изъ васъ у кого Чи спына, ребра, чи боки,— На що просыты вамъ чужого? Мои велыкы кулакы Почешуть ребра вамъ и спыну...	Когда у васъ въ чесоткѣ спины, Изволь я васъ поколочу Своими царскими руками.
—	—
Розгадуйте, що исть и пыть, Хто-жъ о війни проговорыться, Або кому війна прысныться...,	Но лучше лишь объ томъ смекните, Чтобъ было что попить, поѣсть, А если кто мнѣ заикнется Хотя полъ-слова про войну.
—	—
Сказавшы се, махнувъ рукою И заразъ самъ пишовъ съ камнатъ Бундючно-гризною ходою...	Сказавъ сіе, махнулъ рукою И, съ мѣста вставъ, отъ нихъ пошелъ Въ сердцахъ, гнѣвливыми шагами.
—	—
Що на Латына всякъ плюе	На царску плюнуть всю невзгоду.

Итакъ, вотъ тѣ общія мѣста, которыя обнаруживаются при сравненіи русской и украинской передѣлокъ Энеиды; мы могли бы указать подобныхъ мѣстъ еще не мало, но это было бы излишне... Однако помимо отдѣльныхъ мѣстъ въ Энеидахъ славянскихъ писателей есть еще одинъ пунктъ, который говоритъ объ ихъ близости: это именно построеніе стиха. Возьмемъ примѣръ:

Энеида Котл. (1842 г.). *IV-я.*	**Энеида Осипова.** *VII-я.*
Таке дивча кусочокъ ласый, Заслынысся, якъ глянешъ разъ.. Що ваши гречеськи ковбасы! Що вашъ первакъ грушевый квасъ! Завійныця одъ неи вхопыть, На голову насяде хлопитъ; А може тьохне и не тамъ, Поставыть рогомъ ясни очи, Що не доспышъ петривськой ночи,— Те по соби я знаю самъ.	На лакомой такой кусочекъ И нехотя разинешь ротъ; Зачешется небось усочекъ И мигомъ подведетъ животъ... Развѣсишь отъ зѣванья нюни Покажутся на губѣ слюни И поневолѣ дрожь пройметъ; Заекаетъ, какъ отъ испуга, Сердчишко, будто отъ натуга, Ничто на умъ ужъ не пойдетъ!

Такими строфами написана вся Энеида,—при чемъ самый размѣръ, четырехстопный ямбъ въ 10 строчекъ, присутствуетъ во всей Энеидѣ безъ исключенія, а расположеніе рифмъ даетъ нѣкоторыя уклоненія. Но, въ общемъ, слѣдовательно, и раз-

мѣръ, и расположеніе рифмъ представляютъ большое сходство... Къ какому же теперь заключенію можемъ мы придти? Къ одному несомнѣнному,—именно, что между обѣими передѣлками есть большая близость; и теперь, имѣя въ виду указанные образцы, фактъ этой близости мы должны считать безспорнымъ, стоящимъ внѣ всякаго сомнѣнія. Однако сдѣланное выше сравненіе славянскихъ Энеидъ, само по себѣ, все таки не можетъ рѣшить вопроса, кто у кого заимствовался, хотя теперь фактъ заимствованія долженъ быть ясенъ. Теперь сказать, что одинъ изъ передѣлывателей Энеиды не зналъ произведенія другого, нельзя совершенно, и съ этимъ фактомъ нужно уже серьезно считаться. Не рѣшая вопроса о первенствѣ по времени той или другой передѣлки, фактъ ихъ близости долженъ все-таки стать исходнымъ пунктомъ по данному вопросу, долженъ стать руководящей нитью. Какъ же теперь данный вопросъ рѣшить?

При мысли о способѣ этого рѣшенія, прежде всего напрашивается обычный въ такихъ случаяхъ вопросъ,—не является-ли близость между обѣими передѣлками именно потому, что авторы одинаково пользовались общимъ первоисточникомъ—Энеидой Вергилія? Но небольшая доза сообразительности и, кромѣ того, самое сравненіе общихъ мѣстъ славянскихъ передѣлокъ съ римскимъ ихъ оригиналомъ даетъ на упомянутый вопросъ чисто-отрицательный отвѣтъ. Во первыхъ, если-бы оба поэта переводили римскую Энеиду, то близость ихъ переводовъ могла-бы быть еще понятной, но при передѣлкѣ даже очень близкой, вѣроятность независимаго совпаденія обѣихъ передѣлокъ дѣлается болѣе сомнительной. Будучи уже сомнительной въ послѣднемъ случаѣ, безсознательная и независимая близость разно-національныхъ передѣлокъ дѣлается совершенно невозможной при пародированіи общаго образца. Пародіей произведеніе является только тогда, когда поэтъ вкладываетъ въ него совершенно новыя мысли, слова, даетъ совершенно иное направленіе, чѣмъ то, которое можно наблюдать въ подлинникѣ. Пародія поэтому имѣетъ общее съ оригиналомъ только въ сюжетѣ, въ формѣ эпизодовъ, но сущность послѣднихъ, ихъ ко-

лоритъ и поэтому самое изложеніе должно быть оригиналу совершенно незнакомымъ. Говоря опредѣленнѣе,—пародія даетъ новое содержаніе прежней формѣ. Очевидно поэтому, что пародія должна быть на оригиналъ похожа очень мало. А разъ такъ, то и общность различныхъ передѣлокъ можетъ быть объяснена никакъ не изъ отношенія ихъ къ Энеидѣ Вергилія, а только изъ взаимнаго ихъ отношенія. Это положеніе вполнѣ примѣняется именно къ даннымъ двумъ пародіямъ, общее между которыми заключается въ способѣ изложенія, въ массѣ одинаковыхъ, иногда совершенно тождественныхъ выраженій. Ясно, что тождественность въ выраженіяхъ и изложеніи не можетъ быть истолкована случайнымъ совпаденіемъ,—черезчуръ ужъ это совпаденіе часто и ярко. Ясно также, что въ близости славянскихъ передѣлокъ римская Энеида совершенно неповинна. Въ этомъ убѣждаютъ насъ приведенныя логическія соображенія прежде всего. Но эти логическія соображенія находятъ себѣ полное подтвержденіе при сличеніи обѣихъ передѣлокъ съ Энеидой Вергилія,—и это будетъ второе доказательство неповинности Энеиды римской въ созданіи близости между Энеидами славянскими.

Результатомъ упомянутаго сличенія является слѣдующій выводъ: ни одно мѣсто, общее славянскимъ передѣлкамъ, даже и тѣнью своей не находится въ Энеидѣ римской, и, наоборотъ, эти общія мѣста указываютъ подчасъ на радикальнѣйшее отступленіе отъ Вергилія. Въ этихъ общихъ мѣстахъ оба славянина обнаруживаютъ полную самостоятельность по отношенію къ Вергилію, полную независимость, хотя оба они, конечно, съ Вергиліемъ были знакомы. Что же это значитъ? Ничего больше, какъ опять таки то, что близость передѣлокъ Энеиды стоитъ внѣ ихъ отношенія къ Энеидѣ Вергилія и можетъ быть объяснена только изъ нихъ самихъ. Итакъ, вопросъ о роли Вергилія въ близости славянскихъ Энеидъ долженъ быть рѣшенъ въ смыслѣ отрицательномъ.

Очевидно, значитъ, что одинъ поэтъ заимствовался у другого, но кто-же у кого? Въ этомъ и заключается весь вопросъ,

который нуждается въ разрѣшеніи. Оставимъ пока всякія постороннія—логическія и хронологическія соображенія и постараемся подходить къ рѣшенію даннаго вопроса, только опираясь на непосредственныя данныя—различныя передѣлки Энеиды. Въ рѣшеніи вопроса о самостоятельности Энеиды Котляревскаго мы будемъ находиться въ безпомощномъ положеніи, если будемъ опираться только на Вергилія—съ одной стороны и Осипова—съ другой; ни первый, ни послѣдній не могутъ сами по себѣ объяснить близости украинскаго произведенія къ русскому, тѣмъ болѣе, что украинской Энеиды нельзя поставить въ связь даже ни съ какой другой иностранной передѣлкой: никакого иностраннаго языка, кромѣ французскаго, Котляревскій не зналъ, а французская передѣлка съ украинской общаго не имѣетъ. Къ счастью, изъ этого затрудненія есть слѣдующій выходъ,—это именно временное перемѣщеніе центра тяжести даннаго вопроса въ другую сторону. Мы до сихъ поръ старались опредѣлить сущность отношенія Котляревскаго къ Осипову, интересуясь только самостоятельностью украинской Энеиды, интересуясь только тѣмъ, какъ Котляревскій относится къ Осипову, а не наоборотъ. Теперь перевернемъ данный вопросъ и, оставивъ въ покоѣ Котляревскаго обратимъ все вниманіе на Осипова, и, можетъ быть, тогда рѣшеніе вопроса о самостоятельности Осипова дастъ положительныя и вѣрныя указанія и на способъ рѣшенія главнѣйшей нашей задачи. Вопросъ теперь, значитъ, такой: насколько самостоятельна Энеида Осипова? При отвѣтѣ на этотъ вопросъ у насъ рождается другой,—въ какомъ отношеніи Энеида русская стоитъ къ Энеидѣ римской? Хотя сразу заняться разрѣшеніемъ этого вопроса было-бы и важно, но болѣе подробное его разсмотрѣніе мы отложимъ до другого мѣста; теперь же пока предположимъ, что Осиповъ Вергиліемъ пользовался дѣйствительно,—позже мы увидимъ, что отъ такого апріорнаго предположенія мы въ своемъ изслѣдованіи не теряемъ ничего, такъ какъ Осиповъ въ самомъ дѣлѣ былъ знакомъ съ Энеидой Вергилія и ею пользовался. Значитъ, Энеида Вергилія была для Осипова образцомъ; но значитъ-ли это, что послѣдвій былъ самостоятеленъ,

что никакихъ другихъ образцовъ онъ не имѣлъ въ виду? Предидущее изслѣдованіе показало, что нѣтъ, и поставило русскую Энеиду въ тѣсную связь съ украинской. Какъ объяснить эту связь по отношенію къ Осипову? На этотъ вопросъ можно отвѣтить такимъ-же образомъ, какъ и на подобный-же вопросъ объ отношеніи къ Осипову Котляревскаго. Но относительно Котляревскаго мы еще выяснили то, что ни одна изъ иностранныхъ передѣлокъ на него не имѣла вліянія, и что ими нельзя объяснить общности изложенія въ славянскихъ Энеидахъ. Можно-ли то же самое сказать и объ Осиповѣ,—т. е., что онъ находится въ своей работѣ внѣ вліянія на него зап.-европейскихъ образцовъ? Для этого стоитъ только обратиться къ сличенію передѣлки Осипова съ западно-европейскими передѣлками Энеиды Вергилія, и тогда окажется слѣдующее: итальянская и англійская пародіи Вергилія на него, какъ и на Котляревскаго, повліять не могли,—крайне сомнительно, чтобы Осиповъ зналъ языки этихъ пародій; французскій языкъ онъ могъ знать, но Скарронъ не отразился въ русской передѣлкѣ нисколько.

Остается Блумауэръ. Была-ли его передѣлка извѣстна въ Петербургѣ, гдѣ находился тогда Осиповъ? Да, была: въ числѣ подписчиковъ на нее подъ рубрикой „Петербургъ“ стоитъ указаніе „1. Ungenannter“ [1]). Вопросъ только въ томъ, кто этотъ подписчикъ? Если-бы на это были указанія, то это одно могло-бы уже зародить въ насъ мысль о томъ, что Осиповъ подражалъ Энеидѣ Блумауэра... Но на это мы указаній не имѣемъ и остаемся при одномъ только свѣдѣніи, что Блумауэра Энеида въ Петербургѣ была извѣстна непосредственно. Зналъ-ли ее Осиповъ? На это опять таки данныхъ нѣтъ,—приходится обратиться къ сравненію обѣихъ Энеидъ—русской и нѣмецкой. При первомъ-же взглядѣ на ту и другую, мы замѣчаемъ, что и у Осипова, и у Блумауэра передъ каждой пѣсней Энеиды находится кратчайшее изложеніе, почти заглавіе—соотвѣтствую-

---

[1]) Virgils Aeneis—von Blumauer 1793. См. Fortgesetztes Pränumeranten-Verzeichniss.—„Petersburg“.

щей пѣсни,—въ одинаковыхъ выраженіяхъ. И эта находка для насъ неоцѣнима по своему значенію: значитъ, обѣ передѣлки находятся въ связи между собой, значитъ Блумауэръ или Осиповъ заимствовали одинъ у другого!

Фактъ присутствія въ обѣихъ передѣлкахъ конспектовъ пѣсенъ, изъ которыхъ одинъ представляетъ почти дословный переводъ другого, не оставляетъ по этому поводу никакого сомнѣнія... Вопросъ только въ томъ, кто у кого заимствовалъ и въ какой степени? На первый вопросъ отвѣтить легко: первая часть Энеиды Блумауэра вышла въ 1784 г., а Осипова въ 1791 г., затѣмъ остальныя части изданы были Осиповымъ въ 1792 и 1795 гг., а Блумауэромъ въ 1788 и 1793 гг., т. е. опять таки раньше Осипова, и притомъ на двѣ пѣсни больше, чѣмъ у послѣдняго... Очевидно, что Блумауэръ не могъ пользоваться Энеидой Осипова, издававшейся всегда послѣ нѣмецкихъ передѣлокъ. Мы даже вполнѣ убѣждены, что Блумауэръ и не слыхалъ никогда объ Осиповѣ, и ужъ менѣе всего полагаемъ, что Блумауэръ могъ знать русскій языкъ. Да если-бы онъ и зналъ его, то для того, чтобы предположить зависимость Блумауэра отъ Осипова, необходимо также предположить, что Блумауэръ знакомился съ русской передѣлкой въ рукописи,—а это представляется черезчуръ уже фантастическимъ. Скорѣй можно предположить, что Осиповъ могъ быть знакомъ съ рукописями Котляревскаго, чѣмъ Блумауэръ съ рукописями Осипова!...

Да впрочемъ, на такія фантастическія предположенія не стоитъ обращать и вниманія: у Блумауэра, въ примѣчаніяхъ, находятся указанія, что онъ пользовался непосредственно Вергиліемъ, котораго излагалъ очень кратко. А если онъ пользовался Вергиліемъ, то зачѣмъ ему нуженъ былъ Осиповъ? У Блумауэра главное мѣсто занимаетъ осмѣяніе соціальныхъ предразсудковъ, у Осипова ничего этого нѣтъ. Чѣмъ-же могла быть интересна блѣдная, неталантливая передѣлка Осипова, чтобы занять талантливаго сатирика Блумауэра,—да еще тогда, когда она находилась въ рукописи? Конечно ничѣмъ,—и смѣшно даже объ этомъ много говорить. И время написанія, и самая

обработка Энеиды Блумауэра говорятъ за ея первенство по времени и, слѣдовательно, само собой устанавливаютъ фактъ, что Осиповъ пользовался Блумауэромъ. Итакъ, первый вопросъ рѣшенъ: нѣмецкая Энеида повліяла на русскую, но въ какой степени? Этотъ частичный вопросъ можетъ быть выясненъ только при сличеніи обѣихъ передѣлокъ. Сдѣлавъ это, мы найдемъ между ними столько-же почти общихъ мѣстъ, сколько ихъ получилось послѣ сравненія передѣлокъ русской и украинской. Вотъ главнѣйшія изъ нихъ:

Virgils Aeneis
von Blumauer
Erster Buch.

„Er soll, nicht wahr, ich merk'es wohl,
Italien nicht finden?
Verspracht ihr mir nicht selbst, er soll
Noch Roms Triregnum gründen?
„Sagt mir, wie heisst die Gegend hier?
Giebt's etwa Menschenfreesser hier?

—

Nun kam Askan. Die Königinn
Erblickte kaum den Knaben,
So wollte sie vor allen ihn
Auf ihren Schosse haben..

—

Beim ersten Kusse vom Askan
Da trollte schon ihr seel'ger Mann
Sich fort aus ihrem Herzen.

Энеида Осипова.
I-я пѣснь.

Теперь я вижу очень ясно,
Ему что Рима не видать,
Старанье все мое напрасно,
Чтобъ тамо царство основать!
Живутъ какіе люди тутъ?
. . . .
Не дикіе ли людоѣды?
И землю какъ сію зовутъ?

—

Царица только лишь узрѣла,
Вошелъ Энеевъ сынъ что къ нимъ,
Тотчасъ призвать къ себѣ велѣла
И начала рѣзвиться съ нимъ—
Въ колѣни у себя сажала

—

Какъ первый разъ поцѣловала [*])
Тогда-жъ изъ сердца вонъ изгнала

II я пѣснь.

Im rothdamasten Armstuhl sprach
Aeneas nun mit Gähnen

—

Der Bauch des Rosses schreckte bass
Uns seiner Grösse wegen;
Es war das Heidelberger Fass
Ein Fingerhut dagegen,

II-я пѣснь.

На креслахъ штофныхъ съ бахромою,
Разнѣжившись, сидѣлъ Эней.

—

Онъ съ башню былъ величиною,
А въ брюхѣ съ копну толщиною,
И весь наполненъ былъ людьми;
Натискали и надавили

Und in dem Bauch—o Iemine!
Da lagen euch, wie Häringe
Zehn tausend Mann beisammen.

И брюхо все такъ уложили,
Какъ будто, бочку въ торгъ сельдми!

—

Die Politiker thaten breit,
Und machten tausend Glossen,
Doch halten alle meilenweit
Das Ziel vorbeigeschossen

О немъ всѣ разно разсуждали,
Но въ цѣль нимало не попали.

—

So eben hatt'ich den Achill—
Im Traume—überwunden,
Da wecke mich das Mordgebrüll
Von diesen Fleischenhunden.
Ich ging zum Fenster—heil'ger Gott!
Da sah ich nichts, als Mord und Tod...

Мнѣ снилось, будто Грековъ племя,
Я какъ свиней дубиной гналъ,
И подлѣ небольшого лѣса
Трезвонилъ въ рыло Ахиллеса,
И задалъ таску не одну.—
Но вдругъ, услышавши тревогу,
Не зналъ куда найти дорогу,
И бросился скорѣй къ окну..

—

Mach ein Narr zehn, so macht im Krieg
Ein braver Kerl oft zwanzig..

Всегда народа цѣлы тучи
Сбираются вокругъ глупца;
Такъ на войнѣ героевъ кучи
Толпятся подлѣ храбреца...

—

Doch da ich, schwitzend durch und durch,
Mein Hemd zu wechseln laufe,
Da komm'ich, ach, beim Thor der Burg,
Vom Regen in die Traufe.

Лилъ потъ тогда съ меня ручьями,
Какъ будто въ банѣ на полу,
И я несчастными судьбами
Попалъ изъ полонья въ рѣку.

—

Man träumte hier nichts von Gefahr,
Und, ach, der ganze Hoffstatt war
Beinahe noch im Hemde.

Весь дворъ того никакъ не зная,
И сей бѣды не ожидая,
Въ одной еще рубашкѣ спалъ.

—

Ja, so gering der Ruhm auch ist,
Eie schwaches Weib zu tödten,
So muss doch jeder gute Christ
Die Welt von Sünden retten.

Я мнилъ, хотя и непристойно
Герою женщину убить,
Но ужъ давно ее достойно
Скорѣй изъ свѣта истребить!

—

Und fühlt'es, dass die Ehre,
Von einer Göttin Sohn zu sein,
Nicht zu verachten wäre.

Увидѣлъ ясно, сколь полезно
Богининымъ чтобъ сыномъ быть.

—

Kourage, rief ich, fasst euch! Wisst,
Frau Venus hat mir eben
Ein Land, wo Milch und Honig fliesst,
Statt diesem Nest gegeben...

Не бойтесь всѣ и не робейте,
Я здѣсь! вамъ нечего тужить!
Скорѣе только лишь успѣйте
Помягче что-нибудь схватить.

Со мной Венера говорила,
Мнѣ нову землю насулила,
Гдѣ медъ и молоко текутъ...

—

Glaubt mir, es giebt auch anderwärts
Noch Wein und schöne Weiber.

Тамъ будетъ пиво, медъ и жены

III-я пѣснь.

So giingen wir voll Muths dahin,
Und sahn beim Mondesschimmer
Ein kleines Grab und hörten drinn
Ein klägliches Gewimmer.

—

Die hohlen Augen sahn—o Graus!—
Als wie zwei Dinterfässer aus
Und Dinte rann aus beiden.

—

Der Geist fieng an: „Was wollt ihr mir?
O schonet mein im Grabe!
Ich büsse schwer für das Papier,
Das ich verschieret habe;
Denn ach! ich war einst in der Welt
Ein schöner Geist, der Zeit und Geld
Den Menschenkindern raubte!"

—

Steurte drauf
Mit meinen Schiffen weiter.
Kaum war das Land und aus dem Blick,
So kam ein neues Ungelück
Auf Wolken hergesegelt.

—

Den Winter über suchten wir
Uns weidlich zu ergötzen,
Und frequentirten fleissig hier
Theater, Ball und Hetzen

III-я пѣснь.

Вошедши въ лѣсъ, намъ показался
Надгробный камень межъ деревъ;
И жалкій стонъ въ лѣсу раздался
Похожій на медвѣжій ревъ...

—

Глазища страшные мигали,
Ручьемъ чернила проливали...

—

Зачѣмъ ты пакости мнѣ строишь,
Незваный гость,—пришелъ сюда
Меня и въ гробѣ безпокоить?"—
Сказалъ мертвецъ тотъ мнѣ тогда,—
„Терплю и такъ я наказанье
За все бумажное маранье,
Что въ жизни я моей творилъ.
Когда я жизнью наслаждался,
То только тѣмъ и утѣшался,
Что всѣхъ бумагами душилъ.

—

Но только лишь пустился въ море
Изъ вида берегъ потерялъ,
Настало новое намъ горе,
И въ новую бѣду попалъ.

—

Мы зиму всю тамъ проводили
Въ забавахъ, шуткахъ и играхъ;
Заботы наши только были
О вечеринкахъ и пирахъ.
Театры, балы, маскарады
. . . .
Другъ за другомъ перемѣнялись.

—

Ich fand Andromachen auch hier, Die Pyrrhus einst entführte, Und seinem Mädchenfalkonier, Dem Helenus, cedirte.	Нашелъ тамъ нашу Андромаху Мнѣ ближнюю сватью иль сваху, Что Пирръ изъ Трои подцѣпилъ; Но послѣ, какъ наскучилъ ею, Тогда съ придачей небольшею Сему Гелену уступилъ.
—	—
Hier (fuhr Aeneas fort, und zog Ein Schnupftuch aus der Tasche) Hier leerte der, der mich erzog...	Въ семъ мѣстѣ для меня несчастномъ... (Сказалъ Эней и зарыдалъ И на лицѣ своемъ прекрасномъ Платочкомъ слезы утиралъ)...

IV пѣснь.	*2-я часть IV пѣснь.*
„Dein Sohn, der saubre Kavalier, Wird doch wohl nicht drauf Zielen, Sich so nur en passant bei ihr Ein Bischen abzukühlen?	Ужели ты ему позволишь, Что бы ее онъ обманулъ, И съ ней теперь попрохлаждавшись . . . . Какъ чижъ, изъ клѣтки ускользнулъ?
—	—
Allein dergleichen Kinder sind Stets feuriger, als ächte.	Такія дѣти незаконны Тишкомъ родившись отъ любви, Въ сердцахъ всегда неугомонны И самой огненной крови.
—	—
„Frag ihn, ob er den glaubt, dass man Im Bette Reiche finde, Und ob er seinen Vatikan Auf einem Sopha gründe?	Неужто, лежа на постелѣ, Онъ хочетъ строить города?
—	—
Allein man muss: die Liebe hat Ein Katzenaug.	Любовь, какъ всякому извѣстно, Имѣетъ кошечьи глаза; Всегда пильнуетъ повсемѣстно, Не прозѣваетъ ни-аза.
—	—
Nicht Venus, nein, ein Wäschenweib Hat dich zur Welt geboren!	Не правда, что тебя Венера Въ любви съ Анхизомъ родила!
—	—
Das Ende von dem Liebsroman Ist nun in Dido's Händen! Sie kann mit einem dritten Mann Ihn recht gemächlich enden; Allein der Herr Virgilius	Теперь конецъ любовной сказки Въ Дидониныхъ однихъ рукахъ. Она вольна то безъ огласки Окончить все не на словахъ. И съ лишкомъ ежели досужа

Befielt ihr, dass sie sterben muss:
Nun gut: so soll sie sterben

И третьяго себѣ пусть мужа
На мѣсто бѣглеца возьметъ!
Вергилій предписалъ въ законѣ,
Что должно умереть Дидонѣ,
Пускай-же и у насъ умретъ.

V пѣснь у Блумауэра.

Doch Dido's Thrähnen, die der Schmerz
Ihr aus dem Aug' gemolken,
Erhoben sich nun himmelswärts
In schweren Regenwolken.

—

Und schon wallte Paar und Paar
Im Leichenzug die Trojenschaar

V пѣснь у Осипова.

Дидоной слезы пролитыя
Межъ тѣмъ на небѣ собрались
Въ дождливы тучи громовыя.

—

Туда попарно всѣ пошли..

VI пѣснь у Блумауэра.

Fi donc! Monsieur Manlaffe, Fi!
Ist denn itzt Zeit zum Gaffen?"

—

Ihr Haar erhob sich unter'm Schley'r,
Ihr Busen unterm Wieder,
Es fuhr ihr ein elektrisch Feu'r
Zikrak durch alle Glieder...

—

Kam unsre Madam Mentorinn
Mit ihrem Telemach bis ihn...

3 ч. VI пѣснь у Осипова.

Не стыдно-ли тебѣ, герою,
Такой бездѣлицей пустою
Напрасно время погублять?

—

Сверкнулъ огонь не чередою
Изо всего ея лица
. . . .
Взъерошился рогаткой волосъ.

—

Но Менторъ новаго покроя
Съ Троянскимъ Телемакомъ симъ...

VII пѣснь.

Sagt ihm: d'Lavend l sei schon alt
Genug für ihn, er soll nur bald
Zum Grosspapa mich machen.

—

Der lag auf seinem Kanapee
Und schnarchte, wie ein Igel.

—

4 часть. VII пѣснь.

Пріятнѣе и веселѣе,
Что съ нимъ Лавинія моя
Не титулярною женою,
Но точно будущей весною
Нарядитъ въ дѣдушки меня.

—

Турнъ—
Храпѣлъ, съ мычаньемъ ротъ разинувъ.

—

Dies Hündchen trank mit ihr Kaffee, Und frass ihr aus dem Munde, Oft suchten sie einander Flöh'...	Съ ней съ сухарями чай пивала, Повсюду блохъ у ней искала...
—	—
Aus Mangel an Makulatur Liess man aus der Registratur Des Staats Patronen machen	Изъ всѣхъ конторъ, архивъ, приказовъ Набрали кучами указовъ, Катать патроны чтобъ изъ нихъ.
—	—
Aus allen Klöstern machte man Jtzt überall Kasernen...	Повсюду кельи монастырски Въ казармы преобращены...
—	—
Zugleich liess man das ganze Land Im kleinen porträtiren, Und um—ob auch des Mahlers Hand Es traf—zu judiciren.	Потомъ съ всѣхъ солдатъ портреты Велѣли вкратцѣ живо снять Весь ростъ ихъ, ѣта и примѣты.

Вотъ часть общихъ мѣстъ, находящихся въ обѣихъ разбираемыхъ Энеидахъ; при сравненіи ихъ съ римской Энеидой окажется, что соотвѣтствующихъ имъ у Вергилія или совершенно нѣтъ, или, если и есть, то между ними, съ одной стороны, и русскими приведенными цитатами—съ другой, нѣтъ ни малѣйшаго сходства... Все это взятое вмѣстѣ указываетъ на то, что Осиповъ подражалъ Блумауеру, и что, когда создавалъ свою передѣлку, то нѣмецкую пародію имѣлъ передъ собой всегда. Фактъ подражанія Осипова нѣмецкому пародисту долженъ считаться теперь несомнѣннымъ и поэтому можетъ пролить уже нѣкоторый свѣтъ на взаимоотношеніе славянскихъ передѣлокъ,—русской и украинской. Въ самомъ дѣлѣ, если Осиповъ почти рабски подражалъ Блумауеру, то вполнѣ логически будетъ заключить, что онъ тѣмъ-же самымъ не подражалъ Котляревскому или, иными словами, что близость Котляревскаго къ Осипову можетъ быть объяснена только предположеніемъ, что Котляревскій подражалъ Осипову, а не наоборотъ. И такое предположеніе намъ кажется вполнѣ правильнымъ послѣ установленнаго факта подражанія Осипова Блумауеру.

На основаніи этого факта мы уже можемъ сдѣлать упомянутый выводъ, что если Осиповъ копировалъ Блумауера, то,

значитъ, не копировалъ Котляревскаго... Намъ лично кажется, что уже одного этого вывода достаточно для того, чтобы, по крайней мѣрѣ, колебаться въ мнѣніи о первенствѣ времени украинской Энеиды и независимости ея отъ русской, но не всѣмъ, вѣроятно, наши соображенія явятся достаточнымъ основаніемъ для утвержденія противоположнаго мнѣнія,—что Котляревскій подражалъ Осипову. Пойдемъ поэтому дальше, имѣя сначала въ виду опять таки только Осипова. Разбираясь въ вопросѣ о взаимоотношеніи славянскихъ Энеидъ, проф. Дашкевичъ сдѣлалъ одно важное замѣчаніе [1]): для рѣшенія упомянутаго вопроса онъ указалъ на необходимость выясненія тѣхъ источниковъ, которыми пользовался Осиповъ, такъ какъ, и по его мнѣнію, послѣдній пользовался не однимъ Блумауеромъ. Для бóльшаго доказательства проф. Дашкевичъ приводитъ соотвѣтствующій примѣръ,—именно, что „у Котляревскаго и Осипова, какъ и у Скаррона, Энея съ Сивиллою встрѣчаетъ смерть, и слѣдующія затѣмъ у Осипова строфы не имѣютъ соотвѣтствующихъ у Блумауера". Замѣчаніе, повторяемъ, совершенно справедливое, и не стоитъ большого труда, чтобы убѣдиться въ томъ, что Осиповъ, въ дѣйствительности, пользовался не однимъ Блумауеромъ. Кѣмъ-же? Рѣшеніе этого вопроса должно еще болѣе отдалить насъ отъ мысли, что Осиповъ писалъ, находясь въ какой-бы то ни было зависимости отъ Котляревскаго. Изслѣдуя вопросъ о самостоятельности русской Энеиды, мы пришли къ заключенію, что Осиповъ писалъ подъ сильнымъ вліяніемъ Блумауера; однако это вліяніе не объясняетъ того обстоятельства, почему у Осипова встрѣчаются многія мѣста, которыхъ нѣтъ у Блумауера? Но въ самомъ-ли дѣлѣ можно считать фактомъ это послѣднее,—т. е. что Осипова Энеида является полнѣе по содержанію въ сравненіи съ Энеидой Блумауера? Это пока остается неизвѣстнымъ и нужно это доказать, чтобы въ дальнѣйшемъ изложеніи исходить только изъ вполнѣ

---

[1]) Отзывъ о сочиненіи г. Петрова—стр. 67, примѣч. 6.

выясненныхъ фактовъ; для этого, конечно, нужно лишь указать мѣста изъ русской передѣлки, отсутствующія въ нѣмецкой. Вотъ они,—разумѣется, только нѣкоторыя: въ 4-й, очень типичной для сравненія, части обѣихъ передѣлокъ появляется разностишіе съ совершенно различнымъ содержаніемъ: у Блумауера Дидона ввѣряетъ тайну своей любви „патеру“, у Осипова—сестрѣ Аннѣ, причемъ самыя разсужденія въ обоихъ случаяхъ очень различны. Въ той-же части у Блумауера пропущено описаніе охоты—у Осипова очень обширное; далеко шире у Осипова о Молвѣ; наконецъ, въ той же части у Блумауера отсутствуетъ обширное изображеніе скорби Дидоны передъ Анной,—находящееся у Осипова. Въ 5-й части у Блумауера иначе, чѣмъ у Осипова, изображенъ бѣгъ кораблей, затѣмъ очень кратко, по сравненію съ Осиповымъ, описаніе Энтелла; въ 6-й пѣснѣ у Блумауера пропущена встрѣча Энея въ аду со смертью.

Въ седьмой пѣснѣ у Блумауера, по сравненію съ Осиповымъ, выпущено мѣсто о совѣтѣ Латина съ Фавномъ; затѣмъ о чудесахъ, являвшихся Латину и его народу; отсутствуетъ у Блумауера очень важное мѣсто объясненія съѣдѣнія троянцами корокъ, замѣнявшихъ имъ тарелки, и т. д. Намъ нечего подробно останавливаться на перечисленіи мѣстъ русской Энеиды, или отсутствующихъ въ нѣмецкой передѣлкѣ, или радикально иначе въ ней изображенныхъ; довольно и указанныхъ примѣровъ, чтобы убѣдиться, что Осиповъ пользовался не только Блумауеромъ. Считая этотъ фактъ за несомнѣнный, мы уже болѣе увѣренно можемъ отвѣчать на поставленный выше вопросъ,—кѣмъ-же еще, кромѣ Блумауера, пользовался Осиповъ? При этомъ сразу же напрашивается отвѣтъ, что Осиповъ могъ таки пользоваться Котляревскимъ. Но сравненіе обѣихъ славянскихъ Энеидъ вовсе не допускаетъ такого отвѣта, такъ какъ и у Котляревскаго нѣтъ тѣхъ мѣстъ, которыя отсутствуютъ у Блумауера, — слѣдовательно, опять-таки Осиповъ не могъ всѣхъ упомянутыхъ мѣстъ заимствовать у Котляревскаго. Ясно теперь, что ни у кого изъ подражателей Вергилія Осиповъ не

могъ взять упомянутыхъ нами эпизодовъ; остается предположить, что онъ ихъ заимствовалъ у самаго Вергилія. И это наше предположеніе будетъ самымъ вѣрнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только сличить хоть упомянутыя мѣста съ римской Энеидой, и мы всѣ ихъ найдемъ тамъ до единаго. Мало того, мы увидимъ, что во многихъ мѣстахъ, именно въ тѣхъ, гдѣ Осиповъ не подражалъ Блумауеру, онъ почти переводилъ Вергилія: поэтому у него и эпизодовъ больше, чѣмъ у Блумауера, потому-же вообще и изложеніе его шире, чѣмъ у послѣдняго; такимъ образомъ, большую обстоятельность въ изложеніи Осипова слѣдуетъ объяснять не такъ, какъ г. Минскій,—т. е. растянутостью,—какъ отличительнымъ свойствомъ Осипова, а только тѣмъ, что онъ во многихъ мѣстахъ слѣдовалъ обстоятельному изложенію Вергилія. Укажемъ для иллюстраціи нашего положенія одинъ примѣръ, *отсутствующій* у Блумауера и имѣющійся у Осипова,—и этотъ примѣръ покажетъ, насколько Осиповъ вообще близокъ къ Вергилію:

IV пѣснь у Вергилія [1].	*IV пѣснь у Осипова* [2].
Esto: aegram nulli quondam flexere mariti,	Вкругъ насъ живущіе сосѣды Любви не могутъ воспалить...
Non Libyae, non ante Tyro; despectus Jarbas,	. . . . Возможенъ-ли въ насъ Ярбъ собою.
Ductoresque alii, quos Africa terra triumphis	Своею рожею смазною Къ себѣ желаніе возжечь?
Dives alit: placitone etiam pugnabis amori?	И прочи здѣшніе царишки И Африканскіе старичишки Въ любовь не могутъ насъ привлечь!

Итакъ, мы нашли .стоящій внѣ сомнѣнія фактъ подражанія Осипова Блумауеру и, кромѣ того, только что обнаружили, что первый пользовался и римской Энеидой. Нѣмецкая и римская Энеида должны такимъ образомъ считаться единственными источниками Осипова и тѣмъ самымъ исключать

---

[1]) Virgilii Maronis Aeneidos Libri I—VI. Edidit P. Hofman Peerlkamp. Leidae MDCCCXLIII стр. 228.

[2]) Стр. 15.

всякіе другіе источники, которыми, слѣдовательно, Осиповъ не пользовался. Теперь мы смѣло можемъ утверждать, что всѣ недоумѣнія по вопросу о генезисѣ русской Энеиды должны разсѣяться, лишь только мы обратимся къ римской и нѣмецкой Энеидамъ [1]). Осиповъ, очевидно, хотѣлъ дать хоть и пародію Энеиды, но все таки возможно полнѣйшую пародію: поэтому непосредственнымъ его образцомъ былъ Блумауэръ, а Вергилій служитъ только подспорьемъ, помогая въ тѣхъ случаяхъ, когда матерьялъ у Блумауэра становился довольно скуднымъ. Въ какомъ-же положеніи, послѣ утвержденія двухъ данныхъ фактовъ—пользованія Осипова 1) Блумауеромъ и 2) Вергиліемъ, долженъ теперь оказаться вопросъ о взаимоотношеніи русской и украинской Энеидъ? Во всякомъ случаѣ упомянутые факты свидѣтельствуютъ не въ пользу Котляревскаго. Если уже послѣ утвержденія перваго положенія, что Осиповъ копировалъ Блумауера, можно было думать, что Котляревскій совершенно не повліялъ на Осипова, то послѣ утвержденія второго положенія—о пользованіи Осипова Вергиліемъ, независимость Осипова отъ Котляревскаго можно считать почти безспорной. Теперь оказывается, что если-бы даже Осиповъ и зналъ рукопись Котляревскаго, то она для него была совершенно безполезна,—такъ какъ у Котляревскаго онъ не только не нашелъ-бы тѣхъ мѣстъ, которыхъ нѣтъ у Блумауера, но не нашелъ бы цѣлыхъ пѣсенъ [2])... Ясно, что при всѣхъ натяжкахъ, трудно предположить, чтобы Котляревскій, при крайне неразвитомъ иногда содержаніи своей передѣлки, могъ служить какимъ-бы то ни было образцомъ для Осипова. У послѣдняго были могущественные учителя—самъ Вергилій и Блумауеръ, у которыхъ онъ могъ найти и нашелъ все содержаніе Энеиды, далеко не

---

[1]) Такимъ образомъ можно объяснить и отсутствующій у Блумауэра эпизодъ со смертью (въ 6-й пѣснѣ Осипова); изъ изложенія проф. Дашкевича можно предположить, что встрѣчу Энея со смертью Осиповъ заимствовалъ у Скаррона; но это предположеніе будетъ неправильное: о смерти упоминаетъ самъ Вергилій (VI—стр. 388)... Изъ Вергилія-же и Осиповъ взялъ это мѣсто о смерти, а Блумауэръ его упустилъ,—вотъ и все! Скарронъ здѣсь не причемъ.

[2]) По Вергилію 2-й, 3-й и 1/24-й!

полное у Котляревскаго. Такимъ образомъ, всѣ упомянутыя положенія говорятъ за первенство по времени русской Энеиды. Сильное подражаніе Осипова Блумауеру, извлеченіе недостающихъ у Блумауера мѣстъ изъ Вергилія, наконецъ, отсутствіе въ украинской Энеидѣ нѣскольких пѣсенъ, имѣющихся въ руской Энеидѣ,—все это вмѣстѣ говоритъ о полной независимости Осипова отъ Котляревскаго. Для насъ лично и всего только что найденнаго довольно, чтобы утверждать совершенно объективно, что Котляревскій сильно подражалъ Осипову, а не наоборотъ. Но, повторяемъ снова, и новыя, приведенныя нами доказательства могутъ показаться скептикамъ все-же недостаточными. Поэтому мы приведемъ еще новый аргументъ, который извлеченъ нами изъ самихъ передѣлокъ, и на этотъ разъ уже полагаемъ, что приводимый ниже аргументъ долженъ рѣшить нашъ главный вопросъ окончательно: онъ убѣдитъ самыхъ скептическихъ людей въ томъ, что первенство по времени принадлежитъ русской Энеидѣ, и что Котляревскій подражалъ послѣдней.

III.

Въ предъидущей главѣ, при изслѣдованіи вопроса о взаимоотношеніи славянскихъ передѣлокъ Энеиды, мы пришли къ заключенію, что даннаго вопроса нельзя выяснить, оставаясь на почвѣ сравненія только двухъ упомянутыхъ передѣлокъ. Для болѣе успѣшнаго хода изслѣдованія, мы оставили на время украинскую Энеиду и занялись вопросомъ о генезисѣ русской Энеиды. Это измѣненіе постановки вопроса дало уже извѣстные намъ результаты, которые мы можемъ считать плодотворными: на основаніи послѣднихъ мы можемъ безъ колебанія утверждать, что Осиповъ находился подъ неопровержимымъ вліяніемъ двухъ писателей—Блумауера и Вергилія,—и можемъ, съ другой стороны, глубоко сомнѣваться въ томъ, что Осиповъ подражалъ Котляревскому. Обнаруженная нами близость между обѣими

славянскими передѣлками не доказываетъ ничего и только сама становится загадкой, разрѣшеніе которой и составляетъ главную сущность нашего изслѣдованія. Удовольствуемся найденными результатами и приложимъ къ рѣшенію нашей задачи совсѣмъ новый методъ. Мы до сихъ поръ дѣлали сравненіе различныхъ Энеидъ только частичнымъ образомъ, т. е. сравнивали Осипова съ Котляревскимъ, Осипова съ Блумауеромъ, Осипова съ Вергиліемъ и т. д.; теперь мы оставимъ эти частичныя сравненія и дадимъ картину общаго сравненія, гдѣ въ одномъ стройномъ и послѣдовательномъ ряду будутъ заключаться мѣста изъ украинской Энеиды, русской, нѣмецкой и римской. Отъ такого метода мы ожидаемъ положительнаго результата и думаемъ, что только онъ и дастъ вѣрное и окончательное рѣшеніе главнаго нашего вопроса. Но почему? Отвѣтомъ на это послужитъ болѣе подробное объясненіе сущности нашего послѣдняго метода, который будетъ заключаться вотъ въ чемъ: мы будемъ цитировать прежде всего мѣста, общія украинской и русской Энеидамъ; сами по себѣ они, разумѣется, ничего не въ состояніи обнаружить, кромѣ только того, что обѣ славянскія Энеиды близки. Поэтому мы подыщемъ соотвѣтствующія этимъ мѣстамъ эпизоды въ нѣмецкой Энеидѣ. Если въ нѣмецкой Энеидѣ мы найдемъ въ подробностяхъ изложеніе, одинаковое съ славянскими Энеидами, то уже это можетъ зародить мысль, что Котляревскій подражалъ Осипову,—и ясно почему: если близость Осипова къ Блумауеру объясняется подражаніемъ перваго второму, то и близость Котляревскаго къ Осипову въ мѣстахъ, которыя этотъ послѣдній заимствовалъ у Блумауера, должна быть также объяснена изъ подражанія Котляревскаго Осипову. Впрочемъ и на этой ступени наше изслѣдованіе не достигаетъ безспорности и логической необходимости, такъ какъ, несмотря на всѣ только-что высказанныя нами соображенія, мѣста, общія Котляревскому, Осипову и Блумауеру, могутъ находиться у Вергилія, и потому общность всѣхъ трехъ пародистовъ можетъ быть объяснена тѣмъ именно, что всѣ они пользовались однимъ источникомъ—

римской Энеидой. Такое, также логически-законное объясненіе если и не разрушило-бы успѣшности нашего метода на указанной ступени изслѣдованія, то во всякомъ случаѣ дало-бы поводъ къ новымъ сомнѣніямъ и рѣшительнаго отвѣта на главный нашъ вопросъ не позволило-бы дать совершенно. Поэтому мы идемъ дальше и къ тремъ общимъ мѣстамъ у названныхъ пародистовъ подыскиваемъ у Вергилія четвертое. Вотъ въ этомъ-то послѣднемъ пріемѣ и заключается центръ нашего метода и вмѣстѣ съ тѣмъ окончательное и вѣрное рѣшеніе нашей задачи. Если, въ самомъ дѣлѣ, общія мѣста славянскихъ передѣлокъ, близкихъ и нѣмецкой передѣлкѣ, не находятся въ римской Энеидѣ или находятся въ ней совершенно иными, радикально измѣненными, слѣдовательно, въ трехъ передѣлкахъ,—то сомнѣній уже не можетъ быть никакихъ: какимъ образомъ мѣста, находящіяся у Осипова и Блумауера и отсутствующія у Вергилія или изображенныя имъ совершенно иначе, могли попасть въ украинскую Энеиду? Очевидно, что Котляревскій взялъ ихъ у Осипова, взявшаго ихъ въ свою очередь у Блумауера; очевидно, значитъ, что Котляревскій подражалъ Осипову и позаимствовалъ у него даже такія мѣста, которыхъ нѣтъ у Блумауера. Противъ такого заключенія спорить уже будетъ трудно, даже невозможно.

Вотъ первый образецъ, необходимый для нашихъ цѣлей.

Энеида Котляр.	**Энеида Осипова.**
I пѣснь.	*I пѣснь.*
Впрягла у таратайку паву...	Своихъ павлиновъ запрягла.

I пѣснь.

Энеида Блумауера

Sie liess sich nach Aeolien
Auf ihrem goldnen Wagen
Bis hin, wo itzt Paris zu sehn,
Von ihren Pfanen tragen.

Какъ очевидно, во всѣхъ трехъ передѣлкахъ Энеиды говорится, что Юнона отправилась въ Эолію на павлинахъ. Обращаясь къ Вергилію, мы видимъ, что о павлинахъ нѣтъ даже упоми-

навія,—они введены въ изложеніе Блумауеромъ, переняты Осиповымъ и, наконецъ, очутились у Котляревскаго. Вотъ, въ самомъ дѣлѣ, соотвѣтствующее мѣсто у Вергилія:

I пѣснь.

Talia flammato secum dea Corde volutans,
Nimborum in patriam, loca feta furentibus austris
Aeoliam venit.

Вотъ и все: ни о какихъ павлинахъ нѣтъ здѣсь и рѣчи! Затѣмъ слѣдующее мѣсто:

У Котляревскаго.

Борей недужъ лежыть съ похмилля.
А Нодъ поихавъ на весилля,
Зефиръ-же, давній негодяй,
Зъ дивчатамы заженыхався,
А Эвръ у вынныкы нанявся...

У Осипова.

Борей съ похмѣлья въ лазаретѣ,
А Нотъ еще въ прошедшемъ лѣтѣ
Ушибенъ больно на бою;
Зефиръ въ наймахъ у стихотворцевъ,
Эвръ водитъ за носъ крючкотворцевъ...

У Блумауера.

Mein Auster hat die Lungensucht,
Mein Eurus ist nun auf der Flucht
Und dient den Zeitungsschreiben..
Mein Nordwind, den wir itzt zum Wehn,
Am besten brauchen könnten,
Ist athemlos: ich lieh ihn den
Berlinerrezensenten,
Die machen ihn zum Hekticus,
. . . .
Sogar den Zevhir haben mir
Die Dichter weggenommen...

Всѣ эти цитаты являются въ передѣлкахъ Энеиды въ видѣ отвѣта Эола на просьбу Юноны, желавшей, чтобы царь вѣтровъ приказалъ своимъ подчиненнымъ взбушевать море и потопить корабли Энея. У Вергилія нѣтъ ничего подобнаго: Эолъ и не думаетъ отговариваться отсутствіемъ вѣтровъ и сразу-же заявляетъ богинѣ:

Tuus, o regina, quid optes,
Explorare labor; mihi iussa capessere fas est, и т. д.

Вышеупомянутый отвѣтъ изобрѣтенъ Блумауеромъ, почти дословно переведенъ Осиповымъ и, какъ ясно, воспринятъ Котляревскимъ... Теперь дальше:

У Котляревскаго 1 пѣснь.

Згадай, якый прыйщовъ до мене,
Що ни сорочкы не було,
И постоливъ чортъ мавъ у тебе,
Въ кышени-жъ пусто, ажъ гуло.

У Осипова 4 пѣснь.

Ахъ, вспомни ты, злодѣй негодный,
Подумай, съ чѣмъ сюда пришелъ;
Какъ песъ ты бы былъ тогда голодный
И рубашенки не имѣлъ;

У Блумауера 4 пѣснь.

Ha, Bösewich ohn alle Scham!
Denn ich einst küsst' und drückte,
Den ich, als Bettler zu mir nahm
Und seine Hemden flickte...

Во всѣхъ этихъ цитатахъ Дидона намекаетъ Энею на его нищету, говоря, что онъ, придя къ ней, не имѣлъ даже сорочки. Объ этой сорочкѣ у Вергилія нѣтъ и помину; въ 4-й пѣснѣ онъ вкладываетъ въ уста Дидоны слѣдующія слова:

Eiectum litore, egentem
Excepi, et regni demens in parte locavi;
Amissam classem, socios a morte reduxi..

Еще новый примѣръ:

У Котляревскаго 2 пѣснь.

Эней
Сказавъ: „нехай ій вичне царство,
Мени-же довголитне панство,
И щобъ друга вдова найшлась...

У Осипова V пѣснь.

Дай Богъ, сказалъ, ей память вѣчну,
За всю любовь ко мнѣ сердечну,
Мнѣ-жъ свѣжую вдову достать!

У Блумауера V пѣснь.

Er sah ihr End und rief ihr zu:
„Der Herr geb'ihr die ew'ge Ruh,
Und mir—ein ander Weibchen"...

Эти элегическіе возгласы Энея по поводу кончины Дидоны и вмѣстѣ съ тѣмъ довольно откровенныя желанія найти себѣ „другую вдову" опять таки не имѣютъ мѣста у Вергилія. Тамъ въ соотвѣтствующей пѣснѣ (V-й) сказано даже, что троянцы, а не исключительно Эней, могли только догадываться о причинѣ пожара въ Кароагенѣ, но никакихъ замѣчаній по поводу этого пожара, да еще въ такой формѣ, въ какой мы это видимъ у Блумауера и прочихъ пародистовъ,—у Вергилія нѣтъ.

Вотъ это мѣсто у Вергилія.

Quae tantum accenderit ignem,
Caussa latet; duri magno sed amore dolores
Polluto, notumque, furens quid femina possit,
Triste par augurium Teucrorum pectora ducunt...

Рѣчей Энея здѣсь нѣтъ. Пойдемъ дальше.

У Котляревскаго 3 пѣснь.

Якъ гуща въ сыровци играе,
Шипять, якъ кыснуть, буряки...
Якъ противъ сонця рій гуляе,
Гулы си такъ неборакы.
Харона, плачучы, прохалы,
До його рукы простягалы,
Щобъ взявъ съ собою на каюкъ...

У Осипова 6 пѣснь.

Какъ будто ряпушки въ затонѣ
Иль сельди невода въ мотнѣ,
Какъ овцы въ тѣсномъ гдѣ загонѣ,
Квасная гуща какъ на днѣ,
Такъ точно люди тамъ стояли,
Другъ друга въ тѣснотѣ толкали,
Впередъ старался всякъ долѣзть,
Къ Харону руки простирая.

У Блумауера 6 пѣснь.

Unzählbar, gleich den Häringen,
Die in gedrängten Schaaren
In's Fischnetz der holländischen
Grosshäringsnrämer fahren,
So drängten hier sich haufenweis
Die armen Seelen um den Greis
Und schrieen: Ueberfahren.

У Вергилія въ 6-й пѣснѣ находимъ слѣдующее соотвѣтствующее мѣсто:

Quam multa in silvis auctumni frigore primo
Lapsa cadunt folia; aut ad terram gurgite ab alto
Quam multae glomerantur aves ubi frigidus annus
Trans pontum fugat, et terris immittit apricis.
Stabant orantes primi transmittere cursum,
Tendebantque manus ripae ulterioris amore...

Во всѣхъ этихъ параллельныхъ мѣстахъ заключается сравненіе толпившихся возлѣ Харона душъ съ соотвѣтственными явленіями изъ міра физическаго и органическаго, но, по сравненію съ римскимъ оригиналомъ, прочія передѣлки представляютъ крупное отличіе: въ нѣмецкой и русской передѣлкахъ Энеиды толкотня душъ сравнивается съ рыбой (сельдями),—

въ украинской передѣлкѣ въ упомянутомъ мѣстѣ „рыбы“ не фигурируютъ; однако, если обратиться нѣсколько выше, то мы увидимъ почти то-же сравненіе съ рыбой въ предъидущей строфѣ:

На ярмальци якъ слобожане,
Або на кресному лугу
До рыбы товпляться мыряне, —
Була на свому такъ лугу...

Итакъ, снова мы находимъ мѣсто, которое изобрѣлъ Блумауеръ и безсознательно повліялъ имъ на Осипова, а черезъ него и на Котляревскаго, — но которое совершенно инымъ является у Вергилія. Путь, которымъ въ украинскую Энеиду попало данное мѣсто, представляется намъ теперь вполнѣ очевиднымъ. Котляревскій не могъ взять своего сравненія изъ Энеиды Вергилія, ибо тамъ такого, какъ у Котляревскаго, сравненія нѣтъ,—значитъ онъ взялъ его у Осипова, ибо Осиповъ получилъ его отъ Блумауера. Еще примѣръ:

У Котляревскаго 3 пѣснь.

Эней узривъ свою Дидону,
Осмалену, мовъ головня.
Якъ разъ по нашому закону
Предъ нею шапочку изнявъ.

У Осипова 6 пѣснь.

Увидѣвши вдову Дидону,
По древню щеголевъ закону
И по манеру волокитъ
Спѣшитъ къ красавицѣ проворно...

У Блумауера 6 пѣснь.

Auch die verlassne Dido fand
Aeneas hier in Thränen.
Er küsste zärtlich ihr die Hand
Und wollte sie versöhnen...

Всѣ эти мѣста, указывающія на кавалерскія пріемы Энея по отношенію къ найденной имъ Дидонѣ, у Вергилія отсутствуютъ; у него только упоминается, что Эней...

Demisit lacrimas, dulcique afflatus amore est.

Ничего донжуанскаго ни въ этихъ дѣйствіяхъ, ни въ послѣдующей затѣмъ рѣчи Энея къ Дидонѣ, у Вергилія нѣтъ,—

какъ это замѣчается, наоборотъ, у Блумауера и съ легкой его руки у Осипова, а затѣмъ и у Котляревскаго.

Но въ той-же 3-й пѣснѣ, у Котляревскаго есть одно очень интересное мѣсто, котораго нѣтъ у Вергилія, да,—какъ мы увидимъ позже, не могло и быть. Наоборотъ, у Блумауера и затѣмъ у Осипова оно есть и опять таки, какъ мы увидимъ послѣ, немогло въ нихъ и не быть, такъ какъ самый характеръ его таковъ, что оно не вяжется съ общимъ колоритомъ украинской Энеиды и римской,—и должно было быть заимствовано изъ совершенно иныхъ источниковъ,—въ данномъ случаѣ изъ Осипова—Блумауера. При встрѣчѣ Энея съ Анхизомъ, послѣдній, по Котляревскому, даетъ ему возможность узнать свою будущую судьбу. По редакціи украинской Энеиды это предсказаніе дѣлаетъ горшокъ, въ который было наложено различныхъ травъ и откуда вскорѣ послышался голосъ, произнесшій, между прочимъ, слѣдующія слова:

Эней
Тамъ буде жыть та пожываты,
Покыль не будуть цылуваты
Ногы якоись постола...

Вотъ это-то „ногы якоись постола“, при всей незначительности даннаго мѣста въ общемъ содержаніи, играетъ громадную роль при опредѣленіи взаимоотношеній славянскихъ передѣлокъ Энеиды. Въ самомъ дѣлѣ, что это за таинственная „нога“, чей это „постолъ“? Изъ украинской Энеиды этого нельзя понять совершенно; само это мѣсто кажется въ ней какъбудто лишнимъ, непонятнымъ, и, во всякомъ случаѣ, требуетъ разрѣшенія и объясненія. Гдѣ-же это послѣднее найти? Естественно, конечно, прежде всего искать въ римскомъ оригиналѣ Энеиды. Однако, при разсмотрѣніи подобнаго-же предсказанія Энею у Вергилія, на всемъ протяженіи его, мы не находимъ даже намека на то, что кому-то будутъ цѣловать „постолъ“. Очевидно, такимъ образомъ, что Котляревскій заимствовалъ это мѣсто у кого-то другого, только не у Вергилія. Обращаясь

къ Осипову, мы, въ самомъ дѣлѣ, видимъ упомянутое мѣсто о цѣлованіи кому-то туфли, но и у Осипова это мѣсто въ предсказаніи Энею является очень непонятнымъ и требующимъ объясненія... Обращаемся къ Блумауеру и у него находимъ соотвѣтственное мѣсто съ опредѣленнымъ смысломъ, вполнѣ гармонирующимъ при этомъ съ общимъ направленіемъ нѣмецкой пародіи... Вотъ это мѣсто [3]):

Dem wird das Pabstthum sein Papa
Einst erblich hinterlassen,
Und den wird seine Frau Mama
Zum Pabsten machen lassen,
Eh'er in's Mannesalter tritt,
Und dem dort küsst man ga schon mit
Zwölf Jahrn den Pantoffel.

Какъ мы только что сказали, это мѣсто вполнѣ гармонируетъ съ общимъ колоритомъ нѣмецкой Энеиды: въ данномъ отрывкѣ, какъ и въ относящихся къ нему примѣчаніяхъ Блумауера видно, что послѣдній насмѣхается надъ папскимъ достоинствомъ и саркастично замѣчаетъ, что предметомъ поклоненія для всего католическаго міра являлись даже 12-лѣтніе мальчуганы, которымъ вѣрующіе, какъ святынѣ, цѣловали туфли. Выраженіе „папская туфля" употребляется въ соотвѣтствующихъ случаяхъ очень часто и понынѣ и сдѣлалась вполнѣ законнымъ выраженіемъ съ легкой руки различныхъ осмѣивателей злоупотребленій папскаго престола, въ многочисленный рядъ которыхъ нужно поставить и Блумауера. Поэтому у Блумауера оно стоитъ совершенно кстати, ибо ему соотвѣтствуетъ извѣстный эпизодъ и общая сатира поэта, направленная противъ папства. Итакъ, вотъ что обозначаетъ эта туфля у Блумауера,—„постолъ" у Котляревскаго... Какъ-же объяснить теперь присутствіе этой туфли у Котляревскаго? Ни съ колоритомъ его Энеиды, ни съ послѣдующимъ и настоящимъ изложеніемъ, въ которое включено мѣсто о туфлѣ,—это послѣднее не имѣетъ никакой связи. Какъ-же оно появилось туда? Самымъ простымъ образомъ,—въ видѣ подражанія соотвѣтствующему мѣсту въ Энеидѣ Осипова. А разъ дѣло обстоитъ такимъ образомъ, то

значитъ, Котляревскій зналъ Осипова, слѣдовательно, первый пользовался произведеніемъ послѣдняго, а потому и близость его къ Осипову, можетъ быть объяснена, послѣ всего вышесказаннаго, тѣмъ, что онъ подражалъ Осипову,—и только тѣмъ! Послѣ этихъ, какъ мы думаемъ, не опровержимыхъ доказательствъ въ пользу того мнѣнія, что Котляревскій отсутствующія мѣста Вергилія взялъ чрезъ Осипова у Блумауера, — мы приведемъ еще болѣе сильныя доказательства.

4-я пѣснь Котляревскаго и 7-я—Блумауера и Осипова въ этомъ отношеніи неоцѣнимы по своему глубочайшему значенію. Остановимся, напримѣръ, на слѣдующемъ мѣстѣ украинской Энеиды [1]):

Цесарци ходять журавлямы,
Цырцеи служать за гусаръ
И въ острови тыхъ сторожамы.
Италіянець-же маляръ
И скваппишый на всяки штукы,
Спивакъ, танцюра, на вси рукы,
Уміе и чыживъ ловыть...
Сей—перерaженъ въ обезьяну,
Ошыйныкъ носыть изъ сапьяну
И осужденъ людей смишыть.
Французы-жъ—давніи свпакы,—
Головорезы, ризныкы,
Си перегернути въ собакы...
. . . .
Повзуть Швейцарци червьякамы,
Голландци квакають въ багни,
Чухонци лазють муравьямы,
Пизнаещъ жыда тамъ въ свыни.
Индыкомъ ходыть тамъ Гишпанець,
Кротомъ-же лазыть Португалець,
Звиркуе Шведыкъ вовкомъ тамъ...

У Осипова 7 пѣснь.

Здѣсь Англійской милордъ надменный
Поетъ гитарой на суку,
А Нидерландецъ, въ крюкъ согбенный,
Кричитъ сквозь на кукареку;
Французы, собравшись кружками,
Борзыми рѣзвятся щенками;
Голландецъ-же, забившись въ грязь,
Лягушкою въ водѣ клокочетъ,
И тонко горлицей хохочетъ
Изнѣженный германскій князь.
Гишпанецъ, въ гордости раздувшись,
Ходилъ индѣйскимъ пѣтухомъ,
Ступалъ ходой, не спотыкнувшись,
Хвостъ расщеперя колесомъ...
Тирольцы-же и Савояры
И прочи Римскіе бояры
Щипя, мурлыча и ревя
Коверкались, какъ обезьяны,
Плясали, пѣли, какъ цыганы,
Ползли, оборотясь въ червя...

Эти два параллельныя мѣста очень характерные. У Вергилія есть соотвѣтствующее мѣсто гдѣ также говорится о

[1]) Изд. 1842 г. IV-я пѣснь—стр. 11—12.

[2]) Virgilii—Aeneidos VIII—XII—стр. 3.

томъ, что на островѣ Цирцеѣ находится много оборотней—звѣрей, но, разумѣется, ни о какихъ Испанцахъ, Швейцарцахъ, Голландцахъ нѣтъ и помину... Можно было-бы, хотя и съ большимъ теперь рискомъ, предположить, что Осиповъ и Котляревскій создали приведенныя здѣсь мѣста независимо другъ отъ друга,—однако это предположеніе разрушается сравненіемъ этихъ мѣстъ съ нѣмецкой передѣлкой. Тамъ мы найдемъ тождественное мѣсто,—тѣ-же имена и тѣ-же почти характеристики. Вотъ это большое мѣсто [1]):

Hier singt sein Geldschmidbub, als Fink
Ein junger Engelländer.
Dort schimpfet als ein Rohrsperling
Ein toller Niederländer,
Als Windspiel läuft hier ein Franzcs,
Dort bittet ein Hollänpertross
Als Frösch'um einen König.
Hier kommt als Truthan stolz ein Don
Hidalgos angeschritten,
Ein Deutscher als Chamäleon
Schnappt dort nach fremden Sitten.
Als Faulthier schläft ein Römer hier,
Verwandelt in sein Murmelthier
Tanzt dort ein Sarogarde.

Стоитъ только сравнить это мѣсто съ приведенными выше, чтобы убѣдиться въ зависимости въ данномъ случаѣ Осипова отъ Блумауера, а Котляревскаго отъ Осипова. Всѣ эти Голландцы, Португальцы, Швейцарцы, находящіеся въ украинской и нѣмецкой передѣлкахъ, могли попасть въ первую изъ послѣдней опять-таки только при посредничествѣ Осипова. Иного объясненія близости Котляревскаго къ Блумауеру нельзя и подыскать. Пойдемъ дальше... Всѣмъ извѣстно слѣдующее мѣсто въ украинской Энеидѣ, пересыпанное латинскими выраженіями:

4 пѣснь у Котляревскаго.	*7 пѣснь Осипова.*
Энеусъ ностеръ магнусъ панусъ	Къ тебѣ, какъ мужику богату,
И славный Троянорумъ князь,	Пришли мы, серениссиме!

[1]) Virgils Aeneis—von Blumauer Dritter Band 1788 (?) Siebentes Buch—стр. 14—15.

Шмыглявъ по морю, якъ цыганусъ
Адъ те, о рексъ, прыславъ нункъ насъ.
Рогамусъ, домине латыне,
Нехай нашъ капутъ не загыне,
Пермитте жыть въ земли своей,
Хоть за пекунiи, хоть гратисъ,
Мы дякуваты будемъ сатисъ
Бенефиценцiи твоей.
О Рексъ, будь нашимъ Меценатомъ
И ласкамъ туамъ покажы
Энеусу зробыся братомъ
О, оптиме, не откажы
Энеусъ—принцепсъ есть моторный ..
и т. д.

. . . .
Позволь намъ бенигниссиме,
. . . .
Въ твоей землѣ пожить въ покоѣ;
Экзавди насъ ты, домине,
. . . .
Любя тебя инномине...
Пожалуй, не оставь насъ бѣдныхъ
И милостію не покинь,
Не дай въ бѣдахъ скитаться вредныхъ
И просьбы нашей не отринь...
Энеусъ нашъ дѣтина славный...
и т. д.

Не смотря на близость этихъ двухъ мѣстъ, Котляревскій конечно, могъ свои латинскія выраженія взять непосредственно изъ Энеиды римской (VII пѣснь); но дѣло въ томъ, что у Вергилія въ соотвѣтствующей рѣчи Энеевыхъ пословъ нѣтъ ни одного изъ упомянутыхъ латинскихъ словъ украинской Энеиды, за исключеніемъ „rogamus“ и „rex“... Посмотримъ, что мы въ данномъ случаѣ найдемъ у Блумауера; у него соотвѣтственное мѣсто мы находимъ въ такомъ видѣ:

Wir kommen, Serenissime,
Zu dir, als reichem Prasser!
Verleih'uns Benegnissime,
Ein Bischen Luft und Wasser!
Wir brannten im Diluvio
Vor Troja, wie das liebe Stroh
Beinah zu Staub und Asche
Drum, domine, exaudi nos
Und unsern grossen Helden...
. . . .
Lasst dir auch unsre Munera
. . . .
Es sind noch drauf die Funera...

Сравнивая это мѣсто съ соотвѣтствующимъ русскимъ, мы видимъ, что Осиповъ почти перевелъ нѣмецкій оригиналъ въ данной части. Латинскія слова не взяты Котляревскимъ ни изъ какой передѣлки,—они принадлежатъ только ему; но дѣло въ томъ, что они являются отчасти простымъ переводомъ русскаго текста, взятаго у Осипова,—напр.:

У Котляревскаго.	*У Осипова.*
Пермитте жыть въ земли своей	Позволь Въ твоей землѣ пожить въ покоѣ.

Ясно изъ этого, что подобно тому, какъ Осиповъ соблазнился латинскими выраженіями Блумауера и помѣстилъ ихъ у себя, такъ и Котляревскій вдохновился тѣми-же латинизмами у Осипова и, находя это, вѣроятно, очень остроумнымъ, уснастилъ рѣчь своихъ троянцевъ латинизмами въ обильной степени. Здѣсь снова видно подчиненіе его Осипову. Приведемъ еще примѣръ, который хотя и нѣсколько циниченъ, но показываетъ вполнѣ очевидно, какъ иногда остроумныя мѣста Котляревскаго брались имъ у Осипова... Вотъ это мѣсто:

	У Осипова 17 пѣснь.
Латынъ старый бувъ не рубака И воюватысь не любывъ, Одъ слова смерть винъ неборака Бувъ безъ души и мовъ не жывъ. Винъ стычку тилько мавъ на лижку, Аматы якъ не гравъ пидъ нижку И то тоди, якъ пидтоптавсь; Безъ того-жъ завжды бувъ тыхенькый...	Латинъ былъ царь миролюбивый И драки вовсе не любилъ, Смиренъ, не спорливъ, не гнѣвливый И весь свой вѣкъ спокойно жилъ, Со всѣми убѣгая спору, Одну имѣлъ лишь только ссору. Ночною изрѣдка порой Со вздорливой своей женой...

У Вергилія о характерѣ Латина сказано только слѣдующее:

Rex arva Latinus et urbis
Jam senior longa placidas in pace regebat,

Да затѣмъ, когда латинцы требовали отъ него войны, то онъ былъ уподобленъ за твердость характера скалѣ, не поддающейся бурямъ... Но никакихъ эпизодовъ, касающихся отношеній его къ супругѣ Аматѣ, нѣтъ у него совершенно... Ясно поэтому, что упомянутый плоскій эпизодъ взятъ обоими авторами славянскихъ Энеидъ не у Вергилія, но также и не изобрѣтенъ ими. Легко догадаться, что Котляревскій посредственно, а Осиповъ непосредственно обязаны этимъ понравившимся имъ мѣстомъ Блумауеру. Стоитъ только обратиться къ послѣднему, и мы сразу-же увидимъ, что нѣмецкій оригиналъ былъ для обоихъ славянскихъ поэтовъ первоисточникомъ. Чтобы не быть голословными, приводимъ это мѣсто:

Des guten Königs Milch natur
Bestand aus lauter Frieden,
Ihm war in seinem Leben nur
Ein eins'ger Krieg beschieden:
Der war, wenn Nachts mit ihm im Bett
Der Ehkonsortium Majestät
Ein Bischen harcelirte.

Итакъ вотъ откуда попалъ къ Котляревскому упомянутый эпизодъ объ отношеніяхъ Латина къ его женѣ... Слѣдующее мѣсто еще болѣе характерно.

У Котляревскаго.

У няньки бувъ биленькый цуцыкъ,
Іи винъ завжды забавлявъ;
Не дуже простый—родомъ муцыкъ,
Носывъ поноску, танцювавъ,
И паніи лизавъ одъ скукы
Частенько ногы скризъ, и рукы,
И тименыци выгрызавъ..
Царивна часто зъ нымъ игралась,
Сама царыця любовалась...

У Осипова.

У царской мызницы старухи
. . . .
Была болонска собаченка,
Котору больше, какъ робіонка,
Лелѣяла и берегла
. . . .
Съ ней съ сухарями чай пивала,
Повсюду блохъ у ней искала.
и т. д.

Въ обѣихъ передѣлкахъ говорится, что троянскіе охотники убили нечаянно собаченку, принадлежавшую приближенной царя Латина. Посмотримъ, что мы найдемъ у Блумауера...

Вотъ что:

Die Försterinn des Walds, wo er
Sich itzt im Schiessen übte,
Besass ein Hündchen, das sie mehr,
Als ihren Ehmann liebte;
Es war ein Bologneserchen
Und just so zottelhaarichs schön
Wie unsre Damenköpfe
Dies Hündchen trank mit ihr Kaffee и т. д.

И у Блумауэра фигурируетъ та-же „собачка"... Что-же теперь имѣется въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ у Вергилія? Въ римскомъ оригиналѣ мы находимъ слѣдующее:

Cervus erat forma praestanti et cornibus ingens.—
. . . .
Assuetum imperiis soror omni Silvia cura
Mollibus intexens ornabat cornua sertis,
Pectebatque ferum, puroque in fonte lavabat.

Ясно, что у Вергилія говорится не о собачкѣ, а объ оленѣ, изъ-за котораго и произошла борьба между Латинцами и Троянцами. Ясно поэтому, что Котляревскій своего эпизода о собачкѣ не могъ заимствовать у Вергилія, а взялъ его у Осипова, который въ свою очередь былъ несамостоятеленъ, а взялъ данное мѣсто у Блумауера.

Итакъ, мы имѣемъ новое ясное доказательство, что Котляревскій зналъ Осипова и пользовался имъ. Но пойдемъ еще дальше. У Котляревскаго, при описаніи военныхъ приготовленій Латинцевъ, мы находимъ слѣдующее мѣсто:

Дивки на пруттяхъ розъижжалы
Цинкамы хлопцивъ муштровалы...

Тоже и у Осипова:

Для лучшей въ войскѣ дисциплины
И строгости во всѣхъ полкахъ,
Должны тамъ были всѣ мужчины
У женъ своихъ побыть въ рукахъ.

Само собой понятно, что такого мѣста, гдѣ говорится объ обученіи военнымъ пріемамъ, которыми занимаются мужчины подъ наблюденіемъ женъ, у Вергилія нечего и искать: это мѣсто есть пародія на военныя приготовленія и не могла, конечно, попасть въ серьезное изложеніе римскаго поэта. Но у Блумауера есть и это мѣсто въ такомъ видѣ:

Vom Weibe musste jeder Mann
Das Kommandiren lernen...

Сходство этого мѣста съ указанными выше полное. Что-же этотъ новый фактъ показываетъ? Опять таки, что Осиповъ ревностно подражалъ Блумауеру, но за то съ другой стороны, что и Котляревскій почти перевелъ въ данныхъ эпизодахъ Осипова. Но и эти факты еще не всѣ... Въ томъ-же самомъ отдѣлѣ, гдѣ говорится о военныхъ приготовленіяхъ, мы находимъ:

У Котляревскаго.	*У Осипова.*
Къ роздачи порціи—обтекарь;	Артилеристомъ сдѣланъ лекарь,
Картьожныкъ,—хлибный добрый пекарь,	За инженера былъ аптекарь,
Гевальдыгеромъ бувъ шынкарь,	А пушки вычищалъ скорнякъ.
Вожатымы,—слипци, каликы,	Десяцкихъ—выбрали въ шпіоны

Ораторамы—недориены, | И повезли на почтовыхъ
Шпыгономъ—съ церкви паламарь. | и т. д,

Ничего подобнаго, конечно, у Вергилія найти нельзя. За то у Блумауера мы находимъ то-же самое:

Die Pred'ger wurden enrollirt
Zu lauten Trommelschlängern,
Die Rauchfangkehrerzunft formirt
Ein Regiment von Negern,
Und weil am Pulver Mangel war,
Liess sich Apothekerschaar
Zu Pulvermachern brauchen...

Разумѣется, каждый изъ предъидущихъ пародистовъ, смотря по силѣ своего остроумія, надѣлилъ каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ этой пародіи различными, даже отчасти оригинальными функціями, но не трудно видѣть, что нѣкоторые дѣйствующія лица фигурируютъ во всѣхъ трехъ передѣлкахъ. Очевидно, что такая близость всѣхъ трехъ мѣстъ, при доказанномъ фактѣ подражанія Осипова Блумауеру, можетъ быть объяснена только тѣмъ, что Котляревскій заимствовалъ ихъ у Осипова, а не Блумауеръ у Котляревскаго.

Интересно также, что стихи изъ извѣстнаго мѣста украинской Энеиды.—

Такъ просто війско шыковало,
Не знавши: стій, не шевелысь...—

являются, какъ и указанныя выше мѣста, опять таки не оригинальными. У Вергилія соотвѣтствующихъ имъ стиховъ нѣтъ,—за то у Осипова они есть, и не трудно видѣть, что они заимствованы у Блумауера. Въ самомъ дѣлѣ, у Осипова мы находимъ слѣдующее:

или у Блумауера.

На мѣсто всѣхъ проповѣдей
Попы кричали: „стой, равняйся,
Смотри направо, не шатайся,
Впередъ всѣ разомъ, не робей!

Und aus den Kanzeln und zu Haus
Erscholl itzt nichts als: Brust heraus!
Und March! und Rechts um kehrt euch!

Сходство между обоими мѣстами положительное, и изъ него явствуетъ, какъ данныя строфы Осипова повліяли на Кот-

ляревскаго. Итакъ, всѣ перечисленныя мѣста ясно указываютъ на то, что самостоятельность ихъ у Котляревскаго должна подлежать большому сомнѣнію. Мы бы могли привести еще много мѣстъ такого же характера, т. е. соотвѣтствующихъ которымъ у Вергилія не находится, но довольно и приведенныхъ; и съ помощью ихъ мы можемъ сдѣлать рѣшительный выводъ. Что же, слѣдовательно, показало послѣднее сравненіе различныхъ передѣлокъ? Показало слѣдующее: въ украинской Энеидѣ есть много эпизодовъ, имѣющихся въ русской и нѣмецкой передѣлкахъ римскаго произведенія, но въ послѣднемъ отсутствующихъ. Въ объясненіе найденнаго факта можетъ быть приведено три слѣдующихъ соображенія: во-первыхъ, всѣ три писателя, одновременно и независимо другъ отъ друга, ввели въ свои передѣлки эпизоды, которыхъ нѣтъ въ римской Энеидѣ. Такое положеніе—слишкомъ фантастичное и кромѣ внутренней, психологической несостоятельности разрушается указанными выше фактами. Другое объясненіе можетъ заключаться въ томъ, что Осиповъ подражалъ Котляревскому. Однако это предположеніе опровергается тѣмъ, что Осиповъ копировалъ Блумауера и широко пользовался Вергиліемъ,—т. е. у него было два могучихъ образца, по сравненію съ которыми украинская Энеида является крайне неполной и сокращенной. Слишкомъ точное подражаніе Осипова Блумауеру въ особенности даетъ основаніе думать, что Котляревскій не повліялъ на Осипова совершенно.

Третье объясненіе даетъ разрѣшеніе всѣмъ недоумѣніямъ: мы предполагаемъ, что Котляревскій подражалъ Осипову. Въ самомъ дѣлѣ, если несомнѣнно, что Осиповъ подражалъ Блумауеру, то для объясненія присутствія въ украинской Энеидѣ мѣстъ, отсутствующихъ у Вергилія, но находящихся у Осипова и Блумауера, только тѣмъ и можно объяснить, что Котляревскій заимствовалъ эти мѣста у Осипова. Это объясненіе, повторяемъ мы, самое логическое и единое возможное, ибо къ Котляревскому упомянутыя мѣста могли попасть изъ Блумауера только черезъ Осипова...

Такимъ образомъ, всѣ приведенные факты и особенно послѣдній, воочію доказываютъ, что Котляревскій подражалъ Осипову. Изъ всего приведеннаго здѣсь нѣтъ ни одного положенія, которое могло-бы опровергнуть это заключеніе и дать почву для противоположнаго мнѣнія. Послѣднее доказательство—именно присутствіе въ украинской Энеидѣ мѣстъ, общихъ русской и нѣмецкой, но чуждыхъ римской Энеидѣ, рѣшаютъ вопросъ въ самомъ безповоротномъ смыслѣ.

Теперь, если-бы сдѣланы были даже самыя блестящія по логичности предположенія о томъ, что Осиповъ подражалъ Котляревскому, а не наоборотъ,—если-бы даже найдено было указаніе самого Котляревскаго (чего никогда не можетъ быть!), что онъ написалъ свою Энеиду независимо отъ Осипова,—ничто все-таки не можетъ разрушить правильности нашего заключенія о томъ, что Котляревскій зналъ Осипова Энеиду и подражалъ ей. Для опроверженія нашего вывода необходимо показать, какимъ образомъ найденныя у Котляревскаго мѣста, столь общія Блумауеру, могли попасть къ первому, когда украинскій поэтъ не зналъ ни Блумауера, ни Осипова.

Впрочемъ объ этомъ довольно... Теперь можно сказать, что сравненіе различныхъ передѣлокъ между собою и затѣмъ всѣхъ ихъ съ римской Энеидой дало много фактовъ въ пользу мнѣнія о несамостоятельности украинской Энеиды и ни одного факта въ пользу противоположнаго мнѣнія, такъ что къ нашему выводу мы подошли прямо логическимъ путемъ, не находя при этомъ ни малѣйшаго препятствія. Впрочемъ, проф. Дашчевичъ ихъ находитъ. Посмотримъ, насколько предостереженія проф. Дашкевича могутъ служить помѣхой для нашего заключенія. Вначалѣ нашего изслѣдованія мы упоминали, что проф. Дашкевичъ, какъ-бы въ пользу мнѣнія о самостоятельности нашей Энеиды, указываетъ на присутствіе въ русской Энеидѣ малорусскихъ словъ. Это замѣчаніе проф. Дашкевича мы назвали важнымъ,—и оно дѣйствительно таково, ибо наводитъ насъ на слѣдующія размышленія: вѣдь если въ русской Энеидѣ есть малорусскія слова, а ихъ проф. Дашкевичъ даже

цитируетъ, то это, конечно, большой плюсъ въ пользу мнѣнія о самостоятельности украинской Энеиды; нельзя предположить что эти слова попали къ Осипову внѣ вліянія на него Котляревскаго! Близость Осипова къ Котляревскому еще болѣе позволяетъ думать, что малорусскія слова перешли къ Осипову съ массой мѣстъ, заимствованныхъ имъ, очевидно, у Котляревскаго. Нечего и говорить, что такой оборотъ дѣла много подрываетъ наше заключеніе по данному вопросу, хотя и теперь, конечно, не вполнѣ его опровергаетъ. Предположимъ, значитъ, на основаніи указанія проф. Дашкевича, что Осиповъ, дѣйствительно, подражалъ Котляревскому; но тутъ сразу возникаетъ недоумѣніе,—откуда-же все таки попали къ Котляревскому тѣ мѣста, которыхъ нѣтъ у Вергилія, но которыя есть у Осипова и взяты послѣднимъ, какъ нами доказано, изъ Энеиды Блумауера. Выясняющаго что-нибудь отвѣта на этотъ вопросъ не можетъ быть дано, и въ концѣ концовъ получится cirkulus vitiosus, изъ котораго никакого выхода нѣтъ, такъ какъ въ одно и то-же время выходитъ, что Осиповъ, судя по малорусскимъ словамъ, подражалъ Котляревскому, а Котляревскій, судя по упомянутымъ мѣстамъ, подражалъ Осипову! Получается путаница, и въ рѣшеніи вопроса мы не подвигаемся съ нею ни на шагъ...

Къ счастью, данное недоумѣніе разрѣшается легко и вотъ почему: это недоумѣніе возникло при предположеніи, что указаніе проф. Дашкевича безусловно вѣрно; если-же въ этомъ указаніи есть погрѣшности, то и рождаемое имъ недоумѣніе исчезаетъ совершенно... И оно, дѣйствительно, исчезаетъ, такъ какъ мнѣніе проф Дашкевича совершенно не вѣрно!

Почтенный профессоръ ошибся, допустивъ на данный пунктъ о малорусскихъ словахъ въ русской Энеидѣ односторонній взглядъ. При болѣе широкомъ взглядѣ на указываемыя проф. Дашкевичемъ малорусскія слова, мы легко замѣчаемъ, что эти слова или великорусскія или-же *общія* обѣимъ славянскимъ народностямъ—великорусской и украинской. Если это, въ самомъ дѣлѣ, такъ, и проф. Дашкевичъ ошибся дѣйстви-

тельно, значитъ, наше прежнее заключеніе вѣрно и не подлежитъ никакимъ ограниченіямъ. Посмотримъ, кто изъ насъ правъ, и остановимся прежде всего на словахъ, указанныхъ самимъ проф. Дашкевичемъ.

Первымъ словомъ у него стоитъ „забобоны". Это слово столько-же малорусское, сколько и великорусское,—и дѣйствительно, въ словарѣ великорусскаго языка Даля мы находимъ это слово съ соотвѣтствующими значеніями: „вздоръ, пустяки, враки, вздорные слухи".

Второе слово „пильнуетъ"—также и великорусское слово; у Даля оно имѣется съ значеніемъ „стеречь, стараться"—одинаковымъ, какъ и его значеніе въ малорусскомъ языкѣ.

Третье слово „завсегда" совершенно отсутствуетъ въ переяславо-чигиринскомъ нарѣчіи украинскаго языка, на которомъ писалъ Котляревскій, но оно—коренное слово въ народной великорусской рѣчи, которой пользовался Осиповъ. „Всегда" на нарѣчіи Котляревскаго есть „завжды".

Выраженіе „безъ перестатку" чисто великорусское и совершенно правильно образовано отъ „перестать"; въ малорусскомъ языкѣ есть только формы „безъ устанку, безъ перестанку", образованныя отъ „перестануты, устануты".

Слово „сгодиться" одинаково обще обоимъ языкамъ. Кромѣ этихъ, указанныхъ проф. Дашкевичемъ словъ, есть еще довольно похожихъ на приведенныя сейчасъ,—большинство ихъ мы укажемъ.

„Тасовали" — слово общее обоимъ языкамъ, напр.,—въ русскомъ „тасовать карты".

„Притуляся" — отъ слова „тулиться" также общее слово; у Даля находится оно съ значеніями „прятаться, хорониться".

„Съ-позаранку" — отъ „позаранокъ" — общее слово и находится въ словарѣ Даля.

„Слизко"—общее слово, находящееся и у Даля.

„Храбровать"—имѣется и у Даля.

„Повсечасно“—только похоже на малорусское „повсякчасно“.

Общими словами являются даже такія, какъ „облещать“, „варъ“ и „сивочалой“!

Итакъ, большинство приведенныхъ здѣсь словъ указываютъ ясно, что проф. Дашкевичъ ошибся... У Осипова нѣтъ ни одного спеціально малорусскаго слова; употребляя ихъ въ своей Энеидѣ, онъ считалъ эти слова такъ-же великорусскими, какъ считалъ-бы ихъ, вѣроятно, Котляревскій малорусскими. Оба они были-бы правы съ своей точки зрѣнія, но оба говорили-бы неправду, если-бы стали утверждать, что упомянутыя слова принадлежатъ только одной народности—великорусской или украинской, все равно... По тому-же самому неправъ съ своимъ утвержденіемъ и проф. Дашкевичъ, и онъ тѣмъ болѣе не правъ еще потому, что многихъ изъ этихъ общихъ словъ совершенно даже нѣтъ въ украинской Энеидѣ,—откуда-же Осиповъ ихъ взялъ, это является загадкой, а по указанію проф. Дашкевича все-таки выходитъ, что Осиповъ взялъ ихъ изъ украинской Энеиды. Слабость этого указанія является теперь вполнѣ ясною... Возвратимся теперь къ прежнимъ положеніямъ.

Мы пришли къ заключенію, что Котляревскій подражалъ Осипову и что это заключеніе не опровергается никакими данными, выходящими изъ сравненія украинской Энеиды съ прочими Энеидами. Это заключеніе явилось у насъ путемъ сравненія: бóльшихъ доказательствъ нашего положенія, чѣмъ тѣ, которыя мы имѣемъ, врядъ-ли можно найти; они почти лишни, да и то явятся изъ другой области, если только явятся... Новыя доказательства могутъ явиться только въ видѣ хронологическихъ данныхъ, которыя должны быть вполнѣ точны и документальны, но на это разсчитывать нельзя, да почти и не нужно... Конечно, къ этимъ даннымъ было-бы прибѣгнуть лучше всего, но и они, какъ мы убѣждены вполнѣ, только подтвердили бы главный нашъ выводъ. Наше убѣжденіе еще болѣе строится на тѣхъ хронологическихъ данныхъ, которыя по данному вопросу уже имѣются. Мы не хотимъ сказать,

чтобы мы этимъ даннымъ довѣряли, совершенно наоборотъ,—но и эти данныя только подтверждаютъ нашу главную мысль. Въ самомъ дѣлѣ: еще въ „Воспоминаніяхъ" о Котляревскомъ Савинова [1]) есть указаніе на то, что Котляревскій въ промежуткѣ 1793—96 г. и, собственно говоря, въ 1795 г. только писалъ свою Энеиду, въ то время, какъ Энеида Осипова, частью напечатанная въ 1791 г., къ 1795 году была уже закончена въ печати. Какимъ-же образомъ могъ Осиповъ заимствоваться у Котляревскаго Энеидой, если послѣдняя только находилась еще въ рукописи и врядъ-ли кому была извѣстна?

Другой біографъ Котляревскаго г. Сементовскій [2]) еще яснѣе заявляетъ, что Котляревскій „написалъ нѣсколькао частей извѣстной всѣмъ образованнымъ читателямъ Энеиды въ годы военной службы", т. е., прибавимъ мы отъ себя, не ранѣе 1796 года!

Наконецъ, самое главное: г. С. Каминскій, на котораго такъ сильно опирается проф. Дашкевичъ, даетъ показаніе опять таки въ нашу пользу,—и это въ томъ-же самомъ мѣстѣ, откуда уважаемый профессоръ почерпнулъ основаніе для своего главнаго предположенія. Раньше мы только на основаніи логическихъ построеній старались показать, что изъ свидѣтельствъ С. Каминскаго нельзя было выводить тѣхъ основаній, на которыхъ строилъ свое мнѣніе проф. Дашкевичъ. Теперь мы увидимъ, что и хронологическія данныя подтверждаютъ нашу мысль о времени и способѣ написанія Энеиды и идутъ противъ всѣхъ прочихъ мнѣній по тому-же поводу. Въ самомъ дѣлѣ, въ томъ-же мѣстѣ, гдѣ С. Каминскій говоритъ, что Котляревскій „по долгомъ, обдуманномъ приготовленіи рѣшился пародировать Энеиду", прибавлено: „изъ собранныхъ нами свѣдѣній извѣстно, что первыя три части Энеиды -написалъ онъ, едва вступивъ въ военную службу". Дальше прибавлено, конечно, невѣрно, что это было въ 1803 г., но эта прибавка не важна,

[1]) Сѣв. Пчела 1863 г. № 80.

[2]) Сѣв. Пчела 1846 г. № 82.

такъ какъ С. Каминскій не зналъ просто, въ которомъ именно году поступилъ нашъ поэтъ въ военную службу. Отбросивъ этотъ придатокъ къ мысли С. Каминскаго, мы получаемъ новое доказательство того, что Котляревскій написалъ свою Энеиду послѣ Осипова, такъ какъ, по С. Каминскому, онъ писалъ ее при вступленіи въ военную службу, т. е. не ранѣе 1796 года. Одно это замѣчаніе С. Каминскаго могло-бы уже опровергнуть всѣ построенія проф. Дашкевича, если-бы только послѣдній не остановился съ черезчуръ большой вѣрой на однихъ показаніяхъ біографа Котляревскаго и не игнорировалъ другихъ...

Такъ или иначе, но мы видимъ, что главнѣйшіе біографы Котляревскаго, не упоминая объ отношеніяхъ Котляревскаго, къ Осипову, всѣ въ одинъ голосъ говорятъ, что первый написалъ свое произведеніе не раньше 1793—6 года, и такимъ образомъ подтверждаютъ сдѣланный нами выше выводъ. Мы, конечно, при этомъ еще разъ повторяемъ, что упомянутымъ свѣдѣніямъ мы придаемъ не много значенія и приводимъ ихъ вовсе не затѣмъ, чтобы убѣдить кого-нибудь въ правотѣ нашего заключенія, а только для того, чтобы показать, что и болѣе достовѣрныя біографіи нашего поэта, при всей ихъ противорѣчивости, все таки говорятъ въ одно,—именно: что наша Энеида была написана въ періодъ до поступленія или даже въ первые годы военной службы поэта. Очевидно значитъ, что уже одни эти свѣдѣнія способны дать основаніе мнѣнію о зависимости Котляревскаго отъ Осипова,—а сравненіе Энеидъ различныхъ авторовъ подкрѣпляетъ эту мысль еще болѣе. На этомъ мы свое разсужденіе о первенствѣ той или другой Энеиды и закончимъ и, пользуясь имѣющимся у насъ фактическимъ матерьяломъ, постараемся разрѣшить другіе вопросы, съ даннымъ находящіеся въ тѣсной связи.

Послѣ выясненія вопроса о томъ, Котляревскій ли подражалъ Осипову или наоборотъ, очень важно въ отношеніи украинской Энеиды рѣшить слѣдующіе вопросы: 1) когда была написана Энеида Котляревскаго и 2) какова литературная субстанція Энеиды, или тѣ литературныя вліянія, подъ воздѣй-

ствіемъ которыхъ сложилось украинское произведеніе. Прежде выясненія обоихъ вопросовъ мы считаемъ нужнымъ прибавить, что эти вопросы мы будемъ обсуждать только относительно четырехъ первыхъ частей украинской Энеиды, ибо послѣднія двѣ части сложились при совершенно другихъ вліяніяхъ, которыя намъ еще нужно будетъ доказать въ другой статьѣ и которыя съ выведенными теперь фактами и, значитъ, съ Энеидой Осипова ничего общаго не имѣютъ. Предупредивъ объ этомъ, вернемся теперь къ нашей послѣдней задачѣ. Итакъ, когда были написаны первыя четыре части нашей Энеиды? Точнаго, не приблизительнаго отвѣта на данный вопросъ получить нельзя...

Біографы Котляревскаго даютъ на этотъ счетъ самыя разнорѣчивыя показанія, и если поэтому ихъ совершенно отбросить и нельзя, то, во всякомъ случаѣ, пользоваться ими нужно съ крайней осторожностью. Впрочемъ, даже помимо біографій нашего поэта, намъ въ данномъ вопросѣ поможетъ сдѣланный только что выводъ о подражаніи Котляревскаго Осипову. Украинская Энеида издана была впервые въ 1798 г. именно — напечатаны были три ея части. Значитъ, написаны онѣ были до 1798 г., но въ какіе-же сроки? Это приблизительно можетъ намъ указать Осиповъ.

Первыя части Энеиды Осипова были напечатаны въ 1791 и 1792 гг., причемъ въ первой части (1791 г.) заключается 2 пѣсни Блумауера—Вергилія. Котляревскій, какъ мы доказали, подражалъ Энеидѣ Осипова, слѣдовательно, Энеиду началъ писать или могъ начать послѣ 1791 г. или въ томъ-же году. Извѣстно, что первая пѣснь украинской Энеиды соотвѣтствуетъ 1-й пѣснѣ Энеиды Осипова (І-я часть) и 4-й пѣснѣ (ІІ-я часть); а вторая часть Энеиды Осипова (3, 4, 5 пѣснь) вышла только въ 1792 г., слѣдовательно, кончить свою первую пѣснь (или часть) нашъ поэтъ могъ или послѣ 1792 г., или въ томъ-же году.

Вторая пѣснь украинской Энеиды соотвѣтствуетъ 5-й русской, относящейся къ ІІ-й части и вышедшей также, зна-

читъ, приблизительно въ 1793 году. Третья и четвертая пѣснь украинской Энеиды соотвѣтствуютъ III-ей и IV-й частямъ русской Энеиды, изданнымъ въ 1795 году. Извѣстно, что напечатаны были въ 1798 г. только три первыя части нашей Энеиды, слѣдовательно, въ то время, когда Котляревскій отдавалъ Парпурѣ свою Энеиду для прочтенія, этой четвертой части тамъ не было. Вотъ, съ этими данными и нужно попытаться хоть приблизительно разрѣшить поставленный нами вопросъ. Вся трудность въ рѣшеніи даннаго вопроса заключается въ томъ, что совершенно нельзя установить точно, какое количество времени употреблялъ Котляревскій на созданіе каждой своей части. Поэтому, къ рѣшенію нашей задачи можно подходить только ощупью. Первую часть Котляревскій, какъ мы говорили, могъ начать въ 1791 году, въ крайнемъ случаѣ, въ 1792 г., когда вышли обѣ части Энеиды Осипова, составляющія (4 пѣсни) содержаніе первой части украинской Энеиды. Но начавъ свою Энеиду даже въ 1791 году, нашъ поэтъ не могъ окончить первой пѣсни раньше 1792 года, ибо конецъ этой пѣсни какъ разъ и заключался въ 4-й пѣснѣ русской Энеиды, вышедшей въ 1792 г. Однако мы лично думаемъ, что врядъ-ли Котляревскій могъ начинать въ 1791 г. первую свою пѣснь, видя, что у него нѣтъ полнаго образца для его изложенія, и зная, что этотъ образецъ будетъ, можетъ быть, только впослѣдствіи.

Котляревскій зналъ, что ему придется оставить начатую работу на срединѣ ея, такъ какъ заключительнаго эпизода 1-й его части—именно подробностей смерти Дидоны въ 1-й вышедшей части Энеиды Осипова не было. Вѣроятнѣе всего, что Котляревскій рѣшился подождать выхода второй части русской Энеиды, которая и не замедлила появиться въ 1792 г.

Теперь, т. е. въ 1792 или началѣ 1793 года, Котляревскій могъ уже приниматься за свой трудъ и однако, какъ мы думаемъ, онъ его еще не началъ... и вотъ почему. Всякому извѣстно, что украинская Энеида есть отчасти широкая картина народнаго быта въ его подробностяхъ;—для того, чтобы сдѣ-

лать ее таковой, необходимо было имѣть глубокое знаніе народной жизни. Котляревскій самъ, конечно, понималъ необходимость этого знанія и потому долженъ былъ его пріобрѣсти. Всѣ старѣйшіе біографы и знакомые поэта говорятъ, что онъ тщательно изучалъ украинскую жизнь, а С. Каминскій говоритъ даже, что онъ какъ-бы подготовлялся къ своей Энеидѣ. Эти свидѣтельства біографовъ вполнѣ понятны, правильны и съ нашими предъидущими построеніями совпадаютъ вполнѣ; одна только бѣда, что ни одинъ изъ біографовъ не указываетъ точно, когда-же нашъ поэтъ ходилъ въ народъ? Къ счастью, какъ мы сказали раньше, у насъ имѣются данныя, которыя позволятъ намъ опредѣлить это точно [1]).

Эти данныя говорятъ ясно, что въ 1793 г. Котляревскій оставилъ свою первую гражданскую службу по причинамъ, впрочемъ, неизвѣстнымъ. Чрезъ нѣсколько времени, по Савинов, мы видимъ уже его дающимъ уроки въ Полтавской губерніи. Отсюда можно сдѣлать вполнѣ правильное заключеніе, гармонирующее притомъ опять таки съ нашимъ построеніемъ: въ 1793 году нашъ поэтъ Энеиды еще не писалъ, въ томъ-же году онъ былъ уже на селѣ и, воодушевленный, безъ сомнѣнія, передѣлкой Осипова, сталъ готовиться и къ своей передѣлкѣ, ходя въ народъ.

Чрезъ нѣсколько времени,—положимъ, даже, черезъ годъ или полгода, Котляревскій подготовился къ своему труду, т. е. болѣе или менѣе совершенно изучилъ народную жизнь, хотя отчасти зналъ ее, вѣроятно, и раньше. Теперь онъ могъ начинать свой трудъ и началъ, вѣроятно, въ концѣ 1793 г., вѣрнѣе всего въ 1794 г. Въ этотъ годъ онъ могъ написать первую часть своей Энеиды, въ слѣдующемъ 1795 году—и 2-ю часть, и на этомъ остановился. Дальше онъ снова не имѣлъ подъ ру

[1]) Эти данныя почерпнуты нами изъ оффиціальныхъ документовъ объ И. П. Котляревскомъ, хранящихся въ архивѣ Полтавскаго губернскаго земства и съ готовностью доставленныхъ намъ уважаемымъ Л. В. Падалкою. Свѣдѣнія, почерпнутыя нами изъ этихъ документовъ, будутъ напечатаны послѣ.

кой образца, ибо остальныя части Энеиды еще не вышли. Наконецъ, въ 1705 г. вышли и эти послѣднія. Котляревскій снова могъ начинать работу и въ томъ-же году или въ началѣ 1796 г. началъ 3-ю часть и кончилъ. Итакъ, три части Энеиды, написанныя въ 1794, 5 и 6 годахъ были уже готовы, конечно, вчернѣ. Тутъ подвернулся Парпура и списалъ у нашего поэта эти три части: если-бы у Котляревскаго было больше трехъ пѣсенъ, то онъ, конечно, ихъ отдалъ-бы Парпурѣ, какъ и первыя три; съ другой стороны, послѣднему ничто не помѣшало-бы издать вмѣстѣ съ тремя пѣснями Энеиды м четвертую, если-бы только послѣдняя существовала. Ясно, что послѣдняя еще не была написана. Впрочемъ, нужно замѣтить, что изъ разсказа Савинова [1]) выходитъ даже, что Котляревскій писалъ уже въ 1795 г. V-ю часть своей Энеиды: на это указываютъ слѣдующіе приводимые имъ стихи Котляревскаго [2]).

Мій друже вирный, справедлывый,
Чи дуже любышъ ты мене?

Легко увидать, что настоящее мѣсто въ показаніи Савинова, отличающееся анекдотическимъ характеромъ, не имѣетъ никакой цѣны. Оно приведено для эффекта, который заключается въ нѣкоторомъ qui pro quo, вышедшемъ между Котляревскимъ, яко-бы декламировавшимъ упомянутые стихи, и помѣщикомъ, вообразившимъ, что эти слова относятся къ его дочери. Но кромѣ этого эффекта,—повторяемъ мы,—за приведеннымъ свидѣтельствомъ Савинова другого значенія не имѣется. По приведеннымъ доказательствамъ очевидно, что Котляревскій не могъ въ 1795 году написать и четвертой пѣсни, а тѣмъ болѣе пятой. Во первыхъ, если-бы она была, то она попала-бы къ Парпурѣ навѣрно, а во вторыхъ, что самое главное, новыя точныя историческія данныя, помимо уже приведенныхъ, вполнѣ убѣждаютъ, что въ 1793—6 году пятой пѣсни не могло и существовать.

---

[1]) Сѣверная пчела 1863 г. № 80.

[2]) Энеида Котляревскаго 1842 г. V пѣснь стр.—18.

Эти данныя слѣдующія: дописавъ четвертую часть Энеиды и желая издать исправленныя первыя три части, Котляревскій подъ личной редакціей выпустилъ въ 1809 г. свою Энеиду,—и что же мы видимъ? Въ этомъ изданіи больше четырехъ пѣсенъ нѣтъ ни одной... Почему? Да просто потому, что пятой части не существовало еще даже въ 1809 году! Такимъ образомъ, приводимое Савиновымъ свидѣтельство—не вѣрно. Оставимъ теперь въ покоѣ 5-ю пѣснь Энеиды Котляревскаго и возвратимся къ четвертой. Въ 1796 г., какъ мы видѣли выше, Котляревскій кончилъ третью часть своей Энеиды. За четвертую онъ приняться уже не успѣлъ, такъ какъ, въ силу неудачной любви, долженъ былъ оставить помѣщика, гдѣ поэтъ давалъ уроки. Въ апрѣлѣ 1796 г. Котляревскій былъ уже на военной службѣ. Однако замыселъ окончить подражаніе Осипову у нашего поэта остался, и Котляревскій, вѣроятно, на военной еще службѣ окончилъ свою 4-ю часть, соотвѣтствующую седьмой и послѣдней пѣснѣ передѣлки Осипова. Когда-же, все таки, онъ написалъ четвертую часть своей Энеиды? Точно объ этомъ не говоритъ никто, а С. Каминскій противорѣчитъ на каждомъ шагу, такъ что цифрамъ его довѣрять нельзя совершенно... Вообще-же говоря, опредѣлить время написанія 4-й пѣсни болѣе или менѣе достовѣрно—крайне трудно. Впрочемъ, можно сказать навѣрно, что она была написана до 1806 г., такъ какъ съ этого года начинаются военные походы, въ которыхъ участвовалъ поэтъ и гдѣ ему было уже не до Энеиды. Между тѣмъ въ 1809 г. четвертая часть была уже напечатана,—очевидно, она должна была уже быть готовой къ печати, а, не будучи написанной въ промежутокъ 1806—1808 г., должна была быть готовой, значитъ, до 1806 года. Но все-таки, когда именно? Нѣкоторыя соображенія позволятъ намъ сдѣлать, какъ кажется, болѣе или менѣе правильный выводъ. Какъ извѣстно, остальныя 2 части украинской Энеиды были напечатаны только въ 1842 году; такая медлительность Котляревскаго въ изданіи и, конечно, написаніи послѣднихъ пѣсенъ Энеиды въ данномъ случаѣ для насъ знаменательна. Объясняетъ ее С. Каминскій

довольно правильно тѣмъ, что Котляревскому мѣшали писать свою Энеиду различныя обязанности по службѣ и другія обстоятельства [1]). Но если нашему поэту трудно было уже писать во время покойной гражданской службы, то тѣмъ труднѣе было писать въ службѣ военной, и послѣ 1806 года въ особенности: во первыхъ, эта жизнь была для офицерства довольно таки бурной, а во вторыхъ, и простое исполненіе служебныхъ обязанностей всегда могло отвлекать поэта отъ бесѣдованій съ музами. Это видно уже потому, что за 13 лѣтъ (1796—1809), Котляревскій успѣлъ написать только одну часть Энеиды, въ то время, какъ первыя три онъ написалъ сравнительно очень быстро. Итакъ, врядъ-ли нашъ поэтъ могъ написать четвертую часть близко отъ безпокойнаго 1806-го года,—онъ долженъ былъ написать ее какъ можно дальше отъ этого года, и именно—едва вступивъ въ военную службу. Въ этомъ пунктѣ мы согласны съ С. Каминскимъ, который при томъ заявляетъ (вопросъ о трехъ частяхъ), что у него имѣются для утвержденія такого мнѣнія собранныя данныя. С. Каминскій сдѣлалъ по данному пункту правильное замѣчаніе, только неправильно пріурочилъ къ тому-же времени первыя три пѣсни, напечатанныя уже въ 1798 году,—и написанныя, очевидно, далеко раньше.

Но сдѣлать такой выводъ о четвертой части можно вполнѣ логично. Въ самомъ дѣлѣ, до половины 1796 года, когда Котляревскій не поступалъ еще въ войско, четвертая часть Энеиды написана быть не могла: въ ней находится мѣсто о войскѣ, съ различными спеціально-военными терминами, знать которыхъ не-военный не можетъ. Это одно показываетъ, что четвертая часть была написана Котляревскимъ, какъ военнымъ. Медлительность писанія послѣднихъ частей Энеиды (3, 4, 5), сообразно нашему и С. Каминскаго объясненіямъ, имѣла главной причиной обязанности службы, въ особенности военной. Поступивъ на службу, Котляревскій далекъ былъ отъ писаній, врядъ-

[1]) Полтавскія губ. вѣд. 1866 г. № 47.

ли притомъ тогдашнимъ офицерствомъ и одобряемыхъ, поэтому написать четвертую часть во время службы,—напримѣръ, въ серединѣ ея и концѣ въ особенности,—поэтъ не могъ: для этого нужно было-бы слишкомъ сильнаго стимула, у поэта отсутствовавшаго. Наиболѣе достовѣрно предположить, что Котляревскій написалъ свою четвертую часть въ самомъ началѣ военной службы; но въ 1796 году, даже въ концѣ его, онъ еще не успѣлъ-бы ее написать, такъ какъ обучался военной наукѣ и, вѣроятно, былъ сначала довольно занятъ. Нужно, значитъ, предположить, что онъ написалъ четвертую часть въ 1797 году и, кончивъ ее, почилъ на лаврахъ. Послѣднія части и другія произведенія онъ написалъ далеко позже, но рѣчь о нихъ будетъ въ другихъ мѣстахъ, а теперь пока онѣ насъ не интересуютъ.

Послѣ всего этого, можно, значитъ, болѣе или менѣе опредѣленно отвѣтить на заданный нами выше вопросъ о времени написанія такимъ образомъ: 1-я часть украинской Энеиды была написана въ 1794 г., 2-я—въ 1795-мъ, 3-я—въ 1796-мъ и, наконецъ, четвертая—въ 1797-мъ. Болѣе точныхъ датъ мы указать не можемъ, да врядъ-ли, за трудностью вопроса, можно указать и вообще. Обратимся теперь къ второй частичной нашей задачѣ—къ выясненію литературной *субстанціи* первыхъ частей Энеиды.

Послѣ всего вышесказаннаго, эту задачу можно рѣшить очень легко, въ особенности, если къ прежнимъ фактамъ мы прибавимъ еще найденные новые.

Мы раньше нашли, что Котляревскій писалъ въ сильной зависимости отъ Осипова. Очевидно, первый источникъ вліянія на нашего поэта найденъ: это есть Осиповъ, которому Котляревскій подражалъ... Но что нужно разумѣть подъ этимъ подражаніемъ? Сравненіе славянскихъ передѣлокъ даетъ на это вполнѣ точный отвѣтъ. Мы видѣли массу мѣстъ, общихъ обѣимъ даннымъ передѣлкамъ, общій размѣръ и употребленіе рифмъ, общіе обороты и слова. Однако до сихъ поръ мы не указывали

на отличіе Котляревскаго отъ Осипова, замѣчающееся въ трехъ даже общихъ мѣстахъ,—а между тѣмъ указаніе это въ данномъ случаѣ очень важно. Не смотря на то, что Котляревскій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ просто почти переводитъ Осипова, однако и въ этихъ мѣстахъ видѣнъ самостоятельный колоритъ, сообщаемый имъ украинскимъ поэтомъ, и большая свѣжесть и остроуміе, отсутствующія у Осипова. Видно затѣмъ далѣе, что всей обстановкѣ и внѣшности самихъ персонажей Энеиды приданъ чисто украинскій, національный и народный характеръ, въ силу чего украинская Энеида является широкой картиной народнаго быта. Но самое главное—это то, что характеры или психика персонажей украинской Энеиды изображены типично-украинскими, и притомъ необыкновенно правдиво... Мы указывали уже въ другихъ мѣстахъ на украинскіе характеры и внѣшнія этнографическія черты Энеиды, теперь только приведемъ тѣ эпизоды, гдѣ эта *этнографичность* проявляется необыкновенно ярко. Такими мѣстами являются въ 1-й книгѣ: все времяпрепровожденіе Троянцевъ у Дидоны съ играми и танцами и обѣдъ у царицы; во 2-й книгѣ—поминальныя приготовленія троянцевъ, новыя игры и кулачный бой; въ 3-й—все описаніе ада и рая, сдѣланное почти самостоятельно: въ 4-й—намеки на школу, домашнее устройство и т. д. Въ этихъ мѣстахъ нашъ поэтъ обнаруживаетъ крупную самостоятельность и отъ Осипова удаляется совершенно. Особенно самостоятельность Котляревскаго видна въ массѣ діалоговъ, переработанныхъ имъ иначе, чѣмъ у Осипова. Итакъ, мысль о подражаніи Осипову Котляревскаго, въ виду только-что сказаннаго, должна подлежать большому ограниченію: Котляревскій дѣйствительно, имѣлъ образцомъ Осипова и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ держался его точно. Но въ чемъ-же Осиповъ былъ для нашего поэта образцомъ? Это теперь ясно: Котляревскій держался фабулы или канвы разсказа Осипова, перерабатывая однако эпизоды его Энеиды совершенно оригинально и самостоятельно: въ чемъ заключается эта самостоятельность переработки, мы уже видѣли. Но и этого мало: Котляревскій не только пересоздавалъ эпизоды, взятые у Осипова,—онъ дѣлалъ боль-

шее... Художественное чутье подсказало нашему поэту, что эпизоды Вергилія, даже въ томъ ихъ сокращенномъ видѣ, въ какомъ они часто имѣются у Осипова, будутъ совершенно лишни для его цѣлей изображенія украинскаго народа. Поэтому онъ сдѣлалъ надъ русской Энеидой большую операцію, сокращая ея изложеніе и выбрасывая много эпизодовъ, а то и цѣлыя пѣсни; благодаря этому, мы видимъ такіе пропуски въ украинской Энеидѣ, по сравненію съ русской: въ 1-й ея книгѣ пропущена встрѣча Энея съ Венерой, у Осипова—съ цыганкой; 2-я и 3-я пѣсни русской Энеиды пропущены нашимъ поэтомъ совершенно, а 4-ю ея пѣснь онъ начинаетъ передѣлывать съ середины. Во 2-й части пропущены нѣкоторыя игры; въ 3-й пропущены—эпизодъ о Дедалѣ, мѣсто о встрѣчѣ Энея у лѣса съ трубачемъ его, разговоръ Энея съ Палипуромъ въ аду, объясненія Сивиллы о мучимыхъ Тезифоной и о причинѣ ихъ муки; въ 4-й части пропущены видѣнія Латину и его народу; объясненія его съ Фавномъ—прорицателемъ; эпизодъ съ корками и т. д. Какъ можно изъ этого видѣть, Котляревскій обращался съ русской передѣлкой весьма радикально. Очевидность этого для насъ очень важна; на основаніи ея мы можемъ сдѣлать такое заключеніе: безспорно, что нашъ поэтъ имѣлъ своимъ образцомъ русскую Энеиду, но безспорно и то, что рабомъ послѣдней онъ не былъ: она ему служила только канвой, на которой онъ создалъ совершенно оригинальный міръ украинскихъ образовъ и обстановки, чего, конечно, не могло-бы быть, если-бы нашъ поэтъ только переводилъ Осипова. Итакъ, первый источникъ, откуда заимствовалъ чисто формальную сторону Котляревскій, нами опредѣленъ: это совершенно передѣланная Котляревскимъ русская Энеида. Какіе-же дальнѣйшіе источники украинской Энеиды? Біографы говорятъ, что Энеида Вергилія, но это большой вопросъ; хотя нашъ поэтъ и зналъ римскую Энеиду, однако слѣды послѣдней въ украинской передѣлкѣ совершенно отсутствуютъ, и, намъ кажется, понятно почему: нашему поэту нужны были существенные эпизоды, которые всѣ онъ и нашелъ въ русской передѣлкѣ. Очевидно, что

Вергилій, при обширности изложенія, могъ-бы мѣшать нашему поэту, который, какъ мы видѣли, страшно даже урѣзалъ передѣлку Осипова. Послѣдней для Котляревскаго было болѣе, чѣмъ достаточно,—а вѣдь Вергилій, кромѣ нѣкоторыхъ эпизодовъ, имѣвшихся и у Осипова, ничего больше Котляревскому не могъ и сообщить!.. Тотъ-же фактъ, что у Котляревскаго нѣтъ ни одного эпизода, который былъ-бы у Вергилія и отсутствовалъ у Осипова, и тѣмъ самымъ указывалъ-бы, что Котляревскій пользовался непосредственно и Вергиліемъ, — этотъ фактъ доказываетъ, что хотя нашъ поэтъ и знакомъ былъ съ римской Энеидой, однако послѣдняя ничего больше не прибавила, да и не могла прибавить, къ украинской Энеидѣ, кромѣ того, что нашъ поэтъ взялъ у Осипова и что прибавилъ отъ себя. Вергилій, конечно, могъ повліять на идею написанія пародіи Энеиды до появленія таковой-же русской пародіи, но это, во первыхъ, вопросъ, а во вторыхъ, и выходитъ изъ предѣловъ нашей задачи: мы опредѣляемъ не генезисъ Энеиды, какъ идеи, а только степень ея литературной самостоятельности. Итакъ, пока на украинской передѣлкѣ отразились только формальное вліяніе Осипова и существенное вліяніе самого Котляревскаго. Но послѣднее, какъ мы сказали, заключается въ сообщеніи передѣлкѣ украинскаго колорита, выражающагося въ характерахъ, обстановкѣ, преданіяхъ и т. д. Откуда-же нашъ поэтъ могъ этотъ колоритъ почерпнуть? Какъ мы знаемъ, онъ этимъ обязанъ изученію народной жизни, какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней ея стороны. Этотъ фактъ можетъ помочь намъ сдѣлать заключеніе, что нашъ поэтъ былъ также подъ вліяніемъ и народной поэзіи: многія мѣста Энеиды свидѣтельствуютъ объ ея народно-поэтическомъ элементѣ, а 3-я часть особенно нуждалась въ помощи народнаго творчества съ его представленіями о загробной жизни. Въ этомъ отношеніи всѣ первыя части Энеиды, особенно четвертая, находятся подъ несомнѣннымъ вліяніемъ народнаго творчества вообще и легендъ объ адѣ и раѣ въ частности. На существованіе подобныхъ легендъ указываетъ напечатанная легенда о Маркѣ, о которой

упоминаетъ въ своемъ мѣстѣ и проф. Дашкевичъ и которой также пользовался и Котляревскій... Впрочемъ, широко распространяться здѣсь о вліяніи на Котляревскаго легендъ въ родѣ вышеприведенной, мы не будемъ: это дѣло совершенно отдѣльнаго изслѣдованія о генезисѣ украинской Энеиды, какъ эволютивной формѣ ея въ ряду соотвѣтственныхъ произведеній украинской народной литературы. Намъ важно было еще разъ напомнить, что украинская типичность нашей Энеиды есть продуктъ вліянія народной поэзіи. Разъ это такъ, то мы можемъ сдѣлать окончательный выводъ, что субстанція Энеиды есть переработанная фабула русской передѣлки Энеиды, измѣненная однако вліяніемъ украинской поэзіи и бытовой колоритностью настолько, что украинскую Энеиду скорѣй нужно разсматривать, какъ почти совершенно самостоятельное произведеніе.

И. Стешенко.

И. П. КОТЛЯРЕВСКІЙ ВЪ СВѢТѢ КРИТИКИ.

I.

Имя творца новѣйшей украинской литературы—И. П. Котляревскаго издавна привлекало вниманіе образованной публики; издавна произведенія его подвергались оцѣнкѣ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, разсматривались въ различныхъ перспективахъ и, соотвѣтственно этому, получали то или другое освѣщеніе. Разумѣется, ни одна изъ оцѣнокъ нашего поэта не могла быть абсолютно правильной: вѣрныя черты въ характеристикахъ его часто перемѣшаны съ неправильными, объективныя наблюденія переплетены съ тенденціозными, и, такимъ образомъ, почти ни одна изъ этихъ характеристикъ не можетъ быть названа вполнѣ удачной. Но за то, съ другой стороны, во многихъ изъ оцѣнокъ нашего поэта находится такое богатство вѣрныхъ мыслей и указаній, такое иногда художественное истолкованіе сущности его творчества, что современный судья послѣдняго миновать этихъ оцѣнокъ не можетъ. Современному критику эти оцѣнки, особенно болѣе раннія, должны ясно показать, что̀ въ нашемъ поэтѣ нравилось публикѣ, что̀ порицалось и, что̀, наконецъ, всѣми ставилось ему въ безспорную заслугу. Вопросъ можетъ быть только въ томъ, правильно-ли опредѣленъ предъидущими критиками характеръ творчества Котляревскаго и, что уже менѣе важно, вѣрно-ли выяснено его значеніе,—но это и есть задача современной критики. Рѣшить эту задачу можно, разумѣется, только путемъ изученія прежде

всего литературы о Котляревскомъ, которая довольно обильна и разнообразна. Разсмотрѣніе этой литературы будетъ нами вестись въ хронологическомъ порядкѣ, имѣющемъ несомнѣнныя выгоды: держась такого порядка въ разсмотрѣніи литературы о Котляревскомъ, мы легко подведемъ итогъ всему разсмотрѣнному, и тогда намъ только останется провѣрить истинность основныхъ выводовъ критики. Имѣя все это въ виду, обратимся теперь къ разсмотрѣнію указанной литературы.

Первое свое произведеніе Котляревскій, какъ извѣстно, напечаталъ въ 1798 году. Нужно было-бы ожидать, что различные отзывы о его Энеидѣ появились въ печати, какъ въ 1799 году, такъ въ особенности, начиная съ 1808—9 годовъ, т. е. послѣ трехъ изданій Энеиды. Однако украинская библіографія, впрочемъ почти еще не существующая, не представляетъ намъ никакихъ отзывовъ о произведеніяхъ Котляревскаго вообще, а объ Энеидѣ въ частности, ранѣе 1816 года. Единственный-же существующій въ Россіи библіографическій указатель по украинской литературѣ, [1]) начинаетъ литературу о нашемъ поэтѣ только съ 1839 года, т. е. спустя годъ послѣ его смерти. Нечего и говорить, конечно, что такія упущенія въ библіографіи даннаго вопроса нѣсколько съуживаютъ матеріалъ, необходимый для нашихъ выводовъ, но на правильность самихъ выводовъ вліянія не оказываютъ. Прежде всего, сомнительно, чтобы въ отзывахъ до 1816 года, если они были, могла заключаться настолько обстоятельная критика, чтобы имѣть для нашего времени дѣйствительную цѣнность: отрывочность отзывовъ, въ теченіе не одного десятка лѣтъ даже послѣ 1816 года, позволяетъ думать основательно, что такой обстоятельности именно и не было.

И такъ, первое извѣстное намъ упоминаніе о литературной дѣятельности поэта относится къ 1816-му году. Нѣкто Акимовъ, сообщая въ печати о посѣщеніи Полтавы великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, [2]) говоритъ, что

---

[1]) Рада—1883, украинскій альманахъ. Покажчикъ Комарова.

[2]) Украинскій Вѣстникъ 1816 г. іюль стр. 93.

послѣдній—„многихъ удостоилъ обѣщаній высокаго покровительства своего, особливо извѣстнаго дарованіями своими автора Вергиліевой Энеиды на изнанку на Малороссійскомъ языкѣ капитана Котляревскаго, и изъявилъ желаніе имѣть у себя два экземпляра оной“. Замѣчаніе это бѣглое, но важное въ томъ отношеніи, что нашъ поэтъ называется уже за свою Энеиду „извѣстнымъ дарованіями“. Въ слѣдующемъ году рецензентъ фарса Шаховскаго „Козакъ-стихотворецъ“, жестоко порицая это произведеніе, противопоставляетъ ему украинскую Энеиду [1]). „Читая въ объявленіи о представленіи онаго (т. е. фарса Шаховскаго), я (говоритъ рецензентъ) воображалъ увидѣть что-нибудь похожее на несравненную малороссійскую Энеиду“... Смыслъ этого противопоставленія становится яснымъ изъ дальнѣйшаго изложенія рецензіи: авторъ послѣдней упрекаетъ фарсъ Шаховскаго за его антиреальность, за ложное изображеніе украинской народности; очевидно, значитъ, что произведеніе нашего поэта привлекало рецензента именно своею реальностью и жизненностью. Съ 1817-го года и вплоть до 1838-го печатные отзывы о Котляревскомъ, насколько намъ извѣстно, почти замолкаютъ [2]). Объясняется это тѣмъ, что, кромѣ первыхъ четырехъ частей Энеиды, нашъ поэтъ вплоть до самой почти смерти не напечаталъ ничего, а слава первыхъ частей утвердилась настолько прочно, что новаго о нихъ говорить, вѣроятно, было нечего. Вѣрно-ли это послѣднее наше предположеніе или нѣтъ, [3]) но только мнѣніе о Котляревскомъ по другому поводу появилось уже въ 1838 году. Задумавъ издавать памятники

---

[1]) Украинскій Вѣстникъ 1817 г. декабрь стр. 369.

[2]) Впрочемъ, авторъ малорусской грамматики Павловскій еще въ 1818 году причисляетъ нашу Энеиду къ народнымъ произведеніямъ и говоритъ, что она была „публикою съ удовольствіемъ принятая“. Какъ причину этого, онъ указываетъ вѣрное изображеніе въ ней украинскаго народа.

[3]) Что оно вѣрно, указываетъ высокое мнѣніе о Котляревскомъ Бантыша-Каменскаго, появившееся въ 1830 г.—(см. его исторію стр. 243).—Здѣсь онъ говоритъ, что поэтъ показалъ въ Энеидѣ—„съ отличнымъ искусствомъ, до какой степени умъ гибкій и оборотливый можетъ управлять гармоническими звуками“.

украинской словесности, извѣстный И. И. Срезневскій первымъ дебютомъ избралъ для себя нигдѣ до-того времени ненапечатанную „Наталку-Полтавку“.

Выбору именно этого произведенія для начала изданія онъ придавалъ большое значеніе. Харектеризуя Наталку-Полтавку, какъ одно „изъ первыхъ книжно-народныхъ произведеній Украины“, и называя ее „первымъ сборникомъ памятниковъ украинской народности, образцемъ для всѣхъ послѣдовавшихъ“, Срезневскій прибавляетъ: [1]) „можно было-бы послѣ этого и не упоминать о томъ, что Наталка-Полтавка изъ книжно-народныхъ украинскихъ произведеній большаго размѣра по своему внутреннему достоинству занимаетъ первое мѣсто, что она болѣе всѣхъ любима по всей Украинѣ“... Вполнѣ ясно отсюда, что Срезневскій такъ высоко ставитъ это новое произведеніе опять таки за его жизненность или реальность въ изображеніи народа. Такимъ образомъ, къ прежней оцѣнкѣ Котляревскаго, какъ талантливаго изобразителя народной жизни въ Энеидѣ, присоединяется новая оцѣнка его и похвала за правдивое отношеніе поэта къ народу и въ „Наталкѣ-Полтавѣ“.

Въ слѣдующемъ году „Украинскій сборникъ“ И. И. Срезневскаго или, говоря иначе, „Наталка-Полтавка“ вызвали въ русской печати различные толки. Ихъ, впрочемъ, не могъ услыхать самъ авторъ „Наталки“, ибо въ 1838 году онъ умеръ... Одинъ изъ рецензентовъ, хваля Срезневскаго за его неутомимую дѣятельность въ области „славянщины“, пересказываетъ сочувственно отзывъ о «Наталкѣ» самого Срезневскаго и прибавляетъ отъ себя слѣдующее: [2]) главное достоинство этой оперы заключается не въ содержаніи, но въ прекрасномъ, чистомъ языкѣ, въ характерѣ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, особенно самой „малороссійской дивчыны“, и въ миломъ простодушіи, которымъ проникнута вся пьеса. Многія мѣста, напримѣръ монологи Наталки, разговоры ея съ матерью, свиданіе съ возлюбленнымъ,

[1]) Украинскій сборникъ И. И. Срезневскаго. Книжка первая 1838 г. стр. 6, 7.
[2]) Сѣверная Пчела 1839 г. № 69. Отдѣлъ—Русская литература.

согрѣты непринужденною теплотою чувства и истинно могутъ тронуть хотя нѣсколько чувствительное сердце. Между тѣмъ вы встрѣтите въ operѣ и чрезвычайно комическое лицо—Вознаго: оно невольно заставитъ улыбнуться. Наконецъ, обратите вниманіе на народныя пѣсни малороссійскія, вмѣсто обыкновенныхъ арій, пѣсни замѣчательныя во многимъ отношеніяхъ, и тогда увидите, почему эта піеса сдѣлалась любимой народной пьесой Украинцевъ".

Эта рецензія дополняетъ оцѣнку Срезневскаго, такъ какъ, кромѣ указанія чисто объективныхъ достоинствъ Наталки-Полтавки, авторъ рецензіи говоритъ еще объ эстетическихъ ея достоинствахъ, т. е. не только какъ о реально-вѣрномъ изображеніи народнаго быта, но и какъ о художественномъ созданіи. Другой рецензентъ „Наталки", упоминая о смерти поэта, обращается затѣмъ къ упомянутому его произведенію, долго и съ вниманіемъ, между прочимъ, останавливается на извѣстной пѣснѣ Вознаго и съ увлеченіемъ заключаетъ, что—„Наталка-Полтавка проста, какъ поэзія народная, и такъ-же, какъ эта поэзія, ярка и цвѣтиста" [1]). Еще болѣе подробно и обстоятельно, чѣмъ предъидущіе писатели, изложилъ свое мнѣніе объ Энеидѣ и Наталкѣ-Полтавкѣ послѣдующій критикъ. Принося благодарность Срезневскому за его сборникъ, этотъ послѣдній обращается къ недавно умершему Котляревскому. Съ грустью упоминаетъ онъ о недавней кончинѣ поэта и прежде всего направляетъ, очевидно, по адресу знакомыхъ съ его жизнью слѣдующія укоризненныя слова: [2]) „скоро уже полгода, какъ умеръ этотъ замѣчательный человѣкъ, и о смерти и о дѣлахъ его никто ни слова, какъ-будто умеръ какой-нибудь незначительный, мелкій чиновникъ, о коемъ

.... Лишь въ газетахъ
Осталось: „выѣхалъ въ Ростовъ".

---

[1]) Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду 1839 г. томъ I № 11. стр 236—7.

[2]) Отечественныя записки 1839 г. № 3-й. Русская литература стр. 132—138.

Одни „Литературныя прибавленія съ горестью извѣстили своихъ читателей о его смерти—и только". Почему-же упомянутаго критика такъ непріятно поразило нерадѣніе къ памяти украинскаго поэта? Отвѣтомъ на это послужитъ то мнѣніе, которое имѣлъ онъ о Котляревскомъ, какъ писателѣ... По его убѣжденію, родоначальникъ нашей литературы [1]) „былъ поэтъ остроумный, оригинальный, юмористъ великій. Онъ умѣлъ подмѣтить въ малороссійскомъ языкѣ неподражаемую самобытность и первый рѣшился выразить на немъ свои мысли и чувства. Замѣтимъ, что это было въ началѣ XIX столѣтія, когда еще такъ мало толковали у насъ о народности, когда еще жили люди закоренѣлые въ предразсудкахъ прошедшаго вѣка, вѣка галломаніи".

Высказавъ эти взгляды на произведенія Котляревскаго вообще, критикъ дѣлаетъ новыя замѣчанія на каждое изъ нихъ въ частности. Такъ, объ Энеидѣ онъ говоритъ: „коренные русскіе, чатавшіе „Энеиду" Котляревскаго, хоть и вполовину понимали ее, однако-жъ дивились и чудному языку, и остроумію автора; между тѣмъ, какъ передѣлка „Энеиды" на великорусское нарѣчіе Осипова, совершенно имъ доступная, наводила глубокій сонъ. Такова сила таланта"!—О „Наталкѣ" онъ говоритъ, что „опера шла, идетъ и будетъ идти, пока останется въ Украинѣ хоть одинъ звукъ родного нарѣчія"... [2]) На чемъ-же основываетъ критикъ свое предположеніе? Да на томъ, что въ Наталкѣ-Полтавкѣ „отражается бытъ малороссіянъ, какъ въ зеркалѣ, безъ натяжекъ, безъ преувеличеній".

По сравненію съ предшествующими цѣнителями Котляревскаго, въ этомъ приговорѣ мы находимъ еще новыя черты, дополняющія всѣ прежнія характеристики поэта: критикъ подмѣчаетъ юморъ послѣдняго, называя его великимъ юмористомъ и писателемъ, постигшимъ красоты украинскаго языка. Однако этими отзывами критика 1839 года не ограничилась... Упреки

---

[1]) ibidem—стр. 132—3.

[2]) ibid —стр. 134, 136.

только что приведеннаго рецензента по поводу того, что печать мало сказала о недавно скончавшемся талантливомъ украинскомъ поэтѣ, безслѣдно не пропали: спустя немного времени появилась его біографія, написанная однимъ изъ его знакомыхъ— С. Каминскимъ. Сообщивъ различныя біографическія данныя, рисующія Котляревскаго, какъ человѣка и чиновника, С. Каминскій коснулся и литературной его дѣятельности. Въ самомъ началѣ біографіи поэтъ называется уже „знаменитымъ соотечественникомъ" и „извѣстнымъ авторомъ Энеиды на малороссійскомъ языкѣ", [1]) и эта характеристика его вполнѣ гармонируетъ съ тѣми отзывами біографа о его поэзіи, которые мы находимъ ниже.

Вотъ что, напримѣръ, говоритъ біографъ объ Энеидѣ: „комизмъ его Энеиды неподражаемъ,—вездѣ дышетъ самая непринужденная сатира, блестящая неподдѣльною веселостью и остротами наблюдательнаго ума. Вся Украина читала Энеиду съ восхищеніемъ. Легкость разсказа, вѣрность красокъ, тонкія шутки были въ полной мѣрѣ новы, очаровательны. Списывая съ природы, авторъ нигдѣ не погрѣшилъ противъ истины; народность отражается въ поэмѣ, какъ въ зеркалѣ". Нѣсколько ниже С. Каминскій называетъ то-же произведеніе (двѣ послѣднія части) „рѣдкимъ сокровищемъ". Не менѣе благопріятный отзывъ даетъ біографъ и о пьесахъ Котляревскаго—„Наталкѣ-Полтавкѣ" и „Москалѣ-Чиривныкѣ", тогда еще ненапечатанномъ. „Обѣ пьесы, говоритъ онъ, являютъ новую сторону прекраснаго таланта автора. Въ обѣихъ пьесахъ, при легкомъ комизмѣ, господствуютъ самыя нравственныя идеи"... Наконецъ, авторъ біографіи заключаетъ свой очеркъ слѣдующими словами: „драгоцѣнное имя творца Энеиды сохранится навсегда въ памяти народной, подобно народной пѣснѣ, которая никогда не умираетъ". Въ отзывахъ С. Каминскаго наблюдается, какъ можно видѣть, новая черта, вызванная, конечно, самой поэзіей Котляревскаго; именно въ „Наталкѣ" замѣчается нравственный элементъ, которымъ

[1]) Сѣверная Пчела—1839 г. № 146. Біографія поэта Котляревскаго—С. С. К.

дополняются прежнія, указанныя уже достоинства творчества нашего поэта. Біографія С. Каминскаго оказала свое дѣйствіе: подъ ея вліяніемъ еще больше укрѣпилось уваженіе къ Котляревскому, симпатичный обликъ котораго сталъ извѣстенъ теперь публикѣ. Слѣды этого вліянія оказались на отзывѣ еще одного критика. Этотъ послѣдній съ самаго начала заявляетъ, что [1])—„имя Котляревскаго извѣстно всѣмъ по его перелицованной Энеидѣ, въ Украйнѣ оно народное имя, наравнѣ съ именемъ Климовскаго и философа-циника Сковороды"... О „Наталкѣ" онъ замѣчаетъ, что она,—можетъ быть также примѣромъ прекрасныхъ, народныхъ, даже, если угодно, простонародныхъ созданій, которыя нравятся своею простотою, безыскусственностью и вѣрностью характера народа и мѣстности".

Нѣсколько ниже критикъ объясняетъ причину такого отзыва. По его мнѣнію, «характеры Наталки, ея матери, Петра, пана Align Align Align Вознаго, друга и совѣтчика его Выборнаго, даже Миколы, родственника Наталки, удивительно вѣрны и схвачены съ живой природы; вся пьеса дышитъ такимъ добродушіемъ; народныя пѣсни введены въ нее такъ кстати и умѣстно; языкъ ея такъ хорошо выдержанъ, что мы не дивимся ея народности у Малороссіянъ и причисляемъ ее къ прекраснымъ произведеніямъ народнаго ума Русскаго»...

Этотъ отзывъ, какъ видимъ, совпадаетъ съ прежними отзывами о томъ-же предметѣ.

Примѣръ С. Каминскаго оказался заразительнымъ еще больше, такъ какъ, по напечатаніи имъ упомянутой біографіи, въ различныхъ изданіяхъ были помѣщены такія-же біографіи, большею частью перепечатанныя изъ Сѣверной Пчелы. Первая изъ нихъ появилась въ декабрѣ 1839 года [2]). Она была повтореніемъ нѣсколько сокращенной біографіи С. Каминскаго и даже повторила существенный отзывъ послѣдняго. Самостоятельно

[1]) Сынъ Отечества 1839 г. т. IX. Критика и библіографія стр. 139—142.

[2]) Журналъ Министерства Народн. Просвѣщ. 1839 г. ч. 24-я отдѣлъ VI-й стр. 166—8.

редакція не сказала о Котляревскомъ ничего, но и тотъ фактъ, что она помѣстила у себя отзывъ С. Каминскаго, очень характеренъ. Въ 1841 году также была написана біографія Котляревскаго В. Пассекомъ, посѣтившимъ поэта за годъ до его смерти. Эта новая біографія интересна отзывомъ ея автора объ Энеидѣ. По утвержденію В. Пассека,—„Энеида была принята въ Малороссіи съ восторгомъ, всѣ сословія читали ее, отъ грамотнаго крестьянина до богатаго пана“ [1]). Упоминая затѣмъ въ концѣ своей замѣтки о предполагавшемся изданіи всей Энеиды Волохиновымъ, Пассекъ высказываетъ желаніе,—„чтобы были экземпляры и для столицъ, въ которыхъ много цѣнителей прекраснаго дарованія г. Котляревскаго“.—Эти отзывы, конечно, кратки, но для показанія прежней устойчивости славы нашего поэта, очень цѣнны.

Подъ ихъ вліяніемъ, въ томъ-же году снова была написана біографія Котляревскаго, причемъ авторъ ея повторилъ и отзывъ о послѣднемъ Пассека [2]). Такимъ образомъ слава Котляревскаго утверждалась все болѣе. Наконецъ, въ томъ-же году всѣ прежніе его критики были какъ-бы резюмированы въ блестящемъ поэтическомъ отзывѣ Шевченка, сказавшемъ слѣдующія слова: [3]).

Не вмре кобзарь, бо на викы
 Его (слава) прывитала.
Будешъ, батьку, панува̀ты,
 Покы жывуть люде:
Покы сонце зъ неба сяе,
 Тебе не забудуть...

Въ 1842 г. сдѣланъ былъ разборъ „Ластовки“,—сборника, гдѣ были напечатаны эти стихи Шевченка. Сборникъ этотъ далъ возможность сдѣлать нѣсколько замѣчаній объ украинской литературѣ вообще и о Котляревскомъ въ частности. Говоря о

---

[1]) Москвитянинъ 1841 г. ч. 2—3 стр. 567.

[2]) Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія 1841 г. ч. 32-я (октябрь) стр. 44.

[3]) Ластовка-Гребенки 1841 г. Шевченко, На вичну память Котляревскому.

послѣднемъ, рецензентъ сборника замѣтилъ, что—„Наталка-Полтавка по образцово-наивному характеру героини пьесы и типическимъ характерамъ другихъ лицъ, была-бы украшеніемъ и не столь юной литературы“ [1]). Говоря о Москалѣ-Чаривныкѣ, который въ 1841 г. былъ весь изданъ Срезневскимъ, а въ 1842 г. частью помѣщенъ въ „Ластовкѣ“, Евецкій, авторъ той-же статьи, замѣчаетъ слѣдующее: „два отрывка изъ оперы „Москаль-Чаривныкъ“ Котляревскаго, кромѣ внутренняго своего достоинства, драгоцѣнны еще, какъ голосъ изъ-за могилы творца малороссійской литературы“. Коснувшись-же вслѣдъ за этимъ приведенныхъ выше стиховъ Шевченка, Евецкій говоритъ, что „весьма кстати въ этомъ-же сборникѣ молодой поэтъ Шевченко почтилъ память его прекраснымъ стихотвореніемъ, исполненнымъ одушевленія и чувства“. Послѣ этихъ отзывовъ о Котляревскомъ другихъ оцѣнокъ его въ 1842 г. не было. Въ 1842 году изданы были, наконецъ, всѣ части Энеиды, проданныя авторомъ Волохинову. Новое изданіе не замедлило вызвать различные о себѣ отзывы: ихъ было два—въ 1843 и 1844 годахъ, и оба они являются для насъ очень важными. Авторъ перваго не сразу приступаетъ къ самой оцѣнкѣ украинскаго произведенія; онъ прежде всего считаетъ нужнымъ заявить, что напрасно на сочиненіи Котляревскаго поставлено русское заглавіе: произведеніе его онъ признаетъ прежде всего не русскимъ, а затѣмъ и мало-понятнымъ для русскихъ даже и съ помощью словаря... Съ оттѣнкомъ шутки и ироніи говоритъ онъ о „малороссійскомъ“ юморѣ, который и является главной причиной этой непонятности Энеиды для великорусскихъ губерній; съ нѣкоторой насмѣшкой отзывается онъ о грубоватости этого юмора и даетъ всѣмъ изложеніемъ своимъ понять, что послѣдній нѣсколько уже устарѣлъ. Такой тонъ даетъ возможность предположить, что критикъ въ концѣ концовъ подорветъ прочную славу поэта и умалитъ его значеніе. Однако этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Уже въ началѣ своей замѣтки

[1]) Денница 1842 г. № 7. Малороссійская литература. Статья Евецкаго.

онъ называетъ Энеиду „знаменитой малороссійской пародіей"; въ концѣ же критики, отношеніе автора ея къ украинскому произведенію выясняется окончательно. Не смотря на признанную имъ малопонятность юмора Энеиды и его нѣкоторую устарѣлость, критикъ тѣмъ не менѣе заявляетъ: [1]) „сочиненіе господина Котляревскаго въ состояніи восхитить многими прекрасными мѣстами и силою таланта, который, при такомъ огромномъ объемѣ книги, до конца выдержалъ свой особенный юморъ и своего рода занимательность".

Таковъ этотъ интересный отзывъ, но онъ еще болѣе интересенъ не по силѣ новой похвалы нашему поэту, а по тому пріему, который примѣняетъ авторъ ея къ своей оцѣнкѣ. Для него украинская пародія является уже отчасти историческимъ памятникомъ, соль и свѣжесть котораго нѣсколько повывѣтрились. Въ виду этого, критикъ становится въ своей оцѣнкѣ почти на историческую точку зрѣнія, и эта послѣдняя, при всѣхъ его сужденіяхъ о нѣкоторой устарѣлости Энеиды, все-таки даетъ ему возможность найти въ ней крупныя достоинства. Какъ-бы то ни было, но такая оцѣнка является, какъ мы видимъ впервые. Въ слѣдующемъ году новый цѣнитель произведеній Котляревскаго—Костомаровъ далъ о немъ свой интересный отзывъ, представляющій также попытку болѣе или менѣе прочно установить какъ достоинства, такъ и недостатки произведеній нашего поэта—главнымъ образомъ Энеиды.

Сужденія Костомарова особенно рѣзко подчеркиваютъ ихъ историческое значеніе и въ окончательномъ выводѣ вполнѣ удовлетворяютъ научнымъ требованіямъ исторической перспективы. Эта черта въ мнѣніи Костомарова и составляетъ особенный интересъ его замѣчаній, которыя, при другихъ недостаткахъ, заслуживаютъ большого вниманія. Центръ ихъ тяжести сосредоточивается, какъ мы сказали, на Энеидѣ. Говоря объ этомъ произведеніи, Костомаровъ разсматриваетъ его съ двухъ сторонъ: со стороны литературной формы и реальнаго содержанія.

---

[1]) Библіотека для чтенія 1843 г. ч. 56-я отдѣлъ 6, стр 49.

Со стороны формы украинская Энеида принадлежитъ къ пародіи; какъ пародія, отвѣчавшая духу времени, она заключаетъ въ себѣ насмѣшку надъ классическими богами и героями. Это осмѣяніе классическихъ типовъ было тогда въ Россіи въ модѣ: оно являлось какъ-бы реакціей псевдо-классицизму, царившему нѣсколько раньше въ русской литературѣ, но утратившему, наконецъ, свой raison d'être, чтобы дать мѣсто болѣе свѣжимъ теченіямъ. Переходною ступенью къ болѣе жизненному направленію и явилась именно пародія, все еще нелишенная классическаго элемента. Связанный узами политической жизни съ Россіей, нашъ поэтъ не могъ, конечно, не интересоваться проявленіями литературной дѣятельности послѣдней: для этого у него была черезчуръ пытливая душа, еще болѣе развитая въ этомъ направленіи образованіемъ. Будучи сыномъ опредѣленной эпохи, онъ естественно долженъ былъ отразить въ своихъ произведеніяхъ типичныя ея особенности,—или, иными словами, примкнуть къ школѣ пародистовъ. Такое явленіе и считаетъ вполнѣ нормальнымъ Костомаровъ и только въ отношеніи оцѣнки значенія Котляревскаго придаетъ ему особенную окраску. Считая Энеиду образцомъ пародіи 18-го вѣка, важной для времени поэта, Костомаровъ отрицаетъ эту важность для современной ему, Костомарову, эпохи, т. е. для сороковыхъ годовъ. Объ этомъ онъ заявляетъ прямо: [1]) „Энеида, какъ пародія, потеряла для насъ свою цѣну"... Такимъ образомъ, форму Энеиды, преслѣдующей цѣль „осмѣянія псевдо-классицизма", Костомаровъ считаетъ устарѣлой. Но пародированьемъ псевдо-классицизма значеніе Энеиды не исчерпывается,—оно простирается далѣе. Въ отношеніи формальномъ Костомаровъ отмѣчаетъ еще одну важную особенность Энеиды—это ея языкъ. По его мнѣнію, языкъ Энеиды—«правильный, блестящій, народный въ высшей степени, остается самымъ лучшимъ памятникомъ». Въ формальную заслугу Энеиды ставитъ критикъ и стихъ послѣдней. Высказавъ мнѣніе, что четырехстопный ямбъ есть будто-бы „чуж-

---

[1]) Молодикъ 1844 г. „Обзоръ сочиненій, написанныхъ на малороссійск. яз.".

дый малороссійскому языку", Костомаровъ все-таки замѣчаетъ, что этотъ ямбическій стихъ „едва-ли у кого достигаетъ такой игривости и непринужденности". Однако вся важность, приписываемая имъ Энеидѣ, относится главнымъ образомъ къ содержанію послѣдней. Въ отношеніи ея содержанія критикъ отмѣчаетъ два неотъемлемыя достоинства: художественное изображеніе народнаго быта и характеровъ и всюду выдержанное чувство юмора. Эти главныя достоинства Энеиды были, по его мнѣнію, скрыты отъ современниковъ Котляревскаго и вполнѣ обнаруживаются только теперь. Энеида, по убѣжденію Косто, марова, представляетъ—„вѣрную картину малороссійской жизни Авторъ зналъ хорошо Малороссію, жилъ въ ней и съ нею. пользовался всѣмъ, что было у него передъ глазами. Характеры его боговъ и героевъ истинно малороссійскіе въ малѣйшихъ его пріемахъ. Во вторыхъ, она драгоцѣнна для насъ по неподражаемому юмору, съ которымъ авторъ изображаетъ пороки и смѣшную сторону своего народа. Стоитъ только вспомнить описаніе ада,—всѣ грѣшники носятъ на себѣ черты малороссійскія и даже осуждены на муки, которыя только придутъ въ голову малороссіянину"...

Отмѣтивъ такія крупныя заслуги украинской Энеиды, Костомаровъ не забываетъ однако указать и матеріальные ея недостатки. Всѣмъ извѣстно, что, создавая свою Энеиду и облекая ее въ комическую форму, Котляревскій нерѣдко пересаливалъ; благодаря этому, комизмъ его смахиваетъ нѣсколько на карикатуру, а нѣкоторыя сцены Энеиды черезчуръ уже разятъ откровенностью. Это, конечно, были пріемы устарѣлые; на ихъ устарѣлость указалъ и предыдущій критикъ, указываетъ на нихъ и Костомаровъ. Только ссылки на нѣкоторую устарѣлость юмора Энеиды соединены у Костомарова съ указаніемъ причины такой устарѣлости, въ силу чего главныя заслуги поэта остаются незначительно умаленными. По данному вопросу Костомаровъ выражается слѣдующимъ образомъ: „что касается до тривіальностей, соблазнительныхъ сценъ и нѣкоторыхъ отвратительныхъ писаній, которыхъ, къ сожалѣнію, много у Котляревскаго, то онѣ

суть плодъ ложнаго понятія о смѣшномъ; тогда думали, что все отвратительное можетъ забавлять". Такъ объясняетъ онъ недостатокъ Энеиды, заключающійся въ нѣкоторыхъ излишествахъ изложенія. Въ общемъ, приговоръ его довольно обоснованъ и, дополняя мнѣніе предыдущаго критика, для сороковыхъ годовъ очень характеренъ. Не такъ цѣненъ отзывъ Костомарова о Наталкѣ-Полтавкѣ, такъ какъ здѣсь онъ впадаетъ въ противорѣчіе. Сказавъ разъ, что въ этой пьесѣ „сочинитель хотѣлъ представить нѣжное сердце малороссійской дѣвушки", Костомаровъ вдругъ рядомъ съ этимъ говоритъ, что содержаніе Наталки-Полтавки „отзывается устарѣлою сентиментальностью прошлаго вѣка". Противорѣчіе очевидное, такъ какъ сантиментальное изображеніе чего-нибудь и изображеніе сантиментальнаго или чувствительнаго, очевидно, не одно и то-же.

Въ 1845 году о Котляревскомъ въ печати молчали; вспоминаютъ о немъ снова въ 1846 году. Нѣкто Сементовскій, кажется товарищъ по службѣ нашего поэта, прочиталъ въ Сѣверной пчелѣ замѣтку о домикѣ послѣдняго и подъ ея вліяніемъ рѣшилъ написать его біографію. Въ этой біографіи онъ кое-что говоритъ и о произведеніяхъ Котляревскаго. Объ Энеидѣ и Москалѣ-Чаривныкѣ онъ только упоминаетъ, а на „Наталкѣ" останавливается съ большимъ вниманіемъ. По его мнѣнію, „Наталка-Полтавка не какое-нибудь оперное либретто, въ которомъ выставлено нѣсколько эффектныхъ сценъ и забавныхъ пьесокъ и выведены лица безъ характера, души и цѣли; но по преимуществу драма, которая станетъ въ рядъ съ извѣстными нашими сочиненіями въ этомъ родѣ. Ни одна повѣсть, ни одно какое-либо сочиненіе до сихъ поръ не пришлось такъ по душѣ Малороссіянъ, какъ Наталка И. П. Котляревскаго; сотни списковъ ея ходятъ и теперь еще по всей Малороссіи, народъ усвоилъ себѣ пѣсни, написанныя Иваномъ Петровичемъ, и есть много такихъ лицъ, которыя знаютъ наизусть всю оперу" [1]). Мнѣніе это, какъ вполнѣ очевидно, радикально противоположно

---

[1]) Сѣверная Пчела 1846 г. № 82. „Иванъ Петровичъ Котляревскій".

сужденію о Наталкѣ Костомарова, и наряду съ прежними критиками опредѣленно констатируетъ фактъ распространенія пьесы Котляревскаго въ Малороссіи [1]).

Другихъ отзывовъ о Котляревскомъ въ 1846 году уже не было. Не появлялись они и въ 1847—48 годахъ. Въ 1849 году исполнилось 80 лѣтъ со времени рожденія Котляревскаго. Вѣроятно, въ виду этого, старый его знакомецъ написалъ, или, вѣрнѣе говоря, перепечаталъ въ Кіевскихъ Г. Вѣдомостяхъ [2]) прежнюю свою біографію... Здѣсь онъ повторяетъ и прежніе свои отзывы, но прибавляетъ къ нимъ еще новыя черты, характеризующія, впрочемъ, произведенія Котляревскаго въ томъже направленіи. Такъ въ Энеидѣ онъ видитъ—„живую картину домашняго, простого быта Малороссіянъ—со всѣми ихъ достоинствами и общими человѣчеству слабостями и недостатками; при всемъ видимомъ комизмѣ и рѣдкомъ, оригинальномъ юморѣ, сочиненіе имѣетъ нравственную сторону,—полно полезныхъ уроковъ, понятныхъ по выраженію каждому малороссу достоинство не случайное и важное въ сочиненіи народномъ"

Равнымъ образомъ называетъ онъ и Наталку-Полтавку—„прекрасную", по его мнѣнію, пьесу—„вѣрнымъ очеркомъ мѣстныхъ характеровъ". Статейкой С. Каминскаго воспользовались различныя періодическія изданія и въ свою очередь перепечатали ее у себя вмѣстѣ съ его отзывами [3]). Отзвукомъ этихъ біографій, а главнымъ образомъ напечатанной въ Кіевскихъ Губ. Вѣдомостяхъ, явился въ Галиціи очеркъ Головацкаго [4]), восторженно отозвавшагося о Котляревскомъ слѣдующими словами С. Каминскаго: [5]) „цила Украина съ почестью спомынае

---

[1]) Сдѣланное въ „Покажчикѣ" г. Комарова указаніе, будто-бы къ 1846 году относится еще упоминаніе о Котляревскомъ въ „Современникѣ" т. 41-мъ,—невѣрно.

[2]) Кіевскія Губ. Вѣдомости 1849 г. сентябрь, С. Каменскій.

[3]) Сѣверная Пчела 1849 г. №№ 83 и 84. и Журналъ Мин. Нар Просвѣщенія № 10 (часть 64) отд. VI стр. 37—41.

[4]) Огоновскій—Исторія литературы руської. Часть II, I вôддѣлъ.

[5]) Сѣверная Пчела 1849 г. № 84.

Котляревского... Кождый Малорусынъ зъ глубыны души вздыхае за нымъ. Дорогоцинне имья его заховано буде на завсигды въ памяти народній, якъ писня народна, котра не умирае николы". Послѣ ряда сочувственныхъ отзывовъ о Котляревскомъ въ 1849 г., новая оцѣнка его появляется только въ 1851 году,— да и то оцѣнка эта выразилась въ весьма оригинальной формѣ. Подобно Шевченку, малоизвѣстный поэтъ Рудыковскій написалъ по поводу Котляревскаго большое стихотвореніе—пародію на Наталку-Полтавку. Мнѣніе свое о Наталкѣ названный поэтъ выражаетъ въ очень рѣзкой, даже грубой формѣ, но къ справедливости отзыва такая форма не прибавляетъ ничего подкрѣпляющаго... Не высказываясь лично по поводу стихотворнаго отзыва Рудыковскаго, мы приведемъ существенныя выдержки изъ этого отзыва.

По ироническому замѣчанію Рудыковскаго, Наталка-Полтавка

Брехенька хочь куды! нема вже що й сказаты!
Але-жъ,—якъ-бы те все по наській розскубаты—
То мы-бъ наткнулысь тутъ не на одну брыдню! [1])

По мнѣнію цѣнителя, въ пьесѣ Котляревскаго вообще

Нисенитныць тьма!

Почему-же эта пьеса такъ не понравилась Рудыковскому? Причины этого излагаются имъ въ ироническомъ пересказѣ содержанія пьесы. Не нравится ему эта пьеса прежде всего за подмѣченную имъ будто-бы растянутость ея. Объ этомъ онъ говоритъ такъ:

Наталька та Петро,—вона незгирша казка;
Есть що и въ руки взять—паперу добра вязка...
Що-жъ тутъ въ середыни? Насылу я добывсь,
Що той-такы Петро зъ Наталкой оженывсь.
Хочъ довго першъ воны въ тимъ малы перешкоду
И ледве вже зъ нудьгы не повкыдалысь въ воду;
Та добри люде, бачъ, загынуть не далы,
За щирую любовъ до купы ихъ звелы...

---

[1]) Кіевская Старина 1892 май. Изъ семейнаго архива. стр. 221—3.

Не нравится она ему и за ея будто-бы неправильность и антиреальность въ изложеніи.

По насмѣшливому замѣчанію Рудыковскаго, въ Наталкѣ-Полтавкѣ:

. . . . писни все та пляскы!
Стара, дочка, Петро и Возный—вси ревуть,
Едынъ по едному,—якъ ти жмели гудуть.
Та письни всякому прыточени до шмыгы,
Якъ нибы на верби поростыкавъ хто фыгы...
До сватання,—то вси спивалы писенькы,
По шлюби-жъ ни одынъ, помовклы, мовъ пенькы...
Мовъ першъ тоби ввесь медъ уперлы у капусту,
А потимъ въ шулыкы свынину клалы тлусту...

Вообще-же говоря, по убѣжденію поэта, Котляревскій

Брехунъ брехавъ брехню, чортъ ма еи чымъ змирыть...

Нечего и говорить, насколько это рѣзкое мнѣніе Рудыковскаго противоположно прежнимъ отзывамъ, въ которыхъ хоть и указывались недостатки другихъ произведеній Котляревскаго, но Наталка-Полтавка хвалилась единодушно. Мы лично далеки отъ пѣнія дифирамбовъ послѣднему, но можемъ положительно сказать, что съ тенденціей пародій, подобныхъ вышеприведенной, не согласится, вѣроятно, никто: черезчуръ уже эта пародія является уничтожающей пьесу нашего поэта, и черезчуръ уже отзывъ Рудыковскаго блистаетъ отсутствіемъ подкрѣпляющихъ его положеній. Да, впрочемъ, отъ поэтической вещицы такихъ доказательствъ и требовать нельзя; отзывъ Рудыковскаго мы привели только для того, чтобы характеристику мнѣній о Котляревскомъ сдѣлать возможно болѣе полной... Надѣемся, что значеніе этого отзыва будетъ всякимъ оцѣнено по достоинству и безъ дальнѣйшихъ комментаріевъ. Съ 1851 года и вплоть до 1856, насколько позволяютъ судить наши данныя, отзывовъ о Котляревскомъ не было. О немъ какъ-бы забыли: въ русской литературѣ не имѣли особеннаго повода заниматься часто анализомъ его произведеній, а органовъ украинскаго слова не существовало, поэтому до 1856 года о Котляревскомъ не было сказано

ничего. Только въ 1856 году въ одномъ изъ русскихъ періодическихъ изданій помѣщена была замѣтка о его домикѣ. Авторъ ея сѣтуетъ о томъ, что домикъ разрушается, и называетъ его „историческимъ“, какъ-бы имѣя въ виду всѣ указанныя выше заслуги поэта и считая его за эти заслуги лицомъ дѣйствительно историческимъ [1]).

Въ томъ же году появился новый отзывъ о его произведеніяхъ, принадлежащій А. А. Котляревскому: отзывъ этотъ кратокъ, но за то мѣтокъ, довольно оригиналенъ и, во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ полнаго вниманія. А. А. Котляревскій касается всѣхъ вышедшихъ до него произведеній нашего поэта и прежде всего Энеиды. Основываясь неизвѣстно на чемъ, покойный профессоръ заявляетъ объ этомъ произведеніи, что оно—„никоимъ образомъ не могло быть вызвано потребностями украинскаго общества“. Энеида, по его мнѣнію, была плодомъ современнаго направленія собственно русской словесности, а для самого автора не болѣе, какъ литературною шуткою, забавою“... Смотря такимъ образомъ на данное произведеніе, А. Котляревскій долженъ былъ, конечно, и отнестись къ нему сурово. И эта строгость обнаруживается въ дальнѣйшихъ строкахъ его отзыва, впрочемъ, нѣсколько парадоксальнаго. Нужно замѣтить, что вѣрность изображенія Котляревскимъ народнаго быта критикъ считаетъ стоящей внѣ сомнѣнія. По его убѣжденію, въ Энеидѣ „ходъ разсказа, названіе мѣстностей, обычаи и нравы—все это совершенно малороссійское“. Однако этого для критика мало...—„При всей, повидимому, выдержанности въ изображеніи малороссійскаго характера въ перелицованной Энеидѣ, мы не можемъ—говоритъ онъ—назвать это произведеніе вполнѣ малороссійскимъ, народнымъ: уже одно то, что оно, какъ мы сказали, было явленіемъ случайнымъ, вызваннымъ совершенно посторонними причинами,—значительно уменьшаетъ право его на народность; далѣе, вглядываясь въ него пристальнѣе, мы не встрѣтимъ того милаго простодушія, того природнаго юмора,

1) Журналъ Министерства Народ. Просвѣщенія 1856 г. № 2-й стр. 143-4.

который составляетъ отличительную черту малороссійскаго народнаго характера. Взглядъ автора, имѣющій цѣлью смѣшить своихъ читателей во что-бы ни стало, выставляющій потѣхъ ради, воочію міра, все съ смѣшной стороны—совершенно противенъ кореннымъ чертамъ украинскаго характера. Малороссіянинъ и теперь не безъ удовольствія прочтетъ Энеиду Котляревскаго и посмѣется вдоволь, да не тѣмъ смѣхомъ, которымъ смѣемся мы при чтеніи свѣжихъ произведеній Гоголя!"—Какъ очевидно всякому, мнѣніе это довольно рѣзкое и радикально противоположное сужденію о томъ-же предметѣ Костомарова. Нельзя, конечно, послѣдняго упрекнуть въ панегиризмѣ, но и онъ въ первомъ своемъ разсужденіи о нашемъ поэтѣ далъ отзывъ крайне симпатичный и съ оцѣнкой А. Котляревскаго со-совершенно несходный. Костомаровъ находитъ въ Энеидѣ вѣрную картину быта и характеровъ народныхъ т. е. народность, а А. Котляревскій ее отрицаетъ; Костомаровъ восхищается юморомъ Энеиды, Котляревскій этого юмора въ ней не находитъ. Очевидно, что мнѣнія обоихъ критиковъ—трудно согласимы и что одинъ изъ нихъ неправъ. Кто неправъ, мы не будемъ пока объ этомъ говорить и замѣтимъ только, что А. Котляревскій, слишкомъ выдѣляющійся изъ среды прочихъ критиковъ серьезнымъ умаленіемъ достоинствъ Энеиды, какъ разъ и не представляетъ данныхъ, подтверждающихъ справедливость этого умаленія. А извѣстно всѣмъ, что отрицать легче, чѣмъ утверждать что нибудь съ помощью вѣскихъ данныхъ. Совершенно иначе отнесся А. Котляревскій къ Наталкѣ-Полтавкѣ. Словно задавшись цѣлью говорить наперекоръ Костомарову, онъ снова расходится съ послѣднимъ во мнѣніи о пьесѣ И. Котляревскаго. „Нѣкоторые находятъ въ Н.-Полтавкѣ устарѣлую сентиментальность прошлаго вѣка,—говоритъ критикъ, цитируя мнѣніе Костомарова,—напротивъ: въ ней столько жизни, простоты и драматичности, и все совершается въ такой обыденной сферѣ, безъ всякихъ запутанныхъ завязокъ и развязокъ, такъ полно малороссійской природы и легкаго юмора, что рѣшительно не узнаешь въ творцѣ ея автора перелицованной Энеиды!". Нѣ-

сколько далѣе онъ продолжаетъ: „для насъ очень замѣчательно такое отступленіе старѣйшаго дѣятеля украинской литературы на другую, болѣе твердую дорогу; Котляревскій попалъ прямо въ цѣль: сдѣлалось яснымъ, что въ сферѣ пародіи едва ли возможно истинно народное развитіе украинской словесности, что для этого есть другая, болѣе надежная сторона, какъ бытъ и жизнь народа“. Изъ этой цитаты видно, что въ Наталкѣ-Полтавкѣ критикъ видитъ отраженіе перелома, произшедшаго въ творчествѣ Котляревскаго. Насколько это мнѣніе справедливо и насколько послѣдній пересталъ быть въ Наталкѣ творцомъ Энеиды, мы здѣсь распространяться не будемъ. Для характеристики мнѣнія А. Котляревскаго о творчествѣ И. П. Котляревскаго мы сообщимъ теперь только тотъ фактъ, что двѣ послѣднія части Энеиды написаны почти одновременно съ Наталкой-Полтавкой. А разъ это такъ, то весьма сомнительно, чтобы поворотъ въ направленіи И. Котляревскаго, отразившійся будто-бы въ „Наталкѣ“, не отразился и въ послѣднихъ частяхъ Энеиды. А между тѣмъ это такъ,—послѣднія части Энеиды отличаются тѣмъ же характеромъ, что и первыя; очевидно, значитъ, что творчество нашего поэта не мѣняло своего характера до послѣдней строчки его произведеній. Для болѣе полнаго представленія о характерѣ критики А. Котляревскаго, укажемъ еще на мнѣніе его о Москалѣ-Чаривныкѣ. По утвержденію его, такъ восторженно отозвавшагося о „Наталкѣ“, „нельзя того-же сказать о комедіи Москаль-Чаривныкъ: она гораздо ниже и слабѣе по выполненію Наталки-Полтавки“. Такимъ образомъ по мнѣнію А. Котляревскаго истинная заслуга нашего поэта заключается главнымъ образомъ въ созданіи „Наталки“.

Послѣ этой критики произведеній И. Котляревскаго, толки о немъ въ литературѣ замолкли вплоть до 1860 г.; но въ этомъ году появляется мимолетный отзывъ Кулиша, скрывающій уже въ зародышѣ тѣ филиппики которыя онъ направилъ противъ Котляревскаго въ 1861 году. Говоря въ 1861 г. о появленіи и значеніи украинской литературы, Кулишъ называетъ Энеиду

„бурлацкимъ юродствомъ"... [1]) Далѣе онъ говоритъ: „якъ появывсь Котляревскій изъ своимъ Енеемъ, уси зареготалы щиро, що який-то, справди чудный той простый людъ украинськиӣ, одъ котрого мы, дякуючи деякимъ старосвицькимъ добродіямъ, одризнылысь... Зареготалы, и той реготъ бувъ найстрашниша проба нашему пысаному слову украинскому. То було все одно, якъ родыться дытына середъ пьяныхъ бабъ, да ще й сама повытуха впьеться... Колы выдержить бидолашне немовлятко, перве безумне прывитання на Божому свити, то то буде ознака, що вродылось оно соби живуще ажь надто. Вже такои страшнои пробы навпосли ему й не трапиться... Тимъ реготомъ надъ Енеидою мало-мало не згубылы сами земляки своего жъ новонарожденнаго слова".—Нечего и говорить, что въ Энеидѣ Кулишъ находитъ насмѣшку надъ народомъ, за которую онъ въ дальнѣйшемъ и набрасывается на ея автора. Но и изъ этого отрывка видно, что серьезнаго значенія Энеидѣ Кулишъ не придавалъ: для него она была важна только, какъ первое произведеніе новѣйшей украинской литературы, какъ первый опытъ. Какъ смотрѣлъ Кулишъ вообще на произведенія Котляревскаго, онъ показалъ въ обширной статьѣ о немъ въ 1861 г. Эта статья представляетъ историко-литературный этюдъ, гдѣ произведенія нашего поэта разсматриваются, какъ продуктъ опредѣленной исторической эпохи. Кулишъ, передъ разсужденіемъ собственно о его творчествѣ, считаетъ нужнымъ предпослать нѣсколько обширныхъ замѣчаній о той дифференціаціи классовъ, которая имѣла мѣсто въ Малороссіи въ 18 в. Эта дифференціація привела къ полному идеологическому разъединенію между низшими и высшими украинскими слоями: создала обособленные нравы, обычаи, чувства, и интересы. Крѣпостные находились въ угнетеніи, крупная шляхта смотрѣла на нихъ или съ презрѣніемъ, или съ равнодушіемъ и, разумѣется, относиться къ нимъ могла только съ классовой точки зрѣнія. Въ силу могущественности крупной шляхты, положеніе мелкихъ

[1]) Хата. 1860. Передне слово, стр. VIII, XVII.

дворянъ было крайне незавидное: они должны были искать себѣ покровителя въ лицѣ малорусскаго магната и только тогда могли жить спокойно. Но для этого нужно было или родства съ магнатами, или умѣнія заискивать передъ ними въ чемъ-бы то ни было. Однимъ изъ надежнѣйшихъ способовъ этого заискиванья являлось потѣшанье именитыхъ особъ юмористическими разсказами или анектодами изъ народной жизни. Образовался цѣлый слой юмористовъ, къ которымъ Кулишъ причисляетъ и Котляревскаго. Ихъ задачей было развеселять магнатовъ и выманивать за это различныя „имѣньица". Извѣстный эпизодъ о „лукѣ", случившійся съ Котляревскимъ еще болѣе укрѣпляетъ Кулиша въ той мысли, что Котляревскій былъ талантливый анекдотистъ, талантомъ своимъ служившій для потѣхи крупныхъ пановъ. Ставъ на такую токку зрѣнія, Кулишъ подъ угломъ ея разсматриваетъ и произведенія нашего поэта, вполнѣ развивая при этомъ тотъ взглядъ, который мелькомъ уже онъ показалъ въ 1860 году.

Остановимся сначала на мысляхъ Кулиша объ Энеидѣ. Почти съ первыхъ же строкъ онъ заявляетъ, что это произведеніе „носитъ на себѣ признаки глубокаго упадка народнаго чувства самосознанія и самоуваженія" [1]) и что—„въ (его) перелицованной Энеидѣ собрано все, что только могли найти паны карикатурнаго, смѣшного и нелѣпаго въ худшихъ образщикахъ простолюдина" [2]).

Подобно проф. Котляревскому, Кулишъ говоритъ далѣе, что „уже самая мысль — написать пародію на языкѣ своего народа показываетъ отсутствіе уваженія къ этому языку" [3]), хотя сейчасъ-же за этимъ и замѣчаетъ, что—„Котляревскій заплатилъ дань своему вѣку."—Подобно профессору-же Котляревскому, Кулишъ говоритъ, что нашъ поэтъ—„заговорилъ впослѣдствіи другимъ языкомъ о томъ народѣ, который ему, какъ

---

[1]) Основа 1861 года № 1-й Котляревскій стр. 236.

[2]) ib—стр. 244.

[3]) ib.—стр. 245.

семинаристу, какъ домашнему учителю въ помѣщичьихъ семействахъ и армейскому офицеру, представлялся только съ каррикатурной своей стороны..." [1]) Вообще-же говоря, Котляревскій, по мнѣнію Кулиша,—„до того увлекся своимъ каррикатурнымъ комизмомъ, до того обезобразилъ украинскій народъ своей пародіей, что и его природный талантъ, и знаніе языка украинскаго, и множество характеристичныхъ подробностей простонароднаго быта—все это гибнетъ попусту на ложной дорогѣ, указанной ему его вѣкомъ и обществомъ" [2]). Но неужели за Энеидой нѣтъ никакой заслуги? Совершенно уничтожая это украинское произведеніе, Кулишъ все таки говоритъ о Котляревскомъ, что онъ „былъ единственный писатель, воспроизведшій всѣми забытую или пренебреженную жизнь украинскаго простонародья... Онъ одинъ отдѣлился отъ хора писателей, твердившихъ на другомъ языкѣ, каждый по своему: „о Россъ, о подвигъ исполина!" или въ сладостномъ упоеніи обнимавшихся съ чужеземными музами. Это его заслуги" [3]). Заслуги, какъ видите, не особенно большія, а по сравненію съ предыдущими отзывами Кулиша о той-же Энеидѣ и совершенно ничтожныя. Въ томъ-же духѣ написаны Кулишомъ отзывы и о двухъ пьесахъ Котляревскаго—Наталкѣ-Полтавкѣ и Москалѣ-Чаривныкѣ. „Обѣ онѣ, заявляетъ критикъ, говорятъ много въ пользу его природнаго таланта, но очень мало въ пользу его литературнаго вкуса. Авторъ знаменитой пародіи, разсмѣшившій всю Украину, умѣлъ отыскать въ украинской простонародной жизни трогательное рядомъ съ комическимъ и до извѣстной степени сообщить нѣкоторымъ изъ своихъ дѣйствующихъ лицъ художественную индивидуальность; но его герои и героини часто выражаются языкомъ Добронравовыхъ, Правдолюбовыхъ и терпимы до сихъ поръ на сценѣ, въ исправленномъ видѣ, больше за свои костюмы и напѣвы"! [4]) Но и эти напѣвы Кулишомъ порица-

[1]) ib.—стр. 247.
[2]) ib.—стр. 260.
[3]) ib.—стр. 249.
[4]) ib.—стр. 248.

ются... Находитъ еще Кулишъ въ „Наталкѣ“ шагъ „къ вѣрному изображенію украинскаго народа“ и „уваженіе къ его простымъ, человѣческимъ чувствамъ“, но и эти положительныя черты затемняются тѣмъ обстоятельствомъ, что, по мнѣнію критика,—„Котляревскій впалъ тутъ въ другую крайность—въ аффектацію и сантиментальность“, — хотя и здѣсь замѣчаетъ Кулишъ, что отъ этихъ качествъ—„въ то время не былъ свободенъ ни одинъ русскій писатель“.—Такъ отозвался онъ объ упомянутыхъ произведеніяхъ, становясь въ разрѣзъ даже съ наиболѣе рѣзкими цѣнителями, которые до него говорили о нашемъ поэтѣ. Въ той-же статьѣ Кулиша впервые было напечатано новое произведеніе Котляревскаго—„Ода до князя Куракина“, которое еще болѣе укрѣпило его въ упомянутыхъ воззрѣніяхъ. Говоря впрочемъ о томъ, что авторъ оды не забываетъ напомнить Куракину о творящихся въ Малороссіи неправдахъ, Кулишъ все таки считаетъ ее—„наполненной грубою лестью“ [1]), и рѣшительно говоритъ, что это—уродливые и антинародные вирши... [2]) Приведенныхъ здѣсь цитатъ считаемъ достаточнымъ для того, чтобы о мнѣніи Кулиша относительно Котляревскаго составить опредѣленное понятіе: насколько-же это мнѣніе вѣрно, мы скажемъ впослѣдствіи. Въ слѣдующемъ номерѣ Основы помѣщена была новая статья о Котляревскомъ, имѣвшая цѣлью умѣрить очеркъ Кулиша. Часть этой статьи заключаетъ въ себѣ подробную біографію поэта; въ концѣ же статьи авторъ обѣщаетъ поговорить съ читателями и о значеніи его творчества. Къ сожалѣнію, конца ея не послѣдовало. Но и изъ начальныхъ строкъ статьи видно, что авторъ ея, по достовѣрнымъ фактамъ, думалъ дать иной отзывъ о Котляревскомъ, чѣмъ Кулишъ. Одно уже сообщеніе имъ біографическихъ данныхъ имѣло цѣлью яснѣе обрисовать Котляревскаго, эту, по его мнѣнію,—„истинно-почтенную личность прошлаго времени“... [3]) Жизни Котлярев-

---

[1]) ib.—стр. 251.

[2]) ib.—стр. 255-6

[3]) Основа—1861 г. № 2—Иванъ Петровичъ Котляревскій—стр. 163.

скаго, судя по тону статьи ея автора, Кулишъ достаточно не зналъ, а—„зная ее поверхностно, нельзя вѣрно объяснить многія явленія общественной его дѣятельности и легко впасть въ заблужденіе при оцѣнкѣ его личности, какъ человѣка и гражданина" [1]). Вотъ данныя, которыя позволяютъ намъ думать, что авторъ этой статьи съ оцѣнкой Кулиша не былъ солидаренъ. Сильный и энергическій голосъ послѣдняго, раздавшійся противъ крѣпко установившейся славы Котляревскаго, безъ вниманія, конечно, не остался. Уже во 2-мъ номерѣ Основы стала печататься статья, которая, какъ мы видѣли, имѣла цѣлью реабилитировать личность и творчество поэта, развѣнчаннаго Кулишомъ. Но впечатлѣніе отъ статьи Кулиша распространилось еще далѣе. Нѣкто Чибисовъ, въ обзорѣ журналовъ за 1861-й годъ, упоминаетъ и объ Основѣ со статьей Кулиша. Онъ пересказываетъ сужденія послѣдняго о Котляревскомъ и, очевидно, не соглашаясь съ ними, прибавляетъ въ концѣ своей замѣтки: [2]) „не смотря на такую строгость сужденій о дѣятельности Котляревскаго, все таки нельзя ему отказать въ извѣстной исторической роли въ судьбѣ украинской письменности, хотя бы уже потому, что онъ отлично владѣлъ языкомъ"!—Разумѣется, пунктъ несогласія съ Кулишомъ не важный, но самый фактъ несогласія все-таки характеренъ. Въ томъ-же году, по поводу концерта, даннаго въ Петербургѣ въ честь Шевченка, появилось замѣчаніе нѣкоего Мокрицкаго, съ укоромъ отнесшагося къ развѣнчиванію Котляревскаго Кулишомъ. Въ нѣсколько лирической формѣ онъ выражаетъ недоумѣніе, зачѣмъ—„нарушенъ прахъ давно почившаго Котляревскаго, малороссіянина съ замѣчательнымъ талантомъ, котораго пародія Энеида считалась всегда удачнѣйшею изъ пародій и въ свое время была выучена наизусть всѣми украинцами; котораго „Наталка-Полтавка" и „Москаль-Чаривныкъ играются десятки лѣтъ на театрѣ и до сихъ поръ не прискучили. Общая симпатія публики даромъ не

---

[1]) ibidem.

[2]) Одесскій Вѣстникъ 1861 г. № 25-й Обзоръ Журналовъ.

дается; украинская пословица говоритъ: „громада—велыкый чоловикъ“; она не издаетъ книгъ, а читаетъ, присматриваясь“... [1]) Какъ-бы ни былъ преувеличенъ этотъ отзывъ о Котляревскомъ, но онъ имѣетъ право быть помѣщеннымъ въ ряду другихъ отзывовъ такъ-же, какъ и преувеличенный отзывъ Кулиша... Во всякомъ случаѣ, мнѣніе Мокрицкаго очень характерно, какъ реакція упомянутымъ сужденіямъ Кулиша... Въ 1862 году издавшій произведенія Котляревскаго Кулишъ снова возвращается къ послѣднимъ, собственно говоря, къ „Москалю Чаривныку“. Вспоминаетъ онъ объ этомъ произведеніи по поводу напечатанной имъ комедіи Гоголя-отца „Простакъ“... Сравнивая оба произведенія украинскихъ писателей, Кулишъ говоритъ о Москалѣ-Чаривныкѣ слѣдующее: [2]) „у Котляревскаго хозяинъ хаты—зажиточный мужикъ, а роль Ловласа играетъ судовый панычъ. Повидимому, въ этомъ нѣтъ ничего, что можно было-бы поставить въ упрекъ авторству Котляревскаго, а между тѣмъ изъ выбора лицъ видно, что Котляревскій далеко не такъ симпатично относился къ народу, какъ отецъ Гоголя“. Нечего и говорить, что этотъ отзывъ Кулиша о пьесѣ Котляревскаго радикально противоположенъ предыдущему отзыву того-же Кулиша о Москалѣ-Чаривныкѣ, въ которомъ онъ, какъ мы указывали, находитъ уваженіе къ чувствамъ народа. Противорѣчіе очевидное, но въ устахъ Кулиша весьма обычное, ибо вся дѣятельность послѣдняго отличается такимъ непостоянствомъ убѣжденій, которое находилось въ движеніи, подобномъ Гераклитовскому.

Въ томъ-же году Данилевскій, писавшій подъ псевдонимомъ Халявскаго статью о Сковородѣ, называетъ его вмѣстѣ съ—„Каразинымъ, Квиткою-Основьяненкомъ и *Котляревскимъ*, первыми настоящими умственными двигателями малороссійскаго общества“ [3])... Компанія, въ которую здѣсь помѣщенъ Котля-

---

1) Основа 1861 г. № 6-й „концертъ 27 апрѣля“ стр. 155.

2) Основа—февраль 1862 г.

3) Основа 1862 г. Сентябрь. Григорій Сковорода стр. 69—70.

ревскій, очень почтенная, и весьма интересной поэтому является такая характеристика послѣ жестокаго порицанія его Кулишомъ.

На этомъ и кончаются отзывы о Котляревскомъ въ 1862 году. Въ слѣдующемъ году появляются въ печати путевыя замѣтки нѣкоего Савинова [1]), въ которыхъ разсказываются со словъ знакомца Котляревскаго нѣкоторыя интересныя событія изъ молодыхъ лѣтъ послѣдняго. Какихъ-нибудь оцѣнокъ его тамъ нѣтъ, но самый фактъ появленія эпизодовъ о немъ въ печати показываетъ ту степень интереса, которую въ различныхъ сферахъ производило имя нашего поэта. Въ 1864-мъ году о Котляревскомъ въ печати молчали. За то въ 1865 году появляется о немъ довольно большая замѣтка Маруси К. Эта замѣтка написана была подъ очевиднымъ вліяніемъ упомянутой статьи Кулиша, и разсужденія въ ней автора ведутся въ подобномъ-же духѣ. Статейку свою авторъ написалъ въ дополненіе отзыва Кулиша о пьесахъ нашего поэта, о которыхъ, по его мнѣнію, читатель, основывающійся только на Кулишѣ, будетъ имѣть „неопредѣленное понятіе“. По неправильному увѣренію Маруси К. ,замѣтка Кулиша объяснила только, что „Котляревскій написалъ двѣ пьесы (Н.-П. и М.-Ч.) и что пьесы эти терпимы на сценѣ до сихъ поръ за свои костюмы и напѣвы“... Мы внесемъ поправку въ заявленіе Маруси К. И о Наталкѣ-Полтавкѣ, и о Москалѣ-Чаривникѣ Кулишъ сказалъ далеко больше, нежели указываетъ Маруся К., хотя послѣдняя почему-то выдергиваетъ нѣсколько несущественныхъ строкъ изъ отзыва Кулиша, а существенное въ этомъ отзывѣ провозитъ подъ своимъ флагомъ. Это покажутъ слѣдующія ниже цитаты изъ разсужденій Маруси К. Сообщивъ нѣсколько данныхъ объ условіяхъ, при которыхъ возникли обѣ пьесы Котляревскаго, и пересказавъ сначала содержаніе „Наталки“, критикъ говоритъ о ней слѣдующее [2]): „читатель видитъ, что пьеса построена на

---

[1]) Сѣверная Пчела 1863 г. № 80. „Первая любовь Котляревскаго“.

[2]) Русская сцена 1865 г. № 6 и 7-й. Очерки украинской драматической литературы.

романической случайности и эффектахъ; поэтому не удивительно, что и дѣйствующія лица иногда впадаютъ въ нѣмецкую сантиментальность, о которой украинскій народъ и понятія не имѣетъ". Эта мысль есть ничто иное, какъ повтореніе извѣстной уже намъ мысли Кулиша объ аффектаціи и сантиментальности пьесъ Котляревскаго, и Маруся К. къ отзыву Кулиша не прибавляетъ ничего новаго. Повторивъ общую мысль послѣдняго, Маруся К. развиваетъ ее на разборѣ отдѣльныхъ характеровъ „Наталки-Полтавки". Она объясняетъ читотелю характеръ Вознаго и въ концѣ разъясненія своего говоритъ, что—„отказъ его отъ брака съ Наталкою намъ кажется неестественнымъ и натянутымъ". Въ характерахъ Наталки и ея матери, при всей вѣрности ихъ изображенія, критикъ также находитъ пробѣлы, такъ-какъ и Наталка и ея мать—„часто говорятъ рѣчи, не свойственныя украинскому народу". Петро, по его мнѣнію, резонерствуетъ и заводитъ лишніе разговоры, такъ что Маруся К. совѣтуетъ даже выбросить сцену разговоровъ его съ Макогоненкомъ и Тетерваковскимъ, не только какъ лишнюю, но „просто странную". А странность этой сцены заключается въ томъ, что Петро хладнокровно говоритъ съ женихомъ своей возлюбленной, хотя и получилъ только что извѣстіе о ея выходѣ замужъ. Характеръ Макогоненка, по мысли Маруси К., „не вездѣ ровно выдержанъ авторомъ".—Намѣтивъ такіе крупные недостатки пьесы Котляревскаго, критикъ прибавляетъ:—„указывать подробно на всѣ неестественности піесы не стоитъ; народнаго въ пьесѣ только пѣсни, мѣстами перековерканныя, и изрѣдка неподдѣльный украинскій юморъ. „Наталка-Полтавка" не выдерживаетъ строгой литературной и этнографической критики, но на сценѣ она идетъ живо и завлекательно". Почему плохая, по мнѣнію критика, пьеса можетъ идти на сценѣ „живо и завлекательно", онъ, къ сожалѣнію, не указываетъ и это остается непонятнымъ. Но что „Наталкѣ" онъ не придаетъ почти никакого значенія, это вполнѣ ясно. Такихъ-же воззрѣній держится Маруся К. и относительно Москаля-Чаривныка. Эта пьеса, по ея убѣжденію,

„и по содержанію своему, и по мысли, и по исполненію стоитъ далеко ниже „Наталки-Полтавки“.—На чемъ-же строитъ она свое убѣжденіе? Отвѣтомъ на это служитъ разборъ характеровъ пьесы, причемъ критикъ снова пишетъ подъ вліяніемъ Кулиша. Сначала онъ опровергаетъ возможность самой интриги, т. е. волокитства судового „панычa“ за украинской „жинкой“;—въ силу высокой нравственности послѣдней, такое волокитство онъ считаетъ фантазіей автора и говоритъ, что—„здѣсь Котляревскій сильно погрѣшилъ противъ дѣйствительности!“ По мнѣнію критика,—„не менѣе погрѣшилъ онъ и въ характерѣ дѣйствующихъ лицъ! Противорѣчій у него бездна!“—Указывая недостатки въ изображеніи характера Чупруна, онъ повторяетъ мысль Кулиша о томъ, что въ Чупрунѣ искаженъ характеръ чумаковъ. Татьяна, по приговору Маруси К.,—„говоритъ вычурно, фразисто, по книжному, словомъ, говоритъ такъ, какъ не говорятъ въ Украйнѣ“.—Фынтыкъ, какъ соглашается Маруся К., изображенъ вѣрно:—„такія личности,—говоритъ она,—безжалостно надо осмѣивать“.—Однако и осмѣивать нужно—„не такими пьесами-какъ Москаль-Чаривныкъ, не заключающій въ себѣ даже намековъ на обыкновенный украинскій юморъ“.—Такимъ образомъ и эту пьесу Котляревскаго Маруся К. сводитъ, по ея значенію, къ нулю. Нечего, конечно, прибавлять, что эта оцѣнка превзошла въ своей разрушительности даже критику Кулиша, признающаго за драматическими произведеніями нашего поэта хоть какое-нибудь значеніе. Въ томъ-же году предпринялъ изданіе своей исторіи славянскихъ литературъ извѣстный ученый А. Н. Пыпинъ. Въ отдѣлъ ихъ включена была, конечно, и малорусская литература съ упоминаніемъ о Котляревскомъ. Пыпинъ, безъ сомнѣнія, овладѣлъ литературой о немъ и познакомился съ произведеніями самого Котляревскаго, поэтому его наблюденія должны быть для насъ интересны. Этотъ интересъ еще болѣе увеличивается тѣмъ обстоятельствомъ, что Пыпинъ является крупной величиной въ области исторіи литературы и человѣкомъ, смотрѣвшимъ на дѣло съ объективно-научной точки зрѣнія. Пыпину не безъизвѣстно было разъеди-

неніе малорусскихъ критиковъ во взглядахъ на сущность творчества Котляревскаго и въ особенности рѣзкій взглядъ Кулиша. Цитируя мнѣніе послѣдняго, обвиняющаго нашего поэта въ пренебрежительномъ отношеніи къ народу, Пыпинъ по этому поводу говоритъ [1]):—„это обвиненіе, конечно, ослабляется прежде всего тѣмъ, что у добродушнаго Котляревскаго, конечно, не было такихъ злостныхъ цѣлей: его пародія не была, конечно, одной пошлой угодливостью вкусамъ пановъ, она была отголоскомъ начавшейся оппозиціи старому классицизму и слѣдствіемъ собственнаго юмористическаго настроенія". Такъ какъ главное обвиненіе Кулиша падаетъ спеціально на Энеиду, то и реабилитація Котляревскаго Пыпинымъ, выражающаяся въ приведенныхъ только что строкахъ, относится также спеціально къ Энеидѣ: на счетъ драматическихъ произведеній Котляревскаго у Пыпина имѣются также отдѣльныя мнѣнія. Оправдывая его отъ нападокъ вродѣ Кулиша, Пыпинъ по поводу пьесъ Котляревскаго говоритъ:—„въ своихъ драматическихъ пьесахъ Котляревскій удачно схватываетъ черты народныхъ нравовъ, и если, по характеру времени, впадаетъ въ преувеличенную сантиментальность, то все-таки изъ нихъ можно видѣть, что для него народная жизнь не была однимъ поводомъ къ глумленью". Но самое главное оправданіе для Котляревскаго Пыпинъ видитъ въ томъ, что настроеніе его совсѣмъ не являлось исключительно принадлежащимъ ему, а свойственно было даже Основьяненку. Пыпинъ говоритъ: „въ сочиненіяхъ Основьяненка мы находимъ опять въ сущности тѣ-же мотивы: ту-же сантиментальность и шутливое отношеніе къ народной средѣ".—Ту-же черту подмѣчаетъ онъ и въ Гоголѣ—сынѣ. Чѣмъ-же объясняетъ Пыпинъ такое явленіе въ области украинской литературы? Онъ склоняется къ тому мнѣнію, что—„Котляревскій несетъ на себѣ, хотя можетъ быть въ бóльшей степени, общую вину; качества этого взгляда на народную жизнь опредѣлялись не личнымъ капризомъ, а общимъ подчиненнымъ характеромъ народ-

[1]) Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ Пыпина и Спасовича 1865 г. стр. 221.

ности, которая всегда принуждена была подчиняться чужимъ цивилизующимъ нравамъ и господству. У самого Котляревскаго пропадаетъ шутовской характеръ, когда онъ вспоминаетъ въ той-же Энеидѣ о прошедшихъ временахъ гетьманщины—времени національной автономіи". Такъ оправдываетъ Пыпинъ Котляревскаго отъ жестокихъ на него нареканій: въ этомъ оправданіи и заключается центръ сужденій его о нашемъ поэтѣ. Положительный отзывъ критика не такъ рельефенъ, но и онъ тѣмъ не менѣе весьма точенъ и характеренъ. Сущность его заключается въ томъ, что Котляревскій—„былъ первый писатель, заговорившій настоящимъ малороссійскимъ языкомъ; въ его поэмѣ было столько веселой шутки, что она и послѣ надолго осталась любимымъ чтеніемъ грамотнаго люда—стихи ея запоминались и обращались въ пословицы. Котляревскій имѣетъ несомнѣнное историческое значеніе по тому впечатлѣнію, которое онъ произвелъ въ свое время [1]).—Итакъ, вотъ какъ думалъ о нашемъ поэтѣ Пыпинъ. Прибавлять лишнее, что его мнѣніе по данному вопросу совершенно стоитъ въ разрѣзъ, какъ съ мнѣніемъ Кулиша, такъ въ особенности и Маруси К. Отзывомъ Пыпина критика Котляревскаго въ 1865 году заканчивается. Съ новой силой возрастаетъ она въ слѣдующемъ году. Прежде всего въ Галиціи помѣщена была въ переводѣ на украинскій языкъ статья Маруси К. Редакторъ сборника [2]), гдѣ эта статья нашла себѣ мѣсто, никакихъ подстрочныхъ замѣчаній противъ нея не сдѣлалъ и такимъ образомъ показалъ съ ней полное согласіе: фактъ этотъ важенъ и достоинъ упоминанія. Въ томъ-же году, писавшій нѣсколько лѣтъ назадъ о Сковородѣ Данилевскій издалъ рядъ статей объ украинскихъ дѣятеляхъ. Въ статьѣ о Квиткѣ онъ дѣлаетъ краткій обзоръ украинской литературы до Основьяненка и упоминаетъ, конечно, о Котляревскомъ. Говоритъ Данилевскій почти о всѣхъ его произведе-

---

[1]) Обзоръ ист. слав. литературъ—стр. 220.

[2]) Русалка 1866 р. Критичний оглядъ украинскої драматичної літератури №№ 5—6.

ніяхъ, но отзывъ даетъ только объ Энеидѣ. По мнѣнію цѣнителя, въ Энеидѣ Котляревскаго—„хотя для насъ и заключается порядочная частица снотворности и воды, господствуетъ, тѣмъ не менѣе, чистый малороссійскій языкъ „puritatis legitimae“, какимъ впослѣдствіи писалъ рѣдкій изъ южнорусскихъ писателей, не исключая и Квитки“ [1]). Собственно говоря, отзывъ этотъ для Котляревскаго далеко не лестенъ. Недостатки его произведеній указаны очень крупные, а между тѣмъ изъ достоинствъ только одно: чистый языкъ. Если-бы это мнѣніе о языкѣ было и безусловно-вѣрнымъ, то и то получается недоумѣніе. Неужели въ предыдущемъ отзывѣ критика о Котляревскомъ послѣдній названъ былъ „умственнымъ двигателемъ“ только за то, что писалъ на чистомъ украинскомъ языкѣ? Врядъ-ли это такъ! Очевидно, что въ отзывахъ критика есть большой недочетъ: или мнѣніе первой редакціи сказано наобумъ, безъ достаточныхъ основаній, и тогда второе мнѣніе есть дѣйствительное и болѣе выражающее воззрѣнія Данилевскаго; или-же, первое мнѣніе—правильно, и во второмъ отзывѣ критикъ погрѣшаетъ противъ истины.

Въ томъ-же году снова вспомнилъ о Котляревскомъ обширной статьей извѣстный уже намъ біографъ его С. Каминскій. Статья его, заключающая воспоминанія и біографію поэта, написана, какъ рефлексъ, вызванный извѣстной статьей Кулиша, который, по мнѣнію С. Каминскаго,—„ложно истолковалъ личный характеръ Котляревскаго, исказивъ истину“ [2]). Одинъ очеркъ въ этой статьѣ авторъ посвящаетъ изображенію характера поэта, другіе два—біографіи и оцѣнкѣ его. Для насъ, конечно, важна послѣдняя. Въ ряду мнѣній о творчествѣ Котляревскаго С. Каминскій отчасти повторяетъ прежнія свои мысли, отчасти вноситъ нѣчто новое, представляющее интересъ. Біографъ касается прежде всего Энеиды. Какъ-бы желая сбросить съ поэта обвиненіе въ насмѣшкѣ надъ народомъ, С.

---

[1]) Украинская Старина—Г. П. Данилевскаго 1866 г. стр. 198.

[2]) Полтавскія Губ. Вѣдомости 1866-й годъ № 45-й.

Каминскій говоритъ, что въ ней видна—„отнюдь не злая сатира надъ простотой и обычаями народа, а, такъ сказать, сочувственный, умный и веселый разсказъ добродушнаго человѣка“ [1]). Въ томъ-же духѣ говоритъ онъ объ Энеидѣ и дальше. Вотъ собственныя слова біографа:—„списывая больше съ натуры, Котляревскій не погрѣшилъ противъ правды вещей: народность отразилась въ поэмѣ, какъ въ зеркалѣ“.—Нѣсколько словъ говоритъ онъ и о Наталкѣ-Полтавкѣ. Въ ней онъ находитъ „художественное достоинство“ и полагаетъ, что—„вѣрность характеристики лицъ, выведенныхъ на сцену въ „Наталкѣ“, а, главное, правдивое изображеніе народныхъ добрыхъ типовъ—возвышаютъ Котляревскаго на степень истиннаго поэта“. О Москалѣ-Чаривныкѣ С. Каминскій не говоритъ ничего новаго, но за то высказываетъ мнѣніе объ „Одѣ до князя Куракина“, разобранной только однажды Кулишомъ. Объ этой одѣ онъ говоритъ слѣдующее;—„ода эта, по замѣчанію современниковъ Котляревскаго, имѣла ироническій смыслъ и потому сочинитель не хотѣлъ выпускать ее въ свѣтъ, хотя и въ ней отражается прекрасный талантъ автора, заставляющій сожалѣть, что онъ не писалъ ничего въ лирическомъ родѣ“. Какъ извѣстно, Кулишъ на счетъ оды былъ совершенно иного мнѣнія, и потому противоположный отзывъ біографа Котляревскаго, основанный, какъ онъ говоритъ, на фактахъ, имѣетъ для насъ большую важность.

Вообще-же говоря, С. Каминскій продолжаетъ держаться прежнихъ своихъ воззрѣній на творчество Котляревскаго съ удивительной устойчивостью. Резюме этихъ воззрѣній онъ даетъ въ концѣ своей статьи, выражаясь такимъ образомъ:—„я не возвышаю Котляревскаго до степени генія, какимъ нѣкоторые считаютъ Тараса Шевченка, но убѣжденъ, что Котляревскій заслужилъ вѣнокъ безсмертія или, по крайней мѣрѣ, долговѣчной и чистой памяти въ малороссійской литературѣ. Можетъ быть, зоркій глазъ критика съ новыми взглядами най-

[1]) ibidem № 47.

детъ въ немъ погрѣшности и недостатки, но въ комъ ихъ нѣтъ?"—Затѣмъ біографъ обрисовываетъ новыми штрихами личность поэта, но это пока къ намъ не относится. Для насъ только интересна его оцѣнка, сдѣланная въ совершенно иномъ направленіи, чѣмъ Кулишомъ и Марусей К.

До 1869 года извѣстій о Котляревскомъ не появляется снова. Въ 1869 году исполнилось сто лѣтъ со дня его рожденія, и кружокъ полтавскихъ почитателей собрался на его могилѣ съ цѣлію отслужить панихиду. Во время этого скромнаго празднества С. Каминскимъ произнесена была прочувствованная рѣчь, напечатанная затѣмъ съ дополненіями въ мѣстной газетѣ. Заканчивая свою замѣтку, С. Каминскій говоритъ между прочимъ:—„кто изъ Малороссовъ не читалъ Энеиды, не плѣнялся Наталкой-Полтавкой и не знаетъ Москаля-Чаривныка, до сихъ поръ не сходящаго со сцены провинціальныхъ мѣстныхъ и даже столичныхъ театровъ" [1])? О достоинствахъ произведеній Котляревскаго С. Каминскій говорить не хочетъ; самая постановка приведеннаго риторическаго вопроса показываетъ ясно, что всякія сомнѣнія по поводу этихъ достоинствъ онъ считаетъ невозможными. Юбилейнаго торжества въ честь Котляревскаго пресса не замолчала. Послѣ празднованія памяти поэта надъ его могилой, въ Харьковской печати появился пересказъ этого торжества, сдѣланный на основаніи замѣтки С. Каминскаго, причемъ самый пересказъ этотъ проникнутъ сочувствіемъ къ памяти украинскаго поэта [2]). Вѣсть о полтавскомъ торжествѣ распространилась и далѣе: вслѣдъ за упомянутыми замѣтками, появилось новое сообщеніе о немъ въ газетѣ „Донъ", гдѣ, на основаніи харьковской газеты и вслѣдъ за полтавской, нашъ поэтъ называется „ветераномъ изъ малороссійскихъ писателей" [3]). Впечатлѣніе отъ этого юбилея пошло и еще дальше: въ одномъ изъ періодическихъ изданій было помѣщено новое

---

[1]) Полтавскія Епархіальныя Вѣдомости 1869 г. № 18.

[2]) Харьковскія Губернскія Вѣдомости 1869 г. № 98.

[3]) Донъ 1869 г. № 97. Столѣтній юбилей Котляревскаго.

сообщеніе о домикѣ Котляревскаго, сдѣланное на основаніи замѣтки въ Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія и только сокращенное. Въ этомъ сообщеніи перепечатывавшая упомянутую замѣтку редакція повторяетъ и сожалѣнія о томъ, что этотъ „историческій" домъ совершенно разрушается [1]). Въ 1870 году упоминаній о Котляревскомъ нѣтъ. Новые о немъ толки снова появляются въ 1871 году. Въ своей замѣткѣ объ украинской литературѣ извѣстный уже намъ критикъ Костомаровъ даетъ также рядъ замѣчаній и о нашемъ поэтѣ. Говоря сначала объ Энеидѣ, онъ старается объяснить ту смѣхотворность, ради которой, по его мнѣнію, написалъ свое произведеніе Котляревскій. „По господствовавшему тогда образу воззрѣній,—говоритъ Костомаровъ,—рѣчь мужика непремѣнно должна была смѣшить и, сообразно съ такимъ взглядомъ, Котляревскій выступилъ съ пародіей на „Энеиду" Вергилія, составленную по-малорусски, гдѣ античные боги и герои изображены дѣйствующими въ кругу жизни малорусскаго простолюдина, въ обстановкѣ его быта, и самъ поэтъ представляетъ изъ себя также малорусскаго простолюдина, разсказывающаго эти событія" [2]). Объяснивъ посильно появленіе Энеиды, Костомаровъ повторяетъ о ней первый свой отзывъ, сущность котораго мы уже видѣли. Нѣсколько съуживая, впрочемъ, этотъ отзывъ, критикъ теперь говоритъ о прекрасномъ юморѣ Энеиды, который и составляетъ крупную заслугу ея автора. Форма пародіи и четырехстопный ямбъ кажутся ему теперь, какъ и прежде, помѣхой, нѣсколько воспрепятствовавшей поэту обнаружить всю силу своего таланта,—однако и при этомъ, по его мнѣнію, Котляревскій создалъ цѣнную вещь. Все это объясняется тѣмъ, что нашъ поэтъ, какъ думаетъ Костомаровъ,—„былъ человѣкъ въ высокой степени талантливый". Какъ можно видѣть изъ пересказанныхъ мыслей, сущность ихъ ничѣмъ не разнится отъ мыслей, выраженныхъ въ 1844 г. Вмѣстѣ съ Энеидой критикъ говоритъ о

---

[1]) Воскресный досугъ 1869 г. № 313. Домикъ Котляревскаго въ Полтавѣ.

[2]) Поэзія Славянъ Гербеля стр. 1871 г. стр. 158—9.

пьесахъ Котляревскаго. Вотъ его подлинныя слова, сначала о Москалѣ-Чаривныкѣ:—„и правду сказать; эта небольшая пьеса, сюжетъ которой заимствованъ изъ народной сказки, не встрѣтила у насъ до сихъ поръ ничего такого, что бы стало выше ея по достоинству, въ качествѣ простонародной комедіи". О Наталкѣ-Полтавкѣ критикъ почему-то не повторяетъ прежнихъ обвиненій въ сантиментализмѣ и только говоритъ, что—„Наталка" очень любима въ Малороссіи; пѣсни изъ нея распространились до того, что сдѣлались почти народными".—Больше о пьесахъ Котляревскаго онъ не говоритъ, но, какъ видно изъ цитатъ, склоненъ относиться къ нимъ сочувственно. Послѣ этого отзыва Костомарова, о Котляревскомъ упоминаютъ лишь въ 1874 году.

Въ вышедшемъ въ этомъ году изданіи сочиненій послѣдняго былъ помѣщенъ „вмѣсто предисловія" очеркъ о немъ Катранова [1]. Говоря о Котляревскомъ, Китрановъ, къ сожалѣлѣнію, высказываетъ не свои собственныя мысли: весь панегирикъ его украинскому поэту цѣликомъ почти заимствованъ изъ различныхъ статей С. Каминскаго, хотя авторъ „предисловія" почему-то нигдѣ объ этомъ не говоритъ. Въ виду этой несамостоятельности мыслей Катранова, мы ихъ не станемъ и приводить, такъ какъ это было-бы повтореніемъ отзывовъ С. Каминскаго.

Новыя воззрѣнія на творчество Котляревскаго появляются только въ 1877 году. Издавая произведенія Гулака-Артемовскаго, Пискуновъ считалъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о мѣстѣ, занимаемомъ имъ среди прочихъ украинскихъ писателей. По этому поводу онъ касается и Котляревскаго. Заговоривъ объ Энеидѣ, Пискуновъ повторяетъ извѣстную, но весьма странную мысль Костомарова о томъ, что ямбъ совершенно непригоденъ для украинской поэзіи. Употребленіе ямба онъ ставитъ въ упрекъ и Гулаку, заявляя при этомъ, что—„и

[1]) И. П. Котляревскій—Собраніе сочиненій на малороссійскомъ языкѣ. 1874 г. изданіе Федорова.

на ему одбылася трохы котляревщына негоднымы для украинскои народнёи поезіи ямбами, котрыхъ накыдавъ багато Котляревськый въ свою чудасійну „Энеиду", що такъ довго потишала наше панство небувалымы украинскымы Троянамы" [1])— За то, въ противоположность уже Костомарову и другимъ критикамъ, Пискуновъ совершенно отрицаетъ народность поэзіи Котляревскаго. Говоря въ томъ же мѣстѣ о значеніи Гулака, критикъ замѣчаетъ, что произведенія его—„вповни народни, якъ по духу своему, такъ и по чыстій народній мови, до чого не досягавъ панъ Котляревскый ни своею „Энеидою", ни своимы оперетамы"... Вотъ мнѣніе Пискунова о Котляревскомъ. Если основываться на этомъ мнѣніи, то сдѣлается совсѣмъ непонятнымъ, на какомъ основаніи причисляетъ онъ нашего поэта къ той тройцѣ писателей, которую нѣсколько выше называетъ „славной". Несомнѣнно только одно, что въ отрицаніи народности его произведеній, Пискуновъ примыкаетъ къ группѣ Кулиша, положившаго, какъ мы знаемъ, такому отрицанію начало. Въ томъ-же году произведенія Котляревскаго изданы были и въ Галиціи г. Онышкевичемъ. При этомъ изданіи помѣщена была біографія поэта и оцѣнка его издателемъ. Біографія для насъ не интересна, такъ какъ она есть пересказъ существующихъ его біографій и въ Россіи, но оцѣнка Котляревскаго, сдѣланная Онышкевичемъ, можетъ представить нѣкоторый интересъ,—поэтому сущность ея мы теперь и изложимъ.

Какъ въ сообщеніи біографическихъ данныхъ, такъ и въ произнесеніи сужденій надъ произведеніями нашего поэта, Онишкевичъ примыкаетъ, главнымъ образомъ, къ мнѣніямъ Кулиша и отчасти Катранова, хотя послѣднія нѣсколько и умѣряетъ. Изложивъ необстоятельную біографію Котляревскаго и приступая къ характеристикѣ его творчества, критикъ, въ видѣ начальнаго резюме, такъ излагаетъ его заслуги: „в літературнім взгляді належить Котляревскій до тихъ людей, котрі появляются на сто, а часом на кілька сот літ раз. Як зоря утрення

[1]) Кобзарь П. П. Артемовского-Гулака 1877 г. Передне слово стр. 4.

усуває тьму, заповідає світ і оборот в природі, так і такі люде устороняють старі ошибочні погляди, заповідають новий вік і становлять епоху в літературі. В тім взгляді занімає у нас Котляревскій трояке становище: 1) він робить літературу доступною для цілого народа 2) увільняє від борби межи классицизмом и романтизмом і 3) виступає, яко писатель на часі". [1]) Говоря о первомъ достоинствѣ произведеній Котляревскаго, которое возникло, благодаря введенію имъ въ литературу народнаго языка, Онишкевичъ по этому поводу замѣчаетъ: ,,в тім взгляді рівняються его заслуги тим заслугам, які положив у польскій літературі Mikołaj Reiz Nagłowic, котрого поляки называють: ,,gwiazda pierwschego rżędu na widnokręgu pismiennictwa polskiego".

Говоря о второмъ значеніи Котляревскаго, какъ оказавшаго сильную реакцію псевдоклассицизму, критикъ говоритъ: ,,над чим у інших народів трудилося много писателів, того доконав у нас сам Котляревскій". Наконецъ, Онишкевичъ разъясняетъ свою характеристику Котляревскаго, какъ писателя ,,на часі". Вслѣдъ за Кулишомъ, онъ указываетъ на совершившуюся въ украинскомъ обществѣ дифференціацію сословій, изъ которыхъ отмѣчаетъ только пановъ-козаковъ и народъ, подвергшійся закрѣпощенію. По мнѣнію Онишкевича, поэтъ въ своей Энеидѣ осмѣялъ козаковъ и тѣмъ доставилъ большое удовольствіе народу. Поэтому-то,—„в тім взгляді зробив він таку саму прислугу як в польскій літературі Jgnacy Krasicki, уродившійся тільки 34 літ перед Котляревским і виступивший в тій самій цілі, іменно, аби поправити попсувшійся смак".—Вкусъ этотъ поправлялъ Котляревскій украинской націи, которая въ междоусобномъ осмѣяніи доходила часто, по мнѣнію критика, до ,,екстрем". Высказавъ, такимъ образомъ, общій свой взглядъ на историческое значеніе творчества Котляревскаго, критикъ переходитъ къ оцѣнкѣ художественнаго значенія каждаго изъ его произведеній въ отдѣльности. Эту частичную оцѣнку Онишкевичъ начинаетъ

---

[1]) Руска біблiотека. Т. I Львів 1877 стр. I—X.

съ цитаты изъ Катранова, гдѣ послѣдній, между прочимъ, говоритъ о Н.-Полтавкѣ, что подобнаго ей произведенія въ украинской литературѣ нѣтъ. Въ общемъ, эта цитата представляетъ компилятивный отзывъ о Котляревскомъ, на основаніи, главнымъ образомъ, С. Каминскаго, о чемъ мы говорили уже и раньше. Приведя мнѣніе Катранова, Онишкевичъ по поводу его замѣчаетъ: „я признаю, що Катранов місцями пересадив вартість творів Котляревського, но все-таки его слова служать доказом, що Украіна інакше задивляеся на першого свого поета і не так, як Куліш". Сдѣлавъ такую оговорку, критикъ, передъ разсмотрѣніемъ произведеній Котляревскаго, дѣлаетъ новую оговорку въ томъ смыслѣ, что называетъ авторитеты, послужившіе ему руководителями въ данномъ случаѣ. Такими его учителями являются—„Палацкій, Лібельт, Кремер і Дастих"., которые—„опираються на засадах чисто народних". Стоя на почвѣ ихъ воззрѣній, критикъ прежде всего приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ. Сначала онъ говоритъ, что нашъ поэтъ—„не вознісся високо над окружаюче его товариство, але преставляв річі, як з свого становиська на них задивлявся"... Далѣе, объ Энеидѣ онъ замѣчаетъ:—„нема у него вищого вдохновенія, але-ж за то гумор незрівнаний, сатира не вимушена, оповідання легке і основна відочність того, о чім пише. Розмір у нього, як і в наших народних піснях, тоничний, но як на нещастя, стопи ямбичні, для руского уха не дуже приятні. У Котляревського видим також брак обективного ідеалізму, для того він во всіх своіх творах впадае часто в каррікатурність, або, з другоі сторони, в афектацію і сантіменталізм... Всюди являеся у него природний талант, велика пластика, много життя, фантазій і гумору, много сили, енергіі в представленю характерів, але з другоі сторони брак літературного смаку, супокою гармоніи, природности, висшого полету, і в його індівідуальності лежаща ексцентричність,—через що его особи стаються перед нами нераз або реально-фантастичними, або поетично-ідеальними. Замітити тільки треба, що каррікатура в травестіі дасть ся оправдати". Нелишне отмѣтить то обстоятельство,—что, въ общемъ, біографъ повто-

ряетъ здѣсь пресловутое мнѣніе о нашемъ поэтѣ Кулиша. Въ замѣчаніи о стихѣ Энеиды, Онишкевичъ также слѣдуетъ мнѣнію Костомарова и Кулиша, причемъ довольно курьезно отмѣчаетъ этотъ стихъ, какъ чуть-ли для украинской литературы не несчастье.

Разсмотрѣвъ Энеиду, онъ обращается къ „Одѣ" Котляревскаго и замѣчаетъ о ней голословно только то, что она „не мае в літературнім взгляді великоі ваги". Затѣмъ онъ переходитъ къ оцѣнкѣ Н.-Полтавки и въ своихъ выводахъ опять таки нѣсколько находится подъ чужимъ вліяніемъ—именно Маруси К. Въ общемъ, объ упомянутой пьесѣ Котляревскаго критикъ выражается слѣдующимъ образомъ: „Коли в Енеіді показав Котляревський темні сторони зливщогося з народом козацтва, підупавшаго не по своій волі, то ту пригадує нам, що межи тим народом суть еще здорові зерна (Н.-Полтавка), істинні, красні характери, котрих і в палатах тяжко побачити". Говоря затѣмъ о типахъ „Н.-Полтавки", Онишкевичъ считаетъ характеры Петра и Наталки довольно удачно изображенными, объ остальныхъ-же типахъ говоритъ такъ:—„менч удачно перепроваджені характери прочих осіб, а що особливо в очі падає, то несподіване розвязання драмату. Автор зовсім не умотівовав, для чого Возный при кінці зробився такий добродушный і відступив від зачатого діла". Имѣя передъ глазами подобный отзывъ о Наталкѣ, какъ-то странно теперь сопоставить съ нимъ приведенное выше мѣсто того-же автора, говорящаго о сантиментальности произведеній Котляревскаго. Упрекъ этотъ, естественно, можетъ быть отнесенъ и къ „Наталкѣ-Полтавкѣ", а между тѣмъ въ разборѣ послѣдней Онишкевичъ этого упрека не повторяетъ. Получается странное впечатлѣніе, похожее болѣе всего на крайнее недоумѣніе: высказываетъ ли свое мнѣніе о Котляревскомъ галицкій критикъ серьезно и сознательно, или же онъ повторяетъ и перепутываетъ чужія сужденія такъ себѣ? О „Москалѣ-Ч." критикъ выражается такъ-же радикально и голословно, какъ и о „Наталкѣ"; онъ заявляетъ: „в водевилю „Москаль-Ч." представлений Москаль занадто пересадно, а

Чупрун не вірно. Послідній, яко чумак, бував много в сьвіті, для того дивно, якъ міг його москаль так легко обмануты".

Намъ нечего прибавлять, что упомянутый взглядъ на „Москаля-Ч." цѣликомъ взятъ изъ статьи Кулиша, соотвѣтственныя цитаты изъ которой мы привели выше. Такъ или иначе, но неоригинальныя мнѣнія Онишкевича значенія имѣютъ мало: существенное въ этихъ мнѣніяхъ или заимствовано у другихъ критиковъ, а если и не заимствовано, то выражено или недоказательно, или туманно.

Въ 1880 году начали печататься очерки по украинской литературѣ проф. Петрова,—сначала въ „Историческомъ Вѣстникѣ", а затѣмъ и отдѣльно. Въ первомъ изъ этихъ очерковъ проф. Петровъ разсматриваетъ, между прочимъ, произведенія Котляревскаго, какъ начинателя новой украинской литературы. Этюдъ его о послѣднемъ довольно обширенъ и заключаетъ въ себѣ много интересныхъ данныхъ. Можно даже сказать болѣе: съ проф. Петрова начинается особенно тщательное изученіе творчества нашего поэта, произведенія котораго лишь изрѣдка вызывали такія обширныя статьи, какъ упомянутая Кулиша,—и очень часто только небольшія замѣчанія. Разумѣется, и въ работѣ проф. Петрова можно найти не мало различныхъ недочетовъ, но все таки заслуга его несомнѣнно заключается въ томъ именно, что онъ воспользовался почти всѣми матерьялами, которые были ему доступны, и затѣмъ далъ въ своемъ изслѣдованіи все отъ него зависѣвшее. Въ этюдѣ профессора мы находимъ, конечно, біографію Котляревскаго и, что для насъ важно, оцѣнку его произведеній. Не высказываясь пока о значеніи послѣднихъ, проф. Петровъ излагаетъ рядъ важнѣйшихъ, по его мнѣнію, сужденій о Котляревскомъ. Онъ цитируетъ статью Кулиша, замѣтки Костомарова и почему-то Катранова, отзывы котораго, какъ мы сказали, не имѣютъ, въ силу ихъ неоригинальности, никакого интереса. Изложивъ сущность мнѣній упомянутыхъ критиковъ, проф. Петровъ не произноситъ пока надъ Котляревскимъ собственнаго суда и прежде всего рисуетъ передъ читателями предшествовавшія и современныя

поэту явленія культурной жизни. Это онъ дѣлаетъ для того, чтобы значеніе и смыслъ творчества Котляревскаго рельефнѣе выдѣлились на фонѣ этихъ разъясненныхъ явленій. Главнѣйшее, на что указываетъ въ данномъ случаѣ критикъ, было, съ одной стороны, существованіе украинскихъ интерлюдій съ оттѣнкомъ каррикатурнаго отношенія къ народу, а съ другой—развитіе болѣе высокой съ формальной стороны русской литературы. Въ связь съ этими двумя литературными теченіями на Украйнѣ и въ Великороссіи проф. Петровъ и ставитъ всѣ произведенія Котляревскаго вообще и Энеиду въ частности. Обращаясь къ послѣдней, онъ говоритъ [1]:—„въ своей „Энеидѣ" Котляревскій далеко не первый сталъ пародировать малорусскую народную жизнь на родномъ нарѣчіи: онъ только первый облагородилъ прежнее каррикатурное изображеніе простонародной жизни и сообщилъ ему лучшую техническую постройку и болѣе чистый и правильный языкъ".—Нѣсколько ниже онъ говоритъ въ томъ же направленіи: „Котляревскій, по мысли профессора,—„сдѣлалъ смѣлую попытку соединить малорусскую рѣчь и содержаніе съ современными формами господствующей русской литературы и такимъ образомъ дать этой рѣчи и содержанію бóльшую подвижность и возможность дальнѣйшаго развитія". Нѣсколько далѣе проф. Петровъ ставитъ насъ втупикъ слѣдующимъ замѣчаніемъ:—„конечно, первые шаги Котляревскаго на новомъ для него и для всѣхъ малороссовъ поприщѣ не всегда были удачны: такъ и должно быть по естественному порядку вещей, и всѣ нареканія на Котляревскаго имѣютъ свою долю основанія" [2]. Въ чемъ заключаются эти неудачные шаги Котляревскаго и какимъ образомъ *всѣ* нареканія на него имѣютъ нѣкоторое основаніе, этого намъ историкъ, къ сожалѣнію, не разъясняетъ; а разъяснить было-бы крайне важно, такъ какъ безъ такого разъясненія и сами замѣчанія объ этомъ

---

[1]) Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія Н. И. Петрова 1884 г. стр. 29.

[2]) Ibid., стр. 30.

проф. Петрова теряютъ всякое реальное содержаніе. Въ силу этого промаха критика происходитъ еще и то, что являются какъ-то оторванными фразы его о Котляревскомъ, гласящіе, что—„чѣмъ дальше шелъ онъ по новому пути, тѣмъ болѣе сближался съ народомъ и изучалъ его дѣйствительную жизнь".—Не смотря на такіе „deus ex machina" проф Петрова, ничто не мѣшаетъ ему высказать наблюденіе, что—„уже въ раннихъ частяхъ своей „Энеиды" Котляревскій высказывалъ глубокое сочувствіе къ бѣдному классу народа".—Таково его описаніе праведныхъ въ третьей части „Энеиды".—„Съ дальнѣйшимъ развитіемъ поэта жизненная струя его поэзіи должна была получить еще большее развитіе. Такъ и было на самомъ дѣлѣ" [1]). Изъ приведенныхъ цитатъ видно, насколько серьезно все-таки относится проф. Петровъ къ Энеидѣ, въ которой онъ находитъ жизненность и реальность. Его отношеніе къ пьесамъ нашего поэта еще серьезнѣе. По мнѣнію проф. Петрова,—„еще болѣе жизненнаго народнаго элемента замѣчается въ драматическихъ пьесахъ Коляревскаго—„Наталкѣ-Полтавкѣ" и „Москалѣ-Чаривныкѣ", хотя и въ этихъ произведеніяхъ нужно отличать отрицательные типы отъ положительныхъ. Какъ и въ „Энеидѣ", Котляревскій осмѣиваетъ здѣсь отживающихъ свой вѣкъ представителей рутины и схоластики XVIII в. и, въ противоположность имъ, указываетъ на свѣжую, здоровую жизнь и рѣчь простолюдина, изображаемаго въ сантиментальномъ вкусѣ карамзинской школы".—Разсказавъ сначала содержаніе „Наталки", проф. Петровъ говоритъ:—„нѣкоторыя мѣста въ оперѣ запечатлѣны жизненною правдой. Такова особенно, по нашему мнѣнію, сцена объясненія Терпилыхи съ своей дочерью Наталкой" [2]). Итакъ, и за Наталкой-Полтавкой критикъ признаетъ большія достоинства. Въ томъ-же направленіи разбираетъ онъ и Москаля-Чаривныка. Объ этой пьесѣ онъ отзывается такъ:—„не менѣе, если не болѣе, находимъ народнаго элемента и въ водевилѣ Котляревскаго „Москаль-Чаривныкъ", не смотря на

---

[1]) ibibem стр. 31.

[2]) Ibid., стр. 32.

то, что г. Кулишъ не очень одобрительно отзывается объ этомъ произведеніи Котляревскаго". Затѣмъ у проф. Петрова слѣдуетъ изложеніе содержанія „Москаля" и опроверженіе мнѣнія Кулиша, доказывавшаго, какъ извѣстно, что фабула пьесы Котляревскаго не реальна. Разобравъ всѣ украинскія произведенія Котляревскаго, за исключеніемъ „Оды", и высказавъ о нихъ свое опредѣленное убѣжденіе, проф. Петровъ цитатами изъ статьи Кулиша показываетъ еще, что и послѣдній придавалъ произведеніямъ Котляревскаго большое значеніе. Тутъ почтенный историкъ допускаетъ неточность. Что Кулишъ придавалъ нѣкоторое значеніе творчеству нашего поэта, это правда,— но значеніе это онъ вовсе не считалъ большимъ. Изъ приведенной проф. Петровымъ цитаты Кулиша явствуетъ, что значеніе Котляревскаго зиждется только на томъ, что онъ показалъ публикѣ украинскій языкъ и пѣсню. Но вѣдь это крайне незначительная заслуга, которая совершенно уничтожается уже тѣмъ, что, напримѣръ, въ Энеидѣ Кулишъ видитъ поруганіе украинскаго народа. Во всякомъ случаѣ, по Кулишу, вліяніе Котляревскаго на развитіе культурной жизни Украйны есть только косвенное! Да, впрочемъ, это отчасти сознавалъ, вѣроятно, и самъ проф. Петровъ, такъ какъ указавъ тѣ данныя въ статьѣ Кулиша, которыя онъ считаетъ достаточными для того, чтобы увидѣть въ нихъ фактъ вліянія Котляревскаго на литературу и общество, проф. Петровъ указанныя Кулишомъ заслуги нашего поэта называетъ „мелочами". Очевидно, значитъ, что послѣднихъ цитатъ изъ Кулиша проф. Петровъ могъ и не приводить.

Въ слѣдующемъ году въ Галиціи напечатанъ былъ новый очеркъ о Котляревскомъ Кошоваго. Изложивъ его біографію, Кошовый приступаетъ затѣмъ къ оцѣнкѣ или, вѣрнѣе говоря, апологіи творчества Котляревскаго. Приступая къ этой оцѣнкѣ, Кошовый считаетъ долгомъ заявить сначала слѣдующее [1]:—„читаючи його (К—го) писання, не можемо не

---

[1]) Сьвітъ 1881 г. №№ 1 и 2-й Відчити з історіі русько-украінського письменства XIX віку.

запримітити перш усього, що крітіки і біографи Котляревського ще ні разу не зрозуміли його духа і обвинувачували його в тім, від чого він цурався". Обвинивъ критиковъ Котляревскаго въ непониманіи послѣдняго, Кошовый вслѣдъ за этимъ говоритъ слѣдующее:—„ юморістичну форму сіеі „Енеіди" і „Оди" Котляревський вибрав не ради того глузування, котрим докоряе его Куліш, а ради тих обставин, котрих Куліш не вмів, чі не схотів зрозуміти. Там, де крітіки Котляревского бачуть „сьміх", ми бачемо „сльози", де йім здавалось „лакейство", ми бачемо зі сторони поета „жертвоприношеніе", котрим він хотів запомогти народові". Такъ относится критикъ къ юмористической формѣ украинской пародіи. Нечего и говорить, что взглядъ Кошового своеобразенъ, хотя все-таки объясненію его до вѣрности очень далеко. Что психологическая форма украинской Энеиды есть чувство юмора и даже смѣха, это фактъ; что Котляревскій, дѣйствительно, шутитъ почти на протяженіи всей Энеиды, это также нооспоримый фактъ, который подтверждаетъ въ Энеидѣ собственными словами самъ Котляревскій [1]). Зачѣмъже Кошовому отрицать шутливую форму Энеиды и видѣть въ ней какія-то слезы? Надобности въ этомъ нѣтъ никакой, такъ какъ и Кулишъ обвиняетъ нашего поэта не за шутку или юморъ, а исключительно за найденную имъ будто-бы въ Энеидѣ насмѣшку надъ народомъ [2]). Очевидно, значитъ, что бѣда не въ томъ, что нашъ поэтъ смѣется, а въ томъ, надъ чѣмъ онъ смѣется,—и если-бы даже Кошовый снялъ съ поэта брошенное ему Кулишомъ обвиненіе въ насмѣшкѣ надъ народомъ, то и это было-бы величайшей его заслугой. Но Кошовый какъ-будто беретъ на себя еще бóльшую задачу: онъ хочетъ показать, что Котляревскій плакалъ, а не смѣялся въ Энеидѣ. Нечего и говорить, что выполнить эту задачу критикъ ни въ коемъ случаѣ не могъ, ибо въ своемъ утвержденіи онъ пошелъ противъ самого Котляревскаго. То-же самое нужно сказать и о разсуж-

---

[1]) Энеида 1842 г. часть. VI стр. 49.

[2]) Основа 1861 г. № 1-й, статья Кулиша о Котляревскомъ стр. 258.

деніяхъ Кошового по поводу „Оды“. Мы далеки отъ того, чтобы видѣть въ ней какъ и въ Энеидѣ „лакейство“, но зато съ другой стороны такого высокаго порыва, какъ „жертвоприношеніе“ не видимъ въ ней также. Показавъ, какъ нужно понимать юмористическую форму Энеиды, критикъ обращается къ ея содержанію. Присмотрѣвшись къ послѣднему, Кошовый говорилъ:—„ми наперед всього в писаннях Котляревького бачимо його глибоку скорб про народню недолю. На першім місці у його стоіть потреба національно-демократичного розвою. Чуючи багато серцем, але не одержавши широкоі европейськоі освіти, Котляревський не міг поняти того, що народні недуги треба гоіти, ставлячи на перше місце не вузький націоналізм, а національний економічно-соціальний побит і устрій народа. Дак хто-же мае право докоряти сим Котляревського? Йому ще живо стояла перед очима недавня козаччина, йому й здавалося, що зломаний Москвою національно украинський устрій—всьому голова“. Далѣе онъ продолжаетъ снова:—„що національність і еі головніші ознаки високо ставив Котляревський, наврядъ хто стане сьому суперечити. Національностю дише кожне слово поета“. Нѣсколько ниже критикъ дѣлаетъ попытку срезюмировать значеніе произведеній Котляревскаго. По его мнѣнію,—його велика заслуга вже в тім, що вин, як зумів і як можна було, так і говорив про тяжкий побут украінського народу, хоча не забувавъ згадати і инчі речі, котрі здавались йому нагідними і над котрими він сьміявся сьміхом сатири. Згадаймо тільки його сатиру на Олимпійських богів, на що вона вдаряе? Хіба вона не осьміюе панувавшаго тоді прямування на полі просвіти?“ Таковы заслуги нашего поэта, по мысли Кошового. Окончательная его характеристика, даваемая далѣе критикомъ, еще болѣе выясняетъ, что видѣлъ послѣдній въ его произведеніяхъ. Кошовый считаетъ Котляревскаго—„націоналістом, демократом, сатириком, осьміюючим схоластичну науку і панування чужоземноі мови въ школах і науці; він стоіть за гуманність“. Не разбирая пока мнѣній Кошового, мы только замѣтимъ, что, критикъ окрестилъ нашего поэта нѣсколько не тѣми

именами, что нужно. Ни Энеида, ни другія произведенія Котляревскаго отнюдь не даютъ матеріала для того, чтобы назвать нашего поэта, напримѣръ, націоналистомъ. Во первыхъ, это теченіе въ украинской жизни является далеко позже, а во вторыхъ, патріотизмъ, замѣчаемый у Котляревскаго, не есть націонализмъ, хотя съ послѣднимъ онъ и сходенъ. Впрочемъ, обо всемъ этомъ мы поговоримъ послѣ. А теперь сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе: если вѣрить „Покажчику Комарова", то Маруся К. и Кошовый есть одно и то-же лицо. Сдѣлать такое сближеніе для насъ очень важно. Какъ согласить тогда прежній уничтожающій приговоръ Кошового надъ Котляревскимъ съ теперешнимъ, панегирическимъ отзывомъ? Крайне трудно! Если-же вспомнить, съ другой стороны, что Кошовый уничтожилъ всю предшествующую критику обвиненіемъ въ непониманіи Котляревскаго, то интересно знать, включаетъ ли онъ въ эту критику и свой первый отзывъ? По всѣмъ даннымъ, онъ долженъ былъ-бы сдѣлать это особенно потому, что въ теперешнемъ отзывѣ онъ опровергаетъ Кулиша, въ то время, какъ въ первомъ соглашается безусловно. Во всякомъ случаѣ, въ данной замѣткѣ Кошового мы видимъ полную реабилитацію Котляревскаго отъ прежнихъ нападокъ на него не только различныхъ критиковъ, но даже и собственныхъ порицаній, перешедшихъ теперь въ панегирикъ. Нечего и говорить, что фактъ этотъ очень важенъ. Такую-же реабилитацію Котляревскаго произвелъ въ 1882 году и Кулишъ. Какъ-бы забывая свои прежнія филиппики противъ нашего поэта, Кулишъ даетъ о немъ совсѣмъ не такой отзывъ, какъ въ 60-е годы. Заговариваетъ онъ о немъ по поводу исторіи національнаго возрожденія Украйны, въ числѣ дѣятелей котораго ставитъ и нашего поэта. Упомянувъ о фактѣ этого возрожденія, критикъ говоритъ слѣдующее [1]: — „велике се діло роспочав простодушно, без особливого задуму, Котляревській, и роспочав так радикально, мов соціяльний реформатор. Постягував з Олимпу богів, і богинь с полубогами, а з высоких постаментів поспус-

[1]) П. А. Куліш. Хуторна поэзія. У ві-Львові 1882 стр. 123.

кавъ на долівку широкославных героів, що можновладці брали собі за взір, и все те олимпійске та боготворене по великих містах панство повернувъ у мужицьку простоту. Зъ уподобою прийняли письменні люде „перелицёвану Енеіду“ величнёго римлянина: бо побачили в ній свое посцільство, побачили, хоть и з вивороту, та все-ж таки не сліпуючи так, як сліпували, захилившись за чужомовні книжки“... Уже эти однѣ цитаты изъ статьи Кулиша показываютъ ясно, какъ высоко поставилъ онъ теперь нашего поэта. Дальнѣйшія мысли критика показываютъ это еще лучше. По его убѣжденію—„Котляревскій не знав добре, що він творить. Він покорявсь невідомому велінню народнёго духа; був тільки знаряддям украіньского світогляду. Чуючи-ж, по своій поэтичній природі, що смихотворна „Энеіда“ торкнула не всі струни в душі у земляків, змалював Котляревский житте народне идиллічне в своій оперетті „Наталка-Полтавка“. Тут же критика вбачае начерк літератури поважнійшоі“. Нѣсколько далѣе онъ говоритъ еще выразительнѣе [1]; „не хутко спроможетця яка-б ні була початкова громада на змалювання себе писаним словом. Се бо вже висока стадія розумовоі культури. Нашимъ оццямъ здавалось порожнёю забавкою те, що написав Котляревський. Умер він у своій рідній Полтаві, а з ним наче загинула и ёго проба пера серед невпокою життя громадського. Отже з малои и одрубаноі собі речі судилось народитися такому, що зрослось із нашею долею навики і т. д... народилась украінська література“. Вотъ то значеніе, которое приписываетъ критикъ произведеніямъ Котляревскаго. Трудно себѣ представить болѣе полной реабилитаціи послѣдняго и болѣе внушительнаго отказа критика отъ прежнихъ воззрѣній. Кулишъ считаетъ теперь Котляревскаго и реформаторомъ, и дѣятелемъ украинскаго возрожденія, и родоначальникомъ нашей литературы; онъ какъ-бы съ упрекомъ подчеркиваетъ то обстоятельство, что „отцамъ нашимъ“ произведенія Котляревскаго казались забавой. Читаешь и удивляешься: такъ далеки эти мысли Кулиша отъ тѣхъ его разсужденій, въ

[1]) ibidem стр. 124.

которыхъ Котляревскій являлся то сентиментальнымъ писателемъ, прибѣгавшимъ къ аффектаціи, то антинароднымъ стихотворцемъ, предающимъ поруганію народную жизнь и народныя воззрѣнія. Разумѣется, Кулишъ вѣдалъ о томъ, что написалъ; безъ всякаго сомнѣнія, ему трудно было поставить крестъ надъ прежними своими отзывами о Котляревскомъ, которые на многихъ, въ томъ числѣ и на Марусю К., произвели такое впечатлѣніе. Но чѣмъ радикальнѣе измѣнилъ свои воззрѣнія Кулишъ, вопреки даже уколамъ самолюбія, тѣмъ для насъ важнѣе: очевидно, что, высказывая новый взглядъ на поэзію Котляревскаго, Кулишъ тѣмъ самымъ отказался отъ стараго взгляда. Съ своей стороны и мы, при оцѣнкѣ поэзіи Котляревскаго, будемъ имѣть въ виду послѣдній отзывъ Кулиша предпочтительно передъ первымъ. Этотъ отзывъ вызвалъ замѣчанія Костомарова, снова коснувшагося поэзіи Котляревскаго. Оцѣнка ея Кулишомъ показалась Костомарову настолько уже хвалебной, что послѣдній считаетъ нужнымъ ослабить ея панегирическій оттѣнокъ.

Съ этой цѣлью онъ и разбираетъ упомянутую замѣтку Кулиша и, нужно отдать ему справедливость, и на этотъ разъ, какъ и въ прежніе два раза, вполнѣ послѣдовательно высказываетъ одни и тѣ-же воззрѣнія. Приступая къ разбору мнѣній Кулиша, Костомаровъ говоритъ, что Котляревскому—„г. Кулишъ даетъ большую заслугу. По его словамъ, это былъ соціальный реформаторъ". [1]) Приведя затѣмъ цитату изъ статьи Кулиша обнаруживающую реформатство Котляревскаго, Костомаровъ задаетъ вопросъ:—„такъ-ли все это на самомъ дѣлѣ? Смыслъ, какой даетъ Кулишъ Котляревскому, былъ-бы умѣстенъ, если-бъ это происходило въ странѣ, гдѣ классическое воспитаніе доходило уже до крайности; но этого нельзя сказать о южной Руси: число учившихся и проникнутыхъ классицизмомъ было слишкомъ ничтожно въ сравненіи съ безграмотною массою, которая никогда не слыхала ни о какихъ Олимпійскихъ богахъ и обоготворенныхъ герояхъ древности. Какое такое барство въ Мало-

[1]) Кіевская Старина 1883 г., февраль, стр. 233.

россіи, которое ставило себѣ за образецъ этихъ героевъ? Дѣйствительно, заслуга Котляревскаго велика, но она состоитъ не въ томъ, въ чемъ находитъ Кулишъ".—Нечего напоминать читателямъ, что въ этой репликѣ Костомаровъ повторяетъ старое свое замѣчаніе о томъ, что „Энеида", какъ пародія, не имѣетъ значенія. Другое дѣло, вѣренъ-ли этотъ взглядъ, но послѣдовательности Костомарова не замѣтить мы не можемъ. Слѣдующія далѣе возраженія его Кулишу еще ярче выставляютъ эту послѣдовательность. Желая показать дѣйствительную заслугу нашего поэта, критикъ говоритъ:—„Котляревскій взялъ Энеиду, перенесъ ея остовъ въ малороссійскій мужичій міръ и изобразилъ этотъ міръ чрезвычайно вѣрно и талантливо. Тутъ не главное дѣло въ богахъ древняго міра и его герояхъ. Если-бъ Котляревскій взялъ что-нибудь иное, откуда-бъ то ни было, хотя-бы изъ освобожденнаго Іерусалима Тасса или изъ Жильблаза, да одѣлъ взятое такъ искусно въ малорусскую плоть и одежду, какъ онъ сдѣлалъ это съ Энеидою, то результатъ вышелъ-бы все тотъ-же. Демократичность, какъ выражается самъ Кулишъ, явилась отъ того, что иного народа, говорящаго по малорусски, кромѣ простонародія, почти не было. Понятно, что и въ литературѣ нельзя было выводить никого, кромѣ малорусскаго простолюдина".

Въ 1883-же году появилось въ печати извѣстіе о бумагахъ Котляревскаго. Авторъ этой замѣтки г. Горленко коснулся также и его произведеній, о которыхъ далъ свой отзывъ. По справедливому замѣчанію г. Горленка—„литературную извѣстность при жизни доставили Котляревскому первыя части „Энеиды" и „Наталка". Это дѣйствительно, лучшее, что онъ произвелъ. Двѣ послѣднія части «перелицованной поэмы» блѣдны и слабы, „Москаль", при всей своей веселости, не болѣе, какъ грубоватый фарсъ. Но вѣчно юная „Наталка" упрочитъ за отцомъ малорусской литературы незыблемую славу. [1]) Такое предпочтеніе

---

[1]) Кіевская Старина 1883 г. № 5-й. Изъ бумагъ И. П. Котляревскаго, стр. 154.

„Наталкѣ", передъ другими произведеніями Котляревскаго, г. Горленко даетъ за то, что она полна—„достоинствъ типичной картины нравовъ, живой и трогательной". Изъ этихъ цитатъ видно, что, будучи самостоятельнымъ въ оцѣнкѣ „Наталки" и „Москаля", критикъ въ отзывѣ объ Энеидѣ примкнулъ къ мнѣнію Кулиша, считавшаго, какъ извѣстно, въ 1861 году первыя четыре части ея несравненно высшими послѣднихъ двухъ. Намъ нечего прибавлять, что какъ у Кулиша, такъ и у г. Горленка, подобное воззрѣніе на Энеиду ничѣмъ не обосновано: въ этомъ и заключается слабая его сторона.

Въ слѣдующемъ году и въ 1885-мъ печаталась статья о Котляревскомъ г. Минскаго, рѣшающая относительно перваго крайне важные вопросы. Много сказавши о роли украинцевъ въ выработкѣ русской культуры и выведя отсюда необходимость для великоруссовъ изученія украинской литературы, авторъ статьи обращается непосредственно къ Котляревскому. Оцѣнка произведеній послѣдняго перепутана у критика съ другими вопросами, поэтому, для болѣе рельефнаго представленія о его сужденіяхъ, мы вкратцѣ изложимъ ихъ шагъ за шагомъ. Г. Минскій разсказываетъ сначала часть біографіи поэта, разсматриваетъ отношеніе нашей Энеиды къ русской и рѣшаетъ вопросъ о первенствѣ ихъ по времени въ пользу второй. За то, съ другой стороны, украинскую Энеиду критикъ считаетъ далеко высшей по достоинству. Положительныхъ качествъ Энеиды Котляревскаго г. Минскій отмѣчаетъ множество,—изъ нихъ мы упомянемъ главнѣйшія. Однимъ изъ крупныхъ достоинствъ нашей Энеиды критикъ считаетъ прекрасный ея языкъ, котораго не знала существовавшая до Котляревскаго украинская литература. „Въ этомъ отношеніи, по мнѣнію критика, Котляревскій можетъ занимать мѣсто наряду съ Ломоносовымъ и Карамзинымъ, творцами новаго стиля"... [1]) Очень цѣнитъ критикъ Энеиду и за ея стихъ. „Не имѣвши передъ собою никакихъ образцовъ, не знавши

---

[1]) Новь 1884—5 I—II т. Иванъ Петровичъ Котляревскій—Н. М. В. стр. 708 № 4-й.

даже о виршахъ Климентія, онъ (говоритъ критикъ) создалъ звучный и гибкій стихъ, богатый словами и весьма живописный". Интересно сапоставить это мнѣніе критика о ямбѣ Энеиды съ тѣми отзывами Костомарова и Пискунова, по которымъ этотъ стихотворный размѣръ не свойственъ будто-бы украинской поэзіи. Но достоинства Энеиды не исчерпываются вышеуказанными. По мнѣнію критика,—„забавы, пѣсни, карточныя игры украинцевъ, ихъ предразсудки и вѣра въ колдовство, патріархальность нравовъ, простота характера, смѣшанная съ нѣкоторымъ лукавствомъ, пристрастіе къ выпивкѣ и къ жирному столу, жениханіе и ухаживаніе молодыхъ людей—все это описано Котляревскимъ съ истиннымъ искусствомъ". Вообще говоря, главное достоинство Энеиды составляютъ, по мнѣнію г. Минскаго,—„народность, выражающаяся, во первыхъ, въ языкѣ, подслушанномъ у народа и впервые отлитомъ въ литературныя формы,—во вторыхъ, въ народномъ бытѣ, описанномъ живыми и талантливыми штрихами, и въ третьихъ, въ народномъ юморѣ, разлитомъ по всему произведенію" [1]). Имѣются въ Энеидѣ, по заключенію г. Минскаго, и недостатки. Главный изъ нихъ—„отсутствіе цѣльности въ замыслѣ и въ исполненіи: народная поэма задумана была съ намѣреніемъ позабавиться на счетъ народа! Цѣльность поэмы страдаетъ и отъ того, что послѣднія пѣсни, когда отношеніе Котляревскаго къ народу стало измѣняться, написаны въ другомъ тонѣ, нежели первыя".— Не смотря на указаніе этого недостатка, все-таки г. Минскій относится къ произведеніямъ Котляревскаго съ большимъ, какъ видно, уваженіемъ и считаетъ ихъ очень цѣнными. Естественно, что при такомъ отношеніи къ творчеству нашего поэта, онъ не могъ согласиться съ первымъ мнѣніемъ о немъ Кулиша, которое въ своей статьѣ и разбираетъ. Оцѣнку Котляревскаго, сдѣланную Кулишомъ въ 60-хъ годахъ, г. Минскій опровергаетъ мнѣніемъ того-же Кулиша въ 80-хъ годахъ. Изложивъ сущность послѣдняго, г. Минскій нѣсколько иронически замѣчаетъ: „вы-

[1]) Новь—1884 стр. 712 № 4-й.

ходитъ, слѣдовательно, что Котляревскій имѣлъ намѣреніе смѣяться не надъ простолюдиномъ, а надъ барствомъ, надъ сильными міра, но такъ искусно скрылъ свое намѣреніе, что г. Кулишу понадобилось 20 лѣтъ размышленій, чтобы проникнуть въ него".—Но и съ вторымъ отзывомъ Кулиша г. Минскій также не соглашается цѣликомъ и примыкаетъ скорѣе къ воззрѣніямъ насчетъ Энеиды Костомарова, писавшаго по данному вопросу въ 1883 году. Разсмотрѣвъ художественное значеніе украинской Энеиды, критикъ продолжаетъ излагать прерванную біографію поэта. Въ связи съ послѣдней, онъ разбираетъ и вопросъ о такъ называемомъ сервилизмѣ Котляревскаго, за который нѣкоторые господа упрекаютъ поэта и понынѣ. Нѣкоторый „сервилизмъ" Котляревскаго передъ знатными людьми г. Минскій не ставитъ ему въ укоръ. Опровергая грозное обвиненіе за этотъ сервилизмъ, брошенное Кулишомъ, г. Минскій, вслѣдъ за Пыпинымъ, объясняетъ такую черту въ характерѣ нашего поэта чисто историческими условіями. Объясняетъ и оправдываетъ онъ эту черту,,—такъ какъ, по мнѣнію г. Минскаго, положеніе поэта въ 18 в. было безъ меценатства весьма не устойчиво и сомнительно: въ виду этого, къ меценатству прибѣгали всѣ виднѣйшіе писатели того времени, а не одинъ Котляревскій. Такъ какъ упреки за угодливость относились и къ его произведеніямъ,—Энеидѣ и Одѣ Куракину, то г. Минскій, естественно, долженъ былъ освободить и эти произведенія отъ неумѣренныхъ обвиненій Кулиша. Особенную апологію дѣлаетъ критикъ „Одѣ". Опровергая мысль Кулиша, не находящаго въ „Одѣ" почти ничего, кромѣ грубой лести, г. Минскій говоритъ: „намъ „Ода до князя Куракина" кажется во многихъ мѣстахъ весьма замѣчательнымъ произведеніемъ. Не говоря уже о ея честномъ, гражданскомъ тонѣ, о рѣзкихъ нападкахъ на „пановъ-людоѣдовъ", не дающихъ пахать нивъ", на „судей, потакающихъ панамъ и разоряющихъ цѣлыя семьи за голову сахара",—ода эта замѣчательна своей простотой, искренностью и веселымъ добродушіемъ". Высказавъ этотъ взглядъ на „Оду" радикально противоположный взгляду на тотъ-же предметъ Кулиша, критикъ нѣ-

сколько далѣе указываетъ новое достоинство „Оды“:—„ода Котляревскаго вполнѣ народна по языку, по тону, по образамъ и выраженнымъ въ ней мыслямъ“.—И такъ, безпристрастный критикъ нашелъ въ „Одѣ“ совсѣмъ не тѣ ужасныя вещи, которыя открылъ въ ней когда-то Кулишъ. Реабилитировавъ значеніе двухъ упомянутыхъ произведеній, г. Минскій обращается къ разсмотрѣнію драматическихъ пьесъ Котляревскаго. По мнѣнію критика,—„взятая сама по себѣ Наталка-Полтавка, какъ драматическое произведеніе, едва-ли представляетъ что-нибудь выдающееся, и хотя подобная комедія была-бы замѣтна во всякой литературѣ, но не занимала-бы такого почетнаго мѣста, какъ въ малороссійской“. Высказавъ такое мнѣніе о значеніи „Наталки“, г. Минскій снова снимаетъ и съ этой пьесы Котляревскаго брошенное на нее Кулишомъ обвиненіе въ сантиментальности. Онъ говоритъ, что чувствительность Котляревскаго вполнѣ народна, выдержана и не походитъ на болѣзненную сантиментальность Карамзина нисколько. [1]) Для подтвержденія своего положенія, критикъ сравниваетъ характеры и поступки дѣйствующихъ лицъ „Наталки“ и „Бѣдной Лизы“ Карамзина. Выводы получаются для „Наталки“ очень интересные; они подтверждаютъ вышесказанное и кромѣ того выясняютъ, что—„Наталка“ пользуется у малороссовъ долгимъ и заслуженнымъ успѣхомъ не за костюмы, какъ думали Кулишъ и Маруся К., а за то, что—„она вѣрно отражаетъ ихъ (малороссовъ) національный характеръ“. Вотъ резюме этихъ выводовъ. Объ изображеніи матери Наталки критикъ говоритъ: „такъ тонко и психологически-вѣрно проведено одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ комедіи“. О Наталкѣ и Петрѣ онъ выражается слѣдующимъ образомъ:—„мы тоже не видимъ никакой фальши въ изображеніи Наталки и Петра, представителей сантиментальности у Котляревскаго. Сантиментальность этихъ лицъ не выдуманная, а вполнѣ естественная и происходитъ въ предѣлахъ условій реальной жизни“. По мнѣнію критика,—„сантиментальная Наталка

---

[1]) Новь 1885 г. № 5-й, стр. 129.

поступаетъ такъ, какъ поступили-бы тысячи деревенскихъ дѣвушекъ въ Малороссіи". Вполнѣ естественнымъ считаетъ критикъ и характеръ такъ возмутившаго Марусю К. Петра. Не оставилъ онъ безъ вниманія и типы Вознаго и Выборнаго. Изображеніе перваго онъ считаетъ не вполнѣ удачнымъ по слѣдующей причинѣ:—„Котляревскій былъ силенъ только въ изображеніи народной жизни, а Возный не принадлежитъ къ народу". За то типъ Макогоненка, по мнѣнію г. Минскаго,—„въ высшей степени характеренъ". Разобравъ типы „Наталки", онъ указываетъ еще на цѣнность пѣсенъ въ этой пьесѣ и затѣмъ заключаетъ отзывъ о „Наталкѣ" слѣдующимъ образомъ:—„теперь, если сопоставить всѣ достоинства „Н.-П."—сочувственное отношеніе къ народу, вѣрные народные типы, юморъ и чувствительность, прекрасныя пѣсни и звучный языкъ, живость дѣйствій, сценичность,—то станетъ яснымъ, держится-ли эта пьеса такъ долго на малорусской сценѣ изъ-за костюмовъ и напѣвовъ, или по болѣе уважительнымъ причинамъ". Отзывъ г. Минскаго, какъ о предыдущихъ произведеніяхъ Котляревскаго, такъ и о „Наталкѣ" для насъ очень важенъ. Безпристрастный вполнѣ, онъ показываетъ наглядно, какъ болѣе новые люди, по сравненію съ Кулишомъ, способны были находить въ творчествѣ нашего поэта все болѣе и болѣе достоинствъ. Разобравъ «Наталку», критикъ обращается къ «Москалю-Чаривныку» и также даетъ о немъ рядъ цѣнныхъ сужденій.—«Что касается Москаля-Чаривныка,—говоритъ онъ,—то это не комедія типовъ, а забавный водевиль съ шаржемъ и случайностями, но самый веселый изъ посвященныхъ изображенію народнаго быта. Въ этомъ отношеніи онъ выше „Простака" Гоголя-отца, хотя послѣдняя глубже». Нѣсколько ниже г. Минскій снова говоритъ о „Москалѣ" въ такомъ родѣ: „Москаль-Чаривныкъ—народная шутка. И солдатъ, и простоватый мужъ, и умная баба, и этотъ несчастный паничъ, который оказался глупѣе всѣхъ,—все это въ высшей степени народно". Закончивъ разсмотрѣніе каждаго изъ произведеній Котляревскаго отдѣльно, критикъ въ концѣ статьи даетъ общее о нихъ заключеніе. По его сужденію,—„произве-

денія Котляревскаго имѣютъ не одно историческое, но и литературное значеніе и спустя сто лѣтъ по написаніи читаются съ интересомъ. Котляревскій бросилъ первое зерно той жатвы, которую впослѣдствіи собралъ Шевченко, и не даромъ этотъ лучшій народный поэтъ посвятилъ памяти Котляревскаго одну изъ самыхъ прочувствованныхъ думъ". Такъ кончаетъ свою интересную статью г. Минскій. Любопытно сопоставить это заключеніе новѣйшаго критика съ тѣмъ сужденіемъ, которое высказалъ въ 40-хъ годахъ Евецкій. Крайне симпатично, безъ всякихъ предвзятостей относясь къ литературной дѣятельности Котляревскаго, оба эти критика одинаково считаютъ справедливымъ восторженный отзывъ о немъ Шевченка. Что ни говорить, а совпаденіе весьма близкое и многозначущее!

Въ томъ-же 1885 году, когда кончилась печататься статья г. Минскаго, появился краткій пересказъ ея въ „Кіевской-Старинѣ". Авторъ пересказа, называя статью г. Минскаго интересной, не дѣлаетъ къ ней никакихъ своихъ комментаріевъ и возраженій: очевидно, что онъ соглашался съ критикомъ цѣликомъ [1]). Черезъ нѣсколько лѣтъ появился этюдъ о Котляревскомъ Львовскаго проф. Огоновскаго, которому принадлежитъ крупный трудъ вообще по исторіи украинской литературы. Пользовался покойный профессоръ незначительнымъ количествомъ матеріаловъ по вопросу о Котляревскомъ, въ силу чего этюдъ его страдаетъ различными неточностями; однако мнѣнія его по данному вопросу, въ ряду другихъ мнѣній, нѣкоторый интересъ представляютъ. Сначала историкъ литературы излагаетъ біографію Котляревскаго, которая оригинальностью данныхъ не отличается и вообще повторяетъ недостатки всѣхъ прежнихъ біографій. Разсказавъ жизнь поэта, проф. Огоновскій приступаетъ къ разсмотрѣнію его произведеній. Энеиду онъ называетъ „цілющим і живущим ліком люду украинського" [2]) и ставитъ ее очень вы-

---

[1]) Кіевская Старина 1885 Мартъ.

[2]) Історія литературы рускои—написавъ Омелянъ Огоновскій ч. II 1 відділ Львів. 1889 стр. 196.

соко. По мнѣнію историка, Котляревскій въ своей Энеидѣ—„переймився високою ідеею, здвигнути своіх земляків із упадку морального і побудити перевертнів, щоб полюбили покинену, заплакану матір" [1]). При этомъ, съ приведеннымъ выше мнѣніемъ Кошового проф. Огоновскій соглашается вполнѣ и считаетъ украинскую Энеиду—„твором високоі стійности літературноі" [2]) и—„окрасою руско-украінськоі літетарури" [3]). Такъ цѣнитъ Энеиду львовскій профессоръ; за то, по его мнѣнію,—„меншу вартість літературну мають оба драматичні твори Котляревского „Наталка-П." и „Москаль-Ч." [4]). Тѣмъ не менѣе,—„в них зявляеся вірна характеристика суспільного побуту на Украіні, особливо-ж в „Наталці-П" добачаемо майже таку свіжу й чудову красу, якою визначаються безсмертні твори людовоі поезіі украінськоі". Высказавъ такое мнѣніе о „Наталкѣ-П.", проф. Огоновскій нѣсколько ниже противорѣчитъ самому сабѣ, обвиняя эту пьесу Котляревскаго въ „сантиментальной аффектаціи" и говоря, что на ней—„видно вплив сентиментального напряму літературного" [5]). Какъ-то не вяжется это обвиненіе съ той мыслью критика о „Наталкѣ-П.", что послѣдняя есть—„вірним образом житя народного"; одно изъ двухъ,—или Котляревскій вѣрно изображалъ народную жизнь, и тогда обвиненіе въ аффектаціи падаетъ само собою,—или-же онъ дѣйствительно аффектировалъ,—тогда въ смыслѣ реальности пьеса Котляревскаго не стоитъ ничего. Какъ-бы то ни было, но въ сужденіяхъ по этому поводу львовскаго профессора видна нѣкоторая нелогичность. Мы уже не говорили о тѣхъ натяжкахъ Огоновскаго, къ которымъ онъ прибѣгаетъ въ своихъ сужденіяхъ о Наталкѣ, желая отыскать въ ея содержаніи какую-то аллегорію. Такого рода сужденія совсѣмъ уже не научны.

---

[1]) ibid стр. 198.
[2]) ib—стр 201.
[3]) ib—стр. 203.
[4]) ib.—стр. 203
[5]) ib.—стр. 205.

Тѣ-же попытки найти аллегорію дѣлаетъ критикъ и въ отношеніи „Москаля-Чаривныка“, котораго онъ называетъ шутливой опереткой. Объ этой опереткѣ онъ говоритъ вообще мало и только вслѣдъ за проф. Петровымъ разбираетъ вопросъ о естественности ея содержанія. Упоминаетъ критикъ и объ „Одѣ“ Котляревскаго, хотя только упоминаетъ. По мнѣнію проф. Огоновскаго—„хоча сеся ода есть панегирик, писаний по правилам середньовічноі науки схоластичноі в честь малороссійского генерал-губернатора, то однако проявляются тут тако-ж здорові гадки, позаяк поет виступае против деяким лукавим панам, що бідним людям не давали пільги, і відзивае ся з докором про тих судыів, що людей не судили по правді“ [1]). Свою статью проф. Огоновскій заканчиваетъ, подобно г. Минскому, мыслями, показывающими солидарность его съ извѣстнымъ намъ стихотворнымъ отзывомъ о Котляревскомъ Шевченка. Этотъ новый примѣръ совпаденія критики современной намъ съ критикой прежней опять таки очень для насъ цѣненъ.

Въ томъ-же году написано было проф. Дашкевичемъ очень важное изслѣдованіе объ украинской литературѣ. Книга проф. Дашкевича является поправкой къ извѣстному намъ труду проф. Петрова и, превосходя послѣдній какъ по обилію матерьяла, такъ и по болѣе глубокому пониманію различныхъ явленій украинской литературы, представляетъ для насъ самый живой интересъ. Обратимся-же къ его этюду и остановимся на немъ подольше, такъ какъ и до настоящаго времени онъ является почти самымъ полнымъ сборникомъ тѣхъ мыслей, которыя можно сказать о нашемъ поэтѣ. Начавъ свое разсужденіе о послѣднемъ, проф. Дашкевичъ, наряду съ проф. Петровымъ, останавливается на его критикахъ и дѣлаетъ о Кулишѣ очень цѣнное для насъ замѣчаніе. По мнѣнію профессора, извѣстный отзывъ Кулиша въ Основѣ за 1861-й годъ,—„страдаетъ обычными у этого писателя преувеличеніями и предвзятостью и давно оцѣненъ съ этой стороны“ [2]). Къ этому замѣчанію проф. Дашкевичъ при-

[1]) Ibid. стр. 208.

[2]) Записки Императорской Академіи наукъ. Томъ 59-й книжка 1-я Приложеніе: Отзывъ о сочиненіи г. Петрова стр. 60.

бавляетъ еще ниже, что „въ послѣднее время самъ г. Кулишъ какъ-бы считаетъ свое прежнее мнѣніе несостоятельнымъ. Дополняя общій взглядъ на Котляревскаго, высказанный проф. Петровымъ, проф. Дашкевичъ говоритъ, что „заслуга Котляревскаго состояла не только въ сближеніи украинской литературы съ современными формами русской литературы, но также въ весьма талантливомъ раскрытіи сокровищъ малорусскаго народнаго духа и слова“ [1]). Послѣ этого общаго замѣчанія о произведеніяхъ Котляревскаго, историкъ украинской литературы обращается непосредственно къ послѣднимъ—сначала къ Энеидѣ. Въ противоположность проф. Петрову, проф. Дашкевичъ ставитъ зависимость Энеиды отъ юмористическихъ созданій украинской народной поэзіи и касается вопроса о взаимоотношеніи русской и украинской Энеидъ, при чемъ, какъ видно, склоненъ признать независимость послѣдней. Рѣшеніе послѣдняго вопроса проф. Дашкевичъ считаетъ необходимымъ для правильнаго опредѣленія значенія самой Энеиды. Говоря о послѣдней, проф. Дашкевичъ возстаетъ особенно противъ той мысли проф. Петрова, изъ которой видно, что „всѣ нареканія на Котляревскаго имѣютъ свою долю основанія“. Удачно возражаетъ онъ и противъ того утвержденія автора разбираемой имъ книги, согласно которому нашъ поэтъ будто-бы постепенно сталъ изображать дѣйствительную жизнь. По мнѣнію профессора,—обстоятельное знакомство съ послѣднею видно во всѣхъ частяхъ Энеиды“ [2]). Тамъ-же онъ говоритъ, что поэтъ „не щадилъ никого и нарисовалъ довольно полную картину украинской жизни“. По мнѣнію историка,—„Малороссія встаетъ передъ читателемъ въ непривлядномъ видѣ, но „нечего пенять на зеркало, коли рожа крива“, да и слишкомъ яркія картины нарисованы Котляревскимъ не только съ цѣлью осмѣянія и одной пустой забавы: благородное настроеніе автора постоянно проглядываетъ въ Энеидѣ. Въ поэмѣ Котляревскаго господствуетъ крайній реа-

---

[1]) Ib.—стр. 61.

[2]) Ib.—стр. 68.

лизмъ, но за этимъ реализмомъ скрывается честность побужденій и горячая любовь къ народу и правдѣ. Комическое изображеніе украинскаго быта переходитъ иногда въ каррикатурное, но по большей части оно выполнено въ духѣ народнаго юмора" [1]). Очень удачно выражается профессоръ и объ языкѣ Энеиды; по его мнѣнію, — „онъ энергиченъ, выразителенъ, въ высшей степени характеренъ и мѣтокъ, хотя нерѣдко и грубоватъ". Сравнивая затѣмъ русскую Энеиду съ украинской, онъ ставитъ послѣднюю выше первой и говоритъ, что наша Энеида „оказывается въ подробностяхъ совершенно народною, написана весьма талантливо и получила значеніе самостоятельнаго произведенія" [2]). Высказавшись по поводу Энеиды, проф. Дашкевичъ обращается къ драматическимъ произведеніямъ Котляревскаго и прежде всего совершенно справедливо удивляется замѣчанію проф. Петрова о томъ, что пьесы нашего поэта написаны по образцу пьесъ указываемыхъ имъ русскихъ писателей. Вмѣстѣ съ г. Минскимъ, проф. Дашкевичъ опровергаетъ мысль проф. Петрова о томъ, что „Наталка-П." написана въ сантиментальномъ духѣ. Не ограничиваясь, конечно, г. Минскимъ, проф. Дашкевичъ говоритъ:—„до указанной статьи г. Н. М. В., подробно сравнившаго оперу Котляревскаго съ повѣстью Карамзина, не было такого обстоятельнаго сопоставленія, но все-же было высказано въ литературѣ немало сужденій, хотя и кратко, но вѣрно отмѣчавшихъ прекрасное отраженіе народнаго характера въ „Наталкѣ-П.". Мы присоединяемся къ этимъ мнѣніямъ, оставленнымъ безъ вниманія у г. Петрова. Жизненною правдою запечатлѣны не только „нѣкоторыя мѣста", какъ говоритъ г. Петровъ,—ею проникнута вся пьеса" [3]). Особенно сочувственно отзывается историкъ объ изображеніи типа Наталки.—Въ героинѣ оперы—Наталкѣ,—говоритъ профессоръ—раскрыта прекрасная душа малороссійской дивчины съ такою

---

[1]) Ib.—стр. 69—70.

[2]) Ib.—стр. 71.

[3]) Ib.—стр. 73.

теплотою чувства, которая не можетъ не трогать читателя и зрителя и которой лишена сантиментальность. „Наталка-Полтавка“ показываетъ лучше всего, какъ несправедливо мнѣніе о Котляревскомъ, какъ о писателѣ, далекомъ отъ народа“ [1]). Въ доказательство правоты своего сужденія, критикъ упоминаетъ еще о мнѣніяхъ Евецкаго, Сементовскаго и Горленка, ставящихъ „Наталку“ такъ-же высоко, какъ и онъ. Вслѣдъ за „Наталкой“, профессоръ касается и „Москаля-Ч.“, при чемъ, вмѣстѣ съ С. Каминскимъ, склоненъ отчасти считать сюжетъ его за дѣйствительное событіе. На идею написанія этой пьесы оказала вліяніе, по мнѣнію проф. Дашкевича, рецензія на пьесу кн. Шаховскаго, хотя нѣкоторое вліяніе, какъ замѣтилъ еще и проф. Петровъ, оказала и сама пьеса Шаховскаго. Мнѣнія своего о „Москалѣ-Ч.“ историкъ не высказываетъ. Наконецъ, касается проф. Дашкевичъ „Оды до князя Куракина“. Въ ней видитъ онъ отраженіе русскаго вліянія, но считаетъ, что—„при подражаніи въ формѣ, ода Котляревскаго все-таки отличается значительною своеобразностью и отступаетъ отъ шаблонныхъ пріемовъ“ [2]). Высказавъ эти бѣглыя замѣчанія о творчествѣ Котляревскаго, критикъ въ концѣ статьи подводитъ итогъ своимъ разсужденіямъ, повторяя вкратцѣ вышеприведенныя мысли. Суть этихъ мыслей намъ извѣстна, и мы не станемъ уже о нихъ говорить, отмѣтимъ только одно новое замѣчаніе проф. Дашкевича, которое дастъ возможность оцѣнить и степень пониманія имъ нашего поэта. По заключенію историка,—Котляревскій „любилъ народъ и былъ оцѣненъ по достоинству всѣми сословіями народа: онъ сразу сталъ какъ-бы общенароднымъ поэтомъ, возбудивъ интересъ къ своимъ произведеніямъ не только въ интеллигентномъ классѣ украинцевъ, но и въ простомъ народѣ“ [3]). Совершенно излишне прибавлять, насколько этотъ безпристрастный отзывъ проф. Дашкевича гармони-

---

[1]) Ib.—стр. 74.
[2]) Ib.—стр. 81.
[3]) Ib.—стр. 83.

руетъ съ большинствомъ мнѣній о Котляревскомъ, ставящихъ послѣдняго очень высоко. Отзывы подрядъ четырехъ лицъ, г. Минскаго, проф. Петрова, Огоновскаго и Дашкевича, столь глубоко вдумавшихся въ творчество нашего поэта, какъ нельзя лучше показываютъ, какъ много цѣннаго представляютъ произведенія послѣдняго, способныя вызвать упрекъ только со стороны лицъ, или тенденціозно настроенныхъ, или Котляревскаго не понимающихъ.

Въ 1883 году появилась новая статья профессора Дашкевича, трактующая о генезисѣ „Москаля-Чаривныка“ [1]). Эту пьесу профессоръ ставитъ, по фабулѣ, въ связь съ рядомъ подобныхъ-же сюжетовъ, существующихъ издавна и на Западѣ.—Ближайшимъ прототипомъ „Москаля-Ч.“ проф. Дашкевичъ кевичъ считаетъ французскую комическую пьесу „Le soldat magicien“, которая, по приводимымъ имъ даннымъ, имѣетъ съ украинской пьесой много общаго. Фактъ подражанія Котляревскаго этой пьесѣ историкъ считаетъ достаточнымъ для того, чтобы признать „Москаля-Ч.“ самостоятельнымъ по отношенію къ „Простаку“ Гоголя и написаннымъ раньше послѣдняго. Выяснивъ отношеніе украинской пьесы къ французской опереттѣ прошлаго вѣка, профессоръ дѣлаетъ замѣчанія о той степени художественности, съ какой обработалъ поэтъ заимствованную фабулу. Котляревскій, по мнѣнію проф. Дашкевича,—«упростилъ дѣйствіе, перенесъ его изъ буржуазной среды въ хату козака и сократилъ количество дѣйствующихъ лицъ (у него ихъ не шесть, какъ во французской пьесѣ, а четыре), но не совсѣмъ удачно передѣлалъ заимствованную фабулу». Эта неудачность въ разработкѣ фабулы произошла въ украинской пьесѣ потому, что вообще, по мнѣнію критика, интрига ея не правдоподобна: Тетяна вѣрна мужу, а между тѣмъ позволяетъ приходить къ себѣ Финтику,—получается противорѣчіе, составляющее слабое мѣсто „Москаля-Чаривныка“. Но погрѣшивъ противъ разработки фабулы, Котляревскій, по мнѣнію изслѣдователя, «поднялся за

[1]) Кіевск. Стар. 1893 г.

то выше въ выразительности и богатствѣ рѣчи, въ бойкости діалога и въ обработкѣ характеровъ, которые въ „Le soldat magicien“ не столь индивидуальны, и обнаружилъ при этомъ гораздо болѣе самостоятельности и таланта». Разобравъ затѣмъ поступки дѣйствующихъ лицъ, проф. Дашкевичъ дѣлаетъ такое замѣчаніе:—„слѣдовательно, въ обрисовкѣ характеровъ дѣйствующихъ лицъ Котляревскій выказалъ много наблюдательности; онъ черпалъ данныя изъ живой дѣйствительности и изъ непосредственнаго соприкосновенія съ народомъ и его жизнью“. Вдумываясь въ послѣднюю, Котляревскій внесъ совершенно новыя идеи въ заимствованную имъ схему и притомъ идеи свѣжія, затрогивавшія животрепещущіе вопросы и глубоко гуманныя“ [1]). Правда, въ рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ проф. Дашкевичъ находитъ много разглагольствованій, но, по его замѣчанію, разсужденія на моральныя темы въ украинской пьесѣ „не лишены были глубокаго смысла въ ту пору, когда писалъ Котляревскій, да и теперь еще сохраняютъ свое значеніе“. Но помимо этихъ разсужденій, Москаль-Чаривныкъ есть все-таки веселая шутка, которой профессоръ придаетъ большое значеніе. Къ ней, говоритъ онъ, можно приложить слѣдующія слова: „шутка, кстати сдѣланная, больше дѣлаетъ иногда пользы, чѣмъ строгія наставленія“. Вообще-же говоря, по заключенію профессора, „украинская опера Котляревскаго — одна изъ самыхъ талантливыхъ и интересныхъ по идеѣ, вложенной въ скудную опереточную фабулу, и по обрисовкѣ характеровъ“ [2]). Такъ дополняетъ проф. Дашкевичъ свой отзывъ о Москалѣ-Чаривныкѣ, начатый имъ еще въ 1889 г. Въ цитируемой нами статьѣ есть еще одно интересное замѣчаніе, касающееся Энеиды. По поводу Тетяны изслѣдователь говоритъ слѣдующее: „въ ея рѣчахъ мы узнаемъ воззрѣнія автора „Энеиды“, горячо любившаго народъ и клеймившаго смѣшныя явленія жизни съ силою и яркостью, нѣсколько напоминающими кисть Гоголя“.—Этотъ новый

---

[1]) Ib.—стр. 478.
[2]) Ibid.—стр. 480.

отзывъ объ Энеидѣ рисуетъ намъ воззрѣнія проф. Дашкевича, на творчество нашего поэта еще ярче. Одновременно съ статьей проф. Дашкевича, появилась въ Галиціи статья г. Сергіенка, также относящаяся къ Котляревскому [1]). Новыхъ какихъ нибудь выводовъ о творчествѣ его эта статья не даетъ, за то она интересна самымъ фактомъ своего появленія: въ ней намѣчаются тѣ главнѣйшіе вопросы, которые нужно было-бы рѣшить въ отношеніи Энеиды, и указывается на то важное значеніе, какое имѣютъ въ исторіи украинскаго народа произведенія нашего поэта. Статья г. Сергіенка наглядно, такимъ образомъ, показываетъ, насколько прочно въ украинской наукѣ установилось серьезное реномме Котляревскаго, какъ писателя... Произведенія его заслуживаютъ тщательняго изученія и такое изученіе, отодвинутое отъ его времени почти на цѣлый вѣкъ, должно какъ нельзя лучше показать, что значилъ Котляревскій и для своего времени и для послѣдующей украинской литературы: сдѣлать это тѣмъ возможнѣй что въ наше время легче быть безпристрастнымъ въ оцѣнкѣ Котляревскаго, чѣмъ, напримѣръ, во время Кулиша, а съ другой стороны, широкая критика его произведеній уже проложила прекрасный путь для такой объективной оцѣнки. Какъ-бы то ни было, но возможность серьезнаго изученія произведеній Котляревскаго обратилась теперь въ существующій фактъ, который и статья г. Сергіенко подтверждаетъ также. Въ 1885 году о Котляревскомъ упоминаютъ снова. Оригинальнаго, впрочемъ, въ этомъ упоминаніи нѣтъ ничего, такъ какъ оно выразилось въ перепечаткѣ той части статьи г. Минскаго, гдѣ сравнивается Энеида Осипова съ украинской Энеидой [2]). Самая эта часть статьи г. Минскаго перепечатана была именно по поводу русской Энеиды, выдержки изъ которой помѣщены были въ числѣ отрывковъ изъ русскихъ писателей. Перепечатка мыслей г. Минскаго о Котляревскомъ также свидѣтельствуетъ ясно, что благо-

---

[1]) Записки тов. імени Шевченка 1893 р. „Desiderata до ювілею Котляревського".

[2]) Венгеровъ—Русская поэзія. 1895 г. I-й томъ 5-й выпускъ—стр. 806—810.

склонное отношеніе русской критики къ послѣднему существуетъ въ полной силѣ и по нынѣ. Какъ сводъ всѣхъ мнѣній о Котляревскомъ, въ Энциклопедическомъ Петербургскомъ Словарѣ помѣщена была замѣтка о его жизни и произведеніяхъ. Біографія страдаетъ, къ сожалѣнію, неточностями, но отзывы автора замѣтки о нашемъ поэтѣ нѣкоторый интересъ представляютъ. По мнѣнію біографа, украинская Энеида есть—„классическое произведеніе малорусской литературы по простотѣ и изяществу стиля и историко-хохлацкой (?) ироніи". Вопросъ о подражаніи Котляревскаго Осипову онъ считаетъ рѣшеннымъ въ смыслѣ положительномъ, но въ Энеидѣ перваго находитъ и самостоятельность, которая—„обнаруживается въ языкѣ и во многихъ оригинальныхъ эпизодахъ съ большимъ талантомъ". Не худшаго мнѣнія „біографъ и о другихъ произведеніяхъ Котляревскаго. Говоря о Нат.-Полт. и Моск.-Чаривн., онъ замѣчаетъ, что Котляревскій написалъ пьесы—„до настоящаго времени занимающія первостепенное мѣсто въ малорусскомъ репертуарѣ". Замѣчанія эти не вполнѣ точны, но все-таки болѣе или менѣе правдивы. На этомъ отзывѣ мы и закончимъ рядъ долголѣтнихъ оцѣнокъ Котляревскаго, упомянувъ только объ одной замѣткѣ г. Лазаревскаго [2]), перепечатавшаго нѣкоторыя данныя изъ статьи С. Каминскаго, которая появилась, какъ мы знаемъ, въ 1839 году. Замѣтка эта имѣетъ скорѣе біографическій характеръ и теперь для насъ интереса не представляетъ, поэтому говорить о ней пока мы не будемъ. Этой замѣткой упоминанія о Котляревскомъ въ литературѣ кончаются. Такимъ образомъ мы разсмотрѣли главнѣйшія сужденія о немъ, имѣвшія мѣсто въ русской и украинской печати. Остается только разобраться въ пестрой картинѣ этихъ сужденій, съ различной стороны оцѣнивавшихъ Котляревскаго и отводившихъ ему въ украинской литературѣ то или другое мѣсто. Сдѣлать это довольно не трудно, такъ какъ большинство этихъ сужденій въ глав-

---

[1]) Энциклопедическій словарь—изданіе Брокгауза.

[2]) Кіевская Старина—1897 г. Апрѣль. Поѣздка въ Полтаву стр. 66—67.

ныхъ своихъ чертахъ представляетъ очень много общаго. Насколько можно было видѣть изъ вышесказаннаго, сужденія о Котляревскомъ вплоть до 80-хъ годовъ: одни критики видѣли въ произведеніяхъ его только достоинства,—другіе—отмѣчали въ нихъ наряду съ достоинствами и недостатки, наконецъ, третьи,—сводили достоинства произведеній Котляревскаго почти къ нулю и какъ-бы хотѣли сказать, что онъ лучше сдѣлалъ-бы если-бы не писалъ ничего.

Къ первому типу критиковъ слѣдуетъ отнести, главнымъ образомъ, Срезневскаго, рецензентовъ Сына Отечества, Сѣверной Пчелы, Русскаго Инвалида и Отечественныхъ Записокъ за 1839 г., С. Каминскаго, и солидарнаго съ нимъ рецензента Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1839 г., затѣмъ В. Пассека, нашедшаго согласнаго съ собой рецензента Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1841 годъ; Шевченка, Евецкаго, Сементовскаго, затѣмъ рецензента солидарной съ критикомъ Сѣверной Пчелы за 1849 годъ. Головацкаго, Мокрицкаго и Катранова къ типу вторыхъ критиковъ слѣдуетъ отнести рецензента Библіотеки для чтенія за 1843 г., Костомарова, проф. Котляревскаго, Чибисова, Данилевскаго, Пыпина и Онишкевича. Къ третьему роду критиковъ слѣдуетъ отнести Рудыковскаго, Кулиша, Марусю К. и Пискунова. Послѣ указанія лицъ, такъ или иначе относившихся къ произведеніямъ нашего поэта, важно теперь систематически классифицировать какъ тѣ достоинства, такъ и недостатки его поэзіи, которые указывались критикой. Изъ положительныхъ качествъ отмѣчали народность ея (Срезневскій, Русскій Инвалидъ 39 года, Отечественныя записки 39 года, С. Каминскій, Костомаровъ, Сементовскій, отчасти проф. Котляревскій, Катрановъ, Пыпинъ), затѣмъ художественную обработку сюжета (Сѣверная Пчела 39 года, Сынъ Отечества 39 года, Евецкій), прекрасный языкъ произведеній (Отеч. Записки 39 года, Сѣверная Пчела 39 г. Костомаровъ, Чибисовъ, Данилевскій), неподдѣльный юморъ (Отеч. Записки 39 г., С. Каминскій, Библіотека для чтенія за 1843 г., Костомаровъ, Пыпинъ, Онишкевичъ—). Изъ главнѣй-

шихъ недостатковъ указывали на нѣкоторую сантиментальность (Кулишъ, Пыпинъ, Костомаровъ), на встрѣчающуюся каррикатурность (Костомаровъ, Котляревскій, Кулишъ), на неудачный стихотворный размѣръ (Костомаровъ, Кулишъ, Пискуновъ), на гвубоватость юмора (Библіотека для чтенія за 43 г.). При этомъ нужно замѣтить, что противъ нѣкоторыхъ замѣчаній о недостаткахъ произведеній Котляревскаго выставлялись возраженія, защищавшія послѣдняго (Котляревскій, Мокрицкій). За то нѣкоторые писатели, кромѣ указанія упомянутыхъ недостатковъ, отвергаютъ и всѣ почти отмѣченныя нами достоинства его поэзіи, сводя ихъ, какъ мы сказали, почти къ нулю. Изъ критиковъ, развѣнчивавшихъ нашего поэта, слѣдуетъ упомянуть Кулиша, Марусю К. и отчасти Данилевскаго. Первый, какъ мы видѣли, отнесся къ Котляревскому очень строго; онъ обвинилъ его въ антинародности, въ аффектаціи, въ неуваженіи къ народу и его языку, въ сервилизмѣ и вообще произведенія его не считалъ пріобрѣтеніемъ для украинской литературы. Маруся К. признала драматическія произведенія нашего поэта антихудожественными и потому антинародными. Данилевскій нашелъ въ Энеидѣ немало снотворности и воды. Онишкевичъ равно, какъ и Маруся К., повторилъ часть мнѣній Кулиша. Итакъ, до 1880 года въ литературѣ о Котляревскомъ замѣчается полная неустойчивость мнѣній о его творчествѣ, въ которой неопытному читателю оріентироваться довольно не легко. Съ 1880 г. картина этихъ мнѣній мѣняется постепенно почти совсѣмъ. Въ начатыхъ проф. Петровымъ статьяхъ объ украинской литературѣ произведенія Котляревскаго подвергаются особенно серьезному изученію и подводится итогъ ихъ критикѣ. Недостатковъ поэзіи Котляревскаго профессоръ не указываетъ, хотя, вѣроятно, ихъ подмѣтилъ, но изъ достоинствъ особенно ставитъ въ заслугу прежде указанныя: хорошій языкъ, народность и художественность. Въ 1881-мъ и 1882-мъ годахъ совершилось еще болѣе крупное событіе: Кулишъ и Кошовый (Маруся К.) отказались отъ своихъ прежнихъ мнѣній о Котляревскомъ и поставили его произведенія очень высоко. Первый

нашелъ въ нихъ даже демократичность, а второй называетъ его, преимущественно за Энеиду, сатирикомъ, надѣленнымъ самыми возвышенными настроеніями. Эти отзывы уничтожаютъ, конечно, прежнія мнѣнія тѣхъ-же критиковъ и ставятъ Котляревскаго на высокій пьедесталъ. Въ слѣдующемъ году Костомаровъ повторилъ прежній свой отзывъ о поэзіи Котляревскаго, причемъ, возражая Кулишу, главнымъ образомъ оспаривалъ значеніе Энеиды, какъ пародіи. Въ 1884—5 г.г. появилась хорошая въ общемъ статья г. Минскаго, который подтверждаетъ замѣчанія прежнихъ критиковъ, высоко ставившихъ произведенія нашего поэта за ихъ языкъ, народность, художественность и искреннюю отчасти чувствительность. Съ нѣкоторыми оговорками тотъ-же отзывъ повторилъ въ 1889 г. проф. Огоновскій, и, наконецъ, въ двухъ своихъ статьяхъ 1889 и 1893 г.г. проф. Дашкевичъ еще тверже установилъ мнѣніе о такихъ достоинствахъ произведеній Котляревскаго, какъ хорошій языкъ, юмористическій оттѣнокъ, реально-народное содержаніе и художественную до нѣкоторой степени разработку сюжетовъ. Вотъ, такимъ образомъ, рядъ систематизированныхъ мыслей о крупныхъ достоинствахъ произведеній Котляревскаго, недостатки котораго указывались, наоборотъ, самые незначительные. Послѣ всего вышесказаннаго, не трудно изобразить теперь, какъ сущность его творчества, такъ и вытекающее отсюда значеніе послѣдняго. На основаніи главнѣйшихъ сужденій о поэтѣ, произведенія его представляютъ, слѣдовательно, довольно художественныя созданія, отмѣченныя печатью народности, которая выражается въ народномъ языкѣ, юморѣ, въ картинахъ народнаго быта и народной психики. Высокое значеніе ихъ также поэтому ясно: какъ художественное изображеніе жизни, произведенія Котляревскаго являются важными источниками для многосторонняго познанія послѣдней. На это значеніе его произведеній, въ частности „Наталки-Полтавки“, указалъ еще, какъ намъ извѣстно, въ 1838 г. Срезневскій. Помимо такого, такъ сказать, безотносительнаго или чисто-художественнаго ихъ значенія, можно отмѣтить также общественно-историческую ихъ важность, какъ

для современниковъ поэта, такъ и для его потомковъ, но распространяться объ этомъ мы пока не станемъ. Не говоря объ историческомъ значеніи Котляревскаго, мы скажемъ здѣсь только то, что оно должно считаться несомнѣннымъ. На фактъ существованія его указываетъ хотя-бы одно количество изданій произведеній Котляревскаго,—и въ частности его Энеиды. И при жизни поэта, и послѣ его смерти ихъ было не мало; а драматическія его произведенія хотя до конца его жизни и не издавались, но за то ставились на сценѣ безпрестанно. Этотъ фактъ показываетъ наглядно, что произведенія Котляревскаго, какъ замѣчено было когда-то и въ Основѣ (1861 г. № 2-й), удовлетворяли извѣстнымъ потребностямъ, украинскаго общества. Какимъ именно потребностямъ, мы указывать пока не станемъ; не станемъ теперь говорить и о томъ вліяніи, какое имѣлъ Котляревскій на послѣдующую украинскую литературу. И оно несомнѣнно было также, ибо первые украинскіе писатели были вмѣстѣ съ тѣмъ и читатели Котляревскаго. Но объ этомъ потомъ... Теперь-же остановимся на разсмотрѣніи данныхъ о художественномъ значеніи его творчества, которыя мы получили путемъ ихъ изученія. Субстанція этого творчества, какъ мы видѣли, критикой опредѣлена, художественное значеніе также,—остается только нерѣшеннымъ одинъ вопросъ: правильно-ли сдѣланы всѣ указанія по данному вопросу и вѣрно-ли, на основаніи ихъ, освѣщено творчество Котляревскаго? Этотъ вопросъ находится открытымъ и рѣшить его можно только путемъ анализа, къ чему мы теперь и приступимъ.

И. Стешенко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Домикъ Котляревскаго въ Полтавѣ.

(*Къ рисунку*).

Какъ Шевченко относился къ памяти Котляревскаго это видно изъ его стиховъ „На вичну память Котляревського". Поэтъ говоритъ: „не вмре кобзарь, (Котляревскій), бо навики ёго привитала слава".—„Будешъ, батьку, панувати, продолжаетъ поэтъ, поки живуть люде, поки сонце зъ неба сяе, тебе не забудуть".

Мы не знаемъ, когда Шевченко посѣтилъ, или посѣщалъ, Полтаву, но несомнѣнно, что онъ въ ней былъ: приложенный къ этой книжкѣ Шевченковъ рисунокъ домика Котляревскаго (въ Полтавѣ)—свидѣтельствуетъ объ этомъ. Шевченко много ѣздилъ по Полтавской губерніи въ 1843—44 г.г.; очень можетъ быть, что въ это время посѣтилъ онъ и Полтаву, и не забылъ здѣсь не только осмотрѣть домикъ Котляревскаго, но и срисовать его. Этотъ рисунокъ сохраняется въ богатой „Шевченковіанѣ" В. В. Тарновскаго, которому редакція Кіевской Старины и обязана за возможность обнародовать этотъ интересный памятникъ уваженія автора *Кобзаря* къ автору *Энеиды*.

Рисунокъ домика Котляревскаго былъ уже разъ изданъ—покойнымъ Г. П. Данилевскимъ, при его статьѣ „Полтавская

Старина", напечатанной въ февральской книгѣ Журн. М. Нар. Пр. за 1856 г. Издавая свой рисунокъ, Данилевскій пояснилъ его текстомъ, въ которомъ говоритъ: „этотъ полуразвалившійся домикъ находится за соборомъ, на самой окраинѣ обрыва. Здѣсь Котляревскій жилъ и здѣсь же скончался. Послѣ него домикъ достался Надеждѣ Педченковой, которой и теперь принадлежитъ. Домъ этотъ подъ № 57, 2 ч., 1-го кварт., отдается подъ постой и въ немъ помѣщается теперь часть солдатъ мѣстной гарнизонной команды. Грустно видѣть этотъ историческій домикъ въ его теперешнемъ положеніи. Пройдетъ нѣсколько лѣтъ и онъ совсѣмъ разрушится. Домикъ помѣщается въ полуразвалившемся дворѣ, бокомъ противъ воротъ. Направо противъ длиннаго крыльца, обрывъ надъ Никольскимъ оврагомъ Налѣво—амбаръ и сарай; далѣе садъ, куда выходитъ задняя часть дома. Крыша на домѣ обваливается; трубы едва держатся. Противъ воротъ три окна. На крытое крыльцо выходитъ двѣ двери и еще три окна. Домъ весь длиною въ двадцать пять шаговъ. Въ садъ выходитъ четыре (?). При входѣ съ крыльца, въ сѣняхъ три двери: налѣво, прямо и направо. Комната прямо, мимо печки въ сѣняхъ, съ огромною печью и палатями. Направо изъ сѣней—комната также съ печью. Изъ этой комнаты еще двѣ свѣтелки: одна налѣво въ садъ; другая съ тремя окнами, къ сторонѣ обрыва надъ Ворсклой и второю двери (дверью?) на крыльцо. Потолокъ здѣсь подпертъ бревномъ, потому что давно грозитъ паденіемъ. Комната изъ сѣней налѣво—въ два окна противъ воротъ и въ два окна на крыльцо, вся длиною въ семь шаговъ. Въ этой комнатѣ замѣчательно поперечное толстое бревно подъ потолкомъ, по мѣстному названію—*сволокъ*. Въ старину домъ внутри не бѣлился; поэтому иногда дерево его украшалось рѣзьбою. На упомянутомъ сволокѣ, расчистивъ замазку, мы нашли, по указаніямъ старожиловъ, слѣдующую достопамятную надпись: **Создася домъ сей во имя Ѻ҃ца и С҃на и С҃тго Д҃ха. Аминь. Рокꙋ аѱе** (1705) **м҃ца ав. а** (августа 1-го)".

Въ настоящее время домикъ Котляревскаго существуетъ въ перестроенномъ видѣ и принадлежитъ В. А. Сухиновой. Рисунокъ перестроеннаго домика помѣщенъ при замѣткѣ г. Бучневича *О домикѣ Котляревскаго*, напечатанной въ Историч. Вѣсн. въ прошломъ году (1897 г., № 12, стр. 943—947). Здѣсь мы читаемъ: „Домикъ Котляревскаго, говорятъ, стоялъ тамъ, гдѣ теперь проходитъ заборъ, раздѣляющій усадьбу на двѣ части. Въ кухнѣ флигеля отъ стараго дома сохранился одинъ лишь „трамъ“ или „сволокъ“, но уже не въ цѣломъ видѣ. Очевидно, съ двухъ концовъ онъ урѣзанъ, такъ что изъ прежней надписи (1705 г., которую г. Бучневичъ въ своей замѣткѣ также приводитъ) бывшей на немъ, можно прочесть лишь слѣдующія слова: „...сей во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. Року 1705, мѣсяца авг...“ По срединѣ этихъ словъ есть пустое мѣсто, какое оставляется на такихъ же трамахъ и въ настоящее время“.

Изъ замѣтки г. Бучневича видно, что остатки домика Котляревскаго еще существуютъ... Желательно бы сберечь хотя этотъ несомнѣнно находившійся въ домикѣ Котляревскаго *сволокъ*...

Документы, извѣстія и замѣтки.

Два письма о Котляревскомъ. Въ 1860 г. П. А. Кулишъ собирался издать сочиненія Котляревскаго и по этому случаю справлялся въ Полтавѣ о родственникахъ автора перелицованной Энеиды, къ которымъ могли перейти авторскія права Котляревскаго. На этотъ запросъ Кулиша имъ было получено два письма: одно отъ Стронина, тогдашняго учителя, кажется, полтавской гимназіи, и Ст. П. Стеблина-Каменскаго, отецъ котораго былъ едва-ли не самымъ близкимъ человѣкомъ къ Котляревскому. Оба эти письма, доставленныя въ редакцію Гр. Ст. Вашкевичемъ, печатаемъ здѣсь полностью, такъ какъ заключающіеся въ нихъ факты могутъ имѣть кой-какой интересъ, особенно въ виду вообще бѣдности свѣдѣній о Котляревскомъ.

1) Письмо Стронина. М. г. Пантелеймонъ Александровичъ! За свѣдѣніями, для васъ нужными, я обращался, по совѣту майора, о которомъ Симонову писалъ я, къ семейству, находившемуся въ еще болѣе дружескихъ отношеніяхъ съ Котляревскимъ, семейству покойнаго друга его Стеблина, владѣтеля рукописей его. Здѣсь я узналъ слѣдующее. Ненапечатанныхъ сочиненій Котляревскаго всего только одно, и то переводъ, да еще переводъ Евангельскихъ размышленій на русскій языкъ 4 тома (съ французскаго). Впрочемъ, рукопись эту вы можете видѣть въ Публичной библіотекѣ, которой она, вмѣстѣ съ прочими, подарена отъ Стеблиныхъ, за что и получена ими благодарность отъ Корфа съ объясненіемъ, что до тѣхъ поръ въ библіотекѣ не было ни одной строчки автографа Котляревскаго.

Что касается біографіи, то она была уже написана и напечатана однимъ изъ сыновей покойнаго Стеблина въ Сѣверной Пчелѣ 1839 года, № 146. Этотъ же Стеблинъ написалъ теперь новую, дополнительную, но онъ обѣщалъ уже ее для сборника, который мы намѣрены издать въ пользу предполагаемой здѣсь женской гимназіи, а потому и передать ее Вамъ не можемъ [1]. Впрочемъ и здѣсь онъ не помѣстилъ многихъ чертъ, которыя теперь самъ разсказываетъ и которыми я просилъ его еще дополнить свою біографію. Такъ, напр., когда Александръ I былъ здѣсь въ Полтавѣ и хотѣлъ, благодаря видѣнной имъ здѣсь «Наталкѣ», наградить автора, по мѣсту его службы, чиномъ-гражданскимъ, то Репнинъ сказалъ Государю, что онъ этимъ обидитъ Котляревскаго, вслѣдствіе чего и послѣдовалъ чинъ майора. Или, напр., Некрасовцы, перевозя однажды Котляревскаго черезъ рѣку, когда они узнали, кого они везутъ, упали ему въ ноги [2].

Отъ этого то самого біографа и прилагаю я здѣсь удостовѣреніе, которое вамъ нужно.

Вопросъ о «Хатѣ» съ пріѣздомъ Пильчикова разрѣшенъ. А что касается прочихъ (о Словарѣ, о Коліяхъ), то я буду имѣть ихъ въ виду.

Пользуюсь этимъ случаемъ и для того, чтобы доставить вамъ счетъ о продажѣ мною вашихъ книжекъ, который давно за мной въ долгу, за это и прошу извинить меня великодушно: обыкновенно я бываю аккуратнѣе.

Желая счастливаго исхода всѣмъ вашимъ благимъ предначертаніямъ, остаюсь весь вашъ Александръ Стронинъ.

Полтава 1860. Марта 20.

2) *Письмо Стеблина-Каменскаго.* М. г. Пантелеймонъ Александровичъ! Покойный отецъ мой былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ друзей автора Энеиды на малороссійскомъ языкѣ, Ивана Петровича Котляревскаго, съ которымъ и я самъ былъ лично очень хорошо знакомъ; посему мнѣ совершенно извѣстно, что послѣ Котляревскаго, жившаго и умершаго одинокимъ, не осталось никакихъ прямыхъ наслѣдниковъ,—и права на печатаніе своихъ сочиненій онъ никому рѣши-

---

[1]) Сборникъ этотъ, кажется, не состоялся, п. ч. написанная С. П. Стеблинымъ-Каменскимъ „новая“ біографія Котляревскаго была напечатана въ Полтавѣ, отдѣльною брошюрою. *Ред.*

[2]) Что-то мало вѣроятный фактъ.... *Ред.*

тельно не передавалъ, о чемъ согласно вопросу вашему, спѣшу имѣть честь васъ увѣдомить.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою Степанъ Стеблинъ-Каменскій (Отставной учитель полтавской гимназіи).

Полтава. 1860 года, марта 15 дня.

Замѣтка по поводу Валлонскаго и Сицилійскаго сборниковъ по фольклору. (*Eugéne Monseur. Le Folklore Wallon.* Bruxelles. Charles Rozez.—*Arturo Trombatore. Folklore catanese.* Torino. 1896). Въ предисловіи къ валлонскому сборнику предметомъ фольклора признается совокупность данныхъ народной жизни, развившихся внѣ цивилизаціи и помимо ея (XX, XXI). Помощью фольклора уясняется ходъ развитія сознанія въ человѣчествѣ, и какое нибудь деревенское суевѣріе освѣщаетъ иногда темную историческую загадку (XXVI, XXXV). Согласно съ такимъ пониманіемъ задачи фольклора, въ валлонскомъ сборникѣ заключаются: народныя повѣрья, предразсудки, примѣты, лекарства, молитвы, пѣсни и сказки. Такое же почти содержаніе и сицилійскаго сборника. Живыми чертами обрисованы въ послѣднемъ праздники съ ихъ пышными процессіями, народнымъ разгуломъ и выдающеюся ролью женщинъ, которыхъ авторъ называетъ «megere infuriati» (...le donne, che fanno ciascuna per quattro uomini... Fl. cat. p. 124, 125),—что очень напоминаетъ наши малорусскія народныя увеселенія (напр., въ моей «деревенской оргіи» въ Кіев. Стар. 1894 г., XII, с. 488). Въ праздничномъ культѣ валлонскомъ, сицилійскомъ, малорусскомъ вообще много сходнаго. Такъ, въ Бельгіи въ день Св. Іоанна погружали прежде въ Маасъ статую святого, люди купались въ рѣкѣ или умывались освященной водой, а молодежь прыгала чрезъ костры (Fl. wal. p. 130)—мѣстное выраженіе общеевропейскаго обычая очищенія прыганьемъ чрезъ огонь и окропленіемъ водой, пріуроченнаго у римлянъ къ весеннимъ праздникамъ Pales (lustratio), у славянъ, въ томъ числѣ и у насъ — къ купалу. (См. Молодыкъ 1843 г. стр. 107—112; Б.-Кам.

Истор. Малор. ч. Ш, с. 198; Чуб. Тр. Эксп. III. стр. 194 и Сахар. Сказ. Рус. Нар. Спт. 1885 г., стр. 85). Затѣмъ, дѣти возлѣ Льежа молятся Св. Мартину объ урожаѣ яблокъ и грушъ въ саду:

Bon sin Mârtin
Avoyî de pom è di peûr
E nos djârdin

А хозяева окуриваютъ соломой и сѣномъ фруктовыя деревья, какой пріемъ наблюдается и у насъ (Fl. wal. 73, p. 133., Чуб. Ш. с. 2). У обоихъ народовъ Св. Катерина признается покровительницей дѣвицъ (Fl. wal. 73 Чуб. III, стр. 257), а Св. Антоній лошадей, какъ въ Катаньи, такъ и въ с. Подлисцахъ, Волынской губ., гдѣ его католическій образъ окруженъ серебряными подвѣсками съ конскими изображеніями (Fl. cat. p. 39, Кіев. Стар. 1893 г., IX, с. 325). Народныя молитвы объ исцѣленіи отъ болѣзней, отъ колдовства, сглаза (jettatura, mal'ochio) обращены между прочимъ къ Богородицѣ и св. Георгію, какъ и наши заговоры. Въ Сициліи только обращаются къ святымъ не съ одними молитвами и чествованіемъ; иногда ихъ подвергаютъ тамъ и наказанію. Въ Пьяно, напр., держали въ заключеніи статую Св. Антонина въ засуху, покуда не пошелъ дождь (Fl. cat. p. 47). Среди суевѣрій любопытенъ валлонскій способъ разысканія трупа, поглощеннаго водой, для чего опускаютъ въ воду освященный хлѣбъ и вѣрятъ, что утопленникъ останавливаетъ его рукой (Fl. wal. p. 27). Въ подобныхъ обстоятельствахъ чехи бросаютъ духу водъ хлѣбъ и свѣчи (Тэйл., Первоб. культура т. I, с. 270), а въ лубенскомъ уѣздѣ по берегамъ Сулы на воду пускаютъ деревянную тарелку съ хлѣбомъ, солью, ладаномъ, освященной пшеницей и горящей страстной свѣчей. Тарелка, приплывая къ мѣсту, гдѣ скрывается мертвое тѣло, останавливается и начинаетъ кружиться; по этому указанію отыскиваютъ тѣло, а самое мѣсто затягивается навсегда тиной. Мертвецы у валлоновъ, какъ у насъ, приходятъ за молитвами для улучшенія своей участи и чужой (Fl. wal p. 4). Еще болѣе общаго въ повѣрьяхъ о вѣдьмахъ; и у валлоновъ есть прирожденныя, наслѣдственныя вѣдьмы: старшая дочь вѣдьмы по смерти матери дѣлается вѣдьмой. Онѣ обладаютъ способностью: 1) извѣстными движеніями производить бурю, 2) вредить прикосновеньемъ, лаской, поцѣлуемъ, 3) превращаться въ кошку, собаку, жабу и т. д. (обожженныя кошки и жаба оказались: первая—сосѣдкой, вторая—тещей сжигавшимъ ихъ. (Fl. wal.

р. 85, 86, 90, 91). Близко къ разсказамъ о вѣдьмахъ стоятъ сицилійскія сказанія о душахъ живыхъ женщинъ (donne di casa), которыя блуждаютъ по опредѣленнымъ днямъ и часамъ, вредятъ людямъ, похищаютъ дѣтей, тогда какъ тѣла ихъ лежатъ на постеляхъ. Если однако душа не успѣетъ къ сроку войти въ тѣло, то donna di casa обращается въ жабу или лягушку (Fl. ct., p. 11, 12). Въ этомъ вѣрованіи отразилось древнѣйшее представленіе человѣчества о двойственномъ существованіи, по которому душа во снѣ, отдѣляясь отъ тѣла и живя самостоятельной жизнью, охотится, танцуетъ, навѣщаетъ друзей, враговъ, предковъ, бесѣдуетъ съ послѣдними и получаетъ отъ нихъ указанія (Спенсеръ, Основ., соціол., стр 152; Тэйл., Первоб. культ. I, с. 23; Лёббокъ. Нач. цивил. Спт. 1876 г., стр. 156, 157). Сюда же примыкаютъ и наши вѣрованія о полетѣ вѣдьмъ, которыхъ тѣла или оболочки (тулубы, облуды) остаются въ это время на мѣстѣ. (См. Очеркъ демонол. Малор. въ Москвит. 1842 г. XII, Смѣсь, стр. 112—120, — о превращеніи вѣдьмъ и управленіи ими погодой; Чуб. т. I. с. 197, — о превращеніи вѣдьмъ (стр. 205) въ лягушку (стр. 204), объ оставленіи туловища; — Ивановъ въ сбор. Хар. Ист. Фил. Общ. стр. 76, объ оставленіи туловища (стр, 161, 180—200) о превращеніяхъ вѣдьмъ, и на стр. 214 объ исчезающемъ вѣрованіи въ способность вѣдьмы управлять погодой)—Въ разсматриваемыхъ сборникахъ есть и еще много мелкихъ примѣтъ, замѣчаній, народно-медицинскихъ средствъ и сказочныхъ темъ, кромѣ приведенныхъ, сходныхъ съ нашими, что и дѣлаетъ эти сборники вдвойнѣ интересными малороссіянину.

В. Милорадовичъ.

Неосуществившійся журналъ Кулиша—Хата. Какъ видно изъ печатаемаго здѣсь оффиціальнаго извѣщенія, Кулишъ предполагалъ издавать *южно-русскій журналъ*, такой точно, какъ позже появившаяся *Основа*, которая, вѣроятно, и была продолженіемъ мысли Кулиша.

«Отъ министерства народнаго просвѣщенія на поданное губернскимъ секретаремъ Пантелеймономъ Александровымъ Кулишемъ, отъ 23 октября сего года, прошеніе, касательно дозволенія ему изда-

вать журналъ подъ заглавіемъ: *Хата, южно-русскій* (должно быть—*журналъ) словесности*, *исторіи*, *этнографіи и сельскаго хозяйства*, симъ объявляется что въ слѣдствіе полученныхъ министерстомъ свѣдѣній не признано возможнымъ ходатайствовать о разрѣшеніи ему изданія журнала. 24 декабря 1858 года. № 2489. Директоръ канцеляріи министерства народнаго просвѣщенія А. Берте. Старшій секретарь Пр. Янкевичъ». (*Съ подлинника*).

Сообщилъ. **Гр. Ст. Вашкевичъ.**

Осина въ вѣрованіяхъ и въ понятіи народа на Волыни.

Къ числу деревьевъ и растеній, занимающихъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ вѣрованіяхъ простого народа—принадлежитъ осина. Въ народныхъ пѣсняхъ осина не встрѣчается и не воспѣвается, подобно тому, какъ воспѣваются дубъ, явиръ, тополя, береза, калына, верба; но въ вѣрованіяхъ простого народа—его суевѣріяхъ и повѣрьяхъ—осина встрѣчается очень часто. Можно сказать, что почти всѣ суевѣрія и повѣрія народа о чертовщинѣ, о вѣдьмахъ, выходахъ съ того свѣта тѣсно и неразрывно связаны съ представленіемъ объ осинѣ, какъ объ оберегѣ и предохранителѣ отъ всей этой «нечисти».—

По распространенному въ староконстантиновскомъ и заславскомъ уѣздахъ (и насколько мнѣ извѣстно—по всей Волыни) среди простого народа повѣрью—Іуда повѣсился на осинѣ, и потому то она «завше трусыця», даже и тогда, когда на дворѣ совсѣмъ спокойно и нѣтъ ни малѣйшаго вѣтерка.—Относительно постояннаго дрожанія листьевъ осины на Волыни есть еще одно повѣрье (впрочемъ малораспространенное), слышанное мною въ заславскомъ уѣздѣ, въ с. Бѣлевѣ отъ кр. Ефросиніи Морозовой.—Вотъ оно: «то булы десь и колысь дви видьмы: маты и дочка. Обыдви булы дуже велыки видьмы, и дуже межъ собою неладылы; идна другу страшне ненавыдила и идна другій пакостыла. Отъ разъ маты видьма заманыла до себе дочку видьму и вбыла іи, а тило іи поризала на кускы и розвишала по всимъ деревьямъ по кавалку. Не повисыла видьма маты кавалка тила вбытои дочкы тылько на одну осычыну; осычына задрижала видъ завысти и злости, и зъ того часу дрижытъ и трусыця вона видъ злости и доныни»... Повѣрье это—варіантъ или

отголосокъ подобнаго же повѣрья, распространеннаго въ Литвѣ, и сообщеннаго Карловичемъ въ его статьѣ: «Podania i bajki ludowe, zebrane na Litwie», напечатан. въ «Zbior wiadom.» т. XI и XIII.

О человѣкѣ, который почему либо дрожитъ и трусится, на Волыни есть поговорка: «трусыця—якъ осычына»,—О злыхъ людяхъ на Волыни же (староконст. уѣздъ) есть брань: бодай ты (или: бодай винъ) повисывся на сухи осыци; или просто въ видѣ отзыва, характеристики о человѣкѣ: «его (треба) повисыты на сухій осыци.

При всей такой несимпатіи, нелюбви народа къ осинѣ,—народъ считаетъ это дерево, какъ я уже сказалъ, первѣйшимъ оберегомъ и предохранительнымъ средствомъ отъ чертей, вѣдьмъ, покойниковъ, упырей и пр.

Такъ, по повѣрью народа, чтобы оберечь корову отъ вѣдьмы, если нельзя весь заборъ или огорожу вокругъ «оборы» сдѣлать изъ осиновыхъ кольевъ и жердей,—то нужно хотя изрѣдка въ заборѣ повтыкать осиновыя колья; тогда вѣдьма не пройдетъ черезъ такой заборъ и не подступитъ къ коровѣ. (старокон. и заславскій уѣзды). Въ крайности нужно, чтобы хотя тотъ колъ, къ которому привязываютъ корову, былъ осиновый (староконстантинов. уѣзда). Такое же повѣрье объ осиновой огорожѣ для предохраненія коровы отъ вѣдьмы записано Рокоссовской въ стат. «O swiecie roslinnym w podaniach ludu ruskiego na Wołyniu» — въ «Zbior wiadom.». Для предохраненія же коровъ отъ вѣдьмъ въ нѣкоторыхъ селахъ староконстантиновскаго уѣзда бабы надѣваютъ коровамъ и телятамъ на шею обручи, свитые изъ молодыхъ осиновыхъ прутьевъ; подкуриваютъ вымя коровы осиновыми листьями и корой.

Если покойникъ по ночамъ шатается и не даетъ людямъ покою, то, по общераспространенному положительно по всей Волыни повѣрью, первое средство избавиться отъ посѣщеній покойника—вбить въ могилу его осиновый колъ. Повѣрье это имѣетъ варіанты: въ однихъ мѣстахъ (уѣзды староконстантиновскій, заславскій) народъ говоритъ, что осиновый колъ просто нужно вбить въ могилу, а въ другихъ мѣстахъ (уѣзды ковельскій, владиміро-волын.) народъ вѣритъ, что осиновымъ коломъ нужно пробить самого покойника въ гробу, чтобы его, такъ сказать, пригвоздить къ мѣсту. Второй варіантъ схожъ съ такимъ-же повѣрьемъ, распространеннымъ въ Самарск. губер. и сообщеннымъ Садовниковымъ въ его «Сказкахъ и преданіяхъ Самарскаго края», съ тою лишь разницею, что, по вѣрованію самарскаго народа, колъ покойнику нужно вбить *въ задъ*.

Для прекращенія продолжительной засухи, по понятію народа, нужно, если есть закопанный на кладбищѣ недавно похороненный самоубійца, а особенно, если то *висѣльникъ или утопленникъ*, выкопать его, вынести за село и тамъ закопать на «роздорожи», а въ могилу вбить осиновый колъ (старокон. у.).

Въ заславскомъ же уѣздѣ народъ говоритъ, что для прекращенія засухи нужно трупъ самоубійцы или бросить въ болото и тамъ пробить осиновымъ коломъ, или, если болота нѣтъ, то, закопавъ его за селомъ и вбивъ въ могилу осиновый колъ, могилу эту поливать водою—и тогда засуха прекратится и пойдетъ дождь.

Послѣдній варіантъ этого повѣрья—несомнѣнно отголосокъ такого же повѣрья, существующаго въ Кіевской губерніи, въ Бердичевскомъ уѣздѣ, какъ видно изъ статьи Кошовика «Живой упырь въ борьбѣ съ умершими упырями» (Кiев. Стар. 1884 г. кн. 1-я стр. 169—171), а также и въ чигиринскомъ уѣздѣ, о чемъ сообщаетъ Подбересскій въ стат. «Materyały do Demonologii ludu ukraińskego»—въ «Zbior wiadom.» т. IV. 3—83.

Подобное же повѣрье, какъ можно видѣть изъ ст. Краузе «Powrót umarłych na swiat.». («Wisła» 1890 г. III, стр. 657—683), существуетъ даже и въ Сербіи.

Также въ староконст. у. (д. Григоровка, с. Воронковцы), есть повѣрье, что если умретъ вѣдьма или упырь, то, чтобы онъ по ночамъ не шлялся и не безпокоилъ людей, нужно если не все «вико» (крышку) на «труни» или «домовыни» сдѣлать изъ осиновой доски, то хотя часть его; тогда «мрець» низачто уже не встанетъ изъ такой «домовыны»; осиновое «вико» не пуститъ его, а «мрець» не въ состояніи будетъ поднять его.—

Съ осиновой палкой въ рукахъ можно во всякое время ночи и куда угодно идти, и никакая нечисть не приступитъ къ человѣку. (Старокон. у)

Если на окнахъ и у дверей, когда ходитъ покойникъ, положить по куску осины, то покойникъ уже не войдетъ въ хату. (Заславск. уѣздъ).

Въ простонародной медицинѣ, въ лѣченіи и практикѣ сельскихъ бабокъ, знахарокъ и шептухъ, осина во всѣхъ родахъ и видахъ (осиновый корень, осиновая кора и осиновые листья) также играетъ важное значеніе, какъ цѣлебное лѣкарственное средство: осиновую кору пьютъ отъ лихорадки и т. п.

Вообще, какъ можно видѣть изъ литературы по этнографіи, осина, какъ оберегъ и предохранительное средство отъ чертей, вѣдьмъ, упырей и пр., пользуется значеніемъ не только у простого народа на Волыни и вообще въ Малороссіи, но и у простонародія Литвы, Польши, Бѣлоруссіи, у великороссовъ и даже у болгаръ, сербовъ и т. п.

Ив. Вѣньковскій.

Повѣрья и суевѣрія, относящіяся къ охотѣ. Ни съ однимъ изъ занятій или промысловъ у нашего простого народа не связано столько повѣрій и суевѣрій, какъ съ охотой. Существованіе такой массы повѣрій и суевѣрій, относящихся къ охотѣ, можно объяснить лишь тѣмъ, что охота есть одно изъ старѣйшихъ, древнѣйшихъ занятій.

Волынское Полѣсье, какъ видно уже изъ самого названія, изобилуетъ лѣсами, а благодаря обилію послѣднихъ, на Полѣсьи масса охотниковъ изъ простого народа, изъ крестьянъ; поэтому нигдѣ такъ не распространены, не вкоренены повѣрія и суевѣрія, относящіяся къ охотѣ, какъ здѣсь. Предлагаемыя здѣсь повѣрія и суевѣрія объ охотѣ записаны мною, главнымъ образомъ, на Волынскомъ Полѣсьи—въ ковельскомъ уѣздѣ.

На Полѣсьи есть масса охотниковъ, слывущихъ въ народѣ за знахарей, умѣющихъ «попсуваты, направыты стрельбу», и надобно сказать, что полѣшуки слѣпо вѣрятъ всѣмъ повѣріямъ и суевѣріямъ объ охотѣ; а всѣ такіе знахари по части охоты, порчи и исправленія ружей пользуются въ народѣ извѣстнымъ престижемъ, внушаютъ страхъ прочимъ охотникамъ незнахарямъ.

Такъ, по вѣрованію простого народа, есть много средствъ, чтобы «зипсуваты стрельбу», и чтобы самое хорошее, сильно и далеко бьющее ружье сдѣлать никуда негоднымъ. Такому знахарю достаточно лишь подержать въ рукахъ то ружье, которое онъ желаетъ испортить, или просто только взглянуть, посмотрѣть на ружье,—и ружье уже испорчено и бить не будетъ. Охотникъ изъ такой «зпсованной стрельбы» будетъ по прежнему стрѣлять, но никогда ничего неубьетъ изъ него: отъ дичи будутъ летѣть перья, шерсть клочьями, кровь

будетъ лить ручьемъ,—и все-таки дичь уйдетъ, и охотникъ ея не возьметъ.

Вслѣдствіе такого суевѣрія, большинство изъ охотниковъ—крестьянъ, напримѣръ, ни за что не дастъ въ руки, особенно незнакомому человѣку, своего ружья, изъ боязни, чтобы тотъ «не зипсовавъ его».

Знахари по части ружей и охоты всѣ такія средства порчи ихъ держатъ въ строжайшемъ секретѣ, и ни за что, ни за какія деньги не выдадутъ, не продадутъ своихъ секретовъ, особенно охотнику. Напримѣръ, въ селахъ ковельскаго уѣзда: Рѣчицѣ, Мельникахъ, Боркахъ, Хотешовѣ, Самарахъ—есть мужички-охотники, пользующіеся славой, что «знають до стрельбы и полюванья», но сколько я ихъ ни выспрашивалъ по части ихъ знахарства и секретовъ,—ни одинъ не сообщилъ мнѣ ничего, всѣ наотрѣзъ отказались сказать мнѣ что-нибудь, главнымъ образомъ, потому, что знаютъ меня тоже, какъ охотника.

—«На що вамъ, паночку, знаты цее; вы все идно въ се не вирыте и сміетесь надъ нашимы вымысламы. Все идно мы вамъ збытка не зробымо и ваша стрельба буде быты добре»—отвѣтили мнѣ полѣсскіе знахари. Такъ я отъ нихъ ничего не добился, не дознался, а если что и собралъ и узналъ по интересующему меня вопросу,—то случайно, понемножку и не отъ знахарей. Почти въ каждомъ селѣ на Полѣсьи есть знахарь «до стрельбы».

Вотъ нѣсколько средствъ или суевѣрій по части порчи ружья.

Достать щепку «громобоя» (дубоваго дерева, въ которое ударилъ громъ), и именно ту щепку, которую громъ отломалъ отъ дерева, и достаточно ею лишь прикоснуться къ ружью, какъ ружье уже испортится. Это суевѣріе, впрочемъ, въ нѣкоторыхъ селахъ имѣетъ варіанты: въ однихъ селахъ (Хотешовѣ и окрест. къ нему) говорятъ, что нужно самому быть свидѣтелемъ, видѣть, какъ громъ ударитъ въ дерево, и только щепка такого дерева имѣетъ дѣйствіе; другіе утверждаютъ, что необязательно, чтобы громъ отломилъ щепку, а что вообще щепка дерева, въ которое ударилъ громъ, имѣетъ значеніе, и, наконецъ, третьи вѣрятъ, что не обязательно, чтобы это былъ дубъ, что щепка всякаго дерева, въ которое ударилъ громъ, годится для порчи ружья.

Также, чтобы испортить ружье, чтобы его разорвало, нужно смазать его внутри кровью мѣсячнаго очищенія (регулъ) женщины.

Но самый, по вѣрованію простого народа, распространенный и общеупотребительный способъ порчи ружья—это наговоръ или нашептываніе при взглядѣ на ружье. Этому способу народъ найбольше вѣритъ и найбольше охотники-простолюдины его боятся.

Наряду со средствами для порчи ружей—есть средства для предохраненія ружей отъ порчи и «врокивъ». Къ числу такихъ предохранительныхъ средствъ относятся слѣдующія: берутъ живого ужа, впускаютъ въ стволъ заряженнаго ружья и выстрѣливаютъ,—тогда ружье уже не будетъ бояться «врокивъ», никто его «не зипсуе», и притомъ, самое плохое ружье будетъ бить хорошо, сильно и остро.

Для той же самой цѣли, вырываютъ у живого ужа языкъ, засушиваютъ его и привязываютъ къ ружью.

Для предохраненія ружья отъ «врокивъ» и порчи продѣлываютъ еще слѣдующее: заряжаютъ ружье, и до «сходъ сонця» стрѣляютъ изъ него, а сейчасъ послѣ выстрѣла мизинецъ лѣвой руки всаживаютъ въ стволъ и, отвернувшись отъ ружья, смотрятъ, повернувъ голову, назадъ себя, и при этомъ трижды сплевываютъ.

Для той же цѣли предохраненія ружья отъ порчи, а равно, чтобы, отправляясь на охоту, имѣть успѣхъ, продѣлываютъ слѣдующее: выходя изъ дому, на порогѣ ружье трижды перекладываютъ между ногъ черезъ спину и голову.

Если достать кусочекъ дерева, которое росло «на видворотъ», т. е. не такъ, какъ обыкновенно ростутъ всѣ деревья, а именно—если линіи, наслоенія и зигзаги, борозды на корѣ идутъ въ противоположную сторону, чѣмъ обыкновенно во всѣхъ деревьяхъ, т. е. не слѣва направо, а наоборотъ, и прибить или привязать его къ ружью, или подложить подъ замки,—то ружье тоже не будетъ бояться никакихъ знахарей и порчи.

Для исправленія уже «зипсованнаго» знахаремъ ружья—нужно положить его въ «свынячій барлигъ», въ «свынюшныкъ».

Есть также много суевѣрій, повѣрій и средствъ къ тому, чтобы самое дрянное ружье хорошо, остро и далеко било, а также, чтобы охотнику на каждомъ шагу, вездѣ и всегда, попадалась дичь. По вѣрованію народа, для этого нужно лишь выстрѣлить изъ ружья въ крестъ. Впрочемъ, это кощунственное суевѣріе распространено и вкоренено сильно въ подольской губерніи, въ каменецкомъ уѣздѣ; на Волыни же и на Полѣсьи оно мало извѣстно. Разъѣзжая въ 1894 г. по подольской губерніи, мнѣ пришлось увидѣть возлѣ с. Рыхты

(Каменец. у.) и въ нѣкоторыхъ пограничныхъ селахъ Рыхтецкой волости (Войтовцахъ, Кудринцахъ и др.) стоящіе на «роздорожи» «фигуры» (кресты), пострѣлянными, съ засѣвшей въ нихъ дробью.

Я поинтересовался узнать, кто пострѣлялъ кресты, и ямщикъ, кр. с. Рыхты Андрей Тымчукъ, разсказалъ мнѣ, что въ кресты стрѣляли именно такіе суевѣрные безбожники, богоотступники—охотники, «щобъ стрельба добре была и дычына завше попадалась».—

Къ этому кощунственному суевѣрію въ с. Рыхтѣ мнѣ пришлось слышать еще варіантъ, или добавленіе, что въ крестъ стрѣлять нужно «чимъ якъ найбильше свято» и обязательно до «сходъ сонця». Въ пограничныхъ селахъ по Збручу народъ говоритъ, что вообще нужно выстрѣлить въ крестъ, но необязательно «въ свято» и «до схода сонця».— При всемъ томъ нашъ народъ вѣритъ, что охотнику, рѣшившемуся на такой ужасный и возмутительный поступокъ, какъ стрѣлять въ крестъ, нечистая сила помогаетъ въ охотѣ и гонитъ на него дичь; но не смотря на такую вѣру, такое толкованіе народа, очевидно въ средѣ его есть изувѣры, готовые на такой ужасный поступокъ, краснорѣчивымъ доказательствомъ чего служатъ пострѣлянные, съ засѣвшей дробью кресты.

По другому, тоже кощунственному суевѣрію, и тоже распространенному главнымъ образомъ все въ той же подольской губерніи, въ каменецкомъ уѣздѣ, если на «Велыкдень», «на всюношну», когда священникъ скажетъ первый разъ трижды «Хр. Воскр»!—на это вмѣсто «В. В.» трижды отвѣтить: «а я стрѣляю», и при этомъ даже дѣлать видъ, что цѣлитесь изъ ружья,—то человѣку, продѣлавшему это, дичь вездѣ и на каждомъ шагу будетъ попадаться, и онъ на охотѣ всегда будетъ имѣть успѣхъ, всегда легко и безъ промаха убивать.

И въ этомъ случаѣ, по вѣрованію нашего народа, человѣку, продѣлавшему это, на охотѣ будетъ помогать чортъ.

Также, чтобы ружье било хорошо, безъ промаха и попадалась дичь,—нужно украсть въ еврейскомъ домѣ прибитый на косякахъ дверей въ жестянкѣ пергаментъ съ заповѣдями и прибить или привязать его къ ружью.

По вѣрованію простого народа можно испортить ружье или охоту даже на извѣстномъ разстояніи, заглазно. По мнѣнію крестьянъ, есть «таке слово», которое при звукѣ выстрѣла, какъ-бы далеко онъ ни былъ, достаточно сказать, и выстрѣлъ будетъ безплодный, а дичь,

по которой сдѣланъ выстрѣлъ, уйдетъ, и охотникъ ее не возьметъ. Сколько я ни выспрашивалъ у знахарей по части ружей это волшебное слово, они мнѣ не сказали его.

По поводу знахарства и порчи ружей и охоты заглазно, на извѣстномъ разстояніи, мнѣ пришлось слышать слѣдующій разсказъ: одинъ охотникъ, знакомый лѣсника, пошелъ тайно отъ послѣдняго въ лѣсъ стрѣлять козъ. Лѣсникъ былъ на дворѣ и слышалъ звуки выстрѣловъ охотника; послѣ каждаго звука выстрѣла—лѣсникъ произносилъ извѣстное слово,—и сколько тотъ охотникъ ни стрѣлялъ, но не убилъ ни одной козы. Тогда охотникъ, бывшій самъ знахаремъ по части охоты, догадался, что ему кто-то портитъ, и именно лѣсникъ, пошелъ на дворъ къ лѣснику, гдѣ тотъ сознался, что это его продѣлка. Послѣ этого охотникъ съ лѣсникомъ пошли въ лѣсъ, и такъ какъ лѣсникъ больше не произносилъ своего слова, не мѣшалъ ему, то тотъ убилъ козла. Вскорѣ послѣ этого охотникъ, самъ знавшій это волшебное слово отплатилъ лѣснику тѣмъ-же, произносивши это слово всякій разъ, когда лѣсникъ стрѣлялъ. (Записано въ гор. Заславлѣ, вол. губ., отъ Осипа С. Мержеевскаго въ октябрѣ 1897 года).

Если идя на охоту, охотникъ споткнется—на охотѣ будетъ успѣхъ.

Если убитый звѣрь высунулъ или прикусилъ языкъ—еще будетъ добыча.

Идущему на охоту нельзя желать успѣха, такъ какъ тогда охота будетъ безуспѣшна и неудачна.

Если охотнику дорогу перебѣжитъ кошка—охота будетъ неудачна.

Равнымъ образомъ охота будетъ неудачна, если дорогу перейдутъ съ пустыми ведрами, вообще съ пустой посудой,—тогда охотникъ вернется домой съ «пустыми руками». Вообще нельзя переходить дорогу охотнику «въ порожни», съ «порожними» ведрами, бочками, горшками и пр. Если дорогу перейдетъ беременная, «непорожня» женщина—на охотѣ будетъ успѣхъ; перейдетъ же дорогу «порожня баба» или старуха—будетъ неудача.

По поводу этого суевѣрія разскажу одинъ случай. Въ октябрѣ прошлаго года я отправился на охоту на утокъ, подъ с. Хотешовъ, съ однимъ полѣшукомъ. Мой товарищъ по охотѣ всѣ мѣры принималъ, чтобы не встрѣтиться съ «бабой»: нарочно вышли чуть

свѣтъ, когда народъ мало еще «шастаетця», шли глухими дорогами, лѣсомъ, но, по выраженію моего полишука, «отъ биды такы не втиклы». Дорогу перешла намъ старуха, собиравшая опенки. Товарищъ мой заволновался и еще издали закричалъ ей, чтобы она не переходила дороги, да старуха была уже на другой сторонѣ дороги... Полишукъ товарищъ закричалъ старухѣ, чтобы она перешла назадъ дорогу; баба сдѣлала это, но мой товарищъ опечалился, палъ духомъ, сердился и волновался, говоря, что теперь лучше хоть вернись, ибо насъ ожидаетъ неудача, потому что «поганая баба перешла дорогу». По несчастной случайности, мы въ этотъ день дѣйствительно стрѣляли по уткамъ много, но такъ плохо, что ни одной не взяли. Мой полишукъ все время толковалъ и увѣрялъ меня, что причиной нашей неудачи и плохой стрѣльбы — «поганая баба», перешедшая намъ дорогу. —

Наряду съ этимъ въ заславскомъ, староконстантиновскомъ и каменецкомъ уѣздахъ существуетъ суевѣріе, что если, идя на охоту, обнять или поцѣловать хорошенькую или молодую дѣвушку, или женщину — на охотѣ будетъ успѣхъ.

По мнѣнію простого народа, и особенно полишуковъ, въ выборѣ ружья нужно имѣть «щастя»; есть такія «щаслыви стрельбы», что когда бы и кто бы съ ней ни пошелъ, всегда встрѣтитъ, найдетъ дичь; и наоборотъ, есть такія несчастливыя ружья, что кто бы и сколько съ нимъ ни ходилъ, — рѣдко найдетъ дичь.

Успѣхъ на охотѣ, по мнѣнію народа, также зависитъ не отъ опытности и умѣнья стрѣлять, а отъ знанія извѣстныхъ секретовъ: есть такіе охотники, которые «щось таке знають», «такый секретъ», что «де-бъ винъ не ставъ, и куды-бъ не пишовъ, завше его найде звиръ, и завше винъ буде стриляты».

Если пойти на охоту въ большой праздникъ, то охота будетъ удачна, потому что сатана гонитъ на охотника дичь нарочно, чтобы еще больше завлечь и соблазнить его.

Ив. Бѣньковскій.

Дѣло о притѣсненіи православныхъ священниковъ со стороны польскаго пана (при Георгіи Конисскомъ). Въ архивѣ Нижегородскаго Печерскаго монастыря хранится любопытное дѣло, воз-

бужденное при извѣстномъ архіепископѣ бѣлорусскомъ Георгіи Конисскомъ и прибавляющее еще одну иллюстрацію къ исторической картинѣ тѣхъ притѣсненій, какія приходилось нѣкогда терпѣть православнымъ священникамъ отъ польскихъ пановъ западно-русскаго края.

Дѣло было начато въ 1788 году.

Три православныхъ священника могилевской губерніи, Петръ Козловскій, Василій Поликарповичъ и Лаврентій Карминскій (приходы, въ которыхъ они были священниками, неизвѣстны), не полюбились мѣстному романовскому управителю Тимоѳею Зенкевичу, который систематически ихъ преслѣдовалъ. Пользуясь экономическою зависимостью тогдашнихъ православныхъ священниковъ отъ крестьянъ, а чрезъ нихъ и отъ помѣщиковъ, Зенкевичъ сначала дѣйствовалъ противъ священниковъ исподоволь, а потомъ и открыто. «По неукротимой своей ярости онъ старался всѣми мѣрами ихъ (т. е. означенныхъ священниковъ) вовсе изгнать» съ ихъ приходовъ и съ этою цѣлью «дѣлалъ имъ разныя притѣсненія и разоренія». Особенно ненавидя священника Карминскаго, онъ однажды «чрезъ двухъ своихъ дворовыхъ людей далъ этому священнику приказъ выбираться изъ дому», а когда священникъ не повиновался столь незаконному требованію, онъ, Зенкевичъ, «прислалъ не малое число другихъ людей, которые разломали домъ священника Карминскаго до основанія». Въ каковомъ случаѣ, доносилось по этому поводу епархіальному начальству отъ потерпѣвшихъ, жена его, Карминскаго, съ малолѣтними дѣтьми отъ нечаяннаго разоренія и страху едва въ живыхъ остались, а изъ имѣнія его посуда и прочіе хозяйственные припасы частью неизвѣстно кѣмъ расхищены, частью разбиты, разломаны, испорчены, и скотъ разогнанъ». Разгромы въ такомъ родѣ, какъ извѣстно, были въ духѣ того времени. Но и этимъ Зенкевичъ не удовлетворился въ своей ярости. Широко пользуясь своею властью и желая, повидимому, совершенно парализовать всякое вліяніе священника на прихожанъ, Зенкевичъ «запретилъ тамошнимъ жителямъ, чтобы никто его, священника, на квартиру не принималъ».

Могилевская консисторія, куда передана была жалоба потерпѣвшихъ священниковъ, немедленно снеслась по этому поводу съ могилевскимъ намѣстническимъ правленіемъ съ требованіемъ, чтобы «на основаніи опредѣленія Святѣйшаго Синода, о всемъ томъ, при депутатѣ со стороны обиженнаго священника (каковые депутаты

и прежде по подобнымъ дѣламъ были принимаемы) изслѣдовать дѣло и буде онъ, Зенкевичъ, виновнымъ окажется, то бы поступить съ нимъ по законамъ».

Намѣстническое могилевское правленіе послѣ общаго слѣдствія признало Зенкевича виновнымъ, но для разбора частныхъ обстоятельствъ дѣла предписало оршанскому нижнему земскому суду произвести дальнѣйшія разслѣдованія. Съ умысломъ или безъ умысла (вѣроятнѣе первое) о депутатѣ въ своемъ предписаніи намѣстническое управленіе умолчало. Земскій оршанскій судъ, согласно предписанію правленія, началъ разслѣдованіе дѣла безъ депутата съ духовной стороны. Зенкевичъ употребилъ все свое вліяніе въ гражданскихъ административныхъ сферахъ губерніи, чтобы направить дѣло въ свою пользу. Отсутствіе депутата съ духовной стороны было ему на руку.

Священники протестовали и подали жалобу въ консисторію на неправильное веденіе дѣла. Тогда «посланною изъ (могилевской) консисторіи вторичною промеморіею непремѣнно требовано о принятіи къ тому слѣдствію депутата, или буде зачѣмъ учинить того нельзя, консисторію увѣдомить». Для большей доказательности своихъ требованій, консисторія послала даже копію съ опредѣленія Св. Синода о депутатахъ при подобнаго рода уголовныхъ дѣлахъ.

Но намѣстническое правленіе желало дѣло всячески затянуть и пользовалось всякимъ обстоятельствомъ для проволочки. Оно «дало знать» консисторіи слѣдующее: «какъ по силѣ высочайшихъ Ея Императорскаго Величества о управленіи губерній учрежденій 231, 246 и 266 статей нижній земскій исправникъ и городничій обо всемъ, что въ уѣздѣ и городѣ случится, производятъ слѣдствія (и такъ какъ) въ указѣ Правительствующаго Сената отъ 4-го марта 788 года предписано уѣзднымъ стряпчимъ быть при чинимыхъ свидѣтелямъ допросахъ и инквизиціяхъ, а чтобы къ произведенію слѣдствія нужны были и со стороны обидимаго депутаты, о томъ ничего въ высочайшихъ учрежденіяхъ не сказано, то намѣстническое правленіе и не можетъ дать повелѣнія о принятіи къ произведенію слѣдствія со стороны священника Карминскаго депутата, потому что въ Высочайшихъ учрежденіяхъ неназначено быть депутатамъ при произведеніи слѣдствій».

Такимъ образомъ, споръ между лицами превратился въ споръ между учрежденіями—гражданскимъ и свѣтскимъ и выдвинулъ принципіальный вопросъ о депутатахъ съ «духовной» стороны. Въ виду такого неожиданнаго поворота дѣла, ничего не оставалось, какъ обратиться къ высшей инстанціи за разрѣшеніемъ возникшаго недоумѣнія.

Георгій Конисскій въ началѣ 1789 года донесъ обо всѣхъ обстоятельствахъ дѣла Святѣйшему Синоду. Преосвященный выставилъ на видъ то обстоятельство, что Зенкевичъ, «по произведенному о семъ въ уѣздномъ судѣ при депутатѣ со стороны обиженныхъ слѣдствію, оказался виновнымъ», но однако обиженные имъ священники «подлежащаго удовольствія не получили за взятьемъ имъ, Зенкевичемъ, въ одну ихъ волокиту». Въ донесеніи преосвященнаго заслуживаетъ особеннаго вниманія его заявленіе, что вообще въ гражданскихъ судебныхъ мѣстахъ западнаго края нечего искать защиты православныхъ священниковъ отъ польскихъ помѣщиковъ, потому-что дѣла этого рода никогда не бываютъ безпристрастны. «Въ таковыхъ причиняемыхъ могилевской епархіи священниковъ обидахъ безъ депутатовъ, писалъ преосвященный, справедливаго слѣдствій производства и рѣшеній, да и подлежащаго по онымъ удовольствія, какъ въ нижнихъ земскихъ, такъ и въ уѣздахъ судахъ, надѣяться нельзя, какъ де сіе дознано уже тамо, гдѣ депутаты не были со стороны обиженныхъ священниковъ опредѣлены, поелику въ тѣхъ судахъ присутствуютъ всѣ иновѣрцы». Поэтому «передавая о семъ на разсмотрѣніе Св. Синода», преосвященный просилъ «о приниманіи со стороны обиженныхъ священниковъ депутатовъ» и о томъ, чтобы циркулярное распоряженіе, касающееся этого вопроса, было разослано Правительствующимъ Сенатомъ по всему западному краю.

Святѣйшій Правительствующій Синодъ 1786 г. апрѣля 23 дня слушалъ доношеніе преосвященнаго Георгія, архіепископа Могилевскаго, которымъ, «упоминая о причиненныхъ романовскимъ управителемъ Тимоѳеемъ Зенкевичемъ немалыхъ изъ тамошнихъ священниковъ Петру Козловскому, а особливо Василію Поликарповичу Карминскому обидахъ и раззореніяхъ, просилъ о разрѣшеніи этого дѣла... Приказали: по Высочайшему о управленіи губерній учрежденію во главѣ 4 въ статьѣ 81, 82, 83 и 84, взысканіе съ подчиненныхъ мѣстъ и людей о исполненіи законовъ, заступленіе утѣсненныхъ, способъ удовлетвореніе каждаго законнымъ образомъ и обузданіе тиранства и

жестокость предоставлено г. г. генералъ-губернаторамъ, то вслѣдствіе сего генералу аншефу сенатору могилевскаго и полоцкаго намѣстничествъ генералъ-губернатору и кавалеру Петру Богдановичу Вассеку рекомендовать указомъ, чтобы онъ принялъ во вниманіе всѣ вышеописанные обстоятельства, не оставилъ приказать кому слѣдуетъ, какъ по вышеозначенному о причиненныхъ управителемъ Зенкевичемъ священнику Карминскому раззоренія дѣлу, депутата съ духовной стороны принять, такъ и впредь оныхъ и по другимъ подобнымъ о происходящихъ духовенству обидахъ производимыхъ въ гражданскихъ правительствахъ слѣдствія принимать безотрицательно и тѣмъ скорѣе доставлять обидимымъ на основаніи законовъ удовольствіе, о чемъ для вѣдома ихъ синодальному члену преосвященному могилевскому послать указъ». (Дѣло хранится въ архивѣ печерскаго монастыря въ связкѣ бумагъ подъ заглавіемъ: «указы 1789 года»).

Ѳ. Кудринскій.

Конфискація заповѣдныхъ товаровъ въ Кіевѣ (1730-35 гг.). Арестованные почему либо на форпостахъ и заставахъ товары, шедшіе въ Кіевъ или изъ Кіева, поступали обыкновенно въ Губ. Канц., куда и должны были являться владѣльцы ихъ и, если товары оказывались не «заповѣдными», т. е. къ вывозу или ввозу не запрещенными, получали ихъ подъ свою росписку, заповѣдные же конфисковались въ пользу казны. Командовавшіе на форпостахъ офицеры не всегда различали, какіе именно товары относятся къ «заповѣднымъ», самая процедура предъявленія товаровъ на заставахъ была стѣснительна, вызывала желаніе со стороны торговцевъ какъ-нибудь миновать заставы, проѣхать «неуказанною дорогою» [1]), полученіе

[1]) О недопущеніи этихъ проѣздовъ К. Г. К. получала частыя напоминанія. Такъ, мнѣ встрѣтился въ старыхъ дѣлахъ указъ Комерцъ-Коллегіи 1724 года, въ которомъ читаемъ: „Въ 1714 г. Апрѣля 16 д. Е. И. В. указалъ товары, а именно: юфть воловую, пеньку, поташъ, смолчугъ, сало, воскъ, масло конопляное, сѣмя льняное, щетину (также и прочіе, которые изъ казны продаваны: клей, ревень, смолу), какъ изъ великороссійскихъ, такъ и изъ малороссійскихъ городовъ купцамъ, кромѣ россійскихъ пристаней, отнюдь никуда не возить, а ежели кто дерзнетъ помянутые товары, кромѣ сихъ пристаней, куды въ иныя мѣста отвозить, и у

товаровъ, напрасно арестованныхъ, было затруднено канцелярской волокитой: все это не могло не стѣснять вообще торговой дѣятельности г. Кіева. Для знакомства съ этой стороной жизни г. Кіева представляютъ нѣкоторый интересъ и сообщаемые ниже мелкіе факты.

Въ 1730 г. въ іюнѣ мѣсяцѣ на Сорокошицкомъ форпостѣ, по доносу остерскаго жителя Загорскаго, задержаны были принадлежавшіе остерскимъ же жителямъ Павлу Тишкевичу и Кондрату Чешуйкѣ и везенные ими въ м. Чернобыль товары, между которыми оказались и «заповѣдные». По заявленію Загорскаго, Тишкевичъ и раньше много разъ возилъ въ м. Чернобыль на продажу воскъ, сало и овечью шерсть. Только мѣсяцъ спустя послѣ арестованія, работники Тишкевича и онъ самъ со всѣмъ своимъ товаромъ доставлены были въ Кіевъ въ Губ. Канц., гдѣ по осмотру оказалось: денегъ серебряныхъ 51 р., воску переплавленного 5 круговъ, сала ветчинного 37 короваевъ, рыбы вялой 4750 пластовъ и овечей шерсти 429 рунъ. По приказу управлявшаго тогда губернскими дѣлами вице-губернатора *Штока*, 5-го сентября арестованные работники были освобождены, а хозяевамъ возвращены были деньги, рыба и сало, воскъ-же и овечья шерсть, въ качествѣ товаровъ заповѣдныхъ, конфискованы и сданы въ цейхгаузъ на храненіе [1]).

Прошло три года. К. Губ. Канцелярія два раза обращалась въ Коммерцъ-Коллегію по поводу этихъ товаровъ съ особыми доноше-

тѣхъ товары ихъ взяты будутъ въ казну; а нынѣ Е. И. В-ву извѣстно учинилось, что такіе товары чрезъ границы провозятъ, того ради, для удержанія такого съ товары неуказного проѣзда, по всей польской границѣ по большимъ дорогамъ учинить заставы крѣпкія, а между тѣхъ большихъ дорогъ малыя дороги и проѣзды зарубить, а гдѣ лѣсу нѣтъ, то рвами перекопать, чтобъ никто за рубежъ неѣздили мимо большихъ дорогъ, и для того имѣть разъѣзды, и ежели на такихъ заповѣдныхъ проѣздахъ кто поѣдетъ, то взять и штрафовать отнятіемъ всего того, съ чѣмъ взятъ будетъ".

[1]) Относительно вывоза шерсти запрещеніе повторялось много разъ. Такъ, между прочимъ, былъ указъ Пр. Сената 1720 г. февраля 16 д. „для умноженія въ Москвѣ шерстяной фабрики вывозъ овчинамъ и овечьей шерсти изъ Россіи въ другія государства велѣть запретить". О томъ же и о невывозѣ золота и серебра послѣдовалъ указъ изъ Ком.-Коллегіи 1733 г. октября 13-го, а въ 1735 г. марта 31-го изъ Пр. Сената данъ былъ указъ Ген. Войск. Канц.: „скупщикамъ, которые покупаютъ овечью шерсть не на фабрики, но для отпуску заграницу, запретить подъ наказаніемъ и для того въ Малороссіи подтвердить еще найкрѣпчайшими публичными указами, дабы овчинъ и шерсти заграницу не вывозили, чего и на заставахъ смотрѣть накрѣпко".

ніями, заявляя, что де хозяева оправдываются незнаніемъ запретительныхъ указовъ и просятъ, «дабы имъ такое невѣжество, *яко малороссійскому народу*, было отпущено и тѣ товары возвращены были имъ по прежнему». При этомъ Губ. Канц. спрашивала, какъ вообще впредь поступать и «арештованные товары куды употреблять». Такой же запросъ по тому же дѣлу писалъ губернаторъ и въ 1735 году, но получилъ-ли какой отвѣтъ, изъ дѣла не видно. А овечья шерсть и воскъ между тѣмъ пять лѣтъ уже лежали въ цейхгаузѣ.

Надо думать, что такой конфискованной шерсти на храненіи скопилось не мало. Попавшееся мнѣ въ кучѣ старыхъ бумагъ Губ. Канц. дѣло 1732 г. «о заарештованной на Межигорскомъ форпостѣ шерсти», конечно, не было единственнымъ. Да и изъ него видно, что такое арестованіе могло повторяться очень часто. Дѣло было такъ. Пріѣхали 5-го мая на лодкѣ пять человѣкъ «заграничныхъ жителей» въ Кіевъ на богомолье. Одинъ изъ нихъ при отъѣздѣ изъ Кіева купилъ себѣ на базарѣ «на собственную свою потребность, а не для продажи», овечьей шерсти 15 рунъ на полтора рубля и, получивши изъ Губ. Канц. указъ о пропускѣ [1]), возвращался на тотъ же Межигорскій форпостъ. Не зная, «яко другой націи человѣкъ», о запрещеніи вывозить шерсть за границу, онъ и не скрывалъ ее отъ форпостнаго досмотра. Арестованный богомолецъ былъ подъ карауломъ препровожденъ вмѣстѣ съ «вовною» въ Губ. Канц. и—скоро ли послѣ допроса отпущенъ—неизвѣстно, но объ отнятой у него овечьей шерсти вѣсомъ 35 фунтовъ встрѣчается приказъ 1737 г., т. е. больше пяти лѣтъ послѣ арестованія ея, данный прапорщику Попову, о принятіи ея изъ Губ. Канц. въ «гарнизонной цейхгаузъ».

Надо думать, что въ этомъ цейхгаузѣ не мало гибло конфискованной шерсти, хотя за сохранность ея и несли, какъ видно, отвѣтственность завѣдывавшіе цейхгаузомъ офицеры. У меня имѣлось одно доношеніе капитана Алексѣя Попова отъ 9 сентября 1740 г. о томъ, что присланная къ нему на храненіе шерсть, арестованная еще въ 1737 г. на Любецкомъ форпостѣ, вѣсомъ 25 пудовъ, а счетомъ 240 рунъ, «отъ долговременнаго лежанія мышами вся изсѣчена

---

[1]) Пріѣзжавшіе въ Кіевъ „заграничные люди“ изъ окрестныхъ мѣстъ получали обыкновенно на форпостахъ особые билеты, которые они и предъявляли въ Губ. Канц., откуда при отъѣздѣ получали вновь „указъ“ о пропускѣ черезъ форпостъ.

и погнила и въ такую негодность пришла, что уже ни въ какое употребленіе не годится. Оберъ-комерсантъ Нейбутъ приказалъ эту шерсть изъ цейхгауза выбросить вонъ. А въ указѣ изъ Канцеляріи Конфискаціи отъ 16 ноября 1743 г. находимъ, между прочимъ, взысканіе съ офицера за испортившуюся шерсть 30 п. 20 ф., да за 12 овчинъ «съ капитана Попова, у коего оные въ сохраненіи имѣлись, взыскать по настоящимъ цѣнамъ деньги и прислать оныя въ Канц. Конф., для того, что ту шерсть и овчины, чтобы имъ никакого поврежденія учиниться не могло, надлежало ему въ лѣтнее время пересушивать, но того имъ чинено не было, отъ сего онымъ такая гибель и учинилась, за что онъ тому взысканію и повиненъ». Относительно цѣнъ на шерсть и овчину, кіевскій магистратъ доносилъ, что въ 1743 г. сотня рунъ овечьей шерсти продавалась на Подолѣ лучшей по 12 руб., а «подлѣйшей» по 11 руб.; въ 1737-мъ же году лучшая продавалась по 8 р., а подлѣйшая по 6 р. (пудами вовсе не продается); овчина же стояла въ оба названные годы въ одной цѣнѣ: самая лучшая шкура овчиная 30 к., средняя 25 к. и «подлѣйшая» 16 к.

Случалось, что конфискованные «заповѣдные» товары и возвращались хозяину. Такъ поступили по отношенію къ турецкому купцу Юсуфу Хаджіи, прибывшему осенью 1735 года въ Кіевъ изъ Вѣны, вмѣстѣ съ македонскимъ грекомъ Діоманліемъ Георгіевымъ, съ товарами, между которыми были нѣкоторые «заповѣдные» [1]).

Арестованный въ Кіевѣ Юсуфъ настойчиво просилъ Губ. Канц. выдать ему хоть нѣкоторую часть товаровъ «для пропитанія». Ему и выданы были кораллы. Затѣмъ, черезъ четыре мѣсяца губернаторъ В. П. Шереметьевъ приказалъ: всѣ товары, хотя между ними нѣкоторые и оказались заповѣдными, въ силу высоч. указа, «въ осторожность постановленного съ Турецкою имперіей вѣчно мира» возвратить, тѣмъ болѣе, что «оной турчинъ въ Россійской имперіи никогда

---

[1]) Товаровъ оказалось три „скрыни“: 1) въ первой находилось тафты венецкой 10 штукъ, турецкой 9 шт., штофу шелковаго 8 шт., 2) во второй: платья женской однъ уборъ съ серебромъ: парчей съ серебромъ и золотомъ 6 шт. малыхъ; штофу шелкового разныхъ цвѣтовъ 8 шт.; штофу атласного травчегого 6 шт.; парчеи разного цвѣту 4 шт., тафты венецкой 1 штука; 3) въ третей: парчей разноцвѣтныхъ 9 шт. малыхъ; штофу атласного 3 шт.; парчи съ серебромъ и золотомъ 1 шт.; штофу разноцвѣтного 6 шт.; монистъ красныхъ коралевыхъ два пуда 10 фунтовъ.

не бывалой и о новосостоявшихся Е. И. В. указахъ невѣдомой и лишенію товаровъ своихъ не подлежитъ».

Арестовывали иногда товары и за несоблюденіе карантинныхъ правилъ.

Въ 1732-мъ году мая 2-го прибылъ изъ-за границы къ Васильковскому форпосту нѣжинскій грекъ Анастасій Костантиновъ съ пятью бочками ладана и форпостному командиру маіору Эртлангу показалъ «подъ страхомъ смертноя казни», что онъ купилъ этотъ ладанъ во Львовѣ, везъ его черезъ Польшу, и въ мѣстахъ, гдѣ бы было моровое повѣтріе, не бывалъ. Изъ Кіева былъ уже полученъ указъ о пропускѣ этого грека, когда открылось, что онъ везъ ладанъ изъ Цареграда, по порученію нѣжинскаго грека Киріяка Анастасіева, и ѣхалъ со свитой г-жи Неплюевой, но скрылъ все это, чтобы избѣжать продолжительнаго пребыванія въ карантинѣ; когда же все это открылось, онъ самъ бѣжалъ, бросивши свой товаръ. По просьбѣ грека Киріака Анастасіева, губернаторъ В. П. Шереметьевъ приказалъ представить этотъ товаръ въ Кіев. Губ. Канцелярію, откуда онъ и былъ выданъ въ концѣ августа мѣсяца Анастасьеву, который представилъ по себѣ поручителей, удостовѣрившихъ принадлежность ему этого товара, кіевскихъ жителей—грековъ: переводчика турецкаго языка Харитона Юрьева, шелкъ-мейстера Яна Дирея и мѣщанина Яна Бурноса, да македонскихъ грековъ Дмитрія Юрьева и Саву Думьянова. Вѣсомъ ладану оказалось 87 пудовъ и 5 фунтовъ цѣной на 330 рублей.

А. А.

Свѣдѣніе о ново-басанскихъ церквяхъ въ 1768 году.

Румянцовская опись [1]) указывала въ м. Новой-Басанѣ [2]) двѣ церкви: 1) Въ «пригородку» — *церковь Рождества Пресвятыя Богородицы*, «стоитъ отъ полтораста лѣтъ на мѣстѣ вольномъ; *колокольня* въ томъ же пригородку, подъ валомъ, стоитъ на мѣстѣ вольномъ. *Школа* подъ валомъ стоитъ издревле на мѣстѣ одномъ вольномъ. Въ ней обрѣтается—дячокъ Михайло Богдановскій, званія козачого; питается до-

---

[1]) Когда-то хранившаяся въ Полтавской Казенной Палатѣ, а затѣмъ погибшая...

[2]) Черниг. губ., Козелецкаго уѣзда.

ходами, бываемыми въ приходѣ, и роковщиною, опредѣленною въ парохіи зъ хаты по 2 копѣйки. *Шпиталь*, состоящій въ двохъ избахъ деревянныхъ ветхихъ, стоитъ предъ въѣздомъ въ пригородокъ, надъ валомъ. «Подъ этимъ свѣдѣніемъ подпись: «Протопопъ Басанскій Андрей Туманскій.» 2) «На улицѣ идучой изъ м. Басани на форштатъ Форсѣевку, церковь Вознесенія Господня, ограждена вкругъ частоколомъ, о двухъ престолахъ: нижнемъ—Вознесенія Господня, а въ верхнемъ—св. Живоначальныя Тройцы.» Въ 1768 г. протопопъ Бориспольскій Стефанъ Деревицкій былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и настоятелемъ Басанской Вознесенской церкви, по той причинѣ, что онъ, Деревицкій, былъ строителемъ этой церкви въ то время, когда былъ «басанскимъ писаремъ». Перемѣнивъ затѣмъ писарство на «поповство», Деревицкій былъ и первымъ настоятелемъ построенной имъ (въ 1735 г.) Вознесенской церкви; а когда Деревицкій поставленъ былъ Бориспольскимъ протопопомъ, то сохранилъ за собою и настоятельство *своей* Басанской Вознесенской церкви. (См. опис. Черниг. Епарх., V, 249).

Упоминаніе о томъ, что Рождество-Богородицкая церковь въ 1768 г. считала уже полтораста лѣтъ со времени своего построенія, должно быть признано вѣрнымъ въ виду слѣдующихъ обстоятельствъ: изъ люстраціи 1635 г. мы видимъ двѣ Басани: «старое село» Басань и «мѣстечко» Басань; въ первой было: «дымовъ осѣдлыхъ—7 и «огородниковъ»—8, а во второй: «дымовъ»—20, «огородниковъ»—40 и мельничныхъ колесъ—3. При такомъ населеніи «мѣстечко» Басань (она же и *Новая Басань*) конечно уже должна была имѣть церковь. (Кіевск. Губ. Вѣд. 1870 г., № 13). Обѣ Басани въ 1635 г. принадлежали поляку Феодору Криницкому.

Гдѣ теперь находится могила Кочубея и Искры?

Но сохранилася могила,
Гдѣ двухъ страдальцевъ прахъ почилъ:
Межъ древнихъ праведныхъ могилъ
Ихъ мирно церковь пріютила.

Такъ сказалъ поэтъ. Историкъ (Максимовичъ) поясняетъ: «Печерская лавра пріютила у себя гробы страдальцевъ; вписала ихъ имена

въ свои помянники и совершаетъ донынѣ молитвенное поминовеніе о ихъ душахъ... А на ихъ могилѣ, возлѣ дверей братской трапезы, полтора вѣка уже лежитъ этотъ убогій камень, извѣщающій о нихъ тоговременнымъ десятистишіемъ:

Кто если мимо грядый, о насъ невѣдущій,
Елицы здѣ естесмо положенны сущи и т. д.

Строки эти Максимовичъ написалъ по поводу выраженнаго кѣмъ то желанія о постановкѣ на могилѣ памятника, вмѣсто «убогаго камня», высказывая свое мнѣніе о ненужности такого памятника, какъ «неумѣстной суеты». Но при этомъ Максимовичъ замѣтилъ, что для сохраненія отъ стиранія надписи на могильной плитѣ, нужно было бы огородить ее желѣзною рѣшеткою; тутъ же, попутно, выразилъ онъ желаніе, чтобы такою рѣшеткою былъ огороженъ и сосѣдній могильный камень, покрывающій могилу донскаго полковника Флорова.—Желаніе Максимовича было исполнено—обѣ надгробныя плиты были огорожены желѣзными рѣшетками, и въ такомъ видѣ эти два могильные камня, огороженные «нарочито простыми» рѣшетками, указывали могилы, гдѣ покоятся кости трехъ козаковъ, изъ которыхъ два «безвинный» Кочубей и «тихій» Искра, были казнены мстительнымъ гетманомъ, а третій, Флоровъ, «отъ непріятеля во главу усѣчеся подъ городомъ Хотиномъ». Посѣтивъ года два назадъ лавру и проходя мимо новаго зданія братской трапезы, мы замѣтили, что могилы «двухъ страдальцевъ» на прежнемъ мѣстѣ — нѣтъ. Попрежнему лежалъ лишь, за рѣшеткою, могильный камень Флорова, но могильнаго камня Кочубея и Искры—не было.... Повидимому, стѣна вновь воздвигнутаго зданія должна была затронуть ихъ могилу.... Посѣтивъ лавру эту весну, мы увидѣли около могилы Флорова, за тою же рѣшеткою, еще и *новую чугунную плиту* съ вылитою надписью: *Кто если мимо грядый* и т. д.; такимъ образомъ прежній могильный камень Кочубея и Искры замѣненъ чугунную плитою, и плита эта положена около могилы Флорова, но сюда ли перенесенъ былъ и прахъ страдальцевъ—неизвѣстно.... Впрочемъ, можетъ быть этого праха и слѣдовъ уже не осталось. .

Желательно, чтобы прежній могильный камень Кочубея и Искры былъ сохраненъ, пока будетъ выстроенъ кіевскій музей, въ которомъ камень этотъ найдетъ подобающее себѣ мѣсто.

А. Л.

Программа для собиранія свѣдѣній объ архивахъ. Императорское Московское Археологическое Общество обратилось въ разныя редакціи и, между прочимъ, въ редакцію «Кіевской Старины», съ просьбой напечатать выработанную особой коммиссіей слѣдующую программу для собиранія свѣдѣній объ архивахъ.

Императорское Московское Археологическое Общество, имѣя въ виду громадное значеніе для науки русской исторіи неизданныхъ по настоящее время историческихъ источниковъ, учредило особую Археографическую Коммиссію, важнѣйшею задачей которой является собираніе свѣдѣній и изученіе состава архивовъ и вообще собраній историческихъ документовъ. Такое рѣшеніе Общества вызвано весьма разнообразными побужденіями, изъ которыхъ главное заключается въ современномъ положеніи въ Россіи архивовъ, какъ частныхъ, такъ и нѣкоторыхъ правительственныхъ и общественныхъ.

Въ общемъ наши архивы могутъ быть распредѣлены на три большія группы. Къ первой группѣ слѣдуетъ отнести архивы и древлехранилища, устроенные правительствомъ или учеными обществами и учрежденіями спеціально съ научными цѣлями. Таковы большинство столичныхъ архивовъ, собранія рукописей при музеяхъ и пр. Всѣ они имѣютъ спеціальныхъ работниковъ, занятыхъ изученіемъ состава рукописей, печатаніемъ ихъ и изданіемъ. Наконецъ, эти архивы доступны для ученыхъ занятій постороннихъ лицъ. Такимъ образомъ, наука можетъ ознакомиться съ хранящимися здѣсь историческими матеріалами.

Совсѣмъ въ другомъ положеніи находятся двѣ другія группы архивовъ.

Ко второй изъ нихъ можно отнести собранія документовъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, какъ, напр., собранія коллекціонеровъ семейные архивы и другіе.

Наконецъ, третью группу составляютъ такіе архивы различныхъ правительственныхъ учрежденій, которые не преслѣдуютъ научныхъ цѣлей; таковы, напр., губернскіе архивы, областные, епархіальные, при дворянскихъ депутатскихъ собраніяхъ, казенныхъ и судебныхъ палатахъ, городскихъ думахъ и др. По точному смыслу дѣйствующаго законодательства въ означеныхъ архивахъ хранятся документы, необходимые для справокъ по текущимъ дѣламъ. Но такъ какъ большинство ихъ учреждено еще при Екатеринѣ II, то съ теченіемъ времени въ этихъ архивахъ скопились дѣла, весьма важныя

въ научномъ отношеніи и ненужныя для справокъ. Въ настоящее время въ большинствѣ архивовъ губернскихъ правленій и др. правительственныхъ мѣстъ можно найти документы XVII и даже XVI стол., не говоря уже о цѣнныхъ матеріалахъ для XVIII и нач. XIX вѣка.

Наконецъ, къ послѣдней группѣ архивовъ могутъ быть отнесены собранія разнаго рода рукописей при монастыряхъ, церквахъ и духовныхъ семинаріяхъ.

Обѣ послѣднія категоріи архивовъ, т.-е. частные и справочные при казенныхъ учрежденіяхъ, поставлены въ такія условія, что остаются совершенно неизвѣстными наукѣ русской исторіи и потому не приносятъ ей надлежащей пользы. Разбросанные въ разныхъ углахъ нашего отечества, въ городахъ и часто въ селахъ, не будучи подъ наблюденіемъ лицъ, которые имѣли бы возможность заняться описаніемъ и изданіемъ находящихся въ нихъ дѣлъ,—эти архивы лежатъ безъ пользы для науки и нерѣдко гибнутъ вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ причинъ. Между тѣмъ опытъ показалъ, что въ такихъ именно архивахъ встрѣчаются часто драгоцѣннѣйшіе документы, весьма важные для изученія исторіи. Понятно, занимающіеся русскою исторіей не могутъ знать содержанія находящихся здѣсь матеріаловъ и даже далеко не всегда имѣютъ свѣдѣнія о самомъ мѣстонахожденіи такихъ архивовъ.

Принимая во вниманіе сказанное, Императорское Московское Археологическое Общество пришло къ твердому убѣжденію въ томъ, что спасти вышеохарактеризованные архивы отъ забвенія, сдѣлать ихъ извѣстными, доступными и полезными для русской исторической науки можно только съ помощью широкаго и дружнаго содѣйствія всѣхъ сочувствующихъ дѣлу научнаго изученія нашего историческаго прошлаго. Поэтому, Императорское Московское Археологическое Общество обращается къ ученымъ, живущимъ въ провинціи, дворянамъ, имѣющимъ семейные архивы, къ священникамъ, учителямъ,—вообще ко всѣмъ лицамъ, обладающимъ свѣдѣніями объ архивахъ, собраніяхъ рукописей, съ покорнѣйшею просьбою содѣйствовать научнымъ цѣлямъ Общества доставленіемъ ему соотвѣтственныхъ указаній.

Прося о доставленіи вышеозначенныхъ свѣдѣній, Императорское Московское Археологическое Общество позволяетъ себѣ обратить вниманіе на слѣдующее:

1) Для цѣлей науки важны свѣдѣнія о всякаго рода рукописныхъ памятникахъ,—независимо отъ времени ихъ написанія, какъ-то: о рукописныхъ богослужебныхъ книгахъ, лѣтописяхъ, житіяхъ святыхъ, сборникахъ, грамотахъ и перепискѣ правительственныхъ и частныхъ лицъ,—вообще о памятникахъ бытоваго, экономическаго, литературнаго, родословнаго, политическаго, военнаго и пр. характеровъ.

2) Относительно каждаго собранія рукописей весьма желательно было бы имѣть болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія слѣд. рода: кому принадлежитъ архивъ и гдѣ находится (адресъ [1]), какія именно въ немъ рукописи (перечень [2]), каталогъ ихъ или по крайней мѣрѣ общій обзоръ содержанія), какое обнимаютъ время, сколько ихъ; также полезно было бы знать, доступно ли описываемое собраніе (особенно частное) для обозрѣнія и ознакомленія съ нимъ съ учеными цѣлями.

3) Общество позволяетъ себѣ также обратиться съ просьбою къ учрежденіямъ и лицамъ, владѣющимъ рукописями и документами, прислать ихъ для просмотра и описанія въ Общество, послѣ чего полученные документы будутъ съ признательностью возвращаемы [3]).

Если лица, описывающіе документы и рукописи, не считаютъ возможнымъ высылать самыя рукописи, то желательно было бы получить копіи хотя бы съ наиболѣе важныхъ.

4) Конечно, въ интересахъ науки было бы весьма полезно имѣть по возможности полныя и точныя свѣдѣнія, какъ о составѣ рукописей, такъ и объ ихъ содержаніи; тѣмъ не менѣе Общество покорнѣйше проситъ лицъ, не имѣющихъ возможности доставить полныя свѣдѣнія (напр., перечня рукописей), сообщать краткія.

---

[1]) Относительно каждаго архива весьма небезполезны также свѣдѣнія: есть ли при архивѣ описи дѣлъ и рукописей, есть ли алфавиты и какъ тѣ и другіе составлены, какъ размѣщены документы (по годамъ, вѣдомствамъ, фамиліямъ и лицамъ, на полкахъ, въ шкафахъ, связками или въ книгахъ)? Занимается ли кто-либо въ наст. время разборкою дѣлъ и не занимались ли ею раньше?

[2]) Въ перечнѣ каждаго документа пріятно было бы видѣть указаніе лица или учрежденія, отъ котораго выдана грамота, или лица, которымъ написана рукопись, письмо и пр., кому написана грамота или письмо, гдѣ и когда, краткое содержаніе документа. Въ старинныхъ сборникахъ важно отмѣчать заглавіе отдѣльныхъ статей, всѣ приписки, показывающія, кому и когда сборникъ принадлежалъ.

[3]) Обратную пересылку рукописей Общество принимаетъ на свой счетъ, а по соглашенію, и доставку ихъ.

Въ случаѣ невозможности сообщить обстоятельныя данныя о документахъ, были бы полезны по крайней мѣрѣ указанія на то, гдѣ какой существуетъ архивъ или собраніе дѣлъ, и къ кому слѣдуетъ обратиться за болѣе подробными справками.

5) Всѣ доставляемыя въ Общество описанія архивовъ, копіи съ документовъ, а также отчеты о присланныхъ ему для просмотра рукописяхъ, будутъ помѣщаемы цѣликомъ или въ сокращеніи—смотря по научному значенію полученныхъ свѣдѣній—въ Трудахъ Археографической Коммиссіи.

6) Обращаясь съ просьбою о доставленіи свѣдѣній ко всѣмъ сочувствующимъ дѣлу лицамъ, Императорское Московское Археологическое Общество не даетъ въ настоящее время подробной программы для описанія рукописей, предлагая каждому сдѣлать, что можно. Но всѣхъ, кому понадобятся болѣе точныя свѣдѣнія или указанія, оно проситъ обращаться непосредственно въ Общество или въ его Археографическую Коммиссію.

Предсѣдатель Общества *Графиня Уварова*. Предсѣдатель Археографической Коммиссіи профессоръ *А. Кирпичниковъ*. Секретарь Коммиссіи *М. Довнаръ-Запольскій*.

Адресъ Общества: Москва, Берсеневка, свой домъ.

Письмо въ редакцію. Милостивый Государь! Прошу Васъ дать мѣсто этому моему письму въ Вашемъ историческомъ журналѣ. Просматривая вышедшія въ этомъ году книжки «Кіевской Старины», я прочелъ въ апрѣльской книжкѣ, на 7—9 страницахъ отдѣла «Документы, извѣстія и замѣтки», замѣтку г. д-ра Г.— «Поминки по Шевченку въ Петербургѣ», въ которой г. Г., описывая вечеръ въ память Шевченка 11 марта этого года въ залѣ Павловой, въ Петербургѣ, говоритъ въ концѣ замѣтки: «за ужиномъ, заказывавшимся каждымъ въ отдѣльности по желанію, говорились рѣчи, и между прочими С. Н. Кулябка развивалъ ту мысль, что малороссы, при всемъ столь великомъ прошломъ своей интеллигенціи, не вселяютъ своимъ дѣтямъ любви къ родному языку, въ противоположность тому, что замѣчается у всѣхъ народовъ, а особенно у южныхъ славянъ».

Считаю себя обязаннымъ по этому поводу заявить, что я три раза говорилъ за ужиномъ на вечерѣ въ память Шевченка—и ни разу, ни словомъ не упомянулъ ни «о великомъ прошломъ малорусской интеллигенціи», ни о «невселеніи малороссами дѣтямъ любви къ родному языку», ни о «противоположномъ отношеніи къ этому дѣлу, замѣчаемомъ у всѣхъ народовъ, а особенно у южныхъ славянъ»,—т. е. не говорилъ ни объ одномъ изъ предметовъ, изъ которыхъ г. Г. угодно было составить содержаніе моихъ обращеній къ сотрапезникамъ.

Пріймите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи **С. Кулябка.**
5 іюня 1898 г. Петербургъ.

Я. И. Щоголевъ. *(Некрологъ).* Въ ночь съ 26 на 27 мая скончался извѣстный украинскій поэтъ Яковъ Ивановичъ Щоголевъ. Щ—въ родился въ 1824 г., въ г. Ахтыркѣ, Харьковской губ., гдѣ и получилъ первоначальное образованіе; затѣмъ покойный учился въ первой Харьковской гимназіи, и окончилъ Харьковскій университетъ, въ 1877 году, по филологическому факультету. По окончаніи университета, Я. И. Щ—въ служилъ въ разныхъ вѣдомствахъ до 1871 года, когда вышелъ въ отставку. Стихи Я. И. Щоголева печатались въ разныхъ изданіяхъ, начиная съ сороковыхъ годовъ; сборникъ ихъ подъ заглавіемъ «Ворскло» былъ напечатанъ въ 1883 году.

Общество имени Т. Г. Шевченка. Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ утвержденъ уставъ новаго благотворительнаго общества имени Т. Г. Шевченка, имѣющаго цѣлію помогать нуждающимся южанамъ, учащимся въ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга.

БИБЛІОГРАФІЯ.

В. А. Верещагинъ. Русскія иллюстрированныя изданія XVIII и XIX столѣтій *(1720—1870). Библіографическій опытъ. Спб. Типографія Киршбаума. 1898. 8⁰, XXXVIII и 309 стран.*

Въ виду отсутствія въ русской библіографической литературѣ трудовъ, которые исключительно и болѣе или менѣе подробно описывали бы произведенія русской книжной иллюстраціи, что естественно значительно усложняетъ задачу всякаго собирателя, г. Верещагинъ, какъ объясняетъ онъ въ своемъ предисловіи, составилъ названную выше книгу. Цѣль его—предоставить въ распоряженіе любителя, въ особенности начинающаго, возможно точныя и подробныя свѣдѣнія о громадномъ большинствѣ произведеній русской книжной иллюстраціи, а также, подѣлившись съ нимъ опытомъ, пріобрѣтаемымъ только временемъ, послѣ ряда неизбѣжныхъ ошибокъ, дать то руководство, безъ котораго такъ затруднительно составленіе какой бы то ни было коллекціи.

Составленная съ этою цѣлью книга Верещагина представляетъ собою расположенный въ алфавитномъ порядкѣ списокъ иллюстрированныхъ изданій съ краткими указаніями на помѣщенныя въ нихъ иллюстраціи.

Въ количественномъ отношеніи выраженіе «иллюстрированныя изданія» г. Верещагинъ употребляетъ въ самомъ обширномъ смыслѣ: какъ бы мало ни было число помѣщенныхъ въ нихъ рисунковъ, т. е. достаточно одного рисунка (таковы изданія, указанныя подъ №№ 10, 15, 19, 51, 55 и многими другими), или портрета (изданія подъ но-

мерами 54, 166, 256, 374, 375 и др.) и даже только фронтисписа (изданія подъ №№ 21, 122, 137, 148, 237 и др.), или виньетки (изданія подъ №№ 14, 23, 66, 83—86 и др.) и притомъ такого незначительнаго содержанія, какъ напримѣръ изображеніе лиры,—изданія подъ №№ 3 и 154), чтобъ изданіе, заключающее въ себѣ единственное украшеніе такого рода, считалось въ силу этого иллюстрированнымъ.

Но по содержанію рисунковъ и украшенныхъ ими изданій не всѣ иллюстрированныя изданія находятъ себѣ мѣсто въ указателѣ Верещагина. Какъ объясняетъ онъ самъ въ своемъ предисловіи, указатель его касается только трехъ отраслей отечественной литературы: изящной словесности, мистики и исторіи; всѣ-же остальныя иллюстрированныя произведенія печатнаго слова, какъ, напримѣръ, книги по разнымъ другимъ отраслямъ знанія, книги духовныя, путешествія и другія, преслѣдующія въ своихъ иллюстраціяхъ скорѣе практическія, чѣмъ художественныя цѣли, не вошли въ указатель, или вошли въ качествѣ рѣдкихъ исключеній, объясняемыхъ отчасти особыми качествами помѣщенныхъ въ нихъ рисунковъ, отчасти выдающимися именами художниковъ или граверовъ, принимавшихъ участіе въ исполненіи рисунковъ. Такъ говоритъ Верещагинъ въ своемъ предисловіи, но въ дѣйствительности это не проведено строго въ указателѣ. Такъ, исключивъ изъ него книги духовныя и путешествія, какъ преслѣдующія въ своихъ иллюстраціяхъ не художественныя, а практическія цѣли (стоитъ вспомнить изданія библіи съ рисунками Густава Доре и многія изданныя въ послѣднее время путешествія съ художественными иллюстраціями, или только принять во вниманіе, что весьма часто путешествія совершаются именно съ художественными цѣлями,—чтобы увидѣть, на сколько это положеніе неправильно),—авторъ въ то-же время включаетъ въ свой указатель такія имѣющія исключительно практическій характеръ иллюстраціи, какъ помѣщенныя въ книгахъ, написанныхъ для наставленія юношества, изображенія животныхъ, растеній, цвѣтовъ, плодовъ, минераловъ (т. е. рисунки по зоологіи, ботаникѣ, минералогіи) и т. п. (изданія, указанныя подъ №№ 233, 234, 285), или модныя картинки (изданія подъ №№ 445 и 461), при чемъ представляется неизвѣстнымъ, къ какой именно изъ трехъ вышеуказанныхъ отраслей отечественной литературы, т. е. къ изящной словесности, или къ исторіи, или къ мистикѣ, авторъ относитъ эти изданія.

Что касается способовъ воспроизведенія рисунковъ, то только четыре изъ нихъ, именно: гравюру на мѣди, деревѣ, стали и литографіи, имѣлъ въ виду Верещагинъ при составленіи своего указателя; прочіе способы воспроизведенія рисунковъ исключены.

Наконецъ, по времени появленія изданій, указатель Верещагина обнимаетъ иллюстрированныя изданія, начиная съ 1720 года и оканчивая шестидесятыми годами. Объясняя въ предисловіи своемъ, что указатель начинается съ 1720 года, авторъ прибавляетъ: «т. е. почти съ самаго начала появленія въ русской книгѣ гравюры свѣтскаго содержанія». Слово «почти» дѣлаетъ мысль автора неопредѣленной. Если онъ хотѣлъ сказать этимъ, что гравюры свѣтскаго содержанія начали появляться въ русскихъ книгахъ около 1720 года, то такое положеніе будетъ невѣрно. За цѣлое столѣтіе передъ тѣмъ, именно въ 1622 году, въ Кіевѣ была издана отпечатанная въ типографіи Печерской Лавры книга подъ заглавіемъ: «Вѣршѣ на жалосный погребъ Зацнаго Рыцера Петра Конашевича Сагайдачного, Гетмана Войска Его Кр. Млсти Запорозкого, Зложоныи презъ инока Касіана Саковича Ректора Школъ Кіевскихъ». Книга эта была однимъ изъ самыхъ старинныхъ въ Россіи иллюстрированныхъ изданій не духовнаго содержанія, такъ какъ въ ней было помѣщено три гравированныхъ рисунка, изображавшихъ гетмана Сагайдачнаго, сидящимъ на конѣ, взятіе Кафы Сагайдачнымъ и гербъ Войска Запорожскаго. Нѣсколько позже, въ 1632 году, тамъ-же была издана книга: «Евхаристиріонъ албо Вдячность» (собраніе стихотвореній, поднесенныхъ Петру Могилѣ отъ учениковъ учрежденнаго имъ Лаврскаго училища), которую, по терминологіи Верещагина, также надо признать изданіемъ иллюстрированнымъ, такъ какъ въ ней были помѣщены портретъ Петра Могилы и изображеніе герба его. Ограничиваемся этими указаніями, чтобъ показать, что появленіе въ Россіи иллюстрацій въ книгахъ не духовнаго содержанія надо отодвинуть гораздо раньше 1720 года. Мы знаемъ, что составить указатель изданій, вышедшихъ въ XVII вѣкѣ, было бы очень трудно, такъ какъ эти изданія въ настоящее время составляютъ чрезвычайныя библіографическія рѣдкости, отысканіе которыхъ сопряжено съ большими затрудненіями; но, если это обстоятельство послужило причиной, по которой г. Верещагинъ началъ свой указатель съ 1720 года, то было болѣе согласно съ истиной именно этимъ и объяснить такое начало,

чѣмъ относить первое появленіе иллюстрацій въ русскихъ книгахъ свѣтскаго содержанія къ 1720 году.

Оканчивая указатель 60-ми годами, авторъ въ объясненіе этого говоритъ, что съ этого времени новѣйшіе способы воспроизведенія рисунка путемъ фотографіи начали мало-по-малу замѣнять гравюру. Такая причина отсутствія указаній на иллюстрированныя изданія, вышедшія послѣ 60-хъ годовъ, представляется намъ не совсѣмъ понятною: хотя во многихъ случаяхъ способы, основанные на фотографіи, стали замѣнять прежніе способы воспроизведенія рисунковъ, но не совершенно ихъ вытѣснили, и примѣненіе новыхъ способовъ нисколько не препятствовало указать тѣ подходящія подъ программу автора изданія, которыя были выпущены въ 70-хъ, 80-хъ и 90-хъ годахъ, а ихъ было не мало. Повидимому, авторъ поставилъ себѣ задачею указать въ своей книгѣ ровно тысячу названій, не меньше и не больше, чего и достигъ. Такому стремленію къ округленію цифръ въ ущербъ полнотѣ указаній мы не можемъ сочувствовать.

Указывая названія иллюстрированныхъ изданій, г. Верещагинъ даетъ и нѣкоторыя свѣдѣнія о содержаніи помѣщенныхъ въ нихъ рисунковъ. Но при этомъ замѣчается такая странность. Во многихъ случаяхъ, въ которыхъ названіе каждаго изъ помѣщенныхъ въ книгахъ рисунковъ не можетъ дать опредѣленнаго представленія объ его содержаніи, почему перечисленіе этихъ названій представляется безцѣльнымъ, Верещагинъ приводитъ такія названія; а въ другихъ случаяхъ, въ которыхъ читателю было бы интересно и нужно имѣть свѣдѣнія о содержаніи рисунковъ, Верещагинъ не даетъ таковыхъ. Чтобъ замѣчаніе наше было понятнѣе, приведемъ нѣкоторые примѣры. Подъ № 31 мы находимъ такое обозначеніе содержанія шести рисунковъ, помѣщенныхъ въ альбомѣ «Балаганъ»: 1) «Вотъ такъ и видно,—2) Эхъ ты, родимая,—3) О немъ Лизочка,—4) Глупенькій ужъ я,—5) Папа, папа,—6) Помилуйте, Александра Павловна». Вотъ обозначеніе содержанія другихъ шести рисунковъ, помѣщенныхъ въ книгѣ, указанной подъ № 712: „Вскую мя оставилъ,—Славны бубны,—Живою статуею,—Сапоги ваши,—Я не потерялъ,—О вей міръ». Подробныя же свѣдѣнія о содержаніи рисунковъ находятся подъ №№ 404, 433, 435, 436, 437 и другими. Напротивъ того, читатель не можетъ найти никакихъ свѣдѣній о содержаніи рисунковъ въ такихъ изданіяхъ, какъ слѣдующія: «Произведенія воспитанниковъ Императорской Академіи Художествъ, удостоенныя наградъ», — «Очерки

съ лучшихъ произведеній живописи, гравированія, ваянія и зодчества», изд. К. Троманинымъ, — «Художественный автографъ Имп. Акад. Художествъ», изданіе Спб. Артели Художниковъ, — «Картины Россіи» П. Свиньина, — «Жизнь князя А. М. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни», изданіе Кіевской коммиссіи для разбора древнихъ актовъ и т. п. Мѣстами же авторъ, хотя и даетъ указанія на содержаніе рисунковъ, но слишкомъ краткія и неопредѣленныя. Напримѣръ, онъ такимъ образомъ приводитъ содержаніе рисунковъ, помѣщенныхъ въ «Сѣверномъ Сіяніи» Генкеля: «Парубки, Полтава Пушкина, Богданъ Хмельницкій» и т. д. Какіе это „парубки", какія сцены изъ «Полтавы» Пушкина и изъ жизни Хмельницкаго изображены, чьи это произведенія — онъ не считаетъ нужнымъ объяснить. Въ предисловіи своемъ г. Верещагинъ не объясняетъ, посвященъ-ли его трудъ только отдѣльнымъ изданіямъ, или обнимаетъ періодическую печать. А въ текстѣ указателя изъ періодическихъ изданій указаны только слѣдующіе журналы, какъ иллюстрированные: «Журналъ изящныхъ искусствъ», изд. В. Григоровичемъ въ 1823—25 годахъ, — «Ореады» В. Дмитріева (1809 г.), — „Журналъ для дѣтей" 1815 г., — «Листокъ для свѣтскихъ людей» (1843—1844 г.), — «Магазинъ аглинскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ модъ» (1791 г.), — «Московскій Телеграфъ» Н. Полеваго (1825—1833 г.), — «Репертуаръ Русскаго Театра» И. Песоцкаго (1839—1841 г.), — «Отечественныя Записки» П. Свиньина (1818—1832 г.), — «Сѣверное Сіяніе» В. Генкеля (1862—1865 г.) и «Русскій Художественный Листокъ» В. Тимма (1851—1862 г.). — Почему именно авторъ счелъ нужнымъ указать въ числѣ иллюстрированныхъ изданій эти журналы, не упомянувъ о всѣхъ другихъ иллюстрированныхъ журналахъ, находитъ ли онъ эти журналы выдающимися въ какихъ-нибудь отношеніяхъ, а другіе — незаслуживающими вниманія, или это произошло по какимъ-либо инымъ причинамъ — предоставляется догадываться читателю.

Кстати о періодическихъ изданіяхъ. Разсуждая въ своемъ предисловіи о присущей русской литературѣ бѣдности въ библіографическихъ журналахъ и работахъ, г. Верещагинъ болѣе серьезными изъ русскихъ библіографическихъ журналовъ называетъ «Россійскій Библіографъ» Гартье и «Библіографъ» Шибанова. И, однако, въ дѣйствительности такихъ журналовъ вовсе не было, а были «Россійская Библіографія» Э. К. Гартье, «Библіографъ» А. Н. Струговщикова (въ 1869 г.), «Библіографъ» Н. М. Лисовскаго (съ 1884 г.) и „Би-

бліографическія Записки" П. П. Шибанова. Такимъ образомъ, смѣшавъ названія журналовъ и фамиліи издателей, авторъ изъ четырехъ библіографическихъ журналовъ сдѣлалъ два, что даетъ поводъ думать, что, рекомендуя читателямъ лучшіе библіографическіе журналы, самъ авторъ не достаточно ознакомился съ ними, при чемъ эта догадка можетъ быть подтверждена и тѣмъ, что онъ не упоминаетъ о другихъ серьезныхъ библіографическихъ журналахъ, каковыми были: «Russiche Bibliothek» Бакмейстера (1772—1787 г.), «С.-Петербургскія Ученыя Вѣдомости» Н. И. Новикова (1777 г.), «Московскія Ученыя Вѣдомости» Буле (1805—1807 г.), «Библіографическіе Листы» П. Кеппена (1825—1826 г.), «Библіографическія Записки» Н. М. Щепкина и А. Н. Афанасьева (1858—1861 г.) и «Критическое Обозрѣніе» Вс. Миллера и М. Ковалевскаго (1879—1880 г.).

Что касается отдѣльныхъ изданій, въ указателѣ г. Верещагина можно найти не мало пропусковъ. Но дать подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія о всѣхъ пропущенныхъ Верещагинымъ изданіяхъ—это значило бы составить новый дополнительный указатель, для чего нужна бы была масса справокъ съ изданіями, изъ которыхъ многія сдѣлались рѣдкими, и большая затрата времени и труда. Поэтому, не касаясь такихъ изданій, въ которыхъ рисунки, въ большемъ или меньшемъ количествѣ, были прилагаемы къ тексту, упомянемъ лишь о тѣхъ пропущенныхъ Верещагинымъ изданіяхъ, которыя представляютъ отдѣльныя собранія (коллекціи или альбомы) рисунковъ и которыя мы можемъ вспомнить и указать, не прибѣгая къ требующимъ много времени справкамъ въ разныхъ книгохранилищахъ. Въ числѣ такихъ изданій, вышедшихъ въ томъ періодѣ времени, который обнимаетъ указатель Верещагина, и имѣющихъ отношеніе къ южно-русскому краю, Верещагинымъ не упомянуты: 1) Живописная Украйна Т. Г. Шевченко, 1844 г. [1]), описанная въ статьѣ В. П.

---

[1]) Независимо отъ пропуска такого крупнаго и замѣчательнаго для своего времени изданія, какимъ была упоминаемая „Живописная Украйна", Т. Г. Шевченку вообще не посчастливилось въ указателѣ Верещагина. Хотя, какъ было объяснено выше, изданія, выходившія съ приложеніемъ одного портрета, считаются у Верещагина иллюстрированными, но изъ изданій „Кобзаря" имъ указано только одно изданіе 1840 г. (№ 952), а всѣ прочія изданія, выпущенныя съ приложеніемъ портретовъ Т. Г. Шевченка, не упомянуты. При указаніи (№ 713) на сборникъ біографій Н. Полеваго „Русскіе полководцы" (изданіе Шерпакова, 1845 г.) также не упомянуто о томъ, что приложенные къ этому изданію портреты рисованы Т. Г. Шевченкомъ. Объ участіи Т. Г. Шевченка въ другихъ изданіяхъ (№№ 570, 710 и 822) упомянуто, но не объяснено, что именно принадлежитъ Т. Г. Шевченку въ этихъ изданіяхъ.

Горленка «Шевченко—живописецъ и граверъ» («южно-русскіе очерки и портреты»),—2) Коллекція видовъ Малороссіи, рисованныхъ съ натуры А. Кунавинымъ и гравированныхъ Стадлеромъ (рѣдкое изданіе, единственный экземпляръ котораго, заключавшій въ себѣ 7 полтавскихъ видовъ, in folio, мы видѣли въ Диканькѣ), — 3) Альбомъ рисунковъ, изданный въ видѣ приложенія къ «Запискамъ о Полтавской губерніи» Николая Арандаренка 1852 г., мы видѣли у вдовы автора В. И. Арандаренко),—4) Альбомъ живописныхъ видовъ Россіи академика Г. Ф. Ваничека (въ 1-й тетради, вышедшей въ Москвѣ въ 1859 г., помѣщено 22 вида Кіевской губерніи),—5) Альбомы видовъ, изданные въ Кіевѣ Фонъ-Юнкомъ,—6) Коллекція рисунковъ малороссійскихъ костюмовъ, изданная Даціаро въ 70-хъ годахъ (нашъ экземпляръ заключаетъ въ себѣ 12 рисунковъ, изъ которыхъ десять рисованы Бѣлоусовымъ и два — Пржецлавскимъ, при чемъ мы не увѣрены въ полнотѣ этого экземпляра) и 7) Портреты украинскихъ писателей, изданные Д. Каменецкимъ (два выпуска 1861 и 1862 годовъ: въ 1-мъ выпускѣ, in folio, помѣщены портреты Н. И. Костомарова, П. А. Кулиша и Т. Г. Шевченка, отпечатанные въ Парижѣ у Лемерсье; во 2-мъ выпускѣ, in 4°, портреты Е. П. Гребенки, Г. Ѳ. Квитки и И. П. Котляревскаго, отпечатанные въ Петербургѣ, въ литографіи Червякова).—Изданій, въ которыхъ рисунки изъ малорусской жизни и природы помѣщены среди другихъ рисунковъ, не имѣющихъ отношенія къ южно-русскому краю, мы не указываемъ, такъ какъ это потребовало бы слишкомъ много времени и мѣста.

Не смотря на неполноту и ошибки, какъ упомянутыя выше, такъ и другія, которыя мы не перечисляемъ, чтобы не вдаваться въ слишкомъ большія мелочи, книга Верещагина представляется полезнымъ для справокъ указателемъ. Издана она съ ненужною для подобныхъ изданій роскошью: заключая въ себѣ 300 съ небольшимъ страницъ, она, будучи издана на обыкновенной бумагѣ, должна бы была стоить не свыше двухъ рублей, а отпечатанная на веленевой бумагѣ, она стоитъ 5 рублей; и хотя каждый экземпляръ ея, какъ было возвѣщено въ объявленіяхъ, занумерованъ, но для покупателей это составляетъ плохое утѣшеніе въ излишней тратѣ денегъ.

Н. Ш.

Die Kosaken von Kobeljaki.—*Ein Volks—Wirtschaftlicher Reisebericht. Von prof. dr. Gerhart v. Schulze-Gaevernitz (Freiburg i. B) (помѣщено въ 164 и 165 №№ вѣнскаго журнала «Die Zeit» 20—27 ноября 1897 года).*

Въ сжатомъ очеркѣ фрейбургскій профессоръ Шульце-Геверницъ рисуетъ картину особенностей экономическаго и общественнаго быта козаковъ Кобеляцкаго уѣзда. По словамъ его, уѣздъ этотъ является какъ-бы «сердцемъ Старой Украины» (dieser Bezirk kann recht eigentlich, als Herz der alten Ukraine bezeichnet werden), вѣроятно—потому, что преобладающее значеніе принадлежитъ тамъ козакамъ— «потомкамъ тѣхъ свободныхъ воиновъ, за которыми литовскій статутъ обезпечивалъ право собственности и наслѣдства на землю въ такой-же степени, какъ и за шляхтой». Названный очеркъ, составленный частью на основаніи личныхъ наблюденій автора, частью—по трудамъ гг. Карышева (о крестьянской арендѣ) и Ермолова (о неурожаѣ 1891—92 г.) и по даннымъ земской статистики, сообщеннымъ автору В. И. Василенкомъ, раздѣляется на два отдѣла: въ первомъ дается общая характеристика условій быта кобеляцкихъ козаковъ, во второмъ—авторъ знакомитъ читателя съ особенностями ихъ земледѣльческой культуры. Общій интересъ представляетъ лишь первый отдѣлъ, и потому мы вкратцѣ передадимъ его содержаніе.

Въ Кобеляцкомъ уѣздѣ Ш.-Г. различаетъ три сословныя группы,—крестьянскую, козацкую и дворянскую,—юридически отличающіяся между собой, но въ дѣйствительности близко стоящія другъ къ другу вслѣдствіе общности экономическихъ условій жизни. Козаки раздѣляются на мало обезпеченныхъ землею и на тѣхъ, которые владѣютъ ею въ размѣрѣ болѣе 10 десятинъ. Первые составляютъ переходъ къ малоземельному и безземельному крестьянству, занимающемуся наемными работами, вторые—къ мелкопомѣстному дворянству, т. наз. полупанкамъ, владѣнія которыхъ не превышаютъ 50 десятинъ каждое. Распространенность мелкопомѣстнаго дворянства и наличность значительнаго класса зажиточныхъ хозяевъ среди козаковъ составляютъ характерную особенность Кобеляцкаго уѣзда, въ отличіе, напр., отъ Константиноградскаго, гдѣ господствуетъ крупная дворянская собственность. Въ 1883 году въ Кобеляцкомъ уѣздѣ изъ 1469 общаго числа всѣхъ дворянскихъ помѣстій (Privatbesitz) насчитывалось 1163 имѣнія, размѣры которыхъ не превышали 50 десятинъ каждое.

Увеличеніе площади козацкаго землевладѣнія совершается посредствомъ купчей и, особенно, арендъ. О степени распространенности арендпаго землевладѣнія въ этомъ уѣздѣ можно судить на основаніи того, что $^2/_3$ всей поземельной собственности, принадлежащей, главнымъ образомъ, среднему и высшему дворянству, отдаются въ аренду; любопытно при этомъ то, что арендаторами являются не бѣдняки, а зажиточные хозяева, которые въ состояніи ввести въ своемъ хозяйствѣ употребленіе земледѣльческихъ машинъ. Хозяйственная крѣпость кобеляцкихъ козаковъ доказывается также и тѣмъ, что они предпочитаютъ снимать землю у помѣщиковъ за деньги, а не за выполненіе извѣстныхъ хозяйственныхъ работъ, и тѣмъ, что рядомъ съ однолѣтней арендой существуетъ и многолѣтняя, охватывающая теперь $^2/_5$ всѣхъ арендныхъ земель.

Такимъ образомъ изъ безразличной массы землевладѣльческаго населенія данной мѣстности выдѣляется довольно многочисленный классъ зажиточныхъ хозяевъ, которые, за удовлетвореніемъ своихъ потребностей, имѣютъ еще извѣстный излишекъ земледѣльческихъ продуктовъ для сбыта. Этотъ фактъ, свидѣтельствующій о переходѣ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, служитъ, по мнѣнію Ш.-Г., несомнѣннымъ доказательствомъ прогресса въ русскихъ экономическихъ и соціальныхъ отношеніяхъ. Если при этомъ, замѣчаетъ онъ, увеличивается различіе между бѣдными и богатыми [1]), на что жалуются лучшіе представители русской аграрной литературы, или, какъ говорятъ они, возникаетъ пролетаріатъ, то существованіе желательной группы зажиточныхъ крестьянъ (слово это употреблено здѣсь не въ правовомъ, а хозяйственномъ значеніи) во всякомъ случаѣ предпочтительнѣе поголовной и безразличной бѣдности. Впрочемъ, продолжаетъ онъ, разрѣшеніе вопроса о томъ, нужно-ли поддерживать общій низкій уровень народнаго благосостоянія, или способствовать выдѣленію изъ него зажиточныхъ группъ, будетъ зависѣть не отъ литературныхъ мнѣній, а отъ интересовъ фиска, которые заключаются въ томъ, чтобы число сильныхъ плательщиковъ налоговъ увеличивалось, и для которыхъ не можетъ быть случайнымъ и безразличнымъ тотъ фактъ, что въ юго-западныхъ губер-

[1]) Въ Кобеляцкомъ уѣздѣ 40 проц. всего козацкаго и крестьянскаго населенія не имѣетъ скота и вслѣдствіе этого вынуждено заниматься наемными работами и разными промыслами.

ніяхъ, гдѣ экономическая рознь въ населеніи возросла, количество недоимокъ—незначительно, и, наоборотъ, восточныя губерніи, гдѣ еще и теперь не замѣчается большихъ колебаній въ общемъ низкомъ уровнѣ народнаго благосостоянія, занимаютъ первое мѣсто по числу недоимокъ.

Причины хозяйственнаго превосходства козаковъ надъ крестьянами, Ш.-Г. выводитъ изъ того основного факта, что козаки всегда были свободны, между тѣмъ какъ крестьяне сравнительно недавно вышли изъ крѣпостного состоянія; первые, ставя цѣлью труда свое личное благосостояніе, находится въ болѣе выгодныхъ условіяхъ труда, чѣмъ послѣдніе, обязанные отдавать помѣщику излишекъ своихъ произведеній; слѣды подобнаго различія въ положеніи козаковъ и крестьянъ и теперь еще не исчезли вполнѣ, такъ какъ послѣдніе, кромѣ казенныхъ, земскихъ и сословныхъ налоговъ, которые несутъ наравнѣ съ козаками, обязаны платить и по выкупнымъ обязательствамъ. Сознаніе личнаго интереса настолько развито у козака, что онъ, по выраженію Ш.-Г., въ сравненіи съ сосѣдними крестьянами, является современнымъ, западно-европейскимъ человѣкомъ. (Der Kosak ist im vergleich zum benachbarten Bauern ein moderner, westeuropäischer Mensch).

Присутствіе сильно развитаго духа самонадѣянности и индивидуализма отличаетъ козака отъ русскаго крестьянина; для подтвержденія этого положенія напрасно Ш.-Г. прибѣгаетъ къ такимъ аргументамъ, какъ народныя поговорки, ошибочно приписываемы имъ малорусскимъ козакамъ (напр.: «на Бога надѣйся, а самъ не плошай», а въ передачѣ Ш.-Г.: Hilf dir selbst, so hilft dir Gott»). Болѣе основательное подтвержденіе индивидуальныхъ особенностей характера козаковъ заключается въ ихъ склонности къ торговой дѣятельности: до проведенія желѣзныхъ дорогъ козаки вывозили изъ Крыма и береговъ Дона соль и рыбу въ обмѣнъ на привозимые ими продукты земледѣлія; позже, когда промыселъ этотъ палъ, козаки обратили свои капиталы на покупку земли и разведеніе пшеницы, находившей выгодный сбытъ; а теперь козаки предпочтительно воздѣлываютъ пшеницу и ячмень, тогда какъ крестьяне производятъ только рожь для собственнаго прокормленія, а если сбываютъ ее на сторону, то только для того, чтобы было чѣмъ уплатить подати. Козацкій индивидуализмъ проявляется и въ томъ, что козаки предпочитаютъ, въ противоположность великорусскимъ крестьянамъ, част-

ную земельную собственность общинному землевладѣнію, которое, подъ ихъ вліяніемъ, падаетъ и у сосѣднихъ бывшихъ помѣщичьихъ и государственныхъ крестьянъ. Наконецъ выраженіе той-же черты характера козаковъ Ш.-Г. видитъ и въ томъ, что крупные родственные союзы (Hauscommunion), господствующіе среди великорусскихъ крестьянъ, распадаются у козаковъ на небольшія самостоятельныя семьи, являющіяся здѣсь, какъ и въ З. Европѣ и въ высшихъ слояхъ русскаго общества, скорѣе физіологическими и этическими цѣлыми, чѣмъ экономическими. (Опять поговорка въ подтвержденіе: «ein Band des Brutes, nicht der Arbeit»). Выдѣленіе небольшихъ семей изъ родственныхъ союзовъ объясняется эмансипаціонными наклонностями малорусской женщины, которая не желаетъ играть служебной роли въ домѣ свекра и стремится сдѣлаться госпожей собственнаго хозяйства. Положеніе малорусской женщины Ш.-Г. считаетъ болѣе высокимъ, достойнымъ и самостоятельнымъ, чѣмъ положеніе женщины у великороссовъ, у которыхъ сложились на этотъ счетъ весьма характерныя поговорки: «люби жену, какъ душу, тряси, какъ грушу» (Ш.-Г. переводитъ ее ошибочно такъ: «Liebe deine Frau wie deine Seele und klopfe sie wie deinen Pelz.»), «волосъ длиненъ, да умъ коротокъ». Вообще жизнь въ Малороссіи нѣмецкому наблюдателю представляется въ очень свѣтлыхъ и живописныхъ краскахъ.

В. П.

Матеріалы по археологіи Кіева. *Древнія гирьки, найденныя въ Кіевѣ, и отношеніе ихъ къ различнымъ вѣсовымъ системамъ* (съ 2-мя *таблицами рисунковъ*). Кіевъ, 1898, 8°, 27.

Небольшая, но весьма интересная брошюра г. К. Болсуновскаго относится къ отдѣлу археологіи, сравнительно мало представленному вещественными памятниками и мало разработанному; это—археологическая метрологія нашего Юга, именно денежная и вѣсовыя системы, употребительныя въ Кіевскомъ княжествѣ, примѣрно между VIII и XVI вѣками. Общую, руководящую часть изслѣдованія составляють страницы 13—22, на которыхъ читатель находитъ краткія свѣдѣнія по вопросамъ о древнѣйшихъ вѣсовыхъ системахъ вообще, о возникновеніи вѣсовъ, о зависимости монетныхъ системъ отъ вѣсо-

выхъ у различныхъ народовъ, о древнѣйшихъ единицахъ цѣнности и т. п. Эти общія свѣдѣнія авторъ черпаетъ изъ сочиненій Черепнина, Мрочекъ-Дроздовскаго, Зака, Прозоровскаго и др. Такъ какъ сношенія русскихъ съ обѣими римскими имперіями, восточной и западной, навѣрное не оставались безъ вліянія на обращавшіяся въ Кіевскомъ княжествѣ системы вѣсовую и, вѣроятно, монетную, то авторъ находитъ нужнымъ познакомить читателя и съ вѣсовыми системами этихъ странъ, хотя на самомъ дѣлѣ гораздо больше останавливается на вѣсовой системѣ арабовъ, монеты которыхъ (диргемы) были, по всей вѣроятности, для народовъ Россіи древнѣйшими металлическими монетами. Во всякомъ случаѣ есть большое основаніе предполагать, что русскія гривны, ногаты, куны соразмѣрялись съ арабскими диргемами, и сіи послѣднія принимались русскими какъ своя ходячая монета, при чемъ къ монетамъ арабскимъ примѣнялись русскія названія кунъ, рѣзанъ и т. п. Усвоенію арабской монеты кіевлянами для торговыхъ оборотовъ много помогало и то, что по вѣсу арабскія диргемы, кажется, точно соотвѣтствовали кіевскимъ кунамъ: принимая за нормальный вѣсъ кіевской куны 51,6 грана и зная, что древнѣйшія диргемы вѣсятъ 50—52 грана, естественно допустить, что диргемы обращались въ Кіевской землѣ, какъ мѣстная монета подъ именемъ той-же куны. Что касается нашей гривны, то значеніе денегъ она получила первоначально въ видѣ вѣсовой единицы, какъ слитокъ опредѣленнаго вѣса; значеніе гривны, какъ счетной, монетной единицы, явленіе болѣе позднее. Гривна, какъ единица вѣса, это 1 фунтъ въ 72 золотника, или вытѣснившій ее большой новгородскій, нынѣшній фунтъ въ 96 зол. Однако съ обращеніемъ изъ вѣсовой единицы въ счетную гривна въ благородныхъ металлахъ уменьшилась наполовину, что произошло и съ греческой литрой Первоначально единица вѣсовая и счетная носила одно и то же имя гривенъ; дальнѣйшая практика привела къ различенію счетной и вѣсовой единицъ, различныхъ по вѣсу, также и въ наименованіи: „гривна“ и „полугривна“ перешли на счетную единицу, а для единицы вѣсовой усвоены названія: гривенка или малая гривенка ($^1/_2$ ф.), большая гривенка, фунтъ (1 ф.). Такъ какъ гривна дѣлилась на куны (1 гривна=59 кунамъ), то первое изъ этихъ именъ въ соединеніи съ вторымъ стало обозначать только полное содержаніе меньшихъ единицъ въ большей, и выраженіе «Русской Правды» *гривна кунъ* означаетъ не что другое, какъ полную гривну, 50 кунъ или 20 ногатъ, т. е. слитокъ серебра въ

$^1/_2$ ф. вѣсомъ или—для кіевской гривны—въ $^1/_3$ фунта. Наиболѣе мелкимъ дѣленіемъ гривны была векошь, равная, кажется, византійской нуміи, фоллису: въ гривнѣ содержалось 600 векошей, въ кунѣ 72, въ ногатѣ 30.

Словомъ, древнѣйшая исторія монетной системы на Руси въ главныхъ своихъ чертахъ повторяетъ соотвѣтствующія явленія въ другихъ странахъ: и здѣсь тоже генетическая связь монетной системы съ болѣе древней вѣсовой, и здѣсь тоже перенесеніе названій изъ одной системы въ другую и, наконецъ, такіе же слѣды примитивнаго мѣноваго торга и примитивныхъ мѣновыхъ знаковъ въ позднѣйшихъ денежныхъ терминахъ. Въ изложеніи нашего автора, вообще ясномъ и удовлетворительномъ, есть однако нѣкоторая невыдержанность. Что многія денежныя системы слагались на основаніи вѣсовыхъ, это вѣрно; достаточно вспомнить, что греческія денежныя единицы: талантъ, мина, драхма, не что иное, какъ названія единицъ вѣса; съ единицъ вѣса названія перешли на единицы денежныя. Но авторъ не точенъ, когда выражается, что аналогичное явленіе имѣло мѣсто и на Руси, и за симъ прибавляетъ: „послѣ появленія въ странѣ, въ торговлѣ, металловъ въ кускахъ и монетахъ, названія нашихъ мѣстныхъ мѣновыхъ цѣнностей перешли на монетные знаки, равные имъ по цѣнѣ, которые поэтому и стали называть кунами, рѣзанами, ногатами и т. д.». Гдѣ-же здѣсь единицы вѣса? При чемъ, въ данномъ случаѣ, пріоритетъ вѣсовой системы передъ денежной? Сія послѣдняя непосредственно слѣдуетъ за отношеніями мѣновой торговли. Взвѣшиваніе предметовъ не менѣе первобытно, какъ и обмѣнъ ихъ, и чтобы прійти къ мысли о вѣсахъ вовсе не нужно было дожидаться обращенія металловъ въ мѣновые знаки. Терминъ гривны впрочемъ заимствованъ изъ вѣсовой системы.

На стр. 68-й въ числѣ культурныхъ странъ, находившихся въ эношеніяхъ съ Кіевскимъ княжествомъ, называются—Греція и ея колоніи на берегахъ Чернаго моря, Византія, какъ бы два государства: это погрѣшность противъ исторіи, такъ какъ въ торговлѣ, которая занимаетъ автора, существовала Византійская имперія, а не Греція съ ея колоніями.

Наконецъ, едва-ли правильно представить себѣ для столь отдаленнаго времени взаимныя отношенія денежныхъ единицъ, меньшихъ и большихъ, въ такихъ точныхъ неизмѣнныхъ цифрахъ, если при-

нять во вниманіе несовершенства монетнаго дѣла тѣхъ временъ, когда въ оборотѣ были отломки и обрубки крупныхъ монетъ.

Собственная задача автора состоитъ въ томъ, чтобы имѣющимся въ его коллекціи гирькамъ, въ количествѣ 35, отвести подобающее мѣсто въ археологіи и въ особенности возможно точнѣе опредѣлить ту серію гирекъ, «которая можетъ быть неоспоримо отнесена къ *кіевской* вѣсовой системѣ», «указать тѣсную связь мѣстной вѣсовой системы съ монетами, бывшими въ обращеніи въ Кіевѣ съ VIII по XIII в.». На двухъ таблицахъ даны изображенія 29 гирекъ, описанныхъ въ текстѣ со стороны наружнаго вида, условныхъ знаковъ, на нихъ находящихся, и вѣса. Относя эти гирьки къ различнымъ вѣсовымъ системамъ и къ различнымъ эпохамъ, г. Болсуновскій выдѣляетъ въ особую группу №№ 3, 4, 5, 6, 7, 7-а, 8, какъ относящіеся неоспоримо къ кіевской вѣсовой системѣ XI вѣка. Точку опоры для своихъ соображеній авторъ находитъ въ т. н. Глѣбовой гирькѣ, къ его коллекціи не принадлежащей, въ 1890 г. найденной на Княжей горѣ и находящейся въ археологическомъ музеѣ при Кіевскомъ университетѣ. «Глѣбова гирька», по опредѣленію г. Прозоровскаго, составляетъ по вѣсу седьмую долю средней кіевской гривенки въ 2583 аптечн. грана. Тѣ изъ гирекъ коллекціи, которыя авторъ относитъ къ мѣстной вѣсовой системѣ, находятся въ опредѣленномъ вѣсовомъ къ ней отношеніи, что едва-ли случайно, какъ замѣчаетъ основательно г. Болсуновскій. «Глѣбова гирька» вѣситъ 516 грановъ, т. е. по вѣсу равняется 4 ногатамъ, и всѣ выдѣленныя выше гирьки коллекціи состоятъ изъ вѣсовыхъ единицъ, равныхъ по вѣсу кіевской кунѣ (51,6 грана) или кіевской ногатѣ (120 грановъ). Дѣйствительно, двѣ изъ названныхъ трехъ имѣютъ вѣсъ 3 ногатъ (№№ 5, 6), двѣ представляютъ повѣрочныя гирьки въ одну ногату (№№ 7, 7-а), одна въ 5 ногатъ (№ 3), одна въ 4 ногаты и одна имѣетъ вѣсъ куны, т. е. около 51,6 грана. Эти же гирьки аналогичны съ т. н. рязанскими гирьками, описанными г. Черепнинымъ въ его изслѣдованіи: «Древнія рязанскія гирьки» (1892). Всѣ «кіевскія» гирьки, въ числѣ 6, отъ № 3 до 7-го на таблицѣ, найдены вмѣстѣ въ Кіевѣ въ 1882 г., всѣ желѣзныя, обтянутыя мѣдью, одинаковой формы и съ однородными украшеніями, потому и должны принадлежать одной вѣсовой системѣ. «Кіевскія» гирьки авторъ распредѣляетъ на 5 группъ по количеству точекъ, на нихъ имѣющихся: съ 5 точками, съ 4-мя, съ 3-мя, съ 2-мя, съ 1-ой; соот-

вѣтствующія по вѣсу каждой группѣ гирьки онъ находитъ въ числѣ описанныхъ г. Черепнинымъ, при чемъ число точекъ каждой группы оказывается соотвѣтствующимъ числу вѣсовыхъ единицъ въ гирькахъ, именно числу ногатъ, въ 129 гран. ногата, а такъ какъ ногата составляла $^1/_{20}$ кіевской кунной гривны XI в., то отсюда слѣдуетъ, что всѣ названныя гирьки принадлежатъ къ одной и той же эпохѣ, составляютъ только различныя доли крупной вѣсовой единицы, вѣсъ которой опредѣляется умноженіемъ 20 на 129,—вѣсъ одной ногаты,—что даетъ 2580 грановъ или 3616 долей, вѣсъ кіевской гривны кунъ XI в. Слѣдовательно, «кіевскія» гирьки устанавливаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ нормальный, или законный вѣсъ крупнѣйшей денежной единицы Кіевскаго княжества, полнѣе выясняютъ значеніе «Глѣбовой гирьки».

Если принять во вниманіе, что вѣсовыхъ гирекъ въ кіевскихъ музеяхъ немного, и что находящіяся въ частныхъ музеяхъ гирьки даже не изданы, что изслѣдованіе подобныхъ памятниковъ у насъ пока весьма недостаточное, что полученные авторомъ результаты весьма вѣроятны, то къ попыткѣ г. Болсуновскаго нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ. Къ трудамъ Черепнина и Прозоровскаго она составляетъ необходимое и интересное дополненіе.

Ѳ. М.

Иванъ Тобилевичъ (Карпенко-Карый). *Драмы и комедіи. Т. I—II. Одесса. 1897.*

Карпенко-Карый—видное имя въ современной украинской литературѣ; пьесы Карпенка-Карого пользуются извѣстностью далеко за предѣлами Украйны, благодаря тому, что онѣ давно вошли, какъ любимѣйшія публикой, въ репертуаръ украинскихъ труппъ и много разъ исполнялись на сценѣ въ различныхъ городахъ Россіи. Онѣ же болѣе всякихъ другихъ литературныхъ произведеній распространяютъ и укрѣпляютъ знакомство великорусскаго общества, въ разнообразныхъ его кругахъ, съ Украйной, будятъ или поддерживаютъ въ немъ живыя симпатіи къ родственному и вмѣстѣ съ тѣмъ своеобразному малорусскому племени и вообще интересъ къ Малороссіи. Кому изъ насъ случалось наблюдать великорусскую публику на украинскихъ

спектакляхъ, въ Москвѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, въ Казани или Саратовѣ, и послѣ спектаклей дѣлиться своими впечатлѣніями съ великорусскими зрителями, тотъ не могъ не наблюдать подъема любознательности въ массѣ зрителей по отношенію къ далекой Украинѣ, и привлекательной, и во многомъ еще загадочной, любознательности, соединенной съ досадливымъ чувствомъ, что незнаніе малорусской рѣчи не позволяетъ проникнуть глубже въ своеобразный душевный складъ героевъ и во всѣ особенности малорусскаго народнаго характера, подчасъ напярче выражающагося въ построеніи фразы или въ поговорочныхъ оборотахъ, для великоросса непонятныхъ. Во всякомъ случаѣ театръ Карпенка-Карого съ его разнородными фабулами и характерами не оставляетъ сомнѣнія въ великорусскомъ зрителѣ въ правѣ малорусской драмы на существованіе и дальнѣйшее развитіе, и въ той, между прочимъ, пользѣ, какую малорусскіе драматурги приносить могутъ русскому обществу разработкою и выясненіемъ положеній, складывающихся въ этнографическихъ и культурныхъ условіяхъ малорусской жизни.

Два тома «Драмъ и комедій», содержащіе въ себѣ девять піесъ, въ достаточной степени рисуютъ характеръ литературной дѣятельности автора, уровень его дарованія, даютъ болѣе или менѣе опредѣленное понятіе о достоинствахъ и недостаткахъ современной малорусской драмы. Къ числу неоспоримыхъ достоинствъ нашего автора слѣдуетъ отнести прежде всего языкъ его піесъ, носящій на себѣ яркую печать непрерывающейся близости къ народной средѣ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Авторъ умѣетъ пользоваться для своихъ цѣлей наличнымъ богатствомъ живой народной рѣчи и, не обнаруживая, правда, творчества въ области родного языка, въ духѣ его законовъ и роста, онъ, однако, не поновляетъ его ненужными заимствованіями изъ другихъ языковъ, ни собственнымъ сочинительствомъ. Другимъ важнымъ общимъ достоинствомь нашихъ драмъ и комедій слѣдуетъ признать обиліе бытового содержанія въ нихъ, какъ результатъ непосредственнаго внимательнаго наблюденія окружающей дѣйствительности. Въ этомъ отношеніи нашъ авторъ даетъ большое количество бытовыхъ картинъ малорусской жизни и отдѣльныхъ характеристическихъ подробностей, восполняющихъ этнографическія описанія и изслѣдованія. Карпенко-Карый—авторъ весьма начитанный, онъ хорошо знакомъ съ литературой, относящейся къ Малороссіи; но въ то же время онъ и непосредственный наблюда-

тель, способный отмѣтить и такія черты, которыя ускользали пока отъ вниманія прежнихъ наблюдателей. Нельзя точно также не поставить въ заслугу нашему автору и того, что онъ пытается вводить въ украинскую драму мотивы соціальные и экономическіе и правдиво, иногда ярко, рисуетъ тяжелое положеніе своихъ героевъ и героинь въ зависимости отъ экономическихъ отношеній нашей деревни. Говоря вообще, Карпенко-Карый доказалъ своими піесами возможность и высокую поучительность истинно *народной* драмы. Сказать, что такая драма уже создана нашимъ авторомъ, что онъ далъ закономѣрные образцы ея, которымъ остается только слѣдовать, мы не можемъ. Для этого піесамъ его недостаетъ тщательной мотивировки изображаемыхъ положеній, глубины и послѣдовательности психологическаго анализа, индивидуализаціи характеровъ и, такъ сказать, архитектурной законченности. Мы имѣемъ въ его драмахъ первые серьезные опыты, а не законченные образцы народной украинской драмы, которая ждетъ еще руки великаго мастера и глубокаго знатока человѣческаго сердца. За то послѣ драмъ Карпенка-Карого нельзя увѣрять, будто герои изъ простонародья по несложности своихъ душевныхъ движеній не пригодны для драмы.

Въ вышедшихъ въ свѣтъ двухъ томахъ Карпенко-Карого «Бурлака», «Бондаривна», «Наймычка», «Безталанна», «Батькова казка» представляютъ драмы, «Мартынъ Боруля», «Сто тысячъ», «Розумный и дурень», «Палывода XVIII столиття»—комедіи. Въ первой изъ комедій героемъ выведенъ богатый шляхтичъ Мартынъ Боруля, мечтающій попасть въ русскіе дворяне, зажить «паномъ», выдать дочку Марысю за дворянина. Но хлопоты о дворянствѣ не увѣнчались успѣхомъ, женихъ изъ дворянъ, Націевскій, въ рѣшительную, торжественную минуту бѣжалъ отъ своей невѣсты къ тяжкому огорченію и сраму отца, но къ общему удовольствію и самой невѣсты, и ея матери, и всѣхъ близкихъ. Марыся выходитъ замужъ за Мыколу, сына другого богатаго шляхтича Гервасія, совершенно свободнаго отъ панскихъ «мечтаній» Борули. Жизнь Борули и всего его семейства опять пойдетъ «по старосвитському», развѣ внуки его или правнуки выйдутъ въ дворяне черезъ ученіе. Піеса полна украинскаго юмора; комическія положенія естественно вытекаютъ изъ слабостей Мартына, «аблаката» Трандалева и др. Однако нельзя не замѣтить, что авторъ отъ времени до времени покидаетъ тонъ серьезнаго изобразителя жизни и не чуждается пріемовъ и средствъ, разсчитанныхъ исклю-

чительно на забаву зрителя. Украинскимъ драматургамъ пора уже отрѣшиться окончательно отъ взглядовъ на публику, обличающихъ чувство какой-то «хлопской» зависимости отъ зрителей-господъ и перестать смѣшить ее каррикатурностью образовъ или причудливыми словечками. Задачи комедіи столь-же серьезны, какъ и трагедіи, и мы увѣрены, что недалеко время, когда украинская сцена дастъ публикѣ такую комедію, какая создана для общерусской публики тоже украинскимъ писателемъ. Піеса, болѣе выдержанная въ тонѣ легкой комедіи—«Сто тысячъ»; особенно удался автору кладоискатель («копачъ») Бонавентура съ его отборными фразами: «Опытъ велыкое дило», «копылъ такъ, и копылъ такъ», «насередыни камьяна фыгура», «алёмъ, ле казакъ» и т. п. Онъ кое-что знаетъ, кое-что читалъ, еще больше видѣлъ, но плохо разбирается въ своихъ свѣдѣніяхъ, плохо различаетъ дѣйствительность отъ собственныхъ фантазій. Герой комедіи—деревенскій казакъ, Гарасымъ, мечтающій разбогатѣть быстро, достать отъ «жыда» 100,000 рублей фальшивыми, но тонко сдѣланными ассигнаціями, такъ что не отличишь ихъ отъ настоящихъ. Конечно, мечтатель одураченъ и попадаетъ въ ловушку, теряетъ свои деньги и деньги пріятеля, Савки; онъ даже готовъ лишить себя жизни съ горя. Фабула комедіи—одинъ изъ дѣйствительныхъ случаевъ надувательства алчныхъ простаковъ ловкими мошенниками.

Изъ комедій наиболѣе удачная по нашему мнѣнію «Палывода», какъ по обилію истинно-комическихъ положеній, такъ и по сценичности. Кто желаетъ посмѣяться веселымъ, здоровымъ смѣхомъ, кто любитъ истинный малороссійскій юморъ, тому мы непремѣнно посовѣтовали бы посмотрѣть эту комедію-фарсъ, забавную и полную дѣйствія особенно во второй половинѣ, да еще при участіи г. Саксаганскаго въ роли Ледачого доѣзжачого. Въ комедіи совершенно умѣстны пѣсни и танцы. Вообще относительно этого послѣдняго пункта, равно какъ и относительно шутокъ и острыхъ словъ, которыми обыкновенно обмѣниваются въ малорусскихъ пьесахъ дѣйствующія лица, мы держимся того мнѣнія, что оба эти элемента, подъ условіемъ, разумѣется, мѣры, представляются вполнѣ реальными, вѣрно отвѣчающими обычному характеру малорусскихъ собраній и пирушекъ: непремѣннымъ украшеніемъ тѣхъ и другихъ служатъ пѣсни и состязаніе въ остроуміи.

Слабѣйшая комедія «Розумный и дурень» построена на старой, но всегда поучительной истинѣ, что обыкновенно мы величаемъ умомъ ловкость въ обдѣлываніи своихъ, хотя бы и темныхъ дѣлишекъ, въ пріумноженіи личнаго благосостоянія на счетъ ближняго, хотя бы и безчестными средствами, а къ глупости приравниваемъ сердечную простоту и великодушіе. «Розумный» Мыхайло обходитъ во всемъ «дурного» брата Даныла и въ отношеніяхъ къ отцу проявляетъ цинизмъ и жестокость. Къ сожалѣнію, въ комедіи очень мало дѣйствія, герои ея въ большинствѣ случаевъ ходячія сентенціи, и даже на сей разъ языкъ піесы не отличается присущими нашему автору достоинствами.

Вообще слабость дѣйствія въ смыслѣ послѣдовательнаго, до конца не ослабѣвающаго развитія основныхъ мотивовъ и характеровъ составляетъ ахиллесову пяту малорусскихъ драмъ. Это скорѣе рядъ картинъ, нерѣдко слабо мотивированныхъ и внутренно между собою не связанныхъ, нежели быстрое, энергичное, повышающееся въ своемъ интересѣ изображеніе душевной коллизіи. Поверхностность психологическаго анализа плохо возмѣщается сентиментальностью рѣчей или паѳосомъ положеній. Потомъ, само собою разумѣется, гдѣ люди, тамъ и любовь во всѣхъ ея видахъ и со всѣми ея послѣдствіями. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, проявленія этого чувства и роль его въ жизни разнообразятся въ зависимости отъ бытовыхъ условій и отношеній въ различныхъ общественныхъ классахъ. Беллетристика скандинавская въ этомъ отношеніи даетъ много интереснаго и способна предостеречь и украинскихъ драматурговъ отъ изображенія любовныхъ отношеній тѣми самыми чертами, къ какимъ пріучили насъ драмы и романы съ сюжетами изъ буржуазныхъ классовъ общества, изъ тѣхъ классовъ, гдѣ издавна, на досугѣ тщательно культивируется это чувство, и ему отводятъ центральное мѣсто въ жизни. Романической сторонѣ украинскихъ драмъ, не выключая и драмъ Карпенко-Карого, недостаетъ оригинальности и жизненной правды, каковыя достоинства могутъ быть добыты только старательнымъ изученіемъ бытовыхъ условій малорусса-простолюдина. «Безталанна», «Батькова казка» цѣликомъ построены на романическихъ отношеніяхъ; въ первой изъ этихъ драмъ интрига съ трагической развязкой недостаточно реальна или слабо обоснована: по капризу, изъ упрямства люди женятся и выходятъ замужъ на бѣду себѣ и ближнимъ, въ результатѣ чего получается «безталанна» собственно

всѣхъ героевъ, а не одной Софіи: и Варька, и Степанъ, и Гнатъ, и Иванъ не менѣе несчастны, нежели забитая Гнатомъ Софія. Въ «Батьковій казці» Ныкодымъ и Марына только по недоразумѣнію собственными руками разоряютъ свое «гнѣздо», и въ теченіе 25 лѣтъ несутъ наказаніе въ сущности безвинно, такъ сказать, по собственной охотѣ. Ревность жестокая, слѣпая, ни передъ чѣмъ не останавливающаяся—главный мотивъ обѣихъ драмъ. «Наймычка»—любовная трагедія, безъ особенно нужды усиленная кровосмѣсительствомъ отца съ дочерью и тяжелымъ положеніемъ Харытыны, «жыдовской наймычки». Кровосмѣсительство, обнаруживающееся въ концѣ піесы, ненужный аксессуаръ: въ паѳосѣ обязательно прежде всего соблюденіе мѣры. Лучшая изъ драмъ несомнѣнно «Бондаривна», по содержанію относящаяся къ эпохѣ Хмельницкаго и разрабатывающая извѣстную поэтическую легенду объ украинской Лукреціи, жертвѣ сластолюбія и насилія польскаго магната. Дѣйствіе развивается живо, характеры обрисованы выразительными чертами, и піеса на сценѣ должна производить большое впечатлѣніе; языкъ піесы прекрасный. Въ исторической драмѣ желательно было бы только больше исторіи. «Бурлака»—соціальная драма. Плутъ волостной старшина, «багатырь», пользуется безотвѣтностью и забитостью «громады» для того, чтобы орудовать общественными капиталами на корысть себѣ; къ тому же онъ старый сластолюбецъ, разсчитывающій сдать въ москали своего счастливаго соперника, парубка Олексу, и жениться на красавицѣ Галѣ. Поперекъ дороги ему стоитъ бурлака Опанасъ; онъ протестуетъ открыто противъ неправды, изобличаетъ старшину въ беззаконіяхъ, за это подвергается самъ обидамъ, но въ концѣ концовъ правда торжествуетъ, и старшину ожидаетъ законное возмездіе. Драма довольно слабая, и существенныя качества въ построеніи ея не вознаграждаются добрыми бесспорно намѣреніями автора.

Въ заключеніе настоящей краткой рецензіи считаемъ долгомъ прибавить, что драмы Карпенка-Карого, помимо прекрасныхъ отдѣльныхъ сценъ, какія несомнѣнно имѣются въ каждой изъ нихъ, проникнуты искреннимъ любовнымъ чувствомъ къ украинскому народу, глубоко участливымъ отношеніемъ къ его долѣ, ко всѣмъ бѣднымъ, приниженнымъ; авторъ проявляетъ серьезное желаніе и стараніе выяснить и самые источники народныхъ невзгодъ, лежащіе частью въ невѣжествѣ и бѣдности малорусскаго простолю-

дина, частью въ соціальныхъ условіяхъ, отъ героевъ независящихъ. Драмы и комедіи нашего автора сближаютъ читателя и зрителя съ душевнымъ міромъ той среды, изъ которой онъ беретъ своихъ героевъ, научаетъ и насъ относиться серьезно, съ уваженіемъ и сочувствіемъ къ тѣмъ радостямъ и еще больше къ тѣмъ горестямъ и заботамъ, которыми живетъ и волнуется душа крестьянина въ Малороссіи. Дальнѣйшій успѣхъ украинской драмы будетъ состоять въ болѣе глубокомъ и всестороннемъ развитіи мотивовъ, затронутыхъ или талантливо намѣченныхъ въ піесахъ нашего уважаемаго драматурга.

Ѳ. М.

Истринъ В. М. Греческая запись о набѣгѣ казаковъ на Константинополь въ началѣ XVII вѣка (*Журн. М-ва Нар. Просв. 1898, № 7, стр. 42—48*).

Г-ну Истрину удалось найти въ греческой рукописи XVII в., принадлежащей Аѳонскому Иверскому монастырю и содержащей одну изъ редакцій Псевдодорофея (№ рукописи 167), приписку, которая въ переводѣ гласитъ слѣдующее: «Въ лѣто 7131 (1623) въ іюлѣ мѣсяцѣ въ 9 день пришли изъ бѣлокураго рода такъ называемые казаки на моноксилахъ числомъ около 100; на нихъ было до 6000 руссовъ. Они ограбили весь Босфорскій проливъ, начиная отъ Гіерона до Неохора (Еникои) и Сосѳенія, и всѣ окрестности пролива и произвели тамъ большой захватъ плѣнныхъ. Пришли они на разсвѣтѣ и до 6-го часа осталось изъ нихъ только до 60 чел.; половина же ихъ была изрублена, а остальные взяты въ плѣнъ. Но они успѣли бросить огонь и сожгли два квартала. Вслѣдствіе этого (турки) построили двѣ новыхъ башни въ Гіеронѣ, одну на европейскомъ берегу, другую—на азіатскомъ. Въ то время патріаршествовалъ блаженнѣйшій и святѣйшій Кириллъ критянинъ, а царствовалъ тогда агарянинъ султанъ Мурадъ, сынъ султана Ахмеда, братъ султана Османа. Послѣдняго убили янычары и не только своего султана они убили, но и визиря и своего главнокомандующаго, и всѣхъ пашей и знатныхъ. И была среди нихъ въ то время большая рѣзня. И посадили они вмѣсто него (т. е. Османа) на царскій престолъ султана Мустафу, чело-

вѣка не въ полномъ разумѣ». Объ этомъ набѣгѣ историки не говорятъ. Гаммеръ и Смирновъ относятъ набѣгъ къ 1624 г., Костомаровъ упоминаетъ о набѣгахъ 1622 и 1624 гг. Правда, г. Эварницкій разсказываетъ (Ист. зап. коз. II, 205) о набѣгѣ 1623 г., но по изслѣдованію г. Истрина, г. Эварницкій спуталъ вмѣстѣ разсказы Гаммера, Костомарова и Смирнова и далъ фантастическое описаніе нападеній козаковъ на Константинополь. Нѣкоторыя хронологическія несообразности въ записи [1]) г. Истринъ пытается объяснить тѣмъ, что запись была сдѣлана спустя нѣсколько времени послѣ событія и авторъ ея легко могъ спутать время царствованія Мурада и патріаршества Кирилла.

Стороженко Н. И. Геніальный горемыка. (*Сборникъ «Братская помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ». М. 1897, стр. 282—293*).

Проф. Н. И. Стороженко уже много лѣтъ занимается изученіемъ біографіи Т. Г. Шевченка. Имъ извлечено не мало новыхъ и интересныхъ матеріаловъ по этому вопросу, которые отчасти уже знакомы читателямъ нашего журнала (см. «Кіевск. Стар». 1888, X; 1893, III; 1898, III). Статья въ «Армянскомъ сборникѣ» представляетъ сжатый, но въ высшей степени живо и тепло написанный очеркъ біографіи поэта. Нельзя не пожелать этому очерку возможно болѣе широкаго распространенія среди нашей публики. Заимствуемъ цѣликомъ впервые напечатанное здѣсь письмо Шевченка къ извѣстному Дубельту отъ 10 января 1850 г., на которое ссылается почтенный профессоръ и въ своей статьѣ, напечатанной въ мартовской книжкѣ «Кіевск. Старины» за текущій годъ. «Ваше Превосходительство! Походъ въ Киргизскую степь и почти двухлѣтнее плаваніе по Аральскому морю даютъ мнѣ смѣлость вторично безпокоить В. П. моею покорнѣйшею просьбою. Я вполнѣ сознаю мое преступленіе и отъ души раскаиваюсь. Командиръ мой, капитанъ-лейтенантъ Бутаковъ, ежедневный свидѣтель моего поведенія въ продолженіи двухъ лѣтъ, подтвердитъ истину моихъ словъ, ежели угодно будетъ В. П. спросить у него. Я

---

[1]) Патр. Кириллъ оставилъ патріаршество 17 мая 1623 г., а султанъ Мурадъ вступилъ на престолъ 10 сентября.

прошу милостиваго ходатайства Вашего передъ августѣйшимъ монархомъ нашимъ, прошу одной великой милости—позволенія рисовать. Я въ жизнь мою ничего не рисовалъ преступнаго, свидѣтельствую Всемогущимъ Богомъ. Умоляю Васъ! Вы какъ слѣпому откроете глаза и оживите мою убитую душу. Лѣта и мое здоровье, разрушенное скорбутомъ въ Орской крѣпости, не позволяютъ мнѣ надѣяться на военную службу, требующую молодости и здоровья. Прошу Васъ, пріимите хотя малѣйшее участіе въ судьбѣ моей и Богъ Васъ наградитъ за доброе дѣло». Письмо это осталось безъ отвѣта.

Т.

Тихомировъ И. *І. Рецензія книги*—**Исторія Переяславльской земли** *съ древнѣйшихъ временъ до половины XIII-го столѣтія. Монографія Вас. Ляскоронскаго. Кіевъ. 1897. (Журн. М. Нар. Пр., 1898 г., № 6, стр. 459).*

Въ «Кіевск. Стар.» пока не было помѣщено разбора новаго труда г. Ляскоронскаго по русской исторіи. Поэтому мы пользуемся обстоятельно написанной рецензіей г. Тихомирова, предлагая ее вниманію читателей въ краткомъ извлеченіи.

Воздавъ должное трудолюбію автора, рецензентъ указываетъ на многочисленные и существенные недостатки книги. Первый и самый существенный недостатокъ, говоритъ онъ,—это большія отклоненія въ сторону отъ своего главнаго предмета, обиліе излишнихъ подробностей, прямо къ темѣ не относящихся. Читая книгу, иногда просто не понимаешь, для чего то или другое говоритъ авторъ; такъ, говоря, объ устройствѣ поверхности Переяславльской земли, онъ вдается въ описаніе разныхъ геологическихъ процессовъ, происходившихъ въ отдаленнѣйшія времена; тутъ появляются различные геологическіе термины: дилювій и аллювій, палеогенъ, міоценъ, эпоха плейстоценовая, палеолитическій и неолитическій періоды и т. п. Какъ на одинъ изъ наиболѣе характерныхъ примѣровъ рецензентъ указываетъ на 240—246 стран. книги, гдѣ авторъ пространно разсуждаетъ о судоходствѣ на Руси въ древности, какъ до созданія Русскаго государства, такъ и послѣ; приводитъ названія различныхъ типовъ судовъ, описываетъ ихъ форму, величину и устройство. Ожидаешь, что судо-

ходствомъ занимались жители Переяславльской земли; они то именно и совершали отважные походы въ Италію и Африку, они то опустошили Пафлагонію и взяли Амастриду. Но ожиданія прерываются полнѣйшимъ разочарованіемъ: оказывается, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, что рѣки прежняго Переяславльскаго княжества были до того незначительны, что на нихъ не могло существовать никакого судоходства; если и дѣлались суда, то только для сплава, и читателю остается утѣшаться только тѣмъ, что среди жителей было развито плотничье искусство, существовали «торговля и оживленныя сношенія съ отдаленными странами, куда собственно и плавали такія суда, отправляясь отъ крупныхъ рѣкъ». Кромѣ своей безполезности, замѣчаетъ г. Тихомировъ, эти отступленія положительно вредны для дѣла: безъ нихъ значеніе и роль Переяславльской земли выступили бы рельефнѣе, а теперь все стушевано, затемнено и за описаніями кіевскихъ событій мы почти не видимъ событій переяславльскихъ. Свѣдѣнія о Переяславльской землѣ въ источникахъ скудны, и вотъ, желая представить, насколько возможно, всестороннее обозрѣніе жизни Переяславльской земли и не имѣя въ источникахъ никакихъ указаній на многія стороны этой жизни, авторъ, по необходимости, долженъ былъ прибѣгать къ аналогіи: извѣстное относительно другихъ княжествъ переносить на Переяславльское княжество. Далѣе слѣдуютъ указанія на рядъ любопытныхъ по неудачности аналогій автора книги. Вообще, по мнѣнію критика, напрасно г. Лякоронскій въ погонѣ за подробнымъ изображеніемъ политической и бытовой жизни княжества собираетъ свѣдѣнія, относящіяся къ другимъ княжествамъ; было-бы лучше, если бы онъ ограничился сводомъ извѣстій, касающихся непосредственно до Переяславльской земли. Картина вышла-бы, безъ сомнѣнія, не полная, но за то видно было-бы, какой матеріалъ находится въ источникахъ по интересующему вопросу. Г. Тихомировъ дѣлаетъ въ послѣдующемъ изложеніи далеко не полныя указанія на фактическія ошибки автора и заканчиваетъ рецензію на книгу г. Ляскоронскаго такими словами: нельзя не поставить автору въ вину нѣкоторой сбивчивости въ изложеніи. Дѣлая какіе либо выводы, онъ совершенно забываетъ о своемъ главномъ предметѣ и говоритъ то о южной Руси, то о сѣверскихъ земляхъ; даже дѣятельность и значеніе князей Владиміра Мономаха и Изяслава оцѣниваются съ точки зрѣнія южно-русской вообще, и ничего не говорится объ ихъ значеніи собственно для Переяславльской земли. Является какая

то спутанность. Между тѣмъ задача автора была самая легкая—собрать матеріалъ, касающійся Переяславльской земли, и на основаніи его выяснить значеніе ея среди другихъ южно-русскихъ княжествъ. Мѣшаютъ дѣлу и нѣкоторыя предвзятыя идеи автора—всюду онъ старается отмѣтить торговое значеніе Переяславльской земли; но если она въ этомъ отношеніи и значила что нибудь, то только въ древнѣйшій періодъ русской исторіи—до появленія печенѣговъ и въ особенности половцевъ: послѣ появленія въ степяхъ послѣднихъ кочевниковъ роль княжества съуживается—оно является только передовою стѣною противъ степняковъ.

Этими замѣчаніями и заканчиваетъ свою рецензію г. Тихомировъ. «Несмотря на многіе недостатки, резюмируетъ онъ свои выводы, разбираемая книга все же заслуживаетъ вниманія, какъ первый сводъ всего существующаго въ исторической литературѣ о Переяславльской землѣ. Полагаемъ, что этотъ сводъ долго будетъ и единственнымъ, такъ какъ, не смотря на все стараніе автора возвысить значеніе княжества, все таки роль его въ русской исторіи была довольно незначительна».

Двадцатипятилѣтіе Лубенской гимназіи. *Краткая историческая записка, составленная секретаремъ Педагогич. Совѣта Ник. Лук. Сеферовскимъ. Лубны. 1898. Стр. 175.*

Судьбы Лубенской гимназіи, несмотря на непродолжительность ея существованія, представляютъ значительный интересъ. Возникла эта гимназія по иниціативѣ и на средства земства, которое и теперь несетъ значительную часть расходовъ на ея содержаніе, земство всегда живо интересовалось ея жизнью, которая протекала далеко не спокойно, давая матеріалъ для различнаго рода обвиненій, вызывая даже экстренную ревизію и т. п. Все это привлекаетъ къ книгѣ г. Сеферовскаго особенное вниманіе интересующихся дѣломъ народнаго просвѣщенія въ нашемъ краѣ.

Открытіе Лубенской гимназіи было вызвано настоятельной потребностью населенія Полтавской губ. въ новомъ среднемъ учебномъ заведеніи. Въ 60-хъ гг. въ Полтавской губ. было только одно общеобразовательное среднее заведеніе—Полтавская гимназія, переполненная учащимися и не вмѣщавшая всѣхъ желавшихъ поступить въ нее. Поэтому еще въ половинѣ 60-хъ гг. земство и дворянство нѣкото-

рыхъ уѣздовъ Полтавской губ. дѣлали попытки устроить свое учебное заведеніе, но по недостатку средствъ попытки эти оставались безрезультатными. Среди другихъ и лубенское земство подняло въ это время вопросъ объ учрежденіи въ Лубнахъ прогимназіи, вопросъ, возбужденный еще въ 1862 г. Министерствомъ нар. просвѣщенія, которое надѣялось привлечь къ участію въ этомъ дѣлѣ мѣстное дворянство. Дворянство, хотя и пожелало имѣть даже не прогимназію, а полную гимназію, не могло однако изыскать средствъ для ея открытія и передало это дѣло въ руки только что возникшаго земства. Земство горячо принялось за осуществленіе этой мысли, но на первыхъ порахъ встрѣтило препятствіе также въ недостаточности средствъ. Между тѣмъ дѣломъ заинтересовалось и губернское земство, которое въ 1870 г. огромнымъ большинствомъ постановило: «открыть въ предѣлахъ Полтавской губ. реальную гимназію и ходатайствовать предъ правительствомъ о предоставленіи воспитанникамъ, окончившимъ въ ней курсъ, права на поступленіе въ университеты». Гимназію рѣшено было открыть въ центрѣ губерніи и такимъ центральнымъ пунктомъ намѣчены были Лубны. Въ смѣту 1871 г. земство внесло на содержаніе гимназіи 20290 р. [1]). Такъ какъ Министерство нар. просвѣщенія отклонило ходатайство объ учрежденіи реальной гимназіи, въ виду преобразованія такихъ гимназій въ реальныя училища, то было рѣшено ходатайствовать объ открытіи классической гимназіи. Открывая гимназію на собственныя средства, земство, естественно, желало видѣть во главѣ ея лицо, пользующееся довѣріемъ мѣстнаго населенія, и потому губернская управа «въ виду единодушнаго желанія мѣстнаго общества рекомендовала на должность директора открываемой гимназіи землевладѣльца Лубенскаго уѣзда статскаго совѣтника Матвѣя Терентьевича Симонова», который и былъ утвержденъ въ этой должности министромъ нар. просвѣщенія. М. Т. Симоновъ — извѣстный этнографъ — окончилъ курсъ по 1 отд. философскаго факультета университета св. Владиміра,

---

[1]) Впослѣдствіе ассигновки земства еще увеличились, но вскорѣ земство начало хлопотать о принятіи содержанія гимназіи на казенный счетъ. Ходатайство это было уважено и съ 1881 г. земство вносило въ пособіе казнѣ на содержаніе гимназіи по 10 т. р. въ годъ, а съ 1883 г. по 8050 р. До 1888 г. земство ежегодно вносило на содержаніе параллельныхъ отдѣленій до 4000 р. Сверхъ того на ремонтъ зданія имъ отпускалось по 1000 р. въ годъ. Довольно значительны были и экстренныя затраты по перестройкѣ и приспособленію зданія.

служилъ нѣкоторое время учителемъ русскаго языка въ Нѣжинской и Немировской гимназіяхъ, а позднѣе занималъ должность предсѣдателя контрольныхъ палатъ во Псковѣ, Екатеринославѣ и Житомирѣ, и такимъ образомъ имѣлъ и педагогическую и административную опытность.

3 сентября 1872 г. гимназія была открыта въ составѣ приготовительнаго и трехъ низшихъ классовъ. Наплывъ учащихся въ 1 классъ былъ такъ великъ, что сразу же пришлось открыть при немъ параллельное отдѣленіе; такія отдѣленія были открыты затѣмъ и при другихъ классахъ до VI включительно. Въ первые годы существованія гимназіи число учащихся вообще быстро растетъ и къ началу $18^{77}/_{78}$ уч. г. достигаетъ 461. Въ это время Лубенская гимназія успѣла завоевать общія симпатіи, выразившіяся въ рядѣ сочувственныхъ заявленій въ земскихъ собраніяхъ, какъ со стороны полтавскаго губернатора, такъ и со стороны представителей земства. Двѣ ревизіи окружного инспектора въ февралѣ 1874 г. и въ маѣ 1875 г., повидимому, подтверждаютъ это мнѣніе. «Въ первый разъ онъ нашелъ гимназію, не смотря на ея недавнее существованіе, вполнѣ благоустроенною, чѣмъ она, по мнѣнію ревизора, обязана главнымъ образомъ усердію и опытности директора; вторая ревизія убѣдила инспектора, что дѣятельность педагогическаго персонала направлена къ благоустройству гимназіи, вслѣдствіе чего и успѣхи учениковъ и дисциплина, какъ въ зданіи гимназіи, такъ и внѣ его признаны хорошими, за что и объявлена служащимъ благодарность г. попечителя». Но не такъ думали о своей гимназіи лубенскіе педагоги.

Осенью 1877 г. вышелъ въ отставку директоръ гимназіи М. Т. Симоновъ, и на его мѣсто былъ назначенъ г. Лазаренко, занимавшій до того времени должность инспектора Лубенской же гимназіи. Испытанія весною 1878 г. дали результаты весьма печальные: переведена была въ старшіе классы только половина учащихся (въ прежніе годы переводилось въ среднемъ 78%), изъ 18 учениковъ VIII класса удостоено аттестатовъ зрѣлости только 9, уволено изъ гимназіи за безуспѣшность 25 чел. (за все прежнее время было уволено по безуспѣшности всего 8 человѣкъ). Въ то-же время въ теченіе $18^{77}/_{78}$ уч. года выбыло изъ гимназіи 131 чел., что превысило число поступившихъ на 59 чел. Такое грустное и неожиданное явленіе нуждалось, конечно, въ объясненіи, и вотъ въ актовомъ от-

обвинительный актъ противъ прежняго директора. Составитель отчета говоритъ: «Въ Лубенской гимназіи, открытой среди несогласій за направленіе (?), до сихъ поръ все вниманіе было обращено на то, чтобы представить эту новорожденную успѣшно растущею и развивающеюся. Средства приняты соотвѣтствующія цѣли: 1) Принята была метода усиленныхъ балловъ: вмѣсто 2 ставили 3 и даже 4, а для извѣстныхъ личностей было исключеніе, гдѣ непремѣнно нужно было ставить 5... 2) Лубенская гимназія извѣстна была не только въ Кіевскомъ округѣ, но и въ другихъ своими слабыми переводами (?)... такое снисхожденіе, дѣйствительно привлекавшее воспитанниковъ заведеній даже другихъ округовъ, было большою педагогическою ошибкою... результатомъ такого снисхожденія каждый годъ было болѣе или менѣе значительное число запущенныхъ учениковъ въ среднихъ и высшихъ классахъ, которые тормозили дѣло въ школѣ, служили въ тягость и себѣ. Тѣмъ не менѣе въ Лубенской гимназіи это было принято и такъ дѣло шло до отчетнаго года, когда этотъ виноградникъ (?!) долженъ былъ дать плоды. Каждый изъ насъ видѣлъ, что въ созрѣваемомъ (? sic!) VIII классѣ и въ другихъ классахъ много пустоцвѣту... Мы должны сказать, что виновато въ результатахъ и общество: оно хвалило существованіе порядка изъ за того только, что дѣти такъ легко шагали изъ класса въ классъ и при томъ съ блестящими баллами; напротивъ, оно же сильно порицало и легкое серьезное прикосновеніе къ дѣлу. Что же такое школа, какъ не такое заведеніе, гдѣ дѣти должны учиться? Не должно ли и общество всѣмъ своимъ вліяніемъ содѣйствовать этимъ высокимъ цѣлямъ заведенія?» Г. Сеферовскій, не вполнѣ, повидимому, соглашаясь съ рѣзкими обвиненіями противъ прежнихъ порядковъ, указываетъ на рядъ условій, неблагопріятствовавшихъ правильной постановкѣ учебнаго дѣла въ Лубенской гимназіи въ первые годы ея существованія, на позднее прибытіе вновь назначенныхъ учителей, на отсутствіе надлежащаго надзора за учениками со стороны квартиросодержателей, недостатокъ удовлетворительныхъ репетиторовъ, эпидемическія болѣзни. Но у читателя страстныя, хотя и не совсѣмъ грамотно изложенныя, филиппики отчета вызываютъ рядъ недоумѣній. Если дѣло было такъ, какъ рисуетъ отчетъ, то о чемъ же думали члены педагогическаго совѣта? Зачѣмъ *они* ставили тройки, четверки и даже пятерки ученикамъ, заслуживавшимъ двойки? Зачѣмъ такъ легко переводили изъ класса въ классъ и допусти-

ли разростись столь ненавистный имъ «виноградникъ»? Невольно вспоминается безсмертная унтеръ-офицерша, которая ухитрилась сама себя высѣчь!

Какъ бы то ни было, но лубенскіе педагоги опамятовались, раскаялись и принялись поправлять дѣло. Но и тутъ вышла неудача. Началось бѣгство учениковъ изъ Лубенъ. Пришлось подумать о томъ, какъ бы вовсе не остаться безъ учащихся и педагогическій персоналъ принялся поправлять дѣло при помощи столь строго осужденной имъ «методы усиленныхъ балловъ». Процентъ успѣвающихъ поднялся до 90, аттестатовъ зрѣлости удостоивались всѣ «созрѣваемые», хотя бы на экзаменѣ получали двойки и даже единицы. Результаты не замедлили сказаться, «виноградникъ далъ свои плоды», а тутъ еще начались «политическія дѣла», пустячныя по существу, но вносившія тревогу въ гимназическую жизнь. Въ началѣ $18^{87}/_{88}$ уч. г. произошла «катастрофа»—назначена была министерская ревизія гимназіи. Ревизія эта, «хотя и осудила слабыя требованія относительно познаній учащихся... все же окончилась благополучнѣе, чѣмъ ожидали—гимназіи не закрыли». Но и до сихъ поръ Лубенская гимназія не можетъ вернуть того положенія, въ какомъ она была въ первые годы своего существованія,—число учащихся въ ней было въ $18^{96}/_{97}$ уч. году 210 чел.

Говоря о Лубенской гимназіи нельзя умолчать о тѣхъ пожертвованіяхъ, которыя были сдѣланы для гимназіи представителями мѣстнаго общества. «Учрежденіе Лубенской гимназіи, пишетъ г. Сеферовскій, возбудило въ населеніи Полт. губ. большую радость. Это и понятно, если припомнить, какъ трудно было въ началѣ 70-хъ гг. небогатымъ жителямъ Полтавской губ. давать своимъ дѣтямъ среднее образованіе при существованіи въ губерніи одной гимназіи, которая, будучи переполнена учениками, все же не могла помѣстить въ своихъ стѣнахъ всѣхъ жаждавшихъ поступить въ нее. Но была и другая причина, привлекавшая къ Лубенской гимназіи симпатіи населенія: гимназія была собственная, земская, открытая по инціативѣ и на средства земства, во главѣ ея былъ поставленъ человѣкъ, избранный самимъ земствомъ. Все это не могло не вызвать въ населеніи стремленія обставить свою гимназію такъ, чтобы она не осталась въ какомъ нибудь отношеніи позади правительственныхъ учебныхъ заведеній. Въ своемъ мѣстѣ было указано, съ какою готовностью земскія собранія ассигновали средства на удовлетвореніе той

или иной потребности гимназіи, съ какою предупредительностью губернская управа снабжала Лубенскую гимназію всѣмъ необходимымъ не только по заявленіямъ директора, но и по собственному усмотрѣнію. Подъ вліяніемъ этой же любви къ земской гимназіи уѣздныя земства и дворянство учреждали при ней стипендіи, а частныя лица несли свои пожертвованія для образованія библіотекъ и кабинетовъ. Жертвовались отдѣльныя сочиненія, цѣлыя библіотеки, содержавшія книги какъ на русскомъ, такъ и на иностранныхъ языкахъ, рукописи царскихъ указовъ, гетманскихъ универсаловъ, приносились въ даръ гимназіи коллекціи монетъ какъ древнихъ эпохъ, временъ римской имперіи, такъ и позднѣйшихъ вѣковъ отъ XIII до XIX, медали, древнее оружіе, кольчуги, разные археологическіе предметы: кресты, три звена ожерелья, мѣдная сережка, рюмка (?), мозаическій камешекъ изъ храма Софійскаго, кирпичъ древній, кремневыя орудія, коллекціи минералогическія и ботаническія, кости мамонта, портреты и проч. Не все пожертвованное представляло для гимназіи научную цѣнность. Между подаренными книгами были разрозненные старые журналы, старые учебники безъ начала и конца; чучела животныхъ, коллекціи растеній давнымъ давно пришли въ негодность; не имѣютъ значенія и коллекціи минераловъ. Но большинство пожертвованій нужно считать цѣннымъ вкладомъ жертвователей въ библіотеку гимназіи, а предметы археологіи и палэонтологіи кабинетовъ Лубенской гимназіи фигурировали въ 1874 г. на выставкѣ 3-го археологическаго съѣзда въ Кіевѣ, какъ интересные предметы глубокой древности». Напомнимъ, что въ 1872—82 гг. учителемъ приготовительнаго класса въ Лубенской гимназіи былъ не безъизвѣстный археологъ Ѳ. И. Каминскій, которому археологическій кабинетъ гимназіи и обязанъ своею хорошей постановкой. Всего въ библіотеку было пожертвовано (главнымъ образомъ въ 1872—1877 гг.) болѣе 2000 названій (ок. 4500 томовъ) книгъ и 130 рукописей.

Н. Т.

По Волынскому Полѣсью.

(*Изъ записной книжки.*)

I. Полѣсье и аборигены края.

Люблю я наше Волынское Полѣсье. Все, что нравится человѣку въ природѣ, вы найдете въ этомъ краю. Вы любите лѣсъ—на Полѣсьи кругомъ лѣса: высокіе, тѣнистые, до сихъ поръ сохранившіе мощь. Въ нихъ такъ хорошо, легко дышится, такъ пріятно бродить, собирая грибы или ягоды или даже ничего на дѣлая. Смолистый ароматъ стройныхъ гигантскихъ сосенъ такъ и просится въ грудь; нѣжный меланхолическій шопотъ столѣтнихъ дубовъ и вѣтвистыхъ березъ манитъ и влечетъ васъ неудержимо. И если въ жаркую, полуденную пору вы забредете подъ тѣнь и прохладу лѣса, вы не выйдете оттуда до поздняго вечера. Тамъ такъ тихо, спокойно... и тишина эта не мертвая; она полна звуковъ... Звуки лѣсные не рѣзкіе, не крикливые; въ нихъ только гармонія, въ нихъ слышится нѣга чарующая, плѣнительная. Надъ головой, скрываясь въ лабиринтѣ листвы, поютъ, перекликаются пташки. Ближе къ землѣ жужжатъ и звенятъ насѣкомыя. Изрѣдка то въ той, то въ другой сторонѣ какъ-то особенно, будто робко, хруснетъ обломленная вѣтка; хруснетъ—и опять тишина, снова шопотъ, пѣсни и звонъ... Иногда гдѣ-то совсѣмъ далеко прозвучитъ человѣческій голосъ; только голосъ этотъ на себя не похожъ, и кто не привыкъ къ лѣснымъ звукамъ, кто не изучилъ ихъ до тонкости, тотъ не отличитъ среди нихъ членораздѣльную рѣчь. Крикнетъ,

человѣкъ—лѣсное эхо подхватитъ крикъ и тотчасъ дробитъ его; изъ крика выходитъ аккордъ, мелодичный, дрожащій. Волною несется онъ по лѣсу, все дальше, все больше дробясь, все больше стихая... Такова прелесть, таково обаяніе,—не знаю, можетъ быть, всякаго,—но тѣмъ болѣе нашего лѣса.

Что вы еще любите? Зеленые просторные луга? На Волынскомъ Полѣсьѣ лугъ, какъ коверъ вообще, какъ море весной въ половодіе. Когда растаявшіе подъ лучами весенняго солнца снѣга и льды стягиваются и уплываютъ внизъ по теченію рѣкъ, и луга обращаются въ сушу, красота ихъ не поддается описанію. Вы взойдете на лугъ, осмотритесь и заглядитесь: вокругъ васъ и справа, и слѣва, и впереди ласкающая глазъ, мягкая, нѣжная зелень. На зеленомъ фонѣ цвѣты: бѣлые, голубые, синіе, красные, желтые, всевозможныхъ тоновъ и оттѣнковъ... Пройдете дальше—еще картина: передъ вами рѣка. Какъ змѣйка извиваясь въ травѣ луговъ, несетъ она мимо вашихъ ногъ свои чистыя воды, несетъ и уноситъ въ незримый просторъ, въ безвѣстную синюю даль. Въ рѣкѣ купается солнце. Золотые лучи дневного свѣтила будто играютъ съ перебѣгающей отъ берега къ берегу легкою зыбью, сверкаютъ, ныряютъ, дрожатъ... А надъ вами, какъ точка въ лазури небесъ, замеръ жаворонокъ. Его вешняя пѣсня ласкаетъ вамъ слухъ, подымаетъ въ груди что-то также весеннее, жизненное...

На Полѣсьѣ много прудовъ. Пруды попадаются всякіе, но больше красивыхъ. Между ними не мало искусственныхъ. Въ тѣхъ деревняхъ и селахъ, гдѣ въ старину обитало богатое польское панство, много осталось слѣдовъ его вкуса и прихотей. Рабы въ угоду своимъ господамъ воздвигали все, что только могла изобрѣсть незнавшая удержу фантазія знатныхъ магнатовъ. Роскошные палацы, громадные живописные парки, сады, искусственные террасы, пруды—все возникало въ мигъ по слову властнаго пана... И какой красотой, какимъ изяществомъ отличались эти работы!..

Теперь отъ нихъ только слава осталась. Палацы горятъ, продаются и разрушаются отъ времени. Парки пока стоятъ, но

и ихъ скоро отдадутъ на срубъ... Террасы сглаживаются и расчищаются для огородовъ... Искусственные пруды засоряются...

Но это не вредитъ имъ: запустѣніе придаетъ прудамъ особенную, таинственную прелесть. Въ лунную весеннюю ночь я сведу васъ у себя на Полѣсьѣ въ такой уголокъ, гдѣ вы станете и религіознымъ, и мечтательнымъ, и радостнымъ...

Мы стоимъ на плотинѣ, заграждающей теченіе мизерной рѣченки, подъ навѣсомъ вѣтвистаго стараго дуба. Передъ нами весь, какъ на ладони, довольно широкій и длинный прудъ. Правый берегъ пруда, спускающійся отлогой покатостью къ бассейну водъ, густо поросъ чернолѣсьемъ. Ночью, при свѣтѣ луны, вы не различаете контуровъ; вы видите только лиственную шапку рощи, наклоненную къ пруду и отражающуюся въ немъ, какъ въ зеркалѣ. Только у самой воды рельефно выдаются переплетающіеся корни. Сколько тутъ фигуръ причудливыхъ, фантастическихъ, чудовищныхъ!... Глядите: вонъ передъ вами повисъ человѣкъ; одной рукой онъ судорожно хватается за толстый корень, горизонтально выдавшійся надъ прудомъ. Человѣкъ силится подняться; но его ноги, на половину погруженныя въ воду, замерли... А въ двухъ шагахъ отъ него страшное косматое чудовище протягиваетъ корявыя лапы. Оно только ждетъ удобной минуты, чтобы схватить несчастную жертву, ждетъ и заранѣе любуется ея агоніей... И это не обманъ зрѣнія: очертанія такъ ясны, такъ изумительно точны, что невольно ознобъ пробѣгаетъ по тѣлу, становится жутко... Тогда вы отворачиваетесь и смотрите вправо. По правую руку лѣвый берегъ—песчаный, высокій, обрывистый. Во всю длину его ютятся крестьянскія хаты, чистыя, тщательно вымазанныя. Почти у каждой избы на углу пирамидальный тополь, у иной—два. Люди уже спятъ; огней не видно... Песчаный берегъ около четверти версты тянется прямо. Дальше онъ круто заворачивается и какъ будто соединяется съ правымъ, образуя стоячее озеро. Такимъ образомъ вы видите и третій берегъ—восточный; онъ нѣсколько ниже и больше открытъ. На немъ въ дали, на горизонтѣ, синѣетъ стѣна сосноваго бора... Надъ лѣсомъ, освѣ-

щая мягкими, будто задумчивыми лучами эту волшебную картину, горитъ полный полуночный мѣсяцъ... Въ рощѣ поютъ соловьи...

Но это не все. Тамъ же можно увидѣть другую картину, нисколько не хуже первой. Для этого нужно сѣсть въ лодку уплыть на середину пруда и обернуться къ плотинѣ, на которой вы раньше стояли. Вы увидите большую водяную кузницу съ двумя просторными, ярко освѣщенными окнами. Надъ крышей изъ трубы цѣлый фейерверкъ искръ... Зрѣлище великолѣпное и многимъ въ такомъ именно видѣ оно наиболѣе нравится. Но я люблю наблюдать кузницу, забравшись дальше, подъ самый восточный берегъ пруда. Тамъ уже вовсе не видно строенія. Передъ вами лишь одно исполинское темное пятно съ двумя ровно свѣтящимися огнями посрединѣ и третьимъ, то потухающимъ, то вспыхивающимъ багровымъ заревомъ... Въ этой картинѣ больше фантастичности, больше гармоніи съ такимъ полуночнымъ часомъ. Въ ней есть какая-то непонятная сила, навѣвающая тихое, вдумчивое настроеніе, есть какая-то связь съ минувшими, пережитыми годами. Она будитъ воспоминанія, воскрешаетъ въ памяти годы счастливаго дѣтства, то невозвратное время, когда мы съ затаеннымъ дыханіемъ, со страхомъ и наслажденіемъ слушали разсказы о Змѣяхъ-Горинычахъ, объ огненныхъ драконахъ, о Кощеяхъ, вѣдьмахъ, чертяхъ и всякихъ подобныхъ ужасахъ... Хорошія это минуты. Я люблю ихъ и всегда ищу. Въ нихъ я ощущаю жизнь, испытываю мирную безотчетную радость жизни...

Такихъ видовъ, какъ я сейчасъ описалъ, на Полѣсьѣ много; только рѣдко они другъ на друга похожи. Каждый пейзажъ имѣетъ собственную неподражаемую прелесть: одинъ хорошъ при солнечномъ блескѣ, другой при свѣтѣ луны, третій и днемъ, и ночью...

Есть впрочемъ у насъ и скучныя для непривычнаго глаза мѣста: это—пески. Попадаются полосы, гдѣ песчаная равнина, усѣянная низкими всевозможныхъ формъ бугорками, тянется на протяженіи двухъ, трехъ, даже четырехъ миль. Пробираться по

такой пустынѣ, дѣйствительно, непріятно и утомительно. Мѣстность однообразная, унылая нагоняетъ не то досаду, не то тоску. Солнце жжетъ. Отъ раскаленнаго песку въ воздухѣ душно. Кони плетутся, еле передвигая ноги... Села встрѣчаются рѣдко, лишь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пески соприкасаются съ луговыми низменностями или лѣсными пространствами... Но въ такихъ пустыряхъ никто не живетъ, и только изрѣдка приходится проѣзжать по нимъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ обитаютъ люди, пески, какъ я уже сказалъ, если и попадаются, то всегда примыкаютъ къ селу лишь съ одной стороны его.

Что касается полѣсскихъ тундръ, на которыя указываютъ, какъ на язву этого края; порождающую лихорадки, насморки и другія болѣзни, то у насъ на Волынскомъ Полѣсьѣ никто и не знаетъ о нихъ. Тундры въ собственномъ смыслѣ—бездонныя, засасывающія—начинаются въ Минской губерніи. Тамъ онѣ представляютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сплошныя, громадныя вмѣстилища жидкой, вязкой тины; туда не заглядываетъ ни человѣкъ, ни звѣрь. Даже зимой трудно пробраться въ такую тундру, такъ какъ только двадцатиградусные морозы могутъ сковать ее достаточно крѣпко.

На Волынскомъ Полѣсьѣ тундръ нѣтъ. Есть только болота, почти исключительно лѣсныя. Дѣлятся они на два сорта. Одни болота поросли кочками и мелкимъ чахлымъ кустарникомъ. Для охотника эти болота—кладъ. Тутъ, особенно на опушкахъ высокаго лѣса, постоянно перемежающихся съ низиной, гнѣздятся глухари, тетерева, вальдшнепы; въ самомъ болотѣ—утки, дупеля, бекасы: стрѣляйте только...

Другой сортъ полѣсскаго болота извѣстенъ больше подъ названіемъ „гала". Гало—болото, поросшее густой, высокой, жесткой травой. Крестьяне косятъ эту траву, хотя скотина не очень охотно ѣстъ ее. Въ мокрые годы, когда лѣто бываетъ дождливое, гало убираютъ стоя по колѣни въ водѣ, стоги сѣна складываютъ на подмостки, перевозятъ зимой. Въ сухіе годы въ галахъ воды не бываетъ...

Словомъ, наши болота не только не страшны и не вредны, но еще полезны. Мужику они подспорье въ хозяйствѣ, охотнику—мѣсто забавы. А кто не хозяинъ и не охотникъ, тому и ходить на болото незачѣмъ. Въ лѣсъ хочется—чистаго, сухого довольно: можно бродить цѣлый день и не видѣть гала.

Болѣзней, порождаемыхъ гнилыми испареніями, у насъ и вовсе не слышно. Если сырость и держится въ лѣсныхъ болотахъ, то оттуда она никуда не выходитъ и не можетъ выйти,—ее поглощаютъ пески. Даже на крестьянъ «шухля» [1]) нападаетъ чрезвычайно рѣдко. А они, только бы весна на дворъ, всѣ въ лѣсъ идутъ, сидятъ тамъ и днемъ и ночью: скотъ пасутъ, траву косятъ, грибы, ягоды орѣхи собираютъ, по найму дерево возятъ, добровольно—крадутъ, и ничего—здоровы!

Хороша на Полѣсьѣ природа, хороши и люди: добродушные, гостепріимные, честные. Впрочемъ, я говорю только о среднемъ классѣ; высшаго—аристократовъ—у насъ не встрѣтите. Полѣсскій мужикъ никуда не годится. Кстати, нѣсколько словъ о немъ.

Полѣсскій мужикъ большей частью еще дикъ, запуганъ, глупъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какимъ-то чудомъ хитеръ; къ тѣмъ, кого онъ считаетъ выше себя, кто имѣетъ надъ нимъ нѣкоторую власть, онъ относится съ приниженной подобострастностью; но при всякомъ удобномъ случаѣ готовъ напакостить самымъ ехиднымъ образомъ. Онъ не имѣетъ ни малѣйшаго представленія о благородности, и сколько бы вы ни дѣлали ему добра, никогда не пойметъ этого. Напротивъ, онъ еще пойдетъ, опустошитъ вашъ огородъ, украдетъ вашихъ лошадей, зарѣжетъ свинокъ, для удовольствія искалѣчитъ теленка.

Въ своей семейной жизни Полѣсскій крестьянинъ еще хуже. Въ немъ рѣдко можно наблюдать проявленіе чувствъ

---

[1]) Шухля или шыхля—лихорадка; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ту-же болѣзнь называютъ „трастей".

родительской любви, сыновней преданности, супружеской привязанности, или братской дружбы. Между матерями еще попадаются женщины, которыя любятъ своихъ дѣтей, но отцы, за самыми незначительными исключеніями, не питаютъ родительскихъ чувствъ ни къ сыновьямъ своимъ, ни къ дочерямъ. Они смотрятъ на дѣтей, какъ на рабочую силу. Если сынъ или дочь умираетъ въ младенческомъ возрастѣ, смерть ихъ не считается вовсе. Ребенокъ до 7 лѣтъ для отца еще не подспорье въ хозяйствѣ, а только лишній крикливый ротъ. Взрослое дитя умретъ—мужикъ вздохнетъ и искренно его пожалѣетъ; но не потому, что у него не стало дочери или сына: ему жаль работника, и онъ еще не знаетъ, какъ распредѣлить на оставшихся рукахъ свои хозяйственныя работы...

Дѣти платятъ родителямъ той же монетой. Только въ дѣтяхъ нелюбовь, а иногда даже ненависть къ отцу и матери, не проявляются замѣтно. Это потому, что дѣти боятся. Они видимо почитаютъ родителей, видимо любятъ ихъ. Они знаютъ, что за всякое ослушаніе, за непокорность родители могутъ разсердиться, могутъ лишить ихъ должной части наслѣдства, могутъ просто выгнать изъ дому. Потому, пока отецъ въ силѣ, пока отецъ строгъ, вся семья почитаетъ его; когда же онъ слишкомъ слабъ, старъ, когда, по своей неосторожности, онъ еще раздѣлилъ свое хозяйство между дѣтьми при жизни, горе ему: надъ нимъ смѣются, его колотятъ всѣ, отъ старшихъ сыновей до малыхъ внучатъ... Въ одномъ только сходятся сыновнія чувства полѣшука: онъ радъ всегда смерти отца, умретъ ли тотъ заправилой хозяйства, или на печи. Въ первомъ случаѣ дѣти радуются сободѣ, во второмъ—довольны избавленію отъ лишней докуки. Ничто, даже тяжкія страданія, хотя бы и непродолжительныя, не могутъ растрогать, расчувствовать сердца дитяти.

Я помню одинъ случай, который поразилъ меня и взволновалъ еще въ ту пору, когда мнѣ было всего около восьми лѣтъ. Я гостилъ у сестры. Къ шурину, священнику, пришелъ парень лѣтъ 20 и объявилъ, что ему „батюшки заре треба“.

По его глупо, но весело улыбающемуся лицу можно было заключить, что онъ либо ребенка принесъ крестить, либо вѣнчаться пришелъ.

— Что скажешь?—спросилъ его шуринъ.

— Батько вмеръ,—отвѣчалъ мужикъ, и его лицо еще больше расплылось отъ удовольствія.—Шобъ поховалы...

— Что такое?—изумились мы всѣ, думая, не ослышались-ли.

— Отецъ вмеръ. Кау [1]), кобъ поховалы.

Парень уже совсѣмъ разсмѣялся.

— Чому... Але [2]) бо такъ смьешно [3]) вмеравъ... все ёго то зогне, то выпростае...

Парня прогнали, но онъ не понялъ, за что. Прислуга слышала, какъ онъ во дворѣ съ кѣмъ-то опять пересмѣивался и все повторялъ:—

— Отъ, бра [4]), чарку сёгодня выпью!..

Онъ уже забылъ объ отцѣ и думалъ только о томъ, сколько выпьетъ водки на „поминкахъ“ послѣ похоронъ...

Таковъ нашъ мужикъ искони, таковъ онъ и до дня сего. Если и попадаются между крестьянами исключенія, то, къ сожалѣнію, ихъ не много—въ каждомъ селѣ по пальцамъ перечесть можно. Когда полѣшукъ облагородится и выйдетъ въ люди, Богъ знаетъ; во всякомъ случаѣ можно съ увѣренностью сказать, что это перерожденіе еще не скоро наступитъ...

II. На рѣкѣ.

Іюньская теплая ночь. Темно-синій куполъ небеснаго свода чистъ и безоблаченъ. Въ прозрачной безднѣ безконечной тверди свѣтлымъ дрожащимъ огнемъ блещутъ, искрятся созвѣздія.

---

1) *Кау*=кажу (мѣстный говоръ).

2) *Але* („е“ твердое)=же, но; *але* („е“ мягкое)=да.

3) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Волынскаго Полѣсья языкъ отличается вычурно мягкимъ выговоромъ. Говорятъ: *смьешно*—(смѣшно), *хльебъ*—(хлѣбъ), *постьель*—(постель), *бьели*—(бѣлый), *кьень*—(конь), *тьытка*—(тетка), *сьель*—(соль), *вэлъ*—(волъ) и т. под.

4) *Бра*=братецъ.

Млечный путь неба... Кажется, будто на немъ, на этомъ волшебномъ поясѣ виситъ надъ землею весь дивный, таинственный міръ, вся необъятная, великая вселенная... Смотришь и невольно вздрогнешь, когда вдругъ среди неподвижно сіяющихъ звѣздъ вспыхнетъ и загорится новая яркая искра, вспыхнетъ и... скатится въ бездну, Богъ вѣсть куда... Свѣтлый слѣдъ пролетѣвшаго метеора на мгновеніе останется; потомъ дрогнетъ, колыхнется и пропадетъ... Снова звѣзды ровно горятъ, словно Божьи очи глядятъ на заснувшую землю, озаряя мягкимъ сіяніемъ спящую тишину міра...

Въ эти звѣздныя ночи, когда такъ великолѣпно небо, такъ хороша тишина объятой сладкою дремотой окрестности, я люблю забираться далеко отъ дому. Запасшись одной, двумя удочками, я ухожу по берегу Случи далеко въ лугъ, туда, гдѣ мягка, какъ бархатъ, высокая густая трава, гдѣ такъ ароматно, душисто первое, еще не убранное, сѣно... Надъ рѣкой вьется прозрачная дымка тумана... Въ густо заросшихъ лозой прибрежныхъ ложбинахъ слышится свистъ черепахи и глухіе, словно подавленные, вздохи выпи...

Выбравъ подходящее для ночного уженья мѣстечко, я сажусь, разматываю удочки и забрасываю лесы. Въ ожиданіи клева, гляжу на рѣку, на ея темныя тихо скользящія воды; потомъ перевожу глаза на небо... На рѣку долго нельзя смотрѣть въ безлунную ночь, больно. Сначала—ничего; различаешь и легкую зыбь, когда ветеркомъ пахнетъ, и безконечно кружащіяся, водяныя воронки. Потомъ очертанія пропадаютъ. Рѣка быстро темнѣетъ и будто подымается. Кажется, поверхность водъ подступаетъ все ближе, ближе... Еще немного, и она падаетъ, разливается въ глазахъ свѣтлымъ бѣлесоватымъ пятномъ... Пятно растетъ, снова суживается, начинаетъ темнѣть, и опять рѣка подымается... Глаза устаютъ, зрачки расширяются, ощущаешь непріятную острую боль...

Подымаю очи горѣ и смотрю на небо, на звѣзды. Смотрю и мало-по-малу впадаю въ какое-то сладкое полузабытье... Мысль скользитъ легко и изумительно быстро, скользитъ и уно-

ситъ меня въ область причудливаго міра фантазіи, въ область пріятнаго, будто осязательнаго полусна.

— Помагай-бу [1]),—внезапно будитъ меня раздавшійся надъ самымъ ухомъ чей-то немного хриплый, но пріятный голосъ.

Я невольно вздрагиваю и, широко раскрывъ глаза, озираюсь.

Передо мною плотный приземистый мужикъ, съ удочками и весломъ въ рукахъ. Это нашъ сарненскій записной рыбакъ Шелестъ [2]) Сесь. Лѣтомъ я часто встрѣчаю его на берегу Случи, гдѣ онъ проводитъ и дни и ночи, за исключеніемъ тѣхъ періодовъ лѣтняго рыболовнаго сезона, когда, по соображеніямъ Сеся, рыба не беретъ. Шелестъ питаетъ ко мнѣ, почему-то не то уваженіе, не то симпатію: любитъ со мной поговорить, хотя отъ природы онъ не болтливъ, не рѣдко открываетъ секреты рыболовнаго искусства, въ которомъ дѣйствительно зубы съѣлъ.

Сесь—мужикъ безземельный, какъ у насъ говорятъ, „пляцовый“. Вся его недвижимая собственность состоитъ изъ нѣсколькихъ квадратныхъ саженъ песчанаго бугра, на которомъ ютится ветхая, полуразрушенная избушка. Онъ женатъ, но бездѣтенъ. „Баба“ Сеся—почти старуха, полуглухая, подслѣповатая, здырливая. Она старше мужа на шесть лѣтъ... Живетъ Шелестъ, какъ птица небесная: не сѣетъ, не жнетъ и не собираетъ. Весной, лѣтомъ и осенью рыбу сбываетъ, зимой нанимается въ молотники. Тѣмъ и пробавляется...

У Сеся странная натура, совсѣмъ не полѣсскаго мужика. Онъ удивительно честенъ, самолюбивъ и услужливъ. Кромѣ того, Сесь—скептикъ. Въ немъ нѣтъ того подавленнаго суевѣрнаго ужаса, какой гнѣздится и проявляется почти во всякомъ полѣшукѣ передъ самыми обыденными и пустыми явленіями. Правда, въ сверхъестественное онъ вѣритъ, но какъ-то, словно въ силу необходимости, вѣритъ, но не боится. Надъ бабскими

---

1) *Помагай-бу*—сокращенное *помагай Богъ*.

2) *Шелестъ*=Севастьянъ.

„забобонами" [1]) Шелестъ всегда смѣется и отзывается о нихъ вполнѣ презрительно. Вообще, не только суевѣрія, всѣ крестьянскія традиціи Сесь игнорируетъ, не уважаетъ ихъ. Къ своему брату-мужику онъ относится иронически: въ глаза ругаетъ, за глаза смѣется надъ нимъ. Напротивъ, съ тѣми лицами, которыхъ Шелестъ считаетъ выше себя какъ по происхожденію, такъ въ особенности по развитію, онъ очень почтителенъ, разговорчивъ, предупредителенъ, можно сказать, вѣжливъ, но никогда не подобострастенъ... Еще Сесь религіозенъ, трезвъ; словомъ, это мужикъ не заурядный, но рѣдкій, исключительный.

— Добраго здоровья,—отвѣчалъ я на привѣтствіе Шелеста, оглянувшись и узнавъ рыбака.

— Зловили шо [2])?

— Пока ничего; недавно пришелъ.

— Теперъ не озьме, хиба надъ ранокъ. Кобъ були раный трохи захопили, тутъ би кожушка [3]) поняли.

— Я думаю, здѣсь сомы должны быть.

— Е, тьелько й воны бьелшъ зъ вечора граютъ, якъ сутониты почне. Але то ни що; на свьетаньи воны зновъ повиходятъ.

— А ты куда, Шелестъ, съ весломъ—за рѣку?

— На стояла хотьевъ достацца, та човна ниде нема. Въ Лучкахъ сегодня три я въ день бачивъ, а теперъ ни жадного. Порозволокали, лихо ихъ матери!...

— Развѣ эти челны не собственные?

Яки воны собственны: хто захопивъ, той и бере.

— Кто же ихъ въ такомъ случаѣ строитъ и съ какой выгоды?

— Рыбаки роблятъ. Видовбе, тай пустыть на воду, човна нихто не вкраде; на що воно судне.

---

[1]) *Забобоны*=предразсудки; суевѣрныя примѣты.

[2]) Привожу точный образецъ нашей крестьянской рѣчи, со всѣми оригинальными оттѣнками произношенія и идіотизмами.

[3]) *Кожухъ, кожушокъ*=щуки. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Вол. Полѣсья ту же рыбу называютъ „*шваюнецъ*".

— Но не лучше ли свой имѣть? Вотъ теперь тебѣ нужно, а взять негдѣ. Былъ бы собственный, не заглядывалъ бы по всѣмъ заливамъ; не искалъ бы напрасно, сѣлъ и поѣхалъ.

— Воно то такъ... Але я вамъ, панычу, отъ шо скау: коли-бъ свого хазяйського човна мавъ, тоды... напевне вкрали бъ ёго, хочъ и не треба никому, або и такъ, взялибъ просто втопили, або спалили на пакость.

— Зачѣмъ же пакостить.

— Зачимъ? Аби за чимъ... Ми—мужики, не вамъ казать, яки пакосны: де втнемъ—допечемъ...

Шелестъ засмѣялся, какъ-то сдавленно,грустно засмѣялся.

Помолчали. Я хотѣлъ было возразить Сесю, но почему-то не зналъ, съ чего начать, и не возражалъ. Шелестъ вынулъ изъ-за пазухи люльку, набилъ ее „тютиномъ“, закурилъ и заговорилъ опять.

— Колись, панычу,—ще я бувъ хлопцомъ, товаръ [1]) пасъ, коны на ночлье водивъ,—бувъ у насъ церковны староста, Масій Пупко. Що багатый вэнъ бувъ, то я и тоды знавъ. Бало [2]), внуки ёго, отъ-би мои ровесники, въ таки свиты повдягаюцца, шо въ другого хазяина не побачишъ; а все въ чоботяхъ... Були гроши въ Масія и хазяйство було. Паметаю, якъ выженутъ хлопцы Пупкови худобу на пашу, то такъ нибы цьеля череда; кавалкувъ зъ сорокъ, а може й бьельшъ мавъ. Коней десятеро державъ, тай велики все, гарны. Овечки були, свини... Сарняне наши всье важили Масія, трохи, мабудь, за гроши, трохи за те, що казали: чесны вэнъ, роботящи чоловъикъ, богобоязны. И батюшка его любивъ,—стареньки въ насъ бувъ тоды священыкъ, царство ёму небесне,—и старостою Пупка наставивъ. Отъ ставъ нашъ Масій до батюшки вхожій. Бало, яка помичь въ хозяйстви, чи гинша яка потреба, вэнъ все зробитъ, зъ дорогои души, здаецца, и оддяки не бере, все зъ охоты... Одного року сгодивъ мене батько въ пастухи до сващеныка,—

---

[1]) *Товаръ*=рогатый скотъ.

[2]) *Бало* (сокр.)=бывало.

Масій тоды вже на трете льето старостою зоставса. Пасъ я спочатку товаръ, а впосля, якъ хурманомъ мене зробили, то ставъ бьельшъ коней доглядать... Отъ поихавъ я разъ на ночлье въ лугъ, на церковну сеножать. Попутавъ коны, пустивъ на пашу, а самъ згорнувса пидъ дубомъ, тай заснувъ.. Чи довго я спавъ, чи нье, але середъ ночи разомъ прокинувса. А ничъ мьесячна, все видно. Дивлюся,—а такъ напротивъ мене два дубы росло и на кажному батюшчины борти зъ пчолами стояли,—дивлюся ото я, ажъ щось таке пораецця коло одного дуба. Вылизло наверхъ, та до колоды, до пчелъ. Спочатку злякавса я трохи, не розпознавъ, що то воно таке до меду сунецца. Але впосля розглєдивъ, бачу—Масій зъ коробкою, зъ драбыною, зъ ножемъ. Думаю я: а що іэто таке, за чимъ то батюшка ёго въ ночи по медъ прославъ? А самъ до свого дерева ще блище притуливса: миркую, кобъ не зобачивъ мене староста та не розказавъ, якъ я коней гледю на сеножати. Лежу я, а тымъ часомъ Пупко все свое дьело робитъ. Зъ одноеи колоды медъ винявъ, зъ другои доставъ; ссунувса зъ дуба, на другій вылизъ и тамъ обобравъ чистенько: повну коробку наклавъ. Наклавъ Масій тай пишовъ; а я, зраднивши, що не втрапивъ мене, перевернувса тай заразъ таки и заснувъ..,

— На другій день мовчу я, не кау никому, що въ ночи бачивъ. Не второпавъ я тоды, що староста красти лазивъ, тай зновъ и такъ воно зъ головы мени випало... Коли вьечоры прыходитъ Масій до церквы,—а то въ суботу було,—и приноситъ нищо таке въ мисоццы. Выйшли батюшка на пекарню; привитавса Пупко тай каэ: „ото я вамъ, отецъ сваты, медку свого приньесъ—Господь пригодивъ, а ви вже, поблагословъете"...

— А мене на ту пору щось якъ пидъ бьекъ штовхнуло. Кау: „хиба жъ то, дядьку, ваши пчоли на нашій сеножати?"— „Яки пчоли"?—питае.—„А що ви сеи ночи на дубахъ, що за раковникомъ, выбирали"...

— Затраслиса руки въ Масія... Затраслиса такъ, що й миску съ медомъ на землю впустивъ... Потымъ батюшци въ ноги...

— Что же батюшка?—спросилъ я Сеся.

—- Що? Выганивъ спочатку Масія, а впосля й простивъ; ще й намъ всьемъ слугамъ заказавъ, щобъ про те злодійство мовчали... Але хтось таки не втерпъивъ: впосля дозналиса, якъ Пўнко въ ночи по медъ лазитъ... Оно ёму нищо. Якъ страхъ минувся, та зобачивъ вэнъ, що батюшка не будутъ ёго въ судъ волочить, заразъ одыйшовъ. Бало, якъ спитае хто: чи смачны бувъ медъ зъ поповои сеножати?—смеется тьелько...

— Неужели не стыдно ему было?

— А хиба въ такого йе сором! Онъ вэнъ ще самъ потымъ не разъ казавъ: „що то я въ турмы седьивъ, щобъ мени стиднό було?"...

Шелестъ сплюнулъ и замолчалъ.

У меня клюнула какая-то рыба, но я не во время поднялъ удочку, и она сорвалась.

— На горохъ ловите, чи на червы?—спросилъ меня рыбакъ, когда я снова забросилъ удочку.

— На черви.

Не варто оце. На горохъ льепшъ: язя отъ, якъ бачите, поняли бъ.

— Но вѣдь язь и на червяка беретъ.

— Бере то вэнъ, бере, але не дуже до него охочи. Зновъ язь рыба хитра, осторожна: робака вона чистенько обскубе, а шпильки [1]) не зачипитъ. Ну, а якъ горохъ ковтае, то тоды вже разомъ въ рьетъ суне й шпильку; тоды не втече... Одного разу я на гэтому самому мьесцы не бьельшъ якъ за годинъ три одинáнцать язюкивъ потягъ; все гарны таки були, кожный въ двье пяды [2]).

— А давно это было?

— Давно, рокувъ зъ десятокъ.

— То-то. Говорятъ, тогда рыбы больше водилось.

— Э, все одно: якъ десять льетъ, якъ льетось [3]), якъ и теперъ.

---

[1]) *Шпилька*, въ другихъ мѣстахъ „зазубець"—крючокъ.

[2]) Рыбу полѣшуки измѣряютъ на *пяди*, хотя продаютъ на фунты.

[3]) *Льетось*=въ прошломъ году; *позальетось*=въ запрошломъ году.

Та пора, що рыба була, раньей минула... Колись, тьелько то рокувъ зъ сорокъ тому вже буде, зимою рыбаки батющинымъ неводкомъ на Домашнему озери, що коло двора [1]), тягли: триста сомьевъ виняли!... Тай яки соми!... по двинадцать, пятнадцать пядей! А теперъ... Недавно сами бачили: зъ двохъ тоней мисочку мулёчокъ [2]), та одинъ кожушокъ—вся рыба.

— Слышалъ я про эту сомовую тоню... И скажи, Шелестъ, куда дѣвали тогда такое множество рыбы?

— Куды девали, каэте?—Никуды; сушили, варили, смажили, людямъ раздавали. Продавать не було кому. Тоды кобъ захтьевъ продать, то хиба до Рьевного [3]) мусивъ ихать дванадцать миль [4]). А кому охота була въ таки свъитъ тягтыся! Про чугунку въ ту пору щей чутки не мали, а кьеньми дорише бъ вiйшло, нежъ та рыба варта була.

— Куда же теперь рыба дѣвалась? Ушла, или выловили ее всю?

— Звеласа. Першъ воды було бьелшъ, була и рыба. Теперъ Случъ онъ яка милка стала: куры бредутъ. Де тутъ рыба озьмецца! Печкурцье [5]) да пльеточки ще ходятъ, а що бьельшъ, тому й мьесца нема.

— Отчего же рѣка обмелѣла?

— Болота сушатъ та спускаютъ. Наизжаютъ всяки жинеры [6])—хвороби на нихъ нема,—тай марнуютъ воду.

— Но, вѣдь, осушка болотъ имѣетъ и выгоду. Подъ болотомъ земля даромъ пропадаетъ, а когда воду спустятъ, въ прокъ идетъ: сѣнокосы, пастбища образуются, потомъ и поле завести можно.

— Ой, панычу! Скорьей на тому песку, що коло моеи хаты, хльебъ вродитъ, нежъ на такому болоти рости-ме. А

---

[1]) *Дворъ*—помѣщичья усадьба.

[2]) *Мьель, мульки, мулечни*=мелкая рыба.

[3]) *Рьевно*—Ровно, уѣздный городъ.

[4]) Полѣсская миля=10 верстамъ.

[5]) *Печкурцье*—пискари, коблики; *пльеточки*—плотва.

[6]) Инженеры.

куды тая земля судна! Поки ще вода въ ній держицца, тоды сяка—така осока росте. А якъ воду спустивъ, на попелъ высохне. Вже я бачивъ висушане болото—тутъ коло Корпиловки сушили: гьершъ якъ песокъ, порохно одне.

— А удобрить ее развѣ нельзя?

— Хто болото буде гноить, хто гною на него наберецца? И вже!... Я якій неимущи: земли въ мене, товару нема, хатына така, що соромъ. А коли бъ, здаецца, дали мени таке болото, тай худобою наделили и сказали: роби, Шелестъ, землю—не схтьевъ би.

— Но скажи, пожалуйста, почему, если болотная земля настолько негодна, почему тогда въ Минской губерніи она такъ плодородна? Я слышалъ, тамъ, иногда урожаи бываютъ не хуже волынскихъ.

— Бо тамъ не сушане болото, а мокре.

— Какъ же тогда землю пахать, сѣять? Вѣдь не въ воду же зерно бросаютъ...

— Нье; на горбкахъ сьеютъ. Тамъ по болоти всюды таки нистотко [1]) якъ острови нибы. На нихъ минчуки и поле роблятъ, и сьино берутъ, и худобу пасутъ—все... Бало першъ, якъ ще на плисъ [2]) ходивъ, бувавъ я на Пиньскихъ болотахъ, бачивъ, якъ тамъ люде живутъ:—нехъ имъ хвороба.

— Что такъ? Нехороши?

— Не то, щобъ воны паганы були, яки пакосныки, або злодьіи. На тее воны не здатны. Оно що минчуки гьершъ якъ свини. Багатыры [3]) воны всье; не то сотками, тисачамы гроши складаютъ, а хльебъ такій йедятъ, якого въ насъ остатня собака не понюхае. Минчукъ пашни зроду не продастъ, все въ бочки складае. На хльебъ бере таку що вже рокувъ зъ весимъ въ него полежитъ, протухне, згніе. Для слабого й то свъежого жита не зачъепитъ.

---

1) *Нистотко*=точь-въ-точь.

2) *Плисъ*—сплавъ дерева.

3) *Багатыры*—богачи.

— Съ чего же они наживаются, если не торгуютъ хлѣбомъ?

— Найбьельшъ зъ рыбы. Тамъ ще йе вона, тай не така, якъ въ насъ—мульки. Минчуки й ловлятъ еи постоянно. Оно часъ йе, заре въ човенъ съевъ тай пишовъ по вирамъ [1]) нерета́ [2]) вивертать. Накладе рыбы, оддъелитъ, котора льепша, продастъ. Собъе нигды кожушка або язя не озьме... Хиба що непотрибъ въ керети буде, пльеточки нищимненьки... Тее забере тай такъ зъ кишками й зваритъ.

— Какъ! съ внутренностями?

— А то-жъ. Тамъ и не знаютъ, нащо то рыбу чистить.

— Бррр!..

— Я вамъ кау, паничу, що там люде чисто якъ свини... А яки воны завше обтерты, чорны!... Якъ те болото. Подивиса на такого, тай до калытки [3]) руку посунешъ: думаешъ—старецъ [4]), биднота.. А воно, лихо въ ёго ма, грошей, якъ песку мае, на вехселье позичае, въ землю закопувае.

— Ого, даже на векселя одолжаютъ! Откуда же они научились такой ходъ своимъ капиталамъ давать?

— Кому треба гроши, той самъ понаучьавъ. Воны, бачите, минчуки,—дурны якъ чоботы. Вэнъ вехсель озьме, гроши дастъ, а якъ придецца вертать свое, то не всякій потрафитъ раду дать вехселю. О-хо-хо, що въ нихъ тыхъ рубліевъ пропадае!.. Кобъ мени сорокьевокъ тьелько. Отакъ, оддастъ, нема ладу, кому скъелько сотъ, а впосля оно чупрыну шкребе... Паметаю, зайшли ми колись, плисаки [6]), до одного хазяина на́

---

[1]) *Виръ*—рѣчной заливъ.

[2]) *Нерета*—выплетенные изъ лозы коши конусообразной формы.

[3]) *Калытка*—нѣчто среднее между саквояжемъ и портмоне. Калытка дѣлается изъ черной кожи, украшается вшитыми въ кожу блестящими пуговицами. Въ старину калытка прикрѣплялась къ поясу: теперь ее носятъ почти всегда на ремнѣ черезъ плечо.

[4]) *Старецъ*—нищій.

[6]) *Плисаки*—гонщики сплавного лѣса.

нычь. Добре вже ми его знали, бало завше до Миколая въ Казоновичахъ завертаемъ. Прійшли; добри-вечиръ оддали; посядали. Але бачимо, щось нашъ Микблай засмучены дуже. „Що таке—питаемъ—ващеця въ тебе: пригода яка, чи слаби хто въ хаты, крый Боже?“... Не хтъевъ, собака, довго казать, але потымъ признався: „нещасця, каэ, у мяне зрабилася“.—„Яке нещасте?„ „Полтреця [1]) тысячи туто адному пану адалжилъ, а цяперъ ёнъ вертаць не хочець“... Ми такъ и полягали зо смьеху. „А де въ тебе, собачій ты сыну, таки гроши взялися?“—питаемъ.—„Зработалъ, каэ. Рыбу продаю, вепручка [2]) выкармлю—продамъ, скацинку прадамъ, авечку: какъ же можно бесъ дзенягъ быць“.—„Кому же ты и нащо позичивъ „дзеньги?“—„А туто, каэ, панъ ва дворку жилъ. Позалѣтось приходзитъ ка мнѣ и гаварицъ: пазичь, вашеця, Миколка, дзенягъ, вексель дамъ. Я и пазичилъ. А онъ, лайдакъ, мои дзеньги прапилъ, праѣлъ, на картахъ праигралъ, а патомъ узялъ, да и умяръ“...

Шелестъ такъ уморительно передавалъ рѣчь бѣлорусса, что и я не выдержалъ, расхохотался.

— Такъ, значитъ, и пропали Миколкины „дзеньги“, свистнули?

— А тожъ. Вже зъ мерця не здере, хочъ би й радый. Тай добре такому—наука. Все одно, непотръебны ему тыи гроши, коли воно якъ свиня истъ, якъ свиня ходитъ та болото рые.

— И много у нихъ такихъ богачей—тысячниковъ?

— Багато; рьидко котрый тисачи не мае. А йе таки багатыры якъ чорты.. Въ одного чоловъика въ Граевичахъ, коло Гродного, я самъ бачивъ вехсельевъ отъ яку купу—въ чотыри пальцы загрубшки були: а все на триста рубльовъ, на чотыриста. Магнатъ тай годы!. А таки кабы коминяръ [3]): чорны, ковтунаты, въ курницы [4]), разомъ зъ свиньми седитъ...

---

[1]) *Полтретя*=$2^1/_2$

[2]) *Вепрукъ*—боровъ.

[3]) *Коминяръ*—трубочистъ.

[4]) *Курница*=хата безъ трубы. На Вол. Полѣсьи такія хаты уже выводятся.

— И такому,—продолжалъ, немного помолчавъ, Сесь,—и подати ніякои платить не тра [1]): земля даремна.

— Ну, это развѣ можетъ быть? Должно и они, какъ и наши мужики, деньги за землю вносятъ. То, что она болотная, не идетъ въ расчетъ.

— Нье; ничого воны не платятъ, не бьельшъ якъ рубльевъ два, пувтора въ рьекъ зъ хозяина. Воны, бачите, всье дворанины личацца, то имъ и податъ гинша.

— Что? Ну, неужели дворяне эти дикари?

— Дворанины, чи дворяне, якъ ви каэте. Въ нихъ що село, то все одна хамылія дворяньска: въ Калавуровичахъ—все Калавуры, въ Молодковичахъ—Молодковичи, въ Казановичахъ—Казаны, въ Шоломовичахъ—Шоломицки.

— Не слыхалъ я, что въ Минскихъ болотахъ паны живутъ. У насъ, на нашемъ Полѣсьѣ, знаю, есть нѣсколько селъ дворянскихъ,—вотъ тутъ въ Ценцевичахъ Чешейки, напримѣръ,—а тамъ... Откуда они—дворяне забрели туда? Ты не распрашивалъ ихъ?

— Чому, пытавса.

— Что же они разсказываютъ?

— Каутъ, що колись давно, давно на ты болота людей зсилали. Сибиръ тамъ тоды бувъ. Ну зошлютъ такого дворанина зъ семьею, одного, другого; впосля и наплодицца цъеле село... Перштъ, може, воны и справди були, якъ паны, а теперъ... одъ нашого полишука, мовъ земля одъ неба. Тылько що паметаютъ, що воны дворанины та одынъ другого „вашеця“ кличутъ.

— Что же это такое—„вашеця?“

— А Господь ёго сваты знае. Мабуть, то все одно, якъ въ насъ на пристава каутъ: „ваше благородіе“.

— И каждый другого „вашеця“ величаетъ?

— Кожный. Не то, що наветь сусьедъ на сусьеда, або такъ на кого чужого—сынъ на батька, свекоръ на невьестку и

---

[1]) *Тра* (сокр.)=*треба.*

то все—„вашеця"... „Вашеця, каэ, пайдзи свиню накорми"; або: „вашеця, пара лошадзей напавацьˮ...

— А какъ у нихъ въ хозяйствѣ, для работы, лошадей или воловъ держатъ?

— Бьельшъ коней. Земля тамъ мяка, робить не важко и сьена досыть. Тай зновъ коняка лекша одъ вола, возить еи зручньей.

— Куда возить?

— А въ поле, або на пашу.

— Не понимаю.

— Хе! На Пиньскихъ болотахъ, панычу, не поиде возомъ якъ у насъ; на пашу череды также не пожене. Тамъ все въ човни везе: соху, коны, овечки, свини. Въ минчукивъ на тее особни човны е, велики мовъ скрыни,—„дубамы" воны ихъ зовутъ.—Треба которому поле горать, заберае въ „дубъ" соху, заводитъ коны тай йиде на свои острови, де вода не займае. И коны вже сами знаютъ, сами въ дубъ идутъ... Або якъ тамъ овечки на пашу везутъ, дивицца смьешно. Поджене пастухъ „дуба" пидъ сами хльевъ, очинитъ двери, овечки заре й плыгъ, плыгъ въ скрыню, якъ галушкы—знаютъ...

— Зачѣмъ они тамъ овецъ держатъ; также для промысла или для домашней нужды?

— Бьелшъ для себе, минчуки сами собье сукно валятъ сами обшиваюцца. Продаютъ овечки оны на мьясо. Тамъ щотыжня жиды объиздку роблятъ по мужикахъ; скуповуютъ мьясо, рыбу, цыбулю.

— Цыбулей также, значитъ, торгуютъ?

— Страхъ! Цыбуля въ нихъ, якъ у насъ бульба́ [1]). Цьели ланы [2]) засеваютъ... и продаютъ якъ дешево!—по три злоты [3]), по пуврубля, якъ чотыри злоты за чашу [4]) озьме, то вже багата цена. Таки гроши...

— Ой, панычу, бежите скорьей до шнура, турзнуло щось,— вдругъ оборвалъ свой разсказъ Шелестъ и, не дождавшись,

[1]) *Бульба*=картофель.

[2]) *Ланъ* — полоса поля, отмежеванная подъ одно какое-нибудь зерно или овощь.

[3]) *Злотъ*=15 копѣйкамъ.

[4]) *Чаша* — бѣлорусская мѣра=12-ти гарнцамъ.

пока я собрался, бросился къ стоявшей въ бухтѣ удочкѣ. Рыбачья струнка сразу прорвалась въ немъ. Когда я подошолъ къ Сесю, онъ уже держалъ въ рукахъ изогнувшееся почти въ дугу удилище и осторожно подводилъ къ берегу. Тѣмъ не менѣе, хоть и съ сожалѣніемъ, онъ передалъ удочку мнѣ, а самъ спустился ближе къ водѣ, чтобы схватить попавшуюся штуку, лишь только она подойдетъ къ землѣ.

Попался сомъ, и довольно крупный: сразу въ рукѣ чувствовалась его сила. Сомъ ни за что не хотѣлъ идти къ берегу и всякій разъ, когда его морда высовывалась на поверхность рѣки, все ожесточеннѣе упирался. Только круги одинъ за другимъ бѣжали внизъ по теченію; рыба снова погружалась въ глубь... Наконецъ, мало-по-малу сомъ началъ уставать; все чаще появлялась его усатая голова, все ближе я подводилъ его къ берегу. Шелестъ, изогнувшись какъ кошка, выжидалъ момента, и когда рыба подошла на достаточно близкое разстояніе, ловко схватилъ ее обѣими мощными руками. Сомъ только чавкнулъ и въ послѣдній разъ ударивъ хвостомъ по водѣ, очутился на землѣ.

Гарна штука!—говорилъ Шелестъ, осматривая и измѣряя рыбу,—пять пядей... И коли гэто вэнъ такъ пидыйшовъ тыхенько, наветь не плюхавса.

Должно быть, еще сонный на промыселъ вышелъ, сразу и угодилъ на крючокъ. Теперь сомы пойдутъ гулять. Близко разсвѣтъ,—самая пора для ловли.

— Але́ [1]), саме вона. Тра хиба й собъе шнура наставить въ бухту. Якъ разъ, може, ми котрый трапитъ.

— Только, не знаю, Шелестъ, достанешь ли ты здѣсь живца на удочку. Тутъ такая глубина, да еще и время ночное.

— Ньe. Я побежу на виспу [2]), до Ковалевого рова. Оде близенько. Може ще вамъ зловить живца?

— Можно то можно, только донесешь ли ты ихъ обоихъ живыми.

---

[1]) *Але*—да.

[2]) *Виспа*—песчаная отмель, обнажающаяся при спадѣ воды.

— Чому?

— Тогда лови; спасибо скажу.

Шелестъ ушелъ. Въ ожиданіи его возвращенія я растянулся на мягкой душистой травѣ и снова принялся разсматривать усѣянное звѣздами небо. Но теперь оно не располагало меня фантазировать. Передо мною стояли живые образы людей, о которыхъ я только что слышалъ изъ разсказовъ Сеся, мелькали картины лишенной всякаго смысла жизни и полудикихъ нравовъ полѣшука. Какъ просто, но какъ мѣтко охарактеризовалъ Шелестъ обитателей минскихъ болотъ:—„Не то щобъ воны паганы були, яки пакосныки або злодіи,—на тее воны не здатны. Оно шо минчуки гьершъ якъ свини"...

Эти люди дѣйствительно „хуже свиней". Они живутъ, но для чего живутъ? Они сами не знаютъ этого; они не понимаютъ и не захотятъ понять, что жизнь можетъ имѣть какой-нибудь смыслъ, цѣль... Правда, и они кое къ чему стремятся, но... какъ жалки, какъ безцѣльны эти стремленія!... Минскій полѣшукъ копитъ деньги. Онъ питается гнилымъ хлѣбомъ, вонючей рыбой, протухлымъ лукомъ; онъ ходитъ въ рубищѣ, хуже послѣдняго нищаго, живетъ въ грязи и въ нуждѣ; онъ не досыпаетъ ночей, работаетъ, надрывается; онъ не знаетъ отдыха, даже въ праздникъ никогда не заглядываетъ въ церковь, не молится—у него времени нѣтъ: въ праздникъ онъ ловитъ рыбу, не считая это занятіе будничной, повседневной работой... Для чего все это онъ дѣлаетъ? Для того, чтобы скопить деньги, и потомъ собранное въ потѣ лица и въ лишеніяхъ закопать въ землю или пустить по вѣтру. Никакой пользы не приноситъ его работа ни ему самому, ни ближнему. Онъ трудится только для грубой страсти, для наживы, ради нея самой...

Выйдетъ ли минскій полѣшукъ изъ своего грязнаго, жалкаго существованія, и когда выйдетъ, станетъ ли лучше? Теперь онъ—дикарь, но зато не пакостникъ, не воръ. Когда попробуетъ цивилизаціи, онъ поумнѣетъ, но кто поручится, что первое искусство, на которое обратится его новая дѣятельность, не будетъ воровство... Волынскіе полѣшуки куда не такъ дики

не такъ глупы, какъ минскіе. Между нашимъ мужикомъ вы пожалуй, не встрѣтите скряги. Онъ не копитъ денегъ; онъ хорошо сравнительно одѣвается, сытно ѣстъ. Но онъ почти всегда либо воръ, либо пакостникъ, либо ябедникъ, если грамотенъ. И что, однако, хуже всего? То, что полѣшукъ воръ не профессіональный, пакостникъ не отъявленный, ябедникъ только при случаѣ. Профессіональный воръ, по крайней мѣрѣ, знаетъ, что его ремесло—порокъ, что оно не терпимо обществомъ; иногда, а можетъ быть и очень часто, онъ стыдится воровства. Полѣшукъ не считаетъ воровства преступленіемъ. Полѣшукъ крадетъ тогда, когда у него въ домѣ и на гумнѣ полная чаша, когда ему рѣшительно нѣтъ нужды красть. У него большая хорошо устроенная пасѣка, но онъ при первомъ удобномъ случаѣ обдеретъ у сосѣда пчелы; у него полная клуня хлѣба, но онъ не пройдетъ мимо чужой копны, чтобы не утащить, если никто не видитъ, хоть два, три, четыре снопа... Это еще крупное воровство. Бываютъ кражи куда мельче, незначительнѣе. Въ храмѣ Божіемъ вы видите почтеннаго старика, церковнаго старосту. На его рукахъ церковное имущество, церковныя крохи (на Полѣсьѣ нѣтъ богатыхъ церквей), и онъ, этотъ убѣленный сѣдинами и почтённый обществомъ человѣкъ, не постѣсняется взять отъ крохъ, когда никто не видитъ, пять, десять копѣекъ „на чарку": онъ не считаетъ воровствомъ такую мелкую кражу, то есть... можетъ быть и считаетъ, но „не стыдится".

Это удивительная способность—„не стыдиться". Ни въ комъ другомъ помимо полѣсскаго мужика я не замѣчалъ ее, и если дѣйствительно больше она не встрѣчается—слава Богу! Чѣмъ-то безпросвѣтнымъ, глубоко низменнымъ вѣетъ отъ этой способности. Всякую гадость легко сдѣлать, если не стыдиться: можно красть—это „не стыдно"; можно пакостить, потому что „не стыдно" и зло кому-нибудь сдѣлать; можно ябедничать—безпричинно клеветать на невиннаго также „не стыдно"... И это отсутствіе стыда легло въ основаніе всей жизни полѣсскаго мужика, общественной и семейной, въ основаніе его нравственности!...

Я невольно вспомнилъ слова одного полѣсскаго старика—священника, всю жизнь свою посвятившаго на выполненіе по истинѣ великой задачи исправленія и поднятія нравственнаго уровня жизни своихъ пасомыхъ. Этотъ простой, скромный, непримѣтный въ праздной толпѣ, но великій по своей душѣ человѣкъ всегда говорилъ: „Если достигнешь того, чтобы полѣшукъ покраснѣлъ и смутился не отъ страха, а отъ стыда, тогда можешь его перевоспитать. Онъ, какъ дитя не знающее стыда. Но тогда какъ для ребенка первый стыдъ—несчастіе, для него, этого нравственнаго дитяти, стыдъ—спасеніе".

Спасеніе! Но какъ достигнуть его, какимъ образомъ можно устыдить мужика? Я тщательно задумался надъ рѣшеніемъ этого вопроса, но нигдѣ не находилъ на него отвѣта. Напрасно я ломалъ голову, напрасно подбиралъ то тѣ, то другія средства, мотивы: они никуда не годились, были пусты, шаблонны, хотя нѣкоторые и благозвучны... Наконецъ я усталъ и, чтобы перестать думать, началъ сосредоточенно разглядывать и считать звѣзды.

Пришелъ Шелестъ. На крючкѣ его удочки бились двѣ мясистыя рыбки.

— Отъ живци, якъ золото!—говорилъ улыбаясь рыбакъ.—Чипляйте хутчей на шпильку, а то ще поздихаютъ мои пльеточки,—и онъ подалъ мнѣ одну изъ рыбокъ.

Я мигомъ насадилъ ее на крючокъ и забросилъ удочку въ глубину бухты.

Черезъ минуту мы уже опять сидѣли рядомъ на берегу, въ ожиданіи клева. Сесь курилъ неизмѣнную люльку. Я по прежнему блуждалъ по небу отъ одного созвѣздія къ другому.

Должно быть, спустя немного времени я снова набрелъ на то созвѣздіе, которое попалось мнѣ первымъ, когда я взглянулъ на небосклонъ съ желаніемъ разсѣяться и перестать думать. Во всякомъ случаѣ, по этой или иной ассоціаціи, но передо мною опять всталъ навязчивый вопросъ: какъ устыдить мужика?

Не скажетъ-ли Сесь, подумалъ я; быть можетъ, онъ лучше знаетъ, гдѣ найти желанный отвѣтъ. Наконецъ, если и не знаетъ, его мнѣніе на этотъ счетъ все-таки интересно услышать.

— Послушай, Шелестъ,—спросилъ я рыбака,—какъ ты думаешь, можетъ нашъ мужикъ покраснѣть?

— Якъ каэте?

— Я говорю, можетъ ли такой полѣшукъ, какъ нашъ Сарняныця, застыдиться отъ чего бы то ни было?

— Чому; може.

— А что нужно сдѣлать для этого?

— Горьелки не дать ему пить.

— Что?!

— Горьелки, кау, не дайте. Тоды засоромицца.

— То-есть, какъ же это такъ? Ты не понялъ меня, Шелестъ. Я хочу знать: когда мужикъ можетъ устыдиться, если онъ совершитъ какое-нибудь плохое дѣло—напримѣръ украдетъ?

— Я розумьею, панычу. Тылько я вамъ такъ растлумачить не потрафлю, якъ хочу. Оно правду вамъ кау: не дайте Сарняныци горьелки, тоды и стыдъ въ него буде.

— Но какимъ же образомъ? При чемъ тутъ водка?

— Горьелка съ путя чоловъика зводитъ. Коли чоловъикъ пьяница, то вже вэнъ и злодей, и гультяй, и гадъ. Тоды й сорома въ него нема—отъ що.

— Но развѣ у насъ, въ Сарнахъ хотя бы, развѣ у насъ всѣ поголовно пьяницы? Я думаю, есть же такіе, которые и вовсе не пьютъ.

— Е? На 150 хатей чоловъика пять буде.

— Ну?

— Ну. Отъ вамъ и чесны люде. Прохоръ, той, що за старосту бувъ, не пье,—чоловъикъ роботящій, чесный; Иванъ Шапирка, хата его коло млина перша,—также людына добра, сердешна; Григьеръ Кручичувъ, Степанъ Гуньчиныхъ, той що въ батюшки поле горе; Масій Криницки, ще Артемъ—Павла старого внукъ... отъ вамъ и усіе. Не пьютъ и соромъ маютъ, Бога боящца...

Сесь говорилъ правду. Всѣхъ перечисленныхъ имъ мужиковъ я хорошо зналъ, всѣ они были безукоризненно честные и при томъ, какъ онъ выразился, сердечные люди. И они дѣйствительно не пили. Въ самомъ ли дѣлѣ ихъ честность зависѣла отъ того, что они не пили, я опредѣлить не пытался. Ужъ какъ-то очень странно это выходило. Но что примѣры Шелеста были чрезвычайно наглядны и убѣдительны, съ этимъ не согласиться было нельзя.

Больше я его не разспрашивалъ.

Меня начинало клонить ко сну. Приближался разсвѣтъ. Въ воздухѣ уже вѣяло утреннимъ холодкомъ. Востокъ замѣтно алѣлъ, разгорался. Звѣзды одна за другой блѣднѣли и гасли. Туманъ надъ рѣкой подымался все выше...

Я собралъ удочки, простился съ Сесемъ и чуть не бѣгомъ пустился домой.

Когда солнце взошло, я уже спалъ молодымъ богатырскимъ сномъ.

III. Оверко.

(Съ натуры).

I.

Въ зимнюю стужу, словно въ лѣтній полуденный зной, безъ шапки, почти нагой, бѣжитъ онъ по улицѣ. Лохмотья грязной грубаго холста рубашки едва прикрываютъ его тѣло. Обнаженная грудь посинѣла. Ноги, голыя почти до колѣнъ, потрескались; кровь, сочившаяся изъ ранъ, запеклась и засохла багровыми рубцами на кожѣ... А онъ какъ будто не чувствуетъ ни боли, ни стужи. Онъ все бѣжитъ по улицѣ, улыбается и бормочетъ:

— Перецъ... барилце...

За нимъ цѣлая толпа ребятишекъ, одѣтыхъ, обутыхъ, сытыхъ... Толпа смѣется надъ нимъ, дразнитъ его, какъ соба-

ку, закидаетъ снѣгомъ и безъ того окоченѣвшее тѣло несчастнаго... Одни бросаютъ снѣжки, стараясь попасть ему въ голову или грудь, другіе обрываютъ тряпки его рубища, третьи, похитрѣе, норовятъ попасть подъ ноги палкой, чтобы посмотрѣть, какъ при всеобщемъ смѣхѣ и радости онъ грохнется о холодную землю... Но онъ привыкъ къ продѣлкамъ толпы. Онъ ловко перепрыгиваетъ черезъ препятствія, ловко уклоняется отъ ударовъ и все бѣжитъ дальше по улицѣ, все улыбается...

— Перецъ... барилце...

Старики снисходительно смотрятъ, какъ потѣшаются ребятишки.

— Дивиса, Петро,—говоритъ одинъ,—якъ мый Семенъ сньежкою целяе—въ саме тимя!

— Гарно!

— А мый Максимъ,—замѣчаетъ другой,—не потрафляе. Йшовъ бы лепшъ на пьечъ, а то ще палцы поодморожае.

— Ой; чи то хиба холодно?

— Не холодно, а все... змерзне.

— Онъ Оверко цъели день по снегу ганяе голи, й то ему нищо: червони.

— Оверку хиба холодно: вэнъ дурны [1])...

Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ Оверку не холодно. Идіоты развѣ мерзнутъ! Притомъ, не умираетъ же онъ отъ стужи, переноситъ, еще улыбается—Привычка,—и все тутъ...

Только въ одну зиму думали, что Оверка доняла стужа. Какъ-то вечеромъ голодный и холодный попросился онъ къ старой Кунаихѣ переночевать. Добрая баба впустила идіота и даже на печи мѣсто ему отвела. Покормить только дурака не пришло ей въ голову. Черстваго хлѣба цѣлая миска у бабы стояла, да ту свиньѣ нужно было утромъ снести, а свѣжую теплую булку для дурака начинать не хотѣлось.

Легъ Оверко на печь, вспотѣлъ, а заснуть не можетъ. Хоть и дуракъ онъ былъ, все же, цѣлый день не ѣвши, про-

---

1) *Дурны* — идіотъ.

голодался. Наконецъ, день ли онъ только не ѣлъ! Можетъ, и два дня, и три... Лежитъ несчастный, чувствуетъ—животъ у него такъ и стягиваетъ, такъ и ноетъ; горло—и то какъ-будто сжимается. А тутъ, какъ на грѣхъ, ночь видная, мѣсяцъ въ окно свѣтитъ, на столѣ хлѣбъ лежитъ, свѣжій; кажется, паръ надъ нимъ еще подымается.

Терпитъ Оверко... А голодъ не отступаетъ, все больше мучитъ бѣднягу. Полуумные глаза не могутъ оторваться отъ хлѣба. Ноги дрожатъ, руки сами протягиваются къ столу. Только мозгъ дурацкій не поддается. Будь поумнѣе немного, онъ подумалъ бы: грѣхъ это, гадость. Но идіоты развѣ могутъ быть разсудительны!.. А Оверко былъ идіотъ настоящій. Думать онъ даже совсѣмъ не умѣлъ; онъ только чувствовалъ.

Закрылъ Оверко глаза—догадался. Закрылъ и вдругъ задрожалъ весь. Изъ одной булки хлѣба стало множество. Откуда-то,—ноги что ли взялись у нихъ или крылья,—летятъ булки къ самому рту несчастнаго, кружатся надъ его головой; пахнутъ свѣже-испеченнымъ тѣстомъ...

Болѣзненный, тяжелый стонъ вырывается изъ груди идіота. Съ искаженнымъ лицемъ, весь мокрый отъ духоты и волненія, бросается онъ къ столу и впивается зубами въ цѣлую булку хлѣба.

Стонъ Оверка и трескъ опрокинутой имъ и разбитой посудины разбудилъ Кунаиху. Проснулась баба и видитъ—дурень свѣжій хлѣбъ у нея стащилъ и ѣстъ. Возмутилась добрая старуха, думаетъ: вотъ онъ какой! Пріютила я его, обогрѣла какъ добраго, а онъ у меня же красть пошелъ!.. Тихонько поднялась баба, тихонько взяла у печи „вилки́“ [1]), подкралась и по спинѣ вора какъ треснетъ!...

Свѣту не взвидѣлъ Оверко отъ боли и ужаса. Какъ былъ полуголый, вспотѣвшій, такъ и бросился въ дверь.

А на дворѣ стужа была. Злая февральская вьюга жалобно выла.

---

[1]) *Вилки*—ухватъ.

На другой день Оверко опять по улицѣ бѣгалъ, только не улыбался. Мрачно глядѣлъ онъ на провожавшую его толпу ребятишекъ и все что-то бормоталъ непонятное. Вечеромъ онъ забѣжалъ на кухню къ священнику, взобрался на лавку и вдругъ тяжело, порывисто зарыдалъ.

Осмотрѣли Оверка: голова въ огнѣ; глаза горятъ, губы запеклись отъ жару. Уложили бѣднягу, прикрыли; накормили его хорошимъ теплымъ супомъ, лѣкарства дали.

Идіотъ уснулъ...

Къ полуночи жаръ у Оверка усилился. Проснулся онъ, открылъ глаза, смотритъ: опять ночь лунная. Въ кухнѣ свѣтло. Въ углу столъ стоитъ, на столѣ хлѣбъ... Увидѣлъ идіотъ хлѣбъ и задрожалъ опять, какъ листъ въ непогоду. Не помнилъ онъ, что это уже не та страшная ночь, какую пережилъ вчера у бабы Кунаихи,—думалъ, та самая: и хлѣбъ тотъ же, и вилки́ у печи стоятъ, которыми старуха его, вора, била...

Сбросилъ Оверко съ себя теплую свиту, сползъ тихонько съ лавки и убѣжалъ.

На утро хватились дурака—нѣтъ! Обыскали всю кухню, сѣни—нѣтъ дурака! Стали мужиковъ на улицѣ спрашивать: не бѣжалъ-ли куда идіотъ? Никто не видѣлъ.

Только спустя четыре дня показался Оверко въ селѣ. Опять, какъ ни въ чемъ не бывало, бѣжалъ онъ по улицѣ, опять улыбался.

— Перецъ, дядьку, барилце,—бормоталъ онъ, встрѣчая знакомыхъ людей и весело хлопалъ руками ладонь объ ладонь.

Мужики смотрѣли и удивлялись.

— Одужавъ Оверко, не здохъ!

— Ой, хиба коли таке непотрибъ здубицца!

— А все... Тажъ не було ёго бьельшъ якъ три дни. Десь по льеси, собака, бьегавъ.

— Ото й вовкъ ёго не надибавъ!

— Сухе, исты нема чого...

— Подавицца.

А Оверко все улыбался и бормоталъ:

— Здоровъ, дядьку!.. Перецъ, барилце, дядьку... Гмъ!.. перецъ...

— А матеру забивъ?

— Забивъ матеру... Барилце забивъ... Барилце, дядьку... Гмъ!..

— Отъ стерво, болячки на тебе нема. Нащо жъ ты матеру забивъ?

— Забивъ... Барилце впало... барилце...

Словно какое-то облако набѣжало на ухмыляющееся лице идіота. Онъ будто задумался, и двѣ слезинки, видно отъ холода, блеснули у него на глазахъ.

Громадная тщательно слѣпленная снѣжка треснула дурака въ спину.

Встрепенулся Оверко, улыбнулся и побѣжалъ дальше.

— Перецъ... барилце!..

II.

Оверко такъ и родился дурачкомъ. Даже сложеніе у него было дурацкое. Худенькій, съ впалою грудью, болѣзненнымъ цвѣтомъ лица и какъ-то странно горѣвшими карими глазенками, мальчикъ этотъ рѣзко отличался отъ другихъ своихъ сверстниковъ, постоянно свѣжихъ, бодрыхъ и крѣпкихъ. Онъ самъ чувствовалъ свою слабость и всегда избѣгалъ этихъ сильныхъ дѣтей. А они и тогда уже смѣялись и обижали Оверка, хотя и нельзя сказать, чтобы очень любили потѣшаться и колотить дурня. Оверко, сколько бы ни били его, всегда молчалъ и никогда не плакалъ. Бить такого ребенка дѣтямъ не нравилось.

Однако и тогда, когда ребятишки не колотили его, Оверко не любилъ ихъ общества. Соберется, бывало, толпа мальчугановъ, въ игры играютъ, ругаются—весело имъ. А Оверко сядетъ гдѣ-то подъ заборомъ и смотритъ испуганно на толпу.

— Оверко, ходи въ брила [1]) грать—кричатъ мальчуганы.

— Не хочу я.

— Ходи, дурню.

— Грайте собье, я й такъ посежу.

Дѣти начинаютъ ругаться, такъ паскудно ругаться, какъ будто они большіе уже, будто они солдаты.

Оверко ёжится отъ этой ругани и еще больше прячется. На глазахъ его, какъ росинка, блеснетъ одна слеза, другая... Но никто не видитъ этихъ слезъ, никто не пойметъ, отчего туманятъ онѣ горящіе, вдумчивые глазенки мальчика.

Начинается игра, шумная, пересыпанная смѣхомъ и бранью. Больше всѣхъ кричитъ и ругается братъ Оверка—Костенъ. Этотъ совсѣмъ не похожъ на Оверка. Онъ силенъ, веселъ, грубъ, предпріимчивъ. Онъ уже и украсть умѣетъ, что плохо лежитъ, украдетъ и не попадется: ловкій! Мальчишки уважаютъ способности Костена и немного побаиваются его силы.

Костенъ руководитъ игрой.

—Киричка зъ Потапомъ,—командуетъ онъ,—вамъ перестрибукать [2]). Не бачите, чи що, кобъ очи повилазили.

Дѣти бросаютъ палки. Потапъ, бѣлокурый коренастый мальчуганъ, проигрываетъ.

— Кидай шоломка [3]), кидай!

Шоломокъ, брошенный сильной рукой, летитъ слишкомъ далеко. Онъ падаетъ около забора, почти у ногъ притаившагося Оверка.

Дѣти рады этой случайности. Они бросаютъ свои палки уже не въ шапку, а въ голову ненавистнаго мальчика.

---

[1]) *„Брила“*—дѣтская игра на Полѣсьѣ. Она очень несложна и состоитъ въ слѣдующемъ. Дѣти бросаютъ палки, ударяя концами въ землю, такъ что онѣ летятъ рикошетомъ. Чья палка упадетъ ближе другихъ, тотъ бросаетъ шапку, а остальные попадаютъ въ нее.

[2]) *Стрибукать* (мѣстн.)—бросать палку концомъ въ землю. *Перестрибукать*—бросать наново тѣмъ, у кого палки легли рядомъ.

[3]) *Шоломокъ*—суконная шапка, скорѣе четырехугольной, чѣмъ круглой формы.

Оверко молчитъ. Блѣдный, укоризненно, грустно глядя на толпу, поднимается онъ изъ своего уголка и уходитъ. По его золотистымъ вьющимся волосамъ струится алая кровь.

Съ восьми лѣтъ для Оверка наступила еще худшая пора. Начали его пригонять къ работѣ: дрова рѣзать, рубить, воду носить... Старается, бывало, мальчикъ, а силенки нѣтъ. Впалая грудь только выше носится; худенькія, лишенныя мускуловъ рученки обвисаютъ и отказываются служить.

— Ты чомъ дровъ не рубаешь?—крикнетъ на него отецъ.

— Заразъ, тату,—встрепенется мальчикъ. Подниметъ топоръ, замахнется... а тотъ изъ рукъ выскользнетъ и какъ на зло ударится гдѣ-нибудь о старый заржавѣлый гвоздь.

— Тату!—кричитъ Костенъ,—Оверко сокъеру вищербивъ.

— Де?

— Онъ. Вы ему казали дрова рубить, а вэнъ зо злости и гримнувъ еи объ дзвяшокъ.

— Ахъ ты, стерво!..—взбѣленится мужикъ,—я жъ тобье перцу задамъ!

И бьетъ Оверка до крови, до обморока...

Какъ-то разъ вечеромъ (время подъ осень клонилось) сидѣли Костенъ и Оверко на задворкахъ. Костенъ мастерилъ дудку. Оверко смотрѣлъ въ пространство и о чемъ-то усиленно думалъ.

Пришелъ отецъ.

— Отъ що я вамъ скау, хлопцы,—противъ обыкновенія ласково заговорилъ онъ: сёгодня вы мени повинны одне дьело зробить. Только щобъ вмили, не зловивъ би васъ хто.

Братья насторожились. Костенъ самодовольно улыбнулся; Оверко вздрогнулъ.

— Маты каэ,—продолжалъ отецъ,—гуркьевъ въ насъ нема. Тра достать.

— Въ кого?—спросилъ Костенъ.

— Въ попа на Пудбабьи гарны, тай сторожа тамъ немаски [1]). Озьмете по мешечку, до свьета й навибираете...

[1]) Немаски (мѣстн.)=нема.

Мужикъ ушелъ въ хату. Костенъ спряталъ дудку въ возъ и побѣжалъ на улицу.

Только Оверко не тронулся съ мѣста. Онъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, и усиленно тёръ худенькими кулачками свои глаза. Онъ плакалъ...

Наступила ночь. Стихло село. Огни погасли.

— Пора, хлопцы. Отъ вамъ мешки—маршъ!.. Оно глядить, якъ почуете, що хто иде, або стукае, ховайтеся въ межи,— наставлялъ отецъ дѣтей на первую работу.

Костенъ взялъ мѣшокъ.

— Ходи, Оверко.

Оверко вдругъ выпрямился. Еще болѣе сильнымъ огнемъ горѣли его глаза. Золотистые кудри словно сіяніемъ окружали его симпатичное рѣшительное лицо.

— Я не пиду,—заявилъ онъ ровнымъ, спокойнымъ голосомъ.

— Якъ не пидешь? а батько казавъ!

— Не пиду я красти, я не злодьей...

Отецъ уже вышелъ изъ хаты, но на дворѣ услышалъ споръ братьевъ и послѣднія слова Оверка.

— Що ты казавъ?—напустился онъ на сына, вернувшись назадъ.

— Я не буду красти; грьехъ!...

А, то ты онъ якій мудрый, то ты ще будешь мене учить!..

Разъяренный мужикъ хватилъ полѣно... Оверко вскрикнулъ и повалился на землю.

У Оверки сдѣлалась нервная горячка. Полтора мѣсяца пролежалъ несчастный, но выжилъ какимъ-то чудомъ.

Между тѣмъ за это время случилась бѣда съ его отцемъ и братомъ. Какъ-то ночью пробирались они въ челнокѣ къ чужому сѣнокосу. На сѣнокосѣ была вспаханная полоса, на полосѣ стояло въ копахъ готовое просо.

Но они не добрались. Челнъ налетѣлъ на сучекъ громаднаго дуба, свалившагося въ рѣку, Богъ вѣсть когда, и опрокинулся. Отецъ и сынъ утонули.

Оверко остался только съ матерью, злой, отвратительной старухой, которой онъ и раньше боялся больше, чѣмъ отца и брата... Едва только поднялся мальчикъ и оправился отъ тяжкой, изнурившей и безъ того слабое сложеніе, болѣзни, какъ мать завалила его работой. Девятилѣтній ребенокъ уже ѣздилъ самъ въ лѣсъ за дровами, дома ходилъ за скотомъ, рубилъ дрова, даже молотилъ.

И чѣмъ дальше, тѣмъ силы больше его оставляли, и тѣмъ больше злилась и била Оверка жестокая мать.

Наконецъ онъ не выдержалъ...

Разъ старуха избила сына до крови совсѣмъ изъ-за пустяка. Откуда-то досталось бабѣ старое барило. Поставила она его на печь, гдѣ сушились онучи Оверка, а сама сѣла на „полу“ [1]) прясть.

Пришелъ въ хату Оверко, принесъ два ведра воды. Ноги у мальчика были совершенно мокры: нечаянно онъ провалился въ прорубь. Не зная, что на его онучахъ стоитъ барило, онъ, зайдя съ другой стороны печи, потянулъ ихъ къ себѣ и опрокинулъ старый никуда негодный боченокъ.

Барило разбилось... Ругань, проклятія, удары такъ и посыпались на бѣднаго ребенка.

Оверко не выдержалъ. Безъ шапки, босой, онъ бросился вонъ изъ избы и побѣжалъ, самъ не помня куда, по улицѣ.

Нашли Оверка подъ утро за селомъ, на кучѣ навоза, выѣхавшіе въ лѣсъ мужики. У него опять была страшная горячка; онъ метался и бредилъ. Пальцы на ногахъ и уши были отморожены.

Принесли бѣднягу въ хату, положили на печь, стали поить зельемъ.

Ночью бредъ у Оверка усилился. Поднялся мальчикъ въ жару, сѣлъ на печи и смотритъ.

На полу спитъ его мать, злая старуха. Никогда онъ не слышалъ отъ нея добраго слова: одни побои, проклятья, брань...

---

[1]) *Полъ*—широкая скамья, вѣрнѣе топчанъ. Большей частью полъ ставится въ хатѣ около печи.

Что-то непривычное шевельнулось въ груди ребенка... Убить ее... вѣдьму!.. Все равно: не я ее, она меня прикончитъ...

Оверку смѣяться хочется. И смѣяться, и грызть, бить безъ конца родную мать...

— Развѣ она родная?.. развѣ она мать?.. Матери любятъ дѣтей, а эта...

Подлѣ Оверка стоитъ на печи дѣжа съ свѣже-расчиненнымъ хлѣбомъ. Она какъ-разъ надъ головою матери... Сбросить?!..

Руки сами протягиваются...

Глухой стукъ, сдавленный стонъ и хрипѣніе раздаются въ хатѣ.

Оверко съ дикимъ хохотомъ схватывается съ печи и бѣжитъ вонъ, оставляя въ избѣ безжизненный трупъ убитой матери...

Съ той поры онъ сталъ идіотомъ. Съ той поры онъ бѣгаетъ по улицамъ и окрестностямъ села и все улыбается.

— Перецъ... барилце!..

П. Яроцкій.

Рабочіе волы въ Брацлавщинѣ и ихъ номенклатура.

Въ Брацлавщинѣ для хлѣбопашества на тучной черноземной почвѣ, очень тяжелой для обработки, человѣкъ съ незапамятныхъ временъ приручилъ сильнаго и неприхотливаго вола; тѣмъ болѣе ему это было легко сдѣлать, что здѣсь же роскошные луга и сѣнокосы давали обильную пищу этому животному. Гванинъ еще въ XVI вѣкѣ говорилъ: „поля и луга такъ удивительно плодородны, что изъ травы едва видны рога подольскаго вола; земля, однакожъ, тверда и до того камениста, что пахари считаютъ необходимымъ запрягать въ плугъ по двѣнадцать воловъ". И нашъ крестьянинъ до сихъ поръ вѣритъ, что обработать почву можно хорошо только волами. Волъ, по его мнѣнію, созданъ самимъ Богомъ для этой цѣли. Въ апокрифахъ разсказывается, что вскорѣ послѣ грѣхопаденія прародителей Богъ изгналъ изъ рая всѣхъ звѣрей и отдалъ ихъ въ распоряженіе Адама. Адамъ взялъ только воловъ и началъ пахать землю. И съ тѣхъ поръ человѣкъ не перестаетъ разлучаться съ воломъ, самымъ усерднымъ и вѣрнымъ сотрудникомъ его въ способахъ добыванія насущнаго хлѣба, хотя, быть можетъ, слишкомъ медлительнымъ и неповоротливымъ; впрочемъ, человѣкъ охотно прощаетъ ему послѣднее качество, добродушно подсмѣиваясь надъ его неповоротливостью. „Спрытный, яко вилъ до кареты", говоритъ онъ въ своей пословицѣ. Или, характеризуя его нескладную фигуру, рисуетъ его такъ въ своей загадкѣ: „штыри тыки, два патыки, сёме помахайло". За то онъ восхищается его могучей силой, сравнивая его въ загадкахъ съ громомъ, дневнымъ свѣтомъ и звономъ колокола. „Заревивъ

вилъ за сто мыль, за сто гиръ (громъ); сирый вилъ всихъ людей пидвивъ (дневной свѣтъ); крыкнувъ вилъ на сто гиръ, сталы ся сбераты до идноп хаты (звонъ колокола); сири волы до Бога ревутъ (колокольный перезвонъ)."

Нашъ крестьянинъ высоко цѣнитъ рабочую пользу вола и выражаетъ это въ своихъ пословицахъ: „працюе, якъ чорный вилъ; безъ вола хата гола; робы сокырою—сокыру заробышъ, робы воломъ—вола заробышъ; старый вилъ борозны не попсуе." И, зная медлительность вола, онъ оберегаетъ его отъ непосильной работы: „сылованымъ воломъ не наробышся", или „волови дай, положысь и жены по воли." Наконецъ, народъ въ своихъ апокрифахъ дѣлаетъ вола свидѣтелемъ величайшаго мироваго событія.

Что въ Брацлавщинѣ съ незапамятныхъ временъ человѣкъ приручилъ вола и пользуется его услугами, видно изъ слѣдующаго народнаго погребальнаго обычая. Покойника, обыкновенно, везутъ въ Брацлавщинѣ на кладбище на саняхъ во всякое время года, даже среди лѣта, и непремѣнно волами.

Везуть козаченька, везуть молодого
Та сиренькымы волонькамы.

Въ народной загадкѣ Ушицкаго уѣзда этотъ обычай выраженъ такими словами: „бигунчики бижать, ревунчики ревутъ, сухе дерево несуть", т. е. сани бѣгутъ, волы, везущіе ихъ, ревутъ и деревянный гробъ везутъ.

Если покойникъ былъ зажиточный хозяинъ, то въ сани запрягаютъ четыре вола.

Въ Балтскомъ уѣздѣ, разсказывалъ мнѣ старый мѣстный священникъ, еще на его памяти былъ обычай хоронить почетныхъ и зажиточныхъ хозяевъ на саняхъ, въ которые впрягалось четыре *черныхъ* вола; послѣ погребенія сейчасъ же на кладбищѣ пару переднихъ воловъ выпрягали и давали священнику въ даръ въ видѣ платы за погребеніе. Обычай возить покойниковъ черными волами я не распространяю на всю Брацлавщину, потому что не имѣю къ тому достаточныхъ основаній, и думаю даже, что онъ имѣетъ чисто мѣстный харак-

теръ и, быть можетъ, введенъ тамъ молдаванами, заимствовавшими его изъ древне-классическихъ культовъ, гдѣ черный волъ игралъ такую огромную роль въ жертвоприношеніяхъ подземнымъ богамъ. А что черный волъ былъ эмблемой траура среди романскихъ народовъ, это видно изъ слѣдующаго разсказа Тэна: „При папѣ Львѣ X и Лаврентіи Медичи художникъ Пьеро ди Казимо съ своими пріятелями устроилъ процессію „тріумфъ смерти“. Центральное мѣсто процессіи составляли дроги, запряженныя четырьмя черными волами, по которымъ были расписаны бѣлыми красками кресты, черепа и кости. На дрогахъ возсѣдала фигура съ косой въ рукахъ, изображавшая смерть, а рядомъ съ нею уставленъ былъ гробъ, въ которомъ лежалъ человѣкъ, изображавшій собою покойника. При каждой остановкѣ процессіи пѣлись погребальные гимны“.

Несомнѣнно, обрядъ погребенія покойниковъ на саняхъ, въ которыя впрягались волы, очень древній, быть можетъ, введенный еще въ то время, когда ѣзда на колесахъ была неизвѣстна, а для перевозки тяжестей употреблялись только сани; и по консерватизму каждаго культа сани въ погребальномъ обрядѣ сохранились, не смотря на то, что въ обыденной жизни колесная ѣзда съ незапамятныхъ временъ была уже общераспространенной. Для аналогіи я ссылаюсь на употребленіе въ древнихъ культахъ кремневыхъ орудій при обрядовыхъ жертвоприношеніяхъ въ то время, когда металлическія орудія были употребляемы повсемѣстно въ житейскомъ обиходѣ. А что обычай погребенія покойниковъ на саняхъ старый, видно изъ древне-русскихъ словесныхъ памятниковъ. Въ лѣтописи разсказывается, что останки Владиміра Святого „возложьше на сани, везъше поставиша и въ святѣй Богородицѣ, юже бѣ сдалъ самъ“. Въ поученіи Владиміра Мономаха говорится: „на далечи пути на санехъ сидя“, т. е. приближаясь къ могилѣ. Отсюда древне-русское выраженіе „на санѣхъ сидѣти“, близкое къ теперешнимъ малорусскимъ образнымъ выраженіямъ: „дуба давъ“ и „пишовъ козы пасты“. Отсюда я, кажется, въ правѣ заключить, что если употребленіе саней въ погребальномъ

обрядѣ очень древнее, то и запряжка воловъ въ сани при томъ же обрядѣ не менѣе древня. Поэтому, если это мое положеніе вѣрно, то изъ него я дѣлаю выводъ, что южно-русское населеніе съ незапамятныхъ временъ пользовалось воломъ, какъ домашнимъ животнымъ, и потому имѣло время и возможность выработать ономатологію рабочихъ воловъ съ большой точностію и ясной опредѣленностію, съ чѣмъ я хотѣлъ бы познакомить читателя, на сколько у меня хватитъ силъ и средствъ.

Но такъ какъ классификація этой номенклатуры находится въ нѣкоторой зависимости отъ тѣхъ породъ воловъ, какіе нѣкогда существовали на югѣ Россіи, гдѣ живутъ въ настоящее время ихъ потомки, то я считаю умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ объ исторіи этихъ воловъ. Прародителемъ нашихъ воловъ ученые считаютъ Bos etruscus, ископаемая форма быка изъ пліоцена Италіи. Изъ этого ствола получились вѣтви: азіатская—Bos nomadicus и европейская—Bos primigenius (туръ) и Bos brachyceros (короткорогій), которые считаются родоначальниками нашего быка (Bos taurus, domesticus). Когда европейскіе народы приручили вола, мы не знаемъ; существуетъ даже мнѣніе, что народы, переселившіеся изъ Азіи въ Европу, принесли съ собой искусство приручать вола, а быть можетъ, привели съ собой уже прирученныхъ животныхъ. Во всякомъ случаѣ исторія не знаетъ времени прирученія воловъ, а преданія европейскихъ народовъ отодвигаютъ это время къ очень отдаленнымъ эпохамъ. Наши южноруссы, какъ мы уже говорили, относятъ время прирученія ко временамъ грѣхопаденія перваго человѣка; миѳы классической Греціи утверждаютъ, что еще Діонисъ научилъ грековъ впрягать воловъ въ плугъ; а Овидій въ своихъ „Превращеніяхъ“ говоритъ, что быки уже въ серебряный вѣкъ мычали подъ гнетомъ ярма.

Tum primum subiere domus. Domus antra fuerunt
et densi frutices et vinctae cortice virgae.
Semina tum primum longis Cerealia sulcis
obruta sunt, pressique jugo gemuere juvenci.

О существованіи въ древнѣйшую эпоху короткорогаго вола (Bos brachyceros) свидѣтельствуютъ находки, сдѣланныя

въ свайныхъ постройкахъ. Порода этихъ быковъ водилась въ горныхъ странахъ и теперь уже вымерла. Но отъ этихъ коротко-рогихъ быковъ, несомнѣнно, произошли тѣ темнокрасныя породы домашнихъ воловъ, которые еще теперь водятся въ Баваріи и Швейцаріи. Тѣ же породы водились и въ классическихъ странахъ, потому что римскіе писатели очень расхваливаютъ рабочую силу гальскихъ быковъ и молочность коровъ. Несомнѣнно, къ той же породѣ надо отнести комолыхъ или, по нашему, „шутыхъ" быковъ, которыхъ разводили Скиѳы въ нашихъ южно-русскихъ степяхъ во время Геродота и Гиппократа. Мнѣ кажется, говоритъ первый, что такъ называемая комолая порода быковъ по той же причинѣ (сильнаго холода) не имѣютъ тамъ роговъ". Второй, говоря о кибиткахъ Скиѳовъ, отмѣчаетъ, какъ интересную особенность: „въ эти повозки запрягаютъ по двѣ и по три пары безрогихъ воловъ: рога у нихъ не растутъ отъ холода".

Въ южной Россіи сохранилась темно-красная порода воловъ, перешедшая къ намъ изъ альпійскихъ странъ или оставленная въ наслѣдство намъ Скиѳами, но отъ смѣшенія ея съ сѣрой породой она большею частію теряетъ свой первоначальный темный цвѣтъ, который переходитъ въ красный, рыжій и свѣтлорыжій.

Но гораздо распространеннѣе у насъ на югѣ Россіи, съ рѣзкими отличіями отъ предыдущей, степныя породы быковъ, сохранившія свою чистоту главнымъ образомъ въ Венгріи. Юлій Липертъ въ своей „Исторіи культуры" говоритъ: „естество-испытатели объясняютъ происхожденіе этой породы прирученіемъ туземнаго дикаго быка. Быки этой породы одинаковаго цвѣта: или бѣловатаго, или сѣраго, и имѣютъ далеко расходящіеся рога. Въ Россіи, Румыніи, Венгріи и прилегающей къ ней Штиріи, они водятся еще въ прежнихъ мѣстахъ своего распространенія, но черезъ Ѳракію эта порода перешла также къ Грекамъ, а черезъ Альпы къ Римлянамъ. Во Ѳракіи и на островѣ Эвбеѣ существовала порода бѣлыхъ быковъ, и въ средней Италіи бѣлая порода этого животнаго съ громадными рогами является весьма

распространенной, между тѣмъ какъ Варонъ еще говоритъ, что эти животныя были тамъ не особенно многочисленны. Слѣдовательно, они часто являлись здѣсь благодаря сношеніямъ римлянъ съ Сѣверомъ, частью же, быть можетъ, позже были перенесены сюда готами или лонгобардами изъ степей Панноніи". Эти двѣ породы воловъ—темно-красная и сѣрая—классифицируютъ номенклатуру воловъ по цвѣту шерсти, и потому клички воловъ, характеризуемыя цвѣтомъ масти, распадаются на два отдѣла. Первый отдѣлъ обнимаетъ восемь основныхъ цвѣтовъ масти, образуя какъ бы шкалу масти темно-красной, начиная отъ свѣтло-желтой до темно-коричневой въ такомъ порядкѣ:

1) Ляшокъ, бѣлый съ желтымъ отливомъ—цвѣтъ, называемый нашими дамами песочнымъ.

2) Половый, сѣрый съ желтымъ отливомъ—цвѣтъ, вѣроятно, получилъ названіе отъ пшеничной половы, т. е. мякины.

3) Лынокъ, свѣтло-рыжій цвѣтъ, вѣроятно, названіе получилъ отъ рыбы „лынъ".

4 Рудый, рыжій.

5) Гнидый, гнѣдой масти

6) Карась или куропатка, якъ голендерска корова—несомнѣнно цвѣтъ оперенія куропатки.

7) Калына, червоный.

8) Дыманъ, темно-коричневый, цвѣтъ капуцинскаго сукна.

Второй отдѣлъ заключаетъ въ себѣ цвѣтъ, начиная отъ бѣлаго и кончая чернымъ включительно; цвѣта располагаются въ такомъ порядкѣ.

1) Баланъ, бѣлая масть; баланъ—слово молдавское, означаетъ свѣтлаго блондина и бѣлую масть животныхъ.

2) Сирый, сѣрая масть.

3) Мазій, темнѣе сѣраго—пепельнаго цвѣта.

4) Голубый, темно-сѣраго цвѣта.

5) Соловей, вѣроятно получилъ названіе отъ оперенія соловья.

6) Сывакъ, темнѣе предъидущаго цвѣта.

7) Мургій, почти чернаго цвѣта, „нибы осмаленный", въ Гайсинскомъ уѣздѣ воловъ этой масти называютъ „смаглій".

8) Караманъ, черный; слово несомнѣнно турецкаго происхожденія.

Но клички воловъ по мастямъ этимъ не ограничиваются; ихъ еще есть много для выраженія оттѣнковъ цвѣтовъ, помѣси цвѣтовъ и отмѣтинъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

1) Босый, бѣлокопытый.

2) Брова, чернобровый.

3) Вовкъ, темно-сѣрый и угрюмый

4) Горобець, цвѣта опереніи воробья.

5) Грижпань; этой масти мнѣ не удалось опредѣлить.

6) Желѣзнякъ, масть свѣтлѣе *дымана* и темнѣе *калыны*.

7) Зозуля, темнѣе *голубого* и свѣтлѣе *соловья*.

8) Король, масть свѣтлѣе *балана*.

9) Ласій, имѣющій брюхо и конецъ хвоста бѣлаго.

10) Лысыця, съ малой бѣлой отмѣтиной на лбу.

11) Лысый, съ большой бѣлой отмѣтиной на лбу.

12) Лысый черный, черный волъ, съ бѣлой отмѣтиной на лбу.

13) Муружка и муруга, обыкновенно сѣро-бѣлой масти съ продольными узкими полосами другого цвѣта, „пасмугами или пасмами, нибы батогомъ побытый." Эти полосы всегда бываютъ болѣе темнаго цвѣта, отчего волъ кажется побитымъ грязнымъ кнутомъ.

14) Папировый, масть свѣтлѣе *короля*, билый якъ папиръ.

15) Перистый или перьянъ, съ бѣлой широкой полосой, опоясывающей туловище вола, какъ поясомъ.

16) Рябый, съ разнаго цвѣта пятнами по основной масти.

17) Рябый черный (черный волъ съ бѣлыми пятнами).

18) Сывакъ-мургій (масть между *сывакомъ* и *мургіемъ*).

19) Сывачокъ (тоже что сывакъ).

20) Сывый (тоже что сывакъ).

21) Сыныця (масть темнѣе *дымана*).

22) Тарганъ (масть дымчатаго цвѣта).

Но каждый хозяинъ, какъ извѣстно, стремится подобрать найвозможнѣйше парныхъ воловъ, сходныхъ не только по цвѣту, но и по другимъ статьямъ, стараясь довести сходство воловъ до тождества, поэтому хорошо подобранная пара воловъ всегда выше цѣнится, чѣмъ плохо подобранная.

Наши чумаки въ старину обыкновенно съ этой операціи начинали свое чумацкое дѣло, собираясь въ дальній путь.

Задумалы чумаки въ дорогу.
Поробылы соби возы нови,
Поробылы ярма кленови,
Поробылы занозы дубови,
Покупылы волы половыи,
Покупывши тай попарувалы.

И какъ откликъ этого сходства воловъ въ парахъ, находимъ въ словообращеніяхъ чумацкихъ пѣсенъ:

Волы мои сыви половіи, и тонки у васъ роги,
Сходылы вы съ чумаченькомъ двi крымскіе дороги....
Волы мои сири половіи,
У васъ кари очи...
Ой волы жъ мои та сиренькіи,
Хтожъ надъ вамы паномъ буде...
Ой волы жъ мои сыви голубки,
Ой яки жъ вы добри,—
Ой стоите въ возахъ та ярмахъ
По три дни голодни ..
Тай волы жъ мои сири—половіи,
Чому жъ не орете?...

Но эти словообращенія во множественномъ числѣ умѣстны только въ томъ случаѣ, когда они обращены къ обоимъ воламъ. Напримѣръ, при подбадриваніи: гей, гей сири или половіи! или при сдерживаніи быстраго ихъ хода: ча, ча, сири половіи! и проч. При обращеніи же въ единственномъ числѣ, звательный падежъ сырый, половый и проч. можетъ быть употребленъ въ

томъ случаѣ, когда волы въ парѣ имѣютъ различныя клички, хотя они могутъ быть одномастные; въ противномъ случаѣ, т. е. если-бъ оба вола имѣли одну кличку по масти, ни одинъ изъ нихъ въ парѣ не зналъ бы, къ кому обращена рѣчь; и „погонычъ“ былъ бы тогда въ большомъ затрудненіи управлять волами, тѣмъ болѣе, что у него нѣтъ въ распоряженіи возжей, какъ при управленіи лошадьми, а только короткія приказанія: собъ или ксоби, сирый!—говоритъ онъ лѣвому или „подручному“ волу, когда хочетъ повернуть налѣво. „Цабе, рижокъ!“ приказываетъ онъ правому или „борозному“, когда хочетъ повернуть направо и т. д. [1]).

Поэтому одномастнымъ воламъ въ парѣ стараются дать клички разныя; съ этой цѣлью пользуются разнообразной формою роговъ и создаютъ цѣлую систему кличекъ по рогамъ. Такимъ образомъ, пара одномастныхъ воловъ получаетъ двѣ различныя клички, одна изъ коихъ характеризуетъ масть вола, а другая форму роговъ, поэтому рядомъ съ кличками по масти получаются разнообразныя клички воловъ, характеризуемыя формою ихъ роговъ. Вотъ списокъ этого рода кличекъ:

1) Баранъ (рога, какъ у барана, концы ихъ загнуты назадъ.).

2) Гузокъ (рога малые, и самъ онъ малый).

3) Гула (малые, прямые, коническіе рога, какъ обыкновенно у воловъ, кладенныхъ по достиженіи полнаго развитія.

4) Заяцъ (рога прямые, толстые и приподнятые вверхъ, какъ у настороживщагося зайца).

5) Кугутъ (прямые рога, расходящіеся подъ тупымъ угломъ—„розложисты рогы,“ при томъ волъ „чипурный“—бодрый).—

---

[1]) Погонычъ, правящій волами во время вспашки поля, всегда идетъ подлѣ воловъ съ лѣвой стороны, и потому лѣвые волы всегда у него подъ его правящей рукой, оттого лѣвые волы называются „подручными“, а окрикъ: „ксобя, собъ“, т. е. къ себѣ, къ лицу правящему—погонычу, выражаетъ требованіе поворота налѣво; олы же, запряженные съ правой стороны, и потому идущіе по свѣже-вспаханной бороздѣ, называются борозными, а окрикъ „цабе“—направо выражаетъ противоположное направленіе предыдущему, т. е. въ противную сторону отъ правящаго.

6) Козій (рога у него тоже „разложистые," но кончики ихъ закручены наружу).

7) Козырокъ (рога расходятся въ противоположныя стороны почти горизонтально, кончики же ихъ загнуты внутрь).

8) Космына (неправильно посаженные на головѣ рога: одинъ имѣетъ наклонъ напередъ, другой—назадъ).

9) Косый (тоже что космына)

10) Коцюба (рога разложистые, выступающіе впередъ, съ концами, загнутыми наружу).

11) Орелъ (рога у него поднимаются вертикально вверхъ съ кончиками, загнутыми назадъ; такіе же рога у цапка, но у послѣдняго гораздо меньше, чѣмъ онъ и отличается отъ орла).

12) Рижокъ (слабо разложистые, т. е. мало расходящіеся вверху рога, они тонки и прямы. По мнѣнію знатоковъ и цѣнителей, это самые красивые рога).

13) Рега (тоже что гула, волъ съ широкимъ лбомъ, „мало що втикъ видъ бугая (быка), бо реве въ ярми").

14) Турко (рога отъ основанія разложистые, но уже съ середины загибаются внутрь, и концы ихъ наверху почти сходятся.

15) Халабуда (большіе, выступающіе впередъ рога, концы коихъ закругляясь почти сходятся вверху).

16) Цапокъ, (тоже что орелъ, только рога гораздо меньше).

17) Шулякъ (рога внизъ опущены, такъ что концы ихъ опускаются ниже лба).

18) Шутый (рога очень маленькіе или совсѣмъ безрогій волъ).

Но при неуклонномъ стремленіи подобрать воловъ, сходныхъ не только по масти, но и по рогамъ, часто получается такое поразительное сходство воловъ, что этихъ кличекъ, по масти и по формѣ роговъ, бываетъ недостаточно, и тогда чувствуется необходимость подыскать клички изъ другихъ характеризующихъ вола свойствъ и индивидуальныхъ особенностей,

либо по его наружному облику или виду, то, что называется habitus, либо по его характеру, указывающему на его дурныя или хорошія кечества. Вотъ клички этого рода:

1) Бадя (лѣнивый волъ).

2) Бамбула (непроворный, медлительный—неповоротливый).

3) Блызнюкъ (близнецъ (?), или чрезвычайно схожій съ воломъ, ходящимъ съ нимъ въ парѣ).

4) Блындарь (волъ, который коситъ ногами).

5) Буянъ (самовольный волъ, упрямый и недисциплинированный).

6) Вертунъ (хитрый волъ)

7) Веселый (бодрый, имѣющій веселый видъ волъ)

8) Вныкъ (волъ, помахивающій часто хвостомъ)

9) Вьюнъ и вьюнокъ (вертлявый и живой волъ)

10) Глычка (кущавый, т. е. тонкій волъ).

11) Госачъ (горячій волъ).

12) Гостякъ (волъ, трудноооткармливаемый и худой).

13) Грабчакъ (высокій, тонкій и лѣнивый волъ).

14) Губатый (волъ съ большой мордой).

15) Дзвинокъ (рослый, веселый, красивый волъ).

16) Драитывый (некрасивый или слабый волъ).

17) Деркачъ (тонкій и высокій волъ, который не мае живота).

18) Жмурка (волъ, который жмуритъ глаза).

19) Каплунъ (хитрый).

20) Коваль (тупый въ ходу, почему кажется лѣнивымъ).

21) Кодый или кодій (толстый волъ съ толстыми ногамы).

22) Козакъ (красивый волъ, но хитрый).

23) Комаръ (дуже худый вилъ, т. е. тощій).

24) Куцый (безхвостый волъ)

25) Кислыця (навиженый вилъ, т. е. необузданный, сумасшедшій).

26) Лоба (волъ съ громаднымъ лбомъ и разложистыми рогами).

27) Лохматый (череватый волъ, т. е. толстый съ большимъ брюхомъ).

28) Мотовило (вилъ которій крутыть головою, якъ его запрягають въ ярмо).

29) Патлатый (волъ съ длинной шерстью).

30) Перепылыця (маленькій волъ но хитрый).

31) Плева (кущеватый волъ т. е. тощій съ разложистыми рогами).

32) Постилъ (волъ съ широкими ратыцямы то-есть копытами).

33) Рачокъ (маленькій волъ съ небольшими рогами, выступающими впередъ).

34) Степокъ (дикій волъ).

35) Страшокъ (волъ половой масти, но съ рогами какъ у рожка).

36) Сучокъ (маленькій волъ).

37) Шкода (пакостный волъ, котораго трудно уберечь на пастбище, такъ какъ онъ при удобномъ случаѣ забирается на посѣвы или на хлѣба).

38) Шмалко (вилъ, котрій шмолко, т. е. быстро ходыть).

39) Ягныця (маленькій и слабый волъ).

40) Чубрій или чупрій (вилъ который мае чубъ межы рогамы).

41) Швейнога (волъ, у котораго задніе ноги у колѣна такъ близко соприкасаются, что толкаютъ другъ друга).

Въ большихъ экономіяхъ, гдѣ ежегодно бракуютъ воловъ и замѣняютъ ихъ вновь купленными, производится сортировка и подборъ воловъ при составленіи „тягла" для плуга, для котораго нужно обыкновенно отъ трехъ до четырехъ паръ воловъ. Поэтому „погоничамъ", какъ мы видѣли уже раньше, очень важно, чтобы въ тяглѣ, не было одноименныхъ кличекъ, такъ какъ это затрудняло бы ихъ при управленіи волами. Съ этой цѣлью переименовываютъ вновь купленныхъ воловъ въ томъ случаѣ, если они носятъ клички такія, какія имѣютъ волы въ тяглѣ стараго состава. Чаще всего даютъ кличку такимъ воламъ

по имени его стараго хозяина или по имени дѣвицы, возлюбленной парубка. Въ моемъ спискѣ записаны слѣдующія клички воловъ этого рода:

1) Аврамъ, 2) Антонъ, 3) Бессорабъ, 4) Богасъ, 5) Бурдюганъ, 6) Волощукъ, 7) Галакъ, 8) Гнатюкъ 9) Гриша, 10) Григорій, 11) Дегтярюкъ, 12) Дегтяръ, 13) Дорофтей, 14) Дуцька, 15) Дячекъ, 16) Ефтымъ, 17) Жабка, 18) Жмостой, 19) Зубокъ, 20) Калынь, 21) Катерина, 22) Костырь, 23 Козьма 24) Кучуньскій, 25) Лукіанъ, 26) Макаддзеба, 27) Маланка, 28) Малёваныю, 29) Мотыма, 30) Мымыта, 31) Наталка; 32) Наумъ, 33) Олекса, 34) Онысько, 35) Пахентій, 36) Пурыпъ, 36) Жведокъ, 38) Свыстунъ, 39) Семенъ, 40) Старшына, 41) Серафымка, 42) Тендерында, 43) Тыхонъ, 44) Ѳома, 45) Хорытонъ, 56) Чумакъ, 47) Щуръ, 48) Юрчаръ, 49) Явдоха, 50) Явтухъ.

Остается вписать сюда еще нѣсколько кличекъ, которыхъ мѣсто среди другихъ я не могъ найти, такъ какъ въ натурѣ я не встрѣчалъ воловъ съ этими кличками, а опредѣленія, даваемыя имъ свѣдующими людьми были столь неопредѣленны и неясны, что я не рѣшился ихъ записать. Вотъ эти неизвѣстныя мнѣ клички: 1) Горошекъ, 2) Гребынегь, 3) Мазюкъ, 4) Мейка, 5) Малько, 6) Мынсакъ, 7) Мейкъ, 8) Никуда, 9) Негатарь, 10) Острамысля, 11) Порванный, 12) Пшонка, 13) Тыльныкъ, 14) Рыбакъ, 15) Свымянка, 16) Слызнякъ, 17) Сынякъ, 18) Цыбыкъ, 19) Чайка, 20) Чугаина и 21) Шпыра.

Теперь остается сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ я составилъ списокъ кличекъ воловъ. Съ этой цѣлью прежде всего обратился съ просьбой къ управляющему Тростянецкимъ имѣніемъ (Тростянецъ мѣстечко Брацлавскаго уѣзда Подольск. губ.) Александру Михайловичу Довгирту прислать мнѣ изъ всѣхъ экономій, ввѣреныхъ его управленію, инвентарные списки воловъ. Онъ любезно исполнилъ мою просьбу и прислалъ четыре списка: 1) изъ Тростянецкой экономіи со ста кличками, 2) Стратіевской 58, 3) Севериновской 54, 4) экономіи на жалобахъ—34, всего съ 246 кличками. Изъ этихъ списковъ я составилъ одинъ алфавитатный съ 168 кличками, менѣе, конечно, противъ экономи-

ческихъ списковъ, т. к. я при составленіи своего списка отбросилъ повторяющія одноименныя клички. Затѣмъ, при помощи знатока, помощника эконома, атамана и нѣсколькихъ парубковъ, состоявшихъ при волахъ, я записалъ опредѣленія, характеризующія клички воловъ, которыя и привелъ выше. Осталось мнѣ только провѣрить, какъ широко распространены эти клички въ этой мѣстности. Съ этой цѣлью во время возки свекловицы на Тростянецкій сахарный заводъ изъ округа, съ радіусомъ въ 30 верстъ, я со своими экономами, служащими въ заводѣ, сталъ опрашивать крестьянъ о кличкахъ ихъ воловъ и сравнивалъ съ своимъ спискомъ. Списокъ оказался составленъ вѣрно и раіонъ распространенія собранныхъ мною кличекъ довольно обширенъ. Теперь я живу въ Гайсинскомъ уѣздѣ и знакомлюсь съ мѣстными кличками воловъ, оказывается, что онѣ очень сходны съ брацлавскими съ очень небольшими измѣненіями.

Г. Гайсинъ. 1898 г. 14 мая.

С. Венгрженовскій.

„Filar Wiary“

вновь найденное сочиненіе Лазаря Барановича.

I.

Галятовскій въ посвященіи своего труда „Stary Kościoł zachodni“ [1]) такъ пишетъ о архіепископѣ Черниговскомъ, Лазарѣ Барановичѣ:

„Masz wielką mądrość y naukę którey nauki albo mądrości przez pracę swoię w młodym wieku po różnych Akademiach y Kollegiach, to w Wilniu, to w Kiiowie, to w Kaliszu z pilnością się starałes dostąpić... Te dary od Boga sobie darowane inszym też ludziom daruiesz, a przez nich do morza głębokiego Boga, na pomnożenie chwały Bożey obracasz; bo naprzód z Cathedry szkolney ucząc w Collegium Kiiowskem młodzi dla dostąpienia wyzwolonych nauk zgromadzoney podawałeś, gdy Philosophią tradowałeś, potym z Cathedry kaznodzieyskiey w Cerkwiach różnych Narodom róznym naukę zbawienną przepowiadałeś... Teraz świątobliwość T. iuż naukę swoią nie tylko ustnie z Ambony Cerkiewney, ale y Xięgami swemi Chrześcianom Prawosławnym podaiesz, gdy z Typographiey *Miecz*, *Trąby*, *Lutnię*, *Miarę*, *Żywoty S. S.*, *Xięgę Rodzaiu Xięgę Smierci y Xięgi insze* światu podałeś...

---

[1]) Stary Kościoł zachodni nowemu Kościołowi rzymskiemu pochodzenie Ducha S. od Oyca samego nie od Syna pokazuie 1678, 2 и 3 ненумер. стр.

Далѣе Галятовскій хвалитъ Л. Барановича за его добродѣтели и щедрость, благодаря которой было выстроено и обновлено много церквей, и наконецъ перечисляетъ всѣ должности и почетныя званія, которыми архипастырь былъ награжденъ за свои труды.

Для насъ важно это краткое перечисленіе трудовъ Л. Барановича, данное Галятовскимъ до 1678 года,—важно потому что является свидѣтельствомъ современника, и потому еще, что вообще въ спискахъ трудовъ Барановича, данныхъ библіографами нашего времени, мы находимъ нѣкоторое несогласіе, порою же—неполноту. Задачей нашей будетъ прежде всего—выяснить, что изъ богатой южно-русской литературы XVII вѣка принадлежитъ перу Барановича, а за симъ указать на одинъ памятникъ, не отмѣченный ни кѣмъ, хотя среди отмѣченныхъ напр. Эсрейхеромъ—есть кое какіе, внушающіе подозрѣніе.

Что это были за „księgi insze", о которыхъ упоминаетъ Галятовскій? Попробуемъ опредѣлить число изданій и сочиненій Барановича, положивъ въ основаніе, какъ несомнѣнное, свидѣтельство Галятовскаго и въ помощь ему—данныя, сообщаемыя библіографами. Краткія свѣдѣнія даетъ преосв. Филаретъ [1]), П. М. Строевъ [2]), болѣе-же подробныя находимъ въ монографіи Н. Ѳ. Сумцова [3]), затронувшей матеріалъ, неизвѣстный другимъ, и въ монументальномъ трудѣ Эстрейхера [4]).

Н. Ѳ. Сумцовъ, какъ самъ сообщаетъ [5]), пользовался при составленіи своего списка трудовъ Барановича хронологическимъ указателемъ Ундольскаго, указателемъ А. Попова къ библіотекѣ Хлудова, указателемъ Московскаго Архива Иностранныхъ

---

[1]) Преосв. Филаретъ. Обзоръ русской духовной литературы, изд. 3. 1884 г. стр. 207—208.

[2]) П. М. Строевъ. Библіологическій словарь 1882, стр. 185—186, и Черниг. Епарх. Вѣд. 1864 г. неоф. ч. стр. 423,

[3]) Н. Ѳ. Сумцовъ. Къ исторіи южно-русской литературы семнадцатаго столѣтія. I, Лазарь Барановичъ. Харьковъ 1895.

[4]) Estrejcher. Bibliografia Polska. Część II, t. I, Ogólnego Zbioru t. VIII. Kraków 1882.

[5]) Сумцовъ. Лаз. Барановичъ стр. 36.

дѣлъ и помянутой выше статьей Строева, статьею Максимовича въ III томѣ его сочиненій (книжная старина южноруссовъ) и нѣкоторыми другими, не названными пособіями; въ числѣ ихъ были между прочимъ и „Historya literatury polskiej“ Вишневскаго. Что до Эстрейхера, то списокъ данный имъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ полнѣе, составленнаго г. Сумцовымъ.

Нижеслѣдующій списокъ составляю, главнымъ образомъ руководствуясь данными Галятовскаго, экземплярами И. Публ. Библ. въ СПБ., по которымъ описаны отмѣченные * номера. Этотъ основной списокъ дополняю данными Сумцова, Эстрейхера, Строева и Филарета, обозначая ихъ для краткости чрезъ буквы С, Э, Стр. Ф. Правописаніе подлинника вездѣ сохранено.

I* **Меч Дх҃вный | еже есть гл҃ъ Бж҃ій. | на помощъ Цр҃кви Воюющей, | изъ устъ Хв҃ыхъ поданый. | или | книга проповѣдї слова Бж҃го | юже соωружи | Гд҃у поспѣшествующу и слово утверждающу, | Лазаръ Барановичъ | Еп҃пъ Черн҃ѣговскій Новгородскій и проч; | Типомъ издадеса въ ст҃ой великой | чудотворной Лаврѣ Печерской Кієвской. | Въ лѣто ω Созданія Міра, зрод. | ω Рождества же Хв҃а ҂ахзѕ** (1666). Въ листь 28 нен.+ѕзд+ 3 нен. стран.

Выписанное заглавіе стоитъ въ срединѣ виньетки, занимающей весь заглавный листъ. Въ самомъ верху херувимъ съ мечами въ рукахъ. Подъ нимъ Христосъ—Царь на конѣ ведущій въ бой конные полки святыхъ; ниже „два меча“—пр. Давидъ и ап. Павелъ (между ними помѣщается заглавіе)—оба съ мечами: на одномъ написано „ветхій завѣтъ“—на другомъ „новый завѣтъ“. Внизу слѣва лежатъ апостолы Іоаннъ и Іаковъ Зеведеевъ; — справа вел. муч. Екатерина и Варвара. Въ самомъ низу—морское сраженіе на ладьяхъ Христа со святыми противъ антихриста съ какими то людьми въ круглыхъ шляпахъ съ полями. Изъ устъ тѣхъ и другихъ—мечи.

На оборотѣ вирши „на его пресвѣтлаго Царскаго Величества знаменіе“. Самое „знаменіе“—на I-й ненум. стр.: Вверху крестъ, ниже орелъ, и генеалогическое древо. По сторонамъ сверху: звѣзды и три короны, ниже—Богородица и

Христосъ, орелъ побивающій птицъ и Георгій Побѣдоносецъ. Въ самомъ низу, по сторонамъ древа—свв. Борисъ и Глѣбъ около пальмъ, на вершинѣ которыхъ гнѣзда съ орлятами.

На 2 нен. стр. обращеніе къ царю Алексѣю Михайловичу, на 19 нен.—къ читателю.

Предъ каждымъ словомъ далѣе—картина на соотвѣтствующій праздникъ [1]).

II* Żywoty | Świętych | ten Apollo pieie | jak ci działali | Niech tak kożdy dzieie. | Na blogosławiącą Rękę Jako na Takt jaki patrząc | Jaśnie przewielebnego w Bogu Je° Mosci Oyca | Łazarza Baranowicza | Archiepiskopa Czernihowskiego | Nowogrodskiego et caet. | Chwálcie Boga w Swiętych iego. Psalm: 150 | Spiewalismy wam, à nie skakaliscie. Mat. 11. | Z Typográphiey Kijowo-Pieczarskiey. | Roku Panskiego, 1670. | 4°; на обор. тит. листа посвященіе „Krolowi wiekow"... стр. 4 нен.+404. (послѣдніе 32 заклеены на верху въ экз. СПБ. Публ. Б. [2]). Кромѣ того къ нимъ приплетена рукопись уставомъ XVIII в., содержащая:

1) **Ѡ седми седмицъ настоѧщаго вѣка, иже есть чл҃ческаго житїѧ ꙗкѡ оуко седмероучисленнымъ изъмѣренїемъ исполнѧютсѧ днї и лѣта человѣкомъ даже до совершенїѧ возраста человѣческа и средовѣчнаго и старости.**

2) **Молитва: ѡ великїи царю вседержителю** miłostiwyi Hospodi Isuse Christe Boże nasz...

III. Apollo Chrześciański. Kijów. 1670. pierar. (sic) Э. Не есть-ли это — ниже описанное IV * сочиненіе, съ невѣрно переданнымъ заглавіемъ, что у Э. нерѣдко?

IV* Lutnia | Apollinowa | Kożdey | sprawie gotowa | Na błagosławiącą rękę iako na takt iaki patrząc | iasnie w Bogu przeoswieconego | iego mosci oyca | Łazarza Baranowicza | archiepiskopa czernichowskiego | y wszytkiego Siwierza, | z Typographiey Kijowo-Pieczarskiey. | Roku Panskiego, 1671. 4°. На обор. титульн. листа гербъ и стихи. Стр. 4 нен+552+32 нен. [3]).

1) Второе изданіе вышло въ 1686 г. *С*. Э, Ф. 207 стр., Стр. 185.
2) Книга посвящена царевичу Θеодору Алексѣевичу. *С*, *Э*, *Ф*. 207 стр.
3) *С*, *Э*, *Ф*.—(„Лира Аполлонова" стр. 208).

V. Rozmowy o wierze. Kijów. 1671. Э.

VI* **Трубы на дни | Нароченытыхъ праздникωвъ | Гдских, Бгородичны, аплски, | Пророческихъ, апскій, мученическій, | стлскихъ, чудотворцωвъ, Бесребреникωвъ, Благочестиваго Цря и | Кнзей, и про: иже Лазаръ | Барановичъ Мтію Бжією | Пракосла: Архіеппъ: Черніговскій Новгорос: | и про: Силою Бжією Кострубй, Послушаа гла: | иакω Трубу вознеси гла твой, и | возвѣсти людемъ моимъ. Іса: ин. |**

Тупомъ | въ Стой Великой чудотво: Лаврѣ Кієво | Печерской, Ставропигіи архіеп: Кωста: Патріархи Вселенскаго напечата. | въ лѣтω ω Созданія Міра. зрпв, | ω Рждества же Хртова ахоз. Въ листъ; листовъ (кромѣ заглавнаго) 9 нен.+403+4 нен. [1]).

Заглавіе въ виньеткѣ во весь листъ. Наверху три ангела за трапезой, ниже трубящій ангелъ; надъ самой рамкой, въ которой приведенное заглавіе—Богородица, по сторонамъ ея—Іоакимъ и Анна. По бокамъ въ медальонахъ святые. Въ самомъ низу, подъ сводомъ два святителя: одинъ (слѣва) лопатой разрыхляетъ почву у корня дерева, второй—стоитъ съ четками и жезломъ.

На обор. рядъ эпиграфовъ. Далѣе—стихи на титулъ книги, на „знаменіе его царскаго пресвѣтлаго величества", самое знаменіе: Духъ Св. въ видѣ голубя съ вѣткою, подъ нимъ гербъ—двуглавый орелъ подъ 3-мя коронами, ниже львы крылатые, Георгій Побѣдоносецъ, еще ниже двуглавый малый орелъ.

Въ самомъ низу, по сторонамъ третьяго орла, надъ главами котораго благословляющая Богородица—съ боковъ царь Ал. Мих. и царица Наталья Кирилловна, ниже ихъ—царевичи: Өеодоръ, Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи. За симъ—предисловія къ царю и читателю.

Послѣдній—(а м. б. и первый, но переплетенный въ концѣ) листъ книги, послѣ оглавленія также весь украшенъ аллегорической картиной—той-же, что и заглавный листъ, съ небольшой отмѣной: вмѣсто заглавія—двѣ руки держащія спускающійся на двухъ цѣпочкахъ крестъ; внизу—двѣ простертыя къ нему, какъ бы молитвенно, руки.

---

1) *С*, Э (Trudy), *Ф.* 207, *Стр.* 185; 2-е изданіе 1679. *С* Э. *Ф.*

VII. Слово на Воскресеніе Христово. Новгородъ-Сѣверскъ. 1675. 4°, 9 лл. *С*; по *Э*—1674 г. (стр. XVIII).

VIII. Слово на Св. Троицу. Новг.-Сѣв. 1675. 4° 8 лл. *С*; по *Э*.—1674 г. (Słowo na swiatuju trojku).

IX. Слово на Благовѣщеніе Пресвятой Богородицы 1675. 4°. 4 лл. *С;* по *Э*—1674 г. (Słowo na preswiatoj Błahorodicy (sic).

X* Nowa Miara | starey wiary, | Bogiem udzielona Jasnie w Bogu Przeoświeconemu | Jego Mośći Oycu | Lazarzowi Baranowiczowi | Archiepiskopowi Czernihowskiemu, | Nowogrodzkiemu y wszytkiego | Siewierza. | Na Wymierzenie Władzy s-o Piotra, y Papieżow Rzymskich | y Pochodzenia Ducha s-o od Oyca | Ktora aż do was dosięgła. |

Z Typographiey Archiepiskopskiey w Nowogrodku | Siewierskim zostaiącey. Roku Pańskiego 167... |

Aże tysiąc lat, jako dzień wczorayszy. Psal: 89 v. I. według | komputu Prorockiego od Narodzenia Pańskiego | ieszcze y dniá drugiego nie mász iak iest wydána. |

Krolowi wiekow niesmiertelnemu, niewidzialnemu sa | memu Bogu czesc y chwała, na wieki wiekow. A. | I. Tim: I. v. 17.

4°. стр. 26 ненум., 1—114 нум.+32 нен.+(123—354) нум. На обор. тит. листка посвященіе въ стихахъ автору „Starey Wiary" Павлу Боймѣ; на 2-й ненум. стр.—образъ Богородицы сидящей у креста съ младенцемъ на рукахъ [1]).

XI Вечерній плачь и заутренняя радость. Кіевъ. 1676 *С* у *Э*: „Płacz o przesłowlenii (sic) Caria"; *Ф*, 208; *Стр.* 185:

„Вечеръ водворися плачъ и заутра радость. Плачъ яко великій государь, царь и великій князь Алексій Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ.., въ 30 день мѣсяца іаннуаріа, по пренесеніи мощей святаго Ігнатія Богоносца, отъ земнаго до небеснаго царствія, третей годины въ нощь, до Бога въ Троицы славимаго пренесеся. Радость же, яко еще за живота отъ плода чрева своего посадилъ на престолѣ своемъ Божіею милостію великаго государя царя и

---

[1]) Въ Экз. Публ. б. дата стерта; по *Э* и *С*—1676; по *С* это изданіе вышло то въ Ново-Сѣв. (стр. 30), то въ Кіевѣ (стр. 131); 2-е изданіе—1679 *С*.

и великаго князя Θеодора Алексіевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчича, и дѣдича, и наслѣдника, и государя и обладателя. Тотъ плачъ со радостью трудолюбіемъ ясне въ Богу преосвященнаго его милости господина отца Лазара Барановича, архіепископа Черниговскаго, Новгородскаго и всего сѣвера, въ року 1676 мѣсяца февруаріа дня 13 списася". (Сборникъ Новгор. Софійскаго Собора, нынѣ СПБ. Дух. Акад. въ 4⁰, конца XVII в. 152 л., на лл. 125—152).

XII О chirolonii (хиротоніи) siriecz o rukopołożenii Nowg-Siewiersk. 1676. Э; соч. очевидно на славянскомъ языкѣ. Упоминается только у Эстрейхера. Намъ не встрѣчалось.

XIII. Księga śmierci albo krzyż Chrystusów. Nowogr. Siewiersk. 1676. Э; упоминается выше—Галятовскимъ.

XIV*. Księga Rodzaiv | w ktorey | Pálcem Oycowskim nápisáne | Na paczątku było słowo | Zdrowi czytayćie; w sercu go chowayćie, | za co się wpisać w księgi żywota | spodźiewayćie z ktorey się národził Jesus | Przez Jaśnie w Bogu przeoświeconego. | Jego Mośći Oyca | Łazarza Baranowicza | Z Bożey łaski Archiepiskopa | Czernichowskie⁰, Nowogrodzkiego, y wszytkie⁰ Siewierza. | Maryey | nie vżytecznego sługę. | Gdy vczyńicie wszytko co wam rozkázáno, mowcie: słudzy | nie vżyteczni iestesmy: Cosmy byli winni vczyńić, | vczyńilismy. Luc: 17. v. 10. W Typographiey Archiepiskopskiey w Nowogrodku | Siewierskim zostaiącey utworzona. R. P. 1676. 4⁰. 54 лл. ненумер.; на обор. посл. листа, служащаго обложкой—опечатки. На оборотѣ 1 л. изображеніе Богородицы съ младенцемъ Христомъ. Подпись кириллицей:

Гора́ кляѕъ Ѵерне́гова колды́нская ѕва́на | там ѵѹдами свѣтле́етъ Пр҃ѹстая Панна. | В монастырѣ во храмѣ Ілии С҃того, | внѕерѹнокъ то́ власны ѡ҆браза о́ного [1]).

XV. О przygodach życia ludzkiego. Czernihów 1678. С. (со ссылкой на Wiszniewski, Hist. lit. polsk. VIII, 389).

[1]) Э; С цитируя Галятовскаго—послѣ названій этого и предыдущаго сочиненія—ставитъ знакъ (?).

XVI. O trafunku życia. Kijów 1678. Э. (съ ссылкой на названный имъ Anthologion 1678 г.—см. ниже—Szymona Golińskiego (?)).

XVII* Предисловіе къ книгѣ:

Мѣнеѧ̀ ѡбщаѧ, | или | Послѣдованіе стымъ | непраздну́емымъ, | пѣва́емо на кійждо, де́нь по чину | Црквн, Православной. | Издадеса | Блвеніемъ и иждивеніемъ | Ясне въ Бгу преѡсщенна его Млт | Гдна Ѿца, | Лазара Барановича, | мл: Бо: Правосл: архіеппа черніго: Нвгоро: | и всегѡ сѣвера. |

Въ типогра́фіи е Мн: Нвгороской. | ро́ку ѿ ро Хва, ахон.
Въ листъ. 70 лл. (въ экз. И. Публ. библ.).

Заглавіе въ виньеткѣ во весь листъ. На верху Христосъ на престолѣ съ книгою, окруженный воинствомъ ангеловъ. По бокамъ святые (въ медальонахъ, какъ бы выходящихъ изъ чашечекъ цвѣтковъ). Внизу изображеніе церкви и двухъ другихъ зданій по сторонамъ. На обор. заглавн. листа—оглавленіе службъ разнымъ святымъ, помѣщающихся въ этой Минеѣ.

Заключается оглавленіе фразою: **И тако Бжїю блгодатїю коне́цъ прїемаетъ сїѧ книга Анѳоло́гїѡнъ**[1]).

XVIII. „Слово благодарственное на Успеніе Богородицы. Черниговъ. Т. Троицко-Илинская" 1680. Э.

XIX Слово благодарственное Іисусу Христу 1680. *С.*, стр. 140.

XX* Notiy Pięć | ran Chrystusowych pięć | Wszyscy ktorzy drogą idziećie vważay | cie y vpatruycie ieżeli iest boleść, | iako boleść moia.—Thren: I v. 12 |

Dwie mądre Pánny, pod Krzyżem stoią, |
O tych Notiy pięić Concepta stroią, |
Nowa mu boleść zadaie,
Kto do tych ran co przydaie. |

Pzez | Jaśnie w Bogu Przeoświeconego Jego Mśći Oycá | Łazarza Baranowicza | z łaski Bożey. Prawosławnego, Archiepis |

---

*) Предисловія въ экз. И. Публ. Биб. не находимъ. (Старопеч. кн. IV. 6. № 2). Вопросъ, о той ли книгѣ говорятъ *С.* и *Э.* У *С.*: ...Анѳологіонъ сирѣчь Цвѣтословъ или Трифологъ Новг. Сѣв. 1678, въ листъ, 7+699+70 стр.

kopa Czernihowskiego Nowogrodz | kiego y wszystkiego Siewierzá | policzone, | y drogą idącym vważaniu y vpatrowaniu | podane. | Vważaycie, y vpatruycie. | W Typographiey Monástera S. Troycy Ilińskiego | Czernihowskiego. Roku 1680. 4° стр. 82 нен.+355 [1]).

На обор. тит листа: **на гнѣвъ врагъ моихъ | простерлъ ѐси рꙋки своѧ. | Фалòмъ рлз.** | Perfer et obdura; patientia plurima mollit. | Quae humanū corrigere ingenium. Приложены на отд. листахъ:

1) Аллегорическая картина: Христосъ распятый на крестѣ. Двѣ женскія фигуры приносятъ къ подножію сердца.

2) Аллегорическое изображеніе побѣды Московскаго государства надъ невѣрными. Вверху Св. Троица, внизу воинъ гонитъ невѣрныхъ, за нимъ—святители и духовные въ православномъ облаченіи.

Кромѣ того—въ текстѣ (не нум.) изображеніе Богородицы тоже, что и въ сочиненіи „Księga Rodzaiu" съ тою же надписью кириллицею, и виньетка изображающая торжество христіанства съ надписью вверху: veni vidi vici. Въ ненумерованномъ предисловіи посвященія и обращенія частью на польскомъ, частью на ц.-славянскомъ языкѣ.

XXI* W Wieniec Bożey Mátki | SS. Oycow kwiatki. | Naswiętszey Panny | sertum, | ex floribus ss. Patrum | Decerptum | I ten ktory sobie sprzyiá, áby zakwitło ćiáło | Iego, z źiemi swey, obracáiąc się w źiemię, | Wieniec, | kwiatki przynośi: | Jáśnie w Bogu Przeświecony Je° Mść Oćiec | Łazarz Baranowicz | Prawosławny Arhiepiskop. Czernihowski, | Nowogrodzki y wszystkiego Siewierzá | Z Typographiey Archiepiskopskiey Czernihowskiey. | Roku od Narodzenia Panskiego 1680. Przybyszowego. | Do Natury człowieczey że Pan przybył z niebá | Przybyszá nam takiego dawno było trzeba. | 4° стр. 6 нен.+80 +143 [2]). На обор. тит. листа похвала Восточнымъ отцамъ Церкви въ стихахъ и стихотвореніе на Пѣснь Пѣсней I v. 8. Гряди съ Ливана.

---

[1]) *С., Э., Ф.* 208.

[2]) *С.* (невѣрно показано число стр.); *Э.*

На первой непум. стр. аллегорическое изображеніе: на верху Богородица со сложенными молитвенно руками на тронѣ. Внизу два епископа въ облаченіи держатъ вѣнецъ, находящійся между ними. Въ ногахъ ихъ, между фигурами—земной шаръ.

XXII* **Бл҃годать и истинна | Іис҃ъ Хр҃томъ | бысть, | егда ѿ негѡ | Іѡаннъ Алеѯѣевичъ | Знаменȣющїй Бл҃годать. | и | Петръ Алеѯѣевичъ | Знаменȣющїй истиннȣ | поставлени сȣть | Цр҃ѣ. На горою ст҃ою егѡ | Высокого достоинства Великїѧ Державы | Православнаго царствїѧ Россїйскаго, | На немъ же | ꙗкѡ Бл҃годать и истинна Цр҃твȣютъ. | ѡ семъ | ꙗсне въ Бг҃у Преѡс҃щенный егѡ млт҃ь Гд҃нъ Ѿцъ | Лазаръ Барановичъ | Православный Архїеппъ Черниговскїй Новгоро́скїй, | и Всегѡ Сѣвера, | со всею Паствою своею Радȣѧсѧ, | Трȣдолюбїемъ своимъ ѡписа сїѧ Бл҃гть и истиннȣ, и тѵпомъ повелѣ издати | въ Дрȣкарни Ст҃о-Троецкой Їлїинской, Черниговской. | въ Рокȣ, а х п третемъ.** | Въ листъ, 36 ненумеров. (не считая заглавія и обор.) страницъ въ двойной рамкѣ [1]). Ня оборотѣ заглавнаго листа читаемъ эпиграфы:

Слава Бг҃ȣ дающемȣ сп҃сенїе Цр҃емъ, ѱаломъ, рмг.

Гд҃и силою твоею возвеселатсѧ Цр҃ь, и ѡ сп҃сенїи твоемъ возрадȣютъсѧ ѕѣло ѱаломъ к.

Цр҃ь возвеселитьсѧ ѡ Бз҃ѣ ѱаломъ, ѯв.

Цр҃ь оуповаютъ на Гд҃а и милостїю вышнаго не подвижатъсѧ ѱаломъ, к.

XXIII. Naiaśnieysza nieba y ziemie Carica Panna Matka Panna Marija od Lazarza Baranowicza sławiona. Czernihów. 1683 г. 22 декабря. Въ листъ, 24 лл. *С.*, *Э.*, *Ф.* 208 стр. [2]).

XXIV. Отвѣтное посланіе Лазаря Барановича 26 мая 1688 года, на вопросъ патріарха: „Отъ кого соборъ Флоренскій сложенъ былъ, и коея ради вины, каковымъ обычаемъ и како совершися?“—рукописи: 1) въ сборникѣ Новг. Соф. библіотеки въ 4⁰ XVII в. 367 лл. на л. 306—309; 2) ркп. Вологодской духовной семинаріи № 894/74 въ 4⁰, 345 лл. на л. 313—317, какъ объ этомъ сообщаетъ П. М. Строевъ (Библ. Слов. стр. 186). 3) ркп. Царскаго 456 и 551, и 4) Румянц. № 97—Упоминаетъ не называя точно *С* (стр. 141). *Ф.* стр. 207.

1) *С.* 1680 г. декабрь; *Э.*

2) Снимокъ страницы этого соч. данъ А. И. Соболевскимъ въ изданіи: „Сборникъ Снимковъ съ славянорусскихъ старопечатныхъ изданій 1895 г. ч. II. № XXVII.

XXV* Modlitwy | dźienne y nocne, | według zdánia SS, | OO. Zá, Błogosłá: | Jáśnie w Bogu | Przeoświeconeº | Jeº Mśći Oycá | Łazarza | Baranowicza | z Łáski Bożey Prá | wosłáw: Archiepi: | Czern: | Nowh: etc.. | W Typ: Monást: S. | Troy: Jllińsk; Czern: | Wydane | Roku 1689, 8º. Листовъ 2 нен. +224+22 неп.

Заглавіе въ виньеткѣ съ изображеніемъ Св. Троицы, подъ которымъ—св. Антоній, пророкъ Илія, св. Лазарь и св. Іоаннъ Богословъ; подписи кириллицей. На оборотѣ титульнаго листа изображенія Богородицы съ обычнымъ: „м҃р—ѳ҃у", стоящей на полумѣсяцѣ; изображенія крайне грубы. „Przedmowa do czytelnika" подписана: „Laurentius Krzczonowicz, ihumen ze wszytką w Chrystuśie Brácią Monasterá Swięto-Troieckieº Ilinskiego Czernihowskiego".

XXVI. Дѣйствіе на Страсти Христовы (не позже 1650 г. ?) Рукопись Церковно-Археологическаго Музея при Кіевской Духовной Академіи.

Строевъ, 56 стр. отд. отт. статьи изъ Черн. Губ. Вѣдом. 1864 г. Петровъ, Труды К. Дух. Ак. 1866 г. II, 359, и *С*, стр. 8

XXVII. Nagrobek Iaśnie w Bogu Przeoświeconemu Jego Mci Oycu Josephowi Tukalskiemu Nielubwiczowi, Metropolicie Kiiowskemu Halickiemu na rok 1675. Стихотвореніе; всего—6 строфъ на польскомъ языкѣ. Издана въ „Лѣтописи Событій въ юго-западной Россіи въ XVII вѣкѣ". Составилъ Самоилъ Величко. 1720, т. II, Кіевъ 1851 г. стр. 384—388. *Ф.*, 208. *С.* 129.

XXVIII Письма Л. Барановича изд. Черниг. Епарх. извѣст. 1861—64 г. *Ф.* и 2-е изданіе. «Письма преосвященнаго Лазаря Барановича съ примѣчаніями, въ пользу Черниговской семинаріи». Черниговъ. Тип. Ильинскаго монастыря. 1865 г. 8º. 242 стр. (по списку, принадлежащему нынѣ Черниговской духовной семинаріи) [1]).

---

[1]) Не лишнее будетъ упомянуть, что библіотека Кіево-Печерской лавры обладаетъ почти всѣми, наиболѣе крупными сочиненіями Л. Б., порой даже въ избыткѣ; такъ, напр., Nowa Miara—въ 5 экземплярахъ печатныхъ и рукоп. № 202

Мы перечислили здѣсь почти все, что до сихъ поръ извѣстно изъ произведеній Барановича; но какъ не сходятся показанія библіографовъ! Ни у одного мы не находимъ полнаго списка хотя бы тѣхъ сочиненій Барановича, которыя перечислены здѣсь. Эстрейхеръ, свѣдѣнія котораго нуждаются еще въ тщательной провѣркѣ—богаче прочихъ, но въ виду его краткости и неточности въ указаніи извѣстныхъ намъ изданій—трудно вѣрить ему. Сумцовъ даже заподозрилъ существованіе Księgi rodzaju", не смотря на свидѣтельство такого авторитетнаго современника Барановича, какъ Галятовскій („I. Галятовскій. Кіевъ 1894, стр. 63);—показаніе Галятовскаго подтверждаютъ данныя Эстрейхера и наши. Если ‚Księgi smierci" очень рѣдкое произведеніе, то и о нѣкоторыхъ другихъ мы не можемъ сказать, чтобы они отличались большой распространенностью и извѣстностью. Мы думаемъ, что списокъ, данный нами, далеко не полонъ: весьма возможно, что съ раскрытіемъ книгохранилищъ мопастырскихъ и описаніемъ ихъ—появятся новыя, еще неизвѣстныя произведенія нашего трудолюбиваго и плодовитаго автора.

И мы можемъ утверждать это, такъ какъ имѣемъ возможность пополнить вышеприведенный списокъ новымъ, неизвѣстнымъ еще библіографамъ и историкамъ литературы произведеніемъ Лазаря Барановича. Это—небольшая брошюрка, случайно пріобрѣтенная нами въ Петербургѣ на рынкѣ среди хлама въ 1896 г.

Представляя нѣкоторый интересъ, какъ собраніе стихотвореній на богословско-полемическія темы, она является интересной и потому, что показываетъ, каковы были тѣ брошюры съ которыми наши полемисты XVII вѣка обращались къ толпѣ—къ массамъ, неостававшимся безучастными во время церковно-богословскихъ споровъ.

(Польск. № 1) 4o л. 3—163. Кромѣ того, въ той-же библіотекѣ находится книга озаглавленная въ каталогѣ „Алфавитъ въ честь Божіей Матери" (Польск. № 71) безъ начала и конца. На 1—4 сохр. ненумер. страницахъ предисловіе—посвященіе: Jeho Carskoho Preswitłoho weliczestwa... Panie Hetmanie и т. д., подписанное Л. Барановичемъ. Засимъ 80 стр. нумер. содержащихъ выписки о Богородицѣ изъ разныхъ авторовъ. Не есть-ли это часть описаннаго выше № XXI*?

II.

Вотъ описаніе открытаго нами труда Л. Барановича.

XXIX. Filar Wiary | y Grunt prawdy. | S. Pawłem założony | A | przez Jaśnie w Bogu Przeoświeconego | Jego Mśći Oyca | Łazarza Baranowicza | Archiepiskopá Czernihowskiego | Nowogrodskiego etc., etc.) Prasem w Drukarni Nowogrodka siewierskiego | wicisniony. A. D. 1675. 4. стр. 13+2 нен.

На заглавной стр. эпиграфъ: „Wy się záwżdy spreciwiaćie Duchowi świętemu: | iáko Oycowie wászy także y wy. w Dzieiach 7. v. '51. |

За симъ слѣдуетъ непосредственно первое стихотвореніе.— Содержаніе „Filara Wiary" распадается на три части и заключаетъ въ себѣ XVII стихотвореній. Первыя 9 и 14-е трактуютъ объ исхожденіи Св. Духа и о Троицѣ.

Первое озаглавлено:

„Pochodzenie Duchá,
Jak nasz rozum rucha".

Въ немъ авторъ возсылаетъ хвалу Пресв. Троицѣ и вездѣсущію Божества:

„...w morzuć iest drogá, w wodach śćiezki twoie
Śladu nie mogą poznać myśli moie.
Nikt nie zna Syná, Ociec go zna tyle
Znáć go stworzeniu nie po iego śile".

Авторъ въ умиленіи преклоняется предъ тайной св. Троицы, образующей единое нераздѣльное, но и неслiянное божество, царствующее вездѣ и повсюду.

Барановичъ касается исхожденія св. Духа отъ Отца: это такая тайна о которой простецы не должны и думать, если даже ангеламъ она недоступна!

„Nie bądź ćiekawy badacz Maiestatá
Tak wysokiego, godzien iść do katá.
Jeśli małego nie zgadniesz komara,
Jak iest złożony—to o Bogu wara"...

Въ разумѣ человѣческомъ постигающемъ только то, что заключается въ извѣстныхъ предѣлахъ, только то, чему можно

научиться изъ опыта—нѣтъ возможности даже отыскать образецъ, по которому совершается эта тайна. Единственный, поэтому, источникъ знанія о ней—то, что говоритъ откровеніе!

„Co Oycom świętym od Ducha podano,
To nam wymowić tylko przykazano". (Стих. II).

Третье стихотвореніе говоритъ о томъ же: ангелы имѣютъ 6 крыльевъ и не знаютъ, какъ рождается Сынъ и исходитъ Духъ отъ Отца.

„A ty robaku, coś przylgnoł do gnoiu,
W poznaniu Boga w iakim będziesz stroiu?"

Каждому дано познавать лишь доступное ему, подобное его собственной природѣ и потому—

„Zá ćie robakiem stał, iako robaká
Robaku poznay, znay śiebie prostaka".

„Отецъ—море; Сынъ и Духъ—рѣки" текущія, неизвѣстно откуда берущія начало, говоритъ Л. Барановичъ въ IV стихотвореніи. Одно Лицо св. Троицы—немыслимо безъ другого—

„Jeden bez tych dwuch nigdzie się nie rucha".

Барановичъ обращается съ молитвой къ Богу Отцу, чтобы онъ склонилъ Сына, къ выслушиванію людскихъ молитвъ:

„Po morzu świata iák korab pływamy,
Do Troycy morza nawieki zmierżamy.
Oycze wołay ná Syna: Syn moy ukochány!
Uszy na głos nakłon im, by nam był słyszány.
Na morzu świata często wstaią wały
Bez twego Syna—kto dopłynie cáły?
Wiatry, i morze mile do słuchaią
Choć by naywiększe wały wnet skracaią.
Day za Sternika Syna kochanego,
Im dopłyniemy do brzegu wiecznego"...

И духъ Святой, носящійся надъ бурнымъ житейскимъ моремъ даетъ пристать къ этому берегу ладьѣ нашей жизни и охранитъ ее въ опасномъ пути.

Пятое стихотвореніе озаглавленное „To moie, iedno, a troie“ даетъ сравненіе, разъясняемое тутъ же авторомъ: Отецъ—источникъ, Сынъ — рѣка, Духъ Св. — вода: они даютъ отраду всякой твари. Въ нихъ одна вода, и кто ее пьетъ—будетъ жить вѣчно.

Шестое носитъ хитрое заглавіе

„Kokosz, gołąb ptaki,

Kto z nich dowiedź iáki“.

Кокошъ—Христосъ, Голубь—Духъ св. Первый взлетѣлъ на крестъ и здѣсь испустилъ Свой духъ къ Отцу. Это сравненіе Христа съ кокошемъ не смотря на свою странность неодиноко у Лазаря Б. Въ „Мечѣ духовномъ“ имѣемъ тоже сравненіе:

Востаетъ ѩко Орéлъ Высóколетꙋщїй, обновися ѩко Орлꙋ̀ юность єгѡ; иже прⷤеде бⷭ҇ы ѩко не скораго до лѣтанїѧ и нижнаго Кокош: Кóль краты [речѐ] восхотѣхъ събрáти чáда твоѧ Їерлⷭ҇їме, ѩкѡже собирáетъ Кóкош птéнца своѧ̀ по крылѣ, и не восхотѣсте. Къ вéчерꙋ сїѧ кóкош вⷭ҇олетѣ̀ на Крⷭ҇тное Дрéво, и на нéмъ оуспѐ. л. 5 об.

Но голубь—летитъ выше, чѣмъ кокошъ, который собираетъ зерна въ мусорѣ.—Легче поймать кокоша, чѣмъ голубя—легче понять Сына, нежели Св. Духа. Основываясь на словахъ Еванг. (Іоанна 15. V. 26), которое прямо указываетъ на исхожденіе Духа только отъ Отца, Барановичъ замѣчаетъ:

„Kiedy nam słowo nie wyrżekło słowa

Duch idzie z niego—prożno moia głowa:

Janową mową trzeba kontentować,

Ewangieliey nam nie poprawować“.

Хотя у Іоанна нѣтъ „и отъ Сына“, но нѣкоторые смѣло спорятъ и обвиняютъ Русь, но

„Rusin stary, boi kary od Syna nie kładnie,

Jan nie prawi, on nie sławi wymawia się snadnie,

Nie rzekł od Syná na Jana winá, daycie pokoy Ruśi,
Jak Jan napisał, tak Rusin czytał, wszak ták czytać musi".

Нечего ломать голову и свой слабый разумъ, а надо вѣрить просто, не мудрствуя. Познанію Бога учатъ насъ на землѣ творенія его, а на небѣ мы узримъ его въ лицо—и убѣдимся, что все именно такъ, какъ мы вѣримъ:—

„Tu wiárá miára; nad miarę kto skoczy:
To nie pochybna, że z drogi wykroczy:
Tego sie Rusin że obawia srodze,
Jako viator tylo wierzy w drodze".

Седьмое стихотвореніе даетъ вкратцѣ тоже самое: простымъ примѣромъ первыхъ ловцовъ—апостоловъ Барановичъ пытается показать отношеніе лицъ Св. Троицы. Вотъ оно:

„Poiać Trzećiáká. Naucz prostaka
Językū Boży Z ciebie mistrz hoży.
Rybaki prostaki, Lowili ryby, lowili y ptaki:
Kiedy Oyca maią, Orłá to łapáią,
W Chrystuśie Kokosz, Pisklętom roskosz;
Kiedy Ducha máią, Gołębia chwytáią".

Нельзя, однако, не сознаться, что въ такомъ замысловатомъ объясненіи трудно разобраться, не знакомымъ съ старой символикой южно-русской литературы.

Восьмое стихотвореніе озаглавленное:

„Pan ieden hoyny,
W osobach Troyny"—

представляетъ собою небольшую по объему (10 строкъ) похвалу Св. Духу: Все что мы имѣемъ въ священныхъ книгахъ—написано св. Духомъ:

„Nauki, pisma, zdania y wyroki
Od Ducha poszły, im stoją Proroki:
Ewangelią duchem nápisali
Ewángelisty, y nam ie podali".

Но чтобы освѣтить, наполнить собою и спасти міръ—Св. Духъ явился міру Сыномъ.

За тѣмъ подъ номеромъ IX слѣдуетъ:

„Na trudne pytánie,
Augustyna zdanie“.

Вопросъ заключается въ томъ, почему и Духъ и Сынъ происходятъ отъ Отца, а не тожественны? Отвѣтъ дается такой: и Сынъ и Св. Духъ отъ Отца, но первый рождается, а второй исходитъ; а различіе между рожденіемъ и исхожденіемъ непостижимо для человѣческаго разума. Св. Августинъ въ сочиненіи „Contra Maximinum“ даетъ такое объясненіе этой разницы: „Предвѣчное Слово—есть Сынъ, ибо, исходя изъ разума Отца, въ силу своего происхожденія подобенъ Отцу и есть истинный Сынъ; Духъ же Св., происходя изъ любви Отца и Сына является Богомъ потому, что исходитъ отъ Бога, а не потому, что исходитъ отъ любви“. „Эти тонкости (subtelnośći) оставляетъ Августинъ школамъ, и я ему въ этомъ подражаю“, замѣчаетъ Лазарь Барановичъ.

Все это изложено прозой, кромѣ перваго, слѣдующаго за заглавіемъ двустишія, заключающаго въ себѣ вопросы.

Четырнадцатое стихотвореніе:

„Łubo Syn z Duchem rownie,
Z Oycá á niewymownie“.

содержитъ въ себѣ тоже какъ и первыя разсужденія объ отношеніи лицъ Св. Троицы и имѣетъ цѣлью показать, что дѣйствительно Духъ Св. исходитъ отъ Отца, а не отъ Сына.

Вторая группа стихотвореній посвящена Божьей Матери, которую Л. Барановичъ почиталъ усердно, какъ свою покровительницу.

Такъ въ X стихотвореніи, носящемъ заглавіе:
„Szedł Pocieszyciel z gury wesoły
Na Bożą Matkę y Apostoły“.

Л. Барановичъ описываетъ сошествіе Св. Духа на Апостоловъ и Богородицу. Оно имѣетъ сравнительно простой характеръ, безъ обычной у Барановича витіеватости, переходящей порою въ несносную вычурность.

„Когда апостолы ожидали Св. Духа, они передали свою власть Богородицѣ. Она сѣла на тронъ своего возлюбленнаго Сына и наслѣдіе его спало на нее съ небесъ. Они ждутъ обѣщанной радости—Утѣшителя безъ тѣни скорби: и вотъ подымается шумъ, на небѣ громъ и на Тебя (Богородица) въ огненномъ языкѣ спадаетъ Духъ Святый. Тебя Сынъ оставилъ главою Церкви и прославилъ Духомъ Святымъ. Онъ увѣнчалъ Твою главу, чтобы Ты, Дѣва, весело правила Церковью“.

„Опустился языкъ и на головы апостоловъ—и по рѣчи ихъ—ясно стало, что они приняли Духа Св. Сразу они говорятъ на разныхъ языкахъ, обращаютъ быстро іудеевъ и язычниковъ, пишутъ Евангелія, творятъ чудеса—и всѣ видятъ, что въ нихъ живетъ Духъ Святый».

Изображеніе Сошествія Св. Духа дано здѣсь по западнымъ образцамъ: то же находимъ и въ лицевомъ хронографѣ 2-й редакціи: „въ срединѣ миніатюры сидитъ Пресв. Богородица съ воздвигнутыми руками, надъ главою ея снисходитъ Духъ Св. и огненные языки: по обѣимъ сторонамъ отъ Богородицы сидятъ Апостолы—тогда какъ въ русскомъ иконописномъ подлинникѣ читаемъ иначе описаніе сошествія Св. Духа [1]).

Въ концѣ стихотворенія Л. Барановичъ обращается къ Богородицѣ: „другимъ женамъ приказано молчать [2]), а тебѣ назначенъ въ церкви престолъ... Св. Духъ влетѣлъ въ давно уготованное жилище—къ Тебѣ, на спасеніе всѣхъ... Очисти

---

[1]) См. А. Поповъ, Обзоръ хронографовъ II, 142.

[2]) Вѣроятно намекъ на извѣстное средневѣковое „taceat mulier in ecclesia“, писавшееся иногда на стѣнахъ храмовъ.

меня, нечистаго, чистымъ своимъ духомъ! Дай мнѣ новое сердце, новый духъ и пусть оно стремится къ Богу и къ Тебѣ!“

Молитвенное вдохновеніе проникаетъ это стихотвореніе и придаетъ ему ту жизненность и силу, которой лишены разсмотренные выше вирши, вошедшіе въ «Filar Wiary».

И XI стихотвореніе отличается тѣмъ же характеромъ; оно озаглавлено

„Po Chrystuśie Márya zásiada,
Thron Synowski będzie dobra ráda“.

и посвящено восхваленію Богородицы, чему удѣляли особенно много вдохновенія католическіе—а за ними и западно-русскіе православные писатели.

„Марія занимаетъ мѣсто Христово и держитъ къ намъ рѣчь. Когда Пресвятая Дѣва стояла подъ крестомъ—только одинъ Іоаннъ былъ съ нею *). Они слышали, какъ Христосъ, вися на гвоздяхъ, на крестѣ отдалъ свой Духъ Богу, и имъ осталось касаться только его тѣла. Прочіе апостолы избѣгли этой минуты: („apostołowie tej ubiegli chwile“).

Но теперь Дѣва сидитъ на престолѣ, не подъ крестомъ стоитъ и не горюетъ (biedzi) — ждетъ утѣшителя съ небесъ: вижу жадное желаніе этого и у Апостоловъ... Они какъ пчелы слетѣлись къ маткѣ, чтобы съ нею вмѣстѣ принять утѣшителя, Духа“. Легче брать чѣмъ давать: когда Христосъ испускалъ духъ на крестѣ, рѣдкій изъ Апостоловъ шелъ подъ крестъ: теперь всѣ собрались принять отъ Отца Св. Духа, и у всѣхъ видно желаніе получить его; а бóльшая была-бы добродѣтель—(cnota) стоять подъ крестомъ съ Его Матерью. Слезы пролитыя тамъ Богородицей доставили міру благодать!

„Pod Krzyżem płacząc Matka wysłużiłá,
Pocieszyćielá łzámi uprośiłá.

---

*) Отмѣчено преимущество ап. Іоанна предъ другими апостолами—черта свойственная малорусскимъ православнымъ полемистамъ. См. въ соч. „Nowa Miara“ на 4-й страницѣ „Przydatka“ Лаз. Бар говоритъ „takiego smiałka potka y pałka“—который, умаляя значеніе ап. Іоанна, возноситъ ап. Петра.

Siała tam łzámi dziśia bierze żniwo,
Zebrało na to y Uczniów co żywo,
Tłoká to pono na żniwo zebráłá,
Y apostolska pod Krzyżem nie stała".

Только Марія съ Іоанномъ слышали, какъ Онъ отдалъ Духъ Отцу. Сынъ надѣлилъ весь міръ духомъ—и имъ подѣлятся всѣ, какъ огнемъ; всѣмъ его хватитъ, ни отъ кого не убудетъ—и онъ согрѣетъ и Іерусалимъ и весь міръ.

„Tyś łaski pełna, Duch na twoiey głowie
Naybarziey usiadł, z Cerkwią śmiało mowie.
Rozlewáiącą tobie miarę dano
Aby na wszytką przez ćię Cerkiew lano.
Udzielay Mátko Synowskiego Ducha
Niechay się ná część Bożą y twą rucha".

Этимъ обращеніемъ къ Богородицѣ и заканчивается стихотвореніе.

Въ слѣдующемъ, XII-мъ, мы находимъ туже тему. Оно озаглавлено

„Bog przed láty
Był bogáty".

„Дѣти обыкновенно держатся около своихъ матерей, потому что тѣ даютъ имъ жизнь и питаніе (молоко)' Сынъ далъ Матери больше, надѣливши ее св. Духомъ: онъ видѣлъ ея горькія слезы—широкое море слезъ вылила она подъ крестомъ—и Духъ спустившись огнемъ надъ нею осушаетъ море слезъ Божьей Матери:

„Gdy się Duch w ogniu nad Maryą rusza
Łez morze Mátki tak swoiey wysusza".

Третью группу образуютъ разныя стихотворенія на темы богословскаго характера, похвальныя и полемическія, въ которыхъ отстаивается православіе.

Такъ стихотвореніе XIII-е является перефразомъ текста изъ Екклезіаста I, 7. „Wszytkie rzeki wpadáią w Morze do mieysca zkąd wychodzą“ *). Вотъ оно:

„Tam się Duch wraca zkąd naprzod pochodźi,
Sam to ná Krzyżu Pan Chrystus dowodźi.
Oycze w twe ręce Ducha mego dáie,
Od kogo poszedł, tam znowu przystáie“

Мысль стихотворенія и сравненія съ моремъ—уже читается выше, въ стихотвореніи IV:

„Ociec iak morze, Syn Duch—rżeki płyną“...,

Пятнадцатое стихотвореніе, озаглавленное „W światłośći twoiey obaczymy światłość“ содержитъ въ себѣ слѣдующее:

„Тюрьмой былъ бы міръ, еслибы не свѣтилъ свѣтъ! Съ свѣтомъ все мило на землѣ:

„Obrotem świátłem niebo wszytko działa,
Co się ná źiemi rodzi—niebu z tego chwałá“.

„Отецъ свѣта! ты пустилъ два свѣта: изъ своего солнца и изъ своего существа. Сынъ—свѣтило, Духъ свѣтило, ибо сходитъ огнемъ; Отецъ свѣта родитъ два свѣта! Кто не видитъ этихъ трехъ свѣтилъ въ единомъ цѣломъ—тотъ не знаетъ, что такое свѣтъ. Солнце свѣта! свѣти на твои творенія; пусть ясно познаётся, что Ты—три въ одномъ“.

XVI Стихотвореніе, какъ видно изъ заглавія:

„Niewierzy temu Ariy
Lubo Bog świadczy stáry“.

направлено было противъ Аріанъ. Здѣсь Барановичъ отстаиваетъ двойственность природы Христа и Его равенство съ другими лицами св. Троицы.

„Prawdá swiadczy o prawdzie, że wszelki człek łżywy
Nie wszelki temu wierzy, lubo Bog prawdziwy.
Galileus Florenczyk iuż wieku nászego
Perspektywą upátrzył w słońcu coś ćiemnego,

*) „Всѣ рѣки текутъ въ море, но море не переполняется: къ тому мѣсту, откуда рѣки текутъ, онѣ возвращаются, чтобы опять течь“ Еккл. I, 7 по р. пер. Библ. Синод. изд.

Христосъ же—всегда былъ лучше, выше всѣхъ: поэтому, кстати Барановичъ припоминаетъ эпизодъ изъ жизни Христа, разсказанный св. Евангелистомъ

„Nad syny ludzkie Chrystus był slicznieyszy,
Nad wszytkie Mistrze pewnie był mędrzeyrzy.
Jako ten umie a nie bywał w szkole,
O gornym Pánie ták pletli ná dole“.

И изъ этого стихотворенія, какъ и изъ предыдущихъ нѣкоторыхъ—выводъ одинъ, указывающій на то, какъ въ сущности мало значенія придавалъ Л. Барановичъ тонкостямъ богословской науки и хитрой діалектики, въ которой онъ самъ былъ также достаточно силенъ:

„Wierzać trzeba, o Bogu nie szperać głęboko:
Język tu nie wymowi, á nie doyzry oko.
Sama wiara z pokorą co wydoláć może
Nie razpráwiáć lecz kłániać tobie treba Boże!“

Послѣднее XVII-е стихотвореніе, подъ названіемъ:

„Mocno dufay w Pánie,
Ma o ćie stáránie“—

вполнѣ соотвѣтствуетъ общему настроенію, которымъ проникнутъ весь этотъ сборникъ.

Здѣсь высказывается мысль, что если Богъ не отвернется не прогонитъ отъ Себя человѣка, послѣдній всегда можетъ спастись.

Тройнымъ узломъ связанъ Богъ съ человѣкомъ и никто разорвать его не сможетъ. Заключается это небольшое стихотвореніе строками:

„Ludzkie masz ćiało, żeś iest ludzki Synie,
Precz nie odgániasz, y ktoż z ludzi zginie?
Jeślim oziębły między ludzmi dusze
Na ćiepły ięzyk twoy poruszyć muszę“.

За симъ слѣдуетъ сентенціи и выписки изъ псалмовъ, символа апостольскаго, посланія къ Галатамъ, расположенныя такъ.

что отчасти поясняютъ другъ друга, чередуясь: одна на латинскомъ—слѣдующая па польскомъ языкѣ. Эти прозаическія выписки занимаютъ 31 строку 13-й и 11 строкъ послѣдней нумерованной 14-й страницы.

Таково содержаніе найденнаго нами новаго труда Лазаря Барановича.

Небезынтереснымъ представляется намъ вопросъ, въ какомъ отношеніи находится „Filar Wiary" къ другимъ сочиненіямъ, изданнымъ Л. Барановичемъ, и вообще къ обстоятельствамъ его жизни. Въ 1674—1675 годахъ подготовлялась „Nowa miara", вызванная сочиненіемъ іезуита Боймы „Stara wiara", вышедшимъ въ 1668 году, полнымъ нападокъ на православіе и главнымъ образомъ полемикой по вопросу объ исхожденіи Св. Духа. Лазарь Барановичъ, насколько извѣстно изъ его переписки, всячески побуждаетъ и И. Гизеля, и І. Галятовскаго отразить нападеніе Боймы. Самъ же—принимается за составленіе „Nowej Miary", которая и выходитъ въ свѣтъ въ 1676 году. Содержаніе этой послѣдней распадается на двѣ части: въ первой доказывается, что власть папъ не есть власть прямыхъ намѣстниковъ Христа, коимъ обязаны подчиняться всѣ христіане; вторая трактуетъ объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца. Изложеніе пересыпано стихотвореніямн и отступленіями отъ главной темы.

Весьма возможнымъ кажется намъ, что „Filar Wiary"—есть не что иное, какъ—такъ сказать, пробный шаръ: эта брошюра должна была подготовить читателей Nowej Miary. Въ этомъ убѣждаетъ насъ изслѣдованіе содержанія интересующихъ насъ памятниковъ.

Во второй части „Nowej miary" стр. 313 и дальше читаемъ стихотворенія:

1) „Pochodzenie Ducha"...=F. W. № I.

2) „O Duchu Bożym ktory czarty żenie"... (=F. W. № II).

3) „Troyca iest Panna, Ociec rodźi Syna"... (=F. W. № III) и т д. до стр. 423, на которой читаемъ стихотвореніе XV—„w Bostwie wnętrzne tchnienie—żywota nasienie", котораго въ

Filar'ѣ не находимъ. Далѣе слѣдуютъ еще 3 стихотворенія, совпадающія вполнѣ съ №№ XV, XVI и XVII Filara Wiary. Мѣсто стихотвореній на сторонахъ листа не совпадаетъ, однако, съ тѣмъ, на какомъ находятся онѣ въ Fil. W. Кромѣ того, ниже на стр. 343, читаемъ: „Sam Duchu swięty Ruś pogodź z Lechami..."—стихотвореніе, часть коего издана г. Сумцовымъ *); въ заключеніи и вступленіи—тоже рядъ стихотвореній.

Если же примемъ во вниманіе заглавіе, читаемое въ книгѣ „Nowa Miara" послѣ вступленія и предисловія къ Боймѣ и читателю: „Fundament starey Wiary", то связь нами найденнаго памятника съ „Now Miar." оказывается внѣ сомнѣній и высказанное нами предположенія о роли и назначеніи „Filara Wiary"—оправдывается.

Нельзя не отмѣтить, что „Filar Wiary" составленъ весьма непослѣдовательно. Содержаніе стихотвореній, какъ видно изъ даннаго нами обзора, правда, однообразно, но они, трактуя о нѣсколькимъ вопросахъ, размѣщены совершенно безъ системы и порядка. Это почти общая черта южнорусскихъ авторовъ, преимущественно же—Л. Барановича: можно съ перваго взгляда подумать, что авторъ руководился при размѣщеніи стихотвореній скорѣе какими либо техническими, типографскими соображеніями, чѣмъ мыслью дать читателю удобный для усвоенія, систематизированный матеріалъ.

Во всякомъ случаѣ «Filar Wiary» показываетъ намъ, что Л. Барановичъ, готовясь выпустить большое сочиненіе противъ Боймы, не удержался, чтобы за годъ—а то и меньше—передъ тѣмъ, выпустить брошюру, которая по своему объему была удобнѣе для распространенія, а форма виршъ давала болѣе модный и популярный видъ излагавшимся въ нихъ богословскимъ вопросамъ.

Что брошюра пошла въ ходъ и была „зачитана"—не остается сомнѣнія: единственный, извѣстный пока экземпляръ,

*) Сумцовъ. Лазарь Барановичъ. стр. 137.

ускользнувшаго отъ вниманія историковъ и библіографовъ сочиненія, находится у автора этихъ строкъ.

Было бы полезно предпринять поиски по нашимъ монастырскимъ книгохранилищамъ: быть можетъ нашлись бы и другія какія нибудь сочиненія нашего плодовитаго автора, изданныя имъ въ теченіе его многолѣтней, почти вѣковой жизни.

Вл. Перетцъ.

Суды въ старой Малороссіи.

(*Замѣчанія на монографію Д. П. Миллера—Суды земскіе, гродскіе и подкоморскіе въ XVIII вѣкѣ* *).

Исторія судоустройства и судопроизводства въ старой Малороссіи до сихъ поръ не подвергалась особому изученію, не смотря на весь интересъ этого вопроса, такъ какъ положеніе суда въ странѣ служитъ хорошимъ показателемъ степени ея культуры. По этой одной причинѣ монографія г. Миллера, имѣющая предметомъ суды старой Малороссіи (впрочемъ только позднѣйшаго устройства) должна представлять немалый интересъ. Центръ очерковъ г. Миллера заключается въ исторіи судебной реформы 1763 года, когда въ лѣвобережной Малороссіи были учреждены статутовые (земскіе, гродскіе и подкоморскіе) суды и, затѣмъ, въ разсказѣ о томъ, какъ эта реформа приводилась въ исполненіе. Но такъ какъ реформа 1763 года можетъ быть правильно освѣщена только въ связи съ состояніемъ судовъ въ Малороссіи въ предшествовавшее время, то г. Миллеръ нашелъ необходимымъ предпослать своему изслѣдованію очеркъ состоянія малорусскихъ судовъ въ періодъ

---

*) Настоящая статья перепечатывается изъ *Отчета Комитета по присужденію премій въ память 25-тилѣтія царствованія императора Александра II* (см. Кіевск. Ст. 1898 г., мартъ,)—въ виду малоизвѣстности этого *Отчета*, при чемъ „*Замѣчанія*“ авторомъ здѣсь нѣсколько дополнены.

гетманщины, причемъ отчасти коснулся и „устройства судебной части въ лѣвобережной Малороссіи до 1648 года». По этому поводу авторъ говоритъ, что „до 1648 года судоустройство въ *лѣвобережной* Малороссіи слагалось по типу другихъ частей Рѣчи посполитой“, и затѣмъ поясняетъ, что тогдашніе суды состояли изъ судовъ земскаго, гродскаго и подкоморскаго и что апелляціонною инстанціею для жалобъ на рѣшенія этихъ судовъ былъ трибуналъ люблинскій. Засимъ говорится о мѣщанскихъ судахъ въ городахъ, о козацкомъ судѣ, о судѣ духовенства и наконецъ о судебной защитѣ „низшихъ классовъ общества“. Но польскіе порядки по части судопроизводства были уничтожены, говоритъ г. Миллеръ, и „шляхетскіе суды закрылись“... Приведенныя свѣдѣнія объ „устройствѣ судебной части“ до 1648 года признать вѣрными нельзя. Разсказывать, какъ „слагалось устройство судебной части на лѣвомъ берегу Днѣпра до 1648 года“, очень трудно, вслѣдствіе крайняго недостатка по этому вопросу свѣдѣній. Несомнѣнно однакоже, что никакихъ шляхетскихъ судовъ въ южной (степной) Малороссіи до 1648 года не было. Да некому и не для кого ихъ тамъ было и устраивать, такъ какъ вся шляхта, жившая въ южной части лѣвобережной Малороссіи состояла изъ служилаго люда у тогдашнихъ тамошнихъ владѣльцевъ-магнатовъ Вишневецкихъ, Острожскихъ, Конецпольскихъ, Жолкѣвскихъ и проч. А если случалось судиться самимъ магнатамъ, то они, повидимому, обращались непосредственно въ люблинскій трибуналъ [1]). Статутовые суды для южной полосы лѣвобережной Малороссіи должны были находиться въ Кіевѣ, потому что она входила въ составъ кіевскаго повѣта [2]). Не было, повидимому, статутовыхъ судовъ и въ сѣверной лѣвобережной Малороссіи, т. е. въ Черниговщинѣ и Стародубщинѣ. Черниговское воеводство учреждено было только въ 1635 году, послѣ „рекупераціи“ сѣверской провинціи, согласно деулинскому перемирію, причемъ

---

[1]) См. Кіевск. Стар. 1896 г., январь, 122.

[2]) См. Źródła Dziejowe, XXII, 30 и слѣд.

воеводство это раздѣлено было на два повѣта—черниговскій и новгородъ-сѣверскій [1]). Значитъ, статутовые суды должны были находиться въ этихъ двухъ городахъ, но никакихъ слѣдовъ ихъ здѣсь не встрѣчается. Весьма вѣроятно, что до 1648 года суды эти еще не были и открыты. Относительно Стародубщины слѣдуетъ сказать тоже самое: послѣ деулинскаго перемирія здѣсь образованъ былъ стародубскій повѣтъ, входившій въ составъ воеводства смоленскаго [2]), но и въ этомъ повѣтѣ статутовые суды едва ли были открыты до 1648 года, потому что и здѣсь никакихъ слѣдовъ ихъ не встрѣчается. Поэтому должно заключить, что лѣвобережная Малороссія, въ силу сложившихся историческихъ обстоятельствъ, статутовыхъ судовъ вовсе не знала. Едва ли былъ въ ней „самостоятельный козацкій судъ", о которомъ говоритъ г. Миллеръ на основаніи напечатаннаго В. Б. Антоновичемъ „приказа" гетмана Дмитрія Барабаша [3]). Дѣйствительно, въ актѣ этомъ, отъ имени гетмана говорится, что одинъ изъ обывателей переяславскихъ жаловался *„до рады нашое зуполное"* на сосѣдей своихъ, за земельный захватъ, но что это была за „рада„—никакихъ указаній у насъ не имѣется и потому трудно дѣлать на основаніи этого одного акта какія-либо обобщенія, особенно для всей лѣвобережной Малороссіи. О сословномъ судѣ для духовенства—никакихъ свѣдѣній тоже не имѣется, и, повидимому, не для кого и некому было учреждать его въ это время на лѣвомъ берегу. Существовалъ здѣсь только одинъ ратушный судъ въ мѣстечкахъ („городкахъ"), при чемъ главенствовали въ этихъ судахъ—„намѣстники" владѣльцевъ-магнатовъ, при участіи войта и бурмистровъ. Утверждая въ 1636 году за чигриндубровскими мѣщанами разныя права и льготы, Іеремія Вишневецкій говоритъ: что же касается „майдебургскаго права и какой доходъ долженъ получать при этомъ тамошній мой намѣстникъ, то *всякій судъ на-*

---

[1]) Starożytna Polska, т. 2, ч. 2, 1390.

[2]) Тамъ же, III, 590.

[3]) Кіевск. Стар., 1883 г., май, 140—145.

мѣстнику моему оставляю, войта и буймистра, яко и въ иныхъ городахъ моихъ, отъ суда не отдаляя, которымъ грошъ третій долженъ ити“ [1]... Изъ сохранившихся рѣшеній ратушныхъ судовъ первой половины XVII вѣка видно, что „намѣстники“ или старосты въ ратушныхъ судахъ предсѣдательствовали рѣдко, а большею частью судъ творился подъ главенствомъ войта, при участіи бурмистровъ и «райцевъ» [2]. Такимъ образомъ статутовыхъ судовъ въ лѣвобережной Малороссіи до Хмельницкаго—не существовало. Не было ихъ здѣсь и во второй половинѣ того же вѣка, какъ справедливо отвергаетъ г. Миллеръ противное тому показаніе Шафонскаго и Гр. Полетики. Послѣдній категорически говоритъ: „земскіе и гражданскіе суды при гетманѣ Богданѣ Хмѣльницкомъ, Иванѣ Выговскомъ и Юріѣ Хмельницкомъ были и должность свою самымъ дѣломъ отправляли, что я могу утвердить ясными доказательствами»... Какъ ни утвердительно это показаніе, тѣмъ не менѣе оно не вѣрно,—причемъ показаніе Полетики основано, должно быть, на томъ пунктѣ „статей“ 1654 года, гдѣ говорится, что „суды земскіе и гродскіе черезъ тѣхъ урядниковъ, которыхъ они сами (шляхта) себѣ добровольно оберутъ, исправлены быть имѣютъ, какъ и прежде сего“. Но этотъ пунктъ „статей“ остался мертвою буквой, и статутовыхъ судовъ въ лѣвобережной Малороссіи не было до Разумовскаго.

Какой же судъ былъ здѣсь до этого времени?—Первымъ пунктомъ „статей“ 1654 года было постановлено о сохраненіи „вольностей войсковыхъ“, что „своими правами суживалися“, чтобъ „ни воевода, ни бояринъ въ *суды войсковые* не вступался но отъ старѣйшихъ своихъ чтобы товарищество сужены были: *гдѣ три человѣка козаковъ, тогда два третьяго должны судити*“. Но и такого суда въ Малороссіи не было... Повидимому, дипломатія „Войска Запорожскаго“ включила въ „статьи“ это свѣдѣніе, чтобы обезпечить себѣ въ будущемъ полную свободу суда,

---

[1]) Чтенія въ Общ. Нестора Лѣт., XI, отд. 2-е; стр. 144,

[2]) См. Мѣст. Борисполе, А. В. Стороженка. Акты подъ №№ 3, 6, 10, 22, 50 и друг. Кіевск. Стар. 1892 года.

причемъ указанная форма послѣдняго, можетъ быть, и практиковалась на Запорожьѣ, но не въ „городахъ". Но въ 1654 г. извѣстныя формы суда въ «Войскѣ Запорожскомъ» уже существовали, потому что въ 10 пунктѣ переяславскихъ „статей" постановлено—давать жалованье „на судей войсковыхъ по 300 злотыхъ" [1]) Нѣтъ точныхъ свѣдѣній, какіе именно суды существовали въ это время, но слѣдуетъ думать, что генеральный и полковые суды тогда уже были. Наиболѣе ранній изъ извѣстныхъ намъ судебныхъ актовъ (1656 г.) называетъ полковаго судью нѣжинскаго полка и „писаря судейскаго" [2]). Такимъ образомъ, въ началѣ второй половины XVII вѣка козацкій судъ на лѣвомъ берегу Днѣпра уже существовалъ въ болѣе или менѣе опредѣленной формѣ. Продолжалъ существовать въ это время и судъ ратушный, причемъ въ послѣдній стала вмѣшиваться, по изгнаніи разныхъ „намѣстниковъ" и «старостъ», и козацкая старшина. Г. Миллеромъ указанъ (стр. 7) актъ бориспольскаго ратушнаго суда 1649 года, изъ котораго видно, что въ послѣднемъ участвуетъ уже и мѣстный сотникъ, на ряду съ ратушными урядниками.

Приступая затѣмъ къ очерку „козацкихъ судовъ", г. Миллеръ предпосылаетъ такое замѣчаніе: „говорить подробно объ этомъ вопросѣ не входитъ въ предѣлы нашей задачи, къ тому же и самый вопросъ—вопросъ темный и трудный", почему—продолжаетъ авторъ—„мы и ограничимся не многимъ". Несомнѣнно, что при томъ скудномъ матеріалѣ, какой до сихъ поръ обнародованъ по предмету „козацкаго" судопроизводства въ старой Малороссіи, вопросъ о послѣднемъ не ясенъ, но для правильной оцѣнки судебной реформы 1763 г. необходимо ближайшее изученіе судебныхъ порядковъ, предшествовавшихъ этой реформѣ, такъ какъ безъ этого не можетъ быть правильно объяснена и потребность въ замѣнѣ прежнихъ судовъ новыми. Ближайшее знакомство съ „козацкимъ" судомъ указываетъ въ

---

[1]) Собраніе госуд. грамотъ и договор., III, 507 и Ист. Мал. Россіи, Бант.-Каменскаго, изд. 1822 г., I, 117—129.

[2]) См. Отчетъ Комитета, прилож. I.

его исторіи два періода: первый, до учрежденія „малороссійской коллегіи“, въ 1722 году, и второй—до 1764 года. О каждомъ изъ этихъ періодовъ скажемъ отдѣльно въ дополненіе къ тому, что находимъ въ монографіи г. Миллера. Здѣсь указываются слѣдующіе суды или „инстанціи“: судъ сельскій, особый у козаковъ и особый у посполитства, судъ сотенный, совмѣстный для обоихъ сословій, затѣмъ судъ полковой и наконецъ—генеральный. Конечно сельскій судъ существовалъ, но опредѣлить его юрисдикцію невозможно потому, что предѣлы таковой зависѣли отъ множества условій, между которыми важнѣйшимъ должно было быть мѣстонахожденіе того села, гдѣ судъ творился. Тамъ, гдѣ козачій элементъ въ населеніи преобладалъ, тамъ и сельскій судъ могъ имѣть примѣненіе, а въ селахъ, гдѣ было больше крестьянъ, да еще къ тому, если тутъ же жилъ и державца или важный урядникъ, тутъ суду сельскому, суду „громады“,—мало было мѣста. Отправленіе правосудія доставляло доходъ, этимъ доходомъ дорожили всѣ, кому доставалось судить, а сотникъ и державца, пользуясь своею властью, безъ труда могли за взятку обѣлять виновныхъ и тѣмъ привлекать ихъ къ своему суду. Судъ громады тоже не отличался безкорыстіемъ. Есть достовѣрное свидѣтельство начала XVIII вѣка, что тутъ „могорычъ“, какъ и въ позднѣйшее время, имѣлъ большое значеніе. Въ сельскомъ судѣ первенствовали, разумѣется, атаманъ и войтъ, смотря по тому кто судился. Сельскому суду подвѣдомы были, слѣдуетъ думать,—только мелкія кражи, *спаши* въ поляхъ и драки. Но кромѣ суда, на обязанности этихъ урядниковъ лежало еще первоначальное слѣдствіе по жалобѣ потерпѣвшаго, обязанность сохранить слѣды преступленія и задержать обвиняемаго. Никакой опредѣленной формы сельскій судъ не имѣлъ, да и не могъ имѣть при безграмотности судей. „Сельскимъ судамъ принадлежало, говоритъ г. Миллеръ, право актованія всякихъ договоровъ и сдѣлокъ, записываніе въ свои книги протестовъ, совершеніе купчихъ“ и проч. Дѣйствительно, при совершеніи разнаго рода юридическихъ актовъ, сельскій урядъ съ „могорычниками“ присутство-

валъ для свидѣтельства правильности такого совершенія, но активаціи при этомъ не совершалось, потому что негдѣ (книгъ не было) было производить записку актовъ. Говоримъ такъ потому, что намъ никогда не случалось встрѣчать актовъ, совершенныхъ при участіи сельскаго уряда, съ указаніемъ на ихъ „активацію".

Послѣ суда сельскаго, „слѣдующей инстанціей былъ сотенный судъ", говоритъ г. Миллеръ. Трудно говорить объ инстанціяхъ тамъ, гдѣ потерпѣвшій приносилъ жалобу обыкновенно *ближайшей* власти, такъ что, напр., въ полковомъ городѣ потерпѣвшіе жаловались не какому нибудь сотенному суду, а—непосредственно полковому. Сотенный судъ обыкновенно дѣйствовалъ совмѣстно съ ратушнымъ, какъ это говоритъ и г. Миллеръ, но общаго правила тутъ не было. Замѣтно только, что въ старинныхъ мѣстечкахъ ратушный судъ нерѣдко судитъ и безъ участія сотника [1]), но въ мѣстечкахъ новыхъ и незначительныхъ—власть войта не имѣла никакого авторитета и здѣсь безъ участія сотника правосудіе не отправлялось.—Опредѣлить компетенцію сотенныхъ судовъ почти невозможно: по уголовнымъ дѣлалъ, напр., сотенный судъ выслушивалъ жалобу потерпѣвшаго, производилъ слѣдствіе, но самъ рѣшалъ дѣло рѣдко, такъ какъ сотники окончательное рѣшеніи обыкновенно предоставляли усмотрѣнію полковниковъ. Такіе случаи особенно часты въ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ полковникъ могъ извлечь изъ суда хорошую прибыль, напр. при обвиненіяхъ въ прелюбодѣяніи. Этого рода дѣла для судей были особенно выгодны, какъ видно изъ слѣдующихъ примѣровъ. „Челядница" келебердянскаго жителя, какого-то Дмитра (повидимому не козака, иначе сословіе его было бы названо), пожаловалась сотенному уряднику на изнасилованіе ея хозяиномъ. Сотенный урядъ (сотникъ и атаманъ) сначала арестовалъ какъ потерпѣвшую, такъ и обвиняемаго, потомъ подробно описалъ „худобу" послѣдняго и затѣмъ донесъ о жалобѣ „челядницы" полковнику, съ приложеніемъ списка

---

1) См. рѣшенія бориспольскаго мѣйскаго уряда.

имущества, при чемъ просилъ „милостиваго пана и добродѣя о науку"—какъ поступить съ „чужеложникомъ"?—Полковникъ отвѣчалъ распоряженіемъ, по которому—„за проступство помененнаго Дмитра взято до двора полковничаго: пять воловъ, лошака (молодую лошадь) и ружье съ рогомъ для пороху", а сотникъ келебердянскій, со всѣмъ тамошнимъ урядомъ, по позволенію полковника, взялъ: два быка, 22 овцы и „жупанъ синій", а остатокъ худобы его, проступца (преступника), зоставленъ его дѣтямъ" [1]). Въ другомъ случаѣ, сотенный урядъ, совмѣстно съ войтомъ и многими „людьми учтивыми" (почтенными), выслушавъ жалобу соблазненной сокольскмъ жителемъ, (мѣщаниномъ?) Гончаренкомъ вдовы, постановилъ: жалобу потерпѣвшей записать, пока по жалобѣ состоится надлежащее изслѣдованіе (надлежащій доводъ). Затѣмъ въ записи значится: „за тое чужеложство самъ Процикъ Гончаренко (отецъ обвиняемаго), вызволяючи сына своего Семена, привелъ коня и отдалъ до двора полковничого". Послѣдній актъ мы беремъ изъ книги рѣшеній полковаго суда, изъ чего можно думать, что полковникъ, получивъ отъ сотеннаго уряда донесеніе о преступленіи Гончаренка, ограничился тѣмъ, что взялъ у отца обвиняемаго лошадь и тѣмъ кончилъ судъ, причемъ, для освобожденія обвиняемаго отъ дальнѣйшаго преслѣдованія, распорядился записать актъ въ книгу рѣшеній полковаго суда [2]). Отсутствіе самостоятельности у сотеннаго суда видно и изъ слѣдующаго случая: нѣсколько жителей м. Бѣликовъ, поймавъ вора Педорченка, укравшаго ихъ лошадей, пчелы и проч., представили его сотенному уряду для ареста и *въ тоже время обратились въ полтавскій магистратъ съ просьбою выслать въ Бѣлики для разбора ихъ дѣла „якую особу"*, а вмѣстѣ съ нимъ—и палача („мистра"), который былъ нуженъ для пытокъ. По этой просьбѣ изъ Полтавы былъ высланъ въ Бѣлики одинъ изъ полтавскихъ бурмистровъ, который и судилъ Педорченка вмѣстѣ съ бѣлиц-

---

[1]) См. *Отчетъ Комитета*, прилож. II.

[2]) Тамъ же, прилож. III.

кимъ урядомъ и „иншими значными старинными бѣлицкими людьми“. Обвиняемый былъ сначала пытанъ и послѣ признанія былъ приговоренъ сотеннымъ урядомъ, на основаніи розд. 14 литовскаго статута, къ повѣшенію. Бурмистръ, повидимому, согласился на повѣшеніе Педорченка, но вслѣдъ за симъ въ судъ явилась мать осужденнаго и заявила, что если сынъ будетъ помилованъ, то она пополнитъ всѣ убытки потерпѣвшихъ. Вопроса о помилованіи сотенный урядъ, повидимому, не могъ разрѣшить даже съ помощью полтавскаго бурмистра, такъ какъ все дѣло было представлено на усмотрѣніе полковника. Послѣдній нашелъ возможнымъ „подарить преступника жизнью“ и освободилъ его „на покаяніе“, но за это взялъ у матери водяныя мельницы и лѣсъ. Изъ этихъ примѣровъ видно, что сотенный урядъ не могъ самостоятельно рѣшать дѣлъ по преступленіямъ, которыя влекли за собою смертную казнь, но могъ рѣшать такія дѣла при участіи члена высшаго суда, хотя бы и магистратскаго. Но затѣмъ право помилованія могло исходить только отъ высшей власти въ полку [1]). Изъ другихъ рѣшеній сотеннаго суда мы видимъ, что послѣдній теряетъ всякую самостоятельность, какъ только кто-нибудь изъ высшей старшины имѣетъ тотъ или другой поводъ вмѣшаться въ составъ этого суда. Характерные примѣры въ этомъ отношеніи мы видимъ въ судебныхъ рѣшеніяхъ борзенскаго сотеннаго уряда. Почти съ начала второй половины XVII вѣка борзенскими сотниками были стародавніе тамошіе обыватели—Забѣлы. Глава этой семьи, бывшій борзенскій сотникъ, впослѣдствіи сталъ генеральнымъ судьею и, казалось бы, въ это время не могъ уже входить въ составъ сотеннаго уряда; тѣмъ не менѣе по незначителъному гражданскому дѣлу (о восьми овцахъ) въ составъ сотеннаго уряда входитъ и генеральный судья [2]). Это не былъ исключительный случай, такъ какъ 12 лѣтъ спустя послѣ этого, въ составъ того же сотеннаго уряда входитъ сынъ

---

[1]) Тамъ же, прилож. IV.

[2]) Тамъ же, прилож. V.

Петра Забѣлы, Степанъ Забѣла, будучи въ это время генеральнымъ хоружимъ [1]). Засимъ приводимъ изъ практики сотеннаго суда еще одинъ случай, когда судъ за „наукой“ обращается не къ полковнику, а въ генеральный судъ, какъ кажется, единственно потому, что въ данномъ случаѣ послѣдній находится очень близко отъ Борзны. Сотенный урядъ, выслушавъ дѣло по обвиненію Пелагеи Плющенковой въ убійствѣ ея „наймычки“, постановилъ: представить обстоятельства дѣла генеральному суду, добавивъ, что между отцомъ убитой и убійцею состоялось примиреніе. Не смотря однакожъ на примиреніе, генеральный судъ приговорилъ убійцу къ тюремному заключенію на годъ и шесть недѣль *или*—къ уплатѣ *суду генеральному* такой суммы, „какая заплачена отцу убитой“. Преступница принадлежала какъ видно, къ зажиточной семьѣ, потому что послѣдняя успѣла удовлетворить и генеральный судъ, такъ какъ вслѣдъ за тѣмъ послѣдній приказалъ борзенскому уряду оставить Плющенкову въ покоѣ [2])...

Сотенные суды не дѣлали, повидимому, различія между сословіями, разбирая одинаково дѣла какъ козаковъ, такъ и посполитыхъ. Даже и по гражданскмъ дѣламъ, гдѣ обѣ стороны принадлежать исключительно къ числу „ратушныхъ подданныхъ“, въ составѣ суда участвуетъ сотникъ, хотя дѣло происходитъ въ полковомъ городѣ Переяславѣ, войтъ котораго по своему значенію былъ выше тамошняго сотника [3]).

---

[1]) Тамъ же, прилож. VI. Въ текстѣ, напечатанномъ въ Отчетѣ, Степанъ Забѣла названъ генеральн. судьею, но это ошибка, происшедшая вслѣдствіе неправильнаго прочтенія въ рукописи слова хоружій, написаннаго сокращенно. Степанъ Забѣла генер. судьею никогда не былъ.

[2]) Тамъ же, прилож. XII. Въ этомъ приложеніи—даты видимо ошибочны: постановленіе сотеннаго уряда состоялось раньше 29 мая, если послѣднее письмо Вуяхевича написано 28 мая. Въ этомъ рѣшеніи интересно участіе въ составѣ сотеннаго уряда—„высланнаго зъ Батурина“ Сухини, что могло означать, что высланъ былъ особый урядникъ отъ гетмана для наблюденія за дѣйствіями сотеннаго уряда по дѣлу, которое обращало на себя вниманіе хорошими достатками обвиняемой...

[3]) Тамъ ше, прилож. XIII.

На основаніи приведенныхъ примѣровъ можно пока сказать, что сотенный судъ не имѣлъ самостоятельности, по крайней мѣрѣ, по дѣламъ уголовнымъ и находился въ полной зависимости отъ высшей старшины вообще и отъ своего полковника въ особенности. „Широкая компетенція“ сотеннаго суда, о которой говоритъ г. Миллеръ (стр. 10), была условная: судъ могъ разбирать указываемыя дѣла, но постановленіе окончательныхъ рѣшеній по многимъ дѣламъ зависѣло не отъ него. Участіе громады („старинные, зацные люди“) въ рѣшеніяхъ сотеннаго уряда встрѣчается, но не составляетъ непремѣннаго условія.— Переходя къ полковому суду, слѣдуетъ сказать, что, какъ видно изъ цѣлаго ряда рѣшеній полтавскаго полкового суда за вторую половину XVII вѣка, этотъ судъ дѣйствовалъ всегда совмѣстно съ членами ратуши, что онъ большею частью дѣйствовалъ въ качествѣ первой инстанціи, очень часто руководствуясь матеріалами, собранными и представленными ему сотеннымъ урядомъ, и что на тотъ или другой исходъ дѣла полковникъ имѣлъ рѣшающее вліяніе. Какъ видно, полковники ревниво оберегали свое вліяніе на судъ, имѣя въ виду тѣ значительные доходы, которые они при этомъ получали, и главнымъ образомъ по дѣламъ уголовнымъ. При примѣненіи, напр., принадлежащаго полковнику права помилованія, случалось, что помиловавъ преступника, да еще и убійцу, полковникъ бралъ его затѣмъ къ себѣ въ „доживотную службу“ [3]). Но бывало и такъ, что полковой судъ отправлялъ безъ участія членовъ магистрата или ратуши, а судилъ въ составѣ всего „полковаго уряда“ съ участіемъ „значного полкового товарищества“. Такъ, напр., мы имѣемъ рѣшеніе „переяславскаго полковаго уряда“ по гражданскому дѣлу, въ которомъ вдова отыскивала за малолѣтнихъ своихъ дѣтей отцовское ихъ наслѣдство отъ сестеръ мужа („зовиць“), которыя завладѣли спорнымъ имѣніемъ на томъ основаніи, что послѣднее принадлежало ихъ отцу. Судъ допросивъ свидѣтеля,

---

[3]) Тамъ же, прилож. IX, гдѣ напечатано шесть рѣшеній полтавскаго полкового суда (1683—1700 гг.), дающихъ довольно полное понятіе о положеніи тогдашняго правосудія по дѣламъ уголовнымъ.

спорное имѣніе присудилъ истицѣ не на основаніи литовскаго статута, по которому выданныя замужъ при жизни отца дочери не имѣютъ болѣе права на отцовское наслѣдство (въ данномъ дѣлѣ „зовици“ вышли замужъ еще при жизни отца), а потому, что по показанію свидѣтеля спорнымъ наслѣдствомъ уже владѣлъ отецъ малолѣтнихъ, при чемъ дочерямъ дано было отцомъ особое имѣніе. Но тутъ же судъ, уважая *бѣдность* одной изъ „зовицъ“, присуждаетъ ей часть спорнаго наслѣдства въ *пожизненное владѣніе*, причемъ, впрочемъ, указывается согласіе на такую уступку и самихъ „дѣдичей“, т. е. собственниковъ. Это рѣшеніе указываетъ, что полковой судъ не былъ какимъ нибудь особымъ судебнымъ учрежденіемъ, а сливался съ обыкновеннымъ полковымъ урядомъ и что для гражданскаго полковаго суда нормы литовского суда были не обязательны. Но отсюда же видно, что полковой урядъ при отправленіи правосудія, „декреты“ свои скрѣплялъ не обыкновенною полковою, а особою *судейскою печатью* [1]). Въ составѣ полкового суда „зацныя персоны“ участвуютъ вмѣстѣ съ „урядовыми“ почти непремѣнно, причемъ подъ „зацными персонами“ слѣдуетъ разумѣть нестолько судей, сколько свидѣтелей суда [2]).

Генеральный судъ въ XVII вѣкѣ рѣдко когда дѣйствовалъ въ качествѣ апелляціонной инстанціи; большею частью онъ рѣшалъ тѣ дѣла, которыя въ немъ и начинались. Очень часто генеральный судъ производилъ дѣла по жалобамъ, которыя подавались непосредственно гетману и затѣмъ передавались сюда для разбора. Генеральный судъ былъ единоличный; судилъ одинъ генеральный судья при участіи „судового писаря“, при чемъ бывали случаи, что въ составъ суда входилъ еще и *бывшій* судовой писарь; по крайней мѣрѣ, такимъ образомъ пополнялся составъ генер. суда при Самойловичѣ, когда вмѣстѣ съ Вуяхевичемъ судилъ и извѣстный тогдашній дѣлецъ Захарій Шійкевичъ, бывшій судовой писарь [3]). При поставленіи въ гетманы Мазе-

---

[1]) См. прилож. I.

[2]) Тамъ же, прилож. X, указывающее, между прочимъ, и порядокъ процесса по земельнымъ дѣламъ.

[3]) См. прилож. II. О Шійкевичѣ см. Опис. Ст. Малор., II, 304.

пы, какъ извѣстно, былъ назначенъ второй генер. судья (Прокоповичъ), почему съ этого времени встрѣчаются рѣшенія генер. суда, постановленныя *двумя* судьями [1]). Въ чрезвычайныхъ случаяхъ составъ суда назначался по усмотрѣнію гетмана изъ разнаго чина старшинъ. „Повидимому, чѣмъ важнѣе было дѣло, тѣмъ больше лицъ привлекалось къ разбору его", говоритъ г. Миллеръ, причемъ указываетъ на рѣшеніе суда по обвиненію полковника Дмитрашка въ измѣнѣ. Но это дѣло судилъ не генеральный судъ, а совсѣмъ особый судъ, какъ видно по важности дѣла нарочно для этого назначенный гетманомъ, причемъ въ составѣ его генеральнаго судьи вовсе не было. Иногда гетманъ назначалъ особаго состава судъ и по дѣламъ обыденнаго характера; это бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда судились особо важныя лица. Такъ, въ 1689 году Мазепа поручилъ „войсковому товарищу" Захару Шийкевичу разобрать земельный споръ между Максаковскимъ монастыремъ, игуменомъ котораго былъ въ это время извѣстный Феодосій Гугуревичъ, и жителями м. Мены; при этомъ Шийкевичу были приданы въ помощь три человѣка изъ полковой старшины [2]). Бывали случаи, что гетманъ лично постановлялъ судебное рѣшеніе по тому или другому дѣлу, изслѣдовавъ его обстоятельства чрезъ особо назначенную старшину. Такимъ порядкомъ былъ разрѣшенъ споръ между „п. Григоріемъ Павловичемъ" и сыновьями бывшаго полтавскаго полковника Черняка, за водяныя мельницы, на рѣкѣ Ворсклѣ. По жалобѣ „Григорія Павловича" былъ посланъ на мѣсто спора гадяцкій полковой судья Велецкій, съ четырьмя другими чиновниками, который, осмотрѣвъ спорную „греблю" и допросивъ свидѣтелей, весь собранный матеріалъ представилъ гетману, а

---

[1]) См. прилож. III. Второй судья былъ назначенъ, (на Коломацкой радѣ), несомнѣнно по желанію одного Мазепы, хотѣвшаго при этомъ, повидимому, лишь, очистить мѣсто генер. писаря для Кочубея. См. Кіевск. Стар. 1898 г., мартъ. Приложенный здѣсь „приказъ" генер. суда указываетъ также, что судъ по жалобѣ истца высылалъ иногда предварительно своего писаря для повѣрки жалобы, причемъ писарь могъ дѣлать извѣстныя распоряженія.

[2]) Чтенія въ Общ. Нест. Лѣт., IX, отд. 3, стр. 115—126.

гетманъ, разсмотрѣвъ обстоятельства спора, рѣшеніе свое объявилъ въ формѣ универсала [1]). Особое вниманіе Мазепы къ этому дѣлу объясняется тѣмъ, что истцомъ здѣсь былъ Григорій Павловичъ Герцикъ, братъ жены гетманскаго наперстника Орлика, который весною этого года (1700 г.) поставленъ былъ генеральнымъ писаремъ вмѣсто Кочубея.

Вмѣстѣ со свѣдѣніями о судоустройствѣ въ XVII вѣкѣ, слѣдовало г. Миллеру, намъ кажется, сказать и о тѣхъ законахъ, которыми руководствовались „козацкіе" суды, при постановленіи своихъ рѣшеній. Приводимые г. Миллеромъ отрывки изъ судебныхъ рѣшеній бориспольскаго уряда указываютъ, что уже съ начала второй половины XVII вѣка (1660 г.) здѣсь примѣнялись литовскій статутъ и такъ называемое „магдебургское право". Эти два кодекса исключительно и проходятъ по всѣмъ суднбнымъ рѣшеніямъ XVII вѣка. При этомъ суды, какъ сотенные, такъ и полковые, не стѣсняются примѣнять въ дѣлахъ уголовныхъ самыя суровыя наказанія. Такъ бориспольскій урядъ за кражу лошадей приговариваетъ (1660 г.) воровъ къ смертной казни, причемъ впрочемъ не видно, было ли рѣшеніе приведено въ исполненіе. Но полковой судъ примѣнялъ смертную казнь до конца XVII вѣка и даже позже; такъ, въ 1699 году, въ Полтавѣ свекоръ и невѣстка—за прелюбодѣяніе—были „стяты", т. е. казнены [2]), а въ началѣ XVIII вѣка гадяцкій житель Коникъ за кражу въ церкви былъ „по суду спаленъ" [3]). Назначаемая по закону смертная казнь иногда замѣнялась лишеніемъ какого нибудь члена тѣла. Въ 1722 году воръ Романенко показалъ передъ нѣжинскимъ полковымъ судомъ, что онъ будучи пойманъ въ Сумахъ съ поличнымъ, „отданъ былъ до секвестру" и затѣмъ былъ пытанъ „кгнотовымъ боемъ", послѣ чего, по рѣшенію суда, „означенъ врѣзанемъ уха" и „за мѣсто"

---

[1]) *Отчетъ Комитета*, прилож. XI.

[2]) Тамъ же, прилож. IX, д. Въ одномъ рѣшеніи 1692 г. значится, что преступникъ, въ Стародубѣ, былъ „мечемъ зтятый".

[3]) Архивъ генер. канцел., по черниговъ. описи № 4170.

(за городъ) „катомъ выгнанъ". Затѣмъ, этого Романенка, пойманнаго вторично на воровствѣ, судилъ нѣжинскій полковой судъ, который, „стосуючися до права посполитого злочинцовъ такихъ карати повелѣваючого", разсудилъ, что „хочай онъ, Романенко, достоинъ былъ смертного караня, еднакъ же для молодыхъ лѣтъ его надѣючися, же можетъ покаятися, (судъ Романенка) животомъ даровалъ и всказалъ перше кіями до полусмерти *на мосту* бить, а потомъ означивши его Романенка, *урѣзаніемъ носа*, мистромъ зъ мѣста вигнати" [1]). Въ то же время и пытка (*квестія)* въ тогдашнемъ судѣ широко практиковалась. „Мистръ" (палачъ) имѣлся при каждомъ полковомъ судѣ, откуда его вызывали на мѣсто производства слѣдствія, если требовалось пытать обвиняемаго [2]).

Складывавшіеся во второй половинѣ XVII вѣка судебные порядки не могли однакожъ выработаться въ какія-либо опредѣленныя формы потому, что этому постоянно мѣшалъ произволъ старшины, достигшій при Скоропадскомъ наибольшаго своего развитія. При такихъ полковникахъ, какими были Андрей Марковичъ, Михайло Милорадовичъ, Василій Танскій, Антонъ Галаганъ—правосудію не могло быть мѣста въ ихъ полкахъ, потому что они всю общественную жизнь своихъ полчанъ под-

---

[1]) Тамъ же, № 191.

[2]) Около 1730 года палачъ Гадяцкаго полка жаловался на своего полковника Гаврила Милорадовича за взятку: „я, житель города Гадяча, жалобу мою заношу на благородного г. полковника гадяцкого Гаврила Милорадовича, что онъ, полковникъ, когда я, дослуживши года, сталъ упоминатися своей заслужчины и сталъ требовать по полку, для снабнѣйшаго збору, унѣверсала, и онъ, г. полковникъ, порадовавшись моему худопахолству, потоль писма не далъ и писареви писать не велѣлъ, поколь не попустилъ я ему, г. полковнику, рублей десять денегъ"... *Подпись*, „Я, Ярошъ, мистеръ полку гадяцкого, своею рукою крестъ полагаю". Тамъ же, № 751.—Въ 1719 году, какая то баба изъ сел. Обмочева—доносила гетману, что новомлинскій сотникъ „строитъ" противъ него какія-то чары; бабу призвали въ Батуринъ, гдѣ и было поручено „писарю судовъ енералныхъ" Булавкѣ произвести слѣдствіе; для предвидѣвшейся пытки вызванъ былъ „мистръ" изъ Нѣжина, съ помощью котораго „пробовали, привязавши (бабу) до столпа, шиною горячею, гдѣ два торги (базарные дни) такъ пробовали и розыскували". Тамъ же, № 347. Болѣе легкая пытка была „канчуковая" (канчукъ—плеть, нагайка).

чинили своему личному произволу. Другіе полковники этого времени были не многимъ лучше. Наконецъ, генеральный судья Чарнышъ, который занялъ урядъ судьи въ 1715 году и оставался имъ во все остальное время гетманства Скоропадскаго, прославился своимъ взяточничествомъ, причемъ „наклады", которые онъ бралъ, достигали иногда тысячъ [1]... Президентъ открытой въ 1722 году въ Глуховѣ *коллегіи* Вельяминовъ, въ числѣ первыхъ своихъ распоряженій, прислалъ въ генеральную канцелярію указъ—„о неупотребленіи въ частныя работы козаковъ *и о невзиманіи у нихъ накладовъ, когда они къ суду являются*". Наказный гетманъ Полуботокъ хорошо зналъ это больное мѣсто въ тогдашнихъ судахъ и желая по возможности устранить тѣ причины, которыя должны были давать Вельяминову поводъ для вмѣшательства во внутреннее управленіе края, задумалъ привести, хотя въ какой-нибудь порядокъ—и судебную часть въ гетманщинѣ. Въ разосланномъ по этому случаю въ полки универсалѣ, предписывалось, чтобы тяжебныя дѣла судья судилъ не самолично, но съ участіемъ и „безурядовыхъ" (собственно—незанимающихъ урядовъ, причемъ имѣлись въ виду конечно такъ звавшіяся „зацныя персоны"), только бы честныхъ и разумныхъ людей, которыхъ нарочно къ тому опредѣлить нужно, и чтобы тѣ дѣла рѣшались такимъ судомъ совмѣстно, совѣстно и по правдѣ, какъ требуетъ законъ и необходимость, безъ всякаго пристрастія и безъ вымогательствъ, никому не норовя, ни на кого не посягая. Такимъ же порядкомъ должны

---

[1]) Погарскій сотникъ Галецкій жаловался гетману Апостолу, что Чарнышъ „при расправѣ дѣла его въ генералномъ судѣ съ погарцями, насилно побралъ у него многія взятки: златоглавами, поясами дорогими, конми и прочимъ, на тысячъ шесть съ лишкомъ, а суду справедливого не далъ". Арх. ген. канц., № 760.—Въ 1724 г., послѣ того какъ Чарнышъ былъ арестованъ въ С.-Петербургѣ, генеральная канцелярія донесла малороссійской коллегіи, что Чарнышъ „въ оную канцелярію прислалъ серебряную кружку да нѣсколько шнуровъ перелъ, да зо два портища матеріи, 100 рублей денегъ, которые взялъ было себѣ въ накладъ отъ Лукьяна и Тимофея Силенковъ въ ту пору, когда судили ихъ съ Петромъ Валькевичемъ". Тамъ же, № 1366. По этимъ двумъ примѣрамъ видно, въ какихъ размѣрахъ Чарнышъ пользовался „накладами".

судить урядники и по сотеннымъ городкамъ, и въ особенности по селамъ, гдѣ, какъ слышно, атаманы и войты, стоя у дверей шинка („*въ шинковыхъ дверяхъ, при піятицѣ*"), судятъ и на всякаго шію напиваютъ. Нужно установить, чтобы и въ селахъ тяжбы разбирались въ пристойныхъ мѣстахъ, и не пьянымъ, а трезвымъ умомъ; шинковые же суды слѣдуетъ искоренить, о чемъ строго наблюдать подъ опасеніемъ строгой кары. А когда кто сельскимъ или сотеннымъ судомъ будетъ недоволенъ, тотъ долженъ жаловаться въ судъ полковой, а на полковой судъ— въ генеральный судъ; и тогда приказано будетъ судьямъ, которые судили того апеллянта, выдать последнему свое рѣшеніе на письмѣ, съ описью всей справы и контроверсій обѣихъ сторонъ" [1]. Изъ этого универсала видно, въ какомъ незавидномъ положеніи находилось отправленіе правосудія въ гетманщинѣ въ моментъ смерти Скоропадскаго. Особенно печально было положеніе правосудія въ томъ отношеніи, что высшая апелляціонная инстанція—генеральный судъ—находилась въ вѣдѣніи *одного* человѣка, который къ тому же не имѣлъ къ себѣ никакого довѣрія. Желая хотя сколько нибудь обезпечить правосудіе въ генеральномъ судѣ, Полуботокъ ввелъ въ составъ послѣдняго четырехъ второстепенныхъ членовъ („ассесоровъ"), чтобы дать суду возможность избавиться по крайней мѣрѣ отъ нареканій на безмѣрную волокиту, такъ какъ генеральный судья часто уѣзжалъ въ свои маетности, оставался тамъ по долгу, и въ это время отправленіе правосудія совершенно прекращалось. „Ассесоры" назначались изъ числа бунчуковыхъ товарищей, и при томъ изъ учившихся [2]. Придуманная Полуботкомъ мѣра для поднятія значенія генеральнаго суда вѣроятно имѣла бы положительные результаты, но когда Полуботка судили въ Петербургѣ, то учрежденіе „ассесоровъ" поставлено было ему въ вину, какъ примѣръ самовластія, а вслѣдъ за тѣмъ ассесоровъ

---

[1] Русск. Арх. 1880 г., I, 151. См. также Чтенія въ Общ. Нестора Лѣт., XII, отд. 3-а, стр. 94—95.

[2] Тамъ же, 152. „Ассесоровъ" Полуботокъ заимствовалъ изъ статутоваго судоустройства. См. Sądowy process W. Xstwa Litewsk. (Grodno, 1771), стр. 78.

и не стало въ генеральномъ судѣ. При поставленіи Апостола гетманомъ, когда составлены были для него „рѣшительные пункты“, былъ затронутъ вопросъ и объ устройствѣ генеральнаго суда, причемъ послѣдній долженъ былъ состоять изъ шести членовъ (по три—изъ великороссіянъ и малороссіянъ). Гетманъ считался „президентомъ“ генеральнаго суда. Вмѣстѣ съ этимъ измѣненіемъ состава генеральнаго суда была издана въ 1730 году, отъ имени гетмана, подробная инструкція для остальныхъ судебныхъ инстанцій. Инструкція установляла, что въ полковомъ судѣ должна участвовать вся полковая старшина и, кромѣ того, „значковое товариство“. По дѣламъ „криминальнымъ“ и вообще по дѣламъ „значнымъ“ инструкція требовала, чтобы въ судѣ присутствовалъ „самъ полковникъ купно со всею старшиною“. Эта же инструкція 1730 года установила опредѣленныя правила и для судовъ сельскихъ и сотенныхъ, причемъ, между прочимъ указывалось, что „по селамъ, на судъ сходитися велѣть къ атаману или войту, но не въ шинковые дома“... Та же инструкція преподавала и нѣкоторыя общія правила относительно судейскихъ обязанностей, о сущности которыхъ гетманскій урядъ значитъ находилъ нужнымъ напомнить судьямъ. Здѣсь между прочимъ говорилось, чтобы „судья“, кромѣ природнаго добронравія, былъ „совѣстенъ, уменъ, въ писаніи искусенъ, право знающій, чтобы не званіемъ только, но и вещью можно было таковаго почитать за судью“... Такимъ образомъ при Апостолѣ произведено было значительное обновленіе судебныхъ инстанцій, выразившееся главнымъ образомъ въ увеличеніи состава судей. Трудно сказать, какіе результаты оказала „инструкція“ 1730 года на суды сельскіе и сотенные; вѣроятнѣе всего, что для нихъ она осталась мертвою буквою, потому что некому было надзирать за исполненіемъ новыхъ указаній. Но полковой и генеральный суды начали функціонировать въ новомъ, увеличениомъ составѣ. Передъ нами книга рѣшеній полтавскаго полкового суда за четыре года (1747—1753), изъ которой видно, что дѣла здѣсь разрѣшались коллегіей, состоявшей взъ полковой старшины: судьи Григорія

Сахновскаго, писаря Григорія Багинскаго, есаула Ивана Сулимы и двухъ хоружихъ—Василія Магденка и Максима Лаврентьева, причемъ часто въ составъ коллегіи входилъ и самъ полковникъ Андрей Горленко. Изъ сихъ же рѣшеній видно, что уголовныя дѣла въ полковомъ судѣ начинались большею частью по донесеніямъ сотенныхъ урядовъ, въ которыхъ излагалась жалоба потерпѣвшихъ и свѣдѣнія о томъ—задержаны ли обвиняемые. При постановленіи приговоровъ по преступленіямъ, за которыя слѣдовала смертная казнь, лишеніе правъ и ссылка, судъ опредѣливъ наказаніе, обыкновенно добавлялъ—„полученными же отъ его ясневельможности... гетмана... графа Кир. Григ. его сіятельства Разумовского великоповелителними ордерами повелѣно о колодникахъ, присуженнихъ къ смертной казни, полѣтической смерти и вѣчной зсилки—мнѣнія по порядку въ судъ войск. генеральний отсилать къ апробаціи". Такимъ образомъ, начиная съ гетманства Разумовскаго юрисдикція полковыхъ судовъ была значительно сокращена. Гражданскія дѣла возникали по жалобамъ, которыя подавались большею частью полковнику, а послѣдній передавалъ ихъ въ въ судъ, чрезъ полковую канцелярію, при своемъ указѣ. Относительно другихъ полковыхъ судовъ мы видимъ, напр., что судейская коллегія стародубскаго полковаго суда, того же времени, кромѣ полковой старшины, пополняется еще и двумя „ассесорами" изъ „войскового товариства". Такимъ образомъ рѣшеніе стародубскаго полковаго суда 1730 года подписали: обозный Аф. Есимонтовскій, судья Ханенко, писарь Юркевичъ, ассесоры Иванъ Данченко и Дан. Зѣневичъ, Степанъ Косачъ (безъ обозначенія должности) и канцеляристъ Дан. Короткевичъ.—Обращаясь къ составу коллегіи генеральнаго суда, мы видимъ, что рѣшенія послѣдняго въ 1735 году подписываютъ: кн. Андрей Барятинскій, Иванъ Сенявинъ, Богданъ Пассекъ, Яковъ Лизогубъ (генеральный обозный), Михайло Забѣла и Иванъ Борозднa (генеральные судьи) и Якимъ Горленко (генеральный хоружій) и наконецъ писарь суда, извѣстный того времени дѣлецъ, Дамьянъ Оболонскій. „Криминальныя дѣла" въ

генеральномъ судѣ начинались въ это время по сообщеніямъ тогдашняго „правителя“ кн. Шаховскаго, а гражданскія—по донесеніямъ полковыхъ судовъ или по апелляціямъ. По криминальнымъ дѣламъ“ генеральный судъ, въ случаѣ назначенія преступнику смертной казни, рѣшеніе свое („мнѣніе“), представлялъ „правителю“ „для разсмотрѣнія и крайняго рѣшенія“. Такія представленія „правитель“ разрѣшалъ совмѣстно съ присутствующими *членами генеральной войсковой канцеляріи* и постановлялъ окончательныя рѣшенія. Членами генеральной канцеляріи въ 1735 году были: кн. Андрей Барятинскій (одновременно засѣдавшій и въ генеральномъ судѣ), Василій Гурьевъ, Андрей Марковичъ (генеральный подскарбій) и Федоръ Лысенко (генеральный есаулъ) и наконецъ генеральный писарь Турковскій. Съ этого только времени генеральная канцелярія становится судебной инстанцій, какъ это подтверждаетъ и практическій юристъ XVIII в. Чуйкевичъ (см. ниже), а не раньше, какъ говоритъ г. Миллеръ, основываясь, повидимому, на „Словарѣ“ Ломиковскаго. Но и генеральная канцелярія не сдѣлалась высшей инстанціей, такъ какъ и на ея рѣшенія стали подавать жалобы и жалобы эти направлялись въ сенатъ [1]).

Главный результатъ тѣхъ измѣненій, которыя были произведены въ судахъ при Апостолѣ, заключался въ томъ, что въ *роль судей была поставлена вся старшина*, какъ полковая, такъ и генеральная. Такимъ образомъ судъ окончательно смѣшался съ администраціей, причемъ конечно тотъ идеалъ судьи, о которомъ распространялась „инструкція“ Апостола, осуществиться не могъ, такъ какъ нельзя же было требовать отъ какого-нибудь полуграмотнаго полкового есаула или хоружаго—знанія „права“. Недостатки такого положенія судовъ, повидимому, хорошо сознавали тогдашніе практическіе юристы, какъ это видно изъ написаннаго въ 1750 году разсужденія Федора Чуйкевича подъ названіемъ „Судъ и расправа въ правахъ малороссійскихъ [2]).

[1]) Записки Черниг. Стат. Комит., II, 129.

[2]) Объ этомъ сочиненіи краткое извѣстіе имѣется въ книгѣ Кистяковскаго—„Права“, стр. 88 и 98. У г. Миллера приведены и выдержки изъ этого сочиненія (стр. 29), но безъ имени автора, которое, повидимому, г. Миллеру неизвѣстно.

Указывая на недостатки прежнихъ судовъ („ибо за скудостію грамотныхъ людей были на чинахъ судейскихъ и неграмотные, якъ видно изъ подписовъ на статтяхъ по гетманѣ Б. Хмельницкомъ бывшихъ гетмановъ“), Чуйкевичъ говоритъ, что при гетманѣ Разумовскомъ имѣются „многочисленные компуты ученыхъ и грамотныхъ чиновъ“, вслѣдствіе чего является полная возможность „въ полкахъ малороссійскихъ учредить суды земскіе, особо отъ судовъ гродскмхъ, въ препорцію дистанцій и мѣстъ, чтобъ больше 50 верстъ судъ земскій не разстоялъ отъ подсудныхъ своихъ жительствъ“... Засимъ Чуйкевичъ рисуетъ картину судовъ, независимыхъ отъ администраціи, въ томъ ихъ видѣ, какъ они существовали прежде, указывая въ то же время на недостатки судовъ существующихъ. Тутъ же Чуйкевичд предлагаетъ измѣнить составъ и генеральнаго суда („за силу правъ малороссійскихъ надлежитъ суду генеральному отправляемому быть одъ депутатовъ изъ 10 полковъ, по едной персонѣ выбираемыхъ“)... Реформированные суды, по мнѣнію Чуйкевича; „пресѣкутъ всю *воликиту непотребную и за многимъ урономъ досадную и разорительную*“. Указывая на эту волокиту, Чуйкевичъ говоритъ: „еще жъ и на судъ генеральный апелляція въ генеральную канцелярію *послѣ смерти гетмана Апостола начала быть*, а на канцелярію генеральную въ правительствующій сенктъ, съ премногою малороссіянамъ въ С.-Петербургѣ волокитою, чего въ Малой Россіи отъ 1654 по 1734 годъ не бывало“... Къ этому слѣдуетъ добавить, что авторъ разсужденія „Судъ и расправа“ былъ сынъ хорошаго „латинщика“ Александра Чуйкевича, долгое время занимавшаго, въ концѣ XVII вѣка, урядъ полтавскаго полковаго писаря, да и самъ былъ „реентомъ“ генеральнаго суда (т. е. помощникомъ генэр. писаря); слѣдовательно мнѣніе Чуйкевича о недостаткахъ современныхъ ему судовъ было мнѣніе человѣка, стоявшаго у самаго дѣла, о которомъ говорилось. Очень можетъ быть, что подъ вліяніемъ разсужденія Чуйкевича (посвященнаго Разумовскому) гетманъ и произвелъ ту реформу генеральнаго суда, которая выразилась (по универсалу 17 ноября 1760 года)

въ пополненіи судейской коллегіи выборными депутатами отъ полковъ. „Положено было, говоритъ г. Миллеръ, приблизить генеральный судъ къ типу существовавшаго за поляковъ трибу́нала, гдѣ дѣла рѣшались депутатами, выбранными отъ воеводствъ. Моментъ этотъ, продолжаетъ авторъ, принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ моментовъ въ исторіи малорусскаго судоустройства, какъ и въ исторіи общественнаго сознанія гетманцевъ. *Къ сожалѣнію, останавливаться надъ нимъ не входитъ въ предѣлы нашей задачи*, говоритъ г. Миллеръ. Но дѣло въ томъ, что судебная реформа 1763 года явилась результатомъ того „общественнаго самосознанія гетманцевъ", которые прежде чѣмъ додумались до реформы 1763 года, дѣлали разныя попытки улучшить свое судоустройство. Выясненіе этихъ попытокъ составляетъ одну изъ задачъ г. Миллера, такъ какъ они входятъ въ исторію реформы 1763 года. Не можетъ не входить поэтому сюда и универсалъ 1760 года, надъ которымъ г. Миллеръ не желаетъ останавливаться. — Реформа 1763 г. была лишь дальнѣйшимъ развитіемъ раньше выраженныхъ желаній тогдашняго общества, почему выраженіе этихъ желаній и требуетъ обслѣдованія.

Переходя къ разсказу объ этой реформѣ, г. Миллеръ подводитъ итоги историческаго значенія судовъ козацкихъ и говоритъ, что послѣдніе „выработались самою жизнью, естественными потребностями самого народа, безъ всякихъ искусственныхъ, не изъ народа выходящихъ регламентацій; и это судоустройство могло удовлетворять народъ до тѣхъ поръ, пока оно оставалось народнымъ; пока самъ народъ участвовалъ въ его созданіи, пока онъ принималъ активное участіе въ отправленіи правосудія, пока, наконецъ, народъ и его судьи смотрѣли на жизнь одними и тѣми же глазами... Съ удаленіемъ съ судебной арены народа, создавшаго малорусское судоуствойство, обнаружились и несовершенства этого судоустройства. Выработанный козатчиной строй былъ слишкомъ примитивно простъ и, можно сказать, годился скорѣе для военнаго табора, чѣмъ для сложной гражданской жизни"... Далѣе авторъ говоритъ, что при описанныхъ условіяхъ козацкаго суда скорый и правый

судъ былъ невозможенъ. Намъ кажется, что тотъ судъ, который существовалъ въ Малороссіи во второй половинѣ XVII и началѣ XVIII вѣка, никакъ нельзя называть народнымъ по одному тому, что устроенъ онъ былъ искусственно и что нормами правосудія для него служили кодексы, мало понятные не только для массы, но и для самихъ судей. При этомъ „козацкій“ судъ, въ которомъ судьями явилась козацкая старшина, былъ всетаки остаткомъ судовъ прежнихъ, статутовыхъ, потому что нормы правосудія въ немъ примѣнялись прежнія, и лишь одно судоустройство сложилось „слишкомъ примитивно“ въ силу извѣстныхъ историческихъ событій, потребовавшихъ быстраго измѣненія прежнихъ формъ. Народнымъ козацкій судъ не былъ потому, что онъ не удовлетворялъ ни народъ, ни образованное общество. Послѣднее стало относиться отрицательно къ этому суду уже въ началѣ XVIII вѣка. А за тѣмъ съ дальнѣйшимъ распространеніемъ образованія, это общество стало настоятельно требовать измѣненія „козацкаго“ судоустройства. Случилось такъ, что послѣ суровой ферулы „правителей“, продолжавшейся около пятнадцати лѣтъ (1734—1750), въ краѣ неожиданно явилась власть *своя* и притомъ вполнѣ расположенная къ удовлетворенію тѣхъ общественныхъ нуждъ, о которыхъ слышались заявленія общества. Послѣднее воспользовалось этою счастливою случайностью и стало громко заявлять о необходимости реформы въ устройствѣ суда.

Какіе же идеалы были у этого общества относительно новаго судоустройства?—Кажется, что тутъ и выбора не могло быть: близко знакомый этому обществу литовскій статутъ предлагалъ готовыя формы, а создавать какія либо иныя, новыя для сего формы—тогдашнему обществу было едва ли подъ силу... Г. Миллеръ обстоятельно разсказалъ, какъ случайно была установлена форма—одного изъ статутовыхъ судовъ—суда подкоморскаго (стр. 31). Этотъ случай указываетъ, что малорусское образованное общество, заявивъ общее желаніе объ измѣненіи судоустройства, при первомъ представившемся ему случаѣ обратилось къ той формѣ *межеваго суда*, на который ему указы-

вала исторія. Та же исторія подсказывала лѣвобережной Малороссіи форму и другихъ судовъ, которые когда-то существовали если не въ ней, то въ ея митрополіи, т. е. въ правобережной Малороссіи. Учрежденіе статутовыхъ судовъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, по мнѣнію г. Миллера, „явилось осуществленіемъ вожделѣнныхъ для украинскихъ пановъ прежнихъ порядковъ (стр. 38), когда въ рукахъ благороднаго сословія была сосредоточена *вся власть управленія*". Исторія не даетъ основаній для обвиненія малорусской ставшины въ какой либо личной тенденціи при учрежденіи статутовыхъ судовъ. Никакихъ особыхъ правъ эта старшина отъ учрежденія послѣднихъ не получала. Всѣ тѣ привилегіи, которыя она забрала въ свои руки во время гетманщины, отъ учрежденія статутовыхъ судовъ не увеличивались. Какъ въ козацкихъ, такъ и въ статутовыхъ судахъ старшина занимала первенствующее положеніе въ силу своего образованія и богатства, причемъ и то, и другое было пріобрѣтено ею уже раньше. Одно можно сказать, что статутовые суды какъ бы узаконивали за старшиною званіе *шляхты* и такимъ образомъ явственно обозначили ея обособленіе отъ народа; но при этомъ нормы того права, которымъ руководствовались козацкіе суды, развѣ давали *народу* какое либо другое положеніе, кромѣ приниженнаго? Въ этомъ же самомъ положеніи народъ (собственно—посполъство) остался и послѣ установленія въ лѣвобережной Малороссіи статутовыхъ судовъ. Создавать въ половинѣ XVIII в. какую либо другую форму суда, съ демократическими тенденціями, нельзя было уже и потому, что тогда не было и носителей такихъ тенденцій, хотя бы и въ зачаточной ихъ формѣ. А между тѣмъ форма статутовыхъ судовъ во всякомъ случаѣ была значительнымъ шагомъ впередъ, сравнительно съ судами „козацкими", потому что эта форма обособляла судъ отъ администраціи. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній намъ кажется, что установленіе статутовыхъ судовъ въ лѣвобережной Малороссіи, явившееся результатомъ самодѣятельности общества, безъ какого либо участія со стороны правительства, должно указывать лишь на ту интеллектуальную силу этого общества,

которая въ XVIII вѣкѣ выражалось среди русскаго народа еще очень слабо.

Предисловіемъ къ разсказу о томъ процессѣ, какимъ совершилось учрежденіе статутовыхъ судовъ, служитъ разсказъ г. Миллера о знаменитомъ съѣздѣ малорусской интеллигенціи въ Глуховѣ, осенью въ 1763 году, и о рѣчахъ ею тамъ произнесенныхъ. Авторъ подробно разсказываетъ о составѣ и настроеніи участниковъ съѣзда, причемъ говоритъ, что «старина манила ихъ (участниковъ) призракомъ политической независимости, гражданской свободы, широкихъ правъ и привилегій. Нѣтъ нужды, что эта свобода зиждилась на порабощеніи хлѣбороба-селянина: до понятія объ одинаковой для всѣхъ классовъ общества свободѣ украинскіе интелигенты еще не дошли, да и можно ли было требовать такого понятія отъ людей, жившихъ въ вѣкъ просвѣщеннаго абсолютизма?». Этимъ восклицаніемъ авторъ самъ объясняетъ причину—почему „отъ рядового козачества, мѣщанства, духовенства, а тѣмъ паче посполььства на этой „генеральной радѣ“ не было ни одного человѣка“... На этой радѣ, въ числѣ прочихъ дезидератъ, высказано было общее желаніе объ учрежденіи и другихъ статутовыхъ судовъ, кромѣ тогда уже дѣйствовавшаго подкоморскаго. Разъ была признана необходимость открытія суда подкоморскаго, вѣдавшаго земельные споры, естественно было идти далѣе и ходатайствовать объ открытіи судовъ—земскаго и гродскаго. Тутъ же, на глуховскомъ съѣздѣ, разработаны были и всѣ подробности касательно числа судовъ, ихъ состава и порядка избранія судей. Рѣшено было, что въ судахъ земскомъ и подкоморскомъ будутъ судить выборные изъ числа козацкой старшины судьи, причемъ эта старшина уже настойчиво именуется шляхетствомъ. Для гродскаго (уголовнаго) суда постановлено было—особыхъ судей не выбирать, а оставить его въ вѣдѣніи прежней полковой старшины, съ полковникомъ во главѣ. Мотивы такого отношенія къ суду уголовному со стороны глуховскаго съѣзда не были объяснены. Объ узаконеніи предположенной реформы было представлено высшему правительству, но прежде чѣмъ полученъ былъ его отвѣтъ, уже

19 ноября 1763 года обнародованъ былъ гетманскій универсалъ, въ которомъ, послѣ изложенія подробнаго плана учрежденія новыхъ судовъ, предписывалось—предначертаніе это привести въ дѣйствіе. Г. Миллеръ не объясняетъ причинъ этой поспѣшности въ распоряженіи о привиденіи въ дѣйствіе предположенной реформы безъ разрѣшенія высшей власти. Можно думать, что въ С.-Петербургѣ затруднились оффиціальнымъ разрѣшеніемъ предположенной реформы, и гетману дано было негласное позволеніе на привиденіе ея въ дѣйствіе, такъ какъ своимъ отказомъ правительство, можетъ быть, не желало возбуждать и раздражать то общество, для котораго въ этотъ моментъ готовилась важная соціальная реформа, состоявшая въ уничтоженіи гетманств. Новые суды узаконены были правительствомъ позже, и—при томъ—тѣмъ самымъ указомъ, которымъ уничтожалось гетманство... Въ началѣ 1764 года въ Малороссіи было учреждено 20 повѣтовъ, а въ маѣ мѣсяцѣ того же года уже утверждены были гетманомъ и выбранные чины судовъ [1]: подкоморые, судьи, подсудки и писари. Изъ персонала новыхъ судей видно, что его составилъ цвѣтъ тогдашняго малорусской интеллигенціи [2]; всѣ богачи бунчуковые товарищи согласились принять должности судей, кто познатнѣе—въ подкоморскихъ судахъ, а другіе—въ земскихъ. Контингентъ подсудковъ набранъ былъ изъ войсковыхъ товарищей, а писарей—главнымъ образомъ изъ канцеляристовъ полковыхъ судовъ. Видно, что статутовые суды были учрежденіемъ очень желательнымъ, хотя, разумѣется, привлекательно было и то шляхетство, которое неразрывно связывалось съ званіемъ новыхъ судей...

Г. Миллеръ представляетъ подробныя свѣдѣнія о томъ, при какихъ обстоятельствахъ и съ какими затрудненіями устраивались новые суды, причемъ, прежде всего, видно полное равнодушіе со стороны глуховскихъ властей къ просьбамъ и представленіемъ новыхъ судовъ о помощи при устройствѣ самой не-

---

[1] Кромѣ полтавскаго.

[2] Отчетъ Комитета, прилож. X. Въ этомъ спискѣ, составленномъ 7 мая 1764 года, не показаны черниговскіе судьи, которые были утверждены только 22 мая.

обходимой ихъ обстановки. При Разумовскомъ осуществленіе реформы было только начато; произведены были выборы судей и ихъ помощниковъ; но внутреннее устройство судовъ происходило уже при Румянцевѣ, подъ наблюденіемъ генеральнаго суда, „яко главнаго надъ судами мѣста". Со стороны Румянцева реформа не встрѣчала затрудненій, такъ какъ конечно съ его согласія послѣдовало и утвержденіе ея, въ указѣ 10 ноября 1764 года, но не могъ быть Румянцевъ и сторонникомъ этой реформы, такъ какъ послѣдняя служила во всякомъ случаѣ къ обособленію отъ имперскихъ порядковъ края, который порученъ былъ ему въ управленіе. Поэтому, можно думать, что Румянцевъ, если не мѣшалъ реформѣ, то и не помогалъ ей, имѣя въ виду, что въ Малороссіи вскорѣ будетъ произведена другая реформа, которая должна была служить не къ обособленію края отъ имперіи, а къ его слитію съ послѣдней... Въ этомъ слѣдуетъ видѣть причину того равнодушія, съ которымъ глуховскія власти смотрѣли на дальнѣйшее, послѣ ихъ открытія, устройство новыхъ судовъ (стр. 72 и друг.). Цѣлую главу (V-ю) г. Миллеръ посвятилъ разсказу о тѣхъ порядкахъ, которые заводились въ новыхъ судахъ послѣ ихъ открытія, причемъ представляетъ сущность обязанностей каждой изъ новыхъ судейскихъ должностей. Тутъ же находимъ свѣдѣнія и о положеніи гродскаго суда, причемъ оказывается, что дѣлопроизводство въ этихъ судахъ осталось во всемъ прежнее. Произошло это потому, справедливо говоритъ г. Миллеръ, что „реформа 1763 года въ отношеніи гродскихъ судовъ не была доведена до конца. Старому полковому суду дана была только новая кличка"... Въ VI-й главѣ изложенъ очеркъ практики отправленія правосудія въ новыхъ судахъ. Здѣсь, прежде всего, обращаетъ на себя вниманіе указаніе на тѣ затрудненія, которыя встрѣтили въ Малороссіи статутовые порядки относительно узаконенныхъ сроковъ для разбора дѣлъ. Одинъ изъ судовъ хлопоталъ, напр., о томъ, чтобы въ подвѣдомыхъ ему сотняхъ „учинить публикаціи съ протолкованіемъ народу", въ какіе именно сроки слѣдуетъ являться въ земскій судъ для подачи жалобъ. Глуховскія

власти видѣли, что судъ имѣетъ полное основаніе, требуя подтвержденія порядковъ, указанныхъ въ *статутѣ*, но въ то же время и стѣснялись, что эти порядки „мѣшаютъ по подаваемымъ жалобамъ производженіе чинить съ возможною скоростью“. Однакожъ, въ концѣ концовъ и глуховскія власти согласились что „въ содержаніи правныхъ роковъ для судовыхъ расправъ нужно поступать во всемъ на основаніи малороссійскихъ правъ“. Но въ гродскихъ судахъ такъ называемые „рочки“ не соблюдались. Нерѣдко между новыми судами и старыми (преимущественно сотенными) происходили „прерéканія о подсудности“, причемъ сотники, не желая выпускать изъ своихъ рукъ тѣхъ доходовъ, которые они получали за судъ, препятствовали козакамъ обращаться за правосудіемъ въ земскіе суды. Въ этомъ случаѣ коллегія поддержала новые суды и вѣдѣнію сотенныхъ правленій были предоставлены только словесныя расправы по маловажнымъ дѣламъ. Шестую главу г. Миллеръ заключаетъ очеркомъ о *подсудности* „общественныхъ группъ“ новымъ судамъ. Тутъ главный вопросъ заключается въ опредѣленіи надлежащаго суда для селянъ, т. е. козаковъ и крестьянъ. Послѣ долгихъ разсужденій, установлено было, что козаки должны судиться въ земскихъ судахъ (стр. 119), и такимъ образомъ послѣдніе были открыты для значительной части народа, причемъ слѣдуетъ замѣтить, что руководители новыхъ судовъ, считавшіе себя уже несомнѣнною *шляхтою*, никакого препятствія для этого не дѣлали. Мѣщанство должно было судиться въ магистратахъ. Труднѣе былъ вопросъ о подсудности крестьянъ. На основаніи изученнаго архивнаго матеріала, г. Миллеръ полагаетъ, что „крестьяне никогда въ земскихъ судахъ не судились, причемъ гражданскія дѣла свободнаго посполитства судились въ ратушахъ, а имущественные интересы панскихъ поданныхъ защищалъ ихъ владѣлецъ“. Мы присоединяемся къ мнѣнію г. Миллера, такъ какъ въ пересмотрѣнныхъ нами спискахъ рѣшенныхъ дѣлъ въ батуринскомъ земскомъ судѣ, *за нѣсколько лѣтъ*, ни одного дѣла, въ которомъ „стороною“ былъ бы крестьянинъ или мѣщанинъ, мы не встрѣ-

тили. Опредѣляя родъ дѣлъ, подсудныхъ земскимъ и гродскимъ судамъ, г. Миллеръ указываетъ, что хотя „речи крвавые“ подлежали непремѣнному вѣдѣнію гродскихъ судовъ, но было и исключеніе: въ глуховскомъ земскомъ судѣ, на ряду съ земскими дѣлами, вѣдались и гродскія.—„Почему было такъ—не знаемъ“, говоритъ г. Миллеръ.—Разсмотрѣніе глуховскихъ уголовныхъ дѣлъ глуховскимъ земскимъ судомъ слѣдуетъ объяснить практикой сего суда, возникшей вслѣдствіе дальности отъ Глухова гродскаго суда, находившагося въ Нѣжинѣ. Уже въ маѣ 1764 года глуховскій земскій судья, Сергѣй Дергунъ, представляя генеральному суду о разныхъ затрудненіяхъ, встрѣченныхъ имъ въ судебной практикѣ, писалъ: „хотя по артикулу 30, розд. 4, о подданныхъ и слугахъ бѣглыхъ отдано на волю челобитчикамъ: въ судъ ли земскій или гродскій позывать, однако челобитчики, объявляя, что *по далекости отсель до Нѣжина*, гдѣ гродскій судъ, лучшую они имѣютъ способность тутъ въ Глуховѣ, нежели тамо...“ [1]). А за симъ Дергунъ спрашивалъ—какъ быть?—Очень вѣроятно, что генеральный судъ нашелъ возможнымъ сдѣлать для Глухова исключеніе, которое потомъ обобщилось, и глуховскій земскій судъ сталъ судить и дѣла подсудныя гродскому суду. При этомъ слѣдуетъ добавить, что Сергѣй Дергунъ былъ извѣстный дѣлецъ своего времени, мнѣніе котораго уважалось не только въ генеральномъ судѣ, но и въ самой коллегіи.

Въ VII-й главѣ г. Миллеръ представляетъ обзоръ „законовъ“, которыми руководились новые суды, причемъ называетъ: *литовскій статутъ, порядокъ, права цесарскія и магдебургскія, саксонъ* и общерусскія узаконенія XVIII столѣтія. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что реформа 1763 года касалась одного лишь судоустройства. Правовые же законы въ статутовыхъ судахъ остались тѣ самые, которыми пользовались и прежніе суды. Говоря въ первой главѣ своей монографіи о судопроизводствѣ въ старыхъ малорусскихъ судахъ, г. Миллеръ

---

[1]) Изъ бумагъ нашей библіотеки.

ничего не говоритъ о кодексахъ, которыми руководились эти старые суды, и это—очень жаль. Не говоря уже о томъ, что очеркъ „козацкихъ“ судовъ безъ указанія на тѣ кодексы, которыми они пользовались, остался не полонъ, разсмотрѣніе вопроса о примѣненіи правовыхъ нормъ въ новыхъ судахъ не можетъ быть полнымъ безъ знакомства съ дѣятельностью въ этой области старыхъ судовъ. Новые суды, примѣняя въ своихъ рѣшеніяхъ правовыя нормы литовскаго статута и другихъ кодексовъ, несомнѣнно пользовались уже прежнею и, можно сказать, богатою практикою, но въ чемъ при этомъ новые суды различествовали отъ старыхъ—объ этомъ въ монографіи г. Миллера свѣдѣній нѣтъ, а поэтому нѣтъ въ его монографіи и матеріала для заключенія о дѣятельности новыхъ судовъ относительно примѣненія законовъ права. Сказавъ, что единственнымъ кодексомъ, который указанъ былъ для пользованія новымъ судамъ, былъ *литовскій статутъ*, г. Миллеръ говоритъ, что изъ имѣющихся въ рѣшеніяхъ сихъ судовъ выписокъ изъ статута видно, что суды пользовались не одною какою либо редакціею статута, а по крайней мѣрѣ двумя. Упомянувъ о прежнихъ мнѣніяхъ по этому вопросу Баршевскаго и Кистяковскаго, г. Миллеръ полагаетъ, „что въ правительственныхъ учрежденіяхъ Малороссіи были въ ходу самыя разнообразныя редакціи статута; въ иныхъ попадался печатный польскій, въ другихъ—можетъ быть и печатный *мамоничевскій*, а во всѣхъ вообще—рукописный, въ разныхъ редакціяхъ, прототипомъ коихъ служили, конечно, редакціи мамоничевская и польская“. Болѣе полное заключеніе по этому вопросу могло послѣдовать, конечно, лишь съ помощью рѣшеній прежнихъ судовъ, начиная съ XVII вѣка, такъ какъ и въ сихъ рѣшеніяхъ очень нерѣдко встрѣчаются выписки изъ литовскаго статута. Покойный Кистяковскій полагалъ: 1) что литовскій статутъ *мамоничевскаго* изданія въ Малороссіи XVIII вѣка былъ мало распространенъ и что, вѣроятно, Малороссія перешла подъ власть Россіи уже съ весьма распространенными изданіями литовскаго статута польской редакціи, вытѣснявшими статутъ мамоничевскаго изда-

нія, и 2) что около половины XVIII вѣка литовскій статутъ польской редакціи былъ вытѣсненъ и замѣненъ употребленіемъ литовскаго статута, переведеннаго съ польскаго, причемъ можно думать, что этотъ переводъ есть тотъ самый, который сдѣланъ былъ комиссіей съ цѣлью составленія „свода“ (стр. 53—54).

Несомнѣнно, что малорусскіе суды пользовались какъ русскимъ текстомъ мамоничевскаго изданія, такъ и польскими изданіями; но мамоничевское изданіе (печатное) было повидимому, рѣдко уже и въ XVII вѣкѣ, о чемъ можно заключить изъ того, что экземпляры его встрѣчаются въ старыхъ „панскихъ“ усадьбахъ, какъ величайшая рѣдкость [1]). Приходилось поневолѣ пользоваться изданіями болѣе поступными, какими и были изданія польскія. Въ концѣ XVII вѣка полтавскимъ полковымъ писаремъ былъ Александръ Чуйкевичъ, человѣкъ очень замѣтный, какъ по многолѣтней своей службѣ на писарствѣ (1677—1690), такъ и по своимъ достаткамъ. Несомнѣнно, что такой человѣкъ могъ бы найти для своего ежечаснаго пользованія литовскій статутъ въ мамоническомъ изданіи, а между тѣмъ несомнѣнно, что онъ пользовался польскимъ изданіемъ 1648 года, такъ какъ экземпляръ *статута* въ этомъ изданіи (надписанный во многихъ мѣстахъ книги: *ex libris Alexandri Czuykewiczi*) былъ, повидимому, въ его постоянномъ обращеніи [2]). Затѣмъ,

---

[1]) Покойный Кистяковскій, собиравшій, чрезъ многочисленныхъ своихъ слушателей, всякіе экземпляры литовскаго статута, нашелъ только два экземпляра мамоничевскаго изданія, сохранившихся въ старыхъ „панскихъ“ гнѣздахъ. Намъ вовсе не приходилося встрѣчать этого изданія въ частныхъ рукахъ въ Малороссіи. Недавно сообщилъ намъ А. І. Степовичъ, что онъ нашелъ мамоничевское изданіе статута въ разномъ книжномъ хламѣ, валявшемся въ чуланахъ *коллегіи П. Г—на*. Такъ какъ въ этомъ же хламѣ А. І. С—мъ найденъ былъ и списокъ земельныхъ актовъ козелецкихъ Дарагановъ, то слѣдуетъ думать, что *мамоничевское* изданіе въ *коллегію* попало изъ *Покорщины*, стариннаго имѣнія Дарагановъ, перешедшаго потомъ къ Галаганамъ и нынѣ принадлежащаго *коллегіи*.

[2]) Экземпляръ этотъ находится въ нашей б-кѣ. Долгое пользованіе имъ со стороны Чуйкевича видно изъ множества замѣтокъ послѣдняго въ книгѣ и изъ добавленій изъ „Speculum Saxonum“. Экземпляръ Чуйкевича заключатъ въ себѣ и „Trybunał“.

мы знаемъ, что гетманъ Скоропадскій очень заботился о переводѣ польскаго текста литовскаго статута на русскій [1]); значитъ русскихъ изданій для общаго пользованія не было, а польскій языкъ знали только тѣ, кто учился въ „латинскихъ училищахъ". Въ виду такихъ данныхъ мнѣніе Кистяковскаго представляется едва ли подлежащимъ сомнѣнію, причемъ, конечно, въ употребленіи нѣкоторыхъ присутственныхъ мѣстъ могъ находиться литовскій статутъ и въ мамоническомъ изданіи. За симъ г. Миллеръ говоритъ о примѣненіи новыми судами въ своихъ рѣшеніяхъ, кромѣ литовскаго статута, другихъ кодексовъ, называя при этомъ *порядокъ, саксонъ, права магдебургскія и цесарскія*, а также и высочайшіе указы XVIII го столѣтія. На основаніи нѣсколькихъ рѣшеній, въ которыхъ цитируются указанныя „нѣмецкія права", г. Миллеръ, дѣлаетъ заключеніе, что примѣненіе ихъ имѣло мѣсто (по встрѣченнымъ случаямъ) только въ дѣлахъ уголовныхъ, но что и здѣсь „нѣмецкія права" примѣнялись рѣдко. Говоря затѣмъ о примѣненіи новыми судами высочайшихъ указовъ, г. Миллеръ на основаніи тѣхъ же судебныхъ рѣшеній, приходитъ къ заключенію, что означенные указы играли главную роль при опредѣленіи степени наказанія, причемъ впрочемъ указанное въ статутѣ вознагражденіе въ пользу потерпѣвшаго или его наслѣдниковъ, оставалось безъ измѣненія. Опредѣленіе мѣры наказанія не по статуту, а по указамъ объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что во второй половинѣ XVIII вѣка смертная казнь, которую литовскій статутъ назначалъ очень часто, уже почти не практиковалась [2]). Кромѣ того, примѣненіе великорусскихъ законовъ требовалось при опредѣленіи мѣры наказанія за тѣ преступленія, которыхъ литовскій статутъ еще не зналъ, напр. за безпаспортность.

Говоря о примѣненіи судами законовъ, г. Миллеръ имѣетъ въ виду почти исключительно уголовныя дѣла; не менѣе интересный вопросъ о примѣненіи законовъ по гражданскимъ дѣ-

[1]) Кіевск. Стар. 1887 г. № 4, 788.

[2]) См. выше, стр. 95.

ламъ (напримѣръ, насколько правовыя нормы литовскаго статута по сего рода дѣламъ сохраняли свое значеніе въ к. XVIII в.) остался въ монографіи г. Миллера не тронутымъ

Очень мало говоритъ г. Миллеръ о судопроизводствѣ въ новыхъ судахъ. Сколько намъ извѣстно, судопроизводство въ прежнихъ полковыхъ, напр., судахъ велось безъ всякихъ опредѣленныхъ формъ; но земскіе суды старались точно исполнять формы гражданской процедуры по указанію литовскаго статута. Формы эти для конца XVIII вѣка были очень стары и во многомъ затруднительны; но на эту сторону вопроса вовсе не было обращено вниманія при учрежденіи статутовыхъ судовъ. Г. Миллеръ указываетъ нѣсколько примѣровъ тѣхъ затрудненій, которыя встрѣчали суды для безволокитнаго производства дѣла (стр. 158—162); но устраненіе этой волокиты могло послѣдовать лишь по замѣнѣ статута новымъ закономъ о судопроизводствѣ. Главное затрудненіе представляла «излишняя переписка», на которую обратили вниманіе сами суды въ первые же годы послѣ своего открытія [1]). Затѣмъ слѣдовали злоупотребленія искусныхъ *дѣльцовъ* при примѣненіи архаическихъ формъ статутоваго судопроизводства. При этомъ г. Миллеръ представляетъ любопытные примѣры той «волокиты», которая скоро завелась и въ статутовыхъ судахъ.

Познакомившись съ исторіей статутовыхъ судовъ, раждается вопросъ—насколько же удовлетворили статутовые суды то общество, которое такъ заботилось объ ихъ учрежденіи?—Г. Миллеръ говоритъ: „на этотъ вопросъ, кажется, намъ можно дать отвѣтъ только утвердительный“. Такой отвѣтъ даетъ почтенный изслѣдователь, основываясь на наказахъ, данныхъ штяхетствомъ своимъ депутатамъ при ихъ посылкѣ въ *комиссію для составленія новаго уложенія.* Но при этомъ шляхетство высказывалось общими мѣстами (заявленіе просьбъ о сохраненіи статута), на

---

[1]) Отчетъ Комитета, прилож. XIII, заключающее въ себѣ любопытное „представленіе“ роменскому земскому суду писаря этого суда Савицкаго объ упрощеніи формъ гражданскаго процесса.

основаніи которыхъ трудно дѣлать то или другое заключеніе. Одно черниговское шляхетство подробно высказалось по вопросу о достоинствѣ новыхъ судовъ и пришло къ заключенію для нихъ неблагопріятному, „указывая на недостатки литовскаго статута, многія положенія котораго были противны естественному праву". Но, какъ видно изъ монографіи г. Миллера, у новыхъ судовъ былъ другой недостатокъ, болѣе важный, заключавшійся въ медленности производства дѣлъ. Медленность зависѣла въ малой степени отъ тѣхъ посторонних порученій, которыя сплошь и рядомъ давались судьямъ новыхъ судовъ высшимъ начальствомъ, а главная причина этой медленности заключалось въ *бездѣятельности* судей, на каждомъ шагу уклонявшихся отъ присутствія въ судахъ (стр. 155), причемъ мѣры, которыя принимала глуховская коллегія для устраненія этой *лѣни* судей, имѣли мало успѣха. По заключенію г. Миллера, новые суды далеки были отъ идеала медленностью своей процедуры, но процедура въ старыхъ судахъ была еще медленнѣе.

Были ли новые суды при этомъ хотя свободны отъ лицепріятія и могъ ли имѣть мѣсто въ нихъ подкупъ? На этотъ вопросъ г. Миллеръ даетъ отвѣтъ нерѣшительный, говоря, что въ находящемся въ его рукахъ матеріалѣ нѣтъ прямого отвѣта на вопросъ. Но едвали мы ошибемся, если скажемъ, что при частомъ уклоненіи самихъ судей отъ исполненія ими своихъ судейскихъ обязанностей, фактическими судьями по необходимости становились секретари („писари") этихъ судовъ, изъ которыхъ большинство училось дѣлу въ тѣхъ старыхъ полковыхъ судахъ, гдѣ взяточничество, можно сказать, царило и притомъ въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. У насъ подъ руками имѣется нѣсколько „реестровъ" тѣхъ взятокъ, которыя были подносимы судьямъ въ половинѣ XVIII вѣка въ видѣ „талеровъ", головъ „цукру" и друг. цѣнныхъ предметовъ. Едва ли можно сомнѣваться, что этими же средствами, во множествѣ случаевъ, ускорялось и направлялось правосудіе и въ статутовыхъ судахъ... Судьями въ нихъ были люди большею частью достаточные, а потому лѣнивые и неопытные, а за такихъ судей судъ вершила судейская

канцелярія, какъ это практиковалось и въ позднѣйшее у насъ время, вплоть до *новыхъ судовъ*.

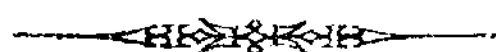
„Упраздненіе статутовыхъ судовъ, говоритъ г. Миллеръ, прошло незамѣтно, не вызвавъ ни жалобъ, ни протестовъ". Къ этому можно добавить, что упраздненіе статутовыхъ судовъ въ 1782 году и замѣна ихъ другими—никакихъ жалобъ и не могли вызывать какъ потому, что екатерининскіе суды сохранили въ Малороссіи прежній кодексъ (литовскій статутъ), такъ и потому, что одновременно съ реформою 1782 года малорусское *шляхетство* переименовывалось въ столь имъ желанное *дворянство*.... Для народа же подобныя реформы являются обыкновенно безразличными...

Г. Миллеръ не дѣлаетъ оцѣнки судебной реформы 1763 года, какъ историческаго факта, а между тѣмъ учрежденіе статутовыхъ судовъ было событіемъ настолько замѣтнымъ въ исторіи культурнаго развитія малорусскаго общества XVIII вѣка, что сказать о томъ или другомъ его значеніи изслѣдователь не только имѣетъ полное основаніе, но и долженъ. Для этой оцѣнки слѣдовало бы поставить такой вопросъ: учрежденіе статутовыхъ судовъ въ 1763 г. было ли результатомъ только однихъ эгоистическихъ усилій тогдашней малорусской интеллигенціи, стремившейся не только фактически, но и юридически выдѣлиться изъ народа, или же—реформа судовъ 1763 года являлась послѣдствіемъ того общественнаго неудобства, которое испытывалъ весь край отъ первобытнаго устройства прежнихъ судовъ, когда судьею былъ каждый полковой или сотенный урядникъ?— Слѣдуетъ думать, что въ половинѣ XVIII вѣка малорусская интеллигенція уже вполнѣ понимала неудобство сліянія судебной и административной власти въ рукахъ полковника и его подчиненныхъ; что этому пониманію способствовалъ дѣйствовавшій тогда въ Малороссіи кодексъ, въ которомъ, на ряду съ нормами права, указывалось и такое судоустройство, гдѣ правосудіе должны были отправлять особые, нарочно для того выбранные судьи. Разумѣется, при этомъ слѣдуетъ допустить, что малорусская интеллигенція, она же и „войсковая старшина"

заботясь объ учрежденіи статутовыхъ судовъ, могла имѣть въ виду и тѣ сословныя выгоды, которыя она должна была получить вмѣстѣ съ званіемъ статутовыхъ судей. Однакожъ удовлетвореніе сословныхъ интересовъ старшины при учрежденіи статутовыхъ судовъ, повидимому, отступало на второй планъ, такъ какъ правосудіемъ въ новыхъ судахъ получало возможность пользоваться все населеніе края, съ указанными въ статутѣ исключеніями. Если реформа судовъ 1763 года не была доведена до конца, если статутовое судопроизводство не было согласовано съ требованіями времени, то здѣсь виноваты прежде всего неблагопріятно сложившіяся для реформы условія. Начата она была при располагавшемъ широкими полномочіями гетманѣ, съ поддержкою котораго и явилась на свѣтъ, а установлялась и дѣйствовала—при главенствѣ въ краѣ императорскаго намѣстника, заботившагося о приготовленіи края къ введенію въ немъ другой реформы—*учрежденія о губерніяхъ*...

Исторія учрежденія въ лѣвобережной Малороссіи статутовыхъ судовъ давно уже требовала особаго изслѣдованія. Давъ такое изслѣдованіе, г. Миллеръ пополнилъ одинъ изъ значительныхъ пробѣловъ въ соціальной исторіи Малороссіи. Изслѣдованіе г. Миллера написано главнымъ образомъ по источникамъ рукописнымъ, чѣмъ заслуга изслѣдователя только увеличивается. Конечно можно пожалѣть, что г. Миллеръ не нашелъ возможнымъ болѣе распространиться о „козацкихъ судахъ", чѣмъ это сдѣлано въ его монографіи, такъ какъ при болѣе подробномъ изслѣдованія состоянія прежнихъ судовъ и реформа 1763 года получила бы болѣе правильное освѣщеніе. Особенно жаль, что г. Миллеръ, говоря о прежнихъ судахъ, вовсе не коснулся вопроса о *законахъ*, въ нихъ дѣйствовавшихъ, такъ какъ безъ обзора сихъ *законовъ* его изслѣдованіе о примѣненіи новыми судами *статута* и другихе кодексовъ—явилось какъ бы безъ начала. Но и съ этими пробѣлами монографія г. Миллера представляетъ собою работу, несомнѣнно составляющую цѣнный вкладъ въ исторіографію Малороссіи.

А. Лазаревскій.

Приложенія.

I. Декретъ переяславскаго полковаго уряда по спору внуковъ, по представленію за отца, съ тетками, за наслѣдство дѣда первыхъ и отца вторыхъ. 1685 г.

Року тысяча шесть сотъ осмдесятъ пятого, мѣсяца июня дня первого.

На врадъ нашъ полковый переяславскій, передъ насъ Ивана Гулака, обозназо полку переяславского, Симеона Кулженка, судю полкового, Максима Хоменка, атамана городового, и иншого на тотъ часъ зголившагося значного полкового товариства не мало було, отъ его млти пна Леонтия Полуботка, пна полковника войска ихъ царского пресвѣтлого величества запорозкого переяславского, злеценная справа, которая въ таковый точилася способъ: Татьяна Андрѣиха Лехненковая, панфилская жителка, сполне съ синами своими Лавриномъ и Василемъ Лехненками, передъ всѣмъ вышемененованнымъ нашимъ засѣлымъ полковымъ обличне ставовши врадомъ, на зоввицѣ свои, Ганку, и Зѣнку, и Марю Лехнувны, о позосталие по небожчику свекру своемъ Хведору Леху, небожчика своего мужа и оныхъ поменутыхъ еи зоввицъ отцевѣ кгрунта, вспадаючии сукцессиве на потомки небожчика моего мужа Лехненка... то мовитъ: Лаврѣну и Василю, унукомъ Лехновимъ, прекладала скаргу, ижъ повѣдае: за живота еще своего мененный небожчикъ свекоръ мой Лехно оныхъ поменутыхъ моихъ зоввицъ, а своихъ дочокъ, при выданю въ станъ малженский почасти, водлугъ зможности своей, кождую зъ нихъ зъ своего набитку отцевско отвѣнивши, поотдѣлевалъ, тылко мужу моему Андрею, зъ меншимъ его рожонимъ же братомъ Петромъ, который, отъ лѣтъ тридцати и до сего часу въ неволѣ состаетъ, синумъ своимъ, за живота и по смерти всѣ много, по отдѣлу поменутыхъ дочокъ своихъ, зоставало кгрунтовъ небожчика, поменутий свекоръ мой въ поссесию на вѣчность по смерти милое ихъ матки, а своее жоны, милости своее отцевское за ихъ до него щирую сиповскую приязнь на уживане поручилъ, которыхъ презъ многіе лѣта померлихъ своихъ милихъ родичовъ, до смерти своее, жадное нѣ отъ кого не мѣючи турбацыи, спокойне уживалисмо зъ дѣтми; где уже теперъ, по смерти небожчика мененного Лехненка, моего мужа, оные мененные мои зоввицѣ отъ оныхъ небожчиковскихъ Лехновыхъ кгрунтовъ сихъ то

поменутыхъ унуковъ Лехновыхъ, а потомковъ небожчика жъ мужа моего Андрея Лехненка, Лаврѣна и Василя, оттерли. О чомъ мы, урадъ, кгдысмы на скаргу Татияны зъ спнами еи сторонѣ и обжалованной Ганцѣ, Зѣнцѣ и Марии на отповѣды стати передъ насъ росказали и о посѣстю оныхъ кгрунтовъ, зъ якое бы мѣри завладѣти собѣ мѣли, питали, которни, ижъ мовитъ на насъ по отцевѣ нашему вспадати мѣютъ, тимся вимѣрали. Однакъ теды, кгдысмы доходячи певности на таковое ихъ вспарте промежко собою, слушныхъ казалисмо постановити свѣдковъ. Теды на жадане обоихъ сторонъ, на якого здаватись зъ права у свѣдоцство передъ симъ же вышеменованнымъ нашимъ урадомъ, поставши (поставивши?) чоловѣкъ значный, панфилский старии житель и годний вѣры, бывшій того села атаманъ, имямъ званный Сидоръ Лисий, доброволне, подъ сумленемъ, такъ призналъ: ижъ повѣдае, о томъ вѣдаю заневне, же мененныя Лехнувны отдѣлены особно на своихъ зоставали кгрунтахъ, а поменутый небожчикъ Андрей Лехненко по смерти отца своего всѣми отцевскими владнулъ кгрунтами; а ежели о томъ не доймете вѣри, то до старихъ панфилскихъ жителей, для досконалшого свѣдоцства, зослати кого зволте. Теды мы звышеспецификованный полковый переяславский урадъ, взираючи на очевистную межи сторонами, Татьяною зъ синами и Лехнувны Ганки, и Зѣнки и Мари контроверсию и на певное оного человѣка свѣдоцство, близшихъ дѣдичовъ до отчизны отца ихъ и до его Лехна кгрунтовъ быти уважилисмо Лаврѣна и Василя, унуковъ Лехновыхъ, которимъ судомъ нашимъ въ вѣчную посессию оные Лехнувские кгрунты приворочаенъ, абы, яко своими власными, спокойне заживали, тилко за радою тихъ же дѣдичовъ Лаврѣна и Василя и взираючи на убожество и на обудовѣлость осиротѣлое старшое дочки Лехновое мененное Ганки Криштопихи въ части тихъ кгрунтовъ, зъ садку для выживленя и изъ гаю для огрѣваня подъ тихъ дровъ и изъ третее части поля, до смерти еи, не продаючи нѣкому, присудилисмо уживати; а по смерти оное и тое при помененныхъ Лехновихъ унукахъ Лаврѣну и Василю абы зоставало. По таковомъ теди ихъ помѣркованю мы, урадъ, декретъ нашъ для потомнихъ часовъ зтвержаючи, того варуемъ, абы Ганка и Зѣнка и Маря Лехновны, и потомки ихъ, мененныхъ Лаврѣна и Василя такъ у права и на кождомъ мѣстцу и оныхъ Лехновихъ кгрунтахъ, подъ виною таляровъ тридцяти не отпустне, не важилися турбовати, що и сей декретъ потребуючой сторонѣ, при печати на-

шой судейской, на оборону дать росказалисмо. Дѣялося въ Переяславли, року и дня вишъ писанного. Звышменованный урядъ полковий переяславскій.

М. П.	На печати буквы: *П. С. П. П.*, т. е. печать суда полковаго переяславскаго. *(Съ подлинника).*

II. Декретъ генеральнаго суда по жалобѣ воронежскаго обывателя Степана Шевлюги на бывшаго нѣжинскаго полкового писаря Ивана Быховца за завладѣніе водяною мельницею. 1685 года.

Року божого тысеча шестсотъ осмдесятъ пятого, мѣсяця июня двадцетъ пятого дня.

Предъ нами, Михайломъ Вуяхевичемъ, судіею на сей часъ енералнымъ Войска ихъ царского пресвѣтлого величества Запорозкого, Захарпемъ Шийкевичемъ и Анъдреемъ Васильевичемъ, писаремъ судовымъ, приточилася справа за поданъемъ супліки самому ясневелможному его милости п. гетману отъ Степана Шевлюги, обывателя воронязкого, ускаржаючися на Івана Быховца о заставку млыновую, лежачую подъ Вороняжемъ, на рѣци Есманѣ, будто бы тую заставку млыновую, будучи писаремъ полъковымъ нѣжинскимъ, Іванъ Быховецъ дарма завладѣлъ, и млинъ збудовавши и до сего часу держитъ, речоного Степана Шевлюги не уконтентовавши. При той суппліце о тую заставку укривжоный будто Степанъ, яко судъ уважилъ справедливости домовлялся. Отпорная сторона Іванъ Быховецъ немного слушнымъ и неслушнымъ речамъ бадаючи, але заразъ презентовалъ записъ даровизный одъ Степана Шевлюги данный, въ которомъ описуетъ доброволный даръ и волная заставка власная Степанова, нѣ вчомъ участникомъ Хведку Римару и Матвию Огиенку не нѣнная, тотъ записъ подъ датою билъ: року тисяча шестсотъ шестдесятъ семого, септеврія девятого дня. А в того запису подписи рукъ при одной печаты, такие былы: Степанъ Шевлюга, Василій Власовичъ, сотникъ воронязскій. Іванъ Брусиловецъ, атаманъ город. воронязкий. Писаръ того листу Евстафій Петровичъ, рукою власною. Устне прошоный о подписъ руки Симеонъ Ступаковичъ, священникъ воронязкій. На тимъ же записѣ записани были, противъ дарованное заставки, оддарунъки зъ рукъ данне Степановѣ Шевлюзѣ одъ Івана Быховца, которие самою реччу такъся въ собѣ мѣлы, напродъ: дана была

ручница быховка зъ пороховницею, съ порохомъ и зъ кулями, муки житной тры полубочки,—якъ млынъ займовалъ, тогды муки осмачку далъ, плачено по пять зол., овса чверть, плачено въ тотъ часъ по два зол.; каменъ вышнякъ млыновый, оброблепный, лисица ленская, окгонковъ пять, футро сѣбирсковоі, брушковое, готовыхъ грошей копъ шесть, з долгу ему ста зол. позычоного недобравшы, даровалъ. При такихъ на тую заставку документахъ, реченый Іванъ Быховецъ, просечи судового уваженія, одъ той неслушной жалобы Степановой уволненя и обороны судовое домовлялъся.

Судъ нинешний войсковый енералный одъ обоихъ сторонъ тыхъ контроверсій передъ судъ вношоныхъ, выслухавши, добре въ то глянулъ, же Степанъ Шевлюга дарма и неслушне Івана Быховца оскаржилъ, теды оного з такою неправдивою жалобою од права и одъ суду пречъ одкидаетъ, с которою то жалобою напотомъ ежелибы ся мѣлъ повторе передъ якій судъ и право показаты, о тую жъ заставку, то на тотъ же судъ, албо до скарбу войскового заплаченя вины сту таляремъ самъ и потомки его подлѣгатимутъ, того пилно судъ варуетъ моцю сего нинешнего декрету, который записъ тотъ купчий албо даровызный ствердивши и про память записавши, ку лѣпшей певности подъ судовою печатію потребуючой сторонѣ естъ выданъ. Писанъ въ Батурине.

Анъдрей Васілевичъ писаръ судовъ войсковыхъ енер. | М. П. | («Печать судей войска его ц. велич. Запор.»).

(Съ подлинника).

III. Приказъ судей генеральнаго суда Степану Аверченку исполнить распоряженіе «судового писаря» о прекращеніи подтопа водяной мельницы Григорія Дейнеки. 1687 года.

Михаилъ Вуяхевичъ. Сава Прокоповичъ. Судии енералные войска ихъ царского пресвѣтлого величества запорозкого. Тобѣ, Степану Аверченку, ознаймуемы, іжъ Григорій Дейнека, козакъ и житель кролевецкій, ускаржался самому ясневелможному его милости пану гетману презъ супплѣку на тебе и на бувшаго бунчучного Коста [1]), же ты скрыню сво... повтю вышше поднявши, млынъ жа-

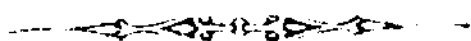
---

1) Константинъ Ивановичъ Голубъ, братъ жены гетмана Самойловича.

луючого Григория (под)топилъ, которого затопленя твоего и панъ писаръ нашъ судовий самъ оглядивши, приказалъ же бысь тую скриню такъ обнижилъ, яко въ первомъ своемъ постановленю стояли и жебысь воду такъ пустилъ, яко первей межи вами въ сусѣдствѣ мелницкомъ была, що ты и на сей часъ занедбалъ. Зачимъ теперъ именемъ самого ясневелможного добродѣя тебе упоминаемъ и повагою судовою приказуемъ, жебысь такъ конечне тую скриню обнижилъ и воду такъ справилъ, яко первей, жебы болей жалуючий Григорій на тебе не ускаржалъ о тотъ свой отъ тебе ему безъвинне дѣючий утискъ, що и потрете тобѣ приказуемы. Въ Батуринѣ. Октовр. 14, 1687.

Звышменованыи судіи войсковие енералние. | М. П. | («Печать судей войска его ц. велич. Запор. +)».

Въ томъ заводѣ пробо..... що жалуючий выложилъ за твоимъ упоромъ, теды, жебысь ему конечне тие всѣ наклади вернулъ приказуемъ. *(Съ подлинника).*

ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА ИВАНА РОМАНОВИЧА МАРТОСА*).

VII. Письма Василія Яковлевича Ломиковскаго.

(1822—1830 г.г.)

52. На пути моемъ въ Кибенцы, въ 10 часу утра, 26 февраля, встрѣтилъ я двороваго человѣка, ѣхавшаго за покупками въ Лубны, съ двумя жидами; они, узнавъ меня, остановились и объявили, что Дм. Прокофьевичъ того-же дня скончался во 2 часу о полуночи. До смерти его за нѣсколько дней, была прочитана духовная въ двухъ актахъ, составленныхъ собственной рукой усопшаго еще въ 1825 году. Одна изъ сихъ бумагъ относилась въ пользу внуки, коей отказано 750 душъ Шубовскихъ. Другая же относилась до двухъ племянниковъ; по предмету сему духовная совершенно сходна съ вашимъ мнѣніемъ относительно перевѣса въ наслѣдіи на сторону перворoднаго. Ивану Ефимовичу—русская деревня *да й годи*. Андр. Андреевичу [2]) кіевскій домъ, каганликской ключъ [3]), Кибенцы, Ерески и Федунка, со всѣми избытками. На похороны дано 6 тысячъ въ руки, да 40 тысячъ бумажками, да женѣ его и внукѣ по кошельку съ имперіалами, содержащими суммы на 4600 рублей; да особо внукѣ 49,000 рублей. Хотя я заранѣе, до обѣда, увидѣлъ усопшаго на столѣ, въ портретной комнатѣ,

---

*) См. Кіевск. Стар. 1898 г., іюнь, 453.

[2]) Трощинскому.

[3]) Т. е. м. Кагарлыкъ (кіевскаго уѣзда) съ деревнями; теперь принадлежитъ Чертковымъ.

того же утра какъ онъ скончался, однако же засталъ уже племянниковъ съ нашивными плерезами, припечатывающихъ кабинетныя сокровища. Хотя усопшій завѣщалъ похоронить себя внѣ церкви, у алтаря, указавъ мѣсто сіе за нѣсколько лѣтъ еще, однако же наслѣдникъ разсудилъ погребсти его въ самой церкви не смотря на запрещеніе. Это мѣсто дешевле потому, что вмѣсто довлеющаго памятника, обошлись тремя четвертями извѣсти, занятой у меня на второй день къ вечеру, отзывомъ ко мнѣ изъ *экономіи Трощинскаго*, за подписаніемъ *писаря*, подъ большою черною печатью, съ надписью: печальная экономія. Сегодня 4-й день уже и никто не знаетъ, когда хоронить будутъ; но кажется, что завтра все приспѣетъ, не взирая на извѣстную медленность Андр. Андреевича. У сего наслѣдника внезапно обнаружилась гордость, чванство и небреженіе къ посѣтителямъ, и при томъ въ большой степени въ ястіи и питіи оказались весьма неприличныя натяжки. И такимъ образомъ одинъ изъ хлѣбосольнѣйшихъ домовъ достался такому *прокислоѣду*, котораго хотя весьма многіе устраняться будутъ, яко же и азъ многогрѣшный, однако же онъ, съ своей стороны, приложитъ всемѣрное стараніе отстрѣливаться и отъ тѣхъ, которые поставляютъ правиломъ уважать тѣхъ людей, у коихъ болѣе, чѣмъ у другихъ имѣется лошадей и свиней, и проч. Покойный Дмитрій Прокофьевичъ умеръ по-христіански: пріобщившись, принялъ обрядъ міропомазанія, при семъ случаѣ онъ съ чувствомъ прижималъ къ сердцу Крестъ Христовъ, и облобызалъ оный съ теплою любовію; затѣмъ просилъ, чтобы молились о скорѣйшемъ исходѣ души его; послѣ сего три дня не вкушалъ пищи, въ продолженіи коихъ читали надъ нимъ Псалтырь и Евангеліе"...

1 марта, 1829 П. Трудолюбъ.

53. Хорольскій докторъ по неволѣ было принялся лѣчить Софью Ивановну Синельникову, [1]) но, увидѣвъ, что нѣтъ надежды, немедля сказалъ, что онъ не намѣренъ оставлять дру-

---

[1]) Мы не знаемъ чья дочь была эта типическая помѣщица двадцатыхъ годовъ, но видно, что она была близкою родственницею Апостоловъ.

гихъ паціентовъ и тратить надъ безнадежною время. Кромѣ многихъ другихъ врачей, покойная Софья Ивановна прибѣгнула подъ конецъ къ одному швейцару, который лечитъ новѣйшею методою, называемою гомеопатическою; метода сія чрезвычайно полезна для шарлатановъ, и сей шарлатанъ беретъ у Алексѣева денегъ 4,000 руб. въ годъ и лечитъ старшую дочь Алексѣева отъ двукратнаго переломлѣнія ногъ. Узнавши методу сію, могу заключить, что сущность ея состоитъ въ слѣдующемъ: 1-е) какъ можно меньше давать лѣкарства; 2) какъ можно больше брать денегъ; 3) брать деньги и отъ наслѣдниковъ за умершихъ и брать какъ можно больше. Покойная Софья Ивановна умирала столь шумно, что мнѣ никогда видѣть ни слышать о подобной шумности не случалось, и даже я и въ романахъ не начитывалъ, а потому для иныхъ смерть ея можетъ быть и примѣчательна; и я не могу удержать пера отъ описанія послѣднихъ мѣсяцевъ жизни ея. Покойница пользовалась въ херсонской деревнѣ; между тѣмъ генералъ интендантъ Линденъ предложилъ младшей дочери ея свою руку, на что у нихъ получилъ и слово, но какъ интендантъ по причинѣ военнаго времени и гвардейскаго похода въ столицу, обѣщалъ было заняться продовольствіями корпусовъ, то онъ и ускакалъ въ Петербургъ; но, описавъ ея болѣзнь, разсказалъ лучшимъ придворнымъ штабъ-докторамъ о припадкахъ ея, какъ то: Крейтону, Вилліе и другимъ, съ коими покойница лично была знакома и пользовалась отъ нихъ, будучи въ столицѣ, съ искрою и безъ искры (?).— Любовь зятя исходатайствовала у знаменитыхъ медиковъ готовность пользовать ея, чего ради и пустилась она въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ Петербургъ, въ сопровожденіи доктора и молодого кавалера, и сына, и дочери. Остановившись на ночлегъ въ Хоролѣ, узнаютъ, что здѣсь много паціентовъ и что многіе изъ нихъ излечены были отъ отчаянныхъ болѣзней, рѣшилась пользоваться у хорольскаго врача Закса который сейчасъ узналъ, что она предъ молодымъ докторомъ не очень откровенно изъяснялась о болѣзни своей и что онъ не такъ и пользовалъ ее.— Засталъ-же докторъ сей пріѣзжую сію въ слѣдующемъ состояніи:

она сдѣлалась роста очень маленькаго, высохла такъ, что никто не видалъ подобнаго движущаго скелета, цвѣтъ лица зеленоватый, ручныя кости почти похожи на пальцы толщиною; сверхъ всего сего, непрерывной поносъ. Но дорогія нѣкоторыя лекарства немного подкрѣпили ея и такъ даже, что она получила ложныя силы и стала на время крѣпче похаживать по комнатѣ. Молодой провожатый, увидѣвъ одну изъ дѣвицъ, посѣтившихъ съ матушкою больную родственницу, влюбился въ дѣвицу, и умирающая тутъ-же сыграла свадьбу въ домѣ лекаря и была на свадебномъ балѣ и сидѣла даже за ужиномъ, и смотрѣла на пляски. Уѣздный лекарь, вѣнскій воспитанникъ Заксъ, думалъ, что онъ лечитъ обыкновенную малороссійскую помѣщицу; но вдругъ получаетъ, говорятъ, не менѣе, какъ отъ четырехъ придворныхъ медиковъ, требованіе, гласящее, что они, судя по прописаннымъ имъ рецептамъ, находятъ, что его паціентка имѣетъ претяжкую болѣзнь, а потому имѣетъ онъ подробно описать прежнее леченіе ея, настоящее его леченіе и проч. и проч. Сей долженъ былъ все оставить и, проклиная тотъ день, въ который познакомился съ больною, долженъ былъ изложить уже не рецептъ, а настоящую классификацію, да, говорятъ, и неоднажды. Наконецъ она выписала гомеопатиста, который торжественно объявилъ, что онъ ее вылѣчитъ непремѣнно. Между тѣмъ загорѣлся тотъ домъ, гдѣ больная лѣчилась и ее перенесли въ другой отдаленный дворъ. Гомеопатистъ велѣлъ въ глубокую осень открывать окна и двери и что-бы никто неимѣлъ на себѣ ни духовъ, ни помады, и до самой смерти увѣрялъ, что онъ вылѣчитъ больную; а за день до смерти, сталъ увѣрять больную, что она стала здоровѣе тогда, какъ больная едва, едва уже говорить могла, однако-же успѣла собраться съ силами, чтобы доктору сказать слѣдующее: желаю, чтобы и ты такое-же здоровье получилъ, какое теперь я имѣю!—Но больной не дали умереть въ городѣ, а перевезли ее въ село Васеньки [1]) къ расточительному Оболонскому, который по какимъ то разсчетамъ за-

---

1) Хорольскаго уѣзда

благоразсудилъ въ долгъ показать свое тароватство. Больная, принимая посѣщенія и, можно сказать, непрестанныя посѣщенія отъ многихъ родныхъ и знакомыхъ, распрашивала у у всѣхъ дамъ—что у васъ сей годъ хорошо уродило? Кто скажетъ ленъ, то попроситъ, чтобы прислала сего лену; кто скажетъ бураки, то попроситъ бураковъ, а у кого гороху, а у кого муки, сѣна, овса, кореньевъ и, наконецъ, узнавши, что городничій имянинникъ, просила половину пирога. И всѣ присылали ей, что она ни просила, а наконецъ у одной потребовала свинью для того, чтобы не пропадали ее помои, а когда свинья убѣжала, то взяла другую у той же самой бѣдной помѣщицы, у которой и первую свинью взяла. Между тѣмъ она имѣла здѣсь одну должницу покойному Апостолу, да и тотъ долгъ былъ несправедливый. Однако-же она въ духовной имѣніе сей должницы отписала разнымъ другимъ, въ качествѣ добра предсмертнаго. Бывшій судья хорольскій, славный юристъ, писалъ сію духовную, а написавъ духовную, умеръ прежде Софьи Ивановны. Во время же пожара, украли у нея часы, полученные ею изъ дому Апостольскаго, кои стоятъ, говорятъ, свыше шести тысячъ, и часы сіи не отысканы. Во время болѣзни ея, пришла одна пилигримка съ книгой на церковь; дали ей, 20 копѣекъ серебромъ. Когда же пилигримка сказала дочери, что она сомнѣвается, чтобы матушка такъ мало дала на церковь, что можетъ быть тутъ есть обманъ; тогда дочь отвѣчала, что мы по нашему состоянію болѣ дать не въ состояніи. Больная умерла въ 10 часу утромъ, 25 декабря, въ первый день праздника, по прошествіи поста и, такимъ образомъ, помои не пропали, ибо свинья сдалась на поминовеніе. Усопшую положили въ одну могилу съ Пламенцовымъ [1]). Хотя Пламенцова вдова и теперь еще жива и мѣсто сіе приготовила для себя, но живетъ въ другой деревнѣ и о такомъ хищеніи еще не извѣстилась, кажется. Между тѣмъ сынъ Софьи Ивановны ѣздилъ къ отцу своему,

[1]) Говорится, кажется, о сынѣ бывшаго гадяцкаго полковника серба Родіона Пламенаца (1780).

который сжалился и призналъ и дочь, и другого сына, законными, но сія вѣсть не застигла усопшей, а присланныя мужемъ на похоронъ три тысячи были сейчасъ украдены и чрезъ нѣсколько дней отысканы. Вышеупомянуто было, что на церковь дала 20 копѣекъ серебромъ, но когда Софья Ивановна умерла, то дурацкое чванство дало иноземному шарлатану 1500 рублей ассигн.—тому, кто даромъ хлѣбъ ѣлъ, а на церковь Божію, пріемлющую насъ въ вѣчную жизнь, можно сказать, ничего не дано. Не чортъ ли тутъ работалъ? Вотъ до какой крайности ослѣпляются люди; дьяволъ связалъ руки и ноги и, не примѣчая того, думаютъ еще, что могутъ благоугодить Богу, когда съ усиленнымъ принужденіемъ и съ упреками даютъ 20 копѣекъ!— и утопая въ преизбыткахъ, жалуются на состояніе. И этихъ людей безпрестанно навѣщали всѣ съ наружнымъ дружелюбіемъ и всѣ отъ перваго до послѣдняго, а наипаче тотъ, кто принялъ въ свой домъ больную, давалъ пиры и хлопоталъ о великолѣпіи похоронъ; всѣ до одного, при жизни и по смерти Софьи Ивановны, осуждаютъ ее несказанно, даже и понынѣ. Между пожарами, свадьбами и кормленіемъ свиней были и сватовства, и рифмоткачъ Аркадій [1]) предлагалъ руку дочери, но крѣпкій отказъ получилъ.

Хотѣлось мнѣ на праздникъ быть въ теплой церкви и былъ въ Кибенцахъ, и сожалѣлъ,—что за пустыня! что за тощій и голый народъ! Хозяинъ, выѣзжая въ Петербургъ, далъ выговоръ, что будто-бы большой расходъ въ церкви и поставили желтыя свѣчички, и спѣшатъ гасить—ей правда! а свой заводъ имѣется на бѣлыя свѣчки. Вотъ каковы нынче люди. А Ольга Дмитріевна къ матушкѣ А. А. пишетъ изъ Петербурга слѣдующее: „намъ въ Петербургѣ очень весело, матушка! къ намъ всякій день ходитъ лекарь и совѣтуетъ ѣхать на Кавказъ“ Право не могу никакъ угадать, что тутъ очень веселое? что-жъ дѣлать,

---

[1]) Родзянко, поэтъ.

теперь народъ такой! Нельзя и заикнуться въ томъ, что они неправильно мыслятъ, неправильно говорятъ и пишутъ. Сейчасъ скажутъ, мистикъ, ханжа, педантъ, старинный человѣкъ и проч., и проч. Милліонеръ квартируетъ у Ересковскаго жителя Леонтьева, гдѣ дворъ такъ малъ, что нижній этажъ домика составляетъ ворота, а впрочемъ некуда-бы и въѣхать; и такимъ образомъ больной живетъ надъ воротною стукотнею. Дворовые люди говорятъ, что у него одно на умѣ: долговъ много, какъ ихъ и когда ихъ выплатить? И и на семъ коникѣ онъ непрестанно ѣздитъ. Отнявъ у церкви бѣлыя свѣчки, заплатилъ между тѣмъ въ банкъ весь долгъ, лежавшій на Марьѣ Ивановнѣ [1]) подъ залогъ всего имѣнія. И здѣсь дьяволъ дѣйствуетъ.—Марья Ивановна весьма ошиблась заключеніями своими о геніальномъ мужѣ, сынѣ ея Никошѣ; онъ бывъ выпущенъ изъ Нѣжинскаго училища, нигдѣ не захотѣлъ служить, какъ въ одномъ изъ министерствъ и отправился въ столицу съ великими намѣреніями и вообще съ общеполезными предпріятіями; *во первыхъ*, сообщить матушкѣ не менѣе 6000 рублей денегъ, кои онъ имѣетъ получить за свои трагедіи; *во вторыхъ*, исходатайствовать Малороссіи увольненіе отъ всѣхъ податей. Таковыя способности восхищали матушку, и она находитъ любимой разговоръ свой разсказами о необыкновенныхъ дарованіяхъ Никоши. Едва Никоша прибылъ въ столицу, какъ началъ просить, у матушки денегъ, коихъ она переслала выше состоянія; наконецъ, она, думаю, не безъ помощи А. А. [2]) собрала 1800 рублей для заплаты процентовъ въ банкъ; для исполненія сего, вѣрнѣе человѣка не могла найти матушка, какъ сына своего и тѣмъ вѣрнѣе было сіе, что сыново-же имѣніе находится подъ залогомъ. Геній Никоша, получивъ такой кушъ, зѣло возрадовался и поѣхалъ съ сими деньгами вояжировать за границу, но, увидивши границу, издержалъ всѣ деньги и возвратился вспять въ столицу. Но

---

1) Говорится о Марьѣ Ивановнѣ Гоголь, а далѣе о сынѣ ея—авторѣ „Мертвыхъ душъ“. Семью Гоголей Ломиковскій, повидимому, зналъ близко. См. „Кіевск. Стар.“ 1897 г., ноябрь, отд. 2, стр. 44.

2) т. е. Андрея Андреевича Трощинскаго.

чтобы матушка не была въ убыткѣ, то онъ далъ ей письменное позволеніе пользоватся его доходами съ имѣнія, а въ томъ имѣніи нынѣ оказалось великое изобиліе въ снѣговыхъ слояхъ и глыбахъ. Андр. Андр., будучи еще въ Кибенцахъ, узнавъ о таковыхъ подвигахъ Никоши, сказалъ: мерзавецъ! не будетъ съ него добра, и пошло-бы имѣніе въ публичную продажу съ пятью дочками, но теперь, какъ сказано выше, долгъ заплаченъ. Теперь-же Никоша пишетъ къ матушкѣ: «я удивляюся, почему хвалятъ Петербургъ, городъ сей болѣе превозносится, чѣмъ заслуживаетъ, и я, любезная маменька, намѣренъ ѣхать въ Соединенные Штаты и проч. тому подобное»—Вотъ о трехъ лицахъ я сдѣлалъ описаніе, являющее искаженность нравовъ. Между тѣмъ и другіе многіе, если не въ томъ, такъ другомъ не отстанутъ отъ прописанныхъ, а затѣмъ уже говорятъ сами священники, что правит. Синодъ оштрафовалъ и сдѣлалъ выговоръ, и оставилъ въ замѣчаніи 40 священниковъ нашей губерніи, а въ другихъ губерніяхъ сіе число и того болѣе. Все сіе заставляетъ меня крайне сокрушаться о любезномъ отечествѣ нашемъ и если таковое растлѣніе усилится, то ожидать гнѣва Божія“...

9 генваря, 1830. П. Трудолюбъ.

Ожидая отъ васъ увѣдомленія относительно вашего переѣзда [1]), получилъ оное въ прошедшій вторникъ вечеромъ, т. е. 29 апрѣля, а какъ у насъ почта отходитъ только по вторникамъ, то я не могъ прежде отвѣчать вамъ, какъ въ слѣдующій вторникъ, т. е. сего мая 6 дня. Между тѣмъ нѣкоторыя препятствія къ путешествію воловъ существовали и съ нашей стороны, и я опасался, что вы будете безпокоиться о совершенномъ молчаніи моемъ, какъ вчерашній день, т. е. 5 числа, вновь получилъ письмо ваше, въ которомъ и вы готовы пережидать немного, лишь бы надежнѣе совершить переѣздъ и перевозку. На сіи два письма относительно перевозки доложу вамъ слѣдующее: разлитіе водъ Днѣпровскихъ продолжается полноводіемъ, какъ я уже то испыталъ до 9 мая, а сего числа Днѣпръ непремѣнно уступаетъ отъ береговъ; у насъ

[1]) Изъ Кіева въ имѣніе В. Я. Ломиковскаго.

же сильная зима истощила скотъ долговременнымъ сухимъ кормомъ, между тѣмъ помню я такіе годы, въ кои 12 апрѣля всѣ сады уже цвѣли, но и пострадали послѣ отъ морозовъ, а теперь, мая 6-го, сады голехинькіе, а ранніи деревья только что раскрываются, дубъ голъ, какъ среди зимы; такимъ образомъ и подножный кормъ отсталъ отъ холодной весны, вслѣдствіе чего назначенныя четыре пары воловъ пущены на мелкую еще траву отпастись и укрѣпиться, а какъ трава всякій день примѣтно кустится уже, то послѣ отдохновенія волы сіи съ 4-мя большими фурами и съ 3-мя сундуками отправляются изъ Трудолюба рано 11 числа мая мѣсяца; такая мѣра взята и для того, что на случай пойдутъ дожди, то крѣпкіе волы и тяжкій путь въ силахъ будутъ выдержать. Все сіе состоитъ въ большомъ согласіи съ послѣднимъ письмомъ вашимъ и оно весьма кстати подоспѣло; что же касается вашего переѣзда, то я посылаю четверку коней съ расторопнымъ лакеемъ и коляску такую, въ которую можно будетъ помѣстить не одинъ сундукъ и не одинъ чемоданъ, и не одинъ ящикъ. Кони старые, но крѣпкіе и очень смирные, и прислуга скромная, вѣрная и смирная; коляска выѣдетъ 13 числа съ полудня, дабы, такимъ образомъ, кони догнали воловъ при берегахъ днѣпровыхъ.—Я всякій день двукратно съ колѣнопреклоненіемъ молюсь Богу, чтобы, во первыхъ, путь вашъ совершился благополучно; во вторыхъ чтобы, вы нераскаивались о столь рѣшительномъ поступкѣ и жертвахъ, принесенныхъ для меня; въ третьихъ, чтобы вы долголѣтно пожили въ Трудолюбѣ съ плодами духовными и въ четвертыхъ, чтобы я сподобился оправдать довѣріе ваше ко мнѣ, которое цѣню чрезвычайно высоко и паче предпочтеніе меня предъ многими другими; за то и чистая любовь моя къ вамъ основана не на плоти и не на крови, но истекаетъ отъ духа истины и отъ любви къ Богу и церкви Христовой, словомъ чистая любовь братства христіанскаго!

Какъ въ скоромъ времени буду имѣть неизреченное счастіе лично бесѣдовать съ вами, то на письмѣ семъ и небуду распро-

страняться, а поставляю долгомъ поблагодарить васъ за поздравленіе съ праздникомъ и добрыя пожеланія.—

Относительно лиліи, то сущая правда: мнѣ однажды дали весной нѣсколько головокъ и всѣ погибли, а одинъ охотникъ обѣщалъ снабдить меня бѣлою лиліею съ тѣмъ, что онъ не иначе пришлетъ ее ко мнѣ, какъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, чтобы даръ не пропалъ. Цвѣтныя луковицы, какъ то: тюльпаны и т. п. мы разсаживаемъ среди лѣта, какъ листъ одинъ останется. За малину же очень благодаренъ вамъ, охотники щеголяютъ крупными плодами...

6 мая, 1830 г. П. Трудолюбъ.

54. Сообразно съ предварительнымъ письмомъ, препровождая четверкою коней покойную коляску для несказанно отраднаго переселенія вашего въ *Паркъ Трудолюбъ*, который возвеселится о вожделеннѣйшемъ водвореніи вашемъ, наипаче же восхитится душею владѣлецъ онаго, по словамъ Спасителя:—гдѣ два во имя мое ту и Азъ!..—можетъ ли въ мірѣ семъ что иное быть отраднѣе? Призывая на событіе сіе Божіе благословеніе, молю, да поживете здѣсь въ мирѣ, покоѣ и тишинѣ—на душеспасеніе.—

Я же съ своей стороны всемѣрное приложу стараніе оправдать преимущественное выше предпочтеніе меня и довѣріе ко мнѣ, тогда какъ вы, съ полновѣснымъ пенсіономъ, могли-бы найти пріютъ себѣ даже въ четырехъ частяхъ подлуннаго міра, тѣмъ болѣе я цѣню сіе, ибо зная, что ничто иное побудило васъ на сіе, какъ священнѣйшія наши духовныя связи и единеніе. Послѣдній нарочный мой провинился, какъ предъ вами, такъ и предо мною; когда онъ принесъ ко мнѣ благословенныя отъ васъ просфоры, то я, облобызавъ оныя, спросилъ доставилъ-ли онъ хлѣбъ отъ меня посланный вамъ? На что онъ отвѣчалъ, что забылъ отдать и вспомнилъ про оный на обратномъ пути въ Переяславѣ; тогда я велѣлъ показать мнѣ хлѣбъ, на что онъ сказалъ, что съѣлъ его на обратномъ пути; и сіе сдѣлалъ такъ мужикъ, у котораго двѣ пары воловъ, рыболовный прудъ, вѣтрякъ и водяная мельница и имѣетъ внуковъ. Каковъ-же бало-

ванецъ, сынъ прикащика, состарѣвшійся безъ панщины! При семъ кланяюсь вамъ пшеничнымъ хлѣбомъ, на благополучный путь покушать во здравіе.

16 лѣтъ употреблялъ я одну табакерку, которая теперь съ разломленной крышей, полагая, что Веселейлъ (?) можетъ обдѣлать ее въ одинъ день, посылаю къ нему, буде-же не можетъ, то нежелаю никакой остановки вамъ, а пришлю нарочнаго къ нему и послѣ. Губернское правленіе хочетъ меня выкурить, оказываетъ гоненіе за правду, а я не потакаю и не страшуся.

Къ пріѣзду вашему природа Трудолюбская, какъ поля хлѣбныя, такъ и сады плодоносные примѣтно и необыкновенно красуются—знакъ благословенія Божія.

Касательно лекаря, доложу вамъ, что въ Лубнахъ находится одинъ преученый нѣмецъ, вольнопрактикующій, бывшій въ путешествіи вокругъ свѣта, по избраніи академіи, но яко впадшій въ меланхолію, прибылъ въ Малороссію для климата; не одинъ человѣкъ хвалится его искусствомъ и многіе отзываются о его странностяхъ и циркулярныхъ воззваніяхъ къ дворянству съ упреками..... плохая надежда на такую нѣмоту.—Есть еще при больницѣ лубенской, харьковскій питомецъ, родомъ миргородецъ, прошлый годъ вступившій въ службу и въ практику; безкорыстный, мало даетъ лѣкарствъ, преудачныя производилъ леченія въ несложныхъ и очевидныхъ болѣзняхъ, кажется, по теоріи; но въ хроническихъ припадкахъ дѣло иное и, кажется, швидкій на заключеніе, ибо когда я сказалъ ему, что страдаю старыми завалами, то онъ отвѣчалъ, что завалы не существуютъ.—Посудить можете.—Въ Хоролѣ есть вѣнскій питомецъ панъ Жидовскій, реформатъ нѣмецкій, который крестится и по русски, весьма свѣдущій, удачный врачъ на отчаянныхъ консиліяхъ, но такой Іюда, что нарочно портитъ больного, чтобы дольше молоко доить. [1]) Но хвалятъ очень лохвицкаго повѣтоваго, совоспитанника Голованева, весьма хвалятъ три повѣта и

---

[1]) Кажется, тотъ Закст, который лѣчилъ Синельникову. См. письмо 53-е.

хвалятъ по многимъ отношеніямъ; отъ меня домъ его отдаленъ одною конною упряжкой; я хочу и самъ въ скоромъ времени познакомиться съ нимъ.—Кого Богъ пошлетъ на сердце ваше?—

Мая. 1830. П. Трудолюбъ.

Этимъ письмомъ оканчивается переписка Ломиковскаго съ И. Р. Мартосомъ, переселившимся засимъ въ Паркъ-Трудолюбъ и здѣсь умершимъ. Въ заключеніе приводимъ отрывокъ изъ письма, писаннаго Ломиковскимъ незадолго до своей смерти къ брату Ивана Романовича, Ф. Р. Мартосу. Письмо это написано на трехъ съ половиною листахъ почтовой бумаги, въ большую 4-ку, не окончено и, кажется, представляетъ не черновикъ, а подлинникъ, почему то неотправленный по адресу. Писано оно 4-го апрѣля 1845 года, незадолго, значитъ, до смерти Ломиковскаго, умершаго, повидимому, не позже 1846 года.

Милостивый государь, достопочтенный Федоръ Романовичъ. Старческіе недуги и разныя причины побуждали меня па первое письмо ваше, полученное мною въ исходѣ прошедшаго года. Но вы такъ благосклонны, что отъ 20 февраля вновь почтили меня, гречкосѣя, отзывомъ, содержащимъ поздравленіемъ (sic) съ новымъ симъ 45 годомъ и съ добрыми мнѣ пожеланіями..... Не скрою предъ вами, что февральское письмо ваше преимущественно обрадовало меня. Вообразите! Екатеринославскія вѣсти пропѣли вамъ вѣчную память. Но успокойтесь, подобные слухи никогда не сокращаютъ жизни... Не излишнимъ считаю доложить вамъ и о томъ, что, хотя я и не вполнѣ довѣрялъ прискорбному слуху о кончинѣ вашей, но этотъ слухъ усиливался очень частыми и всегда оправдывавшимися слухами о смерти многихъ извѣстныхъ мнѣ особъ; однихъ родственниковъ своихъ въ протекшемъ году я оплакалъ не менѣе 12-ти, кажется, или безъ малаго. Въ числѣ ихъ были и такіе, о которыхъ я и понынѣ сокрушаюсь, а были и такіе еще, для душеспасенія которыхъ долгомъ поставилъ переслать деньги въ Антіохію для поминовенія ихъ. Изъ числа же не родныхъ и не собесѣдни-

ковъ моихъ, не стало и Коноваленка. Онъ весь вѣкъ свой жилъ безстрашно, за то, кажется, ангелъ хранитель отступилъ отъ него, а потому онъ, ожесточивъ сердце свое главнѣйшимъ порокомъ своимъ—сребролюбіемъ, къ величайшему несчастію и умеръ безстрашно, какъ изъ слѣдующаго видѣть можно. Будучи безбрачнымъ и въ самой старости, весь вѣкъ жилъ въ своеволіяхъ и, не имѣя дѣтей, нападалъ сутяжничествоми на престарѣлыхъ отцовъ съ большимъ семействомъ, на вдовицъ съ сиротствующими ея малолѣтними, на бѣдную и единственную престарѣлую сестру, на родную матерь свою, которой поносилъ имя въ судахъ, какъ при жизни, такъ послѣ смерти ея. У всѣхъ ихъ отнималъ значительныя имѣнія и самые дворы, и дома ихъ; накопилъ до 400 душъ и многія тысячи денегъ. Но предъ всѣми лицемѣрилъ, что онъ нищій и воображалъ, что могъ ихъ въ томъ переувѣрить; недоѣдалъ и недосыпалъ, а копилъ тѣмъ не ближнимъ, которые менѣе всѣхъ будутъ жалѣть объ немъ и даже съ нетерпѣніемъ разсчитывали лѣта старости его. Могъ-ли онъ хотя передъ смертью наградить хоть малымъ чѣмъ бѣдныхъ сиротъ вопіюще и клятвопреступнымъ разоренныхъ; но это и на мысль не приходило, хотя и былъ о томъ умоляемъ. Напротивъ того, хотѣлъ отписать клеврету своему по сутяжничествамъ, пустому, изъ подушнаго вышедшему полупанку, но былъ долго безъ языка, и сбылось надъ нимъ изреченіе пророка: *желаніе грѣшника погибнетъ* (Пс. 110—11). Апост. Петръ называетъ сребролюбіе идолопоклонствомъ; апостолъ же Павелъ говоритъ, что оно есть корень всякому злу. И подлинно все такъ и есть, какъ изрекаютъ намъ благодатные мужи духомъ святымъ. Добрые люди, при одержаніи ихъ сребролюбіемъ, склоняли себя на всякое и на обиды всѣмъ, кого только видятъ и кровныхъ, и самыхъ родителей, и дѣтей своихъ. На что эти примѣры?—Іуда наставляемъ былъ самимъ Христомъ, былъ апостоломъ уже, но по сребролюбію за самую ничтожную сумму продалъ общаго Творца и Спасителя. Не воспользовался-же, а навѣки погибъ и съ тѣломъ, и съ душей—да удовлетворилъ страсть свою. Теперь и отъ имѣнія его ангелъ

хранитель отступился, и народъ видитъ, какъ надъ этимъ имѣніемъ совершается судъ божій—ужасно разоряется и въ прахъ превратится многое. Чтобы ему стоило, чтобы при послѣднихъ дняхъ опомниться, раскаяться и возвратить неправедное? Такъ нѣтъ! Дьяволъ не допустилъ. Забавный анекдотъ отпустилъ при кончинѣ своей. Захотѣлось ему, какіе-то листа три бумаги отдѣлить особо, потребовалъ нитку, чтобы связать бумаги, свернутыя въ трубку. Отрѣзали отъ клубка два аршина нитки, онъ покивалъ головой, отрѣзалъ одинъ аршинъ, связалъ имъ бумагу, а остальной аршинъ опять намоталъ на клубокъ. Такимъ образомъ, онъ въ глазахъ смерти преумножилъ огромный капиталъ свой еще однимъ аршиномъ суровой нитки. Не есть-ли это слѣпота разума? Но такія-ли еще дѣла людьми дѣлаются. Бывшій министръ Д. Пр. Трощинскій неоднократно разсказывалъ мнѣ, что онъ зналъ одного сребролюбца въ Москвѣ, который накопилъ деньги неправдами, такъ безумно пристрастился къ нимъ, что во всемъ сталъ отказывать себѣ. Но у него былъ вѣрный другъ. Иной можетъ сказать, какъ это можетъ быть, чтобы ужасный скупецъ могъ имѣть вѣрнаго друга? Говорятъ однако-же, что дѣйствительно имѣлъ, но только не человѣка. Кто-же это, если не человѣкъ? Другомъ его была комнатная собака, которая и день, и ночь всеусердно стерегла его сундукъ съ деньгами. Скупецъ этотъ былъ нѣмецъ, содержатель пансіона и преученый профессоръ. Но вотъ онъ увидѣлъ, что капиталъ его очень увеличился, сталъ крѣпко задумчивъ, уныль въ то время, какъ училъ своихъ питомцевъ, и наконецъ, сдѣлавшись неспособнымъ къ воспитанію. Пансіонъ разошелся, и нѣмецъ сталъ сидѣть дома; онъ да собака. Ученый профессоръ, переставъ учить юношество, задумалъ самъ учиться, да какъ прилежно! И кто бы подумать могъ, чему онъ сталъ учиться? Трудно, очень трудно и почти угадать невозможно, потому что избранная имъ наука не только никому на умъ не взойдетъ, но и во снѣ не пригрезится. Онъ сталъ учиться гавкать и ворчать точно такъ, какъ его собака, также учился шелестѣть такъ, какъ бѣгающая собака и лапами бить въ двери, и крикъ

свой удваивать и утраивать. Странное дѣло! Да для чего-же бы старику заниматься такимъ до крайности труднымъ и даже изнурительнымъ ученіемъ? Видите, бачите, какъ выражается Малороссія, видите—бачите, ему стало до смерти жаль того самаго жидкаго корма, который онъ черезъ двое сутокъ давалъ своему другу: онъ не могъ переносить этого расхода, онъ отъ этой издержки не досыпалъ ночей. Боровшись съ привычкой къ единственному другу и товарищу, усиливался въ ученіи собачемъ и когда усовершился въ немъ точь въ точь, тогда взявши ножъ подступилъ къ невинному другу своему, поцѣловалъ его три раза, погладилъ, уронилъ ножъ, отступилъ съ ужасомъ и сѣлъ на деревянный стулъ. Собака стала къ нему ласкаться, онъ вздыхать сталъ, крѣпко вздыхать и, взявши въ руку собаченку всталъ, поднялъ ее вверхъ во всѣ руки, стукнулъ во всю силу головой объ полъ, дорѣзалъ и въ память единственнаго, всегда голодавшаго, вѣрнѣйшаго и драгоцѣннаго друга своего сдѣлалъ чучело и поставилъ на окошко. И вотъ воспитатель юношества, велемудрый ученый мужъ, сталъ бѣгать на четверенкѣ по собачьему (жаль только, что непривязавъ себѣ хвоста), то къ дверямъ подбѣжитъ и гавкнетъ, то стукнетъ рукой въ дверь, залаетъ еще крѣпче, то подбѣжитъ къ окошку, подниметъ лицо надъ собачьимъ хвостомъ и лаетъ, чтобы прохожіе подумали, что у скупого профессора есть вѣрный сторожъ. Такъ подвизался сребролюбецъ болѣе двухъ мѣсяцевъ или трехъ.

Надобно знать, что онъ нанималъ квартиру у семейнаго хозяина мѣщанина.—Однажды за обѣдомъ хозяйка сказала мужу: что то нѣмецкая собака стала громче и чаще кричать, чѣмъ бывало прежде—какъ она мнѣ наскучила! тутъ ребенокъ кричитъ всю ночь и мнѣ спать не даетъ, а тутъ еще чортова собака, да я и деньгамъ его не рада. Да и я замѣтилъ, Аннушка, что собака стала громче лаять и мнѣ она наскучила; выйдетъ годъ, разсчитаюсь съ нѣмцемъ, а впредь никому не найму квартиры вмѣстѣ съ собакой.—

По прошествіи трехъ мѣсяцевъ, хозяйка опять сказала мужу: что это значитъ, что собака замолкла, вотъ уже два дня,

кажется, неслышно ее, не заболѣла-ли или не здохла-ли? Хозяинъ сказалъ: да что значитъ, что и нѣмца не видать и не слыхать? Бывало утромъ на крыльцѣ посидитъ и задремлетъ немного или въ сѣняхъ походитъ,—да что то онъ съ нѣкоторыхъ поръ такой блѣдный, ну вотъ только что душа не выскочитъ, не боленъ ли онъ, да полно не умеръ ли? Право чудно что то: ни нѣмца не видать, ни собаки не слыхать, что нибудь да есть. Пойдемъ-ка, прислушаемся, что тамъ дѣлается? Подошли къ дверямъ, прислонились—что за диковинка такая, хоть кашлянулъ. Карлъ Ивановичъ, что это съ вами, что вы не здоровы что ли? отвѣта нѣтъ! Карлъ Ивановичъ, а Карлъ Ивановичъ!—Молчитъ. Да выломаемъ двери, что тамъ съ нимъ сдѣлалось? Открываютъ двери и видятъ Карла Ивановича, стоящаго на колѣняхъ лицомъ къ окошку, а на окошкѣ, надъ самой головой стоитъ тощая собака. Подошли, ни собака, ни Карлъ Ивановичъ хоть бы моргнули, что за дьявольщина такая, экая диковинка такая. Да развѣ ты не видишь, что онъ умеръ, ну что разинулъ ротъ, бѣги да объяви въ полицію, а скажутъ еще, уложили, чтобы обокрасть. Да что же собака молчитъ, стоитъ на ногахъ, а хоть-бы пошевельнулась. Хозяинъ взялъ собаку, что легохенькая, разсмотрѣлъ онъ—это чучело. Такъ вотъ оно что! такъ это Карлъ Ивановичъ ночиньки не спалъ, да лаялъ по собачьему, то то я смотрю, отчего это собака стала громче лаять; ахъ бѣдный Карлъ Ивановичъ! какже его деньги съума свели. Представьте, какая ему диковинная смерть сужена: не на постели, а на колѣняхъ, головой подъ хвостомъ собачьимъ. Какъ свѣтъ стоитъ, такъ эта-кой смерти не слыхано. Боялся, что украдутъ деньги. Да, чортъ ихъ побери, вишь не ѣлъ же ихъ, а всѣ оставилъ, а того и не подумалъ, чтобы помолиться Богу, а вмѣсто Бога молился дьяволу пособачьему, да и пропалъ съ своими деньгами, и съ тѣломъ, и съ душею. О проклятая скупость!

КОНЕЦЪ.

ПИСЬМА КУЛИША КЪ Д. С. КАМЕНЕЦКОМУ*).

1857—1867.

42.

Вы представили мнѣ аргументъ, который заставилъ меня согласиться на отсрочку изданія моихъ сочиненій. Я не хотѣлъ быть императивнымъ, находясь въ удаленіи отъ литературной биржи, не хотѣлъ подражать властямъ, издали предписывавшимъ движенія главнокомандующему. Но едва-ли это былъ не лучшій моментъ для печатанія! Тупо-ли, не тупо-ли пойдутъ книги, но имъ слѣдуетъ быть изданнымъ и онѣ окупятся. Мы могли бы, напечатавши, не выпускать цѣлый годъ; а застоя въ типографіи не было бы. Такъ какъ въ книжной торговлѣ важную роль играютъ журналы, то я рѣшился повернуть нѣкоторые изъ нихъ въ свою пользу. (На безкорыстную критику надѣяться нечего). Для этого послана Макарову статья для помѣщенія въ любомъ журналѣ, и еще помѣщу кое-что этимъ способомъ. Пускай каждый смотритъ на меня, какъ на могущаго быть его сотрудникомъ. Между тѣмъ статьи мои въ Р. В. должны сдѣлать эффектъ. А тутъ подоспѣетъ кое-что беллетристическое. Книги мои явились бы какъ разъ во-время. Такъ мнѣ кажется. Если рѣшите своимъ ареопагомъ, то можете печатать томъ I-й, т. е. Черную Раду, а тѣ послать Крузе на подпись. Печатать же 1200 экз., на хорошей бумагѣ въ 12-ю

---

*) См. „Кіевская Старина“ 1898 г., іюнь, стр. 366.

большую долю, шрифтомъ записокъ о Ю. Р. Я далъ обращикъ, но вы можете взять за образецъ любое красивое изданіе и печатать, не сносясь болѣе со мною, какимъ угодно шрифтомъ, посовѣтовавшись между собою *).

43.

Вы не оставили мнѣ никакого отчета о книжныхъ и типографическихъ дѣлахъ. Даже на словахъ ни черезъ кого не передали, получены-ли, напримѣръ, деньги отъ Бурсака **). Я не знаю, съ чего начать и что вести далѣе. Прошу васъ сдѣлать для меня то, о чемъ я васъ уѣзжая просилъ, хотя это и само собою должно бы разумѣться, т. е. дайте отчетъ: какіе деньги вы получили и куда употребили, и какіе на комъ остались деньги;—также: сколько остается непроданныхъ *Литургіи* и другихъ книгъ.

Окт. 3, 1861 г. С.-Петербургъ.

44.

Я забылъ увѣдомить васъ, безцѣнный другъ Данило Семеновичъ, о томъ, чтобы напечатать драматическія сочиненія Квитки на счетъ Великанова, который, вѣроятно, уже и выслалъ на имя Мих. Николаевича, 200 р. на первыя издержки (до увѣдомленія, сколько именно будетъ стоить изданіе). Печатать, начинайте съ *Шельменка—Вол. писаря*; потомъ: *Шельменко-Деньщикъ*, а потомъ: *Дворянскіе Выборы*; часть 2-я дв выборовъ или: *Выборъ Исправника*; *Сватанье на Гончаровкѣ*; *Пріѣзжій изъ столицы*; *Вояжеры*; *Мертвецъ шалунъ*; *Щира любовь* Въ харьковскомъ театрѣ можно достать, черезъ Лобка, ненапеч. комедію Бой-жинка, поставленную на сцену въ 1847 году.

---

*) Настоящее письмо не имѣетъ даты, но, кажется, что оно относится къ 1861 году.

**) Если не ошибаемся, это—одинъ изъ черноморцевъ (теперь—кубанцевъ), очень интересовавшійся изученіемъ малорусской народности.

Черезъ него же поищите въ тамошней публикѣ: комедію *Турецкая шаль* и *Ясновидящая*. Недостающихъ у меня пьесъ надобно искать въ Публ. Библ. и пускай Мих. Григ. перепишетъ хорошенько, давая такую форму, какъ должно набираться. За это ему заплатятъ. Образцами взять драматич. соч. Гоголя, а форматъ и шрифтъ *Повисти Квитки*.

Прочелъ я въ Полтавѣ кой-кому сочиненія Дунайскаго поэта *), и всѣ пришли въ восторгъ. Я радуюсь своей находкѣ. Скоро ожидаю еще надсылки съ Дуная. Если *Хата*, по отсутствію *Институтки*, не состоится, то надо издать отдѣльною книжкою—дешево, дешево!

Ко мнѣ не написалъ ни Ѳед. Ив. **), ни Варѳ. Шевченко и никто—о безплатной школѣ. Въ какомъ положеніи дѣло?

П. К.

Васильевка. 1861. Авг. 11.

Домикъ мой имѣетъ передъ собой живописнѣйшіе виды. Всё смотрю на воду, на зелень и на небо.

45.

Бѣда, сколько этотъ хуторъ поглощаетъ денегъ, но имѣть свою хату—великое дѣло! Если можете, вышлите мнѣ рублей десятокъ или другой, а сами навѣдывайтесь—отдалъ ли Акимовъ мои деньги Матвѣю Терентьевичу (Симонову); если отдалъ, покажите тогда ему эту записочку, и онъ тотчасъ вамъ уплатитъ. Пожалуйста жъ съ первою почтою. Пока нѣтъ косовицы, надо воспользоваться рабочими, а послѣ не найдешь.

Лексиконъ приведу въ порядокъ и вышлю. Только пріѣхалъ. Рука дрожитъ—усталъ.

Вашъ П. Кулишъ.

1864. Мая 21.

---

*) Подъ этимъ псевдонимомъ Кулишъ читалъ свои стихотворенія. *Примѣч. Г. С В-ча.*

**) Чорненко.

46.

На васъ, Данило Семеновичъ, жалуются многіе издавна уже, что вы небрежно выполняете заказы по выпискѣ книгъ. Вотъ вы и съ Дыметомъ прервали сношенія, такъ что львовяне обращаются ко мнѣ, воображая, что я все еще занимаюсь книжными дѣлами. Посылаю вамъ полученное мною письмо и совѣтую воспользоваться случаемъ сбыть никому у насъ ненужную залежавшуюся ветошь. Можетъ быть, пойдутъ и мои *Досвітки.* Черниговцы досадуютъ, что нѣтъ у нихъ въ продажѣ этой книги. По ихъ словамъ, въ одинъ день разошлось бы 50 экз. Тамъ книжною торговлею занимается жидъ Краузе *) (кажется такъ), котораго очень хвалятъ. Войдите съ нимъ въ сношенія.

Словарь вамъ посланъ черезъ оказію, чтобы не платить вѣсовыхъ. Пусть М. Т. напишетъ къ Никол. Дм. Мизко въ Новомосковскъ: у него собраны также матеріалы для словаря. При письмѣ не худо было бы приложить хоть осьмушку пословицъ. Онъ—говорунъ и можетъ ознакомить съ этимъ изданіемъ другихъ, да и самъ подпишется. Вѣдь печатныя объявленія не всѣ читаютъ. Я первый лѣнюсь ихъ прочитывать.

Если у васъ будетъ время, зайдите отъ моего имени къ Сергѣю Васильевичу Максимовичу, въ Гороховой, за Садовою, по лѣвой сторонѣ, домъ подъ № 48, кв. подъ № 11, (безъ дощечки, подъѣздъ чугунный съ улицы, 4-й этажъ). Узнайте въ какомъ положеніи дѣло объ изданіи книгъ для великороссіянъ товариществомъ общественной пользы—и могу ли я надѣяться получить сколько-нибудь денегъ по почтѣ, или—spes frustra.

Коли будутъ у васъ деньги, присылайте—мнѣ очень нужны, а я расплачусь съ вами при первой возможности.

Вашъ П. К.

1864. Іюня 14. Піддубень.

Прилагаю на всякій случай записку къ Боборыкину; можетъ быть отдастъ вамъ 100 руб. (Италіанская улица, домъ

---

*) Не Краузе, а Кранцъ.

подъ № 21). А лучше справьтесь въ типографіи или у Печаткина. Я не твердо помню. Утромъ по середамъ онъ даетъ аудіенціи по дѣламъ журнала *). Статью мою обѣщ. напечатать въ маѣ. Если случится, скажите, что у меня есть продолженіе и есть небольшая повѣсть и что я ему черезъ васъ пришлю, лишь только получу деньги за майскую книжку (сперва справьтесь, напечатана-ли).

Спросите и Максимовича о судьбѣ моей статьи исторической, которую я оставилъ у него для передачи въъ Отеч. Записки.

47.

Видно вы не получили моего письма, дорогой другъ Данило Семеновичъ, писаннаго по адресу вашему въ Сергіевскую улицу. Я вложилъ туда и письмо отъ одного львовскаго семинариста, который жалуется, что у Дымета нѣтъ нашихъ украинскихъ книгъ. Между прочимъ я просилъ васъ не останавливаться въ благой вашей готовности помогать мнѣ деньгами, пока я начну получать что-нибудь за мои труды. До сихъ поръ никто не исполнилъ своихъ обѣщаній. Надѣюсь выправить деньги только лично въ Петербургѣ. Пожалуйста, пришлите какую можете сумму, чтобы дать мнѣ возможность пріѣхать въ Петербургъ. Ну, а журналъ нашъ **) идетъ черезъ пень да въ колоду. Чортъ матыме добра пoти, поки все дѣло не очутится въ моихъ рукахъ такъ, чтобы мнѣ ни на кого не надѣяться, никого не поджидать, ни отъ кого, ни въ чемъ не зависѣть. Пріятель нашъ Коховскій оказался человѣкомъ слова, а не дѣла: денегъ не досталъ, разрѣшенія не выхлопоталъ и хочетъ, чтобы я ломался подъ какія-то вовсе для меня неясныя его

---

*) Библіотеки для Чтенія, гдѣ были напечатаны статьи Кулиша по исторіи Малороссіи, заключавшія въ себѣ продолженіе того, что было напечатано раньше въ *Вѣстн. Юго-Зап. Рос.*

**) Говорится о какомъ то предполагавшемся журналѣ.

желанія. Я предоставляю ему полную свободу распоряжаться журналомъ, а меня принять только въ сотрудники съ правомъ голоса, котораго онъ можетъ и не слушаться, не рискуя огорчить меня. Если же непремѣнно долженъ редактировать я, то надобно спросить, на какихъ условіяхъ, а не чертить ихъ по своему усмотрѣнію. Я глубоко убѣжденъ, что дѣло склеится только тогда, когда кто-нибудь одинъ возьметъ все въ свои руки и будетъ только въ нравственной зависимости отъ другихъ. Коховскій, какъ видно, этого не желаетъ, опасаясь за деньги. Но деньги и должны быть затрачиваемы съ рискомъ, что не воротятся. При томъ тутъ явилась новина: земляки при васъ говорили о деньгахъ безъ возврата, а теперь, по письму Кох., я точно какъ будто дѣлаю заемъ. Этого я не хочу взять на себя. Пусть беретъ кто хочетъ, съ меня довольно роли обыкновеннаго сотрудника. Довольно того, что я не отстану отъ другихъ и не скажу такъ, какъ Костомаровъ, что готовъ работать только за дорогую плату. Напротивъ, я понижу цѣну до 40 и 30 руб. за листъ, если только никому не будутъ платить больше. Но странно требовать, чтобы человѣкъ взялъ на себя самое трудное да еще позволилъ и взнуздать себя. Отъ самаго труднаго я не уклоняюсь, но тогда ужъ предоставьте мнѣ повернуть дѣломъ по собственному, а не по чужому усмотрѣнію. Черезъ годъ я обязываюсь отдать отчетъ въ своихъ распоряженіяхъ и предоставить вести журналъ тому, кто признается болѣе способнымъ. Разладъ вышелъ и въ количествѣ денегъ. При нынѣшнемъ равнодушіи публики къ литературѣ (чего она и стоитъ), подписчиковъ будетъ мало. Я не рѣшусь издавать, имѣя 3000 р., чтобы не разыграть роли Бѣлозерскаго, недодавшаго Основы. Съ 5000 р. я увѣренъ, что выдамъ 12 книжекъ при самой большей неудачности подписки. Вотъ вамъ все; дѣлайте, что знаете. Но ради Бога доставьте мнѣ средства пріѣхать въ Петербургъ.

Вашъ П. К.

1864. Авг. 25. Піддубевъ, возлѣ Борзны.

48.

Дорогой другъ Данило Семеновичъ!

Противъ назначенія меня директоромъ сдѣлано было нѣкоторымъ чиномъ возраженіе, потому что сей чинъ рекомендовалъ двоихъ въ директоры, и они не приняты на томъ основаніи, что ихъ не знаютъ лично. Такъ какъ меня лично тоже не знали, то великій чинъ и поразилъ малаго чина его же оружіемъ, отказавшись утвердить мое назначеніе. А я и радъ, потому что въ Варшавѣ мѣсто уже отдано, а въ провинцію мнѣ отсюда не хотѣлось ѣхать еще больше, нежели изъ Петербурга. Служба въ провинціи была бы для меня весьма тягостна при самыхъ лучшихъ матеріальныхъ условіяхъ.

Такъ какъ люди съ моими знаніями здѣсь очень нужны, то мнѣ оказали всяческое вниманіе другіе важные чины, и я надѣюсь скоро занять мѣсто не ниже директорскаго въ самой Варшавѣ. Вотъ вамъ главное, что можетъ васъ интересовать. Жизнь въ Варшавѣ гораздо пріятнѣе петербургской уже по одному климату, который и въ эту позднюю пору года дышетъ югомъ. Городъ мнѣ нравится чрезвычайно и постройками, и удобствами, и нравами жителей, напоминающимся мнѣ время моего путешествія по Швейцаріи, Италіи и Австріи. Русскіе люди здѣсь лучше, чѣмъ у себя на родинѣ; даже солдаты кажутся юнкерами. Польскій бунтъ произвели польки, и навѣрное черезъ нихъ много еще прольется русской и польской крови, потому что онѣ не перестаютъ воспитывать новое поколѣніе въ революціонномъ духѣ. Вся наша надежда на подавленіе клерикальной партіи, самой безнравственной и самой сильной; но надобно много ума и энергіи, чтобы подрѣзать корни здѣшнему поповству, которые оно глубоко пустило въ народъ. По этому-то умнѣйшіе изъ администраторовъ хлопочутъ о наборѣ надежныхъ людей для службы въ Польшѣ. Но и они не всегда вѣрно оцѣниваютъ человѣка, сбываемые разными недоумками—

доброжелателями.—Писалъ бы къ вамъ и больше, но въ многоглаголаніи нѣсть премудрости.

Вашъ П. К.

1864. Повед. Варшава.

Библіотеку для Чт. оставьте въ покоѣ, а въ редакцію От. Зап., по выходѣ второй половины моей статьи (скоро должна выйти), потрудитесь явиться съ прилагаемою запискою и деньги тотчасъ пришлите мнѣ, адресуя на мое имя въ Римскую гостинницу (Rzymski hotel), № 32. Съ вами я расплачусь, когда получу жалованье.

49.

Добрый другъ Данило Семеновичъ! Пришлите мнѣ пожалуйста два экземпляра 1-го и 2-го томовъ Записокъ о Южной Руси. Здѣсь ученые люди оказываютъ мнѣ разныя услуги по предмету моихъ историческихъ изслѣдованій, закидываютъ меня драгоцѣнными рукописями, дѣлаютъ разныя личныя справки, даже предупреждаютъ мои желанія,—и я не могу ничѣмъ подобнымъ отблагодарить ихъ, такъ подарю имъ хоть эти книги, по которымъ они меня собственно и знаютъ.

Жизнь въ Варшавѣ для меня такъ же пріятна, какъ за границею. Мѣсяцъ пробѣжалъ чрезвычайно быстро. Каждый день исполненъ новаго интереса. То читаешь подлинныя письма какого нибудь козака XVII вѣка, о которомъ до сихъ поръ коечто зналъ только по книгамъ, то слушаешь разсказы о тысячѣ занимательнѣйшихъ вещей, то работаешь что нибудь стоющее вниманія по дѣламъ реорганизаціи мѣстнаго устройства, то сидишь въ театрѣ. О польскомъ театрѣ я не имѣлъ понятія. Отличные есть артисты—и ни одной пошлой, нелѣпой фигуры, какія досаждали бывало мнѣ въ Петербургѣ на сценѣ. Музыку

я слушалъ даже у себя дома, потому что рядомъ со мной живетъ пѣвецъ, который безпрестанно твердитъ итальянскія оперы и напоминаетъ мнѣ мое оперное время. Иногда онъ поетъ вмѣстѣ съ другими, въ числѣ которыхъ есть и женскій голосъ, очень свѣжій и мелодическій.

Опредѣленной службы я еще не имѣю, потому что какого-нибудь мѣста не хотѣлъ взять, хоть мнѣ и предлагали. Судя по тѣмъ дѣламъ, которыя мнѣ поручаются, и по другимъ обстоятельствамъ мнѣ дадутъ жалованья больше 3000 р. Но покамѣстъ, высылайте мнѣ мой заработокъ изъ Отечественныхъ Записокъ, въ редакцію которыхъ я послалъ вамъ вѣрную грамоту. Если не получили, то увѣдомьте немедлено, адресуя на мое имя въ Римскую гостинницу (Hotel rzymski).

Ну, а вамъ каково служится? Чтó словарь? Лишь только разживусь на деньги, то многое издамъ стари́мъ своимъ звича́емъ, ни на кого не оглядуючись, а то наши щось люблять довгу пісню. Здѣсь все благопріятствуетъ для изученія XVI и XVII вѣка. Даже выѣздъ за границу, для чтенія нѣкоторыхъ имѣющихся въ тамошнихъ библіотекахъ рукописей, отсюда гораздо легче и дешевле, чѣмъ изъ Россіи. Весною надѣюсь кой-куда проѣздиться.

Вашъ П. К.

1864 дек., 4, а въ васъ ище новбрь.

50.

Въ самый день полученія журнальнаго заработка мнѣ назначено по 300 руб. на мѣсяцъ жалованья—и, кажется, со дня моего сюда пріѣзда. Занявшись хорошенько бумагами и законами, я началъ вести производство дѣлъ такъ удовлетворительно, какъ и заматорѣлые въ службѣ крюки, вслѣдствіе чего и буду получать окладъ, равный директорскому (по учебной части). Въ то же самое время окладъ жалованья Вас. Мих. увеличенъ до

5000, по поводу назначенія его исправляющимъ должность директора канцеляріи учредительнаго комитета. Теперь я начну расплачиваться съ долгами. Благодарю васъ дорогой другъ Данило Семеновичъ, за постоянную вашу расположенность ко мнѣ и помощь во всѣхъ моихъ дѣлахъ, каковы бы они ни были. О брошюрахъ больше не хлопочите: будетъ съ меня этихъ. Освѣдомитесь у Костомарова, нельзя ли получить мнѣ отъ него 1) экземпляръ 4-го тома Актовъ для Исторіи Южной и Юго-Западной Россіи, для меня. 2) экземпляръ 3-го и 4 томовъ того же изданія для библіотеки Красинскихъ (бывшей Свидзинскаго). Онъ обязанъ покойному Свидзинскому много и годилось бы почтить его память подобнымъ приношеніемъ. Если Костомаровъ отвѣтитъ вамъ отрицательно, то потрудитесь все это купить на мой счетъ въ книжномъ магазинѣ Юнгмейстера и прислать на мое имя. Но я бы желалъ, чтобы вы сперва обратились къ Костомарову.

Жизнью въ Варшавѣ я доволенъ попрежнему, а теперь когда я совершенно обезпеченъ съ денежной стороны—и тѣмъ паче. Начальникъ мой и его товарищи—люди очень хорошіе. Работаю очень много; но вы знаете, что, при извѣстныхъ условіяхъ жизни, это меня не тяготитъ нисколько. Такъ какъ я отличаюсь отъ многихъ смертныхъ быстротою работы, то у меня есть еще время и для поисковъ въ здѣшнихъ библіотекахъ. Польскіе ученые съ своей стороны предлагаютъ всевозможныя указанія, что значительно облегчаетъ историческіе труды, или даже просто-одушевляетъ меня къ нимъ, составляя то, безъ чего многое оставалось бы не понятымъ и неизвѣстнымъ. Не взыщите за торопливое писанье мое: дорожу временемъ, котораго на все не хватаетъ. Я не взялъ должности чиновника особыхъ порученій, такъ какъ этого рода чиновники считаются ничего не дѣлающими и просилъ оставить меня только состоящимъ при Учред. Ком.

О Над. М. и проч. такая распускается скверная ложь, къ которой способны только наши добродѣтельные и великодушные

земляки. Ея семейныя дѣла относ. дѣтей обстоятъ такъ благополучно, какъ только можно желать. Двоихъ старшихъ у самой близкой къ ней и преданнѣйшей особы, которой родные также очень къ ней расположены и всѣмъ намъ извѣстны—Кармалѣевы. Взять ихъ въ Варшаву было никакъ нельзя, потому что у меня мало было денегъ, а по трудности найти квартиру, жизнь обходилась мнѣ дорого. Увезти въ Псковъ также покамѣстъ было невозможно, но это будетъ сдѣлано, когда В. Т. тамъ окубобится. Дамы наши здѣсь очень веселы и здоровы; кланяются вамъ. Все еще живемъ въ гостинницѣ, потому что мнѣ нѣтъ времени искать квартиру, а онѣ не умѣютъ. Впрочемъ и здѣсь довольно удобно и не черезчуръ ужъ дорого.

Словарь по всей вѣроятности, возляжетъ на мои рамена, не смотря на службу. Я подыщу людей въ помощь.

Проценты потому не отчислены, що тоди чорти-мало грошей, а теперь будутъ отчисляться и сберегаться.

Трудитесь, сколько можется и хочется, но ради Бога не давайте переписывать людямъ, у которыхъ такъ мало дѣйствительной любви къ родинѣ, что для нее они даже не хотятъ сдѣлать своего почерка четкимъ, а себя хоть сколько-нибудь пріучить къ отчетливости труда.

Вашъ П. К.

1865. Янв. 5 н. ст. Варшава.

51.

Дорогой другъ Данило Семеновичъ!

Вы ко мнѣ не пишите, а я заваленъ работою. Воображаю, какія нелѣпости мелютъ болтливые петербуржцы о здѣшнихъ дѣлахъ. Во всемъ есть слабыя стороны, но вообще польскій вопросъ идетъ удовлетворительно. Мнѣ вы должны вѣрить, ибо, въ случаѣ моего личнаго недовольства дѣломъ, я бы молчалъ, но ужъ никакъ не сталъ бы хвалить. Что касается до моего

служебнаго положенія, то я болѣе и болѣе имъ доволенъ. Почему—не могу объяснить, но со временемъ вы узнаете. Довольно съ васъ того, что я нуженъ, необходимъ, незамѣнимъ, и есть такія стороны въ службѣ, къ которымъ я отношусь съ глубокимъ сочувствіемъ. Я теперь могу разсчитывать на улучшеніе моихъ денежныхъ обстоятельствъ, но меня больше занимаетъ перспектива русскихъ работъ въ Царствѣ Польскомъ.

Пришлите мнѣ счетъ, сколько за мною числиться вашихъ денегъ. Начну уплачивать свои долги.

Пишетъ ко мнѣ какой-то господинъ о высылкѣ ему историческихъ книгъ. Я адресовалъ его къ вамъ и посылаю вамъ его письмо. По моему указанію на лучшія сочиненія, онъ будетъ писать къ вамъ. Пожайлуста удовлетворите его не откладывая. 10 руб. присланныхъ имъ мнѣ не посылаю до полученія отъ васъ счета.

Больше писать нѣтъ времени: занятъ.

Пожалуйста передайте Хартахаю, что только теперь нашли мы человѣка, который можетъ взять его къ себѣ на службу; но пусть вооружится еще терпѣніемъ пока онъ, пріѣхавши въ свою дирекцію, осмотрится. Никакъ нельзя было до сихъ поръ ничего для него сдѣлать. Незнакомаго и неблизкаго нельзя вѣдь просить о такомъ дѣлѣ. Пускай несомнѣвается, что все возможное съ нашей стороны сдѣлано и будетъ сдѣлано.

Вашъ П. А

1865, февр. 10/12 Варшава.

Только что хотѣлъ отправить на почту это письмо, какъ получилъ отъ васъ Акты къ Ист. Южн. Зап. Россіи; но не знаю, кто далъ. Письма отъ васъ нѣтъ еще.

52.

Забрались вы въ Пермь да и молчите, по своему обыкновенію. Галичане нуждаются въ нашихъ книжкахъ очень. Озаботьтесь

доставленіемъ ихъ книгопродавцу Дымету. Онъ ждетъ. Деньги не пропадутъ: за это ручаются.

Мѣсяца чрезъ два, а можетъ быть и раньше, я самъ поѣду за границу и обо всемъ распоряжусь лично. Не зная, попадетъ-ли это письмо въ ваши руки, не распространяюсь. Отвѣчайте на мое имя: въ *Варшаву* и больше ничего. Изъ за-границы увѣдомляю васъ о своемъ адресѣ.

1867, дек. 24.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXII.

1898 г.

СЕНТЯБРЬ.

Кіевъ. типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Мих. ул., д. № 4-й.
1898.

Дозволено цензурою. Г. Кіевъ, 8 сентября 1898 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

ОТДѢЛЪ II-й.

Вниманію господъ ЮДИНЫХЪ,

ихъ родственниковъ по боковымъ и женскимъ линіямъ,

ИХЪ ЗНАКОМЫМЪ.

Подготовивъ къ печати собиравшійся въ теченіи многихъ лѣтъ матеріалъ о родѣ **Костромичей Іюдиныхъ**, оказавшійся интереснымъ въ историческомъ и бытовомъ отношеніяхъ, восходящій по городу **Чухломѣ** до 1615 года и желая возможныхъ къ нему дополненій, покорнѣйше прошу всѣхъ, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи относящуюся къ названному роду письменность: акты, документы, письма, дневники и проч., книги съ надписями: «Изъ библіотеки Чухломскаго купецкаго сына **Михайла Іюдина**», равно портреты, виды Чухломы и разныхъ мѣстъ какъ Костромской, такъ и другихъ губерній, гдѣ проживали **Іюдины** или ихъ родные, прислать на короткое время нижеподписавшемуся для снятія копій, послѣ чего присланное будетъ возвращено по принадлежности. Желающіе уступить подлинные документы и проч. въ нашу собственность приглашаются, вмѣстѣ съ присылкою предлагаемаго, заявить объ условіяхъ продажи. Адресъ въ г. **Красноярскъ**, Енисейской губерніи, Геннадію Васильевичу Юдину.

Затѣмъ считаю не лишнимъ пояснить, что нѣкоторые томы предполагаемаго изданія, имѣющіе исключительно семейный интересъ, въ продажу не поступятъ и предназначаются лишь для раздачи **наличнымъ членамъ нашего рода и другимъ лицамъ**, благосклонно способствовавшимъ издателю къ собиранію фамильной старины.

Въ крайнемъ случаѣ т. е. при полномъ отсутствіи не только письменныхъ, но устныхъ преданій или воспоминаній о комъ-нибудь изъ нашего рода, полезно будетъ даже указаніе, къ кому было бы мнѣ можно обратиться съ своими поисками.

Г. В. Юдинъ (Іюдинъ).

МАЛОРУССКАЯ И ДРУГІЯ БУРЛЕСКНЫЯ

(ШУТЛИВЫЯ [1])

ЭНЕИДЫ [2]).

I.

Новѣйшую украинскую литературу съ широкимъ кругозоромъ народнаго пошиба, смѣнившую собою литературу схоластическую, богословско-учительную и риторическую, а также поэзію старинныхъ апокрифовъ, легендъ, псальмъ, кантовъ, виршъ, элегій, пѣсенъ и интерлюдій, начинаютъ обыкновенно съ „Енеиды, на малороссійскій языкъ перелиціованной И. Котляревскимъ“, [3]) съ выхода которой въ свѣтъ путемъ печати исполнилось въ настоящемъ году ровно сто лѣтъ.

Въ свое время появленіе малорусской Энеиды было крупнымъ литературнымъ событіемъ, и авторъ этой поэмы пріобрѣлъ весьма скоро почетную извѣстность не только въ средѣ своихъ ближайшихъ земляковъ, но и въ предѣлахъ всей широкой Россіи. Какъ сочинитель Энеиды, И. П. Котляревскій удосто-

[1]) Такъ назвалъ свою Энеиду Осиповъ въ заглавіи „Овидіевыхъ любовныхъ твореній“, напечатанныхъ въ 1803 г.

[2]) Настоящая статья получена была въ редакціи, когда еще не выходила изъ печати книга журнала *іюль-августъ*, вслѣдствіе чего авторъ ея не касается статьи И. Стешенка „Осиповъ и Котляревскій въ ихъ взаимоотношеніи“. *Ред.*

[3]) Въ изданіи 1809 г., выпущенномъ въ свѣтъ самимъ И. П. Котляревскимъ, согласно общей тенденціи, замѣчающейся въ томъ текстѣ, къ сближенію съ общерусскою литературною рѣчью, заглавіе нѣсколько видоизмѣнено: „Виргиліева Энеида, на малороссійскій языкъ *переложенная* И. Котляревскимъ“.

ился въ 1816 г. лестнаго вниманія со стороны вел. кн. Николая Павловича [1]), ставшаго потомъ императоромъ, въ царствованіе котораго малорусская литература очень долго—до конца 40-хъ годовъ—не подвергалась оффиціальнымъ преслѣдованіямъ [2]) и, напротивъ, впервые достигла значительнаго развитія и подъема.

Энеиду Котляревскаго при импер. Александрѣ и Николаѣ Павловичѣ „читали съ удовольстіемъ какъ умную шалость», по выраженію Н. Полеваго [3]), не только малороссы, но и великороссы [4])

Потомъ, какъ нерѣдко бываетъ, въ средѣ самихъ малороссовъ восторгъ смѣнился нѣкоторымъ равнодушіемъ и даже приниженіемъ Энеиды, во главѣ котораго въ началѣ 60-хъ годовъ стоялъ Кулишъ [5]).

Теперь уже цѣлое столѣтіе отдѣляетъ насъ отъ момента появленія Энеиды, и порождавшій рѣзкіе отзывы задоръ 60-хъ годовъ, сопряженный съ энтузіазмомъ поры обновленія и ре-

---

[1]) См. нашъ отзывъ о сочиненіи г. Петрова: „Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія“ въ „Отчетѣ о XXIX присужденіи наградъ графа Уварова“ (1888 г.), стр. 1—2.

[2]) Да и дѣло о Шевченкѣ, Костомаровѣ и др. не привело тогда къ общимъ репрессивнымъ мѣрамъ.

[3]) Очерки русской литературы, ч. II, стр. 489.

[4]) Кромѣ приведеннаго только что свидѣтельства Полеваго (1838—1839 г.) см. еще въ предисловіи Основьяненка (1833 г.) къ повѣсти „Салдацькій патретъ“ („Супляка до пана издателя“): „Хыба жъ не жыво вчыстывъ панъ Котляревськый Енея? Эге! объ нимъ и доси Москва товче и перетовкуе, и зъ якого боку ни зайде, сплесне рукамы, та й кае: „ну такъ, славно!“ См. еще въ ст. Милюкова: „Вопросъ о малоросійской литературѣ“ („Эпоха“ 1864 г.), стр. 80: „Экземпляры хохлацкой Энеиды не только распространились на югѣ, но проникли и во внутреннюю Россію и зачастую встрѣчались въ чисторусскихъ семействахъ“.

[5]) См. уже въ его „Хатѣ“ „Передне слово до громады. Поглядъ на украинську словесность“, стр. VII—VIII: „Охотнійше почалы наши хлопята слухаты *бурлацьке юродство* Котляревського, анижъ чепуркувату Карамзинщину“. Начало не вполнѣ благопріятнаго отношенія къ Энеидѣ Котляревскаго, какъ сейчасъ увидимъ, замѣчается уже въ юношеской статьѣ А. А. Котляревскаго (1856 г.) Ранѣе галичанинъ Вагилевичъ, хотя и усматривалъ въ Энеидѣ *„стремленіе представленія лихого въ звычаяхъ и обычаяхъ своихъ краянъ“*, полагалъ однако, что она „для многихъ отличныхъ, наветь рѣдкихъ красотъ будетъ всегда оздобою литературы, особенно що ся залицаетъ невымушенымъ гуморомъ и гладкою сплавностью“ (Русск. Библ., III, 153).

формъ, отошелъ уже въ область прошлаго, хотя все еще весьма близкаго и родного намъ, а съ другой стороны и увлеченіе чарующими созданіями поэзіи Шевченка, произведеніями Квитки и другихъ малороссійскихъ писателей, заглушившихъ громкую славу Котляревскаго, также лишилось первоначальной свѣжести и уже не можетъ подавлять голоса исторической справедливости. Время потому провѣрить обстоятельнѣе, чѣмъ то дѣлалось до сихъ поръ, сужденія объ Энеидѣ и поставить вопросъ: сохранитъ ли она значеніе, помимо чисто историческаго, и теперь, когда малорусская литература уже не бѣдна талантами въ Россіи и также въ Галичинѣ, имѣющей такого писателя какъ Франко, и находится на пути къ выработкѣ изъ себя литературы, не только удовлетворяющей требованіямъ ограниченной среды и чисто народнаго вкуса, но и достигающей высокаго эстетическаго и соціальнаго подъема и становящейся всенародною, что видимъ въ Галичинѣ и отчасти въ Буковинѣ?

Съ перваго взгляда могутъ возникать нѣкоторыя сомнѣнія, удержитъ ли Энеида Котляревскаго непреходящее значеніе и въ наступающій второй вѣкъ ея литературнаго существованія; могутъ одолѣвать колебанія, не былъ ли близокъ къ правдѣ Кулишъ, ставившій Энеиду Котляревскаго довольно низко на литературномъ горизонтѣ?

Какъ показываетъ уже самое заглавіе поэмы Котляревскаго, послѣдняя—произведеніе не оригинальнаго содержанія; мало того, она—памятникъ т. наз. бурлескнаго жанра, о которомъ отзываются съ пренебреженіемъ нѣкоторые авторитеты литературы. Этотъ родъ творчества подвергся рѣшительному осужденію не только со стороны строгаго французскаго законодателя классическаго Парнасса XVII в.—Боало, но и со стороны двухъ корифеевъ новѣйшей поэзіи, Шиллера [1]) и Гёте, хотя послѣдній въ молодости былъ не прочь иногда отъ этого жанра въ своей поэтической дѣятельности. Неблагосклонно относятся иные къ бурлеску и травестіи и теперь [2]).

---

[1]) См. въ его статьѣ „О наивной и сентиментальной поэзіи".

[2]) См. напр. въ „Beilage zur Allgem. Zeitung" 1893, № 67, въ статьѣ о Блюмауэрѣ: „birgt doch dieses poetische Genre zu wenig lautern Goldes, um die

Такимъ образомъ, уже литературная правоспособность самаго содержанія Энеиды Котляревскаго возбуждала сомнѣнія. „Взглядъ автора, имѣющій цѣлью смѣшить своихъ читателей во что бы ни стало, выставлять потѣхи ради, во очію міра, все съ смѣшной стороны—совершенно противенъ кореннымъ чертамъ украинскаго характера“, писалъ А. А. Котляревскій въ своей юношеской статьѣ, уже выказавшей, впрочемъ, въ немъ талантъ замѣчательнаго литературнаго критика. „Въ сферѣ пародіи едва-ли возможно истинно народное развитіе украинской словесности“, читаемъ тамъ далѣе [3]).

Нѣкоторые были настолько подавляемы неудержимымъ безшабашнымъ смѣхотворствомъ Энеиды Котляревскаго, что потому именно и ставили ее совсѣмъ невысоко въ ряду произведеній украинскаго слова.

Ея значеніе, казалось бы, должно умалиться еще въ силу того, что за авторомъ ея иные готовы признавать совсѣмъ слабую степень самостоятельности. Уже въ половинѣ 50-хъ годовъ былъ поднятъ вопросъ объ отношеніи перелицiованной Энеиды Котляревскаго къ „Энеидѣ, вывороченной на изнанку Н. Осиповымъ“. А. А. Котляревскій писалъ тогда: „Осиповъ первый, сколько извѣстно, выворотилъ на изнанку Энеиду, и это не замедлило отозваться на противоположномъ концѣ русскаго міра, въ Малороссіи: и тамъ явилась перелицiованная Энеида, первое *литературное* произведеніе на малороссійскомъ языкѣ. Всякій согласимся, что перелицiованная Энеида уже никоимъ образомъ

Krone der Unsterblichkeit zu verleihen“. Парижскій профессоръ Petit de Julleville говоритъ въ „Histoire de la Langue et de la Littérature française des Origines à 1900, t. IV, p. 79: „Le goût de dénicher le grotesque au fond de toutes les tragédies et de toutes les épopées humaines peut se justifier, j'y consens: mais c'est à condition qu'il s'exprime et se satisfasse brièvement, par un trait, par une page au plus; mais non dans des poèmes entiers, dont la lecture devient écoeurante avant la fin du premier feuillet“. Morillot тамъ же называетъ „le burlesque“—„sorte de monstre littéraire“ (p. 448), „genre outré, monstrueux éphémère, voué à un fatal et prompt discrédit“ (p. 453).

[3]) Сочиненія *А. А. Котляревскаго*, т. I, Спб. 1893, По поводу сочиненія г. Данилевскаго объ Основьяненкѣ 1856, стр. 14 и 15.

не могла быть вызвана потребностями украинскаго общества, вовсе не причастнаго литературному движенію русскаго сѣвера; напротивъ, она была плодомъ современнаго направленія собственно русской словесности, а для самаго автора не болѣе, какъ литературною шуткою, забавою" [1]).

Лѣтъ 13 назадъ этимъ вопросомъ занимался г. Минскій, пришедшій къ неопровержимому, по его словамъ, выводу, что первенство по времени принадлежитъ поэмѣ Осипова, которому несомнѣнно подражаетъ Котляревскій [2]).

Въ своемъ отзывѣ о книгѣ г. Петрова мы высказали требованіе осторожности въ приговорѣ по этому вопросу и указали на необходимость болѣе тщательнаго сличенія Энеидъ Котляревскаго и Осипова съ иностранными, котораго, къ сожалѣнію, мы не могли выполнить сами, потому что не имѣли тогда необходимаго времени для того, чтобы отдаться этому спеціальному разысканію.

Годъ спустя послѣ выхода въ свѣтъ упомянутаго нашего отзыва о книгѣ г. Петрова, проф. А. И. Соболевскій помѣстилъ замѣтку, въ которой, между проч., повторилъ тезисъ г. Минскаго, давъ гораздо болѣе узкую постановку его развитію. По словамъ А. И. Соболевскаго, «Котляревскій пользовался только трудомъ Осипова... передѣлываетъ строфу Осипова за строфою, удержиживая ихъ порядокъ, и ограничивается измѣненіемъ по преи-

---

[1]) *Геннади*, Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, т. I, Берл. 1876, указываетъ на замѣтку въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" 1855 г. № 46, о томъ, что Энеида Котляревскаго написана прежде передѣлки Осипова, хотя напечатана позднѣе. Мы, къ сожалѣнію, не могли добыть этой замѣтки, но думаемъ, что она тождественна съ тою, которую авторъ статьи объ И. П. Котляревскомъ, помѣщенной въ „Нови" 1885 г. Н. В. М., т. е., Минскій (съ этимъ полнымъ обозначеніемъ фамиліи извлеченіе изъ статьи 1885 г. помѣщено въ сборникѣ *Венгерова*, Русская поэзія, вып. V, Спб. 1895), цитуетъ какъ помѣщенную въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1856 г. № 46, при чемъ авторъ послѣдней обозначенъ псевдонимомъ *скубента—Чупрыны*, которымъ, сколько намъ извѣстно, пользовался А. А. Котляревскій. Въ собраніи сочиненій послѣдняго, т. I, стр. 14, дѣйствительно, читаемъ мнѣніе, которое г. Минскій приводитъ изъ № 41 „Московскихъ Вѣдомостей" 1856 г., но поправки, напечатанной въ № 46 тѣхъ-же „Вѣдомостей", мы не нашли въ собраніи „Сочиненій А. А. Котляревскаго".

[2]) Русская поэзія, V, стр. 808.

муществу подробностей великорусскаго городскаго быта подробностями быта малорусской деревни, да опущеніемъ какъ отдѣльныхъ частностей, такъ и цѣлыхъ эпизодовъ. Впрочемъ, коегдѣ имъ сдѣланы прибавленія (особенно въ описаніи казней грѣшниковъ въ аду), но они не многочисленны. Вдобавокъ, Энеида Осипова написана „на вульгарномъ русскомъ языкѣ", а Энеида Котляревскаго «на грубомъ малороссійскомъ нарѣчіи» [1]).

При этомъ А. И. Соболевскій замѣтилъ, что „не имѣетъ права на существованіе" наше «предположеніе, что мысль послѣдовать Скаррону и выворотить Энеиду на изнанку принадлежитъ Котляревскому и что Осиповъ могъ быть подражателемъ Котляревскаго".

Въ послѣднихъ строкахъ допущена нѣкоторая неточность въ передачѣ нашего мнѣнія: приписано намъ то, чего мы не высказывали съ рѣшительностью. Мы говорили только, что „не можетъ подлежать сомнѣнію, что одинъ изъ перелагателей Энеиды пользовался произведеніемъ другого», указали даже на замѣчательныя совпаденія отдѣльныхъ выраженій, но *оставили нерѣшеннымъ* „вопросъ о томъ, читалъ ли Котляревскій произведеніе Осипова, или же послѣдній приступилъ къ своей Энеидѣ, познакомившись съ рукописью начала поэмы Котляревскаго" (мы разумѣли первыя части послѣдней). „Намъ кажется, писали мы тогда, что этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только послѣ обстоятельнаго сравненія Энеидъ Осипова и Котляревскаго и сопоставленія ихъ съ латинскимъ подлинникомъ и французскими и нѣмецкими передѣлками его. Такого сравненія мы еще не имѣемъ... Котляревскій... могъ читать Скаррона, не говоря уже о томъ, что онъ былъ хорошо знакомъ съ Вергиліевой Энеидой [2])".

---

[1]) Библіографъ 1889 г., № 10—11: „Къ юбилею И. П. Котляревскаго", стр. 192 и 189.

[2]) Отзывъ, стр. 29—31 (отдѣльнаго оттиска). На стр. 46—47 мы выразились: „Народный элементъ наполнилъ собою въ огромныхъ размѣрахъ схему Энеиды, взятую извнѣ, можетъ быть, независимо отъ Осипова... Котляревскій очистилъ свой литературный вкусъ, познакомившись съ формами русскихъ литературныхъ произведеній, но въ содержаніи „Энеиды", а въ особенности драматическихъ произведеній выказалъ полную оригинальность".

Мнѣнiе г. Минскаго и А. И. Соболевскаго о слѣдованiи Котляревскаго въ Энеидѣ Осипову принялъ и авторъ краткой замѣтки о Котляревскомъ въ «Энциклопедическомъ словарѣ» Брокгауза и Ефрона, Н. С—въ [1]), признавшiй при этомъ поэму Котляревскаго «классическимъ произведенiемъ малорусской литературы по простотѣ и изяществу стиля и истинно хохлацкой иронiи... Самостоятельность Котляревскаго обнаруживается въ языкѣ и во многихъ оригинальныхъ эпизодахъ, написанныхъ съ большимъ талантомъ".

Еслибы сужденiя, выраженныя въ приведенныхъ словахъ А. А. Котляревскаго (въ первой редакцiи—до поправки въ № 46 «Московскихъ Вѣдомостей» 1856 г.) и А. И. Соболевскаго оказались вѣрными, то надлежало бы признать за «Энеидой» И. П. Котляревскаго лишь кратковременное, чисто историческое значенiе по пословицѣ: «на безрыбьи и ракъ—рыба», и допустить, что лишь отсутствiе крупныхъ литературныхъ произведенiй въ украинской литературѣ до появленiя въ свѣтъ поэмы И. П. Котляревскаго послужило причиною выдающагося успѣха послѣдней и славы ея автора, и что въ настоящее время она уже не можетъ считаться классическимъ созданiемъ малорусской поэзiи, въ особенности когда раскрыта чрезвычайно-де близкая зависимость ея отъ Энеиды Осипова, какъ ея первообраза.

Но намъ кажется, что отзывы въ родѣ приведенныхъ сужденiй А. А. Котляревскаго и А. И. Соболевскаго подлежатъ ограниченiю, и мы попытаемся подтвердить то.

II.

Скажемъ прежде всего о бурлескѣ и шутливыхъ поэмахъ, порожденныхъ имъ вплоть до Энеиды Котляревскаго, а затѣмъ объ отношенiи къ нимъ послѣдней.

Въ человѣческой душѣ, отчасти въ силу несомнѣнно присущей ей любви къ контрастамъ и стремленiя къ всестороннему

---

[1]) Т. XVI, стр. 442.

охватыванію сущности и внѣшности явленій, на ряду съ наклонностью къ возвышеннымъ концепціямъ жизни, живетъ потребность въ дѣтской шуткѣ, веселомъ смѣхѣ, юморѣ и даже язвительной и горькой ироніи. Пародія, травестія [1]) и бурлескъ—одни изъ проявленій этой потребности.

Бурлескъ создалъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ и цѣнныхъ произведеній въ важнѣйшихъ западно-европейскихъ литературахъ, начиная съ итальянской, т. е. той, которая была первой вдохновительницей этого литературнаго жанра.

Мы не станемъ касаться здѣсь бурлескныхъ поэмъ вообще и ограничимся лишь бурлескными передѣлками Вергиліевой Энеиды.

Поэма Вергилія, пользовавшаяся великимъ авторитетомъ цѣлые вѣка, смущавшая своею прелестью даже христіанскихъ аскетовъ самаго темнаго времени средневѣковья, внушавшая восторженное почитаніе Данту и бывшая еще и въ XVII в. однимъ изъ извѣстнѣйшихъ произведеній древности, при свойственныхъ ей несообразностяхъ и въ силу удобства ея схемы, должна была стать излюбленнымъ предметомъ пародій. Намѣчаясь уже въ древности, [2]) онѣ развились по преимуществу въ новое время и не прекращаются и въ нашемъ столѣтіи [3]).

Рядъ ихъ открываетъ поэма итальянца G. B. Lalli—Eneide travestita (1633 г.). Съ нею былъ знакомъ, вѣроятно, и по ея примѣру писалъ, но затмилъ ее своимъ „Le Virgile travesti“ (1648—1653 г.) знаменитый французскій писатель реалистическаго на-

---

[1]) Junker въ цитируемой ниже статьѣ такъ опредѣляетъ пародію и травестію: „Das Verfahren derselben besteht darin, dass sie den Helden, Vorgängen und Worten eines ernsthaften Gedichtes oder Dramas unbedeutende, niedrige Personen, oder kleinliche Motive und Handlungen unterschi ben.. Die Par die unterscheide sich aber dadurch von der Travestie, dass sie die Form des ursprüngliches Gedichts beibehält, während die Travestie im andern Versmasse abgefasst ist, als der Original, Beide haben also das gemeinsame, einen Kontrast zu erzeugen“...

[2]) Пародированіе бѣгства Энея изъ Трои съ отцомъ на плечахъ нашли на одномъ стѣнномъ изображеніи въ Помпеѣ.

[3]) Въ русской литературѣ рядъ ихъ завершаетъ „Юмористическая Энеида“ Бойчевскаго, Спб. 1896.

правленія въ XVII в., галантный аббатъ Paul Scarron (1610—1660 г.) [1]). Онъ жилъ въ вѣкъ господства академическаго приличія, чопорности, напыщеннаго идеализма и прославленія героизма въ поэзіи и галантнаго кавалерства въ жизни. Въ поэзіи царили величавые сюжеты и герои, величавыя чувствованія и пышныя фразы, т. наз. нео-классицизмъ. Излюбленными его формами были эпосъ, героическій романъ, героическая трагедія и пиндарическая ода. Скарронъ, говоря словами одного изъ лицъ въ его «Roman comique», находилъ, что довольно уже изображали «этихъ воображаемыхъ героевъ древности, неудобныхъ иногда потому, что они слишкомъ уже порядочные люди" [2]). Скарронъ подрывалъ увлеченіе всѣмъ этимъ, осмѣивая древнихъ боговъ и героевъ, которыхъ столь прославляли поэты и изображали романисты, и низводя ихъ до низменнаго уровня самыхъ пошлыхъ существъ. Взамѣнъ напыщеннаго выраженія прекрасныхъ чувствованій и утонченностей стиля, доходившихъ до смѣшного, Скарронъ выдвигалъ противоположную крайность, умышленные цинизмъ и тривьяльность. Этимъ онъ немало подготовилъ торжество новой школы во французскомъ классицизмѣ, которая выступила въ правленіе Людовика XIV и склонялась болѣе къ естественности, чѣмъ прежняя. Словомъ, Скарронъ явился представителемъ реализма во французской поэзіи XVII в.

«Le Virgile travesti»—одно изъ яркихъ выраженій этого общаго литературнаго направленія автора.

Скарронъ въ общемъ удержалъ характеры боговъ, богинь и людей, а также дѣйствія, какими нашелъ ихъ у Вергилія, по обрисовалъ ихъ болѣе рельефно въ духѣ реализма и бурлеска.

---

[1]) О Скарронѣ см. *H. P. Junker*, Studien über Scarron—въ „Zeitschrift für französische Sprache und Litteratur, Bd. III, s. 1 ff. u. 201 ff. V, s. 1 ff Послѣдняя статья этого отдѣла вышла отдѣльно подъ заглавіемъ: „Paul Scarron's „Virgile travesti". Inauguraldissertat. Oppeln, G. Maske, 1883, 41 S. in 8°.—*P. Morillot*, Scarron et le genre burlesque, Par. 1888. См. еще *H Lutze*, Ueber Scarron (Wissensch. Beilage zum Programm des Gymnasiums zu Sorau, Ost. 1881).

[2]) „Ces héros imaginaires de l'antiquité qui sont quelquefois incommodes à force d'être trop honnêtes gens".

И у Скаррона ходомъ дѣйствія въ значительной мѣрѣ направляетъ гнѣвъ суетной и легко раздражающейся Юноны, которая мститъ „sans honneur et sans foi" Энею и его спутникамъ, вышедшимъ вмѣстѣ съ нимъ изъ разоренной Трои, за обиды, нанесенныя ея суетности: Юнона хотѣла бы, чтобы покровительствуемый ею Кареагенъ сдѣлался тѣмъ, чѣмъ сталъ потомъ Римъ, а между тѣмъ ей довелось слышать, что нѣкогда Троянцы погубятъ бѣдныхъ Тирянъ; сверхъ того, Юнона не забывала, что Троянецъ Парисъ отдалъ предпочтеніе красотѣ ея соперницы Венеры;

Outre qu'il avoit révélé,
(Heureux s'il n'eût jamais parlè!)
Qu'elle avoit trop longue mamelle
Et trop long poil dessous l'aisselle,
Et pour Dame de qualité
Le genouil un peu trop crotté.

А тутъ еще вдобавокъ вспоминалось похищеніе юнаго Ганимеда. Всего этого вмѣстѣ было достаточно, чтобы побудить Юнону

. . . . faire aux Troyens
Ce que les laquais font aux chiens,
C'est—à—dire guerre terrible.

Увидѣвъ Троянъ весело плывущими по морю, Юнона вскипѣла въ своемъ гнѣвѣ:

J'en aurai donc le démenti,
Cria-t-elle, et cette gueusaille
A ma barbe fera gogaille?

Паллада возмогла сдѣлать то, чего не смогу я, сестра и жена Юпитера? продолжаетъ Юнона. Если я не успѣю погубить эту проклятую породу,

... chacun me méprisera
Et pas un ne m'adorera.
Car qui diable seroit si bête
De vouloir célébrer ma fête?
Qui voudroit me sacrifier
Boeuf, vache, mouton, ou bélier?
Oui, bélier, mouton, boeuf, ou vache?
Il n'est personne que je sache,

Qui veuille m'offrir seulement
Un rat, qui n'est qu'un excrément.

Юнона не брезгаетъ никакими средствами, чтобы погубить н-е навистныхъ ей Троянцевъ. По этому поводу поэтъ издѣвается надъ древними богами:

Ils se fâchent donc comme nous?
Je ne les croyois pas si fous,
Et les croyois être sans bile,
Ces beaux Dieux d'Homère et de Virgile.

Юнона успѣваетъ сразу склонить на свою сторону старика Эола, пообѣщавъ ему прекраснѣйшую изъ своихъ Нимфъ:

C'est la parfaite Deiopée,
Un vrai visage de poupée;
Au reste on ne le peut nier,
Elle est nette comme un denier:
Sa bouche sent la violette,
Et point du tout la ciboulette,
Elle entend et parle fort bien
L'Espagnol et l'Italien;
Le Cid du Poëte Corneille
Elle le récite à merveille;
Coud en linge en perfection,
Et sonne du Psalterion.

Эолъ благодаритъ ее съ французскою галантностью, „découvrant sa tête chauve“:

„C'est à vous, Dame, à commander,
Et je n'ai rien qu'à seconder
Les volontez de ma Princesse;
Sans m'enquerir pourquoi ni qu'est ce“.

Онъ признателенъ Юнонѣ за то, что, по ея милости, онъ имѣетъ въ небѣ

Un assez bel appartement;
Par vous Jupiter favorable, говоритъ Эолъ,
M'admet à sa divine table,
Où j'avale tant de Nectar
Que je m'en trouve gras à lard,
Ou d'Ambrosie, et de la bonne,
Jusqu'au cou souvent je m'en donne.

Когда разгулялись вѣтры, выпущенные Эоломъ, послѣдній,

Voyant tous les vents déchaînez,
Mettant son manteau sur son nez,
Il avoit regagné bien vîte,
De peur d'être mouillé, son gîte.

Въ комическомъ также видѣ представленъ и Нептунъ, когда, замѣтивъ бурю,

Voyant l'obscurité telle,
Qu'il avoit besoin de chandelle,
Encore qu'il ne fût que midi,

всплывъ на поверхность водъ и увидѣвъ бѣдствія Троянцевъ, вознегодовалъ противъ вѣтровъ и сталъ журить ихъ:

Au premier Chapitre des Cieux,
J'ai bien peur, si mon avis passe,
Que le Roi du Ciel ne vous casse
Et la brouée et les frimats,
Par la mort... il n'acheva pas,
Car il avoit l'âme trop bonne:
Allez, dit-il, je vous pardone,
Tirez-vous vitement d'ici...

Такъ смѣется Скарронъ почти надъ всѣми богами, которые выставлены то въ болѣе комическомъ, то въ менѣе смѣшномъ видѣ. Противница Юноны, мать Энея, Венера, граціозно обрисована то какъ привлекательно-кокетливая и женственно лукавая, иногда стыдливая дѣвушка, то какъ мать, нѣжно и горячо заботящаяся о своемъ сынѣ и заступающаяся за него. Богъ же, подъ которымъ сотрясается сводъ высокой тверди, „comme il agit incessament“, смотритъ „au travers d'un châssis de verre, все-ли въ порядкѣ въ его земномъ королевствѣ. Попеченіе этого верховнаго бога имѣетъ однако мало цѣны, потому что

Le Destin... fait bien pester
Même le grand Dieu Jupiter.

Равнымъ образомъ безсиленъ и гнѣвъ Юноны, несмотря на частыя препоны, устраиваемыя ею для того, чтобы замедлить, если не отклонить, исполненіе предначертаній Рока, возвѣщаемыхъ

Юпитеромъ. Но и самый этотъ рокъ внушаетъ поэту насмѣшку, какъ, напр., въ словахъ:

On doute si ce fut péché:
Car on tient que la destinée
Avoit telle chose ordonnée.

Болѣе пощады даетъ поэтъ людямъ, которые предстаютъ у него также въ комическомъ видѣ, но иногда безъ крайностей въ таковой обрисовкѣ, слѣдовательно—въ болѣе правдивыхъ очертаніяхъ, при чемъ комически подчеркивается лишь та или иная сторона характера въ цѣляхъ общаго бурлескнаго впечатлѣнія. Иногда недостойные поступки людей прямо объясняются велѣніемъ судьбы; такъ объ Энеѣ читаемъ:

Non qu'il fût d'un esprit sauvage,
Onc ne fut meilleur personnage:
Mais il obéissoit aux Dieux,
Et le destin capricieux
L'avoit rendu d'homme traitable,
Homme de coeur impénétrable.

Этотъ герой поэмы, Эней, и у Скаррона, какъ у Вергилія, называется не разъ благочестивымъ [1]), но также и galant homme [2]). Онъ постоянно предстаетъ въ комическомъ видѣ, начиная съ момента бѣгства изъ Трои, когда онъ уносилъ на своихъ плечахъ престарѣлаго отца, грѣвшаго его въ шею кулаками [3]), или когда встрѣтилъ свою жену Креузу среди сумятицы въ Троѣ [4]). Очевидно, онъ не изъ храбраго десятка.

---

1) „Le pie, ou pour mieux dire, le pieux", „le pieux maître Énée".

2) Таковымъ онъ названъ уже въ самомъ началѣ.

3) Mon père, en cette peur panique,
Mille coups sur mon corps applique
Pour me faire aller au galop.

4) Des captives je m'approchai,
Et, me cachant le nez, cherchai,
Parmi cette troupe épeorée,
Ma chère Créuse égarée:
Puis je me mis effrontément
A crier (maudit soit qui ment!)

Скарронъ хорошо оттѣняетъ усмотрѣнные имъ недостатки Виргиліева героя, проявленія нерѣшительности и отсутствія самостоятельности характера въ его длинныхъ рѣчахъ и частыхъ плачахъ. Когда пришлось оставить Дидону, Эней

. . . gratte et regratte sa tête
Pour trouver un prétexte honnête
De quitter ces aimables lieux...

Не разъ Эней оказывается жалкимъ [1]), каковымъ называетъ себя самъ въ обращеніи къ Зевсу и Аполлону, не разъ онъ изображается „плачущимъ, какъ теленокъ". Онъ боится смерти и въ одномъ мѣстѣ поэмы сравниваетъ себя съ убѣгающимъ зайцемъ.

Дидона, или „dame Elize" [2]), является подходящей товаркой бѣдъ Энея. Она была предана памяти своего покойнаго мужа Сихея, но, съ появленіемъ Энея, не прочь разстаться со своимъ вдовствомъ. Подпавъ любви, она нѣсколько напоминаетъ однако героинь французской литературы XVII в., и такимъ

„Créuse, Créuse, Créuse!"
Un écho me répond: Éuse,
Et voilà tout ce que j'appris
De tant de peine que je pris.
Je m'en allois confus et triste,
Quand notre femme, à l'improviste,
Se vint présenter à mes yeux.
Je ne fais point le glorieux,
Une vision si soudaine
Me fit avoir fièvre quartaine,
Qui m'eût lors bien considéré
M'eût trouvé l'oeil bien égaré.
Par le visage c'étoit elle,
Mais sans patin ni pianelle.
Elle avoit huit grands pieds de haut,
Si bien, quoique j'eusse grand chaud
Que je devins, froid comme glace.
La frayeur peinte sur ma face.
Je reculai cinq ou six pas
En disant: Retro, Satanas!

[1]) „Le pauvre", „pauvre hère".
[2]) „Pleurant comme un veau".

образомъ въ изображеніи того, что переживала Дидона, и въ выраженіи чувствованій ея попадаются прекрасныя и художественныя мѣста, какихъ не найти въ другихъ бурлескныхъ Энеидахъ.

Вообще Скарронъ выказалъ по мѣстамъ талантъ мѣткой обрисовки и психологическаго анализа.

Къ сожалѣнію, онъ удержалъ въ своемъ повѣствованіи много подробностей, излишнихъ для обыкновеннаго читателя новаго времени и интересныхъ лишь для любителей классическаго міра и литературы, хорошо знакомыхъ съ послѣдними. Но нужно сказать, что многое невѣроятное передается у Скаррона съ комическимъ увѣреніемъ въ правдивости повѣствуемаго, иногда со ссылкой на Вергилія [1]), или же просто съ выраженіемъ удивленія. Нѣкоторые эпизоды содержатъ мѣткую критику по адресу самого Вергилія [2]) и ошибокъ и промаховъ его повѣствованія.

Скарронъ внесъ также немало излишнихъ грубыхъ подробностей, переходящихъ въ цинизмъ,—между прочимъ и въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ, какъ, напр., въ изображеніи Дидоны, горюющей по оставленіи ея Энеемъ [3]). Такимъ образомъ, Скарронъ переступаетъ иногда мѣру въ веселомъ комизмѣ и шуткѣ.

---

1) Au moins Virgile nous l'a dit.

2) Скарронъ критикуетъ отдѣльныя искусственныя выраженія Вергилія и его литературную манеру въ цѣломъ, напр., длинныя рѣчи дѣйствующихъ лицъ:

Jupiter se sécha la langue
A cette ennuyeuse harangue,
Jusqu'à s'en enrouer la voix;
Vénus en bâilla quatre fois:
Mais enfin il conclut la chose,
Dont l'Auteur qui ces vers compose
En son coeur le remercia
Car si fort il s'en ennuya,
Que deux fois, faute de courage,
Il pensa quitter là l'ouvrage.

3) Un jour pissant, la pauvre Elise,
Elle pissa dans sa chemise.

Черезъ двѣ страницы опять подобная-же подробность

Но рядомъ со всѣмъ этимъ встрѣчаемъ у него много замѣчаній, почерпнутыхъ изъ наблюденій надъ жизнью своего времени и изъ присущей автору наклонности къ реалистическому изображенію. Оттуда сатирическія замѣчанія о поэтахъ [1]), медикахъ [2]), юристахъ [3]), о завѣдывающихъ государственными сборами, различныя сентенціи [4]), и цѣлый рядъ картинъ нравовъ и даже внѣшней обстановки, при чемъ имѣется въ виду

Lors elle tremble, elle pâlit,
Et même pisse-t-elle au lit
Et même fait-elle autre chose,
Sale en vers aussi-bien qu'en prose.

[1]) Plus de guerres en l'Univers,
Sinon en Prose, ou bien en Vers,
Quand Auteurs aux têtes mal faites,
Comme par exemple Poëtes,
A grands coups de vers outrage ns,
Apprêteront à rire aux gens.

или: ... autant que le sérieux
Le burlesque veut que l'on rime;
Et veut même aussi que l'on lime;
Autrement les vers sans repos
Se peuvent faire à tous propos,
Et n'est aucun qui ne rimaille
En ce tems-ci, vaille que vaille
Et tel livre est de bout en bout
Rime, et puis rime, et puis c'est tout,
Des mots de guele hors de leur place,
Et quolibets froids comme glace.

[2]) Il est vrai que maître Esculape,
A qui l'on croit autant qu'au pape,
Parmi les doctes assassins
Que nous appelons médecins,
Lui donna du vin émetique.

[3]) О верховномъ судѣ, учрежденномъ Юпитеромъ въ Кареагенѣ, Скарронъ замѣчаетъ:

Il en fit un présidial
(Je ne sais s'il fit bein ou mal).

[4]) Упомянувъ объ усмѣшкѣ даже угрюмаго Харона при видѣ золотой вѣтви Скарронъ восклицаетъ:

Mais pour de l'or qui ne riroit?

по преимуществу знатное общество съ его галантностью [1]) и жеманностью. Чисто гоголевскую картину рисуетъ Скарронъ, изображая вступленіе Энея въ Новый Пергамъ, въ который вводитъ его Геленъ [2]). Съ цѣлью болѣе комическаго воздѣйствія на читателя Скарронъ прибѣгаетъ не разъ къ сопоставленіямъ, заключающимъ анахронизмы. Вообще внезапныя вторженія автора въ повѣствованіе производятъ весьма комическое дѣйствіе, за исключеніемъ, разумѣется, такихъ мѣстъ, которыя выражаютъ условныя понятія XVII в., напр. презрительное отношеніе къ крестьянамъ [3]).

Въ общемъ получается впечатлѣніе добродушной насмѣшки надъ классическою древностью съ ея слабыми сторонами и вмѣстѣ надъ современными автору уродливостями въ знат-

---

[1]) См., напр., какъ взаимно выказываютъ учтивость Венера и Эней:

... sa tête il désaffubla,
Ses deux jarrets elle doubla
A lui faire la révérence
Il fit une circonférence
Due pied gauche, à l'entour du droit.

[2]) Эней такъ разсказываетъ объ учтивости Гелена:

Or, comme il a l'âme civile,
Il me voulut faire passer:
Nous fîmes, comme on peut penser,
Force compliments à la porte,
Et ce fut de si bonne sorte,
Que faisant des saluts bien bas,
L'un priant, l'autre n'entrant pas,
Nous nous couchâmes sur le ventre,
Lui disant: Maudit sois si j'entre!
Moi, disant: Maudit sois aussi!
Mais nos gens, nous voyant ainsi,
Nous prirent et nous emportèrent.

Elle dit tout ce que la rage
Fait dire au rustique courage
Quand elle en prend possession...
Les paîsans, maudite engeance
Qui n'entend raison nullement,
Le saisirent brutalement
Des premiers batons qu'ils trouverent...

номъ обществѣ, начиная съ пристрастія къ выведенію своей генеалогіи отъ Троянцевъ.

То была какъ бы своего рода литературная фронда [1]), отрицаніе направленія, господствовавшаго во французской поэзіи XVII в., и критика вычурностей, отличавшихъ идеалъ изящнаго галантнаго общества XVII в.

Скарронова травестія явилась лучшею въ ряду перелицовокъ, вошедшихъ въ моду благодаря успѣху этой попытки. Подъ вліяніемъ ея развилась fureur de burlesque—неистовая страсть къ бурлеску, какъ выразился одинъ изъ современниковъ, такъ что названіе бурлескныхъ давали даже произведеніямъ серьезнаго содержанія, чтобы привлечь вниманіе читавшей публики; въ 1649 г., напр., явилось „La Passion de Notre Seigneur en vers burlesques". Бурлескомъ увлекались и grands seigneurs-ы, и лакеи, и торговки, и онъ царилъ лѣтъ 15 во Франціи. Боало такъ жаловался на это господство бурлеска:

Au mepris du bon sens, le burlesque effronté
Trompa les yeux d'abord, plut par sa nouveauté...
Cette contagion infecta les provinces,
Du clerc et du bourgeois passa jusqu'au princes...

На этотъ жанръ набросились и поэты по призванію и непоэты. Явилось немало охотниковъ выворачивать Вергилія на изнанку по образцу Скаррона и продолжать произведеніе, которое послѣдній оставилъ неоконченнымъ въ силу одолѣвшей его усталости, а также вслѣдствіе того, что и сюжетъ къ концу не представлялъ уже прежняго удобства, состоя почти исключительно изъ описанія битвъ.

Изъ французскихъ подражателей и продолжателей Скаррона, въ числѣ которыхъ находимъ и знаменитаго Perrault, ни одинъ не поравнялся въ талантѣ и успѣхѣ съ maître dans cet art—мастеромъ этого искусства", какъ выразился объ авторѣ

---

[1]) Lutze, ss. 17: „Es ist aber gewiss auch nicht zufällig, dass diese litterarische Richtung mit Scarron zu der Zeit verschwand, wo König Ludwig XIV in seiner Person die äussere Ordnung, den äusseren Anstand und die willfährige Unterthänigkeit zum Gesetz in der staatlichen Gesellschaft erhob".

„Вергилія, вывороченнаго на изнанку», одинъ изъ позднѣйшихъ продолжателей послѣдняго.

Рядъ этихъ продолженій закончился вѣкъ съ лишнимъ спустя по выходѣ въ свѣтъ поэмы Скаррона, именно въ 1767 г. Это объясняется успѣхомъ произведенія, вызвавшаго обширное движеніе въ сторону травестіи. „Le Virgile travesti" очень нравился, между проч., и Расину и былъ неоднократно перепечатываемъ въ XVII и XVIII вв.; онъ былъ переведенъ даже на англійскій языкъ (въ 1664 г.).

Для насъ интересно, что въ числѣ этихъ позднѣйшихъ подражаній Скаррону были бурлескныя Энеиды на областныхъ нарѣчіяхъ Франціи, провансальскомъ и бургундскомъ [1]), и, слѣдовательно, уже тамъ являлись произведенія, до извѣстной степени соотвѣтствующія Энеидѣ Котляревскаго.

Въ Германіи долго не видимъ ничего подобнаго. Тамъ лишь во второй половинѣ прошлаго вѣка вышло двѣ бурлескныхъ Энеиды.

Одинъ изъ этихъ опытовъ, принадлежавшій J. C. Michaelis-у, появился въ 1771 г. Онъ былъ вскорѣ забытъ, потому что его затмила „Wirgils Aeneis oder Abenteuer des frommen Helden Aeneas" Aloys-а Blumauer-а, [2]) явившаяся въ трехъ частяхъ въ годахъ 1784—1788 и не оконченная подобно другимъ пародированнымъ Энеидамъ (напр., Скарроновой), хотя Блумауеръ прожилъ еще лѣтъ десять послѣ изданія послѣдней части Энеиды, такъ что столѣтняя годовщина его кончины совпадаетъ съ столѣтіемъ со времени выхода въ свѣтъ Энеиды Котляревскаго и поминается также въ настоящемъ году.

Насмѣшникъ уже по природѣ, надѣленный талантомъ остроумнаго изложенія, бывшій воспитанникъ Вѣнской іезуитской коллегіи, сталъ потомъ просвѣщеннымъ сатирикомъ и юмористомъ и на этомъ пути—ревностнымъ поборникомъ Іосифа II. Онъ горячо сочувствовалъ стремленіямъ послѣдняго и, меж-

---

[1]) Послѣдняя явилась въ Дижонѣ въ 1718—20 г.г.

[2]) О Блумауэрѣ имѣется монографія *P. v. Hofmann-Wellenhof*, Alois Blumauer. Litterarhistorische Skizze aus dem Zeitalter der Aufklärung, Wien 1885.

ду проч., желанію освободить государство отъ іерархическихъ оковъ и устранить чрезмѣрно разросшееся вліяніе католическаго духовенства и уродства, до которыхъ доходило монашество.

Идею выворачиванія Энеиды на изнанку Блумауеръ почерпнулъ прежде всего у Михаэлиса, но, пародируя Виргиліевъ оригиналъ въ порядкѣ его повѣствованія, Блумауеръ сообщилъ своей обработкѣ самый живой отпечатокъ полемическихъ тенденцій времени и среды, къ которымъ принадлежалъ, и уснастилъ свою поэму цѣлымъ рядомъ соотвѣтственныхъ анахронизмовъ и сатирическихъ выходокъ. Такимъ образомъ, Энеида Блумауера полна намековъ на современность [1]) и интересна какъ отраженіе эпохи Іосифа II Австрійскаго, хотя и искривленное, какъ въ вогнутомъ зеркалѣ [2]). Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ вождей вольнодумства на французскій ладъ въ Германіи второй половины прошлаго вѣка, Виландъ встрѣтилъ съ сочувствіемъ Энеиду Блумауера, какъ удачное осуществленіе мысли посредствомъ травестованной Энеиды споспѣшествовать одному изъ полезнѣйшихъ помысловъ Іосифа II [3]).

Сообразно такой задачѣ „благочестивый герой Эней" (der fromme Held Aneas) неоднократно упоминается, какъ основатель папскаго Рима (der Urpapa der Datarie und Curia), и уже въ самомъ началѣ читаемъ, что

.....er hatte Teufelsnot
Den Vatican zu gründen [4]).

---

[1]) См., напр., въ заключеніи VIII-ой книги прославленіе Іосифа и намекъ на посѣщеніе Вѣны папою Піемъ VI (1782 г.), которое являлось неслыханнымъ шагомъ Римскаго первосвященника. О томъ же посѣщеніи папы и неудачѣ послѣдняго въ попыткѣ ослабить антиклерикальное направленіе реформъ Іосифа II говорятъ и стихотворенія Блумауэра, относящіяся къ 1782 году.

[2]) Выраженіе P. Pasig въ статьѣ: „Alois Blumauer"—Beilage zur Ahgem. Zeitung 1898, № 17.

[3]) „Der Gedanke, die Aeneis auf eine solche Art und nach einem solchem Plane zu travestiren, dass sie dadurch eine der grössten und gemeinnützigsten Absichten Jhres grossen Monarchen befördern, dieser Gedanke ist Jhnen von Gott eingegeben".

[4]) У Скаррона тоже въ началѣ говорится, что безъ Энея

. . . . . . nous n'aurions pas Rome
Ni tous ces illustres Romains
A qui nous baisons tous les mains,

но эта сторона не выдвигается такъ у него на первый планъ, какъ у Блумауэра.

Эней со своимъ благочестіемъ представлялъ удобную мишень для автора.

Конечно, по пути достается отъ сатиры, насмѣшекъ и шутокъ Блумауера многимъ, начиная съ журналистовъ и краснобаевъ (Schöngeister), которые отнимали время и деньги у людей, и оканчивая жителями Вѣны, но болѣе всего не поздоровилось духовенству и монашеству отъ папы и до противника Лессинга, пастора Goeze. О папѣ, позднѣйшемъ преемникѣ Энея Зевсъ пророчествуетъ, какъ о морочащемъ весь свѣтъ [1]). Равно и люди, подпавшіе вліянію клерикальной среды, выставлены въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ. Такъ, Эней оказывается человѣкомъ, проникнутымъ крайней религіозною нетерпимостію, усматривающей спасительный подвигъ даже въ избіеніи нечестивыхъ [2]). Благочестіе Энея представлено, какъ сопряженное съ суевѣріемъ [3]). Въ бѣдѣ на морѣ

Nachdem er viel solch Zeug geschwättzt,
Verlobt er noch zu guter Letzt
Sich heimlich nach Lorette.

---

[1]) Der also dieses Reich regiert,
Wird sehr die Welt kuranzen:
Ein jeder fromme König wird
Nach seiner Pfeife tanzen.
Er hält von andrer Leute Geld
Ein grosses Kriegsheer, und die Welt
Küsst ihm dafür den Stiefel .... и т. п.

[2]) Кругозоръ Энея высказывается между проч. въ словахъ, произнесенныхъ имъ, когда онъ собирался убить Елену:

Ja, so gering der Ruhm auch ist,
Ein schwaches Weib zu töten,
So muss doch jeder gute Christ,
Die Welt von Sünden retten.
Potz Wetter! warum wäl ich denn
Der fromme Held Äneas, wenn
Ich nicht die Sünden strafte?

[3]) Der fromme Ritter glaubte noch
An Hexen und dergleiche.

Вообще католическія святыни нерѣдко фигурируютъ въ поэмѣ Блумауера, иногда—въ сопоставленіяхъ, производящихъ комическое впечатлѣніе [1]). Неоднократно отмѣчаются и любовныя похожденія духовныхъ лицъ, напр. въ разсказѣ Энея о ночи разрушенія Трои [2]). Встрѣчаются шутки въ родѣ той, что въ собакахъ, погнавшихся за болонкой жены лѣсника въ Латинской землѣ, былъ дьяволъ, который

Schon vor zweitausend Jahren
Einst in die Schweine fuhr nunmehr
Mit aller Wut gefahren.

Услышавъ, что въ лѣсу по сосѣдству съ основаннымъ имъ городомъ показывался страшный духъ, который былъ

..... schwarz und weiss und trage sich
Wie ein Dominikaner,
Ich kriegte nun auch Appetit,
Den Kobold zu beschwören,
Nahm einen Kapuziner mit,
Damit wir sicher wären.
Dann wappnet' ich mich ritterlich
Und deckte statt des Helmes mich
Mit einem Weihbrunnkessel.

[1]) Hier baute man ein Opernhaus,
Dort eine Hofkapelle:
Da wurden Brücken aufgeführt
Und Nepomuke drauf postiert,
Dort sah man einen Pranger.
Hier stand ein Rathaus funkelneu
Bis auf die Ratsherrn—fertig,
Dort war der Turm der Domprobstei
Noch seines Knopfs gewärtig:
Hier baute man ein Findelhaus,
Da grub man einen Keller aus
Und baute drauf-ein Kloster.

[2]) Hier schrie und jammerte ein Schock
Geschreckter Kammerfrauen,
Da war im Hemd und Weiberrock
Ein Hofkaplan zu schauen,
Und dort, dass Gott erbarme! schlief
Ein Kammerfräulein gar noch tief
Im Arm des Hofpoeten.

Въ одномъ храмѣ

..... sass die saubre Helena
Versteckt in einem Beichtstuhl.

Энеида Блумауера несомнѣнно блещетъ остроуміемъ, но рядомъ съ тѣмъ въ ней нашли мѣсто плоскія, непристойныя шутки и по мѣстамъ переступаются предѣлы хорошаго вкуса и нравственнаго достоинства. Эта поэма произвела сильное впечатлѣніе на современниковъ въ нѣмецкихъ земляхъ. Въ Австріи она пользовалась успѣхомъ долго послѣ Іосифа II, а нѣмецкое юношество и теперь еще читаетъ ее съ удовольствіемъ.

И, вѣроятно, Энеида Блумауера сохранитъ надолго извѣстность, какъ литературный памятникъ эры Іосифа II съ ея просвѣтительно-полемическимъ направленіемъ. Но она не можетъ быть высоко поставлена въ художественномъ отношеніи, да и въ идейномъ переступаетъ мѣру, такъ какъ Блумауеръ отдавалъ въ ней на поруганіе (въ особенности въ VI-й книгѣ) многое высокое.

Она породила вскорѣ немало сорныхъ травъ въ нѣмецкой литературѣ.

Къ подобнымъ же продуктамъ невысокаго качества должна быть причислена и русская Энеида Осипова, которая не имѣла серьезныхъ задачъ, кромѣ смѣхотворства [1]), и взамѣнъ антиклерикальныхъ выходокъ Блумауера, сообразно исконному грѣху русскаго народа, выдвинула на видное мѣсто то, что справедливо назвали кабацкимъ элементомъ. И кстати и не кстати у Осипова постоянно изображается запиваніе сивухой.

[1]) См. въ посвященіи извѣстному Шешковскому, которое предпослано Осиповымъ вмѣсто предисловія:

Того лишь только и смотрѣлъ,
Чтобъ какъ нибудь хотя немножко
Въ Парнасско вгнѣздиться лукошко.
Терпѣнья больше не имѣлъ;
И на шутливую погудку
Настроилъ вмѣсто лиры дудку
И не спросясь никакъ разсудку
Отважился, дерзнулъ... запѣлъ...
И выбравъ древнюю побаску,
Скропалъ изъ ней смѣшную сказку,
По новому совсѣмъ одѣлъ...
Людскую скуку разгонять.

Иногда послѣдній утрируетъ въ этомъ отношеніи легкія упоминанія у Блумауера въ родѣ того, что̀ говорится по поводу Ѳраковъ:

Ein braves Volk, mit welchem wir
Bei einem Krug Trojaner Bier
Ofr Bruderschaft getrunken.

Но часто у Осипова обильная выпивка является тамъ, гдѣ о ней нѣтъ и помину у Блумауера, который болѣе соблюдалъ мѣру въ этомъ отношеніи [1]).

Энеида Осипова—плохое подражаніе Блумауеровой [2]), нерѣдко излишне многословное. Поддавъ склонности къ широковѣщанію, Осиповъ прибѣгалъ по мѣстамъ для разжиженія повѣствованія еще къ помощи Скаррона [3]), въ существѣ—безъ

---

[1]) Такъ, у Осипова Эней разсказываетъ о потерѣ жены:

Потомъ къ своей пришедши шайкѣ,
Всю грусть и скуку я забылъ,
И сѣвши въ рощѣ на лужайкѣ,
Стаканчикъ водочки хватилъ.

Потомъ Эней Осипова приглашаетъ и своихъ спутниковъ „перехватить" съ приличнымъ случаю разглагольствованіемъ. У Блумауэра читаемъ лишь въ заключительной строфѣ 2-й книги:

Und alle pokulierten drauf.

[2]) Даже—въ подробностяхъ, не характерныхъ для русской жизни. Такъ, бумагомаратель у Осипова (пѣснь III) говоритъ о себѣ:

Съ людьми я строилъ разны шутки,
Работая моимъ перомъ;
У всѣхъ разстраивалъ разсудки
И обрачивалъ верьхъ дномъ;
И забавляясь чудесами,
Я умныхъ дѣлалъ дураками;
Гналъ честь и правду изъ сердецъ;
Осмѣивалъ законы вѣры;
Считалъ всѣ вещи за химеры.

Въ этихъ словахъ разумѣется, очевидно, безсовѣстный вольтеріанецъ, какого у насъ не бывало. Это—никогда не существовавшій въ русской дѣйствительности мертворожденный замѣститель Schöner Geist у Блумауэра, т. е. лица, которое было типическимъ выраженіемъ цѣлаго періода литературной жизни Германіи, когда въ послѣдней процвѣтали такъ наз. schöne Wissenschaften.

[3]) Такъ, VI-я пѣсня Осипова въ начальныхъ тирадахъ ближе къ Скаррону, чѣмъ къ Блумауэру, у котораго повѣствованіе очень кратко въ томъ мѣстѣ. Вна-

истинной въ томъ надобности, потому что дѣло шло о подробностяхъ, мало интересныхъ для русскаго читателя изъ широкой публики, на которую была разсчитана русская перелицовка. Но нужно поставить въ заслугу послѣдней то, что она изобилуетъ чертами русскаго народнаго или, лучше сказать, простонароднаго городского быта и примѣняется къ нему и языкомъ. Она являлась однимъ изъ выраженій спасительнаго поворота русской литературы и ея языка къ большей простотѣ и народности. Въ этомъ отношеніи роль ея нѣсколько напоминаетъ роль Скарроновой Энеиды.

III.

Первыя три части Энеиды И. П. Котляревскаго явились въ печати по выходѣ въ свѣтъ первыхъ четырехъ частей Энеиды Осипова [1]), продолженныхъ въ началѣ настоящаго столѣтія Котельницкимъ. Такимъ образомъ, уже этотъ несомнѣнный фактъ какъ-бы свидѣтельствуетъ въ пользу первенства Энеиды Осипова, врядъ ли могшей остаться неизвѣстною Котляревскому.

Но, тѣмъ не менѣе, и послѣ статей г. Минскаго, А. И. Соболевскаго и разысканій другихъ лицъ, мы, какъ и прежде, отказываемся считать это обстоятельство рѣшающимъ въ вопро-

---

чалѣ у Осипова почти полное совпаденіе со Скарропомъ. Я не могу потому согласиться съ А. И. Соболевскимъ, что Энеиды Осипова и Котляревскаго, „не будучи ни въ какой близкой связи съ прототипомъ Энеидъ на изнанку—„Le V.rg.le travesti en vers burl sques“ Скаррона, находятся въ полной зависимости отъ нѣмецкаго подражанія Скаррону - Блюмауэра; Осиповъ слѣдуетъ по пятамъ за Блюмауэромъ“. Замѣтимъ, что уже г. Минскій упоминалъ о „нѣкоторыхъ длиннотахъ, заимствованныхъ у Скаррона или у Виргилія“ Осиповымъ. Послѣдній издалъ на ряду съ Энеидою и „Овидіевы любовныя творенія“, образчикъ которыхъ имѣется во Французской поэзіи XVII в.

[1]) Первыя двѣ части Енеиды на изнанку вышли въ 1791 г., III-я въ 1794 г., а IV-я—въ 1796 г. Въ одномъ изъ каталоговъ букинista Клочкова подъ № 12302 мы встрѣтили указаніе на двѣ части Энеиды Осипова съ датою 1791 г. Отмѣчаемъ это въ исправленіе неточнаго замѣчанія г. Минскаго, что это первое изданіе „давно исчезло“.

сѣ о взаимномъ отношеніи обѣихъ Энеидъ и оставляемъ этотъ вопросъ пока безъ окончательнаго отвѣта.

Старое преданіе о первенствѣ по времени замысла Энеиды Котляревскаго [1]) врядъ ли можетъ считаться подорваннымъ и несогласнымъ съ фактами, почерпаемыми непосредственно изъ сравненія обѣихъ Энеидъ между собою и съ ихъ предшественницами.

Какъ ни заманчиво отождествленіе мацапуры, о которомъ явилась вставка въ изданіи 1809 г. [2]), съ Парпурою, издателемъ текста 1798 г., потомъ профессоромъ Харьковскаго универ-

---

[1]) См. выше свѣдѣніе о второй замѣткѣ (А. А. Котляревскаго?) въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" 1856 г. объ Энеидѣ И. П. Котляревскаго. Подъ „людьми, близко знакомыми съ предметомъ", на свидѣтельство которыхъ сослался авторъ той замѣтки, надо разумѣть, быть можетъ, О. М. Бодянскаго, земляка автора малорусской Энеиды. Отголосокъ того же стараго преданія можно усматривать и въ первомъ печатномъ каталогѣ библіотеки Университета Св. Влад. (Т. II, К. 1855 г.) подъ словомъ „Энейда."—Первый и самый авторитетный изъ біографовъ И. П. Котляревскаго, хорошо знакомый съ послѣднимъ, Степ. Стеблинъ-Каминскій, вскорѣ послѣ смерти этого поэта писалъ въ Сѣверной Пчелѣ 1839 г., № 146 („Біографія поэта Котляревскаго"; содержаніе этой статьи передано въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1839, т. XXIV, отд. VI, стр. 166—168): „Изъ собранныхъ нами свѣдѣній извѣстно, что первыя три части Энеиды написалъ онъ, едва вступивъ въ военную службу", но ранѣе въ той же статьѣ Стеблинъ-Каминскій поставилъ вопросъ, не въ семинаріи ли уже зародилась первая мысль о переложеніи Энеиды на народное нарѣчіе"? Нужно сказать при этомъ, что С.-К. считалъ Энеиду Котляревскаго свободнымъ переложеніемъ Вергиліевой.

[2]) Виргиліева Энеида, на малороссійскій языкъ переложенная И. Котляревскимъ, вновь исправленная и дополненная противу прежнихъ изданій, часть третія, Спб. 1809 г., стр. 28:

Якусь особо мацапуру
Тамъ шкварили на шашлику;
Горячу мѣдь лили за шкуру
И роспинали на быку.
Натуру мавъ винъ дуже бридку,
Крививъ душею для прибытку и т. д.

Интересно, что упоминаніе объ этой мацапурѣ слѣдуетъ за описаніемъ муки „*писарчуковъ* поганыхъ *виршъ*", а Осиповъ въ началѣ своего посвященія Шешковскому писалъ:

Стиховъ писачкамъ подражая
И въ авторы попасть желая, и т. д. (см. выше).

ситета, оно можетъ быть замѣнено съ такимъ же удобствомъ отождествленіемъ съ Осиповымъ, если допустимъ, что послѣднему было извѣстно начало Энеиды Котляревскаго, и онъ принялся за расширеніе его при помощи Блумауера и Скаррона и, такимъ образомъ, воспользовался лишь общимъ замысломъ Котляревскаго [1]).

Замѣтимъ при этомъ, что, судя по предисловію („увѣдомленію") Котляревскаго къ изданію 1809 г. [2]), повидимому, до перваго появленія малорусской Энеиды въ печати было въ ходу не мало списковъ ея, и двумя, по крайней мѣрѣ, изводами ея пользовался въ 1798 г. и Парпура [3]). Для распространенія же нѣсколькихъ редакцій текста малорусской Энеиды въ рукописяхъ нужно было немало времени съ момента первоначальнаго наброска ея.

---

[1]) Врядъ ли Парпура, посвятившій свое изданіе „любителямъ малороссійскаго слова", могъ издавать „для прибытка" съ умышленнымъ нарушеніемъ правъ литературной собственности (намъ неизвѣстно, что послѣднія не признавались тогда въ Россіи). Парпура могъ издать Энеиду „безъ вѣдома и согласія" автора, какъ выразился Котляревскій, въ смыслѣ отсутствія прямого одобренія со стороны послѣдняго.

[2]) „Она", т. е. Энеида, досталась господамъ издателямъ со многими ошибками и опущеніями" (не относится ли къ послѣднимъ и упоминаніе о мацапурѣ?), случившимися отъ переписки". Выходитъ какъ будто, что первый издатель не пользовался автографомъ автора. Преданіе однако гласитъ, что Парпура „выпросилъ у автора позволеніе переписать его Энеиду" (И. П. Котляревскій. Собраніе сочиненій на малороссійскомъ языкѣ. Издано подъ редакціей С. П. Катранова, К. 1874. Вмѣсто предисловія, стр. VII, примѣч. Въ концѣ вводной замѣтки Катрановъ выражаетъ признательность С. И. Стеблинъ-Каминскому, „лично знавшему поэта и давшему возможность имѣть подъ рукою необходимый матеріалъ, на основаніи котораго и составленъ этотъ небольшой очеркъ"). Что до цѣнности текста 1798 г. для возстановленія текста Энеиды Котляревскаго въ его послѣдовательномъ развитіи, то мы не считаемъ возможнымъ относиться къ нему съ пренебреженіемъ, хотя не отрицаемъ, что Парпура могъ допустить кое-какія описки и неудачныя поправки. Теперь текстъ изданія 1798 г. сталъ общедоступнымъ, благодаря перепечаткѣ въ изданіи Львовскаго „Наукового товариства імени Шевченка".

[3]) Поправка въ концѣ III-й части изд. 1798 г. (стр послѣ 72-й) видимо взята изъ другого текста болѣе исправной (второй?) редакціи, притомъ принадлежавшей самому Котляревскому, потому что вошла въ изданіе 1809 г. (ч. I, стр. 10 и 18).

Но преимущественно заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что, при сходствахъ Энеидъ малорусской и Осиповской, нельзя признать исключительную либо весьма значительную зависимость одной отъ другой. Несомнѣнно, по мѣстамъ замѣчается огромное сходство либо нѣкоторое совпаденіе Энеиды Котляревскаго съ поэмой Осипова въ отдѣльныхъ словахъ, выраженіяхъ, стихахъ [1]) и даже риѳмахъ стиховъ, изрѣдка въ цѣлыхъ тирадахъ, а также извѣстная близость въ самой манерѣ повѣствованія, въ преобладаніи въ немъ простонароднаго пошиба. Все это указываетъ на то, что одинъ изъ авторовъ зналъ другого и воспроизводилъ иногда его выраженія, либо мысли, либо образы; но всего этого мало для того, чтобы говорить о пользованіи со стороны одного трудомъ другого въ цѣломъ, либо въ отдѣльныхъ частяхъ, такъ что нельзя сказать, что которая нибудь изъ поэмъ есть цѣликомъ или же въ главномъ содержаніи передѣлка другой.

Первая часть Энеиды Котляревскаго короче соотвѣтственныхъ, т. е. первыхъ четырехъ пѣсенъ поэмы Осипова [2]), но, несмотря на то, не выказываетъ постоянной и даже сколько-нибудь рѣшительной зависимости отъ нея, между тѣмъ какъ знакомство Осипова съ малорусской Энеидой не заключало бы въ себѣ ничего невозможнаго съ внутренней стороны, если бы обращать вниманіе лишь на послѣднюю, а не на внѣшнюю, т. е. на хронологическое первенство Осиповской Энеиды, и если бы имѣть въ виду компилятивный ея характеръ, т. е. составленіе ея не по одному только источнику [3]), и также ея малороссій-

---

[1]) Мы отмѣтили это уже въ своей не разъ названной здѣсь рецензіи на книгу г. Петрова.

[2]) Сопоставленіе 1-й части Энеиды Котляревскаго съ I—III пѣснями Осипова съ указаніемъ эпизодовъ, отсутствующихъ у перваго, см. въ упомянутой выше статьѣ А. И. Соболевскаго „Къ юбилею И. П. Котляревскаго", стр. 192.

[3]) См. выше о томъ, что Осиповъ пользовался и травестіей Скаррона. Нужно имѣть въ виду, что Осиповъ былъ человѣкъ, довольно начитаный въ иностранныхъ литературахъ, дѣятельный компиляторъ хозяйственныхъ книгъ, издатель сатирическихъ журналовъ и переводчикъ. См. перечень его литературныхъ трудовъ въ статьѣ митроп. Евгенія, перепечатанной у Венгерова. Указанія митр. Евгенія можно бы исправить и дополнить. Такъ, еженедѣльное изданіе „Что-нибудь отъ

скіе выраженія и обороты [1]). Въ особенности достопримѣчательно, что у Котляревскаго проскальзываетъ, хотя бы и въ мелочахъ, самостоятельное знакомство съ поэмами Вергилія и Скаррона, происшедшее, очевидно, не чрезъ посредство Осипова [2]), и вмѣстѣ съ тѣмъ

бездѣлья на досугѣ" вышло въ 1800 г. въ количествѣ 26 №№. Въ числѣ переводовъ Осипова слѣдуетъ отмѣтить „Гонзальвъ Кордуанскій, или обратно завоеванная Гренада. Твореніе Флоріана", Спб. 1793, 2 части. О переводахъ Осипова съ нѣмецкаго въ 1790 годахъ см. въ ст. Саитова, Журн. Мин. Нар. Просв. 1878, № 6.

[1]) Къ словамъ, приведеннымъ нами въ рецензіи на книгу г. Петрова, прибавимъ литературную опечатку (?) у Осипова: стиху Котляревскаго:

Стоявъ якъ въ землю врытый стовпъ

у Осипова соотвѣтствуетъ выраженіе „какъ шаль"; „шаль" не опечатка-ли вмѣсто малороссійскаго „паль"?

[2]) Сравнимъ, напр., начало 1-й части поэмы Котляревскаго съ соотвѣтственными мѣстами у Осипова. У Котляревскаго, какъ и у Скаррона, Юнона „побачила зъ неба" Энея, плывущаго на морѣ; у Осипова она „узнала" о томъ. У Котляревскаго Эолъ не развязываетъ мѣшка съ вѣтрами, какъ у Блумауера и Осипова, а

Зобравъ всѣхъ вѣтривъ до двора.

У Скаррона (p. 86) читаемъ:

Jusqu'au Ciel les vaisseaux porterent,
Mais ils en furent rapportez
Plus vite qu'ils n'étoient montez;

У Котляревскаго:

Якъ равъ на морѣ и гора,
А далѣ потимь яръ глубокій.

У Осипова не находимъ такой картины... У Котляревскаго Нептунъ

. . . митью осѣдлавши *рака*.
Схативсь на іого якъ бурлака,
И вырнувъ зъ моря, якъ карась.

У Блумауера въ соотвѣтственномъ мѣстѣ говорится о bierutsch (одподеревкѣ), у Осипова—объ одноколкѣ, у Скаррона (p. 90) находимъ образъ, изъ котораго легко могъ получиться варіантъ Котляревскаго:

Fit faire avec beaucoup d'art
A son char mille *caracoles*...—

У Котляревскаго:

. . . сонце глянуло на свѣтъ;

о солнцѣ же говорятъ Скарронъ (p. 90), Блумауеръ, а у Осипова говорится только

просіялъ красной день

У Котляревскаго:

Куды іому уже до Риму?
Хиба якъ здохне *чортъ* въ ровѣ!

У Скаррона (p. 98):

A la fin du compte sera
Le *diable* qui l'emportera. И т. д., и т. д.

несогласіе съ Блумауэровскимъ изводомъ, котораго украинскій поэтъ, повидимому, не зналъ и который послужилъ по преимуществу основою поэмы Осипова, что справедливо подтвердилъ А. И. Соболевскій.

Эту независимость отъ Осипова въ нѣкоторыхъ подробностяхъ и приближеніе въ нихъ къ Скаррону можно съ вѣроятностію утверждать объ Энеидѣ Котляревскаго 1798 г., т. е. о первыхъ трехъ частяхъ малорусской Энеиды, написанныхъ, повидимому, неодновременно съ четвертою и остававшихся къ 1798 г., быть можетъ, еще безъ продолженія. Что же касается остальныхъ трехъ частей Энеиды Котляревскаго, то вопросъ объ отношеніи ихъ къ Энеидѣ Осипова уже не имѣетъ первостепеннаго значенія въ выясненіи генезиса малорусской Энеиды, да и слѣды пользованія со стороны Котляревскаго Энеидою Осипова становятся явственнѣе, начиная съ вступительныхъ тирадъ IV-й части [1]). Не уклоняясь въ ней отъ близости по мѣстамъ къ тексту Осипова, что могло бросаться въ глаза тѣмъ болѣе, что къ 1809-му году, когда впервые явилась въ печати та часть малорусской Энеиды, поэма Осипова выдержала уже два изданія, украинскій поэтъ, очевидно, не придавалъ особаго значенія открытію этой близости читателями [2]).

---

[1]) Такъ, Котляревскій придерживается извода Блумауера=Осипова въ такихъ характерныхъ эпизодахъ, какъ о сновидѣніи Турна (у Скаррона же говорится, что Турнъ видалъ фурію на яву), о собакѣ, изъ-за которой возникла война (у Скаррона, какъ и у Вергилія, говорится объ *оленѣ* пастуха и его сестры).

[2]) Но и относительно IV-й части нельзя принять утвержденія А. И. Соболевскаго о постоянномъ слѣдованіи Котляревскаго Осипову (см. выше). При сопоставленіи этой части малорусской Энеиды съ Осиповскою оказывается что, напр., начиная съ 67-й тирады по 133-ю включительно, Котляревскій совсѣмъ не имѣетъ соотвѣтствія у Осипова въ строфахъ 68, 69, 76, 80, 91, 99—103, 107, 112, 117, 119 и представляетъ малое соотвѣтствіе Осипову въ строфахъ 74, 77, 98, 104—110, 116, 123; мотивируетъ лучше Осипова въ строфахъ 70—71, 75 и изъ шести тирадъ Осипова сдѣлалъ двѣ (82—83); въ тѣхъ-же тирадахъ, которыя близки къ Осиповскимъ по общей мысли, взамѣнъ подробностей, находящихся у Осипова, подобраны вполнѣ подходящія къ малорусской исторіи и обстановкѣ, къ которымъ постоянно примѣняется Энеида у Котляревскаго.

Повторяемъ, для насъ здѣсь въ особенности интересенъ вопросъ о первомъ замыслѣ Котляревскаго и первоначальномъ процессѣ его творчества. Быть можетъ, старое преданіе вѣрно, и украинскій поэтъ задумалъ свою перелицовку уже въ годы молодости подъ вліяніемъ знакомства со Скаррономъ [1]) и независимо отъ Осипова и тогда же и началъ свою работу, а когда вышла „Виргиліева Енеида на изнанку", сталъ нѣсколько передѣлывать и видоизмѣнять первоначальный набросокъ [2]); могъ обратно и Осиповъ ознакомиться въ рукописи съ текстомъ первыхъ частей Энеиды Котляревскаго.

Высказывая эти *догадки*, мы оставляемъ по прежнему вопросъ о генезисѣ малорусской Энеиды непорѣшеннымъ и желаемъ лишь обратить вниманіе будущихъ изслѣдователей на необходимость, для окончательнаго рѣшенія этой проблемы, подробнаго, стихъ за стихомъ, сравненія Энеиды Котляревскаго какъ съ Вергиліевой [3]), такъ и *со всѣми* другими, какими могли пользоваться Котляревскій и Осиповъ. Одного сопоставленія Энеиды Котляревскаго съ Вергиліевою и Осиповскою недостаточно. Равнымъ образомъ, и для опредѣленія степени самостоятельности и характера творчества Котляревскаго необходимо обстоятельное сопоставленіе всѣхъ Энеидъ, какого мы доселѣ не имѣемъ. Къ сожалѣнію, мы лично не располагали всѣмъ необходимымъ для того матеріаломъ, какой представляютъ западно-европейскія Энеиды [4]), и потому и въ этотъ разъ должны были отказаться

---

[1]) Котляревскій несомнѣнно зналъ французскій языкъ и любилъ французскую литературу классической эпохи. См. свѣдѣніе объ его библіотечкѣ: *Стеблинъ-Каминскій*, Воспоминанія объ И. П. Котляревскомъ (Изъ записокъ старожила), Полт. 1869. стр. 6.

[2]) Слѣды неоднократной работы надъ текстомъ первыхъ частей Энеиды, кажется, ясны при сопоставленіи текстовъ 1798 и 1809 гг., при чемъ иногда варіанты изданія 1809 г. оказываются хуже находящихся въ первопечатномъ изданіи; этому нечего удивляться, если вспомнимъ, что иногда сами авторы неудачно поправляютъ первоначальную редакцію своихъ произведеній.

[3]) Когда писалъ Котляревскій, существовалъ уже и русскій переводъ поэмы Вергилія: „Еней. Героическая поэма Публія Вергилія Марона. Перев. съ лат. В. Петровымъ" 2 ч. (безъ обозначенія года и мѣста печатанія).

[4]) Мы имѣли передъ собою лишь Энеиды Скаррона (въ Oeuvres de monsieur Scarron, Nouv. edition, Amsterdam MDCCXXXVII, t. IV, V и X (Les deux Suites du Virgile Travesti) и Блумауера (въ изданіи Bobertag-а въ Deutsche National-Litteratur).

отъ выполненія работы, столь полезной для всесторонняго уясненія вопроса о силѣ таланта Котляревскаго, но не необходимой для установленія общаго значенія его поэмы не въ ряду всѣхъ Энеидъ вообще, а лишь въ литературѣ русской и въ частности малороссійской.

Каковъ бы ни былъ, однако, результатъ работы, на необходимость которой мы указываемъ, даже если бы пришлось окончательно убѣдиться въ томъ, что, слагая и три первыя части своей Энеиды, Котляревскій зналъ сразу и имѣлъ въ виду поэму Осипова, а послѣдній не видалъ малорусской перелицовки до изданія своей собственной, значеніе малорусской поэмы нисколько не умалится. Вѣдь въ художественныхъ произведеніяхъ часто вѣрна не оригинальность замысла и фабулы въ цѣломъ, а та или иная обработка заимствованнаго содержанія и смыслъ, какой влагается въ послѣднее. Великіе корифеи творчества, каковы Данте, Боккаччіо, Аріосто, Шекспиръ, Мольеръ, Гете, неоднократно лишь перерабатывали готовыя сказанія и, тѣмъ не менѣе, никто не станетъ понижать на томъ основаніи цѣну ихъ созданій. Послѣднія, хотя представляютъ передѣлку схемъ, ранѣе уже бывшихъ въ обращеніи, отличаются крупными достоинствами, какихъ лишены предшествовавшія имъ литературныя обработки тѣхъ же сюжетовъ.

Такъ и для правильной оцѣнки Энеиды Котляревскаго необходимо разсматривать ее преимущественно со стороны отличій ея отъ прочихъ.

При такомъ сопоставленіи ея съ двумя извѣстнѣйшими западно-европейскими предшественницами ея, а равно и съ поэмою Осипова, и при разсмотрѣніи ея въ связи съ основною ея мыслью, приходится удѣлить ей довольно высокое мѣсто.

Поэма Котляревскаго, явившаяся въ концѣ длиннаго періода литературнаго развитія замысла, выраженіемъ котораго служитъ, достойно завершаетъ это развитіе.

Котляревскій переступалъ иногда мѣру и не избѣжалъ излишествъ въ шутливомъ тонѣ своего повѣствованія [1]), не остался свободенъ отъ нѣкоторыхъ погрѣшностей Осипова, напр., отъ чрезмѣрно частаго повторенія картинъ пьянства, но замѣтимъ, что даже Байронъ допустилъ подобныя излишества въ шутливомъ изображеніи глубоко-трагическихъ ситуацій въ своемъ „Донъ-Жуанѣ“, напр., въ картинѣ крушенія на морѣ.

Помимо такихъ второстепенныхъ недостатковъ, изъ всѣхъ подражаній итальянскому бурлеску, какія намъ извѣстны, въ частности въ пародированіи Энеиды, поэма Котляревскаго занимаетъ первое мѣсто по степени народности [2]); по своему же широко просвѣтительному значенію она можетъ быть поставлена рядомъ съ Блюмауэровой и даже выше.

Конечно, Котляревскій понялъ лучшія стремленія XVIII-го в. не во всемъ ихъ объемѣ; но онъ усвоилъ главное изъ нихъ, приведшее къ развитію чувства гуманности въ самомъ широкомъ смыслѣ—дѣятельной любви къ человѣку, какъ таковому, и ко всему народу и чувства соціальной справедливости, что не мѣшало поэту подмѣчать и выставлять не только недостатки другихъ національностей [3]), но и темныя стороны въ характерѣ и жизни своего народа.

---

[1]) Напр., прощаясь въ аду съ Энеемъ,

Анхизъ кричавъ якъ въ мартѣ китъ.

Мать, убивавшаяся по своемъ сынѣ Эвріалѣ,

Кувикала мовъ порося.

Замѣчаются крайнія преувеличенія и въ ея сѣтованіяхъ. Что до „тривьяльностей“, которыя указывали, то онѣ есть и у предшественниковъ Котляревскаго напр., у Скаррона.

[2]) Оттуда обиліе характерныхъ анахронизмовъ. Котляревскій вставлялъ неоднократно въ свое повѣствованіе объ Энеѣ не только въ сравненіяхъ факты и имена Украинской исторіи и быта, иногда частнѣе—прямо мѣстные, Полтавскіе (напр., „Кочубейскый Тарасъ“); равнымъ образомъ, у него масса мѣстныхъ бытовыхъ упоминаній, напр., въ перечнѣ кушаньевъ и напитковъ въ IV-й части; сюда же относятся упоминанія о селеньяхъ близъ Полтавы (въ IV—VI частяхъ). Такого обнародненія сюжета не находимъ въ другихъ Энеидахъ.

[3]) См. въ описаніи острова Цирцеи (въ IV-й части) комическое изображеніе различныхъ народовъ, при чемъ въ особенности достается французамъ времени революціи и Наполеона I.

Стоя по своимъ основнымъ идеямъ на почвѣ гуманныхъ стремленій XVIII-го в., Котляревскій, по художественнымъ пріемамъ изображенія, изъ своихъ иностранныхъ предшественниковъ оказался, повидимому, наиближе къ Скаррону [1]).

Воздѣйствіе Скаррона обнаруживается въ отношеніи Котляревскаго къ античнымъ божествамъ [2]), въ удачномъ подборѣ анахронизмовъ и уподобленій, въ нагроможденіи эпитетовъ по мѣстамъ и перечисленія цѣлаго ряда предметовъ и лицъ въ комическомъ сопоставленіи, въ упоминаніяхъ о Вергиліи [3]), въ употребленіи иногда латинскихъ словъ и тарабарской рѣчи [4]), во внесеніи плоскихъ шутокъ и также размышленій, въ изображеніи иногда и не комическихъ, а напротивъ трогательныхъ и возвышенныхъ ситуацій. Даже 8-сложный ямбическій стихъ съ попарными риѳмами съ глухимъ или звучнымъ окончаніемъ у Котляревскаго соотвѣтствуеть такому же стиху Скаррона, считавшемуся бурлескнымъ по преимуществу.

Но не основательно было бы считать на этомъ основаніи поэму Котляревскаго простымъ подражаніемъ. Скарронъ могъ подать Котляревскому лишь общую мысль о перелицовкѣ Энеиды, какъ и самъ оказался независимымъ въ выполненіи мысли, на которую навелъ его Lalli.

И, подпавъ нѣкоторому вліянію Скаррона и Осипова, Котляревскій выказалъ, тѣмъ не менѣе, большой талантъ и

---

[1]) Интересно, что даже заглавіе въ изданія 1798 г.: „Енеида, на малороссійскій языкъ *перелиціованная*“ напоминаетъ заглавіе произведенія Скаррона: „Le Virgile *travesti*“. Въ изданіи 1809 г. вм. слова „перелиціованная“ находимъ уже „преложенная“ (то же выраженіе „преложить“ находимъ и въ „увѣдомленіи“).

[2]) Напр., Богыни въ гниви также бабы

И такъ же на уторы слабы,

Зъ досады часомъ и брехнутъ:

И якъ перекупкы горланятъ

Одна другу безчестятъ, ганятъ

И ридъ ввесь съ потрухомъ клевутъ.

Ср. приведенное нами выше замѣчаніе Скаррона по поводу гнѣва Юноны.

[3]) Выргылій, бачъ, не намъ бувъ ривня,

А выдно, що начухавъ тимья,

Поки дрибненько описавъ.

[4]) Ср. у Скаррона: il s'eau bénita, Dame Aimée est alectonée и т. п.

огромную долю самостоятельности. Такъ, напр., его Эней не столь безхарактеренъ и нерѣшителенъ, какъ Скарроновъ, и не столь жалокъ, какъ герой поэмы Блумауэра. Подъ конецъ Эней, отрекомендованный поэтомъ вначалѣ, какъ „на все зле проворный“, „пройдысвитъ и не промахъ“, который „привидця бувъ во всихъ содомахъ“, видимо пользуется сочувствіемъ автора [1]), полюбившаго его завзятость и проворство. Хотя Котляревскій, быть можетъ, не столь изобрѣтателенъ, какъ Скарронъ, но за то и не столь расплывчатъ. Поэмы Скаррона и Осипова многословны, изложеніе Котляревскаго кратче, но ярче, рельефнѣе и нагляднѣе. Его повѣствованіе почти вездѣ носитъ значительный отпечатокъ личности автора, вѣрнѣе—народности и среды, къ которой онъ принадлежалъ.

Котляревскій отбросилъ весь ученый и критическій аппаратъ Скаррона и Блумауэра [2]) и ослабилъ до крайности миѳологическія данныя, вполнѣ превративъ божества въ комическіе типы людей. У украинскаго поэта не находимъ того, чѣмъ страдаетъ иногда Энеида Осипова, эпизодовъ, мало интересныхъ для русскихъ читателей. Есть, правда, кое-гдѣ слѣды книжныхъ припоминаній [3]), но они не замѣтны и не вредятъ народности поэмы.

Вообще Энеида Котляревскаго глубоко народна: и по языку [4]), богатому различными оттѣнками, хотя не всѣми, полному

---

[1]) См. слова Діомыда въ передачѣ Венула. Въ VI-й части и самъ авторъ говоритъ: „Эней, *правдывый* чоловьяга“...

[2]) Макароническая рѣчь въ частяхъ IV—VI и изреченіе кіевскаго скубента: „горе гришныкови сущу, благыхъ дилъ вовся не имущу“, не представляютъ нарушенія этого общаго положенія, потому что могли входить въ обиходъ малорусскаго книжнаго люда; ср. разговорную рѣчь Домина Галушкинскаго въ „Панѣ Халявскомъ“ Квитки. Ср. также надгробную рѣчь того-же Галушкинскаго съ подобною же рѣчью „фылозопа“ въ VI-й части Энеиды.

[3]) Такова, напр., картина наступленія ночи:

Якъ тилько темна, та пахмурна
Изъ неба слизла чорна ничь...

Она нѣсколько напоминаетъ подобную же картину въ одномъ изъ стихотвореній Ломоносова.

[4]) Народности языка Энеиды Котляревскаго не служитъ помѣхою то обстоятельство, что въ немъ встрѣчаются иногда слова и обороты общерусской литера-

истинно малороссійской силы, выразительности и образности, иной разъ достигающему замѣчательной красоты и поэтичности, а не рѣдко, конечно, и грубоватому, согласно переливамъ народной рѣчи, которые хотѣлъ передать авторъ; и по стилю, блещущему мѣткими сравненіями, взятыми изъ украинской природы, исторіи и быта, и оборотами, заимствованными изъ народной поэзіи [1]); и по частностямъ содержанія; и, наконецъ, по общему направленію.

Остановимся нѣсколько на послѣднихъ сторонахъ Энеиды, т. е. на ея содержаніи и направленіи.

Поэма украинскаго поэта народна въ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е. не только въ силу включенія въ нее массы характерныхъ подробностей малорусскаго быта, панскаго [2]) и простонароднаго, иногда нераздѣльныхъ съ общерусскою жизнью, не только въ силу переполненія ея народными воззрѣніями [3])

турной рѣчи тамъ, гдѣ могли-бы быть употреблены чисто малорусскіе (въ изданіи 1809 г. неоднократно усматривается стремленіе къ замѣнѣ послѣднихъ первыми) и ненужная иностранщина (напр., „море шпуе“). Самъ Котляревскій (?) отмѣтилъ въ приложенномъ къ Энеидѣ словарѣ иностранныя (преимущественно нѣмецкія) этимологіи цѣлаго ряда словъ.

1) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поэмы отзываются поэтическіе пріемы серьозныхъ народныхъ пѣсенъ, чего не найти ни у Скаррона, ни у Блумауера:

Не хмара сонце заступыла,
Не выхоръ порохомъ вертыть,
Не галычъ чорна поле вкрыла,
Не буйный витеръ се шумыть:
Се військо йде всима шляхамы и т. д.

Въ изобиліи привзошли народныя пословицы, изъ которыхъ иногда состоитъ вся тирада цѣликомъ; въ подобающихъ мѣстахъ употребляются также сказочные обороты.

2) Сюда же относятся и подробности общерусскаго характера, напр., изъ армейскаго быта, съ которымъ авторъ былъ хорошо знакомъ по своей службѣ; въ V-й части читаемъ:

Такъ въ арміи колысь велось *и т. д.*

въ VI-й отмѣтимъ строки объ „армейскомъ копытанѣ“, о Венерѣ:

Венера молодыця смила,
Бо все зъ военными жыла, *и т. д.*

о Лавиніи:

крыкнула „увы!“ списьменьска.

3) Отмѣтимъ упоминанія о полякахъ („до лясу!“ и т. п.), сужденія о женщинахъ.

и повѣрьями [1]), но и вслѣдствіе проникновенія духомъ и традиціями козачества, бывшаго такъ долго излюбленнымъ выраженіемъ народныхъ стремленій Украины. Въ Энеидѣ Котляревскаго находимъ немало сочувственныхъ упоминаній о козацкой старинѣ, напр. о временахъ Сагайдачнаго, Дорошенка, о Сѣчи, о Железнякѣ, о старинномъ „лыцарствѣ“ и о „козакахъ лыцарковатыхъ“, которые какъ бы слѣдовали правилу:

Де общее добро въ упадку,
Забудь отця, забудь и матку,
Леты повынность исправлять.

Имѣя въ виду и тѣ времена, поэтъ писалъ:

Любовъ къ отчизни де героитъ,
Тамъ сыла вража не устоитъ,
Тамъ грудь сильнийша одъ гарматъ,
Тамъ жизнь—алтынъ, а смерть—копійка,
Тамъ лыцарь—всякій парубійка,
Козакъ тамъ чортови не братъ.

Вспоминаются въ поэмѣ и другіе эпизоды изъ исторіи южнорусскаго козачества:

Якъ въ пикинеры набирали,
Якъ мандровавъ козакъ всю ничъ!..

Нѣсколько разъ упомянута „Полтавская Шведчина“,

И неня якъ свою дитину
Зь двора проводила въ походъ.
Якъ пидъ Бендери пидступали,
Якъ безъ галушокъ помирали,
Колись якъ бувъ голодный годъ [2])!

---

[1]) На нихъ наталкиваемся постоянно. Вѣдьма, замѣнившая Сивиллу, и ея жилище описаны чертами народныхъ сказаній. Упоминаются неоднократно сказочныя личности (въ томъ числѣ и великорусскіе Полканъ и Бова, былевой Илья Муромецъ и т. п.), есть и сказочныя диковинки („килымъ самольотъ“, скатерть самобранка, „саньанци самоходы“). При этомъ нельзя не вспомнить, что, по сообщенію біографа, Котляревскій „зналъ наизусть бездну пословицъ, народныхъ поговорокъ, сказокъ, присказокъ украинскихъ и пѣсенъ“. Стеблинъ-Каминскій, Воспоминанія, стр. 11.

[2]) См. комментарій къ этимъ строфамъ въ нашемъ отзывѣ о книгѣ г. Петрова (стр. 28 отдѣльнаго оттиска).

Къ этимъ позднѣйшимъ временамъ козачества какъ бы пріурочиваетъ поэтъ и Энея. Послѣдній именуется не только „сподарь", либо „богатырь"; онъ сразу описывается читателю, какъ „хлопець хоть куды козакъ", чтó и не удивительно, потому что Эней „въ війни и взрисъ и постаривъ". Иногда онъ выступаетъ въ повѣствованіи Котляревскаго прямо какъ „козакъ", а его дружина какъ „кошъ". Она не только „ватага пройдысвита", какъ выразился Шевченко: Эней и его спутники—это какъ бы козачество, бродившее по свѣту послѣ разрушенія Сѣчи,

Мовъ запорожци чупрындыри,
Що ихъ не втне и Асмодей.

Эней говоритъ о себѣ Эвандру:

Я кошовый Эней Троянець,
Скытаюсь по мыру, мовъ ланець,
По всимъ товчуся берегамъ,

а тотъ называетъ Энея передъ Аркадцами „гетьманомъ". Конечно, авторъ былъ далекъ отъ ложной идеализаціи козачества, и Юпытеръ въ гнѣвѣ говоритъ богинямъ:

Пошлю васъ въ Запорожську Сичь;
Тамъ вашыхъ каверзъ не вважаютъ,
Жинокъ тамъ на тютюнъ миняютъ,
Въ день пьяни сплятъ, а крадутъ въ ничъ.

Но, тѣмъ не менѣе, Запорожскія пѣсни названы „гарными", и ихъ (и вообще историческія пѣсни) распѣвали Троянцы Котляревскаго, плывя на своихъ челнахъ. То были родныя ихъ пѣсни. Въ IV-й части Энеиды находимъ и прямую похвалу козацкому войску [1]), между прочимъ и съ точки зрѣнія общерусскихъ государственныхъ нуждъ и пользы:

Воно такъ, бачышь, и не гарне,
Якъ кажутъ то—не регулярне,
Та до війны самый злый гадъ [2]).

---

[1]) Такъ вичной памяты бувало
У насъ въ Гетьманщини колысь *и т. д.*

[2]) Ср. отношеніе къ козачеству военнаго губернатора Украины въ началѣ 30-хъ годовъ, кн. Репнина, котораго Котляревскій былъ любимцемъ. См. въ ст. *Н. С.*: „Къ исторіи малороссійскихъ козаковъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣковъ", „Кіевская Старина" 1897.

Въ другомъ мѣстѣ читаемъ:

Було полковныкъ такъ Лубеньскій
Колысь къ Полтави полкъ веде
Пидъ земляни Полтавьски валы
(Де Шведы головы поклалы)
Полтаву матушку спасать.

Поэтъ, очевидно, примирялъ въ себѣ общерусскую государственную идею съ любовью къ своей народности и родной старинѣ. Онъ видимо—убѣжденный монархистъ:

Вельможи! хто царя не слуха,
Такимъ обризать нисъ и уха
И въ рукы всихъ отдать катамъ.

При этомъ онъ не поступается личнымъ достоинствомъ предъ несправедливыми и высокомѣрными притѣсненіями и не благоволитъ къ буйному и юркому „москалю", который „мутитъ на селѣ" [1]). Москаль рисуется не особенно привлекательными чертами, согласно съ народнымъ воззрѣніемъ. Оставляемъ въ сторонѣ такую смѣхотворную внѣшнюю характеристику москаля, какъ данная въ изображеніи вида, какой получаютъ люди различныхъ національностей на островѣ Цирцеи [2]), но отмѣтимъ такія упоминанія, какъ

Хто Москаля объѣхавъ зроду?
А займешъ,—ноги уноси.

Интересно также, чего ждутъ спутники Энея для украинцевъ, которые попадутъ на островъ Цирцеи:

По нашому хохлацьку строю,
Не будешъ цапомъ, ни козою,
А вже запевне що воломъ,

т. е. имъ придется нести самыя тяжелыя работы.

---

[1]) Ср. стихи:

Съ діявола швидки, проворны,
Пидпустятъ москаля якъ разъ.

[2]) Москаль бодай бы не козою
Замекекекавъ зъ бородою.

Таковы истинно народныя воззрѣнія, которыми наполнена поэма Котляревскаго. Остается отмѣтить въ ней еще самое важное—любовь къ народу во всей его совокупности безъ кастовыхъ, классовыхъ пристрастій и предрасположеній. Энеида Котляревскаго уже какъ бы проникнута гуманными мыслями въ родѣ тѣхъ, которыя выразилъ Шевченко въ „Гайдамакахъ":

За що люде гывутъ?
Того жъ батька таки жъ диты,—
Жыты бъ та брататься;
Ни, не вмилы, не хотилы,
Треба разъеднаться!

Оттуда въ Энеидѣ цѣлый рядъ обличеній печальныхъ проявленій грубаго эгоизма, какъ то, которое читаемъ въ стихахъ:

Ты знаешъ, дурень не бере—
А хто хоть трохи въ насъ
Умѣе жить по правдѣ сущій,
То той хоть зъ батька—та здере.

Въ обличеніяхъ, которыми наполнено изображеніе ада, не дано пощады никому, кто заслуживалъ кары: въ шеренгѣ осужденныхъ выступаютъ, между прочими,

Начальники, пьявки людскіи,

„старшыны безъ розбору", „сутяги", неправедные „судьи", и паны,

Що людямъ льготы не давали
И ставили ихъ за скотивъ,

„пидпанки", „багаты та скупыи", „купчыкы проворни", обманывающіе покупателей, и „святи понури",

И всѣ розумны филозопы,
Що въ свѣтѣ вчились мудровать;
Ченци, попы и крутопопы,
Мирянъ що бъ знали научать...
А мудры звѣздъ щобъ не знимали,
Були въ огнѣ на самомъ дну.

Рядомъ съ этими осужденными возвеличиваются тѣ,

Що людямъ помагать любили,
Хто чѣмъ богатъ, то тѣмъ и радъ.

Тутъ такъ же старшина правдива,
Бувають всякіе станы;
Но тилько трохи сього дива,
Не кваплются на се воны!

Особое сочувствіе автора видимо на сторонѣ утѣсненныхъ, т. е. простого народа:

Мужыча правда есть колюча,
А панська на вси бокы гнуча.

Такимъ образомъ, для уясненія задушевныхъ помысловъ Котляревскаго картина ада весьма цѣнна [1]). Но и вся поэма, содержа изображеніе въ комическомъ видѣ того, что́ было, но заслуживало порицанія и осмѣянія, какъ бы учила, чего не должно быть. Въ силу естественнаго контраста читатель чувствовалъ инстинктивно, въ какую сторону направляться его мысли и чувству.

Какъ бы то ни было, въ Энеидѣ была дана весьма широкая картина: здѣсь впервые въ художественной литературѣ предстала со своею рѣзко обозначавшеюся индивидуальностью вся Малороссія.

Успѣхъ Энеиды Котляревскаго много обусловливался, кромѣ смѣшного, наполняющаго ее [2]), такою яркою и рельефною обрисовкою [3]), притомъ въ духѣ истинной гуманности, и вмѣстѣ удивительною простотою и прозрачностію поэтическаго замысла. Общенароднаго въ такой мѣрѣ поэтическаго произведенія въ концѣ XVIII в. не было и въ общерусской литературѣ. Котляревскій какъ бы осуществлялъ уже тотъ идеалъ всенароднаго

---

[1]) Нужно сказать при этомъ, что картины ада были нерѣдки въ русской литературѣ XVIII в. См. напр. *Бурцева*, Описаніе рѣдкихъ Россійскихъ книгъ, ч. II, СПБ. 1898 стр. 526 и слѣд.

[2]) На это смѣшное, какъ на причину успѣха Энеиды, указалъ *І. Галка*, (Костомаровъ): Молодикъ на 1844 г., Харьковъ 1843 г., стр. 164.

[3]) Мы не распространяемся здѣсь о художественныхъ достоинства Энеиды Котляревскаго, напр., о мѣткости въ передачѣ множества бытовыхъ наблюденій, о типической обрисовкѣ самыхъ разнообразныхъ лицъ, при чемъ и боги, напр., „Юнона козырь-молодыця", предстаютъ въ удивительно пластичныхъ очертаніяхъ. Не говоримъ и о томъ, что иные образы были отчасти снимками съ живыхъ опредѣленныхъ лицъ (см., напр., уподобленіе Турна Нечесѣ князю, т. е. Потемкину).

произведенія, какой предначертываетъ въ наши дни для искусства Л. Н. Толстой. Этимъ украинскій пѣвецъ странствованій Энея отличается и отъ Скаррона, и отъ Блумауэра, и отъ Осипова.

Вообще Энеида Котляревскаго неизмѣримо народнѣе всѣхъ своихъ предшественницъ и богаче ихъ количествомъ разнообразныхъ чертъ народности и современности.

Это зависѣло отчасти и отъ того, что бурлескъ какъ-бы сроденъ украинскому народному генію. Понятно оттуда, что въ талантливости шутливаго изображенія, въ безыскусственности комизма, въ почерпаніи его изъ ясности и глубины своего духа Котляревскій не уступаетъ Скаррону, у котораго также была, какъ говоритъ онъ самъ,

. . . . âme gaie
Qui m'a fait, malgré tous mes maux
Le moins chagrin des animaux;

въ разносторонности же содержанія сталъ выше предшественниковъ.

Эта положительная сторона Энеиды Котляревскаго, ея народность, поднимаетъ ее надъ уровнемъ травестіи, т. е. произведенія, которое само по себѣ не имѣетъ истинной поэтической цѣны. Поэма Котляревскаго можетъ быть названа обширной картиной малорусской общественности въ рамкахъ травестіи и бурлеска. Забавный тонъ преобладаетъ, но не властвуетъ исключительно. Надъ всѣмъ господствуетъ своеобразное общее созерцаніе жизни, также выводящее произведеніе Котляревскаго изъ ряда простыхъ травестій.

Своего рода философское міросозерцаніе украинскаго поэта, основанное на наблюденіи жизни, сообщаетъ довольно печальную окраску веселымъ съ перваго взгляда картинамъ, какія онъ рисуетъ въ неудержимомъ размахѣ кисти.

Бида не по деревьяхъ ходыть,
И хто жъ іи не скуштовавъ?
Бида биду, говорятъ, родыть,
Бида для насъ,—судьбы уставъ!

— читаемъ въ началѣ V-й части, и та же мысль повторяется и въ другихъ мѣстахъ поэмы [1]). Въ соотвѣтствіе съ нею могутъ быть поставлены и другія сентенціи въ родѣ тѣхъ, что „гришными судьба вертыть", „и исполынъ есть червь и прахъ", и нѣкоторыя отступленія въ поэмѣ [2]).

Это-то общее міросозерцаніе, проходящее чрезъ всю поэму, и сопутствующее ему моральное начало, проглядывающее въ заключительныхъ стихахъ всего произведенія:

Жыве хто въ свити необачно,
Тому нигде не буде смачно,
А билшъ, колы и совисть жметъ,—

усвояетъ Энеидѣ Котляревскаго особую идейную основу, а не значеніе одной лишь шутки.

Смѣхотворство украинской Энеиды получаетъ болѣе глубокій смыслъ, потому что не только возбуждаетъ смѣхъ и приближаетъ читателя къ радостному настроенію, обычно сопровождающему смѣхъ, но и оттѣняетъ присущій нашей натурѣ контрастъ воли и безсилія, стремленія и исполненія, порывовъ къ созданію чего-то великаго въ жизни и обрываній и паденій, подобно тому какъ много золъ претерпѣлъ и Эней на пути къ основанію великой Римской державы. Въ общемъ однако проскальзываетъ мысль, выраженная въ словахъ Охрима Энею:

Чимъ бильшъ журытыся—все гирше,
Заплутаешся въ лиси бильше,
Покынь лышь горе и заплюй.

Соотвѣтственно всему тому и сатиризмъ Котляревскаго исполненъ грандіозной мысли. Онъ приближается по своему смыслу къ основной идеѣ „Похвалы глупости" Эразма Роттердамскаго, къ ироническому изображенію міра у Аріосто и вообще къ концепціи великихъ сатириковъ. Какъ, напр., изображеніе войны Энея съ Турномъ и Латинами напоминаетъ соотвѣт-

---

[1]) Напр., Бувае щастья скрызь поганьцямъ,
А добрый мусить пропадать.

[2]) Напр., строфа (V, 4) о снѣ. Конечно, она не можетъ идти въ сравненіе съ знаменитымъ лирическимъ разсужденіемъ Мицкевича о снѣ.

ственный эпизодъ въ романѣ Раблэ! Изъ-за какихъ пустяковъ разгорѣлась она! изъ-за раздраженія полупьянаго Турна, не отличившаго сновидѣнія, представившагося ему, отъ дѣйствительности, и изъ-за собаченки! Весьма комическій характеръ получило это начало войны Троянцевъ съ Латинами, Турномъ и союзниками послѣдняго уже у Блумауера [1]), Осиповъ старался увеличить этотъ комизмъ, но вполнѣ законченную форму далъ ему Котляревскій.

Итакъ, украинская Энеида представляетъ сочетаніе пародіи и бурлеска съ болѣе глубокими мыслями, между прочимъ—съ просвѣщеннымъ вниканіемъ въ общественныя отношенія Малороссіи въ предѣлахъ русскаго государста и съ народничествомъ. Народная стихія преобладаетъ въ этомъ сочетаніи, которое оказывается смѣхотворнымъ лишь при поверхностномъ взглядѣ, а на дѣлѣ озарено свѣтомъ гуманной мысли, какой въ то время было не такъ много въ обществѣ. Вспомнимъ, какъ былъ встрѣченъ въ Англіи въ началѣ своей дѣятельности истинный начинатель народничества въ тамошней поэзіи Wordsworth, сверстникъ по лѣтамъ Котляревскаго!

Украинская литература въ лицѣ послѣдняго, какъ автора „Энеиды“, рано вступила на благотворный путь, ведущій къ осуществленію истинныхъ задачъ, обязательныхъ для всякой литературы, какъ живой общественной силы, и потому-то мы не можемъ не присоединиться къ полнымъ задушевности словамъ Шевченка въ стихотвореніи „На вичну намять Котляревському“:

Все осталось, все сумуе,
Якъ руины Трои;
Все сумуе, тильки слава
Сонцемъ засіяла:
Не вмре кобзарь, бо на вики
Его прывитала.

Н. Дашкевичъ

---

[1]) У Скаррона повѣствованіе о томъ носитъ не столь комическій характеръ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ Г. П. ГАЛАГАНА.

Григорій Павловичъ Галаганъ (р. 1819 † 1888) принадлежитъ къ числу тѣхъ общественныхъ дѣятелей, память о которыхъ не должна быть забыта. Слишкомъ много и благотворно потрудился онъ въ дѣлѣ крестьянской реформы, принимая горячее участіе въ другихъ реформахъ, прославившихъ царствованіе императора Александра II, и во всякомъ случаѣ заслужилъ право на подробную біографію. Желая почтить память Г. П. Галагана по случаю десятилѣтія со времени его смерти, мы полагаемъ здѣсь начало матеріаламъ для такой біографіи.

Для полной оцѣнки общественной дѣятельности Галагана, біографія его должна захватывать всю жизнь малорусскаго помѣстнаго дворянства за время до освобожденія крестьянъ, такъ какъ бытовыя условія этой жизни и возбудили ту энергію дѣятельности Галагана, которая составила ему имя.

Когда въ 1858 г. обнародованы были извѣстные рескрипты, то вслѣдъ за ними объявилось нѣсколько помѣщиковъ, которые съ своей стороны публично заявили о своей солидарности съ освободительными начинаніями правительства и стали въ первые ряды его помощниковъ въ этомъ дѣлѣ. Въ Малороссіи такими помѣщиками явились Г. П. Галаганъ и В. В. Тарновскій. Еще недавно напечатано письмо Тарновскаго къ Галагану, писанное въ 1858 г., когда вопросъ объ

освобожденіи крестьянъ уже публично обсуждался и сильно волновалъ помѣщиковъ: „*будемъ постоянно проповѣдывать*, что грѣшно и безнравственно при освобожденіи обобрать людей, которыхъ мы довели до нищеты и нравственнаго униженія, и что слѣдуетъ великодушно раздѣлиться съ ними по-братски.. Намъ нужно горѣть любовью къ братьямъ нашимъ, надѣть кресты и идти въ крестовый походъ противъ невѣрующаго и развращеннаго дворянства и побѣждать не оружіемъ, а силою слова, силою любви къ братьямъ нашимъ" [1]... Эти слова показываютъ, что какъ писавшій ихъ, такъ и тотъ, кому они писались, были людьми исключительными въ средѣ помѣщиковъ. До сихъ поръ еще не обнародованы свѣдѣнія о томъ участіи, которое принимали Галаганъ и Тарновскій въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ вообще и въ Малороссіи особенно; но участіе это было настолько значительно, что будущій историкъ этого освобожденія не долженъ забыть ни Галагана, ни Тарновскаго, особенно когда будетъ говорить о дѣятельности въ крестьянскомъ вопросѣ велик. княгини Елены Павловны, постоянно призывавшей къ себѣ на совѣтъ по сему вопросу этихъ двухъ *помѣщиковъ* [2].

Участіе Галагана въ крестьянскомъ вопросѣ и затѣмъ послѣдующая ревностная его дѣятельность въ крестьянскихъ, земскихъ и судебно-мировыхъ учрежденіяхъ создала ему имя человѣка, горячо преданнаго общественнымъ интересамъ, при чемъ эта дѣятельность заключилась громаднымъ имущественнымъ пожертвованіемъ, потребовавшимся для учрежденія *Коллегіи Павла Галагана*.

Въ виду такихъ заслугъ Галагана, какъ общественнаго дѣятеля, журналъ, посвященный историческому изученію Мало-

---

[1]) Русск. Стар. 1898 г., апрѣль, „*На зарѣ крестьянской свободы*".

[2]) Конечно. и теперь сохраняется въ Сокиренской усадьбѣ покойнаго Г. П. Галагана извѣстная картина Соколова—*Рекруты*, (а въ оффиціальныхъ тогдашнихъ каталогахъ—*Парубки*); картину эту подарила Г. П. Г—ну вел. кн. Елена Павловна въ память его близкаго участія въ предварительныхъ совѣщаніяхъ по крестьянскому вопросу.

россіи, считаетъ своею обязанностью позаботиться объ обнародованіи матеріаловъ для описанія жизни Галагана и его времени. На первый разъ мы печатаемъ отрывки изъ юношескаго дневника Галагана, за 1836—1841 годы.

I.

Отрывки изъ юношескаго дневника Г. П. Галагана.

Въ числѣ бумагъ Г. П. Галагана, хранящихся въ *Коллегіи Павла Галагана*, между прочимъ, имѣется дневникъ Г. П. Галагана, начатый имъ съ 1836 г., т. е. съ 17-тилѣтняго его возраста. Дневника этого сохранилось двѣ тетради, за пять, неполныхъ, лѣтъ (1836—1841) и кромѣ того нѣсколько *карманныхъ записныхъ книжекъ*, за позднѣйшіе годы, въ которыхъ Галаганъ отмѣчалъ отрывочные факты изъ своихъ житейскихъ встрѣчъ, записывая ихъ, повидимому, лишь случайно.

Двѣ тетради дневника Галагана за первыя пять лѣтъ заключаютъ въ себѣ записи съ большими промежутками, бывшими слѣдствіемъ, какъ онъ самъ говоритъ, его лѣни [1]).—Отрывки изъ этого юношескаго дневника мы здѣсь и печатаемъ, при чемъ выбираемъ мѣста, гдѣ выпукло рисуется личность самого автора и современное ему общество, въ лицѣ его сосѣдей—полтавцевъ. Многихъ мѣстъ изъ этого дневника печатать, впрочемъ, нельзя еще по цензурнымъ и другимъ причинамъ, при чемъ всѣ эти опускаемыя нами мѣста заключаютъ въ себѣ эпизоды изъ семейныхъ и сосѣдскихъ отношеній Галагановъ и изъ нѣкоторыхъ юношескихъ вспышекъ самого Галагана.

Для того чтобы печатаемые здѣсь „отрывки" были понятнѣе, необходимо сказать нѣсколько словъ о Ф. В. Чижовѣ, который въ захватываемое дневникомъ время былъ воспитате-

---

[1]) Юношескій дневникъ Галагана заключается въ двухъ тетрадяхъ, въ 4-ю д. л.; въ первой (1836—39) и второй (1839—41) тетрадяхъ—по 131 двойн. стр.

лемъ Галагана. Личность этого замѣчательнаго человѣка болѣе или менѣе извѣстна, и мы тутъ сообщимъ о немъ лишь коротенькія свѣдѣнія.

Не знаемъ, съ какого именно времени Чижовъ сталъ въ роль наставника-руководителя Галагана, но въ началѣ 1836 г. онъ уже исполнялъ обязанности его ментора. Не знаемъ также, при какихъ обстоятельствахъ Чижовъ былъ выбранъ въ наставники, но если этотъ выборъ былъ сдѣланъ самою матерью Галагана, то онъ свидѣтельствуетъ о незаурядномъ умѣ послѣдней.

Федоръ Васильевичъ Чижовъ, по происхожденію костромичъ, родился въ 1811 году, учился въ петербургскомъ университетѣ по физико-математическому факультету и окончилъ его въ 1832 г. со степенью кандидата. Черезъ годъ онъ приглашенъ былъ въ этотъ же университетъ преподавать начертательную геометрію, а въ 1836 г. за диссертацію „О общей теоріи равновѣсія" Ч—въ получилъ степень магистра математическихъ наукъ. Ч—въ читалъ лекціи въ университетѣ до 1840 г., когда вышелъ въ отставку. Будучи присяжнымъ математикомъ, Ч—въ въ то же время интересовался и литературою: въ годъ окончанія университета онъ издалъ свой переводъ Галлама—Исторія европейскихъ литературъ въ XV—XVI стол. Въ 1841 г. Ч—въ напечаталъ другой подобный трудъ—„Призваніе женщинъ",—передѣлку съ англійскаго. Съ 1840 по 1847 г. Ч—въ путешествовалъ по южной Европѣ, изучая славянъ и исторію искусствъ. Возвратившись изъ заграницы въ 1847 г., Ч—въ задумалъ было издавать еженедѣльный журналъ, но программа послѣдняго найдена была вредною, при чемъ о Ч—вѣ было замѣчено, что онъ—„мечтатель безполезный" и что изъ него „не выйдетъ ничего существеннаго", а вмѣстѣ съ тѣмъ ему запрещено было жить въ столицахъ. Послѣ этого Ч—въ поселился въ кіевской губерніи и занялся тутъ шелководствомъ съ цѣлью распространить знаніе о немъ въ народѣ. Съ 1858 г. Ч—въ сталъ интересоваться промышленностью, издавалъ (вмѣстѣ съ Бабстомъ) журналъ „Вѣстникъ

Промышленности", а потомъ газету „Акціонеръ". Впослѣдствіи онъ всецѣло посвятилъ себя практической промышленности: сталъ предсѣдателемъ московскаго купеческаго банка и строителемъ желѣзныхъ дорогъ. Умеръ Ч—въ въ 1877 г., „оставивъ по себѣ память высоко-честнаго, энергическаго, необыкновенно даровитаго дѣятеля", какъ выразился о немъ одинъ изъ видныхъ дѣятелей русской науки [1]). Громадное свое состояніе, въ полтора милліона рублей, Ч—въ завѣщалъ на основаніе высшаго техническаго училища въ г. Костромѣ. Всю жизнь свою Ч—въ велъ дневникъ, который завѣщалъ Румянцовскому музею, съ правомъ его обнародованія по истеченіи сорока лѣтъ со времени его смерти. Послѣднее свѣдѣніе о дневникѣ Чижова можетъ указывать, что онъ же внушилъ и Галагану мысль о такомъ же дневникѣ.

Отличительною чертою дневника Галагана является *искренность* автора и *правда* событій. Такіе дневники пишутся только для себя. Дневникъ Галагана заключаетъ въ себѣ исторію мятущагося духа юноши, который ищетъ *прямой дороги* въ жизни и никакъ не можетъ ее найти, сбиваясь въ жизненныхъ противорѣчіяхъ. Несомнѣнно, что умный и энергическій учитель (Чижовъ) постоянно возбуждалъ въ своемъ питомцѣ дѣятельность мысли, направляя послѣднюю къ исканію идеала. Можетъ быть, поэтому ученикъ въ своемъ дневникѣ постоянно раздваивается: одно говоритъ онъ, какъ ученикъ Чижова и совсѣмъ другое думаетъ, какъ сокиренскій *панычъ*. Такимъ образомъ психологія Галагана постоянно двоилась и никакъ не могла установиться... Поэтому въ словахъ и дѣйствіяхъ его видится постоянное противорѣчіе, которое ставитъ юношу иногда въ положеніе трагическое. Очень часто Галаганъ самъ видитъ, что *панычевскія* его наклонности побѣждаютъ другія разсудочныя его стремленія и тогда онъ объ этомъ только оговаривается въ дневникѣ („стыжусь"), но *панычъ* въ немъ превозмогаетъ надъ ученикомъ Чижова... Такимъ образомъ печа-

[1]) Историч. Вѣстн. 1883 г., февраль, 241.

таемый дневникъ представляетъ намъ любопытныя страницы изъ внутренней жизни поставленнаго въ самое счастливое положеніе юноши-богача. Внутреннюю же свою жизнь послѣдній раскрываетъ передъ нами до мелочей, при чемъ даетъ богатые матеріалы для исторіи современнаго ему общества. Кромѣ того, въ юношескомъ дневникѣ Галагана мы видимъ нарождающагося въ немъ народолюбца и народолюбца по преимуществу малорусскаго. Люди, близко знавшіе Галагана, говорятъ, что онъ былъ большой эстетикъ. Эта сторона его духовной природы вѣроятно и положила начало его любви къ Малороссіи, какъ можно думать по нѣкоторымъ лирическимъ мѣстамъ *дневника.* Восхищеніе, напр., Сокиренцами (прилуцкое имѣніе Галагана) указываетъ, что роскошная природа Малороссіи имѣла большое вліяніе не Галагана. Любовь къ этой природѣ Галаганъ перенесъ и на свой народъ, можетъ быть не безъ вліянія въ этомъ отношеніи и Чижова, который будучи чуждымъ Малороссіи, въ то же время несомнѣнно вліялъ на общее соціальное міровоззрѣніе Галагана.—Извѣстно, что позже Галаганъ раздѣлилъ любовь къ малорусскому народу съ такъ называемымъ славянофильствомъ (видимо, подъ вліяніемъ Чижова), но это обстоятельство все таки не заслонило его малорусскихъ симпатій, придавшихъ Галагану тотъ цвѣтъ, который наиболѣе долженъ быть въ немъ цѣнимъ. Въ концѣ концовъ, поставленный въ положеніе „господина" нѣсколькихъ тысячъ „рабовъ", Галаганъ не отрекся отъ юношескихъ своихъ стремленій и какъ только представилась возможность, явился несомнѣннымъ защитникомъ матеріальныхъ интересовъ этихъ родныхъ ему „рабовъ".

А. Л.

1836. Февраль. 1-го. По утру, въ 8 часовъ, пришелъ Мокр.(ицкій); я рисовалъ довольно прилежно, но не могъ этотъ разъ окончить пейзажа, потому что воспользуясь (sic) болтливостью Мокр., я съ нимъ проговорилъ съ $^1/_4$ часа. Проигравши съ Фуксомъ часъ на фортопьяно, я довольно прилежно занимался

съ Тибо, и не сдѣлалъ ошибокъ въ диктантѣ. За обѣдомъ, я въ разговорѣ вполнѣ увидѣлъ еще разъ ненависть иностранцевъ къ русскимъ: они хвалили конфекты Вольфа и Амбіеля (?) и бранили почти Рязанова и Чернышова...

19. Сегодня поутру Чижовъ далъ мнѣ урокъ физики. Какъ хорошо онъ толкуетъ! Онъ прошелъ въ одинъ урокъ то, что я съ Сюби прошелъ въ пять...

23. По утру, въ $8^1/_2$ час., я съ Сюби отправились къ доброму Чижову; оттуда съ нимъ въ университетъ, чтобъ смотрѣть физическіе опыты *Щеглова.* На лекціи были: Лобановъ съ гуверн., Сергѣй Кочубей съ гувернер., Сюби, Чижовъ и я. Опыты были презанимательные и прелюбопытные. Сверхъ того, Чижовъ показалъ намъ почти всѣ кабинеты, университетскую библіотеку и церковь...

Мартъ 1. У насъ были: Свѣтъ, Миклашевскій и друг. Свѣтъ—премилой человѣкъ; онъ носитъ на себѣ сильной отпечатокъ Малороссіи и особливо Нѣжинскаго лицея; страстенъ къ наукамъ; часто дѣлаетъ (изъ себя?) сентиментальнаго; веселъ, но довольно неловокъ...

4. Сегодня былъ у меня Чижовъ. Что за прекрасный *человѣкъ* и *учитель*! Онъ у меня просидѣлъ отъ $8^1/_2$ до $11^1/_2$ Часъ съ четвертью занимались *тригонометріею,* проходили о *синусѣ, тангенсѣ* и проч.; потомъ разговаривали. Онъ мнѣ говорилъ, какіе его планы для будущности. О! онъ вѣрно прославится и я приготовляюсь писать его біографію. Мнѣ такъ понравились эти высокія планы что... что... право стала завидна его участь. Вопросъ: къ чему послѣ этого служитъ богатство? гдѣ человѣкъ безпрестанно развлекаемъ то должностью, то разными удовольствіями! Въ положеніи Чижова человѣкъ (любящій науку) совершенно посвящаетъ себя ей и тогда вѣрно онъ успѣетъ. А богатый—какой бы онъ ни былъ любитель науки, не можетъ предаться ей и тогда не будетъ успѣха. Послѣ этого, къ чему и заниматься богатому наукой?—Его дѣло убирать, украшать домъ, ѣздить на рысакѣ по Невскому, дѣлать бѣлье (sic), потому что безъ этого его осудятъ. Слѣдо-

вательно, гораздо лучше быть въ состояніи Чижова: онъ всегда прилично одѣтъ, всегда веселъ. Человѣкъ съ его состояніемъ можетъ давать бѣднымъ и помогать имъ, и эта жертва гораздо пріятнѣе Богу, нежели жертва богача, который даетъ бѣдному отъ своего избытка. Слѣдовательно, опять лучше быть бѣднымъ, чѣмъ богатымъ. Съ другой стороны, можно быть счастливымъ, добрымъ, не занимаясь наукой... Противорѣчіе! Вотъ какъ человѣкъ никогда не доволенъ своимъ состояніемъ! Одинъ хочетъ быть богаче, другой завидуетъ бѣдному!..

6. Вчера ввечеру былъ у насъ Чижовъ и читалъ *Джуліо Мости*. Какъ хорошо написано! Я бы право расцѣловалъ за это Кукольника. Какой легкой слогъ, какъ онъ слогъ этотъ принаравливаетъ къ тому, кто говоритъ...

12. Въ вечеру Чижовъ у насъ былъ и прочелъ второе отдѣленіе *Джуліо Мости* и *Ссору Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичомъ*, отъ которой мы всѣ такъ разсмѣялись, что въ боку кололо...

Апрѣль 14. Сегодня я былъ послѣ обѣда у Чижова и взялъ у него урокъ изъ аналитики, о точкѣ и о линіи. Онъ мнѣ сказалъ весьма непріятную вещь: именно, онъ манкировалъ въ пятницу у Кочубея. Этотъ послѣдній спросилъ у него— отчего онъ не былъ?—„Потому что я былъ на *Сильфидѣ*!"— Такъ вы не желаете, чтобы я приготовился?—Съ кѣмъ же вы были?—„Съ Галаганомъ". Какъ съ Галаганомъ? сказалъ Кочубей,—я не понимаю, какъ человѣкъ, который приготовляется къ университету, успѣваетъ ѣздить въ будни въ театръ...

22. Наконецъ, завтра мы отправляемся. До сихъ поръ я не имѣлъ той отважности, чтобы спросить моему сердцу (sic), довольно ли оно, что я ѣду? Посмотримъ, что оно скажетъ! *Сердце говоритъ*: я ѣду въ Секиренцы, въ мою родину, въ то мѣсто, которое мы такъ любимъ... *Разсудокъ говоритъ*: въ дорогѣ потеряется время...

Май 8. Дмитріевскъ. Мы ѣхали всю ночь и когда я подумаю, что сегодня мы въѣдемъ въ Малороссію, то мое сердце крѣпко забьется!

9. Полошки. Я въ Малороссіи! въ моемъ отечествѣ! Я не могу описать то пріятное чувство, которымъ я обладалъ (sic), войдя въ церковь [1]) и увидя, что я опять нахожусь съ мирными моими соотечественниками, которые (и мужчины, и женщины) такъ прекрасны! Пульхерія Ивановна [2]) предобрѣйшая дама и тѣмъ болѣе я ее люблю, что она такъ гонима судьбою! Садъ въ Полошкахъ очень мнѣ нравится. Теперь на дворѣ прекрасно! Соловьи, кукушки и всѣ птицы поютъ во всѣ лопатки. *Алтыновка* [3]). Мы проѣзжали чрезъ множество деревень и я вездѣ наблюдалъ за всѣми движеніями малороссіянъ. Сюби [4]) очень понравилась Малороссія и я этимъ доволенъ. Онъ находитъ въ мужикахъ что-то похожее на иностранное, напр., они брѣются, рубашку видно изъ за кафтана и они всегда имѣютъ сапоги.

10. Я въ Секиренцахъ, въ земномъ раю! Секиренцы, Секиренцы! я васъ нашелъ еще улучшенными и увеличенными. О милые, любезные, прекрасные Секиренцы! Земнымъ раемъ вы бы для насъ были, если бы жилъ творецъ и благодѣтель вашъ!

18. Вчера, *Духовъ день*, мы обѣдали въ Дегтеряхъ [5]) и очень весело провели время, катались въ лодкѣ, между тѣмъ какъ роговая музыка раздавалась въ саду...

19. Мы ѣдемъ въ Мостищи [6]), къ тетушкѣ, и заѣхали въ Ичню [7]). Здѣсь у насъ все въ порядкѣ. Я забылъ сказать, что мы обѣдали у Осипа Андреевича Миницкаго, въ Иванинѣ. Онъ добрый старикъ, но я бы не желалъ быть на его мѣстѣ: жить одному въ деревнѣ, имѣя подагру, это ужасно! Изъ Ични ввечеру мы ѣздили въ хуторъ Романовича; онъ проситъ за

---

[1]) Сегодня здѣсь храмъ (т. е. храмовой праздникъ).

[2]) Кажется, Скоропадская.

[3]) Село кролевецкаго уѣзда.

[4]) Повидимому гувернеръ Г. П. Г—на.

[5]) Село прилуцкаго уѣзда, принадлежавшее родному дядѣ Г. П. Галагана— Петру Григорьевичу Галагану. Въ семидесятыхъ годахъ Дегтяри подарены Галаганомъ полтавскому губернскому земству.

[6]) Село козелецкаго уѣзда, принадлежавшее Галаганамъ.

[7]) Мѣстечко борзенскаго уѣзда, тоже имѣніе Галагановъ.

него 10000 р., но отбираетъ пять десятинъ лѣсу изъ 41-й, и на это маменька не согласна...

21. Гнилица [1]). Какъ я люблю Гнилицу! Я какъ то особенно къ ней привязанъ. Здѣсь все наше, ни одного человѣка не видно чужого. И какъ пріятно, когда все это насъ любитъ, къ намъ привязано, чтобы смотрѣть на эту деревню, какъ на члена нашего семейства...

23. Вчера вечеромъ мы пріѣхали въ Мостищи, къ доброй тетушкѣ Вѣрѣ Ивановнѣ. Для 70-ти лѣтъ она очень сильна, имѣетъ хорошую память и хорошо играетъ но фортопіано. Можетъ быть несчастье сдѣлало ее таковою...

28. Сегодня былъ пріятный день. У насъ (въ Секиренцахъ) обѣдали: дяденька П. Г. съ тетенькою, Миша (Михаилъ Андреевичъ Марковичъ изъ с. Васьковцовъ), Г. Н. Милорадовичъ съ женою и Магеровская съ братомъ. Послѣ обѣда я былъ очень обрадованъ пріѣздомъ Н(иколая) С(тепановича) Огроновича. Потомъ я поѣхалъ провожать тетеньку въ кабріолеткѣ и доѣхали за Калюжинцы [2]). Тамъ у Лаврентія Ник. Милорадовича пиръ горой! Мы встрѣтили ces messieurs прохаживающимися по деревнѣ: три брата Милорадов., Трофимовскій, Брижинскій, Г. С. Тарновскій и Петръ Терновскій, который мнѣ даже не поклонился...

Іюнь 4. Сегодня къ обѣду съѣхались 18 человѣкъ гостей и мы всѣ поѣхали на (Деймановскую) ярманку [3]) (sic). Ее нечего описывать мнѣ, малороссу; во первыхъ, я ее не въ первый разъ вижу, а второе, что мнѣ трудно быть безпристрастнымъ. Все, что я скажу, это что я заставлялъ мужиковъ танцовать *козачекъ* подъ музыку трехъ скрипокъ. Ярманка этого года была блестящая, т. е. много красныхъ товаровъ, соли, дегтю, сала, сѣна, посуды, шерсти, рыбы, лошадей. Множество русскихъ купцовъ, жидовъ, десятки тысячъ малорос-

---

[1]) Тоже. Село прилуцкаго уѣзда.

[2]) Село Прилуцкаго уѣзда.

[3]) Село Деймановка Прилуцк. у.

сіямъ, много пановъ и проч. и проч. Къ вечеру мы пошли къ толстому дубу, который стоитъ возлѣ Деймановки. Такого дуба у насъ въ саду нѣтъ [1]); онъ почти въ четыре человѣческіе обхватки. Потомъ, мы всѣ сѣли на отлогости большого холма, откуда видна вся деревня и часть ярманки. Тамъ, въ тѣни фруктовыхъ деревьевъ *комиссаръ* (?) подчивалъ насъ мороженымъ. Симъ и окончилась ярманка. Я забылъ сказать, что Ив. Мих. Скоропадскій обѣдалъ у насъ...

10. Я забылъ сказать объ одной моей ошибкѣ: вчера въ вечеру я заспорилъ съ тетенькою (женою Петра Григор. Галагана); какъ обыкновенно защищалъ малороссіянъ... Надобно мнѣ отъучаться отъ пылу, который совсѣмъ не уменьшается; съ этимъ я могу надѣлать бѣды.

13. Маменька объявила мнѣ, что она недовольна что я купался вмѣстѣ съ садовникомъ и Лесикомъ [2]). Эго меня очень удивляетъ, тѣмъ болѣе, что она всегда меня учила не быть гордымъ, и я постараюсь не имѣть этого порока.

14. Я не могу терпѣть Лесика! Онъ дѣлается каждый день отвратительнѣе для меня; а послѣ того, что я о немъ слышалъ, то если я буду когда нибудь господиномъ, то онъ не будетъ знать ни Пѣсокъ, ни моего порога! Я слышалъ еще одну вещь: въ 1833 г., во время голода, въ Пѣскахъ, писарь, приказчикъ и друг. не давали крестьянамъ хлѣба; они взбунтовались и хотѣли бѣжать въ Секиренцы; ихъ не пустили.

17. Сегодня мы были очень обрадованы пріѣздомъ кузинъ и добраго Николя [3]); онъ мало перемѣнился и еще пополнѣлъ. Онъ показывалъ мнѣ свой лексиконъ и я увидалъ, что это, подлинно гигантскій трудъ. Академія совѣтуетъ ему продать

---

[1]) Посѣтивъ лѣтъ 15-ть назадъ Сокиренцы, мы удивлялись громадности множества дубовъ, находящихся въ Сокиренскомъ паркѣ. Болѣе громадные дубы видѣли мы только въ Диканкѣ, въ саду Кочубеевъ.

[2]) Управляющій одного изъ имѣній (с. Пѣсокъ) Г—новъ.

[3]) Повидимому, разумѣется Николай Андреевичъ Маркевичъ, авторъ „Исторія Малороссія.“

лишнія статьи Энциклопедическому словарю, но онъ хочетъ поднесть свой трудъ императору [1]).

Засимъ, съ 13 іюня 1836 въ „журналѣ“ перерывъ до 3 января 1838 года.

1838. Январь. 3. Опять принимаюсь я за журналъ, опять хочу повѣрять мои чувствованія, мысли, дружбу, любовь!... Когда то я писалъ въ этой книгѣ каждый день, ложась спать. Тогда я писалъ машинально, по внушенію Федора Васильевича; мои записки были полны пустыхъ описаній. Теперь же совсѣмъ другая цѣль заставляетъ меня писать журналъ, или лучше сказать я не имѣю никакой цѣли. Прежде я думалъ передать исторію моего юношества потомству! И какая другая цѣль могла находиться въ бѣдной 16-тилѣтней головѣ? Теперь же писать въ журналѣ есть потребность. Въ душѣ моей вмѣщается слишкомъ много чувствованій тайныхъ, которыхъ я не могу никому повѣрить, а между тѣмъ не могу вмѣщать ихъ въ себѣ; изложивъ же ихъ въ этой книгѣ, нѣкоторымъ образомъ остаюся покойнѣе... Послѣдняя строка моего стараго журнала была писана 13 іюня 1836 года. Съ тѣхъ поръ сколько замѣчательныхъ событій! Скоро послѣ того, я вступилъ въ университетъ; первый курсъ былъ странный удивительный, курсъ, который далъ во многихъ отношеніяхъ уроки опытности мнѣ, неопытному 17-тилѣтнему студенту... Теперь я студентъ 2-го курса, мнѣ 18-ть лѣтъ, я юристъ по названію. Я слушаю много профессоровъ... Теперь, въ Петербургѣ, у меня и у насъ гораздо больше знакомыхъ и жизнь наша разнообразнѣе, чѣмъ прежде. Мы живемъ недалеко отъ недавно переведеннаго на Васильевскій О—въ университета; живемъ вмѣстѣ съ Федоромъ Васильевичемъ. Я имѣю много товарищей, но мало друзей или лучше сказать одинъ (sic)—Жемчужниковъ [2]).

---

[1]) Вѣроятно рѣчь идетъ „о Словарѣ Россійск. Госуд.“, начало котораго был издано въ 1836 г.

[2]) Свѣдѣніе болѣе подробное о немъ—впереди.

13. Чрезвычайно загадочный для меня человѣкъ есть Федоръ Васильевичъ. Его философія, его умъ, его физическія страсти даже, потому что онъ имѣетъ на головѣ горбъ больше нежели у Сократа, его необыкновенная жизнь, все это заставляетъ меня думать и быть иногда увѣрену, что онъ человѣкъ необыкновенный, рожденный, чтобы быть великимъ! Иногда же вдругъ я разочаровываюсь и онъ представляется мнѣ съ весьма пошлой стороны. Этотъ человѣкъ совершенно отжилъ физически и теперь живетъ жизнью чисто духовной. На этой жизни онъ долженъ принесть пользу человѣчеству и тѣмъ обезсмертить свое имя; онъ рожденъ, чтобы быть однимъ изъ великихъ представителей нашего вѣка и, судя по направленію его ума, подвинуть философію и религію на высшую степень... Человѣкъ, съ юности окруженный людьми самыми обыкновенными, чтобы не сказать болѣе, и создавшій всѣ эти высокія понятія, не только ставящія его на ряду евройпейца, но еще на ряду тѣхъ людей, которые какъ путеводители, вожди, duces, ведутъ Европу изъ вѣка въ вѣкъ, такой человѣкъ невольно заставляетъ себя глубоко уважать и собою удивляетъ. Съ другой стороны, нѣкоторыя вещи очень разочаровываютъ наблюдателя. Напримѣръ, его натянутая оригинальность весьма въ *немъ* (именно) непріятна; также и мелочныя занятія переводами въ *Библіотеку для Чтенія* и многое другое, все это есть достояніе ума обыкновеннаго... Впрочемъ ему 26 лѣтъ и весьма можетъ быть, что онъ вступитъ на великое свое поприще еще позже. Для великаго человѣка нѣтъ срока для исполненія своего назначенія. Если когда либо его имя будетъ гремѣть въ потомствѣ, то это еще болѣе подтверждаетъ, что великіе (люди) рождаются вездѣ, всегда и при *всѣхъ обстоятельствахъ*.

17. Сегодня я долго думалъ, какъ справедлива французская пословица *les extremités se touchent*. Это видно во всемъ: слабая женщина и мудрый философъ оба говорятъ, что *есть Богъ*, но какая разница въ ихъ понятіи... Надѣясь, что мой журналъ запертый въ шкатулкѣ на ключь, который я всегда ношу съ собою, не будетъ никѣмъ читаемъ, я передамъ мои

понятія о религіи, основанныя самимъ мною на нѣсколькихъ данныхъ...

19. Счастливецъ Морландъ! Онъ имѣетъ, чортъ возьми, все, что ему нужно, все, что ему пріятно имѣть; есть уроки получаетъ порядочный доходецъ, нанимаетъ хорошенькую квартиру; имѣетъ двѣ славныя собаки и—что всего лучше—прехорошенькую *Misi*, конкубину. Но чѣмъ же я несчастливъ? Я имѣю предобрѣйшую мать, ангела—мать, имѣю сестру, которая, кажется, меня любитъ, имѣю мудраго наставника Федора Васильевича, который также меня любитъ; въ университетѣ я не вмѣшиваюсь въ партіи аристократовъ и демократовъ, потому, что первые *глупы*, и чтобы съ ними связаться, надобно подличать, и хотя въ несчастномъ 1-мъ курсѣ я было началъ это дѣлать и тѣмъ пріобрѣлъ отъ нихъ же репутацію человѣка *добраго*, но теперь совсѣмъ ихъ оставилъ; вторые—слишкомъ *comuns*, и я держу *le juste milieu*. Со мною *Жемчужниковъ Полевой*, *Ульянинъ*, *Тулиновъ*; (они) меня любятъ, по крайней мѣрѣ, я отвѣчаю за двухъ первыхъ (особенно за перваго). Въ наукахъ я держусь хорошо; одни только приватные учителя и еще больше лѣнь—мѣшаютъ мнѣ заняться побольше...

20. Сегодня маменька получила письмо изъ Малороссіи. Все идетъ очень дурно у насъ; тамъ, какъ говорятъ, плутъ на плутѣ [1]). О какъ я съ нетерпѣніемъ жду того времени, когда я выйду изъ университета и когда маменька дастъ мнѣ власть надъ ними, эти бестіи у меня не найдутъ для себя уголка; я явлюсь для нихъ тираномъ и, напротивъ, буду заходить въ избы крестьянъ, буду ихъ распрашивать, они будутъ меня любить! О! счастливое время!...

26. Я только что изъ театра, гдѣ студенты выкинули славную штуку; насъ было человѣкъ 60. *Der reisende Student* меня очень увлекъ: какъ бы я желалъ быть нѣмецкимъ студентомъ свободнымъ! И при томъ ученъ (?) не школьникомъ, какъ у насъ теперь. Мнѣ кажется, что я бы тогда былъ чортъ знаетъ, какъ счастливъ!

---

[1]) Разумѣется деревенская администрація.

Gaudeamus igitur! Bibimus collegiales! Мы въ театрѣ много шумѣли и я бы въ душѣ желалъ, чтобы вышла какая нибудь исторія!

Февраль 16. Что если я умру? Это ужасно! Однако все можетъ случиться. Я боленъ, петербургскій климатъ для меня ядъ... Мнѣ пришла прекрасная мысль въ голову: дай-ка я напишу завѣщаніе! Прекрасно, прекрасно!

Завѣщаніе. 1838 года, февраля 16 дня. Я, Григорій Галаганъ, въ случаѣ моей смерти или убійства, завѣщаю, чтобы тѣ, которые останутся послѣ меня, исполнили во имя Бога и всего для нихъ священнаго, слѣдующія статьи. 1-е. Въ Сокиренцахъ, въ саду, есть долина, въ которой стоитъ дубъ съ образомъ. Идя отъ пруда въ глубину долины, вы увидите, пройдя колодезь, на лѣвой сторонѣ, довольно высокую, въ долину наклонившуюся березу; подъ этою березою я завѣщаю, чтобы меня похоронили!... Надъ мною поставить каменный крестъ, чтобы показать, что я былъ одинъ изъ послѣдователей великаго Іисуса Христа, и положить простой камень, безъ всякой надписи и фигуръ. 2-е. Сестрѣ и всѣмъ родственникамъ завѣщаю утѣшать добрую мать, которую я любилъ и уважалъ до послѣдней минуты... Сестрѣ моей (sic) Маріи благодарю за ея привязанность... Федора Васильевича Чижова благодарю за искреннюю его дружбу и за его мудрые совѣты, которые много послужили мнѣ къ добру. Надеждѣ Дмитріевнѣ Борковской желаю, чтобы нашелся человѣкъ который такъ бы ее любилъ, какъ я. Всѣхъ людей мнѣ въ мою жизнь служившихъ благодарю отъ всего сердца за ихъ привязанность и усердіе. 3-е. Все что мнѣ принадлежало я раздаю слѣд. образомъ: всѣ золотыя и бриліантовыя вещи и зеленую готовальню (старинную) съ зелеными фигурами я завѣщаю сестрѣ. 4-е. Маленькіе золотые часы и всю мою библіотеку завѣщаю Федору Васильевичу Чижову, въ знакъ истинной дружбы. 5-е. Серебрянные подсвѣчники съ серебряными щипцами завѣщаю милому товарищу Николаю Аполлоновичу Жемчужникову на память отъ человѣка истинно его любившаго. 6-е. Жеребца моего, находя-

щагося въ нашемъ конномъ заводѣ я завѣщаю продать и за деньги полученные отъ продажи, выстроить избы самимъ бѣднымъ нашимъ крестьянамъ секиренскимъ, гнилицкимъ, пѣсковскимъ, иченскимъ, прилуцкимъ и козелецкимъ. 7-е. Деньги, которыя найдете въ моей шкатулкѣ я завѣщаю отдать: $1/4$ Евдокиму, а всѣ прочія раздать всѣмъ людямъ (лакеямъ, поварамъ, кучерамъ и дѣвкамъ) въ знакъ благодарности за ихъ ко мнѣ услуги.

19. Я сегодня нечаянно подслушалъ разговоръ людей, т. е. лакеевъ, между собою; они говорили о насъ, но я ничего не могъ разслышать совершеннаго. Съ этой минуты у меня возрасла ужасная жажда узнать, какого они всѣ обо мнѣ мнѣнія. Что если они меня не любятъ?—Это ужасно!—Зачѣмъ я, презрѣнное существо, родился, чтобы сдѣлать столько несчастныхъ. Неужели четырехъ, а можетъ быть и семь тысячъ народа [1]) будутъ меня не любить. О жестокая судьба! Зачѣмъ вложила ты меня въ нѣдра жены богатаго помѣщика? Зачѣмъ я осужденъ быть невиннымъ виновникомъ несчастія стольких людей? О лучше я желалъ бы быть бѣднымъ, нищимъ, разбойникомъ, чѣмъ тѣмъ что я буду!—И послѣ этого могу ли я гордиться, что имѣю нѣсколько тысячъ рабовъ! мнѣ кажется, что я бы теперь возгордился, надѣвши лохмотья. Какъ я несчастливъ ужасно! Если я когда нибудь буду господиномъ всѣхъ этихъ рабовъ и если узнаю, что они меня не любятъ, то скорѣе я ихъ всѣхъ продамъ! Но нѣтъ—тогда я и мое семейство умретъ съ голода, потому что я самъ ничего не знаю и не буду знать, чтобы поддержать самого себя своими трудами!—Мнѣ суждено быть скотомъ, повелѣвать скотами.

Апрѣль. 5. Недавно была первая лекція Шакѣева и всѣ шумѣли; а потомъ кричали vivat Куторгѣ [1]). И я въ этомъ

[1]) Можно догадываться, что три тысячи „народа" Г—нъ прибавляетъ, расчитывая на наслѣдство бездѣтнаго дяди Петра Г-ча Галагана, которое впослѣдствіи и досталось ему.

[2]) Шакѣевъ и Куторга (М. С.) —професcора всеобщей исторіи.

участвовалъ. Эта исторія много заставляетъ говорить о студентахъ. Потомъ, въ пятницу шестой недѣли (поста), былъ у насъ очень торжественный актъ, и я, хотя по гадкому притворству показывалъ противное, но въ душѣ очень былъ доволенъ, что меня выбралъ князь [2]) дежурнымъ при дамахъ, потому что этимъ показали, что (я) считаюсь однимъ изъ самыхъ comme il faut.

Іюль, 6. Ужасно усталъ! Похудѣлъ, поблѣднѣлъ. Наконецъ завтра кончается экзаменъ; наконецъ завтра мы ѣдемъ въ Малороссію. О счастье! о радость! Этого года (sic) я хорошо выдержалъ экзаменъ и почти во всемъ обязанъ себѣ самому.

Послѣ этого пропускъ до 8-го ноября.

Ноябрь. 8. Вотъ уже скоро два мѣсяца, какъ я въ Петербургѣ и уже пять недѣль какъ сижу дома. Да! мнѣ суждено проволочиться въ этой жизни больнымъ, лишеннымъ всѣхъ удовольствій, къ которымъ моя душа такъ стремилась. Секиренцы, милыя Секиренцы, я вами не буду вполнѣ наслаждаться. Другіе веселы, ѣздятъ, пляшутъ, веселятся, а я... что мнѣ предстоитъ?—мнѣ 19-ть лѣтъ, а я уже старикъ? Лучше не жить, чѣмъ такъ существовать! Послѣднія строки моего журнала были писаны 6 іюня, 7-го мы были уже въ дорогѣ. Я бралъ съ собою журналъ, но ничего не писалъ въ немъ. Опишу ли то время, которое провелъ дъ Секиренцахъ?—нѣтъ, это невозможно! Если бы мнѣ предложили выбрать для себя высшее блаженство, я бы сказалъ „возвратите мнѣ то время которое я провелъ тамъ“!

13. Что такое всѣ мои понятія, вся моя любовь къ человѣчеству, когда Федоръ Васальевичъ однимъ словомъ разрушаетъ все это. Я очень претендую на человѣчество (sic) и даже совершенно увѣренъ, что не пойду противъ него; между тѣмъ Федоръ Васильевичъ поймалъ меня и я самъ вижу ужасную ничтожность моихъ умствованій и претензій. Мы говорили о лакеяхъ. Я на нихъ ужасно сердитъ за ихъ неопрятность и говорили, что пер-

---

[1]) Должно быть Дондуковъ-Корсаковъ, тогдашній попечитель.

вую вещь, которую я буду требовать отъ нихъ, есть опрятность.— „А будете ли вы сами подавать въ этомъ примѣръ?“ спросилъ Ф. Вас.—Это нужды нѣтъ! отвѣчалъ я, все таки буду отъ нихъ этого требовать! И я это сказалъ не отъ вѣтренности, нѣтъ! между тѣмъ, какъ это очень противъ всякаго человѣчества. Какое я имѣю право требовать отъ нихъ то, что самъ не дѣлаю, и еще—требовать отъ рабовъ? Итакъ, слѣдовательно, нельзя ничего требовать отъ нихъ, потому что границъ въ требованіяхъ положить нельзя. Одно то, что они мнѣ принадлежатъ, кричитъ противъ всякаго права человѣчества. Но что же дѣлать, судьба вручила мнѣ участь нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ: перемѣнить этого нельзя, но должно стараться, чтобы они поменьше чувствовали ужасную свою участь, а это очень трудно. Вопросъ, какъ должно съ ними поступать? Маменька нѣсколько разъ намекала, что боится, чтобы я не былъ слишкомъ строгъ... Меня все-таки ужасно огорчаетъ, что я не имѣю права претендовать на внутренюю образованность; ко мнѣ образованность также привита, какъ и ко всѣмъ русскимъ, а внутри я все-таки напитанъ отвратительнымъ азіатизмомъ.

21. Мнѣ кажется, что моя болѣзнь совсѣмъ не уменьшается; я довольно сильно кашляю. Боже! какъ протекаетъ моя молодость!

Какъ мнѣ нравится это:

— Ой волы, волы да половіе,
Чомъ же вы не орете?
Ой лита мои да молодіи
Чомъ же вы марно идете!
— Коли бъ намъ погоничи,
Може бъ мы и орали!
Ой колибъ намъ весело було,
Можебъ мы й погуляли!..

27. Сегодня былъ у насъ опять *совѣтъ* (consilium) между Чаруковскимъ и Бушемъ, и они оба въ одинъ голосъ, также какъ и Раухъ, присудили мнѣ ѣхать за границу, *въ Италію*. Легко сказать! но куды тогда дѣнутся всѣ мои занятія? Тогда

пропалъ мой каррьеръ, т. е. по крайней мѣрѣ мнѣ надобно попрощаться съ 10-мъ, 12-мъ и даже 14-мъ классомъ, хотя я вовсе не дорожу службою... Не смотря на то, я не могу жить въ холодномъ Петербургѣ; я здѣсь изчахну, потому что душѣ нѣтъ пищи! Тамъ, въ Италіи, на югѣ, найду я ту жизнь, которой жаждетъ моя душа! Въ той прекрасной природѣ оживу я! Тамъ я забуду... Я также не могу служить! Къ чему мнѣ служба? если не вовсе, то по крайней мѣрѣ долгая? къ чему, когда я довольно богатъ, чтобы жить спокойно даже и съ самымъ ничтожнымъ чиномъ. Но нѣтъ, не богатство меня удерживаетъ отъ службы,—меня удерживаютъ Секиренцы... Для васъ (sic) хочу я посвятить всю жизнь мою; вы главный предметъ моей жизни. Любезный папенька! твоя прекрасная благогородная душа создала Секиренцы! ты поэтъ! да ты поэтъ... Въ твоемъ изящномъ твореніи виденъ твой образованный умъ. Я докончу твою работу, я довершу ее...

Декабрь, 9. Вотъ урокъ въ жизни! Я весь еще трепещу... Сейчасъ я получилъ письмо отъ дяденьки, который пишетъ о статьѣ Ф. Вас. о *Роменской ярмаркѣ*. Въ этой статьѣ онъ касается личности Ивана Михайловича Скоропадскаго. Когда Ф. В. мнѣ читалъ эту статью, то мнѣ хотѣлось остановить его, но нѣтъ—онъ напечаталъ! Тамъ ее прочли и теперь, по словамъ дяденьки, послана въ Сѣверную Пчелу статья противъ него. Но это бы было ничего! Онъ стоитъ очень дерзкаго отвѣта, но дяденька пишетъ, что въ этой статьѣ касаются и до другихъ лицъ. Это меня крайне безпокоитъ. Боже! что если въ ней касаются хоть однимъ словомъ до нашего семейства? Положимъ, что Ф. В. имѣя вѣсъ въ теперешней русской литературѣ, предотвратитъ эту статью чрезъ сношеніе съ цензурою. Но одно то, что она была написана, прочитана *тамъ всьми*—приводитъ меня въ отчаяніе. Теперь Ф. В. поѣхалъ поправлять свою ошибку. Но нѣтъ онъ ее не можетъ поправить! Достигнувши до извѣстной степени вліянія на мерзѣйшую литературу въ мірѣ, онъ уже возмечталъ Богъ знаетъ что.

16. Слава Богу! Теперь я спокоенъ. Сейчасъ Ф. В. получилъ письмо отъ Краевскаго, который присылаетъ ему статью противъ него оаписанную и въ ней нѣтъ ничего дурного. Ее писалъ какой то *Чужбинскій*. Статья написана очень дѣльно, какъ мнѣ кажется. Его упрекаютъ въ томъ, что онъ писалъ о такихъ вещахъ, которыхъ онъ не зналъ.

1839. Генварь 7. Я ожидалъ съ большимъ, нетерпѣніемъ той минуты, когда я увижу имя Секиренецъ напечатаннымъ въ *Библіот. для Чтенія*. И что же? Я это увидѣлъ. Фед. Вас. въ своей статьѣ *малороссійская лѣнь*—съ восторгомъ говоритъ о нихъ. Десятки тысячъ людей прочтутъ это имя, столь для меня любезное!

21. Моимъ сердцемъ въ первый разъ овладѣло новое чувство,—это чувство *мщенія.*. Мы обижены! Вотъ въ чемъ вся исторія. Я уже говорилъ (9 декабря) объ отвѣтѣ изъ Малороссіи на статью Фед. Вас. Я былъ въ отчаяніи. Но теперь я узналъ, что это не есть настоящій отвѣтъ. Этотъ же присланъ сюда семь дней тому назадъ для помѣщенія въ *Сѣверную Пчелу*. Въ немъ говорится съ ужасными насмѣшками о Фед. Вас. Мишу [1]) называютъ *животнымъ*; нашъ домъ—*негостепріимнымъ, куда не заходитъ запоздалый путникъ*. Это еще бы была не бѣда! Чортъ съ ними! Но Раковичъ, который теперь пріѣхалъ изъ Малороссіи, разсказывалъ у Казадаева, что въ этой статьѣ было помѣщено много насмѣшекъ на маменьку, которая такъ невинна въ этой мерзкой исторіи. Когда я вздумаю, что эта статья была читана у Григорія Степановича [2]), при всѣхъ, что Григ. Степ. упрашивалъ вычеркнуть то, что было написано о маменькѣ, то я готовъ выйти изъ себя. Какой позоръ! Казадаевъ ужасно сердится на Фед. Вас., говоритъ, что пожалуется министру за то, что онъ въ

---

[1]) М. А. Маркевичъ, изъ Васьковцевъ.

[2]) Григорій Степановичъ Тарновскій, богатый черниговскій помѣщикъ, сосѣдъ Галагановъ по Качановкѣ, въ которой онъ жилъ.

Библ. для Чт. писалъ о тётенькѣ Софьѣ Александревнѣ [1]); статью, въ которой замѣшана бѣдная маменька, писалъ какой-то мерзавецъ Карпинскій, имя котораго я въ первый разъ слышу. Его вѣрно научилъ Иванъ Мих. Скоропадскій.

Февраль. 15. Я сейчасъ былъ на похоронахъ *Сперанскаго*; тамъ я видѣлъ множество каретъ, въ которыхъ пріѣхали по должности, по народу вовсе нѣтъ. Умри такой государственный человѣкъ и при томъ собиратель законовъ, въ Англіи или Франціи и—десятки тысячъ простаго народа сопровождали бы его гробъ съ чувствомъ благодарности. А у насъ? Никто объ этомъ и не знаетъ. Бѣдный народъ... онъ вовсе не знаетъ о существованіи законовъ, они ему вовсе не нужны...

Засимъ слѣдуетъ конецъ тетради: Прощай журналъ, прощай! Я много надъ тобою радовался, печалился, сердился, пролилъ много слезъ отъ полноты чувства. Прощай, мой другъ, мой товарищъ. Тебя заступитъ теперь красиво переплетенная книжка съ латинскою надписью: *Forsan et haec olim meminisse juvabit.* Но все таки я сомнѣваюсь, чтобы какую нибидь другую книгу мнѣ бы было такъ пріятно вспомнить, какъ тебя, содержащаго въ себѣ лучшее время моей жизни. Прощай еще разъ! Я тебя распечатаю, чтобы посмѣяться, а можетъ быть и поплакать! Итакъ, до свиданія, мой другъ!

С.-Петербургъ. По Васильевск. Острову, въ первой линіи, домъ Лодера. 1839. Февраля 23.

Засимъ слѣдуютъ выписки изъ журнала, книги второй, начинающейся съ 25-го февраля 1839 года.

Мартъ. 9. Наконецъ послѣ четырехъ скучныхъ мѣсяцевъ я былъ вчера въ университетѣ. Не могу выразить, какъ билось мое сердце при входѣ въ нашъ родной университетъ. Меня встрѣчали многіе съ восторгомъ, съ поздравленіями съ выздо-

---

[1]) Софья Александровна—жена Петра Григ. Галагана и сестра Вл. Ал. Кавадаева.

ровленіемъ; другіе косились на меня, попрежнему, съ злобной насмѣшкой; но при всемъ томъ я былъ въ восторгѣ... Уроки которые я взялъ въ университетѣ, мнѣ достались очень дорого! Я вошелъ въ университетъ неопытнымъ, мальчикомъ' совсѣмъ незнавшимъ свѣта и особенно молодыхъ людей. Я до сихъ поръ краснѣю, когда вспомню, какъ я звалъ новыхъ товарищей посмотрѣть на мою колясочку, которую мнѣ подарила маменька! Я думалъ тогда, что они будутъ ею восхищаться самымъ невиннымъ образомъ, а напротивъ они надо мной смѣялись и называли меня глупымъ мальчикомъ. У меня сердце раздиралось при мысли, какъ я себѣ напортилъ въ мнѣніи товарищей, желая войти въ общество аристократовъ и удалиться отъ такъ называемыхъ демократовъ... Но я себя утѣшаю тѣмъ, что рано или поздно я долженъ былъ взять нѣсколько уроковъ въ жизни и что они обыкновенно стоятъ очень дорого особенно для человѣка, получившаго такое воспитаніе, какъ я...

10. Фед. Вас. сообщилъ мнѣ прекрасную мысль, которая мнѣ очень нравится: что вѣротерпимость въ народѣ не есть столько признакъ его образованности, какъ недостатка въ немъ энтузіазма. Сколько я могъ замѣтить изъ исторіи англійской конституціи, которую намъ читаетъ теперь Ивановскій, въ англичанахъ не было вѣротерпимости и потому все у нихъ вышло изъ собственныхъ элементовъ. Это есть народъ самаго высокаго образованія...

18. Вчера ввечеру я быллъ у Ульянина на холостомъ вечерѣ, (онъ былъ именинникъ). Я засталъ совсѣмъ не то общество, которое думалъ застать. Вмѣсто того, чтобы быть въ кругу Тулинова, Полеваго, Жемчужникова, Аксакова и другихъ моихъ скромныхъ, хотя очень шумныхъ и веселыхъ товарищей, я очутился въ обществѣ нашихъ развратныхъ аристократовъ—товарищей. Былъ кн. Д., кн. В., Л—новъ и пр., и проч. Они играли въ карты, и такъ какъ кн. В. заболѣлъ и уѣхалъ, то они пригласили меня съиграть съ ними три робера въ винтъ. Я имѣлъ глупость, вовсе не зная игры, согласиться на ихъ предложеніе. Черезъ полъ часа я проигралъ 23 рубля. Я игралъ

болѣе для того, чтобѣ узнать, что буду чувствовать, когда проиграю?—Ничего особеннаго; жалко потерянныхъ денегъ; я бы ихъ могъ лучше употребить, и при томъ я чувствую, что я гадко провелъ время. Теперь остается мнѣ занять денегъ (у меня давно нѣтъ ни копѣйки) такъ, чтобы никто этого не зналъ.

20. Сегодня утромъ было у меня долгое преніе съ моимъ учителемъ философіи студентомъ Веревкинымъ объ одномъ мѣстѣ нравственной философіи, которую намъ читалъ Фишеръ. Нично такъ не развиваетъ понятій, не даетъ новыхъ мыслей, какъ философскіе споры...

Май. 31. Яковъ Петровичъ Скоронадскій [1]) пріѣхалъ изъ Малороссіи и принесъ вѣсть, что дяденька (П. Гр. Г—нъ) къ Петрову дню поѣдетъ къ Петру Александровичу Казадаеву. Стало быть праздника въ Дегтярахъ не будетъ! Жаль! Я на этотъ праздникъ много надѣялся въ разныхъ отношеніяхъ.

Іюнь. 13. Мы теперь въ Москвѣ, проѣздомъ на Воронежъ, окруженный јіс моими родными добрыми, веселыми, радушными Гудовичами... Съ нашими Гудовичами можно провести время какъ въ раю: какія ласки, какъ много пищи для чувствъ, но не знаю, если прожить съ ними долго, много бы можно найти пищи для ума? Сомнѣваюсь въ томъ...

16. Теперь мы въ Поливановѣ, у Маковой (?), любезной и умной тетеньки Катер. Никол. (Андрей Ивановичъ въ Москвѣ). Ахъ, какъ здѣсь хорошо, какъ все поставлено на барскую ногу! Все дышетъ аристократіей. Мнѣ отвели прекрасную, надушенную комнату, которую обыкновенно даютъ Трубецкому. Какой comfort во всемъ, начиная отъ прекраснаго стола до постели...

26. Полошки. Вчера мы сюда пріѣхали. Прелестная, милая Малороссія, я опять на твоей землѣ и съ новою радостью, и съ новою къ тебѣ любовью!...

28. Я въ Секиренцахъ! Какъ долго я ожидалъ этой минуты, когда пріѣду въ прекрасныя Сокиренцы! О! зачѣмъ эта минута не такъ для меня пріятна, какъ я этого ожидалъ!... Поводомъ къ этому служили, кромѣ какого-то расположенія къ

---

[1]) Помѣщикъ конотопскаго уѣзда, изъ с. Гайворона.

грусти, дурная погода и сильный холодный дождь... А еще болѣе другое обстоятельство: мы пріѣхали неожиданно, а потому никѣмъ не были встрѣчены... Столь пріятная живая и даже чувствительная минута встрѣчи всѣхъ дворовыхъ людей у воротъ, за воротами, у крыльца,—эта прекрасная минута утеряна...

Іюль. 7. Гнилица. Стыжусь написать въ журналѣ, что чувствую, потому что нахожу эти чувства не совсѣмъ похвальными и плодами пустаго и сильнаго тщеславія. Мнѣ страхъ какъ пріятно дѣлать видъ господина и господина-деспота, важничать передъ мужиками, которые ходятъ вслѣдъ, чтобы на меня насмотрѣться или чтобы подать жалобы, искать милости. Мое сердце бьется пріятно, когда толпа мужиковъ мнѣ низко кланяется и я гордо мимо ихъ прохожу и благосклонно отдаю имъ ихъ поклоны легкимъ киваніемъ головы. Какое тщеславіе! Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ это льститъ безхарактерной душѣ! Впрочемъ, отбрасывая это въ сторону, я думаю, что мнѣ нужно принять какой нибудь видъ передъ нашими рабами, надобно ихъ пріучить къ той мысли, что имъ недолго остается ужъ плутовать и раззорять наше бѣдное имѣніе...

8. Какъ я люблю милую Покорщину [1]; въ той какъ то особенно радуется душа... Эта пышная природа, которая окружаетъ домъ, густые, тѣнистые каштаны, высокія, величественныя тополи, одинокія пирамиды, плакучія березы и красный шиповникъ, все это видно изъ открытаго окна, передъ которымъ я теперь сижу, и свѣжій, ароматный воздухъ наполняющій садъ, послѣ минувшей грозы, и портретъ прелестной блондинки (княгини Хованской, сестры Катерины Ефимовны, моей прабабушки) въ граціозномъ старинномъ костюмѣ, съ розой на груди, все это производитъ (дѣлаетъ) на меня необыкновенное впечатлѣніе...

18. Поѣхалъ съ Ушаковыми въ Ромны, на ярмарку, гдѣ не случилось со мной ничего замѣчательнаго; я тамъ пробылъ

---

[1]) Имѣніе Галагановъ подъ г. Козельцемъ; теперь принадлежитъ *Коллегіи Павла Галагана.*

19-е число, а въ самый Ильинъ день воротился домой, гдѣ засталъ все семейство Борковскихъ. Черезъ два дни всѣ дамы этого семейства уѣхали въ Роменъ на три дня, а сыновья оставались у насъ... Пріѣхалъ изъ Одессы дяденька Петръ Григорьевичъ, больной, и я тотчасъ поскакалъ въ Дегтяри „pour faire la cour au chèr oncle“.

Августъ. 26. Вчерашній день начался ужасными, тяжкими для меня прощаніями. Мы выѣхали (изъ Секиренецъ) въ 11 ч. утра. Насъ провожали всѣ родственники, проживавшіе у насъ послѣдніе четыре дня безвыѣздно, т. е. всѣ Маркевичи, Милорадовичи (часть ихъ), дяденька Петръ Григорьевичъ и проч., и проч. Кромѣ того (что меня очень тронуло) насъ провожали со слзеами вся многочисленная дворня. Наконецъ мы тронулись за роковыя ворота...

Сентябрь. 16. Сегодня я былъ въ первый разъ въ университетѣ по моему пріѣзду (sic). О Боже! я туда шелъ, я туда бѣжалъ съ какою то радостью, которую я самъ не понималъ; душа радовалась чему то, какъ радуется, когда я пріѣзжаю къ родственникамъ, которыхъ я не видѣлъ. Я увидѣлъ почти всѣхъ товарищей; каждый изъ нихъ подалъ мнѣ руку съ улыбкой, холодной, ледяной улыбкой, какъ будто мы вчера только разстались... Я сидѣлъ на лекціи Кранихфельда, нарочно отдѣльно отъ другихъ, и все время думалъ: вотъ толпа студентовъ, нѣтъ—школьниковъ, въ которой я пробылъ всѣ лушіе годы моей молодости и еще долженъ провесть годъ.... Эти школьники (въ полномъ смыслѣ) и изъ нихъ „первый есмь азъ“, находятся въ университетѣ для выгодъ службы и больше не для чего.

1840. Февраль. 12. Сегодня, послѣ обѣда, мы начали разсуждать—маменька, дяденька и я—о русскихъ и малороссійскихъ мужикахъ. Они оба обвиняли, какъ обыкновенно, малороссіянъ за ихъ нелюбовь къ помѣщикамъ и хвалили русскихъ за то, что они любятъ своихъ помѣщиковъ, какъ дѣти отца. А вѣдь это говорилъ дяденька, который многимъ доказалъ, что онъ очень и очень уменъ. Что же дѣлать?—не передѣлаемъ

русскаго сердца! Я началъ съ жаромъ говорить, какъ думаю объ этомъ предметѣ. Я говорилъ, что еслибъ я былъ помѣщикомъ и въ Россіи, и въ Малороссіи, я бы больше любилъ тѣхъ моихъ мужиковъ, которые меня бы не любили, т. е. малороссіянъ, при равныхъ условіяхъ съ русскими; я говорилъ, что это показываетъ въ нихъ чувство собственнаго достоинства.—„Но малороссъ снимаетъ передъ тобой шапку изъ одного страха", возразили дяденька и маменька.—Да! сказалъ я, и такъ бы и я поступилъ, еслибы имѣлъ несчастіе быть крѣпостнымъ. Я бы ненавидѣлъ моего помѣщика отъ того только, что онъ мой неограниченный господинъ, что я принадлежу ему и—тутъ пошелъ катать... Мои противники были побѣждены, хотя разумѣется въ томъ не сознались...

24. Сейчасъ пришли мнѣ сказать, что нашъ славный кучеръ Александръ умеръ. Умеръ! ахъ! я не могу объ этомъ вспомнить, не заливаясь слезами. Но что сдѣлаютъ слезы? Какъ страненъ человѣкъ... Мнѣ теперь такъ жалко, что я съ нимъ грубо обходился въ послѣднее время. Я его подозрѣвалъ въ плутовствѣ. Можетъ быть онъ не виненъ. Я все вижу передъ глазами, какъ я его ударилъ по щекѣ въ Секиренцахъ за то, что онъ былъ пьянъ. Ахъ, это раздираетъ мое сердце. О какъ я не достоинъ былъ быть его господиномъ. Онъ былъ очень уменъ, слишкомъ уменъ, чтобы быть счастливымъ въ его ужасномъ положеніи. Ахъ, какъ онъ понималъ всѣ мои глупости. Онъ жалѣлъ, что имѣлъ такого господина. О Александръ! если ты существуешь внѣ земли, то сжалься надо мною, прости меня, умоляю тебя! Ты всегда видѣлъ, какъ я глупъ, ты меня презиралъ, а между тѣмъ долженъ былъ лишь повиноваться, несчастный! а ты достоинъ былъ быть моимъ господиномъ, а не моимъ рабомъ. Бѣдный Александръ! Онъ хотѣлъ пріѣхавши въ Секиренцы жениться и завестись хозяйствомъ...

Іюнь. 17. Я уже вышелъ изъ университета, съ 8-го числа я уже не студентъ. Я объ этомъ не писалъ до сихъ поному, что этотъ выходъ мой вовсе не произвелъ на меня сильтаго впечатлѣнія. Какая разница съ входомъ въ университетъ!

Августъ. 3. Станція Есмерлейское, херсонской губерніи. Какъ мнѣ жаль теперь, что я не описывалъ нашего путешествія [1]) по мѣрѣ того, какъ ѣхалъ; сколько пріятныхъ впечатлѣній я находилъ на моей дорогѣ (sic) и они всѣ потеряны, благодаря моей лѣни. Я проѣхалъ всю нашу прекрасную Украину, увидѣлъ центръ ея національности (?)—Лубны, Хоролъ и замѣтилъ, что здѣсь гораздо больше . . . . . (?) козачества, нежели въ Прилукѣ. Въ центрѣ полтавской губерніи еще существуетъ національный духъ... Оставя Кременчугъ, мы переѣхали черезъ Днѣпръ; я въ первый разъ выѣхалъ изъ Малороссіи на югъ отъ нея. Она мнѣ показалась тогда, какъ островъ, окруженный моремъ—Россіей. Переѣхавши Днѣпръ, и до сихъ поръ мы ѣдемъ по безлюдной степи; изрѣдка она вся въ горахъ, изрѣдка—гладка, какъ столъ.

28. Вчера мы возвратились изъ нашего путешествія въ Мостище. Мы выѣхали изъ Секиренецъ 21-го числа и обѣдали въ Прилукѣ, гдѣ было много жалобъ [2]), которыя маменкка всѣ очень хорошо рѣшала. 22-е число мы весь денъ провели въ Гнилицѣ. Хозяйство идетъ худо, хотя и лучше прежняго. Что хуже всего это—что крестьяне бѣдны. Мы ѣздили по деревнѣ и осматривали избы: онѣ всѣ очень плохи. Много значитъ, что негдѣ взять матеріалу для строенія. Мнѣ, т. е. моему самолюбію было вездѣ пріятно, что на меня смотрятъ какъ на *пана!* Я желаю очень, чтобы меня такъ боялись, какъ боялись папеньку. Мы въ Гнилицѣ много говорили съ маменькою о нашемъ сосѣдствѣ: какъ хороши Секиренцы и какъ гадки сосѣди, исключая Миши (Маркевича). Всѣ люди фальшивые, гадкіе, готовые на все дурное. Изъ нихъ первый есть мой дядя. Да! Я бы не могъ сказать, какъ Евгеній Онѣгинъ: „мой дядя самыхъ честныхъ правилъ“.... Гдѣ у этого человѣка честь? Гдѣ у него совѣсть? Впрочемъ, чортъ съ нимъ! Я ужасно настаивалъ у маменьки,

---

[1]) Вернувшись изъ Спб. въ Секиренцы, лѣтомъ 1840 г. Галаганъ отсюда поѣхалъ съ будущимъ своимъ зятемъ гр. Комаровскимъ въ Одессу, на пути куда и сдѣлана приведенная запись.

[2]) Въ г. Прилукѣ у Галагановъ также были крестьяне.

чтобы она взяла имѣніе отъ бабушки Вѣры Ивановны. Пока она умретъ, имѣніе совсемъ будетъ разорено плутомъ Давидомъ.

Сентябрь. 4. Ахъ какое непріятное чувство мною владѣло все сегодняшнее утро! Я достигъ того, что иногда очень желалъ и увидѣлъ всю гадость этого: я наказалъ человѣка. Вчера вечеромъ Михайло кондитеръ дѣлалъ ужинъ въ дѣвичьей, въ лѣсу (sic), и завелъ пьянство и кричалъ самъ во все горло. Такъ какъ этотъ порокъ за нимъ уже былъ замѣченъ, то я просилъ маменьку, чтобы она мнѣ поручила это дѣло; она согласилась. Сердце мое билось отъ нетерпѣнія наказать его и устрашить всю дворню. Я велѣлъ все приготовить и пошелъ въ ту комнату, гдѣ людямъ варятъ ѣсть. Тамъ были уже три кучера: Василій, Степанъ и Прокопъ. Я велѣлъ позвать Петра и Михайлу. Петру велѣлъ дать съ десятокъ пощочинъ и выгналъ вонъ. Потомъ, не смотря на всѣ просьбы и слезы Михайла кондитера, я разругавши его, велѣлъ положить и сѣчь. Онъ началъ кричать и послѣ 15-ти или 16-чи ударовъ, мнѣ стало такъ больно, что я сказалъ—довольно, а самъ ушелъ. Мною овладѣло самое непріятное чувство отвращенія отъ самого себя и отъ другихъ. Мнѣ казалось, что я могъ поступить иначе, но не смотря на то я не могъ не замѣтить, что на меня начали всѣ смотрѣть, какъ на страшнаго человѣка. Какое и тутъ тщеславіе! J'ai agi en maitre!

8. Сегодня мы возвратились изъ Дорогинки, гдѣ былъ балъ. Мы пріѣхали туда 5-го числа въ 10 часовъ вечера; ѣхали по ужасной и даже опасной дорогѣ; вдругъ въѣзжаемъ въ дворъ, видимъ ярко освѣщенный внутри и иллюминованный снаружи домъ и слышимъ музыку, играющую Aurora-walzer! Вотъ я никакъ не думалъ, чтобъ эта Казадаева могла такъ хорошо принять своихъ гостей. Мы были очень хорошо приняты во всѣхъ отношеніяхъ. Танцующихъ было 16 паръ или около того. Дѣвушки всѣ никуда не годились. Самая comme il faut, т. е. получившая лучшее воспитаніе или скорѣе сказать, больше знающая, была С—ая. Блѣдная, какъ стериновая свѣча и

смотрящая мнѣ въ глаза съ самымъ большимъ безстыдствомъ; вѣроятно хочетъ, меня имѣть въ этомъ семействѣ; но это мало занимаетъ мое самолюбіе. Другая дѣвушка—Тр—на, не дурна собой, при томъ была со вкусомъ одѣта; но она должно быть также холодна, какъ ихъ мать. К—вы были всѣ три: невѣсту очень хвалятъ, но мнѣ она нисколько не нравится. Были еще дѣвушки, но объ нихъ нечего и говорить.—Дамы были двѣ хорошенькія. Триф—ая первая была очень хороша, но во первыхъ, холодна, а вовторыхъ, имѣетъ въ манерахъ и особливо въ языкѣ что то, что отвращаетъ отъ себя при первомъ словѣ. Другая дама *Миницкая*, урожденная *Клица*, гречанка [1]), въ полномъ смыслѣ, съ правильнымъ греческимъ лицемъ...

16. Сегодня мы отправимся въ Дегтяри. Завтра тамъ большой праздникъ, на которомъ мнѣ надобно будетъ отличаться... Что за странный человѣкъ Петръ Григорьевичъ; съ одной стороны довольно хорошій, съ другой очень дуренъ, гадокъ даже!..

21. Только теперь возватились изъ Дегтярей, гдѣ я провелъ очень пріятно время... Хочу описать всѣ пять дней, которые тамъ провели. Мы пріѣхали 16-го числа вечеромъ. Въ тотъ день у насъ обѣдали Тарновскіе, Ант. Степ. Милорадовичъ и Миша съ Катенькою. Мы застали уже полный домъ гостей. Началась музыка съ претрудной увертюры; потомъ игралъ Галенковскій своего сочиненія на *Петруся*; потомъ опять увертюра; потомъ игралъ Артемъ, а тамъ фортепіанистъ Бертольдъ. На другой день, утромъ, начались поздравленія; за ними всѣ мужчины сѣли за карты. И я одинъ, да изрѣдка Мишель, были въ гостинной съ дамами. Здѣсь общество мужчинъ совершенно отдѣльно отъ женскаго, впрочемъ о чемъ будутъ они говорить съ дамами? они не выходятъ изъ сферы картъ, хозяйства и злорѣчія... Въ четыре часа всѣ пошли за столъ. Обѣдающихъ было 122 человѣка. За обѣдомъ, при поздравленіи, играли торжественный тушъ. Послѣ обѣда всѣ отправились по своимъ

[1]) Нѣжинская.

квартирамъ; я пошелъ на квартиру Миши, который былъ помѣщенъ съ Закревскимъ и Штекеромъ. Я принесъ собою *Кобзаря* Шевченка. Пришли къ намъ Лаврент. Никол. (Раковичъ?) и Николай Иванов. и мы начали читать. Когда Закревскій услыхалъ, какъ я читаю по малороссійски, то началъ отъ радости меня обнимать. Онъ разсказалъ пресмѣшные анекдоты про малороссіянъ. Послѣ чтенія мы всѣ пошли на верхъ, гдѣ уже застали всѣхъ дамъ собранныхъ. Для начатія бала ожидали сестру. Она явилась наряженная съ большимъ вкусомъ; она была хороша и всѣ на нее смотрѣли. Начали съ торжественною польскою (sic), потомъ пошли кадриль за кадрилемъ... Викторія Карева очень ловко вальсируетъ. Первый кадриль я танцовалъ съ Закревскою... Она не глупа, но дурна собою. Кадриль Галенковскаго такъ всѣмъ понравился, что вздумали Ник. Иванов. и другіе вызвать его, что произвело ужасный шумъ. Балъ кончился мазуркою; я танцовалъ съ Закревскою и былъ въ первой парѣ...

Октябрь. 7. Вчера была сватьба нашего Никифора, который женился на Кристинѣ... Послѣ церемоніи, вся сватьба пошла съ музыкою въ деревяный флигель и начались танцы. Я нѣсколько разъ ходилъ смотрѣть на танцующихъ. Исполненный духомъ украинской національности, я трепеталъ отъ радости при видѣ, какъ парубки и діучата (sic) отплясывали; мало-по-малу я началъ вникать въ танцы, въ выраженіе лицъ, въ костюмы, которые такъ быстро измѣняются; началъ вспоминать при видѣ цвѣтовъ и шапокъ на головахъ дивчатъ и паробковъ—о милой нашей старинѣ... Притомъ я читаю Энеиду Котляревскаго, гдѣ такъ чистъ и вѣренъ нашъ языкъ.

1841. Январь. 10. Я прочелъ отрывокъ малороссійской исторіи Николая Маркевича и нашелъ въ ней нѣкоторые недостатки. Что мнѣ въ ней очень не нравится, это совершенное отсутствіе разсужденій, отсутствіе философіи, которая въ наше время составляетъ сущность и основу исторіи. Я давно уже постоянно думаю о Малороссіи нашей любезной, но еще ни разу не писалъ о ней. Мнѣ препятствуетъ главное—незнаніе ея исторіи;

я не могу себѣ простить, что до сихъ поръ не прочелъ то, что о ней написано.

11. Мнѣ кажется, что надобно прежде чѣмъ писать мысли о Малороссіи, опредѣлить ее въ географическомъ, этнографическомъ и политическомъ значеніи. Я знаю, что первый опытъ у меня будетъ безалаборный, просто набросанный въ безпорядкѣ, но послѣ изъ него можно будетъ составить другой.

Февраль. 16. Я началъ было писать мои мысли о Малороссіи, бросилъ, опять было принялся и опять бросилъ. Теперь бы могъ опять продолжать да никакой нѣтъ мысли серьозной въ головѣ. Рисуется вся картина козацкаго войска, Хочу сейчасъ же описать его въ видѣ отрывка изъ повѣсти. Я началъ читать 3-ю часть исторіи Малороссіи, Бантышъ Каменскаго...

Мартъ. 4. Вчера уѣхалъ отъ насъ *Петръ Петровичъ Скоропадскій* [1]. Я очень желалъ его видить и очень полюбилъ его. Вотъ украинецъ съ сердцемъ и съ разсудкомъ; любитъ свою страну отъ всей души, благородно, безкорыстно! Наши несчастные козаки очень его любятъ. Онъ живетъ въ Григоровкѣ, которая окружена большими козацкими селами *Бахмачемъ, Куренемъ* и другими, въ которыхъ еще осталось много національности. Всѣ деревни опустошены безпрерывными рекрутскими наборами; остались только слабые недоросли. Но въ Бахмачѣ, несмотря на то, еще много видно молодыхъ людей гигантовъ и женскій полъ замѣчателенъ еще своей красотой Нашъ Петръ Скоропадскій, спасибо ему, поддерживаетъ въ нихъ національность. Часто ѣздитъ онъ въ должности межеваго судьи, верхомъ, одѣтый въ кобенякъ и съ шапкой на головѣ. Одинъ разъ, онъ, будучи принужденъ ѣхать въ поле съ козаками для того, чтобы измѣрять ихъ земли, принадлежащія теперь казнѣ; онъ поѣхалъ съ ними въ поле и остановивъ лошадь поворотилъ ее къ старымъ козакамъ, ѣхавшимъ за нимъ верхами, и сказалъ на нашемъ языкѣ рѣчь, въ которой онъ объявилъ указъ—взять ихъ въ казну. Онъ не могъ докончить, сле-

---

[1] Помѣщикъ Конотопскаго уѣзда, владѣлецъ с. Григоровки

зы брызнули изъ глазъ его и покатились къ его толстымъ усамъ. Козаки были тронуты, иные плакали, а другіе одушевлялись и крикнули ему: *гайда! внукъ гетмана!* Какой крикъ! Бѣдные козаки, они вспомнили старину [1]... Не могу не перенесть сюда двухъ анекдотовъ, которые онъ разсказалъ. Въ эту зиму былъ, какъ уже 6 лѣтъ сряду ведется, рекрутскій наборъ. Въ Ромнѣ принималъ рекрутъ нашъ почтенный, старый украинецъ *Иванъ Александр. Якубовичъ.* Привели одного 22-хъ лѣтняго и 12-ти вершковаго козака. Разумѣется, что коммиссія сказала—*лобъ!* и молодцу отрѣзали чуприну! Бѣдный козакъ поплакалъ и ушелъ. На другой день онъ приходитъ къ Якубовичу: прошу вашей милости, добродію, сказалъ онъ со слезами.—А что тебѣ надобно?—„Огдайте мини, пане, мою чупрыну!"—„На что тебѣ твоя чуприна", спросилъ удивленный Якубовичъ.—„Пошлю ее моей невѣстѣ, отвѣчалъ козакъ, вона еи у себе буде ховать и про мене буде спомынать". *Богаме*! (?) вскричалъ тронутый Якубовичъ,—нá твою чуприну [2])! Какъ это прекрасно, изящно, полно поэзіи! воскликнулъ я съ нимъ.

---

[1]) О П. П. Скоропадскимъ намъ въ молодости приходилось много слыхать разсказовъ отъ ближайшихъ его сосѣдей и мы, не обинуясь, можемъ сказать, что это былъ бельшой.... фантазеръ, которому ничто не мѣшало разсказывать о томъ чего въ дѣйствительности никогда не было. Такъ и здѣсь. Увидѣвъ въ Галаганѣ увлекавшагося „національностью" юношу, Ск—ій не поскупился и передъ нимъ на *плоды своей фантазіи.* Никакой близости у Ск—го съ народомъ не было и не могло быть; не могъ онъ ѣздить, „окруженный верховыми козаками" по обязаностямъ своей межевой службы (не имѣвшей никакого активнаго значенія), никогда не могъ онъ говорить и какихъ либо подобныхъ рѣчей симъ козакамъ, будучи такимъ же *паномъ*, какъ и всѣ его сосѣди. Тѣмъ менѣе могъ онъ вызывать у „козаковъ" „крики и слезы", о которыхъ здѣсь говорится. Все отличіе П. П. Ск—го отъ другихъ мѣстныхъ помѣщиковъ заключалось въ томъ, что онъ нерѣдко надѣвалъ одежду народнаго кроя да перемѣшивалъ свой разговоръ малорусскими фразами. Въ 40-хъ годахъ явилась мода на подобныхъ людей, какъ результатъ чтенія „Исторіи Русовъ" и „Кобзаря" Шевченка. Послѣдній зналъ П. П. Ск—го и воспоминанія о немъ оставилъ въ стихахъ (—и доси чудно, якъ згадаю..)

[2]) Разсказъ о чупрынѣ тоже есть плодъ фантазіи разсказчика... Начать съ того, что рекрутамъ-козакамъ *брили не лобъ, а затылокъ* (отличіе отъ крестьянъ), а за тѣмъ—какъ бы это Якубовичъ сохранялъ обритыя у рекрутовъ чуприны?..

Апрѣль. 4. Вчера, въ воскресенье, былъ одинъ изъ самыхъ пріятныхъ дней этой весны. У насъ былъ праздникъ для всей секиренской молодежи. Вотъ съ чего началось: въ субботу вечеромъ, какъ и всякій день, мы дѣлали, мы поѣхали на выгонъ; тамъ множество дѣвокъ играли въ перепелочку и въ другія игры. Между тѣмъ *хлопцы*, ободренные въ тотъ вечеръ, какъ имъ раздавали пряники и груши [1]), подошли къ линейкѣ и начали пѣть прелестную малороссійскую пѣсню *чумака.* Въ это время подошли три козацкіе парубки. Я съ ними вступилъ въ разговоръ и они мнѣ сказали, что они бы спѣли лучше хлопцовъ. Тотчасъ маменька сказала мнѣ пригласить всѣхъ на воскресенье. Въ воскресенье погода, какъ нарочно, была прекрасная. Еще до 12-ти часовъ полдня, уже собралось множество дивчатъ и парубковъ; посереди луга начались танцы, было шесть музыкантовъ. Почти всѣ дѣвки со всего села сбѣжались на праздникъ, и около 60 паробковъ козацкихъ, прекрасно одѣтыхъ, ходили толпами по площади; другіе съ громкими пѣснями ходили по двору, подходили къ толпѣ танцующихъ дивчатъ; тамъ качались на качелѣ, смѣялись, кричали. Праздникъ еще болѣе оживился, когда принесли ведро горилки. Я безъ отдыха ходилъ въ толпѣ, разговаривалъ съ козаками, ободрялъ танцы. Между тѣмъ бросали въ толпу орѣхи, разносили сливы горѣлочные. Праздникъ былъ очень оживленъ. Послѣ обѣда пришелъ козацкій старшина, выборный и другіе ихъ чины; принесли другое ведро горилки, которое скоро было выпито. Пришли еще нѣсколько пожилыхъ козаковъ. Я съ козаками имѣлъ много разговоровъ, въ которыхъ я старался поддерживать національность. Они всѣ очень жалуются, да какъ и не жаловаться! Я говорилъ также съ старшими о томъ, какъ пала нравственность въ народѣ и чѣмъ должно поддерживать ее. Къ вечеру всѣ еще болѣе развеселились, играли въ перепелочку, въ ворона, въ чихарду, и народъ разошелся, когда совсѣмъ стемнѣло. А я былъ такъ счастливъ, такъ доволенъ!

---

[1]) Ниже видно (17-го мая), что это были „горѣлочныя" груши, т. е. взятыя изъ грушевой наливки.

Май. 1. Она пришла и будетъ мнѣ диктовать пѣсню, которую я долженъ пѣть, когда буду далеко отъ нея.

Ой що ты думаешъ, гадаешъ!
Десь ты мене покинуты маешъ.
Ой не кидай мене молодои,
Бо не знайдешъ такои другои!
Хочь и знайдешъ съ коньми да зъ волами,
Та не знайдешъ съ чорными бровами!
Хоть и знайдешъ да вже не такую,
Що згадаешъ мене молодую.
—Почимъ же ты, моя мила, знаешъ,
Що я тебе покинути маю?
Потимъ же я, мій миленькій, знаю,
Рано встаешь, коня наповаешъ,
У комору идешъ, жупанъ удягаешъ,
Въ свитлоньку идешъ, тяженько здыхаешъ!
Ой верныся, мій милый, вернися.
Варенои горилки напыйся!
—Не вернуся, мила, не вернуся!
Я въ дорози зъ криницы напьюся!

6. Вчера у насъ былъ очень милый и необыкновенный вечеръ. Гости, въ числѣ коихъ были и Почеки, собрались 4-го числа. Пятаго числа поѣхали въ *Ярки* завтракать. Въ это время пріѣхалъ и Григорій Степановичъ (Тарновскій, изъ Качановки) съ madame Луизой (?). Послѣ сего пошли обѣдать, а послѣ обѣда повели всѣхъ прогуливаться—звонъ колокола раздался въ готической бесѣдкѣ; всѣ пошли туда, и тамъ—Краузе игралъ на гармоникѣ. Оттуда пошли на каменный мостъ, а съ той стороны рѣки играла волторна. Съ мосту пошли всѣ на *ротонду*, гдѣ былъ готовъ чай, а между кустами играли квинтетомъ чудную sonate pathetique Бетговена. Вечеръ прелестенъ, соловьи пѣли со всѣхъ сторонъ, вода была какъ зеркало! Всѣ поѣхали по каралиной (?) дорогѣ, подъ ротондный мостъ и потомъ по берегу, *въ святой яръ*. Тамъ разноцвѣтные фонари висѣли на деревьяхъ и колодезь былъ прелестно освѣщенъ. Оттуда

мы поѣхали въ оранжерею, гдѣ былъ балъ до $2^2/_2$ часовъ утра Зала была прелестна. Во время между танцами, ротонда была освѣщена бенгальскимъ огнемъ, и музыка духовая играла на водѣ. Однимъ словомъ было превесело и всѣ разъѣхались довольные.

17. Сегодня я провелъ, можетъ быть въ послѣдній разъ, очень весело цѣлый день среди народа. Послѣ обѣдни вскорѣ начался на выгонѣ *танецъ*. Въ часъ пополудни, я пошелъ туда и пригласилъ всю молодежь прійти въ дворъ послѣ нашего обѣда. Въ четыре часа, все, отъ качели до дому, было наполнено народомъ. Начались танцы. Между тѣмъ съ балкона сыпали орѣхи въ толпу. Въ 5 часовъ подали полудновать. Всѣ паробки были по одну сторону, а дивчата по другую. Были поставлены длинные столы, покрытые скатеретками. Было спечено 500 пироговъ, жаркое, паляницы, сало, сметана, масло и горѣлочныя груши. Разумѣется, что паробкамъ давали и горилку. Дивчата всѣ почти были очень хорошо одѣты, и на Татьянѣ выдѣлялась издали новая пунсовая запаска, которую и ей купилъ. Послѣ праздника начались снова танцы, которые были очень живы и веселы. Подъ вечеръ всѣ разошлись довольные, Я много говорилъ съ козаками и мужиками. Какъ я теперь сблизился съ ними!

За симъ слѣдуетъ описаніе заграничнаго путешествія Г. П. Г—на которое онъ сдѣлалъ вмѣстѣ съ Чижовымъ. Выѣхавъ въ началѣ Іюня изъ Сокиренецъ, Г—нъ въ нач. октября находился въ Мюнхенѣ, записью о пребываніи въ которомъ оканчивается настоящая тетрадь дневника.

Проѣзжая отъ Бродъ въ „Лембергъ“, Г-нъ записываетъ: „кучеромъ у насъ былъ галиціецъ, въ кобенякѣ, въ которомъ капюшонъ обшитъ красными и синими шнурками; на тальѣ

также *усики* синіе съ краснымъ; на груди петли такія же; самъ же кобенякъ сѣрый. Лицемъ онъ былъ совершенный украинецъ, и здѣсь вообще по дорогѣ лица одни съ нашими, что меня удивляетъ, потому что на Волыни лица литовскія... До самаго Лемберга я встрѣчаю все очень близкое къ родному нашему: постройка хатъ, прикрышки (sic) ихъ, складка хлѣба, плетни, огороды, сады, способъ обработыванія полей и проч., и проч., все малороссійское".

Księga Smierci

архіеп. Лазаря Барановича.

Въ статьѣ, посвященной вновь найденному мною изданію архіеп. Лазаря Барановича „Filar Wiary“ [1]), мною данъ библіографическій обзоръ и описаніе тѣхъ трудовъ названнаго автора, съ каковыми мнѣ удалось ознакомиться въ Имп. Публ. Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ. Продолжая свои поиски, когда уже статья была отпечатана, я наткнулся на „Księgę Śmierci“ (См. мой „Filar Wiary“ подъ № XIII) въ библіотекѣ Церковно-Археологическаго Музея при Кіевской Духовной Академіи (В. 286, отъ гр. Милорадовича). Только І. Галятовскій и Эстрейхеръ упоминаютъ объ этой книгѣ; проф. Сумцовъ, какъ было отмѣчено, даже заподозрѣваетъ существованіе ея, наравнѣ съ „Księgą Rodzaju“ [2]). Очевидно, это сочиненіе принадлежитъ къ числу особенно рѣдкихъ, и потому считаю небезполезнымъ удѣлить ему нѣсколько болѣе вниманія, чѣмъ другимъ, описаннымъ мною.

Вотъ его титулъ:

K s i ę g a | S m i e r c i. | albo—krzyż Chrystvsow.—ná ktorey | żywot nasz vmarł | Ale śmierć samą żyć náuczył. | przez |

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1898 г., № 7 и 8.

[2]) Это изданіе Л. Барановича описано нами въ „Filar Wiary“ подъ № XIV*.

Jaśnie w Bogu Przeoświeconego | Iego Mośći Oyca | **Łazarza Baranowicza** | z Bożey łáski Archiepiskopá | Czernihowskiego, Nowogrodzkiego | y wszytkiego Siewierzá | smiertelnego smiertelnym podáná. | Z Typographiey Archiepiskopskiey w Nowogrodku Siewierskim zostaiącey. R. P. 1676. in 4°, 68 ненумерованныхъ листовъ.

На оборотѣ титульнаго листа два эпиграфа:

Strách smierci przypadł na mię. Psal. 45. v. 5.
Posłusznym był aż do Smierci. Phil. 2. v. 8.

Прежде чѣмъ обратиться къ характеристикѣ содержанія этой, довольно пестро составленной книжки, остановимся на одномъ стихотвореніи (л. 50), озаглавленномъ: „Anno Tysiąc Sześćset Siedmdzisiąt Szostego“, потому что оно даетъ хорошія даты для распредѣленія въ хронологическомъ порядкѣ сочиненій Барановича. Галятовскій въ своемъ перечисленіи считаетъ первымъ „Miecz“, а за симъ по порядку: Trąby, Lutnia, Miara, Żywoty SS., Księga Rodzaiu и на седьмомъ мѣстѣ ставитъ „Księgę Smierci“,—что въ упомянутомъ стихотвореніи находитъ себѣ прочное подтвержденіе. Здѣсь Л. Барановичъ пишетъ:

„Szostá kśiążeczká, siedmdześiąt szostego,
Ze na świát wyszła | wielbię wszechmocnego.
Iego to sprawá, on sześć dni prácował,
Y w moim szostym dźiele frytowáł.
Y kśiąsce siodmey, Smierći, Bog pomocy swoiey
Dodał; | stało się teráz według wiary moiey.
Nim śmierć nadeszłá iużem Smierci Księgę
Wydał, od smierći bym iuż y wźiął ćięgę...

Какъ же теперь, спрашивается, расположить свѣдѣнія о дѣятельности Барановича, руководясь этимъ новымъ указаніемъ автора о своихъ трудахъ? Намъ кажется, что №№ III, V и XII *) едва-ли существовали въ дѣйствительности; въ особенности возбуждаетъ подозрѣніе — „Apollo Chrzesciański“, какъ стоитъ въ спискѣ Эстрейхера. Что же касается другихъ, т. е.

*) Apollo chrzescianski, Rozmowy o wierze, O chlrztenii.

№№ VII, VIII, IX, XI, а равно XXIX *), то, по всей вѣроятности, Л. Барановичъ не нашелъ нужнымъ упоминать объ этихъ изданіяхъ, считая ихъ маловажными **). Такимъ образомъ, какъ намъ кажется, могутъ быть соглашены старыя свидѣтельства съ новыми данными, заключающимися въ „Ks. Smierci". Эта книга Л. Барановича должна быть поставлена послѣднимъ № среди изданій, вышедшихъ въ 1676 г.

То же стихотвореніе, въ которомъ мы находимъ выше сообщенныя свѣдѣнія о хронологіи дѣятельности Л. Барановича, даетъ объясненіе страннаго заглавія всей книги:

„Rodźić się komu przydáło, to czeká
Smierć niepochybna, rząd ma do człowieká.
Z pradźiadow, dźiadow, oycá, czekam smierci;
Kto się narodził, od niey nie wywierći.
Umrę w pierwszym Adámie, lecz wtorym ożyię,
Pánie ciesżą mię ná twym Krzyżu dwoie kiie. (Ps. 22, 4).
Krzyż, Księga smierći ná nieyś zmárł dla człeká,
Tobie Żywotu żywot dan od wieká.
Swąś śmiercią naszą śmierć do szczętu zgładźił,
Będąc Mądroscią mądrześ tak poradził.

Крестъ, орудіе смерти—надежда на избавленіе отъ смерти. Обращаясь къ читателямъ, авторъ, рекомендуя свою книгу, говоритъ:

Tę Księgę Smierći czytayćie co żywo
Czekaiąc smierći; coż umrzeć zá dziwo?
Iák umarłego wskrzesiłeś Łazárzá,
Y nam umarłym niech się toż nadárzá,
Osobliwie mię ta czeka fortuná,—
Tá Lazárzowà dźiw uznàłá truná.

---

*) Слова на Воскресеніе Христово, св. Троицу, на Благовѣщеніе, Вечерній плачъ и заутренняя радость и „Filar Wiary".

**) Не представляютъ ли №№ VII, VIII, IX лишь оттиски изъ „Трубъ"? Мы знакомы съ этими брошюрами лишь по краткому описанію проф. Сумцова.

Krzyż Księga Smierći, Księga y Zywota
Czytać wam na nich niech będźie ochotá...
Krzyżem was swoim Chrystus błogosłáwi,
„Za wasem umarł"—do nas wszytkich prawi.

—Слѣдуетъ цитата Ев. Іоанна, XV, 13.

Какъ изъ сказаннаго видно, вниманіе Л. Барановича обращается на св. Крестъ. Ему и посвящена первая часть книги—первые 40 листовъ. Здѣсь цѣлый рядъ стихотвореній, пересыпанныхъ цитатами изъ Св. Писанія и благочестивыми размышленіями. Первое озаглавлено:

„Krzyżowe rogi
Talent to drogi".

„Zbáwienną pas nas wprzód náuką w świećie,
Potym ná rogu zbáwienia spas wiećie.
Krzyż rog zbáwienia mego, krzyż mię zbawił,
Spas na nim wisząc śmiercią to swą sprawił.

„Krzyżowym rogiem starto diabłu rogi" и ненавастникъ не такъ жестокъ къ роду людскому; всякій имѣетъ опору въ Крестѣ. Онъ стоитъ на пути; всѣ мы странники, всѣмъ нужно утѣшеніе—и мы получаемъ его.

Далѣе авторъ сообщаетъ читателю о себѣ:

„Krzyżowego ze pługa chleb u Spasa iadłem
Nowogrodzkiego, potym w Czernihowie siadłem
Na Archiepiscopskiey Stolicy, godziło
Krzyż Spasowi przypisać, iemu z Krzyżem miło".

Намѣреваясь достойно восхвалить Христа и его Крестъ и вмѣстѣ съ тѣмъ указать на него, какъ на единственный источникъ спасенія человѣка отъ вѣчной и неминуемой смерти, Барановичъ пишетъ:

„Iák pisklę piszczę żyiąc tu na świećie,
Ziarna szukám tam, gdzie iest w świecie śmiećie.
Kokoszká moia Chrystus, gdy mię nie przygárnie
Pod swoie skrzydła, pêwnie tu mam zginąć marnie".

За симъ слѣдуютъ стихи на 4 буквы: I. Н. Ц. I. и различныя выписки изъ Св. Писанія, Бл. Августина, Іоанна Златоустаго—все на польскомъ языкѣ. Интересны автобіографическія признанія въ стихотвореніи (л. 4):

„Lat dźiewiętnáśćie upłylo,
Nic dobrego nie zrobiło“.

Здѣсь Л. Барановичъ жалуется на свои недостатки такъ:

„Lat temu dziewiętnaście iák krzyż noszę złoty
Pásterski, á Pásterskiey nie wypełniám cnoty.
Przebacz Pasterzu na Krzyżu wiszący,
Żem w bolach mruczał krzyż złoty noszący.
Zá żelazny mi stał przy słabym zdrowiu,
Nie miáłem żadnych dźieł ná pogotowiu“...

Послѣ стихотворенія „Tria sunt omnia“, гдѣ встрѣчаемъ то же сравненіе Христа съ кокошемъ, что и въ „Filar'ѣ Wiary“: („Tyś iak kokoszka na drzewo wleciała...)—повидимому, излюбленное у нашего автора, — читаемъ фигурное стихотвореніе: крестъ, надъ верхнимъ концомъ надпись: „Pan“, съ боковъ „Panna“ и „Jan“—т. е. символическое изображеніе Деисиса.

Стихи гласятъ слѣдующее:

„Dwa kwiatki kwiatka trzéciego wspieraią
Nie na polu—na palu krzyżowym go maią“...

Одинъ цвѣтокъ—Св. Дѣва, второй—ап. Іоаннъ; они смотрятъ, какъ страдаетъ третій, сорванный въ полѣ, увядаетъ исколотый терніями. Этотъ полевой цвѣтокъ—Христосъ—является единственнымъ лѣкарствомъ отъ смерти въ слѣдующемъ стихотвореніи, озаглавленномъ „Contra vim mortis non est medicamentum in hortis“.

Съ л. 7 до 34 слѣдуютъ фигурныя стихотворенія—акростихи довольно неуклюжіе, по алфавиту на слова: acre, acta, acua, adam ...zaba, znak, zona żona, żyto.

Вотъ напримѣръ:

Coma. Me włosy czesáne cierniami
Wy ie czeszecie grzebeniami.

Весьма курьезно стихотвореніе озаглавленное „Ptaka“;

„Mnich ma być iaki, Uczą go ptaki.
Synogárlica należy do Mnichá,
W modlitwách iak ta, tak ten teskniąc wzdychá.
Słowikiem w chorze by nabożnie spiewał.
A prze gorliwość wielką aż omdlewał.
A w kapitule pelikanem, zmázy
Wyznáwał swoie, sám ponosił rázy.
Na dormitárzu iak páw stąpał zćichá,
Z bráci żadnemu nie pomyslál lichá.
W mowie żorawiem, by uważał mowę,
Y ná słuch cudzy czułą skłańiał głowę.
A w szkole orłem, áby bystro wglądał
W nauki, y tey iák słońca pożądał.
Gołębiem w drodze, by rozmáżał rzeczy
Pilnie czytane, y miał ie na pieczy.
Jastrząbem aby był Panu w kazaniu,
Korzyśći czynił w pilnym nabywániu.
Azaś w trápézie wrobla nasladował,
Co mu postawią, w tym wszytkim smakował.

Вслѣдъ за этими стихотвореніями идутъ подобныя же съ тою разницею, что вмѣсто отдѣльныхъ буквъ на концахъ креста читаемъ цѣлыя слова; такъ, первое стихотвореніе изъ этой серіи посвящено веснѣ, лѣту, осени и зимѣ, второе четыремъ темпераментамъ и т. д., причемъ подбираются четыре соотвѣтствующія понятія. На л. 37 об. и л. 38 рисунки къ стихамъ! 1)—въ центрѣ четвероконечнаго креста ликъ Христа, на концахъ—два ока и два уха; 2)—въ центрѣ сердце съ терновымъ вѣнцомъ, по концамъ—руки и ноги, пронзенныя гвоздями. Засимъ—выписки и разсужденія о крестѣ. Съ л. 41 слѣдуютъ стихотворенія на различныя темы, именуемыя въ заглавіи, напримѣръ: „Uczniom Pan drogi umywa nogi“, „Piątek“, „Kto w piątek nie pośći, czyni to ze złosci“, и т. д.

На оборотѣ л. 43 грубая гравюра слѣдующаго содержанія, изображающая образъ Купятицкой Богородицы. Въ двой-

ной рамкѣ, въ облакахъ четвероконечный съ овальными концами крестъ; въ центрѣ его стоитъ Пресв. Богородица въ коронѣ и нимбѣ съ Младенцемъ. Въ верхнемъ концѣ какой то святитель, въ боковыхъ, въ медальонахъ—Ев. Лука и ап. Андрей. Надъ перекладиной слѣва на колѣняхъ пр. Лазарь въ святительскомъ облаченіи, справа—ангелъ въ той же позѣ съ поднятымъ мечемъ въ лѣвой рукѣ. Подъ перекладиной св. Борисъ и Глѣбъ съ копьемъ и ножемъ. На л. 44—стихотвореніе и крестобогородичный тропарь—по польски, затѣмъ— „Pęzlárżom y Rythmopiscom" и др.

Какъ и въ другихъ—и въ этой книгѣ Л. Барановичъ не остался чуждымъ политической жизни современнаго ему общества. Какъ въ „Lutnie Apollinowey" и въ „Nowey Mierze"—такъ и здѣсь (л. 48—50) онъ старается провести мысль о необходимости единодушнаго отпора туркамъ со стороны Польши и Руси. Если тамъ онъ только проситъ Бога примирить Русь съ Ляхами для совмѣстной борьбы противъ общаго врага,—то здѣсь онъ, взявши епиграфомъ пословицу „Audaces fortuna iuvat", зоветъ всѣхъ на войну. У христіанъ, пишетъ онъ, есть помощь на Турка—св. Крестъ; имъ вооружившись—

„Nie znidziesz z pola, aż Turka położysz";
Idź, choć mi przymow: „Rymopisco, wróżysz"
—„Vates" Poeta dawno powiedziáno,
Według mey wróżki oby z nim wygrano.

Необходимость согласія между русскими и поляками онъ старается доказать примѣрами (л. 48 об): „Евсевій Емесійскій пишетъ, что если во время перелета птицъ въ теплые края какая-нибудь изъ птичекъ утомится отъ долгаго пути надъ моремъ, то другія болѣе сильныя подлетаютъ и поддерживаютъ ее на себѣ, и такъ всѣ благополучно долетаютъ до теплыхъ краевъ. Такимъ же образомъ и Московскій Орелъ спасаетъ Польскаго Орла отъ Турокъ". Второй примѣръ—олени, поддерживающіе другъ друга при переходѣ чрезъ рѣки.

—„Отчего, ты русакъ, не помогаешь Поляку? спрашиваетъ Барановичъ въ слѣдующемъ стихотвореніи. Важнѣе же всего—

порядокъ, а не мочь: „Kiedy wyszła orda, wprzod by był Ordo trzeba, a niż korda“.

„Amen. Day Boże Turka wziąć na noże! восклицаетъ поэтъ въ заключеніе первой строфы. „Истинно признаюсь вамъ, милые мои христіане—великій позоръ вамъ, что вы не прикончите съ туркомъ. Не только свѣтскіе, но и духовенство могли бы поразить его: онъ помышляетъ и день и ночь, какъ бы покорить себѣ христіанъ. Но мы, призвавши Бога, настигнемъ его! Но—„od woyny, głodu, maru zbáw nas Swięta Troyca! молится поэтъ. Его воинственное настроеніе утихаетъ при мысли о спутникахъ войны.

На л. 51—60 подъ общимъ заглавіемъ „Zodiak w Narodzeniu Pańskim“ читаемъ рядъ стихотвореній на разные случаи, относящіеся къ Рождеству Христову; л 60—61 такія же „O Chrzcie Pańskim“; л. 61 об. о Воскресеніи, л. 62 и далѣе о Вознесеніи и другія, причемъ и здѣсь авторъ возвращается къ особенно занимающей его борьбѣ съ Турками въ стихотвореніи „Cerkwi Salomonowey modły oby Turkow pobodły (л. 66).

Въ заключеніе авторъ обращается (на об. л. 68) къ читателю съ стихотвореніемъ, въ которомъ проситъ прощенія, что осмѣлился писать о дѣлахъ Божіихъ, будучи недостойнымъ.

Dosyć pior maią Anyolowie w niebie,
Panie opisać nie potrafią ćiebie.
Coż ia robaczek potrafię o Panie?
Jam robak, panskie te słyszałem zdánie;
Jako robaczek ćisnę do robaka,
Rybaki rybki łowiąc, łowią raká.
Wszelkie dychánie kiedy Pana chwali,
Y moy robaczek do kupy się wali.
Jakąś dáł siłkę, z taką popisuię,
Panu poddańѕtwo y ia ofiaruię.

Эта обычная у старинныхъ авторовъ манера самоуничиженія выразилась у Л. Барановича въ изложенной имъ формѣ сравненія человѣка съ ничтожнымъ червемъ;—то же находимъ и въ „Nowey Mierze“ и въ „Filarze Wiary“.

Мы, можетъ быть, слишкомъ обстоятельно и подробно старались обозрѣть содержаніе „Księgi Smierci“, злоупотребляя выписками изъ стихотвореній Барановича, далеко не отличающихся красотой формы и богатствомъ мысли; но нами руководило желаніе познакомить интересующихся малорусско-польской литературой XVII вѣка съ очень рѣдкой книгой, произведеніемъ во всякомъ случаѣ не послѣдняго въ ряду литературныхъ труженниковъ той эпохи.

В. Перетцъ.

ФИЛОЛОГІЯ И ПОГОДИНСКАЯ ГИПОТЕЗА.

Даетъ-ли филологія малѣйшія основанія поддерживать гипотезу г. Погодина и г. Соболевскаго о галицко-волынскомъ происхожденіи малоруссовъ?

(Продолженіе [1]).

Примѣчаніе къ главѣ I-ой Рецензія А. Потебни на диссертацію г. Соболевскаго (не сохранившаяся, къ сожалѣнію, въ цѣлости) издана въ 4-й книгѣ «Извѣстій отдѣленія русскаго языка Академіи Наукъ» за 1896-й годъ, вышедшій въ 1897 году и дошедшей до меня только въ 1898-мъ. Потебня находитъ, что диссертація г. Соболевскаго цѣнна только своимъ матеріаломъ, а „разборъ частныхъ положеній автора можетъ скорѣе ослабить, чѣмъ подкрѣпить хорошее мнѣніе о его сочиненіи". Потебня обстоятельно указываетъ также на незнакомство г. Соболевскаго съ малорусской діалектологіей.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О способахъ, которые г. Соболевскій предлагаетъ, сверхъ сличенія рукописей, для поддержанія своей гипотезы.

Какъ извѣстно, главное оружіе г. Соболевскаго, изобрѣтенное имъ для защиты своей галицко-волынской гипотезы, это— сличеніе рукописей, которыя онъ признаётъ за кіевскія, съ рукописями, которыя онъ называетъ „галицко-волынскими"; разбору этого сличенія посвящена наша четвертая и пятая глава. Г. Соболевскій выступилъ также съ исторической статьей въ кіевскихъ „Университетскихъ Извѣстіяхъ" (1885), гдѣ онъ пытался раскритиковать В. Б. Антоновича при помощи особаго истолкованія лѣтописей; этого „критикованія" мы касаться не

---

[1]) См. Кіев. Стар. 1898 г., № 6.

будемъ, такъ-какъ оно уже разобрано М. С. Грушевскимъ (въ „Очеркѣ исторіи Кіевской земли"). А кромѣ того г. Соболевскій посвятилъ соображеніямъ (преимущественно филологическимъ) о правильности своей гипотезы одну страницу „Лекцій" [1]); ее мы здѣсь и разсмотримъ.

Такъ-какъ ошибокъ, голословныхъ утвержденій и искаженій заключается въ той страницѣ столько же, сколько словъ, то не мѣшаетъ, чтобы читатель имѣлъ ее цѣликомъ передъ глазами: не то онъ невольно вообразитъ, что мы взводимъ напраслину на г. Соболевскаго. Вотъ эта замѣчательная страница:

„Во всякомъ случаѣ, если древній кіевскій говоръ еще сохранялся до XV вѣка, нашествія Эдигея и Менгли-Гирея на Кіевъ и вообще частыя вторженія крымской орды въ кіевскую область должны были уменьшить число говорившихъ имъ настолько, что они уже не могли устоять противъ ассимиляціи съ многочисленными выходцами изъ Волыни, Подолья и Галичины и должны были принять ихъ говоры, вмѣстѣ съ ихъ мѣстными словами и названіями. Отсюда около Днѣпра уменьшительныя собственныя имена на *сь*, *ся*: Петру*сь*, Мару*ся*, которыхъ нѣтъ въ старыхъ кіевскихъ памятникахъ и вмѣсто которыхъ въ послѣднихъ употребляются чуждыя современному малорусскому нарѣчію уменьшительныя на *ша*: Мьсти*ша* (=Мьстиславъ?), Путь*ша* (=Путята?), Рать*ша* (=Ратьмиръ?), Волод*ша* (=Володиславъ, Ипатьев. списокъ лѣтоп. 34, 92, 229, 346), Свято*ша* (=Святославъ; сравни въ галицко-волынской лѣтописи: Волъдри*съ*=Володарь? Ипат. сп. 509; сравни тамъ же: Блю*съ*, Миту*са*=Блю*сь*, Миту*ся*?). Отсюда у жителей Черкасскаго уѣзда кіевской губ. слово *гуцалй* (это—искаженное галицкое *гуцýли*), употребляемое ими для своихъ сосѣдей на востокѣ (т. е. полтавцевъ. А. К.), и слово *буцй* (это—искаженное старое галицкое *бóйци*—бойки), которымъ они пользуются для означенія сосѣдей съ запада—подолянъ (Труды этнографич. статистической экспедиціи въ западно-русскій край, собр. Чубинскимъ, т. VII, вып. II, 463). Отсюда наконецъ для кіевской области („Руси" по

---

[1]) См. по 1-му изданію между стр. 199-ой и 200-ой; по второму изданію—стр. 255—256.

преимуществу древней эпохи) и для земель къ востоку отъ Днѣпра названіе „Малая Русь“, которое принадлежало первоначально западной части кіевскаго княжества—Галичинѣ (выдѣлилась изъ кіевскаго княжества въ концѣ XI в.) и Волыни (выдѣлилась около половины XII в.) и употреблялось уже въ XIII и XIV столѣтіяхъ (Μιxρὰ 'Ρωσσία у грека Кодина, конца XIII в., Russia minor въ грамотѣ волынскаго князя Юрія 1335 г., Μιxρὰ Ρωσσία въ документахъ на греческомъ языкѣ XIV в. Русск. Историч. Библ., VI, прилож.). Это названіе въ XIV в. то означало одну галицко-волынскую землю (грамота Ольгерда 1371 г.: „*Кіевъ*, Смоленскъ, Тверь, *Малая Русь*“. Русск. Истор. Библ. VI, прилож 140), то уже распространялось и на Кіевъ (постановленіе Константинопольскаго патріаршаго собора 1354 г.: „городъ въ *Малой Руси*, называемый *Кіевъ*“. Русск. Ист. Библ. VI, 63)“.

Разберемъ каждый пунктъ отдѣльно.

Объ именахъ на ша.

По словамъ г. Соболевскаго, современное малорусское нарѣчіе не знаетъ уменьшительныхъ именъ на *ша*, тогда какъ у старыхъ кіевлянъ такія имена существовали: Мьстиша (=Мьстиславъ?), Путьша (=Путята? [1]), Ратьша (=Ратьмиръ?), Володша (=Володиславъ [2]), Святоша (=Святославъ [3]);—изъ этого, на

[1]) Едвали отъ „Путята“,—скорѣе ужъ отъ „Путило“ или „Путиславъ“. А имя „Путята“ само похоже на ласкательное.

[2]) Почему Володиславъ, а не Володимиръ (какъ обыкновенно думаютъ).

[3]) Ставя при другихъ (открытыхъ по догадкѣ) именахъ вопросительные знаки, г. Соболевскій считаетъ возможнымъ обойтись въ послѣднемъ случаѣ безъ всякаго вопросительнаго знака; онъ не сомнѣвается, что „Святоша“ есть уменьшительное отъ „Святославъ“. Между тѣмъ именно здѣсь очень умѣстно сомнѣніе: имя „Святоша“ принадлежитъ *святому* князю, и потому есть нѣкоторое основаніе думать, что „Святоша“ есть эпитетъ, а не сокращеніе имени „Святославъ“; Карамзинъ (т. II, гл. VI), вѣроятно, правъ, толкуя „Святоша“ въ смыслѣ „святой“ (быть можетъ, онъ имѣлъ даже историческія свидѣтельства объ этомъ). Впрочемъ и насчетъ именъ Ратьша, Путьша и Мьстиша нельзя быть вполнѣ увѣрену, что они—уменьшительныя собственныя, а не нарицательныя (не прозвища). „Путьша“ могло бы означать просто „путникъ“, „Ратьша“—ратникъ“, „Мьстиша“—„мститель“, и т. д.; такое мнѣніе мнѣ пришлось однажды слышать. Ниже мы еще возвратимся къ этому вопросу (при разборѣ данныхъ современнаго малорусскаго нарѣчія), а пока-что будемъ вмѣстѣ съ г. Соболевскимъ считать имена вродѣ „Мьстиша“ за уменьшительныя, такъ-какъ это—правдоподобнѣе всего.

взглядъ г. Соболевскаго, ясно, что древніе кіевляне были не малоруссы.

Эти слова заключаютъ и въ методѣ, и въ утвержденіяхъ много путаницы. Коснемся сперва частностей, обнаруживающихъ у г. Соболевскаго недостатокъ научнаго метода, а потомъ перейдемъ къ сути и покажемъ, посредствомъ множества примѣровъ, что имена на *ша*—чисто малорусскія.

Маломальски свѣдущему въ исторіи читателю прежде всего бросится въ глаза, конечно, то обстоятельство, что г. Соболевскій, съ цѣлью увеличить бѣдное количество лѣтописныхъ древнихъ *кіевскихъ* именъ на *ша*, присоединилъ къ нимъ имена изъ области черниговской и полоцкой. Пріемъ этотъ, конечно, не наученъ, но, собственно, это еще мелочь: взамѣнъ Володши и Святоши, которыхъ приходится исключить, г. Соболевскій могъ бы назвать Ракошу (Глѣбъ Ракошичъ въ Ипат. лѣт. 341) и еще одного болѣе позднягo, но все же чистѣйшаго [1]) кіевлянина—воеводу Юршу (извѣстенъ въ 1438-мъ г.). Гораздо менѣе извинителенъ самый методъ, который положенъ г. Соболевскимъ въ основу его размышленій объ историческомъ значеніи древнихъ именъ: „если у *древнихъ* кіевлянъ были такія имена, какихъ (по мнѣнію г. Соболевскаго) нѣтъ у *современныхъ* малоруссовъ", то выходитъ, что древніе кіевляне не могли быть предками современныхъ малороссовъ. Методъ этотъ долженъ былъ бы показаться г. Соболевскому неумѣстнымъ ужъ по тому одному, что г. Соболевскій—филологъ, а вѣдь предложенное имъ разсужденіе противорѣчитъ одному изъ основныхъ наблюденій сравнительнаго языкознанія [2]). Но не нужно быть и филологомъ, чтобы увидѣть, къ какимъ несообраз-

---

[1]) Мы позволяемъ себѣ сказать: „чистѣйшаго", потому что по грамотѣ Витовта, подтвержденной много разъ его наслѣдниками, полагалось „волости кіевскія кіяномъ держати, а иному никому". См. В. Б. Антоновичъ: „Кіевъ", въ „Кіев. Стар." 1882, янв., стр. 29.

[2]) Вѣроятно, въ каждомъ элементарномъ учебникѣ сравнительнаго языковѣдѣнія можно въ самомъ началѣ найти положеніе: въ теченіи своей исторической жизни языкъ не только развиваетъ свои старые факты, но и теряетъ нѣкоторые изъ нихъ, равно какъ пріобрѣтаетъ совсѣмъ новые.

ностямъ можетъ привесть подобный методъ. Есть у современныхъ малоруссовъ уменьшительныя на *но* (напр., „Михно“ отъ „Михаилъ“), а у великоруссовъ—нѣтъ теперь такихъ уменьшительныхъ; между тѣмъ въ древней Суздали мы встрѣчаемъ имя Михно [1]); если методъ г. Соболевскаго правиленъ, то необходимо заключить, что старые суздальцы были не великоруссы, а малороссы. Малоруссовъ, по методу г. Соболевскаго, можно усмотрѣть и въ началѣ московскаго періода на Шекснѣ, такъ-какъ тамъ въ это время жилъ крестьянинъ—„старожилецъ“ Гавшукъ [2]),—имя, которое теперь отсутствуетъ у великоруссовъ, а есть у малоруссовъ. Подражая г. Соболевскому, мы имѣли бы полное право заявить, что въ старыя времена въ Суздали и на Шекснѣ жили малоруссы, а потомъ были вытѣснены великоруссами. Конечно, сейчасъ же намъ при этомъ представится вопросъ: „но развѣ исторія говоритъ намъ о чемъ-нибудь подобномъ?“ Если г. Соболевскій находитъ, что для опустошенія Кіева достаточно было татарскихъ нашествій, то и по отношенію къ сѣверо-восточной Руси его объясненіе не должно терять своей силы, тѣмъ болѣе, что сѣверо-восточная Русь потерпѣла отъ татаръ гораздо значительнѣе, чѣмъ южная [3]). Если читатель не удовольствуется такимъ объясненіемъ, но потребуетъ ясныхъ и прямыхъ свидѣтельствъ о томъ, что въ Суздали и на Шекснѣ жили прежде малоруссы, а потомъ на ихъ мѣсто пришли великоруссы, то и на это требованіе у г. Соболевскаго есть исто-

---

[1]) Мечникъ Андрея Боголюбскаго. См. Ипатьевскій списокъ 383, 389, 390. Полное собраніе русскихъ лѣтописей II, 100 и слѣд. Соловьевъ (изд. 1869, т. II, стр. 462) думаетъ, что у Андрея Боголюбскаго служило даже два Михна, а не одинъ.

[2]) Описаніе Государственнаго Архива старыхъ дѣлъ, стр. 201.

[3]) Антоновичъ: Кіевъ, стр. 3. А. Соловьевъ въ IV т. (1863 г., стр. 242 и сл.) указываетъ, что въ упоминаемое время на сѣверную Русь приходится 133 непріятельскихъ набѣга; изъ этого числа на долю татарскихъ опустошеній приходится 48; „а если“, говоритъ Соловьевъ, „приложимъ къ числу опустошеній отъ внѣшнихъ враговъ число опустошеній отъ усобицъ, то получимъ 232,—слѣдовательно, придется по опустошенію почти на каждый годъ“. Кромѣ того Соловьевъ (loc. cit.) указываетъ на множество опустошительныхъ моровъ, голодовъ и т. п.

рическая „аксіома“: „Здѣсь мы стоимъ лицомъ къ лицу съ недостаткомъ историческихъ данныхъ,—явленіемъ обычнымъ, если мы имѣемъ дѣло съ движеніемъ народныхъ массъ“ („Лекціи“, стр. 257).—Но ясно, что никакіе подобные афоризмы не поддержатъ теоріи о малорусскости старыхъ суздальцевъ и пошекспенцевъ, построенной на именахъ „Михно“ и „Гавшукъ“, точно такъ-же какъ не поддержатъ они теоріи о великорусскости старыхъ кіевлянъ, построенной на именахъ „Путьша“, „Ратьша“ и т. п. Дѣло въ томъ, что судьба именъ въ какомъ-нибудь языкѣ бываетъ такая же, какъ вообще всѣхъ формъ и звуковъ языка: одни подвергаются измѣненіямъ, другіе вовсе пропадаютъ, третьи рождаются вновь. Г. Соболевскій своими разсужденіями объ именахъ на *ша* повторилъ, въ обратномъ направленіи, старую ошибку Максимовича, давно изобличенную филологами. Максимовичъ однажды сказалъ: „Въ кіевской лѣтописи пишется: „въ доро*зѣ*“; нынѣшній великорусъ сказалъ бы: „въ доро*гѣ*“, а малороссъ говоритъ и теперь: „въ доро*зи*“;—поэтому, древніе кіевляне не могли быть великоруссами; и г. Соболевскій говоритъ: „Въ *старомъ* Кіевѣ было имя „Ратьша“; *теперъ* уменьшительныя на *ша* (будто бы) не свойственны малоруссамъ, а свойственны только великоруссамъ,—поэтому, древніе кіевляне не были малоруссами“. Но ошибка Максимовича имѣетъ за собой то извиненіе, что въ его время исторія русскаго языка была неразработана, онъ вездѣ выступалъ, можно сказать, еще піонеромъ, и потому ему простительно было изрѣдка ошибиться въ своихъ разсужденіяхъ. А г. Соболевскій, изслѣдуя исторію русскаго языка, ступаетъ вѣдь по почвѣ вполнѣ разрыхленной (между прочимъ, усиліями того же Максимовича) и имѣетъ передъ собою труды многихъ талантливыхъ изслѣдователей; среди нихъ блещутъ, напримѣръ, имена Срезневскаго, Потебни, Ягича,—людей, у которыхъ можно было бы поучиться правильному научному методу.

И еще есть одно отличіе Максимовича отъ г. Соболевскаго,—отличіе, составляющее главную вину г. Соболевскаго въ его сужденіяхъ объ именахъ на *ша*. Когда Максимовичъ находилъ

для себя доказательнымъ ссылаться на современное малорусское смягченіе г въ з („въ дорози"), онъ не измышлялъ ничего отъ себя: малоруссы на самомъ дѣлѣ таки говорятъ „въ дорози", и Максимовичъ ссылался на фактъ, существующій и всегда существовавшій у нихъ. Между тѣмъ г. Соболевскій, говоря, что уменьшительныя имена на *ша* не могутъ считаться малорусскими и чужды современному малорусскому языку, говоритъ не истину. Какъ раньше онъ произвольно навязывалъ малоруссамъ слова вродѣ „воні" и „ищіте" [1]), такъ теперь произвольно отымаетъ у нихъ имена на *ша*.

Самое резонное было бы для г. Соболевскаго, встрѣтивши у старыхъ кіевлянъ имена на *ша*, обратиться не къ нынѣшнимъ малоруссамъ, а къ старымъ галичанамъ и волынянамъ, малорусскость которыхъ онъ же ставитъ внѣ всякаго подозрѣнія, да и справиться: не существовали ли у нихъ имена на *ша* въ то время, когда такія имена существовали въ старомъ Кіевѣ? Есть одинъ памятникъ не галицко-волынскій, но считаемый г. Соболевскимъ за галицко-волынскій: надпись на крестѣ Ефросиніи Полоцкой 1161-го года; тамъ мастеръ называетъ себя „Богъша" (уменьшительное, вѣроятно, отъ Богуславъ). Надпись эта, какъ мы уже сказали, не галицкая и не волынская, но такъ-какъ г. Соболевскій называетъ ее галицко-волынскою, то мы можемъ только изумляться, почему онъ, встрѣчая имя „Богъша" въ ней, можетъ видѣть въ старо-кіевскихъ именахъ на *ша* черту противо-малорусскую. Мы однако укажемъ старо-малорусскія имена на *ша* не въ подобныхъ памятникахъ, а въ дѣйствительно авторитетныхъ: въ Волынской лѣтописи. Тамъ мы прочитаемъ, напримѣръ (Ипат. спис. 600, нѣск. разъ), что у Владиміръ-Волынскаго князя Володимера былъ „слуга добрый, вѣрный, именемъ Рачьш*а*" (то же имя, что и въ Кіевѣ!); тамъ же мы найдемъ (стр. 485), что въ 1208-мъ году жилъ галичанинъ Тъба*ша*, который во время войны угрину Микѣ „главу стялъ".

Обратимся къ малорусскимъ именамъ на *ша* послѣ татарскаго погрома, вплоть до начала нынѣшняго вѣка. Беремъ на-

---

1) См. главу вторую, стр. 363 и 364 (Кіев. Стар. 1898, іюнь).

удачу три—четыре изданія по исторіи Малороссіи (изъ тѣхъ, которыя имѣются у насъ подъ руками въ нашей дорожной библіотекѣ)—и встрѣтимъ имена на *ша* очень часто. Дочь луцкаго князя Льва Юрьевича (+ок. 1324 г.), которая вышла замужъ за Любарта Гедыминовича, называлась Буша [1]). Въ грамотѣ этого Любарта Гедыминовича 1366-го года упоминается въ числѣ жителей Луцка Иванъ Мьстишенскій [2]),—значитъ, было тамъ и имя Мьстиша, второе изъ трехъ лѣтописныхъ именъ, отмѣченныхъ г. Соболевскимъ какъ спеціально кіевскія [3]). Приблизительно лѣтъ черезъ сто послѣ того, или немного больше [4]), у Лазура Радіевскаго въ Барскомъ староствѣ была дочь Аннуша. Частое женское имя—это Маруша, уменьшительное и отъ „Марія" (какъ и въ н. вр.), и отъ „Марина" [5]). Въ началѣ XVI вѣка (1516 г.), мы встрѣчаемъ въ Подоліи Марушу Иляшовскую [6]). Тамъ же 1520—1522 г. была Маруша Володовская [7]). Въ томъ же 16-мъ-мъ вѣкѣ жена Брацлавскаго каштеляна и городничаго въ замкѣ Владимірскомъ—Василія Загоровскаго (извѣстнаго своей горячей любовью къ русской вѣрѣ и народности)—была княжна Маруша Збаражская [8]). Въ концѣ того же вѣка и началѣ слѣдующаго мы знаемъ на Подоліи Марушу Богдановну

---

[1]) Цитирую это имя просто по памяти и потому не дѣлаю ссылки на какую нибудь книгу. У Иванова эта княгиня названа Буча (стр. 219).

[2]) Ивановъ: Историческія судьбы Волынской земли. Одесса 1895, стр. 273.

[3]) Быть можетъ, мы не ошибемся, если въ виду существованія древняго волынскаго рода Путошинскихъ откроемъ на Волыни и третье (значитъ, послѣднее) изъ тѣхъ трехъ якобы спеціально-кіевскихъ лѣтописныхъ именъ: Путьша. См. Архивъ юго-зап. Россіи, т. 4-й, ч. I, к. 1871, введеніе В. Антоновича, стр. 48 Впрочемъ и безъ Мьстиши, и безъ Путьши Волынь и Галичина знаютъ много именъ на *ша*.

[4]) Грушевскій: Барское староство. К. 1884, стр. 209.

[5]) См. длинный процессъ въ „Архивѣ Ю.-З. Россіи", ч. III, т. 1-й (1863 г.) стр. 178.

[6]) Грушевскій: Барское староство, стр. 185.

[7]) Названное соч., стр. 199.

[8]) „Про шлюбъ на Руси-Украинѣ въ XVI—XVII столѣтю". Написавъ Левко Маяченець (псевдонимъ). Зоря 1885, стр. 209. См. также „Мазепа и его прекрасная Елена" И. Каманина. Кіев. Стар. 1886, ноябрь, стр. 528.

изъ рода Слупицъ Лысогорскую [1]). Въ 1611-мъ г. въ Житомірѣ возбудила процессъ волынская пани Маруша (Марина) Пашкевичъ [2]). Черезъ семь лѣтъ (1618) въ томъ же житомірскомъ, замкѣ разбирается процессъ, въ которомъ упоминается жительница мѣстечка Студеная Вода—Маруша, жена Васька Винника [3]). За одно отмѣтимъ здѣсь и Марушу Багриновскую—въ жалобѣ овруцкихъ дворянъ 1718-го года [4]) и еще женское имя Ориша, попадающееся въ разводномъ дѣлѣ 1682-го года [5]). Въ Барскомъ староствѣ въ 1565-мъ г. жилъ Мурша [6]), по фамиліи Берлинскій, въ с. Берлинцахъ [7]). Опись Овруцкаго замка 1545-го года [8]) показала, что между прочимъ тамъ живутъ: земянинъ панъ Павша [9]), крестьянка Катюша—вдова [10]), земянинъ Тыша Быковскій [11]). Около того же времени какой то (вѣроятно, овруцкій) панъ Михаилъ Павша посылалъ „листъ" въ Кіево-Печерскую лавру [12]). Въ 17-мъ и 18-мъ вѣкѣ фамилію Павшей [13])

---

1) „Старинный родъ Слупицъ и ихъ помѣстье Куна". Кіев. Стар. 1886, іюль, стр. 568.

2) Архивъ Юго-Зап. Россія, т. 1-й, ч. III. Ея имя на стр. 168, 182, 183, 184, 185.

3) Тамъ же, стр. 241 и 251.

4) Архивъ юго-зап. Россіи, т. 1-й ч. IV, (Кіевъ 1867). стр. 288.

5) Тамъ же, стр. 151.

6) Болѣе обычная форма этого имени—на ко: Мурко.

7) Грушевскій: Барское староство, стр. 182.

8) Архивъ юго-зап. Россіи, т. 1-й ч. IV, (Кіевъ 1867).

9) Назв. изданіе, стр. 37.

10) Названное изданіе, стр. 43.

11) Тамъ же, стр. 48.

12) Кіев. Старина 1886, іюнь, стр. 197.

13) Что касается соотношенія между личнымъ именемъ и фамиліей, то читатель долженъ вспомнить, что у малоруссовъ, какъ вообще у славянъ, въ роли потомственнаго фамильнаго прозвища сплошь да рядомъ фигурируетъ личное имя предка, особенно уменьшительное. Каждый изъ читателей можетъ среди своихъ знакомыхъ найти немало лицъ съ такими фамиліями. Я могу напомнить, напр., о знаменитомъ галицкомъ литераторѣ Иванѣ Франко, о его соварищѣ Михайлѣ Павликѣ, о литераторѣ Іеронимѣ Луцыкѣ и т. п., и т. п. Даже при современномъ, оффиціальномъ фиксированіи одного какого-нибудь прозвища (путемъ внесенія въ документы) еще не исчезаетъ старинный обычай обращать личное имя въ потомственную фамилію. По поводу процесса возникновенія малорусскихъ фамильныхъ прозвищъ существуетъ общеизвѣстная статья проф. Н. Ѳ. Сумцева (оттискъ изъ „Кіев. Стар." 1885, февр.; см. особенно стр. 217 и 219) и новѣйшая—В. Охримовича: „Про сильські прозвища", въ журналѣ „Житье и Слово" 1895, т. III, стр. 302—307.

встрѣчаемъ чрезвычайно часто,—таковы, напримѣръ, дворяне, упоминаемые множество разъ въ овруцкихъ книгахъ гродскихъ [1]). Попадающееся въ овруцкой описи имя Тыша [2]) встрѣчается и въ другихъ документахъ не разъ; такъ, въ Житомірскомъ процессѣ 1618-го г. выступаетъ цѣлая семья Тышей [3]); въ житомірской актовой книгѣ 1664-го года говорится о дворянинѣ Львѣ Тышѣ Быковскомъ [4]); въ 1727 г. въ м. Фастовѣ [5]) былъ староста Якубъ Тиша [6]). Въ войскѣ Богдана Хмельницкаго отличался козакъ Тиша [7]); (здѣсь „Тиша", очевидно, ужъ личное имя, а не фамилія). Въ думахъ о Хмельницкомъ и Барабашѣ полковникъ Бѣлоцерковскій 1637-го г. называется то своимъ полнымъ именемъ—Климъ, то уменьшительнымъ—Клиша [8]). Въ 1649-мъ г. сотникъ Оржицкой сотни Кропивянскаго полка назывался Матюша [9]). При Выговскомъ былъ козакъ Груша [10]).

---

[1]) Архивъ юго-зап. Россіи т. 4-й, ч. I, (Кіевъ 1871), стр. 108, 232—235, 243—247, 381—384, 443, 596; Архивъ т. 1-й, ч. IV, (Кіевъ 1867), стр. 333, 335. Было это имя и въ Галичинѣ, гдѣ до сихъ поръ есть село Павшевка.

[2]) Пишется то „Тыша", то „Тиша"; имя „Тихонъ" и его другія уменьшительныя (Тихно, Тишко) пишутся въ малорусскихъ документахъ такъ же то съ *и* то съ *ы*.

[3]) Архивъ юго-зап. Россіи т. 1-й, ч. III, (Кіевъ 1863), стр. 210, 211, 212.

[4]) Кіев. Стар. 1882, нб., стр. 357.

[5]) Фастовъ находится, конечно, въ Кіевщинѣ, но вѣдь по мнѣнію Соболевскаго она не только въ 1727-мъ году, но еще за долго до того времени была лишена своего старо-кіевскаго населенія, и въ ней жили пришлые галичане и волыняне, такъ что и по его мнѣнію ссылаться на Кіевщину того времени—все равно, что ссылаться на Галичину и Волынь.

[6]) Архивъ юго-зап. Россіи, т. 4-й, ч. I (Кіевъ 1871), стр. 518.

[7]) Ригельманъ: лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, изд. 1848 (Москва), часть I, стр. 121.

[8]) Антоновичъ и Драгомановъ: Историческія пѣсни малорусскаго народа, т. II, (Кіевъ 1875), стр. 3, 8, 17. Теперь есть фамилія Клыша: Тымохвій Клыша—козакъ Лубенскаго уѣзда. См. „Полтавскія Губер. Вѣдомости" 15 іюля 1898 г. № 151.

[9]) Максимовичъ: Собраніе сочиненій, т. I (Кіевъ 1876), стр. 714.

[10]) Конечно, имя Груша могло бы происходить просто отъ нарицательнаго „груша" (die Birne). Но у Ригельмана (II, стр. 6) сказано такъ: „Виговскій послалъ трехъ козаковъ: Павла, Петра и Грушу". Употребленіе имени „Груша" наряду съ „Павло" и „Петро", думаемъ, ясно показываетъ, что имя третьяго казака есть имя крестное,—то самое, которое имѣетъ еще другія уменьшительныя формы: Грушъ, Грунь, Грушко, Грунько. (Кіевскій мѣщанинъ Грунь Ивановичъ или Грушъ Ивановичъ упоминается въ актѣ Бориспольскаго мѣйскаго уряда. „Кіев. Стар." 1892, апрѣль, приложеніе, стр. 4 и 5).

Приблизительно въ то же время жилъ въ Брацлавѣ протопопъ Ракуша [1]),—имя, напоминающее лѣтописное имя Ракоша [2]), а если удареніе на „Ра“, то и совпадающее съ нимъ [3]). Въ началѣ 17-го вѣка жилъ недалеко отъ мѣстечка Черемошны (Бердич. уѣзда) панъ Завиша [4]). Въ Пирятинской описи 1690-го года значится Ярема Буша, господарь въ Пирятинѣ [5]). Въ запорожскихъ походныхъ журналахъ прошлаго вѣка записанъ судебный процессъ (съ 1745-го г.), герой котораго—войсковой писарь (впослѣдствіи войсковый товарищъ) Петруша [6]). Въ показаніяхъ уніатскихъ священниковъ 1752—1768 г. отмѣчается галицкій русинъ Порвиша (иначе—Порвишко) [7]). Въ купчихъ записяхъ полтавскихъ козаковъ прошлаго вѣка встрѣчаются имена: Кируша [8]), Куруша [9]), Труша [10]). Такимъ образомъ мы, взявши нѣсколько первыхъ попавшихся книгъ и раскрывая ихъ наудачу то на той, то на другой страницѣ, легко могли ука-

---

[1]) Рягельманъ, II, 123 и 124.

[2]) Глѣбъ Ракошичь жилъ въ Кіевѣ при князѣ Изяславѣ Давидовичѣ. Ипат. лѣт. 341; Соловьевъ: Исторія Россіи (1869), II, 230.

[3]) Потому что неударное *о* во второмъ слогѣ легко могло перейти въ *у* по законамъ малорусской фонетики. Имя „Ракуша“, впрочемъ, не характерно и можетъ быть исключено изъ нашего списка.

[4]) Отъ какого имени происходитъ уменьшительное „Завиша“ и его разновидность „Завихно“, мы не знаемъ въ точности. Вѣроятнѣе всего отъ имени „Завидъ“, которое великорусскіе этнографы относятъ къ числу т. н. некалендарныхъ именъ.

[5]) Кіев. Стар. 1890, дек., стр. 446.

[6]) „Какъ судили и рядили съ запорожской сѣчи“ А. Скальковскаго. Кіевск. Стар. 1886, мартъ, стр. 604 и сл. Документы о Петрушѣ—стр. 608—609.

[7]) Архивъ юго-зап. Россіи, т. 4-й, ч. I, стр. 535.

[8]) И. Лучицкій: Сборникъ матеріаловъ для исторіи общественныхъ земель и угодій въ Лѣвобережной Украинѣ (Полтав. губ.). Универ. Извѣстія 1883 и 1884 г., стр. 119.

[9]) Тамъ же, стр. 92.

[10]) Тамъ же, стр. 53. Въ настоящее время, какъ извѣстно, обычное малорусское уменьшительное отъ „Трохимъ“ будетъ „Трушко“ и „Трушъ“ (съ окончаніемъ мужескаго склоненія). Такъ, одинъ извѣстный кобзарь (о немъ статья въ „Кіевск. Стар.“ 1882, т. III, стр. 262 и сл.), учитель Остапа Вересая, назывался Трушъ. Въ документахъ, изданныхъ г. Лучицкимъ, встрѣчается и „Труша“ и „Трушъ“,—напр., на стр. 29. Къ этой нашей замѣткѣ мы еще разъ возвратимся ниже.

зать г, Соболевскому (въ параллель къ его тремъ старо-кіевскимъ именамъ) десятка четыре малорусскихъ именъ на *ша* изъ разныхъ періодовъ малорусской исторіи [1]). Укажемъ здѣсь же нѣсколько малорусскихъ фамилій, которыя существуютъ и теперь, но образовались раньше нынѣшняго вѣка. Въ Черниговщинѣ есть фамиліи: Борейша [2]), Дейша [3]), Корейша [4]), Тыша-Тыщинскій [5]), Петруша [6]). Въ Кіевщинѣ есть фамиліи: Кате-

---

[1]) Просимъ читателей помнить, что мы ограничились именно первыми попавшимися книгами и лишь бѣгло ихъ перелистали: не то могли бы свободно представить г. Соболевскому нѣсколько *сотенъ* такихъ малорусскихъ именъ. Жалѣемъ, что у насъ нѣтъ здѣсь въ Сиріи „Указателя собственныхъ именъ (Новицкаго) къ изданіямъ Временной коммиссіи для разбора древнихъ актовъ при Кіевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ генералъ-губернаторѣ". Изъ него, очевидно, можно было бы почерпнуть немало данныхъ.

[2]) Напр., Вѣра Борейша, попечительница народной школы въ Пирятинскомъ у. Полтав. губ. отмѣчена въ памятной книжкѣ Кіевскаго учебнаго округа за 1896-й годъ. Фамилія старинная. Панъ Иванъ Борейшевичъ посылалъ, вѣроятно, около половины XVI в., „листъ" въ Печерскую Лавру (Кіев. Стар. 1886, іюнь, стр. 298).—Отъ того же имени, отъ какого образовано уменьшительное „Борейша" (т. е., очевидно, отъ Борисъ), производится уменьшительное съ окончаніемъ *ко*. Напр., Dyaryusz Сярчинскаго въ концѣ прошлаго вѣка называетъ подолянина Борейка, посла на сеймъ 1791-го года (Универ. Извѣстія, 1883, октябрь, приб. IV, стр. 219); въ половинѣ 18-го в. извѣстенъ подолянинъ Фелиціанъ Борейко (Кіев. Стар. 1886, іюль, 5·9); въ православномъ волынскомъ съѣздѣ 1710 г. участвовалъ волынскій дворянинъ Янъ Борейко Кнерульскій (Архивъ юго-зап. Р., т. I, ч. IV, стр. 362); въ овруцкихъ книгахъ гродскихъ записанъ въ числѣ протестующихъ православныхъ 1699-го года Самуэль Борейко (Арх. ю.-з. Р., т. 1-й ч. IV, стр. 348).

[3]) Въ той же Черниговской губ., а кромѣ того въ Полтавской, есть фамиліи того же корня: Дейко, Дейкунъ, а въ Проскуровѣ (Под. губ.)—Дейчукъ. Чубинск., т. VI, стр. 266.

[4]) Иванъ Корейша—народный учитель въ Борзенскомъ у. Черниговской губ.; Ефимъ Корейша—народный учитель въ Константиноградскомъ у. Полт. губ. См. памятную книжку Кіевск. учебн. округа на 1896-й годъ.

[5]) Извѣстенъ малорусскій писатель этой фамиліи, умершій года два назадъ. „Тыщинскій" произведено отъ „Тышко", и такимъ образомъ въ обѣихъ составныхъ частяхъ фамиліи „Тыша-Тыщинскій" заключается указаніе на имя „Тихонъ". Срв. подобное же образованіе въ двойныхъ фамиліяхъ: Ворона-Воронинскій, Дробышъ-Дробышевскій, Гарничъ-Гарницкій и др.

[6]) Козакъ Анастасій Петруша—попечитель народной школы въ Борзенскомъ у. Черниг. губ. (Пам. книжка Кіев. уч. округа на 1896-й г.). Въ г. Васильковѣ Кіев. губ. живетъ крестьянинъ Петруша (сообщ. Г. А. Иванецъ).

руша [1]), Бушша [2]), Поликша и Кукша [3]). Въ Подольской губ.: Садоша [4]), Конша [5]), Макейша [6]), Матюша [7]) Въ Харьковщинѣ – Хоша [8]).

Переходимъ къ современнымъ малоруссамъ, относительно которыхъ г. Соболевскій прямо утверждаетъ, что имъ уменьшительныя имена на *ша* чужды. Пожалуй, можно отмѣтить то обстоятельство, что въ настоящее время уменьшительныя на *ша* вытѣсняются именами съ мужескимъ окончаніемъ *шъ* (Дорошъ, Иляшъ, Степашъ, Грушъ, и пр.) [9]), *усь* (Петрусь, Павлусь и др.) и въ особенности именами на *ко* (Илько, Степко, Грицько и т. п.) [10]), но утверждать, будто у малороссовъ

---

[1]) Крестьянинъ Черкасскаго уѣзда Кіев. губ. См. Б. Гринченко: Этнографическіе матеріалы, т. II (Черниговъ 1895), стр. 339.

[2]) Чубинскій, т. VI, стр. 167. Выше было нами указано имя Буша у старинныхъ малоруссовъ, напр. въ 1690-мъ г. Происходитъ оно, очевидно, отъ Буславъ (Богуславъ).

[3]) Жители Таращанскаго уѣзда Кіев. губ. Поликша—волостной писарь въ с. Жидовская Гребля.

[4]) Сообщено покойнымъ Ю. Карповичемъ (родомъ изъ Ямпольскаго у.) Срв. великорусскія имена Садко и Садошка („Этнограф. обозрѣніе", кн. IX, стр. 169)

[5]) Сообщеніе Ю. Карповича. Эго имя, не какъ фамильное, а какъ личное (очевидно, отъ Кондратъ) существовало и у великоруссовъ. „Этнограф. обозрѣніе", кн. XVI, стр. 126.

[6]) Крестьянинъ Макейшенко упомянутъ у Чубинскаго, т. VI, стр. 312. У великоруссовъ въ 16-мъ в. было имя Макуша или Макоша, которое г. Чечулинъ считаетъ некалендарнымъ. „Библіографъ" 1890, № 8, стр. 83.

[7]) Чубинскій, VI, стр. 365.

[8]) Степанъ Хоша—крестьянинъ купянскаго уѣзда. „Харьк. губ. Вѣд". 1897 с. 17 дек. № 324. „Хоша" отъ „Фотій".

[9]) Суфиксъ *шъ* (грамматичнѣе—*шь*) есть по мнѣнію Миклошича чисто малорусскій; по мнѣнію галицкаго ученаго А. Петрушевича онъ заимствованъ у западныхъ славянъ—мнѣніе высказано въ Przeględzie Archeologicznym. См. Кіев. Старина 1885, янв., 173; а вѣрнѣе будетъ считать его общерусскимъ. Суфиксъ *шь* охотно употребляется вм. *ша* въ силу того безсознательнаго соображенія, что именамъ мужескаго рода болѣе подобаетъ мужеское окончаніе, чѣмъ женское.

[10]) Выше мы имѣли случаи отмѣтить въ старыхъ малорусскихъ документахъ нѣсколько образчиковъ параллельнаго и довольно аналогичнаго образованія обоихъ уменьшительныхъ: и на ша и на ко (напр., Борейша и Борейко).

вовсе нѣтъ теперь уменьшительныхъ на *ша*, значитъ показывать свое незнаніе малорусскаго языка. Въ наибольшемъ ходу уменьшительныя на *ша* (напр. Иванюша) у сѣверо-восточныхъ малоруссовъ [1]), но, въ силу странной случайности, г. Соболевскій помнитъ объ этихъ малоруссахъ только тогда, когда ему хочется провозглашать тождество малорусскаго нарѣчія съ великорусскимъ [2]), и забываетъ ихъ тогда, когда такое забвеніе полезно для его гипотезы о великоруссизмѣ старыхъ кіевлянъ. Въ другихъ мѣстностяхъ Малороссіи уменьшительныя на *ша* не такъ обычны, но все же часты. Возьмемъ, напримѣръ, Полтавщину. Въ селахъ Лохвицкаго и Лубенскаго уѣзда [3]) еще можно встрѣтить отъ „Тымохвій" уменьшительное „Тымоша", хотя, разумѣется, господствуетъ „Тымишъ". Въ Кременчугскомъ уѣздѣ [4]) иногда еще слышится отъ „Матвій" уменьшительное „Матюша" [5]), отъ „Карпо"—„Карпуша" [6]), отъ „Тыхонъ"—„Тыша" [7]), отъ „Свырыдъ"—„Свырыдуша" [8]) отъ „Андрій"—„Андріяша" [9]). Въ южной Черниговщинѣ есть имя „Маша" [10]). Въ Харьковской губ,—„Горпуша" (Горпина) [11]). На Подольи въ

[1]) Чубинскій, т. VII, стр. 531.

[2]) См. Кіев. Стар. 1898, іюнь, стр. 361.

[3]) Сообщилъ Вас. Павлов. Цымбалъ, близко стоящій къ народу, уроженецъ с. Ковалей Лохвицкаго уѣзда. Въ настоящее время находится въ г. Звенигородкѣ Кіевской губ.

[4]) Сообщилъ мѣстный уроженецъ Григ. Антонов. Иванецъ, живущій теперь въ Васильковѣ Кіев. г.

[5]) Матюша Кулида, по уличному Лелекъ, живетъ на хуторѣ Кривуши Кременч. уѣзда.

[6]) Карпуша Кукоба—наймитъ, извѣстный г. Иванцу.

[7]) Тыша Сурыжыкъ, по уличному Куршакъ, живетъ теперь въ заштатномъ городкѣ Градижскѣ.

[8]) Свырыдуша Сурыжыкъ—братъ Тыши.

[9]) Г. Иванецъ подчеркиваетъ, что „Андріяша"—уменьшительное именно отъ „Андрій", а не отъ „Андріанъ".

[10]) Имя это фигурируетъ въ старой малорусской пословицѣ: „Поговорымо Машко, про людей, а люды про насъ ще й бильше". См. малорусскій журналъ „Зоря" 1894 г., № 23, стр. 505.

[11]) Ивановъ: Изъ области народныхъ малорусскихъ легендъ въ Купянскомъ уѣздѣ Харьковской губ., стр. 126 и сл. („Этнографич. обозр.", кн. IX).

Ямпольскомъ уѣздѣ отъ „Кипріанъ“ образуютъ уменьшительное „Кыша“ [1]), а отъ „Антонина„—„Антоша“ (при болѣе частомъ „Антоха“). На Волыни въ 60-хъ годахъ употреблялось имя „Улыша“ и, вѣроятно, употребляется до сихъ поръ [2]), а я въ дѣтствѣ зналъ тамъ [3]) крестьянскаго мальчика Куземшу. И въ Галичинѣ не отсутствуютъ уменьшительныя на *ша*; такъ, есть тамъ имя „Маруша“ [4]), „Грабынюша“ (болѣе нѣжно „Грабынятко“) [5]) Насколько близки для галицкаго русина имена на *ша*, можно судить по слѣдующему факту: въ „Кіевской Старинѣ“ 1895-го года была статья г. Беньковскаго объ одномъ разбойникѣ по имени «Добрушъ»,—галичанинъ, рецензировавшій въ „Запискахъ Товарыства имени Шевченка“ упомянутую статью, передѣлалъ „Добрушъ“ въ „Добруша“ [6]). Какъ видимъ, уменьшительныя имена на *ша*, въ изобиліи существовавшія у малоруссовъ въ прежнее время, продолжаютъ существовать у нихъ и теперь.

Въ заключеніе считаемъ умѣстнымъ коснуться еще малорусскихъ *нарицательныхъ* именъ на *ша.* Нижеслѣдуюшая таблица покажетъ намъ, что, будемъ ли мы видѣть въ «Мостиша», «Ратоша» уменьшительныя (вмѣстѣ съ г. Соболевскимъ), будемъ ли мы принимать ихъ за слова самостоятельнаго образованія, выражающія постоянное качество (подобно слову «святоша»),— и въ томъ и въ другомъ случаѣ имена «Мостиша» и прочія будутъ соотвѣтствовать духу малорусскаго языка [7]).

---

[1]) Сообщилъ мѣстный уроженецъ Луковскій (теперь учитель въ г. Васильковѣ Кіев. губ.).

[2]) Ив. Левицкій-Нечуй: Причепа. Львовъ 1889, стр. 209.

[3]) Съ с. Грозовѣ Острожскаго уѣзда.

[4]) См. статью В. Охримовича: „Про сільські прозвища“. Житье і Слово 1895, т. Ш, стр. 304.

[5]) См. пѣсни, собранныя Теод. Анастазіевскою изъ Сапогова въ „Жіночій бібліотеці“ (видае Н. Кобриньска), кн. Ш, Львовъ 1896, ст. 89—90. Контекстъ ясно показываетъ, что „Грабынюша“ имя личное (произведенно, вѣроятнѣе всего, отъ „Евграфъ“).

[6]) „Записки“, т. XII, наукова хроніка, стр. 24.

[7]) Нижепомѣщенный списокъ составленъ мною всего изъ пятидесяти словъ,—количество, которое мнѣ кажется вполнѣ достаточнымъ; если бы оказалось нуж-

Билявша (и билявка)—особое насѣкомое (Libellula по Желеховскому); у великоруссовъ этого слова нѣтъ [1]).

Благоша—юродивый, «дурепыще» (Цымб.) [2]). Срв. великорус. «благуша» (дурачекъ, малоумный) Даль I, 80.

Бокша и бокуша (иначе: бочуля, бочыста корова)—см. объясненіе у Желех. I, 38. По-великорусски нѣтъ.

Брендуша (брендуля, брендушка)—а) изящная, опрятная женщина (срв. глаголъ «брендуваты», у Желех. «брындуваты»), б) цвѣтокъ Crocus vernus [3]). По великорусски нѣтъ; есть только „брындикъ" (ряз. и владим.) въ значеніи „щеголекъ", „франтикъ". Даль I, 117.

Брандюша [4])—crocus reticulatus [5]). По-великор. нѣтъ.

Братывша—переборчивый въ ѣдѣ (у Желеховскаго—братившлывый) [6]). По-великор. нѣтъ.

Волокуша — большой неводъ (Желех.). У великоруссовъ „волокуша" и „волока" (Перм. губ.)—нѣчто вродѣ саней и повозки для таски бревенъ. Даль I, 209.

Гнылоша и гнылуша. По-великор. перваго нѣтъ, а второе означаетъ „гниль" (Даль I, 319). Малорусскій словарь Желеховскаго показываетъ для обоихъ словъ свое спеціальное значеніе (прозвище третьей четверти мѣсяца и лѣнивая женщина), но

нымъ, то списокъ можетъ быть увеличенъ ad libitum. Составивши списокъ, я провѣрилъ его по словамъ Желеховскаго: оказывается, у Желеховскаго найдется половина приведенныхъ здѣсь словъ; я къ такимъ словамъ не буду давать подробныхъ объясненій, такъ-какъ читатель можетъ найти самъ нужныя свѣдѣнія у Желеховскаго. Правописаніе Желеховскаго переведено на то, которое принято въ Россіи.

[1]) Выраженіе: „у великоруссовъ этого слова нѣтъ" означаетъ и здѣсь, и ниже только то, что даннаго слова нѣтъ въ великорусскомъ *словарѣ Даля.*

[2]) Вас. Павл. Цымбалъ сообщилъ мнѣ, по-малорусски, толкованіе нѣсколькихъ словъ на ша, и я привожу его толкованія буквально.

[3]) Желеховскій пишетъ въ этомъ корнѣ то е, то ы,—смѣшеніе вполнѣ понятное, такъ-какъ неударныя е и ы у малоруссовъ обыкновенно не различаются.

[4]) Звукъ а (точнѣе: я, отвердѣвшее послѣ р) вм. е—обычное явленіе малорусской фонетики. Объ этомъ подробно см. ниже, въ главѣ четвертой.

[5]) Словарь Роговича въ запискахъ юго-зап. отдѣла Имп. Геогр. общ., т. I, стр. 120.

[6]) Желеховскій пишетъ „братівшливий".

извѣстно, что и по-малорусски они могутъ означать то же, что и великорусское „гнилуша". „Гнилушею" называется село, подаренное Мазепою Лизогубу въ 1689-мъ году [1]).

Гаркуша—то же, что „гаркавый", т. е. картавый [2]). Много историческихъ лицъ носили прозвище Гаркуша, напр., черниговскій полковникъ при Богданѣ Хмельницкомъ (въ 1651-мъ г.), извѣстный разбойникъ и др. У великоруссовъ „гаркуша" значитъ „крикунъ" (Даль I, 304).

Горбаша—холмистое мѣсто, „де скризь горбы" (Цымб.), иначе—горбатка. На Волыни есть село Горбаша [3]). У великоруссовъ, вѣроятно, нѣтъ этого слова.

Гопша—по значенію немного сильнѣе, чѣмъ „гопка". Чубинскій (т. VII, стр. 262) объясняетъ, что гопшею называется „худая, высокая и неуклюжая *женщина*" (що гопае), но на самомъ дѣлѣ это существительное общаго рода [4]). По-великор. нѣтъ.

Гудеша—особый видъ жука (гудыкъ, по Верхратскому, Melolontha solstitialis, у Желех.) Лаврентій Гудеша—житель г. Умани Кіев. губ. [5]).

Довбеша—„довбня", „довбешка".

Довгуша—особая муха. Есть въ Харьковщинѣ крестьянинъ Довгуша [6]).

Доброша—добрячище. Великор. „добруша". Даль I, 395.

Дядюша—„дядына" (тетка). Въ Полтавщинѣ есть фамилія Дядюша [7]).

---

[1]) Кіев. Стар. 1882, янв., стр. 105.

[2]) Россійсько-українськый словарь М. Уманця і Спілки (Львів 1894), т. II, стр. 10.

[3]) Упоминается въ жалобѣ 1611-го года. Архивъ Юго-Зап. Россіи, т. I, ч. 3, стр. 155.

[4]) По крайней мѣрѣ мнѣ приходилось слышать его въ муж. родѣ на Волыни. То же подтверждаетъ полтавецъ г. Цымбалъ.

[5]) „Кіевлянинъ" 1898, № 147.

[6]) Сообщилъ Г. А. Иванецъ.

[7]) Иванъ Яковлевичъ Дядюша живетъ въ Хорольскомъ уѣздѣ. См. „Полтав. губ. Вѣдомости" 1898 г 5-го февр. № 28.

Катуша—пыточное орудіе (Желех.). У великоруссовъ только „катушка". Даль II, 713.

Кывша—кывунъ, кывуха, кывлывый (кокетливый). Есть фамилія Кывшенко (по-русски пишется „Кившенко",—напр., живописецъ). Великор. „кивуша" (=кивунья). Даль II, 721.

Кедруша (Жел.)—птица-кедровка, Corvus caryocatactes [1]). По великорусски нѣтъ.

Клапша—оборванецъ (клаптуля, клаптавый, клапшывый—у Жел.). По великор. нѣтъ.

Кобоша (Жел.)—круглая корзина (коба, кобка, кобеля). По великор. нѣтъ

Колоколуша—черемуха (Prunus padus). Въ словарѣ Даля (II, 751) это слово указано, какъ существующее у западныхъ великоруссовъ.

Кокоша. Обыкновенно это слово—женскаго рода и значитъ курица (срв. великорусское новгородское „кокша" въ томъ же значеніи, Даль II, 746; старорусское и соврем. галицкое кокошь, польск. kokosz). Въ Полтавщинѣ же „кокоша"—общаго рода, и такъ называется очень хорохорящійся человѣкъ; говорятъ пренебрежительно: „у, ты! кокоша убогый!" (Цымб.); срв. „кекотъ", „кокотень" (рѣзвушка), „кокотиты" (хорохориться).

Колотуша—кушанье, приготовленное изъ взбитаго творога и сметаны (Желех.). По великорусски это слово значитъ „водяная мельница". Даль II, 752.

Красоша—красавецъ, „красоха". По великор. нѣтъ.

Крывша и крывуша—кривногій. Михаилъ Крывша—житель г. Василькова Кіев. губ. [2]); Иванъ Крывуша—священникъ въ Черниговскомъ уѣздѣ [3]); Иванъ Крывуша—козакъ-помѣщикъ Прилукск. у. Полтав. губ. [4]). И по великорусски есть „кривуша". (Даль, II, 800, 2-й столб.).

---

[1]) По объясненію, полученному г. Верхратскимъ въ Десятинѣ (Галичинѣ), названіе это дано птицѣ за то, что она „йисть насинье кедры". Правда 1878, т. II, стр. 237.

[2]) Сообщилъ Г. А. Иванецъ.

[3]) См. Памятную книжку Кіевск. учебн. округа на 1896-й годъ

[4]) Сообщилъ Г. А. Иванецъ. Кромѣ того онъ знаетъ крестьянъ съ подобными прозвищами въ Харьковщинѣ.

Крякша — кряква. Великор. „крякуша“. Даль II, 799, столб. 2-й.

Кукша—неуклюжій человѣкъ (общаго р.) По великорусски это слово ж. р. (Даль II, 819).

Крыкуша. См. разсказъ: „Черезъ крыкушу. Зъ народнихъ устъ“ [1]).

Ливша—а) лѣвая рука, б) человѣкъ, дѣйствующій лѣвою рукой [2]),

Лукша—прибрежная кора подъ корнемъ дерева. Срв. старинное „лукно“ (бобровая нора).

Макуша (Желех. по Федьковичу)—старая кокетка („макуха“). По великорусски значитъ „маковка“. Даль II, 891.

Малюша—то же, что великор. „малуша“ и западно-великорусское „малюшка“. Даль II, 893.

Матуша—а) матушка, б) тетка (Желех.), вѣроятно, съ материнской стороны.

Мылуша—милочка. Есть въ Полтавщинѣ фамилія Мылуша [3]).

Мурмоша (иначе «мурмоса»)—дующійся и ворчунъ. Срв. „балакае, якъ мурма“ (Цымб.).

Паноша—баричъ (иронич.). У Желеховскаго (вѣроятно, подъ польскимъ вліяніемъ) истолковано, какъ собирательное. По великор. нѣтъ.

Пакыша—неуклюжій. По-великорусски „пакша“, „пакуша“. Даль III, 5. Срв. „пакля“ (неуклюжая рука).

Перкоша--драхва. По объясненію, записанному г. Верхратскимъ, „самець (драхвы), якъ токуе, крычыть: перкъ, перкъ!“ [4]) По-великорусски нѣтъ.

Правоша (иронич.)—хозяйничающій, заправило. (Отсюда глаголъ „правошыты“). По-великорусски нѣтъ.

---

[1]) Правда (галицкая) 1895, См. „Заря“ 1895, стр. 340.

[2]) Примѣчаніе Желеховскаго, что „ливша“ есть несклоняемое, простая описка, или опечатка.

[3]) Данько Мылуша—крестьянинъ Золотоношскаго уѣзда. „Полтав. Губ. Вѣд.“ 1898 г. 13 янв. № 9.

[4]) Правда 1878, т. II, ст. 240.

Правша—а) противоположность лѣвшѣ, б) правая рука. У Желеховскаго первое значеніе не показано.

Пукыша—толстый ребенокъ (срв. напýкатысь—наѣсться до-отвалу, „пукатый"—толстый). У Желех. „пукишка" [1]) съ *і* вѣроятно, въ силу небнаго произношенія *к*, хотя возможно, что „пукишка"=„пукôшка" (въ такомъ случаѣ это послѣднее слово происходитъ отъ предполагаемаго „пукоша"). По-великор. нѣтъ, а слово „пукша" означаетъ птицу сою. Даль III, 492.

Ревша—рева, ревунъ. По великор. „ревуша". Даль IV, 46.

Ропша (отъ „ропа")—торфъ (Желех). По-великор. нѣтъ.

Серуша—is, qui saepe cacat.

Сыводракша—птица Coracias qarrula, „сыводрака" [2])

Скупоша—скупецъ (Жел).

Смакоша—любитель смаковать („смакунъ").См. „Жиноча библіотека", кн. III, стр. 107. Польск. smakosz.

Святоша—то же, что и по великор. Срав. Б. Гринченко: Этнографич. матеріалы, т. II, стр. 153; Рудченко: Сказки: т. I, стр. 46.

Сынаша (и „сынашъ", съ муж. оконч.)—сынокъ.[3])

Трабша—бѣгущій рысью („трабомъ") Фамилія „Трабша" распространена въ Малороссіи [4]).

Черкуша—особая порода сливъ. По великорусски такъ называется сошка съ желѣзнымъ зубомъ. Даль IV, 542.

Юноша—а) молодой человѣкъ (Желех.), б) холостякъ (сообщено г. А. Борковскимъ изъ народныхъ устъ. См. Желех. II. 1109). Въ великорусскомъ употребленіи это слово, кажется, заимствовано изъ церковнаго языка.

Достаточно просмотрѣть эту полусотню малорусскихъ словъ на *ша*, чтобы составить заключеніе о ихъ смыслѣ: а) они

---

[1]) Записано г. Верхратскимъ.

[2]) Форма, записанная г. Верхратскимъ въ Подольской губерніи. Правда 1878, т. II, стр. 237.

[3]) Г. Иванецъ пишетъ мнѣ „Сынашею меня называли въ дѣтствѣ дома, и въ другихъ семьяхъ въ Кременч. уѣздѣ я слышалъ эту форму, употребляемую для выраженія ласки".

[4]) Напр., Владиміръ Трабша—б. учитель Лубенской гимназіи. Есть Трабши въ Кіевѣ Кіев. Стар. 1895. янв., отд. II, стр. 18.

бываютъ формой ласкательной,—не то уменьшительной, не то скорѣе увеличительной, [1]), б) они выражаютъ усиленное, интенсивное, постоянное качество или дѣйствіе (подобно словамъ на *тель* и *унъ*). Оба значенія въ тѣсной связи между собою, и напримѣръ „благоша" одинаково служитъ ласкательнымъ къ „благый", какъ и обозначеніемъ человѣка, всегда благого. Старокіевскія имена „Мстиша", „Ратьша" „Путьша", понимать ли ихъ какъ прозвища, обозначающія постоянное качество („мститель", «воитель», «путникъ», или „путный—порядочный"),—во всякомъ скучаѣ они вполнѣ въ духѣ малорусскаго языка.

Итакъ, достаточно было бы г. Соболевскому взглянуть въ Волынскую лѣтопись, въ нѣсколько книгъ или документовъ по исторіи Малороссіи, да въ словарь Желеховскаго, и ему стало бы ясно, что странно говорить, будто имена на ша чужды малоруссамъ [2]). Г. Соболевскаго ослѣпило и лишило проницательности тенденціозное, предвзятое мнѣніе о великорусскости древнихъ кіевлянъ, и сбылось предсказаніе незабвеннаго Потебни, что „предположеніе, закинутое далеко напередъ болѣе

[1]) Что увеличительная форма имени выражаетъ ласку, вещь общеизвѣстная Слуга Андрея Боголюбскаго назывался Кузьмище (Ипат. лѣт 400—401). Въ былинахъ встрѣчаются ласкательныя названія: „сильный Иванище" (Кирѣевскій, 1, стр. 18); Илья Муромецъ (Гильфердингъ, № 4 и № 48) привѣтливо величаетъ калику: „Ты, Иванищо, да е могучіи" или „здравствуй, сильноё, могучо ты Иванище". См. еще у Гильфердинга № 245: „славно Иванище"; также № 15 у Рыбникова, и пр., и пр., и вездѣ къ этому Иванищу пѣвцы относятся сочувственно. Увеличительный суффиксъ *ина* (великор. „домина", малор. „хлопчына") образуетъ ласкательную форму именъ собственныхъ: Кузьмына (заглавіе одной сказки В. Чайченка), Иванына, (Иванина, или Иванъ Берлинскій—подолянинъ около 1551 года, —Грушевскій: Барское староство, стр. 182), Федына (въ документѣ 1767 г., — Лучицкій: Сборн. матер. для истор, общ. землевл., стр. 190), Грыцына(такъ называется одинъ галичанинъ,—Зоря, 1885, стр. 84), Марусына (т. е. Маруся) — имя, встрѣчающееся въ пѣсняхъ. Увеличит. суффиксъ *иця* (срв. малор. „хлопыця"—мужичище, „братыця"—братище) встрѣчается въ собственныхъ именахъ: Иваныця (Полт. актъ прошлаго вѣка,—Лучицкій, назв. соч., стр. 250), попъ Микулица (во Владимірѣ на Клязьмѣ при Андреѣ Боголюбскомъ,—Ипат. лѣт. 402). Собственныя имена: Сашура, Митюра (въ актѣ 1650 г., Кіев. Стар., мартъ, 489) составлена по образцу: „цинура" (цѣпище), „чапура" (цаплища, отъ „чапля").

[2]) Это утвержденіе находится въ обоихъ изданіяхъ „Лекцій": 1888 и 1891 гг.

основательныхъ фактическихъ изслѣдованій, по свойственной людямъ склонности поставить на своемъ, можетъ дать одностороннее пристрастное направленіе будущимъ работамъ автора“ [1]).

Объ именахъ на съ и ся.

Въ параллель къ старокіевскимъ мнимо-немалорусскимъ именамъ на *ша* г. Соболевскій находитъ или старается найти старыя галицкія и волынскія имена: Волъдрись (и производитъ его отъ „Володарь“), Блюсь и Митуса (въ нихъ онъ видитъ „Блю*сь*“ и „Миту*ся*“). Имена на сь, ся, по мнѣнію г. Соболевскаго, специально малорусскія, и разъ ихъ нѣтъ въ старо-кіевскихъ памятникахъ, то это должно доказывать, что старые кіевляне не были малоруссами, а если теперь такія имена есть „около Днѣпра“, то это значитъ, что современные жители Кіевщины пришли изъ Галичины и Волыни.

Для оцѣнки общенаучныхъ пріемовъ г. Соболевскаго обратимъ вниманіе на два пункта: 1) Самъ г. Соболерскій (ставя вопросительный знакъ при „Володарь“) питаетъ нѣкоторое сомнѣніе на счетъ „Волъдрися“, а имена „Блюсь“ и „Митуся“ прямо создаетъ отъ себя, какъ гипотезу, а затѣмъ, чтобы доказать другую гипотезу о великорусскости старыхъ кіевлянъ, ссылается на первую гипотезу, т. е. доказываетъ неизвѣстное неизвѣстнымъ. 2) Видитъ онъ доказательство въ умолчаніи. Ну, а если въ старомъ Кіевѣ *были* таки ласкательныя на сь, то развѣ они *непремѣнно должны были* попасть и въ лѣтопись?

Филологическія знанія и филологическіе пріемы г. Соболевскаго характеризуются здѣсь тоже двумя обстоятельствами: 1) онъ говоритъ, что уменьшительныя на сь, ся—специально малорусскія, тогда какъ они общерусскія, 2) въ созданіи именъ

---

[1]) Извѣстія Академіи Наукъ (отдѣл. русск. языка и слов.) 1896, т. I, кн. 4. стр. 807. Наклонность настаивать на своемъ до того сильна у г. Соболевскаго, что во 2-мъ изданіи „Лекцій“ сохранены странности 1-го изданія, указанныя съ полной очевидностью такимъ авторитетнымъ лицомъ, какъ Ягичъ.

„Вольдрись", „Блюсь" и „Митуся" допущенъ г. Соболевскимъ рядъ грубыхъ ошибокъ и странностей.

Уменьшительныя на сь, ся (напр., Петрусь, Маруся), дѣйствительно, существуютъ въ малорусскомъ нарѣчіи [1]). Но они въ изобиліи существуютъ также въ нарѣчіи бѣлорусскомъ, „которое, *конечно*, есть часть великорусскаго нарѣчія" [2]), существуютъ и въ великорусскомъ. Въ словарѣ Даля (I, 29) отъ „баба" показано великорусское уменьшительное „бабуся„, „бабусенька" и приведена также пословица: „Была бъ моя бабуся—никого не боюся". Отъ „дѣдъ" (Даль I, 454) уменьшительное „дѣдуся"; твердое слово „дидко" Даль поясняетъ (I, 387) словомъ: „дѣдусь",—значить, на его взглядъ форма „дѣдусь"—одна изъ наиболѣе обычныхъ и удобопонятныхъ для великорусса. Отъ „мать" (Даль II, 905)—великорусское уменьшительное „матуся" (южн. и зап.) и отъ „мама"—„мамуся"; отъ „мама" есть еще уменьшительное „мамусь" или "мамысь" (костромское,—Даль II, 895). Въ параллель къ „мамысь" укажемъ московское слово „мурысь", т. е. малорослая женщина (Даль II, 954, 2-ой столб.) [3]). Отъ—„тетка"—уменьшительное „тетуся" (Даль IV, 369, 1-й ст.). Отъ „тата" [4]) уменьшительное „татуся" (Даль IV, 417). Въ Москвѣ употребляются ласкательныя: „милуся" (и „милушка") и „дуся" [5]). И такъ, эта

---

[1]) Замѣтимъ кстати, что уменьшительныя на сь, ся (Петрусь, Маруся), чрезвычайно распространенныя въ Полтавской губ., очень рѣдки въ *Кіевской* губ., и насколько мнѣ извѣстно, среди *крестьянъ* Кіевщины они и вовсе не встрѣчаются. Должно быть, это обстоятельство извѣстно было и г. Соболевскому, когда онъ вмѣсто „Кіевская губ." употребилъ неопредѣленное выраженіе: „около Днѣпра" (Лекціи, 2-е изд., стр. 255).

[2]) Выраженіе самого г. Соболевского „Лекціи", стр. 2.

[3]) При случаѣ отмѣчаемъ, что подобно тому, какъ окончаніе ся (ж. р.) чередуется у великоруссовъ съ сь, окончаніе ша чередуется у нихъ съ шь. Напр., наряду съ „матуша" есть калужское „матушь". Даль II, 905.

[4]) Для тѣхъ, кто вообразилъ бы, будто это слово не чисто великорусское, сообщимъ (по Далю IV, 359), что оно употребляется даже въ губерніи архангельской и псковской.

[5]) Фабричная подмосковная пѣсня поетъ:

Два годочка миновало,
Съ милымъ я въ лѣсу гуляла.

форма уменьшительныхъ именъ не есть исключительно малорусская, но есть *общерусская*; присутствіе ея въ галицко-волынской лѣтописи само по себѣ не могло бы еще служить доказательствомъ малорусскости старыхъ галичанъ и волынянъ, равно какъ присутствіе этой общерусской формы теперь около Днѣпра не можетъ свидѣтельствовать о галицко-волынскомъ происхожденіи современныхъ приднѣпровцевъ.

Но этой формы вовсе и нѣтъ въ галицко-волынской лѣтописи. Присмотримся ко всѣмъ тремъ именамъ, которыя предлагаетъ г. Соболевскій: 1) Волъдрись, 2) Блюсъ и 3) Митуса.

1) *Волъдрисъ*. Г. Соболевскій думаетъ, что отъ „Володарь" можетъ быть уменьшительное „Волъдрись". Не такъ еще давно А. Вельтманъ [1]) доказывалъ, что если съ умѣньемъ прочитать имя „Кыяне", то выйдетъ „Guni" и „Huni", и поэтому гунскаго царя Аттилу онъ титуловалъ: „Аттила, великій князь Кіевскій и всея Руси самодержецъ" [2]). Г. Соболевскій, образуя отъ „Володарь" уменьшительное „Волъдрись", показалъ, что попытки гг. Вельтмановъ еще не отошли въ область преданія: ни одинъ филологъ не пойметъ, почему звукъ *о* (Володарь) перешелъ въ *ъ* (Волъдрись), куда дѣвалось *а* послѣ *д* (бывшее въ Володарь) и откуда передъ *сь* появилось *и* (Волъдрись). Но на самомъ дѣлѣ имени „Волъдрись" и не было никогда. Единственное мѣсто Ипатьевскаго списка лѣтописи, содержащее въ себѣ имя даннаго лица, читается вотъ какъ [3]): „посла сѣдѣльничего своего по невѣрныхъ Молибоговичихъ и по Волъдрисѣ". Не трудно сообразить, что „по Волъдрисѣ" значитъ: „по Ольдрихѣ" [4]), причемъ начальный призвукъ *в*, чрезвычай-

---

Онъ шепталъ мнѣ: „Моя дуся!
На тебѣ, ей-ей, женюсь я".

Хотя ш въ „душа" принадлежитъ корню, но отношеніе между „дуся" и „душа" совершенно такое же, какъ напримѣръ, между „Маруша" и „Маруся".

[1]) А. Вельтманъ: Аттила и Русь IV и V вѣка. Москва 1858.

[2]) Назв. соч., стр. 119.

[3]) Это стр. 509-ая; на нее ссылается и г. Соболевскій.

[4]) Если-бы имен. падежъ былъ Волъдрись, то мѣстный падежъ, по правилу, оканчивался бы не на *ѣ*, но на *и* и былъ бы: по Волъдриси. Правда, Ипатьевскій

но любимый малоруссами, здѣсь почти неизбѣженъ, ради устраненія зіянія между двумя *о* („по *О*лъдрисѣ"). Имя „Ольдрихъ"—совершенно обычное имя у западныхъ славянъ [1]). Въ Галичинѣ и на Волыни, какъ извѣстно, всегда въ изобиліи циркулировали западныя имена, а тѣмъ болѣе при Даніилѣ, при которомъ происходилъ цѣлый наплывъ иноплеменниковъ, и среди бояръ были и чехи, и ляхи, и угры; Ольдрихъ жилъ при Даніилѣ и былъ, судя по лѣтописи, бояриномъ.

2) *Блюсъ.* Г. Соболевскій понимаетъ это начертаніе какъ „Блюсь". Начнемъ съ того, что въ Ипатьевскомъ спискѣ лѣтописи, въ которомъ встрѣчается это имя и на который ссылается г. Соболевскій, написано не „Блюсъ", а „Блусъ", съ *у* послѣ *л* (585). Умышленно ли совершилъ г. Соболевскій это искаженіе [2]) или неумышленно, мы во всякомъ случаѣ должны принять къ свѣдѣнію, что на ссылки г. Соболевскаго не всегда можно полагаться [3]). Во вторыхъ отмѣтимъ, что къ предложенной

списокъ изрѣдка (какъ исключеніе) предлагаетъ *ѣ* и въ мягкомъ склоненіи, но филологу необходимо имѣть предвзятую мысль, чтобы видѣть исключеніе какъ-разъ въ начертаніи „по Волъдрисѣ", если въ *сосѣднемъ* же „Молибоговичихъ" вполнѣ правильно соблюдено окончаніе мягкаго склоненія. Пожалуй, имя „Волъдрись" усмотрѣлъ и составитель печатнаго указателя къ Ипатьевскому списку, но у того это вышло по его филологическому невѣжеству, равно какъ и много другихъ ошибокъ (напр., отъ дат. падежа „Ореви" онъ образовалъ имен. пад. не „Орь" но „Орева"; отъ вин. пад. „Митусу" им. падежъ у него не „Митуса", но „Митусъ", и т. д., и т. д.); весь указатель переполненъ ошибками.

[1]) Напримѣръ, всѣмъ извѣстенъ изъ исторіи чешскій князь Oldřich, который въ 1012-мъ г. изгналъ брата своего Яроміра, сталъ одинъ царствовать надъ чешскою землею и умеръ въ 1037-мъ г.,—тотъ Oldřich, о которомъ первый номеръ краледворской рукописи говоритъ:

veleslwny kniéže!
Bóh ti buiarost da u wše údy,
Bóh ti da viehlasy w buinu hlavu!

(Rukopis Kralodworsky, od Wáclawa Hanky, w Praze. 1835, стр, 1).

[2]) Дѣйствительно, форма „Блюсь" звучала бы какъ-то больше въ малорусскомъ духѣ, чѣмъ „Блусь".

[3]) Въ такомъ случаѣ его „Лекціи", лишенныя значенія своими невѣрными толкованіями фактовъ, не имѣютъ большого значенія даже какъ сборникъ сырыхъ матеріаловъ.

г. Соболевскимъ формѣ „Блюсь" трудновато подыскать основную, не уменьшительную форму имени; г. Соболевскій, обращая „Блусъ" въ „Блюсь" и считая „Блюсь" за *уменьшительное*, долженъ былъ высказать соображенія, по которымъ „Блюсь" могло бы дѣйствительно считаться за уменьшительное; а то вѣдь если уменьшительною формою мы будемъ считать всякое слово съ окончаніемъ сь, то старинное сѣверно-русское имя города Олоньсь (соврем. Олонецъ) тоже должно быть признано за уменьшительное. Далѣе спросимъ: имѣлъ ли г. Соболевскій какія-нибудь основанія считать окончаніе съ въ „Блусъ" за сь. Нѣтъ, не имѣлъ: лѣтопись вѣдь пишетъ: „Блусомь", т. е. склоняется „Блусъ" по твердому склоненію, а не по мягкому. Если же по мнѣнію г. Соболевскаго достаточно какому-нибудь имени имѣть окончаніе съ, чтобы считаться за уменьшительное на сь, то филологическому произволу открывается такой просторъ, при которомъ не только въ Галичинѣ и на Волыни, но и во всякой русской области отыщутся уменьшительныя на сь, въ томъ числѣ въ Кіевской, и такимъ образомъ галицко-волынская гипотеза г. Соболевскаго будетъ поражена его же принципами, а кромѣ того возникнетъ множество филологическихъ странностей. Въ старомъ Кіевѣ было, напр., имя Борисъ; кто принимаетъ „Блусъ" за уменьшительное, тотъ съ еще большимъ правомъ долженъ принять „Борисъ" за уменьшительное отъ „Борихъ" [1]. Имя бога Волоса придется, по методу г. Соболевскаго, считать за уменьшительное отъ „володь" (волосы) [2], или отъ «володарь» (властелинъ); или отъ „волотъ" (исполинъ); а другая форма этого божьяго имени „Велесъ" окажется уменьшительнымъ отъ «велетъ» (исполинъ) или отъ „велеславъ", и эта гипотеза привлекательнѣе „блюсевской" ужъ

---

[1]) Борихомъ называется Борисъ въ угорскихъ лѣтописяхъ. См., напр., у Туроца (Turocz: chron. Hung., c. LXIV): „Borich, itaque ascito Ruthenorum Polonorumque auxilio"... и т. д. Рѣчь идетъ о князѣ Борисѣ Коломановичѣ, сынѣ дочери Владиміра Мономаха.

[2]) Матеріалы для словаря древне-русскаго языка—И. Срезневскаго. СПБ 1893, т. I, стр. 291 („густою володію").

по тому, что у малоруссовъ дѣйствительно существуетъ имя „Велесь“ [1]). Имя бога солнца „Хръсъ“ также окажется уменьшительнымъ (срв. зендское hvare, санкр. svar, перс. chûr). Найдутся такія уменьшительныя и на далекомъ сѣверѣ: лѣтописный „Синеусъ“ [2]), былинный „Бермасъ“ [3]). Филологъ осторожный, конечно, не найдетъ возможности видѣть въ „Блусѣ“ и въ подобныхъ именахъ уменьшительныя типа „Петрусь“; но г. Соболевскій, для котораго Блусъ=Блюсь, долженъ признать перечисленныя нами имена какъ разъ за уменьшительныя типа „Петрусь“ и, тѣмъ самымъ, признать форму на сь за *общ*ерусскую, не исключительно галицко-волынскую.

3) *Митуса* (Ипат. 528). Еще Максимовичъ [4]) предположилъ, что „Митуса“ есть сокращеніе имени „Димитрій“; но, зная хорошо малорусское нарѣчіе, онъ и не подумалъ сказать, чтобъ окончаніе *са* нужно было принимать за *ся*. Г. Соболевскій, напротивъ, принимаетъ „Митуса“ за „Митуся“, не зная или упуская изъ виду, что суфиксы *са* и *ся* далеко не тождественны по значенію. Имена на *ся* имѣютъ смыслъ уменьшительный, тогда-какъ имена на *са* бываютъ: а) обозначеніемъ предметовъ, въ которыхъ какое-нибудь качество очень прочно, или которые постоянно повторяютъ одно и то же дѣйствіе, б) формой увеличительной, или ласкательной. Вотъ примѣры какъ малорусскіе, такъ и великорусскіе: плакса, крикса, рюмса, бекса, хныкса, кукса, мытуса [5]), лытуса, мурмоса (бурмоса), мом-

---

[1]) Встрѣчается въ актѣ 1596-го года. Архивъ Юго-Зап. Россіи, т. I, ч. 3-я, стр. 102.

[2]) Русская передѣлка скандинавскаго имени Сніо или Синніутеръ. Погодинъ. Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи. М. 1846, т. II, стр. 68—69.

[3]) Вав. Миллеръ и Н. Тихонравовъ: Русскія былины старой и новой записи М. 1894, II, стр. 169, 170, 171. Обыкновенно же Бермасъ называется въ былинахъ Бермятою или Берметею.

[4]) Основа 1861, іюнь, VI, 19 и въ Собраніи сочиненій, т. I (Кіевъ 1876), стр. 129.

[5]) Суетливый, непосѣда, егоза. Не исключена возможность, что и лѣтописное имя Митуса образовалось отъ нарицательнаго, а не отъ „Димитрій“.

са, мамса, мамыса (костромское) [1], стырса (=стырта), кырса (=кырта), дудаса, выкрутаса, малюса, дубаса [2], мордаса и т. д., и т. д. Какъ видимъ, образованіе именъ на *са* аналогично съ образованіемъ на *ша*; а у нѣкоторыхъ именъ параллельно существуютъ въ одномъ и томъ же значеніи обѣ формы, на *ша* и на *са*, (напр., бекса и бекша [3]) кукса и кукша, мурмоса и мурмоша, лытуса и лытуша [4]), изъ чего дѣлается еще болѣе ясною взаимная близость этихъ формъ и отдаленность *са* отъ *ся*.

О буцахъ и гуцалахъ.

„Отсюда (т. е. оттого, что Кіевщину заполнили галицкіе переселенцы) у жителей Черкасскаго уѣзда Кіевской губерніи слово гуцалы́ (это—искаженное галицкое гуцулы), употребляемое ими для своихъ сосѣдей на востокѣ, и слово буцы́ (это—искаженное старое галицкое бо́йци—бойки), которымъ они пользуются для означенія сосѣдей съ запада—подолянъ. См. Труды этнограф.—статистич. экспедиціи въ западно-русскій край, собр. Чубинскимъ, т. VII, вып. II, стр. 463“.—Ссылку г. Соболевскаго на Чубинскаго необходимо немножко поправить. У Чубинскаго ничего не говорится о „западныхъ и восточныхъ сосѣдяхъ“, а просто сказано: „Жители Черкасскаго уѣзда называютъ подолянъ буцами, полтавцевъ—гуцала́ми“; и странно было бы называть подолянъ „сосѣдями“ черкасцевъ да еще западными, если Черкассы находятся на восточной границѣ Кіевщины, а Подолія прилегаетъ къ ея юго-западу, и если Черкащина отдѣлена отъ Подоліи всѣмъ пространствомъ Кіевской губерніи.

---

[1]) Отъ „мама“. См. Даль II, 895.

[2]) Слово „дубоса“ (съ *о* вм. *а*) мнѣ лично не пришлось слышать, но глаголъ „дубосыты“ (вм. „дубасыты“)—приходилось. Онъ есть и въ печати,—см. Бораковського: Збірныкъ драматычныхъ творивъ, Львовъ 1888, № 3, стр. 9.

[3]) Андрей Бекша—народный учитель въ Радомысльскомъ у. Кіев. губ. См. Памятную книжку Кіевск. уч. округа на 1896 г.

[4]) Даль II, 873; IV, 448, столб. 2-й.

Разсужденія г. Соболевскаго по поводу „буцовъ" и „гуцаловъ" можно формулировать въ видѣ слѣдующаго силлогизма:

Въ Подоліи и Полтавщинѣ живутъ пришлые галичане.

Кіевщина не есть ни Подолія, ни Полтавщина.

Ergo: Въ Кіевщинѣ живутъ пришлые галичане.

Въ этомъ „силлогизмѣ" и первая посылка не вѣрна, и выводъ сдѣланъ не по правиламъ логики. Сначала коснемся первой посылки.

По малорусски слово „гуцало" означаетъ: увалень, неповоротливый, а „буцъ"—задора, но неуклюже-комичный [1]). Въ глазахъ дѣятельнаго, живого черкасца флегматичный полтавецъ крайне неповоротливъ, а живость подолянина напоминаетъ черкасцу смѣшную задирчивость барана, и поэтому полтавца черкасецъ насмѣшливо называетъ гуцаломъ, а подолянина—буцомъ [2]). Это объясненіе, съ большими или меньшими варіаціями [3]) услышитъ каждый, кто вздумаетъ на мѣстѣ разспросить крестьянина о причинахъ насмѣшливаго прозванія подолянъ „буцами" и полтавцевъ „гуцулами". Догадка же г. Соболевскаго, будто „буцы" и „гуцалы" означаютъ бойковъ и гуцу-

---

[1]) И одно и другое слово чрезвычайно часты и имѣютъ много производныхъ. Гуцаты—неуклюже топтаться на одномъ мѣстѣ, а съ вин. падежемъ—покачивать ребенка на рукахъ или на колѣнѣ. „Пидгуцькуваты"—въ томъ же смыслѣ:

То якъ не хоче втыхнуть (ребенокъ)—не кладуся:
И дгуцкуючи вздовжъ по хати перейдуся.

(Фаустъ, переводъ И. Франка, Львовъ 1882, стр. 132). „Гуцымъ"—то же, что „гуцало" (сообщилъ В. П. Цымбалъ, сказавши, что одинъ лично знакомый ему крестьянинъ села Козловки Лохвиц. у. получилъ уличное прозвище „гуцымъ"). Междометіе „буцъ!" выражаетъ баранье боданіе. „Буц(ь)каты", „буцнуты"—бодать, боднуть. „Ходыть якъ овечка, а буцькае якъ баранъ" (послов.) „Буцьо"—все, что выпячиваютъ впередъ, и поэтому „буцьо" можетъ обозначать и бодливаго быка, и ребенка съ туго набитымъ желудкомъ или надутыми щеками, и яблоко (Желех.); „буцыки"—родъ галушекъ (Закрев.).

[2]) Полтавецъ тоже называетъ „гуцаломъ" неуклюжаго человѣка (свидѣтельство В. П. Цымбала), а подолянинъ говоритъ черкасцу въ отвѣтъ: „Самъ ты буцъ!"

[3]) Напримѣръ, мнѣ однажды пришлось слышать объясненіе на счетъ подолянина: „Та вы на його пыку подывиться! якъ не (=вотъ-вотъ) буцне!"—объясненіе, касающееся даже внѣшняго вида подолянина.

ловъ, не имѣетъ ни малѣйшаго основанія въ народномъ поясненіи этихъ прозвищъ, а со стороны филологической возвращаетъ насъ въ тѣ, казалось бы, прошедшія времена, когда люди позволяли себѣ понимать „кыяне" какъ „гуны". Въ самомъ дѣлѣ: если форма бойци и существовала когда-нибудь въ старину [1]), то вѣдь родит. падежъ былъ отъ него всегда „бой*к*овъ", дательный—„бой*к*амъ" и т. д.; и могъ ли малоруссъ, столь чувствительный къ переходному и непереходному смягченію задненебныхъ , упустить изъ виду это *к* и перенести *ц* во всѣ падежи?! Передѣлка *ой* въ *у* (б*ой*ци—б*у*цы) такъ же невѣроятна, какъ невѣроятна Вельтмановская передѣлка *ыя* въ *у* (кыяне—гуны). Да и обращеніе „гуцулы" въ „гуцалы" трудновато предположить, такъ-какъ малорусское нарѣчіе любитъ ассимилировать сосѣдніе гласные звуки (срв. „б*а*г*а*тый" изъ „богатый"), а не диссимилировать ихъ, и скорѣе можно было бы ждать передѣлки „гуцаловъ" въ „гуцуловъ", чѣмъ наоборотъ. Прибавимъ еще, что ни рѣчь полтавская не похожа на гуцульскую, ни подольская на бойкскую. Итакъ, нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы поддерживать самоувѣренное утвержденіе г. Соболевскаго, будто прозвища „буцы" и „гуцалы" представляютъ искаженіе словъ „бойци" и „гуцулы".

Но если г. Соболевскій и былъ увѣренъ, что въ Полтавщинѣ и на Подольи живутъ потомки галичанъ, то переносить этотъ выводъ на Кіевщину онъ не имѣлъ права. Нелогичность

---

[1]) Бойки въ своемъ говорѣ употребляютъ нарѣчіе „бойе", неизвѣстное другимъ говорамъ. Точное значеніе слова „бойе" подвергалось многократному обсужденію этнографовъ—филологовъ и вызывало споры, но одна вещь вполнѣ ясна: что именно отъ этого страннаго слова бойки получили свое названіе. См. статью Верхратскаго въ Archiv für slavische Philologie 1894, потомъ полемику его и Партыцкаго въ „Дили" № 255, 256, 263, 264, 278, статьи Охрымовича и Франка въ „Жытти и слови" 1895, кн. I; см. еще Желех. I, 37 и Огоновскаго: Studien 160. Предполагать, что нарѣчіе „бойе" и прозвище „бойки" очень стары, нѣтъ достаточныхъ основаній. Г. Соболевскій, такъ безповоротно заявляя, будто „буцы" есть старое галицкое „бойци", долженъ былъ бы указать хоть одинъ старый памятникъ, гдѣ встрѣчалось бы „бойци".

его вывода до того очевидна, что распространяться объ этомъ не стоитъ.

Объ имени Малая Русь.

Имя Малой Руси сперва (съ конца XIII в.) принадлежало только Галичинѣ и Волыни, а Кіевская земля прежде называлась просто Русью. Въ XIV в. и къ Кіевской землѣ начали примѣнять имя „Малая Русь". Этого обстоятельства г. Соболевскій иначе объяснить себѣ не можетъ, какъ при томъ условіи что въ XIV в. исчезло старинное населеніе Кіевской земли и замѣнилось пришлымъ галицкимъ и волынскимъ. Что сѣверная Русь усвоила себѣ одно *общее* названіе Великой Руси, хотя состояла изъ *нѣсколькихъ* племенъ, этого г. Соболевскій не находитъ неестественнымъ [1]), а если немного позже южноруссы западные (галичане и волыняне) и южноруссы восточные (потомки старыхъ полянъ, не истребленные никакимъ татарскимъ нашествіемъ) также поняли свою національную близость и получили всѣ одно общее имя „Малой Руси", то этого обстоятельства г. Соболевскій не можетъ взять себѣ въ домекъ. Мы очень сожалѣемъ, что г. Соболевскій безъ своей галицко-волынской гипотезы не можетъ понять очень простой вещи, и только напомнимъ ему, какъ человѣку занимающемуся исторіей русскихъ нарѣчій, что въ XIV-мъ вѣкѣ существовали особыя обстоятельства, понуждавшія исконное кіевское населеніе принять имя Малой Руси. Старинное имя Кіевщины „Русь", принадлежавшее до XII в. исключительно ей, еще подъ конецъ удѣльнаго періода потеряло свой исключительный характеръ, а въ періодъ монгольскій распространилось безусловно на всякую русскую область; между тѣмъ нарѣчія русскія къ XIV вѣку пріобрѣли значительныя *отличія* другъ отъ друга (это очень

---

[1]) Названіе Великороссіи (Μεγάλη Ῥωσία) встрѣчается, напримѣръ, около 1347-го года въ грамотѣ Византійскаго императора. См. Русская Историч. Библ., т. VI, столб. 21—34.

хорошо извѣстно г. Соболевскому), и нарѣчія „Великой Руси" стали рѣзко отличаться отъ нарѣчій Галичины, Волыни и Кіевщины. Что жъ удивительнаго, если въ противовѣсъ „Великой Руси" Кіевщина, сверхъ имени „Русь", давно ужъ потерявшаго свой исключительный характеръ, начала и отъ чужихъ, и отъ своихъ получать имя „Малая Русь",—то имя, которое носили сосѣдніе Волынь и Галичина, очень близкія къ ней по языку [1])?

О „*должны были*".

„Во всякомъ случаѣ, если древній кіевскій говоръ еще сохранялся до XV вѣка", говоритъ г. Соболевскій, какъ бы сознавая слабость своихъ аргументовъ объ исчезновеніи кіевлянъ послѣ Батыя, „то нашествія Эдигея и Менгли-Гирея на Кіевъ и вобще частыя вторженія крымской орды въ кіевскую область *должны были* уменьшить число говорившихъ имъ на столько, что они уже не могли устоять противъ ассимиляціи съ многочисленными выходцами изъ Волыни, Подолья и Галичины".

Немногочисленная народность грузинская на Кавказѣ и румынская да болгарская на Балканскомъ полуостровѣ въ теченіи многихъ вѣковъ стояли передъ варварами въ худшемъ

---

[1]) Первый разъ имя „Малая Русь" прилагается къ Кіевской области не въ какомъ-нибудь южно-русскомъ памятникѣ, а въ греческой грамотѣ цареградскаго синода 1354-го года, на которомъ присутствовалъ великорусскій митрополитъ Алексѣй: Ἐιχε μὲν ἡ ἁγιωτάτη μητρόπολις Ῥωσίας, μετὰ καὶ τῶν ἄλλων κάστρων καὶ χωρῶν ὑπὸ τὴν ἐναρίαν ταύτης τελούντων, καὶ τὸ ἐν τῇ Μικρᾷ Ῥωσίᾳ κάστρον τὸ Κύεβον ἐπονομαζόμενον (т. е. „Святѣйшая русская митрополія, вмѣстѣ съ другими городами и селеніями, находящимися въ ея предѣлахъ, имѣла еще въ Малой Руси городъ, именуемый Кіевъ"). Быть можетъ, и сами греки изъ частыхъ сношеній съ Русью хорошо знали, что языкъ Кіевщины въ это время выработалъ такія особенности, которыя его дѣлали довольно или очень близкимъ къ языку Галичины и Волыни и отличнымъ отъ языка Великороссіи; но гораздо вѣрнѣе, что причисленіе Кіева къ Малой Россіи состоялось въ грамотѣ со словъ великорусса Алексѣя, ставленника Москвы, которая въ это время считала себя не только Великой Русью, но и Русью по преимуществу (Напр., Симеонъ Гордый, 1341—1358, въ договорной грамотѣ съ братьями (Собр. Грам. и Догов. I, № 23) называетъ себя Великимъ княземъ всея Русіи).

положеніи, чѣмъ кіевляне передъ крымцами, и однакожъ не были истреблены. Резонъ *„должны* были" не есть резонъ, разъ мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ фактомъ, что вещь, долженствовавшая по чьему-либо мнѣнію случиться, *не* случилась.

Мы посвятили разбору аргументовъ г. Соболевскаго довольно много мѣста не столько ради ихъ опроверженія (ихъ опровергнуть можно было бы гораздо короче), сколько для выясненія научныхъ пріемовъ г. Соболевскаго, берущагося писать исторію малорусскаго нарѣчія. Тенденціозность (заставляющая г. Соболевскаго забывать законы и логики, и здравой филологіи), сообщеніе невѣрныхъ данныхъ, неправильное толкованіе и извращеніе несомнѣнныхъ фактовъ—вотъ отличительные признаки разсужденій г. Соболевскаго, когда онъ касается вопроса о происхожденіи современныхъ малоруссовъ. Зловѣщее предчувствіе Потебни на счетъ г. Соболевскаго сбылось какъ нельзя печальнѣе. Можемъ безъ преувеличеній сказать: когда г. Соболевскій коснется своей галицко-волынской гипотезы, тогда весь его научный методъ заключается въ томъ, чтобы не имѣть никакого научнаго метода.

Что же касается незнакомства г. Соболевскаго съ малорусскимъ нарѣчіемъ, то это было отмѣчено нами въ предыдущей главѣ, отмѣчено въ настоящей и будетъ еще много разъ отмѣчено въ слѣдующихъ главахъ.

А. **Крымскій.**

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Просимъ читателей „Кіевской Старины" исправить опечатки, замѣченныя въ іюньской книгѣ:

На стран. 355, строка 6-ая, вмѣсто „дающими" нужно читать: „дѣющими".

На стран. 357, строка 10-ая, вм. „отвергнутое теоріей" читать: „отвергнутое исторіей".

И. П. КОТЛЯРЕВСКІЙ ВЪ СВѢТѢ КРИТИКИ.

*(Продолженіе *).*

II.

Извѣстныхъ намъ украинскихъ произведеній Котляревскаго четыре: Энеида, Ода до князя Куракина, Наталка-Полтавка и Москаль-Чаривныкъ. Самое ранее его произведеніе—четыре части Энеиды, написанныя въ подражаніе Осипову; остальныя двѣ части созданы послѣ 1809 г., т. е., какъ мы думаемъ, послѣ выхода дополнительныхъ частей пародіи Котельницкаго. Словомъ, въ томъ и другомъ случаѣ украинская пародія написана въ зависимости отъ русской. Это обстоятельство не повліяло однако серьезнымъ образомъ на первую и не даетъ поэтому права считать ее произведеніемъ несамостоятельнымъ; наоборотъ, по всеобщему признанію, наша пародія далеко превосходитъ русскую и можетъ считаться произведеніемъ вполнѣ оригинальнымъ: такъ умѣло облекъ поэтъ въ національную одежду тотъ безжизненный остовъ, который былъ заимствованъ у великорусскихъ пародистовъ.

---

*) См. Кіев. Ст. 1898 г. № 7—8.

Что-же однако представляетъ изъ себя украинская Энеида? зачѣмъ она написана и какъ исполнена?

Въ отношеніи содержанія она является, въ общемъ, схемой поэмы Вергилія, взятой съ пародированнаго русскаго образца послѣдней и перекроенной по своему. Много фактовъ, упоминаемыхъ даже Осиповымъ, нашъ поэтъ опустилъ, но самая канва разсказа соблюдается имъ точно. Слѣдовательно, наша Энеида, вслѣдъ за русской, пересказываетъ главнѣйшіе факты римскаго первоисточника. Однако эти-ли факты имѣлъ въ виду Котляревскій, когда задумалъ украинскую передѣлку? Иными словами, что хотѣлъ онъ дать публикѣ своей Энеидой: изложеніе-ли эпизодовъ римской поэмы, или что-либо другое? Отвѣтъ на данный вопросъ можетъ быть облегченъ тогда, если мы поставимъ тотъже вопросъ относительно хотя-бы Осипова. У послѣдняго, судя по его Энеидѣ, было цѣлью дать каррикатурное изображеніе приключеній Энея, способное потѣшить публику насчетъ представителей классическаго міра. Для достиженія своей цѣли Осиповъ поставилъ послѣдній въ великорусскую обстановку. Знакомому впрочемъ, съ произведеніемъ Осипова извѣстно, что великорусскаго въ ней, кромѣ языка, нѣтъ ничего, что на изображеніе народной жизни нѣтъ въ ней и намека и что самъ Эней несравнённо болѣе похожъ на завсегдатая кабака, чѣмъ на типичнаго великоросса. Впрочемъ, нехудожественность русской пародіи для насъ, въ данномъ случаѣ, значенія не имѣетъ: въ ней важно только то, что Осиповъ хотѣлъ изобразить если не народнаго, то національнаго Энея. Имѣя въ виду этотъ фактъ, мы считаемъ возможнымъ объяснить цѣль созданія украинской пародіи слѣдующимъ образомъ. Прочитавъ русскую Энеиду, Котляревскій, въ противоположность ей, захотѣлъ создать Энеиду украинскую, захотѣлъ облечь боговъ и героевъ ея въ народно-національныя одежды. Чему-же приписать появленіе національной формы послѣдней? Разумѣется, прежде всего индивидуальности Котляревскаго; однако, вдумавшись глубже, мы увидимъ, что онъ былъ только объектомъ дѣйствія тѣхъ соціальныхъ законовъ, о которыхъ упомянулъ еще въ „Хуторной поэзіи“ Ку-

лишъ. Безсознательно или сознательно — это теперь рѣшить трудно,—но Котляревскимъ въ данномъ случаѣ руководила національная гордость, какъ отраженіе вліянія всемогущей въ извѣстный періодъ среды, которой поэтъ подчинился всецѣло.

Дѣло въ томъ, что автономныя стремленія Украйны конца прошлаго вѣка были довольно сильны; черты нравовъ, обычаевъ, языка и національныхъ традицій, живо сознаваемыхъ болѣе культурными слоями украинскаго общества,—все это было достаточнымъ для того, чтобы украинскую народность обособлять въ отдѣльную единицу. Украинцы, туго пріобщаясь своей массой къ русской культурѣ, въ сущности продолжали жить своей собственной внутренней жизнью. Такая-же обособленность чувствовалась и среди украинскихъ семинаристовъ, которые „на панычей", проникшихся общерусскимъ духомъ, были не похожи вовсе и представляли изъ себя обыкновенныхъ украинскихъ „хлопцевъ", только обучающихся неизвѣстнымъ народу наукамъ. Чѣмъ характеризовалось отношеніе украинцевъ къ „москалямъ", можно видѣть и изъ тогдашнихъ пословицъ и изъ многихъ мѣстъ, разбросанныхъ въ произведеніяхъ Котляревскаго. Послѣдній, судя по его творчеству, долженъ былъ явиться сознательнымъ выразителемъ этой самобытности въ высшей степени или во всякомъ случаѣ не составлять въ данномъ направленіи исключенія. И это обстоятельство окончательно установило въ немъ мысль написать украинскую національную пародію.

Какъ человѣкъ, сознающій себя поэтомъ, юмористомъ и классикомъ, Котляревскій могъ написать русскую Энеиду; но какъ продуктъ упомянутой среды, сообщавшей выходившимъ изъ нея личностямъ опредѣленную психику, онъ долженъ былъ создать украинскую, а не русскую пародію. Слѣдовательно, созданіе первой является не личнымъ произволомъ поэта, а объясняется тѣми условіями украинской обособленности, которая просто продиктовала ему мысль написать національное произведеніе. И мы думаемъ, что если-бы наше объясненіе было невѣрно, то мы не имѣли-бы ни одного украинскаго произведенія Котляревскаго, въ томъ числѣ и Энеиды: безъ извѣстной доли національной гор-

дости, основанной на любви къ родинѣ, Котляревскому не для чего было отдаваться писанію произведеній на „мужицкомъ“ языкѣ. Передъ нимъ разстилалось обширное поле россійскаго стихотворства, на которомъ онъ, подобно прочимъ украинцамъ, могъ-бы подвизаться далеко не безъ успѣха. Однако бряцаніе россійскихъ лиръ нашего поэта къ себѣ не привлекло; писать по-русски онъ не возъимѣлъ желанія и, оказавшись выше своихъ современниковъ, очевидно, больше ихъ всѣхъ отразилъ на себѣ вліяніе національной среды. Автономизмъ послѣдней, перешедшій и на поэта, обусловилъ такимъ образомъ и цѣль Энеиды: этимъ своимъ произведеніемъ поэтъ захотѣлъ показать публикѣ, что можетъ быть не только русская пародія, но и украинская, поэтому, создавая послѣднюю, онъ имѣлъ въ виду приподнять значеніе украинской народности, при помощи художественнаго творчества.

Опредѣливъ, такимъ образомъ, цѣль созданія Энеиды, обратимся теперь къ выясненію того, какъ выполнилъ поэтъ свою задачу, но предварительно считаемъ нужнымъ подчеркнуть слѣдующее. Котляревскій задумалъ писать свою пародію, вѣроятно, еще въ 1791 году, т. е. въ бытность чиновникомъ. Однако писать ее онъ еще не начиналъ; причины этого мы излагали въ другомъ мѣстѣ, но теперь важно напомнить ихъ снова. Прежде всего эпизодъ о Дидонѣ въ первой части русской Энеиды не былъ оконченъ, и нашъ поэтъ долженъ былъ ожидать появленія второй части. Въ 1792 г., послѣ выхода въ свѣтъ послѣдней, Котляревскій писать свою пародію уже могъ, однако, какъ мы полагаемъ, все еще ее не началъ. Если мы вспомнимъ высокую цѣль Котляревскаго, то начать Энеиды онъ и не могъ: поэтъ хотѣлъ написать не только пародію на національномъ языкѣ, но національную пародію, и вотъ для этого именно у него и не хватало знаній. Самъ онъ сознавалъ, что для написанія своей Энеиды ему необходимо изучить жизнь и мысль народа и что безъ этого его произведеніе будетъ національнымъ только по языку. Въ силу-ли этого обстоятельства, или, можетъ быть, по какимъ нибудь другимъ соображеніямъ, только черезъ годъ послѣ выхода второй части русской пародіи, Котляревскій бросаетъ

канцелярію, даетъ уроки помѣщичьимъ дѣтямъ и, какъ передаютъ старѣйшіе біографы, серьезно изучаетъ народъ. Какъ результатъ этого, появляются сначала первыя части украинской пародіи, а затѣмъ и остальныя, равно какъ и прочія произведенія поэта. Вотъ этотъ-то фактъ изученія народа имѣетъ для насъ огромное значеніе: онъ помогаетъ правильно освѣтить одинъ изъ главнѣйшихъ вопросовъ относительно Энеиды — именно вопросъ о ея народности. Большинствомъ ученыхъ вопросъ этотъ рѣшается въ положительномъ смыслѣ, и украинская Энеида считается вполнѣ народной. Вѣрно-ли это мнѣніе? Намъ кажется—вѣрно вполнѣ. Помимо языка Энеиды, народность ея отражается, какъ въ изображеніи внѣшней стороны украинскаго быта, такъ и внутренней. Въ первомъ случаѣ Энеида представляетъ положительно этнографическій сборникъ, подлинность котораго можетъ быть признана всякимъ знающимъ украинскій бытъ. Внутренняя сторона Энеиды, т. е. картина ея типовъ, также вполнѣ народна. Въ своемъ произведеніи Котляревскій олицетворилъ всестороннія явленія нашей жизни, начиная отъ простого крестьянина и кончая богатымъ паномъ.

И тѣмъ не менѣе, при всей возможности признать Энеиду за народное произведеніе, въ этомъ пунктѣ все таки были довольно крупныя сомнѣнія. Если даже не принимать во вниманіе перваго отзыва Кулиша, то останутся такіе критики, какъ проф. Котляревскій, который сомнѣвался въ народности Энеиды, и г. Минскій, все таки считающій цѣлью послѣдней смѣшить публику, да притомъ на счетъ народа. Но и мнѣніе Кулиша не можетъ быть оставлено безъ вниманія: въ немъ критикъ посылаетъ такую массу упрековъ по адресу Энеиды Котляревскаго, а во второй своей статьѣ такъ замалчиваетъ вопросъ о томъ, отказывается-ли онъ отъ первыхъ своихъ сужденій или нѣтъ, что отзыва его нельзя ни въ коемъ случаѣ миновать. Мы скажемъ здѣсь о немъ нѣсколько словъ, что-бы не возвращаться впредь къ тому же предмету. Кулишъ, какъ извѣстно, полагалъ, что украинская Энеида написана, во-пер-

выхъ, въ угоду панамъ, а во-вторыхъ, содержитъ насмѣшку надъ народомъ. Первое мнѣніе лелѣялъ одинъ Кулишъ, второе раздѣляли въ различной степени и другіе изслѣдователи. Первое положеніе можно назвать совершенно несостоятельнымъ. Предположивъ даже, что поэтъ имѣлъ въ виду потѣшить пановъ,—все-таки останется непонятнымъ тотъ фактъ, что Котляревскій не издавалъ своей Энеиды и что она появилась въ свѣтъ въ 1798 г., только благодаря неумѣстной любезности Парпуры. Если-бы Котляревскій имѣлъ въ виду панскую потѣху, то онъ принялъ-бы дѣятельное участіе въ изданіи своихъ произведеній хотя-бы для того, что бы достичь этой своей цѣли, т. е. угоды панамъ, и затѣмъ пристроиться у кого нибудь изъ нихъ въ качествѣ приживальщика, что Кулишъ признаетъ даже за несомнѣнный фактъ . Однако Котляревскій держитъ свою Энеиду подъ спудомъ цѣлыя пятнадцать лѣтъ (1794—1809) и рѣшается ее издать, только вынужденный нахальствомъ Парпуры, второй разъ выпустившаго его произведеніе безъ позволенія. Очевидно, что Энеида была любимымъ дѣтищемъ автора, которое онъ берегъ почти ото всѣхъ и для котораго употребилъ столько времени, изучая народъ. Поэтому кажется неестественнымъ, чтобы безъ всякой нужды, не желая даже опубликовать своего труда, Котляревскій могъ такъ серьезно относиться къ послѣднему, имѣя въ виду только пановъ. Однако, кромѣ этихъ логическихъ соображеній, у насъ имѣются и фактическія данныя: стоитъ только обратить вниманіе на третью часть Энеиды, и тогда станетъ яснымъ, насколько справедливо обвиненіе Кулиша въ томъ, что поэтъ писалъ свою пародію въ угоду панамъ. Вся третья часть не что иное, какъ сатира на высшія сословія, выраженная такъ, какъ это можно было тогда сдѣлать. Неужели такъ могъ поступать тотъ человѣкъ, который изъ-за низкихъ соображеній захотѣлъ бы угодить панамъ? Врядъ-ли поздоровилось-бы панегиристу послѣднихъ, если-бы онъ задумалъ имъ пропѣть такой сатирическій гимнъ, какой мы находимъ въ описаніи ада и рая! Почему мѣста, въ родѣ указанныхъ, сходили съ рукъ самому Котляревскому—это другой

вопросъ. Во всякомъ случаѣ, даже одно упомянутое мѣсто совершенно опровергаетъ мысль объ угодѣ панамъ, какъ цѣли Энеиды. Мы же въ концѣ концовъ, прибавимъ, что такими цѣлями и не могъ задаваться тотъ поэтъ, который открыто въ своемъ произведеніи заявлялъ, что „панска правда на вси боки гнуча!“.

Обратимся теперь ко второму положенію, высказанному критикой, т. е. что отношеніе Котляревскаго къ народу было *насмѣшливое*. Не смотря на то, что это произведеніе явилось результатомъ сознательнаго чувства народности, ничто не мѣшало ему, конечно, быть по формѣ пародіей. Этотъ родъ комическаго эпоса заключаетъ, по своему существу, изложеніе важныхъ сюжетовъ, оттѣненное комическимъ настроеніемъ. Очевидно, что и Осиповъ и его послѣдователь Котляревскій имѣли въ виду комизмъ или желаніе посмѣяться. Что-же именно было объектомъ смѣха для нашего поэта? Цѣлью послѣдняго было потѣшиться надъ классическими богами и героями, но при томъ такъ, что-бы смѣхъ его каралъ пороки, наиболѣе распространенные въ тогдашней Украинѣ. Костомаровъ, какъ извѣстно, не придавалъ значенія украинской Энеидѣ, какъ пародіи; мы пойдемъ въ данномъ направленіи еще далѣе и скажемъ, что и самъ Котляревскій не придавалъ, вѣроятно, значенія тому факту, что пишетъ пародію. Эта послѣдняя была только средствомъ для его болѣе высокой цѣли, и, какъ средствомъ, онъ ею и воспользовался. Могъ, онъ конечно, формы пародіи не избирать, но въ силу тогдашнихъ условій, эта послѣдняя была для него самой удобной. Подъ формой Энеиды и ея классическихъ фигуръ, Котляревскій могъ выставить свое далеко не одобрительное отношеніе къ тогдашней украинской дѣйствительности, чего при иныхъ условіяхъ сдѣлать ему безнаказанно не удалось-бы. Но форма пародіи была для Котляревскаго благодарна и по другимъ мотивамъ: она была родственна тому юмористическому настроенію и комическому таланту, которыми нашъ поэтъ обладалъ въ большой степени. Такимъ образомъ, она была для молодого поэта во всѣхъ отношеніяхъ удобной, и естественно, что

въ этой формѣ Котляревскій, какъ мы видѣли, задумалъ реализировать два свои желанія: создать украинскую Энеиду и въ лицѣ ея героевъ осмѣять достойную порицанія украинскую дѣйствительность. Какъ выполнилъ поэтъ главное свое стремленіе, мы уже сказали: онъ изучалъ народъ, и его типы вышли, дѣйствительно, украинскими, отмѣченными въ изобиліи положительными чертами. Какъ-же выразилась другая, не менѣе важная сторона его цѣли, —осмѣяніе украинскихъ пороковъ въ лицѣ Олимпійцевъ и классическихъ героевъ? Для достиженія этой цѣли поэтъ поступилъ просто: героевъ и боговъ Энеиды онъ надѣлилъ такими качествами національно-украинской жизни, которыя ни въ комъ, конечно, не могли не вызвать смѣха. И вотъ за то именно, что Котляревскій надѣлилъ типы Виргиліевой Энеиды различными украинскими пороками, на него посыпался градъ упрековъ и обвиненій въ насмѣшкѣ надъ народомъ. Нечего и говорить, что такія обвиненія могли имѣть мѣсто только въ силу непониманія Котляревскаго или того шовинизма, которое старается закрывать свои національные недостатки! Въ сужденіяхъ Кулиша мы склонны видѣть и то и другое, такъ какъ онъ обвинилъ нашего поэта, во первыхъ, въ насмѣшкѣ надъ народомъ, а во вторыхъ, въ томъ, что эта насмѣшка была сдѣлана въ неурочное время. При малѣйшемъ анализѣ Энеиды, трудно не замѣтить всякому, что отрицательныя черты типовъ ея перемѣшаны съ положительными, надъ которыми поэтъ не насмѣхался уже во всякомъ случаѣ; а разъ это такъ, то въ Энеидѣ мы можемъ видѣть не насмѣшку надъ народомъ, а только вѣрное его изображеніе, которое остается такимъ-же и въ отношеніи непростонародныхъ типовъ. Если-же въ изображеніи послѣднихъ не всѣ черты привлекательны, то мы не будемъ дѣлать передержекъ и говорить, что надъ типами Энеиды можно только смѣяться; наоборотъ, мы, признавая эти типы смѣшными, въ то-же время скажемъ, что по поводу вѣрнаго изображенія не всегда красивой дѣйствительности не опечалимся нисколько.

Совершенно несправедливо упрекая Котляревскаго въ „осмѣяніи“ народа, какъ соціальной группы, Кулишъ не счелъ однако нужнымъ упомянуть,что поэтъ смѣялся не надъ однимъ народомъ, а и надъ высшими сословіями украинской націи и—что очень важно—надъ другими народностями, особенно надъ „Москалями“. Конечно, критику не удобно было обнаружить безпристрастіе, ибо въ такомъ случаѣ главное его обвиненіе рухнуло-бы, по крайней мѣрѣ, на добрую половину. Мы утверждаемъ, что исключительной насмѣшки надъ народомъ въ Энеидѣ нѣтъ, есть только реальное его изображеніе, являющееся одной изъ величайшихъ заслугъ поэта. Ясно, что уже въ одномъ этомъ Кулишъ не правъ совсѣмъ; но его ошибка простирается и дальше. Какъ вѣрно замѣчено и проф. Дашкевичемъ, въ Энеидѣ осмѣиваются и высшія сословія; мы-же скажемъ, что поэтъ осмѣиваетъ послѣднія несравненно болѣе, чѣмъ народъ, который онъ, судя по картинѣ рая, положительно прославляетъ. Всякіе судьи, сутяги, паны, и т. д.—все это подверглось сатирѣ нашего поэта, мало стѣснявшагося съ тогдашними привилегированными сословіями и засадившаго ихъ въ своемъ произведеніи въ адъ. Трудно не замѣтить также, что осмѣивамые въ типахъ Юпитера, Турна, Лавиніи и Аматы во всякомъ случаѣ отнесены быть къ „народу“ не могутъ. И однако авторъ воздалъ справедливость и этимъ, наиболѣе осмѣяннымъ имъ персонажамъ. Въ описаніи ада и рая онъ замѣтилъ, что въ раю бываютъ и высшія сословія, только въ очень незначительномъ количества, ибо сами они не особенно-то стремятся попадать въ это блаженное мѣсто.

Смѣется поэтъ, какъ мы сказали, и надъ недостатками различныхъ народностей, но смѣется мало, при чемъ сатирическія выходки противъ нихъ вовсе не злы и отмѣчены проникающимъ всю Энеиду добродушіемъ.

Рѣшивъ вопросъ о народности Энеиды, разсмотримъ теперь то ея качество, о которомъ должны были говорить съ самаго начала: мы разумѣемъ степень художественности Энеиды. При установленіи степени художественности всякаго произведенія са-

мымъ важнымъ, конечно, является разрѣшеніе вопроса, насколько творецъ извѣстнаго произведенія съумѣлъ поставить различныя черты своихъ типовъ въ соотвѣтствіе съ главной идеей. То-же самое, очевидно, нужно разрѣшить и въ отношеніи украинской Энеиды. Замысломъ автора послѣдней было желаніе выставить въ яркомъ свѣтѣ украинское общество, пропущенное сквозь призму отчасти комической формы, но серьезнаго содержанія. Поэтому, отбросивъ пока эту форму, посмотримъ, насколько серьезное содержаніе украинской пародіи соотвѣтствуетъ замыслу поэта. Много говорить объ этомъ пунктѣ не придется, такъ какъ главный матерьялъ для его выясненія разобранъ уже выше. Идея Котляревскаго изобразить въ лицѣ классическихъ типовъ украинскую націю удалась ему вполнѣ. По нашему заключенію, сходному съ выводами лучшихъ знатоковъ поэзіи Котляревскаго, какъ напримѣръ—проф. Дашкевича, въ Энеидѣ отразилась Украйна прошлаго вѣка крайне рельефно. Правда, планъ и сюжетъ самой римской Энеиды, какъ и форма избранной нашимъ поэтомъ пародіи, скрываютъ настоящую идею украинской пародіи довольно глубоко, но тѣмъ не менѣе она ясна. Изъ-за условныхъ названій классическихъ типовъ, какъ живая, встаетъ галлерея типовъ украинскихъ, правдивыя черты которыхъ бьютъ въ глаза всякому. Рѣчи героевъ нашей Энеиды, ихъ поступки, психическія движенія и цѣлыя воззрѣнія,—все это запечатлѣно несомнѣнными чертами украинской національности, какъ извѣстно, поэтомъ нашимъ изученной вполнѣ. Характеръ поэмы Вергилія, не смотря даже на пародическую форму украинской Энеиды, сохранился въ послѣдней изумительно: произведеніе Котляревскаго есть настоящая поэма, широко задуманная и весьма удачно исполненная. Намъ она напоминаетъ болѣе всего „Мертвыя души“ Гоголя, съ которыми наша пародія имѣетъ много общаго, именно въ изображеніи типовъ: произведенія обоихъ украинцевъ представляютъ дѣйствительныя эпопеи украинской націи,—только наша поэма далеко шире русской и по замыслу, и по исполненію. Въ произведеніи Гоголя изображается, такъ сказать, феодальный классъ нашей націи, съ которымъ Гоголь былъ болѣе зна-

комъ; въ украинскомъ-же произведеніи выставлены всѣ классы украинской націи, и въ особенности народъ, который былъ изучаемъ Котляревскимъ въ высшей степени добросовѣстно. Но у обоихъ украинцевъ широкая картина національной жизни является, конечно, центромъ и красой ихъ произведеній. Итакъ, замыселъ Котляревскаго, какъ изобразителя народной жизни, выполненъ имъ удачно и даже мастерски. Но не помѣшало-ли этому выполненію то упомянутое нами обстоятельство, что изображеніе общества 18-го вѣка было пропущено нашимъ поэтомъ сквозь призму пародической формы Энеиды? Не нарушили-ли художественнаго такта и реальности типовъ юморъ и каррикатура Котляревскаго, какъ результатъ этой пародической формы произведенія, требовавшей отъ поэта возбужденія смѣха? Насколько могло показать наше изслѣдованіе народности Энеиды, послѣднее обстоятельство отрицательнаго вліянія на реализацію замысла поэта не имѣло. Юморъ вообще есть художественный элементъ, занимающій крупное мѣсто во многихъ произведеніяхъ общечеловѣческаго генія,—такимъ-же точно образомъ онъ занимаетъ важное мѣсто и въ отношеніи нашей Энеиды. Можно даже сказать больше: юморъ, проникающій послѣднюю, помогаетъ ея выполненію въ особенной степени. Самое изложеніе онъ дѣлаетъ болѣе привлекательнымъ и живымъ, а потому производящимъ впечатлѣніе, и даже пародическую форму Энеиды заставляетъ очень часто забывать: читая послѣднюю, столь богато успащенную юмористическимъ оттѣнкомъ, какъ-то невольно перестаешь думать, что имѣешь дѣло съ классическими именами, не то что съ обстановкой,—настолько струя народной шутки и веселья оживляетъ украинизованные типы Энеиды и вмѣстѣ съ ними переноситъ въ обстановку Украины прошлаго вѣка. Итакъ, силу эстетическаго впечатлѣнія юморъ поэта увеличиваетъ въ значительной степени. Какую-же роль играетъ въ данномъ направленіи каррикатурность изложенія, отмѣченная у Котляревскаго? Каррикатура, какъ таковая, есть, конечно, не реальное, а ложное изображеніе жизни и, если поэтъ задался мыслью изобразить дѣйствительную, а не фантастическую жизнь, то вся-

кая внесенная въ произведеніе каррикатурность на художественности его должна отразиться роковымъ образомъ. Ничего подобнаго по отношенію къ украинской Энеидѣ нѣтъ. „Каррикатура“ Котляревскаго не есть даже каррикатура и, если мы въ отношеніи его произведеній употребляли это выраженіе, то только для того, что бы не запутывать тогда изложенія неумѣстными разъясненіями. Теперь-же выяснить истиное значеніе каррикатуры Котляревскаго мы считаемъ вполнѣ у мѣста. Прежде всего при изученіи Энеиды нужно хорошо помнить, что въ ней изображается пародія на героевъ и боговъ, величіе которыхъ развѣнчивается постоянно. А разъ это такъ, то, при юмористическомъ оттѣнкѣ Энеиды, всегда можно ожидать отъ ея автора неумѣстной иногда шутки, сильнаго словца или черезчуръ рѣзкой черты изображенія. Возможность этого особенно основывается на понятіи о смѣшномъ въ 18 в. и, кромѣ того, на томъ обстоятельствѣ, что всякіе недочеты въ изображеніи возможны даже въ произведеніяхъ геніальныхъ и опытныхъ писателей, а не то что въ первомъ опытѣ начинающаго поэта-юноши, какимъ былъ во время созданія своей пародіи Котляревскій. Въ силу всего этого произошли и указанныя Кулишомъ излишества послѣдняго, относительно изображенія Энея и Дидоны. Но эти излишества, беря ихъ даже безъ отношенія къ пародической формѣ, незначительны, а пародической формой устраняются почти совершенно. Потѣшаясь надъ героями и богами, поэтъ имѣлъ, конечно, полное основаніе надѣлить ихъ такими чертами, отъ которыхъ величіе ихъ носителей пропало-бы совершенно. Это была прямая его задача, какъ пародиста: чѣмъ сильнѣй онъ провелъ въ своемъ произведеніи пародію, тѣмъ успѣшнѣе его задача можетъ считаться выполненой. Итакъ, смѣшное въ богахъ и герояхъ Энеиды вполнѣ законно и стоитъ на своемъ мѣстѣ; порицаются только его излишества. Форма пародіи и понятіе о смѣшномъ того времени оправдываютъ такія излишества совершенно,—на это указалъ еще въ сороковыхъ годахъ Костомаровъ и особенно въ семидесятыхъ Онишкевичъ. Но для этихъ излишествъ нашелъ самое цѣнное, по нашему мнѣнію, объясненіе и оправданіе проф. Даш-

кевичъ, назвавъ „каррикатуру“ Энеиды исполненной, какъ мы сказали, въ духѣ народнаго юмора. Такъ, нельзя не замѣтить этого юмора въ рѣчи Энея къ богамъ, рѣчи Латина къ своимъ вельможамъ и т. д.: извѣстное количество элементовъ смѣха въ данныхъ мѣстахъ вполнѣ допустимо. Но въ нихъ еще замѣчается излишекъ чертъ, какъ матерьяла для смѣха. Излишекъ этотъ, какъ таковой, долженъ былъ-бы подвергнуться порицанію и изгнанію его изъ Энеиды,—и однако ни того ни другого онъ не заслуживаетъ. Ругань Энея или Латина есть максимумъ того, что въ данномъ случаѣ можетъ допустить на дѣлѣ или въ возможности самъ народъ. Степень этой ругани, пьянства и другихъ пороковъ зависитъ только отъ степени исключительности условій, какъ причинъ, вызывающихъ самую форму порока. Мало человѣкъ возбужденъ—онъ бранится мало; поставленъ онъ въ такія тягостныя условія, какъ Эней и Латинъ,—и его ругань достигаетъ апогея. Этотъ апогей изобразилъ и Котляревскій; но нужно замѣтить, что максимальная степень, положимъ, руготни въ Энеидѣ является таковой только для насъ, какъ людей съ очищеннымъ эстетическимъ вкусомъ, во первыхъ, и ушедшихъ отъ времени Котляревскаго на цѣлый вѣкъ, во вторыхъ. Но не таковой должна была казаться максимальность упомянутаго изображенія для людей того времени вообще и для народа въ частности. Грубое теперь не должно было казаться такимъ-же и для того времени; наоборотъ, оно было естественнымъ вполнѣ,—объ этомъ довольно хорошо, по нашему мнѣнію, сказала „Библіотека для чтенія“ сороковыхъ годовъ. Но если это мы можемъ сказать о вкусѣ, такъ сказать, культурной публики, то о народѣ нечего и говорить. Вся форма различныхъ пороковъ и рѣчей Энеиды не должна казаться ему грубой и теперь, не то, что въ 18 вѣкѣ. Мы даже скажемъ болѣе,—что самыя грубости Энеиды суть ничто въ сравненіи съ тѣми кажущимися грубостями, которыя въ извѣстныхъ случаяхъ, въ особенности, въ брани,—можетъ допускать самъ народъ. Брань Венеры съ Дидоной есть только посредственная степень той брани, которой отличаются наши землячки-бублейныци. Пьянство Энея съ Троянцами есть только часть тѣхъ

богатырскихъ пьянствъ, которыя практиковались хотя-бы на Запорожьи и такъ мастерски, хоть и вскользь, обрисованы Гоголемъ. Во всякомъ случаѣ, излишества Энеиды съ исторической точки зрѣнія суть излишества мнимыя, и каррикатуры въ нихъ нѣтъ и слѣда. То, что кажется критикѣ каррикатурой, есть только сильная форма выраженія, для народа, впрочемъ, не являющаяся таковой отнюдь. На мѣстѣ классическихъ типовъ стоитъ самъ украинскій народъ; и если онъ думаетъ и поступаетъ иногда не вполнѣ эстетично, но животно-грубо, то виноватъ въ этомъ не онъ, а создавшіе его такимъ соціально-экономическія условія жизни.

Послѣ этого разъясненія, можно теперь представить себѣ правдивую сторону замѣчанія проф. Дашкевича: онъ глубоко правъ, называя „каррикатуру“ Энеиды народной, но неправъ совершенно, называя объектъ своего заключенія каррикатурой. Итакъ, взглядъ нашъ на „каррикатуру“ Котляревскаго долженъ быть яcенъ; то, что называется критиками въ изображеніи отрицательно-смѣшныхъ чертъ націи каррикатурой, мы считаемъ или шуткой, вызванной пародіей, или рѣзкостью выраженія, допущеннаго въ лицѣ Котляревскаго самимъ народомъ. Поэтому и мнимая каррикатура Энеиды реальности ея типовъ не исключаетъ нисколько: народность и реальность отлились въ ней рельефно. Имѣя передъ собой такой выводъ, вопросъ о степени ея художественности можно рѣшить вполнѣ. Возможно-ли послѣ всего этого признать за украинской пародіей художественность? Да, наша Энеида есть въ высокой степени художественное произведеніе, юмористически и реально воспроизводящее типы украинскаго общества прошлаго вѣка. Реализмъ и юморъ—вотъ основныя пружины нашей пародіи; почти полное соотвѣтствіе изображенныхъ типовъ замыслу самого поэта составляютъ вмѣстѣ съ этими пружинами Энеиды главную сущность ея художественности. Разумѣется, что для извѣстнаго уровня эстетическихъ понятій большая доза ея юмора и рѣзкости выраженій можетъ теперь считаться неудовлетворительной, но съ указанной нами точки зрѣнія эта неудовлетворительность окажется незначительной.

Держась такихъ взглядовъ, мы должны, какъ сказали и выше, признать украинскую Энеиду художественнымъ произведеніемъ. Нѣкоторая эпизодичность изложенія, замѣчаемая въ ней, не есть вина автора, да и вообще не можетъ считаться нарушеніемъ художественности. Отвѣтственъ за нее самъ Вергилій, схемой котораго, сокращенной по Осипову, пользуется и нашъ поэтъ. Но эта эпизодичность вполнѣ отвѣчаетъ характеру поэмы, написанной Вергиліемъ по образцу Гомера. Рядъ описаній, типовъ и характеристикъ—вотъ что было цѣлью эпоса Вергилія, что цѣликомъ перешло и къ Котляревскому. Поэма Вергилія есть въ полномъ смыслѣ слова поэма: драматическаго въ ней, даже съ классической точки зрѣнія, очень мало. Такъ понялъ Вергилія и Котляревскій, соотвѣтственно чему и создалъ свою пародію. Впрочемъ г. Минскій нѣсколько умалялъ достоинство Энеиды, какъ художественнаго произведенія, на томъ основаніи, что оттѣнокъ смѣха выдержанъ въ ней не всюду и въ первыхъ частяхъ является далеко въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ послѣднихъ. Это замѣчаніе критика мы считаемъ совершенно неосновательнымъ. Въ послѣднихъ частяхъ Энеиды юмора не меньше, чѣмъ въ первыхъ: онъ блеститъ въ нихъ на каждой страницѣ. Но даже если бы было такъ, какъ утверждаетъ г. Минскій, то и то Котляревскій здѣсь не при чемъ, а виноватъ можетъ быть одинъ только Вергилій. Дѣло въ томъ, что послѣднія двѣ пѣсни являются для писателя-юмориста матерьяломъ неблагодарнымъ; обѣ онѣ наполнены безконечными описаніями различныхъ битвъ, которыя и у Вергилія могутъ показаться скучными, а у современнаго юмориста способны потопить весь юморъ въ морѣ неинтересныхъ подробностей, и однако съ Котляревскимъ не случилось ничего подобнаго, ибо живое изложеніе такъ-же имѣетъ мѣсто въ послѣднихъ частяхъ Энеиды, какъ и въ первыхъ, при чемъ поэтъ ухищряется не разъ дать такія сцены, какъ Венеры съ Вулканомъ, Юпитера съ Юноной, или же такой типъ, какъ лѣчившаго Энея цирульника. Что въ этихъ послѣднихъ частяхъ меньше сатиры,—это вѣрно, но, собственно говоря, особенно яркая са-

тира есть только, по извѣстнымъ причинамъ, въ третьей пѣснѣ, въ остальныхъ же она расположена почти равномѣрно. Слѣдовательно, обвинять Котляревскаго въ невыдержанности, какъ юмориста, нѣтъ никакого основанія.—Будучи художественной въ цѣломъ, украинская Энеида должна быть таковой и въ частностяхъ, а потому такіе образцы послѣдней, какъ сцены, типы и описанія, должны отличаться живописностью. На нѣкоторыя образцовыя сцены Энеиды указывали уже С. Каминскій и проф. Дашкевичъ. Мы отмѣтимъ всѣ такія сцены отъ первой до последней части. Весьма художественна въ первой части сцена Юноны съ Эоломъ, Дидоны съ Энеемъ, и затѣмъ съ сестрой своей Ганной. Во второй части выразительны сцены Венеры съ Бахусомъ, Ирыси съ Троянскими женщинами. Въ третьей части характерна сцена Энея съ Сивиллой. Въ четвертой живописенъ эпизодъ съ послами Энея у Латина и его семьи. Въ пятой части красивы сцены Венеры съ Вулканомъ, Цибелы съ Юпитеромъ, Ныза съ Эвріаломъ. Въ шестой части хороши сцены Юпитера съ Юноной, Венеры съ Юноной, наконецъ—Энея съ Турномъ. Всѣ упомянутыя мѣста рисуютъ пластическій талантъ Котляревскаго необыкновенно живо. Художественно исполненныхъ типовъ въ Энеидѣ множество, и всѣ они, вопреки Кулишу и г. Минскому, замѣчательно народны и реальны. Важнѣйшіе изъ нихъ:—Эней, Юпитеръ, Турнъ, Латинъ, Венера, Юнона и т. д. Описанія въ поэмѣ также необыкновенно изобразительны и мѣстами очень красивы. Главнѣйшія изъ нихъ слѣдующія: описаніе бури на морѣ, игръ и обѣда у Дидоны—въ первой части; описаніе поединка Энтелла съ Даресомъ—во второй; описаніе Харона, пекла и рая, гаданія ворожки въ пеклѣ—въ третьей; описаніе дома Латина, подарковъ Энея, сравненіе войска съ тучей—въ четвертой; явленіе Венеры Энею, описаніе щита—въ пятой; наконецъ въ шестой—картина возвращенія Энея отъ Эвандра, похороны Палланта и самая битва Энея съ Турномъ. Во всѣхъ упомянутыхъ мѣстахъ образность Котляревскаго весьма изящна и обличаетъ въ поэтѣ несомнѣнно развитой эстетическій вкусъ. Уже одно это обстоя-

тельство показываетъ наглядно, насколько выше своихъ современниковъ стоялъ нашъ поэтъ, хотя и набросавшій въ свое произведеніе столько признаваемыхъ нами грубостей. Итакъ, художественность Энеиды мы можемъ признать положительно: и проникающіе послѣднюю юморъ и сатира, и созданные въ этомъ духѣ сцены и типы, и, наконецъ, облеченныя въ поэтически-реальные образы описанія—доказываютъ эту художественность несомнѣнно.

Ра̃зобравъ относительно украинской пародіи главное, народность и художественность, необходимо теперь остановиться на второстепенномъ. Въ вопросѣ о художественности Энеиды мы упоминали уже о ея элементахъ—образности и юморѣ съ сатирой, какъ средствахъ вообще всякаго изображенія. Теперь необходимо коснуться ея стиля, какъ отраженія этой художественности, при чемъ особое вниманіе слѣдуетъ обратить на языкъ и стихъ Энеиды. Каждое поэтическое созданіе можетъ составляться изъ различной камбинаціи извѣстныхъ творческихъ элементовъ—1) рефлесіи и 2) изобразительности вмѣстѣ съ выразительностью и внушеніемъ, именуемыхъ художественностью стиля. Первое свойство стиля характеризуется нѣкоторой разсудочностью въ описаніи и выражается путемъ періодовъ, плеоназмовъ, тавтологіи и вообще описательныхъ выраженій. Такой рефлективный типъ творчества имѣется и въ украинской Энеидѣ, но въ очень ограниченномъ количествѣ. Средствъ художественности наблюдается въ ней далеко больше, а потому стиль ея можетъ считаться по преимуществу художественнымъ. Такіе элементы художественности, какъ сравненіе, метафора, метонимія, символъ, аллегорія, недоговариваніе, намекъ и т. п. находятся въ Энеидѣ въ огромномъ количествѣ и потому стиль ея дѣлаютъ необыкновенно символическимъ. Разсчитывая подробнѣй поговорить о стилѣ въ другомъ мѣстѣ, мы пока этимъ краткемъ замѣчаніемъ о немъ и ограничимся. Очень хорошъ вообще и языкъ Энеиды, о которомъ мы также сдѣлаемъ краткое замѣчаніе. Нарѣчіе, на которомъ писалъ нашъ поэтъ, есть переяславо-чигиринское нарѣчіе украинскаго языка, которымъ Котляров-

скій владѣлъ въ совершенствѣ. Рѣчь Энеиды вполнѣ народная и въ общемъ довольно чистая. Архаизмовъ поэтъ употребляетъ очень мало да и то они служатъ для его юмористическихъ цѣлей и употребляются не въ серьезномъ смыслѣ. Часть же этихъ архаизмовъ является вполнѣ привившейся и въ народной рѣчи. Для комизма изложенія употребляются поэтомъ и неологизмы, которые, поэтому, чистоты рѣчи не нарушаютъ нисколько. Болѣе всего имѣется въ Энеидѣ руссизмовъ, которые на чистоту рѣчи послѣдней вліяютъ не мало. Они имѣютъ чисто морфологическій характеръ и замѣчаются, главнымъ образомъ, въ усѣченныхъ окончаніяхъ прилагательныхъ и существительныхъ, въ дѣепричастной формѣ глаголовъ,—и только въ немногихъ случаяхъ относятся къ лексикѣ. Такъ или иначе, но фактъ этотъ въ отношеніи чистоты рѣчи является отрицательнымъ и долго возбуждалъ различныя нареканія. Въ то время, какъ одни, напримѣръ, С. Каминскій и проф. Дашкевичъ, рѣчь Энеиды находили болѣе, чѣмъ удовлетворительной, другіе, напр. Кулишъ, видѣли даже въ ея руссизмахъ неуваженіе къ языку. Нечего и говорить, что и это мнѣніе Кулиша опять таки совершенно не вѣрно. Неужели можно представить себѣ человѣка, который всю жизнь жилъ мыслью создавать произведенія на украинскомъ языкѣ, и этого языка не уважалъ? Психологически не вѣрно, чтобы человѣкъ добровольно занимался тѣмъ, что не пользуется его симпатіями! Неужели, затѣмъ, при неуваженіи къ языку, нашъ поэтъ такъ тщательно могъ его изучать для своей Энеиды, ходя въ народъ? А вѣдь и послѣдній фактъ Кулишу былъ небезъизвѣстенъ! Почему, кромѣ того, въ Нат.-Полтавкѣ и Москалѣ-Ч. этихъ руссизмовъ почти нѣтъ? А вѣдь, по теоріи Кулиша, они также и тамъ должны были находиться въ немаломъ количествѣ. Котляревскій, какъ мы это покажемъ въ другомъ мѣстѣ, былъ глубокій патріотъ. Уже въ силу этого одного, онъ къ родному своему языку неуважительно относиться не могъ. А что въ рѣчь Энеиды онъ ввелъ руссизмы, это объясняется совсѣмъ иными причинами, чѣмъ неуваженіе къ языку.

Дѣло въ томъ, что во время Котляревскаго какихъ бы то ни было теорій о чистотѣ украинскаго языка не было, да и не могло быть. Вліяніе великорусскаго, польскаго и славянскаго языковъ на искусственныя произведенія украинской литературы давало себя чувствовать изрядно. Въ частности-же великорусскій языкъ особенно оказывалъ такое вліяніе на литературу лѣвобережной Украйны. Книжныя произведенія, написанныя на украинскомъ языкѣ, только съ небольшой примѣсью великорусскаго, были тогда рѣдкостью; въ большинствѣ-же случаевъ, украинскій языкъ фигурировалъ только въ интерлюдіяхъ, соотвѣтственно народному ихъ содержанію. Встрѣчались, конечно, въ Украинѣ прошлаго вѣка и чисто украинскія, по языку, произведенія, въ родѣ стихотвореній Климовскаго или легенды о Маркѣ, но это были исключительныя явленія, и то изъ области книжно-народной литературы;—между тѣмъ, какъ въ литературѣ искусственной писаніе на украинскомъ языкѣ было до нѣкоторой степени mauvais ton. Естественно поэтому, что къ времени Котляревскаго украинскихъ пуристовъ относительно языка не могло и быть. Итакъ, уже этимъ однимъ указывается дѣйствительная причина внесенія Котляревскимъ въ его Энеиду руссизмовъ; несомнѣнный-же фактъ подражанія Осипову еще лучше уясняетъ эту причину. Сличеніе обоихъ произведеній, во первыхъ, показываетъ, что почти всѣ руссизмы украинской пародіи взяты изъ великорусской, и, во вторыхъ, что почти всѣ они вводятся или для рифмы, или для размѣра. Это двойное обстоятельство для насъ очень важно. Оно наглядно показываетъ, что хотя Котляревскій допускалъ свои руссизмы и сознательно, но, такъ сказать, противъ воли. Вводя впервые въ украинскій стихъ ямбическій размѣръ, поэтъ не могъ не ощущать затрудненій; эти послѣднія должны были увеличиться еще оттого, что Котляревскій задумалъ писать пародію на украинскомъ языкѣ, имѣя передъ глазами пародію великорусскую. Въ трудныхъ мѣстахъ онъ легко могъ соблазниться русскими формами и вводить ихъ въ свою рѣчь, все таки сознавая, что, въ общемъ, эта рѣчь есть истинно украинская, несомнѣнно но-

сящая на себѣ слѣды тщательнаго изученія. Но и при всемъ этомъ, руссизмовъ у него не такъ много, какъ можно было-бы ожидать, зная его широкое, хоть и формальное пользованіе великорусской Энеидой. Такъ или иначе, но причину ихъ мы можемъ считать выясненной: они явились плодомъ несовершенства техники стиха Котляревскаго и оправдываются современными поэту взглядами на чистоту украинскаго языка.

Въ силу этого, нельзя предъявлять къ Энеидѣ неумѣстныхъ претензій языковаго пуризма, и слѣдуетъ даже удивляться той „дерзости", съ какой Котляревскій задумалъ и выполнилъ свою пародію на народномъ языкѣ. Обвинять-же его за руссизмы мы совсѣмъ перестанемъ тогда, если вспомнимъ тотъ фактъ, что отъ руссизмовъ не свободны и нѣкоторые современные украинскіе писатели, и даже Шевченко. Этотъ послѣдній фактъ говоритъ очень выразительно, какъ вообще трудно при невыработанности родного языка создавать на немъ литературу въ то самое время, когда всю свою жизнь приходится работать, будучи окруженнымъ могучими вліяніями богатой русской литературы.

Итакъ, въ общемъ, языкъ украинскій, отразившійся въ рѣчи Энеиды, при нѣкоторыхъ своихъ недостаткахъ, есть языкъ, дѣйствительно, чистый, народный и вообще достойный той характеристики, какую ему дали въ особенности г. Минскій и проф. Дашкевичъ. Въ рѣчи Энеиды, какъ и въ ея типахъ и сценахъ, вполнѣ нашла себѣ мѣсто идея Котляревскаго написать произведеніе національное, какъ предметъ, возвеличивающій родную народность. Въ вопросѣ о данной цѣли Энеиды, рѣчь послѣдней является только новымъ и сильнымъ доказательствомъ. Но если относительно рѣчи нашей пародіи и могли съ нѣкоторымъ основаніемъ подыматься упреки и обвиненія, то относительно стиха ея ничто подобное не должно было-бы имѣть мѣста. Однако, на дѣлѣ вышло не такъ; одобряя даже самое исполненіе ямбическаго стиха, выбраннаго поэтомъ для Энеиды, нѣкоторые критики находили выборъ его антинароднымъ и для украинской поэзіи будто-бы совсѣмъ неподходящимъ.

Мнѣніе это впервые было высказано Костомаровымъ, и, подъ его вліяніемъ, отзывъ этотъ повторили другіе изслѣдователи поэзіи Котляревскаго—Кулишъ, Пискуновъ и Онишкевичъ. Едва-ли стоитъ много распространяться по этому поводу, чтобы ложность этого мнѣнія стала очевидною: намъ кажется, что и безъ нашихъ разсужденій странность его бросается въ глаза всякому. Но чтобы покончить вопросъ объ этомъ разъ навсегда, мы все-таки нѣсколько словъ о немъ скажемъ. Для характеристики упомянутаго мнѣнія очень важно знать, что оно исповѣдуется главнымъ образомъ Костомаровымъ. Знаніе этого обстоятельства ставитъ его въ соотношеніе съ общими взглядами Костомарова на вопросъ объ украинской литературѣ и въ высокой степени облегчаетъ его оцѣнку. Нашъ историкъ отличался, какъ извѣстно, въ вопросѣ объ украинской литературѣ до извѣстной степени консервативностью: широкаго, мірового развитія онъ ей не придавалъ и позволялъ, такъ сказать, расти для домашняго обихода. Въ силу этого, какъ содержаніе, такъ и форма нашей литературы должны были обязательно стоять чуть-ли не на уровнѣ народнаго творчества и понятій. Держась такихъ взглядовъ на украинскую литературу вообще, Костомаровъ, конечно, долженъ былъ строго отнестись и къ тѣмъ частнымъ явленіямъ, которыя съ этими взглядами шли въ разрѣзъ. Поэтому, четырехстопный ямбъ Энеиды Котляревскаго, отсутствующій въ народной поэзіи совершенно заставилъ критика отнестись къ нему скептически. По этому поводу можно только сказать, что если народная поэзія не имѣетъ искусственнаго ямбическаго стиха, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы вообще въ національной литературѣ этотъ размѣръ, вмѣстѣ съ другими, не могъ имѣть мѣста. Формы, какъ и содержаніе, искусственныхъ художественныхъ произведеній есть шагъ впередъ по сравненію съ созданіями народными, и потому держаться болѣе низкихъ формъ только потому, что они народны, едва-ли основательно. Указавъ на умѣстность стиха, скажемъ нѣсколько словъ и объ его достоинствахъ. Стихъ Энеиды вообще необыкновенно легокъ, плавенъ, а потому и красивъ; рифмы со-

зданы очень удачно, и многія изъ нихъ далеко превосходятъ рифмы въ ямбахъ Шевченка.

Такимъ образомъ, мы разобрали всѣ главнѣйшіе вопросы о художественномъ значеніи Энеиды; въ результатѣ оказалось, что мнѣніе о народности и художественности послѣдней, вопреки нѣкоторымъ изслѣдователямъ, можно считать для Котляревскаго вполнѣ благопріятнымъ. Широкое понятіе художественной правды приложимо къ его произведенію цѣликомъ: оно реально-народно, освѣщено юморомъ и сатирой и облечено въ художественную форму. Это вытекаетъ изъ всѣхъ предъидущихъ нашихъ разсужденій и вполнѣ отвѣчаетъ высокой цѣли поэта,—создать національно-патріотическое произведеніе. Итакъ, насколько мы могли видѣть, и замыслъ, и выполненіе „Энеиды“ соотвѣтствуютъ вполнѣ другъ другу.

Послѣ оцѣнки „Энеиды“, перейдемъ теперь къ другимъ произведеніямъ Котляревскаго, прежде всего къ „Одѣ до князя Куракина“. Еще въ большей степени, чѣмъ Энеида, это произведеніе вызвало противъ себя неумѣренные нападки опять таки Кулиша, заявившаго, что въ особенности эта ода показала, кто былъ по своимъ убѣжденіямъ Котляревскій.—А былъ онъ, по Кулишу, чѣмъ-то въ родѣ политическаго лакея. Но если критикъ не правъ въ отзывѣ объ Энеидѣ, то въ сужденіи объ „Одѣ“ не правъ вдвойнѣ. Ода эта въ особенности ясно показываетъ, каковы были истинныя воззрѣнія нашего поэта, котораго Кошовый называетъ даже демократомъ; въ ней-же съ новой стороны обнаруживается и талантъ послѣдняго, такъ что уже въ виду этого одного она представляетъ необыкновенный интересъ. Возраженія Кулишу по данному поводу приводились еще въ 60-хъ годахъ С. Каминскимъ, но нѣкоторая реабилитація „Оды“ принадлежитъ только въ 80-хъ годахъ изслѣдователю ея, г. Минскому. Послѣдній назвалъ ее произведеніемъ замѣчательнымъ, и мы, съ своей стороны, считаемъ этотъ эпитетъ вполнѣ умѣстнымъ; какъ по содержанію, такъ и по формѣ, она представляетъ очень много интереснаго и важнаго. Написана она на новый годъ въ видѣ привѣтствія, какъ извѣстно, князю Куракину. Дѣло, конечно, не въ томъ, что написана въ

одѣ похвала, а въ томъ, стоилъ-ли послѣдней кн. Куракинъ, такъ какъ, въ какой бы ни было формѣ, восхваленіе высокихъ, въ общественномъ смыслѣ, людей продолжится до скончанія міра. Котляревскій же порицается за то, что льстилъ, очевидно, не заслуживавшему этого вельможѣ. Да, если послѣдній былъ хвалимъ не по заслугамъ, то Котляревскій, конечно, достоинъ порицанія. Но такъ-ли это въ дѣйствительности? Ода эта, какъ извѣстно, помѣчена 1805 г., а между тѣмъ появилась въ печати только въ 1861 г.,—очевидно, поэтъ при жизни не хотѣлъ ее печатать. Какія-же были этому причины? Ихъ, по разсказамъ современниковъ, указываетъ уже С. Каминскій (1866 г.), и толкованіе его мы считаемъ вполнѣ правильнымъ. Главная причина упомянутаго факта заключалась именно въ содержаніи оды, т. е. въ тѣхъ заслугахъ кн. Куракина, которыя своимъ стихомъ привѣтствовалъ поэтъ. Нечего и говорить, что это объясненіе стоитъ совершенно въ связи съ той характеристикой личности Котляревскаго, которая обнаруживается даже въ его „Одѣ“. Указывая на заслуги Куракина, поэтъ зналъ, что онъ тѣмъ самымъ произноситъ страшный приговоръ украинскому панству, занимавшемуся тогда весьма некрасивыми дѣлами. Онъ зналъ, что попадаетъ въ самое сердце общественныхъ золъ Украины; помнилъ, что если его воззрѣнія станутъ извѣстны широкой публикѣ, то ему не обраться тогда всевозможныхъ нареканій. А разъ онъ сознавалъ это и потому своей оды не печаталъ, то уже это одно заставляетъ думать, что Котляревскій хвалилъ вельможу за такія вещи, которыя для весьма вліятельной части украинскаго общества были большой сатирой. Зная этотъ фактъ и оставаясь при мнѣніи о сервилизмѣ Котляревскаго, мы попадемъ въ глубокое противорѣчіе: съ одной стороны нашъ поэтъ являлся такимъ безпощаднымъ сатирикомъ украинскихъ вельможъ, что даже не рѣшался до конца своей жизни выпустить своей сатирической оды въ свѣтъ; съ другой-же стороны онъ, по мнѣнію критика, куритъ вельможѣ ѳиміамъ и является потому сервилистомъ. Очевидно, что одно изъ этихъ положеній ложно и уничтожаетъ

другое; какое именно ложно,—показываетъ самое содержаніе оды: поэтъ хвалитъ въ Куракинѣ не вельможу, а общественнаго дѣятеля, равно какъ въ вельможахъ и вообще въ украинскомъ панствѣ порицаетъ деструктивную ихъ политику въ отношеніи къ низшимъ классамъ. Послѣ этихъ замѣчаній, основанныхъ на непреложныхъ фактахъ, врядъ-ли возможно даже съ оговоркой назвать нашего поэта сервилистомъ.

Но что-бы закончить вопросъ о высокомъ нравственномъ значеніи "Оды" Котляревскаго совершенно, мы скажемъ еще нѣсколько словъ о томъ лицѣ, кому эта ода была посвящена, и тогда увидимъ, на сколько справедливы упреки Котляревскому за кн. Куракина—дѣйствительнаго врага крѣпостного права. Князь Куракинъ, котораго прославляетъ нашъ поэтъ, есть одинъ изъ виднѣйшихъ дѣятелей массонскаго движенія, гонимый за свои убѣжденія Екатериной II и реабилитированный только императоромъ Павломъ [1]). Твердый въ своихъ убѣжденіяхъ, онъ оставался при нихъ и въ царствованіе Александра I, продолжая участвовать и въ реформированныхъ тогда ложахъ. Считаемъ лишнимъ распространяться о крупномъ нравственномъ значеніи многихъ русскихъ массоновъ,—оно хорошо извѣстно. А разъ это такъ, то достоинства незаурядной личности Куракина и самая суть похвалъ ему Котляревскаго не только опровергаютъ слабо построенныя противъ послѣдняго обвиненія въ сервилизмѣ, но и освѣщаютъ Котляревскаго въ совершенно новомъ идеалистическомъ свѣтѣ. Самый фактъ существованія „Оды" можетъ только служить матерьяломъ для серьезныхъ похвалъ нашего поэта, но никакъ не для его порицаній. Въ „Одѣ", какъ въ заркалѣ, отражается высокая душа поэта, стоявшаго выше своего общества въ чемъ именно заключалось это превосходство Котляревскаго, мы скажемъ подробно въ другомъ мѣстѣ. Теперь-же разсмотримъ художественное значеніе „Оды", какъ поэтическаго произведенія. При чтеніи его сразу бросается въ глаза то обстоятельство, что „Ода" радикально отличается отъ прочихъ произведеній та-

---

[1]) Пыпинъ. Общественное движеніе при Александрѣ I; стр. 321.

кого-же рода, какъ русскихъ, такъ и украинскихъ, и что отличій этихъ множество. Нѣтъ въ нашей „Одѣ" никакого самоуничиженія поэта, въ то-же время превозносящаго своего „героя" выше небесъ, на что указалъ, напримѣръ по отношенію къ украинскимъ одамъ конца 18 в. и проф. Петровъ [1]); наоборотъ, въ ней видно полнѣйшее достоинство и объективизмъ поэта, какъ-бы желающаго подчеркнуть, что свое привѣтствіе Куракину онъ произноситъ далеко не безъ основаній. Другой характерной чертой "Оды" являетстся отсутствіе миѳологическихъ символовъ и вообще аттрибутовъ псевдо-классицизма. За исключеніемъ очень умѣстнаго обращенія къ Орфею, въ „Одѣ" не упоминается ни одно классическое имя, что придаетъ ей, конечно, большую жизненность и реальность. Встрѣчающееся-же упоминаніе о музахъ настолько проникнуто юморомъ, что еще болѣе увеличиваетъ эту необыкновенную реальность. Свободная отъ псевдо-классическихъ пріемовъ въ содержаніи, „Ода" не заключаетъ въ себѣ ни напыщенности, ни трескучести, которыхъ не лишены даже оды Державина. Наоборотъ, украинская „Ода" необыкновенно проста и весьма народна. Еще г. Минскій подмѣтилъ эту чрезвычайную ея простоту, указавъ на характеристику въ „Одѣ" самого Куракина, котораго поэтъ, совсѣмъ не на классическій маперъ, величаетъ „воломъ", и на другія образныя сравненія. Дѣйствительно, образы и картины житейскія въ „Одѣ" обличаютъ большую степень наблюдательности и изобразительности поэта, не соблазнившагося никакими ходульными пріемами. Изъ частныхъ описательныхъ картинъ „Оды", отличающихся большой рельефностью и живописностью, укажемъ на чисто-народныя описанія внѣшности Куракина, на изображеніе его пріемной, канцеляріи, мнимыхъ похоронъ князя. Всѣ эти болѣе значительныя по размѣру картины, какъ и мелкія сравненія, вродѣ уподобленія пріемной князя „Роменському ярмарку" или писарей его—тучѣ „косаривъ въ Петривку",—опять таки, какъ и въ Энеидѣ, показываютъ ясно, что въ своемъ из-

---

[1]) Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII вѣка И. Петрова—стр. 22.

ложеніи Котляревскій говорилъ, какъ-бы отъ лица самого народа. Онъ въ своей одѣ являлся истиннымъ апологетомъ его нуждъ, равно, какъ и въ благодарности за заступничество князя былъ дѣйствительнымъ истолкователемъ воли народа. Спорить противъ этого врядъ-ли возможно, особенно если вспомнить все вышесказанное. Такимъ образомъ, основныя черты художественности въ „Одѣ" имѣются на лицо: реальность образовъ, наблюдаемая въ сравненіяхъ и описаніяхъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ цѣли поэта создать портретъ Куракина достойнымъ оды вообще. Къ этому еще необходимо прибавить и то, что вся „Ода" проникнута веселымъ чувствомъ юмора, съ одной стороны, и сатирическимъ настроеніемъ поэта—съ другой. Въ силу этого, жизненность художественной „Оды" увеличивается еще болѣе. Говоря о художественности послѣдней, необходимо сказать нѣсколько словъ и объ ея стилѣ. Послѣдній является символическимъ по преимуществу,—въ томъ смыслѣ, конечно, какъ мы это опредѣлили выше. Недостаткомъ его, замѣченнымъ еще въ Энеидѣ, является введеніе опять таки руссизмовъ, но уже не въ лексикѣ, а въ морфологіи; впрочемъ, ихъ мало, и они, вообще, дурнаго впечатлѣнія не производятъ. Присутствіе ихъ въ „Одѣ", какъ и въ „Энеидѣ", еще болѣе подтверждаетъ нашу мысль о томъ, что поэтъ находился въ данномъ случаѣ подъ вліяніемъ господствовавшаго тогда воззрѣнія на пуризмъ украинскаго языка и кромѣ того стѣсненъ былъ формой стиха. Послѣдняя причина является особенно внушительной; ибо, если версификація является дѣломъ не совсѣмъ легкимъ даже для опытныхъ талантовъ и при большей выработанности языка, то для эпохи Котляревскаго она была тѣмъ болѣе трудной. Впрочемъ, и безъ этихъ поясненій, рѣчь „Оды" производитъ, въ общемъ, весьма благопріятное впечатлѣніе: она довольно изящна и притомъ народна. Такое же благопріятное впечатлѣніе производитъ и хореическій стихъ „Оды"; за рѣдкими исключеніями, онъ гладокъ, легокъ и довольно гармониченъ. Послѣ всѣхъ этихъ замѣчаній, мы можемъ о достоинствахъ „Оды" высказать свое окончательное мнѣніе: художественность ея, выражающая-

ся въ реально-народныхъ образахъ, соотвѣтствующихъ идеѣ поэта о заслугахъ Куракина,—несомнѣнна; изложеніе, въ общемъ юмористическое, живо и занимательно; рѣчь довольно чиста, и стихъ довольно легокъ, хотя и небезупреченъ. Изъ ряда прочихъ одъ, произведеніе Котляревскаго выдается какъ своей художественностью, такъ и благородствомъ настроенія, не стѣсняющагося въ изложеніи даже нѣкоторыми вульгарными сравненіями.

Имѣя передъ глазами такой экземпляръ лирики поэта, какъ „Ода" мы, дѣйствительно, вслѣдъ за С. Каминскимъ, не можемъ не пожалѣть, что Котляревскій ничего болѣе не писалъ въ лирическомъ духѣ, исключая „пѣсенъ". Въ самомъ дѣлѣ, общественный элементъ „Оды" показываетъ ясно, что изъ нашего поэта могъ-бы развиться представитель гражданской лирики, нѣсколько напоминающій Некрасова. Вообще-же „Ода" дополняетъ собой Энеиду и вмѣстѣ съ послѣдней даетъ хоть и нѣсколько субъективно-освѣщенную, но за то безусловно вѣрную картину главнѣйшихъ теченій тогдашней украинской жизни.

Кромѣ эпической Энеиды и лирической „Оды", Котляревскій написалъ еще два драматическихъ произведенія,—„Наталку-Полтавку" и „Москаля-Чаривныка", относимыя критиками къ 1819 году. Подобно прежнимъ произведеніямъ поэта, пьесы эти вызвали также немало разнорѣчивыхъ толковъ критиковъ, находившихъ въ нихъ всевозможные достоинства и недостатки. Насколько вѣрно указаны критикой достоинства обѣихъ пьесъ, покажетъ разборъ послѣднихъ, который мы сдѣлаемъ въ своемъ мѣстѣ. Насколько же справедливо отмѣчены ихъ недостатки, мы это укажемъ сейчасъ. Обратимся сначала къ „Наталкѣ-Полтавкѣ". Слишкомъ хорошо извѣстный сюжетъ этой пьесы вызвалъ противъ себя со стороны Кулиша и особенно Маруси К. цѣлую бурю возмущеній. Посмотримъ-же, насколько они основательны. Пьеса Котляревскаго обвиняется прежде всего въ аффектаціи и особенно въ сантиментальности. Этотъ упрекъ высказанъ былъ впервые Костомаровымъ и Кулишомъ и развитъ, но не обоснованъ, Марусей К; послѣдній критикъ находитъ даже въ „Наталкѣ" особенную, „нѣмецкую", какъ онъ

выражается, сантиментальность, и даже благодаритъ Бога, что о ней нашъ народъ —„и понятія не имѣетъ". При этомъ, по его мнѣнію, въ хваленую нѣмецкую сантиментальность впадаютъ *всѣ* дѣйствующія лица. Отзывъ, какъ видите, очень строгъ, но не правъ совершенно. Что такое „сантиментальность" „Наталки-П.", хорошо выяснено и г. Минскимъ, и проф. Дашкевичемъ. Къ большому, вѣроятно, удивленію Маруси К., они открыли, что „нѣмецкая сантиментальность" пьесы Котляревскаго есть доморощенная украинская, только понимаемая не въ смыслѣ Карамзинскомъ, т. е. ложно, а вполнѣ реально. Присущая нашему народу „сантиментальность" не есть культивированная въ различныхъ литературныхъ парникахъ, особенно въ Англіи, приторная чувствительность, которая потому именно и является чуждой нашему народу. Нѣтъ, „сантиментальность" послѣдняго есть здоровая и нормальная психологическая форма именуемая „чувствительностью". Выражаясь, для наглядности, англійскими терминами, украинская „сантиментальность" есть „sensibility", отличая отъ „sentimentalism", именно и обозначающаго сантиментальность, какъ приторную чувствительность,—чувство, слѣдовательно, наносное и болѣзненное.

Такимъ образомъ, по мысли только-что упомянутыхъ критиковъ, облекающее „Наталку-П." чувство есть присущая украинцамъ чувствительность. Для большей иллюстраціи своего положенія, г. Минскій предпринялъ даже, какъ мы говорили, сравненіе „Наталки-П." съ Карамзинской повѣстью и выполнилъ свою задачу вполнѣ удовлетворительно. Онъ именно показалъ наглядно, что „Наталка-П." не принадлежитъ къ литературѣ сантиментализма, и послѣ его сравнительнаго опыта доказывать нормальность эстетической стороны „Наталки" было-бы излишне. Толковать о несантиментализмѣ послѣдней мы и не будемъ; мы только пойдемъ дальше г. Минскаго и покажемъ вкратцѣ, чѣмъ вызвана была упомянутая ошибка критиковъ, высказавшихъ по адресу Котляревскаго серьезные упреки. Разъясненіемъ этого мы надѣемся еще болѣе утвердить мысль о томъ, что не только „Наталка" Котляревскаго, но и такія

произведенія украинской литературы, какъ „Маруся" Основьяненка, не имѣютъ даже и намека на сентиментализмъ. Какъ намѣтили г. Минскій и проф. Дашкевичъ, чувствительность бываетъ нормальная и болѣзненная, именуемая сентиментализмомъ. Какъ та, такъ и другая, являются, конечно, продуктами общественной жизни, хотя и одинаково естественными, но не одинаково законными. Чувствительность есть явленіе нормальное и, какъ таковое, имѣетъ право на культивированіе въ педагогическихъ и общественныхъ цѣляхъ; наоборотъ, сентиментализмъ, какъ явленіе нездоровое, долженъ изъ общественной среды изгоняться всѣми возможными этическими средствами. Такое воззрѣніе на обѣ приведенныя формы чувства имѣетъ большое значеніе, какъ для уразумѣнія ошибки особенно Маруси К. и его прототиповъ Костомарова и Кулиша, такъ и для оцѣнки формы чувства, изображаемаго въ нѣкоторыхъ лицахъ „Наталки".

Къ какому-же типу относится „Наталка"? Нѣкоторые критики отнесли ее къ типу произведеній, сочувственно относящихся къ сентиментализму. Къ сожалѣнію, это глубоко невѣрно. Приговоръ критиковъ основанъ на предварительномъ недоразумѣніи, а именно: они допустили смѣшеніе понятій — 1) изображеніе чувствительности и 2) сентиментальнаго изображенія. Къ типу вторыхъ произведеній они отнесли и „Наталку", хотя для этого нѣтъ серьезныхъ основаній, если только признавать, какъ это и дѣлаютъ г. Минскій и проф. Дашкевичъ, что въ чертахъ украинскаго народа есть чувствительность. Игнорировавъ почему-то послѣднюю, критики не могли не допустить и ошибки въ различеніи понятій чувствительности и сентиментальности и обязательно должны были придти къ заключенію, что „Наталка" написана въ сентиментальномъ духѣ. Изслѣдованіе типовъ пьесы можетъ убѣдить въ совершенно противоположномъ. Терпылыха не дѣлаетъ ни одного поступка, имѣющаго даже намекъ на сентиментальность,—она вполнѣ реальна. Наталка и Петро—чувствительны, но ни въ какую аффектацію не впадаютъ: каждое движеніе Наталки естественно и искренно,—и не рождаетъ никакого недоумѣнія. Единствен-

ный будто бы неестественный поступокъ Петра,—какъ то отдача заработанныхъ денегъ Наталкѣ, — вполнѣ логиченъ и не изумляетъ совершенно: деньги онъ зарабатывалъ только для Наталки, и безъ нея онѣ были ему не нужны. Макогоненка и Мыколу обвинить въ сантиментализмѣ трудно, такъ какъ для послѣдняго даже нѣтъ ни малѣйшаго повода. То-же самое мы можемъ сказать и о Возномъ, къ изображенію котораго Марусей К. предъявляются претензіи такъ же, какъ и въ отношеніи типа Петра. Поступокъ Вознаго въ концѣ пьесы вполнѣ психологиченъ; ему предшествуетъ, цѣлая драматическая сцена, въ которой симпатіи *всѣхъ* обращаются къ Петру, и Возный остается безъ всякой поддержки. Послѣдній увидѣлъ, что дѣло плохо, такъ какъ единственнымъ выходомъ для него былъ только добровольный отказъ отъ Наталки. Всякій мало-мальски умный и самолюбивый человѣкъ оказался бы въ данномъ случаѣ благороднымъ, если-бы онъ, даже лицемѣря, изобразилъ изъ себя добровольно отказывавшагося отъ невѣсты, которая, какъ онъ самъ понималъ, послѣ упомянутой сцены, перестала быть его. Но, подъ вліяніемъ всеобщаго напряженнаго чувствованія и слезъ женщинъ, Возный даже могъ не лицемѣрить и въ самомъ дѣлѣ обнаружить минутное благородство, ибо, во всякомъ случаѣ, оно было неизбѣжно. Поэтому, всякія нареканія на поэта за неестественность поступка Вознаго мы должны, послѣ анализа этого поступка, признать лишенными почвы. То-же самое можемъ мы сказать и Марусѣ К. по поводу ея взгляда на поступокъ Петра, узнавшаго о выходѣ замужъ Наталки и хладнокровно-де разсуждающаго о театрѣ съ ея женихомъ. Строгій критикъ не вчитался какъ слѣдуетъ въ „Наталку",—иначе онъ увидѣлъ-бы, что Петро говоритъ хладнокровно только потому, что онъ говоритъ не съ Вознымъ, а съ Выборнымъ. Не замѣтивъ этого, критикъ, конечно, не могъ и взглянуть правильно на разбираемое имъ положеніе. Такъ или иначе, но мнѣнія Маруси К. и прочихъ порицателей „Наталки" оказываются совершенно неправильными; допущенное ими неразличеніе чувствительности и сантимента-

лизма, ставшее исходной точкой ихъ претензій по отношенію къ Котляревскому, не позволило имъ вѣрно оцѣнить эстетической сущности „Наталки" и ввело ихъ въ заблужденіе. Въ изложеніи пьесы нѣтъ сантиментализма и тѣни, а изображеніе поэтомъ украинской чувствительности выдержано всюду безъ преувеличеній. Допустивъ глубокую ошибку въ воззрѣніи на „Наталку", какъ на продуктъ, по мнѣнію критиковъ, сантиментализма, эти послѣдніе не могли, конечно, найти въ пьесѣ Котляревскаго и народности, какъ оттѣнка реализма. Маруся К. заявила даже, что „Наталка" не выдерживаетъ этнографической критики и что народнаго въ ней только музыка да пѣсни. Мнѣніе это, разумѣется, крайне несостоятельно, но за то послѣдовательно. Вѣдь если, въ самомъ дѣлѣ, наша пьеса проникнута сантиментализмомъ, то, очевидно, что въ ней народнаго или реальнаго весьма мало: все ложно изображенное есть, безъ сомнѣнія, ложь. Только такой выводъ изъ положеній порицателей Котляревскаго и можно сдѣлать. Однако съ такимъ выводомъ по отношенію къ „Наталкѣ" соглашаются далеко не всѣ, и на ихъ сторонѣ, безъ сомнѣнія, и правда. Вѣрно изображая сердечную жизнь народа и нигдѣ не допуская утрировки, „Наталка", очевидно, тѣмъ самымъ является произведеніемъ реальнымъ и народнымъ, и всякую этнографическую критику, безъ сомнѣнія, выдержать можетъ. Если поэтъ своей пьесой трогалъ и трогаетъ сердца до сихъ поръ, то, очевидно, въ его произведеніи есть такая волнующая душу жизненность, которая именно и является цѣлью всякаго художественнаго произведенія.

Послѣ разсмотрѣнія обвинительныхъ пунктовъ относительно „Наталки" и признанія ихъ несостоятельными, скажемъ съ своей стороны нѣсколько словъ о художественномъ значеніи этой пьесы. По мнѣнію положительной критики, „Наталка" является очень цѣннымъ произведеніемъ украинской литературы и, во всякомъ случаѣ, обнаруживаетъ художественный талантъ Котляревскаго. Нѣкоторые даже полагаютъ, что послѣдній только въ „Наталкѣ" и сталъ на твердую почву реализма и

народности, сомнительной еще, по ихъ мнѣнію, въ Энеидѣ. Раздѣляя мнѣніе этой критики о достоинствахъ „Наталки" и находя послѣднюю глубоко-народной, мы конечно, не считаемъ появленія ея чѣмъ-то экстраординарнымъ въ отношеніи къ другимъ произведеніямъ поэта и находимъ въ ней, хотя и въ большей степени, черты Энеиды. Разница только та, что закрытая въ Энеидѣ пародической формой жизнь народа открывается въ „Наталкѣ" вполнѣ рельефно и показываетъ, кромѣ того, сердечную сторону послѣдняго, въ то время, какъ въ Энеидѣ и „Одѣ" преобладали мотивы соціальные и бытовые. Юморъ-же, сатирическій оттѣнокъ и благородное настроеніе автора постоянно проглядываютъ и въ этомъ его произведеніи, какъ и въ предыдущихъ. Впрочемъ, характеристика типовъ „Наталки" должна это показать яснѣе. Идея „Наталки" очень незамысловата; въ своемъ произведеніи Котляревскій задумалъ изобразить эпизодъ изъ жизни простой семьи, въ которую, вопреки идеальнымъ цѣлямъ дочери и согласно очень реальнымъ—матери, пытается вторгнуться вліятельное лицо, Возный. Эпизодъ этотъ, особенно по тому времени, является весьма драматическимъ и особенно рѣзко подчеркиваетъ мысль о томъ, насколько угнетающе дѣйствуетъ экономическое основаніе даже въ области сердца. На этомъ, можетъ быть и не вполнѣ сознательномъ для поэта базисѣ, и построена украинская пьеса. Какъ по характеру, такъ и по разработкѣ, она носитъ вполнѣ драматическій оттѣнокъ и, не смотря даже на свою форму „оперы", имѣетъ большое значеніе, именно какъ драматическій эскизъ. Съ другой стороны, форма „оперы" можетъ оправдать всякіе, почти отсутствующіе впрочемъ, недостатки „Наталки", какъ драматическаго произведенія; на это и нужно было обратить особенное вниманіе критикамъ, вродѣ Маруси К. Итакъ, драма въ области чувства, основанная на идеѣ о всемогуществѣ экономики, является пружиной „Наталки", типы которой и позиціи созданы именно въ указанномъ смыслѣ. Болѣе всего отражается вліяніе этой могущественной экономики на Терпылихѣ, и, какъ слѣдствіе, тому-же вліянію подвергаются Наталка и Петро. Пред-

ставители экономической силы—Возный и отчасти Выборный, который дѣлается сознательнымъ орудіемъ перваго. Впрочемъ о философскомъ смыслѣ „Наталки“ мы скажемъ подробнѣе въ другомъ мѣстѣ, а теперь посмотримъ, насколько психологически-вѣрно нарисовалъ поэтъ свои типы соотвѣтственно задуманной идеѣ. Обратимся сначала къ матери Наталки—Терпылыхѣ. На протяженіи почти всей пьесы, она является угнетателемъ своей дочери, любящей ее и потому, при всей привязанности къ Петру, соглашающейся выйти замужъ за нелюбимаго человѣка. Однако такую угнетательную политику по отношенію къ Наталкѣ ея мать ведетъ не въ силу злого сердца,—наоборотъ, она добросердечна, и урѣзываетъ стремленія Наталки только благодаря своей крайней бѣдности. Поэтому, она съ радостью соглашается на предложеніе Вознаго и въ пользу его склоняетъ и свою дочь. Всѣ дѣйствія ея естественны и выдержаны въ изображеніи автора прекрасно. Вполнѣ послѣдовательно также и ея сочувственное отношеніе къ Петру, при видѣ его благороднаго поступка. Вынужденная обстоятельствами поступать вопреки своему добросердечію, Терпылыха сразу-же обнаруживаетъ послѣднее, когда стѣсняющія его оковы лопаются: поэтому-то она и выражаетъ къ Петру такія нѣжныя чувства, какъ мы это видимъ въ концѣ пьесы.—Не смотря даже на предыдущія угрозы Вознаго, она все-таки не боится вылить свое сердце особенно тогда, когда узнаетъ, что Петро возвратился не бѣднякомъ. То-же нужно сказать и о Наталкѣ, составляющей истинную красу оперы и изображенной превосходно. Всѣ дѣйствія и мысли Наталки отъ начала до конца реальны и глубоко вѣрны, привлекая вмѣстѣ съ тѣмъ симпатіи читателя въ большой степени. Не смотря на всю любовь къ Петру, она рѣшается однако, вопреки влеченію сердца, подчиниться желанію матери и пересилить глубокое чувство къ Петру. Подчиненіе ея волѣ матери вполнѣ естественно и болѣе логично, чѣмъ всякія отравленія и зарѣзыванія, которыми очень часто надѣляютъ современныя наши драмы украинскихъ дѣвушекъ. Какъ правильно замѣтилъ и г. Минскій, по-

ступокъ Наталки очень типиченъ, ибо на ея мѣстѣ такъ точно поступило-бы множество дѣвушекъ. Чувство любви несомнѣнно глубоко культивируется въ крестьянской средѣ, но совпаденіе брака и добрачной любви бываетъ далеко не всегда, такъ какъ украинская дѣвушка въ настоящее, да и въ прежнее время, почти всегда не выходитъ замужъ, а *выдается*, и притомъ, въ силу, главнымъ образомъ, экономическихъ мотивовъ. То-же самое вышло и съ Наталкой, которая уступила давленію сильнѣйшихъ обстоятельствъ. Однако, въ силу пламенности своего чувства и большой идеальности, присущей вообще молодости, Наталка сдавливаетъ свое чувство къ Петру съ трудомъ и потому, увидя возлюбленнаго, сразу забываетъ свое подчиненіе и рѣшается противиться браку съ Вознымъ, даже и не надѣясь выйти замужъ за Петра. Въ крайне драматическую минуту она даже упоминаетъ о „Ворсклѣ", т. е. объ утопленіи себя; но, къ счастью, все кончается благополучно. Поступокъ Петра, представшаго для Терпылыхи въ болѣе привлекательномъ свѣтѣ, именно благодаря заработаннымъ имъ деньгамъ, вноситъ въ драматическія позиціи переломъ, благопріятный для Петра и Наталки. Драма заканчивается бракомъ послѣднихъ, награжденныхъ такимъ образомъ за свое постоянство. Конечно, если-бы не благопріятная минута съ деньгами Петра и его моментальнымъ вліяніемъ на присутствовавшихъ, то Возный не расчувствовался-бы, и бракъ Наталки съ нимъ все-таки состоялся-бы, при всѣхъ угрозахъ первой утопиться,—тогда фигура Наталки предстала-бы предъ нами еще въ болѣе драматическомъ видѣ,—но и теперь типъ ея характеренъ и необыкновенно вѣренъ.

Рядомъ съ ней можно поставить такого-же добраго и благороднаго человѣка, какъ Петро.—Любовь его такъ-же глубока какъ и Наталки, но и онъ, однако, еще въ большей степени подчиняется вліянію экономики, чѣмъ его бывшая невѣста. Онъ побывалъ уже въ свѣтѣ не мало и знаетъ его больше послѣдней; потому-то и соглашается такъ быстро оставить ее, такъ какъ съ Вознымъ ему тягаться не подъ силу. Но и покидая

возлюбленную, онъ все-таки не изображаетъ труса или забитаго селянина и показываетъ сознаніе своего достоинства: Петро отдаетъ ей заработанныя деньги, какъ бы выражая этимъ протестъ противъ экономическихъ условій и безсознательно затрогивая, особенно въ Терпылыхѣ, чувство такого-же протеста противъ экономической силы. Какъ въ этомъ поступкѣ, такъ и въ другихъ, душа Петра выливается вполнѣ; отмѣченный теплотой чувства и благородствомъ, образъ Петра, подобно типу Наталки, реаленъ и прекрасенъ. Очень видное мѣсто въ пьесѣ занимаетъ Возный,—это, по мнѣнію одного критика, исчадіе литовскаго статута. Этотъ „завзятый юрыста" и „хапунъ", человѣкъ не первой молодости, пользуется своимъ экономическимъ преимуществомъ надъ Терпылыхой и, прельщенный Наталкой, добивается ея всякими средствами. Всѣ его поступки гармонируютъ съ характеристикой его, сдѣланной Мыколой, и весьма некрасивы уже по одному тому, что онъ дѣйствуетъ даже вопреки своему разсудку, говорящему ему, что онъ пользуется своей силой.

Благодаря такому характеру его дѣйствій, послѣдній „благородный" его поступокъ удивилъ особенно Марусю К., хотя и полагающую, что Возный не золъ, а потому и можетъ сдѣлать доброе дѣло.

Мы уже говорили, что упомянутый поступокъ Вознаго вполнѣ естественъ и вызывается ходомъ дѣйствія, а совсѣмъ не добродушіемъ его, какъ думаетъ Маруся К. Золъ или не золъ Возный, этого изъ пьесы не видно, но что онъ человѣкъ низкой души—это ясно до очевидности, и уже по одному этому онъ могъ бы не сдѣлать своего „добраго" дѣла. Послѣднее-же отъ него лично зависитъ мало и является совершенно вынужденнымъ, хотя Возный и изображаетъ будто-бы благородство. Какъ мы говорили и выше, только сознаніе того, что противъ него *всѣ*, заставило его на мигъ измѣнить свою натуру. Но, какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ прочихъ дѣлахъ и мысляхъ, типъ Вознаго изображенъ весьма реально. Довольно ярокъ, хотя и не въ такой степени, образъ Выборнаго—Макого-

ненка. Этотъ хитрый и умный человѣкъ знаетъ, на чьей сторонѣ сила, и, не обладая идеальными стремленіями, беретъ сторону Вознаго со всѣми его антиэтичными вожделѣніями и поступками. Между тѣмъ, въ глубинѣ души онъ далеко не золъ и не лишенъ благородства. Обнаруживается оно особенно въ послѣдней сценѣ съ деньгами Петра, гдѣ Выборный, по влеченію сердца, принимаетъ сторону послѣдняго и этимъ самымъ, безъ сомнѣнія, очень вліяетъ на рѣшеніе своего товарища, Вознаго. Вообще, типъ его выдержанъ въ большой степена, и естественныя его черты поражаютъ своей рельефностью. Особенно хорошо изображенъ онъ въ только что упомянутой сценѣ, гдѣ наблюдается въ немъ пробужденіе человѣка съ сердцемъ. Наименьше мѣста въ оперѣ удѣлено Мыколѣ—родственнику Терпылыхы; но этотъ типъ бурлаки такъ живо изображенъ поэтомъ, что производитъ самое полное впечатлѣніе. Мыкола является „добрымъ духомъ" Наталки и Петра и, дѣлая все возможное, составляетъ тайную оппозицію Возному. Въ заключительной сценѣ онъ является поддержкой опять таки для Наталки и Петра и вообще каждый свой поступокъ совершаетъ съ необыкновенной добротой и готовностью. Словомъ, изображеніе этого второстепеннаго типа ничѣмъ не отличается отъ прочихъ.

Итакъ, вотъ передъ нами вся портретная галлерея „Наталки", блистающая жизненной правдой и, въ большинствѣ случаевъ, привлекательностью. Подборъ типовъ „Наталки" и расположеніе чертъ въ послѣднихъ совершенно соотвѣтствуетъ, какъ мы могли видѣть, основной идеѣ пьесы, какъ изображенія драматическихъ положеній въ области чувства, возникающихъ отъ разлада послѣдняго съ дѣйствующими ему наперекоръ экономическими условіями. Такимъ образомъ, въ общемъ, художественность нашей драмы-оперы не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Но помимо художественности „Наталки", какъ вообще поэтическаго созданія, послѣдняя отличается и достоинствами драматичности. Завязка сдѣлана просто, но съ намеками на будущую борьбу Наталки, достигающую своего апогея въ

третьемъ дѣйствіи и направляющуюся на благопріятную дорогу только отъ случая минуты. Разумѣется, драматичность „Наталки“ много ослабляется формой ея, какъ оперы, въ томъ смыслѣ, какъ послѣднюю понимали въ 18 в.; въ силу этой формы, дѣйствующія лица часто занимаются „пѣснопѣніями“, ослабляющими силу самого изложенія. Правда, драматичность піесы не изобилуетъ никакими эффектами и показными позиціями, но этому главная вина—самый складъ прежней крестьянской жизни, придавленной матерьяльно. Драматическія вспышки различныхъ дѣйствующихъ лицъ не разъ подавляются представленіемъ ихъ о собственномъ безсиліи, въ силу чего драма совершается больше въ области чувства, чѣмъ воли, но и при всемъ этомъ, тягостное впечатлѣніе отъ столкновенія чувствъ съ дѣйствительностью само свидѣтельствуетъ въ пользу силы драматизма въ народной жизни. Изъ особенныхъ достоинствъ ея художественности слѣдуетъ отмѣтить также живость дѣйствія, характеризующаго всю пьесу. Дѣйствующія лица именно дѣйствуютъ, а не занимаются однимъ говореніемъ: исключеніе составляетъ только бесѣда Петра съ своими слушателями о театрѣ, хотя и лишняя съ современной точки зрѣнія, но имѣвшая въ свое время большое публицистическое значеніе. Извѣстное, и утомительное теперь, мѣсто, гдѣ юморъ заключается въ вопросахъ—„а винъ тоби що, а ты ему що“, также имѣло въ свое время техническое значеніе. Затѣмъ почти нѣтъ въ „Наталкѣ“ длинныхъ монологовъ и докладовъ публикѣ, такъ вредящихъ изобразительности пьесы. Вообще-же, какъ мы сказали и выше, наша „опера“, если отбросить нѣкоторые ея недостатки, является вполнѣ художественнымъ поэтическимъ созданіемъ, съ оттѣнкомъ истиннаго драматизма. Живость и естественность дѣйствія, реальность типовъ и полная ихъ разработка—все это какъ нельзя лучше рекомендуетъ произведеніе нашего поэта, какъ изобразителя внутренней, эмоціональной жизни украинцевъ. Таково значеніе „Наталки“ въ цѣломъ. Въ частностяхъ „Наталка“ также представляетъ большія достоинства и подтверждаетъ мнѣніе о ней, какъ о художественномъ про-

изведеніи. Прежде всего слѣдуетъ, понятно, указать на отдѣльныя ея сцены, отличающіяся большой красотой отдѣлки. Изъ нихъ хороши сцены: Наталки съ Вознымъ, Наталки съ матерью—въ первомъ дѣйствіи. Въ слѣдующемъ дѣйствіи очень жизненны сцены—Мыколы съ Петромъ, Петра съ Наталкой, и послѣдняя сцена, гдѣ участвуютъ всѣ дѣйствующія лица.

Изъ другихъ достоинствъ „Наталки", какъ вообще поэтическаго произведенія, слѣдуетъ отмѣтить многія пѣсни, сочиненныя самимъ поэтомъ. Эти пѣсни, проникнутыя искреннимъ чувствомъ, представляютъ образецъ типичной лирики, созданной Котляревскимъ художественнымъ образомъ. Изъ этихъ лирическихъ стихотвореній слѣдуетъ отмѣтить слѣдующія, проникнутыя тономъ чувствительности: „Выдно шляхы Полтавськіи", „Чи я тоби, дочко, добра не желаю", дуэтъ Петра и Наталки и „Ой, я дивчына Полтавка". Всѣ перечисленныя стихотворенія очень изящны и притомъ составлены совершенно въ духѣ народной поэзіи. Изъ лирическихъ стихотвореній съ оттѣнкомъ сатиры большой интересъ представляетъ пѣсня Вознаго „Отъ юныхъ лѣтъ не зналъ я любови"; правда, она написана по русски и не дѣлаетъ вклада въ нашу лирику, тѣмъ не менѣе и она интересна по той чертѣ сатиричности, съ которой поэтъ не разстается ни въ одномъ своемъ произведеніи. Такимъ образомъ и это стихотвореніе Котляревскаго, вмѣстѣ съ предыдущими, наглядно представляетъ намъ разносторонній талантъ его, какъ поэта-художника. Послѣ всего сказаннаго, очень кстати указать на второстепенныя достоинства „Наталки", какъ-то на рѣчь ея монологовъ и стихъ пѣсенъ. Рѣчь „Наталки" очень хороша и народна; руссизмы встрѣчаются въ ней крайне рѣдко, а другихъ элементовъ, затемняющихъ рѣчь, въ ней почти не имѣется. Канцелярскія лингвистическія изобрѣтенія Вознаго въ счетъ, конечно, идти не могутъ: различныя актовыя и вообще русскія дѣловыя слова, вторгающіяся въ рѣчь этого юриста, приведены для большаго оттѣненія „чернильности" Вознаго и такимъ образомъ отрицаются поэтомъ въ самомъ ихъ существѣ. Но, исключая это, рѣчь „Наталки"

совершенно народно-украинская. Тѣми-же качествами отличается вообще рѣчь стихотвореній Котляревскаго; къ достоинствамъ послѣднихъ нужно еще отнести прекрасный ихъ стихъ—хореическій или ямбическій, наблюдаемый особенно въ игривомъ стихотвореніи „Ой, я дивчына Наталка" и въ энергическомъ и также хореическомъ „Начынаймо-жъ веселыться". Какъ можно изъ этого видѣть, поэтъ навсегда бросаетъ силлабическій стихъ и держится тоническаго. Итакъ, вотъ и весь анализъ нашей драматической „оперы"; онъ далъ намъ основаніе заключить, что послѣдняя является, особенно по тому времени, довольно художественнымъ созданіемъ съ живыми позиціями и реальными типами; написана она прекраснымъ языкомъ и, въ общемъ, является произведеніемъ глубоко-народнымъ. Такимъ образомъ наше мнѣніе о Наталкѣ вполнѣ согласуется съ первымъ очень выразительнымъ сужденіемъ о ней Срезневскаго и радикально противоположно мыслямъ о ней такихъ критиковъ, какъ Кулишъ или Маруся К.

Кромѣ „Наталки", Котляревскій написалъ еще другую „оперу"—подъ заглавіемъ „Москаль-Чаривныкъ". Какъ показалъ проф. Дашкевичъ, фабула этой оперы заимствована изъ французской оперетты, но разработана совершенно самостоятельно, такъ какъ у нашего поэта она имѣетъ національно-украинскій характеръ. Профессоръ-же Дашкевичъ обстоятельно указалъ на достоинства „Москаля-Ч.", равно какъ и на недостатокъ пьесы, относящійся къ интригѣ. Насколько правъ его упрекъ въ отношеніи „Москаля", мы увидимъ послѣ, теперь-же займемся опроверженіемъ болѣе важныхъ, предъявлявшихся поэту упрековъ. Обвиненія послѣдняго за эту новую пьесу однородны съ прежними: Кулишъ и Маруся К. считаютъ ее искаженіемъ дѣйствительности, причемъ первый видитъ въ „Москалѣ" пренебреженіе къ народу, а второй не находитъ даже въ оперѣ Котляревскаго никакой идеи. Трудно опредѣлить степень невѣрности обоихъ этихъ мнѣній, но ужъ, во всякомъ случаѣ, въ искаженіи дѣйствительности можно скорѣе обвинять критиковъ, а не нашего поэта, вторая опера котораго

была совершенно ими не понята. Главный пунктъ обвиненія, имѣющій мѣсто въ нареканіяхъ Кулиша и повторяемый цѣликомъ Марусей К., состоитъ въ томъ, что въ „Москалѣ" является обманутымъ не солдатъ, а чумакъ, въ то время какъ на самомъ дѣлѣ должно-де было случиться иначе.

Основаніемъ этихъ претензій было то, что чумаки на Украйнѣ являлись самымъ развитымъ классомъ. Какъ-бы ни было справедливо это мнѣніе критиковъ о развитости чумаковъ, во всякомъ случаѣ съ „развитостью" солдата, по крайней мѣрѣ въ дѣлѣ обмана, никакой чумакъ не могъ поспорить. На счетъ всякихъ обмановъ солдаты, какъ извѣстно, всегда были виртуозы, что сознавалъ и нашъ народъ, сложивъ пословицу, гласящую: „зъ москалемъ дружы, а каминь за пазухою держы".

Не мудрено поэтому, что даже наши чумаки постоянно были обманываемы солдатами, что и показываетъ въ своемъ мѣстѣ проф. Петровъ, иллюстрируя это примѣромъ изъ народной поэзіи. Такимъ образомъ самые факты говорятъ противъ обвинителей. Но кромѣ этихъ фактовъ, въ самой пьесѣ имѣются новыя данныя, говорящія въ пользу Котляревскаго. Во первыхъ, на счетъ чего обманываетъ солдатъ чумака? На счетъ „чертовщины", вѣра въ которую глубоко лежитъ и понынѣ. При томъ солдатъ называется колдуномъ,—а вѣдь кто не знаетъ, какое представленіе о всемогуществѣ „характерниковъ" всегда имѣлъ нашъ народъ, у котораго и до сихъ поръ процвѣтаютъ на селахъ всякіе колдуны-знахари обоихъ половъ. Очевидно, что въ дѣлѣ обмана солдатъ ударилъ въ самую слабую точку нашего народа и безусловно могъ разсчитывать на успѣхъ. Во вторыхъ, что очень важно, Чупрунъ, напримѣръ, изображенъ далеко не дуракомъ, какъ это думаетъ отчасти Маруся К., и затѣмъ умъ его обнаруживается совсѣмъ не въ разговорахъ о сенатѣ или министрахъ, а въ томъ, чего не примѣтили суровые критики. Дѣло въ томъ, что и при всемъ своемъ суевѣріи, Чупрунъ проявляетъ скептицизмъ, ибо, принеся изъ-подъ бодни курицу, забываетъ сразу о всякомъ волшебствѣ и, узнавъ въ принесенной „мыскѣ" свою собственную, сразу

обращается къ женѣ, подозрѣвая здѣсь какія-то шашни. Подозрѣнія эти настолько сильны, что замѣчаетъ ихъ даже солдатъ и спѣшитъ скорѣе ихъ потушить. Итакъ, одинъ уже этотъ фактъ показываетъ, что самъ поэтъ смотрѣлъ на Чупруна, какъ на человѣка умнаго. Затѣмъ дальше; солдатъ предлагаетъ Чупруну вызвать чорта, на что тотъ и соглашается, вполнѣ вѣря солдату. Но развѣ въ этомъ обстоятельствѣ есть что-нибудь невѣроятное? Вѣдь Чупрунъ уже такъ выпилъ, что даже распѣлся, а при такихъ условіяхъ онъ могъ выкинуть и бóльшую, съ нашей точки зрѣнія, глупость. Но вѣдь вызовъ солдатомъ чорта кажется глупостью только намъ и отнюдь не казался таковымъ Чупруну, какъ не показался-бы нелѣпымъ и современнымъ апостоламъ спиритизма, медіумизма и всякихъ другихъ родовъ суевѣрія. А обладая, какъ и Чупрунъ, послѣднимъ, да еще подвыпивши, можно увѣровать въ истинность и болѣе колоссальной нелѣпости, чѣмъ предложеніе солдата. Такимъ образомъ, какъ факты народной поэзіи, такъ и анализъ „Москаля" показываютъ, что нареканія на Котляревскаго за искаженіе дѣйствительности неосновательны.

Такимъ-же образомъ совершенно не правы критики, и особенно Маруся К., относительно характера Тетяны. Маруся К. вполнѣ искренно думаетъ въ первомъ своемъ отзывѣ о „Москалѣ", что въ лицѣ Тетяны поэтъ исказилъ типъ украинской честной „жинкы", но это мнѣніе совершенно не вѣрно: критикъ игнорировалъ факты въ пьесѣ, говорящіе противъ его заключенія. Въ самомъ дѣлѣ,—Маруся К. заявляетъ, что никакой Фынтыкъ не осмѣлился бы ловеласничать съ честной украинской „жинкой", такъ какъ послѣдняя сразу-бы показала ему двери. Мысль совершенно вѣрная, но въ отношеніи положеній пьесы Котряревскаго допускающая исключенія. Тетяна—женщина, безъ сомнѣнія, нравственная: въ пьесѣ нѣтъ ни одного ея поступка, свидѣтельствующаго иное. Какъ воспитанная въ честныхъ правилахъ, она и поступила бы такъ, какъ говоритъ критикъ, со всякимъ другимъ ловеласомъ, только не съ Фынтыкомъ. Съ послѣднимъ же она совѣстится поступить грубо

по слѣдующимъ причинамъ: во первыхъ, она уважаетъ мать Фынтыка и только въ силу этого спускаетъ ему всѣ навязыванья; во вторыхъ, Фынтыкъ съ ней затѣялъ игру въ любовь только три недѣли назадъ и, въ третьихъ, онъ не позволяетъ въ отношеніи къ ней ни одной цинической выходки и только говоритъ о поцѣлуяхъ. Въ силу всего этого, добродушная Тетяна не отталкиваетъ пока отъ себя непрошеннаго ухаживателя, хотя, судя по ея отношеніямъ къ нему, все равно сдѣлала-бы это въ скоромъ времени. Итакъ, указанныя причины, по которымъ Тетяна не рѣшается прогнать отъ себя сына уважаемой ею женщины, въ большой мѣрѣ защищаютъ ее отъ обвиненій въ легкомысленномъ поведеніи. Выясненіе-же отношеній ея къ Фынтыку должно реабилитировать честь Тетяны совершенно. Вынося покамѣстъ навязчивость Фынтыка, Тетяна тѣмъ не менѣе всюду показываетъ свое отрицательное отношеніе къ послѣднему. Она смѣетя надъ его манерой пѣть, говоритъ ему много горькихъ словъ за его отношеніе къ матери, въ пререканіяхъ Фынтыка съ солдатомъ не упускаетъ случая, вмѣстѣ съ послѣднимъ, показать ничтожество панича и, какъ обнаруживается далѣе, вообще не имѣетъ ничего противъ того, чтобы кто-нибудь проучилъ его по заслугамъ. Правда, въ пьесѣ есть мѣста, какъ бы говорящія противъ Тетяны, но недоумѣніе, ими вызываемое, легко устраняется при большемъ проникновеніи во всѣ вообще дѣла и слова Тетяны. На первый взглядъ, напримѣръ, можетъ показаться страннымъ, что при отрицательномъ отношеніи къ Фынтыку, Тетяна устраиваетъ ему закуску, въ которой однако отказываетъ возвратившемуся мужу. На самомъ же дѣлѣ, здѣсь нѣтъ ничего страннаго. Фынтыкъ не былъ для Тетяны дорогимъ гостемъ и потому тратиться на него последняя отнюдь не имѣла желанія,—доказательствомъ этого служитъ хотя бы то, что оставленный ея мужемъ „спотыкачъ" остался и по возвращеніи его въ цѣлости, чего-бы, конечно, не могло быть при сочувственныхъ отношеніяхъ Тетяны къ Фынтыку. А не желая угощать послѣдняго и до времени не прогоняя его, Тетяна, естественно, предпочитала его затѣи удовле-

творять его же деньгами: вещь вполнѣ обыкновенная. Не удивительно затѣмъ и то, что Тетяна не угощаетъ своего мужа Фынтыковымъ ужиномъ: роскошныя для обыденнаго стола крестьянки кушанья, безъ сомнѣнія, могли вызвать подозрѣнія Чупруна въ томъ, что они приготовлены для кого-то другого. Этого Тетяна очень боялась, тѣмъ болѣе что опасенія ея вскорѣ и оправдались, когда Чупрунъ принесъ въ хату Фынтыковы, добытыя будто-бы волшебствомъ яства.

Мы уже видѣли, что и при наличности волшебства, Чупрунъ все-таки къ упомянутому факту отнесся подозрительно,— но эта подозрительность, при другихъ условіяхъ, выразилась-бы, конечно, для Тетяны не въ особенно мягкой формѣ и могла окончиться побоями. Разумѣется, Тетяна всего этого не хотѣла, не желая страдать невинно. Еще болѣе ясенъ тотъ фактъ, что Тетяна боится, какъ бы не узнали о посѣщеніяхъ ея Фынтыкомъ; причину этого страха она указываетъ сама: ей было-бы очень непріятно, если-бы кто-нибудь, узнавъ объ ухаживаніи за ней Фынтыка, заключилъ отсюда о ея мнимой измѣнѣ мужу. Это опасеніе, конечно, было основательно, и еще болѣе очищаетъ Тетяну отъ всякихъ обвиненій въ легкомысленности, на которую не указываетъ ни одинъ фактъ, находящійся въ самой пьесѣ [1]).

Итакъ, если Чупрунъ и его жена вѣрны психологически, то никакого пренебреженія народомъ, какъ это утверждаетъ Кулишъ, Котляревскій въ изображеніи упомянутыхъ типовъ не обнаружилъ. Послѣднее глубоко народно, и за дѣйствительное представленіе народныхъ недостатковъ поэтъ, разумѣется, порицаться не можетъ. Но и помимо этого, въ пьесѣ Котляревскаго не только нѣтъ пренебреженія къ народу, но, наоборотъ, поэтъ даже подчеркиваетъ достоинство личности украинца, земляки котораго находятся вмѣстѣ съ русскими, и въ сенатѣ и

---

[1]) Упреки Котляревскому, сдѣланные проф. Дашкевичемъ за типъ Тетяны, совершенно сходны съ упреками Маруси К., поэтому возраженія наши послѣдней цѣликомъ относятся и къ первому.

среди министровъ,—какъ это и заявляетъ Мыхайло. Слѣдовательно, и любовь къ народу и довольно вѣрное изображеніе его представителей такъ-же характеризируетъ настоящую оперу Котляревскаго, какъ и остальныя его произведенія. Эти двѣ черты суть вообще основныя черты его творчества, направленнаго на изображеніе національно-народныхъ типовъ. Снявъ, по возможности, съ „Москаля" обвиненія въ ненародности, скажемъ съ своей стороны нѣсколько словъ о художественномъ значеніи пьесы.

Идея этого водевиля-оперы глубоко патріотическая;—она заключается въ осмѣяніи лицъ, вышедшихъ изъ народа и пренебрегающихъ послѣднимъ до цинизма. На этой почвѣ строится вся пьеса Котляревскаго; къ этому-же основному пункту удачно пристегивается и вопросъ о народномъ суевѣріи, картинки котораго разыгрываются въ концѣ пьесы. Не будь основной идеей поэта желаніе осмѣять отторженіе отъ народа и вытекающихъ отсюда аттрибутовъ вродѣ циническихъ воззрѣній антинародныхъ креатуръ на всякую женщину изъ народа, не былобы и самого водевиля. Женѣ Чупруна некого было-бы прятать отъ своего мужа и солдату не надъ чѣмъ было-бы изощрять солдатское свое остроуміе. Такимъ образомъ ясно, что веселая сцена съ остроумнымъ осмѣяніемъ украинскаго суевѣрія стоитъ въ тѣсной связи съ упомянутой основной идеей пьесы. Въ перспективѣ этой идеи разставлены и дѣйствующія лица, изображенныя въ своихъ поступкахъ очень народно и вѣрно и только въ нѣкоторыхъ разговорахъ ихъ тенденціозно. Центральное мѣсто въ пьесѣ занимаетъ, конечно, Фынтыкъ. Онъ сродни нашему Возному и представляетъ, вѣроятно, образъ послѣдняго въ юности. Фынтыкъ—это распущенное и оторванное отъ своего народа существо. Какъ таковое, это канцелярское отродье пренебрегаетъ и своей не барыней матерью, но вмѣстѣ съ тѣмъ далеко не игнорируетъ также не барыни Тетяны, въ лицѣ которой мечтаетъ удовлетворить свои чувственныя поползновенія. —„Шкодлывый, якъ кишка", Фынтыкъ однако труслив, какъ заяцъ, и при появленіи мужа Тетяны считаетъ за лучшее

скрыться подъ печку. Ничтожество его обнаруживается еще болѣе, когда солдатъ заставляетъ Фынтыка вылѣзть изъ-подъ печки и предстать предъ лицо мужа его возлюбленной. Напуганный всей компаніей, Фынтыкъ раскаивается въ своихъ прегрѣшеніяхъ, но, конечно, не искренно: такія распущенныя и не дорожащія своей честью существа нуждаются въ слишкомъ строгой опекѣ, чтобы вести жизнь, соотвѣтствующую ихъ раскаянію. А безъ этой опеки, „Фынтыкы“ оставляютъ свою донжуанскую дѣятельность въ одномъ мѣстѣ съ тѣмъ, чтобы начать ее въ другомъ. Судя по этимъ чертамъ, типъ Фынтыка изображенъ совершенно вѣрно и согласно тогдашней дѣйствительности.

Канцелярская его рѣчь вполнѣ реальна и вполнѣ соотвѣтствуетъ сатирической цѣли автора, удавшейся въ лицѣ этого типа какъ нельзя лучше. Крупное мѣсто въ пьесѣ занимаетъ также типъ Тетяны, вызвавшій въ свое время не мало порицаній. Какъ мы сказали выше, Тетяна можетъ быть реабилитирована отъ всякихъ нареканій и считаться типомъ положительнымъ. Представляетъ она женщину, безъ сомнѣнія, честную и высоконравственную, не способную поддаться ухаживаньямъ никакого панычa и стойкую до послѣдней степени. На каждомъ шагу она проявляетъ сознаніе своего достоинства и врожденное благородство, культивированное въ нашемъ народѣ вѣками. Въ силу такихъ своихъ качествъ, она мститъ неласковому солдату отказомъ въ ужинѣ и щадитъ бѣднаго Фынтыка, котораго, по ея мнѣнію, мужъ могъ убить, стрѣляя въ цѣль. Въ поступкахъ ея наблюдается затѣмъ нѣкоторая мягкость, особенно въ отношеніи къ Фынтыку, съ которымъ она, не смотря на всю его злонамѣренность, не рѣшается обойтись грубо. Въ большой мѣрѣ обладаетъ она и правдивостью, обнаруживающейся, напримѣръ, въ признаніи мужу. Объ ея умѣ трудно сказать что-нибудь опредѣленное, такъ какъ многія ея рѣчи принадлежатъ самому автору, но проницательность ея выражается хотя-бы въ томъ, что она сразу поняла и оцѣнила Фынтыка по достоинству. Вообще-же этотъ типъ выдержанъ очень умѣло и очерченъ живо и совершенно правильно.

Не такое мѣсто занимаетъ въ пьесѣ Чупрунъ; но и его изображеніе носитъ характеръ большой реальности и жизненности. Главныя черты его—смышленость и суевѣріе, вступающія въ пьесѣ въ коллизію и сливающіяся въ концѣ концовъ въ одну картину суевѣрія, которое поэтъ въ своихъ цѣляхъ и утилизировалъ. Изъ другихъ его чертъ слѣдуетъ отмѣтить разсудительность и сознаніе своего національнаго достоинства, которыя и обнаруживаются въ разговорахъ его съ солдатомъ. Стоитъ также отмѣтить незлобіе, съ которымъ онъ относится къ разсказу жены объ ухаживаньи за ней Фынтыка и затѣмъ къ самому этому ухаживателю. Вообще, типъ Чупруна, какъ и его жены, судя по изображенію ихъ поэтомъ, дѣлаютъ честь украинскому народу—съ одной стороны, и затѣмъ таланту самого изобразителя—съ другой.

Типъ солдата къ украинской средѣ не относится, но при всемъ этомъ, введеніе его въ пьесу Котляревскимъ имѣетъ очень большое значеніе. Дѣло въ томъ, что солдатъ изображается, въ общемъ, вѣрнымъ дѣйствительности и притомъ соотвѣтственно воззрѣніямъ на него народа. Въ силу этого, какъ роль солдата на селѣ, такъ и „иностранное“, хотя и ласковое къ нему отношеніе украинскаго народа, представляется намъ въ яркомъ свѣтѣ. Солдатъ изображается шумящимъ и хитрымъ, въ свою очередь и украинцы, въ лицѣ Тетяны, платятъ ему за неласковость тѣмъ-же и только при показанномъ къ нимъ уваженіи со стороны солдата также проявляютъ великодушіе и благородство. Такимъ образомъ, помимо реализаціи главной идеи, пьеса представляетъ еще большой интересъ, какъ гуманная картина конфликта двухъ народностей, изъ которыхъ, по выраженію Тетяны,—„одни дуже шпарки, а други смырни“.—Вотъ и всѣ типы этого незамысловатаго водевиля, очерченные довольно живо. Главная мысль произведенія, какъ-то осмѣяніе антинародныхъ „креатуръ“, выдержана вообще хорошо и потому даетъ основаніе назвать оперу Котляревскаго довольно художественной. Такой она можетъ считаться и теперь; она была-бы вполнѣ даже художественной, еслибы авторъ не внесъ въ свою пьесу нѣко-

торой тенденціозности, дѣлающей типы до извѣстной степени ненатуральными. Эта тенденціозность, какъ вѣрно отмѣтила и Маруся К., заключается въ несоотвѣтствующихъ развитію дѣйствующихъ лицъ разговорахъ. Какъ примѣръ такихъ бесѣдъ, можно привести моральныя сентенціи Тетяны въ болтовнѣ съ Фынтыкомъ, толки солдата о преимуществахъ военной службы, патріотическія реплики Чупруна о сенатскихъ и министерскихъ землякахъ и т. д. Нѣкоторые изъ этихъ разговоровъ наводятъ скуку—признакъ неполной художественности оперы. Впрочемъ, всѣ упомянутыя бесѣды ничуть не искажаютъ вообще реальности типовъ, ибо ведутся все таки въ народномъ духѣ; съ другой стороны, если теперь онѣ и производятъ не совсѣмъ благопріятное впечатлѣніе, съ эстетической точки зрѣнія, то въ свое время, какъ указалъ и проф. Дашкевичъ, онѣ были умѣстны. Въ виду этого, при оцѣнкѣ художественнаго значенія „Москаля“ необходимо опредѣлять его, сообразуясь съ эстетическими понятіями того времени; а при такомъ отношеніи къ дѣлу, извѣстная доля художественности должна быть признана за „Москалемъ“ неизбѣжно.

Та-же художественность отражается и въ частностяхъ пьесы, —и прежде всего въ различныхъ сценахъ, которыя и проф. Дашкевичъ признаетъ живыми и бойкими. Изъ такихъ сценъ стоитъ отмѣтить въ первомъ явленіи почти весь діалогъ Тетяны съ Фынтыкомъ; часть разговоровъ Фынтыка съ солдатомъ—во второмъ явленіи; діалогъ Фынтыка съ Тетяной въ третьемъ явленіи; затѣмъ всѣ почти діалоги солдата, Мыхайла и Тетяны до конца пьесы. Изобразительность и веселость этихъ сценъ несомнѣнны, а сатирическое отношеніе поэта къ Фынтыку юмористическую окраску пьесы увеличиваетъ еще болѣе. Изъ числа достоинствъ ея нужно также отмѣтить пѣсни и куплеты автора, рисующіе его симпатичный стихотворный талантъ. Правда, русскіе куплеты и пѣсни „Москаля“ не составляютъ вклада въ украинскую лирическую поэзію, но собственно пѣсни Фынтыка наглядно показываютъ отношеніе поэта къ тогдашнему великорускому творчеству канцелярскаго пошиба. Вмѣстѣ съ тѣмъ интересенъ въ нихъ оттѣнокъ сатиры, на

которую поэтъ не скупился при изображеніи всякихъ чиновниковъ; это обстоятельство опять таки заставляетъ пожалѣть, что изъ Котляревскаго не выработался поэтъ-лирикъ. Къ особенностямъ, какъ украинскихъ, такъ и русскихъ стихотвореній въ оперѣ, слѣдуетъ отнести гладкій ихъ стихъ, которымъ поэтъ владѣлъ вообще хорошо. При изученіи пьесы, останавливаетъ также вниманіе украинская рѣчь Мыхайла и Тетяны, очень красивая и вполнѣ народная. Впечатлѣніе, получаемое отъ нея, затемняется нѣсколько языковымъ дуализмомъ пьесы, но и при всемъ этомъ, достоинства украинской ея рѣчи остаются, конечно, попрежнему значительными. Рѣчь эта отрывиста, развязна и совершенно подходитъ къ общему тону пьесы, носящей характеръ водевиля. Вотъ такимъ образомъ и всѣ достоинства и недостатки „Москаля-Чаривныка", какъ въ содержаніи, такъ и въ формѣ. Данная пьеса признается почти всѣми изслѣдователями ниже „Наталки-Полтавки", и такое заключеніе о ней кажется намъ вѣрнымъ. Реальность типовъ „Наталки" почти, такъ сказать, идеальна. Нѣкоторыя скользкія мѣста въ ней, происходящія отъ необработанности таланта, все таки объясняются въ пользу Котляревскаго; а все прочее въ пьесѣ дѣлаетъ „Наталку" по художественному значенію высокой. Наоборотъ, реальные въ общемъ типы „Москаля-Ч.", въ силу оправдываемой, положимъ, тенденціозности поэта, страдаютъ нѣкоторой ненатуральностью, и только потому, что послѣдняя относится не къ акціи пьесы, а къ ея діалогамъ,—данную оперу все-таки можно признать художественной. Лишенная и этихъ недостатковъ, „Наталка-Полтавка", очевидно, должна стать выше „Москаля-Чаривныка".

Послѣ всего вышесказаннаго, мы можемъ нарисовать полную картину, какъ сущности, такъ и художественнаго значенія всего творчества Котляревскаго, равно какъ и оцѣнить смыслъ и справедливость произнесенныхъ надъ нимъ приговоровъ. Мы нашли, что его произведенія глубоко-народны: въ нихъ или непосредственно дѣйствуетъ самъ народъ, или, какъ въ Энеидѣ, отъ лица разныхъ, ненаціональныхъ по имени, типовъ ведутся

разговоры или чисто-народные, или составленные въ народномъ духѣ. Будучи народными, произведенія Котляревскаго затрагиваютъ болѣе или менѣе всю національную жизнь и представляютъ потому широкую картину ея въ благородномъ освѣщеніи автора. Въ этой картинѣ запечатлѣны воззрѣнія тогдашней эпохи въ лицѣ различныхъ соціальныхъ группъ, относительно которыхъ поэтъ занимаетъ весьма опредѣленное положеніе. Какъ мы увидимъ въ другомъ мѣстѣ, онъ во многихъ отношеніяхъ становится выше своего вѣка и высказываетъ подчасъ мысли, не старыя и теперь. Вообще-же изображенію дѣйствительности Котляревскій вѣренъ всегда.

Такимъ образомъ въ вопросѣ о народности его произведеній новѣйшая критика можетъ вполнѣ сойтись съ прежней, признавшей эту особенность безусловно. Мнѣнія порицателей Котляревскаго въ данномъ случаѣ въ счетъ идти не могутъ, такъ какъ главный изъ нихъ, Кулишъ, отъ перваго своего мнѣнія, можно считать, отказался. Тѣмъ самымъ отвергаются и мнѣнія его послѣдователей, вродѣ г.г. Маруси К. и Онишкевича, изъ которыхъ первая опять таки высказала мнѣніе 1881 года [1]), не похожее совсѣмъ на первое свое сужденіе о поэтѣ—1865 года. Послѣ достоинства народности, за произведеніями Котляревскаго слѣдуетъ еще признать художественное воспроизведеніе отдѣльныхъ сценъ, отмѣченныхъ нерѣдко изобиліемъ юмора,—на что опять таки указала старая критика въ лицѣ, напримѣръ, Костомарова и С. Каминскаго, совпадающая съ новой критикой въ лицѣ г.г. Минскаго и Онишкевича и профессоровъ: Петрова, Огоновскаго и Дашкевича. Юморъ Котляревскаго, съ нѣкоторыми оговорками, признается даже въ первомъ отзывѣ Кулиша. Кромѣ того, слѣдуетъ отмѣтить довольно изящный стихъ его произведеній и хорошую украинскую рѣчь. Достоинства стиха, напримѣръ, Энеиды признаются безъ исключенія и старыми и новыми критиками, начиная съ Костомарова и кончая проф. Дашкевичемъ; красота-же и выразительность рѣчи его произведеній признается также и теперь, какъ прежде,

---

[1]) Подъ псевдонимомъ „Кошовый". Совітъ. 1881 р.

только съ нѣкоторой оговоркой. Проф. Дашкевичъ, напримѣръ, компетентный изслѣдователь поэзіи Котляревскаго, признавая красоты украинской рѣчи Энеиды, находитъ въ ней не мало грубости. Мы съ нимъ согласны и думаемъ, что его мнѣніе самое вѣрное.

Такимъ образомъ, подводя итогъ изслѣдованію поэзіи Котляревскаго, мы должны признать за ней художественность и въ частности народность. Дѣлая-же выводъ о сужденіяхъ всей критики по поводу этой поэзіи, мы должны сказать, что достоинства послѣдней, какъ и недостатки, вѣрно оцѣнила еще старая критика,—въ лицѣ Срезневскаго, С. Каминскаго, Костомарова, Евецкаго и т. д., и эта критика, подтвержденная новѣйшими изслѣдователями, проф. Петровымъ, г. Минскимъ и проф. Дашкевичемъ, должна поэтому пріобрѣсть особенное значеніе. Изъ такой заслуги старыхъ критиковъ отнюдь однако не вытекаетъ, чтобы выводы новой критики о Котляревскомъ не имѣли значенія,—наоборотъ, послѣднее очень велико. Новая критика, какъ мы сказали, во первыхъ, подтвердила старыя сужденія о нашемъ поэтѣ; а во вторыхъ, показала неосновательность воззрѣній на данный предметъ изслѣдователей, вродѣ Кулиша. Въ этомъ ея глубокая заслуга, которая увеличивается еще тѣмъ, что новая критика, въ особенности въ лицѣ г. Минскаго и проф. Дашкевича, старалась раскрывать сущность и значеніе поэзіи Котляревскаго, приводя различныя доказательства,—а старая выражала хотя и правильныя мнѣнія о послѣднемъ, но все-таки въ видѣ бездоказательныхъ сужденій.—Такъ что критикой, въ сущности, можно назвать только новѣйшія изысканія о Котляревскомъ; прежнія-же сужденія о немъ, въ большинствѣ случаевъ, являются только отзывами. Вотъ и все о критикахъ нашего поэта, почти единогласно отмѣчавшихъ въ поэзіи Котляревскаго различныя достоинства художественности. Но значеніе его поэзіи, какъ ряда художественныхъ созданій, есть только часть ея значенія вообще. Эта поэзія важна и въ другихъ отношеніяхъ, о которыхъ мы и скажемъ въ слѣдующей главѣ.

И. Стешенко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Документы, извѣстія и замѣтки.

Письмо Г. П. Галагана къ Н. Д. Бѣлозерскому [1]). М. Г. Н. Д.! Съ письмомъ вашимъ передъ глазами буду отвѣчать вамъ, чтобы не пропустить ни одного обстоятельства. Прежде всего о лѣченіи молокомъ. Дѣйствительно, Ник. Андр. Маркевичъ [2]), приговоренный къ смерти и весь уже налитый водою, которая не давала ему ни дышать, ни лечь въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, въ глазахъ моихъ началъ лѣченіе молокомъ и на третій день дышалъ свободно, а черезъ двѣ недѣли былъ здоровъ. Теперь онъ другой человѣкъ, все въ немъ обновилось, онъ не толстъ, а худъ и здоровъ... Читалъ о трудахъ Пант. Алекс. Кулиша. Душа радуется. Только я думаю, что въ настоящее время надобно выждать,—не будетъ ли чего новаго утѣшительнаго въ цензурѣ; иные люди надѣются; осуществятся ли эти надежды...

О Николаѣ Михайловичѣ [3]) я, будучи въ Черниговѣ, и безъ вашего извѣщенія, самъ узнавши объ этомъ, хлопоталъ предъ губернаторомъ и взялъ съ него обѣщаніе, что онъ удержитъ его въ редакціи и не дастъ въ обиду Компанейщикову [4]). Я за этимъ буду слѣдить. Надобно ему непремѣнно быть редакторомъ.

---

[1]) *Николай Даниловичъ Бѣлозерскій* († 1879 г.) богатый Борзенско—Конотопскій помѣщикъ, былъ извѣстенъ своею любовью къ литературѣ и къ малорусской старинѣ; онъ помогалъ матеріально Кулишу въ его изданіяхъ.—Письмо печатается съ сокращеніями.

[2]) Авторъ „Исторіи Малороссіи“.

[3]) Бѣлозерскомъ († 1896 г.), издателѣ „Южно-русскихъ лѣтописей“.

[4]) Н. М. Б—ій былъ въ это время помощникомъ редактора черниг. губ. вѣдомостей. Компанейщиковъ—тогдашній черниговскій вице-губернаторъ.

Третій томъ Велички въ печати и обѣщаютъ его скорое появленіе. Тогда вмѣстѣ съ Грабянкой я ихъ пришлю вамъ. Записки Погодина я далъ переписывать Блохину и перешлю вамъ по вашему желанію. Николая Аркадьевича (Кочубея) въ Кіевѣ нѣтъ и сколько я знаю, то у него нѣтъ полнаго бродяги Аксакова, не Константина, а Ивана... На миръ опять стало мало похоже, и война можетъ быть страшная. Что же дѣлать, видно безъ этого условія не могутъ рѣшаться вопросы и не можетъ подвинуться впередъ человѣчество.

Глубоко васъ уважающій и преданный вамъ Г. Галаганъ.

Кіевъ. 17 марта 1855 г.

Предки П. А. Кулиша. Въ одномъ изъ писемъ къ С. Д. Носу П. А. Кулишъ жалуется, что онъ не былъ допущенъ къ слушанію лекцій въ Кіевскомъ университетѣ будто бы потому, что не могъ представить „дворянскаго протокола на свое, а не на панотцеве имя“, прибавляя къ этому, что его «панотецъ зиставсь десятолитнимъ безбатченкомъ, тымъ и не зумивъ описля спонукаты герольдію» [1]), т. е. потому де и не могъ добиться въ герольдіи утвержденія въ дворянствѣ. Но дѣло въ томъ, что предки П. А. К—ша носили настолько не важные чины, что потомки ихъ въ дворянство не могли попасть, хотя объ этомъ и очень заботились. Дворянства этого предки Кулиша усиленно искали, наравнѣ со всѣми своими современниками и въ слѣдахъ своихъ поисковъ оставили намъ кое какія о себѣ свѣдѣнія, нелишенныя историческаго интереса. Полагая, что происхожденіе того или другого выдающагося въ сферѣ общественной дѣятельности человѣка можетъ имѣть значеніе, сообщаемъ здѣсь коротенькія свѣдѣнія о предкахъ неутомимаго изслѣдователя бытовой исторіи малорусскаго народа. Кулишъ былъ родомъ изъ глуховского мѣстечка Воронежа, гдѣ его предки изстари жили въ ряду мѣстныхъ козаковъ. Извѣстность этихъ предковъ, по бумагамъ, достигаетъ 1710 года. Послѣ изданія въ 1785 году дворянской грамоты, дававшей возможность и самой меньшей козацкой старшинѣ записаться въ дворянскіе списки и стать такимъ образомъ въ привилегированное положеніе относительно рядоваго козачества, всѣ

---

[1]) Кіевск. Стар. 1897 г., май, стр. 295.

значковые и войсковые товарищи, сотенные писари, есаулы, хорунжіе—всѣ бросились искать дворянства [1]). А для этого, всѣ эти *полупанки* начали искать по разнымъ домашнимъ *схованкамъ* всяческихъ «шпаргаловъ», въ которыхъ только упоминался какой нибудь чинъ какого нибудь предка. Съ этою же цѣлію сталъ розыскивать свои дукументы и братъ дѣда П. А. Кулиша—Яковъ Ивановичъ *Кулѣшъ*, уволенный въ 1781 г. отъ службы, по болѣзни, съ чиномъ сотеннаго атамана. Но документовъ найдено было имъ немного,—всего два. Первый изъ нихъ, относящійся къ 1710 г., заключаетъ въ себѣ «заставное» обязательство «воронежскаго жителя» Ивана Бесовца войсковому товарищу Михайлу Кулѣшенку, по которому за долгъ «въ сорокъ талеровъ и одну копу» Бесовецъ отдаетъ Кулѣшенку въ «арештъ» на одинъ годъ «дворъ свой власный» и «всю свою худобу» (земельную), съ условіемъ, что если онъ, Бесовецъ, долга своего въ годовой срокъ не заплатитъ, то вся эта худоба поступаетъ въ собственность Кулѣшенку. Другой документъ представляетъ собою «объявленіе генеральной канцеляріи нѣжинскому полковнику и его старшинѣ 1759 г., о томъ, что за увольненіемъ отъ должности воронежскаго атамана Семена Торкуши за его «непорядочество» (по представленію сотника Холодовича), на мѣсто его воронежская старшина, куренные атаманы и козаки избрали «атамана надъ выборными той сотни воронежской козаками Ивана Кулѣша», и что выборъ этотъ генер. канцеляріей утвержденъ. За симъ самъ Яковъ Кулешъ имѣлъ у себя указъ нѣжинской полковой канцеляріи объ отставкѣ, выданной ему въ 1781 г.; въ указѣ этомъ значится, что воронежскій куренный атаманъ Яковъ Кулѣшъ «представилъ, что отецъ его, Кулѣша, атаманъ сотенный воронежскій Иванъ Кулѣшъ, чрезъ многіе годы будучи въ той должности, продолжалъ службу безпорочно по смерть свою, а по смерти его, братъ его, атамана, старшій Демьянъ Кулѣшъ служилъ съ нераздѣльныхъ съ нимъ добръ, куреннымъ воронежскимъ атаманомъ и въ томъ званіи умре; онъ же атаманъ Яковъ Кулѣшъ находился первѣе у письменныхъ де сотенной воронежской канцеляріи дѣлъ, а потомъ въ 1773 г. опредѣленъ отъ сотенной воронежской канцеляріи куреннымъ воронежскимъ атаманомъ»; съ этой должности Яковъ Кулѣшъ просилъ увольненія за болѣзнію, причемъ

---

[1]) См. монографію Д. П. Миллера О *малорусскомъ дворянствѣ* и наши *замѣчанія* на эту монографію.

полковая канцелярія, имѣя въ виду безпорочную службу Як. Кулѣша, наградила его «въ абшитъ чиномъ сотеннаго старшины».

Такимъ образомъ, отсюда видно, что первый извѣстный предокъ П. А. Кулиша былъ войсковой товарищъ Михайло Кулѣшенко; у этого Михайла было два сына: Демянъ и Иванъ, занимавшіе послѣдовательно уряды воронежскихъ куренныхъ атамановъ, при чемъ старшій братъ сталъ куреннымъ атаманомъ уже по смерти младшаго. У Ивана Михайловича Кулѣша было также два сына: Яковъ и Андрей; первый, какъ мы видѣли, получилъ при отставкѣ чинъ сотеннаго атамана, а Андрей (дѣдъ П. А. К—ша), какъ значится въ родословной, «безъ чина умре», изъ чего видно, что онъ изъ рядовыхъ козаковъ не выходилъ. Вотъ съ этими «доказательствами» Яковъ К—шъ и обратился въ Новгородсѣверское депутатское собраніе съ просьбою объ утвержденіи его съ братомъ Андреемъ въ дворянствѣ. Просьба Кулишей была уважена, какъ видно изъ слѣдующаго постановленія депутатскаго собранія:

«По указу ея и. величества, новгородскаго намѣстничества губернскій предводитель дворянства и уѣздные дворянскіе депутаты разсматривали списокъ съ доказательствами о благородствѣ атамана сотеннаго Якова и брата его Андрея Ивановыхъ сыновъ Кулѣшевъ (sic), изъ которыхъ, какъ по списку значится, Яковъ 34 лѣтъ..... Андрій 27 лѣтъ, женатъ на дочери значк. тов. Григорія Латыша Ефиміи, имѣетъ сыновей Александра 5-ти и Романа 3-хъ лѣтъ; по послѣдней 1782 года ревизіи записанныхъ за ними муж. п.—5 и женск.—7 душъ состоитъ наслѣдственныхъ, Кролевецкаго уѣзда, въ мѣст. Воронежѣ, живутъ въ Воронежѣ. Изъ нихъ Яковъ чинъ имѣетъ атамана сотеннаго въ отставкѣ, а Андрей чина не имѣетъ. О предкахъ же своихъ показали, что прадѣдъ былъ войск. товарищемъ, дѣдъ Демьянъ [1]) козакомъ, а отецъ Иванъ Кулѣшъ атаманомъ сотеннымъ воронежскимъ, въ доказательство чего представилъ (названы указанные документы 1710 и 1759 г.г.) да свидѣтельство отъ 12-ти человѣкъ дворянъ 1784 г., показывающихъ, что прадѣдъ ихъ Михайло былъ войск. товарищемъ, дѣдъ Демьянъ козакомъ, а отецъ атаманомъ сотеннымъ и, отправляя военную службу, вели жизнь благородную, сходственную съ дворянскимъ, что все, по силѣ грамоты о дворянствѣ 92-й ст., 11 и 12 отдѣленій, на дворянское ихъ Ку-

[1]) Какъ видно изъ представленныхъ Кулишами документовъ, Демьянъ Кулишъ былъ не дѣдомъ, а дядею (братомъ отца) Якова Кулиша.

лѣшевъ достоинство признается неопровержимымъ доказательствомъ и какъ притомъ чинъ войск. товарища, въ коемъ прадѣдъ ихъ состоялъ, есть военный оберъ-офицерскій, а оберъ-офицеры и ихъ дѣти, и ихъ потомки по указу государя императора Петра І-го, 1721 г., генваря 16-го состоявшемуся, хотябы и не изъ дворянства, суть дворяне. Для того губернскій предводитель дворянства и уѣздные дворянскіе депугаты, признавая ихъ, показателей, происходящими отъ помянутаго предка ихъ, отправлявшаго въ разсужденіи чина его дворянскую службу, единогласно приговорили: по содержанію 78-й статьи оной же грамоты о дворянствѣ, внесть ихъ: Якова и Андрея Ивановыхъ сыновъ господъ Кулѣшовъ съ потомствомъ ихъ во 2-ю часть дворянской родословной книги сего намѣстничества и о томъ, въ согласіе 85-й статьи выдать имъ грамоту. Это постановленіе однакожъ не было утверждено герольдіей, которая не имѣла основаній признать чинъ войсковаго товарища за «оберъ-офицерскій», и Кулиши могли впослѣдствіи считаться лишь личными дворянами да и то, согласно закону, при наличности у каждаго лица хотя перваго изъ табели о рангахъ чина. Но отецъ П. А. Кулиша, Александръ (род. 1781 г.) въ оффиціальныхъ бумагахъ называетъ себя «дворяниномъ безъ чина». У Ал. Андр. Кулѣша было два сына: Николай, родившійся въ 1803 г., отъ первой жены Марьи, и Пантелеймонъ, родившійся въ Воронежѣ, 1819 г. 26 іюля, отъ второй жены Катерины Ивановны.

Приведенные документы если не доказываютъ дворянства П. А. Кулиша, то во всякомъ случаѣ установляютъ исконную связь его съ тѣмъ народомъ, надъ изученіемъ котораго Кулишъ такъ много и такъ разнообразно потрудился.

А. Л.

Побережье Подоліи [1]. Днѣстровское побережье Подоліи, нося вообще своеобразный географическій характеръ въ извѣстной части своей, довольно рѣзко отличается также своими этнографическими и культурными особенностями. Житель такого «побережья» (мѣстный народный терминъ) на извѣстномъ разстояніи отъ берега прямо на-

---

[1]) Перепечатываемъ этотъ интересный очеркъ изъ Новороссійск. Телегр. за настоящій годъ, № 7518, 4-го іюля.

зывается «молдованомъ», самъ же онъ съ своей стороны выдѣляетъ себя какъ отъ собственно молдаванъ и румынъ Бессарабіи (мѣстн. «молдова»), такъ и отъ остальныхъ подолянъ, называя ихъ «руснаками» («Русчина»). Изъ этого видно, что, такъ называемое, побережье въ этнографическомъ и культурномъ смыслѣ, какъ мѣсто соприкосновенія двухъ чуждыхъ расъ—славянской и романской,— отличается переходнымъ, смѣшаннымъ характеромъ, съ весьма замѣтнымъ молдавскимъ вліяніемъ. Но въ чемъ именно состоятъ эти особенности побережья, въ чемъ и какъ выразилось въ немъ молдавское вліяніе, какія историческія условія благопріятствовали усиленію послѣдняго,—на всѣ эти небезынтересные вопросы попытаемся дать отвѣтъ въ предлагаемомъ краткомъ очеркѣ [2]).

Остановимъ наше вниманіе на одной характерной мѣстности побережья, какою можетъ считаться село Великая Косница на Днѣстрѣ, верстахъ въ 20 къ югу отъ уѣзднаго г. Ямполя, въ настоящее время насчитывающее, вѣроятно, около 5 т. жителей.

Общій географическій характеръ мѣстности опредѣляютъ уже одни названья мѣстныхъ урочищъ—«крутая», «кривая», «стѣнка» «мѣловина», «голобережье», «локоть» и т. п. названья, въ согласованіи которыхъ большею частью подразумѣвается слово «гора». Эти горы, собственно возвышенныя плоскости, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прорѣзаны глубокими, дикими ярами (оврагами) и лощинами («глубочокъ»), заросшими низкорослымъ дубомъ и орѣшникомъ; склоны (мѣстн. «обоча»), нынѣ большею частью обнаженные, въ старину были покрыты густымъ лѣсомъ, какъ объ этомъ, между прочимъ, свидѣтельствуютъ названья урочищъ Ясенова, Тернова и друг. Въ

---

[1]) Собственно „побережьемъ", по опредѣленію П. П. Чубинскаго, называется мѣстность, заключающаяся между рр. Мурафою, Кодымою, Бугомъ и Днѣстромъ (Труды этн.-стат. эксп. въ ю.-зап. край, т. VII, 481. Спб. 1877), т. е. въ ямпольскомъ, ольгопольскомъ и отчасти въ балтскомъ уѣздахъ Подольской губ. Но, какъ извѣстно, уже у водораздѣла р. Буга начинаются чисто малорусскія поселенія,—съ другой стороны, въ это опредѣленіе не входитъ клинъ балтскаго уѣзда, между рр. Днѣстромъ и Ягорлыкомъ, гдѣ исключительно румынскій языкъ (?). Пишущему извѣстна группа слѣдующихъ побережныхъ поселеній: по р. Днѣстру— В. Косница, Грушка, Кузьминъ, Каменка, Подойма, Рашковъ; по р. Марковкѣ и ея притокамъ—Кетросы, Вербно-Валорашская, Дмугосгра, Ольшанка побережная, Ялапецъ, Качновка; по р. Русовѣ—Писаревка-Волошская, Клембовка; по р. Каменкѣ—Димитрашковка, Кукулы, Требусовка, Окница.

этихъ лѣсахъ и оврагахъ, съ встрѣчающимися въ нихъ мѣловыми пещерами, кромѣ множества волковъ («звири»), водились, такъ называемые, «полозы»—большія змѣи, которыя, по разсказамъ старожиловъ, нападали на скотъ и на людей. На широкихъ заливныхъ долинахъ («левада»), раздѣляющихъ горы, и на поляхъ расли высокія травы. Здѣсь находили для себя приволье табуны одичалыхъ лошадей, стада рогатаго скота и овецъ,—кромѣ того, въ лѣсахъ, садахъ (уроч. «Яблушна») и на хуторахъ (мѣстн. «одая») содержались большія пасѣки пчелъ [1]. Наконецъ, берега рѣчекъ Марковки и ея притока Ольшанки (мѣстн. «Саза») были покрыты густымъ, высокимъ камышомъ, вербами и лозами, а «въ Сази», между прочимъ, ловилось много щукъ...

Таковы вкратцѣ историко-географическія черты занимающей насъ мѣстности, граница которой простирается до 10 верстъ отъ берега Днѣстра.

Переходя затѣмъ къ вопросу о заселеніи, между прочимъ, замѣтимъ, что вообще нѣтъ основанія ограничивать давность заселенія данной мѣстности: вблизи большой пещеры, что въ Ясеновой (печера), на берегу Днѣстра были найдены кремневыя орудія каменнаго вѣка [2]... Но, не погружаясь въ доисторическую даль, на основаніи чисто русскихъ названій почти всѣхъ мѣстныхъ урочищъ, съ достовѣрностью можно сказать, что первоначальное населеніе мѣстности было русское. Объ этомъ свидѣтельствуетъ также и самое названіе села—«Косница»,—происшедшее, вѣроятно, отъ расположенія первыхъ поселенцевъ по рѣчной косѣ, оканчивающейся далѣе, такъ-называемымъ, «мысомъ». Къ этому можно прибавить, судя по нѣсколько глухому характеру мѣстности, что первоначальное населеніе ея было немногочисленно.

Существующее дѣленіе села на части, или, такъ-называемые, «магалы» (турецкое слово, означающее часть, кварталъ), даетъ возможность нѣсколько болѣе оріентироваться въ занимающемъ насъ вопросѣ. Изъ этого дѣленія и сохранившихся названій отдѣльныхъ

---

[1]) Такія черты, кромѣ преданій, выступаютъ и въ мѣстныхъ *колядкахъ* и *щедривкахъ* при изображеніи „господаря", т. е. хозяина.

[2]) *В. Б. Антоновичъ.* Изслѣдов. скальныхъ пещеръ по берегамъ Днѣстра и его притоковъ (см. рефератъ, читанный въ засѣданіи VI археол. съѣзда въ Одессѣ).

частей видно, что и самое заселеніе мѣстности происходило постепенно, по частямъ, причемъ заселеніе лѣвой стороны *«рѣчки»* (такъ обыкновенно называется попросту р. Марковка) совершилось значительно ранѣе правой стороны ея. Такъ, на лѣвой сторонѣ рѣчки находится часть села, которая доселѣ называется «Старе мисто», т. е. старое мѣстечко; о времени основанія его не сохранилось никакихъ извѣстій; тамъ указываютъ только старое кладбище (такъ называемый «Старый цвынтарь») и слѣды фундамента старой церкви... За болѣе обстоятельнымъ выясненіемъ этого вопроса обратимся къ мѣстнымъ преданіямъ.

Въ нихъ твердо сохранилась память о Старой церкви (Успенской): по однимъ разсказамъ она была разрушена страшнымъ наводненіемъ, а по другимъ—сожжена во время набѣга турокъ. Послѣднее преданіе въ общемъ совпадаетъ съ вполнѣ опредѣленнымъ извѣстіемъ, по которому турки, въ началѣ іюня 1674 г., перейдя Днѣстръ у г. Сороки, взяли городокъ Костницу и истребили тамъ всѣхъ жителей [1]), или-же, какъ добавляетъ мѣстное преданіе, народъ частью былъ взятъ въ полонъ, частью разбѣжался, и село опустѣло. Только спустя нѣкоторое время послѣ этого событія, обезлюдѣвшая мѣстность начинаетъ постепенно заселяться вновь.

На лѣвой-же сторонѣ рѣчки, вблизи стараго пепелища, находится часть Вурсуливки, болѣе позднее основаніе которой видно изъ сохранившихся о немъ нѣкоторыхъ подробностей: по преданію, часть эта была основана фамиліей Вурсулъ (или Урсолъ), выходцами изъ Молдовы (Бессарабіи), по занятію чабанами или пастухами, которые выжгли камышъ, покрывавшій берега рѣчки, и поселились здѣсь. Отсюда видно, что во время этого новаго заселенія, въ нашей мѣстности впервые цѣлою группою (фамиліей) поселяются молдаване• придавшіе и самому названію села молдавскій оттѣнокъ: «Кошница»,—плетеніе изъ прутьевъ, корзина Тогда же стала заселяться и сосѣдняя часть—«Цымбаливка», названіе которой могло произойти отъ того, что здѣсь, вѣроятно, поселились малороссы, у которыхъ «цымбалы» (kymballon)—самый распространенный народный инструментъ, притомъ вовсе неизвѣстный у молдаванъ. Кромѣ призывовъ жить «на слободѣ», т. е. на льготныхъ условіяхъ, малорусскихъ поселенцевъ могли привлекать сюда и географическія особенности

---

[1]) *Костомаровъ*. Руина, стр. 475. СПб.—М. 1882.

мѣстности, представляющей удобства для укрывательства: такъ, сосѣдній Джулынскій яръ, по разсказамъ, получилъ свое названіе оттого, что въ немъ укрывались отъ турокъ люди изъ Джулина (вѣроятно, Джурина) О такомъ смѣшанномъ составѣ населенія свидѣтельствуютъ также фамиліи мѣстныхъ старожиловъ («осадчихъ»), въ числѣ которыхъ встрѣчаются и такія извѣстныя въ исторіи Поднѣстровья малорусскія фамиліи, какъ Наливайко, Гоголь, Кифа, Медвѣдь, и друг. Вотъ съ какого собственно времени усиливается молдавскій элементъ въ данной мѣстности, какъ и вообще въ Побережьи [5]).

Но и болѣе распространенное преданіе о разрушеніи старой Успенской церкви наводненіемъ (мѣстное преданіе знаетъ собственно старую церковь во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, день котораго доселѣ почитается, какъ храмовой праздникъ) глубоко достовѣрно. Именно, наводненіе могло послужить мотивомъ не только къ перенесенію церкви на незатопляемое возвышенное мѣсто правой стороны рѣчки, но и къ самому переименованію церкви во имя св. Николая Чудотворца—покровителя на водахъ... Какъ-бы то ни было, но уже ровно черезъ 100 лѣтъ послѣ извѣстнаго нападенія турокъ, какъ видно изъ надписи на церковномъ колоколѣ—«1774 Anno Domini»..,—на правой сторонѣ находилась небольшая деревянная церковь («зрубъ, якъ хата») во имя св. Николая. Съ этого времени заселеніе правой стороны рѣчки и дальнѣйшая судьба населенія отмѣчаются уже болѣе или менѣе опредѣленными датами. Возлѣ церкви постепенно возникаетъ «Нове Мисто», т. е. Новое Мѣстечко, до сихъ поръ не получившее оффиціальнаго признанія и населенное частью евреями, которые имѣютъ здѣсь и свое старое кладбище, и синагогу. Вблизи мѣстечка, на берегу Днѣстра находятся, такъ называемыя, «бурты» или «зàмокъ» —слѣды земляного укрѣпленія, по преданію, построеннаго поляками (еще «за Польщи»), съ цѣлью помѣшать переправѣ русскаго войска,—вѣроятно, во время извѣстной барской конфедераціи и одновременной съ нею турецкой войны (нужно думать, что съ этого времени получила свое названіе и, такъ называемая, «Козацка дорога»)...

Вообще память о набѣгахъ турокъ и татаръ («разгоненія»), объ уводѣ ими жителей въ неволю, «полонъ»—стоитъ во главѣ

---

[1]) *Батюшковъ.* Подолія, стр. 147 и друг. Спб. 1891 г.

мѣстныхъ преданій того періода. Память объ этихъ набѣгахъ связана и съ такъ называемыми «могилами» (курганами), которыя десятками возвышаются на мѣстныхъ поляхъ и, по преданію служили сторожевыми пунктами для наблюденія за движеніемъ турокъ и особенно татаръ. Даже млечный путь называется «дорогою у туречину». Точно также частыя въ старину и опустошительныя наводненія («потопы») могли способствовать возникновенію мѣстнаго повѣрья, по которому «Нистеръ не руше, покы живои души не озме», т. е. Днѣстръ не вскроется безъ человѣческой жертвы. Особое представленіе могла вызывать здѣсь и мѣстная поговорка: «Де вода була, тамъ и прибуде»...

Съ присоединеніемъ Подоліи къ Россіи (въ 1793 г.), наша мѣстность успокаивается, и населеніе въ ней довольно быстро выростаетъ. Въ 1815 г., вмѣсто и подлѣ старой церкви, построена новая, каменная церковь, во имя св. Николая. Около того-же времени «казенное» селеніе Косница, принадлежавшее «Цекиновскому повѣту», было пожаловано въ 50-лѣтнее владѣніе кн. Ипсиланти,—это-то время («за князивъ») и сохранилось въ народной памяти, какъ время «панщины», отъ котораго осталась пословица: «До пана хвалятся два, а видъ пана—одинъ»... Населеніе продолжаетъ пополняться бѣглецами и выходцами изъ разныхъ мѣстъ Подоліи, на которыя указываютъ иногда самыя фамиліи или «призвыска» (прозванія), какъ напр., «Висланецъ», «Закардонскій», «Рашкованъ», «Подлѣсовскій», «Цекиновкеръ» и т. п. Къ названію села Косница дѣлается прибавка «великая», (вѣроятно, въ отличіе отъ Малой Косницы, у верховьевъ р. Марковки): уже въ 1849 г. въ ней числится до 2 тыс. жителей, въ томъ числѣ 120 евреевъ. Наконецъ послѣ «люстраціи» 1861 г., стала заселяться и послѣдняя часть, такъ назыв. «Нове село».

Изъ событій этого послѣдняго періода, кромѣ различныхъ физич. бѣдствій,—какъ-то сильнаго наводненія отъ грозы, во время котораго одна женщина спаслась на такъ называемыхъ «островкахъ», засуха, саранча («сарана»),—сохраняется память о первой холерной эпидеміи въ Россіи. На памятникахъ стараго кладбища есть въ родѣ слѣдующей надписи: «1831 г., умеръ на холерію», отчего и самое кладбище называется также холернымъ.

Таковы вкратцѣ историческія судьбы описываемой мѣстности, причемъ опустошенія ея отъ турокъ и послѣдовавшій съ конца 17 в

приливъ молдавскаго элемента, какъ мы видѣли, являются чертами общими для всего Побережья. Къ этому надо добавить, что районъ мѣстныхъ сношеній сосредоточивался, главнымъ образомъ, въ такъ называемой Молдовѣ (Бессарабіи), гдѣ находили себѣ удовлетвореніе не только матеріальныя (чумачество, ярмарка въ Сорокахъ), но и нравственныя потребности мѣстнаго населенія, какъ напримѣръ, посѣщеніе бессарабскихъ монастырей и т. п.

Соотвѣтствено представленнымъ выше историческимъ условіямъ, и мѣстная культура (славянская, въ своей основѣ) носитъ на себѣ болѣе или менѣе значительные слѣды молдавскаго вліянія, замѣтнаго во всѣхъ сторонахъ домашняго быта.

Это молдавское вліяніе бросается уже въ глаза во внутренней обстановкѣ мѣстной хаты, неизмѣнно обращенной къ югу, устланной, завѣшенной разнаго рода коврами—«келимъ», «палатари»,—въ орнаментѣ которыхъ преобладаютъ любимые цвѣта молдаванъ—черный и желтый.

Въ народной одеждѣ обыкновенно характерны длиннополая мужская сорочка на выпускъ съ широкими, косыми рукавами,—чисто молдавская «манта»—епанча, затѣмъ «нафрама"—повязка въ видѣ полотенца, «гицы», или киха—головной уборъ, украшенный турецкою мелкою монетою (пари), также, такъ назыв. «кабаныца» греч. kaƀadion?)—бурнусъ на мѣху изъ бѣлыхъ барашковъ, который, обыкновенно, носятъ со спущеннымъ лѣвымъ рукавомъ; дѣвушки непремѣнно покрываютъ голову платкомъ («шаликъ»), а мѣстныя богачки въ изобиліи носятъ на шеѣ серебряные рубли и другія украшенія (отсюда поговорка: «молдованы дукачи»)...

Только немногіе оставшіеся еще въ живыхъ старики понимаютъ «по волоски», но вліяніе этого языка отразилось въ цѣлой группѣ чисто молдавскихъ словъ, конечно, въ мѣстной передѣлкѣ. Таковы нѣкоторыя слова для выраженія понятій родства— «бунулъ», «мошулъ», «непотъ», «матуша»;—названія нѣкоторыхъ предметовъ домашняго быта, домашнихъ животныхъ— «фурка»—прялка, «шипокъ»—бутылка, «малай», «кассоя»—комора, «сусукъ», «жвря»,—собака, «гарамы»—волы;—общеупотребительныя восклицанія—«бре», «брей», «мой», «вальліо», «сарака» (несчастный), частица «май», для выраженія сравнительной степени («май добрый»), и другія слова, получившія право мѣстнаго гражданства, какъ «пацыты» (patior), «саманаты»

(отъ similis), «марикуваты» (быть недовольнымъ) и т. п. Это же вліяніе сказалось и въ передѣлкѣ личныхъ именъ (напримѣръ, Синивонъ, Якубашъ, Трошинъ, Андривуца, Докица), а также и въ общей твердости мѣстнаго выговора (акцента). Но рядомъ съ этимъ, здѣсь особенно выступаетъ черта русскаго полногласія—„хоромы"—сѣни, «соромъ», — также замѣна ч буквою ц—«цистый» вмѣсто чистый и т. п. Интересны также, по точной передачѣ мѣстныхъ бытовыхъ особенностей, выраженія: „заткнуты хату", т. е. затворить домъ, «класты вогонь», т. е. развести огонь и т. п.

Въ погребальныхъ и свадебныхъ обрядахъ, общеславянскихъ въ своей основѣ, также можно указать нѣкоторыя отличительныя черты, развившіяся не безъ молдавскаго вліанія.

Особенно развито здѣсь почитаніе умершихъ («отцы наши»). Не останавливаясь на многихъ любопытныхъ чертахъ погребальнаго обряда (хожденіе безъ шапки, съ непокрытою головою, въ знакъ траура, проводы покойника на саняхъ), укажемъ обычай куренія ладономъ на гробахъ, производимаго женщинами, и особенно мѣстный обычай совершать свои собственныя поминки при жизни, что носитъ названіе «класты столыкъ» или «грижаты» (сравн. болг. грижа-печаль, санскр. grihas-домъ), т. е. вообще совершать поминки на дому, причемъ пьютъ «за умершую душу»... Сорокъ заказанныхъ заупокойныхъ службъ называется «сарандакъ», и т. п.

Въ свадебныхъ обрядахъ преобладаетъ, повидимому, намекъ на древнюю куплю невѣсты, на что указываютъ, напр., *обязательные* «дары» (подарки) во время свадьбы, бросаніе денегъ невѣстѣ и ея роднымъ, свадебный поѣздъ, въ которомъ участвуютъ, такъ назыв., «конокари» и «ворныкъ». На свадьбахъ молдаванъ, особенно въ старину, мѣстные спеціалисты произносили отъ лица невѣсты прощаніе на молдавскомъ языкѣ,—такъ назыв. «эртечуне».

Слѣдуетъ отмѣтить при этомъ почти полное отсутствіе здѣсь свадебныхъ и, вообще, бытовыхъ пѣсенъ, за исключеніемъ такъ назыв. *колядокъ и щедривокъ*—остатковъ древнѣйшаго русскаго славословія «богамъ» (въ одной мѣстной колядкѣ солнце, дождь и мѣсяцъ называются «святыми»), а также—общую малопѣвучесть мѣстнаго населенія, по мнѣнію котораго только пьяные поютъ... Въ этомъ могло сказаться, между прочимъ, особенное развитіе здѣсь погре-

бальныхъ обрядовъ, которые, за исключеніемъ монотонныхъ причитаній, обыкновенно совершаются въ тиши, молча [1]).

Въ мѣстной музыкѣ, за исключеніемъ старинной славянской дудки («сопилка»), мы встрѣчаемъ уже неизбѣжный «бубенъ» съ металлическими «тарелками»,—словомъ, молдавскую, вѣрнѣе сказать, цыганскую музыку (мѣстные музыканты большею частью цыгане),—которую называютъ «русской», «булгаряску», но особенно распространенъ здѣсь такъ назыв. «дансъ», т. е. молдавскій джогъ. Кромѣ свадебъ музыка играетъ также на «толокахъ» или «клакахъ» (клака—добровольное исполненіе какой-нибудь работы за угощеніе).

Въ Подоліи обращаетъ на себя также вниманіе обиліе крестовъ и колодцевъ («керныца»), вызываемыхъ прежде всего, конечно, мѣстными потребностями. Кресты (судя по надписямъ на нихъ—это *«знаки»* въ смыслѣ дорожной примѣты, охраняемой самимъ Богомъ; затѣмъ уже «щиты вѣрнымъ» и т. д.) и колодцы нерѣдко ставятся «за помяну», т. е. за поминъ души, и имѣютъ значеніе чисто восточной благотворительности.

Религіозность выражается, между прочимъ, въ обиліи чисто мѣстныхъ праздниковъ, постовъ. Есть, напримѣръ, такъ назыв. «жиночи свята», когда празднуютъ однѣ женщины, есть «громови свята», празднуемые во славу грозы; въ день на св. Козьмы и Демьяна не работаютъ... Рядомъ съ этимъ живутъ вѣрованія въ заговоры, въ «нявкы» (ходячіе мертвецы), въ вѣдьмъ и т. п. Съ цѣлью открыть вѣдьму, произведшую, якобы, засуху, еще въ 60-хъ гг. бросали проходящихъ женщинъ въ рѣчку, на основаніи повѣрья, что «котора видьма» «то сплыне», т. е. всплыветъ...

Въ нравахъ мѣстнаго населенія, кромѣ общихъ малорусскихъ чертъ, замѣтна нѣкоторая мягкость, условная вѣжливость (напр., обязательныя извиненія по произношеніи такихъ словъ, какъ собака, свинья, даже... «жинка»), чисто восточная церемонность. Несоблюденіе всего этого этикета ведетъ за собою укоръ въ «простотѣ», которому нерѣдко подвергаются истые руснаки... Особенно развито здѣсь сохранившееся отъ патріархальныхъ временъ почтеніе къ старшимъ: за столомъ строго наблюдается своего рода мѣстничество,

---

[1]) *Котляревскій*, Погребальн. обычаи славянъ М. 1888. *Антоновичъ и Драгомановъ*. Историч. пѣсни малорусскаго народа (въ введеніи).

нарушеніе котораго считается обидою, безчестьемъ; даже старшему брату, сестрѣ («бадя», «лиля») младшіе говорятъ «вы» и въ извѣстныхъ случаяхъ цѣлуютъ у нихъ руку. Сохранилась также особая форма привѣтствія: поднесеніе собственной руки къ своимъ губамъ, въ родѣ воздушнаго поцѣлуя. Въ то же время въ мѣстныхъ нравахъ наблюдается скрытность и любовь къ широкому разгулу: участвовать въ попойкѣ («буты въ горивци») считается особою честью. Въ отношеніяхъ къ женщинѣ замѣчается нѣсколько презрительно-снисходительный оттѣнокъ: въ церкви женщины становятся позади мужчинъ въ такъ называемомъ «бабныку»; жена идетъ нѣсколько позади мужа и т. п. По мѣстной пословицѣ: «жинка—край, ничего не знай».

Наконецъ, преобладающій смуглый цвѣтъ лица, темные волосы, лѣнивыя, медленныя движенія, рѣчь, даже особенности походки (говорятъ—«ходятъ не по нашему»)—все это указываетъ на особенности физическаго склада побережанъ.

Подобнымъ же характеромъ отличается и цѣлая группа указанныхъ выше сосѣднихъ поселеній, въ которыхъ молдавское вліяніе—это отличительная черта мѣстной культуры—замѣтно, такъ сказать съ перваго взгляда. Возможно, поэтому, что хотя нѣкоторыя изъ приведенныхъ особенностей окажутся общими и для всего такъ называемаго побережья.

Къ вопросу о малорусскомъ языкѣ въ Галичинѣ. Недавно въ газетѣ «Спб. Вѣд.» (№ 100) было помѣщено письмо г. В. Драгомірецкаго, выходца изъ Галичины, въ которомъ онъ проводилъ ту мысль, что еще потребуется работа въ теченіе всего нѣсколькихъ лѣтъ—и русская рѣчь будетъ раздаваться въ Галичинѣ такъ же, какъ въ Петербургѣ. Это тенденціозное извращеніе дѣйствительности вызвало со стороны одного виднаго галицкаго публициста О. Маковея горячую отповѣдь, которой редакція той-же газеты дала мѣсто (въ № 144), исходя изъ тѣхъ соображеній, что относительно галичанъ и Галичины многіе у насъ судятъ на основаніи иллюзій, навѣваемыхъ выходцами изъ нея, и что самообманъ въ такомъ дѣлѣ всегда печаленъ. Письмо г. Маковея также начинается съ указанія

на то, что невѣрное изображеніе жизни галицкихъ малороссовъ едва ли полезно русскому обществу. «Нужно сознаться, говоритъ онъ, что великоруссамъ трудно имѣть достовѣрныя свѣдѣнія о положеніи вещей въ Галичинѣ, такъ какъ изъ Австріи въ Россію допускаются лишь изданія партіи, къ которой принадлежитъ г. Драгоміредкій, *доступъ же малорусскимъ изданіямъ изъ Австріи въ Россію совсѣмъ возбраненъ.* Вотъ почему противники малорусскуго языка позволяютъ себѣ писать по этому вопросу все, что имъ на умъ взбредетъ.

Обращаясь затѣмъ къ существу спора, г. Маковей напоминаетъ о томъ, что въ нынѣшнемъ году австрійскіе малороссы празднуютъ столѣтній юбилей появленія «Энеиды» Котляревскаго, первой книжки на чистомъ малорусскомъ языкѣ. Этотъ годъ малороссы считаютъ началомъ эпохи своего національнаго возрожденія. Такимъ образомъ, малорусская литература—далеко не новая «выдумка», такъ какъ существуетъ уже 100 лѣтъ.

Много разъ осуждаемая на смерть людьми, не имѣющими отношенія къ наукѣ (большая часть ученыхъ признаетъ за ней право на существованіе), продолжаетъ развиваться наперекоръ всякому доктринерству—искреннему и лукавому.

Со стороны ученыхъ не было доказательствъ въ пользу неспособности малорусскаго языка и литературы къ развитію; но ложно понятый патріотизмъ,—будто бы для націи имѣетъ больше значенія элементъ количественный, чѣмъ качественный,—придумалъ разнаго рода стѣсненія для малорусскаго языка и литературы.

Въ 1837 году Маркіанъ Шашкевичъ поставилъ вопросъ малорусскаго языка въ Галичинѣ такъ же ясно, какъ Котляревскій въ Россіи въ 1798 году. Уже въ 1848 году, когда въ Австріи установлена была конституція и уничтожено крѣпостное право, галицкіе малороссы выступили на арену политической дѣятельности, какъ самостоятельный *малорусскій* народъ. Но приблизительно въ то же самое время славянофилы подыскивали общеславянскій языкъ, которымъ, по ихъ мнѣнію, долженъ былъ бы быть русскій, и вотъ, часть немногочисленной галицкой интеллигенціи, еще не пришедшая къ ясному національному самосознанію, слишкомъ лѣнивая для того, чтобы позаботиться о самостоятельномъ національномъ существованіи,—да притомъ поддавшись разнымъ внѣшнимъ вліяніямъ,—ухватилась за идею готоваго русскаго языка, какъ за спасательный якорь. Въ 1866 году они выступили съ лозунгомъ: одинъ

народъ—одинъ языкъ (великорусскій) и стали изъ себя корчить «галицкихъ великоруссовъ», хотя русскаго языка не знали и по сіе время пишутъ третьяковщиной. Благодаря этимъ «quasi-великоруссамъ», русская культура лишь теряла свой престижъ въ глазахъ галичанъ, такъ какъ галицкіе малороссы и поляки по этимъ образцамъ составляли сужденіе о характерѣ русской культуры вообще, какъ, съ другой стороны, русскіе дѣлали свои заключенія о Галицкой Руси по этимъ галицкимъ «великоруссамъ», пріѣзжающимъ очень часто въ Россію, съ цѣлью выклянчить денежную помощь ради народныхъ, будто бы, интересовъ. Такое сужденіе съ обѣихъ сторонъ было (и есть) заблужденіемъ.

Изъ письма г. Драгоміреціаго можно вывести заключеніе, будто гг. галицкіе «великоруссы» создали какую-то свою культуру. Не можемъ позавидовать великоруссамъ по поводу пріобрѣтенія такой «культуры»...

За полстолѣтіе существованія его партіи г. Драгоміреціій могъ назвать только 12 дѣятелей, и то дѣятелей прежняго времени, изъ молодыхъ же не назвалъ ни одного. Изъ нихъ Головацкій, Наумовичъ, Зубрицкій, Хилякъ и Николай Устіановичъ умерли; Добрянскій, Дѣдицкій и Гушалевичъ—инвалиды; Петрушевичъ—историкъ въ средневѣковомъ духѣ, безъ всякаго значенія въ научномъ мірѣ; Свистунъ—партійный публицистъ, но отнюдь не ученый; Шараневичъ и Залозецкій пользуются извѣстностью лишь въ тѣсномъ кругу своей партіи. Эта семерка оставшихся въ живыхъ «великорусскихъ» дѣятелей въ Галичинѣ въ общей сложности имѣетъ около 500 лѣтъ жизни—цифра внушительная и показывающая, что ихъ дѣятельность осталась позади. Замѣстителей себѣ они не оставили. Если и найдется нѣсколько молодыхъ ихъ послѣдователей, то они рѣшительно не стоютъ даже и того, что стоютъ вышеупомянутые инвалиды. Нужно быть оптимистомъ, подобно г. Драгоміреццкому, чтобы такъ возвеличивать своихъ «дѣятелей». Нѣкоторые изъ этихъ «дѣятелей» создали миніатюрную и въ то же время довольно странную литературу, которую г. Пыпинъ окрестилъ «особой русской литературой». Но въ наши дни въ Галичинѣ уже некому создавать и подобную «великорусскую» литературу; поэтому «Галичанинъ», «Русская Бесѣда» и другія изданія этого направленія живутъ почти исключительно перепечатками русскихъ авторовъ.

Г. Драгоміредкій утверждаетъ, что въ изданіяхъ его партіи производится «постепенное сближеніе мѣстнаго книжнаго языка съ общерусскимъ литературнымъ языкомъ». Это—правда. Дѣйствительно, объ этомъ сближеніи уже 50 лѣтъ хлопочутъ гг. галицкіе «великоруссы» въ своихъ изданіяхъ, и можно надѣяться, что, быть можетъ, нѣкоторые правнуки ихъ будутъ въ состояніи правильно писать по-русски, если они этого еще пожелаютъ. Теперь же и сами галицкіе «великоруссы» этого не желаютъ и въ своихъ изданіяхъ пишутъ на особомъ русскомъ языкѣ, представляющемъ странную смѣсь малорусскаго, польскаго, церковно-славянскаго и русскаго языковъ, причемъ авторы комбинируютъ эти языки на разные лады. Ихъ изданія на всевозможныхъ «русскихъ» языкахъ могли бы въ Россіи вызывать у читателей настроеніе, сходное съ тѣмъ, которое вызываетъ «Стрекоза».

Этихъ изданій г. Драгоміредкій насчиталъ цѣлыхъ 15, не упоминая, что большая часть ихъ—это маленькія книженки («метелики»), выходящія 1 или 2 раза въ мѣсяцъ или нѣсколько разъ въ годъ, и по достоинству своему не стоятъ и добраго слова.

Партія г. Драгоміредкаго въ Галичинѣ имѣетъ только одну политическую ежедневную газету «Галичанинъ». «Православная Буковина» ведетъ борьбу противъ созданныхъ ея воображеніемъ враговъ православія въ Буковинѣ, забывая, что злѣйшій врагъ православія—сама церковная іерархія, пользующаяся церковью, какъ средствомъ для румынизаціи русиновъ. Газета эта заполнена перепечатками изъ русскихъ «Епарх. Вѣд.»: живого въ ней ничего не найти. «Бесѣда», помянутый «Галичанинъ» (беллетристическій отдѣлъ) и «Русская Библіотека» существуютъ перепечатками русскихъ авторовъ. «Сборники Русской Матицы» выходятъ 1 разъ въ нѣсколько лѣтъ и цѣликомъ заполняются «средневѣковымъ» лѣтописцемъ Петрушевичемъ. «Вѣсникъ Народнаго Дома», кромѣ замѣтокъ того же лѣтописца, печатаетъ ежемѣсячно лишь цифровые отчеты и постановленія общества «Народнаго Дома». Когда-то популярная «Наука» давно потеряла свое значеніе; выходитъ неправильно, нѣсколько разъ въ годъ. «Селянинъ» за деньги готовъ помѣстить портретъ африканскаго каннибала и будетъ величать его, какъ «коренного» русскаго патріота. Купчанко въ своемъ «Просвѣщеніи» изъ года въ годъ перепечатываетъ свои давнишнія географическія и этнографическія изслѣдованія да помѣщаетъ біографіи русскихъ генераловъ.

Унгварскій «Листокъ» и «Русская Рада»—полное ничтожество. „Буковинскія Вѣдомости“ состоятъ на службѣ у буковинскихъ румынъ, враговъ какъ великорусского, такъ и малорусскаго народовъ. Менѣе всего тредьяковщина по формѣ и содержанію—въ изданіяхъ общества имени Качковскаго. Всѣ помянутыя изданія отрицательно относятся къ малорусскому народу, положительная же сторона ихъ дѣятельности ничтожна. Единомышленники г. Драгоміредкаго безпрестанно повторяютъ, что въ Галичинѣ, будто бы, есть говоры, близкіе къ великорусскому языку (съ равнымъ правомъ можно утверждать, что польскій языкъ близокъ къ русскому), что малорусскій литературный языкъ есть „невозможная смѣсь малорусскаго языка съ польскимъ“. Аргументы старые и ни для кого неубѣдительные! Малорусскій литературный языкъ создался на почвѣ живой народной рѣчи и, какъ языкъ живого многомилліоннаго народа, развивается на нашихъ глазахъ на зло ренегатамъ, вродѣ г. Драгоміредкаго. Наоборотъ, искусственно созданное „язычіе“ ренегатовъ не можетъ имѣть будущности, такъ какъ основано не на живой рѣчи народа, но на чисто искусственной смѣси церковно-славянскаго, русскаго, польскаго и малорусскаго языковъ. Это „язычіе“ гг. „общерусы“ выдаютъ за русскій литературный языкъ. Русскій языкъ не можетъ замѣнить собою малорусскаго языка въ Галичинѣ, на которомъ говоритъ народъ и на которомъ идетъ преподаваніе въ 2,500 народныхъ школахъ, въ пяти гимназіяхъ (въ Львовѣ, Перемышлѣ, Коломыѣ, Черновцахъ и въ новооснованной въ Тырнополѣ) и въ университетѣ (нѣсколько каѳедръ).

Въ параллель съ изданіями, перечисленными г. Драгоміредкимъ, г. Маковей приводитъ списокъ національныхъ малорусскихъ изданій.

Три политическія ежедневныя газеты: «Діло», «Руслан», «Народна Часопись»; далѣе: «Буковина» (3 раза въ недѣлю), «Свобода» (одна во Львовѣ, другая въ Америкѣ), «Руська Рада», «Громадський Голос», «Прапор», «Душпастир», журналъ «Літературно-науковий Вістник» (ежемѣсячный), «Записки наукового товариства імени Шевченка» (1 разъ въ два мѣсяца; кромѣ того, отдѣльныя изданія секцій общества), популярныя изданія общества «Просьвіта» (до сихъ поръ 216 книжечекъ, разошедшихся въ нѣсколькихъ милліонахъ экземпляровъ), нѣсколько «Библіотекъ» («Бібліотека повістий», «Історична», «Універзальна», «Дрібна», «Для молодіжи», «Хлоп-

ська»), газета «Дзвинок» для дѣтей, газета «Учитель» (изданіе педагогическаго общества), газета для «дяків», нѣсколько изданій религіознаго характера и т. д.

Я не хочу, говоритъ г. Маковей, придавать этимъ изданіямъ значеніе большее, чѣмъ они заслуживаютъ,—но если принять во вниманіе, что всего малоруссовъ въ Галичинѣ и Буковинѣ только 3 милліона, что интеллигенціи у нихъ не болѣе 5000, раздѣленной притомъ на партіи національную и ренегатовъ,—то и такое національное *малорусское* движеніе нужно назвать значительнымъ. Національное самосознаніе настолько уже распространено въ массѣ галицкаго малорусскаго населенія, что попытки галицкихъ «общеруссовъ» столкнуть галичанъ съ національнаго пути не могутъ имѣть успѣха. Только передъ людьми, совершенно незнакомыми съ положеніемъ дѣлъ въ Галичинѣ, можно утверждать противное.

Замѣтимъ еще, что малорусскій литературный языкъ въ Галичинѣ и Украинѣ одинъ; нѣкоторыя несущественныя различія устранены, и въ настоящее время нѣтъ основанія опасаться раздвоенія между русскими и австрійскими украинцами на почвѣ литературнаго языка.

«Въ Галиціи, говоритъ г. Драгомірецкій, можно и слѣдуетъ поддерживать одинъ только общерусскій литературный языкъ, который распространяется тамъ все болѣе и болѣе (все менѣе и менѣе!) и который при нынѣшнихъ роковыхъ условіяхъ русскаго Прикарпатья единственно (!) можетъ сохранить его для всего русскаго міра».

Все это въ общемъ и въ частности совершенно невѣрно. Наоборотъ, «при нынѣшнихъ роковыхъ условіяхъ русскаго Прикарпатья», если бы галицкіе малороссы не противопоставили польскому языку родной малорусскій, то увеличили бы только польскій міръ, но не русскій.

Сторонники г. Драгоміреціаго, отлично понимая, что въ Австріи нельзя ввести въ школы преподаванія на немъ, выступаютъ противниками малорусскихъ школъ (агитируютъ противъ малорусскихъ гимназій!) и, конечно, ихъ «обрусительная» работа въ Галичинѣ на-руку полякамъ, въ Буковинѣ—румынамъ, въ Угорщинѣ—мадьярамъ. При этомъ, конечно, и имъ кое-что перепадаетъ.

По поводу этого письма г. Маковея, въ 184 № «Спб. Вѣдом.» помѣщена интересная замѣтка г. А. Башкирова, подъ заглавіемъ: «Великорусскій языкъ въ Галичинѣ». Въ ней заслуживаетъ вниманія слѣдующее: «г. Маковей категорически заявилъ, что галицкіе малороссы говорятъ и хотятъ говорить и писать на языкѣ малорусскомъ. Желаніе вполнѣ законное. Никому вѣдь не придетъ и въ голову вопросъ о томъ, на какомъ языкѣ пишутъ словаки или словинцы, на какомъ языкѣ говорятъ кашубы или резьяне? [1]). И поэтому казалось бы излишнимъ само письмо г. Маковея. Но вопросъ о галицкихъ малороссахъ стоитъ въ нѣсколько иномъ положеніи.

Далѣе г. Башкировъ, въ подтвержденіе замѣчанія г. Маковея, что «галицкіе великоруссы» великорусскаго языка не знаютъ и «по сіе время пишутъ тредьяковщиной», приводитъ нѣсколько выписокъ изъ галицкой газеты «Галичанинъ» (органа великорусской партіи), по своему «язычію» дѣйствительно напоминающихъ творенія Тредьяковскаго, и заканчиваетъ эти выписки такъ: „Вотъ какимъ «великорусскимъ» языкомъ пишутъ галицкіе великороссы, народомъ не признаваемые и имъ не понимаемые. Ради чего этотъ маскарадъ?“

Разоренная могила. Проводя лѣто въ Чигиринѣ, я поставилъ себѣ священнымъ долгомъ посѣтить могилу Богдана Хмельницкаго въ Субботовѣ. Церковь въ Субботовѣ въ ясный день видна въ Чигиринѣ съ Каменоломной горы.

Но нанять подводу въ Чигиринѣ въ лѣтнее время трудно, не только въ будни, но и въ праздникъ, потому что нужно отдохнуть лошадямъ. Уже въ концѣ лѣта удалось нанять одного крестьянина съ удобнымъ экипажемъ.

Путь въ Субботово въ объѣздъ Каменоломной горы—ровный, степной. Только подъ самымъ Субботовымъ появляются балки, и наконецъ мы спускаемся съ Протопоповой горы въ глубокую долину, которая ведетъ къ селу. Это названіе крутого, дѣйствительно головоломнаго спуска нашъ кучеръ объяснилъ такъ: однажды ѣхалъ по этой дорогѣ протопопъ; при спускѣ съ этой горы забыли затормозить; тяжелый экипажъ, безъ помѣхи катившійся съ горы, застав-

---

[1]) Беремъ въ примѣръ болѣе мелкія славянскія племена.

лялъ лошадэй мчаться, что есть духу; экипажъ былъ разбитъ, а протопопъ расшибся до смерти.

Далѣе путь идетъ длинной, нескончаемой долиной. По сторонамъ дороги тянутся на цѣлыя версты сады и огороды съ превосходными грушами и яблонями, а за ними открываются, съ правой руки поемные луга и огороды. И среди этой благодати Божіей, то тамъ, то здѣсь, утонувшая въ садахъ хата, убранная, словно дивчина подъ вѣнецъ: съ китыцями на кровлѣ, съ нарядно раскрашенными окнами и съ гостепріимнымъ ганочкомъ. Повсюду и во всемъ видѣнъ достатокъ: трудъ, бережливость и жизнь на старый ладъ, которому не угрожаютъ перемѣны.

Послѣ нѣсколькихъ верстъ ѣзды по этой цвѣтущей долинѣ, наконецъ мы пріѣхали въ центръ села, и прежде всего на высокой горѣ намъ бросился въ глаза древній каменный храмъ. У батюшки на квартирѣ намъ сказали, что онъ служитъ вечерню въ новой церкви, и мы вошли въ церковь, которая стоитъ противъ дома священника. Нѣкоторое время церковь была совершенно пуста: въ эту пору даже старухамъ некогда отлучиться,—надо смотрѣть за дѣтьми, т. к. всѣ въ полѣ. Но потомъ понемногу пришли бабы и дивчата;—молодицы и дивчата въ красивыхъ головныхъ уборахъ изъ живыхъ цвѣтовъ и разноцвѣтныхъ лентъ. Старый священникъ дребезжащимъ голосомъ творилъ молитвы, дьячокъ и сторожъ громко и развязно подхватывали эктеніи, прихожане молились, кланялись въ поясъ и падали на колѣни, когда батюшка выходилъ съ кадиломъ изъ алтаря. Склонявшееся къ закату солнце врывалось въ окна золотыми лучами, все навѣвало покой и внушало молитвенное настроеніе.

Но вотъ кончилась вечерня. По моей просьбѣ дьячокъ присѣлъ къ намъ на повозку, позвалъ церковнаго старосту, мы поднялись по крутому подъему, вырубленному въ массивѣ горы, съ трудомъ разъѣзжаясь съ многочисленными возами, полными съ верхомъ золотистыми снопами. Передъ нами открылась возвышенная площадка, на которой стояла небольшая церковь XVII ст., съ колокольнею позднѣйшей постройки, извѣстная по рисункамъ. Отперли церковь. Стѣны ея необыкновенно толсты. Разваливающаяся драбына на колокольню, разъѣхавшіяся доски пола—первое печальное впечатлѣніе притвора. Въ самомъ храмѣ также полъ со щелями и слоемъ пыли. Стѣны покрашены масляной краской съ панелью. Въ притворѣ не видно портрета храмоздателя, какъ водилось повсюду въ

козацкія времена. А вотъ и могила: на южной стѣнѣ прибита бронзовая дощечка, вродѣ тѣхъ, которыя привинчиваются къ дверямъ квартиры, съ краткой надписью:

«Здѣсь покоится прахъ
Богдана Хмѣльницкаго».

И ни званія покойнаго, ни года почившаго не обозначено. Прахъ его дѣйствительно покоится здѣсь, но путешественникъ не найдетъ въ ней могилы Хмельницкаго: польскій полководецъ Чарнецкій, захвативши Субботово, приказалъ выбросить на поруганіе кости человѣка, такъ упорно боровшагося противъ шляхетскаго своеволія.

Въ церкви сумракъ и тишина. Не слышно пѣнія, не видно свѣчей. Иконостасовъ два—хорошей работы (одинъ—должно быть древнѣйшій—въ алтарѣ). Передній украшенъ шитыми рушниками. На вопросъ мой: нѣтъ ли чего нибудь древняго среди утвари, былъ полученъ отвѣтъ: „были древнія церковныя книги, но взяты въ Кіевъ“.

Мы помолились о рабѣ Божіемъ Богданѣ и вышли. За алтаремъ торчали изъ земли покосившіеся и вросшіе въ землю кресты забытыхъ козаковъ, а прямо—обрывъ съ широкимъ, роскошнымъ видомъ на долину.

— А не можете ли вы показать мѣсто усадьбы Богдана Хмельницкаго?

Дьячекъ показалъ мнѣ расположенную пониже церкви небольшую площадку съ грушей, составляющую теперь дворъ одного крестьянина.

Грустныя думы пришли мнѣ въ голову. Въ Кіевѣ, на почетномъ мѣстѣ, противъ Софійскаго собора сооруженъ величественный памятникъ козацкому гетману,—а у него на родинѣ, въ Субботовѣ, старая церковь запущена и забыта. Развѣ много нужно для того, чтобы перемостить полы и поправить деревянныя части, хорошенько обмыть иконы и стѣны, сдѣлать на стѣнѣ, надъ могилой, приличную надпись, наконецъ, написать въ притворѣ портретъ Богдана Хмельницкаго, а передъ могилой поставить подсвѣчникъ, для того что бы каждый могъ поставить свѣчу и помолиться. Почему бы мѣстному священнику не устроить подписку между мѣстными крестьянами?

Неужели мѣстное населеніе забыло батька Богдана?...

В. Я.

О назначеніи въ Кіевскую губернію провинціалъ-фискала. (1727 г.). Извѣстно, что до 1782 г. мѣстное губернское управленіе въ Кіевѣ представляло не мало особенностей сравнительно съ другими русскими губерніями, какъ по личному составу, такъ и по кругу своего вѣдомства. Въ составъ Кіевскаго губернскаго управленія, между прочимъ, никогда, какъ видно, не входила должность провинціалъ-фискала. Такъ, въ 1727 году Кіевская Губернская Канцелярія была, очевидно, удивлена, что въ составѣ ея *числится* какой-то провинціалъ-фискалъ Блаженковъ. Получивши указъ Главной Фискальной Канцеляріи о выборѣ на мѣсто этого Блаженкова, *переведеннаго* въ Бѣлогородскую губернію, кого либо другого изъ шляхетства, она отвѣчала, что де «въ Кіевѣ и въ приписныхъ къ нему городахъ ни одного человѣка изъ шляхетства не обрѣтается». На повторительный же указъ отъ 30-го іюня того же 1727 года на имя вице-губернатора Штока «съ товарищи», предписывавшій «въ провинціалъ-фискалы (который имѣетъ быть въ классѣ капитаномъ) выбрать вамъ изъ другихъ чиновъ, изъ коихъ кто, по усмотрѣнію вашему, будетъ достоинъ», Кіевская Губернская Канцелярія отвѣчала, что де «въ Кіевѣ и въ приписныхъ къ нему городахъ, въ Нѣжинѣ, Черниговѣ, Переяславлѣ, Полтавѣ и въ Переволочной, въ которыхъ точію одни командированные изъ кіевскихъ гарнизонныхъ полковъ оберъ и ундеръ офицеры и солдаты, да малороссійскіе обыватели, которые во всякомъ вѣдомствѣ зостаются въ Малороссійской Коллегіи, кого бъ опредѣлить въ помянутые городы въ провинціалъ-фискалы, ни одного человѣка, какъ изъ шляхетства, такъ и не изъ шляхетства изъ великороссійскихъ людей», которые бъ были въ неопредѣленіи, никого не имѣется». Въ заключеніе же Кіевская Губернская Канцелярія заявляла: «да и помянутого провинціалъ-фискала Блаженкова съ начала росписанія губерніи въ приписныхъ къ Кіеву городахъ не бывало и въ которой провинціи или городѣ обрѣтался и нынѣ гдѣ обрѣтается, о томъ въ Кіевской Губернской Канцеляріи никакова извѣстія не имѣется».

А. А.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Е. Тимченко. *Русско-малороссійскій словарь. Т. I. А—О. Кіевъ, 1897.*

Передъ нами довольно объемистый 1-ый томъ „Русско-малороссійскаго словаря“ Е. Тимченка, являющійся новымъ вкладомъ въ словарную литературу Украйны. Прежде всего приходится замѣтить, что въ этой литературѣ, начиная отъ Котляревскаго, недостатка у насъ не было, хотя выходившіе украинскіе словари являлись иногда похожими больше на словарные опыты. Это обстоятельство, принимая во вниманіе немалый срокъ существованія украинской національной идеи, положительно печально, такъ какъ словарная работа является однимъ изъ цѣннѣйшихъ продуктовъ нашего народничества. И этотъ печальный фактъ долженъ стать урокомъ для всѣхъ народниковъ, которые пожелали бы послужить родинѣ хоть составленіемъ словаря. Приступая поэтому къ составленію словаря, каждый лексикографъ Украины долженъ, конечно, представить себѣ ясно состояніе предшествовавшихъ ему продуктовъ лексикографіи и постараться восполнить тѣ существенные пробѣлы, которые тамъ замѣчаются. То-же требованіе приложимо, конечно, и къ г. Тимченку, какъ человѣку, судя по двумъ изданіямъ его словаря, настоятельно преслѣдующему лексикографическія цѣли и сознающему, очевидно, важность изданія украинскаго словаря. Но какъ-же г. Тимченко выполнилъ свою задачу и что представляетъ изъ себя продуктъ его работы? Основными чертами каждаго научнаго словаря, кромѣ правильной пе-

редачи значенія словъ, являются слѣдующіе два признака: 1) полнота лексическаго матеріала и 2) аргументированіе послѣдняго образцами, взятыми изъ народной поэзіи или изъ произведеній писателей, знатоковъ духа народнаго языка. Обращаясь ко всѣмъ существовавшимъ до г. Тимченка украинскимъ словарямъ, мы можемъ безошибочно сказать, что первое условіе научности не соблюдено ни однимъ изъ словарей, за то второе выполнялось уже въ 60-хъ годахъ Шейковскимъ и въ настоящее десятилѣтіе поучительнымъ образомъ проводится составителями словаря подъ редакціей г. Науменка: въ этомъ отношеніи послѣдній словарь является образцовымъ [1]). Имѣя въ виду названный историческій недостатокъ, равно какъ и достоинство старой украинской лексикографіи, завѣщанной ею новой, легко сообразить, чѣмъ долженъ быть трудъ современнаго составителя украинскаго словаря, слѣдовательно—и г. Тимченка.

Отвѣчая запросу современныхъ національныхъ стремленій, еще въ 1893 г. гг. Уманецъ и А. Спилка издали во Львовѣ большой украинскій словарь, гдѣ, кромѣ неточной подчасъ передачи значенія словъ [2]), является на лицо яркое невыполненіе обоихъ условій словарной научности. Словарь Уманца и Спилки могъ, значитъ, послужить отрицательнымъ примѣромъ для всякаго будущаго лексикографа, который, даже пользуясь формально названнымъ трудомъ, долженъ былъ-бы реформировать его въ двухъ направленіяхъ: въ смыслѣ полноты матеріала и аргументированія послѣдняго. Это нужно было сдѣлать и г. Тимченку, и этого, къ сожалѣнію, онъ и не сдѣлалъ. Не всегда вѣрно передавая оттѣнокъ значеній русскаго слова, словарь г. Тимченка прежде всего отличается неполнотой, которую впрочемъ, мы не ставимъ въ большой упрекъ автору, создавшему свой трудъ единоличными усиліями. Тѣмъ не менѣе, принимая во вниманіе послѣднее, оправдывающее г. Т—ка обстоятельства, мы можемъ сдѣлать другой болѣе серьезный упрекъ, стоящій въ связи съ неполнотой даннаго словаря. Упрекъ нашъ заключается въ томъ, что къ своему предмету г. Т—ко отнесся не съ надлежащимъ вниманіемъ: жалуясь въ предисловіи на недостатокъ бывшаго у него въ рукахъ лексическаго матеріала, г. Т—ко совершенно, однако, не исчерпалъ

---

[1]) Чѣмъ явится въ цѣломъ словарь подъ редакціей г. Науменка, сказать пока нельзя, ибо напечатана въ приложеніяхъ къ „Кіевской Старинѣ" только одна микроскопическая его часть.

[2]) Словарь этотъ „росийсько-украінський".

и того матеріала, который находился у него въ рукахъ. Лучше всего можно это замѣтить на сличеніи систематизированнаго уже лексическаго матеріала, т. е. предыдущихъ словарей, съ трудомъ г. Т—ка. Послѣдній, напримѣръ, совершенно игнорировалъ словарь Пискунова, являющійся въ лексическомъ отношеніи столь-же, если не болѣе, цѣннымъ, какъ и всѣ прочіе украинскіе словари. Не ставя г. Т—ку въ минусъ того, что онъ многаго не взялъ изъ словаря Уманца, матерьялъ котораго не разъ является сомнительнымъ, мы не понимаемъ, почему нашъ лексикографъ опустилъ не мало словъ изъ словаря Шейковскаго, изъ документированнаго матерьяла Левченка и, наконецъ, даже изъ образцовъ словаря „Кіев. Старины“ [1]).

Непонятнымъ пробѣломъ въ количествѣ лексическаго матеріала является также пропускъ многихъ словъ, принадлежащихъ языку австро-венгерской Украины: вводя вообще подобныя слова, почему однимъ изъ нихъ давать преимущество передъ другими?

Немало погрѣшилъ г. Т—ко и противъ второго условія научной лексикографіи—именно въ отношеніи аргументированія своего матеріала. Изрѣдка только указывая на серьезный источникъ, авторъ словаря вполнѣ идетъ, такимъ образомъ, по стопамъ своего преемника—Уманца и совершенно не слѣдуетъ научному образцу составителей словаря Кіев.-Старины. Игнорированіе этой стороны дѣла очень умаляетъ достоинства труда г. Т—ка, труда вообще цѣннаго. Чѣмъ руководился въ данномъ случаѣ г. Т—ко, — совершенно непонятно, ибо никакія теоретическія и практическія соображенія подобнаго промаха не оправдываютъ. Главное условіе научнаго труда, удовлетвореніе требованіямъ научнаго скептицизма, въ отношеніи словаря г. Т—ка отсутствуетъ, такъ какъ для массы словъ его матеріала вполнѣ имѣетъ мѣсто вопросъ,—да откуда-же они, эти слова, взяты? Разумѣется, г. Т—ко для большинства приводящихъ въ недоумѣніе словъ можетъ,—мы въ этомъ не сомнѣваемся,—подыскать и указать соотвѣтствующій литературный источникъ, но вѣдь дѣло не въ этомъ: для г. Т—ка должно было быть важнымъ, чтобы его трудъ самъ опровергалъ всякія недоумѣнія, а не заставлялъ дѣлать вполнѣ законныя сомнѣнія. Тѣмъ болѣе послѣднія основательны, что самъ г. Тимченко одни литературныя

---

[1]) Всѣ наши положенія мы готовы, въ случаѣ нужды, аргументировать точными данными.

слова бралъ въ свой словарь, другихъ не бралъ, дѣйствуя въ данномъ случаѣ вполнѣ произвольно. Но, поступая такимъ образомъ, онъ просто лишилъ науку возможности рѣшить вопросъ, насколько основательно пропущены имъ одни слова и насколько прочно значеніе введенныхъ имъ въ словарь другихъ неологизмовъ. Быть можетъ, что г. Т-комъ опущены настоящія лексическія драгоцѣнности? Отсутствіе ссылокъ на источники и полноты синонимовъ ставитъ на этотъ счетъ критику словаря г. Т-ка въ довольно затруднительное положеніе. Устойчивость словаря г. Т-ка и возможность полнаго довѣрія къ нему уменьшаются еще и потому, что г. Т-комъ, какъ мы увѣрены на основаніи данныхъ его же труда, введены въ послѣдній слова собственнаго творчества. Мы отнюдь, разумѣется, не противъ такого творчества и относимся къ нему съ полнымъ почтеніемъ, но вѣдь нужно-же г. Т-ку бояться, чтобы о его трудѣ не сказали, что это словарь не украинскаго языка, а языка г. Тимченка,—чего мы лично, понятно, не говоримъ! Намъ кажется неудобнымъ введеніе въ словарь самостоятельно созданныхъ словъ, безъ указанія на это, совершенно по другой причинѣ, именно по слѣдующей. Судя по морфологіи приводимыхъ г. Т-комъ неологизмовъ, очень часто представляющихъ аляповатую передѣлку словъ великорусскихъ—явленіе очень печальное,—мы можемъ рѣшительно утверждать, что многія слова, созданныя г. Т-комъ, совершенно безжизненны и введенія въ словарь такъ-же мало достойны, какъ и выброшенныя имъ самимъ слова, вродѣ, напримѣръ «згукъ» (звукъ) и т. п. Мы убѣждены, что многія свои слова г. Т-ко вполнѣ замѣнилъ-бы соотвѣтствующей народной лексикой, если-бы только порылся въ ней поглубже, а при такомъ положеніи дѣла легко можно ввести въ обманъ и новичковъ въ нашемъ литературномъ дѣлѣ, и ужъ, разумѣется, представителей другихъ націй, которые все могутъ принимать въ словарѣ г. Т-ка за чистую украинскую монету. Мало похвальнымъ является и тотъ пріемъ г. Т-ка, въ силу котораго онъ иногда ссылается на неаргументированный матерьялъ другихъ лексикографовъ. Скептикъ въ данномъ случаѣ столь-же мало довѣритъ различнымъ авторамъ словарей, какъ г. Т-ку, поэтому ихъ свидѣтельства опять таки будутъ мало внушительны. И этотъ грѣхъ г. Т-ка, какъ и другіе его грѣхи данной категоріи, возникли именно въ силу выпуска его словаря безъ фирмы народной поэзіи или художественныхъ авторитетовъ.

Указавъ недостатки словаря г. Т-ка, мы отнюдь, конечно, не думаемъ умалять достоинствъ этого труда, вызваннаго требованіями жизни. Пользуясь имъ нѣсколько осторожно, знакомые болѣе или менѣе съ украинскимъ языкомъ найдутъ тамъ несомнѣнно богатые матеріалы, ибо настоящій словарь является во всякомъ случаѣ единственнымъ въ своемъ родѣ по сравнительно большой полнотѣ и обстоятельности. Сравниться съ нимъ въ этомъ отношеніи не можетъ ни одинъ изъ существующихъ нынѣ украинскихъ словарей; поэтому рекомендовать его вполнѣ возможно. Особенно важной, даже настоятельной книгой долженъ онъ явиться для украинскихъ писателей: выросши на почвѣ русской, они прекрасно должны понимать состояніе своего собрата по перу, когда ему нужно передать оттѣнки изображенія, особенно при переводахъ, въ формахъ украинской рѣчи. Въ этомъ смыслѣ словарь г. Т—ка имѣетъ несомнѣнное, если не прямое, то наводящее на мысль значеніе, и даже за это одно, помимо всего прочаго, мы должны искренно пожелать ему возможно большаго распространенія!

И. Стешенко.

Василій Ляскоронскій. *Иностранные карты и атласы XVI и XVII вв., относящіеся къ Южной Россіи.* Изслѣдованіе. Кіевъ, 1898. Стр. 22+4 листа картъ. In fol.

Въ настоящемъ трудѣ изданы, по англійскимъ копіямъ Мозеса Питта, карты извѣстнаго французско-польскаго инженера XVII. в. Боплана: 1) генеральная—Украины,—и спеціальныя: 2) Брацлавщины, 3) Покутья и 4) Подоліи.

Въ предисловіи авторъ даетъ перечень и краткое описаніе картъ Южной Россіи, разсмотрѣнныхъ имъ въ Кенигсбергѣ и Парижѣ.

Болѣе подробно описаны изданія генеральной карты Боплана, исполненныя Гондіусомъ въ Данцигѣ и затѣмъ Питтомъ въ Англіи.

На основаніи этой карты авторъ съ нѣкоторой запальчивостью оспариваетъ мнѣніе г. А. Лазаревскаго о пустынности Посулья въ началѣ второй половины XVI в.

Если взять во вниманіе, что матеріалы для карты Боплана собирались послѣ 1630 г., и что подробной карты кіевскаго воеводства у автора подъ рукой не было, то, кажется, столь категорическія утвержденія едва-ли могутъ быть признаны убѣдительными безъ дальнѣйшихъ доказательствъ и разслѣдованій. Но этого мало. Самое достоинство генеральной карты Боплана въ исполненіи Гондіуса возбуждаетъ сомнѣнія. 11 іюля 1651 г. съ Гондіусомъ видѣлся въ Данцигѣ шведскій дипломатическій агентъ Майеръ, путешествовавшій въ 1650 г. въ Крымъ, а въ слѣдующемъ году возвращавшійся обратно. Первымъ долгомъ Майеръ указалъ Гондіусу на errores въ его малой картѣ Украины. Гондіусъ объяснилъ, что разспрашивалъ многихъ поляковъ, посѣщавшихъ эти мѣста, но никто изъ нихъ не могъ дать ему никакихъ свѣдѣній на этотъ счетъ (Дневникъ Майера, хранящійся въ шведскомъ гос. архивѣ, отд. *Tatarica*).

Мнѣ кажется, поэтому, что самая метода работы Боплана требовала-бы еще подробнаго изученія.

Нельзя не выразить автору благодарности за его въ высшей степени добросовѣстное и полезное изданіе, которое должно облегчить поиски изслѣдователей южно-русской исторической географіи.

Н. М.

Józef Dunin Karwicki. *Ze starego autoramentu.* Typy i obrazki wołyńskie Warszawa, 1899. Стр. 249.

Въ живыхъ, безпритязательныхъ очеркахъ авторъ даетъ рядъ характеристикъ, типовъ и воспоминаній изъ волынской крѣпостной эпохи: это галлерея портретовъ людей стараго закала изъ шляхетской среды—наполеоновцы, крѣпостники, прихлебатели, ханжи, оффиціалисты, „балагулы" и т. д. Конечно, новаго тутъ мало; мемуарная польская литература разработала этотъ сюжетъ даже съ нѣкоторою роскошью. Дѣло понятное, что всѣ люди стараго поколѣнія представляются автору въ какомъ-то грустно-поэтическомъ и симпатичномъ освѣщеніи, но именно это освѣщеніе представляетъ грустный оптическій обманъ. Правда, авторъ не скрываетъ отъ себя, что почва, на которой выросли эти поэтическіе цвѣты, была довольно безплодная, но онъ пытается найти смягчающія обстоятельства: если мужикамъ

у польскихъ владѣльцевъ приходилось круто, то виноваты были главнымъ образомъ оффиціалисты и суровые законы, словомъ, время было такое—объясненіе, конечно, очень удобное. Но авторъ въ своихъ объясненіяхъ явно увлекается. Сваливая всѣ неприглядныя дѣла эпохи на панскихъ оффиціалистовъ, авторъ даже выдумываетъ пословицу яко-бы сложенную мужиками: Богъ высоко, панъ далеко (стр. 59), которая будто-бы доказываетъ, że lud zawsze bardziej polegał na sprawedliwości samego dziedzica. Далѣе, авторъ серьезно утверждаетъ, że gromady włościańskie szanowały, a nawet kochały panów, choć surowych, lecz wzorowo sprawiedliwych, и т. п. Такія и подобныя разсужденія несомнѣнно показываютъ, что нашъ авторъ черпаетъ воспоминанія изъ эпохи, когда самъ онъ находился въ моментѣ жесточайшей иллюзіи, въ каковой и донынѣ остается. Авторъ легко могъ-бы подновить свои воспоминанія и привести ихъ въ надлежащую ясность, позанявшись въ какомъ-нибудь провинціальномъ правительственномъ архивѣ. Я не сомнѣваюсь, что въ такомъ случаѣ онъ предпочелъ-бы ограничиться фактическими справками, избѣгая рискованныхъ общихъ характеристикъ: тогда и оффиціалисты получили-бы надлежащее мѣсто, и всѣ нѣжно-поэтическіе крѣпостные цвѣтки увяли-бы.

Съ этой оговоркой, книжка г. Дунина-Карвицкаго можетъ быть прочтена не безъ интереса.

Н. М.

А. Я. Кониссній. *Жизнь украинскаго поэта Тараса Григорьевича Шевченка.* Критико-біографическая хроника. Съ портретами Т. Г. и его друзей и видами хаты и могилы его. 1814—1861. Одесса, 1898. (Стр. 728. Ц. 1 р. 75 к.).

По мнѣнію автора, для написанія біографіи такой выдающейся личности, какъ Т. Г. Шевченко, вышедшей изъ темной закрѣпощенной массы «мужиковъ», тѣмъ болѣе для оцѣнки его произведеній въ связи съ исторіей культуры—у насъ еще не настало время. Поэтому, настоящая книга—лишь опытъ критическаго изслѣдованія того біографическаго матеріала о Шевченкѣ, который въ продолженіе 37-ми лѣтъ появлялся въ русской и иностранной печати и который все-

таки далеко еще не весь опубликованъ. Авторъ не считалъ возможнымъ касаться критическаго анализа произведеній Шевченка, во-первыхъ, потому, что такой работѣ долженъ предшествовать особый трудъ, изображающій исторію творчества поэта; во-вторыхъ, потому, что лучшія произведенія Шевченка, какъ «Кавказъ», «Марія» и др., у насъ еще не были напечатаны, а потому и разбирать ихъ критически неудобно во всѣхъ отношеніяхъ. Наконецъ, для полной біографіи Шевченка недостаетъ еще и фактическаго матеріала, хранящагося въ архивахъ Кіева, Петербурга и Оренбурга, да и вообще не настало еще время для всесторонняго, подробнаго описанія жизни поэта.

Авторъ строго придерживается намѣченныхъ такимъ образомъ рамокъ, видимо избѣгаетъ широкихъ характеристикъ и общихъ выводовъ, стремясь дать читателю критически сведенный матеріалъ біографическій. Рѣдкое знакомство съ литературой предмета, значительное количество использованнаго неизданнаго матеріала, удовлетворительно исполненные многочисленные портреты и снимки, наконецъ, хорошій языкъ изложенія—все это дѣлаетъ новую книгу г. Кониескаго весьма цѣннымъ пріобрѣтеніемъ въ литературѣ о малорусскомъ поэтѣ. Если нѣкоторые частные выводы автора и могутъ представляться спорными, то въ книгѣ читающій найдетъ достаточно матеріала для самостоятельнаго сужденія, а ссылки на источники облегчатъ самостоятельные поиски для интересующихся предметомъ.

Признавая крупную заслугу автора, столь много потрудившагося надъ изученіемъ біографіи Шевченка, нельзя не пожелать, чтобы настоящая книга послужила основаніемъ для сокращеннаго, популярнаго разсказа о трагической судьбѣ поэта, такъ тѣсно связанной съ условіями его эпохи.

Н. М.

Обзоръ изданій разныхъ обществъ естествоиспытателей. *Труды общества естествоиспытателей при Харьковскомъ университетѣ 1897 г. т. XXXI.*

М. Алексенко. Лиственные мхи (Musci frondosi) сѣверной части Харьковской губ. и смежныхъ уѣздовъ Курской губ. Райономъ изслѣдованій автора была долина р. Псла, окрестности м. Лебедына, съ

характерными смѣшанными лѣсами, отчасти на песчаной, отчасти на торфяной почвѣ, окрестности Нижней Сыроватки, сумскаго уѣзда, долины рр. Сейма и Клевани, рыльскаго и путивльскаго уѣздовъ. Такъ какъ флора мховъ Россіи изучена мало, то авторъ не дѣлаетъ выводовъ про ихъ географическое распространеніе въ зависимости отъ геоклиматическихъ данныхъ. Онъ только даетъ списокъ съ указаніемъ мѣста и субстрата, гдѣ было растеніе найдено, а также времени его плодоношенія. Списокъ составленъ по системѣ Limpricht'а. Г. Алексенку удалось найти довольно рѣдкія формы, какъ напр. Dicranella heteromalla Sch. Philonotis fontana Br., Fontinalir hypnoides Hort.

А. Потебня. Къ вопросу о exobasidium vitis Prillieux. Авторъ первый констатировалъ этотъ грибокъ на виноградникахъ Мелитопольскаго уѣзда и въ своей статьѣ подробно описываетъ его.

А. Скориковъ. Матеріалы для изученія распредѣленія безпозвоночныхъ животныхъ въ р. Удахъ. Распространеніе фауны безпозвоночныхъ и жизнь ихъ въ рѣкахъ—совершенно неразработанный вопросъ; авторъ посвящаетъ ему свой трудъ; кромѣ того онъ выясняетъ распредѣленіе этой фауны на различной глубинѣ.

А. Скориковъ. Списокъ Thysanura окрестностей Харькова.

Тимоѳеевъ. Списокъ многоножекъ (myriapoda) г. Харькова и его окрестностей.

В. Таліевъ. Къ вопросу о реликтовой растительности ледниковаго періода. Авторъ указываетъ, что въ вопросѣ объ остаткахъ растительности ледниковаго періода обыкновенно упускаютъ изъ вида дѣйствіе одного важнаго фактора—вліяніе на растительность человѣка. Литвиновъ и Красновъ въ своихъ работахъ высказываютъ мнѣніе, что Уралъ, среднероссійское центральное возвышеніе, Волго-Донской водораздѣлъ, Донецкій кряжъ представляютъ изъ себя мѣста, гдѣ сбереглась in situ растительность со временъ ледниковаго періода. Они основываютъ это мнѣніе главнымъ образомъ на совмѣстномъ существованіи сосны и растеній, которыя по біологическому и систематическому характеру относятся къ субъальпійской флорѣ. Но по мнѣнію автора эта совмѣстность есть продуктъ современной эпохи. Реликтовой растительностью, по автору, нужно считать хвойные лѣса, но не мѣловую растительность, такъ какъ хотя послѣдняя вездѣ побѣждаетъ своего конкурента—лѣсную формацію, но только потому, что ее также уничтожаетъ и человѣкъ. Еслибъ этихъ конкурентовъ

предоставить самимъ себѣ, то побѣда осталась бы за лѣсомъ. Значитъ, вѣроятнѣе всего, что и во время ледниковаго періода вездѣ господствовалъ лѣсъ, остатки котораго существуютъ теперь только по отдѣльнымъ мѣстамъ.

Въ концѣ XXXI тома находится указатель статей, помѣщенныхъ въ трудахъ, содержаніе ихъ найбольше относится къ природѣ Малороссіи.

Записки Кіевскаго общества естествоиспытателей т. XIV 1897 г.

Радкевичъ. Библіографическій указатель литературы по геологіи губерній Кіевскаго учебнаго округа: Кіевской, Волынской, Подольской, Черниговской и Полтавской.

Кудрицкій. Климатъ Коростышева. Статья заключаетъ въ себѣ метеорологическія наблюденія Коростышевской учительской семинаріи 1883—1892 г.

Лукьяновъ. Списокъ пауковъ (araneina, Pseudoscorpionia, Phalangina), водящихся въ юго-западномъ краѣ и смежныхъ съ нимъ губерніяхъ Россіи.

Записки Новороссійскаго общества естествоиспытателей т. XXI. 1897 г.

Куликовскій. Матеріалы для фауны Coleoptera Южной Россіи. Авторъ для своей работы пользовался не только собственнымъ матеріаломъ, но еще 50 чужими коллекціями. По изслѣдованіямъ г. Куликовскаго, общее число coleoptera южной Россіи достигаетъ 2000.

Записки Императорскаго Общества сельскаго хозяйства Южной Россіи. Одесса, 1897 г. 12 книж. Въ этихъ запискахъ помѣщено нѣсколько статей, которыя рисуютъ правовыя и экономическія отношенія крестьянъ между собою, напр. *Олексенко* «Народное обычное право въ общинномъ землевладѣніи Бердянскаго уѣзда Таврич. губ.», *Осадчій* «Крестьянское и товарищеское землевладѣніе въ Херсонской губ.», *Осадчій* «Крестьянское землепользованіе въ Херсонской губ.». Помѣщена здѣсь также статья, рисующая экономическія отношенія между крестьянами и другими сословіями — Гальперина. Краткая характеристика способовъ аренды земли и испольщины въ Херсонской губ., наконецъ докладъ о земледѣльческихъ артеляхъ въ Херсонской губ.

Остальныя статьи носятъ спеціальный характеръ и относятся къ шелководству, виноделію, садоводству, посвящаются описанію различныхъ болѣзней винограда и т. п. Наконецъ теоретическая часть содержитъ въ себѣ нѣсколько переводныхъ статей.

Труды С.-Петербургскаго Общества естествоиспытателей Т. XXVII 1897 Отдѣленіе ботаники.

Пачоскій. Флора Полѣсья и прилежащихъ мѣстностей. Изслѣдованія автора захватываютъ губерніи: Могилевскую, Минскую, часть Волынской, Радомысльскій уѣздъ Кіевской, сѣверо-западную часть Черниговской. Авторъ, кромѣ пересчитыванія мѣстностей, гдѣ растетъ на Полѣсьѣ каждое растеніе, указываетъ еще географическое распространеніе даннаго вида по Европѣ.

Ѳедосѣевъ. Къ флорѣ Полѣсья. Авторъ собралъ 432 вида растеній около г. Ровно и нашелъ, что флора этихъ мѣстъ не отличается отъ флоры остального края. Передъ спискомъ растеній авторъ приводитъ найболѣе характерныя растенія для лѣсовъ, озеръ, балокъ и т. д.

А. Черняховскій.

Новыя малорусскія книги.

Недавно появились въ продажѣ слѣдующія книжки на малорусскомъ языкѣ:

1. *Иванъ Тобилевичъ (Карпенко-Карый).* Розумный и дурень. Комедія въ 5 діяхъ. 72 стр. 16°. Цѣна 8 коп. Черкассы, 1898.

2. *Иванъ Тобилевичъ (Карпенко-Карый).* Сто тысячъ. Комедія въ 4 діяхъ. 75 стр. 16°. Цѣна 8 коп. Черкассы, 1898.

3. *Дмытрій Васылёвычъ Кулида.* Лирни творы 1890—1897 року, частына перша. 38 стр. 16°. Цѣна 30 коп. Кременчугъ, 1898.

4. *Грыцько Грыгоренко.* Наши люды на сели. I—Сватання, II—Ось яка сторія. 45 стр. 8°. Цѣна 15 коп. Юрьевъ, 1898.

О первыхъ двухъ книжкахъ, т. е. о комедіяхъ г. Тобилевича, мы не считаемъ нужнымъ говоритъ въ этой замѣткѣ ничего: намъ интересно только отмѣтить фактъ выхода этихъ двухъ книжекъ въ

дешевомъ изданіи, которое съ симпатіей встрѣчено будетъ не только интеллигентнымъ читателемъ, но и простолюдиномъ. Этотъ послѣдній чрезвычайно любитъ читать драматическія произведенія, но вслѣдствіе высокихъ цѣнъ на собраніе сочиненій нашихъ лучшихъ малорусскихъ драматурговъ, читаетъ пока бездарныя произведенія гг Винниковыхъ, Бораковскихъ, Ванченковъ и проч. Года полтора назадъ изданъ былъ дешевымъ изданіемъ водевиль г. Кропивницкаго «По ревизіи»; изданіе выпущено было въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ, а между тѣмъ въ настоящее время трудно уже добыть хотя бы одинъ экземпляръ. Не мало расходится ежегодно и «Наталки Полтавки» Котляревскаго, а все это подтверждаетъ мысль о томъ, что въ сельскомъ быту есть интересъ къ чтенію подобныхъ изданій. Можно сказать съ увѣренностью, что точно такъ-же встрѣчены будутъ читателями и комедіи г. Тобилевича, одного изъ самыхъ выдающихся драматурговъ и артистовъ на малорусской сценѣ.

Подъ третьимъ номеромъ помѣчены у насъ «лирни (лирични) творы» г. Кулиды. Творы эти отличаются нѣкоторой новизной, не только потому, что авторъ ихъ впервые выступаетъ въ литературѣ, но и потому, что съ перваго же шага обставляетъ себя оригинальными предосторожностями: на первыхъ страничкахъ своей брошюры онъ печатаетъ: «каждый экземпляръ, не имѣющій собственноручной подписи издателя и его печати, считается поддѣльнымъ и *преслѣдуется по закону»*. И дѣйствительно, далѣе слѣдуетъ собственноручная подпись «Д. Кулида» и каучуковый штемпель съ изображеніемъ лиры, лавроваго вѣнка и «Д. В. Кулида». Интересно только знать, какъ это г. Кулида будетъ *преслѣдовать по закону экземпляръ*!

Что-же представляютъ изъ себя эти творы? Расположены они въ книжкѣ въ хронологическомъ порядкѣ и датированы мѣстомъ творчества, вслѣдствіе чего читатель наглядно видитъ, что г. Кулида въ теченіе восьми лѣтъ переживалъ, или вѣрнѣе пережилъ, 43 вдохновенія, при чемъ 36 вдохновеній посѣтили его въ городѣ Кременчугѣ, а 7—въ другихъ мѣстечкахъ и селахъ. Но это сторона внѣшняя; что же касается стороны внутренней, т. е. поэтическихъ красотъ и содержанія «лирнихъ творивъ», то, говоря по совѣсти, поддѣлывать экземпляры изданія ихъ никто не захочетъ, т. к. они не только блещутъ полнымъ отсутствіемъ таланта, но просто-таки, въ смыслѣ поэзіи, безграмотны.

Вотъ небольшія выписки:

До брата (стр. 15)

Видчыны виконце, може я засну,
Може соловейко мени заспива,
Може свое горе я перенесу,
Може мылый облыкъ знову побачу я» и т. д.

Или «У-ранци» (стр. 23). Стихотвореніе это есть образецъ аляповатости.

Зъ дымаривъ поднявся дымъ (бо бабы
Затопылы пички), у садку
Заспивала «соловейка» Галя,
За садкомъ—пидтягуе Васыль,
(Бравый хлопецъ, тилько що вернувся
Зъ москаливъ).... Рябко уже проснувсь
И гоняе поросятъ по шляху;
Въ барлози кабанчыкъ розвернувсь,
И пышается, и стогне бидный,
На перыни наче виддыха
Винъ писля обиду, й поросятко
Гарне та биленьке улиза
У барлигъ; побачившы тамъ батька,
И соби рядкомъ пишло,—лягло,
Хрюкае, видкынуло свій хвостыкъ,
И маленьки нижкы протягло и т. д.

Да не прогнѣвается г. Кулида, что я позволю себѣ отступить отъ принятой имъ хронологіи и закончу замѣтку о его лирныхъ творахъ его же стихотвореніемъ, помѣщеннымъ на первой страницѣ книжки, какъ девизъ автора; вотъ оно:

Браты, даремне хлибъ не йіжте!
(Цёго зъ васъ кожный не забудь).
Зробы богато хто зъуміе,
А то—зробы хоть що пибудь.

Лучше ужъ ничего не дѣлать, чѣмъ писать такіе стихи!

Теперь перейдемъ къ послѣдней брошюркѣ.

Книжка г. Григоренка—«наши люды на сели» хотя и раздѣлена на два разсказа: «Сватання» и «Ось яка сторія», но въ сущности она не представляетъ собою двухъ разсказовъ съ извѣстной округленностью и выдержанностью,—это, скорѣе всего, рядъ небольшихъ

сценокъ, картинокъ, или набросковъ изъ жизни малорусскаго народа. Если отбросить на этомъ основаніи всякія заглавія и разсматривать данную брошюру, какъ небольшой сборникъ набросковъ изъ народной жизни, то мы несомнѣнно найдемъ въ ней и слѣды незаурядной наблюдательности автора, и близкое знакомство его съ народной жизнью и, наконецъ, способность изображать короткими штрихами интересныя и вполнѣ правдоподобныя картинки. Если книжка «Наши люды на сели» первая проба пера г. Грыгоренка, то она указываетъ на несомнѣнную талантливость автора, и можно ожидать, что изъ подъ его пера будутъ являться далеко не безъинтересныя литературныя произведенія изъ жизни малорусскаго народа. Такъ напримѣръ, въ разсказѣ «Сватання» есть много мѣстъ, не только свидѣтельствующихъ о наблюдательности и знаніи авторомъ народной жизни, но отличающихся еще и простымъ, ненапыщеннымъ слогомъ, реальной правдой и ясностью описываемаго.

Поправки. Въ № 7—8, въ рецензіи В. П. „Die Kosaken von Kobeljaki" вкрались слѣдующіе недосмотры:

Стр.:	Строчка:	Напечатано:	Должно быть:
38	2 св.	купчей	куплей
—	14 —	изъ безразличной массы	изъ всей массы
—	10 сн.	желательной группы	значительной группы
39	10 св.	находится	находились
—	15 сн.	приписываемы имъ	приписываемыя имъ
—	13 —	go hilft	so hilft
40	10 сн.	„ein Band des Brutes,	„ein Band des Blutes,

ВЕРГИЛІЕВА ЭНЕИДА,

НА МАЛОРОССІЙСКІЙ ЯЗЫКЪ ПЕРЕЛОЖЕННАЯ

И. П. КОТЛЯРЕВСКИМЪ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайл. ул., д. № 4-й.
1898.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 13 іюля 1898 года.

Предисловіе.

Приступая къ изданію исправленнаго текста Энеиды, мы считаемъ своимъ долгомъ сообщить нѣсколько словъ вообще объ изданіяхъ Энеиды и о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ произошло появленіе текста здѣсь прилагаемаго. Первыя изданія Энеиды (1798 и 1808 г. г.) напечатаны черниговскимъ помѣщикомъ Парпурой,—который, судя по свидѣтельству одного изъ друзей автора и самого автора, попросилъ у Котляревскаго три ея первыя части для прочтенія и безъ его вѣдома издалъ ихъ. Объ этомъ казусѣ въ „Біографическомъ очеркѣ Котляревскаго", написанномъ однимъ знакомымъ автора, Стеблиномъ-Каминскимъ, и напечатанномъ въ №№ 46 и 47 Полтавскихъ Вѣдомостей за 1866 г., читаемъ мы слѣдующее:—„Замѣчательно слѣдующее обстоятельство: лицо, напечатавшее Энеиду, безъ соизволенія автора, былъ нѣкто Парпура, помѣщикъ Черниговской губ.; раздосадованный авторъ, въ отмщеніе за похищеніе его собственности, въ описаніи ада, въ 3-й части Энеиды, прибавилъ нарочито нѣсколько энергическихъ стиховъ, ясно указывающихъ на неблаговидный поступокъ самозванца издателя:

„Якусь особу мацапуру.
Тамъ шкварылы на шашлыку;
Горячу мидь лылы за шкуру
И роспыналы на быку:
Натуру мавъ винъ дуже брыдку,
Крывывъ душею для прыбытку,

Чужее отдававъ въ печать;
Безъ сорома, безъ Бога бувши,
И восьму заповидь забувши,
Чужимъ пустывся промышлять".

Изъ этой строфы видно, что Парпура выдалъ Энеиду за собственное произведеніе, выпросивъ у довѣрчиваго автора только переписать" — [1]).

И самое качество изданій (1798 и 1808 г.) Парпуры вполнѣ соотвѣтствуетъ неблаговидному мотиву ихъ напечатанія: оно отличается крайнею небрежностью, частымъ непониманіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ рукописи и самовольной передѣлкой и, кромѣ того, частыми типографскими ошибками. Наконецъ, въ немъ, какъ въ неисправленномъ изданіи, отражается вся сущность черновой работы поэта: мѣстами неточность выраженій, часто непоэтичность, нехудожественность,—словомъ слабость отдѣлки,—свойственная первоначальнымъ наброскамъ работы. Слѣдующее изданіе было въ 1809 году,—оно было выпущено самимъ авторомъ и напечатано на счетъ полтавскаго помѣщика Семена Михайловича Кочубея, которому и было посвящено. Объ этомъ свидѣтельствуетъ тотъ-же біографъ И. П. Котляревскаго.—„Исправивъ три части и написавъ четвертую, Котляревскій посвятилъ свой трудъ полтавскому помѣщику Семену Михайловичу Кочубею, иждивеніемъ котораго была напечатана Энеида, въ 4-хъ частяхъ, въ С.-Петербургѣ, въ 1809 г., съ добавленіемъ къ ней, въ концѣ книги, краткаго малороссійскаго словаря съ переводомъ и обозначеніемъ словъ по-русски".—Какъ просмотрѣнное и исправленное самимъ авторомъ, оно исключаетъ недостатки предыдущихъ изданій и можетъ смѣло назваться образцовымъ. Многія

---

*) Соглашаясь, что этотъ поступокъ дѣйствительно некрасивъ, мы должны отмѣтить одну неточность въ свидѣтельствѣ Стеблинъ-Каминскаго, которая далеко уменьшаетъ вину Парпуры. Стеблинъ-Каминскій самаго изданія Парпуры не видалъ, о чемъ онъ и упоминаетъ въ своемъ очеркѣ, между тѣмъ въ одномъ изъ этихъ изданій—1808 г. именно и напечатано въ заглавіи,—что Энеида перелицована *Котляревскимъ*,—поэтому главное обвиненіе, падающее на Парпуру въ томъ, что онъ выдалъ Энеиду за собственное произведеніе, должно рухнуть совершенно.

мѣста передѣланы, стихъ сглаженъ,—словомъ Энеида была, такъ сказать реставрирована отъ тѣхъ руинъ, въ которыя была приведена Парпурой. Слѣдующее изданіе Энеиды было выпущено въ свѣтъ въ 1842 г., уже послѣ смерти автора. О подробностяхъ этого изданія Стеблинъ-Каминскій говоритъ (въ № 47 Полт. Вѣд. за 1866 г.) слѣдующее: — „окончивъ 5 и 6 части, около 1824 и 25 годовъ, онъ только незадолго до смерти передалъ право напечатанія всѣхъ частей Энеиды (за 2 т. руб. ассиг.) надворному совѣтнику Волохинову, который и напечаталъ ее въ Харьковѣ только въ 1842 г.“—Это изданіе также можно назвать вполнѣ удачнымъ,— не уступающимъ изданію 1809 г., хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и можно замѣтить своеволіе издателя, исправлявшаго стихи, казавшіеся ему циничными. Послѣдующія изданія, предпринимаемыя начиная съ 1862 г. Кулишомъ, Катрановымъ и др., не представляютъ ничего особеннаго, потому мы объ нихъ и не станемъ говорить.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ объ установленіи нами настоящаго текста.

При повѣркѣ текстовъ всѣхъ важнѣйшихъ изданій Энеиды, мы къ сожалѣнію не имѣли самой рукописи И. П. Котляревскаго, которая изъ Импер. Публичной библіотеки исчезла неизвѣстно куда. По необходимости мы должны были пользоваться по крайней мѣрѣ тѣми печатными экземплярами Энеиды, которыя могли найти. Но и здѣсь мы потерпѣли маленькую неудачу, хотя и мелочную и для полноты дѣла не представляющую ущербъ, а именно: мы совершенно не могли достать изданія 1798 г., безъ котораго и произошла наша свѣрка текстовъ. Для этой послѣдней мы воспользовались изданіями 1808, 1809 и 1842 годовъ, не трогая позднѣйшихъ, которыя являются сколками, а иногда и весьма неудачными исправленіями одного изъ текстовъ перечисленныхъ изданій.

Существенными прототипами намъ послужили изданія 1809 и 1842 г.—первое потому, что исправлено и затѣмъ издано самимъ авторомъ,—второе издано также опытной рукой и притомъ, очевидно, редактировано согласно съ текстомъ самой рукописи. Помимо этого, упомянутыя изданія важны въ томъ отношеніи, что они въ сущности

составляютъ одинъ текстъ или дополняютъ одно другое,—такъ какъ въ изданіи 1809 г. находится только четыре части Энеиды, а остальныя двѣ находятся именно въ изданіи 1842 г. Свѣрять, собственно говоря, приходилось только 4 части—притомъ 4-ую часть только въ изданіяхъ 1809 и 1842 года, такъ какъ въ изданіи 1808 г. имѣется только три части; часть же пятая и шестая цѣликомъ взяты нами съ изданія 42 г. почти безъ всякихъ измѣненій. При повѣркѣ первыхъ 4 частей за основное изданіе принята была Энеида 1809 г., при чемъ, если въ изданіяхъ 1808 и 1842 гг. встрѣчались разночтенія, то мы брали редакцію 1809 г., болѣе вѣрную потому, что она, какъ мы уже упоминали, была санкціонирована самимъ авторомъ. Въ таблицѣ контръ-текстовъ мы отмѣчаемъ только дѣйствительныя разночтенія; и если таковыя оказываются между изданіемъ 1808 г. и съ другой стороны 1809 и 1842 гг., то мы безъ оговорки беремъ редакцію общую двумъ послѣднимъ изданіямъ, если-же разночтенія оказываются между всѣми тремя изданіями; то мы опять таки въ большинствѣ случаевъ принимаемъ редакцію 1809 г., если-же избираемъ текстъ 1842 г., то мотивируемъ это въ таблицѣ контръ-текстовъ. При указаніи разночтеній, мы пропускаемъ, разумѣется, несходныя слова или выраженія, которыя стали таковыми благодаря небрежности типографіи, и кромѣ того пренебрегаемъ въ большинствѣ случаевъ мелочными разночтеніями, вродѣ „куды“ или „куда“, „у“ или „и въ“ и т. п.,—какъ неимѣющими вліянія на полноту работы. Словарь, приложенный къ старымъ изданіямъ Энеиды, мы не считаемъ необходимымъ,—такъ какъ въ немъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ провинціализмовъ, содержатся слова, знакомыя всему малорусскому племени и трудностей для пониманія не представляющія.

ЕНЕИДА,

на малороссійскій языкъ переложенная.

ЧАСТЬ ПЕРВА.

Эней бувъ паробокъ моторный
И хлопець —хоть куды козакъ!—
Удавсь на всее зле проворный,—[1])
Завзятійшый одъ всихъ бурлакъ.
Но Грекы якъ спалывши Трою,
Зробылы зъ нею скырту гною,
Винъ, взявши торбу, тягу давъ,
Забравши де-якыхъ Троянцивъ—
Осмаленыхъ, якъ гыря, ланцивъ,
Пьятамы зъ Трои накывавъ.
Винъ швыдко поробывши човны,
На сыне море поспускавъ,
Троянцивъ насажавшы повни [2]),
И куды очи почухравъ.
Но зла Юнона, суча дочка,
Розкудкудакалась, якъ квочка,—[3])
Енея не любыла страхъ!
Давно уже вона хотила,
Его щобъ душка полетила
Къ чортамъ и щобъ и духъ не пахъ! [4])

* *
*

Еней бувъ тяжко не по серцю [5])
Юнони—все іи гнивывъ:
Здававсь гирчишымъ ій одъ перцю —
Ни въ чимъ Юноны не просывъ!
Но гиршъ за те ій не любывся,

---

[1]) На лыхо здався винъ проворный—изд. 1808 г.

[2]) Троянцивъ посадывши повни—тамъ-же.

[3]) Розкудкудакталась—тамъ-же.

[4]) У пекло щобъ и духъ не пахъ—тамъ-же.

[5]) Эней болячка бувъ Юнони,
Якъ жорна, серце ій давывъ,—
Тугійшый бо бувъ вицъ супони. . . —тамъ-же.

Що, бачышъ, въ Трои народывся [1])
И мамою Венеру звавъ
И що його покійный дядько—
Парысъ,—Прыямове дытятко,
Путивочку Венери давъ.
Побачыла Юнона зъ неба,
Що вже Эней на поромахъ...
А те шепнула сука Геба...
Юнону взявъ велыкый жахъ.
Впрягла въ грынджолята павычку, [2])
Сховала пидъ кыбалку мычку,
Щобъ не свитылася коса;
Взяла спидныцю и шнуривку
И хлиба зъ силлю на тарилку,—
Къ Эолу мчалась, якъ оса.

* *
*

—„Здоровъ Эоле, пане свату!
О! якъ ся маешъ, якъ жывешъ!"
Сказала, якъ ввійшла у хату,
Юнона—,,чи гостей ты ждешъ?"—
Поставыла тарилку зъ хлибомъ
Передъ старымъ Еоломъ дидомъ,
Сама-же сила на ослинъ.
,,Будь ласковъ, сватоньку старыку,
Избый Енея зъ пантелыку,—
Теперъ плыве на море винъ!
Ты знаешъ, винъ якый суцига,
Палывода и горлоризъ, [3])
По свиту якъ ище побига,
Чыихсь багацько вылье слизъ.
Пошлы на його лыхо злее,
Щобъ люде вси, що пры Энеи
Послызлы и щобъ винъ и самъ...
За сее-жъ дивку чорнобрыву
Смашную, гарну, уродлыву,
Тоби я, далыби, що дамъ.

* *
*

—,,Гай-гай! Ой-дей-же його кату!
Еолъ, насупывшысь, сказавъ:
Я все-бъ зробывъ за сюю плату
Та витры вси пороспускавъ:
Борей недужъ лежыть съ похмилля
А Нордъ поихавъ на весилля,
Зефиръ-же, давній негодяй,
Зъ дивчатамы заженыхався.

---

[1]) А гиршъ за те ій не злюбывся,
Що, бачъ, у Трои народывся—тамъ-же.

[2]) Кужилку кынула пидъ лаву,
Впрягла у тарадайку паву
И, кылымомъ синце заславъ,
Взяла спидныцю и шнуривку
И бублыкивъ за шагъ въ талирку,
Стругнула, де Еолъ живавъ.—тамъ-же.

[3]) Палывода и коновидъ,
По свиту якъ ище побига,
Багато винъ наробыть бидъ;
Пошлы ты въ море злую тучу;
Щобъ всю Энейську челядь сучу
Пустыть на дно изъ нымъ къ чортамъ!—тамъ-же.

А Эвръ въ поденщики нанявся; [1])
Якъ хочешъ такъ и помышляй!
Та-вже для тебе обицяюсь
Энееви я ляпасъ дать;
Я хутко, миттю постараюсь
Въ трыстя його къ чортамъ загнать.
Прощай-же,—швыдче убырайся,
Обицянкы не забувайся,
Бо писля, чуешъ, ни чычыркъ!
Якъ збрешешъ, то хоча надсядься,
На ласку писля не понадься;
Тогди видъ мене визьмешъ чвыркъ.

***

Еолъ оставшысь на господи,
Зибравъ всихъ витривъ до двора,
Веливъ поганій буть погоди...
Якъ разъ на мори и гора!
Все море заразъ спузырило, [2])
Водою, мовъ въ ключи забыло,
Еней тутъ крыкнувъ, якъ на пупъ.
Заплакався и зарыдався
Пошарпався, увесь подрався,
На тимьи начесавъ ажъ струпъ.
Прокляти витры роздулыся,
А море зъ лыха ажъ реве,
Слизьмы Троянци облылыся,
Энея за жывитъ бере.
Вси човныкы ихъ росчухрало;
Багацько війска тутъ пропало,—
Тогди набралысь вси сто-лыхъ! [3])
Эней крычыть, що „я Нептуну
Пивкопы грошей въ руку суну,
Абы на мори штурмъ утыхъ!"—

***

Нептунъ издавна бувъ дряпичка, [4])
Почувъ Энеевъ голосокъ,
Шатнувся заразъ изъ запичка,—
Пивкопы для його кусокъ.

---

[1]) А Эвръ у вынныкы нанявся,
Якъ хочешь—такъ соби смякай!
Та вже для тебе обицяюсь
Энееви я ляпасъ дамъ,
Я хутко, разомъ постараюсь
Загнать його въ багно къ чортамъ—тамъ-же.

[2]) А дали потимъ яръ глубокый,
Еней стоявъ въ води по бокы,
Злякався, крыкнувъ, якъ на пупъ—тамъ-же.

[3]) Козацьки головы ляглы!
Эней крычыть, що я Нептуну
Пивкопы грошей въ руку суну,
Колыбъ що фыли полягалы—тамъ-же.

[4]) Нептунъ-же давній бувъ драпика,
Почувъ Енеевъ голосокъ;
Рошухавшы, його що клыка,
Пивкопы —для його кусокъ!—тамъ-же.
и далѣе: Чого вы дуете такъ ризно? и далѣе „И далы драла до поры".

И мыттю осидлавшы рака,
Схватывсь на його, мовъ бурлака,
И вырнувъ зъ моря, якъ карась,—
Загомонивъ на витривъ грызно:
—„Чого вы гудете такъ ризно!
До моря, знаете, вамъ зась!"
Отъ тутъ-то витры схаменулысь,
И ну вси драла до норы,
До ляса мовъ Ляхы метнулысь,—
Або одъ ижака тхоры.
Нептунъ-же заразъ взявъ мителку
И море вымывъ, якъ свителку,
То сонце глянуло на свитъ.
Еней тогди, якъ народывся,
Разивъ изъ пьять перехрыстывся;
Зверивъ готовыты обидъ.

***

Поклалы шаліовкы соснови, [1])
Кругомъ наставылы мысокъ:
И страву всякую безъ мовы
Въ голодный пхалы все кутокъ.
Тутъ зъ саломъ галушкы лыгалы,
Лемишку и кулишъ глыталы
И брагу кухлыкомъ таглы;
Та и горилочку хлысталы,
На сылу изъ-за столу встали
И спаты посля вси ляглы.
Венера,—не послидня шльоха,
Проворна, врагъ іи не взявъ,
Побачыла, що такъ полоха
Еолъ сынка, що ажъ захлявъ,—
Умылася, пречыпурылась
И якъ въ недилю нарядылась,
Хоть бы до дудки на танець!
Взяла очипокъ грезетовый
И кунтушъ зъ усамы люстровый
Пишла къ Зевесу на ралець.

***

Зевесъ кружавъ тогди сывуху, [2])
И оселедцемъ заидавъ;

---

[1]) Поставылы столы дубови,
Багацько зъ стравою мысокъ;
За стилъ вси силы и безъ мовы
Въ голодный пхалы все кутокъ.
Галушкы зъ саломъ тутъ лыгалы,
Лемишку и кулишъ трепалы,
Хватались бражкой запывать,
Да и горилочку хлысталы,
На сылу зъ-за стола усталы
И посли полягалы спать...
Венера, якъ на все швыдкая,
Проворна, врагъ іи не взявъ,
Побачила, що такъ лякае
Еней сынка, що ажъ захлявъ.
и далѣе: Зъ усамы кунтушъ саетовый—тамъ-же.

[2]) Зевесъ тогди лыгавъ вышнявку,
Маковнычкамы заидавъ;
И пьятую ище кондійку
Одъ Гебы зъ льоху дожыдавъ.

Винъ, сьому выпывшы восьмуху,
Послидкы зъ кварты выльвавъ.
Прыйшла Венера искрывывшысь,
Заплакавшысь и завискрывшысь
И стала хлыпать передъ нымъ:
—,,Чымъ передъ тобою, мылый тату,
Сынъ заслужывъ таку мій плату?
И йонъ, мовъ въ свынкы, грають нымъ.

Куды ему уже до Рыму?
Хиба якъ здохне чортъ въ рови!
Якъ вернется панъ-Ханъ до Крыму,
Якъ женытся сычъ на сови!
Хиба-бъ то вже та не Юнона, [1])
Щобъ не вказала макогона,
Що й доси слухае чмеливъ!
Колыбъ вона та не бисылась,
Замовкла и не комезылась, [2])
Щобъ ты се сamъ ій извеливъ!"

***

Юпитеръ, все допывшы съ кубка,
Погладывъ свій рукою чубъ:
„Охъ, доцю, ты моя голубка! [3])
Я въ правди твердый такъ, якъ дубъ.
Эней збудуе сыльне царство
И заведе свое тамъ панство;
Немалый буде винъ панокъ;
На панщыну ввесь сьвитъ погоныть,
Багацько хлопцивъ тамъ наплодыть
И всимъ имъ буде ватажокъ.
Заиде до Дидоны въ гости
И буде тамъ бенькетовать;
Полюбыться іи винъ мосци
И буде бисыкы пускать. [4])
Иды, небого, не журыся,
Попопедилкуй, помолыся,
Все буде такъ, якъ я сказавъ".
Венера нызько поклонылась
Изъ панотцемъ своимъ простылась,
А винъ іи поцилувавъ.

***

Эней прочумався, проспався,
И голодрабцивъ позбыравъ, [5])
Зо всимъ зибрався и уклався
И скилько выдно, почухравъ.
Плывъ, плывъ, плывъ, плывъ,—що ажъ обрыдло [6])

Прыйшла Венера изкрывывшысь
Заслынывшись и завизгрывшысь
и далѣе:
Або якъ Ханъ долизе Крыму

[1]) Хиба-бъ то вже та не Юнона—изд. 1808 и 1809 г.
Хиба-бъ уже та не Юнона—изд. 1842 г.

[2]) Замовкла-бы и не кавылась—изд. 1808 г.

[3]) Охъ, донько, ты моя голубко—тамъ-же.

[4]) И стане бисыка пускать—тамъ-же.

[5]) Голодранцивъ... въ 1808 г, голодрабцивъ.. въ 1842 г.

[6]) Плывъ, плывъ, плывъ винъ, що ажъ обрыдло—въ изд. 1808 г.
Плывъ, плывъ, винъ плывъ, що ажъ обрыдло—въ изд. 1842 г.

И море такъ ему огыдло, [1])
Що бисомъ на його дывывсь.
—„Колыбъ, каже, умеръ я въ Трои,
То вже-бъ не пывъ сеи гиркои
И марно такъ не волочывсь.
Потимъ до берега прыставшы
Зъ Троянствомъ голымъ всимъ своимъ [2]),
На землю съ човнивъ повстававшы,
Спытавсь, чи е що исты имъ?
И заразъ чогось попоилы,
Щобъ на пути не ослабилы, [3])
Пишлы, куды хто запопавъ.
Еней по берегу попхався
И самъ не знавъ, куды слонявся, [4])
Ажъ гулькъ, — у городъ прычвалавъ.

* * *

Въ тимъ городи жыла Дидона,
А городъ звався Карфагенъ,
Розумна пани и моторна,
Для нои трохы сыхъ именъ:
Трудяща, дуже працьовыта,
Весела, гарна, сановыта,—
Бидняжка, що була вдова;
По городу тогди гуляла,
Колы Троянцивъ повстричала,
Таки сказала имъ слова:
—„Видкиль таки се гольтяпаки? [5-а])
Чи рыбу зъ Дону везете?
Чи може выходци, бурлакы?
Куды, прочане, вы йдете?
Якый васъ врагъ сюды направывъ?
И хто до города прычалывъ?
Яка-жъ ватага розбышакъ!
Троянци вси замурмоталы,
Дидоли нызько въ ногы впалы,
А, вставшы, ій мовлялы такъ: [5-б]).

* * *

„Мы вси, якъ бачъ, народъ хрещеный,
Волочымся безъ талану,
Мы въ Трои, знаешъ, порожденни, [6])
Эней пустывъ на насъ ману;
Далы намъ Грекы прочухана
И самого Энея пана
Въ тры-вырвы выгналы видтиль;
Зволивъ покынуты намъ Трою,
Пидмовывъ плаваты зъ собою,
Теперъ ты знаешъ, мы видкиль.
Помылуй, пани благородна!
Не дай загынуть головамъ!

---

[1]) И море такъ ему огыдло—въ изд. 1808 и 1809 г.
И море такъ ему обрыдло—въ изд. 1842 г.

[2]) Изъ сыльнымъ війскомъ всимъ своимъ—въ изд. 1808 г.

[3]) Щобъ по дорози не зомлили—тамъ-же.

[4]) И самъ не знавъ, куды совався,
Якъ гулькъ, у городъ прычвалавъ—тамъ-же.

[5]) а) Видкиль таки се гольтипакы—въ изд. 1842 г. в) И посли ій мовлялы такъ—изд. 1808

[6]) Мы вси у Трои порожденны—изд. 1808.

Будь мылостыва, будь незлобна,
Эней спасыби скаже самъ!
Чи бачышъ, якъ мы обидралысь!
Убраняя, постолы порвалысь,—
Охлялы, нибы въ дощъ щиня! [1])
Кожухы, свыты погубылы,
И зъ голоду въ кулакъ трубылы,
Така намъ лучылась пеня!"

***

Дидона гирко зарыдала
И зъ билого свого лыця
Платочкомъ сльозы обтырала:
„Колы-бъ,—сказала, молодця,
Энея вашого злапала,
То вже-бъ тоди весела стала, [2])
Тоди велыкдень бувъ-бы намъ!"—
Тутъ плюсь Эней, якъ будто зъ неба:
—„Ось-осьде я, колы вамъ треба!
Дидони поклонюся самъ!"—
Потимъ зъ Дидоною обнявшысь,
Поцилувалысь гарно, въ смакъ,
За рученькы биленьки взявшысь, [3])
Балакалы то такъ, то сякъ.
Пишлы къ Дидони до господы
Черезъ велыки переходы,
Ввійшлы въ свитлыцю да й на пилъ, [4])
Пылы на радощахъ сывуху
И илы симьяну макуху,
Покиль клыкнулы ихъ за стилъ. [5])

***

Тутъ илы розныи потравы,
И все зъ полывьяныхъ мысокъ;
И сами гарныи прыправы
Зъ новыхъ кленовыхъ тарилокъ:
Свынячу голову до хрину
И локшыну на перемину,
Потимъ съ пидлевою индыкъ;
На закуску кулишъ и кашу,
Лемишку, зубци, путрю, квашу [6])
И зъ макомъ медовый шулыкъ.
И кубкамы пылы вышнивку, [7])
Медъ, пыво, брагу, сыривець,
Горилку просту и тернивку;
Курывсь для духу яловець.
Бандура горлыци брынчала, [8])
Сопилка зуба затынала,
А дудка грала по балкахъ;
Санжаривкы на скрыпци гралы, [9])

[1]) И нужя повна очкурня—изд. 1808.
[2]) Уже-бъ тоди... изд. 1842.
[3]) За билы рученькы узявшысь—изд. 1808 г.
[4]) ...та й на пилъ—изд. 1842 г.
[5]) Потимъ клыкнулы ихъ за стилъ.—въ изд. 1808 г.
[6]) Лемишку, хлякы,....—изд. 1808 г.
[7]) И кубками пылы сывянку
Медъ, пыво, брагу, сыривець,
Горилку просту и калганку—изд. 1842 г.
[8]) Бандура тутечки брынчала—изд. 1808 г.
[9]) „Ой венька" на цымбалы гралы—изд. 1808 г.

Кругомъ дивчата танцювалы,
Въ дробушкахъ, въ чоботкахъ, въ свиткахъ.

**
*

Сестру Дидона мала Ганну)
Навсправжкы дивку хоть куды,
Проворну, чепурну и гарну;
Прыходыла и ся сюды
Въ червоній юпочци баевій,
Въ запасци гарній фаналевій
Въ стёнжкахъ, намысти и ковткахъ,
Тутъ танцювала выкрутасомъ
И предъ Энеемъ выхылясомъ
Пидъ дудку была третяка...
Эней и самъ такъ росходывся, ²)
Якъ на аркани жеребець,
Що трохы не уверҽдывся,
Пишовши зъ Ганзею въ танець.
Въ обохъ пидкивкы забряжчалы,
Жижкы одъ танцивъ задрижалы,
Выстрыбовавшы гоцака.
Эней, матню въ кулакъ прыбравшы,
И „не до солы" прымовлявшы,
Садывъ крутенько гайдука.

*
**

А посли танцивъ варенухы ³)
По фылыжанци пиднеслы;
И молодыци цокотухы
Тутъ баляндрасы понеслы...
Дидона крипко заюрыла,
Горщокъ зъ вареною розбыла,
До духу вси тогди пылы.
Ввесь день весело прогулялы
И пьяни спаты полягалы;
Энея-жъ ледве повелы.

---

¹) Сестра була въ Дидоны Ганна—
Моторна дивка хочъ куды,
Проворна, чопорна и гарна,
Прыходыла й вона туды—тамъ-же.

²) Эней и самъ такъ розгуляся,
Якъ на аркани жеребець,
Зъ Дидоною за рукы взявся,
Пишовъ изъ нею у танець,
Пидкивкы въ нього забряжчалы,
Жыжкы одъ танцивъ задрыжалы,
Якъ выбывалы гоцака.
А панъ Эней такъ росходывся,
Що трохы не уверҽдывся,
Кружкомъ садывшы гайдука—изд. 1808 г.

³) А посли танцивъ варенухы
По кухлыку имъ поднеслы,
А молодыци и т. д.—тамъ-же.

Эней на пичъ зибравея спаты,
Зарывся въ просо, тамъ и лигъ;
А хто схотивъ, побривъ до хаты,
А хто въ хливець, а хто пидъ
стигъ. [1])
А де-яки такъ такъ хлыснулы,
Що де упалы, тамъ заснулы,
Соплы, харчалы и хроплы;
А добри молодци кружалы,
Поки ажъ пивни заспивалы —
Що здужалы, то все тяглы.

***

Дидона рано исхопылась,
Пыла съ похмилля сыривець;
А посли гарно нарядылась,
Якъ-бъ въ оренду на танець;
Взяла кораблыкъ бархатовый,
Спидныцю и карсетъ шовковый [2])
И начепыла ланцюжокъ;
Червони чоботы обула,
Та и запаскы не забула,
А въ рукы зъ выбійкы платокъ.
Эней-же съ хмелю якъ проспався,
Иззивъ солоный огирокъ;
Потимъ умывся и убрався,
Якъ парубика до дивокъ.
Ему Дидона пидослала,
Що одъ покійныка украла, —
Штаны и пару чобитокъ,
Сорочку и каптанъ зъ китайкы,
И шапку, поясъ съ каламайкы,
И чорный шовковый платокъ

***

Якъ одяглысь, то изійшлыся,
Съ собою сталы розмовлять;
Наилыся и прынялыся,
Щобъ по вчоряшнему гулять.
Дидона-жъ тяжко сподобала
Энея, такъ що и не знала
Де дитыся и що робыть;
Точыла всякыи балясы
И пидпускала разни лясы,
Энею-бъ тилько угодыть.
Дидона выгадала грыще,
Эней щобъ веселишый бувъ, [3])
И щобъ вертився за нею блыжче,
И лыха щобъ свого забувъ;
Соби очыци завязала
И у панаса граты стала,
Энея-бъ тилькы уловыть.
Эней-же заразъ догадався,
Коло Дидоны терся, мнявся,
Іи щобъ тильки вдовольныть. [4])

***

Тутъ всяку всячыну игралы,
Хто, якъ и въ вищо захотивъ;
Тутъ ынши журавля скакалы,
А хто одъ дудочкы потивъ.

---

[1]) А хто въ хливець, а хто у стигъ—изд. 1808 г.
[2]) Спидныцю и карсетъ люстровый.—тамъ-же.
[3]) Эней бы тамъ ій пидмыгнувъ,
И щобъ изъ нею бувъ поблызче! — тамъ-же.
[4]) Эней... и такъ и сякъ одъ ней хылявся,
Іи щобъ швыдче утомыть—тамъ-же.

И въ хрещыка и въ горюдуба,
Не разъ доходыло й до чуба,
Якъ загулялыся въ джгута;
Въ хлюста, въ пары, въ визка игралы [1])
И дамкы по столу совалы,—
Чортъ мавъ порожнього кута,
Що день було у ныхъ похмилля,
Пылась горилка, якъ вода:
Що день въ Дидоны якъ весилля, [2])
Вси пьяни, хочъ посунсь куда.
Энееви такъ, якъ болячци,
Або лыхій осинній трясци, [3])
Годыла пани всякій день.
Булы Троянци пьяни, сыти,
Кругомъ обути и обшыти, [4])
Хоть голи прыбрелы, якъ пень.

***

Троянци лыхо тамъ курылы [5])
Далы прыману всимъ жинкамъ; [6])
По вечерныцямъ вси ходылы,
Просвитку не було дивкамъ.
Та й самъ Эней, сподарь, и паню
Пидмовывъ парытыся въ баню,—
Уже-жъ було не безъ гриха!
Во страхъ его вона любыла,
Ажъ глуздъ увесь свій погубыла, [7])
А, бачу я, не була плоха. [8])
Оттакъ Эней жывъ у Дидоны,
Забувъ и въ Рымъ щобъ мандрувать
Тутъ не боявся и Юноны,
Пустывся все бенькетовать;
Дидону мавъ винъ мовъ за жинку
Убывшы добру въ неи грынку,—
Мутывъ, якъ на сели москаль! [9])
Бо—хринъ его не взявъ—моторный,
Ласкавый, гарный и проворный
И гострый, якъ на брытви сталь.

***

Эней зъ Дидоною возылысь,
Якъ зъ оселедцемъ сирый китъ;
Ганялы, бигалы, казылысь,
Ажъ лывся де-колы и питъ.
Дидона мала разъ работу,
Якъ зъ нымъ побигла на охоту,
Да гримъ загнавъ ихъ въ темный лехъ.
Лыхый ихъ зна, що тамъ робылы,
Було не выдно з за могилы, [10])
Въ леху-жъ сыдилы тильки вдвохъ.
Не такъ-то робыгся все хутко,
Якъ швыдко окомъ измыгнешъ:

---

[1]) Въ хлюсты, въ шашкы...—изд. 1808 г.
[2]) Що день бенькеты, мовъ весилля.—изд. 1842 г.
[3]) Або осинній лыхорадци.—изд. 1808 г.
[4]) Кругомъ обуты и одиты.—тамъ же.
[5]) . . . добре тамъ курылы.—тамъ-же.
[6]) Далы прыманку. . . —тамъ-же.
[7]) Ажъ розумъ весь свій погубыла.—изд. 1842 г.
[8]) Хотя була и не плоха.—изд. 1808 г.
[9]) Прочумавъ, де зимують ракы
И доброй натрусывъ кабакы,—
Мутывъ, якъ на сели москаль.—тамъ-же.
[10]) . . . спидъ могылы.—тамъ-же.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ОКТЯБРЬ

1898 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго**, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Г. Кіевъ, 8 октября 1898 года.

Вниманію господъ ЮДИНЫХЪ,

ихъ родственниковъ по боковымъ и женскимъ линіямъ,

ИХЪ ЗНАКОМЫМЪ.

Подготовивъ къ печати собиравшійся въ теченіи многихъ лѣтъ матеріалъ о родѣ **Костромичей Іудиныхъ**, оказавшійся интереснымъ въ историческомъ и бытовомъ отношеніяхъ, восходящій по городу **Чухломѣ** до 1615 года и желая возможныхъ къ нему дополненій, покорнѣйше прошу всѣхъ, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи относящуюся къ названному роду письменность: акты, документы, письма, дневники и проч., книги съ надписями: «Изъ библіотеки Чухломскаго купецкаго сына **Михайла Іюдина**», равно портреты, виды Чухломы и разныхъ мѣстъ какъ Костромской, такъ и другихъ губерній, гдѣ проживали **Іюдины** или ихъ родные, прислать на короткое время нижеподписавшемуся для снятія копій, послѣ чего присланное будетъ возвращено по принадлежности. Желающіе уступить подлинные документы и проч. въ нашу собственность приглашаются, вмѣстѣ съ присылкою предлагаемаго, заявить объ условіяхъ продажи. Адресъ въ г. **Красноярскъ**, Енисейской губерніи, Геннадію Васильевичу Юдину

Затѣмъ считаю не лишнимъ пояснить, что нѣкоторые томы предполагаемаго изданія, имѣющіе исключительно семейный интересъ, въ продажу не поступятъ и предназначаются лишь для раздачи **наличнымъ членамъ нашего рода и другимъ лицамъ**, благосклонно способствовавшимъ издателю къ собиранію фамильной старины.

Въ крайнемъ случаѣ т. е. при полномъ отсутствіи не только письменныхъ, но устныхъ преданій или воспоминаній о комъ-нибудь изъ нашего рода, полезно будетъ даже указаніе, къ кому было бы мнѣ можно обратиться съ своими поисками.

Г. В. Юдинъ (Іюдинъ).

И. П. КОТЛЯРЕВСКІЙ ВЪ СВѢТѢ КРИТИКИ.

(*Окончаніе* [1]).

III.

Въ предыдущей главѣ мы разсмотрѣли произведенія Котляревскаго безотносительно къ ихъ какому-бы то ни было вліянію на общество. Мы только старались показать, насколько состоятельны они съ точки зрѣнія художественности и насколько справедлива оцѣнивавшая ихъ съ этой стороны критика. Но въ той-же критикѣ Котляревскаго, имѣвшей мѣсто вплоть до нашихъ дней, кромѣ художественнаго значенія его произведеній, отмѣчалось еще *историческое*, понимаемое однако различно. Впрочемъ, подробно этотъ пунктъ не былъ развитъ никѣмъ; замѣтки объ историческомъ значеніи Котляревскаго имѣютъ у различныхъ изслѣдователей именно только форму замѣтокъ, и потому всѣ толки по данному вопросу должны быть развиты болѣе подробно. Историческое значеніе произведеній Котляревскаго многосторонне, ибо, по многимъ причинамъ, они явились въ крайне тяжелыя минуты украинской національности и потому должны были имѣть не только литературную цѣнность. Въ чемъ заключалась ширина этого значе-

---

*) См. Кіев. Ст. 1898 г. № 9.

нія его произведеній, можетъ быть обнаружено только далеко ниже, ибо предварительно необходимо намѣтить тѣ пункты или стороны, которыхъ въ жизни могли касаться созданія нашего поэта. Главное историческое значеніе Котляревскаго имѣло мѣсто въ двухъ направленіяхъ: культурномъ и соціальномъ. О соціальной важности его произведеній мы въ настоящей статьѣ говоритъ не будемъ: эта сторона его значенія будетъ имѣть больше смысла въ томъ мѣстѣ, гдѣ будетъ разсматриваться личность и поэзія Котляревскаго въ связи съ современной имъ соціальной средой. Теперь-же мы займемся выясненіемъ культурной стороны его историческаго значенія, имѣвшей мѣсто, во первыхъ, благодаря художественности его поэзіи, а во вторыхъ, благодаря украинско-національной ея формѣ. Какъ всякое художественное созданіе, эта поэзія имѣла, конечно, прежде всего значеніе эстетическое: она возбуждала въ обществѣ чувство красоты и такимъ образомъ удовлетворяла эстетическимъ стремленіямъ читателей. Боги, наряженные въ украинскую одежду, заставляли наше общество добродушно смѣяться; такъ-же точно украинизированные герои Энеиды возбуждали въ читателяхъ то смѣхъ, то сожалѣніе; сатирически изображенные типы ада привлекали къ себѣ справедливую насмѣшку жертвъ ихъ изъ народа; наоборотъ, сочувственныя народу картины рая вызывали въ немъ чувство удовлетворенія. Такимъ-же образомъ положительные типы „Наталки“ доставляли наслажденіе то благородными своими поступками, то возбужденіемъ чувства состраданія. Отрицательные ея типы, художественно представлявшіе національные пороки, возбуждали чувство негодованія или, наоборотъ, раскаянія и такимъ образомъ культивировали духовную сторону націи. Равнымъ образомъ, красота изображенія положительныхъ типовъ „Москаля“ затрагивала возвышенные порывы націи, еще болѣе укрѣплявшіеся при созерцаніи осмѣиваемыхъ поэтомъ Фынтыковъ. Всѣ эти эмоціи неминуемо вызывались въ душѣ читателей рядомъ съ чувствомъ красоты, удовлетворявшейся прекрасными изображеніями типовъ. Послѣдніе имѣли потому облаго-

раживающее значеніе, вызванное эстетическимъ вліяніемъ. Теперь, конечно, сила послѣдняго утратилась, благодаря болѣе развитымъ эстетическимъ потребностямъ, но все-таки, и при большой требовательности, въ произведеніяхъ Котляревскаго есть многое, имѣющее и теперь большое эстетическое значеніе именно въ силу ихъ художественности. Если же таковыми являются они даже теперь, то тѣмъ большую важность должны они были имѣть въ свое время, когда эстетическій вкусъ былъ развитъ не такъ, какъ нынче, и требованія его были, слѣдовательно, меньше. Фактъ широкаго распространенія произведеній Котляревскаго въ его время подтверждаетъ нашу мысль вполнѣ.

Вспоминая, затѣмъ, мнѣніе Данилевскаго о Котляревскомъ, какъ о поэтѣ-двигателѣ, мы считаемъ его вѣрнымъ, помимо всякихъ даже прогрессивныхъ тенденцій творчества Котляревскаго и основываясь только на эстетическомъ его вліяніи. Художественность его произведеній, возбуждая въ читателяхъ эмоцію красоты, вызывала вмѣстѣ съ тѣмъ и укрѣпляла чувство благороднаго негодованія и справедливаго сочувствія. Въ этомъ и заключается общечеловѣческое значеніе произведеній нашего поэта. Но еще большее значеніе пріобрѣли эти послѣднія въ силу ихъ украинской національной формы. Появленіе ихъ въ украинской одеждѣ составило въ культурномъ нашемъ развитіи цѣлую эпоху, весьма прогрессивную по сравненію съ прошедшимъ и служащую исходной точкой для будущаго. Главная заслуга въ этомъ отношеніи Котляревскаго та, что послѣдній, какъ признается теперь всѣми, явился творцомъ новѣйшей украинской литературы, и эта его роль заслуживаетъ особеннаго вниманія. Для этой новой оцѣнки Котляревскаго, которая должна основываться на историко-литературныхъ данныхъ, проф. Петровъ попытался сравнить его произведенія съ предшествовавшей поэту украинской литературой, надѣясь, что такимъ путемъ значеніе Котляревскаго въ исторіи литературы выяснится само собою. Къ сожалѣнію, проф. Петровъ, какъ это указалъ и проф. Дашке-

вичъ, выполнилъ свою задачу не вполнѣ удачно: онъ упустилъ изъ виду важные литературные факты, которые историко-литературное значеніе Котляревскаго выясняютъ болѣе опредѣленно. Желая восполнить недостатки сравненія проф. Петрова, указанные проф. Дашкевичемъ, мы постараемся историко-литературное значеніе произведеній Котляревскаго освѣтить подробнѣе. Для этой цѣли необходимо, конечно, указать, подобно проф. Петрову, тѣ литературныя теченія того времени, изъ которыхъ могло сложиться творчество Котляревскаго; только такимъ путемъ и можно болѣе или менѣе вѣрно опредѣлить цѣнность этого творчества, какъ историко-литературнаго факта. Постараемся это сдѣлать, помня, что въ данномъ случаѣ необходимо брать во вниманіе какъ содержаніе, такъ и разнообразную форму разсматриваемыхъ произведеній. Очевидно, что рѣшеніе данной задачи совпадаетъ съ вопросомъ о генезисѣ каждаго въ отдѣльности произведенія Котляревскаго, и прежде всего его Энеиды.

Какъ извѣстно, съ прошлаго вѣка начинается особенное сближеніе Украйны съ Великороссіей, отражающееся, между прочимъ, и въ литературѣ. Съ одной стороны, продолжается въ Украйнѣ книжная литература, воспроизводящая, впрочемъ, все-болѣе и болѣе явленія общерусской жизни и воспринимающая литературный языкъ русскій, благодаря чему наша литература шла къ раствоpенію въ литературѣ русской и къ отдаленію отъ національнаго творчества; въ этомъ крылась ея постепенная гибель, которая была-бы неминуемой, если-бы наше поэтическое творчество шло только въ духѣ книжныхъ оды, элегіи и драмы. Къ счастью, съ другой стороны, въ поэзіи украинцевъ по прежнему продолжалась жизненная струя, отражающаяся главнымъ образомъ въ творчествѣ или народномъ, или въ духѣ народнаго, благодаря чему и въ произведеніяхъ книжныхъ замѣчается уже струя жизненно-народная, въ видѣ извѣстныхъ интерлюдій, сценъ и даже искусственныхъ лирическихъ пѣсенъ, вродѣ стихотвореній Климовскаго. Но если этотъ народный

отъ народной жизни далекую, то, очевидно, въ сферѣ народнаго творчества онъ долженъ былъ властвовать всесильно. И въ самомъ дѣлѣ, послѣднее въ лицѣ наиболѣе одаренныхъ своихъ представителей и въ 18 в. не замолкло. Продолжается прежде всего украинская пѣсенная поэзія, культивируется своеобразный эпосъ, въ родѣ Легенды о Маркѣ, распространяется вертепъ, вирши, причемъ все это носитъ характеръ украинсконародный, какъ въ содержаніи, такъ и формѣ. Эта народная черта въ конгломератѣ творчества Украины имѣла, какъ мы сказали, столь сильное распространеніе и вліяніе, что проникала даже въ чопорную литературу книжниковъ. Третьимъ литературнымъ теченіемъ на Украйнѣ, вліявшимъ на ея книжную литературу, была литература русская. Политическое единство обѣихъ славянскихъ народностей—украинской и русской—принуждало украинцевъ поневолѣ знакомиться съ русской литературой и усваивать ея содержаніе и формы. Дѣло доходило даже до того, что украинцы переходили на великорусско-литературную почву и содѣйствовали развитію чуждой имъ литературы; такъ поступили, напримѣръ, Богдановичъ и Капнистъ въ своихъ даровитыхъ произведеніяхъ 18 вѣка, а Гнѣдичъ въ 19-мъ вѣкѣ. Четвертымъ литературнымъ вліяніемъ въ Украинѣ было западно-европейское, воспринимавшееся нами, какъ указываетъ проф. Дашкевичъ, или непосредственно, или, по замѣчанію проф. Петрова, черезъ русскую опять таки литературу. Къ какому изъ этихъ вліяній примыкаетъ творчество Котляревскаго, остается пока невыясненнымъ, хотя въ своей первой работѣ проф. Дашкевичъ далъ по этому поводу драгоцѣнныя замѣчанія. Позьзуясь этими замѣчаніями, какъ и указанными нами прежде фактами изъ самихъ произведеній Котляревскаго, мы можемъ опредѣлить эволютивную связь послѣднихъ съ тѣмъ или другимъ изъ упомянутыхъ теченій довольно опредѣленно. Остановимся прежде на генезисѣ литературнаго состава „Энеиды“. По своему содержанію, эта послѣдняя представляетъ народно-національное произведеніе, изображающее украинскую жизнь 18-го вѣка; по литературной формѣ она является паро-

діей на классическую тему. Какъ Котляревскій могъ додуматься до идеи изобразить картину народной жизни и притомъ въ совершенно народной одеждѣ, кончая даже языкомъ? Какое изъ указанныхъ теченій могло на него повліять такъ сильно, что онъ на это изображеніе украинской жизни отдалъ почти полъ-жизни? Отвѣтъ на это даетъ рядъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ самой Энеиды и весьма удачно приводимыхъ и проф. Дашкевичемъ. На это указываетъ, между прочимъ, и профессоръ Петровъ, возводя содержаніе Энеиды главнымъ образомъ къ нашимъ интерлюдіямъ. Къ сожалѣнію, историкъ литературы не обратилъ даже надлежащаго вниманія и на приводимое имъ предположеніе о связи произведеній Котляревскаго, и въ частности его Энеиды, съ нашими интерлюдіями. Въ силу этого вышло, что украинская литература въ лицѣ Котляревскаго повторяетъ только зады литературы русской и есть часть ея,—мысль совершенно неправильная и фактами опровергаемая. И этой невѣрной мысли не было-бы, въ особенности тогда, еслибы историкъ зналъ одни факты и не игнорировалъ другихъ, имѣющихъ самую тѣсную связь съ Энеидой. Дѣло, во первыхъ, въ томъ, что, по достовѣрному показанію всѣхъ біографовъ, Котляревскій для своей Энеиды дѣятельно изучалъ народную жизнь, доказательствомъ чего служитъ хотя-бы сборникъ его пословицъ и тѣ этнографическія данныя, которыя онъ сообщалъ Бантышъ-Каменскому. Результатъ этого изученія обнаружился самымъ блестящимъ образомъ, такъ какъ Энеида Котляревскаго вышла этнографической до мелочей. А разъ фактъ изученія поэтомъ народа можетъ считаться неопровержимымъ, то нужные выводы сдѣлать отсюда не трудно. Среди этого изученія, поэтъ неминуемо долженъ былъ столкнуться съ произведеніями или народнаго творчества, или изображающими народную жизнь,—и это обстоятельство должно было на литературную дѣятельность поэта оказать рѣшающее вліяніе. Съ какими-же народоописательными произведеніями могъ столкнуться на селѣ Котляревскій? На это у насъ имѣются положительныя данныя. Прежде всего поэтъ обязательно встрѣтился съ народной лирикой или

эпосомъ, въ видѣ бытовыхъ пѣсенъ или историческихъ думъ, о которыхъ онъ и дѣлаетъ упоминаніе въ Энеидѣ. Этотъ родъ народнаго творчества непремѣнно повліялъ какъ на самое народное содержаніе его пародіи, такъ и на ея языковую форму, также блистающую своей народностью. Въ такомъ-же направленіи должны были подѣйствовать на поэта различныя народныя повѣрія, также упоминаемыя въ Энеидѣ, напримѣръ—повѣрья о „выріи", „кобылячій голови" и т. д.

Самый образъ украинскаго Харона взятъ изъ народныхъ сказокъ, гдѣ мы находимъ такъ-же точно обрисованный портретъ перевозчика. Всѣ такія произведенія народнаго творчества на народное направленіе Энеиды должны были имѣть положительное вліяніе. Но пѣсенный и сказочный матеріалъ не былъ единственнымъ стимуломъ, давшимъ поэту направленіе чисто народное. Въ литературѣ имѣются данныя, свидѣтельствующія о существованіи народныхъ юмористическихъ разсказовъ, образецъ которыхъ напечаталъ когда-то Кулишъ [1]). Юмористическій тонъ ихъ совершенно тождественъ съ юморомъ Энеиды, и это показываетъ, что Котляревскій несомнѣнно зналъ такіе разсказы, равно какъ и анекдоты, о которыхъ упоминаетъ и Савиновъ. А разъ это такъ, то, помимо содержанія, самый юмористическій тонъ разсказовъ долженъ былъ имѣть на творчество нашего поэта вполнѣ націонализирующее вліяніе. Но и всѣмъ этимъ матеріалъ для его творчества еще не ограничивается. Народный вертепъ, совпадающій въ интерлюдіяхъ съ книжными драмами, представлялъ для украинскаго бытописателя опять-таки богатый матерьялъ. Вертепъ во второй половинѣ прошлаго вѣка былъ очень распространенъ и любимъ всѣми слоями народа, на что указываетъ, напримѣръ, и П. И. Житецкій [2]). Да его и было за что любить, такъ какъ народныя сцены въ вертепѣ, исполненныя необычайнаго комизма, представляли живѣйшій интересъ.

---

[1]) Кулишъ—Записки о южной Руси, т. I-й „Очакивська бида".

[2]) Кіевская Старина 1892 г. Май.

Съ вертепомъ, безъ сомнѣнія, былъ знакомъ и Котляревскій, ибо упоминаетъ о немъ въ Энеидѣ, а въ такомъ случаѣ онъ не могъ, при своемъ настроеніи и юмористическомъ талантѣ, не проникнуться жизненностью и комизмомъ народныхъ его сценъ. Во всякомъ случаѣ, всѣ эти факты показываютъ ясно, что ко времени созданія Энеиды молодой поэтъ находился въ атмосферѣ народнаго поэтическаго творчества и что только содержаніе послѣдняго, и ничто больше, могло обусловить собой Энеиду, какъ картину украинской жизни. Слѣдовательно, остается вполнѣ логически предположить, что нашъ поэтъ въ своей Энеидѣ явился продолжателемъ народнаго творчества,—и въ отношеніи содержанія ея наше предположеніе будетъ близкимъ къ истинѣ, ибо оно подтверждается слѣдующими фактами. Съ самаго начала прошлаго вѣка различные украинскіе писатели такъ или иначе обращаются къ народной поэзіи и пользуются ею въ большей или меньшей степени. Такъ напримѣръ, народный элементъ входитъ уже въ драмы Довгалевскаго и Г. Конисскаго; Климовскій, Калнышъ и Сковорода прямо подражаютъ народному творчеству въ своихъ лирическихъ произведеніяхъ; наконецъ, народный элементъ въ полной силѣ проявляется въ такихъ произведеніяхъ, какъ „Діалогъ или разговоръ пастырей“ 1750 г. или сцены „Ярмарокъ“ и „Исповѣдь“ 1789 г.— І. Некрашевича [1]). Тоже самое наблюдается и во всякихъ поздравительныхъ виршахъ, сочиняемыхъ болѣе культурными слоями народа. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ живо чувствуется потребность воспроизводить народную жизнь на народномъ языкѣ и по возможности избѣгать книжной рутины. Очевидно, національная жизнь брала свое: національная эстетика требовала жизни и въ художественныхъ созданіяхъ, и наиболѣе народныя души среди украинскихъ писателей этимъ требованіямъ по мѣрѣ силъ удовлетворяли.

Такимъ образомъ, Энеиду Котляревскаго можно поставить въ связь уже съ приведенными попытками воспроизводить на-

---

1) Петровъ—Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII в.—ст. 131.

родную жизнь въ книжныхъ произведеніяхъ. Но мы для Энеиды можемъ установить еще тѣснѣйшую связь, фактъ которой освѣщаетъ довольно ясно и самое появленіе новѣйшей украинской литературы. Къ счастью для науки, до насъ дошло записаное стихотворное переложеніе легенды о Маркѣ, относящееся ко второй половинѣ 18-го вѣка и имѣющее огромное значеніе [1]). Большое это стихотвореніе представляетъ обработку одного изъ эпизодовъ о Маркѣ,—нашемъ „Вѣчномъ жидѣ",—именно о схожденіи его въ адъ. Стихотвореніе это имѣетъ для насъ значеніе не по своему содержанію, имѣющемуся и въ народныхъ сказаніяхъ, а именно какъ фактъ литературной обработки народнаго сюжета на украинскомъ языкѣ. Упомянутое переложеніе принадлежитъ, безъ сомнѣнія, человѣку, искусившемуся въ книжной литературѣ, но это обстоятельство важно тѣмъ болѣе. Оно показываетъ особенно ярко, что украинсконаціональное творчество не погасало никогда и что къ концу 18-го вѣка оно проявляется съ особенной силой, вліяя даже и на писателей книжниковъ. Какое же значеніе имѣетъ все это для начала новѣйшей украинской литературы? Значеніе это, намъ кажется, ясно: стихотвореніе о Маркѣ показываетъ, что къ концу прошлаго вѣка назрѣла настоятельная потребность въ очищеніи украинской литературы отъ всякой рутины и неестественности, замѣчаемыхъ въ литературѣ книжной. Рядъ попытокъ, выражающихъ реакцію этой литературной безжизненности, продолжается, какъ мы сказали, въ теченіе всего 18-го вѣка и кристаллизируется особенно выразительно въ упомянутомъ нами стихотвореніи. Но всѣ эти попытки, не исключая и послѣдней, при всей прогрессивности содержанія и языковой формы, по литературному своему складу все-таки вращаются въ кругѣ прежнихъ произведеній и за предѣлы ихъ не выходятъ. Впрочемъ, послѣднее не такъ важно,—для насъ болѣе знаменательно самое обстоятельство, что рядомъ съ „творчествомъ" книжно-схоластическимъ шло оппозиціонное ему творчество въ

[1]) Кіевская Старина 1885 г. Августъ. стр. 684—692.

духѣ народномъ. Фактовъ для подтвержденія нашей мысли, сходной съ воззрѣніями на этотъ счетъ г. Зуйченка и проф. Дашкевича,—пока не очень много; всѣ они, какъ думаетъ и проф. Петровъ, еще впереди,—но и приведенныхъ нами примѣровъ все таки достаточно, чтобы мысль о неугасаніи самобытнаго творчества 18 в. высказывать довольно положительно. Имѣя этотъ выводъ въ рукахъ, легко уже опредѣлить связь и значеніе нашей Энеиды по сравненію съ предыдущими самобытно-украинскими произведеніями. Котляревскій зналъ народное творчество и книжно-народныя произведенія, достигшія въ легендѣ о Маркѣ своего апогея, и долженъ былъ подчиниться всемогущимъ требованіямъ жизни, имѣвшимъ отношеніе къ литературѣ. Истинно-національное творчество, при всѣхъ препятствіяхъ къ развитію, все-таки шло впередъ все больше и дошло, наконецъ, до такой степени, что должно было перейти къ новой стадіи развитія. Долженъ лишь былъ найтись человѣкъ, который-бы безсознательно выполнилъ эту высокую культурную миссію. Такимъ человѣкомъ и явился Котляревскій, выросшій на почвѣ народнаго творчества и положившій послѣднее въ основу своихъ произведеній.

Фактъ этой близости Энеиды къ народнымъ произведеніямъ весьма знаменателенъ: онъ показываетъ ясно, что первое произведеніе Котляревскаго явилось не какимъ-то скачкомъ отъ русской литературы къ украинской, а по отношенію къ предыдущей литературѣ развилось вполнѣ органически и потому примѣромъ эволюціи нашей литературы можетъ стать въ высокой степени. Выводъ отсюда ясный: по своему содержанію, новѣйшая украинская литература стоитъ въ тѣсной связи съ произведеніями книжно-народными той же литературы 18-го вѣка, и потому она есть явленіе вполнѣ самобытное. Съ другой стороны очевидно, что основнымъ элементомъ въ Энеидѣ Котляревскаго была не чужая литературная тенденція, вродѣ русской, а исключительно народно-украинская. Такимъ-же образомъ не имѣютъ отношенія къ содержанію нашей Энеиды ни западноевропейскія, ни украинско-схоластическія теченія того-же

18-го вѣка. Своему народному содержанію украинская новѣйшая литература обязана только самой себѣ. Итакъ, одно изъ вліяній на Энеиду Котляревскаго установлено: оно по характеру чисто народное. Поищемъ другихъ явленій, если только они въ данномъ пунктѣ существуютъ. На чужое вліяніе можетъ указывать направленіе нашей Энеиды, обусловившей литературную форму ея, какъ пародіи. Въ этомъ обстоятельствѣ Петровъ видитъ реакцію псевдо-классицизму и въ силу этого полагаетъ, что Энеида тянется вслѣдъ за такимъ-же направленіемъ въ литературѣ русской. Оба эти мнѣнія историка кажутся намъ совершенно несостоятельными и бездоказательными. Въ чемъ сказывается въ Энеидѣ реакція псевдо-классицизму, совершенно непонятно; неужели только въ томъ, что Энеида есть пародія на классическую тему? Но вѣдь однако этого очень мало... Что поэтъ нашъ смѣется надъ классическими типами, даже имѣя въ виду, можетъ быть, священное поклоненіе имъ въ семинаріяхъ,—это еще не реакція псевдо-классицизму и фактъ, во всякомъ случаѣ, малозначущій. Главной цѣлью поэмы было, какъ мы сказали, патріотическое стремленіе нарисовать украинское общество отчасти въ комическомъ видѣ. Элементъ смѣха занималъ въ данномъ стремленіи поэта немалое мѣсто, и потому форма пародіи могла для него оказаться одной изъ удобнѣйшихъ. Изображеніе боговъ и героевъ Энеиды въ украинской одеждѣ было само по себѣ уже комическимъ и впечатлѣнія юмора могло только усилить. Но тутъ и является вопросъ: что имѣлъ главнымъ образомъ въ виду нашъ поэтъ приступая къ Энеидѣ? потому ли онъ выбралъ послѣднюю, что могъ въ ней опровергать удобнѣе псевдо-классицизмъ, или-же осмѣяніе боговъ было только средствомъ для главной цѣли поэта, желавшаго отмѣтить смѣшныя стороны націи? Мы думаемъ, что въ данномъ случаѣ имѣло мѣсто послѣднее, и что осмѣяніе боговъ и героевъ имѣло не какую-нибудь принципіальную цѣль, а только художественную—увеличить комизмъ произведенія, отмѣченнаго вообще глубокимъ юморомъ. Короче говоря, для Котляревскаго важно было не осмѣяніе *боговъ*, а только самый процессъ осмѣянія: таковы

были требованія его юмористическаго таланта. Въ подтвержденіе этого могутъ служить слѣдующія данныя.

Въ теченіе всего 18-го вѣка въ нашей литературѣ было два теченія: схоластически-книжное и книжно-народное вмѣстѣ съ народнымъ; оба эти теченія продолжались вплоть до конца 18 в., когда вмѣсто обѣихъ формъ книжной литературы явилась въ лицѣ Энеиды одна литература—народная, реформированная въ книжномъ духѣ. Выходитъ такимъ образомъ, что впродолженіе цѣлаго вѣка тянется борьба двухъ направленій въ литературѣ, которая закончилась только въ концѣ столѣтія,—фактъ, при взглядѣ проф. Петрова, крайне странный. По его заключенію, наша Энеида (являющаяся, какъ мы показали, продолженіемъ словесности народной съ примѣсью книжности), есть реакція псевдо-классицизму. Но чѣмъ-же тогда назвать Легенду о Маркѣ, или „Очакивську биду“ или „Замыслъ на попа“ [1]) или хотя-бы произведенія Климовскаго и Сковороды? Неужели и эти произведенія, восходящія постепенно къ самому началу столѣтія, также можно считать произведеніями „реакціи псевдо-классицизму“? Очевидно—нельзя, такъ-же точно, какъ невозможно считать интерлюдій въ драмахъ той-же реакціей псевдо-классицизму: эти интерлюдіи находились въ самыхъ схоластическихъ произведеніяхъ и, въ силу непонятныхъ причинъ, съ ними уживались.

Чѣмъ-же объяснить эту республику въ монархіи, эти народные оазисы въ псевдо-классическихъ пустыняхъ? Единственное объясненіе можетъ дать только идея органическаго развитія нашей литературы. Какъ извѣстно, оба упомянутыя теченія, какъ семинарско-классическая литература, такъ и реально-народная шли параллельно; такая параллельность возможна была только потому, что круги вліянія обоихъ направленій были эксцентрическіе, несоприкасавшіеся другъ съ другомъ. Книжно-схоластическая литература разсчитывала на ограниченную кучку

---

1) „Кіевская Старина“ 1885 г., № 3. стр. 543—550.

высшихъ сословій; книжно-народная словесность, не говоря уже о народной, находила широкое распространеніе въ народѣ.

Стоя на почвѣ ложной, первая литература шла впередъ къ погибели,—наоборотъ, вторая, развиваясь органически, все болѣе прогрессировала и шла къ расцвѣту. Взаимное вліяніе обѣихъ литературъ было самое микроскопическое, притомъ относилось не къ содержанію ихъ, а къ формѣ; кругъ вліянія и самые сюжеты ихъ были совершенно различны, и потому обѣ онѣ могли существовать подъ однимъ украинскимъ небомъ, не сокрушаясь одна о другой. И вотъ, когда наша схоластическая литература пала или почти пала, книжно-народная словесность достигла апогея и потребовала уже болѣе прогрессивныхъ формъ для своего выраженія. Такую форму далъ ей Котляревскій. Нарисованная картина развитія обѣихъ литературъ можетъ теперь облегчить и доказательство того, что наша Энеида не могла даже имѣть намека на какую-бы то ни было реакцію схоластической литературѣ. Котляревскій, съ одной стороны, видѣлъ, что эта послѣдняя умираетъ, и потому, значитъ, реагировать ему было не на что. Съ другой-же стороны, онъ самъ вращался въ атмосферѣ народнаго творчества и настолько сознавалъ силу послѣдняго, что даже сознательно у него учился. Ясно, слѣдовательно, что поэтъ, при упомянутомъ положеніи литературныхъ дѣлъ, могъ чувствовать себя очень спокойно и не вдаваться ни въ какую реакцію: послѣдняя была бы возможна лишь тогда, еслибы въ украинской литературѣ только и гремѣлъ одинъ псевдоклассицизмъ, противъ котораго и нужно было-бы возстать во имя реализма. Но дѣло-то въ томъ, что этотъ послѣдній существовалъ у насъ въ такой степени, что даже врывался въ теплычныя семинарскія драмы,—очевидно, значитъ, что Котляревскому ломать было копій не изъ-за чего.

Все вышесказанное, такимъ образомъ, подтверждаетъ мысль, что наша Энеида не возникла вдругъ подъ русскимъ вліяніемъ, и притомъ для реагированья псевдо-классицизму, но развилась органически изъ книжно-народной украинской литературы реалистическаго направленія. Въ то время, когда появилась Энеида,

наша схоластическая литература уже пала и оказывать ей оппозицію было незачѣмъ. Но чѣмъ-же однако обусловлено появленіе Энеиды, помимо реакціи псевдо-классицизму? Намъ это кажется вполнѣ яснымъ, особенно, если привлечь къ дѣлу Энеиду Осипова. Дѣло въ томъ, что въ русской литературѣ псевдо-классическое направленіе расцвѣсти не успѣло, да и не могло, и уже во второй половинѣ прошлаго вѣка водворилось въ ней реально-сатирическое направленіе, какъ въ комедіяхъ Екатерины II-й, такъ и въ произведеніяхъ фонъ-Визина и особенно въ сатирическихъ журналахъ Новикова.—За ними послѣдовали произведенія Аблесимова, Капниста, Богдановича и другихъ, гдѣ уже литература пришла къ изображенію жизни. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ извѣстной степени, напримѣръ въ одахъ, присутствовалъ псевдо-классическій элементъ, который, впрочемъ, силы не имѣлъ. Ода главнымъ образомъ имѣла мѣсто въ придворныхъ кругахъ и, отличаясь совсѣмъ не литературными цѣлями, не могла и воздѣйствовать на прочія литературныя произведенія, которыя мы назвали выше. Поэтому существованіе ея при этихъ произведеніяхъ совсѣмъ не имѣло того значенія, какое пріобрѣла, напримѣръ, впослѣдствіи стѣснительная для литературы политика Екатерины II-й и Павла, убивавшая всякую свободу мысли. Итакъ, если русская литература въ описываемый періодъ и могла отъ чего-нибудь страдать, то ужъ никакъ не отъ псевдо-классицизма, не имѣвшаго тогда значенія. Наоборотъ, псевдо-классицимъ одной своей стороной даже имѣлъ благотворные результаты, способствуя распространенію болѣе жизненныхъ комическихъ оперъ и поэмъ. Къ числу послѣднихъ нужно отнести произведенія въ родѣ „Раздраженнаго Вакха“ Майкова или „Душеньки“ Богдановича. По такимъ произведеніямъ можно заключить, что авторы не только не задавались какою-бы то ни было цѣлью реагировать псевдо-классицизму, но даже заимствовали у послѣдняго его комизмъ.

Къ такимъ именно произведеніямъ слѣдуетъ отнести и пародію Осипова и Котляревскаго (1791—1808). Осиповъ особенно подтверждаетъ это тѣмъ, что заимствовалъ свои остроты

у нѣмца Блумауэра и потому именно и выбралъ для себя Энеиду, что въ ней могъ сколько-угодно посмѣяться. Но если Осиповъ примкнулъ къ теченію, чуждому русской литературѣ и имѣвшему корни именно въ литературѣ псевдо-классической, то относительно Котляревскаго можно сказать еще большее, показывающее, что никакихъ реакцій псевдо-классицизму онъ не могъ имѣть въ виду. Какъ вѣрно замѣчаетъ и проф. Дашкевичъ, Котляревскій жилъ въ сферѣ украинскихъ произведеній, комически воспроизводившихъ извѣстныя стороны жизни, и воспитался, между прочимъ, и на этихъ произведеніяхъ. Самъ проф. Петровъ признаетъ за фактъ, что до Котляревскаго существовали такія произведенія, только не обратилъ на него, къ сожалѣнію, надлежащаго вниманія, а потому и причислилъ Котляревскаго къ тому направленію, къ которому неправильно отнесъ и русскую Энеиду. Мы на данный фактъ смотримъ совершенно иначе и потому на направленіе, выражающееся въ нашей Энеидѣ, также должны взглянуть другими глазами. Будучи реалистической по содержанію, украинская Энеида все-таки отличается комизмомъ изложенія и въ силу этого примыкаетъ къ комическимъ произведеніямъ украинской литературы, вродѣ хотя-бы вертепныхъ интерлюдій. Такимъ образомъ и въ данномъ случаѣ, она является вполнѣ самобытнымъ произведеніемъ, лишеннымъ всякаго „иностраннаго“ вліянія. Тотъ фактъ, что нашъ поэтъ держался канвы русской Энеиды и что избралъ форму пародіи въ зависимости отъ послѣдней, не имѣетъ никакого значенія: подражаніе русскому образцу есть чисто формальное, а кабацкій оттѣнокъ русской Энеиды мало имѣетъ общаго съ грубоватымъ юморомъ Энеиды украинской. Самый-же фактъ пользованія Котляревскаго русской Энеидой объясняется именно только тѣмъ, что нашъ поэтъ подготовленъ уже былъ къ такому выбору всей предшествовавшей украинской литературой и собственнымъ юмористическимъ талантомъ. Въ виду этого лишь онъ и выбралъ смѣхотворную русскую Энеиду, остроуміемъ которой даже не разъ пользовался. Въ этой-только формѣ онъ и могъ дать широкую картину народной жизни и показать весь народный юморъ.

Форма Энеиды особенно была удобна для такой цѣли и объ этой формѣ самъ поэтъ могъ думать и безъ Осипова. Извѣстно вѣдь, что въ „книжныхъ“ сферахъ Украйны Энеида Вергилія, особенно со времени Ѳеофана Прокоповича, пользовалась большимъ почетомъ. Особенное-же впечатлѣніе могла она производить на Котляревскаго, который, по правильному замѣчанію Ст.-Каминскаго, могъ проводить въ ней аналогію съ бурной исторіей роднаго народа. Въ виду этого нашъ поэтъ, какъ показываетъ примѣръ Легенды о Маркѣ, обязательно долженъ былъ начать новѣйшую литературу съ украинской эпопеи, вродѣ римской Энеиды. Мысль о такой эпопеѣ могла таиться въ его душѣ еще до появленія русской пародіи, но когда явилась последняя, то сокровенные замыслы его сразу должны были получить надлежащее направленіе. Поэтъ плѣнился русской Энеидой и, какъ-бы по рекомендаціи Прокоповича, рѣшилъ создать такую-же Энеиду украинскую съ комическимъ оттѣнкомъ.

Такимъ образомъ, русскій образецъ сыгралъ здѣсь роль чисто-пассивную; онъ только окончательно опредѣлилъ ту форму, въ которой должны были вылиться довольно опредѣленныя тенденціи Котляревскаго, сложившіяся далеко раньше. Совпаденіе-же съ псевдо-классическими образцами обоихъ славянскихъ произведеній показываетъ особенно ясно, что послѣднія совсѣмъ не стояли въ оппозиціи съ псевдо-классицизмомъ, а наоборотъ— даже пользовались его формами въ положительныхъ цѣляхъ. Слѣдовательно, въ первомъ случаѣ проф. Петровъ не правъ; а разъ это такъ, то не правъ онъ, значитъ, и въ томъ, что наша пародія реагируетъ псевдо-классицизму подъ вліяніемъ русской литературы. Это его замѣчаніе опровергается, думаемъ мы, уже тѣмъ, что украинская Энеида не является вовсе никакой реакціей псевдо-классицизму, а также особенно тѣмъ, что комизмъ и реализмъ ея развился внѣ русской литературы.

Итакъ, новѣйшая украинская литература со стороны матерьяльной не обязана литературѣ русской ничѣмъ. Но неужели послѣдняя не повліяла на Энеиду Котляревскаго совершенно? Нѣтъ, не повліять она не могла, что видно и на украинской

пародіи, но только это вліяніе было чисто-формальное. Сравнивая обѣ славянскія передѣлки римской поэмы, мы находимъ въ нихъ общаго только одинъ стихотворный размѣръ—исключительно тоническій, въ книжно-народной украинской версификаціи почти отсутствующій. Подобно своимъ предшественникамъ (Богдановичу, Капнисту), Котляревскій дѣйствительно заимствовалъ и укрѣпилъ тонизмъ въ нашей литературѣ, пользуясь русскимъ образцомъ; но въ этомъ фактѣ нѣтъ, однако, и намека на сближеніе съ русской словесностью. Наоборотъ, усвоивъ высшую стихотворную форму, Котляревскій тѣмъ самимъ обособилъ украинскую литературу, имѣвшую свое собственное содержаніе и сферу вліянія. Въ силу этого, послѣдняя сразу стала на путь реализма, завѣщаннаго ей еще 18-мъ вѣкомъ, и продолжаетъ идти по этому пути до настоящаго времени, въ то время когда русская литература освободилась отъ различныхъ блужданій далеко позже, да и то, главнымъ образомъ, благодаря украинцу-Гоголю. Но будучи все время самостоятельной по содержанію и тенденціямъ, украинская литература, какъ прежде, такъ и въ Энеидѣ, несомнѣнно подвергалась и другой сторонѣ формальнаго вліянія русской словесности, кромѣ заимствованія размѣра стиха. Это вліяніе, впрочемъ, было косвенное и сопровождалось только поддержаніемъ въ нашей литературѣ того изящества образовъ, какое имѣлось уже и въ народной поэзіи. Заимствовать эту изящность намъ было незачѣмъ,—Котляревскій и у себя дома могъ найти ее сколько угодно, но существованіе ея въ русской литературѣ и теперь для насъ является важнымъ потому, что можетъ служить предупрежденіемъ отъ слѣдованія такимъ образцамъ, какъ произведенія Ѳ. Прокоповича и Довгалевскаго. То-же имѣло мѣсто и въ отношеніи Котляревскаго, главное значеніе котораго и состояло въ томъ, что онъ стихотворную нашу поэзію возвысилъ формально до такой стадіи, на которой, напримѣръ, были лучшія оды Державина. Размѣръ и изящность послѣднихъ могли только воздѣйствовать на Котляревскаго укрѣпляющимъ образомъ, и онъ ими воспользовался въ высокой степени. Послѣ всего этого, мы можемъ вполнѣ точно

опредѣлить составныя части нашей Энеиды, равно какъ и ту почву, на которой выросла новѣйшая украинская литература. Послѣдняя, въ лицѣ Котляревскаго, эволютивно выросла изъ предшествующей книжно-народной украинской литературы, откуда почерпнула свой комизмъ, юморъ и реализмъ содержанія и только съ формальной стороны позаимствовалась насчетъ литературы русской: въ ней укрѣпились стихотворный размѣръ и отчасти эстетическій вкусъ, имѣвшіе мѣсто въ послѣдней. Тотъ фактъ, что нашъ поэтъ пародировалъ Вергилія, не можетъ быть отзвукомъ русскаго вліянія, воздѣйствовавшаго на него или черезъ русскую, или черезъ семинарско-украинскую литературы: въ нашей Энеидѣ нѣтъ ни одного штриха псевдо-классическаго, тѣмъ болѣе, что и сами псевдо-классики западные, писавшіе свои шутливыя поэмы, переставали уже тѣмъ самымъ быть псевдо-классиками, а приближались къ жизни. Все, что относится къ генезису Энеиды, можно цѣликомъ отнести къ „Одѣ до князя Куракина“. Какъ признаетъ и проф. Петровъ, ода вообще была національно-украинскимъ произведеніемъ и въ видѣ поздравительныхъ виршей свойственна была и книжно-народному творчеству. Съ такими произведеніями стоитъ въ связи и „Ода“ Котляревскаго, хотя она больше примыкаетъ къ тѣмъ одамъ, которыя проф. Петровъ называетъ шутливыми. Содержаніе и эстетически-образная форма „Оды“ Котляревскаго совершенно народныя и наряду съ прочими украинскими произведеніями того-же рода не представляютъ ничего особеннаго; шагъ впередъ дѣлаетъ въ ней Котляревскій только въ обработкѣ содержанія и въ приданіи ему болѣе изящной стихотворной формы. Въ этомъ отношеніи на Котляревскомъ опять таки сказалось формальное вліяніе русской литературы, отразившееся и въ Энеидѣ. Такимъ образомъ и послѣдняя и „Ода до Куракина“—суть органически развившіяся произведенія, корнями и ростомъ обязанныя почвѣ родной, и только по формѣ своей относящіяся нѣсколько къ литературѣ русской. Почти то же самое, хотя и не совсѣмъ, можно сказать и о драматическихъ произведеніяхъ Котляревскаго. По содержа-

нію своему, обѣ его пьесы вполнѣ народны, и стимуломъ ихъ созданія была та-же любовь къ народу и стремленіе изобразить его, какъ это было, по нашему мнѣнію, и въ отношеніи Энеиды. Относительно того, что, напримѣръ, „Наталка" была написана именно съ такой патріотически-художественной цѣлью, говоритъ уже содержаніе самой пьесы; на это указываетъ и проф. Петровъ, особенно профессоръ Дашкевичъ, ставящіе созданіе „Наталки" въ связь съ желаніемъ поэта реабилитировать украинскій народъ отъ тѣхъ ложныхъ чертъ, какими надѣлилъ его въ своей пьесѣ Шаховской. Но говоря о „Наталкѣ" только что приведенныя слова, историки нашей литературы напрасно не простираютъ смысла, приданнаго ими „Наталкѣ", и на „Москаля". Тенденціозно-патріотическіе разговоры Чупруна и въ особенности насмѣшка его съ женой надъ перековеркиваніемъ украинскаго языка и пѣсни солдатомъ—ясно показываютъ, что поэтъ, стараясь осмѣять за это москаля, а раньше и Фынтыка, имѣлъ цѣлью изобразить настоящихъ украинцевъ, въ лицѣ Мыхайла и Тетяны, во всѣхъ чертахъ своихъ вполнѣ народныхъ. А главное то, что „Москаль" написанъ былъ въ одинъ годъ съ „Наталкой", т. е., когда поэтъ находился подъ вліяніемъ пьесы Шаховского и имѣлъ, значитъ,въ виду создавать произведенія въ чисто-народномъ духѣ. Имѣя такую тенденцію, обнаруженную въ „Наталкѣ", поэтъ, разумѣется, долженъ былъ рисовать вѣрныя картины народной жизни,—въ противномъ случаѣ его произведенія подверглись-бы участи, подобной пьесѣ Шаховского. Все это вмѣстѣ и послужило причиной тому, что обѣ пьесы Котляревскаго вышли глубоко-народными,—фактъ въ данномъ случаѣ очень важный. Благодаря этому, ихъ можно поставить въ рядъ тѣхъ произведеній, въ которыхъ нашъ поэтъ, подобно тому какъ въ Энеидѣ, примкнулъ къ прежнимъ украинскимъ произведеніямъ, изображавшимъ народную жизнь. Обѣ упомянутыя пьесы можно возводить главнымъ образомъ къ драматическимъ интерлюдіямъ, на которыхъ нашъ поэтъ также воспитался; слѣдовательно, въ своихъ пьесахъ послѣдній примыкаетъ къ народной вертепной драмѣ и различнымъ книжно-народнымъ діа-

логамъ. Но не трудно увидѣть, что по драматической формѣ произведенія Котляревскаго отличаются отъ вертепныхъ интерлюдій довольно рѣзко, такъ какъ въ нихъ впервые народная жизнь изображена была то въ дѣйствительно драматическихъ, то въ комическихъ позиціяхъ, обнаруживающихъ бо́льшую художественность обработки и самого замысла.

Это вліяніе, безъ сомнѣнія, уже постороннее и обличаетъ художественное развитіе, какого не могла дать поэту украинская народная драма и какое онъ получилъ, очевидно, извнѣ. Откуда-же именно? Исторія русской культуры даетъ на это удовлетворительный отвѣтъ, хотя и косвеннымъ образомъ [1]. При соприкосновеніи Россіи съ Западомъ при Екатеринѣ II-й, и особенно при Александрѣ I-мъ, русская сцена, даже въ провинціи, стала обогащаться итальянскими и французскими переводными „операми“, на которыя былъ запросъ публики. Эти оперы, вѣрнѣе говоря, оперетты, имѣли именно такую форму, какая замѣчается и въ пьесахъ Котляревскаго, т. е. главными аттрибутами ихъ былъ, во первыхъ, драматическій или комическій эпизодъ и, во вторыхъ, отдѣлъ вокально-музыкальный. На манеръ этихъ западныхъ оперъ, стали появляться въ Россіи и самостоятельныя пьесы, вродѣ произведеній Аблесимова или кн. Шаховскаго.—Этому-же западному вліянію подчинился и Котляревскій. Въ подтвержденіе этого имѣются положительныя данныя, являющіяся вкладомъ въ науку, благодаря проф. Дашкевичу: послѣдній въ своемъ второмъ этюдѣ о Котляревскомъ доказалъ ясно, что нашъ поэтъ не только былъ знакомъ съ французской опереточной литературой, но даже очень подробно разработалъ сюжетъ одной изъ французскихъ опереттъ въ своемъ „Москалѣ“. Фактъ во всякомъ случаѣ очень важный, и хотя онъ имѣетъ силу, собственно говоря, только въ отношеніи комической пьесы Котляревскаго, тѣмъ не менѣе смыслъ его можно распространить и на „Наталку“, такъ какъ художественные пріемы обѣ-

[1]) Милюковъ—Очерки по исторіи русской культуры. Ч. II-я. Очеркъ шестой.

ихъ пьесъ одинаковы и вытекаютъ, слѣдовательно, изъ одного источника. Въ силу этого, фактъ западнаго вліянія на пьесы Котляревскаго можно считать безусловно вѣрнымъ, хотя и это вліяніе опять таки остается чисто формальнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, Котляревскій совсѣмъ не рветъ связей съ содержаніемъ и реалистическимъ направленіемъ интерлюдій; онъ только даетъ имъ болѣе развитую, западно-европейскую форму, способную удовлетворить извѣстнымъ художественнымъ требованіямъ. Въ этомъ послѣднемъ и сказалось вліяніе Запада на новѣйшей украинской литературѣ, которая во всемъ остальномъ является вполнѣ самобытной.

Представивъ, такимъ образомъ, литературный генезисъ произведеній Котляревскаго, мы не сказали еще объ одной сторонѣ послѣднихъ, имѣющей важность для полной оцѣнки историко-литературнаго значенія нашего поэта: мы имѣемъ въ виду языкъ его произведеній. Какъ мы упоминали выше, украинская рѣчь въ различныхъ созданіяхъ Котляревскаго отличается, въ смыслѣ чистоты, не одинаковыми достоинствами: въ послѣднихъ его произведеніяхъ она лучше, чѣмъ въ первыхъ,—это наблюденіе имѣетъ нѣкоторое значеніе. Прежде всего нужно, конечно, сказать, что украинская рѣчь произведеній Котляревскаго стоитъ внѣ всякаго отношенія къ литературѣ русской: на стремленіе поэта писать по-украински послѣдняя и не могла имѣть вліянія хотя-бы уже въ силу того, что въ данномъ направленіи вліяла на него любовь къ родинѣ, какъ извѣстный соціальный законъ. Но въ положительномъ смыслѣ она не могла вліять на поэта еще и по другой причинѣ,—и, просто говоря, потому, что русская литература дѣйствовала въ этомъ отношеніи деструктивно, т. е. отрицательно. Самъ проф. Петровъ указываетъ, что подъ вліяніемъ этой литературы украинцы стали бросать свою родную рѣчь и переходить къ творчеству на языкѣ русскомъ; къ концу прошлаго вѣка это должно было, конечно, имѣть мѣсто еще въ большей степени,— и, въ самомъ дѣлѣ, книжная украинская литература 18 вѣка въ концѣ концовъ совсѣмъ погибла, не будучи въ состояніи, при своихъ патріархальныхъ формахъ,

конкурировать съ болѣе совершенной литературой русской. Слѣдовательно, ясно, что послѣдняя для возрожденія украинскаго творчества на украинскомъ языкѣ могла имѣть только отрицательное значеніе; очевидно, значитъ, и то, что украинской рѣчью своихъ произведеній нашъ поэтъ обязанъ не русской литературѣ, а чему-то другому. Этимъ „другимъ“ проф. Петровъ считаетъ интерлюдіи, но его толкованіе является узкимъ и послужило, между прочимъ, причиной того, что историко-литературное значеніе Котляревскаго оцѣнено имъ, по нашему мнѣнію, невѣрно. Разумѣется, и интерлюдіи были лексической почвой для его творчества, но не однѣ только интерлюдіи, а весь огромный запасъ народной словесности, рѣчь которой по изящности и образности безконечно превосходитъ рѣчь интерлюдій.

Сравнивая рѣчь Энеиды и „Оды“ съ лексическимъ матеріаломъ народной словесности, легко можно убѣдиться, что послѣдняя сообщила поэту все свое богатство, которымъ онъ и воспользовался въ большой степени. Тѣмъ не менѣе въ рѣчи упомянутыхъ произведеній, по сравненію съ народной словесностью и даже съ легендой о Маркѣ, чувствуется нѣкоторая неестественность, замѣчаемая въ руссизмахъ. Эти послѣдніе для Котляревскаго очень знаменательны: они показываютъ, что, руководствуясь формальнымъ вліяніемъ русской литературы, поэтъ все-таки не могъ совершенно противиться деструктивному вліянію ея въ смыслѣ языка. Соблазнъ въ этомъ отношеніи былъ особенно силенъ, когда поэтъ создавалъ Энеиду: въ эту послѣднюю онъ, какъ извѣстно, внесъ не мало русскихъ словъ, взятыхъ изъ образца его—русской пародіи. Наоборотъ, въ позднѣйшихъ произведеніяхъ, гдѣ поэтъ находился подъ западнымъ вліяніемъ, видна почти безупречная чистота рѣчи, не вполнѣ совершенная въ раннихъ его созданіяхъ. Изъ этого пока можно сдѣлать два вывода: во первыхъ, что украинская рѣчь произведеній Котляревскаго обязана своей чистотой и вообще фактомъ своего существованія исключительно народной украинской словесности, и, во вторыхъ, что вліяніе русской литературы

тамъ, гдѣ оно сказывалось, приносило въ смыслѣ языка только вредъ.

На этихъ заключеніяхъ, касающихся рѣчи произведеній Котляревскаго, мы и остановимся; такъ какъ замѣчаніями по данному поводу исчерпывается весь матеріалъ, необходимый для оцѣнки историко-литературнаго значенія Котляревскаго. Итакъ, въ чемъ-же заключается послѣднее? По содержанію своего творчества, Котляревскій является продолжателемъ реалистической народной литературы: онъ представляетъ стадію въ органическомъ ея развитіи, начало которой кроется еще въ книжно-народныхъ созданіяхъ, вродѣ стихотвореній Климовскаго или Легенды о Маркѣ; слѣдовательно, въ данномъ отношеніи, онъ въ органическомъ ходѣ нашей литературы не составляетъ еще шага впередъ. Заслуга Котляревскаго можетъ быть въ этомъ смыслѣ только та, что онъ не примкнулъ къ безжизненной фалангѣ книжныхъ украинскихъ писателей, а твердо укрѣпилъ въ нашей литературѣ реализмъ въ широкомъ смыслѣ этого слова, не соблазняясь даже сантиментальными образцами литературы русской. Не составляетъ также особенной заслуги поэта и то обстоятельство, что онъ писалъ на чистомъ народномъ языкѣ,— хотя и это также относится къ числу его достоинствъ. Дѣло въ томъ, что рѣчь его произведеній ничуть не стоитъ выше рѣчи книжно-народныхъ созданій, вродѣ легенды о Маркѣ или замысла на попа,—наоборотъ, въ „Энеидѣ“ и „Одѣ“ она стоитъ даже ниже ихъ, именно благодаря своимъ руссизмамъ. Въ виду этого совершенно не правъ пр. Петровъ и особенно г. Минскій, называя нашего поэта „языковымъ“ реформаторомъ, вродѣ, напр., Ломоносова. Такое реформаторство имѣло-бы мѣсто только въ томъ случаѣ, если-бы нашего поэта можно было поставить въ связь съ чисто книжной украинской литературой, но вѣдь такой связи нельзя въ данномъ случаѣ допускать совершенно. Нѣтъ, сила его историко-литературнаго значенія заключается не въ этомъ; не въ этомъ и его реформаторство, хотя послѣднее и должно быть признано за нимъ безспорно. Въ чемъ же оно заключается?—Да именно въ тѣхъ чисто формальныхъ, но важ-

ныхъ операціяхъ, которыя онъ совершилъ надъ книжно-народной словесностью. Онъ сообщилъ послѣдней новыя формы, поставилъ въ рядъ съ литературой русской и тѣмъ далъ ей средство къ вѣрной и успѣшной борьбѣ за существованіе. Вотъ эта-то его заслуга и есть настоящее реформаторство, имѣвшее столь благотворные результаты для украинской литературы. Въ лицѣ своихъ произведеній поэтъ далъ родному творчеству то „новое", чего у послѣдняго не было: онъ далъ ему высшія художественныя формы.—И за это „новое", дѣлающее украинскую литературу до Котляревскаго столь непохожей на литературу послѣ него, нашъ поэтъ, какъ извѣстно, получилъ титулъ творца новаго періода украинской литературы. Титулъ, по нашему мнѣнію, совершенно справедливый и вполнѣ отвѣчающій реформаторской роли Котляревскаго въ области нашей художественной литературы. Въ этой-же роли и заключается вся суть историко-литературнаго его значенія, какъ поэта художника, силу обаянія котораго мы покажемъ ниже.

Какъ творецъ извѣстнаго періода, какъ представитель и родоначальникъ извѣстной школы, Котляревскій долженъ былъ, разумѣется, имѣть вліяніе на развитіе дальнѣйшей украинской литературы, получившей отъ него прогрессивное движеніе. На такую его роль указывали въ свое время, какъ старые, такъ и новые критики, видѣвшіе въ украинской литературѣ отраженіе большого вліянія Котляревскаго. Въ старое время указывали на это—Стеблинъ-Каминскій, А. Котляревскій, даже отчасти Кулишъ, затѣмъ Пыпинъ, въ новое время отмѣчали это обстоятельство проф. Петровъ и Дашкевичъ,—и замѣчанія ихъ, въ общемъ, имѣли большой смыслъ. Въ самомъ дѣлѣ, вліяніе Котляревскаго на послѣдующую литературу было обширное и разностороннее. Прежде всего заключалось оно въ томъ, что по примѣру Котляревскаго писатели-украинцы стали писать и на родномъ языкѣ, создавая такимъ образомъ истинно-художественную украинскую литературу. Такіе корифеи нашей литературы, какъ Гулакъ, Квитка и Шевченко, не могли-бы, вѣроятно, появиться на украинскомъ горизинтѣ, если-бы украинская рѣчь

не была къ ихъ времени освящена, такъ сказать, одобреніемъ публики и не пріобрѣла потому въ литературѣ права гражданства. Имѣя-же передъ собой такой образецъ, какимъ являлся въ поэзіи Котляревскій, названные писатели могли уже спокойно культивировать родную рѣчь и въ своихъ произведеніяхъ. Но вліяніе Котляревскаго на украинскую литературу этимъ только не ограничилось: оно простиралось не только на формальныя, но и на внутреннія стороны этой литературы, о чемъ могутъ свидѣтельствовать нижеслѣдующія данныя. По внутреннему смыслу своихъ произведеній, Котляревскій былъ реалистъ, въ нѣкоторыя свои произведенія внесшій также комизмъ въ видѣ юмора. Сообразно такому направленію его творчества, сформировалась цѣлая литературная школа, отражавшая въ своихъ произведеніяхъ оба упомянутые оттѣнка поэзіи Котляревскаго, хотя и въ неодинаковой степени. Большое вліяніе оказалъ поэтъ на послѣдующую литературу комической стороной своего таланта, заразивъ своихъ послѣдователей, по названію Кулиша, „котляревщиной". Въ этомъ отношеніи нашему поэту обязаны прежде всего такія произведенія, какъ „Вакула Чмиръ"—стихи помѣщенные въ грамматикѣ Павловскаго, или-же такія, о которыхъ упоминаетъ въ своей статьѣ о Гулакѣ Кулишъ [1]). Прямое вліяніе въ упомянутомъ смыслѣ оказалъ Котляревскій и на современника своего Бѣлецкаго-Носенка, написавшаго передѣлку классическаго миѳа „Похищеніе Прозерпины" подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ Энеиды, о чемъ заявляетъ въ одномъ мѣстѣ и самъ авторъ [2]). Такое-же вліяніе оказалъ онъ и на Гулака, занимавшагося также переработкой классическихъ сюжетовъ и слѣдовавшаго, какъ говоритъ правильно Кулишъ, даже стилистическимъ пріемамъ Котляревскаго.

Подъ вліяніемъ-же послѣдняго создана и „Жабомышодракивка", написаная на гомеровскую тему Думитрашкомъ, почти современникомъ нашего поэта. Трудно сомнѣваться послѣ вто-

---

[1]) Основа 1861 г. № 8-й.

[2]) Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія—Н. И. Петрова,—стр. 45.

рой работы проф. Дашкевича о Котляревскомъ, что подъ вліяніемъ послѣдняго написанъ также „Простакъ“ В. А. Гоголя, во многомъ схожій съ „Москалемъ“; тоже самое нужно сказать и о Кухаренкѣ, находившемся подъ нѣкоторымъ вліяніемъ оперетть Котляревскаго. Вліяніе послѣдняго-же сказалось и на новомъ современникѣ его—Квиткѣ, отразившемъ комизмъ его въ латинской передѣлкѣ „Салдацькый патретъ“; то же опять таки нужно сказать и о С. Писаревскомъ—современникѣ Котляревскаго, и объ А. А. Корсунѣ; глубокое вліяніе Котляревскаго отражается и на Порфиріѣ Кореницкомъ, почти современникѣ нашего поэта. Не безъ воздѣйствія комизма послѣдняго написаны и первыя повѣсти Гоголя-сына, особенно, напримѣръ, „Сорочинская ярмарка“ и т. д. Считаемъ лишнимъ приводить дальнѣйшіе примѣры вліянія комической стороны произведеній Котляревскаго на его послѣдователей. Вышеназванные писатели показываютъ это наглядно. Но серьезная сторона его произведеній, главнымъ образомъ „Наталки“, оказала на послѣдующую литературу еще большее и даже огромное вліяніе.—Въ данномъ направленіи сказалось послѣднее особенно на Квиткѣ и Шевченкѣ. Чувствительно-юмористическій талантъ перваго, родственный, такимъ образомъ, таланту Котляревскаго, не могъ не подсказать ему сознанія всей прелести такихъ произведеній, какъ „Наталка“, художественно воспроизводящая народную жизнь. Въ виду этого, появленіе такихъ произведеній Квитки, какъ „Маруся“, всецѣло можетъ быть обязано реальному творчеству Котляревскаго, впервые показавшаго простую, но чарующую душу нашихъ крестьянъ въ совершенно вѣрной картинѣ. Штрихи „Маруси“ почти тождественны съ чертами, наложенными Котляревскимъ на всю свою „оперу“,—въ силу чего цѣнность „Наталки“ увеличивается еще болѣе, равно какъ увеличивается и значеніе ея, какъ прототипа повѣстей Квитки. Такое-же значеніе могъ имѣть Котляревскій съ своей „Наталкой“ и по отношенію къ Шевченку, написавшему „Назара Стодолю“. Подобно Кухаренку, почти современникъ нашего поэта Шевченко имѣлъ передъ собой въ драматической литературѣ украинской

единственный прототипъ—„Наталку“, къ которой онъ долженъ былъ отнестись крайне восторженно, судя по отзыву его объ Энеидѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ тонѣ „Назара“ звучитъ очень много чувствъ и оттѣнковъ, весьма напоминающихъ тонъ и настроеніе „Наталки“. Мы далеки, конечно, отъ мысли, чтобы считать въ данномъ случаѣ Шевченка подражателемъ Котляревскаго,—въ этомъ Шевченко не повиненъ совершенно; но сообщеніе Шевченку извѣстнаго вкуса, равно какъ и твердое реалистическое направленіе, сразу утвержденное въ нашей литературѣ Котляревскимъ, должно было имѣть, какъ на Квитку, такъ и на Шевченка, весьма трезвое вліяніе. Въ частности, вліяніе реализма Котляревскаго сказалось на С. В. Александровѣ, молодомъ современникѣ нашего поэта, и затѣмъ на М. Петренкѣ, писавшемъ лирическія произведенія въ духѣ пѣсенъ „Наталки“. Помимо всего этого, изъ факта вліянія Котляревскаго на Гоголя-отца, Кухаренка и Шевченка, можно видѣть, что нашъ поэтъ совершенно поставилъ на ноги украинскій театръ. На пьесакъ Котляревскаго воспиталось не одно поколѣніе драматическихъ украинскихъ писателей, и современные намъ талантливые драматурги—Старицкій, Карпенко и Кропивницкій, безъ сомнѣнія, обязаны Котляревскому не мало. Сказаннаго о литературномъ вліяніи послѣдняго мы считаемъ достаточнымъ, такъ какъ подробное обслѣдованіе даннаго вопроса возможно только въ отдѣльной работѣ. Но и при всей краткости сдѣланныхъ указаній, которыя, впрочемъ, могутъ быть подтверждены фактически, возможно уже составить опредѣленное понятіе о роли Котляревскаго въ нашей литературѣ.

Какъ труденъ былъ не только первый шагъ основателя новѣйшей украинской литературы, а и самое развитіе послѣдней, показываетъ ближайшее состояніе ея наряду съ литературой русской. Вообще шаги на поприщѣ нашего творчества послѣ Котляревскаго были очень неровными и, при всей своей солидности, довольно шаткими. Такъ напримѣръ, Бѣлецкій, начавъ писать по украински, все-таки пишетъ и по русски; Гулакъ да-

же совсѣмъ бросаетъ украинскую лиру [1]), Квитка пишетъ много и по русски, и даже Шевченко проявляетъ въ этомъ отношеніи большой дуализмъ. Тѣмъ важнѣе поэтому должно представиться намъ значеніе инициативы Котляревскаго, который, кстати сказать, не написалъ ни одного русскаго произведенія. Ясно изъ предыдущаго, что только благодаря этой инициативѣ и могли явиться произведенія Гулака, Квитки и Шевченка, которыя не могли-бы имѣть мѣста, если-бы уничтожена была почва для развитія украинской литературы, твердо обоснованной Котляревскимъ. А что этихъ произведеній украинская литература могла-бы безъ послѣдняго дождаться еще не скоро и не такъ-то легко, показываетъ фактъ, что и послѣ Котляревскаго украинцы все-таки отдавали слишкомъ большую дань литературѣ русской. Давъ толчекъ и направленіе украинской литературѣ въ Россіи, Котляревскій сдѣлалъ то-же самое и для украинской литературы въ Галиціи [2]). „Энеида“ попала въ Галицію въ то самое время, когда возбужденная любовью къ родинѣ галицкая молодежь искала пути для своего развитія. Произведеніе нашего поэта показало Галичанамъ, что существуетъ украинское слово, достойное художественной обработки и культивировки; равнымъ образомъ оно показало имъ сразу то направленіе, какое должна была принять ихъ литература въ своемъ развитіи. Разумѣется, въ патріотизмѣ галичанъ Энеида была стимуломъ не единственнымъ, но какъ произведеніе художественное, она должна была въ литературномъ отношеніи имѣть для нихъ исключительно крупное значеніе,—и мы можемъ смѣло сказать, что вѣтвь украинской литературы въ Галиціи большей частью своего начала обязанна именно „Энеидѣ“. Съ послѣдней былъ несомнѣнно

---

[1]) По крайней мѣрѣ ничего по-украински не печатаетъ.

[2]) Эту литературу проф. Дашкевичъ называетъ „русской“,—вѣроятно безъ всякой централизаціонной тенденціи; но его неумышленная ошибка можетъ тѣмъ не менѣе вести къ крупнымъ *научнымъ* недоразумѣніямъ; въ виду этого считаемъ нужнымъ замѣтить, что названіе „руска“, даваемое своей литературѣ Галичанами, обозначаетъ литературу на галицко-украинскомъ языкѣ, которую они въ отличіе отъ литературы русской, называютъ „руска“,—пиша это названіе съ однимъ „с“.

знакомъ Шашкевичъ [1]),—ее-же зналъ съ дѣтства и Головацкій [2]), ее читалъ поэтому безъ сомнѣнія и Вагилевичъ,—т. е. всѣ члены знаменитой галицкой тройцы. При несомнѣнности этого вліянія, легко сообразить и сущность его, ничѣмъ не отличную отъ такого-же воздѣйствія Энеиды на украинскую литературу въ Россіи. Въ Галиціи оно сказалось въ реально-народномъ направленіи, какое приняла съ самаго начала галицкая литература и которое, при содѣйствіи той-же украинской словесности, въ большомъ размѣрѣ наблюдается въ ней и по нынѣ. Впрочемъ, много говорить о вліяніи Энеиды на галицкую литературу мы не будемъ, такъ какъ къ послѣдней относится почти все сказанное о вліяніи ея и на украинскую литературу въ Россіи. Разсмотрѣніе-же послѣдняго представило теперь данныя для большаго выясненія историко-литературнаго значенія Котляревскаго, о которомъ мы говорили выше. Послѣ опредѣленія его вліянія въ развитіи украинской литературы, это значеніе Котляревскаго выясняется еще болѣе. Нашъ поэтъ не только произвелъ реформу въ художественности и вообще въ формахъ предыдущаго книжно-народнаго творчества Украйны, но и заложилъ незыблемый фундаментъ для существованія родной литературы. Онъ, во первыхъ, своимъ талантомъ снискалъ право гражданства для украинскаго творчества, какъ таковаго, и послужилъ примѣромъ для другихъ талантливыхъ украинолюбцевъ; во вторыхъ, онъ далъ содержаніе и направленіе всей слѣдовавшей за нимъ украинской литературѣ, указавъ ей на сокровища народной поэзіи и на реализмъ, какъ на высшія художественныя задачи. Въ первомъ отношеніи Котляревскій стоитъ выше Н. Гоголя, принципіально бросившаго родное творчество, хотя на послѣднемъ и выросшаго; во второмъ случаѣ онъ для украинской литературы имѣетъ то-же значеніе, какъ для русской Гоголь, утвердившій въ ней реализмъ и, подобно Котляревскому, создавшій свою школу. Такимъ образомъ, нашъ литературный

[1]) М. Драгомановъ—Евреи и Поляки въ юго западномъ краѣ. В. Европы—1875, іюль стр. 162.

[2]) Н. Дашкевичъ—Отзывъ о сочиненіи г. Петрова—стр. 128.

реформаторъ Котляревскій значитъ для насъ далеко больше, чѣмъ Гоголь для русскихъ; при томъ заслуга нашего поэта увеличивается особенно еще потому, что для Гоголя онъ служилъ прототипомъ.

Такое заключеніе объ историко-литературномъ значеніи Котляревскаго вытекаетъ прямо изъ относящихся къ нему фактическихъ данныхъ,—поэтому послѣднее можетъ считаться ничуть не преувеличеннымъ. Послѣ выясненія громаднаго историко-литературнаго значенія Котляревскаго, совершенно лишне распространяться о томъ вліяніи его произведеній, какое должны были они имѣть на выработку вкуса и склонности публики къ украинскому творчеству. Изъ всего сказаннаго такое вліяніе должно уже предполагаться a priori. Въ самомъ дѣлѣ, выше мы уже замѣтили, что поэзія Котляревскаго, какъ „прекрасное“, должна была оказывать эстетическое воздѣйствіе на ея читателей. Теперь-же мы должны къ этому прибавить, что поэзія его пріобрѣтала особенный интересъ въ виду своей украинской одежды. Всѣ слои украинскаго общества поняли, что у нихъ есть свое собственное слово, на которомъ можно выражать мысли даже въ художественной формѣ. Всѣ набросились на художественное слово Котляревскаго, потому что оно было родное и для нихъ близкое; всякъ толковалъ, конечно, Энеиду, по своему, но читали ее всѣ, такъ какъ находили въ ней одинаково плѣнительные образы родной поэзіи, воплощенные въ украинскомъ словѣ. Въ силу этого, Энеида очутилась какъ въ кабинетѣ Кочубея, такъ и въ простой хатѣ козака на Украйнѣ и за Дунаемъ. Выдержавъ такую пробу, украинское слово укрѣпилось очень прочно: на него появился спросъ, результатомъ чего было нѣсколько изданій Энеиды, вызвавшей даже подражанія. Творчество новыхъ украинскихъ писателей, вродѣ Гулака и Квитки, подхватившихъ пѣсни музы Котляревскаго, довершили дѣло въ конецъ, и украинское слово, выдвинутое послѣднимъ, утвердилось въ литературѣ и въ мнѣніяхъ публики навсегда. Мы не будемъ, конечно, говорить о томъ, насколько серьезнымъ дѣломъ казалось публикѣ украинское писательство Котляревскаго: на это можно было-

бы дать рядъ противоположныхъ толковъ и мнѣній,—нѣтъ, насъ въ данномъ случаѣ занимаетъ одно то, что при всякихъ отношеніяхъ къ упомянутому обстоятельству, всѣ рѣшительно находили возможнымъ ставить украинскій ея языкъ наравнѣ съ русскимъ. Интересно въ данномъ случаѣ замѣтить, что такъ относились къ украинскому слову даже великорусскіе литераторы, отличавшіеся въ данномъ отношеніи большой объективностью. Ясно изъ этого, что на коренныхъ украинцевъ форма Энеиды и прочихъ произведеній Котляревскаго производила еще большее впечатлѣніе, неугасающее даже и до сихъ поръ. Такимъ образомъ, вліяніе Котляревскаго и въ данномъ отношеніи было велико: своимъ творчествомъ поэтъ создавалъ для украинскаго слова публику, существованіе которой только и дѣлаетъ возможнымъ жизнь и ростъ каждой литературы.

Со времени Котляревскаго начинается самое тѣсное взаимодѣйствіе между литературой и обществомъ Украины, благотворное для обоихъ контрагентовъ: Котляревскій создалъ публику для своихъ произведеній, но и послѣдняя, возбужденная имъ, сильно поддержала украинское творчество своимъ глубокимъ сочувствіемъ. Словомъ, и въ этомъ важномъ отношеніи Котляревскій принесъ для нашей литературы незамѣнимую пользу. На эту заслугу указалъ еще когда-то Кулишъ, и его замѣчаніе можетъ считаться цѣннымъ, хотя самъ критикъ, подобно проф. Петрову, не придавалъ этой заслугѣ поэта какого-нибудь важнаго значенія.

Очертивъ, такимъ образомъ, историческое значеніе Котляревскаго, мы все-таки сдѣлали-бы очеркъ его неполнымъ, если-бы не упомянули объ этнографически-научномъ его вліяніи. Вліяніе это было очень серьезно; на него указалъ ему въ сороковыхъ годахъ Срезневскій, и его замѣчанія сдѣланы были не наобумъ. Уже относительно Энеиды мы могли убѣдиться, что вообще произведенія Котляревскаго народны до мелочей. Начиная съ внѣшняго быта и кончая внутренней стороной, жизнь народа представлена въ этихъ произведеніяхъ крайне выразительно. Картины народной жизни, пѣсни и самъ языкъ ихъ естественно долженъ былъ показать всему образованному обществу, что существуетъ украинская народность, заслуживающая

большого вниманія. Особенно пѣсни ея, подъ которыя поддѣлывался удачно и Котляревскій, привлекли къ себѣ всѣхъ цѣнителей народной культуры и направили ихъ на изученіе послѣдней. Сами произведенія Котляревскаго, явившіяся продуктомъ серьезнаго изученія народа, представляютъ изъ себя настоящіе этнографическіе сборники, одинъ изъ которыхъ—„Наталка“ такъ именно и оцѣненъ былъ Срезневскимъ. Въ силу этого, Котляревскій можетъ считаться первымъ въ серьезномъ смыслѣ этнографомъ, поставившимъ ученіе нашего народа сразу на твердую почву и потому равнымъ по значенію, напримѣръ, Павловскому и Цертелеву. Послѣ него украинская этнографія стала развиваться все прогрессивнѣе и шире, но и при глубокомъ ея развитіи теперь, слѣдуетъ помнить всегда, что весьма многимъ обязана этнографія Украйны основателю ея Котляревскому. Этимъ указаніемъ на новую черту историко-литературнаго значенія Котляревскаго мы и заканчиваемъ настоящій свой этюдъ.

Сдѣлаемъ теперь резюме всего вышесказаннаго о сущности и значеніи его произведеній. По разсмотрѣніи послѣднихъ, Котляревскій представляется намъ художникомъ-реалистомъ, воспроизводившимъ иногда жизнь въ комическихъ чертахъ. Какъ писатель, стоящій на рубежѣ двухъ литературныхъ эпохъ, онъ является отразителемъ вліянія ихъ обѣихъ и реформаторомъ предшествовавшихъ ему литературно-художественныхъ формъ. Какъ начинатель новаго періода литературы, Котляревскій сообщилъ ей свѣжее содержаніе и жизненное направленіе, не умирающее и до сихъ поръ. Выработавъ для родной литературы новыя формы, воплощенныя въ украинское слово, поэтъ создалъ громадный контингентъ читателей и за украинской литературой, какъ таковой, далъ возможность признать право на дальнѣйшую жизнь. Разумѣется, не во всѣхъ отношеніяхъ значеніе Котляревскаго одинаково велико, но если въ художественномъ отношеніи, произведенія его съ теченіемъ времени и должны имѣть все-меньшую цѣну, то въ историческомъ—важность ихъ будетъ выясняться все болѣе. Въ этомъ смыслѣ значеніе творчества Котляревскаго весьма велико.

И. Стешенко.

„ПОПОКЪ“.

Часть 2-я *).

I.

Надъ самой дорогой небольшимъ рядомъ хатъ расположена „Деревня“. Хуторокъ этотъ былъ населенъ зятемъ давнихъ здѣшнихъ помѣщиковъ, Клюевымъ. Онъ вывелъ откуда-то изъ-подъ Москвы своихъ крѣпостныхъ и поселилъ ихъ въ этомъ мѣстѣ, благо тутъ Осередье широкою сагою подливало чуть не къ дорогѣ. Поселочекъ этотъ названъ былъ Клюевымъ „Деревнею“ въ отличіе отъ мѣстныхъ названій слободъ и хуторовъ. Мѣстные жители было прозвали эту „Деревню“ „Крипаки“, какъ заселенную выве-

*) Такъ какъ 1-я часть повѣсти «*Попокъ*» помѣщена была въ «Кіев. Старинѣ» за 1894 г. (см. сентябрь), а затѣмъ, по независящимъ отъ Редакціи обстоятельствамъ, печатаніе повѣсти было прервано болѣе чѣмъ на три года, то теперь, приступая къ помѣщенію ея продолженія, Редакція считаетъ необходимымъ напомнить читателямъ въ самыхъ краткихъ чертахъ содержаніе I-ой части. Герой повѣсти Хведько Самченко, по уличному Попокъ, служилъ воловикомъ въ одной большой экономіи. По порученію товарища по службѣ, Петра Цюпы, онъ отвезъ къ кабатчику Жердеву и вымѣнялъ у него на водку полъ-мѣшка краденыхъ бурачныхъ сѣмянъ. Экономическій наѣздникъ Никитичъ проѣзжалъ мимо кабака какъ разъ въ то время, когда Хведько вносилъ туда мѣшокъ, ничего не зная о содержимомъ въ

денными изъ Россіи крѣпостными, отъ которыхъ помѣщичьи крестьяне хохлы отличались въ общерѣчіи словомъ „паньщане“, „пиддани“, а оффиціально—наименованіемъ „подданные малороссіяне“. Этимологія этихъ детерминацій навѣрное имѣла свои основанія въ происхожденіи уравнявшей въ свое время „крипаковъ“ съ „подданными“ крѣпостной зависимости.

Въ описываемое время въ „Деревнѣ“ уже не жили Клюевскіе крѣпаки. Ихъ скоро послѣ привода изъ Россіи перевели на Царевщину потому, что „ужъ очень конфузно стало за нихъ ихъ помѣщику“.

немъ. Такимъ образомъ возникло противъ Хведька обвиненіе въ кражѣ бурачныхъ сѣмянъ изъ экономіи, и онъ былъ привлеченъ къ мировому суду. Какъ настоящій сынъ природы, выросшій въ степи около скота и совершенно незнакомый съ юридическими понятіями, Хведько былъ опутанъ Цюпою и Жердевымъ и не съумѣлъ доказать, что сѣмена украдены Цюпою, а что онъ только отвезъ ихъ къ Жердеву, даже не зная о содержимомъ мѣшка. Мировой судья, отнесшійся къ дѣлу формально и безсердечно, не вникъ во всѣ его подробности и на основаніи общей посылки, что рабочіе крадутъ сѣмена и все, что попадется подъ руку, и что слѣдовательно, Хведько могъ украсть полъ-мѣшка сѣмянъ, приговорилъ его къ тюремному заключенію на годъ. Пока Хведько сидѣлъ въ тюрьмѣ, его мать и отецъ умерли, дивчина Мелашка, предметъ его первой юношеской страсти, вышла замужъ, одна изъ сестеръ также вышла замужъ, а другая нанялась къ господамъ въ горничныя, и такимъ образомъ мало по малу порвались всѣ его связи съ родной деревней. А между тѣмъ тюремная обстановка оказывала на него свое вліяніе. Оторванный отъ деревни, гдѣ вѣками выработанный порядокъ жизни замѣнялъ для него нравственные устои, онъ оказался безоружнымъ противъ убѣжденій товарища по тюрьмѣ стараго конокрада Шляховаго и мало по малу проникался тюремной этикой, по которой всѣ состоятельные люди враждебны къ бѣднымъ, а особенно къ острожнымъ сидѣльцамъ, вслѣдствіе чего и преступленія противъ состоятельныхъ—дѣло хорошее, какъ отплата за ихъ враждебность. І-ая часть повѣсти кончается указаніемъ на близость выхода Хведька изъ тюрьмы.

Ред.

— „Воны якъ завелысь тутъ по своему, по московськы— хаты не биляни, коминивъ нема, та якъ сталы панови други паны сміяться, такъ винъ ихъ и перегнавъ на Царевщыну, а тутъ наши и заселылысь“, разсказывали про эту „Деревню“. Когда крипаковъ отсюда перегнали, перестали ее и звать „Крипаками“.

Дворъ Дейнековъ, куда была отдана замужъ Мелашка, находился въ ближайшемъ къ дорогѣ изгибѣ ряда дворовъ „Деревни“, ряда, параллельнаго изгибу саги Осередья, къ коему полого спускались огороды. Дворъ этотъ отмѣченъ тѣмъ, что возлѣ него есть колодезь съ высокимъ „зводомъ“, съ цебромъ, крѣпко сложеннымъ „срубомъ“ и корытомъ. Вода ли здѣсь хорошая, или потому, что „Деревня“ находится на такомъ далекомъ отъ другихъ попутныхъ поселеній разстояніи, но проѣзжіе обыкновенно здѣсь поятъ лошадей.

Мелашка все утро проработала на огородѣ, пропалывая гряды, поливая капусту и подсыпая картофель. Дома была только она одна: свекруха еще не возвратилась изъ путешествія въ Воронежъ къ Митрофанію, куда она отправилась сейчасъ же послѣ „заговынъ“ на Петровъ постъ; свекоръ, выбранный сборщикомъ, съ самаго утра отправился на Бемовку въ расправу, откуда ему нужно еще проѣхать въ волость; „зовыця“ Дашка и „диверъ“ подростокъ „ходять на буряки“, а мужъ Якуша повезъ „хуру“ съ Шуваловой въ Шереметовку. Въ Шуваловой работаютъ возы и колеса, а въ Шереметовкѣ близится урочная Ивановская ярмарка.

Прошла весна, отцвѣли сады, замолкъ соловей, только еще зозуля не перестаетъ вѣщевать, да иволга отзывается въ левадныхъ вербахъ. Жарко. Въ синевѣ безоблачнаго неба „шулика“ плавно паритъ, высматривая цыплятъ или утятъ; съ недалекаго огорода доносится меланхолическая пѣсня какой-то тоскующей полольщицы, съ дороги долетаетъ грохотъ проѣзжающихъ повозокъ и отдаленная трель колокольчика.

Взгрустнулось Мелашкѣ, отъ жары разомлѣла какъ-то. Ничѣмъ не радуетъ ее эта ея новая семья: по обычаю требовательная свекруха, понурый и грубый въ обращеніи мужъ...

„Сосонко жъ ты моя прекрасная,
Доленько жъ моя несчасная“!

отчетливо слышно въ пѣснѣ, и еще большая тоска разбираетъ ее. И вспомнилось ей такое же прошлое лѣто, ея недолгое, но милое и дорогое въ воспоминаніи сердцу ея общеніе съ Хведькомъ, вся его стройная „постать“, понеслись мысли ея къ нему въ тюрьму, припомнилось посѣщеніе тюрьмы и сжалось невыразимою тоскою ея сердце; такъ то ужъ стало ей жалко его, такъ жалко себя.

„А зозуленька якъ тьохъ, такъ тьохъ...
Котяться слезы, такъ якъ горохъ“—

выла пѣсня. И покатились у молодицы слезы, припала она пониже къ грядкѣ и рукавомъ обтираетъ глаза...

Колокольчики прозвенѣли у самаго ихъ двора и затихли,—очевидно кто-то пріѣхалъ. Мелашка порѣшила, что это свекоръ, который не разъ пріѣзжалъ въ качествѣ „начальника“ на проѣзжающей куда-либо „пошти“, да и самая пора: солнце стало какъ разъ на полдень, а она сама ничего еще отъ „снидання“ не ѣла, все его, свекра, къ обѣду поджидала...

Подсмыканная, въ разстегнутой кофтѣ, и въ кой-какъ повязанномъ платочкѣ, она прошла къ воротамъ и, отодвинувъ засовъ, выглянула въ калитку.

Около корыта стояла тройка лошадей и пила налитую воду; ямщикъ посвистывалъ тоненькимъ посвистомъ, на тарантасѣ солдатъ съ кожаною сумкою черезъ плечо крутилъ цыгарку; какой-то человѣкъ, наклонивъ со сруба цеберъ, пилъ воду, лицо его заслонялось ведромъ, виднѣлась только стриженая голова.

Мелашка апатично, какъ уже привыкшая къ этимъ обыкновеннымъ проѣзжимъ, смотрѣла на нихъ, но когда напившійся воды человѣкъ, выпрямившись, вперилъ въ нее изумленный взглядъ, то она въ немъ узнала Хведька.

Обое они такъ и застыли въ изумленіи: на половину изъ калитки высунувшаяся Мелашка, и съ выхваченной изъ-подъ мышки, но не надѣтой на голову шапкой Хведько.

Ямщикъ подтянулъ черезсѣдельникъ, взнуздалъ лошадей и уже сталъ отворачивать всю тройку отъ корыта, а они все еще смотрѣли другъ на друга тѣми же изумленными широко раскрытыми глазами... Наконецъ не выдержала Мелашка—у нея такъ сильно сжалось сердце, какія-то спазмы подступили къ глоткѣ; еще мгновеніе—и она упала бы тутъ же. Она захлопнула калитку, шатаясь взошла на крыльцо, отворила „синешни двери"—и пластомъ повалилась на прохладный глиняный полъ сѣней...

— „Садись, чего засмотрѣлся"? окликнулъ ямщикъ Хведька и тѣмъ прервалъ его оцѣпенѣніе.

— „Аль знакомая"?—добавилъ онъ подбирая возжи и взлѣзая на передокъ. Хведько только насупился, усаживаясь около солдата.

— „Эхъ, вы други забыли, какъ ходили"—прикрикнулъ ямщикъ, и напоенная тройка понеслась, взбивая облако пыли и сливая звуки колокольчиковъ въ безконечную трель.

Срокъ содержанія Хведька въ острогѣ окончился, и полиція отослала его съ разсыльнымъ для сдачи въ волостное правленіе.

II.

Въ волостномъ правленіи никого, кромѣ дида Смалька, не было. „Присутствіе" окончилось, и всѣ разошлись обѣдать. Но опытный въ этихъ дѣлахъ полицейскій разсыльный, Лысюкъ, нашелъ возможнымъ поручить Хведька съ препроводительною бумагой въ особомъ пакетѣ диду Смальку съ приказомъ передать его волостному писарю.

Дидъ Смалько, пообѣдавшій еще часовъ въ 9, приказавъ Хведьку ожидать „началныкивъ", самъ улегся соснуть на „скрыни" въ присутственной комнатѣ.

Грустно сидѣлъ Хведько въ комнатѣ сельскаго правленія; ему уже перехотѣлось ѣсть; тишина и жара уморили его и клонили ко сну; мысли путались, то обдумывая настоящее положеніе, то мимо воли возвращаясь къ неожиданной встрѣчѣ

съ Мелашкою въ „Деревнѣ“. Ея изумленная фигура, съ небрежно повязаннымъ платкомъ, изъ-подъ котораго выбивались густыя космы волосъ, такъ и стояла въ его воображеніи и опутывала токъ другихъ мыслей и заботъ, поневолѣ засѣвшихъ у него въ головѣ. Нужно было думать о томъ, что начать дѣлать, какъ устроиться... Идти ли опять наниматься въ экономію, передъ которою онъ не считалъ себя виновнымъ, или пойти къ Тышку на горнъ, или попробовать ходить на поденщину... И опять передъ нимъ та же удивленная съ широко раскрытыми ртомъ и глазами Мелашка,—и онъ встряхиваетъ головою, какъ бы отгоняя неумѣстныя мысли, мѣшающія нужному теченію соображеній. Наконецъ и онъ склонился на лавку, подложилъ подъ голову шапку и заснулъ.

Въ церкви пробило два часа. Смалько покрякивалъ, споласкивая въ сѣнцахъ водой заспанную физіономію; на крыльцѣ перегнувшись черезъ перила, стоялъ мальчикъ десятскій и смотрѣлъ на играющихъ въ карты подъ навѣсомъ около пожарнаго „струменту“ двухъ подростковъ; тамъ же виднѣлись отмахивающіяся и хвостами и головами отъ назойливыхъ мухъ три лошади.

— Ты що-жъ оце одынъ? А ти де?—спросилъ десятника вышедшій на крыльцо дидъ Смалько.

— Воны побиглы покупаться; казалы, заразъ прыйдемо— отвѣтилъ тотъ.

— Ну, такъ ты пійды заразъ до Кучеркы, та поклычъ іи Ванюшку. Якъ що спыть, то нехай збудять—скажы, дило есть: зъ города рештанта прывезлы... та швыдче!

Черезъ полчаса Хведька разбудили, и прочитавшій бумагу писарекъ сказалъ, чтобы онъ шелъ себѣ домой, а послѣ какъ-нибудь зашелъ въ правленіе.

Понурившись шелъ Хведько домой. На улицѣ никого не видно было; съ рѣки отъ мостовъ доносились говоръ и смѣхъ. По пути стояла пустая и безлюдная теперь винокурня, на огородѣ слышна заунывная пѣсня, крячки падали на воду, улица и тутъ была пуста—ни души не видно, собаки даже куда-то

попрятались отъ мухъ, только большая чья-то свинья съ невысохшею на одномъ боку грязью мрачно брела вдоль подъ плетнемъ по колючкамъ, очевидно выбирая мѣсто, куда бы можно пробраться въ огороды.

Пустынность улицы дозволила Хведьку никѣмъ не замѣченнымъ пройти къ своему двору.

Окна въ домѣ были закрыты, и двери оказались запертыми висячимъ замкомъ. Вообще дворъ выглядѣлъ совершенно пустымъ; крыльцо припало пылью, что доказывало, что давно уже никто по немъ не ходилъ. Не видно было того обычнаго жилого неладу во всемъ обиходѣ, какой бываетъ въ жилыхъ дворахъ. Все свидѣтельствовало о томъ, что во дворѣ этомъ давно уже никто не живетъ.

Долго сидѣлъ Хведько на крылечкѣ своего дома, свѣсивъ голову на грудь. Ему было такъ больно, такъ жалко самого себя, что онъ чуть-чуть не заплакалъ. Уже и къ вечернѣ перезвонили, и тѣнь отъ хатъ все больше удлинялась по мѣрѣ склоненія солнца на западъ, а онъ все сидѣлъ, не придумывая ничего, что дѣлать, куда пойти порасспроситься. Съ самаго утра онъ ничего не ѣлъ, и у него, что называется, животъ подвело. Увидавъ кой-гдѣ въ садку краснѣющія вишни, онъ пошелъ туда, сорвалъ нѣсколько еще не совсѣмъ спѣлыхъ ягодъ и съ жадностью сталъ ихъ ѣсть. За садками сейчасъ же начинались огороды и на нихъ слышны были голоса начавшихъ уже поливку капусты женщинъ. Но какъ ни вслушивался онъ, никакъ не могъ узнать, кто это изъ сосѣдокъ перекликается. Наконецъ онъ услыхалъ такой вопросъ.

— Чы ты, Сохво, вже усю розсаду посадыла?

— Ни, отъ ще цилу грядку досажувать—отвѣтилъ узнанный Хведькомъ голосъ солдатки Сохвы.

Неловко было ему подходить къ ней въ виду другихъ, а потому онъ порѣшилъ пройти улицею, справедливо предполагая, что она и теперь также пустынна, какъ и тогда, когда онъ проходилъ домой. Никого не встрѣчая, прошелъ онъ во дворъ къ Сохвѣ и уже хотѣлъ пройти въ садокъ, какъ небольшая со-

бачка, спрятавшаяся гдѣ-то подъ крыльцомъ, затявкала, и на ея лай изъ огорода показалась подтыканная Сохва. Она сразу узнала Хведька и обратилась прямо къ нему съ вопросомъ.

— Шо, мабуть, не достукався?... Ключи въ мене. А я, бачъ, думаю, на кого це дзявкае? Ажъ воно онъ хто... Ходимъ же у хату...

Хведько радъ былъ войти въ хату, чтобы его никто не видѣлъ.

Обдернувшая юбку и оправившая платокъ на головѣ Сохва, поднявъ половинку рамы, открыла оконницу и тѣмъ освѣтила полутемную, чисто прибранную и прохладную горницу. Хведько перекрестился на образа и чинно сказалъ.

— Здраствуйте.

— Здоровъ, Хведоре. Якъ тебе Господь мылуе? одстраждавъ свое? выпустылы? Мы такъ оце якось и вгадувалы, що тебе повынно десь тутъ икъ Петру выпустять. Ну, посыдь же, а я тоби хоть пополудновать зберу.—И она пошла изъ горницы, куда скоро вернулась, держа въ рукахъ двѣ тараньки и пучекъ зеленаго луку. Хведько помылъ руки и усѣлся полудновать. Сохва разсказала о томъ, что бондарь сейчасъ же послѣ Вознесенья уѣхалъ съ женою въ свою сторону, а такъ какъ Машка нанялась на Бемовку къ діакону, то хату пришлось запереть, повыбиравъ изъ нея все, что стоило сохранить и что и по сю пору хранилось въ коморѣ.

— Це тоби не що, якъ прыходыться оженытысь, прибавила Сохва.

Хведько глянулъ на нее съ удивленіемъ и отрицательно потрясъ головою. Сохва поняла по своему это отрицаніе.

— „Думаешъ, дивкы не знайдемо? Мы ще таку высватаемо, що тилькы ну!—

Хведько опять съ тѣмъ же серьезнымъ выраженіемъ въ задумчивыхъ очахъ встряхнулъ головою и отвѣтилъ:

— „Ни, цього николы не буде.

Сохва поняла причину этого отрицанія брака съ его стороны и сразу перемѣнила разговоръ.

— „Боже, Боже якъ убывалася! трохы сама соби смерты, просты Господы, не заподіяла... такъ іи сердешну ни живу-ни мертву повезлы у церкву. Якъ оце колы приходыть до своихъ, то и мене не мынае—хоть на хвылыночку зайде по старій памьяти... Такъ, зря свитъ молодыци завъязалы...—говорила словоохотливая женщина, не называя даже ту, о которой шла рѣчь, хорошо зная, что слушающій самъ догадается. Дѣйствительно, Хведько понималъ, кого такъ жалѣла его собесѣдница. Рѣчь эта снова вызвала въ его памяти дорогой для него образъ Мелашки, и ему стало особенно, какъ никогда прежде, жаль ее. Онъ пересталъ ѣсть, опустилъ на колѣни руки и, издавъ сквозь стиснутые зубы что-то похожее на стонъ, хрустнулъ пальцами, но ничего не сказалъ.

— Шожъ не полуднуешъ?—послѣ нѣкотораго молчанія сказала Сохва.—Годуйся чымъ Богъ пославъ, бильше ничымъ гостыть—и послѣ Хведьковаго „спасыби", добавила:

— Шожъ ты теперъ думаешъ робыты?

Хведько всталъ изъ-за стола, помолился Богу, еще разъ поблагодарилъ за полуденокъ хозяйку и, вздохнувъ, сѣлъ опять на лавкѣ...

— „Хто його знае, що и робыты?—раздумчиво сказалъ онъ. Пійты ще попытатысь на горенъ до Тышка статы, колы наймае... або може до панивъ пійты?...—все въ томъ же тонѣ, какъ бы разсуждая самъ съ собою, говорилъ Хведько.

Сохва слушала его, прибирая со стола.

— Такъ ты отъ що. Хочешъ—иды въ свою хату, а хочешъ—ночуй въ мене: тутъ тебе нихто не побачыть, а завтра пидешъ у Бемовку на базаръ, такъ тамъ про все дознаешъ и Тышка тамъ побачышъ—винъ муку що—базарю продае.—

Хведько въ раздумьи сидѣлъ, свѣсивъ голову. Принявъ его молчаніе за согласіе съ ея послѣднимъ предложеніемъ, Сохва продолжала:

— Такъ ты засунься у синяхъ, а я пиду тамъ трохы капусты досаджу... иды засунься!—

Машинально Хведько вышелъ въ сѣнцы, задвинулъ указанный хозяйкою засовъ, постоялъ въ сѣняхъ, слышалъ, какъ Сохва, что-то припѣвая, затворила оконицу и прошла на огородъ, и вошелъ опять въ полутемную горницу. Тутъ онъ опять остался наединѣ со своими невеселыми „думкамы та гадкамы". Опять пришла ему на память сегодняшняя встрѣча съ Мелашкою, слова Сохвы. Опять „жаль" обнялъ его душу. Жалко ему стало себя, а еще больше Мелашку. Такъ бы хотѣлось ему ее повидать, высказать ей свою къ ней жалость, потужить, поплакать съ нею.

Поуправившись съ капустою, Сохва постучала въ двери и, забравъ изъ хаты какіе-то припасы и посуду, отправилась на огородъ варить ужинъ къ одному костру, куда сходились для этого дѣла нѣсколько семействъ.

Вечернія сумерки, а затѣмъ скоро и ночь спустились на засланные дымомъ костровъ огороды. Съ улицы доносились обычные звуки деревенской вечерней суеты—блеяніе овецъ, муканье коровъ, грохотъ возвращающихся во дворъ телѣгъ, скрипъ колодезныхъ „зводовъ", говоръ и переклики людей, хоровыя пѣсни „юлыци", кваканье лягушекъ въ болотѣ, посвистыванье „вивчарыка", стонъ выпи...

Ничего этого не слышалъ Хведько, заснувшій на лавкѣ съ кулакомъ подъ головою, пока какъ-то съумѣвшая сама отпереть двери Сохва не разбудила его къ ужину.

Какъ ни приглашала его гостепріимная хозяйка ложиться на постланной кровати, Хведько ушелъ спать въ сѣни, согласившись только принять для постели какое-то рядно.

III.

Еще туманъ не успѣлъ совсѣмъ подняться съ долины рѣки, какъ уже Хведько черезъ огороды и большой мостъ шагалъ на Бемовку, гдѣ въ этотъ день обыкновенно собирался базаръ.

Двѣ-три лавченки съ дешевыми ситцами, миткалемъ и прочими мануфактурными издѣліями, три-четыре воза съ коженннымъ товаромъ, нѣсколько „седухъ“ съ бубликами, палянышами, спички, табакъ, деготь, и т. п. сельскій товаръ—вотъ и вся торговля сборища людей, нуждающихся въ сбытѣ того или другого продукта, вещи или матерьяла въ эту пору года. Сухая вяленая тарань и одинъ-два воза привезенныхъ изъ Рыльска косъ составляютъ сезонную особенность этого базара.

Въ Петровки, передъ косовицею и вообще передъ началомъ страдныхъ лѣтнихъ работъ, крестьяне стараются подкормиться, набрать силы. Весеннія работы уже дали хоть небольшой заработокъ, деньги уже стали появляться у крестьянъ, и потому на базарахъ этого сезона бойко торгуютъ мельники вывозимою ими мукою и пшеномъ.

Хведько въ базарѣ сразу натолкнулся на сестру Машку, несшую снизу въ ведрахъ на коромыслѣ воду. Она такъ обрадовалась и испугалась, что не могла и слова сказать, смотрѣла на брата широко раскрытыми глазами, и только ужъ немного пришедши въ себя, пригласила его идти вмѣстѣ съ нею.

Поставивъ ведра на крыльцѣ, она сейчасъ же выбѣжала за ворота, гдѣ, ожидая ее, стоялъ Хведько. Разговоръ ихъ былъ лаконичenъ и состоялъ въ объясненіи ея о томъ, что „вся худоба“ снесена изъ оставленнаго бондаремъ дома ихъ къ Сохвѣ, которой оставлены и ключи отъ дома; что Полька, вышедшая замужъ, тутъ же на Бемовкѣ, на другомъ краю, „на Удильщыни“; что деньги по совѣту тетки Горпыны отданы въ ростъ Сугыби; что она, нанявшаяся еще съ посту къ діакону, зная о его, Хведька, болѣзни, ничего не сѣяла, а поле сдала тоже по совѣту той же тетки Васылю Нетребенку, за что онъ обязался убрать и свезти ихъ озимый посѣвъ на 12 саженяхъ.

Все это Машка вкратцѣ передала брату, прерываемая отъ времени до времени его вопросами и разъ даже отозванная во дворъ самою діаконшею.

Этотъ обстоятельный отчетъ какъ-то подбодрилъ Хведька, натолкнулъ его на соображеніе о томъ, что онъ еще не совсѣмъ

потерянный человѣкъ, не всѣми покинутый, что у него еще имѣется возможность воспрянуть и „зробыться чоловикомъ“.

По указанію Машки, онъ пошелъ на „Удильщыну“ повидаться съ Полькою, но предварительно прошелъ на базаръ къ возамъ, гдѣ продавалась мука, и хотя не нашелъ тамъ самого Тышка, который поѣхалъ въ городъ съ транспортомъ извести и потому съ мукою выслалъ жену съ работникомъ, но отъ послѣднихъ онъ узналъ, что горнъ на всю рабочую пору будетъ потушенъ.

Польку онъ засталъ дома. Она была взята въ семью и не была самостоятельною хозяйкою, но такъ какъ во дворѣ были только она съ мужемъ—старики были на базарѣ, а молодежь гдѣ-то въ дѣлѣ внѣ дома,—то его тамъ приняли за гостя: усадили за столъ и покормили завтракомъ.

Мужъ Польки хотя еще и несамостоятельный хозяинъ, тѣмъ не менѣе, какъ старшій сынъ въ семьѣ, настолько оказался опытнымъ, что посовѣтовалъ Хведьку „справыть“ конную запряжку, что и дастъ ему въ настоящую рабочую пору, особенно во время вozовицы, а послѣ, при уборкѣ свеклы, хорошій заработокъ при возможности теперь—лѣтомъ „абы-де попасты шкапу“.

Теперь все дѣло стало за тѣмъ, отдастъ ли Сугыба деньги, каковыхъ съ ростомъ должно уже быть болѣе 60 рублей.

Задумавшись обо всемъ этомъ, Хведько незамѣтно для самого себя дошелъ до базара, который еще не расходился, хотя уже многіе возвращались домой нагруженные разными покупками. Ему нечего было дѣлать на базарѣ, развѣ повидать, нѣтъ ли здѣсь Сугыбы.

Скоро онъ вошелъ въ базарную толпу, разсчитывая тамъ найти своего должника, какъ вдругъ около трактира „Вовка“ его кто-то окликнулъ.

— Це ты, Хведоре? Сюды дывысь! Такъ и е! Винъ самый!—послышалось сквозь общій гулъ и говоръ базарной толпы. Оглянувшись, Хведько увидалъ Шляхового, который, отстра-

няя тянувшаго его за рукавъ какого-то пьянаго человѣка, тянулся къ нему.

— Здраствуй, братъ! Жывый ще? Давно?—привѣтствовалъ его Шляховой.

Хведько и обрадовался этой встрѣчѣ, и вмѣстѣ чего-то сконфузился. Пріятно ему было встрѣтить человѣка, который въ тюрьмѣ проявлялъ къ нему столько сочувствія и расположенія, и въ то же время его шокировало это знакомство, заявляемое такъ открыто, посреди базара.

Знакомецъ Шляхового пересталъ тянуть его и, вперившись глазами, осматривалъ Хведька. Хотя послѣдній былъ одѣтъ въ обыкновенный крестьянскій костюмъ, но его блѣдное, необгорѣвшее еще на солнцѣ лицо и, вѣроятно, еще какія-то еле замѣтныя особенности манеры—для опытнаго глаза сразу опредѣлили то, что онъ былъ недавнимъ сидѣльцемъ тюрьмы, гдѣ не могло прокоптить его весеннее солнышко, гдѣ не было той свободной, на чистомъ воздухѣ работы, которая даетъ особый характеръ всѣмъ движеніямъ крестьянина.

— Што жъ? Забирай и цього: а-же винъ тожъ бувалый? Ходимъ!.. опять началъ тянуть Шляхового его знакомецъ.

— Постой, дай зъ чоловикомъ поросcrытаться.

— Та тамъ и поросcпытаетесь—настаивалъ тотъ...

— Ходимъ зъ намы, хлопче, сказалъ Шляховой и послѣ шепнулъ:

— Це Шкавро. Знаешъ?!

Хведько слыхалъ гдѣ-то такую фамилію, но сразу не могъ припомнить и уже только погодя немного вспомнилъ, что въ тюрьмѣ это имя въ разсказахъ фигурировало, какъ имя героя какихъ-то ловкихъ похожденій. Самый шепотъ Шляхового отмѣчалъ этого человѣка.

—

Въ трактирѣ стоялъ гамъ, всѣ говорили громко, многіе пили водку прямо у стойки, а то сидѣли за столиками; послѣднихъ было мало: не такое время, когда можно прохлаждаться. Воздухъ былъ пропитанъ сивушнымъ запахомъ, сквозь который пробивался запахъ махорки и дегтя.

Шкавро, очевидно, въ трактирѣ былъ свой человѣкъ. Онъ сразу усѣлся за особый столъ, потребовалъ водки и чаю и пригласилъ садиться Шляхового и Хведька.

— Сидай, Денысовычъ. Сидай и ты братъ! приглашалъ онъ совершенно спокойнымъ голосомъ и безъ малѣйшей тѣни опьяненія.

— Винъ тутошній? блызенькій? спросилъ Шкавро, обращаясь заразъ и къ Шляховому, и къ Хведьку.

— Та вжежъ здешній. Зъ Андріивкы. Винъ зо мною сыдивъ... Такъ занапрасно! объяснялъ Шляховой.

Какой-то подростокъ съ нечесаной головой и въ какомъ-то затасканомъ, вылиняломъ пиджакѣ, изъ-подъ котораго виднѣлась ситцевая рубашка, принесъ стаканы, чайникъ и затѣмъ графинчикъ водки.

Шкавро досталъ изъ кармана черкески вязку бубликовъ и сталъ наливать чай. Всѣ пріемы его обнаруживали въ немъ знающаго и бывалаго посѣтителя трактировъ.

Раздавъ стаканы и сахаръ, онъ налилъ рюмку водки и подалъ ее Шляховому, но тотъ отстранилъ рюмку со словами.

— Пый на здоровья! У твоихъ рукахъ! И Шкавро, сказавъ „будьте здорови“, опрокинулъ въ ротъ рюмку, послѣ чего сплюнулъ.

Такъ-же кратко здороваясь, выпилъ поднесенную рюмку и Шляховой; но когда дошла очередь до Хведька, то послѣдній взялъ въ руки рюмку, всталъ и счелъ нужнымъ передъ выпивкой проговорить цѣлую тираду:

— Будьте здорови зъ пятныцею! Пошлы намъ Господы усього, що мы въ Бога просымо—счастя, здоровья...

— Пый на здоровья!—коротко отвѣтили ему одновременно оба собесѣдника, какъ бы желая прекратить лишнія разглагольствованія.

Послѣ водки Шкавро предложилъ закусить бубликами и пить чай.

Того опьяненія, въ какомъ онъ былъ на улицѣ около трактира, какъ не бывало. Онъ, что называется, былъ ни въ

одномъ глазѣ. Не успѣли еще выпить по другому стакану чаю, какъ проходившій мимо ихъ подносчикъ вполголоса сказалъ Шкавру.

— Иды, тамъ тебе Степанъ Васильевычъ зове!—

Со словами:—Отъ я заразъ! Пыйте чай!—позванный пошелъ за стойку, гдѣ стоялъ толстый Степанъ Васыльевичъ, содержатель этого трактира.

— Ты оце й прымичай! Бачывъ, якый бувъ пьяный на базари?! И якый теперъ.—Ото прытворявся... Мабудь-то воно на щось такъ треба... шепталъ Шляховой Хведьку, у котораго прошло первое чувство конфузливости, а напротивъ общеніе съ этимъ мужественнымъ красивымъ брюнетомъ, Шкавромъ, о которомъ даже Денысовычъ говорилъ съ оттѣнкомъ уваженія, и съ самымъ „Денысовычемъ“ (Шляховымъ), котораго онъ самъ зналъ за солиднаго и виднаго въ острожной средѣ человѣка— для него было лестно. Это обращеніе съ нимъ, какъ съ равнымъ, такихъ солидныхъ людей было для Хведька какъ-бы подтвержденіемъ въ немъ того чувства самосознанія, съ какимъ онъ послѣ свиданія съ сестрами и съ зятемъ обдумалъ дальнѣйшій образъ своей жизни.

Это пріятное настроеніе Хведька еще усилилось послѣ того, когда по возвращеніи къ столу Шкавра былъ роспитъ графинчикъ водки, поставленный Шляховымъ, и перешло постепенно въ умильность и особую расположенность къ своимъ собесѣдникамъ послѣ выпивки самимъ Хведькомъ поставленной водки.

Дѣло дошло до откровенности и изліяній. Хведько разсказалъ своимъ собесѣдникамъ Шкавру и Шляховому, называя ихъ дядьками, о предположеніи купить на деньги, которыя отдастъ ему Сугыба, лошадь, телѣгу и заработывать, жить въ своемъ домѣ, взять къ себѣ сестру и кой-какъ питаться съ Божьею помощію. Онъ разсказалъ „дядькамъ“, гдѣ его домъ, при чемъ оказалось, что Шкавро бывалъ тамъ и знаетъ его дворъ, разсказалъ про то, что у него есть еще немного хлѣба въ зернѣ и посѣяннаго жита 12 саженей; что купленную ло-

шадь онъ будетъ пасть у „паньскому лиси", гдѣ сторожемъ живетъ покойнаго его отца кумъ, Максимъ Плахотя... Однимъ словомъ, опьянѣвшій парубокъ изливался во всемъ, съ полнѣйшею откровенностію передъ своими собесѣдниками, которые уже успѣли при немъ же и на счетъ его перемигнуться и перекинуться двумя-тремя непонятными для него словами. Они между прочимъ обѣщали пособить ему въ выборѣ при покупкѣ лошади на имѣющейся быть скоро, на Петра и Павла, въ Андреевкѣ ярмаркѣ.

Народа въ трактирѣ стало уменьшаться, базаряне уходили. Оставались еще только посильнѣе выпившіе. Становилось тише. Нѣсколько разъ начинаемая пѣсня одного изъ посѣтителей да безсвязные время отъ времени вскрикиванія другого не заглушали ужъ такъ, какъ бывшій здѣсь съ утра гамъ толпы, все еще продолжавшуюся бесѣду компаніи Хведька. Только онъ самъ, высказавшій все, что могъ, сталъ путаться языкомъ и съ отупѣвшимъ взоромъ сидѣлъ, опрокинувшись на спинку стула, изрѣдка покачивая головой.

Вошли два человѣка и направились прямо къ стойкѣ. На одного изъ нихъ Шкавро указалъ Хведьку и спросилъ его:

— Знаешъ, хто се?

Хведько не могъ хорошо сообразить, гдѣ онъ видѣлъ этихъ двухъ человѣкъ.

— Та оце жъ той высокый и есть Сугыба — сказалъ Шкавро.

Хведько припомнилъ себѣ его. Не успѣлъ этотъ Сугыба усѣсться, какъ Хведько уже подошелъ къ нему и поздоровался подавая руку, какъ съ нимъ, такъ и съ другимъ человѣкомъ. Этимъ другимъ оказался Иванъ Ивановичъ Кулишъ, тотъ, который писалъ Хведьку къ судьѣ „жалобу и объясненіе".

— А що я, дядьку, хочу тебе попытать? — обратился Хведько къ Сугыбѣ.

— Скажешъ—отвѣтилъ тотъ спокойно.

— Та отъ-що: тоби отдани у ростъ наши гроши, такъ оце теперъ воны мени надобляться...

— Це ты, парень, не туды попавъ!—Знаю, це ты той зъ Красноселивкы, що ты ото за бурякове симья попався...—отвѣтилъ какъ бы припоминая что-то Сугыба.

— Симья—не симья, а ты, дядьку, не заидай чужыхъ грошей, отдай!.. вдругъ насунулся на Сугыбу Хведько, не давъ ему окончить фразы.

Шляховой сразу сообразилъ, что опьянѣлый Хведько можетъ устроить скандалъ, и бросился къ нему, между тѣмъ какъ Шкавро сейчасъ же притворился сильно пьянымъ.

— Та хыба жъ такы такъ правлять гроши?! Ты бъ такы, якъ слидъ, поговорывъ зъ чоловикомъ. А то такъ... останавливалъ разошедшагося уже было Хведька Шляховой.

Какъ ни былъ пьянъ Хведько, но слова этого внушенія онъ понялъ и даже сообразилъ, что на самомъ дѣлѣ „слидъ поговорыть", и стоялъ сконфуженный. Конфузъ его еще больше усилился, когда объяснилось, что это не тотъ Сугыба, который былъ должникомъ Хведька, а его братъ Трохымъ, а должникъ Тимоха поѣхалъ въ Шереметовку за кожевеннымъ товаромъ и будетъ назадъ въ Андреевку только къ Петрову дню, къ ярмаркѣ.

Кулишъ, смотрѣвшій на всю эту сцену и понявшій, что тутъ рѣчь идетъ о какомъ-то долгѣ, уже уводимому Шляховымъ Хведьку сказалъ:

— Ты, парень, колы что такое на счетъ то есть взысканія, такъ прыходы ко мнѣ...

Шляховой перекинулся нѣсколькими словами со Шкавромъ, все еще притворяющимся опьянѣлымъ, и повелъ изъ трактира Хведька пьянаго, но не шатающагося, а за ними валяясь и что-то бормоча шелъ Шкавро.

Базара почти уже не было. Краснорядцы убирали наметы; „седухи" передвинулись съ площади на обычныя свои мѣста подъ тѣнь домовъ...

Черезъ пустѣющую площадь Шляховой и Хведько съ шатающимся сзади ихъ Шкавромъ направились въ домъ послѣдняго

Доведши гостей въ свой домъ, Шкавро сразу отрезвѣлъ и велѣлъ пришедшей съ огорода женѣ собирать обѣдать.

За обѣдомъ, состоявшимъ изъ борщу съ таранею и пшенной каши, опять выпивалась водка, купленная хозяиномъ, и послѣ пилось еще и еще; куда-то ходили, кто-то еще появился было на время въ ихъ компаніи. Во всемъ этомъ Хведько, проснувшійся подъ какою-то повѣтью, не могъ дать себѣ яснаго отчета.

IV.

Уже разсвѣло; за плетневою стѣнкою слышно было струеніе молока въ подойникъ и ласковое уговариваніе коровы.

— Стій же, стій, рябенька! Стій, тпруся!—повторялъ женскій голосъ и за тѣмъ струилось молоко.

Около него кто-то лежалъ и храпѣлъ—оказался Шляховой. Тошнило, болѣла сильно голова, какъ тогда въ горячкѣ... пѣли пѣтухи, кудахтали куры...

Еле поднявшись, Хведько сидѣлъ на какой-то мятой соломѣ, положительно не понимая, гдѣ онъ и какъ сюда попалъ.

Проснулся наконецъ Шляховой и, видя сидящаго Хведька, спросилъ:

— Шо, чуманіешъ? Слухаешъ чмеливъ?!—Вставай, пійдемо шукать учорашнього..

И съ этими словами сразу всталъ на ноги и потянулъ за руку Хведька.

Оказалось, что они ночевали не у Шкавра, а у его зятя, Ласченка, куда были вчера проведены огородами. Много времени уже послѣ того Хведько уразумѣлъ смыслъ этого спроваживанья отъ себя „дорогихъ гостей“.

Теперь же обрюзглый, съ припухшими глазами и съ тошнотою подъ ложечкой онъ шелъ по огородамъ, низами, вслѣдъ за Шляховымъ, оббивающимъ росу съ нависшихъ надъ извивающейся дорожкой вѣтокъ лозняка и калины.

Такъ дошли они до моста на большой дорогѣ, перешли ее и черезъ огородъ и садокъ зашли со двора въ тутъ же надъ

дорогою стоящій кабакъ, извѣстный всѣмъ подъ именемъ его хозяина Стрибуля. Такъ и называли всѣ этотъ кабакъ—Стрибуль.

Солнце какъ разъ выглянуло изъ-за горизонта; по слободѣ слышенъ былъ ревъ выгоняемой скотины, переклики; трещалъ цѣлый сборъ пустыхъ телѣгъ, очевидно, откуда-то возвращающихся.

Шляховой увѣренно постучалъ въ окно. Послышался чей-то голосъ, и они вошли въ отпертыя кѣмъ-то полутемныя сѣнцы.

Здѣсь ихъ встрѣтилъ самъ Стрибуль, раздѣтый, только въ бѣльѣ и босой. Шляховой что-то сказалъ ему въ полголоса, и Стрибуль внимательно осмотрѣлъ Хведька, пошелъ въ избу и оттуда сейчасъ же вернулся, держа въ рукахъ бутылку водки и рюмку.

Шляховой выпилъ налитую ему большую рюмку, крякнулъ, сплюнулъ и другую рюмку указалъ рукою поднести Хведьку.

— Пый, братець! поправляйся!

Хведько, вздрагивая, выпилъ водку, скривился болѣзненно.

— Ничаво! братъ, пройде! посмѣялся ему Шляховой.

— Ну, оце й буде! Слухай сюды. Я оце выйду, а ты зъ синей дывысь—якъ махну рукою, такъ ты бигомъ бижы до мене. Чуешъ?

— Чую!—отвѣчалъ ничего не понимающій Хведько.

Шляховой выглянулъ въ двери и шибко пошелъ черезъ дворикъ въ садокъ. Изъ сѣней видно было, какъ онъ, спрятанный въ вишняку, осматривался. Немного погодя Стрибуль обратилъ вниманіе осматриваемаго имъ Хведька на то, что Шляховой машетъ на него изъ вишняка. Хведько въ нѣсколько прыжковъ добѣжалъ до садка и пошелъ вслѣдъ за Шляховымъ опять огородами и садками.

Такъ дошли они до рѣчки, гдѣ огороды оканчивались лознякомъ и очеретомъ. Зашедши въ камыши, Шляховой остановился и повелъ такую рѣчь:

— Ось слухай сюды! Ты оце теперъ вже втрапышъ самъ до дому. Онъ тамъ уливо бродокъ знаешъ? Туди й пійдешъ; теперъ тамъ трохы вышче колинъ буде и не вязко. Теперъ же

оце ты и кабакъ Стрибулівъ знаешъ—оце де мы булы заразѣ. Такъ и не кажы никому, де ты цю ничъ бувъ. А тамъ самъ побачышъ. Та ще. Послухай, хлопче, мене! Горилки не пый: вона тоби, братець ты мой, не пайдьоть. Оце тоби й усе. Проберись до дому такъ, щобъ тебе мало хто й бачывъ,—кончилъ Шляховой. Когда задумавшійся Хведько поднялъ опущенную голову, то уже около него никого не было, только птички чирикали, да шумѣли жесткіе листья очерету.

— Праныкъ визьмы!—послышался недалеко отъ него рѣзкій женскій голосъ, и изъ чащи очерету онъ увидѣлъ съ мокрымъ бѣльемъ на коромыслѣ идущую къ рѣчкѣ женщину, отъ которой въ сторону хатъ побѣжала дѣвочка подростокъ.

Молодица не далеко отъ Хведька скрылась въ камышѣ, и вскорѣ въ той сторонѣ послышалось шлепанье по кладкѣ бѣлья.

Это отрезвило Хведька, и онъ направился въ сторону указаннаго Шляховымъ бродка черезъ рѣку.

Пробравшись по какой-то тропѣ черезъ камыши къ рѣкѣ Хведько раздѣлся совершенно и, прежде чѣмъ перебродить, покупался. Купанье его освѣжило, и онъ, перебравшись на свою сторону, пошелъ огородами, а кое-гдѣ и улицею въ свой дворъ.

Опять тѣ же запертые двери, то же запустѣнье. Подбодренный купаньемъ, онъ могъ кой-какъ собраться съ мыслями, отчасти припомнить все, что съ нимъ случилось за эти сутки,—свои соображенія о хозяйствѣ, совѣты зятя, разсказы сестеръ, выпивку въ трактирѣ Вовка, Шкавра, Сугыбу, какую-то компанію, пробужденіе въ какомъ-то чужомъ незнакомомъ ему сараѣ, путешествіе по огородамъ, кабакъ Стрибуля и наконецъ наставленія Шляховаго...

Все это передумывалъ онъ, сидя на крыльцѣ своего дома, и изъ всего выходило одно: нужно что-либо начать дѣлать, какъ-нибудь устраиваться. Но какъ это сдѣлать?! Поселиться ли въ своей хатѣ, взять отъ діакона сестру и съ нею хозяйничать, наняться ли куда?... онъ не могъ разрѣшить этихъ вопросовъ и долго бы пришлось ему разрѣшать ихъ, если бы сама жизнь не увлекла его въ свой обыденный водоворотъ.

Въ воротахъ показался подростокъ мальчикъ, безъ шапки на головѣ, но съ палочкою въ рукахъ. Онъ смѣло вошелъ въ калитку и обратился къ Хведьку со словами.

— Иды въ росправу, тамъ тебе клычуть.

— Хто мене клыче?—спросилъ Хведько.

— Дидъ Смалько пославъ мене—не знаю, хто клыче тамъ; тилько Андріанъ Павловычъ одынъ у росправи...

— Хто се, Андріанъ Павловычъ?

— Та волосный новый...

— Угмъ! Ну, щожъ заразъ—сказалъ Хведько и вмѣстѣ съ хлопцемъ десятскимъ вышелъ на улицу.

— Ты жъ иды, а я оце тутъ пійду по Красноселивци: мени ще треба до Могрыцького,—сказалъ десятникъ, поворачивая за калиткой въ другую сторону.

Хведько пошелъ по улицѣ, не думая уже скрываться отъ людей, которыхъ, однако же, все таки на улицѣ не было. Только возлѣ одной хаты виднѣлась женщина, одѣтая поверхъ обыкновеннаго домашняго костюма въ мужскую рубаху. Она бѣлила съ улицы хату и не обращала вниманія на него.

Но не много дальше его окликнула Сохва со двора, гдѣ она укладывала въ кучки подсохшіе кизяки.

Хведько завернулъ къ ней.

— Де це ты бувъ доси?—спросила Сохва, отвѣтивъ кратко на его привѣтствіе.

Вопросъ этотъ сконфузилъ Хведька, и онъ не сразу надумался что отвѣтить.

— Я вже думала, нанявся до Тышка.

— Не найма; каже, що усе лито ажъ до Спасивкы не буде йты горенъ... Бувъ у Полькы, Машку бачивъ.

— Ну, щожъ? Якъ усовитувалысь?

— Та ще ничого не усовитувалы... Оце пійду у росправу, зачымсь клычуть...

— Заходь тоди сюды до мене...

Хведько отправился въ Волостное Правленіе.

V.

Тамъ тотъ же дидъ Смалько, два десятника-подростка, да двѣ женщины, изъ коихъ одна держала какую-то бумагу, завернутую въ платокъ. Онѣ стояли около писарька, который что-то писалъ, очевидно съ ихъ словъ. Изъ слѣдующей комнаты доносились какія-то оживленныя препирательства и споръ.

Тамъ было нѣсколько человѣкъ;—шло засѣданіе волостного суда.

Долго Хведьку пришлось сидѣть въ первой комнатѣ и ожидать, пока наконецъ не вышелъ къ нему по докладу дида Смалька волостной писарь.

Не сразу могъ писарь, очевидно захлопотанный толками и пререканіями только что разбиравшагося дѣла, сообразить, какъ и зачѣмъ вызванъ имъ Хведько. Онъ изумленно смотрѣлъ на него нѣсколько мгновеній и тогда только вспомнилъ.

— Ага, ты тотъ, что изъ тюрьмы выпущенъ? Подожди!— сказалъ онъ и пошелъ въ комнату, оставивъ отпертыми двери. Хведько увидалъ, что писарь разыскивалъ на столѣ какую-то бумагу и что-то говорилъ вошедшему изъ другой комнаты старшинѣ, но что именно—разслышать нельзя было за говоромъ судящихся. Нашедши бумагу, писарь просмотрѣлъ ее и опять что-то сказалъ старшинѣ. Сей послѣдній глянулъ въ сторону Хведька и опять на говорившаго что-то писаря и затѣмъ уже, подошедши поближе къ дверямъ, сказалъ:

— Иды по свойому дилу! Теперь ты не надобенъ, а тилько билета тоби выдаваты не можна. Га! Та ще отъ що!—теперъ робоча пора, такъ подати дбай, щобъ булы! Иды зъ Богомъ!— кончилъ старшина, отпуская Хведька, крайне изумленнаго мирнымъ тономъ его рѣчи.

Ему не хотѣлось вѣрить, чтобы этотъ тонъ былъ естественнымъ, а не дѣланнымъ съ какою либо ехидною цѣлью, по отношенію къ нему. Старшина въ его воображеніи и оставался главнымъ виновникомъ постигшаго его наказанія, не смотря на разъясненія ему его дѣла въ острогѣ болѣе опытными по сей части сидѣльцами тюрьмы.

Свѣсивъ непокрытую шапкою голову, стоялъ, задумавшись Хведько около крыльца волости, не зная, куда идти и что дѣлать.

Изъ двора волости вышло нѣсколько человѣкъ, пререкаясь по поводу только-что разбиравшагося въ судѣ дѣла. Противники, поддерживаемые каждый своими свидѣтелями-сторонниками, не переставали спорить и доказывать каждый свою правоту. Дѣло шло о какомъ то долгѣ, сдѣланномъ еще отцомъ одного изъ тяжущихся, при чемъ сынъ умершаго должника настаивалъ на томъ, что къ уплатѣ долга должны быть привлечены и два старшихъ его брата, хотя и выдѣленные еще при жизни отца и до совершенія имъ взыскиваемаго долга. Оба тяжущіеся совмѣстно со свидѣтелями направились, не переставая спорить, вдоль по улицѣ къ дому Кучерки, гдѣ обыкновенно распивались купно съ приглашаемыми судьями чаи, сдабриваемые водочкою и кренделями.

Отстранившійся, чтобы дать дорогу этой всей компаніи, Хведько мимо воли заслышалъ ихъ споръ о долгѣ и вспомнилъ о деньгахъ, находящихся у Сугыбы. Такъ какъ послѣдній жилъ тутъ же недалеко, то Хведько и порѣшилъ зайти къ нему, хотя и вспомнилъ, что вчера что-то говорилось о его отсутствіи.

Калитка новыхъ, высокихъ, въ прочныхъ вереяхъ воротъ хорошо обстроеннаго и крѣпкаго двора Сугыбы была заперта. На лязгъ желѣзнаго кольца калитки во дворѣ послышалось рѣзкое тявканье какой-то шавки и басистый охриплый лай большой цѣпной собаки и затѣмъ нескоро уже женскій голосъ, спрашивающій:

— Хто се?

— А ну, выйдить сюды!—отвѣтилъ Хведько, держась за кольцо.

Калитка отворилась, въ ней появилась не старая еще благообразная женщина, очевидно оторванная этимъ вызовомъ отъ какого-то мазанья, о чемъ свидѣтельствовала ея подоткнутая и забрызганная глиною юбка, сбитый немного со встрепаныхъ волосъ головной платокъ и „щитка“ въ правой рукѣ.

Она ничего не сказала, только вопросительно смотрѣла на Хведька, тоже не знающаго съ чего начать. Онъ не зналъ, какъ назвать своего должника, а назвать его по фамиліи, то есть такъ, какъ его дразнятъ — Сугыбою, онъ считалъ неприличнымъ.

Неловкость положенія прервала Сугыбиха, успѣвшая скоро сообразить, что передъ нею стоитъ человѣкъ, внѣшностью отличающійся чѣмъ-то отъ обыкновенныхъ селянъ. Она такъ-же, какъ и вчера на базарѣ Шкавро, сразу сообразила, что это тотъ именно парень, который находился „завданымъ“ гдѣ - то въ тюрьмѣ, котораго деньги и были у ея мужа. Для нея, наконецъ, Хведько былъ свой по костюму Андреевецъ, совершенно ей по своей наружности незнакомый среди всѣхъ его возраста болѣе или менѣе знакомыхъ хоть „по обличью“ мѣстныхъ парней. Все это моментально сообразила ловкая Сугыбыха и, отгоняя приставшую шавку, пригласила Хведька войти во дворъ, а послѣ и на крыльцо.

Сквозь открытыя двери видно было, что въ избѣ идетъ обычное субботнее „поранье“—приборка. Въ „горницѣ“ подростокъ дѣвочка, ползая на четверенкахъ, домывала полъ; въ первой со входа комнатѣ кухонная печь, уже вытопленная, курилась паромъ необсохшей, только что намазанной глины. Съ огорода, подгоняя все пріостанавливающуюся и топырящуюся „квочку“ съ цыплятами, шла старуха въ сопровожденіи хлопчика въ высоко подтянутыхъ одною подтяжкою „штанцяхъ“ и съ выцвѣтшимъ на лѣтнемъ солнцѣ чубчикомъ.

На огородѣ, хлопая крыльями, выкрикивалъ пѣтухъ. Изъ повѣтки доносилось кудахтанье курицы. Во всемъ дворѣ виденъ былъ обычный хозяйственный безпорядокъ, знаменующій, такъ сказать, безустанность хозяйственной, семейной дѣятельности обитателей его. Заможность и семейственность сказывались во всемъ, и Хведьку представился сразу рѣзкій контрастъ съ опустѣлостью его собственнаго двора, его „батьковщины“. Печальный онъ сидѣлъ на крыльцѣ, пока Сугыбыха мыла въ избѣ надъ „помыйныцею“ руки и оправляла хоть немного свой ко-

стюмъ. Печально-тихо отвѣтилъ онъ на привѣтствіе вышедшей на крыльцо и посмотрѣвшей на него старыми оловяными глазами старухи, тупо смотрѣлъ на уставившагося на него любопытнымъ взоромъ мальчугана.

— Це ты чы не гроши правыть прыйшовъ? спросила его вышедшая наконецъ на крыльцо Сугыбыха.

— А же ты той—якъ тамъ васъ прозывають, зъ Красноселивки, що то...?—не договорила она, никогда и не знавшая, какъ ихъ, т. е. его Хведька семью, „прозываютъ“ и замявшаяся, наткнувшись на неловкое, но наиболѣе ей извѣстное опредѣленіе гостя словами—„въ тюрьми сыдивъ“. Она не сказала этихъ послѣднихъ словъ, но Хведько понялъ, о чемъ идетъ рѣчь, и сразу отвѣтилъ.

— Той самый.

— Отъ лыхо. Тымохвія Степановича и дома нема!—саме-жъ то завтра ярмарка у Шереметивци, такъ що хыба ажъ къ нашому ярмарку вернется—проговорила она дѣловымъ тономъ.

— Тоди жъ ото казалы, що гроши намъ држаты ажъ до Покровы—наче такъ и ростъ зъ насъ узято. Ще Степановичъ не хотивъ давать, такъ старшына проби намагався, щобъ у подати положыты—продолжала она.

Хведько молча повѣсилъ голову, не поднимая глазъ, слушалъ эти рѣчи дѣловитой женщины. Онъ не расчитывалъ, идучи сюда, получить сразу свои деньги, но тѣмъ не менѣе объясненія Сугыбыхи купно съ воспоминаніемъ о своемъ убожествѣ, о разоренности сильно опечалили его, разрушая тѣ мечты объ устроеніи себя, которыя такъ не долго—только со вчерашняго дня—пришлось ему лелѣять въ себѣ.

— Прыйде Тимохвій Степановичъ—навернешся якъ небудь: винъ усе роскаже... какъ бы заканчивая аудіенцію, сказала Сугыбыха.

Дѣйствительно, больше нечего было тутъ дѣлать, и Хведько отвѣтилъ кротко:

— Ну, щожъ! Надійду.—Прощайте! И онъ пошелъ, провожаемый за ворота хозяйкою со двора.

VI.

На улицѣ никого не видно было. Только изъ открытыхъ оконъ Кучерки доносились громкіе голоса спорящихъ.

Хведьку хотѣлось ѣсть. Въ карманѣ у него въ маленькомъ кожаномъ гаманьчикѣ оказалось только три серебрянныхъ монеты по 20 копѣекъ, между тѣмъ какъ, выходя изъ тюрьмы, онъ имѣлъ въ томъ же гаманѣ рублевую бумажку и тридцать копѣекъ мѣдью. Это значитъ, онъ вчера со Шляховымъ и Шкавромъ пропилъ столько денегъ. Этого еще съ нимъ не бывало—онъ никогда денегъ не пропивалъ, и ему стало самому передъ собою совѣстно. Припомнилось ему послѣднее напутствіе Шляхового „не пый горилкы"!—и онъ повернулъ въ сторону отъ лавки кабака Козла, гдѣ въ открытомъ окнѣ такъ соблазнительно для его голоднаго желудка виднѣлись цѣлыя связки тарани и чехони.

Оставалось ему идти на свою Красноселовку, а тамъ къ Сохвѣ, единственно родственному для него человѣку.

Сохву онъ засталъ въ прибранной уже по субботнему хатѣ. Она стояла съ „рублемъ" [1]) въ рукахъ и съ навитымъ на качалку бѣльемъ—катала бѣлье.

— Сидай, отъ я заразъ...—отвѣтила она на кроткое привѣтствіе Хведька и начала катать, ловко орудуя рублемъ и качалкою.

— Де бувъ и що почувъ?—спросила она въ одинъ изъ перерывовъ работы при наматываніи новой штуки бѣлья.—

Хведько разсказалъ, какъ умѣлъ, про объясненія старшины и за тѣмъ тоже про посѣщеніе Сугыбы.

---

[1]) Рубель и качалка—орудія, служащія къ катанью бѣлья, теперь замѣняемые постепенно утюгомъ.

— О! то така! та роскаже!—отозвалась Сохва, выслушавъ про Сугыбыху.—Тоби-бъ треба гараздъ пороспытатысь зъ сестрамы—воны розскажуть, якымъ побытомъ гроши имъ оддани... А ты іи послухай! вона накаже ще й не такои!—

— Ну, а обидати такъ и не посадыла?—добавила Сохва, складывая выкатанное бѣлье въ тутъ же стоявшую около перегородки, отдѣляющей валькиръ, скрыню.

— Ни, не садовыла.—

— Така! У неи не пообидаешъ! Воны—оци Сугыбы—у роду уси страхъ яки скупи! Таку й невистку у двиръ узялы... Тутъ въ мене борщыку, мабуть пойисы...

— Пойимъ, якъ що твоя ласка... отвѣтилъ Хведько.

Сохва накрыла столъ и собрала поѣсть гостю, который не церемонясь съѣлъ миску борщу съ таранью и чуть не половину хлѣба.

Хозяйка, сидя на другомъ концѣ стола, вела рѣчь о томъ, что ему слѣдовало бы лучше пораспроситься съ сестрами, взять у Машки ключъ отъ скрыни, чтобы достать себѣ хоть сорочку чистую, или приказать ей прійти самой; что ему самому въ хатѣ жить не приходится, а слѣдовало бы, если ужъ самъ не хочетъ жениться, къ Машкѣ кого принять; что во всякомъ случаѣ теперь ей слѣдуетъ оставить службу у діакона; что теперь такъ сякъ, на буракахъ и подсолнухахъ, а то скоро и на сѣнѣ и уборкѣ хлѣба можно кое-что заработать...

Все это торочила смышленая молодица и все это было такъ несомнѣнно съ точки зрѣнія и ея собесѣдника, уплетающаго за обѣ щеки борщъ съ хлѣбомъ, что онъ только кивкомъ головы, да утвердительнымъ междометіемъ—„у-гмъ! Еге!“ подтверждалъ ея выводы и совѣты.

Помолившись Богу и поблагодаривъ хозяйку за обѣдъ, Хведько не зналъ, что съ собою дѣлать и за что приняться, такъ какъ дня еще было много, долго еще оставалось до вечера.

Умная Сохва и это сообразила, какъ равно сообразила и то, что ея гостю не хотѣлось идти въ свой пустой домъ и вообще показываться сосѣдямъ.

— Яке жъ бы тоби дило загадать, щобъ не скушно було?— сказала она.

— Якъ бы ты вмивъ шиты, такъ я бъ тоби дала голку й нытку, то ты бъ оце черкеску соби позашивавъ—бачъ якъ попоролась, та пооббывалась—какъ бы подшучивая говорила она.

— Голкою—хто його знае, а отъ дратвою та шыломъ я де-що тямлю,—отвѣтилъ Хведько.

— Тямишъ? Шыливъ, мабуть, ажъ двое у насъ есть: покойный свекоръ було майструють, а дратвы вже, хто його знае, де добуть...

— А пряжа е?

— Е.—

— Ну, отъ и дратва. Щетыны я вырву зъ щиткы.

— Отъ и гараздъ. А въ мене бачъ и чобитъ роспоровся и черевыки продралысь.

Дѣло ладилось. Сохва изъ коморы принесла какую-то совершенно запыленную коробку, въ которой къ удовольствію ея и Хведька оказалось два шила и даже совершенно засохшій кусочекъ вару [1]) и какіе-то обрѣзки кожи. Все это со смерти свекра Сохвы оставалось нетронутымъ въ коморѣ и только изрѣдка переставлялось съ мѣста на мѣсто, почему и стало извѣстнымъ хозяйкѣ.

Работа закипѣла. Ссукана дратва, заправлены въ нее щетинки, ножъ замѣнилъ принесенный Сохвою изъ той же коморы обломокъ косы, и Хведько „шевцювавъ“ въ прохладныхъ сѣняхъ, освѣщенныхъ свѣтомъ изъ хаты, ибо двери на всякій случай вслѣдъ за вышедшей на огородъ Сохвою онъ заперъ.

Къ вечеру чоботы и черевыки были починены, очищены ко взаимному удовольствію мастера и заказчицы.

Но въ теченіе этого времени случилось обстоятельство, потревожившее Хведька, въ одиночествѣ раздумывавшаго про свои дѣла.

Уже заблаговѣстили къ вечернѣ, когда кто-то, слышно было, босыми ногами взошелъ на крыльцо и смѣло дернулъ

[1]) Варъ—смола, особымъ способомъ приготовляемая для натиранія дратвы.

двѣри. Задумавшійся Хведько, предположивъ, что это Сохва, со словами „заразъ одчиню“ вскочилъ съ обрубка, служившаго ему вмѣсто скамейки, и отперъ двери. Это была не Сохва, а недалекая ея сосѣдка Ковтунова Галька, смѣшавшаяся, наткнувшись на неожиданнаго въ этомъ домѣ мужчину, очевидно расположившагося здѣсь, какъ у себя. Она стояла изумленная и не знала что сказать, но скоро оправилась и, всмотрѣвшись, узнала сильно измѣнившагося Хведька, котораго, казалось ей, такъ еще недавно она, еще въ дѣвкахъ, наравнѣ съ другими дразнила „Попкомъ“.

— А Сохва де?—спросила она, обдергивая высоко подоткнутую „спидныцю.

— Десь на огороди—отвѣтилъ Хведько.

— А мени тутъ въ неи треба... начала что-то объяснять Галька, но не кончила и пошла на огородъ.

Немного сконфуженный этою неожиданною встрѣчею Хведько опять усѣлся за работу, но уже двери не запиралъ и скоро увидалъ ту же Гальку съ Сохвою, прошедшею въ комору, а послѣ съ какими-то ночовками и за ворота.

Вечеромъ между „жинками“ Красноселовцевъ, вышедшихъ на встрѣчу къ коровамъ, къ череди, стало извѣстно, что „Попокъ“ вернулся, навчився тамъ, де бувъ, шевцювать и у Сохвы на кватыри шевцюе.

„Попокъ“ же у Сохвы и остался ночевать, постлавшись послѣ скромной „вечери“ въ сѣняхъ.

На другой день было воскресенье, и сердобольная Сохва разъискала для своего гостя мужнины штаны и сорочку, которые, по ея увѣщанію, хоть и не по росту сшитые, Хведько надѣлъ.

Б. Позвавскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ЦЕРКОВНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ МУЗЕЙ

ПРИ

Кіевской Духовной Академіи.

(По поводу 25-ти-лѣтія).

Въ октябрѣ прошлаго 1897 года исполнилось 25 лѣтъ со дня учрежденія Церковно-Археологическаго Общества и Музея при Кіевской Духовной Академіи. За истекшее время Обществомъ было сдѣлано довольно много по изученію какъ общихъ, такъ и болѣе частныхъ вопросовъ церковной археологіи, главнымъ образомъ мѣстной; по мѣрѣ возможности принимались также Обществомъ мѣры къ сохраненію памятниковъ церковной старины; но въ общемъ, дѣятельность Общества нельзя назвать достаточно энергичной. Недостатокъ этотъ выразился между прочимъ въ слабомъ участіи въ дѣятельности Общества лицъ, могущихъ быть наиболѣе полезными для цѣлей Общества,—имѣемъ въ виду духовенство селъ, мѣстечекъ и уѣздныхъ городовъ.

Въ „Отчетѣ" Общества за послѣдній (1897) годъ значится, что его составляли 27 почетныхъ членовъ, 112 дѣйствительныхъ и 41 членъ-корреспондентъ,—всего 180 лицъ, и между ними мы нашли всего лишь немного болѣе 10-ти членовъ изъ состава провинціальнаго духовенства нашего края—процентъ

очень незначительный. А между тѣмъ, при извѣстной организаціи, путемъ руководящихъ разъясненій, напр. въ формѣ программъ, Общество, такъ близко стоящее къ нашему духовенству, могло бы сдѣлать очень многое какъ для приведенія въ извѣстность памятниковъ церковной старины, посредствомъ описанія ихъ мѣстными священниками, такъ и для изученія ихъ, что находится въ тѣсной зависимости одно отъ другого. Многое можно было-бы сдѣлать и для сохраненія памятниковъ; наши церкви являются чуть ли не единственными хранилищами таковыхъ, и конечно желательно, чтобы эти памятники старины или оставались и хранились на мѣстѣ, или поступали въ учрежденія, предназначенныя для храненія древностей. Но въ дѣйствительности очень часто приходится слышать о совершенно обратномъ: сплошь и рядомъ церковные предметы, вышедшіе изъ употребленія, иногда представляющіе большой интересъ, затериваются или уничтожаются благодаря отсутствію пониманія научной цѣнности ихъ, а также и отсутствію чувства любви и уваженія къ памятникамъ прошлаго; помимо этого зачастую приходится наталкиваться на факты другого рода: церковныя древности, также вслѣдствіе вышеуказанныхъ причинъ, продаются заѣзжимъ торговцамъ древностями или поступаютъ въ частныя собранія; факты послѣдняго рода были настолько часты, что духовныя власти принуждены были принять мѣры къ пресѣченію ихъ.

Намъ кажется, что помимо этихъ мѣръ, носящихъ формальный характеръ, скорѣе бы достигло цѣли распространеніе среди сельскаго духовенства свѣдѣній о важности всякаго рода памятниковъ старины, и задача эта, по отношенію къ нашему краю, ближе всего Церковно-Археологическому Обществу. Что наше сельское духовенство не чуждо стремленіямъ къ изученію какъ памятниковъ старины, такъ и другихъ сторонъ мѣстной жизни, объ этомъ свидѣтельствуютъ если и не многочисленные, то и не единичные примѣры,—значитъ, почва есть, слѣдуетъ ее только воздѣлать.

Закончивъ на пожеланіи Обществу, при вступленіи въ новую четверть вѣка жизни, расширить сферу своей дѣятельности и тѣмъ во много разъ увеличить тѣ плодотворные результаты, которые уже достигнуты имъ, перейдемъ теперь къ состоящему при Обществѣ Церковно-Археологическому Музею: ближе познакомить публику съ этимъ учрежденіемъ и было главной цѣлью настоящей замѣтки.

Въ каждомъ дѣлѣ, а въ такомъ, какъ устройство и веденіе музея въ особенности, рѣшающее значеніе имѣетъ отношеніе къ дѣлу лицъ, завѣдующихъ имъ; можно привести много примѣровъ, не выходя хотя бы изъ области такъ сказать музейной, что многія благія по мысли и цѣлямъ начинанія застывали или влачили жалкое существованіе, а то и совсѣмъ прекращались; въ данномъ случаѣ на одномъ формальномъ отношеніи къ дѣлу далеко не уѣдешь: нужно любить дѣло и тогда только можно разсчитывать на успѣхъ. Въ этомъ отношеніи кіевскому Церковно-Археологическому Музею посчастливилось: во главѣ его, въ званіи хранителя, сталъ профессоръ Кіевской Духовной Академіи Н. И. Петровъ, остающійся хранителемъ и въ настоящее время; главнымъ образомъ энергіи и трудамъ проф. Петрова музей и обязанъ тѣмъ, что теперь, по истеченіи 25-ти лѣтъ, онъ сталъ учрежденіемъ, равнаго которому пожалуй нѣтъ въ Россіи. Если прибавить къ этому, что при своемъ возникновеніи музей не имѣлъ почти никакихъ средствъ какъ на пріобрѣтеніе предметовъ, такъ и на приведеденіе поступленій въ должный порядокъ, и что не смотря на это, музей принялъ грандіозные размѣры, то нельзя не отнестись съ полной признательностью къ дѣятельности проф. Петрова, создавшаго для Кіева такое во всѣхъ отношеніяхъ выдающееся учрежденіе.

Но обратимся къ фактической сторонѣ дѣла. Въ этомъ случаѣ большую помощь намъ можетъ оказать *„Указатель Церковно-Археологическаго музея при Кіевской Духовной Академіи“*, составленный Н. И. Петровымъ, второе исправленное и дополненное изданіе котораго вышло въ 1897 г.; уже одни размѣры

этого „Указателя“ могутъ дать понятіе о богатствахъ Музея: „Указатель“ заключаетъ 291 страницу убористой печати въ большую 8-ую долю листа. Въ „Указателѣ“ мы находимъ перечень предметовъ, поступившихъ въ Музей по іюнь мѣсяцъ 1897 г.; къ этому времени всѣхъ номеровъ числилось въ Музеѣ *24,893*! Это громадное собраніе образовалось главнымъ образомъ изъ пожертвованій и, вслѣдствіе того, не приходилось дѣлать выбора, составлять коллекціи по заранѣе выработанной программѣ,—въ Музей поступало все, что дарили. Благодаря этому обстоятельству, въ Музеѣ мы находимъ очень много предметовъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ церковной археологіи, но, конечно, значеніе Музея отъ этого нисколько не умаляется, а наоборотъ, увеличивается польза, приносимая Музеемъ, о чемъ мы скажемъ нѣсколько словъ ниже.

Въ настоящее время Музей заключаетъ въ себѣ слѣдующіе 12 отдѣловъ: 1) первобытныя и историческія древности, преимущественно языческаго характера; 2) слѣпки и снимки съ архитектурныхъ зданій, строительные матеріалы, гравировальныя доски и образчики акварелей, гравюръ и литографій; 3) Муравьевская коллекція древностей и святынь; 4) принадлежности христіанскаго богослуженія и обрядовъ; 5) иконы, образки и крестики изъ разныхъ мѣстъ; 6) Филаретовская (бывшая Сорокинская) коллекція иконъ; 7) картины и портреты; 8) статуи; 9) памятники медальернаго искусства: монеты, медали проч.; 10) образчики письма и печати; 11) библіотека музея; 12) Леопардовская коллекція. Изъ этого перечня отдѣловъ можно видѣть, насколько разнообразно содержаніе Музея; хотя изъ-за этого разнообразія и нарушается цѣльность, но, съ другой стороны, включеніе въ собранія Музея такихъ, напр., отдѣловъ, какъ древности первобытныя и историческія, архитектурные памятники, образчики письма и печати, монеты, медали, картины, портреты и другіе предметы искусства, придаетъ особый характеръ кіевскому Церковно-Археологическому Музею: сберегая памятники старины, служа цѣлямъ науки, Музей въ то-же время является полезнымъ общеобразователь

нымъ учрежденіемъ, и учрежденіемъ пока еще единственнымъ въ Кіевѣ.

Какъ мы уже упомянули, Музей составился главнымъ образомъ изъ пожертвованій. Среди пожертвованій и поступленій единичныхъ или немногихъ предметовъ, встрѣчаются также и цѣлыя коллекціи или собранія, представляющія зачастую большую цѣнность по подбору составляющихъ ихъ предметовъ.

Первой по времени была пожертвована въ 1878 г. т. н. Муравьевская коллекція древностей и святынь; коллекція эта собрана путешественникомъ по св. мѣстамъ А. Н. Муравьевымъ и заключаетъ между проч. много экземпляровъ древнихъ и цѣнныхъ иконъ изъ разныхъ мѣстъ, преимущественно съ востока. Поступившая въ Музей по завѣщанію преосвящ. Порфирія Успенскаго коллекція иконъ представляетъ изъ себя одно изъ замѣчательныхъ собраній; здѣсь есть иконы съ Синая, изъ Іерусалима, Аѳона; нѣкоторыя изъ нихъ относятся къ глубокой древности. Небольшія собранія иконъ великорусскихъ писемъ поступили изъ складовъ св. Синода и Московскаго Общества любителей духовнаго просвѣщенія. Большой интересъ по подбору имѣетъ затѣмъ т. н. Филаретовская коллекція иконъ; она пріобрѣтена для Музея бывшимъ ректоромъ кіевской дух. академіи Филаретомъ у московскаго купца А. Е. Сорокина и даетъ образчики иконописи различныхъ школъ, главнымъ образомъ великорусскихъ; въ этой коллекціи болѣе двухсотъ иконъ. Уже однѣ вышеперечисленныя пожертвованія по количеству и разнообразію собранныхъ въ нихъ образцовъ, даютъ богатый матеріалъ для изученія иконографіи.

Жертвовались въ музей и коллекціи съ болѣе разнообразнымъ содержаніемъ; такъ, кн. Демидовой Санъ-Донато подарена коллекція иконъ, крестовъ, образковъ и крестиковъ, а Н. А. Леопардовымъ—громадное собраніе (9050 предметовъ) различнаго рода памятниковъ церковной древности и памятниковъ доисторическихъ и историческихъ.

На примѣрѣ кіевскаго Церковно-Археологическаго Музея съ очевидностью подтверждается давно созрѣвшая необходи-

мость, къ сожалѣнію не всѣми еще сознаваемая въ должной мѣрѣ, въ устройствѣ общественныхъ музеевъ: лишь только является такое учрежденіе, лишь только является гарантія въ сохраненіи памятниковъ—общество сочувственно откликается и за пожертвованіями дѣло не стоитъ.

Въ виду громаднаго содержанія Музея, подробное перечисленіе всего, хотя бы только болѣе выдающагося изъ его коллекцій, заняло бы слишкомъ много мѣста; поэтому мы ограничимся лишь бѣглымъ просмотромъ отдѣловъ, на которые распадается Музей, со специальной цѣлью отмѣтить только то, что такъ или иначе касается южно-русской старины.

Музей помѣщается въ одномъ изъ зданій духовной академіи, вполнѣ соотвѣтствующемъ цѣли,—само зданіе представляетъ изъ себя одинъ изъ рѣдкихъ памятниковъ южно-русской архитектуры, такъ какъ построено еще гетманомъ Мазепой; весь нижній этажъ его, состоящій изъ 6-ти комнатъ и длинной галлереи, наполненъ коллекціями Музея.

Первая комната заключаетъ въ себѣ первобытныя и историческія древности, преимущественно языческаго характера; собраны тутъ небольшія коллекціи древностей египетскихъ, финикійскихъ, кипрскихъ, греко-римскихъ; есть затѣмъ образцы древностей изъ греческихъ колоній по сѣверному берегу Чернаго моря, какъ напр. изъ Пантикапеи и Ольвіи; есть немного и скифскихъ, эти послѣднія происходятъ изъ Черкасскаго у. Кіевской губ. и найдены въ курганѣ между селомъ Матусовымъ и Лебединскимъ монастыремъ; кромѣ этихъ, есть нѣсколько и спорадическихъ находокъ. Изъ другихъ курганныхъ древностей, относящихся однако къ болѣе поздней эпохѣ, отмѣтимъ предметы изъ раскопокъ Н. Я. Тарновскаго близъ д. Корытищъ, Каневскаго у.

Что касается первобытныхъ древностей въ собственномъ смыслѣ, т. е. относящихся къ каменному и бронзовому вѣкамъ, то хотя въ Музеѣ такихъ древностей и не особенно много, но онѣ вполнѣ достаточно характеризуютъ данныя эпохи, особенно каменную: въ Музеѣ есть образцы различнаго рода молотковъ,

топоровъ, стрѣлъ, ножиковъ и т. п.; между ними извѣстную цѣльность представляетъ коллекція предметовъ, собранная на мѣстѣ т. н. стоянки и мастерской каменнаго вѣка у с. Вышенокъ, Остерскаго у. Черниговск. г.; гораздо меньше предметовъ бронзоваго вѣка, это объясняется рѣдкостью такого рода предметовъ въ нашемъ краѣ, но за то малочисленность представителей ихъ въ Музеѣ искупается цѣнностью имѣющихся образцовъ: найденная въ Липовецкомъ у. складная діадема извѣстна, если не ошибаемся, всего лишь въ двухъ экземплярахъ; широкій бронзовый поясъ съ изображеніями животныхъ изъ с. Подгорецъ, Кіевскаго у., представляетъ изъ себя единственный экземпляръ, найденный на территоріи Россіи...

Отдѣльную витрину занимаютъ древности, найденныя въ Кіевѣ и его окрестностяхъ; большинство ихъ относится къ великокняжской эпохѣ и найдено по большей части на мѣстахъ древнихъ церквей; особеннаго интереса онѣ не представляютъ, интересны же онѣ главнымъ образомъ для топографіи древняго Кіева.

Въ этой-же комнатѣ, а отчасти и въ другихъ мѣстахъ, помѣщены памятники козацкой старины; мы ихъ сведемъ вмѣстѣ. На первомъ планѣ нужно поставить козацкое шелковое знамя XVIII в. (№ 1756) съ изображеніями на одной сторонѣ козака съ рушныцею и военными аттрибутами вокругъ, а на другой—руки, держащей крестъ, съ виршами надъ нимъ; знамя найдено въ архивѣ церкви села Сенчанскихъ Скоробогатокъ, Лохвицкаго уѣзда., Полтавской губ. [1]) Имѣются затѣмъ въ Музеѣ козацкія копья—спысы (№№ 1714—1715), чугунная и мѣдная ручныя мортирки изъ Каневскаго собора (№№ 1721—2722), мѣдный запорожскій гербъ изъ Крыма, изображающій прорѣзную лошадь въ кругѣ (№ 1730), и наконецъ, небольшая картина, изображающая сидящаго запорожца съ кобзою и съ надписью: „Сыдыть

---

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ знамени см. въ „Кіевск. Стар.“ 1890 г., № 10—„Замѣтка о козацкихъ знаменахъ“.

козакъ въ кобзу грае, що замыслыть, то все мае“ (въ галлереѣ, № 4791); картина эта изъ Кіевской губ., нарисована была на стѣнѣ хаты.

Первая комната дала убѣжище и нѣкоторымъ коллекціямъ неархеологическаго характера; отмѣтимъ здѣсь довольно полныя коллекціи принадлежностей шаманскаго, ламайскаго, китайскаго, японскаго и еврейскаго культовъ.

Содержаніе *второй* комнаты можно раздѣлить на два отдѣла: архитектурные памятники и различнаго рода рисунки, чертежи, гравировальныя доски, гравюры.

Архитектурный отдѣлъ въ свою очередь раздѣляется на модели и на образцы строительныхъ матеріаловъ и украшеній. Между первыми имѣются модели крымскихъ и кавказскихъ храмовъ, какъ пещерныхъ, такъ и строенныхъ на землѣ; между вторыми интересенъ подборъ разнаго рода кирпичей, плитокъ, шиферныхъ карнизовъ, орнаментовъ и т. п. изъ церквей и остатковъ ихъ, относящихся къ велико-княжеской эпохѣ; матеріалъ этотъ, помимо спеціальнаго значенія, служитъ немаловажнымъ подспорьемъ, а иногда и единственнымъ указателемъ для опредѣленія мѣстоположенія древнихъ церквей, топографія которыхъ, напр., въ Кіевѣ, еще мало выяснена.

Акварелей и чертежей въ музеѣ немного, но за то сравнительно богатъ отдѣлъ гравировальныхъ досокъ, деревянныхъ и мѣдныхъ, и гравюръ; послѣднія большей частью въ видѣ новыхъ оттисковъ со старыхъ досокъ. Южно-русское гравировальное искусство, развивавшееся главнымъ образомъ въ двухъ центрахъ—Кіево-Печерской и Почаевской лаврахъ, еще ждетъ изслѣдователей,—въ музеѣ приготовленъ для послѣднихъ обильный матеріалъ.

Третью комнату заполняетъ Муравьевская коллекція,—о ней мы уже упоминали, а потому перейдемъ въ *четвертую* комнату. Здѣсь размѣщены принадлежности христіанскихъ храмовъ и христіанскаго общественнаго богослуженія. Отдѣлъ этотъ одинъ изъ самыхъ полныхъ въ музеѣ; предметы—большей частью южнаго происхожденія изъ губерній Кіевской, Волынской,

Подольской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской, Воронежской, Курской, Люблинской, Сѣдлецкой. Лица, доставившія предметы, большей частью сельскіе и городскіе священники. Но все-таки процентъ лицъ, явившихся вкладчиками Музея, сравнительно съ общимъ числомъ духовенства въ указанномъ раіонѣ, является очень незначительнымъ; повторяемъ, необходимо болѣе широкое распространеніе свѣдѣній о задачахъ Музея, о характерѣ его, о тѣхъ предметахъ, которые представляютъ интересъ и должны быть хранимы—это несомнѣнно повліяло бы на еще большее развитіе Музея. Намъ лично, во время поѣздокъ по краю, приходилось довольно часто заглядывать въ темные уголки гдѣ-нибудь на колокольнѣ деревенской церкви или въ жалкой сторожкѣ при церкви, гдѣ обыкновенно сваливаются и лежатъ въ пыли и сорѣ различныя вещи, вышедшія изъ употребленія; зачастую между хламомъ приходилось встрѣчать и предметы, заслуживающіе вниманія по древности-ли, или-же, благодаря сказавшейся въ нихъ мѣстной оригинальности; заводились при этомъ обыкновенно разговоры, и почти всегда приходилось слышать вопросы, подправленные иногда и юморомъ, въ родѣ того, что неужели это можетъ имѣть значеніе, можетъ пригодиться?

Предметы, собранные въ четвертой комнатѣ, даютъ полное представленіе о внутреннемъ содержаніи православнаго южнорусскаго храма; по времени преобладаютъ предметы XVIII в., довольно много есть XVII в. и нѣсколько болѣе раннихъ; даютъ они наглядное понятіе о той бѣдности, которая царила въ церквахъ, особенно Юго-Западнаго края: преобладающій матеріалъ изъ котораго они сдѣланы,—дерево, олово, мѣдь. Предметовъ, собранныхъ здѣсь, такъ много, что каждый видъ ихъ образуетъ собой отдѣльныя коллекціи: мы имѣемъ тутъ разныхъ формъ чаши, дискосы, дарохранительницы, мирницы, кадила, напрестольные и предносимые кресты, евангелія, воздухи, антиминсы, различныя церковныя облаченія, плащаницы (отмѣтимъ плащаницу, писанную на шелку извѣстнымъ художникомъ Боровиковскимъ, № 2696), хоругви, подсвѣчники и другіе болѣе мел-

кіе предметы; нѣкоторые изъ нихъ отличаются характерной формой, другіе представляютъ интересъ благодаря находящимся на нихъ надписямъ, третьи выдѣляются художественнымъ выполненіемъ. Кромѣ выше перечисленныхъ, здѣсь есть также нѣсколько рѣзныхъ царскихъ вратъ и рядъ картинъ религіознаго характера; между послѣдними интересны съ бытовой точки зрѣнія картины страшнаго суда,—доморощенный художникъ передалъ въ нихъ весь циклъ нравственныхъ понятій своего угла, фигурно изображая различные виды прегрѣшеній, изъ-за которыхъ грѣшники идутъ въ адъ.

Пятая комната, по сдержанію, является отчасти продолженіемъ четвертой,—здѣсь размѣщены иконы, иконки, кресты и крестики. Среди другихъ коллекцій иконъ и крестовъ, какъ напр., Порфирьевская и Демидовская, здѣсь есть также сборная коллекція иконъ изъ Южной Россіи и громадная сводная коллекція крестиковъ, медальоновъ и проч. Коллекція иконъ южнорусскаго письма сравнительно небольшая, но и она можетъ служить нѣкоторымъ основаніемъ для спеціальныхъ изслѣдованій, и только можно пожелать, чтобы таковыя начались; до сихъ поръ они отсутствуютъ. Что касается крестиковъ и образковъ, то замѣчательный подборъ представляютъ таковые изъ велико-княжеской, до-татарской эпохи; нѣкоторые изъ нихъ являются уникатами,—и эта область мало разработана, а матеріала собрано вполнѣ достаточно, хотя-бы даже въ одномъ Церковно-археологическомъ музеѣ.

Шестая и послѣдняя комната занята Филаретовской коллекціей иконъ.

Вдоль всѣхъ этихъ комнатъ тянется *галлерея*; она раздѣлена на двѣ части. Въ передней развѣшаны картины и портреты, представляющіе иногда большую цѣнность въ художественномъ отношеніи; размѣщены статуи религіознаго характера—результатъ вліянія западной церкви; въ витринахъ разложены образцы письма и печати, а также медали и монеты,—послѣднихъ набралась довольно большая коллекція, заключающая и довольно рѣдкіе экземпляры. Вторая, задняя часть галлереи

отведена Леонардовской коллекціи, состоящей изъ священныхъ предметовъ, иконъ, крестовъ, образковъ, картинъ, портретовъ, предметовъ изъ раскопокъ, медалей, монетъ и различныхъ предметовъ искусства; многіе изъ предметовъ этой коллекціи— южнаго происхожденія.

Въ первой комнатѣ, въ шкафахъ, помѣщена часть библіотеки Музея; сюда выдѣлены, главнымъ образомъ, художественныя изданія, иногда большой рѣдкости и цѣнности, а также нѣкоторыя руководства и пособія, необходимыя для опредѣленія и распредѣленія поступающихъ предметовъ.

Церковно-Археологическій Музей открытъ для публики, но въ общемъ число посѣтителей очень незначительно, а между тѣмъ изъ вышеприведеннаго бѣглаго очерка видно, какъ много интереснаго хранитъ Музей,—настоящая замѣтка и имѣетъ въ виду обратить вниманіе публики на это симпатичное учрежденіе; знакомство съ нимъ послужитъ къ обоюдной пользѣ.

Н. Бѣляшевскій.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ИНТЕРМЕДІЯ (КОЗА).

Въ селѣ Харьковкѣ, кіевской губ., уманскаго уѣзда, существуетъ обычай представлять на Рождество Христово цѣлый рядъ сценъ, или небольшую шутку—комедію подъ названіемъ „Коза“. Подобныя, болѣе или менѣе обширныя представленія „Козы“ существуютъ въ Подоліи и, вѣроятно, въ другихъ мѣстахъ Малороссіи, а также и въ Бессарабіи. Хожденіе „Козы“, вообще, въ Малороссіи присоединяется къ колядкамъ и есть символическое почитаніе скотьяго бога—Волоса.

Болѣе обширная форма этой обрядности, по моему мнѣнію, представляетъ соединеніе почитанія Волоса съ переряживаніями—карнавальскими обрядностями.

Самая сцена представляется такимъ образомъ. Послѣ обѣдни въ первый день Рождества Хр. собираются переряженные парни въ такомъ составѣ:

1) цыганъ,
2) дидъ,
3) Меланка,
4) жидъ,
5) лѣкарь,
6) козакъ (онъ же и урядникъ),
7) „коза“.

Цыганъ и жидокъ входятъ въ хату просить позволенія, говоря: „Позвольте погулять кози?“

Цыганъ и жидъ заранѣе начинаютъ просить добычи. Цыганъ говоритъ: „Матусю—серце, пожалуйте куколци на арапнычокъ!“

Жидъ выпрашиваетъ: „Що маете, пожертвуйте: яечко, булькы, цыбулькы на шабашъ, бо я не маю“.

Если получатъ позволеніе, то выходятъ на улицу и приглашаютъ дида.

Дидъ ведетъ „козу“, а лѣкарь идетъ сбоку. Когда входятъ на порогъ, дидъ припѣваетъ: „Козонько-лебедонько, стань на порози, на одни нози, ввійдемъ до хаты, будемъ скакаты,—гоцкы, коза!“ (Коза пидскакуе то догоры, то донызу и мордою цокае).

Вошедши въ хату, дѣдъ припѣваетъ и произноситъ родъ речитатива:

„Ой, козо-козо, козо-небого,
Поскачи панови трошкы-немного! (2 раза).
Ой скачы-скачы, не оглядайся,
На мене дида не сподивайся! (2 раза)
Бо въ мене дида борода сида,
Борода сида, а спына гнида,
Ше й по колина поволокы,
Шобъ роспиралыся дивчатамъ бокы! (2 раза)
Ой козо-козо, козо-небого,
Обицявся панъ пивзолотого,
Якъ подобріе, то дасть цилого,
А якъ чортъ нападе, то выдере й того.
Гоцъ, коза, гоцъ-гоцъ, немножко пидскочъ!
Поскачы оттутъ, шось панъ дадуть,
Поскачы въ затинку, то дасть панъ копійку!

(Коза скаче).

Ой, годи-годи, козо, скакаты,
Не пидемъ у поле пшеныци жаты,
Бо тамъ одъ межи вынли вужи,

Посередйни вылили свыни,
А съ того краю нема врожаю,
А одъ толбкы вылы сорокы,
А одъ бережкы вылы бычкы...
Стій, коза, запчихався, заприхався,
Треба табакы понюхаты,
Та рады послухаты!

(Тоди выймае табакерку, нюхае и каже:)

На, козуню, тоби трошкы!

(Коза якъ понюхае, то дякуе, та цокае.)

Дѣдъ продолжаетъ припѣвать:

„На гори вовчокъ зъ вовченятамы,
А въ долыни коза съ козенятамы;
И зъ горы вовчокъ до козы цокъ-цокъ!
А вовченята—за козенята.
Мудрая коза догадалася,
Въ густыи лозы заховалася.
Ихали стрильци по горилочку,
Ударылы козуню у потылычку.
Ой, якъ бы моя коза здорова,
То я бъ поихавъ до Люба-Рога,
А въ Любимъ-Рози дивкы здорови:
Перше диты ведуть, якъ замижъ идуть.—
Ой изъ горы та въ яръ,
Тамъ кума моя,
Кумына дивчына,—
То душа моя.
Ой я съ кумою роскумаюся,
Съ кумынымъ дивчамъ извинчаюся;
Ой дамъ я попу пшеныци копу,
Шобъ мене звинчавъ зъ кумынымъ дивчамъ.
Копа пропала—шлюбу не взяла;
Шобъ того попонька трясця напала;
Шобъ его трясло пивтора року,

Шобъ зъ него вытрясло пшеныци копу.
Шобъ его трясло, ше й его диты,
Шобъ ему не дало въ хати сыдиты.
Щобъ его трясло, ще й его диды,
Шобъ изъ него вытрясло пивкорця миди.
Ой на гори монастыръ, высока дзвиныця,
Ой тамъ бы я бувъ попомъ,
Якъ бы молодыця.
Якъ бы мыни молодыця,
То я бъ зъ нею знався,
То ябъ іи сповидавъ.
За грихы спытався...
И сюды до руды, туды стежка лежить,
Туды моя люба-мыла
По водычку бижыть.
Козакъ кони напувавъ,—
Люба воду брала;
Козакъ іи заспивавъ,
Люба сподобала“.

(Коза здыхае. Вси плачуть и спивають:)

„Пропала наша надежда,
Роскончылася любовъ,
Къ серцю ручкы прыложыла,
Грудь накрывшы полотномъ.
Несуть іи на кладбыще,
Застогнала земля выще“.

(Дидъ зъ Меланкою танцюють и спивають:)

„Ой пидъ вышенькою, пидъ черешенькою
Стоявъ старый зъ молодою якъ изъ ягодою.
И просылася и молылася:
Пусты мене, старый диду, на улыцю погулять!
Ой и самъ не пиду и тебе не пущу;
Бо ты мене старенького покынуты хочешъ.
Куплю тоби хатку, ище синожатку,

И ставокъ, и млынокъ, и вышневенькый садокъ.
— Ой, не хочу хаткы и ни синожаткы,
Ни ставка, ни млынка, ни вышневого садка.
Ой ты, старый дидуга, изигнувся якъ дуга,
А я молоденька—гуляты раденька...
А ты, диду, кахы—п . . . ь,
Оце тоби, старый, смерть!“

(Тай пхне его)

(То винъ упаде та й говорыть):

„Ше сорока не побилила, а жинка чоловика побыла“.

Та тоди стае дидъ козу миряты и поперекъ и поздовжъ; покладе поздовжъ палыцю и каже: симъ пъядей съ половыною не дошло, а ликарь перебъе и говорыть: Стой, дѣдъ, козы не душы, ступай ликара позвы“!

Дѣдъ говоритъ: А хто-жъ ликаръ?

Лѣкарь: А я самъ лѣкарь.

Дѣдъ: Якъ ты кóзы выличуешъ?

Лѣкарь: Жывыхъ кизъ выличаю, а якъ здохне, то за хвистъ та въ ривъ выволикаю.

Дѣдъ: „Стонадцять чортивъ на твою голову! Я самъ такій ликаръ.

Снова мѣряетъ и говоритъ:

„Одъ грубы до грубы
Цапъ козу въ зубы,
Одъ печи до печи
Цапъ козу въ плечи;
Одъ порога до порога,
Вставай моя кизонька здорова!“

Становятся въ кружокъ, жыдови писни спиваютъ, а жыдъ Богу молыця.

Пѣсня.

„Прыихавъ кóзакъ до жыда на сабашъ,—
Охъ вей, тра-дидъ-бомъ,
До жыда на сабашъ.
Здоровъ, здоровъ, жыдку,

А шо-жъ бо ты маешъ?
Охъ вей, тра-дидъ-бомъ,
А шо жъ бо ты маешъ?

Дидъ пытае:

„Жыдъ-капцанъ!“

Жидъ: Чого, проше пана?

Дидъ: „Говорылы люды, що въ тебе лошадь хороша е“.

Жидъ: Хто казавъ, якъ собака брехавъ: въ мене лошадь на гоко крыва, а на ногу слипа; до воды веду, а одъ воды на рукахъ несу; якъ бижыть, то двыжыть, а якъ упаде, то лежыть.

(Вси спивають):

„Ой ты, хлопче маленькій,
Подай же добженьке, (?)
Забіемъ-забіемъ жыдовыну,
Превражого сына“.

— Жидъ: Проше пана, за шо маете быты?

Прійдить та визьмете въ мене таке лошади, охъ, лошади!— Гладки—пасяни, а сыви—крадяни.

(Вси спивають, а жыдъ Богу молыця).

Пѣсня.

Прыихавъ козакъ до жыда на сабашъ,
Ахъ-вей, тра-дидъ-бомъ,
До жыда на шабашъ.
Здоровъ, здоровъ, жыдку!
А шо-жъ бо ты маешъ?

Дидъ: „Жыдъ-капцанъ!“

Жидъ: Чого? проше пана!

Дидъ: „Говорылы люде, шо въ тебе грошей багато есть“.

Жидъ: Хто казавъ, якъ собака брехавъ.

(Вси спивають):

Ой ты, хлопче маленькій,
Подай же добженьке,..

(Повтореніе предыдущей пѣсни; конецъ только видоизмѣняется).

Жидъ говоритъ: Прыйдить та возьмете цилу скрыню жолота, охъ, жолота!

(Вси спиваютъ:)

„Прыихавъ козакъ до жыда на сабашъ..."

(Конецъ:) Дидъ: „Говорыли, що въ тебе жинка хороша есть".

Жидъ: У мене жинка на печи, а на полыци шматокъ бульки глядыть.

(Вси спиваютъ:)

Ой ты хлопче маленькій...

(Конецъ) Прыйдить та визьмете у мене таке, Суре, охъ, Суре, Суре...

(Вси спиваютъ:)

Прыихавъ козакъ до жыда на сабашъ...

(Конецъ) Дидъ: „Говорылы, що у тебе палацъ хорошій есть."

Жидъ: Палыци?..

Дидъ: „Такый двиръ".

Жидъ: Я не на двори, а въ хати.

Дидъ: „Такый покой".

Жидъ: Я не покойный, я ще въ жывыхъ.

Дидъ: „Въ тебе хата есть".

Жидъ: Въ мене хата есть такъ якъ звидци та сюды... У мене смиття повна хатка. Я смиття на лопатку, та фуръ-фуръ за хатку.

(Вси спиваютъ:)

Ой ты, хлопче маленькій...

(Конецъ) Жыдъ: За що маете быты, прыйдить та визьмете покой, ой, покой, покой!

Цыганъ: „Жидъ—пархачъ, ты мыни повынеńъ три дни панщыну одробыты".

Жидъ: Я тоби не выненъ, бо насъ вывивъ Мосей жъ Египта.

Цыганъ: „Якый Сисей?"

Жидъ: Мосей...

Цыганъ: „Есей?“

Ж. Нѣ, Мосей вывивъ насъ жъ Египта, та мы сорокъ лѣтъ блудылы по пустыни, та намъ Богъ дававъ зъ неба манну...

Цыганъ: „Туманъ?..“

Жидъ: „Манну!“

Цыганъ: Обману?.. То вы обманщыки, то вы людей обманюете, сукыны сыны!

(Та въ морду его).

Жидъ жалуется уряднику: Барынъ, мене обидывъ цыганъ.

Урядникъ: „Нашто ты его трогавъ?“

Цыганъ: Шо винъ не хотивъ мени панщыну одробыты, то я его за те бывъ.

(Урядныкъ одного шаблею, другого шаблею, та й розигнавъ ихъ).

Дидъ: „Жыдъ-капцанъ!“

Жидъ: Чого, проше пана?

Дидъ: „Вычытай кози згордію“ (экзордію).

Жидъ: Зъ горы?..

Дидъ: „Нѣ, згордію.“

Жидъ бере кныжычку, кладе кози на голови и вычытуе: „Шелемъ-бейлемъ, якъ мы наставалы, до школы ходылы, самъ Богъ намовлявъ, шобъ у мене жинку вкралы. Вкралы въ мене жинку, ше й мукы клумакы. Поихалы мы до пана: пане вельможный, прочытайте те, що можна. Панъ прочыталы, на козакы скрычалы: сидлайте кони ворони, поидемъ жинку догоняты. Выихалы мы въ половыну ничъ, то намъ сонце зійшло якъ на половына день. Якъ надыбалы мы двадцать одынъ, якъ не два, то одынъ,—голова якъ у качкы, а спына якъ у дытыны, гочи якъ симя, хвистъ якъ голка, сама сира якъ чортъ. Якъ склалыся мы по два кулакы, то воно ажъ застогнало. Смилый Іось якъ давъ ему одно кулякы, то ему не треба истотнёи хоробы.

Дидъ: „Жыдъ-капцанъ, бай байку!“

Жидъ: Будемъ баить: То якъ набиралы наши війско двадцять иденъ день, та набиралы двадцать иденъ, якъ не два, то иденъ. Та йшло наше війско черезъ гребельку коло млына; а отой прысучій сынъ Гарасымъ не зачынывъ свое сучке въ млынъ; те сучке почуло — гухъ, а наше висько у воду бухъ,—то которе Бога боялося, до горы патынками переверталося, а которе ни, то сыдило па дни.

Дидъ говорыть:

Ше й я скажу баечки,
Це баечка не баечка,
А чыста правдочка.—

Якъ мы зъ дидомъ хозяевалы, та насіялы конопель, та вродылы груши. Поскыдалы зъ дидомъ штаны та пійшлы полывныци збираты, та назбиралы повну макитру: на дни порожня, зверху нема ничого.

А то якъ у насъ та булы коровы, то мы зъ дидомъ не вспилы молока доиты. Та й кажу я до дида: диду, зробимъ рынву изъ хлива до хаты. А дидъ каже: зробимъ. Зробылы мы рынву отъ хлива до хаты, та надоилы повну хату молока.—Збываймо масло. А дидъ каже: збываймо. Та назбывалы повенъ соломяныкъ, тай повезлы мы въ Комаривку на ярмарокъ. Запряглы кабанци перисты та повезлы масло. Прыйизжаемъ мы недалеко, коло мистечка, та тамъ якась невирна душа нагадыла пидъ мисточкомъ: кабанци почулы—гухъ, а масло въ воду бухъ.—Пишовъ я за граблямы, а дидъ за вылами масло збираты; назбиралы пивсоломяныка. Прывезлы мы въ Комаривку,—прыскакуе москаль: какъ масло?—Такъ, масло! Натаскалы повенъ соломяныкъ. Выминявъ я за те масло сокырку и коняку. Сивъ я на конячку, а сокырку застромывъ я за поясомъ. Прыйизжаю я передомъ до Вивтивки, а задомъ ще въ Комаривци. Оглянувся—конячка тюпъ-тюпъ, а сокырка сюкъ-сюкъ, а собакы бижать, та задъ натягають. Поставывъ я конячку, та вырызавъ вербу, та збывъ конячци задъ. Йиду я, та стала верба росты ажъ до неба, а я по ти верби та полизъ па небо. Конячка ступылась, а верба похылылась, а я й тамъ остався. А Богъ

каже: тутъ тебе не треба. Ходю я по небу, надыбавъ гречану полову, ставъ мотузкы сукаты, тамъ рву, а тутъ доточу, та ажъ на землю спустывся. Ажъ тутъ мій батько народывся. Уходю я до хаты, а мене дидъ посылае на хрестыны просыты. Насклыкалы мы и гарныхъ людей; то я кажу до дида: частуймо, диду! А дидъ каже: частуймо. Я взявъ макогона, а дидъ швайку. Дидъ швайкою, а я макогономъ такы гарно людей почастувалы.

Дидъ пославъ мене свататы дивку молоду: коса сыва— всеньку потылыцю закрыла... (Такъ еще продолжаютъ разсказывать нисенитныци (небылицы), а затѣмъ, получивши подарки, идутъ въ другой дворъ).

Сообщилъ Хр. Ящуржинскій.

ПЕРЕПИСКА КУЛИША СЪ ВОЛОДИМІРОМЪ БАРВИНСКИМЪ

въ первой половинѣ 1871 г.

Печатаемыя ниже письма—весьма небольшая часть обширной переписки, которая шла много лѣтъ между пок. П. А. Кулишомъ и видными галицко-русскими дѣятелями и писателями, братьями Барвинскими. Сколько мнѣ было извѣстно, бумаги Вол. Барвинскаго послѣ его смерти (1883 г.) перешли въ руки его брата Александра. Но вотъ спустя десять лѣтъ я нашелъ у одного львовскаго антикварія кипу всякаго бумажнаго хлама, который и купилъ. Разбирая эти бумаги, я нашелъ среди нихъ писанный рукою Кулиша стихотворный переводъ Псалтыри и небольшую связку писемъ — Кулиша къ Барвинскому, Барвинскаго къ Кулишу, Александра Барвинскаго къ Володимиру Барвинскому и кромѣ того еще нѣсколькихъ галицко-русскихъ дѣятелей къ сему послѣднему, въ 1870—71 годахъ. Какимъ образомъ эти письма попали къ львовскому антикварію, я не могъ узнать; не знаю также, уцѣлѣла ли остальная часть обширной переписки пок. В. Барвинскаго. Судя по нѣкоторымъ письмамъ, находящимся въ моей коллекціи, нѣкоторымъ лицамъ должно быть интересно было бы, чтобы уничтожить или прибрать къ рукамъ эти письма. Въ исторіи умственнаго и національнаго развитія галицкой Руси въ 60-хъ и первой половинѣ 70-хъ годовъ П. А. Кулишъ игралъ большую роль; его вліяніе было

громадное и сдѣлалось однимъ изъ твердыхъ основаній такъ называемой народной или украинофильской партіи въ Галичинѣ. Вполнѣ оцѣнить размѣръ и характеръ вліянія Кулиша на тогдашнюю передовую галицко-русскую молодежь будетъ возможно только тогда, когда будетъ обнародована вся богатая переписка дѣятелей этого интереснаго времени. Публикуемыя здѣсь письма и отрывки писемъ безъ сомнѣнія подтвердятъ нашу мысль объ интересѣ, какой имѣетъ эта переписка, и, можетъ быть, вызовутъ дальнѣйшія публикаціи. Я, съ своей стороны, замѣчу, что кромѣ публикуемыхъ здѣсь, у меня есть еще (изъ того же источника) нѣсколько писемъ Кулиша къ В. Барвинскому, писанныхъ изъ Венеціи въ 1870 году, занятыхъ главнымъ образомъ личными счетами съ тогдашними редакторами львовскаго журнала „Правда". Этихъ писемъ я пока не рѣшаюсь публиковать.

Собранныя здѣсь письма касаются трехъ сюжетовъ: печатанія Псалтыри, основанія фонда для осуществленія галицко-русскихъ національныхъ и культурныхъ цѣлей и предполагавшагося изданія литературнаго альманаха. Къ сожалѣнію, не вся переписка, касающаяся этихъ темъ, была мнѣ доступна. Нѣкоторыя письма Кулиша, кажется, потеряны безвозвратно; писемъ Барвинскаго, высланныхъ Кулишу, конечно и не могло быть въ рукахъ перваго, а сохранившіяся въ этой коллекціи два его письма къ Кулишу, кажется—копіи съ высланныхъ дѣйствительно писемъ. По этой небольшой частицѣ можно, впрочемъ, судить объ объемѣ и интересѣ всей переписки Кулиша съ галичанами.

Миронъ.

№ 1. 4 стычня н. ст. (1871 р.).

Спасыби Вамъ, друже Володарю, що клопоталысь коло моеи справы. Выбачайте, що такъ довго до Васъ не озвався: е тому прычына. Бажання Вашого про лыстъ не можна було сповныты.

Вповаючы на Вашу прыхыльнисть до мене, просытыму Васъ ось про яку ричъ; напечатайте ви Львови мій Псалтыръ виршованый. Незабаромъ вышлю Вамъ частыну рукопысу и

гроши для почыну, а Вы тымъ часомъ зробить умову зъ друкаремъ. Форматъ посылаю. Такыхъ карточокъ у аркуши мусыть буты 18 (36 бочкивъ). У Перемышли видъ Ивана Пулюя за Молытовныкъ гармонтомъ бажають за 1000 прымирныкивъ такои печати 12 гульденивъ, безъ паперу. Колы ви Львови трохы дорожче, то се ничого; тилькы нагадайте друкареви, що печать виршована и що коженъ куплетъ (часто и по 2 вирши въ куплети) оддилятыметця такъ, якъ печатано Іова въ Правди; то може и не схоче дорожче 12 гульденивъ за 36 бочкивъ.

Колы нема гармонту зъ акцентамы, то нехай зробыть, бо мы печататымемо й ще въ його акцентовани кныжкы. На кожному бочку мусыть умистытысь 24 вирши, колы бъ не було порожнявы мижъ виршамы. Може такого формату папиру и нема готового ви Львови, то можна форматъ и переминыты изъ 18 на 16. Тилько папиръ мусыть буты дешевый. Зверхъ 1000 прымирныкивъ напечатайте 25 прымирныкивъ на гарному папери для мене.

Хочу я, щобъ ся едыція була дуже дешева. У продажъ пустымо по тій самій цини, що намъ коштуватыме кожный прымирныкъ, не прыбавляючы ни крейцара. Спытайтесь, що визьме интролигаторъ за 1000 кныжечокъ, щобъ обробыты папкою червоного колеру зъ дешевого матеріялу. Колы не дорого, то й на се знайдутця гроши.

Ще жъ Васъ прошу зорганызувать продажу Псалтыря такъ, щобъ ни въ кого не пропалы гроши, якъ се бувае зъ комисіямы, и, задля интересу народнього, ввесь клопитъ пиднятя на себе и доконаты, якъ лычыть доброму Русынови.

Видпышить, чы визьметесь за се дило негайно: а договорюватысь изъ друкаремъ будете потимъ.

Про те, яку кныжку печататымете, не кажить друкареви и никому иншому. Зробить якъ можна усе дило тыхцемъ, такъ щобъ не знавъ нихто, ажъ покы кныжка выйде з печатни въ продажу. Попросить про се и друкаря, оддаючи ему рукопысь. У всякому дили лучче, якъ нихто не знае, що воно робытця.

№ 2. 14 січня н. ст.

Папиръ треба взяты дешевшый, абы не проходыло наскризь черныло та не шкодыло чытанню. Певно жъ Просвита печатае для народу на дешевому папери, то й Вы той або иншый дешевый визьмить. Дбайте не про оказалисть, а про те, якъ бы такъ напечататы, щобъ дуже дешево можна було Псалтырь роспродаты.

Обводкы на кожному бочку прыбавлять платы за печать; то й не треба ихъ, а печататы, якъ Іова, та й годи.

Рукопысь такъ выготовлена, що не буде переправокъ зовсимъ. Теперъ посылаю перепысану не добре, а дальше йде дуже выразна и чыста рукопысь моею рукою. Не треба Вамъ перепысуваты, а просто оддавайте мое пысанне въ печать; тилько щобъ Вамъ описля, хочъ и помаране, вернулы зъ печати [1]).

Може знайдетця гарный гармонтъ дрибнищый одъ того, якымъ печаталось св. Пысьмо, то нехай дороблять до іого акценты. Колы жъ у сему буде труднота, то печатайте тымъ, що св. Пысьмо печаталы.

Мижъ куплетамы не шыроко пускаты порожне мисце, а такъ, щобъ тилько выдно було, що не рядомъ иде виршъ за виршемъ. У *Іови* мисцямы дуже тисно збыто, такъ що не выдно куплетивъ, а мисцямы попечатано якъ треба. Визьмить за взиръ 41 бичокъ: оттакъ треба видступаты двоисти и четверысти куплеты.

Дрибнымъ гармонтомъ можна бъ печататы у такому формати, якъ я Вамъ прыславъ, а сымъ треба робыты бочкы таки завбильшкы, акъ у *Іови*. Тилько форматъ нехай не буде такый шырокый (поглядомъ довжыны), якъ у *Іови*, а продовговатый. Та се все я оддаю на Вашу волю, щобъ не було Вамъ якои

---

[1]) Внизу на первой страничкѣ синимъ карандашемъ рукою П. К. дописано: Посылаю не 20, а 25 рублей.

трудносты зъ моимъ наказомъ. Одного тильки бажаю: щобъ не дорого коштувавъ намъ самымъ прымирныкъ и щобъ, продаючы по своій цини, моглы мы дуже дешево продаваты. Тымъ бы я и гармонтъ хотивъ знайты дрибнищый. Тоди бъ у меньшому формати бильшъ умистылось, нижъ у такому, якъ напечатано *Іова*.

Разомъ зъ сымъ лыстомъ посылаю 20 рублывъ на первый обихидъ, а потимъ напышете мини, колы скильки высылаты грошей. Ще жъ поторгуйтесь изъ печатныкомъ: нехай згодытця пидождаты частыны грошей, докы Вы роспродасте частыну прымирныкивъ. Скажить тому, що се *Вашъ* накладъ, и що Вы позычылы грошей. И напечатано буде на Псалтыри: коштомъ и доглядомъ братывъ Барвинськыхъ. Колы жъ сего не хочете, то й не треба.

—

Нехай же теперъ Вамъ, друже Володарю, помагае Господь у сему дили, ворогамъ нашымъ на досаду та на докиръ, а людямъ розумнымъ на втиху! Писля сего ще будемо де-що печататы, и за Вашу працю матымете Вы не одну словесну дяку.

—

Колы печатныкъ не схоче ждаты грошей, то за сымъ не буде остановкы, тилько я бъ хотивъ, щобъ Вы се выторговалы въ іого.

№ 3. 15 стычня н. ст.

Пославъ я Вамъ учора, друже Володарю, рукопысь Псалтыря не франкувавшы, щобъ певнищъ дійшла до Вашыхъ рукъ. Сповистить заразъ, якъ одержыте. Пышу ще разъ адресъ нового мишкання мого въ Венеціи: S-ta Maria Zobenigo, campiello della Feltrina, casa № 2156.

Кожна псальма повынна почынатысь буйною литерою, такъ якъ кожна голова у св. Письми, безъ абзаца. Колы нема гарныхъ фыгурныхъ литеръ, або колы за се прыбавылась бы плата, то й не треба фыгурныхъ, а таки, якъ у св. Пысьми.

Стышокъ церковнославянськый на початку кожнои псальмы треба бъ напечататы церковною печаттю зо всимы тытламы и акцентамы такъ, якъ у церковному Псалтыри. Колы жъ нема добрыхъ черенкивъ, щобъ пидходылы якъ разъ пидъ черенкы текста, то печатайте курсывомъ того жъ самого гармонту.

Ще разъ прошу Васъ не вганяты въ дорожнету сіеи едыціи, щобъ можна було продаваты прымирныкы якъ найдешевше. Не про тыхъ дбайте, хто любыть гарни кныжкы, а про тыхъ, у кого нема въ кешени лышнего крейцара на кныжку. Тымъ бы то треба печататы дрибнищымъ гармонтомъ у такому формати, якъ я прыславъ: то меньше пишло бъ паперу. Акценты не трудно прыробыты. Та вже робить, якъ можна, колы нема иншыхъ черенкивъ.

—

Корректуру держить сами, а мини и первого лыстка не посылайте. Якъ зробыте, такъ нехай и буде. Тилько тамъ, де кинчаетця одна псальма и починаетця друга, не пускайте богато чыстого мисця, а такъ якъ на одну стричку.

№ 4. 22 стычня н. ст.

Спасыби Вамъ, друже Володарю, за Ваше пеклуванне.

25 руб. на задаткы послано того жъ дня, якъ и початокъ рукопыси, та мабуть гроши трошкы спизнылысь. Колы жъ Вы ихъ не одержалы, то сповистить—я вышлю рецыпысъ.

Стишокъ у II. пс. можна бъ и такъ напечататы, якъ винъ стоявъ; та Вы звернулы на іого увагу мою, то я переправывъ теперъ и прошу напечататы замисть тыхъ двохъ виршивъ, що Вы пропысалы, ось якъ:

Тоди озвавсь до беззаконныхъ гнивно, и серця въ ныхъ одъ ляку затряслыся.

Лысты до мене посылайте, франкуючы з тыхъ грошей, що на Псалтырь.

№ 5. 4 лютого.

Не можна, друже Володарю, такъ довго тягты печатанне. Мушу заплатыты геть дорожче, та напечатаю швыдче. Оце жъ е ще надія на одну нимецьку друкарню.

Зробить мини ласку—перекыньте до мене пидъ бандеролею по одному прымирныку напечатаныхъ уже аркушивъ Псалтыря; а колы тилько одынъ ще аркушъ напечатано, то й одынъ.

Колы ще Вы не зовсимъ видпечаталы 1-й аркушъ, то прыймить отъ яке правыло правопыси—роб*ытся*, а не роб*ытця*; егып*ецькый*, а не егы*петськ*ый; бо въ 1-му слови *тс* злывается въ *ц* (якъ у слови *оц*е), то колы пысаты *ц*, такъ *т* не мае вже мисця, а якъ не можна пысаты *робыця*, то мусымо пысаты роб*ытся*. Колы жъ уже видпечаталы на чысто 1-й аркушъ, то консеквентно мусыте держатысь тіеи самои правопыси до конця. Рымъ збудовано не за одынъ день; колысь до всего додумаемось.

Колы жъ схочете переминыты правопысь у сихъ двохъ кинчыкахъ, то нехай думають, що въ 1-му аркуши Вы черезъ помылку напечаталы таки глаголы, якъ роб*ытця*, прыхыля*етця*, зъ кинчыкомъ *тц*, а другого кинчыка *цькый* може ще й не було.

№ 6. 6 лютого.

Нема одъ Васъ, друже Володарю, звисткы про Псалтырь: чы вже почалы печататы? Колы ще не напысалы, то вже й не видпысуйте въ Венецію, а ось Вамъ мій адресъ у Видни, куды я перейиду мисяцивъ на два коло $^{1}/_{12}$ лютого.

Josephstadt, Reitergasse № 16, Parter, № 4.

—

Лыстъ посылайте оплаченымъ.

—

Сповистить, чы забралы Вы въ Сушкевыча мои кныжкы, и пришлить имъ реестрыкъ.

Пысалы Вы, що Вамъ для почыну потрибни гроши. Я видпысавъ, що тогожъ самого дня, що й рукопысь, послано Вамъ 25 рубливъ и що я маю рецыпысъ.

—

Що сталось зъ читанкою брата Вашого Александра? здаетця тиснять Васъ, Русынивъ, Ляхы и зъ сего боку! та не вдавайтесь у тугу. „Твердый Русынъ усе перебуде“ и все такы скаже колысь: „Посунься, Ляше, хай Русынъ сяде“. Чи хутко, чи ни, а мусыть воно такъ буты.

—

У II-ій Псальми поправте 11 и 12 вирши оттакъ:

Тоди озвавсь до беззаконныхъ гнивно, и серце въ ныхъ одъ ляку затремтило.

Я й пысавъ уже про се, та, може, той лыстъ не дійшовъ до Васъ.

№ 7. $^{7}/_{19}$ лютого.

Не видпысувавъ я Вамъ, друже Володарю, про друкарню ничого, бо оддавъ сю ричъ у Ваши рукы. Що можна зробыты, те Вы и зробыте. Оце жъ Вы поробылы перви крокы такъ якъ найкраще.

Усю рукопысь Псалтыря пославъ я Вамъ 9 лютого нов. ст. изъ Венеціи recommandirt. Грошей вышлю ще завтра.

Спасенна се Ваша думка, щобъ зорганызуваты працевытыхъ людей коло себе та впертысь проты деморализаціи старшыхъ Русынивъ и верховидства Ляхивъ. Чомъ же Вы не видпысуете на лысты Ивана Пулюя? Винъ тутъ зоставсь едыною пидмогою руського елементу и мае всякй хороши думкы; тильки жъ едыному чоловикови не можна ничого велыкого вдіяты. Тымъ я раю Вамъ видкынуты всяки уразы, колы що таке проты іого маете, и корреспондуваты зъ нымъ не рады іого, а рады руського дила, що разомъ зъ нымъ робыте. Оплачуваты жъ корреспонденцію я Вамъ позволяю зъ тыхъ грошей, що маете видъ мене на Псалтырь, покы заробыте своихъ; бо я Вамъ од-

дамъ шостый прымирныкъ изъ усіеи едыціи Псалтыря, якъ зачнете іого роспродуваты, працюючы на ридному руському поли та обороняючы іого видъ Ляхивъ.

Молытовныкъ, осудженый на „оуничтоженіе", вже ввесь на ново выготовленый и заразъ зачнетця печататысь у 3000 прымирныкахъ. Треба іого всякъ пидпираты и роспродаваты. Прошу Васъ уважаты се дило Пулюеве не за іого особысту працю, а за спильный интересъ молодои Руси. Nam concodria parva (sic) res crercunt: безъ сего гасла не вдіяты ничого. На служби ридному краю тилько того треба вважаты за ворога або протывныка, хто іого цураетця.

—

Колы за цвиткованi буквы *не богато* доплатыты, а воны есть дуже гарни, то доплатить; тилько щобъ справди булы дуже гарни й пидходылы до формату. Псальму видъ псальмы далеко не видступаты и не кыдаты не скинченыхъ бочкивъ; а колы можна роспочаты хочъ двома виршамы нову псальму, то й роспочынаты. Бо друкарь старатыметця тилько про те, якъ бы бильше выйшло аркушивъ друку; а намъ треба дбаты про дешевыну выдання.

№ 8. $^{8}/_{20}$ лютого.

Посылаю на Псалтырь 50 гульденивъ и рецыпысъ изъ Венецькои почты на Псалтырь. Сповистить заразъ, якъ одержыте рукопысь.

—

Не давайте багато рукопыси въ друкарню, щобъ не загубылась, а малымы частямы, та не черезъ слугу, а сами изъ рукъ у рукы печатныкови.

№ 9. (Писано наскоро, карандашомъ). 18 лютого.

Тильки що пріихавъ до Видня и сподивавсь застаты одъ Васъ лыстъ, ажъ іого нема. Чы одержалы пакетъ изъ усимъ (до кинця) Псалтыремъ? Чы почалы вже печататы?

Чомъ Вы не видпысувалы на пытання Ивана Пулюя?

Сповистить негайно, зробить мини ласку, бо я дуже тривожусь за рукопысь Псалтыря. Другого прымирныка не маю.

№ 10. 26 лютого.

Спасыби Вамъ, друже Володарю, що такъ добре пыльнуете взятои на себе праци. Друкуйте за пидмогою Божою, а тымъ часомъ зробить мини въ Вашымъ печатныкомъ рахування: що коштуватыме аркушъ друку у 47 стричокъ двома стовпцямы, якъ печатае свои библіи Лондонське товарыство, — прымиромъ такого друку, якъ Сербська Быблыя? Черенкы и розбывку мижъ стричкамы бажавъ бы я таки, якъ на взорци прыложеному до сего лысту. Колы жъ такыхъ самыхъ черенкивъ зъ акцентамы нема, то прышлить мини первый лыстокъ Псалтыря: може й ти черенкы не будуть ни буйни, ни дрибни. Наше акцентування не позволяе робыты такои тиснои розбывкы, якъ у сербській быбліи; тымъ я й думаю, що хиба трохы бильшъ одъ 47 стричокъ помистыты можна на октавци, а колы можна, то й зробить таке выраховання. Папиръ такожъ визьмить не дорожчый видъ того, на якому напечатано сербську быблію, а колы е дешевшый, то й добре. Оце жъ я хочу негайно знать, що коштуватыме аркушъ такого друку вкупи зъ паперомъ у 1000 прымирныкахъ; тымъ благаю Васъ, друже, заразъ такы выраховаты зъ Вашымъ печатныкомъ и сказаты іому, щобъ винъ бувъ готовый, за надисланнемъ рукопыси, зупынытысь изъ печатаннемъ Псалтыря, а взятысь до печатання проэктованои кныгы, котра мае вбираты въ себе друку видъ 15 до 18 аркушивъ такого формату у дви коллонны, якъ Сербська быблія *старого й нового завиту* (бо пятокныжже напечатано и на иншому папери, и иншимъ форматомъ). Буде се украинськый Новый Завитъ, тилько про се не кажить ни друкареви, ни кому иншому, и все дило зробить тыхцемъ. Пры тому всему мусыте вымагаты певнои гарантіи, щобъ якъ можна скорше печатано, не вгаюючы часу. Нехай друкарь напыше на папери вмову, скилько

аркушивъ що тыжня выстачыть. Тутъ іого можна звязаты й платою, вызначывшы речинци таки, щобъ винъ поспишався зъ друкованнемъ за для одержання свого заробитку (не за кожнымъ тилько аркушемъ, а черезъ усяки пять чы скилько аркушивъ).

Сю кныгу такожъ оддамъ Вамъ у рукы, щобъ Вы бралы соби гроши за кожный шостый прымирныкъ; а свого часу печататымемо и Старый Завитъ у 500 прымирныкахъ, такъ щобъ до сіеи пивтысячы Старого Завиту прышыты пивтысячу нового, а другу пивтысячу Нового Завиту оправыты окроме и сымъ робомъ продаваты. Колы жъ бы роспродажа показала, що Нового Завиту купують у десять разивъ бильшъ, нижъ цилои быбліи, тоди мы печататымемо новымъ тыпомъ самый Новый тилько Завитъ, а старый (у 500 прымирныкахъ) зистанетця памяткою нашои мовы и словесносты.

На Святому Пысьми, колы хочете, напечатайте: Коштомъ и доглядомъ братывъ Барвинськыхъ.

Одну корректуру треба прысылаты сюды до мене; а Псалтырь корректуйте сами.

№ 11. 9 березоля.

Друже Володарю! Нехай Зецеръ не вбирае початковыхъ литеръ у квиткы, бо зъ сего выйде тилько mauvais gout та вгайка. За лышню працю, що Вы іому прыбавылы на 1-му аркуши, заплатить Будвайсерови, та видплатывшысь такъ, поставте початкови литеры таки, якъ у Св. Пысьми (въ Правди), та й печатайте далій. Будвайсеръ повыненъ бувъ бы сказаты, що въ іого литеръ готовыхъ нема, то мы бъ и однои годыны не схотилы дожыдатысь, докы винъ выпыше, а не то що цилыхъ тыжнивъ! Печатайте *тьcя*: такъ справди лучче. Уступку я роблю не на те, щобъ прыхылыты старовиривъ до себе: я знаю, що воны не прыхыляться ніякымы уступкамы, и що мижъ намы и ными не може буты жодного ком-

промису; а е до сего инши поводы, надто жъ, що не можна консеквентно перепровадыты фонетыкы черезъ усю нашу мову.

Од на те въ Псалтыри здалось мини добре вжываты, що тамъ прывыклы чытаты *от*. Колыжъ воно таке Вамъ не любе, то я й подавно іого цураюсь. Тилько держитесь ось якого правыла:

Колы *од* иде слидомъ за голосною, то печатайте *вiд*, а колы за неголосною, то—*од*. Жинка *вид* чоловика, а не чоловикъ *од* жинкы.

Колы слидомъ за *вiд* иде слово зъ литерою *в*, тоди печатайте *од*, хочбы задне слово кинчылось и голосною литерою. Хлопя *од* вивци *вид*бигло.

Опричь того—де евфонія вымагатыме *од* або *вид*, тамъ такъ и печатайте. У початку стыха або перыоду—якъ хочте: або *вид*, або *од*. Се ричъ мала; de gustibus non est disputandum.

Св. Пысьмо вже печатаетця по 2 аркуши на тыждень, и такъ дешево продаватыметця, якъ у быблійного товарыства,— ни едынымъ крейцаромъ не дорожче; и оправа, и папиръ, и форматъ буде якъ разъ такый.

Выбачайте, що такъ недбало пышу до Васъ: дуже мало маю часу. Редакція Св. Пысьма вымагае багацько часу: заглядуемо часомъ до 14 перекладивъ, миряючысь, якъ бы краще по нашому сказаты, и проты уртексту не схыбыты.

№ 12. 17 берез.

У Псалтыри пысано всюды: беззакон*ство*; у Святому жъ Пысьми, надумавшысь, я печатаю беззако*нне*, беззако*ння*, беззако*нню* и т. д. Переправляйте такъ и въ Псалтыри.

Я, здаеться, пысавъ до Васъ, друже Володарю, що выйде попереду евангелыстъ Матѳей (прыйнявъ я *ѳ* въ нашъ алфавытъ, щобъ не скандализуваты вашыхъ людей украинською вымовою святыхъ именъ; то й Вы всюды, де вона стоить у церковщыни, печатайте фтиту). Слидомъ за Матѳеемъ заразъ выйде Маркъ и т. д. Нашъ форматъ евангелыстивъ буде бильшый, нижъ у Рей-

харда, бо нема такого готового папиру; то мусымо оправленый прымирныкъ продаваты не по 6, а по 10 крейцаривъ. Кожному, хто буде шырыты мижъ народомъ, даватыметься 6-ый прымирныкъ. Уже бильша половына Матѳея зложена въ друкарни, та корректура дуже тяжка. Все такы днивъ черезъ килька вый-де на Божый свитъ перва кныжечка. Про се вже можна всимъ пысаты и говорыты. Напечатаемо оповисть.

№ 13. 25 берез.

Спасыби Вамъ, друже Володарю, що повыкыдалы самодильни Зецеривськи цвиткованы литеры початкови въ псальмахъ; бо се була бъ препогана окраса.

У насъ говорять: лышокъ, розуміючы процентъ зъ грошей; тилько жъ задля поважносты речы можна й такъ напечататы, якъ Вы переминылы, т. е. *лыхвы*. *„Не* пріймае" вымагае сказати: лых*вы*, а не лых*ву*. Отъ же зробить мини ласку—переправте, коли ще можна такъ:

хто грошима запомигши,
лы́хвы не пріймае.

Коли жъ уже напечатано, то поставыте при кинци у помылкы.

Якъ маете вже готовый первый аркушъ, то перешлить мини іого пидъ бандеролею. Коли жъ не маете чыстого, то хочъ пробный заразъ прышлить; а дальшихъ аркушивъ не прысылайте.

Матѳей уже печатаеться начысто; та велыка морока зъ нимцямы. Мусымо перепысуваты всю рукопысь задля увильнення себе видъ тяжкои корректуры.

Вытайте видъ мене брата Вашого Іосыфа.

Маю надію, що братъ Вашъ Александръ прышле мини прымирныкъ своеи Чытанки, що вже давно вышла. Винъ до мене давно вже не пыше. Колы ни про що пысаты, то на що й часъ тратыты? А чытанку я хотивъ бы бачыты, що тамъ попереверталы по своёму Ляхы!

№ 14. (Письмо безъ даты).

Друже Володарю,

Спасыби за сповистку про Псалтырь. Певно, Вы все такъ зробыте, якъ я Васъ просывъ, хочъ и не пышете про се. Розумію, що напечатаете тильки 500 прымирныкивъ Псалтиря, а не 1000, etc. etc.

Я не знаю, кому кныжки розсылаты, яко чужый у Вашій краини чоловикъ. Розвидуйте сами, та й розсылайте, де е певни люде.

Якъ сотню, або хочъ 80 прымирныкивъ изъ сотни розпродасте, тоди заразъ вышлю Вамъ ще того жъ дня, якого одержу одъ Васъ про се звистку.

Маркъ святый выйшовъ учора и розданый де-кому у Видни. Якъ розкуплять у Васъ сотню Матеея, то заразъ вышлю и Марка.

№ 15. (Письмо безъ даты, писанное поспѣшно, синимъ карандашомъ).

Передывывшысь мою рукопысь, зрозуміете лучче, де абзацы, а де ихъ нема. Писля зирокъ *** абзацъ, а въ почыни Псальма велика литера, а абзаца не треба.

Пышить вже до Видня.

№ 16. Письмо безъ даты.

Може ще не роскыдалы 1-го аркуша, то нехай поправлять помылку въ первому стышку церковному: *на совѣтъ*, а не *на совитъ*.

На стр. 7-й нехай поправлять: *глаголы*, а не *глаголи*; та й перепечататы, моимъ коштомъ, стороны: 1, 2, 15, 16 и 7, 8, 9, 10. Колы жъ уже роскыдано 1-й лыстокъ, то нехай, моимъ коштомъ, зложать тилько стороны 1 и 2, 7 и 8, а такожъ 5 и 6, бо на 6-й напечатано *услиша* а не *услыша*.

Колы жъ порахуете, що не багато рижныци (бо Buchbinder за ти карточкы, що попрычиплює, визьме дорожче), то перепечатайте моимъ коштомъ увесь 1-й аркушъ, чи то половыну іого видъ 1-и до 16-и стороны. Та вже, благаю Васъ, друже Володарю, добре дывытысь, щобъ у церковныхъ стышкахъ не було правопыси нецерковнои. — Можна й заглядуваты въ церковный Псалтырь пры корректури.

Ще прошу Васъ уважати, що знакъ — и знакъ - мають противоположни значення. Оцежъ у стиху 6 и 9 первои Псальмы добре поставлено знакъ —, а въ стыху тіеижъ Псальмы на кинци: „Изъ неба бачить-назирае" не треба було довгого *тыре*, а коротеньке. Такъ само у 2-й псальми, на сторони 3-й, у стыху: „Робить-служить вы Господеви" треба було коротеньке тыре поставыты.

До брата Вашого Александра, по іого лысту, сегодни послано доволи Матеея и Марка. Жду и одъ Васъ сповисткы, що *мушу* посылаты бильшъ: бо не пиславъ черезъ те, що думаю, не хутко ще й ту сотню розкуплять, а въ насъ часу на почтову пересылку дуже мало за иншыми пыльными роботамы. Оце жъ колы напышете, що вже зъ сотни зистаеться мало, заразъ Вамъ вышлються скилько треба, а видъ пана Александра не выпысуйте у Львивъ: бо се буде *подвійна* почтова пересылка.

№ 17. (Отрывокъ письма, первый полулистъ оторванъ).

Незабаромъ, днивъ черезъ шисть, прышлю Вамъ Матеея. Колы матымете часъ Вы сами, або Ваши товарыщи, чытаты іого, державшы передъ собою грецькый первовзиръ, та здаеця кому, що можна бъ которе слово краще переложыты, то спысуйте вси таки нотабенкы и поправкы и прысылайте до мене: я покорыстуюсь нымы, перепечатаючы Евангелыстивъ для повного Нового Завиту. Багато е въ Галычыни такыхъ сливъ, що я николы не чытавъ; то се мини була бъ добра пидмога. А може я що небудь пропустывъ зъ дрибныхъ часточокъ речы; то все таке—зробить ласку—мини выказуйте; и брата Вашого Іосифа

про се попросить.—Св. Маркъ уже (зачеркнуто: печатаетця) складаеться.

Одынъ лыстъ я вже пославъ про Псалтырь и пысавъ, щобъ у церковныхъ стышкахъ, що передъ кожною Псальмою, всюды *заховаты правопысъ церковного Псалтыря,* якъ и въ рукопысн. Колы нема черенкивъ церковныхъ, то нехай буде такъ, якъ уже зложено.

№ 18. 31 берез.

Першый виршъ першои псальмы выступывъ у ливо, а іому треба стояты початковою литерою на однїй лыніи зъ усима иншымы виршамы.

Такъ само въ третїй псальми першый виршъ выступывъ у ливо, а II псальма и IV такъ напечатани, якъ треба.

У V-й псальми зновъ першый виршъ выступывъ початковою буквою зъ лыніи иншыхъ виршивъ. VI псальма зновъ выступыла первымъ виршемъ у ливо, такожъ и VII, а восьма напечатана якъ треба, такожъ и IX, X, XI, XII и вси ажъ до XVII—добре.

Колы въ другому пиваркуши церковный стышокъ печататы зъ розбывкою, видступаючы букву видъ буквы, то и въ первому треба такъ само. Може Вы такъ и сами зробылы бъ, якъ я оце пышу, та не шкодыть остерегты Васъ.

Слова: ненавыстныкъ, напастныкъ печатайте зъ буквою т, а не: ненавысныкъ, напасныкъ.

У пс. II на стр. 3 виршъ:

„що ты мій сынъ, сегбдни ты родывся“ треба напечататы зъ закаблу́чками, бо се иде дальша мова того, хто каже: „Се мій законъ“ у попереднёму виршу. Закинчуючы закаблучкы поставыты писля вирша:

„рострощымъ ихъ, мовъ глечыкъ черепяный“. Тамъ бо скинчылась мова другого, а дальше зновъ веде свою мову Псальмыстъ. На се звертайте всюды увагу.

Вирши не одынаковои довжыны, якъ отъ у пс. Ш, не треба такъ вельмы посовуваты вправо, бо воны коротши попереднихъ своихъ товарышивъ тилько на одну силябу. Стилько треба посовуваты ихъ управо проты попереднихъ, скильки 2-й виршъ Ш псальмы:

Що мене стужають

посунуто проты вирша:

Скильки ворогивъ запеклыхъ,

або ще на одну букву. Колы жъ се вамъ трудно, то нехай уже й такъ печатають.

Печатайте тилько пять сотепъ прымирныкивъ Псалтыря.

Одъ брата Вашого Александра я вже одержавъ Чытанку.

Не турбуйтесь, що не швыдко йде печатання, я про се байдуже, абы колы небудь було воно въ печати, щобъ не пропала моя праця марно.

№ 19. 31 берез.

Друже Володарю,

За прыпыску пидъ перепаскою я заплатывъ штрафъ. Треба було Вамъ послаты карточку, колы не було часу лыстъ пысаты. Стышокъ изъ церковного Псалтыря передъ кожною псальмою треба печататы церковными черенками хочъ такымы буйнымы, якъ текстъ нашыхъ псальмъ, хочъ трошкы меньшымы. Колыжъ нема церковныхъ черенкивъ, то *курсывомъ* (якъ воны й пысани въ манускрыпти). Колыжъ и курсиву нема, то нехай уже печатае такъ, якъ зложено; тилько си стыхы мусять печататысь тіею самою правопыссю, якъ у церковному Псалтыри и якъ пысано въ манускрыпти, се есть: де стоить *ѣ*, тамъ не печататы *и*; де стоить *е*, тамъ не печататы є, и т. д.

Початкови буквы треба спускаты внызъ, такъ якъ у Св. Пысьми, що печаталось у Правди, або такъ, якъ оце на карточци, що посылаю въ сёму лысти.

У слови Псáльма (колы е) поставыты акцентовану букву á.

Писля зирочокъ *** усюды въ манускрыпти абзацъ, се есть, що первый виршъ посовуеться въ право (якъ отъ у сёму моему лысти напысани слова: „Початкови“; „У слови“; „Писля“. Се на те, щобъ показаты, що инша мысль зачынаеться [1]).

Дуже не добре, що въ початковыхъ виршахъ (изъ церковного Псалтыря) нема акцентивъ, колы церковна печать уся акцентована! Будвайсеръ може купыты пры́горщъ церковныхъ черенкивъ для сёго случаю. Львивъ—не мистечко!

Не можна ставыты знаку = замись черточкы — якъ се напечатано въ петыти на стр. 7.

Се все якъ прыймете до увагы, то й печатайте зъ Богомъ далій.

(На верху первой страницы приписано красными чернилами:) Якъ видпечатаеться на чысто первый аркушъ, прышлить пидъ перепаскою, а бильшъ не прысылайте.

(На полѣ первой страницы въ длину листа:) Памъять—печататы память. Букву ъ печататы тилько въ такимъ слови *видъихавъ*, або *убъешъ*, або *пъяныця*; слова-жъ: пята, пять и т. п. (окончаніе этой приписки д. б. было на особомъ лоскуткѣ, который не сохранился).

(На полѣ третьей страницы красными чернилами, подчеркнуто синимъ карандашемъ:) NB. *Печатайте тилько 500 прымирныкивъ Псалтыря.*

(Стр. 4). Може есть у Будвайсера „антыкъ“, якымъ у карточци Матѳея, що посылаю, поставлена початкова литера, то нехай переминыть ным „егыпецькый“, якымъ у іого поставлени початкови литеры. Хочъ бы и таки булы початкови буквы, якъ у Св. Пысьми въ Правди, то й ти кращи, нижъ оцей егыпецькый. Колыжъ ничымъ переминыты, то й нехай уже такъ буде, якъ е, тилько поспускаты си буквы ныжче, дарма, що прыйдется инколы посунуты трохы въ право другый виршъ.

---

[1]) Exceptio зъ сего правыла тамъ, де вирши не ривни, якъ отъ на сторони 10 писля зирокъ.

Виточку зъ буквы Б въ первій Псальми выкынуты. Колы просто, то вже всюды треба й держатысь простоты, а ся цяцька робыть дысгармонію. Печататы: сыри*цьк*ый, егыпе*цьк*ый, а не сыри*тськ*ый, егыпе*тськ*ый. Буквы тьс тилько въ кинци глаголивъ.

№ 20. Письмо безъ даты, съ конца апрѣля.

Видпысуючы на Вашъ лыстъ 25 цв., друже Володарю, знов прошу поправыты вирш. 14 на сторони 7-й такъ:

Тыхо засыпаю,

а не зоставляты такъ, якъ напечатано; дежъ у рукопыси есть слово *хай*, печатайте іого всюды *най*. Перве слово у пс. IV поправте *якъ*, а не *я*.

Церковный стышокъ у пс. XIV кинчаеться словомъ *Богъ*, а не *Бога*, якъ напечатано.

Таки помылки зибравши, прыпечатайте въ кинци кныжкы, щобъ не думалы, що мы переправляемо мову церковню.

Посылаю сёгодни до Васъ 500 прымирныкивъ св. Матѳея. 6-ый прымирныкъ дается всимъ, то й Вы мусыте соби взяты. Не дается винъ тилько кныгопродавцямъ, бо йимъ вильно продаваты по якій схочуть цини. Колы бъ же кныгарь который купывъ за *готови* гроши, то й йому даватыметься 6 прымирныкъ gratis. Колы жъ мы своимъ людямъ россылаемо безъ грошей, то се все одно, що мы зъ своихъ рукъ роспродуемо не сумнячысь.

Прошу гроши, котри матымете за Св. Пысьмо, складуваты у себе и обертаты на росплату зъ Будвайсомъ (sic!).

Здержуватысь изъ продажею дальшыхъ Евангелыстивъ не треба. Оцежъ, якъ прышле мини Buchbinder Марка, то прышлю Вамъ 500 прымирныкивъ. Думаю, що кныжкы Просвиты престалы купуваты не черезъ те, що ихъ намножылось, а черезъ те, що въ ныхъ нема покорму для розуму: бо що може даваты убогый убогому? У того народу, котрого Просвита мыслыть просвичуваты, сама вона бильшъ могла бъ навчытысь (колы бъ умила), нижъ винъ видъ неи, хочъ бы й хотивъ.

Отже, якъ бы воно тамъ ни було, а Святе Пысьмо йтыме не зупыняючысь до самого кинця.

Бувъ у насъ Дыметъ [1]). Іому посылатыметься по 500 прымирныкивъ кожного Евангелыста. Колы бъ у Васъ хотивъ купыты за готови гроши который кныгарь, то можна іому даваты 6 прымирныкъ gratis. Тильки берить за пересылку, выраховуючи по тій втрати, яку Вы малы, заплатывшы за 100 прымирныкивъ 1 р. 30 кр.

Для осторогы Вамъ скажу: на стор. 18, у в. 15 пропущено дви точкы (:); черезъ се—темно; на сторони 21, у в. 16 саплутае, на—22, у в. 11 пропущена кома писля слова: просять; па—31, у в. 20 напечатано: *на стини*. Се треба прыпечататы мижъ помылкамы.

Бувайте жъ, друже, здорови, и нехай Вамъ Господь помагае.

Я пысавъ уже до Васъ, щобъ печататы не 500, а 1000 прымирныкивъ Псалтыря.

Нова моя адреса: Josephstadt, Daungasse, № 6, Thür 5, I Stock. Иванъ Пулюй жыве у мене.

(Приписано красными чернилами поперекъ послѣднихъ строкъ): Посылаю на рукы Скоморовського до Тернополя 200 св. Матѳея; у Бережаны на рукы Александра 500 св. Матѳ.; до Слюсарчука у Заставну (Буковына) 40 Матѳея, до Боровця у Потылычъ (Перем.) 24 Матѳ. Бильшъ никому ще не посылано.

№ 21. 6 мая.

Прошу Васъ, друже Володарю, печататы: сковзькый, а не сковськый; ря́мя, а не рамя (бо *рямя* есть така ветха одежына, що ледве держыться на чоловику, а *рамя*—часть руки видъ плеча до ликтя); блыжнёму, а не блыжніому; багацтвомъ, а не

---

[1]) Михаилъ Дыметъ, львовскій торговецъ церковной утварью и церковными книгами, имѣвшій еще съ 50-хъ годовъ дѣловыя сношенія съ Россіей и привезшій въ 1860 году первые экземпляры петербургскаго изданія „Кобзаря" въ Галицію.

багатствомъ; у пс. XXXII печатайте: втечыще, а не: сховыще; у пс. XXXIII печатайте:

Ложъ кинь буде во спасенне,—бо такъ стоить у церковн. псалтыри: „Ложъ конь во спасéніе, во мнóжествѣ сúлы своея́ не спасéтся".

Печатайте: осорóмытысь, а не: осоромы́тысь и не посрамы́тысь. Певно, по рытму навить не можна ни перемины акценту, ни чысла вокаливь (якъ у слови: посрамы́тысь). Огуломъ—прыдержуйтесь правопысы Св. Пысьма, колы чого не знатымете якъ поправыты. Оце жъ печатайте: узгирье, узгирья, а не узгире, узгиря; бью, а не бю; пью, а не пю; надибье, надибья, а не надибе, надибя.

Люба мини була сповистка про Шараневича. Нехай Господь помагае галыцькій интеллыгенціи прыйты до одностайносты.

Чы одержалы Вы мій лыстъ про прыскрыночокъ?

Св. Матөея послано Вамъ 500 прымирн. 1-го мая, тилько не почтою, а фрактомъ черезъ кализныцю; то, може, й загаеться, а може треба Вамъ навидатысь?

Св. Лука ввéсь пидпысанъ: imprimatur; св. Іоанъ складуеться. У перепечатуванню Евангелыстивъ у купи зъ усимъ Новымъ Завитомъ прыйметься всяка розумна рада, колы хто іи подасть мини, чы до якои формы, чы до правопыси. Е дрибни помылкы друкарськи. Сподиваюсь, що ихъ не буде въ повному Новому Завити.

№ 22. 9 мая.

Друже Володарю,

Одержавъ я 3-й пиваркушыкъ, и ничого не можу Вамъ сказаты про ёго огýдлывого: гараздъ корректуру зроблено Тилько боюсь, що Вы далы поскыдаты первый аркушъ друку, не перепечатавшы. Такъ винъ зостатысь, якъ напечатано ёго,

не може. Конче мусыть перепечататысь, и вси помылкы выправытысь. Найважнійши жъ оци: Первый виршъ IV пс.

Якъ до тебе обизвуся, а не: я до тебе обизвуся; а въ кинци слово: залынаю. Ще на 14 сторони, у 4 вирши VIII пс. поправте *роспросторывъ*, бо напечатано: *роспосторывъ*.

Колы роскыдалы 1-й аркушыкъ друку, нехай на ново зложать и перепечатають.

№ 23. 9 мая.

Друже Володарю!

На пысання Ваши про де яки слова видпысавъ я того жъ дня, якъ прыйшовъ до мене лыстъ Вашъ. Сегодни пиславъ до Васъ ще одынъ лыстокъ про передрукъ 1-го пиваркушыка.

Съ Нечуевою повистю сталась така прыгода. Якъ бувъ я въ Кракови и жывъ у 9 № Saskiego hotelu, то передъ выиздомъ украдено въ мене теку зъ папирамы, а мижъ нымы була и Нечуева повисть. Скильки я ни пысавъ зъ Венеціи (бо тилько тамъ оглядився) и зъ Видня, що дамъ 10 гульденивъ тому, хто верне паперы, котри мають важнисть для одного мене,—нихто мини не видпысавъ ничого; а посылавъ я лысты и самому господареви hotelu, и ёго портерови, и ще одному пану. Тымъ часомъ сповистывъ я Нечуя, що рукопысь ёго згынула и просывъ іи нанова перепысаты. Винъ же мини видповивъ, що перепысуваты ни зъ чого, а мусыть напысаты на ново. Недавно оце одержавъ я видъ ёго лыста, въ котрому сповищае, що повисть майже готова и що винъ самъ іи мини прывезе, якъ прыиде литомъ за граныцю. Се прошу прочытаты зъ мого лысту тымъ громадянамъ, котримъ сами схочете.

Спасыби за сповистку про Рейхарда. Не мое дило про те дбаты, щобъ хто що добре пысавъ про перекладъ Св. Пысьма. Оправдыться премудристь одъ усихъ чадъ своихъ.

Чы Вы одержалы мій лыстъ про прыскрыночокъ?

№ 24.

Изъ письма Александра Барвинскаго къ Володымыру изъ Бережанъ отъ 12 лат. марта 1871.

Дорогый Володку!

Пытаесся въ карти кор. останній мене, що розумію пидъ прыскрынкомъ? Въ передостаннимъ лысти пыше п. Р. (атай) до мене: „Пославъ я до п. Володаря правыла орудовання прыскрыночкомъ, що въ Васъ у рукахъ. Ввійде въ его ввесь коштъ Псалтыря, якый выдамъ на папиръ и друкъ, а колы добре распродасцця, то й прыростъ до сего кошту. Обертатымете си гроши на народне дило, колы вси тры браты будуть про яку ричъ однiеи думкы. Колы жъ думатымете про що ризно, то я соби застерегаю право декретування“. Отъ стильки я просе знаю, а Ты жъ повыненъ бильше знаты, бо до тебе мавъ послаты си правыла.

№ 25. Письмо безъ даты.

Добре, печатайте 1000 прымирныкивъ, и поставте замисть *хай* усюды *най*, тилько прошу Васъ переправте, *засыпаю*, а не засыпляю [1]), якъ Вы напечаталы; бо сёго слова я прыйняты не можу.

Оце жъ переправте гарненько все, що я пысавъ про 8 первыхъ карточокъ, та й напечатайте ихъ на ново 1000 прымирныкивъ.

Теперь ось якый адресъ моеи оселi въ Видни: Josephstadt, Daungasse, № 6, Thür 5, I Stock.

Уси церковни стышкы провирте по церковному Псалтырю.

№ 26. 12 мая.

Друже Володарю,

3-й пиваркушыкъ Псалтыря я одержавъ, и заразъ про ёго видпысавъ.

---

[1]) Псальма 4, на сторони 7, виршъ 14.

Прошу Васъ дывытысь, щобъ куплеты по 2 вирши не булы збыти въ 4 вирши, якъ у почыни пс. XIX. Ся псальма вся въ рукопыси подилена на двоисти куплеты, а напечатано въ почыни дви четверыци виршивъ, а дали вже йдуть куплеты по 2 вирши.

—

Зъ самого первого мого опикування интеллигенціею украинсьскою въ Галычыни думавъ я про те, якъ бы створыты фондъ на пиддержку іи діяльносты науковои. Отожъ спершу обманювалы мене и тратылы по лакейськи мои гроши Партыцькый та Вахнянынъ. Писля сёго почавъ я оддаваты гроши на рукы Мых. Подолынському. Сей показавъ себе ще гиршымъ лакеемъ, нижъ ти львивськи: бо ростратывъ бильшъ 500 гульденивъ моихъ грошей, а якъ побачывъ, що вже бильшъ не вкраде, то прыставъ до тыхъ людей, про котрыхъ самъ до мене пысавъ, що въ ныхъ „нема ничого святого", и въ купи зъ нымы завивъ усяки протн мене интрыгы. Така деморалызація Галичанъ велила бъ кожному вмыты рукы и покынуты ихъ на викы. Тилько жъ знаючы, якъ ихъ деморализовано зъ давнихъ давенъ, я ще не втратывъ виры, що мижъ нымы е люде честни, и не поличывъ ихъ до людей безъ будущыны.

Прыскры́ночокъ, що звирывъ я Вашому братови Александру, нехай буде новою основыною фонду на пиддержку украинськои интеллигенціи. До ёго я хочу прыличыты ввесь заробитокъ, якый буде писля распродажы чотырохъ Евангелыстивъ и Псалтыря, се есть: що коштъ мій вертаеться до мене, а що набереться зверхъ того грошей, зистанеться въ прыскрыночку, и я вважатыму сю сумму не яко мою власнисть, а яко заробитокъ тыхъ Галычанъ, котри старатымуться роспродаваты означени кныжкы. Тымъ прошу Васъ заохочуваты товарышивъ своихъ до сёго дила имямъ ридного Вашого краю, котрого будущына въ рукахъ ёго украинсько-руськои молодижы.

Провызорычни правыла Прыскрыночка будуть таки:

1. Прыскрыночку буты въ рукахъ у Александра Барвинського.

2. Осыпъ и Владымыръ Барвинськи будуть у купи зъ нымъ первымы доглядныкамы.

3. Колы вси трое доглядныкивъ одностайно схочуть обернуты на що часть грошей, або и вси, то робытымуть се не пытаючысь у мене. Колы жъ голосы ихъ подилятцця, то мій голосъ дасть перевагу тымъ або тому, до кого прыстану.

4. Покы замисть сыхъ провызорычныхъ правылъ не постануть спильною нашою радою инши, нихто четвертый до догляду почыночка прыйнятый не буде. Проектъ же иншыхъ правылъ оддаю братамъ Барвинськымъ выробыты и мини до перегляду и ствердження податы.

Думка Ваша про вправу Вашыхъ товарышивъ у ридне слово дуже добра!

Пысавъ я у погыбшому лысти [1]) про прыскрыночокъ, що ни въ якій нужди не прыйнявъ бы одъ Васъ платы за перепечатку первого аркуша.

Разомъ зъ кныжкамы послано другу паку (500 Матѳея и 500 Марка) для Дымета пидъ одніею авызою. Чы одержалы Вы и чы передалы Дыметови? Про таки речи мусыте сповищаты докладно.

Правопыси держиться такои, якъ у Св. Пысьми, докы спильнёю радою не постановымо де якыхъ новыхъ переминъ.

Посылаю сей лыстъ не франкувавшы, рады бильшои певносты, и прошу заразъ видпысаты, що одержалы ёго.

№ 27. 14 мая.

Отрывокъ изъ письма Александра Барвинскаго къ Володимиру изъ Бережанъ отъ 12 мая.

Нынѣ диставъ я (отъ Кулиша) лыстъ велыкои вагы, котрый возьмы добре пидъ розвагу, а тому я подаю тоби ёго въ копіи.

---

1) Сей лыстъ одынъ тилько бувъ запечатаный; черезъ те, мабуть, его и перехоплено. Озвиться въ почтамтъ. У насъ жалобы за пропащи нерекомендовани лысты мають вплывъ на службу почтову.

„Пысавъ до мене п. Володаръ, що львивська громада хоче выдаваты якыйся альманахъ, и просывъ у мене для ёго Нечуевои повисти. Сю повисть украдено въ мене въ Кракови, зъ вельмы для мене дорогымы, хочъ ни для кого бильшъ незначными папирамы; про що я шыроко и видпысавъ ёму. Теперъ прошу Васъ—впынюйте Вы сю необачну молодижъ выявлення своеи недорослосты пидъ прапорамы украинщыны. Воны не знають, що нымы правлять Виденьськи шарлатаны, котри, прошпетывшысь проты мене, моимы жъ рукамы хочуть загребаты жаръ. Колы бъ я бачывъ у сёму ладъ, то не дывлячысь ни на кого помигъ бы чымъ можна розумному дилу. Теперъ же, опричъ шкоды идеи и повази нашій ничого не бачу въ охоти галыцькои молодижы *печататысь*. Про се я не пысавъ до п. Володаря".

Вторая часть этого письма говоритъ о томъ, „якъ проты мене прошпетылысь Виденьськи агытаторы", и мы пропускаемъ ее.

№ 28. 14 мая.

У пс. XXV, виршъ 3, черезъ поправку втерявъ стыхотворну миру. У мене се бувъ шестыстопный ямбъ:

Не дай | мини | въ моій | наді | и по | срамы | тись, а теперь винъ зробывсь прозою, бо не можна ёго скандыруваты такъ:

Не дай | мини | въ моій | наді | и о | соро | мытысь; (бо тутъ *цезура* вже пропала), а хочъ бы й можна, то *семыстопного* ямба на свити не мае, а й надто—мижъ шестыстопнымъ. Оце жъ прошу Васъ, друже Володарю, ничого въ моихъ виршахъ не поправляты, и нехай Buchbinder прылипыть іи у всихъ 1000 прымирныкахъ.

№ 29. 19 мая.

Прыдержуйтесь, друже Володарю, правопыси Св. Пысьма, не вважаючы на те, що вже перше попечаталы инше: воно

поличыться за недоглядъ. Наша словеснисть молода, то переправкы не такъ то кынуться въ вичи, а мусымо йты до едносты, не вважаючы на попередни печатання. Я и въ Св. Пысьми дещо покыдавъ ззаду недодумане, або недогледжене, та й печатаю такъ, якъ буду на дальше держатысь. У повному жъ Новому Завити печататыму не *іого*, а ёго, якожъ бо галычанамъ не подобаеться *іого*.

Колы напечатаете *одъ* и всюды такъ, якъ у рукопыси, то не велыка шкода. Правыло жъ таке: *я видъ тебе*; *винъ одъ тебе*; *я одвивъ* (бо тутъ прыходыть друге *в*), а не *я видвивъ*. Печатайте конче: *бью, пью, узгирье*, а не: бю, пю, узгире. Печатайте nominativus весилле, а не весилля etc.

Де Іордань *мижъ гиръ*,

а не: Де Іордань *зъ мижъ гиръ*, бо въ насъ такъ говорять: стоить мижъ гиръ, сяе мижъ гиръ, хочъ можна сказаты и мижъ горамы. У сёму вирши *зъ мижъ гиръ* було бъ дрибненько, наче тильки вызырае; а я хочу сказаты, що Іордань далеко и шыроко сяе мижъ гиръ. Св. Марко и Лука прышлеться.

У прыскрыночокъ збирайте не 6, а 5 прымирныкъ gratis. Про се сповистить, колы пысатымете, и Вашого брата Александра. 12-го іюня выйду зъ Видня черезъ Львивъ до дому. Сёго не кажить никому. Ви Львови тильки переночую и побачусь зъ Вамы. Напышить мини, въ якій гостынныци лучче мини буде, и навидайтесь туды выраховавшы колы прыходыть потягъ выйшовшы зъ Видня 12 іюня ввечери; а ще лучче, колы бъ Вы зробылы мини ласку—зустрилы мене на бангофи. Оце жъ наготовте мини одынъ прымирныкъ выпечатаныхъ аркушивъ Псалтыря на кращому папери, щобъ я взявъ зъ собою. Дома пробуду до октября, а на зыму прыйду въ Видень.

№ 30. Письмо Володимира Барвинскаго къ Кулишу.

Львивъ 21 мая.

Высокоповажный пане добродію!

Вчера опизнылась трохы прасса и для того не мигъ видбыватысь 5-ый пиварк. Для того выславъ тилькы макулятуру

сёго пиваркуша. Въ понедилокъ наступыть печатанне 5-го и 6-го пиваркуша разомъ. Заразъ писля напечатання вышлю. Усе справлено, якъ прыказалы Вы, Добродію: зибье etc.

Щыро прыхыльный слуга Володымыръ.

№ 31. 21 мая.

Спасыби Вамъ, друже Володарю, за розумни и вельмы вжыточни поправкы п. Билынського. Перепечатуючи евангелыстивъ у повному Новому Завити, я нымы покорыстуюсь.—Пропускъ у ст. 6 гол. Ш зробывъ друкарь, перероблюючы карточкы; а другый пропускъ, X, 12, доданый проты грецького орыгыналу у церковнёму и въ латынському; у грецькому нема.

—

Прыскрыночокъ, до якогось часу, буде власнистю трохъ братывъ Барвинськихъ, а не громадською, тилькы воны зобовязани будуть держать гроши въ Sparkasse и запысуваты въ кныгу, куды и на шо скилькы вытратылы. Четвертый нихто не мае *права* въ неи зазыраты. Описля, якъ грошей назбираеться бильшъ, можна буде зробыты иншу уставу, дывлячысь по людяхъ и стану ричей у Галычыни. Спецыфычну циль я передавъ у рукы трёхъ доглядныкивъ и дочасныхъ господаривъ прыскрыночка. Що воны схочуть одностайно, те й робытымуть ни передъ кымъ не даючы перелику. Оце жъ раю Вамъ такъ сымы грошыма орудоваты (и такъ ихъ збираты въ прыскрыночокъ), щобъ никто не мавъ поводу дорекаты Вамъ, що се гришъ громадськый. Есть винъ мій, а зибранный буде зъ Вашымъ стараннемъ; чрезъ се я оддаю ёго у повну Вашу волю, не яко членамъ громады, а яко братамъ Барвинськымъ. Уси мои правыла можете втрёхъ, колы схочете, зредагуваты по своёму, а я, прочытавшы, може й скажу, що добре, нехай буде по Вашому, а не по моему.

Вирша того такъ не можна чытаты. Перепечатайте карточку. И апострофъ тутъ ничого не поможе. *Посрамытысь* слово церковне—воно Псалтыря не зопсуе; а поправкою виршъ зруйновано на викы.

Прошу Васъ купыты въ Рейхарда новый Завитъ грецькый за гульдена, (ей дешевши; та нехай буде за гульдена, не менше, а колы трохы й бильшъ, то можна заплатыты), та й подаруйте видъ мене п. Билынському.

№ 32. 24 мая.

Друже Володарю!

Перепечатайте, рады Бога, карточку 77—78, де напечатано:

Ангелъ Божый збройно
Кругомъ тыхыхъ *бродыть*,

а треба: ходыть.

№ 33. 27 мая.

Отъ якъ зробить, друже Володарю. Колы не перепечаталы ще двохъ карточокъ, про котри я пысавъ, то прыпечатайте помылкы на первому лысточку писля заголовного лыстка, такъ якъ оце напысано въ мене на другій за сіею карточци. N. B. Шмуцтытула не буде, а буде тилькы одна карточка зъ заглавіемъ:

Псалтырь
або
Кныга хвалы Божои.
Переспивъ украиньскый
Павла Ратая.
Львивъ.
Коштомъ и доглядомъ братив Барвиньскыхъ.
1871.

N. B. Нигде не треба ставыты кропокъ на заглавыи.

На другій же за сіею карточци напечатайте сыце:

Одъ выдавця.

Друкуючы сей Псалтырь, чулы мы, що де хто въ розмовахъ звавъ іого Святымъ Пысьмомъ.

Щобъ не думалы, що ся княжка прызначена ввійты въ Святе Пысьмо, котре друкуетгся въ Видни, сповищаемо, що тамъ свого часу надрукуеться перекладъ Псалтыря прозою.

—

Просымо чытателивъ напередъ поправыты де яки недогляды корректора. Треба було бъ ось якъ напечататы:

на бочку 21, виршъ 16: заплутае ногы;
на бочку 27, виршъ 8: нѣсть Богъ;
на бочку 31, виршъ 20: стежку праведну на свити;
на бочку 37, виршъ 3: мовъ наметомъ воздуховымъ;
на бочку 56, виршъ 8: не дай мини въ моій надіи посрамытысь;
на бочку 60, виршъ 18: вбачаты красоту Господню;
на бочку 77, виршъ 24: кругомъ тыхыхъ ходыть;
на бочку 84, виршъ 4: буде мырови являты;
на бочку 106, виршъ 17: не звернуло наше серце;
на бочку 111, виршъ 4: святу оселю звеселяють; и т. д. и т. д.

5-й пиваркушыкъ одержавъ я два разы, и пысавъ про его вже до Васъ. Наготовте мини не одынъ, а два прымирныкы тыхъ аркушивъ, котри до мого прыизду надрукуються—на кращому папери.

Прыихавъ сюды Федоровычъ и сповистывъ мене про *вельмы важну* новыну для будущыны Галыцькои Руси. Роскажу, якъ побачымось.

№ 34. Отрывокъ изъ письма Кулиша.

Народна скрыня повынна выстачаты гроши:

1. на запомогу дотепныхъ руськыхъ людей,
2. на пидпырання руськыхъ учылыщъ,
3. на руськый театръ,
4. на руську церковну проповидь,
5. на руську прессу.

Этотъ отрывокъ сохранился въ копіи, сдѣланной карандашемъ рукою Володимира Барвинскаго, и представляетъ дальнѣйшее развитіе идеи „прыскрыночка".

№ 35. 1 іюня.

8-го пиваркушыка я не одержавъ. Зробить ласку, пошлить у друге.

У 9-му пиваркушыку, на бочку 136, пропущено слово. Отже впишить у друкарськи помылкы ще й се:

На бочку 136, виршъ 6: россыпавъ насъ гнивомъ велыкымъ.

Хочъ и напечатаете си помылкы такъ, якъ я до Васъ ихъ пиславъ, а все такы первый пиваркушыкъ перепечатайте.

№ 36. 5 червця.

Друже Володарю,

Я й перше пысавъ до Васъ, що слова: коштомъ братывъ Барвинськыхъ, можна и не печататы, колы зъ якои бъ ни було прычыны воны не годытымуться. Отъ же не печатайте бильшъ ничого, якъ:

Львивъ 1871.

Поиду не на Тернопиль, а на Варшаву до дому. Отъ же шкода Вашого поспиху зъ Псалтыремъ. На Вкраину мини Псалтыра не посылайте.

Сповистить, скилькы Вамъ выслать грошей на росплату зъ Будвайсомъ. Колы жъ бы лыстъ Вашъ опизнывсь, то п. Пулюй матыме мои гроши и вышле Вамъ. Шкода, що не коло кожного слова поставылы выпыску: бо не одно значення мають инши слова.

Жалкую дуже, що не выпало мини ихаты черезъ Львивъ у Тернопиль. Прошу сповистыты про се п. Іосыфа, щобъ винъ мене не ждавъ.

Ще разъ прошу напечататы на первій карточци передъ первою псальмою ти помылкы, котри я поспысувавъ, и первый пиваркушыкъ перепечататы. Оправляты Псалтыря не треба, а тильки зброшюроваты. Обгорточку зробыты такого колеру, якъ на св. Пысьми.

Нехай же Вамъ Богъ помогае! Бувайте здорови.

P. S. На Ваше имя durch Güte P. Kulisch прыйде може зъ Берлына лыстъ. Колы можна, надпышить на ему мій адресъ украинськый, нехай туды перешле почта. Колы жъ сего не можна, то роспечатавшы перешлить мини у новій коверти, адресуючы такъ: Russland, per Brody. Черниговской губерніи въ г. Борзну, Пантелеймону Александровичу Кулишу. Колы бъ Вамъ що треба було до мене пысаты, то пидъ сіею адресою пышить усе про кныжкы св. Пысьма, про Псалтырь и т. инше, тильки политыкы не займайте.

№ 37. Пысьмо Володимира Барвинскаго къ Кулишу.

Львивъ 9-го чер.

Высокоповажный Пане Добродію!

Велыкый жаль, що не доведеться мини теперъ побачыты Васъ, Добродію нашъ,—такъ дасть Богъ, може иншымъ часомъ диждемось дорогого гостя. Прыймитьже-жъ, Добродію, мое и моихъ бративъ щыре: Щасть Боже! на дорогу, а заразомъ и щыре запевненне нашои прыхыльности для Вашои особы. Жаль, що оставляете насъ,—але бодай та потишаюча надія, що не на довго.

Пысатыму тильки въ дуже важныхъ прыпадкахъ, не тыкаючы ни тини политыкы etc.! Чы не добре було бъ, щобъ пысаты тоди до Васъ по нимецькій.

Остаточного обрахунку зъ Будвайсеромъ ще не вчынывъ я,—такъ якъ не можна певно ще знаты, скилькы буде аркушивъ. Теперъ вже напечатано 14 пиваркушивъ, одже 7 аркушивъ, а сподіюсь ще 4—5. Видтягнувшы прысланыхъ 89 р.

25 кр., треба бъ мини ще до оплачення друку до 170 р. За брошурования и окладкы напышу вже до п. Пулюя, якъ дило буде звершене.

Выдруковани пиваркуши посылаю ныни.

Чы напечататы словце видъ выдавця на кинци, чы заразъ за тытуломъ?

Першый пиваркушъ перепечатаеться, якъ укинчене буде печатання всихъ аркушивъ.

За прыслани выяснення сливъ велыке спасыби Вамъ, Добродію, а решта сливъ не посылаю зъ фразамы выпысаныхъ тому, що вже роспочавсь словарець друкуваты, и годи буде додаваты що небудь.

Бувайте жъ намъ здорови, Добродію мылый, идьте щаслыви, весели та здорови на Вкраину, та до насъ хутко завытайте. За наши провыны простить намъ,—простить, колы чымъ Васъ прогнивылы.

Ще разъ прощайте, й живить намъ на славу довги лита.

Вашъ щырый прыхыльныкъ и слуга Володимиръ.

№ 38. *Соборное посланіе Кулиша Галичанамъ*[1]).

Ваша заслуга въ тому, що Вы не зробылысь ни Полякамы, ни Нимцями, да въ тому, що у васъ въ немужычыхъ

ворятъ по-своему, да въ тому ще, що вы переховалы видъ старосвищыны слова и выразы у насъ забути. Духа поезіи въ васъ выбыто, выдушено въ васъ его семынарщыною та польщызною, зисталось у васъ тильки чуття поезіи, и тымъ вы такъ кохаетесь у Шевченку. Мавшы стильки въ соби добра, вы намъ здаетесь ридными братами, попсованымы въ одризне-

---

[1]) Этотъ преинтересный документъ, относящійся вѣроятно къ половинѣ 1871 года, сохранился въ копіи, сдѣланной рукою В. Барвинского, карандашемъ, кажется безъ начала и конца, такъ что мы не знаемъ, къ кому онъ былъ адресованъ и съ какой стати писанъ. Я догадываюсь, что ближайшимъ побужденіемъ къ его написанію былъ проектъ Вол. Барвинскаго изданія при соучастіи Кулиша литературнаго альманаха, о которомъ см. № 27.

ному одъ насъ жытти. Мы простягаемо до васъ рукы, щобъ васъ прыгриты коло свого серця и вдыхнуты въ васъ жывого, нескаличеного духа украинського; а вы тымъ часомъ, сыдившы такъ довго въ тисноти, думаете, що ваша клитка мусыть буты и для насъ взоровзоромъ.

Ваше цвиринькання не вважаемо мы за поезію и видносымъ его до тыхъ стыхотворныхъ думокъ, яки пысалысь у насъ за Сковороды, зъ окрасокъ Шевченкивщыны.

Се вы Галычане тилькы пробуете прыборканыхъ крылець, пидлитаючы слидомъ за поетычнимъ словомъ украинськымъ. Пробуйте, вымахуйте крыла, мы васъ ще й похвалятымемъ въ особи такого недотвореного таланту якъ Федьковычъ; де яки ваши мотывы и куплеты любо намъ у збирнычокъ зибраты, тилькы школою вашою мусыть буты школа украинська, обперта не на Шевченкови, якъ у васъ здаецця, а на этнографіи, що вже й писля Шевченка дала пахущый цвитъ свій Маркомъ—Вовчкомъ и Нечуемъ. Самъ Шевченко поты йшовъ у гору, покы его не одирвано видъ этнографычнёго джерела слова и чутыва. Нашъ Гомеръ не Шевченко, а народъ: вси мы въ купи зъ Шевченкомъ ласуемось тилькы останкамы видъ его велыкого пырування. Ноставшы зъ народу и во имя народу, появылы мы, покы що, невелычку, а про те суцильню, самостійну лытературу и для самои іи повагы не мусымо прыйматы того, що вы вдержуете видъ старовыны (этымологыи), або що вы прымудровуете середнего мижъ этимологыею и фонетыкою. Колыжъ вы стоите за свои особыны, то симъ выявляете узкисть своеи тенденціи. Мы хочемо, щобъ насъ чытала не одна Украина, а Галычына, чого й доказуемо не однымъ Шевченкомъ, а вы бажаете пысаты для своеи Галычыны. Нашъ народъ, яко ныва непысьменного слова—видъ Есмани по Карпаты. Чытаты насъ у Галычыни будуть и мусять, хочъ бы мы не прыйнялы ничогисинько зъ вашого смаку; а васъ тилькы тоди чытатымуть на Вкраини, колы вы прыймете смакъ украинськый, пиднявшысь выще Головащыны, Дидыщыны и всіеи новои Галычанщыны.

Вамъ Галычанамъ дороги ваши лытературни традыціи тымъ, що вы не зрозумилы ще народу, якъ прыгниченои давною интеллигенціею истоты. Шануючы ти традыціи, вы шануете те панство, що назвало народомъ себе, окроме видъ велыкои массы, такъ само якъ Ляхы творылы зъ себе naród szlachecki. Ваши попы лютують, що имення: Мусій, Оврам etc. перероблени въ Быбліи. Се мосце панство, що всяко хоче видособытысь видъ мужыка. У насъ интеллигенція давно вже перестала гордуваты народнимы назвамы святыхъ и хрещеныхъ. Вы несете задню и впынаетесь такъ, якъ шляхта впыналась проты козацтва. Челядськый духъ потруивъ ваши думкы и чуття, той духъ, що й на Вкраини творывъ помосковлене панство. Проты сего духа встала наша словеснисть, и куды-бъ мы іи ни перенеслы, всюды вона, у велыкій и малій речи, его воюватыме. Хочъ бы нашои Библіи не куплено въ Галычыни и десяты прымирныкивъ, то намъ байдуже: вона свое дило зробыть па тому грунти, що не зарисъ ляцькою зиноваттю; а зъ тыхъ простыхъ, безкныжныхъ пересудивъ людей выростуть диты и цвистымуть чыстымъ розумомъ и серцемъ на могылахъ Ильныцькыхъ, Огоновськыхъ e tutti quanti. Ого жъ и будуть люде, про которыхъ напысано: оправляецця премудристь отъ чадъ своихъ; а ваши розумныкы —чада схолястычнеи шляхетчыны, а не премудросты того народу, що сказавъ велыке слово: у городъ—по гроши, а въ село—по розумъ.

Ваша словеснисть буде наслиддямъ самои библіографіи поты, покы Галычына не зиллецця духомъ своимъ зъ Украиною въ едыне тило.

ПАНЪ ПРЕЗЕСЪ.

(Изъ воспоминаній подольскаго шляхтича *).

В концѣ прошлаго вѣка жилъ въ Летичевскомъ повѣтѣ, въ своемъ наслѣдственномъ помѣстьѣ с. Шелеховѣ, панъ Викентій Кавецкій, отставной офицеръ польской кавалеріи. Нрава онъ былъ очень буйнаго, умѣлъ хорошо выпить и всегда былъ не прочь затѣять драку. На сеймикахъ, когда шляхта бурлила и каждая партія вербовала сторонниковъ, въ немъ всѣ заискивали, потому что разъ панъ Викентій становился на сторону извѣстной партіи, то уже ничего не щадилъ для ея торжества: угощалъ сторонниковъ, обрѣзывалъ носы и уши противникамъ, отважно подставлялъ лобъ на поединкахъ. Не заботился онъ ни о семьѣ, ни о хозяйствѣ, постоянно разъѣзжалъ по сосѣдямъ, гулялъ и предавался развлеченіямъ. Семейная жизнь съ такимъ мужемъ была бы не подъ силу и болѣе энергичной женщинѣ, чѣмъ была жена Кавецкаго—существо слабое и запуганное; она умерла въ молодыхъ годахъ и оставила малолѣтняго сына. Со смертью матери ребенокъ остался круглымъ сиротой, такъ какъ отецъ забылъ и думать о немъ. До десяти лѣтъ мальчикъ бѣ-

*) Настоящій очеркъ представляетъ не болѣе, какъ пересказъ доставленной въ редакцію польской рукописи, озаглавленной: Opowiadanie o prezesie Kawieckim, spisane ze słow mego ojca P... R.....iego przezemnie M... R.. .iego, 30 stycznia, 1882 roku.

галъ съ крестьянскими дѣтьми, вмѣстѣ съ ними пасъ гусей и свиней и не слыхалъ ни о какой наукѣ. Потомъ стали посылать его къ ксендзу, но ученье шло такъ туго, что едва лишь къ двадцатилѣтнему возрасту молодой Кавецкій научился подписывать свое имя, и то не сполна, а лишь начальныя три литеры. Дальше этого искусства онъ не пошелъ за всю свою жизнь и всегда крайне тяготился необходимостью подписать свое имя. Бывало, экономъ напишетъ отъ его имени письмо и принесетъ для подписи. Кавецкій старательно обмакивалъ перо, долго его разсматривалъ, смахивалъ излишекъ, чтобы, сохрани Богъ, „жида не посадить", потомъ клалъ бумагу прямо передъ собой, передвигалъ ее направо, налѣво, отодвигался, десять разъ примѣривался, пока наконецъ, улучивъ счастливую минуту, чертилъ три крупныя литеры съ уродливымъ хвостомъ, вмѣсто росчерка. Совершивъ двѣ - три подписи подъ рядъ, Кавецкій откидывался въ креслѣ, вытиралъ вспотѣвшій лобъ и тяжело переводилъ духъ. О книгахъ онъ всегда отзывался, что „одинъ дурень написалъ, а другой читаетъ", и потому и самъ не читалъ, и не любилъ слушать, когда другіе при немъ читали.

Едва молодому Кавецкому исполнилось двадцать лѣтъ, какъ умеръ старый панъ Викентій, и онъ унаслѣдовалъ родовое имѣніе Шелеховъ; но оно досталось ему въ крайне печальномъ состояніи: деревенька выглядѣла совсѣмъ ободранной, крестьяне числились въ бѣгахъ—ихъ разогналъ панъ Викентій, а хаты роздалъ евреямъ изъ Бара за боченки вина; земли и угодья находились въ заставномъ владѣніи у кредиторовъ. Молодой помѣщикъ не палъ духомъ, а задался мыслью—во что бы то ни стало вернуть сполна отцовское достояніе. Онъ началъ съ того, что затѣялъ упорную, систематическую борьбу съ отцовскими кредиторами и сталъ отымать у нихъ заставные участки. На первыхъ порахъ трудно было ему, почти нищему, лишенному всякаго, а тѣмъ болѣе юридическаго образованія, вести эту борьбу; но онъ обладалъ природнымъ умомъ и сообразительностью, а отцовское упрямство и забіячество переродились въ немъ въ энергію, настойчивость и смѣлость. Вмѣстѣ съ стрем-

леніемъ къ матеріальной обезпеченности, его воодушевляло честолюбивое желаніе—поднять свой родъ изъ упадка и вернуть ему прежній блескъ и значеніе. Не смотря на то, что окружная шляхта неохотно признавала въ немъ—захудаломъ, необразованномъ, почти совсѣмъ омужичившемся шляхтичѣ—своего собрата, самъ Кавецкій былъ очень высокаго понятія о своемъ происхожденіи, кичился имъ и свысока смотрѣлъ на менѣе урожденныхъ, хотя и болѣе его обезпеченныхъ сосѣдей. Эта идея болѣе всего воодушевляла его въ той, казалось бы, непосильной борьбѣ, какую онъ отважно затѣялъ въ цѣляхъ возвращенія отцовскаго достоянія. Пользуясь малѣйшимъ нарушеніемъ какихъ-либо законныхъ формальностей со стороны заимодавцевъ отца, онъ затѣвалъ съ ними судебные процессы, добивался того, что тотъ или другой заставной участокъ переходилъ въ конкурсное управленіе, самъ втирался въ его составъ, употреблялъ всѣ мѣры, чтобы отдалить рѣшеніе дѣла, а тѣмъ временемъ старательно велъ хозяйство, самъ ходилъ за плугомъ (чѣмъ впослѣдствіи очень любилъ хвалиться), отказывалъ себѣ въ необходимомъ, собиралъ и копилъ грошъ къ грошу, и постепенно входя въ матеріальную силу, съ одними кредиторами расплачивался, съ другими выигрывалъ процессы, и такимъ образомъ въ теченіе десяти—двѣнадцати лѣтъ очистилъ отъ долговъ все состояніе. Эта настойчивость и сила характера снискали Кавецкому такое расположеніе со стороны мѣстныхъ дворянъ, что со временемъ его избрали въ должность подсудка, а потомъ—судьи летичевскаго повѣтоваго суда; это обстоятельство болѣе всего способствовало благополучному окончанію многочисленныхъ его процессовъ съ отцовскими кредиторами.

Казалось бы, какой могъ выйти судья изъ полуграмотнаго человѣка! А между тѣмъ „панъ презесъ" (такъ съ тѣхъ поръ всѣ величали Кавецкаго) оказался вполнѣ годнымъ для этой должности и не только не былъ никогда игрушкой въ рукахъ секретарей, а напротивъ—изводилъ ихъ, заставляя отгадывать и законнымъ порядкомъ формулировать его соломоновскіе вердикты. Забавно было видѣть его мощную фигуру, когда онъ предсѣда-

тельствовалъ въ судѣ, при разборѣ дѣлъ. Адвокатъ той или другой стороны соловьемъ разливается, излагая доводы и цитируя статутовые артикулы; а „панъ презесъ", развалившись въ креслѣ и зажмуривъ глаза, барабанитъ пальцами по лбу, что-то бормочетъ или подъ носъ напѣваетъ: „бумъ, бумъ, бумъ", и вдругъ, вникнувъ совершенно въ дѣло и прійдя къ опредѣленному рѣшенію, важно изрекаетъ: „Досыть!" (довольно).

— Але, пане судья, заявляетъ адвокатъ: я не все еще сказалъ.

— Говорю: досыть! трубнымъ гласомъ возглашаетъ презесъ.—Я уже знаю все; зачѣмъ мнѣ еще слушать!—И снова жмуритъ глаза, барабанитъ пальцами, затѣмъ срывается съ мѣста и говоритъ секретарю: „Мое рѣшеніе такое-то. Напиши декретъ, да хорошо, коротко, узловато: ты знаешь, я пустословія не терплю. А какъ напишешь, прочтешь мнѣ".

Секретарь долго скребетъ въ головѣ, наконецъ приноситъ написанное и читаетъ.

— Худо, не годится,—прерываетъ Кавецкій: зачеркни это.

— Какъ же написать? робко спрашиваетъ секретарь.

— Такъ, чтобъ было хорошо.

Бѣдный секретарь до тѣхъ поръ передѣлываетъ текстъ рѣшенія, пока не угодитъ наконецъ своенравному судьѣ. Тотъ возглашаетъ тогда: „Ото добре!" и съ обычными усиліями ставитъ свою подпись.

Раздѣлавшись съ кредиторами и вернувъ сполна родовое имѣніе, Кавецкій завелъ отличное хозяйство, быстро увеличилъ доходы, и такъ какъ онъ былъ очень бережливъ, то у него скоро завелись изрядные капиталы. Но его нельзя было втянуть ни въ какія спекуляціи, какъ равно не любилъ онъ давать взаймы на проценты.

Когда ему предлагали формальный вексель въ обезпеченіе займа, онъ обыкновенно отвѣчалъ: „вѣрно ты не намѣренъ отдать долгъ, если предлагаешь формальный вексель", и отказывалъ просителю. Но держать у себя въ домѣ деньги онъ также не любилъ, а отдавалъ ихъ пріятелямъ, которымъ вполнѣ

довѣрялъ, или взаймы безъ процентовъ, или просто „въ депозитъ", но безъ всякаго векселя. Такъ, напримѣръ, бывало проситъ онъ Бернатовича Людвика: „возьми у меня, пане маршалку, немного денегъ, боюсь ихъ держать у себя, чтобъ жиды не украли".

— Мнѣ деньги не нужны, отвѣчаетъ Бернатовичъ.

— Да ты не взаймы, а такъ, въ депозитъ возьми.

— Что же я съ ними буду дѣлать? Пустить въ оборотъ не могу, потому что панъ можетъ потребовать ихъ во всякое время.

— Нѣтъ, я за три мѣсяца предупрежу пана, когда мнѣ деньги понадобятся.

— Пусть будетъ такъ, соглашается Бернатовичъ. Вотъ я напишу вексель.

— Боже сохрани! вскрикиваетъ Кавецкій. Не хочу я векселя. Пусть панъ напишетъ мнѣ такъ, на листочкѣ.

— Ну, хорошо; я выдамъ пану сохранную росписку.

Бернатовичъ садится и пишетъ, читая въ слухъ текстъ росписки: „Шановный панъ презесъ"!...

— Зачѣмъ тамъ „шановный"? прерываетъ Кавецкій.—Я пана шаную, а панъ меня; зачѣмъ же писать объ этомъ? Лучше такъ написать: „взятыя деньги отдамъ по первому требованію"— и больше ничего.

Панъ „презесъ" любилъ общество, охотно принималъ гостей и нерѣдко устраивалъ балы, для чего держалъ повара, хотя самъ любилъ самыя простыя блюда и всему на свѣтѣ предпочиталъ жидкую кашу и печеныя яблоки, безъ которыхъ не садился за столъ. Зимними вечерами, когда не было гостей, Кавецкій посылаетъ бывало Леся или Миколку на село и велитъ позвать какую-нибудь бабу. Баба немедленно является.

— Разсказывай мнѣ сказки! приказываетъ панъ презесъ.— Получишь злотый, если будутъ хороши.

— Колы-жъ, прошу пана, не вмію я казокъ говорыты! извиняется баба.

— А, дурна! нащо жъ ты прыйшла? Може знаешъ яку иншу бабу, що казокъ уміе?

— А знаю, прошу пана: Стеха дуже уміе.

— Бижы жъ на йидный нози, хутенько поклычъ мени Стеху.

Баба исчезаетъ, и черезъ минуту является Стеха, разсказываетъ сказки до поздней поры, получаетъ обѣщанный злотый и уходитъ.

Часто у презеса бывали гости, но по большей части одни мужчины, такъ какъ хозяинъ былъ холостъ. Но однажды онъ задумалъ дать большой балъ, чтобы удивить околицу, и пригласилъ всѣхъ окружныхъ сосѣдей съ женами и дочерьми. Соображая затѣмъ, кто именно у него будетъ, панъ презесъ пришелъ къ заключенію, что на балъ явится очень много молодыхъ дамъ и дѣвицъ и слишкомъ мало кавалеровъ, годныхъ для танцевъ. Это смутило хозяина, и онъ поѣхалъ къ своему пріятелю Бернатовичу просить совѣта, что ему дѣлать.

— Постой! успокоилъ его панъ маршалъ: я тебя научу, гдѣ достать танцоровъ. Въ Летичевѣ, въ дворянскомъ собраніи, я видѣлъ сыновей какого-то чиновника, асессора или секретаря: хлопцы довольно приличные и хорошо танцовали. Вотъ бы ты ихъ залучилъ!

Обрадованный презесъ ѣдетъ на другой день въ Летичевъ, призываетъ своего секретаря Сѣмашка и говоритъ ему: „Есть тутъ какіе-то сыновья асессора или секретаря, дяблы ихъ знаютъ, какъ они прозываются, но ты ихъ разыщи. Видишь-ли, я даю балъ, мнѣ нужны танцоры, такъ ты привези, кого тамъ знаешь; но чтобы они только танцовали, а не смѣли бы ухаживать за дамами и даже вступать съ ними въ разговоръ, потому что я этого не люблю. Я дамъ сколько нужно денегъ на галстухи, перчатки и сапоги, чтобъ та голота имѣла приличный видъ; но внуши имъ, что они приглашаются исключительно для танцевъ, а до дамъ имъ чуръ!“

Накупивъ въ городѣ цѣлую массу конфектъ и другихъ сладостей, Кавецкій самолично разсортировалъ ихъ и уло-

жилъ въ самодѣльныя бомбоньерки. Наканунѣ бала въ домѣ и во дворѣ шли дѣятельныя къ нему приготовленія; доставленъ былъ цѣлый транспортъ занятой у сосѣдей фарфоровой и хрустальной посуды и серебра; въ кухнѣ поваръ съ поваренками дѣлалъ торты и другія печенія; самъ хозяинъ былъ занятъ въ погребѣ разливкой и заготовленіемъ напитковъ. Такъ какъ домъ презеса былъ довольно тѣсенъ и далеко не могъ вмѣстить всѣхъ гостей, то рѣшено было очистить просторную клуню и обратить ее въ салонъ. Но чѣмъ его меблировать? Недолго думая, панъ презесъ приказалъ принести сюда изъ корчмы и изъ крестьянскихъ хатъ побольше „лавъ“ и „ослоновъ“, разставить ихъ вдоль стѣнъ, покрыть коврами,—и вышелъ салонъ хоть куда! Надо было подумать также объ освѣщеніи: свѣчей было заготовлено вдоволь, но не доставало подсвѣчниковъ. Хитроумный презесъ и тутъ нашелся: въ комнатахъ, предназначенныхъ для мужчинъ, онъ приказалъ повтыкать свѣчи въ пустыя бутылки, а подсвѣчники употребить для салоновъ и дамскихъ комнатъ, потому что дамы своими тюлями да оборками какъ разъ опрокинутъ бутылки и еще пожару надѣлаютъ, а тяжелые подсвѣчники опрокинуть труднѣе.

Когда на другой день стали съѣзжаться гости, ихъ оказалось такое множество, что и хозяинъ смутился. Поминутно входятъ старые и молодые, большіе и малые, разряженныя франтихи и шляхта въ старомодныхъ нарядахъ, разсаживаются по лавкамъ, тѣснятся все больше—а мѣстъ все-таки не хватаетъ. Видитъ хозяинъ—дѣло не ладно. Подзываетъ онъ своего покоёваго Леся и что-то приказываетъ ему на ухо. Лесь исчезаетъ, но черезъ короткое время снова появляется, а за нимъ цѣлая толпа хлопцевъ и дивчатъ вносятъ въ клуню-салонъ и разставляютъ какія-то импровизированныя кресла. Удивленные гости присматриваются—и узнаютъ собственные дорожные сундуки и чемоданы, прикрытые ихъ же экипажными подушками и коврами, но за недостаткомъ стульевъ усаживаются и на такой мебели.

Гостепріимный хозяинъ привѣтливо занимаетъ гостей и поминутно выходитъ въ сѣни встрѣчать новоприбывшихъ. Вотъ въ дверяхъ появляется его сосѣдъ панъ Стадницкій и подводитъ какого-то виднаго мужчину съ словами: „Представляю пану презесу пана Александра Орловскаго, котораго панъ презесъ не знаетъ.“

— А, очень пріятно! баситъ хозяинъ.

Новоприбывшій, окинувъ взглядомъ гостей, обращается къ хозяину съ усмѣшкой: „Какъ я вижу, панъ презесъ собралъ у себя самое разнообразное и пестрое общество“.

— Не диво, отвѣчаетъ спокойно хозяинъ, глядя въ глаза насмѣшливому гостю: есть тутъ званые, а есть и незваные.

Сконфуженный гость отошелъ въ сторону и больше не дѣлалъ ироническихъ замѣчаній.

Пора бы начаться танцамъ, но хозяинъ не подаетъ сигнала, словно кого поджидаетъ. Вотъ въѣхалъ во дворъ огромный шарабанъ и изъ него вылѣзъ Сѣмашко съ цѣлымъ полкомъ танцоровъ. Были тамъ высокіе и низкорослые, брюнеты и блондины, но въ общемъ молодцы хоть куда. Бѣгло осмотрѣвъ ихъ, панъ Кавецкій входитъ въ салонъ и приглашаетъ гостей начать танцы. Пары устраиваются, но въ кавалерахъ недостатокъ. Панъ презесъ выходитъ, и черезъ минуту вводитъ цѣлый отрядъ молодыхъ танцоровъ, спрашиваетъ ихъ имена и хочетъ представить дамамъ, но тотчасъ перепутываетъ фамиліи и проситъ Бернатовича: „Пане маршалку, ты ихъ знаешь— представь ихъ дамамъ, а я, право, перезабылъ, какъ ихъ прозываютъ; все какія-то мудреныя прозвища.“ Бернатовичъ коекакъ исполнилъ эту церемонію, и танцы начались. Презесъ съ удовольствіемъ замѣчалъ, что молодцы ведутъ себя скромно, танцуютъ хорошо, съ дамами не вступаютъ въ разговоры и едва прекращается танецъ, словно по командѣ исчезаютъ изъ салона. Но онъ не зналъ, что во время такихъ антрактовъ танцоры вознаграждали себя безпощаднымъ опустошеніемъ бутылокъ съ напитками, и вотъ, послѣ третьяго или четвертаго танца, одинъ изъ молодцовъ набрался такой смѣлости, что

послѣ танца не только не ушелъ изъ залы, а подсѣлъ къ своей дамѣ и сталъ ее занимать бесѣдой. Это не укрылось отъ зоркаго глаза хозяина: панъ Кавецкій срывается съ своего мѣста, направляется къ смѣльчаку и еще издали кричитъ: „А это что? Развѣ панъ Сѣмашко не говорилъ, что я пановъ только для танцевъ приглашалъ, а вовсе не для того, чтобы любезничать съ дамами; для этого есть у меня другіе, получше. Уходи, мосьпане!“ И съ этими словами Кавецкій вывелъ переконфуженнаго юношу изъ салона.

За исключеніемъ этого казуса, все шло какъ слѣдуетъ. Гости остались очень довольны ужиномъ, хотя кушанья подавались въ самой разнообразной посудѣ. Послѣ ужина, какъ это обыкновенно бываетъ, мужчины стали бродить по дому. Одинъ изъ гостей, п. Хлопицкій, машинально подошелъ къ дверямъ одной комнаты и хотѣлъ войти въ нее, но ему вдругъ заступилъ дорогу хозяинъ съ словами: „Не ходи туда“.

— Почему? спросилъ тотъ.

— Потому что тамъ серебряная посуда.

— Что же изъ этого? Развѣ ты боишься, что я украду что-нибудь?...

— Нѣтъ, но это—чужая посуда, и если потомъ чего-нибудь не окажется, мой Лесь скажетъ, что туда молъ заходилъ панъ Хлопицкій.

Въ виду такихъ соображеній, послѣднему ничего не оставалось, какъ отойти и присоединиться къ остальнымъ гостямъ.

Танцы продолжались и послѣ ужина, а затѣмъ гости разошлись по отведеннымъ для ночлега комнатамъ; но имъ пришлось еще долго ждать, пока успѣли разсортировать ихъ чемоданы, столь неожиданно превращенные въ гостинную мебель.

Такую жизнь велъ панъ Кавецкій, не зная ни тревогъ, ни болѣзней, и дожилъ до шестидесяти съ чѣмъ-то лѣтъ, когда въ одно прекрасное утро проснулся хотя и въ своей спальнѣ, среди привычной обстановки, но совсѣмъ другимъ человѣкомъ:

онъ не могъ ни крикнуть, ни пошевелиться, потому что его поразилъ параличъ. Лесь и Миколка растерялись, не знали что дѣлать, и Богъ знаетъ, что было бы съ паномъ презесомъ, когда бы случайно не пріѣхалъ къ нему въ эту минуту его близкій пріятель Адольфъ Борковскій. Онъ тотчасъ послалъ за врачами; тѣ пріѣхали, пустили больному кровь—и ему сдѣлалось лучше, онъ сталъ говорить и двигать руками. Врачи предписали больному извѣстный режимъ, оставили рецептъ и собирались уѣзжать. Борковскій, войдя къ презесу, тихо шепнулъ ему, что врачамъ надо заплатить: Баранецкому 50 рублей, а двумъ другимъ по 25 р. Больной соглашается на это, приглашаетъ одного изъ врачей остаться при немъ, остальнымъ велитъ дать хорошихъ лошадей, а въ заключеніе говоритъ: „а съ рецептомъ пошлите Грыця пѣшкомъ въ Баръ“. Услышавъ это, Борковскій убѣждаетъ больного, что лѣкарство нужно достать поскорѣе и за нимъ надо послать верхового, на хорошей лошади; но всѣ его убѣжденія пропали даромъ: больной упорно твердилъ: „я хочу, чтобъ Грыць шелъ пѣшкомъ“. Видя, что спорить съ упрямцемъ безполезно, Борковскій тайно послалъ Грыця верхомъ, и черезъ часъ лѣкарство было доставлено. Панъ презесъ, заподозривъ, что его провели, позвалъ къ себѣ Грыця и подвергъ допросу:

— Пишкомъ ходывъ до Бару?

— Пишкомъ, пане.

— Якъ же пишкомъ, колы ты такъ прудко звернувся, неначе йиздывъ добрымъ конемъ?

— То я, проше пана, прысивъ на визъ до знаёмого чоловика, що йихавъ до Бару, и зъ нымъ назадъ повернувся.

— Брешешъ: Лесь мени казавъ, що ты йиздывъ на Каштани.

— Э ни, проше пана, я не на Каштани, а на буланимъ йиздывъ, бо такъ мени веливъ панъ Борковскій,—оправдывается простодушный Грыць.

— И ты дурень, и твій Борковскій дурень,—рѣшаетъ панъ презесъ, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ пріятеля.—Поставъ ликарство коло лижка и видчыны викно.

— Нельзя,—вмѣшивается панъ Борковскій,—докторъ запретилъ отворять въ комнатѣ окна.

— То прынесы мени мидныцю (тазъ),—командуетъ больной.

Грыць исполняетъ приказаніе. А панъ Кавецкій беретъ бутылочку съ лѣкарствомъ, быстро отламываетъ шейку и выливаетъ лѣкарство въ тазъ, а затѣмъ спокойно обращается къ Грыцю: „завтра, ранкомъ, пидешъ пишкы до Бару".

— Но вѣдь лѣкарство необходимо теперь же! вмѣшивается панъ Борковскій.

— Завтра, ранкомъ! — безапелляціонно рѣшаетъ панъ презесъ.

Борковскій, полагая, что Кавецкій жалѣетъ лошадей и потому лишь настаиваетъ, чтобы Грыць шелъ пѣшкомъ, послалъ своего кучера въ Баръ за тѣмъ же лѣкарствомъ и черезъ часъ входитъ съ нимъ въ комнату больного и предлагаетъ принять прописанную дозу. Презесъ такъ и вскипѣлъ.

— Откуда взялось это лѣкарство? накинулся онъ на Борковскаго.

— Это я посылалъ моего кучера, потому что пану необходимо какъ можно скорѣе принять лѣкарство,—оправдывается тотъ.

— Что же это такое? взбѣленился панъ презесъ: недоставало еще, чтобы гости гоняли своихъ лошадей за лѣкарствомъ для меня! Не хочу я и видѣть этого лѣкарства!—и съ этими словами онъ бросилъ его на полъ.

Нечего было дѣлать, пришлось покориться капризу больного. Утромъ Грыць отправился въ Баръ и лишь къ полудню принесъ лѣкарство, которое на этотъ разъ больной безпрекословно принялъ.

Сильная натура Кавецкаго поборола болѣзнь, и черезъ мѣсяцъ онъ значительно оправился, но ходить все еще не могъ. Врачи посовѣтовали ему съѣздить въ Заславъ, гдѣ въ то время жилъ у князя Сангушка докторъ Дропсе, лѣчившій электричествомъ. Впослѣдствіи панъ презесъ съ удивленіемъ разсказывалъ объ этомъ способѣ лѣченія, о которомъ ему не приводилось раньше

и слышать. Курсъ былъ продолжительный, и Кавецкій, чтобы не скучать, завелъ въ Заславѣ знакомство. Чаще другихъ онъ навѣщалъ домъ одного небогатаго шляхтича, гдѣ ему приглянулась молодая панна. Скоро ея чары такъ отуманили голову престарѣлаго паралитика, что онъ, позабывъ о своихъ годахъ и немощахъ, сдѣлалъ ей предложеніе. Естественно, панна сначала не хотѣла и слышать о такомъ женихѣ; но когда родители растолковали ей, что онъ—владѣлецъ богатыхъ имѣній на Подольи и значительныхъ капиталовъ, она покорилась. Женихъ тотчасъ назначилъ день заручинъ, одѣлъ невѣсту съ ногъ до головы и осыпалъ подарками. Торжество должно было совершиться въ томъ же „заѣздѣ", гдѣ проживалъ Кавецкій, въ нарочито нанятой для этого залѣ. Когда настал̀ъ вечеръ заручинъ, зала освѣтилась сотнею свѣчей, столы трещали подъ тяжестью яствъ, напитковъ и сладостей; нарядный женихъ сидѣлъ въ креслѣ и привѣтствовалъ гостей, а въ сосѣдней комнатѣ гремѣла бальная музыка. Начались танцы. Невѣста, разряженная въ пухъ и блистая драгоцѣнными украшеніями, въ какомъ-то изступленіи вихремъ носилась по залѣ то съ однимъ, то съ другимъ кавалеромъ и рѣшительно не обращала вниманія на жениха. Это не понравилось послѣднему, и когда танецъ на время прекратился, онъ подозвалъ ее и выразилъ желаніе, чтобы она не танцовала больше и сѣла возлѣ него. Легкомысленная барышня заупрямилась: ей думалось, что общество кавалеровъ станетъ надъ ней смѣяться, если она безпрекословно исполнитъ приказаніе ревниваго жениха, и лишь только музыка заиграла новый танецъ, она подала руку одному изъ танцоровъ и пустилась въ плясъ. Взбѣшенный презесъ неожиданно закричалъ громовымъ голосомъ: „Лесь! туши свѣчи!" Привыкшій къ безпрекословному послушанію Лесь тотчасъ сталъ исполнять приказъ господина, а тотъ все продолжалъ орать: „Туши свѣчи! туши свѣчи!" Напрасно многіе изъ гостей пробовали отговорить разсвирѣпѣвшаго старца отъ его безумной затѣи; ничего не слушая, онъ лишь яростно кричалъ: „Это мои свѣчи, я ихъ могу потушить; я не хочу заручинъ!" Черезъ нѣсколько минутъ въ залѣ воцарилась

полная темнота, и гости, спотыкаясь и стукаясь лбами о стѣны, кое-какъ выбрались на улицу, проклиная злополучный балъ. На другой день отецъ невѣсты пришелъ къ нареченному зятю и сталъ мягко выговаривать ему за вчерашній скандалъ, а тотъ ему рубитъ: „Я не хочу жениться на вашей дочери, я не хочу заручинъ; прошу возвратить мои подарки“. Какъ ни старался нареченный тесть умилостивить разгнѣваннаго зятя, ничто не помогло, и подарки пришлось вернуть.

Это неудачное сватовство нимало не отбило у Кавецкаго охоты къ женитьбѣ. Вернувшись изъ Заслава хотя не вполнѣ выздоровѣвшимъ, но все-таки значительно оправившимся, онъ сталъ часто ѣздить къ своимъ сосѣдямъ Чарковскимъ, у которыхъ была дочь невѣста. Такъ какъ они были люди бѣдные, то благосклонно отнеслись къ ухаживаніямъ престарѣлаго и своенравнаго, но богатаго жениха, а ихъ послушная дочь оказывала ему явное расположеніе. Однажды панъ презесъ, сидя возлѣ панны и благосклонно слушая ея щебетаніе, вдругъ прервалъ ее неожиданнымъ вопросомъ:

— А панна пошла бы за меня замужъ?

— Пошла бы,—не задумываясь отвѣтила дѣвушка.

— Развѣ панна меня кохаетъ? спросилъ презесъ такимъ тономъ, какимъ онъ допрашивалъ въ судѣ подсудимыхъ.

— Кóхамъ, кóхамъ, кóхамъ! затвердила оробѣвшая панна.

— Зачѣмъ мнѣ три раза „кóхамъ“? строго остановилъ ее презесъ.—Съ меня довольно одного коханья. Пусть панна одинъ только разъ скажетъ, что меня кохаетъ.

— Кóхамъ! едва слышно прошептала перепуганная дѣвушка.

— Это хорошо! рѣшилъ Кавецкій.—Въ такомъ случаѣ мы поженимся.

На этотъ разъ и заручины, и свадьба прошли безъ приключеній, и панъ презесъ на старости сталъ мужемъ молодой жены. Былъ ли онъ счастливъ съ нею—не извѣстно; что же касается молодой женщины, то ей несомнѣнно судилась въ замужествѣ горькая доля. Болѣзненное состояніе Кавецкаго послѣ женитьбы стало замѣтно усиливаться, а вмѣстѣ съ тѣмъ уве-

личивалась и его раздражительность. Робкая отъ природы, пани презесова окончательно была запугана привередливымъ мужемъ и должна была терпѣливо сносить его причуды. Когда Кавецкій страдалъ безсонницей (а это съ нимъ случалось очень часто), онъ всю ночь не давалъ и женѣ покоя; если она обезсиленная ложилась въ постель, онъ приказывалъ Лесю стучать въ дверь ея спальни, крича: „когда я не сплю, пусть и она бодрствуетъ!" Впрочемъ, не одна жена терпѣла отъ него; доставалось и слугамъ. Когда параличъ ногъ окончательно приковалъ презеса къ постели и лишилъ его возможности своеручно вымещать злость на неповинныхъ слугахъ, тогда онъ сталъ прибѣгать къ разнымъ хитростямъ, въ родѣ слѣдующей: позоветъ, бывало, Леся или Миколку и самымъ добродушнымъ тономъ скажетъ: „а посмотри-ка подъ кроватью: кажется, я уронилъ дукатъ, поищи". Ничего не подозрѣвая, слуга охотно исполняетъ приказаніе; но едва онъ станетъ на колѣни, чтобы лѣзть подъ кровать, лѣвая рука Кавецкаго схватываетъ его за чубъ, а правая съ чубукомъ или палкой уже гуляетъ по его спинѣ.

Врачи совѣтовали больному отправиться въ Карлсбадъ для пользованія водами. Панъ презесъ долго не рѣшался пуститься въ такое далекое странствованіе, наконецъ согласился, а такъ какъ онъ не зналъ ни одного иностраннаго языка, то сосѣдъ его Рациборовскій предложилъ ему въ спутники гувернера своихъ дѣтей, нѣкоего Штейнера. Въ назначенный для отъѣзда день пріѣзжаетъ Штейнеръ къ пану Кавецкому и видитъ, что среди двора стоитъ большая дорожная коляска, до верха наполненная разными пакунками, а сзади къ ней прикрѣплена большая клѣтка съ цыплятами. Удивленный, онъ спрашиваетъ, зачѣмъ понадобилась клѣтка.

— Какъ зачѣмъ? въ свою очередь изумляется его недогадливости панъ презесъ: Когда мы будемъ въ дорогѣ останавливаться кормить лошадей, не надо будетъ бѣгать по селу за цыплятами и платить лишнія деньги, а здѣсь ихъ все равно съѣдятъ дѣвки да бабы, а потомъ скажутъ, что подохли.

— Да вѣдь намъ прійдется ѣхать лошадьми какую-нибудь сотню верстъ, а въ Галиціи мы сядемъ на желѣзную дорогу (дѣло происходило въ началѣ 1850-хъ годовъ, скоро послѣ открытія линіи Карла-Людвига); что же мы станемъ дѣлать съ курятникомъ?

— Какъ что? Повезутъ съ нами и курятникъ.

— Но заграницей не нужны намъ будутъ цыплята,—продолжалъ убѣждать Штейнеръ: тамъ въ каждомъ ресторанѣ можно имѣть какія захочемъ кушанья.

— А мы не будемъ заѣзжать къ швабу, а будемъ останавливаться у жида: жидъ сжаритъ нашего цыпленка, и это будетъ дешевле стоить.

Такъ и не удалось Штейнеру отговорить упрямаго презеса, и курятникъ поѣхалъ съ ними заграницу. Когда пришлось садиться на желѣзную дорогу, Кавецкій отпустилъ назадъ лошадей, но съ экипажемъ ни за что не хотѣлъ разстаться. Пришлось нанять платформу товарнаго поѣзда, поставить на ней коляску съ привязанной назади клѣткой съ цыплятами, и такимъ способомъ, сидя въ коляскѣ, наши путешественники добрались до самаго Карлсбада, привлекая на себя въ пути всеобщее вниманіе. Во время этого оригинальнаго переѣзда Кавецкій то и дѣло выкидывалъ разныя причуды. Вдругъ онъ, во время движенія поѣзда, начинаетъ громко кричать: „Стой"! Разумѣется, поѣздъ продолжаетъ мчаться съ прежней быстротой. Тогда онъ приказываетъ Штейнеру:

— Пойди, пане, скажи имъ, чтобъ остановились.

— Но, пане презесу — оправдывается Штейнеръ — я не могу добраться до локомотива, да и машинистъ меня не послушаетъ: поѣздъ останавливается только на станціяхъ.

— Какъ не послушаетъ! негодуетъ презесъ: разъ я плачу за проѣздъ, такъ должны останавливаться, когда я захочу!

Поселившись въ Карлсбадѣ, Кавецкій своимъ оригинальнымъ видомъ и причудами обращалъ на себя всеобщее вниманіе. Лесь и Миколка всюду носили его на рукахъ, а онъ то и дѣло бранилъ ихъ, дралъ за уши, колотилъ, не стѣсняясь ни-

чьимъ присутствіемъ. По скупости онъ выдавалъ имъ по 20-ти грошей въ день на харчи; естественно, бѣдняки не могли быть сытыми на эти деньги и вынуждены были открыто просить милостыни. Весь Карлсбадъ зналъ двухъ верзилъ—нищихъ, одѣтыхъ въ допотопныя ливреи, въ высокихъ чорныхъ цилиндрахъ. Штейнеру тоже пришлось немало вытерпѣть отъ своего сумасброднаго патрона; такъ, напримѣръ, Кавецкій отказывался платить въ гостинницѣ за постель для своего компаньона, заказывалъ обѣдъ для двухъ, а съѣдалъ его одинъ, и т. под. Въ концѣ концовъ Штейнеръ потерялъ терпѣніе и въ одинъ прекрасный день сбѣжалъ, оставивъ Кавецкаго на попеченіе лакея-нѣмца.

Вернулся панъ презесъ изъ-заграницы такимъ же безногимъ калѣкой, какимъ и уѣхалъ туда, лишь общее состояніе его здоровья нѣсколько улучшилось. Скоро случились его именины, и сосѣди съѣхались къ нему на этотъ разъ большой толпой, потому что каждому хотѣлось послушать разсказовъ хозяина о заграничномъ путешествіи. Передъ обѣдомъ всѣ гости собрались въ его кабинетѣ, и начались разспросы. Панъ презесъ разсказывалъ удивительныя вещи о „швабахъ“, а такъ какъ въ то время происходила Крымская война, то онъ захотѣлъ сообщить слушателямъ и политическія новости.

— Слышалъ я, панове, любопытныя извѣстія заграницей: говорятъ, французы взяли Канапу.

— Можетъ быть, Анапу, а не Канапу? поправилъ кто-то изъ гостей.

— Правда, правда! согласился разсказчикъ.—Когда я услышалъ эту новость, я всю дорогу твердилъ: Анапа, Анапа! а теперь смѣшалъ съ канапой. И не диво: эти слова такъ похожи одно на другое. Но я вамъ, панове, разскажу другую новость, которую мнѣ передавали во Львовѣ: будто у насъ въ Каменцѣ поймали двухъ французскихъ мишурисовъ!

— Не можетъ быть, усомнились слушатели.—Вѣроятно, панъ слышалъ о поимкѣ французскихъ эмиссаровъ?

— Правда, правда: эмиссаровъ! Эти заграничныя слова такъ трудно запомнить! оправдывался Кавецкій.

— Что и говорить! вмѣшался Станиславъ Рациборовскій: интересныя вѣсти сообщилъ намъ панъ презесъ; но я слышалъ новость еще болѣе любопытную.

— А ну, разскажи, дяденька! (Кавецкій неизвѣстно почему такъ всегда величалъ Рациборовскаго).

— Извѣстно вамъ, панове, что англичане и французы никакъ не могутъ взять Севастополя, потому что русскіе безпрестанно посылаютъ туда подкрѣпленія. Такъ вотъ, чтобы помѣшать этому, англичане взяли да и отпилили отъ Россіи весь Крымскій полуостровъ.

— Что ты плетешь, дяденька! изумился Кавецкій. Какъ же они это сдѣлали?

— Очень просто! продолжалъ, не сморгнувъ бровью, Рациборовскій: доставили изъ Англіи огромную пилу, протянули ее черезъ Перекопъ, одинъ конецъ прикрѣпили къ одному кораблю, а другой къ другому, затѣмъ—то одинъ корабль двинется впередъ, то другой, и такимъ образомъ въ теченіе сутокъ отрѣзали цѣлый полуостровъ.

— Скажи на милость, чего только не придумаютъ эти англичане! простодушно изумлялся презесъ: трудно даже вѣрить этому.

Присутствующіе кусали губы, сдерживая улыбку, но простодушный старецъ не замѣчалъ этого и все продолжалъ изумляться англійской изобрѣтательности.

Затѣмъ гости перешли въ сосѣднюю комнату, гдѣ уже накрытъ былъ столъ. Панъ Адольфъ Борковскій, въ качествѣ самаго близкаго пріятеля хозяина, сталъ размѣщать гостей по ихъ рангу и на первомъ мѣстѣ посадилъ вновь избраннаго въ то время повѣтоваго маршалка Л. Замѣтилъ это сквозь раскрытую дверь изъ своей комнаты именинникъ и громко закричалъ:

— Адольфъ! Зачѣмъ ты Л., этого мерзавца и „паскуду“, сажаешь на первое мѣсто? Надо было бы посадить туда дядюшку или маршалка Рудницкаго, а вовсе не того каналью.

Блѣдный Л. всталъ изъ-за стола и хотѣлъ уѣхать. Пану Рациборовскому насилу удалось уговорить его остаться и не обижаться словами больного чудака.

Карлсбадскія воды не надолго поправили здоровье Кавецкаго. Прикованный къ постели своимъ давнимъ недугомъ, онъ еще протянулъ нѣсколько лѣтъ и умеръ около 1860 года, восьмидесяти съ чѣмъ-то лѣтъ отъ роду.

О. Л.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Лирникъ Ананій Гомынюкъ. Ананій Саввовычъ Гомынюкъ родился 1 сент. 1866 г. въ с. Плужномъ Острожскаго у. На 5 году онъ ослѣпъ. «Була въ мене», передавалъ Гомынюкъ, «чорна болисть (падучая); отъ якъ я упавъ, то мене й зналы зъ мисця, а не тра було займать; зъ того й ослипъ.» Слѣпота опредѣлила дальнѣйшую судьбу Ананія; сдѣлавшись неспособнымъ къ крестьянскому труду, онъ принужденъ былъ просить милостыню. До 22 лѣтъ собиралъ онъ подаянія «зъ оченашо́мъ»; но замѣтивъ, что лирники пѣніемъ своимъ могутъ сильнѣе растрогать слушателей, и потому доходъ ихъ значительнѣе дохода простыхъ нищихъ, Гомынюкъ на 23 году сталъ учиться лирническому искусству. Его учителемъ былъ молодой лирникъ Петро Кремынській, житель м. Бѣлогородки, заславскаго у. Ученье продолжалось всего 1 годъ (другіе учились у Петра по 3 г.); за ученіе заплатилъ Гомынюкъ 10 рублей. Знакомясь потомъ съ другими лирниками, онъ перенималъ отъ нихъ незнакомыя еще пѣсни и псальмы. Теперь онъ знаетъ 1) «Про блудящого сына», 2) «про Алексія», 3) «про Спасытеля», 4) «Іосихва», 5) «Пречыстои», 5) «про Ныколая—писни», 7) «Параскове́и», 8) «Мыхаила», 9) «Пьятныцю», 10) «Лазара», 11) «про Матеръ Божу Почаевську»; святовы писни: 1) «про Сыритку», 2) «за оця-матку», 3) «Бида», 4) «Теща», 5) «про Хому та Ярему» и нѣкот. др.—Но не всѣ эти пѣсни поетъ Гомынюкъ во всякое время; напр., онъ отказался пропѣть про Хому и Ярему, потому что время нашей встрѣчи пришлось въ Успенскій постъ. Вслѣдствіе этого иныя пѣсни ему приходится пѣть очень рѣдко,

и онъ ихъ или забылъ (напр. «Парасковея», которую поетъ только осенью), или забываетъ, перепутывая и искажая слова до утраты смысла (см. «Покрова»).

«Нá що се все вамъ здалось знать?“ спросилъ меня подъ конецъ Гомынюкъ. Я, какъ умѣлъ, разъяснилъ ему. Это, повидимому, заинтересовало лирника. «Дакъ колы треба усе запысувать, дакъ гледить-же, не пропускайте, шо я буду проказувать.»

I. *Про Матеръ Божу Почаевську.*

Пасла пастыри овцѝ на горѣ,
Увидѣли Божу Матеръ зъ неба на скалѣ,
На той скали стопку знаты,
Де стояла Божая Маты;
Тамъ воду беруть,
Всѣмъ вернымъ дають.
Вопречыстая Дѣво Марыя,
Де во Почаеви икона Твоя?
Да чуда Твои надъ чудамы
Показала надъ Туркамы,—
Бо Марыи сыла
Ихъ победыла.
Зъ града Баража въ Почаевъ прышлы,
Много народа хрестыянъ нашлы;
Зачалыся угоняты,
Якъ можно всихъ достаты:
Раду складають,
Вси ся змовляють.
А у вторныкъ рано брамы й-обнялы,
Старшому законыкóви
Главу йстялы.
Вонъ взявъ въ руци свóю глáву,
Несеть Божей Маты славу,
Предъ обрáзомъ паде,
Духъ свой предае.
Да не дай же намъ погыбаты!
Да змылуй же ся, Дѣво Маты,
А нещасна долé
Въ турка въ неволѣ!
За йденъ бо день съ турецькой земли

Ставъ въ Почаеви ченецъ зъ неволи́.
Сталы Матеръ Божу благаты,
Щобъ схотила розыгнаты
Злыхъ бусурмановъ—
Магометановъ.
Матеръ Божа всемъ ся зъявыла,
Своимъ омохворомъ всѣхъ верныхъ покрыла:
— Да не бойтеся, крыстіяне,
Да не возьмуть васъ бесурманы
Да въ свои рукы,
Тяжкыи мукы.
Ива Залѣзо предъ Мареею
Ставъ на повети всѣмъ выдимо,
Просыть пани Монархыни,
Да не упускае той святыни,
Яко царыця и заступныця.
Туркы—Татаре смѣло сту̂пають,
На горѣ стрѣлы, якъ дождь, пу̂скають,
Вганяются всё зъ мечамы,
Мають стрельбы за плечамы.
А вси жъ тыи стрелы
Назадъ лытѣлы.
Крыкнувъ на войсько турецькый паша:
«Тутъ мы погыбнемъ! Недоле наша́!
Назадъ стрелы всё вертають
И насъ са́мыхъ побывають.
Що мы бачымъ такого дывного?»
А съ тово Туркы ся дивóвали,
Же такого чуда та й не ви́дѣли.
Знаты, знаты зъ неба Божыи сылы
Полкы войська наступылы,
Же насъ проганяють
Та й побывають
А въ крыстіянъ туркы пытають:
«Що то за пани угори сіне?
Ии восько все зъ мечамы
Поступае всё за намы;
Не йде землею,—всё й облóкамы?“

А крыстіяне такъ йимъ сказалы,—
Шо то Божа Маты изъ ангеламы;
Ии вобразъ въ монастыри.
Славнои чуди Божои сылы!
Й-а которы мае,
Всѣмъ намъ зъявляе.—
Туркы—Татаре съ страхомъ закрычалы,
Божую Матирь Божкомъ назвали:
«Да на повѣтп стопть Божка,
Зъ Нею прышло много войська.
Тутъ мы погыбнемъ, недоле наша,—
Забытой паша!»
Туркы—Татары зъ мѣсця рушають,
Зъ коней впадають
Коркы [1]) ламають
Да съ Почаива утикають,
Да невольниковъ зоставляють,
Бо Марыи сыла
Страшна йимъ была.
Божая Маты, моцна царыце!
Мы предъ Тобою падемъ на лице:
А пребудь-же намъ у помоцъ смерты,
Да не дай же намъ у грихахъ умерты,
Яко царыце и пристательнице!

II. *Парасковéя.*

Парасковéя
Сличная лилéя,
Красная дѣвице,
Райська ластовице,
Моли Бога й-о насъ!
Ты есть днесь отъ Бога
Красная чертога
Винцамы свойимы

---

[1]) „Шею", по объясн. пѣвца.

Воскрешеная
Же творащы днесь...

(дальше пѣвецъ, къ собственному изумленію, не могъ ничего припомнить: «О, дывысь, якъ скоро вже забувъ»!—Объяснилъ же онъ это тѣмъ, что про Паросковéю приходится пѣть изрѣдка, только осенью).

III. *Покрова* [1]).

Склонитеся во вѣки
И чловѣки
Российской державы
И восточнои главы
Сущую нынп
Въ благовистынп
Се бо еси водъ Востока
Ясная зора безъ порока
Архтерская Дѣво
Есть увъ образи жыва
На престоли
Сойдетъ во хтвалѣ
Есть во храми Покровськимъ
И й-у трони Сіонськимъ
Нонпчной вѣка
Со небесной великой
Возбране мѣсто
Сватое чысло.
Милостивая тая
Дѣво во олтарѣ златая
Въ мѣрѣ точать воду
Й-а ше горше народу
Дадуть йимъ трона
Всѣмъ намъ возбранóй
Молитеся все Сыну
Якъ у день у ночи—все йидыному

---

[1]) Въ виду крайне запутаннаго смысла, здѣсь я не ставилъ никакой интерпункціи.

Избавъ нашы пути

Во всякій часъ и мынути
Твоему Сыну
Сотворытелю
Дѣво Маты привосвята
Моли за насъ Роспята
Тёмнымъ дае здрогы (=зрѣніе)
А бисовъ гоныть троки
Тёмныхъ да хромныхъ
Творыть свободныхъ
И щастія Твоея
Поемо-поемо аллилуя
Всёй мыръ изъ Рассеи
Во Пресвятой Маре́и
Чыстой во вѣки
Вобразъ на вѣки.

IV. *Про Іосыхва.*

Кому я повѣдаю печали своя?
Кому я пре́зву рыданія моя?
Господи мой, Сотворытелю мой!
Ты жъ мене сотворилъ,
А я Тебе образилъ.
Да не можу упросыть Твоей милости
Ще й що́дрости.
Когда-бъ же я мавъ совершу́ю гласъ,
То я бъ плакавъ-рыдавъ якъ у день, такъ у ночъ
О свойихъ же литахъ да младеньческіихъ.
Ахъ было въ Якова́
Жы двинадцять сыновъя,
А не було мудреця
По-надъ Ёсыпа.
Дванадцать братей
Пошлы въ поле работа́ть,—
Ёсыпа продавать.
Взялы о́вцу,—раздралы́,

Одежду въ кровъ вмочылы́,
А оцу сказалы́:
Вѣрно звѣри раздралы́.
Дознався отець
Чрезъ двѣнадцать лѣтъ.
«Вы невѣрни сыновъя,
Вы продалы Ёсыпа.
Когда-бъ же я мавъ соголубыцю
Солитающую,
Пиславъ же бъ я письмо,
Чы не звестыла бъ оцу Якову,
Оцу Якову, оцу Здраилю:
Ойче—ойче нашъ, ойче Якове!
Ойче Якове, ойче Здраиле!
Чы не звестенъ кому
Объ своему сыну,
Объ своему сыну,
Прекрасному Ёсыпу?
Сыновъя то твоя—
То все братія моя—
Запродали мене
А въ чужую сторону,
А въ чужую сторону,
Египе́тськую землю,
А къ невѣрному царю
Хвараоньскому.
Бросылъ меня
У ровлія
Между червія,
Межъ лютія звѣрія,
И на мене скреготавъ
Яко зубамы своя,
Яко люти звѣрі́я;
Замыкалъ вонъ мене
Въ камяну камъянцю—
Невидную свѣтлыцю;
Сомыталъ вонъ мною.
Каминая гора—

То сусѣды мои;
А зъ древа труна—
То жъ то хата моя;
Червы—то жъ то друзія моя;
Трава—мурава—
А одежда моя;
А песокъ точыця—
Въ постель стелеця;
Сыра́я земля—
Тожъ то маты моя.
Прымы чадіе свое,
Прекрасного Ёсыпа.
Вы, крестіяне,
Вы послушайте,
Прекрасного Ёсыпа
Всегда прославляйте!»
— Ой царствуй, Осыпе,
Ой царствуй со вѣкы
Съ Сусомъ Хрыстомъ на вѣкы!

А. Мелинка.

Изъ области мѣстнаго народнаго творчества. *(Изъ Грубешовскаго уѣзда).* Въ народной жизни пѣсня, какъ извѣстно, играетъ весьма большую роль. Поютъ на свадьбѣ, праздникахъ, поминкахъ, во время полевыхъ работъ и т. д. Такимъ образомъ, безъ пѣсни не обходится ни одинъ актъ въ народной жизни. Народъ любитъ пѣсни, часто ихъ поетъ, выражая въ нихъ свою внѣшнюю и духовную жизнь, свои горести и радости, желанія и думы. Этимъ-то и объясняется существованіе такой массы народныхъ пѣсенъ, обрядовыхъ, историческихъ, религіозно-нравственныхъ и т. п. Оттого-то и народъ такъ любитъ слѣпцовъ-кобзарей, лирниковъ, эти живыя книги и этихъ хранителей его пѣсенъ. Шевченко далъ намъ прекрасный типъ такого народнаго пѣвца въ его «Перебендѣ»-

«Перебендя—старый, сливый,
«Хто его не знае?
«Винъ усюды вештаеться,

«Та на кобзи грае.
«А хто грае, того знають
«И дякують люде:
«Винъ имъ тугу розганяе,
«Хоть самъ свитомъ нудыть.
«По-пидъ-тынню сиромаха
«И днюе, й ночуе;
«Нема ему въ свити хаты;
«Недоля жартуе
«Надъ старою головою»...

Въ Грубешовскомъ уѣздѣ мнѣ пришлось познакомиться съ однимъ изъ подобныхъ народныхъ пѣвцовъ и воспользоваться его услугами. Насколько тамъ въ народѣ чувствуется потребность въ такихъ пѣвцахъ, можно судить изъ того, что въ Грубешовскомъ уѣздѣ (въ с. Вербковицахъ) есть лица, постоянно занимающіяся приготовленіемъ и продажей лиръ для лирниковъ. Но здѣсь нерѣдко попадается и особый типъ лирниковъ, чисто мѣстнаго характера, немножко не похожій на Перебендю. У послѣдняго не было «въ свити хаты»; тутъ-же у многихъ изъ здѣшнихъ лирниковъ есть осѣдлость, домъ, земля, огородъ и вообще хозяйство. Но слѣпота не позволяетъ заниматься этимъ, и вотъ слѣпцы предпочитаютъ взяться за лиру и странствовать отъ села къ селу, благо на это чувствуется спросъ въ народѣ. Но осѣдлое положеніе пѣвца не измѣняетъ въ сущности въ немъ типа Перебенди. Слѣпота и старость, мѣшая старцамъ заниматься какимъ-либо физическимъ трудомъ, заставляетъ ихъ уходить въ себя, жить внутренней жизнью и пѣснью. И здѣшніе лирники пользуются такой-же любовью и уваженіемъ въ народѣ и такъ думаютъ про свое призваніе, какъ и Перебендя на Украйнѣ. Есть еще одна особенность у лирниковъ Грубешовскаго уѣзда, нѣсколько отличающая ихъ отъ украинскихъ пѣвцовъ. Перебендя пѣвалъ и «Про Чалого», и «Якъ Сичь руйнувалы»; такимъ образомъ, пѣсни историческаго содержанія не отсутствовали въ его репертуарѣ, между тѣмъ какъ у здѣшнихъ лирниковъ это попадается чрезвычайно рѣдко, въ видѣ исключенія.

8-го сентября, минувшаго года, Григорій Касьянъ—слѣпецъ, старикъ-лирникъ изъ с. Волковый, гм. Вербковицы, побывалъ у меня на квартирѣ въ Грубешовѣ и спѣлъ, въ присутствіи моихъ друзей, подъ акомпаниментъ своего незатѣйливаго музыкальнаго

инструмента нѣсколько пѣсенъ, съ которыми я познакомлю читателя Я не слыхалъ и не встрѣчалъ, чтобы эти пѣсни были записаны въ какой-либо сборникъ. Во всякомъ случаѣ, если и это было, то онѣ, безъ сомнѣнія, представляютъ въ себѣ много варіантовъ, зависящихъ отъ вліянія мѣстности, и потому не могутъ не представлять интереса.

Первая пѣсня «про Паньщызну», помѣщаемая ниже, картинно изображаетъ великій актъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и то впечатлѣніе, какое онъ произвелъ и на помѣщиковъ, и на крестьянъ, получившихъ волю. Начинаясь съ такъ любимой народомъ «зозуленьки», пѣсня представляетъ собою несомнѣнно чисто народное произведеніе; составленная въ чисто-народномъ складѣ, она имѣетъ много достоинствъ. Какъ въ произведеніи народа, только что получившаго волю, въ ней должно было и не могло не выразиться нѣсколько неблагосклонное отношеніе къ помѣщикамъ, отъ которыхъ зависѣла прежде судьба крестьянъ. Впрочемъ, эта досада выражается въ очень мягкой формѣ, совсѣмъ не такъ, какъ во многихъ пѣсняхъ, распѣваемыхъ народомъ въ Юго-Западномъ краѣ. При этомъ чуть-ли не главную вину народъ взваливаетъ на «жонцъ» и «экономовъ», которые, въ отсутствіи помѣщиковъ, притѣсняли народъ и надували самихъ-же своихъ господъ...

Про Паньщызну:

Летила зозуленька,
Зачала куваты:
Зачыкайте, добри люде,
Щось маю сказаты.
Якъ гаи зашумилы,
Я се забавыла,
Силамъ соби спочываты,
Бачу чуда—дыва.
Слободонька паньщынонькy
Передъ собо гнала,
Загнала еи въ лисъ, та въ дебра,
Щобы тамъ пропала.
А за нею паны ляхи
Идутъ у погоню:
Вертайсь, вертайсь, паньщынонькy,
Вертайся до дому.
Паньщынонька отказала:

Я тому не выина,
Самы съ те мене одыгналы,
Я вамъ була вирна.
Мы не зналы, паньщыноньку,
Колысь мала встаты;
Мы мыслылы паньщыноньку
Назадъ завертаты.
Догонылы паньщыноньку
На новому мости;
Вертайсь, вертайсь, паньщыноньку,
Ходь ще до насъ въ гости!
Бо вже трудно панамъ ляхамъ
И вже въ карты граты:
Сюды, туды по кышенямъ,
Трудно съ хлопа взяты.
А въ вивторокъ [1]) и вивторокъ
Паньщыноньна встала,
И всихъ панивъ и всихъ ляхивъ
До лиса прогнала.
А въ вивторокъ и въ вивторокъ
Пересталы быты;
Клычуть людей до роботы
—Не хочуть ходыты.
А въ вивторокъ и въ вивторокъ
Паньщыноньна встала
И всимъ панамъ экономамъ
Рукы повязала.
Мы не вміемъ молотыты,
Наши жинкы—жаты!
Вертайсь, вертайсь, паньщыноньку,
Бо будемъ пропадаты.
Стоитъ лонка не кошена,
И на ныви жыто:
Ходымъ, ходымъ за жинцями,
Никого впросыты.
Стоитъ жыто и пшеныця,

[1]) Народъ, по всей вѣроятности, думаетъ, что день 19-го февраля 1864 г. приходился во вторникъ. Не знаю, насколько это вѣрно.

Съ колоска спадають:
Люде свое позбералы,
О паньське не дбають.
А вже ячминь похылывся,
Вже гречка доспила;
Якъ була паньщынонька,
Вже си каши ила.
Стоять жорна въ двори дурно:
Некому крутыты;
Въ поли збиже и картофли,
Ничого зварыты.
А выихавъ панъ на поле,
Та затурбовався!
Чого давній не бувало,
Того теперъ дождався.
Сыдилы паны въ Варшави,
У скрыпоньки гралы,
А насъ тіи экономы
Былы й катувалы!
Былы, за лобъ волочылы,
Плакаты не далы;
Якъ встыдъ було самымъ быты,
То жонцу трымалы.
Некому ся поскаржыты:
Нема пана въ дома.
Яка правда у дѣдыча,
Така и у эконома.
Спочывае нагаенька,
Що насъ каратала;
Ны идного набылася
И плакаты не дала.
Давно вже люды плакалы,
Ще й Бога просылы,
Щобъ нагаивъ и канчукивъ
Паны не носылы.
А зійшлыся до корчмонькы,
Такъ соби говорять:
«Нехъ паны баливъ не справляють,

Нехай на хлибъ роблять»!
А хто хоче въ тымъ дознаты,
Кто жовцу трымае:
Панъ въ Варшави гроши стратывъ,
Жонца свои мае.
Сыдыть жинка съ дитоньками
Въ хати посыхае,
Ваги праде, яглы товче
И все докладае.
Ваги праде, яглы товче
И все подсыпае;
Якъ забракне пивкватырки,
То панъ не прыймае.
Сыдилы паны въ Варшави,
У скрыпоньки гралы,
Якъ имъ куры и каплуны
Люде годовалы.
Якъ прыйшлося самымъ панамъ
Куры годоваты,
То вже яець и каплунивъ
Зовсимъ не выдаты.
Подякуймо Пана Бога,
Ще и наши Царыци:
Закопалы паньщыноньку
На сухи граници!

М. И. Корниловичъ.

Преданія о Змiевомъ валѣ. Печатаемый здѣсь разсказъ представляетъ новый варіантъ легенды о змiѣ и возникновеніи вала, записанной уже и изданной неоднократно (Фундуклеемъ, Кулишомъ, Новосельскимъ, Изопольскимъ, Руликовскимъ и т. д.); отличается онъ отъ изданныхъ варіантовъ тѣмъ, что Кузьма и Даміанъ, Борисъ и Глѣбъ и т. п. замѣнены Мусіемъ и что протяженіе вала предполагается до Чернаго моря, гдѣ, по словамъ разсказа, случилась смерть змія, между тѣмъ какъ извѣстные понынѣ варіанты указывали на р. Стугну,

которую змій выпилъ послѣ трудной работы; по словамъ ихъ, рѣка получила имя отъ стоновъ издыхающаго змія (стогнавъ), и выпитая зміемъ рѣка представляетъ съ того времени ничтожную струю воды въ широкой долинѣ, наполненной нѣкогда водами прежней Стугны. Если сличить всѣ варіанты, собранные этнографами, то оказывается, что значительное количество передаваемыхъ ими подробностей тождественно съ подробностями лѣтописной легенды о Кожемякѣ и его единоборствѣ съ печенѣжиномъ (Янъ Усмошвецъ); изъ этого обстоятельства можно заключить, что миѳическій «змій» современныхъ легендъ есть ничто иное, какъ образное, разложившееся въ народномъ представленіи, воспоминаніе о набѣгахъ кочевниковъ (печенѣговъ, половцевъ и т. д.), для защиты отъ которыхъ и были сооружены валы.—

Въ отношеніи къ топографіи разсказъ интересенъ потому, что даетъ возможность точно установить направленіе изчезнувшаго уже вала на протяженіи отъ Ягнятина до Антонова, чего нельзя сдѣлать для значительной его части по имѣющимся понынѣ матеріаламъ.—

В. А.

Почти въ $1^1/_2$ верстахъ отъ г. Сквиры по дорогѣ въ г. Таращу, недоѣзжая нѣсколькихъ саженей до городскихъ боенъ, по лѣвой сторонѣ «шляха» вы увидите нѣчто похожее на обыкновенный курганъ-могилу. Полтора года тому назадъ этотъ холмикъ не носилъ при, знаковъ кургана-могилы. Высотою до 2-хъ саженей, удлиненной формы, точно остатокъ отъ какого-то укрѣпленія, имѣвшій въ окружности до 40 саженъ, онъ скорѣе напоминаетъ собою часть вала. верхушка коего была разрыта, и онъ издали казался гигантскимъ сѣдломъ.

Много разъ приходилось проѣзжать мнѣ мимо этой могилы, и я неизмѣнно обращался къ своему возницѣ, почти каждый разъ новому, съ вопросомъ, что это за холмъ такой?

— А що-жъ: певно—могыла... такыхъ могылъ тутъ було богацько; де-яки вже и позаорювани.

До прошлаго года плугъ старательно обходилъ интересовавшую меня могилу; но весною прошлаго-же года онъ прогулялся таки по ней,—и теперь сѣдлообразная форма могилы исчезла, округлилась, сдѣлалась ниже; пройдетъ еще года два-три, и отъ этой могилы не останется и слѣда.

Раннею весною прошлаго года пришлось мнѣ ѣхать изъ села Тхоровки въ Сквиру. Лошади были крестьянскія; въ качествѣ кучера на передней части воза помѣщался самъ хозяинъ лошадей, крестьянинъ с. Тхоровки, Никита Деревинскій. Было очень грязно, пришлось ѣхать шагомъ. Разговорились о жизни въ деревнѣ, о преданіяхъ и т. под.

— «А это что такое?... могила?» —спросилъ я, когда мы поровнялись съ интересовавшею меня могилою.

— Ни, це не могыла, а малый ковалокъ одъ вала, що зветея Зміевымъ.

— Зміевымъ говорите? Тѣмъ валомъ, что идетъ отъ Ягнятина до Антонова и далѣе?

— Эге! то винъ самый и е... Цей валъ йшовъ ажъ изъ Бардычевскаго уизда, коло Ягнятына, ажъ на Березянку, а зъ Березянкы ажъ на Казымировку и Домонтовку, а уже изъ Домонтовкы коло Сквыры, оттакъ (онъ указалъ на окраину Слободки, предмѣстія Сквиры) сюды, ажъ до цего мисця. А вже звидтыля цей валъ пишовъ соби геть по-пидъ ціею дорогою ажъ до Антонова; а зъ Антонова въ Таращаньскый уиздъ; а вже звидтыля ажъ геть до самисенького Черного моря... Але жъ я тамъ дали и не знаю, чы воно справди, що той валъ пишовъ до Чорного моря, бо тамъ я не бувъ...

— Да откуда вы взяли это? съ удивленіемъ спросилъ я.

— Якъ откуда? въ свою очередь удивился Деревинскій: бо я самъ памятаю, якъ цей валъ стоявъ ще цилый. Це вже давно було: тоди я бувъ ще малый (ему теперь 71 годъ). То мы тутъ завше пасль коней, воливъ и всяку скотыну; то, бувало, бигалы зверху цего вала. Оце, бачте,—по ливій сторони цего шляху цей валъ йшовъ ажъ до Антонова, то можна було по ему иты... Мы ще тоди, малыми пыталы нашыхъ батькивъ, що то за валъ,—такъ намъ казалы, що той валъ издавна, ще за ихъ батькивъ и дидивъ. Отъ-що! Старый значыть винъ, цей валъ... А на що его зробылы, про те Господь видае.

— Ну, а все-таки, разскажите мнѣ о томъ, что старые люди говорили про этотъ валъ?

— А що жъ воны казалы? Казалы, що тутъ колысь то, недалечко одъ Сквыры жыла змія-лютая; робыла вона багацько лыха людямъ,—кажуть, що вона буцимъ-то тилько и йила, що хлопцивъ та дивчатъ молодыхъ. Такъ вже що не робылы, щобъ одратуватыся одъ

ціеи зміи-лютои, такъ ни! ничого не пособля. Але все остатне давай Богу молытьця; кажуть, що довго такы молылысь, покы Богъ зъ неба высокого своимъ праведнымъ окомъ не зырнувъ на людьску тугу и не славъ на землю якось-то Мусія. Що воно таке за Мусій, я не знаю,—казалы стари люды, що буцимъ то святый, чи праведный у Господа Бога—цёго не докажу. Але жъ тилько винъ бувъ чоловикъ крипкый, та здоровый. Добре... То цей Мусій, якъ прыйшовъ сюды, то спершу начавъ миркуваты, якъ ридъ людьскый избавыть одъ зміи-лютои. Вже винъ и такъ, а дали и такъ—а про те ничого не выходыть. Колы жъ це винъ намиркувався—мабуть Господь Мылосердный его умудрывъ!—зробывъ здорового зализного плуга, що бере землю ажъ на тры аршыны въ глыбыну. Ото зробывшы цёго плуга, Мусій найшовъ змію-лютую и запригъ въ плуга, отакъ и запригъ, якъ мы запрягаемо своихъ воливъ. Запрягшы, Мусій взявъ въ рукы доброго батога, а дали нёкнувъ... Змія якъ взялась, якъ взялась, то такъ и поперла навсправжкы. Де вона шла зъ плугомъ, такъ оце валъ и зоставався, це значыть скыба земли вывернута плугомъ. Добре жъ! Отто вона перла, перла и доперла ажъ до самисенького Чорного моря. Тутенькы вбачыла, що вода, та якъ почала пыты—бо бачъ, дуже розгорачылась! то пыла, пыла, колыбъ ще трохы, то може бы выпыла все море. Та тилько Господь Мылосердный не допустывъ до цёго... Змія лютая лопнула та й здохла, а Мусій пишовъ знову до Господа. Отъ и все!

— Можетъ быть не Мусій, а кто нибудь другой? спросилъ я.

— А я знаю? Кажуть, що Мусій, бо у Бога есть-таки багацько праведныхъ людей, котори и сыльни и котори все зроблять. Онъ якъ Соломонъ премудрый, або Давыдъ... Чого жъ Мусію нельзя було усмырить лютую-змію? Але и сыла жъ була у тіеи зміи: це щобъ таку скыбу земли вывернуты, то, на мое миркування, треба воливъ зъ сто,—або зъ двисти. Теперъ мабуть и майстривъ такыхъ нема, щобъ такого плуга зробылы. О, Господы, Господы! Винъ едыный умудряе серця и дае сылу людямъ...

— Что-же, раскапывали валъ?

— А якъ-же! Було всяко: де лопатамы копалы, а де прямо плугомъ. Годивъ тому зъ двадцять отъ цёго мисця ажъ геть до Антонова валъ стоявъ цилый, а теперь уже й нема: розоралы геть увесь...

Дѣйствительно, глядя по направленію, указанному Деревинскимъ, трудно было даже предположить, чтобы здѣсь когда-нибудь высился Зміевъ валъ.

Напрасно я разспрашивалъ мѣстныхъ жителей-мѣщанъ относительно Зміева вала, мнѣ никто, даже изъ стариковъ, ничего не могъ сообщить. И вотъ только въ февралѣ мѣсяцѣ настоящаго года судьба свела меня съ однимъ сквирскимъ мѣщаниномъ, нѣкіимъ Ольховскимъ, человѣкомъ зажиточнымъ, проживающимъ въ своемъ собственномъ домѣ въ предмѣстьи Слободка-Чернолѣсье. Отъ него я услышалъ о Зміевомъ валѣ то же, что и отъ Деревинскаго, съ тою только разницей, что въ разсказѣ Ольховскаго вмѣсто Мусія фигурировали свв. Косьма и Даміанъ. Какъ Деревинскій, такъ и Ольховскій были глубоко убѣждены, что событіе это было когда-то: вѣдь люди такого длиннаго вала не выкопали-бы? да и къ чему? Шутка-ли, валъ отъ Ягнятина до самаго Чернаго моря!

Въ прошломъ-же году относительно Зміева вала мнѣ пришлось кое-что выслушать и отъ сравнительно молодого поколѣнія. Дѣло было въ с. Березянкѣ. Около харчевни на бревнахъ сидѣла большая компанія под-выпившихъ крестьянъ. Сперва у насъ завязался дѣловой разговоръ, а затѣмъ, покончивъ съ дѣлами, мы перешли къ темѣ о Зміевомъ валѣ. Было около 30 человѣкъ крестьянъ и никто не могъ мнѣ ничего сказать о валѣ, даже какъ онъ именуется. Былъ валъ, говорили нѣкоторые: проходилъ онъ по нашимъ полямъ на Казиміровку,—этому было тому назадъ годовъ 30, но какой валъ, и для чего онъ—мы знать не можемъ. Наши батьки что-то говорили, да мы въ одно ухо слушали, а въ другое выпускали—не до того намъ было.

— А отъ я знаю, що воно то за валъ,—сказалъ одинъ изъ вновь пришедшихъ: ще колысь тутъ ходыла чагунка,—давно це було, ще й за нашыхъ прадидивъ. Такы довго вона ходыла, але потимъ чогось перестала ходыть... Такъ ото писля неи и зостався валъ.

— Откуда вы это узнали? полюбопытствовалъ я.

— Э... мій батько чоловикъ вченый: воны булы переплетчыкомъ у городи, у Кіеви; такъ воны чыталы якусь-то исторію, а въ ній и було це надруковано: я й самъ чувъ, якъ воны чыталы...

— А батько вашъ жывый?

— Ни, мій батько вже давно померлы!

— О, то розумна була голова! заговорили сидѣвшіе крестьяне що вже винъ бувъ пысьменный—то правда. Але жъ воно и правда,

що той валъ бувъ не инакше, якъ изъ пидъ чаунки. А то хто-бъ его копавъ такого довгого!...

Больше пока никакихъ свѣдѣній мнѣ не удалось собрать о Змѣевомъ валѣ.

Какъ теперь, такъ и во многихъ случаяхъ, когда мнѣ приходилось собирать устныя преданія, связанныя съ остатками старинныхъ сооруженій или событій, меня всего больше поражало то обстоятельство, что изъ нынѣшней крестьянской молодежи (возрастъ отъ 20 до 40 лѣтъ) положительно никто не сообщилъ мнѣ ни одного разсказа въ родѣ Зміи-люгой. Это равно относится какъ къ преданіямъ, такъ и къ пословицамъ, загадкамъ, пѣснямъ, дѣтскимъ играмъ и т. п. Конечно, подобный фактъ наведетъ на многія соображенія, которымъ здѣсь не мѣсто. Неоспоримо и несомнѣнно только одно, что въ видахъ и взглядахъ крестьянъ, Юго-Западнаго края по крайней мѣрѣ, произошла такая громадная перемѣна, что трудно даже согласовать взгляды стариковъ и молодого поколѣнія. Къ хорошему или къ дурному—все это вопросъ, разрѣшеніе котораго представляетъ громадный интересъ для выясненія бытовыхъ и др. сторонъ мѣстнаго населенія...

А. Г. Хатемкинъ.

г. Сквира, марта 18 дня 1898 г.

Чествованіе столѣтія малорусской литературы въ Екатеринодарѣ [1]. Въ четвергъ, 20 августа, въ 7 часовъ вечера, въ лѣтнемъ помѣщеніи 2-го общественнаго собранія, по случаю исполнившагося столѣтія со дня офиціальнаго, такъ сказать, возникновенія малорусской литературы (появленіе первыхъ трехъ пѣсенъ «Энеиды И. П. Котляревскаго), городскимъ духовенствомъ, по просьбѣ той группы мѣстной интеллигенціи, которая принимаетъ близко къ сердцу своему судьбы «родноп мовы»,—было совершенно соборне благодарственное Господу Богу молебствіе. Нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что столь значительное число духовенства приняло участіе въ молебствіи по собственному побужденію, единственно изъ желанія

---

[1]) Изъ Кубанск. Вѣд., № 179.

раздѣлить съ другими чествованіе столь знаменательнаго и близкаго сердцу событія. Само собою разумѣется, что о платѣ за требоисполненіе не было и рѣчи. Безплатно пѣлъ и хоръ кладбищенской церкви, пожелавшій принять посильное участіе въ чествованіи событія. Передъ концомъ молебствія, послѣ провозглашенія многолѣтія Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ и всему Царствующему Дому, о. Арсеній Бѣлановскій произнесъ приличествующее случаю краснорѣчивое слово, сказанное имъ съ большимъ одушевленіемъ.

Указавъ на тѣсную преемственную связь между устной народной поэзіей, поэзіей пѣсенъ, легендъ и думъ, явившихся плодомъ непосредственнаго творчества народнаго поэтическаго генія, и между современной книжной литературой, которая, въ силу различныхъ условій пришла на смѣну твореніямъ безвѣстныхъ народныхъ пѣвцовъ, о. Бѣлановскій напомнилъ слушателямъ роль, которая по праву принадлежитъ Ивану Петровичу Котляревскому въ этой эволюціи національной малорусской поэзіи. Затѣмъ о. Бѣлановскій коснулся послѣдовавшихъ литературныхъ дѣятелей и заключилъ свое прочувствованное слово слѣдующимъ патетическимъ восклицаніемъ: «Миръ праху вашему, вѣстники радости, враги скорби и горя, пѣвцы добра и чистой любви, создатели лиры народной! Миръ праху твоему, безсребренникъ, не бравшій въ свой апостольскій путь ни пиры, ни жезла, родоначальникъ науки и философіи на Украинѣ, Григорій Савличъ Сковорода!

Почивай съ миромъ въ обителяхъ небесныхъ Иванъ Петровичъ Котляревскій, поборникъ самобытности мысли и слова малорусскихъ! Миръ праху твоему, страдалецъ Тарасъ, самъ плакавшій всю жизнь, но отершій слезы милліонамъ!

Взгляните на насъ съ выси небесной и знайте, что и нынѣ есть люди, которые вѣрятъ въ силу и мощь Украины и бодро защищаютъ все благое въ своей отчизнѣ!»

Послѣ слова о. Бѣлановскаго, о. діаконъ провозгласилъ *вѣчную память* всѣмъ усопшимъ дѣятелямъ малорусской литературы. Церковный хоръ и многіе изъ публики трогательно и торжественно пропѣли троекратно «вѣчную память». Затѣмъ, послѣ провозглашенія о. діакономъ «многая лѣта» здравствующимъ ратоборцамъ на полѣ родной словесности, хоръ и публика, пропѣвъ одушевленно и радостно многолѣтіе, стали расходиться.

—

Въ половинѣ 9 вечера, въ лѣтнемъ театрѣ труппою малорусскихъ артистовъ подъ управленіемъ г. Португалова былъ поставленъ въ память столѣтняго существованія малорусской литературы юбилейный спектакль. Несмотря на достаточную извѣстность публикѣ поставленныхъ піесъ, стеченіе ея было весьма значительно, такъ что, надо надѣяться, обѣщанные 20% съ валового сбора отъ этого спектакля на памятникъ Котляревскому, составятъ, по всей вѣроятности, довольно приличную сумму.

Кардиналъ Сильвестръ Сембратовичъ. (Некрологъ). 23 іюля (4 августа) текущаго года скончался въ Львовѣ архіепископъ львовскій, митрополитъ галицкій, кардиналъ Сильвестръ Сембратовичъ. Покойный происходилъ изъ священнической семьи (уніатской), родился въ 1836 г. въ с. Дощницѣ, учился въ Перемышлѣ, Львовѣ и Вѣнѣ и закончилъ образованіе въ Collegio greco e roteno въ Римѣ, гдѣ получилъ степень доктора богословія. Возвратившись въ Львовъ, онъ скоро сдѣлался префектомъ львовской греко-католической духовной семинаріи, былъ профессоромъ догматическаго богословія въ львовскомъ университетѣ. Въ 1878 г. назначенъ суфраганомъ львовской епархіи. Съ 1882 г. былъ администраторомъ львовской архіепископіи, а въ 1885 назначенъ митрополитомъ галицкимъ. Сембратовичъ пользовался расположеніемъ вѣнскаго и римскаго двора, императоръ Францъ-Іосифъ сдѣлалъ его тайнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ ордена Желѣзной Короны, а папа возвелъ его въ 1895 г. въ кардиналы. Покойный не чуждался литературной дѣятельности (онъ основалъ и нѣсколько лѣтъ редактировалъ духовный журналъ «Русскій Сіонъ»), но главной ареной его дѣятельности былъ галицкій сеймъ, гдѣ онъ былъ съ 1884 заступающимъ мѣсто маршалка, и гдѣ онъ выступалъ дѣятельнымъ сторонникомъ «угодовой» политики, направленной къ соглашенію съ поляками. Въ политикѣ церковной онъ держался того теченія, которое вело къ сближенію съ Римомъ и сильно наклонилъ галицкую уніатскую церковь въ сторону католицизма.

Уставъ Общества имени Т. Г. Шевченка. Вышелъ изъ печати Уставъ недавно утвержденнаго Общества имени Т. Г. Шевченка для вспомоществованія нуждающимся уроженцамъ южной Россіи, учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербурга.

Уставъ состоитъ изъ 40 §§.

Приведемъ выдержки изъ нѣкоторыхъ параграфовъ:

§ 1. Общество имѣетъ цѣлью попеченіе о недостаточныхъ учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербурга, уроженцахъ южной Россіи.

Въ прим. къ этому § говорится, что съ развитіемъ дѣятельности Общества помощь м. б. оказываема тѣмъ учащимся въ заведеніяхъ, состоящихъ подъ попеченіемъ Общества, которые для продолженія образованія поступаютъ въ учебныя заведенія, не входящія въ кругъ дѣятельности Общества.

По § 2-му Общество оказываетъ помощь 1) взносомъ платы за ученіе, 2) безплатною выдачею книгъ и учебныхъ пособій, 3) снабженіемъ одеждою, пищею и пріютомъ неимущихъ, 4) пріисканіемъ нуждающимся занятій, 5) медицинской безплатной помощью подъ наблюденіемъ врача на дому, помѣщеніемъ на счетъ Общества въ больницы, содѣйствіемъ къ погребенію умершихъ и 6) назначеніемъ въ исключительныхъ случаяхъ денежныхъ пособій, причемъ для оказанія помощи, означенной въ пунктахъ 1, 2, 3 и 6 принимается во вниманіе не только степень нужды, но прилежаніе и поведеніе, засвидѣтельствованное начальствомъ.

Составъ Общества (§ 5) представляетъ неограниченное число лицъ обоего пола, всѣхъ званій, состояній и вѣроисповѣданій.

Члены Общества бываютъ почетные, избираемые Общимъ Собраніемъ за значительныя пожертвованія въ пользу Общества или за иныя существенныя услуги, и дѣйствительные, вносящіе въ кассу Общества ежегодно не менѣе 5 руб. или единовременно не менѣе 50 р. (§§ 6, 7, 8).

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. Въ теченіе іюня—сентября въ редакцію вновь поступили слѣдующія пожертвованія: 1) отъ г-жи Малаховой—3 р., 2) отъ г-на А. Л. Берло —3 р., 3) отъ А. М. Борзенка, Е. М. Гурьева, Н. Мелеховскаго—по 1 р. 4) отъ Е. С. Пантелеймона—30 коп.,—всего *9* руб. *30* коп. что вмѣстѣ съ прежними *868* руб. *27* коп. (см. № 6), составитъ *877* руб. *57* коп., которые и отправлены въ Полтаву.

Библіографія.

И. Е. Рѣпинъ. Альбомъ картинъ и рисунковъ. *Изданіе В. В. Матэ. 1897. 2°, 16 листовъ.*

Художнику И. Е. Рѣпину посчастливилось на изданіе альбомовъ, заключающихъ въ себѣ коллекціи снимковъ съ его произведеній: въ апрѣльской книгѣ «Кіевской Старины» за 1895 годъ мы дали отзывъ о чрезвычайно изящно изданномъ Экспедиціею заготовленія государственныхъ бумагъ альбомѣ картинъ и рисунковъ И. Е Рѣпина, а въ концѣ прошлаго года вышелъ новый альбомъ, изданный извѣстнымъ граверомъ В. В. Матэ.

Какъ по количеству помѣщенныхъ въ немъ снимковъ [1]), такъ и по изяществу исполненія, этотъ альбомъ уступаетъ первому, хотя стóитъ дороже. Кромѣ того, тѣ, которые имѣютъ первый альбомъ и поспѣшатъ пріобрѣсть новый, могутъ испытать непріятное разочарованіе, когда въ этомъ новомъ альбомѣ они увидятъ въ значительной части то, чтó у нихъ уже есть, ибо половина снимковъ этого альбома взята изъ перваго альбома. Изъ нихъ нѣкоторые снимки представляютъ собою точно такое же воспроизведеніе, какое дано было первымъ альбомомъ, вслѣдствіе чего нужно думать, что оно выполнено по тѣмъ же клише, которыя названною экспедиціею были изготовлены для своего изданія; другіе снимки сдѣланы въ большемъ размѣрѣ, но не отличаются лучшимъ исполненіемъ, третьи же испол-

---

[1]) Въ первомъ альбомѣ было помѣщено 32 снимка (21 въ текстѣ и 11 на отдѣльныхъ листахъ), въ новомъ—16 снимковъ (всѣ на отдѣльныхъ листахъ).

нены хуже. Напримѣръ, картина «Смерть царевича Іоанна» въ первомъ альбомѣ была воспроизведена въ превосходной фотогравюрѣ, а въ новомъ альбомѣ ее воспроизводитъ посредственная гравюра на деревѣ П. И. Павлова.

Мы не можемъ одобрить такого плана изданія, находя, что прежде изданные снимки не нужно было смѣшивать съ новыми: если первый альбомъ распроданъ и имѣлось въ виду повтореніе изданія, то нужно было воспроизвесть всѣ снимки, помѣщенные въ первомъ альбомѣ, и непремѣнно обозначить, что это есть второе изданіе, чтобъ не вводить покупателей въ заблужденіе; а если цѣль изданія была—познакомить съ другими произведеніями И. Е. Рѣпина, не воспроизведенными въ первомъ альбомѣ, то не нужно было брать никакихъ снимковъ изъ прежняго изданія, а вмѣсто нихъ лучше было воспроизвесть тѣ картины И. Е. Рѣпина, которыя до сихъ поръ не были воспроизводимы въ снимкахъ (хотя бы, напримѣръ, указанныя нами въ отзывѣ о первомъ альбомѣ). Въ настоящемъ же своемъ видѣ альбомъ представляетъ собою нѣчто подобное тому, какъ если-бы кто нибудь, издавая собраніе своихъ сочиненій, половину второго тома этого собранія составилъ изъ перепечатокъ перваго тома.

Въ первомъ альбомѣ, отличавшемся, сравнительно съ новымъ альбомомъ, большимъ разнообразіемъ способовъ воспроизведенія, рисунки, кромѣ предисловія, сопровождались объяснительнымъ текстомъ съ біографическимъ очеркомъ И. Е. Рѣпина, въ новомъ же альбомѣ нѣтъ никакого текста, а также нѣтъ и предисловія, которое объясняло бы, почему именно было признано нужнымъ выпустить упомянутую смѣсь снимковъ, представляющихъ повтореніе прежде изданныхъ, съ новыми снимками.

Къ южнорусскому краю въ новомъ альбомѣ имѣютъ отношеніе только два снимка: гравированный на деревѣ В. В. Матэ снимокъ съ картины «Малороссіянка» (представляющей портретъ одной кіевлянки) и портретъ Н. В. Гоголя, рисованный съ дагеротипа, который изображаетъ Гоголя въ группѣ русскихъ художниковъ въ Римѣ и фототипическій снимокъ котораго былъ помѣщенъ Стасовымъ въ «Древней и Новой Россіи».

Н. Ш.

Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора-Лѣтописца. Книги X и XI; Кіевъ. 1896. 8 дол.

«Чтенія Несторовскаго общества» сохраняютъ прежній характеръ свой: оффиціальный отдѣлъ занимаетъ первыя 40—50 стр.; въ этомъ отдѣлѣ помѣщаются сокращенныя изложенія сообщеній, сдѣланныхъ въ засѣданіяхъ общества; затѣмъ, второй отдѣлъ—сообщенія и изслѣдованія, печатаемыя въ полномъ текстѣ. Отдѣлъ третій и самый объемистый—историческіе матеріалы. Въ нѣкоторыхъ, къ сожалѣнію не во всѣхъ, находится еще и библіографія (въ кн. 10-й обстоятельныя рецензіи А. М. Лазаревскаго объ «Исторіи Запорожскихъ козаковъ» г. Эварницкаго и В. З. Завитневича о «Мегалитическихъ памятникахъ Святой Земли» г. Олесницкаго, въ кн. 11-й —ни одной рецензіи). Нужно сказать, что общество Нестора, какъ будто узко-спеціальное, судя по докладамъ, далеко не носитъ въ дѣйствительности такого характера,—разнообразію и расширенію историческихъ темъ способствуютъ сообщенія и рефераты нѣкоторыхъ членовъ общества, напримѣръ, А. І. Степовича о Шафарикѣ «Характеристика личности и ученой дѣятельности его», „О сербскомъ писателѣ Ненадовичѣ и о болгарскомъ—Славейковѣ», «П. В. Владимірова—«О Русланѣ и Людмилѣ Пушкина; особенно интересны и разнообразны темы, затрагиваемыя проф. Лучицкимъ — «О задачахъ экономической исторіи» (кн. 10), «О крестьянскомъ землевладѣніи во Франціи до революціи». Иногда, впрочемъ, такіе доклады бываютъ и слишкомъ спеціальными. Выше указанные рефераты помѣщены въ «Чтеніяхъ» въ сокращенномъ изложеніи. Если сокращеніе ихъ имѣетъ въ виду помѣщеніе полнаго текста въ другихъ изданіяхъ, то оно вполнѣ оправдываемо такимъ соображеніемъ, но мало чѣмъ можно оправдать болѣе чѣмъ лапидарное изложеніе преній въ засѣданіяхъ общества. По поводу, напримѣръ, интереснаго доклада г. Ляскоронскаго «Археологическія находки близъ м. Таганчи» несомнѣнно важныя и авторитетныя возраженія проф. Антоновича приводятся буквально въ слѣдующихъ выраженіяхъ: В. Б. Антоновичъ высказалъ мнѣніе, что, судя по вышеуказаннымъ (въ рефератѣ г. Ляскоронскаго) предметамъ—*нѣкоторые* изъ нихъ дѣйствительно относятся къ великокняжескому періоду и представляютъ большой научный интересъ, *другіе-же* могутъ быть пріурочены къ гораздо позднѣйшему времени и потому значенія не имѣютъ». На такое ненормальное

положеніе отчетовъ о преніяхъ «Общества» было между прочимъ обращено вниманіе и члена общества Л. С. Личкова, предложившаго *въ 1896 г.* вносить въ протоколы очередныхъ засѣданій хотя краткое изложеніе наиболѣе важныхъ возраженій, дѣлаемыхъ референту. Тогда же Совѣтъ Общества опредѣлилъ возложить составленіе излагаемыхъ возраженій на секретаря совмѣстно съ членомъ, дѣлающимъ возраженіе. Въ отчетахъ о преніяхъ *въ 1897-мъ г.*, между тѣмъ, уже *никакихъ* сообщеній о преніяхъ мы не находимъ (кн. 11-я). Дѣла «Общества Нестора Лѣтописца» растутъ и развиваются, число членовъ увеличивается, растутъ и матеріальныя средства: къ 27 окт. 1894-го г. оставалось 984 р. 74 к., къ тому же дню 1895-го г.—415 р., къ 27-му же окт. 1896-го г. въ наличности 2167 р. 6 к., что, впрочемъ, объясняется несоразмѣрными цѣнами по изданію IX-й (свыше 1500 р.) и X-й (менѣе 400 р.) книгъ «Чтеній», но отнюдь не членскими взносами, которыхъ, къ сожалѣнію, въ 1895-мъ г. поступило 275 р., а въ 1896-мъ г. всего лишь 185 рублей.

Наибольшій интересъ представляютъ въ сборникахъ, безъ сомнѣнія, сообщенія и изслѣдованія, помѣщенныя въ нихъ полнымъ текстомъ. Въ книгѣ 10-й такихъ изслѣдованій четыре: П. Л. «Къ вопросу о кіевскомъ митрополитѣ XII в. Михаилѣ», А. А. Андріевскаго «Послѣдніе кіевскіе сотники», Л. В. Падалки «По вопросу о времени основанія Полтавы» и В. Б. Антоновича «Объ уничтоженіи Ярославова вала». Послѣднее сообщеніе съ обычной для профессора доказательностью опровергаетъ археологическую чаромантію г. Кибальчича по поводу существованія на Кудрявцѣ (Кудрявскій и Подвальный переул.) Ярославова вала, срытія его и уничтоженія древностей въ 1895-мъ г. Г. Падалка указываетъ на то, что сомнительно относить основаніе города Полтавы къ домонгольскому періоду на основаніи словъ текста Слова о Полку Игоревѣ: *Игорь же поѣха противу Половцемъ и переѣха Върсколъ у Лтавы къ Переяславлю.* Авторъ статьи скорѣе склоненъ относить ко времени Витовта и по словообразованію (*пълът*, суффиксъ *ав*) названіе города производитъ отъ *пълотъ* (плот) и сближаетъ его съ названіемъ Полоцка (Полтескъ). Въ книгѣ 11-й, кромѣ разносторонне разсмотрѣннаго вопроса о первомъ русскомъ митрополитѣ Михаилѣ, помѣщено сообщеніе Н. Н. Оглоблина о Расходной книгѣ Кіев. приказ. избы 1675—1676 гг. Въ обоихъ томахъ помѣщенъ цѣлый рядъ матеріаловъ. Наибольшее мѣсто удѣлено матеріаламъ для исторіи За-

падно-Русской церкви XVIII-го в., сообщенныхъ г. Голубевымъ. XI-я книга (немногимъ менѣе половины ея: стр. 34—203) занята «Историческими очерками Полтавской Лубенщины XVII—XVIII вв. А. М. Лазаревскаго. Насколько интересна эта работа, читатели могутъ убѣдиться хотя бы изъ краткой передачи одного эпизода въ исторіи Лубенщины: можетъ быть, этотъ отрывокъ разубѣдитъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ томъ, что всѣ эти матеріалы и сообщенія—довольно скучная исторія.

Село Клищинцы на р. Сулѣ принадлежало семьѣ Лысенковъ. Лысенки получили эту маетность вмѣстѣ съ селомъ Галицкимъ около 1737 г. Первою заботою Лысенковъ было увеличеніе числа крестьянъ въ новой маетности. Однимъ изъ путей для этого было «верстаніе» козаковъ, т. е. переписка ихъ въ крестьянъ. Къ этому и приступилъ владѣтель Клищинецъ и «поработилъ» болѣе 15 дворовъ козачьихъ. Только лѣтъ черезъ 20 стало жаль козакамъ своего козачества, когда къ нимъ стали предъявлять очень ужъ большія требованія. Въ 1758-го г. они начали ходатайствовать о возвращеніи правъ у своего Лубенскаго полковника, результатомъ чего было усмиреніе жалобщиковъ. «Сыскавши всѣхъ жаловавшихся, ихъ позакидали въ погребъ съ завязанными назадъ руками и держали тамъ недѣли двѣ, а потомъ, выводя изъ погреба, потрижды покладая, били немилосердно». Такимъ образомъ «бунтовщики» снова были «подвернуты подъ владѣніе» Лысенковъ. Но этого было мало. Послѣ долгихъ волокитъ была назначена комиссія съ мѣстнымъ сотникомъ Сахновскимъ во главѣ, которая разсмотрѣла въ началѣ 60-хъ гг. сословное положеніе живущихъ козаковъ и крестьянъ въ Клищинцахъ и весьма многихъ новыхъ козаковъ занесла въ списокъ подданныхъ какъ Лысенка, такъ и ближайшаго его родственника, генеральнаго писаря Туманскаго; и дѣйствительно, присужденные къ подданству козаки въ ревизію 1764 г. записаны были подданными Туманскаго и Лысенковъ. Тутъ то и началась настоящая волокита. Новые подданные подаютъ пространную жалобу въ Малороссійскую коллегію. Туда же подаетъ и Туманскій встрѣчную жалобу; въ ней онъ говоритъ о тѣхъ своихъ «крестьянахъ», которые «въ поданномъ своемъ въ Малор. коллегію доношеніи клевещутъ на меня съ шуриномъ моимъ Лысенкомъ, будто мы ихъ изъ козаковъ самовольно привернули въ подданство». Генеральный судъ призналъ всѣ рѣшенія Сахновскаго незаконными; но однако же Малороссійская коллегія,

соглашаясь съ рѣшеніемъ суда, оставила козаковъ въ подданствѣ у владѣтелей Клищинецъ. Видя, что толку отъ законнаго хода дѣла не будетъ, Клищинскіе обыватели заволновались. Неповиновеніе было объявлено бунтомъ. И вотъ съ лѣта 1767-го г. начинается продолжительное усмиреніе бунтовщиковъ. Благодаря нетактичности усмирявшихъ, колебанію властей, чувствовавшихъ шаткость юридическихъ основаній въ правотѣ «державцевъ», наконецъ, раздраженію населенія, неповиновеніе все больше разросталось, и дѣйствительно, приняло характеръ настоящаго бунта. Надо самому прочесть живыя страницы описанія этого бунта. Мы заимствуемъ только два эпизода изъ послѣднихъ событій «усмиренія», когда бунтовщики удалились изъ села въ особое укрѣпленіе «городокъ», гдѣ и окопались, а къ самой императрицѣ въ Петербургъ послали «жалобщиковъ». Всякія средства предпринимались противъ ослушниковъ вплоть до увѣщеванія священника. Клищинцы отвѣчали посланному: прійди ты, отче, къ намъ съ евангеліемъ и всѣхъ насъ выисповѣдай! А мы нынѣ пришедшихъ къ намъ пушекъ, гранатъ и другой стрѣльбы—не боимось и въ руки ихъ не поддамось, а на своей земли желаемъ и умерти! И пусть та скурва старшина, полковникъ и сотникъ Булюбашъ, да въ томъ числѣ и Іосифъ Лысенко, напередъ предъ командою идутъ къ намъ, ибо намъ де того и хочется, такъ какъ додому здоровы уже не имѣютъ пойти,—всмерть побьемо»! Наконецъ для усмиренія бунтовщиковъ наряженъ былъ энергичный бунч. тов. Данило Требинскій. Послѣдній доносилъ въ августѣ 1770-го г., что по прибытіи его въ Клищинцы съ командою, на него напали бунтующіе, вооруженные ружьями, направецъ набитыми косами и другими орудіями, и хотя онъ ихъ отбилъ, но они, удалясь въ раньше устроенное укрѣпленіе, бранили его оттуда и стрѣляли въ команду, при чемъ ранили двухъ козаковъ. Однакожъ Т-скій, употребивъ нѣкоторыя хитрости, заставилъ ихъ бросить то укрѣпленіе и занять новое—въ селитреномъ «майданѣ», гдѣ они обставили себя бочками и возами, насыпанными землею. «И какъ примѣчать можно, говоритъ Т—ій, въ томъ укрѣпленіи бунтующихъ до 200 чел., кромѣ женъ и дѣтей». Въ заключеніе Т. просилъ «о прибавленіи команды изъ способнѣйшихъ сотенъ при командирахъ для взятія бунтовщиковъ». Получивъ подмогу, Т. пошелъ 21 сент. съ командою къ селитреному майдану, гдѣ засѣли бунтовщики, и какъ только приблизился къ нимъ, то они «не слушая увѣщаній начали въ его команду стрѣлять изъ ружей

пулями. И какъ то ихъ укрѣпленіе представляло добрый редутъ (ибо окопано было кругомъ рвомъ, вглубь и вширъ по сажени, и высыпано валомъ выше человѣка, почему ихъ и видѣть было трудно), то онъ, Т—ій, раздѣлилъ свою команду на 2 части, изъ которыхъ одну послалъ на противоположную сторону ихъ укрѣпленія; бунтовщики попробовали было дѣлать вылазки, но Т. отъ своей стороны лично отбивалъ эти вылазки, а съ другой успѣшно штурмовалъ бунтовщиковъ Ирклѣевскій козакъ Матвѣй Драй, который одного изъ бунтовщиковъ и живымъ поймалъ, при чемъ, впрочемъ, и бунтовщики одного козака захватили и тутъ же въ смерть замучили, а другого опасно ранили. Но въ это время Т. успѣлъ зажечь около «майдана» хату, а потомъ приказалъ бросать и солому и, благодаря вѣтру, огонь отъ загорѣвшейся хаты вытѣснилъ бунтовщиковъ изъ майдана, и они бросились бѣжать»... Хотѣлъ было Т. не пустить бѣжавшихъ съ майдана, но ватажокъ ихъ Прокопъ Билимъ, взявъ съ собой человѣкъ 10, напалъ на Т., чтобы дать возможность своимъ уйти отъ огня, и напалъ такъ «азартно», что бывшіе при Т. козаки, человѣкъ до 30, оставя его самого со старшинами своими, бѣжали, почему Т. принужденъ былъ отъ Кл-цевъ спасаться обороною, при чемъ хотя нѣсколькихъ и ранилъ, въ томъ числѣ и самого ватажка, но остальные 5 чел. изъ нападавшихъ до тѣхъ поръ не отступали, пока его, Т—скаго, съ ногъ не сбили и больно ранили... Козаки же его, Т—аго, находясь отъ него въ 10 саженяхъ, никакой помощи ему не дали. Однакожъ остальная «команда» овладѣла укрѣпленіемъ бунтовщиковъ, и послѣдніе были арестованы. Посчитавъ ихъ, оказалось, что «по списку въ бунтѣ состояло 176 чел., изъ нихъ взято въ укрѣпленіи 53, да оказалось убитыхъ 7, а прочіе всѣ бѣжали» (стр. 189). По усмиреніи бунта послѣдовали, конечно, всевозможныя кары.

«Клищинскій бунтъ» говоритъ г. Лазаревскій, представляетъ собою любопытный эпизодъ изъ общественной жизни старой Малороссіи к. XVIII в. Породившія его причины наглядно показываютъ, какъ недостаточно обезпеченъ былъ народъ въ пользованіи насущными своими правами, когда съ послѣдними сталкивались личные интересы даже не крупныхъ лицъ, но умѣлыхъ канцелярскихъ дѣльцовъ. Судъ Сахновскаго былъ измышленъ однимъ изъ такихъ дѣльцовъ; призванные имъ подсудимые не вѣрили въ дѣйствительность такого *домашняго* суда; негоднымъ судомъ признало его и высшее въ краѣ судебное учрежденіе, и тѣмъ не менѣе приговоры Сахнов-

скаго возымѣли свою силу, и населеніе цѣлаго села, не вѣрившее и тогда въ возможность такого безправія, было разорено и уничтожено. Для насъ въ высшей степени интересна роль, которую въ этомъ дѣлѣ играла Глуховская коллегія: какъ видно, не смотря на присутствіе въ ней лицъ, которыя, казалось, могли гарантировать населенію правый судъ, въ коллегіи царилъ тотъ канцеляризмъ, при которомъ совсѣмъ трудно было народу добиться правды... Ни Румянцовъ, ни *прокуроръ* не могли защитить народъ, когда дѣло касалось той старшины, которая при Разумовскомъ была деморализована въ конецъ произволомъ, царившимъ въ ея общественной дѣятельности.

И. Ж.

В. Ц—овскій. *Кіевскій политехническій институтъ императора Александра II.* Кіевъ, 1898 (Стр. 39).

Въ этой брошюрѣ весьма обстоятельно изложены главныя данныя по исторіи возникновенія самой мысли объ устройствѣ въ г. Кіевѣ второго университета—техническаго, и разсказано, какъ эта мысль выполнялась до настоящаго времени (августъ 1898 г.). Заслуги разныхъ лицъ и вѣдомствъ, принявшихъ участіе въ этомъ крупномъ дѣлѣ, нашли справедливую оцѣнку и признаніе. Списокъ пожертвованій не полонъ (стр. 38) [1]).

Какъ видно, авторъ располагалъ достаточными данными при составленіи своего труда. Поэтому слѣдуетъ пожалѣть, что онъ не вошелъ въ дальнѣйшія подробности при изложеніи первоначальнаго проекта устава, составленнаго въ Кіевѣ и послужившаго основаніемъ для устава утвержденнаго. Это дало-бы возможность читателю составить себѣ мнѣніе о разницѣ этихъ двухъ актовъ въ ихъ существенныхъ основаніяхъ (напр., по вопросу о конкурсныхъ экзаменахъ, о положеніи профессоровъ и преподавателей и т. д.). Но было-бы не справедливо упрекать трудолюбиваго автора за такой пробѣлъ: оцѣнить все значеніе этой разницы—дѣло будущаго историка института. Настоящая брошюра будетъ служить очень цѣннымъ пособіемъ для составленія этой исторіи.

Н. М.

---

[1]) Подъ № 81 несомнѣнная опечатка: Я. Б. Эпштейномъ пожертвовано на устройство института не 24.000 р., а 2400 р; пожертвованіе гр. Бобринскихъ (стр. 39) сдѣлано не на стипендіи, а на устройство института.

Н. Стороженко. Мелочи для біографіи Шевченка. («Русская Мысль», 1898, № 6, стр. 197—203).

Эта небольшая статья основана на матеріалахъ, извлеченныхъ авторомъ изъ Архива Департамента исполнительной полиціи. Въ ней разсказывается исторія второго изданія «Кобзаря». Въ статьѣ приведено въ русскомъ переводѣ неизвѣстное доселѣ предисловіе Шевченка къ предполагавшемуся второму изданію, написанное въ 1847 г. въ Седневѣ, письмо Шевченка къ шефу жандармовъ кн. В. А. Долгорукову 1858 г. съ просьбой о разрѣшеніи этого изданія и отзывъ члена главнаго управленія цензуры Тройницкаго, которому поручено было разсмотрѣть сочиненія Шевченка. Далѣе кратко говорится о цензированіи «Кобзаря» цензоромъ Бекетовымъ, защитѣ «Кобзаря» отъ цензорскихъ урѣзокъ министромъ нар. просвѣщенія Ковалевскимъ, переговорахъ Шевченка съ книгопродавцемъ Кожанчиковымъ (названнымъ въ статьѣ Кожевниковымъ) и ссудѣ въ 1100 р. на изданіе, выданной Шевченку П. Д. Семиренкомъ.

А. М. *Кіевскій храмъ св. апостола Андрея Первозваннаго.* (Историческая справка о построеніи церковнаго зданія и позднѣйшихъ строительныхъ въ немъ работахъ). Кіевъ, 1898. (Стр. 18).

Исторія этого храма представляетъ собою безпрестанный вопль о ремонтѣ. Уже въ 20-лѣтній промежутокъ между началомъ работъ и освященіемъ храма (1746—1767 г. г.) потребность въ ремонтѣ дала себя чувствовать, но удовлетворена не была, ибо храмъ былъ уже всѣми забытъ, заброшенъ (стр. 6). Десять лѣтъ спустя храмъ переданъ въ вѣдѣніе кіевскаго магистрата, а съ 1785 г.—думы. Бури и вихри довершали губительное дѣйствіе времени и нерадѣнія. Просьбы объ отпускѣ денегъ на ремонтъ удовлетворялись обыкновенно лишь по истеченіи очень продолжительныхъ сроковъ, которые требовались для закругленія переписокъ между «подлежащими» вѣдомствами: все зависѣло болѣе или менѣе отъ случайностей.

Серьезный ремонтъ произведенъ въ 1825—1828 г. (на сумму свыше 30000 р.), такъ какъ еще въ 1815 г. бурей сорвано два креста вмѣстѣ съ главами. Сохранены-ли при этомъ ремонтѣ прежнія формы снесенныхъ главъ—неизвѣстно. Десять лѣтъ спустя новый ремонтъ на крупную сумму, но черезъ годъ уже собираются пожертвованія на ремонтъ храма и т. д., и т. д.

Настоящая брошюра явилась по поводу послѣднихъ ремонтныхъ работъ 1895 года. Какъ извѣстно, возникъ вопросъ объ искаженіи средняго купола. Дѣло въ томъ, что ремонтъ производился по чертежамъ приблизительнымъ, которые не могли служить для опредѣленія художественныхъ линій купола. Когда, въ августѣ 1895 года, работы подвинулись настолько впередъ, что верхняя часть лѣсовъ была убрана, то обнаружились измѣненія въ очертаніяхъ средняго купола. Для возстановленія прежнихъ очертаній образована была особая коммисія, которая занялась розысканіемъ старыхъ чертежей храма. Благодаря случайному обстоятельству (снимокъ кіевскаго фотографа Лазовскаго), удалось обнаружить, что при ремонтѣ 1895 г. измѣнена средняя глава (луковица) и ея шейка, самый же куполъ остался въ прежнемъ видѣ. Ошибка была исправлена, и нынѣ храмѣ имѣетъ тотъ же видъ, что и до ремонта.

Чертежей гр. Растрелли не отыскано, несмотря на самые тщательные поиски какъ на мѣстѣ, такъ и въ обѣихъ столицахъ.

Указанія по этому поводу мѣстной печати провѣрены и оказались большею частью лишенными всякаго значенія. Заманчива была мысль—воспользовавшись ремонтомъ 1895 г., дать верхнимъ частямъ храма форму, предначертанную знаменитымъ г. Растрелли, но отъ этого пришлось отказаться. Какія измѣненія потерпѣлъ храмъ до 1828 г.—также неизвѣстно въ точности. Приходится ожидать новаго ремонта, который вѣрно не за горами,—авось начнутся поиски болѣе счастливые и будетъ уловленъ истинный растрелліевскій типъ.

Во всякомъ случаѣ, въ самомъ фактѣ такихъ поисковъ нельзя не видѣть значительнаго успѣха культурныхъ нравовъ, и вотъ почему настоящая брошюра, гдѣ сведены справки о прежнихъ ремонтныхъ работахъ, подлежитъ отмѣткѣ на страницахъ «Кіевской Старины» [1]).

Н. М.

[1]) Ремонту 1895 г. обязана своимъ происхожденіемъ и историческая справка г. К. Здравомыслова: „Данныя архива св. синода о кіевской церкви св. апостола Андрея первозваннаго", напечатанная, вмѣстѣ со снимкомъ 1809 г., въ „Кіев. Старинѣ" 1897 г. № 4, отд. докум., изв. и зам., стр. 1—12. Справка принята во вниманіе авторомъ настоящей брошюры.

Або, якъ казку кажешъ прудко,
Перомъ въ папери, якъ пыснешъ
Эней въ Дидоны жывъ не мало, [1])
Що зъ головы его пропало,
Куды его Зевесъ пославъ.
Винъ годивъ зо-два тамъ просы-
дивъ,
А мабуть-бы и більшъ проныдивъ,
Якъ бы его врагъ не спиткавъ.

***

Колысь Юпитеръ ненарокомъ
Изъ неба глянувъ и на насъ; [2])
И кынувъ въ Карфагену окомъ,
Ажъ тамъ Троянськый мартопляєъ!
Розсердывся и розкрычався,
Ажъ цилый свитъ поколыхався,— [3])
Энея лаявъ на ввесь ротъ:
„Чи такъ-то, гадивъ сынъ, винъ
слуха? [4])
Убрався въ патоку, мовъ муха, [5])
Засивъ, якъ у болоти чортъ: [6])
„Пійдить, гинця мени клыкните,
До мене заразъ щобъ прыйшовъ;
Глядить же, цупко прикрутите,
Щобъ винъ въ шиньокъ та не зай-
шовъ, [7])
Бо хочу я кудысь послаты,
И йонъ и йонъ-же, вража маты,—
Але Эней нашъ зледащивъ;
А то Венера все свашкуе,
Энеечка свого муштрує,
Щобъ винъ зъ ума Дидону звивъ“.

***

Прыбигъ Меркурій, засапавшысь,
Въ три ряды питъ зъ його котывъ;
Ввесь ремінцями обвязавшысь,
На голову брыль наложывъ [8]).
На грудяхъ зъ бляхою ладунка,
А з-зади съ сухарямы сумка,
Въ рукахъ нагайськый малахай.
Въ такимъ наряди влизшы въ хату, [9])
Сказавъ: „готовъ уже я, тату,
Куды ты хочешъ, посылай“.
—„Бижы лышъ швыдче въ Кар-
фагену“,
Зевесъ гинцеви такъ сказавъ,
„И пару розлучы скажену,
Эней Дидону-бъ забувавъ.

---

[1]) Эней въ гостяхъ прожывъ не мало. Изд. 1842 г.
[2]) Зъ Олимпа глянувъ и на насъ. Тамъ-же.
[3]) Ажъ свитъ увесь. . . Изд. 1808 г.
[4]) Чи такъ-то, бисивъ сынъ. . . Тамъ-же.
[5]) Улизъ у патоку. Изд. 1808 г.
[6]) Засимъ буцимъ въ болоти чортъ. Изд. 1842 г.
[7]) Щобъ у шынокъ винъ не зайшовъ. Изд. 1808 г.
[8]) На голову винъ брыль надивъ. Тамъ же.
[9]) Въ такимъ наряди влизъ у хату. Тамъ же.

Нехай лышъ видтиль уплитае
И Рыма строиты чухрае,—
А то залигъ, мовъ въ груби песъ.
Колы-жъ винъ буде що мешкаты, [1])
То дамъ ему себе я знаты!
Оттакъ сказавъ, скажы, Зевесъ!".

***

Меркурій нызько поклонывся,
Передъ Зевесомъ брыль изнявъ,
Черезъ поригъ перевалывся,
До стани швыдче тягу давъ [2]).
Покынувшы изъ рукъ нагайку,
Запригъ винъ мыттю чортопхайку;
Черкнувъ изъ неба, ажъ курыть!
И все кобылокъ поганяе,
Що оглобельна ажъ брыкае.
Помчалы, ажъ визокъ скрыпыть!
Еней тогди купався въ бразп,
И на полу укрывшысь, лигъ;
Ему не снылось о прыкази,
Якъ ось Меркурій въ хату вбигъ!
Смыкнувъ изъ полу мовъ пся-юху; [3])
„А що ты робышъ? пьешъ сывуху!"
Зо всего горла закрычавъ.
„А ну лышъ, швыдче убырайся,
Зъ Дидоною не женыхайся,
Зевесъ походъ тоби сказавъ.

***

Чи се-жъ такы до дила робышъ,
Що й доси тута загулявсь!
Та швыдко и не такъ заробышъ, [4])
Зевесъ не дурно похвалявсь.
Получышъ добру халазію, [5])
Винъ выдавыть зъ тебе олію,
Отъ тилькы й що тутъ побарысь!
Гляды-жъ, сегодня щобъ убрався,
Щобъ ныщечкомъ видсиль укравея,
—„Мене у друге не дождысь!"—.
Эней пиджавъ хвистъ, мовъ собака,
Мовъ Каинъ затрусывсь увесь;
Изъ носа потекла кабака—
Уже винъ знавъ якый Зевесъ.
Шатнувся мыттю самъ изъ хаты,
Своихъ Троянцивъ позбыраты,
Зибравшы, давъ такый прыказъ:
„Якъ можна швыдче укладайтесь,
Зо всимы клункамы збирайтесь,
До моря швендяйте якъ разъ!"—

***

А самъ, вернувшыся въ будынкы,
Свое лахмиття позбыравъ;
Мызеріи наклавъ дви скрынькы,
На човенъ заразъ одиславъ;

---

[1]) Коли-же винъ буде ще гуляты. Изд. 1842 г.
[2]) До стани мыттю тягу давъ. Изд. 1808. г.
[3]) И закрычавъ мовъ на пся-юху. Тамъ-же.
[4]) Та швыдко бо не такъ извомнышъ. Тамъ-же
[5]) Тоби дать добру халазію. Тамъ-же

И дожыдався тилько ночи,
Що якъ Дидона зимкне очи,
Щобъ не прощавшысь тягу дать. [1])
Хоть винъ за нею и журывся,
И свитомъ цилый день нудывся,—
Та ба! вже треба покыдать.
Дидона заразъ одгадала,
Чого сумуе панъ Еней,
И все на усъ соби мотала,
Щобъ умудрытися и ѣй.
З-за печи часто выглядала,
Прыкынувшысь, буцимъ куняла [2])
И мовъ вона хотила спать.
Еней-же думавъ, що вже спала,
И тилькы що хотивъ дать драла,
Ажъ ось Дидона за чубъ—хвать.

* * *

„Постій, прескурвый вражый сыну!
Зо мною перше росплатысь;
Отъ задушу, якъ злу лычыну!
Ось ну лышъ, тилько завертысь!
Оттакъ за хлибъ, за силь ты платышъ?
Ты всимъ прывыкшы насмихатысь, [3])
Роспустышъ славу по мени!
Нагрила въ пазуси гадюку,
Що писля прычынила муку,— [4])
Послала пуховыкъ свыни.
Згадай, якый прыйшовъ до мене,
Що ни сорочкы не було;
И постоливъ чортъ-мавъ у тебе,
Въ кышени-жъ пусто, ажъ гуло!
Чи знавъ ты, що такее гроши? [5])
Мавъ безъ матни одни калоши
И тилькы слава, що въ штанахъ;
Та й те порвалось и побылось
Ажъ глянуть соромъ, такъ свитылось;
Свытына вся була въ латкахъ“.

* * *

Чи я-жъ тоби та не годыла?
Хиба рижна ты захотивъ?
Десь вража маты пидкусыла,

---

[1]) . . . драла дать. Тамъ-же.

[2]) А притворылась, що куняла. Тамъ-же.

[3]) Привыкъ усимъ ты насмихатысь. Тамъ-же.

[4]) . . . изробыла муку. Изд. 1842 г.

[5]) Не знавъ ты, що такее гроши;
Матня порвалась и калоши,
Рубець бувъ на рубци въ штанахъ,
И все порвалось и побылось
Ажъ тило кризь диркы свитылось,
Свытына вся була въ латкахъ...
Чи я-жъ тебе не годовала,
Хиба ты трясци захотивъ?

Щобъ хырный тутъ ты не сыдивъ»!
Дидона гирко зарыдала,
И зъ сердця ажъ волосся рвала,
И закраснилася, мовъ ракъ,
Запинылась, посатанила
Неначе дурману иззила,
Залаяла Энея такъ:
—„Поганый, мерзкый, скверный, брыдкый, [1]
Никчемный, ланець, католыкъ!
Гульвиса пакосный, престыдкый,
Негидный, злодій, еретыкъ?
За кучму сю твою велыку,
Якъ дамъ ляща тоби я въ пыку,
То тутъ тебе лызне и чортъ!
И очи выдеру изъ лоба
Тоби диявольска худоба
Трясесся, мовъ зимою хортъ!...

***

„Мандруй до чорта изъ рогамы, [2]
Нехай тоби присныться бисъ!
Съ твоими сучымы сынамы,
Щобъ врагъ побравъ васъ всихъ, гульвисъ!—
Щобъ ни горилы, ни болилы,
На чыстому щобъ поколилы, [3]
Щобъ не оставсь ни чоловикъ;
Щобъ доброи не зналы доли,
Булы щобъ зъ вамы злыи боли,
Щобъ вы шаталыся повикъ“!—
Эней видъ неи отступався,
Покы зайшовъ черезъ поригъ,
А дали ажъ не оглядався,
Зъ двора въ собачу рысть побигъ. [4]
Прибигъ къ Троянцямъ, засапався,
Обмокъ въ поту, якъ бы купався,
Мовъ съ торгу въ школу курохватъ;
Потимъ у човенъ хутко сившы [5]
И ихаты своимъ веливши,
Не оглядався самъ назадъ.

***

Дидона тяжко зажурылась,
Ввесь день ни ила, ни пыла;
Все тосковала, все нудылась,
Крычала, плакала, ревла.
То бигала, якъ-бы шалена,
Стояла довго тороплена,
Кусала ногти на рукахъ;
А дали сила на порози,
Ажъ занудыло ій небози,
И не встояла на ногахъ.

---

[1]) Поганый, мерзкый, гидкый, брыдкый!
Бурлакъ, разбійныкъ, католыкъ. Тамъ-же.

[2]) Мандруй до сатаны зъ рогамы. Изд. 1842 г.

[3]) На чыстоту щобъ... Тамъ-же.

[4]) Зъ двора собака мовъ побигъ. Изд. 1808 г.

Сестру клыкнула на пораду, [1])
Щобъ горе злее росказать,
Энеову оплакать зраду
И льготы сердцю трохы дать.
„Ганнусю, рыбко, душко, любко,
Ратуй мене, моя голубко!
Теперъ пропала я на викъ!
Энеемъ кынута я бидна,
Якъ сама поплюга послидня...
Эней злый змій—не чоловикъ!

*
* *

Нема у серця мого сылы,
Щобъ я могла його забуть;
Куды мни бигты? до могылы!
Туды одынъ надежный путь!
Я все для його потеряла,
Людей и славу занедбала,
Богы! я зъ нымъ забула васъ.
Охъ! дайте зилля мни напытысь,
Щобъ серцю можна розлюбытысь,
Утыхомырытысь на часъ.
Нема на свити мни покою,
Не ллються слезы изъ очей,
Для мене билый свитъ есть тьмою,
Тамъ ясно тилько, де Эней.
О пуцверынку Купыдоне!
Любуйся, якъ Дидона стогне...
Щобъ ты маленькымъ бувъ пропавъ!
Познайте молодыци гожи,—
Зъ Энеемъ бахури вси схожи;
Щобъ врагъ зрадлывыхъ всихъ
побравъ!

*
* *

Такъ бидна зъ горя говорыла
Дидона й жызнь свою кляла,
И Ганна, що ій не робыла,
Ніякой рады не дала.
Сама зъ царыцей горювала
И сльозы рукавомъ втырала,
И хлыпала соби въ кулакъ.
Потимъ Дидона мовъ унышкла,
Звелила, щобъ и Гандзя выйшла,
Щобъ ій насумуватысь въ смакъ.
Довгенько такъ посумувавшы,
Пишла въ будынкы на поетиль; [2])
Подумавшы тамъ, погадавшы,
Проворно скочыла на пилъ
И взявшы зъ запичка кресало,
И клоччя въ пазуху чимало,
Тыхенько выйшла на городъ.
Ночною се було добою
И самой тыхою порою,
Якъ спавъ хрещеный весь народъ.

*
* *

Стоявъ у неи на городи, [3])

---

[1]) Начиная этимъ стихомъ, (сестру клыкнула на пораду) въ изд. 1808 не достаетъ около 40 строкъ, помѣщенныхъ авторомъ въ его изд. 1809 г., т. е. до стиха „Довгенько такъ посумувавшы“.

[2]) Пишла у хату . . . Изд. 1808 г.

[3]) Стоявъ въ Дидоны у загони,
Зъ кизаку зложеный кырпычъ,
Его волы прыдбалы й кони—

Въ костри на зиму очеретъ;
Хочъ се не по царськiй породи,
Та де-жъ взять дровъ, колы все степъ!
Въ костри бувъ зложеный сухенькый,
Якъ порохъ бувъ уже палкенькый,
Его держалы на пидпалъ; [1])
Пидъ нымъ вона огонь кресала
И въ клоччи гарно розмахала
И развела пожаръ чималъ.

Кругомъ костеръ той запалывшы,
Зо всей одежи роздяглась,—
Въ огонь лохмиття все зложывшы, [2])
Сама въ огни симъ простяглась.
Вкругъ неи поломья палало,
Покiйныци не выдко стало,
Пишовъ видъ неи дымъ и чадъ!
Энея такъ вона любыла,
Що ажъ сама собе спалыла,
Послала душу къ чорту въ адъ.

ЧАСТЬ ДРУГА.

Эней, поплывшы сынимъ моремъ,
На Кареагену оглядавсь;
Боровсь съ своимъ сердега горемъ,
Слизьмы, бидняжка, облывавсь. [3])
Хоть отъ Дидоны плывъ поспишно,
Та плакавъ гирко, неутишно.
Почувшы-жъ, що въ вогни спеклась,
Сказавъ:—„нехай iй вичне царство,
Мени-же довголитне панство
И щобъ друга вдова найшлась"!—
Якъ ось и море стало граты,
Велыки хвыли пиднялысь,
И витры зачалы бурхаты,
Ажъ човны на мори тряслысь.

Водою чортъ-зна якъ крутыло,
Що трохы всихъ не потопыло,
Вертилысь човны, мовъ дурни.
Троянци зъ страху задрижалы
И що робыты вси не зналы,
Стоялы мовчкы вси смутны.
Одынъ зъ Троянськои ватагы,
По ихъ винъ звався Палинуръ;
Сей бильше мавъ другыхъ одвагы,
Смиленькый бувъ и балагуръ;
Що попередъ сей схаменувся
И до Нептуна оклыкнувся:
„А що ты робышъ, панъ Нептунъ?
Чи се и ты пустывсь въ ледащо,

---

[1]) Его держали на пидкладъ—
Отутъ она огонь кресала. Изд. 1808.

[2]) Въ огонь оцету положывшы,
Да и сама тутъ улеглась. Тамъ же.

[3]) Слизьмы, небижчикъ... Изд. 1808.

Що хочешъ насъ звесты ни на що,
Хиба пивкопы вже забувъ?"—
А дали писля сеи мовы
Троянцямъ такъ винъ всимъ сказавъ:
„Бувайте братця, вы здорови!
Отце Нептунъ замудрувавъ.
Куды теперъ мы, братця, пійдемъ,—
Въ Италію мы не доидемъ?
Бо море дуже щось шпуе.
Италія видсиль не блызько,
А моремъ въ бурю ихать слызько,
Човнивъ нихто не пидкуе.

***

Оттутъ земелька есть, хлопьята,
Видсиль вона не вдалеку,
Сыцылія земля багата,
Вона мени щось по-знаку.
Дмухнемъ-лышъ, братця, мы до неи
Збуваты горести своеи;
Тамъ добрый царь жыве Ацестъ.
Мы тамъ, якъ дома, очуняемъ
И, якъ у себе, загуляемъ,
Всього багацько въ нього есть". [1])
Троянци разомъ прыйнялыся [2])
И сталы весламы гребты.
Якъ стрилкы, човныкы неслыся,
Мовъ зъ-заду пхалы ихъ чорты.
Ихъ Сыцылійци якъ уздрилы,
То зъ города, мовъ подурилы,
До моря биглы вси встричать.
Тутъ мижъ собою роспыталысь,
Чоломкалысь и обнималысь, [3])
Пишлы до короля гулять.

***

Ацестъ Энею, якъ-бы брату,
Велыку ласку показавъ,
И заразъ попросывъ у хату, [4])
Горилкою почастувавъ;
На закуску наклалы сала,
Лежала ковбаса чимала
И хлиба повне решето.
Троянцямъ всимъ далы тетери
И видпустылы на квартери:
Щобъ йшлы, куды потрапыть хто.
Тутъ заразъ пиднялы бенькеты,
Замуркоталы, якъ коты,
И въ кахляхъ понесли пашкеты [5])
И кисилю имъ до сыты;
Гарячую, мяку бухынку,
Зразову до рижкивъ печинку,
Гречаныхъ съ часныкомъ пампухъ.
Эней съ дорогы налыгався
И пинной такъ нахлыстався,—

---

[1]) Всього у нього вдоволь есть... Изд. 1842 г.
[2]) Троянци разомъ припялыся. Изд. 1808.
[3]) Здоровкалысь и обнималысь. Тамъ-же.
[4]) И заразъ попросивши въ хату. Тамъ-же.
[5]) У кахляхъ пиднесли.. Тамъ-же.

Трохы не выперсь зъ його духъ; [1])
Эней, хоть трохы бувъ пидпылый
Та зъ розумомъ не потерявсь, [2])
Винъ сынъ бувъ богобоязлывый,
По смерти батька не цуравсь.
Въ сей день отець його опрягся,
Якъ чикылдыхы обижрався,—
Анхызъ зъ горилочкы умеръ.
Эней схотивъ обидъ справляты,
И тутъ старцивъ нагодоваты,
Щобъ Бигъ души свій рай одперъ.
Зибравъ Троянську всю громаду
И самъ пишовъ на двиръ до ныхъ
Просыть у ихъ соби пораду,
Сказавъ имъ ричъ въ словахъ такыхъ:
„Панове, знаете, Трояне
И вси хрещеныи мыряне,
Що мій отець бувавъ Анхызъ.
Его сывуха запалыла
И жывота укоротыла,
И винъ, якъ муха въ зиму, слызъ.

***

Зробыты помынкы я хочу,
Поставыты обидъ старцямъ.
И завтра-жъ дали, не одстрочу;— [3])
Скажите—якъ здаеться вамъ?
Сего Троянци и бажалы
И вси у голосъ закрычалы:
„Энею, Боже, помогы. [4])
И колы хочешъ, пане, знаты,
И самы будемъ помагаты,
Бо мы тоби не ворогы.
И заразъ мыттю вси пустылысь [5])
Горилку, мьясо куповать,
Хлибъ, бублыкы, кнышы вродылысь,
Пійшлы посуды добувать;
И колыво зъ кути зробылы,
Сыты изъ меду насытылы,
Договорылы и попа. [6])
Хазяинивъ своихъ ззывалы,
Старцивъ по улыцяхъ шукалы,
Пишла на дзвинъ дякамъ копа.

***

На другый день ранонько всталы,
Огонь на двори розвелы
И мьяса въ казаны наклалы,
Варылы страву и пеклы.
Пять казанивъ стояло юшкы,
А въ чотырьохъ булы галушкы,

---

[1]) Трохи не выперъ... Изд. 1808 г.
[2]) Та зъ розумомъ такы зибравсь. Изд. 1808 г.
[3]) И завтра-жъ, въ пору не робочу. Изд. 1808 г.
[4]) Энею, боже поможы. Изд. 1842 г.
[5]) И опромиттю вси пустылысь. Изд. 1808.
[6]) Зъедналы разомъ и попа. Изд. 1808 г.

Борщу трохы було не зъ шисть;
Баранивъ тьма була вареныхъ,
Курей, гусей, качокъ печеныхъ,
До сыта щобъ було всимъ йисть.
Цебры сывушкы тамъ стоялы
И брагы повныи дижкы;
Всю страву въ ваганкы влывалы
И роздавалы всимъ ложкы.
Якъ проспивалы „со святымы“,
Эней облывсь слизьмы гиркымы—
И приялыся вси тропать;
Наилыся и нахлысталысь,
Що де-яки ажъ повалялысь,
Тоди вже годи помынать.

***

Эней и самъ со старшыною
Анхыза добре помынавъ;
Не здривъ ничого предъ собою,
А ще з-за столу не встававъ;
А дали трошкы проходывся,
Прочумався, протверезывся,
Пишовъ къ народу, хоть поблидъ.
Зъ кышени вынявшы пивкипкы,
Шпурнувъ въ народъ дрибныхъ, якъ рипкы,
Щобъ тямылы його обидъ.
Въ Энея заболилы ногы,
Не чувъ ни рукъ, ни головы;
Напалы съ хмелю перелогы,
Опухлы очи, якъ въ совы,
Увесь обдувся, якъ барыло,
Було на свити все не мыло,
Мыслите по земли пысавъ.
Зъ нудьгы охлявъ и изнемигся,
Въ одежи лигъ и не роздигся,
Пидъ лавкою до свита спавъ.

***

Прокынувшыся, ввесь трусывся,
За серце ссало, мовъ глысты;
Перевертався и нудывся,
Не здужавъ головы звесты,
Покы не выпывъ пивквартивкы
Зъ имберомъ пинной горилкы,
И кухля сыривцю не втеръ.
Съ пидъ лавкы вылизъ и стряхнувся,
Закашлявъ, чхнувъ и стрепенувся,
„Давай-те“, крыкнувъ, „пыть теперъ“!
Зибравшыся, вси паненята
Изновъ кружаты началы,
Пылы, якъ брагу поросята,
Горилку такъ воны тяглы;
Тяглы тутъ пинненьку Троянци,
Не вompылы Сыцыліанци,
Черкалы добре на захватъ.
Хто пывъ тутъ більшъ одъ всихъ сывухы [1])
И хто пывъ разомъ тры осьмухы,
То той Энееви бувъ братъ.

***

Эней нашъ роздоброхотався,
Игрыща вздумавъ завесты;

---

[1]) Хто пывъ тутъ більшъ одъ всихъ горилкы

И пьяный заразъ роскрычався,
Шобъ перебійцивъ прывесты.
У виконъ школяри спивалы,
Халяндры цыганкы скакалы,
Игралы въ кобзы и слипци;
Тутъ розни чуты булы крыкы, —
Водылы въ городи музыкы,
Моторни, пьяни молодци.
Въ прысинкахъ вси пани сыдилы,
На двори-жъ вкругъ стоявъ народъ,
У викна де яки глядилы,
А ыншый бувъ наверхъ воротъ;
Ажъ-ось прыйшовъ и перебієць,
Убраный такъ, якъ компанієць,
И звався молодець Даресъ;
На кулакы ставъ выклыкаты
И перебійця вызываты,
Крычавъ опареный мовъ песъ:

***

— „Гей, хто зо мною выйде бытысь,
Покоштуваты стусанивъ?
Маскою хоче хто умытысь? [1])
Кому не жаль своихъ зубивъ?
А нуте, нуте йдите швыдче
Сюды на кулакы лышъ блызче!
Я бебехивъ вамъ надсажу,
На очи вставлю окуляры, —
Сюды, поганци бакаляры!
Я всякому лобъ розможжу“ —.
Даресъ довгенько дожыдався,
Мовчалы вси, — нихто не йшовъ,
Зъ нымъ всякый бытыся боявся —
Собою страху всимъ задавъ:
— „Такъ вы, бачу, вси легкодухи,
Передо мною такъ, якъ мухы
И пудофеты на голо!“
Даресъ тутъ дуже насмиявся, [2])
Собою чванывсь, велычався,
Ажъ слухать соромъ всимъ було.

***

Абсеетъ Троянець бувъ сердытый,
Згадавъ Энтелла козака,
Зробывся мовъ несамовытый,
Чимъ-дужъ давъ видтиль дропака.
Энтелла скризь пишовъ шукаты, [3])
Щобъ все, що бачывъ, роскасаты,
И щобъ Дареса пидцьковать.
Ентеллъ бувъ тяжко смилый, дужый,
Мужыкъ плечыстый и невклюжый,
Тогди винъ пьяный вклався спать.
Знайшлы Энтелла сиромаху,
Що винъ пидъ тыномъ гарно спавъ;
Сего сердешного тимаху [4])
Будыты сталы, щобъ уставъ.
Вси голосно надъ нымъ крычалы,

---

[1]) Хто хоче патокою вмытысь? Изд. 1808 г.

[2]) Даресъ усимъ тутъ насміявся. Тамъ-же.

[3]) Энтелла кынувся шукаты. Тамъ-же.

[4]) И сю сердыту, пьяну птаху... Тамъ-же.

Ногамы всылу роскачалы,
Очыма винъ на ныхъ лупнувъ:
—„Чого вы? Що за вража маты!
Зибралысь не даваты спаты"!—
Сказавшы се, опьять заснувъ.

*
* *

„Та встань, будь ласковъ, пане свату!"
Абсестъ Энтеллови сказавъ.
—„Пійдить-лышъ вы соби икъ кату!"
Энтеллъ на ихъ такъ закрычавъ.
А посли баче, що не шутка,
Абсестъ сказавъ:—„яка погудка, [1])
Проворно скочывшы, здригнувсь:
—„Хто, якъ, Даресъ? Ну, стійте наши!
Зварю пану Даресу каши, [2])
Горилкы дайте лышъ напьюсь.
Прымчалы зъ казанокъ сывухы,
Ентеллъ іи разкомъ дмухнувъ,
И одъ сіеи винъ мокрухы
Скрывывсь, наморщывсь и зивнувъ,
Сказавъ: „Теперъ ходимо, братця,
До хвастуна Дареса—ланця. [3])
Ему я ребра полічу,
Зимну всего я на кабаку,
На смерть зувичу, мовъ собаку,—
Я бытыся його навчу"!

*
* *

Прыйшовъ Ентеллъ передъ Дареса,
Сказавъ ему на смихъ: „гай-гай!
Ховайсь, проклята неотеса!
Заранняя видсиль утикай,—
Я роздавлю тебе, якъ жабу,—
Зитру, зомну—морозъ якъ бабу,—
Що тутъ и зубы ты зотнешъ [4])
Тебе дияволъ не пизнае,
Съ кисткамы чортъ тебе злыгае!—
Уже видъ мене не влызнешъ!"
На землю шапку положывшы,
По локоть рукы засукавъ
И цупко кулакы стулывшы,
Дареса бытысь вызывавъ,
Изъ сердця скрыготавъ зубамы,
Объ землю тупотавъ ногамы
И на Дареса нализавъ.
Даресъ не радъ своій лыхоти,
Энтеллъ потягъ не по охоти
Дареса, щобъ його винъ знавъ.

*
* *

Въ се время въ рай богы зибралысь,
Къ Зевесу въ гости на обидъ,
Пылы тамъ, илы, забавлялысь,
Забулы нашыхъ людськыхъ бидъ.
Тамъ лакоцины ризни илы, [5])
Буханчыкы пшенычни били,

---

[1]) Абсестъ сказавъ: „яка почутка! Тамъ-же.
[2]) Пану Даресу зварю я каши. Тамъ-же.
[3]) До хвастуна Дареса дратця. Тамъ-же.
[4]) Що тутъ и зубы ты зажмешъ. Тамъ-же.
[5]) Тамъ лыгомынки добри илы. Тамъ-же.

Кыслыци, ягоды, коржи
И всяки ризни вытребенькы,—
Уже либонь булы пьяненьки,—
Понадувалысь мовъ ерши.
Якъ ось зничевья вбигъ Меркурій,
Засапавшыся до богивъ,
Прыскочывъ, мовъ котыще мурый
До сырнихъ въ масли пирогивъ!
„Ге-ге! оттутъ-то загулялысь,
Що вже й одъ свита одцуралысь;
Дыяволъ-ма вамъ и стыда!
Въ Сыцыліи таке творыться,
Що вже вамъ треба-бъ подывытьця,
Тамъ крыкъ, мовъ пидступа орда!“

***

Богы, почувшы, зашаталысь,
Изъ неба выткнулы носы,
Дывытысь на бійцивъ хваталысь,
Якъ жабы литомъ изъ росы.
Энтеллъ тамъ сыльно храбрувався,
Ажъ до сорочкы ввесь роздягся,
Совавъ Даресу въ нисъ кулакъ.
Даресъ извонпывъ сиромаха,
Бо бувъ Энтеллъ непевна птаха,
Якъ чорноморськый злый козакъ.
Венеру за выскы вхопыло,
Якъ глянула що тамъ Даресъ,—
Ій дуже се було немыло,
Сказала: „батечку, Зевесъ!—
Дай моему Даресу сылы,
Ему хвоста щобъ не вкрутылы,
Щобъ винъ Энтелла поборовъ.
Мене тогди ввесь свитъ забуде,
Колы Даресъ жывый не буде;
Зробы щобъ бувъ Даресъ здоровъ.

***

Тутъ Бахусъ пьяный обизвався,
Венеру лаяты начавъ,
До неи зъ кулакомъ сувався
И такъ изъ-пьяна ій сказавъ:
„Пійды лышъ ты къ чортамъ, плюгава,
Невирна, пакосна халява!
Нехай изслызне твій Даресъ;
Я за Энтелла самъ вступлюся,
Якъ більшъ сывухы натягнуся,
То не заступыть и Зевесъ.
Чи знаешъ, винъ якый парныще?
На свити трохы есть такыхъ,—
Сывуху такъ, якъ брагу, хлыще,
Я въ парубкахъ кохаюсь сыхъ.
Уже залывъ за шкуру сала,
Ни неня въ брази не скупала,
Якъ винъ Даресови задасть!
Уже, хоть якъ ты не вертыся,
Зъ своимъ Даресомъ попростыся,
Бо прыйдеться йому пропасть.“ [1])

***

Зевесъ до речи сей дочувся,
Языкъ насылу повернувъ,
Винъ одъ горилкы весь обдувся

---

[1]) Бо припада... Изд. 1808 г.

И гримко такъ на ихъ гукнувъ:
„Мовчить! Чого вы задрочылысь?
Чи то и въ мене росходылысь?
Я дамъ вамъ заразъ трышыя!
Нихто въ кулачкы не мишайтесь,
Кинця одъ самыхъ дожыдайтесь,
Побачимъ,—визьме то чия?"—
Венера, облызня піймавшы,
Слизкы пустыла изъ очей,
И, 'якъ собака хвистъ пиджавшы,
Пишла къ порогу до дверей
И зъ Марсомъ у куточку стала,
Зъ Зевеса добре глузувала,
А Бахусъ пинненьку лыгавъ
Изъ Ганнымедова пуздерка
Утеръ трохы не зъ пиввидерка;—
Напывсь и тилько, що кректавъ.

***

Якъ мижъ собой богы сварылысь,
Въ раю, попывшысь въ небесахъ,
Тогди въ Сыцыліи творылысь
Велыки дуже чудеса:
Даресъ одъ страха оправлявся
И до Энтелла пидбырався,
Цыбулькы-бъ дать йому пидъ нисъ.
Энтеллъ одъ ляпаса здрыгнувся,
Разивъ изъ пьять перевернувся,
Трохы не попустывъ и слизъ.
Розсердывся и розъярывся, [1])
Ажъ пину зъ рота попустывъ,
И саме въ миру пидмостывся,
Въ высокъ Дареса затопывъ.
Зъ очей ажъ искры полетилы
И очи ясни соловилы,—
Сердешный объ землю упавъ.
Чмеливъ довгенько дуже слухавъ,
И землю носомъ рывъ и нюхавъ
И дуже жалибно стогнавъ.

***

Тутъ вси Энтелла выхвалялы,
Эней зъ панамы реготавсь,
Зъ Дареса дуже глузувалы,
Що сылою винъ величавсь;
Звеливъ Эней его пидняты,
На витри щобъ поколыхаты
Одъ ляпаса и щобъ прочхавсь;
Энтеллови-жъ давъ на кабаку
Трохы не цилую грывняку
За те, що такъ винъ показавсь.
Эней же самъ, не вдовольнывшысь,
Ище гуляты захотивъ:
И, цупко пинкои напывшысь,
Ведмедивъ прывесты звеливъ.
Лытва на трубы засурмыла,
Ведмедивъ заразъ зупынила,
Заставылы ихъ танцювать.
Сердешный звиръ перекыдався,
Плыгавъ, вертився и качався,
Забувъ и бджолы пиддырать.

***

Якъ панъ Эней такъ забавлявся,
То лыха вже соби не ждавъ,

---

1) [illegible]

Не думавъ и не сподивався,
Щобъ хто зъ Олымпськыхъ кучму давъ. [1])
На те Юнона повернула
И въ голови такъ коверзнула, [2])
Щобъ заразъ учыныть ярмысъ.
Набула безъ панчихъ патынкы,
Пишла въ Ирысыни будынкы,
Бо хытра ся була якъ бисъ.
Прыйшла, Ирыси пидморгнула,
Черкнулы разомъ въ хыжу вдвохъ [3])
И на ухо щось ій шепнула,
Щобъ не пидслухавъ якый богъ.
И пальцемъ цупко прыкрутыла,
Щобъ заразъ все те изробыла
И ій-бы прынесла лепортъ.
Ирыся нызько поклонылась
И въ лижныкъ заразъ нарядылась,
Побигла зъ неба якъ-бы хортъ.

***

Въ Сыцылію якъ разъ спустылась,
Човны Трояньски де булы;
И мижъ Троянокъ помистылась,
Котори човнивъ стереглы.
Въ кружку сердешни си сыдилы
И кысло на море гледилы,
Бо ихъ не клыкалы гулять,
Де чоловикы ихъ гулялы;
Медокъ, сывушкы попывалы
Безъ просыпу недиль изъ пьять.
Дивчата зъ лыха горювалы,
Нудыло тяжко молодыць,
Лышъ слынку зъ голоду ковталы,—
Якъ хочеться кому кыслыць.
Своихъ Троянцивъ проклыналы,
Що черезъ ихъ такъ горювалы.
Дивкы крычалы на ввесь ротъ:
„Щобъ имъ хотилось такъ гуляты,
Якъ хочеться намъ диноваты!
Колыбъ замордувавъ ихъ чортъ!“—

***

Везлы Троянци изъ собою [4])
Старую бабу, якъ ягу,
Лукаву видьму, злу Берою,—
И скорчывшуюся въ дугу.
Ирыся нею изробылась,
И, якъ Берoя, нарядылась,
И пидступыла до дивокъ;
И щобъ къ нымъ лучче пидмоститься
И предъ Юноной заслужыться,
То пиднесла имъ пырижокъ.
Сказала: „Помогай-бигъ, диты!
Чого сумуете вы такъ?
Чи не остыло вамъ сыдиты?
Отце гуляють наши якъ!

[1]) Щобъ хто зъ богивъ ту кучму давъ. Тамъ-же.
[2]) И мыттю такы коверзнула. Тамъ-же.
[3]) И въ хату потяглы у двухъ,
. . . .
Щобъ не пидслухавъ якый духъ. Тамъ-же.
[4]) Троянци волоклы зъ собою. Тамъ-же.

Мовъ божевильныхъ насъ морочать,
Симъ литъ, якъ по морямъ во-
лочать,
Глузують, якъ хотять, изъ насъ,
Але зъ другимы бахурують,
Свои-жъ жинкы нехай горюють,—
Колы водылось се у насъ?

*
* *

Послухайте лышъ, молодыци,
Я добрую вамъ раду дамъ!
И вы, дивчата билолыци!
Зробимъ кинець своимъ бидамъ,—
За горе заплатимъ мы горемъ! [1])
А докы намъ сыдить надъ моремъ?
Прыймимось—човны попалимъ.
Тогди вже мусять тутъ остаться
И нехотя до насъ прыжаться...
Ось-такъ на лидъ ихъ посадимъ!"
—„Спасеть-же Богъ тебе, бабусю!"
Троянкы въ голосъ загулы:
—„Такои-бъ рады, паниматусю,
Мы и згадаты не моглы".—
И заразъ прыступылы къ флоту
И прынялыся за роботу:
Огонь кресаты и несты
Скипкы, трискы, солому, клочча,—
Була тутъ всяка зъ ныхъ охоча,
Пожаръ щобъ швыдче розвесты.

*
* *

Розжеврылось и загорилось,
Пишовъ дымокъ до самыхъ хмаръ,
Ажъ небо все зачервонилось,
Велыкый тяжко бувъ пожаръ.
Човны и байдакы палалы,
Соснови паромы трищалы,
Горилы дёготь и смола.
Покы Троянци оглядилысь,
Що добре ихъ Троянкы грилысь,
То часть мала човнивъ була.
Эней, пожаръ такый узрившы,
Злякався, побиливъ, якъ снигъ,
И бигты всимъ туды звеливши,
Чимъ дужчъ до човнивъ самъ побигъ.
На гвалтъ у дзвоны задзвонылы,
По улыцямъ въ трещоткы былы, [2])
Эней-же на ввесь ротъ крычавъ:
„—Хто въ Бога вируе, ратуйте,
Рубай, тушы, гасы, лый, куйте"!—
А хто-жъ таку намъ кучму давъ?"

*
* *

Эней одъ страху съ плыгу збывся,
Въ уми сердега помишавсь,
И заразъ самъ не свій зробывся,
Скакавъ, вертився и качавсь.
И изъ сего свого задьору, [3])
Винъ голову пиднявшы въ гору,
Крычавъ, опареный мовъ песъ.
Олымпськыхъ шпетывъ на всю губу,
И ненею лаявъ свою любу,
Добувсь и въ ротъ и въ нисъ Зевесъ.
—„Гей ты, проклятый старыганю,

---

[1]) За горе мы заплатымъ горемъ. Изд. 1842 г.
[2]) По улыцямъ въ клепала былы. Изд. 1808 г.
[3]) И изъ сего свого задору.

На землю зъ неба не зырнешъ,
Не чуєшъ, якъ тебе я ганю,
„Зевесъ“ —ни усомъ не моргнешъ.
На очахъ бильма поробылысь!
Колыбъ до вику послипылысь!
Що не поможешъ ты мени,—
Чи сежъ такы тоби не стыдно
Що пропаду?—отъ лышъ не выдно,—
Я-жъ, кажуть люде, внукъ тоби!

***

„А ты зъ сидою бородою,
Пане добродію Нептунъ!
Сыдышъ, мовъ демонъ пидъ водою,
Изморщывшысь старый шкарбунъ!
Колы-бъ струхнувъ хоть головою
И сей пожаръ залывъ водою—
Трызубець шобъ тоби зломывсь!
Ты базарынку любышъ браты,
А людямъ въ нужди помогаты
Не дуже, бачу, поспишывсь!
И братикъ вашъ, Плутонъ, поганець
Изъ Прозерпыною засивъ:
Пекельный, гаспыдьскій коханець
Ище себе тамъ не нагривъ?
Завивъ братерство изъ бисамы
И въ свити нашымы бидамы
Не погорює не на часъ.
Не посылкуеться ни мало
Щобъ такъ палаты перестало
И щобъ оцей пожаръ погасъ.

***

И ненечка моя ридненька
У чорта десь теперь гуля;
А може спыть уже пьяненька,
Або съ хлопьятамы ганя.
Теперъ ій бачу не до солы:
Уже пидтыкавшы десь полы
Фурцюе добре нависна: [1])
Колы сама съ кымъ не ночуе
То для когось уже свашкуе,—
Для сього тяжко поспишна.
Та врагъ беры васъ, що хотите,
Про мене те соби робить:
Мене на лидъ не посадите,
Пожаръ лышь тилько погасить,
Заведуйте по своему
И, будьте ласкови, моему
Зробыте лыхови кинець;
Пустить лышъ зъ неба веремію
И покажите чудасію,
А я вамъ пиднесу „ралець“.

***

Тутъ тилько що перемолывся
Эней и ротъ свій затулывъ,
Якъ ось изъ неба дощъ полывся;—
Въ годыну ввесь пожаръ залывъ.
Пурхнуло зъ неба, мовъ изъ бочкы,
Що промочыло до сорочкы,
То драла въ ростичъ вси далы,

---

[1]) Гарцюе добре... Изд. 1808 г.

Троянци сталы вси, якъ хлюща,
Имъ лучылася невсыпуща,
Не ради и дощу булы.
Не знавъ вже на яку ступыты
Эней и тяжко горювавъ,
Чи тутъ остатысь, чи поплыты,
Бо врагъ не вси човны забравъ.
И мытью кынувсь до громады
Просыть соби у ій порады
Чого собою не збагне.
Тутъ довго, тяжко рахувалы
И скилькы не коверзувалы,
Та все було що не оне.

***

Одынъ зъ Троянскои громады,
Насупывшыся все мовчавъ
И дослухавшысь до порады, 1)
Ципкомъ все землю колупавъ.
Се бувъ пройдысвитъ и непевный
И всимъ видьмамъ бувъ родычъ кревный,
Упырь и знахурь ворожыть.
Умивъ и трясцю отшептаты, 2)
И кровь хрестьяньську замовляты,
И добре знавъ гребли гатыть;
Бувавъ и въ Шлёнскому зъ воламы,
Не разъ ходывъ за силью въ Крымъ,
Тарани торгувавъ возамы,—
Вси чумакы братались зъ нымъ.
Винъ такъ здавався и никчемный,
Та бувъ розумный, якъ пысьменный,
Слова такъ сыпавъ, якъ горохъ.
Уже въ чимъ, бачъ, порахуваты 3),
Що розсказать,—ему вже даты,
Ни въ чимъ не бувъ страхополохъ.

***

Навтесомъ вси его дразнылы
По нашому-жъ то звавсь Охримъ,—
Мени такъ люде говорылы,
Самому-жъ незнакомый винъ! 4)
Побачывъ, що Эней гнивывся,
До его заразъ пидмостывся,
За билу рученьку узявъ
И, вывившы его у сины, 5)
Самъ поклонывсь ему въ колины,
Таку Энею ричь сказавъ:
„Чого ты сыльно зажурывся
И такъ надувся, якъ индыкъ,
Зовсимъ охлявъ и занудывся,
Мовъ по болотови кулыкъ.
Чымъ бильшъ журытыся—все гирше; 6)
Заплутаешься въ лиси бильше;
Покынь лышъ горе и заплюй,
Пиды вкладыся гарно спаты,
А посли будешъ и гадаты;

1) И пидслухаючысь поради. Изд. 1808 г.
2) Одъ трясци гарно вмивъ шептаты. Тамъ-же.
3) Уже объ чимъ порахуваты. Тамъ-же.
4) Самому-жъ незнакомъ бувъ винъ. Тамъ-же.
5) И [illegible] Энея. Изд. 1842 г.

Спочынь, та вже тоди миркуй“.

***

Послухавшы Эней Охрима,
Укрывшысь, на полу лигъ спать,
Но лупавъ тильки все очыма,
Не мигъ ни крихты задримать.
На вси боки перевертався,
До люльки разивъ тры прыймався,
Знемигся-жъ, мовъ и задримавъ.
Якъ ось Анхызъ ему прыснывся,
Изъ пекла батечко зъявывся
И сынови таке сказавъ:
—„Прокынься, мылее дытятко,
Пробурхайся и проходысь.
Се твій прыйшовъ до тебе батько,
То не сполохайсь, не жахнысь.
Мене богы къ тоби послалы
И такъ сказаты прыказалы,
Щобъ вже ты бильше не журывсь.[1])
Пошлю тоби щаслыву долю,
Щобъ учынывъ ты Божу волю
И швыдче въ Рымъ переселывсь.

***

Зберы вси човны, що остались,
И гарно заразъ ихъ оправъ,
Прыдержъ своихъ, щобъ не впывались,
И цю Сыцылію оставъ;
Плывы и не журысь, небоже,
Уже тоби скризь буде гоже,
Та ще послухай щось скажу:
Щобъ въ пекло ты зайшовъ до мене,
Бо дило есть мени до тебе—
Я все тоби тамъ покажу,
И по олымпському закону
То пекла вже ты не мынешъ,
Бо треба кланятысь Плутону,
А то и въ Рымъ не доплывешъ.
Якусь тоби винъ казань скаже,
Дорогу добру въ Рымъ покаже;
Побачышъ, якъ жыву и я,
А за дорогу не турбуйся,
До пекла навпростець прямуйся
Пишкомъ, не треба и коня.

***

Прощай-же, сызый голубочокъ,
Бо вже стае на двори свитъ,
Прощай, дытя, прощай, сыночокъ!“
И въ землю провалывся цидъ.
Эней съ просоння якъ схопывся,
Дрижавъ одъ страху и трусывся,
Холодный лывся зъ его питъ,
И всихъ троянцивъ посклыкавшы,
И лагодытысь прыказавшы,
Щобъ завтра поплыстя якъ свитъ,
Къ Абцесту заразъ самъ махнувшы,
За хлибъ подякувавъ, за силь
И тамъ не довго щось побувшы,
Вернувся до своихъ видтиль.
Весь день складалысь та вбыралысь
И свита тилько-що дождалысь,
То посидалы на човны.

Эней-же ихавъ щось не смило,
Бо море дуже надоило,
Якъ чумакамъ дощъ въ осени.

* *
*

Венера тилько що уздрила,
Що вже троянци на човнахъ,
Къ Нептуну на поклонъ побигла
Щобъ не вгопывъ ихъ у волнахъ.
Поихала въ своимъ рыдвани,
Мовъ сотныка якого пани
Баскымы конямы, якъ звирь,
И съ кинными провидныкамы,
Съ треия назади козакамы,—
А кони правывъ машталиръ;
На ему била була свыта
Изъ шаповальского сукна,
Тясемкою кругомъ обшыта—
Симъ кипъ стоялася вона;
На бакиръ шапочка стромила,
Далеко дуже червонила,
Въ рукахъ же довгый бувъ батигъ —
Имъ гримко ляскавъ винъ изъ лыха.
Скакалы кони безъ отдыха,
Рыдванъ, мовъ выхоръ, въ поли бигъ.

* *
*

Прыихала, загрымотила,
Кобылятча мовъ голова, [1])
Къ Нептуну въ хату и влетила,
Такъ якъ изъ вырею сова.
И не сказавшы ни пивслова,
„Нехай, каже, твоя здорова,
Нептуне, буде голова“.
Якъ навижена прыскакала,
Нептуна въ губы циловала,
Говорючы таки слова:
„Колы Нептунъ мени ты дядько,
А я племенныця тоби,
То ты-жь мени крещеный батько,
Спасыби заробы соби;
Моему поможы Энею,
Щобъ винъ зъ ватагою своею
Счаслыво издывъ по води.
Уже и такъ пополякалы,
Насылу бабы отшепталы—
Попався въ зубы бувъ биди“.

* *
*

Нептунъ, моргнувшы, засміявся,
Венерю систы попросывъ
И писля неи облызався,
Сывухы чарочку налывъ;
И такъ іи почастувавшы,
Чого просыла обищавшы,
И заразъ зъ нею попрощавсь.
Повіявъ витръ зъ рукы Энею,
Простывсь сердешненькый зъ землею,
Якъ стрилочка по морю мчавсь.
Поромщыкъ ихъ, що найглавнишый,
Зъ Энеемъ издывъ всякый разъ.
Ему слуга бувъ найвирнишый,
По нашому винъ звавсь Тарасъ.

---

[1]) Прыихала, загорохтила.

Сей сыдя на корми хытався,
По саме нельзя нахлыстався
Горилочкы, колы прощавсь.
Эней велив̂ъ его прыйняты,
Щобъ не пустывсь на дно ныряты
И въ лучшимъ мисци щобъ проспавсь.

Но выдно вже пану Тарасу
Напысано такъ на роду,
Щобъ тилько до сього винъ часу
Терпивъ на свити симъ биду,
Бо росхытавшысь, брызнувъ въ воду,
Нырнувъ и, не спытавшы броду,
Навврынкы пишла душа.
Эней хотивъ, щобъ окошылась
Бида и бильшъ не продолжылась,
Що бъ не пропалы вси съ коша.

ЧАСТЬ ТРЕТЯ.

Эней, сподарь, посумувавшы
Насылу трохы вгамувавсь;
Поплакавшы и порыдавшы,
Сывушкою почастувавсь.
Но все-такы його мутыло
И коло серденька крутыло—
Небижчыкъ часто щось вздыхав̂ъ;
Винъ моря дуже такъ боявся,
Що й на богивъ не полагався
И батькови не довирявъ.
А витры сзаду все трубылы
Въ потолыцю его човнамъ,
Що мчалыся зо всеи сылы
По горнымъ пинявымъ водамъ.
Гребци и весла положылы
Та, сыдя, въ люлечкы курылы
И кургыкалы писенёкъ: [1])
Козацькыхъ, гарныхъ запорожськыхъ,
А якъ и зналы, то московськыхъ
Выгадувалы брыденёкъ.

*
* *

Про Сагайдачного спивалы,
Лыбонь спивалы и про Сичь,
Якъ въ пыкынеры набиралы,
Якъ мандрувавъ козакъ всю ничъ;
Полтавську славылы шведчыну
И неня якъ свою дытыну
Зъ двора проводыла въ походъ, [2])
Якъ пидъ Бендерью воювалы,

---

[1]) И курныкалы писенькы:
Козацьки—гарни запорожськи,
А якъ и зналы, то московськи

Безъ галушокъ якъ помыралы
Колысь, якъ бувъ голодный годъ.
Не такъ-то діеться все хутко,
Якъ швыдко кажуть намъ казокъ [1]);
Эней нашъ плывъ хочъ дуже хутко,
Та вже-жъ винъ плававъ не денёкъ,—
Довгенько по морю щось шлялысь, [2])
А самы о свити не зналысь,
Не знавъ троянець ни одынъ,
Куды, про що и якъ швыньдюють,
Куды се такъ воны мандрують,
Куды ихъ мчыть Анхызивъ сынъ.

***

Оттакъ поплававшы не мало
И поблудывшы по морямъ,
Якось и землю выдко стало—
Побачылы конець бидамъ;
До берега якъ разъ прысталы,
На землю зъ човнивъ повставалы [3])
И сталы тута отдыхать.
Ся Кумською земелька звалась, [4])
Вона Троянцямъ сподобалась.
Далось и ій троянцивъ знать.
Розгардіяшъ наставъ троянцямъ,
Опять забулы горювать; [5])
Буває щастя скризь поганцямъ, [6])
А добри мусять пропадать.
И тутъ воны не шанувалысь,
А заразъ вси и потаскалысь,
Чого хотилося шукать:
Якому меду та горилкы,
Якому молодыци, дивкы,
Оскому щобъ зъ зубивъ зигнать.

***

Булы бурлакы си моторни,—
Тутъ познакомылысь въ той часъ,—[7])
Зъ діявола швыдки, проворни—
Пидпустять москаля якъ-разъ;
Зо всима мытью побраталысь,
Посваталысь и покумалысь,
Мовъ зъ роду тутечка жылы.
Хто мавъ въ чому яку кыбету,
Такого той шукавъ бенкету,—
Вси Веремію пиднялы.
Де досвитки, де вечорныци,

Якъ пидъ Бендерью пидступалы,
Якъ безъ галушокъ помыралы. Тамъ-же.

1) Якъ швыдко скочышъ у човнокъ. Тамъ-же.

2) Довгенько по морю щось шлялы,
А самы о свити не зналы. Тамъ-же.

3) На землю съ човнивъ позбигалы. Тамъ-же.

4) Ся Кумелей земелька звалась. Тамъ-же.

5) Изновъ забулы... Тамъ-же.

6) И всюды щастя есть поганцямъ. Тамъ-же.

7) Тутъ познакомылысь за разъ. Тамъ-же.

Або весилля де було,
Дивчата де и молодыци,
Кому родыны надало,
То тутъ троянци и вродылысь
И лышъ гляды, той заходылысь
Коло жинощынъ ворожыть. 1)
И чоловикивъ пидпоившы,
Жинокъ куды хто знавъ повившы,
Давай по чарци зъ ными пыть.

***

Яки-жъ булы до картъ охочи,
То не сыдилы дурно тутъ. 2)
Гулялы часто до пивночы
Въ носка, въ пары, у лавы, въ джгутъ,
У памфыля, въ визка и въ копа,
Кому-жъ изъ ныхъ була дотепа,
То въ грошы гралы въ симъ лыстивъ.
Тутъ вси поволи забавлялысь,
Пылы и гралы, женыхалысь —
Нихто безъ дила не сыдивъ,

Эней одынъ не веселывся —
Ему не мыло все було:
Ему Плутонъ та батько снывся
И пекло въ голову війшло. 3)
Оставывшы своихъ гуляты,
Пишовъ скризь по полямъ шукаты, 4)
Щобъ хто дорогу показавъ,
Куды до пекла мандруваты, 5)
Щобъ розизнаты, роспытаты,
Бо въ пекло стежкы винъ не знавъ.

***

Ишовъ, ишовъ, ажъ зъ русыхъ кудривъ 6)
Въ тры ряды капавъ питъ на нисъ,
Якъ ось забачывъ щось и уздривъ,
Густый пройшовшы дуже лисъ:
На нижци курячій стояла
То хатка дуже обветшала 7)
И вся вертилася кругомъ.
Винъ до тыи прыйшовшы хаты
Хозяина ставъ выклыкаты, 8)
Прыщурывшыся пидъ викномъ.

---

1) Коло жинокъ тамъ... Изд. 1808 и 1842 г.
2) То не сыдилы даромъ тутъ. Изд. 1808.
3) И пекло зъ головы не йшло. Тамъ-же.
4) Пишовъ самъ по полю шукаты. Тамъ-же.
5) Куды у пекло шляхъ надыбать,
Щобъ розглядиты и розвидать. Тамъ-же.
6) Ишовъ, ишовъ, що ажъ изъ чуба
Въ тры ряды капавъ питъ на нисъ,
Якъ ось абачывъ изъ-за дуба,
Пустый пройшовшы уже лисъ.
7) Тамъ хатка дуже обветшала. Изд. 1808.
8) Господаря ставъ выклыкаты
[illegible]

Эней стоявъ и дожыдався,
Щобъ выйшовъ зъ хаты хто-небудь,
У двери стукавъ, добывався,
Хотивъ бувъ хатку зъ нижкы зпхнуть,
Якъ выйшла бабыще старая,
Крыва, горбатая, сухая,
Заплиснявила, вся въ шрамахъ,
Сида, ряба, беззуба, коса, [1])
Розхрыстана, простоволоса,
И якъ въ намысти, вся въ жовнахъ.

***

Эней, таку уздрившы цяцю,
Не знавъ изъ ляку, де стоявъ,
И думавъ, що свою винъ працю
На викы тута потерявъ.
Якъ ось до его пидступыла
Яга ця и заговорыла, [2])
Роззявывшы свои уста:
„Гай, гай-же, слыхомъ послыхаты,
Анхызенка у вичъ выдаты;
А якъ забривъ ты въ ци миста?
Давно тебе я дожыдаю
И думала, що вже пропавъ.
Я все дывлюсь та вызыраю, [3])
Ажъ ось колы ты прычвалавъ.
Мени вже розсказалы зъ неба, [4])
Чого тоби пыльненько треба.
Отець твій бувъ у мене тутъ".
Эней сьому подывувався
И бабы сучои спытався,
Якъ видьму злую цю зовуть. [5])

***

—„Я кумськая зовусь Сывылла, [6])
Ясного Феба попадья,
Пры его храми посидила, [7])
Давно жыву на свити я.
Пры шведчыни я дивувала, [8])
А татарва якъ набигала,
То вже я за-мужемъ була.
И першу сарану зазнаю.
Колыжъ бувъ трусъ, якъ изгадаю,
То все здригнусь, якъ-бы мала.
На свити всячыну я знаю,
Хоть никуды и не хожу,
И людямъ въ нужди помогаю

---

[1]) Сыва, ряба... Тамъ-же.
[2]) Яга ся и заговорыла
Роззявывшы страшный свій ротъ:
. . . .
Якый жъ тебе прынисъ къ намъ чортъ. Тамъ-же.
[3]) Я все дывлюсь та выглядаю... Изд. 1808.
[4]) Мени уже сказалы зъ неба. Тамъ-же.
[5]) Якъ, ненечко, тебе зовуть? Тамъ же.
[6]) Я, саночку, зовусь Сывылла. Тамъ-же.
[7]) Пры його храми посывила. Тамъ-же.

И имъ на звиздахъ ворожу. [1])
Кому чи трясцю одигнаты,
Отъ заушныць чи пошептаты, [2])
Або и волосъ изигнать,—
Шепчу, урокы прогоняю, [3])
Переполохы выливаю,
Гадюкъ умію замовлять!

***

Теперъ ходимо лышъ въ каплыцю,
Тамъ Фебови ты поклонысь
И обищай ему телыцю,
А посли гарно помолысь.
Не пожалій лышъ золотого
Для Феба свитлого, ясного. [4])
Та и мени що перекынь,
То мы тоби такы щось скажемъ,
А може въ пекло трактъ покажемъ.
Иды, утрысь и бильшъ не слынь".
Прыйшлы въ каплыцю передъ Феба.
Эней поклоны быты ставъ,
Щобъ изъ блакитного Фебъ неба [5])
Ему всю ласку показавъ.
Сывыллу тутъ замордувало
И очи на лобъ позганяло,
И дыбомъ волосъ ставъ сидый;
Клубкомъ изъ рота пина былась,
Сама-жъ вся корчылась, крывылась,
Мовъ духъ вселывся въ неи злый.

***

Тряслась, крычала, побывалась, [6])
Якъ бубонъ стала сыня вся,
Упавшы на землю, качалась
У барлози мовъ порося.
И чымъ Эней молывся бильше,
То все було Сывылли гирше.
А посли, якъ перемолывсь,
Съ Сывыллы тилько пить котывся.
Эней же на неи дывывся, [7])
Дрижавъ отъ страху и трусывсь.
Сывылла трохы отчуняла,
Обтерла пину на губахъ

[1]) А людямъ въ нужди помогаю,
Я имъ на звиздахъ ворожу. Тамъ-же.
[2]) Одъ заушынъ... Тамъ-же.
[3]) Шепчу и кори прогаваю
И перелогы выливаю.
Гадюкъ умію замовлять. Тамъ-же.
[4]) Для Феба ясного святого,
Да и мени тожъ перекынь;
То мы такы тоби щось скажемъ,
А може въ пекло трактъ покажемъ. Тамъ-же.
[5]) Щобъ изъ блакитного винъ неба. Тамъ-же.
[6]) Тряслась, кректала, подымалась,
Якъ сопуха чорнила вся;
На землю впала и валялась,

И до Энея проворчала,
Прыказъ отъ Феба въ цихъ словахъ:
„Така богивъ олымпськыхъ рада,
Що ты и вся твоя громада
Не будете по смерть въ Рыму.
Но що тебе тамъ будуть знаты,
Твое имення выхваляты, [1])
Та ты не радуйся цёму.

***

Ище ты выпьешъ добру, повну,
По всихъ усюдахъ будешъ ты
И долю гирьку, невгамонну
Готовсь свою не разъ клясты. [2])
Юнона ще не вдовольнылась—
Іи злоба щобъ окошылась
Хотя-бъ на правнукахъ твоихъ.
Навпосли будешъ жыть по паньски,
И люде вси твои троянськи
Забудуть всихъ сыхъ бидъ своихъ“.
Эней похнюпывсь, дослухався,
Сывылла що ему верзла,
Стоявъ, за голову узявся—
Не по ему ця ричъ була.
„Трохы мене ты не морочышъ, [3])
Не рощовпу, що ты пророчышъ?
Эней Сывылли говорывъ,
Діяволъ знае, хто зъ-васъ брeше,
Трохы мени-бъ було не легче,
Якъ-бы я Феба не просывъ.

***

Та вже що буде те и буде,
А буде те, що Богъ намъ дасть.
Не ангелы, такіе-жъ люде, [4])
Колысь намъ треба всимъ пропасть;
До мене будь лышъ ты ласкава,
Услужлыва и не лукава, [5])
Мене до батька проведы—,
Я проходывся-бъ рады скукы
Побачыты пекельни мукы;
А ну, на звизды погляды!
Не першый я тай не послидній
Иду до пекла на поклонъ;
Орфей, якій уже негидный, [6])
Та що ему зробывъ Плутонъ?
А Геркулесъ якъ увалывся,
То такъ у пекли росходывся,
Що всихъ чортякъ порозго-
нявъ.
А ну, черкнимъ! А для охоты,
Тоби я дамъ на дви охвоты... [7])
Та ну-жъ, скажы! щобъ я вже
знавъ.

---

[1]) Имья твое тамъ величаты,
Но ты не радуйся сьому. Тамъ-же.
[2]) Готовъ свою не разъ клясты. Тамъ-же.
[3]) Трохы ты мене не морочышъ. Тамъ-же.
[4]) Не духы мы—такыи-жъ люде. Тамъ-же.
[5]) Послушненька и не лукава. Тамъ-же.
[6]) Орфей хоть бувъ не дуже гидный. Тамъ-же.

***

—„Огнемъ, якъ бачу, ты играешъ“,
Ему дала яга въ отвитъ:
„Ты пекла, бачу, що не знаешъ, [1])
Не мылъ тоби уже десь свитъ?
Не люблять въ пекли жартуваты,
По викъ тоби дадуться знаты,—
Отъ тилькы нисъ туды посунь!
Тоби тамъ буде не до чмыгы:
Якъ пиднесуть изъ оцтомъ фыгы,
То заразъ вхопыть тебе лунь.
„Колы жъ сю маешъ ты охоту:
У батька въ пекли побувать,
Мени дай заразъ за роботу—
То я прыймуся мусовать, [2])
Якъ намъ до пекла довалытысь,
И тамъ на мертвыхъ подывытысь
Ты знаешъ—дурень не бере,
У насъ хоть трохы хто тямущый,
Уміе жыть по правди сущій,
То той хоть зъ батька, то здере.

***

„Покиль же що, то ты послухай
Того, що я тоби скажу,
И головы соби не чухай...
Я въ пекло стежку покажу:
Въ лису велыкому, густому,
Въ непроходымому, пустому
Якеесь дерево росте;
На нимъ кыслыци не простыи
Ростуть, якъ жаръ все золотыи,
И деревце те не товсте;
Изъ дерева сего зломыты
Ты мусышъ гильку хоть одну:
Безъ неи бо ни пидступыты
Не можна передъ сатану; [3])
Безъ гилькы и назадъ не будешъ,
И душу зъ тиломъ ты погубышъ—
Плутонъ тебе закабалыть.
Иды-жъ, та пыльно прыглядайся, [4])
На вси чотыри озырайся,—
Де деревце те заблыщыть.

***

„Зломывшы жъ, заразъ убырайся,
Якъ мога швыдче утикай;
Не становысь, не оглядайся,
И уха чымъ позатыкай;
Хоть будуть голосы крычаты,
Що бъ ты оглянувся, прохаты,—
Не озырайся та бижы.
Воны, щобъ тилько погубыты,

---

[1]) Ты пекла выдно, що не знаешъ,
Не мылъ тоби уже сей свитъ—
Не люблять въ пекли жартоваты,
Отъ-тамъ тоби дадуться знаты. Тамъ-же.

[2]) То я прыймуся мудровать. Тамъ-же.

[3]) Тоби нельзя преіъ сатану. Тамъ-же.

[4]) Иды-жъ та тилько прыглядайся... Тамъ-же.

То будуть все тебе маныты;
Оттутъ ты себе покажы".
Яга тутъ чортъ-зна де дивалась,
Эней остався тилько самъ;
Ему все яблоня здавалась—
Покою не було очамъ.
Шукать іи Эней попхався,
Втомывсь, засапавсь, спотыкався,
Покы прыйшовъ пидъ темный лисъ; [1]
Коловсь сердешный объ терныну—
Пошарпався ввесь объ шыпшыну,—
Було таке, що рачкы лизъ. [2]

* *
*

Сей лисъ густый бувъ несказанно,
И сумно все въ ёму було;
Щось выло тамъ безперестанно
И страшнымъ голосомъ ревло.
Эней молытву прочытавшы
И шапку цупко пидвязавшы, [3]
У лисъ въ середыну пишовъ. [4]
Ишовъ—и утомывсь чымало;
На двори вже тоди смеркало, [5]
А яблуни ще не знайшовъ,
Уже винъ начынавъ боятысь,
На вси чотыри озыравсь,
Трусывсь, та никуды диватысь,—
Далеко тяжко въ лисъ забравсь;
А гирше ще ёго злякало,
Якъ щось у очахъ засіяло.
Оттутъ-то берега пустывсь!
А посли дуже удывывся,
Якъ пидъ кыслыцей опынывся—
За гильку заразъ ухватывсь.

* *
*

И не подумавшы ни мало,
Напъявсь, за гилечку смыкнувъ, [6]
Ажъ дерево те затрищало—
И заразъ гильку одчахнувъ,
И давъ чымъ дужчъ изъ лису драла,
Що ажъ земля пидъ нымъ дрижала,—
Бигъ такъ, що самъ себе не чувъ.
Бигъ швыдко, не остановлявся,
Увесь объ колючкы подрався,
Якъ чортъ у репьяхахъ ввесь бувъ.
Прыбигъ къ Троянцямъ, утомывся [7]
И оддыхаты простягнувсь;
Якъ хлюща потомъ весь облывся,
Трохы-трохы не захлебнувсь,

---

1) Покиль прыйшовъ. . . Тамъ-же.
2) А де колы и рачки лизъ. Тамъ-же.
3) И шапку дуже пидвязавшы. Тамъ-же.
4) Въ лисную гущу и пишовъ. Изд. 1842 г.
5) Тогди вже на двори смеркало. Изд. 1808.
И на двори тоди смеркало. Изд. 1842 г.
6) . . . за гилецьку смыкнувъ. Изд. 1808 г.
7) Прыбигъ къ Троянцямъ, засапався,
. . . .
Якъ хлюща потомъ облывався. Изд. 1808 г.

Звеливъ зъ бычни воливъ прыгнаты,[1])
Цапивъ зъ вивцямы прыпасаты;
Плутону въ жертву прынесты
И всимъ богамъ, що пекломъ прав-
лять
И гришныхъ тормошать и давлять,
Щобъ гниву имъ не навесты.

***

Якъ тилько темна та похмурна [2])
Изъ неба зслызла чорна ничъ,
Годына-жъ стала балагурна,
Якъ звизды повтикалы причъ,—
Троянци вси заворушылысь,
Завешталысь, закамешылысь,—
На жертву прыгонять быкивъ;
Дякы зъ попамы позбыралысь,
Зовсимъ служыты вси прыбралысь,
Огонь роскладеный горивъ.
Пипъ заразъ взявъ вола за рогы,
У лобъ обухомъ зацидывъ,
И взявшы голову мижъ ногы, [3])
Нижъ въ черево винъ засадывъ
И вынявъ тельбухы зъ кышкамы,
Росклавъ гарненько ихъ рядамы
И пыльно кендюхъ розглядавъ: [4])
Энею посли божу волю
И всимъ троянцямъ добру долю
Мовъ по звиздамъ все вищувавъ.

***

Якъ тутъ зъ скотыною возылысь
И харамаркалы дякы,
Якъ вивци и цапы дрочылысь,
Въ ризныцяхъ мовъ ревлы быкы,
Сывылла тутъ де не взялася,
Запинылась и затряслася
И галасъ заразъ пидняла: [5])
„Къ чортамъ вы̀ швыдче вси из-
гыньте,
Мене зъ Энеемъ тутъ покыньте,
Не ждить, щобъ трышея дала.
А ты, мовляла ко Энею, [6])
Моторный, смилый молодець,
Прощайся зъ юрбою своею,— [7])

---

[1]) Звеливъ зъ хлива воливъ прыгнаты. Изд. 1808.

[2]) Якъ тилько та сумрачна, темна
Изъ неба злизла чорна ночъ,
Годына-жъ стала дуже певна,
Якъ повтикалы звизды прочъ
. . . .
Совалыся и камешылысь. Тамъ-же.

[3]) И сунувъ голову мижъ ногы,
Йому нижъ въ пузо засадывъ. Тамъ-же.

[4]) И тилько кендюхъ розглядавъ. Тамъ-же.

[5]) И голосъ заразъ .. Тамъ-же.

[6]) А ты, мовляла и къ Энею. Тамъ-же.

[7]) Прощайся съ юртою своею. Тамъ-же.

Ходимъ лышъ въ пекло—тамъ отецъ
Насъ твій давно вже дожыдае
И може безъ тебе скучае,—
А ну, пора чемчыкувать. [1])
Визьмы на плечи зъ хлибомъ клунокъ, [2])
Нехай ему лыхый прасунокъ,
Якъ голодомъ намъ помырать.

***

„Не йды въ дорогу безъ запасу,
Бо хвистъ одъ голоду надмешъ [3])
И де-где инчого ты часу
И крыхты хлиба не найдешъ:
Я въ пекло стежку протоптала,
Я тамъ не разъ-не два бувала,
Я знаю тамошній народъ:
Дорожкы вси, вси уголочкы,
Вси закомарочкы, куточкы
Уже не первый знаю годъ".
Эней въ сю путь якъ разъ зибравея:
Шкапови чоботы набувъ,
Пидтыкався, пидперезався,
И поясъ цупко пидтянувъ;
А въ рукы добру взявъ дрючыну—
Обороняты злу лычыну, [4])
Якъ лучытся де отъ собакъ.
А посли за рукы взялыся,
Прямцемъ до пекла поплелыся,
Пишлы на прощу до чортякъ. [5])

***

„Теперъ-же думаю-гадаю
Трохы не годи и пысать, [6])
Изъ рода пекла я не знаю
Не вмію-жъ, далеби, брехать:
Хиба, чытатели, пождите:
Вгамуйтесь трохы, не гамите: [7])
Пиду я до людей старыхъ,
Щобъ ихъ о пекли роспытаты,
И попрошу ихъ росказаты,
Що чулы отъ дидивъ своихъ.
Виргилій же, нехай царствуе,
Розумненькій бувъ чоловикъ,—
Нехай не вадыть, якъ не чуе,—
Та въ давній дуже жывъ винъ викъ. [8])
Не такъ теперъ и въ пекли стало,
Якъ въ старыну колысь бувало
И якъ покійныкъ напысавъ.

---

[1]) А ну, пора чыпчыкувать. Тамъ-же.
[2]) Визьмы въ дорогу хлиба-соли,
Щобъ не дійты до гиркой доли,
И зъ голоду не помырать. Тамъ-же.
[3]) Бо на що-серце хвистъ пидгнешъ. Тамъ-же.
[4]) Оборонять сиду лычыну. Тамъ-же.
[5]) Пишлы у гости до чортякъ. Тамъ-же.
[6]) Трохы не годи вже пысать. Тамъ-же.
[7]) . . . не гоните. Тамъ-же.

Я, може що-небудь прыбавлю,
Переминю и що оставлю:
Пысну —якъ одъ старыхъ чувавъ".

***

Эней съ Сывыллою хватались,
До пекла швыдче щобъ прыйты,
И дуже пыльно прыглядалысь,
До пекла дверы якъ найты. [1]
Якъ ось передъ якуюсь гору
Прыйшлы и въ ній глыбоку нору [2]
Знайшлы и вскочылы туды.
Пишлы пидъ землю темнотою,
Эней все щупався рукою,
Щобъ не ввалытыся куды.
Ся улыця вела у пекло,
Була вонюча и грязна:
У ній и въ день було, мовъ смеркло,
Отъ дыму вся була чадна.
Жыла зъ сестрою тутъ Дримота
Сестра же звалася Зивота,—
Поклонъ си перви оддалы
Тимаси нашому Энею [3]
Зъ його старою попадею,
И посли дали повелы.

***

А потимъ смерть до артыкулу
Имъ воздала косою честь, [4]
Наперёдъ стоя калавуру,
Якый у іи мосци есть;
Чума, війна, харцызство, холодъ,
Короста, трясця, паршы, голодъ;
За сыми жъ тутъ стоялы въ рядъ: [5]
Киръ, висна, шолуди, бышыха,
И вси мыряныськи, знаешъ, лыха,
Що насъ безъ мылости морять.
И що-жъ не все тутъ окошылось,
Ище брела ватага лыхъ:
За смертію слидомъ валылось [6]
Жінокъ, свекрухъ и мачухъ злыхъ.
Вотчымы йшлы, тести скупягы,
Зяти и своякы мотягы, [7]
Сердыти шурыны, браты,
Зовыци, невисткы, ятровкы — [8]
Що все грызутся безъ умовкы,
И всяки тутъ булы каты.—

***

Якыись злыдни ще стоялы,
Жувалы все въ зубахъ папиръ,

---

[1]) Туда шобъ двери. . . Тамъ-же.

[2]) Прыйшлы и въ ней глубоку нору. Изд. 1808 и 9.

Прыйшлы и въ ній глыбоку нору— 1842. Принимаемъ второе разночтеніе, такъ какъ первыя два, неправильныя, оставлены авторомъ по недосмотру.

[3]) Типахи нашому... Изд. 1808.

[4]) Имъ оддала... Тамъ-же.

[5]) За нею-жъ тутъ. Тамъ-же.

[6]) За смертію у слидъ валылось... Тамъ-же.

[7]) Булы и наши побродягы. Тамъ-же.

Въ рукахъ каламари держалы,
За ухо жъ настромлялы пиръ.
Се все десяцки та соцкіе,
Начальныки, пьявкы людскіе,
И вси прокляти пысари:
Исправныки все ваканцёви,
Судди и стряпчи безтолкови,
Повиренни, секретари.
За симы йшлы святи понури,
Що не дывылысь и на свитъ—
Смыренной булы натуры, [1])
Складалы рукы на жывитъ,
Умыльно богу все молылысь,
На тыждень по тры дни постылысь,
И въ слухъ не лаялы людей:
На чоткахъ мыръ пересуждалы, [2])
И въ день николы не гулялы,
Въ ночи-жъ було не безъ гостей.

***

Насупротывъ сыхъ окаянныць, [3])
Кварталъ бувъ цилый волоцюгъ,
Морвухъ, мандрёхъ, ярыжныць, пьяныць
И бахуривъ на цилый плугъ;
Зъ острыженнымы головамы,
Зъ пидризанными пеленамы,
Стоялы хлёркы на голо;
И панночокъ фылтыфыкетныхъ,
Лакеивъ гарныхъ и дотепныхъ
Багацько дуже щось було.
И молодыци молоденьки,
Що выйшлы замижъ за старыхъ,
Що всякый часъ булы раденьки
Потишыть парнивъ молодыхъ. [4])
И ти тутъ молодци стоялы,
Що недотепнымъ помогалы
Для ныхъ симейку росплодыть:
А диты гуртови крычалы,
Своихъ пань-матокъ проклыналы,
Що не далы на свити жыть.
Эней хоть сыльно тутъ дывывся
Такій велыкій новыни,
Та вже отъ страху такъ трусывся,
Мовъ сыдя охляпъ на кони.

---

[1]) Смыренненькой булы... Тамъ-же.

[2]) И тыхо мыръ пересуждалы. Тамъ-же.

[3]) Насупротывъ сыхъ окаянныхъ
Була ватага волоцюгъ,
Мандріохъ, фыглярокъ пртамановыхъ
. . . .
Воны стоялы на голо.
И панночокъ фелтыфыкетныхъ,
Ласкавыхъ, гарныхъ и дошпетныхъ
Багацько вельмы щось було. Изд. 1808 г.

[4]) Прынадыть хлопцивъ молодыхъ.
И ти тутъ дядыны стоялы,
Що неплодущымъ помагалы.
. . . .

Побачывшы жъ ище издали,
Яки тамъ дыва плазовалы,
Кругомъ куды не поглядышъ,—
Злякавсь, къ Сывылли прыхылывся,
Хватавсь за дергу и тулывся, [1])
Мовъ отъ кота въ комори мышъ.

* *
*

Сывылла въ дальшій путь таскала [2]) —
Не баскалычывсь бы, та йшовъ,
И такъ швыденько поспишала,— [3])
Эней не чувъ ажъ пидошовъ,
Хватаючыся за ягою.
Якъ-ось узрилы предъ собою
Чрезъ ричку въ пекло перевизъ.
Ся ричка Стыксомъ называлась;
Сюды ватага душъ збыралась,
Щобъ хто на той бикъ перевизъ.

* *
*

И перевозчыкъ тутъ явывся:
Якъ цыганъ смуглой церы бувъ, [4])
Одъ сонця ввесь винъ попалывся,
И губы якъ арапъ отдувъ, [5])
Очыща въ лобъ позападалы,
Сметаною позаплывалы,

---

[1]) Хватавсь за плахту и тулывся,
Мовъ одъ кота въ васици мышъ. Тамъ-же.

[2]) Передъ этимъ стихомъ въ изд. 1808 г. помѣщены слѣдующіе стихи:
Вертилыся тутъ велыканы,
Русалкы, видьмы, упыри,
Арапы чорни и погани,
Зъ рогамы мовъ булы туры.
Верблюды зъ страшнымы горбамы,
И гады зъ чорнымы жаламы;
Шыпилы, корчылысь, повзлы.
Огненныи съ крылами змія,
Съ пивлоктя бигалы кощія,
На курячыхъ ногахъ козлы.
Не наськы-же булы Горгоны,
Кентавры, Грифы, Вріярей,
Химеры, Карлы, Гарпагоны,
И жовтыхъ бугскыхъ тьма ужей;
Эней хотивъ тутъ показатысь,
Що будто винъ не зна боятысь,—
Трощыть було задумавъ чудъ;
Но за рукы його схопыла
Сывылла и одговорыла
Щобъ не заходывъ дурно въ трудъ.

[3]) И въ дальнійшій путь потаскала,—
Не скалывся-бы да ишовъ!
И такъ швыденько мандровала. Изд. 1808.

[4]) Якъ цыганъ, смуглой твари бувъ. Тамъ-же.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

НОЯБРЬ

1898 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Г. Кіевъ, 4 ноября 1898 года.

Вниманію господъ ІЮДИНЫХЪ,

ихъ родственниковъ по боковымъ и женскимъ линіямъ,

ИХЪ ЗНАКОМЫМЪ.

Подготовивъ къ печати собиравшійся въ теченіи многихъ лѣтъ матеріалъ о родѣ **Костромичей Іюдиныхъ**, оказавшійся интереснымъ въ историческомъ и бытовомъ отношеніяхъ, восходящій по городу **Чухломѣ** до 1615 года и желая возможныхъ къ нему дополненій, покорнѣйше прошу всѣхъ, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи относящуюся къ названному роду письменность: акты, документы, письма, дневники и проч., книги съ надписями: «Изъ библіотеки Чухломскаго купецкаго сына **Михайла Іюдина**», равно портреты, виды Чухломы и разныхъ мѣстъ какъ Костромской, такъ и другихъ губерній, гдѣ проживали **Іюдины** или ихъ родные, прислать на короткое время нижеподписавшемуся для снятія копій, послѣ чего присланное будетъ возвращено по принадлежности. Желающіе уступить подлинные документы и проч. въ нашу собственность приглашаются, вмѣстѣ съ присылкою предлагаемаго, заявить объ условіяхъ продажи. Адресъ въ г. **Красноярскъ**, Енисейской губерніи, Геннадію Васильевичу Юдину.

Затѣмъ считаю не лишнимъ пояснить, что нѣкоторые томы предполагаемаго изданія, имѣющіе исключительно семейный интересъ, въ продажу не поступятъ и предназначаются лишь для раздачи **наличнымъ членамъ нашего рода и другимъ лицамъ**, благосклонно способствовавшимъ издателю къ собиранію фамильной старины.

Въ крайнемъ случаѣ т. е. при полномъ отсутствіи не только письменныхъ, но устныхъ преданій или воспоминаній о комъ-нибудь изъ нашего рода, полезно будетъ даже указаніе, къ кому было бы мнѣ можно обратиться съ своими поисками.

Г. В. Юдинъ (Іюдинъ).

Архивъ генеральнаго войскового суда.

Однимъ изъ главныхъ препятствій, съ которыми приходится считаться изслѣдователю исторіи Малороссіи за время гетманщины, является, несомнѣнно, крайняя разбросанность сохранившихся архивныхъ документовъ этой поры и недостатокъ свѣдѣній объ нихъ въ печати. Благодаря ряду превратностей, выпавшихъ на долю этихъ документовъ, они оказались разсѣянными по самымъ различнымъ мѣстамъ и подчасъ разбитыми самымъ невѣроятнымъ образомъ. Въ Кіевѣ, Черниговѣ, Харьковѣ, Полтавѣ, Петербургѣ и Москвѣ хранятся бумаги бывшихъ архивовъ гетманской Малороссіи, и не только клочки одного изъ этихъ архивовъ, но даже части одного и того же дѣла современному изслѣдователю приходится подчасъ подбирать въ различныхъ городахъ и бумагохранилищахъ. Немало цѣнныхъ документовъ и совершенно погибло, причемъ такой участи особенно часто подвергались менѣе значительные мѣстные архивы Не говоря уже о сотенныхъ и ратушныхъ архивахъ, отъ которыхъ сохранились лишь жалкіе остатки, даже изъ полковыхъ и магистратскихъ архивовъ до нашего времени уцѣлѣло, повидимому, лишь немногое. Но даже и то, что сохранилось до настоящей поры, сравнительно мало извѣстно, и это обстоятель-

ство, являясь естественнымъ послѣдствіемъ той разбросанности архивныхъ документовъ старой Малороссіи, о которой было выше упомянуто, въ свою очередь должно оказывать нѣкоторое вліяніе на работу всякаго изслѣдователя, принуждая его временами бродить ощупью и наугадъ разыскивать необходимыя свѣдѣнія. Чѣмъ болѣе свѣдѣній будетъ имѣться въ печати о сохранившихся архивахъ, тѣмъ легче и успѣшнѣе, конечно, сможетъ идти научная разработка заключающагося въ нихъ богатства.

Руководясь этими соображеніями, я и рѣшаюсь предложить вниманію читателей „Кіевской Старины" настоящую замѣтку, посвященную важному архиву, самое существованіе котораго до послѣдняго времени оставалось неизвѣстнымъ или, по крайней мѣрѣ, никѣмъ не было отмѣчено въ печати, за исключеніемъ пишущаго эти строки [1]). Изъ центральныхъ малорусскихъ архивовъ XVII—XVIII вв. до сихъ поръ извѣстны были такъ называемый архивъ генеральной войсковой канцеляріи, раздѣленный въ настоящее время между Харьковомъ и Москвою, и архивъ Малороссійской Коллегіи времени П. А. Румянцева; осколки этого послѣдняго архива хранятся въ Харьковѣ, Кіевѣ, и Москвѣ. На данныхъ двухъ названныхъ архивовъ исключительно основана и послѣдняя работа о малорусскихъ судахъ, принадлежащая г. Миллеру [2]). Но кромѣ нихъ до нашего времени сохранился еще и третій, къ сожалѣнію оставшійся неизвѣстнымъ автору упомянутой работы, архивъ,—именно, архивъ генеральнаго войскового суда. Если не всѣ, то все же весьма значительная часть дѣлъ этого высшаго судебнаго учрежденія Малороссіи за 18 вѣкъ уцѣлѣла отъ губительнаго вліянія времени и притомъ—что особенно важно—послѣднее пощадило не только отдѣльныя дѣла, производившіяся въ судѣ, но и систематизированные своды свѣдѣній о дѣятельности этого учрежденія.

---

[1]) В. Мякотинъ. Къ исторіи Нѣжинскаго полка СПБ. 1896. с. 2.

[2]) Д. Миллеръ. Очерки изъ исторіи и юридическаго быта старой Малороссіи. Суды земскіе, гродскіе и подкоморскіе въ XVIII в. Харьковъ 1896.

Впервые мнѣ пришлось встрѣтиться съ ясными слѣдами этого архива въ Черниговѣ, гдѣ раньше, какъ извѣстно, хранился и архивъ генеральной войсковой канцеляріи, позднѣе перевезенный въ Харьковъ. Работая нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ архивѣ Черниговскаго Окружнаго Суда, доступъ въ который былъ любезно открытъ мнѣ г. Скаржинскимъ, я скоро замѣтилъ, что нѣсколько тысячъ дѣлъ 18 вѣка, хранившихся тамъ, представляютъ собою часть бывшаго архива генеральнаго суда. Догадки мои превратились въ увѣренность, когда среди разбиравшихся мною дѣлъ я наткнулся на пять реестровъ дѣлъ, рѣшенныхъ въ генеральномъ войсковомъ судѣ за 1722, 1723 и 1724 годы [1]). Реестры эти, „по приказу господина подполковника и Малороссійской Коллегіи члена Исая Ивановича Сухорева сопряженные“ и подписанные тогдашними „правителями“ Малороссіи, Иваномъ Левенцомъ, Иваномъ Мануйловичемъ и Феодоромъ Потребичемъ-Гречанымъ, являются, несомнѣнно, результатомъ Петровскаго указа 14 ноября 1721 г., приказывавшаго завести „добрый порядокъ“ въ генеральномъ судѣ [2]), и заботъ появившейся затѣмъ Малороссійской Коллегіи объ установленіи такого порядка. Они и сами по себѣ очень любопытны, въ виду чего я позволю себѣ сказать объ нихъ нѣсколько словъ. Въ первомъ изъ нихъ, начинающемся съ сентября 1722 года, занесено 156 дѣлъ; во второмъ занесено 78, въ третьемъ 72 дѣла 1723 года, причемъ однако въ третьемъ реестрѣ недостаетъ 24 дѣлъ; четвертый и пятый реестры относятся къ 1724 году, и въ одномъ изъ нихъ поименовано 45 дѣлъ, въ другомъ—110. Самый способъ занесенія дѣлъ въ эти реестры былъ таковъ: на одной половинѣ листа давалось краткое, въ нѣсколько строкъ, изложеніе содержанія дѣла, подлежавшаго разбору суда, на другой столь же кратко записывалось судебное рѣшеніе. Послѣднее иногда снабжено мотивировкой, но за то въ немъ обыкновенно совершенно отсутствуютъ сколько-нибудь точныя ссылки

---

[1]) Архивъ Черниговскаго Окружнаго Суда, Дѣла Гражданскія, № 5.

[2]) П. С. З., VI, № 3852.

на законы, которыми судъ руководился при постановленіи своихъ приговоровъ. Для большей наглядности вотъ два примѣра. Въ первомъ „реестрѣ дѣлъ судовыхъ“ подъ № 5 записано:

„Справа Карпа Андрѣенка, жителя села Некрасова, подданного пп. Борзаковскихъ, з державцами своими о завладѣніи якоби неслушномъ чрез. пп. Борзаковскихъ хати его и кгрунту.	„Окончена на судѣ войсковомъ енералномъ: понеже по роспросу и доводахъ на очной ставцѣ обоихъ сторонъ явилося, что Борзаковскіи у его купили хату и грунтъ, теди по узнаню, если Карпъ суплѣкуючій по прежнему будетъ подданимъ, велено ему отдать хату з грунтомъ, а если не возвратится до подданства, то не належитъ ему мужицкимъ грунтомъ владѣть“.

Или другой примѣръ. Во второмъ реестрѣ, за 1723 годъ, мы читаемъ подъ № 14:

„Сотняне Старо-Санчаровскии правовалися з Иваномъ Терновскимъ, своимъ сотникомъ Старосанжаровскимъ, хотячи его з сотнитства скинуты обыдъ ради, онимъ чрезъ челобитчика (sic) причиненныхъ.	„Оконченна. И его сотника, с сотнитства скинено, а проторы и убитки осаченно з обохъ сторонъ“.

Значеніе этихъ реестровъ, заключающихъ въ себѣ около 450 судебныхъ рѣшеній за три года, врядъ-ли требуетъ подробныхъ комментаріевъ. Имѣютъ свою цѣну, конечно, и чисто-фактическія данныя, сообщаемыя ими, но еще болѣе важна другая ихъ сторона, относящаяся къ обязательности самого суда. При всей краткости и порою даже неясности содержащихся въ нихъ на этотъ счетъ свѣдѣній, детальный анализъ послѣднихъ позволяетъ возстановить тѣ правовыя нормы, какія признавались судомъ въ это время. Само собою разумѣется, что при та-

комъ анализѣ указанія реестровъ должны быть по мѣрѣ возможности сопоставляемы съ подлинными дѣлами. Но въ черниговскомъ архивѣ, о которомъ идетъ рѣчь, такихъ подлинныхъ дѣлъ не очень много и они не относятся къ какому-либо одному опредѣленному періоду, а охватываютъ время съ двадцатыхъ по девятидесятые годы 18-го столѣтія. Когда, такимъ образомъ, ближайшее изученіе документовъ показало, что передо мною находится лишь одна, случайно оторванная, часть бывшаго архива генеральнаго суда, оставалось опредѣлить, гдѣ слѣдуетъ искать другія его части. Изъ разспросовъ я узналъ, что ранѣе въ архивѣ Окружнаго суда было значительно болѣе старыхъ дѣлъ, доставшихся ему въ наслѣдство отъ прежней судебной палаты, но затѣмъ они были отосланы въ Москву, въ Архивъ Министерства Юстиціи, собиравшій къ себѣ документы упраздненныхъ учрежденій. Позднѣе, впрочемъ, эта отсылка была пріостановлена, вслѣдствіе чего часть дѣлъ бывшей палаты и сохранилась въ Черниговѣ.

Передача дѣлъ изъ упраздненныхъ провинціальныхъ присутственныхъ мѣстъ въ Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, происходившая, какъ сообщаетъ „Описаніе“ этого архива, на основаніи предписанія департамента министерства юстиціи отъ 4 апрѣля 1871 года, коснулась не одной только Черниговской Палаты. Когда я приступилъ къ изученію матеріаловъ по исторіи Малороссіи, хранящихся въ названномъ архивѣ, и, руководясь имѣвшимися у меня свѣдѣніями, обратился къ бумагамъ, поступившимъ въ него изъ провинціальныхъ присутственныхъ мѣстъ, передо мною открылся никѣмъ еще, кажется, не изслѣдованный, но чрезвычайно обильный и разнообразный матеріалъ. Чтобы охарактеризовать его размѣры, достаточно сказать, что здѣсь сосредоточено 59 архивовъ 18-го вѣка, существовавшихъ прежде на территоріи гетманской Малороссіи и заключающихъ въ себѣ 47.800 дѣлъ. Послѣдняя цифра, впрочемъ, нѣсколько уменьшится, если принять въ соображеніе, что въ одномъ изъ самыхъ значительныхъ по объему архивовъ, именно въ архивѣ Кременчугскаго городского магистрата,

содержащемъ 13.686 дѣлъ, лишь около 500 дѣлъ по 1-ой описи [1]) имѣютъ отношеніе къ гетманщинѣ, а остальныя принадлежать Новороссіи. Но и уменьшенная такимъ образомъ цифра дѣлъ, касающихся судебъ собственно гетманской Малороссіи, остается еще довольно почтенной, достигая почти 35.000. Болѣе половины всего этого количества, именно 17.885 дѣлъ, приходится на долю одного собранія,—бумагъ бывшей Черниговской Палаты Уголовныхъ и Гражданскихъ Дѣлъ. Впрочемъ, послѣднее названіе, подобно нѣкоторымъ другимъ, не совсѣмъ точно, обозначая собою лишь одно изъ прежнихъ мѣстъ храненія названныхъ дѣлъ. Въ дѣйствительности главная часть этихъ бумагъ, охватывающихъ восьмидесятилѣтній періодъ, съ 1719 по 1799 годъ, ведетъ свое происхожденіе изъ существовавшаго нѣкогда архива генеральнаго войскового суда, и является, такимъ образомъ, однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ собраній въ ряду указанныхъ. Какъ показываетъ ближайшее знакомство съ этими документами, данный архивъ сохранился здѣсь не въ полномъ видѣ, [2]) но и то, что уцѣлѣло отъ него, представляетъ высокую цѣнность для науки. Помимо отдѣльныхъ дѣлъ, слишкомъ многочисленныхъ и разнообразныхъ для того, чтобы поддаться краткому описанію, здѣсь имѣется еще группа источниковъ, болѣе сжатыхъ, но и болѣе систематическихъ, сравнительно скупыхъ на сообщенія о народной жизни, но за то подробно обрисовывающихъ дѣятельность судебныхъ и административныхъ учрежденій. Таковы книги опредѣленій бывшей Мало-

---

[1]) Всѣ эти бумаги остаются еще неописанными въ архивѣ, и для нихъ существуютъ лишь старыя канцелярскія описи. Въ болѣе значительныхъ собраніяхъ такихъ описей имѣется нѣсколько, благодаря чему, цитируя ихъ, приходится называть № не только связки дѣла, но и описи. Далеко неудовлетворительныя, конечно, въ научномъ отношеніи, эти канцелярскія описи все же приносятъ свою долю пользы, помогая изслѣдователю нѣсколько оріентироваться въ архивномъ матеріалѣ.

[2]) Аналогичный матеріалъ долженъ-бы былъ, повидимому, находиться въ архивѣ Полтавской палаты уголовнаго и гражданскаго суда, но изъ него въ Московскій Архивъ Министерства Юстиціи поступило лишь 28 дѣлъ, 1722—25 гг. Погибли-ли остальныя дѣла въ самой Полтавѣ, или же они остались въ ней и почему-либо не были высланы въ Москву,—мнѣ неизвѣстно.

россійской Коллегіи за 1727 годъ, [1]) книги подлинныхъ указовъ Малороссійской Коллегіи съ 1773 по 1781 годъ, [2]) книги указовъ и ордеровъ гетмана Разумовскаго и генералъ-губернатора Румянцева [3]). Но особенно важна коллекція журналовъ и приговоровъ генеральнаго войскового суда съ 1729 по 1781 годъ, насчитывающая въ себѣ болѣе 100 фоліантовъ, объемомъ отъ 100 до 1000 и болѣе листовъ каждый [4]). Собственно журналы суда сохранились лишь съ конца 60-хъ годовъ. Они представляютъ собою краткія записи о времени и составѣ судебныхъ засѣданій и, за рѣдкими исключеніями, не даютъ болѣе никакихъ свѣдѣній. Иное дѣло—приговоры генеральнаго суда, носящіе въ подлинникѣ еще названія книгъ рѣшительныхъ экстрактовъ, подлинныхъ опредѣленій или подлинныхъ указовъ генеральнаго суда и уцѣлѣвшіе за всѣ названные годы, исключая лишь 1741 и 1770 гг. Они являются настоящими протоколами суда, несравненно болѣе обстоятельными, нежели тѣ записи, какія мы видѣли въ реестрахъ 1722—1724 гг. Каждое дѣло, поступившее на разсмотрѣніе суда, подробно записывалось въ нихъ, причемъ передавался какъ весь предшествовавшій ходъ процесса, если онъ начатъ былъ въ низшихъ судахъ, такъ и порядокъ разбирательства дѣла въ самомъ генеральномъ судѣ. Приговоръ также записывался довольно подробно, не только съ изложеніемъ мотивовъ, побудившихъ судъ постановить то или другое рѣшеніе, но и съ указаніемъ законовъ, на которыхъ оно основывалось, и даже съ извлеченіями изъ послѣднихъ. Благодаря такому характеру протоколовъ, является возможность, поль-

---

[1]) М. А. М. Ю., Дѣла упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ, архивъ 6 Черниговской Палаты уголовнаго и гражданскаго суда, опись 17, связка 4, №№ 20 и 21.

[2]) Тамъ-же. св. 43, № 138; св. 44, №№ 139—141; св. 47, № 151; св. 50 №№ 161 и 162; св. 52, №№ 166 и 167; св. 56 №№ 178—9; св. 57, № 183; св. 58, № 184; св. 61, № 191; св. 62, № 194; св. 64—5, №№ 199—200.

[3]) Тамъ-же св. 25, №№ 81 и 82.

[4]) Тамъ-же, по описи 17-й №№ дѣлъ: 23—32, 34, 36—63, 71—80, 83—116 121—123, 129—132, 135—138, 142—149, 155, 157, 170, 174—5, 177, 188, 198 и дѣла въ связкахъ 66-й и 67-й.

зуясь этой коллекціей, прослѣдить шагъ за шагомъ всю дѣятельность генеральнаго войскового суда, этого высшаго судилища въ автономной Малороссіи, за пятидесятилѣтній періодъ времени, съ момента его возстановленія при назначеніи гетманомъ Даніила Апостола и до окончательнаго уничтоженія его въ эпоху Екатерининскихъ реформъ.

Въ настоящей замѣткѣ, разсчитанной исключительно на то, чтобы обратить вниманіе изслѣдователей исторіи гетманской Малороссіи на неизвѣстный до сихъ поръ матеріалъ, я не намѣренъ входить въ подробную его оцѣнку, которая къ тому же потребовала бы слишкомъ много мѣста. Лишь въ видахъ нѣкоторой иллюстраціи значенія этого матеріала, я позволю себѣ привести изъ него нѣсколько свѣдѣній, касающихся дѣятельности генеральнаго суда въ первые годы по его возобновленіи.

Еще при Полуботкѣ распоряженіями генеральной канцеляріи за генеральнымъ судомъ было закрѣплено по преимуществу значеніе аппеляціонной инстанціи по отношенію къ полковымъ судамъ. На практикѣ однако-же этотъ порядокъ инстанцій устанавливался довольно плохо, и, вслѣдъ за возстановленіемъ генеральнаго суда, послѣднему съизнова пришлось заботиться объ его утвержденіи въ жизни, отказываясь принимать на свое разсмотрѣніе дѣла, не разбиравшіяся еще въ полковыхъ судахъ. Уже въ засѣданіи 6 февраля 1729 г. генеральный судъ по поводу поступившаго въ него дѣла значковаго товарища Ал. Михайловскаго и Ѳомы Кубраковскаго постановилъ, не разбирая этого дѣла по существу, направить его въ Нѣжинскую полковую канцелярію, такъ какъ оно не разсматривалось еще въ полковомъ судѣ, „а по указамъ велено первѣе въ нижнихъ судахъ, оттоль въ вышнихъ челобитствовать“ [1]). Такихъ случаевъ за 1729 годъ можно указать и еще нѣсколько [2]). Тѣмъ не менѣе еще въ 1733 г. суду пришлось возвращаться къ этому вопросу, и въ засѣданіи 7 іюня, „слушавъ екстракту, согласно приговорили по силѣ первого рѣшительного пункта ни отъ кого никакого и ни

---

[1]) Тамъ-же, св. 5, № 23, дѣло № 7, л. 33 оборотъ.

[2]) Тамъ-же, дѣло № 15, л. 53—4; дѣло № 29, л. 72; дѣло № 43, л. 105.

въ какомъ иску въ судѣ генералномъ челобитенъ не принимать" раньше разбора дѣла „въ нижнихъ судахъ". Тогда же въ силу этого рѣшенія постановлено было послать полковникамъ указы, чтобы они принимали въ полковые суды всѣ дѣла, „не выключая никого", и донести гетману, что согласно его универсалу 15 мая 1731 г. дѣла о бѣглыхъ крестьянахъ и другія будутъ разосланы изъ генеральнаго суда въ полковые и сотенные „для слѣдствія и рѣшенія" [1]). Гетманскимъ универсаломъ дѣла генеральной старшины, полковниковъ и бунчуковыхъ товарищей были однако исключены изъ вѣдомства полковыхъ и сотенныхъ судовъ, и для нихъ генеральный судъ оставался первою инстанціей. 18 іюня 1733 г. генеральный судья возбудилъ по этому поводу сомнѣніе, подавъ по одному частному дѣлу отдѣльное мнѣніе [2]), но въ концѣ концовъ дѣла названныхъ лицъ остались въ генеральномъ судѣ. Вводя въ законныя рамки свою компетенцію и свои отношенія къ низшимъ судебнымъ учрежденіямъ, судъ долженъ былъ позаботиться и объ установленіи опредѣленнаго порядка сношеній съ представителемъ высшей власти въ странѣ. Впрочемъ, сношенія генеральнаго суда съ носителемъ гетманской власти едва-ли не оставались весьма мало упорядоченными почти до самаго конца гетманства Апостола. Такъ, по крайней мѣрѣ, заставляетъ думать постановленіе, сдѣланное судомъ въ засѣданіи 8 марта 1732 г. „По справки въ судѣ генералномъ с вершеными дѣлами,—гласитъ это постановленіе,—по которыхъ приговоры незакрѣпленные канцеляристы оного суда по приказу генералного суда къ его ясневелможности для сообщения ношивали і подписовали разные на оныхъ приговорахъ приказы якобы от его ясневельможности говоренные, а подлинно-ли его ясневельможность приказывалъ такъ, якъ канцеляристы подписовали, іли нѣтъ, о томъ въ судѣ генералномъ отъ его ясневельможности писменного извѣстия не имѣется, и для того на тѣхъ канцелярискихъ подпискахъ суду генералному безъ писменного от его ясневелможности объявления утвердитися сумнително, того ради судъ войсковый генералный согласно приго-

[1]) Тамже, св. 5, № 27, д. 46, л. 121—122 об.

[2]) Тамъ-же, дѣло 56, л. 158—9.

ворили: до его ясневелможности писать и требовать, дабы его ясневелможность въ судъ генералный соизволилъ объявить писменно, какимъ образомъ оному суду утверждатся впредь, что решения по дѣламъ по силѣ помянутого И. В-ва указу бываютъ его ясневелможности сообщены, суду генералному утверждатся сумнително, и дабы чрезъ таковыя неподленности не было порицания, что рѣшения якобы его ясневелможности не бываютъ сообщены" [1]).

Пришлось на первыхъ порахъ суду считаться и съ другого рода препятствіями его дѣятельности въ видѣ попытки части духовенства вовсе выбиться изъ-подъ юрисдикціи свѣтскихъ судовъ. Въ засѣданіи 25 іюля 1723 г, судъ слушалъ доношеніе Стародубскаго полкового судьи Ник. Ханенка. Послѣдвій сообщалъ, что епископъ Черниговскій и Новгородсѣверскій Иродіонъ Жураковскій „писалъ отъ себе листомъ сего 729 году до всего въ полку Стародубскомъ обрѣтаючогося священства, чтобъ въ судъ мирскій не допущать духовенства, а если де что кого касатимется, о томъ писано будетъ къ его преосвященству отъ ясневелможного господина гетмана, а по листамъ определение де учинитъ не укоснитъ онъ епископъ". Генеральный судъ рѣшилъ обратить вниманіе епископа и Стародубской полковой старшины на 18-й и 15-й пункты изъ числа „рѣшительныхъ пунктовъ", данныхъ гетману Апостолу въ 1728 г., и требовать ихъ выполненія [2]). Въ ноябрѣ того-же года генеральный судъ постановилъ привлечь къ отвѣту въ полковой Стародубскій судъ повѣреннаго самого епископа Жураковскаго, а въ другомъ случаѣ—Мринскаго городничаго, обоихъ по частнымъ искамъ [3]).

Въ своей дѣятельности генеральный судъ долженъ былъ руководиться „малороссійскими правами". Въ 1731 г. члены суда, прослушавъ докладъ «о книгахъ Статутѣ, Зерцалѣ Саксонскому и Порядку права майдебурского, согласно приговорили къ ясневелможному господину гетману и кавалеру Апостолу нослать доношение, въ которомъ требовать, дабы оные книги

[1]) Тамъ-же, № 26, дѣло 6, л. 5 об.—6 об.

[2]) Тамъ-же, № 23, д. 7 , л. 212.

[3]) Тамъ-же, д. 92, л. 268 об. и д. 93, л. 269.

вновь были присланы въ судъ генералный, по которымъ бы въ ономъ судѣ решить дѣла было можно, для того, что по указамъ И. В-ва велено въ судѣ генералномъ решить дѣла по малороссійскихъ правахъ, которые напечатаны въ вышепомянутыхъ книгахъ, токмо оные книги въ судѣ генералномъ имѣются обетшалые весма, а въ нѣкоторыхъ и листы подраные“ [1]). Всѣ названные кодексы находили себѣ дѣйствительное, хотя и не одинаково широкое примѣненіе въ приговорахъ суда. На данный періодъ нельзя было бы распространить и наблюденія, сдѣланнаго г. Миллеромъ для позднѣйшей эпохи, что Саксонъ примѣнялся только въ дѣлахъ о святотатствѣ [2]). Напротивъ, еще въ 1729 г. можно указать случаи, когда постановленія Саксона признавались законодательными нормами даже въ области гражданскаго права [3]). Но разногласія, существовавшія между этими кодексами, въ свою очередь должны были привлечь на себя вниманіе суда. Такъ, въ засѣданіи 14 іюня 1734 г. онъ постановилъ обратиться къ кн. Шаховскому за разъясненіемъ, какихъ законовъ слѣдуетъ ему держаться въ виду противорѣчивыхъ постановленій Литовскаго Статута, Саксонскаго Зерцала и Порядка о наказаніи убійцъ, воровъ, прелюбодѣевъ и святотатцевъ [4]). Отмѣтимъ еще, что при разслѣдованіи уголовныхъ дѣлъ въ генеральномъ судѣ употреблялась и пытка, въ видѣ прикладыванія къ тѣлу пытаемаго раскаленныхъ шинъ до трехъ разъ.

---

[1]) Тамъ-же, св. 6, книга 28, д. 30, л. 83 об.—84 об.

[2]) Миллеръ, назв. соч., с. 196—7.

[3]) Такъ, въ дѣлѣ 1729 г. между сторожемъ гетманскаго двора С. Кузченкомъ и бунч. тов. Андр. Лизогубомъ о занятомъ первымъ у второго хлѣбѣ генеральный судъ, основываясь на Саксонѣ, отвергъ законность процентовъ по займу и отказался присудить ихъ—М. А. М. Ю., Дѣла б. Черниг. Палаты Угол. и Гражд. Суда, опись 17, св. 5, кн. 23, д. 49, лл. 118—120 об. Это постановленіе тѣмъ болѣе любопытно, что, какъ можно видѣть изъ тѣхъ же протоколовъ ген. суда и еще болѣе изъ другихъ источниковъ, проценты при займахъ не только постоянно употреблялись тогда въ Малороссіи, но и достигали порою весьма внушительныхъ размѣровъ, въ родѣ 50 и даже 100% годовыхъ.

[4]) М. А. М. Ю., Дѣла б. Черн. Пал. Уг. и Гр. Суда, опись 17, св. 6, кн 28, д. 31, л. 85.

14 іюня 1734 г. судъ рѣшилъ обратиться къ завѣдывавшему правленіемъ гетманскаго уряда кн. Шаховскому съ запросомъ, нельзя ли разсматривать дѣла, не обращая вниманія на истекшую давность, такъ какъ „прежде сего по 1732 годъ въ генералной войсковой канцеляріи протоколной записки тѣмъ супликамъ и другимъ входящимъ писмамъ не было и съ роспискою оныхъ не принимано, а по справкамъ въ архивѣ оной енералной канцеляріи многіе суплики не сыскиваются, иныхъ же и весма не имѣется, ибо прежде того настоящаго порядку въ содержаніи дѣлъ не было, почему хотя хто въ обидѣ своей упоминался и билъ челомъ, токмо о томъ виду никакова нѣтъ, а отвѣтчики въ судахъ иски истцовъ отбываютъ промолчаніемъ и давностію“ [1]). И собственная канцелярія суда привлекала къ себѣ его вниманіе и заботы. Дѣла въ ней были распредѣлены между канцеляристами по повытьямъ. Было генеральное повытье и полковыя, причемъ каждые два полка составляли повытье и поручались одному канцеляристу [2]). Всею канцеляріею завѣдывалъ писарь, должность котораго первоначально исправляли по очереди войсковые канцеляристы, а чрезъ ту перемѣну за нескорымъ ихъ разсмотрѣніемъ въ дѣлахъ происходила остановка“- Въ 1731 г. по представленію генеральнаго суда на должность его писаря гетманскимъ универсаломъ назначенъ былъ бывшій войсковой канцеляристъ Демьянъ Оболонскій, который и оставался на этомъ мѣстѣ до 1741 г., когда онъ произведенъ въ генеральные бунчучные, а на мѣсто писаря генеральнаго суда послѣднимъ былъ представленъ Бибикову войсковой канцеляристъ Яковъ Галяховскій [3]). За канцеляріей присматривалъ однако не только писарь, но и члены суда, имѣвшіе, повидимому, нѣкоторыя основанія быть недовольными поведеніемъ канцеляристовъ. Въ засѣданіи 14 мая 1742 г. судомъ сдѣлано было даже особое постановленіе по этому поводу. „Понеже— гласитъ оно—въ генералномъ судѣ засѣдающими члены усмот-

---

[1]) Тамъ-же д. 30 л. 83 об.—84 об.

[2]) Тамъ-же, св. 5, книга 23, д. 73, л. 206 об.

[3]) Тамъ-же, св. 7, кн. 36, д. 128, л. 842 об.—815 об.

рѣно, что канцеляристы онаго генералнаго суда, не смотря должности своей, для отправления порученныхъ имъ дѣлъ позно въ оный генералный судъ приходятъ и во время слушанія дѣлъ отлучаются и прежде отходу оныхъ членовъ выходятъ, чрезъ что въ произведеніи тѣхъ дѣлъ чинится остановка; того ради согласно приговорили онымъ канцеляристамъ въ войсковой генералный судъ для отправленія дѣлъ, званію ихъ подлежащихъ, приходить з рана по пробытіи шестого часа заразъ и во время слушанія дѣлъ никуда не отлучаться, а отходить по розъѣздѣ членовъ въ полчаса, по отъѣздѣ же приходить в два часа, а отходить в шестомъ часу, и ежели хто з оныхъ канцеляристовъ явится по сему въ неисполненіи, такового содержаніемъ на пушки, а ежели и часто в томъ же неисполненіи усмотрѣнъ будетъ, отрѣшеніемъ от дѣлъ штрафовать, и для того сей приговоръ объявить онымъ канцеляристамъ всѣмъ и взять в слушаніи оного и исполненіи по оному съ обовязателствомъ во всякого подписку" [1]).

Остановимся на этомъ. Думается, даже сдѣланныхъ уже бѣглыхъ указаній и выдержекъ достаточно для того, чтобы дать приблизительное понятіе о значеніи описываемаго архива. Точное же опредѣленіе этого значенія возможно будетъ лишь въ результатѣ обстоятельнаго изученія всего хранящагося въ немъ матеріала.

В. Мякотинъ.

[1]) Тамъ-же, св. 7, кн. 37, д. 39, л. 211 об.—212.

„ПОПОКЪ".

*(Продолженіе *).*

VII.

Вышли изъ церкви. Одна только подвода стояла у ограды, и на возъ усаживали больную бабусю, привезенную для причастія въ церковь изъ Бугаевки,—а то всѣ шли пѣшкомъ. Въ каждой изъ расходящихся по разнымъ куткамъ группѣ можно было различить: впереди всѣхъ—дѣтей подростковъ, не рѣдко въ отцовскихъ и материнскихъ костюмахъ, затѣмъ парней въ черкескахъ коричневаго лавочнаго сукна, подпоясанныхъ синими и зелеными камлотовыми поясами и въ новыхъ картузахъ; далѣе цѣлый букетъ дивчатъ, разодѣтыхъ въ ситцевыя яркихъ цвѣтовъ или кумачныя пары, съ вывязанными, но непокрывающими темени головы гарнитуровыми платками; еще далѣе—молодицы въ неуступающихъ дѣвичьимъ пестротою парахъ и чалмообразно повязанныхъ на головѣ платкахъ, а затѣмъ уже пожилыхъ бабусь въ темныхъ головныхъ уборахъ и въ степенныхъ холстинкахъ, и дѣдовъ съ палочками, идущихъ медлен-

---

*) См. Кіев. Ст. 1898 г. № 10.

ною старческою ходою и не спѣшащихъ за далеко опередившею ихъ молодежью.

Въ этихъ расходящихся по своимъ кутками, а затѣмъ и по домамъ, группамъ мало было домохозяевъ, возрастныхъ мужчинъ. Большинство изъ нихъ осталось около волости, и нѣкоторые привернули и къ кабакамъ Козла и Жердева.

Въ части толпы, отдѣлившейся по направленію къ Красноселовкѣ, между молодицами шла домой изъ церкви и Сохва, празднично принаряженная въ новую, изъ „морозовки", вышитую кантами и окаймленную плисомъ пару и въ большомъ вывязанномъ по очипку платкѣ на головѣ. Солдатки вообще въ описываемое мною время уже не носили на головѣ очипковъ, но Сохва, состоя самостоятельною хозяйкою, не оставляла еще этого головного, знаменующаго извѣстнаго рода степенность, убора. Молодицы интересовались новостью для ихъ кутка—возвращеніемъ „Попка". Всѣ онѣ уже знали, что онъ пріютился пока у Сохвы, такъ какъ не безъизвѣстно имъ было и то, что его хата стояла „пусткою". Любопытствовали знать, какъ же теперь онъ думаетъ устроиться; у нѣкоторыхъ даже промелькнули въ головѣ не совсѣмъ скромныя соображенія на счетъ его отношеній къ пріютившей его Сохвѣ, но высказать эти послѣднія соображенія никто не смѣлъ, тѣмъ паче, что Сохва, удовлетворяя общее любопытство, степенно разсказала, что сегодня же прійдутъ его сестры и общимъ совѣтомъ рѣшатъ, какъ устроиваться жить Хведьку (она не употребляла умышленно насмѣшливое слово „Попокъ").

По мѣрѣ удаленія отъ церкви, толпа таяла: то тѣ, то другіе отдѣлялись по своимъ дворамъ. Сохва со словами:—оце й хата!—тоже пошла къ себѣ. Но хата была заперта, и квартирантъ ея Хведько оказался на огородѣ помогающимъ возвратившемуся съ ловли рыбалкѣ Хряпку развѣшивать порѣжную сѣть на прибрежныхъ кустахъ.

—Не прыходыла?—спросила Сохва, ради того только, чтобы заговорить, и, взявъ отъ Хведька ключъ, пошла въ хату.

Покончивъ развѣшиваніе сѣти, Хряпко выбралъ изъ лодки въ мѣшокъ рыбу, при чемъ мелкой рыбешки „борщивъ на тры" отдѣлилъ Хведьку...

—Беры, беры! Чого ты?! Сохва подякуе: ій и такои нигде взять—уговаривалъ онъ церемонившагося было Хведька, высыпая водоливчикомъ на траву рыбу; онъ привязалъ къ корню старой вербы човенъ и побрелъ съ весломъ на плечѣ черезъ огороды къ себѣ.

Хведько вырвалъ два большихъ лопуха, собралъ въ нее съ травы рыбу и понесъ въ хату, гдѣ уже Сохва переодѣлась и повязывала голову, вмѣсто снятой чалмы съ очипкомъ, легкимъ платочкомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, она обрадовалась принесенной рыбешкѣ.

—Оце спасыби! Отъ-тутъ положы на лавци,—указывала она, довязывая платокъ на головѣ.—Це вже давно я іи коштувала.. Бачъ ажъ колы—ще ажъ у литку, якъ на Пучыни у Мирошныченка сояшныкы тяпкувалы...—говорила Сохва, убирая рыбу въ мисочку.—Нехай же къ вечери, а теперь вже нигде варыть...—добавила она выходя въ сѣни..

Вернувшись, она отвернула сложенный на столѣ конецъ „настильныка" и положила ближе къ покутному концу стола цѣлую, непочатую паляницу. Затѣмъ принесла ложки и пригласила Хведька садиться за столъ обѣдать.

Не успѣла Сохва прибрать со стола послѣ обѣда, какъ услыхала, что Хведько, вышедшій на крыльцо (прысинки) съ кѣмъ то разговариваетъ. Это, оказалось, пришли обѣ его сестры, Полька и Машка, а затѣмъ скоро подошелъ и зять его Максимъ Зубаненко; всѣхъ ихъ Сохва, прибравши со стола, пригласила въ хату.

Тутъ началось совѣщаніе относительно будущей жизни Хведька, и порѣшили, что Машка оставитъ службу у діакона и будетъ жить съ братомъ въ ихъ хатѣ, а къ осени обдумаютъ, какъ устроиться—женить ли Хведька, или принять зятя къ Машкѣ. О деньгахъ же, находящихся у Сугыбы, разъяснилось, что

деньги въ количествѣ 56 рублей отданы ему, Сугыбѣ, только до выхода Хведька изъ тюрьмы, примѣрно до Петрова дня, за проценты; при возвращеніи капитала должникъ долженъ отдать процентовъ 4 рубля и *„ременю“* (т. е. кожевеннаго товара) на *„пришвы“* къ мужскимъ халявамъ. При отдачѣ этихъ денегъ ему, безъ всякаго, впрочемъ, письменнаго документа, была и „титка Горпына“, и дѣлалось это въ волостномъ правленіи.

Всей компаніей отправились въ коморю осмотрѣть худобу, какая тамъ была заперта, послѣ чего пошли на дворъ Хведька; обошли всѣ постройки; входили во внутренность отпиравшейся для этого хаты.

На улицѣ ужъ то-тамъ, то-сямъ подъ хатами собирались успѣвшіе выспаться послѣ обѣда по праздничному селяне. Всѣ видѣли проходившихъ во дворъ и изъ двора Самченковыхъ Хведька съ сестрами, зятемъ и Сохвою, и всѣ понимали значеніе этого осмотра; кучка же дѣтей не преминула даже ихъ проводить во дворъ; тамъ, около воротъ, зазирая черезъ *„тынъ“*, обождать и затѣмъ довести ихъ почти до двора Сохвы, разсматривая высокую фигуру „Попка», каковую кличку Хведька они, дѣти, слышали въ разговорахъ старшихъ въ тотъ день съ самаго утра.

На самомъ дѣлѣ появленіе Хведька было новостью дня для всего кутка Андреевки-Красноселовки. Всѣ говорили объ этомъ, всѣ интересовались тѣмъ, какъ онъ устроится въ своей опустѣлой хатѣ, наконецъ всѣмъ показывался любопытнымъ этотъ нововыросшій, рослый молодой мужчина, послѣ годичнаго отсутствія появившійся изъ тюрьмы среди мирныхъ обывателей этого кутка.

Полька принесла изъ дому *паляныцю* и нѣсколько штукъ тарани, и потому Сохва сочла необходимымъ пригласить всѣхъ пополудновать. Все время они говорили, совѣтовались о томъ, какъ дальше устраиваться Хведьку съ Машкою, разрабатывали, такъ сказать, детали затѣваемаго хозяйничанья. Порѣшено было, что Машка завтра же отойдетъ отъ діакона, и для того Хведько прійдетъ объясниться съ ея хозяевами и по пути за-

несетъ на водяную мельницу мѣшокъ жита для размола. Затѣмъ уже со вторника Машка займется приборкою и обмазкою хаты, при чемъ Хведько ей поможетъ доставкою изъ „кручи“ глины и носкою воды.

Вечеромъ, когда сестры съ зятемъ ушли, проводившій ихъ Хведько, уже не стѣсняясь, подошелъ къ группѣ своихъ уличанъ, сидѣвшихъ около двора Журиленка на сваленныхъ тутъ бревнахъ, и, приглашенный кѣмъ-то короткимъ „сидай тутъ зъ намы“, усѣлся.

Никто изъ компаніи не намекнулъ даже Хведьку про его бытность въ тюрьмѣ, и вообще какъ будто мало его и замѣчали; только когда уже стали расходиться въ виду подходящей череды, старый Журило спросилъ его:

—Що жъ, якъ усовитовалысь? На батькивщыни сидаешъ?— и когда Хведько разсказалъ о томъ, какъ задумали устроиться,— человѣка два-три одобрили его проектъ.

—Та вже-жъ ніякъ. Треба якъ небудь! Якось, Богъ дасть, улаштуешся...

Этими нѣсколькими взаимно сказанными словами, этимъ появленіемъ среди своихъ уличанъ для Хведька была уничтожена та неловкость его положенія, какую онъ по сю пору испытывалъ.

VIII.

Проснувшись на другой день, Сохва увидѣла Хведька совсѣмъ уже собравшимся въ путь; онъ только ожидалъ ее, чтобы изъ коморы взять мѣшокъ съ житомъ и отправиться на мельницу.

Еще только кой-гдѣ стали шевелиться въ селѣ, и къ чередѣ еще не гнали, какъ уже Хведько съ клункомъ жита на плечѣ шагалъ по улицѣ по направленію къ греблѣ и мельницѣ Богатыревой.

Паръ носился надъ водою запруженной части Осередья, сгущаясь плотнѣе къ очеретамъ вершины плеса; шумъ воды на лотокахъ не заглушалъ писка и стрекота проснувшихся водяныхъ курочекъ въ камышѣ и крячекъ, носящихся надъ водою. На мостку гребли, пригнувшись къ *„заставкамъ“*, что-то разсматривалъ въ запыленномъ бѣльѣ, съ присыпанными мукою всклокоченными волосами мирошникъ. Около двухъ возовъ помольщиковъ стояли прикованныя цѣпями лошади, и подъ возами видны были спящіе два человѣка.

—Здоровъ!—отвѣтилъ мирошникъ на привѣтствіе Хведька, не переставая осматривать заставки.

—Що у васъ, дядьку,—завизно?

—А що?

—Та есть трохы жыта змолоть...

—Змелю—несы онъ-туды у двери. Змелю, поспію всимъ. Теперъ вже трохы вольготнійше, а то дуже було завизно... Ты чый же? тутешній? Що, наче я тебе не знаю.. не въ прымиту.—

—Та тутешній—Самченкивъ.—

—Гмъ.. Андрія Самченка... знаю. Бачъ, якъ уси ростуть.. и не розберешъ молодыхъ!—какъ-бы самъ съ собою разсуждалъ мирошникъ.

—Поставъ отъ-тутъ; къ вечору може й засыплю. Зосталося не багато...

Хведько попрощался и пошелъ на Бемовку въ уличку около сахарнаго, теперь недѣйствующаго завода, по направленію къ базару, гдѣ былъ домъ діакона.

Ворота оказались у діакона запертыми и окна въ домѣ закрыты ставнями. Очевидно, въ домѣ еще спали,—приходилось подождать. Онъ постоялъ и затѣмъ сталъ на скамейку около воротъ и силился заглянуть во дворъ черезъ заборъ.

—Іи нема, коровъ до череды погнала,—отозвался сзади его женскій голосъ. Это была сосѣдка дивчина, направлявшаяся куда-то съ тяпкою на плечѣ и съ мѣшочкомъ въ рукахъ.

Дѣйствительно, вскорѣ появилась Машка, гонявшая коровъ. Она объяснила, что уже говорила діаконшѣ и что вчера еще діаконша пригласила Глущенкову, черныцю, приходить рано и вечеръ доить коровъ, пока не найдется на мѣсто ея работница; что вотъ-вотъ скоро хозяйка встанетъ, а можетъ быть встала, а что діаконъ будетъ спать долго, потому что вчера дѣлили на лугу траву и „отець діаконъ“ вернулся выпивши.

Пришлось подождать, сидѣть и смотрѣть, какъ небольшая базарная площадь мало-по-малу оживала, заставлялась возами торговцевъ и возками торговокъ-седухъ и сходящимися людьми, какъ развертывался понедѣльничный лѣтній небольшой базарчикъ.

Наконецъ выбѣжавшая изъ двора Машка открыла уличныя окна и сказала Хведьку, что и діаконъ всталъ.

Хозяева Машки вполнѣ поняли ея положеніе и не настаивали на ея удержаніи на службѣ. Разсчитавшись, она связала свою худобу въ небольшой узелокъ и вмѣстѣ съ братомъ направилась, по возможности обходя базарную гущу людей, въ Андреевку.

Кое-какъ устроились на хозяйство Хведько съ Машкою.

Обмазанная хата, съ обведенными красною глиною окнами, выглядѣла даже свѣжѣе другихъ своихъ по ряду товарокъ. Изъ коморы Машка подобывала всѣ тѣ мелочныя, но необходимыя принадлежности печо-хатняго хозяйства крестьянской семьи, безъ которыхъ немыслимо функціонированіе любой сельской хозяйки. Появилась на видномъ въ избѣ мѣстѣ *дижа*; *рогачи*, *кочерга* и *чаплія* заняли ихъ обычный постъ въ углу около печи, на полицѣ надъ порогомъ помѣстились горшки, миски и ложки, столъ покрытъ „*настильникомъ*“, однимъ концомъ прикрывающимъ надрѣзанный хлѣбъ; на „*жердци въ валькири*“ появилась кой-какая одежа, а въ углу на „*полу*“ сложены Машкины подушки. На „прысинкахъ“ въ углу на скамейкѣ стояли ведра; около хаты было обметено, и въ тѣни повѣтки бѣлѣли свѣжія щепки нарубленнаго на топливо сушняка. У окна около лавки Хведько пристроился со своимъ „*шевствомъ*“, забравъ у

Сохвы шевскій *„струментъ“*, пополненный уже имъ самимъ. Пришлось ему пожалѣть, что изъ тюрьмы онъ не взялъ оставленный ему Шляховымъ *„струментъ“*. Да пока еще и не все понадобилось. Такъ, кое-какая починка нашлась, да и тою еще некогда было заняться: много пришлось похлопотать, устраиваясь въ житьѣ.

Машка уже настолько справилась по своему небольшому хозяйству, что уже на слѣдующей недѣлѣ отправилась на поденщину, на полку свеклы.

Хведько уже не сторонился и пересталъ быть новымъ лицомъ на своемъ кутку—на Красноселовкѣ; дѣти уже попривыкли къ нему.

Онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ времени, когда получатся отъ Сугыбы деньги, можно будетъ купить лошадь, справить всю сбрую и сдѣлаться чуть не полнымъ хозяиномъ.

Навѣдывавшаяся къ нимъ и по возможности помогавшая Машкѣ въ пораньи Сохва почему-то не вѣрила въ осуществленіе мечтаній Хведька, хотя, собственно говоря, ничѣмъ основательнымъ не могла объяснить свои сомнѣнія.

Но Хведько не унывалъ, считалъ вполнѣ осуществимыми свои намѣренія и потому, встрѣтившись даже разъ около глинища, гдѣ онъ копалъ для обмазки хаты глину, съ лѣснымъ сторожемъ Плахотой, поговорилъ съ нимъ о возможности ночью пасть въ лѣсу лошадь. За это онъ обѣщалъ сторожу могарычъ и въ случаѣ надобности кое-что поисправить изъ обуви.

Максимъ Плахота жалѣлъ его, какъ сына своего кума, и обѣщалъ пускать на ночь съ лошадью въ лѣсъ.

Близился Петровъ день, слѣдовательно и такъ нетерпѣливо ожидаемая Хведькомъ урочная ярмарка въ Андреевкѣ.

IX.

Еще дней за четыре-пять начала строиться ярмарка. Торчавшія еще съ весны колья обставлялись шелевками; устроен-

ные балаганы покрывались полстями и рогожами, разгружались привезенные возы, товары укладывали на полкахъ; въ сторонѣ отъ лавокъ подъ горою уже становились возы, наладованные свѣжею зеленою травою, и при нихъ то шаечки быковъ, то кучки овецъ—началась уже скотская ярмарка. Цыгане пораспинали свои шатры, появились „хуры“ съ колесами и возами; оживилась пустая въ обыкновенное время ярмарочная площадь.

Пришедшая вечеромъ съ работы Машка разсказала, что на мосту видѣла возвращавшагося изъ Шереметовки Сугыбу.

На другой день утромъ, какъ солнце стало *„у сниданья“*, значитъ часовъ въ 7, Хведько отправился къ Сугыбѣ.

Окна на улицу были открыты, и у одного изъ нихъ сидѣлъ самъ Сугыба въ ситцевой рубахѣ, пилъ чай и съ кѣмъ-то изъ своихъ разговаривалъ. Онъ замѣтилъ подошедшаго Хведька только тогда, когда тотъ, приподнявъ немного шапку, сказалъ:

—Здраствуйте! Ночувалы соби!

—Здоровъ! Слава Богу!—отвѣтилъ Сугыба, поставилъ на столъ блюдце, опрокинулъ вверхъ дномъ чашку, отодвинулъ ее и высунулся въ окно.

—Шо тоби надобно?—спросилъ онъ Хведька.—Хто ты такый? По якымъ диламъ?—

—Та я тутъ у васъ уже бувъ.... гроши мои у тебе, дядьку, такъ треба теперъ самому...

Сугыба сразу понялъ, кто это передъ нимъ, и успѣлъ приготовиться къ отвѣту.

—Ага! знаю! Ты той, якъ пакъ васъ прозываютъ?...

—Самченко.—

—Эге жъ, знаю! Шо жъ парень?!. Я й не отказуюсь: гроши твои въ мене, та тильки воны въ товари. Оце жъ я въ Шереметивци на Ивана й товаръ набиравъ икъ своій ярмарци—онъ ще й воза не розшнуровувавъ.—Тамъ що Господь пошле у ярмарку, ты тоди понавидайся.. може що небудь и зберу...

—А мени бачъ теперъ треба, хотивъ було якою небудь шкапыною роздобутыся.

—Шо жъ робыть! Я й раднійшій-бы, та бачъ яке...

—Та наче жъ мы й не повынни теперъ отдаваты цихъ грошей ажъ до строку — до Покровы...—отозвалась Сугыбыха, сидѣвшая тутъ же окола стола и полоскавшая чашки..

—Та такъ же—воно звисно до Покровы... какъ-бы спохватившись подтвердилъ Сугыба.—Це я такъ, якъ що може бъ гроши булы у збори, такъ яку тамъ частыну отдать, а то, звисно, до Покровы... Теперъ и своихъ по людяхъ ніякъ не зберешъ. Якъ правыть, такъ бачъ и оглядиться по дому, якъ то кажуть, не дадуть—заразъ прыстають, а отдавать, такъ щось не дуже поспишають—переходя въ ворчливо-укорительный тонъ, повелъ рѣчь Сугыба, между тѣмъ, какъ Хведько только почесывалъ потылицу и похнюпившись кой-когда изъ-подлобья взглядывалъ на окно и на высунувшагося въ него своего должника. Въ его головѣ какъ-то не укладывалось понятіе о возможности не отдавать должныхъ денегъ, тѣмъ паче, что онъ вѣрилъ разсказамъ сестры, что деньги отданы въ рость только до выпуска его изъ тюрьмы.

—А мени теперъ саме надобляться—подтвердилъ онъ свое домогательство.

—Та вже-жъ хоть и надобляться, такъ заразъ нема. Хиба разви тамъ, якъ дило покаже пися ярмарку... а теперъ самъ бачишъ, воны твои гроши у товари..

Хведько начиналъ понимать, что этотъ Сугыба какъ бы крѣпнетъ въ намѣреніи не отдавать денегъ, почувствовалъ, что его надежды на возможность обзавестись лошадью при такомъ положеніи дѣла врядъ ли могутъ осуществиться, и знакомое его натурѣ чувство злобы по отношенію къ этому торгашу на его деньги вдругъ прилило къ сердцу. Такъ бы и схватилъ его за глотку и выжалъ бы изъ него эти деньги—средство осуществленія мечты о хозяйствѣ, о возможности стать на ноги, сдѣлаться настоящимъ человѣкомъ. Озабоченное выраженіе его лица вдругъ какъ то измѣнилось въ грозное, злое. Сугыба, наторѣлый въ общеніи съ людьми, подмѣтилъ эту перемѣну и, не желая во

всякомъ случаѣ озлобить своего кредитора, на его болѣе настойчивое: а мени, бачъ, треба грошей!—отвѣтилъ: та отъ побачымо, якъ тамъ воно дило покаже на ярмарку, то може я й не стану держать твоихъ грошей. Богъ зъ нымы! Мени ще й лучше, якъ нихто не звязуватыме.—

—Тамъ якъ знаешъ, а мени, дядьку, оддай гроши до ярмарку—сказалъ, блеснувъ глазами и сдвинувъ черныя брови, Хведько и, кивнувъ головою, пошелъ вдоль по улицѣ отъ двора.

Сугыба видѣлъ, что всѣ его отговорки не возъимѣли желаннаго успѣха, и что Хведько мало принималъ во вниманіе всѣ его доводы и настойчиво твердилъ свое требованіе отдачи денегъ.

—Пипъ свое, а чортъ свое! Якъ оддай, такъ оддай, тай бильшъ ничого!—сказалъ Сугыба какъ бы про себя, повернувшись отъ окна...

—Поправыть, та такый же якый бувъ и востанеться... отозвалась вполнѣ сочувствовавшая мужу Сугыбыха.

X.

Мрачный шелъ Хведько, понурившись и не обращая даже вниманія на развертывающуюся на площади ярмарку. И только при поворотѣ къ винокурнѣ онъ взглянулъ на пьяныхъ, ѣдущихъ въ телѣгѣ, около которой было привязано нѣсколько лошадей. Между кричащими что-то пьяницами онъ разглядѣлъ Шкавра и Шляховаго, и ему показалось, что они тоже на него смотрѣли, но не узнавали его.

Хведько не окликнулъ ихъ. Ему почему-то показалось неловко встрѣчаться съ ними, не имѣя денегъ на покупку лошади. Ужъ больно много онъ тогда нахвасталъ передъ ними въ трактирѣ Вовка. Поэтому, не окликнутый Шляховымъ, онъ постарался поскорѣе скрыться отъ нихъ и поспѣшилъ къ своему двору.

Машка была дома и только что вернулась съ огорода, гдѣ она *„прала“* бѣлье, развѣшиваемое теперь ею на плетнѣ и жердкахъ.

Увидавъ брата, она, зная куда и зачѣмъ онъ ходилъ, спросила его:

—Ну, що жъ? Выправывъ?

—Такый! Въ нього не скоро выправышъ!—неохотно отвѣтилъ Хведько и пошелъ въ избу, гдѣ и усѣлся сапожничать.

Наступилъ канунъ Петрова дня—подторжье въ Андреевкѣ. Не помѣщается ярмарка на небольшой площади—разлилась по прилегающимъ улицамъ, выперлась на косогоры. Какъ поросль лѣса, торчатъ вездѣ приподнятыя вверхъ оглобли. Къ вечеру народу все прибываетъ больше и больше. Торгаши краснорядцы, желѣзняки, кожевники уже разстановились вполнѣ и занимаютъ самый центръ этой гущи людей, возовъ, лошадей.. Каждый рядъ торговли занимаетъ свой рядъ: отдѣльно балаганы съ краснымъ товаромъ, рядомъ съ краснорядцами двѣ-три *яточки* галантерейщиковъ, цѣлый рядъ столярныхъ подѣлокъ, прядокъ, гребней, оконъ, сундуковъ; отдѣльно двумя рядами съ натянутыми при возахъ наметами сапожники и кожевники; двѣ посудныхъ лавки прислонились въ концѣ двухъ рядовъ колеснаго и телѣжнаго товара, здѣсь же куча *сопилокъ,* возы съ таранью, солью, перекупки съ бубликами, паляныцями, особнякомъ стали гончари съ бабьимъ товаромъ: горшками, мисками и макитрами; особый наметъ натянутъ надъ бочками дегтя, которымъ теперь запасаются селяне въ виду предстоящей возовицы. На окраинахъ ярмарочной гущи виднѣется еще кой-гдѣ нераспроданная скотина; бѣлѣютъ нѣсколько шатровъ цыганъ и тамъ-же *„конна“*—продажа лошадей.

Не помѣщающаяся на площади ярмарка мало-по-малу втискивается въ прилегающія улицы; во дворахъ и хатахъ тоже много прибылаго ярмарковаго люду. По дорогамъ, ведущимъ въ слободу, тянулись нескончаемыя вереницы возовъ. Густой праздничный благовѣстъ ко всенощной выдѣлялся среди какого-то неопредѣленнаго гула, скрипа, ржанья, мычанья и людскихъ голосовъ.

Хведько подошелъ было къ устраивавшемуся въ шевскомъ ряду Сугыбѣ, но не рѣшился говорить съ нимъ въ виду его захлопотанности. Онъ видѣлъ, какъ тотъ къ наладованному возу пристраивалъ навѣсъ, вбивалъ колья, натягивалъ веревки, и потому раздумалъ затрогивать его, разсчитывая, что завтра наторговавшій еще на подторжьѣ денегъ Сугыба не рѣшится удерживать долгъ и расплатится съ нимъ.

Но тѣмъ не менѣе сомнѣніе въ отдачѣ денегъ не переставало тревожить его и усугубляло мрачность его настроенія. Печально и безучастно потолкался онъ въ толпѣ, посмотрѣлъ издали на окруженный цѣлою толпою кабакъ Жердева, но не пошелъ туда и направился на свою Красноселовку.

Заканчивавшая на крыльцѣ, „*прысинкахъ*“, приборку Сохва окликнула шедшаго мимо ея воротъ задумавшагося Хведька.

—Шо ты селезень, смутенъ не веселъ?..(*)

Хведько подошелъ къ крылечку и поздоровавшись краткимъ привѣтомъ—„днювала соби!“—облокотился на крыльцо.

Сохва на вѣникѣ снесла собранный соръ, оббила вѣникъ объ уголъ крыльца, опустила подтыканную сподницу и сѣла на скамейкѣ, сказавъ: заморылася!—

— До Сугыбы ходывъ?—спросила она.

— Ходывъ.

— Шо жъ? Якъ?

— Та я тильки постоявъ на отдали, а до нього й не пидходывъ. Нехай вже щб завтра буде... Наторгуе—може и отдасть...

— Та воно звисно!—одобрительно сказала Сохва: пидожды й до завтрього.

— Шожъ? ярмарокъ збираеться?

— Збираеться... тамъ мыра!

— Ну, чимъ же вы зъ Машкою будете розговляться?

— Якъ чимъ?

— Та такъ, що завтра Петра, такъ треба розговляться...

— А я бачъ, и байдуже!..

— Гмъ! Мы давай отъ-якъ зробымо: ты давай двугрывеного, та отъ тутъ въ мене де-що есть, у-вечери збигаю до

---

*) Стихъ изъ пѣсни,

Декунивъ, чы не розжывусь баранины...—мени однаково йты до своихъ за молокомъ — та такъ умисти й розговіемося. Машка нехай вранци до мене прыходе пораться: шо вже тамъ на дви печи розчыняты.

Хведько не разъ уже испытывавшій на себѣ доброту Сохвы, но не останавливавшій на этомъ своего вниманія, теперь какъ-то особенно восприняль къ сердцу это проявленіе ея дружескаго расположенія къ нему и ея предусмотрительность.

— Эге жъ... только и могъ вымолвить онъ, доставая изъ гаманчика 20 копѣекъ.

— Шо, эге?

— Та то, що ты така... онъ не могъ прибрать слова.

— Яка?

— Така... така... мылосердна... наконецъ подобралъ онъ слово и весь покраснѣлъ. Сохва тоже сконфузилась отъ этой похвалы, но не теряя своей обычной бойкости, какъ то укоризненно вздернула голову вверхъ и со словами: скаже... щей мылосердна!...—пошла въ сѣнцы...

Еще ниже повисла голова Хведька, и такъ дошелъ онъ домой.

Машка вернулась поздно съ работы.

На другой день, Петра и Павла, день урочной ярмарки въ Андреевкѣ, хата Самченковыхъ опустѣла съ самаго утра. Машка по уговору отправилась стряпать къ Сохвѣ, а Хведько опять на ярмарку съ надеждой получить деньги съ Сугыбы.

Зазвонили рано, и среди толпы ярмаркующихъ все-таки можно было отличить нарядно пріодѣтыхъ мѣстныхъ жителей, направляющихся къ обѣднѣ.

Хведько, толкаясь среди толпы, увидѣлъ очевидно отпущенную Сохвою Машку, тоже одѣтую по праздничному, прошедшую въ церковь. По рядамъ кишѣлъ народъ; площадь неумолчно гудѣла говоромъ, выкриками... Купля-продажа началась съ ранняго утра во всѣхъ концахъ. Всякъ торопился скупиться и еще заблаговременно вернуться домой, такъ какъ большинство были все изъ отдаленныхъ селъ. Въ шевскомъ ряду былъ

тоже порядочный „натовпъ“ и сутолока: торговались, зазывали, хвалили товаръ, хлопали по рукамъ... Хведько шагахъ въ десяти стоялъ отъ намета Сугыбы и видѣлъ, какъ тотъ разсыпался мелкимъ бѣсомъ около покупателей, выхваляя свой товаръ, называя его Саранскимъ, произнося знакомые Хведьку термины „середовый“ „полувалъ“ „вытяжкы“, „пиднарядъ“ и т. п. Онъ видѣлъ, какъ Сугыба бралъ отъ покупателей деньги, вынималъ изъ штановъ или изъ жилета портмоне или бумажникъ и пряталъ въ нихъ кредитки или сдавалъ сдачу. Онъ хорошо понималъ, что Сугыбѣ некогда толковать съ нимъ, нельзя оторваться отъ своего дѣла, но въ то же время онъ помнилъ и то, что купить лошадь только и можно сегодня, что къ вечеру ярмарка разъѣдется, а онъ какъ былъ, такъ и останется безъ лошади. Каждый разъ, когда Сугыба держалъ въ рукахъ деньги, Хведько порывался подойти къ нему и потребовать деньги, но тотъ, спрятавъ деньги, опять принимался за новую продажу, вступая въ торгъ съ новымъ покупателемъ; и опять оказывалось неумѣстнымъ подходитъ къ нему, перебивать ему дѣло.

Такъ продолжалось долго. Онъ все ближе и ближе подвигался къ намету Сугыбы, питая слабую надежду, что послѣдній какъ-нибудь самъ обратитъ на него вниманіе и безъ напоминанія отдастъ деньги.

Вдругъ кто-то тихонько дернулъ его за рукавъ черкески, и не успѣлъ онъ оглянуться, какъ до ушей его дошла чуть не шопотомъ сказанная фраза.

— Не повертайся! Та добре слухай, шо я казатыму.

Знакомый голосъ оказался голосомъ Шляховаго, и Хведько не поворачиваясь выслушалъ.

— Сю ничъ никуды не сходь зъ двора и ночуй одягнутый на прысинкахъ...

Не слыша продолженія рѣчи, Хведько черезъ нѣсколько мгновеній оглянулся, но около него двигались туда и сюда совершенно незнакомые ему люди, а Шляховаго и слѣдъ простылъ.

Сдвинулись больше еще брови Хведька, и онъ задумался надъ этими словами.

— Это ужъ знать не даромъ... думалось ему и въ то же время ему чего то страшно стало.

Но Сугыба опять отвлекъ его вниманіе, и онъ еще ближе подвинулся къ его намету. На этотъ разъ глаза ихъ на мгновеніе встрѣтились, но опустившимъ ихъ оказался не Сугыба, ни на мгновеніе не отрывавшійся отъ своего дѣла, а Хведько, которому очень стало неловко. Еще больше онъ насупился и зашедши съ боку „намета“ сказалъ:

— Здрастуйте! Съ празныкомъ!

— А! здоровъ!—кивнулъ въ его сторону Сугыба и уже не скоро, замѣчая, что Хведько стоитъ и не уходитъ, сказалъ:

— Ты усе за тымъ же... Шо жъ! Самъ бачышь, николы... Писля ярмарку потолкуемо...

— Та мени жъ треба було бъ шкапу яку купыть... началъ было Хведько, но Сугыба уже занялся подошедшими двумя покупателями, вовсе не слушая его резоновъ.

Долго стоялъ молча Хведько, пока наконецъ его должникъ, предупреждая болѣе рѣзкое заявленіе требованія денегъ, что могло его конфузить передъ другими кожевниками, сказалъ ему:

— Надойды трохы згодомъ—поговорымо; теперь самъ бачышь...

Обнадеженный этимъ Хведько оставилъ наметъ Сугыбы и направился на конную, гдѣ могъ хоть посмотрѣть на лошадей, прислушаться къ цѣнѣ.

Тамъ на конной дѣло было, что называется, въ полномъ разгарѣ. Показывали и смотрѣли лошадей, проѣзжали верхомъ и въ упряжи, заглядывали въ зубы, дергали за хвосты, щупали, тыкали въ глаза пальцами, хлопали по рукамъ, божились, увѣряли, ругались, свистѣли кнутами, пили уже и могарычи. Слышался говоръ москальскій и хохлацкій, цыганскіе восклики и ругань.

Тутъ только Хведько сообразилъ, что еслибы даже и имѣлъ онъ деньги, то купить лошади не съумѣетъ, такъ какъ въ лошадяхъ онъ ничего не смыслитъ, и что поэтому ему необходимо къ кому-нибудь обратиться съ просьбой о помощи и со-

вѣтѣ. При этихъ думахъ глазами онъ натолкнулся на Шляховаго и Шкавра, стоявшихъ въ числѣ прочихъ около покупаемаго у какого то москаля однимъ паномъ жеребца. Но когда онъ направился къ Шляховому, то послѣдній какъ то тупо глянулъ на него и отошелъ въ сторону, а тутъ же стоявшій Шкавро ничѣмъ не обнаружилъ своего съ нимъ знакомства.

Москаль запросилъ за жеребца 280 рублей. Въ толпѣ зацмокали и замотали головами. Паны оглядывали его со всѣхъ сторонъ...

— Винъ його оцёго жеребця усю весну водыть по ярмаркахъ, та такъ и не продасть... сказалъ кто-то изъ около стоящихъ.

— Дуже багато просыть; йому вся цина сотня, а одъ сылы—пять билетивъ!... *Двѣсти* та щей *восемьдесятъ*—сказалъ Шкавро...—

— Запросъ у карманъ не лизе. Языкъ безъ костей, що хоче, то и меле...—повторили другіе; но Хведько уже не слушалъ дальнѣйшихъ замѣчаній, такъ какъ въ сторонѣ показался его зять, мужъ сестры Польки, къ которому онъ и направился.

Пожурились они съ зятемъ о неотдачѣ денегъ Сугыбою, потолкались по конной, поприслушались къ цѣнѣ лошадей, къ одной даже и сами было прицѣнились, отстранились отъ усерднаго предложенія цыгана купить у него „добрячу, таку добрячу кобылу“ и пошли опять съ тѣмъ, чтобы попытаться получить долгъ съ Сугыбы.

Но подъ его наметомъ оказалась цѣлая компанія: и старшина, и писарь, и староста, и сотскій. Такъ всѣмъ ареопагомъ „начальныкы“ и пошли по ярмаркѣ и вотъ остановились около Сугыбы. Послѣдній только что окончилъ очевидно что-то говорить „начальныкамъ“ и, повернувшись, какъ разъ уперся глазами въ пріостановившагося было Хведька.

— А! Пидойды сюда лышъ, молодець!—позвалъ его Сугыба и, обращаясь къ старшинѣ, сказалъ:

— Отъ винъ. Вы сами вже ростолкуйте йому, Васыль Прокоповычъ; я не втеклый якый, а тилькы, звисно, воны у

мене въ товари; його грошей не выриже шъ зъ шкуры або зъ юхты. Росторгуюся, тоди, може, и можна буде яку часть и до сроку отдать, а теперъ де жъ його взяты...—говорилъ Сугыба, обратившись къ старшинѣ и только изрѣдка взглядывая на нахмурившагося Хведька.

— Што жъ! Винъ, парень, правду говорыть, Тимофей Васильевичъ. Де жъ такъ выдано, щобъ отъ заразъ такъ и вродылысь гроши. Його й отдаваты безъ толку не можна. Усе порядокъ любыть... Гроши не пропадуть, парень, а такъ зря до чоловика не прыставай—наставительно сказалъ старшина.

— Еще нужно разобраться, какъ они тамъ въ книгахъ записаны... поддержалъ писарь, которому почему то представилось, что деньги эти выданы опекою.

— Та мени то надобылося... началъ было Хведько.

— Та вже жъ хоть и надобылось, а такъ не можно. Надойдешъ якъ-небудь после ярмарку у росправу, тамъ розсудымо, теперъ не до васъ... сказалъ старшина и на челѣ всей компаніи отправился по ряду.

Хведько понялъ, что всѣ надежды на полученіе денегъ рушились и, понуривъ голову, побрелъ домой.

XI.

Было уже не рано. Свернуло съ полудня. Уже много телѣгъ съѣзжало съ ярмарки, направляясь на выѣздъ. Около моста на рѣчкѣ съ обѣихъ сторонъ было людно: поили лошадей, скотину, купались... По дамбѣ высокимъ продольнымъ облакомъ стояла пыль отъ ѣдущихъ.

На встрѣчу попадались Красноселовцы, пообѣдавшіе и идущіе на ярмарку поглазѣть, что называется „вытришкы" продавать. „Молодыци и дивчата" поразряживались въ новыя пары, „*повывязувалы хусткы*", мальчишки уже позапаслись сопилками и „коныкамы свыстунамы"...

За заводомъ встрѣтились Хведьку Сохва съ Полькою и Машкою, уже, какъ оказалось, пообѣдавшія и направлявшіяся

тоже на ярмарку. Ему Сохва передала ключъ и разсказала, гдѣ взять что изъ печи, и потомъ, какъ прибрать и куда спрятать ключъ. Разошедшись съ ними, Хведько вспомнилъ, что на самомъ дѣлѣ онъ еще ничего не ѣлъ со вчерашняго дня, и, добравшись до печи, съ аппетитомъ пообѣдалъ.

Идти на ярмарку ему не хотѣлось,—отупѣніе какое то напало на него; не могъ онъ придумать, что дѣлать, за что взяться. Не хотѣлось даже трогаться съ мѣста, и онъ сидѣлъ задумавшись на лавкѣ.

Мечты о заработкѣ своею лошадью оказались неосуществимыми, сапожничество ему не могло, особенно теперь лѣтомъ, ничего дать. За что взяться? Куда идти? Опять въ наймы, опять въ экономію? На косовицу идти?... У нихъ въ домѣ и косы нѣтъ: отецъ все ходилъ на плотахъ, а онъ былъ воловикомъ.—Косить то онъ пробовалъ... Да кто его знаетъ?... Вотъ бы на своемъ поучиться, а пойти такъ стать въ рядъ съ косарями... дѣло и не выйдетъ... Да главное, косы нѣтъ и обойтись съ нею онъ не умѣетъ... Эхъ! Пойти развѣ съ Машкою на подсолнухи... Съ дивчатами... Ого-го! Смѣяться станутъ: онъ и дивчата, молодицы... Мелашка, пожалуй, тамъ... Мелашка!... Гдѣ она теперь? Да, вотъ и на ярмаркѣ ея не видѣлъ... Какая она стала? А прошлый годъ... Эхъ хе-хе! Такъ, какъ сонъ прошло!... Садокъ, ночь, комора...

На крыльцѣ послышались чьи то шаги, скрипнула дверь въ сѣняхъ, брякнула щеколда избяныхъ дверей и въ нихъ закраснѣло что то. Вошла какая то молодица въ большомъ красномъ платкѣ поверхъ очипка, въ новой кумачной парѣ съ отдѣлкою изъ плиса и кантовъ, въ „лентаряхъ“ [1])—„дукачахъ“, вся нарядная—яркая... На полусловѣ оборвалось привѣтствіе вошедшей, только „здраст.....“ успѣла произнести и отшатнулась къ притолкѣ...

Эта вошедшая была Мелашка.

---

[1]) Лентари—намисто изъ янтаря.

Они узнали другъ друга. Слово привѣтствія пока не сошло съ ея открытыхъ устъ; онъ какъ бы застылъ въ мигъ желанія встать и только широко раскрылъ зѣницы глазъ...

Покраснѣвшая было, какъ макъ, молодица вдругъ поблѣднѣла, схватилась за сердце, отшатнулась еще больше къ дверямъ и навѣрное упала бы, если бы Хведько не догадался ее поддержать.

Мелашка глубоко втянула воздухъ, вздохнула и, приведенная къ лавкѣ, безсильно опустилась на нее. Хведько, взявъ кухоль, кинулся въ сѣнцы за водой, но когда онъ вошелъ опять въ хату, то молодица уже судорожно вздрагивала плечами и всхлипывала, припавъ къ лавкѣ.

Хведько стоялъ надъ ней съ кухлемъ воды и не зналъ, что сказать.

— Чого се ты? Богъ зъ тобою!.. только и могъ онъ сказать.

Такъ прошло минутъ десять. Наконецъ Мелашка, вся раскраснѣвшаяся, съ замѣтною отъ слезъ мокротою на глазахъ и на щекахъ, приподнялась съ лавки и, увидавъ кухоль, обтерла платкомъ лицо и жадно припала къ водѣ.

— А Сохва де?—спросила она, поднявшись и поблагодаривъ по обычаю за воду.

— Пишлы на ярмарокъ уси—я тутъ одынъ.

Вздыхая, поднялась Мелашка съ лавки и, уже стоя, смотрѣла на Хведька, стоявшаго передъ нею въ отупѣніи.

— Якъ же пожываешъ?—наконецъ собралась сказать она.

— Якъ бачышъ—сказалъ Хведько, сѣлъ на лавку и въ свою очередь спросилъ, не смотря на нее:

— А тебе якъ Господь мылуе?

— Нема мени жыття. Не сподобна я имъ и воны мени не люби.. Завязалы мени свитъ; наче въ ополонку спустылы—отвѣтила она, не спуская глазъ съ его мужественной красивой постати. Та же стройная фигура, шея красиво обтянутая бѣлымъ воротникомъ сорочки... тѣ же черныя брови, неотросшія послѣ горячки еще совсѣмъ волоса уже курчавились надъ высокимъ лбомъ его, а надъ сочными губами пробивался уже пушокъ

усовъ, чернѣвшій также и по сторонамъ бѣлаго лица. Даже и сравнивать нельзя было его съ ея мозглявымъ, корявымъ какимъ-то мужемъ.

Опять замолчали они, переглянулись и, не отдавая себѣ отчета, бросились другъ къ другу въ объятія... Мелашка, вся трепещущая, расцѣловавъ Хведька, жалась къ нему, обнимая его; онъ, самъ себя не помня, жалъ ее въ своихъ сильныхъ рукахъ....

Осмотрѣвъ предварительно въ окно улицу, совершенно теперь, по причинѣ удаленія всѣхъ ея обывателей на ярмарку, пустую, Мелашка выбѣжала изъ хаты Сохвы и, краснымъ яркимъ пятномъ замелькавъ скоро въ саду, пошла огородами къ своимъ. Хведько же такъ и остался въ хатѣ, взволнованный, и долго не могъ прійти въ себя послѣ этого нечаяннаго свиданія, послѣ этихъ неожиданныхъ ласкъ, восторговъ обновившейся любви. Ему стало стыдно и ужасно не хотѣлось теперь встрѣчаться со своими, съ Сохвой, да и вообще съ кѣмъ бы то ни было.

Напившись воды, заперевъ хату и спрятавъ въ условленномъ мѣстѣ ключъ, онъ тоже пошелъ въ садъ и долго лежалъ надъ рѣкою. Сонъ не смыкалъ его глазъ, а какъ только онъ ихъ закрывалъ, такъ сейчасъ же ему представлялась Мелашка во всей ея новой для него обаятельности. Новое незнакомое ему по сю пору чувство бодрости проявилось въ немъ; ему мерещилось что-то радостное, обнадеживающее. Прежней апатіи какъ не бывало; казалось, что все пойдетъ теперь удачно въ жизни, хотя онъ не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, почему и какъ это но все существо его какъ то воспрянуло—ему такъ захотѣлось жить, работать, добиваться чего нибудь.

Долго онъ лежалъ въ садку надъ рѣчкою съ закрытыми глазами, припекаемый солнцемъ, уже начавшимъ скатываться къ западу. Вдругъ ему послышались въ сторонѣ хаты голоса Сохвы и сестеръ, и ему почему-то пришло въ голову, что съ ними Мелашка. Онъ поднялся и пошелъ къ хатѣ. Дѣйствительно, на крыльцѣ были сестры его, Полька и Машка, а Сохва, стоя на заваленкѣ, рукою шарила подъ облицовочной доской кры-

лечка ключа. У Польки въ рукахъ былъ узелокъ съ какой то покупкою.

Сохва, замѣнивъ тяжелый очипокъ легкимъ платочкомъ, затѣяла собирать „полудновать“. Полька и Машка стали распрашивать Хведька про его хлопоты о деньгахъ.... Вышедшая изъ „валькира“ Сохва, какъ-то особо пытливо глядя на Хведька спросила:

— Никого не було тутъ безъ мене? и увидѣвъ, что онъ покраснѣлъ, не дождавшись отвѣта продолжала:

— А мы походылы по ярмарци, скупылы де що Польци, тай подалысь до дому. Тамъ куряву збылы таку!....

Хведько и радъ былъ, что требуемый отъ него отвѣтъ заговоренъ инымъ, и молчалъ.

Полька и Машка полудновали съ Сохвой, которая отъ времени до времени пытливо взглядывала на Хведька, сидѣвшаго въ сторонѣ на лавкѣ и избѣгавшаго встрѣчаться съ нею взглядомъ.

Когда пополудновавшія Полька и Машка вмѣстѣ съ Хведькомъ стали уходить, то Сохва, провожавшая ихъ изъ хаты, задержала въ сѣняхъ Хведька и, оставшись съ нимъ глазъ на глазъ, опять спросила его:

— Такъ нихто й не прыходывъ безъ мене?...

Хведько молчалъ, опустивъ глаза. Тогда Сохва, вынувъ изъ кармана, показала ему серьгу—одну изъ такихъ, какія носятъ въ той мѣстности дѣвушки и молодыя женщины.

— Це жъ іи сережка—я іи добре та гараздъ знаю... На моихъ подушкахъ! Ростерялась?!... А ще й мовчышъ!

— Иды жъ, иды.... побалакаемо писля... добавила она, шутя выталкивая изъ сѣней на крыльцо окончательно сконфуженнаго парня..

Пожурились дома по поводу неотдачи Сугыбою денегъ, потолковали о томъ, что послѣ ярмарки все-таки нужно ихъ „правыть“, и Полька направилась домой, провожаемая Машкой, которая намѣревалась пораспроситься съ „дивчатами“, куда завтра идти на работу, а Хведько остался самъ въ хатѣ.

Опять онъ сидѣлъ въ раздумьи на лавкѣ; но теперь мысли его были заняты не заботою о пріисканіи работы, не Сугыбою, а пріятно вспоминали Мелашку, свиданіе съ нею, ея ласку... Такъ то ему захотѣлось опять ее повидать... Вспомнилась вдругъ Сохва съ найденною „на подушкахъ" серьгою, ея шутливыя упреки...

Въ хату вошла Машка и сказала, что Сохва „прыказувала", чтобы онъ сегодня же пришелъ къ ней, но чтобы шелъ садами.

Сохва встрѣтила Хведька въ сѣняхъ и, пропустивъ въ хату, сейчасъ же засовомъ заперла двери.

Опять съ тою же лукавою улыбкою Сохва обратилась къ нему съ вопросомъ:

— Та такъ и не знаешъ, чія це сережка у мене зосталась на подушкахъ?

Хведько стоялъ посреди хаты и ничего не отвѣтилъ на этотъ вопросъ.

— Ось иды подывысь, де я іи знашла—сказала Сохва, толкая упиравшагося Хведька въ валькиръ.

Тамъ оказалась Мелашка, съ улыбкою смотрѣвшая на него.

Оба они молчали.

— Ну, посыдьте жъ вы тутъ, а я побижу по воду—сказала Сохва.

— Та йды засунь двери, добавила она, пріотворяя двери.

Опять Хведько и Мелашка остались вдвоемъ, но теперь это уже не было для нихъ такъ странно и страшно, какъ первый разъ.

Когда постучала въ двери Сохва, вернувшаяся не скоро съ ведромъ воды, то они уже чинно разговаривали.. Мелашка разсказала между прочимъ, что мужъ ея съ ярмарки поѣдетъ въ извозъ куда-то за Богучаръ въ Донщину, что свекра постоянно дома нѣтъ, а свекровь еле къ Ильину дню вернется домой съ богомолья, а потому ему, Хведьку, всегда свободно къ ней прійти „на городъ", особенно, если зайти отъ рѣчки, перешедши сарму на Прилѣпиной мельницѣ.

Вошедшая въ хату Сохва сейчасъ же выпроводила Мелашку со словами: иды вже, и то не рано! и задержала Хведька, въ

какомъ то опьяненіи сидѣвшаго на лавкѣ. Уже совсѣмъ смеркло, когда Сохва, выглянувъ предварительно изъ хаты, спровадила его въ садки, которыми онъ и дошелъ къ своему дому.

Мало-по-малу затихли въ вечерней зарѣ отголосы ярмарки. Утихалъ говоръ, грохотъ колесъ по мосту и скрипъ возовъ, все рѣже и рѣже отзывались пьяныя пѣсни, только гдѣ-то на той сторонѣ рѣчки слышна была пѣсня „улыци“, собаки кой-гдѣ лаяли на проходившихъ, да колотушка сторожа постукивала на заводѣ.

Хведько, поужинавъ въ сухомятку, улегся спать на крыльцѣ хаты, но долго не могъ заснуть, какъ то безъ ладу перебирая въ мысляхъ всѣ событія дня. Наконецъ сонъ смежилъ его глаза, и онъ заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Сквозь сонъ ему почудилось, что кто-то его окликаетъ, и когда онъ проснулся, то увидѣлъ около себя какого-то человѣка, который не громко повторялъ:

— Хозяинъ! А хозяинъ!..

Хведько вскочилъ на ноги и немного испуганный спросилъ:

— Чого?

— Та не гомоны, це я, хиба не пизнавъ...

Хведько не сразу разсмотрѣлъ, что это былъ Шляховой... Что то тревожное почуялось ему.

— Розчумуйся та ходимъ зо мною, сказалъ Шляховой, не давая раздумывать Хведьку.

— Та не гомоны—добавилъ онъ.

Хведько какъ то безсознательно пошелъ за нимъ въ калитку. Они перешли на другую сторону улицы, гдѣ было только два двора, и пошли вдоль плетней до заводскихъ построекъ. Здѣсь они остановились, пока сторожъ, постукивая колотушкой, не отошелъ на дальній край заводского двора, и тогда только перелѣзли плетень и черезъ садъ пошли на гору. За садомъ они пошли по горѣ вдоль сельскихъ садковъ и, миновавъ почти Красноселовку, спустились опять къ рѣчкѣ.

Хведько недоумѣвалъ, для чего это они сдѣлали такой обходъ, когда къ тому мѣсту можно было пройти гораздо прямѣе по улицѣ.

— Оттакъ то лучче: нихто не бачытыме—разрѣшилъ шопотомъ Шляховой его недоумѣніе.

Они очутились у того мѣста рѣки, гдѣ Хведько перебродилъ ее недавно, проведенный туда отъ Стрибуля.

— Знаешъ—ты тоди въ трахтыри росказувавъ про свого родыча Плахотю Максыма.

— Ну?

— Такъ отъ поведешъ туды отъ-цього коня, тай скажешъ йому, що нехай у нього попасеться тамъ у лиси...

Хведько замѣтилъ въ камышѣ смирно стящую лошадь.

— Та слухай сюды!.. Прямо до кардону коня не веды, а такъ за пивгоней прывьяжы до дерева, а самъ пидойды до хаты, то якъ выклычешъ самого Максыма, то скажы йому такъ: „Шамро мамро“, отъ винъ и знатыме, а якъ що його нема, то попасы тамъ, ажъ покы прыйде...

Хведько сообразилъ, что это передача краденой лошади, что это одна изъ продѣлокъ, про какія онъ наслушался въ тюрьмѣ, и порѣшилъ отказаться отъ исполненія порученія: ему стало страшно.

— Та сами й ведить—я не хочу,—боюсь...

— Тю! дурный! Боюсь?! хто тебе тамъ знатыме?.. ты не кравъ коня, и зъ нымъ не будешъ—тилько заведешъ у лисъ... Тоби що?! Що, тоби, думаешъ, рубля два залышни будуть?—На, тай веды—уговаривалъ его Шляховой, подавая двѣ рублевыхъ бумажки.

— Чого тоби? Тебе дуже жаліють?...

Хведько безсознательно взялъ деньги и спряталъ въ карманъ черкески.

— Тутъ не яка далына—одвернешъ та ще до зори й выспышься.

— Иды—я пидсажу... И Шляховой ловко подсадилъ Хведька взвалившагося на лошадь. Выѣзжая изъ камыша, Хведько увидѣлъ еще какого то человѣка, остававшагося вмѣстѣ съ Шляховымъ.

Кардонъ былъ не далеко, и, не успѣвъ прійдти въ себя, Хведько доѣхалъ до лѣса. Слѣдуя точно наставленіямъ, онъ не

далеко отъ лѣсной сторожки привязалъ къ дереву лошадь, а самъ пошелъ вызвать лѣсника Плахотю. Лай собаки заставилъ его вооружиться выломанною палкою, но этотъ же лай вызвалъ къ воротамъ дворика и самого лѣсника, опросившаго Хведька.

— Хто се?

Хведько только теперь вспомнилъ, что ему нужно было сказать какую то условленную фразу, но какую именно, онъ совершенно забылъ. Во дворѣ виднѣлись двѣ повозки, около которыхъ попрыхивали привязанныя лошади, собака не переставала уѣдать, хотя хозяинъ и отгонялъ ее.

— Ты хто такый?—повторилъ Плахотя,—выходя изъ-за невысокихъ воротъ наружу дворика.

Хведько вспомнилъ, что условленная фраза была однозвучна съ фамиліей Шкавра, и сказалъ—Шкавро...

Плахотя пригнулся поближе къ нему и сказалъ.

— Я пытаю тебе, хто ты такый? Одъ Шкавра?

— Я забувъ, якъ треба казать—отвѣтилъ простодушно Хведько.

— Ага!—догадался Плахотя: Може,—Шамро-мамро—сказалъ онъ шопотомъ.

— Еге-жъ—Шамро—мамро!.. повторилъ себѣ Хведько.

— Ну постій же тутъ—я заразъ.

Хведько послышалъ, какъ Плахотя пошелъ въ хату и оттуда, проходя къ воротамъ, сказалъ кому то, что идетъ въ обходъ по лѣсу.

Указавъ лѣснику привязанную къ дереву лошадь, Хведько опрометью побѣжалъ въ слободу и черезъ плетни и огороды добрался до своей хаты.

Уже начинало свѣтать, пѣтухи перекликались по селу, но еще на улицѣ было пусто.

Хотѣлось ему заснуть, но сонъ бѣжалъ отъ него; въ мысляхъ онъ перебиралъ всѣ возможности открытія его участія въ кражѣ сведенной на кардонъ лошади: арестантская, сельское начальство, судья, тюрьма представлялись ему теперь еще въ болѣе страшномъ видѣ; казалось ему, что всѣхъ мытарствъ онъ

и не переживетъ, что теперь ему нельзя уже и показаться на глаза Сохвѣ, что не прійдется увидать Мелашку. Вспомнивъ про нее, Хведько мимовольно отдался мечтамъ. Въ его воображеніи предстала она во всей обаятельности невѣдомыхъ ему по сю пору восторговъ любовной ласки; она, какъ живая, стояла передъ его закрытыми глазами, онъ какъ бы чувствовалъ ея присутствіе, какъ бы обхватывалъ своими руками ея трепещущее тѣло, сухими отъ внутренняго жара устами ловилъ ея поцѣлуи... Вотъ она, стройная, нарядная, млѣющая въ его объятіяхъ, прижимающаяся къ нему...

— Хведьку! Я жъ пійду... Этими словами разбудила его Машка совсѣмъ уже собравшаяся съ „торбыною" за спиной и съ тяпкою въ рукѣ.

Схватившійся Хведько не сразу понялъ, что ему сказала Машка, и когда она сошла съ крыльца и брязнула кольцомъ запираемой калитки, онъ опять припалъ на лавку, опять хотѣлъ погрузиться въ грезы, но ничего изъ этого не вышло: проснувшаяся слобода уже отзывалась всѣми жизненными звуками— мычали коровы, выгоняемыя въ череду, перекликались пѣтухи, грохотали телѣги, чирикали воробьи, понесся отголосъ церковнаго звона, слышались голоса людей,—все уже жило, шевелилось.

Среди этого внутренняго оживленія одинъ только Хведько не находилъ себѣ дѣла, не зналъ, что начать и чѣмъ заняться. Да и не шла ему на умъ работа—ему нужно было идти, какъ только обутрѣетъ, въ волость добиться полученія денегъ съ Сугыбы, какъ это было ему вчера сказано старшиною.

XII.

На ярмарочной площади остались только торговцы, убиравшіе товаръ и разбиравшіе балаганы, но около Жердева кабака было людно, стояло много лошадей и цыганскихъ кибитокъ, слышны были громкіе разговоры и ругань цыганъ.

Около крыльца волости были тоже люди, и видно было какое-то оживленіе. Хведько чувствовалъ, что тамъ, вѣроятно, не особенно охотно займутся его дѣломъ, но все-таки въ числѣ прочихъ вошелъ въ сѣни правленія. Сквозь открытыя двери видно было, что дѣлалось въ волости. Старшина сидѣлъ за столомъ и слушалъ оживленный разсказъ какого-то, очевидно, торговца, между тѣмъ какъ другой отвѣчалъ на вопросы что-то записывающаго писаря.

Изъ долетавшихъ до слуха Хведька словъ перваго торговца, онъ понялъ, что тотъ разсказывалъ старшинѣ, какъ—„и не спали еще, а лежали только и разговаривали—слыхали даже, какъ лошади побрякивали путами—да уже кинулись тогда, когда послышали топотъ".

Хведько насторожилъ слухъ.

— Мы тутъ кинулись—слышимъ уже по мосту загремѣли копытами. На мостъ.. а тамъ, знаете, песокъ... Ему одна дорога, а намъ десять... Тутъ еще были другіе—у нихъ кони прикованы; поручили имъ товаръ,—а сами сюда-туда; на Бемовкѣ кой-кого побудили, ихъ и слѣдъ простылъ... Сторожъ колотушникъ говорилъ: видѣлъ, какъ проскакали мимо Бемовки и стараго двора... Пойди, ищи ихъ! Какъ въ воду канули!—и развелъ руками.

— Лѣвое ухо съ выщикомъ—диктовалъ другой писарю... на правой ногѣ бѣлое пятно подъ щеткой,—отъ мокреца осталось! продолжалъ онъ.

Хведько понялъ, что рѣчь идетъ про украденныхъ лошадей. Ему страшно стало, какъ бы не обратились къ нему, и онъ вышелъ на крыльцо, гдѣ услышалъ менѣе оживленные разговоры про ту же кражу.

— Шукай теперъ! Ловы витра въ поли!

— Эге жъ. Йому одна дорога.

— Бида, братцы! Отъ такъ же й мени тоди прыйшлося:— саме возовыця, а воно й пидвернулось лыхо. Уже зовсимъ на свитанни, саме сонъ розибравъ, кынувсь—нема!—Отъ якъ обижено!..

— Баловство завелось...

— Та дежъ саме ихъ узято?—спросилъ одинъ, очевидно не слышавшій начала разсказа.

— Де!.. Оттуть заразъ за сагою. Воны то выихали за мистъ на сази, зверпулы на лужокъ та й отаборылысь ночувать. У де-которыхъ булы кони пры возахъ на чепахъ, а цито узялы, позаковувалы у зализни пута, тай пустылы пастысь.. Ажъ воно...

— Вже не що, а тутъ, выдно, поблызу десь дожыдалося... Шукай теперъ! Воны, гляды, вже ажъ у Шереметивци...

Слушая это, Хведько припомнилъ, что лошадь, которую онъ отвелъ на кардонъ, была мокрая, и понялъ, что она была не потна, какъ тогда думалъ онъ, а переправлена по броду изъ-за рѣки. Все для него было ясно: это несомнѣнно была одна изъ краденыхъ у торговцевъ. Ему очень хотѣлось разсказать, гдѣ она, помочь въ розыскахъ; но его участіе въ сокрытіи этой лошади, боязнь отвѣтственности, а также нежеланіе выдавать всегда добраго къ нему Шляховаго, что было бы необходимо, удерживало его отъ вмѣшательства въ эти разговоры.

Вышедшій на крыльцо дидъ Смалько узналъ Хведька и спросилъ, за чѣмъ онъ пришелъ сюда. Хведько разсказалъ.

— Шкода, парень! Тутъ не до тебе. Отъ заразъ подадуть пошту и начальныкы пойидуть на Бемовку шукаты пропажу, трусыть де кого.. Це вже дило буде до самого вечора. Другымъ разомъ навидаешься...

Хведько поскребъ „потылыцю", тряхнулъ головою и, надѣвая шапку, пошелъ изъ расправы ко двору Сугыбы.

Тамъ засталъ цѣлую компанію какихъ-то стороннихъ торговцевъ, распивавшихъ чай и подвыпившихъ. Ихъ потныя красныя лица видны были сквозь открытыя окна. Они громко разговаривали. Онъ постоялъ противъ дома и сообразилъ, что и здѣсь „не до нього".

Надумавшись пойти къ Тышку на Пучину—можетъ быть какую-нибудь работу добудетъ—онъ пошелъ вдоль по слободѣ и вышелъ на край ея. За слободой рѣка отходила излучиной

на лугъ и за лугами зеленѣли группы вербъ около мельницы, къ которой рѣка подливалась узкою и глубокою сармою; за ней виднѣлись левады, огороды Деревни. Хведько вспомнилъ, что тамъ за этими вербами живетъ Мелашка, что теперь она, вѣроятно, одна дома, и, постоявъ немного, повернулъ прямо черезъ лугъ. Высокая луговая трава становилась все выше по мѣрѣ приближенія къ водѣ, постепенно смѣняясь осокою, а далѣе и камышомъ. Пришлось путаться въ прибрежныхъ поросляхъ и обходить на мостокъ при мельницѣ. Помолу, очевидно, не было, колеса не вертѣлись. Здѣсь же за плотиной и мельницей была жилая изба, кой-какія службы и хорошій тесовый амбаръ. Съ плотины дорога проходила возлѣ самой хаты и между постройками. Въ мельницѣ слышенъ былъ стукъ топора, да пониже лотоковъ какая-то подтыканная баба что-то полоскала. У повѣтки копались куры. Хведько поскорѣе прошелъ плотину и мимо хаты повернулъ влѣво надъ сармою. Собака, поздно уже его замѣтившая, брехнула раза два и замолкла, свернувшись клубкомъ въ тѣни подъ амбаромъ. Отошедши саженей сто или болѣе отъ мельницы, Хведько повернулъ къ огородамъ и левадамъ Деревни. Пришлось еще обходить мочажину, къ которой сходили огороды, но онъ никакъ не могъ сообразить, гдѣ именно огородъ Мелашки. Вербы и левадныя заросли мѣшали ему видѣть постройки хутора. Онъ помнилъ, что возлѣ ея двора былъ колодезь съ высокимъ „зводомъ", но и звода не видно было. Онъ усѣлся въ чащѣ отдохнуть.

Съ большой дороги доносился грохотъ проѣзжающихъ, гдѣ-то далеко звенѣлъ колокольчикъ, кое-гдѣ слышались голоса людей, какія-то птички чирикали въ кустахъ, кумкумали лягушки въ недалекомъ болотѣ, да запоздалая зозуля раза два откликнулась въ левадѣ. Усталый, долго сидѣлъ Хведько; безсонная ночь сказалась въ немъ, и его клонило ко сну.

Солнце уже стало склоняться съ полудня, когда онъ проснулся. Схватившись, онъ порѣшилъ идти вдоль огородовъ и какъ-нибудь выбраться на большую дорогу, съ которой онъ попадетъ къ хатѣ Мелашки и, если явится возможность, прой-

детъ къ ней во дворъ; но прошедши немного далѣе, онъ увидѣлъ примѣтный ему высокій тополь, который, онъ помнилъ, былъ не далеко отъ двора съ колодцемъ и зводомъ, и онъ пошелъ прямо. Вышедши изъ зарослей вербъ, тополя и калины и миновавъ грядки капустника, Хведько очутился въ подсолнухахъ и кукурузѣ, между рядами коихъ расположены грядки луку, чесноку, свеклы, кой-гдѣ пыжился горохъ и стлалась огудина тыквы, а поближе къ двору темною зеленью росла картофель, уже давшая бѣлые цвѣты. Далѣе шли повѣти и хлѣвы, заслонявшіе съ этой стороны дворъ. Въ сосѣднемъ огородѣ сейчасъ же за плетнемъ росла высокая конопля, на темной зелени которой уже отчетливо выдѣлялась почти желтая плосконь. Кругомъ было тихо, солнце припекало. Гдѣ-то въ недалекомъ дворѣ кудахтала запоздавшая со сномъ курица. Осмотрѣвшись, Хведько увидѣлъ изъ-за крыши сосѣдняго двора очепъ („зводъ") колодца. Это послужило ему указаніемъ. Согнувшись, перебѣжалъ онъ къ невысокому плетню и юркнулъ въ коноплю, которая подходила до самаго двора. Тамъ было пусто, на оборѣ и по двору стояли кучи только-что сложеннаго кизяка, рѣзкія тѣни падали отъ хлѣвовъ и повѣтей на ярко освѣщенный жаркимъ солнцемъ дворъ. Видныя двери хаты были заперты, а калитка воротъ задвинута засовомъ. Разсматривая внимательнѣе по двору, онъ замѣтилъ въ тѣни на погребицѣ чьи-то бѣлыя ноги. Очевидно, кто-то спалъ. Войти во дворъ было страшно, какъ бы кто не увидѣлъ: оставалось сидѣть и ожидать.

Жарко было невыносимо, тѣмъ болѣе, что Хведько былъ въ черкескѣ, и конопли, не давая никакой тѣни, только усиливали жаръ, закрывая его и не допуская притока свѣжаго воздуха. Особый свойственный коноплямъ духъ обморачивалъ его.

Не ставало терпѣнія. Хведько взялъ засохшую грудку земли и швырнулъ въ погребыцю, но не попалъ. Швырнулъ еще разъ—грудка ударилась близко ногъ и обсыпала ихъ. Ноги шевельнулись, но опять застыли. Подыскавъ большую грудку засохшей земли, онъ еще разъ попытался швырнуть, и

теперь болѣе крупный кусокъ разбившейся грудки попалъ въ ноги и изъ-подъ навѣса приподнялась женская фигура, которую однако же не сразу можно было разсмотрѣть: видны только стали край юбки, локоть согнутой руки и бокъ кофты. Хведько припалъ пониже въ коноплѣ. Изъ-подъ навѣса показалась молодица. Она потянулась, закинувъ за голову руки, поправила головной платочекъ и пошла на крыльцо, а послѣ въ сѣни хаты. Хведько не могъ хорошо разсмотрѣть лица женщины. Но вотъ она съ кухлемъ воды вышла изъ сѣней и, перегнувшись черезъ перила крыльца, стала умываться.

Это была Мелашка.

Умывшись она пошла по направленію къ оборѣ, гдѣ и стала укладывать разложенный кизякъ въ кучи. На легкій свистъ Хведька она выпрямилась, повела глазами и увидѣла его.

Оглянувшись по сторонамъ, Мелашка пошла въ коноплю и еле вышла въ отклоненную воротницу, какъ попала въ объятія Хведька...

Не много кизяковъ было сложено въ этотъ день въ дворѣ Дейнеки.

Солнце уже склонилось къ западу, какъ наши влюбленные вспомнили, что имъ нужно разставаться, что вотъ-вотъ скоро ужъ долженъ вернуться повезшій сегодня „на пошти“ въ городъ въ казначейство деньги свекоръ Мелашки, что вотъ-вотъ и череда ужъ прибудетъ съ поля...

Узнавъ, что Хведько въ этотъ день только кусокъ хлѣба съѣлъ съ утра, Мелашка нѣсколько разъ порывалась пойти въ хату и принести ему чего-нибудь поѣсть, но онъ каждый разъ удерживалъ ее и не хотѣлъ разставаться съ нею; онъ забылъ всѣ свои невзгоды, Сугыбу, неотданныя деньги, опасенія объ открытіи ночного отвода лошади—все забылъ. Этотъ день былъ лучшимъ въ его жизни...

Еще болѣе воровски, еще больше прячась по кустамъ и бурьянамъ, пробрался Хведько опять къ сармѣ и пошелъ уже не на мельницу, а вверхъ по рѣчкѣ на Бемовку.

Около стараго панскаго дворища только почувствовалъ онъ себя внѣ опасности и, вспомнивъ про вынесенные таки ему Мелашкою хлѣбъ и кусокъ сала, усѣлся на травѣ и сталъ алчно ѣсть.

Проходя плотину, Хведько видѣлъ около моста на сагѣ возы тѣхъ торговцовъ, у которыхъ были украдены лошади. Одинъ изъ нихъ уже былъ при возахъ съ мальчикомъ и толковалъ съ двумя какими-то мужиками о наймѣ лошадей для отправки товара.

Пробравшись огородами къ себѣ домой, Хведько просидѣлъ въ хатѣ, пока повечерѣло и, дождавшись Машки, отправился спать подъ повѣтку.

XIII.

Сугыбу на другой день онъ засталъ еще дома, но тотъ денегъ все-таки ему не отдалъ, а сказалъ, что нужно пойти въ волости „пороспытаться".

Въ волости собрались люди, такъ какъ предположено было въ тотъ день дѣлить траву на лугу, и шли толки о томъ, чтобы къ дѣлежу не допускать тѣхъ, кто получилъ „пидметы" подъ коноплю. Эти послѣдніе указывали на незначительность этихъ подметовъ, называли ихъ „грядками", много меньше по пространству отъ тѣхъ пайковъ травы, которые обыкновенно выдѣлялись на души. Начальство было въ волостномъ правленіи, а собственно дебошировали тѣ, кто былъ около крыльца волости. Послѣ долгихъ пререканій споръ былъ разрѣшенъ такъ, что пидметчикамъ вмѣсто луговой травы дадутъ въ раздѣлъ сѣнокосъ на „крейдахъ", не вычитая за подметы изъ полевой земли. Отъ сотенъ пошли по одному человѣку въ волостное правленіе брать жеребья, а затѣмъ десяточные начали подбирать свои десятки, при чемъ было заповѣдано, что каждый получающій траву долженъ внесть по возможности часть податей. Особенно на этомъ настаивалъ сборщикъ Дейнека, свекоръ Мелашки, котораго въ первый разъ Хведько тутъ увидѣлъ. Многіе

роптали на то, что лучшую траву отдали „почтареви", т. е. содержателю почтовыхъ и пожарныхъ лошадей. Тутъ же нуждающіеся покупали „души" (душевые пайки) у своихъ сельчанъ, не имѣющихъ скотины. Къ Хведьку тоже обратились было два человѣка съ предложеніями продать „душу", но въ это время вошелъ на крыльцо старшина и поднялъ руку, заявляя этимъ жестомъ желаніе быть выслушаннымъ громадою.

— Отъ що! Оце жеребья узялы, такъ несить же подати, щобъ небезпреминно оддалы недоимку, бо вже й такъ оце справныкъ та становый угрущають. Десяточни, запысуйте свои дворы, тай глядить, щобъ недоимку уплачувалы, а то й ярлыкивъ не звелю давать.

Громада заволновалась.

— А зъ тымы, що на нызахъ, якъ? Хто за ныхъ подати даватыме?

— Далы бъ народови хоть трохы заробыты, а тоди й подати...

— Эге жъ, звисно! Теперъ де його такъ зразу добудешъ?

— А же торикъ цього не було! Самъ усякъ знае, що недоимку треба платыть.

— На иншому може й невелыка, а це йому й не давать травы, а есть таки, що може й торишньои не почыналы уплачувать...

— Ого—го! Саме багачи й не платять...

— Отъ найсампередъ зъ Викы правылы бъ, та зъ Козинцивъ... а то бачъ и ярлыкивъ не давать...

— А ты считавъ мою недоимку?! Ты грамотный? Чого дерешъ горло?! отозвался кто-то изъ богачей.

— А тожъ и не считавъ,—посчытають! Вы усе задержуете та побильше захоплюете...

— А що я задержую та захоплюю?

— Та то саме—знаемъ добре та гараздъ...

— То-то, що дуже багато знаешъ...

— А вже жъ знаю, ты оце, замисць недоимку платыть, „души" поскуповувавъ, думаешь, не знаемъ?

И богачъ отступилъ, замотавъ головою, побитый этимъ аргументомъ. Хведько, никогда не бывавшій на сходкѣ, далекій по сю пору отъ общественно-хозяйственныхъ интересовъ слободы, не все хорошо понималъ и былъ заинтересованъ всѣмъ происходящимъ. Онъ хоть и не отчетливо, но началъ соображать, что и онъ есть членъ этой громады, что въ числѣ интересовъ всѣхъ и его интересы затрогиваются всѣми этими распорядками и дебатами. Онъ вспомнилъ, что недоимка съ его двора была пополнена удержаніемъ части денегъ, оставшихся послѣ смерти отца и пересланныхъ черезъ волостное правленіе. Про то, что тѣмъ удержаніемъ не покрывалась недоимка за первое полугодіе этого года, онъ не думалъ. Предложеніе продать „душу“ напомнило Хведьку, что и онъ имѣетъ право на пай травы.

Василь Журило, недалекій его сосѣдъ по Красноселовкѣ, подошелъ къ нему и спросилъ:

— Тебе пысаты? На тебе одна „душа“?

— Пыши.—

— Такъ и недоимку добувай. Сьогодня й треба платыть. У мене тутъ усе таки, що платытымуть...—и пошелъ отъ него въ правленіе, гдѣ около особаго стола писарекъ подъ диктовку десятскихъ составлялъ списки „душъ“.

Уже нѣсколько разъ Хведько слышалъ около себя слово „верхы“, склоняемое въ разныхъ падежахъ, съ добавленіемъ другихъ словъ.

— Скильки „верха“?—Цилковый „верхивъ“,—„за верхы“, „зъ верхомъ“ и т. п.

Прислушиваясь къ этимъ фразамъ, онъ уразумѣлъ, что слово „верхы“ означало надбавку на положенный платежъ недоимки за одинъ пай. Изъ этихъ торговъ онъ узналъ, что „верховъ“ даютъ за „душу“ отъ 1 до 2 руб., при чемъ увеличеніе или уменьшеніе платы обусловливалось выраженіемъ—„де прыпаде“.—При немъ Максымъ Плахотя, не узнававшій его, продалъ свои три „души“ за 3 р. 50 к. съ надбавкою до 5 руб.,—смотря по тому—де прыпаде. Такъ что, когда къ нему

Демьянъ Могрыцькый обратился съ предложеніемъ продать свой пай, то Хведько уже съ самоувѣренностію запросилъ 2 рубля „верхивъ“. Могрыцькый давалъ одинъ рубль, кто-то сказалъ: „ладьте, а то могорычъ простыне“, и торгующіеся сошлись на 1 р. 25 к., гдѣ бы „не прыпало“, и ударили по рукамъ, послѣ чего оставалось только заявить Журилѣ, что Хведькова „душа“ продана Могрыцькому, находящемуся въ томъ же десяткѣ. Послѣ уже, толкаясь въ толпѣ, Хведько разобралъ, что пугавшій его размѣръ недоимки не такъ великъ, чтобы изъ-за него была необходимость продавать „душу“. Оказалось, что количество недоимки, подлежащей непремѣнному взносу, безъ чего не выдавалась трава, равнялось ровно 2 рублямъ, за „душу“, такъ какъ паекъ этой травы не превышалъ добычи шести копенъ сѣна. Но тѣмъ не менѣе Хведьку было досадно, что онъ, по его мнѣнію, продешевилъ „душу“ и тѣмъ самымъ какъ бы исключилъ себя изъ числа домовитыхъ хозяевъ слободы.

Вся эта сутолока „громады“, масса народа указывали Хведьку, что и сегодня врядъ ли прійдется ему уладиться съ Сугыбою, котораго онъ сквозь двери видѣлъ сидящимъ въ волостномъ правленіи въ числѣ болѣе почетныхъ слобожанъ, имѣющихъ безпрепятственный доступъ туда. Но тѣмъ не менѣе ему не хотѣлось уходить, не попробовавши „справыть“ гроши.

Онъ не уходилъ изъ комнаты, гдѣ списывались десятки, и, сжимая въ рукѣ полученные отъ Могрыцькаго 1 р. 25 к., все поглядывалъ въ волостное правленіе. Тамъ тоже шли толки про траву, про „верхы“, про „долобу“ [1]), которую между сотенными участками нужно будетъ „быть“ непремѣнно отъ дороги прямо къ рѣкѣ, а не наискось...

За столомъ сидѣлъ старшина и велъ съ кѣмъ-то тихую бесѣду. Писарь, очевидно не имѣющій возможности что-либо

[1]) При дѣлежѣ травы обыкновенно протаптываютъ въ некошенной травѣ тропу по линіи раздѣла участковъ. Для большей ясности тропою вслѣдъ за идущимъ по намѣченному направленію, другой идетъ съ косою, слегка прокашивая слѣдъ. Сзади идущіе еще больше утаптываютъ траву.—Это называется „быть долобу“.

писать въ этой сутолокѣ, сидѣлъ надъ сложенными въ стопу бумагами и курилъ папиросу. Среди глухого рокота голосовъ Хведько разслушалъ, что ярлыки будутъ выдавать староста и сборщикъ Дейнека только въ воскресенье.

Онъ не смѣло протиснулся въ комнату правленія, не спуская глазъ съ Сугыбы. Послѣдній это замѣтилъ и, подошедши къ писарю, что-то сказалъ ему. Писарь вынулъ изъ шкафа какіе-то бумаги и сталъ въ нихъ чего-то искать. Затѣмъ онъ что-то спросилъ Сугыбу и, еще поискавъ чего-то въ бумагахъ, сдѣлалъ отрицательный жестъ сдвинутыми плечами и руками. Хведько все это видѣлъ и выступилъ впередъ къ столу, такъ что обратилъ на себя вниманіе старшины.

— Ты чого?—спросилъ онъ.

Хведько сразу насупился, глянулъ, что называется, „изъ-подъ лоба" на старшину и сказалъ.

— Та оце-жъ я усе гроши свои правлю.

— А! Це все про ти гроши... Якъ воны тамъ запысани?—спросилъ старшина писаря, увидавъ, что онъ роется въ книгѣ и бумагахъ, и замѣтивъ участіе Сугыбы въ этомъ исканіи.

— Да вотъ здѣсь ихъ нигдѣ въ записи нѣтъ. Я думалъ, что они въ опекунскихъ дѣлахъ значатся—нѣту. Въ книгѣ переходящихъ суммъ тоже нѣтъ... отвѣтилъ писарь.

— Ну, отъ самъ бачышъ— у насъ нѣту ихъ у запысяхъ —сказалъ старшина и добавилъ, обращаясь уже вмѣстѣ съ тѣмъ и къ Сугыбѣ.

— Вы бъ такъ якъ-небудь сами розвелысь; тутъ у насъ и такъ бачъ сколькы дила.

— Я жъ оце й правлю зъ нього грощи, а винъ усе мене водыть... Вы жъ, дядьку, сами казалы прыйты у росправу...

— Ну, вже жъ хоть и казавъ, намъ теперъ не до васъ; иншымъ часомъ.—

— Все это нужно, какъ слѣдуетъ, расспросить и разобрать; —теперь некогда—поддержалъ писарь старшину.

Хведько, мрачно потупившись, стоялъ передъ столомъ, но Сугыба самъ подошелъ къ нему и, какъ бы сожалѣя о невозможности теперь же свести счеты, вполголоса сказалъ ему:

— Що жъ, парень, подіешъ? Иншымъ часомъ якъ-небудь доступымося, а теперъ нельзя. Усе треба по порядку, по закону.

Хведько ничего не сказалъ, а повернулся и вышелъ въ сѣни.

Хотя онъ, входя въ волость, и не надѣялся на успѣшность своихъ домогательствъ, но то, что писарь не нашелъ ничего въ записяхъ и что развязка откладывалась на неопредѣленное время, его сильно опечалило и зло настроило противу начальства и противу Сугыбы. Такъ бы и вцѣпился въ кудластую рыжую бороду этого богача, по его понятіямъ, такъ бы и выжалъ изъ него эти деньги!

XIV.

Що, парень? Трудно правыть гроши—справляться зъ богачамы? отозвался къ нему какой-то человѣкъ вполголоса.

Хведько оглянулся и какъ бы обрадовавшись сочувствію отвѣтилъ.

— А же бачъ...

— Та я вже оце все дывлюся, що діеться... Ходимъ, не те розкажу тоби, та тилькы йды назырцемъ за мною, ажъ покы самъ покажу тоби.

Хведько вышелъ изъ сѣней на крыльцо, и подождавъ, пока пригласившій его немного отошелъ, послѣдовалъ за нимъ по улицѣ.

Человѣка этого онъ видѣлъ не разъ, зналъ въ лицо, зналъ, что онъ тоже Андреевецъ, но не зналъ, какъ онъ назывался.

Слѣдуя одинъ за другимъ, они прошли далеко вдоль слободы по проѣздной улицѣ и затѣмъ повернули проулкомъ къ рѣчкѣ. Незнакомецъ вдругъ перепрыгнулъ плетень и, махнувъ головою на Хведька, пошелъ огородами опять по направленію къ церкви.. Прошедши саженей сто огородами и садками, онъ вошелъ черезъ перелазъ въ дворъ Жульчыхи, извѣстной и Хведьку, потому что зимою прежде у нея собиралась молодежь „на досвитки". Во дворѣ никого не было, и видно было, что здѣсь не имѣлось никакого хозяйства: дворъ заросъ спорышемъ,

дурманомъ и колючкою около ветхаго плетня. Не видно даже было куръ. Двери большой, но уже осѣвшей одной стороной хаты были заперты. Незнакомецъ рукою показалъ Хведьку, чтобы онъ присѣлъ у плетня у перелаза, а самъ постучалъ въ двери. Отозвался чей-то голосъ и затѣмъ дверь отперлась.

Незнакомецъ вошелъ туда и немного погодя позвалъ Хведька. Въ сѣняхъ было прохладно, и по постланному рядну съ подушкой, а также по всклокоченной фигурѣ хозяйки видно было, что она спала.

— Е въ тебе?—спросилъ незнакомецъ Жульчыху, оправлявшую измятый платокъ на головѣ.—А то збигаешъ? Лучче, якъ бы була.

— Та подывлюсь, тамъ трохы зосталось неначе—отвѣтила Жульчыха и пошла въ „комнату", гдѣ было темно, такъ какъ ставни оконъ были закрыты.

Хведько стоялъ и разсматривалъ приведшаго его сюда человѣка. Онъ его видѣлъ и прежде, но какъ звать его, онъ не зналъ. Это былъ кто то не съ ихъ „кутка".

— Сидай, спочынь—сказалъ незнакомецъ, подставляя Хведьку какой-то „ослиньчыкъ" и самъ усаживаясь на опрокинутой вверхъ дномъ кадушкѣ.

— Та вы хто такый, що наче мене знаете? спросилъ Хведько.

— А на вищо тоби й знать, хто я? А же бачышъ, що тебе жалію—оце й буде зъ тебе, а якъ що зхочешъ назвать, такъ зовы Йосыпомъ. Ты такъ не вдывляйся въ мене, бо не пизнаешъ. Я тутъ у слободи мало жывъ, а все на сторони. Та й тебе тилькы два разы й бачывъ: на ярмарци та ще разъ...

Жульчыха пригласила въ „комнату"; гдѣ уже на столѣ, застланномъ „настильныкомъ", были разложены куски хлѣба, сало, нарѣзанное на деревянной тарелкѣ, и стояла бутылка съ водкой и рюмка.

Йосыпъ зъ Хведькомъ вошли въ избу, при чемъ послѣдній перекрестился на образа и сказалъ „Здраствуйте! Дньовалы соби!"—и усѣлся за столъ, пока Жульчыха выбѣгала пріотворять ставни.

— Шо жъ, титко, почастуй насъ!

— Ни вже вы сами, пыйте у добримъ здоровьи, а я йтакъ ніякъ не справлюсь писля празныка...

Йосыпъ выпилъ и приподнесъ Хведьку, который было хотѣлъ поцеремониться, но, подумавъ немного, выпилъ рюмку.

Жульчыха вовсе не играла роли хозяйки въ этой компаніи и даже ушла изъ хаты, увидѣвъ, что Йосыпъ какъ-то особенно мигнулъ ей глазами.

Оставшись одни, гости еще выпили и закусили, и Йосыпъ повелъ такую рѣчь:

— Ну, що жъ? Якъ теперъ думаешъ справлять свои гроши?

Хведько тряхнулъ головою, какъ бы отгоняя какую-то думу, и сказалъ:

— Буду пробувать, правытыму...

— Гмъ! Правытымешъ... А якъ не оддасть...

— А якъ же винъ посміе не оддавать?

— Та такъ не сміючысь—такъ и не оддасть...

Хведько насупился—брови у него сдвинулись, и лицо приняло грозное выраженіе

— Зъ горла выдеру,—промолвилъ онъ.

— Гмъ! зъ горла... Це ще якъ прыйдеться...

Хведько молчалъ.

— Винъ то, може, й оддасть, та такъ не зразу: цидытыме по копійци—колы рубъ, колы два, такъ и зведе ни на що... Я ихъ, проклятыхъ багатыривъ, добре та гараздъ знаю. Оце заіеться десь по ярмаркамъ, а повернеться до двору—не спіймаешъ його.. А тутъ ще й начальныки йому потуратымуть. Походышъ, походышъ, тай самъ своихъ грошей одцураешься...—ихъ, бисовыхъ, не такъ слидъ вчыть.

— Отъ ти, що то побиля солы коней провороныли, ти не пидуть. Якъ бы було замисть у ныхъ, та у цього твоёго свата забрать коня—винъ бы й въ слободи пожывъ; а то запригъ та й подався на все лито...

Хведько совершенно соглашался съ соображеніями Йосыпа и вполнѣ понялъ, что лучше бы у Сугыбы была сведена лошадь.

Йосыпъ предложилъ выпить еще по рюмкѣ.

— Треба помиркуваты, якъ його зупыныты у слободи, щобъ не йихавъ, начальныкивъ попрохать, старшыну та пысаря... высказывалъ свои соображенія Йосыпъ.

— Та тилькы що жъ? У ныхъ усе за одно—свои. Усе за нёго руку тягнутымуть...

Хведько, уже захмелѣвшій немного, все больше и больше мрачнѣлъ, вполнѣ соглашаясь съ высказываемыми Йосыпомъ положеніями. Онъ понималъ, что въ дѣлѣ полученія денегъ съ Сугыбы начальство всегда будетъ держать сторону должника, что лучше бы было, если бы Сугыба не выѣзжалъ изъ слободы. Все это понималъ Хведько, но не могъ пріискать способа, какъ заручиться расположеніемъ начальства и какъ удержать отъ выѣзда Сугыбу. Одно только было у него—это рѣшимость сейчасъ, въ эту минуту, схватить его, Сугыбу, и выжать изъ него свои деньги такъ, какъ въ тюрьмѣ онъ сдѣлалъ съ Романцомъ... Озлобленіе въ немъ росло, и онъ готовъ былъ на всякое злое дѣло по отношенію къ Сугыбѣ.

Бутылка пустѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ хмель все больше одолѣвалъ Хведька, но далеко не такъ, какъ это съ нимъ было даже и не такъ давно на Бемовкѣ. Йосыпъ между тѣмъ былъ совершенно трезвъ и, когда они встали изъ-за стола, спросилъ.

— Давай двугривеного, а остальни я докладу.—Хведько отдалъ цѣлый четвертакъ изъ числа денегъ, полученныхъ имъ за травяную душу.

— Ты отъ що, парень! Слухай сюды: такъ ты зъ ными ничого не подіешъ, а давай поворожымо, такъ воны не тіеи спиватымуть. Якъ пообляжуть, такъ я до тебе навернуся, а теперъ садкамы пройды ажъ до ричкы, а тамъ зверны до прогону, що до водопою, тай по ныжчій вулыци побиля церкви и йды до дому. Та якъ хто спытае, де бувъ, такъ кажы, що ходывъ на лукы. Иды зъ Богомъ!

Хведько такъ и сдѣлалъ: Онъ прошелъ садками къ рѣкѣ и вышелъ къ водопою, гдѣ уже на „стійли“ была „череда“. Коровы—иныя лежали пережовывая жвачку, другія стояли, отмахиваясь хвостами отъ назойливыхъ мухъ, а иныя и вовсе лѣзли въ изгруженную въ этомъ мѣстѣ рѣчку. Нѣсколько мальчугановъ купались у самаго края огородовъ. За рѣкой зеленѣлись вербы „Деревни“. Тянуло туда Хведька—туда, въ эти огороды—конопли, но не смотря на сильное желаніе, возбужденное къ тому еще водкою, онъ преодолѣлъ себя и потянулъ указаннымъ маршрутомъ домой...

Б. Позванскій.

(Продолженіе будетъ).

Нужды статистики въ Юго-Западномъ краѣ.

(Докладъ, читанный въ подсекціи статистики X съѣзда естествоиспытателей и врачей въ г. Кіевѣ).

Для того, чтобы выяснить нужды статистики въ Юго-Западномъ краѣ, я прежде всего долженъ Васъ познакомить съ положеніемъ ея въ этомъ краѣ. Въ 1893 году Кіевскимъ, Подольскимъ и Волынскимъ генералъ-губернаторомъ напечатанъ былъ (перепечатанный затѣмъ и въ нѣкоторыхъ газетахъ) обширный циркуляръ мѣстнымъ крестьянскимъ учрежденіямъ, характеризующій состояніе оффиціальной статистики въ краѣ. Имъ констатировалось печальное положеніе статистики, приведшее къ тому, что представители мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій—мировые посредники и предсѣдатели съѣздовъ мировыхъ посредниковъ, за неимѣніемъ достовѣрныхъ данныхъ, вынуждены постоянно пользоваться завѣдомо для нихъ невѣрными свѣдѣніями оффиціальной статистики. Констатировалось, что органы крестьянскихъ учрежденій постоянно пользуются этими свѣдѣніями, нимало не заботясь о повышеніи ихъ достовѣрности, въ виду укоренившагося убѣжденія въ невозможности улучшенія оффиціальной статистики, при наличной ея постановкѣ и полной въ этомъ отношеніи безконтрольности низшихъ органовъ—волостныхъ правленій.

Какова недостовѣрность этихъ оффиціальныхъ данныхъ, которыми пользуются мѣстные административные органы и крестьянскія учрежденія для текущихъ и насущныхъ надобностей административнаго управленія краемъ,—подробно говорить объ этомъ здѣсь будетъ излишне. О ней можно судить по краткой моей ссылкѣ на этотъ циркуляръ, констатировавшій между прочимъ, что по волѣ первоисточника всякихъ статистическихъ свѣдѣній въ краѣ—мѣстныхъ волостныхъ правленій, мѣстные административные органы получаютъ отъ нихъ въ разные года даже не одинаковыя цифры относительно такой неизмѣнной величины, какъ надѣлы сельскихъ обществъ, при чемъ колебанія этихъ цифръ происходитъ иногда на цѣлыя сотни десятинъ на волость, то увеличиваясь, то уменьшаясь за смежные годы, въ зависимости отъ одной лишь небрежности волостныхъ правленій. Цифры же, напр., о наличномъ населеніи прыгаютъ такъ, что по одной и той же волости онѣ за смежные годы то увеличиваются вдвое, уменьшаясь затѣмъ опять на большія величины, то уменьшаются на тысячи душъ для того, чтобы въ слѣдующемъ году повыситься въ $1^1/_2$ или 2 раза противъ первоначальной величины.

Та же неточность оффиціальныхъ статистическихъ данныхъ замѣчается даже и въ свѣдѣніяхъ, включаемыхъ въ приложенія всеподданнѣйшихъ отчетовъ губернаторовъ. Напр., цифры скота за смежные годы измѣняются для отдѣльныхъ уѣздовъ на десятки тысячъ головъ въ то время, какъ отчеты констатируютъ, что ни измѣненій въ скотоводческомъ хозяйствѣ, ни эпизоотій въ данныхъ уѣздахъ за данные годы не было; при этомъ колебанія эти бываютъ иногда такія, что въ теченіе двухъ лѣтъ количество скота въ уѣздѣ, по оффиціальнымъ даннымъ, къ началу года яко-бы увеличивается на нѣсколько десятковъ тысячъ, а къ концу его разомъ уменьшается на нѣсколько же десятковъ тысячъ, или наоборотъ.

Такое положеніе дѣла, ставившее мѣстную администрацію въ полную невозможность полагаться на какія бы то ни было оффиціальныя статистическія данныя, побудило бывшаго гене-

ралъ-губернатора командировать меня, бывшаго въ то время чиновникомъ особыхъ порученій при немъ, какъ человѣка причастнаго къ статистикѣ, для мѣстнаго изслѣдованія положенія оффиціальной статистики въ краѣ, условій, въ какихъ находится дѣло собиранія статистическихъ свѣдѣній, и причинъ ихъ недостовѣрности у первоисточника оффиціальной статистики, т. е. въ волостныхъ правленіяхъ Юго-Западнаго края.

Изслѣдованіе это выяснило, конечно, громадную массу пробѣловъ оффиціальной статистики, скучнымъ перечнемъ которыхъ я тѣмъ болѣе не буду утруждать Вашего вниманія, что слабыя стороны оффиціальной, т. е. въ сущности волостной, статистики въ существѣ давно извѣстны, сдѣлались источникомъ многихъ анекдотовъ, можно сказать, притчею во языцѣхъ. Скажу только, что главнѣйшими причинами недостовѣрности этихъ волостныхъ статистическихъ данныхъ, какъ я лишній разъ убѣдился тогда, надлежитъ считать, помимо обремененности волостныхъ правленій другими текущими работами, *полную безконтрольность* дѣятельности этихъ органовъ, доставляющихъ статистическія свѣдѣнія, и отсутствіе на мѣстахъ какого бы то ни было руководства въ отношеніи пріемовъ и способовъ ихъ собиранія, а также и уясненія смысла и значенія требованій, къ нимъ въ этомъ отношеніи предъявляемыхъ. Доставленіе неточныхъ или недостаточныхъ данныхъ зависитъ часто не только отъ увѣренности волостныхъ правленій въ отсутствіи контроля и невозможности провѣрки, но и въ неумѣньи сообщать эти свѣдѣнія, а также и въ недостаточномъ пониманіи того, что именно и въ какой формѣ и видѣ отъ нихъ требуется, вслѣдствіе чего одни и тѣ-же вопросы извѣстныхъ программъ въ одномъ мѣстѣ понимаются такъ, а въ другомъ совсѣмъ иначе. При отсутствіи же надлежащаго, вѣрнѣе, какого-бы то ни было надзора и контроля на мѣстахъ, для волостныхъ правленій, являющихся, какъ извѣстно, главнѣйшимъ, если не единственнымъ источникомъ оффиціальной статистики—*даже и при полной возможности* доставить въ извѣстныхъ случаяхъ точныя данныя—*не представляется уже особой надобности за-*

ботиться объ ихъ точности, и имѣется нерѣдко *полная возможность* отдѣлаться доставленіемъ цифръ, взятыхъ отъ ума или составленныхъ болѣе чѣмъ приблизительно.

Такое положеніе дѣла уясняетъ невозможность опираться на цифры оффиціальной статистики, въ виду невозможности быть увѣреннымъ въ хотя бы приблизительной точности этихъ цифръ для каждаго даннаго района.

Рядомъ съ этою невозможностью, какъ естественно ожидать, приходится констатировать и обычную у насъ на Руси бездѣятельность мѣстныхъ губернскихъ статистическихъ комитетовъ въ смыслѣ статистическаго изслѣдованія экономическихъ условій жизни края, фактически выражающуюся лишь въ обычномъ изданіи мало кому нужныхъ памятныхъ книжекъ, изъ которыхъ за періодъ послѣднихъ 15—20 лѣтъ можно указать лишь на 2—3, въ родѣ работъ Мозгового и Гульдмана, какъ заслуживающихъ нѣкоторой доли вниманія.

Здѣсь кстати будетъ сказать, что, за исключеніемъ названныхъ, какихъ либо иныхъ, болѣе или менѣе достойныхъ вниманія, печатныхъ работъ по статистическому изслѣдованію Юго-Западнаго края, (если не считать, напр., чисто спеціальныхъ работъ по желѣзнодорожной статистикѣ, изданія которой почти недоступны публикѣ), остается назвать очень мало, да и большинство ихъ, каковы работы Фундуклея, затѣмъ, Беневскаго, Воейкова и Загоскина, настолько устарѣли, что имѣютъ теперь лишь историко-библіографическое значеніе, при чемъ и ихъ выводы тоже въ значительной мѣрѣ основаны на неточныхъ данныхъ оффиціальной статистики.

Наиболѣе цѣнными печатными работами по обстоятельности и достовѣрности, а также и по существу затрагиваемыхъ ими сторонъ народной жизни являются у насъ труды бывшаго здѣсь отдѣла Географическаго Общества, какъ учрежденія, производившаго свои изслѣдованія прямо на мѣстахъ и черезъ лицъ интеллигентныхъ и заинтересованныхъ въ полученіи достовѣрныхъ данныхъ; но къ сожалѣнію, дѣятельность отдѣла много лѣтъ уже прекратилась, и произведенныя имъ рабо-

ты, не пополняясь новыми и не распространяясь на мѣстности. еще имъ необслѣдованныя, являются для края неполными, недоконченными и тоже отчасти уже устарѣвшими.

Короче говоря, статистико-экономическая литература Юго-Западнаго края бѣдна до крайности; это—пустыня, немногіе оазисы которой представляютъ въ большинствѣ случаевъ видъ довольно жалкій и безжизненный.

Между тѣмъ обширный и многонаселенный край этотъ безъ сомнѣнія заслуживаетъ въ этомъ отношеніи гораздо лучшей участи.

Разнообразный составъ многомилліоннаго населенія (малороссы, бѣлоруссы, великороссы, поляки, евреи, нѣмцы), чрезвычайное разнообразіе края въ географическомъ, топографическомъ, почвенномъ и климатическомъ отношеніи, при различіяхъ въ условіяхъ сельскохозяйственной культуры между волынскимъ Полѣсьемъ, песчанымъ Приднѣпровьемъ Черкасскаго и Чигиринскаго уѣздовъ, степью юга Подоліи и центральною черноземною полосою Кіевской губ. и пр. и пр.; широкое развитіе сельскохозяйственной и въ частности свекловичной культуры, заводской и фабричной промышленности—все это по меньшей мѣрѣ заслуживаетъ того, чтобы жизнь этого края подверглась обстоятельному обслѣдованію. Прибавьте къ этому спеціальныя особенности этого края: неразверстанность его имѣній при чрезвычайной чрезполосицѣ; обиліе разнообразныхъ сервитутовъ; особенности его надѣленія въ связи съ обиліемъ безземельныхъ въ въ видѣ бывшихъ бобылей и огородниковъ; разросшуюся на почвѣ исключительныхъ законовъ земельную спекуляцію; наличность фиктивныхъ арендъ и владѣній; наплывъ нѣмецкихъ колонизаторовъ на ряду съ нѣсколько лѣтъ уже возникшимъ выселеніемъ коренного крестьянскаго населенія изъ считающагося богатымъ Юго-Западнаго края, и вы увидите, что однѣ уже эти особенности требуютъ настоятельнаго изученія на мѣстѣ.

Несомнѣнно, что недостатокъ необходимыхъ данныхъ весьма часто тормозилъ обсужденіе многихъ мѣропріятій, въ осу-

ществленіи которыхъ ощущалась потребность въ краѣ, и мнѣ лично извѣстно, какъ часто доставленныя для этихъ цѣлей оффиціальныя данныя оказывались невѣрными, неточными, вслѣдствіе чего или приходилось откладывать самое дѣло, или задерживать его ходъ и отправляться на мѣста для спеціальнаго изслѣдованія, чтобы получить свѣдѣнія, хотя и немногочисленныя, но сколько нибудь достовѣрныя. Извѣстно, что, напр., вопросъ о разверстаніи и уничтоженіи сервитутовъ и до сихъ поръ стоитъ безъ движенія главнымъ образомъ именно за недостаткомъ необходимыхъ данныхъ, несмотря на то, что оффиціальнымъ путемъ они собирались и неоднократно, и по самымъ разнообразнымъ программамъ.

Не считая умѣстнымъ доказывать здѣсь необходимость точныхъ данныхъ о положеніи края, о его нуждахъ и потребностяхъ, перехожу прямо къ вопросу о томъ, какъ удовлетворить эту насущную и все болѣе наростающую потребность.

Уже при бывшемъ генералъ-губернаторѣ возникала мысль о необходимости спеціальнаго статистическаго изслѣдованія всего края. По порученію начальства мною составленъ былъ тогда—въ связи съ новыми правилами земскаго обложенія въ неземскихъ губерніяхъ—проектъ о сплошномъ оцѣночно-статистическомъ обслѣдованіи всего края въ цѣляхъ установленія болѣе правильнаго обложенія недвижимыхъ имуществъ земскими сборами, при чемъ попутно предполагалось произвести и статистическія изслѣдованія экономическаго быта мѣстнаго населенія. Этотъ проектъ направленъ былъ въ Министерство Финансовъ и получилъ принципіальное просвѣщенное согласіе г. Министра Финансовъ, такъ что дѣло организаціи экспедиціоннаго оцѣночно-статистическаго изслѣдованія края казалось столь близкимъ къ осуществленію, что намѣчены были уже и лица, способныя руководить изслѣдованіемъ на мѣстахъ. Но благодаря предстоявшей въ то время народной переписи, осуществленію которой, по мнѣнію центральнаго статистическаго комитета, могло-бы помѣшать производимое обслѣдованіе края, проектъ этотъ былъ временно отклоненъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Въ виду полной неизслѣдованности края, я полагаю, что онъ прежде всего нуждается именно въ сплошномъ и по возможности единовременномъ его статистико-экономическомъ обслѣдованіи, осуществленія котораго, въ виду неудовлетворенной еще потребности въ правильномъ обложеніи недвижимыхъ имуществъ, можно было бы достигнуть уже предположеннымъ путемъ, для приведенія котораго въ исполненіе теперь нѣтъ уже и прежняго препятствія. Казалось бы, намъ остается возбудить только передъ кѣмъ слѣдуетъ соотвѣтственное ходатайство.

Могутъ однако возразить, что со времени возникновенія помянутаго проекта, осуществленіе котораго пріурочено было главнымъ образомъ къ нуждамъ оцѣнки и земскаго обложенія, можетъ быть и миновала уже нужда въ собственно оцѣночной статистикѣ, для которой преимущественно и рѣшались на неизбѣжно крупные въ этомъ расходы. Въ самомъ дѣлѣ, съ того времени прошло уже нѣсколько лѣтъ, въ періодъ которыхъ такъ или иначе должна же была быть произведена переоцѣнка недвижимыхъ имуществъ для обложенія ихъ земскими сборами въ 3-хъ неземскихъ губерніяхъ Юго-Западнаго края, а если это такъ, то тѣмъ самымъ устраняется одинъ лишній мотивъ въ пользу вѣроятности осуществленія проектируемаго ходатайства.

Познакомимся поэтому въ краткихъ чертахъ съ положеніемъ здѣсь этого дѣла въ настоящее время.—На основаніи ст. XVIII Высочайше утвержденнаго 22 апрѣля 1896 года мнѣнія Государственнаго Совѣта о смѣтахъ и раскладкахъ земскихъ повинностей въ 14 неземскихъ губерніяхъ Европейской Россіи, въ этихъ губерніяхъ предоставлено учреждать особыя оцѣночныя коммиссіи въ уѣздахъ для собиранія и разработки данныхъ для раскладки поземельныхъ сборовъ къ трехлѣтію съ 1899 г. Въ циркулярахъ и инструкціяхъ, разъяснявшихъ будущимъ коммиссіямъ ихъ права и обязанности, было между прочимъ указано, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ неземской Россіи „сколько нибудь обстоятельной раскладки земель вовсе не производилось до настоящаго времени, вслѣдствіе чего раскладки отличаются произвольностью; почему въ этихъ мѣстностяхъ ком-

миссіямъ необходимо произвести оцѣночную работу вновь въ полномъ объемѣ, тогда какъ въ остальныхъ предстоящая работа можетъ быть ограничена провѣркою оцѣночнаго матеріала и нѣкоторыми необходимыми измѣненіями въ раскладкѣ земель по мѣстностямъ и угодьямъ".

Затѣмъ, самимъ уже мѣстнымъ учрежденіямъ предоставлено было рѣшать вопросъ о томъ, нужно-ли начинать дѣло сначала, признавъ прежнія оцѣнки негодными, или только внести лишь поправки въ старыя оцѣнки; при этомъ обращено было особенное вниманіе послѣднихъ на то обстоятельство, что „оцѣночныя коммиссіи ни по составу своему, ни по сроку для выполненія ихъ работъ *не въ состояніи* удовлетворить всѣмъ требованіямъ, предъявленнымъ, на основаніи упомянутаго закона, къ учрежденіямъ, призваннымъ выполнить оцѣночныя работы въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія, и что поэтому нѣкоторое *упрощеніе* оцѣночныхъ пріемовъ является въ данномъ случаѣ *неизбѣжнымъ*". Срокъ для производства и окончанія этихъ работъ данъ былъ годичный,—причемъ приблизительно половина этого срока въ мѣстныхъ губерніяхъ ушла на оцѣнку или переоцѣнку фабрикъ и заводовъ, а другая — земельныхъ имуществъ. Уѣздныя коммиссіи состояли, каждая подъ предсѣдательствомъ предводителя дворянства, изъ 2-хъ мировыхъ посредниковъ, 2-хъ назначенныхъ губернаторомъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, податного инспектора и приглашенныхъ каждой коммиссіей уже отъ себя свѣдущихъ лицъ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, фабрикантовъ и заводчиковъ, приблизительно 4—6 человѣкъ, изъ которыхъ часть обыкновенно на приглашеніе не являлась. На всѣ расходы по учету и оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ ассигновано было въ распоряженіе уѣздныхъ оцѣночныхъ коммиссій приблизительно по 350 р. на уѣздъ, которые и пошли главнымъ образомъ на канцелярское дѣлопроизводство.

Разскажу о дѣятельности одной изъ мѣстныхъ уѣздныхъ коммиссій, проявившей повидимому особенное усердіе въ осуществленіи поставленныхъ ей задачъ. Коммиссія рѣшила произвести не

только новую оцѣнку всѣхъ земельныхъ и другихъ недвижимыхъ имуществъ, но и новый количественный учетъ послѣднихъ. Разосланы были черезъ полицію всѣмъ мѣстнымъ владѣльцамъ недвижимыхъ имуществъ листы съ вопросными пунктами, на которые они должны были отвѣтить въ назначенный срокъ.

Изъ 1700 землевладѣльцевъ на эти листы не отвѣтило, не смотря на всѣ настоянія полиціи, болѣе 200 и учетъ ихъ земель, такъ-же, какъ и оцѣнку послѣднихъ, пришлось произвести по даннымъ старыхъ окладныхъ книгъ, признававшихся самою уѣздною коммиссіею негодными.

Оцѣнка фабрикъ и заводовъ производилась такъ: принимались во вниманіе свѣдѣнія о цѣнности и доходности имущества по заявленію владѣльца, свѣдѣнія о страховой и залоговой оцѣнкахъ его и данныя стоимости машинъ; производился приблизительный разсчетъ количества потребнаго на постройку зданій кирпича и по этому разсчету приблизительно опредѣлялась стоимость этихъ зданій, а затѣмъ по сопоставленіи всѣхъ этихъ оцѣночныхъ цифръ за окончательную избиралась та, которая давала высшую цифру оцѣнки, какъ болѣе выгодную для казны, при чемъ для полученія полныхъ свѣдѣній по каждому такому заводу или фабрикѣ они посѣщались податнымъ инспекторомъ.

Въ вопросныхъ листахъ, разосланныхъ замлевладѣльцамъ, требовалось, чтобы каждый изъ нихъ самъ сообщилъ, отъ кого и когда имъ пріобрѣтено имѣніе, по какой оцѣнкѣ имѣніе заложено, какая въ немъ почва, сколько въ немъ десятинъ каждаго изъ угодій: усадебныхъ, сѣнокосу заливного, суходольнаго или болотнаго, лѣсу строевого, товарнаго, дровяного или мѣшанаго, съ распредѣленіемъ каждаго по породамъ; пашни перваго или второго разряда, съ отнесеніемъ во второй—по усмотрѣнію владѣльца—пашни плохой по качеству почвы или слишкомъ гористой, и десятинъ прочихъ угодій (рыболовель, каменоломень и пр.) съ указаніемъ ихъ доходности по усмотрѣнію же владѣльца. Затѣмъ всѣ эти свѣдѣнія, полученныя отъ частныхъ землевладѣльцевъ и крестьянскихъ сельскихъ обществъ, свѣрялись упомянутыми данными окладныхъ книгъ, и, въ случаѣ

явныхъ и слишкомъ крупныхъ разнорѣчій съ ними, коммиссія обращалась къ первоисточнику всѣхъ статистическихъ свѣдѣній—волостному правленію съ предложеніемъ выяснить разнорѣчіе на мѣстѣ, и сообщить надлежащія свѣдѣнія; при отсутствіи же крупныхъ, бросающихся въ глаза разнорѣчій, коммиссія обсуждала присланный отвѣтъ съ точки зрѣнія его правдивости и, слѣдовательно, соотвѣтствія мѣстнымъ условіямъ, и на основаніи приблизительнаго знанія данной мѣстности кѣмъ-либо изъ ея членовъ (исходя изъ мнѣнія, что, въ цѣляхъ уменьшенія обложенія владѣльцы склонны умалить качество и доходность своихъ имѣній), коммиссія вносила въ полученный отвѣтъ поправки, обыкновенно переводя часть или всю пашню второго разряда въ первый, а болотный сѣнокосъ въ суходольный на основаніи соображенія, что въ той мѣстности почвы не дурны, а болотъ мало; дровяной лѣсъ—въ строевой или товарный, по предположенію, что послѣдняго, помнится, или кажется, въ той мѣстности больше перваго и т. п. При всѣхъ этихъ поправкахъ принималось за правило по указанію мѣстнаго Распорядительнаго Комитета отдавать вообще предпочтеніе тѣмъ указаніямъ и тѣмъ поправкамъ, которыя ведутъ *къ увеличенію* оцѣнки. Иногда провѣрку свѣдѣній коммиссія поручала произвести на мѣстѣ кому либо изъ сочленовъ, большею частію мировому посреднику, который, за недостаткомъ времени для личнаго осмотра, нерѣдко поручалъ доставить ему необходимыя свѣдѣнія волостному же правленію. Съ цѣлью уясненія доходности и цѣнности земель въ каждомъ районѣ—для коммиссій заранѣе собраны были Распорядительнымъ Комитетомъ свѣдѣнія о залоговыхъ цѣнахъ Дворянскаго и частныхъ земельныхъ банковъ, при чемъ эти залоговыя оцѣнки, конечно, относились не къ отдѣльнымъ угодьямъ, а къ средней стоимости совокупности всякихъ угодій, т. е. къ удобной землѣ вообще. Въ дополненіе къ этому собраны были отъ свѣдущихъ лицъ свѣдѣнія о бывшихъ случаяхъ продажъ,—о мѣстныхъ продажныхъ цѣнахъ, которыя, сказать въ скобкахъ, тоже въ громадномъ большинствѣ уясняли не цѣну отдѣльныхъ угодій, а цѣну удобной земли вообще, тѣмъ

больше, что продажи мелкія подесятинныя, въ этомъ по крайней мѣрѣ уѣздѣ, гораздо рѣже, чѣмъ продажи цѣлыми имѣніями или участками.

Приняты были во вниманіе также и свѣдѣнія объ урожаяхъ, въ опредѣленные сроки доставляемыя податными инспекторами въ Министерство и получаемыя ими въ сыромъ видѣ отъ тѣхъ же волостныхъ правленій. Всѣ эти данныя служили для установленія оцѣнки десятины пашни къ каждомъ изъ 5 приблизительно намѣченныхъ коммиссіею въ уѣздѣ почвенныхъ поясовъ, по соображенію коммиссіи. По отношенію къ сѣнокосамъ, на основаніи приблизительнаго знанія членами коммиссіи каждой данной мѣстности, устанавливался приблизительный размѣръ укоса на десятину каждаго сорта и, по имѣющемуся представленію о цѣнности тамъ того или другого сорта сѣна, вычислялся доходъ отъ сѣнокоса, который для установленія его оцѣнки въ каждомъ поясѣ капитализировался изъ 5%. Доходность земель садовыхъ, огородныхъ, рыболовель, каменоломенъ, пасѣкъ, торфяниковъ, торговыхъ площадей и дачныхъ мѣстъ принималась прямо по показаніямъ владѣльцевъ и капитализировалась тоже изъ 5%.

Для оцѣнки лѣсныхъ земель поступали такъ. Коммиссія разбила уѣздъ на 3 лѣсныхъ пояса по цѣнности и доходности лѣса, устанавливая нормальную оцѣнку послѣдняго для каждаго пояса по породамъ и возрасту, примѣняясь къ казеннымъ лѣснымъ оцѣнкамъ сосѣднихъ казенныхъ дачъ, съ пониженіемъ всѣхъ этихъ оцѣнокъ вчетверо, въ виду того соображенія, что въ казенныхъ лѣсахъ, при установленномъ оборотѣ рубки, получается ежегодный опредѣленный доходъ отъ лѣса, котораго можетъ не быть въ частныхъ лѣсахъ, гдѣ большею частію правильнаго хозяйства не ведется и оборота рубки не установлено. Изъ изложеннаго видно, что при наличномъ своемъ составѣ и средствахъ—уѣздная коммиссія сдѣлала съ своей стороны все возможное для осуществленія поставленныхъ ей задачъ.

Мнѣ думается однако, что послѣ изложеннаго, мнѣ нѣтъ въ тоже время надобности останавливаться на разъясне-

нiи того, на сколько приблизительна, или вѣрнѣе примитивна была такая оцѣнка и на сколько можетъ быть не соотвѣтственно и не уравнительно основанное на такой оцѣнкѣ обложенiе. Мнѣ, вслѣдствiе этого, остается только констатировать, что такимъ образомъ и понынѣ не исчезъ еще и этотъ лишнiй поводъ къ сплошному статистическому оцѣночно-экономическому изслѣдованiю края.

Установивъ такимъ образомъ необходимость возбужденiя ходатайства о единовременномъ статистическомъ обслѣдованiи края, я не могу однако не обратить вниманiе на то обстоятельство, что возбуждая то или иное ходатайство, нельзя быть увѣреннымъ въ несомнѣнности его осуществленiя. Если это не осуществится, тогда край нашъ опять надолго останется безъ ничего. Это съ одной стороны,—и слѣдовательно на этотъ случай надо имѣть еще что нибудь, что хоть отчасти, хотя чѣмъ нибудь замѣнило бы этотъ неосуществившiйся статистическiй проектъ. Съ другой стороны, даже и при условiи его осуществленiя, нельзя не имѣть въ виду, что названный проектъ имѣетъ дѣло съ единовременнымъ обслѣдованiемъ, данныя котораго, во 1-хъ, впослѣдствiи устарѣютъ и должны быть подновляемы, а во 2-хъ имѣютъ ограниченную сферу обслѣдованiя въ томъ смыслѣ, что касаются одной стороны—лишь уясненiя современныхъ условiй сельско-экономической жизни.

Такою отчасти замѣною, отчасти подспорьемъ и дополненiемъ дѣятельности оффицiальныхъ и земскихъ статистическихъ органовъ у насъ въ Россiи всегда и вездѣ были ученыя общества, учреждаемыя съ цѣлью изученiя родного края. Въ Юго-Западномъ краѣ существуетъ нѣсколько ученыхъ обществъ: историческое, юридическое, техническое, физико-математическое, но нѣтъ такого общества, которое поставило-бы своею цѣлью изученiе условiй экономической жизни, его населенiя, и изученiе его съ бытовой, этнографической точки зрѣнiя.

Въ свое время былъ здѣсь отдѣлъ Географическаго Общества, восполнявшiй существующiй въ краѣ недостатокъ въ обществахъ для статистическаго и монографическаго изслѣдованiя

края въ области географіи, статистики и этнографіи. Но теперь такого общества нѣтъ и въ немъ давно уже настоитъ несомнѣнная нужда. Желательно поэтому,—чтобы дать полезному дѣлу необходимый толчокъ въ смыслѣ его скорѣйшаго осуществленія,—дабы настоящее собраніе признало и констатировало эту необходимость. Осуществленіе этой потребности, по моему мнѣнію, достижимо двумя путями: или организаціей спеціальнаго общества, или возбужденіемъ ходатайства о разрѣшеніи возобновить дѣятельность Отдѣла Географическаго Общества, дѣйствія котораго временно пріостановлены уже очень давно въ совсѣмъ особыя повидимому времена жизни Юго-Западнаго края. При обсужденіи вопроса о томъ, какому изъ этихъ двухъ предположеній отдать предпочтеніе, мои симпатіи и мысли, какъ дѣйствительнаго члена Географическаго Общества, невольно склоняются въ пользу проекта о возобновленіи здѣсь дѣятельности бывшаго его Отдѣла. Организація новаго самостоятельнаго общества имѣетъ ту слабую сторону сравнительно съ возстановленіемъ дѣятельности Отдѣла, что этимъ нарушается желательная и полезная связь съ наиболѣе выдающимся въ Россіи ученымъ обществомъ Императорскимъ Географическимъ; теряется возможность его направляющей дѣятельности и права на тѣ важныя въ дѣлѣ научнаго изслѣдованія привиллегіи, которыми оно пользуется по закону, а также и на возможную отъ него—матеріальную и нравственную поддержку, особенно необходимую именно въ первое время. Къ тому же программа дѣятельности и планъ его организаціи давно уже выработаны, уставъ испытанъ многолѣтнею практикою, сочувствіе интеллигентнаго общества обезпечено—слѣдовательно незачѣмъ гнаться за новымъ, когда есть свое, готовое, всесторонне обдуманное, цѣлесообразно и практично обставленное. Вотъ почему я и предлагаю просить распорядительный комитетъ съѣзда, о возбужденіи, передъ кѣмъ слѣдуетъ, подлежащихъ ходатайствъ какъ объ организаціи сплошного и единовременнаго статистическаго обслѣдованія края, такъ и о возстановленіи въ немъ дѣятельности Отдѣла Географическаго Общества для изслѣдованія края въ географическомъ отношеніи

въ широкомъ смыслѣ этого слова, для изученія этнографіи края и экономическаго быта его населенія, по скольку таковой можетъ быть выясненъ путемъ примѣненія статистическаго метода изслѣдованія. Первое ходатайство, казалось-бы, ближе всего возбудить передъ просвѣщеннымъ начальникомъ края, второе—передъ самимъ Географическимъ Обществомъ.

Въ заключеніе, въ виду необходимости предварительнаго обсужденія вопроса о томъ, передъ кѣмъ именно надлежитъ и возможно, по уставу съѣзда и при наличныхъ условіяхъ, возбуждать то и другое ходатайство, а также и для болѣе точной и обстоятельной формулировки моихъ предложеній, я позволилъ-бы себѣ предложить собранію избрать особую коммиссію подъ предсѣдательствомъ нашего уважаемаго предсѣдателя подсекціи статистики Д. И. Пихно, при участіи членовъ подсекціи съ юга Россіи, какъ болѣе заинтересованныхъ въ успѣхѣ ходатайствъ и вообще болѣе близкихъ къ этому дѣлу. Въ коммиссію я предложилъ-бы: г. г. Бориневича, Борисова, Василенка Н. П., Осадчаго и Постникова.

Отдавая въ ваши руки рѣшеніе возбужденныхъ мною вопросовъ, немогу не выразить моего мнѣнія, что вашимъ содѣйствіемъ къ скорѣйшему и цѣлесообразному разрѣшенію поставленныхъ предложеній вы, наши дорогіе кіевскіе гости, сторицею отплатите за это гостепріимство, сослуживъ полезную службу тому самому краю, который нынѣ васъ такъ радушно принимаетъ и который и для меня сталъ роднымъ съ тѣхъ поръ, какъ я отдался служенію его интересамъ и ближе узналъ многихъ изъ тѣхъ добрыхъ людей, которые въ немъ живутъ и работаютъ на пользу своей родины.

Л. Личковъ.

Отъ редакціи.

Извѣстно, что изложенныя въ докладѣ предложенія были единогласно одобрены многочисленнымъ составомъ подсекціи статистики и переданы, по предложенію докладчика, въ особую коммиссію съ участіемъ въ ней, кромѣ названныхъ имъ лицъ, и нѣкоторыхъ членовъ юго-западнаго отдѣла Географическаго Общества. Коммиссія, высказавшись единогласно за желательность осуществленія обоихъ предложеній докладчика, проектировала возбудить ходатайство объ учрежденіи не Юго-Западнаго, а Южнаго Отдѣла Географическаго Общества въ Кіевѣ, въ районъ дѣятельности котораго входили-бы губерніи малороссійскія, новороссійскія и юго-западныя, каковое предложеніе, одновременно съ представленіемъ на утвержденіе подсекціи статистики, передать и на обсужденіе секціи географіи. Что же касается вопроса о необходимости сплошного статистическаго оцѣночно-экономическаго обслѣдованія края, то въ виду отсутствія у съѣзда права возбуждать непосредственныя ходатайства передъ мѣстными властями, коммиссія предположила ограничиться признаніемъ необходимости такого обслѣдованія въ надеждѣ, что и такое постановленіе подсекціи будетъ уже служить извѣстнымъ толчкомъ къ осуществленію этого въ высшей степени полезнаго и необходимаго начинанія. Подсекція статистики единогласно присоединилась къ заключенію коммиссіи; точно также и секція географіи единогласно признала необходимымъ возбужденіе передъ Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ ходатайства объ учрежденіи въ Кіевѣ Южнаго Отдѣла Географическаго Общества. Изложенное въ этомъ видѣ ходатайство секціи географіи и подсекціи статистики передано было на разсмотрѣніе распорядительнаго Комитета X съѣзда, перенесшаго это предложеніе на обсужденіе общаго собранія членовъ Съѣзда, гдѣ оно и получило окончательное одобреніе.

КЪ БІОГРАФІИ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА КОСТОМАРОВА.

Въ архивѣ Воронежскаго Окружнаго суда хранится нѣсколько дѣлъ, содержащихъ интересныя свѣдѣнія о семьѣ Костомаровыхъ, особенно о рожденіи и дѣтскихъ годахъ жизни Николая Ивановича:

„О преданіи случая смерти капитана Ивана Костомарова убитаго лошадьми, волѣ Божіей".

„Объ имѣніи умершаго Ивана Костомарова".

„О кражѣ у помѣщицы Костомаровой изъ сундука разныхъ вещей и денегъ крестьяниномъ Мельниковымъ".

„О крестьянахъ Василіѣ Смыкаловѣ съ прочими, судимыхъ за ограбленіе дома помѣщицы Костомаровой".

Пользуясь любезнымъ содѣйствіемъ предсѣдателя Воронежскаго Окружнаго суда, Ивана Васильевича Денисенка, которому приносимъ искреннюю признательность, мы имѣли возможность извлечь изъ перечисленныхъ дѣлъ все, что представляетъ интересъ для біографіи Н. И. Костомарова, какъ новое, еще неизвѣстное въ печати, такъ и то, что представляетъ документальное подтвержденіе уже извѣстнаго.

Дѣло о смерти отца Николая Ивановича, капитана Ивана Костомарова, уже уничтожено. Въ архивѣ сохранилось, въ особомъ сборникѣ за 1828 годъ, „мнѣніе" Острогожскаго окружнаго суда, передающее всѣ подробности слѣдствія по этому дѣлу. Приводимъ его дословно.

„1828 года, сентября 15 числа. По Указу Его Императорскаго Величества, Острогожскій уѣздный судъ, слушавъ дѣло, производимое по рапорту Острогожскаго земскаго суда о убитомъ лошадьми Острогожскаго уѣзда помѣщикѣ капитанѣ Иванѣ Костомаровѣ, Приказали: Какъ изъ произведеннаго Острогожскимъ земскимъ судомъ слѣдствія видно, что убитый помѣщикъ Костомаровъ, минувшаго іюля 14 числа, приказалъ кучеру своему Савелію Иванову запречь въ ресорныя дрожки тройку лошадей и когда по приказанію его было исполнено то, онъ, сѣвши, поѣхалъ, по обыкновенію, осматривать лѣса, ему принадлежащіе при слободѣ Юрасовкѣ и, осмотрѣвши, онъ поѣхалъ обратно въ домъ свой въ слободѣ Юрасовкѣ и, проѣхавши съ версту, оный Костомаровъ, вставши съ дрожекъ, пошелъ пѣшкомъ по межѣ, означающей его владѣніе, и лишь только отошелъ шаговъ нѣсколько, то бывшій при немъ кучеръ Ивановъ увидѣлъ выбѣжавшихъ изъ лѣса двухъ волковъ не въ дальнемъ разстояніи отъ дороги, по которой онъ проѣзжалъ, о которыхъ сказалъ ему Костомарову, который, возвратясь къ дрожкамъ и сѣвши на оныи, посмотрѣвъ на нихъ, удивился величинѣ волковъ тѣхъ, и въ сіе самое время лошади, на которыхъ они ѣхали, начали торопиться. Съѣхавши жъ съ горы въ яръ, именуемый Пушкаревымъ, изъ лошадей тѣхъ правая пристяжная, неизвѣстно отчего, взбрыкнула и заднею лѣвою ногою заступила черезъ пристяжку; и кучеръ Ивановъ, остановя лошадей и, по приказанію господина, слѣзъ съ козелъ и лишь только подошелъ къ той пристяжной лошади сзади, намѣреваясь освободить изъ пристяжки ногу, то въ то самое время лошади всѣ вмѣстѣ бросились въ галопъ по дорогѣ такъ быстро, что Ивановъ не могъ никакъ даже хватиться за дрожки, и понесли господина его, сидящаго въ дрожкахъ, за коими хотя онъ и бѣжалъ, но за быстротою бѣга ихъ, скоро скрылись у него изъ глазъ. Каковой случай видя, Ивановъ, не продолжая никакого поиска, побѣжалъ въ слободу Юрасовку, гдѣ узналъ, что господина его еще не было, почему, осѣдлавши лошадей, вообще съ конюхами Василіемъ Росляковымъ, Владиміромъ

Зайцевымъ и караульнымъ Ляшенковымъ поѣхали отыскивать; и искавши долгое время, наконецъ, изъ числа объясненныхъ искателей Ляшенковъ вскричалъ, что онъ его уже нашелъ близь дороги, на землѣ, но уже мертваго. Лошадей же и дрожки нашли близь рѣчки Ольховатки, завязшими въ трясинѣ въ томъ мѣстѣ. По свидѣтельству жъ земскаго суда и уѣзднаго стряпчаго, на тѣлѣ убитаго Костомарова оказались дѣйствительно во многомъ количествѣ раны и боевые знаки, но чтобы таковая смерть причинена была Костомарову кѣмъ либо умышленно, таковаго по слѣдствію не открыто, да и сомнѣнія никакого не упадаетъ, а посему таковой случай смерти, послѣдовавшій помѣщику Костомарову, по силѣ воинскихъ процессовъ 2-й части, 5 главы, 10-го пункта, предать волѣ Божіей. А дѣло сіе, на основаніи указа Правительствующаго Сената Общаго Собранія, состоявшагося въ 27 день августа 1823 года, 2-ой статьи, отправить купно съ мнѣніемъ и учиненнымъ изъ него экстрактами, а изъ законовъ выпискою на благоусмотрѣніе господина Воронежскаго Гражданскаго Губернатора, при описи и рапортѣ.

Уѣздный Судья... Дворянскій Засѣдатель... Секретарь Андреевъ. Подписанъ 22 сент. 1828 г.

Въ иномъ видѣ является это дѣло въ воспоминаніяхъ Николая Ивановича и его матери, Татьяны Петровны, которые до конца жизни не могли безъ волненія говорить объ этомъ ужасномъ происшествіи. Иванъ Петровичъ Костомаровъ былъ убитъ съ цѣлью ограбленія дворовыми людьми, кучеромъ, камердинеромъ и изгнаннымъ за пьянство лакеемъ, по заранѣе придуманному плану, исполнителемъ котораго былъ кучеръ. „Они составили заговоръ, разсказываетъ Николай Ивановичъ въ своей автобіографіи [1]), убить моего отца съ намѣреніемъ ограбить у него деньги, которыя, какъ они довѣдались, лежали въ шкатулкѣ". „Злодѣйскій умыселъ крылся нѣсколько мѣсяцевъ, наконецъ убійцы порѣшили исполнить его 14 іюля. Заговорщики,

[1]) „Литературн. Наслѣдіе", стр. 9 и 17.

воспользовавшись общимъ смятеніемъ при извѣстіи о томъ, что барина унесли лошади, достали шкатулку, занесли ее на чердакъ и выбрали изъ нее всѣ деньги, которыхъ было нѣсколько десятковъ тысячъ, полученныхъ моимъ отцемъ за заложенное имѣніе".

Въ Юрасовкѣ и теперь помнятъ Ивана Петровича Костомарова и его смерть; но по преданію, смерть была вызвана жестокостью помѣщика. Пишущему эти строки приходилось слышать разсказы о звѣрскихъ наказаніяхъ крестьянъ, исполняемыхъ передъ окнами господскаго дома. Здѣсь показываютъ мѣсто, гдѣ стоялъ столбъ, къ которому привязывали несчастныхъ, ожидающихъ кары. Изъ дѣла о раздѣлѣ наслѣдства видно, что, по смерти Ивана Петровича, имѣніе его осталось незаложеннымъ, но это не исключаетъ возможности грабежа въ его домѣ большой суммы. По обычаю того времени, къ помощи сохранной казны (другихъ банковъ тогда не было) прибѣгали въ исключительныхъ случаяхъ, всѣ наличныя деньги хранились дома. Иванъ Петровичъ былъ очень денежнымъ хозяиномъ, и у него могли храниться значительныя сбереженія.

Истинная причина смерти отца Николая Ивановича была обнаружена только въ 1833 году торжественнымъ признаніемъ кучера на могилѣ убитаго имъ господина. Преступники, купившіе неправильное рѣшеніе суда, предавшаго дѣло смерти Ивана Костомарова волѣ Божіей, были осуждены и сосланы въ Сибирь [1]).

По смерти Ивана Петровича Костомарова осталось значительное наслѣдство. Наслѣдниками, кромѣ вдовы его, Татьяны Петровны, матери Николая Ивановича, явились племянники Ивана Петровича, дѣти его сестры, помѣщики Острогожскаго и Коротоякскаго уѣздовъ Ровневы и ихъ сестры. Всѣ они, вмѣстѣ съ Татьяной Петровной, 7 августа, въ общемъ прошеніи ходатайствовали предъ Острогожскимъ земскимъ судомъ о передачѣ имъ, какъ единственнымъ наслѣдникамъ, оставшагося послѣ смерти Ивана Петровича Костомарова имѣнія въ общее управленіе,

[1]) Литературн. наслѣд., стр. 17.

впредь до законнаго раздѣла. Земскій судъ, 20 сентября, передалъ имъ это имѣніе въ составѣ „земли и крестьянъ, состоящихъ по 7-ой ревизіи за нимъ, Костомаровымъ, мужескаго пола 304 и женскаго 305 душъ. Кромѣ того, два билета сохранной казны на 75,000 руб. ассигнаціями". Количество земли не было указано, можетъ быть, потому что имѣнія цѣнились тогда главнымъ образомъ по числу душъ крестьянъ; но при возникшемъ между братьями и сестрами Ровневыми спорѣ о наслѣдствѣ, количество земли опредѣлялось разными наслѣдниками въ шесть, шесть съ половиною и даже семь тысячъ десятинъ.

9-го февраля, Татьяна Петровна, вѣроятно, ободряемая совѣтами друзей ея мужа, подала въ Острогожскій уѣздный судъ слѣдующее прошеніе, полное интересныхъ біографическихъ свѣдѣній, относящихся къ рожденію и дѣтству будущаго историка.

„По смерти мужа моего, Острогожскаго уѣзда помѣщика капитана Ивана Петрова сына Костомарова, остался одинадцати-лѣтній сынъ Николай, прижитый имъ со мною еще до бракосочетанія, послѣдовавшаго прошлаго, 1827 года. По обстоятельствамъ, предпринимаемымъ мною на счетъ званія онаго сына нашего Николая, нужно мнѣ свидѣтельство въ томъ: 1) о рожденіи его мною въ 1817 году, мая 4 дня, еще въ бытность мою у него Костомарова въ слободѣ Юрасовкѣ въ малороссійскомъ подданствѣ дѣвицею и числящейся, по ревизіи, въ той слободѣ за нимъ, при семействѣ отца моего Петра Андреева сына Мыльникова, и что оный сынъ мой Николай мною рожденъ въ домѣ его, Костомарова, и крещенъ той же слободы священникомъ Василіемъ Ряполовскимъ. 2) Что я онымъ приходскимъ священникомъ Ряполовскимъ въ той же Юрасовской церквѣ вѣнчана 1817 года, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, и 3) что во время жизни онаго мужа моего, бывавшіе въ домѣ его Острогожскаго жъ уѣзда помѣщики, имѣвшіе съ нимъ дружескую связь, капитанъ Николай, штабсъ-капитанъ Василій и коллежскій регистраторъ Иванъ Рахмины, поручикъ Владиміръ Станкевичъ, да имѣющіе въ той слободѣ Юрасовкѣ свое помѣстіе и живущіе въ оной, родственники покойнаго мужа моего поручикъ Николай и подпоручика

вдова Прасковья Чехурскіе, онаго сына Николая видали и достовѣрно извѣстны о томъ, что покойный мужъ мой онаго сына нашего Николая, всегда имѣя при себѣ въ домѣ своемъ, воспитывалъ его и доставлялъ ему науки, званію мужа моего соотвѣтственные, и поступалъ съ нимъ, какъ съ собственнымъ сыномъ, въ каковомъ качествѣ и оные господа Рахмины, Станкевичъ и Чехурскіе его признавали; и изъ нихъ нѣкоторыхъ, а можетъ быть и всѣмъ имъ, не говорилъ ли онъ, что намѣренъ просить о усыновленіи его. По сему Всеподданнѣйше прошу, дабы высочайшимъ Вашего Имп. Величества указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе принять и о прописываемыхъ мною обстоятельствахъ, о рожденіи и крещеніи помянутаго сына моего Николая, равно о бракосочетаніи моемъ съ означеннымъ мужемъ моимъ, чрезъ Воронежскую Духовную Консисторію, по метрическимъ книгамъ учинить справку, а отъ помѣщиковъ Рахминыхъ, Станкевича и Чехурскаго о изъясняемомъ много выше сего, до ихъ принадлежащемъ, черезъ коего слѣдуетъ, отобрать, на законномъ основаніи, подъ присягою, показанія и съ оныхъ, равно и съ справки, выдать мнѣ за надлежащимъ подписаніемь и съ приложеніемъ казенной печати свидѣтельство, о чемъ учинить, какъ Вашего Императорскаго Величества законы повелѣваютъ".

Намѣреніе добиваться усыновленія Николая Ивановича, угрожающее племянникамъ его отца, Ровневымъ, потерею наслѣдства, вызвано со стороны ихъ противодѣйствіе. Оно началось протестами, сначала довольно сдержанными, но затѣмъ, когда судъ принялъ прошеніе къ разсмотрѣнію и постановилъ собрать справки, о которыхъ ходатайствовала Татьяна Петровна, наслѣдники дошли до такой ярости, что въ офиціальныхъ бумагахъ отрицали самый фактъ вѣнчаніи Татьяны Петровны съ Ив. Петр. Костомаровымъ и рожденіе отъ него сына, забрасывали клеветой и всевозможной грязью не только Татьяну Петровну, но по нравамъ того времени, ея отца и весь родъ.

Судъ собралъ метрическія справки о бракѣ Татьяны Петровны и рожденіи ея сына и свидѣтельства о нахожденіи этого

сына, малолѣтняго Николая, въ домѣ его отца. Всѣ эти справки подтверждаютъ показаніе Татьяны Петровны, но въ выдачѣ ей этихъ справокъ судъ отказалъ. Ниже приведены дословно постановленіе суда по этому предмету и три данныхъ подъ присягою заявленія о положеніи сына Татьяны Петровны въ домѣ ея отца.

Съ отказомъ суда въ выдачѣ справокъ, рушилась на первыхъ шагахъ надежда на усыновленіе Николая Ивановича, за то снова наладилось дѣло о раздѣлѣ наслѣдства. Мѣсяцъ спустя, въ судѣ снова появилось коллективное прошеніе сонаслѣдниковъ, съ Татьяной Петровной въ ихъ числѣ, въ которомъ говорилось, между прочимъ: „я, Ровневъ, заведенное по оному моему прошенію дѣло о бракѣ навсегда оставляю и предаю забвенію съ тѣмъ, что за симъ мы, Ровневъ и Костомарова, другъ на друга никакихъ прошеній по сей части, имѣть не будемъ". Вслѣдствіе спора по наслѣдству между Ровневыми окончательный раздѣлъ затянулся до 1832 года. Татьянѣ Петровнѣ по раздѣлу достался билетъ сохранной казны въ 50000 р. ассигнаціями.

Дѣла о кражѣ и грабежѣ въ домѣ Татьяны Петровны Костомаровой не лишены интереса съ бытовой стороны, но они ничего не даютъ для біографіи Николая Ивановича. По смерти отца, Николай Ивановичъ былъ помѣщенъ въ пансіонъ и потомъ въ гимназію въ Воронежѣ. Грабежъ, случившійся въ его отсутствіи и отразившійся исключительно на семьѣ отца Татьяны Петровны, которая, какъ видно изъ дѣла, жила въ его домѣ, не произвелъ особаго впечатлѣнія на Николая Ивановича. Домъ, гдѣ произошелъ грабежъ, Николай Ив. называетъ своимъ [1]).

„1829-го года, сентября 21 дня. По Указу Е. И. В. Острогожскій уѣздный судъ, слушавъ дѣло, производимое по прошенію вдовы капитана Татьяны Костомаровой о собраніи разныхъ справокъ въ обстоятельствахъ, прописанныхъ въ ея прошеніи

---

[1]) Литерат. наслѣдіе, стр. 17.

о прижитомъ ею съ тѣмъ мужемъ ея Костомаровой еще до законнаго брака сынѣ Николаѣ и о прочемъ, приказали: хотя означенная Костомарова прошеніемъ, поданнымъ въ сей судъ сего года февраля 9-го числа, и проситъ о рожденіи и крещеніи онаго сына ея Николая откуда слѣдуетъ вынести справку, а точно отъ помѣщиковъ капитана Николая, штабсъ-капитана Василіи и коллежскаго регестратора Ивана Рахминыхъ, поручика Владиміра Станкевича, поручика Николая и подпорудчицы вдовы Прасковьи Чехурскихъ отобрать подъ присягою показанія въ томъ, что они сына ея Николая видѣли и достовѣрно извѣстны о томъ, что покойный мужъ ея онаго Николая, всегда имѣя при себѣ въ домѣ своемъ, воспитывалъ его и доставлялъ ему науки, званію мужа ея соотвѣтственныя, и поступалъ съ нимъ, какъ съ собственнымъ сыномъ; равно и въ томъ, не говорилъ ли имъ покойный мужъ ея, что онъ намѣренъ просить о усыновленіи его—и по собраніи тѣхъ справокъ выдать ей, за свидѣтельствомъ сего суда, копію. Вслѣдствіе каковаго прошенія хотя симъ судомъ выше сего означенныя справки и собраны, но какъ сей судъ при ея прошеніи видитъ, что она, Костомарова, имѣетъ намѣреніе объ усыновленіи онаго, незаконно прижитаго ею съ покойнымъ г. Костомаровымъ сына просьбою своею утруждать правительство, или, можетъ быть, и самаго Государя Императора, на тотъ конецъ, дабы онъ чрезъ таковой ея Костомаровой, оборотъ могъ воспользоваться всѣмъ оставшимся по смерти Костомарова имѣніемъ, въ Высочайшемъ повелѣніи, изданнымъ во 2-ой день января 1829 года изображено: „что прошенія, какъ объ усыновленіи незаконнорожденныхъ воспитанниковъ, такъ и о сопричтеніи къ законнымъ дѣтей, рожденныхъ до брака, въ Коммисію Прошеніи поступающія, никакого хода получать не будутъ и будутъ оставляемы безъ уваженія“, а по сему самому узаконенію сей судъ просительницы Костомаровой въ просимомъ удовлетвореніи сдѣлать не можетъ, а полагаетъ въ томъ ей отказать“.

„1829 года, марта 16 дня Острогожскаго земскаго суда г-ну дворянскому засѣдателю и кавалеру Батовскому Острогожскаго уѣзда помѣщикъ, поручикъ Владиміръ Ивановъ Станкевичъ, по долгу присяги, далъ сіе показаніе въ томъ, что когда мнѣ случалось быть въ домѣ покойнаго капитана Ивана Петрова сына Костомарова, то не рѣдко слыхалъ отъ него, что онъ имѣетъ у себя сына Николая, что любитъ его и желалъ бы просить Государя Императора, по женитьбѣ на его матери, о усыновленіи. Изъясняя же, прибавлялъ, что дитя его достойно званія дворянина и что ему прискорбно будетъ, если онъ не успѣетъ въ утвержденіи его въ дворянствѣ и унаслѣдить, при чемъ всегда плакалъ. Я ему предлагалъ,что не женившись, невозможно просить Государя о признаніы рожденнаго отъ него, какъ онъ тогда говорилъ, и бывшей тогда дѣвицы Татьяны Петровой дочери сына его Николая, на что онъ отвѣчалъ: что онъ непремѣнно намѣренъ на ней жениться и тогда уже будетъ просить Государя Императора о утвержденіи его сына, какъ онъ именовалъ, Николая въ дворянствѣ и наслѣдственномъ правѣ“.

„1829 года, марта 16 дня, Острогожскаго уѣзднаго суда г-ну дворянскому засѣдателю Батовскому, Острогожскаго уѣзда помѣщики—капитанъ Николай и коллежскій регистраторъ Иванъ Федоровы сыны Рахмины, по приводѣ къ присягѣ, дали сіе показаніе въ томъ, что здѣшняго уѣзда нынѣ уже покойный помѣщикъ капитаыъ Иванъ Петровъ Костомаровъ, рожденною въ въ домѣ его до брака отъ жены его, въ бытность еще холостымъ, а жены, Татьяны Петровой дочери, дѣвицею, сына Николая, дѣйствительно всегда имѣлъ при себѣ въ домѣ своемъ, воспитывалъ его и доставлялъ ему науки, званію его, Костомарова, соотвѣтственныя и поступалъ съ нимъ, какъ съ собственнымъ сыномъ; и послѣ бракосочетанія уже его съ оною дѣвицею Татьяною, всегда во время бытности нашей въ домѣ его, говорилъ онъ, Костомаровъ, объ ономъ сынѣ своемъ и признавалъ его собственнымъ, изображалъ въ немъ сходства

черты лица своего, требовалъ отъ насъ совѣтовъ и предполагалъ непремѣнное намѣреніе утруждать прозьбою Государя Императора о усыновленіи его Николая. И даже при таковыхъ его разговорахъ и чувствительности, какъ смертный человѣкъ, опасаясь въ кратковременной сей жизни, чтобы, безъ окончанія своего намѣренія, не подвергнутъ, по неусыновленіи, сына своего къ худымъ послѣдствіямъ лишеніемъ быть ему полнымъ наслѣдникомъ имѣній, произносилъ таковыя слова, по любви къ своему сыну, даже со слезами".

„1829 года, февраля... дня, Острогожскаго уѣзднаго суда дворянскому засѣдателю маіору и кавалеру Батовскому Острогожскаго уѣзда помѣщики штабсъ-капитанъ Василій Федоровъ Рахминъ,, вслѣдствіе объявленнаго вами мнѣ Острогожскаго уѣзда суда земскому суду за № 451, указа, послѣдовавшаго по прошенію помѣщицы вдоды капитанской жены Татьяны Костомаровой, въ чемъ слѣдуетъ, по приводѣ къ присягѣ, даю сіе показаніе въ томъ, что здѣшняго уѣзда, нынѣ уже покойный помѣщикъ, капитанъ Иванъ Петровъ сынъ Костомаровъ, рожденнаго въ домѣ его до брака, отъ жены его, въ бытность еще холостымъ, и съ дѣвицею, сына Николая, дѣйствительно всегда имѣлъ при себѣ въ домѣ своемъ, воспитывалъ его и доставлялъ ему науки, званію его, г. Костомарова, соотвѣтственныя, и поступалъ съ нимъ, какъ съ собственнымъ сыномъ и въ каковомъ качествѣ и я онаго сына Николая, видя въ домѣ его господина Костомарова, признавалъ. И когда случалось мнѣ бывать въ домѣ его Костомарова, то въ первый случай пріѣзда моего къ нему, въ то время, когда уже оный сынъ его Николай началъ ходить, онъ, Костомаровъ, выводилъ его ко мнѣ и рекомендовалъ его мнѣ, называя его собственнымъ своимъ сыномъ, что, безъ сомнѣнія, служитъ удостовѣреніемъ и то, что оный сынъ его Николай во всемъ имѣетъ сходственныя черты лица его, Костомарова. Сверхъ того неоднократно слыхалъ я отъ него и то, что онъ, Костомаровъ непремѣнное имѣлъ желаніе просить о

усыновленіи онаго своего сына Николая, такъ какъ онъ есть его сынъ и какъ до брака его и послѣ онаго отъ оной жены его Татьяны Петровой дочери, дѣтей уже не было и во всемъ мною сказанномъ, какъ по долгу и чистой совѣсти симъ удостовѣряю".

Попытка Татьяны Петровны усыновить Николая Ивановича, уже по смерти его отца, указываетъ, что послѣдній не успѣлъ или не смогъ исполнить свое, какъ видно, задушевное желаніе. Что касается фамиліи Костомарова, то таковая Николаю Ивановичу, какъ незаконнорожденному, легко могла быть присвоена простою записью въ метрикѣ. Несомнѣнно, что этимъ путемъ онъ и получилъ свою фамилію, и конечно по волѣ его отца, и такъ какъ у Ивана Петровича Костомарова родственниковъ, носящихъ его фамилію, не было, то никакихъ препятствій къ исполненію воли этого сильнаго и богатаго барина не могло встрѣтиться. Въ трагическомъ положеніи остался Николай Ивановичъ по смерти своего отца: какъ рожденный отъ крѣпостной, онъ, даже и послѣ вступленія его матери въ бракъ съ Ив. Петр. Костомаровымъ, долженъ былъ остаться его крѣпостнымъ. Фиктивное право при жизни отца стало весьма реальнымъ послѣ его смерти, такъ какъ Николай Ивановичъ вмѣстѣ съ прочимъ имуществомъ отца долженъ былъ поступить въ крѣпостное владѣніе наслѣдниковъ Ивана Петровича, Ровневыхъ. Такъ это дѣйствительно и случилось. Татьяна Петровна разсказывала намъ о своемъ ужасѣ, пережитомъ ею во время озлобленія Ровневыхъ, вызваннаго ея попыткою усыновить Николая Ивановича, такъ какъ это усыновленіе угрожало Ровневымъ потерею большого наслѣдства. Когда улеглась буря, Татьянѣ Петровнѣ удалось устроить такъ, что Николай Ивановичъ былъ причисленъ къ ея части наслѣдства и сталъ, такимъ образомъ, крѣпостнымъ своей матери!..

Николай Ивановичъ объ этихъ сторонахъ своего дѣтства не любилъ говорить; обошелъ онъ ихъ и въ своей автобіографіи...

Григ. Вашкевичъ.

ПАМЯТИ
М. А. Максимовича.

I.

Отъ редакціи.

10 ноября этого года истекаетъ 25 лѣтъ со дня смерти одного изъ дорогихъ для Украины ея дѣятелей на полѣ общественно-научномъ—*Михаила Александровича Максимовича,* очень быстро и рѣзко поднявшагося въ началѣ 30-хъ годовъ на высоту положенія перваго ректора Кіевскаго университета, но затѣмъ такъ-же быстро, вслѣдствіе болѣзни, сошедшаго со сцены оффиціальнаго представительства и большую часть своей сознательной жизни прожившаго потомъ, главнымъ образомъ, въ уединенной тиши своего Михайлогорскаго хутора (въ золотонош. уѣз., полтав. губ.). Но если тихо и незамѣтно для внѣшнихъ эффектовъ прошли 30 съ лишнимъ лѣтъ второй половины его жизни, то далеко не безслѣдными остались эти годы, равно какъ и вся его жизнь, для культурныхъ задачъ нашей родины, обязанной на страницахъ своей исторіи записать имя его крупными буквами. Говорить теперь въ общихъ чертахъ о значеніи учено-литературной дѣятельности М. А. Максимовича для нашего южно-русскаго просвѣщенія—это значило-бы повторять то, что

многократно было указано уже въ печати, какъ по поводу празднованія въ 1871 году его пятидесятилѣтняго научнаго труда, такъ и по поводу его смерти въ 1873 году. Дать обстоятельную біографію его, которая дополнила-бы обнародованные уже факты—это въ настоящее время непосильный трудъ, т. к. слишкомъ мало опубликовано еще писемъ его къ разнымъ лицамъ, слишкомъ мало свѣдѣній собрано пока объ отдѣльныхъ эпизодахъ изъ его жизни. Наконецъ, заняться оцѣнкой его выдающейся личности, какъ представителя опредѣленныхъ общественныхъ воззрѣній, съ обозначившимися его идеалами и стремленіями—это значило-бы ступить на ту стезю, на которой легче всего впадать въ ошибки, при отсутствіи вышеуказанныхъ біографическихъ справокъ, или-же, въ силу разныхъ обстоятельствъ, оказаться въ водоворотѣ многочисленныхъ недоговорокъ, которыми всегда такъ полны бываютъ характеристики лицъ, близкихъ къ намъ по времени и обстоятельствамъ. Между тѣмъ, извѣстные до сихъ поръ факты изъ его оффиціальной, такъ сказать, жизни не разъ давали уже матеріалъ для оцѣнки его общественныхъ идеаловъ далеко, какъ намъ кажется, не въ томъ освѣщеніи, которое можно было-бы придать имъ, ближе и глубже вглядѣвшись въ разныя условія его многотруднаго положенія въ жизни. Не говоря, напримѣръ, о своебразной характеристикѣ его въ статьяхъ *Де-Пуле* (Русскій Вѣстн. 1881 г.), по-своему расхваливавшаго Максимовича за его направленіе; не касаясь оцѣнки, данной ему въ „Запискахъ К. Полевого (СПБ. 1888 г.), очень враждебно отнесшагося къ нему по поводу начальной его литературной дѣятельности,—мы укажемъ на тотъ капитальный трудъ (А. Н. Пыпинъ, Истор. Рус. Этногр., т. 3-й), въ которомъ почтенный ученый, давая совершенно безпристрастную оцѣнку общественнымъ воззрѣніямъ Максимовича, скорѣе готовъ признать въ немъ одного изъ выразителей принципа „оффиціальной народности", такъ широко охватившаго умы русскихъ людей въ 30-е и 40-е годы, чѣмъ истиннаго представителя національной идеи. Правда, А. Пыпинъ дѣлаетъ очень важную оговорку, что „совпадая съ оффиціальной народностью,

Максимовичъ съ другой стороны остается, кажется, совершенно свободенъ отъ тѣхъ непривлекательныхъ свойствъ, какими отличались обыкновенно, почти всегда, сторонники ея въ литературѣ". Мы готовы согласиться съ тѣмъ, что если судить по извѣстнымъ пока фактамъ изъ его оффиціально составленныхъ біографій или по даннымъ ему характеристикамъ этими біографами, то придется сдѣлать именно такой выводъ; но для правильной оцѣнки и освѣщенія нравственнаго и умственнаго облика лица, такихъ данныхъ, какъ извѣстно, далеко не достаточно: нужно всегда считаться съ обстоятельствами, въ которыхъ вращалась извѣстная личность, и быть ознакомленнымъ съ тѣми, иногда въ публику и не выступавшими, настроеніями, какія переживались ею. Въ данномъ случаѣ, первое еще не особенно выяснено, а второе, можетъ быть, хранится въ личныхъ воспоминаніяхъ людей, знавшихъ Максимовича въ частной жизни, или въ тѣхъ мелкихъ фактахъ, которые еще не обнародованы.

Вотъ тѣ причины, которыя заставляютъ насъ, отводя въ данномъ номерѣ нашего журнала значительное мѣсто матеріаламъ, соединеннымъ съ памятью о М. А. Максимовичѣ, воздержаться пока отъ помѣщенія статей о немъ, касающихся общей оцѣнки его общественной дѣятельности, и ограничиться напечатаніемъ двухъ статей, принадлежащихъ его перу и неизвѣстныхъ въ печати, а также ряда его писемъ и прошеній, сохранившихся въ черновикахъ его бумагъ, къ лицамъ высокопоставленнымъ. Письма эти на первый взглядъ могутъ произвести, во многихъ случаяхъ, не совсѣмъ благопріятное впечатлѣніе, какъ-бы свидѣтельствуя о его назойливой заботливости о своемъ матеріальномъ благополучіи, но на дѣлѣ они только показываютъ, какъ тяжело сложились личныя обстоятельства жизни того человѣка, которому, судя по его таланту и настроенію, должны-бы достаться въ удѣлъ наилучшія условія для удобствъ спокойной кабинетной работы ученаго, а между тѣмъ онъ въ теченіе 30 съ лишнимъ лѣтъ принужденъ изо дня въ день думать о томъ, какъ-бы найти себѣ способъ заработка. Вотъ эту страничку изъ его жизни, могущую подать поводъ къ отрица-

тельной характеристикѣ его личности, пишущій эти строки позволитъ себѣ освѣтить въ предисловіи и въ примѣчаніяхъ къ печатаемымъ письмамъ, т. к. ему удалось быть близкимъ свидѣтелемъ послѣднихъ годовъ жизни Максимовича (съ 1869 по 1873 г.) и воочію убѣдиться въ томъ, былъ-ли въ дѣйствительности этотъ человѣкъ искателемъ матеріальныхъ благъ жизни. Сверхъ этихъ матеріаловъ, мы помѣщаемъ въ отдѣлѣ „Извѣстій и замѣтокъ“ нѣсколько малорусскихъ стихотвореній Максимовича, у насъ имѣющихся въ автографахъ.

Пусть то немногое, что дается нами въ этой книжкѣ журнала, какъ посвященное памяти М. А. Максимовича, съ одной стороны, дополнитъ многочисленный рядъ извѣстныхъ въ печати статей того человѣка, каждая строчка писаній котораго не должна непогибнуть для науки, а съ другой—вызоветъ на свѣтъ тѣ несомнѣнно имѣющіеся у разныхъ лицъ матеріалы, которые, то въ видѣ писемъ, то въ формѣ воспоминаній, послужатъ для цѣлей составленія возможно болѣе полной біографической характеристики одного изъ славныхъ сыновъ нашей родины.

II.

Споръ о вѣщемъ Боянѣ[1].

(*Посвящается С. Т. Аксакову*).

Статья первая.

„О радость древнихъ лѣтъ, Боянъ!
Ты арфой ополченный
Леталъ предъ строями Славянъ,
И гимнъ гремѣлъ священный...“

Такъ вспомянулъ *вѣщаго Бояна*, въ 1812 году, нашъ достопамятный ратникъ-поэтъ *Жуковскій*, въ своемъ „пѣвцѣ во станѣ Русскихъ воиновъ“—вознеся

„Сей кубокъ чистымъ музамъ въ даръ!“

---

[1]) Извѣстно, какъ много сдѣлано М. А. Максимовичемъ по вопросу о разработкѣ «Слова о Полку Игоревѣ», которымъ онъ началъ заниматься еще будучи въ Москвѣ, напечатавъ въ 1833 году свой отзывъ о переводѣ этого памятника на русскій языкъ А. Вельтманомъ. Сдѣлавшись затѣмъ присяжнымъ словесникомъ, въ качествѣ профессора въ Кіевѣ, Максимовичъ, кромѣ университетскихъ лекцій, не разъ выступалъ въ печати то съ изслѣдованіями этого памятника, то съ изданіями его для слушателей, то съ переводомъ на русскій и малорусскій языки. Одна изъ такихъ его статей, подъ заглавіемъ «Споръ о вѣщемъ Боянѣ» предназначалась къ напечатанію въ Рус-

А незабвенный *Дашковъ* сказалъ, въ примѣчаніяхъ, что „авторъ соглашается здѣсь съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ писателей, пріемлющихъ Бояна за великаго стихотворца, который процвѣталъ во мрачныя времена исторіи нашей и, подобно греческому Тиртею, возбуждалъ пѣснями своими мужество славянскихъ воиновъ". Такъ представляли въ тѣ поры *Бояна*, узнаннаго изъ Игоревой пѣсни, изданной впервые 1800 года; его относили къ вѣку до-христіанскому, ко времени Олега вѣщаго или Святослава *Хоробраго* (какъ названъ сей князь въ лѣтописи Волынской)... И еще въ 1824 году молодой *Языковъ*, въ сложенной имъ „Пѣсни Бояна" пѣлъ отъ его имени:

„Съ врагомъ сражаяся, какъ дѣды,
Рукой и сердцемъ Славянинъ,
Я наши стану пѣть побѣды,
И смѣлость князя и дружинъ!

скомъ Вѣстникѣ 1856 г., какъ видно изъ приписки въ рукописи, сохранившейся у насъ въ автографѣ и неизвѣстно почему очутившейся не въ портфелѣ редакціи Русскаго Вѣстника, а въ бумагахъ самого автора. Посылалась-ли она въ редакцію и почему-нибудь не была напечатана, вслѣдствіе чего и возвращена автору, или просто осталась у него,—намъ неизвѣстно. Считаемъ, что очень обстоятельныя мнѣнія Максимовича о пѣвцѣ Боянѣ, хотя теперь уже, конечно и устарѣвшія, не будутъ лишними къ опубликованію, если не въ смыслѣ значенія ихъ для современной науки, то во всякомъ случаѣ для исторіи вопроса.

Приписка Максимовича къ этой рукописи слѣдующая:

«Прошу извинить меня, что опоздалъ окончаніемъ статьи моей (первая половина отдѣльно): *пидскочила* нежданно другая спѣшная работа, а къ тому припала болѣзненная лежка въ продолженіе двухъ недѣль... Если мой «Споръ о Боянѣ» угодно будетъ Вамъ помѣстить въ Вашемъ Вѣстникѣ (котораго двѣ первыя книжки имѣю уже наслажденіе читать съ приговоркою «что въ ротъ, то спасибо»), то прошу Васъ покорно оттиснуть сотнягу экземпляровъ особо съ посвященіемъ досточтимому мнѣю Сергѣю Тимофѣевичу. Извините еще за посылку въ черновомъ спискѣ: перебѣлить самъ не въ силахъ, а писца не имамъ». *Ред.*

И твой Боянъ, пируя славу,
Подъ мѣдью латъ дыша тобой,
Самъ повторю я *Святославу*,
Что пѣлъ Сіанѣ молодой".

Первые издатели Игоревой пѣсни—графъ *Мусинъ-Пушкинъ*, *Бантышъ-Каменскій* и *Малиновскій*—въ своемъ примѣчаніи о *Боянѣ*, сказали: „когда и при какомъ государѣ гремѣла лира его, ни по чему узнать нельзя". (стр. 2) Причиною тому была сколько новость извѣстія о Боянѣ, открытомъ ими въ Игоревой Пѣсни, столько и ихъ собственное недоразумѣніе—о пусканьи 10 ти соколовъ, упоминаемомъ въ началѣ Пѣсни. Тутъ, въ роскошно поэтическомъ изображеніи *Пѣснотворенія* Боянова, *десятью соколами* означены аллегорически *десять перстовъ* его а стадомъ *лебедей*—рядъ живыхъ *струнъ*, которыя—когда налетали на нихъ персты, соколы, *сами рокотали славу князьямъ*!..Но объ этомъ значеніи десяти соколовъ и стада лебедей у пѣвца Игорева—догадался уже *Граматинъ*, котораго изданіе Игоревой Пѣсни въ 1823 году, по счету четвертое, составляетъ эпоху въ исторіи литературы этого драгоцѣннаго памятника древнерусской словесности. А первые издатели, въ аллегорическомъ изображеніи игры Бояновой на гусляхъ десятью перстами, предположили какой-то древній обычай русскихъ стихотворцевъ пѣть по жеребью, пуская сперва десять соколовъ на стадо лебедей... Но такому обычаю и доселѣ не нашлось оправданія ни въ другихъ древне-письменныхъ свидѣтельствахъ, ни въ преданіяхъ народныхъ; а для вывода его изъ Игоревой Пѣсни надо было такъ переиначить смыслъ ея словъ („помняшеть бо рѣчь..."), какъ они переиначены въ первоначальномъ и въ нѣкоторыхъ послѣдующихъ переводахъ Пѣсни!...

Въ началѣ Пѣсни сказано о *замышленіи* Бояновомъ: „Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашеться мыслію по древу, сѣрымъ влъкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы". Такъ, по представленію Игорева пѣвца, настроялся и вдохновлялся вѣщій Боянъ на пѣснотвореніе свободнымъ пареніемъ думы своей по простору земному и поднебесному.

Это прекрасное и глубоко-вѣрное изображеніе *замышленія* пѣснотворческаго повторяется въ Игоревой Пѣсни еще разъ, когда пѣвецъ обращается къ своему вдохновителю, словами: „О Бояне, соловію старого времени!...“

Сличивъ эту вторую картину замышленія Боянова съ первою, мы находимъ въ ней тѣ же три полета,—по древу, по землѣ и подъ облаками, но здѣсь, во второй картинѣ, какъ мнѣ кажется, „летая *умомъ* подъ облакы“, поставлено опискою—вмѣсто „летая *орломъ* подъ облакы“; а въ словахъ „рища въ тропу Трояню чрезъ поля на горы“ — подразумѣвается или пропущено — „рища *влъкомъ*...“.

Въ началѣ Пѣсни, вслѣдъ за очеркомъ *замышленія* Боянова, изображено самое *пѣснопѣніе* его о князьяхъ, сопровождавшееся игрою десяти перстовъ-соколовъ на живыхъ струнахъ, лебедяхъ его гуслей.—„Помняшеть бо рѣчь пръвыхъ временъ усобицѣ; тогда пущашеть 10 соколовъ на стадо лебедій: который дотечяше, та преди пѣснь пояше—старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ плъкы Касожьскыми, красному Роману Святъславличю».—Тутъ глаголы *помняшеть, пущашеть,* какъ и предыдущіе *хотяше, растекашеться*, всѣ равно въ 3 лицѣ единственнаго числа, и всѣ относятся, очевидно, *къ Бояну.* Вспоминалъ онъ сказанье первоначальныхъ временъ объ усобицѣ и пускалъ тогда десять соколовъ на стадо лебедей... Слѣдующія затѣмъ слова „*который* дотечяше, *та* преди пѣснь пояше“ и у Граматина были истолкованы невѣрно: относя глаголъ *пояше* къ Бояну, онъ принялъ здѣсь мѣстоименье *та* относящимся къ *пѣснь* и поставленнымъ въ именительномъ падежѣ, (та пѣснь) вмѣсто винительнаго (ту пѣснь),—и перевелъ онъ такъ: „*который* соколъ долеталъ, *ту* напередъ пѣсню *онъ* (Боянъ) пѣлъ“. Граматинъ пояснялъ (въ прим. 14), что пѣвецъ продолжаетъ здѣсь свою аллегорію, но соколъ означаетъ здѣсь не *перстъ*, а *сказанье*: которое сказанье вспоминалъ Боянъ, ту напередъ пѣсню онъ пѣлъ—*Ярославу*, или *Мстиславу*, или *Роману*... Что Боянъ пѣлъ объ этихъ *трехъ князьяхъ*, это открытіе Граматина весьма важное; но выше приведенное его объясненіе словъ „та преди пѣснь пояше“—невѣрно; въ картинѣ пѣвца бы-

ла-бы тогда художественная невѣрность и невыдержанность, чего на самомъ дѣлѣ въ ней нѣтъ. Какъ мѣстоименье мужескаго рода *который*—съ глаголомъ *дотечяше* относится къ *соколу*, такъ мѣстоименье женскаго рода *та* съ глаголомъ *пояше* относится къ *лебеди*: *который* изъ десяти соколовъ прежде другихъ налеталъ на лебедь, *та* лебедь первая и пѣснь начинала про Ярослава, или Мстислава, или Романа... Такъ я понимаю эти слова; и въ переводѣ, мною изданномъ 1837 года, поставлено было: „который соколъ на лебедь падетъ, та лебедь первая и пѣснь запоетъ..." А что имя *лебедь* было употребительно и по южно-русски въ женскомъ родѣ, въ свидѣтельство тому приведу отрывокъ изъ украинской думы XVII вѣка:

„Не ясенъ соколъ на долинѣ по табору гуляе,
Не *бѣлая лебедь спѣвае*;
Полковникъ Хвилоненко похожае,
Словами промовляе".

Здѣсь, въ оборотѣ *уподобленія отрицательнаго*, походка Корсунскаго козацкаго полковника означена ходомъ яснаго сокола; а его рѣчь къ товариству—пѣніемъ бѣлой лебеди. Подобно тому, у пѣвца Игорева быстрое паденіе Бояновыхъ перстовъ на струны означено налёгомъ десяти соколовъ на стадо лебедей; а звонъ живыхъ струнъ его—пѣніемъ лебединымъ. Пѣвецъ самъ объясняетъ свою аллегорію—второю половиною картины, своей: „Боянъ же, братіе, не 10 соколовъ на стадо лебедій пущаше; въ своя вѣщія пръсты на живая струны въскладаше: они же сами князем славу рокотаху". Здѣсь уже сказано вообще—*князем*; въ первой же половинѣ картины поименованы братья *Ярославъ* и *Мстиславъ*, бывшіе въ усобицѣ до 1026 года (съ котораго они „начаста жити мирно и въ братолюбьствѣ, и уста усобиця и мятежь, и бысть тишина велика въ земли") названъ еще и князь *Романъ*, внукъ Ярославовъ, бывшій въ усобицѣ съ дядею своимъ Всеволодомъ Ярославичемъ и убитый 1079 года союзниками его половцами и козарами поточившими и брата его *Олега* за море къ Царюграду...). Вотъ *три* князя, про которыхъ мы узнаемъ изъ Игоревой Пѣсни, что

объ нихъ пѣлъ Боянъ по сказанью или преданью прежнихъ временъ объ усобицѣ. И такъ, все бывшее до смерти Романа въ 1079 году было для Бояна уже прошедшимъ; слѣдственно, онъ жилъ и пѣлъ позднѣе *1080* года.—Вотъ первый выводъ для опредѣленія *когда* жилъ Боянъ!—

Далѣе, въ Игоревой Пѣсни вслѣдъ за обращеніемъ пѣвца къ Бояну приводятся слова его: „Не буря соколы занесе“, передъ которыми сказано: „пѣти было пѣснь Игореви, того (Олга) внуку“. Изъ этого ясно, что то слова, которыя пѣлъ Боянъ дѣду Игореву—*Олегу Святославичу*, Романову брату, воротившемуся изъ Греціи въ Тмуторокань 1083 года и скончавшемуся *1115* года.—Кромѣ того, у пѣвца Игорева его пѣснь о Всеславѣ Полоцкомъ повершается *припѣвкою* Бояновою, очевидно на смерть Всеслава, скончавшагося 1101-го года (а по изслѣдованіямъ Погодина, *1098*-го). Отсюда становится вѣроятнымъ, что Боянъ, пѣвшій по *преданію* о томъ, что было до *1080* года, могъ пѣть объ *Олегѣ* и *Всеславѣ*, какъ *современникъ* сихъ двухъ князей—т. е. между 1080 и 1115 годами. Болѣе этого нельзя приближать Бояна къ пѣвцу Игореву, который въ *1185* году величалъ его „соловьемъ стараго времени“; а старое время у пѣвца Игорева было еще время Олегово и Всеславово, какъ видно изъ того, что, помянувъ Всеслава припѣвкою Бояновою, онъ воскликнулъ тогдашнимъ стономъ Руси: „о, стонати Руской земли, помянувше пръвую годину и пръвыхъ князей“, и эту *пръвую годину* начинаетъ онъ отъ великаго представителя первоначальной Руской земли—*стараго Владимира*,—котораго „нельзя бѣ пригвоздити къ горамъ кыевьскымъ“.

Вотъ всѣ выраженія Игоревой Пѣсни, соображеніемъ которыхъ мы опредѣляемъ, что Боянъ былъ *современникъ* преподобнаго Лѣтописца Печерскаго *Нестора*. А время, о которомъ пѣвецъ *нынѣшняго* Игоря говоритъ *сіе время*, вспоминая и побѣду Святослава Всеволодовича надъ Кобякомъ за Орелью *1184* года, и побѣду Всеволода Юрьевича на Волгѣ надъ Болгарами того-же года, *сіе время*, конечно, не переходитъ далѣе *1186* года, въ которомъ Игорь, вернувшійся на Русь изъ плѣна половец-

каго, посѣтилъ Кіевъ; и все, о чемъ говорится въ пѣсни, по моему мнѣнію, должно быть не позднѣе этого *1186* года, хотя лѣтописанье и умолчало о нѣкоторыхъ событіяхъ, вспоминаемыхъ въ Пѣсни, напримѣръ о подвигахъ Романа Мстиславича на его Волынскомъ княженіи, до *1186* года.—Въ *сіе время* пѣвецъ Игоря могъ уже современнаго *Бояна* называть „соловьемъ стараго времени", какъ у Пушкина и его современниковъ могъ называться тѣмъ же именемъ пѣвецъ Елисаветина вѣка—вѣщій *Ломоносовъ.*—

Первые издатели Пѣсни, предположивъ древній обрядъ пусканья десяти соколовъ, примѣняя его къ словамъ пѣвца о Боянѣ: „помняшеть бо рѣчь прьвыхъ временъ усобицѣ; тогда пущашеть 10 соколовъ на стадо лебедей, который дотечяше, та преди пѣснь пояше...", перевели ихъ такъ: *„памятно намъ* по древнимъ преданьямъ, что, повѣдая о какомъ либо сраженіи, примѣняли оное къ десяти соколамъ, на стадо лебедей пущенныхъ: *чей* соколъ скорѣе долеталъ, *тому* прежде и пѣснь начиналась..." Тутъ совершенно переиначилась рѣчь пѣвца Игорева; однако древній обрядъ соколопусканья, придуманный первыми издателями, очень понравился послѣдующимъ коментаторамъ, и пошли толки о томъ, *чей* соколъ скорѣе долеталъ. *Шишковъ* полагалъ, что этотъ обрядъ велся между самими князьями, что *„можетъ быть* отличившіеся въ сраженіяхъ князья и полководцы, состязавшіеся въ славѣ, выѣзжали на поле каждый съ своимъ соколомъ, и пускали ихъ на стадо лебединое съ тѣмъ, что *чей* соколъ удалѣе и скорѣе долетитъ, *тому* прежде и приноситъ общее поздравленіе въ одержаніи преимущества надъ прочими. Весьма вѣроятно также, что для вящей важности таковыхъ почестей и отличій, число состязавшихся опредѣлено было не болѣе *десяти* самыхъ знаменитѣйшихъ мужей".

Шишкову казалось *весьма вѣроятнымъ* ограниченье *десятью* числа состязавшихся знаменитѣйшихъ мужей; между тѣмъ какъ говорилъ онъ, что въ *уподобленіяхъ* не нужно опредѣлять такого числа соколовъ... а оно именно и опредѣлено числомъ *десяти перстовъ* Бояновыхъ, уподобленныхъ соколамъ!... *По-*

жарскій, въ своемъ изданіи Пѣсни (1819 г.) возразилъ Шишкову тѣмъ, что несогласно съ истиною, чтобы князья „первенство свое, кровью пріобрѣтенное, могли еще доказывать полетомъ соколовъ; ибо въ подобныхъ обстоятельствахъ Русскому князю, для пріобрѣтенія славы и первенства надъ прочими, не настояло бы надобности подвергать себя опасности въ сраженіяхъ, а стараться-бы только имѣть удалого сокола". Самъ же Пожарскій перевелъ спорныя слова Пѣсни такъ: „*памятна* рѣчь первыхъ временъ о брани; тогда *пускали* 10 соколовъ на стадо лебедей; *чей* соколъ долеталъ, *тотъ* прежде пѣснь воспѣвалъ..." По его мнѣнію не князья, но стихотворцы пускали десять соколовъ, а „причиною такого древняго обряда была *можетъ быть* скромность стихотворцевъ, не хотѣвшихъ выставлять себя передъ товарищами."

Послѣ Граматина этотъ обрядъ соколопусканія былъ уже почти оставленъ коментаторами и переводчиками Пѣсни! Но Шевыревъ, въ своей 10-й замѣчательной лекціи объ Игоревой Пѣсни, опять возобновилъ этотъ обрядъ, хотя уже съ справедливымъ причтеніемъ глагола *помняшеть* къ *Бояну*: „*онъ помнилъ* рѣчь первыхъ временъ усобицы, что тогда былъ обычай пускать 10 соколовъ на стадо лебедей; *чей* долеталъ прежде, *тому* и прежде пѣсню пѣли". А объясненіе профессора состояло въ томъ, что этотъ обычай относился къ первымъ временамъ усобицы; что Боянъ его помнилъ, но ему уже не слѣдовалъ, а самъ по волѣ своей воспѣвалъ князей, кого хотѣлъ. (см. стр. 282).

Вслѣдъ за тѣмъ, въ многотрудномъ изданіи Игоревой Пѣсни г. Дубенскимъ (1844 года), тотъ обрядъ соколопусканія *обратился въ законъ*, дѣйствующій и на пѣвца Игорева: говоря „не лѣпо ли ны бяшеть, братіе... и т. д., пѣвецъ объявляетъ *дружинѣ* о своемъ намѣреніи пѣть про Игоря по былинамъ того времени и продолжаетъ: *памятна* (*вамъ*, братіе) *старая поговорка на удальство князей*, что тогда на стаю лебедей *пускали* 10 соколовъ; *чей* первый налеталъ, *тотъ* прежде пѣснь воспѣвалъ... „Пѣвецъ оправдываетъ тѣмъ себя, почему онъ, оставя прочихъ князей, воспѣваетъ Игоря". Почему же?

Потому что „Игорь—соколъ *первый* въ его время напалъ на Половцевъ—лебедей и по праву усобицы, обратившемуся *въ законъ*, первый заслужилъ хвалу поэта...“ (см. стр. 8). Но въ такомъ оправданіи пѣвецъ, вмѣсто того, чтобы начать свою пѣснь по *былинамъ*, началъ бы *небылицами*...

Еслибъ онъ въ оправданіе сталъ говорить дружинѣ о соколопусканіи: „*помняшеться* вамъ, братіе, рѣчь пръвыхъ временъ усобицѣ“..., дружина кіевская могла бы сказать ему: „сицеи рѣчи, брате, не слышано“; а еслибъ онъ сказалъ въ оправданіе свое, что Игорь *первый* въ его время напалъ на Половцевъ, дружина кіевская могла бы сказать ему: нелѣпо еси молвилъ, брате!... и самолюбиво опровергла-бы *первенство* Игоря напоминаніемъ о двухъ недавнихъ *славою звенящихъ* побѣдахъ Святославовыхъ за Орелью и Сулою (надъ Кобякомъ и Кончакомъ), гдѣ были сподвижниками Святославу и другіе князья, а Игоря тамъ не было; а еслибы пѣвецъ вздумалъ, для своего оправданія, напомнить дружинѣ, какъ за 12 лѣтъ Игорь являлся въ Кіевъ на праздникъ Бориса и Глѣба побѣдителемъ Половцевъ на Ворсклѣ подъ Полтавою..., кіевская дружина напомнила бы ему болѣе знаменитую побѣду Мстислава Изяславича въ 1168 году, и другую побѣду того же Мстислава въ 1152 году, когда Игорь былъ въ пеленахъ.. *Первенство* Игоря въ нападеніи на половцевъ есть такая коментарная выдумка, которая не могла и на мысль прійти пѣвцу, такъ хорошо знавшему былины своего времени, —и ему не было нужды ни передъ кѣмъ оправдываться, что онъ воспѣваетъ злополучный походъ своего князя, который „наполняся ратнаго духа навелъ свои храбрые полки на землю половецкую *за землю Рускую*“. Пѣвцу нечего было оправдываться даже и въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ сталъ безъ вины виноватъ у своего коментатора; ибо онъ воспѣлъ Игоря, не *оставивъ* и прочихъ князей: Святославъ, грозный побѣдитель Кобяка, изображенъ въ его Пѣсни, можно сказать, гомерически; Всеволоду Суздальскому, Ярославу Галицкому, Роману Волынскому—воздано въ его Пѣсни почти Орфеевское воскуреніе. А какая у него трогательная пѣснь Изяславу Васильковичу, павшему одиноко въ битвѣ съ литовцами!...

Г. Дубенскій представилъ себѣ пѣвца Игорева подручнымъ *Пѣвцомъ Святославовымъ*; а его пѣснь—почти говорною трубою Кіевскаго князя; и съ этой точки зрѣнія, въ числѣ многихъ признаковъ, показалось ему и то, что *Святославовъ* пѣвецъ долженъ былъ оправдываться передъ дружиною, зачѣмъ онъ сталъ пѣть про походъ *Игоревъ*... Но г. Дубенскій, кажется, признаетъ уже мнѣніе Граматина, почти всѣми принимаемое, что пѣвецъ Игоря самъ могъ быть въ походѣ на Каялу; и такъ пѣвецъ принадлежалъ къ Игоревой дружинѣ, которая почти вся тамъ на Каялѣ „полегоша за землю Рускую"! А Игорь съ своими тремя сподвижниками пересѣлъ тамъ изъ золотого сѣдла въ сѣдло плѣнника; и вездѣ на Руси была печаль объ Игорѣ и его пораженіи половцами; а въ Кіевѣ—нѣмцы, венедцы, греки и моравы—поютъ славу Святославу, *каютъ* (корятъ) князя Игоря... и какъ жъ было пѣвцу, избѣжавшему плѣна половецкаго, не воспѣть походъ столь близкій для него, не высказать глубокаго горя души въ своей *трудной* (т. е. прискорбной) *повѣсти* о Полку Игоревѣ, Игоря Святославича!... И никому онъ не обязанъ былъ отвѣчать никакимъ оправданіемъ за свою Пѣснь, въ которой онъ славитъ однихъ князей, коритъ другихъ, не разбирая кто кому сватъ или братъ, но имѣя въ виду одно ихъ отношеніе—ко благу Руской земли и ея славѣ!... Г. Дубенскій въ своихъ *отмѣткахъ* (напечатанныхъ въ *Отеч. Зап.* 1855 г. кн. 7) о прекрасной картинѣ умирающаго Изяслава Васильковича говоритъ: „*пѣвецъ Святославовъ* могъ такъ трогательно описывать смерть Изяслава *шурина великокняжескаго*" (ст. р. 10). Но другіе *Васильковичи* были такіе же шурья и союзники Святославу Всеволодовичу; а пѣвецъ говоритъ къ нимъ и ко всѣмъ прочимъ живымъ потомкамъ Всеслава: „уже понизить стязи свои, вонзить свои мечи вережени! уже бо выскочисте изъ дѣдней славы! Вы бо своими *крамолами* начясте наводити поганыя на землю Рускую, на жизнь Всеславлю!" А смерть Изяслава пѣвецъ изобразилъ съ такою любовью къ нему потому, что онъ *одинъ* изъ полочанъ бился съ Литовцами и со славою палъ въ битвѣ съ ними!—Пѣвецъ славитъ своего *Игоря* и

храбрую его дружину—по ихъ подвигу *за землю Рускую...* Онъ такъ возвеличилъ *Святослава* за его блестящія и столь отрадныя для тогдашней Руси побѣды надъ Половцами, за его тогдашнее предпріятіе идти всеобщимъ ополченіемъ на Половцевъ къ Дону, къ сожалѣнію, остановленное неудачею пылкаго Игоря... Пѣвецъ славитъ все *хороброе Ольгово Гнѣздо*, но при этомъ онъ такъ сильно коритъ въ своей Пѣсни самого *Олега*, родного дѣда Игорю и Святославу—за то, что онъ *мечемъ крамолу ковалъ* и *сѣялъ стрѣлы* по Руской землѣ, за то, что при немъ въ княжихъ крамолахъ вѣкъ людей коротался... А г. Дубенскій и этотъ поэтическій укоръ пѣвца Олегу за Рускую землю объяснялъ съ той же точки зрѣнія на пѣвца, *писавшаго по мысли Святославовой*. Въ примѣчаніяхъ, на стр. 70 говоритъ онъ: „по видимому странно, что *пѣснотворецъ Черниговскихъ князей* называетъ явно родоначальника ихъ *крамольникомъ*; но теперь, въ вѣкъ Игоревъ, они достигли цѣли своей, старшинства между князьями Рускими—Кіевскаго престола, могли *изъ политики* осуждать Олега и увѣрять Россію, что рѣшились дѣйствовать во благу ея *первые*!“ Тутъ опять нѣтъ правды исторической. Когда Святославъ соединилъ Заднѣпровскихъ князей въ походъ на Кобяка (1184)—„а своя братья не идоша, рекуще: далече ны есть ити внизъ Днѣпра, не можемъ своя земли пусты оставити... Святославъ же нелюбуя на свою братью, поиде поспѣшая путь свой“... И на слѣдующую весну, когда со множествомъ Половцевъ пришелъ Кончакъ на Русь—и Святославъ съ Рюрикомъ побѣдилъ его (1 марта) за Сулою, братъ Святославовъ Ярославъ Черниговскій не ходилъ съ нимъ на Половцевъ, говоря: „азъ есмь послалъ къ нимъ мужа своего Ольстина Олексича, а не могу на свой мужъ поѣхати! тѣмъ же отречеся брату своему Святославу“. А между тѣмъ Ярославъ далъ Игорю въ помочь на Половцевъ того-же своего мужа Ольстина Олексича съ черниговскими князьями—въ походъ, предпринятый невѣдомо для Святослава Кіевскаго. Очевидно, что тогда былъ нелюбовный разладъ у черниговскихъ Ольговичей съ Кіевскимъ, и они не дѣйствовали совмѣстно и единодушно. Да и что это была

бы за *политика*, достигши кіевскаго престола—велѣть пѣвцу своему *осуждать дѣда* своего, давно заслоненнаго отъ Руси множествомъ событій, послѣ него совершившихся... И можно ли было хоть-бы Святославу, черезъ Пѣснь Игореву, *увѣрять Россію,* что они, бывшіе тогда въ разъединеніи, рѣшились дѣйствовать во благо Руси *первые*!... Такъ Игорева Пѣснь, полная живой, исторической истины, по коментарію г. Дубенскаго становится безпрестанно орудіемъ Святослава, чуждымъ исторической истины (о чемъ подробнѣе говорится въ моихъ *поясненіяхъ* на Игореву Пѣснь, посланныхъ издателю *Москвитянина*).

Что же касается до филологической критики, то г. Дубенскій своимъ *анализомъ* не прояснилъ ни одного мѣста въ Пѣсни, относящагося къ Бояну; напротивъ, онъ еще болѣе затемнилъ многія мѣста, напраснымъ извитіемъ словесъ и толкованіемъ ихъ, по своему обыкновенію, надвое и натрое.

Для того, чтобы изъ словъ пѣвца о пѣснопѣніи Бояновомъ вымозжить мнимый обрядъ соколопусканія, будто-бы *обратившійся въ законъ*, почти каждое слово пѣвца протолковано не такъ, какъ оно есть въ текстѣ. Вмѣсто *помняшеть*—(т. е. онъ Боянъ)—коментаторъ говоритъ „надобно читать *помняшеться*“ и переводитъ (въ отмѣткахъ)—„памятна *вамъ*...“ Зачѣмъ же *вамъ*, когда пѣвецъ говоритъ въ 1 лицѣ. „Не лѣпо ли *ны* бяшеть, братіе!“ и далѣе „*почнемъ* же, братіе, повѣсть сію!“ Это всеобщій оборотъ рѣчи у писателей, по которому и Лѣтописецъ Несторъ, въ уединеніи печерской кельи своей, началъ свои *повѣсти временныхъ лѣтъ* словами: „се *почнемъ* повѣсть сію!“ *Рѣчь пръвыхъ временъ усобиць*—у г. Дубенскаго: *старая поговорка на удальство князей,*—какъ будто *усобица* значитъ *удальство*!... *Пущашеть* (единств. чис. Боянъ) у него переведено множественнымъ числомъ—*пускали*; а *который*—*чей*. Но вотъ самое затруднительное для толкователей выраженіе: „*та* преди пѣснь пояше“. Частица *та* протолкована у него натрое, и все не въ попадъ! Въ переводѣ „*тотъ* прежде пѣснь воспѣвалъ“. Поэтому мѣстоименье женскаго рода *та* стало въ мужскомъ родѣ *тотъ*. Но въ указателѣ иначе: *та* признано *опис-*

кою вмѣсто *союза то* или *тако*! Что же это за чтеніе было-бы по указателю: „который дотечяше, *тако* преди пѣснь пояше?“ Но въ примѣчаніи опять иное толкованіе: „*та*—то же, что *тъ* въ словѣ *бятетъ,* т. е. усиленное окончаніе 3-го лица... согласовано съ словомъ *пѣснь*—вмѣсто *та преди пѣснь пояшетася* воспѣвалась.“ Тутъ цѣлая связка филологическихъ недоразумѣній. *Усиленное окончаніе*—говоритъ коментаторъ: какъ же оно стало *впереди* своего глагола чрезъ два слова? Такой отстановки съ окончаніемъ *тъ* въ языкѣ не было; и это все равно, еслибъ вмѣсто: прежде хорошо подумайте, сказать: те прежде хорошо подумай! Правда, что г. Дубенскій и въ словахъ пѣвца: „*лжу* убуди, которую то бяше успилъ Святъславъ“ частицу *то* (принадлежащую къ предыдущему мѣстоименью—которую-*то*, какъ напримѣръ въ Кіевской лѣтописи: „Всеволодъ... смолвяся съ новгородци, *которыхъ то* былъ прiялъ“) онъ относитъ къ глагому *бяше*, какъ усиленное окончаніе; *то-бяше* то же, что *бяше-тъ* или *та-пояте* (см. стр. 105). Но и тутъ опять то же: еслибъ вмѣсто *подите* сказать *те-поди*! Да и какая же тутъ согласовка: *то* средняго рода, а *Святославъ* мужескаго! Что касается до предполагаемой г. Дубенскимъ формы глаголы *пояшетася пѣснь*, то еслибъ нерусскимъ ладомъ уже и стало окончаніе *та* за два слова впереди, тогда не было бы слово *пѣснь* въ единственномъ числѣ. Вѣдь окончаніемъ *та* глаголы изъ единственнаго числа переводились въ *двойственное*: *бяше* или *бяшеть*, *ловяше* или *ловяшеть*—въ двойственномъ числѣ *бяшета*, *ловяшета; пояше, пояшеся*—въ двойственномъ числѣ *пояшета*, *пояшетася* (двѣ *пѣсни*, а не *пѣснь*). Что же касается до глагольнаго окончанія 3 лица *ть* или *тъ*, то оно, оставаясь всегда *въ концѣ* глагола (если не отбрасывалось вовсе, какъ въ рѣчи западно-славянской, и нерѣдко въ нѣкоторыхъ русскихъ нарѣчіяхъ)—одинаково служило для всѣхъ родовъ—*ходитъ* онъ, она, оно, и во множ. ч. *ходятъ*. Такъ точно, *безъ различія въ родѣ*, прибавлялось русскими писателями, особенно XII вѣка, это окончаніе *ть* или *тъ* къ церковно-славянскому прошедшему времени 3-го лица, утратившему это окончаніе, и такимъ обра-

зомъ у насъ нерѣдко ставили, вмѣсто *ше*, *ху*—*шеть*, *хуть*: *бяшеть*, *бяхуть*—какъ въ мужскомъ, такъ и въ *женскомъ* родѣ; напримѣръ, у Нестора: „яко же бо Ольга часто *глаголашеть*: азъ, сыну мой, Бога познахъ и радуюся“.

А какъ невѣрно протолковалъ г. Дубенскій слова пѣсни: „они же сами княземъ славу рокотаху!“ Тутъ всѣ переводчики пѣсни, отъ Мусина-Пушкина до Гербеля, признавали единогласно и справедливо, что *они сами*—значитъ сами *струны* Бояновы рокотали славу князьямъ; но у г. Дубенскаго—рокочутъ *персты*... Отъ чего же это? отъ того, что написано *они же самы*; а—„согласуя со словомъ *струны*, надобно было сказать *оны же самы*, см. грамматику Добровскаго“! (см. стр. 12). Коментатору вообразилось, что въ Игоревой Пѣсни *тѣ самыя* этимологическія перемѣны словъ, какія опредѣлены въ грамматикѣ Добровскаго... и на этомъ основаніи у него и здѣсь буквою *и* заслонился ясный смыслъ пѣсни: здѣсь у пѣвца та народно поэтическая мысль о самозвонныхъ струнахъ, которою созданы и сказочныя гусли-самогуды; а у коментатора рокочутъ *персты*. По *окончаніямъ* прилагательныхъ именъ и мѣстоименій, часто зависѣвшимъ и отъ руки писцовъ, не всегда можно заключать о родѣ существительныхъ именъ—даже въ книгахъ печатныхъ нынѣшняго столѣтія. Такъ, въ переводѣ перваго изданія Пѣсни читаемъ: булатны*е* мечи, молоды*е* мѣсяцы, и—темны*я* берега, чужі*я* ручьи, дорогі*я* бархаты... уже-ли же по окончаніямъ прилагательныхъ *е* и *я* заключать, что у первыхъ издателей берега, ручьи, бархаты, различались въ родѣ отъ мечей, мѣсяцевъ? Въ переводѣ самого г. Дубенскаго (на стр. 207) читаемъ: „*знамена* его достались одни Рюрику, а *другіе*—Давыду“; уже-ли же по окончанію на *е* заключить, что г. Дубенскій принималъ вмѣсто *знамя*—*знаменъ* мужескаго рода? Подобно тому, какъ онъ своимъ анализомъ языку пѣвца Игорева надавалъ *бременъ* вм. *бремя*, *забралъ*, *заборолъ*, вм. *забрало*, *забороло* и проч., на томъ основаніи, что въ текстѣ написано *бремены*, *забралы* (а не бремен*а*, забрал*а*)! Но на этакомъ основаніи можно сказать, пожалуй, что и Жуковскій принималъ

вмѣсто *свѣтило, паникадило—свѣтилъ, паникадилъ*, ибо у него въ „Пери и Ангелъ“ читаемъ:

„И были вечера свѣтилы
Какъ яркія паникадилы
Въ небесномъ храмѣ зажжены“...

Для заключенія о томъ, къ какому слову относится *они сами*—къ *струнамъ* или *перстамъ*,—кромѣ *смысла*, очевиднаго для всѣхъ другихъ переводчиковъ, можно было принять во вниманіе во 1-хъ то, что въ текстѣ пѣсни, по дошедшему къ намъ списку, не выдержаны окончанія прилагательныхъ именъ такъ, какъ назначены въ грамматикѣ Добровскаго, да и вообще писаны, какъ попало; и не различается мужскій родъ буквою *и*, а женскій буквою *ы*; напримѣръ *куряни*—подъ трубами повит*и*, подъ шеломы възлелѣян*ы*, конецъ копія въскръмлен*и*—луци у нихъ напряжен*и*, тули отворен*и* „сабли изъострен*и*—„или „страны рад*и*, гради весел*и*“. Во вторыхъ, что и въ живомъ русскомъ языкѣ *сами* во всѣхъ родахъ *сами*, даже и по грамматикѣ; а *они* и *онѣ* очень неясно различались въ устной рѣчи, такъ что Ломоносовъ говорилъ: „лучше въ среднемъ и въ женскомъ *онѣ*, а въ мужескомъ *они*“; но позднѣйшими грамматиками признано, что лучше въ мужескомъ и въ среднемъ *они*, а только въ женскомъ *онѣ*... Въ южно-русскомъ-же языкѣ окончанія мѣстоименій и прилагательныхъ именъ совсѣмъ не различаются по родамъ,—во множественномъ числѣ.—

Статья вторая.

За нѣсколько лѣтъ возникали вопросы, въ какихъ именно годахъ родились Карамзинъ и Гоголь; ибо показанія о томъ рознились однимъ и двумя годами. Справедливымъ дѣломъ было уничтожить и эту малую розницу, для вѣрности факта, которая въ исторіи требуетъ такого-же попеченія, какъ и вѣрность мнѣнія о событіяхъ и лицахъ. Въ двухъ мнѣніяхъ о вѣщемъ Боянѣ представляется разница гораздо большая—почти полтора

столѣтія, ибо по—старому мнѣнію, Боянъ предполагается пѣвцомъ до-христіанскаго времени; а по новому, онъ признается современникомъ лѣтописца Нестора. Хотя послѣднее мнѣніе господствуетъ въ исторіи Русской Словесности, однако еще нѣтъ въ немъ желаннаго единогласія; появляются еще голоса въ пользу стараго мнѣнія, въ подрывъ новому; были и противъ стараго мнѣнія такіе голоса, отъ которыхъ не много проку для новаго...

Мнѣніе, что Боянъ жилъ и пѣлъ во время до-христіанское, принадлежитъ первымъ издателямъ Игоревой Пѣсни (1800 г.), которое они высказали ясно, въ примѣчаніи, на страницѣ 7-й: по названію Бояна *внукомъ Велесовымъ*, кажется, что онъ жилъ до принятія въ Россіи христіанской вѣры". Осторожно сказали они свое предположеніе, но были вѣрны своей точкѣ зрѣнія и въ прочихъ подробностяхъ, относящихся къ Бояну. Къ удивленію, г. Сахаровъ, въ своемъ критико-историческомъ предисловіи къ Игоревой Пѣсни (1839 г.), захотѣлъ найти противорѣчіе въ этомъ мнѣніи первыхъ издателей; и для того онъ переиначивалъ ихъ слова съ непозволительнымъ въ наукѣ произволомъ.

У нихъ въ примѣчаніи на страницѣ 2 сказано: „*когда и при какомъ государѣ* гремѣла лира его, ни по чему узнать нельзя; ибо не осталось намъ никакого отрывка *прежде* великаго князя Владиміра Святославича написаннаго. Отъ временъ-же *его* дошла до насъ между прочими слѣдующая народная пѣсня... но, вѣроятно, что и та въ послѣдствіи переправлена:

Въ славномъ городѣ Кіевѣ,
У князя у Владиміра", и т. д.

Ясно было, что здѣсь первые издатели приводятъ пѣсню *отъ времени его*, т. е. Владиміра, къ намъ дошедшую (по ихъ мнѣнію), а Бояновы пѣсни они полагаютъ *прежде* Владиміра (до крещенія Руси).—Но г. Сахаровъ приводитъ ихъ слова такъ; „при *Рюрикѣ или Святославѣ* гремѣла лира его"... Зачѣмъ-же влагаетъ онъ имъ въ уста имена Рюрика и Святослава, когда у нихъ сказано безъименно: „*когда и при какомъ государѣ*".

А если у нихъ въ виду были не Рюрикъ и Святославъ, а Олегъ съ Игоремъ,—какъ у поэта, изобразившаго намъ Бояна на тризнѣ Олеговой! Далѣе говоритъ Сахаровъ: „мы не знаемъ (да кто и знаетъ?) ни одной пѣсни Бояна; а критики увѣряютъ, что пѣсни Бояна существуютъ отъ времени Владиміра Святославича, и въ доказательство приводятъ самую пѣсню". Нѣтъ, они и не думали даже, не то, чтобъ *увѣряли*... это напраслина. Сахаровъ продолжаетъ: „критики сами писали въ примѣчаніи, на стр. 37: „*Здѣсь ясно открывается, что Боянъ пѣлъ о князѣ Всеславѣ*"— и въ то же самое время увѣряютъ, что Боянъ воспѣвалъ Владиміра, умершаго въ 1015 году. Таковы были критическія изслѣдованія первыхъ издателей"!

При такомъ приговорѣ, невольно скажемъ: таковы были критическія изслѣдованія Сахарова о прежнихъ издателяхъ Пѣсни! Библіографъ какъ будто шутитъ надъ читателями, показывая въ первомъ изданіи *на стр. 37* совсѣмъ не то, что тамъ напечатано; тамъ о припѣвѣ Бояновомъ сказано вотъ что: „*Вѣроятно*, что сей припѣвъ *подлинникомъ* внесенъ сюда изъ Бояновыхъ пѣсней". Первые издатели предполагаютъ Бояна *прежде* Владиміра, но говорили, что онъ *воспѣвалъ Владиміра*; тѣмъ мѣнѣе могли они говорить, что бы *Боянъ пѣлъ о князѣ Всеславѣ*! Вѣрные своей точкѣ зрѣнія они и слова Игоревой Пѣсни: „*тому* вѣщій Боянъ и пръвое смысленый припѣвку рече" перевели такъ: *для такихъ-то* мудрый Боянъ *издавна* составилъ сей разумный припѣвъ"... Такого же мнѣнія былъ и Пожарскій (1819), что приведенная въ Пѣсни припѣвка Боянова была „*не о Всеславѣ*, а́ о всякомъ ему подобномъ" (см. стр. 79). Первый Калайдовичъ, а потомъ рѣшительнѣе Граматинъ (1823) призналъ, что эта припѣвка сказана Бояномъ *тому* Всеславу: и это послужило первымъ основаніемъ новому мнѣнію, что Боянъ былъ современникъ Всеслава Полоцкаго (а слѣдственно и Нестора).—Между тѣмъ г. Сахаровъ, уловляя первыхъ издателей въ небываломъ противорѣчіи о Боянѣ, самъ попалъ въ историческую ошибку—показывая кончину Олега Святославича въ 1096 году, и такимъ образомъ умерщвляя его за 19 лѣтъ до его кончины († 1115 г).

Г. Дубенскій, въ своемъ изданіи Пѣсни (1844), воспротивился принятому нами Граматинскому мнѣнію о Боянѣ, какъ современникѣ Всеслава и Олега,—воспѣвавшаго сихъ князей, а также и князей Ярослава, Мстислава и внука ихъ Романа. Самъ же онъ возвратился къ прежнему понятію о Боянѣ, и покрылъ его еще большимъ туманомъ сомнѣнія. Вотъ что говорилъ онъ, въ примѣчаніи на стр. 6: „Боянъ кто, мы не знаемъ; но этотъ поэтъ такъ знакомъ пѣвцу Игореву, что онъ, кажется, невольно одушевлялся музою Бояна съ начала до конца въ своей Пѣсни, заимствовалъ у него обороты: „не буря соколы занесе", мысли (привѣвы), и *можетъ быть*, многія выраженія: тропа, вѣчи, земля Троянова, и другія, которыхъ смыслъ для насъ сбивчивъ и загадоченъ".

Не много же прибыли въ 1844 году для исторіи Словесности, что Боянъ былъ *такъ знакомъ* пѣвцу Игореву, а *мы не знаемъ* его!—Вопросъ о *Велесѣ, внукомъ* котораго величаетъ Пѣвецъ вѣщаго Бояна, еще первыми издателями былъ рѣшенъ удовлетворительно, что это „славянскій въ язычествѣ богъ, покровитель стадъ" (стр. 7). Но г. Дубенскій, (въ примѣчаніи на стр. 28) и Велеса поставилъ въ сомнѣніе: „Кто этотъ Велесъ? тотъ ли богъ небывалый, котораго невѣжды составили изъ св. Власія (будто бы?), или что другое, мудрено рѣшить безъ споровъ! Добровскій объясняетъ: „Велесъ—богъ скотовъ у славянъ", но онъ ли это"?.. Ужъ, конечно, онъ! Напрасно было и спрашивать...

Тутъ вспоминается мнѣ старина, какъ нѣкогда приснопамятный Полевой, еще до изданія Московскаго Телеграфа, чертилъ карандашемъ отмѣтки по изданію Граматина, сбираясь отдѣлать его пуще географіи Каменецкаго, особенно за слѣдующія строки въ примѣчаніи на стр. 124; „Нѣкто *Н. П-й* думаетъ, что Боянъ названъ внукомъ Велесовымъ по *дѣдушкѣ* своемъ, замѣчая при томъ, что авторъ Слова о Полку Игоревѣ, будучи *хорошимъ* христіаниномъ, за грѣхъ бы поставилъ назвать Бояна сыномъ (внукомъ) языческаго бога".

Относительно *Трояна* первые издатели были въ недоумѣніи: „кто сей *Троянъ*, догадаться ни по чему невозможно". (стр. 6) Карамзинъ рѣшилъ задачу тѣмъ, что это знаменитый Римскій Императоръ, и на этомъ слѣдовало бы остановиться исторической критикѣ пѣсни; но мнѣніе г. Дубенскаго въ примѣчаніяхъ ходило, какъ маятникъ, между объясненіемъ Карамзина и предположеніемъ Полеваго, что „*Троянъ* здѣсь не Римскій Императоръ, а что-нибудь такое, чему объясненія надобно искать на Руси: такъ, Владиміръ I названъ Трояномъ въ одномъ чешскомъ памятникѣ". О выраженіи Пѣсни „*На седьмомъ вѣцѣ Трояни* вржже Всеславъ жребій" г. Дубенскій тоже полагалъ, что пѣвецъ приводитъ здѣсь—„*можетъ быть* слова Бояновы", а въ своемъ, двоякомъ ихъ толкованіи онъ сказалъ: лучше, допустя мнѣніе, что Троянъ есть Владиміръ I, пояснять здѣсь седьмой вѣкъ Даніиловою седминою; ибо, дѣйствительно, по смерти Владиміра прошло *семь седминъ*, т. е. *49 лѣтъ*, когда по Нестору въ *1064* году Всеславъ рать началъ". (см. стр. 187) Но при такомъ изъясненіи, если выраженіе „*на седьмомъ вѣцѣ Трояни* вржже Всеславъ жребій" предполагается заимствованнымъ у Бояна, то и самого Бояна слѣдовало бы, кажется, предположить около *1064* года, во время Всеславово. Такъ и далѣе (стр. 201) слова Пѣсни „*тому* вѣщій Боянъ и пръвое припѣву смысленный рече" г. Дубенскій поясняетъ: „*тому*, т. е. Всеславу". Но далѣе (стр. 205) о самой припѣвкѣ „ни хитру, ни горазду.." онъ сказалъ, что это слова—„безъ сомнѣнія Бояновы; и ежели вѣрно переданы намъ Пѣвцомъ Игоря, то могутъ служить *древнѣйшимъ* памятникомъ славянской письменности!"—тутъ опять загадка, въ словѣ *древнѣйшимъ*: не уже ли древнѣйшимъ и Олегова договора съ Греками? Въ такомъ разѣ Боянъ уходитъ далеко и отъ Всеслава Полоцкаго, и отъ *седми седминъ*, протекшихъ со смерти Владиміровой.—

Припѣвку „не буря соколы занесе" г. Дубенскій признавалъ также заимствованною у Бояна. По словамъ передъ этою припѣвкою „пѣти было пѣснь Игореви, *того* (Олга) *внуку*"—ясно, что Боянъ сложилъ ее про Игорева дѣда, т. е. про *Олега*

Святославича, имя котораго, для большей ясности, включено въ текстѣ (въ скобкахъ) первыми издателями Пѣсни по очевидному историческому смыслу. Отсюда выходитъ, что Боянъ пѣлъ про того Игорева дѣда (*Олега*)—современнаго Всеславу: обѣ припѣвки взаимно подтверждаютъ, что Боянъ жилъ *не прежде*, сихъ двухъ князей!—Но г. Дубенскій, чтобы отстранить припѣвку Боянову, а слѣдственно и Бояна отъ *Игорева дѣда* (въ которомъ и безъ прибавки, сдѣланной первыми издателями, всякъ бы разумѣлъ *Олега*), далъ такой толкъ:

„Дѣйствительно, лучше подразумѣвать вмѣсто *Олга—Владиміра внуку* (потомку), или даже *Бояновски*: *того Трояна внуку*, т. е. послѣдователю, соревнователю, сопернику“. (см. стр. 26)—Не ужъли-же придать слову *внукъ* значеніе соперника, соревнователя—вопреки общерусскому и общеславянскому смыслу этого слова, значитъ сказать *по-Бояновски*! И не ужъли имя *Троянъ* такая вѣрная примѣта Бояновскаго пѣснопѣнія, что если сказать *Троянъ*, такъ это ужъ и будетъ *по-Бояновски*! Самъ же Дубенскій говорилъ не утвердительно, что выраженія Пѣсни съ именемъ Трояна—*можетъ быть* заимствованы у Бояна. Но пѣвецъ Игоря въ XII вѣкѣ могъ и безъ Бояна, по общему народному преданію, знать *тропу Троянову, и землю и вѣка*, если и въ пѣснѣ Екатеринина вѣка пѣли:

„На разсвѣтѣ было въ середу,
На дорогѣ на Траяновой,
Подошли мы близко къ лагерю“.

Загадоченъ въ Пѣсни оставался смыслъ одного выраженія: „*на седьмомъ вѣцѣ* Трояни връже Всеславъ жребій“. Но г. Головинъ, въ своихъ „Примѣчаніяхъ“ (1846 г.), среди многихъ парадоксовъ (какъ напримѣръ родословіе Полоцкихъ князей)—предложилъ достойную замѣчанія разгадку семи вѣковъ Трояновыхъ,—счетомъ вѣка не въ сто-лѣтъ, но любимымъ въ славянщинѣ сороковымъ и четвернымъ счетомъ—въ *четыре сорока* лѣтъ, т. е. въ *160*. По такому счету *седьмой вѣкъ Трояновъ* начинается именно въ то время, необычайное для современниковъ, когда Всеславъ *рать началъ*. Но г. Дубенскій нынѣ (какъ видно

изъ его *отмѣтокъ*, написанныхъ въ возраженіе на мои *замѣчанія* о переводѣ Пѣсни г. Гербелемъ)—совсѣмъ отошелъ отъ Римскаго Императора Траяна, на томъ основаніи, что въ Пѣсни читаемъ *Троянъ* съ буквою о, а Тацитъ и другіе Римскіе историки писали имя своего Императора съ буквою *а* — *Траянъ*. На этомъ основаніи и *земля Троянова* у г. Дубенскаго теперь уже не та provincia Trajani, на которую и онъ прежде указывалъ, но—„*Руская земля*, названная *Трояновою*, повидимому, въ томъ отношеніи, что досталась по смерти Святослава 1-го—*троимъ братьямъ*!“ (*Отмѣтки*, стр. 7).

Но на такомъ основаніи *тройства*, пожалуй и всю землю можно назвать землею Трояновою, воспоминаючи начало Несторовой лѣтописи: „по потопѣ *тріе* сынове Ноевы раздѣлиша землю“; а *Русская земля* по смерти Святослава 1-го—кажется, не доставалась троимъ братьямъ, ибо Ярополкъ повладѣлъ ею по смерти брата Олега; а Владиміръ сталъ владѣть ею по смерти брата Ярополка... Но—что же теперь у г. Дубенскаго *тропа Троянова*, которую и онъ прежде изъяснялъ по Карамзински—via Trajani?... На основаніи *тройства*, уже не будетъ ли теперь это—та любимая въ народной русской поэзіи путь-дороженька, что разбѣгается въ три стороны она?... Но вышепомянутая великорусская пѣснь Екатеринина вѣка (въ карманномъ пѣсенникѣ напечатанная) даетъ намъ настоящую *дорогу Траянову*, даже съ буквою *а*, по господствующему нынѣ Московскому выговору (а также по выговору нарѣчій Бѣлорусскаго и Среднерусскаго). Но по Южно-русскому выговору на *о*, (также, какъ и въ нарѣчіяхъ Суздальскомъ и Новгородскомъ) имена *Траянъ*, *Траяновъ* выговорены *Троянъ*, *Трояновъ*,—также, какъ имя *Андрей* у Нестора по Лаврентьевскому Суздальскому списку читаемъ *Ондрѣй*, какъ и славянорусское личное имя *Баянъ* (Bajanus) по Южно-русскому и Новгородско - Суздальскому выговору—*Боянъ*. Діалектическая разность, и больше ничего!—

Въ примѣчаніяхъ г. Дубенскаго встрѣчается еще одно мимоходное замѣчаніе о Боянѣ: „у Дунайскихъ Славянъ крикъ *дива* (удода!) примѣта не добрая, какъ у насъ карканье ворона.

Это проливаетъ новый свѣтъ на Пѣснь Игореву и указываетъ на ея *южное* происхожденіе; *Боянъ, слѣдовательно*, Велесовъ внукъ—*Южный Славянинъ*"! (см. стр. 38). Неожиданное и удивительное *слѣдствіе*!... Но разсмотримъ лучше *отмѣтку* г. Дубенскаго о Боянѣ, въ возраженіе мнѣ написанную, и тѣмъ кончимъ нашъ споръ о вѣщемъ пѣснотворцѣ стараго времени, столь занимательномъ для исторіи Русской поэзіи.

I.—Г. Дубенскій говоритъ: „Максимовичъ начало Игоревой Пѣсни называетъ *запѣвомъ*; этимъ словомъ онъ ничего не объясняетъ, но такую придаетъ ему важность, какъ будто оно служило *ключемъ* ко всему Слову. *Можетъ быть* это потому, что тутъ упоминается о Боянѣ, котораго ему хочется выдать *запѣвалой*. Но пѣвецъ называетъ Бояна смысленнымъ припѣвку (?), то пожалуй, онъ будетъ и *припѣвалой*!" (стр. 3).

Мой отвѣтъ.—Начало Игоревой Пѣсни такъ важно, что его можно назвать, пожалуй, и *ключемъ* къ ней. Но мнѣ и на мысль не вспадало выдавать Бояна *запѣвалой* и придавать какую-нибудь особенную важность слову *запѣвъ*, которымъ я 1835 года, раздѣляя Игореву Пѣснь на главы, назвалъ первую главу потому, что начало Пѣсенъ вообще называется по-русски запѣвомъ. Впрочемъ, неожиданная острота г. Дубенскаго о *запѣвалѣ* и *припѣвалѣ*, меня позабавила, и напомнила собою, какъ нѣкогда въ Москвѣ А. С. Ширяевъ отпускалъ такую-же тонкую остроту объ альманахѣ „Сѣверной Лирѣ" называя его—*сѣвернымъ рыломъ*!—Только, зачѣмъ же г. Дубенскій въ этомъ примѣчаніи, ко мнѣ обращенномъ, поставилъ „можетъ быть"? Вѣдь онъ въ Отмѣткахъ сказалъ мнѣ: „не знаю, пріиметъ ли здравая критика доводъ, взятый отъ *можетъ быть*!" (стр. 8). А себѣ онъ предоставляетъ полное право, безъ зазрѣнія критической совѣсти, пользоваться этимъ льготнымъ и даже неизбѣжнымъ въ наукѣ двоесловьицемъ. Такъ и въ Отмѣткахъ, напримѣръ, толкованіе о *клюкахъ*, которыми подпирался Всеславъ: эти клюки прежде (см. стр. 188) представлялись г. Дубенскому то *оглоблями*, то *стременами*; а теперь онѣ показались ему уже *веслами*; и онъ говоритъ, что Всеславъ переѣхалъ Днѣпръ на лодкѣ „*можетъ быть* самъ дѣйствуя весломъ... (стр. 11)."

II.—Г. Дубенскій, въ изображеніи игры Бояновой не находитъ *двухъ сравниваемыхъ предметовъ*,—находитъ *логическое противорѣчіе* въ томъ, что Боянъ—*пускалъ десять соколовъ на стадо лебедей, и не десять соколовъ на стадо лебедей пускалъ...* и спрашиваетъ: „Что это за мистификація?“ (стр. 3).

Мой отвѣтъ.—Это *мистификація* поэзіи, называемая *уподобленіемъ*, которое у пѣвца Игорева составляетъ главный художественный пріемъ въ живописаніи предметовъ. Въ его картинѣ игры Бояновой—*два сравнительные предмета* у всякаго передъ глазами: 10 перстовъ Бояновыхъ—10 соколовъ; струны Бояновы—стадо лебедей. Ихъ сравненіе у Пѣвца расположено по формѣ уподобленія *положительно-отрицательнаго* (какъ объяснено было въ третьей лекціи моей объ Игоревой Пѣсни, напечатанной въ Журн. Минист. Нар. Просвѣщ. 1837 г.). Поясню это вновь—разборомъ святочной Великорусской пѣсенки:

„Скачетъ груздочекъ по ельничку;
Ищетъ груздочекъ бѣляночки“.

Это первая, *аллегорическая* часть пѣсенки, изъ которой еще не видно кто тутъ сравнивается съ груздочкомъ и бѣляночкой. Но за нею слѣдуетъ вторая *пояснительная* часть:

„Не груздочекъ скачетъ—дворянскій сынъ;
Не бѣляночки ищетъ—дворяночки“.

Эта вторая часть могла-бы быть и сама по себѣ въ качествѣ уподобленія *отрицательнаго*, столь любимаго въ народномъ пѣснопѣньи Великорусскомъ; но для большей игривости, предпослана ей первая, загадочная половина, несомнѣнно къ ней принадлежащая, и съ нею вмѣстѣ составляющая одно цѣлое уподобленіе *положительно-отрицательное*. Это-же сравненіе могло быть выражено и въ видѣ уподобленія *положительнаго*, напримѣръ хоть такъ:

Что груздочекъ за бѣляночкой,
Сынъ дворянскій за дворяночкой;—

но это было-бы не такъ затѣйливо, какъ хотѣлось сказать, и какъ сказалось въ святочной пѣснѣ.—

Сравненіе Бояновыхъ перстовъ съ десятью соколами, а струнъ съ лебедьми, тоже могло быть сказано проще, въ видѣ уподобленія *положительнаго*, напримѣръ такъ:

Боянъ своя вѣщія прьсты на живая струны въскладаше,
Акы десять соколовъ на стадо лебедій пущаше.

Это же сравненіе, въ оборотѣ *отрицательномъ*, было бы такъ:

Боянъ—не десять соколовъ на стадо лебедій пущаше,
Но своя вѣщія прьсты на живая струны въскладаше...

Нô Пѣвецъ, для бóльшей художественной роскоши, къ отрицательному уподобленію предпослалъ аллегорическую часть: представилъ сперва тотъ предметъ, которому уподобляется предметъ изображаемый:

Боянъ—*десять соколовъ на стадо лебедій пущаше.*

Затѣмъ слѣдуетъ то же, но въ оборотѣ *отрицательномъ*:

Боянъ-же—*не десять соколовъ на стадо лебедій пущаше.*

Затѣмъ, въ поясненіе, самый предметъ уподобленія:

Нъ своя вѣщія прьсты на живая струны въскладаше.—

Итакъ въ изображеніи игры Бояновой на гусляхъ находимъ народно-поэтическій игривый оборотъ уподобленія, а не *логическое противорѣчіе*!..

О второй *пояснительной* половинѣ картины у пѣвца добавлено: „они же сами (т. е. струны) *княземъ* славу рокотаху". А въ соотвѣтствіе сему, въ первой *аллегорической* половинѣ картины добавлено: „который (соколъ) дотечяше, та (лебедь) преди пѣснь пояше—*Ярославу*, *Мстиславу*, *Роману*. Такъ составилась цѣлая картина игры Бояновой десятью перстами на струнахъ, рокотавшихъ славу князьямъ *Ярославу*, *Мстиславу*, *Роману*.

Ш. Г. Дубенскій объ этомъ говоритъ: „Но помилуйте, г. Максимовичъ, это *факты*, а не *выдумки* Бояновы, которымъ пѣвецъ не хотѣлъ слѣдовать: какимъ образомъ относить этотъ пунктъ къ Бояну? Это рѣчь пѣвца обращенная къ другимъ: *памятна вамъ* и пр." (стр. 3).

Мой отвѣтъ.—Да! Это *историческіе факты*, переданные намъ Пѣвцомъ Игоря, что Бояновы струны, своимъ лебединымъ

пѣніемъ, славили *князей—Ярослава, Мстислава и Романа;* это *факты* важные для исторіи поэзіи, ибо и они ведутъ къ опредѣленію, что Боянъ жилъ и пѣлъ послѣ сихъ *трехъ* князей, послѣ 1080 года. Какимъ образомъ относить этотъ *пунктъ* къ Бояну? Самымъ простымъ и естественнымъ—надо только принимать слова Пѣсни, какъ они есть, а не переиначивать ихъ насильственно, чтобы вынудить изъ нихъ коментарную выдумку о небываломъ обрядѣ соколопусканія,—о чемъ я уже изъяснилъ выше подробнымъ разборомъ каждаго слова Пѣсни.—

Что-же касается до названья *выдумками* Боянова *замышленія*, то оно крайне несвойственно. *Замышленіе* вѣщаго Бояна состояло въ томъ, что онъ—„аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашеться мыслію по древу, сѣрымъ влъкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы": это не *выдумки*, а *фактъ психологическій*, поясняющій собою свободное пареніе думы пѣвца по простору вселенной, которымъ вдохновляется онъ на пѣснотвореніе. Пѣвецъ Игоря и въ другой разъ изображаетъ намъ это же самое *замышленіе*—„Соловья стараго времени". А въ Великорусской пѣснѣ о *Соловьѣ Будимировичѣ*—самъ пѣвецъ, въ запѣвѣ своемъ, высказалъ словами собственное замышленіе пѣснотворческое, подобное Бояновскому:

Высота-ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота окіянъ-море,
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты Днѣпровскіе...

У пѣвца Игорева тѣ-же движенія пѣснотворческой думы Бояновой представлены въ живыхъ образахъ, олицетворенно: въ поднебесную высоту—летитъ *орломъ*, по раздолью земли—рыщетъ *волкомъ*. Но такими-же красками онъ нарисовалъ намъ и бѣгство Игоря изъ плѣна, которое *не выдумка*, а *фактъ историческій*. Кіевская лѣтопись говоритъ объ этомъ: „пришедъ ко рѣцѣ (Тору) и перебредъ, и всѣдѣ на конь: и тако поидоста сквозѣ вѣжа... и иде пѣшъ 11 день до города Донця". Въ Игоревой Пѣснѣ передано это изобразительно: „а Игорь князь поскочи *горностаемъ* къ тростію, и *бѣлымъ гоголемъ* на воду;

връжеся на бръзъ комонь, а скочи съ него, и *босымъ влъкомъ* потече къ лугу Донця; и полетѣ *соколомъ* подъ мьглами". Въ „Пѣвцѣ во станѣ русскихъ воиновъ" *историческіе подвиги* героя Платова означены въ слѣдующихъ поэтическихъ образахъ, отчасти заимствованныхъ у Пѣвца Игорева:

„Хвала нашъ вихорь—Атаманъ,
Вождь невредимыхъ,—Платовъ!
Твой очарованный арканъ
Гроза для супостатовъ:
Орломъ шумишь по облакамъ,
По полю волкомъ рыщешь,
Летаешь страхомъ въ тылъ врагамъ,
Бѣдой имъ въ уши свищешь!"...

А въ Отмѣткѣ г. Дубенскаго сказано, что пѣвецъ Игоря не хотѣлъ *слѣдовать* Бояновымъ *выдумкамъ*, не хотѣлъ пѣть по его *фантазіи*—„потому, что Боянъ *вѣщій пѣвецъ, летаетъ орломъ подъ облаками* и проч.". Но это летанье *орломъ*, рысканье *волкомъ* Бояна,—какъ показано,—есть фантазія самаго пѣвца Игорева,—въ этихъ поэтическихъ образахъ представившаго *замышленіе* Бояново! Въ началѣ Пѣсни своей онъ говоритъ, что начаться ей „по *былинамъ* сего времени, а не по *замышленію* Бояна": онъ говоритъ это совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, чтобы не хотѣлъ онъ *слѣдовать* Боянову замышленію, какъ *выдумкамъ*, для его пѣсни *неприличнымъ*! Отреченье въ такомъ смыслѣ отъ Бояна было-бы *неприличіемъ* со стороны пѣвца, которымъ онъ не только не возбудилъ бы сочувствія къ своей повѣсти про Игоря у дружины или иной слушающей *братіи*, но съ первыхъ словъ возбудилъ бы недовѣріе къ себѣ и подалъ бы мысль о своемъ самохвальствѣ. У пѣвца Игорева, напротивъ, его Пѣснь начинается напоминаніемъ о *старыхъ словесахъ*, о *Боянѣ вѣщемъ—соловьѣ стараго времени*,—и этимъ напоминаніемъ славной *старины* онъ возбуждаетъ уже сочувствіе къ своей *трудной* (т. е. прискорбной) повѣсти про *нынѣшняго Игоря*. Его отреченіе отъ *замышленія* Боянова означаетъ смиренное признаніе въ себѣ недостатка той силы вдохновенія, съ какою вѣщій Боянъ

приступалъ къ *пѣснотворенію.* И только съ этой точки зрѣнія становится ясно, почему пѣвецъ, вслѣдъ за своимъ отреченіемъ, изображаетъ съ такою художественною роскошью и замышленіе, и самое пѣснопѣніе Бояна о князьяхъ;—почему онъ, начавъ изображеніе своего героя по чудесной *былинѣ* того времени (т. е. при видѣ большого солнечнаго затмѣнія 1-го мая, когда подходилъ Игорь къ Донцу),—снова обращается къ Бояну, и опять изображаетъ его *замышленіе* пѣснотворческое, говоря притомъ, что ему—соловью стараго времени—защебетать бы про полки Игоревы, что ему прославить бы сіе время, и пѣть ту пѣснь Игорю, которую пѣлъ онъ его дѣду (Олегу);—и вслѣдъ затѣмъ, можно сказать, съ поэтическаго благословенія *Велесова внука,* онъ пополняетъ свою повѣсть живымъ очеркомъ былины предшедшей вѣщему затмѣнію („Комони ржуть за Сулою, звенить слава въ Кіевѣ"—это относится къ побѣдѣ Святослава надъ Кобякомъ за Сулою *1-го* марта; *а* „трубы трубятъ въ Новѣградѣ, стоять стязи въ Путивлѣ"—этимъ означено выступленіе Игоря въ походъ изъ Новгорода-Сѣверскаго, 23 апрѣля!), а потомъ онъ продолжаетъ свою повѣсть, прерванную воззваніемъ къ Бояну (какъ Игорь за Донцемъ *ждетъ брата Всеволода* изъ Курска 1 и 2 мая,—и т. д.); и послѣ того пѣвецъ Бояновыми припѣвками повершаетъ и прекрасную пѣснь о Всеславѣ Полоцкомъ, и всю повѣсть свою объ Игорѣ, бывшемъ въ землѣ Половецкой. Этой поэтической любви Пѣвца Игорева къ соловью стараго времени и обязана наша исторія поэзіи, что для нея сохранилась память о *Боянѣ* и образцы его *старыхъ словесъ* и упоминаніе о князьяхъ, про которыхъ пѣлъ онъ. И для насъ, по этимъ чертамъ, обозначилась личность нашего вѣщаго гусляра-пѣснотворца, котораго струны рокотали славу князьямъ въ вѣкъ Владиміра Мономаха, когда между Новгородцами игрою на звончатыхъ гусляхъ славился особенно удалый молодецъ *Ставръ Годиновичъ,* который по словамъ народной пѣсни о немъ—

„Съигрышъ съигралъ Царяграда,
Танцы навелъ Іерусалима,

Величалъ князя со княгинею,
Сверхъ того игралъ еврейскій стихъ"...

IV. Г. Дубенскій говоритъ далѣе: „не говорю уже о *нелѣпости* разсказывать, какъ собирается поэтъ, намѣреваясь писать стихи: припоминаетъ сказанія объ усобицѣ, пускаетъ птицъ, и т. д. (стр. 4).

Мой отвѣтъ.—„У всякаго свой вкусъ",—сказалъ г. Дубенскій подъ конецъ своихъ Отмѣтокъ; и не вина пѣвца Игорева, если его *запѣвъ*, въ которомъ такъ многіе находятъ высокую красоту художественную, для г. Дубенскаго кажется *нелѣпостью*! —На мой взглядъ, тутъ *нелѣпостью* было-бы только *пусканье птицъ* (десяти соколовъ) въ томъ смыслѣ, какой придаютъ коментаторы, вымогая изъ словъ пѣсни мнимый обрядъ соколопусканія. И пора же, наконецъ,—по примѣру Граматина—отстать отъ этой пѣснотворческой авгуріи, выдуманной коментаторами, чтобы не натягивать для нея словъ пѣсни на дыбу произольнаго анализа; но принимая ихъ такъ, какъ они есть, видѣть въ нихъ то, что изображаетъ ими пѣвецъ Игоря объ игрѣ своего вдохновителя на звончатыхъ гусляхъ.—

V. Г. Дубенскій прибавляетъ: „другая несообразность, будто бы сами струны Бояновыхъ гуслей рокотали славу князей: зачѣмъ же Боянъ *клалъ пальцы на струны?* Предполагать надобно въ настоящемъ смыслѣ, что струны были языкомъ перстовъ: кто-же рокоталъ? На это даетъ отвѣтъ пѣвецъ: *они* (муж. р.), т. е. *персты;* а не *оны* (жен. р.), т. е. *струны.* Это *все равно*, согласенъ; но если поэтъ различалъ?" (стр. 4).

Мой отвѣтъ.—Хорошо сказано у Пушкина въ Годуновѣ: „Гудокъ-ли, гусли, намъ все равно!" Но не кстати о Бояновой игрѣ на гусляхъ сказано: персты или струны — *это все равно!* Пѣвецъ *различалъ* дѣйствительно; но у него—*рокочутъ струны*, какъ понимали всѣ, кромѣ г. Дубенскаго, у котораго *рокочутъ персты.*—Въ Игоревой пѣсни, какъ показано выше, не различались буквами *и* и *ы*, мужскій и женскій родъ прилагательныхъ и мѣстоименій, какъ различаются они въ грамматикахъ языка церковно-славянскаго. У пѣвца то различіе дано, что

персты: какъ члены Бояна, названы какъ и онъ — *вѣщими*, и уподоблены десяти *соколамъ*; а *струны*, принадлежность Бояновыхъ гуслей, уподоблены поющимъ *лебедямъ*, и названы *живыми* (какъ и въ старинномъ словѣ о Лазарѣ сказано, что царь Давидъ накладывалъ свои многочестные персты на *живыя струны*). —Для чего Боянъ вскладалъ свои вѣщіе персты? Для того, чтобы передать свое замышленіе живымъ струнамъ: его персты были проводниками къ струнамъ пѣснотворческой думы его; и едва они касались къ струнамъ,—„они же сами княземъ славу рокотаху". Тутъ и прибавка къ мѣстоименью *они* другого мѣстоименія *сами* ясно показываетъ, что у Пѣвца была мысль о *самозвонныхъ* струнахъ Бояновыхъ; и въ этомъ представленіи нѣтъ никакой „несообразности": оно сообразно и съ тѣмъ *физическимъ* свойствомъ, по которому струны сами собою звенятъ, въ отвѣтъ другимъ струнамъ, зазвучавшимъ на тотъ-же тонъ, на который онѣ настроены, и съ *поэтическимъ* представленіемъ о самозвонныхъ струнахъ, о гусляхъ-самогудахъ, объ Эоловой арфѣ, которая нѣкогда такъ плѣнила насъ въ сладкозвучной балладѣ Жуковскаго:

„Двѣ видятся тѣни:
Сліявшись летятъ
Къ знакомой имъ сѣни...
И дубъ шевелится, и струны звучатъ".

А могутъ-ли звучать, рокотать *они сами* — *пальцы*, какъ утверждаетъ г. Дубенскій? Нѣтъ, сами пальцы могутъ только щелкать глухимъ звукомъ... И если для кого уже *все равно* въ картинѣ игры Бояновой—струны или пальцы, то лучше ему принять, какъ понимали всѣ, кромѣ его, что у Бояна *рокотали сами струны*, и не смотрѣть болѣе сквозь эти *рокочущіе пальцы* на художественное изображеніе Бояновой игры—десятью вѣщихъ перстовъ—соколовъ на живыхъ и самозвонныхъ струнахъ лебедяхъ!

VI.—Г. Дубенскій говоритъ: „толкованіе сіе ведетъ къ страннымъ заключеніямъ и къ анахронизму: будто-бы Боянъ былъ христіанинъ, жилъ даже не въ первыя времена усобицы, гораздо спустя послѣ Святослава I-го" (стр. 3).

Мой отвѣтъ.—Ничего *страннаго* нѣтъ—ни въ нынѣшнемъ мнѣніи о Боянѣ, что онъ былъ современникомъ Нестора, жилъ и пѣлъ въ вѣкъ Мономаховъ, ни въ прежнемъ мнѣніи, будто Боянъ жилъ во времена до-христіанскія; *анахронизмомъ* же въ наше время я признаю прежнее мнѣніе, которое ничѣмъ не подтверждается въ наукѣ, и по справедливости уступило свое мѣсто нынѣ господствующему мнѣнію, которое можно отвергать, но опровергнуть нельзя, ибо истина неопровержима. Что касается до заключенія о *христіанствѣ* Бояна, то и въ этомъ я ничего не вижу *страннаго*; хотя и не знаю, чье именно мнѣніе объ этомъ преслѣдуетъ г. Дубенскій, ибо я не высказывалъ объ этомъ своего мнѣнія. Теперь могу сказать только, что Боянъ, по всей вѣроятности, былъ *христіанинъ*, и нахожу *страннымъ* и напраснымъ утвержденіе г. Дубенскаго о *язычествѣ* Бояновомъ. Боянъ могъ быть *христіаниномъ*, еслибы даже и можно было доказать, что онъ жилъ до Владиміра I-го, какъ думали первые издатели Пѣсни; ибо христіанство велось въ Кіевской Руси со времени Аскольда. Съ другой стороны, если-бы и можно доказать, что Боянъ былъ *язычникъ*, то это не было-бы ему помѣхою принадлежать вѣку Мономахову. Исторически извѣстно, что въ началѣ XIII вѣка печерянинъ Кукша принялъ мученическую кончину отъ Вятичей за проповѣдываніе христіанства,—слѣдственно были язычники на Руси и черезъ сто лѣтъ послѣ Бояна.

VII.—Г. Дубенскій говоритъ еще, что пѣвецъ Игоря—„въ пяти мѣстахъ упоминаетъ о Боянѣ, называетъ его *соловьемъ*, *Велесовымъ внукомъ*, т. е. *нехристью*, и *вездѣ рѣзко отличаетъ языческій духъ его* пѣснопѣнія отъ христіанскаго, въ которомъ самъ воспѣваетъ своего героя“ (стр. 3).

Мой отвѣтъ.—Вотъ это уже просто коментарныя *выдумки* г. Дубенскаго!—Пѣвецъ Игоря *нигдѣ* въ своей Пѣснѣ не отличаетъ языческаго духа Боянова. Только въ трехъ мѣстахъ Пѣсни приводитъ онъ слова, о которыхъ говорятъ, что они Бояновы, и для насъ драгоцѣнны эти *старыя словеса* Велесова внука. Вотъ они:

1. *Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая;*
Галици стады бѣжатъ къ Дону великому...

Эти Бояновы слова, пѣтыя Олегу Святославичу (по моему примѣчанію около 1111-го), представляютъ намъ древнѣйшій образецъ русскаго двустишія; но въ нихъ *нѣтъ ничего языческаго.*

2. *Ни хытру, ни горазду, ни птицѣ горазду,*
Суда Божія не минути.

Эта *припѣвка* Боянова, сложенная на смерть Всеслава Полоцкаго, по своей мысли *о судѣ Божіемъ,* скорѣе показываетъ въ Боянѣ русскаго *христіанина,* чѣмъ язычника.

3. *Тяжко ти головѣ, кромѣ плечю;*
Зло ти тѣлу, кромѣ головы.

Это изреченіе Бояново (неизвѣстно о комъ сказанное, кажется о Святославѣ) — по своей мысли о *единствѣ главы съ тѣломъ,* тоже можетъ назваться выраженіемъ — скорѣе *христіанскаго* чѣмъ языческаго духа.

Весьма вѣроятно, что и другія выраженія Бояновыхъ пѣсенъ повторились въ пѣснѣ Игоревой; а иныя выраженія вошли въ нее изъ общей рѣчи первоначальныхъ временъ (какъ, напримѣръ, завѣтныя поэтическія слова—*отень-златъ-столъ, стрѣлы-каленыя, поле-чистое, море-синее, красна дѣвица, борзый-комонь, лютый звѣрь,* т. е. волкъ, какъ это видно и изъ поученія Мономахова). Но когда идетъ дѣло о томъ, какъ отличаетъ пѣвецъ Игоря духъ Бояна, мы не имѣемъ права приписывать ему нашихъ догадокъ, и должны признать заимствованными у Бояна только тѣ выраженія, о которыхъ самъ пѣвецъ говоритъ, что они Бояновы. А изъ трехъ вышеприведенныхъ отрывковъ ни одинъ не обличаетъ языческаго духа; напротивъ, всѣ три могли быть сказаны пѣвцомъ-христіаниномъ,

Величаніе Бояна *соловьемъ* и *внукомъ Велесовымъ* вовсе не означаетъ *нехристи,* какъ протолковалъ г. Дубенскій. — Въ *соловьѣ стараго времени*—ужъ не показался-ли коментатору тотъ древній *соловей,* что, сидючи на девяти дубахъ, залегъ прямоѣзжую дорогу къ Кіеву ровно на тридцать лѣтъ, и поражалъ всѣхъ свистомъ соловьинымъ, шипомъ змѣинымъ, крикомъ звѣ-

ринымъ—туринымъ!... Но величанье поэта именемъ *соловья*, первѣйшаго изъ пернатыхъ пѣвцовъ, принадлежитъ обще-человѣческому смыслу. Такъ и Державинъ, въ привѣтъ юному Карамзину, указалъ, что и въ прозѣ его слышенъ голосъ *соловьинъ*.

Пѣвецъ Игоря величаетъ своего вдохновителя — *внукомъ* бога *Велеса* въ томъ-же поэтическомъ смыслѣ, въ какомъ онъ и свою обожаемую Русь величалъ — *внукомъ Дажьбожимъ* (т. е. внукомъ солнцевымъ). Но, если по величанію *внукомъ Велесовымъ* г. Дубенскій считаетъ Бояна язычникомъ, послѣ этого у него и *вѣтры* будутъ язычники: вѣдь у пѣвца сказано „се вѣтри *Стрибожи внуци* вѣютъ съ моря стрѣлами!". Если по величанію Велесовымъ внукомъ считать Бояна язычникомъ, то на такомъ же основаніи можно зачислить въ язычество и всю свѣтлую семью нашихъ поэтовъ XIX вѣка, которые величали другъ друга и питомцами, и поклонниками латино-эллинскихъ Музъ, Грацій, Харитъ, Феба, Зевса и прочихъ. Поэтъ Языковъ самъ себя называлъ *сыномъ Камены*, и въ то же время пѣлъ онъ:

„Кому, о Господи доступны
Твои Сіонски высоты!"...

М. Максимовичъ.

1856 г. 14 февраля. Михайлова-Гора.

III.

Воспоминаніе о Тимковскихъ.

„*Воспоминаніе*“ это въ собственноручной рукописи М. А. Максимовича было найдено нами между разными бумагами, которыя остались послѣ смерти его двоюроднаго брата Василія Ильича Тимковскаго и о которыхъ мы говорили въ своей статьѣ „Илья Ѳедоровичъ Тимковскій [1]). Написано оно было, какъ видно изъ нѣсколькихъ писемъ, сохранившихся между тѣми-же бумагами, по слѣдующему поводу. Когда Московскій университетъ приготовлялся праздновать столѣтній юбилей своего существованія, предполагалось къ этому юбилею, кромѣ извѣстнаго „Біографическаго словаря профессоровъ Московскаго университета“, издать біографическій словарь замѣчательнѣйшихъ воспитанниковъ этого университета. Собирая матеріалъ для этого словаря, С. П. Шевыревъ письменно просилъ М. А. Максимовича написать для него біографіи пяти братьевъ Тимковскихъ, воспитывавшихся въ Московскомъ университетѣ. Въ исполненіе этой просьбы, Максимовичъ послалъ Шевыреву изъ Михайловой-Горы настоящее „*Воспоминаніе*“ при слѣдующемъ письмѣ отъ 27 октября 1854 г.

„Письмомъ Вашимъ, любезнѣйшій Степанъ Петровичъ, отъ 12 іюля, Вы возложили на меня пріятную обязанность—написать біографіи моихъ дядьевъ Тимковскихъ для Вашего „Сло-

[1]) Кіевская Старина 1891 г. №№ 8, 9 и 10.

варя питомцевъ Московскаго университета". Но я и до сихъ поръ не получилъ ни изъ Сѣверіи [1]), ни изъ сѣверной столицы [2]), необходимыхъ для того писемъ и послужныхъ списковъ; а здѣсь на Украинѣ не осталось въ живыхъ уже никого отъ прежней Тимковщины.

Не взыщите же, если вмѣсто ожидаемыхъ Вами біографій, при моихъ недостаточныхъ для того матеріалахъ, напишу Вамъ теперь лишь краткое *Воспоминаніе*... Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ! Михаилъ Максимовичъ".

Какъ извѣстно, предполагавшійся къ изданію „Словарь питомцевъ Московскаго университета" не былъ изданъ, послѣ чего предназначавшееся для него „*Воспоминаніе*" М. А. Максимовича было возвращено автору И. Д. Бѣляевымъ въ 1858 году.

Впослѣдствіи, какъ видно изъ писемъ М. А. Максимовича, онъ думалъ, расширивъ эту статью, написать болѣе обстоятельныя и подробныя біографіи пяти братьевъ Тимковскихъ. Въ письмѣ отъ 11 февраля 1872 г., при которомъ настоящее „*Воспоминаніе*" было прислано М. А. Максимовичемъ его двоюродной сестрѣ Е. И. Андреевой, говорится о немъ: оно (т. е. „Воспоминаніе"), какъ было написано наскоро еще въ 1854 г. для С. П. Шевырева, такъ и не было читано мною даже до сего дня съ 1858 года, въ которомъ я выручилъ это мое „Воспоминаніе о Тимковскихъ" уже изъ рукъ И. Д. Бѣляева въ Москвѣ". Далѣе, разрѣшая оставить эту рукопись, какъ автографъ, себѣ на память, М. А. Максимовичъ продолжалъ: „а для меня спишите *вѣрную копію*, и при ней приложите побольше прибавленій, исправленій обо всѣхъ дядьяхъ моихъ, особенно же критически Вы, Ильичи, прочтите *его* (т. е. Ильи Өедоровича) біографію. Не можете ли достать изъ архи-

[1]) Очевидно, М. А. Максимовичъ разумѣлъ отстоящую въ 45 верстахъ отъ г. Новгородсѣверска дер. Турановку, гдѣ въ то время жило семейство умершаго въ 1853 году Ильи Өедоровича Тимковскаго.

[2]) Въ Петербургѣ въ то время проживали дядя М. А. Максимовича Егоръ Өедоровичъ Тимковскій, воспоминанія котораго мы помѣстили въ Кіевской Старинѣ, и вышеупомянутый Василій Ильичъ Тимковскій.

вовъ послужныхъ списковъ *Ивана* и особенно *Василія* Ѳ.? Выпросите у Егора Ѳ. для меня продолженіе его службы, или послужного списка его, со времени переселенія его въ Петербургъ 1844 г. Все это въ свое время будетъ обнародовано, если Богъ пошлетъ вѣку Михайлогорскому любителю родной старины. Отцовская, Максимовичевская, уже обнародована еще въ сороковыхъ годахъ, въ моей „Бубновской сотнѣ“ [1]); материнская, *Тимковщина*, лежитъ на душѣ,—и грустно мнѣ было-бы не выдать ее въ свѣтъ“.

Въ другомъ письмѣ, отъ 3 іюня 1872 г. изъ Москвы онъ писалъ Василію Ильичу Тимковскому: „собирай неустанно свѣдѣнія о *пяти братьяхъ*, дядьяхъ моихъ, и сообщи все, что уже успѣлъ собрать, мнѣ на Михайлову Гору. Тамъ на просторѣ надднѣпровскомъ, коли Богъ пошлетъ силу и вдохновеніе, воспроизведется Тимковщина на память добрымъ людямъ будущихъ поколѣній“.

Однако въ позднѣйшемъ письмѣ, отъ 28 января 1873 г., рѣчь клонится уже къ тому, чтобы этотъ трудъ взялъ на себя В. И. Тимковскій; можетъ быть, старость и болѣзни, на которыя М. А. Максимовичъ жаловался въ своихъ письмахъ, лишили его увѣренности въ томъ, что онъ исполнитъ обѣщаніе, данное въ двухъ предъидущихъ письмахъ. Передавая В. И. Тимковскому въ этомъ письмѣ поклонъ отъ своихъ дѣтей, Максимовичъ прибавляетъ: „имъ хорошо уже извѣстно, что лучшая сторона моего бытія отъ рожденія и до старости—*Тимковщина*. Мнѣ весело и перомъ написать тебѣ это, помнится, сказанное въ нашихъ майскихъ личныхъ бесѣдахъ. Въ ту пору были у насъ съ тобою и рѣчи и чтенія—для біографіи пяти братьевъ Тимковскихъ, нѣкогда означенной мною въ скоропоспѣшномъ очеркѣ, для покойнаго Шевырева написанномъ. Отлагать эту біографію въ долгій ящикъ не должно. Всего лучше, если-бъ и окончательную обработку ея, и изданіе въ

---

1) Статья эта была напечатана въ Журналѣ Мин. Внутр. Дѣлъ 1848 г. № 11 и 1849 г. №№ 4 и 6; въ собраніи сочиненій М. А. Максимовича она помѣщена въ 1-мъ томѣ.

свѣтъ ты взялъ на себя, при помощи нашихъ благонадежныхъ Новгородсѣверцовъ Заблоцкихъ [1]). Всего лучше издать ее особою книжкою, а не то—въ „Старинѣ“ Семевскаго, такъ какъ корректуру вы въ Питерѣ сообща держать можете [2])“.

Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 5 февраля 1873 г., посылая В. И. Тимковскому одно изъ писемъ Василія Ѳ. Тимковскаго, Максимовичъ говоритъ: „Еще много подобнаго матеріала могу я сообщить тебѣ, если ты скажешь мнѣ, что ты съ Заблоцкимъ берешь на себя собрать и издать довлѣющую тебѣ въ особенности *Тимковщину*“.

То-же самое обѣщаніе повторяетъ онъ и въ письмѣ отъ 9 марта 1873 г., въ которомъ, вспоминая о майскомъ свиданіи своемъ съ Тимковскимъ, приводитъ свои стихи:

„Не годами жизнь считай,
А часами счастья;
Часъ одинъ въ цвѣтущій май
Лучше дней ненастья“.

Въ этомъ же письмѣ, жалуясь на свое нездоровье, Максимовичъ говоритъ: „Плохо мнѣ можется послѣ іюньскаго пребыванія въ Москвѣ и сентябрьскаго въ Кіевѣ, такъ что нынѣшній я не гожусь и въ подметки тому я, какимъ видѣли вы, меня въ незабвенные для меня 15 дней прошлогодняго мая; такъ мало у меня въ нынѣшнюю зиму здоровья, и каждый присѣстъ за письменный столъ не остается безъ большого утомленія глазамъ, головѣ и позвоночному хребту моему“.

Затѣмъ съ письмомъ отъ 9 мая 1873 г. Максимовичъ послалъ В. И. Тимковскому три письма Романа, Василія и

---

[1]) Рѣчь идетъ объ Андреѣ и Павлѣ Парфеновичахъ Заблоцкихъ—Десятовскихъ, которые воспитывались въ новгородсѣверской гимназіи.

[2]) Изъ другого письма Максимовича, отъ 3 мая 1872 г., видно, что составляющую предметъ переписки М. А. Максимовича съ В. И. Тимковскимъ біографію пяти братьевъ Тимковскихъ уже просилъ у Максимовича для „Русскаго Архива“ Бартеневъ, собиравшійся перепечатать изъ „Москвитянина“ 1852 г. записки И. Ѳ. Тимковскаго (которыя и были перепечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1874 г.).

Ивана Өедоровичей Тимковскихъ, какъ матеріалы для ихъ біографій, изъ чего надо заключать, что Василій Ильичъ взялъ на себя тотъ трудъ, который хотѣлъ передать ему М. А. Максимовичъ.

Но въ то время, когда эта переписка происходила, Василій Ильичъ уже потерялъ зрѣніе на одинъ глазъ, и то же самое угрожало другому глазу. Совѣтуя ему беречь этотъ глазъ, М. А. Максимовичъ еще 19 марта 1872 г., писалъ ему: „Страждущій издавна, съ 1829 г., незрячестью праваго глаза и полузрачестью лѣваго, способнаго съ той поры на чтеніе и письмо только при дневномъ свѣтѣ, нынѣ и при немъ уже устающаго отъ 2—3 часоваго чтенія, иногда до головной боли на цѣлыя сутки,—я сердечно скорбѣлъ о твоей очной недужности; и если бы я—по старшинству и лѣтъ моихъ, и даже моей полузрячести, позволилъ себѣ братское право присовѣтовать тебѣ нѣчто во здравіе твоихъ очей, то я просилъ бы тебя на нынѣшнее лѣто, покинувъ Петербургъ, переселиться въ родимые бальзамическо-тѣнистые сосновые лѣса Сѣверскіе, имѣя при себѣ чтеца и писца, чтобъ не трудить своего *ока* ни на что, даже и на такое милое письмо, какимъ теперь я обрадованъ, но благодарный тебѣ за него, не удержусь сказать, что оно могло бы быть написано подъ твою диктовку, и только подписано твоею рукою власною, которую жму теперь мысленно“.

Этотъ же совѣтъ М. А. Максимовичъ повторялъ и въ другихъ письмахъ; но, привыкши къ Петербургу, В. И. Тимковскій не могъ переселиться въ Турановку, когда-то очень оживленную, а затѣмъ покинутую и опустѣвшую, гдѣ, между бумагами умершаго въ 1853 году Ильи Ө. Тимковскаго, сложенными въ трехъ большихъ сундукахъ, было и много матеріаловъ для біографій всѣхъ пяти братьевъ Тимковскихъ, которыя М. А. Максимовичъ и В. И. Тимковскій все собирались написать. Оба они обмѣнивались нѣкоторыми біографическими матеріалами; по желанію В. И. Тимковскаго, М. А. Максимовичъ доставлялъ ему автографы его дядей, а между тѣмъ у самого

В. И. Тимковскаго, въ его Турановкѣ, лежали сложенныя въ сундукахъ цѣлыя сотни писемъ этихъ дядей, повидимому никѣмъ послѣ смерти Ильи Ѳ. Тимковскаго не тронутыя...

Чрезъ непродолжительное время послѣ того умерли и М А. Максимовичъ, и остававшійся въ живыхъ одинъ изъ пяти братьевъ Тимковскихъ, Егоръ Ѳедоровичъ, и братья Заблоцкіе-Десятовскіе, на возможное содѣйствіе которыхъ задуманному составленію біографій М. А. Максимовичъ указывалъ въ своихъ письмахъ; а В. И. Тимковскій совершенно потерялъ зрѣніе на оба глаза. Понятно, что, не собравшись до тѣхъ поръ составить упомянутыя біографіи, онъ съ потерею зрѣнія, перестал думать о нихъ. И такимъ образомъ, не смотря на то, что въ теченіе очень долгаго времени, какъ М. А. Максимовича, такъ и В. И. Тимковскаго занимала мысль расширить болѣе подробными біографическими свѣдѣніями ту статью о пяти братьяхъ Тимковскихъ, которую М. А. Максимовичъ, по просьбѣ Шевырева, составилъ для несостоявшагося изданія словаря замѣчательнѣйшихъ воспитанниковъ Московскаго университета, статья эта осталась въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ была написана М. А. Максимовичемъ въ 1854 году.

Хотя главнѣйшіе факты, сообщаемые въ этой статьѣ, читателямъ „Кіевской Старины“ уже извѣстны—отчасти изъ Воспоминаній Егора Ѳед. Тимковскаго [1]) и отчасти изъ нашей статьи, посвященной Ильѣ Ѳед. Тимковскому [2]), но тѣмъ не менѣе статья эта представляетъ интересъ по личнымъ отзывамъ М. А. Максимовича о братьяхъ Тимковскихъ, которыхъ онъ зналъ, какъ своихъ родныхъ дядей, и изъ которыхъ особенно близокъ ему былъ Илья Ѳ. Тимковскій, какъ бывшій его наставникъ. Притомъ уже одна не оставлявшая въ теченіе многихъ лѣтъ М. А. Максимовича (какъ видно изъ вышеприведенныхъ выдержекъ изъ писемъ его) забота его о томъ, чтобы въ печати было сказано слово о *„Тимковщинѣ“*, которой, по его выра-

1) Кіевская Старина 1894 г. № 3.

2) Кіевская Старина 1891 г. №№ 8, 9 и 10.

женію, онъ считалъ себя обязаннымъ лучшею стороною своего бытія,—обязываетъ насъ, найдя рукопись М. А. Максимовича, подѣлиться съ читателями тѣмъ, что онъ сказалъ по этому предмету. Дополняя изданныя до сихъ поръ сочиненія М. А. Максимовича, статья эта, полагаемъ мы, не можетъ найти для себя лучшаго мѣста, какъ въ той книгѣ „Кіевской Старины“, которая посвящается уважаемой его памяти.

Н. Шугуровъ.

Родоначальникомъ Тимковскихъ былъ козакъ Бубновской сотни *Тимко* (Тимофей Антоновичъ), вышедшій изъ Заднѣпровской Украины послѣ замиренія Прутскаго.

Его сынъ *Василь Тимченко* переселился изъ Бубнова въ Переяславъ и, служа тамъ въ козакахъ Терехтемировской сотни, былъ во всѣхъ походахъ Турецкой войны, веденной Минихомъ. Послѣ того онъ постригся въ монахи Печерской Лавры подъ именемъ Виталія [1]); скончался въ іюнѣ 1749 года и погребенъ у сѣверныхъ вратъ Великой церкви.

Тогда и старшій сынъ его *Назаръ Васильевичъ Тимковскій* (женатый на дочери Переяславскаго городоваго атамана Ивана Просяницкаго, Анастасіи), бывшій вмѣстѣ съ отцемъ въ походѣ Хотинскомъ, оставилъ свою войсковую службу, и въ августѣ 1749 года принялъ отъ епископа Никодима посвященіе въ настоятели Покровской церкви въ селѣ Войтовцахъ подъ Переяславомъ. Тамъ надъ р. Ильтицею (Альтою) поставилъ онъ себѣ въ 1750 году домъ, въ которомъ и скончался спустя сорокъ лѣтъ. Невдалекѣ отъ Войтовецкой церкви, на степной могилѣ, служившей тогда сельскимъ кладбищемъ, лежитъ и теперь маленькій надгробный камень его.

У него было четыре сына: Ѳедоръ, Иванъ, Андрей и Демьянъ. Старшій *Ѳедоръ Назарьевичъ*—отецъ моей матери—родился 1739 года въ Переяславѣ; обучался въ здѣшней же

---

[1]) По другимъ матеріаламъ—Вассіана. Н. Ш.

коллегіи или семинаріи; прослужилъ 10 лѣтъ въ Перво-переяславской сотнѣ, а потомъ 8 лѣтъ былъ Переяславскимъ почтмейстеромъ, получивъ на этой должности чинъ полкового есаула. Въ то время (около 1770 года) женился онъ на Аннѣ Савичнѣ Терлецкой, дочери войскового товарища Саввы Григорьевича Терлецкаго (родившагося ва селѣ Шабельникахъ, что возлѣ Бубнова, 1712 г., и скончавшагося 1764 года). На ея деньги купилъ дѣдъ мой (у свояка своего Кирьяка Петрашевича) хуторъ на рѣчкѣ Згари, верстахъ въ десяти отъ Золотоноши. Этотъ хуторъ—моя родина, съ той поры сталъ называться въ народѣ *Тимковщиною*, а въ семьѣ Тимковскихъ звали его, по имени рѣчки, *Згарью*. Съ 1776 года Ѳедоръ Назарьевичъ служилъ въ Золотоношѣ подсудкомъ; а когда, по преобразованіи Малороссіи въ три намѣстничества, въ 1782 году учрежденъ Золотоношскій уѣздный судъ, тогда въ него выбраны были на первое трехлѣтіе—судьею прадѣдъ мой Иванъ Леонтьевичъ Максимовичъ, а засѣдателемъ—дѣдъ мой Тимковскій, утвержденный въ эти годы и въ дворянствѣ, и въ чинѣ коллежскаго асессора. Послѣ того онъ, живя въ своемъ Згарскомъ хуторѣ, завѣдывалъ дѣлами графа А. А. Безбородко, по которымъ ѣздилъ и въ Петербургъ 1788 года. Обходя каждый день свою степь до Острой могилы, онъ предназначалъ и себѣ могилу на ней; но смерть пришла къ нему въ родномъ Переяславѣ, 29 августа 1790 года.

Иванъ Назарьевичъ Тимковскій, недолго служившій въ полковой канцеляріи Переяславской, а потомъ въ малороссійской коллегіи въ Глуховѣ; ѣздилъ въ Петербургъ; тамъ квартируя на Щукиномъ дворѣ у нѣмца столяра, выучился у него мастерству, и съ этимъ пріобрѣтеніемъ вернулся въ Переяславъ 1774 года. По дружбѣ съ братомъ, онъ занимался устроеніемъ Згарскаго хутора его; а по его смерти посвятилъ себя его семейству, и былъ въ немъ почитаемъ за второго отца. Когда всѣ племянники его были уже переданы Москвѣ, а племянницы выданы замужъ, тогда онъ сталъ ежегодно удаляться въ Печерскую Лавру, либо въ Мошногорскій монастырь для молитвы и

суровыхъ трудовъ послушника; и только въ лѣтнее время приходилъ на Згарь, сотрудничать своей невѣсткѣ. Когда же, въ маѣ 1813 года онъ поставилъ на ея могилѣ, своеручный дубовый крестъ—(который и до нынѣ тамъ, на Згарской левадѣ, подъ развѣсистою грушею)—тогда мірской трудъ своей жизни назвалъ онъ конченнымъ, и простился навсегда съ Тимковщиною.—Въ Печерской Лаврѣ, 1834 года, я засталъ еще живое преданіе о достопамятномъ послушникѣ; мнѣ почтенный о. типографъ Веніаминъ съ уваженіемъ указывалъ на ту келью подъ каштановымъ деревомъ, гдѣ жилъ смиренный Иванъ Назарьевичъ. Но въ Мошногорскомъ монастырѣ, гдѣ провелъ онъ послѣдніе годы свои въ непрестанномъ трудѣ церковномъ,—мнѣ 1851 года никто уже не могъ указать могилы, въ которой онъ положенъ, въ сентябрѣ 1823 года.

У Ѳедора Назарьевича было 6 сыновей и 3 дочери; но второй сынъ *Ефимъ* умеръ на 15 году; питомцами Московскаго университета были 5 братьевъ—*Илья*, *Иванъ*, *Василій*, *Романъ* и *Егоръ*. Старшая сестра ихъ *Татьяна*, родившаяся 1771 г., была за Иваномъ Игнатьевичемъ Прохоровичемъ, на р. Чумгакѣ, (гдѣ и теперь остается у чужихъ людей Войтовецкій домъ прадѣда моего Назарія съ дубовымъ сволокомъ искусной рѣзьбы, мастера Ѳедора Шумскаго, и съ надписью: „изволеніемъ Бога Отца, благоволеніемъ Господа нашего Іисуса Христа, дѣйствіемъ святаго Духа создался домъ сей мѣсяца январія, 22 дня 1750 года). Другая сестра *Марья* (род. 1786 г., сконч. 1851 г.) была за Саввою Ѳедоровичемъ Самусемъ, въ Самусёвкѣ за Сулою. Третья *Гликерія*, моя мать, родившаяся 13 мая 1788 г., выдана въ замужество въ Прохоровку надъ Днѣпромъ, 1803 г., а скончалась 22 іюля 1829 г. въ Шостенскомъ пороховомъ заводѣ.

Илья Ѳедоровичъ Тимковскій — родился въ Переяславѣ, 1773 года 15 іюля. Учился грамотѣ онъ тамъ же, гдѣ учились всѣ братья и сестры его, въ Золотоношскомъ Благовѣщенскомъ женскомъ монастырѣ; послѣ того перешелъ онъ, черезъ Переяславскія школы, въ академію Кіевскую, 1784 года; а изъ нея

въ 1789 году отправленъ въ Московскій университетъ, гдѣ пробылъ до 1797 года, получивъ тамъ золотую и три серебряныхъ медали. Въ февраля 1797 года отправленъ отъ университета въ Петербургъ на службу, по требованію генералъ-прокурора князя А. Б. Куракина. Тамъ онъ былъ сперва преподавателемъ Россійскаго Правовѣдѣнія въ Сенатскомъ юнкерскомъ институтѣ; 1801 года поступилъ въ сенатскіе секретари; а 1802 года былъ четыре мѣсяца при дѣлахъ Министра Юстиціи Г. Р. Державина. Въ то время представилъ онъ Министру Народнаго Просвѣщенія графу П. В. Завадовскому своего сочиненія „книгу систематическаго расположенія законовъ Россійскихъ“, за которую удостоился Высочайшаго благоволенія и брильянтоваго перстня, а книга передана была въ коммиссію сочиненія законовъ. Въ началѣ 1803 года Илья Ѳедоровичъ Высочайше назначенъ былъ ординарнымъ профессоромъ Россійскаго Правовѣденія и судопроизводства въ Харьковскій университетъ, въ открытіи и первоначальномъ устройствѣ котораго былъ онъ дѣятельнымъ участникомъ. Служа 8 лѣтъ профессоромъ, онъ былъ постояннымъ визитаторомъ Харьковскаго округа и открывалъ по разнымъ городамъ гимназіи, въ томъ числѣ и Новгородсѣверскую гимназію 1808 г. Директоромъ въ нее опредѣлился заслуженный старецъ, статскій совѣтникъ, Иванъ Ивановичъ Халанскій,—на дочери котораго, Софьѣ Ивановнѣ, и женился тогда Илья Ѳедоровичъ (того же года была у него замѣчательная встрѣча въ Печерской Лаврѣ съ послушникомъ Иваномъ, незабвеннымъ дядей его, котораго называлъ онъ „Иваномъ великимъ“).

Спустя три года, Илья Ѳедоровичъ, по болѣзни, оставилъ Харьковскій университетъ и поселился въ Турановкѣ, на р. Шосткѣ (въ 18 верстахъ отъ Глухова), гдѣ доживалъ свой вѣкъ Николай Демьяновичъ Туранскій, дядя и крестный отецъ жены его, подарившій ей свое помѣстье.—По случаю ополченія, бывшаго въ отечественную войну, Илья Ѳ. былъ членомъ дворянскаго комитета, снаряжавшаго то ополченіе. Потомъ, по дворянскимъ выборамъ, прослужилъ онъ съ 1818 года трехлѣ-

тіе Глуховскимъ повѣтовымъ судьею и награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст., а потомъ по губернскимъ выборамъ былъ онъ 1823 года генеральнымъ судьею.—Когда же въ Новгородѣсѣверскомъ скончался столѣтній тесть его, тогда, по предложенію Харьковскаго попечителя А. А. Перовскаго, Илья Ѳ. въ 1825 году принялъ должность директора Новгородсѣверской гимназіи. Эту гимназію,—которой питомцемъ былъ и я (съ 1812 до 1819 г.),—мой дядя любилъ, какъ дитя свое,—былъ въ ней весь—до изнеможенія силъ,—и поставилъ ее на высокую степень совершенства. Помню его живую скорбь, когда пронесся первый слухъ о переводѣ ея въ Нѣжинъ, для поддержанія Лицея (которому учрежденіе университета въ Кіевѣ, съ нѣсколькими гимназіями, грозило упадкомъ);— „глядя на нее неспокойно,“ говорилъ онъ, „думаю: ужели тебя мнѣ не видѣть!“ Послѣ того, когда слухъ о томъ-же снова пробудился, онъ опять писалъ ко мнѣ въ Кіевъ: „покушенія противъ нея такъ пали мнѣ на душу, что, о чемъ ни думаю, приходитъ пожалѣть объ нихъ, и тѣмъ вспадаю на Катонову присловицу каждой рѣчи: ergo Carthago delenda!“ Но съ назначеніемъ особой гимназіи при Нѣжинскомъ лицеѣ, на Ларинскую сумму, успокоился незабвенный директоръ Новгородсѣверскій; а между тѣмъ окончился узаконенный срокъ службы его; и онъ въ октябрѣ 1838 года получилъ увольненіе отъ директорства, на которомъ былъ награжденъ чиномъ статскаго совѣтника (1831), орденомъ св. Станислава 3 степ. (1838) и тысячью десят. земли въ Саратовской губерніи; да сверхъ директорскаго жалованья ему (съ 1835 г.) производился прежній профессорскій пенсіонъ.

Послѣ того Илья Ѳ. доживалъ свой вѣкъ въ Турановкѣ въ непрестанномъ попеченіи о семьѣ своей и хозяйствѣ,—ежедневной бесѣдѣ съ музами, особенно Овидіевой и Виргиліевой, а во всѣ церковныя службы онъ читалъ и пѣлъ въ садовой церкви своей на клиросѣ, наслѣдовавъ это мѣсто послѣ дяди своего Туранскаго. Та церковь поставлена еще первымъ владѣльцемъ Турановки, когда былъ тутъ и скитокъ, какіе въ тѣ поры были разсѣяны по всей Малороссіи. Объ этомъ говоритъ и надпись

на евангеліи, кіевской печати, 1712 года: „книга святое евангеліе, офѣрованное его милостію паномъ Алексѣемъ Михайловичемъ Туранскимъ, судьею войска Е. И. П. В. Запорозкаго генеральнымъ, до церкви Божіей храму Воведенія Пресвятой Богородицы въ скитку хутора Турановцѣ, его же власнымъ коштомъ построенной въ року 1714 февруарія 9 дня".

Не видавши моего дяди съ 1827 года, (когда онъ привозилъ въ Москву старшаго сына своего *Николая* для опредѣленія въ университетъ), я посѣтилъ его въ сентябрѣ 1849 г. по пути въ Москву. Десятилѣтнее пребываніе послѣ службы, среди сосновыхъ боровъ Турановскихъ возстановило и укрѣпило его силы тѣлесныя; а душа его съ годами яснѣла все болѣе. Заслушиваясь занимательныхъ разсказовъ его о нашей родной старинѣ и о событіяхъ великаго русскаго міра въ переходѣ прошлаго вѣка въ нынѣшній,—я просилъ его приняться за записки... И еще въ Москвѣ, къ свѣтлому празднику, я имѣлъ удовольствіе получить отъ него драгоцѣнную *писанку*—цѣлое сказаніе, за зиму написанное, которое потомъ и напечаталъ онъ подъ названіемъ *„Мое опредѣленіе въ службу"* (въ Москвитянинѣ 1852 года).—Въ слѣдующую зиму, по просьбѣ Погодина, написалъ Илья Өедоровичъ свои воспоминанія о Московскомъ университетѣ, названныя *памятникомъ Шувалову* (напечатаны въ Москвитянинѣ 1851 года). Такъ черезъ 40 лѣтъ возобновилъ онъ свое авторство, оставленное послѣ двухъ рѣчей (о помѣстьяхъ, и на смерть Рижскаго) и книги, напечатанной 1811 года—„Опытный способъ къ философическому познанію россійскаго языка". Въ тѣ поры онъ написалъ и на латинскомъ языкѣ—„Сравненіе Юстиніановыхъ законовъ съ россійскими", за которое геттингенское общество признало его своимъ членомъ, 1809 года. Докторомъ философіи Харьковскій университетъ призналъ его въ 1807 году; а докторомъ обоихъ правъ онъ признанъ въ 1805 году отъ университета Московскаго. Тамъ, еще въ студентствѣ, онъ печаталъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ свои литературные опыты въ стихахъ и прозѣ,—въ томъ числѣ и заказные стихи на новый 1797 годъ, въ Московскихъ

Вѣдомостяхъ, о которыхъ онъ воспоминаетъ въ своемъ „опредѣленіи въ службу“, гдѣ онъ ужъ подлинно сказать—тряхнулъ стариною. Написалъ онъ въ послѣднее время еще три небольшія статьи (посланныя въ Москвитянинъ): о Дажьбогѣ, сцены изъ своего судейства и о малороссійскомъ пчеловодствѣ. Эту послѣднюю онъ прочелъ мнѣ 1852 года, когда пріѣзжалъ въ Турановку къ Ильину дню; и потомъ онъ повезъ меня на телѣжкѣ верстъ семь, на конецъ своего бора, проложенною имъ дорогою—похвалиться своею новозаложенною пасѣкою. Тамъ на крестѣ (какіе ставятся во всѣхъ малороссійскихъ пасѣкахъ) прочелъ я годъ и день основанія—1852 г. 21 мая, а подъ ними—начальный стихъ Виргиліевой Георгики о пчеловодствѣ.

Aërei mellis coelestia dona.

Такъ у него во всемъ—проза сельскаго хозяйства принимала видъ классической буколики, да и въ немъ самомъ нельзя было довольно налюбоваться художественнымъ сочетаніемъ многосторонняго, основательнаго знанія и строгаго во всемъ систематизма съ живою, теплою любовью къ поэзіи всѣхъ вѣковъ и народовъ... Его любимецъ Овидій не мѣшалъ ему восхищаться Гоголемъ; Гердера и Шиллера онъ столько же помнилъ, какъ и Виргилія съ Гораціемъ.

Водворясь въ Сѣверіи, онъ сорокъ лѣтъ не видалъ родной Украины и не собирался ее увидѣть. Но 1852 года онъ говорилъ со мною объ нашей родинѣ уже съ примѣтною грустію и въ день отъѣзда моего послѣ обѣда далъ мнѣ для памяти двѣ записочки. Въ одной изъ нихъ прочелъ я слѣдующія строки: „неотдѣлимо въ умѣ и сердцѣ у меня, что я родился и взросъ на южной полосѣ Малороссіи, у благодатныхъ береговъ Днѣпра; живу на сѣверномъ краю ея и чувствую гнетущія стужи отъ Сѣвска. Стихійно приходитъ часто на мысль увидѣть Кіевъ, Каневъ, Черкассы и родину, небо и землю моихъ предковъ. Но будетъ ли такъ расположено нынѣшнее владѣніе Згарью, чтобъ я могъ тамъ, хоть на недѣлю времени, подышать свободно?—

И. Т. 1852 авг. 17.

Ite meae quondam felix pecus, ite capellae!“

Въ этомъ неожиданномъ вопросѣ 80-лѣтняго старика и въ самомъ стихѣ Виргиліевой буколики, вызванномъ игрою словъ И. Т.,—послышалось мнѣ грустное предвѣстіе.—

Въ слѣдующемъ февралѣ, 15 числа 1853 года, послѣ 12 дневной болѣзни, скончался онъ въ 3 часа ночи, въ полной памяти до послѣдней минуты, благословивъ трехъ дочерей и маленькихъ внучатъ своихъ (Андреевыхъ). Гробъ положенъ въ Турановской церкви, у южнаго входа.

Вспомянувъ полный кругъ его жизни, можно сказать слова псалмопѣвца: „дніе лѣтъ нашихъ, въ нихъ же семьдесятъ лѣтъ; аще же въ силахъ осмьдесятъ лѣтъ; и множае ихъ трудъ и болѣзнь".

Иванъ Өедоровичъ Тимковскій—о немъ знаю только по семейному преданію какъ о прекраснѣйшемъ цвѣтѣ Тимковщины. Родился онъ въ Ивановъ день (24 іюня), 1778 года, въ селѣ Деньгахъ, верстахъ въ 10 отъ Золотоноши (гдѣ жилъ въ тѣ годы дѣдъ мой, въ дому своей тещи Терлецкой, по ея завѣщанію). Учился въ Кіевской Академіи, а въ 1793 году отвезенъ въ Москву дядею Иваномъ Назарьевичемъ. По выходѣ изъ университета, Иванъ Өедоровичъ поступилъ на службу, во время коронаціи Императора Александра, въ канцелярію графа Воронцова; потомъ служилъ въ коммиссіи сочиненія законовъ и скончался въ Петербургѣ, на 30 году жизни—въ февралѣ 1808 года.—

Онъ любилъ переводить книги съ нѣмецкаго и англійскаго, но изъ напечатанныхъ переводовъ его извѣстны мнѣ только два: романъ Лафонтена *Природа и любовь*, М. 1799, повторенный и Никольскими изданіями,—и *Полное собраніе сочиненій Геснера* М. 1830.

Василій Өедоровичъ Тимковскій—родился 1781 года, 10 марта, въ селѣ Деньгахъ; учился въ Кіевской академіи, потомъ въ Московскомъ университетѣ.—Были на него семейные виды, чтобы задержать его въ академіи; да и тогда, какъ онъ въ первый разъ выбрался въ Москву, случай остановилъ его: въ началѣ дороги (подъ Нѣжиномъ) встрѣтилъ онъ брата Ивана, ѣду-

щаго на родину и вернулся, чтобы потомъ вмѣстѣ доѣхать до Москвы; но когда они, посѣтивъ Кіевъ, переѣхали черезъ Днѣпръ, ихъ разбили лошади, и переломленная нога Василія задержала его опять на Украинѣ. А между тѣмъ душа его рвалась на сѣверъ, къ дѣятельности гражданственной, для которой, казалось, и родился онъ, одаренный способностями блестящими. Съ ними онъ развивалъ въ себѣ чувство непреклонной, немолчной правды, изучая любимаго своего писателя Плутарха, по которому и составлялъ себѣ идеалъ жизни.—Не ранѣе какъ на 30-мъ году онъ отправился (въ февралѣ 1810 г.) изъ Москвы въ Петербургъ, для опредѣленія въ службу; но и тамъ болѣе года еще оставался онъ безъ государственной службы,—домашнимъ секретаремъ И. С. Мордвинова, въ дому котораго и жилъ онъ.—Наконецъ въ 1812 году сталъ онъ на службѣ подъ начальствомъ государственнаго секретаря А. С. Шишкова, которому и былъ онъ неотлучнымъ спутникомъ и сотрудникомъ въ достопамятное странствіе ихъ по европейскому западу въ отечественную войну, вслѣдъ за Императоромъ Александромъ.—

Въ маѣ 1816 года Василій Ѳедоровичъ назначенъ былъ въ правители канцеляріи при полномочномъ намѣстникѣ Бессарабской области, но оттуда онъ воротился въ Петербургъ 1818 года и перемѣстился изъ Государственной канцеляріи въ Министерство Иностранныхъ дѣлъ, гдѣ занимался преимущественно дѣлами азіятскими. Въ чинѣ статскаго совѣтника, онъ 1820 года отряженъ былъ въ Оренбургъ, въ качествѣ предсѣдателя пограничной коммиссіи (въ составѣ которой находились А. Пр. Левшинъ и князь П. Д. Черкаскій); но въ слѣдующемъ году онъ вызванъ въ Петербургъ и оттуда 1822 года отправился на службу въ Грузію, по приглашенію А. П. Ермолова.—

Описывая путь свой до Тифлиса (въ письмѣ къ моей матери, отъ 13 ноября 1822 г.), онъ говоритъ между прочимъ: „Сентября 8-го, прорѣзавшись сквозь толпы ярмаркующихъ въ Золотоношѣ, прибылъ въ Згарь по полудни рано... Почитаю излишнимъ изъяснять тебѣ мои чувствованія разнообразныя при свиданьи съ сестрою, при видѣ и посѣщеніи левады въ пребы-

ваніе подъ кровомъ дому родительскаго, подъ сѣнію величественныхъ дубовъ згарскихъ, или на Острой-могилѣ, и пр. и пр.!!.. Октября 4 выѣхалъ я изъ Самусёвки; по дорогѣ посѣтилъ П. И. Булюбаша въ Гринькахъ; сестра провожала меня до Рублёвки, послѣдней станціи подлѣ Кременчуга. Тутъ разстались мы въ горести; тутъ оставилъ я родину и кругъ родныхъ, въ которомъ безпрестанно почти, начиная отъ самаго Петербурга, находился... Я почувствовалъ себя странствующимъ рыцаремъ службы, въ коемъ никто не принимаетъ живаго участія"...

Въ 1824 году оставилъ онъ вредный для его здоровья Тифлисъ, и, пробывъ въ Петербургѣ до 1826 года, отправился въ Бессарабію, на должность гражданскаго губернатора. Но онъ былъ тогда уже въ упадкѣ духа и тѣла, заплативъ собою —какъ говорилъ онъ—дань Плутарху. Въ концѣ 1829 года воротился въ Петербургъ, гдѣ и докончилъ въ одиночествѣ грустную жизнь свою, 3 декабря 1832 года. В. А. Жуковскій и нѣсколько другихъ его друзей и почитателей хотѣли почтить его могилу памятникомъ и собрали для того сумму; но я слышалъ, что одинъ пріятель покойнаго, на котораго возложено было это дѣло, не исполнилъ его.—

Въ книжномъ мірѣ имя его осталось на его студентскомъ переводѣ книги Галема—*Жизнь графа Миниха*, М. 1806 г.; была еще въ Кіевѣ 1796 г. напечатана in 4° книжка стихотвореній (которыми академія привѣтствовала новаго митрополита Іерофея) подъ названіемъ „Радостныя чувствованія Музъ"; тамъ первую оду, нѣсколько эпиграммъ и сравненіе временъ года съ человѣческою жизнію „сочинилъ Василій Тимковскій, ученикъ Россійскаго стихотворенія"; къ переводамъ его принадлежитъ и „Путешествіе Морица по Англіи", М. 1804 года.—

Но изъ того, что писалъ Василій Ѳедоровичъ въ зрѣлые годы, ничего не издано въ свѣтъ. Его любимая наука была исторія; и бывши въ Бессарабіи въ 1816 году, написалъ онъ *Исторію Бессарабіи*; но объ ней говорилъ онъ мнѣ, что весь ея текстъ исчезъ, подмоченный Невою въ Петербургское наводненіе, и остались по листамъ однѣ поправки, писанныя болѣе

крѣпкими чернилами. Я видѣлъ у него другое замѣчательное сочиненіе—*Князь Курбскій*, въ переписанномъ набѣло экземплярѣ (помнится—1819 г.); но онъ весь уже былъ въ поправкахъ карандашемъ: авторъ никогда бы не остался вполнѣ доволенъ своимъ произведеніемъ. Велъ онъ и путевыя записки въ продолженіе отечественной войны и записки о Кавказѣ; и нельзя не пожалѣть, что все это осталось безъ вѣсти, если не пропало: сила пера его нерѣдко уравнивалась съ силою его увлекательнаго изустнаго слова, въ которомъ я не зналъ ему равнаго.

Романъ Өедоровичъ Тимковскій—родился 1784 года на Згари.—Его жизнь и ученые труды описаны были ученикомъ его И. М. Снегиревымъ (въ собраніи рѣчей.....*).—Я засталъ его въ Москвѣ только за 4 мѣсяца до кончины его, послѣдовавшей 15 января 1820 года,—и помню, какъ студенты несли на себѣ гробъ славнаго профессора своего до Лазарева кладбища. А въ первый разъ я видѣлъ его въ 1812 году, когда онъ съ меньшимъ братомъ пріѣзжалъ на родину.—Отсюда онъ воротился на пепелище Москвы, въ которомъ пропала и его богатая библіотека, за границею имъ собранная). Къ этой тяжелой для него потерѣ тогда прибавилась еще новая утрата—смерть недавно имъ видѣнной и нѣжно любимой матери (3 мая 1813 г.). И этою двойною печалью омрачилась душа его на остальные годы жизни. Чтобы видѣть тогдашнее состояніе души его, довольно прочесть отрывки изъ его письма къ сестрѣ М. Ө. Самусёвой, отъ 31 мая 1813 года:

„Никакими словами не могу описать тебѣ тоски и печали, въ которую погруженъ я со времени горестнѣйшаго извѣстія. Не милъ мнѣ свѣтъ, не мила пища, не мило обращеніе съ людьми. Опротивѣли мнѣ мои горницы; бѣгу вонъ, и не знаю,

---

*) Вѣроятно, Максимовичъ разумѣетъ рѣчи, читанныя въ торжественномъ актѣ Московскаго университета и, не помня, въ какомъ году была читана упоминаемая рѣчь, поставилъ точки для обозначенія года. Не имѣя подъ руками этого изданія, мы не можемъ провѣрить ссылку и указать неотмѣченный годъ; но считаемъ не лишнимъ добавить, что составленная И. М. Снегиревымъ біографія Романа Ө. Тимковскаго помѣщена во 2-мъ томѣ Біографическаго Словаря профессоровъ Московскаго университета.—Н. Ш.

гдѣ найти спокойствіе, которое кажется навсегда оставило душу мою. Брожу промежду страшныхъ развалинъ сожженной Москвы; скитаюсь по погорѣлымъ и опустошеннымъ монастырямъ, вокругъ города лежащимъ, удаляюсь на горы и поля: ахъ, снѣдающая горесть и горючія слезы вездѣ меня сопутствуютъ. Нѣтъ людей, которые раздѣлили бы со мною печаль сію; и нещастное положеніе мое со дня на день становится для меня тягостнѣе... Пекись всѣми силами о здоровьи и покоѣ дядюшки, втораго нашего отца; моли его остаться на Згари, въ нашемъ родительскомъ домѣ... Платокъ черный пришлю тебѣ; фланели не нужно. На что намъ принимать на себя наружный видъ фарисеевъ, когда душа внутренно растерзана“.

Егоръ Өедоровичъ Тимковскій—родился 1790 года на Згари. Учился въ Кіевской академіи, а съ 1804 года въ Москвѣ, въ академической гимназіи и въ университетѣ, въ которомъ 1811 года удостоенъ степени кандидата. Послѣ того преподавалъ географію въ высшемъ классѣ академической гимназіи.—

На службу поступилъ въ концѣ 1813 г. секретаремъ совѣта въ главномъ правленіи путей сообщенія, въ Твери. Оттуда, въ мартѣ 1820 года, опредѣленъ въ Азіатскій Департаментъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, гдѣ его ожидало дальнее путешествіе въ Китай для провожденія въ Пекинъ новой духовной миссіи. И онъ, въ мартѣ того-же года, отправился изъ Петербурга въ Кяхту; а оттуда 31 августа въ Китай, со ввѣренной ему миссіей (которой начальникомъ былъ о. архимандритъ Петръ Каменскій). Пробывъ около полугода въ Пекинѣ, воротился онъ въ августѣ 1821 года съ прежнею миссіею (которой начальникомъ былъ о. Іакинфъ Бичуринъ). За отличное исполненіе сей порученности онъ награжденъ былъ орденомъ св. Анны 2 степ., годовымъ окладомъ и пенсіей 1000 р., сверхъ жалованья по службѣ, которую продолжалъ въ азіатскомъ департаментѣ, начальникомъ двухъ отдѣленій. А между тѣмъ издалъ онъ въ свѣтъ 1824 года, въ трехъ частяхъ, свое *Путешествіе въ Китай чрезъ Монголію*,—которое на Европейскомъ западѣ переведено было на языки французскій, англійскій,

нѣмецкій. Въ 1830 г. Егоръ Ѳедоровичъ отправился въ Молдавію на должность Россійско-Императорскаго консула, въ которой прослужилъ до исхода 1835 года и былъ тамъ награжденъ чиномъ статскаго совѣтника (1832 г.), орденомъ св. Владиміра 3 ст. и двумя годовыми окладами; а вскорѣ послѣ того получилъ увольненіе отъ службы съ пенсіей и чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.—

Женатый съ октября 1826 г. на дочери духовника Ихъ Величествъ Павла Васильевича Криницкаго, Юліи Павловнѣ, онъ около девяти лѣтъ провелъ съ нею на своей родинѣ; но въ августѣ 1844 года разстался съ Тимковщиною и переѣхалъ опять въ Петербургъ. Тамъ возобновилъ онъ прежнюю службу въ Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ, на которой и нынѣ труждается благополучно. М. М.

P. S. Если мое воспоминаніе не опоздало еще въ вашъ словарь, въ такомъ разѣ прошу Васъ, любезнѣйшій Степанъ Петровичъ, сдѣлать для меня съ полсотни оттисковъ; во всякомъ случаѣ прійміте его благосклонно).

NB. Я такой авторъ, что только недавно узналъ о седьмомъ изданіи Наума, вышедшемъ еще прошлаго года (1853) въ числѣ 2000 экз.

СКОРБНАЯ СТРАНИЧКА ИЗЪ ЖИЗНИ М. А. МАКСИМОВИЧА.

(По его черновымъ письмамъ къ разнымъ лицамъ).

Въ бумагахъ М. А. Максимовича мы нашли цѣлый рядъ черновыхъ писемъ и прошеній его къ разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ, писанныхъ въ промежутокъ времени отъ 1833 по 1850 годъ. Первый рядъ этихъ писемъ, до половины 40-хъ годовъ, даетъ намъ нѣсколько цѣнныхъ указаній для біографіи Максимовича въ томъ періодѣ его жизни, когда онъ былъ профессоромъ и одинъ годъ ректоромъ Кіевскаго университета, сначала на штатной службѣ, а затѣмъ—по найму. Здѣсь мы въ большинствѣ случаевъ встрѣчаемся съ нимъ, какъ съ человѣкомъ, заинтересованнымъ своей ролью ректора университета и профессора на новой для него кафедрѣ, а также вопросами науки, ставшей для него теперь предметомъ занятій совершенно въ иной области сравнительно съ прежними. Тутъ-же, начиная съ 1840 года, постепенно открывается предъ нами та скорбная страничка въ его жизни, которая сначала, по случаю сильнаго ревматизма, отдаляетъ его отъ блистательно занятаго положенія на университетской кафедрѣ, а затѣмъ постепенно погружаетъ въ интересы житейскаго бытія, что́ въ дальнѣйшихъ письмахъ, съ половины 40-хъ годовъ, переходитъ въ тонъ, могущій дать поводъ думать о немъ, какъ о человѣкѣ исканій всякихъ земныхъ благъ, для котораго, будто-бы, главный интересъ въ жизни—

матеріальная ея сторона. Вотъ на этомъ-то послѣднемъ мы и намѣрены немного остановиться, чтобы, по мѣрѣ возможности, снять съ Максимовича всякое подозрѣніе въ этой чертѣ.

Прежде всего считаемъ нужнымъ напомнить, что въ первые годы послѣ отставки Максимовичъ былъ въ положеніи человѣка физически разслабленнаго: совсѣмъ безъ ногъ, почти безъ рукъ, съ больными глазами, что̀, конечно, было громаднымъ препятствіемъ для кабинетной работы. Жить ему пришлось въ совсѣмъ почти еще неустроенномъ маленькомъ, бездоходномъ хуторкѣ своемъ, только и отличавшемся всѣми прелестями здороваго мѣстоположенія и красивыхъ видовъ. Хотя онъ былъ и одинокъ, но при немъ жила единственная, его сестра. его любимица и питомица, а также почти на его иждивеніи находился и старикъ отецъ, жившій въ своемъ домикѣ, тутъ-же подлѣ его хуторка, въ с. Прохоровкѣ. Всѣ средства къ жизни, которыми онъ могъ располагать, ограничивались 762 рублями ежегодной пенсіи да тѣми грошами, которые могли перепадать ему, какъ гонораръ за ученые и литературные труды. Въ такой обстановкѣ проходитъ два года его жизни послѣ отставки въ 1841 году, и совершенно естественно, если мы не находимъ въ перечнѣ его сочиненій ни одной статьи, написанной въ тѣ годы. Но чуть только Максимовичъ почувствовалъ себя бодрѣе физически въ 1843 году, онъ откликнулся на призывъ опять занять прежнюю свою профессорскую кафедру въ Кіевскомъ университетѣ. Можетъ быть, въ этомъ шагѣ и была его роковая ошибка, т. к. онъ не согласился принять на себя должности штатнаго профессора, а заключилъ съ Округомъ, такъ сказать, договоръ по найму. Объясняется этотъ его шагъ, во-первыхъ, тѣмъ, что онъ не чувствовалъ себя еще совсѣмъ окрѣпшимъ, о чемъ онъ и пишетъ въ письмѣ къ попечителю Округа, кн. С. И. Давыдову (см. № IX), а во-вторыхъ, и тѣмъ, что не рискнулъ разстаться съ пенсіей, которой дорожилъ, какъ постояннымъ, хотя и маленькимъ обезпеченіемъ себя за службу въ двухъ университетахъ. Болѣе-же всего объясняется это усталостью его въ роли профессора и мечтою открыть для себя

новую какую-нибудь дорогу для дѣятельности, о чемъ онъ и пишетъ въ Одессу (см. № XII). Вотъ это именно письмо и есть, по нашему мнѣнію, показатель причинъ главнаго его ошибочнаго шага въ жизни, за что, впрочемъ, принимая во вниманіе откровенность мотивовъ, нельзя строго осуждать его.

Какъ только онъ опять водворился въ Кіевѣ, начались и его ученые труды между прочимъ и въ основанной тогда при Кіевскомъ Генералъ-Губернаторѣ „Временной Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ". Такъ прошло еще два года жизни его, до половины 1845 года, когда онъ принужденъ былъ оставить службу совсѣмъ, но уже не по болѣзни, а потому, что на вакантную каѳедру русской словесности былъ назначенъ А. И. Селинъ. Теперь опять онъ удаляется въ свое Михайлогорское жилище (хуторъ его названъ былъ имъ самимъ Михайлова гора) и, проводя время въ научныхъ занятіяхъ, все болѣе и болѣе начинаетъ чувствовать и матеріальный недочетъ, и непріуроченность своего положенія къ постоянному опредѣленному труду, между тѣмъ какъ силы физическія позволяли ему считать себя совсѣмъ еще не инвалидомъ. Сознаніе этого своего положенія и заставляетъ его какъ-бы покаяться въ прежней своей ошибкѣ, и уже въ 1846 году онъ проситъ Попечит. Кіевск. Учебнаго Округа (см. № XV) ходатайствовать вновь о принятіи его на службу въ должности профессора словесности. Вотъ тутъ-то и происходитъ необъяснимое для насъ явленіе. М. А. Максимовичъ, съ его ученой репутаціей, съ его совершенно чистымъ съ административной точки зрѣнія прошлымъ, не можетъ добиться не только болѣе высокихъ положеній, на которыхъ были уже всѣ его прежніе друзья и знакомые московскіе, но даже не въ состояніи возстановить себя въ прежней роли профессора университета. И вотъ, въ теченіе 5 лѣтъ, отъ которыхъ сохранились черновыя его письма, онъ является предъ нашими глазами въ роли просителя, производящаго впечатлѣніе назойливаго человѣка.

Въ одномъ изъ писемъ къ преосв. Иннокентію (см. № XX) Максимовичъ выразился такъ: „богатство—не мой удѣлъ, но я

должень признаться наконецъ, что и бѣдность мнѣ наскучила". Выраженіе это особенно хорошо знакомо изъ устъ М. А. Максимовича пишущему эти строки, такъ-какъ онъ неоднократно слышалъ ихъ отъ него въ разныхъ варьяціяхъ въ послѣдніе годы его жизни. И это не были только слова: „богатство—не мой удѣлъ". Близко намъ была знакома его частная, домашняя жизнь въ 1869—73 годахъ; онъ былъ тогда семейный человѣкъ, принужденный все на тѣ-же скудныя средства содержать семью, воспитывая сына своего въ Кіевѣ въ гимназіи. Мы видѣли его и въ тѣ мѣсяцы, когда онъ иногда проживалъ самъ въ Кіевѣ, кое-что зарабатывая для себя статьями въ спеціальн. періодическихъ изданіяхъ, а пенсію почти цѣликомъ предоставляя семьѣ; мы видѣли его ежедневно и въ его Михайлогорскомъ жилищѣ, гдѣ онъ всегда проводилъ лѣто, а очень часто и зиму, —и всегда замѣчали одну и ту-же черту въ его характерѣ: скромный въ своемъ образѣ жизни, онъ—по его-же выраженію послѣднюю копѣйку ребромъ ставилъ, когда дѣло касалось семьи его и предоставленія ей какихъ нибудь, конечно самыхъ скромныхъ, признаковъ роскоши и баловства. Если-же бывали счастливыя, хотя и очень рѣдкія, минуты полученія болѣе крупныхъ разовыхъ суммъ (какъ напримѣръ во время его юбилея выдано ему было 3000 руб.), онъ забывалъ о пережитыхъ уже не минутахъ, а годахъ бѣдности, и въ самый короткій срокъ такія получки, къ огорченію жены его, разлетались, какъ дымъ. Изъ полученныхъ 3 т., напримѣръ, чуть-ли не черезъ полъ года осталось только четыре, купленныхъ имъ тогда по низкому курсу, выигрышныхъ билета; остальное все ушло на юбилейный праздникъ, на нѣкоторые предметы роскоши для семьи да на прощальную поѣздку его самого въ Москву и Петербургъ въ 1872 году. При этихъ условіяхъ, дѣйствительно, богатство не могло быть его удѣломъ, даже и при лучшемъ матеріальномъ положеніи. А что бѣдность испыталъ онъ вполнѣ, мы можемъ засвидѣтельствовать фактами, бывшими на нашихъ глазахъ. Напримѣръ, передъ рождественскими святками, кажется въ 1870 году, который проведенъ былъ имъ на хуторѣ,

я пріѣхалъ къ нему за три дня до праздника и привезъ за два мѣсяца его пенсію, получавшуюся изъ Кіевскаго казначейства; взявъ въ руки деньги, онъ со смѣхомъ сказалъ мнѣ: „отъ и добре! чы вирыте, що щербатои копійки въ доми нема“. Я тогда юный студентъ, съ благоговѣніемъ смотрѣвшій на ученаго старца, не могъ не почувствовать всей горести этого смѣха, и теперь, перечитывая прилагаемые ниже скорбные листы его, ни на одну минуту не допускаю мысли съ упрекомъ по адресу его въ исканіи матеріальныхъ благъ. Психологію человѣка въ данныхъ условіяхъ труднѣе понять, нежели почувствовать!

I.

Удостоенный ходатайствомъ Вашимъ Высочайше назначеннаго мнѣ отпуска и вспоможенія на оный, я почитаю долгомъ принести мою глубочайшую благодарность Вашему Превосходительству за сію благосклонность и за то вниманіе, которымъ я имѣлъ честь пользоваться въ незабвенное для Университета время пребыванія Вашего въ Москвѣ [1]). Но какъ надлежащая пора для отъѣзда на Кавказъ мною уже пропущена, то я принужденъ, ограничась на сей годъ московскими искусственными водами, просить В. Пр. о дозволеніи мнѣ воспользоваться онымъ отпускомъ въ началѣ весны будущаго года.—При семъ имѣю честь представить просвѣщенному вниманію Вашему два новыя сочиненія мои: «Размышленія» и «книгу Наума о величіи Божьяго міра», которая, книга Наума, есть начало мною предпринятой общенародной энциклопедіи, гдѣ бы вкратцѣ содержались знанія положительныя, основныя и полезныя для всякаго. Весьма лестно для меня было-бъ, еслибы сіе начало удостоилось одобрительнаго вниманія Вашего и если бы я могъ продолженіе онаго сдѣлать соотвѣтственнымъ видамъ Вашимъ о просвѣщеніи Россіи.

Если сію первую книгу Вы признаете полезною, въ такомъ случаѣ покорнѣйше прошу В. П. доставить мнѣ впервые счастье представить образецъ трудовъ моихъ Г. И., а съ тѣмъ вмѣстѣ Гос. Императрицѣ и Г. Наслѣднику.

---

[1]) Въ должн. товар. Министра Нар. Просв., С. С. Уваровъ былъ въ Москвѣ осенью 1832 года и присутствовалъ на лекціи Максимовича.

Съ душевнымъ чувствомъ Высокаго уваженія къ Особѣ Вашей имѣю честь быть Вашего Превосходительства.

—

Въ біографическомъ очеркѣ, составл. С. Пономаревымъ, указано только одно путешествіе Максимовича на Кавказъ въ эти годы, именно въ 1832 году, когда онъ, съ пособіемъ отъ казны въ 2 тыс. р. ассигн., ѣздилъ для поправленія здоровья и собиранія растеній. Изъ только-что приведеннаго письма, писаннаго къ Министру Народнаго Просвѣщенія С. С. Уварову въ 1833 году, т. к. говорится о новыхъ книгахъ, вышедшихъ въ этомъ году, видно, что и тогда предполагалась его поѣздка на Кавказъ, тоже съ пособіемъ, но она не состоялась и въ слѣдующемъ 1834 году, какъ думалъ Максимовичъ, по весьма понятной причинѣ: онъ назначенъ былъ проф. русской словесности и исправляющимъ должность ректора въ открывавшійся тогда Кіевскій университетъ. Поѣздка эта, но не на Кавказъ, а въ Крымъ, состоялась только въ 1836 году лѣтомъ, о чемъ онъ и ходатайствовалъ уже въ Кіевѣ (смот. прошеніе къ Попечит. Кіев. Учебн. Окр.—№ IV).

II.

Любовь къ родному краю все болѣе и болѣе заставляла Максимовича мечтать о переселеніи на югъ, побудительнымъ мотивомъ для чего служило предполагавшееся въ Кіевѣ открытіе университета Св. Владиміра въ 1834 году. По этому поводу Максимовичъ писалъ, вѣроятно, къ Министру Народнаго Просвѣщенія слѣдующее:

—

Ваше Превосходительство

Милостивый Государь!

Въ два послѣдніе года я сталъ чувствовать совершенную необходимость для моего здоровья въ болѣе южномъ климатѣ. Сія необходимость обратилась въ потребность душевную съ тѣхъ поръ, какъ назначенъ Университетъ въ Кіевѣ, близъ коего находится моя родина, вокругъ коего и природа еще не изслѣдована. Назначеніе

Университета Свят. Владиміра радуетъ меня сколько важностію своею для обновляющагося нынѣ просвѣщенія и воспитанія общественнаго, столько и возможностью улучшить и удовольствовать мою личную жизнь, безъ перемѣны того служебнаго поприща, къ которому я себя приготовилъ и пріучилъ. Изъявляя сіе глубокое, душевное желаніе мое, въ надеждѣ на то вниманіе и участіе, которыми Вы меня удостоили, покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство назначить меня Профессоромъ въ Университетъ Святаго Владиміра. Важнѣйшимъ предметомъ моихъ занятій была предпочтительно природа органическая; и я, кромѣ ботаники, занимался еще 7 лѣтъ преподаваніемъ зоологіи въ Дворянскомъ Институтѣ; ею началъ въ 1824 году мое литературное поприще, и въ 1831 году составилъ, наконецъ, вмѣстѣ съ ботаническою системою, систему животнаго царства, коей слѣдуетъ Г. Адъюнктъ-Профессоръ Щуровскій въ своихъ лекціяхъ. До сихъ поръ будучи преподавателемъ ботаники, я трудился надъ нею гораздо больше и знаю её подробнѣе; но при этомъ я имѣю нѣсколько новыхъ идей и видовъ въ зоологіи, которыхъ не въ состояніи былъ еще раскрыть и исполнить, будучи преподавателемъ ботаники. Между тѣмъ я десятилѣтнимъ опытомъ вполнѣ убѣдился, что преподаваніемъ зоологіи могу быть полезнѣе для слушателей, нежели преподаваніемъ ботаники; ибо предметъ первой, по большему одушевленію своей жизни, имѣетъ гораздо больше привлекательности и важности для преподаванія и слушанія, нежели предметъ ботаники, который по самой натурѣ своей, имѣетъ меньше общаго интереса и предполагаетъ либо особую склонность слушателя, либо особую прикладную важность свою, напримѣръ въ медицинѣ. Почему я желалъ бы каѳедру зоологіи, еще болѣе, чѣмъ каѳедру ботаники, предоставляя сію науку для кабинетныхъ занятій приличными сочиненіями по оной, могъ бы полезнымъ быть не менѣе изустнаго ея преподаванія. Но если обѣ желанныя каѳедры заняты уже въ Кіевѣ, то я покорнѣйше прошу опредѣлить меня хоть профессоромъ физики, занятія которой я не оставлялъ совершенно, и если въ свидѣтельство не могу представить ничего, кромѣ журнальныхъ статей и преподаванія въ частныхъ мѣстахъ и въ коммерческой академіи, по крайней мѣрѣ, по привычкѣ къ труду и изустному преподаванію, чувствую себя въ силахъ въ теченіе двухъ или трехъ семестровъ достичь необходимаго совершенства.

Изъ этого письма видно, какъ Максимовичъ горячо былъ преданъ своей спеціальности—естествознанію, и не помышлялъ даже о томъ, чтобы изъ естественника стать словесникомъ; но попечитель Кіев. Учебн. Окр., Е. Ф. Брадке, почему-то пожелалъ имѣть во вновь-открывавшемся университетѣ въ Кіевѣ на кафедрѣ словесника именно Максимовича, и, не смотря на желаніе Министра Уварова не отпускать Максимовича изъ Москвы, онъ былъ назначенъ на эту должность, принявъ ее только изъ побужденія жить на родинѣ. (См. С. Пономаревъ „Мих. Ал. Максимовичъ. СПБ. 1872 г., стр. 23). Назначеніе это, состоявшееся 4 мая 1834 г., сопровождалось и другимъ еще назначеніемъ—на должность декана 1-го отдѣленія философскаго отдѣленія; по поводу этого послѣдняго назначенія Максимовичъ и написалъ Министру слѣдующее благодарственное письмо.

—

21-го мая 1834.

Благосклонное снисхожденіе къ моей просьбѣ и столь лестное и поощрительное для меня довѣріе В. В. даютъ мнѣ смѣлость вновь изъявить предъ Вами возрастающее въ душѣ моей чувство благодарности. Оправдать назначеніе, коего нынѣ я Вами удостоенъ, поставлю себѣ священною обязанностью.

Я не успѣлъ еще пріобрѣсти здѣсь сѣдины деканской, но я со всѣмъ вниманіемъ вникалъ въ то направленіе, къ коему Вы обращаете Просвѣщеніе народное,—былъ свидѣтелемъ вліянія новыхъ распоряженій въ пользу общественнаго воспитанія и того живительнаго участія, которое, наконецъ, видѣли здѣсь на себѣ профессоръ и студентъ: и все, что успѣлъ я понять и занять въ обновляемомъ Вами Университетѣ, я переношу въ новый Университетъ, Вами основанный, и потщусь быть ревностнымъ исполнителемъ моей службы и тѣхъ правилъ, кои Ваше Высок., по мѣстной особенности Кіева, постановите.

Нынѣ оканчиваю послѣднее мое служеніе Московскому Университету, коему такъ много обязанъ. Окончивъ экзамены и сдавъ мою должность кому назначитъ Университетъ, я постараюсь всѣми силами къ исходу будущаго мѣсяца собраться средствами, необходимыми къ приличному перемѣщенію моему въ Кіевъ, и ускорить назначенный срокъ, дабы поспѣть какъ можно ранѣе 15-го іюля.

III.

Еще въ іюнѣ 1834 г. Максимовича предупреждалъ Попечитель, что онъ ему поручитъ исправленіе обязанности ректора университета, и это назначеніе состоялось въ день пріѣзда его въ Кіевъ, т. е. 13 іюля. Многосложныя занятія въ качествѣ профессора на новой для него каѳедрѣ, а равно и ректорство, заставили Максимовича черезъ 15 мѣсяцевъ отказаться отъ должности ректора, о чемъ онъ и пишетъ, почти одновременно, два прошенія, Попечителю и Министру, и почти въ однихъ и тѣхъ-же выраженіяхъ, а потому мы помѣстили здѣсь только одно изъ нихъ—къ Министру.

—

1835 г. 26 окт.

Удостоенный быть первымъ Ректоромъ Университета Св. Владиміра, я старался исполнять сіе дѣло съ возможнымъ для меня усердіемъ и оправдать оказанное мнѣ довѣріе моего Начальства. Но пятнадцать мѣсяцевъ усиленнаго, многосложнаго и непрерывнаго труда по сей должности и вмѣстѣ занятія по катедрѣ Русской Словесности сильно изнурили мое уже и прежде разстроенное здоровье, особенно зрѣніе,—поставили меня въ невозможность продолжать съ успѣхомъ обѣ должности и привели къ грустной необходимости желать увольненія отъ званія Ректора.

23-го октября я подалъ о томъ прошеніе къ Г. Попечителю Кіевскаго Учебнаго Округа, и осмѣливаюсь просить благосклоннаго къ оному вниманія Вашего Высокопревосходительства.—Оставшись при одной должности Профессорской, я буду имѣть больше возможности къ распространенію здѣсь Русской Словесности и остатокъ силъ моихъ посвящу на собственно - ученые труды, коими надѣюсь еще быть полезнымъ новому Университету, въ устроеніи коего я имѣлъ счастье подъ Начальствомъ Вашимъ принимать близкое участіе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и душевною преданностью имѣю честь быть, Милостивый Государь, Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшій слуга

Ректоръ Университета Св. Владиміра

Михаилъ Максимовичъ.

IV.

Освободившись къ концѣ 1835 года отъ ректорскихъ обязанностей, Максимовичъ весною 1836 года обратился къ Попечителю Округа, Е. Ф. Брадке, съ прошеніемъ разрѣшить ему для поправки здоровья отпускъ на 4 мѣсяца въ Крымъ и на Кавказъ съ сохраненіемъ жалованья и съ выдачею единовременнаго пособія.

—

1836 г.

По совершенной необходимости поправить мое здоровье, болѣе и болѣе упадающее отъ непрерывныхъ занятій, я просилъ Совѣтъ Университета исходатайствовать мнѣ увольненіе съ мая мѣсяца въ 4-хмѣсячный отпускъ для пользованія и Кавказскими минеральными водами, и въ Крыму морскими водами. На увольненіе меня въ таковой отпускъ съ выдачею въ пособіе 300 рублей изъ хозяйственныхъ суммъ Университета, я имѣлъ уже высочайшее разрѣшеніе 1833 года 16 мая въ бытность мою еще адъюнктомъ Московскаго Университета; но по обстоятельствамъ времени я не воспользовался тогда ни отпускомъ, ни пособіемъ.

Вашему Превосходительству извѣстно, что я, при всей скудости моего состоянія, изъ Москвы переѣхалъ въ Кіевъ, не получивъ и не просивъ подъемнаго вспоможенія, что, при всей дороговизнѣ Кіевскаго содержанія и ограниченности моей въ житейскихъ средствахъ только однимъ жалованіемъ, я имѣю на полномъ попеченіи моемъ сестру и брата; потому мое состояніе пришло бы еще въ большій упадокъ, еслибы я не получилъ жалованія за 4 мѣсяца просимаго отпуска, изъ коихъ полтора мѣсяца и безъ того вакаціонные; потому безъ особеннаго вспоможенія, съ которымъ бы могъ я безбѣдно совершить поѣздку и курсъ моего лѣченія, я не буду въ возможности найти ожидаемую пользу отъ моего отпуска. Посему осмѣливаюсь утруждать В. Пр. еще симъ особеннымъ моимъ прошеніемъ, которымъ я покорнѣйше прошу ходатайства Вашего объ увольненіи меня въ 4-хмѣсячный отпускъ съ удержаніемъ жалованья и съ выдачею соразмѣрно оному единовременнаго пособія.

V.

Получивъ этотъ отпускъ, Максимовичъ сейчасъ-же обратился въ совѣтъ Университета съ просьбою не выбирать его болѣе ни въ какія должности, сверхъ профессорской, мотивируя эту просьбу такъ:

—

Разстроенное состояніе моего здоровья и желаніе усилить мои ученыя занятія, признанные Высшимъ Начальствомъ уважительными къ увольненію меня и отъ должности Ректора, и въ четырехмѣсячный отпускъ, побуждаютъ меня нынѣ просить покорнѣйше Членовъ Совѣта принять въ благосклонное вниманіе сіи обстоятельства и не избирать меня въ должности, сопряженныя съ засѣданіями, коихъ рѣшительно я не въ силахъ переносить и которыя могутъ преждевременно довести до совершеннаго изнуренія мое здоровье, едва достаточное для ученыхъ занятій по преподаваемому мною предмету.

VI.

Естествовѣдъ по своей первой спеціальности, Максимовичъ, очутившись въ Кіевѣ на каѳедрѣ русской словесности, все болѣе и болѣе углублялся въ изученіе гуманитарныхъ наукъ. Пока еще только въ этой области заявившій себя, какъ этнографъ, издавшій два прекрасныхъ сборника малорусскихъ пѣсенъ (1827 и 1834 г.г.), какъ профессоръ словесности—своими живыми лекціями и нѣкоторыми статьями по вопросамъ литературы, какъ поэтъ—нѣсколькими рѣчами, и какъ издатель—тремя выпусками „Денницы“,—Максимовичъ, благодаря сближенію съ Надеждинымъ, преосв. Иннокентіемъ и особенно съ митр. Евгеніемъ, начинаетъ теперь погружаться въ област исторических изысканій, богатымъ подспорьемъ для чего служила для него родная земля, невольно наталкивавшая всѣмъ своимъ историческимъ славнымъ прошлымъ на путь всесторонняго изученія и освѣщенія этого прошлаго. Началъ онъ съ того, что высказался, въ своемъ сочиненіи „Откуда идетъ Руская земля“ (1837 г.), по живому тогда вопросу о скандинавскомъ происхожденіи Руси, при чемъ мнѣнія его были діаметрально

противоположными Погодинской теоріи: Максимовичъ стоялъ за славянское ея начало. По поводу этой своей книги, онъ и написалъ слѣдующее письмо къ Министру Нар. Просв. Интересно, что въ этомъ письмѣ онъ намекаетъ на будущую свою работу, „Исторію древней русской словесности" (1839 г.), ставя ее въ связи съ своимъ историческимъ изслѣдованіемъ.

—

8 мая 1837 г.

Честь имѣю представить В. В—ву экземпляръ новаго сочиненія моего: «Откуда идетъ Русская Земля», какъ первое сочиненіе при Университетѣ Св. Владиміра, въ типографіи онаго напечатанное, и какъ предварительный мой трудъ для исторіи Русской Словесности, занимаясь коею для преподаванія лекцій, я запасаю и обдумываю по мѣрѣ силъ моихъ матеріалы, и для руководства къ оной. Въ настоящемъ сочиненіи я представилъ исторію мнѣнія о происхожденіи Руси, какъ предметѣ существенно прикосновенномъ къ исторіи нашей словесности и языка,—а какъ изъ числа сихъ мнѣній наиболѣе удовлетворительнымъ нашелъ я по разумѣнію моему старинное Русское и Ломоносовское мнѣніе о происхожденіи Руси Словенскомъ, то я предпочелъ его и постарался съ своей стороны возобновить оное на основаніи нашихъ писателей особенно старинныхъ,—какъ мнѣніе, даже и по старшинству заслуживающее вниманія.

По сей главной мысли моего сочиненія я осмѣливаюсь просить вниманія В. В—ва къ нему,—и если вкратцѣ изложенный въ немъ взглядъ мой на Русь заслуживаетъ одобренія Вашего Высокопревосходительства, тогда я могъ бы со смѣлостью приступить къ составленію подробнаго по оному руководства къ исторіи нашей словесности, какъ предмета, въ раскрытіи коего представляются еще стороны мало изслѣдованныя, и точки зрѣнія, почти обойденныя трудившимися на семъ поприщѣ,—и по которому новый трудъ могъ-бы еще быть полезнымъ, особенно съ цѣлію педагогическою употребленный. Такому труду, если онъ не совершенъ еще другими по порученію начальства, я осмѣливался бы просить дозволенія быть допущеннымъ чувствуя склонность и готовность посвятить на оный мои послѣднія силы, ободряемый тѣмъ вниманіемъ, какое В. В—во, обращая на пользы Русскаго Просвѣщенія, оказываете и трудящимся на поприщѣ онаго.

———

VII.

Въ теченіе 6 лѣтъ работая въ качествѣ профессора, Максимовичъ почувствовалъ себя въ 1840 году такъ плохо, что рѣшилъ совсѣмъ покинуть службу и поселиться на своей только-что устраивавшейся Михайловой-Горѣ. Объ этой отставкѣ онъ подалъ слѣдующее прошеніе въ совѣтъ университета, но отставку получилъ только въ апрѣлѣ 1841 года.

—

Вступивъ на службу 1823 года въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, я продолжалъ оную съ 1834 года понынѣ въ Университетѣ Св. Владиміра. Сверхъ служебныхъ занятій, означенныхъ подробно въ моемъ формулярномъ спискѣ, посвящалъ я много труда на разныя сочиненія и изданія. За мои служебные и книжные труды имѣлъ я счастье неоднократно пользоваться вниманіемъ и наградами отъ Высшаго Начальства и отъ разныхъ ученыхъ обществъ, избиравшихъ меня своимъ членомъ. Между тѣмъ еще во время моей службы въ Московскомъ Университетѣ здоровье мое начало приходить въ большое разстройство, такъ что въ 1829 году я совершенно потерялъ зрѣніе праваго глаза и съ тѣхъ поръ могъ читать только при дневномъ свѣтѣ. Перемѣщеніе въ Кіевъ помогло возстановленію моего здоровья. Совѣту извѣстно, что и должность ректора принужденъ я былъ оставить по болѣзненному моему состоянію. Четырехъ-мѣсячный отпускъ для излѣченія, испрошенный мною въ 1836 году, доставилъ мнѣ только временное облегченіе отъ болѣзни, которая, съ возобновленіемъ служебныхъ занятій, опять возобновилась и, усиливаясь примѣрно съ каждымъ годомъ, дошла наконецъ до такой степени, что я полтора года уже принужденъ большую часть времени оставаться безвыходно отъ нервической слабости и сильныхъ артритическихъ болей въ ногахъ и въ другихъ частяхъ тѣла, и полгода уже не въ состояніи читать по чрезвычайному разслабленію моего лѣваго глаза и по причинѣ весьма сильныхъ нервическихъ болей отъ напряженія зрѣнія, происходящихъ въ головѣ и въ другихъ частяхъ тѣла.

Такое совершенное разстройство моего здоровья лишаетъ меня всякой возможности продолжать службу мою и принуждаетъ меня преждевременно разстаться съ нею. Почему и честь имѣю покорнѣйше просить совѣтъ Университета исходатайствовать мнѣ уволь-

неніе вовсе отъ службы съ пенсіей, какая мнѣ дарована быть можетъ по уваженію моихъ семнадцати-лѣтнихъ служебно-ученыхъ трудовъ, и тяжелой болѣзни, меня преждевременно на службѣ постигшей. Свидѣтельство университетскаго врача и Кіевской Врачебной Управы о моей болѣзни при семъ прилагаю.

1840 года сентября 30.

Кіевъ.

Подано 1-мъ числомъ.

VIII.

Въ этомъ-же 1840 году вышла первая книжка альманаха „Кіевлянинъ“, издававшагося Максимовичемъ, очевидно, въ замѣнъ несостоявшейся газеты „Кіевскія новости“ (см. о ней въ Кіев. Стар. 1889, стр. 529—534). Для этой первой книжки „Кіевлянина“, посвященнаго изслѣдованію и приведенію въ надлежащую извѣстность всего, что относится, къ бытію Кіева и всей южной Руси Кіевской и Галицкой“, какъ сказано въ предисловіи, Максимовичъ написалъ историческое изслѣдованіе „Сказаніе о Коліевщинѣ 1768 года. На эту статью онъ разсчитывалъ болѣе всего, какъ на интересную для читателей; но она не только не была пропущена цензурою, а еще отослана мѣстнымъ цензоромъ въ Петербургъ, при его особомъ мнѣніи. По поводу этого „Сказанія о Коліевщинѣ“,[1]) Максимовичъ, уже подавшій въ отставку, но еще не получивши ея, написалъ Министру Народнаго Просв. слѣдующее очень любопытное письмо.

—

Честь имѣю поздравить Васъ съ новымъ годомъ и, желая Вамъ новыхъ благъ и новыхъ силъ для блага нашего, приношу мою душевную благодарность за удостоеніе моей книги желанной мною чести.

При отъѣздѣ въ Санктъ-Петербургъ господина Попечителя князя Сергѣя Ивановича[2]), я просилъ его засвидѣтельствовать передъ

---

[1]) Напечатано впослѣдствіи въ Русск. Архив. въ 1875 г., № 5.

[2]) Давыдова.

Вами о совершенномъ упадкѣ моего здоровья и ходатайствовать у В. В-ва о моей отставкѣ. По сему съ своей стороны не смѣю уже безпокоить Васъ просьбами о семъ предметѣ, и только въ душѣ моей уповаю на Ваше милостивое и благодѣтельное вниманіе къ моему немощному теперь состоянію.

Но мнѣ, при концѣ моего служебнаго поприща, въ первый разъ случилось быть авторомъ статьи неодобренной цензурою, признанной и отъ В. В-ва неумѣстною. Опасаюсь, чтобы сіе обстоятельство не бросило тѣнь на доброе обо мнѣ мнѣніе, а потому осмѣливаюсь изложить передъ Вами особенныя побужденія, по которымъ я написалъ сказанія о Коліевщинѣ для издаваемаго мною альманаха.

1. Между поляками, а отъ нихъ даже и между нѣкоторыми русскими сего края, существуетъ закоренѣлый, полный предразсудками взглядъ, будто Коліевщина была дѣломъ политики Русской, будто Императрица посредствомъ Золотой грамоты обратила Запорожцевъ на истребленіе Поляковъ, а потомъ дала помощь Полякамъ на истребленіе бунтовавшихъ Украинцевъ, чтобы, ослабивъ обѣ стороны въ краѣ, удобнѣе завладѣть имъ. Такой нелѣпый и недостойный толкъ ведется здѣсь вопреки истинѣ и даже современнымъ запискамъ и составляетъ одинъ изъ сильныхъ аргументовъ странной политической логики Поляковъ, которую въ продолженіе моего здѣсь пребыванія наблюдалъ я внимательно и узналъ довольно.

Подробностей о Коліевщинѣ такъ много здѣсь ходитъ въ народѣ, что онѣ для нихъ не новость и забудутся не скоро; но къ воспоминаніямъ объ нихъ могутъ привязываться разные взгляды и толки объ ихъ происхожденіи и началѣ. И вотъ почему я хотѣлъ моею статьею разрушить нелѣпый польскій толкъ о началѣ сего событія. Моимъ сказаніемъ хотѣлъ я опровергнуть нелѣпую клевету Поляковъ на Екатерину Великую, и потому я съ особеннымъ тщаніемъ раскрылъ историческую правду о началѣ и происхожденіи Коліевщины и ея значеніи.

2. Кромѣ того, въ понятіи Поляковъ имѣетъ особенную репутацію современная Коліевщинѣ конфедерація Барская; но выставляя ее, какъ ближайшій поводъ къ Коліевщинѣ, я имѣлъ случай представить конфедерацію съ невыгодной стороны для самыхъ Поляковъ, которые большею частью толкуютъ съ голоса, по предразсудку, не зная подробностей дѣла.

3. Между тѣмъ какъ у Русскихъ нѣтъ ничего написаннаго о Коліевщинѣ съ Русской точки зрѣнія, Поляки имѣютъ у себя нѣсколько записокъ современныхъ объ ней, писанныхъ болѣе или менѣе въ духѣ польскомъ. Одна изъ нихъ, писанная Базиліаномъ Тучапскимъ въ сильномъ католическомъ духѣ, напечатана 1838 года въ Тыгодникѣ Литерацкомъ, по списку выданному изъ Базиліанскаго Уманскаго монастыря за подписями и печатьми, какъ документъ. Издатель Тыгодника предлагаетъ ее какъ новый матеріалъ для будущихъ историковъ и романистовъ. И одинъ парижскій полякъ (имени коего на сей часъ не припомню) написалъ уже, какъ говорятъ, цѣлую драму изъ Коліевщины. Повѣсть, изданная 1838 года Грабовскимъ (подъ именемъ Эдварда Тарша), представляетъ разительно дѣйствія и польскихъ судей, но выставляя польщизну слѣдствіемъ одной почти гайдамаччины, не устраняетъ вышеупомянутаго толка о происхожденіи оной. Такимъ образомъ память о семъ событіи, такъ сказать, въ новомъ ходу у Поляковъ, слѣдственно имъ открылся новый поводъ толковать по своему объ этомъ дѣлѣ. И вотъ почему я написалъ сказаніе о Коліевщинѣ, желая въ здѣшнемъ краѣ распространить объ ней надлежащій взглядъ на нее посредствомъ Кіевскаго Альманаха, который предпринялъ я съ мыслью противодѣйствовать разнымъ предразсудкамъ, заблужденіямъ, превратнымъ толкамъ и странностямъ ополячившихся Русскихъ. Многіе изъ нихъ происходятъ единственно отъ невѣжества или отъ полузнанія истины, обезображенной измышленіями, перетолкованіями; и такимъ изъ нихъ я думалъ всего лучше противодѣйствовать книжнымъ раскрытіемъ истины исторической, которая, къ счастію нашему, говоритъ въ нашу пользу и въ отношеніяхъ Западной Руси къ Польшѣ всегда обращается на главу ея, особенно въ дѣлѣ вѣры.

Изъ сего, Ваше Высокопревосходительство, усмотрѣть изволите, что я написалъ мое сказаніе не изъ какого нибудь суетнаго литературнаго эффекта, но изъ побужденій, сообразныхъ съ назначеніемъ моимъ, и руководствовался тѣмъ отечественнымъ чувствомъ, которое всегда меня одушевляло на поприщѣ моей службы; къ окончательному же представленію моей статьи въ цензуру меня рѣшило прочтеніе прекрасной статьи, служащей введеніемъ къ актамъ возсоединенія Уніатовъ съ Православною Церковью.—

IX.

Послѣ полученія отставки, Максимовичъ, совсѣмъ изнуренный и больной отправился къ себѣ на Михайлову Гору и тамъ прожилъ безъ выѣзда около $1^1/_2$ года, почти не владѣя ногами и совсѣмъ не предаваясь научнымъ занятіямъ. Въ сентябрѣ 1842 года, однако, здоровье его уже настолько окрѣпло, что онъ совершилъ поѣздку въ Кіевъ и тутъ получилъ лично приглашеніе Попечителя, кн. Давыдова, занять опять каѳедру русской словесности, т. к. она все время оставалась вакантной. Въ этотъ разъ Максимовичъ не рискнулъ еще дать своего согласія, но когда въ 1843 году Попечитель опять повторилъ просьбу, онъ далъ его, что видно изъ слѣдующаго письма.

—

Милостивый Государь

Князь Сергѣй Ивановичъ!

Предложеніе Вашего Сіятельства отъ 29 мая я имѣлъ честь получить сего іюня 9 дня и первымъ долгомъ себѣ поставляю принести мою глубокую признательность за все Ваше благосклонное ко мнѣ вниманіе. Движимый симъ чувствомъ и моею любовію къ Университету Св. Владиміра, я съ искреннимъ усердіемъ готовъ потрудиться еще на служеніе сему святилищу наукъ, отъ котораго оторванъ я только тяжкою болѣзнію. Двухлѣтнее пребываніе въ деревенскомъ уединеніи, безъ помощи врачебной, возстановило нѣсколько мои силы; но онѣ еще недостаточны для точнаго и постояннаго выполненія профессорской должности. Продолжительное ненастіе и сильная стужа пробуждаютъ еще въ моемъ тѣлѣ ревматическія страданія, при которыхъ мнѣ чрезвычайно трудно было бы выполнять должность мою въ высокихъ аудиторіяхъ университетскаго зданія. Но если затрудненіе сіе можетъ быть устранено снисходительнымъ распоряженіемъ, по которому я могъ бы и въ сказанныхъ случаяхъ продолжать мои занятія непрерывно безъ ущерба для слушателей, то я готовъ принять на себя преподаваніе Русской Словесности съ тѣмъ, чтобы въ продолженіе наступающаго учебнаго года изложить всю Исторію Русской Словесности и сверхъ того занимать университетскихъ слушателей критикою лучшихъ Русскихъ писателей и разборомъ ихъ соб-

ственныхъ сочиненій, полагая ежедневно для исторіи Русской Словесности двѣ часовыя лекціи, а для занятія критикою одну двухчасовую. Постоянное присутствіе въ засѣданіяхъ Университетскихъ всего болѣе меня изнуряло; а потому я въ состояніи участвовать въ нихъ только по временамъ, для испытанія студентовъ въ Русской Словесности и въ другихъ необходимыхъ случаяхъ, относящихся прямо къ моему предмету.

Если таковыя занятія мои могутъ быть соотвѣтственны съ видами Вашего Сіятельства и потребностію Университетскою, то я въ пріятнѣйшій долгъ и честь себѣ вмѣнилъ бы возобновить мое служеніе Университету Св. Владиміра, состоя подъ непосредственнымъ начальствомъ и распоряженіемъ Вашего Сіятельства. Что касается до денежнаго вспоможенія мнѣ на предстоящій трудъ, то я могу совершить оный, если для годичнаго содержанія себя въ Кіевѣ буду обезпеченъ выдачею мнѣ отъ Университета полнаго годоваго оклада, положеннаго штатомъ для ординарнаго профессора, за каждую лекцію по 15 рублей серебромъ.

Представляя все сіе благоусмотрѣнію и волѣ Вашего Сіятельства, съ истиннымъ почтеніемъ, признательностью и преданностью къ Вамъ честь имѣю быть, Милостивый Государь,

Вашего Сіятельства

покорнѣйшимъ слугою

Михаилъ Максимовичъ.

11 іюня, 1843 года Михайлова Гора, Золоношскаго уѣзда.

X.

Это предложеніе Максимовича, какъ извѣстно, было принято Округомъ, и въ августѣ того-же 1843 года онъ, получивъ подъемныя деньги, писалъ Попечителю:

Предложеніе Вашего Сіятельства отъ 7 августа и 150 руб. серебромъ, назначенные мнѣ на переѣздъ, я имѣлъ честь получить сего мѣсяца 18 дня, и вслѣдъ за симъ поспѣшу явиться въ Университетъ Св. Владиміра для начатія въ немъ моихъ занятій. На преподаваніе Русской Словесности я считаю совершенно достаточнымъ назначить три полуторачасовыя лекціи, какъ имѣлъ я въ бытность

мою профессоромъ; ибо при такомъ числѣ уроковъ каждая часть Русской Словесности, распредѣленной на всѣ четыре курса, можетъ быть изложена въ продолженіе года во всей полнотѣ, требуемой студентскимъ званіемъ и не обременительной для слушателей, которые сверхъ лекцій должны имѣть время для сочиненій и другихъ занятій, относящихся къ сему предмету. Большее число уроковъ было бы несоразмѣрно ни съ моими силами, ни съ потребностію самого предмета, подобно тому, какъ и для многихъ другихъ предметовъ въ университетѣ назначается и теперь менѣе восьми часовъ въ недѣлю. Многолѣтнимъ опытомъ я дознालъ вышеозначенное мною о числѣ лекцій, необходимыхъ для Русской Словесности, равно и то, что если профессору, участвующему въ пріемныхъ испытаніяхъ, назначается три лекціи въ недѣлю, то въ годичный курсъ ему приходится только съ небольшимъ девяносто уроковъ дѣйствительнаго преподаванія. Ибо, какъ извѣстно Вашему сіятельству, изъ сорока учебныхъ недѣль въ году—въ первое полугодіе (изъ 5 мѣсяцевъ онаго) до трехъ и болѣе недѣль, а во второе полугодіе (изъ $4^1/_2$ мѣсяцевъ оного) около 4 недѣль проходятъ обыкновенно въ испытаніяхъ, такъ что, за вычетомъ сего времени и табельныхъ дней, для дѣйствительнаго преподаванія остается въ первое полугодіе около 50 уроковъ, а во второе не болѣе 40. На семъ разсчетѣ и основалъ я испрошенную мною сумму 15 р. сребромъ за лекцію, какъ 90-ую часть профессорскаго оклада, принимая на себя сверхъ лекцій участіе въ засѣданіяхъ, назначаемыхъ для испытанія въ Русской Словесности. Представляя все сіе благоусмотрѣнію Вашего Сіятельства, честь имѣю покорнѣйше просить, дабы мнѣ было назначено три лекціи въ недѣлю съ ежемѣсячнымъ производствомъ сказанной платы за каждую лекцію; я же потщусь быть всемѣрно полезнымъ для воспитанниковъ университета Св. Владиміра, не ограничиваясь одними урочными, условленными занятіями въ Университетѣ.

19 августа 1843 г.

XI.

Въ этомъ-же 1843 году открылась при Кіевскомъ генералъ-губернаторѣ „Временная коммиссія для разбора древнихъ актовъ", въ которую и былъ приглашенъ къ участію Максимовичъ. Подъ

его редакціей изданъ былъ 1-й томъ 1-ое отдѣленіе „Памятниковъ“, куда вошли „Памятники Луцкаго Крестовоздвиженскаго братства“, о которыхъ и идетъ рѣчь въ слѣдующихъ письмахъ Максимовича къ правителю канцеляріи генералъ-губернатора, Н. Э. Писареву, а также къ самому генералъ-губернатору, Д. Г. Бибикову.

—

3-го генваря 1844 г.

Милостивый государь

Николай Эварестовичъ!

На письмо Вашего Превосходительства отъ 30 декабря честь имѣю отвѣтствовать, что актовъ, относящихся къ исторіи Луцкаго и другихъ братствъ южно-русскихъ имѣется у меня такое уже количество, что изъ нихъ можетъ составиться значительный и любопытный отдѣлъ въ изданіи временной коммиссіи. Чтобы исполнить желанія Его Высокопревосходительства Дмитрія Гавриловича, я приложу стараніе о скорѣйшемъ ихъ заготовленіи къ печатанію,—и если бы я въ семъ дѣлѣ имѣлъ помощникомъ себѣ того г. Крыжановскаго, о которомъ Вы говорить изволили, то сей трудъ можетъ быть вполнѣ готовъ къ напечатанію, которое—по моему мнѣнію—необходимо должно производиться въ Кіевѣ.

—

1844 г.

Вниманіе В. В—а къ изданію актовъ Луцкаго братства побуждаетъ меня новымъ усердіемъ къ труду сему и обращаетъ его въ занятіе пріятнѣйшее. Акты сіи поистинѣ драгоцѣнны, ибо представляютъ собою новое свидѣтельство о томъ, съ какимъ усердіемъ и какими средствами Волынская Русь охраняла въ прежнее время православную вѣру, которая составляетъ основную и главную стихію народности нашей, для которой цѣлая Русь столько вѣковъ жила и дѣйствовала.

Изданіемъ сихъ актовъ исторія должна оправдать себя передъ нашею почтенною стариною и въ томъ забвеніи своемъ, съ какимъ она до 1841 года пропустила вовсе Луцкое и другія Волынскія Братства даже въ исторіи *Кіевской іерархіи* Преосвященнаго Евгенія.

Говоря во 2 кн. Кіевлянина на стр. 314 о намѣреніи одного ревнителя благочестивой старины нашей издать сборникъ Луцкаго братства, я разумѣлъ Преосвященнаго Иннокентія, которому я въ

1840 г. представилъ на разсмотрѣніе сей памятникъ, который весьма желалъ издать отдѣльно на своемъ иждивеніи.—Что касается до подлинныхъ актовъ, переданныхъ мнѣ Его Преосвященствомъ, то они возвращены были мною въ Луцкъ по принадлежности, а теперь вновь переданы мнѣ уже изъ коммиссіи.—Я приложу все возможное стараніе объ успѣшномъ и достойномъ изготовленіи сихъ памятниковъ сообразно желанію, изъявленному Вами въ лестномъ для меня письмѣ.

XII.

Однако ни служба въ должности профессора по найму, ни научныя археологическія занятія, очевидно, не удовлетворяли Максимовича, и онъ въ началѣ уже 1844 года начинаетъ мечтать о новой дѣятельности—административной. Изъ слѣдующаго письма его къ попечителю Одесскаго округа [1]) видно, что онъ, ободренный какимъ-то предложеніемъ послѣдняго быть ему полезнымъ, проситъ предоставить ему должность помощника попечителя въ Одессѣ, или какого-либо иного равносильнаго мѣста.

—

Милостивый Государь
Дмитрій Максимовичъ!

Въ прошлое воскресеніе, т. е. 9 января, Караваевъ порадовалъ меня вѣстью объ Васъ и тремя одесскими книгами, чтеніемъ коихъ и занятъ былъ я въ эти дни. Спасибо великое Вамъ за распространеніе умственно-книжной дѣятельности въ краю Вашемъ; благодарность моя сердечная за Вашу добрую память обо мнѣ и за присылку этихъ книгъ, изъ которыхъ экземпляръ Николина писанія о родѣ Вашемъ сберегу особенно, какъ дорогой истинно праздничный мнѣ подарокъ отъ Васъ.—А равно за годъ, на Михайловой Горѣ моей, я получилъ изъ Кіева Ваше послѣднее письмо отъ 4 октября—отрадное и памятное для меня, при всемъ томъ, остававшееся безотвѣтно съ моей стороны..... Впрочемъ, чтобы отвѣчать на оное, видно, надо было пройти году, въ который я—не смотря на разныя сокрушенія жизни и на полное отчужденіе всякаго врачевства—сталъ опять на ноги, а потомъ здѣсь въ Кіевѣ рѣшилъ себѣ: гожусь-ли еще на что

---

[1]) Д. М. Княжевичу.

нибудь?... Задушевною мечтою я все стремился на Вашъ югъ, къ моему излюбленному Черному морю... И если бы имѣлъ у себя сколько-нибудь запасной деньги, то въ прошломъ бы еще лѣтѣ пріѣхалъ погулять и хоть немножко пожить въ Вашихъ предѣлахъ... Но ограниченный одаимъ Переяславскимъ Казначействомъ въ средствахъ моего продовольствія, я оставался на горѣ моей, поглядывая на влекущійся отъ меня къ Черному морю Днѣпръ и на виднѣющіяся за нимъ изъ моихъ оконъ Воронцовскія (*не разобрано*). Между тѣмъ судьбѣ угодно было опять пригвоздить меня къ горамъ Кіевскимъ. На приглашеніе и потомъ формальное предложеніе князя Д., я счелъ себя обязаннымъ принять на себя хоть временно преподаваніе Русской Словесности въ Кіевскомъ университетѣ, для которой доселѣ не нашелся еще профессоръ: и вотъ съ сентября я преподаю Русскую Словесность поурочно, въ качествѣ артиста.... Само собою разумѣется что на такомъ основаніи мнѣ долго быть при Университетѣ не приходится; сдѣлаться же по прежнему профессоромъ—также не приходится по премногимъ причинамъ, изъ коихъ слагается итогъ: не хочу и не могу. Чтобы не показаться своенравно безотчетнымъ, я долженъ исповѣдаться предъ Вами хотя отчасти въ вырвавшейся грѣшной фразѣ. Оставляя всѣ топическія или мѣстныя причины моего нехотѣнія, упомяну о моихъ личныхъ. Около 20 лѣтъ преподавая разныя науки, я утратилъ охоту къ этому дѣлу, да и самая рысь или сила преподавательная довольно уже истаскалась; а въ памяти моей свѣжо изреченіе Василія Михайловича Котельницкаго, сказанное имъ на мое похвальное словцо Шевыреву послѣ вступительной лекціи: «погоди, батинька, поживешъ съ наше, будешь дуракъ!» Другая причина та, что профессорство вовлекло бы опять въ прежній кругъ постоянныхъ теоретически-ученыхъ занятій и сидѣній и по прежнему непремѣнно свалило бы меня съ ногъ. Къ тому жъ у меня охота смертная къ старинѣ Кіевской; а на мою участь горькую здѣсь при Генералъ-Губернаторѣ открылась уже Коммиссія, въ коей я очутился членомъ и уже имѣю отъ нея не мало старыхъ бумагъ и хартій: предавшись имъ, я самъ изветшаю и иссохну опять, какъ онѣ—ни за что, ни про-что,—и черезъ какой нибудь годъ—другой долженъ буду опять воротиться на гору свою для поправленія на подножномъ корму... Предвижу необманчиво такую участь; а изъ какихъ благъ буду готовымъ къ такому празднику, если профессорство къ моей пенсіи прибавляетъ только 2,050 рублей ассигнаціями? такая плата

за трудъ конечно не можетъ быть названа кладомъ; за то она можетъ быть поставлена третьею причиною, по которой мнѣ хочется избѣжать предстоящихъ мнѣ соблазновъ археографическихъ и профессорскихъ... Есть уже три причины, потому можно мнѣ не распространяться болѣе о семъ предметѣ; уже изъ нихъ видно, что мнѣ очень бы пріятно очутиться въ другой сферѣ и пребыванія и дѣйствія—не теоретическаго, ученаго сидячаго, но живаго и практическаго, для котораго не изветшалъ и не истощился еще, и которымъ кажется обманывалось бы мое бытіе, особливо въ вожделѣнномъ краю Черноморскомъ. Вы такъ радушно и благосклонно въ послѣднемъ письмѣ Вашемъ поласкали мою мысль о переселеніи на югъ, что она выросла во мнѣ и обратилась въ рѣшительное намѣреніе; а чтеніе Вашего календаря привело меня къ мысли: не примете-ли Вы меня на службу къ себѣ и не замѣстите ли мною имѣющейся при Васъ «вакансіи». Ничего лучшаго не могъ бы я себѣ придумать и пожелать въ служебной жизни; а сколько чувствую и знаю себя, я, не смотря на слабое зрѣніе свое и на владѣніе однимъ лишь Русскимъ языкомъ, могъ бы еще быть усерднымъ и полезнымъ чиновникомъ на этомъ поприщѣ, сродномъ мнѣ, и отчасти извѣданномъ уже въ бытность мою ректоромъ за отсутствіемъ попечителя. Если же эту вакансію суждено не мнѣ занять, а для меня не найдется никакого другого мѣста служебнаго подъ начальствомъ Вашимъ чего именно желалъ бы я себѣ, какъ чиновнику, то я покорнѣйше просить буду Васъ найти для меня хотя иное какое либо занятіе, которое, прибавляя къ пенсіи моей (2660 р. асс.) столько же, или нѣсколько болѣе, доставило бы мнѣ возможность безбѣдной жизни въ Одессѣ или Крыму... Какъ бы охотно я тогда, кончивъ въ началѣ мая кіевскіе занятія мои и пробывъ съ мѣсяцъ на горѣ своей іюнь, пустился бы внизъ по Днѣпру—въ желанный предѣлъ: туда бы не шелъ я, туда бы летѣлъ... Вотъ мой столько сердечный, сколько обдуманный отвѣтъ на Ваше доброе, внимательное предложеніе: «чѣмъ нибудь способствовать моему перемѣщенію». Какъ много обязали бы Вы меня этимъ перемѣщеніемъ, о томъ, что могу говорить здѣсь... Мнѣ остается только просить и ждать отвѣта Вашего, въ уповании на благорасположеніе Ваше преданному Вамъ искренно и съ душевнымъ почтеніемъ къ Вамъ имѣющему честь быть

Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою

М. Максимовичъ.

14 января, 1844 года. Кіевъ.

XIII.

Этотъ планъ Максимовича переселиться въ Одессу и перемѣнить родъ занятій, о чемъ, какъ помнится, біографы его до сихъ поръ не упоминали, не остановился на первомъ шагѣ, что видно изъ слѣдующаго письма его къ Министру Народн. Просв.

—

Ваше Высокопревосходительство

Милостивый Государь

Сергѣй Семеновичъ!

Пробывъ три лѣта въ деревенскомъ уединеніи и безъ трудовъ книжныхъ, я Слава Богу столько окрѣпъ въ моихъ силахъ, что могъ принять на себя временное преподаваніе въ Университетѣ Св. Владиміра, предложенное мнѣ г. Попечителемъ Кіевскаго учебнаго Округа. Годичнымъ курсомъ сего занятія я увѣрился, что могу опять поступить на дѣйствительную службу, къ чему и побуждаетъ меня не столько скудная проза моей буколической жизни, сколько привычная потребность иного круга людей и дѣятельности общественной. Исполненный сей потребности, я обращаюсь къ Вашему Высокопревосходительству съ покорнѣйшей просьбой принять меня опять на службу по Министерству Народнаго Просвѣщенія, которой посвящены были лучшіе годы моей жизни и въ которой я имѣлъ счастье заслужить Ваше незабвенное для меня вниманіе. Всего ближе и удобнѣе было бы занять прежнюю катедру, но я чувствую, что для профессорства мнѣ необходимо сперва посѣтить на нѣкоторое время Москву и Петербургъ, дабы обновить и пополнить знанія свои знакомствомъ со многими, теперь уже доступными памятниками нашей словесности, освѣжить и повѣрить свои мысли бесѣдою съ разными учеными. Кромѣ того, я опасаюсь, что, предавшись вновь постояннымъ теоретически-ученымъ трудамъ и сидячей жизни, подвергнусь отъ нихъ прежнему разстройству и упадку силъ. Но при моемъ здоровьи и въ настоящую пору жизни, я долженъ желать себѣ поприща болѣе практическаго, на которомъ—кажется—могъ бы дѣйствовать и продолжительнѣе и полезнѣе для службы, не боясь преждевременнаго изнеможенія, испытаннаго мною отъ постоянныхъ занятій.

По сей собственно причинѣ я рѣшился просить Ваше Высокопревосходительство о принятіи меня преимущественно на таковую службу—въ должности, какой усмотрѣніемъ Вашимъ меня удостоите. Для меня самого всего желательнѣе была бы должность помощника Попечителя, для которой въ началѣ сего года была и вакансія въ Одесскомъ Округѣ, столь благопріятномъ мнѣ по своему климату. Для занятій, сопряженныхъ съ сею должностью, я имѣлъ уже случай извѣдать себя и пріобрѣсть нѣкоторую опытность въ бытность мою Ректоромъ, когда существовалъ еще училищный комитетъ: потому надѣюсь и въ этомъ или подобномъ званіи быть полезнымъ и вѣрнымъ служителемъ народнаго просвѣщенія.

Съ упованіемъ благосклоннаго вниманія Вашего къ вышеизложеннымъ желаніямъ моимъ и просьбамъ, и съ чувствомъ глубокаго уваженія и преданности къ особѣ Вашей, честь имѣю быть Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою

Михаилъ Максимовичъ.

4 апрѣля 1844 года.
Кіевъ.

XIV.

Какой отвѣтъ послѣдовалъ отъ Министра на это письмо, намъ неизвѣстно, но вѣроятнѣе всего—гр. Уваровъ предложилъ Максимовичу оставаться въ роли профессора, давая кой-какія обѣщанія чего-то иного впереди. Объ этомъ можно судить на основаніи слѣдующаго письма Максимовича къ П. И. Гаевскому, Директ. Департ. Мин. Нар. Просв.

—

18 мая.

М. Г. Павелъ Ивановичъ!

Письмо Ваше отъ.... мая я имѣлъ честь получить и съ благодарностью принялъ милостивое участіе во мнѣ Его Высокопревосходительства Сергѣя Семеновича. Радъ буду, если столь лестное для меня мнѣніе о прежнихъ трудахъ моихъ оправдаю хоть временнымъ преподаваніемъ въ Университетѣ Св. Владиміра, для котораго я и предположилъ возвратиться въ Кіевъ къ началу новаго учебнаго года, отправляясь нынѣ опять на свою родину, въ Золотоношскій уѣздъ. Къ сожалѣнію моему, сіе занятіе при университетѣ не присвояетъ

мнѣ правъ службы и съ назначеніемъ новаго профессора должно прекратиться; для исполненія же точнаго и постояннаго всѣхъ обязанностей профессорскихъ не станетъ на долго моего здоровья; потому я, не смѣя безпокоить начальство опредѣленіемъ меня въ профессоры на малое время, по необходимости остаюсь съ прежнимъ желаніемъ получить административную должность, если хотя впослѣдствіи откроется вакансія на таковую должность по Министерству Народнаго Просвѣщенія.

Все сіе покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство довести до свѣдѣнія Господина Министра. Удостоивъ меня Вашимъ благосклоннымъ вниманіемъ, не оставьте Вашимъ ходатайствомъ обо мнѣ у Его Высокопревосходительства; я же съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть Вашего Превосходительства....

XV.

Въ іюлѣ 1845 года Максимовичъ опять покинулъ службу въ Кіевскомъ университетѣ, т. к. на кафедру русской словесности былъ теперь назначенъ новый профессоръ.—

Поселившись снова на Михайловой Горѣ, онъ теперь занялся, главнымъ образомъ, филологіей, не покидая и своихъ работъ по исторіи. Но бѣдственное матеріальное положеніе (762 р. въ годъ пенсіи) побуждаетъ его въ 1846 г. опять обратиться съ просьбою и къ попечителю Кіевск. Окр., и къ Министру о назначеніи его на должность профессора Русской словесности.

—

1846 года, августъ. (Попечителю Кіевскаго Округа).

Поступивъ на службу 1823 года 30 іюня въ Московскій Университетъ и продолжавъ оную съ 1834-го года въ Университетѣ Св. Владиміра, я по разстроенному здоровью уволенъ былъ вовсе отъ службы 1841 года 26 апрѣля, вслѣдствіе моего о томъ прошенія, съ назначеніемъ двухъ третей пенсіи. Съ той поры катедра Русской словесности въ Университетѣ Кіевскомъ оставалась безъ профессора, почему бывшій Г. Попечитель Кіевскаго округа предложеніемъ отъ 23 мая 1843 года приглашалъ меня занять эту катедру по прежнему,

или же принять на себя хотя временно преподаваніе Русской Словесности въ Университетѣ. По тогдашнему состоянію моего здоровья я могъ взять на себя послѣднее, и съ утвержденія Г. Товарища Министра Народнаго Просвѣщенія, отъ 7 августа того же 1843 года, былъ Университетскимъ преподавателемъ въ продолженіе двухъ лѣтъ. Опытомъ сего преподаванія и другими занятіями учеными я убѣдился, что мое здоровье—благодаря Бога—возстановилось уже достаточно для занятія по-прежнему профессорской должности; не желая оставлять его втунѣ и желая искренно потрудиться еще на общую пользу въ Университетѣ, ввѣренномъ попеченію Вашего Превосходительства, я обращаюсь къ Вашему Превосходительству и имѣю честь покорнѣйше просить Вашего ходатайства о принятіи меня вновь на службу въ должности профессора Русской Словесности.

—

1846. Августъ.

Къ Министру.

Съ прекращеніемъ моихъ послѣднихъ занятій въ университетѣ Св. Владиміра, я болѣе года опять провелъ въ деревенскомъ уединеніи, трудясь всего болѣе надъ филологіей и приводя къ окончанію мои изслѣдованія о Русскомъ языкѣ, начало которыхъ намѣчено было 1828 года въ Ж. М. Нар. Просвѣщенія.

Этими занятіями и опытомъ двухлѣтняго преподаванія я удостовѣрился, что въ настоящее время—благодаря Бога—могу уже посвятить себя вновь ученымъ трудамъ на пользу общественную; и потому я рѣшился возобновить службу мою на педагогическомъ поприщѣ.

Съ этимъ намѣреніемъ прибылъ я теперь въ Кіевъ и просилъ Г. Попечителя ходатайствовать у В. С—ва о принятіи меня въ здѣшній Университетъ въ прежней должности. Съ тѣмъ вмѣстѣ я приступилъ къ печатанію моихъ филологическихъ изслѣдованій, въ которыхъ я старался опредѣлить главныя отличительныя свойства нарѣчій Русскихъ отъ западно-славянскихъ и разрѣшить многіе изъ тѣхъ вопросовъ, которые занимаютъ современную славянскую филологію. Имѣю честь представить при семъ Вашему благоусмотрѣнію обозрѣніе статей, составляющихъ мое сочиненіе, и съ тѣмъ вмѣстѣ осмѣливаюсь просить покорнѣйше позволенія украсить именемъ Вашего С—ва и посвятить Вамъ сей трудъ, какъ первый плодъ моей возобновленной ученой дѣятельности, которою не разъ имѣлъ счастье

обращать на себя Ваше незабвенное для меня вниманіе и заслуживать отрадное для меня одобреніе и ободреніе моихъ трудовъ.

Съ чувствомъ глубокаго почтенія къ особѣ Вашей, имѣю честь быть, Милост. Гос., Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга.

XVI.

Въ томъ же 1846 году, очевидно не надѣясь на профессорство въ Кіевѣ, Максимовичъ обращается къ другому источнику заработка, къ Временной Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ, разсчитывая имѣть заработокъ въ качествѣ редактора изданій коммиссіи. Объ этомъ писалъ онъ правителю канцеляріи Н. Э. Писареву слѣдующее:

—

1846 г. 19 Декабря.

Писареву.

Если угодны В. П. труды мои для Коммиссіи, то я, свободный отъ всѣхъ занятій при университетѣ, съ особеннымъ удовольствіемъ посвятилъ бы ихъ изданіямъ Коммиссіи, въ качествѣ редактора, получая положенную плату съ листа. Но какъ для этого необходимо мнѣ вновь водвориться и жить въ Кіевѣ—то я, въ помощь моимъ ограниченнымъ средствамъ жизни, желалъ бы получить теперь отъ Коммиссіи нѣкоторую сумму денегъ, или въ счетъ будущихъ работъ моихъ, или же въ въ видѣ вознагражденія за мои прежніе труды. Осмѣливаюсь покорнѣйше просить В. П—во, принять милостиво сіе желаніе мое, довести о немъ до свѣдѣнія Е. Высокопревосходительства, и почтить меня отвѣтомъ Вашимъ, чтобы мнѣ сообразно съ симъ распорядиться мѣстопребываніемъ и будущими моими занятіями.

XVII.

Но и этотъ разсчетъ Максимовича на заработокъ въ Коммиссіи почему-то не осуществился, и вотъ въ маѣ 1847 года открывается для него маленькая перспектива—редактированіе „Обозрѣнія Кіева въ отношеніи къ древностямъ“ Фундуклея.

Объ условіяхъ выполненія этого труда Максимовичъ писалъ Фундуклею такъ:

—

1847 г.

Сообразно съ желаніемъ Вашего Превосходительства, я готовъ немедленно приступить къ редакціи Вашего Обозрѣнія Кіева, съ обязанностью: 1) ограничиваться въ измѣненіи текста самонужнѣйшими поправками, сокращеніями и пополненіями, оставляя его по возможности въ нынѣшнемъ его составѣ и видѣ; 2) вести всѣ сношенія съ цензурою и типографіей, и держать самому корректуру; 3) ускорить печатаніе книги такъ, чтобы оно было уже кончено къ началу Августа мѣсяца,—на что и Вальнеръ съ своей стороны обязывается.

За мой трудъ—если мнѣ самому уже должно сдѣлать оцѣнку ему—я полагаю достаточнымъ получить 225 рублей серебромъ [1]); но такъ какъ я нарочно для сего долженъ перемѣститься въ Кіевъ и пробыть въ немъ около двухъ съ половиною мѣсяцевъ лѣтнихъ, то по этому обстоятельству считаю необходимымъ получить дополнительныхъ, или вѣрнѣе сказать предварительныхъ 150 рублей серебромъ. При этой оцѣнкѣ я принималъ въ соображеніе, кромѣ предстоящихъ мнѣ занятій и издержекъ, еще то, что Университетъ, вызывая меня въ Кіевъ для временнаго преподаванія, выслалъ мнѣ на перемѣщеніе 150 р. сер. и потомъ платилъ мнѣ по 14 руб. серебромъ за полуторачасовую лекцію, которыхъ мнѣ назначено по три въ недѣлю.

Что касается до Описанія кургановъ и 2-й книги Обозрѣнія, то я къ Августу мѣсяцу могу прочесть ихъ предварительно, и тогда въ состояніи буду сообразить и сказать, что я могу изъ нихъ сдѣлать.

18 мая.

XVIII.

Покончивъ въ августѣ редактированіе Фундуклеева „Обозрѣнія“, Максимовичъ сейчасъ-же хватается за мысль получить постоянную работу этнографическаго и топографическаго характера при Императорскомъ Географическомъ Обществѣ, дѣйстви-

---

[1]) Полагая за редакцію съ печатнаго листа 12 рублей.

тельнымъ членомъ котораго онъ былъ избранъ въ томъ-же 1847 году. Объ этомъ его планѣ узнаемъ изъ слѣдующаго письма.

—

Милостивый Государь
Өедоръ Петровичъ! [1])

Почтеннѣйшее увѣдомленіе Вашего Высокопревосходительства отъ 9 января сего года за № 58 и при немъ первую книжку Записокъ Общества я имѣлъ честь получить сего іюня 27 дня. Приношу глубокую благодарность за избраніе меня въ дѣйствительные члены Общества и всемѣрно потщусь оправдать столь лестное для меня вниманіе. Сообразно съ прежними занятіями моими надъ топографіей, а еще болѣе надъ этнографіей здѣшняго края, я желаю принадлежать къ Отдѣленію Этнографіи Россіи, и не премину представлять Обществу мои замѣтки по сей части, а также и замѣтки топографическія. Но какъ человѣкъ, свободный нынѣ отъ всѣхъ занятій служебныхъ, я истинно готовъ посвятить себя не этому отрывочному, но постоянному и болѣе обширному труду для Общества; и всего охотнѣе совершилъ бы путешествіе по разнымъ областямъ Россіи, для топографическихъ и этнографическихъ наблюденій, если бы для меня открылись къ тому какія либо средства.

Поспѣшая объ этомъ представить благосклонному усмотрѣнію Вашего Высокопревосходительства, честь имѣю быть, съ совершеннымъ почтеніемъ къ Вамъ, Милостивый Государь, Вашимъ покорнымъ слугою

Михаилъ Максимовичъ.

29 Августа, 1847 г. Кіевъ.

XIX.

Но прошелъ и 1847 годъ, и 1848-й, близился къ концу и 1849, а предположенія совершать научныя поѣздки по Россіи для Географическаго Общества все еще оставались предположеніями, какъ это видно изъ прилагаемаго ниже письма, неизвѣстно къ кому адресованнаго. Въ этомъ-же письмѣ есть указаніе, что Максимовичъ въ 1849 году мечталъ уже о долж-

[1]) Адмиралъ Ө. П. Литке; былъ главнымъ дѣятелемъ по устройству Импер. Географич. Общ.

ности ректора университета, какъ выражается онъ—„нынѣшнее ректорство“, противопоставляя его, конечно, прежнему, т. е. тому, которое онъ испыталъ въ первый годъ своей службы въ Кіевѣ.

—

12 Ноября, 1849 г.

Сердечно радуясь столь лестнымъ для меня воспоминаніямъ Вашимъ, имѣю честь препроводить при семъ Книгу Наума послѣдняго изданія и съ нею два отрывка изъ тѣхъ трудовъ моихъ надъ Южно-Русскою Стариною [1]), въ которыхъ яороталъ свою жизнь надъ Днѣпромъ, находясь въ отставкѣ съ 1841 года. Я пріѣхалъ на зиму въ Москву, что бы освѣжиться нѣсколько послѣ хуторскаго отшельничества. Будущее лѣто предполагаю провести въ Этнографическихъ поѣздкахъ по Руси, если только состоится это назначеніе мнѣ отъ Географическаго Общества. Впрочемъ, съ той поры какъ воротилось нежданно ко мнѣ мое полуздоровье, во мнѣ не разъ возникало желаніе служить опять по Министерству Народнаго Просвѣщенія. Но для профессорства я, кажется, уже усталъ. Должность Попечителя хотя и знакома мнѣ на дѣлѣ, но—«мнѣ до нея, какъ до звѣзды небесной, далеко»! Ближе всего мнѣ, и по силамъ и по мысли, было бы нынѣшнее ректорство, если не въ Москвѣ, то въ одномъ изъ Южно-русскихъ университетовъ. Отъ роду мнѣ 45 лѣтъ; состою въ чинѣ Статскаго Совѣтника съ пенсіей 762 рублей, въ которыхъ и заключается мое богатство, которыми и довольствуюсь въ наддиѣпровской усадьбѣ, называемой Михайловой Горою, заведенной мною изъ тысячи рублей годоваго жалованья, полученнаго при отставкѣ. Книжные труды мои доставляютъ мнѣ возможность проживать иногда въ Кіевѣ и наконецъ доѣхать до Москвы; но вообще они всѣ и не прибыльны: одинъ только Наумъ добрый у меня, прибавляющій къ моей пенсіи рублей до ста.—

Примите благосклонно это извѣстіе обо мнѣ и съ нимъ увѣреніе въ глубокомъ уваженіи, съ которымъ я имѣю честь быть Вашимъ слугою...

---

[1]) Книжная старина Южно-Русская.

XX.

Пребывая въ это время въ Москвѣ, гдѣ онъ не былъ 15 лѣтъ, Максимовичъ, однако-же, не смотря на дружескія связи съ близкими людьми, не разстается съ мыслью, ставшею теперь его основной мечтою—поступить на казенную службу, особенно-же, какъ мы видѣли только-что, получить ректорство; объ этомъ онъ пишетъ Высокопреосв. Иннокентію, а также Министру Народн. Просв.

—

24 Ноября, 1849 г.

Ваше Высокопреосвященство!

Проѣздъ Вашъ чрезъ Москву пробудилъ въ душѣ моей такъ много прошедшаго и усилилъ мои помышленія о будущемъ. Намѣреніе воротиться отсюда на югъ, для дѣятельности служебной, ростетъ во мнѣ, можно сказать, не по днямъ, а по часамъ.

На примѣтѣ у меня ректорство въ Кіевѣ или Харьковѣ, тѣмъ болѣе, что оно рѣшилось бы въ декабрѣ. Благодатный край Вашей паствы [1]) для меня еще желаннѣе, но тамъ не вижу отсюда себѣ мѣста. Во всякомъ случаѣ при назначеніи меня на службу, особенно по университету, я желалъ бы, чтобы оставлена была при мнѣ моя пенсія (762 р.), которая мила мнѣ, какъ привычная, какъ вѣрная подмога на случай новаго крушенія въ здоровьѣ или иного невзгодья. Богатство не мой удѣлъ; да и не суждено мнѣ; но я долженъ признаться наконецъ, что и бѣдность мнѣ наскучила. «Роблю я, роблю—робота ни за що»! Не хотѣлось бы этой пѣсни поставить въ эпиграфъ новой главѣ моего житія.

Обозначивъ мои настоящія желанія и стремленія, покорнѣйше прошу помочь мнѣ Вашимъ ходатайствомъ у тѣхъ, въ чьихъ рукахъ сила и власть, отъ кого зависѣть можетъ мое назначеніе.

М.

---

[1]) Въ Одессѣ.

Милостивый Государь

Графъ Сергій Семеновичъ!

Вашему Сіятельству извѣстно мое постоянное желаніе возобновить службу по Министерству Народнаго Просвѣщенія, столь много обязанному Вашимъ распоряженіямъ.

Удостоенный вниманіемъ Вашимъ, какъ преподаватель и труженикъ, я имѣлъ счастье удостоиться Вашего одобренія и въ званіи Ректора: и это даетъ мнѣ смѣлость покорнѣйше просить Вашего ходатайства о назначеніи меня Ректоромъ Университета въ Кіевѣ или Харьковѣ.

При семъ, съ чувствомъ глубокаго уваженія и признательности, имѣю честь быть Вашего Сіятельства

покорнѣйшимъ слугою.

Михаилъ Максимовичъ.

1849 г. 14 ноября.
Москва.

XXI.

Изъ всего видно, что и приводимыя ниже два письма, писанныя къ гр. Д. Н. Блудову, изъ которыхъ одно относится къ 1849 году, ко времени пребыванія Максимовича въ Москвѣ, а другое къ 1850 г., когда онъ опять уже проводилъ жизнь въ Кіевѣ, также точно затрагиваютъ все тоже больное для него мѣсто—полученіе постояннаго заработка; о какой новой дѣятельности, въ видѣ предположенія, говоритъ онъ въ первомъ письмѣ, не видно, но нужно думать, что и эта мечта его разлетѣлась, какъ дымъ.

—

3 декабря.

Я имѣлъ счастье получить письмо В. С—ва отъ 24 ноября и не могу удержать себя, чтобы не высказать передъ Вами моей глубокой признательности за это драгоцѣнное для меня письмо; въ немъ много для меня душевной награды за прежніе труды жизни моей, и

утѣшительнаго ободренія на новую дѣятельность. Я надѣюсь и потщусь будущими трудами оправдать Ваше доброе мнѣніе обо мнѣ и вниманіе ко мнѣ. Далъ бы только мнѣ Богъ здоровья, для поддержанія котораго и желаю возвратиться опять подъ небо Русскаго Юга, увѣренный при томъ, что тамъ и въ служебномъ отношеніи я могу быть полезнѣе и успѣшнѣе.

При семъ, съ чувствомъ глубокаго уваженія и признательности...

—

1850 г.

Милостивый Государь

Графъ Дмитрій Николаевичъ!

Съ ближайшею почтою посылаю къ Вашему Сіятельству мой Кіевлянинъ на 1850 годъ, долженствующій выйти сегодня на бѣлый свѣтъ изъ работныхъ рукъ типографическихъ,—и прошу покорнѣйше удостоить его благосклоннымъ принятіемъ, какъ мой привѣтъ Вамъ съ Свѣтлымъ Праздникомъ!..

Изъ этой книги усмотрѣть изволите, что занимало меня здѣсь въ нынѣшнемъ году. Въ маѣ мѣсяцѣ предполагаю напечатать еще мой Букварь и вслѣдъ за тѣмъ поспѣшить возвращеніемъ на родимые берега Днѣпровскіе.

XXII.

Наконецъ, и послѣднее изъ имѣющихся въ моихъ рукахъ писемъ Максимовича этого характера, адресованное неизвѣстно кому (вѣроятно къ Генер.-Губерн. Д. Г. Бибикову), еще разъ говоритъ все о томъ-же, но уже даже безъ всякихъ опредѣленныхъ плановъ: лишь-бы мѣсто, или хоть денежное пособіе.

—

22 сентября, 1850 г.

Вашему Высокопревосходительсву извѣстно мое стремленіе посвящать свою ученую дѣятельность преимущественно Кіеву и Южной Руси, а также и мое желаніе возобновить службу въ Кіевѣ. То и другое во мнѣ до сихъ поръ не прекращается, не смотря на разныя неудачи и препятствія; а потому я рѣшаюсь нынѣ обратиться къ

Вашему Высокопревосходительству съ покорнѣйшей просьбой принять въ милостивое вниманіе Ваше вышепомянутое желаніе и стремленіе мое, и удостоить меня ходатайствомъ Вашимъ объ опредѣленіи меня на службу въ Кіевѣ, или гдѣ къ тому представится нынѣ благопріятный случай, или же объ назначеніи мнѣ денежнаго пособія, необходимаго мнѣ на продолженіе моихъ ученыхъ занятій.

Теперь кончается десятый годъ, какъ я въ отставкѣ; въ нынѣшнемъ сентябрѣ начнется уже 47 годъ жизни моей; и мнѣ жаль, что мои лучшіе рабочіе годы уходятъ не съ тою пользою, какая могла бы отъ нихъ быть для отечества и науки, при обстоятельствахъ и средствахъ болѣе благопріятныхъ.

В. Науменко.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Неизданныя малорусскія стихотворенія М. А. Максимовича. Намъ доставлена П. Я. Дорошенкомъ маленькая тетрадка стихотвореній Максимовича, писанныхъ его рукою въ 1854 году 15 іюня съ припискою «*Михайлу Осиповичу Судіенку на память отъ М. Максимовича. Михайлова гора.* Такъ-какъ стихотворенія его, разбросанныя изрѣдка въ разныхъ изданіяхъ, представляютъ большое затрудненіе къ отысканію ихъ, не будучи обозначены съ точностью въ библіографическихъ данныхъ о немъ, то мы печатаемъ этотъ сборникъ, напередъ извиняясь передъ читателями, если какое-нибудь изъ нихъ окажется уже извѣстнымъ въ печати; намъ по крайней мѣрѣ не приходилось ихъ встрѣчать.

Современныя пѣсни украинца.

(1854 г.).

1. *Горе* [1]).

Летивъ орелъ по-пидъ сонцемъ,
Дай сивъ випъ надъ моремъ:
Шумыть море и говорыть:
Яке въ свити горе!

---

1) Правописанія подлинника мы не удерживаемъ.

Охъ и горе велыкее
Явылося мыру:
Христіяны съ Туркомъ сталы
На Хрыстову виру!
Охъ и горе велыкее
Прыйшло въ землю Божу:
Дере Турокъ изъ Хрыстіянъ,
Якъ изъ вола, кожу!
Горе, горе: по Востоку
Течуть рички крови;
Нема въ свити правды й добра,
Нема и любови!—
Шумыть море, гуде море
Всимы голосамы;
Стогнуть степы, гремлять горы
По-пидъ небесамы.
Летыть орелъ по-пидъ сонцемъ,
Весь свитъ оглядае;
Що винъ думае, гадае
Богъ едыный знае!

—

2. *До Задунайцивъ.*

Свитывъ мисяць до пивночи,
Да й ставъ прымеркаты;
Кругомъ його чорни хмары
Сталы обступаты.
Витеръ віе по Дунаю,
Зашумилы лугы;
Застогналы въ Туреччыни
Браты наши й другы.
Летивъ воронъ съ чужыхъ сторонъ,
Да й голосно кряче;
За Дунаемъ пидъ Султаномъ
Хрыстіянство плаче.
Ой не плачте, небожата,
Така ваша доля!

А щожъ наша въ свити доля,
Якъ не Божа воля!..
Ой не плачте, не журитесь,
Браты наши мылы:
Скоро буде на Балканахъ
Орелъ сызокрылый!

—

3. *На осаду Одессы.*

Въ Чорнимъ мори на простори
Корабли гуляють:
То Французы й Англычаны
На Русь замышляють.
Не за волю, за неволю
Прыйшлы быться зъ намы,
Щобъ хрещеный мыръ пидъ Туркомъ
Бряжчавъ кайданамы.
Не за Хрыста, за нехрыста
Сталы супостаты,—
Щобъ святую виру й сылу
Нашу потоптаты...
Топтать бы вамъ пройдысвитамъ
Тилько хвыли въ мори,
Колы зайшовъ умъ за-розумъ
На грихъ и на горе!
Будете вы, недовиркы,
Будете вы знаты,
Якъ Одессу для прогрессу
На Велыкдень браты!
Побере васъ и побье васъ
Злая хуртовына;
Стане ваша сыла вража,
Якъ на мори пина!
Ваша слава всесвитняя
Обернется въ соромъ
И покрые ваше имя
Довичнымъ позоромъ!..

—

4. *Одесскіи гости.*

Прылетилы до насъ гости:
Ой чымъ же ихъ прывитать?
Чи не дать имъ пшеныченькы
Золотои поклёвать?
Наши гости не пташечкы,
Пшеныченькы не клюють;
Наши гости, якъ чмелыкы,
Свыстять соби та гудуть.
Колы гудуть якъ чмелыкы,
Дать имъ медку-солодку:
Нехай у насъ погуляють
Въ чорноморськимъ холодку!
Наши гости звутся тыгры,
Уже воны й заревлы...
Ревуть воны, бо вже силы
Ой якъ ракы на мели!

—

5. *Варна.*

Була Варна,—здавна гарна,
А ще къ тому й славна,
Що стратыла молодого
Ляшка Владыслава [1])
Тую Варну козаченькы
Гарно сплюндровалы,
Якъ съ гетьманомъ Сагайдачнымъ
Турка воювалы [2])
Була Варна знову гарна,
Да стала погана,
Якъ подалы іи гостынця
Одъ нашого Пана!..
Кажуть: теперь у тій Варни,
А якъ у броварни,
Наши сваты—прыятели
Варють пыво гарне.
Варють пыво, намъ на дыво,
Соби на весилля...

---

[1]) 1444 г.
[2]) 1605 г.

Колы-бъ тилько не болилы
Головкы съ похмилля!—

——

6. *До мого Московського товарыша.*
(Н. И. Н.). 1)

Здоровъ, мылый товарышу,
Головонько люба!
Чи ты, друже мій, одужавъ?
Кажуть: давъ-бувъ д у б а!...
Мы съ тобою, мій соболю,
Обыдва такіи...
Удалысь одынъ въ одного,
Якъ братья родныи.
Ой ты сыдышъ надъ Невою,—
А я сыжу тута,
Да дывлюся, якъ до моря
Йде Днипро — Славута.
Днипро иде — а я сыжу,
Якъ хмиль въ пыви кысну;
Да якъ прыйде къ серцю туга,
Заспиваю писню:
«Да вже й шабли поржавилы,
Мушкеты безъ куркивъ;
А ще серце козацькее
Не боится туркивъ!» 2)
Летять думы по Дунаю,
А я сыжу тута,
Да все дывлюсь, якъ до моря
Йде Днипро — Славута.
Днипро иде—а я сыжу,
На коня не свысну;
Якъ почую про ворогивъ,
Тилько кулакъ стысну.
Такъ бы й давъ я: лорду въ морду,
Його другу — въ другу;

1) Конечно, Ник. Ивановичъ Надеждинъ.
2) См. Собраніе Россійскихъ Пѣсенъ. М. 1780, ч. IV.

Турка — въ зашый я туравъ бы,
Ляшку — л я щ а давъ бы!
Отъ такъ бы я удовольнывъ
Прыятеливъ нашыхъ,
Колы вже имъ забажалось
Козацькои кашы!

—

7. *До мого земляка — Золотоношця.*

(О. М. Г. [1]).

Де ты, пане енерале,
Батьку атамане?
Чоломъ тоби, мій земляче,
Нашъ славный козаче!..
Уже ставъ ты сывесенькый,
Якъ Днипро—Славута,
Лыбонь уже й задомовавъ,
Що тебе не чуты.
А може ты й молодцюешъ
Надъ моремъ—Дунаемъ,
Да Туреччыну частуешъ
Козацькымъ звычаемъ!
Тамъ гуляло—горювало
Гультайство хоробре;
Тамъ—и ты, нашъ козарлюго,
Нагулявся добре—
По горамъ и по долынамъ,
Темнымы лугамы,
По Дунаю шырокому—
Зъ двома бунчукамы!
Тамъ и службу добру справывъ
Батьку—Государю,
Якъ ты його перевозывъ
На той бикъ Дунаю.
Въ ту славную годыноньку,
Твои сиромахы

---

[1]) Генералъ *Гладкій*—былъ простой козакъ изъ села ***Мельникы***, Золотоношскаго уѣзда.

Вернулыся въ святую Русь,
Якъ у вырій птахы...
(Такъ колысь-то съ Татарщыны,
Нашъ Золотоношець
Цилу Сичъ вернувъ до Руси
Славный Запорожець! [1])

—

Въ той часъ пройшла, якъ та гроза,
Русь черезъ Балканы;
И набралысь велыкого
Страху́ бусурманы...
Да не йме́тся бузовирамъ
(Якъ ихъ земля носыть!),—
Отъ изнову хрыстіянынъ
Пидъ Туркомъ голосыть;
Турчать Англы и Французы,
Пиднявъ шайтанъ рогы:
Наробылы всьому свиту
Чвари́ и тривоги!..
И знову Русь грозою йде
На помичъ Востоку;
Злетивъ орелъ—самъ Богъ каже
Въ Царьгородъ дорогу...
Леты жъ туды, сызый орле,
Нашъ орле двуглавый,

---

[1]) Иванъ Алексѣевичъ Малашевичъ—см. Царскую грамоту сему кошевому атаману, данную 1733 года 31 августа.—Въ Золотоношѣ, въ Никольской церкви, сохранилось напрестольное Евангеліе (Кіевской печати 1733 г.), съ слѣдующею подписью: „Сія книга Evангеліе року 1735 генваря 9, мною Иваномъ Малашевичемъ атаманомъ кошевымъ Войска Запорозского Низового и нашимъ паномъ братомъ Констинтіемъ: отмѣнили рады отпущенія грѣховъ своихъ талярей за сто за десять съ копою, и надаемо во вѣчніе часы до храму святителя Христова Николая Золотоношского, где наши родители помершіе Алексей и Параскевія лежатъ“... Въ краткой „Исторіи о козакахъ Запорожскихъ“, сочиненной около 1740 года инженеръ-поручикомъ княземъ Мышецкимъ, сказано: „Иванъ Малашевичъ такожде былъ славной кошевой..... имѣлъ многія со стороны Россійской противъ Турковъ славныя дѣла. И какъ Россійская армія шла для взятія славнаго турецкаго города Очакова, оной идучи на Бугъ-рѣкѣ въ 1737 году умре“.

Видкиль ты въ Русь перелетивъ
Для вичнои славы!..

—

А ты, козакъ, здоровъ бувай
На мори й на суши!
Турка рубай, да вызволяй
Хрыстіянськи души!
Бо на те й давъ Богъ козацтво,
Щобъ карать поганство,
Щобъ бороныть одъ невирныхъ
Православну виру
Щобъ и жыты и вмыраты
Для Руського мыру!
За те й слава козацькая
Жыве, не вмырае:
«Вична память Богданови»
Якъ золото сяе!..

Кромѣ этихъ, мы нашли въ собраніи автографовъ, въ музеѣ В. В. Тарновскаго, среди стихотвореній Максимовича, извѣстныхъ уже въ печати, еще нѣсколько піесъ, какъ кажется, необнародованныхъ

1) Пѣсня на Тарасову годовщину 10 мая 1862 р.

Начинается это стихотвореніе посвященіемъ *Николаю Дмитровичу Иванишеву.*

Ой изгадай, друже лысый,
Якъ съ Тарасомъ ты спивавъ,
Да горилочку вружавъ
На Перынятыси [1]).
Ой изгадай, друже мылый,
Якъ зо мною ты гулявъ
На Скавыци, да шукавъ
В и щ о г о могылы.

---

[1]) Извѣстный курганъ „Перепятыха", раскопки котораго произведены были Иванишовымъ въ 40-хъ годахъ.

Мы чужыхъ могылъ шукаемъ,
А могыла знайде насъ;
Колы жъ прыйде смертный часъ—
Того не вгадаемъ.

Прощай, Тарасе, брате мылый!
Отсе мы въ тебе побулы
И годовщыну край-могилы,
Якъ подобае,—одбулы:
Та помолылысь—и впылысь,
Якъ упывався ты колысь.

—

Горилкою впывався дуже—
Нехай тоби земля перомъ!
А напувавъ ты, славный друже,
Сладкоспивучымъ насъ выномъ.
Твій хмиль задавсь на много литъ,
А слава стала на весь свитъ.

—

Прыймы-жъ, кобзарю нашъ едыный,
Ище поклонъ тоби зъ Днипра!
Прощай, любымче Украины!
Прощай, Чернечая гора!
Гей, Днипре батьку, прыспишай—
Несы нашъ човенъ, колыхай...

---

2. *Юго-западному оратору.*

Беры, беры скорійшъ назадъ
Твое ледаче слово,
Колы поважывсь намъ сказать:
Забудьте ридну мову!

—

И на що здумавъ себе звать
Ты нашимъ другомъ, братомъ?

Готовъ есы за гроши стать
Ты нашимъ супостатомъ.

—

Познай, ораторе, себе!
Твоя брехня велыка:
Одъ неи й правда у тебе
Становытся калика.

Въ іюнѣ 1864 г.

Стихотвореніе это есть отвѣтъ на извѣстную статью «Слово русскаго человѣка къ народу, живущему въ юго-западной Россіи», помѣщенную въ 1864 г., въ 8-ой книжкѣ «Вѣстника юго-западной и западной Россіи», издававшагося Говорскимъ. У насъ имѣется отдѣльный оттискъ этой статьи съ карандашными на немъ помѣтками Максимовича, которыя онъ дѣлалъ, читая статью. Очевидно, статья ужъ очень разсердила старика, т. к. онъ на поляхъ испещрилъ ее своими сентенціями очень неодобрительнаго свойства, въ родѣ: «какой вздоръ! пустословіе! пройдоха! глупо! глуповато! свинство! просто свинья!» и пр. Изъ этихъ замѣтокъ прекрасно видно, какихъ воззрѣній держался Максимовичъ по вопросу національному. Очевидно, окончивъ чтеніе, онъ на этой-же брошюркѣ написалъ карандашомъ свое стихотвореніе, озаглавивъ его «Отповидка». Въ этой первой редакціи она была слѣдующая:

Беры, пройдысвите, назадъ
Твое гнылее Слово,
Колы поважывсь намъ сказать
Забуты ридну мову!
И не зовы себе по викъ
Ты нашимъ другомъ, братомъ [1]),
Скорійше новымъ будешъ намъ
Ты катомъ-уніатомъ.
Якый ты руськый чоловикъ?
Ты выплавокъ лытовськый!
(Дальше не разобрано).

---

[1]) Статья подписана: Истинный братъ и другъ малорусскаго народа.

Впослѣдствіи, значитъ, это стихотвореніе было имъ передѣлано и занесено въ тетрадку, находящуюся въ музеѣ В. В. Тарновскаго, въ иномъ видѣ.

---

3. *Пословица.*

Не вгадаешъ, не познаешъ,
Якъ угодыть людямъ;
Мы за благомъ поженемся,
А лыха добудемъ.
Все однако, чи йдешъ румомъ,
Чи то моремъ бурнымъ:
«Викъ жывы и викъ учыся,
А умрешъ ты дурнемъ».

3 сент. 1864.

---

4. *На 1864 годъ*

Той щаслывый, хто плугъ воливъ
Круторогыхъ мае
И хто нывы своихъ дидивъ
Оре й засивае.
Дай же, Боже, щобъ намъ сей годъ
Земля уродыла
И щобъ гоже увесь народъ
Вона вдовольныла.
Щобъ намъ зриты своихъ дитей
Розумныхъ, веселыхъ,
И щобъ миты прямыхъ судей
Въ городахъ и селахъ.
Нехай буде правдывый судъ
Вдови й сыротыни,
Нехай люде въ добри жывуть
По всій Украини!

---

5. *Старымъ друзьямъ.*

Якъ изгадую про васъ,
Мои давни други,
То не видаю въ той часъ
Ни журбы, ни тугы;
Чую въ серци я любовъ,
И душа радіе—
Мовъ вертаются изновъ
Лита молодыи.

1866 г.

---

6. *Экспромптъ* (въ Кіевѣ 1864 г.).

Не покыну,—покы згыну
Мою Украину;
Якъ не буде въ чимъ ходыты—
Я свыту надину.

В. Н.

Письмо М. А. Максимовича къ NN. Намъ доставлено прилагаемое ниже письмо М. А. Максимовича къ неизвѣстному лицу, исполненное той семейственной лирики, которой такъ всегда была полна душа его. Писано оно въ 1839 году и главнымъ образомъ посвящено изліянію скорби о потерѣ матери, умершей 10 лѣтъ назадъ. Для насъ интересна вторая часть его, въ которой онъ высказываетъ свои настроенія, совершенно согласныя съ мыслью, подчеркнутою нами въ предисловіи къ письмамъ его (см. выше «Скорбная страничка...»), а именно: никогда онъ не былъ обуреваемъ честолюбіемъ и корыстолюбіемъ, что̀ онъ объясняетъ въ себѣ тѣмъ, что считаетъ жизнь свою давно уже конченною. Такой унылый тонъ письма зависитъ отъ постигшей его болѣзни въ 1839 году, когда онъ почти лишился ногъ и принужденъ былъ безвыходно просидѣть дома нѣсколько мѣсяцевъ, даже лекціи студентамъ читая у себя на дому.

1839 года, іюля 22.

Десять лѣтъ уже я оплакиваю потерю незабвенной матери моей. Ея нѣжнѣйшая любовь была лучшимъ счастіемъ моей жизни; съ нею вмѣстѣ перешли за гробъ лучшія радости и надежды мои. Ничто мнѣ не замѣнило любви ея въ семъ мірѣ; и моя жизнь безъ нея стала бѣднѣе и печальнѣе. Чѣмъ дальше живу, тѣмъ яснѣе вижу и живѣе чувствую ея утрату; тѣмъ живѣйшую скорбь и благодарность ощущаю въ сердцѣ при воспоминаніи объ ней. Священна для меня ея память; священна для меня любовь ея къ намъ, по которой знаю, что значитъ любовь материнская; мою постоянную, неохладѣвшую любовь къ ней я считаю лучшимъ чувствомъ моей души; живѣйшее объ ней воспоминаніе и благодарныя объ ней слезы всегда облегчаютъ душу мою, даютъ лучшее утѣшеніе въ родственныхъ скорбяхъ моей жизни и укрощаютъ ту тревогу, которою возмутилась душа моя на родинѣ и которую преодолѣть самъ собою я не въ силахъ.

Мнѣ кажется, что смерть матери примирила меня съ смертью и пріучила мою душу къ безстрашію смерти, которое не разъ уже я испыталъ въ жизни; не разъ уже я чувствовалъ и болѣзненное присутствіе смерти, и свыкся съ думою объ ней. Жизнь мою давно уже я считаю конченною: потому не шелъ впередъ, чуждый всѣхъ порывовъ честолюбія и корыстолюбія; не стремился обезпечить и устроить себя житейскими благами, обрекши себя на одиночество. Я желаю только успокоительнаго отдыха отъ прежней жизни моей, истерзавшей меня и живѣйшими радостями, и сокрушительными печалями, и не знаю, найду-ли его до могилы.

Два письма Ѳ. Г. Лебединцева къ Т. Г. Шевченку.

22 октября 1859 года.

Тарасъ Грыгоровычъ!

Нехай Вамъ Богъ дае здоровье, нехай вика прыбавыть! Спасыби Вамъ, що я побачывъ Васъ и побалакавъ зъ Вамы хоть трошкы. А про те жалкую и доси, що не довелось мыни ще разъ побачыться зъ Вамы. Прыбигавъ я до Васъ разивъ зо тры, тай ще

разъ довидався, якъ уже зовсимъ зибрався въ дорогу;—колы жъ Вамъ николы, здаеться, й просвитку не давалы, — засмыкалы, якъ жыды того пана, що до склепу заклыкають. Нехай буде, якъ сталось, а тымъ часомъ отъ-що: чы отдалы Вамъ мою казань, що чытавъ я передъ Вамы? Не повынна, здаеться, пропасты, а въ тимъ хто ёго зна, бо й самъ я не видаю, кому іи оддавъ. Вже останній разъ прыбигъ я до Васъ, та не заставъ не тилькы Васъ, але й Гудовськыхъ [1]). Отъ и выйшовъ я на улыцю, колы дывлюсь,—сыдыть на стовпчыку якійсь льокай. «Чій ты?» —пытаю ёго.— «Гудовськыхъ»,—каже.—«Де жъ паны твои?»— «Не знаю».— «А Тарасъ Грыгоровычъ?»—«Въ гимназіи» [2]).— «Будь же ласкавъ»,—кажу ёму,—оддай осю бумагу Тарасу Грыгоровычу, якъ вернеться винъ додому!»—та й оддавъ ёму ту казань. Оттакъ було, а въ тимъ хто ёго зна, може й справди казна-кому оддавъ. Скажить же, будьте ласкави, чы вона у Васъ—та казань и що Вы думаете зъ нею зробыть? Може чыталы кому, такъ щб люды кажуть? Мабуть, кепкують, глузують. «Це,—скаже иншый,—«не проповидь, а „расказъ, описаніе"». Нехай соби що хотять кажуть, а я хочъ трычи прысягну, що такъ треба пысать. Годивъ зъ пять я думавъ объ сёму дили, та й выдумавъ, бачте, таке, що ажъ ченци здывувалысь. Нехай ихъ—ченцивъ тыхъ—дила судять.

Выбачайте, Бога рады, що зныкытывъ трошкы передъ Вамы, бо й доси не прыславъ передмовы до теи казани. Якъ що можете прыткнуть іи де-небудь, то прышлю,—далеби, прышлю. Напышить, будьте ласкави, хочъ трое словечокъ,—велыке спасыби скажу. Пославъ бы й теперъ ту передмову, такъ не допысана и не перепысана: нйколы було, и теперъ дуже николы.

Бувъ я ще разъ въ Украини. — Ненько ридная! нехай тебе Господь мылуе! Сонце палыло въ-день и мисяць въ-ночи!.. Надывывся доволи на панивъ, попивъ и людей. Паны останню кровъ высысають, попы звычайно службу правлять, часомъ люлькы курять, въ карты грають, та ще й добре выпывають, а наридъ бидный терпыть, терпыть та слёзы нышечкомъ вытырае. Нихто до ёго слова не промовыть, нихто ёму не скаже, якъ то въ свити Божому жыть, щобъ Богови вгодыть и души добро прыдбать. Прожывъ я въ Корсуни недиль зо дви. Тамъ, колы памятаете, рядомъ зъ братомъ моимъ

[1]) Фотографъ, у котораго Т. Г. иногда ночевалъ.

[2]) Въ это время Шевченко былъ у г. Чалаго во 2-й гимназіи вмѣстѣ съ Сошенкомъ.

становый жыве, такъ-такы хата коло хаты. Якъ-то людей тамъ мучать! Якъ воны крычать та плачуть! А становый въ шляфроку по стани похожае, люльку тягне, заглядае... не скажу, куды,—та на ввесь ротъ свій репетуе: «дужче, дужче! Эхъ ты бездѣльникъ! Я тебя самаво»... Прыйшла якось до брата мого убогая жинка—на чоловика жалыться, вклонылась, взяла благословеные, та й каже: «батюшечко, серце, отець духовный! Змылосердиться надо мною, що я така несчасна, дайте пораду. Чоловикъ не злюбывъ мене вже годивъ зъ пять: попереду було все бье, потимъ одъ мыскы одигнавъ, дали зовсимъ зъ хаты выгнавъ, а теперъ вже комору роскыдае, щобъ не було мени де й голову прыхылыть; въ мене жъ диточокъ пятирко одъ его такы, хлиба дасть-би, зодягнуться ничымъ. Заступиться, батюшечко, серце, голубчыку!» Роспытався братъ мій ще-трохы, тай каже: «иды жъ ты, голубко, до становоrо, та попросы й ёго, та що винъ тоби скаже, тогди вже прыйдешъ до мене». — «Нехай мене Богъ сохраныть одъ того стану! Я ще зъ роду тамъ не була»,— сказала и трохы не заплакала». — «Не бійся,—каже ій братъ,—хиба ты худе що зробыла... иды; отъ и становый по двору ходыть». Пишла, та заразъ и прыбигла назадъ: побилила, выду на іи нема и трусыться, неначе одъ пропасныци. «Що тоби таке?» — пытае іи братъ. «Оце!»,—на сылу промовыла и тяжко зитхнула,— «и не стямылась, покы й до васъ прыбигла». Прыхожу до ёго, вклонылась, тай стала казать: ваше благородіе! така й така ричъ... а винъ, пробачайте, поганець, якъ крыкнувъ, якъ затупотивъ ногамы та почавъ нивечыты мене словамы, то я не знала вже, якъ и втикать одъ ёго. Нехай винъ западеться—той станъ. Зъ роду, зъ вику не пиду туды». Поравъ братъ и самъ, якъ мигъ, а мени й доси жаль теи жинкы. Оттаке-то! А то знову, пысарець невирный вылизе на «балконъ» та звидтиль соцькыхъ переклыкае, то лае такъ скверно, що ажъ слухать сумно. Пидошвы не вартъ, а коверзуе. Горе, та й годи!

Щобъ ище Вамъ сказать?—Недавно наша духовна цензура благословыла напечатать одну проповидь Филарета, що архіереемъ въ Черныгови. (Съ боку приписано: оцей самый Филаретъ недавно забравъ зъ нашои консисторськои архивы де-яки бумагы, а де-яки прыславъ въ нашу архиву. Треба подывыться, може що й ласеньке е. Я хочу напысать до ёго, щобъ винъ прыславъ зъ Глуховського монастыря Мельхиседекови бумагы. Филаретъ -- розумный чоловикъ, тилько бида, що кацапъ, хочъ и трудящый). Проповидь напысана

була по-кацапськи, бо Филаретъ и слова не втне по-нашому; такъ найшовся, бачте, священныкъ, що переиначывъ ту проповидь. Воно такъ иначе й по-нашому, але зовсимъ по-кацапськи. Въ цензури, щобъ Вы зналы, вси кацапы; отъ пытаю я того, що благословывъ печатать: «чы вы розибралы, що тамъ напысано?». «Какже-съ!—сказавъ винъ мини,—тамъ всѣ почти слова русскія!» Кумедія, тай годи!

Допысався до краю; теперъ хоть и прощайте! Бувайте жъ здорови! Счасты Вамъ Боже, де Вы лыцемъ повернетесь.

Вашъ землякъ Өеофанъ Лебедынець.

На поляхъ письма собственноручно еще приписано: чы скоро одчынять Вашу «Хату»? Напышить, будьте ласкави. Якъ що въ насъ тисно буде, то й до Васъ—зъ чымъ Богъ пошле. Думаю ще росказувать де що. До Мыжырыча теперъ не доихавъ. Нехай иншымъ часомъ.—Въ Умань пысавъ два разы, та й доси нема ничого. Зъ нового року, здаеться, будемъ печатать Мельхиседека, и за Кушнира напечатаемо.—Выкохавъ я соби сына,—журналомъ называють. Самъ ёго на свитъ породывъ, безъ попа ймення давъ и хрыстывъ кумивъ не бравшы. Пишовъ винъ до Сыноду за благословеныемъ. Колы бъ же-то благословылы, и щобъ самому замисъ няньки буть. Не дай Боже, якъ перейде на чужи рукы! Не навчать добру, и пиде послухачемъ!... [1])

—

Тарасъ Грыгоровычъ!

Добры-день Вамъ, або добры-вечиръ! Жывеньки, здоровеньки, Чы пидскакуете ще хоть трохы? А Вы пытайте: чы по-вóли, мовъ? чы по-неволи: (пышу-бъ то)?—Билшъ мабуть того, що по неволи: трапылась, бачте, оказія—чоловикъ иде въ ваши краи, то думаю соби: нехай грывенныкъ на свичечку може здастся. Оце жъ то той самый чоловикъ [2]). Прывитайте его хочъ едынымъ словомъ. Добряща на викы душа, та и землякъ такы нашъ, та ще й кликгеръ до того, а цикавый такый, що страхъ—надто до старовыны. Йиде оце винъ до Петенбурху, щобъ довидаться до архивы сынодськои; хоче, бачте, вывидать, та и намъ росказать, якъ то жылы колысь землякы нашп попы, що робылы и чы багато горилкы пылы. Поможы Боже! Лакома ричъ!

---

1) Рѣчь идетъ о „Руководствѣ для сельскихъ пастырей“.

2) Профессоръ университета и академіи Терновскій.

А я, якъ бачте, и доси ничого не зробывъ. И стыдъ, и соромъ, та колыжъ нíколы. Отъ, може, теперъ гулящымъ часомъ чы не пидроблюсь хочъ трошкы. Оце заразъ-такы маю бигты до Юзефовыча, колы памятаете, щобъ пустылы мене до архивы губерськои, а въ Центральному вже бувъ. Добра тамъ скилькы—Господы! Такъ бы здаеться и спавъ тамъ, та все такы нíколы. А якъ повытягаю дещо то звидциль, то звидтиль, то тоди и выдрюкую Мелхиседека. Воно бъ и давно вже пора, та нема, бачте сьвидытыливъ зъ боку, такъ бы то ляшкивъ, або уніатывъ. Все то росказуе *благочестіе*; а ваши пысьменни и не повирять, може, та скажуть: це такъ соби брехеньвы росказуе.—Паперы давни, яки е въ мене, вси оддамъ въ «актову коммиссію»—нехай соби дрюкуе,—бо и мене, бачте, зробылы тамъ членомъ якимъ-сь, хочъ невирненькымъ.

А Вы пакъ що пороблаете? Може щé намъ выдрюкуете що-небудь?—Спасыби Вамъ велыке за кныжечку. Нехай Вамъ Господь заплатыть зъ высшого неба! Я зъ неи прочытую що-недили потрошку, якъ дидъ Вашъ зъ Мынеи. А патретивъ Вашыхъ у мене ажъ тры: лежыть одынъ на лежанци, а другый у шафи стоить, а третій такъ поверхъ кныжокъ поставленый. Отъ я прыдывляюсь часомъ то до того, то до того, та згадую Васъ усе. А чы гыкаеця жъ Вамъ хочъ трошкы?—бо я, бачте, кажу часомъ: нехай легенько икнеться Тарасу Грыгоровычу! Ангеломъ висть ёму—якъ каже було моя ненька.

Слава Богу, що выпрялы вже «Основу». Може и верстатъ уже поставылы. Теперъ треба, мабуть, пíдткання. Чы не напряду и я чого-небудь. Тилькы, кажуть, на пидткання треба прясты тоненько, такъ може я и не зугаренъ буду до-ладý напрясты. Спасыби Билозерському, и мени такы прыславъ звистку. Нехай же тчуть на здоровье! Та колы бъ добре ткалы, щобъ выробыть матери на сорочку доброи двадцятки, бо зовсимъ обидрана, и тило навить свитыця, матерыне тило!

Чытавъ мени Юзефовычъ пысьмо свое до Билозерського, та ще и прымовлявъ до того: «Кá-зна що напысано, та и говбрыть не по людськи: звисно панъ, свитомъ нудыть. Сластёныхъ ему треба, та фыгивъ, та мыгивъ; а не схотивъ бы паслёну?» Оце заразъ чытавъ винъ зновъ те пысьмо, такъ уже зовсимъ лучче напысано: *образованія*, каже, треба, и *исторіи* треба. Ото-то такъ. На що намъ думкы, та спивкы, драмы и кумедіи? Перевелы мы на ихъ доволи паперу.

Языкъ зболивъ, та и рукы де у кого помлилы. А на що воно? Такъ тилькы *времени провожденіе*! Хиба що такъ. Сказавъ бы я имъ дещо, та боязно: а ты знидкиль, скажуть, обизвавсь? Ще и винъ, хананокъ, цвирчыть!». И такъ зовсимъ бакы забьють.

Прощайте жъ тымъ часомъ! Бувайте здорови! Прышошлы Вамъ, Боже, всякои утихы! Прощайте!

Вашъ землякъ Өеофанъ Лебедынецъ.

7-го іюля 1860 г.

—

P. S. Бувъ оце, кажуть, у Кіеви Кулишъ. Хочъ бы було глянуть де-небудь на ёго, якый то винъ на взракъ.

— Чи лежыть у Васъ нашъ журналъ—хочъ за лавою? Чи може вже на горыще выкынулы? Выбачайте! Що маемо робыть? Хысту нема, та и ще де-чого нема.

„Богданъ Хмельницкій". Анонимная поэма тридцатыхъ годовъ [1]). Настоящая анонимная поэма появилась тогда, когда русская печатная литература о Малороссіи ограничивалась почти исключительно одной *Исторіей Малой Россіи Бант.-Каменскаго*, причемъ послѣдняя, конечно, и послужила автору основаніемъ для фабулы. — «Богданъ Хмельницкій—освободитель Малороссіи отъ ига ляховъ, виновникъ счастья милліоновъ... конечно достоинъ пѣсенъ; и авторъ, избравъ его героемъ своего стихотворенія, не страшится хулы на счетъ разборчивости своего вкуса. Но чувствуя, что не вполнѣ достигъ предположенной имъ цѣли, въ защиту себѣ можетъ только сказать, что это первый опытъ его въ такомъ родѣ поэзіи». Такое предисловіе предпосылаетъ авторъ своей поэмѣ, фабула которой слѣдующая. Козакъ-путникъ остановился на берегу Днѣпра—отдохнуть и встрѣчаетъ здѣсь—

Въ одеждѣ крымца не простаго,
По виду—ляха молодаго,
И по словамъ ему роднымъ—
Украинца.

---

1) Спб. 1833. Въ 16-ю д. л. 121 стр.

«Украинецъ» (котораго авторъ далѣе называетъ «незнакомцемъ») ѣдетъ изъ Крыма въ Чигиринъ; разговорившись съ козакомъ, онъ узнаетъ отъ послѣдняго подробности тѣхъ притѣсненій, которыя Украина терпитъ отъ ляховъ.

Сарматскихъ ратниковъ толпы
Въ Украйнѣ нравы развращаютъ,
И уніатскіе попы
Благочестивыхъ проклинаютъ;
И ляхъ впрягаетъ козаковъ,
Возить по селамъ сихъ поповъ.
Вездѣ горятъ козачьи хаты,
Святой нашъ велелѣпный храмъ,
Поля и рѣки—все жидамъ
На откупъ отдаютъ сарматы...

«Незнакомецъ» упрекаетъ козаковъ за ихъ инерцію относительно «сарматовъ» и патетически восклицаетъ:

Украинецъ! примирись съ судьбою!
Богъ жребій смертнаго блюдетъ.
Вѣрь: надъ родной твоею страною
Вновь солнце счастія взойдетъ!

Разспрашивая «козака» о Чигиринѣ, «незнакомецъ» узнаетъ, что «дочь подстаросты въ Чигиринѣ», она же и «Марія»,—умерла... Это извѣстіе производитъ страшное впечатлѣніе на Хмельницкаго (читатель, конечно, узналъ въ ѣдущемъ изъ Крыма «незнакомцѣ» Хмельницкаго), и онъ—мчится въ Чигиринъ. Тамъ его сейчасъ узнаютъ—

«Хмельницкій!» весь народъ вопилъ;
А онъ въ отвѣтъ:—здорово братья!»
«Зиновій! ты!... въ какихъ странахъ—
Въ разлукѣ жилъ съ родимымъ краемъ?..
А мы, межъ падшими въ бояхъ,
Тебя въ молитвахъ поминаемъ...
—«Нѣтъ, братья, нѣтъ! Богъ козаковъ
Хранилъ меня и на чужбинѣ...

Затѣмъ Хмельницкій узнаетъ о смерти своего отца Михаила, убитаго Чаплицкимъ, спѣшитъ въ «замокъ убійцы» и уже подымаетъ на него «мечъ», но между Чаплицкимъ и Хмельницкимъ является—«Марія», умоляя пощадить отца... Хмельницкій «свой мечъ

съ негодованіемъ бросаетъ», но тутъ же его схватываютъ и отводятъ въ тюрьму.—Изъ тюрьмы Хмельницкаго освобождаетъ, конечно, Марія, при чемъ вмѣстѣ съ нимъ и бѣжитъ. Отцовская погоня настигаетъ бѣглецовъ, стрѣляетъ—и Хмѣльницкій падаетъ; погоня его оставляетъ, какъ мертваго, а Марію схватываетъ и везетъ къ отцу... Хмельницкій, разумѣется, отъ ранъ не умеръ... Его пріютилъ какой то «дровосѣкъ», который, кстати, залѣчилъ Хмельницкому и раны... Этотъ же «дровосѣкъ» разсказываетъ Хмельницкому, что возвращенная къ отцу Марія снова убѣжала и, какъ слышно,—

Пошла къ стѣнамъ монастыря...
«Она избѣгла мукъ счастливо!»
Воскликнулъ радостно козакъ (Хмельницкій):
«Теперь... ты палъ надменный врагъ!
О родина! теперь Зиновій
Тебѣ одной принадлежитъ;
Своей послѣдней капли крови,
Онъ для тебя не пощадитъ!
Забуду все! отъ сей минуты
Душа для нѣжности замретъ,
Доколѣ родина отъ смуты
Отъ тяжкихъ бѣдъ не отдохнетъ!

Хмельницкій бѣжитъ въ Запорожье.

И вотъ предъ нимъ—*Никитинъ Рогъ*—
Тамъ—*Сѣчь*.....

Своими разсказами о положеніи дѣлъ въ Украинѣ, Хмельницкій становится на Запорожьи популярнымъ, и запорожцы выбираютъ его гетманомъ Украины. Выборы происходили *на радѣ*:

Уже на площади стояли
Всѣ козаки, по *куренямъ*,
И всѣ начала *рады* ждали.
Вотъ отворился Божій храмъ,
И *есаулъ* выноситъ знамя.
При видѣ спутника въ бояхъ,
У запорожцевъ мести пламя
Сверкнуло въ радостныхъ очахъ.
Въ литавры *довбышъ* ударяетъ,
Народъ, шумѣвшій, умолкаетъ,
И появились: кошевой,

Судья и писарь войсковой.
Шелъ первый съ *палицей*; съ печатью
Шелъ войсковой судья за нимъ,
А писарь важно за вторымъ—
Съ чернильницей...

Изъ этого описанія *рады* видно прилежное изученіе авторомъ мѣстной исторіи. Засимъ слѣдуетъ разсказъ, какъ Хмельницкій съ запорожцами и союзными татарами идетъ въ Украину, какъ поляки встрѣчаютъ его при *Желтыхъ Водахъ* и чѣмъ кончилось происшедшее тутъ сраженіе—

И свѣжій лавръ—обвилъ чело
Малороссійскаго героя!

Близъ Корсуня происходитъ другое сраженіе; здѣсь новая удача:

Сарматы въ страхѣ побѣжали,
И главные вожди враговъ
Въ шатрѣ Хмельницкаго стояли...

Хмельницкій прославляется народомъ...

И вотъ молва: что подъ *Пилявой*
Вѣнчался гетманъ новой славой;
И что увѣнчанный герой,
На время кинувъ поле битвы,
Спѣшитъ съ дружиной въ градъ святой
Для благодарственной молитвы.
И Кіевъ ждетъ его...

Народъ хочетъ устроить ему торжественную встрѣчу и обращается къ митрополиту—помочь ему въ этомъ дѣлѣ; митрополитъ раздѣляетъ энтузіазмъ народный и идетъ въ «обитель сестеръ», на совѣтъ съ «игуменьей», чтобы выбрать одну изъ «сестеръ» для поднесенія народному вождю «хлѣба священнаго».

Игуменья избираетъ для этого «бѣлицу» Минодору, которой постриженіе, между прочимъ, назначено на второй день послѣ этого. Узнавъ, что ей предстоитъ поднести отъ имени народа хлѣбъ Хмельницкому, Минодора не можетъ прійти въ себя и при этомъ разсказываетъ одной изъ «сестеръ» свою исторію, изъ которой узнаемъ въ разсказчицѣ Марію Чаплицкую. Бѣжавъ отъ отца, Марія пришла въ Кіевъ и здѣсь обратилась къ помощи настоятеля одного изъ монастырей, который, «миропомазавъ и наставивъ Марію въ законѣ новомъ», отправилъ ее въ женскій монастырь.

Теперь, на мигъ
Душа для счастья просіяетъ...
Но, другъ—не тотъ: онъ сталъ великъ,
А я... меня онъ не узнаетъ.

Но вотъ настаетъ день въѣзда Хмельницкаго въ Кіевъ.

Чу!... Отдаленный трубный звукъ!...
И вотъ, съ Софійской башни, вдругъ
Раздался голосъ: ѣдутъ!—
Полный
Высокихъ чувствъ, съ крестомъ святымъ,
Идетъ митрополитъ; за нимъ
Все духовенство, и, какъ волны,
Шумящій движется народъ;
И чистая, какъ голубица,
Въ толпѣ восторженной идетъ,
Съ главой поникшею—бѣлица.
Она Хмельницкому несетъ
Въ даръ отъ народа, хлѣбъ священный,
На немъ: *спасителю—спасенный.*
Завидя гетмана вдали,
Митрополитъ остановился.—
Герой—съ коня; и до земли,
Перекрестившись, поклонился.
Пошелъ и рать за нимъ пошла,
Побѣдоносцы въ градъ вступили.—
Вдругъ залились колокола,
И кіевляне возопили:
Хмельницкій! низложенъ тиранъ!
Ты отъ позора насъ избавилъ,
Ты родину свою прославилъ,
Отсель, да будешь ты: Богданъ!

. . . .

. . . .

. . . . «Мужъ знаменитый!
Воззвалъ Сильвестръ: «прими нашъ даръ!
Въ немъ все, что мечъ врага, пожаръ
Оставилъ для родного края».
И изъ толпы, едва живая,

Бѣлица, трепетной стопой,
Подходитъ къ гетману; рыдаетъ...
И то блѣднѣетъ, то пылаетъ;
И вотъ, поникнувъ головой,
Она чуть внятно произноситъ:
«Прими нашъ бѣдный даръ, герой!
«Тебѣ народъ его подноситъ,
Прими!... тебя... Марія проситъ!»
Хмельницкій поблѣднѣлъ... дрожитъ...
Народъ въ смятеніи... Марія—
На друга смотритъ и молчитъ.

. . . .

«Марія! ты-ль?... Какая сила
Мое блаженство довершила?» —
Воскликнулъ гетманъ; палъ на грудь
Къ подругѣ, небомъ возвращенной,
И долго онъ не могъ вздохнуть,
Восторгомъ чистымъ упоенный.

. . . .

Чувствительный! докончи самъ
Небесную картину счастья!—

Разсказавъ содержаніе поэмы, добавимъ, что авторъ послѣдней имѣлъ уже предъ собою примѣръ поэтическаго изложенія одного изъ эпизодовъ малорусской исторіи: за четыре года передъ тѣмъ (1829) была издана *Полтава* Пушкина. Основаніемъ этой поэмы Пушкинъ взялъ романъ стараго гетмана съ юной своей крестницей и казнь отца послѣдней тѣмъ-же гетманомъ. Выбранный Пушкинымъ эпизодъ исполненъ драматическихъ положеній, давшихъ возможность геніальному поэту выказать и въ *Полтавѣ*—весь блескъ своего таланта. Не таковъ эпизодъ, выбранный нашимъ анонимомъ. Онъ остановился на самомъ крупномъ лицѣ малорусской исторіи, у котораго на-лицо всѣ данныя для того, чтобы стать героемъ въ любомъ литературномъ произведеніи: поэмѣ, драмѣ, романѣ... Взявъ для формы, какъ и Пушкинъ, поэму, анонимъ строитъ послѣднюю на фабулѣ о любви Хмельницкаго и о его въѣздѣ въ Кіевъ; здѣсь онъ ввелъ небывалый и едва ли возможный въ исторіи событія фактъ поднесенія въѣзжающему въ Кіевъ Хмельницкому хлѣба какою-то «бѣлицей»... Натяжка автора очевидна, какъ очевидна и скудость его поэтическаго вообра-

женія. Тѣмъ не менѣе нашему анониму принадлежитъ честь перваго изображенія Хмельницкаго въ литературномъ произведеніи новѣйшаго времени [1]). До этого времени о Хмельницкомъ въ русской литературѣ извѣстно было лишь «историческое повѣствованіе» о Хмельницкомъ Федора Глинки, напечатанное въ 1816 г., въ его *Письмахъ къ Другу*; къ сожалѣнію, мы не имѣли возможности познакомиться съ этимъ произведеніемъ [2]).

Черезъ шесть лѣтъ послѣ изданія этой анонимной поэмы о Хмельницкомъ, стали печататься въ тогдашнихъ журналахъ отрывки изъ другой посвященной тому же герою поэмы («Богданъ»), принадлежащей Гребенкѣ. Вполнѣ эта поэма была напечатана сначала въ *Библ. для Чт.* 1843 г. № 2, а затѣмъ въ собраніи *Сочиненій Е. П. Гребенки*, изд. Литова (Спб. 1862) т. V, стр. 7—81.

А. Л.

Письмо проф. Н. Д. Иванишева Барону С. И. Шодуару.

Сообщаемое ниже письмо проф. Кіевскаго университета Н. Д. Иванишева извѣстному составителю «русской нумизматики», удостоенной Демидовской преміи, и собирателю рѣдкихъ книгъ русскихъ и польскихъ, барону С. И. Шодуару, «ученѣйшему между баронами», какъ выражается о немъ самъ Иванишевъ въ одномъ изъ писемъ В. В. Ганкѣ, извлечено нами изъ бумагъ В. В. Ганки, хранящихся въ библіотекѣ музея Королевства Чешскаго.

В. А. Францевъ.

Милостивый государь!

Прошу простить меня великодушно за то, что я такъ не скоро посылаю Вамъ отвѣтъ на первое письмо Ваше. Причина состояла

---

[1]) Изъ XVIII в. извѣстно произведеніе Феофана Прокоповича.—„*Милость Божія, Украину отъ неудобь носимыхъ обидъ лядскихъ чрезъ Богдана Зиновія Хмельницкаго... свободившая*“. См. Соч. Максимовича, II, 486.

[2]) Полное заглавіе книжекъ Глинки такое: „Письма къ другу, содержащія въ себѣ: замѣчанія, мысли и разсужденія о разныхъ предметахъ съ присовокупленіемъ историческаго повѣствованія: *Зиновей Богданъ Хмельницкой или освобожденная Малороссія*. Федоръ Глинка, сочинитель писемъ русскаго офицера“. Спб. 1816 года. Три части. Въ 16-ю д. л. „Повѣствованіе“ о Хмельницкомъ напечатано повидимому въ 3-й части, такъ какъ въ первыхъ двухъ частяхъ *Писемъ*, имѣющихся въ нашей библіотекѣ, его нѣтъ.

въ томъ, что мнѣ не хотѣлось писать къ Вамъ пустаго письма, а желательно было порадовать Васъ какимъ нибудь важнымъ пріобрѣтеніемъ для Вашей библіотеки. Но, не смотря на всѣ мои старанія, я не успѣлъ пріобрѣсть для Васъ ничего порядочнаго. Я увѣрился, что семинаристъ, обѣщавшій доставить апокризисъ,—мошенникъ. Книги, о которыхъ объявлялъ Вамъ слуга, были самыя ничтожныя, и поэтому я не могъ купить ни одной изъ нихъ. Студентамъ университета, разъѣхавшимся на вакаціонное время въ разныя стороны, я поручилъ справиться въ монастыряхъ, преимущественно уніатскихъ, не найдутся ли нужныя для Васъ книги. Узнавъ, что въ Лаврѣ есть значительное количество книгъ, сложенныхъ въ безпорядочной кучѣ близъ монастырской трапезы и не записаныхъ въ каталоги, я два раза пытался пробраться, но безъ всякаго успѣха. Теперь я совсѣмъ долженъ оставить свои попытки по одному обстоятельству, которое огорчило весьма меня и весь университетъ. Вчера былъ у насъ публичный актъ, на которомъ я читалъ разсужденіе объ идеѣ личности въ древнемъ правѣ Богемскомъ и Скандинавскомъ. [1]) Изслѣдывая идею личности въ бракѣ, въ отношеніи дѣтей къ родителямъ и во власти господъ надъ рабами, я долженъ былъ два раза произнести слово concubinat и упомянуть о правѣ vitae ac necis родителей. Это показалось обиднымъ для главы черныхъ; онъ прервалъ меня, сдѣлалъ замѣчаніе ректору, и я доженъ былъ прекратить чтеніе. Объ этомъ происшествіи мы дадимъ знать Министру и пошлемъ читанную мною диссертацію. Послѣ такого случая я не могу болѣе предпринимать ученыхъ путешествій въ Лавру.

Отъ чистаго сердца желая Вамъ наслаждаться всѣми удовольствіями, какія представить можетъ образованная Европа, остаюсь, съ истиннымъ уваженіемъ и преданностію

Вашъ покорный слуга

Николай Иванишевъ.

1841, іюня 16-го дня.

[1]) Эта рѣчь Н. Д. Иванишева напечатана была и по чешски, въ переводѣ и съ обширными примѣчаніями А. Штробаха, въ журналѣ Casopis Ceského Musea XVII, 1843, 597; XVIII, 1844, 128, 349, 489; подъ заглавіемъ: Idea o osobnosti podlè starysh práv českych a skandinavskych. Первоначально она помѣщена была въ Журналѣ Министерства Нар. Просв., 1842 г., октябрь, стр. 1—18...

БИБЛІОГРАФІЯ.

И. А. Куриловъ. *Роменская старина. Историческія, статистическія и бытовыя записки о городѣ Ромнѣ и его обывателяхъ, отъ начала города до нашего времени. Ромны. 1898 г. Цѣна 1 рубль серебр. Стр. 345.*

Авторъ книги — роменскій старожилъ. По его словамъ (стр. 116, 132 и др.), онъ учился въ мѣстномъ уѣздномъ училищѣ, которое окончилъ въ началѣ 50-хъ годовъ потомъ служилъ въ городской управѣ, сначала писцомъ, затѣмъ бухгалтеромъ. Въ 80-хъ годахъ авторъ былъ церковнымъ старостой роменскаго собора. Службой своей въ городской управѣ г. Куриловъ воспользовался для знакомства съ думскимъ архивомъ, а во время своего старостства при соборѣ онъ изучалъ дѣла роменской духовной протопопіи. Въ 1887 году онъ напечаталъ въ Ромнахъ «Историко-статистическое описаніе роменскаго Свято-Духовскаго собора» (см. мою рецензію этой брошюры въ «Кіев. Стар.» 1888, IV), въ настоящемъ же году выпустилъ въ свѣтъ описываемую теперь книгу. Она—результатъ многолѣтняго изученія авторомъ исторіи родного города. «Интересуясь,—говоритъ авторъ въ предисловіи,— какъ природный житель и любитель старины, всѣми малѣйшими подробностями, относящимися къ исторіи родного города, я много лѣтъ собиралъ: изъ архивныхъ дѣлъ, изъ разсказовъ старожиловъ разные записки о жизни нашихъ предковъ, и не имѣя возможности, по своимъ занятіямъ, составить настоящую исторію, рѣшился издать эти правдивыя записки, чтобы не уничтожились онѣ въ рукописи такъ, какъ уничтожились уже многіе архивныя дѣла, и чтобы когда-

нибудь, болѣе меня образованный историкъ, могъ извлечь изъ нихъ вѣрныя свѣдѣнія для мѣстной исторіи г. Ромна».

Кромѣ архивныхъ «дѣлъ» и мѣстныхъ преданій, уяснить роменскую старину помогали автору еще слѣдующіе источники и пособія: лѣтопись по Ипатскому и Лаврентьевскому списку, лѣтопись Самовидца, «Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ» Гавр. Успенскаго, Исторія М. Россіи Бантышъ-Каменскаго, «Топографическое описаніе черниговскаго намѣстничества» Шафонскаго и «Записки о Полтавской губерніи» Арандаренка. Книги эти перечислены авторомъ въ началѣ его труда, въ выноскахъ же на разныхъ страницахъ текста еще встрѣчаются ссылки на исторію Карамзина, на «Кіевскую Старину» за 1890 годъ, на «Сулимовскій архивъ» (изд. А. М. Лазаревскаго), на статистическое описаніе г. Ромна Терещенка (въ Жур. М. Вн. Д. 1861 г.), на брошюру Ѳ. Н. «Родина Калнишевскаго»; наконецъ, безъ ссылокъ авторъ позаимствовалъ кое-что (напр. о проѣздѣ черезъ Роменъ разныхъ московскихъ посланцовъ къ Хмельницкому) изъ плохой брошюры по исторіи Ромна г. Рындина.

Книга подѣлена авторомъ на части довольно своеобразно: часть первая—«отъ древнихъ временъ до учрежденія намѣстничествъ», вторая— «отъ учрежденія намѣстничествъ до преобразованія городского управленія» (по Положенію 1870 г.), третья— «отъ преоброзаванія городскаго управленія до настоящаго времени», и четвертая—«историческія и статистическія записки о городскихъ церквахъ». Исторію роменскихъ церквей авторъ выдѣлилъ въ особый отдѣлъ, очевидно, потому, что придавалъ ей особенное значеніе. Эта часть книги г. Курилова и есть самая лучшая. По всѣмъ доступнымъ матеріаламъ, преимущественно по дѣламъ архива бывшаго роменскаго духовнаго правленія, авторъ излагаетъ исторію постройки и украшенія шести роменскихъ церквей: соборной свято-духовской, никольской, покровской, вознесенской, александровской и всѣхсвятской кладбищенской. Все изложеніе проникнуто неподдѣльною любовью къ предмету описанія и отличается наибольшею во всей книгѣ серіозностью.

Изъ роменскихъ церквей заслуживаютъ большаго вниманія двѣ: каменная соборная, построенная въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія, и деревянная покровская, построенная въ шестидесятыхъ годахъ того же столѣтія Калнишевскимъ. Въ Ромнахъ было преданіе, внесенное и въ старыя церковныя описи, что соборъ построенъ какою то Маврою Заборовскою. Г. Куриловъ въ прежнемъ своемъ историко-

статистическомъ описаніи собора совершено игнорировалъ это преданіе; когда же ему было указано мною на существованіе вблизи Ромна, въ с. Волковцахъ, въ прошломъ вѣкѣ фамиліи Заборовскихъ, принадлежавшихъ къ лубенской полковой старшинѣ и имѣвшихъ домъ въ Ромнахъ, г. Куриловъ въ новомъ описаніи собора старается оспаривать преданіе о Маврѣ Заборовской. Но вопросъ о строителяхъ собора все-таки, по моему мнѣнію, остается пока открытымъ. Въ соборной роменской церкви есть одно старое евангеліе, безъ выходного листа, но съ интересной надписью по страницамъ, свидѣтельствующею, что въ городѣ были «козаки его королевской милости» еще въ 30-хъ годахъ семнадцатаго вѣка, т. е. въ самый разгаръ Вишневеччины. Такъ какъ надпись эта можетъ быть интересна и болѣе обширному кругу читателей и въ книгѣ г. Курилова приведена съ довольно грубыми опечатками, то выписываемъ ее здѣсь цѣликомъ въ исправномъ видѣ:

Стр.	*Надпись:*
15.	Сыя Кныга Глаголемая
16.	Евангелые Отмѣни Раба Божия
17.	Марья Омеляновна
18.	З мужемъ Своимъ Демъяномъ щеръбыною
19.	Козакомъ воиска его Кр. милосты запорозъкаго
21.	I нада Нацерков Пренасвентшов Богородицы
22.	В ромънѣ въ року 1635
63.	молю отцѣ і братыя А щебы былъ який непорядок
64.	В церкви волно будет потомъкови моему
65.	Сыну моему луб доццѣ моей люб зятю моему
72.	Взят сцеркви I отдат где ся имъ вподобает
73.	I если бы ся що колъвек зопсовало, повинни дѣты мои
74.	посмерты моей изъ свои худобы направыти
75.	а иншый нѣхто не мает справи до того
76.	а нѣ попъ а нѣхто иншый еслы кревнии мои
78.	Зас еслибы хто мѣл ей украсты
79.	албо без вѣдома отдалит от церквы
80.	Нехай будет проклят первимъ. Соборомъ Ныкейскымъ
81.	От Святых отецъ анеѳема арыя нестория
82.	Савелыя з протчих I розсудится зо мною

83. на оном Свѣты пред нелицемѣрнымъ Судыею [1]).

О покровской церкви подробно говорилось въ «Кіевской Старинѣ» 1892 года, въ моей статьѣ: «Родина Калнишевскаго». Г. Куриловъ въ своей книгѣ сказалъ о ней очень мало новаго. Нельзя не присоединиться къ сѣтованію автора по поводу предстоящей сломки этой церкви. Дѣло въ томъ, что въ настоящее время рядомъ съ старой церковью уже строится новая, которая должна ее замѣнить. Хотя новая церковь будетъ каменная, но принимая во вниманіе размѣры и стоимость ея (около 25 тысячъ руб.), нельзя не пожалѣть, что стройный, типичной архитектуры, съ прекраснымъ, дорогимъ иконостасомъ, храмъ послѣдняго кошевого будетъ замѣненъ маленькой, аляповатой церковкою, съ помѣщеннымъ внутри ея обрѣзаннымъ и изуродованнымъ иконостасомъ старой церкви. Между тѣмъ «стѣны и купола этой (старой) церкви», говоритъ г. Куриловъ, «сдѣланы изъ такого крѣпкаго дерева, что на него ни время, ни сырость не имѣютъ по-видимому никакого вліянія. Онѣ тверды, какъ желѣзо, и стоитъ только кое-гдѣ обшелевать снаружи, покрасить краскою, и церковь останется (осталась-бы) еще на долго». Къ сожалѣнію, беззастѣнчивость, соединненая съ недостаточнымъ образованіемъ, въ этомъ, какъ и во многихъ случаяхъ, не пощадила цѣннаго памятника родной старины.

Перейдемъ къ другимъ частямъ книги г. Курилова. Приведши всѣ скудныя лѣтописныя упоминанія о Ромнѣ въ до-монгольскій періодъ и тѣмъ избѣжавъ повторенія нелѣпыхъ разглагольствованій объ этомъ періодѣ Арандаренка, авторъ переходитъ прямо къ XVII вѣку, а о промежуточномъ времени говоритъ: «Должно полагать, что послѣ изгнанія отсюда половцевъ и печенѣговъ, Роменъ, по своему географическому положенію не имѣлъ никакого особаго значенія, по тогдашнимъ политическимъ и стратегическимъ расчетамъ. Можетъ быть: даже и во время нашествія монголовъ и во всѣ кровопролитныя войны литовскаго и польскаго періодовъ онъ оставался въ сторонѣ отъ всѣхъ переворотовъ и опустошительныхъ разореній, которымъ подвергались другіе города здѣшняго края, и потому имя его ни въ

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ словахъ надписи мы только поставили въ строку тѣ буквы, которыя въ подлинникѣ стояли надъ словами; нами выпущены также пририсованные чернилами къ нѣкоторымъ буквамъ цвѣтки и поставленныя между иными словами звѣздочки. Въ остальномъ вполнѣ сохранено правописаніе подлинника.

какихъ историческихъ хроникахъ и лѣтописяхъ послѣ XI-го вѣка вовсе не упоминается» (стр. 7). Хотя эти «ни въ какихъ» и «вовсе» и не могутъ не вызвать улыбки у читателя, тѣмъ не менѣе авторъ благоразумно поступилъ, пропустивъ то, что его изслѣдовательскому аппарату совершенно недоступно.

Дальше идетъ въ исторіи города періодъ Вишневеччины, затѣмъ гетманскій періодъ и Екатерининскія преобразованія. Авторъ пользуется тутъ Бантышъ-Каменскимъ, Самовидцемъ, Шафонскимъ и съ 1782 года—мѣстнымъ архивнымъ матерьяломъ. Источники и пособія солидные, жаль только, что изученіе мѣстнаго архивнаго матерьяла какъ то спутало и затемнило историческія свѣдѣнія автора, добытыя литературнымъ путемъ. Напр., авторъ думаетъ, что крѣпостной ровъ и «башты», о которыхъ говорится въ думскихъ и другихъ архивныхъ документахъ, ведутъ свое существованіе отъ самой отдаленной древности», (стр. 5); или, описывая топографію города прошлаго вѣка по Шафонскому (стр. 31—34), авторъ своими «поясненіями» часто запутываетъ дѣло. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаются явныя несообразности, свидѣтельствующія, что авторъ недостаточно уяснилъ себѣ то, о чемъ утверждаетъ категорически: на стр. 25 онъ говоритъ, что Житянская *брама* помѣщалась за городомъ, гдѣ нынѣ Аптекарская улица, а на стр. 29 Житянская *башта* помѣщается имъ на нынѣшней Большой Роменской улицѣ. Конечно, послѣднее правильнѣе, такъ какъ вдоль нынѣшней В. Роменской улицы шелъ въ старомъ Ромнѣ (гетманскаго времени и позже) валъ и въ немъ были «башты» съ «брамами», отдѣльно же, за городомъ, брамъ не за чѣмъ было строить. Вообще, крупный недостатокъ всего труда г. Курилова состоитъ въ томъ, что въ немъ авторскія предположенія, часто неосновательныя, такъ тѣсно перемѣшаны съ документальными свѣдѣніями, что трудно отдѣлить одно отъ другого, а авторъ обо всемъ говоритъ одинаково утвердительно и большею частью безъ ссылокъ. Заслуживаютъ вниманія въ этомъ отдѣлѣ книги новыя свѣдѣнія о родѣ Марковичей (стр. 36—43), сообщаемыя г. Куриловымъ, какъ сказано имъ въ выноскѣ на стр. 43, «въ отвѣтъ на изслѣдованіе, помѣщенное въ «Кіевской Старинѣ» за октябрь 1890 года».

Подходя къ новѣйшему времени, авторъ совсѣмъ уже не держится хронологическаго порядка, который, впрочемъ, часто нарушался имъ и раньше. А отвлекаютъ автора въ сторону—«преданія старожиловъ» и собственныя его воспоминанія. Въ тѣхъ и другихъ авторъ

довольно неразборчивъ и беззастѣнчивъ. Конечно, для посторонняго читателя эти качества не играютъ важной роли: все неправдоподобное будетъ имъ отвергнуто, а мѣстные мелкіе интересы ему чужды. Но имѣя въ виду читателей, живущихъ въ Ромнѣ, автору слѣдовало бы быть сдержаннѣе и разборчивѣе. Однихъ изъ мѣстныхъ читателей, знакомыхъ болѣе или менѣе съ прошлымъ своего города, непріятно поражаютъ искаженія дѣйствительности, другихъ задѣваетъ пристрастность и игнорированіе исторической давности; но есть много и такихъ, которые примутъ «преданія» за непреложное историческое свидѣтельство и отъ себя еще прибавятъ къ нимъ нѣчто въ такой же мѣрѣ непреложное, а такимъ именно способомъ и создается та дымка нелѣпостей, сквозь которую смотритъ на родное прошлое масса обывателей.

Г. Куриловъ самъ теряетъ всякое критическое сознаніе, какъ только дѣло коснется преданій. Напр., авторъ долженъ быть хорошо знакомъ по думскимъ документамъ съ цѣнами на разные продукты въ Ромнахъ въ первыя десятилѣтія нынѣшняго вѣка, и однако же онъ свято вѣритъ такого рода разсказамъ старухи: «бывало пойдетъ на базаръ, возьметъ полъ копы денегъ (по нынѣшнему счету $7^1/_2$ коп. сер.)[1]), и на эти деньги купитъ четверку (10 ф.) баранины, хлѣбъ, кувшинъ молока и разной зелени на борщъ и еще иногда останется копѣйки двѣ сдачи!» (стр. 91). Старинная муниципальная служба представляется г. Курилову въ преданіяхъ то бездоходной и даже убыточной, то приносящей чуть ли не золотыя горы, смотря по фабулѣ разсказа. «Каждый гласный тогдашней думы тяготился своею должностію, какъ непосильнымъ бременемъ, налагаемымъ на него въ родѣ повинности, или по тогдашнему выраженію «отбудка», и старался только, какъ-бы благополучно отслужить трехлѣтіе и передать свою обязанность другому, такому же точно общественному дѣятелю. Тѣмъ болѣе, что должности по выборамъ отъ общества не приносили никакой выгоды, а иногда еще, какъ выше упомянуто, члены думы принуждены были тратить изъ своихъ средствъ на жалованье писарю и на другіе расходы». Такъ у автора въ одномъ разсказѣ (стр. 51). «Есть много преданій и живыхъ разсказовъ стариковъ о тѣхъ блаженныхъ временахъ, когда неполучавшіе никакого жалованья члены: думы, магистрата, словеснаго суда и проч., наживали

[1]) Вставка автора.

отъ занимаемыхъ ими должностей гораздо больше всякаго жалованья и дѣлались богачами» (стр. 90). «Должности: по судебной, полицейской и городской службамъ, какъ по опредѣленію отъ правительства, такъ и по выбору отъ общества, приносили также очень значительные доходы, какъ собственно по уряду отправляемой должности, такъ и по вліянію извѣстнаго должностнаго лица на торговыя и общественныя дѣла въ городѣ» (стр. 96—97). «Разъ честь и слава—быть въ городѣ какимъ-нибудь начальникомъ, а второе—и выгоды, получавшіяся отъ должности, невольно заставляли каждаго добиваться (sic) этихъ должностей, не жалѣя никакихъ расходовъ» (стр. 100). Такъ авторъ говоритъ въ другихъ мѣстахъ.

Есть въ разбираемой книгѣ, конечно, и интересныя преданія и воспоминанія; таковы, напр., приводимые авторомъ разсказы его отца, бывшаго крѣпостного Полетикъ, о Вас. Григор. Полетикѣ (стр. 93—94), воспоминанія самого автора и разсказы стариковъ о думскихъ порядкахъ прежняго времени, воспоминаніе о проѣздѣ чрезъ Ромны Императора Николая Павловича и проч. Но будущему историку города придется не мало поработать надъ этими преданіями, чтобы «извлекти изъ нихъ вѣрныя свѣдѣнія для мѣстной исторіи г. Ромна».

Изъ новѣйшей городской хроники интересно прочесть въ книгѣ г. Курилова опроведеніи къ Ромну Либаво-Роменской дороги (въ 1874 г.) съ одной стороны и позже (1888) г.)—Кременчугской—съ другой.

Мы ничего не говоримъ о внѣшности книги, ея языка и орѳографіи. Для читателей, серіозно заинтересованныхъ исторіей края, книга г. Курилова есть продуктъ мѣста, времени и среды; для читателей же, не могущихъ отнестись критически къ содержанію книги, внѣшность ея едва ли будетъ ощутительна.

Ромны, 18 октября 1898 года.

Ѳ. Николайчикъ.

Записки наукового товариства імени Шевченка. *Виходять у Львові під редакциєю Михайла Грушевського. Томы: XXII (1898, кн. II. Стр. 197), XXIII и XXIV (1898, кн. III и IV. Стр. 352).* [1])

Въ настоящемъ году исполнилось 250 лѣтъ со времени возстанія украинскаго народа противъ Польши при гетманѣ Богданѣ Хмель-

[1]) Обзоръ содержанія прежнихъ 21 т.т. „Записокъ" см. въ „Кіев. Старинѣ" 1895 г. №№ 11 и 12; 1896 г., № 2, 5 и 10; 1897 г., № 1, 5, 7—8; 1898 г., № 4.

ницкомъ. Львовское общество имени Шевченка, считающее нынѣ 25 лѣтъ своего существованія, посвятило эпохѣ движенія Хмельницкаго XXIII и XXIV томы своихъ симпатичныхъ и цѣнныхъ «Записокъ» и кромѣ того особый (IV-й) томъ «Жерел до історії України-Руси», обнимающій акты 1848 и первой половины 1849 г., найденные въ галицкихъ архивахъ и характеризующіе начало движенія въ предѣлахъ Галицкой Руси.

Общей характеристикѣ Хмельницкаго и его политики посвящена статья редактора «Записокъ» г. Грушевскаго (т. XXIII и XXIV, стр. 1—30). Послѣ краткаго, но цѣльнаго и содержательнаго анализа главныхъ событій и отношеній эпохи, авторъ приходитъ къ заключенію, что въ политическомъ и соціальномъ отношеніяхъ Хмельнищина потерпѣла полное фіаско. Политическій переворотъ совершалъ человѣкъ, который и не мечталъ объ этомъ, намѣренія котораго не выходили за предѣлы ближайшихъ интересовъ козацкой старшины. Разрушали Польшу люди, воспитанные на общественно-политическихъ идеалахъ самой Польши. Движеніе приняло оборотъ неожиданный и нежелательный для старшины. Въ результатѣ конфликтъ между массою народа и ея вождями, конфликтъ, въ которомъ погибли соціальныя и политическія пріобрѣтенія Хмельнищины. Несмотря на этотъ суровый приговоръ всей эпохѣ, авторъ отдаетъ должное личнымъ талантамъ Хм., какъ администратора, организатора и дипломата. Ходячіе упреки по адресу гетмана (вырожденіе, пьянство безпробудное) авторъ отвергаетъ не безъ остроумія. Не отрицая темныхъ сторонъ въ движеніи, авторъ отдаетъ должное политической его сторонѣ и тому пробужденію національнаго самосознанія, которое такъ сильно сказалось при Хм.

Обширная статья г. Ст. Томашивского «Народныя движенія въ Галицкой Руси 1648 г.» (стр. 1—138) даетъ прекрасно сведенный матеріалъ для уразумѣнія стремленій галицкаго поспольства и мѣщанства при началѣ движенія Хм., описываетъ способы репрессіи, примѣнявшіеся галицкою шляхтою, организацію мѣстныхъ движеній и послѣдствія ихъ для Галичины въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ. Данныя свои авторъ почерпнулъ главнымъ образомъ изъ современныхъ судебныхъ актовъ. Въ экономическомъ отношеніи Хмельнищина въ восточной полосѣ Галичны уже на первыхъ порахъ привела къ всеобщему разоренію, благодаря безпрерывной рѣзнѣ и грабежамъ, въ которыхъ столь сильное участіе принимали татарскіе

вагоны. Экономическое разореніе и уменьшеніе рабочихъ рукъ повлекло за собою усиленную эмиграцію въ Галичину польскихъ мѣщанскихъ и крестьянскихъ элементовъ, съ соотвѣтственнымъ ослабленіемъ коренного населенія; въ частности, усилилась полонизація русской шляхты, мѣщанства и духовенства. Столь неблагопріятныя послѣдствія народныхъ движеній 1648 г. въ Галичинѣ авторъ приписываетъ главнымъ образомъ отсутствію тамъ козачества и тяжелымъ историческимъ обстоятельствамъ, въ силу которыхъ Галичина не могла тѣсно примкнуть къ борьбѣ Украины противъ Польши и должна была остаться на второмъ планѣ при политическихъ комбинаціяхъ эпохи.

Д-ръ Ив. Франко (тамъ-же, стр. 1—114) опубликовалъ 30 №№ современныхъ польскихъ и латинскихъ виршъ, характеризующихъ движеніе Хм. отъ его начала до Зборовскаго мира. Вирши почерпнуты преимущественно изъ рукописныхъ сборниковъ и превосходно пополняютъ матеріалы, сводкой которыхъ задавался уже Н. И. Костомаровъ въ своей монографіи о Хм. Значеніе этого матеріала для полной характеристики эпохи не требуетъ поясненій. Сборнику своему г. Франко предпослалъ обширную вводную статью, гдѣ, на основаніи критическаго обслѣдованія источниковъ, между прочимъ исправляетъ нѣсколько важныхъ фактическихъ ошибокъ, допущенныхъ въ изложеніи исторіи Хмельнищины Костомаровымъ и нѣк. другими историками, и вообще подробно характеризуетъ значеніе современныхъ виршъ для пониманія настроеній эпохи.

Въ отдѣлѣ miscellanea г. Ст. Томашивскій на основаніи записокъ половины XVII ст. львовскаго мѣщанина Самуила Кушевича предлагаетъ правдоподобный текстъ перваго воззванія Хмельницкаго къ возстанію противъ Польши и приходитъ къ заключенію, что извѣстный универсалъ, помѣщенный у Величка, сильно испорченъ позднѣйшими вставками. Тамъ же помѣщенъ съ объясненіями портретъ Хмельницкаго изъ венеціанскаго изданія Лоренцо Крассо 1683 г., съ объясненіями г. г. О. Г. и М. Г.

Въ научной хроникѣ и библіографіи даны критическіе отчеты о шести изданіяхъ, посвященныхъ исторіи Хмельнищины. Особенно подробно разсмотрѣны анналы Стан. Темберскаго 1467—1656 г. (Script. rer. polon., t. XVI, рец. г. Ст. Рудницкаго).

Въ т. XXII «Записокъ» находимъ статью г. Франка, посвященную обзору соч. дубенскаго іеромонаха Виталія «Діоптра сирѣчъ зерцало», вышедшаго первоначально въ 1622 г., религіозно-моральнаго

содержанія. Г. Влад. Гнатюкъ даетъ подробное и весьма интересное описаніе нѣсколькихъ малорусскихъ селъ въ Бачкѣ (комитатъ Бачъ-Бодрогъ въ южной Венгріи, между Тиссою и Дунаемъ), дополнивъ его пѣсенными и бытовыми современными записями. Записки эти, помимо содержанія, интересны и въ отношеніи языка, въ которомъ находимъ лишь намеки на малорусскія формы. Появленіе первыхъ малорусскихъ поселеній въ Бачкѣ авторъ относитъ къ 30 годамъ прошлаго вѣка, происхожденіе тамошнихъ поселенцевъ—изъ Земплинскаго комитата. Малорусскихъ поселенцевъ въ Бачкѣ и Сримѣ считается до 12—13000 душъ. Они быстро денаціонализуются.

Г. Грушевскій даетъ описаніе печати митр. Константина (XII в.), найденной въ галицкомъ Звенигородѣ.

Остальная часть книги посвящена библіографическимъ обзорамъ и научной критикѣ. По обычаю отдѣлъ этотъ ведется отлично. Въ XXII т. данъ отчетъ о 25 книгахъ и статьяхъ, касающихся Южной Руси, по преимуществу на русскомъ языкѣ. Кромѣ того, д-ръ М. Кордуба далъ первую часть обозрѣнія западно-европейской литературы по исторіи, словесности и искусству за 1897 г.

Н. М.

«**Slovanský přehled**», *sbornik stati, dopisuv a zprav ze života slovanskeho. Redaktor A. Černy. V Praze. Ročnik I, čislo I.*

Съ октября мѣсяца сего года въ Прагѣ началъ выходить новый чешскій ежемѣсячный журналъ—«Slovanský přehled». Какъ видно изъ вступительныхъ словъ, (стр. 1), этотъ журналъ основнымъ пунктомъ въ своей програмѣ ставитъ vzajemnost Slovanskà, postavenà na zàklade pravdiveho vzàjemnèho poznàni»,—и намѣренъ слѣдить за развитіемъ славянскихъ литературъ, науки и обще-культурныхъ задачъ славянства. Насколько намѣченная имъ программа будетъ осуществлена въ дѣйствительности, мы не можемъ знать; во всякомъ случаѣ 1-й № вполнѣ соотвѣтствуетъ программѣ; здѣсь мы видимъ статьи, касающіяся литературныхъ явленій и представителей литературы не только Чехіи, но и Польши (о Мицкевичѣ), Россіи (о Бѣлинскомъ, Толстомъ); корреспонденціи изъ разныхъ странъ. Между прочимъ въ отдѣлѣ литературы, наукъ и искусствъ помѣщено начало статьи извѣстнаго даровитаго украинскаго (галицкаго) писателя д-ра Ивана Франка, о которой и скажемъ нѣсколько подробнѣе.

Прежде всего авторъ указываетъ на выдающіяся явленія въ украинской литературной жизни: празднованіе столѣтія новой украинской литературы, проектъ устройства украинско-рускими писателями литературно-образовательнаго общества, изданіе новаго органа «Наукового Товариства імени Шевченка» — «Литературно-Науко_ вого Вістника», органа «который сразу пріобрѣлъ заслуженную популярность благодаря тому, что это первый крупный, исключительно литературно-научный журналъ на Украинѣ и который (невиданная до сего времени вещь!) въ матеріальномъ отношеніи сталъ на собственныя ноги»; изданіе въ память 250-ія возстанія Богдана Хмельницкаго спеціально посвященныхъ эпохѣ Хмельницкаго двухъ томовъ «Записок Наукового Товариства»; изданіе образовательнымъ обществомъ «Просвіта» двухъ популярныхъ брошюръ въ память 50-ія уничтоженія крѣпостного права въ Галиціи.

Провидя благодѣтельные результаты отъ нынѣшняго юбилейнаго года, въ смыслѣ оживленія народнаго національнаго самосознанія, пробужденію котораго въ значительной мѣрѣ способствовала новая украинская литература, авторъ затѣмъ приступаетъ къ характеристикѣ духовнаго и культурнаго развитія жизни Руси-Украины, чтобы показать «какой интересъ можетъ представлять это развитіе и для другихъ славянъ». Послѣднее, по его мнѣнію, въ данное время тѣмъ болѣе необходимо, что именно теперь ведется въ Россіи и Галиціи весьма нежелательная полемика, касающаяся самыхъ основъ этого развитія, — при чемъ способомъ весьма одностороннимъ и далекимъ научному объективизму.

Указавъ далѣе на различные существующіе въ средѣ «своихъ и чужихъ людей» неблагопріятные взгляды на желательность дальнѣйшаго развитія украинской литературы и упомянувъ при этомъ, что причиной существованія послѣднихъ служитъ подозрительность, благодаря которой «въ украинской литературѣ видятъ какую то интригу (одни — польскую, другіе московскую), Франко переходитъ вслѣдъ за этимъ къ обоснованію своихъ взглядовъ на украинскую литературу путемъ историческимъ, т. е. безпристрастнаго научнаго разсмотрѣнія давно прошедшей жизни Украины — Руси. Прежде всего онъ устанавливаетъ тотъ фактъ, что первые слѣды русской письменности появились на югѣ, что такія произведенія, какъ «Слово о полку Игоревѣ и Волынская лѣтопись — несомнѣнно носятъ характеръ южно-русскій, и ни одному великорусскому ученому не прійдетъ въ голову зачислить то или другое въ ряды произведеній великорусскихъ (ссылка

на Соловьева, какъ на представителя великорусскихъ ученыхъ, раздѣляющаго послѣдній взглядъ).

Однимъ словомъ въ древне-русской литературѣ въ XIII—XIV в. в. является два теченія: южное и сѣверное. Затѣмъ, послѣ XIV в. южная Русь, въ силу историческихъ условій, пошла по совершенно иному пути, чѣмъ Сѣверная Русь, слѣдствіемъ чего явилось то, что въ XVI и XVII ст. выработались въ ней основы религіозной и духовной жизни, совершенно не похожія на древне-русскія и сѣверно-русскія. Въ XVI и XVII ст. обѣ части Руси съ трудомъ другъ друга разумѣли,—а параллельно и литературы ихъ такъ удалились одна отъ другой (и языкомъ и слогомъ), что объективный изслѣдователь не можетъ ихъ ставить на одну доску. Послѣ возстанія Хмельницкаго началось опять политическое объединеніе сѣверной и южной Руси, но южно-русская литература такъ тѣсно срослась съ традиціями, стремленіями и вкусами южно-русскаго населенія, что уже не могла исчезнуть съ лица земли; она стала ближе къ народу, стала достояніемъ болѣе широкихъ слоевъ общества, хотя облеклась въ новыя формы («виршей»). Съ $^1/_2$ XVIII в. вырабатывается литературный слогъ и манера, какіе находимъ въ Энеидѣ Котляревскаго, въ «виршахъ» Гулака-Артемовскаго, въ нѣкоторыхъ повѣстяхъ Квитки (Конотопська видьма). Однако эти писатели не были новаторами—они лишь воспользовались тѣмъ богатствомъ языка и формъ, какое выработалось продолжительнымъ духовнымъ и литературнымъ развитіемъ южно-русскаго украинскаго народа.

На этомъ пока заканчивается статья д-ра И. Франка.

В. Д.

А голова вся въ ковтунахъ;
Изъ рота слына все котылась,
Якъ повстка борода скомшылась, [1])
Всимъ задававъ собою страхъ.
Сорочка звязана узламы
Держалась въ-сылу на плечахъ,
Попрычепляна мотузкамы,
Якъ решето була въ диркахъ;
Замазана була на палець,
Засалена, ажъ капавъ смалець; [2])
Обутый въ драни постолы!
Изъ диръ онучы волочылысь,
Зовсимъ, хочъ выжмы, помочылысь,
Пошарпани штаны булы.

***

За поясъ лыко одвичало,
На ему высивъ гаманець;
Тютюнъ и люлька, и кресало,
Лежалы губка, креминець.
Харономъ перевозчыкъ звався,
Собою дуже велычався,
Бо и не въ шутку бувъ божокъ.
Съ крючкомъ весельцемъ погрибався,
По Стыксови, якъ стрилка, мчався,
Бувъ човенъ легкый, якъ пушокъ.
На ярмарку якъ слобожане, [3])
Або на красному торгу
До рыбы товпляться мыряне,
Було на сему такъ лугу.
Душа товкала душу въ бокы
И скрыготалы мовъ сорокы: [4])
Той пхавсь, той сунувсь, иншый лизъ.
Вси мнялыся, перебыралысь,
Крычалы, спорылы и рвалысь,
И всякъ хотивъ его щобъ визъ.

***

Якъ гуща въ сыровци играе,—
Шыпять, якъ кваснуть бурякы, [5]
Якъ проты сонця рій гуляе,—
Гулы си такъ неборакы.
Харона плачучы прохалы,
До его рукы простягалы,
Щобъ взявъ зъ собою на каюкъ;
Но сей того плачу байдуже,
На прозьбы уважавъ не дуже— [6])
Злый зъ сына бувъ старый дундукъ
И знай що все весломъ махае
И въ морду тыче хочъ кому,
Отъ каюка всихъ одганяе;
А по выбору своему
Въ човенъ потрошечку сажае [7])

---

[1]) Якъ клочье, борода.. Изд. 1808 г.
[2]) Запалена... Тамъ-же.
[3]) На ярмольци... Тамъ-же.
[4]) И щекоталы... Тамъ-же.
[5]) . . . якъ кыснуть бурякы. Тамъ-же.
[6]) На прозьбы винъ глядивъ... Тамъ-же.

И заразъ човенъ одпыхае—
На другый перевозыть бикъ.
Кого не возьме, якъ затнеться —
Тому сыдиты доведется
Гляды—и цилый, може, викъ. [1])

***

Эней въ кагалъ сей якъ убрався,
Шобъ зблыжытыся къ парому,
То съ Палынуромъ повстричався,
Штурманувавъ що пры ему. [2])
Тутъ Палынуръ предъ нымъ заплакавъ,
Про долю злу ему балакавъ,
Що черезъ ричку не везуть;
Но баба заразъ розлучыла,
Энею въ батька загвоздыла, [3])
Щобъ довго не базикавъ тутъ.
Попхалысь къ берегу поблыжче,
Прыйшлы на самый перевизъ,
Де засмальцёваный дидыще
Вередовавъ якъ въ гребли бисъ;
Крычавъ, буцимъ-то навиженый, [4])
И кобынывъ народъ хрещеный,
Якъ водыться въ шынкахъ у насъ:
Досталось родычамъ сердешнымъ,
Не дуже лаявъ словомъ гречнымъ,
Нехай же зносять въ добрый часъ!

***

Харонъ, такыхъ гостей уздрившы,
Оскилкамы на ныхъ дывывсь, [5])
Якъ быкъ скаженый заревившы,
Запинывсь дуже и озлывсь:
„Видкиль такіе се мандрёхы?
И такъ уже васъ тутъ не трохы,
Якого чорта вы прыйшлы?
Васъ треба хаты холодыты! [6])
Васъ треба такъ одпровадыты,
Щобъ вы и мисця не знайшлы!
Геть, пречъ вбирайтесь видсиль къ чорту!
Я вамъ потылышныка дамъ;
Побью всю пыку, зубы, морду,
Ажъ не пизна васъ дидько самъ!
И йонъ вже якъ захрабрувалы,
Жыви сюды прымандрувалы,— [7])
Бачъ, гыряви, чого хотять?
Не дуже я на васъ покваплюсь,
Тутъ зъ мертвыми ось не управлюсь,
Що такъ надъ шыею стоять“. [8])

***

Сывылла бачыть, що не шутка,—
Бо дуже сердыться Харонъ,

---

[1]) Не бойсь и цилый може викъ. Тамъ-же.
[2]) Що штурманомъ бувъ пры йому. Тамъ-же.
[3]) Энея къ батьку потащыла. Тамъ-же.
[4]) . . . мовъ будто навиженный. Тамъ-же.
[5]) На ихъ изъ-коса подывывсь. Тамъ-же.
[6]) Хиба щобъ хаты... Тамъ-же.
[7]) Що и жыви прымандровалы. Тамъ-же.

Эней же бувъ соби плахутка, [1])—
Дала старыганю поклонъ.
„Та ну, на насъ лышъ прыдывыся!"
Сказала: „дуже не гнивыся,
Не сами мы прыйшлы сюды.
Хиба жъ мене ты не пизнаешъ,
Що такъ крычышъ, на насъ гукаешъ;
Оце невыдани биды!
„Ось глянься, що оце такое?
Утыхомырься, не бурчы—
Ось деревце, бачъ, золотее!
Теперъ же, колы хочъ, мовчы".
Потимъ все дрибно росказала,
Кого до пекла провожала,
До кого, якъ, про що, за чымъ.
Харонъ же заразъ схаменувся,
Развивъ съ чотыри погребнувся
И съ каючкомъ прычалывъ къ нымъ.

***

Эней зъ Сывыллою своею
Не мишкавшы въ човенъ ввийшлы: [2])
Кальною ричкою сiею
На той бикъ въ пекло поплылы.
Вода въ росколыны лылася,
Що ажъ Сывылла пиднялася;
Эней боявсь, щобъ не втонуть;
Но панъ Харонъ нашъ потрудывся,
На той бикъ такъ перехопывся,
Що нельзя окомъ измыгнуть.
Прыставшы, высадывъ на землю,
Узявъ копiйку за труды, [3])
За працiовыту свою греблю,
И ще сказавъ иты куды.
Пройшовшы видсиль гонивъ зъ двое,
Побравшысь за рукы обое,
Побачылы, що ось лежавъ
У бурьяни бровко муругый; [4])
Тры головы мавъ песъ сей мурый,
Винъ на Энея загарчавъ.

***

Загавкавъ гризно въ тры языкы, [5])
Уже бувъ кынувсь и кусать,—
Эней пиднявъ тутъ крыкъ велыкый,
Хотивъ чымъ дужъ назадъ втикать.
Ажъ баба хлибъ бровку шпурнула [6]),
И горло глевтякомъ заткнула,
То винъ за кормомъ и погнавсь.
Эней же зъ бабою старою,
То сякъ, то такъ, по-пидъ рукою

---

[1]) И щобъ не здилалась попудка. Тамъ-же.
[2]) Швыденько въ човнычокъ ввийшлы. Тамъ-же.
[3]) Взявъ пивъ-алтына за труды. Изд. 1842.
[4]) У бурьяни бровко мургурый. Изд. 1808 г.
[5]) Загавкавшы на тры языкы. Тамъ-же.

Тыхенько одъ бровка убравсь.
Теперъ Эней убрався въ пекло, [1])
Прыйшовъ зовсимъ на инчій свитъ.
Тамъ все поблидло и поблекло,
Нема ни мисяця, ни звиздъ;
Тамъ тилько туманы велыки,
Тамъ чутни жалобніи крыкы,
Тамъ мука гришнымъ не мала.
Эней съ Сывыллою глядилы;
Якіи мукы тутъ терпилы,
Якая кара всимъ була.

***

Смола тамъ въ пекли клекотила
И грилася все въ казанахъ;
Жывыця, сирка, нефть кыпила;
Палавъ огонь, велыкый страхъ!
Въ смоли сій гришныкы сыдилы
И на огни пеклысь, горилы, —
Хто якъ, за вищо заслужывъ,
Перомъ не можна напысаты,
Не можна и въ казкахъ сказаты,
Якыхъ було багацько дывъ!
Панивъ за те тамъ мордовалы,
И жарылы зо всихъ бокивъ,
Що людямъ льготы не давалы
И ставылы ихъ за скотивъ.
За те воны дрова возылы,
Въ болотахъ очеретъ косылы,
Носылы въ пекло на пидпалъ.
Чорты за ными прыглядалы,
Зализнымъ пруттямъ пидганялы
Колы якый зъ ныхъ прыстававъ;

***

Огненнымъ прутямъ отдыралы [2])
Кругомъ на спыну и жывитъ,
Себе що самы убывалы,
Якымъ остывъ нашъ билый свитъ;
Горячымъ дегтёмъ залывалы,
Ножамы пидъ бокы штрикалы,
Щобъ не хапалысь умырать.
Робылы разніи имъ мукы,
Товклы у мужчыряхъ имъ рукы,
Не важылысь щобъ убывать.
Богатымъ та скупымъ влывалы
Горяче золото у ротъ, [3])
А брехунивъ тамъ заставлялы
Лызать горячыхъ сковородъ;
Яки жъ изъ роду не женылысь,
Та по чужыхъ куткахъ жывылысь,
Таки повишаны на крюкъ,
Зачеплени за гришне тило, [4])
На свити що гришыло смило
И не боялося сихъ мукъ.

***

Всимъ старшынамъ тутъ безъ розбору,

---

[1]) Теперь Эней ввалывся.. Тамъ-же.
[2]) Огненой пугою тамъ дралы
Кругомъ и спыну и жывитъ. Тамъ-же.
[3]) Росто::ленее срибло въ ротъ. Изд. 1842 г.
[4]) Зачеплени за тее тило. Тамъ-же.

Панамъ, пидпанкамъ и слугамъ,
Давалы въ пекли добру хліору,
Всимъ по заслузи, якъ котамъ.
Тутъ всякыи булы цехмыстры,
И ратманы и бургомыстры,
Судди, пидсудкы, пысари
Яки по правди не судылы,
Та тилько грошыкы лупылы
И одбыралы хабари.
И вси розумни филозопы,
Що въ свити взялысь мудровать,
Ченци, попы и крутопопы,
Мырянъ щобъ зналы научать;
Щобъ не гонялысь за грывнямы,
Щобъ не возылысь зъ попадямы,
Та зналы церковъ щобъ одну.
Ксёнзды до бабъ щобъ не ыржалы, [1])
А мудри звиздъ щобъ не знималы,
Булы въ огни на самимъ дну.

* * *

Жинокъ своихъ що не держалы
Въ рукахъ, а волю имъ далы; [2])
По весилляхъ ихъ одпускалы,
Щобъ часто въ прыданкахъ булы,
И до пивночи тамъ гулялы,
И въ гречку де яки скакалы,—
Таки сидилы вси въ шапкахъ
И съ превелыкымы рогамы,
Зъ зажмуренными вси очамы,
Въ кыпячихъ сиркой казанахъ;
Батькы, яки сынивъ не вчылы,
А гладылы по головахъ,
И тилько знай, що ихъ хвалылы—
Кыпилы въ нефти въ казанахъ;
Що черезъ ихъ сынкы въ ледащо
Пустылыся, пишлы въ ни-на-що,
А посли чубылы батькивъ,—
И всею сылою бажалы,
Батькы щобъ швыдче умиралы,
Щобъ имъ прынятысь до замкивъ.

* * *

И ти булы тамъ лыгомынци,
Пиддурювалы що дивокъ:
Що въ викна дралысь по драбынци
Пидъ темный тыхый вечерокъ;
Що будуть сватать ихъ, брехалы
Пидманювалы, улещалы,
Покы добралысь до кинця,—
Покы дивкы одъ перечосу [3])
До самого товстилы носу,
Що сbooромъ посли до винця.
Булы тамъ купчыкы проворни,
Що издылы по ярмаркамъ,

---

[1]) Ксьондзы по киньській щобъ не ржалы. Изд. 1808 г.

[2]) Въ рукахъ, а волю имъ дававъ,

. . . .

Щобъ часто въ перевзахъ бувавъ. Тамъ-же.

[3]) Тогди дивки обманъ пизналы,

Та ба,—уже товстеньки сталы. Тамъ-же.

И на аршынець на пидборный
Поганый продавалы крамъ.
Тутъ всякіи булы пронозы,
Перекупкы и шмаровозы,
Жыды миняйлы, шынькари
И ти, що фыги-мыги возять,
Що въ баклагахъ горячый носять,—
Тамъ вси поклыся крамари.

* * *

Палыводы и волоцюгы,
Вси зводныки и вси плуты;
Ярыжныки и вси пъянюгы,
Обманщыки и вси моты,
Вси ворожбыты, чародіи,
Вси гайдамакы, вси злодіи,
Шевци, кравци и ковали;
Цехы: ризныцькый, коновальскый,
Кушнирьскый, ткацькый, шаповаль-
скый,
Кыпилы въ пекли вси въ смоли.
Тамъ вси невирни и хрыстьяне,
Булы паны и мужыкы;
Була тутъ шляхта и мищане, [1])
И молоди и старыкы;
Булы богати и убоги,
Прями булы и крывоноги,
Булы выдящи и слипи,
Булы и штацьки, и военни,
Булы и паньски, и казенни
Булы мыряне и попы.

* * *

Гай-гай? та нигде правды дити,—
Брехня жъ наробыть лыха бильшъ
Сыдилы тамъ скучни піиты,
Пысарчукы поганыхъ виршъ;
Велыкіи терпилы мукы,—
Имъ звязани булы и рукы,
Мовъ у татаръ терпилы плинъ.
Оттакъ и нашъ братъ попадеться,
Що пыше—не остережеться,—
Якый же втерпыть его хринъ?
Якусь особу мацапуру [2])
Тамъ жарылы на шашлыку,
Горячу мидь лылы за шкуру
И роспыналы на быку.
Натуру мавъ винъ дуже брыдку,
Крывывъ душею для прыбытку,
Чужее отдававъ въ печать:
Безъ сорома, безъ Бога бувшы,
И восьму заповидь забувшы,
Чужымъ пустывся промышлять.

* * *

Эней якъ видсиль видступывся [3])
И дали трохы одійшовъ,

---

[1]) Булы шляхтяне... Изд. 1808 г.

[2]) Отъ этого стиха и до конца строфы въ изданіи 1808 пропускъ,—и понятно почему: все это мѣсто относится къ издателю Энеиды, (1798 и 1808), напечатавшему ее безъ позволенія автора.

[3]) Эней одъ сыхъ якъ одступывся. Изд. 1808 г.

То на другее нахопывся,
Живочу муку тутъ знайшовъ.
Въ другимъ зовсимъ тутъ каравани
Пиджарювалы якъ у бани,—
Що ажъ крычалы на чимъ свитъ;
Оци-то галасъ исправлялы,
Гарчалы, вылы и пыщалы, [1])
Писля кути мовъ на жывитъ.
Дивкы, бабы и молодыци
Клялы себе и весь свій ридъ,
Клялы вси жарты, вечерныци,
Клялы и жызнь и билый свитъ;
За те имъ такъ тамъ задавалы,
Що черезъ миру мудрувалы
И верховодылы надъ всимъ,
Хоть чоловикъ и не онее,
Та колы жинци, бачышъ, тее,
Такъ треба угодыты ій.

* *
*

Булы тамъ чесни пустомолкы,
Що зналы ввесь святый законъ,
Молылыся безъ остановкы
И былы сотъ по пять поклонъ,
Якъ въ церкви мижъ людьмы стоялы,
И головамы все хыталы;
Якъ-же булы на самоти,
То молытовныкы ховалы,
Казылысь, бигалы, скакалы,
И гирше де-що въ темноти,
Булы и тіи тамъ панянкы,
Що наряжалысь на показъ;
Мандрёхы, хлеркы и дыптянкы,
Що продають себе на часъ.
Вси въ сирци и въ смоли кипилы,
За те що жырно дуже илы,
И що ихъ не страшывъ и пистъ,
Що все прыкушувалы губы
И скалылы биленьки зубы,
И дуже волочылы хвистъ. [2])

* *
*

Пеклысь тутъ гарни молодыци,
Ажъ жаль було на ныхъ глядить:
Черняви, повни, мылолыци;
И си тутъ мусылы кыпить,
Що замужъ за старыхъ ходылы
И мышакомъ ихъ поморылы, [3])
Щобъ посли гарно погулять,
И съ парубкамы поводытысь,
На свити весело нажытысь,
И не голоднымъ умирать.
Якыись мучылысь тамъ птахы [4])
Съ куделямы на головахъ,—
Се чесніи, не потипахы,
Булы тендитни пры людяхъ.

---

[1]) Бо дуже вылы и пыщалы. Изд. 1808 г.

[2]) Да й не давалы старшымъ мистъ. Тамъ-же.

[3]) И мышакомъ ихъ покормылы. Тамъ-же.

[4]) Тамъ мучылыся и вдовыци

. . . .

Що бигалы на вечерныци,
Булы-жъ смырненьки пры людяхъ. Изд. 1808 г.

А безъ людей—не можна знаты,
Себе чымъ малы забавляты,
Про-те лышъ зналы до дверей.
Имъ тяжко въ пекли докорялы,
Смолы на щокы налиплялы,
Щобъ не дурылы такъ людей!

* *
*

Бо щокы терлы маніею,
А блейвасомъ и нисъ, и лобъ,
Щобъ краскою хоть не своею
Прычарувать къ соби кого-бъ; [1])
Изъ рипы пидставлялы зубы,
Ялозылы все смальцемъ губы,
Щобъ пидвесты на грихъ людей;
Пындючылы якіись бочкы,
Мостылы въ пазуси платочкы,—
Въ которыхъ не було грудей.
За симы по ряду шкварчалы
Въ роспаленыхъ сковородахъ
Стари бабы, що все ворчалы,
Базикалы о всихъ дилахъ,
Все тилько старыну хвалылы,
А молодыхъ товклы та былы,
Не думалы-жъ яки булы,
Ище якъ самы дивовалы
Та зъ хлопцямы якъ гарцювалы,
Тай по дытынци прывелы.

* *
*

Видёмъ-же тутъ колесовалы
И всихъ шептухъ и ворожокъ,
Тамъ жылы зъ ныхъ чорты моталы
И безъ ветушкы на клубокъ;
На прыпичкахъ щобъ не оралы,
У комины щобъ не литалы,
Не издылы на упыряхъ;
И шобъ дощу не продавалы,
Въ ночи людей щобъ не лякалы,
Не ворожылы бъ на бобахъ.
А зводныцямъ таке зробылы,
Що цуръ ёму вже и казать!
На грихъ дивокъ що пидводылы
И симъ учылысь промышлять,
Жинокъ одъ чоловикивъ кралы
И волоцюгамъ помогалы
Рогамы людскый лобъ квичать;
Щобъ не своимъ не торгувалы,
Того бъ на откупъ не давалы,
Що треба про запасъ держать.

*
* *

Эней тамъ бачывъ щось не мало
Кыпящыхъ мученыцъ въ смоли,—
Якъ зъ кабанивъ топылось сало,
Такъ шкварылыся си въ огни;
Булы и свитськи, и черныци.
Булы дивкы, и молодыци,
Булы и пани й панночкы;
Булы въ свыткахъ, булы въ охво-
тахъ, [2])

---

[1]) Прычарувать къ соби народъ. Тамъ-же.

[2]) Булы въ свыткахъ, булы въ ребронахъ.
Булы въ намиткахъ, шыніонахъ. Тамъ-же.

Булы въ дульетахъ и капотахъ,
Булы вси гришни жиночкы.
Та се булы все осужденни,
Яки померлы не теперъ;
Безъ суду жъ не палывъ пекельный
Огонь, недавно хто умеръ.
Си вси булы въ другимъ загони,
Якъ бы лошата, або кони,
Не зналы попадуть куда.
Эней на першыхъ подывывшысь
И о бидахъ ихъ пожурывшысь,
Пишовъ въ другіи ворота.

* *
*

Эней ввійшовшы въ сю кошару, [1])
Побачывъ тамъ багацько душъ,
Вмишавшыся мижъ сю отару,
Якъ мижъ гадюкы чорный ужъ.
Тутъ разни душы похожалы,
Все думалы, та все гадалы,
Куда-то за грихы ихъ впруть:
Чи въ рай ихъ пустятъ веселытысь,
Чи, може, въ пекло посмалытысь,
И за грихы имъ носа втруть.
Було имъ вильно розмовляты [2])
Про всякіи свои дила,
И думаты и мизкуваты — [3])
Яка душа де якъ жыла.
Багатый тутъ на смерть гнивывся,
Що винъ зъ грошмы не розлычывся,
Кому и килько треба дать;
Скупый-же тоскувавъ, нудывся, [4])
Що винъ на свити не нажывся,
И що не вспивъ и погулять.

*
* *

Сутяга толкувавъ указы,
И що то значыть нашъ статутъ;
Росказувавъ свои проказы,
На свити що робывъ сей плутъ.
Мудрець же фызыку провадывъ,
И товковавъ якыхсь монадивъ [5])
И думавъ: видкиль взявся свитъ?
А мартоплясъ крычавъ, сміявся,
Росказувавъ и дывувався,
Якъ добре знавъ жинокъ дурыть [6]).
Суддя тамъ прызнавався смило,
Що зъ гуздыкамы за мундиръ
Таке переоначывъ дило, [7])
Що може-бъ навистывъ Сибирь;
Та смерть избавыла косою:

---

[1]) Ввійшовшы-же въ якусь свитлыцю

. . . .

Вмишавсь якъ разъ мижъ ихъ станыцю,
Промижъ гадюкъ мовъ чорный ужъ. Тамъ-же.

[2]) Було имъ власно розмовляты. Тамъ-же.

[3]) И думаты и мирковаты. Тамъ-же.

[4]) А бидный тосковавъ, нудывся. Тамъ-же.

[5]) Знай, толковавъ... Тамъ-же.

[6]) Якъ добре знавъ панивъ дурыть. Тамъ-же.

[7]) Переоначывъ праве дило
И може-бъ навистывъ Сибиръ. Тамъ-же.

Що катъ легенькою рукою
Плечей ему не покропывъ,
А ликаръ скризь ходывъ зъ ланце-
томъ,
Зъ слабытельнымъ и спермацетомъ,
И чванывсь якъ людей морывъ.

* *
*

Ласощохлысты похожалы, [1])
Вси фертыкы и паннчи,
На пальцяхъ ногтыкы кусалы,
Роспрындывшысь, якъ павычи;
Все очи въ гору пиднималы,
По свиту нашому вздыхалы,
Що рано ихъ побрала смерть;
Що трохы славы учинылы,
Не всихъ на свити подурылы [2]),
Не всимъ успилы морду втерть.
Моты, картёжныкы, пьянюгы
И ввесь проворный чесный родъ;
Лакеи, конюхы и слугы,
Вси кухари и скороходъ, [3])
Побравшысь за рукы, ходылы
И все о плутняхъ говорылы,
Яки робылы, якъ жылы:
Якъ паній и панивъ дурылы,
Якъ по шыньках въ ночи ходылы
И якъ съ кышень платкы тяглы.

* *
*

Тамъ прыдзыглеванкы журылысь,
Що никому вже пидморгнуть—
За нымы бильшъ не волочылысь,—
Тутъ ихъ заклекотила путь.)
Бабы тутъ бильшъ не ворожылы [5])
И простодушныхъ не дурылы.
Яки-жъ дивокъ охочи быть,
Зубамы зъ сорця скреготалы,
Що наймычкы ихъ не вважалы
И не хотилы имъ годыть.
Эней узривъ свою Дидону
Осмалену мовъ головня,
Якъ разъ по нашому закону
Предъ нею шапочку изнявъ.
Здорова! Глянь... Де ты взялася?
И ты, сердешна, прыплелася
Изъ Карфагены ажъ сюда?
Якого биса ты спеклася,
Хиба на свити нажылася?
Чортъ мавъ тоби десь и стыда. [6])

* *
*

Така смашная молодыця, [7])

---

[1]) Тамъ дармоиды похожалы. Тамъ-же.
[2]) Не всимъ що головы вскружылы. Тамъ-же.
[3]) Вси кухари и ввесь народъ. Тамъ-же.
[4]) И смиттямъ ихъ засыпанъ путь. Тамъ-же.
[5]) Тутъ бильше щобъ не ворожылы,
Людей бы добрыхъ не дурылы. Тамъ-же.
[6]) Чортъ мавъ тоби тогди стыда. Тамъ-же.
[7]) Яка моторна молодыця. Тамъ-же.

И глянь! Умерла залюбкы...
Румяна, повна, билолыця,
Кто гляне, то лызне губкы; [1])
Теперъ зъ тебе яка утиха?
Нихто не гляне и для смиха,—
На викъ теперъ пропала ты!
Я, далеби, въ тымъ не выною,
Що такъ розъихався съ тобою, [2])
Мени прыказано втекты.
Теперъ-же, колы хочъ злыгаймось,
И нумо, жыть такъ, якъ жылы;
Тутъ закуримъ, заженыхаймось,
Вже не разлучымсь николы.
Ходы тебе я помылую, [3])
Прыжму до серця, поцилую"...
Ему жъ Дидона на одризъ
Сказала: „къ чорту убырайся,
До мене бильшъ не женыхайся [4])...
Не лизь! бо розибью и нисъ!"

*
* *

Сказавшы, чортъ зна де пропала, [5])
Эней не знавъ що и робыть,
Колы-бъ Яга не закрычала,
Що довго годи говорыть,
То може-бъ тамъ и застоявся [6])
И може-бъ той поры дождався,—
Щобъ хто и ребра поличывъ:
Щобъ зъ вдовамы не женыхався,
Надъ мертвымы не наглумлявся,
Жинокъ любовью не морывъ.
Эней зъ Сывыллою попхався
Въ пекельную подали глушъ,
Якъ на дорози повстричався
Съ громадою знакомыхъ душъ:
Тутъ вси зъ Энеемъ обнималысь,
Чоломкалысь и цилувалысь,
Побачывшы князька свого.
Тутъ всякъ сміявся, реготався,
Эней до всихъ ихъ доглядався,
Знайшовъ зъ Троянцивъ онъ кого:

*
* *

Пелька, Терешка, Телыфона, [7])

---

[1]) Хто прежъ глядивъ, лызавъ губкы. Тамъ-же
[2]) Що такъ роздяковавсь зъ тобою. Тамъ-же.
[3]) Чи бачъ, якъ я тебе шаную
Що, колы хочъ, и поцилую. Тамъ же.
[4]) До мене бильшъ не прыхыляйся,
Лышъ сунься,—тоби росквашу нисъ. Тамъ-же.
[5]) Сказавшы, чортъ-вистъ де пропала. Тамъ-же.
[6]) То може такъ-бы застоявся,
Що тамъ и досвитку дождався,
И ребра може бъ поличывъ,
Съ жинкамы щобъ не женыхався
. . . .
До смерты вдовъ не доводывъ. Тамъ-же.
[7]) Грыцька Терешка, Опанаса,
. . . .

Панька, Охрима и Харька,
Леська, Олешка и Сызона,
Пархома, Йіська, и Феська,
Свырыда, Лазаря, Тараса,
Булы Денысъ, Остапъ, Овсій —
И вси Троянци що втопылысь,
Якъ на човнахъ зъ нымъ волочы-
лысь;
Бувъ и Вернытора Мусій.
Жыдивська школа завелася,
Велыкый крыкъ вси пиднялы
И реготня де не взялася, [1])
Тутъ всяку всячыну верзлы;
Згадалы чортъ знае колышне,
Балакалы уже и лышне, —
И самъ Эней тутъ росходывсь,
Що балагурылы довгенько,
Хоть изійшлыся и раненько,
Та панъ Эней нашъ опизнывсь.

* *
*

Сывылли се не показалось,
Що такъ пахолокъ застоявсь,
Що дытятко такъ розбрехалось,
Уже и о свити не знавсь; [2])
На его гризно закрычала,
Залаяла, запорощала,
Що ажъ Эней ввесь затрусывсь.
Троянци та ще вси здригнулы,
И въ ростичъ, хто куды махнулы, [3])
Эней за бабою пустывсь.
Ишлы, — и якъ-бы не збрехаты [4])
Трохы не съ пару добрыхъ гинъ;
Якъ ось побачылы и хаты
И ввесь Плутонивъ царськый димъ.
Сывылла пальцемъ указала,
И такъ Энееви сказала: [5])
„Оттутъ и панъ Плутонъ жыве
Изъ Прозерпыною своею;
До ихъ то на поклонъ зъ гиллею
Теперъ я поведу тебе“.

* *
*

И тилько що прыйшлы къ воротамъ

Яроху, Ярмоленка, Власа,
Кузьму, Пархома и Яцька;
Омельку, Сыдора, Евфыма,
Потапа, Лазоря, Трохыма
. . . .
и самъ Верныгора Мусій. Изд. 1808.

[1]) Де реготня тутъ не взялася,
И всяку всячыну верзлы
Згадалы чортъ зна самъ колышне Тамъ-же.

[2]) И попустому забавлялось Тамъ-же

[3]) Куда хто запопавъ, махнулы. Тамъ-же.

[4]) Ишлы, якъ-бы мни не збрехаты,
Долыной, полемъ и лискомъ, —
. . . .
И ввесь Плутонивъ царській домъ. Тамъ-же.

[5]) Зрадивъ — Энееви сказала. Тамъ-же.

И въ двиръ пустылыся чвалать,
Якъ баба брыдка, крыворота,
„Хто йде?“ ихъ стала оклыкать.
Мерзене чудо се стояло
И было пидъ дворомъ въ клепало—
Якъ въ панськыхъ водыться дворахъ;
Обмотана вся ланцюгамы,
Гадюкы вылыся клубкамы
На голови и на плечахъ.
Вона безъ всякого обману
И щыро безъ обынякивъ
Робыла гришнымъ добру шану—
Раминнямъ драла мовъ быкивъ,
Кусала, грызла, бычувала,
Крышыла, шкварыла, щыпала, [1])
Топтала, дряпала, пекла,
Порола, корчыла, пыляла,
Вертила, рвала, шпыговала,
И кровъ изъ тила ихъ пыла.

* * *

Эней, бидаха, излякався,
Увесь, якъ крейда побиливъ,
И заразъ у ягы спытався:
„Хто ій такъ мучыты веливъ?“
Вона ему все росказала
Такъ, якъ сама здорова знала,
Що въ пекли есть суддя Эякъ;
Хоть винъ на смерть не осуждае,
Та мучыты повеливае,
И якъ звелыть—и мучать такъ.
Ворота самы одчынылысь,
Не смивъ нихто ихъ задержать;
Эней съ Сывыллою пустылысь,
Щобъ Прозерпыни честь оддать
И пиднесты ій на болячку,
Ту суто-золоту гыллячку,
Що сыльно такъ вона бажа;
Та къ ній Энея не пустылы,
Прогналы, трохы и не былы,
Бо хворила ихъ госпожа.

* * *

А дали вперлыся въ будынкы
Пидземного сёго царя,
Ни гичь, ни гариля пылынкы, [2])
А все въ ныхъ чысто, якъ зоря:
Цвяховани булы тамъ стины
И викна вси зъ морськои пины;
Шумыха, олыво, свынець;
Блыщалы миди тамъ и крыци—
Вси убрани булы свитлыци,
По правди панській бувъ дворець!
Эней зъ Ягою розглядалы
Вси дыва тамъ, яки булы,—
Роты свои пороззявлялы
И очи на лобы пъялы,

[1]) Крышыла была и щыпала
. . . .
Порола, корчыла, товкла. Тамъ-же.

[2]) Було не выдно ни пылынкы,

Промижъ собою все зглядалысь,
Всёму дывылысь, усмихалысь;
Эней то цмокавъ, то свыставъ. [1])
Оттутъ-то души ликувалы,
Що праведно въ мыру жывалы,
Эней и сихъ тутъ навищавъ.

* *
*

Сыдилы, рукы поскладавшы,
Для ныхъ все праздныки булы,
Люльки курылы полягавшы,
Або горилочку пылы—
Не тютюнкову и не пинну,
А третёпробну, перепинну,
Настоянную на бодянъ,
Пидъ челюстамы запикану
И зъ ганусомъ и до калгану,
Въ ній бувъ и перець и шапранъ.
И ласощи все тилько илы,
Сластёны, коржыкы, стовпци,
Варенывы пшенычни, били,
Пухки зъ кавъяромъ буханци; [2])
Чеснывъ, рогизъ, паслинъ, кыслыци,
Козельци, тернъ, глидъ, полуныци,
Крутыи яйця зъ сыривцемъ,
И дуже вкусную яешню,
Якусь нимецьку, не тутешню,
А запывалы все пывцемъ.

* *
*

Велыке тутъ було роздолля.
Тому, хто праведно жыве,
Такъ якъ велыке безголовъя [3])
Тому хто гришну жызнь веде.
Хто мавъ къ чому яку охоту—
Тутъ тишылыся тымъ до поту, [4])
Тутъ чыстый бувъ розгардіяшъ:
Лежы, спы, ижъ, пый, веселыся,
Крычы, мовчы, спивай, крутыся,
Рубайсь—такъ и дадуть палашъ;
Не чванылысь, не велычалысь,
Нихто не знавъ тутъ мудровать.
Крый Боже! щобъ не догадалысь [5])
Братъ зъ брата въ чимъ покепковать,
Не сердылыся, не гнивылысь,
Не лаялыся и не былысь,
А вси жылы тутъ любьязно: [6])
Тутъ всякый гласно женыхався,
Ревнывыхъ ябедъ не боявся,
Було вобще все за одно.

---

[1]) Эней на радощахъ сказавъ. Изд. 1808 г.
[2]) Съ кавъяромъ пухли буханци
. . . .
Козельци, тернъ, медъ, полуныци. Тамъ-же.
[3]) Такъ, якъ велыкее незгодья. Тамъ-же.
[4]) То даромъ бравъ, не тратывъ поту...
. . . .
Лежы, спый, грай да веселыся,
Мовчы, крычы, танцюй, крутыся. Тамъ-же.
[5]) Крый боже, щобъ хочъ заикалысь Тамъ-же.
[6]) А вси жылы тутъ, якъ браты
. . . .
Не малы віякой биды. Тамъ-же.

***

Ни холодно було, ни душно,
А саме такъ, якъ въ сирякахъ,
И весело и такъ не скушно,
На велыкодныхъ якъ святкахъ;
Колы кому що захотилось,
То тутъ, якъ зъ неба, и вродылось,—
Оттакъ вси добре тутъ жылы!
Эней, се зрившы, дывувався,
И тутъ Ягы своей спытався
Яки се праведни булы!
„Не думай, щобъ булы чыновни",
Сывылла сей дала одвитъ;
„Або що грошей скрыни повни,
Або въ якыхъ товстый жывитъ;
Не ти се, що въ цвитныхъ жупанахъ,
Въ кармазынахъ, або сапъянахъ,
Не ти жъ, що зъ кныжкамы въ рукахъ,
Не рыцари, не розбишакы,
Не ти се, що крычать „и пакы",
Не ти, що въ золотыхъ шапкахъ.

***

Се бидни, ныщи, навиженни,
Що дурнямы счыслялы ихъ, [1])
Старци, хромы, слипорожденни,
Зъ якыхъ бувъ людській глумъ и смихъ,
Се, що съ порожнимы сумкамы
Жылы голодни пидъ тынамы,
Собакъ дражнылы по дворахъ;
Се ти, що „бигъ дасть" получалы,
Се ти, якыхъ выпровожалы
Въ потылыцю и по плечахъ;
Се вдовы бидни безпомощни,
Якымъ прыюту не було,
Се дивы чесни, непорочни,
Якымъ спидныци не дуло; [2])
Се що безъ родычивъ осталысь,
И сыротамы называлысь,
А посли вбгалысь и въ окладъ; [3])
Се, що проценту не лупылы,
Що людямъ помогать любылы,
Хто чымъ богатъ, то тымъ и радъ.

***

Тутъ также старшына правдыва,—
Бувають всякыи паны, [4])
Та тилько трохы сёго дыва,
Не кваплютця на се воны!
Бувають вийськови, значкови,
И сотныкы, и бунчукови,
Яки правдыву жызнь велы;
Тутъ люде всякого завиту [5])
По билому есть скилько свиту,

---

1) Що дурнямы щыталы ихъ. Изд. 1808 г.
2) Которымъ горба не дуло. Тамъ-же.
3) А посли втерлысь и въ окладъ. Тамъ-же.
4) Бувають всякыи станы. Тамъ-же.

Котори праведно жылы",
„Скажы-жъ, моя голубка сыза".
Ище Эней Ягы спытавъ:
„Чомъ батька я свого Анхыза
И доси въ вичи не выдавъ
Ни зъ гришными, ни у Плутона?
Хиба ему нема загона, [1])
Куда ёго щобъ засадыть?
„Винъ божои, сказала, крови
И по Венерыній любови [2])
Де схоче, буде тамъ и жыть".

***

Балакавшы зійшлы на гору,
На землю силы отдыхать,
И попотившы саме въ пору,
Тутъ прынялыся розглядать—
Анхыза щобъ не прогуляты,
Обрыдло бо и такъ шукаты. [3])
Анхызъ же бувъ тоди въ нызу [4])
И похожавшы по долыни,
Объ мыленькій своій дытыни
Водывъ по мизку коверзу.
Якъ-глянь на гору ненарокомъ,
И тамъ свого сынка узривъ;
Побигъ старый не просто—бокомъ
И ввесь отъ радосты згоривъ,
Хватавсь зъ сынкомъ поговорыты,
О всихъ спытатысь, роспросыты
И повыдатысь хоть часокъ,
Энеечка свого обняты,
По батькивськи поциловаты,
Его почуты голосокъ.

***

—„Здоровъ, сынашу, ма дытыно!" [5])
Анхызъ Энееви сказавъ.
„Чи се-жъ тоби такы не стыдно,
Що довго я тебе тутъ ждавъ?
Ходимъ лышень къ моій господи, [6])
Тамъ поговорымъ на свободи,
За тебе будемъ мирковать".
Эней стоявъ такъ, мовъ дубына,
Котылась зъ рота тилько слына—
Но смивъ мерця поцеловать. [7])
Анхызъ сю бачывшы прычыну—
Чого сыночокъ сумовавъ,

---

[1]) Хиба йому нема загона. Изд. 1808 г
. . . . закона. Изд. 1809 и 1842. (Принимаемъ первое разночтеніе, какъ болѣе подходящее по смыслу.
[2]) И выбера все по любови. Изд. 1808 г.
[3]) И даромъ тутечкы не хляты. Тамъ-же.
[4]) Анхызъ тогди въ яру гулявъ,
. . . .
Любымои своей дытыны
Съ часу на часъ все дожыдавъ. Тамъ-же.
[5]) Здоровъ, сыночку, ма дытятко! Изд. 1842.
[6]) Тамъ поговорымъ о прыгоди,
Про тебе будемъ мирковать Изд. 1808.
[7]) И самъ не знавъ, що и начать. Тамъ-же.

И самъ хотивъ обнять дытыну— [1])
Та ба: уже не въ ту попавъ...
Прынявсь ёго щобъ научаты,
И тайносты ему сказаты:
Якый Энеевъ буде плидъ,
Якіи диты будуть жвави, [2])
На свити зроблять скилько славы,
Якымъ то хлопцямъ буде дидъ.

***

Тогди то въ пекли вечерныци
Лучылысь, бачышъ, якъ на те,—
Булы дивкы та молодыци
И тамъ робылы не пусте;
У *ворона* соби игралы,
Весельныхъ писенёкъ спивалы, [3])
Спивалы тутъ и колядокъ;
Палылы клоччя, ворожылы,
По спыни лещетамы былы,
Загадувалы загадокъ.
Тутъ заплиталы *джерегели* [4])
Дробушечкы на головахъ;
Скакалы по полу *вегери*
Въ тиснои бабы по лавкахъ;
А въ коминъ суженыхъ пыталы,
У хатнихъ виконъ пидслухалы,
Ходылы въ пивничъ по пусткамъ,
До свичкы ложечкы палылы,
Щетыну изъ свыни смалылы.
Або жмурылысь по куткамъ.

***

Сюды прывивъ Анхызъ Энея
И мижъ дивокъ сыхъ посадывъ;
Якъ неука и дуралея.
Прынять до гурту ихъ просывъ;
И щобъ обомъ имъ услужылы,
Якъ знають, такъ поворожылы—
Що стринеться зъ его сынкомъ:
Чи винъ хоть трохы уродлывый,
Къ чому и якъ Эней щаслывый,
Щобъ всихъ спыталысь ворожокъ.
Одно дивча була гостренька
И саме ухо прехыхе,
Швыдка, гнучка, хыска, порскенька
Було зъ діявола лыхе!
Вона тутъ тилько и робыла,
Що всимъ гадала, ворожыла,
Могуща въ дили тимъ була;
Чи брехенькы яки сточыты,

---

[1]) Хотивъ обнять свою дытыну. Тамъ же.

[2]) Якыи хлопци будуть брави. Тамъ-же.

[3]) Весильни писенькы спивалы,
Спивалы тутъ и веснянкы
. . . .
У жмуркы гралы, въ ладкы былы
Загадували загадкы. Тамъ-же.

[4]) Начиная этимъ стихомъ, въ изданіи 1808 г. пропущено 40 стиховъ, именно до стиха
„И заразъ въ горщечокъ наклала“.

Кому именння прыложыты—
То такъ якъ-разъ и додала!

***

Прывидця заразъ ся шептуха
И прымостылась къ старыку,
Ему шепнула биля уха
И завела зъ нымъ ричъ таку:
„Ось я сынкови загадаю,
Поворожу и попытаю,
Ему, що буде, роскажу.
Я ворожбу такую знаю,
Хоть що по правди отгадаю
И вже николы не збрешу“.
И заразъ въ горщычекъ наклала [1])
Видёмскихъ разныхъ, всякыхъ травъ,
Яки на Констянтина рвала,
И то гниздо, що ремезъ клавъ;
Васылькы, папороть, шевлію,
Петривъ батигъ и конвалію,
Любыстокъ, просерень, чебрець; [2])
И все це налыла водою
Погожою, непочатою,
Сказавшы скилькось и словець.

***

Горщокъ сей черепкомъ накрыла,
Поставыла его на жаръ,
И тутъ Энея прысадыла,
Щобъ огонёкъ винъ роздувавъ.
Якъ розигрилось, зашыпило,
Запарылось, заклекотило,
Ворочалося зъ верху въ нызъ,—
Эней нашъ насторошывъ уха,
Мовъ чоловичый голосъ слуха;
Те чуе и старый Анхызъ.
Якъ сталы роздувать пыльнише,
Горщокъ той дуже клекотавъ;
Почулы голосъ выразнише,
И винъ Энею такъ сказавъ:
„Энею годи вже журытысь!
Одъ его мае росплодытысь!
Велыкый и завзятый ридъ, [3])
Всимъ свитомъ буде управляты,
По всихъ усюдахъ воюваты,
Пидверне всихъ соби пидъ спидъ.

***

И рымськіи поставыть стины,
Въ ныхъ буде жыты, якъ въ раю;
Велыки зробыть перемины
Во всимъ окружнимъ тамъ краю;
Тамъ буде жыть та пожываты,
Покиль не будуть цилуваты
Ногы чіеись постола.., [4])

---

[1]) И заразъ въ горщычокъ наклала
. . . .
Яки на Ӥвановъ вечиръ рвала. Изд. 1808.

[2]) Любыстокъ, проскурень. Изд. 1808.

[3]) Велыкый дуже сыльный ридъ. Изд. 1808.

[4]) Ногы якоись... Изд. 1808.

Но видсиль часъ тоби вбыраться [1])
Изъ панъ-отцемъ своимъ прощаться,
Щобъ голова тутъ не лягла".
Сего Анхизу не бажалось,
Щобъ попрощатыся зъ сынкомъ;
И въ голову ему не клалось,
Щобъ зъ нымъ такъ бачытысь мелькомъ.
Та ба! вже ничымъ пособыты,—
Энея треба видпустыты,
Изъ пекла вывесты на свитъ.
Прощалыся и обнималысь, [2])
Слизьмы гиркымы облывалысь—
Анхызъ крычавъ, якъ въ марти китъ.

* * *

Эней зъ Сывыллою старою
Изъ пекла биглы на-простецъ;
Сынокъ ворочавъ головою,
Покы ажъ не сховавсь отецъ.
Прыйшовъ къ Троянцямъ помаленьку,
И крався нышкомъ потыхеньку,
Де имъ веливъ себе пождать.
Троянци покотомъ лежалы
И на дозвилли добре спалы,— [3])
Эней и самъ уклався спать.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТА.

Борщивъ якъ тры не поденькуешъ,
На моторошни засердчыть;
И заразъ тягломъ закышкуешъ
И въ буркоти закендюшыть.
Колы-жъ що напхомъ зъязыкаешъ,
И въ теребъ добре зжывотаешъ;
То на весели занутрыть;
Объ лыхо вдаромъ заземлюешъ,
И ввесь забудъ свій зголодуешъ
И бигъ до горя зачортытъ

Та що абыщоты верзлядомъ,—
Не казку кормомъ соловьять:
Ось-ну закалыткуй брязкаломъ
То радощи заденежать.
Колы давало спьятакуешъ,
То, може, чуло зновынуешъ,
Якъ що съ тобою спередыть;
Куда на плавахъ човноваты,
Якъ угодыли Юнонаты
И якъ Эней заминервыть.

---

[1]) Но видсиль ты сейчасъ вбырайся,
И съ панотцемъ своимъ прощайся. Тамъ-же.

[2]) Прощалыся и цылувалысь. Изд. 1808.

[3]) И на розсвити добре спалы. Изд. 1808.

***

Мене за сю не лайте мову,
Не я іи скомпоновавъ;
Сывыллу лайте безтолкову,
Іи се мизокъ смусовавъ.
Се такъ вона коверзовала,
Энееви пророковала,
Йому де поступатысь якъ:
Хотила мизокъ закрутыты,
Щобъ грошей бильше улупыты,
Хоть бидный бувъ Эней и такъ.
Та треба зъ лыха догадаться,
Якъ прыйде узломъ до чогось;
А зъ видьмою не торговаться,
Щобъ хлыпаты не довелось.
Подяковавъ старую суку
Эней за добрую науку,
Шагивъ зъ дванадцять въ руку давъ.
Сывылла грошыкы въ калытку,
Пиднявшы пелену и свытку,—
Изслызла—мовъ лыхый злызавъ.

***

Эней, избувшы сучу бабу,
Якъ мога швыдче на човны,
Щобъ не дала Юнона швабу,
Що загубывъ-бы и штаны. [1])
Троянци, въ човны посидавшы
И швыдко ихъ поодпыхавшы,
По витру гарно поплылы;
Греблы съ діявола вси дружно,
Що де-якымъ ажъ стало душно,
По хвыли веселця гулы.
Плывуть, ажъ витры забурчалы
И закрутылы, не шутя,
Завылы гризно, засвысталы—
Нема Энееви пуття!
И зачало човны выхаты,
То сторчъ, то на бикъ колыхаты,
Що враґъ устоить на ногахъ;
Троянци зъ ляку задрижалы,
Якъ лыху помогты, не зналы,
И гралы тилькы на зубахъ.

***

Якъ ось ставъ витеръ ущухаты
И хвыли трохы уляглысь;
Ставъ мисяць съ хмары выглядаты—
И звизды на неби блысь-блысь!
Агу, Троянцямъ легше стало
И тяжке лыхо зъ серця спало, [2])
Уже бо думалы пропасть.
Зъ людьмы на свити такъ бувае,
Колы кого михъ полякае,
То посли торба спать не дасть.
Уже Троянци вгамовалысь,
Могорычу вси потяглы;
И мовъ менькы повывертались,
Безпечно спаты залягли,
Ажъ ось поромщыкъ ихъ проноза,
На землю впавъ, якъ михъ изъ воза

---

[1]) Що опынывся-бъ въ сатаны. Изд. 1842.
[2]) И тяжке горе зъ серця спало. Тамъ-же.

И, мовъ на пупъ, репетовавъ:
„Пропалы вси мы зъ головамы,
Прощаймось зъ тиломъ и душамы,
Остатній нашъ народъ пропавъ.

***

„Заклятый островъ передъ намы
И мы его не мынемо,
Не проплывемъ нигде човнамы.
А на йому пропадемо;
Жыве на острови царыця
Цирцея—люта чаривныця
И дуже злая до людей;
Яки лышъ не остережуться,
А ій на островъ попадуться,
Тихъ переверне на звирей.
Не будешъ тутъ ходыть на пари,
А пидешъ заразъ чотырьма;
Пропалы, якъ Сирко въ базари,
Готовте шыи до ярма!
По нашому хохлацьку строю
Не будешъ цапомъ, ни козою,
А вже запевне, що воломъ:
И будешъ въ плузи похожаты,
До броваря дрова таскаты,
А може пидешъ бовкуномъ.

***

Ляхъ цвенькаты уже не буде,
Загубыть чуйку и жупанъ,
И не позвалямъ тамъ забуде,
А заблее такъ, якъ баранъ.
Москаль бодай бы не козою
Замекекекавъ зъ бородою,
А Прусъ хвостомъ не завылявъ,
Якъ, знаешъ, лысъ хвостомъ выляе,
Якъ дуже дойда налягае,
И якъ чухрай угонку давъ.
Цесарци ходять журавлямы,
Цирцеи служать за гусаръ
И въ острови тимъ сторожамы.
Италіянець же маляръ—
Исквапнишій на всяки штукы,
Спивакъ, танцюра на вси рукы,
Уміе и чыживъ ловыть,—
Сей переряженъ въ обезьяну,
Ошійныкъ носыть изъ сапьяну
И осужденъ людей смишыть.

***

Французы-жъ давніи сипакы,
Головоризы, ризныкы,
Си перевернути въ собакы,
Чужи щобъ грызлы маслакы.
Воны и на владыку лають,
За горло всякого хватають;
Грызуться и промижъ себе:
У ныхъ хто хытрый, то и старшый,
И знай всимъ намынае парши—
Чупрыну всякому скубе.
Повзуть Швейцарци червякамы;
Голландци квакають въ багни;
Чухонци лазять муравьямы,—
Прызнаешъ жыда тамъ въ свыни.
Индыкомъ ходыть тутъ Гишпанець,
Кротомъ же лазыть Португалець,
Звиркуе Шведынъ вовкомъ тамъ.
Датчанынъ добре жеребцюе,

Медведемъ Турчынъ тамъ танцюе,—
Побачыте, що буде намъ“.

***

Биду побачывъ немынучу,
Троянци вси и панъ Эней
Зибралыся въ одну вси кучу
Подумать о биди своей.
И мыттю тутъ уговорылысь,
Щобъ вси хрыстылысь и молылысь,
Щобъ тилькы островъ имъ мынуть.
Молебень же втялы Еолу,
Щобъ витрамъ по його изволу
Въ другый бикъ повеливъ дмухнуть.
Еолъ молебнемъ вдовольнывся
И витривъ заразъ одвернувъ,
Троянськый плавъ переминывся,
Эней буть звиромъ увыльнувъ.
Ватага вся повеселила,
Горилка съ пляшокъ булькотила,
Нихто ни капли не пролывъ.
Потимъ взялыся за весельца
И пригребнулы вси одъ серця,
Мовъ-бы Эней по почти плывъ.

***

Эней, по човну похожая,
Роменськый тютюнець курывъ;
На вси чотыри розглядая,
Колы-бъ чого не пропустывъ.
—„Хвалите, крыкнувъ, братци, Бога,
Гребите дужче, яко мога.
Отъ Тибръ передъ носомъ у насъ.
Ся ричка Зевсомъ обищана,—
И съ берегамы намъ виддана,
Гребы! отъ закрычу шабасъ.
Гребнулы, разъ, два, тры, чотыри,
Якъ на! у берега човны...
Троянци наши чупрындыри
На землю скыць,—якъ тамъ булы!
И заразъ сталы розкладатысь,
Копаты, строить, ташоватысь,
Мовъ имъ пидъ лагеръ судъ одвивъ.
Эней крычыть: „моя тутъ воля,
И килько окомъ скынешъ поля,
Скризь геть настрою городивъ“.

***

Земелька ся була Латынська,
Завзятый царь въ ній бувъ Латынъ;
Старый скупындя—скурвасынська,
Дрижавъ, якъ Каинъ, за алтынъ.
А також вси його пидданци
Носылы подрани галанци, [1])
Дывывшысь на свого царя.
На гроши тамъ не козерялы,
А въ китькы крашанкамы гралы,—
Не визьмешъ даромъ сухаря.
Латынъ сей, хочъ не дуже блызько,
А все Олымпськымъ бувъ ридня,
Не кланявся никому нызько,
Для його все була брыдня.
Мерыка, кажуть, його маты

До Фавна стала учащаты
Да и Латына добула.
Латынъ дочку мавъ чепуруху,
Проворну, гарну и моргуху,
Одна у його и була.

***

Дочка була зальотна птыця
И зъ-заду, спереду, кругомъ;
Червона, свижа, якъ кыслыця,
И все ходыла павычомъ.
Дородна, росла и красыва,
Прыступна, добра, не спесыва.
Гнучка, юрлыва, молода;
Хочъ хто на неи ненарокомъ
Закыне молодецькимъ окомъ,
То такъ іи и вподоба.
Таке дивча—кусочокъ ласый;
Заслынысся, якъ глянешъ разъ,—
Що ваши гречеськи ковбасы,
Що вашъ первакъ грушевый квасъ!
Завійныця одъ неи вхопыть,
На голову насядe клопитъ.
А, може, тьохне и не тамъ. [1])
Поставыть рогомъ ясни очи,
Що не доспышъ петривськой ночи,—
Те по соби я знаю самъ.

***

Сосидни хлопци женыхалысь
На гарну дивчыну таку,
И сватать де-яки пыталысь,
Яки хотили, щобъ смаку
Въ Латыновій дочци добыться.
Въ царя прыданымъ пожывыться,
Геть, геть и царство за чубъ
взять.
Но ненечка іи Амата,
Въ души своій була строката,
Не всякый ій любывся зять.
Одынъ бувъ Турнъ царьокъ нешпет-
ный,
Съ Латыномъ у сосидстви жывъ,
Дочци и матери прыкметный
И батько дуже зъ нымъ дружывъ.
Не въ шутку молодець бувъ жвавый,
Товстый, высокый, кучерявый
Обточеный, якъ огирокъ.
И війска мавъ свого чимало,
И грошикивъ таки брязчало,—
Куды не кынь бувъ Турнъ царьокъ.

***

Царь Турнъ щось дуже пидсыпався
Царя Латына до дочкы,
Якъ зъ нею бувъ, то выправлявся
И пиднимавсь на каблучкы.
Латынъ, дочка, стара Амата,
Що-день одъ Турна ждалы свата,
Уже нашылы рушныкывъ
И всякыхъ всячынъ напрыдбалы,
Яки на сватанни давалы,
Все сподивалысь старостивъ.
Колы чого въ рукахъ не маешъ,

---

[1]) А може тьохне и не такъ. Тамъ-же.

То не хвалыся, що твое;
Що буде, ты того не знаешъ,
Утратышъ, може, и свое.
Не розглядившы, кажуть, броду,
Не суньсь прожогомъ першый въ воду,
Бо щобъ не насмишывъ людей.
И перше въ волокъ подывыся,
Тогди и рыбою хвалыся,
Бо будешъ йолопъ, дуралей.

***

Якъ пахло сватаннямъ въ Латына
И ждалы тилько четверьга,
Ажъ тутъ Анхызова дытына
Прыпленталась до берега.
Зо всимъ своимъ Троянськымъ племямъ
Эней не марно тратывъ время,
По молодецьку закурывъ:
Горилку, пыво, медъ и брагу
Поставылы передъ ватагу,
Для збору въ трубы засурмывъ.
Троянство, знаешъ, все голодне
Сыпнуло рысью на той клыкъ;
Якъ галичъ въ времья непогодне,
Вси пиднялы велыкый крыкъ;
Сывушкы заразъ ковтонулы
По кившыку, и не здригнулы
И докосылысь до потравъ.
Все військо добре убырало,
Ажъ по за ухамы лящало,
Одынъ передъ другымъ хватавъ.

***

Вбыралы сичену капусту
Шаткованy и огиркы
(Хоть се було въ часъ мьясопусту)
Хринъ зъ квасомъ, редьку, бурякы,
Рябка, тетерю, соломаху...
Якъ не було, поилы зъ маху
И вси трощылы сухари,
Що не було, все позъидалы,
Горилку всю повыпывалы,
Якъ на вечери косари.
Эней оставывъ изъ носатку
Було горилкы про запасъ,
Но клюкнувъ добре для порядку,
Розсердывсь, якъ бува у насъ,
Хотивъ послиднимъ подилытысь,
Щобъ до кинця уже напытысь,
И добре цивкою смыкнувъ;
За нымъ и вся його голота
Тяглы, покы була охота,
Що деякый и хвистъ надувъ.

***

Барыльци, пляшечкы, носатку,
Суліи, тыквы, баклажкы—
Все высушылы безъ остатку,
Посуду потовклы въ шматкы;
Троянци съ хмелю просыпалысь,
Скучалы, що не похмелялысь;
Пишлы, щобъ землю озырать,
Где имъ указано селытысь,
Жыть, будоватыся, женытысь,

И щобъ Латынцивъ роспізнать.
Ходылы тамъ, чи не ходылы,
Ажъ ось вернулысь и назадъ,
И чепухы нагородылы,
Що панъ Эней не бувъ и радъ.
Сказалы, люде тутъ бормочуть,
Языкомъ дывнымъ намъ сокочуть,
И мы ихъ мовы не втнемо!
Слова свои на „усъ“ кончають,
Якъ мы що кажемъ имъ, не знають,
Мижъ ными мы пропадемо.

***

Эней тутъ заразъ взявъ догадку;
Велывъ побигты до дякивъ
Купыть *Пїарскую* граматку,
Полуставцивъ, октоихивъ;
И всихъ зачавъ самъ мордуваты,
По верху, по словахъ складаты,—
Латынськую тму, мну, здо, тло;
Троянське племя все зисило
Коло кныжокъ, що ажъ потило,
И по Латынському гуло.
Эней одъ ныхъ не одступався,
Тройчаткою всихъ прыганявъ;
И хто хоть трохы линовався,
То тымъ субиткы и дававъ.
За тыждень такъ Латыну взналы,
Що вже зъ Энеемъ розмовлялы
И говорылы все „на усъ“
Энея звалы Энеусомъ,
Уже не паномъ—Доминусомъ,
Себе-жъ звалы Троянусъ.

***

Эней, Троянцивъ похвалывшы,
Що такъ Латыну понялы,
Сывушкы въ кубочкы налывшы,
И могорычъ вси запылы.
Потимъ зъ десятокъ що-мудрій-
шыхъ,
Въ латыни що найрозумнишыхъ,
Зъ ватагы выбравшы якъ разъ,
Пославъ послами до Латына
Отъ имени свого и чына,—
А съ чымъ пославъ, то давъ пры-
казъ.
Послы, прыйшовшы до столыци,
Послалы до царя сказать,
Що до його и до царыци
Эней прыславъ поклонъ отдать,
И съ хлибомъ, зъ силью и зъ другымы
Подаркамы предорогымы,
Щобъ познакомыться съ царемъ;
И якъ добьеться панськой ласкы,
Эней сподаръ и царь Троянскій,
То прыйде самъ въ царскый теремъ.

***

Латыну тилько що сказалы,
Що одъ Энея есть послы,
И съ хлибомъ, съ силью прычвалалы,
Да и подаркы прынеслы,
Хотять Латыну поклоныться,
Знакомыться и подружыться,
Якъ тутъ Латынъ и закрычавъ:
„—Впусты! я хлиба не цураюсь,

И зъ добрымы людьмы братаюсь,
Отъ на ловця звиръ наскакавъ!"—
Веливъ тутъ заразъ прыбираты
Свитлыци, сины, двиръ месты,
Клечання по двору сажаты,
Шпалеривъ ризныхъ прынесты
И выбывать царську хату;
Лыбонь поклыкавъ и Амату,
Щобъ и вона дала совитъ;
Якъ лучче, краще прибыраты,
Де, якъ коврамы застылаты
И пидбырать до цвиту цвитъ.

***

Пиславъ гонця до богомаза,
Шобъ мальовання накупыть;
И такъ же разного прыпаса,
Щобъ що було и исть и пыть.
Вродылось ренське съ курдымономъ
И пыво чорнее зъ лымономъ,
Сывушкы-же трохы не съ спустъ;
Де не взялысь волы, телята,
Бараны, вивци, поросята,—
Латынъ прыбравсь, мовъ на запустъ.
Отъ прывезлы и мальованне
Роботы первійшыхъ мастривъ,
Царя Гороха пsímованье,
Потреты всихъ богатыривъ:
Якъ Александръ цареви Пору
Дававъ изъ війскомъ добру хльору;
Чернецъ Мамая якъ побывъ,
Якъ Муромецъ Илья гуляе,
Якъ бье Варягъ и проганяе, [1])
Якъ Переясливъ боронывъ.

***

Бова съ Полканомъ якъ водывся;
Одынъ другого якъ выхривъ;
Якъ Соловій Харцызъ женывся,
Якъ въ Польщи Желизнякъ ходывъ.
Патретъ бувъ Француза Картуша,
Протывъ його стоявъ Гаркуша,
А Ванька Каинъ впереди.
И всякыхъ всячынъ накупылы,
Вси стины ными облипылы—
Латынъ дывывсь ихъ красоти.
Латынъ такъ добре спорядывшы,
Кругомъ все въ хатахъ оглядавъ,
Свителкы, сины обходывшы,
Соби уборы добыравъ:
Плащемъ зъ клейонкы обернувся,
Циновымъ гудземъ застебнувся,
На голову взявъ капелюхъ;
Надивъ на ногы кынди нови
И рукавыци взявъ шкапови,
Надувсь, мовъ на огни лопухъ.

***

Латынъ якъ царъ въ своимъ наряди

---

[1]) Якъ бы Половцивъ проганяе. Тамъ-же.

Ишовъ въ кругу своихъ вельможъ,
Котори вси булы въ паради,
Надувшысь всякый зъ ныхъ, якъ йоршъ.
Царя на дзыглыкъ посадылы,
А самы мовчкы одступылы
Одъ покутья ажъ до дверей.
Царыця-жъ сила на ослони
Въ едамашковому шушони.
Въ кораблыку изъ соболей.
Дочка Лавыся—чепуруха
Въ нимецкимъ фуркальци була,
Вертилась, якъ въ окропи муха,
Въ верцадло очи все пьяла.—
Одъ дзыглыка-жъ царя Латына
Скризь послана була рядныня,
До самой фиртки и воритъ;
Стояло військо тутъ зальотне,
Волове, кинне и пихотне
И ввесь бувъ зибраный повитъ.

***

Посливъ ввелы къ царю съ пыхою,
Якъ водылося у Латынъ;
Неслы подаркы предъ собою:
Пырягъ завдовшкы изъ аршинъ,
И соли крымкы и бахмуткы,
Лахмиття розного тры жмуткы—
Эней Латыну що прыславъ.
Послы къ Латыну прыступылысь
Тры разы нызько уклонылысь,
А старшый рацію сказавъ:

„—Энеусъ ностеръ магнусъ панусъ
И славный Троянорумъ князь,
Шмыглявъ по морю, якъ Цыганусъ,—
Адъ те, о рексъ! прыславъ нункъ насъ!
Рогамусъ, домине Латыне,
Нехай нашъ капутъ не загыне,
Пермитте жыть въ земли своей,
Хоть за пекуніи, хоть гратисъ,
Мы дякуваты будемъ сатисъ
Бенефиценціи твоей.

***

О рексъ, будь нашымъ Меценатомъ
И ласкамъ туамъ покажы,
Энеусу зробыся братомъ,
О Оптиме, не одкажы;
Энеусъ принцепсъ есть моторный,
Вродлывый, гарный и проворный, [1])
Побачышъ самъ инномине!
Велы акципере подаркы
Зъ ласкавымъ выдомъ и безъ сваркы,
Що прыслани черезъ мене.
Се кылымъ—самольотъ чудесный—
За Хмеля выткався царя,—
Лита пидъ облака небесни,
До мисяця и где зоря.
Не можна стилъ нымъ застылаты
И передъ лижкомъ простылаты
И тарадайку закрывать.

---

1) [illegible]

Царивни буде винъ въ прыгоду,
И то найбильшъ для того году,
Якъ замужъ прыйдеться давать.

***

Ось скатерть Шльонская нешпетна,
Іи у Лыпську добулы,
Найбильше тымъ вона прыкметна,
На стилъ якъ тильки настелы,
И загадай якои стравы,
То заразъ вродяться потравы,
Яки на свити тильки есть:
Пывце, вынце, медокъ, горилка,
Рушныкъ, нижъ, ложка и тарилка,—
Царыци мусымъ сю пиднесть.
А се сапьянци самоходы,
Що въ ныхъ ходывъ ище Адамъ;
Въ старынныи пошыти годы,
Не знаю, якъ досталысь намъ:
Лыбонь досталысь отъ Пендосивъ,
Що въ Трои намъ утерлы носивъ,—
Про те Эней зна молодець;
Сю ричъ якъ ридку и старынну
Пидносымо царю Латыну,
Съ поклономъ нызькимъ на ралець".

***

Царыця, царъ, дочка Лавына
Сглядалыся промижъ себе,
Изъ рота покотылась слына,
До себе всякый и гребе,
Яки досталысь имъ подаркы,
Насылу обійшлось безъ сваркы.
Якъ ось Латынъ сказавъ посламъ:
„—Скажите вашому Энею,—
Латынъ изъ цилою симьею
Крый Боже, якъ вси ради вамъ.
И вся моя маетность рада,
Що Богъ васъ навернувъ сюда;
Мни мыла ваша вся громада,
Я не пущу васъ никуда;
Прошу Энею поклонытысь
И хлиба солы не цуратысь
Кусокъ останній роздилю.
Дочка у мене одыначка
Хозяйка добра, пряха, швачка,
То, може, и въ ридню вступлю."

***

И заразъ попросывъ до столу
Латынъ Энеевыхъ бояръ,
Пылы горилкы до изволу
И илы бублыкы, кавьяръ:
Бувъ борщъ до шпундривъ зъ буракамы,
А въ юшци потрухъ зъ галушкамы,
Потимъ до соку каплуны;
Зъ отрибкы баба—шарпанына,
Печена зъ часныкомъ свынына,
Крохмалъ—якый идять паны.
Въ обидъ пылы заморськи вына,
Не можна всихъ ихъ роскавать,
Бо потече изъ рота слына
У де-кого, якъ опысать:
Пылы сикизку, деренивку

И Крымську вкусную дуливку—
Що то айвовкою зовуть.
На виватъ зъ мужчыривъ стрыляли,
Тутъ—громко трубачи игралы,
А многолитъ дякы ревуть.

***

Латынъ по царському звычаю
Энею дары отрядывъ:
Лубенського шматъ короваю,
Корыто Опишнянськыхъ слывъ,
Орихивъ кыивськыхъ смаженыхъ,
Полтавськыхъ пундыкивъ пряженыхъ
И гусячыхъ пьять кипъ яець;
Рогатого скота зъ Лыпянкы,
Сывухы—видеръ зъ пьять будянкы,
Сто решетыливськыхъ овець.
Латынъ старый и полыгався
Зъ Энеемъ нашымъ молодцемъ;
Эней и зятемъ назывався—
Но дило красыця кинцемъ!
Эней пры щастю безъ помихы
Вдавався въ жарты, игры, смихы,
А о Юнони и забувъ,
Його котора не любыла
И скризь за нымъ, где бувъ, слидыла,
Нигде одъ неи не ввыльнувъ.

***

Ирыся, цьохля проклятуща,
Завзятиша одъ всихъ брехухъ,
Олимпська мчалка невсыпуща,
Крыклывиша изъ щебетухъ,
Прыйшла, Юнони росказала,
Энея якъ Латынъ прыймала,
Якый мижъ ными есть укладъ;
Эней за тестя мавъ Латына,
А сей Энея, якъ за сына,
И що въ дочкы зъ Энеемъ ладъ.
—„Эге, Юнона закрычала,
Поганець якъ же розибравъ,
Я нарошно йому спускала,
А винъ и ногы розиклавъ!
Ого, провчу я высикаку
И перцю дамъ йому и маку,
Потямыть, якова-то я:
Пролью Троянську кровъ, Латынську,
Вмишаю Турна скурвасынську,
Я наварю имъ кисиля!"—

***

И на, черезъ штафетъ къ Плутону
За подпысомъ своимъ приказъ,
Щобъ фурію винъ Тезыфону
Пославъ къ Юнони той-же часъ;
Щобъ ни въ берлыни, ни въ дормези,
И ни въ рыдвани, ни въ портшези,
А бигла-бъ на перекладныхъ;
Щобъ не було въ пути препоны,
Щобъ заплатывъ на тры прогоны,
Щобъ на Олымпъ вродылась въ мыгъ.
Прыбигла фурія изъ пекла

Ехыднища одъ всихъ видьомъ,
Зла, хытра, злобная, запекла,
Робыла зъ себе скризь содомъ.
Ввійшла къ Юнони зъ ревомъ, стукомъ,
Зъ велыкымъ трескомъ, свыстомъ, гукомъ,
Зробыла объ соби лепортъ.
Якъ разъ взялы іи гайдукы
И повелы въ теремъ пидъ рукы,
Хоть такъ страшна була, якъ чортъ.

***

„Здорова,—люба, мыла доня",
Юнона въ радощахъ крычыть,
До мене швыдче, Тезефоню,
И циловать іи бижыть.
„Сидай, голубко, якъ ся маешъ?
Чи пса Троянського ты знаешъ?
Теперъ къ Латыну завитавъ
И крутыть тамъ, якъ въ Карфагени;
Достанеться дочци и нени,
Латынъ шобъ въ дурни не попавъ.
Ввесь знае свитъ, що я незлобна,
Людей губыты не люблю;
Но ричъ така богоугодна,
Колы Энея погублю:
Зробы ты похоронъ зъ весилья
Задай ты добре всимъ похмилья,
Хоть-бы побралы всихъ чорты.
Амату, Турна и Латына,
Энея гадового сына,—
Пужны по своему ихъ ты!"

***

„Я наймычка твоя покорна,
Ревнула фурія, якъ гримъ:
На всяку хить твою неспорна,—
Сама Троянцивъ всихъ поимъ.
Амату зъ Турномъ я зъеднаю
И сымъ Энея укараю;
Латыну въ тимья духъ пущу,—
Побачуть то богы и люде,
Що зъ сватання добра не буде,—
Всихъ всихъ въ шматочкы потрощу"—
И перекынулась клубочкомъ,
Кить-кить зъ Олымпа, якъ стрила;
Якъ шла черидка вечерочкомъ—
Къ Амати шусть—якъ тамъ була.
Смутна Амата пирья драла,
Слизкы ронyла и вздыхала,
Що Турнъ князьокъ не буде зять!
Кляла Лавыніи родыны,
Кляла кумивъ, кляла хрестыны,—
Та що жъ,—проты рожна не прать.

***

Яга пидъ пелену пидкравшысь,
Гадюкой въ серце поповзла;
По всихъ куточкахъ позвывавшысь,
Въ Амати рай соби найшла.
Отравыла іи утробу, [1])
Наклала злости, мовъ-бы бобу,
Амата стала не своя:

---

[1]) Въ отравлену іи утробу. Тамъ-же.

Сердыта лаяла, крычала,
Себе, Латына проклынала
И всимъ давала тryшія.
Потимъ и Турна навистыла
Пресуча, лютая яга,
И изъ сього князька зробыла
Энею лышнього врага.
Турнъ по военному звычаю
Зъ горилкою напывшысь чаю,
Сказать по просту, пьяный спавъ;
Яга тыхенько пидступыла,
И люте сныще пидпустыла,
Що Турнъ о тимъ не помышлявъ.

***

Іому, бачъ, сонному верзлося,
Буцимъ Анхызове дытя
Зъ Лавыніею гдесь зійшлося
И женыхалось не шутя:
Буцимъ зъ Лавысей обнимався,
Буцимъ до пазухы добрався,
Буцимъ и перстень зъ пальця знявъ;
Лавыся перше мовъ пручалась,
А посли мовъ угамовалась
И ій буцимъ Эней сказавъ;
—„Лавысю, мылее кохання,
Ты бачышъ, якъ тебе люблю;
Рутулець Турнъ тобе вже свата,
За нымъ, бачъ, тягне и Амата,
И ты въ йому находышъ смакъ.
До кого хить ты бильшу маешъ,
Скажы, кого зъ насъ выбыраешъ?
Нехай я згыну неборакъ!“—

***

„—Жывы, Энеечку, мій мылый,
Лавыся сей дала одвитъ,—
Для меня завжды Турнъ постылый,
Очамъ моимъ одынъ ты свитъ!
Тебе колы я не побачу,
То день той и годыну трачу;
Мое ты щастя, жывоты!
Турнъ швыдче нагле околіе,
Нижъ дурень мною завладіе,
Я вся твоя, и панъ мій ты!“—
Тутъ Турнъ безъ памьяты схватывся,
Стоявъ, якъ въ землю врытый стовпъ;
Одъ злости, хмелю ввесь трусывся,
И сна одъ яву не росчовпъ:
—„Кого,—мене? и хто—Троянець?
Голякъ, втикачъ, прыплентачъ, ланець!
Звесты, Лавынію отнять?
Не князь я! гирше шмаровоза,
И дамъ соби уризать носа,
Колы Эней Латыну зять.

***

Лавыся—шматъ не для харцыза,
Якый пройдысвитъ есть Эней;
А то,—и ты, голубко сыза,
Изгынешъ одъ рукы моей,
Я всихъ поставлю вверхъ ногамы,
Не подарую васъ душамы,

А бильшъ Энею докажу.
Латына-же, старого дида,
Прыжму незгирше, якъ сосида,
На колъ Амату посажу.
И заразъ лыстъ пославъ къ Энею,
Щобъ выйшовъ бытысь самъ на самъ,
Помирявсь сылою своею
Доставъ одъ Турна по усамъ;
Хоть на кіи, хоть кулакамы,
Поштурхатысь по-пидъ бокамы,
Або побытысь и на смерть.
А также пхнувъ винъ драгомана
И до латыньского Султана,
Щобъ и сьому мордасы втерть.

***

Ехыдна фурія раденька,
Що по іи все дило йшло;
До людьскихъ бидъ вона швыденька,
И горе мыло ій було.
Махнула швыдко до Троянцивъ,
Щобъ сыхъ Латынськыхъ постоялцивъ
По своему осатаныть.
Тогди Троянци вси зъ хортамы,
Збыралысь ихать за зайцямы,
Князька свого повеселыть.
„Но горе гришныкови сущу,
Такъ кыивськый скубентъ сказавъ,
Благыхъ дилъ вовсе не имущу;
Хто божыи судьбы пизнавъ!
Хто где не дума, тамъ ночуе,
Хотимъ де бигты, тамъ гальмуе,
Такъ гришными судьба вертыть!"—
Троянци самы то пизналы,
Зъ малои речи пострадалы,
Якъ то чытатель самъ узрыть.

***

Поблызь Троянська кочовання,
Бувъ на отліоти хуторокъ,
Було въ нимъ щупле будовання,
Ставокъ бувъ, гребля и садокъ.
Жыла Аматына тамъ нянька,
Не знаю, жинка, чы панянка,
А знаю, що була стара:
Скупа, и зла, и воркотуха,
Наушныця и щебетуха,
Давала чыншу до двора,—
Ковбасъ десяткивъ зъ тры Латыну,
Лавыніи къ Петру мандрыкъ,
Амати въ тыждень по алтыну,
Тры фунты воску на ставныкъ;
Льнянои пряжи тры пивмиркы
И двисти валяныхъ гнотивъ.
Латынъ одъ няньки нажывався,
Зате-жъ за няньку и вступався,
За няньку хоть на нижъ готивъ.

***

У няньки бувъ биленькый цуцыкъ,
Іи винъ завжды забавлявъ;
Недуже простый—родомъ муцыкъ,

Носывъ поноску, танцювавъ,
И паніи лызавъ одъ скукы
Частенько ногы скризь, и рукы,
И тименьици выгрызавъ.
Царивна часто зъ нымъ игралась,
Сама царыця любовалась,
А царъ то часто годувавъ.
Троянци, въ рогы затрубывшы,
Пустылы гончыхъ въ чагари,
Кругомъ болото обступывшы,
Бычамы ляскалы псари;
Якъ тилько гончи заганялы,
Загавкалы, заскавучалы,
То муцыкъ, вырвавшысь на двиръ,
На голосъ гончыхъ одизвався,
Чмыхнувъ, завывъ, до ихъ помчався.
Стременный думавъ, що то звиръ.

***

„А тю його, гуджа!“ и крыкнувъ,
И зъ своры поспускавъ хортивъ;
Тутъ муцыкъ до земли прылыпнувъ
И духъ одъ ляку затаивъ;
Но псы, донюхавшысь, доспилы,
Шарпнулы муцыка, иззилы
И посмокталы кисточкы.
Якъ вясть така дошла до нянькы,
То очи выпьяла, якъ банькы,
А зъ носа спалы и очкы.
Осатанила вража баба
И крыкнула, якъ на жывитъ,
Зробылась заразъ дуже слаба,
Холодный показався питъ.

Порвалы маточни прыпадкы,
Истерыка и лыхорадкы,
И спазмы жылы потяглы;
Пидъ нисъ ій клалы ассафету
И теплую на пупъ сервету
И ще клистиръ зъ ромну далы.

***

Якъ тилько къ памяти вернулась,
То заразъ галасъ пидняла;
До неи челядь вся сунулась, —
Для дыва, якъ весь свитъ кляла.
Потимъ, схватывшы головешку
И выбравшысь на добру стежку,
Чкурнула просто до Троянъ —
Вси курени ихъ попалыты,
Энея заколоть, побыты
И всихъ троянськыхъ бусурманъ.
За нею челядь покотыла,
Схватывшы, хто що запопавъ:
Кухарка чаплію вхопыла,
Лакой тарилкамы шпурлявъ;
Рублемъ тамъ прачка храбровала,
Зъ дійныцей рычка наступала,
Гуменный зъципомъ скризь совавсь;
Тутъ рота косаривъ зъ гребцямы
Шлы бытысь съ косамы, съ граблямы,
Нихто одъ бою не цуравсь.

***

Но у Троянського народу
За шагъ алтына не просы;

Хто москаля объихавъ зроду?
А займешъ, ногы уносы.
Завзятого Троянци кшталту,
Не струсять ни чійого гвалту
И носа хоть кому утруть;
И нянчыну всю рать розбылы,
Скаличылы, роспотрошылы
И всихъ въ тисный загналы кутъ.
Въ сіе то нещасливе времья
И въ самый штурхобочный бой
Троянське и Латынське племья
Якъ умывалося маской,
Прыбигъ гонець съ пысьмомъ къ Латыну,
Нерадостну прывизъ новыну,
Князь Турнъ ему войну пысавъ;
Не въ пыръ, бачъ, запрошавъ напытысь,
А въ поле вызывавъ побытысь;
Гонець и на словахъ додавъ:

***

—„Царю Латыне неправдывый!
Ты слово царськее зломавъ;
За те узолъ дружелюбывый
На викы съ Турномъ розирвавъ.
Одъ Турна шматъ той однимаешъ,
И въ ротъ Энееви соваешъ,
Що Турнови самъ обищавъ.
Выходь-же завтра навкулачкы,
Видтиль, може, полизешъ рачкы,
Бодай и лунь щобъ не злызавъ".—
Не такъ разсердытся добродій,
Колы панъ возный позовъ дасть;
Не такъ лютуе голый злодій,
Колы не мае що украсть;
Якъ нашъ Латынъ тутъ розгнивыйся
И на гинця сього озлывся,
Що губы зъ серця покусавъ:
И тилько одповидь хтивъ латы [1])
И гнивъ царськый свій показаты,
Посолъ щобъ Турнови сказавъ.

***

Якъ выглянувъ въ викно зненацька,
Прыйшовъ Латынъ въ великый страхъ;
Побачывъ люду скризь багацько
По улыцяхъ и всихъ куткахъ;
Латынци перлыся товпамы,
Шпурлялы въ гору вси шапкамы:
Крычалы въ голосъ на ввесь ротъ,
—„Война, война проты Троянцивъ,
Мы всихъ Энеовыхъ поганцивъ
Побьемъ—искоренымъ ихъ родъ!"
Латынъ старый бувъ не рубака
И воюватысь не любывъ,
Одъ слова „смерть" винъ неборака
Бувъ безъ душы и мовъ не жывъ.
Винъ стычку тилько мавъ на лижку,
Амати якъ не гравъ пидъ нижку

[1]) И тилько отповидь мавъ даты. Изд. 1842 г.

И то тогди якъ пидтоптавсь;
Безъ того жъ бувъ всегда тыхенькый, [1])
Якъ всякый дидъ старый слабенькый,
Въ чужее дило не мишавсь.

***

Латынъ и серцемъ и душею
Далекый бувшы одъ війны,
Зибравшысь зъ мудростью своею,
Щобъ не попастысь въ кайданы,—
Зизвавъ къ соби панивъ вельможныхъ,
Старыхъ, чыновныхъ и заможныхъ,
Которыхъ рады слухавъ самъ;
И выславшы геть-пречь Амату,
Завивъ ихъ всихъ въ свою кимнату,
Таку сказавъ ричь старшынамъ:
—„Чи вы одъ чаду, чи съ похмилля?
Чи чортъ за душу удряпнувъ?
Чи напылысь дурного зилля,
Чи глуздъ за розумъ завернувъ?
Скажить,—съ чого війна взялася,
Съ чого ся мысль вамъ прыплелася?
Колы я тишывся війною?
Не звиръ я—людску кровъ пролыты,
И не харцызъ, людей щобъ быты,
Для мене гыдкый всякый бой!

***

„И якъ війну весты безъ збруи,
Безъ війска, хлиба, безъ гарматъ,
Безъ грошей? Головы вы буи!
Якый васъ обезглуздывъ катъ?
Хто буде зъ васъ провіянтмейстеръ,
Або хто буде кригсъ-цалмейстеръ,
Кому казну повирю я?
Не дуже хочете вы бытысь,
А тилько хочете нажытысь,
И буде все бида моя.
Колы сверблять у васъ у кого
Чи спына, ребра, чи бокы;
На що просыты вамъ чужого?
Мои царскыи кулакы [2])
Почешуть ребра вамъ и спыну,
Колы-жъ то мало, я дубыну
Готовъ на ребрахъ сокрушыть.
Служыть вамъ радъ малахаямы,
Ризкамы, кошкамы, кіямы, [3])
Щобъ жаръ военный потушыть.

***

Покыньте-жъ се дурне юнацтво
И розійдиться по домахъ,
Панове выборне боярство;

---

[1]) Безъ того-жъ завжды бувъ тыхенькый. Тамъ же.

[2]) Мои велыкы кулаки. Тамъ-же.

[3]) Ризкамы, кнуттамъ и кіямы. Тамъ-же.

А про війну и въ головахъ
Соби николы не кладите,
А мовчкы въ запичкахъ сыдите,
Розгадуйте, що исть и пыть.
Хто-жъ о війни проговорытся,
Або кому війна прысныться,
Того пошлю куныць ловыть". [1])—
Сказавшы се, махнувъ рукою
И заразъ винъ пишовъ съ кимнатъ
Бундючно-грозною ходою,
Що всякый бувъ соби не радъ.
Прыстыжени його вельможи
На йолопивъ булы похожи.
Нихто зъ устъ пары не пустывъ.
Нешвыдко бидни схаменулысь
И въ ратушъ пидтюпцемъ пустылысь, [2])
Уже якъ вечеръ наступывъ.

*
* *

Тутъ думу довгую держалы
И всякъ компоновавъ свое,
И въ голосъ громко закрычалы:
Що на Латына всякъ плюе
И на грозьбу не уважае,
Войну-жъ зъ Энеемъ начынае,
Щобъ некрутъ заразъ набырать,
И не просыть щобъ у Латына,
Съ казны його а-ни алтына,
Боярськи гроши шафовать.
И такъ Латынь заворушылась,
Задумавъ всякъ побыть Троянъ;
Видкиль та храбрость уродылась
Протывъ Энеевыхъ прочанъ?
Вельможи царство взбунтовалы,
Противъ царя всихъ научалы;
Вельможи, лыхо буде вамъ.
Вельможи, хто царя не слуха,
Такимъ обризать нисъ и вуха,
И въ рукы всимъ отдать катамъ.

* *
*

О музо, панночко парнасська!
Спустысь до мене на часокъ,
Нехай твоя научыть ласка,
Нехай твій шепчеть голосокъ;
Латынь къ війни якъ снаряжалась,
Якъ армія ихъ набыралась,
Якый порядокъ въ війску бувъ;
Вси опышы мундыры, збрую
И казку мни скажы такую,
Якой ище нихто не чувъ.
Бояре вмыгъ скомпоновалы
На аркушъ манифестъ кругомъ,
По всихъ повитахъ розислалы,
Щобъ війско шло пидъ коруговъ,
Щобъ головы вси обголялы,
Чупрыны довги оставлялы,
А усъ въ пивлокоть-бы тырчавъ;
Щобъ сала и пшона набралы,
Щобъ сухаривъ понапикалы,
Щобъ ложку, казанокъ всякъ мавъ.

---

[1]) Тому дамъ чортъ-зна що робыть. Тамъ-же.
[2]) [illegible]

*
* *

Все військо заразъ роспысалы
По разнымъ сотнямъ и полкамъ;
Полковныкивъ понаставлялы,
Далы патентны сотныкамъ.
По городамъ всякъ полкъ назвався,
По шапци всякый розлычався,
Впысалы військо пидъ ранжыръ;
Всимъ сыни скроилы жупаны, [1])
На спидъ-же билыи каптаны,
Щобъ бувъ козакъ, а не мугыръ:
Въ полкы людей роспредилывшы,
И по квартырямъ розвелы,
И всихъ въ мундыри нарядывши,
Къ прысязи заразъ прывелы.
На коняхъ сотныкы фынтылы,
Хорунжи усыкы крутылы,
Табаку нюхавъ Асаулъ;
Урядныкы зъ Атаманамы
Новымы чванылысь штанамы, [2])
И ратныкъ всякый губы дувъ.

*
* *

Такъ, вичной памьяты, бувало
У насъ въ гетьманщыни колысь,
Такъ просто військо шыковало
Не знавшы: стій, не шевелысь;
Такъ славныи полкы козацьки
Лубенскій, Гадяцкій, Полтавськый
Въ шапкахъ було, якъ макъ, цвитуть.
Якъ грянуть, сотнямы ударять,
Передъ себе спысы наставлять,
То мовъ метлою все метуть.
Було тутъ військо волонтыри,
То всякыхъ юрбыця людей,
Мовъ запорожци чупрындыри,
Що ихъ не втне и Асмодей.
Воно такъ, бачышъ, и не гарне,
Якъ кажуть то, нерегулярне,
Та до війны самый злый гадъ:
Чи вкрасты що, языкъ достаты
Кого жывцемъ чи обидраты,
Ни сто не вдержыть ихъ гарматъ.

*
* *

Для сыльной арміи своеи,
Рушныць, мушкетивъ, оружжынъ
Наклалы повни магазеи,
Гвынтивокъ, фузій безъ пружынъ,
Булдымокъ, флынтъ и яннчарокъ.
А въ особлывый закамарокъ
Спысивъ, пикъ, ратыщъ — гакивныць,
Булы тутъ страшныи гарматы,
Одъ выстрилу дрижалы хаты,

---

[1]) Пошылы сыни всимъ жупаны. Тамъ-же.
[2]) Новымы чванылысь шапкамы. Тамъ-же.

А пушкари то клались ныць.
Жлукта и улыкы на пушкы
Робыть галылы на-захватъ;
Днища, оснивныци, ветушкы
На прынадлежность прыправлять.
Нужда переминыть законы!
Квачи, помела, макогоны
Въ пушкарне видомство пишлы;
Колеса, бендюгы и кары
И самыи церковни мары
Въ депо пушкарськее тяглы.

***

Держась военного обряду,
Готовылы зазделегидь
Багацько всякого снаряду,
Що сумно ажъ було глядить.
Для куль—то галушкы сушылы,
А бомбъ—то зъ глыны налипылы,
А слывъ солоныхъ—для картечъ;
Для щытивъ ночвы прыпасалы,
И дна изъ дижокъ выбывалы
И прыпрявлялы всимъ до плечъ.
Не малы палашивъ, ни сабель,—
У ныхъ, бачъ, Тулы не було;
Не саблею-жъ убытъ и Авель—
Полино смерть ему дало!
Соснови копысткы стругалы
И до бокивъ поначиплялы
На валяныхъ виріовочкахъ.
Изъ лыкъ плетени козубенькы,
Зъ якымы ходять по опенькы,
Булы, мовъ сумы, на плечахъ.

***

Якъ амуныцю спорядылы,
И насушылы сухаривъ,
На сало кабанивъ набылы,
Взялы подимне одъ дворивъ;
Якъ пидсусидкивъ роспысалы
И выборныхъ поназначалы,
Хто тяглый, конный, хто-же пишъ,
За себе хто, хто на пидставу,
Въ якее військо, сотню, лаву,
Порядокъ якъ завивсь незгиршъ:
Тогди ну військо муштроваты,
Учыть мушкетный артыкулъ,
Впередъ якъ ногу выкыдаты,
Ушкварыть якъ на калавуръ.
Колы пишкомъ,—то маршъ шульгою,
Колы верхомъ, гляды-жъ—правою
Щобъ шкапа скочыла впередъ.
Такее ратнее фыглярство
Було у ныхъ за регулярство,
И все Энееви на вредъ.

***

Мовъ посполытое рушення
Латына въ царстви началось,
Повсюды муштра та учення,
Все за жолнирство прынялось.
Дивкы на прутахъ розъизджалы,
Цыпкамы хлопцивъ муштровалы,
Стари-жъ учылысь кыдать въ циль.

А бабъ старыхъ на пичъ сажалы
И на печи ихъ штурмовалы,—
Бачъ, для баталіи въ прымиръ.
Булы Латынци дружни люде
И воюватысь малы хить,
Не вси зъ добра, хто одъ прычуды,
Щобъ бытыся, то радъ летить.
Сгоряча часу перши тры дни
Зносылы всяке збижжя, злыдни
И отдавалы все на рать:
Посуду, хлибъ, одежу, гроши,
Своей отчызны для сторожи,
Що не було где и дивать.

* * *

Се поралася такъ Амата,
Къ війни Латынцивъ пидвела;
Смутна була для нои хата—
На улыци все и жыла;
Жинкы зъ Аматою зъеднались,
По всему городу таскалысь
И пидмовлялы воевать.
Робылы зъ Турномъ шуры-муры
И затялысь, хоть вонъ изъ шкуры,
Энееви дочкы не дать.
Колы жинкы где замишалысь
И имъ ворочаты дадуть,—
Колы зъ розсказамы втаскались,
Та пхыкання ще додадуть,—
Прощай на-викъ тогди съ порядкомъ,
Пишло все къ чорту неоглядкомъ,
Жинкы поставлять на свое.
Жинкы! колыбъ вы бильше илы,
А меншъ пащыковать умилы,
Булы-бъ въ раю вы за сіе.

* * *

Якъ Турнъ биснуется, лютуе,
Въ сусидни царства шле посливъ,
Чи хто изъ ныхъ не поратуе
Проты Трояньскыхъ злыхъ сынивъ;
Колы Латынъ одъ поедынкивъ
Сховавсь пидъ спидъ своихъ будынкивъ,
И ждавъ, що буде за кинець;
Колы Юнона скризь литае,
Всихъ на Энея повертае,
Весильный збыть зъ його винець—
Гуде въ Латіи дзвинъ вищовый
И гасло всимъ къ войни дае,
Щобъ всякъ Латынець бувъ готовый
Къ войни, въ яку ихъ злость веде.
Тамъ крыкъ, тутъ галасъ, тамъ клепало,
Тиснытся людъ—и все трищало:
Війна въ кровавыхъ рызахъ тутъ;
За нею раны, смерть, увиччя,
Безбожность и безчоловичча—
Хвистъ мантіи іи несуть.

* * *

Була въ Латіи сынанога,
Збудована за давнихъ литъ
Для Януса, сердыта бога,—
Который дывныхъ бувъ прымитъ:
Винъ мавъ на голови дви твари,

Чи гарныи булы, чи хари,
Объ тимъ Вергилій самъ мовчыть;
Но въ мырне времья запырався;
Колы-жъ изъ храма показався,
Якъ разъ війна и закыпыть.
По дзвону вся Латынь сунула,
До храма съ крыкомъ вси неслысь,
И навстижъ двери одимкнула,
И Янусъ выбигъ, якъ харцызъ.
Военна буря закрутыла,
Латыньске серце замутыла,
Завзятость всякого бере;
—„Войны, войны",—крычать, бажають,
Пекельнымъ пламенемъ палають
И молодее и старе.

* *
*

Латынци військо хоть зибралы,
Да треба-жъ къ війську должностныхъ,
Яки-бъ на щотахъ класты зналы,
Яки пысьменниши изъ ныхъ.
Уже-жъ се мусыть всякый знаты,
Що військо треба харчоваты,
И воинъ безъ вына хомякъ.
Безъ бытой голои копійкы,
Безъ сей прелестныци злодійкы.
Не можна воювать ніякъ.
Булы златыи дни Астреи
И славный бувъ тогди народъ;
Миняйливъ бралы въ казначеи,
А фыгляры пысалы щотъ;
Къ роздачи порціи—аптекарь,
Картіожныкъ--хлибный добрый пекарь,
Гевалдыгеромъ—бувъ шынкарь,
Вожатымы—слипци, каликы,
Ораторамы—недорикы,
Шпіономъ—зъ церквы паламарь.

*
* *

Всього не можна опысаты,
Въ Латіи що тоди було;
Уже зволялыся чытаты,
Що въ голови у ныхъ гуло.
Къ війни хапалысь, поспишалысь
И самы о свити не зналысь,
И все робылы на зворотъ:
Що строить треба, те ламалы,
Що треба кынуть, те ховалы,
Що класть въ кышеню, клалы въ ротъ.
Нехай турбуются Латынци,
Готовлятся проты Троянъ,
Нехай выдумують гостынци
Энею нашому въ изъянъ.
Загляньмо, Турнъ що коверзуе,
Троянцямъ рать яку готуе,
Бо Турнъ и самъ дзындзыверъ-зухъ!
Колы чи пье—не пролывае,
Колы чи бье—то вже влучае,
Іому людей давыть,—якъ мухъ!

*
* *

То й выдно, що не бувъ въ зневази,
Бо вси сосидни королькы,
По просьби,—мовъ-бы по прыкази,

Позапаляючы люлькы,
Пишлы въ походъ зъ своимъ народомъ,
Зъ начиннямъ, потрухомъ и плодомъ,
Щобъ Турнови допомогать,—
Не дать Энееви женытысь,
Не дать Латіи пожывытысь, —
Къ чортамъ Энейцивъ всихъ послать.
Не хмара сонце заслоныла, [1])
Не выхоръ порохомъ вертыть,
Не галичъ чорна поле вкрыла,
Не витеръ буйный се шумыть,—
Се військо йде всима шляхамы,
Се ратне брязкотыть збруямы,
Въ Ардею городъ поспиша [2]).
Стовбъ пороху пидъ небо вьется,
Сама земля, здается, гнется,—
Энею, где теперъ душа?

***

Мезентій напередъ Тирренськый
Предъ страшнымъ воинствомъ гряде;
Було полковныкъ такъ Лубенськый
Колысь къ Полтави полкъ веде,
Пидъ земляни Полтавськы валы
(Де Шведы голову поклалы),
Полтаву матушку спасать;
Пропалы шведы тутъ прочвары,
Пропавъ и валъ, а булевары
Досталось намъ теперъ топтать.
Засимъ на бендюгахъ плетется
Байструкъ Авентій попадычъ,
Зъ своею челядью ведется,
Якъ зъ блюдолызамы панычъ.
Знакомого винъ пана внучокъ,
Добродій песыкивъ и сучокъ
И лошакивъ минять охочъ.
Авентій бувъ розбійныкъ спупку, [3])
Всихъ тормошывъ, валывъ на купку,
Дывывся бисомъ, гадомъ, сторчъ.

***

Тутъ військо коннее валылось
И дуже ручее було;
Отаманъ звався Покотыллосъ,
А осаулъ Караспуло.
Се грецеськыи проскиносы
Изъ биломорья все пендосы,—
Зъ Мереа, Дельта, Кефалосъ;
Везлы зъ собою лыгомыны,
Олыву, мыло, рыжъ, маслыны
И капама, кебабъ калосъ.
Цекулъ Пренестськый коваленко [4])
Въ Латію зъ військомъ такъ-же ихавсь;
Такъ Сагайдачный зъ Дорошенкомъ
Козацькимъ військомъ велычавсь.
Одынъ зъ бунчукомъ передъ ратью,
Позади другый пьяну братью
Донськымъ нагаемъ пидгонявъ.
Рядочкомъ ихалы гарненько,

---

[1]) Не хмара сонце заступила. Тамъ-же.

[2]) Столичный Рутульскій городъ.

[3]) Авентій рожденъ отъ жрицы Реи и Геркулеса.

[4]) Цекулъ рожденъ отъ Вулкана.

Зъ люліокъ тютюнъ тяглы смачненько,
А хто на коныку кунявъ.

***

За сымы плентавсь розбышака
Нептунивъ сынъ—сподаръ Мезапъ,
До бою бувъ самый собака
И лобомъ бывся такъ, мовъ цапъ.
Боець, ярунъ и задырака,
Стрилець, кулашныкъ и рубака
И дужый бувъ зъ его хлопакъ;
Въ выскы кому було якъ впнется,
Той на сухо не отдерется;
Такый Ляхамъ бувъ Желизнякъ.
Другымъ шляхомъ, зъ другого боку
Агамемноненко Талесъ
Летыть, мовъ поспиша до строку
Або къ води горячый песъ;
Веде орду велыку, многу
Рутульцеви на пидпомогу;
Тутъ людъ бувъ розныхъ языкивъ:
Булы Аврунци, Сыдыцяне,
Калесци и Сытыкуляне,
И всякыхъ ризныхъ козакивъ.

***

За сымы панськая дытына—
Тезеевычъ панъ Ипполытъ,
Надута, горда, зла лычына
Зъ велыкимъ воинствомъ валыть.
Се бувъ панычъ хорошый, повный,
Чорнявый, красный, сладкомовный,
Що й мачуху бувъ пидкусывъ.
Винъ не дававъ никому спуску,
Одныхъ богынь мавъ на закуску,
Бравъ часто тамъ, де не просывъ.
Не можна далеби зличыты,
Яки народы тутъ плелысь,
И на папиръ сей положыты,
Якъ, съ кымъ, колы, видкиль взялысь.
Выргилій, бачъ, не намъ бувъ ривня,
А выдно, що начухавъ тимья,
Покы дрибненько опысавъ.
Булы Рутульци и Сиканци,
Аргывци, Лабикы, Сакранци,
Булы таки, що врагъ ихъ зна.

***

Тутъ же наиздныця скакала
И військо не мале вела;
Собою всихъ людей лякала
И все, мовъ помеломъ мела;
Ся звалась дива-царь Камылла,
До пупа жинка—тамъ кобыла,
Кобылячу вся мала стать:
Чотыри ногы, хвистъ съ прыкладомъ,
Хвостомъ моргала, была задомъ,
Могла и говорыть и ржать.
Колы чувавъ хто о Полкани,
То се була його сестра;
Найбильшъ блукалы по Кубани,
А родъ ихъ выйшовъ з-за Днистра.
Камылла страшна воевныця

И знахурка и чаривныця
И скора ни бигу була;
Чрезъ горы и ричкы плыгала,
Изъ лука митко въ циль стриляла,
Багацько крови пролыла.

***

Така-то збирныця валылась,
Энея щобъ побыты въ пухъ,
Уже Юнона где озлылась,
То тамъ запры крипкенько духъ.
Жаль, жаль Энея неборака,
Колы його на миль, якъ рака,
Зевесъ допустыть посадыть.
Чи винъ ввильне отъ сей напасти,
Побачымо то въ пятой части,
Колы удастся змайстерыть.

ЧАСТЬ V.

Бида не по деревьяхъ ходыть,
И хто жъ іи не скуштовавъ?
Бида биду, говорять, родыть,
Бида для насъ,—судьбы уставъ!
Эней въ биди, якъ птычка въ клитци;
Запутався мовъ рыбка въ ситци;
Терявся въ думахъ молодець.
Ввесь свитъ, здавалось, зговорывся,
Ввесь мыръ на його напустывся,
Щобъ розорыть його въ кинець.
Эней ту бачывъ страшну тучу,
Що на його війна несла;
Въ ній бачывъ гыболь немынучу,
И мучывсь страшно, безъ чысла.
Якъ хвыля хвылю проганяла,
Такъ думка думку пошыбала;
Къ Олымпськымъ рукы протягавъ.
Надеждою хоть пидкреплявся,
Но перемины винъ боявся
И духъ його изнемогавъ.

***

Ни ничъ його не вгамувала,
Винъ о війни все сумовавъ;
И вся колы ватага спала,
То винъ по берегу гулявъ,
Хоть зъ горя сыльно изнемигся;
Мовъ простый на писку улигся,
Та думка спаты не дала.
Скажить! тогди чи дуже спытся,
Якъ доля противъ насъ ярытся
И якъ для насъ фортуна зла?
О сонъ! зъ тобою забуваемъ
Все горе и свою напасть;
Чрезъ тебе сылы набыраемъ;
Безъ тебе-жъ мусилы-бъ пропасть.
Ты ослабившыхъ укрипляешъ;
Въ тюрми невынныхъ утишаешъ;
Злодіивъ снищамы страшышъ;
Влюбленныхъ ты до купы зводышъ,
Зли замыслы къ добру прыводышъ,
Пропавъ, одъ кого ты бижышъ.

***

Энея мысли турбовалы,
Но сонъ такы свое бере;
Тилесни сылы въ кимъ охлялы,
Въ тимъ духъ не швыдко, та замре.
Эней заснувъ и бачыть сныще:
Предъ нымъ стоить старый дидыще,
Обшытый ввесь очеретомъ;
Винъ бувъ соби ковтуноватый,
Сидый, въ космахъ и пелехатый,
Зигнувсь, пидпершыся ципкомъ.
„Венерынъ сыну! не жахайся,
Дидъ очеретяный сказавъ:
И въ смутокъ дуже не вдавайся,
Ты гиршіи биды выдавъ;
Війны кривавой не страшыся,
А на Олымпськыхъ положыся,
Воны все злее отдалять.
А що мои слова до дила,
Лежыть свыня пидъ дубомъ била
И трыдцять билыхъ поросятъ.

***

„На тимъ-то берлози свыноты
Іулъ построить Албу градъ,
Якъ трыдесять промчатся годы,
Зъ Юноною якъ зробышъ ладъ.
Однаково-жъ самъ не плошайся,
Зъ Аркадянамы побратайся,
Воны Латынцямъ вороги;
Троянцивъ зъ нымы якъ зъеднаешъ,
Тогди и Турна осидлаешъ—
Все військо выбьешъ до ногы.
Вставай, Энею! годи спаты,
Вставай и Богу помолысь,
Мене ты мусышъ также знаты:
Я Тыбръ старый!—ось прыдывысь.
Я тутъ водою управляю,
Тоби я вирно помагаю,
Я не прочвара, не упырь.
Тутъ будеть градъ надъ городамы,
Поставлено такъ мижъ богамы“...
Сказавшы се, дидъ въ воду нырь.

***

Эней пробуркався, схопывся
И духомъ моторнійшый ставъ;
Водою Тыбрською умывся,
Богамъ молытвы прочытавъ.
Велывъ два човны снаряжаты
И сухарямы запасаты,
И воинивъ туда сажать.
Якъ млость пишла по всьому тилу:
Свыню уздривъ пидъ дубомъ билу
И трыдцять билыхъ поросятъ.
Звеливъ ихъ заразъ поколоты
И дать Юнони на обидъ,
Щобъ сею жертвою свыноты,
Себе избавыты одъ бидъ.
Потимъ въ човны метнувсь хутенько,
Поплывъ по Тыбру внызъ, гарненько,
Къ Эвандру помочи просыть:
Лисы, вода, пискы зъумылысь,
Яки се два човны пустылысь
Съ одвагою по Тыбру плыть.

***

Чи довго плывъ Эней,—не знаю,
А до Эвандра винъ доплывъ; [1])
Эвандръ по давньому звычаю,
Тогди для празныка курывъ.
Зъ Аркадянамы веселывся,
Надъ варенухою трудывся
И хмиль въ ихъ головахъ бродывъ;
И тилько що човны уздрилы,
То вси злякалыся безъ миры,
Одынъ къ Троянцямъ пидступывъ.
„Чи по неволи, чи по воли?“
Крычыть Аркадській имъ горланъ:
„Родылысь въ неби вы,—чи доли?
Чи мыръ намъ везете, чи брань?“
„Троянець я Эней одважный,
Латынцивъ ворогъ я прысяжный“,
Эней такъ съ човна закрычавъ:
„Иду къ Эвандру погостыты,
На перепутти одпочыты,
Эвандръ царь добрый, я чувавъ“.

***

Эвандра сынъ Паллантъ вродлывый,
Къ Энею заразъ пидступывъ;
Отдавъ поклонъ дружелюбывый,
До батька въ гости попросывъ.
Эней съ Паллантомъ обнимався
И въ його прыязнь засталявся,
Потимъ до лису почвалавъ,
Де гардовавъ Эвандръ зъ попамы,
Со старшыною и панамы.
Эней Эвандрови сказавъ:
„Хоть ты и грекъ, та царь прав-
дывый,
Тоби Латынци ворогы;
Я твій товарышъ буду щырый,
Латынци и мени врагы.
Теперъ тебе я супликую
Мою уважыть долю злую
И постояты за Троянъ.
Я кошовый Эней Троянець,
Скытаюсь по мыру, мовъ ланець,
По всимъ товчуся берегамъ.

***

„Прыйшовъ до тебе на одвагу,
Не думавшы, якъ прыймешъ ты;
Чи буду пыты медъ, чи брагу?
Чи будемъ мы соби браты?
Скажы и руку нà въ завдатокъ,
Котора, бачъ, не трусыть схватокъ
И самыхъ злійшыхъ намъ врагивъ.
Я маю храбрую дружыну,
Терпившыхъ гирькую годыну
Одъ злыхъ людей и одъ богивъ.
Мени найбильше дойидае
Рутульскій Турнъ, собачій сынъ;
И лышъ гляды, то и влучае,
Щобъ згамкаты мене, якъ блынъ.
Такъ лучше въ саживци втоплюся,

[1]) Эвандръ—царь Аркадскій.

И лучше очкуромъ вдавлюся,
Нижъ Турнови я покорюсь.
Фортуна не въ його кышени;
Турнъ побува у мене въ жмени,
Дай помичъ!—я зъ нымъ потягнусь".

* *
*

Эвандръ мовчавъ и прыслухався,
Слова Энеевы ковтавъ;
То усъ крутывъ, то осьмихався,
Энееви отвитъ сей давъ:
„Эней Анхызовычъ, сидайте,
Турбаціи не зажывайте,
Богъ мылостывъ для гришныхъ всихъ;
Дамо вамъ війська на пидпомогу,
И провіянту на дорогу,
И грошынятокъ зъ якыйсь михъ.
Не попурайтесь хлиба-солы,
Борщу скоштуйте, галушокъ;
Годуйтесь, кушайте доволи,
А тамъ съ труда до подушокъ.
А завтра, якъ начне свитаты,
Готово військо выступаты,
Куды вы скажете, въ походъ;
За мной не буде остановкы;
Я зъ вамы не роблю умовкы;
Люблю я дуже вашъ народъ".

*
* *

Готова страва вся стояла,
Спишылы вси за стилъ сидать;
Хоть де-яка позастывала,
Що мусилы пидогривать,
Просилне зъ ушкамы, зъ гринкамы,
И юшка съ хлякамы, съ кышкамы,
Телячій лызень тутъ лежавъ;
Ягны и до софорку куры,
Печени разнои тры гуры,
Багацько ласыхъ тожъ потравъ.
Де йистся смачно, тамъ и пьется,
Одъ землякивъ я такъ чувавъ;
На ласое кутокъ найдется,
Эней зъ своимы не дримавъ.
И правда, гости доказалы,
Що жыть воны на свити зналы:
Пылы за жызнь,—за упокой;
Пылы здоровье батька съ сыномъ,
И голь, голь, голь, мовъ клынъ за клыномъ,
Крычать заставывъ на розстрой.

*
* *

Троянци пьяни розбрехалысь
И чванылыся безъ пуття,
Съ Аркадянкамы женыхалысь,
Хто такъ,—а хто и не шутя.
Эвандръ точывъ гостямъ росказы,
Хвалывъ Ираклова проказы,
Якъ злого Кака винъ убывъ;
Якіи Какъ робывъ розбои;
И що для радосты такои
Эвандръ и праздныкъ учредывъ.
Вси къ ночи такъ перепылыся,
Держалысь ледве на ногахъ;
И на ничъ въ городъ поплелыся,
Яки итты булы въ сылахъ.
Эней въ корою замотався

На задвирку хропты уклався,
Эвандръ же въ хату рачкы лизъ,
И тамъ пидъ прылавкомъ зигнув-
шысь,
И цупко въ бурку завернувшысь,
Захрипъ старый во ввесь свій нисъ.

***

Якъ ничъ покрыла пеленою
Тверезыхъ, пьяныхъ,—всихъ людей;
Якъ хрипъ Эней одъ перепою,
Забувшы о биди своей,
Венера безъ спидныци, боса,
Въ халатыку, простоволоса,
Къ Вулкану пидтюпцемъ ишла;
Вона тайкомъ къ Вулкану кралась,
Неначе зъ нымъ и не винчалась,
Мовъ жинкой не його була.
А все то хытрость есть жиноча,
Новынкою щобъ пидмануть;
Хоть гарна якъ, а все охоча
Ище гарнійшою щобъ буть.
Венера пазуху порвала,
И такъ себе пидперезала,
Що вся на выставци була;
Косынку нарочно згубыла,
Грудыну такъ соби одкрыла,
Що всякого бъ зъ ума звела.

***

Вулканъ коваль тогди трудывся,
Зевесу блыскавку ковавъ.
Уздривъ Венеру, затрусывся,
Изъ рукъ и молотокъ упавъ.
Венера заразъ одгадала,
Що въ добрый часъ сюды попала,
Вулкана въ зубы заразъ черкъ;
На шыю вскочыла, повысла,
Вся опустылась, мовъ окысла,
Билкы пидъ лобъ,—и свитъ по-
моркъ.
Уже Вулканъ розмьякъ, якъ кваша,
Венера те соби на усъ:
За дило ну!—бере, бачъ, наша!
Теперъ пидъ його пидобьюсь:
„Вулкасю, мылый, уродлывый!
Мій друже вирный, справедлывый!
Чи дуже любышъ ты мене?“—
„Люблю, люблю, божусь клищамы,
Ковадломъ, молоткомъ, михамы,
Все радъ робыты для тебе“.

***

И прылабузнывсь до Кипрыды,
Якъ до просытеля пысець.
Йій корчывъ разни мыли выды,
Щобы достать соби ралець.
Венера зачала благаты,
И за Энеечка прохаты,
Вулканъ йому що-бъ допомигъ:
Энееви зробывъ бы збрую
Изъ стали, миди,—золотую
Такую, щобъ нихто не змигъ.
„Для тебе?—охъ моя ты плитко“!
Вулканъ, задыхавшысь, сказавъ:

Зроблю не збрую, чудо ридке,
Нихто якого не выдавъ;
Палашъ, шышакъ, панцырь со щытомъ,
Все буде золотомъ покрыто,
Якъ Тульскыи кабатырькы;
Насичка съ черню, съ образкамы,
И зъ куныштыкамы и зъ словамы,
Скризь будуть брязкальця, дзвинкы".

* *
*

А що жъ, не такъ теперъ бувае
Промижъ жинкамы и у насъ?
Колы чого просыты мае,
То добрый одгадае часъ
И къ чоловику прыгниздытся,
Прыщулытся, прыголубытся,
Цилуе, гладыть, лескотыть,
И вси составы ростурбуе
И мизкомъ такъ зaverедуе,
Що сей для жинкы все творыть.
Венера въ облако обвывшысь,
Махнула въ Пафосъ отдыхать,
Одъ всихъ въ свитлыци затворывшысь,
Себе тамъ стала розглядать.
Красы помьяти росправляла,
Въ волосси кудри завывала,
Ну, пьятна водамы мочыть.
Венера, якъ правдыва маты,
Для сына рада все отдаты,
Зъ Вулканомъ рада въ кузьни жыть.

* *
*

Вулканъ, до кузни дочвалавшы,
Будыть зачавъ всихъ коваливъ;
Все гриты заразъ извеливъ.
Михы престрашни надымають,
Огонь велыкый роспаляють,
Пишовъ трескъ, стукъ одъ молотивъ.
Вулканъ потіе и трудытся,
Всихъ лае, бье, пужа, ярытся,
Къ роботи прыганя майстривъ.
И сонце злизло высоченько,
Уже часъ сьомый ранку бувъ;
Уже закушовавъ смачненько,
Хто добре пинной лыгнувъ;
Уже онагры захрючалы,
Вороны, горобци крычалы,
Сыдилы въ лавкахъ крамари;
Картьожныкы же спать лягалы,
Финдюркы щокы пидправлялы,
Въ суды пишлы секретари.

*
* *

А наши зъ хмелю потягалысь,
Вчорашній мурдовавъ ихъ чадъ;
Стогналы, харкалы, смаркалысь,
Нихто не бувъ и свиту радъ.
Не дуже рано повставалы
И льодомъ очи протыралы,
Щобъ освижытысь на часокъ.
Потимъ взялысь за оковыту
И склыкалы ричъ посполыту
Поставыть, якъ итты въ походъ.
Тутъ скилько сотень одличылы
Аркадськыхъ жвавыхъ парубкивъ
И въ ратныкы ихъ назначылы;
Далы имъ въ сотныкы панивъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ДЕКАБРЬ
1898 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Г. Кіевъ, 2 декабря 1898 года.

ХАПУНЪ.

(Разсказъ [1]).

—„И блидный мисяць на ту пору
Зъ-за хмары де-де выглядавъ,
Неначе човенъ въ сынимъ мори
То вырынавъ, то потопавъ".
Т. Г. Шевченко.

I.

А не дурная отава вышла на лугу въ урочищѣ Лукѣ у степанскаго батюшки.

На Полѣсьѣ обыкновенно довольствуются однимъ съемомъ травы въ м. августѣ. Отава здѣсь—дѣло новое. И понятно: гдѣ еще такъ много неоглядныхъ луговъ и порослей на болотѣ, тамъ нѣтъ еще нужды въ отавѣ. Послѣ однократной съемки травы, лугъ на все остальное время лѣта служитъ подножнымъ кормомъ для скота.

[1]) Легенда о Хапунѣ принадлежитъ къ числу болѣе или менѣе разработанныхъ сюжетовъ народнаго вымысла. Это любимый народный разсказъ. Замѣчательно, что эта легенда въ своемъ полномъ видѣ особенно, если даже не исключительно, распространена на Волыни. Въ м. Степанѣ до сихъ поръ живетъ еще еврей, о которомъ говорятъ, что онъ былъ въ когтяхъ у Хапуна и лишь случайно спасся отъ неминуемой смерти. *Авторъ.*

Но степанскій батюшка былъ человѣкъ хозяйственный и дальновидный. Въ іюнѣ онъ снялъ первый разъ траву и нашелъ особаго сторожа беречь лугъ для второго покоса. Крестьяне полу-презрительно, полу-насмѣшливо относились къ этой новой затѣѣ и не разъ, проходя мимо урочища, махали рукой и говорили:

— Щось занадто мудрує нашъ мыкульскій пипъ.

„Мудровать" на Полѣсьи и до сихъ поръ еще значитъ начинать то, чего не дѣлали ни батько, ни дѣдъ.

Иванъ Мордашъ былъ человѣкъ рѣшительный и энергичный. Конечно, ему болѣе чѣмъ кому-либо шло быть сторожемъ на лугу, предназначенномъ для отавы. Однако и Мордашу стоило большого труда уберечь лугъ отъ скота. „Лука" была въ верстѣ отъ мѣстечка, и „потрава" случалась чуть не ежедневно. Только что удастся прогнать скотину съ луга, какъ опять другой пастухъ гонитъ свою „худобу". Иной разъ Иванъ такъ „сперечався и лаявся зъ пастухами, що ажъ до Степаня було чутно". Не одинъ разъ онъ приходилъ къ батюшкѣ и съ разбитой „мордою", какъ зна́комъ своего усердія къ службѣ. Лугъ все таки былъ сбереженъ. Вторая трава отъ часто перепадавшихъ лѣтомъ дождей вышла хорошей. Она немногимъ уступала первой. Крестьяне дивились, словно это было и не вѣсть что...

Мордашъ заслужилъ полное расположеніе батюшки: „бувъ у него въ ласци"...

Наступило 9 сентября. Всѣ крестьяне давно уже пашутъ землю подъ озими и забыли про „синожати", а батюшка нанялъ себѣ толоку и, „ото, якъ на дыво, роспочавъ косовыцю".

— Чи ты бачышъ... ажъ мыкульскій пипъ зновъ косыть на Луци?

— Чи вже-жъ?.. Ото заздростный пипъ.

Двадцать косарей, выстроившись въ рядъ „якъ еденъ", мѣрною поступью шли „по груду" и широкими взмахами косъ дружно „забирали" высокую траву. Батюшка былъ тутъ-же и

обѣщалъ имъ добрую „порцію“, если они „выбьють“ всю траву сегодня.

День былъ теплый, но не жаркій. Такіе дни иногда подолгу стоятъ осенью на Полѣсьи. Многіе находятъ, что здѣсь осень бываетъ даже привѣтливѣе и веселѣе лѣта.

Солнце, правда, не поднимается уже такъ высоко, но оно не теряетъ еще своей силы. Оно безподобно хорошо при первыхъ дняхъ осени. Въ густомъ туманѣ выходитъ оно изъ-подъ горизонта и долго „мыгтыть“ надъ лѣсомъ, пока не выберется на ясную лазурь. Днемъ то и дѣло оно прячется за небольшія тучки съ блѣдно-серебристыми краями. Причудливо узорчатыя, снѣжно-бѣлыя громады безъ конца выходятъ изъ-за края неба и мѣрно плывутъ по бездонному просторному небосклону. И чудится, что гдѣ-то тамъ за горизонтомъ могучая сила формируетъ и выпускаетъ эти глыбы волнисто-воздушнаго снѣга и для невѣдомыхъ цѣлей направляетъ на другой край, гонитъ ихъ незримою силою и умѣряетъ температуру къ благополучію полѣщука-работника, которому „дуже гаряче, якъ нема хмары на неби“. Небо во всѣхъ мѣстахъ сохраняетъ синій цвѣтъ, лишь на окраинѣ, гдѣ много сперлось облаковъ, цвѣтъ его нѣсколько темнѣетъ. Въ самый полдень солнце набирается силы и, не смотря на вѣтеръ, порядочно припекаетъ...

Но за то посмотрите, какъ его лучи чудно отливаютъ на нѣсколько поблеклыхъ листьяхъ широкой лѣсной стѣны, которая, какъ лента, съ двухъ сторонъ луга вытянулась на болотѣ. Вглядитесь внимательно въ эту стѣну, пока она еще во всей своей красѣ. Въ самомъ низу ея—пышные кусты одуряющихъ своимъ запахомъ лѣсныхъ травъ, достигающихъ роста человѣка... Выше—громадныя кисти „червонои калыны“ и черной смородины. Зрѣлая дикая малина давно выставляетъ здѣсь на показъ свои плоды, ожидая, когда найдутся охотники подобрать ягоду. Но тщетно... Никому не охота, „соваться въ корчи“ за тѣмъ, что, по взгляду полѣшука, совершенно не существенно... А вверху, надъ всѣмъ этимъ царствомъ разнообразной растительности, высится лѣсной красавецъ—„грабъ“. Играя своими тяжеловѣсными

пунцовыми кистями на солнцѣ, онъ давно показываетъ свое незатѣйливое богатство. Это богатство еще дѣвственное, не тронутое. Можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что рука человѣка еще не касалась этого дерева, на стволѣ котораго, обвившись кругомъ, быть можетъ, грѣется на солнцѣ ужъ или гадюка, свободно и безшумно передвигая свои чешуйчатыя кольца... Въ одномъ мѣстѣ лѣсная стѣна разступилась и образовала какъ бы зеленыя ворота, чрезъ которыя открывается широкая и безконечная скатерть луговъ... Бѣгутъ луга вдаль, чередуясь съ лѣсами и рѣками, и никто не знаетъ, гдѣ они кончаются....

Высоко кружится ястребъ въ привольной лазури, мощно расправляя свои ровныя крылья. Вотъ онъ превратился въ маленькую едва видимую точку, которая, постепенно опускаясь внизъ, растетъ, быстрѣе и быстрѣе летитъ на землю... и, какъ стрѣла, въ одно мгновеніе скрылась за лѣсомъ... А кругомъ чирикаютъ воробьи, кричатъ галки, тукаетъ дроздъ на березѣ... а смердячій удодъ безъ конца дудитъ на болотѣ свою монотонную скучную пѣсню... По сосѣдству съ нимъ ходитъ „боцюнъ" — красавецъ луговъ — и, медленно перебирая высокими стройными лапами, самоуглубленно ищетъ чего-то, не обращая ни на кого и ни на что вниманія.

Посмотрите вы на все это попристальнѣе и скажите: не правда-ли, какой своеобразной чудно-дѣвственной красой дышитъ еще наше Полѣсье? Какимъ разнообразіемъ тоновъ оглашаются еще чащи и трущобы этого края, находящагося, по выраженію полѣшука, „у Бога за пазухою"?

II.

„Добре таки намахалыся косою косари. Нема що... ажъ сорочкы на ныхъ мокри сталы"...

Посмотрѣлъ батюшка на солнце, поднявши голову и приложивъ ладонь руки къ бровямъ, и пошелъ „до воза".

Отъ работниковъ не ускользнуло движеніе батюшки. Они давно хотятъ „полудновать“. Усталые мускулы знаютъ свою существенную связь съ желудкомъ... И если бы батюшка еще продолжалъ глядѣть минуту—другую на солнце, то, должно быть, старшій косарь, что шелъ впереди, повернувшись ненарокомъ къ своимъ товарищамъ, не преминулъ бы сказать:

— А що, брацця, не такы сонце зовсимъ вже на полудень командуе.—Пора-бъ того... и до якого-небудь гурка заглянуты...

Но батюшка и самъ догадался. Подозвавъ двухъ косарей на помощь, онъ велѣлъ достать „казана́“ съ воза, вытащить огурцы, рѣдьку, брюкву и пр. и приготовлять полудень.

Скоро невдалекѣ отъ воза задымился костеръ, и густое удушливое „кураво“ пошло прямо на корчи. Охвативъ своими клубами кусты, оно стлалось густой мглой въ чащѣ кустовъ и выходило оттуда нѣжной пепельной дымкой на Горынь. Дымка рѣяла на рѣкѣ и подымалась на самую вершину высокихъ кустовъ, какъ нѣжная фата на невѣстѣ...

Одинъ за другимъ потянулись косари къ возу съ косами на плечахъ, утирая мокрымъ рукавомъ потное лицо. Молча, важно, безъ лишнихъ словъ, отложивъ косы въ сторону и выпивъ по рюмкѣ водки, усѣлись работники кругомъ груды „пампушокъ, гуркивъ, редьки“ и начали полуднать.

Хорошо полуднаютъ на Полѣсьи. Я такъ думаю, что полѣшукъ, добрую половину дня отмахавшій косою, долженъ таки знать настоящую цѣну аппетиту, потому что даже въ дальнихъ кустахъ синожати слышно, какъ щелкаютъ голодные зубы, ломаются сухари, лопаются огурцы, брюква, рѣдька... И хоть бы кто слово... Еще можно услѣдить, какъ исчезаютъ краюхи хлѣба въ голодныхъ желудкахъ, ну, а на счетъ „гуркивъ, то дарма праця“... Батюшка давнымъ давно постигъ, чего стоитъ у него на „толоци“ голодный полѣшукъ, и, конечно, онъ не даромъ приглашалъ двухъ „парубкивъ“, чтобы снять хлѣбъ и гурки съ воза. Послѣ второй рюмки слегка развязываются языки

у полѣшуковъ, и лишь въ концѣ „полудня" идетъ разговоръ, какъ слѣдуетъ. Полѣшукъ во всемъ любитъ постепенность, хотя и не всегда знаетъ мѣру.

„Казанъ" уже снятъ съ огня. Косари приступили къ крупнику. Клубы густого пара выходятъ изъ „казана". Косари, не глядя, забираютъ внутрь его ложками и ѣдятъ... Масса кузнечиковъ стрекочетъ кругомъ на покосахъ. Нѣкоторые изъ нихъ скачутъ очень близко и прыгаютъ въ „крупныкъ".

— А що це вы не бачыте?--удивляется батюшка, подходя къ „казану",—тожъ дывиццяı скакуны въ казанъ скачуть, а вы йисте?

— А бо що? То ницъ не шкодыть, проше татуня, отвѣтилъ одинъ косарь.

— Тлустійшій крупнычокъ буде,—сказалъ другой. Скакуна ковтнуты все одно, якъ ту фасолыну: и не почуешъ... Буває часамы такій тлустый скакунець—и мяса не потрибно...

Шутили косари, не переставая работать ложками.

— А я то думаю, що разный чоловикъ разно потрибуе: хто гурка, хто сала, а хто и легумыну, а хто може и скакуна. А якъ голодный чоловикъ, то мусыть и халяву глыдаты. Нимцеви це певне зашкодыть, а для насъ—ни. Чулы певне, батюшка, едну байку, якъ мужыкъ йивъ гнылыци и пывомъ запывавъ?

— Ни.

Вся громада, при напоминаніи объ извѣстномъ разсказѣ, засмѣялась.

— То, бачъ, розсказують такъ. Сыдивъ въ корчми мужыкъ и сыдивъ нимець. Добре. Отъ йидять воны соби и пьють. Нимець звычайно попрохавъ соби якоись ковбасы, або може и легумыны, и йисть, а мужыкъ запевне доставъ соби гнылыцьгрушокъ та до ныхъ пыва. Гнылыци йисть, а пывомъ запывае. Добре. Отъ подывывся нимець на ёго йижу тай думае: „отже пропавъ хлопъ, зовсимъ пропавъ, бо видъ грушокъ жывота чимало роспырае, а винъ ще, нà—тоби, пывомъ запывае". А му-

жыкъ не що, все йисть... Добре. Отъ попойивъ трохы мужыкъ, тай каже до корчмара: „дай-но ще пивъ-кватыркы горилкы“... Нимець ажъ рукамы сплеснувъ: „ну, думае, на смерть пье мужыкъ горилку, бо не вытримае“... Напывся мужыкъ, найився, тай пишовъ соби. Отъ черезъ де-якій часъ зновъ прыходыть нимець до корчмы и пытае: „а чы не вмеръ-но той хлопъ, що йивъ грушкы и запывавъ пывомъ?“—„Ни“, кажуть ему... „Якъ-же-жъ то можна“! Давай тоди нимець варыты въ горшку грушкы зъ пывомъ, щобъ, значыцця, подывыцця, що то въ его въ жывоти робылося, въ того мужыка, якъ винъ йивъ... Розвивъ винъ огонь, поставывъ горшокъ зъ пывомъ и накыдавъ туды гнылыць. Грушкы такъ и гуляють по пыви, така булькотня пидняласе... Дывуецця нимець.—„Оце, каже, якъ въ цему горшку, такъ повынно робыцця и въ жывоти того мужыка. А що винъ ще сюды влывавъ“?—пытае.—„А горилку“, кажуть.—А, ну-но, дайте-но ще горилкы!.. Якъ далы ему горилкы, то якъ влывъ винъ въ тую бучу, то грушкы такъ заразъ и осилы на дно, нибы и не кыпилы.—„А, каже, пся-крева-юха, розумный же то бувъ мужыкъ!.. Добре, що горилкою запывъ“...

Сытый, раскатистый смѣхъ разошелся по лугу.

— Такъ и ты скакунци, якъ бы по чарци—по другій горилкы, то де воны и будуть... сдѣлалъ изъ разсказа совершенно неожиданный выводъ „першій“ косарь, поглядывая на батюшку. Выводъ былъ слишкомъ ясенъ. Однако батюшка, облокотившись о „люшню“ воза, смотрѣлъ совершенно въ другую сторону, словно бы покосы считалъ.

Въ заключеніе полдника подали галушки. Такъ какъ это было самое вкусное блюдо и такъ какъ притомъ же его было очень немного, то косари нашли молчаніе болѣе соотвѣтствующимъ случаю. Оно, впрочемъ, длилось не долго.

— А що це ты такъ хапаешъ галушкы, мовъ зроду и не бачывъ ихъ?—не удержался одинъ косарь, чтобы не сдѣлать замѣчаніе своему, должно быть черезъ-чуръ невоздержному, сосѣду.

— А тоби, бачъ, мало?... бо ты певне завше ихъ бачышъ?

— Мало не мало... але чого-жъ такъ ярытыся, мовъ той Хапунъ на жыдка.

— Эй, браця, аже-жъ сегодня въ жыдивъ Хапунъ,—подхватили другіе косари.

— Чы-жъ?

Стали высчитывать—такъ и есть: въ той понедилокъ було Семена, а тепера второкъ"... Хапунъ и есть...

— Ге—ге—ге.. То цеи ночи Хапунъ буде литаты?

— Эге.

Минута-другая прошла въ молчаніи.

— Этъ, чы-жъ тому правд а? усумнился кто-то.

— А вже-жъ такы, колы люде балакають, то щось то воно есть, бо дарма не будуть говорыты.

— Нехай-но хто розскаже про Хапуна. Далеби. Ось покы пополуднаемо, та поточымо трохы косы, то послухалы-бъ...

Батюшкѣ очень не понравилось такое предложеніе. Онъ зналъ, что полудень затянется, и поэтому намѣревался сказать нѣсколько очень убѣдительныхъ словъ о томъ, что „это суевѣріе, ложь, выдумка, что стыдно взрослому да еще крещеному человѣку не только вѣрить, но даже и слушать такія богопротивныя байки", но было уже поздно. Одинъ изъ разсказчиковъ, считавшійся лучшимъ, подложилъ ноги подъ себя и началъ рѣчь...

Пришлось подчиниться обществу. Громада, якъ той казавъ, велыкій чоловикъ... Проты неи не пидешъ". Собственно, эта байка всѣмъ была извѣстна. Каждый полѣшукъ могъ безошибочно разсказать про Хапуна. Но тѣмъ не менѣе всѣ приготовились слушать разсказъ съ такимъ вниманіемъ, какъ будто говорилось нѣчто совершенно новое.

III.

— „Хапунъ, началъ разсказчикъ, це такій особлывый жыдивській чортяка. Его навить не хутко здалеку спизнаешъ, чый

винъ чортъ: чы нашъ, чы не нашъ... Звычайне чорный и зъ такымы же рожками, якъ и у всихъ чортивъ. Кому блызько доведецця бачыты ёго, тильки той добре роздывыцця, що въ ёго биля уха одного и другого крутяцця велыки пейсахы, а на голови, на самому темени, шлёмка сыдыть. На Хапуни бувае лапсердакъ и панчохы зъ патынкамы на ногахъ, звычайне, якъ въ жыда, а за спыною крыла, тай ще хвистъ маталаецця тамъ, де ёму звычайне потрибно буты. Хапае винъ надбильшъ що жыдивъ... Надъ нымы ёму даецця велыка сыла.

— А ты хутнійшъ, якъ хапае... бо це не цикаво.

— Не перебывай-но. Я едно по одному все розскажу... Въ жыдкивъ цёй день прозываецця „Іомъ-кипуръ“. Ще за довго до цёго дня на жыдкивъ находыть смутокъ. Чують воны, що той день вже недалечко, щыро молящя, плачуть, де-котри рвуть на соби одежыну и обсыпають свои головы золою зъ грубкы.

— А до Хапуна хутко?..

— А чого це вы до мене прыстаете? Тожъ я вамъ не дякъ, а вы мени не пипъ, щобъ прыказуваты. Отъ якъ батюшка прыкажуть, то мушу слухаты.

Но батюшка, потерявъ надежду на скорое окончаніе полудня, оставилъ работниковъ въ покоѣ. Сидя на возу, онъ соображалъ, докосятъ-ли сегодня, или нѣтъ? Оставалось немного. Если бы не разговоры, конечно, докосили бы „завыдна“. Онъ уже раскаивался, что назначилъ „косовыцю“ въ такой богатый народными преданіями день. Но кто же можетъ все предвидѣть? Впрочемъ, батюшка справедливо разсудилъ, что если полѣшукъ молчитъ, то молчитъ, ну, а если за то пойдетъ говорить, то лучше ему не перешкожать. Легче остановить рукой мельничное колесо, чѣмъ языкъ разговорившагося полѣшука.

— Ось зовсимъ блызько вже и судный день. Ничого не йидать въ той день ни жыдкы, ни жыдивкы. Тилькы хиба хто канае пры смерти, то дадуть трошкы зъисты. Передъ заходъ сонця бижать жыдкы на ричку, або на ставъ... Найде ихъ—гы-

бель... Постають ось такъ оденъ за однымъ въ рядъ, та все щось шепчуцця, та дывляцця на небо (хто Богу молыцця, а хто выглядае,—чи не летыть-но часамы...), а потимъ начнуть вже кышени свои вытрясаты. Все, що е въ ту мынутыну въ кышени, мусыть полетиты въ воду...

— И гроши навить...—дополнилъ мысль кто-то.

— Дуже вы ласи на гроши, якъ я бачу, якъ той жыдокъ на мацю... Пидить-но теперъ найдить такого дурня, щобъ гроши въ воду выкынувъ. То колысь було, а теперенькы не въ едного, лыхо-ма, жыда не бувае тоди грошей, або якои-небудь коштовнои речи. Бо воны ще зъ вечера повытрясають все, що коштовне, а зоставляють тилькы яку небудь хвальшыву двадцятку, да й та буде зъ дзюркою.

— Хытрый, лыхо-ма, народъ! Знають свою виру, якъ свои пять пальцивъ. Нѣкоторые засмѣялись.

— Тымъ часомъ, продолжалъ разсказчикъ, настае саме свято. Якъ зайде сонце, тоди вже вси жыдкы идуть въ велыку школу, та позасвичують свои свичкы, поскыдають патынкы, зостануцця въ едныхъ панчохахъ и якій звиттиль галасъ чуецця— не доведы Маты Божая! Вси, де хто е, галасують, напручуючысь, ажъ похрыпнуть. Отъ-же жъ и сморидъ стоить въ школи одъ стилька жидовы! Отъ-же и духота бувае! А воны до того ще викна вси позачыняють, щобъ Хапунъ не влетивъ. Сокыру можно повисыты. Зовсимъ жыдкы зблякнуть, зовсимъ осовіють... Ледве, ледве ногы ихъ тримають... Де хто зовсимъ не здужае, той ляже на лавку, пидложывшы лапсердака пидъ головы. А на хорахъ жыдивкы стоять, кывають головамы, та бояцця, щобъ въ котрои свичка не погасла. Бо не дай Боже, щобъ въ котрои погасла! Въ теи жыдивкы буде въ тому роци якесь нещастя. Але якъ же не погаснуть свичци, колы въ школи, кажу вамъ, иде до горы такій чадъ, таке копитья, та сморидъ? А выйты зъ школы не годыцця.

— О... це... ну—ну... заговорили голоса.

— А якъ зобачыть того жыдка, що ему сподобаецця, то вже ни за що не одступыцця отъ викна. И о пивъ-ночи такы добьецця свого, влитае въ школу. Отъ тоди-то и бувае настоящій жахъ въ школи! Що тоди тамъ робыцця. Не дарма тоди жыдкы свитять вси свои остатни смаркачкы, щобъ не такъ дуже страшно було; не дарма падають вси на пидлогу и верещать такъ, нибы ихъ рижуть. И ото въ ту саму пору, колы воны тамъ лежать и верещать, Хапунъ литае по школи кружаломъ мижъ стовбамы, мовъ той ястребъ надъ курчатами: то спустыцця на-нызъ, растопырывши лапы, то зновъ зивьецця вверхъ.

— Оце то страховына, лыхо-ма!—Зрачки у многихъ расширились. Кой кто перекрестился.

— Вси чують, якъ видъ его крылъ иде холодъ по серцю и боящя подывыцця вверхъ. А Хапунъ тымъ часомъ—шасть до жыдка. Той вже чуе, якъ черезъ его лапсердакъ запускаюцця чортови когти.

Разсказчикъ растопырилъ пальцы и вставилъ ихъ въ спину своего сосѣда. Тотъ невольно быстро отодвинулся...

— Чуе жыдочокъ, якъ пидходять когти до тила, раптомъ стрепенецця и закрычыть не своимъ голосомъ. Говорившій остановился и хлебнулъ нѣсколько ложекъ.

— Ну, а дали що?

— Що—о?.. крычыть жыдокъ, та верещыть на все горло. Але щожъ зробышъ? Чы круты, чы верты, а, якъ то кажуть, такы треба вмерты. Просыть винъ тоди, щобъ ёго ратувалы, але хто его почуе, колы вси въ школи такъ галасують, мовъ показылыся. А може хто и бачыть, то винъ радесенькій, що не ему досталась така доля.

— Ну, а посли?

— А навпосли трубыть въ школи труба, та такъ жалоблыве, завійно, та протяжно. Це, бачте, жыдочокъ-наймытъ пры школи трубыть на прощай вздогонець тому несчасному жыдкови, що полетивъ. И заразъ вси жыдкы биля порога турбуюцця

и надивае кожный свои патынкы и писля того хутко розійдуцця на копоресъ. Вже имъ и попойисты писля цёго можна. Де яка купка жыдкивъ зостановыцця на выгони проты мисяця, пиднимаецця на цыпкы, та шварготе про себе щось таке, дывлячысь на ничне небо. А въ школи стоять тымъ часомъ мовъ сыроты чіись патынкы и ждуть свого хазяина. Та дарма, бо не дождуцця... А тымъ часомъ—надъ полямы та лисамы, надъ горамы та ярамы и долынами, що е духу, пре Хапунъ свою пожыву, махаючы крыламы и ховаючысь видъ всякого хрещеного ока. Дуже радый винъ бувае, якъ на его щастье выпаде хмарная та темная ничъ... А якъ выпаде ясная та тыхая, то—даремна его и праця.

— Або що?

— А те, що вартъ кожному простому чоловикови, навить зовсимъ дурному, абы тилькы щобъ хрещеный бувъ, крыкнуты чортяци:—„кынь, бо це мое!“ винъ раптомъ и выпустыть жыдка Хапунъ заматалае крыламы, закрычыть такъ жалоблыве, мовъ пидстреленый шулякъ, и полетыть дали, зоставшысь на цилый рикъ безъ пожывы. А жыдокъ впаде на землю. Добре, якъ не высоко, або якъ попаде на багно, або на мягке мисце. А якъ на тверде, то все едно пропаде безъ всякои корысти. Ни соби, ни чорту...

— Оце то штука,—замѣтилъ кто-то изъ слушателей. Добре, що въ насъ такого свята нема.

— Дурный ты... Тожъ на насъ хрестъ есть, якъ же може въ насъ Хапунъ буты?

— Але хтивъ бы я знаты,—задалъ вопросъ еще одинъ изъ слушателей,—якыхъ жыдкивъ винъ найбильше выбирае соби на пожыву?

— Звычайне—якыхъ... Самыхъ пекельныхъ та гемонськыхъ, що обшахровують людей.

— Хиба жъ едни тилько жыды шахрують на земли? Чы-жъ мало и мижъ нашымы шахраивъ...

— Ни, вже... липшого шахрая, якъ жыдъ, не найдешъ.

Въ спорѣ голоса раздѣлились. Одни стояли за жида, другіе противъ него. Съ обѣихъ сторонъ было приведено не мало примѣровъ мошенническихъ продѣлокъ.

— Ось, напрыкладъ,—покрылъ голоса спорившихъ одинъ сиплый голосъ,—я запытаю васъ, чы жыдокъ умудрыцця зробыты такую штуку: мавшы хвальшыву двадцятку, купыты на неи кватырку горилкы и прынесты ще до дому настоящу двадцятку, не хвальшыву?..

Нѣкоторые изъ сидѣвшихъ разсмѣялись и посмотрѣли въ сторону Мордаша, который хотя тоже говорилъ передъ тѣмъ противъ жидовъ, но въ эту минуту какъ то потупилъ глаза и „щось засоромывся трохы“.

— Якъ-то? Чы-жъ то може буты? раздались кругомъ голоса.

— Запевне, що може, колы було.

— Значыцця, мавшы въ рукахъ хвальшыву двадцятку?..

— Эге.

— Купыты на неи настоящои горилкы?

— Эге... навить по градусу.

— И прынесты ще настоящу двадцятку до-дому?

— Эге...

Многіе выпучили глаза отъ удивленія.

— Ни, це ты певне жартуешъ.

— Безъ жартивъ.

Нѣкоторые опять поглядѣли на Мордаша. Видно было, что продѣлка, о которой вспомнили, была его дѣломъ.

Другіе серьезно задумались и въ затрудненіи чесали спину.

— Ни, цёмуніякъ не можна буты,—послышались голоса.

— Ну, то запытайте Мордаша, нехай винъ розскаже... Винъ знае...

Обратились къ Мордашу. Онъ долго не хотѣлъ говорить. Его упрашивали.

— Розскажы-но. Все едно колысь батюшци покаявся, то можно и людямъ розсказаты.

Наступило общее молчаніе. Поломался по обыкновенію Мордашъ и, конечно, уступилъ общему желанію.—

— Це ще якъ я молодый бувъ,—началъ онъ, улыбаясь, багато тоди я де чого вытворювавъ... (онъ махнулъ рукой въ знакъ необъятности воспоминаній). Було, памятаю, це также не задовго якось до Хапуна. Стоялы жыдкы биля Горыня та звычайне вытрясалы кышени. А мы, парубкы, стоялы соби на горбочку, та дывылыся...—„Оце, думаю, жыдкы навыкыдають грошей, то мы назбираемо, то матымемъ гроши"... Якъ тилькы жыдкы рухнулы зъ мисця, мы заразъ до воды...—„Ахъ, лыхо вашій матери, а воны одни хвальшыви гроши повыкыдалы"... Отъ пайшовъ и я скилькысь тамъ хвальшывыкивъ... Що зъ нымы, думаю, робыты?" И згадавъ... „Пожды-но, утну я имъ штуку". Отъ, черезъ скилько днивъ, якось такъ зъ вечера, вхопывъ я бутылку, тай бижу, що е духу—до жыда.—„Такъ и такъ, крычу ёму запыхавшысь, давай мерщій горилкы, бо една баба тутъ родыть сына, то щось зробылося, не може ніякъ вродыты, то мене прыслалы... Хутнійшъ налывай!" Якъ взявъ я ёго раптомъ пидъ бокы,—мій жыдокъ бутельку—пидъ кранъ, налывъ повную... Я ему заразъ ту двадцятку жбурнувъ и побигъ... Колы черезъ пивъ годыны прыбигаю назадъ.—„Ни, кажу, покы я до тебе собачого сына бигавъ, покы ты налывавъ, то въ другого жыдка вже взялы горилкы... Помоглося, вже вродыла. На—но, вылый соби зъ бутелькы назадъ, а мени виддай назадъ двадцятку". Жыдъ повирывъ: горилку зáразъ вылывъ въ бочку, а настоящую двадцятку оддавъ.

— Ну, а дежъ горилка?

Мордашъ засмѣялся.

— Чы-жъ вы думаете, я ёму назадъ горилку прынисъ? Хиба, вылывшы зъ неи горилку, не можна туды воды налыты, або чого?

— То ты значыцця, розвивъ ёму горилку водою...

И громкій хохотъ опять огласилъ лугъ.

— Молодець! Оце то молодець! слышались голоса. Це я тоби скажу, Иване, не всякій навить и жыдокъ вымудрыть таке!..

— О, запевне, що не всякій... Куды имъ!

Иванъ Мордашъ привелъ кстати еще нѣсколько случаевъ своихъ продѣлокъ... Его разсказы воскресили у каждаго цѣлую область подобныхъ же воспоминаній. Оказалось, что каждый что-нибудь да зналъ изъ своей практики, что нисколько не уступало продѣлкамъ Ивана. Явилось даже соревнованіе: кто хитрѣе провелъ жида? Разговоры шли бы до самаго вечера, если-бы староста, угадывая, наконецъ, нетерпѣливое настроеніе батюшки, не оборвалъ всѣхъ разсказовъ.

— Гей, хлопци, до роботы... Пополуднали, подякуймо, тай до косы... бо пора.

Дѣловой серьезный тонъ старосты сейчасъ же произвелъ соотвѣтствующее дѣйствіе. Но, идя въ рядъ другъ за другомъ, косари все-таки не теряли нити прерваннаго разговора и долго шутили надъ Мордашемъ.

— Ой, гляды-но, Иване, щобъ тебе часомъ ціеи ночи Хапунъ не вхопывъ? Бо все може буты,—говорили они, то и дѣло поглядывая на старинное зданіе еврейской синагоги, стоявшей за рѣкой на степанской горѣ.

— Вiнъ и Хапуна ошпетыть, раздавались голоса за Мордаша.

Трава была скошена, и къ вечеру пріятный запахъ свѣжаго сѣна висѣлъ въ сыроватомъ воздухѣ на Лукѣ. Солнце закатывалось. Красный дискъ его „мыгтивъ“ межъ деревьями.

Какъ слѣдуетъ, угостилъ батюшка косарей и при разъѣздѣ.— По нѣсколько „порцій“ вышло „на кожду душу“. Болѣе слабыя головы охмѣлѣли... Батюшка ожидалъ, пока всѣ косари съѣдутъ съ поля („щобъ не дуже багато набиралы травы для своихъ телятокъ“). Когда послѣдній косарь, долго искавшій почему-то въ корчахъ лошадей, наконецъ, тронулся своими булаными, батюшка велѣлъ Мордашу остаться стеречь лугъ ночью, и послѣднимъ выѣхалъ изъ Луки.

— А ты, Иване, погляды покосивъ, наказалъ хозяинъ наймыту. Бо тутъ заразъ наженуть коней..

IV.

Мордашъ остался одинъ на лугу съ двумя собаками. Ему не первый разъ ночевать здѣсь. Онъ привыкъ...

Еще пѣсни выпившихъ косарей раздавались на мосткахъ, какъ онъ уже развелъ огонь, приставилъ съ одного краю горшокъ бульбы, а съ другого—горшокъ кукурузы, сѣлъ у огня и сталъ тупо глядѣть въ горшки.

Быстро спускается осенняя ночь. Еще бульба только разъ прокипѣла, а кукуруза не успѣла покрыться тонкой бѣлой пѣнкой, какъ густой туманъ уже окуталъ корчи со всѣхъ сторонъ и изъ нихъ расползся по лугамъ. Скоро весь лугъ окутался бѣлой пеленой. Виднѣлись лишь верхи кустовъ. „Завтра буде погода, роса падае", подумалъ Мордашъ, надѣлъ на себя свитку и, выжидая ужина, прилегъ подъ копной, наскоро сдѣланной изъ свѣжаго сѣна. Вечеръ былъ хорошій. Золотисто-пурпуровымъ блескомъ рѣяла группа облаковъ, за которыми скрылось солнце, бросавшее снопы свѣта громаднымъ вѣеромъ на полъ небосклона. Съ полей потянулись работники. Общій шумъ отъ движенія повозокъ, ржанія коней, говора людей вдали оглашалъ окрестность. Гдѣ-то шла запоздалая череда. Скоро, впрочемъ, звуки и шумъ, производимые бытомъ человѣка, стали мало-помалу замолкать и уступать мѣсто безыскусственному вѣянію духа природы, молчаливо вступавшей въ царство величественной ночи. Миріады звѣздъ покрыли небо. То сямъ, то тамъ плыли по небу облака, отражавшія на своихъ причудливыхъ краяхъ нѣжный розовый свѣтъ заходившаго солнца.

Вспоминая дневной разговоръ, Мордашъ невольно улыбнулся... Была-ли эта улыбка навѣяна самодовольнымъ сознаніемъ, что онъ сумѣлъ занять общество веселымъ разсказомъ, такъ что даже самъ батюшка смѣялся, или онъ и взаправду удивлялся своей былой находчивости... но только улыбка болѣе и болѣе ширилась на его смугломъ, морщинистомъ лицѣ, а мысль болѣе и болѣе погружалась въ воспоминанія.

„Этъ, чы то мало траплялося де чого діяты, думалъ онъ, якъ згадаешъ, то ажъ за боки одъ реготу треба брацця. На все

колысь я бувъ здатный хлопець. Ни една штука безъ мене бувало не обійдецця. Памятаю добре также ще штуку".

Онъ отодвинулъ сильно кипѣвшій горшокъ и подулъ въ него.

„То колысь бутейськый Сруль пославъ свого бахора Шептеля въ Ривне за горилкою. Везе бахиръ горилку тай зашабасовавъ въ дорози: а я зъ своимъ кумомъ (вже вмеръ, царство ему небесне) якъ разъ трапылысь на ту пору въ корчми... Змовылысь мы зъ нымъ тай роспочалы седячы въ корчми таку мову, щобъ Шептель чувъ.—„Ото, каже, напрыкладъ, кумъ,—теперъ въ Бутейкахъ Сруль бидуе"...—„Эге, зовсимъ ему кепсько, кажу я. Якъ бы це въ нёго горилка була, то бувъ бы въ него гешефтъ, а теперъ—нехай пробачае"... Якъ почувъ сынъ, що ось таке про батька говорять, и молытвы свои раптомъ кынувъ.

— „Що таке, пытае, зъ моимъ батькомъ?"—„А що, кажемо, ничого... Якъ бы въ нёго тепереньки до вечера була горилка, то велыкый въ его бувъ бы завтра гешефтъ".—„А що таке?" допытуе жыдокъ.—„А те, що бутейськый панъ велыку толоку збирае завтра, а въ твого татела вся горилка выйшла, то панъ ажъ крутыцця... „Скилько хочешъ, прыстае все до твого татела, стилько и беры, оно доставай мени заразъ горилкы... хочъ на двойну цину". Але де-жъ винъ теперъ достане, колы сынокъ ще въ дорози шабасуе?". Слухае Шептель, та ажъ очи въ его вылазять на лобъ одъ нетерплячкы. А кумъ все пидбавляе жару.—„Оце то, каже, бутейськый жыдокъ буде памятаты про цюю суботу. Кербеливъ зо тры зарoбывъ бы лышнихъ... та ба"...—„Яке зо-тры, зъ пять, або и шисть, пидбавляю я... То жъ въ ёго толока... мое почтеніе! То не те, що въ тебе десять моргивъ"...—„И треба-жъ такъ, щобъ выйшла якъ разъ на такый день субота", каже кумъ.—„Эге, мусять пропасты Срулёвы кербели, дарма, що сами лизуть въ рукы, бо Шептель ни-за-що не пойиде въ суботу". Чуть не казытця Шептель, бигае, за голову себе хапае. Ось такъ то поговорылы мы ще зъ пивъ годыны, а на решти збираемося иты. — „А куды"? пытае Шептель.—„А въ Бутейкы", кажемо. Тилько що выйшлы до

коловоротка, ажъ бижыть Шептель: „чи не можете-но, каже, вы довесты мою кобылку до Бутеёкъ?“.—„Гмъ... чому?—А що дасы?.. Даремно не поведемо“. Поторговалыся. Цилого злота наторговалы. А не такъ злотъ, якъ горилка. Добре такы було весты Шептелеву кобылку... Чому?“...

Мордашъ подложилъ хворосту на костеръ. Огонь вспыхнулъ съ новой силой. Миріады искръ клубами подымались вверхъ и падали потухая на покосы.

„Да ще до того всего, якъ прыйихалы до Сруля въ Бутейкы, то сказалы, що его сынокъ зостався въ Ривному на велыкый гешефтъ, такый гешефтъ, що може навить буде велыкымъ купцемъ, и прысталы до Сруля, щобъ намъ заплатывъ ще по злотому и горилкы давъ. Жыдъ трошкы звычайне поторговався, а такы мусивъ даты по злотому. Зовсимъ дурный жыдъ“.

Бульба была готова. Мордашъ принялся за ужинъ.

„А въ поссесора, бувало, скилько кравъ зъ хлопцямы. Тамъ скубнешъ, тутъ скубнешъ,—и горилка е, и гроши завше бувалы. И не разу не попався, оце то дыво... Велыке було господарство“.

Впрочемъ, думы Мордаша принимали и другой характеръ. Горько ему было сознавать, что всю жизнь свою онъ былъ наймытомъ и не имѣлъ своего хозяйства.

„Здаеццявъ, якъ бы то тымъ грошамъ, що черезъ мои рукы перейшлы, та даты добру дорогу, то бувъ бы я добрый господарь, не згиршъ и другыхъ... И куды це все дивалося багатство, зрозумиты не могу... Правда, пывъ я колысь нé-зле, алежъ и другіи пылы и еднаково въ наймыты не шлы“.

Мелькала въ его головѣ мысль, что Господь Богъ не далъ ему счастья за его плутовство... это была самая непріятная сторона размышленій, и Мордашъ старался скорѣе ее отогнать отъ себя. Онъ вздохнулъ. На востокѣ зарѣяло блѣднымъ свѣтомъ... и скоро „надщербляный“ мѣсяцъ сталъ надъ лѣсомъ. На лугу повѣяло сыростью. Какая-то большая птица тихо и прямо пролетѣла надъ костромъ, чуть не задѣвъ своими большими крыльями Мордаша.

Невдалекѣ раздался шорохъ. Собаки заворчали... Мордашъ повернулъ голову въ сторону шума. За пламенемъ костра ничего не было видно. Шумъ приближался прямо на огонь. Приставилъ Мордашъ обѣ долони къ глазамъ, видитъ—изъ-за кустовъ по покосамъ „прямуе" на него тощая фигура еврея. Подобравъ полы своего лапсердака и вытянувъ, какъ гусь, голову, еврей дѣлалъ большіе шаги, переступалъ черезъ покосы и тихонько крался къ костру. Мордашъ безъ труда узналъ, кто идетъ. Удержавъ собакъ отъ лая, онъ увѣренно спросилъ:

— Айзыкъ?

Фигура приблизилась.

— Айзыкъ, це ты? громко переспросилъ Мордашъ.

— Ну—у... ша—а!.. А чого ты репетуешъ?.. Ще хто зобачыть. Никого бильше нема? спросилъ жидъ, пугливо поглядывая по сторонамъ. Мордашъ отрицательно повернулъ головой.

Еврей оглянулся во всѣ стороны и осторожно подсѣлъ къ копнѣ.

— Ты зновъ? спросилъ его Мордашъ. Га?

— Хиба що?

— Якъ то що?

— Тожъ того... Ну—у.

— Ни, теперъ не можна.

— Дурный ты и глюпство говорышъ... Тай чому?

Айзыкъ даже отвернулся отъ Мордаша. Наймытъ „распачилъ" люльку и посмотрѣлъ поверхъ костра.

— Дальби що не можна... Бо то отава, продолжалъ Мордашъ.

— Ну, то що? Хиба не все едно, що отава, що перше сино.

— Отавы завше бувае меньше...

— Хиба я не знаю. Першого сина було девяносто копыць, а батюшци далы висимдесять и пять. Отавы мусыть буты нехай висимдесять. Ну...

— А такы мусыть буты, бо трава хороша.

— То буде батюшци и симдесять пять. Жидокъ даже руки долонями повернулъ къ костру. Такъ былъ убѣдителенъ и ясенъ разсчетъ.

— Розумный ты жыдочокъ. Дальби! И рахунокъ ты знаешъ.

— А ты безъ лышнего... Бо нема часу.

Обое нѣкоторое время думали.

— Ни, не можна... говоритъ Мордашъ. Пробачай, другымъ часомъ прыдешь.

— Чому?

— Выдно буде. Догадаюцца. Якъ попадуся, то зовсимъ пропавъ.

— Этъ, ажъ слухаты цёго не хочецця. Еврей отвернулъ свою „морду" отъ Мордаша. Не познаю я тебе: чи це Мордашъ седыть, чи може хто другій?..

— Ну, а якъ зобачыть хто?

— Хиба це першій разъ?.. Нихто не зобачить. Передъ тымъ якъ громадыты сино, я заиду возомъ нибы на ночлигъ... та гарненько передъ досвиткомъ и наберу въ корчахъ травы. А бабы прыйдуть громадыты, то воны покосивъ не личать. Воны загромадять и выдно не буде. А батюшка пизно прыходять. Тай хиба жъ воны памятають вси покосы, де яки въ корчахъ лежать? Зновъ же и то казаты: мы покосивъ можемо и не браты цилкомъ, а тилько зверху знимемо шматокъ травы. Нехай навить хто хоче поличыть, то и тоди вси покосы будуть цили. Це навить и дытына зрозуміе...

Еврей даже пейсахами повертѣлъ. Стоитъ-ли говорить о такихъ пустякахъ!

— Оце тебе слухаты, то все едно, що тую порцію пыты.

— Ну—у... дыво, що будешъ пыты. Злотыхъ тры дамъ за воза.

Мордашъ захохоталъ... и въ свою очередь отвернулъ „морду" отъ Айзыка. Но видно было, что друзья сойдутся.

— Якъ-же... Оце я такъ тоби и накладу воза за три злотыхъ.

— Ну, ша—а... тры и пятачка. Тожъ отава повынна буты завше дешевша.

Мордашъ продолжалъ хохотать. Нѣкоторое время они торговались. Дѣло было улажено на пяти злотахъ съ половиною... и притомъ же еще „вдодачу“ Айзыкъ пообѣщалъ три добрыхъ чарки.

— Але це певне зовсимъ въ тебе сино вышло, колы ажъ на Хапуна прыйшовъ... смѣясь, сказалъ Мордашъ.

— Це то и добре... Нихто и не догадаецця, бо вси въ школи.

— А ты не боишься?

— Чого?

— А того...

Мордашъ моргнулъ на небо.

— Этъ, дурный ты... Ну,то памятай-же.

Еврей всталъ уходить.

— Слухай-но, Айзыкъ! А якъ тебе хто стрине зъ возомъ?

— Ну, то що? Кому яке дило? Я скажу, що въ Колёніи въ Абрума купывъ... Але не бійся, нихто не стрине, бо я повезу другою дорогою... Памятай же: завтра въ ночи...

Тѣмъ же путемъ и въ той же позѣ ушелъ Айзыкъ обратно въ кусты.

„Ни, бо такы правду сказавшы, то хытрійшого одъ жыда таки нема у цилому свити, продолжалъ свои думы Мордашъ, глядя вслѣдъ удалявшемуся Айзыку. Земли винъ не мае, и роботы велыкои не мае; чимъ винъ тамъ жыве? Але досыть того, що настане шабасъ,—то въ ёго и хата чыста, и булка, и рыба е на столи... и смаркачкы винъ засвитыть въ теплій хати, и спыть винъ, лыхо ма, на мягкыхъ перынахъ зъ своею Ривкою“.

Мордашъ сплюнулъ.

„И звиткиль оце все въ него берецця? нехай мени хто скаже. Нибы ему хто зъ неба дае? А хрещеный чоловикъ ось тутъ мусыть канаты на покосахъ, мовъ той собака. Зновъ же и собака все жъ такы працюе на себе прынамни, а ты все робы на чужыхъ людей. И якъ дасть тоби хто на харчи за твою-жъ роботу, то ще визьмы та подзинькуй его за ласку.

Багато е на свити людей, котрыхъ завыдки беруть, якъ подывляцця на жыдивське жытте... Та дыво, що ихъ собачыхъ сынивъ Хапунъ бере. Воно бъ то треба, щобъ кожну суботу ихъ хапало. Этъ, якъ бы то тому була правда", заключилъ свои думы полудремавшій Мордашъ и, сотворивъ краткую молитву, окончательно приготовился спать.

Луна высоко стояла надъ землей. Ея блѣдный ликъ то нырялъ въ облака, то выходилъ на ясную лазурь. Охваченныя ея перемежающимся свѣтомъ деревья минуту-другую нѣжились въ кроткомъ лунномъ сіяніи и затѣмъ дремали, погружаясь въ полутѣнь. Тихимъ шелестомъ своихъ раскидистыхъ вѣтвей они какъ бы говорили: намъ однимъ вѣдомо, что дѣлается ночью, но никто никогда не пойметъ нашихъ рѣчей.

Костеръ погасалъ.Но Мордашъ не далъ ему потухнуть: онъ нарочно сходилъ въ корчи и приволокъ не мало сухого толстаго ломачья, чтобы поддерживать огонь цѣлую ночь. Пусть знаютъ, что на лугу—сторожъ... Огненные языки моментально охватываютъ сухой хворостъ, лижутъ его стволы и ихъ отблескъ озаряетъ фантастическимъ свѣтомъ сторожа. Цѣлый столпъ искръ разбрасывается вѣтеркомъ по лугу.

А поверхъ кустовъ и лѣса прямо высится высокая еврейская школа, построенная на горѣ по ту сторону Горыня. Большое старинное зданіе „пануе" надъ всѣми хатами. Это самая выдающаяся постройка во всемъ мѣстечкѣ. На стѣнахъ зданія издавна ростутъ травы и березки. Красный свѣтъ широкихъ оконъ странно смѣшивается съ луннымъ, и издали кажется, что какое то чудовище съ огнедышащими глазами встало по ту сторону рѣки и дмется, и пыжится, и чѣмъ-то кишитъ... Школа дѣйствительно кишѣла въ эту минуту... Изъ оконъ даже до Мордаша доносился галасъ и ляментъ жидовъ, праздновавшихъ Іомъ—Кипуръ.

„А дальби якъ бы оце вхопывъ кого-небудь, гарно було-бъ звици хочъ подывыцця", подумалъ Мордашъ, плотнѣе укутываясь въ своемъ „кублѣ". Выкрики голосовъ, выходившихъ изъ

синагоги, смѣшивались съ шумомъ мельничныхъ колесъ и долго стояли въ ушахъ засыпавшаго Мордаша.

V.

Онъ открылъ глаза и схватился съ своего мѣста.

— О—го—го!.. Чи не казавъ но я? Тожъ прылетивъ такы.

Надъ степанской великой школой, размахивая большими крыльями, летало и трепыхалось огромныхъ размѣровъ чудовище. То расправляя крылья въ одну ровную линію, то быстро складывая ихъ внизъ полукругомъ, носилось оно большими кругами, которые тѣмъ болѣе увеличивались, чѣмъ выше взлетало чудовище, и уменьшались по мѣрѣ его приближенія къ землѣ. Вотъ-вотъ, кажется, коснется оно земли... Видно даже вытянутыя его лапы. И вдругъ опять взвивается вверхъ, кружась въ ночной лазури. Хлопанія его крылъ отъ взмаховъ далеко заглушаютъ и молитвенные возгласы жидовъ и шумъ мельничныхъ колесъ. Чудовище по временамъ закрывало луну, и тогда на минуту-другую становилось на землѣ темно, какъ въ безлунную ночь. Вотъ Хапунъ вдругъ ринулся со всей силой на школу и ожесточенно захлопалъ крылами. Въ дребезги полетѣли оконныя рамы...

„О, це жыдкамъ Хапунъ не мали збыткы робыть, думалъ Мордашъ, бо тафли въ школи гарни булы... по злотому, а бо може и бильшъ кожна шыбка... эге"...

Ужасъ нашелъ на всѣхъ степанскихъ жидковъ. Слышитъ Мордашъ, какъ жидочки толпятся, „турбуюцця" у порома, какъ спѣшно переплываютъ они рѣку и спасаются, гдѣ кто можетъ...

„О—го—го! повторялъ про себя Мордашъ, оце то перцю винъ пиддавъ жыдкамъ сегодня пидъ хвистъ".

Робко, согнувшись въ четыре погибели, высоко поднявъ полы своего длиннаго лапсердака, зашагалъ одинъ жидочокъ по Лукѣ, словно цапля, еле слышно перебирая свои худыя длинныя ноги, обутыя въ бѣлыя панчохи. Жидокъ все огляды-

вался назадъ, не то боясь потерять патынки, не то скрываясь отъ кого-то. Мордашъ съ перваго взгляда узналъ путешественника.

— Айзыкъ, а ты зновъ? Чого це ты?

— Иванчыку,голубчыку,сховай ты мене...тожъ ты бачышъ...

— Э... пробачай. Тутечкы батюшка не позволяють всякому ходыты.

Но не успѣлъ онъ остановить одного жида, какъ видитъ, за Айзыкомъ въ такой же позѣ потянулся другой жидокъ Лейба, за Лейбой—Гершко, за Гершкомъ—Абрумъ... а тамъ идетъ самъ фусытъ, іерей степанской клойзы Срулекъ-бемъ-Мардохей.

— Глядя на такое шествіе, Мордашъ почесалъ затылокъ. Чи-жъ для васъ тутъ стежка проложена, чи що? А чого це вы сюды поналазылы, мовъ ти жабы зъ болота?

— Ну, вусысъ?.. Якъ то „поналазылы“? Що то „поналазылы“?.. А куды-жъ намъ втикаты?

— Якъ то куды? Куды хочете, туды и тикайте соби до сто-чортивъ. А це церковна земля... Тутъ для васъ, пархатыхъ жыдивъ, мисця нема... Тутъ навить копанци поставлени. Церковна межа!..

— Ну, а якъ же ты сыдышъ? А тоби ничого?..

— Бо я хрещеный чоловикъ, я степанській мужыкъ... Иванъ Мордашъ.

Вси жыдки „зареготалы“. „Реготъ“ такъ и пошелъ по всему лугу, словно лягушки на всемъ болотѣ заквакали. Смутился Мордашъ.

„Що це таке“? думае соби.

— Якъ-то? Я хиба не мужыкъ?..

— Ни.

— А хто-жъ такій?

— Жыдъ... Мордахей.

И снова всѣ еще сильнѣе засмѣялись, нибы часть школы перешла на Луку. Оглянулся Мордашъ кругомъ: такъ и есть... „жыдовы штукъ зъ двадцять“. Сильнѣе чешетъ „потылыцю“ Мордашъ.

„Оце напасть... Зовсимъ стопчуть мени покосы".

— Гей, жыдова, кричитъ Мордашъ, кажу вамъ тикайте звитсиль пречь, зъ Лукы, бо ей Богу Рабчыка и Мурчыка пущу.

Передни жыдкы „шарахнулыся трошкы" въ сторону. А задни стоять и не моргнуть.

Разсердился Мордашъ.

— Гужа! Гужа! Рабчыкъ! Мурчыкъ! Кси!

Какъ не сорвутся съ своихъ мѣстъ собаки, какъ не бросятся на жидовъ... Ни души... Какъ будто никого и не было, словно ихъ помеломъ кто вымелъ. Стоитъ Мордашъ на лугу, опершись въ бока, и хохочетъ, и шапку отъ удовольствія на бакиръ заломилъ.

„Оце то храбри хлопци! Нема що!"

Быстро назадъ прибѣжали собаки, еще быстрѣе сбѣжались обратно и жидки. Было двадцать жидковъ—стало сорокъ...

— Тьфу, мара! Гужа! Куси! Беры жыда! Беры! Гужа!

Вторично крикнулъ изо всей силы Мордашъ. Опять не стало жидовъ и опять явилось ихъ вдвое больше. Было сорокъ—стало восемьдесятъ.

За третьимъ разомъ ихъ стало до двухъ сотенъ. А за четвертымъ не побѣжали уже и собаки. Устали онѣ, сложились калачикомъ подъ стогомъ, вытянули языки и голосъ даже потеряли... Какъ ни кричалъ на нихъ Мордашъ, „скавычать" собаки и ни съ мѣста... Что тутъ дѣлать?

Оглянулся кругомъ себя Мордашъ.—„Жыдовы" видимо не видимо. Вся „клойза"—на лугу. Тутъ только понялъ онъ, что дѣло не до жарты. Морозъ продернулъ по кожѣ. Такъ тяжело сдавилось что-то его сердце... Воспользовавшись общимъ говоромъ, вздумалъ Мордашъ улизнуть. Тихохонько, незамѣтно пошелъ онъ на другую сторону копны и... „драла до баркана".

„Якъ бы мени оце тилько до ривчака, тамъ вже"...

Но на самомъ барканѣ его схватили за свитку. Оглянулся—опять жидки...

— Ну, зачимъ ты втикаешъ? сказали они ему. Хиба такъ можна? Тожъ ты нашъ... Подывысь ты на себе.

Посмотрѣлъ Мордашъ на себя и сплюнулъ. „Що це за навожденье!“... Вмѣсто свитчины на немъ засмарканый лапсердакъ, на ногахъ панчохи и патынки, цицеле коло камизельки... Сталъ искать креста—нѣтъ. Хотѣлось ему почесаться за шеей. Около ушей нащупалъ онъ на себѣ пейсахи, настоящіе еврейскіе пейсахи „зъ калачыками на кинци“.

„Оце то такъ... попався“.

А жидки все къ нему:

— Хиба-жъ то такъ годыцця? Самъ хочешъ втикаты, а насъ покынуты, въ такій часъ... Ни, колы вси, то вси. Нехай Хапунъ кого хоче выбирае соби... А шпрыцоваты не годыцця. Въ насъ кагалъ...

VI.

На Лукѣ вдругъ поднялся вѣтеръ. Сразу какъ то потемнѣло. Вверху сильно зашумѣло, захлопало.

— Ш-ш-асть! Всѣ пригнулись. Словно стогъ сѣна упалъ съ неба...

И Хапунъ—на лугу. Смолкли жидки. Шарахнулись было въ сторону, но напрасно: куда теперь уйдешь?... А если-бы кто и ушелъ, все равно выдадутъ, удержатъ. Кому-нибудь да нужно пропадать. Пускай Хапунъ дѣлаетъ выборъ изъ всѣхъ.

Сталъ Хапунъ на лугу, оправился, поправилъ ермолку на головѣ и началъ—такую „мову“.

— Я, панство шабасове, самый честный Хапунъ. Я завше по правди... Той хто честно живе, нехай не боицця... Мени треба самого шахрайського жида.

„О, успокоительно подумалъ Мордашъ, це розумный якій-сь Хапунъ, певне мене не визьме, бо чи вже-жъ середъ такои-то жыдовы та не найдецця гиршого шахрая видъ мене“.

Поднялся на цыпочки Мордашъ и поглядѣлъ въ середку на Хапуна. Такъ и есть, „точнисенько такій, якъ розсказувавъ косарь“, высокій, съ крылами, хвостомъ... и рожки на лбу.

— Разъ на рикъ я повыненъ вхопыты якого-сь жыдка, продолжалъ Хапунъ. Запевне, що моя воля—кого взяты. Але-жъ я не хочу такъ.—Бо щобъ крывды не було...

— Якъ ваша ласка... такъ и буде, заголосылы жыдкы. Бо мы для васъ завсегда ради вгодыты... по самій чыстій совисти...

Передній рядъ жидковъ даже присѣлъ передъ Хапуномъ для выраженія угодливости.

— То я вамъ такъ скажу теперъ, панство шабасове, заключилъ Хапунъ свою рѣчь. Выберить вы сами якого жыдка, та виддайте безъ шуму и крыку. Тылько щобъ безъ шахрайства.

— Ну-у, зачимъ шахрайство? Мы завсегда для вашои мылосты. Мы сами чесни жыдочкы... начали подлизываться евреи со всѣхъ сторонъ.

Ну, и началось-же у нихъ послѣ этого на лугу. Одинъ кричитъ одно, другой другое, одинъ одного называетъ, другой—другого. Поднялся такой крикъ, что даже „до мисяця паръ пишовъ", а въ „корчахъ" всякая нечисть пробудилась и выставила кто голову, кто носъ, кто „таки очи, що де яки жыдкы зо страху ажъ погыдылыся"...

Тутъ и сова—„на явори блыкае очима, и смердячій удодъ... и вовкулакъ седыть на заднихъ лапахъ въ очеретп. И имъ, бачъ, цикаво подывытыся, що тамъ робыцця въ ось таку ничъ на Луци. Ото було"... Насмотрѣлся всего въ эту „гемонську ничъ" нашъ бѣдный Мордашъ!

Крычалы жыдкы, крычалы, а на решти взялы одного мешыгыноватого жыдка и поставылы передъ Хапуномъ.

— Оце, кажуть, для вашои мылосты самый пенькный жыдокъ! Це для вашого смаку настоящій жыдокъ! Далибукъ! Щобъ намъ зъ цёго мистя не зійты, колы брешемо. Це першій въ насъ купецъ!

„Обрадылы жыдка якъ треба: далы ему нови панчохы, патынкы и лапсердака нового далы... Звычайне—жыда на смерть обряжають...

Зовсимъ не той Мойша ставъ! И не пизнаты... Нибы на панськихъ харчахъ бувъ! Ну, то щожъ, лыхо ма, жыды такы

завше мусять буты жыдамы. Заздристь ихъ взяла, що въ мешытыноватого Мовши такій новый та шырокій лапсердакъ. Еденъ визьме одирве соби кусокъ лапсердака".

— О, це, каже, самый файный гатунокъ, шабасовый! Другій здере панчохы.

— Бо навищо тоби, каже, панчохы. Все одно ты идешъ на смерть.

И зовсимъ геть обдеруть жыда. Зоставлять его ледве не въ тому, що маты породыла.

А Хапунъ сердытся.

— Що то за шахрайство? крычыть... Вы мени подавайте жыда якъ жé... зо всими гатунками. Я на обдырство не пиду!

Опять выберуть кагаломъ жыдка и опять его всего оберуть, общиплють „до голого тила". Видитъ Хапунъ, что „до ранку" ничего тутъ не выйдетъ, какъ закричитъ, какъ „затупотыть... ажъ по Горыню витромъ подуло и нечысть въ лозахъ зъ переляку на мынутыну поховалася".

— Самъ, каже, теперъ буду выбираты, кого скажу, того и виддавайте, бо вже хутко пивень заспивае...

Притихли евреи.

„Ото дурни, думаетъ Мордашъ, не вмилы сами вправытыся, то мусять теперъ, що скаже, робыты".

— Кажить вы мени по чыстій совисти: чи багато зъ васъ е жыдкивъ, що каждый день за днемъ шахрують до самого шабаса?—пытае Хапунъ.

Ни одинъ жидокъ прямо сознаться не хочетъ. Одинъ на другого все показываетъ. Всѣ и вышли шахраи.

— Чи е зъ васъ таки, спрашиваетъ далѣе Хапунъ, що навить въ суботу шахрують?

Поднялся голосъ. Рѣдкій жидокъ не оказался шахраемъ въ субботу.

Хапунъ повеселѣлъ.

— Ну, а такыхъ що батька и маты обшахровуе, якъ чужыхъ, багато?

И такихъ нашлось не мало.

— А такыхъ, що хвальшыви гроши роблять?

Въ нѣсколькихъ „рожкахъ“ досыть отозвалось степанскихъ жидковъ и „на такій гешефтъ“. Хапунъ задумался.

— Ну, а чи есть, напрыкладъ, таки, що купыть за хвальшыву двадцятку настоящои горилкы и до дому прынесе настоящу двадцятку?

Замолкли жиды въ недоумѣніи.

— Невжежъ нема? пытае Хапунъ. Якіи-жъ вы писля цёго жыды?.. А ще степаньскымы называетесь.

— Якъ то „нема“? Зачимъ „нема“? Ну, есть... Для вашои мылосты....

Притихъ Мордашъ подъ стогомъ. Въ сѣно лицомъ уткнулся... Сердце у него замираетъ. Послышалось ему, что его имя пронеслось по лугу. Такъ и есть.

— Мордашъ, Мордашъ! кричали кругомъ.

Въ одну секунду очутился Хапунъ около Мордаша.

— А, якъ-си-маешъ, оце мени такого треба. Давно чую що таки жыдкы есть, та ніякъ не мигъ до ныхъ добрацця.

Не успѣлъ Хапунъ кончить своихъ словъ, какъ не уцѣплятся за Мордаша ближайшіе жидки... давай его „турмосоваты“. Кто тащитъ съ него верхнюю одежину, кто—нижнююа кто—съ головы. Оставили Мордаша въ одной сорочкѣ. Рабчикъ и Мурчикъ покинули своего хозяина. Издали видитъ Мордашъ, какъ его любимыя собаки, повѣсивъ голову и поджавъ хвостъ, бѣжали по мосточкамъ къ порому.

„Сыротамы бидни зостануццяи погодоваты буде никому... Пропадуть безъ мене собаченята“.

Заплакалъ бѣдный Мордашъ. Закинулъ было онъ словцо, не смилуется-ли Хапунъ надъ нимъ. Тотъ и слышать ничего не хочетъ.

А степанскіе жидочки и рады, что, наконецъ, Хапунъ нашелъ себѣ „пожыву“. Поклонившись Хапуну въ ноги и сказавши не одинъ разъ, „що мы для вашои мылосты завсегда одъ щырого серця и по самій чыстій совисти“, пошли они по домамъ.

Уходя съ луга, они бросились всѣ на покосы.

— А що це вы? кинулся было на нихъ Мордашъ. Хиба це ваше?

Жидки и ухомъ не ведутъ, только смѣются.

— Все едно, кажуть, тебе Хапунъ бере. Ты вже тутечкы не наймытъ.

— Абрумку, а ты навищо траву берешъ, тожъ въ тебе ни коней, ни коровы нема, ни козы навить? кричитъ на Абрума Мордашъ.

— Ничого... здасця... не твого розуму дило, отвѣчаетъ Абрумко и забираетъ побольше.

Кто подъ руку беретъ, кто подъ обѣ руки, кто передъ собою несетъ, сложивъ руки колесомъ. Эти и дороги не видятъ, а несутъ. А больше такихъ, что „оберемкомъ" на спину валятъ. Еле-еле тащится жидъ, а все еще набираетъ. А Айзыкъ больше всѣхъ... Проклятый жидъ успѣлъ уже возомъ пріѣхать, словно зналъ...

— Айзыкъ! Айзыкъ! кричитъ ему Мордашъ. Чи-жъ то можна? И тоби сорому нема?

Жидокъ только спиной къ нему повернулся. „Въ тры-мыга́" разобрали жиды траву. Сдѣлался лугъ чистый,—какъ бы совсѣмъ и не было на немъ отавы.—А которымъ меньше травы досталось, тѣ изъ баркана жердье потянули за собой.

Слышно, какъ подошли они къ парому, толкаются, торгуются и спорятъ изъ-за сѣна и одежи Мордаша.

— Ну... вусысъ... Це мени досталося.

— Ни, то мое... Я першъ взявъ.

— Ни, колы я...

— Ну—у, ш—а—а. Дай мени одчипного два злотка, то тоби виддамъ.

— А пивъ злотка не хочешъ?

— Ну, злотъ и двадцять шисть грошей? Ну, двадцять и пять...

— Хочешъ шеснадцять грошей?

Все тише и тише становятся голоса споривших. Вотъ, наконецъ, и совсѣмъ замолкли.

VII.

Оглядѣлся Мордашъ кругомъ себя... Хоть бы одна крещеная душа. Безлюдно, пустынно кругомъ. Вдали виднѣются за рѣкой степанскія темныя хаты. Давно въ нихъ окна погасли. Люде добри сплять и певне вже на другій бикъ перевертаюцця. Блѣдный мѣсяцъ сонно свѣтитъ своими двумя рожками; да зори безучастно глядятъ на міръ Божій. Нѣтъ имъ дѣла до того, что дѣлается на лугу. Вотъ и круги уже пошли по ковбанямъ... и легкій вѣтеръ, откуда-то взявшись, тихо прошелся по деревьямъ. Слышно, какъ вода сбѣгаетъ по шлюзамъ и „цвиринькае соби по-тыху"... Млынъ давно уже пересталъ молоть. Вздрогнулъ Мордашъ.

А на покосѣ стоитъ Хапунъ, хвостомъ „маталае такъ, що ажъ трава роскыдаецця", и зубы показываетъ.

— Ну, що, Иване, збирайся-но въ дорогу.

— А не диждешъ, отвѣчаетъ ему упрямо Мордашъ, рѣшившійся противиться до послѣдняго.

— Якъ-то?

— А такъ, бо не пойиду.

— Гмъ... Цикавый бы я зобачыты, якъ ты не пойидешъ?

— Бо якъ бы ты розумный бувъ Хапунъ, то може пойихавъ бы...

— Ну—у... а зачимъ я дурный?

— Бо въ тебе розуму нема.

— Якъ то?

— Бо якъ бы въ тебе бувъ розумъ, то ты хиба позволывъ-бы, щобъ оце такы надъ тобою кпылыся жыдкы? Де-жъ це на свити выдано, щобъ надъ Хапуномъ оттаки кпы строилы? Га?

— Ну, добре... А ще що? смѣется Хапунъ.

— Це разъ. А вдруге, хтивъ бы я знаты, чи де найдецця другій такій дурный Хапунъ, щобъ въ кагали на синожати выбиравъ пожыву? Въ кагали воны завше еденъ за другого ховаецця, держыцця крипко еденъ за другого. Тутъ не хутко розберешъ, хто зъ ныхъ шахрай. Зновъ же, хиба ты не знаешъ, що степанськи жыдочки на увесь свитъ шахраи? Ты не дывысь, що воны таки патлачи, воны розумни, лыхо-ма, воны и Хапуна обшахрають... Це сами пекельни жыдкы.

— Хиба-жъ воны и мене надулы?

— А то що-жъ? Зачимъ же и моя ричь? Якъ бы ты розумный бувъ, то ты бъ мене и зъ-роду не выбравъ.

— Хиба-жъ ты не такій шахрай, якъ жыдки кажуть?

— Нехай и такій, не буду сперечацця. Але скажы-но ты мени: де ты бачывъ, щобъ хто недоспилу ягодыну йивъ та ще й хвалывся, що добру йижу найшовъ?

— Ну-у... До чого це?

— А до того, що я ще зовсимъ молодый жыдокъ, то ще зъ мене корысти мало.

— А якъ-же по твоему теперъ зробыты? спрашиваетъ его Хапунъ.

— По моему: якъ есть въ корчахъ спила ягодына, то зелену липшъ зоставыты на писля, вона не втиче.

— Ну, а ця мова до чого?

— А до того, що е на свити жыдкы, котри ще липшъ шахрують видъ мене.—Напрыкладъ, я знаю едного жыдка... то винъ не тилько обминюе хвалшывыкы, та ще и робыть самъ тіи гроши, та возыть ихъ до Ривного.. и тамъ вміе до банку ихъ доставыты... Оце штука!

Хапунъ даже подскочилъ отъ удовольствія.

— А де-жъ винъ, Иване?

— А самъ тлустый жыдюга, товстый якъ улій, що въ борти у батюшкы.

— Та де-жъ винъ, Иванчыку?..

— Тило въ его биле, та пухле... бо йисть винъ завше булкы-шабасувкы, навить въ будни...аппетитно продолжалъ Мордашъ, сидя

подъ стогомъ и не обращая вниманія на Хапуна. О, це то спила ягодына!. Хлиба ячнёго навить не понюхае!

— Иванчыку, скажы-но, де найты цёго жыдка?

— А що мени за те буде?.. улыбнулся Мордашъ.

— Що хочешъ, каже Хапунъ... Бо я дуже голодный, натомывся... Давно повечеряты пора.

— Дыво що пора-бы де чимъ и перекусыты.

— А тлустый лыхо-ма жыдъ... продолжаетъ Мордашъ. Якъ день выпаде теплый, то ажъ десяти сокы зъ него идуть. А въ горячій день все сыдыть на лёдовни та сопе..

У Хапуна ажъ слюна потекла.

— Иванчыку, голубчыку, беры, що хочешъ... оно кажы, де мишкае той жыдюга.

— А одпустышь мене?

— А жыдокъ той далеко?

— Не дуже щобъ далеко, але такъ соби...

Подумалъ Хапунъ. Жаль ему и Мордаша терять. Хочется и того жидка.. А хитрый Мордашъ такъ „роспысуе"...

— Навить, каже, що не дуже старый, литъ буде зъ 37, або и 40... Саме чоловичына въ смаку.

— Ну, добре, иды соби на штыри витры, сказалъ Хапунъ. Кажы, де?

— Ты леты заразъ до Деражного. Тамъ е Файбышъ жыдокъ... Друга хата видъ Горыня. Леты, то ще захопышъ...

— А ты не брешешъ?

— Огъ, нехай я скысну, колы брешу. Такъ и леты на Золотолынъ, Яполоть, Бичаль, а тамъ и Деражне.

Схватился Хапунъ съ мѣста, замахалъ крыльями отъ радости, какъ пѣтухъ... Мордашъ повеселѣлъ. „Оце то допиро, думаеть, надувъ... Та кого? Самого Хапуна... Це якъ и людямъ розсказаты, то не всякій повирыть".

Ободрился совсѣмъ Мордашъ. Хоть и потерялъ онъ и штаны, и шапку, и верхнюю одежду, но, конечно, это ничего не значило въ сравненіи съ тѣмъ, что ожидало его.

„Але теперъ я дурень не буду", соображалъ онъ про себя.

— То ты кажешъ, той жыдокъ недалечко? спрашиваетъ лукаво Хапунъ, собираясь летѣть.

— Ни... въ Деражному. Черезъ пивъ-годыны будешъ..

— Ну, то ось що я тоби скажу. Оце, балакаючы зъ дуже розумнымъ человикомъ, и я порозумнивъ трохы. Пойидемо мы разомъ.

Мордашъ вздрогнулъ. Духъ у него заперло отъ испуга.

— Прыйидемо черезъ пивъ-годыны въ Деражне. Ты мени самъ покажешъ, де той жыдъ. Якъ мы его найдемо, то я тебе отпущу...

Да не долго думая, поставилъ Хапунъ Мордаша середъ луга, да какъ подлетитъ на сажень вверхъ, да съ размаху какъ вцѣпится ему когтями въ спину!.. Ну, и кричалъ же въ эту минуту Мордашъ. Старые люди говорили, „що ще якъ Степань стоить на Горыни, то нихто такъ не крычавъ“.

Высоко поднялъ его Хапунъ надъ Степанемъ. Видитъ Мордашъ: внизу поромъ, и жидки на немъ „зъ оберемкамы попивського сина“.. Глядятъ всѣ вверхъ, смѣются да думаютъ: „хвалыты Бога, що не насъ“.

И въ ту минуту заиграла труба около школы. Пошли жидки „на копоресъ“.

Ни души крещеной нѣтъ кругомъ. Крѣпче и крѣпче вступаютъ въ тѣло когти Хапуна... Не своимъ голосомъ кричитъ Мордашъ...

VIII.

Пришелъ на другой день батюшка на Луку посмотрѣть покосы. Глядитъ, чужіе кони ходятъ по покосамъ, а Иванъ „роскарячывся такъ щось не хороше“, лежитъ подъ стогомъ и оретъ во снѣ да тяжко стонетъ.

— Иване, говоритъ батюшка, вставай! Чого це ты?

Еще болѣе оретъ Мордашъ. Толкнулъ батюшка его ногой.

— Пусты—ы! закричалъ Иванъ. Ой, пусты!

— Та хто тебе тримае?..

— Пу—у—сты, кажу тоби... реветъ наймытъ на весь лугъ.

— Та якого це ты биса? Чи ты найився може чого кепського?

— Не душы!.. Не буду... Задыхается наймытъ.

Батюшка сильнѣе сталъ его трясти.

Какъ не схватится въ эту минуту съ просонья Мордашъ. Зыркнулъ туда-сюда выпяченными отъ испуга глазами да кубаремъ, какъ мячикъ, и пролетѣлъ сажня два-три отъ стога...

— А що це таке зъ тобою? спрашиваетъ батюшка.

— Ой, ой, стонетъ Иванъ, тяжело дыша.

— Чы тоби може яка прыкмета прыкметылася?

Всталъ онъ на колѣни, испуганно поворачиваетъ глазами вверхъ, направо и налѣво, хватается обѣими руками за спину и спрашиваетъ не своимъ голосомъ:

— А де винъ? Полетивъ?

— Хто?

— Якъ-то хто? Хапунъ.

— Якій?

— А хиба-жъ я не жыдъ?

— Перехрестыся ты, Иване, що це ты верзешъ?

— Ну, а дежъ... Скажить вы мени, батюшка, що вчора було?

— Траву косылы...

Всталъ на ноги Мордашъ и десятый разъ обводитъ кругомъ лугъ своими испуганными глазами. Смотритъ, около его ногъ виляютъ хвостами Рабчикъ и Мурчикъ...—„Собаченята вы мои, кинулся къ нимъ Мордашъ, и вы тутъ?..“ А батюшка стоитъ передъ нимъ и удивленно глядитъ на своего наймыта... „Зварьёвавъ зовсимъ паробокъ, тай годи“, думаетъ про себя.

Сталъ батюшка ему выговаривать, зачѣмъ такъ крѣпко спалъ и лошадей позволилъ на лугъ напустить. Куда тамъ! ничего не слушаетъ Мордашъ... и все говоритъ что-то свое. Наконецъ спрашиваетъ:

— А що, покосы цили?

— Та яке тамъ цили...

— Ото проклятущи жыды... то воны...

— Зовсимъ бо не жыды, возражаетъ батюшка. Иванъ Цецыкъ коней нагнавъ.

— Якъ то, хиба жыдивъ не було тута зъ школы?

— Зъ якои школы?

Наконецъ, наймытъ пришелъ въ себя и говоритъ.

— А дяковаты Бога, що я ще жывый и не жыдъ... Бильшъ не буду, ей Богу, бильшъ не буду, и дитямъ навить закажу. А въ недилю свичку поставлю.

Такъ и не понялъ батюшка, что было ночью съ его наймытомъ.

IX.

Погода благопріятствовала уборкѣ. Траву на Лукѣ собрали въ пору. Копенъ вышло почти столько-же, сколько и отъ первой „косовыци". Это было немножко странно... Трава была хуже первой и портили ее чаще, чѣмъ первую, а копенъ вышло не меньше. Не зналъ батюшка, чѣмъ это объяснить.

Могъ это объяснить его наймытъ, который далъ себѣ твердое слово больше не шахровать. И дѣйствительно, Иванъ Мордашъ много исправился послѣ этой „гемонськои" ночи.

Ѳ. Кудринскій.

ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ Д. С. КАМЕНЕЦКОМУ*).

(На малорусскомъ языкѣ).

1858—1859.

53.

Прышлить мыни, панычу, 300 р. на мня Виктора Мих. Бѣлозерскаго въ Борзну. У дорози стривъ усякыхъ бидолахъ, то порозадававъ доволи грошей. Да зайихавъ у Воронижъ и вбачывъ, що прытьмомъ треба оддилыть мою хрещеныцю изъ велыкои семьи, котора іи зайидае; такъ ій давъ 106 р. ср. Отъ и не стане грошей до Брюсселя. Може воно й стане, да все страшно йихать,—и оддыхать тутъ хочетця. Такъ дождусь одъ Васъ грошей да тоди вже й пойиду—може на колесахъ, бо й теперъ не всюды снигы лежать.

А. М. совершенно здорова и Вамъ любе́нько кланяетця и дякуе Васъ, що Вы мене усякъ запомогалы и доглядалы

Вашъ П. Кулишъ.

1858; февр. 10. Мотроновка.

54.

Берлинъ 1858, апрѣля 5 нов. ст.

Ну, бувъ же и въ того Эхеля зъ Бахманомъ. Условія: 300 р. выслать ёму заразъ; якъ прыйиде машына въ Петербургъ, заплатить за іи перевозъ рублывъ изъ сотню, въ щотъ суммы; якъ поставлять іи въ друкарни, заплатить до 1000 р. изъ сыми трома стами и перевозомъ тому, хто явытця зъ креды-

---

*) См. Кіев. Ст. 1898 г. № 7 и 8.

тивомъ одъ Эхеля и Бахмана; а остатокъ 700 р.—черезъ годъ. Машына буде шырше одъ Вольфовои на пядь. Передайте Макарову 300 р. и мою запыску; винъ перешле безъ утраты въ Берлынъ.

Эхель и Бахманъ ище не стари люде и тилько почалы розжыватысь, то сылкуются все робыть по людськи: тымъ уповаю, що машына буде добра! Прышлы мы до ихъ на другый день празныка,—одынъ же такы прыбраный, а въ другого рукы чорни, працёвавъ уже сердега. Фабрыка въ ихъ невелычка. Се нашого десятку люде.

Берлынъ закандзюбывсь на Петербургъ, тилько що народъ ходыть поволи, курыть соби сыгары, всюды весела биготня и реготъ; дитворни я нигде стилько не бачывъ, и все гарненько попрыбыране,—нема такого убозтва, якъ у Петербурзи. Нимци—люде учтыви и ласкáви. Въ кого поспытаешъ чого, то покаже и доведе, ще й поклонытця прыязнéнько. Извощыкы—одnымъ конемъ карета. Скажешъ ёму улыцю и нумеръ; винъ заразъ дасть карточку, на карточци ёго адресъ, ознака йизды и цина; а якъ по часамъ, то покаже часы. Гостынныця—якъ виночокъ; що подадуть, то якъ зъ неба знято, чысто да любо. Скатерть, рушныкъ чи наволочка—все якъ снигъ биле. Що дня тоби подасть нове полотенце втертысь, що ажъ мять жаль, и все дешевше, нижъ у поганій Варшави. Тамъ такъ, якъ у насъ по гостынныцяхъ. Молоко розвозять по городу собакамы, а инша нимка й конемъ. Сама встане, до якои господы зайде, а собака на вози стереже молоко. Хотилы мы тилько переночовать, да такъ же то любо тутъ оддыхать зъ упокоемъ и на все дывытысь, що загаялысь самохить. Нимци навчылысь добре жыть на свити—щобъ на всихъ добро дилыты и щобъ усяке за свою працю мало смачный кусокъ и затышокъ. Не такъ, якъ у насъ, що одынъ у роскоши купаетця, а другый у грязи тоне. Лакей подае тоби йисты и бачышъ, що винъ тожъ соби панъ. Одбуде свое дило—и пишовъ до веселого товарыства, визьме пыва, закурыть люльку и гадкы не мае. Пыво въ Берлыни (Berliner-Bier) смачнійше Варшавського *старопольского* и чысте, якъ

медъ, а йграе такъ, що въ стакани трейтя часть буде пины. Улыци чыстыи, скризь колодязи зъ насосами, и по насосахъ наклеюють що дня афыши. Хто прыйде за водою, то й знае, яка дывовыжа де въ городи, яка кныга выйшла або-що. Не выдно ни одного пьяного, а вси ходять весели и ничого не боятця. Салдатъ офыцеру тилько руку пидниме до козырка, а не зупыняетця. На часахъ стоить, а кругомъ гуляе дитвора, а винъ весело поглядуе на дитвору, перекынувшы рушныцю черезъ плече и одставывшы ногу, мовъ якый панъ. Гарно, такы й геть гарно въ Берлыни! Сюды бъ можна прыйихать зимоваты, щобъ ходыть на лекціи, бо тутъ печи краще зроблени, нижъ у насъ, и хаты нагриваютця добре. Зъ дорогы намъ було холодно, звелилы мы затопыть; прынисъ хлопець дрова у корзыни, мыттю пидпалывъ и закрывъ дверци. Згорило все до тла, и груба розгорилась, якъ жаръ, а груба кахляна! Винъ уже й не входывъ, бо труба закрываетця якъ кранъ. Колы хочъ—поверны, а не хочешъ, ёму байдуже: винъ зробывъ свое дило не сопучы, не наскучывшы тоби вознею; все на ёму чысте, якъ на панычеви. Дивчына ввійде—прынесе жерстяне видро, все туды позлыва, все поперетырае, зробыть порядокъ тыхо и скоро, gute Nacht—и пишла соби. Ну, прощайте жъ! Бувайте здорови й весели.

Вашъ П. К.

Съ боку приписка: Алекс. Мих. Вамъ любо вклоняетця. Кланяюсь Вашому брату Сергію Семен., а такожъ и Ивану Ивановычу.

55.

5 окт. 1859. Москва.

Що се зъ вамы зробылось, що й Вы по людськи лыста напысалы?

Ато, якъ насупывсь, то й прыступу до ёго нема!...

Пры друкарни добре жыты, да не зовсимъ,—тисне́нько! Да вже ничого робыты; тилько нехай Мыхайло купыть про-

стеньки шыромкы, або ще лучче—нехай столяръ зробыть неподвыжни шыромкы у куточку, де высивъ колинкоръ, да й обклеить ихъ обоямы; а за шырмамы поставыть купывшы машынку, що зоветця ватерклёзъ,—такый ящыкъ зъ суденцемъ, що одъ ёго нема запаху. Колы на се пидійметесь, то будемо жыть; колы жъ ни, то треба прохатыся у сусиде до якоись нимоты. И вже колы куповать и впоряжать те дило, то—не гаявшы часу. Мыхайло, здаетця, знае въ сёму дили сылу, служывшы по панахъ; а знайде на Апраксыному двори. Нехай же ще купыть гарне́нькый столыкъ до вмывання, изъ рукомойныкомъ, щобъ поставыть у кабынети за шырмамы. (Чужого не треба! щобъ ёго й духу не пахло!) Отъ и все. Старый шкапъ вынесты, а новый щобъ стоявъ тамъ, де бувъ старый, у вашій хати. Да ще колыбъ оддалы обойщыку обтянуть софу, на которій Вы спалы, чысте́нькымъ сытцемъ, чи що, бо той замаслывсь. Да колы бъ обои залатать на тому мисти, де стояла та софа. Бачте, яка катавасія! Да ще—повисыть, гарно вымывшы, шторы. Да ще—повисыть сыни занависы и въ кабынети и въ другій хати—значыть—на тры окна́. Отъ и все. Колы все спорядыте, то перейдемо до васъ у сусиде. Не хапайтесь дуже да й не гайтесь же! Романъ мій ище все въ цензора. Тымъ я й не знаю, чи хутко выйидемо звидсы. Думка була така, щобъ и зовсимъ тутъ остатьця, да здаетця, що тамъ скорій дило пійде, а то то за тымъ, то за сымъ да й тпрру!

Друковаты ничого до якогось часу не буду тутъ, опричъ хиба романа въ журнали, а готовлюсь такъ, наче *огляду* нема й на свити.

Кланяемось Вамъ обое щырымъ поклономъ.

Сповистить, чи можно все такъ зробыты, щобъ було до ладу пры друкарни. Колы жъ не те, то й не розводьте дурно праци. Нехай усе такъ буде, якъ було. Щось мыни здаетця, що дуже буде тисно й не выгӧдно, да й зовсимъ погано. Може, лучче наймемо соби чужи хаты? Да, правду сказать, и тамъ добра одъ сусидъ и господынь не ждать. Мы тутъ одъ одной хаты одцуралысь, бо студенты за дверыма—якъ скажени кры-

чять. То й тамъ таке буде,—або холодно, або сыро, або злодіяки яки-небудь обсядуть кругомъ, або смородъ, або чадни будуть хаты, або ни ввійты, ни выйты, або темно, або грукотня буде надъ головою, або прыслуга розмучыть, або дрôва таки, що тилько сычять, або пидъ самою дзвиныцею, або пацюкы, або яка инша бида, тилько ничого доброго не жду. Усякъ погано и всюды погано у Васъ у тому бурси! То подумайте, которе изъ золъ менше, да такъ уже и зробымо.

Шевченку прошу кланятьця одъ насъ обохъ. Отъ у васъ велике дило—публычна библіотека! Отсе бъ уже развивъ зъ 20 збигавъ туды! А тутъ нема и завôду иншои кныжкы.

П. К.

56.

28 окт. 1859. Москва.

Вышлить мыни заразъ папери, що одъ Мизко—вси. Вышлить *Пана Мурла*, безъ цензорськыхъ замарокъ. Вышлить и мои сочыненія, прыготовленыи для переиздання, про котори я вже пысавъ. Надпысь: Ивану Вас. Базунову въ собств. книжн. маг. на Страстномъ Бульварѣ, для передачи такому-то. А мене двома словцямы сповистить, що выслани, и оттакъ выслани! ту жъ саму почту сповистить, щобъ я дурно не ныкáвъ до Базуна.

Мы нанялы квартырю до 10 ноября; тилько цензоръ чытае повагомъ мій романъ, и вчора я бачывъ—ище тилько 50 лыстквивъ прочытавъ, четверту частыну; да ще жъ якъ пійде торгъ изъ журналомъ, колы то ще пидійде пидъ духъ (се взявся Гиляровъ ришыть и Каткову рекомендовать, бо Гиляровъ теперъ у велыкій повази),—то, може и загаемось дальше 10-го ноября, а вы на 10 чысло выготовте дви хатыни, колы можно, не тиснывшы друкарни; колы жъ треба, для сёго тиснуть, то мы прытулымось въ шамбрахъ garnies або-що. Про се пысныть два слова.

Гроши Гоголышыны заразъ положить у банкъ и одошлить, а вона якъ схоче, то й тамъ визьме навпосли; намъ же абы *свое* дило зробыть.

Колы буваете въ Над. Мих., то нехай покажуть вамъ, яки лысты мы пышемо одынъ до одного зъ Вас. Мих., который ище и въ колодочкы не вбывся, а вже орломъ литае и нашому брату дорогу зъ высоты вказуе и ледащомъ, непутящымъ чоловикомъ взывае—звисно деликатненькымы словцямы, по свойому звычáю. То нехай хоть прышлють вамъ, колы не хочете, або не маете часу сами ходыты Отъ и цицулочка. Не буде пуття зъ журнала, якъ попалы его въ свои лапы паны съ паненятамы! Треба якъ-небудь будовать хату, хоть обихидчасту, абы була на свити *хата*, щобъ тилько слава була—що *хата есть*! А тамъ одлыгне цензура, то й періодычна *хата* явытця. Я пышу до В. М., щобъ ишовъ старою дорогою, а не коверзовавъ по-пансьски, то не буду особно розводыть свого дила, ато далеби не втерплю—и зáразъ винъ явытця чоловикомъ будынкóвымъ, якъ тилько навпротывъ его хату збудую.

Ту статью, якъ сами знаете, такъ и тулить—про Волгу. Колы жъ ни Макаровъ, ни хто сёго на себе не визьме (Вас. Мих. хоть и не кажить: буде зъ его, що занапастывъ *Лито въ Малороссіи* колысь изъ Жемчужниковымъ и мою статью про *Ужинокъ*), то прышлить изъ посылкою сюды. Може, тутъ можна въ якій журналець прымкнуты. Тилько, щобъ и не гайно надруковалы, колы куды визьмуть у Васъ через Макар., або-що, и гроши булы вирни, бо се не така статья щобъ іи напысаты, не двыгаючысь изъ свого кутка.

Александра Мыхайловна Вамъ нызенько кланяетця.

Закончивъ печатаніе писемъ Кулиша къ Д. С. Каменецкому, приводимъ здѣсь о послѣднемъ нѣсколько свѣдѣній, написанныхъ Г. С. Вашкевичемъ, близко знавшимъ покойника.

—

Данило Семеновичъ Каменецкій, уроженецъ одного изъ селъ Глуховскаго уѣзда, Новгородъ-Сѣверскій гимназистъ сороковыхъ и студентъ Кіевскаго университета начала пятидесятыхъ годовъ, въ 1860 и 1861 годахъ управлялъ типографіей, принад-

лежашей П. А. Кулишу. Пользуясь, можетъ быть, этимъ обстоятельствомъ, Д. С. Каменецкій занимался изданіемъ книгъ на малорусскомъ языкѣ, преимущественно предназначенныхъ для народа. Издательская дѣятельность Данила Семеновича была на столько значительна и обширна, что историку южно-русскаго литературнаго движенія шестидесятыхъ годовъ едва-ли можно труды Д. С. Каменецкаго пройти молчаніемъ. Очень извѣстный въ то время южно-русскій журналъ „Основа" печатался также въ типографіи Кулиша. Техническая и отчасти хозяйственная часть журнала была въ рукахъ г. Каменецкаго.

Въ это же время онъ на собственный страхъ и коштъ печаталъ народныя изданія. Мысль издавать для народа въ дешевыхъ брошюрахъ все, что было лучшаго и талантливѣйшаго въ литературѣ, принадлежитъ Каменецкому. Онъ первый издалъ дешево и очень изящно множество брошюрокъ для народа, какіе потомъ издавались въ Кіевѣ подъ названіемъ „метеликовъ". Великорусскія изданія подобнаго рода появились гораздо позже. Работы по этимъ изданіямъ и по изданію „Основы", требовавшія благодаря нѣкоторымъ недочетамъ въ хозяйскихъ дѣлахъ журнала, по убѣжденію Д—ла С—ча, его личнаго участія и личнаго труда, привязывали его къ типографіи, которой онъ посвящалъ изумительную и самоотверженную энергію. Собственныя изданія Д. С. едва-ли покрывали затраченныя на нихъ деньги, не говоря о трудѣ. Въ значительномъ большинствѣ случаевъ онѣ отдавались добрымъ пріятелямъ въ кредитъ и, благодаря обычной халатности, далеко не всегда исправно оплачивались. Это, впрочемъ, мало смущало Данила Семеновича. „Лишь бы шли въ дѣло", обыкновенно замѣчалъ онъ, когда рѣчь шла объ этомъ щекотливомъ вопросѣ. Изъ ничтожной платы, которую давала ему типографія, значительная доля засчитывалась за печатаніе его собственныхъ изданій. Трудно было повѣрить, какими ничтожными средствами удовлетворялись личныя потребности Д. С—ча. П. А. Кулишъ мечталъ о блестящемъ будущемъ своей типографіи и въ своихъ письмахъ охотно связывалъ съ успѣхами типографіи судьбу ея управляющаго; но точный и здравый умъ Д. С. не могъ раздѣлять увлеченій

его патрона; какъ уже сказано, совсѣмъ не это привязывало его къ типографіи.

Впослѣдствіи, когда прекратилось изданіе „Основы" и типографія Кулиша перешла въ другія руки, Д. С. служилъ въ Государственномъ Контролѣ и Главномъ Казначействѣ. Въ турецкую войну онъ былъ полевымъ казначеемъ. Все это время онъ жилъ болѣе чѣмъ скромно въ квартирѣ изъ трехъ крошечныхъ комнатъ, изъ которыхъ средняя, самая большая, была завалена тюками брошюръ его изданія. Этотъ грузъ, сложенный правильными уступами, возвышался почти до потолка, оставляя узкіе проходы вдоль стѣнъ. Кажется, именно для этого богатства и содержалась квартира въ три комнаты. По крайней мѣрѣ, въ тѣ нѣсколько лѣтъ, когда Данило Семеновичъ, по службѣ, жилъ въ Перми, квартиру онъ оставлялъ за собою исключительно для книгъ.

Что касается собственныхъ литературныхъ работъ Данила Семеновича, то мы можемъ указать только два выпуска сборника народныхъ пѣсенъ, положенныхъ на ноты съ голоса издателя (Д. С. зналъ множество народныхъ пѣсенъ и очень красиво и задушевно ихъ исполнялъ), и этнографическую замѣтку, напечатанную въ „Основѣ".

Жилъ Данило Семеновичъ одинокимъ и умеръ „въ возрастѣ здравомъ, со старостью смежнымъ", также одинокимъ. Это одиночество по собственной волѣ не мѣшало ему имѣть обширный кругъ друзей и почитателей, изъ которыхъ многіе и теперь здравствуютъ. Живутъ еще и работавшіе съ нимъ на одномъ полѣ. Можетъ быть, кто нибудь изъ нихъ пополнитъ скудный запасъ сообщенныхъ здѣсь фактическихъ свѣдѣній о жизни и трудахъ этого во многихъ отношеніяхъ замѣчательнаго человѣка и дѣятеля на родной нивѣ. Умеръ Д. С. весною 1879 или 1880 г.

ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ В. В. ТАРНОВСКОМУ*).

(На малорусскомъ языкѣ).

1856—1857.

19.

Шановный друже мій Васыль Васылёвычъ!

Хоть и не багато здобувсь одъ васъ лыстивъ, а пысать до васъ хочетця, а найбильшъ теперъ, якъ прыихала до мене моя землячка зъ Кыева да поросказувала про васъ и про вашу любую семью, якъ вы коло неи впадалы и скучать ій на чужій сторони не давали. Дякую вамъ, обнимаючи васъ и вашого сына молодого, козака лейстровóго.

Може вы тамъ соби зумляетесь, чому я й доси не высылаю вамъ *Записокъ* о *жизни Гоголя*, а того й не знаете, що тутъ ось яка бида склалась. Пославъ я ще у вербну суботу до цензуры въ Москву, черезъ Аксаковыхъ, одну кныжку, щобъ прыпечатавъ билетъ на выпускъ изъ друкарни; пославъ да й жду соби безпечно того билету. Колыжъ мынають и велыкодни свята, а билета немае! Я мовчу, бо знаю, що за щири люде Аксакови: не впустять воны дурно ни дня, ни годыны. Ажъ ось до мене лыстъ: „чому не высылаете намъ кныжку? чого вы зъ нею гаетесь?" Я тоди на почту: де моя посылка? чомъ не

---

*) См. Кіевск. Стар. 1898 г., № 4.

одослана въ Москву? „Одослана вона, кажуть, у той же самый день, а що іи не одибралы, то се трапляеться, якъ не гараздъ выпышуть на объявленіи адресъ. Нехай сами навидающця на почту“. Оттакъ у мене пропало два тижни, да ни на кого й сердыцця! Теперъ жду билета дай вышлю заразъ вамъ одну кныжку у Качанивку, а одну молодому козакови въ Кыевъ, щобъ чытавъ да набиравсь розуму. Не говорите мини сёго, прыятелю коханый, що Гоголь нашъ изъ пантелыку збывся. Воно правда, да не зовсимъ. Збывся винъ изъ пантелыку одъ великои мукы за грихи людськіи, а въ ёго великихъ помылкахъ треба чытать помылки всёго нашого мыру хрещеного. Обернуцця намъ на добро; и ёго розумніи речы, и ёго безуміе. Ось побачыте, що съ сёго буде, якъ выясныцця все жытые ёго и не зостанетця надъ чымъ ламаты голову. Хоть я надрукувавъ два томы ёго лыстивъ и всякыхъ про ёго звистокъ,—отъ же се тилько часточка того, що надрукуе Трушковскій и инши люде. Нехай лышень выявытця все оте на Божій свитъ, тогди побачыте, що выйде за кныжка зъ жыття Гоголевого и для старыхъ, и для молодыхъ, и для философивъ, и для людей богомильныхъ...

Записокъ о Южной Руси печатаю 2400 экземплярывъ, а для чого? такъ ось. Роскуплять ихъ литъ черезъ десять, якъ хочете, бо якъ выдамъ томивъ дванадцять, то нельзя буде обійтысь безъ ихъ, хтобъ ни задумавъ довидацця правды про Южну Русь изъ самого джерела, а не одъ исторіографивъ. Може, первый томъ пійде мижъ пысьменный людъ воловою ходою; дарма—якъ покажутця инши, то обернутця й до первого, да й зачнуть куповать, щобъ эдыціи не ризныты. А що вже морокы мени зъ друкованнемъ: що слово, то й помылка. У мене напысано *мене*, а воны набирають *шепе*, бо ничогисенько не второпають, мовъ по-турецьки. Не швыдко дождемось кинця первому тому!

Завдала мени велыкого жалю моя пани, якъ роскавала, що билый китъ вашъ утикъ у іи въ дорози. Мужыки й бачылы, якъ винъ утикавъ, да кажуть: „мы думалы, що то чортъ!“ Не-

хай бы ваша кыевська полыція кынулась да знайшла ёго,— хоть одно бъ добре дило зробыла. Колы жъ полыція не схоче, то вже якъ небудь, а знайдить мени, будьте ласкавы, сёго котюгу; якъ прыиду на Вкраину, то визьму ёго зъ собою сюды, щобъ просвитывсь у болоти. Прощайте жъ да не забувайте вашого щыропрыхыльного земляка П. Кулиша.

Кланяемось зъ жинкою нызенько усёму вашому мылому домови.

1856, апр. 25. С. Петербургъ.

20.

Посылаю оце вамъ, коханый друже, свою кныжку про Гоголя, да ще трынадцять экземпляривъ для охочыхъ, а що вона коштуе, прыпечатано ззаду на обгортци. Щежъ посылаю одну кныжку *Воспоминаній Дѣтства*, которую бажала на щось купыть Емылія Васылёвна. Куповаты сёго добра не треба, бо въ мене ёго доволи. Колыбъ я знавъ, що се для неи самои, то й пидпысъ изробывъ бы,—не казавъ бы то авторъ; а то боявсь попсовать экземпляръ. Посылаю и для васъ одну кныжку *Воспоминаній* и одну *Однорога*. Може, схочете кому подаровать, або-що.

Перешлить, будьте ласкавы, пакетъ мижъ кныжкамы Г. П. Галагану.

Пани моя усимъ вамъ добрымъ здоровьемъ поклоняетця, и я зъ нею.

Пысавъ бы й бильшъ, да дуже николы.

Щыро прыхыльный землякъ

П. Кулишъ.

1856, мая 2. С. Петерб.

Цензоръ Крузе узявъ уже на цугундеръ *Чорну Раду*,—не мовъ бы нашому теляти да вовка пійматы!

За дирочку на сёму лысти выбачайте: треба було, бачте, роспечатать, щобъ добавыть кинець фразы, бо такъ захапався,

що напысавъ *на цугундеръ*, а що таке—не скоро бъ вы дорозумовалысь, якъ бы не схаменувсь, що запечатавъ лыстъ, не допысавшы речи.

21.

Спасыби вамъ, друже коханый, що не полинувалысь поспысуваты речи своихъ гостей про мое пысанне, а найбильшъ спасыби за лыстъ пана Павлова, прымазанный грецькымъ языкомъ наче паляныця сметаною. Казать, да й ничого! бо розумна голова ёго пысала; а треба, бачу, вернутьця ще разъ до старосвитськыхъ кныжокъ, да помизкуваты добре надъ ымы, щобъ изъ насъ люде не сміялысь. Колы жъ ничого не врадымо, то, мабуть, чы не липше буде надруковаты *Чорну Раду* такъ якъ вона есть, безъ мудровання. Кыевъ такы розумный чоловикъ—ничого сказаты! Шкода, велыка шкода, що мени не довелось пожыть у ёму! А треба бъ, дуже треба намъ, южнымъ Русынамъ, прожываты вкупи на Вкраини, бо тыняючысь оттакъ по чужыхъ земляхъ, мы одвыкаемъ одъ своихъ землякивъ и не знаемо, якъ воны жывуть на свити и чого имъ треба. Отъ хоть бы и паны наши позавозять дитокъ то въ Московщыну, то въ Нимещыну та й ждуть, щобъ изъ ихъ бувъ ужытокъ, була честь и слава ридній земли. Захопыть чоловикъ сёго щастя й нехотя, щобъ попоисты хлиба зъ чужои печи, а вже якъ одъ свого зъ малечку одвыкне, то не прыманешъ до дому й пшенышнымы буханцямы. Де зрисъ, туды ёго й тягтыме зъ усима ёго достаткамы, що землякы прыдбалы, намулявшы рукы.

Оттакъ соби тутъ миркуючы, зъ велыкою радистю прочытавъ у вашому лысти, що й мыни зъ кныжкамы буде прытулокъ у вашыхъ панськыхъ будынкахъ. Оддышу й я трохы писля столычнои праци, одпочыну одъ усякои суеты мырськои, которои не знае нашъ братъ на Вкраини. Тилько жъ ище не хутко наступыть та благодатная годына, що полечу до васъ орловымы крыламы. Ледви лизе, мовъ цилыну оре, московська друкарня зъ моимы думамы да старосвитськыми спомынкамы.

За моею корректурою и самого набору не знать, стилько помылокъ; да що робыть? треба друковать на столыци, а не де инде, се вже певно!

А то ще отъ що подаю вамъ на увагу, друже коханый. Есть у насъ надруковани по нашому проповиди Гречулевыча, тилько плохенька мова, да ще й по подольскому слебызованню. Такъ я сю кныжку гарненько выправывъ и Гречулевычъ оддае мени—що хотя зъ нею чыныты. Якъ бы надруковаты іи вдруге да пустыть по Вкраини, то велыке бъ зъ того добро було народу хрыстіянському. А трата на іи 300 рублывъ, котори певне якъ небудь и вернутця. Тутъ и чоловичокъ знаходытця такый, що корректовавъ бы іи залюбкы подъ моимъ доглядомъ. Такъ отъ, якъ бы вы выслалы 300 руб. на се дило, то и въ нашыхъ церквахъ зрозумилы бъ мыряне, що панотець глаголе. А по сёму слиду може бъ хто й безъ бороды напысавъ таке, якъ пышуть бородатыи. Робыть, якъ Богъ вамъ на серце положыть, и якъ своимъ розумомъ зрозуміете; а зъ мене буде й свого дила, до которого взявся.

Щыро васъ обіймаю П. Кулишъ.

1856, мая 8. С. Петерб.

22.

Пославъ я вамъ невелычкый лыстокъ, та згадавшы, що не напысавъ про одну ричъ, ажъ злякався! Кажуть добри люде, що вы щось гарне скомпонувалы про наши письни и хочете бъ то послать у *Руську Бесиду*. То я вамъ скажу, що тому вашому пысанію не слидъ иты въ московськую Бесиду, колы въ насъ е своя. У мене вже налагоженъ до цензора другый томъ *Записокъ о Ю. Р.* и ото заразъ первый артыкулъ: *Сказки и сказочки*; другый: *Разсказъ современника поляка о походахъ противъ гайдамакъ*, изъ моею передмовою и моимъ эпилогомъ; третій: *Универсалъ Остряныци съ замѣчаніями М. Грабовскаго* и зъ моими *дополненіямы* до тыхъ замичаній; четвертый *Критиче-*

скій обзоръ источниковъ для исторіи Малороссіи Костомарова а пятый нехай буде вашъ, да й буде сёго. Такъ отъ доведить до ладу свою рукопысь, покы я прыйду до васъ на одпочынокъ, а тоди я пошлю іи до цензора, а вертаючысь заберу да й надрукую. Отъ и все, бо гораздъ николы бильше й гуторыть.

Іюня 6, 1856.

Не одвитувавъ я вамъ про Ш. Не бійтесь, лыха ёму не заподіемо, а хиба допоможемо, бо теперъ не такъ дывлятьця на громадськый судъ, якъ колысь перше дывылысь: теперь бажають изгожуватыся зъ нымъ, а не протывъ шерсти гладыты; бо за основу взято, що паны для людей, а не люде для панивъ. Ще жъ и те скажу вамъ, що воно выйде у свитъ колы то ще,—хиба ажъ икъ Покрови, або къ Риздву; то що жъ воно ему завадыть? Напысавъ же до мене й панъ Грабовськый про передмову до Чорнои Рады. Сей каже, що праведно вознисъ я Квитку, а отъ колы бъ не пересолывъ на Тарасови. А про Гоголя, то ажъ дывуетця, якъ мы можемо изглаголаты праведный судъ про такого чоловика середъ такои литературнои заверухы. И я такъ думаю, що художныцькои славы Гоголевои я не зныщывъ, сказавшы, що въ одному дили, або въ одну пору винъ бувъ ище гогоцюцькомъ, а въ другу зробывся пидлиткомъ, а потимъ такъ пурхнувъ, що й не піймаешъ. А то бъ оце вже зробыть автора Бульбы своимъ оракуломъ та й ни ступня у историю дальше? Нехай хто хоче контетуетця Бульбою, а мы, не казавшы про ёго ни слова, тилько огласымо свои росправы про ту старосвитчыну (отъ хоть бы и въ другому томи *Запысокъ*), то всяке й побачыть, що пидъ Тарасомъ Бульбою земли немае и що не разъ винъ воюе зъ марою, а не зъ людьмы, бо ничого того не було, або було зовсимъ не такъ, якъ у ёго. Що бильше познаватымемъ свою старосвищыну, то все бильше будемъ давать догану Гоголевій поэзіи, и зостанетця вона для правдывого знавци тилько доводомъ, що зможе чоловикъ почуть душею, не маючы кругомъ себе наукового свиту.—А про Квитку мои райци не въ сылахъ булы мени добре пораяты, колы чыталы ёго тилько въ московськыхъ жур-

налахъ. Хоть же иншій чытавъ и ёго власни кныжкы, то, не знаючы добре нашого люду, не знае, скилько добра у тыхъ звычаяхъ, що такъ просто росказано въ Квиткы! Воистину глаголю вамъ, що Вальтеръ Скоттъ ридко, ридко пиднимавсь до такого ясного и свободного малёвання селянъ шотландськыхъ, якъ нашъ харькивець позмалёвувавъ своихъ дивчатъ, молодыць и чоловикивъ! Тутъ наче й художества немае, бо дывысся, якъ на саму правду, що отъ передъ твоимы очыма совершаетця; а було художество велыке у души въ того чоловика, колы винъ змигъ пиднять мужыка въ свыти и въ дёгтяныхъ чоботахъ на таку вышыну, що хочъ визьмы та й посады коло престола Божого! Хоть же вы й правдыво Квитци доганяете, що въ ёго знай выходять пидъ кинець губернаторы та паны велыкодушніи; то й тутъ ёго велыкый талантъ себе не зневажае, бо кладе винъ на папиръ те, що сами селяне думають, не вкладаючы селянамъ свого власного розуму, до которого воны ще не додумалысь и жызнью своею—такъ якъ мы доходымъ—не дойшлы. Народъ бо нащъ розчовпавъ добре, чого стоять становыи, исправныкы и всяки судови панычи, котори ёму щодня наче та оводня докучають, а маючы серце чысте и душу Божымъ поглядомъ просвищенну, не знае того гриха, що зоветця *упынистъ* и не накыдае на ввесь мыръ чорнои хмары, якъ отъ мы, байроныстьі, звыклы накыдаты. Бо, правду мовыть, винъ и не заглядуе въ велыки будынкы, у которыхъ усе лыхо коитця; до его й чутка но доходыть про те людоидство, которого мы на соби й на другыхъ дознаемо щодня, що годыны. Тымъ то бувъ бы народъ велыке ледащо, колыбъ не знавшы, що й якъ—ганывъ и лаявъ усе на свити; и бувъ бы винъ погыбшая тваръ, колыбъ загасывъ и надію, що люде ще одумаются, бо е мижъ нымы праведни и ясныи души, котори не дадуть имъ до кинця зледащиты. Зъ такою вирою народъ не може розлучытысь, не розлучытця николы, бо се вира повсесвитня мiждо всима добрыми и высокымы душамы. Тилько мы, люде освичени наукою, знаемо, де шукаты спасытеливъ роду людського; знаемо, що зъ оцихъ убогыхъ сылъ пиднимутця во спасеніе наше пророкы и

праведныи лыцари; що миждо гонымыхъ правды рады знайдемо твердыхъ и крипкыхъ волею, котори не злякаютця й самого демона, стоючы за правду. А народъ, не маючы нашои освиты, жде соби спасытеливъ зъ якоись далекои стороны, куды винъ не заходыть, и чае тамъ ёго знайты, де трепещуть и сами ёго нашыйныкы. Такъ розсудите жъ и уважте, добродію, чы не по народному духови, чы не по розумови людському компонувавъ Квитка свои повисти? Винъ бравъ саму ныжчу ноту; винъ розмовлявъ изъ чытателемъ за селянына, а не за себе самого; то й не повыненъ бувъ селянынови укладувать у голову свого досвидчення, своихъ надій; а найпаче, покы не прыйшла пора до самосознання повсесвитнёго, и покы одна людына може повернуть якъ захоче громадою. Теперъ може й правда буде зъ того, що було перше въ Квиткы оманою, настануть праведни й губернаторы, котори защытять селянъ Отъ же хотивъ зробыть маленьку прыпысочку да й допысавъ до самого краю. Бувайте здорови та не забувайте мене.

Не втерплю, щобъ ище не пыснуть, бо до смаку розмова. Чы не забулы вы, якъ отти кныжкы Квитчыны надруковани? И въ рукы взять огыда! та ще друковалысь у Москви, то яка. тамъ корректура. Тилько правдывый знавця може чытать зъ уподобаныемъ тыи незграбныи шпаргалы. Годылось бы намъ надруковать уновъ Квитчыны повисти. Велыке бъ съ того було добро и велыка була бъ вамъ шаноба одъ землякивъ. А я пиднявъ бы не себе працю знайты корректора и самому доглядить Велыкои вагы було бъ се дило!

23.

Москва. 1856, іюля 24.

Скоро сказка говорится,
Дѣло медленно творится.

На-сылу да на превелыку сылу скончывъ я друкомъ *Записки о Южной Руси*, да й то покынувъ ихъ тамъ изшываты

и до ладу доводыты, а самъ ухопывъ дви чы тры кныжкы да й лечу оце на Вкраину до своихъ любыхъ землякивъ. Про *Чорну Раду* завтра довидаюсь. У Москви загаюсь днивъ зъ чотыри чи що, а посли вже до васъ простоватыму. Уже жъ хоть сердьтесь, хоть нарикайте на мене, а думка тутъ така, щобъ усюды повештатця, усячыны наслухатьця, доброго розуму набратьця, а за роботу засисты хиба вже вернувшысь до столыци. Такъ оце, недовго загаявшысь у вашій ласкавій господи, помандрую свитъ за очыма по всій Украини, щобъ обернуть соби на добрый пожытокъ остатокъ лита и початокъ осены. А то, якъ прыйдетця часомъ пысать про землякивъ на чужыни, то забувшысь, яки воны есть, удеремъ такыхъ троянцивъ, що всяке одцураетця.

Будьте же ласкови, шановный и коханый друже, не одлучайтесь на сей часъ никуды на довго зъ господы, бо *душа* моя жадае до васъ аки елень на источныкы водныи. Поговорымо въ смакъ, подывывшыся одынъ на одного да й розлучымся до мого поворотного переизду черезъ Качанивку. Отъ бы вы добре вчыныли, якъ бы досталы мыни той документъ одъ кыевськои коммыссіи, про который колысь спомыналы.

Закинчаю жъ мій коротенькый лыстъ потишною звисткою, що есть певна надія вызволыть изъ неволи нашого Перебендю *). Будуть старатьця про се въ праведного царя пидъ часъ коронаціи усяки шановни и высокоповажныи люде. Отоди бъ то въ насъ на Вкраини зійшло середъ ночи сонце!

Покланяюсь добрымъ здоровьемъ усимъ вашымъ любымъ семьянамъ.

П. Кулишъ.

Колы благый юноша прывезе до дому кобзаривъ изъ альбома, то нехай воны пидождуть мого прыизду.

---

*) Т. Г. Шевченка.

24.

1856, декабря 24. С.Петерб.

Спасыби вамъ за 500 рубливъ. Бувъ я симы часамы у велыкій нужди; усе, що взявъ то за кныжкы, то-що, усе вгатывъ на папиръ да на друкъ, а дила свого, слава Богу, не попсовавъ и не зневажывъ. Не хотилось мыни друковаты скоро переводу *Чорнои Рады*, да прышлось круто. Продавъ я ёго у Руськую Бесиду. Спасыби москалямъ, заплатылы добре: по 100 цилковыхъ за печатный аркушъ, да ще й 500 особыхъ экземпляривъ. Другый томъ *Записокъ о Южной Руси* дойшовъ до конця да й зупынывсь, бо й доси не получывъ я статьи про Остряныцю, котора дуже въ ёму потрибна. На те мисто, щобъ часу не гаять, печатаю *Повѣсть о Борисѣ Годуновѣ и Димитріи Самозванцѣ. Чтеніе для молодыхъ людей.* Дорогый буде другый томъ, бо въ ёму 25 писень изъ нотамы и 4 картынкы. Шкода, що отсе вы, дорогый друже, звонтпылы объ *Запыскахъ.* Тыкыи кныгы, якъ *Чорна Рада,* дуже потрибни и вжыточни, да самы по соби не поставлять на ногы литературы, бо вона повынна буть пидкована на вси чотыри наукою. На те не вважайте, що кныжкы не йдуть по рукамъ; пійдуть, не бійтесь. Абы мени зъ грошыма вправытьця, а *Записокъ о Южной Руси* я не покыну, покы моеи снагы, и вы побачыте, що зъ ихъ выйде! Выпускать художественни утворы безъ пиддержкы крытикы, этнографіи и исторіи—все одно, що высылать полкы безъ обозу. Се наша харчъ, се наши запасы, се наша сброя, се наши гарматы. Колы бъ мыни сыла да гроши, я бъ объявывъ, що выйде шисть кныжокъ у годъ, да й бывъ бы огненнымъ боемъ поты, покы всякый розумъ до мене прыхылывся бъ. Ище нема на свити печатнои Руськои исторіи, и не буде поты, покы не розберемо мы, южныи русычи, своихъ дилъ изъ Польщею й Москвою и покы самы въ себе дома не роздывымся. Чы не опасуетесь вы, добродію, щобъ я не втонувъ въ каламари, заклопотавшысь надъ *Запискамы?* Не бійтесь и сёго. Навчыла мене бида служыты чурою, навчыла жъ и отамануваты, бо недурно сказано: „Терпы,

козакъ, отаманомъ будешъ". Колы бъ тилько все йшло по моему, зробывъ бы я такъ, що й нимыи въ мене бъ заговорылы; дававъ бы я тилько зерно на посивъ, а оралы бъ, сіялы, жалы и молотылы бъ у мене люде, и було бъ у мене въ засикахъ завсегда повно. Да вже, якъ бы ни пійшло мое дило, а чогось же такы дороблюсь я на свити, бо кажуть: „робы, небоже, то й Богъ поможе". Отсе, гулящымы днямы напысавъ я добру кныжку: „*Граматку для людей, котори бажають просвитыть свій розумъ наукою.* На сю кныжку грошей у васъ не просытыму, бо вже знайшлысь такыи, що дають на іи гроши, якъ на церкву. Хочу пустыть по 6 копіёкъ, а найдорожше по грывенныку (що стоятыме друкъ и папиръ), а напечатать 10,000 экземплярывъ. Колы бъ тилько давъ Богъ, щобъ пропустылы. По сей часъ Господь мыни ище помагае. Остряныця бувъ у князя Вяземського, яко у найвыщого цензора; прыйшовъ я ёго прохаты, и винъ слухавъ мое чытанне дви годыны, похвалывъ, порадывъ трошкы прыпысаты и обищавсь пропустыть. Почытають добри люде й на столыци „насъ знаты и добрымъ словамъ поклыкаты", якъ спивавъ покійныкъ Архыпъ. Бачятъ, що чоловикъ лыха не мыслыть, а бажае дойты до правды и другыхъ просвитыты. Колы бъ не зопсовалась моя доля, то можна бъ де-що поробыть на свити добре.

Що жъ вы, добродію, чыталы мои проповиди? Не линуйтесь-бо до мене пысаты, бо далеби туга обіймае душу, якъ не чуешъ довго ніякого гласу зъ Украины. Руку вашу розбираю я добре, сёго не бійтесь, бо почытавъ я на свойому вику усякыхъ рукъ.

Колы розжыветесь на гроши, то прысылайте, щобъ черезъ гроши я не турбовавсь и свого дила не кыдавъ. Якъ дасть Богъ мени розжытьця, тоди й самъ не захочу. Оце жъ перше всёго дошлить мыни 300 р. *моихъ* грошей одъ першого року*), а посли вже якъ зможете и схочете. Велыка шкода, що вы сами

*) Изъ сихъ грошей я рошу васъ передать одъ мене 45 р. сер. Надежди Васылявни.

сюды не прыихалы. Порадылысь бы мы де про що объ кнышахъ, яки друковать, якыхъ не треба, бо одною головою всего не збагнешъ. Колы думаете, що не треба бильшъ выдавать *Запысокъ о Ю. Р.*, то я вамъ не вказоватыму. Вы свого розуму и своеи воли панъ. И ни крышечкы на васъ не нарикатыму. Колы розжывусь на гроши зъ иншого боку, добре; а не розжывусь—нехай буде такъ, якъ угодно Богу. А думаю и вирую, що си кныжкы пидопруть наше дило на̀-довго, и що треба бъ намъ добре посылковатысь.

Бувайте жъ здоровы, да не самы собою,—съ усею семьею. Пани моя нездужае, а такы кланяетьця всимъ вамъ.

Вашъ П. Кулишъ.

Шкода велыка Журавського! Колы бъ же хоть намъ изъ вамы пожыть довше на свити. Жатва многа, а дилателей мало!

25.

Напышу я до васъ, дорогый мій друже, маленькый лыстокъ, да бильше вы зрадіете, нижъ тыи, до кого пышу довши: Шевченка одпустылы на волю! Вернувшысь изъ Москвы (я, бачте, у Москву издывъ за диломъ), заставъ я два лысты, и обыдва гласять и прывитають мене тилько симы словамы: Шевченко на воли! Ище винъ не вернувсь, да вже певно знаемо, що ёго мылосердный нашъ Царь простывъ.

Пославъ я на имя пана Галагана два ящыкы *Проповидей*, бо не знавъ, чы вы въ Кыёви, чы въ дорози. Робить зъ нымы? що хотя, гуртомъ.

А знаете, що робытця съ предысловіемъ до *Чорнои Рады*-перенеслы ёго ажъ у совищательный комитетъ главнаго правленія цензуры. Подилылысь голосы: одни репетують, що прытьмомъ треба розришыты, не вычеркуючы ничого, а други: „Ой ни! помиркуйте, що зъ сёго буде!“ А комитетъ той засидае разъ у мисяць, да ще покы черезъ канцелярське мытарство проведуть, то наждемось у волю. И статья Грабовського про Остря-

ныцю изъ моимъ хвостомъ ніякъ не проливе. Уже й князю Вяземському я чытавъ, и той сказавь, що добре; а все такы опасуются не казенной, не-Устряловськои исторіи; а за тымъ и другый томъ *Записокъ о Ю. Р.* не выходыть.

Душею Вашъ
П. Кулишъ

1857, стычня 19.

Завтра ждемо Василія Мыхайловыча зъ титкою. Пойихавъ женытьця, бо ще й доси не знае, почимъ кившъ лыха. (Отъ яке *лыхо* напысалось, що, може, й не розберете!)

26.

Здравствуйте, мій друже едыный
Васыль Васылёвычъ!

Пронеслы булы не знать—що про Шевченка. Винъ, слава Богу, вже въ Ныжнёму-Новгороди и добре ёму тамъ живетця. Тутъ же клопочутця, де ему викъ виковаты, чы на Вкраини, чы въ столыци. Надіемось, що въ столыци.

Граматка напечатана, да хочется, щобъ уся була переплетена, то ще треба трохы часу.

Костомаровъ у Саратови. Надіемось побачыть ёго на петербурській (устряловскій) каѳедри.

Мои дила идуть добре, дякувать Богу и вамъ, що положылы каминь во главу угла. Колысь—а може й хутко—выплатымось чысто.

Всёму вашому дому нызенькый поклонъ.

Вашъ П. Кулишъ.

1857, окт. 25. С. Петерб.

27.

Посылаю вамъ, шановный друже Васылю Васылёвычу, одну кныжку *Граматкы*. Такъ уси будуть оправлени, якъ ся: затымъ и дило загаялось, бо ихъ не мало.

Панычъ вашъ купывъ 500 экз. по 15 к., а теперъ выходыть, що така цина дуже мала; треба по 20 к. за кныжку. Вышлю жъ я вамъ си кныжкы черезъ транспортъ не въ Кыивъ, а въ Нижень, на имя Мих. Яковл. Попова, служащого къ уиздному суди. Сёго панка рекомендую вамъ, яко чоловика правдыного и на всяке добре дило готового. Получывшы кныжкы винъ самъ васъ увидомыть, що кныжкы вже въ ёго, а вы тогди за нымы прышлете пидводу. До ёго жъ прышлютця и для Галагана.

На обгортци напечатано: Ц. 50 к. Се для кныжныхъ лавокъ, а изъ рукъ въ рукы сотнямы буде всегда продаватця *Граматка* по 20 к. за кныжку.

Прочытайте, да колы що не такъ, то й перепра вте. Може дожывемо до другого изданія; тогди переправымо, якъ наймудрійше, порадывшысь гуртомъ.

Эманцыпація вже зроблена для трехъ польскыхъ губерній и здаетця, для Петербургськои. Публикацій нема и не буде, а тилько напечатають въ *Журнали мынысте рства внутренныхъ дилъ*, который выйде днивъ черезъ тры. Тулятця якъ изъ кражею, да царське слово благородне; винъ почынае ричь такъ: „Внявъ настоятельнымъ просьбамъ дворянства и находя ихъ просвѣщенныя и человѣколюбивыя побужденія вполнѣ соотвѣтствующими"... и такъ дальше. Пышу по слухамъ. Якось на 12 литъ крестяне прыдержани на мисти; имъ у собственность даютця дворы, горбды, коноплянныкы, а землю, котору панъ отдасть имъ пидъ соху, вя[illegible]ае права продать, чы заложыть. Щось прехимерне,—не [illegible] розумни [illegible]юде. Да вже жъ начатокъ дилу есть!

Вашъ П. К.

1857, дек. 10.

„ПОПОКЪ“.

*(Продолженіе *).*

XV.

Солнце уже склонилось совсѣмъ къ закату, когда Хведько проснулся, потягиваясь на земляномъ полу сѣней своей хаты. Мутно и тяжело было въ головѣ, сухо во рту. Не совсѣмъ отчетливо вспомнилъ онъ, какъ попалъ домой и какъ заснулъ. Припомнилось ему его собесѣдованіе въ хатѣ Жульчихи, Йосыпъ, его соболѣзнованія и наконецъ обѣщаніе *„навернуться“* къ нему.

— Не то ли опять, что было у него съ Шляховымъ—думалъ Хведько и порѣшилъ отказаться отъ всякаго участія въ подобныхъ дѣлахъ.

Сполоснувъ заспанное лицо водою, онъ выглянулъ изъ сѣней и увидѣлъ, что уже вечеръ. Нашелъ кусокъ хлѣба, поѣлъ и пошелъ въ садокъ, не желая попадаться кому-либо на глаза. Ему совѣстно было его ничего-недѣланіе среди занятыхъ работою людей,

Въ саду вишнякъ краснѣлъ уже поспѣвающими ягодами, и кислота нѣсколькихъ сорванныхъ имъ вишень была очень ему пріятна на похмелье. На огородѣ никого не было:—капусту уже поливали не каждый день. Только на одномъ изъ сосѣд-

*) См. Кіев. Ст. 1898 г. № 11.

нихъ слышенъ былъ говоръ. Онъ усѣлся на берегу рѣки и тупо смотрѣлъ на воду, на прибрежную осоку, на заброшенную на той сторонѣ полуразвалившуюся старую винокурню. На гладкомъ плесѣ рѣчки кой-гдѣ показывались круги отъ хватавшей павшихъ на воду мошекъ рыбешки; вскинулась подъ кугою противоположнаго берега какая-то большая рыба; лягушечье стрекотанье доносилось съ мочажины около Саги. Задумался Хведько; тоскливо вспомнилось ему прошлое лѣто, поливка капусты на арестантскомъ огородѣ, за душу хватающая пѣсня арестантовъ..... Грусть-тоска еще больше нахлынула на его душу, еще больше ёжилось его сердце, еще больше ему стало жаль себя, обидно отъ неудающейся попытки стать на ноги, сдѣлаться хозяиномъ, начать жить, какъ живутъ и другіе. Припомнилъ онъ разсужденіе своего новаго знакомца Йосыпа о трудности полученія своихъ денегъ и, подумавъ, вполнѣ согласился съ этимъ мнѣніемъ. Что дѣлать, какъ устроиться—самъ онъ не могъ придумать. И такъ жить вовсе не приходится. Не могъ онъ считать себя настолько уже знающимъ сапожное дѣло, чтобы начать жить съ этого ремесла, а въ своемъ хозяйствѣ, какъ говорится, „*ни за що було зачепыться*". Да наконецъ и работать онъ, собственно говоря, по хозяйству не умѣлъ. Пробывъ все свое отрочество и юность въ наймахъ, онъ только и умѣлъ ходить за волами, орать, пасти воловъ.

— Та вырисъ я въ наймахъ—въ недоли,
Та не знавъ я ни щастя ни воли,—

Вспоминалась ему гдѣ-то слышанная пѣсня... Опять идти наниматься, потирать чужіе углы, кормиться чужимъ хлѣбомъ!..

А между тѣмъ отдай только ему Сугыба своевременно деньги—онъ бы теперь уже былъ хозяиномъ, имѣлъ бы свою лошадь, холилъ бы ее, жалѣлъ, зарабатывалъ бы ею... Ехъ, хе, хе! Да мало ли что... Не попадись онъ въ тюрьму — теперь бы ужъ былъ женатъ на Мелашкѣ и былъ бы такимъ же, какъ и другіе, хозяиномъ.—Мелашка?. Такъ бы и полетѣлъ къ ней, въ тѣ же конопли... Теперь, небось, уже не сама: вся семья, кромѣ свекрухи, дома... Порается она по хозяйству, его вспоминаетъ,

управитъ всѣхъ и мужа, постелется въ коморѣ..... Эхъ—хе, хе!...

Давно уже пали сумерки; жизнь затихала по селу; варившіе на огородахъ вечерю разошлись, заливъ огнище; мошка и комары начинали донимать; замолкли лягушки-скрекотухи; бѣлесоватый туманъ сталъ стлаться на мочажинахъ луга; выпь загудѣла гдѣ-то въ камышѣ; печально запугикалъ сычъ на винокурнѣ; яснѣе слышался шумъ на лотокахъ Богатыревой мельницы; рыбакъ Хряпко куда-то на ночь поплылъ на лодкѣ; мало-по-малу одна за одной зажглись звѣзды на безоблачномъ небѣ. А онъ все сидѣлъ, думалъ, тосковалъ, метался мыслями, переходя отъ грусти къ озлобленію и наоборотъ. Не хотѣлось ему идти въ хату, гдѣ придется ожидать Йосыпа, который не съ добромъ навернется къ нему.. Опять какая-нибудь недобрая шутка.—Ну, да пускай!—Походитъ около хаты, постучитъ, да и пойдетъ себѣ—думалъ Хведько, отмахиваясь отъ мошки и комаровъ, которые все больше и больше донимали его.

— Машка, значитъ, такъ и не приходила: видно, тамъ и ночуетъ на бакшѣ. Теперь уже поздно, а то бы къ Сохвѣ пойти—она знаетъ, гдѣ Машка. Сохва—хорошая, добрая „людына", жалѣетъ его: ишь какъ она тогда оставила его съ Мелашкой....

— Теперь Мелашка....

— Це ты тутъ?—обозвался около него чей-то голосъ. Присмотрѣвшись, Хведько узналъ Йосыпа.

— Сыдышъ, та думы думаешъ?.—

— А що жъ робыть?.

— А то, що слидъ. Думаешъ, тебе пожаліють—шкода, братъ! Ихъ треба повчыть, щобъ зналы, якъ чуже добро зайидать. Отъ якъ бы туды и Сугыбыного коня направыть, куды ты завивъ у вивторокъ того коня. О, то бъ винъ не пойихавъ зъ дому!

Во всемъ сказанномъ Хведька поразило то, что Йосыпъ зналъ про отводъ коня. Онъ припомнилъ, что когда выѣзжалъ изъ камышей, то видѣлъ тамъ еще какого-то человѣка около

Шляхового. Это быль, вѣрно, этотъ же Иосыпъ—подумалъ онъ и стоялъ въ раздумьи, не находя что сказать.

— Ходимъ оттакъ городамы, щобъ мало хто насъ и бачывъ, а тамъ выдно буде.

Хведько мимо воли послѣдовалъ за Йосыпомъ. Они прошли огороды, перешли мостъ и направились вверхъ по рѣчкѣ лугомъ и шли, пока Йосыпъ не сказалъ:

— Оттутъ давай роззуваться—перебредемо ричку. Тутъ хоть и вьязко, та глыбче якъ по поясъ не буде.

Хведько было заупрямился, но Йосыпъ подбодрилъ его фразою:

— Пидкуемо бисову Сугыбу на вси чотыри...

Перешедши рѣчку, они съ сапогами и нижнимъ бѣльемъ дошли до какой-то кладки, гдѣ уже могли пообмыть выше колѣнъ загрязненныя ноги, надѣть штаны и обуть сапоги.

— Ты жъ теперъ отъ якъ зробы: иды городамы до стійла а тамъ по вулыци иды ажъ до Сугыбыного двора. Якъ дойдешъ, то стань и почухайся объ ворота; якъ забрешуть собакы, такъ ты зновъ, почухайся; колы хто выйде, такъ скажы, що гроши прыйшовъ правыть. Та такъ-такы и домогайся, наче пьяный. Дарма, що може й полають—быть не посміють. Чуешъ! Такъ и зробы. Позмагаешься трохы, тай иды до дому; а тамъ—самъ побачышъ.

Хведько такъ и сдѣлалъ. На улицѣ было пусто, нигдѣ никого не было видно. Гдѣ-то на заводахъ слышались колотушки сторожей. Онъ прямо пошелъ по проулку до двора Сугыбы, но еще не успѣлъ, какъ ему было приказано, потереться объ ворота, какъ уже залаяла цѣпная собака. Онъ остановился и сталъ тереться спиной о планки воротъ. Хведько еще потерся разъ и, когда послышались чьи-то шаги по направленію къ воротамъ, онъ мимовольно отбѣжалъ на нѣсколько шаговъ.

— Хто тутъ?—послышался голосъ Сугыбы и въ отпертой калиткѣ показалась его фигура въ выпущеной неподпоясанной рубахѣ. Хведько стоялъ на мѣстѣ. За лаемъ собаки не слышно было, что говорилъ съ кѣмъ-то Сугыба, а затѣмъ онъ

съ какою-то палкою подвинулся по направленію къ маячившему во тьмѣ Хведьку.

— Ты хто такый? Што тоби надобно?—спросилъ Сугыба, и узнавъ Хведька, сразу закричалъ:

— Караулъ! воры!

На этотъ крикъ выбѣжала на улицу Сугыбыха и, ничего не разбирая, завопила:

— Караулъ! ворягы, злодіи!

Хведько сразу хотѣлъ было бѣжать, но эти крики его такъ испугали, что онъ не могъ съ мѣста двинуться. Выбѣжали изъ сосѣднихъ дворовъ нѣсколько человѣкъ и чей то испуганный голосъ крикнулъ:

— Бый його!—

Сугыба ударилъ Хведька палкою по головѣ и, когда тотъ, успѣвъ схватить ее руками, сталъ вырывать, кто-то изъ набѣжавшихъ схватилъ его сзади за воротъ черкески, а другой ударилъ его кулакомъ въ бокъ. Хведько освирѣпѣлъ: моментально вырвалъ онъ изъ рукъ Сугыбы палку и отшвырнулъ вцѣпившихся въ него двухъ человѣкъ, сталъ отбиваться отъ нападавшихъ. Сугыбыха неистово кричала; люди сбѣжались. Кой у кого въ рукахъ были колья, и они угрожающе наступали на отмахивающагося Хведька. Дѣло принимало плохой для нападаемаго оборотъ, какъ вдругъ одинъ изъ надбѣжавшихъ крикнулъ:

— Постійте! Кого це й завищо бьють?. Треба роспытаться.

— Эге жъ! Треба роспытаться!—поддержалъ кто-то.

— Винъ до мене у двиръ лизъ—отозвался Сугыба.

— Якъ лизъ, куды?

— У ворота.

Кто-то изъ молодежи сказалъ:

— Це Попокъ. Я його знаю. Це той, що Сугыба грошей йому не отдае.

— А! Отъ яке! Та колы жъ винъ до тебе лизъ?

Сугыба понялъ, что весь эффектъ его крика уже пропалъ, что у сбѣжавшихся онъ не найдетъ сочувствія, и со слезами:—

я засудю його, до мырового, у-въ окружный подамъ... пошелъ къ воротамъ. Нападавшіе на Хведька пошли домой, а около него остались нѣсколько человѣкъ разспрашивавшіе его.

— Якъ це у васъ выйшло?

Хведько тутъ только вспомнилъ наставленіе Йосыпа, чтобъ притвориться пьянымъ. Его испугъ и раздраженіе помогли ему въ этомъ. Онъ ничего не могъ отвѣтить, кромѣ краткаго:

— Не оддае....

— Що не оддае?—спросилъ кто то.

— А же чувъ що; грошей не оддае—отозвался другой.

— А ты оце й пійшовъ правыть?

— Правыть—отвѣчалъ Хведько.

— А винъ тебе быть.

— Быть....

— Гмъ, гмъ оттаке! Щей каравулъ крычыть! Оттаки воны багачи! и сбѣжавшіеся стали расходиться.

Хведько и себѣ пошелъ вдоль по улицѣ, унося отнятую у Сугыбы палку.

XVI.

Все успокоилось на улицѣ и во дворѣ Сугыбы. Мало-помалу замолкли и супруги Сугыбы, потолковавъ вполголоса между собою о томъ, что нужно будетъ завтра же пожаловаться въ волости на „*нього*“. Они даже и не называли Хведька по имени отчасти потому, что понимали другъ друга, о комъ идетъ рѣчь, а во вторыхъ и потому, что они не совсѣмъ твердо и знали его имя.

Всѣ поснули подъ сіяніемъ звѣзднаго неба, которое мало-по-малу стало бѣлѣть на сѣверо-востокѣ. Еще немного спустя стало свѣтать, показалась на горизонтѣ большая бѣлояркая звѣзда, запѣли пѣтухи, загоготали гуси гдѣ-то по рѣкѣ, „запидпидьомкалъ“ въ просѣ на горѣ перепелъ... Востокъ забѣлѣлъ и затѣмъ стать алѣть, выплыли маленькія подзолоченныя снизу облачка—наставало утро, и жизнь на селѣ пробуждалась.

Проснулась и Сугыбиха, потянулась и, умывшись и перекрестившись, кинулась въ обору съ доенкой доить коровъ, для чего ей нужно было пройти мимо конюшни. Она обратила вниманіе на то, что дверь конюшни была отперта и тутъ же лежалъ навзничь цѣпной песъ, съ туго затянутою на шеѣ тонкой веревочкой и съ высунутымъ языкомъ; цѣпь на рыскалѣ была натянута. Лошади въ конюшнѣ не было, а отложенныя на огородъ ворота указывали, куда она была выведена.

Доенка выпала изъ рукъ бабы, и она даже крикнуть не могла, а только кинулась къ крыльцу, гдѣ на *„подушкахъ"*, разметавшись, спалъ ея мужъ. Она такъ дернула за откинутую руку, что онъ моментально проснулся, схватился съ подушекъ и растерянными заспанными глазами смотрѣлъ, ничего не понимая изъ какихъ-то шепотомъ сказанныхъ ему словъ:

— Вставай—коня у насъ вкрадено!

Только вторично повторенную ту же фразу понялъ Сугыба и кинулся къ конюшнѣ; тамъ увидѣлъ перекрученную и изломанную цѣпь, и затѣмъ уже всей семьей и сбѣжавшимися сосѣдями прослѣдили путь, какимъ лошадь была проведена на огороды и на далекій край слободы, гдѣ на улицѣ слѣдъ затерялся.

Вору или ворамъ пришлось въ трехъ мѣстахъ ломать некрѣпкіе плетни, отдѣляющіе зады огородовъ, а въ одномъ мѣстѣ переводить лошадь черезъ ровъ.

Сбѣжались всѣ уличане, и всѣ соглашались съ убѣжденіемъ супруговъ Сугыбъ, что ночное посѣщеніе ихъ двора Хведькомъ имѣло связь съ уводомъ лошади.

Посланные за Хведькомъ застали его еще спящимъ „на прысинкахъ" (крыльцѣ), причемъ ничѣмъ не сказывалось его отсутствіе ночью изъ дому, такъ какъ онъ спалъ вполнѣ раздѣвшись и постлавшись, что имъ было сдѣлано по возвращеніи домой послѣ столкновенія съ Сугыбою и его сосѣдями.

За нимъ былъ посланъ одинъ изъ старшихъ десятниковъ, съ которымъ пошли двое добровольно назвавшихся уличанъ Сугыбы. Рѣшено было не говорить ничего ему до привода его въ волостное правленіе, а онъ вызовъ его понималъ, какъ по-

слѣдствіе ночного столкновенія, и шелъ, озабоченный только этимъ, совершенно забывъ про Йосыпа.

Время было рабочее и потому заинтересованные было сначала дѣломъ увода лошади сосѣда мало-по-малу разошлись по своимъ дѣламъ; остались только ожидающіе разрѣшенія дѣла человѣкъ пять сопровождавшихъ Хведька и братъ Сугыбы Трохымъ, тотъ, къ которому Хведько было присталъ въ трактирѣ Вовка. Всѣ они были въ расправѣ, ожидая привода Хведька и прихода волостного писаря, такъ какъ старшина еще съ вечера поѣхалъ въ городъ. Староста и сотскій были уже въ волости. Здѣсь же была и Сугыбыха, кой какъ обмотавшая голову платкомъ.

Собравшіеся, своею крестьянскою сметкою, успѣли уже совершенно ясно установить исторію событія. „Попокъ" подошелъ нарочно, чтобы отвлечь вниманіе домохозяевъ, а другіе тѣмъ временемъ подкрались съ огорода, прихватили оселомъ собаку и успѣли увести лошадь".

Когда въ сѣни вошелъ съ своими провожатыми Хведько, то неумолкаемый и оживленный разговоръ о происшествіи затихъ, и глаза всѣхъ устремились на дверь, по лѣтнему открытую настежь. Староста, уже не тотъ, который въ числѣ прочихъ годъ тому назадъ былъ въ кабакѣ Жердева, а слѣдовательно не имѣвшій представленія о силѣ Хведька, при входѣ послѣдняго подошелъ къ нему и съ дѣланнымъ спокойствіемъ спросилъ:

— Ну, молодець, кажы, зъ кымъ ты бувъ въ-ночи у ныхъ у двори?—показывая въ сторону супруговъ Сугыбъ, тоже приподнявшихся со скамьи.

Хведько молчалъ, не понимая вопроса.

— Ну! наступая на него, еще сказалъ староста.

— Я прыходывъ свои гроши правыть—отвѣтилъ Хведько, не подымая опущенной головы.

— Знаемъ, якъ вы ходыте опивночи гроши правыть... Я тебе пытаю, зъ кымъ ты прыходывъ?

Хведько вспомнилъ Йосыпа, и понялъ, что что-то недоброе совершилось, но не успѣлъ онъ хорошо сообразить, какъ староста самъ разъяснилъ дѣло.

— Ты мени тутъ не прытворяйся, а прызнавайся: съ кымъ вы коня вкралы у ныхъ?

Всѣ молчали, у всѣхъ вниманіе и нервы были напряжены до нельзя: слышно было, какъ мухи жужжали подъ потолкомъ. Супруги Сугыбы впивались злыми глазами въ допрашиваемаго. Ихъ немного впередъ выгнутыя фигуры какъ-бы собирались кинуться на поблѣднѣвшаго, оторопѣвшаго Хведька.

— Якого коня?—спросилъ какимъ-то глухимъ голосомъ онъ, понявшій суть дѣла.—Я ніякого коня не кравъ, я тилькы свои гроши прыход... не договорилъ онъ, такъ какъ со всего размаху ударъ кулакомъ старосты чуть не сбилъ его съ ногъ.

— Такъ ты ще й одмагаться!—закричалъ староста и замахнулся другой разъ ударить, но Хведько отшатнулся къ дверямъ и одною изъ протянутыхъ для охраненія себя рукъ безсознательно схватилъ старосту за сукно черкески, при чемъ въ его руку попала и борода старосты. Какъ прихваченный подъ устцы конь рванулся было послѣдній впередъ, но сильная рука Хведька, какъ рычагъ какой, не давала ему ходу.

— Берить його, Бийте!—крикнулъ староста и съ этими словами полетѣлъ въ сторону. Но его крикъ былъ сигналомъ, разрѣшившимъ общее напряженіе: всѣ кинулись къ успѣвшему отступить въ сѣни Хведьку и стали его бить.

Началась свалка. Освирѣпѣвшій не менѣе нападавшихъ Хведько разметывалъ всѣхъ, но отлетѣвшіе отъ него подымались и злобно опять кидались къ нему, никто даже не кричалъ, и въ этой кучѣ слышалось только какое-то шипѣніе. Мальчики, десятскіе и какія-то двѣ съ улицы бабы впирались въ двери съ крыльца. Сугыбыха, оттиснутая изъ свалки, съ растрепанными волосами, забѣгала съ разныхъ сторонъ, стараясь достать и ударить и себѣ Хведька, котораго всѣ силились свалить и сбить съ ногъ. Онъ прихватилъ лѣвою рукою за горло совсѣмъ посинѣвшаго и уже высунувшаго языкъ старшаго Сугыбу, пра-

вою тычкомъ и ударами отшвыривалъ другихъ. Наконецъ Сугыбыха попала дверной засовъ и со всего маху ударила по головѣ Хведька—онъ пошатнулся, выпустилъ изъ рукъ своего противника и повалился на полъ. Всѣ стали колотить руками и ногами тяжело застонавшаго Хведька. Разъ, другой застоналъ онъ, и затѣмъ замолкъ. Только лопотъ ударовъ раздавался. Примѣрявшаяся еще разъ ударить его Сугыбыха не могла выбрать момента, такъ тѣснились на немъ молотившіе его. Бабы на крыльцѣ заахали:

— Ой, Боже жъ мій! Це жъ воны його доконалы! говорили онѣ... Вбылы, вбылы!...

Расталкивая столпившихся на крыльцѣ десятниковъ, бабъ и мальчишекъ, въ дверяхъ показался волостной писарь, а за нимъ мѣстный одноглазый діаконъ.

— Что вы? Что вы? Опомнитесь! Бога побойтесь! Васъ засудятъ! кинулся уговаривать писарь бойцовъ, но никто не слушалъ.

— Уйми ихъ, Андрей Павловичъ! просилъ испугавшійся діаконъ, и когда увѣщанія писаря остались опять тщетными, онъ самъ, феноменально сильный человѣкъ, переступилъ порогъ и, хватая за шивороты одного за другимъ, сталъ вышвыривать бьющихъ въ другую комнату. Староста, устранившійся раньше изъ общей свалки, тоже сталъ унимать разъяренныхъ бойцовъ. Послѣднюю пришлось оттащить Сугыбыху, всю растрепанную, запотѣвшую. Удерживаемая уже мужемъ и еще кѣмъ-то, она все-таки успѣла послѣдняя толкнуть ногою совершенно безчувственнаго Хведька. Онъ лежалъ весь измятый, окровавленный, затоптанный. Лица не видно было, такъ оно все было измазано пылью и кровью, волосы тоже были слипшіеся отъ крови и грязи, изъ-подъ нихъ не переставала струиться кровь, образовавшая цѣлую лужу. Одна рука подвернута подъ бокъ, а другая безсильно откинута съ притоптанною, очевидно сапогами кистью. Онъ дышалъ. Отъ времени до времени тяжело вздымалась спина и изо рта показывались кровяные пузырьки. Дидъ Смалько и втиснувшіеся въ сѣни мальчишки, десятники въ

какомъ-то оцѣпенѣніи смотрѣли на него, пока діаконъ и писарь распростертыми руками удерживали все-таки рвущихся къ нему еще не остывшихъ въ остервенѣніи бойцовъ. Наконецъ, дидъ Смалько первый пришелъ въ себя и сказалъ, обращаясь къ десятникамъ:

— Бижы за попомъ! Та швыдче! А то отъ-отъ дойде—сконае!

На его слова повернулся писарь и діаконъ и скомандовали принесть воды, кинулись къ умирающему.

— Что жъ вы стоите?! Приподымайте! его на вѣтеръ нужно!—сказалъ кто-то изъ нихъ. Мальчикамъ помогли бабы, приподняли совершенно безжизненнаго Хведька и потащили на крыльцо. Староста и сотскій тоже засуетились, брызнули водой, при чемъ изъ-подъ потековъ грязи показалось мертвенно блѣдное съ закрытыми глазами лицо. Голова моталась изъ стороны въ сторону. Вздохи учащались, при чемъ высоко поднималась грудь. Его прислонили къ периламъ крыльца и стали поливать свѣсившуюся на грудь голову водой. Вода окрашивалась кровью и красною струей стекала съ крыльца. Народу стало сбѣгаться все больше. Преимущественно сбѣгались женщины, очевидно бросившія только-что домашнюю уборку. У каждаго изъ прибывавшихъ, вслѣдъ за любопытствомъ, на лицѣ появлялось выраженіе ужаса, сдвигались брови, расширялись зрачки глазъ, слышались вздохи и даже причитыванія...

— Ой, Господы!

— Боже мылосердный!

— Яке жъ то все люте, та немылосердне бувае!

— Добувся, сердега!

Изъ дверей волости мало-по-малу, крадучись и не поднимая глазъ на присутствующихъ, выходили бойцы, пока не ушли всѣ. Остались только въ комнатѣ два брата Сугыбы надъ истерически рыдающей на лавкѣ Сугыбыхой. Пришелъ священникъ. Протиснулся сквозь дававшую ему дорогу толпу, шепотомъ справился о происшедшемъ у писаря и діакона, спросилъ, не слѣдуетъ ли подождать станового, хотѣлъ приступить къ исповѣди

но увидавъ, что прибитый не приходитъ въ сознаніе, не рѣшался что дѣлать. Явился Жердевъ, что-то началъ говорить; но оглянувшись на безмолвствующую толпу и узнавъ въ чемъ дѣло, отошелъ въ сторону со словами:—Ахъ ти! грѣхи-то, грѣхи!—Послали на Бемовку за фельдшеромъ, а пока все-таки не переставали взбрызгивать въ лицо водою и даже, опрокинувъ голову назадъ, влили въ ротъ воды. Послѣднее какъ-будто подѣйствовало: вода была проглочена и одинъ глазъ открылся. Дыханіе участилось, влили воды еще больше,—онъ захлебнулся и харкнулъ, на губахъ показалась кровь и вслѣдъ за тѣмъ два зуба. Діаконъ послалъ за нашатырнымъ спиртомъ и на заводъ за льдомъ. Мигомъ мальчуганы примчали то и другое. Стали тереть льдомъ около сердца, дали понюхать спирту, и Хведько мало-по-малу открылъ глаза—мутные съ приспущенными вѣками, одна изъ которыхъ припухла и была синебагроваго цвѣта. Голова однако же все еще не держалась прямо, а шаталась или вскидывалась назадъ. Всѣмъ стало его жаль, и всѣ—кто словомъ, кто дѣломъ старались ему помочь. Онъ приходилъ въ себя, и когда, по общему совѣту, снесли его подъ пожарный навѣсъ, гдѣ и положили на постланную, взятую отъ лошадей свѣжую траву, то у всѣхъ явилась надежда, что его отходили отъ смерти („*одволалы*“), и стали расходиться; оставались при немъ только десятскіе и діаконъ. Среди этихъ хлопотъ никто не видѣлъ, когда ушли всѣ трое Сугыбы. Священникъ, поговоривъ въ волости съ писаремъ, ушелъ, сказавъ, что прійдетъ, если позовутъ. Какая-то сердобольная баба принесла чистые штаны и рубашку и, перекрестившись, положила на травѣ около Хведька. Скоро на сверткѣ бѣлья явилось нѣсколько мѣдныхъ монетъ...

Писарь и староста толковали, какъ съ нимъ быть. Поразспросили и, узнавъ, что сестра его гдѣ то,—*мабуть* на работѣ, порѣшили не трогать его до вечера—до пріѣзда старшины, а становому донести рапортомъ. Прибывшій уже къ полудню фельдшеръ, осмотрѣвъ Хведька, нашелъ, что у него переломлено два ребра, но что черепъ цѣлъ—развѣ гдѣ-нибудь трес-

нулъ, и что самое опасное, если селезенку повредили, а обморокъ могъ быть послѣдствіемъ обильнаго кровоизліянія. Во всякомъ случаѣ фельдшеръ совѣтовалъ дать знать начальству и напутствовать побитаго.

— Богъ знаетъ, чѣмъ это можетъ кончиться!—добавилъ онъ внушительно.

XVII.

Когда послѣ вечерни зашелъ провѣдать Хведька въ волость сердобольный діаконъ, то онъ уже былъ въ чистомъ бѣльѣ съ повязкой на головѣ, рана была промыта и залѣплена липкимъ пластыремъ. Священникъ еще передъ вечерней его поисповѣдывалъ и запричастилъ. Онъ лежалъ все на той же травѣ, былъ при памяти, но повернуться не могъ и стоналъ. Мухи надоѣдали ему и назойливо насѣдали на синебагровые кровоподтеки на всей лѣвой сторонѣ лица, особенно подъ глазомъ. Десятники и пожарные стойщики отъ времени до времени подавали ему напиться воды. Вмѣстѣ съ діакономъ зашли посмотрѣть на него двѣ-три бабуси изъ числа немногихъ въ лѣтнюю пору богомольцевъ, бывшихъ у вечерни. Имъ и навернувшемуся въ волость писарю діаконъ сказалъ:

— Напрасно парня загубили: батюшка говоритъ, что онъ лошади не кралъ.—Ему лучше знать. А могутъ отвѣчать, не дай Богъ чего...

Къ вечеру пріѣхалъ старшина и совѣтовался съ писаремъ, какъ быть. Всѣ проходящіе заходили взглянуть на побитаго. Постоявъ немного, они мотали головами и, выражая лаконически свои мнѣнія, отходили.

— Отъ таке!

— Добувсь, сердега!

— Отъ такъ упоралы—говорили любопытствующіе.

Начальство порѣшило до полученія приказа отъ станового на ночь приставить къ нему сторожу.

Поздно уже вечеромъ возвращались въ веселой компаніи съ далекой бахчи Сохва и Машка. Только спустившись съ горы на ярмарочную площадь, замолкла ихъ пѣсня, и стали отдѣляться изъ всей компаніи тѣ, кому нужно было поворачивать *„на свою улыцю"*. Красноселовцы прямо шли мимо завода. Около сушки онѣ встрѣтили нѣсколькихъ парней верхами на лошадяхъ, ѣдущихъ на ночное пастбище. Кто то изъ парней нарочно сталъ наѣзжать на дивчатъ. Послышались визгъ и шуточная ругань.

— Ой боюсь!—стопче! визгнула одна.

— Куды тебе несе на людей!—крикнула другая.

— А ты його тяпкою!—отозвался еще кто-то.

— По голови бый!—отозвалась ище одна.

— Не бый по голови, а то вбъешъ, такъ якъ ото Попка вбылы.

— Якого Попка? спросили дивчата.

— Якого?! А же винъ одынъ у насъ на Красноселивци. Тамъ лежыть на пужарни. Сугыбы упоралы. Кажуть, вже й запрычастылы—говорилъ парубокъ, въ сумеркахъ не замѣтивши сразу между дивчатами Машки. Она какъ-то „ойкнула", и тогда только парни замолкли и поѣхали своей дорогой.

Машка сѣла на земь, и всѣ обступили ее. Она такъ испугалась, что онѣмѣла. Сохва кинулась къ ней, перекрестила ее и съ помощью другихъ приподняла на ноги. Тяжело вздохнула дивчина разъ, другой, и на слова Сохвы:—ходимъ туды—безсознательно пошла за нею. Оставшіеся стояли въ нерѣшительности, и когда только въ сторонѣ отправившихся Сохвы и Машки послышался плачъ, то и себѣ направились за ними.

Черезъ минутъ пять въ затихающемъ вечерѣ послышалось „голосинья" подъ пожарнымъ навѣсомъ.

— Братику жъ ты мій, соколоньку. Шо жъ воны оце зъ тобою сподіялы?. За вищо жъ воны тебе вбылы?—мене зовсимъ несчасну сыротою зробылы! Ой Боже жъ мій! доленько жъ моя!—рыдала-причитывала Машка, припавъ къ плечу тяжело

застонавшаго брата. Сохва съ другой стороны его стояла на колѣняхъ и ощупывала его; всѣ остальныя дивчата только хныкали.

— Шо жъ воны його тутъ положылы?—первая пришла въ себя Сохва.

— Це десь треба пидводу знайты, та забрать до дому. Гмъ!—соображала она. Теперъ и пидводу якъ його знайты: уси вже на пашу погналысь...

— Та ще треба спытать начальныкивъ, чы дозволять забирать його, а то й на пожарныхъ можна бъ одвезты...—сказалъ наряженный на ночь сторожъ, которому хотѣлось позбыться этой повинности.

— Ты побижы до Андрія Павловыча, тамъ и старшына—воны туды пишлы—и попросы, щобъ дозволылы узять,—объяснилъ старшій десятскій.

Сохва, оставивъ тяпку и верхнюю „куцыну“ (свиту), побѣжала къ писарю, котораго застала у воротъ съ провожаемымъ имъ старшиною. Безъ особыхъ затрудненій разрѣшили взять Хведька домой.

Когда вернулась Сохва, то уже не застала своихъ уличанъ-дивчатъ. Только Машка сидѣла около Хведька, да десятскіе отвязывали дежурныхъ пожарныхъ лошадей для перемѣны ихъ приведенными другими. Засуетились всѣ, сняли съ пожарныхъ дрогъ багры, на полстяномъ пожарномъ же щитѣ наслали травы, на которую бережно уложили стонущаго Хведька, запрягли въ дроги одну лошадь и повезли его на Красноселовку. Одинъ изъ посланныхъ десятниковъ несъ Хведькову шапку съ нѣсколькими мѣдными грошами и двумя кѣмъ-то положенными еще днемъ восковыми свѣчами.

Хотя село ужъ улеглось на покой, но тѣмъ не менѣе къ хатѣ Самченковыхъ посбѣгались сосѣди посмотрѣть на привезеннаго и, когда оказалось, что у нихъ не было чѣмъ свѣтить, то сейчасъ же принесъ кто-то „каганець“ и сала. Десятскій хотѣлъ было зажечь восковую свѣчку, но Сохва не позволила.

— Оце! наче надъ мерцемъ свитытымуть!—огрызнулась она.

Вздыхая, а кой кто и крестясь, разошлись любопытные. Сохва побѣжала позвать знахарку—бабу Юдыху. Въ слабо освѣщенной хатѣ осталась безмолвная Машка; сверчекъ трещалъ гдѣ-то за печкою, да стоналъ въ валькирѣ Хведько.

Приведенная баба Юдыха принялась ощупывать больного, заставила развесть огонь на „прыпичку", что-то варила въ двухъ горшкахъ, однимъ снадобьемъ напоила, а другимъ стала парить грудь и животъ больного. Все это она дѣлала съ какими-то нашептываніями. Машка и Сохва молча исполняли ея краткія, строго въ полголоса произносимыя приказанія.

Такъ провозились почти всю ночь, и только ужъ на зарѣ, когда ушла лѣкарка и видимо облегченный въ страданіяхъ больной заснулъ, Машка и Сохва свалились, подмостивъ что-то подъ головы на лавкахъ, и задремали, забывъ даже запереть двери.

Не видѣли онѣ, какъ разсвѣло, какъ восходящее солнце заиграло узкими полосками сквозь щели разсохшихся притворенныхъ ставень, не слышали и благовѣста къ заутренѣ, спали усталыя физически и переволновавшіяся. Первая проснулась Сохва. Она сквозь сонъ еще послышала какое-то всхлипываніе и тихій говоръ. Проснувшись, она поняла, что кто-то есть около Хведька, и сейчасъ же сообразила, что это должно быть Полька пришла; но когда заглянула въ валькиръ, то увидала, что это была Мелашка, припавшая съ плачемъ къ Хведьку, что-то ей говорившему. Она такъ была поражена этой сценой, что при всей ея бойкости не нашлась даже, что сказать.

— Чого це ты тутъ? спросила она, прійдя въ себя, Мелашку, разсмотрѣвъ, что та была даже и непріодѣта, а въ обыденномъ платьѣ и въ кой-какъ повязанномъ на головѣ платочкѣ. Для Сохвы ясно было, что Мелашка или гдѣ-то здѣсь на Красноселовкѣ ночевала, или прибѣжала сюда изъ дому, не успѣвъ даже одѣться такъ, какъ бы ей слѣдовало, направляясь въ другое село да еще и въ воскресенье.

— Чого це ты такъ прыбигла? Це жъ ты соби славы наробышъ на весь мыръ!—сказала Сохва, но Мелашка даже и не отвѣчала ей, а плакала, припавъ къ откинутой рукѣ Хведька.

— Годи! иды! Прыховай iи—говорилъ больной слабымъ голосомъ.

Сохва взяла ее за руку и увела въ сѣни и тамъ отъ нея узнала, что когда ей, выгнавшей *„до череды“* скотину, сказали о томъ, что Хведько убитъ, то она *„и не стямылась“* и, не заходя домой, прямо побѣжала сюда; что ей не страшенъ ни поговоръ, ни *„людська слава“*, что она сама соби смерть *„заподiе“*, если только умретъ онъ, единственная радость ея жизни. Все это она разсказывала всхлипывая, утирая слезы и чмыхая носомъ.

Но Сохва въ своемъ умѣ порѣшила иначе: она уговорила Мелашку теперь поспѣшить городами да *„лукамы“* домой, а ужъ послѣ прiйти сюда въ Андреевку, какъ будто къ своимъ, и провела ее сама черезъ садокъ на огороды, по случаю праздника безлюдные.

— Кого це ты проводыла? спросила сосѣдка возвращающуюся изъ садка Сохву.

— Та це до мене жинка прыходыла—отвѣтила та неохотно и пошла въ избу, гдѣ еще спала Машка.

Она подошла къ Хведьку и участливо спросила:

— Ну, що? Якъ тоби? хоть трохы полегчало?

— Болыть,—отвѣтилъ тотъ, смотря на нее однимъ открытымъ глазомъ.

— Прыховала? спросилъ онъ.

— Цыть! Щобъ и Машка не знала!—шепнула Сохва.

Мелашка между тѣмъ успѣла добѣжать по плотинѣ и понадъ огородами Бемовки въ свою леваду, и тутъ только передохнувъ и оправившись, пошла черезъ огородъ къ себѣ во дворъ.

Свекоръ сидѣлъ на крыльцѣ и ожидалъ, пока разбуженная имъ его дочь—золовка Мелашки—вынесетъ ему чистое бѣлье; хлопчикъ дѣверь еще *„не прыгнався“* съ ночной пашни. Отсут-

ствія ея, очевидно, никто не замѣчалъ, такъ что она, какъ ни въ чемъ не бывало, принялась за обычное воскресное „поранье" около печи.

Но не пришлось ей, какъ совѣтовала Сохва, пойти по праздничному „*къ своимъ*" на Андреевку: не успѣла она помыть „*мыскы—ложкы*" послѣ обѣда, какъ явилась съ богомолья свекруха. Нужно было привѣтить ее, собрать ей пообѣдать, слушать ея разсказы о путешествіи по святымъ мѣстамъ, да и вообще неловко было идти изъ дому, когда та только что пришла.

Все время она была зла и хмурилась. Свекруха по-своему истолковала ея надутость: „она не рада ея приходу, не довольна малымъ „гостынцемъ" (крестикомъ), принесеннымъ изъ Кіева отъ святыхъ угодниковъ. Нерадостною этою встрѣчею только усиливались давно взаимно-питаемыя антипатіи.

Переодѣтая и пообѣдавшая старуха Дейнечыха отправилась отдохнуть въ комору на „*подушкы*", старикъ отправился въ волость, а Мелашка съ „*зовыцею*" осталась поприбрать въ избѣ.

— Чула ты—спросила зовыця—що на Андреевци спіймалы ворягу, тай прыбылы до смерти. Якогось то Попка называли. Ажъ трое коней вкралы, та тилькы одного цього й спіймалы, а ти такъ й втеклы—пересказывала „зовыця" уже успѣвшую разростись исторію съ Хведькомъ.

Мелашка сразу было вспыхнула, но послѣ, спохватившись, отвѣтила коротко:

— Чула.—

— Винъ той воряга, кажуть, нашій Ярчыси, Горпыни, зъ родни доводытся — продолжала „зовыця". Такъ росказувала Стеценкова Параска,—на двое голову—мизокъ такъ и вывалывся.

Какъ ножемъ острымъ рѣзали эти слова Мелашку, хотя послѣднее указывало на преувеличеніе разсказа.

— Такъ и лежыть на юлыци—сторожа стоять. Ярчыха заразъ же й подалась туды, якъ тилько почула—закончила Дашка и пошла изъ хаты.

Такъ и осталась молодица съ перемытою посудою въ рукахъ. Она убѣдилась, что Дашка переврала или передавала перевранное, но тѣмъ не менѣе допускала возможность увода Хведькомъ лошадей совмѣстно съ другими. Онъ и для нея, какъ и для многихъ, представлялъ собою уже не прежняго парубка—мужика, а такъ или иначе уже обтертаго въ тюрьмѣ человѣка, способнаго на все необычайное въ сельской жизни и въ томъ числѣ на кражу лошади. Но все-таки онъ дорогъ ей, и потери его она, казалось, не въ состояніи будетъ перенесть. Такъ бы и полетѣла она туда, опять бы припала къ нему и поплакала бы вдоволь, слезами слила бы свое горе, свою боль сердечную! Но нельзя ей идти теперь туда: тамъ теперь изъ ихъ деревни Ярчыха, тамъ теперь люди вездѣ на улицѣ, злая свекруха дома... Слезы такъ и закапали изъ ея глазъ, и она не повернулась, когда зовыця изъ сѣней въ отворенныя двери сказала, что идетъ *„на улыцю“* и чтобы ее позвали, когда маты встанетъ.

Хата Самченковыхъ, дѣйствительно, въ тотъ же день была полна народа. Пришли Полька съ мужемъ, „титка Горпына“ изъ Деревни, вдова дядына, сосѣди—перебывали всѣ *„кутчане“*, и въ концѣ концовъ приходилъ сотскій узнать о состояніи здоровья Хведька, такъ какъ посылаемый съ донесеніемъ къ становому возвѣстилъ скорое—на дняхъ—его прибытіе въ Андреевку.

Больному стало какъ будто легче, но все еще безъ острой боли въ полости груди и живота онъ не могъ приподняться, хотя и былъ въ полномъ сознаніи. Рана на головѣ сильно саднила и воспаленіе чувствовалось во всемъ кожистомъ покровѣ головы около раны и вызывало сильную припухлость лѣвой стороны головы и лица. Слабость была причиною постояннаго дремотнаго состоянія. Фельдшеръ, не смотря на обѣщаніе, данное писарю, такъ и не приходилъ провѣдать Хведька, а баба Юдыха явилась уже сумеркомъ съ какимъ-то снадобьемъ, которымъ присыпала рану, отмочивъ предварительно пластырь. Когда она принялась было парить и разминать грудь и животъ, то Хведько такъ застоналъ, что пришлось остановить этотъ массажъ.

Когда ушла лѣкарка вмѣстѣ съ Сохвой, которая обѣщала прійти еще посидѣть съ вечера, оставшаяся при больномъ Машка услышала, что кто-то стучитъ пальцемъ въ окно.

На ея окликъ—кто тамъ?—ей отвѣтилъ незнакомый голосъ—выйды сюды!—Вышедши на *„прысинки“*, она увидала какого-то крестьянина, ей вовсе незнакомаго, который спросилъ ее:

— Ну, що, якъ винъ?

— Лежыть.

— На оци гроши—та никому не кажы—тилько йому скажешъ. Винъ самъ знае... сказалъ человѣкъ и сейчасъ же пошелъ въ ворота и по улицѣ.

Машка, привыкшая серьезно относиться къ деньгамъ, хотѣла поразспросить, какія это деньги и сколько ихъ, но его и слѣдъ простылъ. Она такъ и осталась въ недоумѣніи и стояла на крыльцѣ. Приходъ Сохвы даже смутилъ ее, и на вопросъ той—чого це ты тутъ стоишъ?—она замялась и ничего не могла отвѣтить, но когда вошли въ хату, то она не выдержала и разсказала все, какъ было.

Сохва нахмурилась, замотала головой и съ своей стороны сказала, что она встрѣтила сама этого человѣка, но, какъ ни присматривалась, узнать его не могла. Денегъ оказалось десять рублей.

— Гмъ! Це чудне!—соображала Сохва, и въ ея мысляхъ роились разныя предположенія. Первое, что она подумала, это то, это что были деньги отъ Мелашки, второе, что это былъ одинъ изъ участниковъ увода лошади у Сугыбы, третье что это кто-нибудь изъ бившихъ Хведька, раскаиваясь, далъ деньги, чтобы хоть этимъ покрыть свой грѣхъ, и наконецъ то, что это Сугыбы измыслили какой либо подвохъ, чтобъ этимъ путемъ еще больше запутать Хведька... Эту послѣднюю мысль она порѣшила сообщить Машкѣ и тѣмъ самымъ обязать ее къ храненію тайны.

— Це вже не що, якъ Сугыбивськи штукы?—сказала она. Дывысь, ще й гроши може мичани, яки небудь прыметы на ныхъ поставляно. Ну, та нехай! Тамъ выдно буде, а теперъ

якъ то кажуть, ни пары зъ рота. Одно слово—никого не бачыла, ничого не знаю, ніякыхъ грошей не брала... И йому, покы що, не кажы... Ну, а я оце подывлюся, якъ винъ тамъ, тай пійду—спать пора.—Якъ що, може, прокынется, то дасы ще йому напытыся молочка... приказывала дѣловитымъ тономъ Сохва и пошла, провожаемая Машкой.

XVIII.

Сугыба кинулся разыскивать свою пропажу, побывалъ на Бемовкѣ у Шкавра, поилъ и подкупалъ разныхъ людей, по указанію однихъ ходилъ къ другимъ, былъ и въ кабакѣ Стрибуля, по его порученію побывали и у знаменитаго Сирыка—ворожбыта; по указанію послѣдняго опять пошли и разспрашивали новыхъ лицъ... ничего не помогло: пропала лошадь. Всѣ разсужденія сводились къ тому, что если бы не били „Попка", а толкомъ бы взялись его допытывать.., а то теперь что съ него возьмешь? а вотъ, если умретъ, то еще прійдется отвѣчать.

Еще съ вечера изъ Бемовской расправы десятскій принесъ въ Андреевское волостное правленіе записку о томъ, что становой приказываетъ на завтра собрать людей, нужныхъ по дѣлу о кражѣ лошади и нанесеніи побоевъ. Записка была написана Бемовскимъ сельскимъ писаремъ по словесному приказу станового, проѣхавшаго ночевать „до Карла", какъ объяснилъ десятникъ.

Заповѣданный пріѣздъ станового былъ совсѣмъ не въ пору: всѣ почти слобожане собирались на косовицу, такъ какъ въ воскресенье еще были розданы ярлыки и за эти дни успѣли уже подѣлить траву, побить „долобы", а нѣкоторые уже и начали косить. Начальство тоже было занято этою косовицею, да главное, самогопотерпѣвшаго отъ кражи—Тимохы Сугыбы—не было дома: онъ поѣхалъ на нанятой лошади въ хуторъ Майданъ, по указанію Сирыка, къ братьямъ Кленовымъ, извѣстнымъ конокрадамъ, ведущимъ дѣло съ Битюцкими конокрадами.

— „Кони проведено прямо на симъ зирь, помижъ деревомъ. Два русявыхъ—одынъ высокый, другый осадкуватый—добре та гараздъ знають. Знайдется, та не скоро“—вотъ что было сказано Сирыкомъ, и понятно, что лошадь уведена на сѣверъ (симъ зиръ—Большая Медвѣдица) черезъ большой лѣсъ, а братья Кленовы именно „русявые“.

Между тѣмъ присутствіе Сугыбы, по мнѣнію начальства, теперь было необходимо потому, что онъ могъ „*де чимъ поклонытъся*“ становому и смягчить дознаніе о нанесеніи побоевъ Хведьку въ присутствіи и съ почина самого начальства въ самомъ волостномъ правленіи. Сихъ ради соображеній порѣшено было настроить саму Сугыбыху, чтобы она „*де чимъ—ну хоть краснымъ былетомъ—поклоныласъ*“ становому.

— Ты вже, Демьяновна, якъ-небудь поакуратнійше прохай, щобъ, значыть, нащотъ коня—вашой пропажи, порозыськувалы, а то, не дай Богъ чого, щобъ ще й намъ у одвити не буть, щобъ не було якои халепы... толковалъ старшина Сугыбихѣ, зазванной въ волостное правленіе, когда она выгоняла „*до череды*“ коровъ.

Наставляемая молча слушала наставленія и видимо соображала что то. Она поняла, что въ дѣлѣ этомъ „*началныкы*“ настолько же заинтересованы пріобрѣтеніемъ снисходительности станового въ дознаніи объ истязаніи „Попка“, насколько и они, Сугыбы, въ розыскѣ лошади, и подумавъ сказала:

— Та воно звисно—безъ цього вже ніякъ не можна: тилькы я не знаю, якъ безъ Семеновыча, що у нього гроши—винъ ихъ пры соби носыть,—въ мене нема й копійкы...

— Ну, вже якъ небудь роздобудь, прыхваты у кого—безъ цього ніякъ не прыходытся—сказалъ старшина и, видя, что она что-то думаетъ и не спѣшитъ идти „*роздобувать*“, добавилъ:

— Такъ о-такъ-то! иды, а то ось вже люды йдуть...

— Турбота одна зъ вамы—просто халепа!..

Сугыбыха медленно вышла въ сѣни и, еще постоявъ тамъ немного, пошла домой.

Часамъ къ двѣнадцати на почтовой тройкѣ пріѣхалъ становой—Александръ Ивановичъ Дойковъ въ Андреевское волостное правленіе. Сотскіе Андреевскій и Бемовскій, съ бляхами на грудяхъ и, разумѣется, безъ шапокъ, встрѣтили станового около волости и одинъ даже кинулся помогать сойти изъ тарантаса, но становой только кивнулъ ему взять портфель и пошелъ на крыльцо. Въ сѣняхъ почтительно былъ на чеку староста при медали и уже въ комнатѣ правленія поближе къ порогу стоялъ въ цѣпи Васыль Прокоповычъ (старшина) около стола; опираясь одной рукой на сложенныя бумаги, стоялъ писарь Андрей Павловичъ. (Этотъ этикетъ встрѣчи вездѣ по волостямъ какъ-то самъ собою установился).

Становой кивнулъ на отвѣшенные поклоны головой, скинувъ парусинный балахонъ на руки старостѣ, бережно его положившему на кассовый сундукъ, усѣлся за столъ и, придвинувъ поданный портфель, устало откинулся на спинку кресла.

— Ну съ! Что тутъ у васъ?—спросилъ онъ старшину и писаря.

— Да вотъ кража со взломомъ и..... сказалъ писарь.

— У кого кража?

— Здѣсь въ Андреевкѣ, у здѣшняго крестьянина, Сугыбы.

— Что жъ? Напали на слѣдъ? Есть указанія на кого?—обратилъ онъ рѣчь къ старшинѣ.

— Наказувать—не наказувалы, а звисно, народъ озвирывся, пручаться ставъ, такъ помялы—отвѣтилъ старшина, понявъ по своему предложенный вопросъ..

— Да! такъ помяли подозрѣваемаго? А? Онъ у васъ здѣсь лежитъ?

— Нѣтъ. Его тогда же отослали на домъ, такъ такъ не смѣли безъ Вашего Высокородія задерживать подъ арестомъ—вмѣшался на выручку старшины писарь.

— Почему же на него пало подозрѣніе?

— Да сказываютъ, что онъ отводъ сдѣлалъ, пока другіе вывели лошадь.

— Какъ это отводъ?

— Говорятъ, собаку сталъ дразнить отъ воротъ, а тѣ тѣмъ временемъ сломали замокъ и цѣпь и..

— Какъ дразнить? Какимъ способомъ?

— Въ ворота будто, сказываютъ, сталъ стучать, а тѣ собаку прихватили оселомъ и удавили.

— Что жъ, хозяинъ лошади спалъ или дома не былъ?

— То есть, собака кинулась по рыскалу къ воротамъ, стала брехать, а хозяева вышли на улицу, а они тѣмъ временемъ...

— А! значитъ подозрѣваемаго прихватили около воротъ и пока его тамъ били—лошадь увели? Такъ что ли?

— Нѣтъ! Они это его только разспросили, а ужъ утромъ кинулись—пропажа, тогда за него и взялись...

Становой наконецъ уразумѣлъ отчасти дѣло.

— Значитъ, уже на другой день они его нашли и поймали?

— Его привели сюда...

— Уже помятаго?

— Нѣтъ, разсказываютъ—я тутъ не былъ—что его привели, да ужъ тутъ... поступили съ нимъ строгонько..

— То есть, здѣсь въ Правленіи?

— Нѣтъ! Въ сѣняхъ—разсказывали...

— Въ сѣняхъ?—что жъ въ сѣняхъ? спрашивалъ становой, смотря поочередно то на писаря, то на старшину.

— Воны, значыться, хотилы його рештувать, а винъ ставъ пручаться,—розсказують—я тоди саме у городъ йиздывъ... тутъ воно якось то й выйшла уся тая публикація... отозвался старшина.

— Какая публикація?

— Да, это... вмѣшался опять писарь—онъ сталъ будто бы буянить, а тѣ стали его унимать и, то есть—,помяли немного... Я въ ту пору не былъ въ волости...

— Кто же это они?

— Староста, говорятъ, былъ, сотскій и такъ еще кой кто... эти самые Сугыбы...

— Ну, и помяли? Здорово?—уразумѣвая суть дѣла спросилъ становой уже самого писаря.

— Ну, ужъ извѣстно... народъ необразованный, а тутъ своего жаль...

— Гмъ! Какъ же такъ? Въ расправѣ, при старостѣ...

Писарь сдвинулъ плечами, какъ бы въ свою очередь не могшій понять, какъ это могло случиться.

— А лошадь нашли?

— Уѣхалъ искать.

— Гмъ!—задумался становой... Актъ составили?

— То есть, какъ это самое случилось, значитъ пришлось провозиться съ этимъ... а послѣ Сугыба отправился на Бемовку разыскивать... мы это рапортомъ Вашескородію донесли... Все ожидали прибытія...

Становой молча слушалъ все это и соображалъ, какъ въ данномъ случаѣ поступить.

Наконецъ, очевидно рѣшился что дѣлать

— Выберите двухъ-трехъ человѣкъ понятыхъ, а я тутъ пока подготовлю. Выйдите всѣ, а вы останьтесь со мною здѣсь,— сказалъ писарю.

Всѣ вышли чуть не на цыпочкахъ.

— Садитесь и пишите заголовокъ акта, ну хоть сегодняшнимъ числомъ. Пишите, что вотъ прибылъ по донесенію волостного правленія такого то числа, за №.—ну, сами знаете...

— Сейчасъ.—Писарь принялся за знакомое ему дѣло, а становой всталъ, зѣвнулъ, закурилъ папироску и сталъ ходить по комнатѣ.

Въ сѣняхъ между тѣмъ шепотомъ старшина и староста толковали о томъ, что вотъ Сугыбыхи по сю пору нѣтъ и что ходившій справиться о состояніи здоровья Хведька видѣлъ его спящимъ и блѣднымъ, а отъ его сестры узналъ, что онъ цѣлую ночь стоналъ.

Запыхавшійся хлопецъ—десятникъ съ развѣвающимся выцвѣтшимъ отъ солнца и купанья чубомъ сказалъ:

— Отъ иде.

И дѣйствительно, вскорѣ взошла на крыльцо Сугыбыха— серьезная, степенно вывязанная большою шалью. Старшина поманилъ ее въ сѣни.

— Справылась?

— Справылась, та не зовсимъ.

— Якъ не зовсимъ?

— Та такъ, що не раздобулась ничымъ.

— Та якъ же такъ?

— Бигала й до Толочка, й до Котляра, и до своихъ--то дома нема, а то й такъ не дають, одмагаются.

— Я вже й сама не знаю.. Якъ бы Семеновычъ дома, а то хто його знае якъ.

— Гмъ! Гмъ!—соображалъ старшина.

— Колы бъ не ставъ докопуваться до побоивъ,—сказала Сугыбыха, очевидно за эти дни усвоившая себѣ это слово и смыслъ его.

— Мы, що жъ? хоть може й не втерпилы—усякому своего жалко, та тильки жъ не мы сами, тутъ и началныкы булы... какъ бы высказывая программу своихъ объясненій становому, говорила хитрая баба.

— То то й е! Сами прохаете, клянчыте, а якъ що до чого, такъ и одвичай за васъ! сказалъ староста, понявшій, „*куды вона гне*".

— А до кого жъ намъ подаваться, якъ не до васъ, нашыхъ началныкивъ, щобъ наставылы насъ дурныхъ?.. Я жъ и не одмагаюсь, та сами жъ бачыте, якый случай. Якъ бы винъ тутъ бувъ, такъ може бъ и мени не прыйшлось оце хлопотаться, та мизкувать, якъ його що й говорыть... и баба сбѣднилась, зашатала своей чалмой и вотъ-вотъ готова была расплакаться.

— Може бъ тутъ якъ у кого можна бъ перехватыть покы що... сказала она, еще больше сбѣднившись.

— Гмъ! Вже не що! Якъ що есть, такъ ты Петровычъ дай, а тоди вже, якъ прыйиде Семеновычъ...

Староста поскребъ потылыцю и полѣзъ въ карманъ, но у него оказалось только восемь рублей съ мелочью.

Въ это время писарь показался на дверяхъ и сказалъ, обращаясь къ Сугыбыхѣ:

— Иди... а самъ вышелъ въ сѣни и затѣмъ въ другую комнату.

„Началныкы“ замялись, старшина сунулъ Сугыбыхѣ еще два рубля и она, оправляя рукою платокъ и обтирая горстью ротъ, пошла къ становому, велѣвшему ей запереть за собою двери.

Не долго продолжался спросъ Сугыбыхи, какъ потерпѣвшей. Стоявшимъ въ сѣняхъ слышно было, какъ она всхлипывала и плачущимъ тономъ разсказывала становому; изрѣдка слышался голосъ послѣдняго, очевидно прерывающаго хныканье бабы вопросами.

Когда позванный писарь, досмоктавшій и затоптавшій на ходу папироску, вошелъ, чтобы писать дальше актъ, то Сугыбыха, сбѣднившаяся, съ красными отъ слезъ глазами, стояла, подперши одною рукою щеку около стола, и чмыхала носомъ.

Въ актъ занесено цѣликомъ показаніе Сугыбыхы, сходное со сложившеюся уже совсѣмъ исторіей событія: около полуночи, когда они уже спали, кто-то у воротъ сталъ дразнить ихъ цѣпную, бѣгавшую на рыскалѣ собаку. Хозяинъ вышелъ въ калитку и около воротъ засталъ „крестьянина той же слободы Андреевки Федора Самченкова, по уличному „Попка“ который началъ съ хозяиномъ спорить, „*змагаться*;“ туда же на споръ вышла и она, а ужъ утромъ, проходя на обору къ коровамъ, замѣтила похищеніе лошади и увидѣла удавленную собаку. Когда собака перестала лаять—за споромъ съ Попкомъ не замѣтили, а соображаютъ, что воры, подкравшись, накинули на нее петлю, придѣланную на тычку (хворостину), такъ, какъ арканятъ лошадей въ табунѣ, и моментально удавили, а послѣ ужъ сломали замокъ, перекрутили конскую цѣпь и огородами на Куколевщину увели лошадь; что хотя при спорѣ съ Попкомъ и были сбѣжавшіеся на шумъ сосѣди, но кто именно, за темнотою она не замѣтила.

По прописаніи всего этого становой, въ сопровожденіи сельскаго начальства, самой Сугыбыхи и понятыхъ, разспросивъ, что дворъ Сугыбовъ не далеко отъ волости, пошелъ туда. За ними, разумѣется, побѣжали всѣ той улицы дѣти, и къ мѣсту осмотра явились неушедшія въ поле сосѣдки-бабы.

Осмотрѣли взломанный затворъ конюшни, перебитую у ясель конскую цѣпь, тычку и обоняніемъ заслышали вонь вытащенной въ ровъ огорода вздувшейся уже цѣпной собаки.

Когда становой, передъ которымъ шарахнулись въ разныя стороны сбѣжавшіяся ко двору дѣти, выходилъ въ калитку, на улицѣ его увидѣлъ, проѣзжавшій на дрожкахъ мировой судья Махалевскій. Онъ удержалъ свою кобылу и, отдавъ возжи сидѣвшему сзади кучеру, подошелъ къ становому.

— А! Знаете смотрю, мальчишки бѣгутъ: я догадался... Это вы того побитаго смотрѣли... Здорово уходили? Дойдетъ, вѣроятно? Хе! хе! Знаете, дико еще у насъ... затарантилъ судья, между тѣмъ какъ становой почтительно жалъ ему руку.

— Я, знаете, думалъ докторъ съ вами...

— Нѣтъ! Якова Николаевича я счелъ лишнимъ безъ времени безпокоить: сначала хотѣлъ самъ убѣдиться.

— Теперь только значитъ пошлете за нимъ? Знаете—хотѣлъ было попросить заѣхать ко мнѣ: что то, знаете, жена не совсѣмъ здорова... Е—е! попрошу васъ передать ему мою просьбу завернуть къ намъ... Вы бы съ нимъ вмѣстѣ... Е—е!

— Я, то есть, еще право не знаю, прійдется ли его приглашать, такъ какъ...

— Е—е! знаете, развѣ безъ вскрытія можно будетъ обойтись?

— Да вѣдь, говорятъ, онъ немного помятъ: уже почти здоровъ.

— А! А я знаете, слыхалъ, что совсѣмъ убили. Прислуга разсказывала... говорятъ, знаете, голову разрубили на двое. Это, знаете, любопытно... знаете!

— Нѣтъ. Вотъ старшина говоритъ, что только такъ немного...

— Э, э! Это чей же: нашъ, Андреевскій, или сторонній?—спросилъ судья старшину.

— Нашъ. Ото може Вашій мылости у памьять, що прысуженый бувъ у тюрьму за бурякове симмя.

— А! Помню—э, е!—такой грубый, знаете...

— Винъ зъ Красноселивкы... якъ накъ йихъ прозываютъ?

— Самченковы... подсказалъ кто то.

— Э—э! До свиданья. Знаете!—Я думалъ, и въ самомъ дѣлѣ на смерть ухлопали... Спѣшу еще, знаете, къ Карлу Теодоровичу... Его только въ эту пору застать можно.

И судья, подавъ руку становому, сѣлъ на дрожки и укатилъ, взбивая пыль по улицѣ.

Становой со всѣми, кромѣ оставшейся дома Сугыбыхи, вернулся въ волость, гдѣ и закончилъ актъ о кражѣ со взломомъ лошади „у крестьянина Тимофея Семенова Сугыбина“.—Но...

Этимъ не кончылся визитъ становаго. Онъ спросилъ, нельзя ли еще поразспросить подозрѣваемаго, и когда старшина и писарь сказали, что тотъ боленъ и не можетъ быть приведенъ въ волость, становой велѣлъ на поданныхъ лошадяхъ свозить его къ Хведьку.

Когда къ Самченковыхъ дому подкатилъ на тройкѣ становой со старшиною, а староста съ сотскимъ на другой парѣ, когда послышались эти колокольчики и погромки у ихъ воротъ, то Машка такъ испугалась, что не могла даже и выйти на окликъ старшины, звавшаго подъ окномъ:

— Выйдить, хто тамъ есть!

Она стояла посреди хаты, какъ была, и не могла двинуться съ мѣста и даже что либо отвѣтить, когда уже старшина вошелъ впереди становаго въ избу. Сотскій, по приказу старшины, открылъ оконницы... Она задрожала и вдругъ разразилась плачемъ.

Становой и старшина стояли и не знали, съ чего начать. Послѣдній подумалъ, что Хведько уже умеръ; староста оставался на крыльцѣ.

— Чого ты, божевильна? Угомонысь!—попробовалъ унять ее старшина.

— Це сестра його, дивка—объяснилъ онъ немало смущенному становому.

Машка отступила къ лавкѣ и, припавъ къ столу, истерически рыдала. За перегородкой послышался стонъ. Заглянули

туда. Тамъ на помостѣ лежалъ все еще съ закрытымъ опухолью лѣвымъ глазомъ и съ обвязанною головою Хведько. Онъ хотѣлъ приподняться и при каждомъ усиліи стоналъ, ложился и откидывалъ голову назадъ.

— Да! Такъ это вотъ что! Хорошо „немного помяли"!— сказалъ становой.

— Какъ же это ты, старшина, такъ оставляешь?—Здѣсь безъ доктора нельзя. Этакъ, голубчики, вы меня подведете.— Тутъ нужно поразобраться.

— Я... Ваше Высокородіе, не бувъ саме у слободи, якъ воно тутъ скоилося—замялся старшина и самъ не думавшій, что побитый еще по сю пору находился въ такомъ положеніи...

— „Не бувъ". Нѣтъ, тутъ не тѣмъ пахнетъ!—сказалъ становой, выходя изъ хаты и направляясь къ тарантасу, на который уже не пригласилъ старшину.

Не скоро послѣ того, какъ уѣхали посѣтители, Машка пришла въ себя, перестала плакать и могла отвѣтить на вопросъ вошедшей къ ней въ избу сосѣдки—зачѣмъ пріѣзжали „началныкы"?

— Я й сама не знаю...

Становой только вечеромъ выѣхалъ изъ Андреевки послѣ того, какъ у него побывали фельдшеръ, котораго онъ подробно поразспросилъ о томъ, насколько опасно положеніе побитаго, староста и всѣ бойцы до пріѣхавшаго съ поисковъ лошади Тимохи Сугыбы. Всѣхъ онъ разспрашивалъ по-одиночкѣ и каждый, кромѣ фельдшера, выходилъ отъ него, какъ изъ бани, красный и на всѣ лады скребущій голову. Въ концѣ концовъ порѣшено было, что староста и Сугыба побываютъ еще въ воскресенье у него въ становой квартирѣ, въ Цапинкѣ.

Послѣ отъѣзда становаго фельдшеръ тоже раза три провѣдывалъ Хведька, ощупывалъ его, промывалъ на головѣ рану свинцовой примочкой и давалъ какіе-то порошки.

Однакоже, не смотря на лѣченіе фельдшера и чередовавшейся съ нимъ бабки, Хведько пролежалъ до Спасовки. Пришлось нанимать косаря скосить хлѣбъ и затѣмъ возчика, чтобы свозить и сложить его на огородѣ.

У Машки тоже лѣто пропало: ей нельзя было оставлять Хведька, пока онъ самъ не сталъ вставать и ходить. Провѣдывала ихъ не больше трехъ разъ Полька, занятая работой, да Мелашкѣ удалось на Ильинъ день, когда Машка ходила нанимать возчика, отъ Сохвы забѣжать къ больному. Онъ уже могъ вставать и, держа за руку гостью, уговаривалъ ее не плакать и „не журыться“. Сохва, какъ добрый геній, чисто по-родственному, какъ и чѣмъ могла, помогала Хведьку: она и знахарку приводила, и сама, какъ только можно было, прибѣгала къ нимъ, и указывала, кого нанять на уборку, и то того, то другого „прыдбаного“ приносила, и вишни помогла собрать и продать, и наконецъ поспособствовала Мелашкѣ провѣдать Хведька. При всемъ этомъ ея участіе важно было тѣмъ, что она не давала падать духомъ Хведьку, какъ то осунувшемуся, готовому потерять надежду на возстановленіе своего здоровья и на возможность хоть какъ-нибудь устроиться.

— Э! плюнь на все! Молысь Богу. Винъ, Мылосердный, якось-то дасть запомогу, видкиля й не думаешъ... Ще ты молодый человикъ, ще й нажывешся й безъ дила не будешъ... Мало чого не бувае... уговаривала добрая женщина..

Еще передъ Спасовкой на „*Палія саме*“ 27 іюля Хведько уже могъ пройти въ волостное правленіе, вызванный туда нарочно присланнымъ за нимъ десятникомъ. Тамъ писарь прочиталъ ему какую-то небольшую на видъ бумажку и сказалъ, чтобы онъ шелъ въ домъ Кучерки, гдѣ его будетъ спрашивать судебный слѣдователь. Значеніе этого „начальства“ Хведько узналъ еще въ тюрьмѣ и потому понялъ значеніе этого призыва. Но ему страннымъ показалось то, что писарь, оставшись нарочно съ нимъ однимъ въ волостномъ правленіи, сталъ его научать, какъ и что отвѣчать на вопросы слѣдователя.

— Ты прямо скажи, что былъ выпивши и надумался зайти къ Сугыбѣ потребовать свой долгъ, а что про кражу лошади ничего не знаешъ и вовсе не знакомъ ни съ Саенкомъ, ни съ Кленовымы. А про то, что было тутъ съ тобою въ волости, Боже сохрани ни слова!

Хведько такъ и сдѣлалъ: на вопросы слѣдователя отвѣчалъ коротко, слѣдователь даже и не записывалъ ничего, и только сказалъ—ступай.—

Дѣло въ томъ, что еще при дознаніи станового порѣшено было по возможности обойти нанесеніе побоевъ.

Больше никто Хведька не вызывалъ, такъ какъ „дѣло о крестьянинѣ Федорѣ Самченковѣ, подозрѣваемомъ въ соучастіи въ совершеніи похищенія со взломомъ лошади", было направлено слѣдователемъ къ прекращенію.

XIX.

Прошла Спасовка, силы Хведька шибко возстановлялись: отъ раны на головѣ остался только небольшой шрамъ, на лицѣ не стало синяковъ и кровоподтековъ, про ребра же ни онъ, ни знахарка не могли уже съ достовѣрностью сказать, цѣлы ли онѣ, или поломаны. Осталась только блѣдность въ лицѣ, все больше и больше опушающемся бородою и усами.

Съ возстановленіемъ здоровья и силъ у него появились опять стремленія какъ-нибудь да устроиться, обзавестись хозяйствомъ и... страстное желаніе повидаться съ Мелашкой. Послѣднее много превышало первое. Онъ, кажется, отказался бы отъ всѣхъ благъ, лишь бы только хоть на часокъ повидаться съ нею, обнять ее... Чуть закрывалъ онъ глаза, какъ образъ ея такъ и вставалъ передъ нимъ, возстановлялся до мельчайшихъ подробностей... Душа его рвалась къ ней, онъ постоянно думалъ о ней, страстно ждалъ случая возможности свиданія. Инстинктъ молодого сильнаго самца игралъ не малую роль въ этихъ стремленіяхъ.

Слобода позолотѣла стожками хлѣба, кой-гдѣ слышался лопотъ молотьбы; за темною зеленью садковъ и картофельной ботвы на огородахъ къ рѣчкѣ свѣтлѣли гряды капусты, зажелтѣли оранжевые цвѣты „*гвоздыкивъ*"; тыквы, какъ каменные валуны, виднѣлись тамъ и сямъ, торчали высокіе стебли съ кругами подсолнуха; бѣлесоватые мѣстные арбузы появились на пол-

кахъ сельскихъ лавочекъ и цѣлыми возами по праздничнымъ днямъ около церкви—однимъ словомъ, сезонъ сельскаго изобилія настал въ полномъ разгарѣ. Многіе уже посѣяли озимину. Начинаются осеннія ярмарки, храмовые праздники, а дальше и свадьбы.

У Самченковыхъ на фонѣ темной зелени садка виднѣется небольшой стожокъ—всего $4^1/_2$ копы жита. Приходится его молотить, такъ какъ вотъ-вотъ скоро не станетъ того небольшого запаса, какой у нихъ имѣлся, припасенный еще покойною матерью. Хведько уже смастерилъ себѣ цѣпъ, употребивъ на „*капыци*“ (кожаныя или сыромятныя петли, которыми прикрѣпляется одна часть цѣпа—*бычъ*, къ другой—*ципылно*) найденные въ коморѣ заскорузлые кусочки кожи, и уже практиковался молотить у Сохвы. Оказалась эта работа не тяжелою, но требующей навыка и сноровки. Нужно бить такъ, чтобы „*бычъ*“—короткая часть цѣпа ударяла по снопамъ всей своей длиной, и затѣмъ—чтобы при подъемѣ „*бычъ*“ только отлеталъ вверхъ, а не закидался назадъ, при чемъ очень легко самому себя задѣть по головѣ. Сохва и Машка кой-какъ научили Хведька владѣть этимъ нехитрымъ орудіемъ. Молотили они коноплu „*матирку*“, собранныя Сохвою на ея пайкѣ „пидмети“. Онѣ смѣялись надъ нимъ, показывали ему, какъ бить, какъ отхватывать цѣпъ; сосѣдка, смотрѣвшая черезъ плетень, тоже со смѣхомъ говорила, чтобы не учили его, а пусть „набье соби гулю на лоби“, тогда и самъ научится. По улицѣ безпрестанно проѣзжали, поскрипывая, нагруженные снопами возы и торохтѣли ѣдущія порожнія телѣги.

Сосѣдка первая замѣтила, что около хаты Самченковыхъ кто-то остановился и входилъ во дворъ, и сказала объ этомъ Хведьку. Пока онъ вышелъ на улицу, заѣхавшій уже велъ лошадь свою отъ воротъ, и въ немъ Хведько узналъ Йосыпа.

— Де бъ тутъ воды попрохать напыться?—спросилъ Йосыпъ, какъ бы впервые увидавъ совершенно ему незнакомаго Хведька, и пошелъ во дворъ той же сосѣдки Сохвы. Хведько понялъ эту манеру и спокойно смотрѣлъ на „справный“ возъ

и добрую запряженную въ него лошадь. Очевидно, Иосыпъ не за снопами ѣхалъ, а откуда-то издалека: у передка виднѣлась конская цѣпь и къ *„пидтокамъ“* воза была привязана мазница. Сосѣдка подала кухоль воды и поклонилась. Йосыпъ снялъ картузъ, перекрестился и, напившись, поблагодарилъ. Когда сосѣдка пошла съ кухлемъ въ избу, онъ, оправляя лошадь и смотря въ сторону, сказалъ:

— Прыходь ничью до Стрибуля. Свыснешъ у вышняхъ... и сейчасъ же сѣлъ и поѣхалъ, оставляя въ полномъ недоумѣніи Хведька.

Домолотили до вечера и у Сохвы же повечеряли борщомъ съ саломъ и кашей, а послѣ съѣли два небольшихъ не совсѣмъ спѣлыхъ кавуна. Помогли собранное въ лантухъ вымолоченное, но еще не провѣянное, конопляное сѣмя внесть въ коморю и отправились домой.

Машку на улицѣ задержали какія-то ея подруги дивчата, а Хведько пошелъ самъ раздумывая, какъ быть съ этимъ приглашеніемъ Йосыпа.

Онъ хорошо понималъ, что затѣвается опять что-то недоброе и ему не хотѣлось принимать въ этомъ участіе; съ другой стороны, ему хотѣлось повидать Йосыпа и почему-то думалось, что тамъ и Шляховой. Какъ бы ни было, а никто изъ посторонних, кромѣ Сохвы, не явилъ такого участія къ нему во время его невзгодъ, только они передали ему деньги, десять рублей, тогда какъ онъ былъ безнадеженъ. Да при томъ и у Стрибуля онъ можетъ только повидаться съ ними и тамъ же отказаться отъ предложеній, если бы они были того же пошиба.

Раздумывая такъ, онъ вошелъ на крыльцо своей хаты и хотѣлъ посидѣть, подождать Машки. На скамейкѣ лежала какая-то одежа; онъ, не разсматривая, скомкалъ ее вмѣсто подушки и прилегъ на лавкѣ. Машка нашла ключъ и пошла въ избу, откуда немного погодя вынесла рядно и подушку для Хведька, спавшаго постоянно на крыльцѣ. Онъ сказалъ, что ему ничего не нужно, и вынесенную постель приказалъ убрать въ хату, добавивъ:

— Засунься.—

Машка поняла, что онъ, какъ парубокъ, не будетъ ночевать дома.

Долго не успокаивалась жизнь по селу: скрипѣли возы со снопами, перекликались голоса, кой-гдѣ побрехивали собаки, высоко гдѣ-то просвистѣли крыльями утки. Хведько все лежалъ и думалъ про назначенное свиданіе, даже обычныя мысли о Мелашкѣ не приходили ему въ голову на этотъ разъ. Отлежавъ бокъ на твердой лавкѣ, онъ захотѣлъ перемоститься и, взявъ бывшую подъ головами одежу, нащупалъ въ ней, вмѣсто обыкновеннаго сукна, какую-то мягкую матерію. Сталъ еще щупать, осматривать—оказалось, что это была не обыкновенная крестьянская одежа, а почти новый *чесанаго* лавочнаго сукна халатъ на подкладкѣ изъ какой-то мягкой матеріи. Ни у нихъ въ домѣ, ни у кого изъ сосѣдей ничего подобнаго и быть не могло.

Какъ огорошенный сидѣлъ онъ на лавкѣ, держась за эту непонятную находку. Припомнилось ему, наконецъ, что Йосыпъ чего-то заходилъ въ ихъ дворъ, что, какъ лошадь, такъ и вся запряжка, видѣнная имъ, не подходила подъ общій видъ крестьянскихъ приспособленій, и онъ понялъ, что Йосыпъ прихватилъ гдѣ-то эту лошадь со всѣмъ, что было при ней, а вотъ эту часть добычи оставилъ у него съ цѣлью, чтобы онъ припряталъ или чтобы больше заставить его явиться на условленное свиданіе. Во всемъ этомъ его убѣждало еще и то, что Йосыпъ ѣхалъ черезъ Красноселовку съ той стороны, откуда нѣтъ обыкновеннаго проѣзда.

Сообразивъ все это, Хведько схватилъ халатъ, припряталъ его подъ стрѣху коморы и, вытащивъ изъ-подъ повѣта давно торчавшій тамъ кіёкъ, пошелъ со двора.

Одиннадцать пробило на колокольнѣ, когда онъ разувался и раздѣвался около бродка. Воды было по случаю усиленнаго помола на Богатыревой мельницѣ не много, но она была уже холодна. Перебрелъ онъ рѣку, обулся и пошелъ огородами, стараясь попасть въ садъ Стрибуля. Это было не трудно, потому

что садъ этотъ былъ крайній въ слободѣ. Остановившись въ садку, Хведько передохнулъ и прислушался. Было тихо, и только гдѣ-то по большой дорогѣ слышался грохотъ проѣхавшаго обоза. Онъ потихоньку свистнулъ. Отвѣта не было. Подождавъ немного, онъ заложилъ въ ротъ два пальца и свистнулъ, что называется, во всю мочь, такъ что даже самъ испугался и присѣлъ въ густомъ вишнякѣ. Черезъ нѣсколько минутъ кто-то кашлянулъ въ сторонѣ двора и затѣмъ направился къ вишняку. Хведько узналъ Шляхового и вышелъ изъ чащи. Тотъ только сказалъ:

— Ходимъ—и повелъ его во дворъ, а послѣ и въ домъ Стрибуля черезъ задній ходъ. Снаружи не видно было огня, но задняя комната была освѣщена. Тамъ, кромѣ хозяина, былъ еще какой-то неизвѣстный рябоватый москаль. На Хведька и Шляхового никто и не обратилъ какъ будто бы вниманія. Стрибуль отсчиталъ москалю какія-то деньги, при чемъ послѣдній чего-то сердился.

— Оце дывысь, та добре доглядайся на цього, щобъ не забувъ, якый винъ есть—сказалъ вполголоса Шляховой Хведьку.—

Считавшіеся покончили свое дѣло и повернулись къ вошедшимъ.

— Ну, отъ тоби той, що я казавъ, парняга зъ Царевщыны!—сказалъ Шляховой обращаясь къ москалю и, сжавъ за локоть, добавилъ:

— Зватымешъ його Мыкытою...

Рекомендуемый понялъ, что его нарочно переименовалъ рекомендующій.

— Мнѣ все равно: Никита, такъ и Никита—лишь бы дѣло пашло.

— Дило пайдёть, абы ты тилько бувъ справный, та щобъ не ошыбся, бувае..

— Чего тамъ ошибся.—Не ошибались по сю пору, а тамъ, что Богъ дастъ... Ну, теперь поднеси, хозяинъ, да и въ путь дорогу. Телѣгу-то получше припрячьте.. а мерина мы ужъ спровадили, теперь небойсь ужъ въ рукахъ.

Стрибуль взялъ въ шкафикѣ бутылку и, наливъ большой шкаличный стаканъ водки, подалъ москалю, который, честь честью перекрестившись и кивнувъ въ сторону присутствующихъ головою, выпилъ ее залпомъ и сейчасъ же вышелъ, провожаемый самимъ хозяиномъ.

Возвратившійся въ „кимнату" Стрибуль спросилъ какъ бы не хотя:

— Шо жъ, выпьете по одній?

— Та давай... Выпыть тай гайда—отвѣтилъ Шляховой и, выпивъ, тотъ же стаканъ водки поднесъ Хведьку, послѣ чего они вышли отъ Стрибуля.

— Теперь тоби можно йты прямо черезъ Богатыреву греблю—сказалъ Шляховой, когда они прошли рядъ хатъ и вышли на небольшой пустырь, гдѣ виднѣлись общественные магазины. Хведько шелъ молча и передумывалъ видѣнное и слышанное.

Шляховой остановился и вполголоса сказалъ:

— Шожъ, гроши справывъ?

— Ни.

— Гмъ! Ты отъ що: оце у насъ на тимъ тыжни буде писного Ивана Головосика,—у городи ярмарокъ. Ты роздобудь хоть трохы грошенятъ—ну рублывъ десятку, а то хоть и 6—8, тилько такъ, щобъ хто-небудь знавъ про ци гроши. Попробуй, може й той оддасть—а у ярмарку хоть поганеньку шкапу добудемо. Небезпреминно добудемо. Тебе треба справыть—щобъ у тебе була коняка—воза добудешъ якъ-небудь—збрую... Ты тилько держыся насъ, и все гараздъ буде. Грошей добудь. Якъ що таке, позычъ у кого хоть на мисяць—а тамъ ужъ наше дило. Тамъ на ярмарку на конній мене знайдешъ. А теперъ ходимъ, проведу тебе до вулычкы побиля заводу, тамъ и розійдемось.

— Ага! Ще отъ що: отту одежу, що тоби сёгодни прыкынуто, ты у мишку вынесы у ярмарокъ; тамъ скажу, куды іи дивать. Ходимъ...

— Постій, дядьку! Я отъ-що хочу сказать: мени, чуете, не хочется у ти дила встрявать.—Ото, бачъ, тоди у лисъ водывъ, а то зновъ зъ Йосыпомъ... Мени, бачъ, якъ воно вкоилося!.. сталъ говорить Хведько.

— Гмъ! отъ таке! Гмъ! Це давай я тебе проведу ще— сказалъ Шляховой и они пошли по улицѣ, а послѣ по дорожкѣ около завода. Съ одной стороны тянулась каменная ограда завода, съ другой выходили ряды какихъ-то построекъ крайняго крестьянскаго двора, а послѣ плетень огорода. Такъ дошли они до мостика, перешедши который, сошли на лугъ, гдѣ теперь не слышно было лѣтняго свисту, чириканья птичекъ и обычнаго кваканья лягушекъ. Только шумѣли верхушки старыхъ вербъ, да отчетливо доносился грохотъ Богатыревой мельницы, да шумъ воды на лотокахъ.

Шляховой остановилъ за рукавъ одежи Хведька и сталъ говорить:

— Слухай сюды! Бояться тоби ничого, бо усього, що навику трапытся, не убоисся. Ото батько твій, де вмалывъ соби вику?—на роботи.—Хиба мало нашого брата такъ пропадае? Умирать разъ, а не два, и ты не знаешъ, де тебе твое спиткае. А такъ по добру не проживешъ. А же о то за вищо укуталы тебе у тюрягу? За те, що кабаччыкъ узявъ за бутылку водкы рублывъ на два товару... А оцей твій сватъ, що твои гроши не оддае—хиба не чуже зайидае? А уси воны купци, щетынныкы, прасолы... Шо думаешъ, по правди живуть?—Усяке норовыть зъ другого пожывыться... А оце тоби дается у рукы. дило, такъ ты й не отказуйся. Отто знаешъ Вовка, що трахтырь у нього: чымъ забогативъ, зъ чого хазяиномъ ставъ?. А Стрибуль? А Обрывокъ у Залымани?... Похвортуныло, отъ и хазяины... И въ церкви попереду усихъ становляться, и усяка честь имъ. А такъ, парень, пропадешъ, вороны заклюють. Треба розумомъ жыть. Такъ не проживешъ. Одуры другого, а ни, такъ винъ тебе одурыть. Ты ще свита не выдавъ. Подывысь у Шереметивци, у Залымани... тамъ, братъ, наши хахлы тижъ купци—паны.. Ступай, парень, не рано вже. Та робы такъ, якъ я кажу...

Долго стоялъ Хведько на мѣстѣ и передумывалъ сказанное ему. Небо заволоклось тучами, сильнѣе шумѣли вербы. Послышались голоса на мельницѣ, очевидно помольщики просыпались. Онъ пошелъ прямо по дорогѣ. Дѣйствительно, на мельницѣ было завозно: было много возовъ, шевелились люди. Когда онъ вошелъ въ свой дворъ, уже стало свѣтать и пошелъ дождь. Онъ только постучалъ и, вошедши въ отпертыя сѣни, завалился спать.

XX.

Уже Машка вытопила въ печи и усаживалась за какую-то починку, когда проснулся Хведько. Не переставалъ идти дождь, что называется обложной; небо заволоклось сплошною сѣрою тучею, а вскакивающія на лужинахъ дождевыя шляпки пророчили продолжительность слякоти. Постоялъ Хведько на крыльцѣ, взялъ заступъ и прочистилъ протокъ воды около хаты. Работы по селу остановились, нельзя было ни возить, ни молотить. Намоклые люди возвращались на такихъ же мокрыхъ телѣгахъ и лошадяхъ ко дворамъ. У Хведька имѣлась кой-какая сапожная работа, и онъ принялся *„шевцювать“*, устроившись въ сѣняхъ около вынесенной туда небольшой лавки. Прибѣгала къ нимъ босая, подтыканная, съ какою-то *„куцыною“* на головѣ Сохва, поговорила о хлопотахъ съ уборкою конопель и пошла домой, обѣщая надойти къ нимъ съ работой. Пришли двое недалекихъ сосѣдей съ просьбою починить обувь и расположились тутъ же въ сѣняхъ посидѣть, поговорить на досугѣ, пока Хведько пришьетъ оторвавшійся подметокъ къ сапогу одного и латку къ башмакамъ другого.

Одинъ изъ этихъ заказчиковъ разсказалъ, что вчера на Бемовкѣ какой-то прасолъ нанималъ лошадей догонять украденную у него по Лосневской дорогѣ лошадь съ телѣгой и коекакой *„худобой“*, бывшей на возу. Онъ, этотъ прасолъ, по словамъ разсказчика, отвязавъ отъ воза ведро, спустился въ балку

къ Терещенковому колодезю набрать воды, но пока вернулся, кто-то угналъ лошадь. Слѣдъ шелъ до Лаптевого кардона по жнивьямъ прямо, а тамъ и затерялся. Кто-то видѣлъ послѣ похожую лошадь и телѣгу на Бемовкѣ по пути на Залиманъ, и вотъ онъ туда нанималъ подводу.

Хведько, работая шиломъ и дратвою, мрачно выслушалъ этотъ разсказъ и понялъ, что это былъ не кто иной, какъ Йосыпъ, и что лошадь пошла черезъ руки видѣннаго имъ у Стрибуля москаля на Битюгъ, т. е. не въ ходъ, а по обратному направленію того пути, откуда ѣхалъ прасолъ.

На смѣну ушедшихъ заказчиковъ, въ то время, когда Хведько усаживался обѣдать, пришла Сохва съ какой-то работой.

— Чеше, не перестае!—сказала она, сбрасывая въ сѣняхъ съ головы мокрую „одежыну"—Хлибъ та силь!—добавила она, переступая порогъ хаты.

— Мылосты просымо!—отвѣчали ей одновременно и Хведько, и Машка.

— Та я такы ничого й не варыла—полинувалася: сьогодня въ мене усе одно дижа учынена икъ вечеру, такъ, думаю соби, чого-небудь и зварю на вечерю, а такъ самій щось не хочется—объяснила вошедшая.

— Такъ ще й лучше. Сидай зъ намы! Сидай оттутъ!—приглашалъ ее Хведько, отодвигаясь дальше къ „*покутю*" за столъ. Машка подала ложку.

— Такъ що жъ—сидать, такъ и сидать; посунься ще, я якъ княгыня на посади побиля тебе сяду—сказала, смѣясь, Сохва и безцеремонно усѣлась за нероскошный обѣдъ, состоящій изъ борщу, „затовченого" саломъ, и крутой пшенной каши.

Въ разговорѣ, начавшемся во время обѣда еще, они втроемъ обсуждали вопросъ о добытіи денегъ у Сугыбы, и порѣшено было, что, когда прійдетъ въ воскресенье Полька, которой нужно объ этомъ переказать, то Машка съ ней пойдутъ вмѣстѣ „*правыть гроши*".

Къ вечеру выпогодилось немного, и за ночь жадная земля такъ впитала влагу, что Сохва съ Хведькомъ отправились на Бемовку на базаръ.

Вчерашній дождь сдѣлалъ то, что базаръ противъ обыкновенія былъ люднѣе, чѣмъ обыкновенно бываетъ въ рабочую пору. Возовица пріостановилась по крайней мѣрѣ до обѣда, пока намокшіе снопы обсушатся вѣтромъ, „*протряхнуть*“, и въ свободное утро можно было сбѣгать кой за чѣмъ на базаръ.

Подымаясь около кузницы съ луга на Бемовку, идущая рядомъ Сохва указала Хведьку на группу женщинъ, идущихъ впереди ихъ, между которыми виднѣлась стройная фигура Мелашки.

— Ты жъ оце пійдешъ куповать ременю, а мени де-чого у крамаривъ треба, такъ гляды не завійся де-небудь. Якъ управышся, такъ мене знайдешъ помижъ крамамы, онъ тамъ, де саме онъ та била таша напьята—сказала Сохва, когда они уже вошли въ базаръ.

Хведько направился прямо къ возамъ, гдѣ торговали кожевники, и сталъ выбирать какіе-то „*переды*“ и „*полувалъ*“, присѣвъ на корточки около разложеннаго на рогожѣ товару. Ему нужно было выбрать „ременю“ на головки къ старымъ, но еще крѣпкимъ „халявамъ“, какъ себѣ, такъ и Машкѣ. Выбравъ, что нужно, онъ приподнялся и сталъ торговаться съ продавцемъ—старымъ сѣдымъ кожевникомъ, и въ это самое время его глаза встрѣтились съ глазамы Сугыбы, Тимохи, тутъ же рядомъ расположившагося съ своимъ товаромъ. Неожиданная эта встрѣча ужасно взволновала его: какъ бы полымямъ сразу зажглись глаза его, и онъ почувствовалъ то знакомое ему чувство озлобленія и ярости, какое онъ испытывалъ еще на ярмаркѣ, правивши свои деньги съ этого рыжаго торгаша. Настолько блеснули глаза, что даже тертый калачъ Сугыба почувствовалъ себя неловко и сейчасъ же отвернулся отъ него. Онъ не могъ торговаться и, отдавъ, сколько съ него запросилъ торговецъ за „*переды*“ и пару подошвъ для Машки—себѣ, ничего не купивъ, пошелъ изъ этого ряда.

Проходя дальше, онъ около одного воза увидѣлъ Шкавра, о чемъ-то разговаривающаго съ двумя какими-то человѣками, но какъ онъ ни смотрѣлъ на него, тотъ не узнавалъ его.

Купивъ еще въ лавкѣ Лапаса *„вару, гвоздивъ"* и три шила, Хведько направился къ условленному мѣсту встрѣчи съ Сохвою въ крамарскій рядъ.

Хотя рядъ-то этотъ и составляли пять наметовъ торговцевъ краснымъ товаромъ и двѣ лавочки мелочной галантерейной торговли, тѣмъ не менѣе тамъ была цѣлая толпа бабъ, молодыць и дивчатъ, дорвавшихся, наконецъ, за всю страдную пору къ своему товару: *„Одна купуе, а десять торгують"*— поговорка наиболѣе подходящая къ настоящему *„натовпу"*. Выбирали, примѣряли, торговались и такъ себѣ между собою бесѣдовали женщины.

Какъ разъ при началѣ этого ряда стояла въ числѣ прочихъ Сохва и Мелашка. Онѣ о чемъ-то тихо разговаривали. Послѣдняя только метнула глазами на приближавшагося Хведька и, опустивъ свои длинныя вѣки, сильно покраснѣла; онъ же остановился и ожидалъ Сохву, которая очевидно что-то досказывала.

— Ну, що жъ, справывся? Отъ и я заразъ—сказала Сохва, увидавъ Хведька, и, еще что-то сказавъ Мелашкѣ, пошла въ рядъ *седухъ*, гдѣ между прочимъ продавались астраханскія селедки—*бешенки*.

— Давай оце по одній бешонци купымо, та хоть трохы кавунивъ, а то сьогодни ни въ васъ, ни въ мене ничого йисты.. Якъ що важко буде, такъ до кого-небудь впросымося на визъ.—

Но Хведько взялся донесть все купленное.

Встрѣча съ Сугыбою и съ Мелашкою взволновали его, и въ первый разъ въ жизни у него появилось самостоятельное желаніе выпить. Но онъ не зналъ, какъ это сдѣлать, а совѣстился спросить объ этомъ Сохву.

Такъ и пошли они къ базару, нагруженные покупками; но только что вышли на дорогу, какъ изъ-за грохота колесъ послышался чей-то знакомый голосъ:

— А! Хведько! Слыхомъ слыхать, у вичи выдать! Отъ, братець ты мой, и не думавъ!—Это былъ Цюпа, ѣхавшій на хорошей цѣнной лошади, запряженной въ тарантасъ...

— Подходь, братець! Подвезу ажъ до заводу.—Подошли къ тарантасу и разговорились. Оказалось, что Цюпа служитъ работникомъ у одного изъ арендаторовъ, а теперь, заведши своего хозяина въ экономическую контору „до Карла“, ѣдетъ домой на Андреевку взять кой-что изъ дому и берется подвезти и Сохву, и Хведька съ ихъ покупками до завода и даже на Красноселовку.

— А може, братець ты мой, почастуешъ?—сказалъ Цюпа, указывая на тутъ же надъ дорогою стоявшій кабачекъ.— Хведько не смѣло глянулъ на Сохву.

— Що жъ, идить, я постою тутъ,—сказала она—Та п довго тамъ!—добавила.

Вошедши въ кабакъ, знакомцы, во исполненіе послѣдняго наказа Сохвы, выпили сразу по шкалику и въ краткомъ разговорѣ освѣдомились о дѣлахъ другъ друга, и Цюпа успѣлъ скрутить и закурить цыгарку. Водка еще больше возбудила Хведька, Цюпа собою припомнилъ ему прошлую весну, первую пору его любви, его *„обиду“*, и онъ спросилъ:

— Шо жъ, купышъ и ты? но когда Цюпа сказалъ, что у него и есть только одинъ рубль, который онъ долженъ отдать матери, то Хведько потребовалъ „косушку“ и вдругъ пожелалъ непремѣнно угостить и Сохву. Такъ какъ послѣдней нельзя было отойти отъ лошади, то Цюпа подъѣхалъ къ самому кабаку и привозжалъ лошадь къ плетню. Какъ ни отговаривалась Сохва, а въ концѣ концовъ должна была выпить вынесенную ей рюмку водки и разрѣшить пріятелямъ *„повыдаться“*. Роспитая по рюмкѣ косушка разобрала еще больше друзей, и они потребовали еще. Цюпа между прочимъ въ разговорѣ намекнулъ не совсѣмъ скромно на отношенія къ Сохвѣ.

— Тю дурный! Вона для мене не то що якъ небудь, а якъ ридна маты. Це така людына, що я безъ неи пропавъ бы— отъ що!—возразилъ Хведько, и ему захотѣлось опять во что бы

то ни стало еще поподчивать Сохву, но она ни за что не захотѣла идти въ кабакъ и только на умильныя просьбы пьяныхъ уже совершенно парней выпила еще рюмку, но поставила условіемъ сейчасъ же ѣхать.

Цюпа, усадивъ Сохву и Хведька въ тарантасъ, самъ сѣлъ на передокъ и крупною рысью погналъ лошадь.

Хведьку хотѣлось пѣть и въ то-же время плакать, но онъ только моталъ отяжелѣвшею головою и взмахивалъ рукой. На поворотѣ на плотину они обогнали идущую въ числѣ прочихъ женщинъ Мелашку, но не увидалъ ее Хведько своими посоловѣвшими глазами, а Сохва, видя такое его опьяненіе, не указала ее.

На плотинѣ народу было мало, потому что всѣ пѣшеходы ходили на базаръ черезъ лугъ, а такъ какъ съ утра всѣ лошади и волы были еще на пастбищѣ, то почти всѣ базаряне были пѣшіе. Пьяный совершенно Хведько пробовалъ затянуть пѣсню, но дѣло какъ-то не ладилось, а все ограничилось лишь восклицками. Цюпа не захотѣлъ сидѣть на передку и ввалился въ середину тарантаса, при чемъ нескромно сталъ себя держать съ Сохвой, но та оттолкнула его руку и только сказала:

— Сивъ, такъ сиды, а то я й злизу.

Когда они доѣхали до послѣдняго моста, то Сохва, не смотря на предложенія Цюпы довезть ихъ *„до двора“*, не пожелала въ такой компаніи показываться на своей улицѣ и, взявъ съ собою большую часть ноши и Хведька, отправилась пѣшкомъ на Красноселовку, а Цюпа, загикавъ на лошадь, укатилъ на село.

Они все-таки опередили многихъ возвращающихся съ базара и потому успѣли, мало кѣмъ замѣченные, прійти къ ней въ хату.

Мрачный, съ повисшею головою, сидѣлъ Хведько въ хатѣ на лавкѣ, пока Сохва прибиралась съ покупками и смѣняла головной уборъ.

— Ну що жъ, чуманіешъ, чмеливъ слухаешъ?—сказала она Хведьку, подошедши къ нему.

— Иды до дому, та выспысь, бачъ якъ нарюхався!

Но Хведько обнялъ ее и, прижавшись къ ея груди головою, вдругъ заплакалъ.

— Ну, чого?. Ичъ якъ вона (водка) стала вылываться! Буде, чого ты? Оце побачывъ, тай жалько стало? Буде!—успокаивала его добрая женщина, но онъ не унимался.

— Буде, иды отъ умыйся, такъ може й справди, ляжъ оть тутъ у мене въ валькири—уговаривала, гладя по головѣ парня и мимовольно какъ-то вздрагивая, сказала Сохва и розняла хватавшія ее руки.

Въ это время послышались чьи-то шаги на крыльцѣ, и въ отпертыя двери въ сѣняхъ появилась Машка.

— Хряпчиха сказала, що вже вы вернулись зъ базарю—пидождала, тай пишла. Може що донесты?—бормотала она, видимо сконфуженная мелькнувшею ей на одинъ мигъ сценою объятій.

— Вернулысь то вернулысь, та бачъ яки!... сразу оправившаяся сказала Сохва.

Машка замѣтила, что братъ ея былъ пьянъ, и опьяненію приписала красноту лица и заплаканныхъ глазъ и молча участливо смотрѣла на него.

— Ну, отъ що! Якъ що таке, такъ давайте трохы пидъобидаемо, та де що й поробыть треба, а то завтра, може, якъ що провитріе, домолочувать цихъ трохы конопель.

Хведько свалился тутъ же на лавкѣ и заснулъ. Сохва, подмостивъ ему какую-то *„одежыну“* подъ голову, порѣшила идти *„пидъобидать“* къ нимъ въ домъ, заперевъ свою хату.

— А то, бувае, хто увійде, такъ побачуть його такого—высказала она свои соображенія.

Когда она послѣ скромнаго обѣда, состоявшаго изъ селедки и кавуна, пришла къ себѣ, то Хведько крѣпко спалъ, раскидавшись на широкой лавкѣ.

Вошедши въ хату, молодица постояла надъ нимъ и, встряхнувъ головою, какъ бы отгоняя какія-то думы, взяла работу и усѣлась шить въ сѣняхъ, затворивъ *„хатни“* двери.

Но не спорилась работа въ ея рукахъ, неотвязныя думы мѣшали ей; какое-то новое чувство стало зарождаться въ ея душѣ. Кончилось тѣмъ, что она оставила шитье и, накинувъ на себя платокъ, пошла къ недалекой сосѣдкѣ, Могрицкой, добыть хоть немного водки, чтобы опохмѣлить Хведька, когда онъ встанетъ.

Б. Познанскій.

(Продолженіе будетъ).

Къ памятникамъ недавней старины въ г. Козельцѣ.

Для любителя церковной архитектуры и живописи соборъ въ память Успенія Пресвятой Богородицы въ г. Козельцѣ, черниговской губерніи, представляетъ нѣчто такое, чего, пожалуй, не увидишь въ извѣстныхъ въ этомъ отношеніи петербургскихъ и московскихъ соборахъ и храмахъ вообще.

Козелецкій соборъ построенъ въ серединѣ прошлаго столѣтія на средства всесильнаго въ то время графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, уроженца с. Лемешова, козелецкаго уѣзда (8 верстъ отъ города), при ближайшемъ участіи небезъизвѣстнаго священника Тарловскаго Кирилла Николаевича, уроженца г. Козельца, слывущаго болѣе подъ именемъ „Дикаго попа". Строителемъ собора былъ знаменитый архитекторъ того времени Растрелли. Относительно постройки собора среди мѣстныхъ жителей сохранилось преданіе, что постройка эта была вызвана иконостасомъ, который будто-бы былъ заказанъ въ Италіи для дворцовой церкви въ Петербургѣ. По доставкѣ иконостаса на мѣсто, было усмотрѣно, что размѣръ его значительно больше требуемаго. Въ это время у графа Разумовскаго созрѣла мысль о постройкѣ собора въ Козельцѣ. Императрица Елисавета Петровна рѣшила пожертвовать этотъ иконостасъ для будущаго собора. Вотъ тогда-то и было поручено архитектору Растрелли соотвѣтственно размѣрамъ и величію иконостаса составить проектъ собора. Въ скоромъ времени

соборъ былъ построенъ. Изумленному взору простоватыхъ обывателей града Козельца предстало въ видѣ собора такое диво, что всѣ просто ахнули и единогласно рѣшили, что не только въ Черниговѣ, но даже въ самомъ Кіевѣ нѣтъ такого собора.

Какъ бы то ни было, но соборъ и по нынѣ, какъ по внѣшнему, такъ и по внутреннему виду, производитъ на свѣжаго зрителя положительно чарующее впечатлѣніе. Это—великолѣпное громадное, о двухъ этажахъ, зданіе, почти круглой формы, увѣнчанное пятью главами. Средній куполъ значительно больше остальныхъ и выше; маковка его вызолочена. Съ южной, сѣверной и западной сторонъ къ нему примыкаютъ изящной архитектуры притворы, увѣнчанные каждый конусообразной крышей. По наружнымъ стѣнамъ собора, около оконъ въ особенности, разбросаны причудливой формы лѣпныя украшенія, то въ видѣ листьевъ и гирляндъ изъ цвѣтовъ, то фигуръ изъ прямыхъ линій самыхъ разнообразныхъ рисунковъ. Колокольня по внѣшнему виду еще красивѣе и изящнѣе; всѣ выступы ея заполнены колоннами. Колокольня со шпилемъ достигаетъ до 36 саженей, трехъ-ярусная.

Нижній этажъ собора выдается надъ землей не болѣе полуторы сажени и столько же въ землѣ. Въ этомъ этажѣ находится церковь во имя свв. Адріана и Наталіи и затѣмъ четыре боковыхъ камеры. Въ камерѣ, прилегающей къ сѣверной стѣнѣ алтаря церкви, находится гробница матери графа А. Г. Разумовскаго, Наталіи. Гробница представляетъ изъ себя подобіе громаднаго кирпичнаго гроба, аршинъ 5 въ длину и аршина $2^1/_2$ въ ширину, оштукатуреннаго и побѣленнаго известью. На стѣнѣ, въ ногахъ гробницы, прибита икона съ изображеніемъ свв. Адріана и Наталіи. Никакихъ надписей и другихъ изображеній въ этой камерѣ нѣтъ. Въ камерѣ налѣво отъ южнаго входа находится также кирпичная гробница, кладенная въ одинъ кирпичъ, только далеко меньшихъ размѣровъ, именно 3 на 1,5 арш. Отъ времени и плохой кладки кирпича и штукатурки—послѣдняя потрескалась и пообвалилась; между кирпичами на верху гробницы образовались щели; въ самомъ

же низу на горизонтѣ пола выбито нѣсколько кирпичей, такъ что совершенно свободно можно просунуть въ склепъ руку и убѣдиться, что гробъ прямо поставленъ на полъ; доски гроба совершенно истлѣли и разсыпаются въ рукахъ; изъ отверстія же торчали куски полуистлѣвшей шелковой съ узорами матеріи. Говорятъ, что въ этомъ склепѣ лежатъ бренные остатки свящ. Гуляницкаго, бывшаго настоятеля этого собора, дѣда недавно умершаго священника Слободской-Никольской церкви Семена Гуляницкаго. Нѣкоторые утверждаютъ, что не дѣдъ, а отецъ... Остальныя двѣ камеры пусты. Полъ всего нижняго этажа вымощенъ кирпичемъ; въ самой же церкви свв. Адріана и Наталіи на кирпичъ положенъ деревянный полъ.

Ужъ слишкомъ непривѣтливой и угрюмой представляется для посѣтителя эта церковь: низкіе своды, полуночный сумракъ, сырость, пустота—производятъ подавляющее впечатлѣніе. А между тѣмъ здѣсь находится, такъ говорятъ по крайней мѣрѣ, довольно интересный памятникъ прошлаго столѣтія въ видѣ иконостаса. Говорятъ, что этотъ иконостасъ перенесенъ сюда изъ дворцовой домовой церкви графа А. Г. Разумовскаго; самый же дворецъ стоялъ на лѣвомъ берегу Остра противъ города; въ этомъ дворцѣ, построенномъ исключительно для императрицы Елисаветы Петровны во время ея путешествія по Россіи, какъ гласитъ преданіе, она, т. е. императрица, соблюдая строгую тайну, сочеталась бракомъ съ графомъ А. Г. Разумовскимъ; обрядъ вѣнчанія совершалъ о. Кириллъ Тарловскій. Говорятъ далѣе, что будто-бы этотъ иконостасъ поражалъ взоры своимъ изяществомъ и живописью иконъ. Къ сожалѣнію, отъ этого иконостаса остался только одинъ остовъ: ни украшеній, ни красокъ, ни лѣпной работы, ни, тѣмъ болѣе, изображеній на иконахъ—ничего не осталось отъ этого: плохо содержимое помѣщеніе, сырость, полумракъ и т. п. положили свою печать,—все пришло въ ветхость и безвременно навсегда исчезло.

Въ алтарѣ, кромѣ престола и жертвенника, ничего нѣтъ, если не считать напрестольнаго креста, одиноко и сиротливо

стоящаго на престолѣ. Крестъ имѣетъ въ высоту футъ и сдѣланъ изъ олова. Внутри полушаровидной полой подставки нацарапано: „ꙗ раба Божїꙗ Агапїꙗ стонѣнха ѡминнїа (?) крс̃тъ нꙁ доукою гайною ꙁа ѿтъ пꙋщенье грихвъ своїхъ рокꙋ ҂ахѵе мцю марта первого днѧ“. Въ довольно грубой формѣ на крестѣ изображенъ распятый Христосъ. Надъ головою послѣдняго изображены мѣсяцъ и солнце. На концахъ боковой перекладины—по двѣ дырки, къ которымъ прикрѣплены были изображенія святыхъ. На оборотѣ креста изображеніе Христа во Іорданѣ; надъ головой Духъ Божій, подъ которымъ стоятъ буквы Д. Б. На лѣвомъ концѣ поперечины изображены буквы Єв̃. И, а на правомъ ангелъ. Работа креста грубая.

Кромѣ этого, во всемъ нижнемъ этажѣ не ищите ничего: стѣны покрыты зеленью и сыростью; для очистки воздуха и просушки лѣтомъ выставляются рамы окошекъ, но это мало помогаетъ. Въ этой церкви богослуженіе совершается разъ въ годъ—именно 26 августа, въ день свв. Адріана и Наталіи...

Совершенно иная картина представляется взору посѣтителя, когда онъ взойдетъ черезъ южный притворъ въ верхнюю трехпрестольную церковь. Масса свѣта волнами врывается черезъ многочисленныя окна двухъ-ярусного собора, а также и куполовъ. Прекрасная лѣпная работа по карнизамъ, на потолкѣ и стѣнахъ—то въ видѣ роскошныхъ гирляндъ изъ листьевъ и цвѣтовъ, то причудливыхъ прямоугольныхъ фигуръ, круговъ и т. п. Въ мѣстахъ пересѣченія орнаментовъ посажены великолѣпныя алебастровыя головки ангеловъ съ пухлыми щечками и губками. Затѣмъ взоръ наблюдателя устремляется на величественный иконостасъ, его украшенія и живопись иконъ.

Иконостасъ сплошною стѣною въ два яруса тянется черезъ всю церковь. Надъ средней частью его, гдѣ находятся главныя царскія врата, воздвигаются еще два яруса, оканчивающіяся крестомъ, упирающимся въ своды потолка. Весь иконостасъ окрашенъ въ темно-синюю краску съ бѣлыми и золотыми прожилками, такъ что сразу кажется, будто вся эта громада сдѣлана изъ мрамора. Иконостасныя рамы, въ которыя

вдѣланы иконы, прекрасной токарной и лѣпной работы во вкусѣ Людовика XV—всѣ позолочены. Надъ верхней и нижней частями каждой рамы посажены алебастровыя головки черноголовыхъ ангеловъ,—нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ замѣчательно выразительныя лица съ загадочнымъ неземнымъ выраженіемъ глазъ.

Главныя царскія врата поражаютъ своей великолѣпной работой и изяществомъ: чудная рѣзьба по дереву, живописный рисунокъ,—и все это залито золотомъ. Не отрываясь, глаза смотрятъ на изображенную на нихъ Пресвятую Дѣву и Архангела Гавріила, а также на изображеніе св. Евангелистовъ. Надъ вратами всевидящее око и вокругъ лучи, выше—художественная икона „Тайной Вечери“. Налѣво отъ царскихъ дверей въ первомъ ярусѣ иконостаса помѣщена икона Пресвятой Божіей Матери; направо—образъ Спасителя; обѣ иконы въ кованныхъ серебряныхъ ризахъ, надъ головами серебряныя же короны. Оба изображенія въ сидячемъ положеніи и царскихъ одѣяніяхъ. Лица по своей выразительности и художественности прямо таки поразительны.

Но что всего больше приковываетъ къ себѣ, такъ это иконостасный образъ отъ сѣверныхъ царскихъ вратъ—Божіей Матери съ Божественнымъ Младенцемъ на рукахъ ея. По изяществу рисунка и выдержанности стиля—эта картина не поддается описанію. Отъ этой иконы положительно трудно оторвать свои взоры,—до того жизненны и очаровательны въ своей непогрѣшимой святости лица Матери и Сына. Изъ другихъ иконъ въ иконостасѣ поражаетъ своей живописью—изображеніе Рождества Христова, явленія Христа Маріи Магдалинѣ и шествія на Голгофу, и много др. Всѣ эти иконы—прелестныя копіи съ картинъ великихъ итальянскихъ художниковъ.

Затѣмъ по всему иконостасу разбросано много меньшихъ иконъ съ изображеніемъ менѣе значительныхъ событій изъ Исторіи Новаго и Ветхаго завѣтовъ, а также изображеніе всѣхъ апостоловъ. Замѣчательно то, что во всѣхъ этихъ изображеніяхъ, какъ живописныхъ такъ и скульптурныхъ, нѣтъ ни

одной диссонирующей черточки; все выдержано величественно, стройно, согласно съ духомъ православной религіи и вмѣстѣ съ тѣмъ поразительно хорошо. Вглядываясь въ громаду иконостаса и комбинацію рисунковъ, орнаментовъ, закругленій, выступовъ и т. п.—получаешь впечатлѣніе, какъ бы отъ созерцанія грандіозной темносиней завѣсы, изъ отверстій коей по всей ея поверхности смотрятъ задумчивыя головки черноголовыхъ ангеловъ со сложенными крылышками. Созерцающему зрителю такъ и кажется, что вотъ вдругъ эта завѣса всколыхнется, раздастся въ стороны, загадочныя существа—ангелы-головки—вспорхнутъ съ своихъ мѣстъ, маленькія крылышки затрепещутся въ воздухѣ, и передъ напряженнымъ взоромъ зрителя откроется таинственная область, въ которую ни одинъ смертный взоръ еще не заглядывалъ...

Иконостасъ, кажется, не ремонтировался съ самаго основанія собора, т. е. уже почти 150 лѣтъ, что и замѣтно въ довольно значительной степени: время беретъ свое—краски и лѣпныя украшенія трескаются, часть послѣднихъ отпадаетъ, позолота сходитъ. Живопись на нѣкоторыхъ иконахъ совершенно потускнѣла и попортилась. Издали эта порча пока мало замѣтна, но вблизи особенно бросается въ глаза.

Въ главномъ алтарѣ подъ престоломъ устроенъ величественный сводъ, поддерживаемый четырьмя столбами, украшенными прекрасной лѣпной работой съ золотыми и серебряными прожилками по темносинему фону. За престоломъ, на горнемъ мѣстѣ, изумленный взоръ останавливается на громадномъ изображеніи Бога Отца. Нигдѣ и никогда мнѣ не приходилось видѣть подобнаго изображенія Саваоѳа: Онъ представленъ въ видѣ смуглаго черноволосаго мужчины среднихъ лѣтъ, очень красиваго и съ замѣчательно спокойнымъ и самодовольнымъ взоромъ. Одѣтъ въ широкія одежды безъ всякихъ украшеній и узоровъ—коричневый плащъ и синюю ризу. На головѣ александрійская тіара. Онъ сидитъ на шарѣ въ свободной позѣ, его ноги опираются на головы шестикрылыхъ ангеловъ, послѣдніе же поддерживаютъ и глобусъ. При взглядѣ на это изображеніе со сто-

роны открытыхъ царскихъ вратъ черезъ престолъ, получается полнѣйшая иллюзія—кажется, будто живой, воплотившійся Богъ сидитъ на престолѣ... И что всего замѣчательнѣе, такъ это то, что настоящее изображеніе есть только копія съ бывшаго здѣсь же оригинала. Послѣдній въ этомъ же алтарѣ стоитъ на шкафу съ книгами и представляетъ изъ себя доску, на которой кое-гдѣ сохранились только бѣлила и куски выцвѣтшей краски. Если копія такъ хороша, то что же представлялъ изъ себя оригиналъ?! Кто писалъ копію и когда, узнать не было никакой возможности. Подъ этой иконой надъ самымъ поломъ находится большое изображеніе явленія Божіей Матери царицѣ Александрѣ, до невозможности пестрое и аляповато намалеванное, такъ что даже для нехудожественнаго взора получается оскорбительное впечатлѣніе при видѣ изображенія Саваоѳа рядомъ съ послѣднимъ. Это изображеніе, какъ оказалось, сравнительно недавней формаціи—семидесятыхъ годовъ этого столѣтія, и творцомъ онаго былъ козелецкій богомазъ-самоучка Лажечниковъ Иванъ Омельяновичъ, онъ же Кайданикъ, по уличному. Нужно удивляться его смѣлости, чтобы рѣшиться поставить эту мазню рядомъ съ безподобнымъ изображеніемъ Бога-Отца. Маляру-богомазу, пожалуй извинительно: онъ, не видавшій на своемъ вѣку ничего лучшаго, въ простотѣ сердечной могъ смотрѣть на свое произведеніе, какъ на шедевръ искусства; но нельзя этого простить тѣмъ лицамъ, отъ коихъ зависѣло разрѣшеніе поставить это уродство бокъ-о бокъ съ именно художественнымъ произведеніемъ! Затѣмъ, что̀ подумать, „о присныхъ сихъ" и отношеніи ихъ къ памятникамъ церковной живописи, принявъ въ соображеніе то обстоятельство, что реставрацію художественныхъ произведеній разрѣшаютъ производить доморощеннымъ богомазамъ!.

Впрочемъ, удивленіе посѣтителей скоро смѣняется сожалѣніемъ, такъ какъ въ этомъ же алтарѣ въ изящно отдѣланномъ жертвенникѣ вашъ взоръ замѣтитъ тотъ же оскорбительный дефектъ. Въ жертвенникѣ вдѣлана икона, на коей изображенъ Христосъ, стоящій посреди огромнаго блюда: изъ ранъ стра-

дающаго Спасителя струями льется кровь и собирается въ блюдѣ; на головѣ Спасителя терновый вѣнецъ; капли крови ниспадаютъ съ чела его на лицо и плечи. Сравнивая это изображеніе съ такими-же въ жертвенникахъ сѣвернаго и южнаго алтаря, вы просто въ ужасъ придете отъ той дерзкой попытки реставрировать эту икону, какая, къ сожалѣнію, уже и сдѣлана на этой дивной иконѣ,—вышло что-то невозможное, неестественное и топорное, за то блещущее своими красками и широкими мазками кисти. Надъ жертвенникомъ балдахинъ, внутри тоже раскрашенный въ яркую голубую краску, и видимо всѣ украшенія подновлены и, наконецъ, подъ иконою подпись: „Жертвенникъ сей обновленъ коллежскимъ асессоромъ Космою Павловичемъ Козаченкомъ за здоровье его и матери его Евдокіи и за упокой родителя его Павла 1864 года 1-го сентября".

Тѣ же изображенія, только немного варьированныя, на упомянутыхъ двухъ жертвеникахъ, къ счастью, не обновленныя ни однимъ благотворителемъ для спасенія души и тѣла, производятъ на зрителя глубоко захватывающее впечатлѣніе изображеніемъ лица страдающаго Спасителя; въ этомъ лицѣ все—и скорбь и мука, безпредѣльная покорность и любовь.

Недалеко то время, когда величественный иконостасъ и иконы потребуютъ ремонта. Будетъ очень жаль, если ремонтъ этотъ попадетъ въ руки мѣстныхъ маляровъ богомазовъ, которые, по примѣру приснопамятнаго Кайданика, не задумаются пройтись своею щеткой (а не кистью) по художественнымъ изображеніямъ, чтобы произвести обновленіе, подобное обновленію жертвенника, предпринятому отъ чрезмѣрнаго усердія благочестивымъ коллежскимъ ассессоромъ Козаченкомъ.

Въ южномъ алтарѣ, направо отъ престола, къ иконостасу привинчена на шарньерахъ рама съ натянутымъ на ней полотномъ, размѣромъ 3×2 аршина. Сразу эту раму принимаешь за дверь, но болѣе тщательный осмотръ полотна обнаружитъ на немъ изображеніе кого-то во весь ростъ. Всматриваетесь внимательно, и передъ вами вырисовывается фигура священнослужителя, не смотря на то, что во многихъ мѣстахъ краска со-

вершенно сошла съ полотна, а сохранившаяся настолько потрескалась, что только при извѣстной живости воображенія можно представить себѣ цѣльную фигуру этого священнослужителя. Это фигура во весь ростъ въ стоячемъ положеніи, облаченная въ зеленую рясу и коричневый подрясникъ. Стоитъ она около стола на которомъ поставленъ крестъ съ распятымъ Христомъ, по бокамъ коего стоятъ колѣннопреклоненные Іоаннъ и Марія. Пальцы лѣвой руки перебираютъ листы открытой книги, лежащей на столѣ,—на открытыхъ страницахъ коей что-то написано,—а правая положена на сердце. За спиною фигуры раскрытое окно, въ которое видно три главы церкви. По нижней кромкѣ была подпись, отъ коей сохранилось только „Тар . . . аго . . .“ Съ полотна прямо на васъ смотритъ пара сѣрыхъ небольшихъ полныхъ ума и энергіи глазъ, высокія выгнутыя брови и низковатый прямый съ вогнутостью посрединѣ лобъ. Волосы свѣтлорусые, гладко зачесаны назадъ. Такого же цвѣта усы и борода. Это портретъ знаменитаго „дикаго попа“, Кирилла Николаевича Тарловскаго, замѣчательнаго въ свое время историческаго дѣятеля запорожскаго края. И до сихъ поръ личность Тарловскаго среди козелецкаго духовенства сохранилась подъ именемъ „дикаго попа“ [1]). Что же касается его дѣятельности, заслугъ по колонизаціи Павлоградскаго и Новомосковскаго уѣздовъ Екатеринославской губерніи, а также и происхожденія прозвища «дикаго попа“,—то среди обывателей богоспасаемаго града Козельца нѣтъ ровно никакихъ свѣдѣній, ни даже легендъ. Такой же точно портретъ находится въ приходской Николаевской церкви [2]),—въ которой до 1744 г. онъ былъ священникомъ, т. е. до того момента, пока императрица Елисавета Петровна не побывала проѣздомъ въ Козельцѣ. Съ этого знаменательнаго для него года, въ его жизни начались всевозможныя пертурбаціи, закончившіяся тѣмъ, что онъ сдѣлался владѣльцемъ громадныхъ помѣстій въ Новороссійскомъ краѣ, вызвалъ своего брата съ тремя сыновьями изъ

[1]) Нѣкоторыя свѣдѣнія о „дикомъ попѣ“ даны въ замѣткахъ, помѣщен. въ Кіев. Стар. 1886 г., № 4 и 1887 г. № 11.

[2]) Этотъ портретъ въ прошломъ году отправили въ Черниговъ въ музей.

Козельца къ себѣ и въ такомъ положеніи окончилъ свою бурную, полную интересныхъ приключеній жизнь. Умеръ онъ въ Самарскомъ Пустынно-Николаевскомъ монастырѣ на 75 году своей жизни. Въ памятникѣ, хранящемся въ воскресенской церкви села Воскресеновки (Новомосковскаго уѣзда, Екатеринославской губ.) прописано такъ: „Священно-іерей Кириллъ Тарловскій скончался 1784 года декабря 4 дня и погребенъ въ самарскомъ монастырѣ въ каменной церкви“. Въ Самарскомъ монастырѣ находится точно такой-же портретъ,—евангеліе раскрыто на текстѣ: „Господи возлюбивъ благолѣпіе дому твоего и мѣсто селенія славы твоея“, внизу же на кромкѣ помѣщено слѣдующее двухстишіе:

Тарловскаго портретъ священника Кирилла,
Щедрота коего сей храмъ соорyжила“.

Теперь является вопросъ—почему портреты Тарловскаго помѣщены въ Соборѣ и Николаевской церкви? Во второй онъ былъ приходскимъ священникомъ до 1744 г.; что-же касается перваго, то, повидимому, личность Тарловскаго здѣсь не играла ровно никакого значенія. Тѣмъ не менѣе портретъ помѣщенъ, слѣдовательно—какое-то участіе въ судьбѣ собора Тарловскій принималъ.

Изъ потомковъ Тарловскаго въ Козельцѣ до сихъ поръ проживаетъ вдова Тарловская съ дочерью. Ея мужъ занималъ должность стряпчаго въ Козельцѣ.

Кромѣ того, въ ризницѣ и библіотекѣ собора, по словамъ священника, есть много интересныхъ вещей,—такъ напримѣръ, Евангеліе XVII столѣтія, ризы и др.; къ сожалѣнію краткость времени, коимъ я располагалъ, а также ремонтъ собора, въ связи съ отсутствіемъ церковнаго старосты, у котораго хранились ключи отъ ризницы и библіотеки, не дали мнѣ возможности познакомиться съ интересовавшими меня вещами.

При входѣ въ соборъ направо, на внутренней сторонѣ стѣны висятъ въ рамахъ два интересныхъ документа, относящихся къ началу нынѣшняго столѣтія. Одинъ изъ нихъ—предписаніе Черниговской декастеріи о благопристойномъ поведеніи

публики въ храмѣ, а другой—объявленіе—манифестъ о священномъ союзѣ трехъ державъ по изгнаніи французовъ изъ Россіи. Первый помѣченъ 1816 г. марта 20-го дня, а второй ҂аѿеі, Декемврія кѕ.

Кромѣ большого собора, иначе холоднаго (зимою въ большомъ соборѣ не служатъ по причинѣ холода, который еще больше усиливается отъ того, что во всемъ верхнемъ соборѣ полъ выложенъ чугунными плитами),—къ юго-восточному углу ограды примыкаетъ теплая церковь, построенная въ видѣ обыкновенныхъ домовъ. Это новѣйшая постройка, и въ ней нѣтъ ничего примѣчательнаго. Къ сѣверо-восточному углу ограды примыкаетъ трехъ-ярусная колокольня великолѣпной ахритектуры вышиною со шпилемъ креста 36 саженей. Много лѣтъ тому назадъ, говорятъ, надъ этой колокольней было надстроено еще два деревянныхъ яруса, но разразившійся надъ городомъ пожаръ уничтожилъ ихъ. Тутъ же на цвинтарѣ стоитъ старая-старая часовня на мѣстѣ церкви, существовавшей еще до постройки нынѣшняго собора. Какая это была церковь, кто былъ ея строитель и какъ долго она существовала, мнѣ узнать не удалось.

Если бы тщательно покопаться въ Козелецкой старинѣ, то не мало интереснаго и драгоцѣннаго матерьяла можно было бы раздобыть какъ по церковной археологіи, такъ и вообще по исторіи города и этого края. Говорятъ, что въ нынѣшней Покровской церкви и Каменно-Николаевской находится много памятниковъ, интересныхъ для археолога; тѣмъ болѣе, что сюда вѣроятно переносились сосуды, книги и т. п. изъ существовавшаго нѣкогда въ Козельцѣ дѣвичьяго монастыря, на мѣстѣ котораго нынѣ расположено кладбище, именуемое попросту „Монастырецъ", и на которомъ среди памятниковъ, крестовъ и насыпей могильныхъ стоитъ совершенно затерянная часовня на мѣстѣ бывшаго монастыря. Этотъ монастырь замѣчателенъ уже тѣмъ хоть бы, что тамъ, послѣ окончанія кіевской духовной академіи, началъ свою священническую дѣятельность „дикій попъ". Къ

величайшему сожалѣнію, среди обывателей преславнаго града Козельца никого нѣтъ, кто-бы серьезно взялся за собираніе матеріаловъ изъ останковъ прошлыхъ столѣтій въ видѣ различныхъ предметовъ. Можетъ быть, теперь дѣло изученія и сохраненія памятниковъ подвинется впередъ съ учрежденіемъ въ Черниговѣ археологическаго музея.

А. Г. Хатемкинъ.

ПИСЬМА Е. П. ГРЕБЕНКИ КЪ РОДНЫМЪ.

(*Въ память 50-тилѣтія со дня его смерти*).

Въ декабрѣ 1898 года истекаетъ пятидесятилѣтіе со дня смерти *Евгенія Павловича Гребенки*, одного изъ нашихъ малорусскихъ писателей, имя котораго въ 30-хъ и 40-хъ годахъ почти постоянно появлялось на страницахъ разныхъ изданій, какъ на малорусскомъ, такъ и на русскомъ языкахъ.

Нашъ журналъ, обязанный отмѣчать всѣ моменты, соприкасающіеся съ культурной жизнью нашей родины, хочетъ въ память этого пятидесятилѣтія удѣлить нѣсколько страницъ для того, чтобы напомнить читателямъ главные факты изъ жизни и литературной дѣятельности Е. П. Гребенки, а также помѣстить тѣ письма его къ роднымъ, которыя въ неполномъ видѣ сохранились у одного изъ внуковъ, предоставившаго эти письма въ наше пользованіе, за что считаемъ долгомъ принести ему нашу глубокую благодарность.

Уроженецъ Полтавщины (хут. Убѣжище, пирятин. у.), Е. П. Гребенка воспринялъ съ дѣтства отъ родины и отъ семьи все то, что представляла наша степная Украина (типично-національнаго въ бытѣ помѣщиковъ средней руки въ первой половинѣ текущаго столѣтія, т. е. черты простодушно-патріархальнаго житья безъ особенныхъ затѣй дѣланной культуры, знаніе народной жизни съ его языкомъ, пѣснями, пословицами, при-

баутками и шутками. Во всѣхъ біографіяхъ Е. Гребенки указывается, по семейнымъ преданіямъ, на одинъ источникъ наибольшаго непосредственнаго воздѣйствія на него этой народной стихіи—разсказы его нянюшки[1]), но намъ не приходилось до сихъ поръ встрѣчать точнаго указанія на это въ словахъ самого Е. Гребенки, и только въ печатаемыхъ теперь письмахъ его къ родителямъ находимъ слова: „цѣлую мышленно и мою няню", которыя свидѣтельствуютъ, что Евг. Павловичъ сохранилъ о ней теплыя воспоминанія даже и тогда, когда былъ уже на службѣ въ Петербургѣ (писано въ 1834 г.).

Выросши въ такой обстановкѣ дома, Е. П. Гребенка въ 1825 году отправленъ былъ въ Нѣжинъ, въ „гимназію высшихъ наукъ князя Безбородко". Время пребыванія его здѣсь характеризуется нѣсколькими штрихами, находящимися въ печатаемыхъ письмахъ, т. к. большая часть изъ нихъ относится къ нѣжинскому періоду его жизни (1828—31 г.г.) Здѣсь прежде всего намъ бросается въ глаза та-же патріархальность обстановки житья на квартирахъ у разныхъ лицъ, которая служила продолженіемъ домашняго обихода,но не безъ нѣкоторыхъ лишеній, сравнительно съ послѣднимъ. Такъ напримѣръ, находимъ частыя указанія на то, что жить ему съ братомъ приходилось далеко не въ роскоши, если нужно было на необходимыя нужды занимать по мелочамъ у хозяина, получавшаго скромную плату за содержаніе ихъ и часто тоже нуждавшагося хоть въ малости денегъ; въ одномъ же письмѣ (14 сент. 1828 г.) такъ жалуется онъ на свое житье: „мы сегодня съ Аполлономъ на сухояденіи; всѣ наши ѣдятъ скоромное, а мы—галушки безъ грибовъ и безъ олеи",—а въ письмѣ отъ 5 ноября того-же года, выражая просьбу прислать малую толику денегъ, прибавляетъ: „хозяинъ нашъ въ вечеру не даетъ чаю, ни полдничать, и мы всякій день съ Аполлономъ съѣдаемъ гривенную булку".

Помимо этой странички изъ нѣжинскаго житья Е. П. Гребенки, мы знаемъ, что это былъ тотъ періодъ въ жизни этого единственнаго тогда на большой районъ высшаго учебнаго за-

---

[1]) См. въ изд. „Лицей кн. Безбородко" СПБ. 1859 г., часть 2-я, стр. 63-я.

веденія, въ который среди воспитанниковъ наиболѣе обнаруживался подъемъ лутературныхъ интересовъ: здѣсь были, какъ извѣстно, попытки издавать ученическіе журналы; воспитанники постоянно выступали со своими стихотворными опытами; отсюда-же вышелъ цѣлый рядъ будущихъ извѣстныхъ писателей и ученыхъ—Гоголь, Н. Кукольникъ, А. Рославскій-Петровскій, Н. Прокоповичъ, П. Рѣдкинъ и др. Вѣроятно, подъ вліяніемъ царившаго тогда въ гимназіи настроенія, и Е. П. Гребенка началъ свое литературное поприще, будучи еще гимназистомъ; предполагаютъ даже, что переводъ „Полтавы" Пушкина на малорусскій языкъ начатъ былъ тогда-же. Къ сожалѣнію, въ печатаемыхъ теперь письмахъ нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ указаній на его занятія литературой, если не считать того, что въ одномъ письмѣ (отъ 1 сент. 1828 г.) онъ упоминаетъ о купленной имъ за 4 рубля Малороссійской Исторіи, а въ другомъ (отъ 30 окт. 1829 г.)—проситъ сестру переслать ему какъ можно скорѣе и какъ можно болѣе пѣсенъ малороссійскихъ съ нотами, прибавляя: „вы не повѣрите, какъ онѣ мнѣ нужны!" Но очевидно, Е. П. Гребенка уже въ гимназіи считаться юношей съ поэтическимъ талантомъ, т. к. ему, судя по письму его отъ 5 ноября 1828, профессоръ Никольскій поручилъ написать поздравительные стихи къ именинамъ директора; въ томъ-же письмѣ приведены имъ 4 первыя строчки ѐго стихотворенія „Славянскіе вечера", сразу говорящія, какой торжественный стиль царилъ тогда еще въ этой школьной поэзіи:

Рогдай въ веселіи сидѣлъ среди друзей,
Невнятный шумъ гостей въ палатахъ раздавался,
И ароматный медъ прозрачною струей
Въ блестящій кубокъ низливался.

Такой-же торжественный стиль обнаруживается у него и въ нѣкоторыхъ другихъ письмахъ, гдѣ даются имъ описанія всякихъ празднествъ; особенно любопытно описаніе Покровской ярмарки въ Нѣжинѣ (въ письмѣ отъ 26 сентября 1828 г.).

По окончаніи Гимназіи Высшихъ Наукъ, Е. П. Гребенка поступилъ въ 1831 году въ резервы малороссійскаго козачьяго

полка, но здѣсь оставался недолго, а въ 1834 году уже былъ въ Петербургѣ, гдѣ поступилъ сначала канцелярскимъ чиновникомъ въ коммиссію духовныхъ училищъ, а съ 1838 года сталъ преподавателемъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, въ каковой должности и скончался въ 1848 году.

О значеніи его литературныхъ трудовъ мы распространяться не будемъ, т. к. они въ свое время получили уже достаточную оцѣнку подъ перомъ такихъ компетентныхъ лицъ, какъ Н. И. Костомаровъ (І. Галка „Обзоръ сочиненія на малорос. яз.“. Молодикъ 1843 г.), А. Н. Пыпинъ (Обзоръ истор. славянск. литературъ), Н. И. Петровъ (Очеркъ украинск. литерат., Кіевъ 1884 г.), а по поводу отдѣльныхъ піесъ—В. Бѣлинскаго, А. Чужбинскаго, П. Кулиша. Напомнимъ только читателю, что первые литературные опыты Е. П. Гребенки были стихотворные—переводъ „Полтавы“ Пушкина на малороссійскій языкъ, который не можетъ быть названъ удовлетворительнымъ, а затѣмъ „Прыказки“, получившія гораздо большую извѣстность. По поводу этихъ послѣднихъ, П. А. Кулишъ, въ своемъ альманахѣ „Хата“ (1860 г.), перепечатывая 10 приказовъ Е. Гребенки, въ предисловіи къ нимъ сказалъ: „не чулы мы про его працю й доси голосного слова, а прыказки булы найкраще дило зо всего, що понапечатувавъ Гребинка; колы ривняты ихъ и до сусиднеи словесности, то наврядъ чи е въ ій кращи прыказки одъ Гребинчиныхъ, а тилько що Московськи дзвоны голоснійшы одъ нашихъ. У тіи часы, якъ воны выйшлы въ свитъ, не то що на Вкраини, да й по столыцяхъ, не густо було людей, тямущихъ въ нашій *народности.* Тимъ прыказки Гребинчины промайнулы потай-свита, наче не булы зовсимъ у печати“. Извѣстно, что П. А. Кулишъ очень часто, подъ впечатлѣніемъ минуты, готовъ былъ идти слишкомъ далеко въ своихъ отзывахъ, какъ въ одну, такъ и въ другую сторону (достаточно вспомнить его статьи о Гоголѣ, Котляревскомъ и Квиткѣ). Вотъ эта-та черта въ Кулишѣ была причиной нѣсколько раздраженнаго тона въ писаніяхъ очень сдержаннаго человѣка М. А. Максимовича, который, по поводу нападокъ П. Кулиша на

малороссійскія повѣсти Гоголя, напечаталъ извѣстную свою статью „Оборона украинскихъ повѣстей Гоголя“ („День“ 1861 и 1862 г.), а сверхъ того готовилъ къ печати другую статью „Полемическое обозрѣніе Малороссійской словесности“, отрывки изъ которой (статья осталась только въ набросвахъ) нами были уже помѣщаемы (о Котляревскомъ—Кіев. Ст. 1888 г. № 10, о Квиткѣ—1893 г. № 8). Пользуемся теперь случаемъ, чтобы подѣлиться съ читателями еще однимъ отрывкомъ на вышеприведенныя слова П. Кулиша.

„Въ 1834 году, вмѣстѣ съ первыми Квиткиными повѣстями, возникли другіе малороссійскіе стихотворцы: *Гребенка*—съ переводомъ Пушкинской Полтавы, съ приказками и другими мелкими стихотвореніями; *Материнка* (Бодянскій)—съ переложеніемъ въ стихѣ трехъ народныхъ украинскихъ сказокъ; *Тополя*—съ оперою „Чары“; *Могила* (Метлинскій)—съ думками и пѣснями; *Галка* (Костомаровъ), съ балладами и разными мелкими стихотвореніями и съ трагедіей „Переяславська ничъ“. Къ этому-же времени принадлежатъ: *Забѣла* (съ пѣснею „Не щебечи, соловейку“ и проч.), *Корсунъ*, *Петренко* и еще нѣкоторые. Тогда-же и въ Червоной Руси явилось нѣсколько стихотворцевъ: *Львицкій*, *Вагилевичъ*, *Устіановичъ*, *Шашкевичъ*, *Могильницкій* и другіе. Запѣвы юной Червонорусской музы были слабы въ сравненіи съ хоромъ вышеномянутыхъ малороссійскихъ пѣвцовъ, расцвѣтшихъ вмѣстѣ съ Квиткою; однако и они всѣ остались назади, какъ poëtae minores, когда выступилъ *Шевченко* съ своимъ Кобзаремъ въ 1841 году“.

„Изо всѣхъ ихъ у г. Кулиша особенный почетъ одному Гребенкѣ, какъ баснописцу. Въ „Хатѣ“ своей онъ перепечаталъ десять отборныхъ приказокъ Гребенки и вступается за него крѣпко, какъ за писателя, обиженнаго невниманіемъ тогдашняго поколѣнія. „Не чулы мы—говоритъ г. Кулишъ—про ёго працю и доси *голосного* слова...“ (выдержка эта приведена нами выше). Ужъ настолько-то доставало разумѣнія у современниковъ Гребенки, чтобы оцѣнить его приказки по достоинству. Встрѣчая съ любопытствомъ и замѣчая внимательно все выходившее

на малороссійскомъ языкѣ, они не упустили изъ виду этихъ приказокъ и предпочли ихъ прочимъ стихотвореніямъ Гребенки и приказкамъ Боровиковскаго; но никому тогда и въ голову не приходило ставить ихъ такъ высоко, какъ нынѣ поставилъ ихъ г. Кулишъ въ своей „Хатѣ". Г. Костомаровъ, одинъ изъ младшихъ въ томъ поколѣніи знатоковъ малороссійской народности и самъ поэтъ, воздалъ Гребенкѣ слишкомъ достаточную похвалу, сказавши въ своемъ „Обзорѣ", что его приказки „всегда прочтутся съ наслажденіемъ", и что Гребенка ими „превосходно показалъ способность малороссійскаго языка къ апологическимъ сочиненіямъ". Какого-же еще голоснійшаго слова надо было про Гребенку? Не назвать-же его было украинскимъ Езопомъ! Но какъ назвать то голосное слово г. Кулиша, будто Гребенкины приказки промелькнули незамѣтно для свѣта, словно ихъ и не было въ печати? Онъ объяснилъ еще, что перепечаталъ въ своей „Хатѣ" десятокъ самыхъ лучшихъ приказокъ, „догожаючи нуждѣ народній". Въ Гребенкиныхъ-ли басняхъ настоитъ теперь нужда народная"?

Такимъ, очень сложнымъ по своему содержанію, вопросомъ заканчиваетъ М. Максимовичъ отрывокъ изъ статьи „Полемическое обозрѣніе малороссійской словесности".

Если Е. П. Гребенка не обратилъ на себя особеннаго вниманія современниковъ своими малорусскими піесами, то еще менѣе могъ онъ произвесть впечатлѣнія русскими стихотвореніями, писанными на мотивы Жуковскаго и Пушкина. Гораздо бóльшую извѣстность пріобрѣлъ онъ своими повѣствовательными разсказами, которые началъ писать съ 1837 года; первымъ такимъ опытомъ были „Разсказы Пирятинца", заимствованные изъ быта и преданій малороссійскихъ и очень напоминающіе „Вечера на хуторѣ". Это подражаніе и дало поводъ Гоголю высказать свое рѣзкое осужденіе Е. Гребенки, помѣщенное въ „Воспоминаніяхъ" П. В. Анненкова. Во всякомъ случаѣ этотъ родъ литературной его дѣятельности доставилъ ему бóльшую извѣстность въ журналистикѣ, чѣмъ прежній; даже объ одномъ его романѣ „Чайковскій" самъ В. Бѣлинскій далъ очень хва-

лебный отзывъ, сказавъ, что „старинный бытъ Украйны прекрасно отразился въ „Чайковскомъ“; самъ авторъ воодушевляется, говоря о дѣлѣ, припоминая разсказы стариковъ и изъ нихъ возстановляя картины изъ минувшей жизни этихъ странъ“

Есть и еще одно изданіе Е. П. Гребенки, связанное съ лучшими воспоминаніямы о его имени—это альманахъ „Ластивка“, изданный имъ въ 1841 г., куда вошли нѣкоторыя піесы *самого издателя* („Такъ соби до землякивъ“, „До зобачення“, три малорусскихъ стихотворенія, а также произведенія *Г. Квитки-Основьяненка* („Сердечна Оксана“, „На пущання якъ завязано“, „Пархимове свидання“), *П. Кулиша*, *Л. Боровиковскаго*, *В. Забѣлы*, *Т. Шевченка* и др.

Незадолго до смерти своей Е. П. Гребенка принялся за изданіе своихъ повѣстей и разсказовъ, но успѣлъ отпечатать только 8 частей, въ которыя вошло 18 повѣстей (изъ 50). Въ 1862 году было издано полное собраніе сочиненій его въ 5 томахъ, но интересъ къ произведеніямъ Е. П. Гребенки былъ уже въ то время потерянъ, и имя его сохраняется пока для потомства, только благодаря его „Прыказкамъ“ и альманаху „Ластивка“. Все написанное имъ по-украински вошло въ особое изданіе подъ заглавіемъ „Пырятинська Ластивка, кобзарь Е. Гребинки“ (въ 1878 году).

В. Науменко.

I.

Почтеннѣйшій папинька!

Извините меня за столь долгое молчаніе. Этому было причиною то, что я писалъ къ Вамъ на первой недѣлѣ поста, въ коемъ извѣщалъ Васъ о болѣзни Иваньки и послалъ счетъ деньгамъ, и дожидался отъ васъ отвѣта, но теперь, получивши отъ сестрицы десять рублей, долгомъ поставляю извѣстить васъ по первой почтѣ о новостяхъ Нѣжина, о здоровьѣ Иваньки и о моихъ занятіяхъ. 19 числа сего мѣсяца было у насъ торжество по случаю подписанія въ сей день устава [1]) гимназіи

[1]) Училище это учреждено въ 1820 году, а уставъ его окончательно утвержденъ 19 февраля 1828 года.

Высш. Наукъ кн. Безбородко. Ученикамъ велѣно было всѣмъ, у которыхъ были мундиры, собраться въ 8-мь часовъ утра въ залу, изъ которой повели въ церковь; въ церкви была совершена литургія и пѣтъ концертъ пѣвчими гимназіи, послѣ службы отправились всѣ посѣтители въ библіотеку, въ концѣ которой стоялъ портретъ Александра Павловича въ раззолоченныхъ рамахъ. Когда посѣтители усѣлись, а ученики стали въ два ряда, то по прочтеніи устава ученымъ секретаремъ Андрущенкомъ, были говорены рѣчи: на русскомъ профессоромъ Никольскимъ и на французскомъ—профессоромъ Ландротиномъ; въ заключеніе пропѣта была кантата, и посѣтители отправились къ директору на закуску и обѣдъ, а мы въ 3-мъ часу побрели домой съ тощими желудками.

По неспокойности характера господъ Гербаневскихъ уже Фонтинъ отказалъ имъ въ квартирѣ и они наняли другую—нигдѣ не уживутся.—У насъ три ученика открыты масонами: Зміевъ, Колышкевичъ и Родзянка; но это и здѣсь тайна, а потому прошу Васъ сего нигдѣ не разсказывать. Еще много есть новостей, но я, какъ увижусь съ Вами, то лучше оныя разскажу.—Иванька совершенно выздоровѣлъ; на окончаніе его лѣченія и на говѣнье я занималъ у сестры хозяина карбованца, котораго, получивши деньги, и отдалъ.—Результаты мои идутъ хорошо: я на словесности и исторіи первымъ буду переведенъ въ 7-й классъ и 4-е отдѣленіе, и, кажется, получу похвальный листъ. За симъ при изъявленіи вамъ моего глубочайшаго почтенія и преданности остаюсь вашъ покорный сынъ и слуга

Е. Гребенкинъ.

1828. Февраля 29. Нѣжинъ,

Почтеннѣйшая маминька!

При желаніи вамъ щастія, здоровья и всѣхъ благъ и при засвидѣтельствованіи вамъ моего нелицемѣрнаго почтенія цѣлую ваши ручки и остаюсь вашъ покорный сынъ и слуга

Е. Гребенкинъ.

P. S. Прошу поцѣловать за меня братцевъ и сестрицъ.

II.

Почтеннѣйшая маминька!

Мы доѣхали до Нѣжина благополучно; первую ночь ночевали въ Мохновкѣ, вторую же въ Монастырищѣ и пріѣхали въ Нѣжинъ сегодня въ 12-ть часовъ. Мы поспѣли слава Богу не поздно, ибо еще почти половина учениковъ нашего класса не пріѣхали. Засимъ при желаніи вамъ, равно и почтеннѣйшему папинькѣ, счастія и здоровья и, цѣлуя ваши ручки и всѣхъ братцовъ и сестрицъ, остаюсь съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью вашъ покорный сынъ и слуга Е. Гребенкинъ.

1828 г. Апрѣля 5. Нѣжинъ.

P. S. Хозяинъ нашъ имѣетъ крайнюю нужду въ деньгахъ и потому проситъ, чтобы вы переслали ему въ самомъ скоромъ времени хоть малость.

III.

Почтеннѣйшій папинька!

Въ прошедшемъ письмѣ моемъ я кажется забылъ написать, что хозяинъ принялъ масла (какъ по его словамъ) въ первой разъ 4 пуда и 17 фунтовъ, а во второй 1 пудъ, и того 5 пудовъ 17 фунтовъ; а какъ онъ полагаетъ за оное цѣну по 10 рублей, то выходитъ денегъ 54 рубля и 25 коп. Ежели маминька располагаетъ быть въ Нѣжинѣ, то я уже писалъ, чтобы къ 26-му, т. е. 25-го въ вечеру, дабы 26-го могли справиться съ Фибилингомъ, а 27-го утромъ отправиться въ путь, ибо насъ распустятъ 27 утромъ, а экзамены кончатся 22-го. Квартиры же у насъ на квартирѣ занять имъ не можно, ибо тѣсно да и не выгодно.—Теперь можно написать до свиданія, ибо не болѣе 10-ти дней осталось, когда (ежели Богъ попуститъ) мы увидимся. За симъ при желаніи вамъ всѣхъ благъ остаюсь съ истиннымъ почтеніемъ вашъ покорный сынъ и слуга

Е. Гребенкинъ.

1828 года, Іюня 16. Нѣжинъ.

IV.

Почтеннѣйшій папинька.

Итакъ мы слава Богу пріѣхали въ Нѣжинъ 31-го августа, и я тотчасъ нанялъ квартиру за 450 рублей въ годъ (я сколько ни давалъ 400, но онъ не соглашался). Послѣ сего я пошелъ къ директору, который принялъ отъ васъ письмо и говорилъ дабы подать прошеніе. Сказано-сдѣлано. Прошеніе написано, и нашъ Аполлонъ*) очутился ученикомъ гимназіи, 2-го класса. Его можно бы было помѣстить и въ третій, но первое—что въ ономъ болѣе 70 учениковъ, т. е. сверхъ комплекта, а второе и то, что онъ, проходя во второмъ классѣ знакомое, можетъ попасть на хорошій счетъ, что много значитъ.

Я заплатилъ за сапоги 5 рублей, за исторію малороссійскую 4, та за книги для Аполлона: французскую граматику и русскую—и для себя за латинскую книгу Корнелія Непота—6 рублей 50 коп.: итакъ первый шагъ въ Нѣжинѣ отнялъ изъ кармана моего 15 рублей. Кромѣ же сихъ книгъ, мнѣ еще нужны: россійская исторія, минералогія, логика, синтаксисъ Орнату и римское право, которое здѣсь найти невозможно.— Когда я былъ въ другой разъ съ прошеніемъ у директора, то засталъ тамъ Петра Григорьевича, который и рекомендовалъ меня директору, какъ сына своего добраго сосѣда и пріятеля.

За симъ при желаніи вамъ скораго выздоровленія, и цѣлуя какъ васъ, такъ и маминьку и всѣхъ родныхъ, остаюсь съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и преданностію вашъ покорный сынъ и слуга Е. Гребенкинъ.

1828 года сентября 1-го дня, Нѣжинъ.

P. S. Аполлонъ вамъ не пишетъ, ибо учитъ на завтра уроки, да и мнѣ пропасть дѣла.

Иванькину шубу по приказанію вашему оставилъ я Харитону, а платье его посылаю.

---

*) Младшій братъ Е. Гребенки.

Прошу васъ при первой оказіи или даже и черезъ почту прислать мнѣ „Горе отъ Ума", ибо ученикъ, у котораго я бралъ сію комедію, теперь требуетъ ее у меня *).

V.

Почтеннѣйшій папинька!

Наступаетъ 17-ое сентября, день вожделѣнный и всегда празднуемый въ нашемъ семействѣ. День имянинъ дражайшей нашей маминьки, съ которымъ поздравляя васъ, равно и почтеннѣйшую маминьку, желаю провесть оный весело и дождать еще сто таковыхъ дней праздновать въ жизни вашей.

Я писалъ къ вамъ на сихъ дняхъ письмо; но не знаю, получили-ли вы его, или нѣтъ. Ежели не получили, то я вторично пишу вамъ, чтобы вы не медля прислали свидѣтельство отъ Маршала о дворянствѣ Аполлона, и осмѣливаюсь утруждать вторичною просьбою, дабы вы прислали денегъ, ибо я нѣкоторыя купилъ книги, какъ-то: французскую грамматику, русскую грамматику, Корнелія Непота, минералогію и русскую исторію, да сверхъ того заплатилъ за сапоги 5 рубл. и за малороссійскую исторію 4 рубля, на что и пошли всѣ данные вами мнѣ деньги; а теперь будетъ у насъ ярмарка, на которую пріѣзжаетъ книжная лавка Глазунова, то можетъ быть привезутъ и Римское право.—

Мы сегодня съ Аполлономъ на сухояденіи: всѣ наши ѣдятъ скоромное, а мы—галушки безъ грибовъ и безъ олеи. Новостей у насъ нѣтъ никакихъ, а еслибы и были, то заниматься ими некогда. За симъ при желаніи вамъ, равно и почтеннѣйшей маминькѣ здоровья и благополучія, остаюсь съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію вашъ покорный сынъ и слуга.

Евгеній Гребенкинъ.

1828 VI/14 Нѣжинъ.

P. S. Прошу васъ поцѣловать за меня любезнаго братца Льва Николаевича и сестрицу.

---

*) Тогда эта комедія, какъ рѣдкость, ходила только въ рукописи.

VI.

Почтеннѣйшій папинька!

Вы не можете себѣ представить удовольствія, принесеннаго намъ письмами вашими, а особенно вторымъ, въ которомъ вы льстите насъ надеждою скораго свиданія съ вами. Аполлонъ прыгаетъ, скачетъ отъ радости и съ каждымъ днемъ считаетъ, сколько осталось времени до Покровы... Покровская ярмарка уже начинается, а съ нею и движеніе народа: тяжелыя гарбы татарскія, наполненныя изобиліемъ юга—виноградомъ, съ произительнымъ крикомъ, тянутся по улицамъ; повсюду застучалъ молотокъ, движимый рукою прибыли, и новые балаганы длинными рядами появились на площади; тамъ увертиливой суздалецъ раскладывалъ цѣлыя коллекціи своихъ картинъ: возлѣ портретовъ Ильи Муромца и Соловья Разбойника видно изображеніе незабвеннаго мужа Рымникскаго; а противъ него для симметріи великій объѣдало, который въ день изволилъ кушать около сорока пудовъ говядины.—Толпы народа глазѣя тѣснятся около хитраго продавца и мѣдные гроши звуча переходятъ въ карманы; и вскорѣ великій-объѣдало украшаетъ уголъ хаты крестьянина!—Но Рымникскій ждетъ себѣ другаго покупщика.

И вотъ входитъ въ лавку человѣкъ въ сертукѣ изношенномъ, но съ блестящими мѣдными пуговицами, носящій на себѣ всѣ признаки 18-го столѣтія: сей человѣкъ—отставной корнетъ временъ Екатерины II-ой, служилъ подъ начальствомъ неутомимаго Суворова, бралъ съ нимъ турецкія крѣпости и лазилъ по Альпамъ! Онъ тотчасъ узнаетъ своего начальника, бросаетъ съ радостію купцу 20 грошей—и въ скоромъ времени ликъ великаго мужа, обдѣланный въ черныя рамки, повѣшенъ надъ его кроватью, гдѣ каждое утро послѣ первой молитвы старый служивый беретъ за руку своего малолѣтняго сына и, показывая на портретъ, разсказываетъ ему свои старые походы, разсказываетъ добродѣтели Рымникскаго и нечувствительно поселяетъ въ юномъ сердцѣ сѣмена добродѣтели и любви къ своему отечеству.—И послѣ смерти образъ великаго мужа дѣлаетъ благодѣянія!—

Но я слишкомъ уже далеко забрался, а Ерофѣичъ не приказывалъ, говорятъ, много философствовать, а особливо, когда времени мало; и потому я, основываясь на его правилѣ, заключаю письмо мое искреннимъ благодареніемъ за присланныя мнѣ деньги и желаніемъ вамъ счастія и здоровья. За симъ съ искреннымъ почтеніемъ и преданностію остаюсь вашъ покорный сынъ и слуга Евгеній Гребенкинъ.

1828 года сентября 26 дня, Нѣжинъ.

P. S. Нашъ экономъ Тарновскій женился, и профессоръ естественной исторіи Соловьевъ тоже обвѣнчался третьяго дня.

Прошу поцѣловать за меня маминьку въ ручки и кланяться всѣмъ братцамъ и сестрицамъ. Полинька также цѣлуетъ васъ и маминькины ручки; онъ теперь въ церкви, а я насилу отпросился у нравонаблюдателей, дабы писать къ вамъ письмо

VII.

Почтеннѣйшій папинька!

„Наши въ Парижѣ!"—воскликнулъ одинъ патріотъ россійскій въ 1812 году, и радостная улыбка разгоралась на устахъ его. „Наши въ Пирятинѣ!"—воскликнулъ и я въ свою очередь, показывая Аполлону письмо ваше, и также весело улыбнулся, радуясь объ ихъ счастьи. И такъ Михаилъ, Николай и Александръ Павловичи горемыкаютъ во престольномъ градѣ Пирятинѣ, пьютъ холодныя струи Удая и набираются мудрости во пресловутой академіи; прошу васъ поцѣловать отъ меня сихъ высокоученыхъ.—Хозяинъ нашъ, господинъ Иванъ Михайловичъ Фонтинъ, человѣкъ предобрый; онъ очень любитъ Аполлона и занимается иногда съ нимъ чтеніемъ по французски и по нѣмецки. Да какъ его и не любитъ? Онъ учится, слава Богу, хорошо и заслуживаетъ отъ всѣхъ наставниковъ хорошую рекомендацію. Директоръ нашъ, человѣкъ препочтеннѣйшій, его ласкаетъ и часто наши студенты, слушая его разсужденія о

правахъ или о высшей словесности *), кричатъ: „настоящій Аполлонъ! (богъ изящнаго) не полѣзетъ въ карманъ за отвѣтомъ. Но сколько насмѣшекъ ему стоило отвыкнуть отъ выговора счастливой „Хохландіи"!.. Я также, слава Богу успѣваю въ наукахъ понемногу; а именно я заслужилъ результатъ: изъ поведенія 4, изъ логики—4, 4, закона Божія—4, 4, исторіи среднихъ вѣковъ—4, 4, исторіи россійской—4, 4; права римскаго—4, 3; минералогіи—4, 4. Какой веселый классъ минералогіи! Насъ водятъ въ кабинетъ, показываютъ различные камни и окаменѣлости; растворяютъ ихъ въ кислотахъ и тому подобное.

Я буду писать къ именинамъ нашего директора поздравительные стихи, которые мнѣ профессоръ Никольскій приказалъ сдѣлать (имянины будутъ 11-го декабря). Подъ тайкомъ, вамъ маленькая новость: нашего одного земляка высѣкли келейно розгами (Михаила Мокрицкаго); за что—разскажу при свиданіи съ вами.

Еще осмѣливаюсь утруждать васъ моею просьбою, а именно, чтобы вы прислали намъ малую толику денегъ, ибо хозяинъ нашъ къ вечеру не даетъ чаю, ни полдничать, и мы всякій день съ Аполлономъ съѣдаемъ гривенную булку.—За симъ, при желаніи вамъ счастья и всѣхъ благъ и цѣлуя ваши и маминькины ручки, остаюсь съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію вашъ покорный сынъ и слуга.

Евгеній Гребенкинъ.

1828 г. ноября 5, Нѣжинъ.

P. S. Ежели будетъ оказія, то пришлите капотъ Аполлону и „Горе отъ ума", ибо сія книга не моя и меня всякій день объ ней спрашиваютъ.

P. S. Я теперь пишу „Славянскій вечеръ" и вотъ его начало:

„Рогдай въ веселіи сидѣлъ среди друзей,
Невнятный шумъ гостей въ палатахъ раздавался
И ароматный медъ прозрачною струей
Въ блестящій кубокъ низливался".

*) Онъ часто посѣщаетъ нашъ классъ и съ удивительнымъ хладнокровіемъ разсуждаетъ о наукахъ, называя себя студентомъ.

VIII.

Почтеннѣйшіе папинька и маминька!

Мы пріѣхали, слава Богу, въ Нѣжинъ хорошо сегодня въ 1-мъ часу. Я былъ у Андрушенка и кланялся ему отъ васъ. Батюшка былъ доволенъ за гостинецъ и приказалъ васъ благодарить. Черкесы я купилъ на сюртукъ 8 аршинъ по 1 рублю 25 копѣекъ—10 рублей, да подбою 3 аршина по 50 коп.—1 рубль 50 коп.; и портному за работу—4 рубля; слѣдовательно сюртукъ обошелся 15 рублей 50 копѣекъ. Соку лимоннаго 4 фунта —2 р. Полуатласу я купилъ вамъ подъ цвѣтъ по 3 рубля 50 копѣекъ 2 аршина—7 рублей. Ваши 6 рублей, но какъ у васъ не доставало рубля, а у Льва Николаевича остались деньги; то я занялъ рубль изъ его денегъ, которые вы ему заплатите.

За симъ, цѣлуя ваши ручки, остаюсь съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію вашъ покорный сынъ и слуга.

Е. Гребенкинъ.

1829 г. мая 2-го, Нѣжинъ.

P. S. Извините, что мало и худо написалъ, ибо еще не успѣлъ разсмотрѣться хорошенько, а въ слѣдующую почту я напишу подробнѣе.

Любезный братецъ Левъ Николаевичъ!

Изъ порученности твоей я только одну выполнилъ: купилъ черкесы 8 аршинъ по 1 р. 25 к.—10 рублей. Винтовальныя доски есть, да большія. Вѣришь-ли, что даже дроби мелкой не могъ найти; дудочекъ также не нашелъ, а я постараюсь, то можетъ быть достану къ Тройцѣ. Изъ остальныхъ 6 рублей я одинъ занялъ на маминькину покупку, а одинъ отдалъ, какъ ты говорилъ, Аполлону, остальные же 4 р. при семъ посылаю. За симъ, цѣлуя тебя мысленно и ручки любезнѣйшей сестрицы, остаюсь преданный братъ и слуга.

Е. Гребенкинъ.

Директоръ приказалъ тебѣ кланяться.

1829 V/11.

IX.

Почтеннѣйшій папинька!

Я удивился, читая въ письмѣ вашемъ, что вы сомнѣваетесь на счетъ того, переведены-ли мы въ классъ. И такъ я вамъ сообщаю, что я въ осьмомъ,—а Аполлонъ въ 3 классѣ находимся. Приложенные при семъ узоры прошу васъ отдайте Еленѣ Леонтьевнѣ Марковичевой; они тѣ самые, которые я взялъ увеличить. Скажите Льву Николаевичу, что у насъ проходятъ физику. Сколько опытовъ и чудесъ будемъ мы дѣлать дома! Попросите сестрицу. чтобъ она прислала какъ можно скорѣе и какъ можно болѣе пѣсенъ малороссійскихъ съ нотами; вы не повѣрите, какъ онѣ мнѣ нужны.

За симъ, цѣлуя ваши и маминькины ручки, остаюсь вашъ покорный сынъ.

Е. Гребенкинъ.

1829 г. октября 30.

P. S. Порфирій проситъ, чтобъ ему при оказіи прислали сапоги.

X.

Почтеннѣйшій папинька!

Удѣляю нѣсколько минутъ, дабы извѣстить васъ, что я, слава Богу, здоровъ, Аполлонъ также выздоровѣлъ, но у него нарывъ на пальцѣ; сіе и есть причина, почему онъ здѣсь не пишетъ. Говорятъ, что Гусарская дивизія, которая стоитъ у насъ, переходитъ въ Московскую губернію и Каблуковъ поѣхалъ въ штабъ съ тѣмъ, чтобъ упросить перевода главной квартиры изъ Коломны—гдѣ она назначена—въ Москву. На мѣстѣ же сей дивизіи прибудутъ сюда полки: Принца Оранскаго, Александровскій, Маріупольскій и Ахтырскій. 20-го сего мѣсяца было торжество о заключеніи мира и греки праздновали свободу своего отечества: съ 25-ти церквей колокола гремѣли не умолкая и 101 выстрѣлъ изъ мортирей колебалъ воздухъ. Къ

вечеру городъ былъ иллюминованъ; колокольни блестѣли въ плошкахъ отъ основаній до крестовъ, улицы были также унизаны оными и представляли прекрасную огненную перспективу: синіе, красные, малиновые и другіе разноцвѣтные фонари рдѣлись въ глазахъ подобно драгоцѣннымъ камнямъ; на второмъ этажѣ Магистрата кружились огневыя радуги и сіялъ великолѣпно лучезарный вензель Николая І-го. Больше у насъ новостей нѣтъ: все по старому.

За симъ, свидѣтельствуя вамъ мое почтеніе и цѣлуя ваши и маминькины ручки, остаюсь вашъ покорный сынъ и слуга

Е. Гребенкинъ.

1829 года октября 23 дня. Нѣжинъ.

P. S. Прошу поцѣловать за меня братцевъ и Людиньку, и увѣдомьте, гдѣ Левъ Николаевичъ и сестрица.—

Николаю Андреевичу и Гавріилу Андреевичу прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе.—

Извините меня за почеркъ, голова у меня болитъ жестоко, я пишу несвязно и на каждомъ словѣ ошибаюсь.—

XI.

Почтеннѣйшій папинька!

Итакъ, благодаря Бога, я перемѣнилъ квартиру. Шишкинъ за 300 рублей взять насъ не согласился, говоря, что теперь хлѣбъ дорогъ и что онъ менѣе не возьметъ, какъ 350 и преогромную провизію. Въ сихъ смутныхъ обстоятельствахъ я пошелъ къ Новицкому и—что вы думаете?—онъ уговорилъ своего хозяина принять насъ за 300 рублей. Итакъ я теперь у профессора и по цѣнѣ удивительной; ибо всѣ платятъ по 600, а менѣе по 500 рублей. Мѣха лисьяго такого я не могъ отыскать; есть гораздо хуже и то 80 рублей полъ-мѣха. Итакъ я рѣшилъ оставить у себя деньги до ярмарки, на которую, я думаю, привезутъ, а лучше ежели вы еще кому препоручите. Мѣхъ бѣличій я купилъ, не знаю, угожу-ли или нѣтъ. Поелику

въ „Убѣжищѣ“ любятъ пить кофе, то я купилъ 3 фунта по 1 р. 60 коп. Дѣтямъ посылаю 2 фунта ягодъ—это вещь преполезная и довольно вкусная. Дорогою мы издержали 2 рубля, а потому я купилъ на одинъ рубль изъ остальныхъ денегъ сѣна. При семъ счетъ прилагаю. Бритвы кажется выправлены отлично. Ежели вамъ угодно, то вы можете препоручить кому, кто поопытнѣе, купить мѣхъ на ярмаркѣ. Я боюсь не прокупиться или ежели вамъ угодно, то я куплю себѣ на фракъ сукна, впрочемъ я оставляю на вашу благорасположенность.

Миклашевскіе еще не пріѣхали: боятся холеры, о коей здѣсь ничего не слышно. Писалъ бы больше, но на новой квартирѣ и между новыми учениками и не ознакомился съ лекціями; а посему, какъ только не много обживусь, буду писать по почтѣ обстоятельно и къ Льву Николаевичу, котораго прошу за меня поцаловать, равно сестрицу, Маминьку и всѣхъ нашихъ.

За симъ цалую васъ мысленно и остаюсь съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью вашъ покорный сынъ и слуга

Е. Гребенкинъ.

1831 г. января 19-го. Нѣжинъ.

P. S. Пока держится дорога, пришлите немного провизіи Порфирію, ибо я обѣщалъ.

Любезный братъ Левъ Николаевичъ!

Посылаю тебѣ письмо отъ Квитки; онъ проситъ извиненія, что не заѣхалъ. Я стою на квартирѣ у профессора Соловьева, превосходный человѣкъ и NB: профессоръ. За симъ—до свиданія. Попроси у Марченка отзывъ въ дворянскую опеку и пришли.—Директоръ очень желаетъ увидѣться съ маминькою: имѣетъ, онъ говоритъ, дѣло.—

Преданный братъ Е. Гребенкинъ.

XII.

С.-Петербургъ, 1834 года 1-го сентября.

Дражайшіе родители!

Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ я писалъ къ вамъ письма и по странному стеченію обстоятельствъ едва могъ отправить ихъ, собравши въ многотомный пакетъ, чрезъ откупщика Дунаевскаго, но зная, какимъ тараканьимъ шагомъ ползутъ почти всѣ оказіи и одолженія, я рѣшился черезъ почту увѣдомить васъ о своемъ здравіи и о торжествѣ, которое мы видѣли 30 августа; это былъ день открытія колосальной гранитной колоны, поставленной на дворцовой площади въ честь Александру І-му. Я видѣлъ всю эту церемонію, какъ нельзя лучше, ибо по волѣ добраго нашего Государя подлѣ дворца былъ выстроенъ для гражданскихъ чиновниковъ прелестный амфитеатръ, съ котораго вся площадь, наполненная сто тридцатью тысячами войска, была какъ на ладони. Какое прекрасное зрѣлище! Вблизи, это—звѣрь съ стальною щетиною; вдали, это—волны моря свѣтлыя, блестящія, радужныя. Молебствіе совершалъ Митрополитъ со знатнѣйшимъ духовенствомъ; во время молебствія Государь Императоръ преклонилъ колѣни, войско сдѣлало то-же и кругомъ царствовала тишина, прерываемая только церковнымъ пѣніемъ. Императоръ усердно молился. Какъ пріятно, какъ утѣшительно было видѣть владыку обширной Россіи, возносящаго мольбы Всевышнему о счастьи своихъ подданныхъ, на обширной площади подъ куполомъ неба стоящаго на колѣняхъ на твердыхъ камняхъ. Послѣ молебствія богатая шелковая завѣса, закрывавшая пьедесталъ колоны, спала и золотые орлы, составляющіе ограду колонны, тихо преклонились и пали къ ея подножію; долгое „ура", сопровождаемое барабаннымъ боемъ, трубами и выстрѣлами нѣсколькихъ сотъ пушекъ, потрясало воздухъ около получаса; въ продолженіе коего вышла Императрица и сопровождаемая Митрополитомъ, придворными и сенаторами, обошла кругомъ колонны, которую духовенство тутъ же окро-

пило святою водою; послѣ сего все войско проходило церемоніальнымъ маршемъ мимо Государя. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ. Вотъ слабое описаніе праздника, для котораго король прусскій прислалъ и своихъ 17 офицеровъ и до сорока человѣкъ солдатъ; и многіе частные люди, особливо англичане, пріѣзжали изъ-за границы.

Поздравляю маминьку съ наступающимъ днемъ ея ангела и желаю всѣхъ возможныхъ благъ; я здѣсь молюсь и буду молиться о подкрѣпленіи вашего здоровья... Недавно я получилъ отъ крестнаго папеньки письмо и порученіе; объ этомъ дѣлѣ теперь забираются справки. Я постараюсь писать къ нему съ первою почтой по полученіи оныхъ, а до тѣхъ поръ прошу оказать ему мое почтеніе, равно и всему почтеннѣйшему семейству и доктору Новицкому. Новостей никакихъ болѣе не описываю, ибо въ огромномъ письмѣ, которое у Дунаевскаго, всего довольно; тамъ и Льву Николаевичу есть приписка (не приписка, —заврался), цѣлое письмо. А теперь я его только обнимаю и говорю: „худо, братъ, жыты тутъ; не только не ѣлъ бекаса, даже и не видѣлъ; теперь понимаю, отчего покойный Павелъ Исакіевичъ такъ ахалъ надъ дупельшнепомъ. Цѣлую миленькихъ небожатъ, также братьевъ и сестрицъ. Николая жду, къ Аполлону писать буду на дняхъ. Мишѣ пора-бъ на службу, да не въ статскую, Боже сохрани: безъ аттестата изъ высшаго учебнаго заведенія и врагу моему не совѣтую служить въ статской службѣ. Я, какъ злая свекровь, всегда ворчу на братьевъ, потому, что люблю ихъ и желаю имъ счастья. До свиданія! Цѣлую васъ мышленно и мою няню, и остаюсь по милости Божіей въ здоровьи и душевномъ спокойствіи.

Вашъ сынъ Евгеній.

P. S. Всѣмъ знакомымъ (тѣмъ болѣе родственникамъ) и добрымъ людямъ мое почтеніе. Я вчера получилъ отъ Ивана Ивановича Керетина письмо и вчера же отвѣчалъ ему... Александръ Васильевичъ здоровъ и вамъ свидѣтельствуетъ почтеніе.

XIII.

21 марта, 1845 года въ С.-Петербургѣ.

Вы не повѣрите, безцѣнная мамаша, какъ насъ обрадовали ваши письма, изъ которыхъ мы узнали, что вы, благодаря Бога, живы и здоровы. Каждое утро и вечеръ молю Творца о подкрѣпленіи силъ вашихъ и здоровья за вашу любовь и попеченіе объ насъ. Какъ бы тамъ покончить дѣла такъ, чтобы въ маѣ выѣхать, да кажется не удастся; что то дѣдъ и не думаетъ высылать свидѣтельства о перезакладѣ имѣнія. Что онъ себѣ думаетъ, мы же его такъ просили объ этомъ? Какъ бы скорѣе Богъ Милосердный помогъ намъ добраться домой,—разсмотрѣть и устроить все самимъ. Сдѣлайте одолженіе, душенька мамаша, пришлите мнѣ съ первой почтой нѣсколько записокъ, какъ дѣлать куличи и паски, только такіе, куда не много входитъ яицъ, а то здѣсь очень дороги яйца, теперь по 4 копѣйки, а къ праздникамъ, я думаю, будетъ по 5 копѣекъ одно яйцо.

Вчера мы получили отъ братьевъ Миши и Аполлона письма они, слава Богу, здоровы. У насъ теперь погода чудесная тепло, совершенная весна. А что мамка моя получила платокъ? Прощайте, безцѣнная мамаша; съ нетерпѣніемъ ожидаю времени, когда лично расцѣлую ваши ручки и поблагодарю за все.

XIV.

С.-Петербургъ, 1845 г. марта 31-го.

Очень благодаренъ вамъ, милая маменька, за ваши письма и ваше попеченіе о насъ и благодарю Бога, что ваше здоровье поправилось. Поторопите дѣда, чтобы онъ высылалъ скорѣе свидѣтельство на перезалогъ имѣнія жены моей, потому что безъ этого мы изъ Петербурга не выѣдемъ, надобно здѣсь уладить дѣла, да и въ Малороссію пріѣхать за дѣломъ, а не гулять. Вчера я получилъ отъ Аполлона письмо, въ которомъ онъ пи-

шетъ на счетъ Людмилы и Убѣжища. Я съ нимъ согласенъ и возьму Убѣжище по оцѣнкѣ съ тѣмъ, что на имя Людмилы положу я въ ломбардъ лѣтомъ десять тысячъ рублей ассигнаціями, а братьямъ что придется—буду выплачивать. Еслибы Севастьяновъ женился на сестрѣ, то я бы ему нашелъ здѣсь черезъ Даля чудесное мѣсто, такъ что лѣтъ черезъ десять купили-бы они деревню порядочную, потому что здѣсь хорошій докторъ имѣетъ много выгодъ, да и вы бы пріѣхали къ намъ погостить въ Питеръ, а онъ городъ хорошенькій. И Мишу и Аполлона современемъ выпишемъ сюда, а Николай идетъ хорошо: уже съ частными работами получаетъ тысячъ до восьми въ годъ, со временемъ будетъ богачъ.

До свиданія, милая маменька, поцѣлуйте за меня сестру, скажите ей, что я думаю о ней много, да будьте здоровы: этого желаетъ любящій васъ сынъ Евгеній.

Документы, извѣстія и замѣтки.

О юбилеѣ и памятникѣ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. Избранная Полтавскою Городскою Думою особая коммиссія по устройству памятника И. П. Котляревскому чествовала 100-лѣтній юбилей «Энеиды», въ годовщину смерти поэта—29 октября, такъ какъ 29 августа празднованіе ограничилось лишь панихидой въ Соборной церкви въ присутствіи, какъ мнѣ говорили, весьма немногихъ Полтавцевъ (я въ то время былъ въ Кіевѣ на съѣздѣ [1]). Чествованіе выразилось въ болѣе скромныхъ размѣрахъ, чѣмъ предполагалось. По крайней мѣрѣ, однимъ изъ членовъ коммиссіи были проектированы обращенія къ нѣсколькимъ почтеннымъ дѣятелямъ съ приглашеніемъ прочесть публичную лекцію и рѣчь о нашемъ поэтѣ, но приглашеніе было послано только одному лицу, а за полученіемъ отъ него отрицательнаго отвѣта—къ другому, которое также не могло присутствовать на нашемъ праздникѣ. Во всякомъ же случаѣ приглашенія запоздали настолько, что лекторы не имѣли возможности подготовиться надлежащимъ образомъ. Отрицательные отвѣты стали извѣстны лишь за нѣсколько дней предъ чествованіемъ, а между тѣмъ процедура испрошенія разрѣшенія на чтеніе лекцій и рѣчей требо-

---

[1]) Вечеромъ 29 Августа товариществомъ артистовъ подъ управленіемъ Саксаганскаго и Садовскаго была поставлена „Наталка-Полтавка", и сборъ поступилъ полностію въ пользу Товарищества, безъ взноса хотя части на памятникъ И. П. Котляревскому. Изъ объясненій съ г.г. Саксаганскимъ и Садовскимъ обнаружено, что матеріальное пожертвованіе они не считаютъ обязательнымъ, такъ какъ своими письмами въ Петербургъ и друг. города они-де вызвали значительныя денежныя пожертвованія со стороны почитателей поэта.

вала возбужденія заблаговременно ходатайства. По этому коммиссія порѣшила устроить 29 октября «вокально-литературно-художественный вечеръ», а въ 2 часа дня панихиду. Оповѣщеніе о послѣдней сдѣлано лишь наканунѣ, но сравнительно небольшіе листки оповѣщенія, наклеенные среди другихъ афишъ и объявленій, могли ускользнуть отъ вниманія многихъ. При томъ—самое важное—время панихиды назначено крайне неудачно, такъ какъ обыденныя занятія въ нѣкоторыхъ присутственныхъ мѣстахъ оканчиваются лишь къ 3 часамъ. Благодаря этому, на панихидѣ въ Соборной церкви присутствовали два члена городской управы (Городской Голова былъ дѣйствительно боленъ), нѣсколько городскихъ гласныхъ и два—три десятка служащихъ въ земствѣ и частныхъ обывателей обоего пола. Въ вышедшемъ въ тотъ день № Губерн. Вѣдом. я помѣстилъ свою статью «Памяти И. П. Котляревскаго», въ которой выразилъ, между прочимъ, что усадьба поэта съ домикомъ, въ которомъ онъ и родился, и скончался, находится въ частномъ владѣніи и что «недалеко то время, когда въ торжествѣ освященія и открытія памятника нашему поэту примутъ участіе иногородніе почитатели; и если они не найдутъ въ натурѣ домика поэта по рисунку Шевченка, то, безъ сомнѣнія, охотно примирятся и отнесутся съ особою признательностью къ городскому управленію, когда увидятъ на *томъ же самомъ мѣстѣ*—начальное училище имени поэта. А для наростающихъ Полтавцевъ тамъ пребудетъ неугасающій свѣтильникъ познанія Бога, правды и добра».

Вечеръ привлекъ довольно многочисленную публику, такъ что въ помѣстительномъ залѣ 2-го общественнаго собранія всѣ нумерованныя мѣста, хоры и входъ въ залъ были переполнены до крайней тѣсноты. Вечеръ начался чтеніемъ стихотворенія Шевченка «На вичну память Котляревському», встрѣченнымъ публикой весьма шумнымъ привѣтствіемъ. Вслѣдъ за тѣмъ, однако, объявлено, что «по случайнымъ обстоятельствамъ» назначенныя въ афишѣ хоровыя пѣсни не будутъ исполнены архіерейскимъ хоромъ и будутъ замѣнены дуэтами и соло. Такимъ образомъ публикѣ не пришлось услышать такихъ пѣсенъ, какъ: «Та веселая та бесидонька», «Верховыно»—галицкой народной пѣсни, «Ой краче та чорный воронъ», колядки «Ой чы це той двиръ» и «Гей не дывуйте»; изъ назначенныхъ же по программѣ—были исполнены архіерейскимъ хоромъ «Гарбузъ билый качаетця», «Цыганская жизнь» Шумана; затѣмъ была пропѣта

одна Коломыйка и бравурный Чешскій квартетъ. Оказалось, что пѣвчіе только и приготовили эти піесы, тогда какъ заблаговременно имъ былъ предложенъ довольно обширный списокъ народныхъ пѣсенъ и они обѣщали пѣть поименованныя выше пѣсни, въ томъ числѣ «Цыганская жизнь» и «Гарбузъ», хотя противъ этого были распорядители вечера, но принуждены были согласиться—при ограниченности репертуара архіерейскаго хора, который и угостилъ публику «нассьвимъ» только «Гарбузомъ»... Нужно отдать справедливость, что хоръ мастерски спѣлъ заученныя пьесы, равнымъ образомъ большое эстетическое удовольствіе доставили публикѣ превосходно исполненные г.г. К-скимъ и Чеснокомъ дуэты и въ особенности г. К-скимъ соло «Гетьманы»! Артистка галицко-малороссійскаго товарищества г. Кочубей—Дзбановская съ громаднымъ успѣхомъ исполнила «Чого вода каламутна», «Садокъ вышневый», дуэтъ изъ «Запорожець за Дунаемъ», и по настойчивому желанію публики пѣла на bis, при чемъ нашла возможнымъ пропѣть до нельзя избитую «Ганзю билолыцю» и съ бравурнымъ взвизгиваніемъ. Это въ нѣкоторомъ родѣ конекъ пѣвицы, доставляющій особенное удовольствіе нѣкоторой части публики, а между тѣмъ достовѣрно извѣстно, что распорядители вечера просили артистку не пѣть именно «Ганзю» на *юбилейномъ* чествованіи. Программа была раздѣлена на два отдѣленія, и въ каждомъ прочитаны были отрывки изъ Энеиды, при чемъ были выбраны мѣста изъ пекла и рая, а на bis прочитана рѣчь Латына и «Такъ вичной па мьяты бувало». Въ заключеніе художникомъ В. А. Волковымъ поставлены были живыя картины изъ «Наталки Полтавки», «Москаля-Чаривныка» и «Энеиды», изображающія сцены, проектированныя скульпторомъ Л. В. Позеномъ для барельефовъ на памятникъ поэту.

Съ выборомъ мѣста для постановки памятника до сихъ поръ въ Городской Думѣ дѣло не ладится. Первоначально была весьма неудачно выбрана маленькая площадка противъ гостинницы Воробьева, но разсчитывали расширить нѣсколько мѣсто—прибавкою 86 квад. саж. изъ усадьбы дворянства; однако губернское дворянское собраніе категорически отказало уступить этотъ клочекъ подъ тѣмъ предлогомъ, что намѣрено строить общежитіе для своихъ учащихся дѣтей. Нужно замѣтить, что постройка предназначена на противоположномъ концѣ довольно обширной усадьбы, а необходимый для расширенія площадки уголокъ занятъ теперь дикорастущими деревьями, и могъ бы быть отчужденъ безъ всякихъ неудобствъ для пред-

полагаемаго общежитія дворянскихъ дѣтей. Покойный поэтъ, по своему чину, принадлежитъ къ потомственному дворянству губерніи,— но его собраты раньше пожертвовали на памятникъ всего 200 р., а въ этомъ году, отказавъ въ уступкѣ клочка земли, расщедрились пожертвованіемъ еще 200 р.; однако это мизерное приношеніе вызвало со стороны присутствовавшаго въ собраніи князя II. Н. Церетелева заявленіе неудовольствія, при чемъ онъ предложилъ свое личное пожертвованіе 300 руб. Вслѣдствіе отказа дворянства, коммиссія по устройству памятника *единогласно* признала площадку предъ гостиницей Воробьева «безусловно неподходящею» для постановки памятника, и проектировала выдѣлить для этого часть Александровскаго сквера (гдѣ поставленъ монументъ въ память Полтавской побѣды) въ видѣ полукруга, обсадить это мѣсто тополями и поставить памятникъ лицомъ къ Александровской улицѣ. Докладъ объ этомъ былъ внесенъ въ Городскую Думу въ засѣданіи 29 октября. Узнавъ объ этомъ, я въ день засѣданія написалъ г. Городскому Головѣ письмо, въ которомъ выразилъ, что въ Александровскомъ скверѣ красуется огромный монументъ Петру Великому, предъ которымъ скромный памятникъ И. П. Котляревскому будетъ казаться миніатюрнымъ, и что устройство проектированной загородки испортитъ симметрію сквера. Я указывалъ для памятника весьма удобное мѣсто въ скверѣ на Петровской площади, между двумя фонтанами.

Мое письмо и предложенія коммиссіи были доложены Думѣ, и въ пользу моего мнѣнія энергично высказались нѣкоторые гласные; однако, въ концѣ концовъ большинствомъ 20 противъ 14 голосовъ Дума приняла предложеніе коммиссіи, т. е. постановку памятника въ Александровскомъ паркѣ. Повидимому, вопросъ еще нельзя считать окончательно рѣшеннымъ, такъ какъ въ «Губерн. вѣдом.» появились протесты противъ постановленія Думы, и, по всей вѣроятности, вопросъ еще разъ подвергнется новому пересмотру.

Все это показываетъ, что въ средѣ городскихъ представителей большинство относится равнодушно къ вопросу о выборѣ пристойнаго мѣста для памятника родоначальнику Украинской литературы. Относительно же пріобрѣтенія въ собственность города усадьбы бывшей И. II. Котляревскаго, нѣкоторые представители города заговорили въ послѣдніе лишь дни, отчасти вслѣдствіе того, что недавно открытыя на средства города два начальныхъ училища не имѣютъ собственной осѣдлости и помѣщаются въ наемныхъ квартирахъ.

Быть можетъ, дойдутъ наконецъ до сознанія необходимости исполнить задушевное желаніе многихъ Полтавцевъ—видѣть на усадьбѣ поэта начальное училище его имени.

В. Василенко.

Къ юбилею Котляревскаго. 19 и 20 октября ст. ст. праздновалось во Львовѣ столѣтіе возрожденія укр.-русской литературы. Торжество перваго дня происходило по слѣдующей программѣ: «драматичний прольогъ» Івана Франка, кантата (слова Шевченка до Котляревського), положенная на музыку О. Кишакевичемъ и исполненная хоромъ, «Вечорныци» Нищинскаго, различные другіе хоровые номера, представленіе «Наталки-Полтавки» и апоѳеозъ—аллегорическая живая картина. На другой день утромъ, празднество происходило въ «академіи». Засѣданіе открылъ Савчакъ, поздравивъ въ короткихъ словахъ весь р.-укр. народъ и представителей нашихъ славянскихъ сосѣдей, затѣмъ произнесли рѣчи: проф. Грушевскій—о значеніи Энеиды Котляревскаго въ историческомъ развитіи Украины-Руси и о вліяніи ея на національное сознаніе украинскаго народа; проф. Смаль-Стоцкій—о значеніи и основныхъ идеяхъ Энеиды; проф. Колесса—указалъ на вліяніе произведеній Котляревскаго на дальнѣйшій ходъ развитія украинской литературы. Говорили еще: Романчукъ — о вліяніи произведеній Котляревскаго на народное образованіе; Нат. Кобриньска—изложила очеркъ культурной дѣятельности укр. женщинъ, начавъ отъ тѣхъ народныхъ пѣсенъ, которыя украинскія женщины съ незапамятныхъ временъ слагали и пѣли и въ счастьи, и въ горѣ, окончивъ тѣми женщинами, которыя теперь принимаютъ дѣятельное участіе въ литературной работѣ. Бывшій посолъ Іос. Гурикъ сказалъ о значеніи Котляревскаго для крестьянства и его просвѣщенія. Наконецъ Гр. Гарматій, указавъ, что какъ вездѣ, такъ и у насъ молодежь первая становится въ защиту правъ народныхъ и прогресса, высказалъ убѣжденіе, что украинская молодежь и впредь будетъ служить народнымъ идеаламъ. Въ концѣ были прочитаны «привиты», присланные изъ-заграницы, и затѣмъ, по исполненіи гимна, засѣданіе объявлено закрытымъ.

Вечеромъ состоялся ужинъ, на который записалось болѣе 200 душъ обоего пола (Буковина, № 126, Русланъ № 237, 238).

Ко дню столѣтняго юбилея во Львовѣ вышло изъ печати юбилейное изданіе «Наталки-Полтавки»: (in 8°, стр. 48, цѣна 20 кр.) подъ редакц. проф. І. Кокорудзы. Изданіе это, снабженное портретомъ, вступленіемъ и объясненіемъ малопонятныхъ словъ, имѣетъ весьма изящный видъ. Тамъ же издана для народа брошюра: «Сотні роковини народного письменства Руси-України»,—напис. М. Пачовский (изданіе «Просвіти», Львівъ, 1898, стр. 64, ціна 16 кр.).

Общество им. Котляревскаго. Во Львовѣ составился комитетъ, который поставилъ себѣ задачею основать общество им. Котляревскаго. Цѣль общества—всѣми дозволенными способами прилагать старанія къ увеличенію фонда на постройку народнаго театра. Статутъ общества переданъ намѣстничеству на утвержденіе и есть надежда, что общество въ самомъ скоромъ времени приступитъ къ исполненію своей задачи. (Русланъ, № 235).

25-лѣтній юбилей Івана Франко. 30 октября н. ст. во Львовѣ торжествено отпразднованъ былъ, по сообщенію «Руслана», № 235, 25-лѣтній юбилей литературно-общественной дѣятельности др. Ивана Франка. Торжество, происходившее въ залѣ почтоваго клуба, открылъ короткой рѣчью Вол. Гнатюкъ; послѣ него сказалъ рѣчь проф. Грушевскій о значеніи дѣятельности Франка для духовной жизни Украины, внесшаго въ нашу умственную жизнь массу прогрессивныхъ, европейскихъ понятій и мыслей. Отъ имени крестьянства благодарилъ юбиляра за труды по отношенію къ нему—пос. Новаковскій; теплотою и нѣжностью отличалась рѣчь п. Наталіи Кобилянськои. Отъ имени молодежи держалъ рѣчь п. Гарматій, а отъ лица укр.-радикальной партіи—М. Павлыкъ. Въ отвѣтъ на все это, тронутый до глубины души юбиляръ сказалъ прекрасную рѣчь, проникнутую необычайной скромностью и искренностью.

Торжество закончилось концертнымъ отдѣленіемъ, послѣ котораго состоялся ужинъ, гдѣ почитатели юбиляра среди свободныхъ патріотическихъ бесѣдъ оставались далеко за-полночь.

Заботы о „наружномъ образованіи" кіевскихъ студентовъ въ 1840 году. Въ августѣ 1840 года посѣтилъ Кіевъ Императоръ Николай Павловичъ. На другой же день по своемъ прибытіи (11 августа), государь, въ сопровожденіи наслѣдника цесаревича, былъ въ институтѣ казеннокоштныхъ студентовъ. Въ запискахъ П. Д. Селецкаго сохранился разсказъ объ этомъ посѣщеніи. Студентовъ выстроили стройными рядами и приличнѣйшихъ по виду поставили въ первый рядъ. Государь вошелъ и довольно ласково поздоровался съ ними. Студенты браво прокричали ему: «Здравія желаемъ, Ваше Императорское Величество»! Государь прошелъ по рядамъ, видимо остался доволенъ студентами и отправился осматривать дортуары. Въ это время одинъ изъ студентовъ задней шеренги, кривоногій и весьма непривлекательной наружности, сталъ въ первый рядъ, полагая, что смотръ уже конченъ. Но государь, возвратясь изъ дортуаровъ, вновь прошелъ по рядамъ, и его поразилъ этотъ угрюмый сынъ черниговскихъ лѣсовъ, потупившійся и мрачно смотрѣвшій исподлобья. То были, такъ сказать, природныя его черты, но государю показалось въ нихъ личное озлобленіе и протестующая оппозиція.

— Какъ твоя фамилія? спросилъ государь.

— П., отвѣчалъ отрывисто студентъ, безъ обычнаго прибавленія титула.

— Откуда?

— Изъ Чернигова,—еще отрывистѣе отвѣчалъ П.

— Болванъ! грозно сказалъ императоръ, и обратившись къ наслѣднику престола, прибавилъ:

— Какіе неотесанные! Не умѣютъ отвѣчать [1]).

Этотъ эпизодъ имѣлъ важныя послѣдствія. Тогдашнему попечителю князю Давыдову государь поставилъ на видъ замѣченный имъ въ нѣкоторыхъ студентахъ «недостатокъ наружнаго образованія». Скоро послѣ того былъ присланъ въ Кіевѣ, для осмотра Университета, министръ просвѣщенія Уваровъ, который прожилъ здѣсь болѣе недѣли, посѣщалъ лекціи к репетиціи и остался совершенно доволенъ учебною дѣятельностью университета. По его предложенію, попечитель представилъ проектъ мѣръ, по его мнѣнію необходимыхъ для устраненія замѣченнаго государемъ недостатка внѣшней благо-

---

[1]) Кіевская Старина, 1884 г., февраль, стр. 293.—Исторія Импер. Ун—та Св. Владиміра, проф. Буданова, стр. 254.

воспитанности среди студентовъ, и въ отвѣтъ на это получилъ слѣдующее предложеніе со стороны Уварова:

«Вслѣдствіе докладной записки вашего сіятельства о замѣченномъ Его Императорскимъ Величествомъ недостаткѣ наружнаго образованія въ нѣкоторыхъ студентахъ Университета св. Владиміра, я разсматривалъ предлагаемыя вами къ устраненію сего недостатка мѣры и считаю нужнымъ снабдить ваше сіятельство слѣдующими разрѣшеніями:

1) Дабы доставить студентамъ вообще возможность упражняться въ искусствѣ танцованья, фехтованья и, по мѣрѣ удобства, гимнастики, я предлагаю вамъ употребить изъ суммъ, собираемыхъ съ студентовъ, нѣкоторую, по вашему усмотрѣнію, часть для усиленія сихъ искусствъ, съ тѣмъ, чтобы безъ исключенія всѣ студенты могли пользоваться этими упражненіями, подъ наблюденіемъ ближайшихъ начальниковъ.

2) Чтобы доставить студентамъ случай бывать въ хорошемъ обществѣ столь часто, сколько позволятъ имъ учебныя занятія ихъ, я разрѣшаю вашему сіятельству завести въ залѣ дома, занимаемаго казеннокоштными студентами [1]), танцовальные и литературные вечера, которые, вечера, при содѣйствіи г. генералъ-губернатора и по приглашенію вашего сіятельства, будетъ посѣщать все здѣшнее лучшее общество. На необходимые для сего расходы можно употребить, по усмотрѣнію вашему, отъ 1000 до 1800 рублей серебромъ въ годъ изъ суммы, собираемой съ студентовъ за обученіе.

3) Сверхъ того, чтобы устранить отъ поступленія въ университетъ молодыхъ людей, не получившихъ въ домахъ бѣдныхъ и низкаго происхожденія родителей никакого наружнаго образованія и невознаграждающихъ сей недостатокъ отличными способностями, постановить правиломъ, чтобы желающіе вступить въ Университетъ подавали прошенія о томъ и документы лично вашему сіятельству, дабы, по совѣщанію съ г. ректоромъ Университета, вы могли всегда, подъ благовиднымъ предлогомъ, устранить отъ вступленія въ Университетъ тѣхъ изъ молодыхъ людей, которые не выкупятъ недостатковъ наружнаго образованія отличными способностями. Впрочемъ, эта мѣра, принимаемая во всякомъ случаѣ съ крайнею осмотритель-

---

[1]) Въ то время университетское зданіе не было еще окончено, и казеннокоштные студенты помѣщались въ наемномъ домѣ.

ностію, не должна быть извѣстна никому, кромѣ васъ и ректора Университета.

Наконецъ, я покорнѣйше прошу ваше с—ство поставить на видъ Совѣту Университета св. Владиміра, коего члены вполнѣ заслуживаютъ мою благодарность за рачительное и благородное исполненіе всѣхъ своихъ обязанностей, что, при соблюденіи совершенной справедливости, при пріемѣ студентовъ необходимо нужно обращать нѣкоторое вниманіе какъ на происхожденіе молодыхъ людей, посвящающихъ себя высшимъ учебнымъ занятіямъ, такъ и на открывающуюся предъ ними будущность. Если, съ одной стороны, просторное развитіе умственныхъ способностей приноситъ несомнѣнную пользу, то съ другой—это развитіе должно быть соразмѣряемо съ будущимъ назначеніемъ въ жизни гражданской. Хотя по сему предмету трудно положить рѣшительную границу, постановивъ твердое правило, но не менѣе того можно и слѣдуетъ руководствоваться соображеніемъ, что, при возрастающемъ повсюду стремленіи къ образованію, наступило время пещись о томъ, чтобы чрезмѣрнымъ этимъ стремленіемъ къ высшимъ предметамъ ученія не поколебать нѣкоторымъ образомъ порядокъ гражданскихъ сословій, возбуждая въ юныхъ умахъ порывъ къ пріобрѣтенію роскошныхъ знаній, практическое приложеніе коихъ впослѣдствіи весьма часто, не подтверждаясь успѣхомъ, обманываетъ надежды недостаточныхъ родителей и мечтательное ожиданіе юношей.

О всѣхъ сихъ распоряженіяхъ и наставленіи я предоставляю себѣ довести до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества.

Министръ народнаго просвѣщенія Уваровъ.

Кіевъ, 21 октября, 1840 года [1]).

Послѣ этого въ Кіевскомъ Университетѣ дѣйствительно стали устраивать танцовальные и музыкальные вечера и завели преподаваніе танцевъ, фехтованія и верховой ѣзды, продолжавшееся до 1863 года, когда студенты-поляки, во главѣ съ учителемъ, прямо изъ манежа отправились «въ рухавку»; личная явка кандидатовъ въ студенты къ попечителю также продолжалась до введенія Университ. устава 1864 г.

Нельзя не замѣтить, какъ странно звучитъ въ устахъ просвѣщеннѣйшаго изъ министровъ фраза о «чрезмѣрномъ» стремленіи

---

[1]) Копія этого „предложенія" отыскана въ бумагахъ бывшаго ректора Кіевскаго Ун—та Н. Д. Иванишева.

къ высшему образованію, сказанная въ такое время, когда Россія болѣе всего терпѣла отъ повальнаго невѣжества, когда въ судѣ, въ администраціи, во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія съ трудомъ можно было встрѣтить человѣка, прошедшаго университетскую школу, и когда именно вслѣдствіе этого всюду царила «чорная неправда», хищеніе и предательство.

О. Л.

Ланкастерская школа въ м. Городищѣ, черкасскаго уѣзда, въ 1840 г. Въ одномъ судебномъ дѣлѣ 1839-го года намъ пришлось случайно встрѣтить слѣдующее указаніе объ этой школѣ. Въ означенномъ году было возбуждено противъ ея учителя, исключеннаго изъ семинаріи, Ив. Гулака-Артемовскаго, обвиненіе въ безнравственныхъ дѣйствіяхъ по отношенію къ ученикамъ. Мѣстная административная власть прежде всего поинтересовалась узнать: въ чьемъ вѣдѣніи находится означенная ланкастерская школа и отъ кого зависѣло назначеніе Гулака-Артемовскаго на учительскую должность въ ней? На запросъ объ этомъ, посланный въ управленіе Кіевскаго учебнаго округа, послѣдовалъ отвѣтъ, что въ м. Городищѣ нѣтъ никакого училища, подвѣдомаго учебному округу, а «вѣроятно, въ этомъ мѣстечкѣ существуетъ духовное училище». Но духовное вѣдомство также отреклось отъ этой школы, и наконецъ черкасскій земскій исправникъ добылъ на мѣстѣ слѣдующія о ней свѣдѣнія: «Черкасскаго уѣзда въ м. Городищахъ школа взаимнаго обученія по методѣ Ланкастера заведена и существуетъ съ 1822-го года съ Высочайшаго соизволенія, исходатайствованнаго владѣльцемъ того имѣнія генералъ-адъютантомъ Михайломъ Семеновичемъ графомъ Воронцовымъ, единственно въ цѣляхъ успособленія (sic) крестьянскихъ дѣтей къ писарскимъ должностямъ для экономическаго употребленія, для каковаго обученія отъ бывшаго министромъ просвѣщенія князя Голицына, по сношенію графа Воронцова, были присланы печатныя учебныя таблицы, каковыя и въ послѣдствіи времени, по мѣрѣ надобности въ перемѣнѣ, высылались. Нынѣ въ наличности въ сей школѣ 30 учениковъ находится. Опредѣленіе въ помянутую школу учителя и увольненіе зависитъ отъ распоряженія самого владѣльца,

графа Воронцова, чрезъ главно-управляющаго имѣніемъ его, отставного гвардіи полковника Ягницкаго». Изъ другихъ свѣдѣній, находящихся въ дѣлѣ видно, что въ составѣ учащихся въ Городищенской школѣ было 16 крестьянскихъ мальчиковъ, а остальные—дѣти оффиціантовъ и частныхъ лицъ, въ томъ числѣ даже дѣти дворянъ.—По рѣшенію суда, въ числѣ другихъ участниковъ дѣла, былъ приговоренъ къ денежному штрафу и главноуправляющій, полковникъ Ягницкій, за то, что «принялъ въ Городищское ланкастерское училище Гулака-Артемовскаго учителемъ безъ всякаго свидѣтельства на право обученія дѣтей и удерживалъ его на этой должности болѣе двухъ лѣтъ, когда онъ не имѣлъ даже законнаго письменнаго вида на свободное проживательство и долженъ былъ, за увольненіемъ его изъ духовнаго вѣдомства, избрать родъ жизни.—На мѣсто осужденнаго Гулака-Артемовскаго, въ 1840 году учителемъ ланкастерской школы былъ приглашенъ Ягницкимъ мѣстный священникъ «изъ ученыхъ» Гр. Левицкій.

Изъ помѣщенной въ «Кіев. Старинѣ» записки И. Р. Мартоса о ланкастерскомъ училищѣ въ Кіевѣ (около 1820 г.) видно, что именно здѣсь впервые примѣненъ былъ этотъ методъ обученія по иниціативѣ извѣстныхъ генераловъ Н. Н. Раевскаго и М. Ф. Орлова, что сюда присылались изъ разныхъ мѣстъ ученики, становившіеся потомъ учителями подобныхъ школъ въ Москвѣ, Могилевѣ, Херсонѣ и другихъ городахъ. Въ частности, въ запискѣ этой есть указаніе и на участіе графа Воронцова въ дѣлѣ примѣненія въ Россіи Ланкастерскаго метода обученія. «Наука сія, говоритъ Мартосъ, сначала заключалась въ однихъ рукописныхъ переводахъ (съ французскаго), а послѣ того получены (въ Кіевѣ) изъ корпуса генерала графа Воронцова новыя книги со всѣми таблицами, на русской языкъ переложенными и напечатанными въ крѣпости Мобежъ, въ 1817 г.» Не удивительно, что графъ Воронцовъ основалъ такую школу въ своемъ имѣніи, въ черкасск. уѣздѣ. Можно думать, что подобныя училища существовали и въ другихъ мѣстахъ нашего края. Мартосъ въ означенной запискѣ настойчиво рекомендовалъ «способъ взаимнаго обученія, какъ самый выгодный для преподаванія начальныхъ наукъ въ народныхъ школахъ по казеннымъ и владѣльческимъ селеніямъ». «Теперь, говорилъ онъ, наступило благопріятное время для благонамѣренныхъ помѣщиковъ, кои расположены доставить своимъ крестьянамъ образованіе, приличное состоянію землепахарей, бывъ

удостовѣряемы ежедневными опытами, что съ образованнымъ селяниномъ несравненно спокойнѣе и выгоднѣе имѣть всякое хозяйственное дѣло, нежели съ неполучившимъ онаго».

Какъ матеріалъ для исторіи крестьянскаго образованія въ нашемъ краѣ въ 1-й половинѣ XIX в., всякія указанія о существованіи школъ, въ родѣ Городищской, весьма цѣнны, и было бы желательно имѣть побольше такихъ указаній.

О. Л.

Николай Яковлевичъ Тарновскій. (*Некрологъ*). 11 сентября въ с. Пекаряхъ, черкасскаго у., скончался Н. Я. Тарновскій. Послѣдніе годы своей жизни покойный посвятилъ изученію и собиранію памятниковъ мѣстной старины, главнымъ образомъ доисторической. 3 года тому назадъ покойный поселился въ с. Тростянцѣ, каневскаго у., и вплоть до весны 1898 г. ежегодно, въ теченіе лѣта, предпринималъ раскопки. Та часть каневскаго у., гдѣ находится с. Тростянецъ, изобилуетъ всякаго рода остатками старины: почти на каждомъ шагу встрѣчаются городища, курганы, вся почва напитана различнаго рода обломками былой жизни. Это обиліе памятниковъ древности какъ-бы напрашивается на изученіе, помимо воли вызываетъ интересъ къ себѣ. Н. Я. Тарновскій, обладавшій живымъ, отзывчивымъ характеромъ, поддался этому влеченію и съ поразительной энергіей принялся за дѣло, хотя и новое для него, но которымъ онъ серьезно заинтересовался, которое полюбилъ. Свои изслѣдованія покойный обратилъ главнымъ образомъ на курганы: уже одинъ списокъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ были сдѣланы раскопки, можетъ наглядно показать, насколько интенсивно онѣ производились; къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подъ руками дневниковъ раскопокъ и перечисляемъ эти мѣстности со словъ лицъ, принимавшихъ участіе въ роскопкахъ, именно, намъ называли слѣдующія села, у которыхъ были раскопаны курганы: Тростянецъ, Лазурцы, Грищенцы Пищальники, Николаевка, Потоки (мѣсто рожденія покойнаго), Ковали, Пекари, Хмельна, Ромашки; села эти лежатъ главнымъ образомъ въ каневскомъ у. и частью въ граничащемъ съ нимъ черкасскомъ у; кромѣ того, вниманіе покойнаго привлекли и нѣкоторыя

интересныя въ археологическомъ отношеніи мѣстности, находящіяся по другую сторону Днѣпра, въ золотоношскомъ у. полтавской губ.; такъ напр., здѣсь были произведены пробныя раскопки городища у с. Лѣплявого, повидимому представляющаго большой интересъ. Раскопки другихъ городищъ также носили пробный характеръ, но и онѣ заслуживаютъ полнаго вниманія, такъ какъ служатъ руководящей нитью для послѣдующихъ изслѣдованій, давая указанія на то, съ какой эпохой въ каждомъ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло. Городищъ обслѣдовано покойнымъ также не мало; упомянемъ лишь тѣ, о которыхъ имѣемъ свѣдѣнія: вышеупомянутое городище у с. Лѣплявого, городокъ у. Сахновки подъ названіемъ «Дивыця», «замковище» у с. Капоночи, городища у с. Бабичей, у д. Хмельной и наконецъ извѣстное городище, служащее неисчерпаемымъ источникомъ находокъ древностей,—«Княжа гора» у с. Пекарей. Помимо раскопокъ, покойный интересовался и случайными находками; эти послѣднія очень часто служатъ поводомъ къ открытію очень цѣнныхъ въ научномъ отношеніи фактовъ и, во всякомъ случаѣ, пренебрегать ими никогда не слѣдуетъ; среди мѣстныхъ крестьянъ Н. Я. Тарновскій нашелъ усердныхъ помощниковъ въ этомъ отношеніи при ихъ посредствѣ въ его коллекцію поступила не одна сотня цѣнныхъ предметовъ. Какъ результатъ раскопокъ кургановъ и городищъ и случайныхъ пріобрѣтеній, образовалась обширная коллекція въ нѣсколько тысячъ экземпляровъ различныхъ предметовъ древности. Послѣднее время покойный усиленно занимался приведеніемъ ея въ порядокъ и составленіемъ каталога; большая часть коллекціи и приведена въ образцовый порядокъ—нужно только удивляться той массѣ терпѣнія и труда, какая была потрачена на такое кропотливое дѣло. Къ сожалѣнію, покойному не удалось вполнѣ его закончить весной этого года:—во время раскопокъ, онъ захворалъ, болѣзнь приняла серьезный характеръ—и человѣка, полнаго силъ и энергіи, не стало. Во время болѣзни покойный не переставалъ интересоваться любимымъ дѣломъ—до послѣднихъ дней жизни онъ принималъ крестьянъ, приносившихъ древности, разбиралъ въ своей коллекціи; чувствуя, что болѣзнь становится очень серьезной, и желая, чтобы труды нѣсколькихъ лѣтъ его жизни не пропали даромъ, чтобы объ этой прожитой жизни осталось воспоминаніе), покойный сдѣлалъ распоряженіе, коимъ передавалъ все имъ собранное въ Церковно-Археологическій Музей при Кіевской Духовной Академіи,

правда благодаря случайнымъ обстоятельствамъ, распоряженіе это не было оформлено, но покойный надѣялся на людскую совѣсть. Надеждамъ не суждено было сбыться: немногимъ болѣе, какъ черезъ мѣсяцъ послѣ смерти покойнаго, въ Кіевѣ, на грязномъ задворкѣ можно было видѣть, какъ продавалось съ молотка то, что такъ любилъ покойный, что составляло смыслъ послѣднихъ лѣтъ его жизни, что должно было сохранить о немъ память. Большинство предметовъ коллекціи было раскуплено торговцами древностей, и эту часть коллекціи можно считать почти совершенно погибшей для науки; только незначительная сравнительно часть попала въ частныя собранія, гдѣ также судьбу ея нельзя считать вполнѣ обезпеченной и лишь всего нѣсколько десятковъ предметовъ нашло себѣ надлежащее мѣсто въ общественныхъ музеяхъ г. Кіева. Среди бумагъ покойнаго остались дневники его раскопокъ и каталогъ коллекціи; намъ кажется, что опубликованіемъ изъ нихъ того, что имѣетъ научный интересъ, лица, которымъ дорога память покойнаго, сдѣлали бы дѣло, достойное этой памяти.

Н. Б.

Библіографія.

Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники *(Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія). Томъ II. С. Голубева. Кіевъ, 1898. (стр. VII+VI+524+12+4+498). Цѣна 6 руб.*

Авторъ этой капитальной книги давно уже пользуется заслуженною репутаціею лучшаго знатока исторіи западно-русской церкви. Болѣе четверти вѣка онъ съ рѣдкою энергіею и постоянствомъ посвящаетъ свои силы разысканіямъ, критическому изученію и изданію новыхъ историческихъ матеріаловъ, находимыхъ имъ не только въ общедоступныхъ хранилищахъ (русскихъ и заграничныхъ), но и въ такихъ малодоступныхъ и рѣдко кому извѣстныхъ мѣстахъ, какъ монастырскіе подвалы и чердаки, откуда нерѣдко удавалось ему извлекать весьма цѣнные памятники и документы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, обладая критическимъ умомъ и пройдя превосходную историческую школу подъ руководствомъ такого талантливаго учителя, какимъ былъ незабвенной памяти профессоръ Ф. А. Терновскій, г. Голубевъ уже въ первыхъ печатныхъ своихъ работахъ, посвященныхъ западно-русской исторіи, обнаружилъ признаки недюжиннаго дарованія, широту мысли, глубину анализа и вполнѣ научное безпристрастіе. Безъ сомнѣнія, наиболѣе цѣннымъ въ научномъ отношеніи трудомъ его является капитальная монографія о Петрѣ Могилѣ, первый томъ которой вышелъ въ свѣтъ еще въ 1883-мъ году. Личность и эпоха этого великаго историческаго дѣятеля давно привлекали къ себѣ вниманіе историковъ; но мы не впадемъ въ преувеличеніе, если скажемъ, что только въ трудѣ проф. Голубева онѣ получаютъ настоящее, всестороннее

вполнѣ научное освѣщеніе. Никто еще изъ историковъ такъ не спеціализировался въ этой области, какъ г. Голубевъ, посвятившій на ея изученіе болѣе двадцати лѣтъ; никто не приступалъ къ ея изображенію съ такою громадною эрудиціею, съ такимъ богатымъ запасомъ новыхъ, еще никому невѣдомыхъ матеріаловъ. Достаточно напомнить, что въ приложеніяхъ къ двумъ доселѣ вышедшимъ томамъ своей монографіи г. Голубевъ напечаталъ 185 вновь разысканныхъ памятниковъ и документовъ, относящихся къ изучаемой имъ эпохѣ; а сколько такихъ же матеріаловъ помѣщено имъ въ другихъ изданіяхъ! Но, помимо архивовѣдѣнія, г. Голубевъ едва ли имѣетъ соперниковъ и въ другой столь же специальной области—разумѣемъ основательное знакомство съ старопечатною западно-русскою и польскою литературою XVI—XVII столѣтій. Издавна занимаясь изученіемъ (и отчасти изданіемъ) памятниковъ литературной полемики православныхъ южноруссовъ съ латино-уніатами и протестантами, г. Голубевъ по необходимости долженъ былъ знакомиться со всѣми вообще старопечатными книгами и брошюрами, разсѣянными по разнымъ, нерѣдко малодоступнымъ, библіотекамъ и книгохранилищамъ, въ Россіи и заграницей. Это дѣло крайне трудное и кропотливое, но безъ него невозможно детальное изученіе эпохи, ибо въ иномъ посвятительномъ предисловіи къ богослужебной книгѣ, въ надгробномъ словѣ или жалобныхъ виршахъ по поводу смерти извѣстнаго лица, въ разнаго рода панегирикахъ и тому подобныхъ летучихъ листкахъ нерѣдко можно встрѣтить чрезвычайно цѣнныя историческія указанія, какихъ не найти въ другихъ источникахъ. Г. Голубевъ въ обоихъ томахъ своей монографіи о П. Могилѣ широко (какъ никто доселѣ) воспользовался старопечатнымъ матеріаломъ, и это дало ему возможность ярко освѣтить многіе историческіе факты и явленія, остававшіеся до сихъ поръ недостаточно выясненными, и окончательно рѣшить нѣкоторыя недоумѣнія и загадки; а тѣ многочисленныя выписки изъ рѣдкихъ старопечатныхъ книгъ и брошюръ, какія онъ включилъ въ приложенія къ своимъ книгамъ, съ признательностью будутъ использованы будущими изслѣдователями.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, перейдемъ къ детальному ознакомленію съ вновь вышедшимъ въ свѣтъ вторымъ томомъ монографіи г. Голубева. Какъ и предыдущій томъ, онъ распадается на двѣ части: изслѣдованіе, заключающее въ себѣ пять обширныхъ главъ (стран. 1—524), и приложенія, занимающія 498 страницъ. Такимъ

образомъ вся книга содержитъ въ себѣ болѣе тысячи страницъ довольно убористаго шрифта. Этому изъ ряда выходящему внѣшнему размѣру книги соотвѣтствуетъ ея внутреннее содержаніе.

Начнемъ съ изслѣдованія. Оно посвящено обзору важнѣйшихъ (но не всѣхъ) сторонъ жизни и дѣятельности П. Могилы уже въ санѣ митрополита. Въ первой главѣ излагается весьма подробно извѣстное столкновеніе П. Могилы съ его предмѣстникомъ по митрополичьей каѳедрѣ Исаіей Копинскимъ и съ кіево-никольскими монахами. Хотя этотъ эпизодъ былъ разсказанъ въ послѣдней главѣ І-го тома монографіи г. Голубева, но такъ какъ приведенныя тамъ соображенія автора, клонившіяся въ оправданію дѣйствій П. Могилы въ означенномъ столкновеніи, нѣкоторыми критиками (особенно проф. Голубинскимъ) были признаны не вполнѣ убѣдительными и вызвали противъ себя возраженія, то г. Голубевъ былъ вынужденъ войти въ болѣе подробное разсмотрѣніе вопроса объ устраненіи въ 1632 году прежнихъ южно-русскихъ іерарховъ (съ митрополитомъ Исаіею Копинскимъ во главѣ), посвященныхъ патріархомъ Ѳеофаномъ, и выяснить, почему П. Могила былъ вынужденъ принять извѣстныя крутыя мѣры по отношенію къ Копинскому. Быть можетъ, автору не вполнѣ удалась попытка окончательно реабилитовать память П. Могилы въ этомъ прискорбномъ эпизодѣ, но во всякомъ случаѣ прежнія на него нареканія теперь должны быть или вовсе устранены, или, по крайней мѣрѣ, значительно ослаблены. Между прочимъ, здѣсь мы встрѣчаемъ указаніе на совершенно новый фактъ—неудавшуюся попытку И. Копинскаго бѣжать въ Москву со своими приверженцами, монахами пограничныхъ монастырей, приведшую къ заточенію его въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ.—Вторая глава посвящена изложенію упорной борьбы, какую православнымъ (съ митрополитомъ Могилой во главѣ) пришлось вести на сеймахъ 1633—1646 гг. за фактическое осуществленіе правъ, дарованныхъ имъ извѣстными «статьями успокоенія». Намъ нѣтъ надобности подробно излагать содержаніе этой главы, такъ какъ она цѣликомъ была помѣщена въ нашемъ журналѣ въ видѣ отдѣльной статьи подъ заглавіемъ, «Западно русская церковь при митрополитѣ П. Могилѣ» [2]).—Въ третьей главѣ подробно разсмотрѣны полемическія сочиненія противъ иновѣрцевъ, составленныя во время управленія

---

[2]) Кіевск. Стар. 1898 г., книги I—VI

кіевскою митрополіею П. Могилы, иногда не безъ личнаго его участія, именно: 1) Exegesis, Сильв. Коссова (крайне рѣдкая брошюра); 2) Paterikon, его же; 3) *Тератургима*, Аѳан. Кальнофойскаго; 4) Jndicium, рукописное сочиненіе, составленное въ 1638 г. однимъ изъ иноковъ Винницкаго монастыря и вмѣстѣ преподавателемъ тамошней православной коллегіи, и 5) *Лиѳосъ*, а параллельно съ нимъ и то уніатское сочиненіе (*Перспектива*, Кас. Саковича), которымъ эта книга была вызвана. Мы придаемъ особенную цѣну обозрѣнію первыхъ четырехъ сочиненій, какъ весьма рѣдкихъ или даже (рукописное Jndicium) вовсе неизвѣстныхъ; что же касается Лиѳоса и Перспективы, то страницы 320—402, трактующія объ этихъ книгахъ, представляютъ почти дословную перепечатку предисловія къ 9-му тому 1-й части «Архива Югозападной Россіи» (гдѣ переизданъ *Лиѳосъ*, подъ редакціей г. Голубева).—Въ четвертой главѣ изложена дѣятельность П. Могилы по возобновленію кіевскихъ церквей: Софійской, Десятинной, Васильевской, Спаса на Берестовѣ и Михайловской въ Выдубицкомъ монастырѣ; здѣсь же изложена и их предшествующая судьба, со времени основанія каждой. Хотя исторія древнихъ храмовъ уже достаточно разработана въ спеціальныхъ трудахъ другихъ историковъ, но въ изслѣдованіи г. Голубева читатель встрѣтитъ по мѣстамъ весьма цѣнныя поправки и дополненія.—Послѣдняя глава монографіи посвящена обзору дѣятельности П. Могилы, направленной къ искорененію нестроеній въ западно-русской церкви. Здѣсь, преимущественно на основаніи вновь открытыхъ данныхъ, подробно разсказывается о томъ, какъ митрополитъ Могила энергично искоренялъ въ церкви двоеженство (т. е. второбрачіе) священниковъ, заботился о замѣщеніи церковныхъ должностей достойными и подготовленными пастырями, организовалъ церковно-административный надзоръ и управленіе, созывалъ соборы, лично объѣзжалъ епархіи, боролся за прерогативы своей власти съ автономными братствами и непослушными епископами и стремился ограничить злоупотребленія свѣтскихъ патроновъ. Вообще это одна изъ самыхъ интересныхъ главъ, ярко рисующая церковно-реформаторскую дѣятельность П. Могилы.

Мы обозначили, конечно, лишь въ самыхъ общихъ чертахъ содержаніе монографіи. Но, кромѣ основной темы—дѣятельности П. Могилы, автору постоянно приходится касаться безчисленнаго ряда фактовъ и явленій, относящихся къ области не одной церковной,

но и политической, учено-литературной, бытовой и др. сторонъ тогдашней жизни, и онъ, съ свойственной ему точностью и обстоятельностью, по каждому, хотя бы и мелочному, вопросу представляетъ (иногда въ текстѣ, а чаще подъ строкой) настоящій ученый трактатъ. Нечего и говорить, что личность и дѣятельность не только главныхъ сподвижниковъ Могилы, но и самыхъ малозначительныхъ дѣятелей той эпохи очерчены съ такою полнотой (съ подробными указаніями на литературу и специальные источники), что приходится только удивляться трудолюбію и эрудиціи автора и, въ случаѣ надобности, съ признательностью пользоваться его указаніями. Наконецъ, какъ и всякому изслѣдователю въ малоразработанной области, автору приходится почти на каждомъ шагу подвергать критическому анализу мнѣнія предшествующихъ историковъ, вносить существенныя поправки къ ихъ домысламъ или вовсе отвергать ихъ, что, естествено, вынуждаетъ его дѣлать частыя отступленія и значительно увеличиваетъ размѣры его труда. Въ этомъ и заключается одна изъ причинъ, почему изслѣдованіе, посвященное обзору лишь нѣкоторыхъ сторонъ дѣятельности П. Могилы, разрослось до такого поразительнаго объема. Тутъ дѣло не въ излишествахъ изложенія, а болѣе всего—въ необыкновенномъ изобиліи накопленныхъ авторомъ фактовъ, которые еще не вошли въ историческій обиходъ и которымъ поэтому надо было дать мѣсто въ изложеніи. И нужно отдать справедливость таланту автора: онъ весьма умѣло и искусно оперируетъ надъ этимъ громаднымъ и разнообразнымъ запасомъ, способнымъ подавить менѣе опытнаго изслѣдователя. Широкою кистью рисуетъ онъ извѣстный историческій фактъ или явленіе, изслѣдуя самыя мелочныя его детали, подтверждая каждое положеніе рядомъ доказательствъ; но это обиліе подробностей не загромождаетъ изложенія и не утомляетъ вниманіе читателя, такъ какъ авторъ умѣетъ, постоянно поддерживать въ немъ интересъ къ предмету своей рѣчи и не позволяетъ ему ни на минуту выпустить изъ вида ту конечную мысль, тотъ синтетическій выводъ, ради котораго приводится въ движеніе весь этотъ арсеналъ фактовъ и соображеній.

Въ приложеніяхъ ко II тому монографіи г. Голубева помѣщено 85 номеровъ историческихъ пьесъ (83 документа и 2 старопечатныя брошюры), относящихся по времени къ 1632—1647 годамъ и извлеченныхъ изъ архивовъ и библіотекъ: кіевскихъ, петербургскихъ, московскихъ, виленскихъ, холмскихъ, львовскихъ, краковскихъ и др.

Собственно говоря, въ этомъ объемистомъ сборникѣ историческихъ матеріаловъ, составляющемъ свыше 30-ти печатныхъ листовъ, число отдѣльныхъ памятниковъ не 85, а гораздо больше, что зависитъ отъ особой системы изданія матеріаловъ, практикуемой г. Голубевымъ. Дѣло въ томъ, что онъ не ограничивается напечатаніемъ лишь текста документа, какъ то у насъ обычно дѣлается, но сопровождаетъ почти каждый документъ обстоятельными примѣчаніями, въ которыхъ указывается, что новаго въ науку онъ привноситъ, отмѣчаются однородные съ нимъ по содержанію памятники, его дополняющіе или уясняющіе, разрѣшаются разныя недоумѣнія, иногда неизбѣжно возникающія при печатаніи новыхъ матеріаловъ, дѣлаются разныя исправленія на основаніи вновь обнародованныхъ данныхъ, опредѣляется дата памятника (буде она не выставлена), имя составителя (если оно не означено) и т. под. Иногда эти примѣчанія имѣютъ видъ небольшихъ изслѣдованій о документѣ или по поводу его, или же представляютъ сводъ извѣстій, уясняющихъ и дополняющихъ сообщаемыя въ немъ свѣдѣнія обширными выписками изъ другихъ, необнародованныхъ документовъ и рѣдкихъ старопечатныхъ изданій. Чтобы дать читателю конкретное понятіе о практикуемой г. Голубевымъ системѣ изданія матеріаловъ, приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ его же книги. Подъ № IX напечатано письмо инока Скитской обители Леонтія къ одному львовскому мѣщанину, 1633 года. Въ примѣчаніи къ нему сначала приводятся краткія историческія свѣдѣнія о Манявo-Скитской обители и ея основателѣ Іовѣ Княгининскомъ (съ подробнымъ указаніемъ источниковъ о томъ и другомъ); затѣмъ, по поводу упоминанія въ письмѣ о «блаженной памяти великомъ старцѣ Іоаннѣ Вишенскомъ» и его письмахъ къ львовскимъ братчикамъ, предлагается цѣлый рядъ критическихъ замѣчаній по поводу неполнаго и не совсѣмъ вѣрнаго изданія текстовъ сочиненій I. Вишенскаго, приводится подробное описаніе одного галицкаго рукописнаго сборника и рукописей Имп. Публич. Библіот., заключающихъ въ себѣ посланія Вишенскаго; а въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ (по поводу невѣрныхъ утвержденій о днѣ смерти князя Константина Константиновича Острожскаго) приведена выписка изъ Часослова, напечатаннаго въ Острогѣ въ 1612 году, и тутъ же—обстоятельная справка о случаяхъ долговременнаго непогребенія тѣлъ знатныхъ покойниковъ въ XVII ст. въ южной и зап. Руси.— Подъ № LXXXI напечатанъ Краткій Катехизисъ, изданный въ Кіевѣ въ 1645 году, а въ при-

мѣчаніяхъ мы находимъ цѣлое изслѣдованіе объ этомъ важномъ памятникѣ, съ подробнымъ и весьма тщательнымъ сличеніемъ текстовъ (южно-русскаго и польскаго) и изданій: кіевскаго, львовскаго и московскаго. Подъ № LXXX напечатана небольшая «протестація» дерманскаго архимандрита Яна Дубовича на м. Петра Могилу по поводу изданія послѣднимъ книги «Лиѳосъ» и сдѣланной въ ней несправедливой ссылки на несуществующее сочиненіе протестующаго, а въ примѣчаніи приведена выписка того мѣста изъ «Лиѳоса», которое вызвало жалобу Дубовича, затѣмъ слѣдуютъ длинныя выдержки изъ сочин. Саковича «Перспективы» (вызвавшей появленіе «Лиѳоса»), его замѣчаній на «Лиѳосъ» и наконецъ—подробный перечень сочиненій Дубовича съ изложеніемъ ихъ содержанія и выписками изъ нихъ.— Всякому понятно, что подобная система изданія памятниковъ представляетъ трудъ нелегкій и кропотливый: легче и удобнѣе печатать документы, нежели подвергать ихъ подробному изученію и прилагать къ нимъ цѣлыя изслѣдованія; но нельзя не признать, что это и есть настоящее *ученое* изданіе историческихъ матеріаловъ, и его можно лишь рекомендовать, какъ образецъ, нашимъ археографическимъ изданіямъ.

Конечно, въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ другомъ, возможны увлеченія и излишества. Не чуждъ ихъ и нашъ почтенный комментаторъ; наприм., въ только что пересказанномъ примѣчаніи къ документу № LXXX выписки изъ «Перспективы» Саковича и его замѣчанія на «Лиѳосъ» совсѣмъ не нужны, и не потому только, что онѣ впослѣдствіи полностью были напечатаны г. Голубевымъ въ другомъ изданіи; на стр. 476—477 приложеній почти цѣликомъ передается (по-русски) текстъ двухъ грамотъ П. Могилы, касающихся львовскаго типографа Слезки, а на 487 и 489 стран. помѣщены подлинные тексты тѣхъ же грамотъ. Можно было бы привести и еще нѣсколько примѣровъ подобныхъ излишествъ, но мы и не думаемъ ставить ихъ въ упрекъ г. Голубеву. Весьма естественно, что, при значительномъ объемѣ книги и продолжительности ея печатанія, автору весьма трудно было уберечься отъ кое-какихъ недосмотровъ. Къ числу ихъ можно отнести, напр., и то, что въ оглавленіи XII номера приложеній Іосифъ Мокосій-Баковецкій ошибочно названъ «латинскимъ бискупомъ», тогда какъ онъ былъ уніатскимъ епископомъ, и далѣе, въ № XXX, онъ такъ и титулуется. Подъ документомъ № LXXVI не означено, откуда онъ заимствованъ. Нѣкоторые

документы (напр. № I, VII) взяты изъ «рукописнаго сборника, принадлежавшаго М. А. Максимовичу», но, вопреки обычной аккуратности и точности издателя, не пояснено, что это за сборникъ и гдѣ онъ нынѣ находится. Изъ этого сборника г. Голубевъ заимствовалъ и нѣкоторые документы, вошедшіе въ приложенія къ І-му тому его монографіи, но въ то время онъ не имѣлъ въ рукахъ самой рукописи; теперь же, какъ видно изъ его объясненій (на стр. 2 и 27 приложеній къ II тому), онъ пользовался ею непосредственно, но почему-то не далъ читателю указаній, что это за рукопись и гдѣ ее слѣдуетъ искать. Наконецъ, въ изслѣдованіи нужно было бы отмѣтить, что II глава цѣликомъ была помѣщена, въ видѣ отдѣльной статьи, въ «Кіевской Старинѣ».

Подводя итогъ всему сказанному, мы должны заявить, что считаемъ книгу г. Голубева драгоцѣннымъ вкладомъ въ историческую науку, вообще небогатую капитальными изслѣдованіями по вопросамъ западно-русской исторіи, и можемъ лишь искренно пожелать почтенному автору поскорѣе довести до конца послѣдній томъ своей монографіи и тѣмъ достойно завершить многолѣтній, прекрасный трудъ.

О. Л.

Соборъ Св. Владиміра въ Кіевѣ. *Изданіе С. В. Кульженко, въ Кіевѣ.* Сто пять иллюстрацій въ текстѣ и сорокъ двѣ иллюстраціи на отдѣльныхъ листахъ.

Прекрасное изданіе г. Кульженко стоитъ того, чтобы сказать о немъ нѣсколько словъ въ нашемъ журналѣ. Г. Кульженко предпринялъ уже второе роскошное изданіе, касающееся Кіева, считая «Кіевъ теперь и прежде». Какъ только что упомянутое изданіе, такъ и теперь появившееся, съ художественной стороны не оставляютъ желать ничего лучшаго, но со стороны текста и первое (отзывъ о немъ былъ въ Кіевской Старинѣ) и второе не вполнѣ соотвѣтствуютъ ни цѣли изданія, ни его художественности. Художественная сторона не подлежитъ нашему вѣдѣнію. Скажу только, что въ альбомѣ «Соборъ Св. Владиміра» мы найдемъ изображенія всѣхъ выдающихся картинъ Васнецова, Каторбинскаго, Свѣдомскаго, Нестерова. Что касается отдѣльныхъ изображеній Святыхъ, то въ альбомъ попали не всѣ. Всѣхъ

отдѣльныхъ изображеній помѣщено около 30, но это число далеко не равно числу всѣхъ изображеній, находящихся въ Соборѣ Св. Владиміра. Мы можемъ указать въ числѣ пропущенныхъ, напр., такія изображенія: Николы Святоши, Авраамія Смоленскаго, Евфросиніи Суздальской, Довмонта Псковскаго, Петра и Февроніи Муромскихъ, Нифонта Новгородскаго и др. Чѣмъ руководились составители Альбома при выборѣ изображеній, сказать трудно. Можно было бы подумать, что имѣлось въ виду помѣстить въ Альбомѣ только Святыхъ южной Руси, но это предположеніе уничтожается тѣмъ обстоятельствомъ, что и въ текстѣ, и въ живописи не забыты Прокопій Устюжскій, Андрей Боголюбскій. Или можетъ быть, было желаніе дать изображенія только Святыхъ древнѣйшаго періода Русской церкви, но и это предположеніе разбивается, такъ какъ мы находимъ въ Альбомѣ изображеніе Св. Евдокіи, Св. Филиппа, Митрополита Московскаго. Такимъ образомъ, ни хронологическій, ни территоріальный принципъ не руководили составителями Альбома. Угадать этотъ руководящій принципъ мы не беремся, а неполнота Альбома все-таки остается. Мы думаемъ, что эту полноту въ слѣдующихъ изданіяхъ пополнить не трудно Если-же это повело-бы къ увеличенію цѣны Альбома, если, въ силу чисто матеріальныхъ соображеній, нельзя помѣстить всѣхъ произведеній живописи, то въ такомъ случаѣ приходится сдѣлать выборъ, но онъ необходимо долженъ опираться на какой-нибудь опредѣленный принципъ. Гораздо труднѣе исправить недостатки текста. Къ нему мы теперь и перейдемъ. Текстъ Альбома заключаетъ въ себѣ три части: 1) исторія постройки Собора, 2) живопись и 3) орнаментъ Собора. Издатель сдѣлалъ указаніе, что статьи о живописи принадлежатъ г. В. Г. М.. Мы не будемъ касаться всего того, что говоритъ г. В. Г. М. о живописи Собора въ художественномъ отношеніи: въ искусствѣ мы положительно некомпетентны, а потому судить о правильности или неправильности воззрѣній автора предоставляемъ другимъ. Мы считаемъ себя въ правѣ остановиться на историческихъ утвержденіяхъ неизвѣстнаго автора. Въ изданіяхъ, подобныхъ настоящему, нельзя допускать небрежностей, а между тѣмъ нѣкоторые промахи въ текстѣ могутъ быть объяснимы именно ею. Напр.: на стр. 40 находимъ «Іосифъ *Полоцкій*» вмѣсто «Іосифъ *Волоцкій*»; «Никола Столпникъ»,—тутъ авторъ хотѣлъ поставить или «Никола Святоша» или «Никита Столпникъ», такъ какъ Николы Столпника не было и въ Соборѣ такого не существуетъ, а былъ

Никола Святоша (сынъ Давида, кн. Черниговскаго, ум. 1143 г.) или Никита Столпникъ (Переяславскій), ум. 1186 г.. Изображенія обоихъ есть въ Соборѣ (Николы Святоши внизу, а Никиты Столпника—на хорахъ). Св. Стефанъ, Апостолъ Пермскій, названъ у автора Великомученникомъ (стр. 55), между тѣмъ какъ Святой Стефанъ умеръ въ Москвѣ, пріѣхавъ изъ своей епархіи по дѣламъ, по указанію Житія, въ 6904 г., т. е., въ 1396 году. «Прилучися ему въ ты дни пріѣхати на Москву къ Купріану Митрополиту....» «И тогда приключися емоу на Москвѣ николико дній поболѣвшоу и преставися...» Кончина Святаго епископа была покойная, и онъ до послѣдней минуты бесѣдовалъ съ окружающими. (Житіе Святаго Стефана, епископа Пермскаго, написанное Епифаніемъ Премудрымъ. Изд. Археогр коммиссіи. Спб. 1897 г., стр. 82—85). Вотъ цитаты изъ несомнѣнно вѣрнаго источника. Откуда взялъ авторъ свое утвержденіе, мы положительно не знаемъ. Все это случайные промахи, свидѣтельствующіе только объ одномъ, что авторъ недостаточно внимательно относился къ своей работѣ. Но есть неточности, которыя заставляютъ упрекнуть автора въ слабомъ знакомствѣ съ историческими источниками. Откуда авторъ взялъ, что Св. Борисъ и Глѣбъ оба были убиты на Альтѣ? Глѣбъ былъ убитъ около Смоленска, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ сказаніе Іакова Мниха и Лѣтопись (Сказаніе, изд. Срезневскаго, Спб. 1860 г. стр. 54—60; Ипатьев. Лѣтоп.. стр. 94—95). Но это еще ничего. А вотъ дословная цитата автора: «княгиня Евдокія, дочь Суздальскаго князя, жена великаго князя Дмитрія Ивановича, изображена въ великокняжескомъ русскомъ уборѣ. Молодое лицо ея чисто русскаго типа красоты (?)—печально, въ рукахъ она держитъ четки. Благочестивая княгиня, видѣвшая много горя въ жизни, еще до смерти мужа думала о тишинѣ житія иноческаго. На другой картинѣ мы видимъ ее овдовѣвшей въ сорокалѣтнемъ возрастѣ и принявшей имя Евфросиніи. Ея прежде печальное лицо уже просвѣтлено и спокойно». (Стр. 88). Это интересное мѣсто обнаруживаетъ въ авторѣ замѣчательную смѣлость изложенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ страшно небрежное отношеніе къ дѣлу и, можетъ быть, незнаніе того, о чемъ онъ пишетъ. Уже самое названіе Евфросиніи *Полоцкая* должно было, кажется намъ, остановить автора отъ отождествленія этихъ двухъ личностей: кажется, трудно сдѣлаться изъ *Московской* княгини монахиней *Полоцкой*, тѣмъ болѣе, что въ то время (XIV—XV в.), Полоцкъ принадлежалъ Литовскому Государству. Автору, берясь писать

объ изображеніяхъ Святыхъ, необходимо было, по нашему крайнему разумѣнію, ознакомиться, какъ слѣдуетъ, съ ихъ Житіями, да и вообще съ историческими фактами. Въ Житіи Св. Евфросиніи Полоцкой ясно говорится: «бысть князь въ Полоцку именемъ Всеславъ сынъ Брачислава, внукъ Изяслава, правнукъ блаженнаго и равноапостольнаго Владиміра. Той-же Всеславъ имяше сыны многи и бѣяше у него сынъ меньшій именемъ Георгій, отъ него-же родись сія блаженная отроковица». (Житіе Преподобныя Евфросиніи, княжны Полотскія. Изд. Сапунова. Витебскъ. 1888 г., стр. 2). Мірское имя ея было Предслава (Ibidem, стр. 3). «И огласивъ ю іерей, и остриже ю, и нарече имя ей Евфросинія, и облече ю въ ризы черныя...» (Ibidem. стр. 5). Изъ упомянутыхъ въ Житіи князей, какъ видно изъ лѣтописи, Брячиславъ умеръ въ 1044 г., сынъ его Всеславъ Брячиславичъ умеръ въ 1101 г. (Ипатьев. Лѣтоп. стр. 181). Сынъ Всеслава Георгій и имѣлъ дочь Предиславу, которая приняла монашество съ именемъ Евфросиніи. Послѣдніе годы ея жизни относятся къ 70 годамъ XII ст. (Житіе, стр. 14; Данилевичъ, «Очеркъ исторіи Полоцкой земли до XIV столѣтія», Кіевъ. 1896 г. стр. 241). Она умерла приблизительно въ 1173 г. въ Палестинѣ, но затѣмъ тѣло ея было перевезено въ Кіевъ, гдѣ и покоится въ пещерахъ Лавры. (Житіе, стр. 18—21; Данилевичъ, «Очеркъ исторіи Полоцкой земли, ibidem). И такъ время жизни и дѣятельности Св. Евфросиніи Полоцкой относится къ XII в., а между тѣмъ самъ авторъ считаетъ Св. Евдокію женой Дмитрія Донскаго, слѣд. относитъ ея жизнь къ концу XIV в. Умерла эта Св. Евдокія Московская въ 1407 г.. Несомнѣнно авторъ знаетъ, что въ монашествѣ Евдокія получила имя Евфросиніи. Вотъ это-то обстоятельство и еще то, что изображенія княгини Евдокіи и Евфросиніи Полоцкой помѣщены въ Соборѣ одно противъ другого,— это и ввело автора въ заблужденіе, хотя странно, что онъ не прочелъ надписи «Полоцкая», и вслѣдствіе этого вышло, что лицо княгини «печальное» въ XIV—XV ст. «просвѣтлено» и сдѣлалось «спокойнымъ» въ XII ст., т. е., на 200—300 лѣтъ обратно назадъ. Мы остановились на этомъ мѣстѣ сочиненія г. Г. В. М. подробно, потому что считали себя не въ правѣ безъ фактовъ обвинять автора въ такомъ допущенномъ имъ историческомъ абсурдѣ. Въ Соборѣ есть еще изображеніе Св. Евфросиніи *Суздальской*, но предупреждаемъ, что и эта Евфросинія ничего общаго не имѣетъ съ княгиней Московской Евдокіей. Эта Св. Евфросинія Суздальская была дочь Черни-

говскаго князя Михаила, убитаго въ Ордѣ. Называется она Суздальской потому, что постриглась въ Суздалѣ въ Богородицкомъ Разноложенскомъ монастырѣ. Какъ видно изъ Житія, вступленіе ея въ монастырь предшествуетъ нашествію Батыя, слѣд. совершилось до 1237 г. (См. великолѣпно изданное «Житіе и Жизнь благовѣрныя великія княжны Евфросиніи Суздальскія», Спб. 1888 г., изд. Общества Любителей древней письменности, фотолитографическимъ способомъ).—Мы думаемъ, что нельзя вводить читателей въ такія заблужденія, какъ указанныя нами выше, что текстъ Альбома какъ можно скорѣе долженъ быть тщательно просмотрѣнъ и вообще переработанъ. Не мѣшало-бы продумать и выборъ изображеній. Съ исправленнымъ текстомъ можно пожелать прекрасному Альбому г. Кульженка самаго широкаго распространенія.

П. Голубовскій.

Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Т. XXXIII, выпускъ III. П. Семеновъ. *Характерные выводы изъ первой всеобщей переписи.*

Статья эта, какъ показываетъ ея заглавіе, заключаетъ въ себѣ данныя, добытыя первой всеобщей переписью; изъ нея мы приведемъ то, что касается Малороссіи. Общая цифра населенія Имперіи—129.211.000; количество жителей увеличилось за 50 лѣтъ вдвое; 94 милліона приходится на 50 губерній Европейской Россіи. На черноземной полосѣ, идущей діагональю отъ Подоліи и Бессарабіи до Вятской губ., живетъ 63 милліона т. е. $^2/_3$, населенія Европейской Россіи. Въ этой полосѣ самое густое населеніе сосредоточивается въ губерніяхъ: Подольской, части Волынской, Кіевской, Полтавской, частью Черниговской, Харьковской, Воронежской, Орловской, Рязанской и Тульской.

Въ Малороссійскихъ губерніяхъ, хотя они были и раньше густо населены, приростъ населенія сравнительно съ центральными великорусскими, за 46 лѣтъ оставался еще значительнымъ. Тогда какъ въ Тульской губ. онъ былъ 30%, Рязанской и Пензенской 40%, Орловской 46%, а въ послѣднее 12 лѣтіе почти прекратился вслѣдствіе выселеній и притягательной силы Москвы,—въ Полтавской за

46 л. достигалъ 67%, Черниговской 69%, Харьковской 82%, Подольской 82%, Волынской 104%, Кіевской 118%. Въ Полтавской губ. приростъ населенія за послѣднія 12 л. уже прекращается, напротивъ появляются выселенія, въ Харьковскую еще переселяются благодаря простору въ юговосточныхъ уѣздахъ (тамъ 37 жит. на квадр. версту) и развитію горнаго промысла. На это же указываетъ преобладаніе мужскаго пола надъ женскимъ (на 100 мужчинъ 98 женщинъ); въ Полтавской, Черниговской и Харьковской губ. число жителей доходитъ до 7.000.000, населеніе Харькова превзошло 170.000. Что касается Юго-Западныхъ губерній, то несмотря на самую значительную въ Европейской Россіи густоту населенія, а именно 70 до 89 жителей на кв. версту въ черноземной части и 37 и 38 въ нечерноземномъ полѣсьѣ, губерніи эти, при ихъ современномъ экономическомъ положеніи, не достигли еще предѣла своей емкости, чѣмъ и объясняется величина прироста въ нихъ населенія, Здѣсь приростъ не уменьшился и за послѣдніе 12 лѣтъ: въ Кіевской и Подольской за это время населеніе увеличилось на 29%, въ Волынской 37%. Почти полное равновѣсіе между мужскимъ и женскимъ поломъ въ Подольской и Кіевской губ. указываетъ на то, что изъ нихъ нѣтъ выселеній, а перевѣсъ мужскаго пола надъ женскимъ въ Волынской губ. (100—98) указываетъ на переселеніе въ губернію, которое шло изъ Австріи. Кіевская, Волынская и Подольская губ. заключаютъ въ себѣ 9.600.000 жителей, а населеніе Кіева дошло до 250.000.

Черноземныя губерніи Новороссійскаго края заключаютъ въ себѣ 11.800.000 жителей. Приростъ населенія въ Бессарабіи съ 1851 г. составлялъ 120% и она уже утратила свой первоначальный характеръ; приростъ за послѣдніе 12 л. началъ уменьшаться, и только преобладаніе мужскаго пола надъ женскимъ (100—95) указываетъ на то, что быстрая колонизація губерніи произошла еще недавно. Перестаетъ быть степной и губернія Херсонская; въ ней за 46 лѣтъ населеніе увеличилось на 207%, за послѣдніе 12 л. приростъ былъ 34%, земля вздорожала до 100 рублей за десятину. Екатеринославская губ. теряетъ также свой степной характеръ, въ ней приростъ за 46 л. 170% и за послѣднее время идетъ съ той же силой, число жителей на кв. версту 38. Таврическая губ. остается еще степной, приростъ 137 проц., и на кв. версту 27 жителей. Приросту населенія Новороссійскаго края способствовалъ также и ростъ

его городовъ, изъ нихъ Одесса имѣетъ болѣе 404.000, Ростовъ съ Нахичеванью 150.000, Екатеринославъ 121.000, Кишиневъ 108.000.

Что касается литовскихъ и бѣлорусскихъ губерній, то они въ совокупности имѣютъ 9.270.000 жителей. Приростъ населенія здѣсь очень великъ: въ Ковенской губ. 77 проц.; въ остальныхъ болѣе 100 проц, въ Минской 130 проц.; не ослабѣлъ онъ и за послѣднее время. Приростъ здѣсь объясняется выгодными экономическими условіями, въ которыхъ было поставлено населеніе при его освобожденіи въ 1860-хъ годахъ.

Вообще съ 1851 г., когда была сдѣлана добросовѣстная разработка IX ревизіи академикомъ Кеппеномъ, передвиженіе населенія Россіи совершилось въ громадныхъ размѣрахъ и имѣло центробѣжный характеръ.

Наибольше была рождаемость въ нестепной черноземной полосѣ Россіи, въ Московской промысловой области и въ Царствѣ Польскомъ. Но тогда какъ въ Польшѣ и Юго-Западномъ краѣ, благодаря благопріятнымъ экономическимъ и климатическимъ условіямъ приростъ населенія оставался на мѣстѣ, изъ центральныхъ великорусскихъ губ. населеніе стремилось на окраины, увеличивая тамъ ростъ населенія такъ быстро, что Новороссія потеряла степной характеръ, а Сѣверный Кавказъ, Юго-восточное Заволжье и Южная Сибирь дѣлались значительно населенными мѣстностями.

А. Черняховскій.

Иллюстрированный путеводитель по Юго-Западнымъ казен. желѣзн. дорогамъ. *Составленъ по распоряженію начальника Юго-Западныхъ жел. дор. П. А. Андреевымъ.* Кіевъ. 1898. 16-ое, XII и 594 стран. съ приложеніемъ росписанія движенія поѣздовъ, карты Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ и плановъ Кіева и Одессы.

Протянувшись на 3 694 версты, Юго-Западныя желѣзныя дороги перерѣзали въ разныхъ направленіяхъ весь Юго-Западный край и большую часть Новороссійскаго края. Проѣзжая по линіямъ этихъ дорогъ, говоритъ авторъ названной книги въ своемъ предисловіи,— «внѣ сомнѣнія, интересно бросить взглядъ какъ на прошлое, такъ и на настоящее проносящихся предъ глазами мѣстностей»,—и ко-

нечно, съ этимъ нельзя не согласиться. Чтобъ удовлетворить этому интересу авторъ поставилъ себѣ задачею «дать проѣзжающимъ по Юго-Западнымъ желѣзнымъ дорогамъ легкій очеркъ мелькающихъ предъ ихъ глазами мѣстностей, отмѣтить встрѣчающіяся по пути достопримѣчательности, указать выдающіеся по красотамъ природы пункты и нѣкоторыя техническія особенности дороги, а равно познакомить въ самыхъ общихъ чертахъ съ мѣстами лечебными, курортами, производительными и потребительными центрами, лежащими въ районѣ ю.-з. дорогъ». Какъ бы ни была выполнена эта задача, но уже самая попытка выполнить ее послѣ того, какъ всѣ издававшіеся до настоящаго времени желѣзно-дорожные путеводители; ничего не давали, кромѣ росписанія движенія поѣздовъ и массы объявленій, заслуживаетъ вниманія, ибо въ высшей степени симпатичною представляется мысль дать лицамъ, проѣзжающимъ по желѣзнымъ дорогамъ и часто не знающимъ, чѣмъ наполнить свое время въ длинныхъ переѣздахъ дороги,—книгу, изъ которой они могли бы ознакомиться съ краемъ, чрезъ который проѣзжаютъ, и попутно, по мѣрѣ проѣзда, получить свѣдѣнія о всѣхъ замѣчательныхъ въ какомъ нибудь отношеніи мѣстахъ, прилегающихъ къ ихъ пути.

Прежде всего авторъ даетъ въ своей книгѣ историческій очеркъ устройства Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ и управленія ими; затѣмъ, начиная съ Кіева, описываетъ всѣ желѣзно-дорожныя станціи и тѣ пункты, въ которыхъ эти станціи устроены, а также нѣкоторыя прилегающія къ желѣзнымъ дорогамъ мѣста, причемъ изъ описываемыхъ пунктовъ больше всего удѣляетъ мѣста Одессѣ, послѣ нея—Кіеву, Житоміру и Каменецъ-Подольску. О нѣкоторыхъ мѣстахъ авторъ даетъ краткія историческія свѣдѣнія, не всегда безошибочныя; есть въ книгѣ немножко и этнографіи, но въ крайне ограниченномъ размѣрѣ; болѣе же полны и точны свѣдѣнія, касающіяся промышленности и торговли.

Какъ образчикъ невѣрныхъ свѣдѣній, приведемъ такое сообщеніе. На страницѣ 364 авторъ, говоря о г. Ровно и сообщая, что въ 40-хъ годахъ преподавателемъ исторіи въ Ровенской гимназіи былъ покойный историкъ Н. И. Костомаровъ, вслѣдъ за тѣмъ прибавляетъ: «который (т. е. Костомаровъ) однако здѣсь служилъ не долго: его дружба съ Шевченкомъ заставила его одновременно съ другимъ преподавателемъ этой гимназіи Д. Мордовцевымъ оставить здѣсь службу». Сообщеніе это цѣликомъ вымышлено, ибо изъ Ровно Н. И. Косто-

маровъ переселился въ Кіевъ въ своихъ собственныхъ интересахъ и на лучшую должность—учителя первой Кіевской гимназіи, съ которой вслѣдъ за тѣмъ перешелъ на должность профессора, а въ то время, когда жилъ въ Ровно, онъ еще не былъ знакомъ ни съ Т. Г. Шевченкомъ, ни съ Д. Г. Мордовцевымъ, который притомъ никогда не былъ преподавателемъ Ровенской гимназіи; съ Т. Г. Шевченкомъ Костомаровъ познакомился послѣ переѣзда изъ Ровно въ Кіевъ, а съ Д. Л. Мордовцевымъ—еще позже, когда жилъ въ Саратовѣ, и если переселиться изъ Кіева въ Саратовъ ему пришлось не по доброй волѣ, то причиною тому, какъ извѣстно читателямъ Кіевской Старины, была не дружба съ Шевченкомъ, а другія обстоятельства,

Книга издана довольно изящно и украшена 120 иллюстраціями, большая половина которыхъ изображаетъ станціонныя зданія и разныя другія желѣзно-дорожныя сооруженія; небольшое количество снимковъ изображаетъ виды въ сторонѣ отъ желѣзныхъ дорогъ, а одинъ изъ нихъ («Ярмарка въ Ясногородкѣ») представлялъ бы и этнографическій интересъ, если бъ не былъ слишкомъ малъ. При значительномъ объемѣ книги и большомъ числѣ иллюстрацій, назначенную за нее цѣну (1 р. 25 коп.) нужно признать умѣренною; и такъ какъ, не смотря на неполноту нѣкоторыхъ свѣдѣній и другіе недостатки, эта книга представляется очень полезною для путешествующихъ по Юго-Западнымъ желѣзнымъ дорогамъ, то можно пожелать ей пополненій и исправленій къ лучшему въ будущихъ изданіяхъ.

Н. Ш.

Dr. Lubar Niederle. *Věstník slovanských starožitností. Svazek I. Praha. 1898. 135 стр.*

Извѣстный чешскій ученый археологъ и антропологъ д-ръ Любаръ Нидерле предпринялъ съ этого года новое изданіе, заглавіе котораго мы привели выше. Изданіе это предпринято какъ нельзя болѣе кстати: изученіе славянскихъ древностей, въ различныхъ подраздѣленіяхъ ихъ, все больше и больше разростается; растетъ и литература; слѣдить за всѣмъ вновь выходящимъ, имѣть представленіе о характерѣ и научномъ значеніи вновь появляющихся работъ со-

пряжено съ большими трудностями, вотъ почему нельзя не привѣтствовать появленіе настоящаго изданія. Задача Vestnik'а именно и заключается въ доставленіи возможности лицамъ, спеціально занимающимся тѣмъ или другимъ отдѣломъ славянскихъ древностей, слѣдить за успѣхами развитія научныхъ изслѣдованій въ области этнологіи, исторіи, лигвистики и т. д., поскольку эти изслѣдованія касаются уясненія темныхъ сторонъ первобытной исторіи славянства.

Настоящій первый выпускъ Vestnik'а заключаетъ въ себѣ обзоръ изданій за 1897 и отчасти 1896 года. Въ краткомъ предисловіи издатель извиняется за несовершенство этого перваго опыта, но дѣлаетъ это совершенно напрасно, обзоръ сравнительно очень полонъ и нужно только удивляться энергіи издателя, привлекшаго къ своему изданію много ученыхъ силъ изъ разныхъ научныхъ центровъ Европы. Обзоры разбиты на спеціальные отдѣлы; характеръ обзоровъ различенъ, въ зависимости отъ характера изданій и статей, о которыхъ идетъ рѣчь: мы здѣсь встрѣчаемъ и библіографическія замѣтки въ нѣсколько строкъ, и обстоятельныя разборы въ нѣсколько страницъ. Оригинальность настоящаго изданія заключается въ томъ, что замѣтки и рецензіи помѣщаются на томъ языкѣ, на какомъ писали ихъ авторы. Веденіе такого изданія, какъ настоящій Vestnik,—дѣло хлопотливое и трудное; чтобы довести его до идеальнаго состоянія, нужна совмѣстная работа многихъ лицъ по различнымъ спеціальностямъ, польза-же его очевидна; поэтому намъ кажется, что призывъ издателя, обращенный къ учрежденіямъ и лицамъ, интересующимся славянскими древностями, долженъ встрѣтить дружный откликъ.

Изданіемъ Vestnik'а обезпечена библіографія вновь появляющихся изданій, касающихся славянскихъ древностей; но давно уже ждетъ своей очереди систематическая библіографія раньше вышедшихъ; ихъ накопилось довольно, и безъ соотвѣтствующаго указателя, въ нихъ трудно разобраться. Не возьметъ-ли на себя почтенный издатель Vestnik'а иниціативу въ составленіи и такого библіографическаго свода?

И. В.

Slovanský přehled, *ročnik I, čislo 2, (Listopad) Sbornik statí, dopisův a správ ze života slovanského.*

Въ предыдущей (11-ой) книжкѣ «Кіевской Старины» мы уже упоминали о выходѣ 1-ой кн. этого симпатичнаго по своему направ-

ленію новаго чешскаго журнала. Теперь передъ нами лежитъ 2-ая кн., о которой мы и намѣрены коротко поговорить.

Объявивъ въ 1-й книжкѣ о своемъ безпристрастномъ служеніи культурнымъ задачамъ всѣхъ славянскихъ національностей безъ различія, редакція во 2-мъ номерѣ разрабатываетъ намѣченную ею программу въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Каждый изъ отдѣловъ журнала увеличился не только количественно, но и качественно, что, понятно, является естественнымъ слѣдствіемъ большаго знакомства читающаго общества съ нимъ.

Въ первомъ отдѣлѣ, кромѣ статей Štěpánek'a: «K padesátiletnemu výroci smrti Bělinckého» и Baudouin de Courtenay: «Slováci a koruna Sv. Štěpána», являющихся продолженіемъ помѣщенныхъ въ 1-мъ №,—здѣсь еще помѣщена между прочимъ, коротенькая статейка Fr Řehoř'a (Фр. Регора)—«Rusinska «Sič» ve Vidni»,—представляющая изложеніе въ самыхъ общихъ чертахъ тридцатилѣтней исторіи Вѣнской русинской «Січи», отъ ея основанія—по сей день, съ указаніемъ на главнѣйшіе результаты ея дѣятельности.

Отдѣлъ *корреспонденцій* изъ нѣсколькихъ славянскихъ земель (Болгаріи, Польши, Крайны, Кроаціи, Россіи) даетъ весьма цѣнный для читателей матеріалъ благодаря свѣжести и интересу содержанія.

Увеличенъ также значительно отдѣлъ *хроники.* Здѣсь для насъ прямой интересъ представляютъ сообщенія, касающіяся культурной жизни галицкой Руси, какъ напр. *Stav obecného školství v Haliči* («Современное состояніе школьнаго дѣла въ Галиціи»), гдѣ, на основаніи самыхъ новыхъ статистическихъ данныхъ, намѣчено состояніе школьнаго дѣла, заставляющее желать отъ будущаго еще многаго. Оказывается, что въ 1895—96 г. школы посѣщало 725000 дѣтей (68, 03 проц.),—слѣдовательно, внѣ школъ оставалось—31,97 проц. Хотя въ этомъ году и числилось школъ 4369-ть—но лишь на бумагѣ: въ 207 отсутствовали преподаватели, а 272—сами отсутствовали, т. к. не было для нихъ помѣщеній. Въ смыслѣ принадлежности національности—школы раздѣляются такъ: 1822 (49,62 проц.)—польскихъ, 1816—(49,46 проц.)—русинскихъ и 34 (0,92 проц.)—нѣмецкихъ.

Небезъинтересно будетъ для насъ отмѣтить также сообщеніе *о полемикѣ* Ос. Маковея съ редакціей львовскаго Галичанина (см. «Кіев. Стар.» № 9, за текущій годъ).

Нѣкоторый интересъ представляетъ изложеніе содержанія русинскаго *memorandum'a*, посланнаго лѣтомъ этого года им. Фран-

пу—Іосифу, въ которомъ русины, во избавленіе отъ нынѣшняго тягостнаго во многихъ отношеніяхъ положенія своего, хлопочутъ о раздѣлѣ Галиціи на провинціи: польскую и рускую (русинскую), о поднятіи матеріальнаго благосостоянія низшихъ слоевъ народа и духовенства, о расширеніи просвѣщенія путемъ увеличенія низшихъ, среднихъ и высшихъ образовательныхъ учрежденій съ преподаваніемъ, конечно, на малорусскомъ языкѣ, о расширеніи правъ этого же языка въ администраціи и въ судахъ.

Наконецъ, въ отдѣлѣ «Литература, науки и искусства», помѣщено окончаніе статьи Ivana Franka (Івана Франка) Literatura ukrajinsko-ruská (maloruská), содержаніе первой части которой мы изложили въ предыдущей книжкѣ «Кіевской Старины» и намѣрены въ нижеслѣдующихъ строкахъ познакомить читателей съ окончаніемъ ея.

Въ первой половинѣ своей статьи авторъ довелъ общій обзоръ развитія украинской литературы до конца 18 стол. Теперь онъ снова возвращается къ первымъ древне-русскимъ произведеніямъ, указывая лишь на проблески въ нихъ индивидуальности автора, подавляемой вообще шаблономъ и церковными традиціями; отмѣчаетъ мелькомъ пагубное значенія для развитія древне-русской литературы нашествія татаръ; излагаетъ вкратцѣ литературное возрожденіе въ новыхъ формахъ на югѣ Россіи въ концѣ 16 и началѣ 17 ст. (дневники и козацкія лѣтописи), не забывъ упомянуть о той важной роли, какую сыграли представители южно-русской литературы, являясь просвѣтителями всей Руси; къ сожалѣнію, козацкія войны второй 1/2 XVII в. разрушили культурные центры духовной и литературной жизни на югѣ Россіи, а просвѣщеніе пошло оттуда на службу въ «Московщину», результатомъ чего явилось то, что уже въ 18 столѣтіи южно-руссы, просвѣтители всей Руси, остались позади Великороссовъ. Впрочемъ, и великорусская литература, въ первые моменты своего существованія, являлась общимъ сознаніемъ Великороссовъ и Малороссовъ (Радищевъ, Новиковъ—Капнистъ, Каразинъ; Карамзинъ—Нарѣжный, Жуковскій—Гнѣдичъ, Пушкинъ—Гоголь); послѣдніе были выразителями особыхъ историческихъ традицій, не благопріятствовавшихъ національнымъ стремленіямъ. Но въ южной Руси не умирала другая традиція—достигнуть уваженія къ своей странѣ и своему народу въ наукѣ и искусствахъ, рѣшительно не имѣвшая въ виду никакого литературнаго сепаратизма. Представители послѣднихъ традицій поняли, что даже въ цѣляхъ развитія обще-русской литературы является

надобность отстаивать украинскія народныя особенности, излагать его духовныя нужды на родномъ народу языкѣ и въ обычныхъ для него, вѣками созданныхъ, формахъ. Выразителемъ послѣдняго направленія явился Котляревскій съ своей Энеидой. Эта послѣдняя дала толчекъ къ дальнѣйшему развитію украинской литературы, которая, правда, сначала по примѣру Котляревскаго, брала «европейскій духъ процѣженный великорусской цѣдилкой», но затѣмъ сама завязала непосредственныя связи съ западной Европой, стала и по языку, и по формѣ новой европейской литературой, пережила всѣ обще-европейскія литературныя направленія. Хотя все это и совершалось въ небольшихъ размѣрахъ при сравнительно незначительномъ развитіи народнаго самосознанія, но уже и это развитіе—крѣпнетъ, растетъ интересъ къ принципамъ общественой и нравственной жизни, а это уже «наиболѣе прочная гарантія въ жизнеспособности и прочности данной литературы».

Указавъ затѣмъ на лучшихъ представителей литературы и науки въ Украинѣ и Галиціи, которые наиболѣе содѣйствовали развитію послѣднихъ; упомянувъ, послѣ короткаго очерка развитія литературы въ Галиціи, о значеніи раздѣленія украинскаго народа на 3 части въ смыслѣ развитія національныхъ стремленій, авторъ заключаетъ свою статью слѣдующими словами: «литература, возникшая въ силу извѣстныхъ условій, которая является вполнѣ выразителемъ духовныхъ потребностей и культурныхъ задачъ цѣлаго народа,—должна имѣть болѣе широкій интересъ, чѣмъ литература провинціальная: это мы видимъ на лучшихъ представителяхъ укр.-руской литературы, на произведеніяхъ Шевченка, Марка Вовчка, Мырного и Драгоманова. Движеніе, возникшее въ послѣднее время между укр.-русской интеллигенціей, а—важнѣе—въ массахъ народныхъ Галиціи, основаніе организацій просвѣтительнаго и литературнаго направленія, служатъ доказательствомъ того, что и въ будущемъ литература наша не своротитъ съ пути, указаннаго ей наиболѣе выдающимися работниками, и должна занять мѣсто въ ряду современныхъ славянскихъ литературъ».

Таково содержаніе статьи Франка, въ общихъ чертахъ представляющей очеркъ развитія украинской литературы, отъ первыхъ ея проблесковъ въ произведеніяхъ древне-русскихъ и до нашихъ дней. Несомнѣнно,—цѣль автора—«вызвать интересъ къ украинской литературѣ у другихъ славянскихъ народностей»—можно считать на вѣрномъ пути къ осуществленію.

В. Д.

Бунчукъ и бубны зъ булавою,
Спысивъ, мушкетивъ, палашивъ,
На тыждень сала зъ сухарямы,
Барыльце зъ срибнымы рублямы,
Мукы, пшона, ковбасъ, корживъ.

***

Эвандръ, Палланта пидозвавшы,
Таки слова йому сказавъ:
„Я, рать Энею въ помичъ давшы,
Тебе начальныкомъ назвавъ.
А докы въ наци будешъ граты?
Съ дивкамы день и ничъ ганяты,
И красты голубивъ у всихъ?
Одважный жыдъ гришыть и въ школи;
Иды лышъ послужы на поли;
Ледащо сынъ—то батькивъ грихъ.
Иды служы, годы Энею,
Винъ зна военне ремесло;
Умомъ и храбростью своею,
Въ опричнее попавъ чысло.
А вы Аркадци! вы не трусы,
Давайте всимъ и въ нисъ и въ усы,
Паллантъ мій—вашъ есть атаманъ,
За його быйтесь, умырайте,
Энеевыхъ врагивъ карайте,
Эней мій сватъ, а вашъ Гетьманъ.

***

А васъ, Анхызовычъ, покорно
Прошу Палланта доглядать;
Воно хочъ парубья, не спорно,
Уміе и склады чытать;
Та дурень, молоде, одважне,
Въ бою якъ буде необачне,
То може згынуть неборакъ;
Тогди не буду жыть чрезъ сылу,
Жывцемъ полизу я въ могылу,
Изгыну безъ воды, мовъ ракъ.
Берите рать, идите зъ Богомъ,
Нехай Зевесъ вамъ помага!“
Тутъ частувалысь за порогомъ,
Эвандръ додавъ таки слова:
„Зайдить къ Лидійському народу,
Воны послужать вамъ въ прыгоду,
На Ѳурна пидуть воювать.
Мезентій ихъ тисныть, сжымае,
На чыншъ никого не пускае,
Готови заразъ бунтъ пиднять“.

***

Пишлы, розвывшы короговку,
И сльозы молодьожъ лыла;
Хто жинку мавъ, сестру, ятровку,
У ынчыхъ мылая була.
Тогди найбильшъ намъ допикае,
Колы зла доля однимае,
Що намъ всього мылише есть.
За мылу все терять готовы:
Клейноты, жывоты, обновы,
Одна дороже мылой—честь!
И такъ, пытейнымъ пидкрепывшысь,
Утерлы сльозы изъ очей;
Пишлы, маршъ сумно затрубывшы,

Передъ-же вивъ самъ панъ Эней.
Ихъ перший маршъ бувъ до байраку;
Прыйшовшы сталы на бываку;
Эней порядокъ учредывъ.
Паллантъ по арміи дижурывъ,
Трудывсь, всю ничъ очей не жмурывъ;
Эней тожъ по лису бродывъ.

*
* *

Якъ въ пивничъ самую глухую,
Эней лышъ тилько мавъ дримать,
Побачывъ хмару золотую,
Свою на хмари гарну мать.
Венера билолыка, красна,
Курносенька, очыма ясна
И вся якъ съ кровью молоко;
Духы видъ себе видпускала
И збрую чудную держала,
Явылась такъ передъ сынкомъ.
Сказала: „мылый, на, Энею,
Ту збрую, що ковавъ Вулканъ;
Колы себе устроишъ нею,
То струсыть Турнъ, Бова, Полканъ;
До збруи що ни доторкнется,
Все заразъ ламлется и гнется,
Іи и куля не бере;
Устройсь, храбруй, колы, рубайся,
И на Зевеса полагайся,
То носа вже нихто не втре.“

*
* *

Сказавшы аромать пустыла:
На хмары въ Пафосъ покотыла,
Эней же збрую и бере,
Іи очыма пожырае,
На себе панцырь натягае,
Палашъ до боку прывьязавъ;
Насылу щытъ пиднявъ чудесный,
Не легкій бувъ презентъ небесный.
Эней роботу розглядавъ:
На щыти, въ самій середыни,
Пидъ чернь, зъ насичкой золотой,
Конала муха въ павутыни,
Павукъ торкавъ іи ногой.
Поодаль бувъ малый Телешыкъ,
Винъ плакавъ и лыгавъ кулешыкъ,
До його кралася змія
Крылатая, съ симью главамы,
Съ хвостомъ въ верству, страшна, зъ рогамы,
А звалася Жеретія.

*
* *

Вокругъ же щыта на заломахъ,
Найлучши лыцарськи дила
Булы бляховани въ персонахъ
Искусно, жыво, безъ чысла:
Котыгорохъ, Иванъ Царевычъ,
Кухарчычъ, Сучычъ и Налетычъ,
Услужлывый Кузьма — Демьянъ,
Кощій съ прескверною Ягою,
И дурень зъ ступою новою,
И славный лыцарь Марцыпанъ.
Такъ панъ Эней нашъ снаряжався,
Щобъ дружбы Турну доказать;

Знонацька копоти имъ дать.
Но зла Юнона не дримае
Навыльотъ умыслы вси знае.
Опьять Ирысю посыла:
Якъ можна Турна роздрочыты,
Противъ Троянцивъ насталыты,
Щобъ выкоренывъ ихъ до тла.

***

Ирыся выль, скользнула зъ неба,
До Турна въ пивничъ шусть въ наметъ;
Винъ дожыдавсь тогди вертена,
Хлыставъ зъ нудьгы Охтырьскій медъ.
Къ Лавыси одъ любвы бувъ въ гори,
Топывъ печаль въ пытейномъ мори.
Такъ въ арміи колысь велось;
Колы влюбывся, чи програвся,
То пуншту хлысь—судьба поправся!
Веселье въ душу и влылось!
„А що? Ирыся щебетала:
Сыдышъ безъ дила и клюешъ?
Чи се на тебе линь напала?
Чи все Троянцямъ виддаешъ?
Коту гладкому не до мышкы;
Не втне, бачу, Панько Орышкы!
Хто-бъ сподивавсь, що Турнъ бабакъ?
Тоби не хыстъ зъ Энеемъ быться,
Не хыстъ зъ Лавыніей любыться
Ты, бачу, здатный быть собакъ.

***

Правдывый воинъ не дримае,
Безъ просыпу же и не пье;
Мудрує, дума, розглядае,
Такый и ворогивъ побье.
Ну, къ чорту! швыдче охмеляйся,
Збырать союзныхъ поспишайся,
На нову Трою напады.
Эней въ чужыхъ земляхъ блукае,
Дружыну въ помичъ набирае,
Не оплошай теперъ, гляды!“
Сказавшы, столыкъ извалыла,
Шкереберть къ чорту все пишло:
Пляшкы и чарочкы побыла,
Пропало все, якъ не було.
Зробывся Турнъ несамовытый,
Ярывся, лютовавъ не сытый,
Троянской крови забажавъ.
Вси страсти въ голову стовкнулысь.
Любовъ и ненависть прочнулысь;
„На штурмъ, на штурмъ!“ своимъ крычавъ.

***

Зибравъ и кинныхъ, и пихотныхъ
И всихъ для бытвы шыковавъ;
И розбышакъ самыхъ одборныхъ
Пидъ крипость задырать пославъ.
Два корпуса до купы звившы,
А на зыкратого самъ сившы,
На штурмъ ихъ не веде, а мчыть;
Мезапъ, Талесъ, въ другимъ отряди,
Пишлы одъ берега къ огради,

Побыть Троянцивъ всякъ спишыть.
Троянци въ крипости запершысь,
Энея ждалы вороття;
Зъ нещастямъ тисно пообтершысь,
Биду встричалы, мовъ шутя.
Побачывшы-жъ врагивъ напоры,
У баштъ прыбавылы запоры
И на валу вси залеглы;
Въ виконця зъ будокъ выглядалы
И носа вонъ не выставлялы,
Шепталысь и люлькы тяглы.

* * *

У ныхъ поставлено въ громади:
Колы на ихъ панъ Турнъ напре,
То всимъ сыдить въ своей оградi,
Нехай-же штурмомъ валъ бере.
Троянци такъ и учынылы;
На валъ колоддя накотылы
И разный прыправлялы варъ;
Олію, деготь кыпьятылы,
Жывыцю, олово топылы,
Хто лизтыме, щобъ лыть на тварь.
Турнъ, въ миру къ валу прыступывшы,
Скризь на зыкратому гасавъ;
Въ розсыпку кинныхъ роспустывшы,
Самъ якъ опареный крычавъ:
„Сюды, труслывые Троянци,
На бой, шкодлывыи поганци!
Зарылысь въ землю, мовъ кроты;
Де вашъ Эней,—жиночій празныкъ?
Пряде зъ бабамы набалдашныкъ!
Не ленсько выглянуть сюды“.

* * *

И вси його такъ пидкомандни
Крычалы, лаялы Троянъ;
Робылы глузы имъ досадни,
Гиршъ нивычылы якъ цыганъ.
Пускалы тучамы къ нымъ стрилы,
А де яки булы такъ смилы,
Що малы перескочыть ривъ.
Троянци вуха затыкалы,
Рутульцивъ лайкы не вважалы,
Хоть бытысь всякый зъ ныхъ готивъ.
Турнъ зъ серця скрыготавъ зубамы,
Що въ крипости вси ни гу-гу;
А стинъ не розибьешъ лобамы,
Зпосылку гныся хоть въ дугу.
Злость, кажуть, сатани сестрыця,
Хоть може се и небылыця,
А я скажу, що може й такъ.
Одъ злосты Турнъ те компонуе,
Мовъ сатана йому дыктуе,
Самъ чортъ зализъ въ его кабакъ.

* * *

Одъ злосты Турнъ осатанившы,
Веливъ багаття розводыть
И військо къ берегу прывившы,
Казавъ Троянскій флотъ спалыть.
Вси прынялыся за роботу;
(На злее всякій ма охоту)
Огни помчалыся къ водамъ.
Хто жаръ, хто губку зъ сирныкамы,

Хто зъ головней, хто зъ фитилямы,
Погыбель мчалы кораблямъ.
Розжеврилось и закурылось,
Блакытне полумья извылось;
Одъ дыму сонце закотылось,
Курыще къ небу донеслось.
Богы въ Олымпи сталы чхаты;
Турнь имъ изволывъ нымфы даты,
Богынь напавъ видъ чаду дуръ;
Дымъ очи йивъ, лылыся сльозы,
Зъ нудьгы скакалы такъ, якъ козы,
Зевесъ самъ бувъ мовъ вынокуръ.

***

Венеру-жъ за душу щипало,
Що съ флотомъ поступылы такъ;
Одъ жалю серце замерзало,
Що сяде сынъ на миль, якъ ракъ.
Въ жалю, въ слизахъ и въ гирькимъ смутку
Богыня сила въ просту будку,
На передку сивъ Купыдонъ;
Кобыла ихъ везе крывая,
Цыбелла де жыла старая,
Щобъ сій язи отдать поклонъ.
Цыбелла, знають во всихъ школахъ,
Що матерью була богивъ;
Изъ молоду була не промахъ;
Колы жъ якъ стала безъ зубивъ,
То тилько на неби сыдила,
Съ кулешыкомъ лемишку йила
И не мишалася въ дила.
Зевесъ йій отдававъ повагу
И посылавъ одъ столу брагу,
Яку Юнона лышъ пыла.

***

Венера часто докучала
Зевесу самою брыдней,
За те въ немылость и попала,
Що нильзя показать очей.
Прыйшла Цыбеллу умоляты
И мусила ій обищаты
Купыты збытню за алтынъ,
Щобъ тилько Зевса умолыла,
Вступыться за Троянъ просыла,
Щобъ флота не лышывся сынъ.
Цыбелла-же була ласуха,
Для збытню рада хоть на все;
До того-жъ страшна говоруха,
О всякій всячыни несе.
Стяглы іи насылу съ печи,
Взявъ Купыдонъ къ соби на плечи,
Въ будынкы къ Зевсу и понисъ.
Зевесъ свою уздрившы неню,
Убгавъ ввесь оселедець въ жменю,
Насупывъ бровы, зморщывъ нисъ.

***

Цыбелла перше закректала,
А посли кашлять начала,
Потимъ у пелену смаркала
И духъ пьять разъ перевела.
„Сатурновычъ, змылосердыся,

За ридную свою вступыся!
Къ Зевесу шокала стара:
Безсмертныхъ смертни не вважають
И тилько що не бьють, а лають;
Осрамлена моя гора!
Мою ты знаешъ гору Иду,
И лисъ де съ капыщемъ олтарь;
За ныхъ несу таку обыду,
Якой не терпыть твій свынарь!
На зрубъ я продала Троянцямъ,
Твоимъ молельщыкамъ, пидданьцямъ,
Дубкивъ и сосенъ строить флотъ.
Твои уста судьбамъ волилы,
Булы що-бъ Идськи брусья цили,
Нетлинные одъ рода въ родъ.

***

Зыркны-жъ теперъ на Тыбрськи воды,
Дывысь, якъ корабли горять!
Ихъ палять Турновы уроды,
Тебе и всихъ насъ кобенять.
Спусты имъ,—то таке закоють,
И власть твою соби прысвоють,
И всимъ дадуть намъ кисиля;
Сплюндрують лисъ, розрыють Иду;
Мене-жъ стару убьють, якъ гныду,
Тебе прогонять видсиля".
„Та не турбуйтесь, пани-матко!
Зевесъ съ досадою сказавъ:
Провчу я всихъ—и буде гладко;
Анахтемъ вичный, Турнъ, пропавъ!"
Зыркнувъ, мыгнувъ, махнувъ рукою,
Надъ Тыбромъ, чудною рикою,
Вси вростычъ корабли пишлы;
Якъ гусы въ воду порыналы,
Изъ кораблывъ сырены сталы
И разни писни пиднялы.

***

Рутульске військо и союзне,
Дрыжало одъ такыхъ чудесъ;
Злякалось племья все окружне,
Мезапъ давъ драла и Талесъ.
Поросвулы и Рутуляны,
Якъ одъ дожчу въ шатеръ цыганы,
А тилько Турнъ одынъ оставсь.
Утикачивъ щобъ переняты,
Щобъ чудо имъ ростолковаты,
По всихъ усюдахъ самъ совавсь.
„Робьятушкы! крычавъ, постійте!
Се жъ ласка Божая для насъ;
Одкыньте страхъ и не робійте:
Прыйшлось сказать Энею: пасъ!
Чого огнемъ мы не спалылы,
То богы все те потопылы,
Теперъ Троянци въ западни.
Жывцемъ въ земли ихъ загромадымъ,
Разкомъ на той свитъ одпровадымъ,
Богивъ се воля! вирьте мни".

***

Велыкіи у страха очи.
Вся рать неслась, хто швыдче змигъ.

Назадъ вертатысь не охочи,
Вси биглы, ажъ не чулы нигъ.
Оставшысь Турнъ, одынъ маячывъ,
Никого вкругъ себе не бачывъ,
Стьогнувъ зыкратого хлыстомъ;
И шапку на очи насунувъ,
Во вси лопаткы въ лагерь дунувъ,
Що konыкъ ажъ вертивъ хвостомъ.
Троянци изъ-за стинъ дывылысь,
Панъ Турнъ якъ зъ військомъ тягу
давъ;
Перевертнямъ морськымъ чудылысь,
На добре всякъ то толковавъ.
Но Турнови не довиряли;
Трояньци правыло се зналы:
Въ війни зъ врагамы не плошай;
Хоть утика, —не все женыся;
Хоть мовъ и трусыть,—стережыся!
Скыксуешъ разъ,—тогди прощай!

***

Для ночи вдвое калавуры
На всихъ поставылы баштахъ,
Лыхтарни вишалы на шнуры,
Ходылы рунды по валахъ.
Въ обози Турна тыхо стало
И тилько—тилько що блыщало
Одъ слабыхъ, блидныхъ огоньkивъ.
Врагы Трояньски почывалы,
Одъ трусивъ вылазкы не ждалы;
Оставмо жъ сыхъ хропты соньkивъ.
У главной башты на сторожи
Стоялы Эвріалъ и Нызъ;
Хоть молоди булы, та гожи
И крипки, храбри, якъ харцызъ.
Въ ныхъ кровъ текла хоть не
Трояньска,
Якась чужая—бусурманьска,
Та въ служби вирни козакы.
Для бою ихъ спиткавъ прасунокъ,
Пишлы къ Энею на вербунокъ;
Булыжъ-жъ обыдва землякы.

***

„А що, якъ выкравшысь по малу,
Забратыся въ Рутульскій станъ?“
Шептавъ Нызъ въ ухо Эвріалу:
,То каши наварылы-бъ тамъ;
Теперъ воны сплять съ перепою,
Не дрыгне ни одынъ ногою,
Хоть всимъ имъ горла переріжъ.
Я думаю туды пустыться,
Передъ Энеемъ заслужыться
И сотню посадыть на нижъ“.
„Якъ! пидешъ самъ! мене оставышъ
Спытався Ныза Эвріалъ:
Ни! перше ты мене удавышъ,
Щобъ я одъ земляка одставъ.
Видъ тебе не одстану зроду,
Съ тобою радъ въ огонь и въ
воду,
На сто смертей пиду съ тобой.
Мій батько бувъ сердюкъ опричный,
Мовлявъ: (нехай покой му вич-
ный)
„Умры на поли, якъ герой“.

***

„Пожды и пальцемъ въ лобъ торкныся“,
Товарышови Нызъ сказавъ:
Не все впередъ,—назадъ дывыся,
Ты зъ лыцарства глуздъ потерявъ.
У тебе маты есть старая,
Безъ сылъ и въ бидности, слабая,
То и повыненъ жыть для ней,
Одна оставшысь безъ прыюту,
Яку потерпыть муку люту,
Таскавшысь мижъ чужыхъ людей!
Отъ я, такъ чыста сыротына,
Росту, якъ пры шляху горохъ;
Безъ нени, безъ отця дытына,
Эней—отець, а неня—Богъ.
Иду хоть за чужу отчызну,
Не жаль никому, хоть изслызну,
А намьять вичну заслужу.
Тебе-жъ до жызни ридна вьяже,
Убьють тебе,—вона въ грибъ ляже;
Жывы для неи, я прошу“.

***

„Розумно, Нызъ, ты розсуждаешъ,
А о повынносты мовчышъ,
Которую самъ добре знаешъ,
Мени-жъ зовсимъ другу твердышъ.
Де общее добро въ упадку,
Забудь отця, забудь и матку,
Леты повынность исправлять;
Якъ мы Энею прысягалы,
Для його службы жызнь отдалы,
Теперъ не вильна въ жызни мать“.—
„Иноси!“—Нызъ сказавъ, обнявшысь
Со Эвріаломъ землякомъ,
И за рукы любенько взявшысь,
До ратуши пишлы тышкомъ.
Іулъ сыдивъ тутъ зъ старшыною,
Змовлялысь, завтра якъ до бою
Достанется имъ прыступать.
Якъ ось війшлы два парубійкы,
У брамъ зминывшыся одъ стійкы,
И Нызъ громади ставъ казать:

***

„Бувъ на часахъ я зъ Эвріаломъ,—
Мы пыльнувалы супостатъ,
Воны теперъ вси сплять поваломъ,
Уже огни ихъ не горять.
Дорожку знаю я окромну,
Въ ничну добу, въ годыну сонну
Прокрастысь можна по-узъ станъ
И донесты пану Энею,
Якъ Турнъ злый съ челядью своею
На насъ налазыть, мовъ шайтанъ.
Колы зволяетесь,—велите
Намъ зъ Эвріаломъ попытать,
Чкурнемъ и покы сонце зійде,
Энея мусымъ повыдать“.—
„Яка-жъ одвага въ смутне времья!
Такъ не пропало наше племья?“
Троянци вси тутъ заревлы;
Одважныхъ сталы обниматы,

Имъ дякувать и цилуваты,
И красовулю пиднеслы.

***

Іулъ, Энеивъ якъ наслиднык ъ,
Похвальну рацію сказавъ,
И свій палашъ, що звавсь побид-
никъ,
До боку Нызу прывьязавъ
Для мылого же Эвріала
Не пожаливъ того кынжала,
Що батько у Дидоны вкравъ.
И посулывъ за ихъ услугу
Земли, овець и дать по плугу,
Въ чыновни вывесть обищавъ.
Сей Эвріалъ бувъ молоденькій:
Такъ, годивъ зъ девятнадцять
мавъ,
Де усу буть, пушокъ маленькій
Биленьку шкуру пробывавъ;
Та бувъ одвага и завзятый,
Сылачъ, козакъ лыцарьковатый,
Но предъ Іуломъ прослезывсь.
Бо зъ матерью винъ розставався,
Ишовъ на смерть и не прощався;
Козакъ прыроди покорывсь.

***

„Іулъ Энеевычъ! не дайте
Пань-матци вмерты одъ нужды,
Ій будьте сыномъ, помагайте
И заступайте видъ вражды,
Одъ бидъ, напраслыны, нападку;
Вы самы малы панихатку,
То въ серци масте и жаль;
Я вамъ старую поручаю,
За васъ охотно умираю".—
Такъ мовывъ чулый Эвріалъ.
„Не бійся, добрый Эвріале,
Іулъ йому сей давъ отвитъ:
Ты служышъ намъ не за пропале,
На смерть несешъ для насъ жывитъ.
Твоимъ буть братомъ не стыжуся
И неню заступать клянуся,
Тебе собою заплачу́;
Пайокъ, одежу и кватыру,
Пшона, мукы, яець и сыру
По смерть въ довольстви назначу".

***

И такъ, одважна наша пара
Пустылася въ Рутульскій станъ.
На те и мисяць вкрыла хмара,
И поле вкрывъ густый туманъ.
Було се саме о-пивъ-ночи;
Рутульци спалы скилько мочи,
Сывуха сну имъ пиддала;
Роздигшыся поросклад алысь,
Въ безпечности не сподивалысь
Ни одъ кого ни-яка зла.
И часовыи на мушкетахъ
Поклавшысь спалы на-заказъ;
Хроплы вси пьяни на пикетахъ,
Тутъ ихъ заставъ послидній часъ!
Переднюю побывшы стражу,

Полизлы въ станъ варыты кашу;
Ныз тутъ товарышу сказавъ:
,,Прыляжъ къ земли ты для пидслуху,
А я задамъ Рутульцямъ духу;
Гляды, щобъ насъ хто не спиткавъ".

***

Сказавшы, першому Раменту
Головку буйную оттявъ;
Не давъ зробыть и тестаменту,
Къ чортамъ його на викъ пославъ.
Сей на рукахъ знавъ ворожыты,
Кому знавъ скилько вику жыты,
Та не соби винъ бувъ пророкъ.
Другимъ мы часто пророкуемъ,
Якъ знахури чуже толкуемъ,
Соби-жъ шукаемъ цыганокъ.
А посли Ремовыхъ винъ воивъ
По одному всихъ подушывъ;
И блюдолызивъ, ложкомоивъ
Впрахъ, въ дребозгы перемизжывъ.
Намацавшы-жъ самого Рема,
Потыснувъ мовъ Хому Ярема,
Що й очи выскочылы пречъ;
Вхватывсь за бороду кудлату
И злому Трои супостату
Макитру отдилывъ одъ плечъ.

***

Вблызи тутъ бувъ наметъ Серрана,
На сього Нызъ и наскакавъ;
Винъ, тилько що роздигсь съ каптана
И смачно по вечери спавъ.
Нызъ шаблею мазнувъ по пупу,
Задъ зъ головою сплющывъ вкупу,
Що из Серрана вышовъ ракъ;
Бо голова мижъ нигъ вплелася,
А задня въ гору пиднялася;
Умеръ фыгурно неборакъ!
И Эвріалъ, якъ Нызъ возывся,
То не гулявшы простоявъ;
Винъ также къ соннымъ докосывся,
Врагивъ на той свитъ одправлявъ,—
Коловъ и ризавъ безъ розбору,
И якъ нихто не мавъ зъ нымъ спору,
То поравсь мовъ въ кошари вовкъ;
И выборныхъ, и подпомощныхъ,
И простыхъ, и старшыхъ вельможныхъ,
Хто ни попавсь, того и товкъ.

***

Попався Ретусъ Эвріалу,
Сей не зовсимъ ище заснувъ;
Прыйихавшы одъ Турна зъ балу,
Пальонкы дома ковтонувъ
И тилько-тилько забувався,
Якъ Эвріалъ къ йому пидкрався
И просто въ ротъ кынжалъ уткнувъ;
И прыколовъ його якъ квитку,
Що бабы колють на намитку.
Тутъ Ретусъ душу изрыгнувъ.
Нашъ Эвріалъ остервенывся,
Забувъ, що на часокъ зайшовъ;
Въ наметъ къ Мезапу бувъ пустывся,

Тамъ може-бъ смерть соби найшовъ;
Но повстричався съ другомъ Нызомъ,
Съ запальчывымъ, якъ самъ, харцызомъ,
Сей Эвріала удержавъ.
„Покыньмо кровъ врагамъ пускаты,
Пора намъ видсиль уплитаты",
Нызъ Эвріалови сказавъ.

***

Якъ вовкъ овецъ смыренныхъ душыть,
Колы въ кошару завыта,
Курчатамъ тхиръ головкы сушыть,
Безъ крыку мизокъ высмокта;
Якъ добре времья угодывшы
И сиркою хливъ накурывшы,
Безъ крыку крадуть слымакы
Гусей, качокъ, курей, индыкивъ
У Геваливъ и Аммалыкивъ,
Що роблять часто и дякы,
Такъ наши смилыи воякы,
Тутъ мовча пролывалы кровъ;
Одъ ней краснилыся, мовъ ракы,
За честь и къ князю за любовъ.
Любовъ къ отчызни де героить,
Тамъ сыла вража не устоить,
Тамъ грудь сыльнійша видъ гарматъ,
Тамъ жызнь—алтынъ, а смерть-копійка,
Тамъ лыцарь—всякій парубійка,
Козакъ тамъ чортови не братъ.

***

Такъ поравея Нызъ зъ Эвріаломъ,
Далы Рутульцямъ накарпасъ;
Земля взялась одъ крови каломъ,
Полякъ пиднявся-бъ по самъ пасъ.
Но наши по крови бродылы,
Мовъ на торгу музыкъ водылы
И убыралысь на просторъ:
Щобъ швыдче поспишыть къ Энею,
Похвастать храбростью своею
И Турнивъ роскаэать задоръ.
Уже изъ лагеря щаслыво
Убралысь наши смильчакы;
Радило серце нетруслыво,
Жвяхтилы мокри лычакы,
Изъ хмары мисяць показався,
И одъ земли туманъ пиднявся
Все вищовало добрый путь.
Якъ-ось Волсентъ гулькъ изъ долыны
Съ полкомъ Латыньскои дружыны
Бида! якъ нашымъ увыльнуть?

***

Далы якъ разъ до лису тягу,
Быстрише биглы одъ хортивъ;
Спасалысь, бидни, на одвагу,
Видъ супостативъ—ворогивъ.
Такъ пара горлычокъ невынныхъ
Летять спастысь въ лисахъ обшырныхъ
Одъ злого кибчыка когтей.
Но зло назначене судьбою

Слидытыме скризь за тобою,
Не утечешъ за сто морей.
Латынци до лису слидылы
Одважныхъ нашыхъ розбышакъ,
И часовымы окружылы,
Що зъ лису не шмыгнешъ ни-якъ
А часть розсыпавшысь по лису,
Піймалы одного заризу,
То Эвріала молодця.
Тогди Нызъ на вербу збирався,
Якъ Эвріалъ врагамъ попався,
Мовъ мижъ вовкивъ плоха вивця.

***

Нызъ—глядь, и бачыть Эвріала,
Що тишатся нымъ ворогы;
Важка печаль на серце пала,
Крычыть къ Зевесу: „помогы“!
Копье булатне направляе,
Въ латынцивъ просто посылае,
Сульмону серце пробыва;
Якъ снипъ на землю повалывся,
Не вспивъ и охнуть, а скрывывся,
Въ послидній разъ Сульмонъ зива.
Вслидъ за копьемъ стрилу пускае
И просто Тагови въ высокъ;
Душа изъ тила вылитае,
На жовтый пада трупъ писокъ.
Волсентъ утратывъ воивъ пару,
Клене невыдымую кару
И въ яросты, якъ вилъ, реве:
„За кровъ Сульмонову и Тага,
Умрешъ проклята упыряга,
За ными вслидъ пошлю тебе“.

***

И замахнувсь на Эвріала,
Щобъ снять головку палашемъ;
Тутъ храбрость Нызова пропала,
И серце стало кулишемъ.
Бижыть, летыть, крычыть що сылы:
„Пеккатумъ робышъ, фратеръ мылый,
Невынному морсъ задаешъ:
Я стультусъ, лятро, розбышака,
Неквиссимусъ и гайдамака;
Постій! невынную кровъ льешъ.“
Но замахнувшысь, не вдержався,
Волсентъ головку одчесавъ;
Головка, мовъ кавунъ качався,
Языкъ невнятно белькотавъ.
Уста коральни посынилы,
Румьяни щоки поблиднилы
И билый цвитъ въ лыци пожовкъ;
Закрылися и ясни очи,
Покрылысь тьмою вичной ночи,
На викы мылый гласъ умовкъ.

***

Уздрившы Нызъ трупъ Эвріала,
Одъ яросты осатанивъ;
Всихъ злостей выпустывшы жала,
Къ Волсенту просто полетивъ.
Якъ блыскавка проходыть тучу,
Винъ такъ пробигъ врагивъ мижъ кучу
И до Волсента докосывсь:
Схватывъ його за чубъ рукою,
Мечъ въ серце засадывъ другою,

Волсентъ и духу тутъ пустывсь.
Якъ искра порохъ запалывшы,
Сама зъ нымъ вкупи пропада,
Такъ Нызъ, Волсентія убывшы,
И самъ лышывся жывота:
Бо вси на його и напалы,
На смерть звертилы и зимьялы,
И голову знялы зъ плечей.
Такъ кончылы жызнь козарлюгы,
Зробывшы славныи услугы,
На вичность памьяты своей.

***

Латынци заразъ поробылы
Абы-якъ мары изъ дрючкивъ;
На ныхъ Волсента положылы
И понеслы до землякивъ.
А буйни головы поклалы
Въ мишокъ и тежъ зъ собой помчалы,
Мовъ пару гарныхъ дубивокъ.
Но въ лагери найшлы ризныци,
Лежалы бытыхъ мьясъ копыци,
Пычинокъ, легкого, кышокъ.
Якъ тилько-що востокъ зардився,
Свитылка Фебова взійшла,
То Турнъ тогди уже найився,
Опять о бытви помышлявъ.
Веливъ тревогу быть въ клепало,
Щобъ військо къ бою выступало,
Отдать Троянцямъ съ барышкомъ
За зроблену въ-ночи потиху;
Для бильшого зъ Троянцивъ смиху,
Веливъ взять головы зъ мишкомъ

***

Свого-жъ держася уговору,
Троянци въ крипости сыдять,
Забылыся, мовъ мыши въ нору,
Лукаву кишку якъ уздрять.
Но дать отпоръ булы готови
И, до остатной капли крови,
Свою свободу бороныть
И нову Трою защыщаты,
Рутульцямъ перегону даты
И Турна лютость осрамыть.
На перву Рутулянъ попытку
Троянци такъ далы въ отвитъ,
Що Турнъ соби росчухавъ лытку,
Одъ стыду скорчыло жывитъ.
Звеливъ зъ досады, гниву, злосты,
На глумъ пидняты мертви косты,
На щоглы головы наткнуть
Несчасныхъ Ныза съ Эвріаломъ,
Передъ самымъ Трояньскымъ валомъ,
Щобъ сымъ врагивъ своихъ кольнуть.

***

Троянци заразъ одгадалы,
Чіи то головы стремлять;
Одъ жалю сльозы попускалы,
Такыхъ лышывшысь парубьятъ.
Объ мертвыхъ вистъ скризь пронеслася,
Вся рать Трояньска потряслася,
И души смутку предалысь.
Якъ маты вистъ таку почула,
То тилько вично не заснула,
Бо зубы у неи стялысь

А одійшовшы, въ груды былась,
Волосся рвала зъ головы,
Ревла, щипалася, дрочылась,
Мовъ умъ змишався у вдовы:
Побигла съ крыкомъ вокругъ вала
И голову колы пизнала
Свого сыночка Эвруся,
То на валу и росплаталась,
Крычала, гедзалась,, качалась,
Кувикала мовъ поросся.

***

И дыкымъ голосомъ завыла:
„О сыну! свитъ моихъ очей!
Чи я жъ тебе на те родыла,
Щобъ згынувъ ты одъ злыхъ людей?
Щобъ ты мене стару, слабую,
Завившы въ землю сю чужую,
На вичный викъ осыротывъ.
Моя ты радисть и отрада,
Мене одъ всихъ ты боронывъ.
Теперъ до кого прыхылюся,
Хто злую долю облегчыть?
Куды въ биди я прытулюся?
Слабу нихто не прыглядыть!
Теперъ прощайте вси поклоны,
Що получала во-дни ѝны,
Одъ вдовъ, дивчатъ и молодыць;
За дывни бровы соболыни,
За очи ясни соколыни,
Що здатный бувъ до вечерныць.

***

Колы-бъ мени твій трупъ достаты
И тило билее обмыть,
И съ похорономъ поховаты,
До ямы зъ мыромъ проводыть.
О богы! якъ вы допустылы,
Щобъ и одынчыка убылы
И настромылы на виху
Його козацькую головку?
Десь свитъ вортытся сей безъ толку,
Що тутъ дають и добрымъ тьху.
А вы, що Эвруся згубылы,
Щобъ вашъ пропавъ собачій ридъ!
Щобъ ваши-жъ диты васъ побылы,
Щобъ зъ потрухомъ погыбъ вашъ плидъ!
Охъ! чомъ не звирь я, чомъ не львыця?
Чомъ не скажена я вовчыця?
Щобъ мни Рутульцивъ розидрать,
Щобъ серце вырвать съ требухою,
Умазать морду ихъ мазкою,
Щобъ маслакы ихъ посмоктать".

***

Сей галасъ и репетування
Троянъ всихъ въ смутокъ прывело;
Плаксывее зъ сынкомъ прощання
У всихъ зъ очей слизкы тягло.
Аксаній бильше всихъ тутъ хлыпавъ
И губы такъ соби задрипавъ,
Що мовъ на його сапъ напавъ.
Къ старій съ поклономъ пидступывшы,
На оберемокъ ухватывшы,
Въ землянку зъ валу поскакавъ.
А тутъ крычать та въ трубы сурмлять.

Свистять въ свистилкы, дмуть въ
рогы,
Квилять, братъ брата въ батька
луплять;
Въ наскокъ ярятся ворогы.
Тутъ ржання киньське съ тупотнею,
Тамъ разный гоминъ зъ стукотнею,
Скризь хлопитъ, халепа, столыхъ!
Такъ въ мидни клекотыть гарячій,
Такъ въ кабаци крычыть пиддячій,
Якъ кажуть, хоть вынось святыхъ.

***

Гей, музо, панночко цнотлыва,
Ходы до мене погостыть!
Будь ласкава, будь не спесыва,
Дай помичъ мни—стышокъ зложыть!
Дай помичъ бытву опысаты
И про війну такъ розсказаты,
Мовъ твій языкъ бы говорывъ.
Ты, кажуть, дивка не брыклыва,
Але одъ староcты сварлыва;
Просты! я може досадывъ,
И въ самій речи проступывся,—
Старою дивчыну назвавъ,
Нихто зъ якою не любывся,
Ни женыхавсь, ни жартовавъ.
Охъ! скилько музъ такыхъ на свити!
Во всякимъ городи, въ повити!
Укрылы бъ зверху внызъ Пар-
нассъ.
Я музу кличу не такую:
Веселу, гарну, молодую;
Старыхъ нехай брыка Пегасъ.

***

Рутульци дралыся на стины,
Карабкалыся, якъ жукы.
Турнъ зъ яросты дрижавъ и пи-
нывъ,
Крычыть: „дружненько, козакы!“
Въ свою Троянци также чергу,
Въ одбои поралыся зверху,
Рутульцивъ плющылы якъ мухъ.
Пускалы колоддя, каминня;
И враже такъ товклы насиння,
Що у Рутульцивъ хлявъ и духъ.
Турнъ, бачывшы Троянъ роботу,
Якъ рать рутульскую трощать,
Якъ бьють ихъ, не жалія поту,
Рутульци мовъ вьюны пыщать,
Веливъ везты зо всихъ олійныць,
Де тилько есть, изъ воскобійныць,
Якъ можна швыдче тараны.
Якъ разъ и тараны вродылысь,
И воскобійныкы явылысь,
Прымчалысь духомъ сатаны.

***

Прыставывъ тараны до брамы,
Въ ворота зачалы гатыть;
Одвиркы затряслысь, мовъ рамы,
И снасть одъ бою вся трищыть.
Турнъ сылы вдвое прыкладае
И тараны самъ направляе,
И браму рушыты велыть.
Упала! стукомъ оглушыла,
Троянъ багацько подушыла,

Турнъ въ крипость впертысь норовыть.
Бида Трояньцямъ! що робыты?
А муза каже: „не жахайсь,
Не хыстъ ихъ Турну побидыты
Въ чужую казку не мишайсь“.
Трояньци напьялы вси жылы
Та вмыгъ проломъ и заложылы,
И грудью сталы бороныть;
Рутульци бисомъ увывалысь,
Но на проломъ не насовалысь,
А Турнъ не знавъ, що и робыть.

***

Троянець Геленоръ одважный
И якъ бурякъ червоный Лыкъ,
Горлань, верлань, кулачныкъ страшный
И щырый кундель-степовыкъ.
Сымъ двомъ бездилля—всяке горе,
Здавалось по колина море,
Потиха-жъ—головы зрывать.
Давно имъ въ голови роилось
И мовъ на поступкы хотилось,
Рутульцямъ перегону дать.
Такъ Геленоръ съ чорвонымъ Лыкомъ,
Роздигшыся до сорочокъ,
Межъ вештаннямъ, содомомъ, крыкомъ,
Пробралыся подуть тычокъ.
Рутульцивъ добре тасовалы
И одъ Рутульцивъ получалы
Квытанцію въ своихъ долгахъ.
Лыкъ тилько тымъ и отлычывся,
Що якъ до Турна прымостывся,
То зъйиздывъ добре по зубахъ.

***

Но Турнъ и самъ бувъ розбышака
И Лыка сплющывъ въ одынъ махъ;
Изъ носа брызнула кабака,
У Турна околивъ въ ногахъ.
А также пану Геленору
Смертельного далы затьору,
И сей безъ духу тутъ оставсь.
Рутульцевъ се возвеселыло
И такъ ихъ серце ободрыло,
Що и негидный скризь совавсь.
Натыснулы и напустылысь,
Рутульци кынулысь на валъ;
Троянци якъ чорты озлылысь,
Рутульцивъ былы на повалъ.
Трищалы кости, ребра, бокы,
Летилы зубы, пухлы щокы,
Зъ носивъ и устъ юшыла кровъ;
Хто рачкы лизъ, а хто простягся,
Хто бувъ шкереберть, хто качався,
Хто бывъ, хто ризавъ, хто коловъ.

***

Завзятость всихъ опановала,
Тутъ всякій пинывъ и ярывсь,
Тутъ лютость всима управляла
И всякій до надсаду бывсь.
Лыгаръ, ударомъ макогона,
Духъ выпустывъ изъ Эмфіона,
И самъ на викы зубы стявъ.
Лутецій бье Иліонея,

Циней Арефа, сей Цинея,
Одынъ другого тасовавъ.
Ремулъ Рутульскои породы,
Троюродный бувъ Турну сватъ,
Хвастунъ и дурень отъ прыроды,
Що не робывъ, то все не въ ладъ:
И тутъ начавъ що-сылъ крычаты,
Троянцивъ лаять, укоряты,
Себе и Турна велычать:
„Ага! проклятыи поганци,
Недогаркы Трояньски, ланци!
Теперъ прыйшлось вамъ погыбать.

* * *

Мы васъ одучымъ, супостаты,
Морыты вдовъ, дурыть дивокъ,
Чужіи земли однимати
И шкодыты чужый садокъ.
Давайте вашого гульвису,
Я въ мыгъ його одправлю къ бису
И васъ подавымо якъ мухъ;
Чого прыйшлы вы, голодрабци?
Лыгать латынськіи потанци?
Пождить,—вашъ вытиснымъ мы
духъ".
Іулъ Энеевычъ дочувшысь
До безтолковыхъ сыхъ ричей,
Якъ шкурка на огни надувшысь,
Злость запалала изъ очей.
Вхопывъ каминчыкъ,—прыци-
лывся,
Зажмурывъ око,—прыложывся
И Ремула по лоби хвысь!
Хвастунъ бездушный повалывся,
Іулъ сердешно взвеселывся
А у Троянъ духъ ожывывсь.

* * *

Пишлы кулашни накарпасы,
Въ выскы и въ зубы стусаны;
Полизлы тельбухы, ковбасы,
Вси пиныли, якъ кабаны.
Вси розъярылысь черезъ миру;
По-сербськы велычалы виру;
Хто чымъ попавъ, то тымъ лок-
шывъ.
Пиднявся пыскъ, стогнання, охы,
Врагъ на врага скакавъ, мовъ
блохы,
Кусався, грызъ, щипавъ, душывъ.
Служылы у Троянъ два браты,
Изъ ныхъ бувъ всякый Голіафъ;
Шырокоплечій и мордатый,
И по вивци цилкомъ глытавъ.
Одынъ дражныйся Бытіасомъ
И съ Кочубейскымъ винъ Тарасомъ
Колыбъ за-ввышкы не ривнявсь;
Другый же братъ Пандаромъ звався
И выщій одъ верствы здавався;
Та вьялый, мовъ верблюдъ, тынявсь.

* * *

Два брата гризни исполыны
Въ бою стоялы у воротъ,
Дрючкы державы съ берестыны
И борозылы въ крипость входъ.
Воны къ земли попрысидалы

Троянци жъ въ городъ одступалы,
Къ соби манылы Рутулянъ.
Рутульци зрять навстяжъ ворота,
Прожогомъ въ крипость вся пихота
Спишыть насисты на Троянъ.
Но хто лышъ въ городъ показався,
Того въ яешню и побьють;
Бытіасъ съ братомъ управлявся,
Безщадно кровъ Рутульску льють.
Рутульци съ крыкомъ въ городъ
прутся,
Якъ одъ серпа колосся жнутся.
Якъ надъ пашней хурчать ципы,
Такъ Исполынськіи дрючыны
Мозчылы головы и спыны,
И всихъ молотять мовъ снопы.

***

Побачывъ Турнъ таку проруху,
Отъ злости ввесь осатанивъ;
Здрыгнувсь, мовъ выпывъ чепуруху,
Къ своимъ на помичъ полетивъ.
Якъ тилько въ крипость прота-
скався,
Тузыты заразъ и прынявся,
Хто тилько пидъ руку попавсь:
Убывъ винъ съ Афидномъ Мерона
И зо всього побигъ розгона,
Де Бытіасъ въ крови купавсь.
Зъ наскоку триснувъ булавою
По вьязахъ—велыканъ упавъ,
Объ землю вдарывсь головою
И крипость всю поколыхавъ.
Реветь и душу испускаеть

И воздухъ гримомъ наполняеть,
На всихъ напавъ велыкій страхъ!
Не спасъ ни ростъ, ни сыла многа,
Пропавъ Бытіасъ, мовъ стонога;
И исполынъ есть червъ и прахъ!

***

Пандаръ погыбель бачывъ брата,
Злякався, звомпывъ, замишавсь,
И отъ Рутульска стратылата
Якъ мога швыдче убиравсь.
Промижъ оселою хылявся,
Тыны переступавъ, ховався,
И щобъ отъ Турна увыльнуть,
Ворота зачынывъ у брамы
И завалывъ ихъ колоддямы,
Хотивъ одъ бою отдохнуть.
Но якъ же сыльно удывывся,
Якъ Турна въ крипости уздривъ;
Тогди изъ нужды прыбодрывся
И злостыю ввесь закыпивъ.
„Ага! ты шыбеныкъ попався,
Безъ зву къ намъ въ гости на-
въязався,
Пандаръ до Турна закрычавъ.
Пожды, отъ заразъ почастую,
Изъ тебе выжму душу злую,
До сього часу храбрувавъ!“—

***

А ну прылизь, Турнъ отвичае:
Келебердянськая верства!
Якъ бью я, братъ твій тее знае.

Ходы, тоби вкручу хвоста".
Туть Пандаръ каминь пиднимае
И въ Турна зо всихъ жылъ пускае,
Нырнувъ-бы Турнъ на вики въ адъ!
Но де Юнона ни взялася,
И передъ Турномъ роспъялася,
Попавъ богыню камнемъ въ ладъ.
Незрыму чуо Турнъ заслону,
Бодрытся, скачеть на врага,
На помичъ прызыва Юнону,
Пандара по лобу стьога
И вовся зъ нигъ его зшыбае,
До мизку черепъ розбывае;
Пропавъ и другый велыканъ!
Така потеря устрашыла
И серце бодрее смутыла
У самыхъ храбрійшыхъ Троянъ.

***

Удачею Турнъ ободрывся,
По всихъ усюдахъ смерть носывъ;
Якъ кнуръ свирипый розъярывся
И безъ пощады всихъ косывъ.
Розсикъ на двое Филарыса,
Въ яешню ростоптавъ Галыса,
Крыфею голову одтявъ;
Щолкавъ въ выскы, штурхавъ пидъ бокы
И самые кулачни докы
Ховалысь, хто куды попавъ.
Троянци злее умышляють,
Щобъ прочъ изъ крипосты втикать;
Свое лахмиття забирають,
Куды удастся тягу дать.
Но ихъ обозный генеральный,
Надъ всимы оставався начальный,
Серестъ вельможный обизвавсь:
„Куды?— вамъ сорома немае!
Хто чувъ? Троянець утыхае!
Чого нашъ славный ридъ дождавсь!

***

Одынъ палывода яруе,
А васъ тутъ скилько, боитесь;
Въ господи вашій вередуе,
Рутульскій шолудывый песъ.
Шо скаже свитъ про насъ, Трояне?
Що мы шатернықы—цыгане,
Що мы труслывійши жыдивъ.
А князь нашъ бидный, що помыслыть?
Аджо жъ за воинивъ насъ чыслыть,
За внукивъ славнійшыхъ дидивъ.
Збирится, Турна окружите,
Не сто разъ можна умерать;
Гуртомъ,--гуртомъ його наприте,
Одъ васъ винъ мусыть пропадать.
Агу! Трояньци схаменулысь,
Та вси до Турна и сунулысь;
Вылявъ, хытрывъ и увывався,
И тилько къ Тыбру що добрався,
То въ воду стрыбъ,—пустывся вплавъ.

Конець пятой части.

ЧАСТЬ ШОСТА.

Зевесъ моргнувъ, якъ криль, усамы,
Олымпъ, мовъ лыстыкъ, затрусывсь;
Мыгнула блыскавка съ громамы,
Олымпськый потрухъ взворушывсь.
Богы, богыни и пивбогы,
Простоволоси, босоноги,
Бижать въ Олымпську карвасарь [1]).
Юпитеръ, гнивомъ роспаленный,
Влетивъ до ныхъ, якъ навиженный
И крыкнувъ, якъ на гончыхъ псарь:
—„Чи довго будете казытысь
И стыдъ Олымпови робыть?
Що-день промижъ себе сварытысь
И смертныхъ зъ смертнымы травыть?
Поступкы ваши вси не божи,
Вы на сутяжныкивъ похожи
И ради мордувать людей;
Я васъ изъ неба поспыхаю
И до того васъ укараю,
Що пасты будете свыней.

***

А вамъ, Олымпськи зубоскалкы,
Моргухы, дзыгы, фыгларкы,
Березовои дамъ прыпаркы,
Що довго буде вамъ въ тямкы.
Охъ, вы на смертныхъ дуже ласи,
Якъ Грекъ на ниженськи ковбасы!
Все лыхо на земли одъ васъ.
Чрезъ ваши зводни, женыхання,
Не маю я ушанування;
Я намочу васъ въ шевськый квасъ.
Або отдамъ васъ на роботу,
Запру въ смырытельныхъ домахъ;
Тамъ выженуть изъ васъ охоту
Содомыть на земли въ людяхъ.
Або я луччу кару знаю,
Ось якъ богынь я укараю:
Пошлю васъ въ Запорожську Сичъ.
Тамъ вашыхъ каверзъ не вважають,
Жинокъ тамъ на тютюнъ миняють,
Въ день пьяни сплять, а крадуть въ ничъ.

***

Не вы народъ мій сотворылы,
Не хыстъ создать вамъ червяка;
На що-жъ людей вы роздрочылы?
Вамъ нужда до чужыхъ яка?
Божусь моею бородою
И Гебеною пеленою,
Що тихъ богивъ лышу чынивъ,
Яки теперъ въ війну вплетутся;
Нехай Эней и Турнъ скубутся,

[1]) Корвасарь—словесный судъ на ярмаркахъ, бывшихъ прежде въ малороссійскихъ городахъ.

А вы глядить своихъ чубивъ!"—
Венера, молодыця смила,
Бо все зъ военнымы жыла,
И быте зъ нымы мьясо ила,
И по трахтырахъ пуншъ пыла;
Частенько на соломи спала,
Въ шынели сирій щеголяла,
Манышкы офыцерськи прала,
Зъ стрючкомъ горилку продавала,
И мерзла въ ничъ, а въ день пеклась.

***

Венера, по драгунськи—смило
Къ Зевесу въ вытяжку иде,
Начавшы говорыты смило,
Очей зъ Зевеса не зведе:
—„О, тату сыльный, велычавый!
Ты всякый помыслъ зрышъ лукавый,
Тебе нихто не проводе.
Ты окомъ землю назыраешъ,
Другымъ за намы прыглядаешъ,
Ты знаешъ що, и якъ, и де.
Ты знаешъ, для чого Троянцивъ
Злымъ Грекамъ попустывъ побыть;
Энея съ прыгорщею ланцивъ
Веливъ судьбамъ не потопыть;
Ты знаешъ лучче всихъ прычыну,
Чого Эней прыплывъ къ Латыну
И биля Тыбра поселывсь?
Ты-жъ словомъ що опредиляешъ,
Того повикъ не одминяешъ;
Видкиль-же Турнъ тутъ прытулывсь?

***

И що такее Турнъ за свято,
Що не вважае и тебе?
Фрыгійське племья не проклято,
Що всякій еретыкъ скубе;
Твои законы-бъ исполнялысь,
Колы-бъ Олымпськи не мишалысь
И не стравлялы-бы людей.
Твоихъ наказивъ не вважають,
Нарошно Турну помагають,
Бо, бачъ,—Венерынъ сынъ Эней.
Троянцивъ бидныхъ и Энея
Хто не хотивъ, той не пужавъ;
Терпилы гирше Прометея,
На люльку що огню укравъ.
Нептунъ зъ Эоломъ зъ перепросу
Далы такого перечосу,
Що й доси зашпары щымлять...
Другіи-жъ богы,—що казаты?
Дила ихъ лучче мусышъ знаты,—
Энея тилько не зйидять!

***

О Зевсъ, о батечку мій ридный,
Огляньсь на плачъ дочкы своей;
Спасы народъ Фрыгійськый бидный—
Винъ дило есть рукы твоей.
Якъ маешъ ты кого караты—
Карай мене—карай! я маты,
Я все стерплю рады дитей.
Услышъ Венеру многогришну!

Скажы мни ричъ таку утишну,
Щобъ жывъ Іулъ, щобъ жывъ Эней!"—
—„Мовчать, прескверна пащыкухо,
Юнона злобно порощыть,—
Фындюрко, ящирко, брехухо!
Якъ дамъ,—очипокъ излетыть;
Ты сміешъ, копеня мерзене,
Зевесу доносыть на мене,
Щобъ тымъ насъ прывесты въ розладъ?
За кого ты мене прыймаешъ?
Хиба-жъ ты, сучыще, не знаешъ,
Що Зевсъ мій чоловикъ и братъ?

***

Тоби-жъ, Зевесъ, скажы, не стыдно,
Що предъ тобою дрянь и прахъ,
Базика о богахъ обыдно,
Мудруе о твоихъ дилахъ?
Якый ты свита повелытель
И нашъ Олымпськый предводытель,—
Колы проты фындюркы пасъ?
Всесвитня волоцюга мерзька,
Никчемна зводныця Цитерська,
Для тебе лучшая одъ насъ!
А зъ Марсомъ чи давно піймавшы,
Вулканъ ій пелену видтявъ?
Ризкамы добре одидравшы,
Якъ сучку въ ретязку державъ.
Но ты буцимъ того не знаешъ,
Якъ чесную іи прыймаешъ,
И все зробыть для неи радъ.
Вона и Трою розорыла,
Вона Дидону погубыла,—
Но все иде для неи въ ладъ!

***

Де ся пидтипанка вмишалась,
Тамъ вербья золоте росло;
Земля-бъ счаслывою назвалась,
Колы-бъ таке пропало зло!
Чрезъ неи вся Латынь возстала
И на народъ іи напала,
И Турнъ зробывсь Энею врагъ.
Не можна бидъ всихъ изличыты,
Якыхъ успила наробыты,
На неби, на земли, въ водахъ.
Теперъ-же на мене звертае,
Сама наброившы биды,
И такъ Зевеса умоляе,
Мовъ тилько вылизла зъ воды.
Невыннычае, мовъ Сусанна,—
Незаймана николы панна,
Що въ хутори сжыла ввесь викъ.
Не диждешъ съ бабкою своею...
Я покажу твому Энею...
Богыня я,—винъ чоловикъ."

***

Венера лайкы не стерпила,
Юнону стала кобеныть;
И перепалка закыпила,
Одна другу хотила быть.
Богыни въ гниви также бабы,

И на уторы также слаби,
Зъ досады часомъ и брехнуть,
И якъ перекупкы горлапять,
Одна другу безчестять, ганять
И ридъ весь зъ потрухомъ кленуть...
—„Та цытьте, чортови сорокы,
Юпитеръ гризно закрычавъ:
Обоимъ вамъ обибью я щокы,
Щобъ васъ, бублейныць, врагъ побравъ!
Не буду васъ карать громамы,
По пьятахъ выбью чубукамы,
Олымпъ заставлю вымитать;
Я васъ умію усмырыты,
Заставлю чесно въ свити жыты
И заразъ дамъ себе вамъ знать.

***

Занышкнить, уха наставляйте
И слухайте, що я скажу;
Мовчить, роты пороззявляйте,
Хто пысне,—морду розможжу.
Помижъ Латынцивъ и Троянцивъ,
И всякыхъ Турновыхъ поганцивъ
Не сыкайся нихто въ війну;
Нихто, ніякъ не помагайте,
Князькивъ ихъ также не займайте,
Побачымъ, здастея хто кому!“—
Замовкъ Зевесъ, моргнувъ бровамы,
И богы вростичъ вси пишлы.
И я прощаюсь зъ небесамы,
Пора спустытысь до земли
И стать на Шведськую могылу,
Щобъ озырнуть военну сылу
И бытву вирно опысать;
Купывъ-бы Музи на охвоту,
Щобъ кончыть помогла роботу,
Бо нигде рыфмъ уже достать.

***

Турнъ осушывсь після купання
И ганусною пидкрепывсь,
Зъ замету выйихавъ зарання,
На крипость Сентябріомъ дывывсь.
Трубыть въ рижокъ! Опьять тривога!
Крычать, бижать, спишать якъ мога,—
Велыкая настала сичъ!
Троянци дуже славно былысь,
Рутульци добре пожывылысь,
Насылу розвела ихъ ничъ.
Въ сю ничъ Эней уже сблыжався
До городка, що Турнъ облигъ;
Зъ Паллантомъ въ човни частовався,
Поивъ всю старшыну якъ мигъ.
Въ роскавахъ чванывся диламы,
Якъ храбровавъ зъ людьмы, богамы,
Якъ безъ розбору всихъ тузывъ.
Паллантъ и самъ бувъ зла брехачка,
Языкъ його тожъ не клесачка,
Въ брехни Энею не вступывъ.

***

А ну,—старая царь-дивыце,
Сидая музо, схаменысь!
Прокашляйсь безъ зубивъ сестрыце,
До мене блыжче прыхылысь!
Кажы: якыи тамъ красункы,
Въ Энееви пишлы вербункы,
Щобъ проты Турна воювать.
Ты, Музо, кажуть вси, письменна,
Въ Полтавській школи наученна,
Всихъ мусышъ поименно знать.
Чытайте-жъ, Муза що бормоче:
Що тамъ зъ Энеемъ плывъ Масссыкъ,
Линтяй, ледащо нероботе,
А сыльный и товстый, мовъ быкъ.
Тамъ правывъ каюкомъ Тыгренко,
Изъ Стехивкы [1]) то шынкаренко,
И вивъ зъ собою сто ярыгъ.
Блызъ сыхъ плылы дубы Аванта,
Винъ бувъ страшнишый одъ сержанта,
Бо всихъ, за все, по спыни стрыгъ.

***

Поодаль плывъ байдакъ Астура,
Сей лежнемъ въ вынныцяхъ служывъ;
На нимъ була свынячя шкура,
Которую винъ, якъ плащъ, носывъ.
За нымъ Азыллась плывъ на барци,
Недавно зъ кошелькомъ ходывъ;
Но, бачъ, безокая фортуна
Зробыла паномъ изъ чупруна,—
Такыхъ не мало бачымъ дывъ!
А то на легкому дубочку,
Що роззолоченый весь въ прахъ,
Сыдыть, розхриставшы сорочку,
Зъ Турецькымъ чубукомъ въ зубахъ?
То Цынарысъ, цехмыстръ картьожный,
Фыглярь, обманщыкъ, плутъ безбожный,
Зъ собой всихъ шахраивъ веде;
Колы, бачъ, Турна не здоліють,
То картамы уже подіють,
Що мижъ старци Турнъ попаде.

***

А то сыдыть въ брыли, въ кереи
Зъ товстою кныжкою въ рукахъ,
И всимъ, бачъ, гоныть ахынеи,
И спорыть о своихъ правахъ?
То, родомъ, зъ Глухова юрыста,—
Винъ мае чынъ канцелярыста—
И есть добродій Купавонъ.
Щобъ значкового дослужыться
И на війни чымъ пожывыться,
Вступывъ въ Энеивъ легіонъ.
А то беззубый, говорлывый,
Сухый, невирный, якъ шкелетъ,
И лысый и брехунъ сварлывый?

[1]) Небольшое селеніе близъ Полтавы.

То выхрыстъ изъ жыдивъ Авлетъ.
Недавно на другій женывся,
Та, бачъ, въ рахунку помылывся—
Изъ жару въ полумья попавъ;
Щобъ одъ Ягы якъ одвязатысь,
То мусивъ въ військо записатысь
И за шпыгона на годъ ставъ.

***

Ище тамъ есть до пивдесятка,
Но дрыбьязокъ и гольтипа;
Въ такыхъ не буде недостатка,
Хоть въ день ихъ згыне и копа.
А скилько-жъ всихъ? Того не знаю,
Хоть муза я,—не одгадаю,
По пальцямъ тожъ не розличу;
Бигъ-ме, на щотахъ не учылась,
Надъ карбижемъ тожъ не трудылась,
Я, що було, те лепечу.
Уже Волосожаръ пиднявся,
Визъ на неби внызъ повертавсь,
И де-хто спаты укладався,
А хто пидъ буркой вытягавсь.
Онучи ынши полоскалы,
Другыи, лежа, розмовлялы,
А хто прудывся у кабыць.
Старши, пидпывшы, розійшлыся
И дома за люлькы взялыся,
Лежалы бокомъ, навзнычъ, ныць.

***

Эней одынъ не роздягався,
Эней одынъ за всихъ не спавъ;
Винъ думавъ, мыслывъ, умудрявся,
(Бо самъ за всихъ и отвичавъ)
Якъ Турна ворога побыты,
Царя Латына ускромыты
И успокоиты народъ.
Въ сій думци сумно похожая
И мыслью богъ-зна де литая,
Пидъ небомъ бачыть хороводъ.
Ни рыбы то булы, ни ракы,
А такъ якъ-бы кружокъ дивчатъ
И бовталыся, якъ собакы,
И въ голосъ, якъ кишкы, нявчать.
Эней здригнувсь и одступае,
И „да воскреснеть“ вслухъ чытае,
Но сымъ ни трохы не помигъ;
Ти чуда зъ смихомъ, зъ реготнею,
Вхватылысь зá полы зъ матнею,
Эней ажъ на помистъ прылигъ.

***

Тогди одна къ йому сплыгнула,
Такъ якъ цвиркунъ, або блоха,
До уха самого прыльнула,
Мовъ гадына яка лыха:
—„Чи не пизнаешъ насъ, Энею?
Та мы-жъ зъ персоною твоею,
Троянськый весь возылы родъ;
Мы Идськои горы дубына,
Лыпкы, горишына, сосныпа,—
Съ якыхъ бувъ зробленый твій флотъ.
До насъ було Турнъ докосывся,
И байдакы вси попалывъ;

Та Зевсъ, спасыби, поспишывся,—
Якъ бачъ, мавкамы поробывъ;
Була безъ тебе зла годына,
Трохы, трохы твоя дытына
Не отдала души богамъ.
Спишы свій городокъ спасаты;
Ты мусышъ ворогамъ тьфу даты,—
Ты самъ—повирь моимъ словамъ!".

***

Сказавшы, за нисъ ущыпнула;
Эней мовъ трохы ободрывсь;
И на другыхъ хвостомъ махнула—
Весь флотъ неначе поспишывсь;
Мавкы бо сталы човны пхаты,
Путемъ найкращымъ направляты.
И тильки начынався свитъ,
Эней уздривъ свій станъ въ осади;
Крычыть во гниви и досади,
Що Турна лусне тутъ жывитъ.
А самъ матню прыбравшы въ жменю,
По поясъ въ воду съ човна плыгъ;
И кличе въ помичъ гарну неню
И всихъ Олымпивськыхъ богивъ.
За сымъ Паллантъ, за сымъ вся сволочъ,
Стрыбъ, стрыбъ зъ човнивъ,—Энею въ помочъ
И тисно строятся на бой.
—„Ну! разомъ! закрычавъ, напримо!
И недовиркивъ сокрушимо,
Рушайте, якъ одынъ, шульгой".

***

Троянци зъ города уздривши,
Що князь на помичъ къ нымъ иде,
Вси кынулысь, мовъ одуривши,
Земля одъ тупотни гуде.
Летять и все перевертають,
Якъ мухъ, Рутульцивъ убывають;
Самъ Турнъ стоить ни въ сыхъ, ни въ тыхъ,
Скризь ярымъ окомъ окыдае,
Энея зъ військомъ уздривае
И репетуе до своихъ:
—„Рыбьята, быйтесь не выляйте,
Наставъ теперъ-то сичи часъ!
Домы, батькивъ, жинокъ спасайте,
Спасайте, любо що для васъ!
Ступня не оддавайте даромъ,
Ихъ кости загребемъ тутъ раломъ—
Або,—но мы храбриши ихъ!
Олымпськи насъ не одступылысь,
Впередъ,—Троянци щось смутылысь,
Не жалуйте бокивъ чужыхъ!"—

***

Прымитя-жъ Турнъ гармыдеръ въ флоти,
Туда всю сылу волоче;
Скризь йорзае, якъ чортъ въ болоти,

И о пожыви всимъ товче.
Построившы Рутульцивъ въ лаву,
Одборныхъ молодцивъ на славу,
Пустывся на союзныхъ вскачъ,
Крычыть, рубае, вередуе,
Не бьется, бачъ, а мовъ жартуе,
Бо бувъ вертлявый и сылачъ.
Эней пройдысвитъ и не промахъ,
Въ війни и взрисъ, и постаривъ,
Прывидця бувъ у всихъ содомахъ,
Ведмедивъ бачывъ и тхоривъ.
Дытына хукае на жыжу,
Энею-жъ дурь не вдывовыжу,
Выдавъ винъ разныхъ мастакивъ.
На Турна скоса поглядае
И на Рутульцивъ наступае,
Пощупать реберъ и бокивъ.

***

Фарона першого погладывъ
По тимью гострымъ кладенцемъ
И добре такъ его уладывъ,
Що сей выльнувъ на верхъ денцемъ.
Потимъ Лихаса въ груды тыснувъ—
Сей повалывсь и більш не пыснувъ;
За нымъ безъ головы Кисей,
Якъ михъ съ пашнею, повалывся,
И Фаръ на тее-жъ нахопывся,
Росплющывъ и сього Эней.
Эней тутъ добре колобродывъ
И всихъ на чудо потрошывъ;
Робывъ винъ изъ людей уродивъ
И щыро всихъ на смерть душывъ.
Паллантъ бувъ першій разъ на бытви,
Крычавъ, жыдкы якъ на молытви,
Аркадянъ къ бою пидтрунявъ.
По фрунту бигавъ, турбовався,
Плыгавъ, вертився, ухылявся,
Якъ огырь въ стади ярувавъ.

***

Тутъ Дагъ Рутулець прелукавый
Пизнавъ одъ разу новычка,
Хотивъ попробовать для славы
Паллантови пиддать тычка;
Но нашъ Аркадець одхылывся,
Рутулець зъ жызнею простывся.
Въ Аркадцяхъ закыпила кровъ!
Одни другыхъ выпережають,
Врагивъ, якъ хмызъ, трощать, ламають;
Така пидданцивъ есть любовъ.
Паллантъ Эвандровычъ наскокомъ
Якъ разъ Гибсона и насивъ,
Шпыгнувъ въ высокъ надъ правымъ окомъ,
Гибсонъ и дутеля изъйивъ.
За сымъ такая-жъ смертна кара
И лютого постыгла Лара.
Ось Ретій въ бынцюгахъ летыть!
Сього Палантъ стягнувъ за ногу,
Ударывъ, якъ пузыръ объ дрогу,—
Мазка изъ трупа капотыть.

***

Ось, ось ярытся, бисомъ дыше
Агамемноненко Талесъ.
И быстрымъ бигомъ все колыше,
Неначе въ гниви самъ Зевесъ,
Вокругъ себе все побывае;
Фаретъ, зъ нымъ збигшысь, погыбае;
Души пустывся Демотокъ.
Ладона сплющывъ, якъ блощыцю,
Крычыть: „Палланта ледащыцю
Злыгаю я въ одынъ ковтокъ“.—
Паллантъ любесенькый дытына,
Скрипывсь, стоить, якъ твердый дубъ
И жде, яка то зла лычына
Йому намьяты хоче чубъ.
Дождавсь,— и зо всього розгона
Влипывъ такого макогона,
Що панъ Талесъ шкереберть ставъ.
Паллантъ його поволочывшы,
Потимъ на горло наступывшы,
Всього ногамы потоптавъ.

***

За сымъ Авента пхнувшы ззаду,
Поставывъ ракомъ на показъ;
И тутъ своге понюхавъ чаду
Одважный парубика Клавзъ.
Хто ни сусиль, тому кабакы
Дававъ Паллантъ, и вси бурлакы,
Зъ Аркадіи що зъ нымъ прыйшлы.
Побачывъ Турнъ соби зневагу,
Не медъ дають тутъ пыть,—а брагу,
И косы не траву найшлы.
Зробывся Турнъ нашъ бисноватымъ,
Реве, якъ раненый кабанъ,
Гаса, фынтыть своимъ зыкратымъ;
Що вашъ проты його Полканъ!
Простесенько къ Палланту мчытся,
Зубамы скрыготыть, ярытся,
И гаика йисты здалека.
Уже шаблюкою махае,
Коневи къ шыи прылягае,
Хытрыть, якъ ловыть китъ шпака.

***

Паллантъ, мовъ одъ хорта лысыця,
Выльнувъ и обиручъ мечемъ
Опоясавъ по поясныци,
Що Турнъ ажъ поморгавъ плечемъ;
И вмыгъ, не давшы схаменутысь,
Ни головою певернутысь,
Сгьогнувъ ще Турна черезъ лобъ.
Но Турнъ байдуже,—не скрывывся,
Бо, бачъ, булатомъ весь обшывся
И бувъ, якъ въ шкаралупи бобъ.
Такъ Турнъ Палланта пидпустывшы,
Зо всихъ сылъ келепомъ мазнувъ;
За русы кудри ухватывшы,
Безчувственна съ коня стягнувъ;
Кровъ зъ раны джереломъ лылася,
Въ устахъ и въ носи запеклася,
На двое черепъ розвалывсь;
Якъ травка скошеная въ поли,
Увьявъ Паллантъ судебъ по воли;
Сердега въ свити не нажывсь!

***

Турнъ злобно сыльною пьятою
На трупъ Палланта настоптавъ,
Ремень зъ лядункой золотою
Зъ бездушного для себе знявъ;
Потимъ самъ на коня схватывся,
Надъ мертвымъ паничемъ глумывся
И такъ Аркадянцямъ сказавъ:
—„Аркадци, лыцаря возьмите,
Въ ралець Эвандру однесите,
Къ Энею що въ союзъ прыставъ!“ —
Таку побачывшы утрату,
Аркадци галасъ пиднялы,
Клялыся учыныть одплату,
Хоча-бы трупомъ вси ляглы;
На щытъ Палланта положылы,
Комлыцькой буркою прыкрылы,—
Изъ бою потаскалы въ станъ.
О смерти князя вси рыдалы,
Харцыза Турна проклыналы.
Та де-жъ Трояньскый нашъ Султанъ?

***

Но що за стукъ, за гоминъ чую?
Якый гармыдеръ чую я?
Хто землю такъ трясе сырую?
И сыла тамъ мутыть чія?
Якъ выхри на пискахъ бушують,
Въ порогахъ воды якъ лютують,
Колы прорватыся хотять,
Эней такъ въ лютимъ гниви рвется,
Одмстыть Палланта смерть несется,
Суставы вси на нимъ дрижать.

До лясу! Турна розбышакы,
Вамъ бильше рясту не топтать!
Вамъ дасть Эней мицной кабакы,
Що будете за Стыксомъ чхать.
Эней совавсь, якъ навиженный,
Крычавъ, скакавъ, мовъ вилъ скаженый,
И супротывныхъ потрошывъ:
Махне мечемъ,—врагивъ десяткы
Лежать повыставлявшы пьяткы.
Такъ въ гниви сыльно ихъ локшывъ!

***

Въ запали полетивъ на Мага,
Якъ на мале курча шулыкъ;
Пропавъ на викъ сей Магъ-бидняга,
Порхне душа на другый викъ.
Выдючой смерты винъ боявся,
Энея у ногахъ валявся,
Просывъ жывцемъ въ неволю взять,
Но сей копьемъ наскризь пробывшы,
И до земли врага прышывшы,
Другыхъ пустывся доганять.
Тутъ на бигу піймавъ за рясу
Попа Рутульского полку,
Смертельного задавшы прасу,
Якъ пса покынувъ на писку.
Погыбъ тутъ также храбрый Нума,
Убывъ Сереста — його кума,
Тарквыту голову одтявъ;
Камерта высадывъ съ кульбакы,
Ансура въ адъ пославъ по ракы,
А Луку пузо росплатавъ.

***

Якъ задававъ Эней затьору
Всимъ супостатамъ на заказъ,
Якъ всихъ каличывъ безъ розбору
И убывавъ по десять вразъ,—
Лигаръ съ Лукулломъ поспишають
И въ тарадайци напырають
Энея киньмы потоптать.
Но тутъ ихъ доля зла наспила,
И души сыхъ братывъ изъ тила
Пишлы къ Плутону погулять.
Такъ нашъ Эней тутъ управлявся
И станъ свій чыстывъ одъ врагивъ;
Прогнавшы супостатъ, сблыжався,
До городка свого валывъ.
Трояне, вылазку зробывшы,
Латынянъ къ чорту протурывшы,
Зъ Энеемъ вкупу изійшлысь,
Здоровалыся, обнималысь,
Роспытувалысь, цилувалысь,
А де яки пыть прынялысь.

***

Іулъ, якъ комендантъ исправный,
Энееви лепортъ подавъ,
Якъ війська ватажокъ начальный,
Про все дрибненько розсказавъ.
Эней Іула выхваляе,
Потимъ до серця прыжымае;
Цилуеть люблязно въ уста.
Энея серце трепетало,
Воно о сыни вищувало,
Що винъ надежда не пуста.
Въ се времья Юпытеръ пидпывшы,
Зъ нудьгы до жинкы пидмощавсь
И морду на плече склонывшы,
Якъ блазень, чмокавъ, та лызавсь;
Щобъ бильше-жъ угодыть коханци,
Сказавъ: —„Дывыся, якъ Троянци
Отъ Турна въ ростичъ вси летять;
Венера пасъ передъ тобою;
Одъ неи краща ты собою,
До тебе вси лапкы мостять.

***

Мое безсмертные яруе,
Роскошныхъ ласкъ твоихъ бажа;
Тебе Олымпъ и свитъ шануе,
Юпытеру ты госпожа;
Захочъ,—и вродытся все зразу,
Все въ свити жде твого прыказу,
За твій смашный и ласый цмокъ!"—
Сказавшы, стыснувъ такъ Юнону,
Що трохы не скотылысь съ трону,
А тилько Зевсъ набывъ высокъ.
Юнона, козыръ—молодыця,
Юпытеру не поддалась,—
Бо знала, що стара лысыця
На всякы штукы удалась,
Сказала:—„О, очей всихъ свите,
Старый Олымпськый езуите,
Зъ медовымы ричмы сховайсь!
Уже мене давно не любышъ,
А тилько пьяный и голубышъ;
Одсунся геть,—не пидсыпайсь!

***

Чого передо мной лукавыш,
Не дивочка я въ двадцять литъ;
И теревени-вени правышъ,
Щобъ тилько заморочыть свитъ.
Нехай все буде по твоему,
Дай тилько Турнови моему
Хоть трохы на свити пожыть:
Щобъ мигъ винъ зъ батькомъ по-
выдаться
И передъ смертью попрощаться;
Нехай—не буду бильшъ про-
сыть.“—
Сказавшы, въ Йовыша впьялася
И обняла за поперекъ,
И такъ натужно простяглася,
Що свитъ въ очахъ обохъ померкъ.
Розмьякъ Зевесъ, якъ пиcля пару,
И выжлоктывъ пидпинка чару,
На все изволъ Юнони давъ.
Юнона въ котыка зъ нымъ грала,
А въ мышкы такъ залоскотала,
Що ажъ Юпытеръ задримавъ.

***

Олымпськіе во всяку пору
И гримъ пускающый ихъ панъ,
Ходылы голи безъ зазору,
Безъ сорому, на-кшталътъ цыганъ.
Юнона зъ неба увыльнувшы
И гола, якъ долоня бувшы,
По парубьячу одяглась;
Клыкнувшы-жъ въ помичъ Асмодея,
Взяла на себе выдъ Энея,
До Турна просто понеслась.
Тогди панъ Турнъ зило гнивывся
И прыступу къ соби не мавъ,
Що у Троянъ не пожывывся
И тьху Энееви не давъ.
Якъ ось мара въ лыци Энея,
Въ кереи бидного Сихея,
Явылась Турна задырать:
—„А ну, лышъ, лыцарю мызерный,
Злыденный, вытязю никчемный,
Выходь сто лыхъ покуштовать.“—

***

Турнъ зыркъ,—и бачыть предъ
собою
Прысяжного свого врага,
Що такъ не гречи клыче къ бою
И явно въ трусы пострыга.
Осатанивъ и затрусывся,
Холоднымъ потомъ весь облывся,
Одъ гниву сыльно застогнавъ.
Наперъ мару—мара выляе,
Эней одъ Турна утикае!
И Турнъ въ догонку поскакавъ.
Той не втече, той не догоныть,
Отъ тилько-тилько не вшпыгне;
Зыкратого мечемъ супоныть,
Та ба! мары не пидстьобне.
—„Та не втечешъ, крычыть, па-
ныч!
Ось заразъ я тебе пидтычу,—

Се не въ куклы зъ Лавысей грать;
Тобе я швыдко повинчаю
И воронивъ потишу стаю,
Колы почнуть твій трупъ клю-
вать!“—

***

Мара Энеева прымчавшысь
До моря, де стоявъ байдакъ,
Ни трохы не остановлявшысь
(Щобъ показать велыкій лякъ),
Стрыбнула въ нього, щобъ спастыся;
Тутъ безъ чысла Турнъ ослипывся,
Туды жъ въ байдакъ и самъ стрыб-
нувъ,
Щобъ тамъ зъ Энея поглумыться,
Убыть його, мазкы напыться;
Тогди-бъ Турнъ первый лыцарь
бувъ!
Тутъ вмыгъ байдакъ заворушывся
И, самъ одчалывшы, поплывъ;
А Турнъ скризь бигавъ и храб-
рывся,
И тишывсь, що врага настыгъ.
Таку Юнона злывшы кулю,
Перевернувшыся въ зозулю,
Махнула въ вырій напростець.
Турнъ глядь, ажъ винъ уже средь
моря,
Трохы не луснувъ—зъ серця—зъ горя,
Та мусывъ плыть, де жывъ отець.

***

Юнона въ Турномъ якъ шутыла,
Эней про тее ни гугу;
Бо на його туманъ пустыла,
Щобъ бувъ невыдымъ никому;
И самъ никого жъ тожъ не бачывъ,
Но посли, якъ прозривъ, кулачывъ
Рутулянъ и другыхъ врагивъ;
Убывъ Лутага, Лавза, Орсу,
Пареену, Палму вытеръ ворсу,
Згубывъ багацько ватажкивъ,
Мезентій, ватажокъ Тырренській,
Одважно дуже пидступывъ
И закрычавъ по бусурменськи,
Що тилько панъ Эней и жывъ!
—„Выходь, крычыть, тычка подмимо,
Никого въ помичъ не просымо,
Годящи парни,—ты и я;
„А-ну!“—и сыльно такъ стовкну-
лысь,
Що трохы вьязы не звыхнулысь,—
Мезентій же упавъ зъ коня.

***

Эней не мылуя чванлывыхъ,
Въ Мезентія всадывъ палашъ;
Духъ выскочывъ въ словахъ лай-
лывыхъ,
Пишовъ до чорта на шабашъ.
Эней побидой утишався,
Со всимы добре частувався,
Олымпськымъ жертвы закурывъ.
Пылы до ночи та гулялы,
И пьяни спаты полягалы,
Эней бувъ пьяный—еле жывъ.

Уже свитовая зирныця
Була на неби, якъ пьятакъ,
Або пшеныпна варяныця,
И небо рдилося, мовъ макъ.
Эней Троянцивъ въ щытъ сзывае
И съ смутнымъ выдомъ объявляе,
Що мертвыхъ треба поховать;
Щобъ заразъ прынялыся дружно,
Братерски и едынодушно
Троянъ убытыхъ зволикать.

***

Потимъ Мезентія доспихы
На пень высокый насадывъ,
И се робывъ не для потихы,
А Марса щобъ удовольнывъ
Шышакъ, панцыръ и мечъ булатный,
Спысъ съ прапоромъ, щытъ дуже знатный;
И пень, мовъ лыцаръ, въ збруи бувъ.
Тогди до війска обернувся,
Прокашлявся и разъ смаркнувся,
И ричъ таку имъ уджыгнувъ:
—„Козацтво, лыцари Трояне,
Храбруйте! наша, бачъ, бере;
Отсе опудало погане,
Латынивъ городъ одипре.
Но перше, чымъ начнемъ мы бытысь,
На мертвыхъ треба потрудытысь,
Зробыть ихъ душамъ упокой;
Имення лыцаривъ прославыть,
Палланта къ батькови одправыть,
Що наложывъ тутъ головой.“—

***

За сымъ пишовъ въ курень просторный,
Де трупъ царовыча лежавъ,
Надъ нымъ Аркадськiй пидкоморiй
Любыстkомъ мухы обганявъ.
Троянськи плаксы тутъ рыдалы,
Якъ на завiйныцю крычалы,
Эней зарюмавъ басомъ самъ:
—„Га-га! сказавъ, увьявъ мiй гайстеръ!
Якый то бувъ до бою майстеръ.
Угодно, бачу, такъ богамъ!“
Звеливъ носылкы зъ верболозу
И зъ очерету балдахынъ
Зготовыть тила для выносу,
Щобъ въ ныхъ Паллантъ, Эвандривъ сынъ,
Вельможна, панськая персона,
Явылася передъ Плутона,
Не якъ абы-якый харпакъ.
Жинкы покiйныка обмылы,
Нове убрання наложылы,
Запхнулы за щоку пьятакъ.

***

Якъ все було уже готово,
Тоди якыйсь ихъ фылозопъ
Хотивъ сказать надгробне слово,
Та збывся и зачухавъ лобъ;
Сказавъ:—„Се мертвый и не дышеть,
Не выдыть,—то есть и не слышыть,
Ей, ей—увы, онъ мертвъ, аминь!“—

Народъ видъ речи умылывся
И гирко-гирко прослизывся,
И мурмотавъ: паноче згынь.
Потимъ Палланта покадылы,
Къ носылкамъ вынеслы на двиръ,
Пидъ балдахыномъ положылы;
Эней тутъ убывавсь безъ миръ,
Накрывшы чорнымъ покрываломъ,
Лыбонь тымъ самымъ одіяломъ,
Що одъ Дидоны взявъ Эней,
Взмостылы воины на плечи
И помаленьку, по старечи
Неслы въ мистечко Паллантей [1]).

***

Якъ выбралысь на чысте поле,
Эней зъ покійныкомъ прощавсь,
Сказавъ: „о жызнь, —бурлыве море,
Хто цилый на тоби оставсь?
Просты, прыятелю любезный,
Отдячу я за выдъ сей слезный
И Турнъ получыть зъ барышкомъ“.—
Потимъ Палланту уклонывся,
Облобызався, прослезывся,
До дому почвалавъ тышкомъ.
Къ господи тилько що вернувся
Нашъ смутный лыцарь—панъ Эней,
Уже въ прысинкахъ и наткнувся
На прысланныхъ къ нему гостей:
Булы послы се одъ Латына,
И вси ассесорського чына,
Одынъ армейськый капытанъ;
Сей скризь по свиту волочывся
И по Фрыгійську научывся,
Въ посольстви бувъ, якъ драгоманъ.

***

Латынець, старшый по породи,
Къ Энею рацію начавъ,
И въ нашимъ, значыть, переводи,
Буцимъ-то ось винъ що сказавъ:
—„Не ворогъ, хто уже дубленный,
Не супостатъ, чый трупъ никчемный,
На поли безъ душы лежыть.
Позволь тила убытой раты,
Якъ водытся, земли предаты;
Нехай князь мылость сю явыть.“—
Эней, къ добру зъ натуры склонный,
Сказавъ посламъ Латынськымъ такъ:
—„Латынусъ рексъ есть невгомонный,
А Турнусъ пессимусъ дуракъ.
И кваре воювать вамъ мекумъ?
Латынуса буть путо цекумъ,
А васъ, сеньоре, безъ ума;
Латынусу радъ пацемъ даре,
Пермитте мертвыхъ поховаре
И злосты корамъ васъ нема.

***

Одынъ есть Турнусъ ворогъ меусъ,
Самъ ерго дебетъ воювать;
Велять такъ фата, утъ Энеусъ
Вамъ буде рексъ, Амати зять.

Щобъ прынесты адъ финемъ беллюмъ,
Мы зробимъ зъ Турнусомъ дуеллюмъ,
Про-що всихъ сангвисъ пролыватъ?
Чи Турнусъ буде, чи Энеусъ,
Укажоть глядіусъ, вель Деусъ,
Латынськымъ сцептро управлять!" —
Латынськыи послы сзыркнулысь,
По серцю имъ ся ричь була;
Зничевья трохы схаменулысь,
Дрансеса смилость тутъ взяла:
— „О, князю, крыкнувъ пресловутый,
Велыкымъ ты родывся буты!
Мы все въ Латынови уста
Внесемъ, дрибнесенько роскажемъ,
И щыро, щыро те докажемъ,
Що дружба зъ Турномъ есть пуста!" —

***

И мыровую тутъ зробылы
На тыждень, два, або и тры,
И въ договори положылы,
Щобъ тесли и други майстры
Латыньськи помоглы Троянамъ,
Сымъ ланцямъ, голякамъ, прочанамъ
Достроить новый городокъ;
Щобъ нарубать далы сосныны,
Клынкивъ, дубкивъ и берестыны,
На кроквы годныхъ осычокъ.
За сымъ тутъ началось гуляння
И чарочка пишла кругомъ;
Росказы, смихы, обнимання,
Дилылысь дружно тютюномъ.
Яки пылы, яки трудылысь
И надъ убытымы возылысь;
Въ лисахъ-же страшна стукотня,
Въ коротке, мыровее времья,
Латыньське и Трояньске племья
Було, якъ блызькая ридня.

***

Теперъ-бы треба опысаты
Эвандра батькивську печаль
И хлыпання все росказаты,
И крыкъ, и охання, и жаль.
Та-ба! не всякый такъ змудрує,
Якъ самъ Вергилій намалює,
А я-жъ до жалю не мастакъ:
Я слизъ и охання боюся
И самъ николы не журюся, —
Нехай соби се иде такъ.
Якъ тилько свитова зирныця
На неби зачала моргать,
То вся Трояньская станыця
Взялася мертвыхъ зволикать.
Эней зъ Трахономъ розъйизжае
Къ трудамъ дружыну понуждае,
Кладуть изъ мертвыхъ тилъ костры!
Соломой ихъ обволикають,
Олію зъ діогтемъ полывають
На всякій зрубъ, развивъ по тры.

***

Потимъ солому пидпалылы
И пламья трупы обняло,
И вичну памьять заквылылы.

Ажъ сумно слухаты було.
Тутъ кость, и плоть, и жаръ шкварчалы,
Тутъ ынчи смалець источалы,
У ынчыхъ репався жывитъ;
Смрадъ, чадъ и дымъ кругомъ носылысь,
Жерци найбильше тутъ трудылысь,
Изконе бе хаптурный ридъ.
Другы, товарыши и кревни,
Батькы, сыны, кумы, сваты,
На викы вични незабвенни,
А може хто изъ суеты,
Въ огонь шпурлялы ризну зброю,
Одежу, обувъ дорогую,
Шабли, лядункы, келемы,
Шапкы, свыткы, кульбакы, трокы,
Онучи, постолы, волокы,
Шпурлялысь, якъ на тикъ снопы.

***

Не тилько въ поли такъ робылось,
Въ Лаврентп сумно тожъ було;
Багацько трупа тамъ палылось,
Поспульство-жъ на-чимъ-свитъ ревло.
Тамъ батько сына парубійку
Оплакувавъ и клявъ злодійку
Війну и ветхого царя;
Тутъ дивка вельмы убывалась,
Що безъ винця вдовой осталась,
Утратывшы богатыря.
Жинкы, пороспускавшы косы,
Росхристани и безъ свытокъ,
Рострьопани, простоволоси
Галасовалы на весь ротъ.
По мертвыхъ жалибно крычалы,
По грудяхъ былыся, стогналы,
Латына проклыналы родъ;
Про Турна-жъ вси крычалы смило,
Що за свое любовне дило
Погубыть даромъ весь народъ.

***

Дрансесъ на Турна тутъ доносыть,
Що Турнъ всимъ гыбелямъ вына;
Эней на бой його лышъ просыть
И такъ бы й кончылась війна.
Но и у Турна бувъ сутяга,
Брехунъ, юрыста, крюкъ, пидтяга,
И дило Турна защыщавъ;
Та и Аматыни пролазы
Пускалы розныи росказы,
Щобъ Турнъ ни въ чимъ не уважавъ.
Якъ ось одъ хана Діомыда
Латынови прыйшлы послы
И изъ охлявшого ихъ выда
Не выдно, радисть щобъ неслы.
Латынъ вельможамъ зъ старшыною
Велыть явытысь предъ собою,
Що все и сталося якъ разъ;
Посливъ клыкнулы до громады
И выполнывшы вси обряды,
Латынъ прорекъ такый прыказъ:

***

—„Скажы, Венуле не жахлывый,
Всю хана Діомыда ричъ;

Здается, бувъ ты не брехлывый—
Такымъ тебе зна наша Сичъ!"—
—„Пиднижокъ твій я и пидданець,
Изъ слугъ твоихъ послидній ланець,—
Сказавъ Венулъ—не погнивысь!—
Мужыча правда есть колюча,
А панська на вси бокы гнуча,
И ханъ сказавъ такъ, не сумнысь:
„Не зъ мордою Латына бытысь
ПротывъТроянськыхъ розбышакъ,—
Вамъ треба-бъ перше прыдывытысь,
Якый то есть Эней козакъ.
Пидъ Троею винъ давея знаты
Намъ всимъ, якъ взявся ратоваты
Богивъ домашнихъ и ридню.
Винъ батька спасъ въ злу саму пору,
На пчелахъ знисъ на Иду гору,
Сього не майте за брыдню.

***

Проты Энея не храбруйте,
Для насъ здается винъ святымъ;
И такъ Латыну ростолкуйте,
Що краще помырыться зъ нымъ.
Гай, гай, де диты есть такыи,
Щобъ кудри батьковы сидыи
Найвыще ставылы всього?
Не ворогъ я царю Латыну,
Но чту Анхызову дытыну
И не пиду протывъ його.
Прощайте домини Латынци!
Поклонъ мій вашому царю;
Возьмить назадъ свои гостынци,
Отдайте ихъ багатырю
Энею и просыть покою."—
Венулъ утерся тутъ рукою
И ричи сій зробывъ кинець.
Збентежыла ся ричъ Латына,
Здавалось, блызько зла годына;
На лысыни трусывсь винець.

***

Латынъ одъ думкы схаменувся,
Олымпськымъ трохы помолывсь,
Наморщывсь, сентябріомъ надувся
И смутно на вельможъ дывывсь.
—„ А що, сказавъ, чи пожывылысь?
Отъ зъ Діомыдомъ вы носылысь,
А винъ вамъ фыгу показавъ;
Заздалегидь було змовлятысь,
Якъ зъ панъ-Энеемъ управлятысь,
Покы лапокъ не розиклавъ.
Теперъ не прыберу бильшъ глузду,
Якъ тутъ сыхъ поселыть прочанъ;
Земли шматокъ есть не пидъ нужду,
То имъ зъ угодьямы оддамъ.
Отдамъ нывья и синокосы,
И рыболовни Тыбрськи косы,
То буде намъ Эней сусидъ;
Колы-жъ не схоче винъ остаться,
И пустытся ище таскаться,
То все-жъ избавымся отъ бидъ.

***

„А щобъ зъ Энеемъ ладъ зробыты,
Пошлю посливъ зъ десяткивъ пьять,

И мушу дары одрядыты,
Дыковынкы коды-бъ достать:
Повыдла, сала, осятрыны,
Шалевый поясъ и люстрыны,
Що-бъ къ празныку пошывъ кап-
танъ,
Сапьянци изъ Торжка новеньки,
Малеваныи потыбенькы,
А нуте! якъ здается вамъ?"
Дрансесъ бувъ дывный говоруха
И Турнови бувъ врагъ лыхый,
Встае, усъ гладыть, въ носи чуха,
Дае отвитъ царю такый:
—„Латыне свитлый, знаменытый,
Твоимы медъ устамы пыты!
Всякъ тягне въ серци за тебе,
Но одизватыся не сміють,
Сыдять, мовчать, сопуть, потіють
И всякъ мизкуе про себе.

***

Нехай-же та лычына люта,
Що насъ спровадыла въ війну
И ганьбою до всихъ надута,
Походыть билышъ на сатану!
Що стилько боли прычыныла,
Що стилько люду погубыла,
А въ смутный часъ на-втикача!
Нехай лышъ Турнъ, що верховодыть
И всихъ панивъ за кырпы водыть,
Зъ Энеемъ поривня плечá.
Нехай оставыть насъ въ свободи,
Нехай царивни дасть покой,
Нехай жыве въ своій господи,
А щобъ въ Латію ни ногой.
А ты, Латыне, всихъ благійшій,
Прыбавъ Энею даръ смачнійшій:
Йому Лавынію отдай.
Сымъ сватовствомъ намъ мыръ да-
руешъ
И царства раны уратуешъ;
Дочци-жъ зъ Энеемъ буде рай.

***

Тебе-жъ прошу я, пане Турне!
Покынь къ Лавыніи любовъ
И проясны чоло нахмурне,
Щады латыньску нашу кровъ.
Эней тебе лышъ вызывае,
А насъ Латынцивъ не займае,
Иды зъ Троянцемъ потягайсь!
Колы ты храбрый не словамы,
Такъ докажы намъ те диламы,
Побыть Энея постарайсь."
Отъ ричи сей Турнъ розъярывся,
Якъ втопленныкъ, посынивъ ввесь,
Дрыжалы губы, самъ дрочывся,
Зубамы клацавъ, мовъ-бы песъ,
Сказавъ: „О, стара пустомеля!
Яхыдствъ и каверзъ всихъ оселя,
И ты тхоромъ мене зовешъ!
И небылыци вымышляешъ,
Народъ лукаво ввесь лякаешъ,
На мене-жъ чортъ зна що плетешъ,

***

Що буцимъ хочу я одтяты
Головку лысую твою;

Та згынь!—не хочу покаляты
Честь богатырськую свою.
А ты, Латыне мылостывый,
Колы такій ставъ полохлывый,
Що и за царствомъ байдуже?
Та лизьте-жъ до Энея ракомъ,
Плазуйте передъ сымъ Трояком,
Винъ мыръ вамъ славный устрыже.
Колы-жъ до мыра я помиха,
Колы Эней мени бажа
И смерть моя вамъ есть потиха,
Моя душа не есть чужа;
Отъ храбросты и одъ надіи
Иду, де ждуть мене злодіи,
Иду и бьюся зъ втикачемъ!
Нехай хоть стане винъ Бовою,
Не наляка мене собою,
Помиряюсь зъ його плечемъ."

* *
*

Колы въ конгресси такъ тягалысь,
Эней къ Лаврепту пидступавъ;
На штурмъ Троянци шыковалысь,
До бою всякій ажъ дрыжавъ.
Латынъ таку почувъ новынку,
Злякавсь, пустывъ изъ рота слынку
И вся здригнула старшына.
„Отъ вамъ и мыръ," сказавъ Турнъ лютый,
И не терявшы ни мынуты,
Предъ військомъ опынывсь якъ на!
Опьять наставъ гармыдеръ, лыхо;
Народъ якъ чэрвъ заворушывсь.
То вси крычать, то шепчуть тыхо,
Хто лаявся, а хто молывсь.
Опьять війна и ризанына,
Опьять бида бье въ сукъ Латына,
Сердешный каявсь отъ души,
Що тестемъ не зробывсь Энею,
И посли-бъ зъ мырною душею,
Лыгавъ потапци и кныши.

* *
*

Турнъ мытью нарядывся въ збрую,
Летыть, щобъ потрощыть Троянъ,
И розъярывъ дружыну злую,
Побыть Энеевыхъ прочанъ.
Прыскочывъ перше до Камыллы,
Якъ огиръ добрый до кобылы,
И ставъ ій заразъ толковать,
Куды ій зъ військомъ напыраты;
Мессапъ же мусыть пидкрепляты
Царыци сей прокляту рать.
Распорядывшы Турнъ якъ треба,
Махнувъ засаду щобъ зробыть,
На гору, що торкалась неба.
И що-бъ Фригійцивъ окружыть.
Эней построивъ тожъ отряды,
Де всимъ назначывъ для осады
Безъ одступу на валъ итты.
Идуть, зимкнувшысь мицно, тисно,
Идуть, що-бъ побидыть поспишно,
Або щобъ трупомъ полягты.

* *
*

Троянци сыльно наступалы

И тиснулы своихъ врагивъ,
Не разъ Латынцивъ проганялы
До самыхъ городськыхъ валивъ.
Латынци также оправлялысь
И одъ Троянцивъ одбывалысь,
Одынъ другого товкъ на прахъ;
Тутъ ихъ чыновныкы тузылысь,
Якъ пивни за гребни возылысь,
Товклысь кулаччамъ по зубахъ.
Но якъ Арунтъ убывъ Камыллу,
Тогди Латынцивъ жахъ напавъ;
Утратылы и духъ, и сылу,
Побиглы хто куды попавъ.
Троянци зъ биглымы змишалысь,
Надъ ихъ плечамы забавлялысь
И задавалы всимъ сто лыхъ.
Ворота въ баштахъ запиралы,
Своихъ ховатысь не пускалы,
Бо напустылы-бъ и чужыхъ.

***

Якъ вистъ така прыйшла до Турна,
То такъ мерзенно изкрывывсь,
Що тварь зробылась нечепурна
И косо зашморгомъ дывывсь.
Потимъ ярує одъ досады,
Выводыть військo изъ засады
И гору покыда, и лисъ;
И тилько що спустывсь въ долыну,
То въ ту же самую годыну
Уздривъ Энеевыхъ гульвисъ.
Пизнавъ панъ Турнъ пана Энея,
А Турна панъ Эней пизнавъ;
Вспалалы духомъ Асмодея,
Одынъ другого-бъ розидравъ;
Не обишлося-бъ тутъ безъ бою,
Колы-бъ панъ Фебъ одъ перепою
Заранше въ воду не зализъ
И не пославъ на землю ночи;
Тутъ всихъ до сна стулылысь очи
И всякъ уклався горлоризъ.

***

Турнъ облызня въ бою піймавшы,
Зубамы зъ серця скрыготавъ;
Отъ дуру що робыть не знавшы,
Латыну зъ злостыю сказавъ:
„Нехай злыденные прочаны,
Задрипанци твои Трояны,
Нехай своихъ держатся словъ!
Иду зъ Энеемъ поштурхаться,
Въ моихъ проступкахъ оправдаться,
Убыть—и околить готовъ.
Пошлю Энея до Плутона,
Або и самъ въ адъ копырсну;
Уже мни жызнь и такъ солона!
Отдай Энею нависну“.[1])
„Гай, гай! Латынъ тутъ обизвався;
Чого ты такъ розлютувався?
Що-жъ буде, якъ розсержусь я?
Уже мени брехаты стыдно,
А потаить—богамъ обыдно;
Святая правда дорога.

---

[1]) Нависна—дѣвка, которую навязываютъ многимъ женихамъ.

***

Послухай же, судьбы есть воля,
Щобъ я дочкы не отдававъ
За земляка, а то зла доля
Насяде, хто злама уставъ.
Мене Амата ублагала
И такъ бокы натасовала,
Що я Энею одказавъ.
Теперъ самъ мусышъ миркуваты,
Чи треба жыть, чи умыраты;
А лучше, якъ бы въ умъ ты взявъ
И занедбавъ мою Лавысю;
Чи трохы въ свити панночокъ?
Ну, взявъ-бы Муньку, а то Присю,
Шатнувсь то въ сей, то въ той кутокъ:
Въ Ивашкы, Мыльци, Пушкаривку,
И въ Будыща, и въ Горбанивку, [1])
Теперъ дивчатъ хоть гать гаты;
Теперъ на сей товаръ не скудно
И замижню украсть не трудно,
Абы по норову знайты".

***

На слово се прыйшла Амата
И заразъ въ Турна и впялась.
Лобзала въ губы стратылата
И одъ плачу надъ нымъ тряслась.
„Въ напасть, сказала, не вдавайся,
И бытыся не поспишайся,
Якъ луснешъ ты, то згыну я;
Безъ тебе насъ богы покынуть,
Латынци и Рутульци згынуть,
И пропаде дочка моя".
Но Турнъ на се не уважае
И байдуже—ни сльозъ, ни словъ,
Гинця къ Энею посылае,
Що бъ бытысь завтра бувъ готовъ.
Эней и самъ трусывсь до бою,
Щобъ сыльною своей рукою
Головку Турна одчесать.
А щобъ повирыть Турна слову,
Тожъ посыла зробыть умову,
Якъ завтра выставляты рать.

***

На завтра тилько що свитало,
Уже народъ заворушывсь;
Все вешталося, все кышало,
На бой дывытысь всякъ галывсь.
Мижовщыкы тамъ розмирялы,
Килочкы въ землю забывалы,
На знакъ, де військови стоять.
Жреци молытвы зачыталы,
Олымпськымъ въ жертву убывалы
Цапивъ, баранивъ, поросятъ.
Тутъ військо стройнымы рядамы
Въ паради шло, мовъ-бы на бой;
Въ празнычній збруи зъ прапирамы,
Всякъ ратныкъ чванывся собой.
Обыдви арміи стоялы
На тыхъ межахъ, що показалы;
Мижъ нымы бувъ просторный плацъ;
Народъ за військомъ копошывся,

---

[1]) Селенія въ окружности Полтавы.

Всякъ товпывся, всякъ лизъ, тиснывся,
Побоющу щобъ зрить кинець.

***

Юнона, якъ богыня, знала,
Що Турну прыйдется пропасть,
Ище въ мизку коверзувала,
Щобъ одвернуть таку напасть;
Клыкнула мавку водъ Ютурну,
(Бо ся була сестрыця Турну,)
И росказала ій свій страхъ;
Велила швыдче умудрыться,
На всяки хытросты пустыться,
Щобъ брата не строщылы въ прахъ.
Якъ такъ на неби дви хытрылы,
Тутъ лагодылысь два на бой;
Вси за свого богивъ молылы,
Щобъ власною своей рукой
Измигъ врага въ яешню змъяты.
Рутульци-жъ сталы розмышляты,
Що Турнъ ихъ може скыксовать;
Уже заздалегидь смутывся,
Ище ничого, а скрывывся,
Не лучше-бъ бой сей перервать.

***

На сей то часъ Ютурна мавка
Въ Рутульскій подоспила строй;
И тамъ вертилася, якъ шавка,
И всихъ скуйовдыла собой.
Камерта выдъ на себе взявшы,
Тутъ всихъ учыла, толковавшы,
Що соромъ Турна выдавать;
Стыдъ всимъ стоять, згорнувшы руки,
Якъ згыне Турнъ, терпиты мукы,
Дать шыи въ кандалы ковать.
Все військo сумно мурмотало,
Сперва тыхенько, посли въ гласъ,
Гукнулы разомъ: все пропало!
Щобъ розмиръ перервать въ той часъ.
Ютурна фыгли имъ робыла,
Шпакамы кибця затравыла,
И заець вовка покусавъ.
Такіи чуда не бували
Лаврентци въ добре толковалы,
Тулумній къ бытви пидтрунявъ.

***

И першый стрелывъ на Троянцивъ
Гиллыпонка на смерть убывъ;
А сей бувъ родомъ изъ Аркадцивъ,
То землякивъ на гнивъ пидвивъ.
Оттакъ опьять зирвалы сичу!
Бижать одынъ другому въ стричу,
Хто зъ шаблею, хто зъ палашомъ;
Крычать, стриляють, бьють, рубають,
Лежать, втикають, доганяють;
Все вмыгъ зробылось кулишемъ.
Эней правдывый чоловьяга,
Побачывшы такый неладъ,
Що вража зрадывшы ватага
Послать Фригыйцивъ дума въ адъ,—

Кричыть: „чи вы осатанилы?
Адже мы розмиръ утвердылы!
Мы зъ Турномъ побьемось одни“.
Но видкиль стрилка не взялася
И спотыньга въ стегно впъялася,
И кровъ забрызкала штаны.

***

Эней одъ раны шкандыбае,
Въ крови, изъ строю въ свій неметъ;
Його Асканій провожае,
Лыбонь и пидъ руку ведеть.
Уздривъ се Турнъ, возвеселывся,
Роспрындывся и розхрабрывся,
И на Трояцивъ полетивъ:
То бье, то пха, або рубае,
Изъ трупивъ бурты насыпае,
Хоть бы варыть на сто котливъ.
И першыхъ Фила, Тамарыса,
На землю махомъ повалявъ;
Потимъ Хлорея, Себарыса,
Мовъ-бы комашокъ потоптавъ;
Дарету, Главку, Ѳерсилогу,
Поранывъ рукы, шыю, ногу;
На викъ каликамы зробывъ.
Побывъ багацько Турнъ заклятый,
Не трохы потоптавъ зыкратый,
Въ крови такъ, мовъ въ багни, бродывъ.

***

Коробылась душа Энея,
Що Турнъ Троянцивъ такъ локшывъ;
Стогнавъ жальчише Прометея,
Бо бувъ одъ раны еле жывъ.
Япыдъ, цылюрныкъ лазаретный,
Бувъ знахурь въ порошкахъ нешпетный,
Личыть Энея прыступавъ:
По локти рукы засукае,
За поясъ полы затыкае,
Очкамы кырпу осидлавъ.
И заразъ прыступывшы къ дилу,
Винъ шпеныкъ въ рани розглядавъ;
Прыкладувавъ прыпаркы къ тилу
И шыломъ въ рани колупавъ.
И шевську смолу прыкладае,
Но все те трохы помагае,
Япыдъ сердешный чуе жаль!
Обценькамы пытавсь, клищамы,
Крючкамы, щыпцямы, зубамы,
Щобъ вырвать проклятущу сталь.

***

Венери серце засвербило
Одъ жалю, що Эней стогнавъ;
Пидтыкавшысь,—а-ну за дило;
И купыдончыкъ не гулявъ.
Шатнулысь, разныхъ травъ нарвалы,
Сцилющои воды прымчалы,
Гарлемськыхъ капель пиддалы,
И все те вкупи сколотывшы,
Якись слова поговорывшы,
Энею рану полылы.
Таке ликарство чудотворне

Боль раны заразъ уняло,
И стрилкы копійце упорне
Безъ праци вынятысь дало.
Эней нашъ знова ободрывся,
Пальонкы кубкомъ пидкрепывся,
Въ паймат чыну одився бронь.
Летыть опьять врагивъ локшыты,
Летыть Троянцивъ ободрыты,
Роздуть въ ныхъ храбросты огонь.

* *
*

За нымъ Фрыгійськи воеводы,
Що тьху, на взаводы летять;
А військо въ лотокахъ, якъ воды,
Ревуть, все дномъ на верхъ вертять.
Эней лежачыхъ не займае,
Утикачивъ ни за-що мае,
А Турна повстричать бажа.
Хытрыть лукавая Ютурна,
Якымъ-бы побытомъ ій Турна
Спасты одъ смертного ножа.
На хытросты дивчата здатни,
Колы ихъ серце защымыть;
И въ ремесли симъ такъ понятни,
Самъ бисъ ихъ не перемудрыть.
Ютурна съ облака злетила,
Зипхнула братня машталира
И стала коней поганять,
Бо Турнъ ганявъ тогди на вози,
Зыкратый-же лежавъ въ обози,
Не въ сылахъ бигать, ни стоять.

* *
*

Ютурна киньмы управляя,

Якъ одъ хортивъ лиса выляя,
Спасала Турна одъ врагивъ.
То зъ нымъ напередъ выйижжала,
Но не туда, де бувъ Эней.
Сей бачыть хытрость тутъ непевну,
Труслывость Турнову никчемну,
Напъявсь въ погонъ зо всихъ гужей.
Пустывсь Эней слидыты Турна
И дума зъ ока не спустыть,
Но мавка хытрая Ютурна
И тутъ найшлася кулю злыть.
Къ тому жъ Мессапъ, забигшы зъ боку
Зрадлыво зо всього наскоку,
Пустывъ въ Энея каминець;
Но сей по щастью ухылывся
И каминцемъ не повредывся;
Зъ султана-жъ тилько збывсь кинець.

*
* *

Эней таку уздрившы зраду,
Велыкымъ гнивомъ розпалывсь,
Гукнувъ на всю свою громаду
И тыхо Зевсу помолывсь.
Всю рать свою Эней подвынувъ
И разомъ на врагивъ нахлынувъ,
Велывъ всихъ сикты та рубать.
Пишлы Латынцивъ потрошыты;
Рутульцивъ шпыговать, крышыты,
Та-ба! якъ Турна-бъ намъ достать.
Теперъ безъ сорома прызнаюсь,
Що трудно бытву опысать;
И якъ ни морщусь, ни стараюсь,

Та бачу по моему выду,
Що скомпоную панахыду.
Зроблю лышъ роспысь именамъ
Убытыхъ воинивъ на поли
И згынувшыхъ тутъ по неволи,
Для прымхы, ихъ князькивъ, ду-
шамъ.

***

На сей баталіи пропалы
Цетагъ, Танаисъ и Толонъ;
Одъ рукъ Энеевыхъ лежалы
Поризани Оныгъ, Сукронъ.—
Трояцивъ: Гилла и Амика
Зипхнула въ пекло Турна пыка.
Та де всихъ поименно знать?
Тамъ ворогы вси такъ смишалысь,
Стиснылысь, що уже кусалысь,
Рукамы жъ нильзя и махать.
Якъ ось и сердобольна маты
Энею хукнула въ кабакъ,
Веливъ, щобъ штурмомъ городъ браты
Рутульскыхъ перебыть собакъ.
Столычный-же Лаврентъ достаты,
Латыну зъ Турномъ перцю даты,
Бо царъ въ будынкахъ ни гу-гу.
Эней на старшыхъ галасае,
Мерщій до себе ихъ сзывае
И мовыть, ставшы на бугру:

***

„Моеи мовы не жахайтесь
(Бо нею управля Зевесъ)
И заразъ зъ військомъ одправ-
ляйтесь
Брать городъ, де паршывый песъ—
Латынъ зрадлывый пье сывуху,
А мы бьемось зо всього духу.
Идить, палить, рубайте всихъ;
Громадьска ратушъ, зборни избы,
Щобъ напередъ всього изслызлы,
Амату-жъ завъяжите въ михъ.“
Сказавъ, и військо загремило,
Якъ громомъ, разнымъ орижжамъ,
Построилось и полетило
Простесенько къ градськымъ сти-
намъ.
Огни черезъ стину шпурлялы,
До стинъ драбыны приставлялы
И хмары напустылы стрилъ.
Эней на городъ рукы знявшы,
Латына въ зради укорявшы,
Крычыть: „Латынъ вына злыхъ
дилъ“.

***

Якыи въ городи осталысь,
Зляkалысь одъ такой биды
И головы ихъ збунтовалысь,
Не зналы, утикать куды.
Одни тряслысь, други потилы,
Ворота одчынять хотилы,
Щобъ въ городъ напустыть
Троянъ.
Други Латына вызывалы,
На валъ полизты прынуждалы,
Щобъ самъ спасавъ своихъ мырянъ,

Амата, глянувшы въ виконце,
Уздрила въ городи пожаръ;
Отъ дыму, стрилъ затмылось сонце;
Напавъ Амату сыльный жаръ.
Не бачывшы-жъ Рутульцивъ, Турна,
Вся кровъ скыпилася зашкурна
И вмыгъ царыцю одуръ взявъ.
Здалося ій, що Турнъ убытый,
Черезъ неи стыдомъ покрытый,
На викъ зъ Рутульцямы пропавъ.

***

Ій жызнь зробылася не мыла
И осуружывся ввесь свитъ.
Себе. Олымпськыхъ кобеныла,
И выдко изо всихъ прымитъ,
Що глуздъ остатній потеряла;
Бо царськее обрання рвала
И въ самій смутній сій пори,
Очкуръ вкругъ шыи обкрутывшы,
Кинець за жертку зачепывшы,
Повисылась на очкури.
Аматы смерть ся бусурманська,
Якъ до Лавынія дойшла,
То крыкнула „увы"! спысьменська,
По хати гедзатысь пишла.
Одежу всю цвитну порвала,
А чорну къ цори прыбирала,
Мовъ галка нарядылась вмахъ;
Въ маленьке зеркальце дывылась,
Крывытысь жалибно учылась
И мыло хлыпаты въ сльозахъ.

***

Такая розилчалась чутка
Въ народи, въ городи, въ полкахъ.
Латынъ-же, якъ старый плахутка,
Устоявъ ледве на ногахъ.
Теперъ винъ берега пустывся
И такъ злыденно искрывывся,
Що ставъ похожымъ на верзунъ.
Аматы смерть всихъ сполошыла,
Въ тугу, въ печаль всихъ утопыла,
Одъ неи звомлівъ самъ панъ Турнъ.
Якъ тилько Турнъ освидомывся,
Що давъ царыци смерть очкуръ,
То такъ на всихъ остервенився,
Пидстреленый мовъ дыкый кнуръ.
Бижыть, крычыть, маха рукамы
И гризнымы велыть словамы
Латынцямъ и Рутульцямъ бой
Зъ Энеевцямы перерваты.
Якъ разъ противни супостаты,
Утыхомырясь, сталы въ строй.

***

Эней одъ радосты не стямывсь,
Що Турнъ выходить бытысь зъ нымъ,
Оскалывъ зубъ, на всихъ оглянувсь
И спысомъ помахавъ своимъ.
Прямый якъ сосна, велычавый,
Бувалый, здатный, тертый, жвавый;

Такый, якъ бувъ Нечеса князь;
На нього вси баньки пъялылы
И самы ворогы хвалылы,
Його любывъ всякъ,—не боявсь.
Якъ тилько выступыла къ бою
Завзята пара ватажкивъ,
То, зглянувшыся мижъ собою,
Зубамы всякій заскрыпивъ.
Тутъ хвысь! шабелькы засвыстилы,
Цокъ, цокъ!—и искры полетилы;
Турнъ першый зацидывъ Энея,
Що съ плечъ упала и керея,
Эней бувъ поточывсь назадъ.

***

И змыгъ прочумавшысь, зъ наскокомъ
Эней на Турна наступывъ,
Отдячывшы йому сто-зъ-окомъ
И вражу шаблю перебывъ.
Якымъ-же побытомъ спастыся?
Трохы не лучше уплестыся?
Безъ шабли нильзя воювать.
Такъ Турнъ зробывъ безъ дальней думкы,
Якъ кажуть, пидобравшы клункы,
А ну! чимъ тьху навтикы драть.
Бижыть панъ Турнъ и репетуе,
И просыть у своихъ меча;
Нихто сердегы не ратуе
Одъ рукъ Трояньска сылача.
Якъ ось ище перерядылась
Сестрыця и предъ нымъ явылась,
И въ руку сунула палашъ:
Опъять шабелькы заблыщалы,
Опьять панцыри забряжчалы,
Опьять панъ Турнъ оправывсь нашъ.

***

Тутъ Зевсъ не втерпивъ, обизвався,
Юнони зъ гнивомъ такъ сказавъ:
—„Чи умъ одъ тебе одцурався?
Чи хочешъ, щобъ тоби я давъ
По пани-старій блыскавкамы!
Бида зъ злостлывымы бабамы!
Ужежъ вистымо всимъ богамъ:
Эней въ Олымпи буде зъ намы
Жывытысь тымы-жъ пырогамы,
Яки кажу пекты я вамъ.
Безсмертного хто ма убыты?
Або хто може рану дать?
Про що-жъ мазку мырянську лыты?
За Турна щыро такъ стоять?
Ютурна на одну проказу
И певно по твому приказу
Палашъ Рутульцю пиддала.
И покижъ будешъ ты бисыться?
На Трою и Троянцивъ злыться?
Ты зла имъ вдоволь задала“.

***

Юнона въ первый разъ смырылась,
Безъ крыку къ Зевсу ричь вела:
Простьт, паноче! проступылась,
Я, дале-би, дурна була;

Нехай Эней сидла Рутульця,
Нехай спыха Латына зъ стульця,
Нехай поселыть тутъ свій ридъ.
Но тилько щобъ Латыньске племья
Удержало на вичне времья
Имення, мову, виру, выдъ“.—
„Иносы! силькись!“ якъ мовляла,
Юнони Юпытеръ сказавъ.
Богыня зъ радищъ танцювала,
А Зевсъ метелыцю свыставъ.
И все на шалькахъ розважалы,
Ютурну въ воду одислалы
Щобъ зъ братомъ Турномъ розлучыть,
Бо кныжка Зевсова зъ судьбамы,
Не смертныхъ пысана рукамы,
Такъ мусила установлять.

***

Эней махае довгымъ спысомъ,
На Турна мицно наступа,
—„Теперъ, крычыть, пидбытый бисомъ,
Тебе нихто не захова.
Хоть якъ вертысь и одступайся,
Хоть въ вищо хочъ перекыдайся,
Хоть зайчыкомъ, хоть вовкомъ стань,
Хоть въ небо лизь, ныряй хоть въ воду,
Я вытягну тебе зъ пидъ-споду
И розмизчу погану дрянь“.
Одъ сей бундючнои Турнъ речи
Безпечно усыкъ закрутывъ,
И зжавъ свои шырокі плечи,
Энею глуздивно сказавъ:
—„Я ставлю ричъ твою въ дурныцю;
Ты въ руку не піймавъ сыныцю,
Не тебе, дале-бигъ, боюсь.
Олымпьски намы управляють,
Воны на мене налягають,
Предъ нымы тилько покорюсь.“

***

Сказавшы, круто повернувся
И камень пудивъ въ пьять пидняв ъ
Хоть зъ праци трохы и надувся,
Бо, бачъ, не тымъ винъ Турномъ ставъ.
Не та була въ нимъ жвавость, сыла,
Йому Юнона изминыла;
Безъ богивъ жъ людська мочъ пустякъ
Йому и камень изминяе,
Энея геть не долитае,
И Турна взявъ велыкый страхъ.
Въ таку щаслывую годыну
Эней чимъ дужъ спысъ розмахавъ
И Турну, гадовому сыну,
На вичный помынокъ пославъ;
Гуде, свыстыть, несется пика,
Якъ зверху за курчамъ шульпика,
Торохъ! Рутульця въ ливый бикъ;
Простягся Турнъ, якъ щогла, доли,
Качается одъ гирькой боли,
Кляне Олымпськыхъ еретыкъ.

***

Латынци одъ сього жахнулысь,
Рутульци галасъ пиднялы,
Троянци глумно осмихнулысь,
Въ Олымпи жъ могорычъ пылы.
Турнъ тяжку боль одоливае,
Къ Энею рукы протягае,
И мову слезную рече:
—„Не жызни хочу я подарка;
Твоя, Анхызовычъ, прыпарка
За Стыксъ мене поволоче.
Но есть у мене батько ридный,
Старый и дуже ветхыхъ сылъ;
Безъ мене винъ хоть буде бидный,
Та свитъ мени сей ставъ не мылъ;
Тебе о тимъ я умоляю,
Прошу, якъ козака, благаю,
Колы мени смерть задасы,
Отправъ до батька трупъ дубленный;
Ты будешъ за сее спасенный,
На выкупъ же, що хочъ, просы“.

***

Эней одъ речи сей смягчывся
И мечъ пиднятый опустывъ;
Трохы трохы не прослезывся
И Турна рястъ топтать пустывсь.
Ажъ зыркъ—Паллантова лядунка
И золота на ній карунка,
У Турна высыть на плечи.
Энея очи запалалы,
Уста одъ гниву задрижалы,
Ввесь зашарывсь, мовъ жаръ въ печи.
И вмыгъ вхопывшы за чупрыну
Шкереберть Турна повернувъ,
Насивъ колиномъ злу лычыну
И басомъ громовымъ гукнувъ:
„Такъ ты Трояньцямъ намъ для смиха
Глумышъ съ Паллантова доспиха?
И думку маешъ буть жывымъ?
Паллантъ тебе тутъ убывае,
Тебе винъ въ пекли дожыдае,
Иды къ чортамъ, дядькамъ своимъ“.

Съ сымъ словомъ мечъ свій устромляе
Въ роззявленый Рутульця ротъ
И трычи въ рани повертае,
Щобъ бильше не було хлопотъ.
Душа Рутульска полетила
До пекла, хоть и не хотила,
Къ пану Плутону на бенькетъ.
Жыве хто въ свити необачно,
Тому нигде не буде смачно,
А бильшъ, колы и совисть жметь.

Конецъ шестой и послѣдней части.

ОБЪ ИЗДАНІИ
КІЕВСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1899 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностью Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этой цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.

2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.

3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.

4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.

5. Программы, конспекты и библіографическіе указатели для учащихся.

6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.

7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.

8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.

9. Годичные отчеты по Университету.

10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.

11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи разпредѣляются на двѣ части—1)—оффиціальную и протоколы, отчеты и т. п. 2)—неоффиціальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—*критико-библіографическимъ*, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и ино-

странной), и *научной хроники,* заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1899 году будутъ выходить ежемѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ *Извѣстій* безъ пересылки *шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ*, а съ пересылкой *семь рублей.* Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе *Университетскихъ Извѣстій* 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Университетскія Извѣстія высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургѣ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредствено въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Гл. Редакторъ В. Иконниковъ.

1899 годъ **изданія годъ II.**

Открыта подписка на выходящее 20 разъ въ годъ, т. е. по одному разу въ теченіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (май, іюнь, іюль, августъ) и по два раза въ остальное время, иллюстрированное изданіе безъ предварительной цензуры.

„Журналъ Журналовъ и Энциклопедическое Обозрѣніе“.

Въ 1898 году были напечатаны слѣдующія оригинальныя статьи: проф. H. Beaunis—Гипнотизмъ и внушеніе; d-r Gustave Le Bon—Замѣтки о соціализмѣ; проф. Léon Bonnet—X-лучи Рентгена. Радіоскопія и радіографія; проф. Julius Wiesner—Потребленіе свѣта растеніями; d-r Havelock Ellis—1) Вліяніе смѣшенія расъ на происхожденіе генія, 2) Международный языкъ будущаго; В. Ф. Головачевъ—О значеніи флота для Россіи на основаніи исторіи; И. А. Гривевская—1) Альфонсъ Додэ, 2) Сканд. выставка, 3) Альма Тадема, 4) Георг. Гауптманъ; проф. Н. Коркуновъ—1) Доменико Гирландайо и вновь открытая во Флоренціи его фреска, 2) Экономическія теоріи государства; проф. Cesare Lombroso—1) Послѣдствія американской побѣды, 2) Типъ преступной женщины; М. М. Манасеина—О деньгахъ и богатствѣ; проф. Д. И. Менделѣевъ—Золото изъ серебра; проф. A. Mosso—Обсерваторія на Монрозѣ и альпійская станція; проф. Max Müller—О зоологическихъ

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ LXIII, 1898 г., октябрь, ноябрь, декабрь.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.